



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

### Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

### About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

### **Правила использования**

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.  
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.  
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.  
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.  
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

### **О программе Поиск книг Google**

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>



Stanford University Libraries

3 6105 115 527 637

















СОЧИНЕНІЯ  
Д. И. ПИСАРЕВА.  
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ  
ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ.

Съ портретомъ автора и статей ЕВГЕНІЯ СОЛОВЬЕВА (автора біографіи Писарева).

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМОВЪ

1-й ТОМЪ. Первые литературные опыты. Несоразмѣрные претензіи. Народная книга. Идеализмъ Платона. Физиологическіе эскизы Мюллера. Прелестъ жизни (по Фоксу). Сказки XIX вѣка. Стоячая вода. Писемскій, Тургеневъ и Гончаровъ. Женскіе типы въ романахъ Толстого, Тургенева и Гончарова. Библиографическія замѣтки. Меттернихъ.

2-й ТОМЪ. Александръ Плещинскій. Московскіе мыслители. Русскій Донъ-Кихотъ. Волны русскія перевозчики. Генералъ Гейне. Ицелъ. Физиологическія картины. Базарокъ. Очерки изъ исторіи печати во Франціи. Зарожденіе культуры.

3-й ТОМЪ. Наша университетская наука. Историческіе эскизы. Цѣлыя незваннаго юмора. Мотивы русской драмы. Прогрессъ въ мірѣ животныхъ и растений. Историческое развитіе европейской мысли.

4-й ТОМЪ. Рамлисты. Кукольная трагедія. Промышленныя мысли. Романы английской дѣвушки. Сердцѣе безсиліе. Прогулка по садамъ русской словесности. Преломъ въ умственной жизни средневѣковой Европы. Мысли Паркса о воспитаніи женщинъ. Педагогическіе софизмы. Разрушеніе эстетики. Школа и жизнь.

5-й ТОМЪ. Пушкинъ и Байронъ. Подвиги европейскія авторитеты. Посмотримъ! Подростки и гуманность. Историческія идеи Огюста Канта. Погибшіе и погибающіе. Популяризаторы отрицательныхъ доктринъ. Наглядныя англійскія мыслители на умственныхъ потребностяхъ современнаго общества. Диконъ и Гукелъ.

6-й ТОМЪ. Очерки изъ исторіи европейской народности. Образованная толпа. Борьба за жизнь. Романы Андра Лео. Старое бирство. Французскій крестьянинъ 1789 г. — Приложеніе: Литературный процессъ во 2-му тому Сочиненій Д. И. Писарева изъ 1868 году.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Обложка напечатана въ типографіи Ю. П. Эрмитажъ, Садовая, № 9.  
1894.

Цѣна наждаго тома 1 рубль.



# ИЗДАНИЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

## Литература, публицистика и законовѣдѣніе.

- Сочиненія Чирльза Диккенса.** Полное собраніе. Цѣна каждаго тома (равнаго 75 журнальнымъ листамъ)—1 р. 50 к.—До 10 декабря 1893 г. вышли первые пять томовъ: 1) Давидъ Конверфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Холодный домъ. Повѣсть о двухъ городахъ, 4) Крошка Дорритъ. Большія ожиданія. 5) Нашъ общій другъ и Оливьеръ Твистъ, 6) Записки Пикквикскаго клуба. Тяжелыя времена. 7) Николай Никльби. Три святочныхъ разсказа. 8-й томъ печатается.
- Сочиненія Пушкина.** Съ портр., биографіей и 500 письмами. Полное собр. въ 1-мъ томѣ и въ 10 томахъ. Ц. 1-томнаго и 10-томнаго изд. одна и та же: безъ карт.—1 р. 50 к. Съ 44 кар.—2 р. 50 к. На лучшей бумагѣ—на 50 к. дороже. За переплеты: для 1-тома изд.—40 к. и 1 р. Для 10-томнаго (въ 5 пер.) 1 р. и 2 р.
- Сочиненія Лермонтова** (въ одномъ томѣ). Полное собраніе всѣхъ сочиненій. Съ портретомъ, биографіей, написанной А. М. Скабичевскимъ, и 115 рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р., въ простомъ перепл.—1 р. 40 к., въ коленкоровомъ съ золотымъ тисненіемъ—2 руб.
- Сочиненія Лермонтова** (въ четырехъ томахъ). Полное собраніе всѣхъ сочиненій. Съ портретомъ автора, его биографіей и 115 рисунками въ текстѣ. Цѣна за всѣ 4 тома 1 р., въ двухъ простыхъ переплетахъ—1 р. 50 к., въ двухъ роскошныхъ переплетахъ—2 руб.
- Сочиненія Н. Шелгунова.** Въ двухъ томахъ. Съ портретомъ автора и вступительной статьей Н. Михайловскаго. Ц. 3 р., въ пер.—4 р.
- Повѣсти и разсказы И. Н. Потапенко.** Восемь томовъ. Ц. каждаго—1 р. Перепл. для 2 том. выстѣ по 75 к.
- Сочиненія Глѣба Успенскаго.** 3 изданіе въ 2 томахъ, съ портретомъ автора и статей Н. К. Михайловскаго. Ц. за два тома—3 р. Переплеты въ 50 к. и въ 1 р.
- Сочиненія Глѣба Успенскаго.** Томъ 3-й. Ц. 1 р. 50 к.
- Сочиненія О. Рѣшетинова.** Въ двухъ томахъ, съ портретомъ автора и статей М. Протопопова. Ц. за все собраніе—2 р. 50 к. Переплеты въ 50 к. и 1 р.
- Сочиненія А. М. Скабичевскаго.** Критическіе этюды, публицистическіе очерки, литерат. характеристики. Съ портр. автора. Ц. за все собраніе въ двухъ больш. том. (до 1700 стр.) 3 р. Перепл.—въ 50 к. и 1 р.
- Большой альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина“.** 44 иллюстраціи съ подписями, портретомъ и снимкомъ съ почерка. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к.
- Малый альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина“.** Тѣ же иллюстраціи, но меньшаго формата. Ц. въ коленкоровомъ переплѣтѣ—1 р. 25 к.
- 120 рисунковъ къ Лермонтову.** Художественный альбомъ М. Е. Мамышева. Ц. въ папкѣ 50 к.
- Герои и героическое въ исторіи.** Томъ Карсейла. Перев. В. Яковенко. Ц. 1 р. 50 к.
- По волнамъ безконечности.** Астрономическая фантазія К. Фламмаріона. Съ франц. 350 стр. 2-е изд. Ц. 80 к.
- Грядущая раса.** Фантастическій романъ Эд. Бульвера. Переводъ съ англійск. А. Каменискаго. Ц. 50 к.
- Исторія французской революціи.** И. Карно. Переводъ съ франц. Около 400 страницъ. Ц. 1 р.
- Европейскіе монархи и ихъ дворы.** *Politicos'a*. Пер. съ англ. и дополнилъ В. Гинцовъ. Съ 16 портр. Ц. 1 р.
- Черезъ сто лѣтъ.** Соціологическій романъ Э. Беллами. 3-е изданіе, дополненное научно-предсказательными очеркомъ Ринне: «Куда мы идемъ?». Ц. 1 руб.
- Въ трущобахъ Англіи.** (Планъ соціал. борьбы съ эконом. явленіями современнаго общества) Бутса. Ц. 1 р.
- Нашъ офицерскій судъ.** Ф. Павленкова. Ц. 35 к.
- Капитанская дочка.** Повѣсть А. Пушкина. Роскошное изд. съ 188 рис. Ц. 60 к. въ пап. 75 к. въ пер. 1 р.
- Голодъ.** Романъ К. Гамсуна. Съ норвежскаго. Ц. 60 к.
- Забота.** Романъ Зудермана. Съ 14 илл. изд. Ц. 60 к.
- До потолка.** Романъ изъ жизни первобытныхъ людей. Рони. Съ 16 рис. Ц. 50 к.
- Въ небесахъ (Ugallé).** Астрономическій романъ К. Фламмаріона. Съ 89 рис. 2-е изд. Ц. 75 к.
- Новѣйшіе русскіе писатели.** Книга для домашняго чтенія. А. Цыткова. Съ 72 портр. Ц. 3 р. въ пер. 3 р. 75 к.
- Исторія новѣйшей Рус. литературы (1848—1892 гг.).** А. М. Скабичевскаго. 2-е исправленное изд. Ц. 2 р.
- Исторія русской цензуры.** А. М. Скабичевскаго. Ц. 2 р.
- Счастье и глупость.** И. Михайловскаго. 2-е изд. Ц. 75 к.
- Вырожденіе.** Психопатическія явленія въ временной литературы и искусствъ. М. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей словіемъ Р. Сементковскаго. Ц. 1 р. 60 к.
- Исторія культуры.** Липперта. Перев. съ нѣм. 85 рис. Ц. 1 р. 60 к.
- Матери великихъ людей.** Блока. Переводъ З. многими рисунками. Ц. 60 к.
- Долой оружіе!** Анти-военный романъ Б. Зупактова. Цѣна 80 коп.
- Подъ маской благочестія.** (Преступленія и Романъ Э. Постери. Съ итальянскаго.
- Тургеневъ о русскомъ народѣ.** Чтеніе для народа. Третомъ И. С. Тургенева. Ц. 15 к.
- Литература и жизнь.** Письма о разныхъ Н. К. Михайловскаго. Ц. 1 руб.
- Въ поискахъ за истиной.** Макса Нордау. Нѣмецкаго изд. Э. Зауеръ. 3-е изд. Ц. Большая любовь. Гигіенич. романъ Мантеды.
- Роль общественнаго мнѣнія въ государствѣ.** Профес. Гольцендорфа. Цѣна 75 к.
- Очерки самоуправленія (земскаго, городского).** С. Приклонскаго. Ц. 2 р.
- Борьба съ земельнымъ хищничествомъ.** Быт Н. Тимошенкова. Ц. 1 р.
- Брюхо Петербурга.** Общественно-физиологическое А. Бахтиярова. Ц. 1 р. 50 к.
- Бесѣды о законахъ и порядкахъ.** С. Горюновъ. Я. Абрамова. Цѣна 15 к.
- Законы о гражданскихъ договорахъ, общепонятныя и объясненныя.** Составилъ В. Ф. Изданіе 4-е. Цѣна 1 р. 25 к.
- Исторія книги на Руси.** А. Бахтиярова. Со рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к.
- Русскіе фланеры въ Парижѣ.** Попова. 2-е изд.
- По градамъ и веснямъ.** Романъ изъ исторіи нашей Володина (Засодимскаго). Ц. 1 р. 50 к.
- Обломки разбитаго корабля.** Сцены у мирового Составилъ В. Никитинъ. Ц. 1 р.

## Популярно-научныя книги.

- Наука о жизни.** Популярная физиологія человека. Съ 91 рис. Ц. 1 р.
- Преступная толпа.** Опытъ коллективной С. Сигала. 116 стр. Ц. 30 к.
- Пессимизмъ.** Сочиненіе Джамса Селана. Популярныя всѣхъ пессимистическихъ ученій. Пессимизма подъ редакціей В. Яковенко. Цѣна
- Философія Герберта Спенсера,** въ сокращ. изданіи. Перев. съ англійскаго И. Мокіевскаго
- Законы подражанія.** Тарда. Пер. съ фр. Ц.
- Домашній опредѣлитель поддѣлокъ.** А. Альмедина. На всякій случай! Научно-практическіе совѣты хозяйкамъ. А. Альмедина. Ч. 2-я. Ц.
- Гигіена женщины.** Д-ра М. Тило. Ц. 40 к.
- Гигіена семьи.** Гебера. Переводъ съ нѣм. Ц.
- Берегите легкія!** Гигіеническія бесѣды д-ра Съ 30 рисунками. Цѣна 75 к.
- Уходъ за больными дѣтьми.** Д-ра Э. Перье. П. франц. Ц. 50 к.
- Сохраненіе здоровья.** Общая гигиена въ прим. къ жизни. Д-ра Эдама. Съ 7 рис. Ц. 40 к.
- Дѣтскій докторъ.** Популярное руководство для воспитателей. Д-ра Варіо. Перев. съ фр. редакціей проф. Пономарева. Со мног. рис.
- Бактеріи и ихъ роль въ жизни человека.** Д-р Перев. съ нѣм. съ 35 рис. Ц. 1 р.
- Предсказаніе погоды.** Г. Далла. Переводъ Съ 40 рисун. Цѣна 1 р. 25 к.
- Дарвинизмъ.** Э. Ферьера. Переводъ съ французскаго изложеніе ученія Дарвина. Ц. 60 к.
- Жизнь на Сѣверѣ Югѣ (отъ полюса до экватора).** Дополн. къ его сочин. „Жизнь животн.“ Со мног. рис.
- Первобытные люди.** Дебьера. Перев. съ франц. изд. М. Энгельгардта. Съ 84 рис. Ц. 1 р.
- Фабричная гигиена.** Селтовскаго. Съ 153 рис.
- Усталость.** Популярно-научныя бесѣды проф. Перев. М. Михайловскаго. Съ 30 рис. Ц.

527

СОЧИНЕНІЯ  
Д. И. ПИСАРЕВА

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ  
ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ

---

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

---

.....  
Цѣна каждаго тома 1 рубль  
.....

Портретъ автора и статья о его литературной дѣятельности помѣ-  
щены при шестомъ томѣ

Изданіе Ф. Павленкова



С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Высочайше утвержд. Товарищества „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, № 39

1894

h 1

Соп.

AC65

P5

v.1-2

## Оглавленіе перваго тома.

1859.

	стр.
1) Первые литературные опыты. . . . .	1

1861.

2) Несоразмѣрныя претензіи. . . . .	225
3) Народныя книжки . . . . .	237
4) Идеализмъ Платона. . . . .	257
5) Физиологическіе эскизы Молешота . . . . .	281
6) Процессъ жизни . . . . .	307
7) Схоластика XIX вѣка . . . . .	331
8) Стоячая вода . . . . .	401
9) Писемскій, Тургеневъ и Гончаровъ . . . . .	437
10) Женскіе типы . . . . .	481
11) Библиографическія замѣтки . . . . .	529
12) Меттернихъ . . . . .	561







## ПЕРВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОПЫТЫ.

библиографическія замѣтки и критическія статьи изъ журнала „Разсвѣтъ“, 1859 г.)

Писки доброй матери или послѣднія ея наставленія при выходѣ дочери въ свѣтъ.

Спб. 1858 г. Ц. 1 р.

Книга эта, по своему важному предмету, заслуживаетъ полнаго нашего вниманія. Эти послѣднія наставленія, писанныя отъ имени умирающей матери, заключаютъ въ себѣ взглядъ не только на значеніе женщины, на положеніе ея въ обществѣ и на ея обязанности. Вся книга дѣлится на 4 части.

Въ первой части авторъ говоритъ о женщинѣ вообще и опредѣляетъ ей мѣсто въ природѣ. Глѣнія его о различномъ назначеніи мужчины и женщины довольно вѣрны, но не новы; первому онъ предоставляетъ дѣятельность внѣшнюю, государственныя и общественныя заботы; второму оставляетъ домашнюю жизнь, воспитаніе дѣтей, дѣятельность въ семейномъ кругу. Можно однако замѣтить, что дѣленіе это негдѣ сдѣлано слишкомъ рѣзко и вредитъ разносторонней самостоятельности женщины, ставя ея въ полную зависимость, во-первыхъ—отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, во вторыхъ—отъ мужчины. Почему-же женщины не заняты наукою, искусствомъ, ежели она чувствуетъ къ тому внутреннее призваніе? Вообще первая часть, кромѣ того отдѣла, заключаетъ въ себѣ общія мѣста о необходимости сохранять здоровье, заботиться въ нѣкоторой степени о наружности и обогащать умъ познаніями; во всемъ этомъ нѣтъ ничего новаго; самыя гигиеническія указанія очень неопредѣленны и ограничиваются совѣтами быть умеренной во всемъ, беречься простуды, избѣгать сквозного вѣтра.

Во второй части говорится о добродѣтеляхъ, необходимыхъ для женщины, и объ образованіи ея ума. Говоря о сердцѣ женщины, авторъ какъ-то странно отдѣляетъ душу отъ сердца, старается опредѣлять различіе между тѣмъ и другимъ.

«Душа—мать добродѣтелей, сердце—источникъ чувствъ нашихъ; душа дѣлаетъ насъ достойными любви, а сердце учитъ любить; души мы обязаны счастьемъ, а сердцу—способами, какъ пользоваться этимъ счастьемъ; первая, бывъ безпрестанно дѣятельна, требуетъ силы, постоянства; второму необходимы чувствительность и доброта, потому что оно постоянно любитъ. Душа совершеннѣе, а сердце прекраснѣе; добрая душа, кажется, не подвластна никакому заблужденію, а наилучшее сердце можетъ ошибиться.»

Это чрезвычайно непонятно; вообще авторъ любитъ раздѣлять то, чего раздѣлять нѣтъ ни надобности, ни возможности; при этомъ онъ впадаетъ въ такія психологическія тонкости, которыя только затемняютъ дѣло и въ сущности ни къ чему не ведутъ; такъ напримѣръ онъ отдѣляетъ «доброту» отъ «добродѣтели», «неаккуратность» отъ «безпорядка» и долго разсуждаетъ о мнимомъ различіи ихъ между собою. Несмотря на эти недостатки, изложенія о добродѣтели, необходимой для женщины, опредѣлены вѣрно; указывая на добродѣтель, авторъ въ то-же время упоминаетъ и о тѣхъ крайностяхъ, къ которымъ можетъ повести излишнее преобладаніе самаго благороднаго качества. Доброта можетъ перейти въ слабость, чувствительность часто разстраиваетъ здоровье, постоянство иногда доходитъ до упрямства. Что касается до развитія умственныхъ способностей, то основной взглядъ автора на образованіе женщины совершенно невѣренъ. Вотъ его длинные слова:

«Всѣ даже науки и искусства, которыми женщины преимущественно занимаются въ молодости, имѣютъ двоякую цѣль: первая—придать себѣ прелести и пріобрѣсть средства всѣмъ нравиться; вторая, по моему, болѣе важная, — удѣлять ихъ дѣтямъ.»

А гдѣ-же внутренняя самостоятельность женщины? Неужели она должна развивать свой умъ только для свѣта, для мужа и для дѣтей? Неужели она должна совершенно оставить въ сторонѣ свою собственную личность? Нѣтъ, женщина должна также учиться и для самой



себя; она должна развивать свои умственные способности для того, чтобы возвыситься и облагородить свою личность, чтобы выработать себѣ свѣтлый взгляд на вещи, чтобы освободиться отъ предразсудковъ, чтобы сдѣлаться нравственно совершеннѣе. Женщина, близкая къ идеалу, развитая во всѣхъ отношеніяхъ, всегда будетъ и хорошею женой, и примѣрною матерью. Эта невѣрность взгляда автора на цѣль образованія женщины выражается въ томъ, что онъ ограничиваетъ и стѣсняетъ кругъ наукъ, которыхъ изученіе считаетъ необходимымъ; самый процессъ изученія является поверхностнымъ и недостаточнымъ. Глава о чтеніи содержитъ въ себѣ полезныя совѣты и указанія на то, что нужно читать со вниманіемъ и дѣлать выписки; жаль только, что авторъ возстаетъ противъ всѣхъ романовъ безъ исключенія и не допускаетъ даже существованія такихъ романовъ, въ которыхъ можно было бы видѣть жизнь и людей безо всякихъ прикрасъ, — въ томъ свѣтѣ, въ какомъ являются они на самомъ дѣлѣ. А такіе романы и повѣсти существуютъ, и чтеніе ихъ, не оскорбляя ни нравственности, ни приличія, развиваетъ чувство изящнаго и даетъ правильный взглядъ на жизнь.

Третья часть говоритъ о недостаткахъ, которыхъ должна остерегаться дѣвушка; это лучшая часть всей книги; самые недостатки подмѣчены и опредѣлены очень вѣрно, но любящая мать подтверждаетъ слова свои примѣрами, взятыми изъ жизни, — примѣрами, въ которыхъ, разумѣется, порокъ наказывается и торжествуетъ добродѣтель. Лучше было бы, когда бы этихъ примѣровъ совсѣмъ не было; пора перестать говорить съ дѣвушкою, какъ съ ребенкомъ; довольно объяснить ей, что дурно и что хорошо, зачѣмъ же еще грозить ей наказаніемъ; добродѣтель должна быть слѣдствіемъ сознанія долга и внутренняго убѣжденія, а дѣлать добро по заказу, для награды или по страху наказанія мелко и недостойно развитого человѣка. Къ тому же почти всѣ наказанія, которыми грозитъ маменька, состоятъ въ томъ, что можно по тому или другому недостатку упустить блестящую партію. Странно! Неужели же дѣвушка должна исправляться отъ своихъ недостатковъ для того только, чтобы поскорѣе выйти замужъ? Это оскорбляетъ достоинство женщины. Кромѣ того самъ авторъ противорѣчитъ себѣ, потому что въ 4-й части мать убѣждаетъ дочь свою не спѣшить замужествомъ, говорить о прелести дѣвичьей жизни и замѣчаетъ, что лучше всею вѣкъ остаться въ дѣвушкахъ, нежели выйти замужъ кое-какъ, не обсудивъ этого важнаго шага и не узнавъ коротко жениха.

Четвертая часть состоитъ изъ общихъ разсужденій о дружбѣ, о любви, о семейной жизни и о свѣтскихъ отношеніяхъ. Въ этихъ рассу-

жденіяхъ много хорошаго, когда говорится о обязанностяхъ жены и матери; но страшно авторъ ставитъ супружество по «разсудку и уваженію» выше брака «по истинной любви». На любовь авторъ смотритъ какъ-то не совсемъ дружелюбно, онъ смѣшиваетъ истинное чувство, основанное на взаимномъ уваженіи и любви, съ пустою игрою фантазіи.

Авторъ, какъ мы видѣли, не понималъ истиннаго значенія женщины, и безсознательно воздвигъ у нея то высокое мѣсто, которое она должна занимать въ человѣческомъ обществѣ. Въ частности, чисто практическіе совѣты могутъ принести пользу, но основной взглядъ риторики не выдерживаетъ критики. — Чтеніе очень неудовлетворительно: риторическія фигуры и избитыя сравненія встрѣчаются на каждомъ шагу; попадаются даже въ серьезномъ разсужденіи выраженія «храмъ минея», «крылатый божокъ» и тому подобнаго вычурности. Языкъ тяжелъ, а мѣстами совершенно неправиленъ.

#### Стихотворенія Юліи Жадовской.

Всѣ стихотворенія Ю. Жадовской проникнуты истиннымъ, неподдѣльнымъ чувствомъ, которое вездѣ преобладаетъ надъ поэтическимъ творчествомъ; оттого въ каждомъ стихотвореніи есть что-то недосказанное, неопредѣленное; мысль и чувство не всегда находятъ себѣ отвѣтствующіе образы и не вполне укладываются въ словъ. Несмотря на эту недостаточность формы, несмотря на эту недосказанность и неопредѣленность, искренность чувствъ, тихая задумчивая грусть придаютъ стихотвореніямъ Ю. Жадовской особенную трогательную прелесть; грусть эта ищетъ себѣ отраженія въ явленіяхъ природы; и восходъ солнца, и лѣтній вечеръ, и легкое облачко, и падающая звезда находятъ себѣ сочувствіе въ душѣ Ю. Жадовской и наводятъ на нея мрачныя мысли; тоскуетъ она о несовершенствахъ жизни, груститъ собственнымъ горемъ, то съ печалю улыбкой вспоминаетъ о невозвратимомъ прошломъ. И вездѣ господствуетъ глубокая, запечатлѣнная грусть, которая выражается просто и безыскусственно. Укажемъ нашимъ читателямъ на нѣкоторыя изъ лучшихъ стихотвореній Ю. Жадовской. Къ числу такихъ стихотвореній относятся: «Исторія прѣтвовъ», XXXI «Сила звуковъ», XLVII е, «Необходимое творчество», «Неутоленная жажда», XC «Нива», «Посѣвъ», «Посѣщенія». Мы обратимъ вниманіе нашихъ читательницъ только на сѣ замѣчательныя изъ поэтическихъ произведеній Ю. Жадовской, — на тѣ, въ которыхъ форма всего болѣе соотвѣтствуетъ содержанію, въ которыхъ прекрасная идея выражается въ простомъ и естественномъ образѣ. Приводимъ для при-



стихотворение 1-е, замѣчательное по глубинѣ  
сли:

Лучшій перлъ таяся  
Въ глубинѣ морской;  
Зрѣть мысль святая  
Въ глубинѣ души.  
Надо сильно бурѣ  
Море взволновать,  
Чтобъ оно въ бореньи  
Выбросило перлъ;  
Надо сильно чувству  
Душу потрясти,  
Чтобъ она въ восторгѣ  
Выразила мысль.

Въ этомъ стихотвореніи лежитъ глубокая  
и. Только сильное волненіе можетъ вызвать  
ужу заветную мысль, которая таяся въ  
бинѣ души; человекъ бережетъ и лелѣетъ эту  
сль, не хочетъ и не можетъ ея высказать;  
для него священна, онъ боится поѣлиться  
съ другими, которые, быть можетъ, не пой-  
тъ ея; она слишкомъ сильна, слишкомъ об-  
рва, чтобы выразиться, и до времени таяся,  
настанетъ рѣшительная минута, которая  
трясаетъ всю внутреннюю природу человека,  
эта заветная мысль съ неудержимой силою,  
то и свободно вылетаетъ во вдохновенномъ  
вѣ, или въ гениальномъ произведеніи. Срав-  
нѣе задушевной мысли съ перломъ, выброшен-  
нымъ моремъ во время бури, образъ, въ  
горомъ выражена эта прекрасная идея, не-  
ого втянуть, и потому слабъ и блѣденъ.  
иводимъ для сравненія стихи Шиллера, въ  
горыхъ высказывается та же мысль:

Ich wohne in einem steinernen Haus,  
Da lieg ich verborgen und schlafe,  
Doch ich trete hervor, ich eile heraus  
Befordert mit eiserner Waffe.  
Erst bin ich unscheinbar und schwach und klein,  
Mich kann dein Athem bezwingen;  
Ein Regentropfen schon saugt mich eic,  
Doch mir wachsen im Siege die Schwingen:  
Wenn die mächtige Schwester sich zu mir gesellt,  
Erwachs' ich zum furchtbarn Gebieter der Welt.

Какой оригинальный образъ: сравненіе ге-  
льной мысли и поэтического творчества съ  
рою, которая отъ удара желѣза вырывается  
рою, холоднаго кремня и разростается въ мо-  
ій пламень,—это одно изъ такихъ сравне-  
, которыя составляютъ принадлежность ве-  
сихъ поэтовъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что  
тъ прекрасный образъ рѣшительно не пере-  
тъ въ русскомъ переводѣ Мейснера:

Я въ каменномъ домѣ незримо живу  
И сляю въ безмятежномъ покоѣ;  
Но я не могу не предстать на яву,  
Засыпша орудье стальное.  
Сперва я чуть видимъ, безсилѣнъ и малъ,  
Дыханье твое мнѣ опасно;  
Довольно дождинки—я въ мигъ и пропадъ,  
Но въ сущѣ расту и ужасно:  
Когда же со мною мой братъ заодно—  
Весь мѣръ мнѣ тогда устранишь суждено.

(Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ,  
т. II, стр. 195.)

Изъ стихотвореній Ю. Жадовской приведемъ  
еще одно, въ которомъ выражено поэтическое  
сочувствіе къ бѣдной, трудовой жизни посе-  
лянина:

Грустная картина!  
Облакомъ густымъ  
Вьется изъ овины  
За деревней дымъ.  
Незавидна мѣстность:  
Скудная земля,  
Плоская окрестность,  
Выжаты поля.  
Все какъ бы въ туманѣ,  
Все какъ будто спитъ...  
Въ худенькомъ кафтанѣ  
Мужичекъ стоитъ,  
Головой качаетъ,—  
Умолотъ плохой,—  
Думаетъ, гадаетъ:  
Какъ-то быть зимой?  
Такъ вся жизнь проходитъ  
Съ горемъ пополамъ;  
Тамъ и смерть приходитъ,  
Съ ней коведъ трудамъ.  
Причастить больного  
Деревенскій полъ;  
Принесутъ сосновый  
Отъ сосѣда гробъ;  
Отсыютъ уныло...  
И старуха мать  
Долго надъ могилой  
Будетъ причитать...

Какимъ теплымъ, мягкимъ сочувствіемъ ды-  
шатъ эти простыя, безыскусственные строки;  
это простой рассказъ жизни поселеннаго,—раз-  
сказъ, вылившійся прямо изъ души поэта, не  
получившій въ словѣ никакихъ прикрасъ, но  
зато проникнутый тихою, какъ бы робкою  
грустью и глубокимъ искреннимъ чувствомъ.  
Въ этихъ стихахъ нѣтъ ни претензіи на эффектъ,  
ни желчи, ни сатирическихъ выхонокъ; въ нихъ  
отразилась мягкая, нѣжная душа женщины,  
которая понимаетъ несовершенства жизни и гру-  
ститъ молча и безропотно. Такое направленіе  
проходитъ чрезъ всѣ стихотворенія Ю. Жа-  
довской, но не вездѣ выражается въ такой  
опредѣленной и законченной формѣ. Кромѣ того  
въ другихъ произведеніяхъ Ю. Жадовской  
вниманіе поэта обращено на свой внутренний  
мѣръ и причиною неясности является отчасти  
самый предметъ. Понять, уловить, выразить въ  
поэтической формѣ движеніе собственной души—  
неопредѣленное чувство, несознанное стремленіе,  
труднѣе, нежели изобразить внѣшнюю природу.  
При первомъ нуженъ глубокой психологическій  
анализъ, при второмъ—достаточно одного по-  
этического чувства. Во всякомъ случаѣ, обра-  
щаемъ вниманіе нашихъ читателей на стихо-  
творенія Ю. Жадовской; многія изъ указан-  
ныхъ нами произведеній стоятъ на ряду съ  
лучшими созданіями русской поэзіи. Къ тому-же  
женщина лучше насъ пойметъ и оцѣнитъ чув-  
ства женщины, и сердечнымъ сочувствіемъ от-  
зовется на задушевное, грустное слово.



**Княгиня Наталья Борисовна Долгорукова.**  
*Я. Г. Е—А.* («Отечеств. Записки», 1858 г.,  
 январь.)

Наталья Борисовна Долгорукова, дочь фельд-маршала графа Бориса Петровича Шереметева, въ началѣ царствованія Анны Иоанновны вышла замужъ за князя Ивана Алексѣевича Долгорукова, бывшаго любимцемъ Императора Петра II. Когда весь родъ Долгоруковыхъ въ царствованіе Анны Иоанновны подвергся опалѣ, Наталья Борисовна послѣдовала за мужемъ своимъ въ ссылку,—сначала въ дальнія деревни, потомъ Сибирь, въ Березовъ. Девять лѣтъ прожила она въ изгнаніи; мужъ ея былъ казненъ вмѣстѣ съ тремя своими дядями, а Наталья Борисовна, возвращенная изъ ссылки при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, удалилась въ Кіевскій монастырь и умерла схимницею. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ біографія знаменитой страдальцы,—женщины, посвятившей всѣ силы души святому чувству,—женщины, которой имя осталось въ исторіи, хотя она не была ни правительницей, ни писательницей,—хотя жизнь ея была только длиннымъ рядомъ страданій. Особенно утѣшительное явленіе представляетъ свѣтлый образъ княгини Долгоруковой въ половинѣ XVIII столѣтія среди безпрестанныхъ переворотовъ и смутъ, среди сценъ насилій и дворцовыхъ интригъ. Наталья Борисовна узнала и полюбила Ивана Алексѣевича при жизни Императора Петра II, когда Долгоруковы стояли еще наверху могущества, когда всѣ ожидали, что Иванъ Алексѣевичъ заступитъ мѣсто павшаго Меншикова, когда сестра его была обрученною невѣстою Государя. Но Императоръ умираетъ, и сцена перемѣняется. Долгоруковы сходятъ съ политическаго поприща и въ городѣ уже несятся слухи объ окончательной ихъ опалѣ. Родственники Натальи Борисовны убѣждаютъ ее отказать жениху. Но 16-лѣтняя дѣвушка съ негодованіемъ отвергаетъ всѣ ихъ доводы. «Когда онъ былъ великъ,—пишетъ она въ своихъ запискахъ,—такъ я съ удовольствіемъ за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ, отказать ему? Я такому безсовѣстному совѣту согласія дать не могла, и такъ положила свое намѣреніе, отдавъ одному сердцу, жить или умереть вмѣстѣ, а другому нѣтъ уже участія въ моей любви». Возникаетъ вопросъ,—имѣлъ ли князь Долгоруковъ, ожидавшій опалы, право связать судьбу свою съ участіемъ прелестнаго молодого существа, которому повидимому такъ улыбалась жизнь? Зная историческую личность князя Долгорукова, трудно рѣшить, понималъ ли онъ великость подвига своей невѣсты, былъ ли онъ способенъ оцѣнить ее, и потому нельзя сказать утвердительно, какая побудительная при-

чина заставила его принять приносимую жертву. Въ счастливые дни свои онъ являлся намъ обыкновеннымъ временщикомъ, нѣмъ и честолюбивымъ, и только очистительная сила несчастія облагородила его, да средство умереть истиннымъ человѣкомъ и его память отъ нареканій потомства. Счастіи смыслъ онъ съ себя пагубные слѣдствія гдашняго превратнаго воспитанія и полнаго своего при дворѣ; въ несчастіи являетъ человѣкомъ съ великой душой, достолюбови своей супруги. Одно то обстоятельство, что онъ могъ быть любимымъ такою женщиною, какою была Наталья Борисовна, доказываетъ, что онъ стоялъ выше уровня людскихъ временъ, выше мелкихъ бездушныхъ честоцевъ. Что касается до личности самой княгини, то конечно она не принадлежитъ къ вѣку; она гораздо выше его, и возбуждаетъ теплое, почтительное чувство. Вы не огорчитесь однимъ уваженіемъ, вы полюбите ея благородную женщину, умѣющую любить, шую страдать. Это не античная статуя, жающая правильностью формъ, строгая, лодная; это живая женщина съ истинно вѣческимъ, глубокимъ чувствомъ.

Скажемъ нѣсколько словъ о самой княгинѣ. Это, по словамъ самого автора, не истинно только бѣглый очеркъ одной изъ благородныхъ личностей исторіи. Изъ нея читатели наши, незнакомыя съ Наталіею Борисовною, могутъ вкратцѣ (въ этой статьѣ всего 2 страницы) узнать главные факты ея жизни и характеръ той эпохи, въ которой она жила и дѣйствовала. Паденіе Меншикова, обрученіе Петра Алексѣевича Долгорукова и смерть его, вступленіе на престолъ Анны Иоанновны описаны довольно живо и подробно, можетъ быть даже слишкомъ подробно по объему всей статьи. Обстоятельства, важные для ея, не зная духа времени, нельзя понять ни личности героини, ни истинности событій; тѣмъ не менѣе не должно въ этой обстановкѣ жертвовать главнымъ действующимъ лицомъ; на него обращено очень мало вниманія сравнительно съ окружающими его обстоятельствами; оно не выдвинуто на первый планъ и иногда даже теряется въ виду втеченія нѣсколькихъ страницъ.—Было бы говорить не столько о ходѣ политическихъ событій, сколько о впечатлѣніи, какое произвели они на княгиню Долгорукову. Это обрисовало бы ея характеръ; но, повторяю, разсказъ, когда онъ касается личности Натальи Борисовны, дѣлается очень интересенъ, болѣе, что онъ оживленъ цитатами изъ писемъ, въ которыхъ она съ такой благопростою, съ такой покорностью сама говоритъ о своихъ несчастіяхъ.



Образованіе женщинъ средняго и высшаго состоянія. Г. Апфельрота. («Отечеств. Записки» 1858 г., № 2.)

Хотя статья Апфельрота написана болѣе для матерей семейства и для педагоговъ, нежели для нашего круга читателей, мы не можемъ пройти ее молчаніемъ; предметъ слишкомъ важенъ и слишкомъ близко касается цѣли и направленія нашего журнала. Вѣдь извѣстно, что воспитаніе женщинъ въ наше время еще не вполне соответствуетъ высокому ихъ назначенію; со времени Грибоѣдова, поднявшаго въ «Горѣ отъ ума» вопросъ о нашихъ женщинахъ, говорятъ и пишутъ о *мишурномъ блескѣ*, о *внутренней пустотѣ* женскаго воспитанія, а до сихъ поръ еще не все переговорено. Слова остаются словами. Теорія не проводится въ жизнь. Женщины попрежнему живутъ болѣе внѣшнею жизнью свѣтскихъ удовольствій, оставляютъ свои обязанности, мало думаютъ о воспитаніи дѣтей. А между тѣмъ рѣдкая серьезная статья не указываетъ на этотъ недостатокъ нашего общества; рѣдкій романъ, рѣдкая повѣсть не выставляютъ гибельныхъ послѣдствій превратнаго воспитанія нашихъ женщинъ.

Статья Апфельрота—прекрасный протестъ противъ этого общественнаго зла, прекрасный по своей идѣе, прекрасный потому, что, указывая болѣзнь, авторъ указываетъ и средства исцѣленія и по мѣрѣ силъ старается представить идеальное правильное женскаго развитія. На этомъ основаніи статью эту можно раздѣлить на двѣ части, какъ дѣлать ее и самъ авторъ: одна отрицательная послѣдовательно представляетъ развитіе зла, разбираетъ причины, изъ которыхъ сложилось современное превратное направленіе воспитанія, наконецъ раскрываетъ до послѣднихъ подробностей результаты, къ которымъ оно ведетъ, и выставляетъ разительные примѣры нравственнаго и умственнаго разлада между мужемъ и женою, — разлада, отравляющаго домашній бытъ, порождающаго семейныя непріятности, ссоры, слезы, несчастія. Мы назвали эту часть отрицательною, потому что въ ней указываются недостатки; въ этомъ же смыслѣ гоголевскія личности называются отрицательными типами.

Вторая часть, положительная, показываетъ намъ женщину идеальную и воспитаніе ея такое, какимъ оно должно быть по мнѣнію Апфельрота.

Первая часть вполне удовлетворительна, да и не мудрено. Это вѣрный снимокъ съ натуры, проникнутый искреннимъ, благороднымъ негодованіемъ. Вообще и въ изящной литературѣ нашей, и въ серьезныхъ статьяхъ лучше удаются отрицательныя стороны, отрицательные

типы; и это понятно: все, что насъ окружаетъ, содѣйствуетъ развитію отрицательныхъ характеровъ, оттого и натурально видѣть отраженіе ихъ въ литературѣ; они списаны съ натуры; мы узнаемъ ихъ, узнаемъ себя и свое общество въ уродливыхъ типахъ.—Говорить объ уродствѣ легче, нежели представлять идеаль красоты, потому что легче вообще порицать, нежели хвалить. Люди обыкновенные, дюжинные встрѣчаются чаще великихъ людей, а между тѣмъ въ этой обыкновенности много недостатковъ, много печальныхъ сторонъ.

Все, что мы сказали вообще, можно отнести къ нашимъ женщинамъ, къ положенію ихъ въ обществѣ, къ семейнымъ ихъ отношеніямъ, къ условіямъ, подъ которыми онѣ развиваются.

Все это *обыкновенно*; и недостатки этой обыкновенности прекрасно выставилъ Апфельротъ. Особенно поразительны его примѣры семейныхъ несчастій, хотя мысль сама по себѣ и не нова:

«Посмотрите на эту чету супруговъ: жена воспитана по модѣ, недурна собою, премило болтаетъ по-французски, ловко себя держитъ и даже иногда, не только при постороннихъ, прогремить на роалѣ прелестную піеску—конечно тоже модную и твердо-заученную; а мужъ—человѣкъ дѣловой, просвѣщенный и мыслящій; всмотритесь въ нихъ пристальнѣе: кажется, чего бы имъ не доставало? оба образованы и учены всему, а другъ друга не понимаютъ, будто сошлись они съ разныхъ планетъ. Онъ смотритъ на жену свою съ прискорбіемъ и какимъ-то прощескимъ сожалѣніемъ и принужденъ съ нею объясняться чрезъ посредство другихъ. Ему хотѣлось бы и самому съ нею побесѣдовать отъ души, и начинать онъ не разъ такую бесѣду, но она не могла его понять—скачала, зѣвала и внезапно прерывала его какимъ-нибудь пустѣйшимъ вопросомъ; и замолкала онъ тогда, и съ грустью уходилъ отъ нея, и затаивалъ въ груди своей горькое чувство своего одиночества, одиночества узника, скованнаго супружескимъ долгомъ, отношеніями семейными и пустосвѣтскими. Много разъ пытался онъ устроить свой семейный бытъ разумно и правильно, но отказался наконецъ отъ этой мечты, махнулъ рукой и пріютился въ клубѣ, гдѣ и находитъ себѣ покой и утѣшеніе. Она же очень довольна собою и даже мужемъ, всегда развлечена, прославлена всѣми львами, никогда не бываетъ наединѣ съ собою и дома у себя, вѣчно въ гостяхъ.»

Неправда ли, *mesdames*, тутъ есть надъ чѣмъ задуматься. Мужъ и жена любятъ другъ друга (на сколько умѣютъ), оба молоды, богаты, образованы (по нашему). Чѣмъ не жизнь? А все чего-то недостаетъ. И въ этомъ нельзя обвинять жену; она—невинная причина этого постоянного томительнаго недоразумѣнія, этого недоговореннаго, непонятаго въ ихъ отношеніяхъ.

Можетъ ли иначе чувствовать, можетъ ли иначе смотрѣть на жизнь женщина, воспитанная такъ, какъ воспитывается большинство нашихъ женщинъ?

«Но вотъ и другая чета средняго состоянія, семья небогатая. Мужъ трудами своими и служ-



бою добываетъ често все необходимое для умѣренной... безбѣдной жизни, а на дорогія затѣи и роскошныя прихоти у него средствъ не достаетъ. Жена воспитана въ модномъ пансіонѣ, привыкла къ великолѣпной обстановкѣ, отъ сверстницъ наслушалась разныхъ соблазнительныхъ разсказовъ объ удовольствіяхъ свѣтской жизни и требуетъ отъ мужа такой же щеголеватой обстановки, такихъ же нарядовъ и удовольствій, какими пользуются ея прежнія пансіонскія подруги. Онъ не въ состояніи удовлетворить этимъ требованіямъ—и вотъ начинается домашняя война, семейныя сцены; это вторгается довольно часто, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Безпрерывная война на булавкахъ убійственна, тѣмъ болѣе, что эти нападенія дѣлаются на беззащитнаго мужа въ то время, когда онъ, утомленный отъ трудовъ и заботъ, нуждается въ покоѣ душевномъ и тѣлесномъ; эти булавочныя нападенія неотразимы, а потому чрезвычайно утомительны и невыносимы. Кончается тѣмъ, что честный человѣкъ, чтобы отдохнуть хоть на минуту въ своей семьѣ, исполняетъ требованія жены, а для этого принужденъ прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ; онъ берется за кривыя дѣла, выжимаетъ взятки, пускается въ грязныя аферы и становится мерзавцемъ; или отъ чрезвычайныхъ усилій и трудовъ становится жертвою чахотки. А семейнаго мира все нѣтъ; желанія и требованія такой женщины неограниченны и увеличиваются по мѣрѣ ихъ удовлетворенія...

Для полноты, приведу еще одинъ примѣръ благотворительнаго вліянія этой ложенной полуобразованности. Не богатый, но трудолюбивый и честный человѣкъ по любви и здравому разсужденію женился на дѣвушкѣ простенькой, скромной, добродушной, воспитанной въ патриархальной простотѣ. Они устроили скромное свое житье-бытье; онъ трудится и добываетъ необходимое; она хозяйничаетъ, какъ умѣетъ; все идетъ прекрасно, и оба довольны своимъ состояніемъ. Но вотъ молодая женщина познакомилась съ сосѣдкою и очень ею обласкана—онѣ подружались, какъ говорится. Сосѣдка воспитана въ пансіонѣ, образована какъ слѣдуетъ по пансіонски: бывала въ свѣтѣ, знаетъ во всемъ толкъ, особенно въ нарядахъ, маскарадахъ, гуляньяхъ и т. д. Молодая простушка слушаетъ ея заманчивые разсказы о модныхъ шляпкахъ, накидакахъ, браслетахъ, объ удовольствіяхъ балныхъ и театральнхъ; слушаетъ съ подобострастіемъ и наставленія мудрой сосѣдки, какъ себя держать, какъ жить прилично слѣдуетъ, какъ въ обществѣ бывать прилично и у себя вечера дѣлать необходимо. Заронились желанія въ головѣ бѣдной простушки. Мужъ замѣчаетъ, что у него въ домѣ что-то неладно; жена какъ-будто на него дуется, иногда подтруниваетъ надъ его бѣдностью и неумѣемъ жить прилично; сравниваетъ свое житье съ жизнью другихъ знакомыхъ, находитъ, что всѣ живутъ гораздо лучше и веселѣе, и выводитъ заключеніе, что мужъ ея вовсе не заботится о ея спокойствіи и счастіи, что она погубила свою молодость, вышедши за него замужъ. Потомъ начинаются упреки въ безчувственности, верадивости, лѣни; упреки переходить въ брани, въ ссору—и «прошай хозяйскіе горшки!» Мужъ пытался уговаривать, урезонивать, упрямивать взбѣленившуюся жену собою, но она ничего и слушать не хочетъ; сладкіе разсказы образованной сосѣдки отуманили ея воображеніе; она возмечтала о себѣ. Наскучили наконецъ бѣдному мужу зазорныя выходки жены и, чтобы отъ нихъ избавиться, онъ началъ бѣгать отъ своего дома, проводить свободное время гдѣ-нибудь съ пріятелями и за графинчикомъ повѣрять имъ свое горе; ему отъ этого какъ-будто становится легче, и втеченіи времени онъ, вслѣд-

ствие усиленныхъ приемовъ утѣшительной едѣйствительно избавляется отъ всѣхъ печалей, приобретаетъ значительный запасъ терпѣнія, ликовѣтѣйшей багровый носъ. Между тѣмъ, отъ скуки, еще чаще посѣщаетъ милую ку, образовывается подъ ея руководствомъ учаеся наконецъ собственными природными лантами добывать себѣ всевозможные модыряды и прихоти и пользуется нехуже дѣ образованныхъ разными невинными удовольствіями. Вотъ какіе успѣхи можетъ сдѣлать и женщина подъ руководствомъ пріятельницы, званной въ пансіонѣ!»

Причину этихъ печальныхъ разладовъ супружествъ Апсельротъ дѣйствительно водитъ изъ невѣрности основнаго взгляда воспитаніе женщины, или, скорѣе, изъ ствія опредѣленнаго взгляда и направи. Переходимъ ко второй части, къ части жительной, къ изображенію женскаго воіія такимъ, какимъ оно должно быть, поіию Апсельрота.

Посмотримъ сначала на цѣль его воіія, на конечный результатъ, къ коію должна прійти женщина, окончивая курсъ его ученія. Исключительной сферой дѣлности женщины Апсельротъ считаетъ ный кругъ, домашнюю жизнь; онъ снпадь учеными женщинами и съ преіженіемъ отзывается о женщинахъ-писаницахъ. Итакъ, вотъ одно положеніе: *жнина создана исключительно для снаго круга.*

Ограниченная сфера дѣятельности трограниченнаго, до нѣкоторой степени, рази Апсельротъ стѣсняетъ кругъ образовженія женщины, смотритъ на нее какъ на каівѣчнаго ребенка, которому нельзя и не дговорить вещей серьезныхъ и отвлеченонъ объясняетъ это тѣмъ, что «женщины обще болѣе способны чувствовать серічтѣмъ разсуждать; въ нихъ болѣе развитоображеніе, чѣмъ сознаніе, и вѣрованіе чтѣмъ убѣжденіе».

Другое положеніе: *въ женщинахъ чувпреобладаетъ надъ умомъ* и преподолжно съ этимъ сообразоваться.

Апсельротъ распредѣляетъ всѣ науки торыя считаетъ достойными для женщин три разряда:

1) Предметы, развивающіе чувство нравсанаго добра: Законъ Божій, отечественны языкъ, исторія, естественныя науки и графія.

2) Предметы, развивающіе и укрѣпляющіслительную способность: отечественный иотчасти иностранные языки и математика (арифметика и геометрія)!

3) Предметы, развивающіе механическую и чувство изящнаго: чистописание, танцы, музыка, рукодѣліе и домашнее хозяйство.



НВ. Всѣ эти предметы должны быть преподаваемы только въ томъ объемѣ, въ какомъ они нужны для семейной жизни, и сообразно тѣмъ, что у женщины чувство преобладаетъ надъ умомъ.

Полож. 1. *Женщина создана исключительно для семейной жизни.*

Въ наше время большинство женщинъ, при самыхъ благородныхъ стремленіяхъ, при всемъ целомъ, искреннемъ желаніи принести пользу, часто не имѣютъ средствъ благотворно дѣйствовать на свой домашній кругъ и, не получивъ основательнаго образованія, не могутъ даже воспитать своихъ дѣтей сообразно съ требованіями и духомъ времени. — При такомъ положеніи вещей конечно хорошо назначить имъ опредѣленное мѣсто, дать имъ разумную дѣятельность, а дѣятельность въ семейномъ быту конечно дѣло прекрасное. Но, ежели представлять себѣ идеалъ развитія женщины, то можно ли допустить такую исключительность, такое деспотическое ограниченіе? Можно ли отнять у женщины всѣ поприща дѣятельности, кроме семейнаго круга?

Ежели принять равенство мужчины и женщины, можно ли совмѣстить съ этой великой деей такое несправедливое, обидное дѣленіе? Мужчина взялъ себѣ все: и гражданскую дѣятельность, и науку, и литературу, и искусство; женщина не отказывается и отъ своей доли семейнаго счастья, а женщина должна довольствоваться тѣмъ, что ей оставлено: скромной половиной семейнаго счастья. — Воспитывая женщину исключительно только для домашней жизни, вы ставите ее въ полную беззависимую зависимость отъ вѣншихъ обстоятельствъ, отнимаете у нея всякую внутреннюю самостоятельность. Нѣтъ, мы думаемъ, что женщинѣ, какъ и мужчинѣ, должны быть открыты всѣ поприща возможной дѣятельности. Гражданская жизнь наша не такъ организована, чтобы женщины могли принимать въ ней живое участіе, но зачѣмъ же самымъ воспитаніемъ отдалять ихъ отъ науки, литературы и искусства, когда онѣ могутъ внести въ эти области свой новый, оригинальный элементъ? Дѣло воспитанія — развить физическія, умственные и нравственные способности и потому предоставить полную свободу естественному влеченію; всякое ограниченіе въ воспитаніи, всякое направленіе къ извѣстной, узкой цѣли ведетъ за собою горестныя послѣдствія, особенно если одна исключительная цѣль назначается половине человѣческаго рода.

Полож. II. *Въ женщинѣ чувство преобладаетъ надъ умомъ, и преподаваніе должно сообразоваться съ этимъ.*

Ежели и дѣйствительно преобладаетъ чувство, то неизвѣстно, дѣлается ли это по естественнымъ законамъ природы, или происходитъ

отъ недостаточнаго развитія умственныхъ способностей.

Утѣшительнѣе и правдоподобнѣе было бы послѣднее предположеніе; въ противномъ случаѣ, ежели умственные способности женщины дѣйствительно никогда не могутъ достигнуть той степени развитія, которой достигаютъ способности мужчины, тогда невозможно равенство правъ обоихъ половъ, тогда женщины осуждены на вѣчное подчиненіе, на вѣчное рабство. Но такое предположеніе не согласно съ человѣческимъ достоинствомъ и рѣшительно не можетъ быть допущено. Неужели работа вѣковъ и тысячелѣтій, постепенно выводившихъ женщину изъ униженія и подданства, пропала даромъ? Неужели женщина никогда не будетъ вполне подругою мужчины, никогда не раздѣлитъ съ нимъ тяжелой ноши заботъ и обязанностей, неужели женщина не скажетъ своего слова въ дѣлѣ развитія человѣчества? Нѣтъ, это не возможно. — Дѣло воспитанія — именно развить до послѣднихъ возможныхъ предѣловъ умственные силы женщинъ, привести эти силы въ равновѣсіе съ преобладающей силою чувства, а не полагать этому преобладанію, вредящему полной гармоніи. Переходимъ къ частностямъ.

Раздѣленіе наукъ на три разряда совершенно неестественно. Аппельротъ отдѣляетъ силу духовную отъ умственной, считаетъ одні науки нужными для развитія чувства нравственнаго добра, другія — для развитія мыслительной силы. Но развѣ можно отдѣлять одно отъ другого, развѣ есть науки, которыя не развивали бы мыслительной силы и въ то-же время, ведя къ истинѣ, не поддерживали чувства нравственнаго добра?

Аппельротъ самъ чувствуетъ это, и потому отечественный языкъ попалъ въ обѣ категоріи, но исторія, по его мнѣнію, не развиваетъ мыслительной силы. И немудрено. Аппельротъ представляетъ исторію какимъ-то правоученіемъ въ лицахъ, въ которомъ, какъ въ дѣтскихъ сказочкахъ, и то въ старыхъ, добродѣтель торжествуетъ, а порокъ наказывается. Такъ конечно исторія не развиваетъ мыслительной способности; но ежели мы въ ней будемъ видѣть жизнь и развитіе человѣчества, ежели изъ нея мы будемъ изучать фізіономію и характеръ различныхъ эпохъ и народовъ, ежели, однимъ словомъ, мы будемъ смотрѣть на исторію, какъ смотрятъ на нее современные ученые, и ежели мы передадимъ этотъ свѣтлый взглядъ нашимъ ученикамъ (а передать его можно, лишь бы умѣли взяться за дѣло), тогда никакая наука больше исторіи не разовьетъ мыслительной силы.

Назначеніе всякой науки — развить умственные способности; этого развитія нельзя отдѣлать отъ развитія чувства нравственнаго добра;



свѣтлый умъ, нормально развитый, горячо любить добро, потому что оно истинно, и любить его сознательно, умно. Апфельротъ самъ говоритъ, что въ сущности чувство нравственнаго добра, чувство истины и чувство прекраснаго — одно и то-же. Къ чему же его неестественное дѣленіе? Къ чему же на первомъ планѣ поставлено развитіе чувства нравственнаго добра, когда оно путемъ науки невозможно безъ стремленія къ истинѣ? Надо сначала пробудить это стремленіе, вызвать къ дѣятельности силы молодого ума, и тогда плодомъ этого стремленія явится истинное, сознательное чувство нравственнаго добра.

Въ третьемъ отдѣлѣ соединяются изящныя искусства и чисто-практическія упражненія; рисованіе и музыка поставлены рядомъ съ чистописаніемъ и домашнимъ хозяйствомъ. Апфельротъ смѣшиваетъ чувство изящнаго съ опрятностью и аккуратностью.

Еще нѣсколько словъ: изученіе литературы, изученіе народа въ его словѣ, эта высшая наука не нашла себѣ мѣста въ программѣ Апфельрота; онъ какъ будто съ прискорбіемъ допускаетъ чтеніе иностранныхъ писателей и даже изученіе отечественной литературы стоять у него на степени полезнаго развлеченія, не болѣе.

Трудно по объему нашего журнала войти въ болѣе подробный разборъ статьи Апфельрота. На этотъ разъ довольно будетъ и этихъ бѣглыхъ общихъ замѣчаній. Итакъ, статья, прекрасная по вызвавшей ее идеѣ, представляетъ нѣкоторые недостатки въ выполненіи: она стѣсняетъ дѣятельность женщины, ставитъ ее ниже мужчины по умственнымъ способностямъ и предлагаетъ программу, не соответствующую цѣли образованія женщинъ и не удовлетворяющую требованіямъ современной науки.

#### Наслѣдство тетушки. Разсказъ И. Весенѣва. («Отеч. Зап.», 1858, № 3.)

Статья Апфельрота и повѣсть И. Весенѣва сходятся въ своей основной идеѣ; и та, и другая выставляютъ недостаточность современнаго женскаго воспитанія, съ тою только разницей, что эта мысль у Апфельрота развивается теоретически, а у И. Весенѣва она проводится въ живомъ разсказѣ, влагается въ образы и потому сильнѣе поражаетъ умъ, сильнѣе дѣйствуетъ на душу. Сюжетъ самый простой; это обыкновенно бываетъ тогда, когда основная мысль говоритъ сама за себя, когда она такъ сильна, что автору нѣтъ надобности прибѣгать къ внѣшнимъ эффектамъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Племянникъ, послѣ смерти тетушки, умершей классною дамою въ одномъ изъ модныхъ пансіоновъ, пріѣзжаетъ въ пансіонъ узнать о послѣд-

ней волѣ покойницы и получаетъ ея кнѣзю вещи; онъ разсматриваетъ ихъ на досугъ и удивляется: записки о вещахъ пансіонерокъ, журналъ ихъ занятій, учебныя книги, разныя контрабандныя книжки и тетрадки, письма родителей, отобранныя у воспитанницъ, — все, что онъ находитъ; нѣтъ ни слѣдовъ семейной жизни, душевной мысли въ томъ, что осталось отъ тетушки. — Эту загадку объясняетъ ему одна кузина, знавшая тетушку и даже спитывавшаяся подъ ея руководствомъ въ этомъ модномъ пансіонѣ. Тетушку 5-ти лѣтъ поместили въ пансіонъ, 14-ти включили въ числу пансіонерокъ, потомъ повысили въ классъ дамы — тѣмъ и кончилось. И такъ прошла вся жизнь, не выходящая изъ сферы тѣснаго, сухого пансіонскаго быта; и тетушка умерла спокойная и счастливая сознаниемъ, что исполнила свой долгъ; а въ чемъ, спросите вы, состоялъ этотъ долгъ? — Дѣйствительно, давая направленіе молодому поколѣнію, развивать его умъ, облагораживать сердце, и видѣть плодъ своего воспитанія, — какая великая, священная обязанность! какая прекрасная награда! — Но то ли дѣлала тетушка, такъ ли смотрѣла на свои обязанности? — Нѣтъ, она поставила себѣ цѣлью жизни строгое, слѣпое исполненіе пансіонскаго устава, подъ гнетомъ котораго она выросла и состарѣлась. Пансіонъ замѣнилъ ей весь окружающій міръ, и она посвятила ему все существо свое, не разсуждая, не спрашивая о томъ, дѣйствительно ли здравы и непогрѣшимы всѣ его постановленія, хорошо ли то направленіе, которое даетъ онъ воспитанницамъ. Мысли ея не шли далѣе оградъ пансіона; могла ли она спрашивать у себя или отдавать отчетъ въ цѣли и назначеніи пансіона, въ цѣли и назначеніи собственной дѣятельности? Она была колесомъ сложной машины, полезнымъ только для движенія этой машины, но лишенымъ всякаго сознанія, всякой самостоятельности. И такъ прошла жизнь; и это называлось жизнью? А вѣдь въ этой женщинѣ были зародыши ума. — Имъ не дали развернуться; бытъ чувство, это видно изъ того, что, умирая, она утѣшалась мыслью, что исполнила свой долгъ; видно изъ того, что она привязалась къ своему дѣлу и исполняла его добросовѣстно, хотя было толково и безсознательно. Если бы эти слѣды были развернуты любящей рукою матери, если бы опытные просвѣщенные наставники развили умственныя способности ребенка, могла бы выйти женщина, а сколько высокаго, святаго въ одномъ словѣ: женщина. — Но съ пяти лѣтъ сухая, безцвѣтная обстановка замѣнила жизнь — и судьба ея была рѣшена, и она умерла, не понявъ того, что дѣятельность ея была бесполезна, что жизнь прошла вяло и сонливо. Странно одно. Неужели она могла безъ борьбы уступить окружающему порядку вещей? Неуж-



ли ни разу душа не пробуждалась, не рвалась въ другую сферу, не искала любви и сочувствія? Неужели очнувшись умъ не ужасался окружающей пустоты, не искалъ другой полезной дѣятельности? Правда, сильны дѣтскія воспоминанія, а съ этими воспоминаніями неразрывно связанъ тотъ же пансіонъ; но вѣдь есть пора молодости, когда сердце дѣвушки пробуждается, ищетъ любви, поэзіи. Тогда неволя должна казаться неволю, монотонная обстановка явится во всей монотоніи, безцвѣтная дѣйствительность покажется еще безцвѣтнѣе, въ сравненіи съ радужными идеалами, и тутъ должна быть минута борьбы, и послѣ этой борьбы нужно или вырваться въ другую сферу, или навсегда помириться съ прежнимъ положеніемъ. Тетушка помирилась и вѣроятно смотрѣла на мечты свои какъ на глупое увлеченіе молодости, но врядъ ли дѣло обошлось безъ всякой борьбы. Вѣдь и ученики іезуитовъ, въ которыхъ съ колыбели убивали волю, порою возмущались и сбрасывали съ себя нравственные цѣпи, несовмѣстныя съ достоинствомъ человѣка. — Жаль, что Весеневъ не прослѣдилъ этой борьбы; за послѣднимъ порывомъ къ свободѣ еще страшнѣе, еще грустнѣе показалась бы наступившая мертвая тишина, *calme plat*, какъ говорятъ французы. Кромѣ того процессъ и исходъ борьбы яснѣе выставили бы жалкую личность тетушки. Трудно обвинить въ участи тетушки одинъ модный пансіонъ, въ которомъ она воспитывалась, трудно сложить на его счетъ всю вину ея нравственного и умственного отупѣнія; однообразие ея жизни и отсутствіе самыхъ святыхъ родственныхъ чувствъ, самыхъ необходимыхъ для сердца семейныхъ обязанностей положили на ея личность печать какой-то сухости и холодности; она не знала своего семейства, не испытала любви матери, умершей вскорѣ послѣ ея рожденія, и сама никого не любила сильно, съ самоотверженіемъ. Пансіонъ при самыхъ лучшихъ условіяхъ, при самомъ вѣрномъ направленіи воспитанія не могъ замѣнить ей семейства; смерть матери оставила ничѣмъ не замѣнимый пробѣлъ въ ея жизни; мягкость чувства, сердечная теплота, которую только любящая рука матери можетъ вполне развить въ ребенкѣ, уступили мѣсто холодному исполненію долга. — Вина пансіона состоитъ въ томъ, что онъ не развилъ ея умственныхъ способностей, что онъ далъ ей кой-какія знанія безъ живого прижизненія ихъ къ жизни, что онъ не показалъ ей истиннаго назначенія женщины; еслибы въ этомъ отношеніи пансіонское воспитаніе сдѣлало свое дѣло, то тетушка была бы вѣроятно, какъ большинство людей, которыхъ дѣтство прошло не весело и однообразно, женщиною серьезною, сосредоточенною въ себѣ, можетъ быть даже холодною, но тогда по крайней мѣрѣ она могла бы принести дѣйствительную пользу,

тогда дѣятельность ея была бы сознательная и разумная. Но пансіонъ не сдѣлалъ этого. Соблюденіе пустыхъ формальностей обратило на себя все вниманіе наставницъ; строгая, холодная, форменная внѣшность занятій и самыхъ рекреаций запугала воспитанницъ и не могла привлечь ихъ, заинтересовать и пріохотить къ наукѣ, которая представлялась имъ въ видѣ уроковъ, не имѣющихъ между собою живой связи.

Такъ училась сама тетушка, такъ стала она учить своихъ воспитанницъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что исполняетъ свой долгъ. Трудно винить ее въ этомъ.

Старое горе. В. Крестовскаго. («Отеч. Зап.», 1858 г., № 8.)

Дѣйствіе происходитъ на Душинскомъ Чугунномъ Заводѣ, въ глуши Пермской губерніи. Молодой человѣкъ, управляющій этого завода, — главное дѣйствующее лицо разсказа. Люди, съ которыми ему приходится жить, стоятъ ниже его по образованію; ему скучно, онъ обращается къ прошедшему и вспоминаетъ о своемъ старомъ горѣ, еще живомъ и не забытомъ. Его записки составляютъ повѣсть. Авторъ даетъ статьѣ форму дневника. Эти записки писаны черезъ годъ послѣ смерти жены, прерываемы грустью и глубокимъ отвращеніемъ къ жизни; онъ схоронилъ свое счастье и увѣренъ, что въ будущемъ ему ожидать нечего. Конечъ его записокъ убѣдитъ насъ въ противномъ, но объ этомъ послѣ. Скажемъ сначала нѣсколько словъ о покойной женѣ его, Сашѣ. — Характеръ Саши очерченъ въ двухъ-трехъ отрывочныхъ сценахъ семейной жизни, о которой вспоминаетъ ея неутѣшный мужъ. Несмотря на то, онъ принадлежитъ къ лучшимъ женскимъ характеристамъ нашей литературы, въ которой эти характеры удаются довольно рѣдко. Добродѣтельныя женщины большей частью выходятъ изъ ряду живыхъ существъ и дѣлаются какими-то блѣдными идеалами, въ которыхъ нѣтъ ничего женскаго. — Напротивъ, Саша — живая, прекрасная женщина; она безропотно переноситъ бѣдность, живетъ для своего мужа, старается облегчить его горькую участь, скрываетъ отъ него свои лишенія, чтобы не огорчить его, и, когда недостало силъ страдать, умираетъ спокойно, безъ слезъ, безъ жалобъ на свою судьбу. И при всемъ этомъ она остается вполне женщиной, прелестнымъ, любящимъ существомъ. Вотъ сценка изъ ихъ семейной жизни.

«Мнѣ попался въ книгѣ лоскутокъ, обрѣзокъ шелковой матеріи. Помню, я нашелъ его на полу нашей комнаты и, не знаю почему, вздумалъ спросить Сашу, что это. Она покраснѣла, смутилась и стала ласкать меня. Это значило, что она не хотѣла отвѣчать. «Я себѣ обнюху шью» сказала она наконецъ, когда я ужъ слишкомъ привязался. Об-



новки, и такой дорогой, быть не могло; я допрашивала настойчиво; она призналась: она взялась шить платье какой-то госпожѣ, которая искала, чтобы ей работали дешевле, чѣмъ въ магазинахъ. Сама уже не въ первый разъ это дѣлала.

Это была ужасная минута... Моя жена—швея, поденщица—вотъ все, что я ей доставилъ! Грязная франтиха, торгующаяся въ каждомъ грошѣ, важная богатая барыня, которой не жалъ тысячъ для своихъ глупыхъ прихотей, для своихъ тряпокъ, и которая смѣетъ находить, что бѣдные люди дорожатся, продавая свои безсонныя ночи и голодные дни; уродливая барышня, которой надо угождать, чтобы скрыть ея выломанные бока и сухія кости—все это обходится съ моей женой, какъ съ служанкой, посылаетъ за нею, когда издается, заставляетъ ее ждать въ своихъ дѣвятихъ... Я задыхался... не помню, что я дѣлалъ. Сама выхватила у меня изъ рукъ это платье: я хотѣлъ бросить его въ печь. Это меня образумило, это дало мнѣ понять, что, сколько ни негодуй, ни кричи, ты—человѣкъ «чистый и развитый», тебѣ это не къ лицу, не приходится: сожжешь гадкую тряпку, а заплатишь за нее не въ состояніи...

— Милый, не шуми! сказала она, тихо обнявъ меня и тихо плача...

Ея отецъ, слѣпой, больной, спалъ рядомъ въ комнатѣ.

Сколько чувства, сколько деликатности въ этой женщинѣ! Она понимаетъ свои обязанности въ отношеніи къ мужу, рѣшается помогать ему, и во имя долга побѣждаетъ ложный стыдъ и предрасудки; но она щадитъ самолюбіе своего мужа, боится оскорбить его, и, быть можетъ, первый разъ въ жизни рѣшается хитрить съ нимъ, и хитритъ такъ неудачно, съ такой прелестной неловкостью; ей тяжело и больно скрывать отъ него что бы то ни было. Приведенная нами сцена необыкновенно хороша. Она бросаетъ яркій свѣтъ на два главные характера повѣсти. Мужъ Саши—человѣкъ образованный и развитой, а между тѣмъ онъ не понимаетъ прекраснаго поступка своей жены. Въмѣсто того, чтобы поддержать и ободрить жену, онъ приходитъ въ негодованіе и дѣлаетъ нелѣпую сцену. А между тѣмъ въ его запискахъ встрѣчается такое мѣсто:

«Онъ забылъ, что женщина—помощница, и съ какой-то гордостью считаютъ ее только *утихой*, не вникая, что это названіе, когда оно *одно*, унижаетъ женщину...»

Тутъ явное противорѣчіе словъ съ поступками, и такія противорѣчія встрѣчаются у него на каждомъ шагѣ; это отличительная черта слабаго характера. Многіе прекрасно говорятъ, и говорятъ отъ души, съ полнымъ убѣжденіемъ, а въ жизни поступаютъ совершенно иначе и даже не замѣчаютъ противорѣчія въ своемъ поведеніи. Къ числу этихъ многихъ принадлежатъ и мужъ Саши; у него свѣтлый взглядъ на жизнь и прекрасныя убѣжденія, но онъ не умѣетъ съ ними сладить, не смѣетъ отбросить ихъ, потому что чувствуетъ, что они вѣрные, и не въ силахъ держаться ихъ въ жизни, потому что они слишкомъ велики и тяжелы для

него. Онъ возстаетъ противъ предрасудковъ общества, говоритъ очень умно и дѣлаетъ между тѣмъ самъ вполне подчиняется имъ; никакъ не рѣшается отъ нихъ освободиться. Онъ виноватъ передъ своей женой; онъ умѣлъ поддержать ея энергіи, не умѣлъ облегчить ей горькую долю бѣдности; онъ не могла даже быть откровенной и страстной, потому что жалѣла мужа, какъ слабого, слабаго ребенка, а мужъ унывалъ, осыпался и измучилъ жену, думая, что выражаетъ этимъ свою любовь. Изъ его записокъ видно, что онъ смутно понималъ свою невольную вину; вмѣсто тихой грусти является горькое чувство озлобленія, когда онъ говоритъ о прошедшей семейной жизни; въ его толѣ шится что-то вродѣ раскаянія; мѣстами глядываютъ обвиненія противъ самого себя, какъ человѣкъ слабый, онъ тотчасъ рѣшается сложить съ себя вину въ прошедшемъ и жалуется на людей и на судьбу. Но это такое настроеніе духа со временемъ проходитъ. Такие люди, какъ мужъ Саши, не могутъ вѣчно любить, ни вѣчно страдать. Но забыть невозможно. Прошло семь лѣтъ, а свѣтлыя разъ Саши еще живетъ въ его душѣ, и больно, по временамъ стыдно за свое новое состояніе, за довольство, котораго не раздѣлила она, жевщина, жертва нужды и лишений послѣднихъ словахъ записокъ прекрасно изображено смутное состояніе души нашего героя, представляемая внутренняя борьба, которая мучитъ и истощаетъ его силы. Ему хочется забыть, а между тѣмъ жалко, совѣстно забыть бѣдную Сашу; хотѣлось бы воротить прошедшаго, да не воротить, хотѣлось бы слѣтлаго бѣдлаго, да на душѣ тяжелыя воспоминанія. Весь характеръ мужа Саши выдержанъ до мельчайшихъ подробностей; авторъ отъ себя не пишетъ ни слова: даже самъ герой въ своихъ запискахъ говоритъ о себѣ и о своихъ качествахъ очень мало; а между тѣмъ его личность свѣчивается въ каждомъ его словѣ; каждый сказъ, каждая сцена его воспоминаній прилагаетъ къ его характеру новую черту; по прочтеніи повѣсти, онъ какъ живой человекъ является передъ читателемъ, со всѣми своими хорошими и дурными сторонами, со всѣми побужденіями и недостатками.

Въ нѣсколькихъ словахъ записокъ очерченъ отецъ Саши, старый гимназическій учитель. Приводимъ эти слова и предоставляемъ нашимъ читательницамъ составить себѣ понятіе о личности этого почтеннаго труженика:

«Помню похороны старика. Его лицо будто цѣлное, и раслаканное лицо Саши... И то сказать, такимъ людямъ не зачѣмъ жить на свѣтѣ! Любятъ науку, изучать, не утомляясь и не слабѣя волею старости,—и не имѣть возможности выбиться изъ труженичества, доставить пользу другимъ, а съ этой пылинкой той извѣстности, которую другіе



стают такъ легко; быть принужденнымъ изъ-за куска хлѣба преподавать узенькій, жалкій курсъ мальчишкамъ, которые, чтобъ скорѣе кончить, убоясь премудрости, то-и-дѣло выпрыгиваютъ въ окна... стоило ли для этого родиться съ горячимъ сердцемъ, неочерствѣвшимъ ни отъ старости, ни отъ горя, ни отъ стѣсненій, ни отъ безчувствія, съ чистѣйшей любовью къ добру и прекрасному, уцѣлѣвшей среди всей житейской грязи?... Говорятъ, чувство долга, чувство прекраснаго во всемъ утѣшаетъ и поддерживаетъ. Да, утѣшало, какъ утѣшаетъ опиумъ, вино, на извѣстное время, но не поддержало, а свело въ могилу. Будь онъ не труженикъ, а шарлатанъ, онъ бы не негодовалъ, не тратилъ времени на добросовѣстные и ни къ чему не обязывающіе труды; онъ бы пригнорывалъ къ настоящимъ потребностямъ, поискала бы протекція, сдѣлалъ бы одну-двѣ уступки совѣсти, издалъ бы брошюры въ назидательно-хвалебномъ духѣ о какомъ-нибудь мудреномъ вопросѣ, прославился бы, слылъ бы за человека благонадежнаго и получилъ бы гдѣ-нибудь мѣсто инспектора, а пожалуй и директора гимназій...

Онъ кончилъ иначе: ослѣпившись надъ ночной работой, лишенный хлѣба, онъ умеръ на рукахъ бѣдняка, которому, самъ восторженный, какъ юноша, любясь на молодую любовь, отдалъ онъ свою безпомощную, безпріютную дочь...

Вдумайтесь въ эти слова; вспомните, что это пишетъ молодой человекъ, полный жизни, только что кончившій курсъ въ университетѣ, о старикѣ-учителѣ, отжившемъ свой вѣкъ; сравните ихъ между собою и посмотрите, въ комъ изъ нихъ больше энергіи и свѣжихъ силъ. Старикъ трудился до изнеможенія, ослѣпъ надъ работою, умираетъ въ бѣдности, никѣмъ незамѣченный, и все-таки вѣрить въ жизнь, и, какъ юноша, горячо любить прекрасное. Молодой человекъ сомнѣвается въ святости чувства долга, отступаетъ отъ борьбы въ жизни, не вѣрить въ изыщенное. Остальные лица повѣсти стоятъ на второмъ планѣ. Они хорошо и живо очерчены, но останавливаться на нихъ мы не можемъ.

**Джонъ Говардъ.** («О. З.», 1858 г., сентябрь.)

Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на этотъ краткій біографическій очеркъ; личность Говарда такъ замѣчательна и составляетъ такое утѣшительное явленіе въ исторіи человечества, что трудно пройти его имя молчаніемъ. Онъ посвятилъ всю свою жизнь на облегченіе страданій ближняго; благо человечества и улучшеніе судьбы его составляли единственную цѣль жизни Говарда; этой высокой цѣли онъ принесъ въ жертву и состояніе свое, и время, и лучшія силы. Говардъ родился въ Англіи въ 1726 году. Два важные предмета обратили на себя его вниманіе, онъ съ полнымъ самоотверженіемъ посвятилъ имъ всю свою жизнь. Эти два предмета были: улучшеніе тюремъ и изученіе чумы, отыскиваніе предохранительныхъ мѣръ и лекарства отъ заразы. До него тюрьмы въ Англіи представляли страшную,

отвратительную картину; онѣ были грязны и нездоровы; заключенныхъ содержали очень дурно; тюремщики, не получавшіе жалованья отъ правительства, притѣсняли своихъ колодниковъ и выжимали изъ нихъ деньги. Говардъ, выбранный шерифомъ (мировымъ судьей) графства Бедфордъ, обратилъ вниманіе на всѣ эти недостатки; съ цѣлью усовершенствовать тюрьмы, онъ два раза объѣхалъ всю Англію, путешествовалъ по Европѣ и, наконецъ собравъ всѣ матеріалы, издалъ сочиненіе «О состояніи тюремъ въ Англіи и Валлисѣ». Его книга произвела желанное дѣйствіе: по его проекту англійское правительство, подражая голландскому, учредило рабочіе дома, въ которыхъ преступники приучались къ труду и получали такимъ образомъ средства сдѣлаться честными и полезными гражданами: тюрьмы были передѣланы и усовершенствованы по указанію Говарда. — Изученіе чумы и наблюденія надъ леченіемъ этой страшной болѣзни, а также страствованія по карантинамъ заняли остальные годы жизни Говарда. Онъ умеръ въ Россіи отъ заразы и похороненъ въ Херсонской губерніи. Такие люди, какъ Говардъ, рѣдко встрѣчаются во всемирной исторіи; одинъ простой перечень фактовъ его жизни внушаетъ глубокое уваженіе; онъ всѣмъ пожертвовалъ для пользы человечества и умеръ, исполняя тяжелыя и опасныя обязанности, которыя добровольно на себя принялъ. Всѣ подробности о такомъ человекѣ должны быть для насъ дороги и интересны. Указанная нами статья очень коротка и не можетъ дать полнаго, яснаго понятія о личности Говарда; она только познакомитъ съ главными фактами его жизни, но эти факты такъ краснорѣчивы, такъ характеризуютъ человека, что изъ нихъ легко самому вывести заключеніе.

**Братецъ В. Крестовскаго.** («О. З.», 1858 г., октябрь.)

Повѣсть В. Крестовскаго представляетъ намъ внутреннюю семейную жизнь, бѣдную, грустную, однообразную, какъ сѣрый осенній день. Главный характеръ повѣсти, характеръ Сергѣя Андреевича Чиркина, *братца*, очерченъ превосходно. В. Крестовскій прослѣдилъ его развитіе съ колыбели и наконецъ показалъ намъ своего героя человекомъ пожилымъ, въ которомъ выработались всѣ черты характера, — человекомъ, котораго убѣжденія успѣли сложиться и окрѣпнуть. Чтобы представить этотъ характеръ нашимъ читателямъ, намъ достаточно будетъ сдѣлать нѣсколько выписокъ изъ самой повѣсти. Вотъ, напримѣръ, черты изъ дѣтства и первой молодости Сергѣя Андреевича, тогда еще Сереженьки:

«Сереженька писалъ рѣдко: у него и въ гимназій постоянно не доставало времени, а позже — и гово-



рить нечего. Но онъ аккуратно помнилъ дни рождения и именинъ своихъ родителей и умѣлъ приурочить такъ, что поздравленія его получались въ самый день торжества; если же письма должны были опоздать или придти ранѣе, по расчету почтовыхъ дней, Сереженька пользовался этимъ случаемъ для какой-нибудь особенной любезности. «Ранѣ всѣхъ и первый бросаюсь я въ ваши объятія, дражайшіе родители»... Или: «теперь, когда давно кругомъ васъ затихъ шумъ поздравленій, радуюсь, что моего голоса не заглушитъ болѣе голосъ постороннихъ»... и прочее. Сергѣй Андреевичъ не думалъ и не понималъ, что «посторонними» называлъ своихъ сестеръ...

Онъ зналъ ихъ мало, но онъ хорошо его помнилъ. Когда онъ прїѣзжалъ на вакацію, ему было девятнадцать лѣтъ, его сестрамъ — двадцать и одиннадцать; третьей еще не было на свѣтъ. Онъ сказалъ только Вѣрѣ, что она ничего не знаетъ и не граціозна, и замѣтилъ (при родителяхъ) сестрѣ Прасковѣ, что она могла бы заняться ребенкомъ, что долгъ женщины — любить дѣтей и заботиться о нихъ. Мать ахала отъ ума и сердца Сереженьки.

Желаніе выказаться передъ родителями, поважничать передъ сестрами, дать имъ почувствовать свое превосходство, унижить ихъ въ глазахъ отца и матери, все это такіе зародыши, которые со временемъ обѣщаютъ принести богатый плодъ. Во всемъ этомъ уже проглядываетъ черствое сердце, замѣтно отсутствіе юношеской теплоты и юношескаго благородства. Наглая самоувѣренность, сухой, бездушный эгоизмъ, грубое самопоклоненіе, неприступная гордость въ отношеніи къ подчиненнымъ, заискиваніе передъ людьми, стоящими выше, вотъ что обѣщаетъ въ будущемъ этотъ характеръ, вотъ что мы можемъ вывести изъ одного, приведеннаго нами, отрывка. Сергѣй Андреевичъ сдержалъ все, что обѣщалъ онъ въ молодости. Кромѣ себя, своей выгоды, своихъ интересовъ, онъ не хотѣлъ знать ничего, цѣль въ его жизни — карьера и состояніе; дальше, выше этого онъ ничего не видитъ, и для достиженія своей цѣли готовъ пожертвовать всѣмъ на свѣтъ. Онъ никого не любитъ и даже не скрываетъ этого въ своемъ семейномъ кругу, куда онъ заглядываетъ очень рѣдко, да и то по дѣламъ. Приведемъ для характеристики Сергѣя Андреевича еще одно мѣсто изъ повѣсти — разговоръ Прасковьи Андреевны съ Ивановымъ, женихомъ младшей сестры ея, Кати.

«— Ахъ, Боже мой! прервалъ Ивановъ; — это даже больно слушать! Нѣтъ, я вамъ все скажу. Объ этомъ даже грѣшно молчать: лучше вамъ со всѣмъ глаза открыть. Прошлый разъ, какъ я отъ васъ воротился, я на другой день пошелъ къ нашему управляющему палатой поговорить о моихъ бумагахъ, о разрѣшеніи, потому что я женюсь. Вы помните... я-то ужъ очень хорошо помню, какъ вашъ братецъ принялъ и мое сватовство, и меня — ну, словомъ, все. Я тогда же рѣшился объявить, что мнѣ дано слово, что я женюсь, взявъ разрѣшеніе, чтобъ вашъ братецъ не подумалъ, будто я испугался. Ему все равно, что я женюсь на его сестрѣ, а мнѣ онъ и подавно все равно: мнѣ ни его милости, ни протекціи, ни денегъ его — ничего не нужно, право. Ради Бога, скажите, такъ ли я

говорю? Что жъ? я молодой, не важная особа; кажется, всякій человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, имѣетъ право о себѣ думать по справедливости, имѣетъ право... хоть не унижаться, если ужъ судъ и пустой карманъ велитъ ему молчать — такъ, или? скажите!

— Что жъ вы управляющему вашему сказали, спросила Прасковья Андреевна.

— Я? ничего; говорилъ о бумагахъ, какія мнѣ нужны, просилъ не задерживать — и только. Онъ — человѣкъ чудесный, разспрашивалъ, что, какъ, а любилъ ли я женюсь, на комъ. Я сказалъ. Онъ говоритъ: «не родня ли Чиркину, что служилъ въ министерствѣ?» — «Сестра», говорю я. Въ то время былъ у управляющаго нашъ ассесоръ, недавно изъ Петербурга: онъ вступилъ въ разговоръ. «Какъ говорить, сестра? у Чиркина нѣтъ сестеръ». Я говорю: «Есть сестры и мать, живутъ въ деревнѣ. Да Боже мой! это рассказывать отвратительно. Вы образите вы, что онъ увѣряетъ всѣхъ, цѣлый свѣтъ, что у него нѣтъ родныхъ: отрекается отъ нихъ потому что вы для него слишкомъ бѣдны, слишкомъ мелки... отъ матери!.. Видите, ему, важному лицу, неприятно имѣть провинціальныхъ родныхъ, а вы и него тѣмъ бросаете... я ужъ и не понимаю, что такое какъ будто вы не въ тысячу разъ лучше его, въ городѣ его, со всѣми его мраморными лестницами да золочеными карнизами, какъ будто мнѣ не больше стыдъ и обида, что нашъ братъ — эгоистъ, взяточникъ... Нѣтъ, ради Бога, простите меня, изъ себя выхожу...»

Тутъ уже выразился весь характеръ, и этому нельзя ничего прибавить. Гнетъ брата, которымъ всегда была ослѣплена старуха-мать, тяжело налегъ на сестеръ и подѣйствовалъ на обѣихъ старшихъ, обѣимъ имъ испортилъ жизнь, но дѣйствіе этого гнета было различное. Старшая сестра, Прасковья Андреевна, дѣвушка умная, съ твердымъ характеромъ, не поддавалась влиянію братца; характеръ ея окрѣпъ въ борьбѣ, она сосредоточила въ себѣ свои силы и сдѣлалась еще тверже, еще самостоятельнѣе. Была пора молодости, когда она искала чувствія, когда у нея была потребность высказаться, полюбить, привязаться. Она обратилась было къ брату, но мы знаемъ Сергѣя Андреевича: онъ умомъ могъ понять, что желала сестра его, но не хотѣла; Прасковья Андреевна ждала хоть капли сочувствія, хоть одного дружескаго слова: она встрѣтила насмѣшку и грубое, жесткое наставленіе со стороны матери, она ничего не могла ждать и ничего не встрѣтила; но по неволѣ затаила она въ себѣ свои силы, углубилась въ самое себя, сосредоточилась и уже не высказывалась. Счастливы характеры, которые могутъ такъ сосредоточиться, которымъ есть во что углубиться. На слабыхъ характерахъ гнетъ дѣйствуетъ иначе; вторая сестра, Вѣра, совершенно покорилась, и померилась безсознательно, желѣзной волѣ Сергѣя Андреевича, который самовластно, какъ патриархъ, господствовалъ въ семействѣ; бѣдную дѣвушку запугали смолodu, она потеряла всякое довѣріе къ собственнымъ силамъ, боялась всѣхъ и особенно братца, растерялась, отупѣла



и, не рѣшаясь имѣть ни мысли, ни воли, стала повиноваться молча и машинально. Безотрадно прошла жизнь обѣихъ дѣвушекъ; не было ни счастья, ни любви, не было даже удовольствій. Прасковья Андреевна тратила свою замѣчательную энергію и силу души на мелкую, ежедневную борьбу, которую поневолѣ должна была вести въ тѣсномъ, душномъ кругу своей неладной семьи. И между тѣмъ она сохранила способность любить и сосредоточила всю силу чувства на младшей сестрѣ своей, на «своей дѣвочкѣ» Катѣ. Эта сила характера, эта твердость воли и въ то же время эта мягкость, способность любить сильно, съ самоотверженіемъ заставляютъ насъ признать въ Прасковьѣ Андреевнѣ женщину дѣйствительно замѣчательную; вспомнимъ при этомъ, что она не успѣла развиться какъ слѣдуетъ, что ея не любила мать, что ее преслѣдовалъ братецъ, представимъ себѣ монотонную обстановку всей ея жизни, и только тогда мы будемъ въ состояніи вполне оцѣнить и понять ея характеръ, выработавшійся при такихъ невыгодныхъ обстоятельствахъ. Катя является намъ молоденькой дѣвушкой, почти ребенкомъ: она еще весела, беззаботно смотритъ на жизнь, она любить и любима; Прасковья Андреевна отстаиваетъ ее отъ матери, а неумолимая рука брата не успѣла еще разбить ея свѣтлыхъ мечтаній... настанетъ и ея время.

Объ матери, объ Любви Сергѣевнѣ, трудно сказать что-нибудь опредѣленное; это одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые ничѣмъ не выдаются изъ общей массы. Любовь Сергѣевна принадлежитъ къ числу характеровъ, какіе встрѣчаются на каждомъ шагѣ, но эти обыкновенные характеры трудно выставить, трудно опредѣлить именно потому, что они обыкновенны, что ничто въ нихъ не бросается въ глаза; ихъ надобно наблюдать и изучать, а такое изученіе не всякому по силамъ; потому большинство плохихъ романистовъ русскихъ и особенно французскихъ обходятъ такіе характеры, изображаютъ какихъ-то небывалыхъ героевъ или небывалыхъ злодѣевъ, описываютъ ихъ подвиги или преступленія и совѣмъ не даютъ понятія о характерѣ. Напротивъ, въ повѣстяхъ В. Крестовскаго постоянно дѣйствуютъ люди обыкновенные, взятые прямо изъ жизни; Сергѣй Андреевичъ—дурной человѣкъ, но не извергъ, не чудовище. На каждомъ шагѣ встрѣчаются такіе эгоисты, люди, готовые принести въ жертву себѣ и своимъ выгодамъ все на свѣтѣ; они не дѣлаютъ преступленій въ полномъ смыслѣ этого слова, а только тяготѣютъ надъ всѣмъ, что приходитъ съ ними въ соприкосновеніе, и часто разрушаютъ счастье людей близкихъ. Прасковья Андреевна—хорошая женщина, но никакъ не идеальная. Что касается до Любви Сергѣевны, то объ ней даже трудно сказать,

хорошая ли она женщина, или дурная. Личность ея впрочемъ производитъ непріятное впечатлѣніе, непріятное уже потому, что она безгранично любитъ своего ненагляднаго Сереженьку. Впрочемъ эта любовь очень понятна, какъ любовь матери. Мать любитъ свое дитя, хотя это дитя и уродъ, даже когда оно—уродъ нравственный; любить даже болѣе прочихъ дѣтей, потому что видитъ, какъ всѣ отъ него отворачиваются.

Въ характеристикѣ Любви Сергѣевны особенно замѣчательно слѣдующее мнѣніе автора о такихъ безцвѣтныхъ личностяхъ:

«Эти люди иногда среди другихъ людей выбираютъ себѣ привязанность—и всегда выборъ бываетъ неудаченъ; изъ противорѣчія, изъ того, что другіе говорятъ, что такой-то дурень, они берутъ именно этого человѣка себѣ въ друзья, говоря съ самоуниженіемъ, не лицемеріемъ, но озлобленіемъ: «Для меня и то хорошо». Иногда возраженіе дѣлается иначе: «Его всѣ ненавидятъ; со мной по крайней мѣрѣ ему будетъ съ кѣмъ слово сказать»... Съ вида—чувство доброе и смиренное; но тотъ не ошибется, кто сочтетъ его за осужденіе всѣхъ этихъ ненавистниковъ и гордецовъ, которые отталкиваютъ отъ себя человѣка... Зато, выбравъ друга, эти люди не знаютъ ему предъ другими цѣны и мѣры; наединѣ сами съ собой они размышляютъ, что этотъ другъ ими манкируетъ и прочее...»

Наконецъ, Ивановъ, женихъ Кати,—влюбленный молодой человѣкъ, хорошей и благородный. Больше о немъ ничего нельзя сказать. Любовь стоитъ на первомъ планѣ и заслоняетъ отъ насъ всѣ остальные стороны его характера. Впрочемъ и онъ, и Катя—лица второстепенныя; хотя на ихъ судьбѣ собственно и основано дѣйствіе повѣсти, но дѣйствуютъ за нихъ другіе; другіе заботятся объ ихъ интересахъ, между другими происходитъ печальная семейная драма, которой развязка прямо относится къ Иванову и его невѣстѣ. И такъ, мы постарались представить нашимъ читателямъ списокъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ взаимныя отношенія; дѣйствія этихъ людей совершенно обыкновенны и не выходятъ изъ предѣловъ всеневной семейной жизни; нѣтъ никакихъ особенно замѣчательныхъ приключеній, но зато ни одна сцена повѣсти не пропадаетъ даромъ, зато въ каждомъ словѣ выражается характеръ дѣйствующихъ лицъ и проводится мысль автора, зато вся повѣсть заставляетъ задуматься, не забывается и оставляетъ по себѣ глубокое впечатлѣніе, какъ всякое вѣрное изображеніе дѣйствительной жизни съ ея печальными недостатками.

#### *Дочери. Совѣты старушки, посвященные матерямъ, имѣющимъ дочерей.*

Среди книгъ и статей, писанныхъ въ послѣднее время о женщинѣ и о женскомъ воспитаніи, заслуживаетъ особеннаго вниманія небольшая



брошюра, заключающая въ себѣ: «Совѣты старушки». Въ этой брошюрѣ находятся въ равновѣсіи между собою результаты жизненнаго опыта и строго-логическаго мышленія; взаимно смягчая и умѣряя другъ друга, эти результаты сходятся въ общихъ, стройныхъ выводахъ, въ которыхъ не видно ни пылака увлеченія утопическими теоріями, ни отталкивающей холодности чисто практическаго, матеріальнаго взгляда на вещи. Видно, что жизненный опытъ умѣрилъ въ авторѣ юношескія увлеченія, не убивая живыхъ благородныхъ началъ человеческой души, не подавляя въры въ прекрасное, не подавляя святого стремленія къ добру и къ истинѣ. Такой предметъ, какъ воспитаніе женщины, требуетъ спокойнаго и хладнокровнаго размышленія; разсуждая о немъ, легко впасть въ крайность, легко увлечься теорією. Не понявъ истиннаго назначенія женщины, не обсудивъ положенія ея въ современномъ обществѣ, можно, при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, указать женщинѣ несвойственную ей сферу дѣятельности; желая строго опредѣлить кругъ ея обязанностей, можно стѣснить ея законную свободу; желая расширить эту свободу, желая избавить женщину отъ всякой зависимости, можно отодвинуть на второй планъ лучшія права ея, — права быть подругою мужа, матерью и воспитательницею. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ увлеченіе будетъ вредно и приведетъ къ ложнымъ результатамъ. Этого увлеченія избѣжалъ авторъ «Совѣтовъ старушки»; онъ пишетъ для современнаго общества, знаетъ его потребности, видитъ его слабыя и сильныя стороны и даетъ совѣты и указанія, прямо относящіеся къ дѣлу, прямо примѣнимые къ теперешнему порядку вещей. Такую книгу мы не можемъ оставить безъ вниманія. Для нашихъ читателей въ ней недоступны нѣкоторыя мѣста (глава 2); но зато матери найдутъ въ ней дѣльные и благоразумные совѣты, высказанные убѣдительно и послѣдовательно, подтвержденные логическими доказательствами и разительными примѣрами изъ вседневной жизни. Авторъ начинаетъ съ самаго простаго и въ то же время важнаго вопроса, имѣющаго существенное вліяніе на положеніе и жизненные силы высшаго и средняго класса нашего общества. Отчего, спрашиваетъ онъ, такъ много холостяковъ и старыхъ дѣвъ? Отвѣтъ на это самый простой и естественный: оттого что мужчины, отъ которыхъ зависитъ сдѣлать выборъ, не рѣшаются выбирать, боясь ошибки и разочарованія. Не рѣшаются же они потому, что у нихъ передъ глазами много примѣровъ несчастныхъ и, какъ говоритъ авторъ, *полусчастливыхъ* супружествъ. Отчего же такъ рѣдко встрѣчается истинное, прочное семейное счастье? Отвѣта на этотъ вопросъ должно искать въ воспитаніи женщины, въ томъ первоначальномъ направленіи, которое дано ей съ малыхъ лѣтъ и кото-

рое въ большей или меньшей степени имѣетъ вліяніе на всю ея жизнь. Обращаясь къ воспитанію, авторъ высказываетъ свои мысли о значеніи женщины. Не отриная у нея права заниматься наукою и искусствомъ, онъ говоритъ, что истиннымъ поприщемъ для ея дѣятельности должна быть семья; только въ семьѣ женщина вполне достигаетъ своего назначенія; только въ семьѣ могутъ вполне развернуться любящія женственныя силы ея души. Совѣтуя матери готовить изъ своихъ дочерей преимущественно хорошихъ семьянокъ, авторъ не стѣсняетъ этика женскаго образованія; онъ понимаетъ, что доброе совѣстное исполненіе обязанностей жены и матери требуетъ многосторонняго и гармоническаго развитія всѣхъ умственныхъ способностей и всѣхъ силъ души; онъ понимаетъ, что для семейнаго счастья необходимо возможное равенство между супругами, равенство умственное, на которомъ должно быть основано взаимное пониманіе и уваженіе.

«Она (женщина), говоритъ онъ, должна быть образована, чтобы понимать и сочувствовать интересамъ своего мужа, чтобы основательно развивать понятія, мысли и взгляды своихъ дѣтей въ ихъ первомъ возрастѣ. Программу такого образованія дать трудно, потому что въ разныхъ классахъ общества различно и само воспитаніе, но во всякомъ случаѣ, думаю я, дѣвушкамъ должно давать образованіе, соотвѣствующее тому обществу, въ которомъ имъ суждено жить.»

Съ послѣднею мыслью автора мы позволимъ себѣ не согласиться. Бѣдная дѣвушка должна быть приучена съ малолѣтства къ тому образу жизни, который суждено ей будетъ вести современемъ, къ тѣмъ занятіямъ, которыми она должна будетъ добывать себѣ пропитанія, наконецъ къ тѣмъ лишеніямъ, съ которыми она встрѣтится въ жизни, — все это справедливо; но умственное образованіе ея не должно терпѣть отъ ея общественнаго положенія. Ежели она имѣетъ средства учиться, развиваться — пусть учится, пусть развивается во что бы то ни стало. Правда, развитой дѣвушкѣ предстантъ въ жизни много горя, много страданій; каждое грубое слово, каждая неосторожная шутка болѣзненно отзовутся въ ея душѣ; не помирится она съ нравственными несовершенствами окружающихъ ея людей; во, какъ бы то ни было, она будетъ благотворно дѣйствовать въ своемъ семейномъ кругу, дастъ хорошее направленіе своимъ дѣтямъ, быть можетъ облагородитъ и возвыситъ своего мужа и сознаніе исполненнаго долга вознаградитъ ее за тяжелыя минуты страданія. А эти тяжелыя минуты неизбежны. Ихъ переживаютъ всѣ лучшіе, болѣе развитые люди, стоящіе впереди своего общества; гдѣ масса будетъ смѣяться, гдѣ она съ тупымъ равнодушіемъ взглянетъ на нравственное зло, тамъ передовой человекъ по-



чувствует грусть или негодование, там он переживает одну из тяжелых минут. Но следует ли из этого, что не должно быть людей, выдвигающихся из среды окружающего их общества? Что мы сказали о развитом человеке вообще, то можно применить к девушке, для которой роль общества будет играть семья, стоящая ниже ее по образованию. Тяжело будет ее положение; но не для одного счастья, не для одного наслаждения создан человек; он создан для труда и борьбы, для усовершенствования своей духовной природы и для благотворного действия на окружающих его людей. Со всеми остальными советами автора нельзя не согласиться; замечания его о преподавании наук, о занятиях искусствами, о домашнем хозяйстве, о выездах девушки, о ее первых чувствах и о степени их прочности, наконец о выборе жениха и об отношениях родителей к замужним дочерям, все эти замечания верны и полезны. Автор в своих рассуждениях умеет быть практически благоразумным, не дѣлаясь сухим и холодным; так, например, не оскорбляя свежести и чистоты первой любви, он умеет критически оценить ее значение для супружеской жизни, и с тонким тактом отдѣляет истинное чувство молодого сердца от минутного, непрочного увлечения. В каждом слове его проглядывают опытность, благоразумие и теплое чувство. Книга его может принести истинную пользу матерям, воспитательницам; даже молодым девушкам хорошо было бы прочесть ее, начиная с III главы.

**Фрегатъ Паллада. Очерки путешествія. Ивана Гончарова, въ двухъ томахъ. С.-Пб. 1858 г.**

Очерки путешествія Гончарова составляютъ существенно важное приобретение для нашей литературы, и мы считаемъ долгомъ обратить на нихъ вниманіе нашихъ читателей. Не принимая на себя серьезной и трудной обязанности критика, мы только укажемъ на главные красоты этого произведенія и постараемся поставить нашихъ читателей на ту точку зрѣнія, съ которой должно смотрѣть на «Очерки путешествія». Отправившись въ кругосвѣтное путешествіе въ концѣ 1852 года, Гончаровъ въ письмахъ къ своимъ петербургскимъ друзьямъ дѣлился съ ними путевыми впечатлѣніями; письма эти печатались въ разныхъ журналахъ и въ прошломъ году собраны и изданы отдѣльной книгой подъ заглавіемъ «Фрегатъ Паллада». Цѣлью путешествія была Японія, съ которою наше правительство желало заключить торговый трактатъ; путь лежалъ изъ Балтійскаго и Нѣмецкаго моря по Атлантическому океану мимо западныхъ береговъ Африки, че-

резъ мысъ Доброй Надежды къ южнымъ оконечностямъ Азіи, а оттуда къ сѣверу, по Восточному океану, вдоль береговъ Китая въ Нагасаки. Изъ Японіи фрегатъ пошелъ къ берегамъ Сибири, и Гончаровъ черезъ Сибирь сухимъ путемъ вернулся въ Петербургъ. Въ этомъ путешествіи Гончаровъ видѣлъ три океана, — Атлантическій, Индѣйскій и Тихій, два раза переходилъ черезъ экваторъ и тропики и наблюдалъ вблизи природу, жителей южной Африки, южныхъ и восточныхъ береговъ Азіи, и азіатскихъ острововъ, разсѣянныхъ по Восточному океану. Онъ видѣлъ много любопытнаго, много замѣчательнаго, но, не смотря на то, интересъ описываемыхъ предметовъ, содержаніе, стоитъ на второмъ планѣ и уступаетъ самому описанію. На книгу Гончарова должно смотрѣть не какъ на путешествіе, но какъ на чисто художественное произведеніе. Отъ путешественника мы требуемъ подробныхъ и полныхъ свѣдѣній о странѣ и ее обитателяхъ, требуемъ статистическихъ, историческихъ и этнографическихъ данныхъ; путешественникъ долженъ изучить свой предметъ, и количество сдѣланныхъ имъ наблюденій и сообщенныхъ свѣдѣній опредѣляетъ достоинство его труда. Отъ разсказа путешественника мы можемъ требовать только ясности и послѣдовательности. Въ путевыхъ очеркахъ Гончарова мы должны искать достоинствъ другого рода. Заключая въ себѣ результаты личныхъ впечатлѣній, выражая собою то, что передумалъ и перечувствовалъ художникъ, они представляютъ чисто литературныя, эстетическія красоты; въ нихъ мало научныхъ данныхъ, въ нихъ нѣтъ новыхъ изслѣдованій, нѣтъ даже подробнаго описанія земель и городовъ, которые видѣлъ Гончаровъ; вмѣсто всего этого читатель находитъ рядъ картинъ, набросанныхъ смѣлою кистью, поражающихъ своею свѣжестью, законченностью и оригинальностью. Въ этихъ картинахъ воспроизведена природа въ самыхъ разнообразныхъ своихъ видоизмѣненіяхъ, въ нихъ схвачены разнородные типы, представители различныхъ національностей; тонкая наблюдательность автора успѣла выбрать характеристическія черты; творческій талантъ его соединилъ эти черты въ одно цѣлое, создалъ изъ нихъ стройные живые образы. Описаніе неодушевленной природы и наблюденіе надъ отдѣльными личностями и цѣлыми народами составляютъ два главные сюжета путевыхъ замѣтокъ Гончарова. Эти двѣ стороны неразлучны между собою въ самомъ ходѣ сочиненія и часто сливаются въ общей картинѣ, въ которой вѣшняя природа служитъ обстановкою для человека, или человекъ дополняетъ собою общее впечатлѣніе, произведенное вѣшнею природой. Не смотря на тѣсную связь ихъ между собою, мы позволимъ себѣ для большей ясности



разсмотрѣть отдѣльно каждую изъ этихъ сторонъ. При описаніяхъ величественныхъ явленій природы какъ-то невольно, естественно измѣняется общій тонъ разсказа: хладнокровный, добродушно веселый, слегка насмѣшливый юморъ, возбужденный окружающими людьми и забавными сценами морской жизни, исчезаетъ; поэтъ безраздѣльно отдается обаятельному впечатлѣнію; для него наступаетъ торжественная минута внутренней тишины, спокойнаго благоговѣнія; онъ не анализируетъ, не дробитъ общаго впечатлѣнія, не старается даже опредѣлить его; онъ только смотритъ, думаетъ, чувствуетъ и создаетъ стройную, прекрасную картину, въ которой отражаются и его думы, и его чувства. Въ подобныхъ сценахъ природы нѣтъ мѣста анализу; спокойно восторженное состояніе поэта устраняетъ холодный, критическій взглядъ наблюдателя. При изображеніи людей, при воспроизведеніи ихъ характеровъ въ живыхъ эпизодахъ, обнаруживается другая сторона творческаго таланта Гончарова: авторъ подмѣчаетъ тончайшія особенности различныхъ національностей, показываетъ ихъ читателю въ двухъ-трехъ мѣтко выбранныхъ случаяхъ вседневной жизни, группируетъ эти особенности и опредѣляетъ ими народный характеръ; все это дѣлается какъ бы само собою, безъ труда и натяжки. Авторъ рассказываетъ самые простые эпизоды своего путешествія, рассказываетъ ихъ повидимому безъ всякой задней мысли, безъ всякой, заранѣе обдуманной, цѣли, но взгляните въ эти эпизоды: въ каждомъ изъ нихъ вы увидите какую-нибудь мелкую, едва замѣтную, но характеристическую черту; прочтя нѣсколько такихъ эпизодовъ, вы замѣчаете, что нечувствительно познакомились съ духомъ и складомъ ума извѣстнаго народа. Англичане, голландцы, индѣйцы, китайцы, ликейцы, корейцы, и особенно японцы, доставляли автору матеріалы для наблюденій; всѣ они являются съ своей оригинальной фizioноміей, своимъ личнымъ, отчетливо обработаннымъ характеромъ. Даже жители крайняго востока Азіи, китайцы, корейцы, ликейцы и японцы — народы родственные, близкіе между собою по происхожденію — рѣзко разграничены; между ними есть много общаго, есть семейное сходство, но каждый изъ нихъ сохранилъ у Гончарова свою оригинальность, каждый имѣетъ свои отличительныя свойства. Очерчивая типы цѣлыхъ національностей, авторъ въ то же время отдѣляетъ характеры отдѣльныхъ личностей. Японскіе переводчики и сновники, посѣщавшіе фрегатъ въ нагасакской гавани, выведены такимъ образомъ въ дневникѣ путевыхъ впечатлѣній: всѣ они представляютъ типъ японца, но каждая отдѣльная личность живетъ своей жизнью, имѣетъ свои личныя общечеловѣческія свойства и, сохраняя національную фizioномію,

рѣзко отличается отъ своихъ единоплеменниковъ. Богатый матеріалъ для наблюденій давалъ автору экипажъ фрегата; большая часть офицеровъ и матросовъ играютъ важную роль въ путевыхъ замѣткахъ, представляя собою различные видоизмѣненія русскаго народного характера. Столкновеніе этихъ чисто русскіхъ типовъ съ англичанами, съ японцами, съ нидерландцами и т. д. представляетъ любопытное явленіе и даетъ мѣсто многимъ занимательнымъ эпизодамъ, въ которыхъ авторъ обнаруживаетъ въ полной силѣ свое знаніе русскаго человѣка. Не приводимъ здѣсь никакого отрывка, потому что подобные эпизоды могутъ быть совершенно понятны, могутъ произвести свое полное впечатлѣніе только въ связи между собою, когда уже знакомы и общій тонъ разсказа, и характеры отдѣльныхъ дѣйствующихъ лицъ. «Фрегатъ Паллада» состоитъ, какъ мы уже замѣтили, изъ писемъ, писанныхъ для друзей и сначала не предназначавшихся для печати. Это обстоятельство придаетъ путевымъ замѣткамъ особенный характеръ задушевной теплоты и дружеской откровенности: Гончаровъ постоянно говоритъ о себѣ, о своихъ впечатлѣніяхъ, о своемъ расположеніи духа, о вліяніи вѣтливой обстановки на его здоровье и духовную дѣятельность; личность автора не скрывается за описываемыми предметами; читатель не теряетъ ее изъ виду и коротко знакомится съ нею къ концу путевыхъ замѣтокъ. Путешествіе Гончарова по неизмѣримымъ равнинамъ, болотамъ и тундрамъ Сибири, — путешествіе, въ которомъ онъ почти исключительно говоритъ о своихъ лишеніяхъ и путевыхъ страданіяхъ, всего болѣе содѣйствуетъ этому сближенію читателя съ авторомъ. Эта часть путешествія сверхъ того даетъ самыя занимательныя подробности объ обширномъ краѣ, любопытномъ во всѣхъ отношеніяхъ, составляющемъ часть нашего отечества и почти неизвѣстномъ большинству читателей.

**Отголосокъ «на жалобу женщины» В...**  
(«Современникъ», 1858 г., февраль.)

Въ небольшой статьѣ г-жи В... затронуты самые важные и существенные вопросы женскаго воспитанія, — вопросы, вызванные не теоретическимъ размышленіемъ, а насущною жизненною потребностью. Г-жа В... — мать, занимающаяся воспитаніемъ своихъ дочерей, съ любовью взявшаяся за свое святое дѣло и посвятившая ему всѣ силы своей души. При всемъ горячемъ желаніи принести истинную пользу своимъ дѣтямъ, г-жа В..., не получившая прочнаго образованія, не слѣдившая за развитіемъ педагогическихъ идей, не довѣряющая собственнымъ силамъ и, излагая свою систему воспитанія, требуетъ совѣта и помощи мысля-



ихъ людей нашего общества. Чтобы объяснить свое положеніе, чтобы показать тѣ обязанности, подъ вліяніемъ которыхъ она взялась за трудное дѣло воспитанія, она въ короткихъ словахъ рассказываетъ свою молодость, ошедшую безъ любящаго надзора матери и оставившую ей ни основательныхъ свѣдѣній, ни твердыхъ убѣжденій. Прекрасное сердце и свѣтлый природный умъ избавили г-жу отъ внутренней душевной пустоты и сушности, которая большей частью бываетъ слѣдствіемъ недостаточнаго развитія; весело и безбоязненно прошли первые годы ея замужества, обстоятельства скоро перемѣнились, состояніе разстроилось, и г-жа В..., сдѣлавшись матерью, поняла свои обязанности и сама взялась за воспитаніе своихъ дочерей. Желая приготовить ихъ къ бѣдной, трудовой жизни, дая убѣдить ихъ въ необходимости полезной деятельности, г-жа В... не скрываетъ отъ нихъ истиннаго положенія своихъ обстоятельствъ, утѣшаетъ ихъ, не общается имъ веселой душевности, но, приучая ихъ къ хозяйственнымъ заботамъ, старается приохотить ихъ къ труду, который, смотря по направленію, данному въ молодости, можетъ сдѣлаться для чужака невыносимымъ бременемъ или необходимымъ условіемъ жизни. Чтобы наставленія уроки ея не оставались мертвой буквой, чтобы они глубоко проникали въ молодые души дѣтей, чтобы они служили основаніемъ къ будущимъ убѣжденіямъ, г-жа В... старается быть близкою къ своимъ дочерямъ, живетъ съ ними одною жизнью, раздѣляетъ ихъ игры, занимается ихъ необходимою подругой и, не стѣсняя ихъ подозрительнымъ надзоромъ, не тяготя надъ ними строгою властью, приобретаетъ въ добровольное и полное дружеское довѣріе. Она приводитъ простой, но трогательный эпизодъ, доказывающій всю силу любви дѣтскаго, испорченнаго сердца. «Образовать своихъ вочечъ нравственно, говорить г-жа В...:— кажется, успѣла; онѣ религіозны безъ суеты, добронравны и чувствительны, готовы цѣлѣе послѣднее бѣдному, не жаждутъ нарядовъ и способны на всякія лишенія». Если воспитаніе достигаетъ такихъ результатовъ, то можно сказать смѣло, что оно ведено правильно и разумно. Но для гармоническаго развитія необходимо еще прочное научное образованіе; чтобы понимать свои обязанности и свое положеніе, женщина должна имѣть вѣрный взглядъ на жизнь, на людей, на все, что ее окружаетъ. Такой взглядъ дается жизненнымъ опытомъ; но, чтобы этотъ опытъ вполне приносилъ свою пользу, чтобы въ немъ окрѣпли убѣжденія, необходимо, чтобы убѣжденія эти были опровержены воспитаніемъ, необходимо правильное приготовленіе къ жизни и всестороннее умственное развитіе. Необходимость такого развитія

сознаетъ г-жа В..., но тутъ начинаются для нея мучительныя сомнѣнія, недовѣріе къ собственнымъ силамъ, къ правильности своего взгляда на вещи. Не смотря на всѣ эти затрудненія, она, руководствуясь однимъ природнымъ здравымъ смысломъ, слѣдуя внушеніямъ разумной материнской любви, достигаетъ самыхъ отраднѣйшихъ результатовъ, къ которымъ стремится современная педагогическая наука. Г-жа В... не скрываетъ отъ своихъ дѣтей грустной, мрачной стороны жизни, не представляетъ людей ангелами, не создаетъ имъ фантастическаго міра, въ которомъ господствуетъ и торжествуетъ добродѣтель; не разоблачая передъ ними отвратительныхъ явленій порока, не останавливая ихъ мысли на сценахъ злодѣянія и безнравственности, не убивая ихъ вѣры въ доброе и прекрасное, она даетъ имъ замѣтить, что въ жизни есть много не изящнаго, что въ людяхъ много дурного и плоскаго, что человѣку свойственны слабости и заблужденія. Лучшимъ средствомъ къ ознакомленію дѣтей своихъ съ будничной невзрачной стороною жизни г-жа В... считаетъ чтеніе нашихъ лучшихъ современныхъ писателей и смѣло, съ полнымъ убѣжденіемъ, даетъ въ руки своимъ дочерямъ Гоголя, Аксакова («Семейную хронику»), Толстого («Дѣтство и отрочество»), Тургенева («Записки охотника») и др. Такое приготовленіе къ жизни избавитъ въ будущемъ отъ горькаго разочарованія, которое въ душѣ пылкой и воспримчивой можетъ оставить неизгладимое чувство ненависти и презрѣнія къ людямъ и къ обществу. На такихъ данныхъ основано воспитаніе г-жи В...; по свѣтлымъ мыслямъ, которыя она высказываетъ въ своей статьѣ и которыя повидимому выработались въ ней опытомъ и путемъ самостоятельнаго размышленія, можно судить о степени ея простаго ума; по искреннему чувству, съ которымъ она проситъ совѣта и дѣлится своимъ опытомъ съ матерями и воспитательницами, легко узнать любящую женщину-мать, глубоко проникнутую сознаніемъ своихъ святыхъ обязанностей. Можно надѣяться, что теплыя слова г-жи В... не останутся безъ отвѣта и принесутъ свою долю пользы въ уясненіи идеи женскаго воспитанія.

Николай Яковлевичъ Прокоповичъ и отношенія его къ Гоголю. *II. В. Гербеля.* («Современникъ», 1858 г., февраль.)

Дорого русскому сердцу имя Гоголя; Гоголь былъ первымъ нашимъ народнымъ, исключительно русскимъ поэтомъ; никто лучше его не понималъ всѣхъ оттѣнковъ русской жизни и русскаго характера, никто такъ поразительно вѣрно не изображалъ русскаго общества; лучшіе современные дѣятели нашей литературы



могутъ быть названы послѣдователями Гоголя; на всѣхъ ихъ произведеніяхъ лежитъ печать его вліянія, слѣды котораго еще долго вѣроятно останутся на русской словесности. Все, что можетъ объяснить подробности жизни Гоголя, условія, при которыхъ онъ развивался, характеръ его, какъ частнаго человѣка, все, что было къ нему близко и приходило съ нимъ въ соприкосновеніе, заслуживаетъ нашего полнаго вниманія. Статья Гербеля содержитъ въ себѣ краткую біографію Н. Я. Прокоповича, лучшаго друга и школьнаго товарища нашего великаго поэта. Прокоповичъ виѣстъ съ Гоголемъ воспитывался въ Нѣжинскомъ Лицѣѣ, подружился съ нимъ въ молодости и остался близокъ къ нему на всю жизнь. Гоголь часто видѣлся съ нимъ, когда жилъ въ Петербургѣ, гдѣ Прокоповичъ служилъ послѣ окончанія лицейскаго курса; во время разлуки они вели между собою постоянную переписку, откровенную, товарищескую бесѣду, которая бросаетъ яркій свѣтъ на личность Гоголя какъ человѣка. Заграницею, въ Парижѣ, въ Римѣ, Гоголь любилъ забывать на время свои заботы, душевныя волненія и физическія болѣзни, любилъ переноситься воображеніемъ въ веселый кружокъ прежнихъ товарищей. Въ письмахъ своихъ къ Прокоповичу, проникнутыхъ душевнымъ, теплымъ чувствомъ, онъ часто вспоминаетъ лицейскіе годы и съ искреннимъ участіемъ спрашиваетъ о своихъ сверстникахъ. Гоголь видѣлся въ Прокоповичѣ замѣчательный творческій талантъ и въ письмахъ своихъ часто уговариваетъ его взяться за перо; въ литературныхъ опытахъ Прокоповича дѣйствительно замѣтны проблески истиннаго таланта, но талантъ этотъ никогда не получилъ полнаго развитія. Прокоповичъ довольствовался скромной должностію учителя, печаталъ мало и неохотно, и рѣшительно не оправдалъ тѣхъ надеждъ, которыя возлагалъ на него Гоголь. Опыты его прошли незамѣченными, и Прокоповичъ, какъ писатель, рѣшительно неизвѣстенъ въ русской литературѣ. Зато имя его занимаетъ важное мѣсто въ біографіи Гоголя; онъ помогалъ нашему поэту дѣломъ и совѣтомъ; въ отсутствіе его онъ завѣдывалъ изданіемъ его сочиненій; ему поручено было высылать Гоголю деньги заграницу; его спокойная веселость разгоняла при свиданіи меланхолію Гоголя; въ домѣ Прокоповича собирався кружокъ нѣжинскихъ товарищей, и въ этомъ обществѣ Гоголь былъ веселъ, шутилъ и сочинялъ на общихъ знакомыхъ разныя пѣсни и куплеты. Въ разлукѣ письма Прокоповича поддерживали въ Гоголѣ веселое расположеніе духа и служили ему истинной отрадой на чужой сторонѣ. Въ своей статьѣ Гербель приводитъ цѣликомъ нѣсколько писемъ Гоголя къ Прокоповичу. Письма эти показываютъ намъ,

какъ тѣсны были ихъ отношенія. Гоголь полной откровенностью говоритъ въ нихъ о своихъ нуждахъ, о своихъ планахъ и надеждахъ. Впрочемъ въ этихъ дружескихъ отношеніяхъ лучшая роль принадлежала не Гоголю. Въ большей части своихъ писемъ, особенно тѣхъ, которыя относятся ко времени печатанія «Мертвыхъ Душъ», Гоголь требуетъ отъ Прокоповича разнаго рода услугъ и одолжаній, видимо злоупотребляетъ его дружескою предупредительностью, и даже иногда, въ случаѣ какой-нибудь неудачи или ошибки Прокоповича, даетъ ему почувствовать свое неудовольствіе въ какомъ-нибудь косвенномъ намекѣ «Дѣльной перепискою». Гоголь называетъ только такую, въ которой дѣло идетъ о «Мертвыхъ Душахъ» и объ изданіи его сочиненій, во всѣхъ письмахъ онъ говоритъ о себѣ, о своихъ нуждахъ и только изрѣдка, для пріятія, покровительственнымъ тономъ убѣждаетъ Прокоповича взяться за перо и развивать свой литературный талантъ. Гоголя въ то время занимали чисто практическіе, прозаическіе интересы; въ письмахъ, относящихся ко времени изданія сочиненій, цѣлыя страницы полнены разсужденіями о шрифтахъ, о бумагахъ, о цѣнѣ. Болѣе замѣчательны другія письма Гоголя, въ которыхъ онъ говоритъ о состояніи своей души, — письма, относящіеся къ послѣднимъ годамъ его жизни, проникнутыя уныніемъ, болѣзненной грустью, полнымъ недовѣріемъ къ собственнымъ силамъ. Приводимъ слѣдующее его письмо, писанное за годъ до смерти и носящее на себѣ слѣды этого мрачнаго настроенія духа:

«На твое письмо не отвѣчалъ, въ ожиданіи лучшаго расположенія духа. Съ новаго года на меня всякаго рода недуги. Все болѣе и болѣе климатъ донекаетъ. Куда убѣжать отъ него, я не знаю; пока не рѣшится ни на что. Радъ, что ты здоровъ и твое семейство также. По писемъ слѣдуетъ позабыть свою хандру, когда видишь, что друзья и близкіе еще, слава Богу, существуютъ. Впрочемъ и то сказать: надобно и честь. Мы съ тобой, слава Богу, перешли соревноваться и во все это время ничего не знали, крѣпкого хорошаго, тогда какъ иныхъ вся жизнь — одно страданіе. Да будетъ же прежде всего на устахъ твоихъ благодарность. Болѣзни приостановили занятія «Мертвыми Душами», которыя пока было хорошо. Можетъ быть болѣзнь, а можетъ быть и то, что, какъ поглядишь, какіе глупые становятся читатели, какіе безтолковые цѣнители. Какое отсутствіе вкуса... просто не поднимаются выше. Странное дѣло, хоти и знаешь, что трудъ твой для какого-нибудь переходнаго... современной минуты, а все таки современное неустойчивое требуетъ нужное для него спокойствіе. Увѣдоми меня о себѣ. Все же и въ твоей жизни, какъ дна повидимому ни походить одинъ на другой, кажется что-нибудь не ежедневное; или прочтешь что-нибудь, или услышишь, или сама собой, или подарокъ съ неба, почувствуется такая минута, что хотѣлъ бы благодарить за нее долго и благодарно свѣжимъ и новымъ въ своей благодарности»



Адресуй попрежнему: въ домъ Талызина, на Никитскомъ Бульварѣ. Супругу и дѣтокъ обними.

Твой несъ Н. Гоголь.

Только въ дружескомъ письмѣ могло такъ полно обнаружиться состояніе души нашего поэта. Въ каждомъ словѣ Гоголя видна болѣзненная внутренняя пустота, неудовольствіе на себя и на другихъ; видно, что въ Гоголѣ уже совершился горестный переворотъ, вслѣдствіе котораго онъ вдался въ ханжество и отрекся отъ лучшихъ своихъ произведеній. Отсюда происходят жалобы его почитателей, которые конечно не могли понять его «Переписки съ друзьями», показавшей въ немъ совершенную перемену основныхъ убѣжденій. Въ статьѣ Гербеля на первомъ планѣ стоитъ личность Гоголя, заслоняя собою личность Прокоповича. Это довольно понятно. Для біографіи Прокоповича нѣтъ другихъ матеріаловъ, кромѣ переписки его съ Гоголемъ, къ тому же самъ Прокоповичъ важенъ для насъ только какъ другъ великаго поэта, и потому письма Гоголя, приведенныя Гербедемъ, составляютъ главный интересъ статьи тѣмъ болѣе, что они напечатаны въ первый разъ и до сихъ поръ не были извѣстны.

**Босоножка.** Повѣсть *Ауэрбаха*. («Библіотека для Чтенія», 1858 г., январь и февраль.)

Эта повѣсть Ауэрбаха отличается необыкновенной граціозностью формы и тонкимъ анализомъ внутреннихъ движеній человѣческой души. Въ ней прослѣжено параллельное развитіе двухъ характеровъ, которые, развиваясь при одинаково неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, доходятъ до совершенно противоположныхъ результатовъ. Братъ и сестра, Дами и Амрея, дѣти бѣднаго нѣмецкаго крестьянина, въ младенчествѣ теряютъ своихъ родителей и, оставшись круглыми сиротами, растутъ на попеченіи общественнаго совѣта деревни, который, заботясь о ихъ пропитаніи, посылая ихъ въ школу, конечно не можетъ слѣдить шагъ за шагомъ за ихъ умственнымъ развитіемъ и такимъ образомъ замѣнить имъ родительскій надзоръ. Предоставленные собственнымъ наклонностямъ, лишеныя необходимаго присмотра, дѣти развиваются независимо отъ посторонняго вліянія, свободно слѣдуя каждый своему внутреннему побужденію. Различіе ихъ характеровъ, замѣтное въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, съ годами усиливается и принимаетъ болѣе опредѣленныя формы. Одно и то же несчастье, поразившее обоихъ дѣтей, дѣйствуетъ на нихъ совершенно различно: Амрею глубоко чувствуетъ свою потерю, свое одиночество, питаетъ благоговѣйное уваженіе къ памяти родителей, но затаиваетъ въ глубинѣ души свою печаль и въ самой горести находитъ новыя силы,

чтобы учиться, работать и поддерживать брата. Дами плачетъ громче сестры, часто жалуется на свое сиротство, но утѣшается всякою бездѣлицей и, лишь бы ему было хорошо, готовъ забыть невозвратную потерю. Амрея груститъ о своихъ родителяхъ, бьется за будущность брата; Дами жалѣетъ объ удобствахъ жизни, которыми пользовался въ отцовскомъ домѣ, и думаетъ только о себѣ. Бѣдность и зависимое положеніе, въ которое поставлены сироты, также производятъ на нихъ различное вліяніе. Амрея сосредоточиваетъ въ себѣ свои силы, приучается заботиться о самой себѣ, вдумывается въ собственное положеніе и въ поступки окружающихъ ее людей; въ ней просыпается чувство собственного достоинства, и она, по инстинктивному побужденію благородной природы, старается оградить себя отъ обидъ и подарковъ, отъ оскорбительныхъ насмѣшекъ и оскорбительнаго участія людей постороннихъ. Дами не умѣетъ стать выше своего положенія и постоянными жалобами на свое сиротство возбуждаетъ въ сверстникахъ и знакомыхъ отвращеніе или презрительную жалость; оскорбленія не возмущаютъ его, а заставляютъ страдать на столько, насколько нарушаютъ его спокойствіе или матеріальное благосостояніе. Онъ не размышляетъ, не вдумывается въ жизнь, а живетъ, какъ живется: чуть улыбнется счастье, начинается строить воздушные замки, при малѣйшей неудачѣ падаетъ духомъ, жалуется на сиротство и во всемъ обвиняетъ сестру, которая, несмотря на свою молодость, съ предусмотрительною нѣжностью матери заботится о его будущности. Въ повѣсти Ауэрбаха стоитъ на первомъ планѣ превосходно обработанный характеръ Амреи. Мы поговоримъ о немъ подробнѣе. Авторъ слѣдитъ за ея внутреннимъ развитіемъ, за постепеннымъ пробужденіемъ различныхъ силъ ея души, за процессомъ мысли, которая съ каждымъ годомъ сильнѣе и сильнѣе работаетъ въ головѣ дѣвочки. Способность вдумываться въ предметъ и быстро схватывать его характеристическія свойства проявляется въ ребенкѣ въ умѣньи сочинять и отгадывать загадки; самостоятельность характера выражается въ какой-то угловатой, безыскусственной оригинальности, которая съ лѣтами до нѣкоторой степени сглаживается, но оставляетъ на Амреѣ легкій отпечатокъ чего-то особеннаго, недюжиннаго. Въ безсознательномъ влеченіи ребенка къ цвѣтамъ, къ зелени, къ родной линіи видны зародыши глубокаго поэтическаго сочувствія къ природѣ; въ нѣжной, ребячески-граціозной заботливости 17-ти-лѣтней дѣвочки о бѣдномъ Дами замѣтна мягкая женственность; ея умѣнье обращаться съ неразвитымъ, своеправнымъ и въ то же время безхарактернымъ мальчикомъ показываетъ задатки рѣдкаго благоразумія. Эти отдѣльныя черты, прекрасно сгруппированныя авторомъ, сла-



ются въ иѣжный, прелестный образъ; ребенокъ дѣлается дѣвучкою, свойства характера обозначаются опредѣленнѣе и круглѣе, изъ инстинктивнаго стремленія къ истинѣ и прекрасному возникаютъ сознательныя убѣжденія, выработанныя самостоятельнымъ размышленіемъ и приведенныя въ жизнь. Сочувствіе къ природѣ, слѣдствіе частаго удивленія и простой, деревенской жизни, принимаетъ оттѣнокъ мечтательности, которая не вредитъ однако чисто практической сторонѣ жизни. Дѣвучка поэтизируетъ явленія природы и случаи вседневной жизни, отыскиваетъ въ нихъ идею и значеніе, видитъ въ нихъ скрытый, таинственный смыслъ, сливаетъ ихъ съ собственными радужными грезами и фантазіями и, несмотря на то, строго выполняетъ свои обязанности, здраво и свѣтло смотритъ на жизнь и на свое назначеніе. «Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ Ауэрбахъ:—въ Амреѣ образовались отшельническія мечты, рѣдко освѣщаемыя жизненнымъ расчетомъ; но при всѣхъ мечтахъ и размышленіяхъ своихъ она тщательно вязала и не спускала ни одной петли». Въ заключеніе приведемъ нѣсколько сценъ между братомъ и сестрою: эти сцены, выбранныя изъ различныхъ возрастовъ, покажутъ постепенное развитіе обоихъ характеровъ, постепенное осмысленіе ихъ взаимныхъ отношеній. Вотъ сцена въ самомъ началѣ повѣсти:

«Дорогой дѣвочка сказала:

— Я тебѣ задамъ загадку: «какое дерево грѣтъ, хотя имъ и не топятъ печки?»

— Лицейка учителя, когда бьютъ ею по рукамъ, отвѣчалъ мальчикъ.

— Нѣтъ, не то; дерево, которое колятъ, грѣтъ безъ огня.

И, остановившись у куста, она спросила:

— А это что? сидитъ на палочкѣ, въ красной рубашечкѣ, брюшко сыто, камнями набито?

Мальчикъ серьезно задумался и воскликнулъ:

— Постой, не говори мнѣ, что это такое... Ахъ! это шишка шишовника.

Дѣвочка одобрительно кивнула головой и сдѣлала видъ, какъ-будто задала ему эту загадку въ первый разъ, между тѣмъ какъ это случилось очень часто, и она повторила загадку, чтобы потѣшить братишку.»

Тутъ видно только доброе чувство, желаніе развеселить брата, чувство инстинктивное, но уже показывающее огромное превосходство Амреи надъ Дами. Дѣвучка смутно понимаетъ, что она старшая, что она обязана уступать ребенку, и въ ея обращеніи проглядываетъ сознание своего превосходства. Черезъ нѣсколько времени происходитъ сцена въ томъ же родѣ, но уже съ другимъ оттѣнкомъ. Вотъ она:

«Всего больше доставляла Амрею удовольствія Дами, когда «дарила ему свои загадки». Дѣти все еще сидѣли у дома своего богатаго опекуна, то у телѣги, то у хлѣбной печки за домомъ, грѣясь около нея, особенно осенью. Амрея спрашивала:

— А что всего лучше въ хлѣбной печкѣ?

— Ты иждъ знаешь, я не умѣю отгадывать, жалобно отвѣчала Дами.

— Ну, такъ я тебѣ скажу: лучше всего въ хлѣбной печкѣ то, что она не сдѣлаетъ сама. И, указывая на телѣгу, стоящую передъ домомъ Амреи, спрашивала:—Ну, а это что? все въ ней ужъ какъ крѣпко, просто страхъ?

И, не дожидая долго отвѣта, она прибавила:

— Это цѣль.

— Эту загадку подари мнѣ, говоритъ Дами, Амрея отвѣчала:

— Да, можешь задавать ее кому хочешь, лишь тамъ овецъ? Теперь я еще загадку мала.

— Нѣтъ, восклицала Дами:—нѣтъ, третью не запомнишь; мнѣ довольно и двухъ.

— Нѣтъ, слушай, а то я и тѣ отниму.

И Дами съ безпокойствомъ шептала, чтобы позабыть: «цѣль, печка», а между тѣмъ, какъ Амрея спрашивала: «Съ какой стороны у овецъ шерсть? Ма! ма! съ наружной!», добавляла шутливо, напѣвая; а Дами послѣ этого бѣжала гадать свои новыя загадки товарищамъ.»

Угроза отнять подаренныя загадки оказываетъ важную черту. Амрея смотритъ на серьезнѣе, и игра въ загадки перестаетъ пустою забавою: она видитъ въ ней средство упражнять память брата и для этого поддается вліянію, которое успѣла пріобрѣсти отъ него. Къ доброму желанію потѣшить брата присоединяется разумное желаніе принести пользу. Спустя лѣтъ шесть Амрея дѣвчатицею и случайно узнаетъ, что званіе въ ея деревнѣ считается унизительнымъ.

«Для самой себя она и не желала ничего, но она не стала больше позволять Дамѣ речъ съ нею гусей. Онъ—мужчина, изъ него можетъ выйти человекъ, и ему повредило бы, если его можно было упрекнуть, что онъ преждѣ гусей. Но, при всемъ желаніи, Амрея не разъяснить ему этого, и онъ спорилъ и ссорился съ сестрой.»

Тутъ уже является такое благоразуміе, которое можетъ даже показаться неестественнымъ въ 14-ти-лѣтней дѣвчкѣ; но надо вспомнить, что эта дѣвучка рано развилась, что она шести лѣтъ росла на свободѣ, обдумывала поступки и вглядывалась въ природу. Рано самостоятельность или испортить характеръ или придастъ ему особенную силу: съ Амрей случилось послѣднее.... Еще одна сцена, тоже лѣтъ черезъ шесть послѣ предыдущей. Дами уходитъ въ другую деревню на мѣсто Амреи, прозванная Босоножкой, даетъ послѣднія наставленія.

«— Кабы ты мнѣ сказала это, сказала Босоножка:—я нашла бы тебѣ мѣсто получше. Я даю тебѣ письмо къ Ландфридтѣ въ Альгей, и ты тамъ будешь, какъ сына.

— Лучше не говори объ ней, сердито сказала Дами:—вотъ ужъ скоро тринадцать лѣтъ, какъ должна мнѣ пару кожанныхъ панталонъ, что ты не платишь. Помнишь? Тогда мы были еще маленькими, думали, что если будемъ стучаться у своего отца, то намъ откроютъ батюшка съ матушкой. Лучше объ Ландфридтѣ. Богъ знаетъ, помнишь ли она объ насъ и жива ли еще.

— Да, жива; вѣдь она родила нашихъ, и до сихъ поръ часто говоритъ; она пережила всѣхъ сестеръ.»



Бтей, кроме одного сына, которому передать свое хозяйство.

— Ты только отвратишь меня от моей новой любви, жалобно сказала Дами:— вот ты говоришь, что я могъ бы достать мѣсто получше. Хорошо ли это?

Голосъ у него задрожалъ.

— Не будь же такимъ нѣженкой, сказала Босоножка. Развѣ я отнимаю у тебя что-нибудь? Ты вѣдешь всегда такой видъ, какъ будто тебя гуси циплютъ. Вотъ что скажу я тебѣ: теперь оставайся при томъ, что есть у тебя, постарайся остаться на этомъ мѣстѣ. Не дѣло, какъ кукушка, переходить всякую ночь попевать на новое дерево. Я бы также могла достать другое мѣсто, но не хочу; я отъ сдѣлала, что мнѣ и тутъ хорошо. Кто каждую минуту переходитъ съ мѣста на мѣсто, на того смотреть какъ на чужого; знаютъ, что завтра его не будетъ ужъ въ домѣ, и потому и сегодня тамъ, какъ не дома.

— Мнѣ не падо твоихъ правоученій, сказалъ Дами и, разсердившись, хотѣлъ уйти. — Ты всегда стараешься задѣть меня; а со всѣми другими ты поступива.

— Да, потому что ты братъ мнѣ, смѣясь, сказала Босоножка, лаская недовольнаго.

Можно подуматъ, что мать говорить съ сыномъ: такая разумная нѣжность, такая серьезность и твердость убѣжденій видны въ словахъ Босоножки. Жалкая личность Дами прекрасно выразилась въ этой сценѣ. Онъ то сердится, то плачется на судьбу, то тяготеетъ благотворнымъ вліяніемъ сестры и между тѣмъ не въ силахъ его сбросить. Есть въ повѣсти мѣста довольно блѣдныя, особенно во второй части: первая любовь Амрей объяснена довольно безцвѣтно и недостаточно, мѣстами въ повѣсти отражается нѣмецкая туманная сантиментальность, когда говорится о симпатіи, о сочувствіи душъ, о бессознательныхъ предчувствіяхъ двухъ любящихъ сердецъ. Эти мелкіе недостатки впрочемъ вполнѣ выкупаются достоинствомъ цѣлаго и превосходно выдержаннымъ характеромъ Амрей.

**Останъ Бондарчукъ.** Романъ *И. Крашевскаго*. («Вибл. для Чт.», 1889 г., июль.)

Романъ польскаго писателя Крашевскаго «Останъ Бондарчукъ» отличается разнообразіемъ положеній, занимательностью содержанія и живостью дѣйствія. Въ немъ представлено столкновеніе двухъ поколѣній, которыя смотрятъ совершенно различно на предметы самые важные: на личность человѣка, на его отношенія къ обществу, на его обязанности въ отношеніи къ самому себѣ и къ ближнимъ.

Съ одной стороны является старый графъ, обломокъ польской аристократіи и представитель старыхъ идей и отжившихъ предрассудковъ. Онъ различаетъ людей по ихъ происхожденію, уважаетъ только знатность рода или богатство и не обращаетъ никакого вниманія ни на образованіе, ни на личныя достоинства; съ другой стороны стоятъ дочь и племянникъ графа,

воспитанные подъ вліяніемъ живыхъ идей, проникнутые теплою любовью къ человѣчеству, съ искреннимъ уваженіемъ ко всему истинному, благородному и прекрасному, гдѣ бы оно ни встрѣтилось, въ какой бы низкой сферѣ общества оно ни находилось. Племянникъ, Альфредъ, представляетъ типъ молодого аристократа, умнаго, развитого, сознающаго необходимость труда и образованія, но сохранившаго какую-то врожденную наследственную лѣнь, склонность къ бездѣйствію, которая мало-по-малу беретъ верхъ надъ желаніемъ трудиться и приносить пользу, надъ сознаніемъ собственныхъ обязанностей въ отношеніи къ обществу. Дочь графа, Михалина, по своимъ понятіямъ представляетъ совершенную противоположность съ старымъ графомъ: открыто высказываетъ свои идеи, споритъ съ отцомъ и старается, по возможности, измѣнить его неправильныя убѣжденія; она держитъ себя независимо какъ въ своихъ разсужденіяхъ, такъ и въ поступкахъ, любитъ все новое и оригинальное и часто является прелестнымъ, избалованнымъ ребенкомъ въ своихъ желаніяхъ и требованіяхъ. Среди такой обстановки помѣщенъ герой романа, Останъ Бондарчукъ, крѣпостной человѣкъ графа, получившій, по особому стеченію обстоятельствъ, прекрасное образованіе. Онъ поставленъ въ самое затруднительное и тяжелое положеніе: образованіе выдвинуло его изъ прежняго состоянія, приблизило его къ другой сферѣ, въ которую не пускаютъ его общественные предрассудки, олицетворенные въ особѣ стараго графа. Графъ, не обращая никакого вниманія на образованіе и личныя достоинства человѣка, не придавая имъ никакого значенія, попрежнему считаетъ Остана своею собственностью, не щадитъ его самолюбія и хочетъ по своему произволу располагать его судьбою. Альфредъ, товарищъ Остана по берлинскому университету, считаетъ его лучшимъ и единственнымъ своимъ другомъ и, зная его прекрасныя качества, питаетъ къ нему глубокое уваженіе. Михалина, заинтересованная его оригинальнымъ положеніемъ, вглядывается въ него пристальнѣе, оцѣниваетъ его достоинства и, не смотря на различіе общественнаго положенія, чувствуетъ къ нему непреодолимое влеченіе. Вотъ на чемъ основана завязка романа. Дѣйствіе происходитъ на Волыни, въ помѣстьи графа, и начинается пріѣздомъ изъ-заграницы молодыхъ людей, Остана и Альфреда, окончившихъ курсъ въ берлинскомъ университетѣ. Съ этой минуты, собственно говоря, начинается дѣйствіе. Въ предыдущихъ главахъ заключается вступленіе, въ которомъ авторъ выводитъ свои дѣйствующія лица и знакомитъ читателя съ ихъ характеромъ и убѣжденіями. Романъ Крашевскаго состоитъ изъ двухъ частей: но въ одной первой части заключается весь интересъ романа: въ ней уже оканчивается на-



чатое дѣйствіе, рѣшается судьба главных дѣйствующихъ лицъ, Остапа, Михалины и Альфреда. Событія первой части прямо вытекаютъ изъ характера и положенія дѣйствующихъ лицъ. Они вполне естественны, находятся въ тѣсной связи между собою и проникнуты живымъ интересомъ. Во второй части событія придуманы искусственно и основаны на разныхъ случайностяхъ, которыя не обуславливаются характеромъ выведенныхъ лицъ, плохо вяжутся между собою и не составляютъ никакого стройнаго цѣлаго; несмотря на усилія автора оживить дѣйствіе разными вводными лицами, несмотря на нѣсколько прекрасныхъ и типичныхъ сценъ, интересъ во второй части слабъ, дѣйствіе вяло и натянуто. Замѣтимъ еще одинъ недостатокъ въ романѣ Крашевскаго: у него нѣтъ анализа внутреннихъ движеній души, онъ описываетъ очень вѣрно и художественно внѣшнее дѣйствіе, но не вникаетъ во внутреннія причины этого дѣйствія, не слѣдитъ за развитіемъ характеровъ. Дѣйствующія лица его можно назвать типами, олицетвореніями извѣстныхъ убѣжденій; но трудно опредѣлить ихъ личный характеръ. Графъ—старый аристократъ, Альфредъ—молодой аристократъ; но ни у того, ни у другого нѣтъ своей собственной личности: они дѣйствуютъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, поступаютъ по убѣжденіямъ, которыя вложило въ нихъ воспитаніе, выражаютъ извѣстныя идеи, не высказывая нигдѣ, ни въ словахъ, ни въ поступкахъ, своего характера, внутреннихъ свойствъ своей души. Душевные движенія не разобраны авторомъ. Напримѣръ, любовь Михалины къ Остапу, любовь очень естественная, которой можно было ожидать отъ положенія молодыхъ людей, является какъ-то внезапно. Какъ личность Остапа обратила на себя вниманіе Михалины, какъ подѣйствовали его возвышенный образъ мыслей, его благородныя убѣжденія на воспримчивую глубокую душу умной и развитой дѣвушки, какъ совершился переходъ отъ сожалѣнія и снисходительнаго участія къ уваженію, отъ уваженія—къ болѣе вѣжному чувству, какъ поняла дочь графа свой первый, едва замѣтный проблескъ любви: всѣ эти вопросы, существенно важныя для объясненія личности Михалины, остаются безъ отвѣта. Остапъ является героемъ романа, онъ дѣйствуетъ тоже сообразуясь съ обстоятельствами, поступаетъ вездѣ хорошо и благородно; но читатель нигдѣ не видитъ побудительной причины, не можетъ прослѣдить внутренней борьбы, совершавшейся въ его душѣ, не видитъ онъ, какъ мысль смѣнялась мыслью, какъ чувства одно за другимъ овладѣвали душою, какъ дѣйствовали внѣшнія обстоятельства и какъ подъ ихъ вліяніемъ возникалъ и слагался характеръ. Словомъ, Крашевскій представляетъ результаты, выводы, не анализируя причинъ. Недостатокъ анализа вы-

купается до нѣкоторой степени художественною, роскошною свѣжестью описаній. Крашевскій рисуетъ съ натуры, гдѣ требуется живописцемъ, тамъ онъ поражаетъ насъ новостью и силою своихъ картинъ. Въ самомъ началѣ своего романа онъ рисуетъ картину разрушенія, которую представляла волинскій графъ вскорѣ послѣ нашествія французовъ въ 1812 году. Для своего описанія беретъ никакихъ смѣлыхъ образовъ, не льетъ себѣ ни малѣйшихъ прикрастъ, но воли воображенію: онъ рисуетъ просто, естественно, останавливаясь на мельчайшихъ подробностяхъ, картину опустѣлаго села и развалина панскаго дома. Простота эта глубоко падаетъ въ душу и производитъ сильно должителное впечатлѣніе. Приводимъ Крашевскаго:

«Послѣ двѣнадцатаго года избранныя и ревенька представляла самую грустную и жалкую картину. Нѣсколько хижинъ были совершенно разторчали только оставленные столбы и развалины черныя печи. Плетни заборовъ лежали на огородахъ покрыты хворостомъ и крапивой. Видѣлись слѣды недавняго пожара. Источники свидѣтельствовали о недавно стоявшихъ лошадяхъ. Груды костей валялись по дорогамъ, клевали остатки падали. Гробовая прерывалась только ихъ карканьемъ. Кривоизогнутое еще мало. Оттого рѣдкая изгородь, и рѣдко человѣческая фигура показывалась на широкой улицѣ, частью поросшей уже травою. На концѣ селенія былъ старый панскій замокъ. Звали его замкомъ потому, что тотъ, кто въ немъ, назывался графомъ. Это было желтое двухэтажное строеніе съ четырьмя колоннами съ двумя флигелями по бокамъ съ рѣшеткою дѣленной кирпичными столбами, и съ высокими массивными воротами, украшенными двумя глянцевыми сосудами. Послѣ войны рѣшетка была выштукатурена со столбовъ осипалась и одинъ изъ воротъ обрушился. Замокъ представлялъ красивый видъ. Въ большей части оконъ не было стеколъ и даже рамъ: нѣтъ были затворенными, нѣтъ забиты досками, а другія служили пріютомъ для воробьевъ и ласточекъ. Одинъ изъ флигелей служилъ повидимому конюшней; другая же одна половина была пустая, а другая нѣтъ управляющимъ. Въ переднемъ фасадѣ не знаю, какимъ образомъ, пушечное ядро вонзилось надъ самымъ стертымъ гербомъ владѣльцевъ. Ласточки тутъ же прильнули себѣ гнѣздыши. Разрушеніе послужило имъ въ пользу. Грусти войти во внутрь зданія. Попрѣженная крыша пускала снѣгъ и дождь, грязныя струи попадали на выбитый и выломанный полъ, на разбитыя статуи и на расписанныя мозаичныя стѣны. Замокъ самъ повѣствовалъ о своемъ паденіи. Въ стѣнахъ прострѣленные стѣны, ошпиганный потолокъ, разбитыя двери. Въ комнатахъ были куши пенлы и углы, кресла и столы безъ обивки, вмѣсто печей одни кирпичи. Въ стѣнахъ висѣло въ безпорядкѣ нѣсколько фамильных портретовъ, разрушенныхъ, ободраныхъ и изломанныхъ. Большой бильярдъ, безъ сукна, былъ содомомъ; къ зеленому сукну, на которомъ висѣлъ паукъ, привязана была веревка, служившая вѣшалкой; подъ ней была черная лужа. Вездѣ валялись кости, клочки бумаги, обломки мебели и лохмотья одежды.



списаны были разными неприличными словами. въ кабинетѣ стояло разрушенное сабелными ударами фортепьяно, а на полу валялись бѣлыя лавины, разбитая арфа висѣла на кольцѣ; пустыя рамы картинъ затянута были трудолюбивымъ паукомъ. Въ библиотекѣ всѣ шкафы были пусты; только нѣсколько растрепанныхъ книгъ валялось въ безпорядкѣ, и вырванные листы бѣдѣлись по угламъ.»

Другого рода картина разрушенія представляетъ художественное описаніе бѣдной хижины волынскаго крестьянина, описаніе простое и трогательное, проникнутое глубокимъ чувствомъ къ тяжелой долѣ несчастныхъ грузениковъ:

«Нѣсколько кривыхъ дубовыхъ или осиновыхъ столбовъ подпираютъ ее по сторонамъ. Березовыя или осиновыя, полусгнившія кривыя балки служатъ подпорками крыши. О тесѣ и говорить нечего: онъ состоитъ изъ ободранныхъ осиновыхъ прутьевъ, безобразно прибитыхъ одинъ къ другому, такъ что, когда солома облежится, то вся крыша или поднимается, или образуетъ ямы, черезъ которыя дождь ручьями проходитъ въ мазанку и ускоряетъ ея разрушеніе. Стѣны, заваленныя бревнами, служатъ цѣлой семьѣ защитой отъ зимней непогоды и страшныхъ вьюгъ. Внутри и снаружи хата ежегодно обмазывается и огораживается валомъ изъ земли или навоза. Надъ прорубленнымъ маленькимъ окошечкомъ виситъ кусокъ свернутой соломы. Въ такомъ видѣ она существуетъ многіе годы; зато старость ея очень печальна. Нескоро поселеніи подумаешь о новой хатѣ. Для него это невозможно. Крыша развалится, поростетъ мхомъ, травой и житомъ. Стѣны уйдутъ въ землю, такъ что и окно придется на завалинкѣ, срубъ разойдется вкось, а все зовутъ ее хатой, все живутъ въ ней люди. Нерѣдко и крыша слѣзаетъ, стѣны вываливаются; но и это не бѣда: ихъ подопрутъ, и все-таки живутъ въ нихъ. Трудно выстроить жилье въ безлѣсной сторонѣ. Гумно огораживается изъ плетня и изъ экономіи одной стороной примыкаетъ къ хатѣ; хлѣвъ и сарай тоже прижаты къ ней. Зато, когда искра попадетъ на крышу, нѣтъ спасенія: все горитъ! Тутъ ужъ поневолѣ придется думать о постройкѣ новаго жилья.»

Далѣе замѣчательна картина селенія графа во время холеры. Крашевскій выбираетъ обыкновенно сюжеты мрачные и грустные и прекрасно разработываетъ взятый предметъ. Не менѣе замѣчательны въ романѣ разговоры между дѣйствующими лицами, оживленные, естественные и прямо вытекающіе изъ ихъ положенія. Вообще говоря, романъ Крашевскаго, несмотря на недостатокъ анализа, несмотря на растянutosть и неестественность второй части, представляетъ замѣчательныя литературныя достоинства и заслуживаетъ вниманія нашихъ читателей.

**Екатерина Великая на Днѣпрѣ.** Разсказъ *Гр. Данилевскаго*. («В. для Ч.», 1858 г., октябрь.)

Рекомендуемъ нашимъ читательницамъ небольшой историческій разсказъ г. Данилевскаго, описывающій эпизодъ изъ путешествія Екате-

рины II по южной полосѣ Россіи. Путешествіе это происходило въ 1787 году, вскорѣ послѣ присоединенія Крыма. Крымъ былъ присоединенъ безъ войны, потому что ни Турція, утраченная побѣдами Румянцова и Орлова, ни татары, занятые внутренними раздорами, не могли сопротивляться дѣйствіямъ русскаго правительства, которое впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ назначало и смѣняло по своему произволу крымскихъ хановъ. По мирному договору, заключенному при Кучукъ-Кайнарджѣ, въ 1774 году Турція объявила свободными прежнихъ данниковъ своихъ, татаръ крымскихъ, буджакскихъ кубанскихъ, жившихъ на Таврическомъ полуостровѣ и по всему сѣверному берегу Черваго моря. Независимость татаръ продолжалась недолго, и уже въ 1783 году крымскіе и ногайскіе мурзы принуждены были присягнуть на вѣчное подданство Императрицѣ Екатерины. Границы Россіи раздвинулись на югъ до Черваго моря и устья Дуная; но вновь пріобрѣтенныя земли, покрытыя луговыми и песчаными степями, необработанныя и слабо населенныя, не имѣли въ то время большого значенія и не могли принести государству почти никакого дохода. Князю Потемкину поручено было управленіе всѣми присоединенными землями, на него возложена была трудная задача заселить и разработать богатый, но нетронутый край, воспользоваться его роскошною природою, провести пути сообщенія, создать промышленность и дать движеніе торговлѣ. Потемкинъ взялся за дѣло ревностно, со свойственной ему неутомимою энергіей, и Императрица, отпавившаяся въ 1787 году осматривать свои новыя владѣнія, была изумлена благоденствіемъ и цвѣтущимъ положеніемъ страны. Правда, для проѣзда Екатерины были сдѣланы приготовленія въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Всѣ силы края, все, что въ немъ было лучшаго, самаго блестящаго, все было сдвинуто по обѣ стороны дороги, по которой ѣхала Екатерина; все было выставлено напоказъ. Гдѣ не доставало дѣйствительныхъ средствъ, тамъ помогали театральныя декорации, представлявшія дома, деревни, цѣлыя пейзажи, раскинутыя въ отдаленіи. Съ Государынею ѣхали представители иностранныхъ державъ, послы французскій, австрійскій и англійскій; въ Каневѣ, на Днѣпрѣ, ждалъ и король польскій Станиславъ-Августъ; къ ней навстрѣчу ѣхалъ Іосифъ II, императоръ австрійскій. Нуженъ былъ блескъ, нужна была великолѣпная обстановка: того требовалъ XVIII вѣкъ, пышный, блестящій и часто суетный, и пустой; того требовали обстоятельства и положеніе Екатерины. Выставляя напоказъ свое дѣло, прибѣгая къ оптическимъ обманамъ, Потемкинъ заботился не объ однихъ своихъ личныхъ интересахъ: тутъ шло дѣло о славіи его Государыни, которой онъ былъ искренно преданъ; тутъ могли



руководствовать имъ политическіе разсчеты. Въ рассказѣ Данилевскаго описывается самый интересный моментъ путешествія — встрѣча Екатерины съ Іосифомъ, — встрѣча, происшедшая самымъ оригинальнымъ образомъ, въ бѣдной корчмѣ. Зная историческія личности, разыгравшія эту комическую интермедію, можно себѣ представить общую картину любопытной сцены, въ которой выразилась та эпоха, любившая блескъ и оригинальность, французскую философію и французскіе мадригалы, рѣшавшая путя государственные вопросы и часто обращавшая въ государственные вопросы свои шутки и забавы. Всего забавнѣе въ этой сценѣ комическая досада свѣтлѣйшаго, приготавливаемаго и выдумываемаго самые разнообразные и роскошные эффекты, и вдругъ вмѣсто торжественной встрѣчи происходитъ свиданіе двухъ вѣнценосцевъ въ глуши, гдѣ даже нельзя достать приличнаго завтрака, вмѣсто идиллическихъ поселянъ, пастуховъ и пастушекъ является полупьяный старикъ, выжившій изъ ума, и, не узнавая гостей, начинаетъ откровенный рассказъ о своихъ домашнихъ неурядицахъ. Свѣтлѣйшій сердится и про себя проклиная всякія дорожныя случайности и импровизованныя встрѣчи. «И что это за корчма? и чортъ бы ее побралъ! думалъ свѣтлѣйшій, между тѣмъ, не зная самъ, куда идетъ и куда ведутъ двухъ вѣнценосныхъ странниковъ. Ну, ожидалъ ли я, что они тутъ встрѣтятся? Строилъ города, завоевывалъ царства, крестилъ татаръ, чтобы прославить Екатерину, и совершилъ чудеса, чтобы въ безлюдномъ краѣ она царственно проѣхала и увидѣла многолюдство; короля польскаго заставилъ выѣхать ей навстрѣчу въ Каневъ, а австрійскаго императора — въ Херсонъ. Все устроилось отлично, — и вдругъ они встрѣтятся въ гнилой корчмѣ, гдѣ попадется какой нибудь жидъ, или хохоль, или пьяный шляхтичъ. Наговорять, наврутъ, безпорядокъ...»

Въ этомъ комическомъ отчаяніи виденъ и придворный, и человѣкъ XVIII вѣка, виденъ наконецъ князь Потемкинъ, соединившій въ своей личности и того, и другого, вмѣщавшій въ себѣ кромѣ того ненасытное честолюбіе и безпредѣльную преданность къ облагодѣтельствовавшей его государынѣ.

**Кенигсбергъ во время семилѣтней войны.**  
*Изъ записокъ А. Т. Болотова.* («Библиот.  
для Чт.», 1858 г., мартъ и апрѣль.)

Мемуары или историческія записки частныхъ лицъ составляютъ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи и имѣютъ важное значеніе въ глазахъ каждаго любознательнаго читателя. Современники, бывшіе свидѣтелями описываемыхъ событий, принимавшіе въ нихъ болѣе или менѣе

дѣятельное участіе, могутъ представить живую картину своей эпохи, могутъ бросить свѣтъ на историческія личности и подмѣтить такія тонкія, неувидимыя черты, которыя ускользаютъ отъ историка, но, несмотря на это, имѣютъ важное значеніе въ правильномъ пониманіи духа времени и событій. Современники часто бываютъ пристрастны и, увлекаемые личными побужденіями, личною ненавистью или пріязнью, выставляютъ историческія происшествія въ неправильномъ свѣтѣ. Принадлежавъ какой-либо партіи, имѣя собственныя убѣжденія, они часто невольно стараются оправдать своихъ единомышленниковъ и бросить тѣнь на противную сторону; но такое пристрастіе распознать нетрудно: оно проглядываетъ въ томъ рассказѣ, отражается въ томъ увлеченіи съ которымъ авторъ записокъ говоритъ объ интересующихъ его событіяхъ. Кромѣ того, самое увлеченіе, самое пристрастіе современника имѣютъ свою цѣну для потомства: они показываютъ намъ, на сколько пристрастны были наши умѣлы быть справедливы, на сколько уважали они чужія убѣжденія, какъ стрѣли на событія и какимъ образомъ выражали свои мысли и чувства. Извѣстная эпоха въ частныхъ мемуарахъ невольно является передъ нашими глазами съ мельчайшими подробностями съ дурными и хорошими сторонами.

Андрей Тимоѣевичъ Болотовъ, авторъ разсматриваемыхъ нами мемуаровъ, былъ сынъ русскаго дворянина, родился въ 1738 году, по обычаю того времени, съ дѣтства былъ зачисленъ въ военную службу; уже съ десяти лѣтъ онъ вмѣстѣ съ отцомъ находился при своемъ полку и всюду слѣдовалъ за нимъ въ его переходахъ. Въ 1757 году началась война съ Пруссіею, извѣстная подъ названіемъ семилѣтней войны, и молодой Болотовъ вмѣстѣ съ полкомъ отправился къ мѣсту военныхъ дѣйствій. Походная жизнь и боевыя тревоги не нравились будущему автору записокъ и утомляли его, не оставляя ему времени для мирныхъ научныхъ занятій, къ которымъ онъ былъ расположенъ смолodu. Къ величайшему своему удовольствію, Болотовъ, какъ человѣкъ, знающій нѣмецкій языкъ, былъ прикомандированъ къ канцеляріи барона Корфа и остался въ Кенигсбергѣ, который въ то время былъ занятъ русскими войсками. Описаніе жизни въ Кенигсбергѣ составляетъ седьмую часть записокъ Болотова. Первые шесть частей, въ которыхъ Болотовъ описываетъ свою первую молодость и походъ въ Пруссію, были напечатаны въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1850 и 1851 гг. Жизнь въ Кенигсбергѣ въ то время представляла множество разнообразныхъ развлеченій. У генераль-поручика Корфа часто происходили танцевальныя вечера, о которыхъ Болотовъ вспоминаетъ съ большимъ удовольствіемъ. Въ



Кенигсбергскомъ театрѣ давались маскарады, привлекавшіе въ ложи многочисленную и блестящую толпу зрителей. Общество русскихъ офицеровъ собиралось даже устроить благородный спектакль, и роли были уже розданы и разчены; но какія-то непредвидѣнные обстоятельства помѣшали дѣлу. Приводимъ для примѣра одно изъ мемуаровъ, въ которомъ авторъ жалуется даже на излишество увеселеній: этотъ трывокъ можетъ дать нашимъ читателямъ онятіе о языкѣ Болотова, устарѣломъ, но живомъ и понятномъ.

«Балы, маскарады и танцы происходили у насъ до того перѣдко, а тутъ, когда уже было гдѣ отащивать и поразгуляться, количество ихъ усумилось и танцваніе мнѣ такъ наскучило, что иногда нарочно сказывался я больнымъ, чтобы не идти на балъ и не истощать силъ своихъ до изнуренія въ танцахъ и прыганіяхъ. Сіе дѣйствительно мало болѣе оттого, что дамъ и дѣвицъ съѣзжалось въ намъ всякій разъ превеликое множество, и всѣ мѣ были ужасныя охотницы танцовать, а мужчины, особенно молодыхъ и могущихъ танцовать, какъ говорится, во вся тяжкая, было очень мало; а какъ находился уже тогда въ числѣ немногихъ перѣбывшихъ и лучшихъ танцовщиковъ, то судате, каково было намъ безъ отдыха по нѣскольку часовъ пропрыгивать и кругомъ вертѣться, танцуя разныя контрдансы, изъ которыхъ и одинъ всегда кроваваго поща стоялъ протанцовать; ибо мы ихъ тутъ, въ новой и пространной галлерей, танцовали не сѣте, какъ паръ въ тридцать; а другая и такала или еще большаа половина молодыхъ госпожъ дѣвицъ, поджавъ руки, стояла и съ нетерпѣніемъ ждала окончанія того, дабы начать имъ самимъ другой контрдансъ, и жадность ихъ къ тому и въ исканіи себѣ кавалеровъ была такъ велика, что и мы ихъ, а онѣ сами уже насъ отыскивали и поднимали, а просьбою просили, чтобы съ ними танцовать, и слышали всякій разъ другъ передъ другомъ захватить себѣ лучшаго танцовщика; такъ то въ половинѣ еще танцующаго контрданса къ намъ сзади подхаживали и общанія рукъ нашихъ себѣ прашивали. Сперва, и покуда было намъ сіе въ диковинку, ставили мы себѣ то въ особенную естъ; но послѣ, когда длина контрдансовъ, а особливо самыхъ бѣшеныхъ и рѣзвыхъ, такъ намъ дошла, что ждешь не дождешься, покуда и одинъ кончится; наконецъ мы начали прибѣгать къ разнымъ хитростямъ и обманамъ и, отдѣлавшись отъ ехъ подбѣгавшихъ сзади и требовавшихъ общанія танцовать, утѣреніемъ, что мы уже заняты и али слово свое уже другимъ, хотя ничего того не имало, тотчасъ, по окончаніи танца, уходили въ самыя отдаленнѣйшіе и такіе покон, гдѣ никого не было, и тамъ сколько-нибудь отдыхали. Но перѣдко отыскивали насъ и тамъ госпожи, и мы не знали же куда отъ нихъ, искавшихъ насъ шайками и ороводами, дѣваться.»

Развлеченія и дѣла службы не мѣшали Болотову заниматься серьезными научными предметами: пребываніе въ Кенигсбергѣ принесло громадную пользу его умственному развитію. Любознательность его вездѣ искала себѣ удовольворенія, а Кенигсбергъ представлялъ всѣ удобства для научныхъ занятій. Болотовъ сблизился съ многими учеными специалистами, старался учиться, гдѣ только было возможно, много читалъ, покупалъ книги на послѣднія деньги и

въ своихъ запискахъ говорить съ особеннымъ одушевленіемъ обо всемъ, что относится къ области знаній, обо всемъ, что содѣйствуетъ умственному развитію. Занимаясь нравственной философіей, Болотовъ старался провести ея идеи въ жизнь, старался размышленіемъ исправиться отъ своихъ недостатковъ. Онъ приводитъ изъ собственной жизни два любопытные примѣра самообладанія, два случая, въ которыхъ онъ, не поддаваясь первому влеченію гнѣва, поступилъ благоразумно и хладнокровно. Эта часть записокъ Болотова, въ которой онъ говоритъ о своихъ занятіяхъ и о своемъ образѣ жизни, внушаетъ невольное уваженіе и вызываетъ сочувствіе къ его личности; его трудолюбіе, свѣтлый умъ, благородная любознательность, кроткій нравъ и добродушіе, съ которыми онъ отзывается объ окружавшихъ его личностяхъ, — все это располагаетъ въ его пользу и заставляетъ насъ признать въ немъ одного изъ лучшихъ людей своего времени. Въ его запискахъ поражаютъ искренній тонъ разсказа и добродушная веселость, которою проникнуто повѣствованіе: ни о комъ изъ своихъ сослуживцевъ или знакомыхъ не говоритъ онъ дурного, ни на кого не бросаетъ тѣни; о тѣхъ, съ кѣмъ онъ не сошелся во вкусахъ и убѣжденіяхъ, онъ упоминаетъ коротко и въ самыхъ умѣренныхъ выраженіяхъ, о людяхъ, любившихъ науку, помогавшихъ ему своими совѣтами, оказавшихъ ему какое-нибудь одолженіе или изъяснившихъ ему ласковое участіе, Болотовъ говоритъ гораздо подробнѣе, съ теплымъ чувствомъ и трогательною благодарностью. Между тѣмъ, пока авторъ записокъ проводилъ время среди ученыхъ занятій и мирныхъ увлеченій, военныя дѣйствія шли своимъ чередомъ, и извѣстія изъ дѣйствующей арміи сильно интересовали кенигсбергскихъ жителей. Въ запискахъ Болотова находится разсказъ о всей кампаніи 1759 года и прекрасное описаніе знаменитаго сраженія при Кунерсдорфѣ, — описаніе, составленное по самымъ свѣжимъ извѣстіямъ. Не ограничиваясь сухимъ перечнемъ разныхъ военныхъ маневровъ, Болотовъ въ живомъ повѣствованіи изображаетъ положеніе дѣлъ въ обоихъ враждебныхъ лагеряхъ и потомъ ясно и послѣдовательно излагаетъ планъ дѣйствій обоихъ военачальниковъ — Фридриха Великаго и Салтыкова. Описаніе кунерсдорфской битвы проникнуто чисто драматическимъ интересомъ. Не увлекаясь неумѣстнымъ патріотизмомъ, Болотовъ отдаетъ полную справедливость храбрости прусскихъ войскъ и военному искусству великаго короля; радуясь блестящимъ побѣдамъ, одержаннымъ русскими войсками при Мюльрозенѣ и Кунерсдорфѣ, онъ приписываетъ первую явную превосходству силъ, а вторую объясняетъ случайною оплошностью Фридриха, увлекавшагося въ пылу сраженія и неумѣвшаго во-время оста-



новить натиска своихъ войскъ. Нигдѣ нѣтъ видимаго пристрастія къ военной славѣ Россіи; съ теплымъ чувствомъ патріота Волотовъ соединяетъ холодную справедливость историка; говоря о дѣйствіяхъ союзныхъ австрійскихъ войскъ, онъ нисколько не уменьшаетъ ихъ заслугъ, приписываетъ имъ честь кунерсдорфской побѣды и въ то же время прямо и откровенно говоритъ объ ошибкахъ, которыя дѣлали австрійскіе генералы во время всей кампаніи. Вообще простой, безыскусственный разсказъ Волотова объ этомъ интересномъ эпизодѣ семилѣтней войны имѣетъ въ себѣ особенную прелесть. Личность Фридриха, его надежды передъ кунерсдорфской битвой, геройская храбрость его во время сраженія, его бѣгство и отчаяніе, роковая ночь, проведенная имъ въ бѣдной деревушкѣ съ нѣсколькими солдатами, безвыходное положеніе великаго короля, — все это представлено Волотовымъ такъ сильно и вѣрно и въ то же время такъ просто и естественно, какъ могъ представить только современникъ, писавшій подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій. Занимательность сюжета и повѣствовательный талантъ автора почти вездѣ выкупаютъ недостатки устарѣлаго языка и странной разстановки словъ.

**Семилѣтняя война. Изъ записокъ А. Т. Волотова.** («В. для Ч.», 1858 г., августъ.)

Эта статья составляетъ второй эпизодъ изъ записокъ А. Т. Волотова и содержитъ въ себѣ описаніе двухъ послѣднихъ годовъ семилѣтней войны. Говоря объ описаніи Кенигсберга во время семилѣтней войны, мы уже познакомили нашихъ читателей съ общимъ значеніемъ мемуаровъ Волотова и съ личнымъ характеромъ ихъ автора; скажемъ теперь нѣсколько словъ о предметѣ разсматриваемой нами статьи и о ходѣ событій, какъ ихъ описываетъ Волотовъ.

Приближалась развязка кровопролитной и продолжительной войны. Силы Фридриха были истощены, и уже большая часть его владѣній была занята непріятельскими войсками; собственная Пруссія уже давно находилась подъ властью Россіи, присягнула Императрицѣ Елисаветѣ и управлялась, какъ русская область; западные, при-рейнскія владѣнія прусскаго королевства были заняты французами; южнымъ областямъ грозили австрійцы. Армія Фридриха, разбитая при Кунерсдорфѣ, была малочисленна, дурно одѣта, дурно вооружена; земли, находившіяся еще во власти короля, были истощены и едва могли доставлять войску свѣстные припасы; старые генералы и опытные офицеры были перебиты или изранены; народъ утомился тяготами войны и сильно желалъ мира. Мира желали и всѣ воевавшія державы, его желалъ и король Фридрихъ; но никто не рѣшался сдѣлать ни малѣйшей уступки, и открылась кам-

панія 1760 года. Почти вся Европа была заинтересована ходомъ военныхъ дѣйствій: цузы, австрійцы, русскіе и шведы союзными силами съ разныхъ сторонъ двинули прусскія владѣнія. Въ Кенигсбергѣ всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за событіями для русскихъ шло дѣло о военной славѣ и о плодахъ всей кровопролитной войны для пруссаковъ рѣшался вопросъ — кому принадлежать, Пруссіи или Россіи. Между военными дѣйствіями шли зало и перѣшита Волотовъ, который, несмотря на свои интимныя наклонности и философскій взглядъ на вещи, дорожилъ славой русскаго оружія, и подробный отчетъ о кампаніи 1760 года выражаетъ свое неудовольствіе: не было никакого единства въ дѣйствіяхъ, никакого общаго плана. Австрійцы, или, какъ онъ называетъ ихъ, цесарцы, часто несли на себѣ всю тяжесть войны и не получали помощи отъ нашихъ союзниковъ; союзники дѣйствовали врозь, и взадъ и впередъ и, не терпя значительныхъ неудачъ, не рискуя ничѣмъ, не вступая въ перальное сраженіе, тратили свои силы въ мелкихъ стычкахъ и не приобрѣтали никакихъ существенныхъ выгодъ. Въ 1760 году Берлинъ занялъ русскимъ отрядомъ графа Шувалова. Взятіе столицы и резиденціи не могло показаться событіемъ важнымъ, имѣющимъ рѣшительное вліяніе на ходъ войны, надо вспомнить, что въ то время не трудно было взять Берлинъ: онъ не былъ защищенъ ни роднымъ своимъ положеніемъ, ни сильными укрѣпленіями, въ немъ не было многочисленнаго гарнизона, и столица прусскаго королевства сдалась почти безъ сопротивленія; съ того, Берлинъ не былъ важнымъ военнымъ пунктомъ. Фридриху горько было видѣть столицу въ рукахъ непріятеля, его самолюбіе и національная гордость страдали; но силы уменьшились, а взятіе Берлина не отнимало у него средствъ продолжать войну. Волотовъ считаетъ этого событія важнымъ и, кончая кампанію, говоритъ рѣшительно, что произошло ничего замѣчательнаго и что «труды, убытки и люди потеряны были зря». Замѣчательно, что во время пребыванія въ Берлинѣ русскія войска вели себя съ рѣдкой умѣренностью, не производили никакихъ безпорядковъ, не грабили и не жгли, и жизнь и собственность частныхъ лицъ. Но лишь австрійцы, и все перевернулось. Берлинъ, Потсдамъ, Шарлоттенбургъ испытали всѣ ужасы войны: ихъ обложили тяжелой контрибуціей, частные дома были ограблены, королевскіе дворцы разорены и обезображены, произошли убійства и возмутительныя жестокости. Волотовъ съ годованіемъ разсказываетъ объ этихъ событіяхъ, которые впрочемъ въ то время считались явленіями обыкновенными и почти во



вождали взятіе города. Особенно слави-  
своимъ своеволіемъ и дикой жестокостію  
кавалерія австрійцевъ, состоявшая изъ  
совъ и венгерцевъ, которые еще во времена  
цятіи войны, подъ начальствомъ  
и Валленштейна, наводили ужасъ на  
жителей Германіи. Дальнѣйшій ходъ  
ихъ дѣйствій не представляетъ ничего  
затѣльнаго. Салтыковъ былъ смѣненъ и  
командующимъ нашихъ войскъ назначенъ  
ринъ, о которомъ Волотовъ отзывался  
рѣзко, называя его прямо совершенно  
способнымъ «къ командованію не только ар-  
но и двумя или тремя полками». Кампа-  
1761 года была ведена слабо и безсвязно.  
ду тѣмъ частная жизнь Волотова въ Ке-  
бергѣ шла попрежнему тихо и безмя-  
о. Въмѣсто Корфа губернаторомъ назначенъ  
ровъ, отецъ знаменитаго римникскаго по-  
теля, который въ то время былъ неиз-  
нымъ армейскимъ подполковникомъ. Балы и  
арады почти прекратились; но ученныя за-  
и Волотова шли живо и удачно. Въ сво-  
запискахъ онъ очерчиваетъ характеръ сво-  
юаго начальника, приводя почти дословно  
которые разговоры, въ которыхъ вырази-  
его личность. Суворовъ былъ человѣкъ  
гой, безъ претензій, нелюбившій расказней,  
немного скупой, строгій въ исполненіи  
съ обязанностей, но добрый и ласковый  
отношеніи къ подчиненнымъ. Онъ принялъ  
іе въ Волотовъ, полюбилъ его за склон-  
къ научнымъ занятіямъ, оцѣнилъ его  
лнй умъ и счастливыя способности и ча-  
давалъ ему разныя порученія, требовавшія  
аго и точнаго исполненія. Однажды ему  
поручено арестовать графа Гревена, прус-  
омѣщика, обвиненнаго съ неосторож-  
выраженіяхъ о нашемъ правительствѣ.  
аніе этого ареста составляетъ интересный  
одъ въ запискахъ Волотова: испугъ графа,  
нимавшаго своей вины, горестъ жены, слезы  
й, общая картина страха и печали, непрі-  
е положеніе самого Волотова, исполнявшаго  
азанности порученіе, которому не могъ со-  
творить. Все это представлено въ самыхъ  
ныхъ яркихъ краскахъ. Въ этомъ эпизодѣ  
сованы отношенія нашего правительства  
покоренному населенію Пруссіи, понятіи  
цевъ о Россіи, ихъ чувства къ русскому  
ительству и наконецъ, среди всей этой об-  
овки, въ самомъ тонѣ разсказа прогляды-  
тъ добрая и мягкая личность самого ав-  
.. Эта часть записокъ оканчивается новымъ  
аченіемъ Волотова. Онъ получаетъ мѣсто  
ель-адъютанта при бывшемъ своемъ на-  
чаль, генералѣ Корфѣ, и переезжаетъ въ  
Петербургъ. Начинается новая жизнь и новая  
авности.

**Петербургъ при Петрѣ III. Изъ записокъ А. Т. Волотова.** («Библи. для Чтен.», 1858 г., декабрь.)

Назначенный адъютантомъ къ барону Корфу, Волотовъ пріѣзжаетъ, какъ мы уже замѣтили, въ Петербургъ, и для него начинаются новая жизнь и новыя обязанности. Та часть его записокъ, въ которыхъ онъ разсказываетъ о своей адъютантской службѣ и о пребываніи своемъ въ столицѣ, представляетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ эпизодовъ его мемуаровъ. Въ Кенигсбергѣ Волотовъ жилъ тихо и спокойно, занимался канцелярскими работами, учился, да изрѣдка танцевалъ на вечерахъ у барона Корфа. Въ Петербургѣ было не то: въ качествѣ адъютанта, онъ долженъ былъ ѣздить съ своимъ генераломъ и во дворецъ, и къ тогдашнимъ вельможамъ. Онъ видѣлъ вблизи все блестящее общество того времени и могъ собрать самыя любопытныя подробности объ отдѣльных личностяхъ, могъ составить въ своихъ запискахъ самую полную картину нравовъ и обычаевъ своей эпохи. Не задолго до прибытія Волотова въ Петербургъ скончалась Императрица Елисавета, на престолъ вступилъ Императоръ Петръ III Ѳеодоровичъ, и во всѣхъ дѣйствіяхъ правительства произошелъ переворотъ. Петръ III, горячо любившій и уважавшій короля прусскаго, тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, заключилъ съ нимъ, миръ, отказался отъ всѣхъ завоеваній, отдалъ назадъ Кенигсбергъ и собственную Пруссію, уже присягнувшую Елисаветѣ, очистилъ Померанію, занятую русскими войсками, и приказалъ корпусу графа Чернышева присоединиться къ войскамъ Фридриха. Семилѣтняя война дорого стоила Россіи, жертвовавшей для военныхъ дѣйствій деньгами и людьми, и Императоръ Петръ III, отказываясь отъ плодовъ побѣды, купленной русской кровью, возбудилъ всеобщее неудовольствіе, которое живо отразилось въ запискахъ Волотова, человѣка миролюбиваго, но горячо преданнаго интересамъ своего отечества.

Внутреннія распоряженія новаго правительства отличались кротостію и гуманностію. Дворянство получило новыя права: законъ Петра Великаго, по которому каждый дворянинъ обязанъ былъ служить до старости, — законъ, смягченный при Аннѣ Іоанновнѣ, былъ отмененъ Петромъ III; дворянину позволено было безпрепятственно ѣздить за-границу и выходить въ отставку, когда заблагоразсудится. Тайная канцелярія, учрежденная Вирономъ, была уничтожена; роковое слово и дѣло, которымъ часто по личной ненависти, обвиняли невинныхъ, было отменено. Старый фельдмаршалъ Минихъ, сосланный въ Сибирь Елисаветою, былъ возвращенъ. Желая привести въ порядокъ законода-



тельство, запутанное множеством указовъ, часто противорѣчившихъ другъ другу, Императоръ приказалъ перевести и издать уложеніе Фридриха II, отличавшееся сжатостью и опредѣленностью. Болотовъ упоминаетъ обо всѣхъ этихъ распоряженіяхъ, одобряетъ ихъ; но по тону его разсказа замѣтно, что онъ не вполне сочувствуетъ новому правительству и не можетъ забыть уступокъ, сдѣланныхъ королю прусскому, и недоброжелательно смотритъ на излишнее пристрастіе Императора къ личности Фридриха II. Пристрастіе это выразилось въ слѣпомъ подражаніи всему прусскому: войска были одѣты въ прусскіе мундиры и подчинены прусскому военному уставу; была введена строгая дисциплина, и приказано было ежедневно, несмотря ни на какую погоду, производить военныя упражненія. Нововведенія эти не нравились ни солдатамъ, ни офицерамъ, и неудовольствіе противъ правительства мало-по-малу распространилось во всѣхъ слояхъ столичнаго общества. Болотовъ былъ также недоволенъ и правительствомъ, и своею должностью. Онъ имѣлъ на то достаточныя причины. Служба его была самая тяжелая. Не имѣя никакихъ опредѣленныхъ обязанностей, онъ вполне зависѣлъ отъ своего генерала, находилъ въ полномъ его распоряженіи, долженъ былъ исполнять малѣйшія его прихоти. Въ своихъ запискахъ онъ самымъ трогательнымъ и въ то же время комическимъ образомъ выражаетъ свое негодованіе и изливаетъ горькія жалобы на тягости адъютантской должности.

«Скоро почувствовалъ я всю тягость такой безпокойной и прямо почти собачьей жизни, и не только разѣзды свои съ генераломъ и безпрерывныя рассыланія меня то въ тотъ, то въ другой край Петербурга до крайности возненавидѣлъ и проклиналъ, но и самый дворецъ, со всѣми пышностями и веселостями его, который въ первый разъ такъ былъ для меня занимательнымъ и забавнымъ, наконецъ такъ мнѣ надоѣлъ, что мнѣ о немъ и вспоминать не хотѣлось.»

Странныя отношенія тогдашнихъ адъютантовъ къ своимъ генераламъ, распылавшимъ ихъ по своимъ надобностямъ въ разные концы города и считавшимъ ихъ чѣмъ-то вродѣ камердинера, характеризуютъ то время и до мельчайшихъ подробностей представлены въ запискахъ Болотова. Громадный повѣствовательный талантъ во всей своей полнотѣ развѣтывается въ этой части записокъ, наполненной разсказомъ разныхъ мелкихъ случаевъ изъ всѣдневной жизни самого автора. Эти случаи сами по себѣ очень незначительны; но въ нихъ съ поразительной ясностью представленъ бытъ тогдашняго общества, въ нихъ выражается личность Болотова, и потому они въ нашихъ глазахъ должны имѣть свою цѣну; сверхъ того, они разсказаны съ такой увлекательной простотой, авторъ такъ хорошо умѣетъ расположить чита-

теля въ пользу своей добродушной личности, что невольно интересуешься мельчайшими подробностями его жизни, невольно принимаешь искреннее участіе въ его надеждахъ, въ его радостяхъ и печаляхъ. Особенно хороши въ этой части записокъ разговоры Болотова съ разнаго рода сослуживцами и начальственными лицами: написаны такимъ живымъ, естественнымъ, разговорнымъ языкомъ, въ нихъ такъ схвачены личности людей, окружавшихъ Болотова, въ нихъ мѣстами такъ много неподдельнаго комизма, что почти трудно повѣрить, что они написаны въ прошломъ столѣтіи, когда нашей письменности еще лежала тяжелая печать реторики.

Голосъ русской древней церкви объ умноженіи быта несвободныхъ людей. Рѣчь, произнесенная 8 ноября 1858 года на торжественномъ актѣ Казанской Духовной Академіи въ память основанія ея, бакалавромъ А. Ш. *новымъ.*

Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ обратилъ на себя вниманіе всѣхъ слоевъ нашего общества; онъ находитъ себѣ отголосокъ во всѣхъ сферахъ умственной дѣятельности нашего отечества. Люди, занимавшіеся наукою, удивившіеся надъ нашей отечественной исторіей, работавшіе въ области права, посвятили теперь свои силы разрѣшенію или по крайней мѣрѣ уясненію этого вопроса. Даже церковь наша, которая въ обыкновенное время не принимаетъ открытаго участія въ нашей гражданской, государственной жизни, теперь не разъ говоритъ свое слово, не разъ изъясняла свое сочувствіе къ прекрасному, гуманному дѣлу. Въ Казани этому предмету была произнесена замѣчательная рѣчь, на которую мы обратимъ вниманіе нашихъ читателей. Вопросъ о крестьянахъ долженъ интересовать каждого русскаго, каждого, кому дорога честь и благосостояніе нашего отечества. Какъ бы ни былъ вопросъ этотъ удаленъ отъ непосредственныхъ, ближайшихъ интересовъ нашихъ читателей, онъ не можетъ не должны, во имя человѣчества не должны оставаться къ нему холодны и равнодушны. Имъ только стоитъ вдуматься въ значеніе слова: рабство и свобода, стоитъ только взглянуть въ бытъ и личность нашего крестьянина или даже просто прочесть кого-нибудь изъ нашихъ современныхъ писателей, и онъ поймутъ, какой великій шагъ впередъ дѣлаетъ въ эту минуту Россія. Слѣдить за постепеннымъ развитіемъ этого вопроса, читать статьи о взаимныхъ отношеніяхъ между крестьянами и помещиками конечно не дѣло нашихъ читателей: такое чтеніе будетъ для нихъ утомительно; статьи эти



мѣютъ временный и частный интересъ. При обзорѣ журналовъ мы обходили подобныя статьи, несмотря на то, считаемъ себя въ правѣ рекомендовать читательницамъ рѣчь Щапова, важную по своему отношенію къ современности къ тѣмъ историческимъ свѣдѣніямъ, которыя онъ сообщаетъ о древней Руси, разбираетъ отношенія древней русской церкви къ рабству, какъ оно существовало у насъ въ средневѣковой періодъ нашей исторіи. Для этого онъ сначала набрасываетъ общую картину Руси XII вѣка и объясняетъ, какимъ образомъ возникло, развилось рабство, которое, какъ извѣстно, составляетъ неизбѣжное, но временное явленіе въ исторіи каждаго народа. Рабовъ приобрѣтали всѣми правдами и неправдами; рабы были нужны богачамъ, потому что земли было много, рукъ мало: нужно было вырубать лѣсъ, обрабатывать поля, сѣять и собирать хлѣбъ. Люди того времени, неразборчивые въ средствахъ, не занятые никакими высшими интересами, сосредоточивали всю свою дѣятельность на приобрѣтеніи матеріальныхъ выгодъ и употребляли всевозможныя хитрости и насилія, чтобы заманить къ себѣ въ работу или закабалить въ неволю свободнаго человѣка. Средствъ на то было много, и рабство дѣлало быстрые успѣхи. Изобразивъ такимъ образомъ печальную картину развитія рабства, представивъ въ нѣсколькихъ сильныхъ чертахъ мрачныя стороны угнетенія, авторъ переходитъ къ тѣмъ угѣшительнымъ, свѣтлымъ явленіямъ, въ которыхъ въ то время выразился въ нашемъ отечествѣ духъ христіанства:

«Подлѣ грубой матеріальной силы, — говоритъ авторъ, — подлѣ господства сильной личности, стремящейся поработить себѣ слабыя личности, выступаетъ могущественная духовная сила, воздвигаетъ личности, облеченныя силою духа и правды, какъ пророки, защищающіе вдовъ и сиротъ во имя христіанства, возвышающіе отраду несправедливо порабащаемымъ людямъ.»

За этими словами, выражающими собою строгую истину, нисколько не уклоняющимися отъ исторической дѣйствительности, слѣдуетъ цѣлый рядъ самыхъ краснорѣчивыхъ и убѣдительныхъ доказательствъ. Щаповъ приводитъ случаи изъ жизни нашихъ древнихъ святителей, — случаи, рассказанные ихъ современниками или ближайшими потомками, съ такою безыскусственною простотою, которая рѣшительно не позволяетъ сомнѣваться въ ихъ достоверности. Въ этихъ приведенныхъ случаяхъ мы видимъ со стороны лучшихъ людей тогдашняго духовенства ту полную и мягкую гуманность, которою во многихъ отношеніяхъ справедливо гордится нашъ просвѣщенный вѣкъ. Многие изъ нихъ открыто осуждаютъ рабство, всѣ они отпускаютъ на волю принадлежавшихъ имъ рабовъ и стараются облегчить участь угне-

тенныхъ. Рядомъ съ примѣрами изъ жизни, Щаповъ приводитъ въ доказательство отрывки изъ поученій, изъ писемъ святителей, изъ церковныхъ узаконеній. Особенно убѣдительны послѣдніе документы. Примѣры изъ жизни отдѣльных лицъ, отрывки изъ частныхъ писемъ могли бы показаться единичнымъ явленіемъ, составляющимъ рѣдкое исключеніе изъ общаго правила. Можно было бы предполагать, что не церковь, а только нѣкоторые, немногіе ея представители принимали участіе въ судьбѣ угнетенныхъ рабовъ. Но церковныя узаконенія уничтожаютъ подобное предположеніе. Изъ нихъ мы видимъ, какъ наше духовенство смотрѣло на рабство, какъ обращалось оно съ подвластными ему крестьянами. Правда, тогда немногіе говорили противъ самой идеи рабства, правда, духовенство при Іоаниѣ III не согласилось отказать отъ своихъ населенныхъ помѣстій; но этого нельзя было и требовать въ то время. Понять, что рабство само по себѣ несправедливо и противно человѣческому достоинству — это было уже дѣломъ высшей, болѣе развитой цивилизаціи. Довольно того, что церковь обращалась вполне гуманно съ принадлежавшими ей крестьянами, довольно того, что она считала тяжкимъ упрекомъ жестокое и грубое обращеніе съ подвластными людьми. Въ то время, при томъ глубокомъ уваженіи, которымъ пользовалось духовенство, оно могло имѣть и имѣло сильное и благотворное вліяніе и на владѣльцевъ, и на рабовъ. Съ теченіемъ времени вліяніе духовенства становилось конечно слабѣе, потому что образованіе мало-по-малу дѣлалось достояніемъ свѣтскаго общества. Частная и государственная жизнь совершенно почти выдѣлилась изъ сферы религіи. Щаповъ считаетъ XVIII вѣкъ самымъ тяжелымъ временемъ для низшаго, несвободнаго класса. Мысль эта вполне основательна. Принесенная къ намъ образованность ослабила и почти уничтожила вліяніе духовенства; привилегированный классъ — дворянство возвысилось на счетъ другихъ сословій, но возвышеніе это было искусственное, образованность внѣшняя и непрочная. Люди XVII вѣка вышли изъ повиновенія своихъ духовныхъ учителей, но не дошли еще, путемъ развитія, до пониманія истинной гуманности, до уваженія личности человѣка. Произошло безобразное смѣшеніе изъ остатковъ старины и изъ нововведенныхъ обычаевъ; произошелъ разладъ и въ семейной, и въ общественной, и въ государственной жизни. Патриархальность правъ уже исчезла, истиннаго образованія еще не явилось, и это промежуточное время, какъ всякій переходъ, болѣзненно отозвалось на безотвѣтномъ и зависимомъ сословіи. За XVIII вѣкомъ послѣдовала новая эпоха: началось съ половины нынѣшняго столѣтія сознательное движеніе впередъ, и это движеніе не могло



ужиться съ возмутительными формами рабства. Последний остатокъ среднихъ вѣковъ долженъ былъ исчезнуть, и вотъ теперь церковь опять подаетъ свой голосъ за правое дѣло; но обстановка, окружающія обстоятельства сильно измѣнились: тогда церковь говорила одна, и то большей частью безуспѣшно, тогда она стояла впереди всего общества въ дѣлѣ гуманнаго развитія, теперь она идетъ вмѣстѣ съ другими, она увлечена общимъ прогрессомъ и своими теплыми молитвами благословляетъ общество на новый, великій шагъ впередъ.

**Воспоминанія о Петрѣ Николаевичѣ Кудрявцевѣ. А. Галахова. («Русскій Вѣстникъ», 1858 г., № 4.)**

Петръ Николаевичъ Кудрявцевъ, скончавшійся въ началѣ 1858 года, принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ представителямъ исторической науки въ нашемъ отечествѣ. Онъ былъ ученикомъ извѣстнаго Грановскаго, потомъ преподавателемъ всеобщей исторіи въ Московскомъ университетѣ и наконецъ послѣ смерти Грановскаго занялъ его кафедру, но къ несчастію не надолго. Въ октябрѣ 1857 года умеръ Грановскій, а черезъ три мѣсяца, въ январѣ 1858 года, скончался и Кудрявцевъ. Въ ученомъ мірѣ особенно извѣстенъ обширный историческій трудъ его «Судьбы Италіи», въ которомъ онъ представляетъ исторію этой страны со времени паденія Западной Римской имперіи до Карла Великаго. Кудрявцевъ умеръ 52 лѣтъ, умеръ въ то время, когда достигъ уже полного всесторонняго развитія, когда взглядъ его на вещи окончательно установился, когда каждый годъ его жизни могъ быть важнымъ приобрѣтеніемъ для науки. Одинъ изъ друзей покойнаго профессора, Галаховъ, знавшій его съ двадцатилѣтняго возраста, написалъ свои воспоминанія, въ которыхъ старается воспроизвести личность Кудрявцева, какъ человека, представить тѣ стороны его характера, которыя не могли отразиться въ его ученыхъ и литературныхъ трудахъ. Галаховъ предупреждаетъ читателя, что онъ пишетъ воспоминанія, а не біографію. Предостереженіе это дѣйствительно необходимо, потому что въ статьѣ Галахова нѣтъ ни полнаго, послѣдовательнаго повѣствованія о главнѣйшихъ фактахъ жизни Кудрявцева, ни критической оцѣнки его дѣятельности; Галаховъ не прослѣживаетъ постепеннаго развитія Кудрявцева, не объясняетъ тѣхъ обстоятельствъ жизни, не очерчиваетъ тѣхъ личностей, которыя могли имѣть вліяніе на его характеръ; объ ученыхъ трудахъ Кудрявцева упоминается вскользь; Галаховъ показываетъ намъ Кудрявцева такимъ, какимъ знали

его близкіе друзья, приводитъ только тѣ стороны его жизни, которыя извѣстны ему лично. Съ Галахова содержать въ себѣ такія замѣтки, зомъ драгоценные матеріалы для будущей біографіи Кудрявцева и можетъ дать читателю понятіе о благородной личности покойнаго.

Жизнь Кудрявцева представляетъ въ себѣ много интересныхъ моментовъ. Онъ воспитывался въ Московской духовной семинаріи и началъ такимъ образомъ свой курсъ ученія довольно неблагоприятныхъ обстоятельствахъ. Отсталыя руководства, отжившія идеи, ретроградное преподаваніе, — все это долженъ былъ вынести на себѣ будущій профессоръ. Какъ вырваться изъ этихъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ даровитая, свѣжая природа талантливаго юноши, какъ потомъ, въ годы студенчества, въ немъ совершился переходъ къ самостоятельному, самостоятельному, самостоятельному взгляду на занятія къ свѣтлому пониманію обязанностей человека, — это два важныхъ вопроса, которыхъ рѣшенія мы можемъ почерпнуть только изъ біографіи Кудрявцева. Въ воспоминаніяхъ обозначены эти два момента жизни покойнаго профессора; но Галаховъ не можетъ дать полнаго удовлетворительнаго отчета объ этомъ, тѣмъ болѣе, что онъ знакомъ съ Кудрявцевымъ уже въ послѣдніе годы его университетскаго курса. Галаховъ сообщаетъ очень интересныя свѣдѣнія о томъ, какъ Кудрявцевъ исполнялъ онъ свои обязанности, какъ смотрѣлъ на свои журнальныя работы, которыя онъ принялся довольно рано. Перечисляются повѣсти, написанныя Кудрявцевымъ во время его студенчества, потомъ въ высшіе годы по выходѣ изъ университета. Перечисляя повѣсти Кудрявцева, Галаховъ замѣчаетъ, что въ то же время краткій отчетъ объ ихъ литературномъ достоинствѣ. Судить о первыхъ работахъ Кудрявцева должно конечно относить: надо помнить, что онъ писалъ въ 1830-е годы, когда еще не вполне установился вкусъ, когда требованія критики не были такъ ясны и созданы такъ ясно, какъ высказаны въ наше время. Ежели сравнить повѣсти Кудрявцева съ большинствомъ тѣхъ беллетристическихъ произведеній, которыя, чтобы завлечь читателя, придумались разныя неправдоподобныя приключенія, тогда въ этихъ юношескихъ опытахъ нельзя не признать истиннаго таланта и вѣрнаго пониманія истиннаго. Недостатокъ анализа, неопредѣленность характеровъ, которыхъ нельзя не замѣтить примѣръ въ повѣсти «Флейта», прямо вытекаютъ изъ возраста автора, изъ степени тогдашней опытности. Обративъ вниманіе читателя на литературныя занятія Кудрявцева, Галаховъ переходитъ къ характеристикѣ внутренней жизни; онъ показываетъ отношенія молодого человека къ членамъ семей-



ду, къ сестрамъ, взглядъ Кудрявцева на жену, влияние, которое оказывало на родныхъ близкихъ его развитая, благородная и мягкая личность. Кудрявцевъ отличался самой гуманной терпимостью, самымъ сознательнымъ уваженіемъ къ личности женщины, самымъ искреннимъ желаніемъ принести пользу ея умственному и нравственному усовершенствованію. Въ вѣжной дружбѣ съ сестрами, которыя во многихъ отношеніяхъ были обязаны ему своимъ развитіемъ, всего полнѣе выразились эти свойства его характера. Онъ никогда не давалъ себѣ права показывать имъ своего умственного превосходства, онъ уважалъ ихъ убѣжденія, какъ ни были они незрѣлы. Эта скромность вывела съ ихъ стороны довѣріе и давала ему возможность успѣшнѣе содѣйствовать ихъ образованію. Глубокая привязанность Кудрявцева къ сестрамъ даетъ также важную черту для характеристики покойнаго. Способность любить глубоко и глубоко составляетъ принадлежность многихъ избранныхъ. Кудрявцевъ былъ вполне сдѣлавъ съ своею супругою, но могъ быть сдѣлавъ одинъ разъ въ жизни. Онъ пережилъ со супругою немногими мѣсяцами, и что онъ пыталъ въ это время, что онъ переживалъ, то выразилось въ двухъ прекрасныхъ письмахъ его къ Галахову. Письма эти приложены къ воспоминаніямъ и составляютъ одну изъ самыхъ интересныхъ частей статьи. Первое письмо написано Кудрявцевымъ за-границею, черезъ пять мѣсяцевъ послѣ кончины жены. Второе писано имъ уже въ Москвѣ, незадолго до смерти. Въ первомъ Петръ Николаевичъ пишетъ своимъ горемъ: онъ не даетъ мѣста никакой посторонней мысли, никакому отрадному чувству, никакой даже отдаленной надеждѣ. Онъ говоритъ о себѣ и о своей потерѣ много и подробно; онъ самъ анализируетъ состояніе своей души и съ какимъ-то страннымъ удовольствіемъ останавливается мыслию на воспоминаніяхъ о прошломъ и на созерцаніи темнаго и безотраднато настоящаго. При первомъ, поверхностномъ взглядѣ можетъ показаться неестественнымъ то зумительное спокойствіе, съ которымъ Кудрявцевъ вглядывается въ свое несчастіе, та хладнокровная послѣдовательность, съ которою онъ извѣщаетъ свои мысли, наконецъ тотъ чисто литературный языкъ, которымъ онъ пишетъ въ минуты сильнаго страданія. Но сомнѣній въ томъ случаѣ быть не можетъ. Противъ такихъ сомнѣній говорить простота, съ которою Кудрявцевъ пишетъ о своихъ чувствахъ. Что онъ анализируетъ ихъ, это понятно: онъ привыкъ вдумываться во все, что его окружаетъ, привыкъ искать во всемъ мысли, связи между причиною и слѣдствіемъ; что онъ такъ упорно всматривается въ свою потерю, что онъ съ усиленнымъ вниманіемъ припоминаетъ черты былаго счастья, это тоже понятно, это показы-

ваетъ, какъ сильно было чувство. Человѣкъ, у котораго нѣтъ отрады впереди, долженъ оглянуться назадъ, долженъ съ любовью, съ мучительнымъ наслажденіемъ останавливаться на прошедшемъ. Сверхъ того, ежели припомнимъ, что письмо Кудрявцева было писано черезъ пять мѣсяцевъ послѣ смерти жены, когда уже первый бредъ отчаянія прошелъ, то не покажется удивительнымъ послѣдовательный ходъ мысли и литературное изложеніе. Приведемъ отрывокъ изъ этого письма.

«Какъ страшно можетъ иногда расколоться жизнь: все по одну сторону и ничего по другую! Я все не знаю до сихъ поръ, что это такое—слѣпой случай, или въ самомъ дѣлѣ какое «наказаніе»? И знаете-ли, что мнѣ бы, кажется, было лучше увѣриться въ послѣднемъ. Наказаніе имѣетъ хоть какой-нибудь смыслъ; но слѣпой, безсмысленный случай, разрушающій однимъ разомъ все ваше счастье, губящій его въ вашихъ глазахъ съ какою-то злою ироніей и насильственно переворачивающій всю вашу жизнь къ прошедшему—это невыносимо тяжело. Если это неразумная сила, то откуда-же въ ней столько разсчитанной жестокости? А если она разумна, то какъ можетъ быть столько жестокою? Такъ спугалось все у меня въ головѣ, что самое сильное впечатлѣніе, которое остается у меня отъ жизни—это впечатлѣніе жестокаго обмана. На свою личную жизнь пожаловаться не могу: она и довольно долга теперь уже, и не скажу, чтобы она была пуста. Вы знаете, любезный другъ, тѣ интересы, которые проходили черезъ нее, потому что большую и, можетъ быть, лучшую часть ихъ мы пережили вмѣстѣ. Но мнѣ было послано счастье. Говорю послано, потому что я не искалъ его усердно, не говорилъ за нимъ—само пришло, будто посланное къмѣ. Уже подавая ему руку на будущій союзъ, я далеко, далеко не предчувствовалъ всей цѣны его. Мнѣ почти безъ искаательства было послано то, что не всегда дается послѣ многихъ и усиленныхъ поисковъ. У меня было столько счастья, что меня, кажется, не испугало бы никакое лишеніе. Я былъ наконецъ можетъ быть даже слишкомъ самодоволенъ. Мнѣ нечего было искать, потому что около меня было все, все... Прежде, чѣмъ я опредѣлялъ себѣ, въ чемъ можетъ состоять мое счастье, оно ужъ было со мною. Да, это было счастье—могу я сказать теперь, лоя все дальше и дальше убѣгающую отъ меня тѣнь его. Еще въ тотъ день, какъ я прощался съ вами въ Москвѣ, оно было со мною все сполна, и я легко подавалъ руку друзьямъ, потому что видѣлъ впереди только свѣтлые и радостные дни. Давно-ли, кажется, это было, а теперь у меня ужъ ничего нѣтъ: какъ неожиданно создалось мое счастье, такъ быстро, внезапно и насильственно было оно разрушено.»

Второе письмо отличается болѣе спокойнымъ тономъ: видно, что Кудрявцевъ уже свыкся съ мыслью о своей утратѣ; его занимаютъ серьезные обязанности профессорства, и онъ съ чувствомъ говоритъ о студентахъ и о томъ возбуждающемъ влияніи, которое оказываетъ на профессоровъ ихъ живая и разумная любознательность. Мы указываемъ нашимъ читателямъ на статью Галахова не потому, что предметомъ воспоминаній является русский ученый: Кудрявцевъ замѣчательнѣе, какъ человѣкъ; его личность служить живымъ доказательствомъ



той истины, что наука может возвысить, облагородить человека, что путемъ серьезныхъ научныхъ занятій достигается то полное, гуманное развитіе, къ которому должно стремиться. Трудясь для науки съ полнымъ самоотверженіемъ, отыскивая истину для истины, человекъ развиваетъ не одні умственныя силы: онъ дѣлается нравственнѣе и чище, онъ отрѣшается отъ мелочности грязнаго исключительно практическаго разсчета; чувства его приходятъ между собою въ гармонію, движеніе души дѣлается сознательнѣе и разумнѣе. Безкорыстный трудъ приносить съ собою самую прекрасную награду: онъ даетъ человеку тихое, внутреннее удовлетвореніе, сознаніе исполненнаго долга, онъ выработываетъ въ немъ твердость убѣжденій и самостоятельный, безстрастный и въ то же время полный теплаго сочувствія взглядъ на людей и на жизнь.

Уильямъ Чаннингъ. *Евгениу Тургу*. («Рус. Вѣстникъ», 1858 г.)

Имя Уильяма Чаннинга по всей вѣроятности совершенно незнакомо нашимъ читателямъ; между тѣмъ это имя одной изъ самыхъ развитыхъ, самыхъ благородныхъ личностей нашего времени. Сочиненія его, переведенныя на всѣ европейскіе языки, пріобрѣли ему въ послѣднее время самую почетную извѣстность. Чаннингъ не былъ ни исключительно государственнымъ человекомъ, ни исключительно ученымъ, ни исключительно писателемъ: онъ трудился вездѣ, гдѣ могъ принести пользу; онъ принимался за всякое дѣло, къ которому влекло его внутреннее чувство или къ которому побуждали его голосъ совѣсти и разумное пониманіе долга. Дѣятельность Чаннинга была самая разнообразная; развитіе его самое многостороннее. Онъ былъ бостонскимъ пасторомъ и своими проповѣдями имѣлъ сильное и благотворное вліяніе на своихъ слушателей: убѣдительность его краснорѣчія, искренность воодушевленія, мягкость чувства, ясное и полное пониманіе предмета, простота и увлекательная прелесть изложенія, — все, что дѣйствуетъ на умъ и на сердце, все это встрѣчается въ рѣчахъ Чаннинга и вполне объясняетъ необыкновенную популярность, которою онъ пользовался уже въ первые годы своего пасторства, когда былъ еще молодымъ и неизвѣстнымъ человекомъ. Довольно будетъ сказать, что стеченіе публики на бесѣдахъ молодого проповѣдника бывало такъ велико, что нарочно для Чаннинга пришлось строить новую, болѣе помѣстительную церковь. Чтобы удовлетворять требованіямъ многочисленныхъ и просвѣщенныхъ слушателей, нужно было конечно много труда и времени; но дѣятельность молодого, болѣзненнаго человека далеко не ограничивалась составленіемъ

и произнесеніемъ поученій. Онъ самъ проводилъ въ жизнь тѣ прекрасныя идеи христіанства, которыя развивалъ передъ своими слушателями проникнутый уваженіемъ къ своему святому званію, понимая во всей ихъ полнотѣ всѣ обязанности, которыя она на него возлагала. Чаннингъ отыскивалъ всевозможныя средства, чтобы дѣлать добро; онъ сближался съ ишими и бѣднѣйшимъ классомъ народа, — съ тѣмъ сословіемъ, въ которомъ нужда, соединенная съ недостаткомъ образованія, всего чаще даетъ за собою пороки и преступленія: вѣнцы тюрьмы, въ больницы и частныя жилища, изучалъ потребности народа, примѣнялъ степени его развитія, помогалъ деньгами и вѣтами, и часто его простое, задушевное слово глубоко западало въ душу несчастныхъ, ослѣпленныхъ нуждою и болѣзнію. Чаннингъ занимался о народномъ образованіи и сильно интересовался и писалъ о необходимости школы, доступныхъ не только для богатыхъ и бѣдныхъ, но и для цвѣтныхъ жителей, которыхъ постоянно чуждались бѣлые. Слова его конечно не оставались безъ послѣдствій, и въ путешествіи Лакиера мы читаемъ, что въ Бостонѣ существуютъ школы для цвѣтныхъ дѣтей, а въ Чикаго цвѣтные и бѣлые учатся вѣстѣ, сидятъ на одной школьной скамейкѣ. Занимаясь нуждами своего родного города, Чаннингъ оставался равнодушнымъ къ вопросамъ, касавшимся всего Союза. Вѣдственное положеніе негровъ-невольниковъ въ Южныхъ Штатахъ ставило глубоко страдать его возвышенную чистую душу; онъ даже не могъ и не хотѣлъ понять, что во владѣльцахъ негровъ дѣйствовало одно корыстолюбіе, а не ложное убѣжденіе: онъ думалъ, что плантаторы считаютъ рабство необходимымъ для благосостоянія общества и потому всѣми возможными доводами стараются разувѣрить ихъ, показать имъ, какъ пагубныя послѣдствія рабства и для рабовъ, и для владѣльцевъ. Во имя чести своей родины, во имя страдущаго человечества, Чаннингъ въ первый разъ выступилъ впередъ, какъ политическій писатель, и безпристрастно, хладнокровно, увлекаясь ни духомъ партій, ни своимъ сочувствіемъ къ угнетеннымъ неграмъ, разобралъ вопросъ о рабствѣ и высказалъ много обдуманныхъ и смѣлыхъ истинъ, которыми вооружился противъ себя и плантаторовъ, и *аболитіонистовъ*, — людей, требовавшихъ освобожденія невольниковъ и увлекшихся своимъ справедливымъ рвеніемъ. Ни политическія занятія, дѣла благотворительности не заставляли Чаннинга забывать о собственномъ умственномъ развитіи и нравственномъ совершенствованіи. При всѣхъ своихъ многосложныхъ трудахъ Чаннингъ находилъ время для научныхъ занятій: онъ изучалъ литературу, философію, божественное слово и право. Строго обдумывая и анализируя



жду прочитанную мысль, тщательно слѣдя своими поступками, за движеніями своей души, Чаннингъ умѣлъ достигнуть того гармоническаго, цѣлостнаго развитія, которое должно быть цѣлью каждаго человѣка. Онъ былъ религіозенъ, его одушевляло самое теплое, высокое чувство любви къ Богу, и между тѣмъ это чувство никогда не доходило до фанатизма и ключительности, никогда не побуждало его оситъ міръ, удалиться отъ людей, ему близкихъ, отъ тѣхъ людей, которымъ онъ дѣлалъ много добра. Религіозность Чаннинга не давала ему того мрачнаго, суроваго взгляда на жизнь, которымъ такъ отличаются американскіе пуритане и квакеры. Чаннингъ до конца своей жизни, до семидесятилѣтняго возраста, сохранялъ самый свѣтлый взглядъ на личность человѣка, самое поэтическое сочувствіе въ красотѣ природы. Онъ, какъ ребенокъ, какъ восторженный юноша, радуется появленію весны, буется на свѣжую зелень, прислушивается пробуждающейся жизни природы. Мы знали его радость юношескою; но въ ней есть и глубокой откровенности, въ ней есть какое-то величественное и трогательное спокойствіе, слѣдствіе стройнаго, законченнаго развитія и зрѣлаго размышленія надъ предметами жизни и съ отвлеченными вопросами науки. Вотъ слова, взятые изъ одного письма:

«Сію минуту я глядѣлъ на зелень, разстилающуюся передъ моимъ домомъ, покрытую каплями росы, которая блистала въ тѣни ближайшихъ деревьевъ, и вдругъ почувствовалъ такое умиленіе, что мнѣ не случилось испытывать въ мои молодые годы. Древніе называли землю нашею матерью. Это не нравится: она слишкомъ молода, свѣжа, она жизни, и это сравненіе нейдетъ къ ней. Правда, я вѣрю, что есть другой міръ, который прекраснѣе этого, но люблю наше первое жилище и не могу подумать безъ сожалѣнія, что мнѣ придется разстаться съ этимъ солнцемъ, съ этимъ домомъ, съ этимъ океаномъ и съ этими полями.»

Понимая всю прелесть внѣшней природы, во всемъ ея разнообразіи видовъ и измѣненіяхъ, Чаннингъ вполне цѣнилъ и уважалъ нравственную природу человѣка: онъ видѣлъ ея высокія прекрасныя стороны; онъ вѣрилъ и хотѣлъ жить въ добро, но при этомъ не былъ ближнему, не увлекся мечтательностью и умѣлъ ходить и обличать людскіе слабости и пороки. И слабости и пороки не могли сдѣлать его лоднымъ и мрачнымъ мизантропомъ; глубоко страдалъ, обличая ихъ, но не ожесточился въ этихъ страданіяхъ, не загроубѣлъ въ борьбѣ жизнью и всегда умѣлъ найти въ себѣ достаточно душевной теплоты, чтобы утѣшить несчастнаго и сказать ему доброе, ласковое слово. Чаннингъ былъ отличный семьянинъ. Онъ женился на той женщинѣ, къ которой чувствовалъ въ первыхъ дняхъ своего дѣтства сначала дружбу, а потомъ глубокую и искреннюю любовь. Взглядъ его на женщину вообще отличается самымъ

высокимъ пониманіемъ ея правъ, ея обязанности и того вліянія, которое она можетъ и должна оказывать на общество своею тихою, кроткою дѣятельностью въ семейной жизни. Съ пятнадцати лѣтъ, съ того возраста, когда онъ началъ мыслить, онъ сталъ смотрѣть на женщину, какъ на воплощеніе добраго начала, какъ на граціозное существо, призванное преобразовать общество силою добродѣтели.

«Мнѣ было пятнадцать лѣтъ: удивительно ли, что всѣ мои помыслы обратились на женщину? Мнѣ чудилось, что она управляетъ человѣческимъ обществомъ, что, еслибъ она захотѣла отдаться добру, а не суетности, все въ мірѣ измѣнилось бы къ лучшему. Я написалъ тогда же длинное письмо, въ которомъ подробно развилъ мои мысли. Послание это назначалось ей—и при этомъ онъ указывалъ на жену свою—но не я осмѣлился отдать ей его.»

Поэтическій взглядъ этотъ на женщину не былъ увлеченіемъ молодости, неяснымъ бредомъ пылкой души: онъ сохранился въ Чаннингѣ до послѣднихъ дней его жизни и отражается во всѣхъ его сочиненіяхъ и особенно въ его перепискѣ. Чаннингъ высоко цѣнилъ женскую грацію и женскую добродѣтель; онъ понималъ, чѣмъ должна быть женщина, и потому съ особенною горестью, съ особеннымъ внутреннимъ страданіемъ смотрѣлъ на ея недостатки и на ложный путь, который выбираютъ себѣ въ жизни многія женщины, способныя быть семьянинками, хорошими матерями, полезными членами общества. Мы, быть можетъ, слишкомъ долго остановились на личности бостонскаго пастора; но у насъ есть на то свои причины. Личность Чаннинга не бросается въ глаза, не поражаетъ никакими громадными качествами, никакими рѣзко выдающимися особенностями. Съ перваго взгляда все въ немъ кажется обыкновенно, потому что все пропорціонально, умѣренно и нормально. Нужно взглянуть въ каждую черту его характера, вдуматься въ его мысли, перечувствовать тѣ чувства, которыя волновали его теплую душу, и только тогда мы до нѣкоторой степени будемъ въ состояніи судить о гармонической полнотѣ его развитія, о той нравственной высотѣ, на которую онъ умѣлъ поставить себя долговременнымъ, часто мелочнымъ трудомъ надъ своимъ совершенствованіемъ. Представить хотя въ общихъ чертахъ такую личность нашимъ читательницамъ мы считали долгомъ: въ Уильямѣ Чаннингѣ читательницы увидятъ человѣка глубоко религіознаго, нравственнаго, вполне развитого и научно образованнаго. Всѣ эти качества рѣдко сосредоточиваются въ одномъ человѣкѣ. Сверхъ того онъ увидятъ въ Чаннингѣ такую мягкую, любящую душу, которая заставитъ ихъ невольно пожать и оцѣнить эту личность. Въ мысляхъ Чаннинга, во многихъ отрывкахъ изъ его писемъ, приведенныхъ въ статьѣ г-жи Тургъ,



такъ много искреннаго благочестія и чистаго нравственнаго чувства, что эти мѣста могутъ служить вмѣсто религіознаго чтенія. Гдѣ Чаннингъ говоритъ о любви къ Богу, объ обязанностяхъ человѣка къ ближнему, о своемъ чувствіи къ природѣ, тамъ въ каждомъ словѣ его свѣтится горячая молитва, вылившаяся прямо изъ души. Нашъ бѣглый очеркъ личности Чаннинга можетъ показаться панегирикомъ. Мы не могли подтверждать каждой нашей мысли собственными словами разбираемой нами личности и потому просимъ нашихъ читателей обратиться къ статьѣ г-жи Евгени Туръ: въ этой статьѣ онѣ найдутъ біографію Чаннинга и подробную оцѣнку его личности, основанную на его собственныхъ словахъ, на выпискахъ изъ его сочиненій или на отрывкахъ, взятыхъ изъ его писемъ.

**О подражаніи Христу.** Четыре книги. *Оомы Кемпійскаго.* Новый переводъ.

Книга «О подражаніи Христу» принадлежитъ къ числу наиболѣе распространенныхъ религіозныхъ сочиненій. Причины этого распространенія заключаются съ одной стороны въ строгой нравственности книги, съ другой—въ ея древности, доставившей ей извѣстность и упрочившей ея авторитетъ. Книга «О подражаніи Христу» написана на латинскомъ языкѣ въ половинѣ XV столѣтія и приписывается монаху августинскаго ордена Оомѣ Кемпійскому. Сочиненіе это вскорѣ распространилось въ огромномъ числѣ рукописей; по введеніи книгопечатанія, оно выдержало множество изданій и было переведено на всѣ европейскіе языки. У насъ, въ Россіи, оно стало извѣстно съ половины XVII вѣка и съ тѣхъ поръ было переведено девять разъ. Последній переводъ, графа Сперанскаго, выдержалъ уже шесть изданій. Въ нынѣшнемъ году появилось новое московское изданіе, но это не переводъ графа Сперанскаго. Если принять въ расчетъ ограниченный кругъ нашего читающаго общества, то нельзя не предположить, что книга «О подражаніи Христу» извѣстна въ каждомъ религіозномъ семействѣ. На этомъ основаніи мы считаемъ излишнимъ распространяться о ея достоинствахъ, въ пользу которыхъ такъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ самый успѣхъ ея; мы постараемся только поставить нашихъ читателей на ту точку зрѣнія, съ которой должно смотрѣть на нѣкоторыя мысли этой книги, и на общій тонъ изложенія. Для этого необходимо сказать нѣсколько словъ о содержаніи. Все сочиненіе состоитъ изъ четырехъ книгъ. Въ первыхъ трехъ книгахъ выраженъ взглядъ автора на людей и на ихъ обязанности, выразились тѣ требованія, которыми

онъ опредѣляетъ нравственное совершенство. Личность автора, его положеніе, время и обстановка, среди которой онъ жилъ,—все это могло не имѣть вліянія на направленіе идей, и все это дѣйствительно отразилось въ его сочиненіи. Нельзя не замѣтить съ перваго взгляда, что его совѣты и наставленія не имѣютъ живой связи съ практической жизнью: онъ смотритъ на міръ строго и мрачно, совѣтуетъ человѣку удалиться отъ шумной свѣтской деятельности, совѣтуетъ ему углубляться въ самого себя, посвящать себя уединенному созерцанію и постоянному сокрушенію о грѣхахъ. Человѣкъ долженъ, по мнѣнію автора, отрѣшиться себя отъ всего земнаго, убить въ себѣ всякое уваженіе, всякое стремленіе ума къ сознанію; въ то что выходитъ изъ границъ монастырской кельи, все, что не составляетъ подвига благочестія въ тѣсномъ значеніи этого слова, все это признается авторомъ или существенно вреднымъ, или совершенно бесполезнымъ. Невинная радость жизни, привязанность къ людямъ, блескъ, самоотверженіе во имя науки, эстетическія наслажденія предметами искусства,—все это презираетъ авторъ, все это считаетъ недостойнымъ христіанина. Такой взглядъ конечно въ наше время не можетъ найти сочувствія: мы привыкли слышать отъ нашихъ духовныхъ учителей, что всякая добросовѣстная и полезная дѣятельность ведетъ человѣка къ нравственному усовершенствованію; въ наше время наука не ведетъ ни къ отрицанію законовъ нравственности, ни къ отрицанію истинъ религіи. Въ XV столѣтіи было не то: европейское общество переживало тяжкую эпоху, нравственность находилась въ упадкѣ, наука отрицалась мертвою буквою или занималась разрѣшеніемъ вопросовъ, не имѣвшихъ ни живого смысла, ни отношенія къ дѣйствительности. Человѣку неиспорченному, сохранившему въ душѣ своей стремленіе къ добру, трудно было помириться съ подобной обстановкой. Въ такомъ человѣкѣ необходимо должно было возникнуть съ одной стороны искреннее отвращеніе отъ всего окружающаго, съ другой—сильное влеченіе къ лучшему міру, неизлечимое ничего общаго съ земными страстями и побужденіями. Эти два чувства испыталъ Оома Кемпійскій, и въ своей книгѣ онъ выражаетъ ихъ то въ горькихъ жалобахъ на слабости и несовершенства человѣческой природы, то въ строгихъ упрекахъ испорченному и суетному міру. Оома Кемпійскій въ этомъ отношеніи заплатилъ дань своему вѣку: въ его совѣтахъ и наставленіяхъ высказывается тотъ же взглядъ на міръ, который иногда въ безыскусственной формѣ выражали средневѣковые хровикеры, утомленные несправедливостями и грубой необразованностью своихъ современниковъ. Ту истину, что вѣкъ Христа нѣтъ спасенія ничему человѣче-



Ому, Оома Кемпійскій доводитъ до такой одно-  
сторонности, что рѣшительно не вѣрить силѣ  
человѣческой мысли, не полагается на резуль-  
таты науки, забывая, что Христосъ пришелъ  
къ жизни и человѣческую мысль, слѣдовательно  
науку; оттого религіозно-нравственное ученіе  
чисто и возвышенно, но слишкомъ строго  
и односторонне; оно не мирится съ дѣятель-  
ностью человѣка, не переходитъ въ его всенев-  
ную жизнь и потому, оставаясь въ предѣлахъ  
настырской кельи, пугаетъ читателя неумо-  
лимостью своихъ приговоровъ. Самое изложеніе  
сидитъ на себѣ отпечатокъ фанатическихъ  
убѣжденій средневѣкового католика; это не раз-  
личіе, въ которомъ авторъ старается по-  
казывать на умъ и на чувства читателя, это  
поученіе, въ которомъ общее нравственное  
положеніе примѣняется къ отдѣльнымъ случаямъ  
жизни: это по большей части рядъ общихъ сен-  
тенцій, высказанныхъ коротко, строгимъ, рѣ-  
шительнымъ тономъ, непринимаящимъ ни ма-  
лейшаго возраженія, недопускающимъ и тѣни  
сомнѣнія. Авторъ говоритъ читателю: «ты дол-  
женъ поступать такъ», и большей частью не  
посоветуя, а приказывая къ такимъ словамъ никакихъ  
доказательствъ, не объясняетъ своей мысли ни  
однимъ примѣромъ. Часто даже авторъ говоритъ  
отъ лица Бога и представляетъ свои мысли въ  
формѣ разговора между человѣкомъ и Творцомъ;  
иногда тонъ поученія переходитъ въ тонъ мо-  
литвы; авторъ какъ бы забываетъ о читателѣ,  
увлекаясь порывомъ собственнаго чувства,  
и едетъ безраздѣльно благоговѣйному созер-  
цанію. Такія мѣста—лучшія во всемъ сочиненіи:  
въ нихъ видно полное одушевленіе, въ нихъ  
исчезаетъ или по крайней мѣрѣ дѣлается не-  
замѣтной та риторическая цѣлестность, которая  
въ духовной литературѣ такъ часто вредитъ  
поженію высокихъ и прекрасныхъ идей. Стро-  
гость и рѣшительность приговоровъ, непріятно  
поражающая въ наставленіяхъ Оомы Кемпій-  
скаго, смягчается въ его молитвахъ, такъ что  
читателю становится легче на душѣ, и онъ самъ  
поддается тому благоговѣйному увлеченію, ко-  
торое испытывалъ въ эти минуты авторъ. На-  
ставленія Оомы Кемпійскаго имѣютъ кромѣ  
этого мрачнаго характера другой недостатокъ:  
они слишкомъ отвлечены; въ нихъ говорится  
только о томъ, что онъ долженъ любить Бога, что  
самоотверженіе составляетъ обязанность хри-  
стіанина, что міръ полонъ грѣха и соблазна, но  
этомъ большей частью и останавливается  
авторъ; онъ не показываетъ, въ чемъ должно  
быть, въ чемъ можетъ выражаться любовь къ Богу,  
онъ не опредѣляетъ, что такое самоотверженіе,  
онъ не даетъ полной и вѣрной характеристики по-  
ковъ и добродѣтелей. Наконецъ авторъ за-  
бываетъ, что онъ говоритъ съ человѣкомъ, съ  
человѣкомъ слабымъ, склоннымъ къ грѣху и  
смерти; онъ не хочетъ понять, что неумолимый

тонъ его и строгія требованія могутъ только  
потрепать и испугать читателя, а не убѣдить,  
не растрогать. Такой испугъ, такое потрясеніе  
бываютъ иногда спасительны; но, по нашему  
мнѣнію, всегда вѣрнѣе и надежнѣе бываютъ  
тѣ результаты, которые достигаются путемъ  
кроткаго убѣжденія и постепеннаго дѣйствія  
на умъ и на чувство. Мы много говорили о не-  
достаткахъ книги и, указывая на нихъ нашимъ  
читательницамъ, старались объяснить ихъ изъ  
личности самого автора, жившаго въ печальную  
и смутную эпоху. Недостатки эти во многихъ  
отношеніяхъ вредятъ цѣлому, и ежели сравнить  
книгу «О подражаніи Христу» съ религіозными  
сочиненіями Иннокентія и Кирилла, то нельзя  
не отдать предпочтенія послѣднимъ. Нравствен-  
ное ученіе ихъ также чисто и возвышенно, но  
предложено въ болѣе современной формѣ; взгляды  
на жизнь кротче и терпимѣе; наставленія болѣе  
примѣнимы къ дѣйствительности, подкрѣплены  
доказательствами и вообще болѣе дѣйствуютъ  
на умъ; изложеніе проще, скромнѣе и есте-  
ственнѣе. При всемъ томъ книга «О подража-  
ніи Христу» имѣетъ свои неотъемлемыя достоин-  
ства: она можетъ возбудить въ душѣ читателя  
неудовольствіе противъ самого себя, можетъ  
навести его на спасительныя размышленія; са-  
мая суровость тона въ нѣкоторыхъ мѣстахъ  
придаетъ изложенію такую силу и энергію,  
которая можетъ произвести глубокое впечатлѣ-  
ніе.

#### Народные украинскіе рассказы. Марка Вовчка. («Русскій Вѣстникъ», 1858 г.)

Рассказы Вовчка въ началѣ 1857 г. вышли  
отдѣльною книжкою на малороссійскомъ нарѣчій  
и потомъ переведены самимъ авторомъ на нарѣ-  
чіе великороссійское и помѣщены въ «Русскомъ  
Вѣстникѣ» за 1858 г. Рассказы эти взяты  
изъ всеневной жизни украинскихъ поселянъ и  
отличаются простотою сюжета и необыкновен-  
ной художественностью изложенія. Мы не будемъ  
разбирать каждый изъ его рассказовъ отдѣльно,  
а постараемся передать нашимъ читательницамъ  
то общее впечатлѣніе, которое они оставляютъ  
по себѣ, постараемся познакомить ихъ съ лите-  
ратурными приемами автора и съ художествен-  
ными красотами его произведенія. Рассказы от-  
носятся къ различному времени: одни берутъ  
черты изъ современнаго быта, другіе воспроеиз-  
водятъ преданія и повѣрья старины, сохранив-  
шіяся въ народной памяти изъ временъ каза-  
чества, когда еще Украиною ворукала Москов-  
щина вмѣстѣ съ Польшою. И тѣ, и другіе пред-  
ставляютъ впрочемъ одинъ національный харак-  
теръ, мало измѣнившійся теченіемъ двухъ вѣковъ.  
Тѣ же народные типы, примѣненные только къ  
обстоятельствамъ мѣста и времени, встрѣчаются



и въ преданіяхъ, и въ современныхъ разсказахъ: и здѣсь, и тамъ является старикъ-отецъ, сѣдой казакъ или поселянинъ, любящій дѣтей по-своему, держащій ихъ въ строгое повиновеніе, гордый своею волею, непоколебимый въ своихъ убѣжденіяхъ; рядомъ съ старикомъ стоитъ старуха, вѣжная мать, готовая исполнить малѣйшее желаніе любимаго дитяти, но несмѣющая выйти изъ повиновенія мужу; она заступается за дѣтей, которыхъ журить отецъ, но заступается робко и какъ бы украдкой; сочувствуя ихъ желаніямъ, она плачетъ и горюетъ виѣсть съ ними, старается ихъ утѣшить, но признаетъ сама непогрѣшимость мѣлкій старика и боится подать другимъ членамъ семейства примѣръ послушанія. Дѣти, особенно дочери, вполне зависятъ отъ воли отца и рѣшительно расходятся съ нимъ въ убѣжденіяхъ. Онѣ являются у М. Вовчка беззаботными пташками, «неразумными щебетушками», живущими со дня на день, не думая о прошедшемъ ни о будущемъ; все ихъ радуетъ, все веселитъ, и только твердая воля «грознаго батюшки», который, «въ кои-то вѣки пуститъ на улицу погулять», способна сдерживать рѣзвые порывы живой молодости. Но беззаботность эта скоро проходитъ; наступаетъ рѣшительная минута, пробуждается первое чувство любви, и начинаются сознательная радость и повременамъ серьезное тихое горе; оппозиція отца дѣлается тверже и страшнѣе; отецъ не хочетъ себя звать изъ панскихъ, «а чтобы самъ себя паномъ былъ, чтобы никому не кланялся — вотъ какого!» Дѣвушка любитъ панскаго, надежда и опасеніе быстро смѣняются въ ея груди и нарушаютъ ея прежнее безоблачное веселье; мысли и чувства ея группируются вокругъ одного предмета; въ ней совершается переходъ отъ ребенка къ женщинѣ. Этотъ переходъ, это тревожное развитіе чувства прекрасно представлены въ разсказахъ М. Вовчка; часто дѣвушка говоритъ отъ своего лица въ простыхъ, безыскусственныхъ словахъ изображаетъ силу своего чувства и состояніе глубоко взволнованной души; въ ней любовь возникаетъ внезапно, развивается быстро и вскорѣ дѣлается для нея необходимымъ условіемъ существованія; она готова пожертвовать всѣмъ для любимаго человѣка, но никогда не нарушаетъ законовъ семейнаго повиновенія, никогда не рѣшается идти противъ воли отца. Сила чувства и постоянство составляютъ главные качества дѣвушекъ, которыхъ выводитъ авторъ; оставаясь вѣрными своему долгу въ отношеніи къ родителямъ, онѣ не измѣняютъ и чувству и, какъ святыню, хранятъ его въ душѣ. При согласіи родителей, на долю дочери выпадаетъ тихое семейное счастье, въ противномъ случаѣ дѣвушка груститъ и чахнетъ или умираетъ насильственной смертью. Счастье для нея возможно только съ любимымъ человѣкомъ; а любить она одинъ разъ и на всю жизнь. То-же постоянство,

та-же чистота чувства характеризуютъ и паробковъ; они любятъ по нѣсколько лѣтъ, не бываютъ своихъ дѣвицъ въ разлуку и стараются хранить данныя имъ обѣщанія; изъ любви дѣвушкѣ паробокъ уважаетъ желаніе ея отца, покоряется его волѣ, работаетъ и копитъ деньги, чтобы откупиться и сдѣлаться вольнымъ человекомъ. Если его возлюбленная по волѣ родителей выходитъ за немилаго человѣка, онъ изъ жизни остается холостякомъ и напрасно старается размыкать свое горе, забыть его и разгульной бурлацкой жизни. Таковы главные типы, которые всего чаще повторяются въ украинскихъ разсказахъ. Есть и другіе, вѣтъ свѣтлые и чистые; но они встрѣчаются рѣдко и видимо не пользуются сочувствіемъ народа. Въ одномъ изъ разсказовъ мать выдаетъ дочь не сильно замужъ, въ другомъ жена господствуетъ надъ мужемъ, въ третьемъ свекровь пресѣдуетъ сноху; но видно по тону разсказчика, что этихъ отдѣльныхъ случаевъ нельзя принимать за общее правило. Мы замѣтили, что простота сюжета составляетъ одно изъ главныхъ достоинствъ украинскихъ разсказовъ. Взаимная любовь двухъ молодыхъ людей стоитъ обыкновенно на первомъ планѣ; иногда этому чувству мѣшаютъ расчеты родителей, иногда нѣтъ никакихъ препятствій, все идетъ благополучно и оканчивается счастливымъ супружествомъ; немногіе изъ разсказовъ имѣютъ трагическую развязку, но и эта развязка приводится такъ естественно, такъ просто, послѣ такой несложной интриги, что невозможно заподозрить автора въ малѣйшей натяжкѣ. Все дѣйствіе выводится изъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ и изъ ихъ положенія, и эти характеры, и положенія картинно и наглядно опредѣляются первыхъ словъ разсказа: случайностей, подобранныхъ происшествій нѣтъ вовсе, ежели не почесть случайностью встрѣчу молодой дѣвушки съ пригожимъ чумакомъ на деревенскомъ праздникѣ или просто на улицѣ. Авторъ часто ведетъ свой разсказъ отъ имени кого-нибудь изъ дѣйствующихъ лицъ, иногда говорить отъ себя, но всегда умѣетъ придать своему изложенію наивность и прелесть народной рѣчи, которую мы встрѣчаемъ въ языкѣ нашихъ старинныхъ сказокъ и преданій; мѣстами даже проявляется безъ малѣйшей искусственности мѣрная, звучная рѣчь, которая составляетъ неотъемлемую принадлежность эпического языка народной поэзіи. М. Вовчокъ приближается къ народной поэзіи не только внѣшней формою своихъ разсказовъ, но и всѣми своими литературными приемами; онъ разсказываетъ, какъ простой очевидецъ, близкій къ изображаемымъ лицамъ по понятіямъ и образованію, раздѣляющій ихъ простодушныя вѣрованія и предразсудки, сочувствующій ихъ горю и радости; мы нигдѣ не видимъ личности автора, нигдѣ не высказываетъ онъ своихъ мыслей и чувствъ,



нигдѣ не выдѣляется изъ той сферы, которую описываетъ. Говоря о чувствахъ, онъ ихъ не анализируетъ, онъ не раскрываетъ непосредственно передъ глазами читателя состоянія души своихъ паробковъ и молодицъ; онъ просто описываетъ, не измѣняя своего ровнаго и спокойнаго тона, ихъ поступки, движенія, слова и взгляды, и весь ихъ внутренній міръ вполне отражается въ этихъ повидимому незначительныхъ наружныхъ дѣйствіяхъ. Приводимъ для примѣра небольшую сцену между отцомъ и двумя дочерьми:

«Она сидитъ въ садикѣ, плететъ вѣнокъ изъ алаго да изъ бѣлаго мака, зеленымъ барвинкомъ перевиваетъ, а солнышко всходитъ изъ-за дырковской жручи.

— Дитя мое, Катруся! говоритъ старикъ, садясь подлѣ нея.—Послалъ тебѣ Господь великую печаль на сердце! Подними же голову, дочка, да глянь на старого батька!

Она подняла голову и взглянула на него.

— О, дочка! какая жъ ты старая стала!

— Нѣтъ, тато, я еще молоденькая! вздохнула, и опять за вѣнокъ.

Какъ ужъ онъ ее ни утѣшалъ, какъ ни уговаривалъ, она, знай, плететъ вѣнокъ и ни слова.

Помель старикъ, кликнулъ меньшую дочку.

— Тетяно, поди, моя рыбка, къ сестрицѣ; она въ великомъ горѣ, утѣшь ее.

— А что тамъ? гдѣ жъ она?

Прибѣжала въ садочекъ: «Сестрица Катруся, сердечко! чего вы тоскуете? Вотъ ужъ и лѣтенько на дворѣ!»

А сама обхватила ее за шею ручонками.

— Сестричка, моя милая, щебетушечка моя неразумная! ласкаетъ Катря малую.

— О, да какой же вѣнокъ вашъ красивый, сестрица! да какой же красивый! Сестронька, любонька, когда жъ вы его надѣнете?

— Вечеромъ надѣну.

Повѣсила вѣнокъ надъ водою, да и гуляетъ по саду, водячи сестричку за руку, а та щебечетъ....

Кличетъ отецъ обѣдать. Пришла и сѣла за столъ; своими бѣлыми руками медъ отцу наливала и разговаривала. Только какъ старикъ не заходилъ, ничего о себѣ самой не сказала.

Вечеру вошла къ отцу и поцѣловала у него руку. Старикъ обхватилъ ее голову: «Катря, дочка моя несчастная! помилуй тебя Матерь Божія!» И малую сестру обняла и прижала къ сердцу.»

Авторъ ни разу не говоритъ о томъ, что чувствуетъ Катря, и между тѣмъ страшно становится за нее: въ каждомъ ея словѣ, въ каждомъ движеніи видно нѣмое горе, видна какая-то мрачная и спокойная полнота несчастія, при которомъ человѣкъ не плачетъ, не жалуется, а сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ душевныя силы, при которомъ онъ не теряетъ сознанія, не измѣняетъ своего обращенія, но медленно изнываетъ и гаснетъ. Она не отвергаетъ ребяческихъ ласкъ Тетянки, рѣзвой «сестрички», которая утѣшаетъ ее по-своему, напоминая о лѣтѣ, указывая на цвѣтущую природу; она улыбается ей странною улыбкою человѣка, который потерялъ все, что ему было дорого, кончилъ всѣ расчеты съ жизнью, отрѣшился отъ всего земнаго и ничего

не видитъ и не желаетъ въ будущемъ. Во всемъ поведеніи Катри видна, кромѣ жестокой горести, спокойная, но страшная рѣшимость, которой ничто не поколеблетъ и не измѣнитъ. Второстепенныя лица этой сцены, старый Максимъ Гримачъ и Тетяна, въ высшей степени типичны и живо очерчены. Въ первомъ обычная суровость и важность смѣняются отцовскою любовью, нѣжностью, желаніемъ приглубить страдающую дочь; видно, что старикъ не умѣетъ взяться за дѣло, не привыкъ вести мягкую и чувствительную рѣчь, да къ тому же и понимаетъ, что не помогутъ никакія утѣшенія. Тетяна воплощаетъ въ себѣ граціозный образъ веселой и беззаботной дѣвочки; она смутно понимаетъ горе сестры, сочувствуетъ ей всѣми силами дѣтскаго, любящаго сердца, но не можетъ долго грустить и по врожденной потребности тотчасъ начинаетъ щебетать и безотчетно радоваться всему окружающему. На всей этой семейной картинѣ, несмотря на ея печальный характеръ, несмотря на ея трагическое значеніе въ разсказѣ, разлитъ теплый колоритъ какого-то торжественнаго примиряющаго спокойствія. Граціозная простота выраженія и строгая истина изображеннаго чувства глубоко ложатся на душу, но не потрясаютъ ея, не волнуютъ, а приводятъ въ какое-то гармоническое настроеніе тихой и мягкой грусти.

Послѣ обѣда въ гостяхъ. *Кохановской.*  
(«Р. Вѣстникъ», 1858 г., № 16.)

Повѣсть г-жи Кохановской заключаетъ въ себѣ разсказъ пожилой женщины, небогатой помѣщицы, о своемъ житіи-бытіи, воспоминанія ея о прошломъ, о дѣвическомъ веселіи и о первыхъ годахъ замужества. Личность разсказчицы, Любови Архиповны, такъ ярко и живо выставляется и въ припоминаемыхъ ею событіяхъ, и въ самомъ тонѣ ея разсказа, что намъ будетъ легко передать нашимъ читательницамъ ея характеристику. Для этого мы должны сообщить имъ главные моменты ея исторіи; но это не повредитъ интересу сюжета, потому что достоинства повѣсти заключаются не въ сфпленіи событій, а во внутреннемъ развитіи характеровъ и въ отдѣльныхъ мелкихъ подробностяхъ, въ которыхъ и отражается жизнь провинціальнаго городка, и которыми очерчиваются положеніе и взаимныя отношенія главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Любовь Архиповна, какъ видно съ первыхъ словъ ея, съ первыхъ движеній,— женщина живая, энергическая, одаренная здравымъ умомъ и довольно вѣрнымъ взглядомъ на вещи; ни лѣта, ни матеріальныя заботы, ни бѣдная обстановка ея жизни не могли подавить въ ней врожденной веселости, не могли засунуть ея любящей, воспримчивой души, не охладили ея взгляда на людей и на жизнь. Она съ



полнымъ сочувствіемъ и довѣріемъ обращается къ молодой дѣвушкѣ, съ которою встрѣчается въ одномъ домѣ; въ разговорахъ съ нею она сама молодѣетъ душою, дѣлается веселѣе и сообщительнѣе, вспоминаетъ бывшее и съ перваго же свиданія рассказываетъ все, что у нея было на душѣ, все, что она пережила и переживала. Съ перваго взгляда подобная откровенность можетъ показаться неестественной, читатель можетъ принять ее за пустую болтливость, за признакъ вѣтренности и неглубокаго характера; но тутъ будетъ вѣрнѣе предположить другую причину, болѣе сообразную съ послѣдующимъ развитіемъ личности Любови Архиповны. Бѣдность и безпомощное вдовство ставятъ ее въ зависимое положеніе, которое часто дають ей чувствовать окружающіе ее люди, необразованные или полуобразованные. Свѣтлый, природный умъ бѣдной помѣщицы даетъ ей средства угадывать и понимать эти великія оскорбленія, выраженные въ оттѣнѣхъ голоса, въ наклоненіи головы, въ холодномъ взглядѣ; добрая, воспримчивая душа ея болѣзненно сжимается; въ ней накапливается и накапливается горе; она рѣдко видитъ искреннее участіе, въ которомъ не было бы оттѣнка покровительственнаго превосходства; не естественно ли ея искреннее удовольствіе, не естественна ли та непринужденная откровенность, которую вызываетъ въ Любови Архиповнѣ мягкое, веселое и въ то-же время почтительное обращеніе ея молодой собесѣдницы? Наболѣвшему сердцу ея становится легче; она рада отвести душу, и краснорѣчіе ея, вызванное задушевнымъ словомъ молодой дѣвушки, не находитъ себѣ предѣловъ, пока не высказано все, что было на душѣ. Стоило только затронуть рой свѣтлыхъ воспоминаній, и всѣ они неудержимо стрѣмятся наружу. Разсказъ слѣдуетъ за разсказомъ, одно воспоминаніе будитъ другое, и, воодушевленная звуками собственнаго прошедшаго, Любовь Архиповна спѣшитъ освѣтить въ памяти и какъ бы снова пережить и бывшее горе, и бывшую радости. Личность молодой дѣвушки, которой помѣщица рассказываетъ свою исторію, стоитъ конечно на второмъ планѣ; она принимаетъ участіе въ разговорѣ отдѣльными, отрывочными словами и только вызываетъ откровенность Любови Архиповны. Вообще вся сцена между этими двумя женщинами служитъ только вступленіемъ и обстановкою для разсказа; но, несмотря на то, она заслуживаетъ нашего полнаго вниманія. Въ этой сценѣ авторъ умѣлъ, во-первыхъ, обрисовать личность молодой дѣвушки такъ, что по ея односложнымъ вопросамъ и отвѣтамъ можно составить себѣ полное понятіе о ея характерѣ; во-вторыхъ, онъ необыкновенно живо и естественно воспроизвелъ то впечатлѣніе, которое оказываетъ она на Любовь Архиповну, ту инстинктивную сим-

патію, которую чувствуютъ онѣ другъ къ другу и которая постепенно растетъ вмѣстѣ съ нересомъ разсказа. Дѣйствительно, бывають разговоры, которые быстро сближаютъ собесѣдниковъ, бывають минуты, когда душа ищетъ сочувствія, когда она особенно раскрывается, высказаться, открыть другому свои вѣдныя мысли. Кромѣ этого общечеловѣческаго чувства, въ Любови Архиповнѣ дѣйствуетъ и свое, личное побужденіе, обусловленное ея положеніемъ въ обществѣ. Сорокалѣтняя женщина, непотерявшая ни свѣжей впечатлительности, ни задушевной теплоты юности, естественному влеченію, обращается къ молодой дѣвушкѣ; молодость составляетъ лучшую ея жизни, къ ней обращаются ея мысли; прошедшему ищетъ она отрадныхъ минутъ, ея живая, веселая слушательница напоминаетъ ей то, что уже пережито, и съ неподдѣльнымъ любопытствомъ и искреннимъ участіемъ выслушиваетъ ея разсказъ.

Въ тонѣ молодой дѣвушки, въ первыхъ словахъ ея слышна какая-то насмѣшливость; въ насмѣшливости этой нѣтъ ничего желчного, оскорбительнаго, нѣтъ и того оттѣнка пренебреженія, который такъ болѣзненно дѣйствовалъ на Любовь Архиповну въ обращеніи съ другими людьми. Это—веселая шутливость, естественное послѣдствіе молодости, здоровья, полной силъ. Она придаетъ словамъ дѣвушки граціозный отпечатокъ игривости, развеселяетъ Любовь Архиповну и содѣйствуетъ сближенію двухъ женщинъ; въ ней свѣтится и веселый умъ, и прекрасное сердце; когда разсказъ помѣщицы дѣлается серьезнѣе и грустнѣе, насмѣшливость эта совершенно исчезаетъ и уступаетъ мѣсто самому напряженному вниманію и притворному участію. Не переступая границъ шутливости, эта шутливость устраняетъ натянутую изысканность, которая обыкновенно господствуетъ въ разговорѣ между людьми мало знакомыми и которая дѣлается еще чувствительнѣе, когда эти люди расходятся въ лѣтъ въ общественномъ положеніи и особенно въ образованіи. При такихъ условіяхъ, при такомъ живомъ и сообщительномъ характерѣ, который мы видѣли въ Любови Архиповнѣ, очень естественно, что она высказалась и даже, какъ женщина пожилыхъ лѣтъ, разболталась. Она замѣчаетъ, что барышня мѣстами шутитъ лукаво улыбается; но это ей по сердцу: она любитъ шутки и сама не прочь пошутить. Это всего лучше видно изъ слѣдующаго разговора, который завязывается тотчасъ послѣ перваго знакомства:

«Приподнимаюсь и оправляю нѣсколько распухшее платье, чтобъ этимъ самымъ предостеречь себя мѣсто моей неожиданной собесѣдницѣ, а не могла воздержаться отъ маленькихъ улыбокъ.

— Такъ она виновата? спросила я.



— Она, матушка! сказала, садясь возле меня, моя собеседница, покручивая немного головою, и начала живо пересказывать все, что я знала и чего не знала, что слышала и не дослышала из разговора в гостиной. — Свѣтъ блѣдный на томъ стоитъ, что жены мужьями мудрятъ, охъ, мудрятъ!

— Все это такъ, отвѣчала я, едва удерживаясь отъ смѣха: — извините меня, имени и отчества не знаю.

— Любовь Архиповна, подсказала помѣщица.

— Извините меня, Любовь Архиповна; но, кажется, не вамъ бы такія рѣчи говорить и не мнѣ бы слушать.

— Какія, матушка? спросила помѣщица. — Подлинно, неслыханныя рѣчи, что жена мужа на поводочкѣ ведетъ!

— Да вѣдь вы не водили вашего?

— А вамъ кто сказалъ, что не водила? перемывая мою живость и почти тонъ голоса, пердразнила меня Любовь Архиповна. — Вотъ то-то и есть, что водила. Коли бъ не водила, то и не говорила-бъ.

На такой аргументъ возражать было нечего. Я немножко примолкла.

— Вотъ вы и замолчали, сказала Любовь Архиповна, заглядывая съ участіемъ мнѣ въ глаза. — А я, матушка, за цѣлые полдня намолчалась, и больше молчать не приходится... Нѣтъ-таки, вы посмотрите на меня, прибавила, трогая меня потихоньку рукою, разговорчивая помѣщица. — Какъ я вамъ показываюсь?

— Въ какомъ отношеніи? сказала я, весело смѣясь и протягивая руку къ рукѣ Любови Архиповны, теребившей мой кисейный рукавъ.

Здѣсь высказывается та непринужденная добродушная веселость, которая придаетъ шуткамъ молодости такую граціозную прелесть и невольно располагаетъ въ пользу молодой дѣвушки; высказывается и та безобидная шутовскость, которая обыкновенно служитъ выраженіемъ острого, бойкаго ума. Затѣмъ начинается самый рассказъ. Онъ иногда прерывается замѣчаніями барышни, которая употребляетъ разные невинныя хитрости, разные уловки, чтобы навести разговоръ на самый интересный для женщины предметъ, чтобы узнать отъ Любови Архиповны романъ ея жизни, ея чувства и сердечныя тайны. Любовь Архиповна замѣчаетъ хитрости и отшучивается; но потребность откровенности пробудилась съ новою силою и не позволяетъ ничего утаить. Къ тому-же романа, мечтаній, развившагося чувства въ ея жизни и не было. Она начинаетъ свою добровольную исповѣдь съ оживленнаго описанія своей дѣвической жизни въ бѣдномъ, но веселомъ украинскомъ городкѣ. Провинціальная жизнь въ такомъ захолустьѣ, куда еще не проникла новѣйшая образованность, гдѣ все идетъ на старый русскій ладъ, гдѣ веселятся по своему, гдѣ соблюдаются всѣ обряды, установленныя вѣками, представляетъ множество самыхъ интересныхъ особенностей. Читатель слышитъ воодушевленный голосъ человѣка, прожившаго при такой обстановкѣ лучшіе годы своей жизни, свыкшагося со всѣми ея мелкими подробностями, полюбившаго всѣ ея привлекательныя и

отталкивающія стороны. Человѣку свѣжему, привыкшему къ разумной дѣятельности, покажется утомительнымъ однообразие, неподвижность, ограниченность подобной жизни; но Любовь Архиповна, какъ женщина мало развитая, не сознаетъ ея недостатковъ, потому что воспоминаніе о ней нераздѣльно слито съ лучшими, самыми свѣжими ея воспоминаніями; рассказъ ея получаетъ оттѣнокъ радужной мечты, въ которой сглаживаются и исчезаютъ рѣзкія и непривлекательныя черты дѣйствительности. Несмотря на розовый, отчасти фантастическій свѣтъ, разлитый въ ея рассказѣ, описаніе провинціальной жизни не теряетъ своего художественнаго значенія; мы не имѣемъ права искать въ немъ того безпристрастія, котораго можно ожидать отъ посторонняго зрителя, потому что такое безпристрастіе было бы несовмѣстно съ личнымъ характеромъ и съ положеніемъ рассказчицы; мы должны видѣть въ рассказѣ ея не самую дѣйствительность, не самый предметъ, а произведенное имъ впечатлѣніе, составившееся подъ вліяніемъ личнаго взгляда Любови Архиповны. Авторъ хотѣлъ показать, какъ смотритъ провинціальная барышня на окружающую ея обстановку; онъ хотѣлъ въ рассказѣ Любови Архиповны не столько представить полную и вѣрную картину быта, сколько добавить новыя черты къ характеристикѣ своего главнаго дѣйствующаго лица. Дѣвическая жизнь, веселая и беззаботная, ея безпримѣнная радости и мимолетныя огорченія, шумные хоробы уѣздныхъ красавицъ, ихъ рѣзвыя шалости описаны чрезвычайно художественно. Слушательницѣ Любови Архиповны дѣлается даже завидно; она невольно сравниваетъ непритворную веселость старосвѣтской барышни, выражающуюся въ такихъ непритворныхъ формахъ, съ блестящими, но часто скучными балами, которые выпадаютъ на ея долю. Сравненіе это выражено въ очень граціозной формѣ.

«Измаешься такъ, что лишь бы до постели добраться: упадешь на подушку, какъ убитая; не въ мочь тебѣ и Богу помолиться. Только развѣ въ дремотѣ, какъ малое дитя, перекрестись, да себѣ на умѣ скажешь: слава Богу, вотъ я напѣлась и наплясалась вдоволь. У меня мелькнула мгновенная странная мысль: возникаетъ ли когда въ насыщенной, пресыщенной удовольствіями, свѣтской блистательной дѣвушкѣ подобное же чувство, которое посѣщало ея меньшую сестру, старосвѣтскую барышню, и хотя разъ въ жизни случилось ли той заснуть, посѣвъ блестящаго бала, съ этимъ лепетомъ радостной молодой души: слава Богу, вотъ я напѣлась и наплясалась вдоволь? Любови Архиповна не дала мнѣ подумать объ этомъ.»

Во всемъ этомъ прелестномъ описаніи дѣвическихъ увеселеній встрѣчается только одинъ эпизодъ, который непріятно поражаетъ своей искусственностью и впадаетъ въ фарсъ. Эпизодъ о городническомъ козлѣ или чортѣ, вынесшемъ на рогахъ плетень, тревога, надѣланная этикетъ



событіемъ по всему городу, представляетъ подборъ смѣшныхъ происшествій, приклеенныхъ одно къ другому. Искренній смѣхъ отъ души возможенъ только тамъ, гдѣ онъ возникаетъ свободно и естественно, гдѣ онъ вызванъ истиннымъ комизмомъ правдоподобнаго происшествія; но гдѣ замѣчаются натяжка, искусственное приготовленіе смѣшного эффекта, тамъ комизмъ переходитъ въ фарсъ и не достигаетъ своей цѣли. Впрочемъ нѣтъ недостатка въ истинномъ комизмѣ, вызванномъ положеніемъ и характеромъ дѣйствующихъ лицъ. Къ такимъ художественно комическимъ мѣстамъ относится напримѣръ рассказъ о хороненіи золота. Беззаботные годы дѣвической жизни проходятъ; настаетъ другая пора, начинается драматическій интересъ рассказа, начинается глубокій анализъ характеровъ. Любовь Архиповна выходитъ замужъ по принужденію, и въ крутыхъ поступкахъ ея матери, женщины стараго вѣка, обнаруживается мрачная сторона патриархальнаго быта, который такъ свѣтло и привлекательно представленъ въ дѣвическихъ воспоминаніяхъ. Замужество и семейная жизнь Любви Архиповны служатъ выраженіемъ той мысли, что иногда взаимное уваженіе, скрѣпленное узами привычки, можетъ составить семейное счастье, можетъ вознаградить собою за отсутствіе страстной любви. Такая мысль блестятельно проведена въ рассказѣ: въ ней глубоко убѣждена рассказчица, испытывавшая на своемъ вѣку странный, едва понятный переходъ отъ крайняго отвращенія къ нѣжной привязанности. Предметомъ обоихъ этихъ противоположныхъ чувствъ былъ ея мужъ, котораго замѣчательный характеръ прекрасно обрисованъ и выдержанъ въ повѣсти. Мужъ Любви Архиповны, Никаноръ Семеновичъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которые умѣютъ соединить въ себѣ твердую волю съ мягкостью, съ женственной нѣжностью чувствъ, которые умѣютъ любить съ полнымъ самоотверженіемъ, не требуя отъ любимаго предмета, въ замѣнъ приносимыхъ ему жертвъ, ни взаимности, ни благодарности, ни даже вниманія; сила чувства его высказывается въ силѣ его страданій, въ томъ странномъ нравственномъ мученіи, которое выдерживаетъ онъ отъ презрительной холодности своей жены; твердость его воли выражается въ умѣнии кротко сносить эти страданія, безъ ропота, безъ озлобленія, въ умѣнии молчать и терпѣть, не надоедая любимому предмету своимъ присутствіемъ, не преслѣдуя его жалобами и изъясненіями своихъ отвергнутыхъ чувствъ; его подвергаютъ ежедневной, ежеминутной пыткѣ, стараются вывести изъ терпѣнія злыми насмѣшками и нескрывыми призывами отвращенія, — осмѣянный мужъ великодушно выдерживаетъ всѣ эти нападки и, въ награду за то, защищаетъ свою жену отъ деспотическихъ притязаній ея матери.

Трудно предположить, чтобы подобное величье души не произвело равно или поздно благотворнаго вліянія на больное, разбитое сердце молодой женщины; ежели отвращеніе не могло сдѣлаться страстной любовью, то оно должно было перейти въ тихое чувство дружбы и нѣжной признательности. Переходъ этотъ, взаимное дѣйствіе другъ на друга разнородныхъ характеровъ, обоихъ супруговъ прослѣжены и разобраны самымъ тонкимъ психологическимъ анализомъ. Ограничимся одной выпиской того мѣста, въ которомъ изображено примиреніе и рѣшительный переломъ въ чувствахъ молодой женщины.

«Стали мы подъѣзжать къ Кулиньскѣ, прилучились намъ на дорогѣ мосточекъ. «Дай, говорю, довыйду, пройдуся, перейду этотъ мосточекъ.» Онъ велѣлъ остановить лошадей, и мы вышли. Только моя матушка, хотѣла меня взять подъ руку, чтобы не ревести, значить, черезъ мостокъ (дурно было идти), я какъ отшатнулась отъ него, и прямо съ размаху упала подъ мостокъ, не удержалась въ краю. Я перепугалась, а онъ бросился ко мнѣ, лица на немъ нѣтъ. «Боже мой! всплеснула руками, долго ли это еще будетъ?» Я стала подыматься, матушка, и какъ-то мнѣ пришлось, что я прямо глянула глазами на него; а онъ, бѣлый какъ полотно, стоитъ надо мною, и мнѣ его, матушка, жалко стало. Сѣли мы, опять поѣхали, а мнѣ все его жалко. Ушибиться я вовсе не успѣла; упала мягко на прошлогоднюю траву и даже не замарала ничего... а какъ подумала, и мнѣ жалко его. Дай, говорю себѣ, погляжу на него. Поглядела я, матушка, а онъ сидитъ какъ словно онемѣлый: въ лицѣ ни кровиночки нѣтъ; протянулъ руки, сложилъ ихъ себѣ на колѣно и сидитъ, хотя бы онъ двинулся или пошевелинулся; даже у меня глаза будто остановились. Я хочу позвать и не знаю, какъ. Позабыла я, не знаю, какъ моего мужа звать. Тронула его за рукавъ, онъ не слышитъ. Я не знаю, что дальше со мною стало. Только моя матушка, упала ему на руки, ухватилась за него и говорю: «Прости меня! я больше не буду.» Онъ даже задрожалъ весь. «Не будешь?» Наклонился ко мнѣ и глядитъ на меня быстро глазами, что мнѣ даже страшно стало. «Посмотрю я, какъ ты не будешь? Поцѣлуй меня!» И вотъ тебѣ, какъ Богъ свѣтъ, родная моя, откажись я въ ту минуту поцѣловать его, онъ бы, кажется, тутъ же убитъ меня... Я закинула ему руки кругомъ шеи, крѣпко обняла его, и какъ я своимъ поцѣлуемъ поцѣловала его, да и не оторвусь отъ него... Какъ зарыдаю я, какъ польются у меня слезы — и вотъ, матушка, когда пришелъ истокъ имъ! Я тебѣ и сказать не умѣю, какъ это я плакала. Ни прежде, ни послѣ я не видела и не слыхала, чтобы человекъ лился такъ с слезами, какъ я лилась тогда. Никаноръ Семеновичъ меня обнялъ, держитъ возлѣ себя. «Любаша! говоритъ, Богъ съ тобою! Христосъ съ тобою!» креститъ меня: цѣлуетъ меня, а я одно, что люблю слезами, припала на груди у него.»

Въ этой сценѣ нѣтъ ничего случайнаго и произвольнаго: каждая черта, каждое душевное движеніе строго обдуманно и прекрасно подмѣчено. Бываютъ въ жизни минуты, въ которыхъ достаточно одного толчка, чтобы рѣшить участь цѣлой жизни, одного случайнаго событія, чтобы перевернуть цѣлый образъ мыслей, вырабатывавшійся в теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Въ такую минуту внезапно, вдругъ напомина-



мысли, слова и поступки, сдѣланные, произнесенныя и задуманныя очень давно,—все сдѣлается ясно передъ глазами; окинешь взоромъ далеко прошедшее,—и все вдругъ явится въ ясномъ свѣтѣ. Такого рода переворотъ совершился въ Любви Архиповѣ при случайномъ взглядѣ на блѣдное, истомленное лицо мужа, носившее на себѣ глубокіе слѣды тяжелаго нравственнаго страданія. Перевороты эти подготовляются долгимъ рядомъ мыслей и чувствъ, но совершаются внезапно, безъ участія нашей собственной воли. Въ душевномъ движеніи ея мужа мы видимъ другое, весьма замѣчательное явленіе: Никаноръ Семеновичъ терпѣливо сносилъ холодность своей жены, онъ молчалъ и терпѣлъ, его энергія была подавлена тяжестью страданія; но эта энергія пробуждается съ полной силой при первомъ свѣтѣ надежды. Онъ страшится съ себя свою апатію, и сердце его уже не проситъ, а требуетъ полной любви, полного вознагражденія за вынесенныя страданія; въ немъ вдругъ проснулось чувство, сдвоенное громаднымъ усиленіемъ воли, и чувство это требуетъ взаимности, во что бы то ни стало: оно вырвалось наружу, и уже ничто его не сдержитъ. Его глубокая, спокойная природа, потрясенная до основанія, сильно взволновалась, и немудрено, что страшно стало Любви Архиповѣ. Ежели-бы она вздумала послѣ первыхъ словъ своихъ возвратиться къ прежней холодности, дѣло могло-бы дѣйствительно получить трагическую развязку. Въ заключеніе, укажемъ нашимъ читательницамъ на второстепенное, но весьма типическое лицо повѣсти—на Авдотьюшку, бѣдную, благочестивую старушку, проводящую свою жизнь въ постѣ и молитвѣ и странствующую по различнымъ монастырямъ Россіи. Ея рассказы, проникнутые поэтической, безграничной вѣрой, служатъ выраженіемъ полного преобладанія чувства и воображенія надъ критической силой ума. Не будемъ говорить о Черномъ, о лицѣ самомъ поэтическомъ въ рассказѣ; читательницы пусть сами прочтутъ художественный рассказъ г-жи Кохановской и вполне оцѣнятъ его красоты.

#### Свободный выборъ. Повѣсть *Е. Нарской* (тамъ-же).

Повѣсть г-жи Нарской должна обратить на себя наше вниманіе не столько по своимъ литературнымъ достоинствамъ, сколько по той мысли, которая положена въ ея основаніи. Г-жа Нарская хотѣла представить въ своей повѣсти характеръ дѣвушки, получившей правильное, основательное образованіе и развившейся при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ; она хотѣла привести эту дѣвушку въ соприкосновеніе съ шумной свѣтской жизнью, поставить ее среди блестящаго, мало развитого общества и про-

слѣдить тѣ ощущенія, которыя переживетъ эта дѣвушка, и то вліяніе, которое будетъ оказывать она на окружающихъ ее людей. Тема, выбранная авторомъ, обширна и соответствуетъ потребностямъ нашего времени и общества, въ которомъ поднять вопросъ о женскомъ образованіи; тема эта находится въ прямомъ соотношеніи съ направленіемъ нашего журнала, и потому мы считаемъ нужнымъ представить подробный отчетъ о повѣсти г-жи Нарской.

Клавдія Александровна Фуржеева, молодая дѣвушка, занимающая среди дѣйствующихъ лицъ повѣсти главное мѣсто, проводитъ въ деревнѣ дѣтство и первые годы молодости; воспитаніе ея находится подъ руководствомъ старика-отца, человѣка опытнаго и свѣдущаго, сохранившаго чистоту юношескихъ убѣжденій, созвѣщающаго необходимость образованія, умѣншаго пробудить въ дочери живую любознательность и развить въ ней благородный и правильный взглядъ на жизнь. Слѣдствія подобнаго воспитанія проявляются во всемъ послѣдующемъ ходѣ событій; но о самомъ ходѣ этого воспитанія г-жа Нарская говоритъ очень мало: она беретъ Клавдію въ томъ возрастѣ, когда учебныя занятія ея уже оканчиваются, когда первоначальное направленіе уже дано, когда человѣку предоставляется возможность работать собственными силами надъ дальнѣйшимъ своимъ развитіемъ и усовершенствованіемъ. О предыдущемъ періодѣ жизни, о дѣтствѣ, о тѣхъ приемахъ, которыми пользовался старикъ Фуржеевъ, не сказано ни слова; встрѣчаются только общія, довольно неопредѣленныя указанія: такъ наприимѣръ, г-жа Нарская говоритъ, «что цвѣты и книги составляли всю ихъ прихоть», сама Клавдія говоритъ отцу, что бабушка ея не разъ замѣчала, будто она болѣе похожа на студента, чѣмъ на благословитанную дѣвицу». Эти указанія, самый характеръ старика Фуржеева и наконецъ рѣзкое различіе между Клавдіей и окружающими ее дѣвками, получившими поверхностное свѣтское образованіе,—все это даетъ намъ право заключить, что воспитаніе ея было серьезное и основательное; но при этомъ нельзя не пожалѣть, что г-жа Нарская не дала намъ болѣе подробностей объ объемѣ этого воспитанія, о томъ, какъ и чему училась Клавдія. Спена изъ ея дѣтства, перечень ея занятій уяснили бы намъ характеры Фуржеева и его дочери и дали бы намъ право судить о взглядѣ автора на образованіе женщины; отсутствіе опредѣленныхъ указаній на воспитаніе Клавдіи по-даетъ поводъ къ довольно важному недоразумѣнію. Въ ходѣ послѣдующихъ событій у Клавдіи является желаніе трудиться и зарабатывать деньги, она обращается къ запасу свѣдѣній, прибрѣтенныхъ ею подъ руководствомъ отца, и съ ужасомъ замѣчаетъ, что свѣдѣнія



эти недостаточны и даже поверхностны. «Я не знаю по русски», говорит она себѣ, «я не могу свободно и правильно написать письма на родномъ языкѣ! Развѣ насъ учать, какъ слѣдуетъ, русскому языку?» Не имѣя опредѣленнаго понятія о томъ, какъ шло воспитаніе Клавдіи, читатель не знаетъ, чему приписать эти слова—дѣйствительному сознанию недостаточнаго образованія или минутному порыву отчаянія, вызванному обстановкою вседневной жизни. Прочтя эти слова, читатель не можетъ также утвердительно сказать, на сколько воспитаніе Клавдіи стояло выше того воспитанія, которое обыкновенно дается дѣвушкамъ, готовящимся жить исключительно для свѣта и для его шумныхъ удовольствій. Клавдія жалуется на неосновательное знаніе русскаго языка. Въ чемъ же состояло ея образованіе? Такой вопросъ не находитъ себѣ опредѣленнаго отвѣта; а между тѣмъ ясно видно намѣреніе автора показать превосходство Клавдіи надъ окружающими ее молодыми дѣвушками. Превосходство это выражается въ возвышенномъ образѣ мыслей, въ стремленіи къ серьезнымъ занятіямъ и къ разумной самостоятельности, въ умѣнн думать и обсуживать, анализировать движенія собственной души. Клавдія не увлекается первымъ порывомъ чувства и въ то же время не даетъ въ своихъ мысляхъ мѣста холодному и сухому разсчету; она чувствуетъ горячо и искренно. Она довѣрчиво сближается съ людьми; но эта довѣрчивость не отнимаетъ у нея способности оцѣнивать людей по достоинству; она понимаетъ, что для счастья въ жизни необходимо сознательное чувство, что чувство это должно быть основано на уваженіи и одинаковомъ пониманіи главнѣйшихъ обязанностей человѣка; она готова скорѣе принять на себя тяжелую трудовую жизнь, полную заботъ и матеріальныхъ лишеній, нежели связать свою судьбу съ судьбою человѣка, недостойнаго уваженія и неспособнаго возбудить къ себѣ искреннюю привязанность. Результаты воспитанія очевидно самые утѣшительные; но въ чемъ состояло это воспитаніе и почему Клавдія не вынесла изъ него даже основательнаго знанія русскаго языка? Это остается вопросомъ очень интереснымъ, но тѣмъ не менѣе неразрѣшеннымъ. Повѣсть начинается со вступленія молодой дѣвушки въ свѣтъ. Свѣтскія удовольствія сначала конечно занимаютъ ее, ей весело, она рада потанцовать; но балы скоро надоѣдаютъ ей, когда она замѣчаетъ, что ей ставятъ въ обязанность присутствовать на нихъ и веселиться во что бы то ни стало; докучливыя наставленія старшихъ родственниковъ, изучившихъ до тонкости всѣ мелочныя условія свѣтской жизни, тяготятъ ея свѣжую, неиспорченную природу; каждый шагъ ея, каждое естественное движеніе вызываютъ толки, комментаріи и длинныя право-

ученія со стороны бабушки. Все это становится для нея невыносимо; жизнь въ Москвѣ тѣмъ въ ея глазахъ всю свою прелесть, и тѣмъ серьезныя занятія прежней уединенной жизни снова манятъ ее къ себѣ. Такой переходъ представляетъ конечно естественнаго. Было бы странно, еслибы молодая дѣвушка имѣла отвращеніе отъ свѣтскихъ удовольствій; но бы ни было серьезно данное ей воспитаніе, рѣдко ведетъ, да и не должно вести, къ подобнымъ крайностямъ. Съ другой стороны, понятно, что дѣвушка умная и развитая могла удовольствоваться одной самымъ вышней и пустой жизнью. За минутными леченіемъ столичными удовольствіями конечно должно было послѣдовать разочарованіе, было бы менѣе неприятное. Можно при этомъ замѣтить, что періодъ увлеченія свѣтомъ выдѣленъ въ повѣсти довольно слабо. На немъ только намеки, о немъ можно догадываться, напримѣръ по письму Клавдіи къ своей подругѣ; но въ немъ ни одной сцены, въ которой прямо и ясно выразилось бы это увлеченіе. Между тѣмъ держаніе повѣсти развѣтывается и являетъ новыя личности. Въ выборѣ этихъ личностей ничего случайнаго: видно, что каждая изъ нихъ осуществляетъ собою одну изъ сторонъ мысли автора; одніе приходятъ въ соприкосновеніе съ Клавдіей и содѣйствуютъ развѣтыванію ея характера; другія составляютъ съ нею противоположность и помогаютъ автору отнестись и обозначить посредствомъ сравненія своего главнаго дѣйствующаго лица. Планъ повѣсти строго обдуманъ: мы видимъ, какъ проявилась самостоятельная дѣятельность ума и сердца молодой дѣвушки. Она отказываетъ богатому жениху, потому что не чувствуетъ въ немъ способности и желанія составить его счастье въ то же время она готова, изъ жалости выйти замужъ за человѣка безхарактернаго и пустого, но страстно привязаннаго къ ней. Мы видимъ такимъ образомъ въ ея поступкахъ съ одной стороны пониманіе обязанности женщины, съ другой—исполненіе женственного леченіе порывомъ сердца; въ первомъ случаѣ видимъ преобладаніе нравственнаго чувства надъ грязнымъ разчетомъ, во второмъ—преобладаніе чувствительности надъ голосомъ разсудка. При этомъ должно замѣтить, что второй периодъ жизни Клавдіи гораздо болѣе подробно обрисовываетъ ея характеръ. Отказъ отъ богатому жениху не важность: это сдѣлаетъ каждая развитая дѣвушка; но сжалиться до такой степени надъ чувствомъ, котораго не раздѣлишь,—это черта важная и замѣчательная. Клавдія поступила бы опрометчиво, еслибы она не впадалась въ этомъ случаѣ первому влеченію сердца; но есть такого рода опрометчивыя поступки, такого рода неосторожности и ошибки, на которыя способны очень немногія, прек-



ния и развития личности. За этими двумя эпизодами, въ которыхъ читатель постепенно знакомится съ различными сторонами характера героини, слѣдуетъ третій, изображающій любовь Клавдіи къ человѣку мыслящему, развитому во всѣхъ отношеніяхъ, самостоятельному и достойному уваженія. Это одна изъ лучшихъ частей повѣсти: развитіе чувства прослѣжено и объяснено читателю; въ проявленіяхъ этого чувства нѣтъ никакихъ неестественныхъ эффектовъ, противорѣчащихъ характеру и положенію дѣйствующихъ лицъ. Клавдія любитъ тихо и спокойно; молча страдаетъ она отъ встрѣчающихся ей препятствій, твердо борется она съ ними и силою воли побѣждаетъ ихъ. Сдѣлавшись женою любимаго человѣка, она съ непоколебимымъ постоянствомъ исполняетъ свои обязанности, дѣлитъ съ мужемъ горе и радости, помогаетъ ему въ работахъ, переноситъ болѣзни и заботы. Говоря объ этой порѣ жизни Клавдіи, авторъ не впадаетъ въ преувеличеніе, не идеализируетъ своей героини, а просто представляетъ въ ея лицѣ добрую, мыслящую и развитую женщину. Личности, окружающія Клавдію, очень разнообразны и очерчены довольно ярко. Одни—сухіе эгоисты, неразвившіеся, непонявшіе цѣли жизни и сморящие съ предубѣжденіемъ и съ затаенною досадою на всякаго, кто потревожитъ живую мыслью ихъ тупое умственное усиленіе. Эгоисты эти являются въ различныхъ видоизмѣненіяхъ; но не трудно узнать одинъ и тотъ же типъ: тутъ есть старухи, которыя проводятъ время за картами, живутъ городскими слухами и строго наблюдаютъ за ненарушимостью свѣтскихъ обрядовъ; есть молодыя дѣвушки, вѣчно танцующія, вѣчно смѣющіяся и высматривающія жениховъ; есть и молодые люди, незнающіе никакого труда, живущіе со дня на день безъ всякой опредѣленной цѣли. Другого рода личности, забытыя, подавленные силою обстоятельствъ или мертвящимъ вліяніемъ сухихъ и тяжелыхъ людей. Такія личности всего лучше удались автору; Нарская умѣла показать, какъ въ этихъ людяхъ есть и умъ, и чувства, и какъ все это въ нихъ стѣснено и связано; она умѣла даже представить въ нихъ проблески ума и чувства, проблески минутныя, за которыми опять слѣдуютъ неподвижность и официальная холодность. Все, что мы сказали, относится къ плану, къ идеѣ повѣсти; въ выполненіи этой идеи есть много недостатковъ: видно, что авторъ, обдумавъ и разобравъ характеръ, не всегда умѣлъ воспроизвести его, не всегда примѣнялся къ положенію выведенной личности и потому отъ ея лица высказалъ идеи въ такой формѣ, въ какой не могли онѣ быть высказаны. Фуржеевъ и его дочь большей частью говорятъ книжнымъ языкомъ; старикъ Фуржеевъ произноситъ довольно некстати по-

ученія рѣзкія, длинныя и утомительныя. Желая обозначить какое-либо движеніе мысли, какую-либо сторону характера, Нарская употребляетъ черты слишкомъ рѣзкія, чтобы показать неправильное развитіе родственницъ Клавдіи, она приводитъ сцены, въ которыхъ нельзя не замѣтить утрировки. Къ такимъ сценамъ относится большая часть разговоровъ Клавдіи съ бабушкой: бабушка слишкомъ открыто и нагло становится на сторонѣ обскурантизма, слишкомъ нелѣпо говоритъ противъ образованія женщины; она можетъ такъ думать и чувствовать, но, какъ женщина умная, не будетъ говорить такъ рѣзко съ внучкой, которую желаетъ убѣдить и подчинить своему вліянію. Молодые дѣвушки, подруги Клавдіи, представлены также чересчуръ пустыми и неразвитыми; ихъ остроты, ихъ насмѣшки надъ Клавдіей слишкомъ плоски. Вообще разговорамъ, приведеннымъ въ повѣсти Нарской, не достаетъ живости, и это много вредитъ достоинству цѣлаго.

#### Un mot aux mères. Par L. S. de M.

Небольшая брошюра г-жи L. S. de M. посвящена разрѣшенію одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ, касающихся женскаго воспитанія, одного изъ тѣхъ вопросовъ, которые въ послѣднее время были подняты въ нашей педагогической литературѣ. Г-жа L. S. de M. поставила себѣ задачею обсудить выгоды и невыгоды женскаго общественнаго воспитанія и разобрать то вліяніе, которое можетъ имѣть такое воспитаніе на образъ мыслей дѣвушки, на ея нравственность и на положеніе въ семействѣ. Сравнивъ общественное воспитаніе съ домашнимъ, г-жа L. S. de M. выводитъ изъ этого сравненія результаты и представляетъ въ общихъ чертахъ планъ такого учебнаго заведенія, которое, не отрывая воспитанницъ отъ семейства, доставило бы имъ средства пользоваться уроками хорошихъ учителей и такимъ образомъ совместило бы въ себѣ выгоды домашнего и общественнаго воспитанія. Таковъ общій планъ сочиненія; сообразно съ этимъ планомъ самое сочиненіе раздѣляется на три главы. Первая глава доказываетъ необходимость домашнего воспитанія для правильнаго развитія женщины. Г-жа L. S. de M. начинается съ того, что вглядывается въ окружающее насъ современное общество и опредѣляетъ ту роль, которую занимаетъ въ немъ женщина. «Я вижу, говоритъ она,—что женщина не понимаетъ своего назначенія, тратится на пустяки, забываетъ свои святныя обязанности и такимъ образомъ дѣлается для своего времени источникомъ несчастій». Приговоръ этотъ строгъ; но онъ показываетъ, какъ высоко понимаетъ г-жа M. значеніе женщины, говоря, что она имѣетъ



такое рѣшительное вліяніе на направленіе общества. Сверхъ того г-жа М. допускаетъ и исключенія изъ высказаннаго ею правила; но исключенія эти конечно бываютъ рѣдки и большей частью являются независимо отъ тѣхъ условій, при которыхъ обыкновенно развивается въ наше время женщина. На эти-то условія г-жа М. и обращаетъ преимущественное вниманіе. Она съ благоговѣніемъ останавливается передъ прекрасной мыслью, которая лежитъ въ основаніи институтовъ; она съ уваженіемъ говоритъ о числѣ и великолѣпіи этихъ заведеній, въ которыхъ сироты, неимѣющія ни семьи, ни пристанища, могутъ получать отъ государства прочное и обширное умственное образованіе. Отдавая полную справедливость пользѣ этихъ общественныхъ учрежденій, г-жа М. въ то-же время замѣчаетъ въ нихъ существенный недостатокъ. Недостатокъ этотъ тѣмъ важнѣе, что онъ не является слѣдствіемъ случайнаго временнаго злоупотребленія; напротивъ, онъ составляетъ неизбѣжное, необходимое свойство казеннаго заведенія, которое ни въ какомъ случаѣ не можетъ замѣнить для воспитанницъ семейства. Приводимъ слова автора, въ переводѣ:

«Эти воспитательныя заведенія впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ держатъ бѣдную дѣвочку вдаль отъ нѣжной ласки матери; они отчуждаютъ ее отъ домашнихъ обязанностей, отрѣшаютъ ее отъ тѣхъ заботъ, отъ тѣхъ привычекъ, отъ тѣхъ горестей, которыя составляютъ для человѣка истинную житейскую школу. Ребенокъ долженъ мало по малу пріучаться къ сердечнымъ огорченіямъ, къ лишениямъ, къ обманутымъ надеждамъ, — словомъ, ко всѣмъ мелкимъ непріятностямъ, которыя неизбѣжно ведутъ за собою семейная жизнь.»

Съ этими словами нельзя не согласиться. Давно извѣстно, что жизнь составляетъ лучшую школу, что опытъ и практика необходимы во всякомъ дѣлѣ и что ихъ не замѣнитъ никакая теорія; поэтому ребенку лучше всего жить по возможности въ дѣйствительности, въ той средѣ, въ которой ему современемъ придется самому быть независимымъ дѣтелемъ. Нужно избѣгать для ребенка той искусственной атмосферы, въ которой нельзя будетъ держать его впродолженіи всей жизни, изъ которой ему рано или поздно необходимо будетъ выглянуть на свѣтъ, въ дѣйствительность. Такую искусственную атмосферу представляютъ всѣ помянутыя заведенія, въ которыхъ воспитанникъ видитъ вокругъ себя одни и тѣ-же лица, одни и тѣ-же занятія, одни и тѣ-же отношенія; онъ создаетъ себѣ свои понятія, отъ которыхъ потомъ трудно бываетъ отрѣшиться, свой маленький міръ, часто не имѣющій ничего общаго съ тѣмъ большимъ міромъ, который лежитъ за стѣнами училища. Взглядъ его на жизнь получаетъ особенное, всегда неправильное, а иногда и превратное развитіе; чѣмъ больше бываетъ

замкнутость, тѣмъ полнѣе отчужденность отъ окружающаго общества, тѣмъ чувствительнѣе вліяніе, которое оказываютъ годы ученія на дальнѣйшую жизнь и дѣятельность воспитанника. Кромѣ запаса занятій, училище для воспитаннику извѣстнаго рода понятія, которыя рѣдко выдерживаютъ столкновеніе съ дѣйствительностью, которыя большей частью самъ же воспитаннику приходится искоренять и перерабатывать. Въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ замкнутость всего полнѣе, и потому вліяніе пансіонскихъ привычекъ и понятій на сильнѣе проявляется въ жизни женщины, тѣмъ болѣе, что этому содѣйствуютъ воспримчивость и впечатлительность, свойственныя ея молодому нѣжному возрасту, въ которомъ дѣвочки большей частью поступаютъ въ заведеніе. Г-жа М. обращаетъ вниманіе на слѣдствія подобнаго воспитанія и въ особенности развиваетъ мысль, что дѣвушка, находившаяся въ первые годы молодости вдали отъ семейства, не можетъ жить сердцемъ, не можетъ найти пищи для своей врожденной потребности любить и быть любимой, не можетъ, по мѣрѣ силъ, пользу любимымъ людямъ. Дружескія отношенія съ сверстницами обыкновенно оканчиваются за дверями пансіона и оставляютъ по себѣ одни безплодныя сожалѣнія, вселяютъ въ сердце дѣвочки тоскливое воспоминаніе о прошедшемъ, воспоминаніе, являющееся въ ту пору, какъ всего лучше бываетъ жить въ настоящемъ, село смотрѣть впередъ и думать о ближайшемъ будущемъ. Эти воспоминанія порождаютъ жизни дѣвочки какую-то раздвоенность, какъ то разладъ между мыслью и дѣйствительностью; чѣмъ рѣзче переходъ изъ пансіона въ родительскій домъ, тѣмъ чувствительнѣе этотъ разладъ, тѣмъ больнѣе отзывается онъ въ молодой душѣ дѣвочки, тѣмъ серьезнѣе можетъ быть и послѣдствія этого разлада. Г-жа М. справедливо замѣчаетъ, что внѣшняя обстановка можетъ имѣть въ этомъ случаѣ важное значеніе.

«Она (воспитанница),—говоритъ она,—привыкла къ просторнымъ комнатамъ, къ заламъ, освѣщеннымъ лампами и люстрами; имѣетъ тѣсно въ маленькой скромной, часто даже бѣдной квартирѣ, въ которой ждетъ ихъ материнская нѣжность. Многія изъ нихъ, навѣрное, мечтаютъ о любви къ родителю и даже, при романическомъ настроеніи ума, мечтаютъ о высокомъ самопожертвованіи, сочиняютъ себѣ цѣлую трагедію прекрасныхъ словъ и красивыхъ поступковъ,—и, несмотря на то, они не могутъ себѣ представить мелкихъ, тягостныхъ подробностей жизни, полной лишеній, такой, какъ она обыкновенно ожидаетъ ихъ въ родительскомъ домѣ. Еще труднѣе имъ представить, что сила воли и привычка терпѣть нужду могутъ поставить человѣка выше многихъ мелкихъ удобствъ жизни, что рядомъ съ лишеніемъ можетъ встрѣтиться радость и наслажденіе.»

Но тутъ все-таки дѣло идетъ только о внешней обстановкѣ: еще тяжелѣе можетъ



утренний разлад между матерью и дочерью, — разладъ въ основныхъ понятіяхъ и убѣжденіяхъ, во взглядѣ на жизнь, въ пониманіи важнейшихъ обязанностей человѣка. Такой разладъ иногда бываетъ необходимъ. Можетъ случиться, что молодая дѣвушка стоитъ выше своего семейства по умственному развитію и по нравственнымъ качествамъ, что ея не понимаютъ и не умѣютъ цѣнить: тогда со стороны дѣвушки должны быть только мягкость и терпѣливость; но, при поверхности нынѣшняго воспитанія, такіе случаи рѣдки. Чаше бываетъ, наоборотъ, виною разлада является сама дѣвушка или, вѣрнѣе сказать, то странное управленіе, которое дала ей замкнутая сфера пансіонской жизни, холодная и форменная обстановка первыхъ лѣтъ молодости. Въ заключеніи своей первой главы г-жа М. обращается къ матерямъ и говоритъ имъ, что воспитаніе матерей составляетъ ихъ прямую обязанность, въ которой онѣ не имѣютъ права уклоняться, въ которой можетъ освободить ихъ только крайняя нужда или искреннее и глубокое сознание собственной неспособности. Доказавъ необходимость домашняго воспитанія, г-жа М. выясняетъ въ слѣдующей главѣ, въ чемъ должно по ея мнѣнію, состоять это воспитаніе. Советы ея ограничиваются очень вѣрными, но довольно общими и часто растянутыми указаніями. Въ числѣ этихъ указаній встрѣчается въпрямую одна замѣчательная мысль, которая падаетъ въ тѣсную связь съ общимъ направленіемъ первой главы: тамъ г-жа М. показала, какіе пробѣлы оставляетъ въ душѣ дѣвушки пансіонское воспитаніе; здѣсь она обращаетъ вниманіе матерей на то, какъ пополнить эти пробѣлы.

«Если,—говоритъ она,—Богъ пошлетъ вамъ ребенка, если случится несчастье въ домѣ, не удаляйте отъ него вашего ребенка: пусть онъ укажется за вами, пусть сидитъ у вашей постели, какъ ни былъ онъ молодъ; пусть плачетъ съ вами, какъ бы ни былъ онъ слабъ. Физическая природа не должна развиваться въ ущербъ нравственной. Удаляя его отъ себя въ минуту испытаній, вы скрываете отъ него лучшія стороны, лучшія способности его души; если охранять ребенка отъ всякаго огорченія, то окончится тѣмъ, что онъ не умѣетъ въ состояніи не только страдать, но даже смѣяться на страданіе. Дочь уйдетъ отъ больной матери, потому что у нея не достанетъ силъ выдержать ея болѣзнь.»

Въ этихъ словахъ видно знаніе современной семейной жизни. Г-жа М. прямо указываетъ на одинъ важный недостатокъ воспитанія,—на недостатокъ, происходящій отъ излишней нѣжности къ дѣтямъ. Родители стараются скрывать отъ дѣтей свои огорченія, стараются держать ихъ въ счастливомъ невѣдѣніи печальныхъ сторонъ жизни. Но это счастливое невѣдѣніе не можетъ продолжаться всегда: за нимъ непременно долженъ слѣдовать рѣзкій переходъ въ

жизнь, и чѣмъ рѣзче этотъ переходъ, тѣмъ тяжелѣе отзывается онъ во всемъ нравственномъ существѣ молодого человѣка. Часто за этимъ переходомъ могутъ развиваться или недовѣріе къ людямъ и къ собственнымъ силамъ, или мелочной и холодной эгоизмъ, равнодушіе къ чужимъ дѣйствительнымъ страданіямъ и, рядомъ съ этимъ равнодушіемъ, слезливая чувствительность. Эти качества довольно часто встрѣчаются въ женскихъ характерахъ, потому что женщина большей частью долѣе мужчины остается подъ любящимъ вліяніемъ родителей, вдали отъ огорченій и заботъ самостоятельной, дѣятельной жизни. Не испытавши въ молодости ни противорѣчій, ни лишеній, не узнавши, что такое горе, она не найдетъ въ себѣ достаточныхъ силъ, чтобы перенести свои страданія или чтобы облегчить страданія другого. Потому совѣтъ г-жи М. имѣетъ важное значеніе въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія: надъ этимъ совѣтомъ слѣдовало-бы задуматься многимъ родителямъ. Въ третьей и послѣдней главѣ г-жа М. предлагаетъ проектъ женской гимназій, или заведенія для приходящихъ,—проектъ, который въ главныхъ чертахъ своихъ былъ осуществленъ въ концѣ прошедшаго года. Говорить о выгодахъ подобнаго учрежденія считаемъ излишнимъ: можно съ перваго взгляда замѣтить, что онъ совмѣщаетъ въ себѣ преимущества общественнаго и частнаго воспитанія: живя дома, находясь подъ постояннымъ надзоромъ родителей, воспитываясь въ той сферѣ, въ которой имъ современемъ придется дѣйствовать, дѣвочки въ то-же время за ничтожную плату могутъ получить основательное образованіе. Изъ числа мыслей, встрѣчающихся въ проектѣ г-жи М., особенно замѣчательна по своей практичности слѣдующая:

«Въ этомъ заведеніи,—говоритъ г-жа М.,—не должно быть дѣтей ниже девятилѣтняго возраста; чтобы не отвращать малютокъ отъ занятій, не должно держать ихъ слишкомъ долго въ училищѣ: въ первомъ классѣ довольно въ день двухъ часовъ ученія, потому можно приходить въ классы не ранее 10 часовъ. Воспитанницы высшихъ классовъ могутъ приходить часовъ въ девять, и уроки должны продолжаться около пяти часовъ.»

Эту мысль не мѣшало бы примѣнить и къ мужскимъ учебнымъ заведеніямъ, въ которыхъ также встрѣчаются воспитанники различнаго возраста, подчиненные одному общему уставу. Такъ напримѣръ, въ мужскихъ гимназіяхъ есть мальчики лѣтъ десяти и молодые люди лѣтъ восемнадцати; и тѣ, и другіе проводятъ въ классахъ одно и то-же время, то есть болѣе пяти часовъ. Вообще у насъ соображаются съ возрастомъ только въ изложеніи предмета, а продолжительность преподаванія для всѣхъ возрастовъ одна и та-же; между тѣмъ физическія и умственные силы воспитанниковъ измѣняются съ каждымъ годомъ, а потому съ каж-



дымъ годомъ должна измѣняться и работа. Что легко для молодого человѣка, то утомительно для ребенка. Остальныя мысли г-жи М. о женскихъ гимназіяхъ прямо вытекаютъ изъ ея мыслей объ общественномъ и домашнемъ воспитаніи, — изъ тѣхъ мыслей, которыя высказаны въ первыхъ двухъ главахъ ея сочиненія. Мысли эти здравы и вѣрны: въ нихъ выразился правильный взглядъ на задачу воспитанія; въ нихъ видно знаніе нашего общества и пониманіе его недостатковъ и насущныхъ потребностей.

**Дѣтство и юность Т. Н. Грановскаго. II. Кудрявцева.** («Р. Вѣстникъ», 1858 г., № 12.)

Тимофей Николаевичъ Грановскій, бывшій профессоръ всеобщей исторіи въ Московскомъ университетѣ, извѣстный своими учеными трудами и теплою любовью къ наукѣ, скончался въ 1857 году. Читательницамъ нашимъ вѣроятно не разъ приходилось слышать его имя, которое съ уваженіемъ произносятъ и его сослуживцы, и бывшіе его слушатели, и наконецъ всѣ, кому дорого развитіе научной дѣятельности въ нашемъ отечествѣ. Со смерти Грановскаго прошло уже нѣсколько лѣтъ; но до сихъ поръ еще не было составлено полной и удовлетворительной его біографіи.

Преемникъ Грановскаго по кафедрѣ всеобщей исторіи, Петръ Николаевичъ Кудрявцевъ, скончавшійся въ первой половинѣ 1858 года, взялъ на себя трудъ описать жизнь своего предшественника и собралъ всѣ матеріалы, состоявшіе большей частью изъ писемъ и семейныхъ воспоминаній. Преждевременная смерть не позволила Кудрявцеву окончить его трудъ, и только первый періодъ жизни Грановскаго, заключающійся его выходомъ изъ университета, получилъ окончательную отдѣлку и появился въ печати въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за ноябрь 1858 года. Эта начатая біографія Грановскаго имѣетъ для читателя двойной интересъ: во-первыхъ, она знакомитъ съ фактами жизни покойнаго профессора, съ обстановкою первыхъ лѣтъ его дѣтства и юности, показываетъ первоначальное развитіе его характера; во-вторыхъ, какъ посмертный трудъ Кудрявцева, она обнаруживаетъ глубину мысли и критическій взглядъ своего составителя и служить вѣрнымъ отраженіемъ его замѣчательной личности. Кудрявцевъ съ горячей любовью занялся своимъ дѣломъ: онъ собралъ всевозможныя свѣдѣнія о первыхъ годахъ жизни Грановскаго, о его родителяхъ, о той обстановкѣ, подъ вліяніемъ которой росъ и развивался ребенокъ; онъ умѣлъ расположить эти разрозненныя, отрывочныя свѣдѣнія, привести ихъ въ систематическую последовательность и составить очень живую и интересную картину дѣтства Грановскаго.

Первые годы жизни заслуживаютъ вниманія біографа: первыя впечатлѣнія, начальное направленіе воспитанія, личныя окружающіхъ людей имѣютъ часто рѣшительное, неизгладимое вліяніе на наклонности и характеръ ребенка. Къ сожалѣнію, бываетъ очень трудно собрать подробности этого перваго періода жизни, сообщенія свѣдѣнія бываютъ обыкновенно отрывочны, ясны и безцвѣтны. Рѣдко даютъ себѣ трудъ наблюдать надъ постепеннымъ развитіемъ ребенка, подмѣчать въ немъ характерныя особенности, слѣдить за пробужденіемъ молодого. На этомъ основаніи Кудрявцевъ не могъ дать полной характеристики дѣтства Грановскаго; онъ приводитъ отдѣльныя черты, очень любопытныя и занимательныя, но не отражающія въ себѣ личнаго характера героя; дѣтство Грановскаго прошло тихо и мирно; онъ не отличалъ своимъ умственнымъ развитіемъ сверстниковъ и не стоялъ выше ихъ по благородію характера. Дѣтскія шалости его, о которыхъ воспоминаніе сохранили самъ Грановскій и которые изъ его близкихъ знакомыхъ, доносятъ, что ни нравственныя свойства его, наклонности не обозначались въ первый періодъ его жизни. Эта часть труда Кудрявцева важна и интересна для насъ въ особенности потому, что знакомитъ съ обстановкою жизни Грановскаго, съ членами его семейства, съ тѣми личностями, которыя имѣли на него ближайшій и непосредственный вліяніе. Такимъ образомъ рассказъ доходитъ до тринадцатилѣтняго возраста будущаго профессора. Здѣсь онъ оживаетъ и становится интереснѣе и глубокосмысленнѣе; тутъ уже обозначаются зародыши тѣхъ чувствъ и стремленій, которыя должны были опредѣлить судьбу молодого человѣка. На первомъ планѣ выступаютъ любовь его къ матери и страстная охота къ чтенію. Эти два чувства глубоко укоренившіяся въ душѣ ребенка, вели за собою важныя послѣдствія. Любовь матери подчинила его ея благотворному вліянію и положила прочныя основанія той нравственной чистотѣ мыслей и побужденій, мягкости и глубинѣ чувства, которыя отличаютъ Грановскаго въ позднѣйшую пору его жизни. Развившаяся наклонность къ чтенію расширила кругъ его мысли, затронула въ немъ те вопросы, которыхъ не могло поднять домашнее воспитаніе, и облегчила дальнѣйшій ходъ его самообразованія. Интересъ біографа возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ молодой человѣкъ дѣлается самостоятельнѣе, сталкивается лицомъ къ лицу съ практической жизнью, выходя изъ-подъ вліянія родительской власти, начинаетъ жить и дѣйствовать своимъ умомъ. Здѣсь, подъ вліяніемъ обстоятельство, подъ вліяніемъ нужды и горя, слабая и крѣпнущая убѣжденія Грановскаго;



Вннны способности его начинают раб-  
 ь самостоятельно; онъ задумывается надъ  
 ью собственной жизни, старается разгадать  
 и наклонности и выбрать своимъ си-  
 ь соответствующее имъ поле дѣятельно-  
 онъ жадно ищетъ образованія и не до-  
 ствуется той ограниченной средою, въ ко-  
 ю поставило его желаніе родителей; сила  
 и еще инстинктивная любовь къ наукѣ  
 ладываютъ ему дорогу и заставляютъ его  
 долѣтъ препятствія, на которыхъ остано-  
 я бы всякій другой. Принужденный рабо-  
 надъ своимъ образованіемъ, предоставлен-  
 собственнымъ силамъ, Грановскій въ одно  
 я борется и съ матеріальной нуждою, и съ  
 окимъ горемъ, и съ семейными непріятно-  
 и, и со всеми трудностями университетскаго  
 а. Пораженный извѣстіемъ о смерти матери,  
 вленный, почти забытый отцомъ въ чужомъ  
 дѣ, двадцатилѣтній молодой человѣкъ не  
 ваетъ своихъ младшихъ сестеръ и брата;  
 мененный заботами, подавленный собствен-  
 ь горемъ и нуждою, онъ старается устроить  
 участь, обезпечить ихъ существованіе, раз-  
 ихъ умственные способности. Эта послѣд-  
 часть недоконченнаго труда Кудрявцева  
 ставляетъ особенный, мѣстами драматиче-  
 интересъ. Біографъ собралъ письма Гра-  
 новскаго, расположилъ ихъ въ хронологическомъ  
 дѣ и, вникнувъ въ то состояніе души,  
 вліяніемъ котораго они были писаны, вос-  
 звелъ самыми яркими и вѣрными красками  
 студенческую жизнь, его отношенія къ то-  
 щамъ, къ обществу, къ семейству и къ са-  
 себѣ. Не позволивъ себѣ ни одного произ-  
 наго слова, не прибавивъ къ личности  
 овскаго ни одной черты, неоснованной на  
 мѣ-нибудь фактѣ, не оставивъ безъ внима-  
 ни одной подробности, которая могла бы  
 ать свѣтъ на его характеръ, Кудрявцевъ  
 лнилъ ту задачу, которую предположилъ  
 , приступая къ своему труду. Читатель  
 въ познакомиться вполнѣ съ личностью  
 овскаго, какъ человѣка, въ первый періодъ  
 развитія. Молодость его, та школа горя и  
 еній, черезъ которую онъ прошелъ такъ рано,  
 которой сформировались черты его харак-  
 , обрисована со всѣхъ сторонъ мастерской  
 ю Кудрявцева. Несмотря на недокончен-  
 ь его біографическаго очерка, юношескій  
 изъ Грановскаго, глубоко прочувствованный  
 дожественно воспроизведенный, обозначенъ  
 наглядныхъ чертахъ и производить цѣльное  
 рѣдѣленное впечатлѣніе.

иха. Разсказъ *В. Ауэрбаха*. («Р. В.»,  
 1858 г., ноябрь, прилож.)

Совѣсти Ауэрбаха должно разсматривать,  
 въ произведенія нѣмецкаго поэта и какъ про-

изведенія поэта вообще. Двѣ стороны въ его  
 разсказахъ должны обратить на себя особен-  
 ное вниманіе читателя: сторона національная,  
 мѣстный колоритъ, выражающійся во внѣшнихъ  
 формахъ и въ обстановкѣ, и сторона обще-  
 ловѣческая, внутреннее развитіе характеровъ,  
 анализъ душевныхъ движеній. Личности, кото-  
 рыя Ауэрбахъ выводитъ въ своихъ разсказахъ,  
 отличаются своей типичностью: на нихъ лежитъ  
 неизгладимый отпечатокъ ихъ національности;  
 ихъ взглядъ на жизнь, ихъ поступки, ихъ рѣчи,  
 всѣ внѣшнія формы, въ которыхъ проявляются  
 ихъ личныя свойства, обусловливаются ихъ об-  
 щественнымъ положеніемъ и прямо выходятъ  
 изъ народнаго характера. Но одной такой ти-  
 пичности было-бы мало. Еслибы въ повѣстяхъ  
 Ауэрбаха была только воспроизведена нѣмецкая  
 народная жизнь, еслибы дѣйствующія лица  
 были исключительно нѣмецкими типами, то инте-  
 ресъ самихъ повѣстей былъ-бы временный и  
 мѣстный. Для читателя, принадлежащаго къ  
 другому народу, онѣ были бы любопытны на  
 столько, на сколько интересуется каждаго обра-  
 зованнаго человѣка разсказъ путешественника.  
 Въ нихъ не было-бы той свѣжей художествен-  
 ности, которая составляетъ ихъ главное до-  
 стоинство. Художественность эта основана на  
 пониманіи человѣческой души, на психологиче-  
 ской вѣрности и естественности, съ которою  
 поэтъ воспроизводитъ явленія внутренней жизни.  
 Онъ умѣетъ слѣдить за самыми неувловимыми ея  
 движеніями, облекаетъ свою мысль въ самые  
 живые образы, создаетъ самые естественные и  
 и въ то-же время граціозные характеры. Не  
 выходя изъ сферы семейной жизни, не вводя въ  
 свой разсказъ никакихъ происшествій, кромѣ  
 мелкихъ случаевъ вседневной жизни, онъ умѣетъ  
 въ каждомъ такомъ случаѣ отыскать его вну-  
 треннюю причину, объяснить его вліяніе на  
 каждое изъ дѣйствующихъ лицъ. Рядъ такихъ  
 случаевъ обрисовываетъ характеръ несравненно  
 лучше и полнѣе, нежели обрисовали-бы ихъ  
 искусственно подобранныя событія. Мы видимъ  
 живого человѣка въ сопрیکосновеніи съ дѣй-  
 ствительной, вседневной жизнью; мы передумали  
 и переживали то, что можно думать  
 и чувствовать, находясь въ его положеніи; по  
 крайней мѣрѣ мы видѣли въ дѣйствительной  
 жизни подобныя обстоятельства и потому мо-  
 жемъ полнѣе сочувствовать дѣйствующимъ ли-  
 цамъ повѣсти, вѣрнѣе понимать состояніе ихъ  
 души, неуклоннѣе слѣдить за мыслью автора.  
 Все, что мы сказали о повѣстяхъ Ауэрбаха  
 вообще, вполнѣ можно приложить къ его по-  
 вѣсти «Мачиха». Постараемся, сдѣлать легкій  
 очеркъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. На пер-  
 вомъ планѣ стоитъ прекрасная женская лич-  
 ность «Мачиха» Тадеи. Въ ней авторъ из-  
 образилъ одинъ изъ тѣхъ сильныхъ, сосредото-  
 ченныхъ въ себѣ характеровъ, которые выдѣ-



бываются одиночествомъ, невеселою обстановкою и самостоятельнымъ размышленіемъ. Авторъ не прослѣдилъ ея развитія съ дѣтства, но онъ показалъ намъ общій колоритъ ея домашней, дѣвической жизни, выставилъ личность ея отца, и по этимъ даннымъ ея семейнаго быта мы можемъ заключить, что первая молодость Таддеи прошла однообразно и скучно. Такія условія жизни дѣйствуютъ различно, смотря по тѣмъ силамъ, которыя вложены въ человѣка природою. Обыкновенный, дюжинный характеръ могъ-бы сдѣлаться еще мельче и безцвѣтнѣе; нуждаясь въ посторонней поддержкѣ, не будучи въ состояніи жить и думать собственными силами и не находя въ окружающихъ людяхъ ни помощи, ни сочувствія, онъ бы потерялъ и вѣру въ жизнь, и довѣріе къ людямъ, и уваженіе къ собственной личности. Сильные характеры развиваются иначе. Таддеа является намъ въ эпоху разсказа тридцатилѣтнею дѣвушкой. Изъ этой черты можно заключить, что Ауэрбахъ рисуетъ дѣйствительную, а не романтическую жизнь; героиня его начинаетъ дѣйствовать въ такомъ возрастѣ, въ которомъ женщины обыкновенныхъ романистовъ уже сходятъ со сцены. Это не случайная черта. Ауэрбахъ хотѣлъ представить выработавшійся, окончанный характеръ; а такого сложившагося характера нельзя предполагать въ шестнадцатилѣтней или семнадцатилѣтней дѣвушкѣ, которая можетъ полюбить и разлюбить, которая случайное движеніе чувствъ можетъ принять за дѣйствительное, глубокое чувство. Молодость Таддеи прошла безъ любви; но самостоятельность и твердость характера спасли ее отъ того жалкаго озлобленія, которое такъ часто слѣдуетъ за разочарованіемъ. Умѣя смотрѣть на жизнь здоровыми глазами, она не ждала отъ нея невозможнаго счастья, не тревожила себя несбыточными мечтами; грустно проведенное дѣтство выучило ее переносить и мелкія несправедливости, и, что еще тяжело, однообразіе жизни; но терпѣніе это не одревенѣло ея чувства, не превратилось въ тупую забитость: она умѣла только затануть въ себѣ любящія силы души, умѣла примириться съ своей скучной жизнью и старалась до времени точно и вѣрно исполнять свои обязанности, чтобы въ сознаніи долга находить внутреннее утѣшеніе. Твердость воли и самостоятельность характера, сформированныя такою постоянною борьбой съ жизнью, не мѣшали развитію женственной стороны ея души; онѣ совместились съ мягкостью чувства, со способностью любить. Способность эта не находила себѣ исхода, но не замерла въ ея душѣ и, затанувшись, сохранила всю свою юную свѣжесть и грацію. Таддеа видитъ человѣка, способнаго составить ея счастье, — человѣка достойнаго уваженія, и, воплоти сознавая принимаемая на себя обязан-

ности, отдается тому чувству, которое ее внушаетъ, просто, спокойно, безъ изнѣжничества, увлеченія, несвойственнаго ея лѣтамъ, и притворства, несообразнаго съ ея честнымъ прямымъ характеромъ. Можно только сказать, что чувство Таддеи возникаетъ и комъ быстро. Авторъ мало объясняетъ ея не прослѣживая ея развитія; оно естественно въ своемъ проявленіи, но съ этого разу является уже готовымъ. То же замѣчаніе сдѣлали мы, говоря о «Восхожденіи». Можно сказать вообще, что Ауэрбахъ не умѣетъ представлять естественное развитіе души, изображать спокойное состояніе души, жели слѣдить за сильными ея движеніями анализировать тѣ чувства, которыя глубоко волнуютъ и потрясаютъ ее. Когда Таддеа любила Раймунда, личность ея осталась въ себѣ. Авторъ выдержалъ ея характеръ; мы не можемъ вполне отдать себѣ отчетъ въ томъ дѣйствіи, которое оказала на нее любовь. Въ минуту тихой грусти или спокойнаго сознанія личность ея гораздо полнѣе и определеннѣе выступаетъ передъ нашими глазами. У Таддеи, Раймунда, представляетъ съ собой полную противоположность: онъ — чуждый, добрый и честный, но слабый, робкій и не самостоятельный; онъ выросъ при такихъ условіяхъ, которыя, содѣйствуя развитію хорошихъ качествъ сердца и ума, не дали окрепнуть его воли, не положили основанія сильному, самостоятельному характеру. О немъ съ малолѣтства заботились, за него думали и рѣшали дѣла; онъ съ удовольствіемъ довѣрялся любви, надзору родителей, не разставался съ ними; дожилъ до зрѣлыхъ лѣтъ, не выработавъ себѣ энергіи, не приучившись дѣйствовать своимъ убѣжденіемъ. Взглядъ его на жизнь вѣренъ и ясенъ, идеи его отличаются бланкомъ родствомъ; онъ часто расходится въ убѣжденіяхъ съ своимъ отцомъ, человѣкомъ добрымъ, но хитрымъ, мало развитымъ и исключительнымъ; онъ говоритъ и мыслитъ прямо, строго и честно, но когда приходитъ къ дѣйствованію, тогда онъ робѣетъ, отступаетъ часто по слабости позволяетъ сбить себя съ прямого пути, на который указываютъ ему вѣсть и природный умъ. Онъ самъ первый замѣчаетъ въ себѣ этотъ разладъ мысли съ волею и самъ жестоко страдаетъ отъ каждаго своего проступка. Почему Таддеа полюбила Раймунда — по безотчетному ли влеченію, по сознательной оцѣнкѣ его хорошихъ качествъ, это у Ауэрбаха почти вовсе не объяснено. Счастливо съ ея стороны возможно и естественно потому что чистота убѣжденій Раймунда для нее была прежде всего броситься ей въ глаза; сильно подѣйствовать на ея неспорченую природу; но почему именно возникло это влеченіе, какъ оно развилось, на это нѣтъ отъ



последующее влияние Таддеи на характер мужа прослѣжено прекрасно; здѣсь мѣтко то ободряющее дѣйствіе, которое имеет сознательная привязанность на и нерѣшительную личность.

Мейстеръ (Раймундъ), котораго отецъ не сновалъ обвинялъ въ слабости, какъ-то и возмужалъ подлѣ Таддеи. До сихъ поръ искомъ привыкъ къ ровному теченію семей-изни, ему не нужно было употреблять ста-чтобы сохранить любовь и уваженіе своихъкъ; теперь же онъ хотѣлъ доказать Таддею, что умѣетъ дѣйствовать самостоятельно, и это съ каждымъ днемъ приобреталъ муже-твердость.»

Остальныхъ личностей мы упомянемъ то. Всѣ онѣ въ высшей степени типичны. едва набросаны, другія тщательно обра-а; но нѣтъ ни одного безцѣтнаго, нѣмого Художникъ въ нѣсколькихъ чертахъ уловить характерныя особенности. Къ такихъ неотдѣланныхъ, но оригиналь-типовъ принадлежатъ будочникъ Геслеръ жена; но особенно замѣчательна личность Рельши, матери Раймунда. Эта женщина овѣка, дѣятельная хозяйка, соединяющая въ практическую мудрость и опытность кимъ сердцемъ и съ искренней душевной юю. Рѣчи Штаффельши, ея совѣты про-гы здравымъ смысломъ и замѣчательны ей примѣнимости къ дѣлу; ея поступки душни, обращеніе откровенно, иногда то, но всегда привѣтливо. Отношенія ея вѣстки, къ Таддею, отличаются задушев-о и нѣжностью, въ которой нѣтъ ничего наго и натянутого. Дружба ихъ основана имвомъ уваженіи и выражается не въ ть, а на дѣлѣ. Таддею довѣряетъ опыт-старухи, съ удовольствіемъ обращается за совѣтомъ, цѣнитъ ея умъ и открытое душе. Штаффельша съ своей стороны по-тъ замѣчательный характеръ невѣстки, активно ставитъ ее выше собственного и съ материнской заботливостью вникаетъ нужды и сомнѣній. Вотъ напримѣръ изъ ихъ разговоровъ:

— Прая Штаффельша все болѣе и болѣе сходи-тъ невѣсткой и вполне одобряла ея образъ ил, указывая ей однако на затрудненія, ей предстояли. Однажды она сказала:

— Знаешь-ли, когда Эрнестина привяжется къ какъ родная дочь? Когда ты ее хоть разъ нилью накажешь. Пока ты этого не сдѣлаешь, будешь смутно чувствовать, что ты ей чу-отому что не смѣешь ее наказывать, и что она ужал, потому что не можешь тебя разсердить какъ родной ребенокъ, на котораго ты именно и сердилъ, что онъ тебѣ дорогъ. Ты хо-чтобы дѣвочка чувствовала, что она здѣсь во тѣмъ именно, что ты такъ осторожно съ ращаешься, не требуешь отъ нея почти ни-ты ее отъ себя отчуждаешь. Дитя не почув-тъ себя дома, пока его немножко не постра-

фуютъ. О, Боже мой! Ты — первая мачиха, которой приходится совѣтовать это.

— Вы, можете быть, правы, отвѣчала Таддея. — Будьте увѣрены, что при первомъ случаѣ я на-кажу ее.

— Поймай! сказала Штаффельша. — Ты еще мо-лода. Знаешь-ли ты, какал самая лучшая оплеуха? — Нѣтъ.

— Та, которая дается безъ предисловія и безъ длинныхъ разсужденій, безъ угрозъ и безъ выгово-ровъ. Такъ, бацъ въ щеку, и больше ни слова. Это и для матери лучше, и для ребенка лучше, и дѣй-ствуетъ хорошо. Спроси у мужа: я два раза вы-драла его за уши, не говоря дурного слова, и онъ этого въ вѣкъ не забудетъ. А разозлить и себя, и ребенка прежде или послѣ наказанія — и ребенка можно испортить, и мать.»

Совѣтъ Штаффельши конечно можетъ вы-звать много дѣльных возраженій; но въ немъ видно глубокое практическое изученіе дѣтской природы, виденъ и ясный, здравый смыслъ. Ребенку, чтобы почувствовать себя, какъ дома, должно понять, что надъ нимъ имѣютъ власть, а заставить его понять это, можно, какъ гово-ритъ Штаффельша, только посредствомъ лег-каго и конечно справедливаго наказанія. Изъ этой выписки мы видѣли, что Таддея, выходя за Раймунда, сдѣлалась *мачихою*. Последнія двѣ главы, лучшія во всей повѣсти, показы-ваютъ намъ ея новое положеніе, ея обращеніе съ пасынками и отношенія къ другимъ членамъ семейства. Романическій интересъ уже конченъ, судьба главныхъ дѣйствующихъ лицъ уже рѣ-шена, первая минута любви прошла, праздни-чая обстановка первыхъ дней замужества ис-чезла; для Таддеи настаетъ будничная жизнь, и она вступаетъ въ свои новыя обязанности. Тутъ Ауэрбахъ начинаетъ свой глубокий и тон-кій анализъ; тутъ онъ выказываетъ свое зна-ніе человѣческой души; тутъ особенно привле-кательно и естественно представлены въ двухъ-трехъ сценахъ чувства и мысли ребенка, вы-веденъ весь его внутренний міръ. Таддею было всего труднѣе преодолѣть нерасположеніе своей маленькой падчерицы, запуганной разсказами о *мачихѣ* и холодно отвѣчавшей на ея нѣжную заботливость. Какъ ей удалось привлечь къ себѣ сердце ребенка, какъ совершился переломъ въ его душѣ, это описано авторомъ въ двухъ по-слѣднихъ главахъ, въ которыхъ дѣйствіе не вы-ходитъ изъ тѣснаго семейнаго круга. Выписы-ваемъ глубоко обдуманную и граціозную сцену окончательнаго примиренія.:

«Приближался конецъ марта. Уже было нѣсколь-ко теплыхъ, весеннихъ дней; но потомъ опять выпалъ снѣгъ; опять какъ будто-бы настала зима, но видно было, что не надолго. Мать разсказывала дѣтямъ, что уже прилетѣли скворцы и потомъ опять исчезли, неизвѣстно, гдѣ они теперь; дѣти слушали съ удивленіемъ.

Эрнестина сидѣла подлѣ матери, которая учила ее шить, — задача довольно трудная, потому что дѣ-вочка не любила этой работы. Таддея прала у самопрядки, маленький Магнусъ похѣ стомажъ строилъ домики изъ деревашекъ.



Мать на минуту ушла, чтобы распорядиться по хозяйству; когда она возвратилась, она нашла прилку въ величайшемъ беспорядкѣ; лень былъ весь спутанъ и раздѣрганъ.

— Это ты сдѣлала, сказала мать строго. — Поди сюда, Эрнестина, сюда, поближе. Ты видишь, что ты тутъ надѣлала, ты видишь, сколько мнѣ нужно труда, чтобъ все опять привести въ порядокъ? Я тебѣ говорю въ послѣдній разъ, если ты еще станешь трогать самоприлку, ты будешь наказана. Теперь садись, пододвинь скамейку сюда, нальво, чтобы я могла видѣть, какъ ты шьешь.

Въ комнатѣ слышно было только монотонное жужжанье веретена, и Тадея нѣсколько времени не смотрѣла на дѣвочку, чтобы дать ей успокоиться.

Какъ знать, что происходитъ въ дѣтской душѣ? Рѣчи и чувства ребенка часто бываютъ загадками для тѣхъ, кто его окружаетъ. Часто насъ поражаетъ проблескъ мысли, неожиданная выходка, которая показалась-бы намъ невѣроятною и невозможною, еслибы мы не видѣли ея сами.

Никогда еще Тадея такъ строго не говорила съ ребенкомъ, никогда еще Эрнестина не видала ее такою серьезною и твердою, и какое-то необъяснимое волненіе овладѣло ея дѣтскою душою. Она невольно прижалась къ Тадеѣ. Былъ-ли то страхъ или любовь?

Тадея чувствовала ея приближеніе; она на минуту остановила веретено и, положивъ руку на плечо дѣвочки, сказала только: «будь умница». Потомъ опять долгое время не было слышно ничего, кромѣ мѣрнаго звука самоприлки. Два сердца бились такъ близко другъ отъ друга; но какъ знать, когда они сольются вмѣстѣ.

Солнце озарило окна первыми весенними лучами, Тадея встала и подвинула къ солнцу комнатныя растения, которыя она привезла съ родины. Ею овладѣло особое чувство тихаго счастья. Есть минуты, когда мы сливаемся душою съ жизнью всей природы. Тадея смотрѣла на цвѣты и думала о томъ, какъ нуженъ для нихъ теплый солнечный лучъ, они выросли далеко отсюда, и солнышко ихъ отыщетъ вездѣ. И вдругъ ей показалось, что вся эта обычная обстановка посылаетъ ей глубокое напоминаніе. Имъ нужно вырастать на солнцѣ! А для сердца человѣческаго нужна теплая любовь. Жалко то сердце, которое въ лучшую свою пору не было согрѣто лучемъ!

Тадеѣ захотѣлось выказать ребенку всю свою нѣжность, приголубить и пригрѣть его, какъ она пригрѣла цвѣты на весеннемъ солнцѣ. Она обратилась къ Эрнестинѣ, и взглядъ ея засіялъ ярче и теплѣе солнечнаго луча. Дѣвочка, можетъ быть, почувствовала этотъ взглядъ: она какъ-то вздрогнула, но однако не обернулась. Упрямство Эрнестины все еще не было переломлено.

Тадея опять затѣмъ-то вышла, и когда она, возвращаясь, отворила дверь, дѣвочка опять стояла передъ самоприлкою. Тадея быстро подошла къ ней, и въ ту же минуту, несласково дернутое, сильно загорѣлось ушко малытки.

Она не прибавила ни слова. Она опять посадила дѣвочку подѣ себя на скамейку и дала ей въ руки работу безъ малѣйшаго замѣчанія. Опять быстро завертѣлось колесо самоприлки и такъ-же быстро смѣнились ощущенія въ душѣ Тадеи. Дѣло сдѣлано, она наказала ребенка, и ребенокъ, рыдая, сидитъ подѣ нею. Опять настало долгое молчаніе.

Кто наблюдалъ за дѣтми, тотъ долженъ былъ замѣтить, какъ рѣдко даже самыя благонаправленныя сразу повинуются какому-нибудь запрещенію.

Это рѣзкое преломленіе ихъ воли оскорбляетъ ихъ самолюбіе, можетъ быть, даже дѣтское чув-

ство собственного достоинства. Запретите трогать какую-нибудь вещь, онъ большей повинуется не вдругъ и, если возможно, е дотронуется до нея, какъ бы въ доказательств онъ оставляетъ ее не иначе, какъ по собственнѣ ршенію. Съ другой стороны, когда ребенокъ, въ самомъ наказавшемъ обидѣ остается какое-то чувство досады на само и нѣтъ ничего опаснѣе, какъ стараться р это непріятное ощущеніе, преждевременно ребенка и предлагая ему тутъ же разнѣ вольствія. Тадея дала Эрнестинѣ хорѣ выплакаться, какъ ни хотѣлось ей остави слезы. Наконецъ, когда Эрнестина совсѣмѣ конлась, мать сказала ей:

— Если ты будешь умна, я тебѣ буду подарю самоприлку и выучу тебя прать.

— Да, закричалъ вдругъ маленький изъ-подъ стола: — мама всегда даетъ то, что

Тадея радостно улыбалась увѣренности: она, точно, никогда не давала дѣтихъ обѣщаній.

Опять все утихло въ комнатѣ. Тадея вала, что Эрнестина къ ней прижимаетъ ближе и ближе, ей показалось даже, что хонько цѣлуетъ ея платье, и наконецъ дѣвочки совсѣмѣ опустила на ея колѣ медленнѣе стала вертѣть колесо самопри ребенка тихо задремала. Но вотъ Эр глубоко вздохнула. Тадея смотрѣла на ея душѣ раздавался натѣвъ старой пѣсни:

Что мягче лебяжьяго пуха?

Доно матери!

Что слаще душистаго меда?

Ласки матери!

Все глубже становился взглядъ, и вотъ онъ открылъ глаза, да, точно, то былъ взглядъ, нельзя сказать, кто первая нагнулась, кто протянула руки. «Маменька!» — Ты мое и онъ уже лежали въ объятіяхъ другъ друга косвенный лучъ солнца падалъ изъ окна, комнату весеннимъ блескомъ.

Но Тадея не захотѣла продлить эти не даромъ же про нее говорила старая фельша: «Во всемъ, что она дѣлаетъ, чувств ея доброта, но нельзя разсказать, въ чемъ Ея доброта, точно масло въ сдобной буздѣ».

Тадея посадила Эрнестину къ себѣ на стала учить ее прать, и, когда отецъ воосъ удивленіемъ взглянулъ на нихъ, Эрнест кричала ему звонкимъ голосомъ:

— Папа! маменька обѣщала мнѣ на бзиму подарить самоприлку; она всегда д что обѣщаетъ!»

Отъ себя мы не прибавляемъ ни слов просимъ только нашихъ читателей читаться въ это мѣсто, раз каждую отдѣльную черту и сличить ее съ воспоминаніями дѣтства, и тогда поневоли и ясно станеть на душѣ и вся семейна тина въ кроткомъ свѣтѣ выступить глазами.

Частные женскіе пансіоны. Д. М. («Ат 1858 г. № 14.)

Недавно (стр. 9) мы высказали сколько замѣчаній по поводу статьи А



рота «Образованіе женщины средняго и высшаго сословія»; въ статьѣ Д. М. заключается разборъ мыслей Апеллерота и указываются тѣ затрудненія, которые встрѣтили бы его совѣты, ежели-бы ихъ захотѣли примѣнить къ жизни. Авторъ, какъ показываетъ уже заглавіе его статьи, обращаетъ преимущественно вниманіе на тѣ несовершенства, которыя указываетъ Апеллеротъ въ устройствѣ частныхъ женскихъ пансіоновъ; Д. М. защищаетъ частные пансіоны и, разбирая упреки Апеллерота, находитъ, что одни изъ нихъ совершенно неосновательны, другіе голословны и бездоказательны. Изъ тѣхъ словъ Апеллерота, которыя приводитъ его рецензентъ, нельзя не замѣтить особеннаго ожесточенія перваго противъ пансіоновъ, содержимыхъ иностранками. Апеллеротъ возстаетъ противъ иностраннаго вліянія «какойнибудь мадамы, иногда весьма сомнительныхъ достоинствъ» и говоритъ о необходимости «народнаго образованія будущихъ русскихъ женъ и матерей». Мысли эти выражены въ рѣзкой формѣ, черезъ которую проглядываетъ странное недоверіе ко всему иностранному; но онѣ не до такой степени невѣрны, чтобы вызвать то серьезное возраженіе, которое представляетъ Д. М. «Развѣ, спрашиваетъ онъ, иностранка не можетъ быть хорошею воспитательницей?» Конечно можетъ; но зачѣмъ такимъ образомъ ставить вопросы. Дѣло не въ томъ, можетъ-ли иностранка быть хорошей воспитательницей, или нѣтъ. Объ этомъ странно и спрашивать. Намъ надо знать, дѣйствительно ли удовлетворяетъ какимъ-нибудь разумнымъ требованіямъ воспитаніе, получаемое дѣвочками въ частныхъ пансіонахъ, которые большей частью содержатся иностранками. Ежели воспитаніе это удовлетворительно, то возраженіе Д. М. основательно, хотя и невѣрно поставлено. Но въ статьѣ рецензента не приведено фактовъ, на которыхъ можно было бы основать такое утѣшительное положеніе, и потому мы позволимъ себѣ сомнѣваться въ этомъ. Частные пансіоны рѣдко составляютъ предметъ спекуляціи; содержатель или содержательница рѣдко бываютъ проникнуты сознаніемъ своихъ обязанностей; рѣдко принимаютъ они за свое дѣло изъ безкорыстнаго желанія принести пользу или даже съ твердымъ намѣреніемъ исполнить добросовѣстно свои обѣщанія. Конечно ежели-бы общество наше было достаточно развито, то трудно было бы обмануть его эффектной обстановкою; оно-бы скоро умѣло опѣнить дѣйствительныя достоинства воспитанія, умѣло-бы отбѣлить и недостатки. Тогда между частными пансіонами явилась-бы конкуренція, и воспитаніе, сдѣлавшись предметомъ коммерческаго предпріятія, нисколько не утратило-бы своихъ внутреннихъ качествъ. Но развѣ на самомъ дѣлѣ такъ? Развѣ многіе изъ роди-

телей нашего времени способны основательно судить о томъ, что нужно для хорошаго воспитанія? развѣ могутъ они подвергать критикѣ составъ пансіонской программы и слѣдить за тѣмъ, чтобы обѣщанія, данныя въ программѣ, были строго выполнены? При такомъ порядкѣ вещей, какъ ни печально подобное сознаніе, а необходимо поставить предполагаемые казенныя гимназіи выше частныхъ пансіоновъ. Въ первыхъ по крайней мѣрѣ выборъ наставниковъ, классныхъ дамъ и проч. не всегда будетъ зависѣть отъ произвола одного лица и, быть можетъ, будетъ подлежать болѣе строгому контролю. По крайней мѣрѣ онъ навѣрное не будетъ обусловливаться экономическими расчетами частнаго лица. Что касается собственно до вліянія иностранцевъ, то нельзя и здѣсь не видать въ словахъ Апеллерота своей доли правды. Очень естественно, что національность содержателя должна имѣть вліяніе и на выборъ преподавателей, и на самый ходъ преподаванія, и наконецъ на языкъ, который господствуетъ въ стѣнахъ пансіона. Пристрастіе иностранца къ своей народности очень естественно; но тѣмъ не менѣе это пристрастіе не принесетъ никакой пользы воспитанницѣ, а только собьетъ ее съ толку и вселитъ ей ложныя понятія, или не дастъ ей достаточно полнаго понятія о Россіи и о русскихъ. Авторъ упрекаетъ Апеллерота въ славянофильствѣ; не наше дѣло рѣшать, на сколько основателенъ этотъ упрекъ, но нельзя не замѣтить, что рецензентъ вналъ въ крайность. «Общество, говоритъ онъ, быстро двинется впередъ, только не на основаніи славянофильской идеи о народной семейственности, а на основаніи общихъ для всего человѣчества законовъ развитія». Съ послѣдней частью этой мысли мы совершенно согласны. Очень понятно, что каждый народъ, составляя часть чело-вѣчества, пойдетъ впередъ по общимъ его законамъ развитія. Но можно ли на подобной мысли построить заключеніе, что въ преподаваніи нѣтъ надобности сообразоваться съ народностью учащихся? Мы думаемъ, что объемъ, въ которомъ преподаются науки, долженъ находиться въ прямомъ отношеніи съ потребностями учащихся. Этими-же потребностями должны обусловливаться приемы преподавателя. Нельзя отвергать, что желаніе узнать подробности того, что окружаетъ чело-вѣка, что ему близко и дорого, что имѣетъ вліяніе на его личность, нельзя, повторяемъ мы, отвергать, что это желаніе составляетъ одну изъ самыхъ естественныхъ и законныхъ потребностей. Какже ученику не интересоваться свѣдѣніями, которыя сообщаютъ ему о его родномъ языкѣ, о его отечественной исторіи, о его литературѣ? Нужно только, чтобы эти свѣдѣнія имѣли въ его глазахъ живой смыслъ, чтобы они въ наглядной формѣ представлялись его уму. *Предполаганіе.*



по нашему мнѣнію, должно сообразоваться съ національностью ученика. Знаніе отечественнаго языка, исторіи и словесности должно занимать одно изъ самыхъ важныхъ мѣстъ въ запасѣ свѣдѣній, выносимыхъ имъ изъ школы. Пира космополитизма прошла съ XVIII столѣтіемъ; идея гуманности, скрѣпляя союзъ между всѣми людьми, рѣшительно не исключаетъ патриотизма, который конечно не долженъ доходить до слѣплаго увлеченія всѣмъ, что *наше*, и до бессмысленнаго гоненія того, что *чужое*; всѣ мы должны работать для человѣчества, но всего естественнѣе работать тѣми средствами, которыя находятся у насъ подъ руками, и въ той сферѣ, въ которую мы поставлены; описывая сцены изъ русской жизни, трудясь надъ мелкимъ вопросомъ русской науки, русскій писатель и ученый конечно работаютъ для человѣчества, хотя результаты ихъ трудовъ будутъ чувствительны въ одной его части. Все это конечно знаетъ рецензентъ; но мы привели эти общезвѣстныя мысли, чтобы показать, что дѣло только въ словахъ; выраженіе Апелльрота дѣйствительно неудачно и неясно, по идее о томъ, что преподаваніе должно быть ведено сообразно съ національностью ученика, очень основательна. «Русская жена и русская мать» должна знать потребности того общества, въ которомъ она живетъ; она должна слѣдить за успѣхами просвѣщенія, за движеніемъ идей въ литературѣ; чтобы оцѣнить значеніе этихъ идей, она должна знать ихъ отношеніе къ прошедшему, чтобы понимать и уяснить своимъ дѣтямъ красоты отечественныхъ писателей; она должна знать духъ языка, должна изучить, конечно на примѣрахъ, его изгибы и обороты. На чистоту русскаго языка воспитанницъ, на полноту изученія отечественной литературы конечно могутъ имѣть вредное вліяніе національность содержателей и учителей и преобладаніе иностраннаго языка въ пансіонѣ,—обстоятельство, которыми часто такъ дорожатъ родители. Изученіе иностранныхъ языковъ и литературъ важно и необходимо для всесторонняго развитія; но развѣ нельзя согласить одно съ другимъ? Развѣ это помѣшаетъ занятіямъ по отечественному языку, чтенію русскихъ писателей? Между тѣмъ, въ какомъ предметѣ всего слабѣе и поверхностнѣе знанія нашихъ дѣвицъ? въ русскомъ языкѣ, въ русской словесности. Объ исторіи и говорить нечего: у насъ нѣтъ по этому предмету порядочныхъ учебниковъ, да и предметъ то самый неразработанный. Этихъ печальныхъ фактовъ не отвергнетъ Д. М. Смѣшно приписывать ихъ иностраннымъ пансіонамъ; но нельзя не допустить, что они имѣли въ этомъ случаѣ нѣкоторое вліяніе. Хотя мы далеко ушли впередъ отъ временъ Грибоѣдова, а нельзя не замѣтить въ нашемъ обществѣ остатки прежней перемѣчивости, прежняго пристрастія къ

чужому ради чужого. О нравственной порѣ, которую, по словамъ Апелльрота, выносятся дѣвицы изъ пансіоновъ, мы говорить не будемъ; этому факту мы не вѣримъ, какъ не вѣримъ ему и Д. М.; сверхъ того, мы думаемъ, что поверхностное, неправильное образованіе, каковы бы оно и никогда не вело къ безнравственности, составляетъ само по себѣ большое несчастіе. Апелльроту, для подтвержденія его мысли о слѣдствіяхъ превратнаго воспитанія, не слѣдовало прибѣгать къ примѣру, очевидно напущенному: доказательства были и безъ того довольно сильны, а первые два примѣра были вполне достаточны.

Д. М. несогласенъ съ мыслью Апелльрота, что, благодаря поверхностному и неосмысленному ходу преподаванія въ пансіонатахъ, знанія, приобретенныя втеченіи курса, изсякаютъ вскорѣ послѣ выпускнаго экзамена. Причину этого явленія, существованіе котораго признаетъ, Д. М. видитъ не въ системѣ преподаванія, а въ неразвитости нашего общества. Это отчасти справедливо. Общество конечно виновато; но виноваты и учебныя заведенія, зачѣмъ они не внушили воспитанницамъ увлеченія къ наукѣ, зачѣмъ они не приохотили ихъ къ серьезнымъ занятіямъ, къ осмысленному, послѣдовательному чтенію, зачѣмъ они заставили ихъ смотрѣть на науку, какъ на вразѣнное начало, или по крайней мѣрѣ какъ на сухую и страшно скучную матерію. Общество плохо, согласны; оно не можетъ оказывать побудительнаго вліянія на умственную дѣятельность воспитанницы, окончившей курсъ; но ишать серьезнымъ занятіямъ оно не будетъ: оно не до такой-же степени оно бессмысленно и неразвито, чтобы преслѣдовать умную, милую образованную дѣвушку за то только, что она у себя въ кабинетѣ читаетъ дѣльныя книги. Если эта дѣвушка станетъ выставять на показъ свои свѣдѣнія, то конечно ей не мѣшать насмѣшекъ; но вѣдь педагогство, какъ извѣстно, есть признакъ неправильнаго и недостаточнаго развитія, и его предполагать не слѣдуетъ. Неразвитость общества не оправдываетъ учебныхъ заведеній, тѣмъ болѣе, что на правленіе воспитанія могло бы имѣть обратное вліяніе и на самое общество. Взявшись опровергнуть мнѣніе Апелльрота насчетъ частныхъ пансіоновъ, Д. М. не представилъ ни одного убѣдительнаго, фактическаго возраженія. Онъ нигдѣ не говоритъ, что воспитаніе у нихъ хорошо; онъ только старается доказать, что недостатки пансіонскаго воспитанія будутъ встрѣчаться и встрѣчаются вездѣ, сближаетъ положеніе содержательницы съ положеніемъ изъясненныхъ начальниковъ и начальницъ и вѣтъ заведеній сваливаетъ на общество. Апелльротъ говоритъ на примѣръ о наружной эффектности экзаменовъ; Д. М. не опровергаетъ



этого мнѣнія фактами, не доказываетъ, почему такихъ экзаменовъ не можетъ быть, а говорить только: «думаемъ, что время такихъ экзаменовъ прошло безвозвратно». Впрочемъ Д. М. прибавляетъ, что, не имѣя подъ руками фактовъ, онъ оставляетъ дѣло подъ сомнѣніемъ. Но на чемъ же основано въ такомъ случаѣ первое предположеніе, можетъ ли оно сколько-нибудь приниматься въ расчетъ? Не опровергая Апелльрота фактами, Д. М. часто принужденъ спорить изъ за словъ, придираться къ частностямъ, даже къ неудачнымъ выраженіямъ, въ которыхъ иногда заключена вѣрная мысль. Гораздо серьезнѣе и основательнѣе возраженія Д. М. противъ той системы женскаго образованія, которую предлагаетъ Апелльротъ во второмъ отдѣлѣ своей статьи. Этотъ второй отдѣлъ, который мы въ нашемъ разборѣ назвали положительной частью, совершенно несостоятеленъ. Замѣчанія, которыя высказываетъ Д. М., очень сходны съ нашими замѣчаніями, съ тою только разницею, что мы обратили вниманіе преимущественно на теоретическія невѣрности системы, а Д. М.—на степень ея практической примѣнимости. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи система Апелльрота не выдерживаетъ критики: она основана на невѣрномъ или неполномъ вѣрномъ взглядѣ на женщину и, какъ прекрасно доказалъ Д. М., не примѣнима къ дѣйствительности, потому что Апелльротъ требуетъ напримѣръ, чтобы учителя безраздѣльно посвящали себя своему дѣлу, не заботились о своихъ личныхъ выгодахъ, чтобы они были въ одно время и мыслителями, поэтами и художниками, чтобы они преподавали свой предметъ въ связи съ другими предметами, и т. п. Исполнять такого рода требованія конечно невозможно. Возраженія Д. М. основательны и дѣльны.

**Еще о женскомъ трудѣ.** По поводу журнальных толковъ объ этомъ вопросѣ *А. М. Пальховскаго*. («Атеней», 1858 г., № 24.)

Взявши на себя обязанность слѣдить за движеніемъ идей, касающихся женщины и ея воспитанія, мы часто бываемъ принуждены останавливать нашихъ читателей на явленіяхъ безплодныхъ и неотрадныхъ. Къ числу такихъ явленій относится статья Пальховскаго; не рекомендуемъ ея для чтенія: ни идеи автора, ни развитіе этой идеи не принесутъ нашимъ читательницамъ ни малѣйшей пользы; мы съ своей стороны не обходимъ этой статьи потому, что она помѣщена въ одномъ изъ нашихъ извѣстныхъ журналовъ, и что авторъ говоритъ о своемъ предметѣ съ такой самоувѣренностью, которая можетъ поколебать неполнѣ устано-

вившееся убѣжденіе. «Всему есть мѣра!»—такими словами начинаетъ Пальховскій свою статью, въ которой онъ разбираетъ вопросъ о томъ, должна-ли женщина трудиться ради денегъ, и можетъ ли сфера ея дѣятельности выходить за предѣлы семейной жизни. Самая статья и начальныя слова ея вызваны, какъ выражается авторъ уже въ заглавіи, «журнальными толками», или, какъ скажемъ мы съ своей стороны, двумя дѣльными статьями, отвѣчавшими на потребности нашего времени и встрѣтившими въ обществѣ единодушное и неподдѣльное сочувствіе \*). Въ этихъ статьяхъ проводится та мысль, что женщина сдѣлается самостоятельнѣе, ежели рѣшится работать, ежели дѣвушки будутъ съ молодыхъ лѣтъ приучены къ какому-нибудь серьезному и прибыльному занятію, ежели мать семейства будетъ въ состояніи собственнымъ трудомъ обезпечить существованіе своихъ дѣтей или по крайней мѣрѣ будетъ облегчать тяжелую ношу мужа, принося въ домъ свои заработки. Въ настоящее время женщины большей частью работаютъ только въ случаѣ нужды, поступаютъ въ чужіе дома, дѣлаются гувернантками или работаютъ иголкой и своимъ шитьемъ едва приобретаютъ себѣ насущное пропитаніе. Другія сферы дѣятельности: наука, литература, искусство (специальное, музыка, пѣніе), прибыльныя ремесла, торговля, большей частью закрыты для женщины; она не приготовлена къ этимъ занятіямъ, ей почти никогда не приходится въ голову взяться за что-нибудь подобное; наукою не занимается въ настоящее время почти ни одна женщина въ нашемъ отечествѣ; искусству посвящаютъ себѣ только тѣ, кого съ непреодолимой силою побуждаетъ къ тому громадный талантъ, скромныя дарованія большей частью остаются даже несознанными, потому что первоначальное воспитаніе не угадало ихъ зародыша, не развернуло ихъ, не приготовило врожденныхъ способностей къ дѣятельности. Между тѣмъ эти скромныя дарованія, не производя переворота въ искусствѣ, не дѣлая шума въ свѣтѣ, могли-бы принести свою долю пользы и поставили-бы обладательницу ихъ въ независимое и почетное положеніе. Нѣтъ той человѣческой природы, которая, при правильномъ развитіи, не нашла-бы себѣ въ образованномъ обществѣ занятій, соответствующихъ ея способностямъ и призванію; нужно только, чтобы была возбуждена потребность дѣятельности, чтобы было вложено съ дѣтства глубокое убѣжденіе въ необходимости труда, какъ священной обязанности человѣка. Провода подобныя идеи, гг. М. В.

\*) Статьи эти—«О женскомъ трудѣ» М. В. и «Объ общественной самостоятельности женщинъ» Славинскаго были помѣщены: первая въ «Экономическомъ Указателѣ» 1858 г., № 60, вторая—въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ», № 55.



и Славинскій не отнимаютъ у женщины правъ быть женою и матерью, не снимаютъ съ нея и тѣхъ высокихъ обязанностей, которыя связаны съ этими правами; они только говорятъ: «нѣтъ уважительныхъ причинъ предназначать женщинъ *исключительно* къ семейной жизни». Противъ этихъ высказанныхъ ими идей возсталъ Пальховскій. Онъ повелъ свои доказательства путемъ естественно-историческимъ, взялъ въ примѣръ общественное устройство и частную жизнь пчелъ и бѣлыхъ муравьевъ и на основаніи этихъ данныхъ вывелъ свои результаты, опредѣлилъ отношенія между мужчинами и женщинами, опредѣлилъ ту роль, которую должны играть оба пола въ семействѣ и человѣчествѣ. Мы не будемъ слѣдить за рядомъ доказательствъ, которыя приводитъ Пальховскій: такая работа была-бы утомительна для нашихъ читателей, тѣмъ болѣе, что параллели и наведенія Пальховскаго большей частью крайне натянуты. Такъ напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ имъ проводится параллель между людьми и пчелами: «въ человѣческомъ родѣ, говоритъ авторъ, нѣтъ рабочихъ, но зато въ немъ не должно быть и трутней; а *потому* мужъ долженъ заботиться о женѣ и о своемъ семействѣ.» Все это заключеніе построено на одномъ фактѣ, на томъ, что у людей нѣтъ рабочихъ. Къ этому факту авторъ прибавляетъ нравственную сентенцію: «не должно быть трутней», и, считая все дѣло доказаннымъ, подводитъ итогъ: «а потому мужъ долженъ заботиться о женѣ». Такими насильственными сближеніями и параллелями наполнена статья; но мы ограничимся одними результатами, до которыхъ дошелъ авторъ путемъ подобныхъ силлогизмовъ. Пальховскій строго разграничиваетъ обязанности мужчины и женщины: первые должны трудиться, добывать деньги, работать для своего отечества, для потомства, для человѣчества; вторые должны хозяйничать въ домѣ, рождать дѣтей, кормить ихъ грудью, потомъ воспитывать и дѣлать изъ нихъ полезныхъ гражданъ. Мужчинѣ не дозволяется проникать въ дѣтскую и вмѣшиваться въ воспитаніе; женщина не смѣетъ выходить изъ своей домашней жизни и должна проводить свой вѣкъ въ хозяйственныхъ и педагогическихъ занятіяхъ. Пальховскій не говоритъ прямо, что онъ не допускаетъ вмѣшательства отца въ воспитаніе дѣтей; но изъ его словъ очевидно, что онъ не оправдываетъ такого вмѣшательства и считаетъ его явленіемъ противоестественнымъ. Пальховскій не признаетъ законныхъ правъ отца на воспитаніе и въ этомъ отношеніи ставитъ его на одну доску съ нянькою и наемнымъ учителемъ. Правильнъ ли такой взглядъ на семейную жизнь? Должно-ли воспитаніе быть безраздѣльно отдано на руки женщины? Дѣло воспитанія—развить умъ и сформировать

характеръ будущаго человѣка. Можетъ-ли женщина выработать въ своемъ воспитаніи твердость воли, которая необходима мужу для дѣятельности и для борьбы въ жизни? Исклучительно женское, большей частью пассивное и нѣжное, часто слабое воспитаніе не можетъ развить въ воспитанникѣ *чрезмѣрную* чувствительность, преобладающую силу воображенія, излишнюю уступчивость,—словомъ, женскость характера, которая для мужчины можетъ быть въ послѣдующей жизни источникомъ проступковъ и несчастій. Мы думаемъ, что для воспитанія, вполне достигающаго своей цѣли, необходима совокупная, согласная дѣятельность отца и матери, необходимая семейная жизнь, необходимъ живой и готовый примѣръ родителей. Но, спрашивается, можетъ-ли быть такая согласная дѣятельность, такая семейная жизнь при порядкѣ вещей, котораго желаетъ Пальховскій? Жена и мужъ будутъ постоянно существовать въ двухъ различныхъ сферахъ: онъ не будетъ принимать участія въ воспитаніи дѣтей, которыя такимъ образомъ будутъ воспитываться подъ постояннымъ, исключительно влияніемъ матери. Такая жизнь будетъ нечно лучше, разумнѣе и нравственнѣе жизни, которою живутъ теперь многія семьи; но все-таки она построена на совершенной или по крайней мѣрѣ одной изъ сторонней идеѣ. Что обезпечиваетъ здѣсь самостоятельность женщины? Вотъ что говоритъ о этомъ авторъ:

«Въ семействѣ людей развитыхъ жена не является на зависимость отъ мужа, потому что образованный мужъ вполне сознаетъ, что если онъ исполняетъ часть возложенной на него обязанности, то и онъ, по чувству справедливости, женѣ исполнить что нибудь за жену. Если же онъ воспитываетъ за него дѣтей, то онъ долженъ заботиться за нее объ ея существованіи. Это только обмѣнъ услугъ, здѣсь равенство отношеній, а не зависимость, не рабство.»

Обмѣнъ услугъ? Хорошо, ежели этотъ обмѣнъ дѣлается добровольно, по взаимному влеченію кто-же имѣетъ право сдѣлать его насильственно, кто можетъ, не спросивъ членовъ семейства, самовластно распоряжаться ихъ судьбою, ограничивать ихъ дѣятельность, вмѣшиваться въ ихъ отношенія? Требуется Пальховскаго, чтобы жена занималась исключительно воспитаніемъ дѣтей, представляло незаконное посягательство на разумную свободу личности. Сверхъ того, въ приведенныхъ словахъ авторъ проговорился и самъ опровернулъ ту мысль, которую онъ поддерживалъ: онъ сознался, что на мужа также возложена природою обязанность воспитывать дѣтей, что жена исполняетъ ее отчасти за него, что мужъ заботится о существованіи жены за нее. Стало быть, теоріей Пальховскаго



иается естественный порядок вещей. Жизнь и услуги дѣлаются не только не супругамъ, но онъ даже, по сознанию авидетъ противъ законовъ природы. Къ чему повело сближеніе съ пчелами? Не лучше, чтобы каждый изъ членовъ семейства нялъ всѣ свои обязанности за себя, чтобы заботился, на сколько можетъ, о воспитаніи дѣтей, а чтобы жена, по мѣрѣ силъ, не маясь отъ семейства, занималась какимъ ремесломъ, искусствомъ, наукою и зарабатывала деньги. Тогда между супругами было бы болѣе общаго, дѣятельности ихъ не было бы такъ расходиться; они будутъ въ состояніи ободрять и поддерживать другъ друга и въ совѣтѣ; наконецъ самостоятельность женщины будетъ обезпечена тѣми материальными средствами, которыя будутъ доставляться ей работою, и между супругами будетъ существовать полное разумное равенство, которое не можетъ имѣть мѣста, когда жена чувствуетъ, что только трудъ мужа доставляетъ средства къ существованію. Пальховскій говоритъ, что ежели женщина будетъ работать, она перестанетъ быть женою и матерью; онъ пишетъ въ негодованіе, горячится, рисуетъ мрачную картину материнской любви и заключеніе восклицаетъ: «Богъ съ вами, аниматоры! Вы не видали матерей, вы не читали высокой поэзіи ихъ безграничной любви!» Къ чему все это? За что сердится Пальховскій? Женщина будетъ имѣть опредѣленныя занятія, положимъ, хоть журнальный пень (это работа почти общедоступная), будетъ работать въ свои свободныя минуты и никоимъ образомъ не потеряетъ отъ этого своей материнской любви. Не забудетъ она своего ребенка, не выйдетъ отъ колыбели больного дитяти, если много ни было работы. Осмысленная деятельность развиваетъ силы ума, а не уничтожаетъ естественныхъ чувствъ и побужденій, присущихъ въ человѣка природою. А какой источникъ чистыхъ наслажденій найденъ женщиною въ такой дѣятельности! Молодая женщина, молодая мать, сидя надъ денежными делами, будетъ понимать, что она работаетъ для своего ребенка, что она доставитъ ему удовольствіе на свои трудовыя деньги, что она, можетъ, обезпечитъ его воспитаніе, дастъ средства развиваться правильно и успѣшно. Наслажденія Пальховскій совершенно пропихиваетъ отъ женщины и еще, въ концѣ, считаетъ себя прогрессистомъ, еще имѣетъ идеи гг. М. В. и Славинскаго «вредныя и опасныя». Какое же вредное вліяніе имѣютъ ихъ идеи? Внушать женщинамъ стремленіе къ самостоятельности? Дай Богъ! Пусть только женщины поняли, что самостоятельность покупается цѣною труда и что истинная самостоятельность состоитъ въ разум-

номъ употребленіи тѣхъ способностей, которыя вложила въ насъ природа, а не въ пустомъ нарушеніи безвредныхъ условій общественности. Дай Богъ, чтобы женщины почувствовали потребность въ трудѣ; трудолюбіе не поведетъ къ дурному, не извратитъ, не засушитъ любящихъ силъ души; въ трудолюбіи заключается надежный залогъ семейнаго счастья. Мы до сихъ поръ рассмотрѣли одну сторону вопроса. Мы брали женщину въ семейномъ быту, какъ постоянно беретъ ее Пальховскій; но авторъ забылъ, что въ нашемъ обществѣ далеко не всѣ дѣвушки выходятъ замужъ. Что же будетъ дѣлать старая дѣвушка? Чѣмъ она обезпечена? На нее смотрятъ часто какъ на жалкое, непріятное или по крайней мѣрѣ несчастное, неудавшееся существо. Отчего это происходитъ? Оттого, что старая дѣвушка, не имѣя опоры въ семействѣ, въ мужѣ, зависитъ болѣе или менѣе отъ окружающихъ ее людей и не имѣетъ опредѣленныхъ занятій. Дайте ей средства трудиться сообразно съ способностями и врожденной склонностью, дайте ей возможность жить своими заработками, и тогда навѣрное къ одинокому и дѣйствительно несомнѣнно веселому положенію старой дѣвушки не будетъ по крайней мѣрѣ примѣшиваться тяжелое, мучительное чувство зависимости и собственной безполезности. Мы можемъ привести въ примѣръ американскихъ женщинъ, которыя, работая наравнѣ съ мужчинами, умѣли внушить къ себѣ самое сознательное уваженіе. Въ Америкѣ, ежели вѣрить рассказамъ путешественниковъ, и старыя дѣвушки не чувствуютъ себя лишними, трудятся, какъ трудились въ молодости; спокойно, среди полезныхъ занятій, доживаютъ свой вѣкъ. Пальховскій возражаетъ въ концѣ статьи по пунктамъ на мысли гг. М. В. и Славинскаго; но въ этихъ возраженіяхъ не знаешь, чему болѣе дивиться—неосновательности или самоувѣренности, съ которою они высказаны. Приводимъ для примѣра одинъ изъ такихъ пунктовъ:

«По нашему мнѣнію (которое, разумѣется, несколько не выдается за абсолютно-вѣрное), эти неправильныя заключенія вызваны слѣдующими условіями: 1) Незнаніемъ женскаго организма. Истинныя, добытыя науками естественныя, у насъ еще чрезвычайно мало распространены въ обществѣ; а между тѣмъ значеніе этихъ наукъ такъ велико, что нѣтъ почти ни одного общественнаго вопроса, который бы въ своей сущности не опирался на тотъ или другой законъ природы. Отсюда происходитъ весьма непріятное послѣдствіе: люди, незнакомые съ природою и человѣческимъ организмомъ, принимаютъ трактовать опредѣленныхъ предметовъ, требующихъ основательнаго знанія наукъ естественныхъ, и, разумѣется, впадаютъ въ ошибки. Еслибы гг. М. В. и Славинскій, прежде чѣмъ рѣшать вопросы о «Женскомъ трудѣ» и «Общественной самостоятельности женщинъ», потрудились изучить физиологію (а вмѣстѣ съ тѣмъ и психологію) женскаго организма, они вѣрно не написали-бы того, что прочли читатели «Экономическаго Указателя» и



«Санктпетербургских Вѣдомостей». Опираясь на фیزیологическія данныя, г. М. В. никакъ не рѣшился-бы (ради эманципаціи) отрывать женщинъ отъ ихъ семейства; а г. Славинскій не сказалъ бы, что «нѣтъ уважительныхъ причинъ предпачать женщинъ исключительно къ семейной жизни, домашнему житію.»

Что высказано въ этихъ строкахъ? Чѣмъ доказано, что гг. М. В. и Славинскій не знали женскаго организма? Какія стороны женскаго организма были имъ неизвѣстны? Въмѣсто отвѣта на эти вопросы Пальховскій даетъ отвѣченное разсужденіе о пользѣ изученія естественныхъ наукъ. Надобно согласиться, что такія разсужденія ничего не доказываютъ. Въ заключеніе считаемъ лишнимъ указать наставникамъ и воспитательницамъ на мастерской разборъ статьи Пальховскаго, помѣщенный въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1858 г. за сентябрь.

**Парижскія письма. М. Л. Михайлова. Письмо V. («Современникъ», 1859 г.)**

При обзорѣ «Современника» за 1858 годъ мы не говорили о письмахъ Михайлова и имѣли на то свои причины. Изображая различныя стороны французской жизни и французскаго общества, Михайловъ съ безпощадной правдивостью обнажалъ пороки, развѣдающіе его организмъ; при этомъ ему приходилось упоминать о такихъ печальныхъ и грязныхъ явленіяхъ, съ которыми мы не считали нужнымъ знакомить нашихъ читателей. На этомъ основаніи мы прошли молчаніемъ первыя четыре письма; пятое письмо Михайлова, составляющее самостоятельное цѣлое, заключаетъ въ себѣ такія свѣтлыя мысли о женщинѣ, о значеніи ея въ общей жизни человѣчества, что мы считаемъ обязанностью указать на это письмо и поговорить объ его содержаніи. Молодые дѣвицы могутъ встрѣтить въ этомъ письмѣ нѣкоторыя рѣзкія выраженія, и потому мы рекомендуемъ его не имѣ, а матерямъ и воспитательницамъ, и совѣтуемъ тѣмъ и другимъ прочесть его съ воспитанницами, выпуская то, что покажется излишнимъ. Общее направленіе, основная мысль письма выкупаютъ эту рѣзкость отдѣльныхъ эпизодовъ, — рѣзкость, которая можетъ быть смягчена, не вреда достоинству и связи цѣлаго. Письмо Михайлова вызвано толками о женщинѣ, занимающими французское общество въ лицѣ передовыхъ его представителей. Толки эти выразились въ послѣднее время въ книгѣ историка Мишле: «l'Amour», надѣлавшей много шума, получившей незаслуженную извѣстность и, по выраженію Михайлова, скандальный успѣхъ. Первое изданіе «l'Amour» разошлось въ мѣсяцъ съ небольшимъ. Оно надѣлало шуму и въ Петербургѣ; оно могло имѣть вредное вліяніе на

образъ мыслей общества, и пот опроверженіе основныхъ положеній заслуживаетъ полнаго сочувствія. верженіе составляетъ существенную часть статьи Михайлова. Приступу бору новаго сочиненія Мишле, авторскихъ Писемъ» дѣлаетъ бѣглый очеркъ мнѣній, высказанныхъ о женскихъ писателями и мыслителями. очеркъ Михайловъ обращаетъ особа исключительное вниманіе на Прудона, представителя коммунистическаго Франціи. Мнѣніе Прудона о женщинѣ Михайлову несомненнымъ и, что нѣе, совершенно неистиннымъ. Такъ оно дѣйствительно показаться къ пристрастному человѣку, неувлекаемъ Прудона и принимающему къ стоятельность женщины и ея правіе. Прудонъ не только смотритъ убѣжденіемъ на современную жену несоотвѣтствующую нравственному даже отрицаетъ въ женщинѣ вооспособность къ самосовершенствованію къ прогрессу онъ считаетъ женщины незаконной попыткой того положенія страдательной пона которое, по мнѣнію Прудона, осуждена природою.

Путь къ самосовершенствованію, и умственной дѣятельности, по мдона, долженъ быть закрытъ дляона неспособна къ серьезному труду такого труда. Чѣмъ же поддержи донъ такое обидное для женщины. Тѣмъ, что женщина ни въ областъ въ области искусства не можетъ вить тѣхъ знаменитыхъ именъ гордится человѣчество. «Гдѣ твои Кювье, Канты?» спрашиваетъ Пруцины. Онъ не замѣчаетъ того, чтоцины просыпаются только теперь и на безотрадное прошлое, проведенной полной умственной зависимости, неувеликодушна и не можетъ служить доказательствомъ. Прудонъ счита женщины на общество вреднымъ; вліянія онъ замѣчаетъ въ поэтичес веденіяхъ, отличающихся сантимен лишенныхъ силы и мужества. Эт подмѣченный самимъ Прудонъ, зительнымъ доказательствомъ проти ріи: ежели онъ признаетъ въ жену способность дѣйствовать на общество, то онъ не можетъ, не против считать ея существомъ слабымъ и не не можетъ презирать ея. Дѣйствител ненависти смѣняетъ у него тонъ інія, съ которымъ онъ до тѣхъ пор о способностяхъ и значеніи женщины



вая вліяніе женщины вреднымъ, Прудонъ совѣтуетъ совершенно парализовать это вліяніе, стѣснить женщину и отнять у нея тѣ жалкія права, то скудное умственное развитіе, которыми пользуется она въ современномъ обществѣ. Здѣсь Прудонъ поступаетъ неэкономически. Онъ видитъ силу, приносящую вредъ общему организму человѣчества; вмѣсто того, чтобы выикнуть въ сущность этой силы, вмѣсто того, чтобы стараться извлечь изъ нея ту пользу, которую можетъ принести каждая сила, приложенная къ должному мѣсту и получившая должное направленіе, вмѣсто всего этого, онъ совѣтуетъ уничтожить эту силу и такимъ образомъ лишаетъ человѣчество одного изъ его могущественныхъ двигателей. Мнѣнія Прудона о женщинѣ рѣзки, несправедливы, оскорбительны для достоинства женщины. Онъ принимаетъ за норму результаты неправильнаго развитія и считаетъ случайныя свойства, привившіяся къ женщинѣ отъ испорченнаго общества, за необходимую и неизбѣжную принадлежность ея природы. Мнѣнія Прудона, повторяемъ, рѣзки; но уже по самой рѣзости своей они не такъ опасны, какъ мысли, выраженные Мишле въ его книгѣ «*L'Amour*». Мнѣнія Прудона возстаютъ противъ себя самихъ: мыслящій человѣкъ увидитъ ихъ несправедливость и нелогичность, человѣку пустому, преданному исключительно свѣту, не понравится мрачный взглядъ на вещи, проведенный въ его мысляхъ, женщина оскорбится тѣмъ безпощаднымъ приговоромъ, который произносится надъ ея судьбою. Совершенно другое впечатлѣніе можетъ произвести на читающее общество книга Мишле, уже на первый разъ располагающая въ свою пользу блестящимъ, увлекательнымъ изложеніемъ. За этимъ изложеніемъ скрываются мысли невѣрныя, но не всегда поражающія глазъ рѣзкостью или очевидною нелогичностью. Мишле располагаетъ читателя въ свою пользу, объявляя себя защитникомъ женщины. Но какъ же онъ ее защищаетъ? Такъ, какъ защищаютъ балованнаго ребенка отъ справедливыхъ требованій наставника. Какое понятіе составляетъ себѣ Мишле о личности женщины? Понятіе самое жалкое, самое оскорбительное, хотя облеченное въ сладкія, вкрадчивыя фразы, проникнутыя французскою любезностью. Женщина, по его мнѣнію, вѣчная больная, вѣчный ребенокъ, котораго капризы долженъ уважать мужчина, не стараясь ни о фундаментальномъ излеченіи болѣзни, ни о воспитаніи и развитіи дремлющихъ въ ребенкѣ способностей. Автору «*Любви*» какъ то нравится въ современной женщинѣ ея непривычка мыслить, ея неумѣнье понимать серьезныя гражданскіе или человѣческіе интересы, ея слабость воли; въ томъ, что прямо происходитъ отъ неправильнаго или недоста-

точного развитія, онъ видитъ какую-то прелесть, женственную грацію, забывая ту великую истину, что женщина—человѣкъ, и что общечеловѣческій недостатокъ не можетъ казаться добродѣтелью въ женщинѣ. Любуясь этими граціозными, по его мнѣнію, особенностями женской природы, Мишле, подобно Прудону, принимаетъ случайныя и по всей вѣроятности временныя явленія за необходимыя и законныя; на этихъ особенностяхъ онъ основываетъ любовь, которая не повышается въ его книгѣ до степени разумнаго, сознательнаго чувства. Женщина является въ этомъ чувствѣ повелительницею, которой пріятно располагать волею любимаго человѣка, является больнымъ, балованнымъ ребенкомъ, который капризничаетъ, хнычетъ и требуетъ себѣ постоянныхъ услугъ и угожденій. Мужчине играетъ страдательную роль, смотритъ въ глаза своей повелительницѣ, неимѣющей впрочемъ никакой личной свободы, ея капризамъ жертвуетъ своими обязанностями и съ ея стороны не можетъ ожидать никакого сочувствія душевнымъ интересамъ своей умственной жизни. И это любовь? И на такомъ-то жалкомъ чувствѣ должно быть, по мнѣнію Мишле, основано семейное счастье? Гдѣ же мысль, гдѣ пища для умственной жизни, гдѣ то обновленіе нравственныхъ силъ, котораго мужчина имѣетъ право требовать отъ женщины, рѣшившейся раздѣлить его судьбу? Въ любви, какъ характеризуетъ ее Мишле, существуетъ только обаяніе, основанное на созерданіи физической красоты и граціознаго кокетства. Такая любовь недостойна мыслящаго человѣка и оскорбительна для нравственной и развитой женщины, оскорбительна потому, что не предполагаетъ уваженія необходимымъ условіемъ. Опровергая Мишле и Прудона, Михайловъ самъ прямо и открыто становится въ ряды защитниковъ эманципаціи женщины. Эманципація женщины! Слово это вызываетъ самыя разнообразныя понятія, производитъ самыя разнообразныя впечатлѣнія. Одни считаютъ эманципацію женщины невозможною, другіе—предосудительною мечтою, многіе принимаютъ за эманципацію несмысленное желаніе нѣкоторыхъ женщинъ оригинальничать, нарушать безъ особенной надобности принятые общественные обычаи, отличатся рѣзкими манерами и рѣзкимъ образомъ мыслей; многіе думаютъ, что эманципація несовмѣстна съ истинною женственностью; многіе именемъ эманципированной женщины называютъ какую-нибудь неудавшуюся подражательницу г-жи Жоржъ Зандъ. Всѣ эти мнѣнія несправедливы и не вытекаютъ изъ смысла самаго слова «эманципація». Жоржъ Зандъ отнеслась не такъ, какъ слѣдовало, къ вопросу о самостоятельности женщины. Она обратила преимущественное вниманіе на тѣ стѣснитель-



ные законы свѣта, которые ограничиваютъ кругъ дѣятельности женщины; она потребовала уничтоженія этихъ неосмысленныхъ законовъ; она сама нарушила ихъ и думала такимъ образомъ доставить женщинѣ независимость. Она ошиблась, потребовала вдругъ независимости, тогда какъ слѣдовало сначала требовать для женщины серьезнаго образованія; она напала на вышнія стѣсненія, не понявъ, что эти стѣсненія основаны на внутренней слабости и неразвитости самой женщины, что они останутся въ полной силѣ до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать вызвавшія ихъ причины. Эманципация женщины состоитъ не въ безплодномъ ниспроверженіи общественныхъ приличій, а въ реформѣ женскаго воспитанія. Только правильно развитая, серьезно образованная женщина будетъ въ состояніи руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ не бездушнымъ судомъ свѣта, а собственнымъ нравственнымъ чувствомъ, голосомъ собственного разсудка. Только женщина, способная къ серьезному труду, будетъ поставлена въ совершенно независимое положеніе въ обществѣ и въ семействѣ; дѣло эманципации — разрушить предрассудки, которыми скована женщина, и дать ей въ замѣнъ этихъ предрассудковъ твердыя, здравыя убѣжденія. Порядокъ въ этомъ дѣлѣ долженъ быть обратный, то есть, сначала надо сформировать убѣжденія, а паденіе предрассудковъ будетъ уже естественнымъ слѣдствіемъ этого формированія. Дѣло эманципации — внести въ женское воспитаніе науку во всемъ ея строгомъ величіи. Тѣ женщины, для которыхъ настала пора самостоятельности, съ жадностью возьмутся за науку, онѣ поймутъ, что знаніе, только знаніе дѣлаетъ человека свободнымъ и великимъ. Кто не способенъ понять этой истины теперь, тотъ пойметъ ее впоследствии, или, хотъ и не понявъ, увлечется общимъ движеніемъ. Что дѣлать! безъ этого нельзя. Во всякомъ дѣлѣ есть передовые люди, есть и масса, толпа. Такъ проводится въ жизнь вопросъ о самостоятельности женщинъ въ Англіи и въ Америкѣ. Михайловъ приводитъ въ своемъ письмѣ имя миссъ Елисаветы Блеквель, доктора медицины, отправлявшагося, во время пребыванія его въ Парижѣ, въ Лондонъ читать лекціи физиологіи. Вотъ типъ эманципированной женщины въ томъ смыслѣ, какъ должно понимать это слово. Миссъ Блеквель не тратила жизни и душевныхъ силъ на мелкую борьбу съ мелкими условіями общественной жизни; ею не руководило желаніе блеснуть оригинальностью; она пошла тяжелою, трудовою дорогою, переломила встрѣчавшіяся ей препятствія не изъ своевольнаго уминачья, не по капризу, а вслѣдствіе твердаго убѣжденія; она отстояла за собою право трудиться и приносить пользу и потомъ втеченіи послѣдующей жизни скромно,

безъ претензій пользовалась приобретенными правами. Бѣглая характеристика личности дѣятельности миссъ Блеквель, представленная въ статьѣ Михайлова, показываетъ, какъ смотритъ авторъ на эманципацию женщины. Онъ отдаетъ полную дань уваженію личности миссъ Блеквель и ставитъ ее несравненно выше женщинъ, подобныхъ Жоржъ Зандъ, которая, по его словамъ, составляетъ «печальную, хотя и симпатическую явленію переломной страстной эпохи». За этой страстной эпохой за эпохою борьбы женщины съ препятствіями которыми окружило ее общество, должно слѣдовать время сознательнаго труда и разумной свободы, какъ слѣдствія этого труда. Препятствіемъ или, вѣрнѣе, предвѣстникомъ лучшей эпохи, къ которой стремится женщина, являются миссъ Блеквель, и за нею слѣдуетъ много другихъ женщинъ, трудящихся въ Америкѣ въ скромныхъ и неизвѣстныхъ должностяхъ. Эти скромныя труженицы безъ шума ставятъ общее дѣло женщины и тихой дѣятельностью своею готовятъ ей лучшую будущность. Уваженіе къ личности, самостоятельности и труду женщины, сочувствіе ко всему, что содѣйствуетъ ея развитію и самоосвобожденію, и смѣлое противодѣйствіе антипроективнымъ, вреднымъ идеямъ Прудона и Мишлэ — вотъ отличительныя свойства и главные достоинства статьи Михайлова, вотъ и побудительныя причины, заставившія насъ обратиться на эту статью вниманіе матерей и воспитательницъ. Мысли, приведенныя Михайловымъ, должны быть распространяемы въ нашемъ обществѣ, стремящемся къ самосознанію; на этихъ мысляхъ должно быть воспитываемо молодое поколѣніе; только подобныя мысли, проведенныя въ жизнь, способны сформировать женщину, гармонически развитую, способную приносить пользу, нравственно свободную и слѣдовательно счастливую.

#### Эпизодъ изъ исторіи Нидерландовъ. Правленіе герцога Альбы. (Изъ сочиненія Мотма «Therise of the Dutch republic».)

Нидерланды въ концѣ XIV столѣтія вошли въ составъ герцогства Бургундскаго, которое было основано Филиппомъ, сыномъ Іоанна Доброго, короля французскаго. Въ 1477 году послѣдній герцогъ бургундскій, Карлъ Смѣлый, былъ убитъ при Нанси, въ сраженіи съ швейцарцами. Обширныя владѣнія его распались: собственная Бургундія покорилась его постоянному сопернику королю французскому Людовику XI, а Фландрія и Артуа, то есть большая часть нынѣшнихъ Нидерландовъ, остались въ власти дочери Карла, Маріи Бургундской, которая вышла замужъ за германскаго импе-



Максимиліана. Дочь Маріи и Максимиліана, вышла замужъ за Филиппа Аррагона, сына Фердинанда Католическаго и Изабеллы. Сынъ Филиппа и Иоанны былъ Карлъ, вѣнчавшій на испанскій престолъ подъ именемъ Іа I и потомъ избранный императоромъ австрійскимъ и принявшій имя Карла V. Знаменитый Карлъ V, происходившій такимъ образомъ по женской линіи отъ герцоговъ бургундскихъ, соединилъ подъ своею властью большую часть тогдашняго политическаго міра Европы. Нидерландскій полуостровъ, Нидерланды и южная часть составляли его родовыя владѣнія; Германія повиновалась ему, какъ императору. Америка была покорена горстью искателей приключеній. Когда Карлъ V отрекся отъ престола, его Филиппъ II наследовалъ его родовыя владѣнія, а братъ его, Фердинандъ, сдѣлался императоромъ. Мы сочли нужнымъ напомнить нашимъ читательницамъ эти сухія, генеалогическія подробности, чтобы объяснить имъ, каковъ образъ въ концѣ XVI столѣтія испанскій король Филиппъ II является повелителемъ и вѣстителемъ Нидерландовъ. Эти подробности, каковы бы ни были для пониманія смысла тѣхъ событій, которыя изложены въ статьѣ Мотлея. Еще разъ знаемъ внутреннее положеніе Нидерландовъ. Характеръ жителей этой страны всегда отличался мужествомъ, стремленіемъ къ независимости и трудолюбіемъ. Въ средніе вѣка во вѣдѣніи составились сильныя городскія общины, которыя не хотѣли покоряться сосѣднимъ баронамъ и часто вели упорныя войны съ герцогами бургундскими. Городскія общины эти обезпечивали частную собственность гражданъ отъ ихъ незаконныхъ притязаній и содѣйствовали такимъ образомъ развитію торговли. Нидерландскіе города, Антверпенъ, Гентъ, Лютеръ, Мехлинъ славились въ средніе вѣка своими промышленными издѣліями и поддерживали обширныя торговыя сношенія со всѣми странами Европы. Движеніе торговли возбуждало предпримчивость нидерландцевъ, поддерживало въ нихъ смѣлость и, доставляя имъ богатства, давало имъ средства отрѣшиться отъ мелочныхъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ и посвящать свои силы умственнымъ занятіямъ. Народная образованность приняла обширные размѣры: въ XVI столѣтіи рѣдкій нидерландецъ не умѣлъ читать и писать. Понятно, что при такихъ условіяхъ фанатизмъ испанскаго короля не могъ не встрѣтѣться въ народѣ энергическаго противодѣйствія; итакъ также, что движеніе мысли, пробужденіе въ Германіи проповѣдь Лютера, его послѣдователей и современниковъ, не могло не отразиться въ Нидерландахъ живого сочувствія. Смѣлый, дѣятельный, сильный народъ не могъ спокойно переносить нарушеніе своихъ человеческихъ правъ; не могъ онъ также оставить

безъ вниманія смѣлое слово истины, ниспровергавшее вѣковыя заблужденія, во имя чистой нравственности евангельскаго ученія. Нидерландцы выработали себѣ конституцію, которую Филиппъ принужденъ былъ подтвердить при своемъ восшествіи на престолъ; реформація быстро распространилась въ Нидерландахъ и, найдя себѣ многочисленныхъ приверженцевъ, породила нѣсколько различныхъ сектъ. Эти два обстоятельства: конституціонныя права нидерландцевъ и ихъ религіозныя убѣжденія, подали поводъ къ упорной борьбѣ между государемъ и его законными подданными. Филиппъ хотѣлъ управлять ими произвольно, не справляясь съ ихъ узаконеніями, не стѣсняясь тѣми обязательствами, которыя были даны имъ самими, не обращая вниманія на явное неудовольствіе цѣлаго народа. Будучи ревностнымъ католикомъ, Филиппъ не могъ возвыситься до вѣротерпимости и ненавидѣлъ новую религію, называя ее ересью и богохульствомъ. Характеръ этого короля, составившаго себѣ въ исторіи печальную знаменитость, вѣроятно въ общихъ чертахъ, извѣстенъ нашимъ читательницамъ. Главныя свойства его характера: жестокость, мрачная недовѣрчивость, вѣроломство и умѣнье холодно обдумывать самыя возмутительныя злодѣянія, находятся въ тѣсной связи съ характеромъ эпохи, проникнутой духомъ политическихъ сочиненій Маккиавелли. Сверхъ того, могущественнѣйшимъ двигателемъ Филиппа II былъ религіозный фанатизмъ, вытѣснявшій размышленіе, одушевлявшій его дикою энергіей и доводившій его нерѣдко до пагубныхъ безразсудныхъ крайностей. Фанатизмъ этотъ обусловливался тогдашнимъ положеніемъ религіи. Католицизмъ начиналъ терять свое міровое значеніе и безусловное вліяніе на умы людей. Протестъ здраваго смысла противъ его притязаній выразился уже въ опредѣленной формѣ и нашелъ себѣ многочисленныхъ послѣдователей. Въ началѣ XVI вѣка жили Лютеръ, Кальвинъ, Цвингли,—реформаторы, шедшіе съ большою смѣлостью и съ болѣющимъ успѣхомъ по дорогѣ, проложенной Виклефомъ въ Англіи, альбигойцами во Франціи, Гуссомъ въ Богеміи и въ Германіи. Человѣческая мысль пробуждалась, и непогрѣшимость папы подвергалась сомнѣніямъ, которыхъ уже не трудились скрывать. Католицизмъ отживалъ свой вѣкъ и хватался за послѣднія, отчаянныя средства; усилилась инквизиція, явились іезуиты, выступили послѣдніе бойцы католицизма, дикіе фанатики, которые тѣмъ упорнѣе гнали истину, чѣмъ болѣе чувствовали ея могущество. Къ числу этихъ фанатиковъ относился Филиппъ. Въ этой отчаянной борьбѣ католицизма съ наплывомъ свѣжихъ идей выразились отличительныя черты переходной эпохи, отмѣченныя Грановскимъ въ его публичной лекціи о Людовикѣ IX. «Разсматривая съ вер-



шины настоящего погребальное шествіе народовъ къ великому кладбищу исторіи, — пишетъ покойный профессор, — нельзя не замѣтить на вождяхъ этого шествія двухъ особенно рѣзкихъ типовъ, которые встрѣчаются преимущественно на распутіяхъ народной жизни, въ такъ называемыя переходныя эпохи. Одни отмѣчены печатью гордой и самонадѣянной силы. Эти люди идутъ смѣло впередъ, не спотыкаясь на развалины прошлаго. Природа одаряетъ ихъ особенно чуткимъ слухомъ и зоркимъ глазомъ, но нерѣдко отказываетъ имъ въ любви и поэзіи. Сердце ихъ не отзывается на грустные звуки былого. Зато за ними право побѣды, право историческаго успѣха. Бѣльшее право на личное сочувствіе историка имѣютъ другіе дѣятели, въ лицѣ которыхъ воплощаются вся красота и все достоинство отходящаго времени. Они — его лучшіе представители и доблестные защитники». Эти слова сказаны Грановскимъ о средневѣковыхъ учрежденіяхъ, о рыцарскомъ, феодальномъ бытѣ, уступавшемъ при Людовикѣ IX мѣсто менѣ блестящимъ, но болѣе разумнымъ формамъ гражданственности. Въ этихъ словахъ историкъ отдаетъ справедливость прогрессистамъ, — людямъ, ведущимъ человѣчество впередъ, и въ то-же время изъясняетъ свое личное сочувствіе къ приверженцамъ отжившаго порядка вещей, — людямъ заблуждающимся, но поставленнымъ въ драматическое положеніе и погибающимъ потому, что ихъ увлекаетъ слѣпая, безкорыстная привязанность къ мертвой, невоскресимой старинѣ. Это сочувствіе историка къ представителямъ умирающихъ идей невозможно въ настоящемъ случаѣ, при разсмотрѣніи борьбы, происходившей въ XVI столѣтіи между католицизмомъ и движеніемъ человѣческой мысли. Здѣсь въ драматическомъ положеніи находятся представители прогресса; они заслуживаютъ двоякаго сочувствія: во-первыхъ потому, что на ихъ сторонѣ *право* побѣды; во-вторыхъ потому, что они — угнетенные, ихъ казнятъ въшають, жгутъ. Католицизмъ теряетъ свою состоятельность въ области мысли, у него нѣтъ доводовъ, которыми-бы онъ могъ отстоять законное право на неограниченное господство; но онъ располагаетъ огромными матеріальными средствами и душитъ всякое движеніе идей. Колоритъ, разлитой въ приведенномъ нами отрывкѣ изъ лекцій Грановскаго, не идетъ къ нашему случаю, но основная мысль, выражающая собою непреложный историческій законъ, остается въ полной силѣ. XVI вѣкъ былъ для Западной Европы переходною эпохою. Въ эту эпоху, въ томъ самомъ эпизодѣ, который изображаетъ Мотлей, выступаютъ на сцену оба рѣзкіе типа, которые отмѣтилъ Грановскій. Воплощеніемъ перваго типа, представителемъ новой жизни является Вильгельмъ Оранскій, освободитель Нидерландовъ, вождь народа, защитникъ свободы, совѣсти и

вѣротерпимости; воплощеніе втораго — видимъ въ Филиппѣ II, въ деспотѣ, вѣнчающемъ презирающемъ человѣческое достоинство. Намъ дается нашъ эпизодъ и та мысль, живящая принципъ передъ окончательнымъ паденіемъ разворачиваетъ всѣ силы и высылаетъ послѣднихъ своихъ представителей, въ которыхъ воплощается вся сила Прихитры для подтвержденія этой мысли нетрудно: представителемъ отживающаго ская язычества былъ Юліанъ Апостата, мавшій воскресить классическую культуру представителемъ падающаго язычества былъ Владиміръ Святой, придавшій въ половину своего царствованія особенную пышную торжественность богослуженія. Всѣ эти люди употребляли всевозможныя средства, чтобы поднять то, что унало называлось, по крайней мѣрѣ, клонилось къ новому паденію. Всѣ они своими усиліями истощали послѣднія средства поддерживаемыхъ ими и такимъ образомъ ускоряли гибель того, старались возвысить. Сами они или погибли въ безплодныхъ попыткахъ остановить историческую жизнь, или, подобно Владиміру, увлеченные неудержимымъ потокомъ новаго порядка вещей, отступались отъ своихъ принциповъ, сами разрушали кумиры, которые жили, и дѣлались ревностными проповѣдниками истинъ, воспринятыхъ слѣпо отъ упорной старинѣ. Филиппъ остался до своей смерти истиннымъ приверженцемъ старинѣ. Онъ не погубилъ въ борьбѣ, но погубилъ свое государство, растерявъ одно за другимъ владѣнія, отдѣлившіяся ему отъ отца. Нидерланды отделились при его жизни. Португалія возмущалась въ ближайшихъ преемникахъ. Въ Неаполѣ происходили постоянныя возстанія. Испанія, истощенная инквизиціей, ослабленная несчастными войнами, имѣвшими болѣею частью религіозныя причины, потеряла свое промышленное значеніе, состоявшее изъ мавровъ и евреевъ, опустѣла и до сихъ поръ не можетъ вырваться отъ жестокихъ страданій, которыми вергла ее безразсудная политика Филиппа и его преемниковъ. Изъ разсказовъ о жизни Филиппа ясно видно, въ какомъ жалкомъ положеніи матеріальной бѣдности и умственной неразвитости находятся жители этой страны, облагодѣтельствованной природою. Испанія была послѣднимъ убѣжищемъ и послѣдней жертвой религіознаго фанатизма въ Европѣ. Борьба между Филиппомъ II и нидерландскими вождями, происходившая въ концѣ XVI вѣка, имѣетъ обширное, общечеловѣческое значеніе во всемирной исторіи. Вглядываясь въ разныя фазы этой борьбы, разсматривая различныя части этой великой исторической картины, читатели могутъ составить понятіе о



ристических особенностях такъ называемыхъ переходныхъ эпохъ. Въ эти эпохи всего больше разыгрываются человѣческія страсти, и принципъ борется съ принципомъ, и выступаютъ на сцену великія историческія личности, во которыхъ группируются ихъ послѣдователи. Историческій міръ раздѣляется на двѣ сѣбныя партіи. Настоящее не имѣетъ опредѣленнаго характера и не имѣетъ представителей; есть только прошедшее, упорно отстаивающее свои права на существованіе и постоянно теряющее свою законность, и будущее, начинающее гонимое, но потомъ мало по малу выходящее прежнюю жизнь и водворяющее съ полною силой. Мы уже назвали нашимъ великимъ двумя представителями борющихся между собою принциповъ. Личный характеръ этихъ представителей заслуживаетъ полнаго вниманія. Деятельность не можетъ воплотить въ себя ни одну идею. На характеръ Филиппа лепится печать мрачной, дикой энергіи, не отступающей ни передъ какими насиліями, не презирающей никакихъ хитростей, могущихъ повести къ побѣдѣ. Для поддержанія своего принципа онъ жертвуетъ политическими видами, личными выгодами, самыми нѣжными привязанностями, къ которымъ только была способна его дикая природа, самыми священными семейными узлами. Того же фанатизма требуетъ отъ всѣхъ его окружающихъ, и дѣйствительно кругъ его престола группируются суровыя личности, неспособныя ни къ состраданію, ни къ измѣненіямъ совѣсти. Одни изъ нихъ жестоки въ сужденіи, другія — по страсти. Одни проливаютъ кровь холодно, другія — съ наслажденіемъ, непонятнымъ для большинства людей, но изгнаннымъ колоссальныхъ, ужасающихъ страстей въ нѣкоторыхъ личностяхъ, находящихся подъ вліяніемъ особыхъ историческихъ обстоятельствъ. Появленіе подобныхъ личностей является одну изъ отличительныхъ чертъ историческаго броженія, предшествующаго и возбуждающаго великіе перевороты. Подобныя личности являлись въ первые вѣка христіанства въ яростію боролись съ новымъ ученіемъ. Позднѣе личности засѣдали между монтаньями въ эпоху великой французской революціи среди фанатиковъ, составлявшихъ свиту Филиппа, стоятъ личности, колоссальная по своимъ талантамъ дарованіямъ и по своему историческому значенію. — личность, почти заслоняющая собою образъ Филиппа. Это — герцогъ Альба, именитый полководецъ, прославившій себя многочисленными побѣдами и безчисленными жестокостями, холодно и спокойно совершенными въ Нидерландахъ. Ни Филиппъ, ни Альба не были людьми кровожадными по темпераменту: оба они считали бесполезными жестокости болѣе извѣстной предосторожности, нежели извѣстной наглости. Они были равнодушны къ страда-

ніямъ человѣчества, но не находили въ нихъ удовольствія; казни были въ ихъ глазахъ средствомъ, а не цѣлью; дѣйствіями ихъ управлялъ всегда глубокой расчетъ, всегда обманывавшій ихъ ожиданія. Ихъ принципъ былъ невѣренъ; но нельзя отвергнуть того, что они дѣйствовали по принципу. Они не были обыкновенными злодѣями. Ихъ породили историческія обстоятельства, а не физиологическія особенности ихъ организаціи. За этими могучими личностями стоятъ цѣлыя легіоны темныхъ бездарныхъ злодѣевъ, служившихъ имъ орудіями и достойныхъ одного презрѣнія.

Насилію такихъ людей не могли не вызвать реакціи въ такой богатой, образованной странѣ, какъ Нидерланды. Реакція началась, и во главѣ оппозиціи явился Вильгельмъ, принцъ Оранскій, человѣкъ хладнокровный, принявшійся за дѣло освобожденія родины не по минутному порыву, а послѣ долгаго, глубокаго размышленія. Вильгельмъ принадлежалъ къ числу тѣхъ желѣзныхъ людей, на твердость которыхъ не дѣйствуютъ неудачи и нравственные страданія. Эти люди долго медлятъ прежде, нежели рѣшительно выступаютъ на историческую сцену; но, выступивъ однажды, они уже не оглядываются назадъ, не отступаютъ ни передъ какими жертвованіями, не боятся никакихъ опасностей и твердымъ, разсчитаннымъ шагомъ идутъ къ такой отдаленной цѣли, которой не смѣлъ-бы предположить себѣ человѣкъ болѣе пылкій или менѣе даровитый. Такимъ человѣкомъ былъ Робертъ Брюсъ, освободитель Шотландіи. Таковъ былъ и Тамерланъ, жившій среди другой цивилизаціи и направившій иначе громадныя силы своей души. Всѣ они долго терпѣли неудачи, всѣ обрывались и падали, но поднимались всякій разъ, шли впередъ и достигали завѣтной цѣли. Личныя свойства Вильгельма Оранскаго совершенно подходятъ подъ тѣ черты, которыми Грановскій характеризуетъ людей прогресса. Одаренный чуткимъ слухомъ и зоркимъ глазомъ, Вильгельмъ лишенъ того поэтическаго ореола, который окружаетъ образы нѣкоторыхъ историческихъ личностей, замѣчательныхъ по романтической судьбѣ или по симпатичнымъ чертамъ характера. Вильгельмъ заслуживаетъ безграничное уваженіе, какъ безкорыстный и даровитый историческій дѣятель; но онъ слишкомъ твердъ и холоденъ, дѣйствія его слишкомъ разсчитаны и правильны, въ немъ самое большее мало романтизма, слишкомъ великъ перевѣсъ мысли надъ чувствомъ, чтобы личность его могла привлекать къ себѣ тою прелестью, которая носится вокругъ именъ Альфреда Великаго, Лудовика IX, Баярда, Дона Карлоса, Маріи Стюартъ. Вильгельму не нужно этого сочувствія, въ которомъ есть много безотчетнаго: съ него довольно осмысленнаго уваженія, которое внушаетъ намъ къ его особѣ безпристраст-



ный приговоръ исторіи. Бѣльшій интересъ можетъ возбудить своими разнообразными приключеніями и пылкою, чисто средневѣковою храбростію братъ Вильгельма, Лудовикъ Нассаускій, — Баярдъ своего времени и правая рука брата въ дѣлѣ освобожденія Нидерландовъ. Вильгельмъ составлялъ планы и пріискивалъ средства; Лудовикъ бралъ на себя выполнение и часто губилъ общее дѣло своею безумною отвагою. Рядомъ съ этими двумя личностями и за ними стоитъ пестрая толпа освободителей, различныхъ по положенію въ обществѣ, по религіознымъ убѣжденіямъ, по характеру и по образу дѣйствій. Дворяне, купцы и ремесленники, католики и протестанты, фанатики и мыслящіе люди, пылкіе воины и хладнокровные мыслители, — всѣ дѣйствовали заодно и каждый по-своему, когда испанскій деспотизмъ коснулся самыхъ существенныхъ интересовъ народа, его правъ на собственность. Дѣйствія этихъ освободителей не могли носить на себѣ характера единства. Одни домогались полной вѣротерпимости, другіе — исключительнаго господства протестантизма. Одни желали вести дѣло ужѣренно, другіе портили его жестокостями, примѣшивая къ дѣлу освобожденія узкія планы личной мести. Въ сторонѣ отъ боровшихся партій, не принимая прямого участія въ дѣлѣ, стояли европейскіе государи, составлявшіе общественное мнѣніе и нерѣдко употреблявшіе свое дипломатическое вліяніе, чтобы дать перевѣсъ той или другой сторонѣ. Елисавета англійская, Карлъ IX французскій, виновникъ вареоломеевской ночи, и императоръ Максимилианъ, нерѣшительный и измѣнчивый, стояли на первомъ планѣ въ этой группѣ зрителей, болѣе или менѣе заинтересованныхъ дѣйствіемъ.

Мы постарались въ немногихъ словахъ набросать историческую картину, которой подробности читатели наши могутъ прослѣдить у Мотлея; какъ при разборѣ художественнаго произведенія, мы объяснили общее значеніе дѣйствія и, не касаясь самаго хода событій, познакомили читателей съ характерами главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Уже по нашему бѣглому перечню онѣ могутъ судить о важности дѣйствія, могутъ угадывать элементы драматическаго интереса, которые заключаются какъ въ положеніи борющихся сторонъ, такъ и въ колоссальныхъ характерахъ отдѣльныхъ личностей. Для дальнѣйшихъ подробностей надобно обратиться къ той статьѣ, на которую мы указываемъ. Въ ней онѣ найдутъ вѣрное, отчетливое и послѣдовательное изображеніе событій, рельефное воспроизведеніе характеровъ и положеній, — словомъ, все, что составляетъ необходимую принадлежность и лучшее достоинство историческаго сочиненія.

Леонардо да-Винчи. *К. К. Герца.* (1858 г., №№ 25 и 26.)

Леонардо да-Винчи былъ, какъ извѣстно нашимъ читательницамъ, знаменитый итальянскій художникъ, жившій въ концѣ XV вѣка, — въ ту замѣчательную эпоху, которая называется во всемирной исторіи эпохою возрожденія наукъ и искусствъ. Въ это время, когда просвѣщеннѣйшіе люди, утоленные средневѣковыми смутами и невѣжествомъ, обратились къ изученію классической (римской и греческой) древности, которая была забыта и введена въ первые вѣка христіанства. Въ то время, когда тогдашнихъ ученыхъ обратилось къ изученію языка и словесности; художники обратились къ остаткамъ классическаго искусства, къ архитектурнымъ памятникамъ и статуямъ, къ достойнымъ изученія и подражанія. Все это движеніе ума въ эту эпоху проявилось въ Италіи. Въ Италіи всего полнѣе сохранились остатки древняго міра; въ Италіи Римъ жилъ живымъ памятникомъ отжившей славы. Италія была по своему географическому положенію всего ближе къ остаткамъ Византіи. Итальянскія республики жали въ своихъ рукахъ тогдашнюю торговлю, стекавшіяся въ руки генуэзцевъ, венеціанцевъ, флорентійцевъ, давали имъ средства досугу подумать о высшихъ потребностяхъ души, о наслажденіяхъ человѣчества; въ Италіи природа и благорастворенный климатъ давали въ итальянцахъ стремленіе къ поэтическому творчеству и къ эстетическому наслажденію. Всѣ эти причины имѣли сильное вліяніе на роль, которую заняла Италія въ исторіи возрожденія человѣчества. Эпоха возрожденія ознаменована цѣлымъ рядомъ знаменитыхъ итальянскихъ художниковъ, которыхъ имена остаются до сихъ поръ безсмертными и которыми по всѣмъ отраслямъ искусства. Изъ этихъ первоклассныхъ художниковъ особенно выдаются Леонардо да-Винчи, достопочтенный современникъ Микель-Анджело и Рафаэля. Подобно Микель-Анджело, Леонардо да-Винчи не ограничился какой-нибудь одною сферою творческой деятельности: оба художника пріобрѣли славу и смѣртию самыми разнообразными трудами. Микель-Анджело былъ архитекторомъ, ваятелемъ и живописцемъ; онъ создалъ куполъ собора въ Флоренціи, статую «Моисей» и картину «Послѣдній судъ»; каждое изъ этихъ колоссальныхъ твореній могло-бы обезсмертить имя художника, а между тѣмъ всѣ три принадлежатъ одному человѣку. Еще разнообразнѣе была деятельность Леонардо да-Винчи. Не ограничиваясь пластическими искусствами, къ которымъ принадлежали живопись, скульптура и зодчество, онъ проникъ въ область музыки и поэзіи; вникая въ сферу искусства, онъ находилъ



Сила и силы заниматься науками: математикой, механикой и фортификацией. Онъ былъ творецъ механики и замѣчательный военный инженеръ. Въ наше время трудно себѣ представить такой всеобъемлющій умъ, такую обширную деятельность. Почему-же такъ было прежде? Чему нѣтъ этого теперь? Такіе вопросы возникаютъ невольно при чтеніи біографіи этихъ колоссальныхъ гениевъ. На эти вопросы мы можемъ отвѣтить только предположеніемъ: въ то время, когда жили Микель-Анджело и Леонардо да-Винчи, у науки почти не было прошедшаго, наука была въ младенчествѣ; пытливому уму почти не нужно было изучать труды предшественниковъ, потому что трудовъ этихъ было очень немного; труды эти были большей частью робкія и слабыя попытки ума, неувереннаго въ своихъ силахъ; каждая смѣлая, удачная, живая мысль могла подвинуть науку впередъ, могла произвести на современниковъ глубокое впечатлѣніе. Теперь положеніе дѣлъ измѣнилось. Теперь мало одного природнаго ума и дарованія: нужны еще долговременный, усидчивый трудъ, изученіе; теперь труднѣе сдѣлать переломъ въ наукѣ, труднѣе дать ей новое направление; наука во многихъ отношеніяхъ стоитъ на непоколебимыхъ основаніяхъ, количество развитыхъ и трудящихся людей сдѣлалось больше; критическій смыслъ передовыхъ людей общества сдѣлался проникательнѣе и острѣе; приговоръ ихъ будетъ основательнѣе и строже; потому въ наше время гениальный человѣкъ большей частью, развивъ свои способности предварительнымъ приготовленіемъ, общимъ образованіемъ, берется за одну отрасль науки, дѣлается специалистомъ; иначе у него не достанетъ силъ удовлетворить вполнѣ требованіямъ безпристрастной и строгой критики. Напротивъ того, въ средніе вѣка замѣчательные люди часто захватывали всю область современныхъ имъ знаній, занимались въ одно время предметами, не имѣющими между собою никакой тѣсной связи. Деятельность ихъ была безспорно обширнѣе; но врядъ-ли она была глубже дѣятельности современныхъ специалистовъ. Мы позволили себѣ это отступленіе потому, что желали предохранить нашихъ читателей отъ невѣрнаго взгляда на прошедшее. Видя колоссальныя личности Микель-Анджело и Леонардо, онѣ могли подумывать, какъ думаютъ многіе, что родъ человѣческій измѣлчалъ нравственно и умственно, что настоящее положеніе дѣлъ хуже прошедшаго. Такая мысль неутошительна и невѣрна; она противорѣчитъ естественному ходу событій. Въ исторіи мы должны видѣть развитіе человечества, его стремленіе къ совершенству. Стремле-

ніе это бываетъ иногда уродливо, человечество переживаетъ тяжелыя эпохи нравственной борьбы и болѣзни, но оно постоянно подвигается впередъ, несмотря на ошибки и уклоненія. Какъ ни блестятъ знаменитыя имена эпоха возрожденія, а наше время во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ выше ея и пользуется выработанными ею результатами несравненно полнѣе, нежели пользовались ими люди XV и XVI вѣковъ. Все, что мы сказали, относится конечно только къ ученой дѣятельности Леонардо, которая, при всей своей обширности, почти не оставила по себѣ слѣда. Слава Леонардо да-Винчи основана на его художественныхъ произведеніяхъ и преимущественно на его картинахъ, которыя къ несчастію уцѣлѣли далеко не всѣ. Человѣческая личность Леонардо также заслуживаетъ полного уваженія; онъ былъ человѣкъ религіозный, строго нравственный и въ высшей степени добросовѣстный. Эти качества получаютъ въ нашихъ глазахъ всю свою цѣну, когда мы вспомнимъ, что современниками Леонардо были люди, вознавившіе ничего священнаго, — люди, готовые жертвовать для своихъ личныхъ выгодъ, для чувственныхъ наслажденійъ всѣми законами чести и справедливости. Въ отношеніи къ нравственному упадку, Италія стояла, быть можетъ, еще ниже другихъ, менѣе образованныхъ государствъ Европы. Папы и свѣтскіе владѣтели не знали границъ своему честолюбію, не останавливались ни передъ какими злодѣяніями, когда дѣло шло объ исполненіи ихъ прихотей или замысловъ; цѣль въ ихъ глазахъ оправдывала средства; рядъ измѣнъ, убійствъ, междоусобій, нарушенныхъ договоровъ и коварно расторгнутыхъ союзовъ — такова политическая жизнь Италіи въ XV и XVI столѣтіяхъ; внутренняя, домашняя жизнь была еще грязнѣе политической, и между тѣмъ Леонардо да-Винчи умѣлъ остаться чистъ среди подобной обстановки, умѣлъ сохранить въ душѣ безкорыстную любовь ко всему изящному, истинному. Факты его жизни не вполнѣ извѣстны; но отзывы его лучшихъ современниковъ и ближайшихъ потомковъ даютъ ему полное право на уваженіе. Статья Герца познакомитъ нашихъ читателей съ главными чертами характера Леонардо и его творческой дѣятельности. Не имѣя матеріаловъ для полного описанія его жизни, Герцъ всего болѣе обращаетъ вниманіе на личность Леонардо, какъ художника; онъ показываетъ, какъ творилъ Леонардо и какъ смотрѣлъ онъ на свое искусство; онъ перечисляетъ его картины, дошедшія до насъ, и даетъ понятіе о ихъ достоинствахъ и томъ значеніи, которое имѣли онѣ для своего времени и для развитія искусства.



## «Журналъ для Воспитанія» 1857, 1858 и 1859 гг.

Съ 1857 г. въ нашей журнальной литературѣ появились два изданія <sup>1)</sup>), исключительно посвящающія себя обсужденію вопросовъ, касающихся воспитанія. Самое появленіе этихъ двухъ журналовъ составляетъ фактъ замѣчательный, заслуживающій полного вниманія и сочувствія. Видно, что общество наше, обратившись къ изслѣдованію своихъ слабостей и недостатковъ, не останавливается на одномъ разсмотрѣніи виѣшнихъ фактовъ. Отъ явленія оно восходитъ къ причинѣ. Видя зло, оно сознаетъ, что это зло росло постепенно, и потому въ воспитаніи, въ условіяхъ, при которыхъ развиваются отдѣльныя личности, старается найти объясненіе тѣхъ несовершенствъ, которыя поражаютъ насъ въ нашей общественной и домашней жизни. Изслѣдуя причины зла, кроющіяся въ превратномъ воспитаніи, оно въ то-же время отыскиваетъ средства исправлять эти недостатки, дѣйствуя на молодое подрастающее поколѣніе. Говоритъ о важности воспитанія, о благотѣльныхъ послѣдствіяхъ, которыя поведетъ за собою обсужденіе педагогическихъ вопросовъ, мы считаемъ излишнимъ, потому что намъ пришлось бы повторять общія мысли, уже давно вошедшія въ сознаніе образованнаго общества. Не будемъ также говорить, почему мы принимаемъ на себя обязанность сдѣлать обзоръ нашихъ педагогическихъ журналовъ. Причины этого ясны и находятся въ непосредственной связи съ цѣлью и назначеніемъ нашего изданія. Скажемъ только, что мы начнемъ нашъ обзоръ съ начала существованія обоихъ журналовъ, съ того времени, когда вопросъ о воспитаніи сдѣлался современнымъ, жизненнымъ вопросомъ, обратившимъ на себя вниманіе лучшихъ людей нашего общества. Говоря о другихъ журналахъ, мы разсматривали только прошлый 1858 годъ. При обзорѣ педагогическихъ журналовъ такъ поступить нельзя: нужно прослѣдить въ хронологической послѣдовательности постепенное развитіе педагогическихъ идей въ нашемъ отечествѣ. Развитіе это совершилось и совершается на нашихъ глазахъ; начало этого развитія, начало движенія относится къ нашей современности; этимъ началомъ, этимъ первымъ толчкомъ обуславливается дальнѣйшій ходъ развитія; послѣдующее находится въ связи съ предыдущимъ и независимо отъ него не можетъ быть вполне понято, потому что каждая идея возникаетъ въ обществѣ не внезапно, а посте-

пенно развивается, уясняется и приобщается къ сознанію. Итакъ, мы начнемъ съ перваго существованія «Журнала для Воспитанія» — никшаго въ 1857 году, нѣсколькими мѣсяцами раньше «Русскаго Педагогическаго Вѣстника». Цѣль и объемъ нашего изданія не позволяютъ намъ обсуживать всѣ педагогическія вопросы, помѣщенные въ обоихъ журналахъ. Мы говоримъ преимущественно о томъ, что относится къ назначенію и образованію женщ-

## Письма къ русскимъ женщинамъ. А. И. (№№ 1 и 3.)

Въ первыхъ нумерахъ «Журнала для Воспитанія» помѣщены два письма г жи Х-ва, въ которыхъ высказывается взглядъ автора на то, чѣмъ должна быть женщина, и на какомъ положеніи находится она въ современномъ обществѣ. Эти два письма составляютъ повидимому начало цѣлаго ряда писемъ, посвященныхъ воспитанію; это какъ-бы вступленіе, въ которомъ авторъ знакомитъ читателя со своими убѣжденіями, съ своимъ взглядомъ на то, что такое женщина, какова ея роль въ обществѣ. Въ этомъ вступленіи высказаны общія положенія, на основаніи которыхъ авторъ хочетъ построить свою систему; но першія два письма остались безъ продолженія, и мы лишены возможности судить о цѣлостности средствъ, которыми авторъ хочетъ осуществить свою теорію. На этомъ мы принуждены ограничиться обзоромъ самой теоріи, общихъ положеній, высказанныхъ въ первыхъ двухъ письмахъ. Эти общія положенія не могутъ возбудить никакого серьезнаго опроверженія, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время они составляютъ уже доказанную истину. Въ первомъ письмѣ Х-ва словами покойнаго Бѣлинскаго о русской женщинѣ въ неразвитости, въ отсталости, въ отсутствіи кѣ виѣшнему блеску, въ пренебреженіи кѣ внутреннимъ, прочнымъ достоинствамъ своего существа и окружающихъ людей, шая выписка изъ Бѣлинскаго составляетъ главную капитальную часть статьи, — ту часть, въ которой группируются мнѣнія. Выписка эта въ правдивыхъ и энергичныхъ выраженіяхъ выставяетъ наружу обыкновеннаго свѣтскаго воспитанія и тѣмъ болѣе обыкновенной семейной жизни въ то время. Слова Бѣлинскаго, сказанные двадцать лѣтъ тому назадъ, не потеряли своей силы и теперь. Онъ рисуетъ въ сильныхъ, но неутраченныхъ чертахъ картину

<sup>1)</sup> «Журналъ для Воспитанія» и «Русскій Педагогическій Вѣстникъ».



ской дѣвушки. Читая его слова, нельзя не думать, что домашняя жизнь медленно и тихо подвигается впередъ въ нашемъ отечествѣ. Нельзя не сознаться, что г-жа Х-ва и въ настоящее время не могла сдѣлать лучшаго выбора, бы, сообразно съ своей цѣлью, представить своимъ женщинамъ ихъ собственныя несовершенства, требующія радикальной, энергической формы въ воспитаніи. Г-жа Х-ва согласна съ нами нашего критика; она признаетъ мѣсто его упрековъ, но не соглашается съ причинами, которыми Вѣлинскій объясняетъ себѣ остатки русскихъ женщинъ. Вѣлинскій говоритъ, что виновато все общество, что виноваты особенно мужчины, смотрящіе на женщину съ коммерческой, или во всякомъ случаѣ эгоистической точки зрѣнія, — мужчины, не признающіе истинной красоты, истинной женственности, непризнающіе правъ женщины на самостоятельное развитіе. Г-жа Х-ва говоритъ это:

«Не будемъ обвинять другихъ въ нашихъ недостаткахъ, какъ это дѣлаетъ критикъ, находящій, что мужчины причиной нашей неразвитости<sup>1)</sup>; но будемъ также, подобно страусу, прятать наши ноги въ кусты, чтобы не видѣть врага. Встрѣчь лучше его лицомъ къ лицу и постараемся выиграть. И увѣрена, что всѣ эти недостатки не нравственныя, т. е. не заключаются въ природѣ русской женщины, но скорѣе слѣдствіе ложныхъ понятій о воспитаніи женщины и ея назначеніи.»

Г-жа Х-ва не хочетъ видѣть въ мужчинахъ главной причины недостатковъ. Она хочетъ видеть женщинъ, что онѣ виноваты сами, что и сами, одиѣ могутъ исправиться, и что съ правленіемъ ихъ все пойдеть иначе. Цѣль этого случая похвальная. Г-жа Х-ва дѣлаетъ воззваніе къ русскимъ женщинамъ и же-

лаетъ внушить имъ бодрость, подать имъ силы для великаго и прекраснаго подвига; но похвальная цѣль автора не мѣшаетъ намъ замѣтить невольнѣ вѣрное сужденіе. Общество развивается органически: усовершенствованіе въ одной части его ведетъ за собою пропорціональное улучшеніе всего устройства, всего общественного сознанія; недостатокъ въ отдѣльной части лежитъ тяжелымъ бременемъ на всемъ общественномъ зданіи. Неразвитость мужчинъ парализовала всѣ лучшія стремленія женщинъ, тѣмъ болѣе, что въ нашемъ обществѣ одному мужчине были даны кой-какія средства къ развитію, — средства, которыми женщина, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, могла пользоваться не иначе, какъ черезъ мужчину. Неразвитость женщинъ, слѣдствіе неразвитости мужчинъ, въ свою очередь, оказывала губительное, мертвящее вліяніе на семейную жизнь, развивала пустыя свѣтскія отношенія, задерживала и забивала стремленіе къ истинѣ, проявлявшееся въ молодомъ поколѣніи. Оба пола вредили другъ другу, не пускали другъ друга впередъ, и женщина собственными силами не могла пробить преграду, которую поставили передъ нею своекорыстная рутина, привычка, общественныя предрасудки; ей трудно, невозможно было идти къ истинному образованію, когда общество и близкіе люди требовали отъ нея совсѣмъ другого; мужень былъ сильный толчокъ, который бы отозвался во всѣхъ слояхъ общества: такимъ толчкомъ были историческія обстоятельства, совершающіяся передъ нашими глазами. Толчокъ этотъ вызвалъ дѣятельность мужчинъ и уже потомъ нашелъ себѣ отголосокъ въ женщинѣ; слѣдовательно, главною причиною зла были все-таки мужчины, которые, присвоивъ себѣ неограниченную монополію, принимая участіе въ государственной жизни, занимая наукою, творя въ области искусства, не умѣли или не могли внести живительной мысли въ свою семейную жизнь, не могли открыть глазъ на истину тѣмъ существамъ, которыя находились отъ нихъ въ умственной зависимости. Не можемъ такимъ образомъ принять возраженія г-жи Х-вой противъ мнѣнія Вѣлинскаго, тѣмъ болѣе, что возраженіе это высказано голословно, бездоказательно, въ формѣ воззванія къ русской женщинѣ. Второе письмо — «о назначеніи женщины» вполне соответствуетъ своему заглавію. Роль женщины въ семейномъ быту определена вѣрно; обязанности ея въ отношеніи къ человѣчеству, значеніе ея для усовершенствованія и облагораживанія отдѣльной личности и цѣлаго общества представлены въ общихъ чертахъ, но такъ, что ни одно слово автора не можетъ вызвать противорѣчія. Указаны также условія, препятствовавшія развитію и разумной самостоятельности женщины.

1) «И неужели вы обвините ее во всемъ этомъ? Какое имѣете вы право требовать отъ нея, чтобы она была не тѣмъ, чѣмъ сами-же вы ее сдѣлали? Хотите-ли вы обвинять даже ея родителей? Развѣ вы сами сдѣлали изъ женщины только невѣсту, вѣну, и ничего болѣе? Развѣ когда нибудь подарили вы къ ней безкорыстно, просто, безъ всякаго вида, для того только, чтобы насладиться этимъ ароматомъ, этой гармоніей женственнаго дѣла, этимъ поэтическимъ очарованіемъ пріятнаго и сообщенія женщины, которая такъ тихо, успокоительно и обаятельно дѣйствуетъ жесткую натуру мужчины? Желали-ли вы когда бродить имѣть друга въ женщинѣ, въ которую вы сами не влюблены, сестру въ женщинѣ, вамъ дороже? — Нѣтъ! если вы входите въ женскій міръ, то не иначе, какъ для выполненія обряда, свѣдѣнія, обряда; если танцуете съ женщиной, то только потому, что мужчинамъ танцовать съ женщинами не принято. Если вы обращаете на одну женщину свое исключительное вниманіе, то всегда положительными видами — ради женитьбы или юнкитства. Вотъ взглядъ на женщину чисто-утилитарный, почти коммерческій: она для васъ — капиталъ съ процентами, деревня, домъ съ доходомъ; ни не то, такъ духарня, прачка, ключница, няня, много, много, если одалиска...» «Отеч. Зап.», XXXIX.







по характеру, по умственным способностям, по первоначальному направлению, получаемому ими в родительском домѣ. Естественным слѣдствіемъ этого дробленія является, по словамъ Чумикова, необходимость дѣйствовать *куртомъ*, на массу; а такого рода дѣйствія ведутъ за собой подавленіе индивидуальности, сглаживание личнаго характера, между тѣмъ какъ воспитаніе должно, отивъ того покровительствовать развитію личности, вызывать наружу, пробуждать и направлять къ дѣятельности врожденныя способности каждого недѣлимаго. Затѣмъ Чумиковъ переходитъ къ разсмотрѣнію отношеній къ воспитанницами и въ этихъ отношеніяхъ тѣ зародыши многихъ свойствъ души, искаженныхъ и подавляющихъ женственность. Сохраняя ведетъ къ развитію зависти, къ желанію отличиться, къ кокетству; тѣсныя ежедневныя отношенія между дѣвками, получившими такое направленіе, могутъ произвести между ними взаимный обмѣнъ недостатковъ, отъ которыхъ, быть можетъ, многія воспитанницы остаются свободны въ родительскомъ домѣ. При этомъ Чумиковъ не упускаетъ изъ вида разнородности мечтательности, романческаго настроенія ума, развитія того *обожанія*, которое составляетъ техническій терминъ въ каждомъ заведеніи. Таковы нравственные слѣдствія пансіонскаго воспитанія: развѣдненность отъ действительной жизни, холодность сердца, недоточенность и рядомъ съ этими качествами безнравственное развитіе воображенія, внѣшней стивительности, которая конечно не замѣтъ душевной теплоты, возникающей только въ соприкосновеніи съ дѣйствительнымъ жискимъ горемъ, при видѣ дѣйствительнаго аданія. Не менѣе печальны результаты собственно умственнаго, научнаго образованія. Недостатки системы преподаванія, сухой, стѣсненной отсталыми программами, стѣсненной и пансіонской, рутинной жизнью въ классахъ и въ классахъ, эти недостатки понятны кому, кто дорожитъ въ наукѣ живою мыслью, кому близко къ сердцу развитіе ученика безъ ошенія къ экзамену и къ благоволенію начальна. Чумиковъ представилъ очеркъ борьбы одого преподавателя съ обстоятельствами, шней обстановкой заведенія и умственной тией воспитанницъ. Борьба эта кончается тѣмъ, что молодой, талантливый и образованный тель начинаетъ вести дѣла по старому, т. е. авать уроки, диктовать готовые вопросы и бѣты, прослушивать затверженныя, но невоишія въ сознаніе слова, предложенія и педы. Трудно себѣ представить, чтобы такъ то вездѣ, во всѣхъ закрытыхъ заведеніяхъ; нельзя не согласиться, что въ словахъ Чумикова видно основательное знаніе описываемого предмета, что въ нихъ слышится такое

искреннее, честное убѣжденіе, которое невольно заставляетъ вѣрить, тѣмъ болѣе, что представленныя имъ результаты, подкрѣпленные примѣрами изъ жизни, прямо, непосредственно вытекаютъ изъ самой сущности или основной идеи закрытаго заведенія. Чумиковъ и Луиза Бюхнеръ разсматриваютъ тотъ-же предметъ съ различныхъ сторонъ. Первый говоритъ о положительномъ вредѣ пансіонскаго воспитанія; нѣмецкая писательница, напротивъ того, обращаетъ вниманіе на его отрицательную сторону, т. е. на то, чего лишаются воспитанницы, удаляясь на долгое время изъ родительскаго дома или вообще изъ семейнаго быта. Статья г-жи Бюхнеръ заслуживаетъ сочувствія по своему направленію; но она очень коротка, не разсматриваетъ практическихъ средствъ, которыми располагаютъ пансіоны, и не показываетъ недостатковъ преподаванія.

Вторая часть статьи Чумикова содержитъ въ себѣ практическіе совѣты для устройства въ губернскихъ городахъ училищъ для приходящихъ дѣвицъ или, какъ ихъ называютъ теперь, женскихъ гимназій. Совѣты эти относятся преимущественно къ отысканію матеріальныхъ средствъ для учрежденія и содержанія этихъ училищъ и къ главнымъ чертамъ внутренняго управленія училища; о системѣ преподаванія, о числѣ классовъ, о распредѣленіи занятій между училищами различныхъ возрастовъ сказано очень коротко и въ общихъ выраженіяхъ; объ экзаменахъ, о томъ, оставить-ли ихъ въ новыхъ училищахъ, и ежели они останутся, какъ ихъ производить, объ этомъ не сказано ни слова. Вообще вторая часть статьи замѣчательна болѣе по своему современному направленію, нежели по практической примѣнимости высказанныхъ въ ней совѣтовъ. Чумиковъ правильно обсудилъ свой вопросъ: но въ его статьѣ нельзя видѣть прозекта, который могъ-бы быть приведенъ въ исполненіе. Ежели смотрѣть на статью съ этой точки зрѣнія, то въ ней можно замѣтить много недоговореннаго, много пробѣловъ. Заслуга Чумикова заключается въ томъ, что онъ выставилъ недостатки закрытыхъ заведений и указалъ путь къ лучшему порядку вещей въ дѣлѣ женскаго воспитанія.

#### Заграничныя письма въ редакцію «Журнала для Воспитанія», В. Водовозова.

Заграничныя письма Водовозова заслуживаютъ полнаго вниманія нашихъ читателей, какъ по своему литературному достоинству, такъ и по интересу описываемаго въ нихъ предмета. Водовозовъ сообщаетъ свѣдѣнія о современномъ положеніи воспитанія въ Германіи. Письма его занимательнѣе простыхъ впечатлѣній и путевыхъ записокъ туриста, — записокъ, часто довольно безсвязныхъ, носящихъ на себѣ



явные слѣды случайности въ выборѣ и расположеніи описываемыхъ предметовъ. Причины этой случайности заключаются въ томъ, что на путешествіе многіе смотрятъ, какъ на простое развлеченіе. Всякое путешествіе, предпринятое сознательно, по внутренней потребности, должно имѣть какую-нибудь специальную, хотя и неисключительную цѣль. Путешественникъ передъ своимъ отъѣздомъ долженъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что интересуетъ его, чего онъ намѣренъ искать за-границею, во что намѣренъ вглядываться, съ какой точки зрѣнія будетъ онъ смотрѣть на встрѣчающіеся ему предметы. Поэтъ и художникъ будутъ собирать впечатлѣнія въ картинахъ природы, въ наблюденіи типическихъ личностей, въ которыхъ отражается національность; натуралистъ будетъ смотрѣть на тѣ-же предметы, но будетъ подвергать ихъ анализу, вмѣсто того, чтобы соединить ихъ въ стройныя картины и наслаждаться общимъ впечатлѣніемъ; историкъ, агрономъ, политикъ, — словомъ, каждый специалистъ взглянетъ на дѣло съ своей точки зрѣнія; всѣ они смотрятъ все, что заслуживаетъ вниманія, но каждый изъ нихъ откроетъ и разработаетъ для себя ту сторону предмета, которая займетъ его болѣе, каждый вынесетъ свое, оригинальное впечатлѣніе, и характеръ этой оригинальности отразится въ его запискахъ. Безъ этого самобытнаго характера, придающаго описанному впечатлѣнію жизнь и силу, безъ единства мысли не можетъ быть въ путевыхъ запискахъ ни художественнаго достоинства, ни научнаго интереса. Научный интересъ дѣлается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше дробится вниманіе путешественника, чѣмъ сосредоточеннѣе кругъ его наблюденій. Въ этомъ отношеніи заграничныя письма Водовозова почти теряютъ характеръ путевыхъ впечатлѣній и, сохраняя литературную живость изложенія, представляютъ чисто научныя свѣдѣнія о состояніи германскихъ училищъ. Здѣсь авторъ писемъ понялъ и представилъ германскій народный характеръ, насколько онъ выразился въ педагогической дѣятельности. Высокое развитіе народа, просвѣщенный взглядъ на вещи и добросовѣстное знаніе дѣла обнаруживаются въ каждомъ учрежденіи, описанномъ Водовозовымъ. Нигдѣ нѣтъ ничего необдуманнаго, сшитаго на живую нитку или предоставленнаго случайности: все заранѣе обсуждено, разобрано и примѣнено къ условіямъ мѣстности, къ потребностямъ воспитывающагося сословія, къ возрасту дѣтей и къ степени ихъ умственнаго развитія. Преподаваніе идетъ рука объ руку съ нравственнымъ воспитаніемъ; сообщая фактическія свѣдѣнія, учитель въ то-же время пробуждаетъ самостоятельность учениковъ, заставляетъ ихъ мыслить, дѣйствуетъ на нихъ нравственное чувство, приучаетъ ихъ къ сознательному повиновенію и къ исполненію долга. Въ низшихъ училищахъ нѣтъ

строгаго разграниченія между областями уроки, задаваемые учителями, не даются никакъ, какъ-бы въ отдѣльныхъ ящикахъ головѣ ребенка: они постоянно наносятъ движеніи, примѣняются въ постоянныя занятія, въ которыхъ вызываются и развиваются въ время наружу свѣдѣнія географическія, историческія, арифметическія и т. д. Ребенокъ учится смотрѣть на эти свѣдѣнія, какъ на свою собственность; онъ привыкаетъ распоряжаться этимъ капиталомъ, онъ знаетъ, гдѣ что лежитъ въ своей памяти, какъ иногда приложить въ науку. Словомъ, живая связь науки съ практической жизнью составляетъ основную черту педагогической системы, по которой идетъ преподаваніе въ училищахъ, посѣщенныхъ Водовозовымъ. Водовозовъ видѣлъ сиротскія дѣтскія сады, въ которыхъ развиваются въ играхъ умственные способности дѣтей того возраста, видѣлъ народныя училища, гдѣ болѣе серьезной методой преподаванія, основанной на гимнастическихъ школахъ и наконецъ на нѣсколькихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, устройствѣ которыхъ онъ отзывался большой похвалой. Устройство этихъ училищъ насколько можно судить по фактамъ, сообщеннымъ Водовозовымъ, удовлетворяетъ требованіямъ современной науки. Объектъ преподаванія, распределеннаго въ Ганноверскихъ училищахъ между девятью классами, довольно широкъ и можетъ дать дѣвушкамъ самое самостоятельное развитіе, особенно ежели принять въ соображеніе, что воспитанницы не ограничиваются сферою школьной дѣятельности: дома, у родителей, онѣ имѣютъ всѣ средства приобретать практическое знаніе и прилагать къ жизни свѣдѣнія, вынесенныя изъ школы. Разпределеніе предметовъ между различными классами указываетъ на строго соблюденную постепенность въ переходѣ отъ легкаго къ болѣе трудному, отъ чисто конкретнаго къ болѣе отвлеченному. Число уроковъ, время занятій также примѣняются сообразно съ возрастомъ воспитанницъ. Цѣлью образованія въ Ганноверской школѣ является гармоническое развитіе силъ души, безъ всякаго стѣсненія личности, безъ всякаго стремленія къ какой-нибудь частной, ограниченной цѣли; на женщину смотрятъ, какъ на самостоятельную личность, имѣющую право развиваться для себя и пользоваться своимъ развитіемъ для удовлетворенія своихъ внутреннихъ потребностей, сообразно съ своими наклонностями и побужденіями. Не всѣ германскіе педагоги раздѣляютъ этотъ взглядъ на вещи: въ нѣкоторыхъ женскихъ училищахъ жертвуютъ для частныхъ цѣлей всестороннимъ развитіемъ, но на такой взглядъ на вещи можно смотрѣть не иначе, какъ на уклоненіе, при которомъ трудно женщинамъ достигнуть своего назначенія.



іе искусства на воспитаніе. Б. М—а.  
(№№ 2 и 9.)

Необходимость эстетическаго образованія состоитъ въѣмъ современныхъ педагогами, правильно смотрящими на конечную цѣль воспитанія. Эта цѣль состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать человѣка человѣкомъ, то-есть возвысить, возродить, развить всѣ его способности, все въ него стремленіе къ лучшему и дать средства къ самосовершенствованію. На этого самосовершенствованія человѣка ждутъ горести и сомнѣнія; ему предстоятъ басы собственными несовершенствами, трудъ, та надъ самимъ собою. Поэтому такъ часто говорятъ, что человѣкъ созданъ для труда и борьбы. Борьба эта становится тѣмъ упорнѣе, чѣмъ исходъ борьбы тѣмъ сомнительнѣе, чѣмъ онъ расходится обязанности человѣка съ его стремленіями, чѣмъ больше разладъ между нравственнымъ долгомъ и чувственными явленіями. Поэтому основаніе, одна изъ важнѣйшихъ заповѣдей воспитанія состоитъ не въ томъ, чтобы возложить на него долгъ личную свободу, искоренить враждебныя наклонности и влеченія, а въ томъ, чтобы согласить, примирить одно съ другимъ, чтобы дать правильное развитіе этимъ противоположностямъ, которыя, въ противномъ случаѣ, не получивши должнаго направленія, могутъ переродиться въ страсти и повести къ самымъ печальнымъ уклоненіямъ отъ разумности. Нужно, чтобы человѣкъ дѣлалъ добро, по возможности не насилуя своей природы; нужно, чтобы онъ смотрѣлъ на трудъ не какъ на пещную необходимость, а какъ на внутреннюю потребность, какъ на существенное условіе жизни, какъ на высокое наслажденіе; хорошія, возвышенныя влеченія должны по возможности обратиться въ привычку, сдѣлаться второю природою правильно развитою человѣка. Если развитія можно довольно безошибочно предѣлать по тѣмъ предметамъ, которые нравятся человѣку,—по тому, въ чемъ онъ находитъ себѣ удовольствіе или наслажденіе. Чѣмъ выше, необразованнѣе человѣкъ, тѣмъ ниже его природа въ нравственномъ отношеніи, тѣмъ матеріальнѣе его наслажденія, тѣмъ ближе они проникнуты мыслью, тѣмъ ближе къ чисто животнымъ влеченіямъ. Такія наслажденія конечно не могутъ имѣть образовательнаго вліянія: вмѣсто того, чтобы облагораживать человѣка, они удерживаютъ его въ состояніи нравственнаго униженія. Между тѣмъ наслажденіе составляетъ одну изъ потребностей повѣческой души. Способность наслаждаться принадлежитъ къ числу благороднѣйшихъ ея особенностей; но способность эта нуждается въ развитіи. Человѣку свойственно стремленіе къ прекрасному, но каждый понимаетъ прекрасное по-своему, часто невѣрно и превратно. Задача

эстетическаго образованія состоитъ именно въ томъ, чтобы воспользоваться этимъ врожденнымъ стремленіемъ и показать ему вѣрную дорогу. Эстетическое образованіе должно приучить человѣка любить прекрасное и правильно понимать его; оно должно образовывать и очистить вкусъ, показать человѣку то, въ чемъ должно искать наслажденія, развить въ немъ способность наслаждаться тѣмъ, что дѣйствительно прекрасно,—тѣмъ, что можетъ оказывать на душу благотворное, обновляющее вліяніе. Плодомъ эстетическаго образованія должны быть внутренняя гармонія, согласіе между долгомъ и желаніемъ, между разсудкомъ и чувствомъ, отсутствіе той борьбы, которая всегда служитъ признакомъ еще неполнаго развитія. Къ такой цѣли должно стремиться. Можно-ли ее достигнуть—это другой вопросъ,—вопросъ, на который повидимому придется отвѣчать отрицательно. Были впрочемъ избранные люди, которые еще при жизни достигали внутреннего успокоенія и прочнаго душевнаго мира. Къ числу такихъ людей можно отнести В. Гумбольдта и Огюстена Тьерри: оба эти ученые считали трудъ, самоотверженіе во имя науки высочайшимъ наслажденіемъ; слѣдовательно, влеченіе и долгъ были согласены. Оба они были высоко развиты въ эстетическомъ отношеніи: В. Гумбольдтъ былъ замѣчательный критикъ, цѣнитель изящнаго во всѣхъ его проявленіяхъ; Тьерри былъ художникъ въ дѣлѣ историческаго творчества. Оба они подъ конецъ жизни сознавали, что честно исполнили долгъ человѣка, и оба умерли съ этимъ спокойнымъ сознаніемъ; ихъ душевнаго мира не могли нарушить ни тѣлесныя страданія, которыя пришлось испытать Тьерри, ни огорченія отъ потери близкихъ людей, которыя выпали на долю Гумбольдта. Итакъ, вотъ плоды эстетическаго образованія. Говорить отдѣльно о необходимости такого образованія для женщины мы считаемъ излишнимъ, потому что твердо убѣждены, что ея духовная природа имѣетъ тѣ-же потребности, какъ и природа мужчины, что женщина, какъ и мужчина, имѣетъ право сказать: «Я—человѣкъ, и ничто человѣческое не считаю для себя чуждымъ».

Возникаетъ вопросъ: съ какихъ лѣтъ должно начинать эстетическое образованіе? Отвѣтъ на это ясенъ: для однихъ раньше, для другихъ позднѣе, но вообще чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Пока еще нельзя дѣйствовать положительными средствами, пока нельзя развивать вкуса, потому что дремлютъ умственныя способности и не окрѣпли физическія силы, до тѣхъ поръ нужно дѣйствовать отрицательно, охраняя ребенка отъ всего того, что можетъ непріятно поразить его и произвести болѣзненное, хотя и смутное, неясное впечатлѣніе. Статья г. М—а содержитъ въ себѣ множество прекрасныхъ и вполне примѣнимыхъ наставленій на счетъ того,



какъ управлять первоначальнымъ эстетическимъ образованіемъ ребенка. Для исполненія его совѣтовъ не нужно ни хлопотъ, ни большихъ издержекъ: нужна только добрая воля, а главное—убѣжденіе въ необходимости эстетическаго образованія и сознаніе того, что образованіе это начинается съ первыхъ впечатлѣній ребенка, а не съ того времени, когда ему читаютъ съ кафедръ теорію изящнаго. Авторъ статьи совѣтуетъ обращать вниманіе на обстановку, которая окружаетъ ребенка въ первые дни и годы его жизни. Совѣтъ этотъ основателенъ, хотя съ перваго взгляда можетъ показаться, что внѣшняя обстановка не имѣетъ важнаго значенія въ дѣлѣ воспитанія. Надо вспомнить, что ребенокъ сначала способенъ воспринимать одни внѣшнія впечатлѣнія, что на него всего сильнѣе дѣйствуетъ то, что поражаетъ его чувство. Эти впечатлѣнія, воспринятія сначала случайно, инстинктивно, мало-по-малу получаютъ смыслъ въ глазахъ ребенка. Оставаясь въ его памяти, они начинаютъ дѣйствовать на его понятія, будить въ его душѣ чувства, вызывать къ дѣятельности воображеніе. Для характера ребенка очень важно то, при какихъ условіяхъ совершилось это первое пробужденіе духовной дѣятельности; важны даже обстановка, убранство комнаты, потому что все это производитъ впечатлѣніе на воспримчивые, еще неокрѣпнувшіе нервы. Впослѣдствіи, въ извѣстномъ возрастѣ, любовь къ чистотѣ и порядку совершенно отдѣляется отъ высшаго эстетическаго чувства, побуждающаго человека наслаждаться созерцаніемъ красоты или воплотить мысль въ соответствующую ей форму; но въ первые годы жизни опрятность и порядочность составляютъ первые проблески эстетическаго чувства, котораго высшія проявленія еще недоступны дѣтскому пониманію. Поэтому г. М—ъ совѣтуетъ дорожить этими проблесками и смотреть на нихъ не только съ практической стороны, не только какъ на качества, доставляющія въ жизни внѣшнія удобства и комфортъ. Говоря о попыткахъ творчества, которыя часто проявляются въ дѣтскихъ играхъ, въ любимыхъ занятіяхъ дѣтей, г. М—ъ обращаетъ на этотъ предметъ вниманіе воспитателей. Чѣмъ самобытнѣе и безъискусственнѣе эти попытки, чѣмъ меньше въ нихъ подражательности и стремленія къ эффекту, тѣмъ большую цѣну должны онѣ имѣть въ глазахъ воспитателя, который, не стѣсняя свободы ребенка, не обращая его забавы въ работу, долженъ помогать ему и дружескимъ совѣтомъ руководить его опыты. Попытки эти дороги не столько, какъ задатки будущаго таланта, сколько потому, что онѣ показываютъ въ ребенкѣ присутствіе живого природнаго смысла и самороднаго стремленія къ дѣятельности. Совершенную противоположность съ этими здоровыми про-

явленіями творчества, выражающимися въ грубыхъ или причудливыхъ, но истинныхъ формахъ, составляютъ такъ называемыя таланты, привитые къ дѣтямъ искусственнымъ воспитаніемъ, суровою дисциплиною, для которой рѣдко обходится раннее обученіе какому-нибудь искусству. Эти преждевременныя таланты чаще всего проявляются въ дѣтскихъ рисункахъ и, къ сожалѣнію, составляютъ рѣдко предметъ спекуляціи со стороны родителей. Въ такомъ талантѣ обыкновенно нѣтъ ничего самобытнаго; все его достоинство состоитъ въ вышней эффектности. Ребенокъ безсознательно усваиваетъ себѣ механизмъ искусства, имая его идеи, не имѣя въ себѣ искры истиннаго чувства. Подобное развитіе составляетъ печальное, болѣзненное увлеченіе отъ той цѣли, къ которой должно вести настоящее эстетическое образованіе. Къ такимъ же неестественнымъ, привитымъ искусственному возрасту проявленіямъ эстетическаго г. М—ъ относитъ совершенно излишніе дѣтскіе балы и театры, стѣсняющія естественное развитіе личностей и побуждающія перенимать всѣ приемы взрослыхъ, дѣлявъ, въ чемъ должно состоять вообще развитіе любви къ изящному въ дѣтяхъ. Прежде всего, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію различныхъ отраслей искусства. Онъ объясняетъ образовательную силу и показываетъ случаи, которыми можно ввести предметы искусства въ кругъ ежедневныхъ впечатлѣній ребенка. Предметы, назначенные для того, чтобы возбуждать эстетическое чувство въ ребенкѣ, въ смыслѣ этого слова, должны быть привиты къ дѣтскому возрасту. Красоты тѣхъ изведеній, которыми мы окружаемъ дѣтей, должны быть красоты простые, понятныя, доступныя дѣтскому сердцу. Картины должны изображать такіе эпизоды, въ которыхъ проявляется простое, доступное дѣтямъ, способное вызвать въ нихъ сочувствіе, — музыкальная должна отличаться простотою; въ прочихъ случаяхъ, искусство останется для дѣтей чуждымъ элементомъ и не получитъ образовательнаго вліянія. Нужно прежде всего не учить искусству, а пробудить въ ребенкѣ способность наслаждаться изящнымъ. Наслажденіе это сначала инстинктивное, безотчетное; но оно можетъ быть дѣйствительное, непритворное, сознательное наслажденіе: оно облагораживаетъ душу, приноситъ свою пользу. У насъ въ обществѣ держатся обратнаго пути: о вліяніи искусства на нравственность, на чувства не забываютъ. Искусство сведено на степень механической работы, и на развитіе этой ловкости обращено все вниманіе родителей и воспитателей. Родители не обнаруживающаго еще никакихъ музыкальных склонностей, неспособнаго съ удовольствіемъ выслушать самую простую и не натянутую



ю, сажаютъ прямо за фортепіано и завали-  
тъ гаммами и экзерсисами. Мудрено-ли, что,  
подобныхъ условіяхъ, гибнетъ эстетическое  
ребенка, забитаго рутиню, запуганнаго  
безжизненными формами, въ которыхъ  
первые передъ его глазами является искусство.  
Мудрено и то, что наше общество, которое  
о болѣе дорожитъ внѣшностью, не заботясь  
о внутреннемъ содержаніи, немудрено, что это  
общество обращаетъ такъ мало вниманія на  
внѣшнее эстетическое образованіе. При этомъ  
образованіи внѣшній блескъ есть явленіе слу-  
чайное, на которое нельзя разсчитывать; а об-  
ществу нуженъ блескъ, во что бы то ни стало,  
вотъ въ наше воспитаніе введено, подъ име-  
немъ искусства, бездушное изученіе разныхъ  
теханическихъ приѣмовъ, въ которыхъ нѣтъ ни  
мысли, ни чувства. Такъ изучаютъ музыку, жи-  
знь, танцы. При такомъ порядкѣ вещей вос-  
питанники и воспитанницы не могутъ испыты-  
вать на себѣ благотворнаго вліянія искусства,  
при такомъ порядкѣ вещей можно смѣло ска-  
зать, что у насъ еще нѣтъ эстетическаго обра-  
зованія или что оно составляетъ удѣлъ немно-  
гихъ избранныхъ людей, поставленныхъ судь-  
бою въ особенное счастливое положеніе. Статья  
М—а можетъ напомнить педагогамъ, какую  
важную часть воспитанія они упускаютъ изъ  
вида.

Быть и казаться. Н. И. Пирогова. (№ 5.)  
Внѣшность въ жизни и воспитаніи. Ната-  
ліи Гр. (№№ 4 и 5.)

Говоря о статьѣ Х—вой: «Письма къ рус-  
скимъ женщинамъ», мы видѣли, что главный  
недостатокъ, который авторъ замѣчаетъ въ на-  
шихъ женщинахъ, состоитъ въ ихъ двойствен-  
ности, въ стремленіи къ блестящей внѣшности,  
въ желаніи прикрыть приличною и изящною  
обстановкою бѣдность и пустоту какъ духов-  
наго міра, такъ и физическаго, домашняго быта.  
Эта двойственность не есть явленіе случайное;  
напротивъ, это результатъ неправильнаго раз-  
витія общества; она проникла во всѣ условія  
его существованія и породила множество пу-  
стыхъ, иногда вредныхъ формальностей въ от-  
ношеніяхъ между людьми. Эти формальности  
сдѣлались необходимы; онѣ освящены временемъ  
и получили силу закона. За нихъ держатся мно-  
гіе, какъ за святыню, и держатся не безъ при-  
чины: отнимите у нихъ эти формальности, и они  
ужаснутся, имъ сдѣлается страшно. Вы отнимете  
у нихъ все, что составляло содержаніе ихъ жизни,  
все, что давало пищу ихъ мыслительной спо-  
собности, и имъ поневолѣ придется познако-  
миться съ пустотою собственной души; а пустота  
всегда возбуждаетъ ужасъ. Этотъ-то ужасъ и  
заставляетъ людей, считающихъ себя неспособ-  
ными къ серьезному дѣлу, создавать себѣ свой

міръ, въ которомъ есть и трудъ, и борьба, и  
развлеченія, но въ которомъ все это не требуетъ  
ни напряженія мысли, ни внутреннего подго-  
товленія, въ которомъ и труды, и непріятности  
облечены въ самую заманчивую и привлекатель-  
ную форму. Къ этому-то особенному міру внѣш-  
ности, къ этому міру, живущему по своимъ  
искусственнымъ законамъ, приготавливаютъ и мо-  
лодое поколѣніе, особенно съ того возраста,  
когда въ немъ пробуждается умственная само-  
стоятельность, когда мысли его, развиваясь по  
естественнымъ законамъ природы, начинаютъ  
принимать направленіе, несходное съ устано-  
вившимися условіями. Вліяніе внѣшности на  
воспитаніе женщины составляетъ явленіе при-  
знанное, — явленіе, о которомъ высказано нѣ-  
сколько правдивыхъ мыслей въ статьѣ г-жи  
Х—вой. Мы уже знаемъ, какъ дѣйствуютъ на  
дѣвушку безпрестанные выѣзды, практическіе  
уроки старшихъ дѣвицъ и женщинъ, приѣмъ  
гостей у себя дома, старанія нравиться и дер-  
жать себя въ обществѣ, какъ слѣдуетъ, — сло-  
вомъ, вся обстановка свѣтской жизни, въ ко-  
торую часто вступаютъ дѣвушки, едва пере-  
ставшія быть дѣтьми. Но какъ ни рано всту-  
паютъ онѣ въ свѣтъ, а вліяніе этого свѣта  
должно проявиться еще гораздо раньше. Чтобы  
вывести дѣвушку на балъ, нужно ее пригото-  
вить, и вотъ приготовленіе это начинается чуть  
ли не съ самой колыбели. Что вліяніе свѣта  
на первоначальное и нравственное воспитаніе  
ребенка дѣйствительно существуетъ, это неопро-  
вержимый фактъ, это доказывается тѣмъ раз-  
личіемъ, которое существуетъ между городскимъ  
и деревенскимъ воспитаніемъ, между воспита-  
ніемъ средняго и высшаго классовъ. Въ чемъ  
же состоитъ это вліяніе? Статьѣ г-жи Гр. пред-  
ставляетъ замѣчательную попытку отвѣчать на  
этотъ любопытный вопросъ. Статья эта: «Внѣш-  
ность въ жизни и воспитаніи», не посвящена  
исключительно женскому воспитанію, но затро-  
нутый въ ней вопросъ такъ важенъ, онъ имѣетъ  
такое всеобъемлющее значеніе, отъ его правиль-  
наго разрѣшенія такъ много зависитъ успѣшное  
развитіе женщины, что мы считаемъ себя вправе  
говорить объ этой статьѣ на страницахъ нашего  
журнала. Г-жа Гр. разсматриваетъ въ своей  
статьѣ первый возрастъ, въ которомъ воспита-  
ніе еще не различаетъ половъ, — тотъ возрастъ,  
когда еще не начиналось правильное ученіе,  
когда вмѣсто уроковъ преподавателя мы видимъ  
первые изустныя наставленія матери или нянь-  
ки. Возрастъ этотъ очень важенъ, болѣе, нежели  
могло-бы показаться съ перваго взгляда. Въ  
этомъ возрастѣ ребенокъ жадно воспринимаетъ  
впечатлѣнія окружающаго міра, переработы-  
ваетъ ихъ по своему въ своей маленькой головкѣ  
и изъ отдѣльных, мелкихъ фактовъ своей  
ежедневной жизни, изъ подмѣченныхъ имъ отры-  
вочныхъ словъ и поступковъ собираетъ себѣ ка-



теріалы для будущаго характера. Въ этомъ возрастѣ ребенокъ живетъ своею жизнью; у него своя логика, свой міръ, полный грезъ и дѣтскихъ фантазій, — міръ, къ которому трудно примѣниться взрослому, въ который можно проникнуть только при довѣріи малютки, о которомъ можно составить себѣ понятіе только долгимъ, тщательнымъ наблюденіемъ. Вмѣсто того, чтобы изучать этотъ дѣтскій міръ, существованіе котораго прекрасно представилъ Н. И. Пироговъ въ своей статьѣ «Быть и казаться», воспитатели въ старину насильно врывались въ этотъ міръ «съ жезломъ въ рукѣ», то есть, преждевременными наказаніями возмущали гармонію дѣтской души, а въ наше время они вносятъ въ дѣтскія понятія много такого, что не имѣетъ ничего общаго съ природою и составляетъ исключительную принадлежность общества. Г-жа Гр. беретъ примѣры прямо изъ жизни; она перечисляетъ множество привычекъ, которыя насильно навязываютъ дѣтямъ, множество правилъ общежитія, съ которыми ихъ заставляютъ сообразоваться, которыхъ они не могутъ обсудить и подвергнуть критикѣ и которыя, при неправильномъ или неполномъ пониманіи, могутъ внушить имъ превратный или безнравственный взглядъ на вещи. Вотъ для примѣра выписка изъ статьи г-жи Гр.:

«Ему столько твердятъ о необходимости расшаркиваться, посылать ручкой поцѣлуй и даже иногда говорить заученные комплименты—все это часто съ помощью сластей и подобныхъ наградъ—что наконецъ, побѣдивъ его природную застѣчивость, достигаютъ своей цѣли. Но что-же сообщаютъ ему въ этомъ чисто внѣшнемъ обычаѣ? Одну пустую, холодную форму учтивости, которая для взрослыхъ имѣетъ смыслъ и значеніе, но совершенно чужда понятіямъ дитяти, потому что безъ разбора прилагается ко всякому являющемуся въ гостиную: она не выражаетъ ни влеченія его сердца къ одному лицу болѣе, нежели къ другому, ни привязанности къ тѣмъ близкимъ, которыхъ онъ привыкъ часто видѣть въ домѣ родителей,—однимъ словомъ, ни одного изъ тѣхъ откровенныхъ порывовъ чувства, которые составляютъ главную прелесть дѣтскаго возраста. И неужели эти свѣтскія формы, которыя позже обращаются въ принужденность и жеманство, могутъ имѣть въ глазахъ матери болѣе прелести, нежели простота и истина въ каждомъ движеніи, словѣ и дѣйствіи? Вѣдь эта истина во всемъ существѣ человека остается ему на всю жизнь не въ одной только внѣшней формѣ, но и проникаетъ всѣ изгибы его сердца. Кромѣ этого ранняго искаженія дѣтской наивности, ребенокъ, при такомъ вниманіи къ наружнымъ формамъ, научается преждевременно различать отѣнки положенія и свѣтскихъ отношеній, которыя какъ можно долѣе должны оставаться ему неизвѣстны. Онъ рано видитъ, что реверансы и комплименты требуются отъ него только въ гостиную; но никто не заставитъ его поклониться какому-нибудь не почетному гостю, котораго принимаютъ въ залѣ или передней, мастеровому или бѣдной старушкѣ, которые приходятъ къ родителямъ его съ задняго крыльца. Какъ грустно видѣть, что такимъ образомъ уничтожаются въ самомъ зародышѣ истинно-человѣческія его чувства: неподдѣльная сердечность, искренность и невинное понятіе о братствѣ

людей, эти чистые источники любви, которыми всѣхъ добродѣтелей христіанскихъ! И чѣмъ заменяютъ ихъ? внѣшними безжизненными формами, которыя покрываютъ сердце человека какою-то дѣланною корою, и всего чаще изъ-подъ этой корыной утонченной любезности, проглядываютъ эгоизмъ, холодность и нечувствительность.»

Въ этихъ первыхъ проявленіяхъ пробуждающагося въ ребенкѣ сознанія, въ первыхъ проявленіяхъ мысли, обсуживающей совѣты и вѣнченія взрослыхъ, въ первыхъ умозаключеніяхъ, которыя выведетъ изъ своего размышленія ребенокъ, можно видѣть задатки, зародыши душихъ свойствъ его души. Ребенка приучаютъ къ салонной вѣжливости, его заставляютъ бѣдѣ знатному гостю, и въ то-же время видятъ, что не обращаютъ вниманія на другія, онъ видитъ это и (дѣти догадливы и часто вѣдательны) думаетъ по-своему, и Бегъ знаетъ къ какому результату ведетъ его процессъ ребяческаго мышленія, незрѣлаго, часто и слѣдовательнаго, но имѣющаго въ его глазахъ полную цѣну. Изъ мысли, заронившейся въ добрую минуту и незамѣченной взрослыми, можетъ возникнуть современемъ, сообразно съ общественнымъ положеніемъ ребенка, гордость, аркратическая исключительность или стремленіе къ внѣшнимъ отличіямъ, честолюбіе или-же разподобострастіе и желаніе угождать сильными кимъ образомъ стараніе родителей приучителъ къ внѣшнимъ приемамъ вѣжливости можетъ повести къ подавленію естественныхъ, вложенныхъ въ душу человека благородныхъ побужденій. То-же преобладаніе внѣшности проходитъ въ всѣ отрасли нашего воспитанія; оно представлено въ статьѣ г-жи Гр. въ приложеніи къ религіозному образованію и къ умственному развитію. Въ первомъ случаѣ ребенка заставляютъ унаизусть длинныя молитвы, которыхъ онъ не понимаетъ и которымъ слѣдовательно не можетъ сочувствовать; во второмъ случаѣ механически обучаютъ языкамъ, и главную въ этомъ обученіи занимаетъ заучиваніе, заучиваніе басенъ и стиховъ, которые потомъ читаются въ салонѣ, въ присутствіи родителей и гостей. Въ первомъ случаѣ подавляется естественное развитіе религіознаго чувства; являясь безсознательная, тупая или лицемерная, творная приверженность къ внѣшности, кряду. Во второмъ случаѣ врожденная познавательность забивается или получаетъ переносное направленіе; ребенокъ привыкаетъ кивать, выставлять свои свѣдѣнія, предлагать похвалу и лесть собственному, внутреннему сознанію своего достоинства,—сознанію, которое и должно быть внушаемо ребенку с маго ранняго возраста. Ежели представить развитіе всѣхъ названныхъ нами качествъ дѣвушкѣ, пережившей уже первые годы дѣтства, то легко будетъ объяснить себѣ причины логичной разсчетливости, разсчитанной и безц



А кокетливости, пустой формальности въ дѣлѣхъ, — формальности, неживленной мыслью, согрѣтой истиннымъ, нравственнымъ чувствомъ. Ежели вспомнить, что всѣ эти свойства исто проявляются въ нашихъ женщинахъ, кели привести ихъ въ прямое соотношеніе съ направлениемъ, которое даютъ дѣтямъ пераго возраста, то нетрудно будетъ представить себѣ, какую важную роль играетъ въ судьбѣ нашей женщины развитіе внѣшности въ жизни воспитанія. Г-жа Гр. правильно и послѣдовательно опредѣляетъ недостатки такого направленія. Она указываетъ въ то-же время на направленіе противоположное, при которомъ силы ребенка, не стѣсненные неужѣстными, грубыми мѣшательствомъ взрослыхъ, развиваются естественно и правильно, при которомъ роль воспитателя ограничивается тѣмъ, что онъ предохраняетъ ребенка отъ уклоненій и ошибокъ, даетъ матеріалъ его мысли и постепеннымъ упражненіемъ укрѣпляетъ его физическія и духовныя силы. При такой системѣ воспитанія, г-жа Гр. овѣтствуетъ воспитателю входить въ міръ дѣтскихъ интересовъ, изучать законы, по которымъ дѣйствуетъ мысль воспитанника, и дѣйствовать на него, сообразуясь съ этими законами. Старааясь примѣнить первоначальное воспитаніе къ дѣтскимъ понятіямъ, г-жа Гр. иногда впадаетъ въ крайность. Такъ наприкладъ, она отстаетъ волшебные рассказы, которыми занимаютъ дѣтей въ первомъ возрастѣ, и требуетъ только, чтобы рассказы эти были художественны и граціозны. На это можно возразить что дѣтямъ трудно оцѣнить художественное достоинство рассказа, что все вниманіе ихъ будетъ устремлено на фантастическое сплетеніе событій; ихъ поразитъ всего болѣе противорѣчіе между этими событіями и законами дѣйствительности. Ежели мы даже допустимъ, что волшебные рассказы не поведутъ къ несоразмѣрному развитію воображенія, не породятъ вредныхъ и нелѣпыхъ предразсудковъ, то все-таки они останутся бесполезнымъ бременемъ въ памяти и не дадутъ здоровой пищи мыслительнымъ силамъ ребенка. Есть много знаній изъ области естествознанія и исторіи, которыя могутъ быть сообщены ребенку въ самомъ пѣжномъ возрастѣ и которыя подѣйствуютъ на него такъ-же обаятельно, какъ дѣйствуетъ волшебная сказка. Есть наконецъ рассказы, въ которыхъ ребенокъ можетъ нечувствительно ознакомиться съ окружающимъ его міромъ, можетъ мало по малу расширить сферу своихъ понятій. Такіе рассказы, ежели въ нихъ есть эстетическія достоинства, могутъ нечувствительно приготовить вкусъ къ тѣмъ литературнымъ произведениямъ, интересъ которыхъ основанъ не на событіяхъ, а на развитіи мысли, на созданіи характеровъ, на изображеніи людей и жизни.

Статья Пирогова «Быть и казаться», перепечатанная въ «Журналъ для Воспита-

нія», въ отдѣлѣ «Педагогическій Сборникъ», изъ «Одесскаго Вѣстника», разбираетъ тотъ-же вопросъ о значеніи внѣшности, примѣненный къ частному случаю. Пироговъ спрашиваетъ себя, какое вліаніе можетъ имѣть на нравственность дѣтей выходъ ихъ передъ публикою на сцену въ роли, заранее приготовленной и изученной. Вопросъ этотъ вызванъ былъ спектаклемъ, происходившимъ въ одной изъ одесскихъ гимназій. Разрѣшеніе этого вопроса повело за собою въ статьѣ Пирогова рядъ прекрасныхъ мыслей о своеобразныхъ свойствахъ дѣтской души, о внутреннемъ мірѣ дѣтей, въ который взрослые насилиемъ или хитростью, съ умысломъ или неумышленно вносятъ преждевременныя свои не всегда вѣрныя понятія, не всегда честныя побужденія, не всегда естественныя и законныя стремленія. Отъ этого смѣшенія разнородныхъ элементовъ въ душѣ ребенка рано проявляется двойственность, рано обнаруживается потребность замѣнить или, вѣрнѣе, заслонить истинныя чувства поддѣльными, естественныя мысли привитыми, голосъ совѣсти — пониманіемъ приличій. Дѣтскіе театры, по словамъ Пирогова, содѣйствуютъ такому превращенію; свѣтскія удовольствія не имѣютъ ничего общаго съ дѣтскими играми, не составляютъ потребности возраста: они принесены извнѣ, привиты взрослыми и уже по одному этому составляютъ въ дѣтской жизни явленіе ненормальное, — явленіе, которое можно было-бы допустить только тогда, когда-бы оно приносило существенную пользу. Но пользы эти развлеченія не приносятъ; напротивъ, они только готовятъ дѣтей къ будущей свѣтской жизни, приучая ихъ къ пустой болтовнѣ, къ бездѣйствію, къ мелочному тщеславію. Слѣдовательно, развлеченія эти вредны. Можно было-бы возразить на это, что изученіе роли заставляетъ всматриваться въ положенія дѣйствующаго лица, вдумываться въ его характеръ, что оно такимъ образомъ развиваетъ мыслительную способность, пробуждаетъ эстетическое чувство и знакомитъ съ дѣйствительной жизнью. Все это справедливо въ теоріи, но непримѣнимо къ силамъ дѣтскаго возраста. Ребенокъ видитъ въ театрѣ развлеченіе; онъ не обращаетъ вниманія ни на нравственную сторону сценическаго представленія, ни на художественное достоинство пьесы. Онъ способенъ чувствовать изящное тогда, когда оно поражаетъ, охватываетъ его со всѣхъ сторонъ; ему сдѣлается хорошо и легко на душѣ при видѣ прекрасной мѣстности, цвѣтущей природы. Но отыскивать изящное, вдумываясь въ предметъ, онъ еще не въ состояніи: для этого нужно слишкомъ много критики. Въ литературныхъ произведеніяхъ дѣтямъ всего болѣе нравится обыкновенно то, что выходитъ изъ уровня дѣйствительности, — то, что человѣку съ развитымъ вкусомъ покажется уродливымъ и неестественнымъ. Преобладающая сила вообра-



женія и неспособность вдумываться въ предметъ помѣшаютъ дѣтямъ оцѣнить красоты драматическаго произведенія, ежели даже допустить, что они стануть искать въ своемъ спектаклѣ чего нибудь, кромѣ костюмовъ, декорацій и необычной, хлопотливой дѣятельности. Сверхъ того, пьесы, предназначенныя для дѣтскихъ спектаклей, пишутся обыкновенно кое-какъ, безъ психологическаго изученія, безъ вѣрнаго воспроизведенія жизни; авторъ влагаетъ въ свое произведеніе нравственную мысль, пересыпаетъ рѣчи дѣйствующихъ лицъ сентенціями; въ концѣ порока наказывается, добродѣтель торжествуетъ, и занавѣсъ опускается. Все это заставляетъ насъ вполне согласиться съ мнѣніемъ Пирогова о дѣтскихъ спектакляхъ, которые стоятъ совершенно на ряду со всѣми свѣтскими развлеченіями, примѣняемыми къ дѣтскому возрасту. Элемента изящнаго въ дѣтскихъ спектакляхъ искать нельзя. Обсуживая свой частный вопросъ, Пироговъ не говоритъ о всѣхъ проявленіяхъ внѣшности въ воспитаніи: онъ только прекрасно опредѣляетъ нравственное значеніе двойственности и выводитъ происхожденіе этой двойственности изъ разлада между приемами воспитанія естественными свойствами дѣтской души, — между дѣтскою природою и тѣмъ элементомъ, который насильственно прививается извнѣ.

#### Значеніе матери въ юношескомъ воспитаніи. *Наталиі Г—тѣ. (№ 3.)*

Участіе матери въ воспитаніи сына или дочери не только важно, но даже необходимо: отъ вліянія матери во многихъ отношеніяхъ зависитъ будущій характеръ ребенка, въ ея рукахъ находится возможность дать его пробуждающимъ мыслямъ то или другое направленіе. Отвѣтственность матери велика, обязанности ея священны. Для достойнаго выполненія подобныхъ обязанностей, кромѣ истиннаго материнскаго чувства, къ которому способна каждая женщина, необходимо еще предварительное теоретическое приготовленіе, необходимо умственное развитіе, которое внушило-бы матери-воспитательницѣ правильный взглядъ на ея задачу, которое предохранило-бы ее въ дѣлѣ воспитанія отъ увлеченій и ошибокъ. Въ воспитаніи своихъ дѣтей мать должна дѣйствовать съ полнымъ безкорыстіемъ, не стараясь пріобрѣсти надъ ними исключительнаго вліянія, которое могло-бы подавить ихъ самостоятельность или дать ихъ душевнымъ способностямъ одностороннее направленіе. Вліянію этому дѣти могутъ подчиниться тѣмъ болѣе, что оно не тяготитъ ихъ, что оно проникнуто искреннею любовью и не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ грубымъ деспотизмомъ, который всегда, рано или поздно, вызываетъ противодѣйствіе со стороны угнетенныхъ. Здѣсь воспитанники не видятъ ни наказаній, ни строгихъ

выговоровъ; имъ хорошо, они любятъ мать всѣми силами дѣтской души и съ вольствіемъ привыкаютъ не думать о своихъ потребностяхъ и даже удовольствіяхъ, не суживать своихъ поступковъ, смотрѣть глазами матери и, не формируя себѣ самостоятельнаго мышленія, ни собственной воли, виноваться по силѣ инерціи. Есть случаи, когда такое повиновеніе необходимо; но нежелать, чтобы возрастъ этотъ кончился такъ рано, чтобы воспитаннику было трудно упражнять мыслительныя способности, — прежде, нежели онъ выйдетъ изъ родительскаго дома и вступитъ въ дѣйствительную жизнь. Но ребенокъ не можетъ такимъ образомъ обрабатываться и разсчитывать, онъ не можетъ, что ему понадобится самостоятельность, и потому не можетъ самъ постепенно освободиться изъ-подъ вліянія матери. Здѣсь должна дѣйствовать сама мать; она сама должна учить ребенка обдумывать и взвѣшивать приказанія, которыя мало по малу должны мѣнять свой характеръ и переходить въ увѣщанія и наставленія; она сама должна прививать въ немъ практическую способность предостерегать его отъ слѣпного подчиненія авторитету. Задача трудная! За нее нельзя браться осторожно, должно вести дѣло совершенно нечувствительно для самого воспитанника, который не былъ-бы въ состояніи понять истинной побудительной причины въ дѣйствіяхъ матери. Для выполненія этой задачи необходимо теоретическое размышленіе надъ цѣлыми средствами педагогической дѣятельности. Матери необходимо заранѣе опредѣлить себѣ роль, свое значеніе въ дѣлѣ воспитанія. Вопросъ очень важный, и теоретическое размышленіе его должно составить одну изъ задачъ педагогической литературы. Рѣшеніе этого вопроса можетъ имѣть благотворное вліяніе на воспитаніе женщины. Объяснивъ себѣ, въ чемъ состоитъ задача матери, мы узнаемъ, что она должна быть женщина, и тогда нетрудно будетъ сообразить приемы воспитанія съ конечной цѣлью, которая должна быть достигнута. Статья г-жи Г—тѣ по своему главному даетъ намъ право ожидать удовлетворительнаго отвѣта. Значеніе матери въ юношескомъ воспитаніи — это и нужно опредѣлить. Вліяніе матери на физическое воспитаніе дѣтей очевидно и понятно. Вліяніе ихъ на нравственное образованіе дѣтей перваго возраста представляетъ значительнаго интереса, потому что въ этомъ возрастѣ едва пробуждается дѣятельность воспитанника; зато вліяніе матери на юношеское воспитаніе составляетъ трудный и сложный вопросъ. Здѣсь уже не нужно опредѣлять отношеніе между этимъ вліяніемъ и формирующимся характеромъ личности; еще нужно вліяніе матери, чтобы сдержи-



и умѣрять слишкомъ сильныя проявленія юношескаго нрава. Но вліяніе это должно быть въ извѣстныхъ границахъ, чтобы не стѣснять свободнаго развитія личности; въ опредѣленіи этихъ границъ и заключается весь вопросъ. Посмотримъ, на сколько отвѣчаетъ на него статья г-жи Г—ть. Статья эта состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой части, вродѣ вступленія, г-жа Г—ть доказываетъ только, что вліяніе матери благотворно, «что для женщины недостаточно посвящать себя» хозяйству, кухнѣ или рукодѣлю, что она должна быть матерью и что, желая быть матерью, нужно приготовить себя къ этому прочнымъ умственнымъ образованіемъ. Все это вѣрно, но не ново. Доказывая эти признанныя истины, г-жа Г—ть тратитъ понапрасну много труда; она оспариваетъ мифы, несущія опроверженія, — мифы, которыхъ вѣроятно въ наше время никто не рѣшился-бы высказать громко или печатно. Такъ напримѣръ, она говоритъ: «непростительно думать, что женщины вовсе не нужно образованія и познаній»; «полагать, что все, чему ее учили въ дѣтствѣ и юности, имѣло только одну суетную цѣль, есть опасное заблужденіе» и т. п. Но кто же теперь такъ думаетъ или полагаетъ? Говоря о важности вліянія матери, г-жа Г—ть не выходитъ изъ общихъ мѣстъ, иногда впадаетъ въ преувеличеніе, употребляетъ, вмѣсто доказательствъ, сравненія и риторическія фигуры и вообще не обсуживаетъ своего вопроса хладнокровно, не рассматриваетъ его со всѣхъ сторонъ, а старается подѣйствовать на чувство и воображеніе читателя. «Кто, кромѣ просвѣщенной матери, — говоритъ она, — можетъ образовать ребенка въ лучшемъ его значеніи?» На этотъ вопросъ, на который г-жа Г—ть повидимому не ожидаетъ отвѣта, можно отвѣчать: обстоятельства жизни, горькая школа лишеній и несчастій. Большая часть великихъ характеровъ образуется въ борьбѣ, и борьба эта часто начинается съ малолѣтства. Ребенокъ, лишенный покровительства родителей, сирота, сосредоточиваетъ въ себѣ свои душевныя силы, не даетъ воли чувству, вдумывается въ поступки окружающихъ его людей, привыкаетъ къ лишеніямъ и съ малолѣтства забираетъ силы для будущей борьбы съ обстоятельствами. Суровое воспитаніе, нерадостно проведенное дѣтство часто могутъ имѣть болѣе благотворное вліяніе на развитіе характера, нежели любящая заботливость матери. Считать вслѣдствіе этого подобное воспитаніе нормальнымъ было-бы странно, потому что оно можетъ преждевременно озлобить юношу, внушить ему неосновательную ненависть къ жизни и къ людямъ; мы сдѣлали наше замѣчаніе для того только, чтобы показать, что сужденіе г-жи Г—ть высказано бездоказательно, и что она не дала себѣ

труда ближе и точнѣе опредѣлить заслугу матери въ дѣлѣ воспитанія. Вмѣсто того г-жа Г—ть сравниваетъ вліяніе матери съ значеніемъ «дождя для брошеннаго въ землю сѣмени», или солнечнаго луча для раскрывающагося цвѣтка». Должно сознаться, что подобныя фигуры мало разъясняютъ дѣло. За этой первой частью, которая, даже какъ общее вступленіе, недостаточна, по бѣдности и общезвѣстности высказанныхъ въ ней идей, слѣдуютъ двѣ главы объ умственномъ образованіи. Въ одной изъ этихъ главъ говорится объ ученіи, въ другой — о выборѣ наставниковъ. Обѣ главы эти заключаютъ въ себѣ нѣсколько совѣтовъ, которые могутъ быть полезны для матерей; но ни та, ни другая не опредѣляютъ значенія матери въ юношескомъ воспитаніи. Въ первой доказывається, что ученіе должно быть серьезно, дѣльно, не должно состоять изъ однихъ забавъ, съ которыхъ обыкновенно начинается преподаваніе для дѣтей перваго возраста. Это — мысль вполне вѣрная; г-жа Г—ть справедливо упрекаетъ составителей такъ называемыхъ популярныхъ руководствъ въ томъ, что они для занимательности жертвуютъ достоинствомъ науки, серьезно ея идеею, что, напримѣръ, вмѣсто курса исторіи они предлагаютъ собраніе анекдотовъ, плохо связанныхъ между собою. Наша литература бѣдна учебниками, и потому въ ней нѣтъ подобныхъ явленій; зато литературы иностранной, особенно французской, изобилуютъ такого рода книгами (напримѣръ, учебники Ламе-Флери.) Г-жа Г—ть подмѣчаетъ здѣсь одинъ изъ главныхъ недостатковъ исключительнаго вліянія матери: жалѣя своихъ дѣтей, не желая напрягать ихъ умственные способности, мать можетъ излишней лѣнностью ослабить ихъ энергію, отлучить ихъ отъ всякаго серьезнаго труда. Это замѣчаніе вполне справедливо. Домашнее преподаваніе очень часто страдаетъ указанными недостатками, которые ведутъ за собою дилетантизмъ въ наукѣ и поверхностность во взглядѣ на жизнь и на всякую дѣятельность. Слѣдующая глава не имѣетъ связи съ предыдущимъ и рассматриваетъ частный вопросъ — «о выборѣ наставника». Г-жа Г—ть совѣтуетъ искать въ преподавателѣ не внѣшней эффектности, «не свѣтскаго остроумія и умѣнья нравиться», а внутреннихъ достоинствъ и прочныхъ познаній; она говоритъ, что не должно при оцѣнкѣ личности поддаваться первому впечатлѣнію, требуетъ, чтобы уважали людей, посвятившихъ себя наукѣ и педагогическимъ трудамъ, и вообще, какъ и въ первой части своей статьи, ограничивается тѣмъ, что высказываетъ довольно гладкими фразами общезвѣстныя мысли, неимѣющія ничего общаго съ главнымъ предметомъ статьи. Вопросъ о вліяніи матери на воспитаніе юноши остается едва затронутымъ и совершенно нерѣшеннымъ.



Деспотизмъ материнской любви. С. Н.  
(№№ 3 и 4.)

Повѣсть г-на С. Н. заслуживаетъ вниманія нашихъ читателей, по вѣрности и оригинальности проведенной въ ней идеи. Авторъ этой повѣсти доказываетъ, что исключительное вліяніе матери на воспитаніе дѣтей можетъ имѣть свои печальныя послѣдствія, что самая материнская любовь, чувство высокое и святое, можетъ впадать въ крайность и тяготѣть надъ самостоятельностью сына или дочери. Это — мысль смѣлая. Авторъ можетъ навлечь на себя упрекъ въ томъ, что онъ не понялъ или искажилъ материнское чувство; но упрекъ этотъ былъ-бы несправедливъ: какъ-бы мы ни уважали какое-либо чувство, какъ-бы ни было оно чисто и прекрасно, мы никогда не должны читать ему панегирикъ; напротивъ, не теряя ни на минуту критической способности, мы должны подвергнуть это чувство анализу, и тогда, отдѣливъ его случайныя несовершенства и уклоненія отъ разумности, мы будемъ въ состояніи сознательно уважать его прекрасныя стороны, а сознательное уваженіе всегда прочнѣе увлеченія. На этомъ основаніи, мы не думаемъ, чтобы чтеніе повѣсти: «Деспотизмъ материнской любви» могло имѣть для нашихъ читателей какія-нибудь вредныя послѣдствія: оно не потрясетъ авторитета доброй матери, а, напротивъ, заставитъ вдуматься въ ее чувство и попытѣ оцѣнить его безкорыстно. Авторъ повѣсти представилъ деспотизмъ материнской любви; но и въ этомъ деспотизмѣ нѣтъ ничего неблагогороднаго, къ нему не примѣшиваются никакіе личные виды: этотъ деспотизмъ проистекаетъ изъ избытка чистой любви и доказываетъ только, что въ дѣлѣ воспитанія для матери мало одной привязанности къ дѣтямъ и что рядомъ съ этой привязанностью должно быть умственное развитіе и знаніе тѣхъ законовъ, по которымъ правильно и свободно развиваются способности человѣческой души. Нельзя не пожалѣть, что воплѣ вѣрная мысль автора изложена въ формѣ повѣсти, а не въ теоретическомъ разсужденіи. Въ послѣднемъ случаѣ форма гармонировала-бы съ содержаніемъ, мысль выиграла-бы въ ясности, и не видно было-бы неудачной попытки создать характеры и сочинить событія. Форма повѣсти возбуждаетъ въ насъ требованія, которыхъ не возбудила-бы серьезная статья. Въ послѣдней мы должны обратить все вниманіе на мысль, и мысль оказалась-бы вѣрною; на первую, то есть на повѣсть, мы должны смотрѣть, какъ на изящное произведеніе, и имѣемъ полное право требовать вѣрности характеровъ, живости дѣйствія, занимательности, художественнаго группированія событій, въ которыхъ была-бы проведена общая мысль, но проведена такъ, чтобы со стороны

автора не было замѣтно усилія, старанія заставить на эту мысль событія. Повѣсть, по нашимъ современнымъ понятіямъ, должна не правоученіемъ въ лицахъ, а живымъ разсказомъ, взятымъ изъ жизни. Авторъ долженъ блюсти въ своемъ произведеніи условія времени, то есть воспроизвести ту эпоху, въ которой происходить описываемыя имъ событія; съ соблюденіемъ условій времени неразрывно связано соблюденіе мѣстнаго, народнаго колорита. Мы не видимъ въ дѣйствующихъ лицахъ живыхъ дѣйствительныхъ людей; а на такихъ людяхъ всегда имѣютъ сильное вліяніе обстоятельства и духъ времени, въ нихъ всегда выражаются черты той національности, къ которой они принадлежатъ. Наконецъ въ повѣсти должны быть представлены характеры, дѣйствительно существующіе или могущіе существовать, то есть авторъ долженъ соблюсти психологическую истину и общечеловѣческій интересъ. Дѣйствія каждаго изъ лицъ должны опредѣляться его личнымъ характеромъ: авторъ не имѣетъ права вводить случайностей, насильственно набирать событія, чтобы провести свою идею или отбѣсить какую-нибудь черту характера; событія должны въ естественной послѣдовательности вытекать одно изъ другого, не нарушая дѣйствительности, не противорѣча ея законамъ. Для насъ не должна быть замѣтна рука автора, передвигающаго дѣйствующихъ лицъ и распоряжающагося по своему произволу ихъ поступками и рѣчами. Постараемся-же примѣнить высказанныя нами общевѣстныя мысли къ повѣсти г-на С. Н., которую повторяемъ, по вѣрности идеи, заслуживаетъ полнаго одобренія. Главными дѣйствующими лицами разсказа являются графиня и ея сынъ, вокругъ личности котораго и группируются событія. Ни въ началѣ разсказа, ни послѣ авторъ не объявляетъ намъ, къ какой націи принадлежали графиня и ея сынъ. Онъ говоритъ, что дѣйствіе повѣсти происходитъ лѣтъ тридцать тому назадъ; но это указаніе на время не имѣетъ никакого вліянія ни на ходъ событій, ни на характеръ личностей. Обстановка, среди которой они живутъ, отношенія ихъ къ сосѣдямъ, къ другимъ сословіямъ не могутъ бросить никакого свѣта на важный и интересный вопросъ о національности. Эта обстановка, эти отношенія очерчены такъ блѣдно, неопредѣленно и безцвѣтно, что могли-бы имѣть мѣсто почти во всякой національности, почти во всякое время. Упоминается о замкѣ, въ которомъ они жили, о священникѣ и предсѣдателѣ суда, какъ о сосѣдяхъ; но что это за замокъ, на какой степени развитія стоятъ эти сосѣди, этого мы положительного не знаемъ. Личность самой графини очерчена только со стороны ея педагогической дѣятельности, но даже и здѣсь можно сдѣлать нѣсколько вопросовъ, которые не найдутъ себѣ удовлетворительнаго отвѣта. Гдѣ воспитывалась,



при какихъ условіяхъ развивалась графиня, этого намъ не говоритъ авторъ; а между прочимъ это чрезвычайно важно: это обстоятельство, быть можетъ, объяснило-бы многія черты ея характера, многія особенности въ томъ влияніи, которое она имѣла въ послѣдствіи на развитіе своего сына. Мы читаемъ въ повѣсти г-на С. Н., что графиня любила свѣтскую жизнь; но какимъ образомъ въ ней совершился переходъ отъ свѣтской жизни къ любящей матеря-воспитательницѣ, этого не объяснено. Психологическій фактъ вѣренъ: женщина, веселившаяся въ продолженіи всей своей молодости, въ зрѣломъ возрастѣ обыкновенно обращается на путь истины, удаляется въ свою внутреннюю семейную жизнь и большей частью, какъ бы желая воротить попусту потраченное время, впадаетъ въ какую-нибудь крайность: ежели она обратится къ религіи, то впадетъ въ бесполезное и предосудительное, но часто искреннее ханжество; ежели займется хозяйствомъ, то потеряетъ всякую женственность, превзойдетъ любого прикащика въ мелочной расцѣтливости и практичности. Подобной крайности не миновала и графиня: она занялась воспитаніемъ сына и посвятила себя этому дѣлу съ фанатическимъ, исключительнымъ увлеченіемъ. Фактъ, повторяемъ, вѣренъ, его можно объяснить себѣ; но этотъ трудъ долженъ былъ принять на себя самъ авторъ. Ему слѣдовало-бы показать намъ какую-нибудь сцену изъ жизни графини, — сцену, въ которой внѣшнія обстоятельства или внутренній процессъ мысли производятъ въ ней измѣненіе къ лучшему. Тогда переворотъ былъ-бы объясненъ и нельзя было-бы упрекнуть автора въ произвольной группировкѣ событій. Воспитаніе молодого графа и жизнь его подъ влияніемъ матери составляютъ сюжетъ повѣсти. Дѣйствія ребенка съ самаго нѣжнаго возраста стѣснены любящей, но излишней заботливостью матери. Г-нъ С. Н. приводитъ изъ жизни ребенка нѣсколько примѣровъ, нѣсколько очень естественныхъ случаевъ, въ которыхъ проявляется это стѣсняющее влияніе. И въ этой части повѣсти вредитъ автору его желаніе, во что бы то ни стало, какъ можно ярче выставить на видъ и провести свою идею. Приведенные имъ случаи рассказаны мелькомъ, не оживлены подробностями, не происходятъ передъ глазами читателя; они рассказаны для нравоученія, и нравоученіе слѣдуетъ за каждымъ подобнымъ эпизодомъ. Сверхъ того, г-нъ С. Н. обнаруживаетъ намъ только одну сторону развитія молодого графа Вольдемара: приводимые имъ случаи подтверждаютъ мысль о деспотизмѣ материнской любви, но не даютъ полной и связной картины развитія молодого человѣка, не опредѣляютъ основныхъ чертъ его характера. Наконецъ случаи эти лишены той занимательности, которую можно было-бы придать имъ, ежели-бы остановиться на живыхъ подробностяхъ внѣшней об-

становки, ежели-бы приложить къ нимъ психологическій анализъ, — словомъ, ежели-бы сдѣлать изъ нихъ сцены семейной жизни, которыя, какъ нельзя лучше, очертили-бы характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Г-нъ С. Н. ни разу не воспользовался въ рассказѣ этихъ случаевъ діалогической формой, которая придавала-бы имъ колоритъ дѣйствительности, живость и наглядность. Здѣсь, передавая разговоръ между матерью и сыномъ, можно было-бы показать съ одной стороны нѣжную любовь, выражающуюся въ каждомъ словѣ, и рядомъ съ этой любовью незнаніе дѣтскаго сердца, непониманіе истинной цѣли воспитанія; съ другой стороны можно было представить въ словахъ сына ребяческую наивность съ проблесками ума, съ постепенно пробуждающимся стремленіемъ къ самостоятельности; можно было-бы прослѣдить борьбу, совершавшуюся въ душѣ ребенка между этимъ стремленіемъ и чувствомъ сыновней любви; изъ ряда этихъ сценъ можно было-бы показать, какое направленіе принимаетъ молодой графъ, въ какую сторону развиваются его наклонности. Въ рукахъ г-на С. Н. находился богатый матеріалъ, которымъ онъ рѣшительно не воспользовался. Діалогическая форма является у него совершенно некстати, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ всего лучше было-бы замѣнить ее яснымъ и сжатымъ изложеніемъ. Г-нъ С. Н. приводитъ разговоръ между графиней и наставникомъ, приглашеннымъ для воспитанія ея сына; въ этомъ разговорѣ наставникъ высказываетъ свою педагогическую теорію; графиня ее оспариваетъ, но оспариваетъ неудачно и подъ конецъ принуждена согласиться. Авторъ очевидно вложилъ въ уста учителя свои собственные мысли о воспитаніи. Мысли эти вѣрны и были-бы вполне умѣстны въ серьезной статьѣ; но въ повѣсти не слѣдовало о нихъ много распространяться; не слѣдовало развивать цѣлую теорію; нужно было только обозначить ее въ главныхъ чертахъ и потомъ, по возможности подробно, въ сценахъ между педагогомъ и воспитанникомъ показать, какъ дѣйствуетъ эта система воспитанія на Вольдемара. Этого не сдѣлано. Приведа длинный и утомительный споръ, въ которомъ графиня, свѣтская женщина, неполучившая основательнаго образованія, говорить языкомъ ученаго, но отсталого спеціалиста, г-нъ С. Н. въ самыхъ общихъ выраженіяхъ говоритъ, что влияніе наставника на Вольдемара было благотворно, приводитъ нѣкоторые распоряженія новаго педагога, но совершенно не прослѣживаетъ, какъ привились эти распоряженія, какимъ образомъ они были приняты матерью и ребенкомъ. То-же отсутствіе художественности и жизни, рядомъ съ вѣрностью мысли и правдоподобіемъ рассказанныхъ фактовъ, проходитъ черезъ всю повѣсть г-на С. Н. Такъ напримѣръ, послѣднее проявленіе



деспотизма материнской любви состоитъ въ томъ, что графиня хочетъ заставить сына жениться на богатой, красивой и образованной дѣвушкѣ, съ полнымъ убѣжденіемъ, что это супружество составитъ счастье Вольдемара. Оказывается, что молодой человѣкъ уже любитъ другую дѣвушку, но такъ привыкъ уважать желаніе матери, такъ дорожитъ ея безкорыстной привязанностью, что готовъ повиноваться, и отъ тяжелой внутренней борьбы занемогаетъ. Фактъ самъ по себѣ естественный и вполне вытекающій изъ характера дѣйствующихъ лицъ. Но фактъ этотъ очевидно приставленъ авторомъ для того, чтобы показать самый сильный примѣръ деспотизма. Доказательства очевидны: въ концѣ повѣсти является приставное лицо,

или, вѣрнѣе, одно имя лица, призванное, однако-же играть весьма значительную роль. Оказывается, что Вольдемаръ съ дѣтства полюбилъ дѣвицу В. Между тѣмъ о дѣвицѣ В. въ повѣсть не было сказано ни слова. Спрашивается: какъ-же могло развиться серьезное чувство къ ней? Оказывается, что Вольдемаръ находился въ постоянномъ, бдительномъ надзорѣ матери: какое вліяніе имѣло чувство на развитие молодого графа? Ответа нѣтъ, и по всему видно, что г-нъ С. Н., оканчивая свою повѣсть, привилъ эпизодъ, не позаботившись о томъ, чтобы привести его въ органическую связь съ предыдущими. Должно сознаться, что даже въ повѣсти основной идеи не можетъ извиниться добрыхъ промаховъ въ расположеніи фактовъ.

### «Русскій Педагогическій Вѣстникъ» 1857, 1858 и 1859 гг.

Подробный конспектъ преподаванія первоначальной математики малолѣтнимъ дѣтямъ.

*П. Гурьева.*

Въ то время, когда педагогика не была возведена на степень самостоятельной науки, когда отъ преподавателя требовали только нѣкоторыхъ свѣдѣній да навыка, пріобрѣтавшагося практикою,—въ то время наука, не приспособленная къ дѣтскимъ силамъ, неоживленная жизненнымъ интересомъ, оставалась для учащихся непонятнымъ, случайнымъ, неосмысленнымъ совокупленіемъ собственныхъ именъ, техническихъ терминовъ и механическихъ пріемовъ: все это надо было осиливать памятью, и только самые даровитые ученики, независимо отъ учителя, вносили живой смыслъ въ изученіе и старались, часто безуспѣшно, объяснить для себя то, что ихъ заставляли затверживать. Педагоги не понимали, что человѣчество, дошедшее до сознанія отвлеченныхъ истинъ и расположившее сознанія истинны въ строгой, логической системѣ, шло путемъ опыта, руководствовалося вѣчными, чувственными впечатлѣніями, и мало-по-малу, зрѣя и развиваясь, укрѣпляя свои мыслительныя силы постояннымъ упражненіемъ, возвысилось отъ нагляднаго представленія, отъ простаго наблюденія до пониманія общаго, отвлеченнаго, вѣчнаго закона. Они не понимали, что постигнуть отвлеченную истину можетъ только тотъ, кто привыкъ наблюдать, видѣть воплощеніе этой истины въ единичныхъ проявленіяхъ, предметахъ, взятыхъ изъ чувственнаго физическаго міра: они не понимали, что съ ребенкомъ нельзя идти въ изученіи науки тѣмъ путемъ, который обык-

новенно указывается въ дюжинныхъ учебникахъ, составленныхъ людьми несвѣдущими, задумывавшимися надъ потребностями и силами дѣтскаго возраста. Въ такихъ учебникахъ начинаютъ обыкновенно съ общихъ опредѣленій вѣроятнаго на томъ основаніи, что нельзя приняться за изученіе такого предмета, въ разномъ названіи не понимаетъ воспитанникъ, казывать важность такого разсужденія въ стоящее время почти не нужно. Всякій знаетъ по себѣ, какъ трудно ему было съ перваго вмѣстить въ голову понятіе о значеніи и раздѣленіяхъ географіи, о томъ, чему въ грамматикѣ, о томъ, что такое арифметика, личина, число и т. д.; всякій помнитъ, что долго оставался въ его головѣ раздѣлъ въ теоретическихъ положеніяхъ науки, выученными по книгѣ, и тѣми географическими, математическими и арифметическими свѣдѣніями, которыя онъ пріобрѣлъ навыкомъ, вынесъ практической жизни. Рѣдкому ученику приходило въ голову то, что онъ во всякомъ случаѣ въ обыкновенномъ разговорѣ склоняется именами существительными, согласуетъ съ ними прилагательныя, спрягаетъ глаголы,—словомъ, по выку и по врожденной въ человѣкѣ способности къ языку, подчиняется всѣмъ тѣмъ законамъ, которые съ такимъ трудомъ, съ такою скрупулою ему приходится изучать по учебнику; рѣбенокъ, начавшій заниматься арифметикою по прежней методѣ, понималъ, что, пересчитывая подаренные ему орѣхи, дѣля ихъ по поровну съ товарищемъ, играя въ четъ и нечетъ, въ умѣ совершаетъ арифметическія выкладки, которыя кажутся ему такими мудренными.



ранными въ классной комнатѣ, за черной доскою. Нужно слѣдовательно связать науку съ жизнью; нужно, чтобы вездѣ практика была мыслима наукою, и чтобы наука съ своей стороны, благотворно, живительно дѣйствуя на повседневную жизнь, не допускала ее превратиться въ бездушную рутину, сама опираясь на опыты, принимала въ расчетъ его указанія. Сознаніе этой связи должно начинаться для ребенка въ самаго ранняго возраста; ребенокъ долженъ онять или по крайней мѣрѣ инстинктивно почувствовать, что наука не придумана человекомъ произвольно, что она — снимокъ съ природы, сама природа, разоблаченная, разгаданная, открывшая свои законы пытливому разуму человека. Нужно, чтобы ребенокъ понималъ, что истины науки находятся между собою въ тѣсной, необходимой связи, что онѣ изложены въ томъ порядкѣ, какого требуютъ законы человеческой мысли, что ихъ не сочинили, а что онѣ сами естественнымъ образомъ вытекаютъ одна изъ другой. Такія мысли не могутъ быть ясно раззнаны ребенкомъ; но мы повторяемъ, при рациональномъ преподаваніи онъ можетъ и долженъ инстинктивно чувствовать это. По старой методѣ названіе науки (арифметика, исторія и т. д.) было для воспитанника синонимомъ учебника, книги, переплетенной такъ или иначе, заключающей въ себѣ тѣ или другіе вопросы и отвѣты; по новой методѣ ребенокъ долженъ слышать названіе науки только тогда, когда усвоитъ себѣ цѣлый стройный кругъ истинъ, вышедшихъ изъ его собственной головы, выработанныхъ самостоятельнымъ процессомъ его мысли, направляемой и поддерживаемой наставникомъ.

Такая метода преподаванія примѣнима въ полной чистотѣ своей только къ тѣмъ предметамъ, въ которыхъ можетъ работать одна мысль, почти безъ содѣйствія памяти, къ тѣмъ предметамъ, основа которыхъ заключается въ вѣчныхъ истинахъ, составляющихъ неотъемлемую принадлежность человеческаго сознанія. Математическія истины въ стройномъ порядкѣ развиваются одна изъ другой. Тутъ нѣтъ случайностей, которыя нужно запомнить, нѣтъ сбивчивыхъ, перепутанныхъ подробностей, нѣтъ ни собственныхъ именъ, ни событий; слѣдовательно, математика болѣе, нежели какой-либо другой предметъ, должна быть излагаема такъ, чтобы самостоятельность ученика была постоянно возбуждена, чтобы мысль его, творя по своимъ естественнымъ законамъ, постоянно убѣждала его въ непреложности истинъ, постоянно говорила его сознанію: это такъ и иначе быть не можетъ. Математика укрѣпляетъ мыслительную силу, придаетъ мысли правильность и логичность, это — дознанная, слишкомъ часто повторенная истина. Эту истину повторяютъ, а между тѣмъ до сихъ поръ,

особенно въ женскомъ воспитаніи, не исполняютъ. Нужно слѣдовательно связать науку оцѣнили ее и не приложили къ дѣлу образовательнаго вліянія математики. На математику смотреть только съ практической стороны: дѣвочки, говорятъ, нужно знать четыре правила арифметики для счетоводства, для домашнего хозяйства, чтобы считать только, чтобы поваръ не обманывалъ. Пусть будетъ такъ! Непріятно не знать счета деньгамъ, не уметь подвести итога прихода и расхода; но есть другія вещи, гораздо болѣе неперіятныя. Больно и грустно видѣть, что часто лучшія наши женщины не умѣютъ мыслить, не проводятъ, даже въ словахъ, ни одной идеи до конца, строить странныя силлогизмы, увлекаются воображеніемъ и чувствомъ и часто, совершенно некстати, даютъ имъ перевѣсъ надъ логическими доводами ума. Это не мѣшаетъ имъ быть умными. Въ идеяхъ ихъ часто много блеска и оригинальности, но нѣтъ послѣдовательности; видно, что онѣ способны мыслить, да не привыкли, и потому не умѣютъ сдерживать порывовъ чувства и воображенія, которые часто совершенно неожиданно врываются въ рядъ дѣльных, серьезныхъ мыслей. Многимъ нравятся эти неумѣстные порывы, многіе называютъ ихъ проявленіями женственности и считаютъ такое положеніе дѣлъ нормальнымъ. Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія и думаемъ, что женственность проявляется въ мягкости чувства, въ живой восприимчивости ко всему истинному и прекрасному, а никакъ не въ отсутствіи способности хладнокровно мыслить и спокойно обсуживать предметы. Подвижность характера, неумѣнье остановиться на чемъ-нибудь мыслью, неумѣнье принудить себя къ послѣдовательному труду, — всѣ эти качества часто принимаются за живость и искренность, между тѣмъ какъ они на самомъ дѣлѣ являются только результатами поверхностнаго образованія и умственной незрѣлости; эти-то качества и составляютъ основаніе такъ называемой безтолковости, въ которой не всегда несправедливо упрекаютъ женщинъ.

Устранить эту безтолковость можно только прочнымъ образованіемъ; а, какъ на бѣду, всѣ предметы, входящіе въ программу женскаго образованія, говорятъ болѣе чувству, нежели уму, особенно въ томъ объемѣ и въ томъ видѣ, въ какомъ они преподаются дѣвочкамъ. Идетъ-ли рѣчь объ исторіи, педагоги совѣтуютъ читать и, ради нравовъ, представлять біографіи отдѣльныхъ личностей, рассказывать живые факты, говорящіе чувству и воображенію; они обходятъ, даже и въ дѣло съ дѣвочками старшаго возраста, общечеловѣческія идеи, которыхъ развитіе составляетъ душу исторіи, обходятъ міровые вопросы, обуславливавшіе собою жизнь народовъ и мѣсто, которое занимаютъ они въ общей массѣ человѣчества. Рассказывая факты, педагоги никогда не пытаются



представить своимъ слушательницамъ тотъ процессъ исторической критики, путемъ котораго эти факты очищены отъ вымысловъ; воспитанницамъ всегда даютъ готовые результаты науки, и онѣ часто не подозреваютъ, какими трудами и долгими сомнѣніями, какою борьбою куплено то, что достается имъ такъ легко, какъ-бы само собою. Мы не желаемъ готовить дѣвицъ къ специально научной дѣятельности, но думаемъ, что для развитія умственныхъ способностей необходимо познакомиться, хотя отчасти, съ тайнами науки, съ процессомъ дѣятельности человеческой мысли въ лицѣ ея лучшихъ, самыхъ развитыхъ представителей. Нѣтъ той науки, которая, при правильномъ преподаваніи, не могла-бы развить мыслительной силы, и между тѣмъ изъ всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ дѣвицамъ, ни одна не достигаетъ вполне этой цѣли. Изученіе литературы пробуждаетъ въ дѣвицѣ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, эстетическое чувство; но чувство это почти никогда не возвышается отъ инстинктивнаго восхищенія прекраснымъ, до свѣтлой, опредѣленной, обдуманной, сознательной оцѣнки художественнаго произведенія. Все въ обученіи дѣвушки до такой степени клонится къ развитію чувства въ ущербъ холодному, спокойному разсудку, что въ педагогической литературѣ образовалось даже мнѣніе, будто такъ и должно быть, будто преобладаніе чувства надъ умомъ въ женщинѣ—явленіе нормальное и необходимое, будто гармонія въ развитіи ума и чувства—химера, недостижимая цѣль, къ которой даже не должно стремиться.

Мы уже высказали объ этомъ свое мнѣніе и думаемъ, что многія образовательныя средства оставлены до сихъ поръ въ незаслуженномъ пренебреженіи при воспитаніи женщины у насъ, въ Россіи. Къ числу этихъ средствъ можно отнести рациональное, систематическое преподаваніе математическихъ наукъ, въ томъ объемѣ, въ какомъ онѣ нужны каждому образованному человѣку, сколько для приложенія къ жизни, столько и для формированія правильнаго, послѣдовательнаго мышленія. Къ этимъ отраслямъ математики, необходимымъ для каждого, мы относимъ ариметику и геометрію. Алгебра и аналитическая геометрія слишкомъ отвлеченны, и потому нѣтъ надобности вводить ихъ въ кругъ предметовъ женскаго образованія. Смотри такимъ образомъ на значеніе математики въ ряду другихъ наукъ, мы съ полнымъ сочувствіемъ и съ уваженіемъ встрѣтили трудъ Гурьева, составившаго подробный конспектъ для преподаванія арифметики и основныхъ началъ геометріи. Не будемъ входить въ разборъ приѣмовъ, употребленныхъ Гурьевымъ, а постараемся только передать духъ, мысль этихъ приѣмовъ. Конспектъ составленъ на основаніи системы нагляднаго обученія, такъ что, сообразуясь съ нимъ преподаватель

можетъ постоянно вести ребенка отъ непосредственно извѣстныхъ ему, къ болѣе отвлеченнымъ и общимъ понятіямъ; ученикъ видитъ передъ собою нѣсколько чекъ или черточекъ и надъ ними, не предварительно никакихъ приѣмовъ, и всѣ арифметическія дѣйствія. Обилие образныхъ практическихъ упражненій является отличительный признакъ и главное достоинство конспекта Гурьева. При этихъ упражненіяхъ, ученикъ самъ угадываетъ законъ, формулируетъ себѣ общій законъ прежде, чемъ услышитъ его отъ учителя. Законъ, въ такомъ образомъ въ сознаніе путемъ своего опыта и размышленія ученика, остается навсегда въ его памяти и притомъ постоянно, какъ живой капиталъ, на который въ его распоряженіи; онъ добываетъ изъ него потому всегда останется свѣжѣе, омысленнѣе, живленнѣе заученаго урока. Для неопытнаго преподавателя, особенно, какъ говоритъ Гурьевъ, для преподавательницъ, выходящихъ изъ женскихъ учебныхъ заведеній, конспектъ будетъ самымъ полезнымъ пособіемъ, тѣмъ болѣе что онъ очевидно составленъ по одной чистой теоріи, а совмѣщаетъ въ себѣ указаніе педагогической науки съ результатомъ собственнаго опыта автора.

#### О воспитаніи дѣвочекъ. Сочиненіе Фенелона.

Редакціи «Русскаго Педагогическаго Журнала» принадлежитъ мысль знакомить читающую публику съ классическими произведеніями иностранныхъ педагогическихъ трудовъ. Мысль эта была высказана при началѣ изданія, во 2 № 1857 года; за нѣмъ немедленно послѣдовало исполненіе. «Русскій Педагогическій Вѣстникъ» въ первые года своего существованія предпринялъ переводъ двухъ замѣчательныхъ произведеній. Первое—«Мысли о воспитаніи» Джона Локка, второе—«О воспитаніи дѣвочекъ» Фенелона. Оба эти произведенія не относятся къ современности: оба они возникли въ XVII вѣка. И то, и другое имѣло въ свое время значительный и вполне заслуженный успѣхъ, но ни то, ни другое не осталось свободнымъ отъ вліянія своего времени. Твореніе Локка и произведеніе Фенелона стоятъ, по своему направленію, несравненно выше понятий и идей, которыя жили въ ихъ время, но не въ обществѣ. Локкъ и Фенелонъ открыто нападаютъ на пороки своего времени, обличаютъ тѣ недостатки, которые изъ общества постепенно вкрадываются въ воспитаніе, опровергаютъ мнѣнія современныхъ имъ педагоговъ,—мнѣнія, совершенно несостоятельныя, но имѣвшія свою силу, требовавшія еще время опроверженія. Если сравнить эти



сравнить господствовавшую тогда систему воспитания, или, лучше сказать, отсутствие всякой здоровой системы, съ тѣми свѣтлыми мыслями, которыя проводятъ Локкъ и Фенелонъ, нельзя не признать ихъ важной заслуги въ истории педагогической науки. Но съ другой стороны, если поставить ихъ сочиненія рядомъ съ современными трактатами о воспитаніи, то можно сознаться, что они не выдержатъ сравненія. Многие, о чемъ едва догадывались Локкъ и Фенелонъ, многое, о чемъ они тогда не думали, сдѣлалось теперь необходимою принадлежностью правильного воспитанія; то, что они допускали въ обращеніи съ детьми, въ отношеніяхъ между наставниками и учениками, то теперь считается предосудительнымъ. Основные мысли остаются въ прежнемъ силѣ, потому что мысли эти безотносительно истинны, не зависятъ отъ условій времени и мѣста; но обстановка, воспитаніе, педагогическіе приемы, объемъ преподаванія, — слова, внѣшняя форма, въ которую облакаются идеи, во многихъ отношеніяхъ уже не соответствуютъ требованіямъ современной науки.

Обстоятельство вполне естественно; въ немъ нельзя обвинять ни Локка, ни Фенелона, оно есть только службѣ мѣрой для опредѣленія успѣховъ, которые сдѣлала послѣ нихъ педагогика. Мы не будемъ подробно говорить о сочиненіи Локка, потому что оно посвящено исключительно воспитанію мальчиковъ; что касается до произведенія Фенелона, то содержаніе его, какъ видно уже по самому заглавію, относится къ нашему предмету. Фенелонъ первый серьезно взглянулъ на воспитаніе женщинъ, первый высказалъ ту мысль, что женщины, имѣя свои священные обязанности, жана, наравнѣ съ мужчиною, получаютъ прочное систематическое образованіе, которое подготовило-бы ее къ будущей дѣятельности. Мысль въ то время была нова; но общество было на столько приготовлено, что идеи Фенелона встрѣтили живое сочувствіе. Въ то время дѣтей воспитывали по старой рутинѣ. Ихъ держали дома или отдавали въ монастыри, въ зрѣлыхъ онѣ оставались до того возраста, да имъ нужно было вступить въ свѣтъ; или ихъ кой-чему и кое-какъ. Матери и воспитательницы рѣдко отдавали себѣ отчетъ въ ихъ дѣйствіяхъ, да и не сознавали необходимости отдавать себѣ подобный отчетъ. Дѣти росли, иногда развивались правильно, получали хорошее направленіе, но это было отъ случая, результатомъ счастливыхъ обстоятельствъ. Хорошая воспитательница оказывала благотворное вліяніе; но она дѣйствовала инстинктивно, не имѣя въ виду опредѣленной системы, къ которой неуклонно должно было-бы идти дѣло воспитанія. Фенелонъ понялъ и объяснилъ современному обществу различіе между

инстинктивнымъ и сознательнымъ воспитаніемъ; онъ показалъ въ своемъ теоретическомъ трактатѣ необходимость послѣдняго и ненадежность перваго, въ которомъ достигаются случайные результаты, въ которомъ все безусловно зависитъ отъ личныхъ свойствъ воспитателя; наконецъ онъ поставилъ вопросъ о воспитаніи женщины на ряду съ вопросомъ о воспитаніи мужчины, — съ вопросомъ, котораго важность въ то время уже вошла въ сознаніе. Онъ доказалъ, что для государственнаго и частнаго благосостоянія необходимо совокупное, согласное дѣйствіе обоихъ половъ, что только правильное развитіе мужчины и женщины можетъ быть прочнымъ залогомъ прогресса, успѣшнаго совершенствованія всего человѣчества. Высказавъ такимъ образомъ мысль о необходимости систематическаго образованія женщинъ, подтвердивъ эту мысль примѣрами изъ жизни и изъ исторіи, Фенелонъ приступаетъ къ опроверженію господствовавшей рутинѣ; онъ доказываетъ ея несостоятельность, разбирая тѣ результаты, которыхъ она обыкновенно достигаетъ; доказавъ въ общихъ чертахъ превосходство сознательнаго воспитанія надъ инстинктивнымъ, онъ переходитъ къ подробному, тщательному разбору главныхъ недостатковъ послѣдняго и при этомъ разборѣ обращается къ своей современности, беретъ факты изъ дѣйствительной жизни. Недостатки, которые замѣчаетъ Фенелонъ въ тогдашнихъ дѣвушкахъ, не исчезли и въ наше время: неразвитость, нерасположеніе къ труду, стремленіе къ удовольствіямъ, внутренняя пустота, преобладаніе воображенія и развитіе мечтательности, искренней или притворной, составляютъ до сихъ поръ общія свойства дѣвушекъ, воспитанныхъ въ свѣтъ и для свѣта. Встрѣтивъ такое странное соотношеніе между указаніями Фенелона на свою современность и тѣми явленіями, которыя мы замѣчаемъ въ наше время, читательницы наши могли-бы вывести неправильное заключеніе: имъ могло-бы показаться, что эти недостатки составляютъ неизбѣжныя свойства женской природы, — свойства, которыя, не исчезая никогда вполне, проявляются въ различныхъ формахъ, сообразно съ условіями времени и мѣста. Но при этомъ не должно забывать одного обстоятельства: одинакія причины производятъ одинаковыя слѣдствія. Наше обыкновенное, свѣтское воспитаніе очень мало ушло впередъ отъ того воспитанія, которое получали дѣвицы временъ Фенелона: въ нашемъ воспитаніи предоставлено такое-же обширное поприще случайности и произволу, въ немъ господствуетъ та-же рутинѣ, обращенная на внѣшность, основанная не на законахъ ума, а на обычаяхъ свѣта. Слѣдствіемъ этого воспитанія является развитіе тѣхъ недостатковъ, которые замѣтилъ еще Фенелонъ, и отсутствіе тѣхъ добродѣтелей, въ



которых нуждается женщина для выполнения своих обязанностей. Приписывать этим недостаткам всеобъемлющее значение, считать это отсутствие добродетелей за неизбежное, законное явление значило-бы не понимать важности воспитания, значило-бы оскорблять женщину, не признавая въ ней способности къ самосовершенствованію. Мысли Фенелона объ этомъ предметѣ сходятся съ мнѣніемъ современной науки. Фенелонъ старается предупредить развитіе этихъ недостатковъ, давая нравственнымъ силамъ ребенка правильное направленіе; онъ совѣтуетъ начинать воспитаніе какъ можно раньше, совѣтуетъ дѣйствовать на ребенка вѣчными впечатлѣніями и, подобно всѣмъ современнымъ педагогамъ, придаетъ важное значеніе первымъ обнаруживающимся наклонностямъ дѣтей, первымъ проблескамъ развивающагося характера. Онъ требуетъ, чтобы воспитатель дорожилъ этими проявленіями, чтобы, управляя ими, онъ поступалъ осторожно, не стѣсня дѣтской природы, чтобы онъ дѣйствовалъ такими убѣжденіями, которыя близки и доступны дѣтскому пониманію. Такой образъ дѣйствій исключаетъ въ обращеніи съ дѣтьми повелительный тонъ, холодное или рѣзкое обращеніе и наконецъ тѣ понудительныя средства, на которыя обыкновенно такъ щедры педагоги, не понимающіе своихъ обязанностей, непроникуемые просвѣщеніемъ и безкорыстною любовью къ воспитанникамъ. На дѣтей можно дѣйствовать тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ сильнѣе будетъ возбуждена ихъ самостоятельность, чѣмъ болѣе заброшенная въ ихъ голову идея переработается силою ихъ собственнаго мышленія. На этомъ основаніи Фенелонъ считаетъ косвенное вліяніе гораздо дѣйствительнѣе вліянія прямого, выражающагося въ формѣ наставленій и соединеннаго съ властью. Ребенокъ обыкновенно недовѣрчиво смотритъ на приказаніе со стороны старшаго и между тѣмъ легко и свободно поддается вліянію сверстника или челоѣка, умѣющаго поставить себя съ нимъ на одну доску. Слово, нечаянно произнесенное и вслѣдъ затѣмъ тотчасъ забытое, дѣйствуетъ иногда сильнѣе самаго опредѣленнаго приказанія, недопускающаго ни возраженія, ни обсужденія. Въ первомъ случаѣ ребенокъ самъ подхватываетъ слово, самъ размышляетъ и вывести для себя заключеніе, которое для него почти то-же, что для взрослого убѣжденіе, выработанное опытомъ; во второмъ случаѣ онъ и желалъ-бы разсуждать и обдумывать, да ему не даютъ на это ни времени, ни свободы. Отъ него требуютъ немедленнаго и точнаго повиновенія; онъ повинуется, но не усваиваетъ себѣ смысла приказанія, не обращаетъ его въ общее правило, въ законъ, и потому приказаніе должно быть повторяемо при каждомъ частномъ случаѣ. Сверхъ того, у ребенка, какъ и у взрослого, есть инстинктивное стремленіе къ свободѣ; ему

хочется поступать по своему, жить по своему разуму. Косвенное вліяніе оставляетъ въ ребенкѣ эту драгоценную свободу, не стѣсняетъ опредѣленное и рѣзкое приказаніе. Такое приказаніе непріятно дѣйствуетъ на ребенка и вызываетъ въ немъ оппозицію, но часто вредную въ дѣлѣ воспитанія. Для воспитателя несравненно лучше дѣйствовать на ребенка косвеннымъ вліяніемъ, нежели давать ему совѣты, наставленія и приказанія. Подъ именемъ косвеннаго вліянія разумѣемъ то незамѣтное, тихое вліяніе, которое оказываетъ какая-нибудь личность на окружающихъ ее людей своимъ собственнымъ примѣромъ, всѣми самыми незначительными поступками и словами. Чтобы такое вліяніе воспитателя было вполнѣ благотворно, чтобы его челоѣческая личность была собою развита, чтобы его убѣжденія были возвышенны и чисты, чтобы во всѣхъ поступкахъ было видно постоянное стремленіе провести эти убѣжденія въ жизнь; нужно, чтобы онъ былъ вполнѣ честнымъ и развитой челоѣкомъ. Этого требуетъ опытъ воспитателя и Фенелонъ. Въ противномъ случаѣ приказанія и совѣты будутъ въ разладѣ съ поступками воспитателя, то они оставятъ ребенка мертвою буквою и покажутся ему слишкомъ строгими, или просто несправедливыми и неисполнимыми. Ребенокъ увидитъ, что воспитатель его—фразеръ, и съумѣетъ раздѣлить въ немъ двѣ личности: одну—проповѣдующую, другую—дѣйствующую; потерявъ уваженіе къ его личному характеру, онъ станетъ замѣнять и его теорію. Итакъ, хотя нельзя въ воспитаніи ограничиваться однимъ косвеннымъ вліяніемъ, но должно желать, чтобы это вліяніе постоянно подкрѣпляло собою приказанія и совѣты: воспитатель долженъ обращать вниманіе на мельчайшіе свои поступки и слова, чтобы всѣ они имѣли педагогическое значеніе. Нужно, чтобы вся обстановка воспитанія заранее обдумана; въ ней не должно быть случайностей, не должно быть такихъ предѣловъ или происшествій, которые, оказывая на ребенка косвенное вліяніе, могли-бы разрушить дѣйствіе воспитателя и возбудить въ ребенкѣ нежелательныя чувства, вредящія гармоническому развитію характера. Опредѣливъ то, въ чемъ должны стоять нравственное вліяніе наставника и преподаваніе, т. е. между жизнью и преподаваніемъ, онъ признаетъ необходимость этой связи и признаетъ, что поражающая схоластическую преподаванія, при которой сообщались факты, отрывочныя свѣдѣнія, неимѣвшія тѣхъ нравственныхъ приспособленій, необходимыхъ для умственнаго развитія. Схоластика была въ средніе вѣка; при Фенелонѣ она была еще сильна, хотя не преоб-



уже не была системою. Схоластика живетъ въ наше время и въ общественныхъ училищахъ, и въ домашнемъ воспитаніи; къ схоластамъ обращаются всѣ бездарные, неслѣдующіе недобросовѣстные преподаватели. Они достаются твердымъ отвѣтомъ ученика, не таясь о томъ, на сколько этотъ отвѣтъ полагаетъ присутствіе сознанія; имъ пріятно вѣтъ со стороны ученика тупое повиновеніе ритету, вмѣсто живой и самостоятельной сколько возможно по возрасту работы. Они не заботятся о томъ, чтобы ребенокъ ялъ необходимость знанія и принялся за по собственной охотѣ, по внутреннему жденію. Противъ такихъ злоупотребленій дѣлъ преподаванія вооружается Фенелонъ. совѣтуетъ сообразоваться съ возрастомъ ребенка, изучать его личныя наклонности, вносить въ науку живой интересъ и, развивая воспитанника, возбуждать въ немъ самостоятельность, чтобы каждое слово учителя принималось сознательно, подвергаясь одѣлкѣ и предварительной переработкѣ въ умѣ ученика. Эти мысли Фенелона безусловно вѣрны и въ все время имѣли конечно важное значеніе и благотворное вліяніе на развитіе педагогическихъ идей; всѣ эти мысли одинаково применимы къ воспитанію мужчины и женщины, или вѣрнѣе—составляютъ необходимое основаніе всякаго правильнаго воспитанія. Чтобы быть хорошимъ воспитателемъ и наставникомъ, нужно любить ребенка и умѣть уважать въ немъ его человѣческую личность, его формирующійся характеръ, его стремленіе къ самостоятельности и къ дѣятельности мысли. Изъ этого вполне гуманнаго положенія можно вывести всѣ приведенныя нами мнѣнія Фенелона. Этими мнѣніями обрисовываются его педагогическія убѣжденія, которые и въ наше время не показались-бы отсталыми. Затѣмъ Фенелонъ переходитъ къ предметамъ преподаванія. Онъ очень подробно говоритъ въ трехъ главахъ о необходимости религіознаго образованія и указываетъ на тѣ приемы, которые долженъ употреблять учитель, чтобы внушить ребенку искреннее благоговѣніе и правильное пониманіе религіозныхъ истинъ. Фенелонъ требуетъ, чтобы наставникъ приводилъ нравственное ученіе религіи въ живую связь съ вседневной жизнью, требуетъ, чтобы сознанія ребенка истинны не оставались въ застоѣ, чтобы, находясь въ постоянномъ примѣненіи, онѣ имѣли образовательное вліяніе на нравственный характеръ воспитанника. Обращая такимъ образомъ преимущественное вниманіе на нравственную сторону религіи, Фенелонъ отъ религіознаго образованія переходитъ къ подробному обозрѣнію тѣхъ недостатковъ, къ которымъ, по его мнѣнію, особенно склонны дѣвушки. Недостатки эти—излишняя застѣнчивость, на-

клонность къ притворству, тщеславіе, проявляющееся въ желаніи блеснуть красотою и нарядами—прививаются къ дѣвочкамъ извнѣ, вслѣдствіе дурнаго примѣра окружающаго ихъ общества. Нѣкоторые изъ этихъ недостатковъ имѣютъ чисто мѣстный и временный характеръ: такъ напримѣръ, преобладающая наклонность къ притворству происходитъ, по сознанію самого Фенелона, отъ разлада между старымъ и молодымъ поколѣніями. Разладъ этотъ былъ особенно силенъ въ тогдашнемъ французскомъ обществѣ. Старшіе члены семействъ, проводя свою молодость безпечно, въ веселомъ и не всегда безгрѣшномъ разгулѣ, вздумали на старости лѣтъ заглаживать прежніе проступки и вдалились въ ханжество, въ тупое, фанатическое исполненіе обрядовъ; они окружили себя монахами, ввели въ свой домъ мрачную обстановку средневѣковаго аббатства и стѣснили въ своихъ дѣтяхъ всѣ самыя законныя проявленія чувства, самыя естественныя въ молодости стремленія къ развлеченіямъ и удовольствіямъ. Удаляя ихъ отъ свѣтскаго общества, они не могли дать имъ въ замѣнъ ни прочнаго умственнаго развитія, ни занятій, которыя-бы избавили ихъ отъ тяжелой внутренней пустоты. Они хотѣли, чтобы дѣти ихъ довольствовались той безцвѣтной и холодной жизнью, которою жили они, люди, истратившіе свои физическія и нравственныя силы, притупившіе свой вкусъ избыткомъ наслажденій и не видѣвшіе впереди себя ничего, кромѣ болѣзней и могилы. Такія требованія были незаконны и неисполнимы. Естественнымъ слѣдствіемъ ихъ явилась взаимная недоувѣренность между родителями и дѣтьми. Недоувѣренность эта выразилась съ одной стороны въ холодной строгости, съ другой—въ стремленіи къ хитрости и притворству. Трудно ставить эти недостатки въ вину дѣвцамъ, выросавшимъ при такихъ невыгодныхъ условіяхъ. Фенелонъ говоритъ совершенно справедливо, что недостатокъ откровенности со стороны дѣтей является естественнымъ слѣдствіемъ неправильныхъ отношеній между родителями и дѣтьми. Причина этихъ неправильныхъ отношеній заключается въ неразвитости родителей и въ односторонности ихъ взгляда на вещи. Достигнуть полной откровенности со стороны ребенка, не подавляя его личности, пріобрѣсти его добровольное, неограниченное довѣріе очень трудно, особенно для тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ надъ нимъ непосредственную власть. Рѣшеніе такой трудной педагогической задачи было не по силамъ родителей и воспитателей времени Фенелона. Стараясь внушить дѣтямъ благочестіе, они не умѣли узнать внутренняго состоянія ихъ души, не вызывали съ ихъ стороны откровеннаго сознанія въ слабостяхъ, желаніяхъ и сомнѣніяхъ, возникающихъ въ умѣ ребенка. Религіозное воспитаніе ограничивалось заучива-



ніемъ догматовъ и строгимъ исполненіемъ порядковъ. Съ этой внѣшней, формальной стороною въ душѣ ребенка развивались нетронутые и незамѣченные воспитателемъ зародыши пороковъ, которые рано или поздно должны были опрокинуть шаткое зданіе, воздвигнутое недалекими педагогами. Такъ и случилось. Молодое поколѣніе, выросшее при описанныхъ нами условіяхъ, видѣвшее вокругъ себя строгую и мрачную обстановку, затаило въ душѣ жажду наслажденій и, вырвавшись на волю, освободившись изъ-подъ вліянія старшихъ, предалось самому необузданному, безнравственному разгулу. Религіозное воспитаніе, вошедшее въ моду въ послѣдніе годы жизни Людовика XIV, подготовило во многихъ отношеніяхъ времена Регентства и вѣкъ Людовика XV. Понимая вліяніе женщины на общественную нравственность, Фенелонъ хотѣлъ своимъ трактатомъ отвратить подобныя уклоненія отъ разумности, онъ хотѣлъ убѣдить родителей въ томъ, что истинная религіозность выражается въ нравственности, а не въ обрядахъ; но идеи его не успѣли проникнуть въ сознаніе общества и не принесли практической пользы. Намъ остается еще разобратъ одинъ весьма важный отдѣлъ сочиненія Фенелона. Въ XI и XII главахъ авторъ говоритъ объ обязанностяхъ женщины и о томъ, какъ должно развивать ея умъ и готовить ее къ исполненію этихъ обязанностей. Фенелонъ смотритъ на женщину съ практической точки зрѣнія. Онъ хочетъ приготовить изъ подрастающихъ дѣвочекъ хорошихъ матерей и хозяйекъ; воспитывать будущее поколѣніе и заведывать внутреннимъ управленіемъ дома—вотъ въ чемъ состоитъ, по мнѣнію Фенелона, назначеніе женщины. На это мы позволимъ себѣ замѣтить, что, во-первыхъ, исключительно практическій взглядъ на вещи не можетъ быть допущенъ въ разбираемомъ нами вопросѣ. Нельзя смотрѣть на женщину, какъ на орудіе, применимое въ домашнемъ быту и полезное въ дѣлѣ воспитанія: не должно забывать въ женщинѣ самостоятельную личность, имѣющую свои духовныя потребности и предъявляющую права свои на самостоятельное развитіе; во-вторыхъ, если даже принять практическій взглядъ на вещи, если, оставляя въ сторонѣ человѣческую личность женщины, мы будемъ готовить ее только для жизни, и преимущественно для жизни семейной, и въ такомъ случаѣ взглядъ Фенелона окажется узкимъ и ограниченнымъ. Фенелонъ обращаетъ все свое вниманіе на материнскія обязанности женщины и почти совершенно забываетъ объ обязанностяхъ жены; онъ ограничиваетъ эти обязанности матеріальными хозяйственными работами; для спокойствія мужа и для семейнаго счастья онъ находитъ совершенно достаточнымъ, если жена будетъ держать въ порядкѣ домъ и прислугу, если она съумѣетъ готовить хорошій

столъ и соблюдать въ хозяйственныхъ дѣлахъ экономію, непереходящую въ скучность. Такой идеалъ семейной жизни удовлетворялъ бы требованіямъ нашего общества временъ петровскихъ, когда взаимное чувство и личное согласіе жениха и невесты не считались необходимымъ условіемъ брака; теперь такая семейная жизнь для каждого развитого человека показалась-бы невыносимою. Мужъ не можетъ требовать отъ жены не только любви, но и дружбы; а для дружбы необходимо взаимное уваженіе и одинаковое развитіе, которое не можетъ бы супругамъ средства понимать другъ друга. Мужъ долженъ найти въ женѣ сочувствіе, а не только исполненіе обязанностей; у него есть духовныя потребности, которыя онъ не можетъ находить себѣ удовлетвореніе въ семейномъ кругу; а удовлетворить этимъ высшимъ потребностямъ можетъ только женщина развитая, воспитанная правильнымъ воспитаніемъ, способная мыслить и усвоивать себѣ отвлеченныя истины. Слѣдовательно, умственныя способности женщины должны быть развиваемы до возможности; дѣловыя; жена-хозяйка, способная передать дѣтямъ кой-какія элементарныя свѣдѣнія, не удовлетворяетъ еще къ тому идеалу развитой женщины, котораго требуютъ понятія лучшихъ людей нашего времени. Программа, по которой Фенелонъ вѣтуетъ вести обученіе дѣвочекъ, недостаточна, потому что она составлена по одностороннему, исключительно практическому взгляду на воспитаніе женщины. Фенелонъ требуетъ, чтобы дѣвочки преподавали только тѣ отрасли знаній, которыя нужны для домашняго хозяйства и для первоначальнаго обученія дѣтей. Вотъ предметы его программы: чтеніе и письмо, знаніе отечественнаго языка, четыре правила арифметики и нѣкоторые свѣдѣнія въ законѣ—тѣмъ и ограничивается число необходимыхъ предметовъ. Къ этому можно еще прибавить практическія занятія рукодѣліемъ и домашнимъ хозяйствомъ. Сверхъ того, религиозное образованіе поставлено у Фенелона совершенно отдѣльно и приведено въ связь съ нравственнымъ воспитаніемъ. Изъ приведеннаго краткаго перечня видно, что Фенелонъ ограничивается не только въ опредѣленіи личнаго назначенія женщины, но даже и въ пониманіи отношеній между преподаваніемъ и воспитаніемъ. Онъ смотритъ на преподаваніе, какъ на сообщеніе практически полезныхъ свѣдѣній; совершенно упускаетъ изъ вида образовательную, облагораживающую силу науки; онъ считаетъ, что не всѣ отрасли науки необходимы для практической жизни, но что всѣ онѣ развиваютъ мыслительныя способности, всѣ способствуютъ и формируютъ убѣжденія. Ограниченный кругъ занятій женщины тѣми предметами, которые ей придется приложить къ жизни, удерживаетъ ее только домашнему хозяйству, счетоводству, грамотѣ и правильному употребленію отечест-



О языке, значить не давать ей средства раз-  
о дѣйствовать даже въ томъ ограниченномъ  
гу, къ которому предназначаетъ ее Фене-  
ль. Умственные способности требуютъ себѣ  
ицъ, требуютъ развитія; а въ механическихъ  
емахъ, которыми Фенелонъ предписываетъ  
чать дѣвицъ, нѣтъ пищи для ума, нѣтъ ма-  
іаловъ для мыслительной дѣятельности. Меж-  
тѣмъ Фенелонъ понимаетъ, что для женщины  
еко нѣкоторое умственное развитіе. Во мно-  
хъ мѣстахъ своего сочиненія онъ упоминаетъ  
этомъ развитіи, но нигдѣ не указываетъ  
средства, которыми оно могло-бы быть до-  
гнута. Онъ допускаетъ чтеніе греческой и  
мской исторіи, но только допускаетъ, и то  
тѣмъ, чтобы дѣвицы находили «въ ней чу-  
са храбрости и безкорыстія». Изученіе или,  
рибе, чтеніе отечественной исторіи допускаетъ  
также только по отношенію къ ея «прекрас-  
амъ сторонамъ», то-есть по отношенію къ  
ымъ нравственнымъ поступкамъ, которые въ  
ей описаны. Правоучительная цѣль въ глазахъ  
енелона стоитъ на первомъ планѣ и заслоняетъ  
обою чисто историческій интересъ событій, то-  
тъ развитіе человѣческаго рода. При такомъ  
особѣ преподаванія исторія не можетъ слу-  
жить пищей для мыслительной способности;  
мысль событій, связь между причинами и слѣд-  
віями ускользаютъ отъ учащагося. Въмѣсто  
изви народовъ, онъ видитъ передъ собою рядъ  
секдотовъ, относящихся къ жизни отдѣльныхъ  
чностей; въ этихъ анекдотахъ нѣтъ общей мы-  
и, и даже нравственное вліяніе ихъ будетъ такъ  
льно, какъ могло быть сильно вліяніе сознани-  
ихъ историческихъ истинъ, законовъ, по кото-  
ымъ народы живутъ, развиваются и гибнутъ.  
зерзаніе этихъ истинъ, изученіе этихъ зако-  
овъ составляетъ главнѣйшую, конечную цѣль  
сторическихъ занятій. Это созерзаніе можно  
сдѣлать доступнымъ и для дѣвицъ, у которыхъ  
енелонъ отрицаетъ возможность возвыситься  
адъ нравоученіями и дѣтскими разсказами. Фе-  
елонъ не понимаетъ также необходимости есте-  
ического образованія: чтеніе литературныхъ  
роизведеній онъ допускаетъ только съ право-  
чительной цѣлью. Изученіе отечественныхъ  
исателей и знакомство съ главнѣйшими явле-  
іями иностранныхъ литературъ не составляетъ,  
о мнѣнію Фенелона, необходимой части жен-  
каго образованія; о занятіяхъ музыкой, жи-  
описью и другими искусствами сказано до-  
ольно неопредѣленно. Занятія эти, говоритъ  
енелонъ, могутъ разслабить и изнѣжить че-  
овѣка; но, при строгомъ выборѣ и правиль-  
омъ руководствѣ, они могутъ также принести  
пользу. Пользѣ этой Фенелонъ не придаетъ  
прочемъ большого значенія. Все вниманіе  
наменитаго французскаго писателя было исклю-  
чительно обращено на религиозное воспитаніе и  
на практическую, житейскую сторону жизни.

Онъ неправильно и неполно опредѣлилъ зна-  
ченіе женщины и потому составилъ неудовле-  
творительную программу. Это неудивительно и  
не должно служить ему укоромъ: живши въ то  
время, когда слѣдовало еще доказывать необ-  
ходимость женскаго воспитанія, Фенелонъ не  
могъ одинъ, первый, разрѣшить вопросъ и об-  
нять его со всѣхъ сторонъ. Требованія времени  
измѣнились, и теорія Фенелона во многихъ от-  
ношеніяхъ устарѣла и требуетъ пополненій и  
исправленій. Несмотря на то, сочиненіе его «О  
воспитаніи дѣвочекъ» имѣетъ важное значеніе  
въ исторіи педагогической науки и по своему  
глубокомысленному характеру заслуживаетъ до  
сихъ поръ вниманіе читателей. Переводъ, пред-  
ставленный въ «Русскомъ Педагогическомъ Вѣст-  
никѣ», сдѣланъ довольно тщательно, языкомъ  
правильнымъ и понятнымъ. Замѣтимъ только  
одну случайную ошибку, которая можетъ по-  
ставить читателя въ затрудненіе. Въ заключе-  
ніе—говоритъ Фенелонъ—представимъ здѣсь  
очеркъ женщины съ твердою волею, сдѣланный  
Ле Сажемъ». Здѣсь по ошибкѣ слово: «le Sage»,  
означающее обыкновенно премудраго Соломона,  
переведено именемъ собственнымъ, и вслѣдствіе  
этого слова Соломона о женщинѣ съ твердою  
волею,—словѣ, взятыя изъ его Притчей, при-  
писаны французскому писателю-романисту.

#### Объ истинномъ наставникѣ дѣтей.

Статья, заглавіе которой мы здѣсь выписали,  
переведена изъ французской книги: «Edu-  
cation des mères de famille». Авторъ старает-  
ся доказать въ этой статьѣ, что естественнымъ  
наставникомъ, воспитателемъ дѣтей должна  
быть сама мать. Мысль вѣрная; но часто слу-  
чается, что, стараясь, во что бы то ни стало,  
доказать и провести до конца какую-нибудь,  
хотя и вѣрную мысль, человѣкъ увлекается,  
впадаетъ въ крайность и доходитъ до самыхъ  
странныхъ результатовъ. Множество такихъ  
странныхъ выводовъ встрѣчается въ указывае-  
мой нами статьѣ. Авторъ доказываетъ мысль  
не новую, но, стараясь подѣйствовать на чита-  
теля, стараясь убѣдить его, беретъ для под-  
твержденія ея примѣры изъ исторіи, изъ жизни  
великихъ людей и, пользуясь ихъ собственны-  
ми словами, объявляетъ, что они обязаны всѣмъ  
своимъ величіемъ вліянію матерей. На сколько  
такіе смѣлые выводы искажаютъ фізіономію  
историческихъ фактовъ, можно судить по слѣ-  
дующимъ примѣрамъ. Различіе между Карломъ  
IX и Генрихомъ IV объясняется исключительно  
вліяніемъ Екатерины Медичи на перваго и Ио-  
анны д'Альбре на втораго. Характеръ Людови-  
ка XIV выводится прямо изъ характера Анны  
Австрійской; направленіе сочиненій Вольтера,  
по мнѣнію автора, опредѣлилось личностью его  
матери. Слѣдовательно, не духъ времени, не



направленіе общества вырабатываетъ личности историческихъ дѣятелей, а случайныя обстоятельства домашней жизни родителей. Женись только отецъ Вольтера на другой женщинѣ, кончено дѣло: не было бы энциклопедистовъ— вотъ до какого смѣшнаго искаженія истины доводитъ автора его желаніе во всемъ видѣть вліяніе матери. Желаніе, положимъ, похвальное; у автора въ каждомъ словѣ видна цѣль подѣйствовать на современныхъ ему французскихъ жевщицъ и возбудить въ нихъ желаніе воспитывать своихъ дѣтей. Все это хорошо; но вѣдь въ наше время извѣстное правило Макіавеля: «цѣль оправдываетъ средства», считается несостоятельнымъ и безразличнымъ. Въ наше время мало того, чтобы доказываемая мысль была вѣрна, требуется еще, чтобы она была доказана вѣрными доводами. Зачѣмъ-же искажать исторію, зачѣмъ обнаруживать такое ребяческое непониманіе тѣхъ законовъ, по которымъ живетъ человѣчество? Сказать, что не духъ времени, а вліяніе матери породило сочиненія Вольтера, это все равно, что думать, будто реформацію *сдѣлалъ* Лютеръ, а не вызвала потребность оскорбляемаго человѣчества. Будь Вольтеръ воспитанъ иначе, онъ-бы можетъ быть остался «золотой посредственностью». Въ немъ могли подавить природныя способности; но дать имъ другое направленіе, противоположное духу вѣка, заставить его быть передовымъ человекомъ и между тѣмъ дѣйствовать не такъ, какъ онъ дѣйствовалъ, это невозможно. Авторъ забылъ мысль Гегеля: всякій человекъ—сынъ своего вѣка и своего народа. Вліяніе матери, отца, воспитателя, кого угодно, не можетъ бороться съ господствующимъ направленіемъ времени. Направленіе это сильно и увлечетъ за собою всякую пылку, воспримчивую натуру. Оставимъ теперь вопросъ объ исторической вѣрности доказательствъ, приводимыхъ авторомъ; посмотримъ, до какихъ результатовъ доходитъ онъ путемъ этихъ доказательствъ. Признавая важность вліянія матери, доводя значеніе матери до невообразимыхъ предѣловъ, авторъ старается доказать, что въ воспитаніи, веденномъ матерью, все есть верхъ совершенства. Онъ хвалитъ, увлекаясь своимъ предметомъ, даже тѣ недостатки, которыхъ исправленія долженъ желать каждый, понимающій значеніе воспитанія,—недостатки, которые по всей вѣроятности составляютъ современное явленіе и исчезнуть, лишь только образованіе женщины получитъ вѣрное направленіе.

«Наконецъ, самый этотъ неосновательный умъ, эта наклонность къ удовольствіямъ, эта привязанность ко всему чудесному, что все вообще такъ неблагоприятно осуждаютъ въ женщинахъ, еще болѣе увеличиваетъ гармонію между матерью и ея ребенкомъ.»

Неосновательный умъ, наклонность къ удовольствіямъ, привязанность къ чудесному, т. е.

преобладающая сила воображенія, — все это всѣ недостатки, которые являются въ женщинахъ вслѣдствіе неправильнаго воспитанія. Они здѣсь возведены на степень добродѣтелей, полезныхъ, почти необходимыхъ для женскаго мейства. Такія мысли, высказанныя въ такъ повидимому благообразной формѣ, могутъ ввести себя довѣрчивыхъ читателей, и потому считаемъ долгомъ опровергнуть ихъ и указать всю ихъ нелогичность. Желая поддержать женщинѣ неосновательный умъ, наклонность къ удовольствіямъ, привязанность къ чудесному, авторъ осуждаетъ ее на вѣчное дѣло, которое впрочемъ многіе поэты называютъ счастливою порою жизни. Они говорятъ о безвинности дѣтскаго возраста, объ его беззаботности, о томъ, какъ ребенокъ, подобно бабочкѣ, перепархиваетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, пр., и пр. Все это—фразы, потерявшія въ наше время значеніе. Дѣтство есть время вліянія къ разумной жизни, время неслучайнаго раскрытія душевныхъ силъ, время ограниченной, безсознательной или смутно сознаваемой жизни. Желать продлить это время значитъ подавлять развитіе, значить нарушать законъ природы. Да и чѣмъ оправдываетъ авторъ это странное, неосмысленное желаніе? Онъ говоритъ, что качества, которыя «такъ неблагоприятно осуждаютъ въ женщинахъ, еще болѣе увеличиваютъ гармонію между матерью и ея ребенкомъ». Вѣдь это фраза. Качества эти на самомъ дѣлѣ вѣстны: неосновательный умъ, наклонность къ удовольствіямъ, привязанность къ чудесному. Они, дѣйствительно, составляютъ общую принадлежность дѣтей и женщинъ, неполучившихъ правильнаго развитія. Но есть-ли что-нибудь общее между этими качествами, какъ они являются у тѣхъ и у другихъ? Что въ ребенкѣ естественно, въ чемъ видны проблески пробуждающихся способностей, то въ женщинѣ наоборотъ составляетъ болѣзненное явленіе, результатъ извращеннаго воспитанія и безпокойствъ пережитой жизни. Неосновательный умъ невинной женщины проявляется въ умничаньи, въ нелѣпныхъ парадоксахъ, въ которыхъ нѣтъ ничего общаго съ свѣжимъ лепетомъ пробуждающейся, но еще не пробудившейся мысли ребенка. Привязанность къ чудесному составляетъ одинъ изъ проявленій неосновательнаго ума, неслучайнаго къ работѣ. Въ ребенкѣ эта привязанность естественна, потому что есть надежда, что она съ лѣтами пройдетъ; въ женщинѣ въ взросломъ она составляетъ порокъ, болѣзнь, которая съ каждымъ годомъ становится неслучайнѣе, которая навсегда можетъ разстроить правильное отправленіе мыслительной способности. Авторъ находитъ, что наклонность къ удовольствіямъ также увеличиваетъ гармонію между матерью и ребенкомъ. Это чрезвычайно оригинально. Авторъ, быть можетъ, предпола-



то, что дѣтство, на которое онъ осуждаетъ женщину, есть полное дѣтство, что мать интересуется сама тѣми-же предметами, которые заботятъ ребенка, что наклонность къ удовольствіямъ выражается въ пристрастіи къ игрушкамъ, къ бѣганью, къ дѣтскимъ забавамъ. Въ такомъ случаѣ онъ сильно ошибается. Самая развитая женщина все-таки забавляется только со своимъ возрастомъ, ежели только не находится въ состояніи идиотизма, слѣдовательно подъ именемъ наклонности къ удовольствіямъ, въ которой упрекаютъ женщину, можно подразумѣвать наклонность къ свѣтлымъ удовольствіямъ, а подобная наклонность какимъ образомъ не увеличиваетъ «гармоніи между матерью и ребенкомъ». Недостатки ни въ какомъ случаѣ, ни подъ какимъ видомъ не могутъ имѣть хорошихъ результатовъ, не могутъ быть возведены на степень добродѣтели. Изъ вышесказаннаго можно заключить, что горь, идеализирующій даже недостатки современной женщины, оттого только, что эта женщина — мать, пристрастенъ къ своему предмету и не въ мѣру увлекается. Мы увидимъ, къ чему приводитъ его это увлеченіе. Стаивая права матери на воспитаніе дѣтей, горь совершенно отгнѣсняетъ мужчинъ и подобному даже не признаетъ законнымъ участію отца въ дѣлѣ воспитанія. Онъ впадаетъ въ ту-же крайность, которую мы уже замѣтили въ статьѣ Пальховскаго, но съ увлеченіемъ, свойственнымъ французу, ведетъ дѣло еще дальше:

«Хорошіе наставники создаютъ добрыхъ учениковъ; но только одна мать можетъ создать человека: въ этомъ-то и состоитъ разница въ ихъ назначеніи. Отсюда слѣдуетъ, что всѣ попеченія о воспитаніи принадлежать вполне матерямъ, и если женщины имъ завладѣли, то это потому только, что и смѣшали воспитаніе съ обученіемъ — двѣ совершенно разныя вещи, которыхъ нужно отдѣлять одну отъ другой, потому что ученіе можетъ быть перервано, и безъ всякой опасности передано изъ однихъ рукъ въ другія. Но воспитаніе должно быть нераздѣльно и въ однихъ рукахъ; оно не удастся никому, кто его прерываетъ. Кто, предпринимая его, оставляетъ его, тотъ увидитъ своего ребенка погибающимъ въ заблужденіяхъ или, что еще того хуже, равнодушнымъ къ истинѣ.»

Все, что тутъ сказано, съ начала до конца, есть неправда. Слова: «только одна мать можетъ создать человѣка» — фраза, способная многимъ оправдаться, но неистинная. Создаютъ человѣка не хорошіе наставники, не мать, а обстоятельства жизни и принципы, руководившіе воспитаніемъ, кѣмъ бы ни былъ проведенъ этотъ принципъ. Впрочемъ это частность; главное было въ томъ, что авторъ представляетъ, будто мужчины, участвуя въ дѣлѣ воспитанія, завладѣли тѣмъ, что не принадлежало имъ по праву. Это обидная для мужчинъ и несправедливая исключительность. Желая оправдать

свои слова, авторъ старается раздѣлить то, что нераздѣлимо, и впадаетъ въ грубую ошибку противъ положеній современной педагогической науки. Воспитаніе и обученіе, по его мнѣнію, — двѣ совершенно разныя вещи. Авторъ упрекаетъ мужчинъ въ томъ, что они смѣшали одно съ другимъ. Упрекъ этотъ не имѣетъ никакого смысла: чѣмъ болѣе мы станемъ отдѣлять обученіе отъ воспитанія, тѣмъ безжизненнѣе будетъ наука, тѣмъ неосмысленнѣе — жизнь. Нужно, чтобы каждая научная истина проникала черезъ сознаніе въ плоть и кровь ребенка; чтобы она могла современемъ помочь ему сформировать себѣ убѣжденія. Развитіе ума должно идти параллельно съ развитіемъ всѣхъ остальныхъ способностей физическихъ и нравственныхъ. Все воспитаніе (включая сюда и обученіе) должно быть построено на однихъ началахъ, проникнуто одной идеей. Къ тому и стремится современная педагогика, чтобы разрушить грань между воспитаніемъ и обученіемъ: одно должно проникать другое. Ребенокъ развивается не въ классной комнатѣ: онъ развивается ежедневно; потому надо постоянно занимать его способности; а развѣ это не обученіе? Съ другой стороны, давая ему уроки, надо въ этихъ урокахъ проводить идеи, способныя благотворно дѣйствовать на весь образъ мыслей, на нравственные убѣжденія ребенка; а развѣ это будетъ не воспитаніе? Слить одно съ другимъ, вывести обученіе изъ классной комнаты и внести его въ кругъ игръ, ежеминутныхъ занятій ребенка, подѣйствовать на душу теплымъ словомъ живой науки — вотъ цѣль современной педагогики, и, при такой цѣли, невозможно неестественное дѣленіе, предлагаемое авторомъ разбираемой нами статьи. Этихъ замѣчаній будетъ довольно, чтобы опредѣлить ея достоинство; авторъ на каждомъ шагу увлекается и почти не выходитъ изъ общихъ фразъ и восклицаній; гдѣ нѣтъ фразъ, тамъ начинаются искаженія исторій или ошибки противъ педагогики. Словомъ, статью читать не стоитъ, и мы говорили о ней единственно для того, чтобы предохранить нашихъ читателей отъ ложныхъ сужденій и натянутыхъ выводовъ автора.

О вліяніи женщинъ вообще и о бракѣ, какъ необходимомъ условіи цивилизаціи. — О воспитаніи дѣвочекъ, какъ его понимали аббатъ Флери и Фенелонъ и какъ оно нынѣ ведется.

Первая изъ этихъ статей развиваетъ очень дѣльную мысль, поддерживаетъ ее примѣрами изъ исторіи и изъ современной жизни человѣчества, и наконецъ изъ этой мысли выводитъ нѣкоторыя заключенія, довольно важныя для направленія женскаго воспитанія. Вотъ эта



мысль: женщина оказывает постоянное влияние на судьбу человечества, и влияние это дѣлается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ многостороннѣе и рациональнѣе жизнь, чѣмъ шире распространена цивилизація. Это вѣрно. Въ первобытномъ состояніи человечества, когда люди приближались къ животной природѣ образомъ жизни и наклонностями, влияние женщины, существа физически слабаго, было ничтожно; господствовала грубая сила, ломившая все, что попадалось на дорогѣ. Нравственная сторона человѣка дремала, на нее нельзя было дѣйствовать, да и сверхъ того тогдашняя женщина не въ силахъ была разбудить въ мужчинѣ высшія, духовныя стремленія. Мы имѣемъ свидѣтельства лѣтописцевъ о томъ, что было время, когда брака не было и когда человѣкъ не возвысился еще до понятія о немъ. Впослѣдствіи, когда мало-по-малу проснулось сознание родственныхъ отношеній, когда дикая жизнь смѣнилась оскѣдлою, когда звѣроловство уступило мѣсто земледѣлію,—женщина стала заведывать внутреннимъ управленіемъ дома и, какъ хозяйка, какъ полезная работница, получила нѣкоторое значеніе въ глазахъ мужа. Значеніе это было еще очень невелико: физическая сила мужчины доставляла ему огромный перевѣсъ и ставила женщину въ совершенную зависимость. Мужчина обыкновенно покупалъ себѣ жену и платилъ ей родителямъ *отню* (такъ назывался выкупъ этотъ у славянъ). Этотъ обычай былъ распространенъ между всѣми европейскими народами, и онъ служилъ яснымъ доказательствомъ того, что дѣвушка считалась сначала собственностью родителей, а потомъ собственностью мужа. Въ Западной Европѣ влияние германскихъ началъ, рыцарство и христіанство облегчили судьбу женщины и выдвинули ее въ общество; началось въ средніе вѣка поклоненіе женщинѣ, обожаніе красоты, выразившееся въ тогдашней поэзіи и придавшее рыцарству романическій характеръ. Рыцарство отжило свой вѣкъ; но рыцарскіе нравы жили въ обществѣ до XVIII столѣтія. Они породили ту утонченную вѣжливость, которая при дворѣ Людовика XIV составила цѣлую сложную науку. Во имя женщины перестали совершать военные подвиги; но ей попрежнему поклонялись, и въ этомъ поклоненіи было попрежнему много неосмысленнаго: восхищались красотой женщины, ей легкимъ остроуміемъ, но на внутреннее развитіе ея, на нравственное ея значеніе никто не обращалъ вниманія. Поднять и рѣшить вопросъ о женскомъ образованіи было слишкомъ трудно для тогдашняго слабаго и пустого общества. Женщину любили и ласкали; но ей не позволяли серьезно мыслить, находили, что ей это не по силамъ и не къ лицу. Мужчины перестали оскорблять женщину грубыми проявленіями деспотизма; но права женщины еще не были признаны, потому что она не имѣла опре-

дѣленныхъ обязанностей и была осуждена на какое-то вѣчное дѣтство. Нашему вѣку было сдѣлать переворотъ во взглядѣ на женщину: на нее начинаютъ смотрѣть сравнивая ея права съ правами мужчинъ, т. е. сравнивать и обязанности. Предоставлять ей самостоятельность, хотѣть дать ей право воспользоваться свободою разумно, употребить ее на благо для себя и для человечества, начинается развитіе мыслей о женскомъ воспитаніи, о женскомъ трудѣ; поднимается вопросъ о женщинѣ, какъ о самостоятельной личности, имѣющей не только юридическія, но и нравственныя права. Вотъ, въ общихъ чертахъ, судьба женщины, идущая параллельно съ главными фазами развитія европейскаго общества. Авторъ разбѣгавшейся статьи не представляетъ полного очерка судьбы, но беретъ нѣкоторые характеристичные моменты и изъ сравненія ихъ выводитъ заключенія. Онъ сопоставляетъ нравственное униженіе женщины на Востокѣ съ положеніемъ современной европейской женщины, даетъ сравненіе между собою различныя историческія эпохи и отдаетъ предпочтеніе тѣмъ временамъ, когда женщина пользовалась всеобщимъ уваженіемъ. При этомъ авторъ впадаетъ въ ошибку и обнаруживаетъ отсутствіе историческаго вниманія. Вотъ что онъ говоритъ о рыцаряхъ и о послѣдовавшихъ за ними вѣкахъ.

«Рыцари становятся покровителями женщинъ; они искореняютъ заблужденія проповѣдники; вмѣсто его приготавливаютъ торжество закона, начиная сперва для того, чтобы завоевывать государства, они оканчиваютъ тѣмъ, что сражаются за красоту женщинъ, и такимъ образомъ прославленіе начинается любезностью. Великій переворотъ произошелъ во Франціи съ того самаго дня, когда одинъ благородный рыцарь, осаждавшій замкъ, въ которомъ находилась жена его непріятеля, отъ него свои войска потому только, что эта женщина готовилась сдѣлаться матерью».

Нѣсколько позже, когда начала наука, выйдя изъ-подъ школьнаго мрака, господствующаго повсюду, озарили собою умы людей, женщины сдѣлались вполне достойной сознанія. Пока мужчины считали себя выше женщинъ, тѣлесной силой и храбростью, они еще уступали влиянію слабости и красоты; но коль скоро они возвысились надъ пустыми знаніями, гордость сдѣла имъ вполне, и женщины едва не потеряли своего могущества. Самымъ несчастнымъ временемъ для нихъ былъ вѣкъ теологовъ и ученыхъ; споры были возбуждены всѣ дерзкіе вопросы о вѣнствѣ мужчины и о подчиненіи ему женщины. Тогда-то принимаются описывать ихъ коварство, ихъ несовершенство; доходятъ до того, что говорятъ въ существованіи въ нихъ души, и теологи въ своемъ смущеніи, кажется, забываютъ, что самъ Іисусъ Христосъ по своей матери связанъ съ человечествомъ».

Авторъ ставитъ времена рыцарства выше временъ теологовъ и ученыхъ. Это несправедливо. Уваженіе рыцаря къ женщинѣ было неосмысленное увлеченіе; человечество переживало юности, ту пору, когда мальчикъ готовъ



ать каждую женщину, когда въ каждой женщинѣ онъ видитъ чуть не мадонну. Уваженіе рыцарей не требовало ничего отъ женщинъ, не отодвинуло ихъ впередъ на пути умственнаго и нравственнаго развитія. Женщина могла заснуть на незаслуженныхъ лаврахъ, и потому было необходимо, чтобы взглядъ мужчины сдѣлался строже, глубже и серьезнѣе. Вѣкъ теологовъ и ученыхъ былъ вѣкомъ пробужденія критики. Критика эта была необходима, чтобы очистить взглядъ мужчины и возвысить женщину. Критика появилась, быть можетъ, въ уродливой формѣ, но это понятно и законно. Ничто не выходитъ готовымъ изъ рукъ природы: все должно быть вырабатываемо и только постепенно, мало по малу, достигаетъ опредѣленной, законченной формы. Если видно движеніе впередъ, стремленіе къ лучшему, то историкъ не имѣетъ права осуждать той странной формы, въ которой выражаются попытки усовершенствованія. Ставить эпоху, предшествующую выше послѣдующей, въ которой замѣтна перемѣна направленія, но не видно ни застоя, ни движенія назадъ, это значитъ сомнѣваться въ прогрессѣ, не понимать идеи исторіи. Переходъ отъ неосмысленнаго поклоненія женщинѣ къ правильной оцѣнкѣ ея личности не могъ совершиться вдругъ; а переходное время всегда бываетъ болѣе или менѣе тяжело. Уяснивъ значеніе женщины, авторъ говоритъ про облагораживающее вліяніе истиннаго чувства и совѣтуетъ не скрывать отъ дѣвицъ существованія любви, но, напротивъ, представлять имъ это чувство, какъ одно изъ высшихъ проявленій законнаго стремленія къ прекрасному. Эта мысль вѣрна, и система воспитанія, при которой дѣвицѣ до замужества не даютъ въ руки ни одного романа, какъ-бы ни былъ онъ нравственъ и вѣренъ дѣйствительности,—эта система теперь почти оставлена, потому что сознаютъ съ одной стороны ея безпо-

лезность, съ другой — нелогичность. Эта система, основанная на запрещеніи, на скрываніи, никогда не приносила хорошихъ результатовъ. Тайна раздражаетъ любопытство, запрещеніе усиливаетъ стремленіе къ запрещенному. Сверхъ того, нужно-ли и возможно-ли скрывать отъ дѣвушки существованіе любви? Не лучше-ли, вмѣсто того, чтобы дѣвушкѣ узнавать объ ней стороною, черезъ подругъ, украдкой, не лучше-ли матери самой внушить ей уваженіе къ этому чувству и указать ей на тѣ обязанности, которыя возлагаетъ оно на человѣка, и на тѣ чистыя радости, которыя доставляетъ оно въ жизни? Кажется, такой взглядъ на воспитаніе дѣвушекъ беретъ перевѣсъ не только въ теоріи, но и въ жизни. Приговляя дѣвушку быть женою, матерью, необходимо заставить ее заглянуть въ будущее, заставить заранѣе понять то чувство, безъ котораго жизнь не полна и развитіе не всесторонне. О второй статьѣ того-же автора мы скажемъ коротко. Авторъ разбираетъ мысли Флери и Фенелона, заговорившихъ въ царствованіе Людовика XIV о необходимости образованія для женщинъ; онъ опредѣляетъ значеніе обоихъ писателей для тогдашняго времени и отношеніе ихъ педагогической теоріи къ системѣ современнаго воспитанія. Признавая заслуги того и другого, авторъ находитъ, что ихъ понятія узки и ограничены для нашего времени. Онъ сообщаетъ при этомъ нѣсколько основательныхъ замѣчаній, сходныхъ съ мыслями, высказанными нами при разборѣ сочиненія Фенелона, и наконецъ кончаетъ обращеніемъ къ современнымъ женщинамъ, увѣщая ихъ исправиться отъ господствующаго въ обществѣ недостатка (на который указывали еще Флери и Фенелонъ), отъ пагубнаго стремленія — казаться, а не быть. Все это вѣрно, и мы не находимъ противъ этого возраженій.

## ОБЛОМОВЪ. Романъ Н. А. Гичарова.

Въ каждой литературѣ, достигшей извѣстной степени зрѣлости, появляются такіа произведенія, которыя соглашаютъ общечеловѣчскій интересъ съ народнымъ и современнымъ и возводятъ на степень художественныхъ созданий типы, взятые изъ среды того общества, къ которому принадлежитъ писатель. Авторъ такого произведенія не увлекается современными ему, часто мелкими, вопросами жизни, неимѣющими ничего общаго съ искусствомъ; онъ не задаетъ себѣ задачи составить поучительную книгу и осмѣяетъ тотъ или другой недостатокъ общества

или превознесетъ ту или другую добродѣтель, въ которой нуждается это общество. Нѣтъ! Творчество съ заранѣе задуманной практической цѣлью составляетъ явленіе незаконное; оно должно быть предоставлено на долю тѣхъ писателей, которымъ отказано въ могучемъ талантѣ, которымъ дано взаимнѣе нравственное чувство, способное сдѣлать ихъ хорошими гражданами, но не художниками. Истинный поэтъ стоитъ выше житейскихъ вопросовъ, но не уклоняется отъ ихъ разрѣшенія, встрѣчаясь съ ними на пути своего творчества. Такой



поэтъ смотритъ глубоко на жизнь и въ каждомъ ея явленіи видитъ общечеловѣческую сторону, которая затронетъ за живое всякое сердце и будетъ понятна всякому времени. Случится-ли поэту обратить вниманіе на какое нибудь общественное зло—положимъ, на взяточничество—онъ не станетъ, подобно представителямъ обличительнаго направленія, вдаваться въ тонкости казуистики и излагать разныя запутанныя продѣлки: цѣль его будетъ не осмѣять зло, а разрѣшить передъ глазами читателя психологическую задачу; онъ обратитъ вниманіе не на то, въ чемъ проявляется взяточничество, а на то, откуда оно исходитъ; взяточникъ въ его глазахъ—не чиновникъ, недобросовѣстно исполняющій свою обязанность, а человѣкъ, находящійся въ состояніи полного нравственнаго униженія. Прослѣдить состояніе его души, раскрыть его передъ читателемъ, объяснить участіе общества въ формированіи подобныхъ характеровъ—вотъ дѣло истиннаго поэта, котораго твореніе о взяточничествѣ можетъ возбудить не одно отвращеніе, а глубокую грусть за нравственное паденіе человѣка. Такъ смотритъ поэтъ на явленія своей современности, такъ относится онъ къ различнымъ сторонамъ своей національности, на все смотритъ онъ съ общечеловѣческой точки зрѣнія; не гонитъ силъ въ воспроизведеніе мелкихъ внѣшнихъ особенностей народнаго характера, не дробя своей мысли на мелочныя явленія всендневной жизни, поэтъ разомъ постигаетъ духъ, смыслъ этихъ явленій, усваиваетъ себѣ полное пониманіе народнаго характера и потомъ, вполне располагая своимъ матеріаломъ, творитъ, не списывая съ окружающей его дѣйствительности, а выводя эту дѣйствительность изъ глубины собственнаго духа и влагая въ живые, созданные имъ образы одушевляющую его мысль. «Народность—говоритъ Вѣлинскій—есть не достоинство, а необходимое условіе истинно художественнаго произведенія». Мысль поэта ищетъ себѣ опредѣленнаго, округлаго выраженія и по естественному закону выливается въ ту форму, которая всего знакомѣе поэту; каждая черта общечеловѣческаго характера имѣетъ въ извѣстной національности свои особенности, каждое общечеловѣческое движеніе души выражается сообразно съ условіями времени и мѣста. Истинный художникъ можетъ воплотить свою идею только въ самыхъ опредѣленныхъ образахъ, и вотъ почему народность и историческая вѣрность составляютъ необходимое условіе изящнаго произведенія. Слова Вѣлинскаго, сказанныя имъ по поводу повѣстей Гоголя, могутъ быть въ полной силѣ приложены къ оцѣнкѣ новаго романа Гончарова. Въ этомъ романѣ разрѣшается обширная, общечеловѣческая психологическая задача; эта задача разрѣшается въ явленіяхъ чисто русскихъ, національных,

возможныхъ только при нашемъ образѣ жизни при тѣхъ историческихъ обстоятельствахъ, которыя сформировали народный характеръ, въ тѣхъ условіяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ развивалось и отчасти развивается до сих пор наше молодое поколѣніе. Въ этомъ романѣ тронуты и жизненные, современные вопросы столько, на сколько эти вопросы имѣютъ общечеловѣческій интересъ; въ немъ выставлены недостатки общества, но выставлены не съ лемиической цѣлью, а для вѣрности и полноты картины, для художественнаго изображенія жизни, какъ она есть, и человѣка, его чувствами, мыслями и страстями. Пониманіе объективности, спокойное, безстрастное тщательство, отсутствіе узкихъ временныхъ цѣлей, профанирующихъ искусство, отсутствіе личныхъ порывовъ, нарушающихъ ясность, отчетливость эническаго повѣствованія,—эти отличительные признаки таланта автора, какъ сколько онъ выразился въ послѣднемъ произведеніи. Мысль Гончарова, провозглашая въ его романѣ, принадлежитъ всѣмъ народамъ и народамъ, но имѣетъ особенное значеніе въ наше время, для нашего русскаго общества. Авторъ задумалъ прослѣдить развивающееся, губительное вліяніе, которое оказываютъ на человѣка умственная апатія, усмиреніе, овладѣвающее мало по малу всѣми силами души, охватывающее и сковывающее все лучшее, человѣческія, разумныя стремленія и чувства. Эта апатія составляетъ явленіе общечеловѣческое, она выражается въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и порождается самыми разнородными причинами; но во всемъ ей играетъ главную роль страшный вопросъ: «зачѣмъ жить? къ чему трудиться?», вопросъ, на который человѣкъ часто не можетъ найти себѣ удовлетворительнаго отвѣта. Этотъ неразрѣшенный вопросъ, это неудовольственное сомнѣніе истощаютъ силы, губятъ дѣятельность; у человѣка опускаются руки и онъ бросаетъ трудъ, не видя ему цѣли. Одинъ съ негодованіемъ и съ желчью броситъ отъ себя работу, другой отойдетъ отъ жизни въ сторону тихо и лѣниво; одинъ будетъ рваться изъ своего бездѣйствія, изъ дождя на себя и на людей, искать чего-нибудь, чѣмъ можно было-бы наполнить внутреннюю пустоту; апатія его приметъ обликъ мрачнаго отчаянія, она будетъ перемѣняться съ лихорадочными порывами къ порядочной дѣятельности и все-таки останется апатіей, потому что отниметъ у него силы дѣйствовать, чувствовать и жить. У другого подушеніе къ жизни выразится въ болѣе тихой, безцвѣтной формѣ; животные инстинкты, безъ борьбы, выплывутъ на поверхность души; замрутъ безъ боли высшія стремленія, человѣкъ опустится въ мягкое кресло и



есть, наслаждаясь своимъ безмысленнымъ  
жизнью; начнется вмѣсто жизни прозябаніе, и  
душѣ человѣка образуется стоячая вода,  
которой не коснется никакое волненіе внѣш-  
наго міра, который не потревожитъ никакой  
утренній переворотъ. Въ первомъ случаѣ мы  
имѣемъ какую-то вынужденную апатію,—апа-  
тію и вмѣстѣ съ тѣмъ борьбу противъ нея,  
бытокъ силъ, просившихся въ дѣло и мед-  
ленно гаснущихъ въ безплодныхъ попыткахъ;  
это — байронизмъ, болѣзнь сильныхъ людей.  
Во второмъ случаѣ является апатія покорная,  
улыбающаяся, безъ стремленія выйти  
за бездѣйствія; это — обломовщина, какъ на-  
чалъ ее Гончаровъ, это болѣзнь, развитію  
которой способствуютъ и славянская природа,  
жизнь нашего общества. Это развитіе бо-  
лѣзни прослѣдилъ въ своемъ романѣ Гон-  
чаровъ. Огромная идея автора во всемъ ве-  
личіи своей простоты улеглась въ соответствую-  
щую ей рамку. По этой идеѣ построенъ весь  
планъ романа, построенъ такъ обдуманно, что  
въ немъ нѣтъ ни одной случайности, ни одно-  
го вводнаго лица, ни одной лишней подроб-  
ности; чрезъ всѣ отдѣльныя сцены проходитъ  
основная идея, и между тѣмъ, во имя этой  
идеи, авторъ не дѣлаетъ ни одного уклоненія  
отъ дѣйствительности, не жертвуетъ ни одной  
частностью во внѣшней отдѣлкѣ лицъ, харак-  
теровъ и положеній. Все строго естественно и  
между тѣмъ вполне осмысленно, проникнуто  
идеей. Событій, дѣйствій почти нѣтъ; содер-  
жаніе романа можетъ быть рассказано въ  
двадцати, трехъ строкахъ, какъ можетъ быть  
рассказана въ нѣсколькихъ словахъ жизнь  
всякаго человѣка, неиспытавшаго сильныхъ  
впечатлѣній; интересъ такого романа, интересъ  
такой жизни заключается не въ замысловатомъ  
сложненіи событій, хотя-бы и правдоподобныхъ,  
хотя-бы и дѣйствительно случившихся, а въ  
наблюденіи надъ внутреннимъ міромъ человѣка.  
Этотъ міръ всегда интересенъ, всегда привле-  
каетъ къ себѣ наше вниманіе; но онъ особенно  
доступенъ для изученія въ спокойныя минуты,  
когда человѣкъ, составляющій предметъ наше-  
го наблюденія, предоставленъ самому себѣ, не  
зависитъ отъ внѣшнихъ событій, не поставленъ  
въ искусственное положеніе, происходящее отъ  
случайнаго стеченія обстоятельствъ. Въ такіе  
покойныя минуты жизни, когда человѣкъ, не-  
потревожимый внѣшними впечатлѣніями, сосре-  
дочивается, собираетъ свои мысли и загляды-  
ваетъ въ свой внутренній міръ, въ такіе ми-  
нуты происходитъ иногда никому незамѣтная,  
глухая внутренняя борьба, въ такіе минуты  
пробѣгаетъ и развивается задушевная мысль или  
происходитъ поворотъ на прошедшее, обсужи-  
ваніе и оцѣнка собственныхъ поступковъ, соб-  
ственной личности. Эти таинственныя минуты  
особенно дороги для художника, особенно инте-

ресны для просвѣщеннаго наблюдателя. Въ ро-  
манѣ Гончарова внутренняя жизнь дѣйстви-  
ющихъ лицъ открыта передъ глазами читателя;  
нѣтъ путаницы внѣшнихъ событій, нѣтъ при-  
думаныхъ и рассчитанныхъ эффектовъ, и по-  
тому анализъ автора ни на минуту не теряетъ  
своей отчетливости и спокойной проникатель-  
ности. Идея не дробится въ сплетеніи разно-  
образныхъ происшествій: она стройно и просто  
развивается сама изъ себя, проводится до конца,  
и до конца поддерживаетъ собою весь интересъ,  
безъ помощи постороннихъ, побочныхъ, ввод-  
ныхъ обстоятельствъ. Эта идея такъ широка,  
она охватываетъ собою такъ много сторонъ  
нашей жизни, что, воплощая одну эту идею,  
не уклоняясь отъ нея ни на шагъ, авторъ  
могъ, безъ малѣйшей натяжки, коснуться чуть  
ли не всѣхъ вопросовъ, занимающихъ въ насто-  
ящее время общество. Онъ коснулся ихъ неволь-  
но, не желая жертвовать для временныхъ цѣлей  
вѣчными интересами искусства; но это, невольно  
высказанное въ общественномъ дѣлѣ, слово ху-  
дожника не можетъ не имѣть сильнаго и благо-  
творнаго вліянія на умы: оно подѣйствуетъ  
такъ, какъ дѣйствуетъ все истинное и прекрас-  
ное. Часто случается, что художникъ присту-  
паетъ къ своему дѣлу съ извѣстной идеей,  
созрѣвшей въ его головѣ и получившей уже  
свою опредѣленную форму; онъ берется за  
перо, чтобы перенести эту идею на бумагу,  
чтобы вложить ее въ образы — и вдругъ увле-  
кается самымъ процессомъ творчества; произ-  
веденіе, задуманное въ его умѣ, разрастается и  
получаетъ не ту форму, которая была назна-  
чена ему прежде. Отдѣльный эпизодъ, которому  
вначалѣ слѣдовало только подтвердить основ-  
ную мысль, обрабатывается съ особенной лю-  
бовью и вырастаетъ такъ, что почти выдви-  
гается на первый планъ, и между тѣмъ отъ  
этого повидимому незаконнаго преобладанія  
одной части надъ другими не происходитъ  
дисгармоніи; основная идея не теряетъ своей  
ясности, не затемняется развитіемъ эпизодовъ;  
все произведеніе остается стройнымъ и изящ-  
нымъ, хотя и не соблюдена математическая  
строгость въ соразмѣрности частей. Описанный  
нами фактъ творчества свершился, какъ ка-  
жется, надъ романомъ Гончарова. Главной  
идеей автора, на сколько можно судить и по  
заглавію, и по ходу дѣйствія, было изобразить  
состояніе спокойной и покорной апатіи, о кото-  
рой мы уже говорили выше; между тѣмъ послѣ  
прочтенія романа у читателя можетъ возник-  
нуть вопросъ: что хотѣлъ сдѣлать авторъ? Ка-  
кая главная цѣль руководила имъ? Не хотѣлъ  
ли онъ прослѣдить развитіе чувства любви,  
анализировать до мельчайшихъ подробностей тѣ  
видоизмѣненія, которыя испытываетъ душа  
женщины, взволнованной сильнымъ и глубо-  
кимъ чувствомъ? Вопросъ этотъ рождается не



оттого, чтобы главная цѣль была не достигнута, не оттого, чтобы вниманіе автора уклонилось отъ нея въ сторону: напротивъ! дѣло въ томъ, что обѣ цѣли, главная и второстепенная, возникшая во время творчества, достигнуты до такой степени полно, что читатель не знаетъ, которой изъ нихъ отдать предпочтеніе. Въ *Обломовѣ* мы видимъ двѣ картины, одинаково законченныя, поставленныя рядомъ, проникающія и дополняющія одна другую. Главная идея автора выдержана до конца; но во время процесса творчества представилась новая психологическая задача, которая, не мѣшая развитію первой мысли, сама разрѣшается до такой степени полно, какъ не разрѣшалась, быть можетъ, никогда. Рѣдкій романъ обнаруживаетъ въ своемъ авторѣ такую силу анализа, такое полное и тонкое знаніе человѣческой природы вообще и женской въ особенности; рѣдкій романъ когда-либо совмѣщалъ въ себѣ двѣ, до такой степени огромныя, психологическія задачи, рѣдкій возводилъ соединеніе двухъ такихъ задачъ до такого стройнаго и повидимому несложнаго цѣлаго. Мы-бы никогда не кончили, еслибы стали говорить о всѣхъ достоинствахъ общаго плана, составленнаго такою смѣлою рукою; переходимъ къ разсмотрѣнію отдѣльных характеровъ.

Илья Ильичъ *Обломовъ*, герой романа, олицетворяетъ въ себѣ ту умственную апатію, которой Гончаровъ придалъ имя обломовщины. Слово обломовщина не умереть въ нашей литературѣ: оно составлено такъ удачно, оно такъ осязательно характеризуетъ одинъ изъ существенныхъ пороковъ нашей русской жизни, что по всей вѣроятности изъ литературы оно проникнетъ въ языкъ и войдетъ во всеобщее употребленіе. Посмотримъ, въ чемъ-же состоитъ эта обломовщина. Илья Ильичъ стоитъ на рубежѣ двухъ, взаимно противоположныхъ направлений: онъ воспитанъ подъ вліяніемъ обстановки старо-русской жизни, привыкъ къ барству, къ бездѣйствію и къ полному угожденію своимъ физическимъ потребностямъ и даже прихотямъ; онъ провелъ дѣтство подъ любящимъ, но неосмысленнымъ надзоромъ совершенно неразвитыхъ родителей, наслаждавшихся въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ полной умственной дремотою, вродѣ той, которую охарактеризовалъ Гоголь въ своихъ «Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ». Онъ изнѣженъ и избалованъ, ослабленъ физически и нравственно; въ немъ старались, для его-же пользы, подавлять порывы рѣзвости, свойственные дѣтскому возрасту, и движенія любознательности, просыпающіяся также въ годы младенчества: первые, по мнѣнію родителей, могли подвергнуть его ушибамъ и разнаго рода поврежденіямъ; вторыя могли разстроить здоровье и остановить развитіе физическихъ силъ.

Кормленіе на убой, сонъ въ волю, всѣхъ желаній и прихотямъ ребенка, жившимъ ему какимъ-либо тѣлеснымъ удовольствіемъ, и тщательное удаленіе отъ всего, что можетъ простудить, обжечь, ушибить, утомить его, — вотъ основныя начала обломовскаго воспитанія. Сонная, рутинная обстановка деревенской, захолустной жизни дополняла то, чего не успѣли сдѣлать труды родителей. На теплое растение, не озвѣсѣвшее въ дѣтствѣ не только съ волнами дѣйствительной жизни, но даже съ дѣтскими огорченіями и радостями, пахнуло страстнымъ жагомъ, живого воздуха. Илья Ильичъ не учился и развился на столько, что не знаетъ, въ чемъ состоитъ жизнь, въ чемъ состоитъ обязанность человѣка. Онъ понялъ это, но не могъ сочувствовать воспринятымъ идеямъ о долгѣ, о трудѣ и дѣятельности. Разъ вопросъ: къ чему жить и трудиться? — въ возникающей обыкновенно послѣ многочисленныхъ разочарованій и обманутыхъ надеждъ, прямо, самъ собою, безъ всякаго приговора, во всей своей ясности представился ему Илья Ильичъ. Этими вопросомъ онъ сталъ опираться въ себѣ отсутствіе опредѣленныхъ обязанностей, нелюбовь къ труду всякаго рода, нежеланіе покупать этимъ трудомъ даже самое наслажденіе, безсиліе, непозволявшее ему твердо къ какой-нибудь цѣли и заставлявшее останавливаться съ любовью на каждомъ шагу, на всемъ, что могло дать средство отдохнуть и остановиться. Образованіе научило презирать праздность; но сѣмена, брошенные въ его душу природою и первоначальнымъ питаніемъ, принесли плоды. Нужно было сдѣлать одно съ другимъ, и *Обломовъ* сталъ выяснять себѣ свое апатическое равнодушіе философскимъ взглядомъ на людей и на жизнь. Дѣйствительно, успѣлъ увѣрить себя въ то, что онъ — философъ, потому что спокойно и страстно смотритъ на волненія и дѣятельность окружающихъ его людей; лѣнь получила въ его глазахъ силу закона; онъ отказался отъ всякой дѣятельности; обезпеченное состояніе дало ему средства не трудиться, и онъ спокойно задремалъ съ полнымъ сознаниемъ собственного достоинства. Между тѣмъ и года, и съ годами возникаютъ сомнѣнія. *Обломовъ* оборачивается назадъ и видитъ бесполезно прожитыя лѣтъ, смотритъ въ себя и видитъ, что все пусто, оглядываетъ товарищей — всѣ за дѣломъ; настаютъ страшныя минуты яснаго сознанія; его жутко, хочется двинуться съ мѣста, фантазія разыгрывается, начинаются планы, а лѣнь двинуться нѣтъ силъ, онъ какъ проросъ къ землѣ, прикованъ къ своему бездѣйствію, къ спокойному креслу и къ хаосу фантазіи слабѣетъ, лишь только приходитъ



ствовать; смѣлые планы разлетаются, лишь только надо сдѣлать первый шагъ для ихъ осуществленія. Апатія Обломова не похожа на тотъ тяжелый сонъ, въ который были погружены естественныя способности его родителей: эта апатія парализируетъ дѣйствія, но не деревянитъ чувства, не отнимаетъ у него способности думать и мечтать; высшія стремленія его ума сердца, пробужденныя образованіемъ, не заглохли; человѣческія чувства, вложенныя природою въ его мягкую душу, не очерствѣли: они такъ будто запылились жиромъ, но сохранились въ всей своей первобытной чистотѣ. Обломовъ тогда не приводилъ этихъ чувствъ и стремленій въ соприкосновеніе съ практической жизнью; онъ никогда не разочаровывался, потому что тогда не жилъ и не дѣйствовалъ. Оставшись въ раннемъ возрастѣ съ полной вѣрой въ совершенство людей, создавъ себѣ какой-то фантастическій міръ, Обломовъ сохранилъ чистоту и чуждость чувства, характеризующую ребенка; эта свѣжесть чувства бесполезна и для него, и для другихъ. Онъ способенъ любить и чувствовать дружбу; но любовь не могла возбудить въ немъ энергіи; онъ устаетъ думать, какъ усталъ двигаться, волноваться и бороться. Вся личность его влечетъ къ себѣ своей чистотой, чистотою помысловъ и «голубиною», выраженіемъ самого автора, нѣжностью чувствъ; въ этой привлекательной личности нѣтъ мужественности и силы, нѣтъ самостоятельности. Онъ не знаетъ недостатковъ губить все его хорошія свойства. Обломовъ робокъ, застѣнчивъ. Онъ стоитъ своимъ умомъ и развитіемъ выше массы, составляющей у насъ общественное мнѣніе, но ни въ чемъ изъ своихъ дѣйствій не выражаетъ этого превосходства; онъ не дорожитъ свѣтомъ—и между тѣмъ боится его пересудовъ и злословно подчиняется его приговорахъ; онъ боится малѣйшее столкновеніе съ жизнью, и ежели можно избѣжать такого столкновенья, онъ готовъ жертвовать своимъ чувствомъ, идеями, матеріальными выгодами; словомъ, Обломовъ не умѣетъ и не хочетъ бороться съ жизнью, бы то ни было и какъ-бы то ни было. Между тѣмъ въ немъ совершается постоянная борьба между лѣнливой природою и сознаніемъ долга, — борьба безплодная, непрерывающаяся наружу и неприводящая ни къ какому результату. Спрашивается, какъ должно отнестись къ личности, подобную Обломову? отъ вопроса имѣетъ важное значеніе, потому что Обломовыхъ много и въ русской литературѣ, въ русской жизни. Сочувствовать такимъ личностямъ нельзя, потому что онѣ тяготятъ и себя, и общество; презирать ихъ безусловно тоже нельзя: въ нихъ слишкомъ много истинно-человѣческаго, и сами онѣ слишкомъ много страдаютъ отъ несовершенствъ своей природы. Подобныя личности должно, по нашему мнѣ-

нію, смотрѣть какъ на жалкія, но неизбежныя явленія переходной эпохи; онѣ стоятъ на рубежѣ двухъ жизней: старо-русской и европейской, и не могутъ шагнуть рѣшительно изъ одной въ другую. Въ этой нерѣшительности, въ этой борьбѣ двухъ началъ заключается драматичность ихъ положенія; здѣсь же заключаются и причины дисгармоніи между смѣлостью ихъ мысли и нерѣшительностью дѣйствій. Такихъ людей должно жалѣть, во-первыхъ—потому, что въ нихъ часто бываетъ много хорошаго, во-вторыхъ—потому, что они являются невинными жертвами исторической необходимости. Рядомъ съ Обломовымъ выведенъ въ романѣ Гончарова другой характеръ, соединяющій въ себѣ тѣ результаты, къ которымъ должно вести гармоническое развитіе. Андрей Ивановичъ Штольцъ, другъ Обломова, является вполне мужчиной, такимъ человѣкомъ, какихъ еще очень мало въ современномъ обществѣ. Онъ не избалованъ домашнимъ воспитаніемъ, онъ съ молодыхъ лѣтъ началъ пользоваться разумной свободой, рано узналъ жизнь и умѣлъ внести въ практическую дѣятельность прочныя теоретическія знанія. Выработанность убѣжденій, твердость воли, критическій взглядъ на людей и на жизнь и рядомъ съ этимъ критическимъ взглядомъ вѣра въ истину и въ добро, уваженіе ко всему прекрасному и возвышенному,—вотъ главныя черты характера Штольца. Онъ не даетъ воли страстямъ, отличая ихъ отъ чувствъ; онъ наблюдалъ за собою и сознаетъ, что человѣкъ есть существо мыслящее и что разумъ долженъ управлять его дѣйствіями. Господство разума не исключаетъ чувства, но осмысливаетъ его и предохраняетъ отъ увлеченій. Штольцъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ холодныхъ, флегматическихъ людей, которые подчиняютъ свои поступки расчету, потому что въ нихъ нѣтъ жизненной теплоты, потому что они неспособны ни горячо любить, ни жертвовать собою во имя идеи. Штольцъ не мечтатель, потому что мечтательность составляетъ свойство людей, больныхъ тѣломъ или душою, неумѣвшихъ устроить себѣ жизнь по своему вкусу; у Штольца здоровая и крѣпкая природа; онъ сознаетъ свои силы, не слабѣетъ передъ неблагоприятными обстоятельствами и, не напрашиваясь насильно на борьбу, никогда не отступаетъ отъ нея, когда того требуютъ убѣжденія; жизненные силы бьются въ немъ живымъ ключомъ, и онъ употребляетъ ихъ на полезную дѣятельность, живетъ умомъ, сдерживая порывы воображенія, но воспитывая въ себѣ правильное эстетическое чувство. Характеръ его можетъ съ перваго взгляда показаться жестокимъ и холоднымъ. Спокойный, часто шутиливый тонъ, съ которымъ онъ говоритъ и о своихъ, и о чужихъ интересахъ, можетъ быть принятъ за неспособность глубоко чувствовать,



за нежеланіе вдуматься, вникнуть въ дѣло; но это спокойствіе происходитъ не отъ холодности: въ немъ должно видѣть доказательство самостоятельности, привычки думать про себя и дѣлаться съ другими своими впечатлѣніями только тогда, когда это можетъ доставить имъ пользу или удовольствіе. Въ отношеніяхъ между Обломовымъ и Штольцомъ, Обломовъ въжиѣ и общительнѣе своего друга. Это очень естественно: характеры слабые всегда нуждаются въ нравственной поддержкѣ и потому всегда готовы раскрыться, подѣлиться съ другимъ горемъ или радостью. Люди съ твердымъ, глубокимъ характеромъ находятъ въ голосѣ собственного разсудка лучшую опору и потому рѣдко чувствуютъ потребность высказаться. Въ отношеніи къ любимой женщинѣ Штольцъ не способенъ быть страдательнымъ существомъ, послушнымъ исполнителемъ ея воли: сознание собственной личности не позволяетъ ему, для кого бы то ни было, отступать отъ убѣжденій или мѣнять основныя черты своего характера. Осмысливая все, онъ осмысливаетъ и любовь и видитъ въ ней не служеніе кумиру, а разумное чувство, долженствующее пополнить существованіе двухъ взаимно уважающихъ другъ друга людей. Штольцъ—вполнѣ европеецъ по развитію и по взгляду на жизнь; это—типъ будущій, который теперь рѣдокъ, но къ которому ведетъ современное движеніе идей, обнаружившееся съ такою силой въ нашемъ обществѣ. «Вотъ,—говоритъ Гончаровъ,—глаза очнулись отъ дремоты, послышались бойкіе, широкіе шаги, живые голоса... Сколько Штольцевъ должно явиться подъ русскими знаменами!»

Личности, подобныя Штольцу, рѣдки въ наше время: условія нашей общественной и частной жизни не могутъ содѣйствовать развитію такихъ характеровъ; въ наше время еще трудно согласить личныя интересы съ чистотою убѣжденій, трудно не увлечься, съ одной стороны, въ сферу отвлеченной мысли, не имѣющей связи съ жизнью, съ другой—въ область копѣечнаго, бездушнаго разсчета. Гончаровъ сознаетъ исключительность характера Штольца и объясняетъ его происхожденіе тѣми особенными условіями, подъ вліяніемъ которыхъ онъ росъ и развивался. Отецъ его, нѣмецъ, приучилъ его къ дѣятельности и съ малыхъ лѣтъ предоставилъ ему такую свободу, которая принудила его самого обсуживать поступки и заботиться объ его дѣтскихъ интересахъ; мать его, русская дворянка, не сочувствовала реальному направленію, которое давалъ отецъ воспитанію Андрею, и старалась возбудить въ немъ эстетическое чувство, заботилась даже о внѣшнемъ изяществѣ его манеръ и туалета. Отецъ старался сдѣлать изъ Андрея нѣмецкаго бюргера, дѣятельнаго, разсчетливаго и расторопнаго; мать желала видѣть въ немъ человѣка съ нѣж-

ной душой и русскаго барина, образованнаго, способнаго блистать въ обществѣ и приличнымъ образомъ деньги, зарабатывая ихъ честнымъ образомъ. Отецъ воспитывалъ мальчика на вѣсѣхъ классикахъ, водилъ его по фирмамъ, давалъ ему разныя коммерческія порученія, предоставлялъ его наклонностямъ возможную свободу; мать учила его прислушиваться къ задумчивымъ звукамъ Герца, вѣла о цвѣтахъ о поэзіи жизни и проч. Вліяніе ихъ родителей были такимъ образомъ диаметрально противоположны; сверхъ того, Андрея дѣйствовала окружающая его обстановка русской жизни, широкая, безпечная, разглагольствующая къ лѣни и покою, дѣйствовала на него и школа труда, которую онъ привыкъ былъ пройти, чтобы составить себѣ карьеру. Всѣ эти разнородныя вліянія, вѣдая другъ друга, формировали сильный и живой характеръ. Отецъ далъ Андрею нравственную мудрость, любовь къ труду и твердость въ занятіяхъ; мать воспитала въ немъ чувственность и внушила ему стремленіе къ высшимъ духовнымъ наслажденіямъ; русское, деревенское общество положило на его личность печать мѣлкости и откровенности. Наконецъ жизнь вліяла этотъ характеръ и придала строгую законченность тѣмъ нравственнымъ свойствамъ, которыя не успѣли вполнѣ выработаться въ молодости, при воспитаніи. Характеръ Штольца вполнѣ объясненъ авторомъ и такимъ образомъ понятнымъ и законнымъ.

Третья замѣчательная личность, вышедшая въ романѣ Гончарова—Ольга Сергѣевна Ильинская—представляетъ типъ будущей женщины, какъ сформируютъ ее впоследствии идеи, которыя въ наше время стараются ввести въ женское воспитаніе. Въ этой личности, влекающей къ себѣ невыразимой прелестью, не поражающей никакими рѣзко выдающимися достоинствами, особенно замѣчательныя свойства, бросающія оригинальный колоритъ въ ея дѣйствія, слова и движенія. Это свойства рѣдки въ современныхъ женщинахъ, потому особенно дороги въ Ольгѣ; они привнесены въ романѣ Гончарова съ такою искренней вѣрностью, что имъ трудно и рѣдко трудно принять Ольгу за невозможный идеалъ, созданный творческой фантазіей. Естественность и присутствіе сознанія—то, что отличаетъ Ольгу отъ обыкновенныхъ женщинъ. Изъ этихъ двухъ качествъ вытекаетъ правдивость въ словахъ и въ поступкахъ, присутствіе кокетства, стремленіе къ развлеченію, умѣнье любить просто и серьезно, безъ хитростей и уловокъ, умѣнье жертвовать собой, чувствовать настолько, насколько позволяютъ законы этикета, а голосъ совѣсти и разсудка. Первые два характера, оговоренные нами



представлены уже сложившимися, и Гончаровъ только объясняетъ ихъ читателю, то-есть указываетъ тѣ условія, подъ вліяніемъ которыхъ они образовались; что-же касается до характера Ольги, онъ формируется передъ глазами читателя. Авторъ выводитъ ее сначала ребенкомъ, дѣвучкой, одаренной природнымъ умомъ, пользовавшейся при воспитаніи нѣкоторой самостоятельностью, но не испытавшей никакого сильнаго чувства, никакого волненія, знакомой съ жизнью, непривыкшей наблюдать за собою, анализировать движенія собственной души. Въ этотъ періодъ жизни Ольги мы видимъ въ ней богатую, но нетронутую натуру; она не испорчена свѣтомъ, не умѣетъ притворяться, но не успѣла также развить въ себѣ мыслительной силы, не успѣла выработать себѣ убѣжденія; она дѣйствуетъ, повинаясь влеченіямъ доброй души, но дѣйствуетъ инстинктивно; она слѣдуетъ дружескимъ совѣтамъ развитаго человѣка, но не всегда подвергаетъ эти совѣты критикѣ, увлекается авторитетомъ и иногда мысленно ссылается на своихъ пансіонныхъ подругъ, старается припомнить, что сдѣлала-бы въ томъ или другомъ случаѣ Соничка. Она не поступаетъ такъ, какъ поступили-бы эти одруги, но мысленно упрекаетъ себя въ этомъ, ее понимая, не сознавая еще ясно, что кокетство—ложь, что, слѣдуя внушеніямъ собственной души, она поступаетъ честно, и что инстинктивное отвращеніе ко всякому притворству есть проявленіе нравственнаго чувства, а не слѣдствіе неразвитости или, какъ она говоритъ, глупости. Опытъ и спокойное размышленіе могли постепенно вывести Ольгу изъ этого періода инстинктивныхъ влеченій и поступковъ, врожденная любознательность могла повести ее къ дальнѣйшему развитію путемъ чтенія и серьезныхъ занятій; но авторъ выбралъ для нея другой, ускоренный путь. Ольга полюбила, душа ея взволновалась, она узнала жизнь, слѣдя за движеніями собственного чувства; необходимость конять состояніе собственной души заставила ее многое передумать, и изъ этого ряда размышленій и психологическихъ наблюденій она выработала самостоятельный взглядъ на свою личность, на свои отношенія къ окружающимъ людямъ, на отношенія между чувствомъ и долгомъ,—словомъ, на жизнь въ самомъ обширномъ смыслѣ. Гончаровъ изображеніемъ характера Ольги, анализомъ ея развитія показалъ въ полной силѣ образовательное вліяніе чувства. Онъ подмѣчаетъ его возникновеніе, слѣдитъ за его развитіемъ и останавливается на каждомъ его измѣненіи, чтобы изобразить то вліяніе, которое оказываетъ оно на весь образъ мыслей обихъ дѣйствующихъ лицъ. Ольга полюбила внезапно, безъ предварительнаго приготовленія; она не создавала себѣ отвлеченнаго идеала, подъ который многія барышни стараются под-

водить знакомыхъ мужчинъ, не мечтала о любви, хотя конечно знала о существованіи этого чувства. Она жила спокойно, не стараясь искусственно возбудить въ себѣ любовь, не стараясь видѣть героя будущаго своего романа въ каждомъ новомъ лицѣ. Любовь пришла къ ней неожиданно-негаданно, какъ приходитъ всякое истинное чувство; чувство это незамѣтно прокралось къ ней въ душу и обратило на себя ея собственное вниманіе тогда, когда получило уже нѣкоторое развитіе. Когда она замѣтила его, она стала вдумываться и соразмѣрять съ своей внутренней мыслью слова и поступки. Эта минута, когда она отдала себѣ отчетъ въ движеніяхъ собственной души, начинается собою новый періодъ въ ея развитіи. Эту минуту переживаетъ каждая женщина, и переворотъ, который совершается тогда во всемъ ея существѣ и начинается обличать въ ней присутствіе сдержаннаго чувства и сосредоточенной мысли, этотъ переворотъ особенно полно и художественно изображенъ въ романѣ Гончарова. Для такой женщины, какъ Ольга, чувство не могло долго оставаться на степени инстинктивнаго влеченія; стремленіе осмысливать въ собственныхъ глазахъ, объяснять себѣ все, что встрѣчалось съ нею въ жизни, пробудилось тутъ съ особенной силой: явилась цѣль для чувства, явилось и обсуживаніе любимой личности; этимъ обсуживаніемъ опредѣлилась самая цѣль. Ольга поняла, что она сильнѣе того человѣка, котораго любитъ, и рѣшилась возвысить его, вдохнуть ему энергію, дать ему силы для жизни. Осмысленное чувство сдѣлалось въ ея глазахъ долгомъ, и она съ полнымъ убѣжденіемъ стала жертвовать этому долгу нѣкоторыми внѣшними приличіями, за нарушение которыхъ чистосердечно и несправедливо преслѣдуетъ подозрительный судъ свѣта. Ольга растетъ вмѣстѣ съ своимъ чувствомъ; каждая сцена, происходящая между нею и любимымъ ею человѣкомъ, прибавляетъ новую черту къ ея характеру, съ каждой сценой граціозный образъ дѣвочки дѣлается знакомѣе читателю, обрисовывается ярче и сильнѣе выступаетъ изъ общаго фона картины. Мы достаточно опредѣлили характеръ Ольги, чтобы знать, что въ ея отношеніяхъ къ любимому человѣку не могло быть кокетства: желаніе завлечь мужчину, сдѣлать его своимъ обожателемъ, не испытывая къ нему никакого чувства, казалось ей непростительнымъ, недостойнымъ честной женщины. Въ ея обращеніи съ человекомъ, котораго она впоследствии полюбила, господствовала сначала мягкая, естественная грація, никакое разсчитанное кокетство не могло подѣйствовать сильнѣе этого неподдѣльнаго, безыскусственно простаго обращенія, но дѣло въ томъ, что со стороны Ольги тутъ не было желанія произвести то или другое вне-



чатлѣііе. Женственность и грація, которыя Гончаровъ умѣлъ вложить въ ея слова и движенія, составляютъ неотъемлемую принадлежность ея природы и потому особенно обаятельно дѣйствуютъ на читателя. Эта женственность, эта грація становится сильнѣе и обаятельнѣе по мѣрѣ того, какъ чувство развивается въ груди дѣвушки; игривость, ребяческая безпечность смѣняются въ ея чертахъ выраженіемъ тихаго, задумчиваго, почти торжественнаго счастья. Передъ Ольгою открывается жизнь, міръ мыслей и чувствъ, о которыхъ она не имѣла понятія, и она идетъ впередъ, довѣрчиво глядя на своего спутника, но въ то же время всматриваясь съ робкой любознательностью въ тѣ ощущенія, которыя толются въ ея взволнованной душѣ. Чувство растетъ; оно дѣлается потребностью, необходимымъ условіемъ жизни, а между тѣмъ и тутъ, когда чувство доходитъ до пагоса, до «лунатизма любви», по выраженію Гончарова, и тутъ Ольга не теряетъ сознанія нравственнаго долга и умѣетъ сохранять спокойный, разумный, критическій взглядъ на свои обязанности, на личность любимаго человѣка, на свое положеніе и на дѣйствія свои въ будущемъ. Самая сила чувства даетъ ей ясный взглядъ на вещи и поддерживаетъ въ ней твердость. Дѣло въ томъ, что чувство въ такой чистой и возвышенной натурѣ не нисходитъ на степень страсти, не поирачаетъ разсудка, не ведетъ къ такимъ поступкамъ, отъ которыхъ впоследствии пришлось-бы краснѣть; подобное чувство не перестаетъ быть сознательнымъ, хотя порою оно бываетъ такъ сильно, что давитъ и грозитъ разрушить собою организмъ. Оно вселяетъ въ душу дѣвушки энергію, заставляетъ ее нарушить тотъ или другой законъ этикета: но это-же чувство не позволяетъ ей забыть дѣйствительнаго долга, охраняетъ ее отъ увлеченія, внушаетъ ей сознательное уваженіе къ чистотѣ собственной личности, въ которой заключаются залогомъ счастья для двухъ людей. Ольга переживаетъ между тѣмъ новую фазу развитія: для нея наступаетъ горестная минута разочарованія, и испытываемыя ею душевныя страданія окончательно вырабатываютъ ея характеръ, придаютъ ей мысли зрѣлость, сообщаютъ ей жизненный опытъ. Въ разочарованіи часто бываетъ виновать самъ разочаровывающійся. Человѣкъ, создающій себѣ фантастическій міръ, непременно, рано или поздно, столкнется съ дѣйствительной жизнью и ушибется тѣмъ больнѣе, чѣмъ выше была та высота, на которую подняла его прихотливая мечта. Кто требуетъ отъ жизни невозможнаго, тотъ долженъ обмануться въ своихъ надеждахъ. Ольга не мечтала о невозможномъ счастьи: ея надежды на будущее были просты, планы ея — осуществимы. Она полюбила человѣка честнаго, умнаго и развитаго, но сла-

баго, непривыкшаго жить; она узнала хорошія и дурныя стороны и рѣшилась употребить всѣ усилія, чтобы согрѣть его той жаръ, которую чувствовала въ себѣ. Она думала, сила любви оживитъ его, вселитъ въ стремленіе къ дѣятельности и дастъ ему возможность приложить къ дѣлу способности, дремавшія отъ долгаго бездѣйствія. Цѣль была высоко-нравственная; она была для ней истиннымъ чувствомъ. Она могла быть оглушена: не было никакихъ данныхъ, чтобы сомнѣваться въ успѣхѣ. Ольга приняла мгновенный вспыску чувства со стороны любимаго ея чело- вѣка за дѣйствительное пробужденіе энергіи, увидѣла свою власть надъ нимъ и надѣялась вести его впередъ на пути самосовершенствованія. Могла-ли она не увлечься своей преданной цѣлью, могла ли она не видѣть въ себѣ тихаго разумаго счастья? И вдругъ замѣчаетъ, что возбужденная на мигъ жара гаснетъ, что предпринятая ею борьба бездежна, что обаятельная сила соннаго счастья сильнѣе ея живительнаго вліянія. Чѣмъ дѣлать ей въ подобномъ случаѣ? Мысли ея роятно раздѣлятся. Кто любитъ порывомъ красотой безсознательнаго чувства, не думая о его послѣдствіяхъ, тотъ скажетъ: она не могла была остаться вѣрною первому движению сердца и отдать свою жизнь тому, кого она полюбила. Но кто видитъ въ чувствѣ ручейство будущаго счастья, тотъ взглянетъ на это иначе: безнадежная любовь, бесполезная для себя и для любимаго предмета, не имѣетъ смысла въ глазахъ такого человѣка; красота чувствъ не можетъ извинить его неосознанности. Ольга должна была побѣдить себя, и рвать это чувство, пока было еще время; она не имѣла права губить свою жизнь, приносить собою бесполезную жертву. Любовь становится незаконною тогда, когда ея не одобряетъ судокъ; заглушать голосъ разсудка, давать волю страсти, животному инстинкту — Ольга не могла такъ поступить, и ей пришлось страдать, пока не выболѣло въ ея душѣ омерзѣвшее чувство. Ее спасло въ этомъ случаѣ присутствіе сознанія, на которое мы уже указывали выше. Борьба мысли съ остатками чувствъ подкрѣпляемаго свѣжими воспоминаніями о нувшаго счастья, закалила душевныя силы Ольги. Въ короткое время она перечувствовала и передумала столько, сколько не случается передумать и перечувствовать втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ спокойнаго существованія. Она окончательно приготовлена для жизни. И прошедшее, испытанное ею чувство, и пережитыя страданія дали ей способность понимать и цѣнить истинныя достоинства человѣка; они дали ей любить такъ, какъ не могла она любить прежде. Внушить ей чувство могла только замѣчательная личность, и въ этомъ чувствѣ уже



чарованія не было мѣста; пора увлеченія, лунатизма прошла невозвратно. Любовь могла болѣе незамѣтно прокрасться въ душу, лѣзая до времени отъ анализа ума. Въ нѣкоторыхъ чувствахъ Ольги все было опредѣленно, ясно и твердо. Ольга жила прежде умомъ, и умъ перергалъ все своему анализу, предъявлялъ съ каждымъ днемъ новыя потребности, искалъ удовлетворенія, пищи во всемъ, что ее интересовало. Затѣмъ развитіе Ольги сдѣлало еще только одинъ шагъ впередъ. На этотъ шагъ только бѣглое указаніе въ романѣ Гончарова. То положеніе, къ которому повелъ этотъ шагъ, не очерчено. Дѣло въ томъ, что ему не могли удовлетворить вполнѣ ни тихое семейное счастье, ни умственные и эстетическіе наслажденія. Наслажденія никогда не удовлетворяютъ сильной, богатой природы, не обманываютъ и лишаются энергіи: такая природа требуетъ дѣятельности, труда съ разнородною цѣлью, и только творчество способно въ некоторой степени утишить это тоскливое стремленіе къ чему-то высшему, незнакому, — стремленіе, котораго не удовлетворяетъ счастье и обстановка всенедней жизни. До этого стремленія высшаго развитія достигла Ольга. Она не удовлетворила она пробудившимся въ ней стремленіямъ—этого не говорить намъ авторъ. Но, признавая въ женщинѣ возможность законности этихъ высшихъ стремленій, онъ ясно высказываетъ свой взглядъ на ея стремленіе и на то, что называется въ обществѣ эмансипаціей женщины. Вся жизнь и чувства Ольги составляютъ живой протестъ противъ зависимости женщины. Протестъ этотъ не составлялъ главной цѣли автора, потому что истинное творчество не навязываетъ практическихъ цѣлей; но чѣмъ естественнѣе возникъ этотъ протестъ, чѣмъ менѣе онъ былъ приготовленъ, тѣмъ болѣе въ немъ чувствуется истинная правда, тѣмъ сильнѣе подѣляетъ онъ на общественное сознание. Вотъ главные характеры «Обломова». Остальныя черты личностей, составляющія фонъ картины, описанной на второмъ планѣ, очерчены съ изумительною отчетливостью. Видно, что авторъ главнаго сюжета не пренебрегалъ мелочами, рисуя картину русской жизни, съ добросовѣстной любовью останавливался на каждой подробности. Вдова Шеницына, Захаръ, Тарасъ, Мухоморовъ, Анисья—все это живые типы, все это типы, которые встрѣчалъ на своемъ пути каждый изъ насъ. Мы не будемъ говорить подробно объ этихъ второстепенныхъ личностяхъ. Изъ нихъ особенно замѣчательна вдова Шеницына, въ лицѣ которой Гончаровъ воплотилъ чистое чувство, невозвышенное стремленіе и неоснованное на сознаніи. Захаръ, лакей Обломова, является такой типичной, обработанной личностью, какой давно

не представляла наша литература. Эта личность не выдается рѣзко впередъ въ романѣ Гончарова только потому, что всѣ характеры обработаны одинаково полно, общій планъ строго обдуманъ, и всѣ дѣйствующія лица обращаютъ на себя вниманіе читателя настолько, насколько это нужно для интереса и гармонической стройности цѣлаго. Теперь намъ остается еще объяснить, почему мы считаемъ необходимымъ, чтобы дѣвицы прочли романъ Гончарова: изъ первыхъ словъ нашей статьи видно, какъ высоко ставимъ мы это произведеніе; не прочтя его, трудно познакомиться вполнѣ съ современнымъ положеніемъ русской литературы, трудно представить себѣ полное ея развитіе, трудно составить себѣ понятіе о глубинѣ мысли и законченности формы, которыми отличаются нѣкоторыя самыя зрѣлыя ея произведенія. «Обломовъ» по всей вѣроятности составитъ эпоху въ исторіи русской литературы, онъ отражаетъ въ себѣ жизнь русскаго общества въ извѣстный періодъ его развитія. Имена Обломова, Штольца, Ольги сдѣлаются нарицательными. Словомъ, какъ ни разсматривать «Обломова», въ цѣломъ-ли, или въ отдѣльных частяхъ, по отношенію-ли его къ современной жизни, или по его абсолютному значенію въ области искусства, такъ или иначе, всегда должно будетъ сказать, что это вполнѣ изящное, строго обдуманное и поэтически-прекрасное произведеніе. Вотъ почему мы такъ долго останавливались на его разсмотрѣніи, вотъ почему мы еще разъ настойчиво рекомендуемъ его для чтенія дѣвицамъ. Ежели даже смотрѣть на воспитаніе дѣвицъ такъ, какъ смотритъ на него наше модное общество, заботящееся такъ много о внѣшней невинности и полагающее эту невинность въ незнаніи жизни и природы, даже и тогда самая строгая цензура не найдетъ въ «Обломовѣ» ничего предосудительнаго. Изображеніе чистаго, сознательнаго чувства, опредѣленіе его вліянія на личность и поступки человека, воспроизведеніе господствующей болѣзни нашего времени, обломовщины—вотъ главные мотивы романа. Ежели вспомнить при этомъ, что всякое изящное произведеніе имѣетъ образовательное вліяніе, ежели вспомнить, что истинно изящное произведеніе всегда нравственно, потому что вѣрно и просто рисуетъ дѣйствительную жизнь, тогда должно сознаться, что чтеніе книгъ, подобныхъ «Обломову», должно составлять необходимое условіе всякаго рациональнаго образованія. Сверхъ того, для дѣвицъ можетъ быть особенно полезно чтеніе этого романа. Это чтеніе несравненно лучше отвлеченнаго трактата о женской добродѣтели уяснить имъ жизнь и обязанности женщины. Стоитъ только вдуматься въ личность Ольги, прослѣдить ея поступки, и навѣрное въ головѣ прибавится не одна плодотворная мысль,



чатлівѣ. Женственность и грація, которыя Гончаровъ умѣлъ вложить въ ея слова и движенія, составляютъ неотъемлемую принадлежность ея природы и потоку особенно обаятельно дѣйствуютъ на читателя. Эта женственность, эта грація становится сильнѣе и обаятельнѣе по мѣрѣ того, какъ чувство развивается въ груди дѣвушки; игривость, ребяческая безпечность сдѣлаются въ ея чертахъ выраженіемъ тихаго, задумчиваго, почти торжественнаго счастья. Передъ Ольгой открывается жизнь, міръ мыслей и чувствъ, о которыхъ она не имѣла понятія, и она идетъ впередъ, доверчиво глядя на своего спутника, но въ то же время всматриваясь съ робкой любознательностью въ тѣ ощущенія, которыя толпятся въ ея взволнованной душѣ. Чувство растетъ; оно дѣлается потребностью, необходимымъ условіемъ жизни, а между тѣмъ и тутъ, когда чувство доходитъ до павоса, до «лунатизма любви», по выраженію Гончарова, и тутъ Ольга не теряетъ сознанія нравственнаго долга и умѣетъ сохранять спокойный, разумный, критическій взглядъ на свои обязанности, на личность любимаго человѣка, на свое положеніе и на дѣйствія свои въ будущемъ. Самая сила чувства даетъ ей ясный взглядъ на вещи и поддерживаетъ въ ней твердость. Дѣло въ томъ, что чувство въ такой чистой и возвышенной натурѣ не нисходитъ на степень страсти, не погрязаетъ въ разсудка, не ведетъ къ такимъ поступкамъ, отъ которыхъ впоследствии пришлось-бы краснѣть; подобное чувство не перестаетъ быть сознательнымъ, хотя порою оно бываетъ такъ сильно, что давитъ и грозитъ разрушить собою организмъ. Оно вселяетъ въ душу дѣвушки энергію, заставляетъ ее нарушить тотъ или другой законъ этикета: но это-же чувство не позволяетъ ей забыть дѣйствительнаго долга, охраняетъ ее отъ увлеченія, внушаетъ ей сознательное уваженіе къ чистотѣ собственной личности, въ которой заключаются залогомъ счастья для двухъ людей. Ольга переживаетъ между тѣмъ новую фазу развитія: для нея наступаетъ горестная минута разочарованія, и испытываемыя ею душевныя страданія окончательно вырабатываютъ ея характеръ, придаютъ ей мысли зрѣлость, сообщаютъ ей жизненный опытъ. Въ разочарованіи часто бываетъ виновать самъ разочаровывающійся. Человѣкъ, создающій себѣ фантастическій міръ, непременно, рано или поздно, столкнется съ дѣйствительной жизнью и ушибется тѣмъ больнѣе, чѣмъ выше была та высота, на которую подняла его прихотливая мечта. Кто требуетъ отъ жизни невозможнаго, тотъ долженъ обмануться въ своихъ надеждахъ. Ольга не мечтала о невозможномъ счастьи: ея надежды на будущее были просты, планы ея — осуществимы. Она полюбила человѣка честнаго, умнаго и развитого, по сла-

бого, неправдымаго жить; она узнала его хорошія и дурныя стороны и рѣшилась употребить всѣ усилія, чтобы согрѣть его той энергіей, которую чувствовала въ себѣ. Она думала, что сила любви оживитъ его, вселитъ въ него стремленіе къ дѣятельности и дастъ ему возможность приложить къ дѣлу способности, и дремавшія отъ долгаго бездѣйствія. Цѣль и была высоко-нравственная; она была внушена ей истиннымъ чувствомъ. Она могла быть достигнута: не было никакихъ данныхъ, чтобы сомнѣваться въ успѣхѣ. Ольга приняла мгновенно вспыхнувшее чувство со стороны любимаго ею человѣка за дѣйствительное пробужденіе энергіи; она увидѣла свою власть надъ нимъ и надѣялась вести его впередъ на пути самосовершенствованія. Могла-ли она не увлечься своей прекрасной цѣлью, могла ли она не видѣть впередъ себя тихаго разумаго счастья? И вдругъ она замѣчаетъ, что возбужденная на мигъ энергія гаснетъ, что предпринятая ею борьба безнадежна, что обаятельная сила соннаго спокойствія сильнѣе ея живительнаго вліянія. Что было дѣлать ей въ подобномъ случаѣ? Мысли скоро раздѣляются. Кто любитъ порывистую красотой безсознательнаго чувства, не думая о его послѣдствіяхъ, тотъ скажетъ: она должна была остаться вѣрною первому движению сердца и отдать свою жизнь тому, кого однажды полюбила. Но кто видитъ въ чувствѣ ручательство будущаго счастья, тотъ взглянетъ на дѣло иначе: безнадежная любовь, бесполезная для себя и для любимаго предмета, не имѣетъ смысла въ глазахъ такого человѣка; красота такого чувства не можетъ извинить его неосмысленности. Ольга должна была побѣдить себя, разорвать это чувство, пока было еще время; она не имѣла права губить свою жизнь, приносить собою бесполезную жертву. Любовь становится незаконною тогда, когда ея не одобряетъ разсудокъ; заглушать голосъ разсудка значитъ давать волю страсти, животному инстинкту. Ольга не могла такъ поступить, и ей пришлось страдать, пока не выболѣло въ ея душѣ обманутое чувство. Ее спасло въ этомъ случаѣ присутствіе сознанія, на которое мы уже указали выше. Борьба мысли съ остатками чувства, подкрѣпляемаго свѣжими воспоминаніями живущаго счастья, закалила душевныя силы Ольги. Въ короткое время она переживала и передумала столько, сколько не случается передумать и переживать в теченіи многихъ лѣтъ спокойнаго существованія. Она была окончательно приготовлена для жизни, и прошедшее, испытанное ею чувство, и пережитыя страданія дали ей способность понимать и цѣнить истинныя достоинства человѣка; они дали ей силу любить такъ, какъ не могла она любить прежде. Внушить ей чувство могла только замѣчательная личность, и въ этомъ чувствѣ уже для



разочарованія не было мѣста; пора увлеченія, пора лунатизма прошла. невозвратно. Любовь не могла болѣе незамѣтно прокрасться въ душу, ускользая до времени отъ анализа ума. Въ новомъ чувствѣ Ольги все было опредѣленно, ясно и твердо. Ольга жила прежде умомъ, и умъ подвергалъ все своему анализу, предъявлялъ съ каждымъ днемъ новыя потребности, искалъ себѣ удовлетворенія, пищи во всемъ, что ее окружало. Затѣмъ развитіе Ольги сдѣлало еще только одинъ шагъ впередъ. На этотъ шагъ есть только бѣглое указаніе въ романѣ Гончарова. То положеніе, къ которому повелъ этотъ новый шагъ, не очерчено. Дѣло въ томъ, что Ольгу не могли удовлетворить исполнѣ ни тихое семейное счастье, ни умственные и эстетическія наслажденія. Наслажденія никогда не удовлетворяютъ сильной, богатой природы, неспособной заснуть и лишиться энергіи: такая природа требуетъ дѣятельности, труда съ разумною цѣлью, и только творчество способно до нѣкоторой степени утишить это тоскливое стремленіе къ чему-то высшему, незнакому, — стремленіе, котораго не удовлетворяетъ счастливая обстановка всенедней жизни. До этого состоянія высшаго развитія достигла Ольга. Какъ удовлетворила она пробудившіяся въ ней потребностямъ—этого не говорить намъ авторъ. Но, признавая въ женщинѣ возможность и законность этихъ высшихъ стремленій, онъ очевидно высказываетъ свой взглядъ на ея назначеніе и на то, чтб называется въ обществѣ эмансипаціей женщины. Вся жизнь и личность Ольги составляютъ живой протестъ противъ зависимости женщины. Протестъ этотъ конечно не составлялъ главной цѣли автора, потому что истинное творчество не навязываетъ себѣ практическихъ цѣлей; но чѣмъ естественнѣе возникъ этотъ протестъ, чѣмъ менѣе онъ былъ приготовленъ, тѣмъ болѣе въ немъ художественной истины, тѣмъ сильнѣе подѣйствуетъ онъ на общественное сознание. Вотъ три главные характера «Обломова». Остальныя группы личностей, составляющія фонъ картины и стоящія на второмъ планѣ, очерчены съ изумительной отчетливостью. Видно, что авторъ для главнаго сюжета не пренебрегалъ мелочами и, рисуя картину русской жизни, съ добросовѣстной любовью останавливался на каждой подробности. Вдова Шеницына, Захаръ, Тарантьевъ, Мухоморовъ, Анисья—все это живые люди, все это типы, которые встрѣчалъ на своемъ вѣку каждый изъ насъ. Мы не будемъ говорить подробно объ этихъ второстепенныхъ личностяхъ. Изъ нихъ особенно замѣчательна вдова Шеницына, въ лицѣ которой Гончаровъ воплотилъ чистое чувство, невозвышенное образованіемъ и неоснованное на сознании. Захаръ, лакей Обломова, является такой типической, обработанной личностью, какой давно

не представляла наша литература. Эта личность не выдается рѣзко впередъ въ романѣ Гончарова только потому, что всѣ характеры обработаны одинаково полно, общій планъ строго обдуманъ, и всѣ дѣйствующія лица обращаютъ на себя вниманіе читателя настолько, насколько это нужно для интереса и гармонической стройности цѣлаго. Теперь намъ остается еще объяснить, почему мы считаемъ необходимымъ, чтобы дѣвицы прочли романъ Гончарова: изъ первыхъ словъ нашей статьи видно, какъ высоко ставимъ мы это произведеніе; не прочтя его, трудно познакомиться вполнѣ съ современнымъ положеніемъ русской литературы, трудно представить себѣ полное ея развитіе, трудно составить себѣ понятіе о глубинѣ мысли и законченности формы, которыми отличаются нѣкоторыя самыя зрѣлыя ея произведенія. «Обломовъ» по всей вѣроятности составитъ эпоху въ исторіи русской литературы, онъ отражаетъ въ себѣ жизнь русскаго общества въ извѣстный періодъ его развитія. Имена Обломова, Штольца, Ольги сдѣлаются нарицательными. Словомъ, какъ ни разсматривать «Обломова», въ цѣломъ-ли, или въ отдѣльныхъ частяхъ, по отношенію-ли его къ современной жизни, или по его абсолютному значенію въ области искусства, такъ или иначе, всегда должно будетъ сказать, что это вполнѣ изящное, строго обдуманное и поэтически-прекрасное произведеніе. Вотъ почему мы такъ долго останавливались на его разсмотрѣніи, вотъ почему мы еще разъ настойчиво рекомендуемъ его для чтенія дѣвицамъ. Если даже смотрѣть на воспитаніе дѣвицъ такъ, какъ смотритъ на него наше модное общество, заботящееся такъ много о внѣшней невинности и полагающее эту невинность въ незнаніи жизни и природы, даже и тогда самая строгая цензура не найдетъ въ «Обломовѣ» ничего предосудительнаго. Изображеніе чистаго, сознательнаго чувства, опредѣленіе его вліянія на личность и поступки человека, воспроизведеніе господствующей болѣзни нашего времени, обломовщины—вотъ главные мотивы романа. Если вспомнить при томъ, что всякое изящное произведеніе имѣетъ образовательное вліяніе, ежели вспомнить, что истинно изящное произведеніе всегда нравственно, потому что вѣрно и просто рисуетъ дѣйствительную жизнь, тогда должно сознаться, что чтеніе книгъ, подобныхъ «Обломову», должно составлять необходимое условіе всякаго раціональнаго образованія. Сверхъ того, для дѣвицъ можетъ быть особенно полезно чтеніе этого романа. Это чтеніе несравненно лучше отвлеченнаго трактата о женской добродѣтели уяснить имъ жизнь и обязанности женщины. Стоитъ только вдуматься въ личность Ольги, прослѣдить ея поступки, и навѣрное въ головѣ прибавится не одна плодотворная мысль,



въ сердце заронится не одно теплое чувство. щина или дѣвушка, какъ должна она прочесть. И такъ, мы думаемъ, что «Обломова» должна всѣ капитальныя произведенія нашей словесности. прочесть каждая образованная русская женщина.

## Дворянское Гнѣздо.

Романъ И. С. Тургенева.

Вопросъ о томъ, что должны и что могутъ читать дѣвицы, до сихъ поръ не вполне рѣшенъ, несмотря на его важность въ дѣлѣ женскаго воспитанія. Есть много замѣчательныхъ художественныхъ произведеній, которыя, представляя жизнь какъ она есть, рассматривая и обсуждая явленія современности, отыскивая въ нихъ общечеловѣческую сторону, объясняя ихъ историческимъ развитіемъ народности, заслуживаютъ полнаго вниманія всякаго просвѣщеннаго человѣка и удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ самой тонкой эстетической критики. Чтеніе такихъ произведеній необходимо для всесторонняго образованія какъ мужчины, такъ и женщины; а между тѣмъ часто случается, что въ подобныхъ произведеніяхъ есть двѣ-три сцены, слишкомъ откровенно разоблачающія несовершенства жизни и слабости человѣческой природы. Тутъ потребности умственной жизни сталкиваются и приходятъ въ борьбу съ понятіями, принятыми въ обществѣ и освященными временемъ, — рождается вопросъ: читать или не читать дѣвухѣ такое произведение? и вопросъ этотъ рѣшается различно, смотря по взгляду на вещи родителей и воспитателей. Иногда пуризмъ доходитъ до такихъ размѣровъ, что изъ рукъ дѣвухи вырываютъ всякій романъ, всякую книгу, въ которой встрѣчается слово «любовь»; при этомъ обыкновенно обращаютъ преимущественное вниманіе не на мысль, не на направленіе книги, а на внѣшнюю форму, на слова и выраженія. Согласитъ подобныя мнѣнія, еще живущія въ нашемъ обществѣ, съ сколько-нибудь жизненнымъ взглядомъ на образованіе и на ту роль, которую должно играть въ образованіи чтеніе, невозможно; идти прямо на переборъ принятымъ понятіямъ общества, не обращать на нихъ никакого вниманія также нельзя. Этимъ можно только возбудить недовѣріе и озлобленіе въ приверженцахъ прежняго порядка вещей; ихъ нужно убѣждать разумными доводами, а не раздражать силыми, но безполезнами выходками. Что-же остается дѣлать, встрѣчаясь съ такими произведеніями, каково напирѣтъ

«Дворянское Гнѣздо», послѣдній романъ И. С. Тургенева? Пройти его молчаніемъ нельзя, имѣя любовь къ нашей словесности, во имя того, что «Дворянское Гнѣздо» виѣстѣ съ «Рудинимъ» представляетъ собою полный результатъ художественной дѣятельности одного изъ нашихъ первоклассныхъ писателей. Рекомендовать его для чтенія дѣвицамъ трудно: въ положеніи главныхъ дѣйствующихъ лицъ, въ самой связкѣ романа много горькой жизненной истины. А что слишкомъ истинно, то, какъ извѣстно, принято до времени скрывать. Находясь въ подобномъ затруднительномъ положеніи, мы рѣшили выбрать среднюю дорогу. Мы указали родителямъ и воспитателямъ на тѣ преимущества, которыя могутъ встрѣтиться при чтеніи «Дворянскаго Гнѣзда»; теперь мы постараемся въ нашемъ отчетѣ, минуя частности и подробности, показать, почему необходимо познакомиться дѣвицѣ съ этимъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнымъ произведеніемъ. И. С. Тургеневъ, какъ извѣстно вѣроятно всѣмъ нашимъ читательницамъ, знакомымъ съ «Записками Охотника», съ «Рудинимъ», съ «Затишьемъ», съ «Муму», съ «Асею», — истинный художникъ; художникъ преимущественно русскій. Русскія національность выражается какъ въ созданіи русскихъ типовъ, такъ и въ отношеніи самого художника къ создаваемымъ имъ типамъ. Дѣйствующія лица повѣстей и рассказовъ Тургенева живутъ одной жизнью съ своимъ авторомъ. Выразимся точнѣе: у каждаго изъ выведенныхъ лицъ есть что-то общее съ авторомъ, какая-нибудь точка соприкосновенія: въ поведеніи вещей, въ складѣ ума представляемыхъ личностей есть такія оригинальныя черты, такія неуловимыя, но характеристичныя частности, которыя вырабатываетъ только русская жизнь, которая можетъ опѣнить и подмѣнить только человѣкъ, сжившійся съ этой жизнью, одаренный тѣмъ-же національнымъ складомъ ума, перечувствовавшій на себѣ интересы и стремленія, волновавшія русское общество, и притомъ перечувствовавшій ихъ такъ, какъ чувствуетъ и воспринимаетъ ихъ русскій чело-



вѣкъ. Знаніе русской жизни, и притомъ знаніе не книжное, а опытное, вынесенное изъ дѣйствительности, очищенное и осмысленное силою таланта и размышленія, сказывается во всѣхъ произведеніяхъ Тургенева и особенно ярко выразилось въ «Дворянскомъ Гнѣздѣ», самомъ стройномъ и законченномъ изъ его созданий. Всѣ дѣйствующія лица его романа, начиная отъ русской дѣвушки Лизы и кончая русскимъ лакеемъ старыхъ временъ Антономъ, въ высшей степени оригинальны и жизненны; всѣ они созданы изъ тѣхъ элементовъ, которые всѣ мы знаемъ и изъ которыхъ, со времени реформы Петра, мало-по-малу складывается наша общественная и частная жизнь. Всѣ они—представители настоящего или непосредственного прошлаго. Есть между ними и лучшие люди, есть и дюжинные, но ни одинъ изъ нихъ не обогналъ своего вѣка, ни одинъ, подобно Штольцу, не является предвѣстникомъ будущаго, и слѣдовательно ни одного изъ нихъ нельзя, подобно Штольцу, упрекнуть въ томъ, что онъ—лицо, произвольно созданное авторомъ изъ такихъ элементовъ, которые еще не сдѣлались достояніемъ нашей жизни. Тургеневъ въ своемъ романѣ не говоритъ намъ о томъ, что должно быть; онъ представляетъ намъ то, что есть. Дидактизма нѣтъ и тѣни; а между тѣмъ «Дворянское Гнѣздо»—вполнѣ поучительный романъ: онъ рисуетъ современную жизнь, отмѣняетъ ея хорошія и дурныя стороны, объясняетъ происхождение выведенныхъ явленій и вызываетъ читателя на серьезныя и плодотворныя размышленія. Когда мы изучаемъ исторію, намъ рѣдко удастся заглянуть въ душу людей извѣстной эпохи, нѣ всегда удастся перенестись въ кругъ ихъ понятій, объяснить себѣ, какъ смотрятъ они на себя, на міръ, на свои отношенія къ обществу, къ семейству и къ человѣчеству. Такія черты не заносятся въ лѣтописи, гдѣ говорится только о войнахъ, мирныхъ договорахъ и дѣйствіяхъ государей. Внутренняя, духовная жизнь эпохи можетъ отразиться только въ художественномъ произведеніи. На этомъ основаны нѣкоторые подобныя произведенія стоятъ на ряду съ драгоценнѣйшими историческими памятниками. Къ числу такихъ произведеній можно отнести «Евгенія Онѣгина», «Героя Нашего Времени», «Мертвыя Души», «Обломова» и «Дворянское Гнѣздо». Онѣгинъ, Печоринъ и Обломовъ воплотили въ себѣ различныя фазы болѣзни вѣка, поражающей лучшихъ представителей прошлаго поколѣнія; «Мертвыя Души» и «Дворянское Гнѣздо» представили въ рядѣ свѣжихъ, жизненныхъ картинъ бытъ и понятія средняго класса нашего общества. «Мертвыя Души» обнимаютъ собою преимущественно отрицательныя явленія этой жизни, ея «бѣдность, да бѣдность, да несовершенства»; «Дворянское Гнѣздо» беретъ ея лучшихъ представите-

лей и показываетъ намъ, что въ нихъ есть хорошаго и чего не достаетъ, что слѣдовало-бы добавить и исправить. Въ названныхъ нами произведеніяхъ высказалась вторая четверть XIX столѣтія; въ нихъ прослѣженъ весь процессъ внутренней жизни и развитія нашего общества въ этотъ періодъ времени.

Приступимъ теперь къ изложенію мысли автора, выраженной имъ въ выборѣ и группировкѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ романа. Не имѣя возможности касаться всѣхъ личностей и положеній, мы ограничимся анализомъ трехъ характеровъ, въ которыхъ, по нашему мнѣнію, довольно полно и ясно выразилась основная мысль. Мы будемъ говорить только о Паншинѣ, о Лаврецкомъ и о Лизѣ, упоминая объ остальныхъ личностяхъ настолько, насколько онѣ отмѣняютъ или объясняютъ собою черты ихъ характера или продѣсь ихъ развитія.

Владимір Николаевичъ Паншинъ—чиновникъ, артистъ, свѣтскій человѣкъ, очень неглупый и довольно образованный, схватившій налету карьеру, положеніе въ обществѣ и даже довольно современный, но очень поверхностный взглядъ на вещи; онъ прекрасно характеризуется однимъ словомъ угрюмаго, ученаго. Но забытаго жизнью музыканта Лемма. «Онъ | диллетантъ», говоритъ старый нѣмецъ о молодомъ и блестящемъ свѣтскомъ человѣкѣ, умѣющемъ соединять съ своими успѣхами въ обществѣ практической взглядъ на административную дѣятельность и виѣшнюю, очень приличную, но вовсе неискреннюю воспримчивость къ разнообразнымъ проявленіямъ изящнаго. За Паншина заступаетъ въ разговорѣ съ Леммомъ Лизавета Михайловна Катилина. «Вы къ нему несправедливы,—говоритъ она:—онъ все понимаетъ и самъ почти все можетъ сдѣлать.»—«Да,—продолжаетъ музыкантъ:—все—второй нумеръ, легкій товаръ, снѣшная работа. Это нравится, и онъ нравится, и самъ онъ этимъ доволенъ: ну, и bravo». Въ этихъ правдивыхъ словахъ добросовѣстнаго труженика обрисованъ весь Паншинъ: онъ—диллетантъ и во всѣдневной жизни, и въ служебной своей дѣятельности, и особенно въ искусствѣ, которое подъ его руками превращается вполнѣ въ изящную игрушку, въ talent de société или d'agrément. Паншинъ не служитъ никакому дѣлу, не преданъ никакой идеѣ, не выработалъ себѣ никакого твердаго, дорогаго убѣжденія; прожить весело и спокойно, нравиться окружающимъ людямъ, рисоваться передъ ними разнообразными дарованіями и чистотой нравственныхъ правилъ, возбуждать ихъ изумленіе и благоговѣніе вычитанной и кстати приведенной мыслью и наконецъ путями всѣхъ этихъ разнородныхъ, пустыхъ, но въ сущности безгрѣшныхъ успѣховъ достигнуть подъ старость высокаго чина и обезнеченнаго состоянія—вотъ



цѣль Паншина въ жизни, и этой цѣли онъ навѣрное достигнетъ, потому что онъ — человѣкъ умный, не настолько безнравственный или смѣлый, чтобы оскорбить какой нибудь продѣлкой даже самое чуткое общественное мнѣніе, и не настолько благородный и пылкій, чтобы всей душой принять какое-нибудь убѣжденіе и во имя этого убѣжденія пожертвовать карьерой и временными выгодами. Паншинъ — сухой человѣкъ, принимающій и общія идеи, и высшія стремленія къ мелкимъ выгодамъ своего я, но въ то-же время тщательно скрывающій отъ всѣхъ другихъ свой узкій эгоизмъ. Онъ драпируется и постоянно играетъ роль. То онъ является государственнымъ человѣкомъ, заботящимся о трудахъ народа и горячо принимающимъ къ сердцу все, что можетъ упрочить его благосостояніе и содѣйствовать его развитію. Въ этомъ случаѣ его пылкія и повидимому вдохновенныя рѣчи отличаются преобладаніемъ общихъ мѣстъ и незнаніемъ истиннаго дѣла, незнаніемъ народнаго характера и народной жизни. То онъ прикидывается художникомъ, умно говоритъ о Шекспирѣ и Бетховенѣ, съ чувствомъ поетъ, съ видомъ знатока кладетъ широкіе штрихи на единственный ландшафтъ, который рисуетъ во всѣхъ альбомахъ знакомыхъ дамъ и дѣвицъ. Здѣсь Леммъ, истинный художникъ по чувству и специалистъ своего дѣла по знаніямъ, прямо угадываетъ его неискренность и смѣло говоритъ, что онъ не способенъ вѣрно понимать и глубоко чувствовать. То Паншинъ просто является добрымъ, открытымъ малымъ, у котораго нѣтъ ни затаенной мысли, ни расчета, — человѣкомъ, увлекающимся минутными порывами, поддающимся мимолетнымъ впечатлѣніямъ и способнымъ, по живости и безопасности характера, надѣлать глупостей и поставить себя въ затруднительное и неловкое положеніе. Тутъ притворство его обнаруживается тѣмъ, что онъ, являясь на словахъ добрымъ и простымъ малымъ, на дѣлѣ держитъ себя самымъ политическимъ образомъ. Онъ шутитъ, фамильярничаешь, позволяетъ себѣ вольности, но настолько, насколько можно: онъ никогда не забывается. Шутки его иногда оскорбляютъ личности; но онъ шутитъ только съ беззащитными людьми, — съ тѣми, кто стоитъ ниже его, или съ тѣми, кто не пойметъ провін и приметъ ее за чистую монету. Нельзя сказать, чтобы Паншинъ постоянно сознательно лгалъ, играя свои роли: онъ самъ увѣренъ, что онъ и артистъ, и администраторъ, и славный малый. Потому онъ чрезвычайно доволенъ всей своей особой вообще и каждымъ изъ своихъ прекрасныхъ качествъ въ особенности; онъ — актеръ, увлекающійся своей ролью и забывающій дѣйствительность. Дѣйствительности своей онъ собственнo и не знаетъ: вѣчно рисуясь и передъ другими, и передъ собою, онъ не успѣлъ возвыситься до безпристрастнаго размышленія надъ

самимъ собою и никогда не задавалъ себѣ существеннаго вопроса: чѣмъ онъ долженъ быть и что онъ на самомъ дѣлѣ? На самомъ дѣлѣ Паншинъ — человѣкъ одного разбора съ Молчаливымъ («Горе отъ ума») и Чичиковымъ («Мертвая Душа»); онъ приличіе ихъ обоняетъ и сравненно умѣе перваго. Поэтому, чтобы достигнуть тѣхъ-же цѣлей, къ которымъ идутъ Молчаливъ, и Чичиковъ, чтобы далеко обойти того и другого, Паншину не нужно бѣжать и ползать, ни мошенничать: достаточно будетъ улыбнуться въ одномъ мѣстѣ, сказать ловкую фразу въ другомъ, почтительно выслушать вѣльное разсужденіе въ третьемъ, прикинуться рыцаремъ чести въ четвертомъ — и на избранника судьбы широкой рѣкой польются земныя блага. Чичиковъ и Молчаливъ — мелкіе торгаша, оттого къ нимъ и прилипаетъ грязь ихъ ремесла; Паншинъ — промышленникъ большой руки, и потому онъ останется бариномъ и честнымъ человѣкомъ, не по убѣжденію, а потому, что оно и выгодно, и спокойно. По внутреннимъ свойствамъ души, онъ ничѣмъ не лучше обоняетъ своихъ предшественниковъ, — цѣль въ жизни у нихъ одна; все различіе заключается только во внѣшнемъ образованіи, да во внѣшней обстановкѣ. Такихъ людей формируетъ наше общество, оно воспитываетъ ихъ съ малыхъ лѣтъ въ своихъ салонахъ или канцеляріяхъ; оно потворствуетъ имъ своимъ благоволеніемъ и позволяетъ имъ достигнуть желанной цѣли, ежели они идутъ къ ней осторожно и прилично, не производя скандала и не марая себя вопіющей безнравственностью. Въ романѣ Тургенева Паншинъ представленъ въ одну изъ самыхъ свѣтлыхъ минутъ своей жизни: онъ любитъ достойную дѣвушку. Чувство повидимому очень благородное, но тутъ надо принять въ соображеніе три обстоятельства:

1) Онъ любитъ дѣвушку очень богатую, — дѣвушку, которая во всѣхъ отношеніяхъ представляется ему приличной, почти блестящей партіей.

2) Онъ продолжаетъ рисоваться передъ любимой дѣвушкой во все продолженіе романа; онъ рисуется торжественной важностью, когда дѣлаетъ предложеніе, рисуется мрачнымъ спокойствіемъ, когда въ послѣдствіи получаетъ отказъ. Чувство во все продолженіе дѣйствія не вызвало у него ни одного живого, задушевнаго, нерасчитаннаго слова.

3) Онъ не понималъ и не зналъ любимой дѣвушки; разговоръ ихъ вертѣлся въ общихъ сферахъ музыки, живописи, поэзии. Онъ говорилъ о нихъ, какъ дилетантъ и свѣтскій человѣкъ. Она слушала его равнодушно и отвѣчала прилично, потому что въ разговорѣ не было одушевленія, не было и откровенности. Зная одну наружность дѣвушки и довольствуясь этимъ знаніемъ, онъ не могъ любить сильно;



въ тотъ самый день, когда неблагопріятно рѣшилась его судьба, онъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ пѣлъ, игралъ въ карты и велъ пустой разговоръ съ женщиной, не заслуживавшей ни уваженія, ни сочувствія развитого чловѣка. Вотъ каковъ Паншинъ!

Лаврецкій — чловѣкъ, много пережившій, испытавшій и радость, и горе, вдумывавшійся въ себя и въ свои отношенія къ людямъ, и выработавшій себѣ наконецъ, путемъ серьезныхъ занятій, путемъ размышленія и опыта, умѣнье владѣть своимъ внутреннимъ міромъ, сдерживать порывы чувства и мириться съ жизнью, несмотря на ея мрачныя стороны, несмотря на тѣ страданія, которыя выпадаютъ въ ней на долю людей съ развитымъ умомъ и нѣжнымъ чувствомъ. Все участіе Лаврецкаго въ дѣйствіи романа представляется рядомъ незаслуженныхъ страданій, среди которыхъ крѣпнеть и формируется его мужественная личность, крѣпнеть, не черствѣя, не теряя живой воспримчивости ко всему изящному въ природѣ и въ чловѣкѣ. Его, какъ онъ самъ выражается, съ дѣтства вывихнули уродливымъ воспитаніемъ, отъ послѣдствій котораго ему трудно оправиться до зрѣлаго возраста; въ немъ пробудили любознательность и не направили ея, ему не дали даже элементарныхъ свѣдѣній, а между тѣмъ бросили въ его свѣжую и здоровую голову нѣсколько идей, взятыхъ изъ философіи XVIII вѣка, пересаженныхъ на русскую почву и понятыхъ особеннымъ, оригинальнымъ образомъ; суровымъ, почти спартанскимъ воспитаніемъ ему придали полноту и крѣпость физическихъ силъ — и не указали исхода этимъ силамъ. До двадцати-трехлѣтняго возраста его не познакомили ни съ жизнью, ни съ наукой, въ немъ развили только твердость воли, и эта твердость пригодилась ему на то, чтобы, не пугаясь упущеннаго времени, приняться за перевоспитаніе самого себя. Но между тѣмъ жизнь не ждетъ и предъявляетъ свои права, заставляетъ его идти впередъ тогда, когда нѣтъ еще ни опытности, ни умѣнья осмысливать свои поступки, когда дѣло перевоспитанія только что началось. Лаврецкій дѣлаетъ промахъ въ жизни, — промахъ, не легшій пятномъ на его совѣсть, но окончательно испортившій его будущую участь. Послѣдствія этого промаха — неудачнаго и неосторожнаго выбора жены по первому впечатлѣнію — развиваются въ романѣ и составляютъ его главную завязку. Лаврецкій является на сцену уже чловѣкомъ 35 лѣтъ, уже знакомымъ съ тяжелымъ страданіемъ. Первое впечатлѣніе горести уже пережито имъ; но въ душѣ остались неизгладимые слѣды. Онъ не далъ горю опутать и обезсилить себя, не сталъ имъ рисоваться передъ самимъ собою, но, взглянувъ на свое положеніе, сказалъ себѣ просто, что не видитъ впереди возможности счастья и

наслажденія; онъ мирится съ этой безнадежностью и при этомъ примиреніи умѣетъ уберечься отъ той апатіи, въ которую часто впадаютъ люди, обманутые жизнью. Наслажденія жизни кончились, говоритъ онъ себѣ, но остались обязанности, и это сознаніе неисполненнаго долга, — сознаніе, что онъ можетъ и долженъ быть полезенъ окружающимъ и зависящимъ отъ него людямъ, даетъ ему силы жить, не ожидая и не требуя ничего отъ жизни. Лаврецкій не признаетъ себя разочарованнымъ, и онъ дѣйствительно не разочарованный; онъ не возводитъ собственнаго, случайнаго несчастія въ общее правило, не смотритъ съ недоверіемъ и насмѣшкой на чужія радости, не чувствуетъ къ людямъ отвращенія, не отвергаетъ въ нихъ существованія добра, хотя конечно не вѣритъ ему съ прежнимъ юношескимъ увлеченіемъ. Онъ не можетъ себѣ представить, чтобы самъ онъ могъ еще разъ помолодѣть душой и испытать счастье взаимной любви; но, когда это счастье встрѣчается съ нимъ, онъ не отталкиваетъ его, начинаетъ ему вѣрить и предается своему новому чувству безъ боязни, безъ мрачныхъ предчувствій, съ полнымъ, святымъ наслажденіемъ, которымъ онъ дорожитъ тѣмъ болѣе, что уже знаетъ ему цѣну и что не смѣлъ болѣе надѣяться на него. Несчастье дѣйствуетъ на людей различно, смотря по степени ихъ ума и нравственныхъ силъ: однихъ оно убиваетъ, повергаетъ въ апатію или ожесточаетъ, это люди съ слабой волей, трагической на исполненіе мелкихъ прихотей и измѣняющей имъ тогда, когда нужно бороться и терпѣть, или это люди съ узкимъ и неполнымъ развитымъ умомъ, — люди, неспособные обсуживать своего положенія, — люди, выводящіе общія правила изъ мелкихъ случайностей, становящіеся на ходули и считающіе себя какими-то несчастными избранныками, жертвами, гонимыми рокомъ. Ихъ безсильная злоба на то, что они называютъ своей судьбой, кажется имъ законнымъ и великимъ чувствомъ; а ежели посмотрѣть на дѣло со стороны, то увидишь, что эта злоба такъ же безпредметна, какъ смѣшонъ гнѣвъ ребенка, ударившагося объ столъ и старающагося выместить на немъ свою боль. Къ числу такихъ жалкихъ, больныхъ людей, окисляющихся подъ вліяніемъ несчастія, принадлежатъ всѣ герои Байрона и его послѣдователей, — герои, возбуждавшіе такое благоговѣніе и сочувствіе въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Другихъ людей несчастье возвышаетъ и очищаетъ. Въ нихъ спятъ неосознанныя ими самими душевныя силы; чтобы пробудить эти силы, нуженъ иногда сильный толчекъ, который, разрывая связь чловѣка съ окружающими его вѣчными предметами, принудилъ-бы его оглянуться на себя и привести въ извѣстность свое внутреннее достоиніе. Такимъ толчкомъ бываетъ



несчастье. Послѣ такого толчка эти люди становятся терпимѣе къ другимъ; они больше понимаютъ чужія страданія и живѣе сочувствуютъ чужимъ радостямъ, хотя подчасъ и грустно становится у нихъ на душѣ; несчастье дѣлается для нихъ школою; изъ тяжелаго опыта они выносятъ умѣнье сдерживать и осмысливать свои порывы. умѣнье различать людей, умѣнье выбирать наслажденія и довольствоваться тѣмъ, что есть, не требуя невозможнаго и не мучаясь произвольно создаваемыми фантазіями и сомнѣніями. Только такихъ людей можно назвать людьми крѣпкими и нравственно здоровыми. Къ числу такихъ людей принадлежитъ Лаврецкій. Онъ не отступаетъ отъ борьбы, пока можно бороться, и умѣетъ покоряться молча, съ мужественнымъ достоинствомъ, тамъ, гдѣ нѣтъ другого исхода. Последней способностью обладаютъ немногіе. На личности Лаврецкаго лежитъ явственно обозначенная печать народности. Ему никогда не измѣняютъ русскій, незатѣйливый, но прочный и здравый практическій смыслъ и русское добродушіе, иногда угловатое и неловкое, но всегда искреннее и неприготовленное. Лаврецкій простъ въ выраженіи радости и горя; у него нѣтъ возгласовъ и пластическихъ жестовъ, не потому, чтобы онъ подавлялъ ихъ, а потому, что это не въ его природѣ; онъ, какъ русскій человѣкъ, страдаетъ про себя и способенъ скорѣе къ тихому чувству, къ заумности, къ продолжительной тоскѣ, о которой поютъ наши народныя пѣсни, нежели къ бурнымъ взрывамъ отчаянія и къ стремительнымъ движеніямъ страсти. Въ драматическія минуты его жизни въ немъ иногда шевелятся грубыя, дикія чувства; но они не омрачаютъ разсудка и, тотчасъ подавленные размышленіемъ, замираютъ въ груди, не найдя себѣ выхода. У Лаврецкаго есть еще одно чисто русское свойство: легкій, безобидный, полузадумчивый, полуиристый юморъ проникаетъ собою почти каждое его слово; онъ добродушно шутитъ съ другими и часто, смотря со стороны на свое положеніе, находитъ въ немъ комическую сторону, и съ той-же добродушной шутливостью относится къ собственной личности и затрогиваетъ такіе предметы, которыхъ воспоминаніе заставляетъ сердце обливаться кровью. Когда случается ему укорять себя въ чемъ-нибудь, онъ рѣдко укоряетъ серьезно, съ желчью или съ негодованіемъ. Онъ никогда не впадаетъ въ трагизмъ; напротивъ, отношеніе его къ собственной личности тутъ юмористическимъ. Онъ добродушно, съ оттѣнкомъ тихой грусти, смѣется и надъ собою, и надъ своими увлеченіями и надеждами. Личность Лаврецкаго рельефно выдвигается въ романѣ Тургенева, тѣмъ болѣе, что она оттѣнена съ двухъ сторонъ: съ одной стороны ее оттѣняетъ космополитъ и мелкій эгоистъ Паншинъ, съ другой — энтузи-

астъ, мечтатель, претендующій на титулъ фанатика, Михалевичъ. Въ первомъ господствуетъ копѣчный разсчетъ; во второмъ неопытно развито чувство, недопускающее никакого разсужденія и не обращающее вниманія на опытъ. въ первомъ все искусственно и размѣрено, во второмъ все широко и размахисто — и стремленія, и надежды, и внѣшнее обращеніе; первый смотритъ на жизнь, какъ на спекуляцію, въ которой можно выиграть столько-то выиграть столько-то почестей, столько-то наслаждений, второй видитъ въ ней фанатическое, самоотверженное служеніе какому-то долгу, обширному, великому, о которомъ онъ впрочемъ самъ не составилъ себѣ яснаго понятія. Лаврецкій движется средину между тѣмъ и другимъ; его разсудокъ сдерживаетъ чувство, а чувство охраняетъ его отъ сухости и черствости; онъ не выходитъ изъ границъ здраваго смысла, но и не останавливается на чисто положительной, сухой практической сторонѣ жизни; онъ живетъ всеми сторонами своего существа и стремится къ полной, примиряющей гармоніи. Столкновеніе Лаврецкаго съ Паншинымъ показываетъ различіе между заносчивымъ диллетантомъ — космополитомъ, судящимъ о народности, которой онъ не знаетъ, и человѣкомъ жизни, патриотомъ безъ претензій, основательно знающимъ нужды своихъ соотечественниковъ и дѣйствительно сочувствующимъ интересамъ ихъ развитія. Столкновеніе Лаврецкаго съ Михалевичемъ обнаруживаетъ слабыя стороны ихъ общаго. Безцѣльный энтузіазмъ Михалевича составляетъ рѣзкую противоположность съ медлительностью и нерѣшительностью Лаврецкаго. Первый кричитъ о долгѣ и дѣятельности, но не выходитъ изъ общихъ мѣстъ и самъ не можетъ опредѣлить, чего онъ требуетъ; второй знаетъ свои обязанности, но, по свойственной русскимъ людямъ обломовщинѣ, долго собирается взяться за дѣло, мѣшкаетъ и бесполезно тратитъ время. Лаврецкій — не энергическій человѣкъ, хотя въ немъ много жизненныхъ силъ и здоровья ума; недостатокъ энергіи, которымъ вообще страдаетъ русская народность, происходитъ въ немъ быть можетъ просто отъ физиологическихъ или климатическихъ условій. Оттѣняя собою его хорошія качества, эта черта придаетъ его личности послѣднюю опредѣленность и сообщаетъ его образу печать поэтической жизненной правды. Личность Лаврецкаго во все продолженіе романа совершенствуется и очищается путемъ тяжелыхъ испытаній; она достигаетъ полного своего развитія уже въ эпилогѣ. Лаврецкій является тамъ человѣкомъ пожилымъ; онъ кончилъ навсегда личные разсчеты съ жизнью, взялся за серьезное и полезное дѣло и въ этомъ дѣлѣ нашелъ себѣ ежели не счастье, то по крайней мѣрѣ разумное, достойное мыслящаго человѣка успокоеніе. Тур-



геновъ показываетъ намъ Лаврецкаго въ такую минуту, при такой обстановкѣ, которая можетъ служить пробнымъ камнемъ его нравственныхъ силъ: онъ приводитъ его послѣ восьмилѣтняго отсутствія въ тѣ мѣста, въ которыхъ онъ думалъ во второй разъ найти счастье, въ которыхъ быстро промелькнулъ его романъ, получившій такую печальную развязку. На знакомыхъ мѣстахъ уже нѣтъ знакомыхъ людей; ихъ мѣсто замѣнило новое поколѣніе, которое рѣзвится и смѣется, передъ которымъ широко и безоблачно открывается жизнь. Лаврецкій погружается въ свои воспоминанія и въ то-же время прислушивается къ шумнымъ восклицаніямъ свѣжихъ, молодыхъ голосовъ. Онъ задумывается, ему становится грустно, въ его душу напращиваются образы и звуки былого, а между тѣмъ вокругъ него роскошная, расцвѣтающая жизнь громко и смѣло предъявляетъ свои права на настоящее, и Лаврецкій отъ чистаго сердца, безъ желчи и безъ зависти, признаетъ эти права и желаетъ счастья молодому поколѣнію.

Ему грустно отъ воспоминаній, а не отъ чужого веселья. Эта черта, превосходно выраженная въ концѣ эпилога, доказываетъ, что Лаврецкій достигъ полной гармоніи, полной побѣды надъ мелкимъ и завистливымъ эгоизмомъ, растрavляющимъ душевныя раны и служащимъ основой той мизантропіи, которой отличаются другіе, менѣе благородные страдалцы.

Говоря о личности Лаврецкаго, мы не можемъ не обратить вниманія нашихъ читателей на тѣ замѣчательныя главы, въ которыхъ авторъ представляетъ генеалогію своего героя и рисуетъ рядъ фамиліи портретовъ, начиная отъ прадѣда Лаврецкаго, русскаго барина стараго покроя, мрачнаго, жестокаго и своенравнаго, жившаго вѣроятно еще тогда, когда реформа Петра едва коснулась верхнихъ слоевъ нашего общества. Въ этихъ главахъ очерчено широкими штрихами нѣсколько чрезвычайно характерныхъ личностей, непохожихъ другъ на друга и между тѣмъ носящихъ на себѣ одинъ общій отпечатокъ русскои народности. Значеніе духа нашей старины, значеніе тѣхъ идей и вліяній, которое выносило въ себѣ наше общество съ половины XVIII вѣка, и наконецъ то удивительное пониманіе русскаго человѣка разныхъ временъ и слоевъ общества, которое отличаетъ собою произведенія Тургенева, выразились въ этихъ главахъ какъ въ группировкѣ личностей, такъ и въ выборѣ немногихъ, но чрезвычайно характерныхъ подробностей.

Въ началѣ нашей статьи мы замѣтили, что всѣ дѣйствующія лица «Дворянскаго Гнѣзда» цѣликомъ взяты изъ современности, что ни одно изъ нихъ ни въ какомъ отношеніи не обогнало своего вѣка, хотя многія относятся къ его лучшимъ представителямъ. Это замѣчаніе оказалось примѣнимымъ къ личностямъ Паншина

и Лаврецкаго. Одинъ изъ нихъ—чистое порожденіе испорченнаго общества; другой, успѣвшій выработать себѣ болѣе самостоятельную нравственную физіономію, также является намъ сыномъ своего народа, русскимъ человѣкомъ, выносившимъ въ себѣ всѣ вліянія, или, по выраженію одного современнаго критика, всѣ вѣянія эпохи. Эти вѣянія выразились и въ его воспитаніи, и въ событіяхъ его жизни. Но самымъ яркимъ подтвержденіемъ нашего замѣчанія мы считаемъ характеръ Лизаветы Михайловны Калитиной, одной изъ самыхъ граціозныхъ женскихъ личностей, когда-либо созданныхъ Тургеневымъ. Лиза—дѣвушка, богато одаренная природой; въ ней много свѣжей, неиспорченной жизни; въ ней все искренне и неподдѣльно. У нея есть и природный умъ, и много чистаго чувства. По всѣмъ этимъ свойствамъ, она отдѣляется отъ массы и примыкаетъ къ лучшимъ людямъ нашего времени. Но богато одаренныя натуры рождаются во всякое время; умныя, искренно и глубоко чувствующія дѣвушки, неспособныя на мелкій расчетъ, бываютъ во всякомъ обществѣ. Не въ природныхъ качествахъ души и ума, а во взглядѣ на вещи, въ развитіи этихъ качествъ и въ ихъ практическомъ примѣненіи должно искать вліянія эпохи на отдѣльную личность. Въ этомъ отношеніи Лиза не обогнала своего вѣка; личность ея сформировалась подъ вліяніемъ тѣхъ элементовъ, которыхъ различныя видоизмѣненія мы ежедневно встрѣчаемъ въ нашей современной жизни. Чтобы яснѣе высказать нашу мысль, мы позволимъ себѣ провести параллель между Ольгой Сергѣевной Ильинской, стоящей на нѣсколько десятилѣтій впереди нашего времени, и Лизой, современной русскай дѣвушкой. У той и другой природныя качества почти тѣ-же: та-же искренность и естественность, тотъ-же природный здравый смыслъ, та-же женственная мягкость и грація поступковъ и душевныхъ движеній. Обѣ онѣ рѣзко отдѣляются отъ массы свѣтскихъ барышень, обѣ онѣ стоятъ неизмѣримо выше ихъ; но на этомъ и останавливается сходство. Въ Ольгѣ есть живая любознательность, въ Лизѣ ея незамѣтно; въ Ольгѣ женственность совмѣщается съ ея смѣлостью мысли, со способностью оцѣнивать и критиковать личности, со стремленіемъ къ умственной самостоятельности; въ Лизѣ женственность выражается въ робости, въ стремленіи подчинить чужому авторитету свою мысль и волю, въ нежеланіи и неумѣніи пользоваться врожденной проницательностью и критической способностью. Ольга, любя Обломова, разгадываетъ его личность и честно, открыто говоритъ ему, что онъ ей не по плечу, что они вмѣстѣ не могутъ быть счастливы; Лиза, не любя Паншина, отказывается обсуживать его личность и, по волѣ матери, готова сдѣлаться его женою.



Отъ этого ложнаго шага въ жизни ее спасаетъ не собственное размышленіе, выручившее Ольгу, а постороннее вліяніе. Ежели при этомъ взять во вниманіе, насколько личность Обломова чище и возвышеннѣе личности Панина, ежели сообразить, какое вліяніе должно было имѣть на сужденіе дѣвушки чувство, то нетрудно будетъ убѣдиться въ томъ, что между Ольгою и Лизою существуетъ значительное различіе. Ольга сознаетъ свое личное достоинство: на нее уже пахнуло воздухомъ свободы, до нея коснулось вѣяніе новыхъ идей о самостоятельности женщины, какъ человѣческой личности, имѣющей полное право на всестороннее развитіе и на участіе въ умственной жизни человѣчества. Эти идеи пустили въ ней такіе глубокіе корни и принесли такіе прекрасные плоды, какихъ еще въ наше время нельзя и ожидать. Лиза стоитъ внѣ дѣйствія этихъ идей; она попрежнему считаетъ покорность высшей добродѣтелью женщины; она молча покоряется, насильно закрываетъ себѣ глаза, чтобы не видать несовершенствъ окружающей ея сферы. Помириться съ этой сферой она не можетъ: въ ней слишкомъ много неиспорченнаго чувства истины; обсуживать или даже замѣчать ея недостатки она не смѣетъ, потому что считаетъ это предосудительной и безнравственной дерзостью. Потому, стоя неизмѣримо выше окружающихъ ее людей, она старается себя увѣрить, что она такая-же, какъ и они, даже пожалуй хуже, что отращиваетъ, которое возбуждается въ ней зло или неправда, есть тяжкій грѣхъ, нетерпимость, недостатокъ смиренія. При случаѣ, гдѣ только есть какая-нибудь возможность, она даже готова увѣрить себя, что чужой проступокъ или чужое горе произошли по ея винѣ, что она слезами и молитвою должна загладить свое невольное, никогда даже несовершенное, но тѣмъ не менѣе тяготящее надъ нею преступленіе; ея чуткая совѣсть находится въ постоянной тревогѣ; не выработавъ въ себѣ критической способности, боясь предоставить себя своему природному здравому смыслу, избѣгая обсуживанія, которое она смѣшиваетъ съ осужденіемъ, Лиза во всякомъ движеніи своемъ, во всякой невинной радости предчувствуетъ грѣхъ, страдаетъ за чужіе проступки, упрекаетъ себя въ томъ, что замѣтила ихъ, и часто готова принести свои законныя потребности и влеченія въ жертву чужой прихоти. Она — вѣчная и добровольная мученица. Личность ея получаетъ отъ этого особенную, трогательную прелесть; но ежели взглянуть на дѣло серьезно, не поддаваясь той инстинктивной симпатіи, которую внушаетъ съ перваго взгляда привлекательный образъ молодой дѣвушки, то нельзя не замѣтить, что Лиза идетъ по ложной и опасной дорогѣ. Истиннымъ можно назвать только такое развитіе, которое ве-

детъ насъ къ нравственному совершенству и заставляетъ насъ находить счастье въ самомъ процессѣ самосовершенствованія. Такое развитіе должно пробуждать въ насъ потребности и въ то-же время должно давать намъ средства удовлетворять этимъ потребностямъ, должно вести эти стремленія къ опредѣленной разумной цѣли. Но ежели мы будемъ требовать отъ себя невозможнаго, ежели, и имя неправильно понятой буквы нравственнаго закона, мы постоянно будемъ недовольны собою, ежели мы постоянно будемъ тратить свою энергію на совершеніе ненужныхъ подвиговъ смиренія и самоотверженія, тогда мы только измучимъ и истощимъ себя, отравимъ себѣ самыя благородныя и невинныя радости жизни, выпустимъ изъ рукъ собственное разумное счастье и омрачимъ спокойствіе и счастье близкихъ людей своими добровольными и безцѣльными страданіями. Ежели самодовольствіе ведетъ къ умственной неподвижности, то и постоянное фанатическое стремленіе къ недостижимому идеалу, стоящему выше человѣчества, ведетъ къ ослабленію нравственныхъ силъ, какъ неумѣренныя гимнастическія упражненія изуряютъ физическія силы. Истинное развитіе должно вести къ равновѣсію всѣхъ силъ человѣческой души. У Лизы равновѣсіе было нарушено. Воображеніе, настроенное съ дѣтства разсказами набожной, но неразвитой няньки, и чувство, свойственное всякой женской, впечатлительной природѣ, получили полное обладаніе надъ критической способностью ума. Считая грѣхомъ анализировать другихъ, Лиза не умѣетъ анализировать и собственной личности. Когда ей должно на что-нибудь рѣшиться, она рѣдко размышляетъ: въ подобномъ случаѣ она или слѣдуетъ первому движенію чувства, довѣряется врожденному чутью истины, или спрашиваетъ совѣта у другихъ и подчиняется чужой волѣ, или ссылается на авторитетъ нравственнаго закона, который всегда понимаетъ буквально и всегда слишкомъ строго, съ фанатическимъ увлеченіемъ. Словомъ, она не только не достигаетъ умственной самостоятельности, но даже не стремится къ ней и забываетъ въ себѣ всякую живую мысль, всякую попытку критики, всякое рождающееся сомнѣніе. Въ практической жизни она отступаетъ отъ всякой борьбы; она никогда не сдѣлаетъ дурнаго поступка, потому что ее охраняютъ и врожденное, и нравственное чувство, и глубокая религіозность; она не уступитъ въ этомъ отношеніи вліянію окружающихъ, но, когда нужно отстаивать свои права, свою личность, она не сдѣлаетъ ни шагу, не скажетъ ни слова и съ покорностью приметъ случайное несчастье, какъ что-то должное, какъ справедливое наказаніе, поразившее ее за какую-то воображаемую вину. При такомъ взглядѣ на вещи, у Лизы нѣтъ



орудія противъ несчастія. Считаю его за наказаніе, она несетъ его съ покорнымъ благоговѣніемъ, не старается утѣшиться, не дѣлаетъ никакихъ попытокъ стряхнуть съ себя его гнетущее вліяніе: такіа попытки показались-бы ей дерзкимъ возмущеніемъ. «Мы были наказаны» — говоритъ она Лаврецкому. За что? на это она не отвѣчаетъ; но между тѣмъ убѣжденіе такъ сильно, что Лиза признаетъ себя виновной и посвящаетъ всю остальную жизнь на оплакиваніе и отмаливаніе этой невѣдомой для нея и несуществующей вины. Восторженное воображеніе ея, потрясенное несчастнымъ происшествіемъ, разыгрывается и заводитъ ее такъ далеко, показываетъ ей такой мистическій смыслъ, такую таинственную связь во всѣхъ совершившихся съ нею событіяхъ, что она, въ порывѣ какого-то самозабвенія, сама называетъ себя мученицей, жертвой, обреченной страдать и молиться за чужіе грѣхи: «Нѣтъ, тетюшка, — говоритъ она: — не говорите такъ. Я рѣшилась, я молилась, я просила совѣта у Бога. Все кончено; кончена моя жизнь съ вами. Такой урокъ не даромъ; да я ужъ не въ первый разъ объ этомъ думаю. Счастье ко мнѣ не шло; даже когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня все щемило. Я все знаю, и свои грѣхи, и чужіе, и какъ папенька богатство наше нажилъ; я знаю все. Все это отмотить, отмотить надо: васъ мнѣ жаль, жаль мамаша, Леночки; но дѣлать нечего. Чувствую я, что мнѣ не житье здѣсь; я уже совсѣмъ простила, всему въ домѣ поклонилась въ послѣдній разъ. Отзывается меня что-то, тошно мнѣ, хочется мнѣ запереться навѣкъ. Не удерживайте меня, не отговаривайте; помогите мнѣ, не то я одна уйду»... И такъ кончается жизнь молодого, свѣжаго существа, въ которомъ была способность любить, наслаждаться счастьемъ, доставлять счастье другому и приносить разумную пользу въ семейномъ кругу... и какую значительную пользу можетъ принести въ наше время женщина, какое согревающее, благотворное вліяніе можетъ имѣть ея мягкая, граціозная личность, ежели она захочетъ употребить свои силы на разумное дѣло, на безкорыстное служеніе добру. Отчего-же уклонилась отъ этого пути Лиза? Отчего такъ печально и безслѣдно кончилась ея жизнь? Что сломило ее? Обстоятельства, скажутъ нѣкоторые. Нѣтъ, не обстоятельства, отвѣтимъ мы, а фанатическое увлеченіе неправильно понятымъ нравственнымъ долгомъ. Не утѣшенія искала она въ монастырѣ, не забвенія ждала она отъ уединенной и созерцательной жизни: нѣтъ! она думала принести собою очистительную жертву, думала совершить послѣдній, высшій подвигъ самоотверженія. Насколько она достигла своей цѣли, пусть судятъ другіе. Говоря о воспитаніи Лизы, Тургеневъ даетъ намъ ключъ къ объясненію какъ нрав-

ственной чистоты ея убѣжденій, непотускѣвшихъ отъ вреднаго вліянія неразвитаго общества, такъ и излишней строгости и односторонности ея взгляда на жизнь.

Въ воспитаніи Лизы все было направлено къ развитію чувства. Важнѣйшимъ элементомъ этого воспитанія было пламенное религіозное чувство ея няни, попеченіямъ которой она почти исключительно была предоставлена. Наука, до сихъ поръ не пріобрѣтшая права гражданства въ женскомъ образованіи, не могла благотворно подѣйствовать на ея умъ. Искусство, именно музыка затронула ея эстетическое чувство, но не расширила круга ея понятій. Раскрывавшаяся душа ея жадно воспринимала серьезные рассказы няни, проникнутые восторженнымъ, правдивымъ чувствомъ. Воображеніе ребенка получило несоразмѣрное развитіе, а умъ остался робкимъ и неразработаннымъ. Лиза сдѣлалась набожной, она горячо полюбила добро и истину, она вынесла изъ своего дѣтства теплую вѣру и твердыя нравственныя правила, но на этомъ она и остановилась; распорядиться своими правилами, примѣнять ихъ къ жизни, находить присутствіе духа во всякомъ положеніи, обдумывать свои поступки и опредѣлять свои обязанности размышленіемъ, а не слѣпымъ порывомъ чувства — этого она не умѣла, потому она руководствуется инстинктомъ или авторитетомъ, создаетъ себѣ призраки, изнемогаетъ въ неестественной борьбѣ съ самими законными своими побужденіями, ставитъ себѣ въ вину это изнеможеніе и наконецъ, утомленная внутренними волненіями, рѣшается покинуть все, что ей дорого, и принести послѣднюю жертву. Изъ женскихъ характеровъ, существующихъ въ нашей литературѣ, Лиза представляетъ всего болѣе сходства съ Татьяною Пушкина: въ той и въ другой замѣтенъ перевѣсъ чувства и воображенія надъ умомъ; разница только въ томъ, что у Татьяны чувство и воображеніе, воспитанныя на романахъ, порождаютъ въ ней болѣзненную мечтательность, работаютъ надъ создаваніемъ романческаго героя и наконецъ воплощаютъ этого героя въ лицѣ Евгенія Онегина, неспособнаго составить счастье умной и чувствительной женщины. У Лизы чувство и воображеніе воспитаны на возвышенныхъ предметахъ; но они все-таки развиты несоразмѣрно, берутъ перевѣсъ надъ мыслительной силой и также ведутъ къ болѣзненнымъ и печальнымъ уклоненіямъ. Это преобладаніе чувства надъ разсудкомъ выражается въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и составляетъ въ современныхъ женщинахъ явленіе, до такой степени распространенное, что въ педагогической литературѣ неоднократно высказывалось мнѣніе, будто оно такъ и должно быть, будто и преподаваніе въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ должно сообразоваться съ



этимъ необходимымъ свойствомъ женской природы. Мы уже позволяли себѣ выражать противоположное мнѣніе; повторяемъ его и теперь; женщинѣ, какъ и мужчинѣ, дана одинаковая сумма прирожденныхъ способностей; но воспитаніе женщины, менѣе реальное, менѣе практическое, менѣе упражняющее критическія способности (нежели воспитаніе мужчины), съ молодыхъ лѣтъ усыпляетъ мысль и пробуждаетъ чувство, часто доводитъ его до неестественнаго, болѣзненнаго развитія. Истинная цѣль реформы, совершающейся на нашихъ глазахъ въ женскомъ воспитаніи, и состоитъ, насколько мы ее понимаемъ, именно въ томъ, чтобы уравнивать въ женщинѣ умъ и чувство, чтобы приучить ее самостоятельно думать, анализировать себя и другихъ и последовательно, безъ увлеченія, но съ искреннимъ и глубокимъ чувствомъ проводить въ жизнь добытыя убѣжденія. Въ этомъ пробужденіи женщины къ дѣйствительной жизни, къ умственной дѣятельности въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, — въ этомъ пробужденіи, говоримъ мы, заключаются задатки прогресса для всего нашего общества. Повторяя теперь уже высказанное нами мнѣніе, мы считаемъ себя вправѣ подтвердить наши слова авторитетомъ двухъ замѣчательнѣйшихъ художниковъ нашего времени, Тургенева и Гончарова. Первый высказалъ свое мнѣніе объ образованіи женщины въ созданіи личности Лизы и въ своемъ отношеніи къ этой личности: онъ сочувствуетъ ей прекраснымъ качествамъ, любитъ ее граціей, уважаетъ твердость ея убѣжденій, но жалѣетъ о ней и вполне сознается, что она пошла не по тому пути, на который указываютъ человѣку разсудокъ и здоровое чувство. Гончаровъ сказалъ свое слово въ личности Ольги, уравновѣшивающей въ себѣ мысль и чувство. Поднялось множество голосовъ, сказавшихъ, что женщинѣ, подобныхъ Ольгѣ, въ нашемъ обществѣ нѣтъ; но никто не говорилъ, чтобы образъ Ольги былъ неженственъ, чтобы въ немъ не было поэтической правды. Это сужденіе даетъ намъ право сказать, что Ольга — русская женщина новаго поколѣнія, еще не вступавшаго въ жизнь. Требованія, которыя выразилъ Гончаровъ въ созданіи этой личности, невыполнимы теперь; но они законны и могутъ быть выполнены впоследствии, быть можетъ въ скоромъ времени. Сравнивая современную дѣвушку Лизу съ будущей дѣвушкой Ольгой, мы можемъ опредѣлить тотъ путь, по которому должно пойти образованіе женщины, можемъ заранѣе разсчитать тѣ результаты, которыхъ оно должно достигнуть. Въ заключеніе нашей статьи еще разъ возвратимся къ Лизѣ и обратимъ вниманіе читателей на то, какъ ея личность отѣнена двумя женскими фигурами: матери ея, Марьи Дмитриевны, и тетки, Марьи

Тимоеевны. Первая представляетъ собою типъ, очень распространенный въ нашемъ обществѣ: это взрослый ребенокъ, то-есть женщина безъ убѣжденій, — женщина, непривыкшая къ размышленію и почти потерявшая способность мыслить; она живетъ и дышетъ одними свѣтскими удовольствіями, собственными ей уже пожеланнымъ лѣтамъ; ей нравятся пустѣйшіе и безнравственные люди; семейной жизнью она не живетъ, любви дѣтей и вліянія надъ ними приобрести не умѣла; она любитъ чувствительными сцены и щеголяетъ разстроенными нервами и сентиментальностью. Словомъ, она — ребенокъ въ развитіи, только лишена ребяческой граціи и чистоты. Марья Тимоеевна — умная и добрая женщина стараго вѣка, не получившая никакого образованія, но одаренная здравымъ смысломъ и той проницательностью, которую обыкновенно приобретаютъ подъ старость умные люди, много видѣвшіе на своемъ вѣку и неприслушавшіе видѣннаго безъ вниманія. Марья Тимоеевна — старушка энергическая и дѣятельная, съ рѣзкими и угловатыми манерами, говорящая правду въ глаза и нескрывающая ни своего отвращенія къ нѣкоторымъ сомнительнымъ личностямъ, ни своего добраго расположенія къ тѣмъ, кого она любитъ. Марья Тимоеевна набожна, но безъ фанатизма; она не терпитъ лжи и безнравственности, но допускаетъ терпимость убѣжденія, не стѣсняетъ свободы совѣсти окружающихъ ее людей. Ей противны гости Марьи Дмитриевны, какъ пустые и вздорные люди, а Лаврецкаго она любитъ, хотя знаетъ, что расходится съ нимъ въ самыхъ существенныхъ понятіяхъ. Практическій смыслъ, мягкость чувствъ, при рѣзкости внѣшняго обращенія, безпощадная откровенность и отсутствіе фанатизма — вотъ преобладающія черты въ личности Марьи Тимоеевны, превосходно охарактеризованной въ романѣ Тургенева. Поставленная между этими двумя женскими личностями, Лиза является въ самомъ выгодномъ свѣтѣ: рѣзкость приговоровъ, неженственная смѣлость и притирчивость Марьи Тимоеевны отѣняютъ собою ея скромность, стыдливую и граціозную нерѣзкость. Что касается до Марьи Дмитриевны, то вся ея неискренняя, жеманная, безцвѣтная личность составляетъ разительный контрастъ съ серьезной, сосредоточенной, строгой фигурой дочери, проникнутой и воодушевленной однимъ принципомъ, истиннымъ и прекраснымъ, но доведеннымъ до крайности. Контрастъ этотъ дѣйствуетъ тѣмъ сильнѣе, что Марья Дмитриевна — живой типъ, такая женщина, какихъ очень и очень много. Какъ истинный художникъ, Тургеневъ не могъ и не долженъ былъ высказать свою мысль рѣзко: онъ показалъ въ личности Лизы недостатки современнаго женскаго воспитанія, но онъ выбралъ свой примѣръ въ ряду лучшихъ явленій, обста-



вилъ выбранное явленіе такъ, что оно представляется въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Отъ этого идея автора не бросается прямо въ глаза. Ее надо отыскать, въ нее надо вдуматься; но зато она тѣмъ полнѣе и неотразимѣе подѣйствуетъ на умъ читателя. Чѣмъ менѣе художественное произведеніе сбивается на поученіе, чѣмъ безпристрастнѣе художникъ выбираетъ фигуры и положенія, которыми онъ намѣренъ обставить свою идею, тѣмъ стройнѣе и жизненнѣе его

картина, тѣмъ скорѣе онъ достигнетъ ею желаннаго дѣйствія. Ежели изображена дѣйствительность во всемъ блескѣ и разнообразіи ея явленій, и ежели всѣ эти явленія, какъ бы нечаянно выхваченныя художникомъ изъ известной намъ жизни, говорятъ намъ одно и то-же, тогда нельзя не убѣдиться. Тутъ мы уже вѣримъ не слову художника, а тому, что говорятъ факты, что засвидѣтельствовано самой жизнью.

## Т Р И С М Е Р Т И .

Разсказъ графа Л. Н. Толстого.

(«Библиотека для Чтенія», 1859 г.)

Читательницы наши безъ сомнѣнія знакомы со многими изъ произведеній замѣчательнаго писателя, графа Толстого, о которомъ мы до сихъ поръ не имѣли случая говорить съ ними. Онѣ прочли вѣроятно его «Дѣтство, Отрочество и Юность», «Утро помѣщика», «Изъ записокъ князя Нехлюдова: Люцернъ», «Мятель», «Севастопольскія воспоминанія». Прочти эти произведенія, легко составить себѣ понятіе о направленіи таланта автора, объ его характеристическихъ, индивидуальных особенностяхъ и о тѣхъ предметахъ, на которые онъ, въ процессѣ своего творчества, обращаетъ преимущественное вниманіе. Толстой — глубокой психологъ. Въ этомъ нетрудно убѣдиться, ежели только припомнить выдающіяся черты его произведеній, — тѣ черты, которыя, даже при самомъ поверхностномъ чтеніи, поражаютъ читателей, приковываютъ къ себѣ его вниманіе и оставляютъ въ умѣ его неизгладимое впечатлѣніе. Картины природы, дышашія жизнью и отличающіяся свѣжей опредѣленностью, отчетливая обработка характеровъ, выхваченныхъ прямо изъ дѣйствительности, смѣлость общаго плана и жизненное значеніе идеи, положенной въ основаніе художественнаго произведенія, — все это общія свойства, составляющія принадлежность всѣхъ нашихъ лучшихъ писателей и отражающіяся во всѣхъ наиболѣе зрѣлыхъ произведеніяхъ нашей словесности. Кромѣ этихъ общихъ свойствъ, у Толстого есть своя личная, характеристическая особенность. Никто далѣе его не простираетъ анализа, никто такъ глубоко не заглядываетъ въ душу человѣка, никто съ такимъ упорнымъ вниманіемъ, съ такой неумолимой послѣдовательностью не разбираетъ самыхъ сокровенныхъ побужденій, самыхъ мимолетныхъ и повидимому случайныхъ

движеній души. Какъ развивается и постепенно формируется въ умѣ человѣка мысль, черезъ какія видоизмѣненія она проходитъ, какъ накипаетъ въ груди чувство, какъ играетъ воображеніе, увлекающее человѣка изъ міра дѣйствительности въ міръ фантазіи, какъ, въ самомъ разгарѣ мечтаній, грубо и матеріально напоминаетъ о себѣ дѣйствительность и какое первое впечатлѣніе производитъ на человѣка это грубое столкновеніе между двумя разнородными мірами, — вотъ мотивы, которые съ особенной любовью и съ блестящимъ успѣхомъ разрабатываетъ Толстой. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить напримѣръ описаніе сна и пробужденія въ «Мятели», главу изъ «Отрочества», въ которой изображено состояніе Николинки, ожидавшаго появленія St. Jérôme'a и наказанія, мѣсто изъ «Юности», въ которомъ Иртеневъ ждетъ духовника въ его кельѣ; не знаемъ, нужно-ли даже указывать на отдѣльныя мѣста: какую-бы сцену мы ни припомнили, вездѣ мы встрѣтимъ или тонкій анализъ взаимныхъ отношеній между дѣйствующими лицами, или отвлеченный психологическій трактатъ, сохраняющій въ своей отвлеченности свѣжую, полную жизненность, или наконецъ прослѣживаніе самыхъ таинственныхъ, неясныхъ движеній души, недостижныхъ сознанія, не вполне понятныхъ даже для того человѣка, который самъ ихъ испытываетъ, и между тѣмъ получающихъ свое выраженіе въ словѣ и величающихся при этомъ своей таинственностью. Это направленіе таланта Толстого имѣло вліяніе на выборъ сюжета того разсказа, о которомъ мы теперь будемъ говорить съ нашими читательницами. Авторъ положилъ себѣ задачей изобразить чувства умирающаго и его отношенія къ тѣмъ предметамъ, срѣ



онъ жилъ и которые, переживая его, представляютъ своимъ спокойнымъ равнодушіемъ разительную противоположность съ нравственнымъ томленіемъ, происходящимъ въ его душѣ. Разсказъ Толстого состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ эскизовъ, связанныхъ между собою только характеромъ содержанія; общей нити разсказа нѣтъ. Авторъ изобразилъ только три момента, три смерти, происшедшія при различныхъ условіяхъ, при различной обстановкѣ и, обрисовавъ самыми яркими красками это различіе, выставилъ во всѣхъ трехъ тѣ общія явленія, которыя сопровождаютъ собою разрушеніе всякаго организма. Мы рассмотримъ оба первые представленные авторомъ момента, сближая между собою общія черты и указывая нашимъ читательницамъ на постоянное противоположеніе между свѣжей, кипучей, дѣятельной и беззаботной жизнью съ одной стороны и медленнымъ, безнадежнымъ увяданіемъ — съ другой; что касается до третьяго момента, то онъ представляетъ собою смѣлую, граціозную фантазію художника, — фантазію, которая, какъ музыкальный аккордъ, заканчиваетъ собою поэтическое произведеніе, оставляя въ душѣ читателя какую-то тихую, грустную задумчивость. Мы коснемся содержанія, сюжета разсказа, чтобы быть въ состояніи обратить вниманіе нашихъ читательницъ на подробности, чтобы указать имъ въ этихъ подробностяхъ художественныя красоты. Повредить интересу разсказа мы не боимся, потому что думаемъ, какъ уже замѣчали не разъ, что достоинства изящнаго произведенія заключаются не во внѣшнемъ планѣ, не въ нити сюжета, а въ способѣ его обработки, въ группированіи подмѣченныхъ частныхъ, которыя даютъ цѣлому жизнь и опредѣленную фizioномію. Кто сталъ-бы въ повѣстяхъ и разсказахъ Толстого искать романической завязки, интереса событій, тогъ, во-первыхъ, обманулъ-бы въ своихъ ожиданіяхъ, а, во-вторыхъ, слѣдя только за нитью дѣйствія, упустилъ-бы изъ виду то, что составляетъ главную прелесть, самое прочное достоинство этихъ разсказовъ, упустилъ-бы изъ виду глубину и тонкость психологическаго анализа. Читая Толстого, необходимо вглядываться въ частности, останавливаться на отдѣльныхъ подробностяхъ, повѣрять эти подробности собственными, пережитыми чувствами и впечатлѣніями, необходимо вдумываться, и только тогда чтеніе это можетъ обогатить запасъ мыслей, сообщить читателю знаніе человѣческой природы и доставить ему такимъ образомъ полное, плодотворное, эстетическое наслажденіе.

Первый эскизъ романа, о которомъ мы говоримъ, заключается въ себѣ описаніе послѣднихъ дней въ жизни больной барыни, умирающей отъ чахотки. Больная эта принадлежитъ ежели не къ высшему, то по крайней мѣрѣ къ среднему,

богатому классу общества; она окружена всѣми удобствами, которыя только могутъ доставить денежные средства; она ѣдетъ за-границу въ спокойной каретѣ, съ мужемъ, глубоко уважаемымъ ей, и съ докторомъ, тщательно наблюдающимъ за малѣйшимъ измѣненіемъ ея здоровья, и между тѣмъ, при всемъ этомъ комфорѣ, при всей угодливости, съ которою ея окружающіе предупреждаютъ ея малѣйшія желанія, болѣзнь развивается не по часамъ, по минутамъ, организмъ слабѣетъ, и болная сама, напрасно стараясь поддержать какъ-нибудь надежду на выздоровленіе, замѣчаетъ въ себѣ всѣ признаки полного упадка силъ и начинающагося разложенія. Это извѣстія условія, обстановка той страшной драмы, которая разыгрывается въ душѣ больной и которую во всѣхъ подробностяхъ развилъ Толстой. Больная не хочетъ умирать: она еще млада и имѣетъ право требовать отъ жизни многихъ наслажденій, многихъ радостей, которыхъ она едва коснулась. Она съ сверхчеловѣческимъ напряженіемъ всѣхъ силъ души ищетъ за малѣйшей проблескъ надежды, за малѣйшій остатокъ жизни, долѣвшаго въ истомленной, наболѣвшей груди; но силы истощаются, энергія падаетъ, грозный образъ смерти съ ужасающей ясностью носится передъ разстроеннымъ воображеніемъ больной, преслѣдуетъ ее съ неотвратимымъ постоянствомъ; надежда замираетъ въ сердцѣ; въ умѣ не хватаетъ доводовъ, которыми можно было-бы отогнать страшную мысль; остается только покориться ей, убѣдиться очевидностью и перейти изъ томительной борьбы, изъ колебанія между страхомъ и надеждою въ спокойное ожиданіе неотвратимаго удара. Такую дорогу обыкновенно выбираютъ люди съ сильнымъ характеромъ, — люди, способные взглянуть въ лицо дѣйствительности, какъ-бы ни была она мрачна. Такие люди желаютъ знать истину и отгоняютъ мечты и неопредѣленныя надежды; но не таковъ характеръ, изображенный Толстымъ. Его больная съ самаго начала разсказа не встрѣтитъ своему выздоровленію, ее раздражаетъ всякое проявленіе здоровой жизни; она завидуетъ такимъ проявленіямъ и видитъ въ нихъ почти умышленный намекъ на свое собственное безотрадное положеніе; она чувствуетъ, что смерть близка, и между тѣмъ не хочетъ обратить это смутное чувство въ спокойное сознаніе, боится самаго слова: «умереть», умышленно закрываетъ себѣ глаза на свое положеніе, потому что проникнута чувствомъ отчаянной безнадежности. Больная Толстого похожа на человѣка, чувствующаго сильную робость и между тѣмъ боящагося не только дать волю этому чувству, но даже сознаться передъ самимъ собою въ его существованіи. Чтобы заглушить свою робость, этотъ человѣкъ обыкновенно начинаетъ хра-



Браться, громко говорить, пѣть, старался такимъ образомъ привить къ себѣ извѣстную бодрость духа, которую онъ напрасно ищетъ въ собственномъ сознаніи. Больная чувствуетъ, что ей не выздоровѣть; но чѣмъ сильнѣе въ ней это чувство, тѣмъ громче говоритъ она себѣ, что ея болѣзнь — вздоръ, что ее воскреситъ теплый воздухъ, пріятное путешествіе и спокойный образъ жизни. Не вѣря собственнымъ словамъ, не имѣя въ запасъ доводовъ противъ очевидности, она требуетъ такихъ доводовъ и отъ другихъ и сердится, страдает и гонится, когда вмѣсто желанныхъ доводовъ слышитъ изъясненія соболѣзнованія; это соболѣзнованіе пугаетъ ее, потому что напоминаетъ о томъ, что постоянно, глухо твердитъ ей собственное чувство. Мучительная нравственная борьба больной заставляетъ ее изнемогать и разрѣшается безсильными вспышками отчаянія и горести. Приводимъ небольшую сцену, замѣчательную по силѣ выраженія, по глубинѣ и вѣрности психическаго анализа; въ этой сценѣ читатели наши могутъ прослѣдить развитіе цѣлаго ряда чувствъ и мыслей: здѣсь, во-первыхъ, противопоставляется жизнь и разрушеніе жизни; здѣсь представлены враждебныя отношенія умирающей ко всему здоровому и живому, ко всему, что даетъ ей поводъ дѣлать неутѣшительныя сравненія съ собственнымъ положеніемъ; здѣсь наконецъ видна ея попытка ободрить себя надеждою: попытка эта не нашла себѣ поддержки въ окружающихъ и разбилась временно возникшую въ больной энергію:

«— Что, какъ ты, мой другъ? сказалъ мужъ, подходя къ каретѣ и прожевывая кусокъ.

— Все одинъ и тотъ-же вопросъ, подумала больная:— а самъ ѣстъ!—Ничего, пропустила она сквозь зубы.

— Знаешь ли, мой другъ, я боюсь, тебѣ хуже будетъ отъ дороги въ эту погоду, и Эдуардъ Ивановичъ тоже говоритъ. Не вернуться-ли намъ?

Она сердито молчала.

— Погода поправится, можетъ-быть путь установится, и тебѣ-бы лучше стало; мы-бы и поѣхали всѣ вмѣстѣ.

— Извини меня. Если-бы я давно тебя не слушала, я бы была теперь въ Берлинѣ и была-бы совсѣмъ здорова.

— Что-жъ дѣлать, мой ангелъ, невозможно было, ты знаешь. А теперь, если-бы ты осталась на мѣсяцъ, ты бы славно поправилась, я бы кончилъ дѣла и дѣтей бы мы взяли...

— Дѣти здоровы, а я нѣтъ.

— Да вѣдь пойми, мой другъ, что съ этой погодой, ежели тебѣ сдѣлается хуже дорогой... тогда по крайней мѣрѣ дома.

— Что-жъ, что дома? Умереть дома? вспыхивая отвѣчала больная. Но слово умереть видимо испугало ее, она умоляюще и вопросительно посмотрѣла на мужа. Онъ опустил глаза и молчалъ. Ротъ больной вдругъ дѣтски изогнулся, и слезы полились изъ ея глазъ. Мужъ закрылъ лицо платкомъ и молча отошелъ отъ кареты.

— Нѣтъ, я поѣду, сказала больная, подняла глаза къ небу, сложила руки и стала шептать несвязныя слова. — Боже мой! за что же? говорила

она, и слезы лились сильнѣе. Она долго и горячо молилась; но въ груди такъ-же было больно и тѣсно, въ небѣ, въ поляхъ и по дорогѣ было такъ-же сѣро и пасмурно, и та-же осенняя мгла, ни чаще, ни рѣже, а все такъ-же сыпалась на грязь дороги, на крыши, на карету и на тулупы ямщиковъ, которые, переговаривались сильными, веселыми голосами, мазили и закладывали карету...

Обратить вниманіе читательницъ на картину русской природы и русской жизни, набросанную художникомъ въ послѣднихъ словахъ приведеннаго нами отрывка. Эта картина возникла отъ одного взмаха пера, въ ней нѣтъ отчетливости описанія, нѣтъ отдѣльных подробностей, но есть удивительная яркость цѣлаго, есть изобразительность и сила, которая придаетъ этому бѣглому очерку особенное художественное значеніе. Впечатлѣніе, производимое этимъ очеркомъ, особенно сильно по тому отношенію, въ которомъ онъ находится къ главному дѣйствію, совершающемуся среди этой обстановки. Печальная физиономія сѣраго осенняго дня гармонируетъ съ безнадежнымъ положеніемъ больной, а живая, обыденная дѣятельность, происходящая на станціонномъ дворѣ, служитъ поразительнымъ контрастомъ напряженному, торжественно унылому настроенію ея души. Читатель угадываетъ по этому расположенію подробностей, что больная, представленная графомъ Толстымъ, испытываетъ на себѣ всѣ впечатлѣнія, какія только можно вынести изъ созерцанія изображенной авторомъ картины, разстилавшейся передъ окнами ея кареты. Въ природѣ ищетъ она себѣ подкрѣпленія; но въ природѣ все пасмурно, все напоминаетъ о поблекшихъ надеждахъ и о предстоящемъ прощаніи съ жизнью. Къ людямъ обращается она, надѣясь найти въ нихъ сочувствіе; но люди вокругъ нея заняты своимъ дѣломъ, имъ некогда и ихъ здоровыя лица, ихъ шумная, хлопотливая дѣятельность поражаютъ больную своимъ равнодушіемъ, надрываютъ ей сердце полнотой жизни и избыткомъ веселости. Послѣднія минуты больной изображены съ той-же силой анализа, которая ни на минуту не оставляетъ Толстого, какъ бы ни были таинственны и повидимому недоступны для наблюденія выбранные имъ моменты внутренней жизни человека. Изображая эти послѣднія минуты, авторъ представилъ со стороны больной тѣ-же чувства, ту-же борьбу между любовью къ жизни и ожиданіемъ смерти,—борьбу, которую мы уже видѣли въ приведенномъ нами отрывкѣ. Здѣсь эти чувства и эта борьба посѣятъ на себѣ особый оттѣнокъ—передъ смертью наступаетъ минута величественнаго спокойствія; не замирая вопли, земные помыслы затихаютъ въ душѣ человека; больная приближается къ состоянію полной безнадежности,—къ состоянію, похожему на полное спокойствіе: она приближается къ нему, но еще не достигла его; изрѣдка про-



блескивает лучь какой-то надежды, неопределенной, несбыточной, но дорогой сердцу, — надежды, к которой по временам, выходя свою прежнюю энергию, устремляются все силы ее души. За минутами тревоги, возбужденной этики прощальными проблесками надежды, наступают грустная, покорная тишина, которая опять нарушается каким-нибудь страстно болтливеньким, раздражительным порывом к жизни, и все та же и тише волнуется в большой груди чувство, рѣже и тоскливѣе становятся его послѣднія движенія, неопредѣленнѣе и несбыточнѣе дѣлаются тѣ формы, въ которыхъ показывается надежда. Наконецъ исчезаетъ послѣдній призракъ надежды, и остается только тихое, полное невыразимой тоски желаніе жить, во что бы то ни стало. Больная понимаетъ, что желаніе это неисполнимо, а между тѣмъ оно живетъ въ ней до послѣдней минуты и подъ конецъ выражается только непреодолимымъ страхомъ передъ приближающейся смертью. Вотъ цѣлый міръ чувствъ, почти непонятныхъ для человѣка въ спокойномъ состояніи, — міръ чувствъ, въ который вводитъ насъ графъ Толстой, представляя сцену между умирающей больной и ее родственниками, вошедшими въ ее комнату послѣ того, какъ она причастилась Святыхъ Тайнъ.

«Кухня и мужъ вошли. Больная тихо плакала, глядя на образъ».

— Подражаю тебѣ, мой другъ, сказалъ мужъ.

— Благодарствуй! Какъ мнѣ теперь хорошо стало, какую невольную сладость я испытываю, говорила больная, и легкая улыбка играла на ее тонкихъ губахъ. — Какъ Богъ милостивъ! Неправда ли, Онъ милостивъ и всемогущъ? И она снова съ жалкой мольбой смотрѣла полными слезъ глазами на образъ.

Потомъ вдругъ какъ будто что-то вспомнилось ей. Она знаками позвала къ себѣ мужа.

— Ты никогда не хочешь сдѣлать, что я прошу, сказала она слабымъ и недовольнымъ голосомъ.

Мужъ, взглянувъ шею, покорно слушалъ ее.

— Что, мой другъ?

— Сколько разъ я говорила, что эти доктора ничего не знаютъ, есть простые лекари, онѣ вылечиваютъ... Вотъ батюшка говорилъ... мѣщанинъ... Пошли.

— За кѣмъ, мой другъ?

— Боже мой! ничего не хочетъ понимать... И больная сморщилась и закрыла глаза.

Докторъ, подойдя къ ней, взялъ ее за руку. Пульсъ замѣтно бился слабѣе и слабѣе. Онъ мигнулъ мужу. Больная замѣтила этотъ жестъ и испуганно оглянулась. Кухня отвернулась и заплакала.

— Не плачь, не мучь себя и меня, говорила больная: — это отнимаетъ у меня послѣднее словоистіе.

— Ты — ангелъ! сказала кухня, цѣлуя ее руку.

— Нѣтъ, сюда пойдутъ, только мертвыхъ цѣлуютъ въ руку. Боже мой! Боже мой!

Переходимъ ко второму эскизу разсказа. Главное дѣйствующее лицо этого эскиза взято авторомъ изъ низшаго класса и поставлено въ такую обстановку, которой бѣдность и неслож-

ность составляютъ прекрасно выдержанный контрастъ съ изящной обстановкой барыни. Бѣдный ящикъ, человѣкъ, не имѣющій ни роду, ни племени, умираетъ на сторонѣ, въ душной кухнѣ, на печи, среди кнѣ разговоровъ и обычныхъ хлопотъ съ товарищей-ямщиковъ, почти забывшихъ существованіе больного и вспоминающихъ о немъ только тогда, когда онъ самъ напоминаетъ судорожнымъ кашлемъ или стономъ. Разнообразіе обстановки производитъ различіе въ дѣйствіи обитѣльных: барыня, окруженная пощечинами и предупредительными улозами близкихъ ей людей, стремится высказать ищетъ облегченія въ ихъ словахъ, въ женіи ихъ физиономіи; она изыскиваетъ своихъ требованій, и не всякое участие способно удовлетворить и успокоить. Ямщикъ напротивъ того молча страдал, молча переноситъ ворчаніе кухарки, не понимая, что онъ занялъ ее уголь, смотритъ на занятія своихъ товарищей и не знаетъ изъ толки, въ которыхъ рѣдко участвуетъ участіе къ его страданіямъ. Поставленный въ такое положеніе, больной не умираетъ или по крайней мѣрѣ не выражаетъ своей боли. Къ его тѣлеснымъ страданіямъ почти не прихвливается то нравственное мученіе, которое такъ глубоко понялъ и такъ стерженьски изобразилъ авторъ въ первомъ эскизѣ. Это нравственное томленіе существуетъ въ правду, потому что оно неизбежно сопряжено съ приближеніемъ смерти и даже условливается быть можетъ особенностями, личными настроеніемъ нервовъ и всего организма; итакъ, томленіе существуетъ, но не вырывается наружу. Больной боится безпокойства и сдѣлаться имъ въ тѣло, считаетъ себя какъ-бы виноватымъ передъ виноватымъ въ своемъ безпокойствѣ мученикомъ, виноватымъ тѣмъ, что угрожаетъ уголь и стѣсняетъ товарищей. Поэтому въ сценѣ больного проглядываютъ трогательность, ласковость, вѣсто которой въ первомъ эскизѣ видѣли требовательность, покаянную, хотя и извинительную раздѣльность. Стоитъ сравнить самую простую больную барыню и больного ямщика, и изъ этого сравненія разомъ откроется передъ нами различіе какъ изъ общественнаго положенія, такъ и внутренняго настроенія какъ и изъ нихъ. Контрастъ между разрушеніемъ живой, сильной жизнью, представляющей рельефно въ первомъ эскизѣ, нашелъ себѣ место и во второмъ и выразился въ формахъ болѣе опредѣленныхъ, почти рѣзкихъ, и что формы эти обуславливаются тѣмъ бы въ которомъ происходитъ все дѣйствіе. Въ первомъ эскизѣ здоровые изыскиваютъ свое участие и только не изыскиваютъ



ственныхъ условий своего существованія и своей хѣтительности, и это уже кажется больной оскорбительнымъ равнодушіемъ, насмѣшкой надъ ея положеніемъ. Здѣсь напротивъ того здоровые ворчатъ на больного, тяготятся его присутствіемъ, стараются извлечь изъ него какія-нибудь выгоды, основываютъ на его болѣзни и смерти разные меркантильные расчеты, о которыхъ съ самымъ наивнымъ видомъ говорятъ съ самымъ больнымъ, не понимая, да и не желая понимать, что подобные разговоры должны мучительно дѣйствовать на разстроенные нервы и напряженное воображеніе страдальца. И больной молчитъ, терпитъ и проситъ прощенія. Какъ въ первомъ эскизѣ не должно обвинять больную барыню въ томъ, что она несправедливо капризничаетъ и требуетъ невозможнаго, такъ и во второмъ не должно осуждать здоровыхъ въ томъ, что они грубо обходятся съ своимъ товарищемъ: первая дѣйствуетъ подъ вліяніемъ болѣзни, которая заставляетъ ее забывать все, что не относится къ ея положенію; вторые не настолько развиты, чтобы умѣть поставить себя на мѣсто больного и соразмѣрять каждое свое слово съ его положеніемъ, поэтому обращеніе ихъ неровно: за чисто человѣческими движеніями состраданія слѣдуютъ проявленія несправедливой досады или грубаго эгоизма. Что касается до личности больного ямщика, то это — личность забитая, загнанная своимъ положеніемъ, привыкшая страдать молча и робко переносить упреки за свои-же страданія. Такія личности встрѣчаются во всякомъ неразвитомъ обществѣ, въ которомъ уважается не человѣческая личность, а случайные ея атрибуты: физическая сила, богатство, здоровье и т. п. Эти черты неразвитого общества и забитой личности выразились во второй главѣ разсказа. Не дѣлаемъ здѣсь выписокъ, а отсылаемъ нашихъ читателей къ этой главѣ.

Если мы сравнимъ между собою приемы, которые употребляетъ авторъ въ первомъ и во второмъ эскизѣ, то найдемъ, что въ первомъ онъ преимущественно слѣдитъ за внутреннимъ развитіемъ мыслей и чувствъ, а во второмъ почти исключительно обращаетъ свое вниманіе на изображеніе внѣшней обстановки, при которой умираетъ больной, внѣшнихъ условий его быта, внѣшнихъ отношеній его къ окружающимъ товарищамъ. Причину этого объяснить нетрудно. Въ первомъ эскизѣ обстановка ничего не значитъ: она не увеличиваетъ собою страданій больной и не можетъ дать читателю средствъ заглянуть въ ея внутренний міръ, тамъ весь интересъ борьбы сосредоточенъ въ этомъ внутреннемъ мірѣ, самая борьба происходитъ отъ чисто внутреннихъ причинъ, и слѣдовательно тамъ авторъ не могъ быть простымъ наблюдателемъ, изображающимъ то, что можно видѣть

и слышать: ему нужно заглядывать въ душу больной, ловить ея сокровеннѣйшія движенія и подвергать ихъ тонкому, проникательному анализу. Во второмъ случаѣ, напротивъ того, больной подавленъ обстановкой: въ этой обстановкѣ все, начиная отъ душнаго воздуха въ избѣ и кончая неосторожнымъ обращеніемъ ямщиковъ, все заставляетъ страдать больного; борьба его съ неудобствами и лишеніями такъ сильна и такъ очевидна, что она поглощаетъ собою всѣ его силы, не оставляетъ времени для мучительныхъ мыслей, не позволяетъ ему уходить въ свой внутренний міръ и прислушиваться къ беспокойнымъ бѣніямъ собственного сердца. Мысль лѣниво движется въ утомленной головѣ, безцвѣтны и однообразны ея видоизмѣненія; мучительная боль въ груди, тѣлесное безпокойство, душный воздухъ, которымъ онъ дышетъ, жесткая печь, на которой онъ лежитъ, вотъ что бросается въ глаза въ положеніи больного ямщика, вотъ что дало матеріалъ для эскиза Толстого. Въ этомъ эскизѣ самое отсутствіе психическаго анализа, то есть то обстоятельство, что авторъ ограничивается однимъ рельефнымъ воспроизведеніемъ внѣшнихъ подробностей, имѣетъ важное значеніе и составляетъ необходимую принадлежность самаго содержанія. Не потому здѣсь нѣтъ анализа, что анализъ слишкомъ труденъ для автора, а потому что нечего анализировать. Загляните въ душу больного ямщика, выведеннаго Толстымъ, и вы не найдете въ его чувствахъ ни порывистой силы и твердости, ни сложности и разнообразія; васъ поразятъ въ нихъ забитость и безответная покорность, по временамъ переходящая въ какое-то оуптѣніе, — покорность, выработанная длиннымъ рядомъ однообразныхъ трудовъ, привычныхъ обыденныхъ страданій и безцвѣтныхъ, постоянно сѣрыхъ дней жизни. Эта покорность выражается во всемъ существѣ больного ямщика: въ его словахъ и движеніяхъ, во всѣхъ его отношеніяхъ къ окружающей обстановкѣ и къ другимъ людямъ. Достаточно изобразить эти отношенія, описать движенія и передать слова, и передъ читателемъ откроется весь его внутренний міръ съ его бѣдностью и несложностью. Такъ поступилъ Толстой, и это обстоятельство положило своеобразный отпечатокъ на второй эскизъ его разсказа.

Переходимъ къ третьему эскизу чрезвычайно оригинальному по своей художественной концепціи. Третья смерть есть смерть срубленнаго дерева: рука человѣка играетъ здѣсь роль судьбы, и картина природы, замѣчательная по свѣжести красокъ, по осязательности линий и контуровъ, заканчиваетъ собою весь разсказъ. Такъ какъ этотъ третій эпизодъ очень не великъ, то мы позволяемъ себѣ привести его цѣликомъ, чтобы не дробить общаго впечатлѣнія.



«На всемъ лежалъ холодный матовый покровъ еще падавшей, неосвѣщенной солидѣе, росы. Востокъ незамѣтно яснѣлъ, отражая свой слабый свѣтъ на подернутомъ тонкими тучами сводѣ неба. Ни одна травка внизу, ни одинъ листъ на верхней вѣтви дерева не шевелились. Только изрѣдка слышавшіеся звуки крыльевъ въ чащѣ дерева или шелеста по землѣ нарушали тишину лѣса. Вдругъ странный, чуждый природѣ звукъ разнесся и замеръ на опушкѣ лѣса. Но снова послышался звукъ и равномерно сталъ повторяться внизу около ствола одного изъ неподвижныхъ деревьевъ. Одна изъ макушекъ необычайно затрепетала, сочные листья ея зашевелились что-то, и малиновка, сидѣвшая на одной изъ вѣтвей ея, со свистомъ перепорхнула два раза и, подергивая хвостикомъ, сѣла на другое дерево.

Топоръ звучалъ глуше и глуше, сочные бѣлые щетки дѣли на росистую траву, и легкій трескъ послышался изъ-за ударовъ. Дерево вздрогнуло всѣмъ тѣломъ, погнулось и быстро выпрямилось, испуганно колебалось на своемъ корнѣ. На мгновеніе все затихло; но снова погнулось дерево, снова послышался трескъ въ его стволѣ и, ломая сучья и спустивъ вѣтви, оно рухнуло макушкой на сырую землю. Звукъ топора и шаговъ затихли. Малиновка сѣла и испорхнула выше. Вѣтка, которую она зацѣпила своими крыльями, покачалась нѣсколько времени и замерла, какъ и другія, со всѣми своими листьями. Деревья еще радостнѣе красовались на новомъ просторѣ своими неподвижными вѣтвями.

Первые лучи солнца, пробивъ сквозившую тучу, блеснули въ небѣ и пробѣжали по землѣ и небу. Туманъ волнами сталъ переливаться въ долинахъ, роса, блестя, заиграла на зелени, прозрачныя поблѣвшія тучки, сѣдая, разбѣгались по синѣвшему своду. Птицы громоздились въ чащѣ и, какъ потерянные, шептались что-то счастливое, сочные листья радостно и спокойно шептались въ вершинахъ, и вѣтви живыхъ деревьевъ медленно, величаво зашевелились надъ мертвыми, поникшими деревьями».

Опять то-же потрясающее душу противоположеніе между жизнью и смертью, — противоположеніе, напоминающее по своей идеѣ извѣстные стихи Пушкина:

И пусть у гробового входа  
Младая будетъ жизнь играть,  
И равнодушная природа  
Красою вѣчною сиять.

Замѣчательно то, что это противоположеніе не рѣжетъ глазъ, а, напротивъ, образуетъ какое-то гармоническое сочетаніе, общую картину, въ которой отдѣльныя черты жизни и смерти дополняютъ и оттеняютъ другъ друга. Замѣчательнѣе наконецъ оригинальный взглядъ на природу, выраженный художникомъ въ приведенномъ нами отрывкѣ. Онъ угадываетъ, подслушиваетъ проблески мысли и чувства въ жизни и говорѣ лѣса, въ шелестѣ листьевъ, въ веселомъ щебетаньи и чирканьи птичекъ. При этомъ онъ не снимаетъ съ природы покрыва ея таинственности, не заходитъ въ область фантастическаго вымысла, не навязываетъ природѣ ничего чисто человѣческаго, несвойственнаго ей, насилующаго законы растительной жизни.

Картина срубленнаго дерева, медленно сгнивающаго макушкой на сырую землю, поставлена во всей своей простотѣ, безъ всякой флюидности, и между тѣмъ въ этомъ простомъ изображеніи простого, обыденнаго явленія художникъ умѣлъ уловить идею общей жизни природы, медленно и неотомно уступающей вѣсту посторонняго, враждебнаго вліянія. Онъ прослѣдилъ борьбу между жизнью и смертью сначала на разныхъ степеняхъ общественнаго развитія, а потомъ — въ двухъ различныхъ состояніяхъ природы. Чѣмъ ниже спускался онъ тѣмъ глуше былъ протестъ жизни, тѣмъ началась совершалась борьба, такъ что наконецъ въ послѣднемъ эскизѣ наблюдатель останавливается даже въ существованіи подобной борьбы и не знаетъ, къ чему отнести ту впечатлительность, которую художникъ надѣлилъ растительную природу, — къ области-ли дѣйствительности или къ творческой фантазіи поэта, отыскивающего въ природѣ отраженіе или подобіе човѣческаго духа. Вотъ глубокое художественное значеніе разсказа Толстого. Читательница нашихъ можетъ показаться страннымъ, что такъ долго останавливались на разсмотрѣніи этого небольшого разсказа. На это есть причины. Цѣлью нашей было не только заинтересовать читательницъ къ прочтенію этого разсказа, но преимущественно обратить ихъ вниманіе на тѣ художественныя красоты, которыя должно искать, на которыхъ должно останавливаться при чтеніи произведеній Толстого. Сверхъ того, сюжетъ и построеніе разсказа нашего нами разсказа заставляютъ насъ останавливаться на подробностяхъ потому, что подробности и частности сосредоточиваютъ въ себѣ цѣлѣ весь художественный интересъ. Здѣсь нѣтъ развитія характеровъ, нѣтъ дѣйствія, а есть только изображеніе нѣкоторыхъ моментовъ внутренней жизни души, есть анализъ; а чтобы оживить вѣрность анализа, необходимо взглянуть въ него и выискнуть въ подробности. Гдѣ нѣтъ анализа душевныхъ движеній, тамъ есть, какъ мы уже видѣли, наглядное и точное до мелочей воспроизведеніе внѣшнихъ подробностей. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ необходимо, при оцѣнкѣ, обращать вниманіе на художественное выполненіе подробностей: иначе останется непонятой лучшая часть произведенія, — та часть, которая составляетъ характеристическую особенность таланта Толстого. Чтобы обратить вниманіе нашихъ читательницъ на эту важнѣйшую часть, мы позволили себѣ подробно распространиться насчетъ разсматриваемаго нами разсказа и привели въ нашемъ отчетѣ нѣкоторые, наиболѣе замѣчательные отрывки, объяснивъ ихъ значеніе.



1861.

## НЕСОРАЗМѢРНЫЯ ПРЕТЕНЗІИ.

Уличные типы. Текстъ А. Голицынскаго, съ 20-ю рисунками М. Чикколо. Изданіе К. Рихау. 1860. Москва).

«Если хотите знать народъ, изучайте его на улицѣ,—сказалъ одинъ философъ.—Къ русскому человѣку скорѣй всего можно сдѣлать такое приложеніе. Нашъ простолюдинъ—гость у себя дома, и часто гость очень церемонный: тутъ вы отъ него иногда слова не добьетесь. Онъ является домой большей частью для того только, чтобъ поѣсть, отдохнуть, да пожалуй умереть. Вся жизненная и общественная дѣятельность выражается на улицѣ: здѣсь онъ работаетъ, пьетъ, гуляетъ, бранится, торгуетъ, мошенничаетъ, значить, весь на распашку; наблюдай и рисуй, сколько хочешь».

Такъ Голицынскій начинаетъ вступленіе въ свою книгу «Уличные типы». Это его программа. Изъ этихъ словъ видно, что авторъ придаетъ своему произведенію довольно важное значеніе; онъ полагаетъ, что оно можетъ познакомить читателя съ народной жизнью, и конечно всякій образованный читатель согласится, что узнать свойства и потребности нашего народа—насуточная задача нашего времени. Мы съ живѣйшимъ сочувствіемъ встречаемъ комедіи Островскаго и Писемскаго, потому что онѣ открываютъ черты народнаго характера; каждое собраніе пьесъ, сказаній, легендъ подвергается серьезной критикѣ и внимательному изученію; каждая черта народной жизни, занесенная въ лѣтописи или въ разгульную пѣсню бурлака, съ любовью и съ жаднымъ вниманіемъ отмѣчается талантливыми и добросовѣстными изслѣдователями нашей отечественной исторіи. Мы недавно принялись за изученіе народности, и какъ будто въ разъясненіи ея хотимъ провѣрить свои недостатки, слабости, несчастія, однимъ словомъ, подмѣтить и опредѣлить истинныя черты своего характера. Мы приходимъ къ сознанію, что историческая маска вовсе не передаетъ вѣрнаго портрета народной фizioноміи. И вотъ намъ обѣщаютъ представить рядъ картинъ, изображающихъ жизнь народа на московскихъ улицахъ. Это любопытно. Не ожидая глубокаго изученія, мы однакожь позволяемъ себѣ надѣяться, что встрѣтимъ нѣсколько сценъ, полныхъ жизни и здороваго юмора, нѣ-

сколько мѣтко схваченныхъ чертъ народнаго характера, нѣсколько типическихъ, бойко очерченныхъ фигуръ. Надѣмся наконецъ, что авторъ, согласно своему обѣщанію, отнесется къ предмету серьезно и тепло, какъ должно относиться къ свѣжему, молодому организму, не успѣвшему развернуться, но представляющему задатки здоровой силы и будущей самостоятельной дѣятельности. Во имя этихъ задатковъ надо извинить и оправдать существующія безобразныя уклоненія и ошибки; молодостью этого народа, его неразвитостью объясняется большая часть его слабостей и недостатковъ. Мы не требуемъ оптическихъ обмановъ, мы не боимся тяжелаго впечатлѣнія, не отвертываемся отъ нравственнаго зла, но настоятельно требуемъ, чтобъ это зло было намъ объяснено, чтобъ наше обличеніе было не клеветой на дѣйствительность, не камнемъ, брошеннымъ въ грѣшника, а осторожнымъ и бережливымъ раскрытіемъ раны, на которую мы не имѣемъ права смотрѣть съ ужасомъ и отвращеніемъ. Наука и искусство должны мирить насъ съ жизнью, объясняя намъ ея смыслъ и внушая мягкое и осмысленное состраданіе къ самымъ повидимому неизвинительнымъ уклоненіямъ ея отъ законовъ разума. Законъ осуждаетъ уголовнаго преступника, отдѣляетъ его отъ общества, наказываетъ его физической или гражданской смертью, повинуюсь грустной необходимости оберегать большинство и во имя его интересовъ и безопасности жертвовать отдѣльной личностью; но человѣкъ, и тѣмъ болѣе художникъ, долженъ видѣть въ преступникѣ человѣка, смотрѣть на него какъ на больного и не клеймить его своимъ презрѣніемъ. Объясняя преступленіе, мы уже до нѣкоторой степени его извиняемъ; человѣкъ, дурно воспитанный, не видѣвшій съ дѣтства ни ласки, ни совѣта, можетъ сдѣлаться бездушнымъ эгоистомъ, мелкимъ или крупнымъ взяточникомъ, уличнымъ воромъ или грубымъ деспотомъ въ семействѣ, смотря по тѣмъ обстоятельствамъ, при которыхъ сложилась его жизнь, смотря по тому положенію, которое онъ займетъ въ обществѣ,



смотря по тѣмъ жизненнымъ средствамъ, которыя доставятся ему на долю. Порокъ, которому онъ предается, конечно будетъ противенъ нашему нравственному и эстетическому чувству, но одержимая имъ личность возбудитъ наше состраданіе; если дерево растетъ въ сукъ, его надо выправлять, разузнавъ сначала причины, заставившія его уклониться отъ нормальнаго направленія; если ребенокъ капризенъ или склоненъ ко лжи, надо изучить его характеръ и подыскать средства, способныя дѣйствовать на него благотворно, а не презирать его и не грустить надъ его слабостями. А развѣ больной не тотъ-же ребенокъ? А развѣ чело́вѣкъ, испорченный въ нравственномъ отношеніи,—не больной? А развѣ пороки цѣлаго сословія или даже цѣлаго народа не болѣзни? Относиться къ этимъ порокамъ съ легкой шуткой—непростительно. Это значитъ зубоскалить надъ тѣмъ, отъ чего многіе страдаютъ и плачутъ. Относиться къ нимъ съ безопадною осужденіемъ, хладнокровно презирать ихъ, значитъ бить ребенка за то, что онъ не понимаетъ заданнаго урока. Есть конечно нравственное зло, до такой степени наглое, есть люди, до такой степени испорченные, что противъ нихъ возмущается вся наша природа; отъ такихъ людей отступится самый гуманнѣйшій педагогъ, самый великодушный филантропъ, какъ самый простищенный медикъ можетъ отказаться отъ больного, уже превращающагося въ трупъ. Но съ такими исключеніями литературѣ нечего дѣлать. Раскапывать грязь, чтобы показать, какъ она грязна, раскапывать ее безъ малѣйшей надежды и даже безъ желанія отыскать въ ней что-нибудь, заслуживающее оправданія или объясненія,—трудъ безплодный и неблагодарный. Что говорятъ намъ злодѣи разныхъ парижскихъ и лондонскихъ тайнъ, наводнявшихъ французскую литературу? Что есть негодяи, мошенники и разбойники. Это всякій знаетъ. Кто желаетъ по этому предмету навести статистическія справки, тому всего удобнѣе обратиться въ архивы уголовныхъ судовъ. Тамъ по крайней мѣрѣ найдется дѣйствительность, а не поддѣлка, не вымыселъ. Со стороны художника нельзя считать законнымъ ни враждебное отношеніе къ выводимой имъ дѣйствительности, ни холодное равнодушіе. Кто смотритъ на предметъ непріязненно, тотъ видитъ или слишкомъ мало, или слишкомъ много, тотъ вмѣсто картины представитъ карикатуру. Кто смотритъ на предметъ совершенно холодно, тотъ не имѣетъ достаточной побудительной причины взглянуть въ него и изучить его, тотъ не имѣетъ достаточно внутренней силы и теплоты, чтобы выносить его въ груди и вдохнуть ему живое дыханіе жизни. Фотографія—не картина и ремесленникъ—не художникъ, хотя бы онъ довелъ до высокаго совершенства техническую

отдѣлку своихъ произведеній. Дайте назъ художникъ чело́вѣкъ, и хорошаго чело́вѣка, способнаго хоть въ минуты творчества любить горячо и сильно, стремиться къ добру и красотѣ и, ненавидя зло, прощать и щадить недѣля, какъ слабого и больного чело́вѣка! Чело́вѣкъ, возсоздавать сцены народной жизни, всего необходимѣе эта способность любить, способенъ спускаться въ міросозерцаніе людей, стоящихъ ниже насъ по своему развитію, и не относиться къ ихъ радостямъ и горестямъ, къ ихъ ошибкамъ и страданіямъ съ холодной высоты отчужденной мысли.

Эти замѣчанія вызваны не самой книгой Голицынскаго, а тѣми ожиданіями и требованіями, на которыя даетъ намъ право самоуваженія и самодовольный тонъ его вступленія. Трудно впрочемъ согласиться съ тѣми словами, которыя я привелъ въ началѣ статьи. Россія—не Италія, Москва—не Римъ; ни климатъ, ни характеръ народа не располагаютъ къ такому обширному развитію наружной жизни, при которомъ изучать народъ было-бы всего удобнѣе на улицѣ. Мысль о томъ, что русскій «простой людинъ—гость дома, и часто гость очень постоянный», высказана Голицынскимъ смѣло и дословно, какъ неопровержимая аксіома. Догматизма, которыя онъ выдвигаетъ на поддержку ея, состоятъ въ общихъ фразахъ, которыя въ свою очередь должны быть доказаны. «Вся его жизненная и общественная дѣятельность,—говоритъ авторъ,—выражается на улицѣ». Въ чемъ-же состоитъ эта жизненная и общественная дѣятельность? Вотъ въ чемъ: «здѣсь,—продолжаетъ Голицынский,—онъ работаетъ, пьетъ, гуляетъ, бранится, торгуетъ, мошенничаетъ, значитъ—весь на распаху».

Работаетъ русскій чело́вѣкъ, сколько ни извѣстно, не на улицѣ, а въ мастерскихъ или у себя дома,—стало быть съ этой стороны изучать его на улицѣ мудрено; самъ Голицынский, кромѣ извозчиковъ, не нашелъ въ уличныхъ типахъ ни одного ремесла, производимаго на улицѣ. Торгуетъ русскій народъ дѣйствительно отчасти и на улицѣ, но что-же изъ этого? Если вы будете наблюдать русскаго чело́вѣка съ одной этой стороны, то рискуете или не сдѣлать никакого заключенія о его характерѣ, или прійти къ невѣрнымъ выводамъ. Глядя на суетливость московскихъ мелкихъ торговцевъ, вы пожалуй подумаете, что дѣятельность и подвижность составляютъ основныя черты народнаго характера. Затѣмъ изъ всѣхъ проявленій «жизненной и общественной дѣятельности» русскаго чело́вѣка остается только то, что онъ на улицѣ «тѣтъ, гуляетъ, бранится и мошенничаетъ». Чтобы по этимъ проявленіямъ составить себѣ понятіе о народномъ характерѣ, надо быть ясновидящимъ или пророкомъ, а ясновидящему не нужно вовсе никакихъ наблю-



еній; онъ и такъ угадаетъ духъ народа. Но олицынский—не пророкъ, и потому ему слѣдовало-бы взглянуть въ свой предметъ попристальнѣе и подумать посерьезнѣе. Считать выисленные имъ проявленія существенными моментами народной жизни, значить не понимать народа, не любить и не уважать его. Если мы хотимъ знать о народѣ только то, какъ онъ работаетъ, торгуется, пьетъ, гуляетъ, бранится и мошеничаетъ, то мы этимъ самымъ или отвергаемъ въ немъ присутствіе другихъ, болѣе благородныхъ инстинктовъ, или не интересуемся ими. Какъ мужикъ любить, какъ онъ живетъ въ семействѣ, какъ онъ воспитываетъ своихъ дѣтей, что думаетъ и чувствуетъ,—этого мы, стало быть, и знать не хотимъ. Если народность даетъ намъ поводъ съострить, разсказать забавный анекдотъ или нарисовать бойкую карикатуру, тогда мы ей рады, какъ случаю выказать наше остроуміе, а иначе намъ до нея и дѣла нѣтъ. Приступать съ такими идеями къ изученію русскаго народа—по меньшей мѣрѣ несовременно. Но можетъ-быть, подумаетъ читатель, это только неудачное выраженіе, употребленное въ предисловіи Голицынскаго случайно и не имѣющее логической связи съ характеромъ всей книги.

Посмотримъ же, что даетъ намъ книга и на сколько въ своихъ очеркахъ авторъ остается вѣренъ идеямъ, высказаннымъ во вступленіи. Во всей книгѣ четыре очерка: «Нищія», «Пріѣзжіе мужички», «Прислуга» и «Представители Толкучаго рынка». Въ очеркахъ «Пріѣзжіе мужички» авторъ описываетъ тѣ иллюзіи и мистификаціи, которыя приходится встрѣтить простолюдину-провинціалу на московскихъ улицахъ. Вотъ идетъ по тротуару мужикъ, спрашивая у каждого встрѣчнаго, гдѣ живетъ «нѣмка Мантилья Карловна, бѣлобрысая такая, дюжая изъ себя»; вотъ мужикъ хлебнулъ московской водки и отплеивается, говоря, что у нихъ «водка въ Смоленскѣ хмельнѣе и лучше»; далѣе мужики разговариваютъ о томъ, какъ «нѣмецъ по пружинѣ на телеграфѣ чихвири пишетъ». Далѣе заѣзжій извозчикъ-ванька терпитъ горькую долю то отъ господъ, дешево платящихъ за далекіе концы, то отъ казака, везущаго въ часть арестанта, то отъ такихъ людей, которые отъ извозчиковъ уходятъ въ проходные дворы. Въ этомъ очеркѣ остроуміе Голицынскаго разыгрывается самымъ роскошнымъ образомъ. Не смѣшно-ли въ самомъ дѣлѣ, что мужикъ говоритъ *Мантилья* вмѣсто *Матильда*, *телеграфъ* вмѣсто *телеграфа*, *чихвири* вмѣсто *цифра*? Не смѣшно-ли, что мужикъ не знаетъ, что справляются объ адресахъ въ адресномъ столѣ или въ полиціи, что въ московскихъ кабакахъ продаютъ разбавленную водку, что отъ Сухаревой башни до

Зубова очень далеко, и что бываютъ дома съ проходными дворами? Выставить на показъ это незнаніе и посмѣяться надъ нимъ съ полнымъ удовольствіемъ и съ беззавѣтнымъ увлеченіемъ—вотъ цѣль автора въ названномъ очеркѣ, и конечно цѣль достигается вполне. Народность выводимыхъ личностей тоже выражается вполне, какъ въ ихъ незнаніи, такъ и въ ихъ произношеніи. У насъ еще до сихъ поръ не перевелись писатели, которые характеризуютъ русскаго мужика тѣмъ, что онъ почесываетъ затылокъ, говоритъ *эфтогъ* вмѣсто *этогъ* и коверкаетъ иностранныя слова. Гуманность этихъ писателей вообще, и Голицынскаго въ особенности, заключается по большей части въ томъ, что они, считая слово *мужикъ* грубымъ и обиднымъ, представляютъ его въ смягченномъ видѣ *мужичекъ*. Совершенно одобряя такого рода гуманное смягченіе, я позволю себѣ замѣтить, что въ такомъ случаѣ было-бы очень хорошо и удобно, а главное дѣло гуманно говорить: *козачекъ* вмѣсто *козакъ*, *солдатикъ* вмѣсто *солдатъ*, *бабочка* вмѣсто *баба*, смягчая такимъ образомъ постоянно слова, обозначающія собою низшія ступени словесій.

Въ разсказѣ «Прислуга» вся соль заключается въ томъ, что лакеи, кучера, кухарки и горничныя на чемъ свѣтъ стоитъ ругаютъ своихъ господъ, разсказываютъ о ихъ любовныхъ похищеніяхъ и отпускаютъ другъ другу площадныя любезности и такія-же остроты. Вотъ напримѣръ сцена за воротами

— Какой-же это клубъ на Цвѣточномъ бульварѣ? спросили лукаво дѣвушки.

— Мы тамъ свой завели (отвѣчаетъ кучеръ), тальянскій, значить, съ французскимъ угощеніемъ... на нѣмецкій ладъ.

Кучеръ опять откашлянувшись, наклонилъ голову на сторону и заплѣлъ подъ свою гармонию: «Вотъ на-а пути-и-и село-о большо-о-е, туда...» Чтожъ орѣшками-то не попоштуете! крикнулъ онъ неожиданно, щипнувъ за талью одну изъ слушательницъ.

— Ахъ, чтобы тебѣ лопнуть! Жидъ ты эдакій! Перепугалъ до смерти! крикнула та въ свою очередь, изо всѣхъ силъ треснувъ его по спинѣ ладонью.

— Попоштуйте орѣхами-то, хоть крѣпки-ли зубы попробовать.

— На-те вотъ, берите, коль не побрезгаете.

— Изъ вашего платочка завсегда очинно пріятно, отвѣчала ловеда съ необыкновенной галантносью.

— Почему-же это?

— А потому не въ примѣръ скусите орѣхи будуть... «его забилось ре-е-ти-во-е, и по-о-тихъ...» и т. д.

Были и до сихъ поръ есть писатели, принимающіе тривіальность за народность; употребляя слова: *треснуть*, *лопнуть*, *тальянскій*, *галантерейность*, *поштовать*, *скусить*, и восклицанія вроде: *жидъ ты эдакій!* Голицынский убѣжденъ въ томъ, что, во-всѣхъ



вышъ, онъ уловилъ букетъ народности и что, во-вторыхъ, онъ создалъ сцену, исполненную неподдѣльнаго комизма и самого живого юмора. Писатели съ посредственнымъ талантомъ и съ ограниченнымъ даромъ наблюдательности не умѣютъ воссоздавать народное міросозерцаніе и часто вовсе не подозреваютъ его существованія. Они подмѣчаютъ только вишніи угловатости и рѣзкости, и потому ихъ сцены изъ народной жизни, при бѣдности и безцвѣтности внутренняго содержанія, отличаются аффектаціей и поддѣлкой народнаго разговорнаго языка. Инымъ это нравится, и не мудрено: романы Зотова и Воскресенскаго находятъ себѣ многочисленныхъ читателей; выходки фарсеровъ въ водевиляхъ, дающихъ для съѣзда и разѣзда публики, возбуждаютъ въ райкѣ громкій хохотъ и рукоплесканія. Эстетическія понятія и требованія различныхъ людей отличаются безконечнымъ разнообразіемъ; почему-же и Голицынскому не прослыть въ извѣстномъ кругу читателей юмористомъ и знатокомъ русской народности? Наше дѣло—показать, что въ его книгѣ можно встрѣтить, чтобы предостеречь болѣе разборчивую публику отъ разочарованія. Комизмъ Голицынскаго далеко не изысканъ, но смѣется каждый тому, что ему кажется смѣшнымъ; смѣялся-же сослуживецъ Жевакина надъ тѣмъ, что ему показывали палецъ, а между тѣмъ, у кого-же доставить духу быть за это въ претензіи на добродушнаго жичмана? Но если писатель позволить себѣ смѣяться надъ тѣмъ, что въ каждой гуманной личности должно возбудить чувство грусти, состраданія или ужаса, тогда мы вправе сказать и доказать, что такой смѣхъ—кошунство, и что вліяніе его, по крайней мѣрѣ на ту часть публики, которая вѣритъ авторитету печатной буквы, безнравственно и вредно. Это гаерство, которому нуженъ казачъ и дурацкая шапка, чтобы развлекать публику, а не любовь и симпатія къ народу. Читая очерки Голицынскаго «Нищія» и «Представители Толкучаго рынка», я не могъ отдать себѣ отчета въ томъ, съ какой цѣлью написалъ ихъ авторъ. Я даже сомнѣвался, чтобы самъ авторъ сознавалъ въ нихъ какую нибудь цѣль. Хотѣлъ-ли онъ обличить плутни нищихъ и московскихъ жуликовъ, и должно-ли поставить эту статью на ряду съ книгой Зоркина, обличающаго плутни шуллерской игры? Хотѣлъ-ли онъ представить рядъ очерковъ съ чисто-эстетической цѣлью, какъ писатель, изображающій «бѣдность, да бѣдность, да несовершенство нашей жизни»? Что онъ хотѣлъ сдѣлать, мы не знаемъ; посмотримъ-же, что онъ сдѣлалъ.

Въ очеркѣ «Нищія» представлены салонница, «бѣдный, но благородный человекъ», шарманщикъ, и наконецъ очерченъ вертепъ или подвалъ, въ которомъ живутъ калѣки-ни-

щіе, пробавляющіеся милостыней у входа въ церкви, на паперти, на бульварахъ и на улицахъ. Почти во всѣхъ этихъ сценахъ мы видимъ дѣло съ поддѣльною бѣдностью, и авторъ вездѣ обращаетъ вниманіе не на степень матеріальнаго недостатка, а на средства, которыми употребляютъ бѣдняки, чтобы возбуждать состраданіе народа. Онъ относится къ этой бѣдности ихъ холодно, а по поводу ихъ притворства и искусства притворяться даетъ полную волю своему натянутому юмору. Онъ чрезвычайно игриво остритъ и надъ салонницей, надъ «бѣднымъ, но благороднымъ человекомъ», и даже надъ бѣдной дѣвочкой, сиротой, вождающей шарманщика и дѣлающей изъ разврата въ такомъ возрастѣ, когда еще ни физическія, ни нравственныя силы не окрепли и не способны поддерживать и охранять ее отъ пагубнаго вліянія окружающей среды. О салонницѣ онъ говоритъ напрямикъ, что салонъ «служитъ такимъ-же отличительнымъ признакомъ ея званія, какъ напѣхъ для испанки мантилья». О «бѣдномъ, но благородномъ человекѣ» приводится такая сцена, въ которой такой проситель и ломаномъ французскомъ языкѣ обращается къ состраданію порядочно одѣтаго господина. Остроуміе Голицынскаго остается вѣрно собою вся соль этой сцены заключается въ извѣстномъ французскихъ словъ, которыя даже въ большей картинности напечатаны русскими буквами. Напримѣръ:

— Vous demandez l'aumône? (спрашиваетъ господинъ).

— Фи донъ, лихонъ... (отвѣчаетъ проситель), жѣ при сюръ поверте, мусье.»

Веселость Голицынскаго не помираетъ даже тогда, когда онъ рассказываетъ о томъ, что одного «бѣднаго, но благороднаго человека» нашли замерзшимъ на улицѣ. Остроуміе его не сдерживается и передъ труномъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Однажды отставной чиновникъ выпросилъ у Голицынскаго гривенникъ, говоря, что ему необходимо ѣхать на Амуръ; на другой день утромъ, въ присутствіи Голицынскаго, поднимаютъ на улицѣ чей-то замерзшій трунъ. «Представьте-же мое удивленіе, когда, взглянувъ на его посинѣлое лицо,—продолжаетъ авторъ,—я узналъ вчерашняго амурца. И даже бронзовая медаль болталась у него въ петлицѣ. Догадъ! подумалъ я, и спросилъ у извѣстнаго: куда-жъ вы теперь его повезете?»—Человѣкъ умеръ, какъ собака, подъ заборомъ, безъ пріюта, безъ ласки, и не возбуждаетъ въ Голицынскомъ даже той жалости, какую невольно чувствуешь въ страданіяхъ животною. Я могу объяснить этотъ фактъ только гипотезой: вѣроятно Голицынский заподозрѣлъ своего амурца въ пьянствѣ и, возмущенный этой слабостью, отвелъ къ его жалкой жи-



чинъ съ добродѣтельнымъ равнодушіемъ и презрѣніемъ. Но любопытно то обстоятельство, что сцена, рассказанная Голицынскимъ, производитъ на читателя совсѣмъ не то впечатлѣніе, какого ожидалъ авторъ. Если кто изъ трехъ личностей, дѣйствующихъ въ сценѣ, рассказанной Голицынскимъ, способенъ подѣйствовать на читателя тяжело и враждебно, то это конечно тотъ *я*, отъ лица котораго идетъ весь рассказъ. Бродяга, собиравшійся ѣхать на Амуръ, умеръ мучительной смертью, онъ погибъ, какъ «собака подъ заборомъ». Если квартальный отзывается о смерти человѣка совершенно равнодушно, то это извиняется его необразованностью или давнишней привычкой. Но что же сказать въ оправданіе того *я*, который, закутываясь въ шубу, думаетъ о замерзшемъ бѣднякѣ: «доѣхалъ!», что значитъ другими словами: «окопѣлъ! туда и дорога!» А всего любопытнѣе то, что Голицынскій даже не выдѣляетъ себя изъ этого *я*, не замѣчаетъ, что это *я* нуждается въ оправданіи или въ презрительномъ состраданіи, и, довольный своей теплой шубой и неизсякаемымъ остроуміемъ, переходитъ къ другимъ забавнымъ сценамъ. Къ числу такихъ забавныхъ сценъ относится аукціонъ на ребенка, происходящій въ вертепѣ. Къ числу такихъ-же сценъ относится смерть ребенка въ этомъ вертепѣ, — смерть, которая рассказана такъ: «Мать видитъ, что ребенокъ дѣйствительно кончается, и начинаетъ выть и причитать по привычкѣ. Жильцы вертепа, Богъ знаетъ почему, хохочутъ. Черезъ часъ маленькій герой нашъ умираетъ и — *finita la comedia*». Что за наглый цинизмъ! Кто далъ право Голицынскому относиться такъ грубо къ лучшимъ чувствамъ человѣческой природы? Мать — нищая, развратная, безпосая женщина, какъ неоднократно съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ повторяетъ Голицынскій; такъ что-же изъ этого? Развѣ она не можетъ любить своего ребенка? Она отдаетъ его на прокатъ другимъ нищимъ-старухамъ, она торгуетъ имъ, она поступаетъ отвратительно, но что-же изъ этого? Развѣ въ минуту агоніи ребенка въ ней не можетъ проснуться материнское чувство, усиленное внезапно выступившими угрызѣніями совѣсти. Надо быть сердцевѣдцемъ, надо быть Богомъ, чтобы осмѣлиться сказать, что эта несчастная мать воетъ и причитаетъ *по привычкѣ*. Жильцы вертепа смѣются — неумудрено! Образованный человѣкъ, литераторъ находитъ сказать только — *finita la comedia*; было-бы удивительно, если-бы нищія не смѣялись и не глумились надъ смертью бѣднаго ребенка; осуждать ихъ за это несправедливо, можно только замѣтить, что сцены, подобныя описанной, составляютъ клевету на человѣчество. Онѣ могутъ войти только въ протоколъ уголовного

процесса; многое совершенно не правдоподобное случается иногда въ дѣйствительности, но мы не повѣримъ художнику, если онъ представить намъ въ своей картинѣ эти случайности и исключенія, потому что исключительныя положенія не даютъ матеріала для типа, а только могутъ быть до нѣкоторой степени объяснены случайнымъ и страннымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Въ природѣ встрѣчаются можетъ быть совершенные злодѣи, но нуженъ колоссальный талантъ, чтобы заставить повѣрить въ возможность такого злодѣя, представленнаго въ литературномъ произведеніи. Если смерть ребенка въ вертепѣ нищихъ происходила передъ глазами самого Голицынскаго, тогда холодный цинизмъ, съ которымъ она рассказана, приведетъ читателя въ ужасъ. Если эта сцена создана фантазіей автора, тогда это лишній камень осужденія, брошенный безъ особенной причины въ классъ людей, который нуждается въ состраданіи и который безусловно презирать — несправедливо, чтобы не сказать больше. Народные пороки — вопросъ до такой степени серьезный, что къ нему надо относиться осторожно, съ знаніемъ и пониманіемъ дѣла, съ полной способностью сочувствовать несчастному и съ полнымъ желаніемъ простить и оправдать то, что упало въ грязь случайно и стремится изъ нея выйти. Въ подобныхъ случаяхъ всегда лучше быть слишкомъ мягкимъ, нежели слишкомъ жестокимъ: изыщитѣ, справедливѣе и гуманнѣе тотъ сердобольный купецъ или мужикъ, который подастъ нищему грошъ, не справляясь даже о его нравственности, чѣмъ тотъ писатель-обличитель, которому во всякомъ оборванномъ просителѣ мерещится тунеядецъ, обманщикъ или мошенникъ. Голицынскій такъ презираетъ поддѣльную бѣдность, что рядомъ съ нею рѣшительно не даетъ мѣста истинной бѣдности. Эта брезгливость недостойна ни художника, ни развитого человѣка. Подумайте, что такое поддѣльная бѣдность? Заслуживаетъ-ли она дѣйствительно такого безжалостнаго обсужденія? Если просить милостыню человѣкъ, имѣющій состояніе, то это болѣзнь, мономанія. Если человѣкъ, дѣйствительно не имѣющій средствъ и даже работы, прикидывается калѣкой, то онъ выставляетъ только яркую вывѣску того положенія, въ которомъ дѣйствительно находится. Нищенство — занятіе очень неизящное; нищенство не излечивается тѣмъ величавымъ презрѣніемъ, съ которымъ вы будете смотрѣть на бѣдняка. Амурецъ, которому Голицынскій далъ гривенникъ, былъ очень здоровъ, однако это не помѣшало ему замерзнуть; стало быть, онъ дѣйствительно былъ въ крайности, потому что даже авторъ уличныхъ типовъ, строгій censor *погибъ*, не говоритъ положительно о томъ, что онъ замерзъ въ пьяномъ видѣ. Зачѣмъ, скажете вы, здоровому человѣку нищен-



ствовать и пить, когда онъ можетъ работать? Да развѣ, отвѣчу я, всякому здоровому человѣку такъ легко найти себѣ работу? Вы безъ рекомендаціи не наймете дворника, не пустите къ себѣ въ домъ кухарку, тѣмъ болѣе не дадите работы человѣку, протягивающему вамъ руку на улицѣ. А можетъ-быть есть между нищими и такіе люди, которые душою рады были-бы найти себѣ занятія. Можетъ-быть, униженные случайно, эти люди стремятся выйти изъ своего тяжелаго положенія, но ихъ отталкиваетъ окружающее общество, и они медленно развращаются и мирятся съ жизнью тунеядца и бродяги. Сидя безъ хлѣба и безъ мѣста, отвѣдавши случайно, въ крайности, дарового пропитанія, молодой и здоровый малый можетъ совершенно испортиться, отбиться отъ работы и поступить въ разрядъ поддѣльных калѣкъ. Жалкое паденіе, скажемъ мы, но это паденіе, какъ и большая часть человѣческихъ пороковъ, простиительно и заслуживаетъ состраданія, а не презрѣнія. Съ распространеніемъ грамотности развивается обыкновенно трудолюбіе и слѣдовательно уменьшается число тунеядцевъ и нищихъ. Содействовать такого рода усовершенствованіямъ—дѣло каждаго честнаго гражданина, но кто-же станетъ этому содействовать? У кого хватить духу смѣяться надъ тѣмъ, въ чемъ проявляется слабость человѣческой природы во всей своей ужасающей наготѣ? Кто способенъ стать къ очерку Голицынскаго въ критическія отношенія, тому онъ покажется жалокъ и смѣшонъ; кто увлечется юморомъ автора, тотъ вмѣстѣ съ нимъ погрѣшитъ противъ справедливости и здраваго смысла.

«Представители Толкучаго рынка» конечно блѣднѣютъ передъ очеркомъ «Нищіе». Автору не приходится имѣть дѣло съ такими мрачными явленіями жизни, и потому остроуміе его уже не производитъ на читателя такого сильнаго и страннаго впечатлѣнія. Въ этомъ очеркѣ любопытно и поучительно замѣтить только то, что авторъ съ особеннымъ удовольствіемъ напираетъ на подробности, напоминающія романы Поль-де-Кока; но у Поль-де-Кока эти подробности наивны и веселы, а у Голицынскаго онѣ просто плоски и грязны. Онъ любитъ останавливаться на такихъ подробностяхъ, въ которыхъ по его мнѣнію лежитъ и особенность русскаго народа, и мѣстный колоритъ московскаго Толкучаго рынка. Какъ ѣсть русскій мужикъ, и чѣмъ отъ какой рыбы пахнетъ, и какъ поддерживается теплота въ кушаньѣ на открытомъ воздухѣ,—все это описано съ такой любовью, что иностранецъ могъ-бы подумать, что русская народность безъ этихъ особенностей невообразима. Опять мы скажемъ: «вольному воля!». Остроуміе Голицынскаго мнѣ кажется плоскимъ и натянутымъ, но вѣдь много у насъ на Руси такой публики, для кото-

рой двусмысленный, часто топорный анекдотъ любой комедіи Островскаго; что-бы этимъ дѣлать? Какъ ни грустно признавать это, а можно быть увѣреннымъ, что и «Уличные типы» разойдется хорошо и тѣшая ее, многіе православные будутъ падать животика. Пріятно по крайней мѣрѣ жити въ этой-же самой книгѣ приговоръ о ней въ бесѣдѣ двухъ букинистовъ. Обсужденіе состояніе современной книжной торговли, изъ этихъ промышленниковъ замѣчаетъ и прочимъ, что книжка «Старичокъ-весельникъ» рассказывающій старинныя московскія быта вышла шестымъ изданіемъ и «только идетъ». Этими словами букиниста Голицынскаго очевидно даетъ публикѣ урокъ и старается поощрить ее, что она раскупаетъ дрянь и ею усаживаетъ свои досуги. Но мы пожалѣли-бы и букиниста и публику, еслибъ этотъ урокъ послужилъ въ пользу и былъ примѣненъ къ оцѣнкѣ избранной нами книги. «Уличные типы» Голицынскаго составляютъ на русской почвѣ раздраженіе безчисленнымъ юмористическимъ даваніямъ, наводящимъ французскую литературу и потѣшающимся надъ смѣшными и чуждыми сторонами народности. Всѣ эти шпіи, начиная съ самаго роскошнаго изданія «Le diable à Paris», отличаются глазированной бумагой, прекраснымъ выполненіемъ рисунковъ и замѣчательной пустотой содержанія. Всѣ эти качества замѣчаются въ книгѣ Голицынскаго, конечно въ ослабленномъ видѣ, и слѣдуетъ ожидать отъ подражанія. О пунктѣ содержанія мы уже говорили; о внѣшности изданія нельзя не отозваться съ похвалой. Бумага и шрифтъ хороши; а рисунки напоминаютъ собою манеру Гаварни и выполнены опытной и искусной рукой. Даже жаль, что издержки издателя и талантъ художника потрачены на такую ничтожную книгу. Эта книга сама по себѣ, конечно не стоила такого подробнаго разбора, но я рѣшился отдать ей несколько страницъ, потому что она глубоко и неловко затрогиваетъ предметъ, близкій сердцу каждаго честнаго человѣка. Грустно видѣть, когда гримасничаютъ, кривляются и глумятся надъ такимъ предметомъ, который любишь горячо, искренно и сознательно,—надъ предметомъ, которому даровитые дѣятели посвящаютъ лучшіе труды свои, къ которому избранные люди приступаютъ съ любовью и уваженіемъ. Тутъ по неволѣ зашевелится въ душѣ негодованіе и невольно подумаешь, что, проходя молчаніемъ постыдное кощунство, дѣлаешься его пассивнымъ соучастникомъ и ободрителемъ. Въ оправданіе книги Голицынскаго сказать нечего. Въ извиненіе самого автора можно привести развѣ то обстоятельство, что онъ самъ не вѣдаетъ, что творитъ: и въ этомъ лучшее оправданіе его передъ судомъ критики.



## НАРОДНЫЯ КНИЖКИ.

(Русская азбука для народн. школъ и для домашн. обуч. по новѣйш. методѣ. Изд. Лермантова и К. 1860. — Русская азбука съ наставленіемъ, какъ должно учить. 2 изд. значит. доп. В. Золотова. — Изд. товарищ. Обществ. Польза. 1860. — Хрестоматія — 28 басенъ русск. баснописцевъ Измайлова, Хемницера, Дмитріева и Крылова. Изд. Лермантова и К. 1861. — Бесѣды въ досужее время. Разск. для чтенія простому народу. Изд. Станюковича. 1860. — Дѣдушка Назарычъ. Разск. А. Погоскаго. 1860. — Первый винокуръ. Древнее сказ. — Механикъ-самоучка Кулибинъ. Соч. Н. Троицкаго. Изд. „Народн. чтенія“. 1860. — Дядя Титъ Антонычъ учить, какъ надо любить ближняго. Соч. Н. С. 1861. — Книгиня Ольга, первая русская правительница-христіанка. Соч. Н. С. 1861.)

Наконецъ общество начинаетъ сознать, что на немъ лежитъ обязанность — дѣлиться съ народомъ знаніями и идеями. Вѣроятно многія изъ книгъ, поименованныхъ въ заглавіи моей статьи, написаны съ добросовѣстнымъ желаніемъ принести пользу; вѣроятно также, что нѣкоторые изъ нихъ составлены съ промышленной цѣлю; но и это не бѣда. Составить предметъ спекуляціи можетъ только такое предпріятіе, котораго необходимость вошла въ общественное сознаніе. Разумѣется, книга, написанная для народа только ради торговаго сбыта, не дѣлаетъ чести нравственному чувству ея составителя, но самое существованіе подобной спекуляціи — фактъ отрадный, потому что онъ указываетъ на большой запросъ или по крайней мѣрѣ на возможность подобнаго запроса въ ближайшемъ будущемъ. Необходимость народнаго образованія вошла въ общественное сознаніе, но между теоретическимъ и практическимъ рѣшеніемъ вопроса лежитъ цѣлая бездна. Давно-ли въ нашихъ журналахъ разсуждали и спорили о томъ, нужна-ли и полезна-ли для народа грамотность? Вопросъ этотъ рѣшенъ утвердительно, но самая возможность подобнаго спора, самая необходимость доказывать аксіому служить осязательнымъ примѣромъ того, какъ ново и непривычно для насъ дѣло народнаго образованія. И это не удивительно. Потребность умственнаго прогресса была отодвинута въ нашей жизни на задній планъ, и мы, вмѣсто истиннаго образованія, довольствовались одними виѣшними условіями его; мы не видѣли или, лучше, не хотѣли видѣть, что позади насъ есть миллионы другихъ людей, которые имѣютъ одинаковое право на человѣческую жизнь, образованіе и социальное усовершенствованіе. Теперь мы сознаемъ, что безъ этихъ миллионовъ людей мы не далеко уйдемъ съ своей привозной цивилизаціей и съ своимъ просвѣщеніемъ, взятымъ напрокатъ. Такимъ образомъ великой задачей нашего времени становится умственная эманципація массъ, черезъ которую предвидится имъ исходъ къ лучшему положенію не только ихъ самихъ, но и всего общества. Школой нашего воспитанія является весь народъ, а воспитателемъ его — образованное меньшинство. Въ теоріи мы знаемъ, что надо дѣлать. Надо изучить характеръ воспитанника, взвѣсить тѣ обстоятельства и обстановку его прежней жизни, ко-

торые могли имѣть вліяніе на складъ его способностей и жизни, надо честнымъ и откровеннымъ обращеніемъ приобрести его довѣріе, надо узнать его насущныя потребности и наконецъ, ошупавъ дѣйствительную почву, взяться за дѣло такъ, какъ потребуютъ обстоятельства, какъ Богъ на душу положитъ, не ожидая отъ теоріи рѣшенія такихъ вопросовъ, которые должны рѣшаться на мѣстѣ, путемъ какого-то наитія и творческаго вдохновенія. Съ такими требованіями каждый развитой челоѣкъ имѣетъ право обратиться къ любому порядочному воспитателю, и вѣроятно въ этихъ требованіяхъ не будетъ ничего преувеличеннаго. Если-же нельзя братья кое-какъ, съ налету, за воспитаніе ребенка, то тѣмъ болѣе нельзя съ кой-какими теоретическими свѣдѣніями приступать къ воспитанію народа. Въ первомъ случаѣ мы рискуемъ приготовить обществу дурнаго гражданина, можетъ быть несчастную жертву порока; во второмъ — мы принимаемъ на себя тяжелую отвѣтственность за свою націю. И если жалко видѣть отдѣльное лицо, испорченное ложнымъ воспитаніемъ, то съ какимъ-же чувствомъ мы должны смотрѣть на умственный развратъ всего народа? Къ сожалѣнію, мы рѣдко задумываемся надъ этимъ вопросомъ и, облачаясь въ санъ воспитателя его, оказываемъ ему услугу, подобную той, какую въ баснѣ Крылова оказалъ медвѣдь спавшему пустынноику. Говоря вообще, мы плохо понимаемъ требованія народной жизни, хотя и много кричимъ на эту тему. Теоретики, фразеры, реформаторы съ высоты величія отвлеченной мысли, доктринеры, фанатики, готовые умереть на словахъ за честь своего знамени, энтузіасты, крикуны и махатели руками расплодились немовѣрно въ нашемъ разсыропленномъ обществѣ. Предпріятія возникаютъ и лопаются; теоріи въ одинъ день создаются и распадаются; всѣ какъ-будто заняты, а дѣло движется медленно впередъ. Мы никогда не отличались особенной энергіей, но теперь на всѣхъ замѣтна апатія, лихорадочные порывы и вслѣдъ за ними какая-то нравственная усталость и безпошадное равнодушіе. Первое препятствіе охлаждаетъ насъ, первая неудача отбрасываетъ наши силы въ совершенное бездѣйствіе. Притомъ мы давно привыкли думать, что великія дѣла можно дѣлать посредствомъ маленькихъ людей, между тѣмъ для добросовѣстнаго выполненія и малень-



каго дѣла нуженъ если не великій, то хорошій человекъ. Мы эту истину цѣнимъ мало: и я увѣренъ, что, остановивъ на улицѣ тридцать встрѣчныхъ и предложивъ имъ быть воспитателями народа, мы получимъ отказъ развѣ отъ одного: всѣ прочіе точно такъ-же возмущаются за этотъ трудъ, какъ они взились-бы за переписываніе бумагъ. Это признакъ совершеннаго непониманія общественныхъ интересовъ и крайняго презрѣнія къ нимъ.

Встрѣчаясь съ слабыми и блѣдными попытками провести въ народное сознаніе нѣсколько свѣтлыхъ мыслей, я прежде всего считаю нужнымъ выяснитъ до нѣкоторой степени тѣ формы, въ которыхъ вообще можетъ и должна появиться пропаганда. И педагогъ, и поэтъ, и учитель, и профессоръ—пропагандисты, которыхъ вліяніе конечно обуславливается ихъ личными свойствами и достоинствами; но между пропагандою поэта и педагога нельзя не замѣтить существенной разницы. Поэтъ не видитъ передъ собой публики и не рассчитываетъ на нее, не взвѣшиваетъ каждое слово и не предлагаетъ себя на каждомъ шагу вопроса: какое впечатлѣніе произведу я на современное общество? Создавая по внутренней необходимости, выдѣляя изъ себя то, что накопилось и накипѣло въ груди, онъ весь занятъ своимъ предметомъ, весь живетъ въ мірѣ вызванныхъ имъ образовъ и кромѣ этихъ образовъ въ минуту творчества не видитъ ничего, да и не долженъ ничего видѣть. Связь между поэтомъ и обществомъ неизбежна, но она существуетъ помимо воли поэта, и поэтъ не дѣлаетъ, да и не долженъ дѣлать ни шагу, чтобы скрѣпить или ослабить эту связь. Связь эта основана на томъ, что поэтъ переживаетъ съ современниками и горе, и радость, и надежды, и опасенія, и моменты юношеской вѣры, и годы мучительныхъ сомнѣній и тяжкаго раздумья. Онъ переживаетъ все это вмѣстѣ съ нами, но чувствуетъ живѣе насъ, оттого наша неясная грусть или тревожная, но еще не сознательная и почти безпричинная радость въ созданіяхъ поэта принимаютъ плоть и кровь; оттого-то поэтъ учитъ насъ, не говоря намъ ничего новаго.

Въ пропагандѣ педагога напротивъ того все соображено, размыслено и клонится къ пользѣ воспитываемой личности. Его пропаганда должна быть послѣдовательна и строго сообразна условіямъ времени, личности и степени ея развитія. Насколько поэту необходима искренность чувства, настолько педагогу необходима постоянная наблюдательность и осторожность какъ въ выборѣ предмета, такъ и въ процессѣ его изложенія. Чистый типъ поэта и педагога вѣроятно не встрѣчается въ природѣ, потому что вообще не встрѣчается воплощеній отвлеченныхъ качествъ. Чтобы быть поэтомъ въ дѣлѣ народнаго образованія, надо стоять на одной почвѣ съ народомъ, надо горячо любить его и притомъ любить просто и безъ претензій;

надо силой непосредственнаго чувства познать и его невысказанное горе, и несознанныя надежды, и невыяснившіяся стремленія. Бродя Кольцова, врядъ ли кто-нибудь изъ нашихъ замѣчательныхъ поэтовъ умѣлъ въ своихъ произведеніяхъ жить одною жизнью съ той массой людей, которая нуждается въ умственныхъ дѣйствіяхъ со стороны образованнаго меньшинства. Ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ не могли проникнуть творческой мыслью исключительна въ народное міросозерцаніе, потому что все ихъ вниманіе было поглощено анализомъ окружающей ихъ полу-русской среды, сложившейся изъ вліяній акклиматизаціи европейскаго этанса, европейскихъ предразсудковъ и отчасти европейскихъ идей и воззрѣній. Эту среду, въ которой они выросли и развились, наши поэты познали и изучили; что же касается до простого народа, съ которымъ каждый изъ насъ имѣетъ чисто-внѣшнія отношенія, то изъ него наши поэты брали нѣкоторые характерныя фигуры, но при этомъ постоянно останавливались на одной внѣшней сторонѣ явленія. Они представляли лакея, крестьянина, фабричнаго и т. д., но кромѣ подробностей костюма и обстановки кромѣ копированія домашняго быта и языка кромѣ воспроизведенія внѣшнихъ отношеній въ ихъ произведеніяхъ не было ничего такого, въ чемъ выразилось-бы пониманіе внутреннихъ существенныхъ особенностей русской жизни. Осипъ въ «Ревизорѣ», Петрушка и Селифанъ въ «Мертвыхъ Душахъ»—живые люди, но это бесспорно, но они схвачены только съ внѣшней стороны, какъ лица, составляющія декорацию, обстановку и потому не заслуживающія особеннаго вниманія. Все, что они говорятъ,—вѣрно; все это непременно было-бы сказано русскимъ дворовымъ человекомъ, находящимся въ ихъ положеніи, но все это, взятое вмѣстѣ, такъ незначительно, что никакимъ образомъ не даетъ читателю средства проникнуть во внутренний міръ этихъ личностей. Писль Гоголя дѣло сближенія образованнаго класса съ народомъ подвинулось впередъ; главными дѣйствующими лицами романовъ и повѣстей стали являться русскіе мужики и бабы, но и здѣсь анализъ скользитъ по одной поверхности. Романы изъ народнаго быта рисовали и рисуютъ намъ не столько характеры, сколько положенія. Если есть драматическая борьба, то она замыкается въ кругъ чисто внѣшнихъ происшествій. Черезъ это всѣ характеры являются въ напряженномъ состояніи, и мы видимъ не естественное и спокойное развитіе жизни, а нравственныя судороги, которыя не позволяютъ намъ дѣлать какія бы то ни было заключенія о выраженіи лицъ въ обыденныя, будничныя минуты жизни. На это мнѣ можетъ-быть сказать, что трудовая, пасмурная жизнь крестьянина такъ безцвѣтна и однообразна, что собственно человѣческія стороны его личности выражаются



олько проблесками, въ тѣ минуты, когда загоритъ ретивое и когда нашъ простолюдинъ на нѣсколько мгновений страхнетъ съ себя тяжкую и вынужденную апатію.

Но это возраженіе опровергается пѣснями Гольцова, относящимися такъ часто и съ такою любовью къ этой заунывной, трогательной сторонѣ народной жизни, состоящей изъ длиннаго ряда однообразныхъ трудовъ, крупныхъ и мелкихъ лишений. Притомъ замѣчу, что только незнаніе русскаго человѣка и человѣка вообще можетъ рѣшить такъ смѣло и голословно, что обыденная жизнь простолюдина сама по себѣ безцвѣтна и пуста. Народъ ближе насъ стоитъ къ природѣ и смотритъ на окружающій его міръ яснѣе, чѣмъ мы, потому что взглядъ его не омраченъ предубѣжденіями и ложными понятіями нашей жизни. Но потому-то намъ и трудно наблюдать и анализировать внутреннюю сторону народной жизни. Мы обыкновенно подступаемъ къ ней съ предвзятыми идеями и даемъ свой собственный, произвольный смыслъ дѣйствительнымъ явленіямъ. Кто напримѣръ понялъ и вѣрно выразилъ отношенія крестьянина къ любимой имъ женщинѣ? Изображая отношенія между влюбленными, наши романисты большей частью рисовали намъ сцены, созданныя воображеніемъ,—сцены, за вѣрность которыхъ не поручится ни самъ авторъ, ни внутреннее чутье читателя. «Свиданіе», описанное въ «Запискахъ Охотника» Тургенева, составляетъ въ ряду подобныхъ сценъ рѣдкое исключеніе, но при этомъ не должно упускать изъ виду обстоятельство, которое придаетъ всей сценѣ живой и своеобразный колоритъ. Тургеневъ выставляетъ контрастъ между дѣвственной, свѣжей душой молодой крестьянки и засушенной и пошлой натурой лакея, любимца барина. Внѣшнее положеніе дѣйствующихъ лицъ само по себѣ такъ характеристично, что оно совершенно овладѣваетъ вниманіемъ читателя и совершенно выкупаетъ въ его глазахъ недостатокъ анализа самаго чувства. Семейныя отношенія точно также были недоступны правильному наблюденію нашихъ писателей; мы знаемъ, что отецъ—хозяинъ въ домѣ, что мужъ распоряжается съ женою деспотически, что жена считаетъ такой порядокъ вещей естественнымъ и законнымъ, что взрослые дѣти ходятъ въ страхѣ передъ старикомъ-отцомъ; но всѣ эти свѣдѣнія очень похожи на примѣты, выставляемые въ паспортахъ и отпускныхъ билетахъ; живое явленіе жизни трудно исчерпать описаніемъ,—его надо прочувствовать и пережить на самомъ себѣ; еслибы какой-нибудь путешественникъ, прожившій лѣтъ десять въ Парагуаѣ или на Сандвичевыхъ островахъ, написалъ романъ изъ тамошнихъ нравовъ, мы вѣроятно съ большимъ любопытствомъ остановились бы на описаніи мѣстныхъ обычаевъ, обрядовъ, образа жизни, быта и предразсуд-

ковъ, но въ то-же время имѣли бы полное право усомниться въ жизненной вѣрности и полнотѣ выведенныхъ характеровъ и изображенныхъ личностей. А между тѣмъ, читая романы изъ народнаго быта, публика наша думаетъ, что имѣетъ дѣло съ дѣйствительной народной жизнью. Спрашивается: развѣ различіе между какимъ-нибудь парагвайцемъ и европейскимъ туристомъ значительно больше того различія, которое существуетъ между русскимъ простолюдиномъ и русскимъ писателемъ? Развѣ между простолюдиномъ и писателемъ есть какая-нибудь связь, кромѣ единства языка и мѣста рожденія? Развѣ отношенія простолюдина къ писателю искреннѣе, задушевнѣе и ближе отношеній парагвайца къ заѣзжему европейцу? Мы любимъ народъ или по крайней мѣрѣ воображаемъ себѣ, что любимъ, потому что мудрено дѣйствительно любить того, кого мы почти не знаемъ, но народъ не любитъ насъ и не вѣритъ намъ. Мы для него до сихъ поръ ровно ничего не сдѣлали, мы его трудами жили втеченіи столѣтій, и онъ это помнитъ той самой памятью, которая до сихъ поръ хранитъ въ народной пѣснѣ воспоминанія о Дунаѣ-рѣкѣ и о Владимірѣ Красномъ-Солнышкѣ. Кто станетъ винить нашего мужика въ томъ, что онъ въ каждомъ одѣтомъ по европейски господинѣ видитъ человѣка, съ которымъ надо держать ухо востро и съ которымъ пускаться въ откровенность не слѣдуетъ ни подъ какимъ видомъ?—Какъ бы то ни было, мы должны признаться, что при настоящемъ положеніи дѣлъ изученіе народности только-что начинается; мы едва начали распознавать ея существенные признаки, мы не можемъ даже дать внѣшняго описанія народнаго типа, стало-быть, вывести этотъ типъ въ художественномъ произведеніи еще нѣтъ никакой возможности. Исторія разлучила насъ съ нимъ гораздо ранѣе Петра. До сихъ поръ, сколько можно припомнить, народная инициатива выразилась только въ эпоху самозванцевъ да въ 1812 году; во все остальное время народъ нашъ представлялъ собою огромную массу, повиновавшуюся данному извѣстному толчку по силѣ инерціи и принимавшую любую форму, смотря по тому, откуда чувствовалось давленіе.—На основаніи всего сказаннаго, можно допустить предположеніе, что едва-ли поэтическая и педагогическая пропаганда по силамъ нашему поколѣнію. Нашей поэтической пропаганды народъ не пойметъ, потому что мы говоримъ на двухъ разныхъ языкахъ, живемъ въ двухъ разныхъ сферахъ и въ умственныхъ нашихъ интересахъ не имѣемъ ни одной, да въѣдъ ни одной точки соприкосновенія. Чтò волнуетъ лучшихъ людей нашего общества, чтò заставляетъ ихъ стремиться къ отвлеченной истинѣ, къ знанію ради знанія, чтò заставляетъ ихъ страдать и радоваться муками творческаго рожденія, то конечно покажется вся-



кому здравомыслящему, но неразвитому простолюдину искусственной потребностью, прихотью барства, слѣдствіемъ изнѣженной и праздной жизни. Эстетическія понятія наши расходятся также сильно съ понятіями нашего народа; что намъ кажется превосходнымъ, вызываетъ нашъ умъ на усиленную дѣятельность, а въ душѣ будить цѣлый міръ неясно сознаваемого чувства, то навѣрное покажется народу слишкомъ блѣднымъ, потому что требованія его фантазій и сердца гораздо шире и проще нашихъ. Словомъ, разстояніе между нашими воззрѣніями и наклонностями до сихъ поръ еще такъ велико, что оно исключаетъ всякую возможность непосредственного пониманія. Намъ достаточно было-бы развернуть передъ народомъ наше міросозерцаніе во всей его полнотѣ, чтобы внушить ему недоувѣріе и боязнь. Есть такіе народные вѣрованія и предрасудки, которые невозможно затрогивать грубо и неосторожно; ихъ надо разрушать исподволь, надо вести народное развитіе, не касаясь ихъ прямо и предоставляя ихъ устраненіе времени и здравому смыслу. — Стало-быть, надо дѣйствовать педагогически, т. е. принаравливать свое изложеніе къ понятіямъ слушателя и не сходить съ его точки зрѣнія. Но для педагогической дѣятельности необходимо, чтобы, во 1-хъ, воспитатель зналъ своего воспитанника вдоль и поперекъ, и чтобы, во 2-хъ, между воспитателемъ и воспитанникомъ существовало полное довѣріе. Въ послѣднемъ случаѣ намъ представляется величайшее затрудненіе. Мы можемъ возратить довѣріе народа только тогда, когда станемъ къ нему синхронизированными братьями. Доселѣ мы искали только однихъ правъ и расширенія произвола въ отношеніи массы, но не хотѣли знать, что кромѣ правъ есть и обязанности съ нашей стороны.

Высказавъ свое мнѣніе о народной литературѣ вообще, приступлю къ разбору фактовъ, т. е. вышедшихъ для народа книжекъ. Этотъ разборъ фактовъ подтверждаетъ мое заключеніе, сдѣланное *a priori*; скажу болѣе: онъ приводитъ къ результату, гораздо болѣе печальному, чѣмъ можно было ожидать. Если-бы принять совокупность лежащихъ передо мною книжекъ за *maximum* того, что можетъ дать народу пишущая Россія, то можно было-бы подумать, что у насъ нѣтъ ни одного таланта, ни одного человѣка, любящаго народъ.

Въ этихъ книжкахъ даже нельзя указать на слишкомъ большія ошибки, потому что онѣ ниже ошибокъ. Если бы составители этихъ книжекъ имѣли какое-нибудь понятіе о своей задачѣ (т. е. о народѣ, для котораго пишутъ, и о предметѣ, по которому пишутъ), то, хотя бы это понятіе было ложное, самое существованіе его отразилось-бы въ большей живности и теплотѣ изложенія. Но въ этихъ книжкахъ нѣтъ ни мысли, ни направленія, ни пони-

манія народности: это даже не книги, это мага, болѣе или менѣе сѣрая, запечатанная болѣе или менѣе убогими шрифтами, большимъ или меньшимъ числомъ опечатокъ. Четыре книжки, именно двѣ азбуки и двѣ книжки стихотвореній, по многимъ причинамъ должны быть изъяты изъ общаго разбора, и потому я теперь-же скажу о нихъ несколько словъ. Обѣ азбуки составлены новой методѣ и въ нихъ обученіе начинается не съ буквъ, а съ цѣлыхъ словъ; эта методика признанная современной педагогикой, дѣйствительно рациональнѣе прежней методы и отличается большими практическими удобствами. Когда русскому человѣку говорятъ русское слово, онъ его понимаетъ, но когда неграмотный человѣкъ называетъ букву, онъ рѣшительно въ состояніи понять, что это такое. Факты казываютъ намъ, что въ исторіи изобрѣтенія письменъ, буквенная система занимаетъ послѣднюю и послѣднюю степень, и что гораздо раньше раздѣленія словъ на буквы находилось въ употребленіи письмо, изображающее самыя предметы или символически указывающее на значеніе того слова, которое нужно было написать. Вслѣдствіе этого слово составилось изъ буквъ или звуковъ, а напротивъ того звуки произошли оттого, что аналитическая дѣятельность ума разложила существующія слова и нашла въ нихъ общія составныя части, элементы, которые сами по себѣ самостоятельно никогда не существовали. Требовать такой аналитической дѣятельности отъ человѣка неграмотнаго и мало мыслящаго нельзя; поэтому необходимо, чтобы учитель наглядныхъ примѣровъ показалъ ему, какъ слова дѣлятся на слоги, а слоги на буквы, и на этомъ основаніи метода, предлагаемая мною названными мною азбуками, во многихъ отношеніяхъ облегчаетъ первоначальное обученіе, которое было такъ скучно и утомительно для учителя и для ученика. Честь изобрѣтенія этихъ методовъ принадлежитъ европейскимъ педагогамъ; примѣнена она въ общихъ азбукахъ не дурно, сколько мнѣ кажется, она лучше примѣнена въ изданіи Лермантова и комп. Въ азбуку Золотова воспитанникъ, прочтя при помощи учителя девять двусложныхъ словъ, въ первомъ-же упражненіи переходитъ къ слогамъ и даже къ буквамъ; въ азбуку Лермантова этотъ переходъ дѣлается нечувствительно: тамъ ученикъ прочитываетъ рядъ словъ, очень короткихъ и сходныхъ между собою по своимъ составнымъ частямъ, напр. *мы, то, та, — мы, мы, см.* Видя сходство въ написаніи и созвучіе въ произношеніи, онъ естественно проводитъ параллель между тѣмъ и другимъ и собственнымъ умомъ доходитъ до пониманія отдѣльных буквъ; это возбуждающее вліяніе, которое азбука можетъ оказать на самостоятельность мысли, особенно важно и полезно, потому что оно ободриетъ ученика и облегчаетъ ученіе. Въ общ-



ихъ азбукахъ есть нѣсколько страницъ упражненій; на нихъ, какъ это бываетъ во всѣхъ цѣлѣйныхъ азбукахъ, есть и правоученія, и арифметика, и статистическія свѣдѣнія о Россіи; все тамъ есть, и зачѣмъ оно туда попало, — единому Богу извѣстно. Азбуки изъясляютъ желаніе быть энциклопедіями и черезъ это перестаютъ быть хорошими азбуками. Достаточно было-бы, кажется, дать ученику, выучившемуся читать, страницъ 20 занимательнаго и понятнаго чтенія, чтобы пріохотить его, или пожалуй просто, чтобы дать ему средства съ удовольствіемъ почитать подъ руководствомъ учителя; но изъ чтенія исторіи, арифметики, правилъ общежитія и изъ всѣхъ этихъ отрывочныхъ полусвѣдѣній выходитъ такая скучная и бесполезная смѣсь, что ученикъ конечно не въ состояніи будетъ ни прочесть ее съ удовольствіемъ, ни пріобрѣсти изъ нея какое-нибудь дѣйствительное знаніе. На двухъ страницахъ азбуки Золотова говорится объ именованныхъ числахъ, о календарѣ, о древней исторіи, о сотвореніи міра, о Рождествѣ Христовомъ, Евангеліи и объ основаніи Россійскаго государства. Прочтя такія двѣ страницы, невольно вспомнишь о томъ уѣздномъ учителѣ, который въ одинъ урокъ прочиталъ отъ ассирійца и вавилоняня до Александра Македонскаго и даже въ заключеніе сломалъ казенный стулъ. Вотъ напр. о древней исторіи: «Во все это время (отъ сотворенія міра до 1860 года) жили разные народы; самыми древними изъ нихъ были египтяне, вавилоняне, евреи, римляне, греки и многіе другіе», а далѣе уже слѣдуетъ объ откровенномъ законѣ Моисея и о Рождествѣ Христовомъ. А вотъ изъ азбуки Лермантова статья изъ отдѣла «Основныя законоположенія»: «Власть родительская простирается на дѣтей обоюго пола и всякаго возраста, съ различіемъ и въ предѣлахъ, законами для сего постановленныхъ (Св. Зак. Т. X, ст. 158)». Насколько, прочитавъ эти строки, ученики получаютъ понятіе о древней исторіи и о предѣлахъ родительской власти въ Россіи, — это я предоставляю рѣшить самимъ составителямъ. Есть родители и воспитатели, которые, желая своимъ дѣтямъ и воспитанникамъ добра, говорятъ: пускай всему учится, все пригодится; не узнаетъ всего вполнѣ, по крайней мѣрѣ получитъ какое-нибудь понятіе. Въ отношеніи къ понятію эти педагоги чрезвычайно нетребовательны; они часто называютъ понятіемъ одно слово, одну фразу, часто просто имя собственное. Съ этой точки зрѣнія можно пожалуй оправдать приложенія къ азбукамъ Золотова и Лермантова, но я позволю себѣ держаться мнѣнія діаметрально противоположнаго и потому замѣчу, что нехорошо и недобросовѣстно заваливать память человѣка, которому придется въ будущемъ многому учиться; это значитъ злоупотреблять правами учителя и терпѣніемъ

ученика. — Оба сборника стихотвореній отличаются вычурностью обертки и совершенною случайностью въ выборѣ помѣщенныхъ піесъ. Любопытно было-бы спросить у господъ составителей, какой цѣли старались они достигнуть своими сборниками, нравственной или эстетической? Хотѣли-ли они дать народу назидательное чтеніе, или просто познакомить его съ лучшими произведеніями русской поэзіи? Отвѣчать на этотъ вопросъ я предоставляю имъ самимъ, а отъ себя скажу только, что они не достигли никакой цѣли. Первая цѣль вообще недостижима, потому что исправить нравственность человѣка баснями и поученіями невозможно. Вторая цѣль не достигается по причинѣ крайней неразборчивости составителей. Плохія басни Дмитріева и Измайлова безъ малѣйшаго выбора ставятся рядомъ съ баснями Крылова; и къ чему все это, и почему это предназначается для народа, и что можетъ, по расчетамъ составителя, найти народъ въ этихъ книжкахъ — не знаю, да и считаю лишнимъ изслѣдовать. До сихъ поръ я имѣлъ дѣло съ такими книгами, которыхъ идеи собственно не подвергались критикѣ. Въ азбукахъ мы видѣли примѣненіе извѣстной методы; въ сборникахъ — перепечатку давно извѣстныхъ произведеній. Составителямъ принадлежали только расположеніе частей и выборъ. И то, и другое оказалось неудовлетворительнымъ; посмотримъ, что дадутъ намъ книги, не составленныя, а написанныя для народа.

Въ числѣ этихъ книгъ есть беллетристическіе опыты («Первый Винокуръ» и «Дѣдушка Назарычъ»), нравственныя разсужденія («Дядя Титъ Антонычъ учитъ, какъ надо любить ближняго»), попытки популярно изложить начала физики («Бесѣды въ досужее время») и два біографическіе очерка («Княгиня Ольга» и «Механикъ-самоучка Кулибинъ»). Разсмотрю сначала повѣсти. Древнее сказаніе «Первый Винокуръ» написано съ дидактической и полической цѣлью и напоминаетъ наивныя проповѣди противъ пьянства, которыми такъ богата наша древняя церковная литература. Глазъ вопіющаго въ пустынь раздается до нашего времени; желаніе наговорить читателямъ множество душеспасительныхъ поученій, желаніе исправить народную нравственность фразами живетъ, какъ видно, и въ нашемъ вѣкѣ. Кто беретъ въ руки перо, чтобы писать для народа или для дѣтей, тотъ непременно задаетъ себѣ какую-нибудь благонамѣренную задачу, но уклонно стремится къ достиженію своей добродѣтельной цѣли, не обращая вниманія на бѣдность собственной фантазіи, и заканчиваетъ свое скучное произведеніе — правоученіемъ, которое выражаетъ собою всю идею и вѣнчается дѣломъ. Въ этомъ разрядѣ литературныхъ произведеній примѣняется, какъ видно, самымъ оригинальнымъ образомъ знаменитое положеніе



Маккиавелли: «цѣль оправдываетъ средства». Авторъ древняго сказанія «Первый Винокуръ» ставитъ себѣ великую и полезную задачу — учить народъ отъ пьянства и очернить въ общественномъ мнѣніи не только откушниковъ, но даже и винокуровъ.

Желая внушить мужику отвращеніе къ пьянству, онъ рассказываетъ, что куреніе вина идетъ отъ дьявола и что первый винокуръ былъ чертенюкъ, посланный на землю самимъ сатаною, чтобы сотворить людямъ великую пакость. Авторъ не сообразилъ, какое вліяніе можетъ произвести его брошюра. Я съ своей стороны думаю, что она будетъ совершенно оставлена безъ вниманія, но авторъ, рѣшившійся писать и издавать рассказъ съ нравоучительной цѣлью, по всей вѣроятности рассчитывалъ на то, что народъ повѣритъ его доводамъ и будетъ сочувствовать его идеямъ. Если авторъ такимъ образомъ смотрѣлъ на вещи, то онъ сдѣлалъ непростительную педагогическую ошибку. Пьянство вредно, въ этомъ спору нѣтъ, но народное суевѣріе, исключаящее всякую возможность разумнаго и здороваго міросозерцанія, составляетъ не меньшее зло, и притомъ такое зло, противъ котораго можетъ и должна бороться литература. Что же дѣлаетъ рассказъ «Первый Винокуръ»? Поражая пьянство, онъ поддерживаетъ дикіе народные предрасудки. Онъ ратуетъ противъ пьянства тѣми самыми доводами, которыми народъ ополчался противъ табаку, противъ картофеля, противъ желѣзныхъ дорогъ, словомъ, противъ всякаго заморскаго изобрѣтенія. «Православные люди, — говоритъ авторъ, — это дьявольское навожденіе; отплевывайтесь и открещивайтесь отъ него». И съ такой логикой, съ такими литературными приемами люди берутся учить народъ, просвѣщать и гуманизировать его. Нашъ народъ вѣритъ во все сверхъестественное: въ чертей, въ колдуновъ, въ домовыхъ, въ лѣшихъ, въ водяныхъ, въ русалокъ, въ вѣдьмъ, оборотней и знахарокъ; и вдругъ ему представляютъ нравоучительный рассказъ, котораго главные дѣйствующія лица взяты изъ преисподней и созданы самой безобразной и въ то-же время безсильной фантазіей. Хороши народные воспитатели, которые укореняютъ и узаконяютъ народные предрасудки и дѣлаютъ изъ нихъ пугала для поддержанія народной нравственности и первобытной простоты нравовъ. Къ сожалѣнію должно сознаться, что, несмотря на дикое направленіе, этотъ рассказъ написанъ живымъ языкомъ и что народъ можетъ понять его и, сколько мнѣ кажется, прочесть съ удовольствіемъ. Художникъ, еслибы его воображенію представились гибельныя послѣдствія пьянства для народной нравственности, воплотилъ-бы эту идею въ простомъ безыскусственномъ образѣ, взял-бы матеріалы изъ живой дѣйствительности и напи-

салъ-бы такую картину, которая для читателя всѣхъ сословій имѣла-бы свой смыслъ и имѣла-бы свое слово. Взялся за эту идею проповѣдникъ, нагородилъ вздоръ, строилъ фантастическую исторію, не принося ни малѣйшей пользы, а можетъ-быть даже сблизилъ съ толку какого нибудь простодушнаго довѣрчиваго читателя.

Другая повѣсть Погосскаго: «Дѣдушка Бзарычъ», не представляя никакихъ положительныхъ достоинствъ, не бросается въ глаза какими недостатками. Погосскій недурно владеетъ языкомъ, не употребляетъ высокопарныхъ выраженій, непонятныхъ для народа, но въ литературныхъ приемахъ есть нѣкоторыя странности, показывающія, что онъ — не художникъ: онъ поддѣлывается подъ солдатскій говоръ, испещряетъ свои страницы разными заморскими метафорами, непонятными для неискушенныхъ. Огородъ онъ сравниваетъ съ фронтомъ солдата, кочни капусты разставлены по ранжиру и образуютъ шеренги, словомъ, фантазія автора черпаетъ изъ воинскаго артикула богатый запасъ сравненій и образовъ.

Такого рода приемы встрѣчаются очень часто въ такой литературѣ, которая предназначена для публики, стоящей ниже автора по умственному своему развитію. Въмѣсто того, чтобы вынести ее до себя, авторъ самъ унижается до нея и перенимаетъ ея дурныя привычки и невольныя ея уклоненія отъ разумности и ответственности. Не можетъ быть, чтобы Погосскій самъ находилъ свои воинственныя сравненія изящными и умѣстными. Скалоскубы вообще не любятъ литературу и относятся къ ней съ пренебреженіемъ, а Погосскій, какъ издатель «Солдатской бесѣды», самъ доказываетъ фактически, что не таковы его наклонности и убѣжденія. А поддѣлываться подъ вкусъ публики, которую желаешь развить и гуманизировать, значитъ подчиняться нравственному вліянію своего ученика и исполнять и предупреждать его нелѣпные капризы. Мы знаемъ, что нашъ народъ считаетъ изящнымъ, и однако, стараясь подвинуть впередъ его эстетическое образованіе, не станемъ распространять по дешевой цѣнѣ лубочныя картины съ безграмотными и бессмысленными подписями. Современная педагогика дошла до того убѣжденія, что надо воспитывать преимущественно и прежде всего человѣка, что даже складъ ума и наклонности воспитанника должны имѣть вліяніе на составъ энциклопедическаго преподаванія, т. е. что будущій гуманистъ, будущій математикъ, юристъ, офицеръ, администраторъ, технологъ должны получить прежде всего одинаковое общее образованіе, которое-бы возвысило и укрѣпило въ нихъ чувство и сознаніе собственнаго человѣческаго достоинства. Узкая специальность и неорганическое обособленіе отъ



«Дельныхъ сословій ведутъ къ духу исключительности и нетерпимости, дробятъ народность сознание національнаго единства. Дѣльность спеціалиста не исключаетъ въ немъ общительности и не должна развиваться въ ущербъ челоѣческимъ качествамъ ума и сердца. Можно быть храбрымъ солдатомъ и не класть всю ушу въ выправку и ружейные приемы. Можно быть опытнымъ фронтовикомъ и выражаться общечеловѣческимъ и общепонятнымъ языкомъ. Кромѣ несовершенствъ внѣшняго изложения, можно еще замѣтить въ разсказѣ Погоскаго одинъ существенный недостатокъ. Спрашивается: почему именно старый солдатъ выбранъ Погоскимъ для того, чтобы украсить всѣми лучшими качествами челоѣка? Почему именно идеаломъ добродѣтельнаго старика является старый солдатъ? Если это сдѣлано въ назиданіе читателямъ-солдатамъ, то я упрекну Погоскаго въ дидактизмъ, который, какъ неоднократно бывало доказано, никогда не достигаетъ даже своей узкой и ограниченной цѣли. Жизнь, полная дѣятельности, тревогъ и лишеній, жизнь походная и бивачная, отсутствіе своего крова, оторванность отъ семьи заставитъ неразвитаго челоѣка съежиться въ самомъ себѣ, но никакъ не доведетъ его до той идиллической мягкости, которой отличается все поведеніе Назарыча.

«Бесѣды въ досуговое время» до нѣкоторой степени напоминаютъ тѣ энциклопедическія свѣдѣнія, которыя сообщаютъ азбуки Золотова и Лермантова. На 72-хъ крошечныхъ страничкахъ авторъ умѣстилъ и предостереженіе противъ деревенскихъ знахарей, и панагирикъ ученымъ врачамъ, и магнетизмъ, и гальванизмъ, и электрическую машину, и паровозы, и телеграфъ. Люди, читавшіе или изучавшіе физику Ленца, конечно поймутъ, что хочеть сказать авторъ, но пойметъ-ли это народъ и вынесетъ ли онъ изъ книжки что-нибудь существенное—это вопросъ, да еще очень важный. Да наконецъ допустимъ, что народъ пойметъ, какъ устроенъ вольтовъ столбъ и какъ производится гальванопластическое золоченіе. Какая-жъ въ этомъ будетъ польза? Представьте себѣ, что я-бы прочелъ путешествіе Герберштейна по Россіи, потомъ палеонтологію Кюве, потомъ изслѣдованіе о языкѣ Кави Вильгельма Гумбольдта, потомъ геральдику Лакіера потомъ *Radices linguae Slavicae* Добровскаго и т. д.,—неужели тысячи страницъ и цѣлыя полки томовъ, поглощенныхъ такимъ образомъ, обогатили-бы хоть на одну іоту мой внутренній міръ? Мнѣ кажется, что напротивъ надо было-бы быть чуть не гениемъ, чтобы при такомъ чтеніи не сдѣлаться круглымъ дуракомъ. А вѣдь народное образованіе, выражающееся въ грошовыхъ изданіяхъ, ведется именно такимъ образомъ. Еслибы народъ прочелъ и усвоилъ себѣ то, что спеціально для него пишутъ, то

это было-бы для него величайшимъ несчастьемъ; это заволокло-бы тусклою тинью живую струю народнаго ума. Образованіе народа пойдетъ мимо этихъ бездарныхъ попытокъ и пойдетъ неудержимой волной, когда дремлющія силы сознаютъ собственное существованіе и двинутся по внутренней потребности. Скажите, какую живую мысль дать нашему мужику описаніе вольтова столба? Улучшится-ли отъ этого его матеріальное благосостояніе; прибудеть-ли хлѣба на гумнѣ; перестанетъ-ли онъ бить свою хозяйку; внесетъ-ли онъ челоѣческую логику въ свои вѣрованія и убѣжденія? Придетъ время говорить и о вольтовомъ столбѣ, да вѣдь не теперь-же, и не такимъ образомъ. Вѣдь нельзя-же забрасывать челоѣка незнакомыми словами, до которыхъ ему нѣтъ дѣла, вѣдь зарыбить въ глазахъ и замушнить въ ушахъ отъ этой безцвѣтной пестроты. «Бесѣды въ досуговое время» могли-бы быть хорошей книжкой, еслибы онѣ не захватили разомъ такое множество предметовъ, еслибы онѣ о чемъ-нибудь одномъ поговорили подробно, занимательно и общепонятно. Но тутъ-то и является препятствіе: чтобы говорить подробно, надо прочесть что-нибудь, кромѣ учебника, да и подумать о томъ, что выбрать и какъ изложить. Сказать же вскользь о громѣ, потомъ объ электрическихъ машинахъ, потомъ о гальванизмѣ, выказать при этомъ просвѣщенное сочувствіе къ прогрессу, привести этимологию этого слова, порадоваться на свою образованность и ткнуть мужику въ глаза его невѣжество и суевѣріе—на это способенъ любой гимназистъ, перешедшій въ старшій классъ и гордый своимъ общественнымъ положеніемъ. Если что при такомъ изложеніи забудется—не бѣда, можно заглянуть въ учебникъ; а перешлеть что-нибудь—и то не штука благо публики ничего не знаетъ и взыскать не съумѣетъ. Если народныя книжки не являются у насъ сотнями и тысячами, то развѣ только потому, что книгопродавцы боятся типографскихъ издержекъ и не увѣрены въ сбытѣ. За авторами не стало-бы дѣло; народная книжка всякому по плечу; она не требуетъ отъ составителя ни стараній, ни свѣдѣній, ни любви къ своему дѣлу, ни даже умѣнья порядочно писать по-русски. Захотѣлъ и написалъ, а что изъ этого выйдетъ, объ этомъ смѣшно и спрашивать. Конечно ничего не выйдетъ, и это самое утѣшительное, что можно сказать въ этомъ случаѣ. Было-бы страшно за будущее нашего народа, если-бы можно было думать, что недоучившіяся или ничему неучившіяся бездарности могли бы имѣть какое-нибудь влияние на его образъ мыслей. Народъ, который можно было-бы вылечить отъ вѣковыхъ предразсудковъ грошовой книжкой, былъ-бы пустой народъ, который не стоило-бы воспитывать, котораго убѣж-



денія никогда не приобрѣли-бы стойкости и самостоятельности. — Изъ дряблага и мягкаго дерева трудно выточить хорошую вещь, а твердое дерево уступаетъ съ трудомъ и какъ будто борется съ обрабатывающимъ его инструментомъ; часто бываетъ и то, что плохой инструментъ ломается о хорошій матеріалъ.

Книжка «Дядя Титъ Антонычъ учитъ, какъ надо любить ближняго», стоитъ ниже всякой критики. Это скучная, безцвѣтная проповѣдь, облеченная, неизвѣстно зачѣмъ, въ діалогическую форму, обставленная неправдоподобными личностями, несуществующими ни въ русскомъ, ни въ какомъ-либо другомъ быту. Дѣло вотъ въ чемъ: у хозяина-мужика живетъ батракъ, тоже мужикъ, который въ деревнѣ играетъ роль проповѣдника, и которому самъ хозяинъ и сосѣдніе поселяне кланяются въ поясъ. Этотъ деревенскій патріархъ, поступившій въ батраки для процесса самоуничтоженія, объясняетъ текстъ изъ Евангелія собравшимся сосѣдямъ; всѣ слушаютъ съ благоговѣніемъ и выносятъ изъ его рѣчи то незамысловатое заключеніе, что турки, нѣмцы и французы такіе-же люди, какъ и русскіе, и потому имѣютъ право на нашу любовь и на наше участіе. — Мыѣ кажется, все разсужденіе въ высокой степени бесполезно и сверхъ того изложено языкомъ растянутымъ, витіеватымъ и въ то-же время водянистымъ. Ни одно слово не бьетъ въ сердце; ни разу ораторъ не возвышается до пафоса и не покидаетъ старчески-византійскаго тона рѣчи: ни въ одной строкѣ не слышно живого чувства; вездѣ условная, клерикальная риторика, вездѣ холодная, безстрастная наставительность. Знаній эта брошюра не даетъ, на чувство подѣйствовать не можетъ, стало быть больше нечего объ ней и говорить.

На эту брошюру похожа по своей внѣшности біографія княгини Ольги; кажется, она составлена тѣмъ же авторомъ; на обѣихъ книжкахъ написано «соч. Н. С.», и обѣ онѣ представляютъ значительное сходство въ литературномъ отношеніи. Приемы построенія совершенно тѣ-же. Точно также какая-то личность, называющая себя, т. е. говорящая отъ своего имени, подходитъ къ группѣ деревенскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, собравшихся вокругъ учителя. Роль дяди Тита Антоныча въ этой брошюрѣ играетъ приходскій священникъ, отецъ Павелъ. Отъ перемѣны имени не перемѣняется манера изложенія; она представляетъ ту-же утомительную безцвѣтность, которою въ высокой степени отличалось повѣствованіе дяди Тита; въ этой брошюрѣ эта утомительность еще замѣтнѣе, потому что отъ историческаго разсказа мы требуемъ того, чего нельзя ожидать отъ поучительнаго слова. Но ужъ таково свойство бездарности, что она вноситъ холодъ и скуку во все, за что ни берется. Разсказъ о жизни Ольги шибко сбивается на прозаическій; онъ составленъ по житію Св. Ольги и только такъ показываетъ, какъ мало авторъ умѣлъ воспользоваться своими источниками. Истинно сколько мыѣ кажется, даже въ настоящую минуту нужна для народнаго образованія историческая картина, колоритъ мѣста и времени, подробности, рисующія громаднѣе, отвлеченную личность народа, должны притягивать на себя все вниманіе историка, способнаго писать для народа, т. е. излагать свои идеи просто и популярно. Пусть на этомъ фелѣ дѣлаются и выступаютъ передъ воображеніемъ читателя личности отдѣльных историческихъ дѣятелей и работниковъ. Народу необходимы историческія идеи; изъ этихъ идей формируются убѣжденія, составляется міросозерцаніе; чѣмъ нужнѣе какой-нибудь предметъ, тѣмъ строже надо быть въ его выборѣ, тѣмъ вѣрнѣе надо клеймить неудачныя и безсмысленныя попытки. Въ біографіи княгини Ольги бѣдность содержанія, безцвѣтность изложенія и отсутствіе всякой исторической идеи пружаютъ на каждой строкѣ. Авторъ разсказываетъ, что древляне убили Игоря, что Игорь Ольга отмстила за него, что потомъ въ 955 году она приняла христіанство, потомъ видѣла видѣніе, а наконецъ умерла. Вотъ историческая идея, и мѣстный колоритъ, и физіономія фактовъ. Точно также можно было разсказать какую-нибудь деревенскую саженію, не измѣняя обстановки, потому именно, что обстановка нѣтъ и тѣни. О древлянахъ сказано даже, что они жили въ лѣсной степи и отличались отъ полянъ дикостью и суровостью; имени полянъ не встрѣчается во всемъ разсказѣ. Сказано, что князь Рюрикъ былъ первый русскій государь, и это послѣднее выраженіе оставлено безъ всякаго поясненія. Грамотный мужикъ, имѣющій понятіе о теперешнихъ границахъ Россіи и о значеніи слова «государь», можетъ себѣ представить, что Рюрикъ былъ то-же, что теперь императоръ, что онъ владелъ такой-же территоріей, имѣлъ такой же дворъ и штатъ министровъ, что онъ велъ такой-же образъ жизни и пожалуй даже, что его резиденціей былъ Петербургъ и Зимній дворецъ. Вѣдь популярное изложеніе состоитъ именно въ томъ, чтобы каждое слово было объяснено и вызвало въ умѣ читателя именно то представленіе, которое вы хотите вызвать. Вы должны предвидѣть самое полное незнаніе, предполагать возможность самой грубой ошибки и приступить къ дѣлу, почувствовавъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы разбить это невѣжество и устранить упорное заблужденіе. Это очень трудно, но кто-же и говорить, чтобы добросовѣстное исполненіе задачи популяризатора было легко; сдѣлать дѣло, какъ слѣдуетъ, всегда трудно, а такими популяризаторами, какіе у насъ теперь



елись, хоть прудъ пруди, да что-же въ нихъ су? Говорится напр., что «Ольга сочла нуж- принять на себя управленіе русскимъ го- рством». А что такое было тогдашнее рус- государство и въ чемъ состояло его управ- іе, какъ совершался въ то время механизмъ дарственной дѣятельности, это не пояснено нднимъ словомъ. Далѣе говорится, что Ольга «язычницей, и поклонялась идоламъ и не а, что первый долгъ человѣка состоитъ въ б, чтобы прощать обиды». Этими словами нсняется то, что она погубила древлянъ, ланных просить ея руки для своего князя а. Въ этихъ словахъ есть двѣ ошибки: вопер- х, объ язычествѣ Ольги не сказано ни слова, раженіе *поклонялась идоламъ* ничего не няетъ, потому что само по себѣ требуетъ ненія. Во-вторыхъ, эти слова даютъ невѣр- и неправдоподобное объясненіе поступка ги съ древлянами. Древляне были избиты, му что идея родовой мести, идея «кровь за зъ» господствовала во всемъ славянскомъ въ то время, когда еще слабо развиты и юридическія понятія. Христіанство не то сразу искоренить эти понятія и подка- ало ихъ настолько, насколько оно посте- о содѣйствовало смягченію нравовъ. Заглу- хъ голосъ человѣческихъ страстей и подчи- ихъ нравственному закону оно не могло, тоить взглянуть на исторію Византіи, гдѣ ераторы рѣзали другъ другу носы и выка- али глаза, сталкивая другъ друга съ пре- ла, чтобы убѣдиться въ томъ, что христіан- о было бессильно, когда ему приходилось бо- ся съ корыстнымъ расчетомъ или съ дикой астью. Ольга потому убила древлянъ, что не а христіанкою, а почему-же христіанинъ диміръ святой собирался идти войною на окорнаго сына своего Ярославъ? Почему істіанинъ Святополкъ перебилъ своихъ тьевъ Бориса, Глѣба, Святослава? Почему істіанинъ Святополкъ-Михаилъ выкололъ за Васильку Ростиславичу? Почему нако- въ XV столѣтіи христіане Дмитрій Ше- ка и Василій Темный позволяли себѣ во время коусобій такіа кровавыя и бесполезныя зло- нія? — Говоря о жестокостяхъ Ольги, авторъ ырается показать высокое значеніе христіан- а; но, выводя эти жестокости изъ язычества, ь навязываетъ христіанству отвѣтственность тѣ злодѣянія, которыя были совершены послѣ ещенія Руси. Это опять плачевное слѣдствіе дактизма, который также неумѣстенъ въ исто- і, какъ въ художественномъ произведеніи. ая исторію, надо учиться тому, чему учить а жизнь, сами факты; если-же авторъ же- етъ вставлять правоученія, до которыхъ онъ шель собственнымъ умомъ, тогда лучше пи- гь проповѣди вродѣ Тита Антоныча, нежели ать съ претензією на историческое знаніе.

Первыя не оставляютъ никакого сомнѣнія на- счетъ своего характера, а послѣднія обмани- вають и заинтересовываютъ своимъ заглавіемъ. Разсказывая о прибытіи Ольги въ Константи- нополь, авторъ дѣлаетъ грубую историческую ошибку. «Греческій императоръ Константинъ Багрянородный — говоритъ онъ — въ золотой колесницѣ, сопровождаемый патріархомъ и всѣми высшими чиновниками, выѣхалъ навстрѣчу рус- ской княгинѣ». Нелѣпые этого извѣстія трудно что-нибудь придумать. Кажется, въ лѣтописяхъ Византіи не было примѣра, чтобы императоръ выѣхалъ навстрѣчу какому-нибудь иностран- ному государю, и вдругъ онъ выѣзжаетъ на- встрѣчу Ольгѣ, на которую онъ не могъ даже смотрѣть, какъ на государыню, и въ которой онъ долженъ былъ видѣть просто полудикую искательницу приключеній. Ноне нужно въ этомъ случаѣ дѣлать предположеній насчетъ возмож- ности подобнаго факта. Наши лѣтописи и со- чиненія Константина Порфиророднаго опровер- гають эту нелѣпую выдумку; изъ разсказа на- шихъ лѣтописей видно, что Ольга была недо- вольна приѣмомъ, который сдѣлалъ ей импера- торъ, и по возвращеніи въ Кіевъ жаловалась на то, что ее заставили долго стоять въ гавани Константинополя. У Константина Порфирород- наго въ церемоніяхъ Византійскаго двора по- дробно описанъ приѣмъ Ольги русской (Ελληνιστίς Ρωσσευγής); приѣмъ этотъ происходилъ въ золо- томъ триклиніи (столовой), сопровождался обѣ- домъ, и конечно въ описаніи этого приѣма ни о золотой колесницѣ, ни о встрѣчѣ не упоми- нается ни однимъ словомъ. Я подозреваю въ этой выдумкѣ Н. С. нравоучительную цѣль. Онъ вѣроятно имѣлъ поползновеніе показать вели- чіе русскаго государства даже въ тѣ времена, которыя для самого повѣствователя покрыты густымъ мракомъ неизвѣстности. Но добро- дѣтель не всегда торжествуетъ, и добродѣтель- ный и благонамѣренный патріотизмъ Н. С. раз- бился о скалу историческихъ свидѣтельствъ и фактовъ. Выдумка Н. С. можетъ служить яр- кимъ подтвержденіемъ моей мысли о томъ, что книжки для народа составляются по плохимъ учебникамъ, и что, гдѣ понадобится, факты учебниковъ пополняются и подкрашиваются со- образно съ наклонностями и глубокомыслен- ными соображеніями недоучившихся составите- лей. Научная и литературная добросовѣстность неизвѣстны въ низшихъ слояхъ нашей пись- менности, въ толкучемъ рынкѣ нашей журна- листики и книжной торговли. Нашарлатанить, наврать, привести цитату изъ нечитаннаго со- чиненія или утаить источникъ, изъ котораго заимствована какая-нибудь идея, — подобныя подвиги позволяютъ себѣ и не одни составите- ли грошовыхъ книжекъ. Но кто посмышленнѣе да пообразованнѣе, тотъ мошенничаетъ умно, такъ, что трудно будетъ поймать и уличить;



кто-же берется за перо, едва умѣя писать, безъ дарованій и безъ свѣдѣній, тотъ попадется на первой-же выдумкѣ и обнаружить въ полномъ блескѣ все свое невѣжество и все свое неуваженіе къ истинѣ, къ своимъ читателямъ и къ предмету своего разсказа. Пусть Н. С. приметъ въ расчетъ это обстоятельство и постарается быть осторожнѣе или хитрѣе въ послѣдующихъ своихъ изданіяхъ для народа. Пусть онъ чаще справляется съ учебниками и рѣже увлекается преслѣдованіемъ побочныхъ цѣлей въ историческомъ изложеніи.

Биографія «Механика-самоучки Кулибина», составленная Троицкимъ и продающаяся какъ отдѣльный оттискъ изъ журнала «Народное Чтеніе», интересна по сообщаемымъ фактамъ, но изложена такъ дурно, какъ только можетъ быть дурно изложена статья, написанная для народа. Троицкій какъ-будто нарочно старается нарушить своимъ изложеніемъ всѣ условія которыхъ соблюденіе необходимо для того, чтобы народъ могъ понять то, что для него пишутъ. Отвлеченныя разсужденія, составляющія собою начало статьи, написаны такимъ тяжелымъ языкомъ, такими длинными и запутанными періодами, что ими затруднится даже тотъ, кто привыкъ къ чтенію и къ книжнымъ выраженіямъ. Напримѣръ: «Будучи убѣждены, что благое Провидѣніе, одѣлая человѣчество своими безчисленными дарами, соблюдаетъ строгую справедливость, мы не можемъ однако оспаривать, что многія историческія событія, а также и различныя условія окружающей мѣстности имѣютъ весьма сильное вліяніе на каждый народъ и вырабатываютъ ему, если не всегда, то на извѣстный промежутокъ времени, особенный характеръ, отличающій его отъ другихъ народовъ». Такъ много наговорить и такъ мало сказать—на это надо особенное искусство. Вѣдь ни одинъ порядочный журналъ не принялъ-бы на свои страницы статью, написанную такимъ языкомъ, а записать такимъ образомъ для народа считается дѣломъ позволительнымъ, между тѣмъ какъ для народа хорошій языкъ составляетъ не прихоть, а насущную потребность, при неудовлетвореніи которой онъ не будетъ въ состояніи понимать то, что ему стараются передать. Еслибы Троицкій принесъ свою статью въ редакцію одного изъ нашихъ большихъ журналовъ, то его вѣроятно попросили-бы передѣлать введене и повсемѣстно исправить языкъ. Печатаемая въ «Народномъ Чтеніи», редакция должна была сдѣлать гораздо большія и жѣсткія. Отвлеченныя разсужденія надо было совершенно уничтожить; связь между отдѣльными фактами жизни Кулибина надо было провести яснѣе; личный характеръ механика-самоучки, очерченный въ бѣгломъ очеркѣ подъ конецъ статьи, долженъ былъ осмысливать и окрашивать собою всѣ сообщаемые эпизоды. Языкъ

надо было передѣлать *de fond en comble* больше жизни, больше движенія мысли и чувственности и меньше отвлеченныхъ разсужденій, больше критики и меньше панегириковъ и тогда биографія Кулибина могла-бы быть прекраснымъ подаркомъ для грамотной части нашего народа. Въ настоящемъ своемъ видѣ Троицкаго для народа недоступна, и ее прочтутъ только тѣ грамотные простолудины, которые читаютъ для процесса чтенія. Небрежность съ которою пишутъ для народа даже и толкующіе о сочувствіи ко всему русскому о народномъ благѣ, превышаетъ всякое мѣрѣе. Я рассмотрѣлъ десять книжекъ для народа, изданныхъ въ прошломъ и въ нынѣшнемъ году, и какіе-же результаты дало намъ это зрѣніе?—Оно убѣдило меня и моихъ читателей въ отсутствіи хорошихъ книгъ для народа, хотя это убѣжденіе, какъ всякая истина, имѣетъ свою хорошую сторону, оно тѣмъ не менѣе крайне неутѣшительно. Мы сознаемъ свое безсиліе—это хорошо, но существованіе самаго безсилія—явленіе очень печальное. Начавъ свою статью, я надѣялся указать на разбродившія книги, какъ на неудачныя попытки, которыя могутъ по крайней мѣрѣ имѣть свое значеніе, какъ первая степень въ исторіи развитія литературы для народа. Но чѣмъ внимательнѣе я вглядываюсь въ преобладающій характеръ этихъ книгъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ томъ, что видѣть въ нихъ неудачныя попытки предполагать въ нихъ зародыши будущаго развитія—значитъ впадать въ доктринерство и оказывать слишкомъ много чести этимъ толковымъ произведеніямъ промышленнаго пера. Составители этихъ книжекъ дѣлали какъ будто только одну попытку—выручить за свою работу деньги; насколько эта попытка удалась или не наше дѣло; что изъ подобныхъ книжекъ чего не разовьется ни въ близкомъ, ни въ отдаленномъ будущемъ, и что первому человеку, который выступитъ впередъ съ добросовѣстнымъ и просвѣщеннымъ желаніемъ служить народному образованію, будетъ такъ-же трудно начать, какъ будто-бы онъ первый пошелъ по этому пути, въ этомъ кажется усомниться трудно. Дѣло нашей народности не стоитъ на одномъ мѣстѣ, но его двигаютъ не грошоваго изданія. Его несутъ на плечахъ наши публицисты, наши ученые и художники. Знакомы наше общество съ государственными идеями и учрежденіями Европы, изучая прошедшее нашего народа въ его словесности, въ его государственной, юридической и семейной жизни, выясняя мало-по-малу, черту за чертою, характеристическія особенности народнаго типа, публицисты, ученые и художники постепенно вырабатываютъ и проводятъ въ общественное сознаніе тотъ идеалъ, къ которому стремится наше современное общество.



## ИДЕАЛИЗМЪ ПЛАТОНА.

Зрѣніе философской дѣятельности Сократа и Платона, по Целлеру; составилъ Клевановъ.)

сть такіа привилегированныя личности, ко-  
хъ имена пользуются особенной, часто не-  
уженной и не всегда лестной популярно-  
- Вы встрѣтите имя такой личности и въ  
никѣ, и въ собраніи анекдотовъ для дѣтей,  
жалуй даже на прописяхъ. Дѣйствитель-  
фізіономія этой личности отъ частаго упо-  
ненія ея имени какъ-то стирается и за-  
ется какимъ-то условнымъ понятіемъ: лич-  
дѣлается представителемъ цѣлаго типа  
воплощаетъ въ себѣ какое-нибудь отдѣль-  
существо и доводитъ его въ себѣ до небы-  
хъ и невозможныхъ размѣровъ. Кто напри-  
въ дни дѣтства или юношества не вооб-  
лъ себѣ Баярда представителемъ рыцар-  
хотя Баярдъ жилъ въ такое время, ко-  
рыцарство, особенно во Франціи, превраща-  
уже въ анахронизмъ? Кто не видѣлъ въ  
ихъ IV, король французскомъ, воплощенія  
сти и какого то простоватаго добродушія?  
не смотрѣлъ на Платона, Сократа и Се-  
какъ на свѣтила міра, воплощшія въ  
всю мудрость грековъ и римлянъ? Эти  
ла міра, эти фокусы добродѣтели про-  
яются въ учебникахъ, въ которыхъ ко-  
вы не найдете о нихъ ничего кро-  
возгласовъ, болѣе или менѣе безцвѣт-  
и риторичныхъ. Не подражая голослов-  
учебниковъ, многія серьезные изслѣдо-  
раздѣляютъ съ ними подобострастное  
неніе къ этимъ избраннымъ личностямъ.  
шленные блескомъ имени, имѣющаго за се-  
звухтысячелѣтній авторитетъ, изслѣдовате-  
особенно нѣмцы, проходя передъ этими лич-  
ями, обезоруживаютъ свою критику, скром-  
потупляютъ взоры и ограничиваются въ  
шеніи къ нимъ ролью почтительнаго и  
ратнаго передатчика. Видно, что надъ ни-  
готовѣтъ авторитетъ преданія и школы.  
агая исторію греческой философіи, принято  
то относиться покровительственно къ эле-  
ой школѣ, къ Гераклиту и Демокриту, къ  
агору и Анаксагору, потомъ съ негодова-  
хъ упомянуть о софистахъ, потомъ умили-  
надъ личностью и судьбою Сократа, покло-  
ся въ поясъ Платону, его Диміургу и Иде-  
назвать Аристотеля великимъ ученикомъ  
часто несправедливымъ къ великому учи-  
потомъ разругать Эпикура, посягаться  
скендиками и выразить добродѣтельное  
вствіе возвышеннымъ доблестямъ стоиковъ.  
принято; этого требуютъ интересы *нрав-*  
*ности*, которую такъ ревниво берегутъ  
іе псевдо-художники и многіе дѣйствитель-

ные труженики на обширномъ и такъ часто  
неблагодарномъ полѣ науки. Эти нравственные  
воззрѣнія, которыя чуть-ли не двѣ тысячи  
лѣтъ проводятся въ книгахъ и рукописяхъ,  
часто неимѣющихъ ни малѣйшаго отношенія  
къ вопросамъ практической нравственности,  
поставили Сократа и Платона на тотъ несокру-  
шимый пьедесталъ, съ котораго я конечно не  
попытаюсь свести почтенныхъ стариковъ. Пусть  
они остаются на этихъ пьедесталахъ, но толь-  
ко повыше, подальше отъ насъ; пусть ихъ идеи  
почитаются святыней, непонятной и непригод-  
ной для нашего безнравственнаго вѣка и по-  
колѣнія. Пусть ихъ возвышенный идеализмъ  
служитъ предметомъ благоговѣнія для немно-  
гихъ избранныхъ, и пусть эти избранные го-  
нать прочь непосвященную чернь, которую  
такъ не любитъ фешенебельный Горацій, и въ  
ряды которой охотно вмѣшаемся мы и охотно  
вмѣшали-бы нашего читателя. Но мы не шу-  
тимъ: мнѣ кажется, что книга Клеванова уже  
по выбору предмета можетъ быть признана вы-  
соко-бесполезной и бесполезно-высокой по-  
пыткой популяризировать то, что не можетъ  
и не должно быть популярно; кто хочетъ пи-  
сать для всей читающей публики, тотъ дол-  
женъ обработать предметъ живой, самородной  
критикой, взятыя за дѣло съ смѣлыми лите-  
ратурными приемами, произнести свое сужденіе,  
сказать живое, задушевное слово, хотя-бы о  
мертвомъ и застывшемъ предметѣ. Что-же ка-  
сается до піонеровъ общества, до специалистовъ,  
врядъ-ли извлеченіе изъ Целлера будетъ для  
нихъ особенно драгоценнымъ приобритеніемъ.  
Специалисты—народъ упрямый и склонный къ  
сомнѣнію; они любятъ добираться до источни-  
ковъ и не загребать жара чужими руками.  
Діалектическія тонкости, наполняющія собой  
большую часть книги Клеванова, для публики  
слишкомъ тонки, безцвѣтны и безцѣльны, слиш-  
комъ недоступны здравому смыслу, а для спе-  
циалиста онѣ слишкомъ не новы. Въ одномъ  
только пунктѣ Клевановъ могъ придать сво-  
ему труду свѣжій колоритъ и живое біе-  
ніе; онъ могъ-бы показать отношеніе Сокра-  
та и Платона къ практической дѣйствитель-  
ности, къ вопросамъ общественной жизни,  
къ интересамъ народа, отдѣльной личности  
и государства. Онъ могъ-бы остановиться  
на практическихъ слѣдствіяхъ идеализма и  
взвѣсить трезвой критикой особенности того  
вліянія, которое этотъ идеализмъ могъ оказать  
на человѣческую личность и на отношенія  
между людьми въ семействѣ и государствѣ.



Клевановъ этого не сдѣлалъ; не сдѣлалъ онъ этого потому, что надъ нимъ тяготѣютъ два авторитета, Платонъ и Целлеръ; чтобы обсудить какъ слѣдуетъ, съ современной или просто съ человѣческой точки зрѣнія поставленные выше вопросы, надо рѣшиться думать своимъ умомъ, а это такая смѣлость, до которой и теперь не всякій охотникъ. Передъ тѣнями Платона и Сократа благоговѣтъ Клевановъ; отъ печатной буквы Целлера онъ отступить не рѣшается; при такихъ условіяхъ мудрено сказать живое слово объ идеализмѣ; мудрено, во-первыхъ, потому, что мысли, взятые у другого, въ чужихъ рукахъ всегда отзываются холодной сухостью, а во-вторыхъ, потому, что Целлеръ, какъ нѣмецкій теоретикъ, разсматриваетъ Платона, любясь красотой и стройностью системы и не обращая вниманія на степень ея внутренней состоятельности и практической пригодности. У нѣмецкихъ мыслителей и критиковъ есть одинъ очень честный, но часто донъ-кихотскій пріемъ—становиться на точку зрѣнія противника и сражаться съ нимъ его же оружіемъ. Такимъ путемъ вы можете уличить его въ непоследовательности, но не уличите въ непрактичности, потому что практическая жизнь представляется каждому различно, смотря по его темпераменту, по его положенію, по степени и по условіямъ его развитія. Мнѣ кажется, критикъ можетъ идти по другому пути; онъ можетъ не требовать отъ себя полной и безстрастной объективности, не переноситься искусственно въ чужое воззрѣніе и оставаться полнымъ человѣкомъ съ живыми убѣжденіями, съ ясно обозначенными и ни мало не скрываемыми симпатіями и антипатіями. Онъ можетъ представить читателю сущность разбираемыхъ имъ мыслей, потомъ развитъ свои идеи, показать между тѣми и другими точки соприкосновенія и разногласія, защитить свои положенія отъ нападокъ и возраженій, могущихъ придти на умъ читателю, и наконецъ представить самому читателю выборъ между нимъ и предметомъ его рецензій.

«Du choc des opinions jaillit la vérité», говоритъ извѣстная поговорка, и если это изреченіе справедливо, объективность не всегда можетъ быть признана въ критикѣ великимъ достоинствомъ. Трудно быть субъективнѣ Маколея, а между тѣмъ никто не упрекаетъ знаменитаго историка ни въ пристрастіи, ни въ узкой односторонности. Личности оживаютъ подъ его перомъ и отдають полный отчетъ въ своихъ поступкахъ, въ своихъ мысляхъ и побужденіяхъ; передъ глазами читателя происходитъ величавый процессъ, въ которомъ живой и умный англичанинъ, ораторъ и парламентскій боецъ, являлся то обвинителемъ, то адвокатомъ выводимой личности, смотря по тому, куда влечетъ его голосъ совѣсти и личнаго убѣжденія.

Кромѣ описываемой и разбираемой историч. личности читатель видитъ передъ собой критика, видитъ, какъ мѣняется въ этого умнаго и подвижнаго лица, слыш его дикціи то сочувствіе, то негодованіе, иронію, то одушевленіе, которыми возбуждаются въ всякомъ энергическомъ человѣкѣ другія явленія жизни и человѣческой индивидуальности. Излишнее увлеченіе можетъ конечно помешать ясности взгляда, но съ даровитымъ критикомъ этого случиться не можетъ. У кого преобладаетъ способность анализирующей мысли преобладаетъ потребность самостоятельнаго творчества; по темпераменту болѣе критикъ, чѣмъ писатель, тотъ даже въ минуту энтузіазма впадаетъ въ фантазерство. Въ эти минуты полнѣе дышетъ грудь, когда бьется сердце, въ эти минуты быстрѣе работаетъ мозгъ, смѣлѣе и оригинальнѣе льются мысли, и кропотливый контроль надъ этой усердной дѣятельностью анализирующаго ума оказывается такъ-же бесполезнымъ, какъ безплоднымъ механическое шлифованіе лирическихъ стиховъ, вылившихся изъ души истиннаго поэта, изъ минуты искренняго волненія. Талантъ имѣетъ свою оригинальную физиономію; трудно отрѣшиться отъ этой физиономіи; онъ ни писалъ, художественное-ли произведеніе, или критическое изслѣдованіе, онъ жметъ на него свою печать и не погонитъ искусственнымъ спокойствіемъ тона изысканной объективности. Когда говорятъ о томъ, то всякій развитой человѣкъ понимаетъ, что отъ него нельзя требовать того, что теперь потребовали-бы отъ любого студента; никто не думаетъ сравнивать его даже съ какимъ-нибудь современнымъ обскурантомъ, кто не ставитъ ему въ вину ребячество, а его политическихъ воззрѣній и тенденцій; воля ваша, признавая его сыномъ своей эпохи, мы не можемъ относиться къ нему съ почтительной и безстрастной вѣжливостью, которую мы должны проявлять къ его нравственнымъ и политическимъ теориямъ. Предметъ близокъ къ сердцу, потому что тонъ захватываетъ въ свои изслѣдованія вопросы, которые постоянно на очереди передъ современнымъ обществомъ; въ творчествѣ человѣчества въ каждомъ поколѣніи что-то перерѣшается по своему. Въ вопросахъ остается совершенно равнымъ только кабинетная ученость почтеннаго профессора и похвальная скромность его усерднаго слѣдователя, Клеванова. Въ благоговѣніи къ Платону, выражающемся въ книгѣ Клеванова, слышно горячаго сочувствія; Клевановъ на каждой страницѣ свидѣтельствуетъ о своемъ почтеніи, но ни разу, излагая его мысли, не обнаруживаетъ того воодушевленія, съ которымъ живой человѣкъ всегда выскажетъ свое личное, живую мысль, свое завѣтное убѣжденіе. Клевановъ вездѣ остается гладокъ, ров-



одичевъ; мысли медленно развиваются одна изъ другой; изложеніе ясно, правильно, вяло и уютно. Съ этой минуты я могу устроить личность Клеванова изъ моей критической статьи; онъ вѣрно слѣдуетъ Целлеру и передаетъ мысли Платона, не разбирая ихъ и не обнаруживая къ нимъ дѣйствительнаго сочувствія. По общему тону изложенія можно предположить, что Клевановъ—идеалистъ, но дальѣйшее разъясненіе этого вопроса представляетъ какъ мало общаго интереса, что мы предпочитаемъ перейти къ самому Платону. Въ личности этого греческаго философа можно видѣть на первомъ планѣ сильное поэтическое дарованіе, т. е. богатую фантазію и огромное стремленіе къ творчеству. Съ отзывчивостью, свойственной поэту, Платонъ откликнулся всей своей жизнью, всей дѣятельностью на самый животрепещущій интересъ эпохи, воплотившійся въ личности Сократа. Дѣло Сократа было дѣйствительно такъ красиво и величественно на взглядъ, что имъ не мудрено было увлечься. Человѣкъ незнатный, небогатый, неученый, невзрачный, берется быть учителемъ нравственности для цѣлаго народа, старается влить живые соки въ истощенное національное сознание, побѣждаетъ одной непосредственной искренностью убѣжденій знаменитѣйшихъ диалектиковъ своего времени, перетягиваетъ на свою сторону всю даровитую молодежь и наконецъ падаетъ жертвой реакціи и до конца жизни сохраняетъ непоколебимую твердость и спокойное присутствіе духа. Смерть Сократа часто обезоруживаетъ даже новѣйшую критику, готовую приступить съ анатомическимъ ножомъ къ диссекціи его философской системы. Философія Сократа, говорятъ многіе, хороша уже потому, что поддержала его въ минуту смерти; онъ своей мученической кончиной, говорятъ многіе, запечатлѣлъ свое ученіе. Этотъ аргументъ будетъ имѣть свою силу, если мы безусловно примемъ положеніе Сократа о томъ, что знать истину и дѣлать добро—одно и то-же; но мы этой ошибки не сдѣлаемъ, и съумѣемъ конечно отдѣлить область воли отъ области знанія. Сократъ умеръ какъ мужчина, потому что былъ мужчиной, а не потому, что его поддерживали въ минуту смерти положенія его философіи. Одна и та-же мысль производитъ на различныхъ людей различное впечатлѣніе; изъ одной и той-же школы выходятъ люди съ различными наклонностями и стремленіями; человѣкъ—не пустая бутылка, въ которую можно влить какую угодно жидкость. Смерть Сократа рисуетъ только личность этого человѣка, не говоря ничего ни *pro*, ни *contra* его ученія. Смерть Сократа доказываетъ, что Сократъ былъ не фразеръ, но не говоритъ намъ, что онъ не могъ ошибиться въ теоріи или въ жизни. Факты подтверждаютъ мое мнѣніе о томъ, что чест-

ность и стойкость Сократа принадлежали его личности, а не его ученію. Въ числѣ учениковъ и друзей Сократа мы находимъ Алкивиада и Критія, главнаго предводителя олигархіи, одного изъ 30-ти тирановъ,—человѣка, которого имя по справедливости было ненавистно его современникамъ и согражданамъ. Ни Алкивиадъ, ни Критій не отличались ни политической честностью, ни стойкостью убѣжденій, стало быть, ученіе Сократа оказалось несостоятельнымъ, когда нужно было исправлять нравственность и передѣлывать природу человѣка. Но тѣмъ не менѣе личность Сократа не могла не зарекомендовать въ глазахъ Платона проповѣдуемаго имъ ученія: Платонъ увлекся личностью и сдѣлался ея ревностнымъ прозелитомъ тѣмъ болѣе, что философія Сократа открывала широкій просторъ фантазіи и творчеству мысли.

Поэтический геній Платона получилъ рѣшительный толчокъ и сталъ творить въ томъ направленіи, которое было ему указано любимымъ наставникомъ. Во всемъ этомъ еще не было большой бѣды, хотя быть-можетъ позволено пожалѣть о томъ, что поэтъ оставилъ свѣтлый міръ образовъ и картинъ и переселился въ возвышенныя, но холодныя сферы отвлеченной мысли. Красота, къ которой Платонъ стремился какъ художникъ, стала являться ему, отрѣшенная отъ всякой вѣншей формы, или, вѣрнѣе, онъ самъ старался отрѣшиться ея отъ формы, проникнуть въ ея общую сущность, уловить ее въ полной отвлеченности. Началось стремленіе къ идеалу, т. е. къ призраку, къ галлюцинаціи. Богатая полнота жизни, рельефность матеріи, переливы линий и красокъ, пестрое разнообразіе явленій, все, чѣмъ красна и полна наша жизнь, стало казаться Платону зломъ, ширмой, за которой насильно скрыта, какъ красавица въ заколдованномъ теремѣ, истина міра, нетлѣнная, неизмѣнная, вѣчная красота. Пылкая фантазія усилила эти мечты; галлюцинація Платона дошла до того, что онъ вѣрилъ въ дѣйствительное существованіе идеи отдѣльно отъ явленія; идеализмъ сразу поднялся на такую поэтическую высоту вымысла и вѣстѣ съ тѣмъ сразу дошелъ до такого полнаго отрицанія самыхъ элементарныхъ свѣдѣтельствъ опыта, какого вѣроятно онъ не достигалъ никогда ни прежде, ни послѣ Платона. Подъ творческой, размашистой кистью его содалась цѣлостная, фантастически-величественная картина міра. Диміургъ, идеи, міровая душа, масса матерія съ ея тупой инерціей, звѣзды и свѣтила, живущія своей жизнью и мыслящія въ безконечномъ пространствѣ,— все это создается подъ перомъ Платона, начинаетъ жить и дышать, все это производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто-бы оно дѣйствительно существовало, и все это только потому, что Платонъ крѣпко вѣритъ въ свое созданіе, да



еще потому, что Платонъ—великій художникъ, подобный Гомеру, Данту или Мильтону. Вся физика Платона есть чистое созданіе фантазіи, недопускающее въ слушателѣ тѣни сомнѣнія, неопирающееся ни на одно свидѣтельство опыта, развивающееся само изъ себя и основанное на одной діалектической разработкѣ идеи, положенной въ основаніе. Платонизмъ есть религія, а не философія, и вотъ почему онъ имѣлъ такой громадный успѣхъ въ мистическую эпоху паденія язычества: вотъ почему онъ сохраненъ и взлелѣянъ византійскими учеными, переданъ Италіи и Европѣ въ эпоху Возрожденія, поставленъ на неизблемый пьедесталъ и подъ разными именами живетъ и теперь. У кого нѣтъ самостоятельнаго творчества, тотъ примыкаетъ къ чужой фантазіи и дѣлается ея адептомъ. Изъ многихъ подобныхъ фантазій, фантазія Платона отличается высокимъ полетомъ мысли и смѣлой концепціей общей картины. Немудрено, что къ его идеямъ примыкаютъ съ полнымъ сочувствіемъ многие мистики, отличающіеся развитымъ умомъ и тонкимъ эстетическимъ чувствомъ. Платонъ вѣрилъ въ созданія своей фантазіи; онъ считалъ ихъ за безусловную истину и ни разу не становился къ нимъ въ критическія отношенія; одна секунда сомнѣнія, одинъ трезвый взглядъ могли разрушить все очарованіе и разсѣять всю яркую и великолѣпную галлюцинацію. Но этой роковой секунды въ его жизни не было, и на всѣхъ сочиненіяхъ Платона легла печать самой фантастической и въ то-же время спокойной вѣры въ непогрѣшимость своей мысли и въ дѣйствительность вызванныхъ ею призраковъ. Вѣра въ самого себя тѣсно связана съ умственной нетерпимостью, а умственная нетерпимость ждетъ только удобнаго случая, чтобы воздвигнуть дѣйствительное гоненіе на диссидентовъ. Пока Платонъ остается въ сферахъ отвлеченной мысли или, вѣрнѣе, свободнаго вымысла, до тѣхъ поръ онъ является чистымъ поэтомъ. Когда онъ входитъ въ область существующаго, онъ становится доктринеромъ. Какъ вамъ понравится напр. понятіе Платона о любви! Онъ въ бесѣдѣ «Пиршество» опредѣляетъ любовь, какъ стремленіе конечныхъ существъ обезсмертить и увѣковѣчить себя въ постоянно новыхъ порожденіяхъ. Первая степень любви, по мнѣнію Платона, есть любовь къ прекраснымъ чувственнымъ формамъ; вторая—любовь къ прекраснымъ душамъ; третья и высшая степень любви—къ прекраснымъ наукамъ и наконецъ, какъ результатъ и вѣнецъ дѣла, любовь къ идеѣ, которая порождаетъ истинное познаніе и истинную добродѣтель. Очень понятно, что у человѣка, дошедшаго до этой высшей синтезисценціи любви, не должно быть мѣста для любви къ женщинамъ; стало быть, нравственное осконеніе человѣче-

ства во имя идеи должно быть конечнымъ нормальнаго развитія. Вотъ къ какимъ крайнимъ результатамъ приводитъ доктринерское желаніе внести общую, искусственно-созданную идею во всѣ живыя явленія и отразить въ жизни. Доктринерство Платона идетъ въ разрѣзъ съ дѣйствительностью и даже съ собственнымъ жизненнымъ опытомъ. Какъ художникъ, Платонъ былъ очень воспріимчивъ къ эстетической красотѣ; какъ здоровый и сильный мужчина, развившійся подъ небомъ вѣтвистой Греціи, онъ не думалъ останавливать свои эротическихъ стремленій, и любовь къ идеѣ мешала ему любить направо и налево... ставшая дань эпохѣ и народу... Но зло было сделано; зерно аскетизма и вражды къ матеріи было брошено; въ эпоху римской имперіи оно разрослось въ ученія новоплатонгорейцевъ и неоплатониковъ и, опираясь на Платона, принесло человѣчеству обильный плодъ добродѣтельныхъ заблужденій и бессмысленныхъ самоистязаній. Кто не былъ поэтомъ, подобно Платону, тотъ требовалъ отъ себя послѣдовательности: страдалъ отъ разлада, существовавшего между идеей и жизнью, не понимая того, что онъ беретъ изъ жизни, а не жизнь располагаетъ по данной программѣ. Для такого человека являлась необходимость бороться съ самимъ собою, и лучшія силы несчастнаго идеалиста уходили на бесплодную нравственную гимнастику, на отчаянную ломку, на искорененіе страстей, на сглаживание самыхъ своеобразныхъ и жизненныхъ чертъ своей фizioноміи. Такого рода идеализмъ тяготѣлъ надъ Рудинными и Чужотуринными прошлаго поколѣнія; онъ породилъ нашихъ гризуновъ и гамлетиковъ, людей съ ограниченными умственными средствами и съ безконечными стремленіями. Смѣшно выводить этихъ господъ отъ Платона, но можно заставить, что эти дряблыя и хилыя личности страдаютъ именно той болѣзью, которую Платонъ воспѣлъ въ своихъ философскихъ стремленіяхъ, какъ лучшую принадлежность человѣчества и какъ единственное отличіе человѣка отъ животнаго. Доктринерство Платона проходитъ чрезъ все его нравственное ученіе. Платонъ здѣсь, какъ и въ своей физикѣ, не смотритъ на то, что даетъ жизнь; онъ не изучаетъ естественныхъ стремленій человѣческой природы, да и къ чему изучать? Абсолютная истина, въ существованіе которой всей душой вѣритъ поэтъ-мыслитель, находится не въ явленіи, а гдѣ-то вѣдь его, высоко и далеко, въ таинственныхъ сферахъ, куда можетъ залетѣть пылкое воображеніе, но куда не поведетъ критическое изслѣдованіе, основанное на изученіи фактовъ. Платонъ считаетъ себя полнымъ обладателемъ этой драгоценной, хотя и невѣсомой истины; онъ утверждаетъ, правда, «что души въ здѣшней жизни невозможно достигнуть вполне чистаго



зэрѣнія на истину»; но это положеніе вовсе не ведетъ къ тѣмъ слѣдствіямъ, какихъ можно было отъ него ожидать; видно, что оно не проникаетъ особенно глубоко въ сознание Платона; Платонъ допускаетъ то обстоятельство, что смерть можетъ открыть его духу олъбе обширный міръ знаній, но не видно, чтобы онъ сознавалъ неудовлетворительность своего личнаго капитала; не видно, чтобы онъ сомнѣвался въ вѣрности своихъ идей; то, что онъ наетъ или создаетъ творческой фантазіей, кажется ему безусловно вѣрнымъ и не допускаетъ надъ собой никакого контроля. Вслѣдствіе этого Платонъ говоритъ въ своей нравственной философіи: должно думать такъ-то, поступать такъ-то, стремиться къ тому-то. Эти приказанія отдаются человѣчеству съ высоты философской мысли, не допускаютъ ни комментаріевъ, ни возраженій и требуютъ себя безусловнаго повиновенія. Черты народнаго характера, коренныя свойства человеческой природы возмущаются противъ этихъ указовъ Платона, но это нисколько не смущаетъ гордаго мыслителя, упоеннаго созерцаніемъ своихъ твореній.

Все, что не согласно съ его инструкціями, признается ложнымъ, случайнымъ, незаконнымъ, пренятствующимъ общему благу всего человѣчества. А кто-же, спросите вы, создалъ это понятіе общаго блага? Генераль-отъ-философіи Платонъ, отвѣчу я, — и бѣдное человѣчество, опекаемое его неусыпными трудами, лишено даже права голоса въ такомъ дѣлѣ, которое называется его общимъ благомъ. Добро, по словамъ Платона, должно быть предметомъ всякой человеческой дѣятельности; къ добру долженъ стремиться каждый человѣкъ, потому что обладаніе добромъ составляетъ собою благополучіе. Добро или благо — понятіе чрезвычайно широкое и способное расширяться до безконечности; для голоднаго кусокъ хлѣба есть высшее благо; для влюбленнаго — благосклонный взглядъ любимой женщины, для служащаго человѣка — вниманіе начальника, повышение въ чинѣ и орденъ въ петличку, для поэта — минута творчества, и т. д., и т. д. И всѣ эти господа правы съ своей точки зрѣнія; и если мы отнесемся иронически ко многимъ людскимъ стремленіямъ и въ то-же время съ уваженіемъ упомянемъ о другихъ, то мы сдѣлаемъ это только потому, что сами стоимъ ближе къ однимъ, и можемъ ихъ лучше понимать и полнѣе имъ сочувствовать. Если одинъ гастрономъ любить пить за обѣдомъ хересъ, а другой портвейнъ, то вѣроятно въ цѣломъ мірѣ не найдется такого критика, который могъ-бы доказать ясно и осознательно, что одинъ изъ двухъ любителей правъ, а другой ошибается. По логическому закону надо допустить, что предпочтеніе г. А. къ хересу, а г. Б. къ портвейну происходитъ или отъ физиологической причины, т. е.

отъ особенностей нѣба, гортани или желудка, или отъ исторической причины, т. е. отъ пріобрѣтенной привычки. Пристрастіе г. А. къ хересу, а г. Б. къ портвейну можетъ подвергнуться тому и другому разнымъ неурядицѣмъ и испытаніямъ. Если г. А. попадетъ въ общество любителей портвейна, то при неумѣнн нашего общества уважать чужое мнѣніе, вкусъ его найдутъ страннымъ, быть-можетъ даже испорченнымъ; вокругъ него будутъ пожимать плечами, на него будутъ смотрѣть удивленными глазами; далѣе, если г. А. попадетъ въ какой-нибудь маленький уѣздный городокъ, въ которомъ нѣтъ порядочнаго хереса, то ему будетъ предстоять печальная альтернатива отказаться отъ любимаго напитка и приняться за другое вино, или остаться вѣрнымъ самому себѣ и съ несокрушимой твердостью переносить лишеніе. Находясь въ положеніи г. А., одни пошли-бы по одному пути, другіе по другому, и, мнѣ кажется, можно выразить предположеніе, что ни тѣхъ, ни другихъ не осудило и не прославило-бы общественное мнѣніе. Но вотъ въ чемъ бѣда: когда надо судить о хересѣ и портвейнѣ, мы остаемся спокойными, хладнокровными, мы разсуждаемъ просто, здраво и довольно искусно, хотя часто безсознательно владѣемъ діалектическимъ оружіемъ; но когда заходитъ рѣчь о высокихъ предметахъ, тогда мы сейчасъ-же принимаемъ постную физиономію, становимся на ходули и начинаемъ говорить высокимъ слогомъ, согласно съ эстетическими требованіями прошлаго столѣтія. Мы позволяемъ нашему ближнему имѣть свой вкусъ въ отношеніи къ закускѣ и десерту, но бѣда ему будетъ, если онъ выразитъ самостоятельное мнѣніе о нравственности, и еще болѣе бѣда, чуть не побіеніемъ камнями, или *Камнемъ*, если онъ проведетъ свои идеи въ жизнь, даже въ своемъ домашнемъ быту. Если взвѣсить дѣло простымъ здравымъ смысломъ, то мы имѣемъ право требовать отъ нашего сосѣда только того, чтобы онъ не вредилъ нашей особѣ матеріальнымъ насиліемъ, чтобы онъ не портилъ умышленно нашей собственности и чтобы онъ не присвоивалъ ее себѣ мошенническими продѣлками. Разсуждать о его поведеніи внѣ этихъ трехъ случаевъ мы конечно имѣемъ полное право, потому что, сколько мнѣ кажется, нѣтъ той вещи въ мірѣ, которую нельзя было-бы взять предметомъ разговора или критическаго анализа. Но, разсуждая такимъ образомъ о личности и поведеніи нашего сосѣда, мы должны помнить, если желаемъ быть логичны, что наши сужденія о его нравственности настолько же имѣютъ безусловное значеніе, насколько имѣетъ его напр. мнѣніе о томъ, что брюнетки красивѣе блондинокъ, или наоборотъ. Вѣдь пора-же наконецъ понять, господа, что общій идеалъ такъ-же мало можетъ предъявить правъ на существованіе, какъ



общія очки, или общіе сапоги, спитые по одной мѣркѣ и на одну колодку. Если вы станете носить чужія очки, вы испортите глаза; если пройдете верстъ пять въ чужихъ сапогахъ, вы въ кровь изотрете ноги; если вы навяжете себѣ на спину котомку чужихъ убѣжденій, вы изнеможете подъ этой неестественной обузой; вы выбьетесь изъ силъ, поправляя и привязывая ее къ себѣ покрѣпче, а кончится все-таки тѣмъ, что котомка отвалится и пропадетъ гдѣ-нибудь на пыльной дорогѣ, но воротить потраченные силы часто бываетъ очень мудрено, воротить потерянное время всегда невозможно, и свѣжесть первой молодости, довѣріе къ самому себѣ почти всегда отрывается вмѣстѣ съ котомкой идеала и вмѣстѣ съ ней заваливается въ дорожной пыли. Надо-же наконецъ понять, что идеаль не есть даже отвлеченное понятіе, а просто сколокъ съ другой личности; всякій идеаль имѣетъ своего автора, какъ всякая народная пѣсня имѣетъ не только родину, но даже и составителя. Добраться до имени того и другого всегда бываетъ очень трудно и въ большей части случаевъ совершенно невозможно; но, составляя нравственный портретъ одного лица, — портретъ иногда польщенный, иногда просто обезцвѣченный, идеаль годится только для того, съ кого онъ снятъ, или для тѣхъ людей, которые совершенно подходятъ къ нему по темпераменту, по вѣшнему положенію и по внутреннимъ силамъ. Но трудно найти двухъ людей, совершенно сходныхъ лицомъ; полное-же нравственное сходство двухъ самостоятельно развившихся личностей составляетъ такое рѣдкое явленіе, какого, кажется, и не встрѣтишь во всей исторіи человѣчества; есть много безцвѣтныхъ и безличныхъ субъектовъ, задавленныхъ какими-нибудь вѣшними обстоятельствами, пригнанныхъ на одну колодку общественной дисциплиной или отшлифованныхъ на одинъ образецъ тиранническими законами моды и этикета; посмотришь на нихъ, — они всѣ покажутся похожими между собой и лицомъ, и голосомъ, и манерами; всякая оригинальность, выражающаяся въ образѣ жизни, въ прическѣ, въ одеждѣ, кажется въ подобномъ обществѣ дерзостью, нарушеніемъ закона, оскорбленіемъ нравственности. Живой человѣкъ съ сожалѣніемъ посмотритъ на такое общество; зачѣмъ, подумаетъ онъ, эти господа добровольно поддерживаютъ придуманные законы, отъ которыхъ каждому отдѣльному лицу приходится терпѣть лишенія? Этотъ вопросъ вѣроятно кажется вамъ здравымъ, а между тѣмъ всѣ эти господа, стѣсняющіе свою личную свободу во имя придуманныхъ или наслѣдованныхъ законовъ, всѣ до послѣдняго — идеалисты, хотя конечно многіе изъ нихъ и не слышали никогда этого слова. Наше свѣтское общество, нашъ beau monde биткомъ набиты идеалистами, со-

знательно и бессознательно стремящимися къ отвлеченному совершенству. Un jeune homme comme il faut, une jeune personne décente, эти два почетные титула, которыми награждаетъ общество за усердное исполненіе устава, составляютъ въ то-же время заглавіе двухъ идеаловъ, къ которымъ, смотря по различію половъ, стремятся множество молодыхъ людей, одаренныхъ свѣжими силами и здравымъ развитіемъ. Эти молодые люди гибнутъ въ нравственномъ отношеніи, сокрушаются и мучаются оттого что стараются во имя идеала унатянуть свою личность или тѣ зародыши, изъ которыхъ при благоприятныхъ условіяхъ могла-бы развиться самостоятельная индивидуальность. Множество браковъ по расчету, множество продѣлокъ сомнительнаго свойства, множество дуэлей дѣлаются не для удовлетворенія или другой страсти, а во имя идеала, или въ страха передъ общественнымъ мнѣніемъ, говорящимъ у подножія воздвигнутаго ими кумира «это принято», «это не принято», вотъ слова, которыми въ большей части случаевъ рѣшаются житейскіе вопросы; рѣдко случается слышать энергическое и честное слово: «я такъ хочу» или «не хочу», а между тѣмъ каждый имѣетъ разумное право произнести это слово, когда дѣло идетъ о немъ и объ его личныхъ интересахъ. Принято и не принято значитъ другими словами согласно и не согласно съ моднымъ идеаломъ, слѣдовательно идеальныя тяготѣтъ надъ обществомъ и, сжимая индивидуальныя силы, препятствуютъ разумному всестороннему развитію. Отвергая общій идеаль я не думаю отвергать необходимость и законность самосовершенствованія. Я не считаю стремленіе къ совершенству обязанностью человека. Сказать, что это обязанность, такъ же смѣшно, какъ сказать, что человѣкъ обязанъ дышать и принимать пищу, расти къ верху и толстѣть въ ширину. Самосовершенствованіе дѣлается такъ-же естественно и произвольно, какъ совершаются процессы дыханія, кровообращенія и пищеваренія. Чѣмъ-бы вы ни занимались, вы съ каждымъ днемъ пріобрѣтаете большую техническую ловкость, большій навыкъ и опытность. Это дѣлается совершенно безознательно и помимо вашего желанія, и это правило можетъ быть примѣнено не только къ какому-нибудь ремеслу, но и къ жизни. Всѣмъ, не смотря на различіе состоянія, образованія и положенія въ обществѣ, живемъ мыслью и чувствами, хотя дѣятельность нашей мысли тратится на самые разнородные интересы и хотя дѣятельность нашихъ чувствъ возбуждается самыми разнокалиберными предметами. Всѣ мы воспринимаемъ и перерабатываемъ впечатлѣнія, и чѣмъ больше мы живемъ, тѣмъ большую техническую ловкость мы пріобрѣтаемъ въ этомъ занятіи. Существованіе житейской опытности



подлежитъ сомнѣнію; ее признаютъ и уважаютъ грамотный и неграмотный, образованный пеецъ и австраійскій дикарь; эта опытность есть результатъ самосовершенствованія; процессъ же пріобрѣтенія есть процессъ безсознательнаго, чисто растительнаго умственнаго развитія; этотъ процессъ можетъ встрѣтить въ случайное содѣйствіе или случайное препятствіе въ окружающей обстановкѣ, точно такъ-же, какъ процессъ пищеваренія можетъ быть нарушенъ нездоровой пищей или возмущенъ моціономъ и воздержаніемъ. Наблюденія надъ природой человѣка, приведенныя въ систему и составившія собою собирательную науку, медицину, указываютъ на тѣ предметы на тѣ отправления, которые вредятъ человѣческому организму или приносятъ ему пользу. Сообразуясь съ предписаніями науки, человѣкъ можетъ вести правильный образъ жизни, собирать силы и содѣйствующій его физическому благосостоянію. Но ни одинъ порядочный недикъ не предпишетъ всѣмъ своимъ пациентамъ общую гигиену; онъ непременно изучитъ сначала темпераментъ cadaго и потомъ расположитъ свои предписанія, сообразуясь съ собранными матеріалами. Въ образованномъ обществѣ люди вообще больше думаютъ о себѣ, нежели въ простомъ народѣ, отчасти потому, что на это представляется больше средствъ и досуга, отчасти потому, что образованіе развиваетъ и укрѣпляетъ самосознаніе. Образованный классъ болѣе простаго народа заботится о своемъ здоровьѣ, поддерживаетъ его искусственными средствами и различными предосторожностями старается предотвратить могущее произойти разстройство. Точно такія-же гигиеническія мѣры по отношенію къ своему умственному развитію и нравственному совершенствованію принимаетъ человѣкъ, сознавшій въ себѣ умственную личность и заботящійся о нормальности своихъ интеллектуальныхъ отправленій. Положимъ, я сознавалъ въ себѣ стремленіе и способность къ научнымъ занятіямъ и, слѣдуя внутреннему побужденію, принимаюсь читать и изучать историковъ и мыслителей. Не поставлю-же я себѣ, подобно Версеневу, идеаломъ Т. Н. Грановскаго или П. Н. Кудрявцева. Не стану-же я подражать ни Маколею, ни Нибуру, ни Тьері, ни Гизо, какъ-бы велико ни было мое уваженіе къ этимъ передовымъ представителямъ человѣческой мысли. Я себѣ не поставлю впереди никакой цѣли, не задамъ никакой предвзятой идеи; я не знаю, къ какимъ результатамъ я приду, и меня вовсе не занимаетъ вопросъ о томъ, что я сдѣлаю въ жизни; меня занимаетъ самый процессъ дѣланія; я вижу, что никому не мѣшаю своей дѣятельностью, и на этомъ основаніи считаю себя правымъ передъ собой и передъ цѣлымъ міромъ; я работаю и ста-

раюсь облегчить себѣ трудъ, или (что то-же самое) вынести изъ cadaго своего усилія возможно большее количество наслажденія; это, по моему мнѣнію, альфа и омега всякой разумной человѣческой дѣятельности. Процессъ умственнаго развитія и нравственнаго совершенствованія допускаетъ нѣкоторые гигиеническіе пріемы, но конечно одни и тѣ-же пріемы не могутъ быть примѣнены даже къ двумъ недѣльнымъ. Эти пріемы состоятъ конечно не въ томъ, чтобы пригонять личность къ извѣстному образцу; основанные на изученіи самаго недѣлимаго, эти пріемы клонятся только къ тому, чтобы дать больше простора и разгула индивидуальнымъ силамъ и стремленіямъ. Эмансипировать собственную личность не такъ просто и легко, какъ кажется; въ насъ много умственныхъ предубѣжденій, много нравственной робости, мѣшающей намъ свободно желать, мыслить и дѣйствовать; мы сами добровольно стѣсняемъ себя собственнымъ вліяніемъ на свою личность; чтобы избѣгнуть такого вліянія, чтобы жить своимъ умомъ въ свое удовольствіе, надо значительное количество естественной или выработанной силы, а чтобы выработать эту силу, надо можетъ-быть пройти цѣлый курсъ нравственной гигиены, который кончится не тѣмъ, что человѣкъ приблизится къ идеалу, а тѣмъ, что онъ сдѣлается *личностью*, получитъ разумное право и сознаетъ блаженную необходимость быть самимъ собою.—Я стану избѣгать вреднаго для меня общества пустыхъ людей по тому-же побужденію, по которому съ простуженными зубами не подойду къ открытому окну, но я нисколько не возведу этого себѣ въ добродѣтель и не найду нужнымъ, чтобы другіе подражали моему примѣру. Надѣюсь, что я достаточно отбѣнилъ различіе, существующее между стремленіемъ къ идеалу и процессомъ самосовершенствованія. Вѣроятно я не сказалъ ничего новаго, но полагаю, что всякое самостоятельное убѣжденіе имѣетъ право выразиться въ словѣ, хотя-бы сотни людей исповѣдывали его въ продолженіи десятковъ и сотенъ лѣтъ. Кромѣ того вопросъ объ идеализмѣ живетъ и будетъ жить до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать мистическія теоріи и неосуществимыя стремленія; стало быть, разъясненіе этого вопроса, какъ-бы ни было оно слабо и поверхностно, теперь еще не можетъ быть излишнимъ и несвоевременнымъ. Возвращаясь къ нравственной философіи Платона. Какъ я уже говорилъ выше, добро, по мнѣнію Платона, должно быть для человѣчества предметомъ дѣятельности и источникомъ высшихъ наслажденій. *Понятіе* добра существуетъ у него какъ абсолютная идея и не приводится ни въ малѣйшую зависимость отъ личности и положенія *понимающаго* субъекта. Что это самостоятельное, абсолютное понятіе добра на



самомъ дѣлѣ есть произведеніе мозга Платона, это, кажется, не требуетъ доказательства; человѣкъ мыслить только своимъ мозгомъ; точно также какъ онъ варить пищу только своимъ желудкомъ и дышетъ только своими легкими. Любопытно замѣтить, что Платонъ, ставящій служеніе добру въ непремѣнную обязанность всему человечеству, самъ не вполне выяснилъ себѣ свои собственные представленія о сущности и фizioноміи этого добра. Въ своихъ бесѣдахъ *Тестетъ* и *Федонъ* и въ трактатѣ о *Государствѣ* Платонъ смотритъ на всѣ чувственныя явленія какъ на зло, на наше тѣло — какъ на враждебное начало, на нашу жизнь — какъ на время заточенія въ глубокомъ и мрачномъ вертепѣ. Смерть представляется минутой освобожденія, такъ что при этомъ возвращеніи остается только непонятнымъ, почему Платонъ не ускорилъ для себя этой вождѣльной минуты, почему онъ въ теоріи не оправдалъ самоубійства, и почему онъ воспылъ благость Диміурга, виновника нашего заточенія и всѣхъ связанныхъ съ нимъ золъ и страданій. Въ другихъ бесѣдахъ Платона, напр. въ *Филебѣ*, высшее добро опредѣляется какъ полное примиреніе чувственного начала съ духовнымъ, какъ гармоническое сліянiе того и другого, и средствами произвести это сліянiе почитаются изящныя искусства и въ особенности музыка. Въ враждебномъ отношеніи Платона къ чувственному міру видно усиліе могучаго ума оторваться отъ родимой почвы, которая его вскармливала и возматривала. Поэтъ-мыслитель хочетъ отрѣшиться отъ народнаго характера, отъ колорита окружающей дѣйствительности, отъ своей собственной плоти и крови. Грекъ, гражданинъ свободнаго города, здоровый и красивый мужчина, къ которому по первому призыву соберутся на роскошный пиръ друзья и гетеры, старается, во что-бы то ни стало, доказать себѣ, что въ этомъ мірѣ все — зло: и полная чаша вина, и жгучая ласка красивой женщины, и ароматъ цвѣтовъ, и звуки лиры, и звучный гекзаметръ, и даже дружба, которая, по мнѣнію грековъ, была выше и чище любви. Эти усилія доказать себѣ и другимъ то, противъ чего говоритъ свидѣтельство пяти чувствъ, не вызваны никакой дѣйствительной причиной и потому рѣшительно не носятъ на себѣ печати искренняго воодушевленія. Романтизмъ возникаетъ обыкновенно въ эпоху бѣдствій и страданій, когда человѣку нужно гдѣ-нибудь забыться, на чемъ-нибудь отвести душу; я несчастливъ здѣсь, мнѣ здѣсь душно, тяжело, больно дышать, такъ я успокоюсь по крайней мѣрѣ въ вѣчно-свѣтлой, вѣчно-тихой и теплой атмосферѣ, которую создастъ мое воображеніе и куда не проникнутъ ни горе, ни забота, ни стоны страдальцевъ. Романтизмъ искренній, вызванный самой почвой, зарождается въ эпоху

римской имперіи и развивается съ особеной силой въ средніе вѣка; отрицаніе догмъ, ужасающихъ размѣровъ; пропадаетъ въ вѣра въ благородныя стороны и побужденія человеческой природы, и вмѣсто этой вѣры въ дѣйствительность доходитъ до степени галлюцинаціи вѣра въ дѣйствительное существованіе и недостижимое совершенство незрчнаго, заоблачнаго міра фантазіи. Сени Тацитъ, Маркъ-Аврелій въ своихъ сочиненіяхъ выражаютъ съ полной искренностью и съ замѣчательною силой моментъ грусти, возмущенія противъ настоящаго и полнаго сомнѣнія въ будущемъ. Новоплатоники, Эссеяне и египетскіе терапевты, средневѣковые рыцари, монахи отчасти трубадуры воплощаютъ въ себѣ моментъ романтическаго стремленія оторваться отъ дѣйствительности и унести въ лучший, счастливый чувственный міръ. У всѣхъ этихъ господъ романтизмъ былъ потребностью души; въ годъ послѣ Августа порядочному человѣку можно было жить полной жизнью; каждый совершалъ самыя отвратительныя злодѣянія: предательства, доносы, пытки, казни, интриги, діаторовъ, истязанія рабовъ, апофеозы разныхъ нравственныхъ уроковъ и кретиновъ, — все это поневолѣ должно было ожесточить самаго бродушнаго оптимиста. Мыслящимъ людямъ того времени оставались только двѣ дороги: или удариться въ самый широкій разгулъ чувственности, или дать полную свободу своему воображенію, утѣшаться его свѣтлыми созданіями и во имя этихъ созданий вступить въ открытую вражду со всей дѣйствительностью, начиная съ собственного тѣла. По первому пути пошла эникурейцы, по второму между прочими — новоплатоники. Люди съ трезвымъ критическимъ умомъ не могли вѣрять въ созданія собственной фантазіи и предпочитали, за неимѣніемъ лучшаго, грубыя, но дѣйствительныя наслажденія болѣе тонкимъ, но совершенно призрачнымъ утѣшеніямъ. Эпикуреизмъ и новоплатонизмъ, разгулъ чувственности и умерщвленіе плоти вызваны одною историческою причиною. Идти путемъ середины, т. е. проводить въ жизнь теоретическія убѣжденія и черпать свои идеи изъ житейскаго опыта, сдѣлалось невозможнымъ, потому что жизнь располагалась по волѣ немногихъ личностей и дѣлалась жертвой случайности и произвола; тогда явились двѣ крайности: одни совершенно отказались отъ идеи и стали искать наслажденія въ физическихъ отпавленіяхъ жизненнаго процесса; другіе совершенно отказались отъ жизни и стали любоваться построеніями своего мозга. Оба направленія должны быть оправданы, какъ произвольныя и естественныя отклоненія отъ обыкновеннаго порядка вещей. Но если мы перенесемся къ эпохѣ Платона, то трудно будетъ себѣ представить, что могло вызвать съ



его стороны враждебныя отношенія къ физическому міру явленій. Ни нравственное, ни политическое состояніе Греціи во время Пелопоннесской войны и послѣ ея окончанія не было до такой степени плохо, чтобы привести мыслителя въ отчаяніе и вызвать съ его стороны безусловное осужденіе. Многія стороны греческаго быта, напр. рабство и *известнаго рода развратъ*, могли-бы возмутить человѣка нашей эпохи, но Платонъ не относился къ нимъ строго и не понималъ ихъ отвратительности. Рабы остаются рабами въ его идеальномъ государствѣ, а развратъ онъ идеализируетъ, видя въ немъ эстетическое стремленіе и набрасывая покрывало на физическія послѣдствія... Платонъ, какъ извѣстно, составилъ прозектъ идеальнаго государственнаго устройства и, кажется, старался даже осуществить свой политическій идеалъ въ Сиракузахъ и въ Сипилии. Изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что онъ вѣрилъ въ возможность земного счастья, и что существующіе въ наличности матеріалы не казались ему настолько негодными, чтобы изъ нихъ было невозможно построить прочное и красивое зданіе. Какъ-же послѣ этого понимать враждебное отношеніе Платона къ чувственному міру? Мнѣ кажется, его должно понимать только какъ теоретическій выводъ платоновой мысли, которому не сочувствовала и на который даже не обращала вниманія живая, человѣческая природа поэта-мыслителя. Все скверно въ матеріальной жизни, говоритъ доктрина Платона; напротивъ, все прекрасно и способно сдѣлаться еще лучше, возражаетъ его поэтическое чувство, и этотъ голосъ непосредственнаго чувства поддерживается примѣромъ его собственной жизни, свѣтлымъ колоритомъ его фантазій и чувственной яркостью самыхъ повидимому отвлеченныхъ его представлений. Поэтъ-мыслитель постоянно ищетъ образа и воплощаетъ свои идеи въ формы, заимствованныя изъ міра матеріи; этимъ самымъ онъ показываетъ, что этотъ міръ вовсе не внушаетъ ему отвращенія и что великая идея не оскверняется отъ соприкосновенія съ чувственнымъ явленіемъ. Но Платону было необходимо указать на источникъ и возможность зла; это такой вопросъ, котораго не обойдешь ни въ какой философской системѣ, ни въ какомъ поэтическомъ міросозерцаніи. Приписать зло волѣ Диміурга было мудрено; противъ подобной мысли возмущались и здравая логика, и эстетическое чувство Платона. Навязать доброду и мудрому существу всѣ гадости и несовершенства человѣческой жизни значило уничтожить возможность его существованія и перевернуть вверхъ дномъ всю красивую систему платонова міросозданія. Олицетворить зло въ отдѣльномъ понятіи, создать идею зла и противопоставить ее идеѣ добра было также невозможно. Это

подало-бы поводъ къ неисчислимымъ и неразрѣшимымъ вопросамъ и противорѣчіямъ. Если зло вѣчно, то, стало быть, оно естественно, а если оно естественно, то оно не есть зло. Если Диміургъ воплощаетъ въ себѣ идею могущества и отличается самыми благими стремленіями, то онъ хочетъ и долженъ истребить зло, а если онъ не истребляетъ его, то, стало быть, онъ не въ силахъ сдѣлать этого. Чтобы избѣжать подобныхъ противорѣчій, Платонъ обращается къ матеріи и путемъ діалектическихъ доводовъ доказываетъ, что она-то есть невольная и безсознательная причина зла. Принужденный признать инертное могущество и вѣчность матеріи, существующей помимо воли Диміурга и только получающей отъ него свою форму, Платонъ доходитъ до теоретическаго убѣжденія, что зло есть свойство матеріи. Создавая какое-нибудь существо, Диміургъ кладетъ на матерію печать извѣстной идеи, но матерія слишкомъ груба, чтобы воспринять этотъ отпечатокъ въ полной ясности и чистотѣ; матеріаль сопротивляется рукѣ художника, и это невольное сопротивленіе даже олицетворяется у Платона подъ именемъ неразумной міровой души; въ этомъ сопротивленіи и лежитъ начало зла. Изъ этого видно, что пессимизмъ Платона не вытекъ живою струею изъ его непосредственнаго чувства и не былъ вызванъ обстоятельствами и обстановкой его жизни, а выработанъ путемъ умозаключеній и никогда не проникалъ глубоко въ его личность. Противорѣчіе, въ которое впадаетъ Платонъ, развивая почти рядомъ два, чуть не діаметрально противоположныя, міросозерцанія, открываетъ намъ одну изъ симпатичнѣйшихъ сторонъ его личности. Это противорѣчіе ясно показываетъ, что доктринеръ не могъ побѣдить въ Платонѣ поэта и человѣка, и что живые инстинкты и живыя симпатіи его души вылились наружу, не стѣсняясь мертвою буквою писанной системы. Но между тѣмъ доктрина развивается своимъ чередомъ; Платонъ, какъ мыслитель, выводитъ крайнія слѣдствія своей философской системы, а Платонъ, какъ человѣкъ, и жизнью, и словомъ протестуетъ противъ порожденій своей собственной мысли. Впечатлительный, измѣнчивый и подвижный, какъ истинный поэтъ, онъ противорѣчитъ самому себѣ и самъ того не замѣчаетъ, самъ не думаетъ о томъ, чтобы какъ-нибудь сблизить и примирить два противоположныя воззрѣнія. Обращаясь такъ нецеремонно съ собственными теоріями, Платонъ не допускаетъ подобной свободы для другихъ; его возмущаютъ существующія непослѣдовательности и уклоненія отъ разумности въ сферѣ частной и государственной жизни. Не будучи въ состояніи внести строгое единство даже въ міръ собственной мысли, онъ хочетъ подчинить неизмѣннымъ законамъ всѣ явленія человѣче-



ской жизни, водворить строгую правильность и разумность во все отношенія между людьми въ семействѣ и въ государствахъ. На мѣсто живого развитія жизни онъ хотѣлъ поставить неизмѣнное и неподвижное созданіе своей творческой мысли. Трактатъ Платона о государствахъ не есть произведеніе свободной фантазіи, не есть красивая игрушка, которой житейскую бесполезность и непримѣнимость признавалъ-бы самъ творецъ. Это почти прозекъ, и любимой мыслью Платона было привести его въ исполненіе. Перестроить общество на новый ладъ, заставить цѣлый народъ жить не такъ, какъ онъ привыкъ и какъ ему хочется, а такъ, какъ, по моему убѣжденію, ему должно быть полезно, — это конечно такая задача, за которую теперь не взялся-бы ни одинъ здравомыслящій человекъ. Во время Платона такая задача была вѣроятно такъ-же немислима, какъ и теперь, но на видъ она должна была казаться гораздо легче уже потому, что греческая народность была разбита на множество мелкихъ государствъ и что авторъ, стоя на площади въ Афинахъ, могъ говорить чуть не съ цѣлой національностью. Сословіе свободныхъ и полноправныхъ гражданъ было очень ограничено въ сравненіи съ цѣлымъ народонаселеніемъ; это сословіе одно имѣло возможность измѣнять по своему благоусмотрѣнію фیزیономію государства, а умами этого сословія дѣйствительно могъ управлять любимый ораторъ или писатель. Это обстоятельство конечно не могло повести къ тому, чтобы законы и учрежденія, придуманные однимъ лицомъ и невоспитанные самой почвой, могли остановить потокъ исторической жизни или дать ему произвольное направленіе; но оно могло по крайней мѣрѣ внушить Платону обманчивыя надежды; оно могло увѣрить его въ возможности составлять и прикладывать къ дѣлу проекты государственнаго устройства. Мы до сихъ поръ видѣли Платона, какъ поэта, какъ доктринера; не раздѣляя его фантастическихъ бредней, мы принуждены были признавать въ его созданіяхъ много искренняго воодушевленія, много смѣлости и силы воображенія; не сочувствуя его нравственнымъ принципамъ, мы не могли отказать имъ во внутренней стройности и послѣдовательности. Этой послѣдовательности не повредила даже двойственность его воззрѣній на матерію и ея отношенія къ человѣческому духу; какъ мыслитель, задавшійся извѣстной идеей, Платонъ смѣло дошелъ до крайнихъ выводовъ; какъ живой человекъ, онъ пошелъ совершенно другой дорогой и доказалъ такимъ образомъ въ одно и то-же время силу своей творческой мысли, крѣпость своей физической природы и невозможность стиснуть жизнь въ узкія рамки теорій. — Словомъ, въ концѣ концовъ можно вывести заключеніе, что Платонъ имѣетъ несомнѣнные права на наше

уваженіе, какъ сильный умъ и замѣчательный талантъ. Колоссальныя ошибки этого таланта въ области отвлеченной мысли происходятъ не отъ слабости мысли, не отъ близорукости, не отъ робости ума, а отъ преобладанія поэтическаго элемента, отъ сознательнаго пристрастія къ свидѣтельствамъ опыта, отъ самонадѣянности свойственнаго сильнымъ умамъ стремленія нести истину изъ глубины творческаго дѣла вмѣсто того, чтобы разсмотрѣть и изучить ее въ единичныхъ явленіяхъ. Не смотря на свои ошибки, не смотря на полную несостоятельность своей системы, Платонъ можетъ быть названъ по всей справедливости родоначальникомъ реалистовъ. Составляетъ-ли это обстоятельство важную заслугу предъ лицомъ человѣчества, — конечно такой вопросъ, на который отвѣтъ различно представители различныхъ направлений въ области отвлеченной мысли; но какъ-бы ни былъ рѣшенъ этотъ вопросъ, все-таки никто не откажетъ Платону въ почетномъ мѣстѣ въ исторіи науки. Есть такія гениальныя ошибки, которыя оказываютъ возбуждающее вліяніе на умы цѣлыхъ поколѣній; спавши увлекаются ими, потомъ къ нимъ становятся въ критическія отношенія; это увлеченіе и критика долгое время служатъ школой для человѣчества, причиной умственной борьбы, вводящей къ развитію силъ, руководящихъ и окрѣпчивающихъ начало въ историческихъ движеніяхъ и переворотахъ. Но Платонъ не остановился въ области чистаго мышленія и не боялся того, что, пренебрегая опытомъ и единичными явленіями, нельзя понимать истиннаго смысла исторической и государственной жизни. Онъ взялся за рѣшеніе практическихъ вопросовъ, не умѣя ихъ даже поставить, какъ слѣдуетъ; его попытки въ этомъ родѣ до такой степени слабы и несостоятельны, что онъ распадается въ прахъ отъ самаго легкаго прикосновенія критики; въ этихъ попыткахъ нѣтъ ни разумной любви къ человѣчеству, ни уваженія къ отдѣльной личности, ни художественной стройности, ни единства цѣли, ни нравственной высоты идеала. Представьте себѣ причудливое и некрасивое зданіе, съ арками, фронтонами, портиками, бельведерами и колоннадами, неимѣющими никакого практическаго назначенія, и вы получите понятіе о томъ впечатлѣніи, которое производятъ на читателя трактаты Платона о государствахъ и о законахъ. «Первая цѣль государства, — по мнѣнію Платона, — сдѣлать гражданъ добродѣтельными, обезпечить вѣщественное и нравственное благосостояніе всѣхъ и каждого». Новые изслѣдователи, напр. Вильгельмъ Гумбольдтъ («Ideen zu einem Versuch die Grenzen der Wirksamkeit des Staats zu bestimmen»), смотрятъ на дѣло иначе и опредѣляютъ государство какъ охранительное учрежденіе, избавляющее отдѣльную лич-



ость отъ оскорбленій и нападковъ со стороны вѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Этимъ опредѣленіемъ они избавляютъ взрослого гражданина отъ своеобразной и непрошенной опеки, которая продолженіи всей жизни тяготѣетъ надъ нимъ въ государствѣ Платона. Оставляя въ сторонѣ невѣрность основного взгляда, мы увидимъ, что даже та цѣль, которую задается Платонъ, не можетъ быть достигнута тѣми средствами и приемами, которые предлагаются въ его трактатахъ. Граждане должны быть добродѣтельны, а между тѣмъ Платонъ предписываетъ имъ такіа оскорбительныя стѣсненія, противъ которыхъ возмущается нравственное и эстетическое чувство; уму читателя представляется такая дилемма: или граждане, какъ порядочные люди, не вынесутъ этого стѣсненія, и тогда всѣ учрежденія Платона пойдутъ прахомъ; или они подчинятся этимъ стѣсненіямъ и, систематически развращенные ими, потеряютъ способность быть добродѣтельными. Добродѣтель, даже какъ понимаетъ ее Платонъ, и соблюденіе законовъ въ его идеальномъ государствѣ составляютъ два несовмѣстимыя начала. Мудрость, мужество, самообладаніе и справедливость представляются четырьмя главными добродѣтелями въ нравственной философіи Платона. Спрашивается, которая изъ этихъ четырехъ добродѣтелей отниметъ у человѣка право свободной критики и приводитъ къ безусловному повиновенію? Если-же ни одна изъ этихъ добродѣтелей не пригодна для послушныхъ гражданъ идеальнаго государства, то это значитъ, что Платонъ отдѣляетъ идеалъ человѣка отъ идеала гражданина. Многіе мыслители древности, между прочими и Аристотель въ своей политикѣ, говорятъ, что добродѣтель доступна только полноправнымъ гражданамъ и не существуетъ ни для раба, ни для ремесленника, ни для женщины. Но Платонъ, подчиняя *всѣхъ* гражданъ своего государства неестественнымъ и оскорбительнымъ стѣсненіямъ, идетъ гораздо дальше. Онъ даетъ обществу такое устройство, которое самымъ фактомъ своего существованія дѣлаетъ невозможнымъ не только осуществленіе идеала, но даже стремленіе къ нему. Со стороны мыслителя, по понятіямъ котораго вѣдь идеалъ нѣтъ спасенія, такого рода распоряженія должны показаться чрезвычайно оригинальными. Если идеалъ человѣка неосуществимъ даже теоретически въ гражданскомъ обществѣ, то изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что человѣку слѣдуетъ жить и развиваться вѣдь общества, или-же что пресловутый идеалъ есть бесполезная игрушка празднаго воображенія. Ни то, ни другое заключеніе не поправилось-бы Платону, но устранить оба заключенія можно, только отказавшись отъ утопической теоріи или перестроивъ идеалъ. Въ государствѣ Платона есть чиновники, воины, ремесленники, торговцы, рабы и самки, но лю-

дей нѣтъ и не должно быть. Каждая отдѣльная личность есть извѣстной формы и величины винтъ, шестерня или колесо въ государственномъ механизмѣ; кромѣ этой служебной должности, онъ ни въ какомъ кругу не имѣетъ никакого значенія; онъ не сынъ, не братъ, не мужъ, не отецъ, не другъ и не любовникъ. Съ минуты рожденія его отрываютъ отъ груди матери и помѣщаютъ въ воспитательный домъ; его не показываютъ родителямъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ и его происхожденіе умышленно забывается; его воспитываютъ наравнѣ со всѣми дѣтьми его возраста, и онъ, какъ только начинаетъ помнить и сознавать себя, чувствуетъ, что онъ — казенная собственность, несвязанная ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ въ окружающемъ его мірѣ. Онъ вырастаетъ и получаетъ извѣстную должность; его дѣлаютъ воиномъ и военные упражненія становятся главнымъ его занятіемъ и развлеченіемъ; въ эти упражненія онъ, какъ хороший гражданинъ, обязанъ влагать тѣ остатки энергій и души, которыхъ не успѣло засушить школьное воспитаніе. Когда у него появляется борода и развивается мужеская сила, его осматриваетъ и свидѣтельствуетъ *особый сановникъ* и потомъ приводитъ къ нему молодую дѣвушку, которая, по его убѣжденію, годится ему въ жены. Приплодъ идетъ на пользу общества и съ нимъ поступаютъ точно такъ-же, какъ поступали съ его родителями. Когда мужчина становится старикомъ, его дѣлаютъ гражданскимъ чиновникомъ и опредѣляютъ въ одно изъ существующихъ вѣдомствъ; онъ становится судьей, казначеемъ или воспитателемъ юношества, смотря по тому, на что его найдутъ годнымъ. Занятіе торговлей или ремесломъ считается унизительнымъ для полноправнаго гражданина и запрещено законами. Вѣшнія формы, въ которыя должны воплотиться эти политическія убѣжденія, едва набросаны въ сочиненіяхъ Платона. Онъ считаетъ нужнымъ, чтобы во главѣ государства стояли достойнѣйшіе и мудрѣйшіе, но ему рѣшительно все равно, будетъ ли тамъ одинъ мудрѣйшій или нѣсколько мудрѣйшихъ. Демократическая форма правленія ему противна, какъ аристократу по рожденію и какъ человѣку, считающему себя неизмѣримо выше массы по умственнымъ силамъ и по нравственному достоинству. Вотъ нѣсколько выписокъ изъ книги Клеванова, въ которыхъ эта сторона теоріи Платона очерчена довольно ясно. «Относительно вопроса: правительство должно ли быть основано на согласіи народа или дѣйствовать на него силой, Платонъ прямо высказываетъ убѣжденіе, что если нужно согласіе массъ народа, то никакія, самыя благоразумныя учрежденія не могутъ быть никогда приведены въ дѣйствіе. Сознующій свои обязанности правителя долженъ поступать съ зависящими отъ



него людьми какъ благоразумный врачъ; не спрашиваясь ихъ согласія, волей-неволей долженъ давать онъ имъ горькое, но полезное лекарство». «Далѣе Платонъ говоритъ, что неблаго-разумно было-бы мудраго правителя стѣснять законами». «Вообще Платонъ приходитъ къ рѣшительному убѣжденію, что массы народа неспособны управлять сами собою и что невозможно требовать, чтобы имъ когда-нибудь было доступно и понятно истинное искусство управленія». «Но Платонъ, имѣя самое невыгодное понятіе о степени нравственнаго развитія массъ народныхъ, не могъ допустить, чтобы большинство людей подвластныхъ терпѣливо и съ покорностью сносили власть мудрецовъ; а потому Платонъ долженъ былъ вооружить своихъ правителей-философовъ такой властью, которой было-бы достаточно для приведенія въ исполненіе ихъ распоряженій; вслѣдствіе этого они должны были имѣть всегда подъ руками достаточное число дѣятельныхъ и способныхъ исполнителей. Такимъ образомъ уяснилась для Платона потребность въ отдѣльномъ сословіи воиновъ, которое должно имѣть цѣлью своей дѣятельности не столько защиту государства извнѣ, сколько поддержаніе внутри его порядка и общественнаго спокойствія». «А потому Платонъ въ своемъ трактатѣ о государствѣ, запрещая ложь частному человѣку, допускаетъ обманъ, какъ средство управленія въ рукахъ властителей». Эти выписки прямо показываютъ, что, по понятіямъ Платона, со стороны правителей не существуетъ обязанности въ отношеніи къ управляемымъ личностямъ; обманъ, насиліе, произволъ допускаются какъ средства управленія. Законы нравственности, существующіе для частныхъ лицъ, теряютъ обязательную силу для государственныхъ дѣятелей. Они должны быть мудрыми, но право судить о степени ихъ мудрости отнимается у наиболѣе-заинтересованныхъ личностей и предоставляется, кажется, одному Диміургу. Съ одной стороны произволъ имѣетъ только тѣ границы, на которыхъ онъ самъ заблагоразсудитъ остановиться. Съ другой стороны покорность не имѣетъ никакихъ предѣловъ. Если она начинаетъ ослабѣвать, ее слѣдуетъ подкрѣпить искусственными средствами, нравственными или физическими, слабыми или сильными, смотря по комплекціи пациента и по благоусмотрѣнію врача. Устраненіе вредныхъ вліяній должно играть важную роль въ курсѣ воспитанія или леченія, которому должны подвергаться граждане идеальнаго государства. Гомеръ изгоняется, какъ безнравственный сказочникъ. Многія пересочиняются и пропнываются высокими идеями. Статуи Аполлона и Афродиты въ интересахъ приличія прикрываются костюмомъ. Чтобы сосѣдніе народы не могли вводить

въ соблазнъ гражданъ идеальнаго государства сношенія съ иностранными землями должны по возможности затруднены и ограничены стѣсненія за-границу дозволены только лицамъ зрѣлаго возраста, и притомъ не иначе, какъ для собственнаго образованія, или для государственныхъ цѣлей. По возвращеніи граждане должны подвергаться испытанію, не привели ли они съ собою вредныхъ убѣжденій. Разбирать подобныя положенія бесполезно; они сами говорятъ за себя очень громко и ясно. Разрешу себѣ замѣтить, что, вѣчесть человѣчества, духъ политическаго Платона никогда не пытался завоевать мѣсто въ дѣйствительности. Сумасбродныя деспоты — Ксерксъ персидскій, Калигула и Дидонъ — никогда не пробовали почеркомъ уничтожить семейство и поставить свой на степень конскаго завода. Къ счастью изъ своихъ подданныхъ, эти господа не были философами; они казнили людей для прпровоки времени, но по крайней мѣрѣ они не реформировали человѣчества и не старались систематически развратить своихъ согражданъ. Проститутки и умные деспоты, вродѣ Людовика XI, Тивери и Фердинанда Католическаго, оказывали на своихъ подданныхъ сознательное вліяніе, но ихъ прозекты и отдаленнѣйшія мечты никогда не достигали того величія и той смѣлости, которыми отличаются идеи Платона. Стремленія ихъ были общія; но, увлекаясь поэтическимъ гениемъ, Платонъ проводитъ эти стремленія безпримѣрной силой; злѣйшимъ врагомъ этихъ стремленій былъ могучій духъ критики и сомнѣнія, элементъ свободнаго мышленія и личноригинальности, и этотъ элементъ ненавистенъ Платону; нравственной опорой имъ служила выиска народнаго блага, и этой-же вывѣской пользуется Платонъ; матеріальной поддержкой ихъ было войско, и эта-же самая сила имѣетъ важное мѣсто въ государствѣ Платона. Эти правители, подобно мудрецамъ идеальнаго государства, считали себя достойнѣйшими и лучшими изъ своихъ согражданъ, — людьми, призванными быть воспитателями и врачами неразвившагося и нравственно-больного человѣчества. Римскія пытки и казни, испанская инквизиція, походы противъ Альбигойцевъ, клѣтка кардинала La Balze, костеръ Гусса, Варооломеевская ночь, Бастилія и проч., и проч. могутъ быть названы горькими, но полезными лекарствами, которыя въ разныя времена и въ разныхъ дозахъ врачи человѣчества давали своимъ пациентамъ *волей-и-неволей, не спрашиваясь ихъ согласія*. Принципъ, проведенный Платономъ въ его трактатахъ о государствѣ и о законахъ, не безызвѣстенъ новѣйшей европейской цивилизаціи.



# ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЕ ЭСКИЗЫ МОЛЕШОТА.

(«Physiologisches Skizzenbuch von Jac. Moleschott». Giessen, 1861.)

## I.

«Въ наше время было-бы странно думать, что духъ не зависитъ отъ матеріи» — этими словами начинается Молешотъ свою книгу. Мы постепенно перестаемъ бояться природы и благоговѣть передъ нею; мы перестаемъ навязывать ей сознательныя стремленія и опредѣленныя цѣли; мы смотримъ на то, что у насъ передъ глазами, и стараемся быть внимательными; усилія наши направлены къ тому, чтобы усовершенствовать орудія познания, и, чтобы разсмотрѣть предметъ нашего наблюденія въ разныхъ положеніяхъ и съ разныхъ сторонъ, мы обуздываемъ дѣятельность теоретическаго мышленія, которое постоянно торопится къ общимъ выводамъ; мы хотимъ какъ можно больше видѣть и какъ можно меньше догадываться. До сихъ поръ не придумано такого микроскопа, который могъ-бы слѣдить за работой мысли въ мозгу живого человѣка; на этомъ основаніи изслѣдователи очень благоразумно обходятъ до времени эти интересныя отправленія человѣческаго организма и сосредоточиваютъ свои силы на разъясненіи другихъ процессовъ, болѣе грубыхъ и слѣдовательно болѣе осязательныхъ. Что можно разсмотрѣть микроскопомъ и разложить химическимъ анализомъ, то разсматривается и разлагается; что недоступно непосредственному изслѣдованію, то наблюдается черезъ сближеніе отдѣльных фактовъ, подобно тому, какъ въ алгебраическихъ уравненіяхъ неизвѣстная величина опредѣляется по извѣстнымъ. Камень за камнемъ сносится на то мѣсто, гдѣ надо выстроить домъ; наблюденія и опыты не противорѣчатъ другъ другу, но часто лежатъ особнякомъ, не обнаруживая между собою видимой связи и необходимаго соотношенія. Незвѣстнаго еще такъ много, что даже не обозначены общія линіи того зданія, которое строится современемъ и въ которое войдутъ, какъ строительные матеріалы, всѣ песчинки, добытыя правильнымъ трудомъ человѣческой мысли. Ничто не построено, но многое собрано, и, главное, многое разрушено.

Съ тѣхъ поръ, какъ живетъ человѣчество, оно невольно старалось себѣ объяснить, что такое человѣкъ, міръ, природа и ея законы; любознательности было много, а знаній мало; поневолѣ приходилось добавлять фантазіей; возникло великое множество міросозерцаній, болѣе или менѣе поэтическихъ, великое множе-

ство образовъ болѣе или менѣе величавыхъ; отъ разныхъ остатковъ этихъ міросозерцаній приходится теперь избавляться; разные изношенные образы приходится разбивать, выметая ихъ осколки съ того мѣста, на которомъ предполагается строить новое зданіе въ современномъ вкусѣ, на прочномъ фундаментѣ. Отношеніе между человѣкомъ и окружающей природой, и даже въ самомъ человѣкѣ отношенія между различными частями и отправленіями его организма составляютъ рѣшительное яблоко раздора между мыслителями и фантазерами. Послѣдніе, сильные числомъ, хотятъ допустить, во что-бы то ни стало, присутствіе такихъ элементовъ, какихъ въ дѣйствительномъ мірѣ никогда не было и не можетъ быть, такихъ вещей, о которыхъ, по выраженію нашего народно-эпическаго языка, «ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать». Фантазеры вооружаются самымъ разнообразнымъ дрекольемъ, чтобы отстоять свое дѣло; они вносятъ свои невѣсомыя тонкости во всѣ сферы человѣческихъ знаній и искусства; натуралисты, историки и поэты часто оказываются зараженными самымъ узкобытымъ мистицизмомъ. Мыслителямъ приходится иногда тратить много времени на то, чтобы разбивать теоріи и фантазіи и чтобы открывать глаза слишкомъ довѣрчивымъ и совершенно беззащитнымъ неспеціалистамъ; лучшіе изъ мыслителей идутъ другимъ путемъ, болѣе труднымъ, но зато болѣе плодотворнымъ; они совершенно отворачиваются отъ области произвольныхъ гаданій, предоставляютъ ее идеалистамъ, а сами наблюдаютъ и изучаютъ химическій составъ крови, процессъ пищеваренія, конструкцію волосъ, ногтей и прочія ничтожныя мелочи; и эти ничтожныя мелочи уже теперь повернули вверхъ-дномъ колоссальныя теоріи міровыхъ мыслителей и цѣлыхъ народовъ; эти ничтожныя мелочи уже теперь разбили оковы человѣческой мысли. Дѣло разрушенія сдѣлано; дѣло созиданія будетъ впереди и займетъ собою не одно поколѣніе.

## II.

«Физиологическіе эскизы» Молешота посвящены строгому изслѣдованію нѣкоторыхъ отправленій и отдѣльных частей человѣческаго тѣла. Первый этюдъ разсматриваетъ вліяніе пищи на человѣческую организмъ, второй разбираетъ подробно тѣ видоизмѣненія, которыя произво-



дѣтъ въ человѣкѣ движеніе на чистомъ воздухѣ, четвертый въ популярной формѣ сообщаетъ публикѣ микроскопическія наблюденія ученыхъ надъ роговой оболочкой человѣческаго тѣла. Третій очеркъ, о которомъ стоитъ поговорить подробно въ концѣ статьи, существенно отличается отъ остальныхъ по своему характеру и предмету; онъ заключаетъ въ себѣ характеристику Георга Форстера, написанную съ замѣчательной глубиной критическаго взгляда и проникнутую самымъ честнымъ сочувствіемъ къ личности благороднаго дѣятеля. Главной задачей моей настоящей статьи будетъ сгруппировать мысли Молешота, выраженные въ его чисто физиологическихъ эскизахъ, и представить ихъ читателямъ въ ясномъ и по возможности сжатомъ изложеніи.

«Жить,—говоритъ Молешотъ,—значитъ сохранять форму своего тѣла вопреки непрерывному измѣненію мельчайшихъ матеріальныхъ частицъ, составляющихъ собою тѣло». Безпрерывное измѣненіе матеріальныхъ частицъ совершается посредствомъ тѣхъ выдѣленій, которыя сопровождаютъ собою процессы дыханія и пищеваренія; кромѣ того оно происходитъ путемъ испаринны, отпаденія засохшихъ частичекъ кожи, выростанія и обрѣзыванія волосъ и ногтей. Убывающія частицы нашего тѣла должны замѣщаться новыми; новыя надо вырабатывать изъ какого-нибудь матеріала, а матеріалъ этотъ мы получаемъ изъ пищи, которую принимаемъ въ желудокъ, и изъ воздуха, который вдыхаемъ въ легкія. Мы, по словамъ Либиха, похожи на ходячія печи, нуждающіяся въ постоянной или по крайней мѣрѣ часто повторяющейся топкѣ. Положенное въ насъ топливо перегораешь и, претерпѣвая разныя измѣненія, перерабатывается въ кровь. А что такое кровь? Бордѣ говорить, что кровь есть мясо въ жидкомъ состояніи, но Молешотъ съ этимъ не соглашается. Въ крови, по его словамъ, заключаются задатки и зародыши всего тѣла: мозгъ, перья, кости, мясо, кожа и хрящи—все вырабатывается изъ крови, слѣдовательно въ крови есть такія химическія составныя части, которыхъ нѣтъ въ мясѣ и которыя идутъ на построение другихъ тканей нашего тѣла.

Значеніе крови становится такимъ образомъ чрезвычайно важнымъ.

Химическій составъ крови даетъ намъ мѣрку для оцѣнки сравнительнаго достоинства всякой пищи; если употребляемая нами пища содержитъ въ себѣ всѣ составныя части крови и притомъ въ одинаковой пропорціи съ кровью, то эта пища можетъ поддерживать наше существованіе и сохранять наше здоровье. Тщательное изслѣдованіе химическаго состава здоровой крови должно такимъ образомъ служить основаніемъ для всякихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій о количествѣ и качествѣ пищи, необхо-

димыхъ для надлежащаго восполненія недостающихъ частицъ организма.

Молешотъ посвящаетъ разсмотрѣнію этой цѣлюю главу своего эскиза. Изъ этого разсмотрѣнія оказывается, какъ извѣстно людямъ, знакомымъ съ физиологіей, что кровь состоитъ изъ соединенія азота, углерода, водорода, кислорода, калия, натрія, кальція, магнія, железа, фосфора, хлора и фтора. Если выразить проще, можно сказать, что на 100 частей крови приходится 79 частей воды; остальные 21 часть состоятъ изъ бѣлковины (т. е. изъ такого вещества, которое по своему составу по свойствамъ очень похоже на яичный бѣлокъ) изъ различныхъ солей и изъ очень незначительнаго количества жира и сахара; на 100 частей крови приходится около 4 частей сахара, а количество сахара, заключающееся въ крови, еще гораздо меньше и до сихъ поръ не было опредѣлено. Красный цвѣтъ крови происходитъ отъ примѣся желѣза; нарушение этого цвѣта сопровождается собою разстройствомъ большую или меньшую слабость всего организма; поэтому присутствіе желѣза въ крови совершенно необходимо, хотя количество такъ незначительно, что не можетъ быть въ точности опредѣлено. Каждая изъ составныхъ частей крови потребляется организмомъ на построение тѣхъ или другихъ разрушающихся или устарѣвшихъ частицъ. Такъ напр., фосфорнокислая известь (соединеніе фосфора, кислорода и кальція) идетъ на ремонтъ костей, фтористый кальцій образуетъ зубы, поваренная соль—грудь.

Для работы нашего мозга необходимы фосфоръ и особеннаго рода фосфористый жиръ. «Какъ кровь не можетъ обращаться съ должной силой безъ притока желѣза, какъ кости не могутъ служить опорой для нашего тѣла безъ притока извести, такъ точно мозгъ не можетъ думать безъ притока фосфора и фосфористаго жира». Безъ фосфора нѣтъ дѣятельности мысли; но предполагать, чтобы у умнаго человека было въ мозгу много фосфора, по словамъ Молешота, неосновательно, потому что органъ одинаково страдаетъ отъ избытка какаго-нибудь ингредиента, какъ и отъ недостатка. Каждый органъ вытягиваетъ изъ крови именно то количество матеріала, которое необходимо для его отправленій; онъ не беретъ себѣ лишняго, но если-же случится недостатокъ, если въ крови не найдется необходимыхъ матеріаловъ, тогда конечно дѣятельность органа должна ослабѣть и постепенно прекратиться (Moleschott. «Lehre der Nahrungsmittel» S. 100). Очень можетъ быть, что умственное, которое мы чувствуемъ послѣ продолжительной умственной работы, происходитъ отъ того, что фосфористый жиръ истрачивается и что мозгъ не успѣваетъ вытягивать изъ крови необходимаго количества матеріала; очень ма-



жетъ быть, что напряженіе мысли, усиленіе ума связано съ усиленной дѣятельностью тѣхъ сосудовъ, которые тянутъ фосфоръ изъ крови въ мозгъ. Что это утомленіе, эти усиленія и напряженія основываются на чисто *матеріальномъ* процессѣ—въ этомъ смѣшно и сомнѣваться, но сущность этого процесса совершенно не разяснена, и потому мы хорошо сдѣлаемъ, если изъ заманчивой сферы гипотезъ снова спустимся на твердую почву положительныхъ фактовъ:

### III.

Такъ какъ принимаемая нами пища должна переработаться въ кровь, то она, какъ уже было выше замѣчено, должна заключать въ себѣ всѣ тѣ составныя части, которыя были указаны въ крови; вода, бѣлковина, соли, жиръ и сахаръ непременно должны входить въ нашу пищу, потому что всѣ эти спеціи необходимы для образованія крови; воды должно быть всего больше, потому что изъ нея состоятъ почти <sup>4)</sup> всей нашей крови; дѣйствительно, опытъ показываетъ, что самыя сухія пища содержатъ въ себѣ значительный процентъ воды; мы пьемъ чай или кофе утромъ и вечеромъ, за обѣдомъ мы ѣдимъ супъ, слѣдовательно во всѣхъ этихъ видахъ поглощаемъ воду; сверхъ того мы поѣдимъ сколько разъ въ день чувствуемъ жажду, и утоляемъ ее напитками, которыхъ большая часть разбавлена водою; наконецъ мы вдыхаемъ въ себя водяные пары, носящіеся въ воздухѣ, и такимъ образомъ еще увеличиваемъ количество поглощаемой воды. Словомъ, вода есть самая важная и необходимая составная часть нашей пищи; жажда чувствуется скорѣе голода и въ меньшее время ведетъ за собою смерть; впрочемъ всѣ составныя части крови непременно должны входить въ нашу пищу; если будетъ совершенно опущенъ хоть одинъ изъ ея ингредиентовъ, то произойдетъ разстройство организма, которое рано или поздно приведетъ къ его разрушенію.

Я обратилъ вниманіе на особенную важность воды только потому, что недостатокъ ея замѣчается всего скорѣе, измучиваетъ и убиваетъ человѣка въ самое короткое время, и слѣдовательно бросается въ глаза при самомъ поверхностномъ взглядѣ на дѣло. Въ строго научномъ смыслѣ нельзя сказать, чтобы вода была важнѣе другихъ составныхъ частей крови: всѣ онѣ необходимы для поддержанія жизни и здоровья, слѣдовательно всѣ одинаково важны; замѣчу только, что жиръ можетъ быть замѣненъ сахаромъ потому, что сахаръ, принимая въ кишечномъ каналѣ разныя химическія измѣненія, превращается въ жиръ. Пчелы готовятъ воскъ изъ цвѣточного сахара, а воскъ представляетъ существенное сходство съ жиромъ, съ той только разницей, что еще ме-

нѣ жира содержитъ въ себѣ кислорода. Наблюденія Либиха надъ домашними животными доказали рѣшительно, что сахаръ превращается въ жиръ; знаменитый химикъ взвѣшивалъ жиръ убитыхъ быковъ и масло, доставляемое коровами, и вычислилъ, что эти животныя не могли получить этихъ веществъ изъ своей пищи въ видѣ чистаго жира. Анализъ коровьяго помета показалъ, что въ немъ корова выбрасываетъ столько-же жира, сколько его находится въ ея пищѣ. Но въ этой пищѣ (въ сѣнѣ и картофелѣ) есть много такихъ веществъ, которыя въ желудкѣ превращаются въ сахаръ; изъ сахара развивается молочная кислота, изъ молочной кислоты—масляная кислота и наконецъ жиръ. Изъ этого превращенія сахара въ жиръ видно, что вещества, составляющія нашу пищу, болѣе или менѣе подвергаются измѣненіямъ, смотря потому, насколько эти вещества сродны составнымъ частямъ нашей крови. Молочная кислота ближе сахара подходит къ жиру; сахаръ подходитъ къ жиру ближе крахмала. Изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что крахмалъ не такъ скоро можетъ быть превращенъ въ жиръ, какъ сахаръ, и что сахаръ въ свою очередь перейдетъ въ жиръ медленнѣе молочной кислоты.

Но главная и важнѣйшая часть пищеваренія заключается именно въ приготовленіи крови изъ принятой пищи, слѣдовательно тѣмъ скорѣе и легче принятая пища перерабатывается въ кровь, тѣмъ успѣшнѣе совершается пищевареніе; успѣшность пищеваренія зависитъ преимущественно отъ свойства пищи или, точнѣе, отъ степени сродства ея съ составными частями крови; удобоваримую можно назвать ту пищу, изъ которой легче и скорѣе добываются ингредиенты крови; на этомъ основаніи молочная кислота окажется удобоваримѣе сахара, сахаръ—удобоваримѣе крахмала. Тѣ составныя части нашей пищи, которыя не могутъ переработаться въ кровь, оказываются ненужными и должны быть удалены какъ постороннія тѣла. Эти-то ненужныя составныя части нашей пищи составляютъ главное основаніе испражнений, къ которымъ сверхъ того присоединяются желудочныя и кишечныя слизи и жидкости, обветшалыя частицы кожи, выделенія желчи, словомъ, такіе матеріалы, которые входили въ составъ нашей крови и нашего тѣла и потомъ устарѣли и пришли въ негодность. Чѣмъ меньше ненужныхъ частицъ содержитъ въ себѣ наша пища, тѣмъ большее количество питательныхъ веществъ она отдаетъ въ кровь; такимъ образомъ болѣе питательной называется та пища, которая содержитъ въ себѣ наибольшій процентъ веществъ, необходимыхъ для образованія крови. Не всѣ питательныя вещества, заключающіяся въ нашей пищѣ, могутъ быть изъ нея добыты во время ея пребыванія въ же-



лудкѣ и въ кишечномъ каналѣ. Пребываніе это ограничено извѣстнымъ временемъ, и если втеченіи этого времени желудочные и кишечные соки не успѣли химически переработать пищу, если они не успѣли обратить ее въ кровь, то пища выйдетъ изъ нашего тѣла, несмотря на то, что она въ неразложенномъ состояніи заключаетъ въ себѣ много матеріаловъ, способныхъ превратиться въ кровь.

Мясо и молоко по своему химическому составу подходятъ къ крови ближе печенаго хлѣба; печеный хлѣбъ подходитъ къ ней ближе сѣна; мясо и молоко питательнѣе хлѣба и сверхъ того удобоваримѣе хлѣба; это значитъ, что фунтъ мяса заключаетъ въ себѣ больше ингредиентов крови, чѣмъ фунтъ хлѣба; кромя того ингредиенты крови, заключающіеся въ фунтѣ хлѣба, должны претерпѣть нѣсколько химическихъ измѣненій, прежде чѣмъ они превратятся въ дѣйствительную кровь, и число этихъ химическихъ измѣненій больше, чѣмъ число измѣненій, которыя должны претерпѣть питательныя вещества, заключающіяся въ фунтѣ мяса. Стало бытъ, не говоря уже о томъ, что количество питательныхъ частицъ въ хлѣбѣ меньше, чѣмъ въ мясѣ, нужно еще обратить вниманіе на то, что это меньшее количество труднѣе добыть изъ хлѣба, чѣмъ изъ мяса, и что слѣдовательно большее количество питательнаго вещества пропадаетъ даромъ, т. е. пройдетъ черезъ пищеварительный каналъ, не разложившись. При всемъ томъ человѣкъ можетъ жить, питаясь хлѣбомъ и водою и совершенно обходясь безъ мяса и молока; онъ будетъ слабѣе человѣка, питающагося мясомъ, но не умретъ и даже будетъ способенъ работать. Если-же вы будете кормить человѣка однимъ картофелемъ, то онъ черезъ 2 недѣли ослабѣетъ и сдѣлается неспособнымъ зарабатывать себѣ пропитаніе. Это происходитъ отъ того, что картофель непитателенъ и неудобоваримъ. Въ крови нашей заключается въ 50 разъ больше бѣлковины, чѣмъ жира, а въ картофелѣ бѣлковины почти въ 20 разъ меньше, чѣмъ веществъ, образующихъ жиръ. Стало бытъ, чтобы вытянуть изъ картофеля то количество бѣлковины, которое необходимо для поддержанія нормальнаго состава крови, человѣкъ долженъ принять въ желудокъ огромное количество разныхъ постороннихъ и ненужныхъ веществъ. По вычисленіямъ Молешота оказывается, что здоровый работникъ долженъ сѣдѣть въ день 20 фунтовъ картофеля, чтобы добывать изъ него необходимое количество бѣлковины. Но органы пищеваренія не могутъ справиться съ такимъ огромнымъ количествомъ матеріала; они будутъ завалены ненужнымъ мусоромъ и можетъ быть совершенно остановить свою дѣятельность; если-бы этого не случилось, тогда произошло бы другое неудобство: крахмалъ картофеля пере-

работался-бы въ жиръ и этотъ жиръ потекъ бы собою остальные, болѣе благородныя части нашей крови.

«Можетъ ли,—воскликаетъ Молешотъ,—ливая картофельная кровь придавать мускуламъ силу для работы и сообщать мозгу творный толчокъ надежды? Бѣдная Ирландія! Твоя бѣдность родитъ бѣдность! Ты не можешь остаться побѣдительницей въ борьбѣ съ грымъ сосѣдомъ, которому обильныя стада общають могущество и бодрость! Ты не можешь побѣдить! Твоя пища можетъ породить безжизненное отчаяніе, но не возбудитъ она воодушевленія, а только воодушевленіе способно отразить исполина, въ жилахъ котораго течетъ живая сила дѣятельности вмѣстѣ съ богатой кровью. Не благодари Америку за тотъ подарокъ, который увѣковѣчиваетъ твое несчастье! Мы можемъ хвалить доброе намѣреніе Гокинса, принесшаго тебѣ картофель, но ты не должна считать своимъ благодѣяніемъ.» («Ученіе о пищѣ».)

Но почему-же картофель, неспособный поддерживать силы человѣка, служить отличной пищей для рогатаго скота и для свиней? Почему сѣно, изъ котораго человѣческій желудокъ не вытянетъ ни одной питательной частицы, можетъ, въ случаѣ необходимости, вытѣснить многихъ мѣсяцевъ поддерживать существованіе лошади? Почему человѣкъ, оставленный въ луговой степи, рискуетъ умереть съ голоду, между тѣмъ какъ эти-же самыя степи кормятъ многочисленныя стада буйволовъ? Отвѣтъ на всѣ эти вопросы отыскивается въ различномъ устройствѣ органовъ пищеваренія. Эти органы у травоядныхъ животныхъ гораздо сложнѣе, чѣмъ у плотоядныхъ, потому что растительная пища сравнительно съ животной пуждается въ большемъ количествѣ измѣненій, чтобы превратиться въ кровь, и слѣдовательно должна дольше животной пищи пребыть въ желудкѣ и въ кишкахъ и дольше ея подвергаться дѣйствию пищеварительныхъ соковъ и кислотъ. «Пища,—говоритъ Молешотъ,—превратилъ дикую кошку въ ручную. Изъ плотояднаго животного съ короткимъ пищеварительнымъ каналомъ путемъ постепенной привычки изъ нея образовалось совершенно другое существо, которому длинный каналъ даетъ возможность переваривать растительную пищу, незнакомую ему въ естественномъ состояніи.» («Ученіе о пищѣ»). «Человѣкъ занимаетъ средину между плотоядными и травоядными животными: зубы и челюсти, желудокъ и кишки, слюнные железы и жевательные мускулы его устроены такъ, что дѣлають его способнымъ принимать и переваривать смѣшанную пищу (ibid.). Вслѣдствіе этой смѣшанной пищи кровь его также стоитъ по своему химическому составу по срединѣ между кровью чисто плотояднаго и кровью чисто травояднаго. Изъ крови вырабатываются ткани



организма; свойствами крови обуславливаются свойства мускуловъ, зубовъ, железокъ, костей, мозга, особенности ума и характера. Измѣните пищу человѣка, и весь человѣкъ мало-по-малу измѣнится. Переходъ отъ мяса къ сѣну такъ рѣзокъ, что человѣкъ его не вынесетъ, но путемъ постепенныхъ измѣненій можно довести человѣка до того, что онъ сдѣлается травояднымъ животнымъ, точно также, какъ кошка изъ животнаго плотояднаго сдѣлалась животнымъ, способнымъ варить растительную пищу. Такой переходъ потребовалъ-бы многихъ поколѣній, но въ немъ нѣтъ ничего невозможнаго; сомнительно только, чтобы травоядный человѣкъ могъ быть вѣнцомъ созданія и человѣкомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Сомнительно, чтобы усовершенствованіе или, вѣрнѣе, усложненіе пищеварительныхъ органовъ не совершилось въ ущербъ развитію мозга.

Можно выразить смѣлое предположеніе, что разнообразіе пищи, ведущее за собою разнообразіе составныхъ частей крови, служитъ основаніемъ разносторонности ума и гармоническаго равновѣсія между разнородными силами и стремленіями характера. Европеецъ доводитъ разнообразіе пищи до послѣднихъ предѣловъ; какъ гражданинъ міра, онъ не ограничивается произведеніями своей родины и питается всѣмъ, что приходится ему по вкусу; какъ человѣкъ занимаетъ средину между животными, такъ европеецъ занимаетъ средину между людьми; растительная и мясная пища достигаютъ возможно полнаго равновѣсія въ репертуарѣ европейской кухни образованныхъ и зажиточныхъ классовъ. Поэтому въ европейцѣ нѣтъ той дикости, которая характеризуетъ собою племена звѣролововъ; нѣтъ и той сонливости, которою отличаются индусы, питающіеся корнями и овощами; процессъ пищеваренія совершается легко и скоро; отягощеніе и лѣнь, порождаемая сытнымъ обѣдомъ, продолжаются не болѣе часа, потому что смѣшанная пища разлагается легко и отсылаетъ въ кровь необходимый транспортъ матеріаловъ. Мозгъ тянетъ изъ крови столько фосфора, сколько понадобится; работа мысли идетъ широкимъ махомъ; возникаютъ философскія системы и художественныя произведенія, слагаются социальныя теоріи и практическія усовершенствованія, является вѣра въ силы человечества и уваженіе къ человѣческому достоинству — и что-же? Если даже побудительный толчокъ къ этимъ прекраснымъ движеніямъ лежитъ внѣ свойствъ нашей пищи, то конечно этимъ свойствамъ мы обязаны тѣми силами, которыя выполняютъ задуманное дѣло и не даютъ замереть благороднымъ и высокимъ стремленіямъ. («Уч. о пищѣ».)

## IV.

Существеннѣйшая часть принимаемой нами пищи подвергается нѣсколькимъ болѣе или ме-

нѣе важнымъ измѣненіямъ, прежде нежели мы рѣшаемся взять ее въ ротъ. Никто не ѣстъ сырого мяса или картофеля, никто не глотаетъ цѣликомъ зерна ржи или пшеницы. Поваренное искусство, развивавшееся помимо всякой научной теоріи, заботится только о томъ, чтобы угодить болѣе или менѣе утонченнымъ требованіямъ вкуса, а между тѣмъ большая часть его распоряженій заслуживаетъ полнаго одобренія со стороны возникающей науки о предметахъ пищи. Цѣлый рядъ примѣровъ можетъ подтвердить собою ту мысль, что человечество руководилось безошибочнымъ инстинктомъ въ выборѣ и приготовленіи своихъ яствъ.

По извѣстному неприятному ощущенію жаждущій чувствуетъ, что его организмъ нуждается въ притокѣ воды; грудной ребенокъ кричитъ, когда чувствуетъ голодъ, и успокоивается, когда начинаетъ сосать грудь; въ этихъ случаяхъ очевидно дѣйствуетъ природный инстинктъ, а не опытъ. Тотъ-же природный инстинктъ выражается въ чувствѣ вкуса; когда мы находимся въ здоровомъ состояніи, то намъ нравится то, чего дѣйствительно требуетъ нашъ организмъ; намъ пріѣдается одна и та-же пища, потому что она вноситъ въ нашу кровь слишкомъ много однихъ ингредиентов и слишкомъ мало другихъ; намъ никогда не надобѣдаетъ хорошая говядина именно потому, что она доставляетъ намъ въ изобиліи всѣ составныя части нашей крови; намъ никогда не надобѣдаетъ чистая ключевая вода, именно потому, что этого матеріала всегда требуетъ наша кровь. Словомъ, организмъ нашъ заявляетъ свои требованія по мѣрѣ того, какъ они возникаютъ, и мы по необходимости стремимся ихъ выполнить; мы чувствуемъ, что намъ чего-то хочется, и чувствуемъ, въ чемъ именно мы нуждаемся; для этого намъ нѣтъ надобности напрягать вниманіе; такъ называемыя животныя потребности и влеченія сказываются сами-собою и говорятъ громче и громче, до тѣхъ поръ, пока вы не заткнете имъ ротъ полнымъ удовлетвореніемъ. Духовную потребность вы можете отсрочить или даже задумать себѣ, но бѣда вамъ будетъ, если вы вздумаете упрямитесь и идти наперекоръ заявившей себя физической потребности. Разстройство организма, помраченіе умственныхъ способностей, общій упадокъ силъ, — вотъ тѣ послѣдствія, которыя неминуемо ведетъ за собою умышленная борьба съ собственнымъ тѣломъ. Тому, кто выбралъ однажды мрачную дорогу аскета, трудно повернуть назадъ и выбраться на вѣрный путь.

Неправильный образъ жизни развиваетъ органическія ткани, отклоняющіяся отъ нормы; неправильно слагающійся мозгъ порождаетъ дикія идеи и ведетъ къ нелѣпымъ заключеніямъ; эти заключенія образуютъ міросозерцаніе, въ которомъ каждый предметъ представляется въ своеобраз-



ныхъ размѣрахъ и окрашивается произвольными красками; жизнь смѣняется вѣчной галлюцинаціей; образъ жизни становится строже, потому что этого требуютъ дикія умозаключенія, и все это фантастическое званіе завершается явленіемъ идиотизма или помѣшательства. — Къ счастью всего человѣчества, поваренное искусство никогда не шло въ разрѣзъ съ потребностями нашей физической природы; оно дѣйствовало ощутно и попадало въ цѣль безъ промаха, потому что старалось угодить требованіямъ нашего вкуса, а во вкусѣ всегда заявлялись дѣйствительныя нужды нашего организма. — Приведу нѣсколько примѣровъ.

Мы варимъ картофель и поступаемъ въ этомъ случаѣ очень рачительно. Превращеніе крахмала въ сахаръ, долженствующее совершиться въ желудкѣ, значительно облегчается этой операцией. Въ сыромъ картофелѣ крахмалъ заключенъ въ видѣ маленькихъ зернышекъ въ клѣточки или пузырьки; оболочка этихъ клѣточекъ состоитъ изъ такой матеріи, которую желудочный сокъ разлагаетъ съ большимъ трудомъ. Дѣйствіе горячей воды разрушаетъ сцепленіе клѣточекъ между собой, и крахмальные зернышки освобождаются изъ своихъ футляровъ; они приходятъ въ непосредственное соприкосновеніе съ разлагающими слизями пищеварительныхъ органовъ и превращеніе ихъ въ сахаръ и въ жиръ значительно облегчается.

Крахмалъ хлѣбныхъ зеренъ освобождается изъ клѣточекъ уже тогда, когда дѣйствіе мельничныхъ жернововъ превращаетъ ихъ въ муку. Просѣиваніе муки отдѣляетъ отъ нея отруби, т. е. мелкіе остатки клѣтчатки (Zellstoff). Печеніе хлѣба превращаетъ значительную часть крахмала въ сахаръ, и потому печеный хлѣбъ не только вкуснѣе сырой муки, но и удобоваримѣе ея.

Изъ гороха и чечевицы готовится супъ; этотъ супъ или похлебка протирается сквозь сито и шелуха гороховыхъ и чечевичныхъ зеренъ выбрасывается. Это значительно облегчаетъ работу желудка. Шелуха этихъ зеренъ состоитъ изъ очень плотной клѣтчатки, которая почти вовсе не поддается разлагающему дѣйствію желудочнаго сока. Еслибы мы стали цѣликомъ глотать горошины, какъ пилули, то большая часть ихъ прошла-бы черезъ пищеварительный каналъ совершенно неразложенной. Еслибы мы стали жевать горохъ, то зерна конечно разложились-бы въ желудкѣ и въ кишкахъ, но шелуха составила-бы совершенно лишнее бремя и понапрасну засорила и распустила-бы наши внутренности. Стало быть, приготовленіе гороховой похлебки предлагаетъ нашему желудку питательныя вещества гороха въ очищенномъ и упрощенномъ видѣ.

Если изъ куска мяса хотять приготовить бульонъ, то это мясо кладутъ въ холодную

воду, и эту воду кипятятъ вмѣстѣ съ мясомъ. Если-же хотять получить хорошій кусокъ мяса, то мясо кладутъ прямо въ кипящую воду. Это правило, извѣстное каждой кухаркѣ, имѣетъ свое разумное основаніе.

Въ сыромъ мясѣ мясныя волокна образуютъ особеннаго рода сокомъ, заключающій въ себѣ растворъ бѣлковины, различныхъ солей и тистаго креатина (Fleischstoff). Этотъ растворъ отъ прикосновенія горячей воды свертывается и твердѣетъ; вокругъ мяса образуется трудноразрешимая дѣйствіе воды на мясо; питательныя вещества остаются въ самомъ мясѣ и не выходятъ въ воду, и такимъ образомъ получается вареное мясо, сохраняющее свой вкусъ и всю питательность. Въ кипяткѣ, постепенно подогреваемой, распускается сокъ, окружающій мясныя волокна; этотъ сокъ выходитъ изъ мяса и переходитъ въ воду, такъ что когда вода вскипнѣетъ, то получится изъ мясной наваръ и вываренный кусокъ мяса, изъ котораго волокна легко отдѣляются другъ отъ друга и, сравнительно съ прежнимъ состояніемъ мяса, представляютъ мало питательности.

Жареное мясо удобоваримѣе, чѣмъ сырое; изслѣдованіямъ Мюльдера оказалось, что жареніе образуетъ уксусную кислоту, которая участвуетъ въ перевареніи; жареное мясо, т. е. мясо, вымоченное въ уксусѣ, переваривается также легче сырого мяса. Очень жирное мясо, напр. свинину, обыкновенно солятъ, потому что соленое сало переваривается легче сырого. Употребленіе разныхъ приправъ: перца, горчицы, лавроваго листа, мускатнаго орѣха, чеснока, и т. д., также способствуетъ переваренію. Употребленіе сахара, стараго сыра, вина и т. д. основано также на требованіяхъ нашего желудка; если пользоваться всѣми этими приправами съ благоразумной умѣренностью, то всѣ они могутъ содѣйствовать пищеваренію, ускорить въ нашемъ тѣлѣ обмѣнъ соковъ и перемѣну частицъ, и слѣдовательно усиливать дѣйствіе нервовъ, воспринимающихъ впечатлѣнія, и вырабатывающихъ мысль.

На умѣренное употребленіе крѣпкихъ напитковъ Молешотъ смотритъ очень снисходительно. Попытки разныхъ филантроповъ и обскуристовъ возбранять оному, считаютъ не только практическими, но даже теоретическими ошибками. Алкоголь, говоритъ онъ, замедляетъ стараніе органическихъ тканей, такъ что работникъ, выпивающій чарку водки послѣ скуднаго обѣда, не такъ скоро проголодается, какъ его товарищъ, не употребляющій крѣпкихъ напитковъ. «Изъ этого слѣдуетъ заключать, что было-бы жестоко возбранять у поденщика, который въ потѣ лица работаетъ себѣ кусокъ хлѣба, средѣ дольше удерживать въ своемъ тѣлѣ съѣденную пищу. Пусть дадутъ ему обильное пропитаніе, тогда онъ будетъ въ состояніи обходиться



Пока не позаботятся о томъ, чтобы должнымъ образомъ прокармливали насъ, до тѣхъ поръ будетъ казаться, что нашей намъ желаніе устранить менѣе, не давая и не умѣя давать лучшаго. Или можетъ-быть слѣдуетъ отмѣнить употребление водки, потому что оно дѣлаетъ изъ насъ злоупотребленіе? Тогда попробуйте опровергнуть тотъ упрекъ, что вы унижаете нравственное достоинство человѣка, если вы не отказываетесь отъ наслажденія вѣчнымъ скотскаго разврата. Аскетъ, требующій строгости, насилуетъ чело-вѣка природу; точно также насилуетъ ее требующій уничтоженія водки на томъ основаніи, что на свѣтѣ есть пьяницы. Гѣте новому міросозерцанію прекрасный лозунгъ: *memento vivere!* (помни, что нужно жить). Кто проповѣдуетъ уничтоженіе водки, не приноситъ насъ въ средневѣковое католическое, которое душило лучшій цвѣтъ человѣчества безобразнымъ девизомъ: *memento mori!* (помни, что нужно умереть).» («Уч. о пищѣ»).

## V.

Мы видимъ такимъ образомъ, что приготовленіе пищи въ нашихъ кухняхъ основано на инстинктивно понятыхъ потребностяхъ нашего организма. Мы знаемъ, что организмъ понимаетъ эти потребности основано смѣшеніе нашихъ кушаній между собою, порядкомъ, въ которомъ они идутъ другъ за другомъ въ обѣдѣ, и стараясь разнообразить репертуаръ обѣда, такъ какъ сегодня не повторялось то, что подавалось вчера.—Мясо напр. подается обыкновенно какимъ-нибудь соусомъ, и соусъ этотъ состоитъ изъ какихъ-нибудь овощей. Причина объясняется очень просто. Мясо нашей крови необходимо количество белковъ, а овощи сообщаютъ ей тѣ вещества, изъ которыхъ образуется жиръ; сверхъ того они содержатъ въ себѣ значительное количество солей, облегчающихъ собою перевариваніе мяса. Если же приправю къ мясу только одну службу одинъ сортъ овощей, то очень скоро, что въ кровь вносится постоянно та же самая, которая преобладаетъ въ данномъ овощѣ; другихъ солей и минеральныхъ частицъ не поступаетъ, и этотъ недостатокъ ощущается въ томъ, что намъ надоѣдаетъ есть одна и та-же приправа, и мы недовольствомъ принимаемъ за что-нибудь. Напр. въ рѣдѣ мало желѣза, а въ шпинатѣ его очень много; если на нашемъ столѣ послѣ трехъ дней будетъ появляться шпинатъ, то на четвертый день вы съ удовольствіемъ увидите шпинатъ, именно потому, что способны пополнить возникшій въ крови недостатокъ желѣза.

Мы видимъ такимъ образомъ, что главное назначеніе принимаемой пищи состоитъ въ томъ, чтобы поддерживать въ нашемъ организмѣ необходимое количество и нормальный химическій составъ крови. Очевидно, что не только качество, но и количество пищи должно быть въ этомъ случаѣ принято въ соображеніе. Какъ бы ни была пища питательна и удобоварима, но если ея такъ мало, что она не покрываетъ расходовъ нашего тѣла, то мы постоянно будемъ терять больше, чѣмъ будемъ получать; сводить концы съ концами будетъ невозможно, и всѣ наши жизненные отправленія будутъ страдать отъ недостаточнаго питанія. Бѣловина, заключающаяся въ крови, постепенно перегораетъ и, превращаясь въ мочевины, въ мочевую кислоту, въ углекислоту и въ воду, выбрасывается изъ нашего тѣла разными каналами и путями. Жиръ и вещества, служащіе къ его образованію, также выделяются въ формѣ воды и углекислоты. Съ каждымъ выдыханіемъ выходитъ изъ нашего тѣла известная часть пережженной бѣлковины и пережженного жира. Каждый разъ, когда мы испражняемся, съ нашими испражненіями выходитъ желчная кислота, образовавшаяся изъ жира. Каждый разъ, когда мы выпускаемъ мочу, изъ нашего тѣла выделяются разныя соли и минеральныя частицы. Втеченіи 24 часовъ различныя выделения и испражненія уменьшаютъ вѣсъ нашего тѣла на  $\frac{1}{10}$  часть. Этотъ ущербъ долженъ быть пополненъ, если мы на завтрашній день желаемъ сохранить ту сумму силъ, которою владѣли сегодня. Около четвертой части понесеннаго ущерба покрывается тѣмъ количествомъ кислорода, который мы вдыхаемъ въ атмосферномъ воздухѣ; остальные три четверти должны быть пополнены пищей и питьемъ. Такимъ образомъ, чтобы не почувствовать ослабленія, мы должны втеченіи сутокъ принимать такое количество питательныхъ веществъ, котораго вѣсъ былъ немного больше  $\frac{1}{10}$  части вѣса всего нашего тѣла. Если предположить, что въ нашемъ тѣлѣ 4 пуда вѣса, то въ втеченіи сутокъ должны принимать пищи отъ 8  $\frac{1}{2}$  до 9 фунтовъ; если вы цѣлыя сутки пробудете на одномъ мѣстѣ въ совершенномъ спокойствіи, то количество выделеній будетъ меньше, и меньшее количество пищи будетъ въ состояніи поддержать вашу жизнь и вѣсъ вашего тѣла. Но мы ѣдимъ не для того, чтобы жить, говоритъ Молешотъ. «Наука конечно интересуется тѣмъ, при какой діетѣ человѣкъ можетъ не умереть, но человѣчеству важно знать то, при какой пищѣ мужчина способенъ работать, а женщина—кормить своихъ дѣтей». Чѣмъ сильнѣе работа, тѣмъ обильнѣе и питательнѣе должна быть пища. «Когда идетъ дѣло о лошадяхъ и о конской работѣ,—говоритъ Мульдеръ,—тогда никто не сомнѣвается въ томъ,



ніе Мильона, напечатанное въ «Annales de chimie et de physique» за 1849 годъ, встрѣтило себѣ правдивое опроверженіе. «Хлѣбопашецъ и садовникъ», — пишетъ Бушарда, — люди, постоянно работающіе и находящіеся въ постоянномъ движеніи, могутъ переваривать рѣшетный хлѣбъ: отруби, заключающіяся въ этомъ хлѣбѣ, находятъ себѣ полезное назначеніе. Но если вы дадите этотъ хлѣбъ слабую старикѣ, то отруби, не разложившись, пройдутъ черезъ его кишечный каналъ, потому что пищеваренію помѣшаетъ плотность питательныхъ частицъ и тотъ слой клѣтчатки, въ которомъ онѣ заключены. Не сэкономили-ли будетъ въ этомъ случаѣ отдать отруби и якину рогатому скоту и получить отъ него взаменъ мясо и молоко, въ высшей степени полезныя для людей съ слабыми пищеварительными органами».

Солдаты, получающіе въ крѣпостяхъ рѣшетный хлѣбъ, по словамъ Молешота, часто продаютъ свой паекъ и покупаютъ себѣ хлѣбъ изъ просѣянной муки. Дѣло въ томъ, что только сильный желудокъ способенъ переносить рѣшетный хлѣбъ, и каждый согласится съ тѣмъ, что пріятнѣе избѣгать разстройствъ, нежели лечиться отъ него. «Всякій, — говоритъ Молешотъ, — съ большимъ удовольствіемъ понесетъ деньги къ булочнику, чѣмъ къ аптекарю».

Эти два примѣра показываютъ ясно, что когда дѣло идетъ о пищѣ, то сравнительная дешевизна съѣстныхъ припасовъ опредѣляется не только той суммой денегъ, которая за нихъ заплачена. Возъ соломы дешевле четверти овса, но ежели вы станете кормить вашихъ лошадей соломой, то навѣрное въ концѣ концовъ останетесь въ убыткѣ. Картофель дешевле мяса, но если вы станете питаться картофелемъ, то навѣрное придете къ непріятнымъ и разорительнымъ результатамъ. Дешевымъ можно назвать то средство, которое съ наименьшими издержками ведетъ насъ къ желанной цѣли; если-же, платя ничтожную сумму, мы не достигаемъ предполагаемой цѣли, то мы бросаемъ деньги на вѣтеръ и утѣшаемся только тѣмъ, что бросаемъ ихъ мелкими клочками. Развѣ картофель можетъ быть названъ дешевой пищей? Развѣ онъ исполняетъ названіе пищи? Если онъ обманываетъ голодъ, то на это есть средства еще болѣе дешевыя: стоятъ только покрѣпче затянуть себѣ животъ, какъ дѣлаютъ австралійскіе дикари, и вы этимъ средствомъ на нѣсколько часовъ укротите мучительное чувство голода; вы не дадите новой силы вашему организму, но этого не сдѣлаетъ и картофель; вся разница въ томъ, что картофельная діета ослабитъ и разстроитъ васъ мало-по-малу и на медленномъ огнѣ сожжетъ ваши силы, между тѣмъ какъ голодъ разрушитъ ихъ быстро и заставитъ васъ испытать острые мученія вмѣсто хронической болѣзни. Есть-ли между тѣмъ

и другимъ чувствительная разница? Вопросъ, рѣшеніе котораго совершенно отъ вашего вкуса, если дѣло идетъ о самихъ; но если вы — администраторъ лантроу, если вы обязаны или желаете вѣдать и рѣшать вопросы народнаго ствія, тогда будьте осторожны и не той или другой дешевой пищи, не съ тѣмъ, насколько она питательна. Гокинсъ, познакомившій Ирландію фелемъ, оказалъ ей плохую услугу; оправдать только его невѣдѣніемъ; же невѣжество въ оправданіе какъ современнаго вамъ дѣятеля было-бы ленно, потому что теперь физиологія, гигиена возвысились до степени научнаго знакомъ съ успѣхами науки, тотъ не способенъ быть судьей въ какомъ было важномъ вопросѣ практически тотъ рѣшительно не способенъ быть телемъ человечества въ какомъ-бы то отношеніи.

Время случайныхъ открытій и изобрѣтеній совершенствованія вырабатываются, а не сами-собою. Микроскопъ и химическіе аналитическіе орудія современнаго прогресса — вотъ орудія современнаго прогресса, помогающія этимъ орудіямъ Молешотъ достигъ одного простого, частичнаго, но существеннаго результата. Онъ доказалъ, что ботка стручковыхъ растений (чечевица, бобовъ и фасоли) должна вытѣснить ботку картофеля. За первыми болѣе и издержекъ, но зато эти растения даютъ такую пищу, которая во всѣхъ отношеніяхъ можетъ замѣнить собою мясо, недоставляя своей цѣны бѣднымъ рабочимъ Европы. Недостаточность картофеля, какъ пищи, сознается всѣми свѣдущими. Съ разныхъ сторонъ слышится призывъ замѣнить его какими-нибудь заморскими акклиматизированными растениями. Вероятно, корни трюфелевиднаго растенія, произрастающія въ средней Африкѣ и извѣстнаго подъ именемъ «native bread» (туземный хлебъ) рекомендуетъ корень *Glucose* (сладкій корень), произрастающій въ Каролинѣ; *Trekool* (укорененный) *Apios tuberosa*, находящуюся въ Южной Африкѣ; Мюльдеръ говоритъ объ обилии бѣлыхъ клубней въ корняхъ *Ullico*. Всѣ эти растенія съ мудреными названіями еще приучать къ европейской почвѣ, но тѣмъ горохъ, бобы и чечевица — эти наши старые знакомые — нуждаются только въ томъ, чтобы мы расширили масштабъ ихъ употребленія. Простой, чисто-жителескій совѣтъ, основанный въ то-же время на анализѣ составныхъ частей рекомендованныхъ растений, во всякомъ случаѣ долженъ бы обратить на себя вниманіе европейскихъ агрономовъ.



Если мысль Молешота может быть осуществлена на дѣлѣ, то послѣдствія этого осуществленія навѣрное будутъ имѣть самое благотворное вліяніе на улучшеніе народной нравственности, на развитіе народнаго богатства, на усиленіе народной дѣятельности и предпримчивости

## VII.

Послѣ всего, что было говорено выше, трудно сомнѣваться въ томъ вліяніи, которое оказываетъ пища на темпераментъ, направленіе и дѣятельность мысли, словомъ, навѣсь нравственный и интеллектуальный характеръ человѣка. Есть осязательные факты, способные убѣдить самаго необузданнаго идеалиста. Въ кузницахъ департамента Тарнъ рабочіе постоянно кормили растительной пищею; по ежегоднымъ отчетамъ оказывалось, что каждый работникъ круглымъ числомъ проводилъ въ году 15 дней въ лазаретѣ. Въ 1833 году Талабо, назначенный главнымъ начальникомъ этихъ заведеній, ввелъ мясную пищу, и здоровье рабочихъ поправилось такъ сильно, что уже только три дня въ году приходилось на болѣзни. При этомъ нужно принять въ соображеніе то, что рабочій уходилъ въ лазаретъ тогда, когда уже чувствовалъ себя совершенно неспособнымъ къ работѣ, что онъ нѣсколько времени перемогался, работалъ черезъ силу, старался выходить и переломить болѣзнь; окажется, что 15 дней лежанія въ больницѣ равняются нѣсколькимъ мѣсяцамъ ненормальнаго состоянія, мрачнаго и раздражительнаго расположенія духа. Здоровая пища въ пять разъ уменьшила число болничныхъ дней; ясно, что она вѣстѣ съ тѣмъ значительно измѣнила характеръ рабочихъ; кто впятиеро рѣже бываетъ боленъ, тотъ по крайней мѣрѣ вдвое веселѣе и бодрѣе, у того по крайней мѣрѣ вдвое успѣшнѣе идетъ работа и вслѣдствіе этого вдвое больше родится надеждъ и предпріятій. Ирландцы, переселяющіеся въ Америку, часто представляютъ замѣчательные примѣры физическаго и нравственнаго превращенія. Изнуренный и органически испорченный картофельной діетой, ирландецъ лѣнивъ по слабости, вслѣдствіе химическаго состава крови, и не годится у себя дома ни на какую работу. Тотъ-же ирландецъ переѣзжаетъ въ Америку, подкрѣпляетъ свои силы сочнымъ мясомъ—и становится другимъ человѣкомъ; мускулы становятся тверже, работа идетъ успѣшнѣе; смѣлость, предпримчивость, веселая бодрость и самоуваженіе, естественныя слѣдствія здоровья и успѣшной дѣятельности, вытѣсняють мало-по-малу прежнія неутѣшительныя черты ирландскаго характера. Ирландецъ перерождается на новой почвѣ и становится другимъ человѣкомъ вслѣдствіе обильной и здоровой пищи. Различіе типовъ въ различныхъ сословіяхъ навѣрное находится въ связи съ свойствами принимаемой ими пищи.

Насколько свойства пищи имѣютъ вліяніе на особенности народнаго характера, это опредѣлять вѣроятно болѣе тщательныя изслѣдованія; здѣсь достаточно будетъ привести нѣсколько общихъ замѣчаній. Племена, питающіяся заѣрной ловлей, отличаются большей частью физической силой и отвагой; тѣми же свойствами, хотя не въ такой степени, одарены кочевые народы, питающіеся молокомъ и мясомъ; многіе расположены искать причины этихъ свойствъ въ образѣ жизни этихъ племенъ; но при этомъ не должно забывать, что образъ жизни развивается изъ особенностей темперамента, что темпераментъ обуславливается преимущественно химическимъ составомъ крови и что кровь вырабатывается изъ принимаемой пищи.

Невозможно отрицать вліяніе мѣстности и климата; но невозможно также не видѣть, что эти условія дѣйствуютъ уже на нѣчто данное, на существующее тѣло, и что слѣдовательно всего важнѣе вопросъ: изъ чего составилось это тѣло? Вопросъ о принимаемой пищѣ равносильнъ этому вопросу и слѣдовательно всего ближе подходитъ къ вопросу о личномъ характерѣ человѣка. «Пока яванцы будутъ питаться преимущественно рисомъ, а суринамскіе негры банановой мукой, до тѣхъ поръ они будутъ подчинены голландцамъ», говорятъ Молешотъ. «Безъ сомнѣнія, преобладаніе англичанъ и голландцевъ надъ туземцами своихъ колоній зависитъ преимущественно отъ большаго развитія мозга; мозгъ зависитъ отъ химическаго состава крови, а кровь—отъ пищи. Сравните напримѣръ кротость отантянъ, питающихся плодами, съ дикостью новозеландцевъ, упивающихся кровью своихъ враговъ». («Физ. эск.»

Въ дѣйствиіи вина на организмъ и мыслительныя способности человѣка всего ярче обнаруживается наша зависимость отъ матеріи; нѣсколько рюмокъ крѣпкаго напитка измѣняютъ человѣка совершенно; если онъ былъ грустенъ, онъ становится веселъ; если онъ былъ сосредоточенъ, онъ становится общителенъ; шутки, остроты, откровенныя изліянія, внезапные порывы гнѣва, неожиданные припадки чувствительности—рядъ словъ и поступковъ, на которые тотъ-же самый человѣкъ никогда—бы не рѣшился при другихъ условіяхъ, становится естественнымъ въ его собственныхъ глазахъ и понятнымъ для всѣхъ окружающихъ; всѣ говорятъ: «онъ пьянъ» и извиняють многое, чего не извинили-бы трезвому. Состояніе пьянаго человѣка рѣзко отдѣляютъ отъ нормальнаго положенія; это дѣлають потому, что напряженіе силъ и нервовъ, произведенное дѣйствіемъ вина, продолжается очень недолго и вскорѣ смѣняется расслабленіемъ организма и усыпленіемъ субъекта; сверхъ того, это напряженіе рѣзко бросается въ глаза, и потому невольно



кажется намъ подозрительнымъ и какъ будто болѣзненнымъ. Но сравните между собою двухъ трезвыхъ людей: одинъ изъ нихъ хладнокровенъ и разсудителенъ, спорить спокойно, выражаетъ мягко, дѣлаетъ жесты умѣренные и скромные; другой горячъ и впечатлителенъ, спорить съ ожесточеніемъ, кричитъ на васъ, машетъ руками и во всякую минуту готовъ вамъ наговорить дерзостей, въ которыхъ черезъ четверть часа будетъ просить извиненія. Еслибы эти два господина А и В помѣнялись между собою ролями, вы навѣрное подумали-бы, что А пьянъ, а В боленъ, и потому не въ мѣру тихъ и кротокъ. Между тѣмъ А не дѣлалъ-бы ничего неприличнаго; онъ только обнаруживалъ-бы ту степень страстности, съ которой вы уже совершенно освоились въ В; разница между прежнимъ А и теперешнимъ показалась-бы вамъ поразительной только потому, что та возникла вдругъ, безо всякихъ переходовъ и промежуточныхъ инстанцій. Если вы сегодня видѣли 10-ти-лѣтняго ребенка, который приходится вамъ по-поясъ, и черезъ четверть часа увидите, что тотъ-же самый ребенокъ приходится вамъ по плечо, то вы скажете конечно, что его поставили на ходули; но если вы увидите того-же ребенка лѣтъ черезъ пять, то васъ даже несколько не удивитъ происшедшая въ немъ перемѣна, единственно потому, что вы видѣли или можете предположить промежуточные инстанціи. Если-бы, выдаясь постоянно съ А, вы видѣли и замѣчали, что его спокойная природа становится постепенно живѣе и страстнѣе, и еслибы лѣтъ черезъ пять онъ сдѣлался очень похожъ на В, то вы вѣроятно не стали-бы объяснять дѣйствіемъ вина эту страстность и впечатлительность. Вы только сказали-бы, припоминая прошлое, что въ характерѣ вашего знакомаго произошла значительная перемѣна; эта перемѣна, совершившаяся внезапно, могла бы васъ озадачить и испугать; совершаясь постепенно, она васъ будетъ радовать; вы увидите въ ней признаки здоровья и возрастающей силы. Слабая степень опьяненія оказывается такимъ образомъ усиленіемъ и ускореніемъ кровообращенія, произведеннымъ внезапно и вслѣдствіе этого продолжающимся недолго. Укрѣпляющая пища, принимаемая въ изобиліи, произведетъ при продолжительномъ дѣйствіи на организмъ тѣ-же явленія, которыя производитъ лишняя рюмка крѣпкаго вина, съ той только существенной разницей, что эти явленія будутъ нормальнымъ состояніемъ организма, а не результатомъ временнаго возбужденія.

Наша зависимость отъ вѣчныхъ свойствъ матеріи, выражающаяся рѣзко въ дѣйствіи вина на организмъ, выражается не такъ рѣзко, но зато болѣе прочнымъ образомъ въ дѣйствіи мясной и растительной пищи. Эту зависимость хорошо понимали поборники аскетизма;

воздержаніе отъ мясной пищи было необходимо для достиженія ихъ цѣлей; надо было ослабить мускулы и разводить кровь, чтобы приутичь человѣка къ изнуренію плоти. Всѣ мы знаемъ по опыту, что воздержаніе отъ мясной пищи уменьшаетъ половое влеченіе; протавъ этому никто не споритъ, какъ противъ существующаго факта; а допуская это обстоятельство, можно-ли долѣе сомнѣваться въ зависимости всего нравственнаго характера отъ химическаго состава пищи. Развѣ могутъ смотрѣть одними глазами на разнообразныя явленія жизни сильный и слабый, здоровый и больной, человѣкъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова и аскетъ, изуродованный образомъ жизни и питанія? Краски и звуки окружающей природы, дѣйствія и личности близкихъ людей, движенія собственной мысли и собственнаго чувства—словомъ, всѣ матеріалы, надъ которыми работаетъ жидущая дѣятельность нашего мозга, представляются въ различномъ свѣтѣ этимъ двумъ диаметрально-противоположнымъ типамъ. Тамъ, гдѣ здоровый и сильный человѣкъ увидитъ только пестроту и разнообразіе явленій, привлекательную игру жизни, тамъ слабый и больной увидитъ тѣноту міра сего, суетность земной красоты, неразумное и незаконное уклоненіе отъ вѣчной порны; тамъ, гдѣ первый снисходительно улыбнется, тамъ второй нахмуритъ брови; тамъ, гдѣ первый увлечется живымъ порывомъ, тамъ второй призоветъ на помощь суровыя требованія идеала; то, что первый пойметъ и оправдастъ инстинктомъ сердца, силой чувства, то осудитъ второй педагогическимъ приговоромъ сухого разсудка, вращающагося въ ограниченной сферѣ одностороннихъ отвлеченностей.

«Сытый голоднаго не разумѣетъ», говоритъ русская пословица, и эту пословицу въ самомъ буквальномъ смыслѣ можно приложить ко всѣмъ сферамъ духовной дѣятельности человѣчества. Разладъ между сытыми и голодными, между людьми наслаждающимися и людьми страдающими продолжится до тѣхъ поръ, пока на бѣломъ свѣтѣ будутъ люди, нуждающіеся въ необходимомъ, и люди, упорно отвращивающіеся отъ наслажденія; обезпечить матеріальное существованіе первыхъ и побѣдить разумными доводами упорство вторыхъ—эти двѣ великія задачи, сознанныя уже нашей эпохой, предстоитъ окончательно рѣшить отдаленному будущему. Уничтоженіе матеріальныхъ лишеній и связанныхъ съ ними физическихъ страданій уничтожило-бы большую часть общественныхъ золъ и преступленій. Каждая дикая мысль, каждое отчаянное движеніе души могутъ быть приведены въ нѣкоторую зависимость отъ неправильнаго или недостаточнаго питанія; тѣ-же обстоятельства жизни, тѣ-же столкновенія съ печальной дѣйствительностью производятъ совершенно различное впечатлѣніе на сытаго и на



на здорового и на больного. «Мы изъ матеріи,—говоритъ Молешотъ,—вытягивающія свойственныя имъ земли, связываютъ насъ съ извѣстною фертъ нашего лица и мысли нашего ютъ такую-же географію, какъ и раы не можемъ жить безъ пищи, и поожемъ избѣжать вліянія матеріи, расющагося изъ кишечнаго канала чей во всѣ части нашего тѣла при кажѣ пищи, который мы проглатываемъ».

Skizz».)  
ный такимъ образомъ съ почвою. на онъ живетъ, человѣкъ господствуетъ почвой, умѣя выбирать себѣ именно у нравится и что онъ признаетъ для кодимымъ. Не ограничиваясь простымъ голода и жажды, человѣкъ создаетъ ебности, которыя можно было-бы наусственными, еслибы онъ не проявля-овременно у всѣхъ народовъ земного еслибы какой-то непосредственный ине указывалъ этимъ народамъ на раз-а средства, удовлетворяющія этимъ тямъ. Стремленіе къ наркотическимъ и существуетъ у аравитянъ и у грена, у негровъ и у европейцевъ, у инд-американскихъ индійцевъ. Сибирскіе ютъ настой мухомора, турки курятъ опиумъ, мы пьемъ чай, кофе, пиво, уримъ табакъ, индусы жуютъ бетель, —коку, негры готовятъ вино изъ паль-а, киргизы—изъ кобыльаго молока: всѣ юченія находятъ возможность какимъ-надобьемъ привести себя въ возбуж-остояніе. Колоритъ этого возбужденія а, смотря по свойствамъ принятаго а, смотря по силѣ пріема и по комплек-мающаго субъекта.

тѣми галлюцинаціями, которыя воз-а, опиумъ и гашишъ, и тѣмъ слабымъ анемъ, которое доставляетъ чашка чаю,—лежитъ множество промежу-оттѣнковъ. Сильное напряженіе нер-рождаемое опиумомъ и гашишемъ, ве-обою всеобщее разслабленіе и страда-кій чай производитъ только бленіе очень медленно разстраииваетъ нерв-ему; поэтому опиумъ и гашишъ упо-ь на Востокъ люди, готовые за нѣ-минуть жгучаго наслажденія запла-ми страданій; чай и кофе, напротивъ ютъ европейцы, съ величайшей осто-ю и бережливостью тратящіе силы. Кенингъ говоритъ, что кофе принадле-оликамъ, а чай—протестантамъ. Дѣй-ю, тщательныя наблюденія показали, развиваетъ силу воображенія, а чай ь критическую способность ума; въ Германіи преобладаетъ чай, въ южной

—кофе. Движеніе идей, начавшееся въ XVIII столѣтіи, совпадаетъ съ введеніемъ въ Европу чая и кофе во всеобщее употребленіе; прави-тели, боявшіеся этого движенія, запирали ко-фейныя дома, служившіе сборнымъ мѣстомъ для людей, интересовавшихся политическими вопро-сами; такъ распорядился Карлъ II, но эта по-лицейская мѣра не принесла особенной пользы династіи Стюартовъ и не остановила даже распространенія чая и кофе.

Видѣть въ употребленіи чая или кофе при-чину того или другого политическаго перево-рота было-бы конечно смѣшно, но вотъ съ ка-кой стороны можно посмотрѣть на дѣло: еслибы народонаселеніе какого-нибудь государства виѣ-сто стакана чаю выпивало утромъ и вечеромъ по стакану пива, то у большей части жителей нервы сложились-бы какъ-нибудь иначе; не было бы той впечатлительности, той подвижно-сти, той раздражительности, которую возбуж-даетъ чай; мозговые нервы воспримчивѣе осталь-ныхъ нервовъ и прежде другихъ испытываютъ на себѣ вліяніе наркотическихъ веществъ; очень понятно, что въ мозговыхъ нервахъ и вырази-лось-бы всего сильнѣе дѣйствіе пива или чая. Скорость и послѣдовательность въ развитіи идей, вліяніе воспринятой идеи на поступки, словомъ, логика и практическая философія народа всего замѣтнѣе могутъ измѣниться отъ того, что одинъ наркотическій напитокъ будетъ замѣненъ дру-гимъ. Представьте-же себѣ, что въ государство это проникаетъ какая-нибудь новая, общече-ловѣческая идея; скоро-ли она распространится, встрѣтитъ-ли себѣ горячее сочувствіе, найдетъ-ли критическое опроверженіе, явятся-ли въ отношенія къ этой идеѣ фантастическіе адепты или благоразумные цѣнители, все это такіе вопросы, на которые можно отвѣчать прибли-зительно вѣрно только въ томъ случаѣ, если мы будемъ знать главныя особенности народ-ной логики или, проще, если мы будемъ знать свойства мозговыхъ нервовъ отдѣльныхъ граж-данъ. На положеніе этихъ нервовъ имѣютъ несомнѣнное вліяніе употребительныя наркоти-ческіе напитки. Стало быть, эти-же напитки имѣютъ нѣкоторую долю вліянія на судьбу той или другой великой идеи.

«Посредствомъ кофе,—говоритъ Молешотъ,—точно такъ-же, какъ посредствомъ пароходовъ и электрическихъ телеграфовъ, пускается въ обращеніе рядъ мыслей, возникаетъ теченіе идей, проэктовъ и предпріятій, которые всѣхъ увлекаютъ за собою». Не одинъ историкъ-ми-стикъ придетъ въ негодованіе при мысли о мировомъ значеніи чая или кофе; употребляя слова «духъ времени, требованія эпохи, настрое-ніе умовъ», онъ не думаетъ и не гадаетъ, что въ основѣ всѣхъ этихъ высокихъ представленій лежатъ часто матеріальныя причины, которыя еще ждуть себѣ правильной оцѣнки. Развитіе



промышленности, путей сообщенія, торговли и военного дѣла принимаются въ соображеніе и считаются существенными чертами въ прогрессѣ народностей и въ совершенствованіи всего человечества. Когда рѣчь заходитъ о выборѣ и приготовленіи пищи, т. е. о построеніи нашего собственнаго тѣла, тогда мы улыбаемся или дѣлаемъ гримасу, относимся къ изслѣдованію какъ къ безвредной шуткѣ или осуждаемъ его, какъ неумѣстный парадоксъ. Наши историки говорить о тѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, которыя клонятся къ тому, чтобы доставить нашему тѣлу извѣстнаго рода комфортъ, избытокъ и частости жизненнаго наслажденія, и ничего не говорятъ о томъ, изъ чего слагалось это тѣло, и какъ съ теченіемъ времени совершенствовались и очищались эти строительные матеріалы. Эта странная непоследовательность извиняется съ одной стороны молодостью естественныхъ наукъ, не успѣвшихъ еще занять свое мѣсто въ ряду руководящихъ знаній исторіи, съ другой стороны — бѣдностью историческихъ свидѣтельствъ о племѣхъ различныхъ народовъ и различныхъ сословій. Теперь интересъ къ естественнымъ наукамъ пробуждается, мелочи перестаютъ считаться бесполезными и незанимательными, анализъ подробностей разрушаетъ туманныя теоріи и звонкія фразы, и зданіе антропологін, надъ фундаментомъ котораго работаютъ люди, подобные Фохту и Молешоту, основывается на твердыхъ фактахъ, на неопровержимыхъ данныхъ непосредственнаго опыта и точнаго наблюденія.

Надѣюсь, что, прочитавъ эти страницы, наша публика согласится съ тѣмъ, что изслѣдованія Молешота о сѣстныхъ припасахъ, представленныя въ популярной формѣ, заслуживаютъ полнаго вниманія всякаго образованнаго человѣка и могутъ имѣть самое благотворное вліяніе на дѣятельность молодой, формирующейся мысли, сбрасывающей оковы рутиннаго фра-

зерства и подавляющаго мистицизма. Легче жить, легче дышать, когда вмѣсто призраковъ и отвлеченностей видишь осязательныя вещи и сознаешь какъ свою зависимость отъ нихъ, такъ и свое господство надъ ними. Я беру топоръ и знаю, что могу этимъ топоромъ срубить себѣ домъ или отрубить себѣ носъ; я держу въ рукѣ бутылку и знаю, что это вино можетъ доставить мнѣ умѣренное наслажденіе или довести меня до уродливыхъ извращеній; въ каждой частицѣ матеріи лежатъ наслажденіе, и страданіе; все дѣло въ томъ, чтобы знать ея свойства и умѣть ими пользоваться, какъ мы умѣемъ пользоваться тономъ и виномъ; чѣмъ шире и глубже становимся мы въ знаніи, тѣмъ полнѣе и безслѣднѣе распадаются въ ничто неуклюжіе призраки Оризанда и Ламана, пугавшіе доверчивое дѣтство отъ чужихъ личностей и цѣлыхъ народовъ. Газы, кислоты, щелочи соединяются и видоизмѣняются, дробятся и разлагаются, кружатся и движутся безъ цѣли и безъ остановки, проходятъ черезъ наше тѣло, порождаютъ новыя тѣла — и вся жизнь, и вотъ исторія. Но формы дороже матеріала; мы любимъ и ненавидимъ только формы, сражаемся за формы и пренебрегаемъ формъ, и потому въ исторіи кончается не развитіемъ и увяданіемъ формъ, а матеріаломъ, потому что матеріалъ вѣченъ, живъ. Это естественно, но, изучая формы, надо же знать и матеріалы, хотя бы для того, чтобы опредѣлить, насколько дороги формы зависятъ отъ свойствъ матеріала; бы для того, чтобы овладѣть матеріаломъ, полагать имъ по своему благоусмотрѣнію; ученіе матеріала и изученіе формъ, естественныя науки и гуманитарныя, химія и исторія, идутъ рука объ руку и сознаютъ въ себѣ необходимость соединенія, хотя самое соединеніе состоится также въ области будущаго.

## ПРОЦЕССЪ ЖИЗНИ.

Физиологическія письма *Карла Фохта*.

(„Physiologische Briefe“ von Carl Vogt.)

### I.

Представьте себѣ, что вамъ приходится описывать очень сложную машину съ замысловатымъ внутреннимъ устройствомъ, которое непрерывно должно находиться во время дѣйствія въ сараѣ въ плотно закупоренномъ ящикѣ, чтобы не подвергнуться разлагающему вліянію

атмосфернаго воздуха, чтобы не отсырѣть и не придти въ негодность. Представьте себѣ, что эта машина приводитъ въ движеніе не одними механическими средствами (т. е. не только колесами, гилями, шестами и цѣпочками), а кромѣ того химическими единеніями и разложеніями, совершающимися внутри сараѣ. Чтобы дать читателю



нибудь понятие объ этой сложной машинѣ, вамъ поневолѣ придется описывать ее по частямъ, представлять ее въ разрѣзѣ, вынимать изъ нея отдѣльныя колеса и гири, разсматривать химическіе агенты, словомъ, разрушать ту общую связь, которая необходима для успѣшнаго дѣйствія снаряда. Вамъ придется утомлять вниманіе читателя мелкими подробностями, которыхъ необходимость нѣсколько времени будетъ оставаться для него непонятной: въ то время, когда читатель будетъ требовать отъ васъ общаго, идеи снаряда, вы будете принуждены говорить ему о дѣйствіи того или другого блока, о свойствахъ той или другой щелочи. Въ такомъ-то непріятномъ положеніи находится физиологъ, пытающійся сообщить публикѣ въ популярной формѣ главные результаты новѣйшихъ изслѣдованій, касающихся человѣческаго организма. Конечно никакая машина не можетъ интересовать насъ такъ сильно, какъ интересуетъ насъ наше собственное тѣло. Но зато какая-же машина сложностью своего внутреннего устройства можетъ сравниться съ животнымъ организмомъ? Какая машина представляетъ наблюдателю такіа, на первый взглядъ, непреодолимыя препятствія? Мы хотимъ видѣть машину въ полномъ ходу,—это оказывается невозможнымъ. Какъ только мы попытаемся какимъ-нибудь способомъ раскрыть дверцу, чтобы бросить любопытный взглядъ на внутреннее устройство, такъ это внутреннее устройство оказывается насильственно измѣненнымъ; гармонія нарушена, и намъ остается только догадываться, какъ было прежде, до той минуты, когда мы разорвали живую связь органическихъ тканей.

О тѣхъ временахъ, когда предразсудокъ мѣшалъ врачамъ анатомировать трупы, нечего и говорить; въ тѣ времена физиологія не существовала, какъ наука; тогда приходилось любознательному врачу рѣзать кошекъ, собакъ, кроликовъ, и по аналогіи возсоздавать внутреннее устройство человѣческаго тѣла; зато тогда медицина опиралась на магію; поле этихъ двухъ наукъ не можетъ быть разграничено, и многіе знаменитые врачи за излишнюю догадливость попадали въ тюрьмы священной инквизиціи и умирали на кострахъ. Теперь измѣнились препятствія, измѣнились опасности, угрожающія физиологу; наука далеко подвинулась впередъ, но и теперь еще она нуждается почти въ оправданіи, въ извиненіи въ глазахъ той массы, которая именно всего болѣе нуждается въ знаніяхъ, и которая уже потому, что знаетъ грамотѣ, была бы дѣйствительно способна усвоить себѣ результаты изслѣдованія. Теперь добросовѣстный и талантливый изслѣдователь рискуетъ остаться непрочитаннымъ только потому, что онъ не забываетъ впередъ фактовъ, не строитъ скороспѣлыхъ теорій, не возвы-

шается преждевременно до синтетическихъ взглядовъ. Мы все еще сильно заражены наклонностью къ натурфилософіи, къ познанію общихъ свойствъ естества, основныхъ началъ бытія, конечной цѣли природы и человѣка и прочей дребдедены, которая смущаетъ даже многихъ специалистовъ и мѣшаетъ имъ обращаться какъ слѣдуетъ съ микроскопомъ и съ анатомическимъ ножомъ. Теоріи физиологіи растутъ какъ грибы подъ руками плодovitыхъ писателей; медицина кидается на эти теоріи, прилагаетъ ихъ къ дѣлу, едва провѣривъ степень ихъ основательности; является путаница, практическія ошибки, отзываются сотнями смертныхъ случаевъ, сотнями и тысячами неудачныхъ леченій. Какъ въ самомъ дѣлѣ иначе объяснить появленіе на нашихъ глазахъ разныхъ противурѣчивыхъ системъ леченія, гомеопатіи, гидротатіи, магнитическаго, электрическаго, гальваническаго леченія? Если все это не одно чистое шарлатанство, что предположить какъ-то совѣстно, то это продукты скороспѣлыхъ теорій, а скороспѣлыя теоріи—остатокъ средневѣковой методы восходить къ началу всѣхъ началъ, когда знаешь факты изъ пятого въ десятое и когда почва еще колышется подъ ногами.

Естественныя науки не то, что исторія, совсѣмъ не то, хотъ Бокль и пытается привести ихъ къ одному знаменателю. Въ исторіи все дѣло въ возрѣвѣніи, въ гуманной личности самого писателя; въ естественныхъ наукахъ все дѣло въ фактѣ; еслибы Маколей ошибся сто разъ въ фактическомъ разсказѣ событій, и тогда-бы его произведенія имѣли для насъ несравненно болѣе прелести, болѣе жизненности, полноты и человѣческаго достоинства, чѣмъ творенія какого-нибудь Капфига или Миркура, хотя-бы эти господа не ошиблись ни въ одномъ годѣ, ни въ одной генеалогической подробности. Разсматривая прошедшую жизнь человѣчества, я непремѣнно становлюсь къ ея проявленіямъ въ тѣ или другія отношенія; если-же у меня нѣтъ никакихъ отношеній къ прошедшимъ событіямъ, тогда становится непонятнымъ, для чего-же я ихъ рассказываю. Лѣтописецъ записываетъ для того, чтобы событія не пропали для потомства. А историку такой причины въ наше время привести нельзя. Лѣтописи не пропадутъ; онѣ хранятся въ библіотекахъ и архивахъ, за замками и запорами. Стало-быть, если я беру эти лѣтописи, то для того, чтобы сказать что-нибудь по поводу событій, а не для того, чтобы пересказать событія, иначе и Семейскаго придется зачислить въ русскіе историки. Исторія есть осмысленіе событія съ личной точки зрѣнія автора; каждая политическая партія можетъ имѣть свою всемірную исторію, и дѣйствительно имѣетъ ее, хотя конечно не всѣ эти исторіи записаны, точно также, какъ всякая философская школа имѣетъ свой фило-



софскій лексиконъ. Исторія есть и всегда будетъ теоретическимъ оправданіемъ извѣстныхъ практическихъ убѣжденій, составившихся путемъ жизни и имѣющихъ свое положительное значеніе въ настоящемъ. Объ естественныхъ наукахъ этого конечно нельзя сказать; природѣ нѣтъ никакого дѣла до того, какъ вы объ ней думаете; если вы ошиблись, она васъ помнетъ или совсѣмъ раздавитъ, какъ помнетъ или раздавитъ васъ колесо огромной машины, къ которой вы подошли слишкомъ близко во время ея полного хода. Изучая природу, вы имѣете дѣло съ слѣплыми силами, но съ силами громадными, постоянно дѣйствующими, которыя не поддадутся для васъ ни вправо, ни влѣво. Управлять вы ими можете, но для этого вы должны *знать* ихъ, а не составлять себѣ объ нихъ произвольныя теоретическія понятія. Каждая естественная наука имѣетъ свои практическія приложенія: отъ степени развитія этихъ практическихъ приложеній зависитъ вся наша жизнь; самосохраненіе, удобства жизни, наслажденія — все это возможно только при знаніи окружающей природы; тутъ ужъ на теоріи далеко не уѣдешь.

Цѣль естественныхъ наукъ — никакъ не формированіе міросозерцанія, а просто увеличеніе удобствъ жизни, расширеніе и расчищеніе того русла, въ которомъ текутъ наши интересы, занятія, наслажденія, словомъ, все то, что мы называемъ жизнью. Для естествоиспытателя нѣтъ ничего хуже, какъ имѣть міросозерцаніе. Если вы думаете, что Фохтъ, Молешотъ и другіе подобные имъ имѣютъ міросозерцаніе, то вы сильно ошибаетесь. Эти люди просто настолько сильны умомъ, что откинули всѣ бредни, которыми наслаждались, а подчасъ и пугали себя окружающія ихъ взрослые дѣти въ очкахъ, въ парикахъ, съ бородами и бакенбардами. Они рѣшили каждую вещь брать въ руки, осматривать, класть ее подъ микроскопъ, опускать въ кислоту и потомъ сообщать публикѣ описанія своихъ опытовъ съ рисунками и чертежами; какъ люди, способные работать мозгомъ, они конечно видѣли нѣкоторую связь между наблюдаемыми явленіями и даже старались находить эту связь, располагая свои наблюденія въ извѣстной послѣдовательности; общихъ результатовъ они не нашли еще, потому-ли, что имъ вовсе нѣтъ, или-же потому, что фактическая часть науки еще малоизвѣстна; какъ бы то ни было, по своей теоріи міра они не построили, и въ этомъ, вообразите себѣ, и состоитъ величайшая ихъ заслуга. Когда люди, расположенные строить теоріи міра, берутся за изученіе природы, то они дѣлаются Сведенборгами, или Экартсгаузенами, или-же по крайней мѣрѣ, подобно Мильну-Эдварсу, превращаютъ природу въ спеціалиста политической экономіи. Мнѣ всегда приходило въ голову, что

подобные господа положительно не понимаютъ наклонностей и способностей. Въ нѣтъ-что-то положительно преобладаетъ надъ любознательностью. Имъ-бы слѣдовало усвоить себѣ изящную форму изложенія и писать романы, вѣсти, поэмы, лирическія мелочи, все, что угодно, только никакъ не ученые изслѣдованія. Оно конечно пріятно смотрѣть на природу какъ на кучку пестрыхъ камешковъ, изъ которыхъ можно сложить красивую, пеструю картинку, но вѣдь надо-же себя поставить на мѣсто тѣхъ людей, которые желали-бы видѣть, какъ эти пестрые камешки лежатъ не въ кантѣ удавшагося поэта, а на самомъ дѣлѣ, въ землѣ дѣйствительности. Зачѣмъ-же этихъ людей видѣть въ заблужденіе заглавіемъ книги? Если-бы на оберткѣ было написано: *Фантазія таинственная о природѣ, въ стихахъ и прозѣ*, то-же-бы эти люди и въ руки не взяли-бы этого произведенія.

Да, строители теорій или, что то-же, удавшіеся поэты надѣлали много вреда, и не напирѣвъ до такой степени извратили понятія и вкусъ публики, что публика требуетъ отъ изслѣдованій натуралистовъ — направленія. Ряди Бога, господа, выкиньте въ безобразіе эти требованія: направленія отъ натуралистовъ. Я поясню это требованіе короткимъ разсказомъ дѣйствительнаго происшествія. Мнѣ случалось разговаривать о Молешотѣ съ однимъ знаемымъ мнѣ современно развитымъ гуманистомъ. Мой собесѣдникъ упрекнулъ Молешота въ аристократизмъ. Я пришелъ въ недоумѣніе и жалъ, что то будетъ. Пожилуйте, продолжалъ гуманистъ, онъ придаетъ такое значеніе нищѣ, что по его теоріи выйдетъ такъ: кто хорошо обѣдаетъ, тотъ и силенъ, и уменъ, а тотъ, у котораго рѣдко бываетъ во щахъ кусокъ мяса, стало-быть, дрянъ. Мой знакомый долго продолжалъ говорить на эту тему, но направленіе его рѣчи уже намѣчено, и потому я его оставилъ въ сторонѣ. Что-же касается до Молешота, его конечно защищать мудрено. Онъ виноватъ безъ оправданія! Какъ онъ смѣлъ, вопреки гуманнымъ тенденціямъ вѣка, доказывать, что мясная пища даетъ силы мускуламъ и мозгу, а растительная заставляетъ организмъ почти исключительно заниматься пищевареніемъ! Можно было-бы возразить пожалуй, что для бѣдныхъ ирландцевъ было-бы полезно, еслибы филантропы поменьше восторгались ихъ патріархальными добродѣтелями и побольше заботились о зачѣненіи картофеля чечевицей и горохомъ. Но филантропы такого возраженія не примутъ: если вы скажете, что народъ грубъ, они обвинятъ васъ въ негуманности; если вы скажете, что порода измѣлась и испортилась отъ дурной пищи и дурного образа жизни, они обвинятъ васъ въ коммунизмѣ. Преклоняйтесь предъ народной правдой, уважайте даже народныя



щи да кашу и не вѣрѣте Молешоту, котораго, по выраженію Полонскаго, изучаетъ самъ чортъ,—вотъ что скажутъ вамъ филантропы, гуманисты, которые всѣ болѣе или менѣе под- ходятъ подъ типъ неудавшихся поэтовъ.

## II.

Фохтъ не поэтъ; его фізіологическія письма написаны безъ міросозерцанія; съ міромъ онъ и не имѣетъ дѣла, онъ старается описать понятнымъ языкомъ главныя органическія от- правленія, образующія собою тотъ страшно сложный процессъ, который мы называемъ про- стымъ, общезвѣстнымъ словомъ жизнь. Вся книга Фохта состоитъ изъ отдѣльныхъ подроб- ностей и исчерпываетъ, насколько это теперь возможно, только одну сторону жизни, расти- тельную жизнь (*das vegetative Leben*). Въ книгѣ Фохта говорится только о томъ, какъ поддерживается органическая жизнь, т. е. какъ обращается кровь, какъ совершается процессъ дыха- нія, какъ принимается и переваривается пища. Цѣлая, огромная сторона жизни остается еще нетронутой; о жизни животной, т. е. о воспринятіи и переработкѣ впечатлѣній, о дѣя- тельности нервной системы, въ этомъ томѣ еще не сказано ни слова. Говоря о различныхъ от- правленіяхъ растительной жизни (т. е. той жизни, которая составляетъ общее достоинство растений и животныхъ), Фохтъ принужденъ бо- роться съ рутинной и скрытымъ мистицизмомъ прежнихъ фізіологовъ. Говорить-ли онъ о кро- вообращеніи, о дыханіи или о пищевареніи, ему вездѣ приходится еще *доказывать*, что всѣ эти процессы совершаются по простому сѣпле- нію физическихъ и химическихъ законовъ, безъ всякаго вмѣшательства посторонней, таинствен- ной силы. Эту таинственную силу прежніе фі- зіологи называли жизненной силой. Гдѣ кон- чались предѣлы ихъ наблюденій, тамъ они вмѣ- сто того, чтобы откровенно сказать: не знаю, говорили: здѣсь начинается дѣйствіе жизненной силы.

«Жизненная сила,—говоритъ Фохтъ,—при- надлежитъ къ числу тѣхъ заднихъ дверей, ко- торыхъ такъ много въ наукѣ и которыя всегда будутъ убѣжищемъ праздныхъ умовъ; вмѣсто того, чтобы потрудиться да изслѣдовать то, что на первый взглядъ кажется непостижимымъ, эти умы довольствуются тѣмъ, что дивятся ка- жущемуся чуду. Медицина въ этомъ отношеніи особенно изобрѣтательна. Боже милостивый! Что-бы случилось съ медицинской практикой, еслибы не было подъ руками терминовъ: ревма- тизмъ, ипохондрія и истерія, этихъ трехъ кла- довыхъ, въ которыя мы сваливаемъ все то, о чемъ не имѣемъ точныхъ свѣдѣній? Когда не знали электричества, тогда считали громъ явле- ніемъ сверхъестественнымъ; но чѣмъ дальше

шли впередъ въ познаніи природы, тѣмъ болѣе исчезало таинственное и чудесное. То-же явле- ніе совершалось и въ фізіологіи; жизненная сила есть тотъ неизвѣстный, тотъ *x*, который стоитъ вездѣ въ глубинѣ сцены и постоянно увертывается, когда его хотятъ схватить; цар- ство этого неизвѣстнаго отодвигается назадъ и въ глубь, по мѣрѣ того какъ наука прони- каетъ впередъ съ своимъ факеломъ. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія не было ни одного отправления нашего тѣла, въ которомъ этотъ неизвѣстный элементъ жизненной силы не игралъ-бы значительной роли:—теперь ссылка на жизненную силу для объясненія наблюдаемаго факта не имѣетъ уже никакого научнаго зна- ченія; она будетъ просто описательнымъ выра- женіемъ невѣднія». Итакъ, жизненной силы, какъ чего-то самостоятельнаго, неразлагаемаго, не существуетъ; послѣдній оплотъ невѣжества разрушенъ; маска сорвана съ мистицизма, и изслѣдователи смотрятъ на природу вниматель- но, но просто, безъ суевѣрнаго благоговѣнія, безъ институтской мечтательности.

Иные скажутъ пожалуй, что это и есть на- правленіе изслѣдованія. Господа, помилосер- дуйте! Неужели человѣкъ, говорящій самому себѣ: смотри въ оба, не зѣвая по сторонамъ, не ври глупостей, — вслѣдствіе этого представ- ляется вамъ адептомъ извѣстной школы? Тогда вы должны будете сознаться, что и здравый смыслъ, и нормальный глазъ тоже принадле- жать не здоровымъ людямъ вообще, а привер- женцамъ того или другого ученія. Впрочемъ и это бываетъ. Когда я въ одной критической статьѣ выразилъ сомнѣніе въ необходимости идеаловъ, то мнѣ замѣтили въ «Сѣверной Пче- лѣ», что я только подставляю вмѣсто суще- ствующихъ идеаловъ свой идеальчикъ; вотъ видите-ли, отсутствіе идеаловъ и безграничная свобода личности, формулирующаяся русской пословицей: «кто во что гораздъ» или «вся- кій молодецъ на свой образецъ», какъ же- лаемое состояніе человѣчества, показались мое- му рецензенту новымъ идеаломъ. Если такъ смот- рѣть на вещи, тогда конечно и Молешота, и Фохта придется считать идеалистами и адеп- тами школы: они отрицаютъ всякія предва- тья теорій, освобождаются отъ всякихъ пред- убѣжденій. Ну, что-жъ? это отрицаніе и есть, стало-быть, ихъ теорія. Спорить съ подобнымъ мнѣніемъ не стоитъ уже потому, что оно на- сколько не измѣняетъ сущности дѣла, а спорить изъ-за словъ

Есть тѣмъ охотниковъ,—  
Я не изъ ихъ числа.

## III.

Приступимъ къ дѣлу. Въ процессѣ жизни можно замѣтить три главныя отправления, тѣсно, неразрывно связанныя между собою, но между



тѣмъ совершающіяся отдѣльными органами и слѣдовательно допускающія отдѣльное изученіе. Эти три отправленія называются кровообращеніемъ, дыханіемъ и пищевареніемъ. При остановкѣ одного изъ этихъ трехъ отправленій останавливаются и остальные; организмъ разлагается и составныя его части возвращаются въ вѣчный круговоротъ вещества. Если, положимъ, отъ холода остановилось обращеніе крови, мы говоримъ, что животное замерзло; если какое-нибудь постороннее препятствіе остановило притокъ кислорода въ легкія, мы говоримъ, что животное задохнулось; если отъ недостатка питательныхъ матеріаловъ остановилось на извѣстный промежутокъ времени пищевареніе, мы говоримъ, что живое умерло съ голоду. Во всѣхъ трехъ случаяхъ прекращеніе одной изъ функций жизненнаго процесса повело за собою прекращеніе двухъ остальныхъ и слѣдовательно уничтоженіе органической жизни вообще. Жизнь же есть не что иное, какъ постоянное измѣненіе матеріала при сохраненіи извѣстной формы. Я сегодня тотъ-же человѣкъ, какой былъ вчера, а между тѣмъ процессы испражненія, испаренія и выдыханія выдѣлили изъ моего тѣла матеріалы, входившіе вчера въ его составъ; въ то же время процессы принятія пищи и вдыханія воздуха внесли въ мое тѣло частицы, которыхъ въ немъ не было вчера. Если я теряю способность выдѣлять или воспринимать, я вмѣстѣ съ тѣмъ теряю способность жить; запоръ, задержаніе мочи, отсутствіе аппетита и проч. составляютъ болѣзни; если эти болѣзни не будутъ устранены медицинскими средствами или дѣйствіемъ самой природы, если потерянная способность выдѣлять или воспринимать не возвратится въ свое время, организмъ непремѣнно разрушится, и мое *я* превратится въ черноземъ, войдетъ въ тѣло земляныхъ и другихъ червей, въ составъ травы, и вообще поступитъ въ полное распоряженіе общей кормилицы, матушки сырой земли, а духъ конечно воспаритъ, и т. д. Оно хотъ и обидно для человѣческаго самолюбія, а дѣлать нечего! Какъ ни толкуй гг. гуманисты о нравственномъ и юридическомъ смыслѣ, а противъ рожна прать мудрено, и съ фактами примириться необходимо. Для тѣхъ-же изъ гуманистовъ, которые любятъ прислоняться къ авторитету и утѣшаться тѣмъ, что они имѣютъ за себя великіе голоса человѣчества, будетъ безконечно полезно въ этомъ случаѣ припомнить слова Гамлета надъ черепомъ Юрика. Противъ осязательнаго факта они еще поспорятъ, но когда увидятъ, что за этотъ же фактъ говорить и Шекспиръ, тогда они сложатъ оружіе.

Но къ дѣлу! къ дѣлу! Постараюсь по Фохту, въ самыхъ общихъ чертахъ, охарактеризовать процессы кровообращенія, дыханія и пищеваренія. Подробности не возможны при отсутствіи чертежей; сверхъ того онѣ утомительны для

человѣка, рѣшительно незнакомаго съ анатоміей. что-же касается до легкаго очерка, то надѣюсь, что его прочтутъ безъ скуки и неудовольствія.

Въ обращеніи крови главную роль играетъ сердце. «Все движеніе крови — говоритъ Фохтъ — зависитъ исключительно отъ дѣятельности сердца». Сердце есть полый мускулъ, сжимающійся и расширяющійся; этотъ мускулъ соединяется съ двумя системами кровеносныхъ сосудовъ, расходящихся отъ сердца ко всѣмъ частямъ тѣла. Одна изъ этихъ системъ — *артеріи* несутъ кровь отъ сердца къ окрестностямъ; другая — *вены* несутъ кровь отъ окрестностей къ сердцу. Артеріи отличаются отъ венъ большей толщиной стѣнокъ и большей эластичностью. Если разрѣзать артерію и выдвинуть изъ нея кровь, она все-таки сохранитъ свою цилиндрическую форму, такъ что ее можно будетъ сравнить съ гуттаперчевой трубкой; если же сдѣлать то-же самое съ веною, она свернется и потеряетъ прежнюю форму, какъ потеряетъ ее напрямѣръ узкій и длинный шокъ, изъ котораго будетъ высыпанъ содержавшійся въ немъ порошокъ.

Сердце разгорожено продольной стѣнкой на двѣ половины, неимѣющія между собою сообщенія. Каждая изъ двухъ половинъ разгорожена поперечной стѣнкой на двѣ части, сообщающіяся между собою черезъ широкія отверстія. Верхнія части каждой половины называются *предсердіями*; нижнія — *желудочками*. Оба предсердія сжимаются въ одно время и выпускаютъ содержащуюся въ нихъ кровь въ желудочки; затѣмъ предсердія расширяются и тогда въ одно время сжимаются оба желудочка. Кровь течетъ изъ обоихъ отделовъ въ разныя стороны, и потому мы сначала прослѣдимъ за тою кровью, которая идетъ въ лѣваго желудочка. Прямо изъ сердца кровь вступаетъ въ широкую артерію, въ *аорту*, которая на нѣкоторомъ разстояніи отъ сердца развѣтвляется на нѣсколько второстепенныхъ артерій и несетъ кровь одними сосудами въ верхнюю часть тѣла: въ шею, въ голову и въ руки, другими — въ нижнюю часть тѣла: въ пищеварительному каналу, къ печени, къ половымъ органамъ и къ ногамъ. По мѣрѣ приближенія артерій къ поверхности тѣла, онѣ развѣтвляются болѣе и болѣе; развѣтвленія эти подъ конецъ дѣлаются такъ тонки, что ихъ нельзя рассмотреть простымъ глазомъ; эти тончайшія развѣтвленія, находящіяся подъ кожей на всей поверхности тѣла и кромѣ того въ кишечномъ каналѣ, въ печени, въ легкиихъ, соединяются съ другими тончайшими развѣтвленіями, которыя уже отъ поверхности тѣла поворачиваются назадъ къ сердцу; дошедши до поверхности тѣла, кровь артеріальныхъ сосудовъ переходитъ въ венозные сосуды, которые по-



дятся въ толстыя вены. Кровь изъ нижнихъ частей тѣла этими толстыми венами идетъ къ правому предсердію, а изъ предсердія вливается въ правый желудочекъ. Правая полость сжимается и кровь течетъ въ легкія, разливается по легочнымъ сосудамъ, входитъ въ вены, потомъ идетъ назадъ въ лѣвое предсердіе, и тогда начинается та-же исторія.

Вотъ маршрутъ крови въ тѣлѣ. Кровь изъ лѣваго сердца въ оконечности конечностей въ правое сердце, изъ правого сердца въ легкія, изъ легкихъ назадъ въ лѣвое предсердіе. Кровь идетъ по этому пути, потому, на томъ основаніи, что дру- гое сжатіе сердца дѣйствуетъ на кровь, какъ поршень на движеніе воды; кровь, выдавленная изъ сердца, бросается въ открытыя трубочки; начинается еще разъ и новая волна в крови въ трубочки и продвигаетъ дальше, а прежняя въ свою очередь толкаетъ ту часть крови, которая прошла еще раньше. Покуда сердце будетъ двигаться, поръ кровь будетъ дви- жаться.

Если въ этотъ элементарный об- ращеніи, читатель будетъ въ со- знаніи приблизительно то разстройство, которое причиняетъ организму недоста- тки или избытокъ. При недостаткѣ крови медленное ея движеніе въ тѣлѣ и у поверхности тѣла; при полно- ности того, напоръ крови къ раз- нымъ частямъ тѣла слишкомъ силенъ и кровь вообще слишкомъ быстро. Люди различаются вялой кожей, сла- бой дѣятельности, спокойнымъ, ров- нымъ нервно-мышечнымъ характеромъ. Лю- бые страдаютъ приливами, легко возбуждаются, часто горячатся, сильно увле- чены движеніемъ и дѣятельностью, отлич- ной силой и предприимчивостью. Кофе, спиртные напитки, гимнастическія упраж- ненія, возбужденное разговоромъ или движениемъ ускоряютъ бѣженіе сердца, т. е. его сжатіе, увеличиваютъ быстроту движенія и этимъ самымъ возвышаютъ давление крови въ тѣлѣ. У кого кровь движется бы- стрее, тотъ все отправленія дѣлаетъ не такъ долго, какъ у человѣка съ медленнымъ движе- ниемъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что и у животныхъ, и въ насъ такъ называемый нрав- ственный характеръ въ значительной степени зависитъ отъ скорости кровообращенія.

Помимо пульса, по которому медики опредѣ- ляютъ своихъ пациентовъ, находится еще одна связь съ сжатіемъ и рас- ширеніемъ сердца: сердце сжимается, волна

крови ударяетъ въ пульсовую артерію; артерія, какъ упругая трубочка, расширяется и вслѣдъ за тѣмъ, пропустивши волну, опять сжимается. При каждой новой волнѣ повторяется расши- реніе и сжатіе; это и есть бѣженіе пульса. Свой- ства этого бѣженія зависятъ отъ трехъ обстоя- тельствъ: отъ силы сжатія сердца, отъ вели- чины кровяной волны и отъ эластичности ар- теріи; эти три обстоятельства измѣняются, смотря по состоянію субъекта, и слѣдователь- но даютъ медику возможность ознакомиться съ положеніемъ больного. Въ оконечностяхъ тѣла, въ волосныхъ сосудахъ приливы крови отъ сердца, отзывающіеся въ артеріяхъ сжатіемъ и расширеніемъ ихъ, становятся едва чувстви- тельными; тамъ кровь течетъ ровно; точно такъ же течетъ она въ венахъ, и потому вены не бьются подобно артеріямъ. Волосные сосуды отличаются значительной способностью сжи- маться; отъ холода они могутъ совершенно за- крыться; если морозъ сильно подѣйствовалъ на вашъ палецъ, волосные сосуды его сжимают- ся, кровь перестаетъ проникать въ него и весь палецъ или по крайней мѣрѣ поверхность его начинаетъ коченѣть. Возьмемъ другой примѣръ: положимъ, вы входите по поясъ въ холодную воду; волосные сосуды нижней части вашего тѣла, отъ дѣйствія холода, до известной сте- пени сжимаются; потокъ крови, хлынувшій къ этой нижней части, не можетъ проникнуть въ нее весь; ясно, что въ верхней части вашего тѣла окажется больше крови, чѣмъ сколько нужно; произойдетъ приливъ крови къ головѣ; во избѣжаніе этого прилива, который можетъ повести за собою неприятыя послѣдствія, обык- новенно, входя въ воду, прежде всего мочатъ голову, чтобы волосные сосуды головы также сжались и не пустили-бы къ себѣ излишняго количества крови.

Во сколько времени совершается полный обо- ротъ крови, т. е. во сколько времени частица крови, вышедшая изъ лѣваго сердца, обойдетъ все тѣло и возвратится назадъ въ лѣвое сердце? Тщательныя наблюденія показали, что средняя величина времени, необходимаго для полного оборота, равняется одной минутѣ. Въ сутки полный оборотъ крови совершается слѣдова- тельно 1440 разъ. Этой быстротой оборота объясняется то обстоятельство, что всякій ядъ, разлагающій или заражающій кровь, въѣдается въ организмъ чрезвычайно быстро. Зачумлен- ные частицы втеченіи сутокъ 1440 разъ обѣгутъ ваше тѣло, столкнутся со множествомъ еще здоровыхъ частицъ, передадутъ имъ долю своей ядовитости и, смотря по силѣ яда, въ нѣсколько часовъ или въ нѣсколько дней пере- портятъ всю кровь. Змѣя укусила васъ въ ногу, а между тѣмъ у васъ пухнетъ все тѣло; бѣшен- ная собака оцарапала руку, а между тѣмъ, если тотчасъ-же не прижечь рану, явятся признаки



бѣшенства, т. е. общаго пораженія организма. На кровообращеніи основываются также страшныя послѣдствія сифилитической болѣзни, которая, начинаясь едва замѣтной ранкой, кончается или по крайней мѣрѣ может кончиться гніеніемъ всего тѣла. Возможность оспопрививанія заключается также въ обращеніи крови. Ничтожная частичка коровьей оспы, положенная въ ранку, всасывается кровью, производитъ въ ней химическія измѣненія, порождаетъ всеобщее воспаленіе и сынъ и наконецъ отнимаетъ у организма способность воспринимать эту заразу втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Умѣйте только узнавать свойства природы и дѣйствительную фізіономію вещей, и вы всегда будете въ состояніи воспользоваться этими свойствами по вашему благоусмотрѣнію; не передѣлывая природу по своему, вы будете ея повелителемъ. Магики, искавшіе такихъ заклинаній, которыми можно было-бы держать стихіи въ своемъ распоряженіи, инстинктивно понимали силу человѣка. Они видѣли эту силу въ знаніи и въ этомъ случаѣ не ошибались. Ошибались-же они только тѣмъ, что однимъ прыжкомъ хотѣли вскочить на ту лѣстницу, по которой приходится идти медленно, отдыхая на каждой ступенькѣ и тщательно ощупывая слѣдующія ступени, чтобы не оступиться и не полетѣть внизъ. Они хотѣли магическимъ словомъ или обрядомъ достигнуть того, чего современная цивилизація достигла путемъ долговременныхъ и безчисленныхъ опытовъ. Они хотѣли отгадать, и не отгадали. Молешотъ и Фохтъ ищутъ и кое-что отыскали, точно такъ-же, какъ много отыскали Ньютонъ, Коперникъ, Леверрье, Гауу, Кюлье, Линней, Берцелиусъ, Либихъ, Фаредз и пр., и пр.

«Неужели же, — спрашиваетъ Фохтъ въ концѣ главы о кровообращеніи, — фізіологін удалось такимъ образомъ смирить сердце, спокойно волнующееся въ груди человѣка, положить на него оковы и навязать ему законы? Неужели же то участіе, которое мы ему приписываемъ въ нашихъ чувствахъ, оказывается вымысломъ? Когда мы, по старой привычкѣ, говоримъ, что наше сердце усиленно бьется, замираетъ отъ радости или сжимается отъ тоски, неужели мы употребляемъ только картинныя выраженія, отдаемъ дань привлекательной мечтѣ подвижнаго воображенія? Неужели съ нами случилось то-же, что случилось съ Петромъ въ сказкѣ Гауффа о Тангейзерѣ? Неужели у насъ, какъ у Петра, вырвали изъ груди живое сердце и вставили каменное, которое, правда, бьется и приводитъ въ движеніе кровь, но не принимаетъ участія въ нашихъ радостяхъ и страданіяхъ, равномерно бьется отъ любви и ненависти, какъ маятникъ стѣнныхъ часовъ? Нѣтъ! право, нѣтъ! До этихъ результатовъ не дохо-

дитъ наша механика. Она открываетъ законы; она показываетъ намъ физическія дѣйствующія въ сердцѣ и въ сосудахъ; наблюденія и размышленія показываютъ, какъ сильно приложеніе этихъ силъ зависитъ отъ высшаго руководителя, отъ нервныхъ стемъ; каждое впечатлѣніе, воспринятое, отзывается и отражается въ скорости и въ движеніи сердца и въ распредѣленіи крови. Мы не ошибаемся, когда чувствуемъ, какъ въ минуту воодушевленія сердце бьется полнѣе, въ минуту тоски или ожиданія оно судорожно вздрагиваетъ. Мы ошибаемся только въ томъ случаѣ, если непосредственно самому приписываемъ это участіе. Сердце отъ насъ только впечатлѣнія и ощущенія, воспринимаетъ отъ мозга, центральнаго органа нервныхъ стемъ; раздраженія, исходящія изъ этого центральнаго органа, дѣйствуютъ на сердце нѣе непосредственнаго раздраженія. Мы ошибаемся, когда чувствуемъ, что щеки краснѣютъ отъ стыда и блѣднѣютъ отъ страха; мы ошибаемся только въ томъ случаѣ, если приписываемъ эти измѣненія дѣйствію между тѣмъ какъ они производятся нервными, управляющими распредѣленіемъ крови. Раздраженныя дѣйствіемъ мозга, эти нервы сжимаютъ сосуды; когда-же эти нервы перестаютъ дѣйствовать и въ ослабленіи, расширяются и наливаются кровью. Большая часть вліянія мозга на растительныя процессы жизни основано на этой тѣсной связи съ сердцемъ и его движеніями, расширеніемъ и сжатіемъ сосудовъ, это, какъ видите, не подлежитъ сомнѣнію. Впрочемъ тоска и бѣда изнураютъ тѣло. Веселое расхожденіе духа, бодрый взглядъ на жизнь, умѣренность въ волненіяхъ и страстяхъ сохраняютъ равновѣсѣ и свѣжесть. Эти замѣчанія кажутся вамъ, можетъ быть, провѣрить въ жизни. Причинъ этихъ явленій между собою объяснить не легко. Но отъ постояннаго обновленія зависитъ питаніе, дыханіе, вся растительная жизнь; а обновленіе и движеніе крови зависитъ въ непосредственной зависимости отъ движенія сердца. Гдѣ недостатокъ одного, тамъ и вся сумма будетъ невѣрна; если изъ стѣны страстей, необузданная смѣна сильныхъ и слабыхъ вліяній или постоянное вліяніе грустнаго настроя духа нарушаютъ или ослабляютъ правильность дѣятельности сердца и сосудовъ, конечно, обращеніе крови, ни зависящее отъ него, такъ и зависящее отъ него, не могутъ совершаться въ должномъ порядкѣ».

Это великолѣпное мѣсто Фохта можно считать за попытку, не отходя ни на шагъ отъ фактовъ, сблизить между областями психологін и фізіологін. О движеніи сердца и кровеносныхъ сосудовъ на периферіи здѣсь не упоминаетъ, потому что счита-



бстоятельство совершенно несомнѣннымъ и очевиднымъ для всѣхъ. О вліяніи мозговыхъ нервовъ на сердце онъ говоритъ особенно подробно для того, чтобы убѣдить читателя въ томъ, что физиологія не вырывается у живого человѣка сердца и не отнимается у этого полого мускула способности повиноваться (чисто пассивно) распоряженіямъ мозга. Изъ словъ Фохта можно вывести чисто физиологическое опредѣленіе понятий: мысль и чувство. Вы видите, что на движеніе сердца, на положеніе кровеносныхъ сосудовъ дѣйствуютъ исключительно чувства, напр. грусть, радость, боязнь, стыдъ, и т. д. Изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что чувство есть такое раздраженіе въ мозговыхъ нервахъ, которое мгновенно, по крайней мѣрѣ быстро и притомъ произвольно, проходитъ черезъ всѣ нервы нашего тѣла и черезъ эти нервы такъ или иначе дѣйствуетъ на обращеніе крови. Мысль, напротивъ того, есть такое раздраженіе мозговыхъ нервовъ, которое распространяется въ нихъ медленно и не дѣйствуетъ на нервы тѣла; оно совершается въ извѣстномъ порядкѣ, за которымъ мы сами можемъ прослѣдить и для котораго у насъ даже есть готовое названіе — логическая послѣдовательность. Надо полагать и надѣяться, что понятія *психическая жизнь*, *психологическое явленіе* будутъ современемъ разложены на свои составныя части. Ихъ участь рѣшена; они пойдутъ туда-же, куда пошелъ философскій камень, жизненный эликсиръ, квадратура круга, чистое мышленіе и жизненная сила. Слова и иллюзіи гибнутъ — факты остаются.

#### IV.

Дыханіе, какъ несомнѣнный и очень важный фактъ, должно обратить на себя теперь наше вниманіе. Дыханіе совершается посредствомъ легкихъ, это мы уже знаемъ изъ общедіагностики; это одна изъ тѣхъ медицинскихъ истинъ, которыя находятся во всеобщемъ обращеніи, но въ которыхъ мы все-таки не отдаемъ себѣ яснаго отчета. Такъ напримѣръ, не всѣмъ извѣстно то, что сжатіе и расширеніе легкихъ совершается чисто пассивно. Грудная клѣтка чело-вѣческаго скелета состоитъ изъ двѣнадцати паръ плоскихъ, въ различной степени согнутыхъ, эластичныхъ костей; кости эти называются ребрами и прикрѣпляются спереди къ грудной кости, а сзади — къ спинному хребту. Внутренняя сторона этого костяной клѣтки обтянута крѣпкой кожей, не пропускающей вѣшняго воздуха; нижняя часть клѣтки, смежная съ брюшной полостью, отдѣляется отъ этой полости мускулистой поперечной перегородкой, извѣстной въ анатоміи подъ названіемъ грудобрюшной преграды; верхняя часть грудной клѣтки гораздо уже нижней и черезъ дыхательное горло сообщается съ полостями рта и

носа. Въ грудной клѣткѣ висятъ на разныхъ сосудахъ и мышцахъ легкія и сердце. Легкія можно сравнить съ двумя мѣшками, сдѣланными изъ эластической матеріи. Кожа, облегающая стѣнки грудной клѣтки, плотно прилегаетъ къ легкимъ и даже срастается съ ихъ верхней частью. Теперь положимъ, что грудная клѣтка увеличивается въ своемъ объемѣ: мускулы грудобрюшной преграды вытягиваютъ ее, и середина этой кожаной перегородки немного опускается къ брюшной полости; очень понятно, что объемъ грудной клѣтки становится больше и стѣнки этой клѣтки отходятъ отъ вѣшной поверхности легкихъ. Но грудная клѣтка плотно обтянута кожей; въ ней нѣтъ атмосфернаго воздуха, потому что съ дыхательнымъ горломъ сообщается не самая клѣтка, а висящія въ немъ легкія. Стало быть, между стѣнками легкихъ и стѣнками грудной клѣтки, въ случаѣ расширенія послѣдней, происходитъ пустота; не встрѣчая себѣ сопротивленія извнѣ и испытывая на себѣ изнутри давленіе содержащагося въ нихъ атмосфернаго воздуха, легкія расширяются до тѣхъ поръ, пока не наполнятъ собою всей грудной клѣтки; такимъ образомъ происходитъ вдыханіе. Но вотъ грудная клѣтка, расширившаяся на мгновеніе, снова сжимается и сжимаетъ легкія; очень естественно, что часть принятаго воздуха выбрасывается черезъ тѣ-же отверстія, черезъ которыя онъ вошелъ; происходитъ выдыханіе. Расширять или сжимать легкія мы собственно не можемъ; мы сжимаемъ и расширяемъ грудную клѣтку, а легкія измѣняются въ объемѣ уже помимо нашей воли, по физическому закону равновѣсія газообразныхъ тѣлъ, — по тому самому закону, по которому пузырь, положенный подъ колоколъ воздушнаго насоса, при вытягиваніи воздуха изъ-подъ колокола, раздувается и наконецъ лопается отъ напора содержащагося внутри его воздуха, не встрѣчающаго себѣ уравновѣшивающаго давленія извнѣ.

Кромѣ физическаго процесса въ дыханіи есть еще процессъ химическій; воздухъ не только входитъ въ легкія и выходитъ обратно; онъ самъ испытываетъ измѣненія и производитъ измѣненія въ тѣхъ частяхъ, съ которыми приходитъ въ соприкосновеніе. Каждому извѣстно, что въ комнатахъ, гдѣ слишкомъ много людей, становится душно, тяжело дышать; всякому извѣстно, что въ комнатахъ необходимо освѣжать воздухъ, лѣтомъ открывая окна, а зимою протапливая печи.

Все это происходитъ оттого, что мы выдыхаемъ не тѣ газы, которые вдыхаемъ, и слѣдовательно въ извѣстный промежутокъ времени можемъ химически переработать весь воздухъ, содержащійся въ комнатѣ, и сдѣлать его негоднымъ для дальнѣйшаго вдыханія. Тогда надо перемѣнить воздухъ, или задохнуться. «Давно



уже, — говорить Фохтъ, — былъ извѣстенъ фактъ, что люди или животныя, запертые въ тѣсномъ и плотно закупоренномъ пространствѣ, по прошествіи нѣкотораго времени начинали дышать съ трудомъ; кожа людей становилась синекраснаго цвѣта, и самыя значительныя усилія вздохнуть не находили себѣ удовлетворенія. Если ихъ оставляли запертыми еще дольше, то у нихъ являлись конвульсивныя движенія, исчезало сознание и наконецъ жизнь постепенно угасала при сильнѣйшихъ судорогахъ; словомъ, при этомъ родѣ смерти повторялись тѣ-же явленія, какія случаются при удавленіи.» Причина этого явленія объяснилась вполне удовлетворительно только тогда, когда химія сдѣлала значительные успѣхи, позволившіе ей разлагать и анализировать газы. Теперь мы знаемъ положительно, что атмосферный воздухъ состоитъ изъ 21 процента кислорода и 79 процентовъ азота; мы знаемъ, что количество азота не измѣняется отъ процесса дыханія, а что кислородъ, напротивъ того, поглощается нашими легкими, которыя, взаимѣнъ воспринятаго количества кислорода, выдѣляютъ равное по объему количество углекислоты. Кислородомъ дышатъ всѣ животныя; въ другихъ газахъ они задыхаются, и углекислота въ этомъ отношеніи стоитъ на-ряду съ другими, т. е. рѣшительно не можетъ поддерживать животной жизни. Кислородъ имѣетъ особенное химическое сродство съ красными шариками, плавающими въ нашей крови и сообщающими ей ея яркій цвѣтъ. Эти красные шарики жадно соединяются съ кислородомъ и подъ его вліяніемъ измѣняютъ даже свой цвѣтъ; до соединенія съ кислородомъ они отличаются синекраснымъ, багровымъ цвѣтомъ, послѣ соединенія они принимаютъ яркокрасный, болѣе свѣтлый колоритъ.

При теперешнемъ состояніи науки мы еще не въ состояніи прослѣдить всѣ химическія измѣненія, совершающіяся въ крови. Причины и назначеніе каждаго измѣненія еще не могутъ быть указаны. Мы знаемъ только, что кровь, притекающая къ легкимъ, бываетъ синекраснаго цвѣта и насыщена углекислотой; въ легкихъ она выдѣляетъ углекислоту, принимаетъ соответствующую дозу кислорода и выходитъ изъ легкихъ, превратившись въ ярко-красную кровь. Мы знаемъ также, что это насыщеніе кислородомъ необходимо для процесса жизни; есть ядовитые газы, которые при вдыханіи отнимаютъ у кровяныхъ шариковъ способность соединяться съ кислородомъ. Къ числу такихъ газовъ принадлежитъ окись углерода, которую не должно смѣшивать съ углекислотой. Углекислота можетъ задушить чисто пассивно; здѣсь дѣйствуетъ не углекислота, а просто отсутствіе кислорода; человекъ, задохнувшійся въ углекислотѣ, все равно что утопленникъ; если его вытащить во-время, то его можно оживить,

вдувая ему въ легкія воздухъ или чистый кислородъ. Окись углерода, напротивъ, прекращая процессъ дыханія, кромѣ того химически измѣняетъ кровь и отнимаетъ способность сродства съ кислородомъ. Задохнувшись въ этомъ газѣ, некому спасти. Съ этимъ газомъ намъ приходится встрѣчаться во вседневномъ быту. Онъ водитъ угаръ; отъ него болитъ голова, онъ въ небольшомъ количествѣ проникаетъ черезъ легкія въ кровь, и отъ него умираютъ люди, если онъ дѣйствуетъ на нихъ долгое время, т. е. въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. На дѣйствіи этого газа основанъ и новый, очень употребительный въ Парижѣ способъ самоубійства посредствомъ жаровни; способъ по своей дешевизнѣ доступенъ и камъ, на которыхъ всего тяжелѣе наша суровая сторона жизни, сторона лишений, дождь и страданій; сверхъ того онъ не только приводитъ къ смерти, если только найти средство заснуть, подвергаясь дѣйствію убивающаго газа. Кто испыталъ ощущение или видѣлъ его дѣйствіе на другихъ, пойметъ, какъ сильно отзывается на организмъ, во всей нервной системѣ на химическое измѣненіе въ составѣ крови. Оно быстро развивается въ наше время, и она не въ состояніи еще, по несовершенству своихъ орудій, прослѣдить за этими, единажды измѣненіями, которыя ведутъ собою очень ощутительныя послѣдствія. Вопросы вслѣдствіе этого должны еще оставаться нерѣшенными. Почему напримѣръ красные шарики должны соединяться именно съ кислородомъ? На что нуженъ этотъ кислородъ, общей экономіи животной жизни? Рѣшеніе вопросовъ принадлежитъ еще будущему.

## V.

Третій процессъ, необходимый для держанія животной жизни, основанъ на томъ, что мы перерабатываемъ въ свое тѣло съ пищей, воспринимаемая нами извнѣ, изъ окружающаго міра. Этотъ процессъ называемъ пищевареніемъ и отличается особенной сложностью. Говоря о пищевареніи, надо принять въ расчетъ свойства тѣхъ предметовъ, которые мы принимаемъ въ себя, и свойства тѣхъ органовъ, которые ихъ перерабатываютъ. Дышать мы можемъ только атмосфернымъ воздухомъ; питаемся мы, напротивъ, самыми разнообразными веществами; это несомнѣнно имѣетъ на насъ значительное вліяніе. Обыкновенно приписываемъ разнымъ причинамъ то, что надо отнести на дѣйствіе пищи, мы даже приходимъ къ выводу, когда намъ объясняютъ чисто механическими причинами то, что мы называемъ болезненнымъ страданіемъ; мы улыбаемся съ



омъ недовѣрія, когда опытный медикъ совѣтуетъ намъ, для устраненія дурного расположенія духа, кушать то или другое, заниматься гимнастикой или принимать слабительное. Во вседневной частной жизни мы стараемся такимъ образомъ проломить лбомъ стѣну или, что то-же самое, подчинить себѣ наши физиологическія отправления, вмѣсто того чтобы подчиниться имъ и, поддерживая ихъ въ самомъ нормальномъ положеніи, во всякую данную минуту располагать всѣми силами организма. Мы даже во вседневной жизни, которая однако у большей части людей вовсе не отличается преобладаніемъ высокихъ стремленій, стараемся забыть великолѣпное правило классической древности: «въ здоровомъ тѣлѣ — здоровая мысль» (*mens sana in corpore sano*). Мудрено-ли послѣ того, что, когда намъ приходится имѣть дѣло съ общими вопросами, хоть бы напримѣръ въ области исторіи, мы уже окончательно замираемъ и соглашаемся скорѣе говорить фразы, которыхъ сами не понимаемъ, чѣмъ приводить различныя великія событія въ связь съ матеріальными причинами, подобными выбору пищи и процессу пищеваренія.

Мои выписки изъ Молешота \*) многими показались парадоксальными. Фохтъ тѣмъ не менѣе во всѣхъ отношеніяхъ сходится съ выводами Молешота, и потому я, чтобы не повторяться, обойду то письмо его, въ которомъ онъ говоритъ о предметахъ, употребляющихся въ пищу. Приведу только двѣ-три выписки, въ которыхъ выражается взглядъ Фохта на значеніе пищи для общественной и исторической жизни. «При разведеніи картофеля, — говоритъ онъ, — всѣ выгоды лежатъ на сторонѣ производителя, всѣ невыгоды падаютъ на потребителя, который получаетъ пищу въ неудобной формѣ и въ неудобномъ сѣщеніи составныхъ частей; потребитель этотъ долженъ пустить въ ходъ величайшую сумму пищеварительной дѣятельности для того, чтобы добиться малѣйшаго полезнаго результата. На этомъ основаніи одинъ замѣчательный изслѣдователь говоритъ совершенно справедливо, что преобладаніе картофельной пищи доводитъ бѣдный классъ до послѣдней крайности, что ему уже некуда отступить и не на что опереться; бѣдный поденщикъ или бѣдный мужикъ поставленъ въ необходимость разрѣшить ужасную задачу: доставить наибольшее количество работы при наименьшемъ количествѣ пищи плохого достоинства.»

Пріятно встрѣтить въ серьезномъ изслѣдователѣ истинно гуманнаго человѣка; пріятно видѣть, что сухой анализъ отдѣльныхъ составныхъ частей человѣческаго тѣла не вытѣснилъ

въ умѣ ученаго натуралиста образа полной человѣческой личности, не сдѣлалъ его невнимательнымъ къ ея затрудненіямъ и страданіямъ. Ни Молешоту, ни Фохту нельзя отказать въ здоровой, дѣльной гуманности; гуманность эта не фразиста и не слезлива; она выражается не возгласами, не умиленіемъ надъ непорочностью простого народа, а всѣмъ ходомъ мысли, математически вѣрными выкладками, внимательностью къ насущнымъ потребностямъ бѣдняка и снисхожденіемъ къ тѣмъ слабостямъ, которыя порождаются его лишеніями и страданіями.

«Съ каждымъ днемъ, — говоритъ Фохтъ, — возрастаетъ потребленіе чая и кофе; чѣмъ больше распространяется, при увеличеніи бѣдности, картофельная пища, тѣмъ упорнѣе народъ держится за кофе, который дѣлается необходимымъ подкрѣпляющимъ средствомъ... Сильное возбуждательное дѣйствіе алкалоида, заключающагося въ настоѣ, заставляетъ прибѣгать къ употребленію чая и кофе, потому что эти напитки доставляютъ возможность управляться съ пищей, принятой при такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ.» Считать чай или кофе пустой прихотью и осуждать бѣдныхъ людей за то, что они, отказывая себѣ въ необходимомъ, позволяютъ себѣ въ отношеніи къ этимъ напиткамъ нѣкоторую роскошь, было-бы, какъ вы видите, неосновательно и негуманно. Извѣстная доля наслажденія до такой степени необходима для того, чтобы поддержать въ человѣкѣ бодрость, что онъ скорѣе согласится недобѣсть и недоспать, чѣмъ обойтись безъ этой микроскопической радости. Чѣмъ больше въ его обыденной жизни труда и черной заботы, тѣмъ необходимѣе для него минуты развлеченія и разгула. У кого есть всякій день сытный обѣдъ и умѣренная работа, тотъ можетъ пожалуй круглый годъ не отходить отъ конторки или письменнаго стола. Но для пролетарія, для поденщика, таскающаго по буднямъ кули и сѣдающаго кусокъ черстватаго хлѣба, совершенно необходимо въ воскресенье или въ праздникъ пропѣть пѣсню, отхватить трепака или даже хлебнуть чарку водки. «Собственно предметы пищи, — говоритъ Фохтъ, — необходимы для поддержанія жизни, а наркотическія и спиртуозныя вещества увеличиваютъ наслажденіе и доставляютъ нѣсколько счастливыхъ часовъ даже тому, кого гнетъ забота.» «Отдѣльная личность, — говоритъ Вибра, — принявшая слишкомъ много гашиша, бѣгающая по улицамъ и нападающая на встрѣчнаго и поперечнаго, исчезаетъ при сравненіи съ тѣмъ множествомъ людей, которые, принявъ умѣренную дозу послѣ обѣда, проводятъ нѣсколько веселыхъ и счастливыхъ часовъ. Число тѣхъ людей, которымъ *кока* доставляетъ возможность преодолѣвать самыя страшныя трудности и даже

\*) См. «Физиологическіе эскизы Молешота» стр. 281.



спасаться отъ голодной смерти, значительно превышаетъ количество тѣхъ немногихъ *коккери*, которые неумѣреннымъ употребленіемъ этого наркотическаго вещества погубили свое здоровье. Точно также одно неумѣстное лицемеріе можетъ проклинать употребленіе кубка, прогоняющаго заботы, основываясь на томъ, что есть пьяницы, не останавливающіеся во-время и не знающіе мѣры.»

По этимъ выпискамъ можно видѣть, что Фохтъ соглашается съ Молешотомъ какъ въ общей идеѣ, такъ и въ отдѣльныхъ фактахъ. Онъ выстѣ съ Молешотомъ придаетъ пищѣ очень важное значеніе и находитъ, что въ выборѣ пищи всего лучше руководствоваться инстинктомъ, т. е. естественными требованіями своего вкуса; но такъ какъ подобный образъ дѣйствія доступенъ только людямъ обезпеченнымъ, такъ какъ бѣдняки ѣдятъ не то, чего имъ хочется, а то, что подешевле, то вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ одинаково дешевой пищи имѣетъ важное практическое значеніе. Въ рѣшеніи этого вопроса Фохтъ опять-таки сходитъ съ Молешотомъ: картофель безусловно отвергается и вмѣсто него рекомендуются стручковые растенія, горохъ, чечевица и бобы. Къ наркотическимъ и спиртуознымъ веществамъ и Фохтъ, и Молешотъ относятся очень снисходительно; обоимъ изслѣдователямъ одинаково противенъ тотъ квакерскій ригоризмъ, который превращаетъ человѣка въ рабочую машину и запрещаетъ всякое наслажденіе для того, чтобы не могло быть излишества. Оба изслѣдователя стоятъ на твердой почвѣ живыхъ фактовъ и смотрятъ на человѣческую личность трезвымъ взглядомъ, не исключаяющимъ ни снисхожденія, ни любви.

## VI.

Теперь мнѣ остается только прослѣдить за тѣми видоизмѣненіями, которыя испытываетъ пища, проходя черезъ желудокъ и кишечный каналъ. Мы здѣсь имѣемъ дѣло съ цѣлой химической лабораторіей, которая, работая безостановочно, превращаетъ въ кровь то, что можетъ подвергнуться этому измѣненію, и выбрасываетъ то, что не разлагается, изъ чего уже добыты всѣ нужные ингредиенты.

Прежде всего мы беремъ пищу въ ротъ, разжевываемъ ее зубами и при этомъ невольно смачиваемъ ее слюной; пища отправляется въ желудокъ въ размельченномъ видѣ и притомъ пропитанная водянистой жидкостью; черезъ это она дѣлается доступной химическому вліянію желудочнаго сока; еслибы мы глотали куски, не прожевавши ихъ, то это химическое вліяніе вовсе не могло-бы имѣть мѣста или по крайней мѣрѣ совершалось-бы гораздо медленнѣе, и процессъ пищеваренія во всякомъ случаѣ потерпѣлъ-бы нѣкотороестройство.

Мнѣ случилось читать въ одной статьѣ Карла V, что этотъ государь постоянно страдалъ несвареніемъ желудка и что это обстоятельство объясняется до нѣкоторой степени устройствомъ его черепа; дѣло въ томъ, что нижняя челюсть была сильно выдвинута впередъ, такъ что не могла плотно слѣдствовать верхней. Императоръ не могъ хорошо пережевывать пищи и притомъ любилъ плотно покусывать жирные куски говядины и рыбы, едва вошедъ во рту, скользили въ горло и конечно тамъ залегали въ желудкѣ. Кто знаетъ, насколько это обстоятельство имѣло вліянія на эстетическіе поступки повелителя образованнаго міра и даже на его удаленіе въ монастырь Юста? Сколько мнѣ помнится, статья, о которой я говорю, была напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1856 годъ и авторомъ ее былъ П. Н. Кудрявцевъ. Жаль, что не вездѣ всегда физическія причины какого-нибудь явленія такъ очевидны и осязательны, какъ въ дѣлѣ Карла V!

Размельченная пища проникаетъ въ желудокъ—простой мѣшокъ, сдѣланный изъ толстой кожи и снабженный мускулами; внутреннія стѣнки желудка шероховаты и покрыты железами, отдѣляющими кислотоватую жидкость; эта жидкость называется желудочнымъ сокомъ и играетъ главную роль въ химической переработкѣ пищи. Одинъ любопытный опытъ описалъ физиологамъ, что желудокъ не растравитъ пищу, а только разлагаетъ ее выделяемымъ сокомъ. Собакамъ, уткамъ и курамъ давали проглотить маленькія жестяныя или деревянные коробочки, въ которыхъ была положена пища; стѣнки этихъ коробочекъ были проделаны такъ, чтобы жидкость могла проникать въ коробочки, но чтобы сама пища не приходила въ соприкосновеніе съ стѣнками желудка; коробочки эти были привязаны на нитѣ, за которую ихъ можно было вытащить изъ желудка. Когда ихъ вытаскивали по прошествіи нѣсколькихъ часовъ, то въ нихъ уже не осталось пищи; все было слѣдовательно разложено желудочнымъ сокомъ и унесено въ кишечный каналъ.

Какъ кровообращеніе нисколько не зависитъ отъ присутствія какой-нибудь воображаемой жизненной силы, такъ точно и пищевареніе совершается безъ вмешательства этого таинственнаго агента. Химическій процессъ пищеваренія можно произвести внѣ животнаго организма, если только взять тѣ кислоты, которыя дѣйствуютъ въ желудочномъ сокѣ, смѣшать ихъ въ должной пропорціи и привести ихъ къ температурѣ, равняющейся теплотѣ нашихъ внутренностей. Мясо и растительная пища, подверженныя дѣйствію такого состава въ какомъ-нибудь стеклянномъ сосудѣ, измѣнятся точно такъ-же, какъ и измѣнились-бы они въ человеческомъ желудкѣ.



Работа желудка кончается тѣмъ, что пища превращается въ такъ называемую пищевую кашку, т. е. въ болѣе или менѣе густое тѣсто, смотря по свойству принятой пищи. Эта кашка, въ которой одѣ частицы оказываются совершенно разложившимися, другія—только размягченными, третьи—совершенно нетронутыми, изъ желудка выходитъ въ тонкую кишку и подвергается дѣйствию поджелудочной железы и печени. Поджелудочная железа выдѣляетъ изъ себя прозрачную, клейкую жидкость, имѣющую свойство превращать крахмалъ въ сахаръ, сахаръ—въ молочную, потомъ въ масляную кислоту и наконецъ въ жиръ. Примѣшиваясь къ готовому жиру, эта жидкость производитъ въ немъ такое химическое измѣненіе, которое позволяетъ ему распускаться въ водѣ и вообще соединяться съ водянистыми жидкостями. Это измѣненіе необходимо для того, чтобы жиръ просачивался сквозь стѣнки кишечнаго канала и по мелкимъ волоснымъ сосудамъ проходилъ въ кровь. Печень, дѣйствующая на пищу посредствомъ выдѣляемой ею желчи, играетъ очень важную роль какъ въ медицинскихъ сочиненіяхъ, такъ и въ обиходныхъ понятіяхъ, распространенныхъ въ массѣ; печеню объясняются многія болѣзненные явленія; страданіе печени и разлитіе желчи составляютъ, по мнѣнію публики и нѣкоторыхъ медиковъ, главные причины дурного расположенія духа, ипохондріи, меланхоліи и т. п. Фохтъ говоритъ, что по большей части эти объясненія ошибочны, но во многихъ случаяхъ приходится оставить дѣло нерѣшеннымъ; нельзя отвѣчать ни да, ни нѣтъ, потому что химическая работа печени и вліяніе желчи на пищевареніе еще недостаточно разработаны. До сихъ поръ найдено, что желчь оказываетъ двойное вліяніе на пищевую кашку. Во первыхъ, она предохраняетъ ее отъ гніенія въ самомъ кишечномъ каналѣ. Во-вторыхъ, она, подобно соку поджелудочной железы, превращаетъ жиръ въ эмульсію, легко соединяющуюся съ водянистыми жидкостями. Надъ животными производили слѣдующій опытъ: у нихъ перевязывали каналъ, ведущій изъ желчнаго пузыря въ кишки, такъ чтобы ни одна капля желчи не могла попасть въ переваривающуюся пищу; потомъ желчный пузырь прорѣзывался съ другой стороны такъ, чтобы желчь выливалась наружу и чтобы дѣятельность печени шла такимъ образомъ своимъ порядкомъ. Многія животныя не выдерживали операціи и умирали подъ ножомъ изслѣдователя; другія жили болѣе или менѣе долго, но всѣ безъ исключенія не могли выздороветь; они бѣли чрезвычайно много и при этомъ постоянно худѣли, жиръ совершенно пропадалъ; а такъ какъ жиръ въ извѣстномъ количествѣ совершенно необходимъ нашему организму, то отсутствіе жира приводило за собою смерть. Эта пропажа жира

объясняется тѣмъ, что жиръ, содержащійся въ пищѣ, не превращался въ эмульсію и слѣдовательно, не имѣя возможности черезъ волосные сосуды просачиваться въ кровь, проходилъ по кишечному каналу и выходилъ вонъ, не принеся организму никакой пользы. Жиръ животный, или сало, и жиръ растительный, или масло (напр. конопляное, маковое), какъ извѣстно каждому по вседневному опыту, не соединяются съ водою, между тѣмъ изъ сала дѣлается мыло, распускающееся въ водѣ; а изъ тѣхъ же самыхъ зеренъ, изъ которыхъ выжимается масло, дѣлается молоко (конопляное, маковое), очень легко соединяющееся съ водою. Желчный сокъ поджелудочной железы превращаетъ жиръ и сало въ мыло (т. е. въ жирныя вещества, растворяющіяся въ водѣ), а растительное масло—въ растительное молоко или эмульсію. У животныхъ, у которыхъ была вырѣзана печень, эта переработка жира не могла производиться въ достаточныхъ размѣрахъ, и потому они чахли, несмотря на огромное количество поглощаемой пищи. Кромѣ того экскременты этихъ животныхъ отличались отвратительнымъ гнилымъ запахомъ; запахъ этотъ сообщался даже ихъ дыханію; ясно, что пища загнивала въ ихъ кишечномъ каналѣ оттого, что къ ней не было притока желчи.

Испытавъ на себѣ вліяніе сока поджелудочной железы и желчи, пищевая кашка смачивается еще кишечнымъ сокомъ и наконецъ выходитъ изъ нашего тѣла. Составныя части экскрементовъ значительно отличаются отъ составныхъ частей пищи; многія вещества, входившія въ пищу, не находятся въ экскрементахъ; зато въ нихъ находится много такого, чего не было въ пищѣ и что входило въ составъ нашего тѣла, какъ-то: желудочный сокъ, желчь, кишечный сокъ и т. п. Въ экскрементахъ организмъ выбрасываетъ то, что оказывается въ принятой пищѣ лишнимъ или неразстворимымъ, и съ этими остатками пищи соединяетъ тѣ вещества, которыя ему нужно выдѣлить изъ себя и которыя, оставаясь долѣе въ организмѣ, могли-бы произвести въ немъ то или другое разстройство. А что-же сдѣлалось съ тѣми частями пищи, которыя пошли въ прокъ? Говоря о химической переработкѣ пищи, мы до сихъ поръ показали только, какимъ образомъ изъ пищи выдѣляются эти полезныя части. Посмотрите теперь, какъ эти части входятъ въ общую экономію организма.

Если мы положимъ въ воду сухое органическое вещество, напр. кусокъ дерева, кожи, пузыря, то это вещество разбухнетъ, т. е. приметъ въ себя нѣкоторое количество воды. На этой способности органическихъ тканей всасывать водянистыя жидкости основанъ весь процессъ питанія и обновленія нашего тѣла. Сверхъ того, органическія ткани имѣютъ также способность



служить проводниками между двумя жидкостями, прикасающимися къ нимъ съ обѣихъ сторонъ. Если вы нальете виннаго спирта въ пузырь и, крѣпко завязавши его, положите все это въ чашу, наполненную водой, то черезъ нѣсколько часовъ окажется, что въ пузырь — разбавленный спиртъ, а въ чашѣ — вода съ слабой примѣсью спирта. Водянистыя жидкости такимъ образомъ не только всасываются въ органическія ткани, но и просачиваются насквозь. Органическая ткань даже притягиваетъ къ себѣ жидкость; въ этомъ вы можете убѣдиться слѣдующимъ опытомъ: возьмите длинную стеклянную трубку, налейте въ нее спирту, завяжите ея конецъ пузыремъ и опустите этотъ завязанный конецъ въ воду: вы увидите, что жидкость въ трубкѣ начнетъ подниматься и поднимется даже гораздо выше общаго уровня воды. Последнее обстоятельство не могло-бы случиться, еслибы конецъ трубки не былъ завязанъ пузыремъ. Ясно, стало быть, что притягиваетъ органическая ткань.

Если мы посмотримъ вообще на устройство кишечнаго канала, то увидимъ, что его можно сравнить съ длинной трубкой, на внутренней поверхности которой находится безчисленное множество чрезвычайно тонкихъ лимфатическихъ и кровеносныхъ сосудовъ; сосуды закрыты со всѣхъ сторонъ, но стѣнки сосудовъ состоятъ изъ органическихъ тканей, которыя не только пропускаютъ, но даже притягиваютъ жидкости; очень естественно, что между содержимымъ кишечнаго канала, т. е. пищевой кашицей, и жидкостями сосудовъ совершается постоянный обѣдъ; чѣмъ жиже пища, тѣмъ скорѣе она всасывается кровяными и лимфатическими сосудами, вносится въ общее кровообращеніе, испытываетъ множество химическихъ измѣненій, и наконецъ совершенно уподобляется крови или лимфѣ, а потомъ идетъ на обновленіе твердыхъ органическихъ тканей. Это очень ясно, а это знаю, но, чтобы представить это ясно, надо подождать дальнѣйшихъ успѣховъ физиологій, и притомъ написать статью въ 100 разъ больше той, которую я теперь представляю на благосклонное вниманіе читателей.

## VII.

Вотъ мы въ бѣгломъ очеркѣ посмотрѣли на три важнѣйшіе процесса растительной жизни человека. Что-же мы изъ этого выводимъ? Любопытны-ли сложныя устройства нашей тѣла? Или, напротивъ того, находить въ этой сложности существенный недостатокъ? Въ извѣстное дѣло, чѣмъ сложнее машина, тѣмъ чаще она портится, тѣмъ чаще ее приходится чинить, тѣмъ бережнѣе съ нею приходится обращаться. Если принять въ соображеніе многочисленность нашихъ болѣзней, несовершенство нашей медицины, необходимость множества предосторожностей и необходимость укрѣпить, несмотря на всѣ предосторожности, то можно пожалуй подумать: Богъ съ нею, съ этой красивой сложностью; съ нею такъ много хлопотъ, непріятностей и страданій! Но эти мысли будутъ совершенно не основательны, собственныя потому, что онѣ глубоко безплодны. Физическое *statu quo*, то, что мы называемъ природою, то, чѣмъ мы любимся, то, къ чему мы пишемъ или по крайней мѣрѣ писали воззванія и идилліи, безстрастно, безчувственно, безсознательно, неумолимо, глухо къ нашимъ благодарственнымъ возгласамъ и къ нашимъ безсильнымъ проклятіямъ. Къ чему-же ставить намъ къ этой слѣпой силѣ въ каки-либо то ни было нравственныя отношенія? Она не посторонится для насъ ни вправо, ни влево. Она сама по себѣ, мы сами по себѣ, но мы отъ нея зависимъ, и зависимъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше знаемъ ее. Вотъ что намъ нужно: узнавать ее, вглядываться въ нее и постепенно овладѣвать ея тайнами, которыя она впрочемъ и не думаетъ скрывать, а которыя мы считаемъ за тайны только потому, что онѣ до поры до времени не попадались намъ въ глаза. Старайтесь разяснить себѣ факты и законы, а потомъ, какое впечатлѣніе произведутъ на васъ эти факты и законы, какое вѣро-созерданіе вы себѣ соображаете и каковыя чувства вы его окрасите, — любовью, ненавистью, благоговѣніемъ или презрѣніемъ, — это уже предоставляется вашему личному вкусу и до этого, кромѣ васъ, никому нѣтъ ни малѣйшаго дѣла.

## Схоластика XIX вѣка.

## I.

Развитіе русской журналистики съ каждымъ годомъ становится шире: возникаютъ новые журналы и въ короткое время приобретаютъ себѣ значительный кругъ читателей; между тѣмъ старые журналы продолжаютъ свое су-

ществованіе и число ихъ подписчиковъ нисколько не уменьшается. Периодическія изданія расходятся по всѣмъ концамъ Россіи, а изд., выработанныя въ тиши кабинета, на письменномъ столѣ, становятся достояніемъ цѣлой обширной страны, становятся почти единственною утѣшительною пищею для нѣсколькихъ ин-



сятковъ тысячъ людей. Большинство публики читаетъ одни журналы, это—фактъ, въ которомъ могъ наглядно убѣдиться всякій, кто жилъ въ провинціи и бывалъ въ обществѣ каковаго-нибудь уѣзднаго города. Одинъ экземпляръ «Современника» или «Русскаго Вѣстника» читается цѣлымъ городомъ, переходитъ изъ рукъ въ руки и возвращается обыкновенно къ владельцу въ самомъ жалкомъ, истрепанномъ видѣ, такъ что ему приходится только сказать: «расчитали въ дребезги». При этомъ нѣкоторые отдѣлы остаются совершенно нетронутыми и даже неразрѣзанными; отмѣтить подобные отдѣлы было-бы конечно любопытно для физиологич. общества, но я не съ этой цѣлью повелъ рѣчь о распространеніи журналовъ въ массѣ читающей публики. Кромѣ журналовъ, этой публикѣ дѣйствительно читать нечего; отдѣльные книги издаются теперь чаще прежняго, но ихъ всетаки мало; кромѣ того, онѣ имѣютъ или ученый, или учебный характеръ; это—или изслѣдованія, или популярныя руководства, а учиться большинство нашей публики не желаетъ, вѣроятно потому, что воспитаніе, данное ей въ школѣ, было дурно и оставило послѣ себя на всю жизнь полнѣйшее отвращеніе къ тому, что отзывается школой или книжной ученостью. Сочиненія Пушкина, Лермонтова и Гоголя знаютъ почти наизусть люди, одаренные эстетическимъ чувствомъ и сколько-нибудь развитые въ литературномъ отношеніи; что-же касается до большинства, то оно или вовсе не читаетъ ихъ, или прочитываетъ ихъ одинъ разъ, для соблюденія обряда, и потомъ откладываетъ въ сторону и почти забываетъ. Перечитать во второй разъ художественное произведеніе потому только, что оно художественно или проникнуто глубокой мыслью, это такой подвигъ, котораго возможность понимаютъ далеко не всѣ и на который рѣшаются очень немногіе. Между тѣмъ журналы неотразимой силой привлекаютъ къ себѣ этихъ господъ; во первыхъ, они даютъ свѣжія новости, во-вторыхъ, разнообразіе, часто даже пестрота оглавленія даетъ каждому всѣ средства выбрать себѣ чтеніе по вкусу и по плечу; въ-третьихъ, одна книжка не успѣваетъ еще приглядѣться, какъ она смѣняется новой, и провинціальный читатель слѣдитъ за идеями и интересами вѣка, не успѣвая соскучиться и не утомляя свой мозгъ усиленной работой. Все это было-бы очень хорошо; литераторы и публика удовлетворяли-бы другъ друга, но дѣло въ томъ, что на практикѣ выходитъ совсѣмъ не то, что выходило въ теоріи.

Пишущіе люди забываютъ, что они пишутъ не для себя, а для общества, литераторы составляютъ замкнутый кружокъ; этотъ кружокъ внутри себя вырабатываетъ идеи и убѣжденія и передаетъ публикѣ результаты, которые ча-

сто оказываются понятными только тогда, когда мы знаемъ, какъ они вырабатывались и формировались; одинъ кружокъ сталкивается въ мнѣніяхъ съ другимъ, начинается споръ, котораго предметъ остается теменъ для публики; между тѣмъ публика читаетъ полемику, видитъ, какъ горячатся оба противника, и съ любопытствомъ слѣдитъ за скандальной стороной дѣла. Не вините въ этомъ публику; поставьте себя на ея мѣсто; представьте себѣ, что при васъ происходитъ споръ на непонятномъ для васъ языкѣ. Если вы не выйдете изъ комнаты, то вы вѣроятно почти невольно будете слѣдить за выраженіемъ лица и за мимикой спорящихъ личностей. То-же самое дѣлаетъ публика. О предметѣ ученаго или литературнаго спора она судить не можетъ, потому что спорящіе литераторы большей частью забываютъ о ея существованіи и не дѣлаютъ ни шагу для того, чтобы пояснить ей, въ чемъ дѣло. Они ссылаются на иностранные авторитеты, на собственные сочиненія или статьи, разбросанныя по разнымъ журналамъ или напечатанныя лѣтъ десять тому назадъ, наконецъ на голосъ внутренняго чувства, какъ сдѣлалъ Погодинъ на диспутѣ съ Костомаровымъ или покойный Хомяковъ, возставая въ «Русской Бесѣдѣ» противъ матеріализма. Справляться по всѣмъ этимъ ссылкамъ мудрено; у публики не достало-бы на это ни досуга, ни терпѣнія. Слѣдовательно, останется ей двѣ дороги: или вовсе не читать спора, или, читая его, втихомолку посмѣиваться надъ тѣмъ, какъ горячатся споряція стороны. Публика такъ и дѣлаетъ.

## II.

Вопросъ о народности, сближеніе съ народомъ, изученіе народности—эти слова слышались на каждомъ шагѣ и встрѣчаются на каждой страницѣ нашихъ большихъ журналовъ. Идеи этихъ словъ мудрено не сочувствовать, трудно въ этихъ святыхъ словахъ не видѣть великой задачи времени, самаго животрепещущаго интереса нашей будущей исторіи. Но съ другой стороны нужно быть въ высшей степени доверчивымъ и добродушнымъ оптимистомъ, чтобы отъ нашихъ журналовъ ожидать дѣйствительнаго сближенія съ народомъ. «Русская Бесѣда» втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ печатала дѣльныя и основательныя изслѣдованія Хомякова, Кирѣевскихъ, Аксаковыхъ, Вѣльева; «Отечественныя Записки» въ прошломъ году приложили къ своему журналу цѣлый сборникъ пѣсенъ Якушкина; въ «Свѣточѣ» во всѣхъ подробностяхъ описана русская свадьба; «Современникъ» принужденъ выслушивать замѣчанія со стороны «Отечественныхъ Записокъ» за то, что мало занимается народнымъ элементомъ; новый журналъ «Время» на интересахъ народности строитъ всю свою программу, и что-же



изъ этого выходить, какія практическія слѣдствія ведутъ за собою всѣ эти благородныя стремленія? Ровно никакихъ. Они дадутъ только будущему біографу матеріалы, по которымъ онъ будетъ въ состояніи сдѣлать ошибочный выводъ такого рода: «въ половинѣ XIX столѣтія вопросъ о народности возбуждалъ къ себѣ сильное сочувствіе въ читающей части русскаго общества». Этотъ выводъ будущаго бібліографа я смѣло рѣшаюсь назвать ошибочнымъ, на томъ основаніи, что «Современникъ» и «Русскій Вѣстникъ» пользуются наибольшей популярностью, несмотря на то, что первый отличается космополитическимъ направленіемъ, а второй занимается гражданской жизнью Западной Европы гораздо пристальнѣе, нежели интересами нашей народности. Если сверхъ того принять въ соображеніе тотъ фактъ, что «Русская Вѣзда» существуетъ почти безъ подписчиковъ, то не трудно будетъ убѣдиться въ томъ, что наша журналистика не успѣла пріохотить къ ознакомленію съ народностью даже ту часть публики, на которую она можетъ имѣть непосредственное вліяніе. О вліяніи на простой народъ, о фактическомъ сближеніи съ нимъ путемъ журнальной литературы — смѣшно и говорить. Нашъ народъ конечно не знаетъ того, что о немъ пишутъ и разсуждаютъ, и вѣроятно еще лѣтъ тридцать не узнаетъ объ этомъ. Житейскихъ, осязательныхъ результатовъ онъ вѣроятно долго не увидитъ, потому что стремленія не переходятъ въ дѣло и остаются на страницахъ журналовъ, къ обоюдной выгодѣ редакцій и сотрудниковъ. Что вопросъ объ эмансипаціи разрѣшился независимо отъ журнальных толковъ, въ этомъ конечно нельзя винить журналистику; эмансипація была дѣломъ правительства и совершается административнымъ путемъ. Но воскресныя и безилатныя школы? — Это было дѣломъ общества, а между тѣмъ этотъ вопросъ прошелъ мимо журналистики, и журналы ограничились тѣмъ, что отмѣтили совершившійся фактъ на страницахъ своей современной лѣтописи или хроники. Не журналы возбудили этотъ вопросъ, и литература не указала обществу на его насущную потребность, а только оговорила эту потребность уже тогда, когда ея существованіе было признано всѣми, когда уже были приняты мѣры для удовлетворенія этой потребности. Любопытно было-бы знать, можно-ли указать хоть на одно полезное дѣло, хоть на одинъ живой вопросъ народной жизни, который былъ-бы возбужденъ и рѣшенъ нашими журналами и который не остался-бы на бумагѣ, а хоть на одну іоту увеличилъ-бы матеріальное и нравственное благосостояніе нашего народа. Я почти увѣренъ, что отвѣтъ на этотъ вопросъ получается отрицательный. Причины этого явленія я постараюсь разобрать въ слѣдующихъ общихъ чертахъ.

### III.

Внѣшняя фізіономія нашего общества свѣдѣетъ конечно помимо литературы. Наша журналистика не можетъ имѣть никакого вліянія на рѣшеніе административныхъ вопросовъ, следовательно эту сторону дѣла я могу совершенно выпустить изъ моего разсужденія. Само собою понятно, что статьи «Русскаго Вѣстника» объ англійскомъ *jury* или объ англійскомъ парламентѣ имѣютъ для насъ интересъ чисто внѣшній и не могутъ содѣйствовать нашему гражданскому воспитанію, потому что граждане испытываютъ жизнь, а не книга. Точно такъ понятно, что сближаться съ народомъ мы путемъ журналистики не можемъ; сближается съ народомъ тотъ, кто живетъ среди него, кто ищетъ его каждый день въ разныхъ видахъ и положеніяхъ, у кого есть съ нимъ общіе интересы и общія стремленія. Нѣтъ сомнѣнія, что помѣщики лучше петербургскихъ и московскихъ литераторовъ знаютъ бытъ и характеръ простого народа; они знаютъ народъ въ самомъ будничномъ и непривлекательномъ видѣ; изъ нихъ происходятъ съ нимъ ежедневныя столкновенія, которыми ожесточаются обѣ стороны подъ вліяніемъ этихъ столкновеній у впечатлительнаго человѣка портится характеръ и формируется мрачный и гуманный взглядъ на личность русскаго простолюдина; все это справедливо, но зато въ основу этого взгляда ложится не теорія, а непосредственный опытъ, и вслѣдствіе этого понятіе, которое сложилось въ головѣ практическаго хозяина о типическихъ особенностяхъ русскаго крестьянина, будетъ всегда ярче и опредѣленнѣе въ частностяхъ, чѣмъ понятіе теоретика-литератора, воодушевленнаго самыми безкорыстными и гуманными стремленіями. Практическое сближеніе съ народомъ — дѣло до такой степени важное, что его нельзя предпринять между прочимъ, толкуя о Боклѣ и Стюартѣ Миллѣ; кака-нибудь поѣздка по Россіи можетъ оставить въ воображеніи нѣсколько типическихъ фигуръ, которыя годятся для альбомнаго рисунка или для легкаго литературнаго очерка; но внутренній смыслъ этихъ фигуръ дается не сразу и постепенно измѣняется по мѣрѣ того, какъ вы подходите къ нимъ ближе и вглядываетесь внимательнѣе въ ихъ выраженіе и обстановку. Словомъ, журналистика, проводящая общечеловѣческія идеи въ русское общество, нуждается въ посредникахъ, которые проводили-бы эти идеи къ народу. Въ настоящее время народъ еще не въ состояніи созавать эти идеи, обращаться къ нимъ въ свое умственное достоинство, органически перерабатывать ихъ силою собственнаго мышленія; пусть онъ по крайней мѣрѣ чувствуетъ на себѣ ихъ благотворное, согревающее вліяніе. Русскій крестьянинъ бытъ-но-



жетъ еще не въ состояніи возвыситься до понятія собственной личности, возвыситься до разума эгоизма и до уваженія къ своему; пускай-же онъ почувствуетъ по крайней мѣрѣ какую-то переѣну въ окружающей атмосферѣ, пускай почувствуетъ, что съ нимъ обращаются *господа* какъ-то не попрежнему, а какъ-то серьезнѣе и мягче, любивнѣе и ровнѣе. Такого рода переѣна въ обращеніи не укрылась бы отъ его вниманія и измѣнила-бы его нечувствительно для него самого. «Чѣмъ болѣе вы будете обращаться съ мальчикомъ, какъ съ джентльменомъ, тѣмъ скорѣе онъ дѣйствительно превратится въ джентльмена» — это основное положеніе американской педагогики, и это положеніе можетъ быть примѣнено къ дѣлу вездѣ, гдѣ эмансипація идетъ не снизу вверхъ, а сверху внизъ. Чтобы русскій мужикъ почувствовалъ эту благотворительную переѣну, нужно, чтобы наше провинціальное дворянство и мелкое чиновничество перестало быть тѣмъ, что оно теперь. Гуманизировать это сословіе — дѣло литературы и преимущественно журналистики. Это дѣло конечно исполнимѣе сближенія съ народностью или гражданской реформы путемъ журнальных статей. Это дѣло требуетъ дружныхъ усилій и долговременнаго труда, но какое-же дѣйствительное усовершенствованіе въ сферѣ гражданской жизни не требуетъ времени, труда, траты силъ и единодушія? По крайней мѣрѣ можно сказать одно: это — цѣль достижимая, и это можетъ-быть единственная задача, которую можетъ выполнить литература, и которую при томъ только одна литература и въ состояніи выполнить. Это среднее сословіе, гуманизированное общечеловѣческими идеями, можетъ сдѣлаться посредникомъ между передовыми дѣятелями русской мысли и нашими младшими братьями-мужиками, въ избу которыхъ конечно никогда не заходятъ книжки журналовъ, стоящихъ 15 руб. сер. въ годъ. Ни грошовыя изданія, о которыхъ было говорено, ни «Народное Чтеніе», о которомъ нужно будетъ поговорить со временемъ, не принесутъ народу никакой чувствительной пользы. Эти книги написаны людьми, имѣющими какое-то отвлеченное, книжное понятіе о народѣ, старающимися приноровиться къ его потребностямъ и обнаруживающими въ своихъ попыткахъ полнѣйшую непрактичность, полнѣйшее незнаніе той почвы, которую они хотятъ воздѣлывать. Но не забывайте, что въ нашемъ обществѣ есть тысячи людей, понимающихъ нашъ книжный языкъ, носящихъ нашъ костюмъ, словомъ — *господъ*, которые въ состояніи прочесть и понять ученую статью въ журналѣ и которые въ то-же время живутъ среди народа, въ деревняхъ и уѣздныхъ городахъ нашего обширнаго отечества. Эти люди поневолѣ выучиваются говорить съ народомъ и присматриваются къ его потребностямъ; эти лю-

ди по самому своему положенію стоятъ на рубежѣ двухъ элементовъ, общества и народа, и какъ будто призваны быть передатчиками и проводниками идей и знаній сверху внизъ. Отчего-же мы ими не пользуемся? Оттого, мнѣ кажется, что до сихъ поръ мало обращали на нихъ вниманія. Наша журнальная критика и журнальная наука могли особенно благотворительно дѣйствовать на это сословіе, но къ сожалѣнію ни критика, ни наука не имѣли въ виду этого класса читателей и не заботились даже о томъ, чтобы сдѣлаться доступными имъ по формѣ. Въ настоящее время вы не найдете почти ни одной критической статьи, которая была-бы вполне понятна чловѣку, не имѣющему специальныхъ свѣдѣній по тому кругу предметовъ, къ которому относится статья. Обыкновенному читателю такая статья представится непрерывнымъ рядомъ намековъ, въ которыхъ онъ будетъ смутно чувствовать какую-то общую связь, но въ чемъ состоитъ эта связь и что говорятъ эти намеки, это останется ему совершенно непонятнымъ. Опять-таки доказательство того, что если цѣлые отдѣлы нашихъ журналовъ остаются неразрѣзанными, то виновата въ этомъ не публика. Наши журналисты мечтаютъ о гражданской жизни и о сближеніи съ народомъ, и эти безплодные мечты отвлекаютъ ихъ отъ настоящаго дѣла, отъ дѣйствительной обязанности, отъ живого общенія съ той сферой читателей, которая ждетъ отъ нихъ притока знаній и идей. Кромѣ того, кромѣ этого міра благородныхъ, но неосуществимыхъ мечтаній, у нашихъ журналистовъ есть цѣлый міръ закулисныхъ тайнъ, и намеками на интересы этого міра пересыпаны ихъ критическія обзорѣнія и полемическія статьи. Этотъ міръ мелкихъ личныхъ непріятностей, міръ литературнаго кумовства и нелитературныхъ перебранокъ даетъ себя чувствовать по временамъ въ какомъ-нибудь журнальномъ скандалѣ, котораго причина и истинная фазіономія остаются непонятными для массы читающей публики. А между тѣмъ публику потчуютъ этими скандалами, и она *volens nolens* узнаетъ факты, непонятные для нея и вовсе не интересные.

#### IV.

Но что же можетъ и что должна сдѣлать журналистика для той публики, которая исключительно занимается чтеніемъ журналовъ? Она должна разбить ея предразсудки и помочь ей выработать себѣ разумное міросозерцаніе. При этомъ она должна имѣть въ виду ту часть публики, которая способна подвинуться впередъ, людей молодыхъ и свѣжихъ, людей, способныхъ принять истину и отрѣшиться отъ отцовскихъ заблужденій. Для такихъ людей талантливый критикъ съ живымъ чувствомъ и съ энерги-



ческим умомъ, критикъ, подобный Бѣлинскому, могъ-бы быть въ полномъ смыслѣ слова учителемъ нравственности, да не той условной нравственности, которая осуждаетъ г-жу Толмачеву, а той широкой нравственности, которая желаетъ только, чтобы человекъ былъ самимъ собою, чтобы всякое чувство проявлялось свободно, безъ посторонняго контроля и придуманныхъ стѣсненій. Литература во всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ должна быть въ одну точку; она должна всѣми своими силами эмансипировать человеческую личность отъ тѣхъ разнообразныхъ стѣсненій, которыя налагаютъ на нее робость собственной мысли, предрасудки касты, авторитетъ преданія, стремленіе къ общему идеалу и весь тотъ отжившій хламъ, который мѣшаетъ живому человеку свободно дышать и развиваться во всѣ стороны. А то-ли дѣлаетъ наша литература? Къ большей части вопросовъ жизни, науки или искусства она относится какъ-то нерѣшительно, какъ-то въ-половину, оглядываясь по сторонамъ, боясь колыхнуть авторитетъ, боясь оскорбить исторію; эти оглядки, эти опасенія часто имѣютъ мѣсто въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ можно смѣло положиться на голосъ здраваго смысла, въ которомъ можно даже отдаться вънутреннему непосредственному чувству. Возьмемъ примѣръ: пермская дама прочла на публичномъ чтеніи стихотвореніе Пушкина; корреспондентъ одной газеты описалъ это чтеніе, стараясь для удовольствія публики блеснуть яркостью красокъ и не жалѣя риторическихъ украшеній; сотрудникъ другой газеты, также для удовольствія публики, начинаетъ глумиться надъ описаніемъ перваго и, давши волю своему неопытному юмору, съ размаху задѣваетъ имя и личность читавшей дамы. Дѣло, кажется, ясное! Оно ясно до такой степени, что о немъ можетъ быть и вовсе не стоило говорить, но правильное чутье нѣкоторыхъ нашихъ журналовъ показало имъ, что это—вопросъ, для насъ еще нерѣшенный и требующій оговорки. Юмористъ газеты «Вѣкъ» получилъ отъ лица нашей журналистики серьезный выговоръ за свои циническія выходки противъ личности женщины и за ретроградное направление своей статьи. Этотъ выговоръ можно было-бы назвать доклатомъ, еслибы общественное мнѣніе въ Россіи опредѣлилось настолько, чтобы всѣ образованные люди рѣшали въ одинъ голосъ важнѣйшіе вопросы жизни. Но у насъ рѣшительно нѣтъ общественнаго убѣжденія; въ каждомъ семействѣ происходитъ бораба между старыми понятіями и молодыми стремленіями; эта бораба и эти колебанія порождаютъ въ жизни общества много противорѣчивающаго другъ другу мнѣній; напр. молодая дѣвушка приходитъ въ университетъ учиться, а профессоръ старается выжить ее изъ аудиторіи личными толчками своей жизни. Очевидно

эта дѣвушка и этотъ профессоръ расходятся между собою во взглядѣ на такой простой и понятный предметъ, какъ образованіе женщины: они представляютъ борьбу двухъ диаметрально противоположныхъ началъ, Домостроя и III вѣка. Обѣ стороны открыто несутъ свое знамя и понимаютъ свою несовмѣстимость. Но не всѣ члены общества становятся рѣшительно на ту или на другую сторону; большая часть такъ называемыхъ серьезныхъ людей держитъ нейтралитетъ и становится въ самую разнообразную положенія въ отношеніи къ предмету спора: они обсуживаютъ его, вводя въ свои сужденія такое множество оговорокъ и ограниченій, что сущность дѣла становится мало-по-малу неясной для самыхъ жаркихъ защитниковъ той или другого мнѣнія; качая мудрыми головами эти разсудительные люди обвиняютъ общественно обѣ спорящія стороны въ крайности и увлеченіи, и сами стараются выбрать золотую середину. А возможна-ли эта середина? Попробуйте стать посерединѣ между пегромъ и инквизиторомъ, между самодуромъ-отцомъ и дочерью, которую насильно выдаютъ замужъ, между мистицизмомъ и рационализмомъ. Притворитесь нѣтъ, и держатъ нейтралитетъ значить значитъ совершенно въ сторонѣ и не принимать никакого участія въ обсуждаемомъ вопросѣ. Нейтралитетъ, который стараются держать не разсудительные, есть въ сущности ослепительный обманъ, и, какъ оптический обманъ, онъ имѣетъ бытъ опасенъ для неопытныхъ глазъ.

Въ нашемъ обществѣ есть много людей молодыхъ, которые душою рады были-бы жить за свѣтлыми и привлекательными идеями, но которыхъ останавливаетъ, во-первыхъ, то, что результаты этихъ идей совершенно расходятся съ существующими формами жизни, и, вторыхъ, голосъ разсудительныхъ людей, избравшихъ ниную золотую середину. Робость нѣокрѣпшей мысли останавливается на существующемъ порядкѣ и на авторитетѣ. Чтобы помочь этимъ людямъ, надо пользоваться случаемъ, брать примѣры прямо изъ жизни и въ этихъ примѣрахъ показывать приложимые общіе правила и руководящія идеи.

Протестъ нашихъ журналовъ противъ Бланка Виногорова былъ положительно полезенъ: онъ показалъ обществу, какъ наше литературное большинство понимаетъ права женщины, и показалъ не въ теоретическомъ разсужденіи, а на живомъ примѣрѣ. Но нерѣшительность отношеній къ простому и ясному дѣлу нашихъ представителей въ двухъ значительныхъ органахъ нашей журналистики. «Отечественные Записки» привели шуточный текстъ, говоря объ этомъ событіи въ отдѣлѣ русской литературы (1861, апрѣль, стр. 143); оставили какъ историческую протѣку всю исторію протеста и не остановились о томъ, что толкъ о женщинахъ и



яснили значенія семейнаго начала въ Россіи. «Русскій Вѣстникъ» отнесся къ дѣлу гораздо строже; у него всё оказались виноваты: и г-жа Толмачева, и фельетонистъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», и юмористъ «Вѣка», и въ особенности Михайловъ и *спущенная имъ стая*. На 17 страницахъ разбирается это дѣло, и разборъ приводитъ къ самымъ неожиданнымъ результатамъ; съ плеча высказываются смѣлыя позидимому мнѣнія, которыя на слѣдующей-же страницѣ встрѣчаютъ себѣ такое-же смѣлое опроверженіе. На стр. 24 говорится о томъ, что женщина въ нашемъ обществѣ пользуется всѣми разумными правами, а на страницѣ 36 прорывается признаніе, что «у насъ дѣвушка не легко отважится пройти одна по улицѣ». Концы съ концами сведены такъ, что вы при чтеніи не замѣтите противорѣчій, но если вы захотите отдать себѣ отчетъ въ прочитанномъ, то общее впечатлѣніе выйдетъ самое смутное. Дѣло въ томъ, что въ подобномъ вопросѣ надобно отвѣчать ясно и категорически: да или нѣтъ. Меттерниховскія полумѣры, отвѣты *и да, и нѣтъ* или *ни да, ни нѣтъ* неприложимы и безсмысленны. Молодые женщины и дѣвушки нашего общества чувствуютъ потребность учиться; у нихъ пробуждается дѣятельность мысли; вопросъ въ томъ, дать-ли имъ книги въ руки или нѣтъ, пустить-ли ихъ въ университетъ или нѣтъ. Давая имъ книги и пуская ихъ въ университетъ, мы, мужчины, собственно говоря, ничего не дѣлаемъ, а только устраняемъ свое влияние и рѣшительно не принимаемъ на себя никакой отвѣтственности. Не давая книгъ и запирая двери университета, мы самымъ грубымъ образомъ посягаемъ на чужую свободу. Скажите-же, въ какомъ образованномъ обществѣ возможенъ такой вопросъ? Вѣдь это все равно, что спросить печатно: нужно-ли бить женщину кулакомъ, или нѣтъ. Неужели для разрѣшенія такого вопроса нужно обращаться къ исторіи, уяснять значеніе семейнаго начала, или ссылаться на права женщины передъ сводомъ законовъ, какъ то дѣлаетъ «Русскій Вѣстникъ»? Научный вопросъ, историческое значеніе женщины въ древней и новой Россіи можно обсуживать сколько угодно, и чѣмъ больше фактовъ вы наберете въ лѣтописяхъ, тѣмъ полнѣе и серьезнѣе будетъ ваше изслѣдованіе; но если вы въ житейскій вопросъ вытисняете результаты вашихъ кабинетныхъ трудовъ, то это будетъ напрасная трата времени.

А время вещь какаа?

Дѣйствительно, діалектическія тонкости, въ которыя пускаются наши журналы по поводу самыхъ простыхъ и понятныхъ вещей, какъ нельзя больше напоминаютъ читающей публикѣ знаменитаго метафизика, сваливагося въ яму и не рѣшающагося безъ предварительнаго раз-

мысленія схватить веревку, которую спускаетъ къ нему здравомыслящій человекъ. «Фразы заблинась», говоритъ «Русскій Вѣстникъ» въ своей статьѣ о г-жѣ Толмачевой (1861 г., мартъ, стр. 37). Это совершенно справедливо. Когда нужно приложить къ дѣлу здравый смыслъ, когда можно дать волю непосредственному чувству, мы пускаемся въ фразы и выдвигаемъ впередъ вычитанную теорію; живой фактъ превращается въ отвлеченное, безжизненное и безцвѣтное понятіе; это понятіе поворачиваемъ во всѣ стороны; на цѣлыхъ страницахъ мы переливаемъ изъ пустого въ порожнее и въ заключеніи подводимъ такіе результаты, которые на завтрашній-же день, какъ мыльные пузыри, лопнутъ отъ движенія жизни. Жизнь идетъ мимо литературы, и журнальная теорія одна за другой сдается въ архивъ и умираютъ.

## V.

Жизнь наша бѣдна внутреннимъ содержаніемъ, а между тѣмъ и эта бѣдная жизнь съ ея потребностями и стремленіями отражается довольно ясно только въ изящной словесности. Наша изящная словесность во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ выше нашей критики, такъ что во многихъ случаяхъ критика не была въ состояніи дать отчета о художественномъ произведеніи, возбуждившемъ всеобщее сочувствіе въ читающей публикѣ. О «Воспитанницѣ» Островскаго не было сказано ни слова, а между тѣмъ какъ много говоритъ эта небольшая драма, какія живыя личности и положенія выступаютъ передъ воображеніемъ читателя! Если молчаніе критики о «Воспитанницѣ» произошло отъ невниманія, то это непростительная оплошность; впрочемъ трудно сдѣлать подобное предположеніе; вѣрнѣе то, что у нашей критики не достало силъ разобрать аналитически тѣ явленія, которыя въ стройныхъ образахъ явились передъ творческимъ сознаніемъ художника; сознаніе этого безсилія и нежеланіе отдѣлаться фразами отъ замѣчательнаго произведенія дѣлаетъ честь добросовѣстности нашихъ критиковъ; но самый фактъ безсилія—явленіе, дѣйствительно существующее и въ то-же время очень печальное. На изящную словесность намъ рѣшительно невозможно пожаловаться; она дѣлаетъ свое дѣло добросовѣстно и своими хорошими и дурными свойствами отражаетъ съ дагерротипической вѣрностью положеніе нашего общества. Во-первыхъ, все вниманіе ея сосредоточено на среднемъ сословіи, т. е. на томъ классѣ, который дѣйствительно живетъ и движется, для котораго смѣняются идеалы, взгляды на жизнь и вѣянія эпохи. Романы изъ жизни высшей аристократіи и изъ простонароднаго быта сравнительно довольно рѣдки, а явленіе писателя, подобнаго Марку Вовчку,—писателя, сливающего свою личность съ наро-



домъ, составляетъ совершенное исключеніе. Это предпочтеніе нашихъ художниковъ къ среднему сословію объясняется тѣмъ, что къ этому сословію принадлежатъ почти все то, что пишеть, читаетъ, мыслить и развивается. Высшая аристократія и простой народъ въ сущности мало измѣнились со временъ напр. Александра I; народъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ, и не перемѣнилъ даже покрою платья; аристократія перемѣнила костюмъ, приняла какія-нибудь новыя привычки, но образъ мыслей, взглядъ на жизнь остались тѣ-же и попрежнему напоминаютъ вѣкъ Людовика XIV. Что-же касается до средняго сословія, то каждое десятилѣтіе производить въ немъ замѣтную перемѣну; поколѣнія рѣзко отличаются отъ поколѣнія; идеи европейскаго запада дѣйствуютъ почти исключительно на высшіе слои этого средняго класса; этотъ классъ наполняетъ собою университеты, держитъ въ рукахъ литературу и журналистику, ѣздитъ за границу съ ученой цѣлью, словомъ, онъ выражаетъ собою національное самосознаніе. Художникъ, который ищетъ человѣческихъ чертъ, а не бытовыхъ подробностей, психологическаго, а не этнографическаго интереса, естественно обращается къ этому классу и изъ него черпаетъ матеріалы. Борьба идей, а не личностей, столкновеніе понятій и возрѣвій возможны только въ этомъ классѣ. Предметъ борьбы и столкновенія характеризуетъ собою эпоху, и притомъ такъ вѣрно, что хороший критикъ по одному внутреннему содержанию художественнаго произведенія, котораго герои взяты изъ средняго сословія, можетъ опредѣлить безошибочно то десятилѣтіе, въ которомъ оно возникло. Сравните «Герой нашего времени», «Кто виноватъ?» и «Дворянское Гнѣздо», и вы увидите, до какой степени измѣняются характерныя физіономіи и понятія изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе.

Занимаясь преимущественно среднимъ сословіемъ, наша изящная словесность обращаетъ свое вниманіе не столько на общество, сколько на человѣческую личность. Психологическій интересъ въ большей части нашихъ романовъ и повѣстей преобладаетъ надъ бытовымъ и социальнымъ. Дѣйствіе происходитъ обыкновенно внутри семейства и почти никогда не приводится въ связь съ какимъ-нибудь общественнымъ вопросомъ. Въ этомъ обстоятельствѣ также отражается явленіе русской жизни; дѣло въ томъ, что у насъ, собственно говоря, нѣтъ общества, и до сихъ поръ не бывало такихъ движеній, которыя-бы заинтересовали всѣхъ и дали почувствовать каждому, что онъ не только Петровъ или Ивановъ, но въ то-же время гражданинъ Россіи; у насъ есть множество отдѣльных кружковъ, которые другъ друга не знаютъ и знать не хотятъ; внутренняя связь этихъ кружковъ иногда имѣетъ

очень опредѣленный смыслъ, а иногда имѣетъ смысла; въ нѣкоторыхъ случаяхъ кружокъ составляется изъ людей, связанныхъ между собою симпатіей, единствомъ убѣжденій, единствомъ характеровъ; большей частью кружки основаны на связи чисто случайной, на родствѣ или свойствѣ, на сосѣдствѣ по деревнѣ, на товариществѣ по службѣ, на встрѣчѣ на какой вина. Физіономію кружка часто очень трудно схватываетъ художникъ; въ этой физіономіи есть обыкновенно нѣсколько типическихъ чертъ, которыя каждому русскому понятны и знакомы; другія черты, составляющія индивидуальную особенность того или другого кружка, трудно войти въ романъ, потому что идея кружка должна выразиться въ самомъ опредѣленномъ обособленіи, такъ чтобы выведенныя личности были живыми людьми и въ то-же время представителями извѣстнаго типа. Но для критики отсутствіе связи между отдѣльными кружками составляетъ рѣшительно камень преткновенія; какъ судить объ обществѣ, какъ выдать за проявленія его жизни, когда общества нѣтъ и когда жизнь общества не въ немъ не проявляется! Задача дѣйствительно трудная, и за рѣшеніе этой задачи критикъ берется, сколько мнѣ кажется, не такъ, слѣдовало-бы. За неимѣніемъ общества онъ беретъ его выдумать; онъ пытается приписать обществу общественные интересы, и источникъ благородныхъ, но безцѣльныхъ усилій, хочетъ сдѣлать слишкомъ много, и потому ничего не дѣлаетъ; она забываетъ, что критика можетъ только обсуждать существующія явленія, выражать потребности, носящія характеръ общества, а не порождать новыя явленія, будить въ обществѣ такія потребности, которыхъ еще нѣтъ почвы въ дѣйствительности. Забывать впередъ не дѣло критики; это разрушаетъ живую связь между собою и самимъ обществомъ; если критика 1860-хъ годовъ осталась непрочитанной или по прочтѣ произвела на читателя никакого впечатлѣнія, то она навсегда пропала; въ дѣло будущее не станетъ-же разрывать старые жути, чтобы искать въ нихъ идеи, приходящія въ дѣло. Журналистика—дѣло нынѣшняго, что не прочитано сегодня, то уже устарѣло завтра. Бѣлинскаго издають и читають преимущественно потому, что его съ жадностью читали его современники, потому что онъ учителемъ цѣлаго поколѣнія, а не потому, что въ его критикѣ заключаются вѣчныя истины. Бѣлинскій дорогъ намъ не какъ мыслитель, а какъ выраженіе извѣстной эпохи. Самые недостатки Бѣлинскаго, его увлеченія, его страстности, вредящія порою ясности критическаго взгляда, могли только содѣйствовать усилю его критики. Эти недостатки прижигали времени; ихъ раздѣляли съ Бѣли-



и люди той эпохи, и потому эти самые не-  
гатки скрѣпляли связь между критикомъ и  
ателемъ.

Изъ чего подобнаго не встрѣтишь въ тепереш-  
критикѣ, потому что усвоить себѣ всѣ со-  
ствія извѣстной эпохи, всѣ ея сильныя и сла-  
и стороны, словомъ, воплотить въ себѣ эпоху  
кетъ только сильный талантъ, а нашимъ  
и камъ именно не достаётъ силы и таланта.  
и ихъ есть кой-какія знанія, есть честныя  
ажденія, благородныя стремленія, но нѣтъ  
жизни, той энергіи и огня, которые неотра-  
ымъ обаяніемъ дѣйствуютъ на общество и  
екаютъ за собою умы читателей. Этимъ не-  
та-ткомъ таланта объясняются ошибки на-  
и критики, ея безтактность, и главное — ея по-  
ельная мертвенность. Человѣкъ талантли-  
творить по внутренней потребности; онъ  
декается процессомъ творчества за предѣлы  
якой теоріи и увлекается за собою слушате-  
и или читателей; онъ иногда ошибается, про-  
ворѣчь себѣ, потому что впечатлительность  
подвижность мысли часто мѣшаютъ ему раз-  
вѣрять каждый шагъ и взвѣшивать каждое  
во. Трудолюбивая посредственность часто  
идеть случай уличить его въ поверхностности,  
поспѣшности выводовъ, въ недостаточномъ  
паконствѣ съ фактами, но во всѣхъ этихъ ошиб-  
ахъ, въ самыхъ противорѣчіяхъ видна само-  
одная сила мысли, отъ нихъ вѣетъ жизнью, и  
ю имя этого обаятельнаго дыханія жизни вы-  
хотно извините талантливому человѣку от-  
дѣльные пробѣлы и недосмотры; задаться ка-  
кой-нибудь теоріей и не отступать отъ нея  
в теченіи всей своей дѣятельности — это невоз-  
можно для талантливаго человѣка; оторваться  
отъ интересовъ дѣйствительной жизни онъ рѣ-  
шительно не въ состояніи; его природа слиш-  
комъ воспримчива и впечатлительна, чтобы не  
отозваться на то, «что проситъ у сердца от-  
вѣта». Онъ можетъ расходиться съ своими со-  
временниками въ пониманіи житейскихъ вопро-  
совъ и важнѣйшихъ интересовъ эпохи, онъ мо-  
жетъ вступить съ ними въ открытую борьбу  
на жизнь и на смерть, но предметомъ этой  
борьбы будетъ дѣйствительная почва, а не от-  
влеченная, схоластическая теорія, созданная  
односторонней работой мозга.

Современная критика грѣшитъ именно тѣмъ,  
что она задается теоріями и изобрѣтаетъ жизнь  
вмѣсто того, чтобы приглядываться и прислу-  
шиваться къ звукамъ окружающей дѣйствитель-  
ности. Бѣдны, однообразны эти звуки, не сла-  
гаются они въ стройную гармонію, — все это  
правда, но вѣдь все-таки это дѣйствительность,  
и самая ея бѣдность и однообразіе представ-  
ляютъ намъ фактъ, способный вызвать слово со-  
чувствія у дѣйствительнаго поэта, или навести  
истиннаго критика на плодотворныя размышле-  
нія. Эту бѣдность не замаскируешь самыми пест-

рыми декораціями фантазій, да и кого обма-  
нуть эти декораціи? Дѣтей, невмучившихся от-  
личать мишуру отъ золота, да тѣхъ жалкихъ  
людей, у которыхъ воображеніе преобладаетъ  
надъ чувствомъ и которые способны жить  
одной головой и удовлетворяться тѣмъ, что въ  
ихъ мозгу господствуетъ строгая систематич-  
ность и существуетъ гармоническое согласіе  
между поселенными въ немъ идеями. Витать  
мыслью въ радужныхъ сферахъ фантазій или  
уноситься куда-нибудь за море къ лучшему  
порядку вещей въ то время, когда окружаю-  
щіе насъ люди терпятъ горькую судьбу или  
несутъ тяжелый трудъ, это такая способность  
сибаритства, которой обладаютъ многіе, но  
которая къ сожалѣнію недоступна человѣку,  
одаренному живымъ чувствомъ. Возлѣ меня  
человѣкъ работаетъ и страдаетъ, терпитъ го-  
лодь, холодъ и оскорбленія, а я, сидя на мяг-  
комъ диванѣ, послѣ сытнаго обѣда, боюсь да-  
же пошевелить своей мыслью и подумать о его  
положеніи; вздохнувъ *ex officio* о несовершен-  
ствахъ жизни, я отворачиваюсь отъ некраси-  
ваго зрѣлища, отгоняю прочь сѣренькія впе-  
чатлѣнія и начинаю строить воздушныя зам-  
ки или разсуждать о парламентской реформѣ  
въ Англіи. Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя спо-  
койныя и свѣтлыя размышленія полезны для  
головы и для желудка; пульсъ бьется ровно  
и пищевареніе идетъ нормальнымъ порядкомъ,  
но что эти размышленія — сонъ на яву, это, мнѣ  
кажется, тоже не требуетъ доказательствъ.

## VI.

Наша изящная словесность представляетъ  
интересъ преимущественно психологическій: она  
разсматриваетъ человѣка, а не гражданина, не  
представителя извѣстной эпохи, не члена из-  
вѣстнаго общества. Черты народности, эпохи и  
общества встрѣчаются въ изобиліи въ созда-  
ваемыхъ ею образахъ, потому что эти образы  
дѣйствительно художественны и слѣдовательно  
вполнѣ опредѣленны; но эти черты составляютъ  
только необходимые аксессуары; что-же касает-  
ся до главныхъ пружинъ романческаго инте-  
реса, то онѣ обыкновенно скрываются во вну-  
треннемъ развитіи отдѣльныхъ характеровъ,  
въ колоритѣ личныхъ и семейныхъ отношеній  
главныхъ дѣйствующихъ лицъ. У насъ не было  
историческаго романа, за исключеніемъ «Ка-  
питанской Дочки» Пушкина; у насъ нѣтъ до  
сихъ поръ соціального или правоописательнаго  
романа. Въ этомъ отношеніи литература слу-  
жить вѣрнымъ отраженіемъ жизни; у насъ  
каждый занятъ собою и своимъ семейнымъ бы-  
томъ; гражданскія доблести и патріотическое  
чувство пробуждаются только тогда, когда  
всѣмъ угрожаетъ опасность, какъ то было  
напр. въ 1812 году; вызванное общей опас-  
ностью, это патріотическое чувство равносилъ-



но чувству самосохраненія, возбужденному одновременно въ нѣсколькихъ милліонахъ людей. Эти милліоны поднимаются не для того, мнѣ кажется, чтобы отстоять какую-нибудь общую идею, а для того, чтобы защитить свои личные интересы. Поднимаются всѣ вмѣстѣ потому, что каждому отдѣльно грозитъ опасность. Эта разрозненность не подлежитъ сомнѣнію. Хороша-ли она, или нѣтъ, это вопросъ, и, мнѣ кажется, вопросъ далеко нерѣшенный. Она мѣшаетъ единству гражданскаго дѣйствія, но зато развиваетъ личную оригинальность и самостоятельность. Трудно также рѣшить а priori, составляетъ-ли эта разрозненность черту русскаго характера, или простое, временное слѣдствіе внѣшней организаціи нашего общества; какъ-бы то ни было, фактъ существуетъ, и, если можно, изъ него нужно извлечь пользу.

Вмѣсто того, чтобы проповѣдывать голосомъ вопіющаго въ пустынѣ о вопросахъ народности и гражданской жизни, о которыхъ молчать изящная словесность, обладающая большимъ тактомъ, наша критика сдѣлала-бы очень хорошо, еслибы обратила побольше вниманія на общечеловѣческіе вопросы, на вопросы частной нравственности и житейскихъ отношеній. Въ уясненіи этихъ вопросовъ нуждается всякій; эти вопросы затемнены и запутаны разнымъ старымъ хламомъ, которые не мѣшало-бы отодвинуть въ сторону, чтобы всѣмъ и каждому можно было непредубѣжденными глазами взглянуть на свѣтъ божій и на добрыхъ людей. Съ важнымъ видомъ взойти на кафедру и ни съ того, ни съ сего начать проповѣдь о человѣческихъ обязанностяхъ и добродѣтеляхъ было-бы конечно смѣшно; я этого и не требую отъ нашей критики; но вы не забудьте того, что въ каждой книжкѣ каждаго толстаго журнала появляются повѣсти и романы; хорошія произведенія представляютъ намъ характеры и образы, посредственные—выражаютъ стремленія и воззрѣнія авторовъ; и тѣ, и другія могутъ дать поводъ къ обсужденію разныхъ сторонъ нашей всендневной жизни, а эти стороны нуждаются въ пересмотрѣ и въ расчищеніи; это выразилъ еще въ «Петербургскомъ Сборникѣ» талантливый и рыцарски-честный человекъ, авторъ статьи: «Капризы и раздумье», и эта мысль нашла себѣ полное сочувствіе въ теплой душѣ Бѣлинскаго. Отношенія между мужемъ и женою, между отцомъ и сыномъ, матерью и дочерью, между воспитателемъ и воспитанникомъ,—все это должно быть обсуживаемо и рассматриваемо съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Это обсужденіе не должно привести къ составленію законовъ семейной нравственности. Боже упаси! Догматизмъ вреденъ въ такихъ отношеніяхъ, въ которыхъ не должно быть ничего условнаго, въ которыхъ понятіе обязанности должно совершенно уступить мѣсто свободному влеченію и непосредственному чувству. Выражать

свои мысли и убѣжденія объ условіяхъ жизни должно не для того, чтобы вывести мысли современному обществу, а для того, чтобы натолкнуть его на мысль о необходимости подвергнуть тщательному и скрупулезному смотру существующія формы, освященные традиціями и потому подернувшіяся въѣвой слепоты. Говорить мелькомъ объ условной или условной нравственности принято въ современной литературѣ. Слово «условная нравственность» сдѣлалась даже общимъ мѣстомъ; повторять ежеминутно, это слово потеряло свой смыслъ и обратилось въ побрякушку, возбуждающую въ насъ никакого опредѣленнаго представленія, почему это такъ случилось? Заѣли фразы, мы пустились въ диалектику, кресли схоластику и вращаемся въ пустомъ вавномъ кругу словъ и отвлеченностей. Мы рья мѣшаютъ намъ видѣть настоящее. Вотъ напр. Григорьевъ пишетъ дѣловую статью объ отношеніи искусства къ правдѣ, статья по своему направленію соответствуетъ духу времени, а между тѣмъ авторъ не дитъ изъ сферы отвлеченностей и не литературнаго типа не разбираетъ по отношенію къ затронутому вопросу; именъ встрѣчается довольно много, но по поводу этихъ именъ сказываются замѣчанія, относящіяся къ рин литературы, но не бросающія никакого на понятіе условной и истинной правды. Прочитавъ статью въ 23 страницъ, татель убѣждается въ томъ, что Григорьевъ протестуетъ противъ «условной нравственности», но самое понятіе «условная нравственность» остается для него такъ-же малопонятнымъ, какъ напр. выраженія того-же Карамзина («литыя формы» (Время мартъ) или «казовые концы» нашего «Свѣточъ» 1861, апрѣль). Заявить въ сущности того или другого убѣжденія не тотъ фактъ, что вы—прогрессистъ или реактъ, касается только васъ самихъ и ближайшихъ знакомыхъ; публика не нуждается въ вашемъ голословномъ исповѣданіи, оно ни для кого не поучительно и можетъ даже не интересно; но если вы дадите трудъ развить отдѣльные мысли ваше созерцанія, если вы покажете ихъ приложеніемъ къ дѣлу въ различныхъ столкновеніяхъ жизни, тогда публика увидитъ степень самостоятельности и искренности вашихъ мыслей, степень ихъ жизненности и практической примѣнимости; она увидитъ, что можно вѣрить въ выраженные вами идеи, а не жетъ-быть скажетъ вамъ спасибо за то, что вы дали ей поводъ къ тѣмъ или другимъ мысленіямъ. Есть множество истинъ и понятныхъ, которыя однако не совсѣмъ примѣнимы, даже въ теоретическомъ ракурсѣ, къ отдѣльнымъ случаямъ жизни



е въ себѣ и въ другихъ человѣческую ность», — что можетъ быть проще этого правдѣ? вѣроятно не найдется ни одного человека въ мірѣ, который рѣшился-бы спорить нтъ этой мысли, выраженной въ догматическомъ формѣ; вѣроятно никто не найдетъ этого сужденія безразличнымъ; а между тѣмъ, смотрите вокругъ себя — вы встрѣтите на каждомъ шагѣ противорѣчія этому простому закону практической нравственности; загляните въ исторію человѣчества, и вы убѣдитесь, что оно даже теоретически не уясняетъ себѣ этой идеи; религіозныя войны, утопическія теоріи, реформы съ высоты административнаго величія или отвлеченной мысли доказываютъ ясно, что необходимость уважать чужую личность не была признана во всемъ объемѣ ни мыслителями, отъ Платона до Гегеля, ни практическими дѣятелями, отъ Кира Персидскаго до Наполеона III. Можно сказать рѣшительно, что приложеніе принципа къ дѣлу гораздо важнѣе самаго принципа; однимъ знаменемъ могутъ стоять люди самыхъ несходныхъ характеровъ и даже до нѣкоторой степени разнорѣчивыхъ убѣжденій. Вѣроятно «Русскій Вѣстникъ» не рѣшится выводить на своемъ знамени цитату изъ Домостроя, вѣроятно онъ скажетъ смѣло, что радуется за прогрессъ и за свободу челоѣческой мысли и личности, а между тѣмъ онъ съ ожесточеніемъ возстаетъ противъ тѣхъ людей, которые выразили свое неудовольствіе по поводу статьи Камня-Виногорова, называетъ ихъ стаей, спущенной Михайловымъ, а всю исторію протеста клеймитъ именемъ возмутительнаго гана на площадахъ русской литературы. Споры возникаютъ въ наше время не столько за принципъ, сколько за отдѣльныя частности въ его приложеніи къ дѣлу; въ основномъ принципѣ всѣ порядочные люди болѣе или менѣе согласны между собою; кто не сходится съ нами въ основаніи, съ тѣмъ мы считаемъ всякій споръ совершенно бесполезнымъ; вѣроятно ни одинъ порядочный журналъ не вступитъ въ полемику съ «Домашней Бесѣдой» и не откликнется ни однимъ словомъ на кривлянія Асоченскаго. Изъ всего слѣдуетъ, что критика будетъ тѣмъ живѣе и плодотворнѣе для общества, чѣмъ меньше будетъ въ ней отвлеченностей и общихъ взглядовъ, чѣмъ неуклоннѣе она будетъ слѣдить за движеніемъ жизни и чѣмъ внимательнѣе будетъ обсуживать отдѣльныя явленія науки и искусства, даже отдѣльные случаи всендневной жизни.

Помилуйте, вы низводите критику на степень городской сплетницы, скажутъ съ ужасомъ тѣ литераторы, которые прежде всего гонятся за серьезностью направленія и за величіемъ и строгостью идеи. Господа, отвѣчу я, не будемъ обманывать самихъ себя: вѣдь мы должны писать для общества, слѣдовательно должны за-

ниматься тѣмъ, что всѣмъ доступно и всѣмъ можетъ принести пользу. Какой-нибудь общественный скандалъ въ данную минуту интересуетъ публику гораздо больше, нежели рѣшеніе вопроса о томъ, существуютъ-ли у насъ западники и славянофилы; по поводу этого общественнаго скандала вы можете развить нѣсколько свѣтлыхъ идей и заронить въ вашихъ читателей кое-какіе задатки развитія и движенія впередъ. Спрашивается, по какому-же побужденію вы не воспользуетесь этимъ случаемъ? Потому, скажете вы, что не желаете уронить достоинства идеи, не желаете вмѣшаться въ толпу крикуновъ и свистуновъ, etc. etc. Что за щепетильность, что за безразличность, что за фешенебельное и въ то-же время педантическое презрѣніе къ тѣмъ интересамъ, которые волнуютъ окружающихъ васъ людей! Какъ критикъ, вы должны помогать общественному самосознанію и не оставаться, сложа руки, когда общество рискуетъ ошибиться или когда является возможность высказать ему нѣсколько истинъ. Олимпийское спокойствіе можетъ быть очень умѣстно въ ученомъ собраніи, но оно никуда не годится на страницахъ журнала, служащаго молодому, еще не перебродившему обществу. Если вашъ утонченный слухъ не терпитъ рѣзкихъ звуковъ, откажитесь отъ критической дѣятельности, приводящей васъ въ соприкосновеніе съ живымъ и безалабернымъ міромъ людей; плохой тотъ медикъ, который блѣднѣетъ при видѣ крови и падаетъ въ обморокъ, когда нужно перевязывать рану больного; плохой тотъ критикъ, который не въ состояніи вынести шума житейскихъ толковъ и потому можетъ познакомиться съ жизнью только по книгамъ, написаннымъ высокимъ слогомъ и проникнутымъ олимпийскимъ спокойствіемъ. Но, извините, между медикомъ и критикомъ большая разница. Медикъ не виноватъ въ томъ, что у него слабы нервы; онъ борется съ собою и не можетъ побѣдить себя; что-же касается до щепетильнаго критика, то онъ очевидно напускаетъ на себя дурь и даже любитъ тѣмъ величавымъ презрѣніемъ, съ которымъ онъ относится къ суетящейся мелюзгѣ. «Время» говорило о литературныхъ генералахъ; помилуйте, да у насъ есть не только литературные генералы, а просто литературные богдыханы, которые сердятся за всякое громкое слово и пушатъ насъ, какъ мальчишекъ, за отсутствіе серьезности и за то, что мы смѣемъ беспокоить ихъ барскія уши и нарушать ихъ величавую полудремоту. Попробуйте написать рѣзкую критическую статью: «Отечественныя Записки» сейчасъ обвинятъ васъ въ гарцованіи, въ срамословіи и сквернословіи (Sic!), а «Русскій Вѣстникъ» крикнетъ изъ Москвы: «молчать, мальчишки, не смѣйте разсуждать, когда я говорю!».

Все это было-бы почти грустно, если-бы не было въ высшей степени смѣшно.



## VII.

Стремление къ серьезности, господство теорій, переходящихъ порою въ рутину, отвлеченность и вслѣдствіе этого безжизненность содержания и неясность внѣшней формы составляютъ неотъемлемое достояніе нашей современной критики. Она гордится этими свойствами и держитъ въ запасѣ нѣсколько казенныхъ фразъ, которыми эти слабости и недостатки возводятся въ высшія достоинства; отворачиваясь отъ явленной дѣйствительности значить служить вѣчнымъ интересамъ мысли; туманныя отвлеченности называются философіей; даже самый осязательный недостатокъ — неясность формы — не встрѣтилъ себѣ до сихъ поръ опредѣленно выраженнаго протеста въ печати. Словомъ, средневѣковая схоластика и египетская символика живутъ въ нашей періодической литературѣ, не смотря на изобрѣтеніе Гутенберга, которое, какъ мы знаемъ по самымъ элементарнымъ учебникамъ, должно было разбить замкнутость ученаго сословія и сдѣлать науку достояніемъ массы. Схоластика оправдывается условіями своего времени; египетская символика вытекла изъ религіи и поддерживалась народнымъ характеромъ, любившимъ таинственность и мистическій мракъ; но въ наше время схоластическое отчужденіе отъ жизни и символическая загадочность выраженія составляютъ печальный анахронизмъ. Попытки нѣкоторыхъ критиковъ построить эстетическую теорію и уяснить вѣчные законы изящнаго рѣшительно не удались, и не удались именно потому, что нашъ вѣкъ уже не ловится на теоріи и не повинуется слѣпо вымышленнымъ законамъ. Прошли тѣ времена, когда Буало и Батте, законодатели ложнаго классицизма, могли произвольно обрѣзывать область творчества и выбрасывать изъ нея все низкое (т. е. невысокое) и пошлое (т. е. обыденное). У насъ въ журнальной критикѣ былъ моментъ, когда теорія сразилась съ интересами жизни и употребила всѣ усилія, чтобы поворотить движеніе мысли туда, куда требовалось, согласно съ буквою эстетическаго закона; схватка, происшедшая между теоретиками и практиками, была жаркая, и, какъ того слѣдовало ожидать, теоретики не остановили теченія жизни и отошли въ сторону, пожимая плечами. Дѣло шло объ обличительной литературѣ. Надо было рѣшить, законное-ли оно явленіе, или нѣтъ. Собственно говоря, въ рѣшеніи этого вопроса никто не нуждался; публика съ наслажденіемъ читала «Губерскіе Очерки» Щедрина, нисколько не заботясь о томъ, осудить или оправдать его наша критика; но рьяные систематики, любящіе систему для системы, не могли быть спокойны, пока не нашли той категоріи, въ которую можно было включить произведенія новаго беллетриста. Эти си-

стематики возстали противъ обличительной литературы и съ фанатическимъ жаромъ встали за отвлеченное понятіе искусства. И румовъ похѣстилъ даже въ «Отчетахъ Запискахъ» 1858 года статью подъ такимъ заглавіемъ: «Порабощеніе искусства». Съ господомъ теоретикомъ такъ горячо вступилъ отвлеченное понятіе, какъ вступилъ за живого человѣка, когда ему нанесли желое оскорбленіе. Слушая ихъ, можно было думать, что не повѣсти и романы пишутся, чтобы удовлетворить творческому страсти творцовъ и доставить публикѣ эстетическое наслажденіе, а наоборотъ — писатели и публицисты: первые для того, чтобы писать, послѣдніе для того, чтобы читать художественныя произведенія. Теорія здѣсь, какъ и повсюду, посягала на свободу писателей и читателей, какъ и вездѣ, она обнаруживала новую близорукость и крайнее незнаніе. Она хотѣла передѣлать жизнь по своему чинить своимъ приговорамъ творчество писателя и вкусъ цѣнителя. Она не повалила, что протестъ былъ насущной потребностью общества въ лицѣ наиболѣе разсуждающихъ его представителей; она не захотѣла въ то, что протестъ могъ выразиться въ изящной словесности, и что на этомъ основаніи наши протестанты съ жадностью тискали за эту форму. Критика отстала отъ общества и отъ изящной словесности и объ исторіи, сама забыла приложить и свою оцѣнку къ невиданному явленію. Она говорила объ абсолютныхъ законахъ искусства и не сообразила того, что абсолютнаго нѣтъ, и что вообще понятіе искусства лежитъ въ личности цѣнителя, а не въ предметѣ. Чтò на мои глаза прекрасно, можетъ не нравиться; чтò приходилось нашимъ отцамъ, то можетъ наводить сонъ и дремоту. Негритянка, которая соотечественнику покажется воплощеніемъ красоты, навѣрное не понравится европейцу, а не мѣряется артемомъ, чтобы художественное произведеніе приводило зрителей или слушателей въ такое настроеніе, значить желать, чтобы всѣхъ этихъ господъ равномерно билъ молотъ, а сдѣлать это очень трудно; намъ изъ исторіи, что Карлъ V, во время вѣнчанія своего въ монастырѣ св. Юста, при всѣхъ усиліяхъ не успѣлъ привести къ равному ходу двухъ стѣнныхъ часовъ. Человѣкъ организмъ будетъ сложить стѣнныхъ часовъ къ тому же онъ образуется и развивается мимо нашей воли; изъ этого слѣдуетъ, что законодатели-эстетики направились добратъ до такихъ законовъ, которые на практикѣ признало-бы все искусство. Вы можете рядомъ силлогизмовъ дѣ-



что такое-то произведение художественно, если это произведение не подѣйствовало на нервную систему, то, прочитавши вашу рецензию, я останусь къ нему такъ-же холоденъ, какъ и прежде. Если, стоя передъ картиною, предварительно отдаете себѣ отчетъ въ правды рисунка, въ вѣрности выраженія и живости колорита, а уже потомъ начинаете ожидать общимъ впечатлѣніемъ, то это вызываетъ, что картина писана не художникомъ, а трудолюбивымъ и ученымъ техникомъ, что вы, цѣнитель, до такой степени пропитаны теоретическими знаніями, что научный элементъ задушилъ въ васъ живое чувство и непосредственную воспримчивость къ явленію красоты. Это значитъ, что вы заучились, и что ваши мыслительныя силы развились въ ущербъ естественнымъ отправлениямъ вашего организма. Обыкновенные люди, идемъ обратнымъ путемъ, отъ синтеза къ анализу, т.-е. сначала чувствуемъ впечатлѣніе, а потомъ отдаемъ себѣ отчетъ въ причинахъ этого впечатлѣнія. Если не почувствовалъ красоты, то не стану спрашиваться съ мнѣніемъ знатоковъ, а подожду, пока большее количество жизненнаго опыта не дастъ мнѣ средствъ самостоятельно насладиться даннымъ произведеніемъ, или пока тотъ-же жизненный опытъ не покажетъ мнѣ, что я былъ глупъ передъ собственной личностью, пройдя совершенно равнодушно мимо этого произведенія.

Личное впечатлѣніе, и только личное впечатлѣніе можетъ быть мѣриломъ красоты. Пусть каждый критикъ передаетъ намъ только то, какъ ему подѣйствовало то или другое поэтическое произведение; пусть онъ дастъ публикѣ отчетъ въ своемъ личномъ впечатлѣніи, и тогда каждая критическая статья будетъ такъ-же искренна и жива, какъ лирическое стихотвореніе истиннаго поэта; тогда рецензія будетъ издаваться, вытекать изъ души критика, а не строиться механически, какъ строится она теперь. Тогда критика будетъ дѣломъ таланта, бездарность не будетъ въ состояніи укрыться за чужую теорію, превратно понятую и превратно передаваемую. Это конечно *pia desiderata*. Бездарность никогда не откажется отъ критической дѣятельности уже потому, что не знаетъ себя бездарностью. Бездарность никогда не откажется отъ теоріи, потому что ей необходимъ критеріумъ, на которомъ можно было-бы строить свои приговоры, необходима надежная стѣна, къ которой можно было-бы прислониться. Вѣдь высказывается-же въ нашей журналистикѣ мнѣніе о томъ, что литература наша *страдаетъ* отсутствіемъ авторитетовъ («Отчетъ. Зап.», 1861, февраль, «Рус. инт.», стр. 76), точно будто вѣра въ авторитетъ или въ теорію составляетъ необходимое словіе жизни. Если такое мнѣніе до сихъ поръ

высказывается даже въ догматической формѣ, то очевидно, оно будетъ жить очень долго, можетъ-быть даже никогда не умретъ, потому что вѣроятно не переведутся въ обществѣ такіе люди, которые по вялости и робости мысли не рѣшаются стать на свои ноги и постоянно напрашиваются къ кому-нибудь подъ умственную опеку. Тѣмъ не менѣе было-бы очень хорошо, еслибы вѣра въ необходимость теоріи была подорвана въ массѣ читающаго общества. Строго проведенная теорія непременно ведетъ къ стѣсненію личности, а вѣрить въ необходимость стѣсненія значитъ смотрѣть на весь міръ глазами аскета и истязать самого себя изъ любви къ искусству.

Въ вопросѣ объ обличительной литературѣ теорія эстетики показала всю свою несостоятельность. Дѣло было такъ просто, что возвести его въ теоретическій вопросъ и толковать о немъ больше трехъ лѣтъ могли только Метафизикъ Хемницера, да наша заучившаяся критика. Дѣло состояло въ томъ, что въ журналахъ рядомъ съ нѣкоторыми замѣчательными очерками Щедрина стали появляться посредственные рассказы и сцены съ обличительными стремленьями и съ худо скрытой правоучительной цѣлью. Посредственные беллетристическія произведенія ни въ какой литературѣ не составляютъ рѣдкости, а у насъ ими хоть прудъ пруди; каждый журналъ ежемѣсячно вноситъ на алтарь отечества свою посильную лепту, втеченіи года возникаетъ отъ 60 до 80 повѣстей, и конечно въ этомъ числѣ по крайней мѣрѣ <sup>10</sup> никуда не годятся. Литературныя посредственности обладаютъ обыкновенно значительной гибкостью, потому что онѣ дѣлаютъ, а не творятъ свои произведенія. Увидя успѣхъ щедринскихъ рассказовъ, эти господа пустились въ подражаніе, и можно сказать положительно, что они хорошо сдѣлали. Ихъ повѣсти не могли имѣть художественнаго значенія ни въ какомъ случаѣ; когда они взялись за обличеніе, ихъ очерки получили житейскій интерес. Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи «Поэтъ и чернь» спрашиваетъ:

Жрецы-ль у васъ метлу берутъ?

и, какъ извѣстно, выражаетъ ту мысль, что поэты созданы для пѣснопѣній, для звуковъ сладкихъ и молитвъ. Я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ Пушкина, но позволю себѣ одинъ нескромный вопросъ: неужели можно назвать жрецами искусства Колбасина, Карновича, С. Оедорова, Основскаго, Вахновскую, Нарскую, Кугушеву etc. etc? Мнѣ кажется, эти господа могутъ смѣло взять метлу въ руки, нисколько не роняя своего достоинства. Красота формы имъ недоступна; пускай-же они рассказываютъ интересные житейскіе случаи, это будетъ гораздо занимательнѣе для читателя, чѣмъ тѣ sentimentalno блѣдные романы, которые про-



изводить г-жи Нарская и Вахновская. Но наша критика увидела въ наплывѣ обличительныхъ очерковъ новое направленіе, опасное для искусства, точно будто сфера искусства доступна для людей безъ дарованія и точно будто истинное дарованіе можетъ сбиться съ пути какимъ-нибудь господствующимъ направленіемъ. Явились также защитники обличительной литературы, доказывавшіе, что гражданскій протестъ есть прямая обязанность искусства. Спорящія стороны были достойны другъ друга и одинаково смѣшны для безпристрастнаго наблюдателя. Я-бы имъ посоветовалъ проѣхать мимо академіи художествъ, прочесть на фронтоны надписи «свободнымъ художествамъ» и подумать о смыслѣ этихъ словъ. Спорящія стороны вспомнили-бы можетъ-быть, что свобода въ выборѣ и обработкѣ сюжета такъ-же необходима для художника, какъ для насъ съ вами воздухъ и пища; что ни наталкивать художника на какую-нибудь задачу, ни насильно отталкивать его отъ нея нельзя; они поняли-бы тогда можетъ-быть, что искренній крикъ негодованія, вырвавшійся у художника при видѣ общественныхъ гадостей, составляетъ такой-же драгоценный моментъ его творческой дѣятельности, какъ спокойное созерцаніе прекраснаго образа; другая сторона поняла-бы, что этотъ крикъ негодованія только тогда дѣйствительно силенъ, когда онъ не поддѣланъ, а вырывается неволью изъ груди дѣйствительно раздраженнаго человѣка; она поняла-бы слѣдовательно, что сердиться на художника за отсутствіе подобныхъ криковъ — значитъ посягать на его личную свободу и заставлять человѣка плакать или смѣяться, когда ему не грустно или не смѣшно. Что-же касается до обличительнаго мусора, заваливаша наши журналы 1857 и 1858 годовъ, то обѣ стороны хорошо-бы сдѣлали, если бы совершенно не спорили о немъ. Мусоръ—явленіе неизбежное, и никакое направленіе литературы его не уничтожить; если-же выбирать изъ двухъ золъ лучшее, то конечно можно выбрать обличительный родъ, который хоть не изображаетъ жизни, но по крайней мѣрѣ рассказываетъ о ней. Замѣчательно, что до сихъ поръ состязаніе двухъ направленій нашей критики не прекратилось или не забыто. Г—бовъ до вашихъ временъ въ началѣ каждой статьи прохаживается насчетъ эстетической критики, а Григорьевъ оплакиваетъ паденіе истинной поэзіи, видитъ въ Тургеневѣ послѣдняго Могикана чистаго искусства и даже въ послѣдней, очень туманной статьѣ своей «Объ идеализмѣ и реализмѣ» («Свѣточъ», 1861, апрѣль) является робкимъ ходатаемъ идеализма, который, по его мнѣнію, воплотился въ Тургеневѣ. Обѣ стороны, т. е. критики, старающіеся запретъ поэзію въ возъ, и критики, стремящіеся къ безпредѣльности и къ вѣчной красотѣ, спорять между собою, дѣлають другъ

на друга колкіе намеки, обижаются и на чаютъ на нихъ упреками,—и хоть-бы разъ на досугъ они подумали: «итъ что хлопочемъ? Кого интересуютъ наши споры? Зачѣмъ и на что мы тратимъ жизнь? На кого наши слова будутъ имѣть вѣдѣніе? Да, господа, Крыловъ не умретъ и его «Муха и дорожные» не разъ найдутъ себѣ применение.

## VIII.

Наше время рѣшительно не благопріятно развитію теорій. Народъ хитрѣе сталъ, и не выражаются наши мужики, и ни на какую теорію не ловится. Умъ нашъ требуетъ фактовъ, а казательствъ; фраза насъ не отуманиваетъ, а самомъ блестящемъ и стройномъ созданіи тезиса мы подмѣтимъ слабость основанія и произвольность выводовъ. Фанатическое увлеченіе идеями и принципомъ вообще, сколько ни жалется, не въ характерѣ русскаго народа. Прямой смыслъ и значительная доля здраваго скептицизма составляютъ, мнѣ кажется, самое замѣтное свойство чисто русскаго ума, мы болѣе склоняемся къ Гамлету, чѣмъ къ Донъ-Кихоту, намъ мало понятны энтузіазмы, мистицизмъ страстнаго адепта. На этомъ основаніи мнѣ кажется, что ни одна философія въ мірѣ не привьется къ русскому уму такъ прочно и такъ легко, какъ современный здравый и свѣжій матеріализмъ. Діалектика, фразерство, споры на словахъ и изъ-за словъ совершенно чужды этому простому ученію. До фразы мы конечно большіе охотники, но насъ въ этомъ случаѣ занимаетъ процессъ фразерства, а не сущность той мысли, которая составляетъ предметъ разсужденія или спора. Русскіе люди способны спорить о какой-нибудь высокой теоріи битыхъ шесть часовъ и потомъ, когда пересохнетъ горло и охрипнетъ голосъ, отвести къ предмету спора съ самой добродушной улыбкой, которая покажетъ ясно, что въ сущности горячившемуся господину было очень мало дѣла до того, о чемъ онъ кричалъ. Эта черта нашего характера привела-бы въ отчаяніе добросовѣстнаго нѣмца, а въ сущности это пресимпатичная черта. Фанатизмъ подѣ-часъ бываетъ теоріей, какъ историческій двигатель, но въ повседневной жизни онъ можетъ повести къ значительнымъ неудобствамъ. Хорошая доза скептицизма всегда вѣрнѣе пронесетъ васъ между разными подводными камнями жизни и литературы. Эгоистическія убѣжденія, положенныя на подкладку мягкой и добродушной натуры, сдѣлають васъ счастливымъ человѣкомъ, но тяжелымъ для другихъ и пріятнымъ для самого себя. Жизненные передѣлки достанутся легко; разочарованіе будетъ невозможно, потому что не будетъ очарованія: паденія будутъ легкія, потому что вы не будете взбираться на



достигаемую высоту идеала; жизнь будетъ не утомъ, а наслажденіемъ, занимательной книжкой, въ которой каждая страница отличается предыдущей и представляетъ свой оригинальный интересъ. Не стѣсня другихъ непроницаемыми заботами, вы сами не будете требовать отъ нихъ ни подвиговъ, ни жертвъ; будете давать имъ то, къ чему влечетъ живое чувство, и съ благодарностью или, лучше, съ добрымъ чувствомъ будете принимать то, что они добровольно будутъ вамъ вносить. Еслибы всѣ въ строгомъ смыслѣ эгоистами по убѣжденіямъ, т. е. заботились только о себѣ, и повиновались-бы одному теченію чувства, не создавая себѣ искусственныхъ понятій идеала и долга и не вмѣшиваясь чужія дѣла, то право тогда привольнѣе было бы жить на бѣломъ свѣтѣ, нежели теперь, когда о васъ заботятся чуть не съ колѣни сотни людей, которыхъ вы почти не знаете, которые васъ знаютъ не какъ личность, а какъ единицу, какъ члена извѣстнаго общества, какъ недѣлимое, носящее то или другое фамильное прозвище.

Возможность такого порядка вещей представляетъ конечно неосуществимую мечту, но почему-же не отнестись добродушно къ мечтѣ, которая не ведетъ за собою вредныхъ послѣдствій и не переходитъ въ мономанію. Миръ мечты можетъ тоже сдѣлаться обильнымъ источникомъ наслажденія, но этимъ источникомъ задо воспользоваться съ крайней осторожностью. Самый крайній матеріалистъ не отвергнетъ возможности наслаждаться игрою своей фантазіи или слѣдить за игрою фантазіи другого человѣка. Въ первомъ случаѣ на первомъ процессѣ основанъ процессъ поэтическаго творчества; на второмъ — процессъ чтенія поэтическихъ произведеній. Но съ другой стороны самый необузданный идеализмъ происходилъ именно отъ того, что элементъ фантазіи получалъ слишкомъ много простора и разыгрывался въ чужой области, въ области мысли, въ сферѣ научнаго изслѣдованія. Пока я сознаю, что вызванные мною образы принадлежатъ только моему воображенію, до тѣхъ поръ я тѣшусь ими, я властвую надъ ними и воленъ избавиться отъ нихъ, когда захочу. Но какъ только яркость вызванныхъ образовъ ослѣпила меня, какъ только я забылъ свою власть надъ ними, такъ эта власть и пропала; образы переходятъ въ призраки и живутъ помимо моей воли, живутъ своей жизнью, какъ кошмаръ, оказываютъ на меня вліяніе, господствуютъ надо мною, внушаютъ мнѣ страхъ, приводятъ меня въ напряженное состояніе. Такъ напр., пелазгъ создавалъ свою первобытную религію и падалъ во прахъ передъ созданіемъ собственной мысли. Галлюцинація его была ослѣпительно ярка; критика была слишкомъ слаба,

чтобы разрушить мечту; борьба между призракомъ и человѣкомъ была не ровная, и человѣкъ склонялъ голову и чувствовалъ себя подавленнымъ, пригнутымъ къ землѣ...

Шутить съ мечтой опасно; разбитая мечта можетъ составить несчастье жизни; гоняясь за мечтою, можно прозвѣвать жизнь или въ порывѣ безумнаго воодушевленія принести ее въ жертву. У такъ называемыхъ положительныхъ людей мечта принимаетъ формы болѣе солидныя и превращается въ условный идеалъ, наслѣдованный отъ предковъ и носящійся передъ цѣлымъ сословіемъ или классомъ людей. Идеалъ человѣка *comme il faut*, человѣка дѣльнаго, хорошаго семьянина, хорошаго чиновника — все это мечты, которымъ многое приносится въ жертву. Эти мечты болѣе или менѣе отравляютъ жизнь и мѣшаютъ беззабѣтному наслажденію. Да какъ-же жить, спросите вы, неужели безъ цѣли? Цѣль жизни! Какое громкое слово, и какъ часто оно оглушаетъ и вводитъ въ заблужденіе, отуманивая слишкомъ довѣрчиваго слушателя. Посмотримъ на него поближе. Если вы поставите себѣ цѣлью такую дѣятельность, къ которой стремится ваша природа, то вы дадите себѣ только лишній трудъ; вы-бы сами пошли по тому пути, на который навело васъ размысленіе; непосредственный инстинктъ натолкнуетъ-бы васъ на прямую дорогу, и натолкнуетъ-бы можетъ-быть скорѣе и вѣрнѣе, нежели навелъ тщательный анализъ; если-же, Боже упаси, вы поставите себѣ цѣль, несо-виѣстную съ вашими наклонностями, тогда вы себѣ испортите жизнь; вы потратите всю энергію на борьбу съ собой; если не побѣдите себя, то останетесь недовольны; если побѣдите себя, то вы сдѣлаетесь автоматомъ, чисто-разсудочнымъ, сухимъ и вялымъ человѣкомъ. Старайтесь жить полной жизнью, не дрессируйте, не ломайте себя, не давите оригинальности и самобытности въ угоду заведенному порядку и вкусу толпы — и, живя такимъ образомъ, не спрашивайте о цѣли; цѣль сама найдетъся, и жизнь рѣшитъ вопросы прежде, нежели вы ихъ предложите.

Васъ затрудняетъ можетъ-быть одинъ вопросъ: какъ согласить эти эгоистическія начала съ любовью къ человѣчеству? Объ этомъ нечего заботиться. Человѣкъ отъ природы — существо очень доброе, и если не окислять его противорѣчіями и дрессировкой, если не требовать отъ него неестественныхъ нравственныхъ фокусовъ, то въ немъ естественно разовьются самыя любовныя чувства къ окружающимъ людямъ, и онъ будетъ помогать имъ въ бѣдѣ ради собственного удовольствія, а не изъ сознанія долга, т. е. по доброй волѣ, а не по нравственному принужденію. Вы подумаете можетъ-быть, что я указываю вамъ на *état de la nature*, и обратите мое вниманіе на то, что дикари, живущіе въ



первобытной простоты нравовъ, далеко не отличаются добродушіемъ и доводятъ эгоизмъ до полнѣйшей животности. На это я отвѣчу, что дикари живутъ при такихъ условіяхъ, которыя иѣшаютъ свободному развитію характера; во-первыхъ, они подчинены вліянію вѣшной природы, между тѣмъ какъ мы успѣли уже отъ него избавиться; во-вторыхъ, они вѣрятъ въ гдѣ призраки, о которыхъ я говорилъ выше; въ-третьихъ, они болѣе или менѣе стремятся къ условному идеалу, и идеалу у нихъ одинъ, потому что вся дѣятельность ограничивается охотой и войной; присутствіе этого идеала оказываетъ самое стѣснительное вліяніе на живыя силы личности. Изъ всего этого слѣдуетъ заключеніе, что развитіе недѣлимаго можно сдѣлать независимымъ отъ вѣшнихъ стѣсненій только на высокой степени общественнаго развитія; эмансипація личности и уваженіе къ ея самостоятельности является послѣднимъ продуктомъ позднѣйшей цивилизаціи. Дальше этой цѣли мы еще ничего не видимъ въ процессѣ историческаго развитія, и эта цѣль еще такъ далека, что говорить о ней значить почти мечтать. Набросанныя мною мысли, вылившіяся изъ глубины души, составляютъ основу цѣлаго міросозерцанія; вывести всѣ послѣдствія этихъ идей не трудно, и я надѣюсь, что читатель, если захочетъ, будетъ въ состояніи по начертанному плану возсоздать въ воображеніи все зданіе. Къ сожалѣнію наша критика не высказала до сихъ поръ этихъ идей и оторсилась къ эгоизму, какъ къ пороку, а въ фокусахъ и подвигахъ самопожертвованія видѣла высокую добродѣтель. До сихъ поръ, касаясь философіи жизни, она считаетъ идеалъ совершенной необходимостью и въ стремленіи къ идеалу, въ сознаніи долга видитъ самую живую сторону человѣческой личности и дѣятельности. Стремленіе къ наслажденію она называетъ свойствомъ чисто животнымъ, но допускаетъ однако, что изъ этого-же источника можетъ развиваться благородное и высокое стремленіе къ самосовершенствованію. Система глубоко вкоренилась въ нашу нравственную философію и хозяйничаетъ въ области человѣческихъ мыслей и чувствъ, не обращая никакого вниманія на самого хозяина. Теоретикамъ нѣтъ дѣла до того, что есть въ наличности; они говорятъ: такъ должно быть, поворачиваютъ все вверхъ дномъ и утѣшаются тѣмъ, что внесли симметрію и систему въ живой міръ явленій. Кто хоть по наслышкѣ знакомъ съ философіей исторіи Гегеля, тотъ знаетъ, до какихъ поразительныхъ крайностей можно довести даже очень умиаго человѣка манія вслѣдствіе соваться съ законами и всюду вносить симметрію. Если вы читали въ «Отечественныхъ Запискахъ» прошлаго года прекрасную статью Вагнера: «Природа и Милль-Эдвардсъ», то вы могли

убѣдиться въ томъ, что въ сферѣ естественныхъ наукъ рьяное систематизированіе ведетъ къ разительнымъ и осязательнымъ негѣностямъ. Внесенная въ область человѣческой правды, система не ведетъ къ такимъ явнымъ негѣностямъ только потому, что мы привыкли смотрѣть на вещи ея глазами; мы живемъ и развиваемся подъ вліяніемъ искусственной системы нравственности; эта система давитъ на насъ, какъ колыбели, и потому мы совершенно привыкаемъ къ этому давленію; мы раздѣляемъ эту гнетъ системы со всѣмъ образованнымъ міромъ и потому, не видя предѣловъ своей клятвы, считаемъ себя нравственно свободными.

Но, оставаясь для насъ незамѣтными, умственное и нравственное рабство медленно, аدمъ отравляетъ нашу жизнь; мы умственно раздваиваемъ свое существо, наблюдаемъ въ себѣ, какъ за опаснымъ врагомъ, хитрость, хитрость передъ собою и ловимъ себя въ хитрости, беремъ съ собою, побуждаемъ себя, находимъ въ себѣ животныя инстинкты и ополчаемся на нихъ силою мысли; вся эта глупая комедія кончается тѣмъ, что передъ смертію мы, подобно римскому императору Августу, можемъ спросить у окружающихъ людей: «хорошо ли я сыгралъ свою роль?» Нечего сказать! Пріятное и достойное препровожденіе времени! Помните! вспомните слова Нестора: «никто-же изъ насъ не биша, сами ся мучиху».

## IX.

Матеріализмъ сражается только противъ теорій; въ практической жизни мы всѣ материалисты и всѣ идемъ въ разладъ съ нашими теоріями; вся разница между идеалистомъ и материалистомъ въ практической жизни заключается въ томъ, что первому идеалъ служитъ вѣчнымъ упрекомъ и постояннымъ комаромъ, а послѣдній чувствуетъ себя свободнымъ и правымъ, когда никому не дѣлаетъ фактическаго зла. Предположимъ, что вы въ теоріи крайній идеалистъ, вы садитесь за письменный столъ и ищете начатую вами работу; вы осматриваетесь кругомъ, шарите по разнымъ угламъ, и если ваша тетрадь или книга не попадетъ вамъ на глаза или подъ руки, то вы заключаете, что ея нѣтъ, и отправляетесь искать въ другое мѣсто, хотя-бы ваше сознаніе говорило вамъ, что вы положили ее именно на письменный столъ. Если вы берете въ ротъ глотокъ чаю и онъ оказывается безъ сахару, то вы сейчасъ-же исправите вашу оплошность, хотя-бы вы были твердо убѣждены въ томъ, что сдѣлали дѣло какъ слѣдуетъ и положили столько сахару, сколько кладете обыкновенно. Вы видите такихъ образомъ, что самое твердое убѣжденіе разрушается при столкновеніи съ очевидностью, и что свидѣтельству вашихъ чувствъ вы невольно придаете гораздо больше значенія, нежели со-



ображеніямъ вашего разсудка. Проведите это зачало во всѣ сферы мышленія, начиная отъ низшихъ до высшихъ, и вы получите полнѣйшій матеріализмъ: я знаю только то, что вижу или вообще въ чемъ могу убѣдиться свидѣтельствомъ моихъ чувствъ. Я самъ могу поѣхать въ Африку и увидеть ея природу и потому принимаю на вѣру рассказы путешественниковъ о тропической растительности; я самъ могу провѣрить трудъ историка, сличивши его съ подлинными документами, и потому допускаю результаты его изслѣдованій; поэтъ не даетъ мнѣ никакихъ средствъ убѣдиться въ вещественности выведенныхъ имъ фигуръ и положеній, и потому я говорю смѣло, что они не существуютъ, хотя и могли-бы существовать. Когда я вижу предметъ, то не нуждаюсь въ діалектическихъ доказательствахъ его существованія: *очевидность есть лучшее ручательство дѣйствительности*. Когда мнѣ говорить о предметѣ, котораго я не вижу и не могу никогда увидеть или ощупать чувствами, то я говорю и думаю, что онъ для меня не существуетъ. *Невозможность очевиднаго проявленія исключаетъ дѣйствительность существованія*.

Вотъ каноника матеріализма, и философы всѣхъ временъ и народовъ сберегли-бы много труда и времени и во многихъ случаяхъ избавили-бы своихъ усердныхъ почитателей отъ безплодныхъ усилій понять несуществующее, если-бы не выходили въ своихъ изслѣдованіяхъ изъ круга предметовъ, доступныхъ непосредственному наблюденію.

Въ исторіи человѣчества было нѣсколько свѣтлыхъ головъ, указывавшихъ на границы познания, но мечтательныя стремленія въ несуществующую безпредѣльность обыкновенно одерживали верхъ надъ холодной критикой скептического ума и вели къ новымъ надеждамъ и къ новымъ разочарованіямъ и заблужденіямъ. За греческими атомистами слѣдовали Сократъ и Платонъ; рядомъ съ эпикуреизмомъ жилъ новоплатонизмъ; за Бекономъ и Локкомъ, за энциклопедистами XVIII вѣка послѣдовали Фихте и Гегель; легко можетъ быть, что послѣ Фейербаха, Фохта и Мошоты возникнетъ опять какая нибудь система идеализма, которая на мгновеніе удовлетворитъ массу больше, нежели можетъ удовлетворить ее трезвое міросозерцаніе матеріалистовъ. Но что касается до настоящей минуты, то нѣтъ сомнѣнія, что одолеваетъ матеріализмъ; всѣ научныя изслѣдованія основаны на наблюденіи, и логическое развитіе основной идеи, развитіе, не опирающееся на факты, встрѣчаетъ себѣ упорное недовѣріе въ ученомъ мірѣ. Не послѣдовательности выводовъ требуемъ мы теперь, а дѣйствительной вѣрности, строгой точности, отсутствія личнаго произвола въ группировкѣ и выборѣ фактовъ. Естественныя науки и исторія, опирающаяся

на тщательную критику источниковъ, рѣшительно вытѣсняють умозрительную философію; мы хотимъ знать, что есть, а не догадываться о томъ, что можетъ быть. Германія—отечество умозрительной философіи, классическая страна новѣйшаго идеализма,—породила поколѣніе современныхъ эмпириковъ и выдвинула впередъ цѣлую школу мыслителей, подобныхъ Фейербаху и Мошоту. Филологія стала сближаться въ своихъ выводахъ съ естественными науками и избавляется мало по малу отъ мистическаго взгляда на человѣка вообще и на языкъ въ особенности. Извѣстный молодой ученый Штейнталь, комментировавшій Вильгельма Гумбольдта въ замѣчательной брошюрѣ «Языкознаніе В. Гумбольдта и философія Гегеля», откровенно сознается въ томъ, что умозрительная философія сама по себѣ существовать не можетъ; что она должна слиться съ опытомъ и изъ него черпать всѣ свои силы; онъ понимаетъ философію только какъ осмысленіе всякаго знанія и внѣ области видимыхъ, единичныхъ явленій не видитъ возможности знанія и мышленія.

Не забудьте, что это голосъ изъ противоположнаго лагеря, голосъ со стороны гуманистовъ, —людей, не привыкшихъ обращаться съ микроскопомъ и съ анатомическимъ ножомъ и по самому роду своихъ занятій расположенныхъ искать высшихъ причинъ и двигательныхъ силъ; если эти люди сходятся въ своихъ идеяхъ съ натуралистами, то это доказываетъ, что доводы послѣднихъ дѣйствительно имѣютъ за себя неотразимую силу истины. Признаніе Штейнтала далеко не представляется намъ единичнымъ фактомъ, исключеніемъ изъ общаго правила. Вотъ напр. что говоритъ Гаймъ въ своемъ предисловіи къ лекціямъ о философіи Гегеля («Гегель и его время»): «Есть душа, которая никакъ не въ состояніи обойтись безъ такъ называемыхъ Векономъ *idola theatri* и потому постоянно будутъ страшиться скачка черезъ широкій ровъ, отдѣляющій метафизическое отъ чисто исторически человѣческаго. Къ числу такихъ людей принадлежатъ тѣ, которые точку опоры ищутъ не въ самихъ себѣ, но надъ собой и внѣ себя». Далѣе: «Господствующее въ наше время удаленіе отъ занятій философіей и все болѣе и болѣе возрастающая самостоятельность исторической науки и естествовѣдѣнія должны пользоваться, какъ всякій согласится, по крайней мѣрѣ тѣми-же правами, какъ и всякій другой фактъ».

Изъ этихъ словъ Штейнтала и Гайма можно, кажется, вывести заключеніе, что умозрительная философія упала въ общественномъ мѣнѣніи ученаго міра, и что паденіе это признано даже тѣми людьми, которые *ex officio*, какъ ученики Гегеля и люди, занимающіеся философіей, должны были отстаивать ея права на существованіе. Посмотримъ теперь въ бѣгломъ очер-



кѣ, какъ отнеслась къ этимъ современнымъ явленіямъ и вопросамъ наша критика и ученая литература.

## X.

Прилично писать о философiи для насъ дѣло новое; семинарская философiя существуетъ уже давно, но она къ счастью не находитъ себѣ читателей и цѣнителей внѣ предѣловъ известной касты. Мертвая доктрина Новицкаго и составителя «Философскаго лексикона» ни для кого не можетъ быть опасна. Она не отъ міра сего, и міръ ея не пойметъ. Эти дряхлыя явленія могутъ быть смѣло пропущены критикой и оставлены безъ всякаго вниманія публикой. Можно сказать, что Антоновичъ въ своей рецензiи «Философскаго лексикона» («Современникъ» 1861 г., февраль) сражается съ вѣтринными мельницами; было-бы гораздо проще предложить читателямъ двѣ-три выписки изъ этого произведенія; читатели сразу поняли-бы въ чемъ дѣло, и вѣроятно потеряли-бы всякое желаніе платить деньги за «Философскій лексиконъ» такого сорта; бороться съ идеями «Философскаго лексикона» недостойно развитого человека, да и просто не стоитъ, потому что эти идеи ни для кого не опасны уже по той допотопной формѣ, въ которую онѣ облечены; нужно было просто предохранить публику отъ бесполезныхъ расходовъ, а эта цѣль могла быть достигнута съ гораздо меньшей тратой труда и времени. Вообще сочувствуя свѣжему и здоровому направленію мысли, высказавшемуся въ статьѣ Антоновича, я позволю себѣ выразить сожалѣніе о томъ, что эти свѣжія силы потрачены на опроверженіе чепухи, которая никого даже не вводитъ въ соблазнъ, которую навѣрное не возьметъ въ руки ни одинъ читатель «Современника».

Въ послѣдніе четыре года у насъ стали появляться статьи философскаго содержанія, до нѣкоторой степени доступныя читающей публикѣ; въ нихъ толкуютъ правда объ общихъ идеяхъ, въ нихъ есть много туманныхъ мѣстъ и безплодной діалектики, но по крайней мѣрѣ онѣ не прикидываютъ небесный громъ на головы не соглашавшіяся съ ними мыслителей, и спорить съ ними утѣреннымъ тономъ, не употребляя старославянскихъ выраженій, не приходя въ священныя ужасы и не обнаруживая благочестиваго негодованія. Статьи Лаврова о гегелизмѣ, о значающей теорiи міра, о современныхъ германскихъ текстахъ и др. обнаружали въ авторѣ обширную начитанность и основательное знакомство съ вѣдѣной исторiей философскихъ системъ. Эти два качества, рѣдкая въ нашихъ людяхъ нашего времени, доставили Лаврову журнальную известность. Добравшись до слабой стороны Лаврова наша критика не могла, потому

что ей самой крѣпко приходится по цѣлѣ определенности выводовъ и діалектической кисти. Между тѣмъ слабая сторона автора заключалась именно въ отсутствіи объективности, въ отсутствіи определенныхъ цѣльныхъ философскихъ убѣжденій. Эта сторона могла укрыться отъ глазъ читателей тогда, когда Лавровъ писалъ исторію очерки по философiи и занимался излаганіемъ чужихъ системъ; въ подобномъ трудѣ не дѣленность личныхъ убѣжденій автора и прослыть за историческое безпристрастіе объективность и обратиться въ положительное достоинство въ глазахъ читателей. Но въ нѣшнемъ году въ январьской книжкѣ «Зап.» напечатаны три публичные лекціи Лаврова подъ общимъ заглавіемъ: «Три слова о современномъ значеніи философiи». За заглавіе должно было податься надежда, что Лавровъ выскажетъ свои понятія о философiи и открыто прижметъ къ одной изъ двухъ партій, составляющихъ великій разрывъ въ современномъ философскомъ мірѣ, т. е. заявить невозможность умозрительной философiи, или станетъ отстаивать ея правое существованіе. Заглавія каждой отдѣльной лекціи подавали еще болѣе заманчивыя надежды; въ нихъ Лавровъ обѣщалъ объяснить такое философiю въ знаніи, что такое философiя въ искусствѣ и что такое философiя жизни. Читающее общество было вправе дать отъ этихъ бѣсѣдъ, что онѣ укажутъ современное движеніе философскихъ наукъ, что онѣ выдвинутъ впередъ цѣлое міросозрѣніе, выработанное или по крайней мѣрѣ работанное самодѣтельными умами современнаго русскаго человѣка. Судя по лучшимъ работамъ Лаврова, общество заключило, что у него въ распоряженіи много матеріаловъ, и что въ его рукахъ оно получитъ въ популярной формѣ вѣнныя результаты его долговременнаго и добросовѣстнаго занятія.

Вышло совсѣтъ не то. Бѣсѣды не по современнаго значенія философiи, совершенно обходили вопросы, поднятые въ этой области вѣдѣной школой мыслителей, и не представляли никакого определенного міросозрѣванія; Лавровъ съ особеннымъ стараніемъ скрывалъ личность такъ, что мы до нея рѣшительно не доберемся. Не рѣшился высказать ни одного своего и определенного сужденія, Лавровъ не ходитъ изъ общихъ мѣстъ элементарной логики, психологіи и эстетики, которую превращаетъ въ гимназію подъ названіемъ теорiи словесности. Мысли вытекаютъ одна изъ другой; между ними есть связь, есть логическая послѣдовательность, но для чего онѣ текутъ, что вытекаютъ и къ чему они наконецъ должны идти—это остается совершенно неизвѣстнымъ.



а что же такое наконецъ философія? Неужели это медицинская гимнастика мысли, шевеление «мозгами», какъ говоритъ купецъ у Стрельского, которое начинается по нашей прихоти и прекращается по нашему благоусмотрѣнію, не приведя ни къ чему, не рѣшивъ ни одного вопроса, не разбивъ ни одного заблужденія, не заронивъ въ голову живой идеи, не воззавшись въ груди усиленнымъ біеніемъ сердца. Да полно, философія-ли это?... Такъ извѣтъ-же не философія двигала массы, развѣ она разбивала дряхлые кумиры и расшатывала устарѣлыя формы гражданской и общественной жизни? А XVIII вѣкъ? А энциклопедисты?... Нѣтъ, воля ваша, то, что Лавровъ называетъ философіей, то отрѣшено отъ почвы, пены и плоти и крови, доведено до игры словъ—это схоластика, праздная игра ума, въ которую можно играть съ одинаковымъ успѣхомъ въ Англіи и въ Алжирѣ, въ Небесной имперіи и въ современной Италіи. Гдѣ же современное значеніе подобной философіи? Гдѣ оправданіе въ дѣйствительности? Гдѣ ея права на существованіе?—Лавровъ предлагаетъ вопросъ, что такое я? бьется надъ этимъ вопросомъ въ продолженіи цѣлой страницы и кончаетъ тѣмъ, что находитъ вопросъ о нашемъ научно неразрѣшимымъ. Зачѣмъ-же было его поднимать? Какая естественная, жизненная потребность влечетъ къ разрѣшенію вопроса: что такое я? Къ какимъ результатамъ въ области мысли, частной или гражданской жизни можетъ привести рѣшеніе этого вопроса? Искать разрѣшенія подобнаго вопроса все равно, что искать квадратуры круга. Философскій камень, извѣстный эликсиръ и *perpetuum mobile*—резвычайно полезныя вещи въ сравненіи съ гимнастическими фокусами мысли. Этихъ вещей никто не добудетъ, но по крайней мѣрѣ кто стремится къ нимъ, тотъ стремится къ осязательнымъ благамъ и идетъ къ нимъ путемъ опыта, такъ что можетъ на этомъ пути сдѣлать случайно какое-нибудь неожиданное и полезное открытіе. Самый вопросъ о томъ, что такое я? попытки Лаврова освѣтить этотъ вопросъ съ разныхъ сторонъ останутся непонятными для человѣка, одареннаго простымъ здравымъ смысломъ и непосвященнаго въ мистеріи философскихъ школъ; это обстоятельство, какъ мнѣ кажется, служить самымъ разительнымъ доказательствомъ незаконности или, вѣрнѣе, полнѣйшей бесполезности подобныхъ умственныхъ упражненій. Отгонять непросвѣщенную чернь (*gofanum vulgus*) отъ храма науки—не въ хѣ нашей эпохи; это негуманно да и опасно: Лавровъ этого конечно не желаетъ, потому что мы открываемъ *публичная лекція*; если-же нѣ вообще, а не одни избранные должны и должны учиться и размышлять, то не мѣша- бы выкинуть вонъ изъ науки то, что пони-

мается немногими и не можетъ никогда сдѣлаться общедоступнымъ. Вѣдь странно было бы называть гениальнѣйшимъ произведеніемъ Гёте вторую часть «Фауста», которую никто не понимаетъ; точно также странно назвать міровою истинною или міровымъ вопросомъ такую идею или такой вопросъ, которые смутно понимаютъ незначительное меньшинство односторонне развитыхъ людей. А какъ-же не назвать одностороннимъ и уродливымъ развитіе такихъ умовъ, которые на всю жизнь погружаются въ отвлеченность, вращаются формы, лишеныя содержанія, и умышленно отворачиваются отъ привлекательной пестроты живыхъ явленій, отъ практической дѣятельности другихъ людей, отъ интересовъ своей страны, отъ радостей и страданій окружающаго міра? Дѣятельность этихъ людей указываетъ просто на какую-то несоразмѣрность въ развитіи отдѣльных частей организма; въ головѣ сосредоточивается вся жизненная сила, и движеніе въ мозгу, удовлетворяющее самому себѣ и въ себѣ самомъ находящее свою цѣль, замѣняетъ этимъ недѣлимымъ тотъ разнообразный и сложный процессъ, который называется жизнью. Давать такому явленію силу закона такъ-же странно, какъ видѣть въ аскетѣ или въ скорпціи высшую фазу развитія человѣка.

Отвлеченности могутъ быть интересны и понятны только для ненормально развитого, очень незначительнаго меньшинства. Поэтому ополчаться всѣми силами противъ отвлеченности въ наукѣ мы имѣемъ полное право по двумъ причинамъ: во-первыхъ—во имя цѣлостности человѣческой личности, во-вторыхъ—во имя того здороваго принципа, который, постепенно проникая въ общественное сознание, нечувствительно сглаживаетъ грани сословій и разбиваетъ кастическую замкнутость и исключительность. Умственный аристократизмъ—явленіе опасное именно потому, что онъ дѣйствуетъ незамѣтно и не высказывается въ рѣзкихъ формахъ. Монополія знаній и гуманнаго развитія представляетъ конечно одну изъ самыхъ вредныхъ монополій. Что за наука, которая по самой сущности своей недоступна массѣ? Что за искусство, котораго произведеніями могутъ наслаждаться только немногіе специалисты? Вѣдь надо-же помнить, что не люди существуютъ для науки и искусства, а что наука и искусство вытекли изъ естественной потребности человѣка наслаждаться жизнью и украшать ее всевозможными средствами. Если наука и искусство мѣшаютъ жить, если они разъединяютъ людей, если они кладутъ основаніе кастамъ, такъ и Богъ съ ними, мы ихъ знать не хотимъ; но это неправда, истинная наука ведетъ къ осязательному знанію, а то, что осязательно, что можно разсмотрѣть глазами и ощупать руками, то пойметъ и 10-ти-



лѣтній ребенокъ, и простой мужикъ, и свѣтскій человекъ, и ученый специалистъ.

Итакъ, съ какой стороны ни посмотримъ на діалектику и отвлеченную философію, она всячески покажется бесполезной тратой силъ и переливаніемъ изъ пустого въ порожнее. Если разбирать публичныя лекціи Лаврова, то нужно, мнѣ кажется, говорить о первыхъ двухъ бесѣдахъ, не слѣдить шагъ за шагомъ за авторомъ, не опровергать его отдѣльныя положенія, не ловить его на частныхъ противорѣчіяхъ, а просто въ нѣсколькихъ крупныхъ чертахъ показать полнѣйшую бесполезность всего предпринятаго имъ труда. Антоновичъ («Соврем.», 1861, апрѣль) написалъ обширную рецензію первыхъ двухъ лекцій Лаврова, провелъ въ этой рецензіи свѣжій и современный взглядъ на философію, но, сколько мнѣ кажется, пустился въ совершенно ненужныя частности и тонкости. Возстаивая противъ діалектики, онъ сражается съ нею діалектическимъ оружіемъ; онъ доказываетъ логическую непоследовательность тогда, когда слѣдовало-бы доказать практическую бесполезность. Дѣло не въ томъ, вѣрно-ли рѣшаются вопросы о сущности вещей и о томъ, что такое я, а въ томъ — нужно-ли рѣшать эти вопросы. Антоновичъ спорить съ Лавровымъ, какъ адептъ одной школы съ адептомъ другой; было-бы, мнѣ кажется, проще и полезнѣе для публики, еслибы онъ сталъ на точку зрѣнія совершеннаго профана и спросилъ-бы: а какими знаніями и идеями обогатить меня ваша хваленая философія? Одинъ этотъ вопросъ былъ-бы, мнѣ кажется, серьезнѣе и радикальнѣе всего длиннаго ряда доказательствъ, которыми Антоновичъ выводитъ противъ Лаврова.

Обративъ все вниманіе свое на одну личность русскаго мыслителя, Антоновичъ упускаетъ изъ виду умозрительную философію вообще, между тѣмъ какъ ее давно-бы слѣдовало отбросить и похоронить. — Лавровъ сдѣлалъ попытку поговорить съ нашимъ обществомъ объ умозрительной философіи; этотъ фактъ можно обсудить съ двухъ сторонъ. Можно спросить во-первыхъ, уцѣлѣла ли эта попытка? и во-вторыхъ, удачно-ли она выполнена? Первый вопросъ имѣетъ общій интересъ; обсуживая его, мы толкуемъ о нуждахъ нашего общества и рассматриваемъ характеръ нашей эпохи. Второй вопросъ относится чисто къ личности Лаврова и имѣетъ совершенно частный и, сравнительно съ первымъ, узкій интересъ. — Между тѣмъ Антоновичъ усматриваетъ работу въ вторыхъ вопросахъ и не рѣшаетъ первого; мы узнаемъ отъ него, что Лавровъ — электикъ, и не указавъ того, гдѣ-ли онъ что-нибудь для нашего времени и для нашего общества умозрительная философія вообще. — Словомъ, статья Антоновича наполнена прекрасными частностями, но этихъ частностей такъ много, что

въ нихъ тонетъ общая идея, а живая и живую идею и слѣдовало выставить изъ рѣзче. Замѣчу еще, что Антоновичъ ограничился разборомъ двухъ первыхъ Лаврова; третья бесѣда о философіи отличается отъ двухъ первыхъ болѣе личностнымъ внутреннимъ содержаниемъ фиска убѣжденія Лаврова высказаннаго не въ болѣе определенной формѣ, а въ реальнымъ выводамъ въ сферѣ практической жизни. Объ этой бесѣдѣ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Лавровъ говоритъ, что цѣль жизни находится въ ея моментъ, который «въ каждое мгновеніе есть переходное, случайное выраженіе того, что не можетъ воплотиться, что составляетъ высшее, сущее относительно неизмѣнное въ немъ для его нравственнаго идеала».

Во-вторыхъ, Лавровъ говоритъ, что грубый и элементарный взглядъ на жизнь тотъ, при которомъ мы стремимся къ наслажденію; «первое правило: мы чѣмъ наслаждаемся, доступны же мы нравств. съ человекомъ, дикому съ образованнымъ человекомъ, рабъ равнъ съ мужикомъ. Последнее: не есть, кромѣ высшаго блага, естество, отъ котораго не отказывается строгій аскетъ; а, какъ извѣстно, ные аскеты — большая рѣдкость людьми».

Замѣчу мимоходомъ, что уроды сохраняютъ даже въ спирту!

Въ-третьихъ, Лавровъ говоритъ, что *тѣлесность есть совокупленіе всѣхъ отраслей дѣятельности съ каждою личностію. Но она есть совокупленіе смятеніе. Каждая дѣятельность ставитъ свой вопросъ, свою цѣль, свой идеалъ, ко отличается отъ другой, и главнѣйшая роль человечества заключается въ недостаточномъ различеніи этихъ вопросовъ, въ перенесеніи идеаловъ въ области дѣятельности съ другой личности».*

А вѣдь еслибы вовсе не было тогда и переносить ничего было-бы, и мы никакъ не могли-бы быть. Такъ и ставить идеалъ необходимо условіемъ жизни?

Приведенныя выписки показываютъ, что Лавровъ склонился къ таинству жизни, которое существенно отличается отъ идей, высказанныхъ имъ на предъидущихъ. Я все основываю на теплотѣ чувствъ; Лавровъ строитъ все на идеяхъ и на системѣ; а требую отъ философа результаты; Лавровъ строится бездѣльнымъ движеньемъ и



Ферф формальной логики. Я считаю очевидность полнѣйшимъ и единственнымъ ручательствомъ дѣйствительности; Лавровъ придаетъ важное значеніе діалектическимъ доказательствамъ, спрашиваетъ о сущности вещей и говоритъ, что она не постижима, слѣдовательно предполагаетъ, что она существуетъ какъ-то независимо отъ явленія. Въ области нравственной философіи взгляды наши почти діаметрально противоположны. Лавровъ требуетъ идеала и дѣла жизни виѣея процесса; я вижу въ жизни только процессъ и устраняю цѣль и идеалъ; Лавровъ останавливается передъ аскетомъ съ особеннымъ уваженіемъ; я даю себѣ право покатѣть объ аскетѣ, какъ покатѣлъ бы о слѣдомъ, о безрукомъ или о сумасшедшемъ. Лавровъ видитъ въ человѣчности какой-то сложный продуктъ разныхъ нравственныхъ специй и ингредиентов; я полагаю, что полнѣйшее проявленіе человѣчности возможно только въ цѣльной личности, развившейся совершенно безыскусственно и самостоятельно, не сдвоенной служеніемъ разнымъ идеаламъ, не потраченной силъ на борьбу съ собой.

Я говорилъ, что, по моему мнѣнію, критику лучше всего высказывать *своей* взглядъ на вещи, дѣлиться съ читателемъ *своимъ* личнымъ впечатлѣніемъ; я такъ и сдѣлалъ въ отношеніи къ Лаврову. Я поставилъ рядомъ съ его воззрѣніями мои воззрѣнія и предоставляю читателямъ полнѣйшую свободу выбрать тѣ или другія или отвергнуть и тѣ, и другія. Я не старался убѣждать въ вѣрности моихъ мыслей, не задавалъ себѣ задачи во что-бы то ни стало поставить читателя на мою точку зрѣнія. Умственная и нравственная пропаганда есть до нѣкоторой степени посягательство на чужую свободу. Мнѣ-бы хотѣлось не заставить читателя согласиться со мною, а вызвать самостоятельность его мысли и подать ему поводъ къ самостоятельному обсужденію затронутыхъ мною вопросовъ. Въ моей статьѣ навѣрное встрѣтится много ошибокъ, много поверхностныхъ взглядовъ; но это въ сущности нисколько не мѣшаетъ дѣлу; если мои ошибки замѣтитъ самъ читатель, это будетъ уже самостоятельное движеніе мысли; если онѣ будутъ указаны ему какимъ-нибудь рецензентомъ—это опять-таки будетъ полезно; *du choc des opinions jaillit la vérité*—говорятъ французы, и читатель, присутствуя при спорѣ, будетъ самъ разсуждать и вдумываться. Смѣю льстить себя одной надеждой: еслибы статья моя вызвала какое-нибудь опроверженіе, то споръ сталъ-бы вертѣться въ кругу дѣйствительныхъ и жизненныхъ явленій и не перешелъ бы въ схоластическое *словопрение*. Я обсуживалъ явленія нашей критики, руководствуясь голосомъ простого здравого смысла, и надѣюсь, что если мнѣ будутъ возражать, то возраженія эти будутъ вытекать

изъ того-же источника и не будутъ сопровождаться непонятными для публики ссылками на авторитеты Канта, Гегеля и другихъ.

Говоря о нашей философской литературѣ, я упомянулъ только о статьяхъ Лаврова и считаю совершенно лишнимъ обсуживать Страхова и Эдельсона; эти явленія такъ блѣдны и чахлы, что объ нихъ не стоитъ упоминать, да и сказать-то нечего. Утомленіе и скука—вотъ все, что можно вынести изъ чтенія этихъ произведеній; и возражать нечему, и поспорить не съ чѣмъ, такъ все элементарно, утомительно ровно и невозмутимо спокойно. Страховъ считается нужнымъ доказывать, что между человекомъ и камнемъ большая разница, а Эдельсонъ ни съ того, ни съ сего начинаетъ восторгаться идеей организма, а потомъ, также безъ видимой причины, начинаетъ предостерегать ученыхъ отъ излишняго увлеченія этой идеей.

Вскую шаташся лязцы?

## XI.

Не такъ давно\*) я высказалъ нѣсколько мыслей о безжизненности нашей критики и изложилъ тѣ идеи, которыми я руководствуюсь при разборѣ этихъ чахлыхъ и безцвѣтныхъ явленій. Съ тѣхъ поръ, втеченіи трехъ мѣсяцевъ, въ которыхъ журнальная полемика разгорѣлась особенно ярко, критическій отдѣлъ большей части періодическихъ изданій украсился многими любопытными статьями; эти статьи подають поводъ къ размышленію; онѣ подтверждаютъ высказанныя мною замѣчанія, которыя могли показаться голословными читателямъ моей первой статьи; поэтому я намѣренъ воспользоваться ими какъ матеріаломъ и, обсуживая ихъ, договорять то, что было недосказано, яснѣе и обстоятельнѣе изложить то, чего я прежде коснулся слегка. Я не встаю противъ полемики, не зажимаю ушей отъ свиста, не проклинаю свистуновъ; и Ульрихъ-фонъ-Гуттенъ былъ свистунъ, и Вольтеръ былъ свистунъ, и даже Гёте вмѣстѣ съ Шиллеромъ свистнули на всю Германію, издавши совокунными силами свой альманахъ «Die Xenien»; у насъ, на Руси, свисталъ часто и рѣзко, стихами и прозою, Пушкинъ; свисталъ Брамбзусъ, которому, вопреки громовой статьѣ Дудышкина: «Сеньковский диллетантъ русской словесности», я не могу отказать ни въ умѣ, ни въ огромномъ талантѣ. А развѣ во многихъ статьяхъ Бѣлинскаго не прорываются рѣзкіе, свистящіе звуки? Припомните, господа, ближайшихъ литературныхъ друзей Бѣлинскаго,—людей, которымъ онъ въ дружескихъ письмахъ выражалъ самое теплое сочувствіе и уваженіе: вы увидите, что многіе

\*) Первые 10 главъ этой статьи были написаны въ маѣ, а остальныя—въ сентябрѣ 1861 года.



изъ нихъ свистали, да и до сихъ поръ свищутъ тѣмъ богатырскимъ посвистомъ, отъ котораго у многихъ звонитъ въ ушахъ и который безъ промаха бьетъ въ цѣль, несмотря на разстояніе.

Оправдывать свистуновъ—напрасный трудъ; ихъ оправдало чутье общества; на ихъ сторонѣ большинство голосовъ, и каждое нападеніе изъ противоположнаго лагеря обрушивается на голову самихъ-же нападающихъ, такъ называемыхъ людей серьезныхъ, дѣятелей мысли, кабинетныхъ тружениковъ, русскихъ Гегелей и Шопенгауэровъ, профессоровъ, сунувшихся въ журналистику, или литературныхъ промышленниковъ, прикрывающихъ свою умственную нищету притворнымъ сочувствіемъ къ вѣчнымъ интересамъ науки. «Русскій Вѣстникъ» и «Отечественныя Записки» убиваются надъ развратомъ русской мысли и заживо оплакиваютъ русскую литературу; ихъ книжки—бюллетени сердобольнаго врача, писанныя у постели больного, умирающаго отъ послѣдствій безпорядочной жизни. Главные *благонамѣренные* органы нашей журналистики составляютъ консилиумъ, ищутъ лекарства, шепчутъ пульсъ и съ ужасомъ сообщаютъ другъ другу о быстрыхъ успѣхахъ болѣзни; за ними выдвигается группа постныхъ журналовъ и газетъ, совѣтующихъ больному познать тщету и суетную гордыню дольняго міра сего, воспарить духомъ къ высотамъ Сіонскимъ и, отложивъ надежду и попеченіе о выздоровленіи, приготовиться къ мирной, христіанской кончинѣ живота. А въ это время больной мечется въ бреду, лепечетъ въ лихорадочномъ полуснѣ безсвязныя слова, «извергаетъ гуды», называетъ громкія имена всѣхъ вѣковъ и народовъ: Кавуръ, Россель, Платонъ, Страховъ, Пальмерстонъ, Аскоченскій... Что за сумбуръ! И все-то онъ ругаетъ, надъ всѣмъ-то онъ смѣется, все-то ему нипочемъ. «Бѣлая горячка», говорятъ врачи. «*Delirium tremens!*» важно повторяетъ Левотьевъ. «Дьявольское навожденіе», шепчетъ, отплевываясь, Аскоченскій. «Какъ ему не умереть! Онъ отрицаетъ общіе авторитеты, все, чѣмъ красна и тепла наша жизнь», говоритъ печально г. Н. Ко.

Кто-же наконецъ играетъ роль больного? Кто-же, какъ не «Современникъ» вмѣстѣ съ «Русскимъ Словомъ»? Кто-же, кромѣ этихъ двухъ отверженныхъ, осмѣливался относиться скептически къ дѣятельности Росселя и Кавура? Кто находилъ сущина и безплодными ученые труды Буслаева и Срезневскаго? Кто совѣтовалъ сдать въ архивъ стройныя, красивыя, величественныя системы идеализма, внутри которыхъ темно, сыро и голодно, какъ въ старомъ готическомъ соборѣ? Кто дерзнулъ обвинить Гизо въ историческомъ нигилизмѣ, Лаврова—въ неясности формъ и неопредѣленности направленія, Буслаева—въ наивности и старо-

вѣрствѣ, Юркевича—въ отсталости и въ мудріи, Н. И. Пирогова—въ патриархальности педагогическихъ приѣмовъ. «Отечественныя Записки»—въ вялости тона и въ отступленіи отъ принципа правленія. «Русскій Вѣстникъ»—въ извѣстномъ пристрастіи къ золотой серединѣ?... Можно бы исписать десять страницъ и всетаки не перечислить всѣхъ преступленій, въ нихъ были уличены втеченіи 1861 года «Русское Слово» и «Современникъ». Каждая изъ нихъ составляла *crime des autorités*, снискала пьедестала какой-нибудь кумиръ, которую кричали другіе журналы «выдибай». Въ «Современникѣ» въ нормальномъ положеніи, въ которомъ умъ не могъ-бы найти въ себѣ сродности. Статья Чернышевскаго о «Полежическихъ красотахъ», политическая статья Благовѣтлова, столатика Писарева, статья о Мошотѣ, рецензія Стиглицу, вѣдомости и отвѣтъ Крестовскаго Костюму, «Дневникъ Темнаго человѣка» и свистокъ это бредъ больного, послѣднее напряженіе за которымъ будетъ и должна слѣдовать агонія.—Аминь! речетъ «Домашній Сѣда», и къ своему крайнему удивленію находитъ, что первый разъ въ жизни вторятъ Аскамъ. Но позвольте, господа врачи, *doctores stissimi*, я не понимаю вашего огорченія: же вы такъ взволнованы? Здоровый членъ, владѣющій полнымъ разсудкомъ, не безпокоится попусту, скликать пожарную команду, когда у сѣбѣ толпится овинокъ и предвидится ни малѣйшей опасности. Не положите одно изъ двухъ: или дѣйствительно свистуны сильны въ области литературы, благонамѣренные люди сами больны и, въ строю нервовъ, вздрагиваютъ отъ малейшаго шума. Каждая выходка «Современника» и «Русскаго Слова» осуждается синодальными органами называемыхъ солидныхъ журналовъ; обыкновенно занимаетъ больше мѣста самая выходка: стало быть, эти выходки действительно опасны или-же, извините, намъ не о чемъ говорить, и вы ловите раздуваете скандалъ для того, чтобы выдать свою книжку, и слѣдовательно поступаете самонадеянно, какъ фельетонисты.

Разберемъ оба предположенія. Кому могутъ быть опасны выходки свистуновъ? Конечно только идеямъ или-же такимъ людямъ, которые передъ лицомъ всего важнаго міра служатъ представителями другой тенденціи. Вѣдь вы, господа врачи, плачете не за Козлянинова, не за Бергея, не за Кавура, за Росселя, за исторію, за философію, за серьезную науку. Всѣмъ этимъ людямъ вы своимъ заступничествомъ оказываете очень плохую услугу. Прикосновенія къ бѣдѣ только то, что глупо, что, какъ



етская мумія, распадается въ прахъ отъ движенія воздуха. Живая идея, какъ свѣжій цвѣтокъ отъ дождя, крѣпнетъ и разрастается, выдерживая пробу скептицизма. Предъ заклинаніемъ трезваго анализа исчезаютъ только призраки; а существующіе предметы, подвергнутые этому испытанію, доказываютъ имъ дѣйствительность своего существованія. Если у васъ есть такіе предметы, до которыхъ никогда не касалась критика, то вы-бы хорошо сдѣлали, еслибы порядкомъ встряхнули ихъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что вы храните дѣйствительное сокровище, а не истлѣвшій хламъ. Если же вы для себя уже сдѣлали этотъ опытъ, то позвольте-же и другимъ сдѣлать то-же для себя. Вы, положимъ, убѣждены въ томъ, что умозрительная философія есть мать всѣхъ добродѣтелей и источникъ всякаго благосостоянія. А вотъ для меня напр. это положеніе составляетъ еще недоказанную теорему. Что-же мнѣ вамъ на слово прикажете вѣрить? Или прикажете до тѣхъ поръ не писать ничего, пока не выработаютъ себѣ абсолютно вѣрнаго, незыблагаго убѣжденія, пока не превращу въ аксіомы всѣ теоремы? На второй мой вопросъ вы отвѣтите утвердительно, а я вамъ докажу сейчасъ, что этотъ утвердительный отвѣтъ—нелѣпость. Каждое поколѣніе разрушаетъ міросозерпаніе предыдущаго поколѣнія; что казалось неопровержимымъ вчера, то валится сегодня; абсолютныя, вѣчныя истины существуютъ только для народовъ неисторическихъ, для эскимосовъ, мануасовъ и китайцевъ. Вы мнѣ скажете, что  $2 \times 2 = 4$ —абсолютная истина для всѣхъ вѣковъ и народовъ, а я вамъ отвѣчу, что  $2 \times 2 = 4$  не есть идея; тутъ подлежащее повторяется въ сказуемомъ; въ первой и второй части уравненія предметъ одинъ и тотъ-же и измѣняются только формы выраженія. «Прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками»—это тоже не идея; вы тутъ связываете между собою не два предмета, а два названія, изъ которыхъ одно сжато, другое—пространно. Эти такъ называемыя математическія истины могутъ быть сведены на общую формулу *опредѣленія*: «островъ есть кусокъ земли, окруженный со всѣхъ сторонъ водою». Тутъ объясняется слово, а не предметъ. Кромѣ того математическія опредѣленія вообще имѣютъ цѣло съ рамками, съ самыми общими, совершенно безцвѣтными отвлеченностями, къ которымъ человѣкъ не можетъ имѣть никакихъ личныхъ отношеній. *Даа, прямая линія*—все это не предметы, не явленія жизни, а рамки, въ которыхъ можно вставить что угодно. Математическія истины незыблемы, потому что онѣ безжизненны; вѣдь математика посмотрите куда угодно, всѣ понятія наши о природѣ и человѣкѣ, о государствѣ и обществѣ, о мысли и дѣятельности, о нравственности и красотѣ мѣ-

няются такъ быстро, что послѣдующее поколѣніе не оставляетъ камня на камнѣ въ міросозерпаніи предыдущаго. Кто усталъ идти, тотъ можетъ сѣсть въ сторонѣ отъ дороги и помириться съ тѣмъ, что его обгоняетъ. Такъ сдѣлалъ «Русскій Вѣстникъ», такъ поступилъ Тургеневъ. Мнѣнія «Русскаго Вѣстника» соответствовали требованіямъ нашего общества года три тому назадъ; теперь они многимъ покажутся ретроградными. Образъ Елены въ «Наканунѣ» могъ казаться безукоризненно прекраснымъ года три тому назадъ; въ 1860 году въ немъ уже могли замѣтить несмѣлыя отношенія автора къ идеѣ равноправности мужчины и женщины.

Вы видите такимъ образомъ, что не писать до тѣхъ поръ, пока не установятся убѣжденія, значить безъ толку пожертвовать лучшими годами дѣятельности. Убѣжденія ваши *остановятся* на какомъ-нибудь результатѣ только тогда, когда вмѣстѣ съ костями и хрящами начнетъ твердѣть и сохнуть мозгъ; вы остановитесь не потому, что достигли истины, а потому, что утомились работой жизни и мысли, потеряли ту эластичность, гибкость и подвижность ума, которыми обладали въ молодости; остановившись, вы начинаете жить прошедшимъ и, если вы писатель, то этимъ-же прошедшимъ вы дѣлитесь съ публикой. А прошедшее движущемуся обществу можетъ дать матеріалъ для размышленія, а не норму для дѣятельности. Стало-быть, ваши слова будутъ живѣе и плодотворнѣе, если вы выскажете ихъ тогда, когда ваша личность и дѣятельность еще принадлежатъ будущему. Страстный бредъ или пылкая діалектика юноши всегда западаютъ въ душу слушателя глубже и шевелятъ ее живѣе, чѣмъ мудрый совѣтъ старика, высказанный осторожно, безстрастно и торжественно. Юноша способенъ ошибаться—согласенъ, но зато онъ не учитъ общества, не читаетъ лекцій; онъ самъ ищетъ, самъ стремится, а стремленіе къ истинѣ, поступательное движеніе всегда лучше обладанія ею, уже потому, что послѣднее есть самообольщеніе, а первое—дѣйствительный фактъ. Итакъ, позвольте людямъ, недостижимымъ крайнихъ предѣловъ своего развитія, т.-е. еще неостановившимся,—говорить, писать и печатать; позвольте имъ встряхивать своимъ самороднымъ скептицизмомъ тѣ залежавшіяся вещи, ту обветшалую рухлядь, которая вы называете общими авторитетами и которая, по вашему признанію, грѣютъ и красятъ вашу жизнь. Согласитесь съ тѣмъ, что «спросъ не бѣда», и что общему авторитету не больно отъ того, что его подвергнуть сомнѣнію. Если авторитетъ ложный, тогда сомнѣніе разобьетъ его, и прекрасно сдѣлаетъ; если-же онъ необходимъ или полезенъ, тогда сомнѣніе повертитъ его въ ру-



какъ, осмотрить со всѣхъ сторонъ и поставить на мѣсто. Словомъ, вотъ ultimum нашего лагеря: что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержитъ ударъ, то годится; что разлетится въ дребезги, то хламъ: во всякомъ случаѣ, бей направо и налево, отъ этого вреда не будетъ и не можетъ быть. Клеветать конечно не слѣдуетъ; лгать въ фактахъ—не хорошо, но въ подобной лжи еще никто не уличилъ свистуновъ; ихъ уличали въ ложныхъ воззрѣніяхъ, а воззрѣнія не могутъ быть ни истинны, ни ложны: есть мое, ваше воззрѣніе, третье, четвертое и т. д. Которое истинно? Для каждаго свое, и потому я совершенно согласенъ съ словами Н. Ко., которые онъ хотѣлъ сказать мнѣ въ туку: «Давайте всѣ мыслить самостоятельно, и—чуръ!—одинъ другому не мѣшать». Нашелъ въ чемъ упрекнуть! въ самостоятельности мысли. Давай Богъ побольше такихъ обличителей, которые, желая обругать, говорятъ комплименты.

Я замѣтилъ выше, что серьезные журналы дѣлаютъ изъ мухи слона, потому что имъ больше нечего дѣлать; это положеніе я поддерживаю; только полнѣйшая умственная праздность можетъ возводить въ событіе каждую статью Свистка, каждую выходку Темнаго человѣка. Люди толкуютъ о серьезныхъ интересахъ науки и общества и въ то-же время сотни страницъ посвящаютъ Чернышевскому, котораго сами называютъ свистуномъ и верхоглядомъ. И что это за страницы! сколько глубокомыслия, сколько проникательной критики, сколько высоко-нравственного негодованія тратится на опроверженіе «Полемиическихъ красотъ»! Судя по тому назначенію, которое придаютъ Чернышевскому современные серьезные люди, надо думать, что если энциклопедическій словарь дойдетъ до буквы Ч, то ему будетъ посвящена обширная статья. Подлинно, Чернышевскій имѣетъ полное право произнести извѣстное стихотвореніе Пушкина: «Ex ungue leopet», кончающееся такъ:

Я по ушамъ узналъ его какъ-разъ.

## XII.

«Полемиическія красоты» Чернышевскаго взволновали журнальный міръ; никакое научное открытіе, никакое серьезное изслѣдованіе не обращало на себя такъ внезапно всеобщаго вниманія серьезныхъ литераторовъ. «Русскій Вѣстникъ» съ несвойственной ему поспѣшностью, въ юньской книжкѣ своего изданія, отвѣчалъ на статью, помѣщенную въ юньской же книжкѣ «Современника»; «Отеч. Зап.» въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ не спускаютъ глазъ съ «Современника», лишаящаго ихъ сна и покоя; даже безвредный «Свѣточъ» не преминулъ заявить свой протестъ противъ нарушенія литературныхъ приличій Чернышевскимъ.

Мысль невольно переносится къ той далекой эпохѣ, когда памфлетъ Ульриха Гуттенъ «Письма темныхъ людей» («*Epistolae obscurorum virorum*») прошумѣлъ по Европѣ и нарушилъ умственную апатию ученыхъ. Доктора и монахи принялись ругать на всѣ лады и доказали двѣ вещи, во-первыхъ, вредность ядовитого памфлета, во-вторыхъ, умственную духовную нищету, связанную съ ханьской заносчивостью и карикатурнымъ обожаніемъ. Такого рода происшествія возможны во всякое время. Люди далекие отъ природы малосильные всегда сердятся на людей дѣятельныхъ и даровитыхъ, которые скорѣе ихъ, увлекаютъ за собою болвановъ и пользуются его заслуженнымъ сочувствіемъ. Сердятся они не всегда изъ корыстныхъ доводовъ: иному дѣйствительно обидно; онъ можетъ быть лѣтъ пятнадцать рылся въ библіотекѣ и архивахъ, трудился въ потѣ лица, считая себя полезнымъ специалистомъ, предъ нимъ права на признательность соотечественниковъ и вдругъ—о, разочарованіе!—является какой-нибудь неизвѣстный юноша, высказавъ предметъ специальныхъ изслѣдованій, ошеломляющій специалиста своей оригинальностью и новизною и прямо называетъ лѣтніе труды вышеписаннаго ученаго хламомъ, изъ котораго не выжмешь ни одного важнаго фактического результата. На такому непонятому специалисту не остается ничего другого, какъ пуститься съ азартомъ въ собственное ему поле журнальной полемики. Какъ ему въ проклятіяхъ противъ свистуновъ дойти до того пафоса зазорности, какъ читать переписку Ивана IV съ Курбскимъ, какъ же рѣшится сознаться даже передъ собою (не то что передъ публикою) въ то, что онъ въ продолженіи десятковъ лѣтъ не зналъ, что дѣлалъ и съ какою цѣлью трудился? Чтобы рѣшиться на такое признаніе, надо почти великимъ человѣкомъ, а великіе не тратятъ жизни на перепечатку лѣтъ на копировку старинныхъ шрифтовъ. Рѣшеніе Погодина, выразившееся въ его замечаніи къ Костомарову и въ изобрѣтеніи слова «свистуновъ», негодованіе Буслаева, напечатанное въ «Отеч. Зап.» письмо къ Пышину, и Вяземскаго, посвятившаго свистунахъ свою поэтическую пѣснь лебедя, объясняются только выписанными мною побудительными причинами. Ярость «Русскаго Вѣстника» и «Отеч. Зап.» объясняется проще. Винить журналистовъ, что они желаютъ увеличенія полноты, было-бы смѣшно. Кто-жъ себѣ врагъ? Формально о безкорыстномъ служеніи идеѣ и обществу наше время плохо вѣритъ. Какъ ни бороться противъ меркантильности эпохи, вы ее все-таки не прогоните. Эта меркантильность современная форма эгоизма, выражающаяся



нія времена властолюбіемъ, жаждой славы, уланствомъ и т. д. Возставать противъ ко-  
любія журналовъ я не буду; постараюсь  
о посмѣтрѣть, какія средства они пускаютъ  
одъ, чтобы выдвинуть себя впередъ и от-  
тъ совѣстниковъ на задній планъ. Буду  
щать вниманіе не столько на нравственное  
инство этихъ средствъ, сколько на ихъ  
гическую пригодность. Можно быть отлич-  
н, честнѣйшимъ человѣкомъ и очень пло-  
литераторомъ, и тѣмъ болѣе негодящимся  
галистомъ. «Хоть пей, да дѣло разумѣй»,  
гудрое правило надо особенно крѣпко по-  
въ въ наше время, когда развелись легіоны  
гающихъ людей, которые «неиможенно де-  
то ужъ въ ротъ хмѣльного не берутъ».

Прочемъ опять-таки этого нельзя сказать  
объ «Отечественныхъ Запискахъ», ни о  
скомъ Вѣстникѣ». Тѣ и дерутъ, и чистотой  
атурныхъ нравовъ не отличаются. Объ  
скомъ Вѣстникѣ» довольно будетъ замѣ-  
что онъ не уважаетъ умственной само-  
гельности своихъ сотрудниковъ (исторія о  
иной), попрекаетъ Чернышевскаго саратов-  
семинаріей и даже пишетъ о томъ, что  
го крадутъ книги и четвертаки. Что-же  
ется до «Отечественныхъ Записокъ», этого  
она современной схоластики, кладязя недо-  
той премудрости, то я намѣренъ посвятить имъ  
родолженіе этой статьи. Надо разъ навсегда  
азаться насчетъ этого ученаго журнала, про-  
котораго почти невозможна серьезная кри-  
Почему? А потому что въ немъ нѣтъ  
й мысли, стало быть, надо или смѣяться  
тупымъ педантствомъ, или закрыть книгу  
тъ спать съ отяжелѣвшей головой.

Вотъ редакторы «Отечественныхъ Запи-  
», чего добраго, назовутъ эти слова нару-  
емъ литературныхъ приличій; они скажутъ  
случай, что мнѣ слѣдуетъ спорить съ ними,  
отдѣлываться брошенной фразой; они мо-  
-быть сочтутъ мои слова уловкой; вѣдь  
вали-же они отъ Чернышевскаго, чтобы  
состязался съ Юркевичемъ; вѣдь считали-  
ни отказъ Чернышевскаго за доказатель-  
его несостоятельности. Поймите, господа,  
спорить съ вами и съ Юркевичемъ — значить  
тъ себѣ голову, слѣдя за извилинами ва-  
аргументацій, написанныхъ тяжелымъ,  
нымъ языкомъ 30-хъ годовъ, входить въ  
ный лабиринтъ вашей буддійской науки,  
которой мы сторонимся съ нѣмымъ благо-  
ніемъ. Скажите, ради чего намъ съ Чер-  
евскимъ брать на себя такой трудъ? Что-  
бѣдитъ васъ? Да мы этого не желаемъ.  
ы убѣдить публику? Да она и безъ того  
ашей сторонѣ. Ей смертельно надоѣдаютъ  
наука и критика. Читаетъ она въ «Оте-  
венныхъ Запискахъ» повѣсти, переводные

романы (которыхъ всегда довольно), истори-  
ческія статейки; что-же касается до критики,  
ее рѣдко разрѣзываютъ; вопросы, которые Ду-  
дышкинъ, какъ сфинксъ современной литера-  
туры, задаетъ на разрѣшеніе журналамъ (напр.  
о Пушкинѣ), прочитываются для смѣха журна-  
листами и, какъ слѣдуетъ того ожидать, не  
разрѣшаются ничѣмъ.

Убѣждать публику намъ, стало быть, не въ-  
чемъ; кромѣ того смѣхъ и свистъ лучшія ору-  
дія убѣжденія. Еслибы мы стали васъ опровер-  
гать по пунктамъ, статьи наши вышли-бы  
такъ-же скучны и головоломны, какъ ваши  
критическія изслѣдованія, а этого-то мы не  
желаемъ. Итакъ, спорить съ вами мы не бу-  
демъ, а смѣяться, если придетъ расположеніе,  
не преминемъ. Спора вы требуете, а смѣха  
боитесь. Вотъ смѣхомъ-то мы васъ и доканаемъ.  
Вы непременно разсердитесь, и въ сердцахъ вы-  
кажете свои больныя мѣста, которыхъ у васъ  
очень много. Вы уже разсердились на Черны-  
шевскаго и высказывали много диковинныхъ ве-  
щей. Кромѣ того вы напрягли всѣ свои силы,  
ничего не успѣли сдѣлать, и слѣдовательно  
обличили свое безпомощное состояніе, свою  
убогость, которой вы насъ все-таки не раз-  
жалобите.

### XIII.

Шестъдесятъ-пять страницъ въ разныхъ от-  
дѣлахъ «Отечественныхъ Записокъ» 1861 года  
за августъ выдвинуто противъ второй коллек-  
ціи «Полемиическихъ красотъ». Упрекъ въ от-  
сутствіи на направленія подѣйствовалъ слишкомъ  
хорошо; всѣ редакторы ополчились, какъ одинъ  
человѣкъ, и пошли четверо противъ одного;  
впрочемъ на флотѣ лиллипутовъ, который увелъ  
въ плѣнъ капитанъ Лемуилъ Гулливеръ, было  
гораздо больше четырехъ храбрыхъ бойцовъ;  
всѣ были воодушевлены патріотическимъ жа-  
ромъ, всѣ они тоже защищали народность, и  
между тѣмъ всѣ сдались на капитуляцію. Что  
дѣлать гг. идеалисты, спиритуалисты и супра-  
натуралисты! Духъ бодръ, плоть немощна. Кре-  
стовый походъ политической умѣренности, исто-  
рическаго глубокомыслія, критической серьез-  
ности и откровенной запальчивости противъ  
наглаго, насмѣшливаго невѣжества кончился  
безславнымъ пораженіемъ. Ряды нападающихъ  
смѣшались; разнокалиберность союзниковъ и  
непривычка стоять подъ однимъ знаменемъ  
взали свое; пошли ученые рыцари кто въ лѣсъ,  
кто по дрова; своя своихъ не познаша, и пред-  
полагавшійся стройный натискъ превратился  
въ беспорядочное гарцованіе, достойное Благо-  
свѣтлова, но нисколько не приличное для пу-  
ристовъ русской мысли. Вѣдныя пуристы! Они  
были не на своемъ мѣстѣ; они нацоминали не-  
счастливаго Франца Горна, комментатора Уиль-  
яма Шекспира, попавшагося въ дикую охоту



и скакавшего за своим любимым поэтом на ослѣ, держась за гриву и творя молитву дрожащимъ голосомъ. (Heine. «Atta Troll»). И что за охота? Вѣдь говорилъ вамъ Чернышевскій: куда вамъ полемизировать! а вы его не послушали; вы вѣроятно думали, что онъ говоритъ это отъ зависти; вотъ и додумались. А все — самолюбіе васъ губить. Ну, ему-ли вамъ завидывать! Вотъ видите-ли, въ чемъ дѣло: намъ (т. е. «Современнику» и «Русскому Слову») позволительно посвящать вамъ обширныя критическія статьи; мы — люди задорные; мы въ вашемъ лицѣ осмѣиваемъ рутину и слѣдовательно остаемся вѣрны своему характеру. Вамъ, напротивъ того, совсѣмъ не слѣдуетъ съ нами говорить: всякая попытка свистнуть съ вашей стороны доставляетъ намъ перевѣсъ; вы беретесь за наше оружіе, стало-быть, полагаете, что оно лучше вашего, и слѣдовательно этимъ самымъ осуждаете вашу всегдашнюю дѣятельность. Нельзя служить Богу и мамону, а то выйдетъ ни Богу свѣча, ни чорту кочерга. Вы должны показывать видъ, будто чувствуете къ намъ полнѣйшее, холодное, равнодушное презрѣніе, будто *инорируете* насъ; вы иногда стараетесь поступать такимъ образомъ, но солидность ваша не выдерживаетъ развѣдающаго прикосновенія мѣткой насмѣшки. Нашъ сарказмъ жжетъ васъ, какъ раскаленное желѣзо; вы теряете всякое хладнокровіе, забываете *роль* и, не умѣя язвить шуткой, начинаете браниться, почерпая ваши слова то изъ церковно-славянскаго (напр. срамное слово, скверномысліе), то изъ площаднаго народнаго. Вотъ въ эти-то минуты вы крайне занимательны; тутъ-то васъ и нужно изучать и списывать съ натуры.

Августовская книжка «Отечественныхъ Записокъ» доставила мнѣ самое живое наслажденіе своей полемической частью. Она дорисовала тѣ образы, которые складывались уже въ моемъ умѣ; она показала мнѣ, какъ говорятъ и дѣйствуютъ рутинеры, выведенные изъ терпѣнія и чувствующие, что почва колыхается подъ ихъ ногами. Мнѣ случалось читать въ исторіи объ отчаянной борьбѣ отживающаго съ начинающимъ жить, и теперь мнѣ очень пріятно прослѣдить въ маленькиxъ разбѣрахъ процессъ этой борьбы между представителями русской мысли. Тяжело смотрѣть на агонію человѣка или животнаго, но агонія идеи, принципа, направленія представляетъ любопытное и пріятное зрѣлище. Весело смотрѣть на то, какъ защитники этого умирающаго принципа мечутся, себѣ, теряютъ голову, противорѣчатъ сами себѣ, сбиваютъ другъ друга съ ногъ, говорятъ всѣ вдругъ, какъ Добчинскій и Вобчинскій, и все-таки лишаются постепенно своихъ прозелитовъ, а между тѣмъ новая идея какъ пожаръ разливается по сценѣ дѣйствія, не останавливается

никакими преградами, просачивается между стѣнъ и дочиста сжигаетъ старый какъ-бы ни былъ онъ плотно закованъ, — подъ какимъ-бы крѣпкимъ карауломъ не содержали. Чернышевскій говоритъ, что «Отечественныхъ Записокъ» нѣтъ единственнаго направленія, и Дудышкинъ торжественно оспариваетъ съ нимъ отъ лица всѣхъ главныхъ новъ редакціи. Я позволю себѣ не соглашаться съ тѣмъ, ни съ другимъ. Статьи «Отечественныхъ Записокъ» часто противорѣчатъ другъ другу — это правда; но у нихъ есть что общее, есть свой букетъ, который приваживаетъ ихъ оди́нъ: этотъ букетъ онѣ называютъ *серьезностью*; въ переводѣ на общепонятный русскій языкъ это значитъ неуступчивость живымъ интересамъ, неумѣнье и нежеланіе отнестись къ возникающимъ вопросамъ откровенно и ясно, *инорированіе* живыхъ, болельныхъ мѣстъ нашей частной и общественной жизни. Возникаетъ-ли какой-нибудь литературный споръ о предметѣ общезначимомъ, имѣющемъ практическое значеніе во общественной жизни, — «Отечественныя Записки» тотчасъ превращаютъ споръ въ научную теорему; предметъ уносится учеными критиками на вершину Олимпа русской мысли, и густой туманъ скрываетъ его отъ глазъ обыкновенныхъ читателей; кто попроще, тотъ начинаетъ блуждать, ничего не понимая, а кто смѣлѣе, тотъ закрываетъ книгу и говоритъ, что начинаются «ерунда». Въ обоихъ случаяхъ вопросъ, поставленный жизнью, остается нерѣшеннымъ и понеизому замираетъ. Достоинство журналовъ спасено, а между тѣмъ не высказано ничего рѣзкаго, что могло-бы раздражить гусей, волки сыты, и овцы цѣлы.

Вотъ видите-ли, въ нашемъ общественномъ мнѣніи есть множество оттѣнковъ, нечувствительно переливающихся одинъ въ другой. Крайними полюсами этого общественнаго мнѣнія можно назвать съ одной стороны Асоченскаго, съ другой — ну, хоть-бы Чернышевскаго, благо мы часто о немъ упоминаемъ. У Асоченскаго есть положительная сторона — ханжество, и отрицательная — ненависть къ человѣческому разуму. Эта отрицательная сторона, эта ненависть к нему груба, рьяна, нелѣпа; если отъ Асоченскаго мы будемъ постепенно подвигаться къ Чернышевскому, эта ненависть будетъ видѣться въ убывающей прогрессіи; мракобѣіе перейдетъ въ мраколюбіе, наконецъ въ доводство мракомъ, въ терпѣніе мрака; доводы противъ разума будутъ видоизмѣняться, но главную эманципацію разума мы найдемъ только на противоположномъ полюсѣ. Душъ Асоченскаго вѣтъ не въ одной «Домашней Бесѣдѣ»; съ его вѣяніемъ можно встрѣтиться даже за предѣлами любезнаго отечества; ослабленные и смягченные Асоченскіе есть и въ

Европѣ, Авторъ не въ су-  
пая пере-  
Шелков-  
но, и по-  
измъ по-  
Записокъ  
модѣте-  
стѣ съ  
себѣ и  
расквѣ-  
окажетъ  
начнутъ  
расквѣ-  
читать  
что у  
те, въ  
Вѣстни-  
чества  
содѣ-  
важи  
Зали  
Кри-  
ли  
итъ  
За-  
и



е въ Англіи, даже въ партіи виговъ. ихъ пожалуй благообразіе нашихъ, сти все равно, пеньковая или шелковая; вѣтъ вась по рукамъ и по ногамъ! даже хуже; отъ нея не такъ болѣу связанный легче мирится съ своимъ. Отношенія «Отечественныхъ» къ разуму отличаются робостью; самая мысль отошла отъ нихъ имѣлинскимъ; новая идея не найдетъа на страницахъ этого журнала:тъ! Кто ее знаетъ, эту идею? Вдругъ здоровьемъ, не примется въ обществѣ;идѣею смѣяться; вѣтъ, лучше нелучше идти себѣ битой дорогой, перости заднимъ числомъ, хвалить то, съ признали хорошимъ, и бранитьтъ еще сомнѣвается большинство. образомъ эта черта характера «Отечественныхъ Записокъ» выразилась въ томъ, что, помнится, ни одинъ литераторъ не своей карьеры въ «Отечественныхъ». Когда имя дѣлалось извѣстнымъ, допускалъ его на Олимпъ: талантна, не печатавшій до того времени, гдѣ прямо попасть въ «Отечественныя» отъ-бы онъ былъ семи пядей во лбу. ень благообразно со стороны Краев-а вѣтъ творчества, не надо твоа вѣтъ собственной критической, надо поневолѣ полагаться на мнѣ: «незачѣмъ вѣтъ, когда голоса вѣтъ», русская пословица. Откровенное собственная несостоятельности—дѣло альное, хотя конечно было-бы еще, совсѣмъ не братья за такое дѣло, б не смыслишь ни аза.

обость и неясность отношений состав-тъ «Отечественныхъ Записокъ». При-свойствъ заключается отчасти въ дикой осторожности, отчасти въ слабо-Пирина и смѣлость взгляда, неумоли-вательность логики, ясность и про-шеніи вопросовъ свойственны только, а его вѣтъ въ редакціи Отечествен-сокъ». Посредственность не любитъ поступательнаго движенія; оно ее доводиться вѣтъ наличнымъ ум-капиталомъ, старой философской шлифовать и полировать уголки, деталями,—вотъ ее дѣло, вотъ сфера ной дѣятельности. А тутъ вдругъ при-нибудь нахаль, все переворачаетъ, аетъ, напугать, напугать, такъ что торженія хозяинъ не можетъ узнать наго кабинета, въ которомъ все было ратно, такъ невозмутимо-спокойно, и безмятежно. Собирается онъ съ бы послѣднѣйшаго новаго Аттилы въ прежній порядокъ свою крошечную

систему, въ которой ему было тепло, въ которой онъ чувствовалъ себя безопаснымъ, какъ улитка въ раковинѣ, и къ которой онъ даже можетъ-быть успѣлъ приохотить кружокъ почтительныхъ и кроткихъ прозелитовъ. Хлопочетъ онъ о томъ, чтобы истребить слѣды разрушительнаго набѣга, да что-то не ладится; прозелиты ошеломлены; однихъ прельстила смѣлость вражескаго натиска, другихъ она удивила, третьихъ привела въ негодованіе, но во всякомъ случаѣ всѣ они уже не тѣ невинные, непосредственные, нетронутые слушатели, какіе были прежде. Да и система не дозволяетъ добродушному хозяину прежняго умственнаго комфорта. Молча перенести дерзкое нападеніе невозможно, самолюбіе мѣшается, да и опасно; мальчишки—народъ заносчивый, за-знаются, примутъ молчаніе за признакъ слабости; надо спорить, да и притомъ какъ спорить! Состязаться съ человѣкомъ одной школы съ вами пріятно; говоря съ нимъ, вы можете сослаться на положеніе учителя, и, лишь-бы статья вашего общаго кодекса была подведена вѣрно, вашъ противникъ согласится съ вами и даже будетъ смотрѣть на васъ съ сугубымъ уваженіемъ. какъ на человѣка, которому полнѣе доступна неизреченная мудрость. Но спорить съ человѣкомъ другой школы совсѣмъ не то; вы сомнетесь на авторитетъ, а онъ вамъ скажетъ, что знать его не хочетъ; вы скажете: «это говоритъ Гегель!» а онъ отвѣтитъ: «а мнѣ что за дѣло!»—Вамъ придется доказывать основныя положенія, шевелить такія стропила ученія, которыя вы считали неизбѣжными и неприкосновенными, придется передѣлывать съизнова дѣло учителя, и притомъ при такихъ условіяхъ, которыя значительно усложняютъ задачу. Когда жилъ и дѣйствовалъ учитель, тогда люди его времени еще не могли приготовить противъ его ученія разрушительныхъ доводовъ, потой простой причинѣ, что ученіе было ново, свѣжо, способно развиваться и не похоже на жреческую символистику; когда жилъ этотъ предполагаемый учитель, онъ уловилъ послѣднее слово своего времени и развилъ его въ систему; теперь настали другія времена; выработалось другое послѣднее слово, и можно сказать навѣрное, что еслибы учитель жилъ въ наше время, то и ученіе его вышло-бы не такое, какинъ онъ его сдѣлалъ. Въ наше время Гегель навѣрное не былъ-бы гегельянцемъ, потому что только узкіе и вялые умы живутъ въ области преданій тогда, когда можно выдти въ область дѣйствительно живыхъ идей и интересовъ.

Итакъ, умственная посредственность всегда отличается пассивнымъ консерватизмомъ и противопоставляетъ натиску новыхъ идей тупое сопротивленіе инерціи. Бываетъ и прозелитическая посредственность; иные нищие духомъ стремятся, очертя голову, вслѣдъ за увлекающимъ ихъ талантомъ; слѣпой фанатизмъ и



дешевый скептицизмъ одинаково часто встрѣчаются въ людяхъ ограниченныхъ; но въ нашемъ обществѣ дешевый скептицизмъ, кажется, преобладаетъ, потому что мы вообще страстностью не отличаемся. Вотъ эту-то тупую оппозицію инерціи и безпричиннаго скептицизма вы встрѣтите на каждой страницѣ «Отечественныхъ Записокъ».

Слова оппозиція и скептицизмъ требуютъ нѣкотораго поясненія. Оппозиція есть гарантія личности противъ посягательствъ большинства или силы: осмысленная оппозиція возбуждаетъ къ себѣ искреннее сочувствіе и заслуживаетъ полное уваженіе со стороны всякаго благороднаго человѣка; но что вы скажете напр. объ оппозиціи помѣщицы Коробочки, нежелающей продать мертвыя души на томъ основаніи, что ова не знаетъ городскихъ цѣнъ? Вѣдь источникъ этой оппозиціи заключается въ неспособности понять предметъ, въ неумѣніи или нежеланіи сдѣлать малѣйшее усиліе мысли. Оппозиція многихъ старовѣровъ очень напоминаетъ оппозицію Коробочки. Ему толкуютъ объ удобствахъ какой-нибудь земледѣльческой машины, — онъ слушаетъ изъ пятого въ десятое, и потомъ наотрѣзъ отказывается сдѣлать нововведеніе. Вы добиваетесь причины его упорства, считаете вашего собесѣдника фанатикомъ наслѣдованнаго отъ отцовъ экономическаго порядка вещей, строите въ головѣ цѣлую теорію объ исторической памяти русской народности, а между тѣмъ вашъ дубиноголовый противникъ способенъ отвѣтить вамъ только словами Лазаря Елизарыча: «Для того, что не для чего!...» Онъ упирается, потому что неясно понимаетъ, а не понимаетъ и не хочетъ понимать оттого, что не привыкъ работать мыслью, — а на старости лѣтъ привыкаетъ мудрено!

Скептицизмъ великъ и законенъ, какъ слѣдствіе разлагающей дѣятельности мысли, какъ результатъ тщательнаго анализа, но скептическое отношеніе къ предмету мало извѣстному обличаетъ только нежеланіе взглянуть въ него и ближе съ нимъ ознакомиться. — такой скептицизмъ вытекаетъ часто изъ очень мелкаго и мутнаго источника. Возьмемъ примѣръ. Положимъ, что моя статья возбудитъ къ себѣ недоумѣніе въ двухъ читателяхъ: одинъ прочтетъ ее внимательно и, положимъ, замѣтитъ въ ней противорѣчія, тонъ страстнаго раздраженія, натажки въ выводахъ, это наведетъ его на мысль, что статья написана пристрастно, онъ отнесется къ ней скептически. Такого рода скептицизмъ вполне уважителенъ; онъ основанъ на знакомствѣ съ предметомъ; ошибка тутъ возможна. Другой читатель перелистуетъ статью, увидитъ, что дѣло идетъ объ «Отечественныхъ Запискахъ», и скажетъ: «это брань журналистовъ, старающихся переманить подписчиковъ. Вздоръ! Не стоитъ читать!» — Это уже дешевый скепти-

цизмъ, хватающій вершки, судящій по мнѣности, нежелающій или неумѣющій приступить къ анализу къ самому предмету. У человѣка, способнаго къ такому скептицизму, есть въ головѣ нѣсколько десятковъ готовыхъ сужденій и онъ подводитъ подъ нихъ разныя случаи жизни, нимало не заботясь о ихъ дѣйствительной фізіономіи. Развиваться такой чело- не способенъ; вращаясь въ безвыходномъ кругу готовыхъ сужденій и вывѣтрившихся фактовъ, онъ не видитъ дѣйствительнаго міра и не чувствуетъ себѣ труда взглянуть на него просто и серьезно. Эти оппозиціи и этотъ скептицизмъ выражаются въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. «Отечественныя Записки» выражаютъ тѣмъ, что не высказываютъ никогда окончательнаго мнѣнія; въ нихъ вы не найдете такихъ словъ, изъ котораго можно было-бы вывести обязательное, практическое заключеніе. Тутъ есть два молчаливые таланта: умѣренность и аккуратность, которую они называютъ сдержанностью. До «степеней извѣстныхъ» они не дошли. Развѣ двадцать-три года существованія журнала, и притомъ отъ 1838—1861 года, не «степени извѣстныя»?

#### XIV.

Букетъ «Отечественныхъ Записокъ» состоитъ въ томъ, чтобы говорить, ничего не высказывая, числиться въ рядахъ прогрессистовъ, не раздѣляя съ ними трудовъ и обязанностей, отуманивать своихъ читателей книжной ученостью и отводить имъ глаза отъ живыхъ идей, вопросовъ и интересовъ. Почему не молчаливствуютъ, по расчету или по умышленной убогости — рѣшать не берусь; можетъ-быть по тому и по другому вѣстѣ. Посмотримъ ближе, какъ общая тактика журнала выдерживается въ различныхъ отдѣлахъ. Первая политическая статья, встрѣчающаяся въ августовской книжкѣ, принадлежитъ перу Альбертини, с нея я и начну.

Альбертини вступаетъ за Кавура, ставитъ Чернышевскаго его незнаемъ и советуетъ ему побольше читать и учиться. О Кавурѣ Альбертини спорить, нимало не обобщая вопроса; онъ полагаетъ, что нападки «Современника» направлены противъ личности, а не противъ типа, противъ отдѣльныхъ поступковъ Кавура, а не противъ цѣлаго направленія его политики. Альбертини не понимаетъ или не хочетъ понимать, что Чернышевскій возстаетъ противъ Кавура за то, что, пахотаясь по своему положенію во главѣ современной Італіи, сардинскій министръ сдерживалъ воодушевленіе народа (боясь, чтобы оно не хватило черезъ-край) вмѣсто того, чтобы поддерживать его и давать ему направленіе. Кавура осуждаютъ за то, что онъ былъ болѣе піемонтскій



данномъ, чѣмъ гражданиномъ свободной  
галин. Если вы, Альбертини, способны воз-  
ситься до синтетическаго взгляда на лич-  
Кавура, тогда доказывайте противное; мы  
съ послушаемъ. Но если вы любите изучать  
кты, не обладая способностью обобщенія,  
да вамъ нельзя спорить съ Чернышевскимъ;  
онъ и не станетъ съ вами спорить. За-  
шка останавливаться на голомъ фактѣ, на  
лавин—обнаруживается также въ томъ мѣ-  
ѣ, гдѣ Альбертини говоритъ о Пальмерстонѣ  
Брайтѣ. Чернышевскій въ «Полемическихъ  
асотахъ» говоритъ, что для удобства и для  
аткости называетъ одинъ типъ прогресси-  
овъ — Пальмерстономъ, другой — Брайтомъ.  
предупредивъ такимъ образомъ читателя, онъ  
говоритъ: «Пальмерстонъ только тогда непо-  
лебимъ, когда опирается на Брайта, и те-  
етъ власть, когда отталкивается отъ себя  
айта». Ясно, что это надо понимать такъ:  
нглійское правительство, выставляющее на  
о емъ знамени девизъ прогресса, только тогда  
поколемо, когда опирается на ту часть  
рода, которая дѣйствительно воодушевлена  
огрессивными стремленіями». Противъ этой  
ислн долженъ былъ возражать Альбертини,  
ли онъ съ нею несогласенъ. Но онъ сдѣлалъ  
то. Онъ совершенно утаилъ отъ своихъ чи-  
ателей тотъ смыслъ, который Чернышевскій  
далъ именамъ Пальмерстона и Брайта; онъ  
переть слова Чернышевскаго au pied de la  
ette и начинать объяснять различіе между  
альмерстономъ и Брайтомъ, невозможность  
ихъ соединенія и грубость ошибки, сдѣланной  
ритикомъ «Современника». Вся тирада эта,  
ущенная не противъ Чернышевскаго, а про-  
тивъ какого-то воображаемаго противника,  
авершается такъ: «о такихъ вещахъ, объ аз-  
укѣ современной политики, совѣстно толко-  
вать порядочнымъ людямъ, а вы меня хотите  
вѣрить, будто Пальмерстонъ тогда и силенъ,  
тогда слушается Брайта. Какъ вамъ не совѣст-  
во?» Кто не понимаетъ мысли своего против-  
ника, когда она выражена ясно, тотъ обнару-  
живаетъ слабоуміе. Кто не хочетъ понимать и  
умышленно искажаетъ мысль противника, тотъ  
поступаетъ безчестно и унижается до степени  
литературнаго фокусника («Отечественныя За-  
писки» сказали-бы даже: «мазурика»). Кото-  
рое изъ этихъ двухъ объясненій благоволятъ  
принять Альбертини, не знаю, но думаю, что  
третьяго не счѣтуютъ прискасть ни самъ онъ,  
ни литературные его сподвижники. Совѣстно-то  
будетъ, должно быть, не Чернышевскому.

Далѣе слѣдуетъ статья того-же Альбер-  
тини объ Токвилѣ, какъ значится въ заглавіи,  
но героемъ статьи является все тотъ-же Чер-  
нышевскій. Изъ этой статьи я выпишу нѣ-  
сколько умильных мѣстъ и ничего не  
скажу объ общей идеѣ, потому что общей идеи

нѣтъ. Авторъ силится доказать, что Токвиля —  
прекрасный человѣкъ, а Чернышевскій — нахаль-  
и невѣжда; но, прочтя его статью, читатель не  
выноситъ никакого понятія о французскомъ  
публицистѣ, и даже обвиненіе въ сумбурности,  
неосновательно взведенное на него Черны-  
шевскимъ, не оказывается снятымъ. Избави  
Богъ отъ защитниковъ, подобныхъ Альбер-  
тини! они способны затемнить самое чистое  
дѣло и запутать самый простой вопросъ. Въ  
нѣкоторыхъ мѣстахъ, казня своего лютаго вра-  
га, Альбертини возвышается до пафоса иро-  
нии. «Неужели, — восклицаетъ онъ, — послѣ этого  
(т. е. обругавши Кавура и Токвиля) вы (Чер-  
нышевскій) осмѣлитесь еще требовать отъ на-  
шей молодежи, чтобы она серьезно училась?  
Полноте! Вы гордитесь, кажется, что васъ чи-  
таютъ съ удовольствіемъ. Знаете-ли, кто чи-  
таетъ васъ съ истиннымъ удовольствіемъ? Все  
господа Якубовичи да Кондыревы (безграмот-  
ные переводчики Токвиля). Оттого-то они и  
перевели такъ безобразно Токвиля, что васъ  
они читаютъ съ удовольствіемъ и цоимство-  
вались отъ васъ тѣмъ пренебреженіемъ къ на-  
укѣ, къ серьезной мысли и къ серьезному труду,  
котораго проповѣдникъ всегда найдетъ себѣ  
приверженныхъ адептовъ. Отчего же вы такъ  
несправедливы къ своему адепту, г. Якубо-  
вичу? Отчего-же вы его обвиняете въ безмы-  
слицѣ? Еслибы вы были послѣдовательны, вы  
его должны были-бы погладить по головкѣ за  
то, что онъ такъ дико перевелъ писателя, по  
вашему, сумбурнаго».

Когда Альбертини говоритъ хладнокровно,  
тогда ему почти не нужна логика; рассказывать  
событія можно въ хронологическомъ порядкѣ;  
разсужденія можно заимствовать изъ плохихъ  
нѣмецкихъ газетъ; отсутствіе собственныхъ  
приговоровъ можно выдавать читателямъ за  
осторожность и серьезность. Недостатокъ логи-  
ческой связи и послѣдовательности можетъ  
пройти незамѣченнымъ, тѣмъ болѣе, что рус-  
ская публика читаетъ невнимательно и съ  
обзоромъ политическихъ событій знакомится не  
столько по ежемѣсячнымъ журналамъ, сколько  
по ежедневнымъ газетамъ. Но въ полемикѣ съ  
Чернышевскимъ вопросъ становится иначе.  
О Чернышевскомъ за-границей не пишутъ, ста-  
ло-быть, о немъ надо говорить свое. Кромѣ то-  
го сонливое спокойствіе или, что то-же, исто-  
рическое безпристрастіе, хранившееся въ гру-  
ди Альбертини, когда онъ разсуждалъ о Ка-  
вурѣ, Росселѣ и Пальмерстонѣ, исчезло; Чер-  
нышевскій задѣлъ самолюбіе нашего публи-  
циста, и Альбертини началъ свое знамени-  
тое: «quo usque tandem». Тутъ понадобилась  
хоть-бы вѣшняя связь — и логика Альбер-  
тини (именно его собственная, исключительная  
логика) обозначилась. Проскользнула вѣстѣ  
съ индивидуальной логикой и нравственная



исповѣдь. Спихватитесь во время, г. Альбертини, вы расточаете передъ нами сокровища вашей рыцарской литературной честности!

Вы находите: 1) что Чернышевскій долженъ былъ похвалить работу Якубовича, потому что Якубовичъ—его адептъ, и 2) что Чернышевскій долженъ былъ обрадоваться безобразному переводу Токвиля, потому что онъ не соглашается съ его идеями. Вы упрекаете Чернышевскаго въ непослѣдовательности за то, что онъ не поступаетъ такимъ образомъ; значитъ, вы на его мѣстѣ поступили-бы такъ, какъ совѣтуете ему поступить; такимъ образомъ вы даете намъ право воспроизвести двѣ слѣдующія статьи вашего нравственного кодекса: 1) должно хвалить своихъ адептовъ, хотя-бы они говорили вздоръ и дѣлали гадости; 2) должно ругать напосвалъ своихъ противниковъ, чернить ихъ всѣми правдами и неправдами и радоваться, если чернить ихъ кто-либо другой. Эти статьи вашего кодекса даютъ намъ ключъ къ пониманію вашей выходки противъ Чернышевскаго по поводу Брайта и Пальмерстова; ясно, что она сдѣлана не по наивности.

Понятнымъ дѣлается также слѣдующее мѣсто: «Мы могли-бы трактовать его (Чернышевскаго), какъ трактовали нѣкогда г. Благосвѣтлова, какъ обыкновенно трактуютъ балаганныхъ паяцовъ, которыхъ все дѣло—выкинуть штуку половчѣе, показистѣе». И Чернышевскій, и Благосвѣтловъ извѣстны, какъ ваши литературные противники, *ergo*: надо ругать. Дайте срокъ, г. Альбертини. Напишите еще двѣ-три статьи, подобныя разбираемой нами, провритесь еще раза три такъ, какъ провалились теперь, и ваша брань сдѣлается такъ-же почетной и похвала такъ-же позорной, какъ брань и похвала юродствующаго редактора «Домашней Бесѣды». Вотъ еще одна выписка, въ которой приведено то-же нравственное воззрѣніе: «Люди «Современника» находятъ слѣдовательно, что авторитетъ Токвиля можетъ помѣшать воспріятію и усвоенію въ нашемъ обществѣ ихъ собственныхъ идей о тѣхъ самыхъ предметахъ, о которыхъ разсуждаетъ Токвиль; вотъ отчего и понадобилось имъ сокрушить его авторитетъ. Иначе зачѣмъ-бы имъ было собирать грозу противъ Токвиля, доказывать его сумбурность, убѣждать своихъ читателей не читать Токвиля?» — Альбертини хотѣлъ бросить въ Чернышевскаго большимъ комокъ грязи и самъ по-локотъ выпачкалъ себѣ руки; всего смѣшнѣе то, что онъ самъ этого не замѣчаетъ и что другіе со стороны должны говорить ему: «посмотрите на себя! что вы съ собою сдѣлали! на что вы похожи!» Видъ по вашему выходитъ, что назвать бѣлое бѣлымъ, а черное чернымъ можно только въ томъ случаѣ, если это доставляетъ вамъ прямую вы-

году, если у васъ въ этомъ дѣлѣ своя правда. Представитель серьезной науки, слуга идеи, поборникъ истины, что вы говорите? Видъ послѣ этого честному человѣку нельзя рить съ вами, потому что вы въ отвѣтъ на споръ преслѣдуете только ваши выгоды и собесѣдникъ вашемъ предполагаете такую тенденцію. Вы говорите возмутительныя вещи и на васъ нельзя сердиться только потому, что вы сами не понимаете вѣса своихъ словъ. Вы несвѣдущи какъ ребенокъ, но какъ разпущенный ребенокъ; вы говорите громко то, что многіе думаютъ про себя, но то, что вы говорите,—все-таки дурно. Вашей непосредственностью уничтожается вѣроятность преслѣдствій, но публикѣ остается только недоумѣвать, какъ это безсознательно лепещущій мальчишка можетъ писать и печатать серьезные статьи. Впрочемъ въ нашъ вѣкъ удивительныя изобрѣтенія все возможно. Есть молотильная машина, швейная машина, скоропечатная машина. Кто знаетъ, можетъ-быть Краевскій представитъ изобрѣтеніемъ машины, доставляющей умѣренную плату журнальнымъ статьямъ произвольнаго объема и направленія! Объ Альбертини довольно. Его вѣроятно достаточно знаютъ мои читатели. Перехожу къ Бестужеву-Рюмину.

## XV.

Статья Бестужева-Рюмина направлена противъ статьи Чернышевскаго: «О причинахъ паденія Рима». Безтактность редакціи «Отечественныхъ Записокъ» обнаруживается въ помѣщеніи этой статьи въ августовской книжкѣ. Статья Чернышевскаго напечатана май. Спрашивается, отчего Бестужевъ-Рюмин ждалъ два мѣсяца и пустилъ свою статью именно послѣ июльскихъ «Полемическихъ записокъ»? Вотъ единственный возможный отвѣтъ: «Отечественныя Записки» вѣрны тому принципу, который съ дѣтской откровенностью изсказалъ Альбертини. Чернышевскій явный врагъ ихъ: какъ членъ редакціи «Современника» и какъ авторъ «Полемическихъ записокъ» его надо ругать, придираясь ко всякому удобному и неудобному случаю. Бестужеву-Рюмину попадаетъ въ руки подлая книга Дюбуа-Ганшана о римской имперіи. Чернышевскій тоже писалъ о римской имперіи. Прекрасный случай. Какъ отказать себѣ въ удовольствіи поставить рядомъ имена Дюбуа и Чернышевскаго; какъ не провести между ними параллели. Общія нѣтъ ничего—ни по вѣщности, ни въ содержаніи, ни въ направленіи ихъ трудовъ нѣтъ и малѣйшаго сходства, но зато впечатлѣніе на читателя будетъ произведено; иной доверчивый добрякъ (а на такую публику, кажется, сами рассчитываютъ «Отечественныя Записки») и самомъ дѣлѣ повѣритъ, что Чернышевскій



Дюбуа-Гюшанъ — одного поля ягоды; вотъ и цѣль опоставленія будетъ достигнута.

Позднее появленіе статьи Бестужева-Рюмина ея заголовокъ предрасполагаетъ противъ нея; рудно себѣ представить, чтобы человекъ могъ написать что-нибудь хорошее, когда онъ берется а перо съ твердымъ намѣреніемъ очернить своего противника. Искреннее воодушевленіе, ищущая діалектика, разительность доводовъ возможны при полемикѣ только въ томъ случаѣ, если вы спорите, какъ представитель извѣстной идеи. Если же существуютъ личныя отношенія между полемизирующими сторонами, и если эти личные отношенія всплываютъ въ спорѣ, тогда полемика превращается въ перебранки, надѣдаетъ публикѣ и возбуждаетъ въ ней законное презрѣніе. Чтеніе статьи Бестужева-Рюмина оправдало мое неприязненное предрасположеніе. Говоря о Дюбуа-Гюшанѣ, онъ ни съ того, ни съ сего вставляетъ язвительные (по его мнѣнію) намеки насчетъ поверхностности убогихъ фельетонистовъ, которые, черпая «свои идеи изъ юмористическихъ стишковъ, а познанія изъ кой-какихъ полубеллетристическихъ книгъ», ненавидятъ «самое имя науки», потому что «въ-когда профессоръ сръзалъ его на экзаменѣ на какихъ-нибудь грамматическихъ формахъ», и такъ далѣе въ томъ же ядовитомъ родѣ. Не правда-ли, намеки такъ тонки, что читатель, не приготовленный специально, т. е. незнающій скрытыхъ страданій серьезнаго журнала, не пойметъ, въ чей огородъ Бестужевъ-Рюминъ мететъ камни. Онъ говоритъ, что, встрѣчаясь съ произведеніемъ такого убогаго фельетониста, «можно только улыбнуться и пойти прочь; избиеніе невинныхъ — дѣло очень легкое и потому мало привлекательное». Какой шутникъ — Бестужевъ-Рюминъ! онъ въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ собирался *улыбнуться*, а *пойти прочь* рѣшается, только написавши 15 страницъ; и все это ради убогаго фельетониста, ради невиннаго малютки Чернышевскаго, котораго нашъ ученый критикъ можетъ такъ легко убить статьей, взмахомъ могучаго пера. Только серьезные люди способны шутить такъ естественно, мило и, главное, правдоподобно, какъ шутитъ Бестужевъ-Рюминъ. Серьезная часть статьи представляетъ въ патологическомъ отношеніи такое-же замѣчательное явленіе, какъ и запоздавшая улыбка. Книга Дюбуа-Гюшана, нравственное состояніе современной французской литературы, римскій міръ, цезаризмъ и наполеонизмъ — все это только декорации; живетъ и дѣйствуетъ среди этой грандіозной обстановки все то-же лицо — убогой фельетонистъ, котораго не стоитъ даже оспаривать. Образъ Чернышевскаго, какъ неотвязчивый призракъ, какъ мысль о любимой женщинѣ, преслѣдуетъ Бестужева-Рюмина, и наконецъ, наскоро развязавшись съ Дюбуа, пустивъ стороною нѣсколько

тяжеловѣсныхъ сарказмовъ въ школьниковъ, вооружающихся «дѣтской пращей противъ голіафовъ умственнаго міра», нашъ ученый критикъ всецѣло посвящаетъ себя статьѣ Чернышевскаго. Статьи этой онъ однако не понимаетъ. Какъ и слѣдуетъ ожидать, онъ, какъ сотрудникъ «Отечественныхъ Записокъ», останавливается на буквѣ и не возвышается до идеи. «Г. Чернышевскому, — говоритъ онъ, — захотѣлось доказать, что новымъ обществамъ не грозитъ той катастрофы, которая разрушила древній міръ». Помилуйте, г. Бестужевъ-Рюминъ. Чтобы доказать такую штуку, надо быть Кифою Мокиевичемъ, а не Чернышевскимъ. Кто же боится подобной катастрофы? Даже заклятые руссофилы перестали называть Западъ гнилымъ и предрекать ему неминуемое разложеніе. Какъ же это вошла въ голову Чернышевскаго мысль доказывать то, противъ чего никто не споритъ, о чемъ даже никто (кроме Дюбуа-Гюшана, развѣ) не говоритъ? Статья Чернышевскаго вызвана книгой Гизо, появившейся въ русскомъ переводѣ; въ этой статьѣ Чернышевскій возстаётъ противъ историческаго мистицизма и историческаго фразерства, которыя можно замѣтить даже у такого строгаго мыслителя, какъ Гизо. Большинство историковъ, въ томъ числѣ и докторинеръ Гизо, говоритъ, что древній міръ *долженъ* былъ пасть; что его опрокинула не стихійная сила, не германцы, а внутренняя необходимость. Германцы являются какими-то *chargés d'affaires* историческаго промысла, являются потому, что понадобились соки въ историческомъ организмѣ. Словомъ, эти историки видятъ въ цѣпи событій общую разумную идею. Чернышевскій смотритъ на вещи проще и хладнокровнѣе. Онъ говоритъ, что за классической цивилизаціей наступило варварство не потому, что такъ было необходимо, а потому, что такъ случилось. Классическій міръ погибъ оттого, что его буквально задавили варвары. Не будь варваровъ, онъ-бы жилъ до сихъ поръ, и навѣрно выработалъ-бы себѣ и новыя идеи, и новыя стремленія, и новыя бытовыя формы. Противъ этого возражать мудрено. Какъ-же бы въ самомъ дѣлѣ погибла классическая цивилизація, еслибы никто не разорялъ городовъ, не жегъ книгъ и не билъ людей? Положимъ, пролетаріатъ-бы съ каждымъ годомъ увеличивался, — что-жъ изъ этого? Если вы слишкомъ натянете струну — она лопнетъ. Если голодный народъ дойдетъ до крайней степени страданія — онъ взбунтуется. Такъ или иначе произойдетъ переворотъ; оппозиція сдѣлается правительствомъ, и пойдутъ новыя порядки. Какъ-бы ни было тяжело жить, а не могли-же всѣ жители Рима разбѣжаться въ лѣса, уничтожить свои жилища и превратиться въ полудикихъ. Всѣ эти событія, обозначающія собой паденіе цивилизаціи, возможны только при напорѣ грубой



матеріальной силы, т. е. опять-таки при нашествіи варваровъ, или, что почти то-же самое, при геологическомъ переворотѣ. Стало-быть, основная мысль Чернышевскаго остается вѣрной: не будь варваровъ, не было-бы и паденія древней цивилизаціи. Внутренней необходимости паденія не было. Но, доказывая вѣрную мысль, Чернышевскій, какъ съ нимъ часто бываетъ, заходитъ слишкомъ далеко и впадаетъ въ парадоксъ. Онъ начинаетъ утверждать, что общество не бываетъ ни молодымъ, ни зрѣлымъ, ни старымъ, что измѣняются и старятся только отдѣльные люди, и что на мѣсто 20-ти-лѣтняго Петра выдвигается 20-ти-лѣтній Иванъ, потомъ 20-ти-лѣтній Андрей, обладающій той-же свѣжестью силъ и тѣми-же юношескими стремленіями, какими въ свое время обладали составившіеся Иванъ и Петръ. Парадоксальное положеніе это опровергается двумя-тремя простыми вопросами: г. Чернышевскій, неужели вы думаете воспитать вашего сына въ тѣхъ идеяхъ, въ какихъ васъ самихъ воспитали ваши родители? Г. Чернышевскій, неужели вы теперь пишете то-же самое, что въ 1841 году писалъ баронъ Брамбеусъ? Г. Чернышевскій, неужели вы раздѣляете вѣрованія и предрасудки вашего дѣдушки? или неужели вашъ дѣдушка съ удовольствіемъ прочелъ-бы вашу статью объ антропологическомъ принципѣ? Отвѣтивъ себѣ на эти вопросы, Чернышевскій немедленно убѣдится въ томъ, что онъ теперь не то, чѣмъ былъ лѣтъ 20 тому назадъ его отецъ, и что сынъ его (Чернышевскаго) будетъ лѣтъ черезъ 20 не то, что теперь Чернышевскій. Убѣдившись въ этомъ, онъ допустить для общества возможность крѣпнуть и дряхлѣть, но все-таки никогда не согласится съ тѣмъ, чтобы общество могло одичать, а цивилизація погибнуть безъ внѣшняго напора матеріальной силы.

Философскую часть статьи Чернышевскаго Бестужевъ-Рюминъ совершенно оставляетъ безъ вниманія. Онъ приступаетъ къ разбору журнальной критической статьи, какъ къ оцѣнкѣ спеціальнаго, историческаго изслѣдованія. Онъ сражается не съ идеей, а съ отдѣльными фактами, и, сказать правду, сражается крайне неудачно. «Точно-ли,—спрашиваетъ онъ,—Риму нужно было ждать варваровъ, чтобы погибнуть? Что-же, Марій съ своими когортами, Сулла съ проскрипціями, триумвиры съ своими знаменитыми пожертвованіями были лучше варваровъ?... Не измѣнилось-ли подѣліемъ всѣхъ этихъ событій римское общество, не перемѣнился-ли самый составъ его, не перемѣнились-ли его элементы?» Ну, что же изъ этого слѣдуетъ?—Общество измѣняется, элементы перемѣшиваются, а классическая цивилизація все-таки живетъ, и люди все-таки не превращаются въ дикарей, несмотря ни на когорты

Марія, ни на проскрипціи Суллы, ни на жертвованія триумвировъ. Но приходятъ варвары, рѣжутъ цѣлыя населенія, сжигаютъ города,—и цивилизація тонетъ въ крови, захватывается подъ пепломъ и мусоромъ. Вы слышите? Бестужевъ-Рюминъ, возражая Чернышевскому, говоритъ то, что сказалъ онъ въ своей статьѣ. Послѣ Марія, Суллы и триумвировъ классическій міръ дышалъ цѣлыми пять столѣтій, сопротивляясь даже внѣшнему напору германцевъ. А еслибы не было этого великаго напора, мы не знаемъ, какъ-бы кончились дѣла. Протестъ противъ военнаго деспотизма, противъ угнетенія рабовъ, противъ господствовавшаго разврата слышался съ разныхъ сторонъ; протестовали философы, поэты, историки; протестовали жизнью и смертью христіанскіе мученики, египетскіе теранты и чисто эллинскіе новоплатоникъ. Въ законодательствѣ и въ судебной практикѣ замѣчаются около времени Антониновъ нѣкоторыя смягченія, участь рабовъ облегчается, уломы раба становятся легче и прочіе. Онъ правдоподобно, что древній міръ извернулся бы своими средствами, еслибы его не скрутили внѣшнія обстоятельства. Мало того, онъ даже и не могло-бы случиться. Мыслимо-ли, чтобы какой-нибудь народъ умеръ естественной смертью, если его не тѣснятъ снѣжки? А вѣдь древній міръ представлялъ собою, какъ выражается Бестужевъ-Рюминъ, «конгломератъ народовъ». Каково бы ни было истощеніе духовныхъ силъ, а умереть онъ не могъ. Переворотъ былъ неизбеженъ, но самый этотъ переворотъ и непредвидѣлъ-бы гибель; какъ только зло или, проще, неудобство общественнаго устройства становится невыносимымъ для большинства гражданъ, такъ это устройство сваливается, какъ засохшій струпъ, какъ бесполезная чешуя. Такъ безъ сомнѣнія случилось-бы и съ Римомъ. Но Бестужевъ-Рюминъ, какъ идеалистъ, не можетъ помириться съ трезвымъ воззрѣніемъ Чернышевскаго. «Жалъ,—говоритъ онъ,—что вы не взглянули на римскую имперію еще съ другой, весьма поучительной точки зрѣнія. Въ Римѣ матеріальная цивилизація была доведена до послѣднихъ предѣловъ; житейскій комфортъ, роскошь, все это развивалось до размѣровъ громаднѣхъ. Кажется, чего-бы лучше; человѣчество должно-бы благоденствовать. Мало того: равенство было совершенное; правда, существовали рабы, но и съ ними, какъ непобѣдимо доказываетъ Дюбуа, обходились человѣколюбиво... Чего-же недоставало Риму? Тѣхъ учрежденій, которыми онъ нѣкогда былъ силенъ, и тѣхъ дѣятелей, тѣхъ воззрѣній, которые немислимы въ душной атмосферѣ цезарскаго Рима. Вотъ чего ему недоставало; недоставало сознанія, что «не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ», недоставало



аже возможности и силы всецѣло принять въ себя это сознаніе».

Это мѣсто характеристично, какъ по своей разности, такъ и по полному незнанію предмета, которое обнаруживаетъ въ немъ Бестужевъ-Рюминъ. Развратъ, чувственность, преобладаніе матеріи надъ духомъ—вотъ тѣ свойства, которыя съ-плеча приписываютъ древнему міру люди, знающіе его кое-какъ, изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. «Древній Римъ утопалъ въ роскоши и въ развратѣ; древнія доблести его померкли»—скажетъ вамъ любой гимназистъ по Кайданову или Смарагдову; тоже самое говоритъ намъ и серьезный критикъ. «Риму недоставало сознанія, что не о хлѣбѣ единомъ живѣ будетъ человѣкъ», т. е. недоставало аскетизма. Странно! Справьтесь съ любой исторіей древней философіи (возьмите наприм. 4-й томъ Генриха Риттера), и вы увидите, что во времена императоровъ философы всѣхъ школъ (кроме эпикурейцевъ) сошлись между собою въ аскетическихъ и мистическихъ стремленіяхъ. Но что-же могъ сдѣлать аскетизмъ? Высосать тѣ живыя силы, которыя могли составить энергическую оппозицію. Такъ онъ и сдѣлалъ. Чистые аскеты, новоплатоники и новопнеагорейцы удалились въ міръ призраковъ и галлюцинацій, изморили себя постной пищей и пустыми обрядами и, стремясь стать выше земного, сдѣлались неспособны ни къ чему земному. У нихъ были живыя идеи, но эти идеи были завалены хламомъ самоистязанія и фантазерства,—тѣмъ сознаніемъ, надъ которымъ умиляется Бестужевъ-Рюминъ. Чего другого, а аскетизма и суевѣрія было въ Римѣ довольно. Изумительно также то проворство, съ которымъ Бестужевъ-Рюминъ отдѣляется отъ рабства, составляющаго самую болшую сторону древней цивилизаціи. Шутка-ли это надъ Чернышевскимъ, или дѣйствительное мнѣніе Бестужева-Рюмина—все равно. Въ нашемъ молодомъ обществѣ шутить вещами, подобными рабству,—неумѣстно; обходить такіе вопросы въ серьезной статьѣ серьезнаго журнала или относиться къ нимъ слегка—просто непозволительно. Это значить играть словами, маскируя отъ читателя ихъ истинный смыслъ. «Нѣтъ, г. Чернышевскій, мало одной матеріальной цивилизаціи, малонакормить,—продолжаетъ нашъ критикъ:—надо еще способствовать его развитію; а этого Римъ не могъ сдѣлать». Я узнаю въ этихъ словахъ духъ того журнала, въ которомъ былъ помѣщенъ прое́ктъ Щербины о «читальникѣ». Учитъ народъ, пускать въ продажу правительственнымъ путемъ книги для чтенія—все это дѣло извѣстное. А не лучше-ли было-бы «накормить народъ», не заваливая его непосильной работой. Досугъ и матеріальное довольство порождаютъ цивилизацію; упрощѣте экономическій бытъ,

обеспечьте матеріальную сторону, и народъ, скорѣе чѣмъ вы думаете, приметъ читать и даже писать книги. А на голодный желудокъ какъ-то плохо дѣйствуетъ книжное ученіе. «Отечественныя Записки» говорятъ: «помогите народу развиваться», а мы говоримъ: «не мѣшайте народу, удалите препятствія, онъ самъ разовьется». Кто изъ насъ правъ?

Далѣе Бестужевъ-Рюминъ винитъ статью Чернышевскаго въ томъ, что ея послѣднее слово—«преобладаніе матеріальныхъ интересовъ надъ всѣми другими условіями существованія общества, т. е. именно то, что такъ долго старались втолковать намъ, и, кажется, не безъ успѣха, но отъ чего пора намъ излечиваться: общества чисто матеріальныя создаютъ «движимый кредитъ», книгу Дюбуа и цезаризмъ». Что значать слова «что такъ долго старались втолковать намъ»? Кто-же это толковалъ намъ доктрину матеріализма? Да и возможна-ли пропаганда матеріализма въ такомъ обществѣ, гдѣ до нашихъ временъ, до нынѣшняго года, существовало крѣпостное право? Въдѣ только идеалистическое воззрѣніе, говорящее, что высокая степень духовнаго развитія даетъ *право* одному человѣку брать опеку надъ другимъ, только такое воззрѣніе, говорю я, можетъ оправдывать порабощеніе личности. Да и кромѣ того пора взять въ толкъ, что неудовлетвореніе какой-бы то ни было матеріальной потребности кладетъ непреодолимое препятствіе дальнѣйшему развитію, физическому, духовному, нравственному, интеллектуальному—какому угодно, назовите, какъ хотите. Когда человѣкъ голоденъ—прежде всего накормите его; когда у человѣка спина болитъ отъ побоевъ—позаботьтесь прежде всего о томъ, чтобы вылечить его и обезпечить его отъ подобныхъ пассажей на будущее время; когда человѣкъ изнуренъ непосильной работой—дайте ему отдохнуть. Прежде всего надо устранить физическое страданіе личности, а потомъ учить ее и развивать или, даже лучше всего, предоставить это дѣло на благоусмотрѣніе каждаго отдѣльнаго лица, давая средства желающимъ и снимая путы со связанныхъ. Аргументъ, приводимый критикомъ: «общества чисто матеріальныя создаютъ движимый кредитъ» и т. д.—звонкая фраза. Вообразите себѣ, что даровитый молодой человѣкъ втеченіи 20-ти лѣтъ жизни испытываетъ разныя неудачи, утраты и разочарованія; въ 40 лѣтъ онъ—старикъ по взгляду на жизнь; онъ—полнѣйшій матеріалистъ, скептикъ въ отношеніи къ людямъ, эгоистъ въ общепринятомъ, узкомъ смыслѣ этого слова, человѣкъ сухой, холодный, брюзгливый и тяжелый. Правильно-ли вы поступите, если свалите на счетъ его матеріалистическихъ убѣжденій причину всѣхъ его недостатковъ? Эти недостатки пришли къ нему



вмѣстѣ съ матеріалистическими убѣжденіями, но не вслѣдствіе этихъ убѣжденій; этого человека окислила жизнь; эта-же жизнь дала ему трезвость взгляда, въ которой надо видѣть искупляющую сторону, возмездіе за понесенныя страданія и испытанныя нравственныя поврежденія. Путей, ведущихъ къ матеріалистическимъ убѣжденіямъ, очень много; одни легче, другіе тяжеле, одинъ дойдетъ до нихъ простымъ, теоретическимъ размышленіемъ, не состарѣвшись душой или, точнѣе, чувствами, другой доберется до нихъ жизнью и купитъ ихъ дорогой цѣной молодости и свѣжести; винить въ этомъ онъ все-таки долженъ не воспринятія убѣжденія, а обстоятельства своей собственной жизни.

Что примѣняется къ отдѣльному человеку, то можно примѣнить и къ обществу. Современное французское общество испорчено политическими событіями послѣдняго пятидесятилѣтія; лучшіе французскіе писатели сознаются въ томъ, что радъ неудачныхъ революцій породилъ поколѣніе людей, смотрящихъ на государственные перевороты какъ на азартную игру и ставящихъ на карту послѣднюю копѣйку, въ надеждѣ пробить себѣ дорогу къ почестямъ, удовлетворяющимъ требованіямъ мелкаго самолюбія. Играя такимъ образомъ великими словами и интересами, эти господа дошли до политическаго скептицизма, до меркантильности, и вмѣстѣ съ тѣмъ добрались, путемъ чистаго опыта, до матеріалистическихъ убѣжденій. Матеріалистъ можетъ быть брюнетомъ и блондиномъ, честнымъ и безчестнымъ человекомъ, страстнымъ и холоднымъ, — неужели-же всѣ эти свойства выработались изъ его умственныхъ убѣжденій? Повторяю, аргументъ Вестужева-Рюмина — просто звонкая фраза. Вся критическая статья его несомнѣнна ни по своему направленію, ни по своей фактической сторонѣ. Изложеніе ея неясно, доказательства неубѣдительны и разбросаны. Полемическая тенденція бросается въ глаза читателю и не гармонируетъ съ тономъ серьезнаго безпристрастія, который авторъ напрасно усиливается принять и выдержать до конца.

## XVI.

Если вы, гг. читатели, желаете посмотреть, какъ Дудышкинъ умѣетъ быть игривымъ и остроумнымъ, то приглашаю васъ пробѣжать «Обзоръ русской литературы» въ августовской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» отъ стр. 140—146. Тутъ Чернышевскій сравненъ съ траппистомъ, съ аскетомъ; причемъ Дудышкинъ сознается, что самъ не знаетъ, почему это ему такъ кажется; тутъ приведены два куплета изъ лермонтовскаго «Пророка»; тутъ Дудышкинъ удивляется Чернышевскому, «какъ рѣдкости, какъ антику»; всего не перечтешь.

Чтобы передать весь комизмъ этой части лемиической части, нужно было-бы переписать шесть страницъ, но я полагаю, что игра не стоитъ свѣчъ, и спѣшу переписать только отдѣламъ статьи, въ которыхъ Дудышкинъ излагаетъ мысли, а не играетъ словами. Натѣшившись ѣдкими выходками противъ Чернышевскаго, Дудышкинъ начинаетъ съ того, что отстаиваетъ свой журналъ противъ упрека въ отсутствіи направленія и единства; онъ упрекъ Дудышкинъ обращаетъ въ похвалу. «Мы нашли дурнымъ, — говоритъ онъ, — что изъ «Отечественныхъ Записокъ» нѣсколько чистыхъ редакторовъ, завѣдывающихъ отдѣлами. Но не въ томъ, что нѣсколько редакторовъ, а въ томъ, что ихъ не больше. Чѣмъ больше редакторовъ, тѣмъ журналъ спеціалистовъ, тѣмъ онъ меньше знаетъ общими мѣстами, непригодными для публики; тогда только возможны не теоретическія вычитанныя изъ иностранныхъ книжекъ сужденія о предметахъ русскаго міра, а живыя практическія, примѣнимыя къ дѣлу».

Дудышкинъ прикидывается, будто вовсе не понимаетъ того, о чемъ говоритъ Чернышевскій. Я говорю: «прикидывается», потому что рѣшительно не могу себѣ представить, чтобы журналистъ, занимающійся своимъ дѣломъ больше десяти лѣтъ, не звалъ азбучныхъ правилъ этого дѣла. Ему говорятъ о томъ, что редакторы и сотрудники его толкуютъ какъ въ потьмахъ, сталкиваются мнѣніями, противорѣчатъ другъ другу и этимъ затеняютъ всѣ представляющіеся вопросы, а онъ отвѣчаетъ на это: «Нѣтъ, вы не говорите, что мы слишкомъ много. Кабы больше было, было-бы лучше». Да Богъ съ вами, господа! Будь хоть сто человекъ — публикѣ это все равно, лишь-бы вы говорили толкомъ, такъ, чтобы можно было понять, чего вы хотите, съ чѣмъ спорите, съ чѣмъ соглашаетесь. Спеціалисты въ разныхъ отдѣлахъ могутъ, сколько имъ кажется, сходиться въ области общечеловѣческихъ убѣжденій точно такъ-же, какъ въ этой области могутъ сходиться между собою люди различныхъ темпераментовъ. Если-же принимать слова Дудышкина за чистую монету, то надо предположить, что онъ не подозреваетъ существованія этой области общечеловѣческихъ убѣжденій и что онъ кромѣ того не имѣетъ никакого понятія о томъ, что идея, которую приводитъ журналъ, составляетъ его единственное право на существованіе, его разумное оправданіе и объясненіе передъ лицомъ читающей публики. Изъ продолженія статьи оказывается впрочемъ, что этотъ отвѣтъ Чернышевскому былъ сдѣланъ только для того, чтобы представить его нападеніе смѣшнымъ. Эти тенденціи замѣтилъ уже у Альбертини и Вестужева-Рюмина. Онѣ существуютъ и у Дудышкина и выражаются чаще и страстнѣе. Продолженіе его



тати говорить намъ, какъ онъ понимаетъ направление «Отечественныхъ Записокъ». Эта повѣдь «Отечественныхъ Записокъ» въ лицѣ хъ второго редактора въ высшей степени замѣчательна. Дудышкинъ доказываетъ, что «Отечественныя Записки» постоянно поддерживали лѣдующія воззрѣнія:

1) Въ области экономическихъ наукъ—онѣ, пользуясь сотрудничествомъ Бунге, Вабста и другихъ людей, раздѣляющихъ ихъ убѣждения, валя Кери, Милля, Бастіа, были постоянно на сторонѣ практичности и постоянно боролись съ утопистами и съ экономическими статьями Чернышевскаго.

2) Въ области политической—онѣ во всѣхъ отъдѣлахъ хвалили Кавура, Маколея, Токвиля, Гизо, какъ людей теоріи, близкой къ дѣлу, какъ людей, высоко цѣнившихъ и высоко поставившихъ законъ исторической постепенности.

3) Литературу и поэзію онѣ считали тѣсно связанной съ народной жизнью и ея лучшими духовными проявлениями, высшимъ проявленіемъ всего великаго и прекраснаго въ человѣкѣ.

Итакъ, практичность въ дѣлахъ житейскихъ и уваженіе къ чистому искусству—вотъ девизъ «Отечественныхъ Записокъ». Такое благообразное слово, какъ *практичность*, способно подкупить въ свою пользу многихъ читателей, но, какъ это часто бываетъ, названіе и предметъ оказываются двумя различными вещами. Всегда ли практичность есть хорошее качество? Практичностью называется способность примѣняться къ существующему порядку вещей, мириться съ нимъ, извлекать изъ него пользу. Если существующій порядокъ хорошъ, т. е. удобенъ для всѣхъ, тогда практичность—великое достоинство. Если же онъ дуренъ, тогда практичность достается на долю людей дюжинныхъ, робкихъ, ограниченныхъ, дряблыхъ или плутоватыхъ; эти люди или молча покоряются «обстоятельствамъ», «судьбѣ», или ловятъ рыбу въ мутной водѣ. Люди замѣчательные въ такія эпохи бываютъ или восторженными мечтателями, или суровыми отрицателями, или презрительными скептиками. Утопія, ювеналовская сатира и демоническій смѣхъ слышатся съ высотъ умственнаго міра; между тѣмъ золотая посредственность, люди, мелко плавающие, съ удивленіемъ и съ непріязненнымъ чувствомъ прислушиваются къ этимъ рѣзкимъ звукамъ. «Что за странный народъ эти мыслители и поэты!—говорятъ они.—Чего имъ хочется! Намъ хорошо, покойно. Жили-бы они себѣ, какъ мы живемъ». Воля ваша, эти люди практичнѣе тѣхъ чудаковъ, которые попусту надсаживаются, толкуя о возможности лучшаго, ругая безобразіе существующихъ понятій и отношеній, или смѣясь надъ тѣми системками и идеяками,

которыми тѣшатся современники. Быть практичнымъ—значить соглашаться съ мнѣніемъ большинства или силы. Чиновникъ, берущій взятки тамъ, гдѣ всѣ берутъ, практиченъ; практиченъ тотъ, кто не умѣе и не глупѣе большинства; все, что стоитъ выше уровня массы, непрактично; оттого-то всѣхъ великихъ людей цѣняютъ обыкновенно послѣ ихъ смерти; оттого-то гениальная личность при жизни встрѣчаетъ столько страданій, столько насмѣшекъ, столько грубаго непониманія. «Вы находите,—говоритъ Дудышкинъ Чернышевскому,—политическія убѣжденія такихъ людей, какъ Кавуръ, мизерными—мы ихъ находимъ практичными». Этими словами, г. Дудышкинъ, вы охарактеризовали превосходно себя, свой журналъ, своихъ сотрудниковъ, все свое направленіе. Вы хвалите то, что вамъ по плечу,—а по плечу вамъ то, что кажется мизернымъ утопистамъ, т. е. людямъ, смотрящимъ дальше, чувствующимъ глубже и говорящимъ смѣлѣе. Еслибы вы жили во времена Галилея, вы были-бы въ числѣ его судей; въ наше время вы ограничитесь тѣмъ, что назовете Сень-Симона сумасшедшимъ, а Оуэна—старымъ идиотомъ. Такъ, что-ли?—А вѣдь я вамъ укажу на противорѣчіе, г. Дудышкинъ. Если ваше уваженіе къ чистому искусству—не фраза, если вы дѣйствительно способны чувствовать прекрасное, то вы, какъ художникъ, должны восхищаться утопіями, величественными построеніями человеческого ума, сбросившаго всякія оковы и идущаго впередъ съ неудержимой силой, съ неотразимой послѣдовательностью. Какъ художникъ, вы, при оцѣнкѣ ихъ, должны быть способны стать выше мизернаго взгляда сухой практичности; если же вы хоть на минуту посмотрите на нихъ, какъ на созданія сильнаго ума, а не какъ на бредъ сумасшедшаго, если вы только дадите себѣ трудъ взглянуть на нихъ серьезно, то вы, какъ критикъ, должны будете сознаться, что во всѣхъ его утопіяхъ есть одна хорошая сторона: отрицаніе существующихъ нелѣпностей и желаніе стать выше ихъ. Вы цитируете, какъ практическихъ мыслителей, Бокля и Милля. Да вѣдь Бокль и Милль—англичане. Поймите это, г. Дудышкинъ.

Говоря объ отношеніяхъ «Отечественныхъ Записокъ» къ эстетическимъ интересамъ, Дудышкинъ самодовольно противопоставляетъ свободное искусство искусству, порабощенному интересомъ общественнаго и экономического быта. Я раздѣляю съ Дудышкинымъ его отвращеніе къ дидактизму, къ поучительнымъ повѣстямъ и къ комедіямъ съ добродѣтельной цѣлью. Но позволю себѣ замѣтить, что бываютъ такія дѣловыя эпохи, когда всѣ мыслящіе и чувствующіе люди, а слѣдовательно и художники, поневолѣ заняты насущными нуждами общества, нетерпящими отлагательства и гроз-



но, настоятельно требующими удовлетворения. Въ такіа эпохи вся сумма умственныхъ силъ страны бросается въ омутъ дѣйствительной жизни. Тогда историкъ поневолѣ дѣлается страстнымъ адвокатомъ или безпощаднымъ судьей прошедшаго; поневолѣ поэтъ дѣлается въ своихъ произведеніяхъ поборникомъ той идеи, за которую онъ стоитъ въ своей практической дѣятельности. Безпристрастіе, эническое спокойствіе въ подобныа эпохи доступны только людямъ холоднымъ или мало развитымъ, — людямъ, которые или не понимаютъ, или не хотятъ понять, въ чемъ дѣло, о чемъ хлопочутъ, отчего страдаютъ, къ чему стремятся ихъ современники. Читая Фета или Полонскаго, я буду отдавать справедливость благоухающей граціи ихъ картинъ и мотивовъ, но рѣшительно откажу и тому, и другому въ обширности горизонта, въ глубинѣ кипучаго чувства, въ смѣлости и зоркости взгляда. Замѣчательный поэтъ откликнется на интересы вѣка не по долгу гражданина, а по невольному влеченію, по естественной отзывчивости. Стоитъ стать на эту точку зрѣнія, чтобы увидать, что всѣ споры о назначеніи искусства — просто переливаніе изъ пустого въ порожнее. На повѣрку-то и выйдетъ, что девизъ «Отечественныхъ Записокъ»: «практичность и служеніе чистому искусству» — сводится на возгласъ: «Vivat aurea mediocritas!» (да здравствуетъ, золотая посредственность!), потому что только золотая посредственность способна наслаждаться идеями, не выходящими изъ уровня мѣщанской практичности, только она способна въ дѣлѣ искусства руководствоваться предвзятой теоріей, а не живымъ непосредственнымъ чувствомъ; исповѣдь «Отечественныхъ Записокъ» подтверждаетъ то, что я сказалъ въ ихъ общей характеристикѣ. Ненависть къ свистунамъ, отстаиваніе серьезной науки, т. е. неумѣніе возвыситься отъ факта до идеи, безцвѣтность литературной критики, отсутствіе ясныхъ житейскихъ убѣжденій при вывѣскѣ практичности, все объясняется однимъ словомъ: «золотая посредственность» или, что то-же, бесплодное трудолюбіе и безцѣльная кропотливость.

## XVII.

Не довольно-ли, читатель? Не пора-ли кончить?—Скажу еще нѣсколько словъ. Въ дѣлѣ Юркевича «Отечественныа Записки» конечно стоять на его сторонѣ, во-первыхъ потому, что онъ противъ Чернышевскаго; во вторыхъ потому, что онъ за рутину, въ-третьихъ потому, что его доводы чрезвычайно туманны, какъ вообще доводы идеалистовъ, старающихся поддерживать свои построенія путемъ діалектики. Спорить съ Юркевичемъ уже потому было-бы смѣшно, что за этимъ споромъ не стала-бы слѣдить публика. Если ужъ кому-нибудь при-

детъ желаніе поспорить съ нимъ, то лучше сдѣлать это путемъ частнаго свиданія, а не публично, чтобы заваливать журналы и варимыа статьями. «Отечественныа Записки» гостепріимно предлагаютъ Чернышевскому журналъ для веденія полемики съ Юркевичемъ. Въ этомъ предложеніи онъ останется вернымъ себѣ. Онъ любитъ тѣ статьи, которыа ошеломляютъ публику сухостью предмета, тиснотой изложенія и баснословнымъ количествомъ мудреныхъ терминовъ. Признавая меня круглымъ невѣждой въ дѣлѣ философіи, Дудышкинъ обнаруживаетъ въ этомъ случаѣ ту же черту людей темныхъ — охоту послушаться, чего не понимаешь. Но что касается Чернышевскаго, то мы надѣемся, что для селенія Дудышкина онъ не приметъ рашанскаго приглашенія «Отечественныхъ Записокъ» и возобновитъ съ ними тѣхъ сношеній, которыа такъ язвительно замѣчаетъ Дудышкинъ, былъ прерваны по поводу его знаменитой диссертации.

Въ заключеніе моей статьи мнѣ остается только довести до свѣдѣнія публики неблагодарный поступокъ Дудышкина, касавшійся уже лично меня. Въ июльской книжкѣ «Русскаго Слова» я помѣстилъ статью объ одной книгѣ Молешота; статья эта, какъ и слѣдовало ожидать, не понравилась Дудышкину, какъ почитателю Юркевича. Желая побить Чернышевскаго его-же оружіемъ, Дудышкинъ воспользовался моей статьей, чтобы показать, въ какихъ нелѣпыхъ заключеніяхъ доводитъ глупое лжемудріе. «Школа, къ которой принадлежитъ Чернышевскій, — пишетъ ученый критикъ, — говоритъ намъ: ни нравственныхъ, ни общественныхъ причинъ въ развитіи общества не существуетъ, существуютъ однѣ матеріальныа причины». Затѣмъ слѣдуетъ выписка изъ моей статьи, выписка изумительно нелѣпая по своему содержанію: вотъ она: «Вѣдны Ирландія никогда не выйдетъ изъ тѣхъ несчастнаго положенія, въ которомъ находится, пока будетъ ѣсть картофель и не замѣнитъ его чечевицей или бобами; реформація, сильно развившаяся на сѣверѣ Германіи, обязана своими успѣхами введенію въ употребленіе чаю; англійская революція обязана своимъ страстнымъ характеромъ кофею; повсемѣстное развитіе идей въ началѣ XVII столѣтія происходитъ отъ введенія въ общее употребленіе чаю и кофе». Прочитавъ эту выписку, я ужаснулся. Неужели я могъ написать такую чепуху? Неужели я нашелъ въ англійской революціи страстный характеръ и вывелъ его изъ кофе? Неужели я объяснилъ реформацію чаемъ? Во мнѣ шевельнулось сомнѣніе, я вчитательно просмотрѣлъ всю мою статью, и совершенно успокоился. Того мѣста, которое выписалъ Дудышкинъ, въ ней положительно нѣтъ. Говорится въ ней и объ Ирландіи, и объ сѣверѣ



ерманін, объ чаѣ и кофе, но только въ раз-  
ныхъ мѣстахъ и совсѣмъ не такъ, какъ выпи-  
сываетъ Дудышкинъ. Вотъ на примѣръ объ Ир-  
ландіи:

«Можетъ-ли, — восклицаетъ Молешотъ, — лѣ-  
вивая картофельная кровь придавать мускуламъ  
силу для работы и сообщить мозгу животворный  
«олчокъ надежды? Бѣдная Ирландія! Твоя бѣд-  
ность родитъ бѣдность! Ты не можешь остаться  
убѣдительною въ борьбѣ съ гордымъ сосѣ-  
домъ, которому обильная стада сообщаютъ мо-  
ущество и бодрость».

А вотъ что сказано о реформаціи и о чаѣ:  
«Генрихъ Кенигъ говоритъ, что кофе при-  
надлежитъ католикамъ, а чай — протестан-  
тамъ. Дѣйствительно, тщательныя наблю-

денія показали, что кофе развиваетъ силу во-  
ображенія, а чай изощряетъ критическую спо-  
собность ума; въ сѣверной Германіи преобла-  
даетъ чай, въ южной — кофе. Движеніе идей,  
начавшееся въ XVIII столѣтіи, совпадаетъ съ  
введеніемъ въ Европу чая и кофе во всеобщее  
употребленіе». Эти слова составляютъ почти  
буквальный переводъ изъ Молешота. О страст-  
номъ характерѣ англійской революціи, о рас-  
пространеніи реформаціи посредствомъ чая —  
ни слова. Нелѣпости, сочиненныя Дудышки-  
нымъ, по всѣмъ правамъ принадлежатъ ему  
самому. Не знаю, какъ оправдываетъ или объяс-  
нить свой поступокъ Дудышкинъ; я считаю  
этотъ поступокъ безчестнымъ и печатно назы-  
ваю его *литературнымъ подлогомъ*.

## СТОЯЧАЯ ВОДА.

(Сочиненія А. О. Писемскаго. Томъ I. 1861.)

### I.

Говоря о сочиненіяхъ Писемскаго, я не буду  
рѣшать вопроса о степени таланта автора и о  
художественномъ достоинствѣ его произведеній;  
эти вопросы давно рассмотрѣны и рѣшены. Стоитъ  
раскрыть любую повѣсть или драму, любой романъ  
Писемскаго, чтобы силою непосредственнаго чув-  
ства убѣдиться въ томъ, что выведенныя въ нихъ  
личности — живые люди, выражающіе собою въ  
полной силѣ особенности той почвы, на которой они  
родились и выросли. Толковать на нѣсколькихъ  
страницахъ читателю то, что совершенно очевидно,  
значитъ понапрасну тратить время и трудъ; на этомъ  
основаніи я постараюсь въ моей статьѣ занять-  
ся дѣломъ болѣе интереснымъ и, какъ мнѣ  
кажется, болѣе полезнымъ. Въмѣсто того, чтобы  
говорить о Писемскомъ, я буду говорить о  
тѣхъ сторонахъ жизни, которыя представляютъ  
намъ нѣкоторыя изъ его произведеній. — Чтобы  
не растеряться во множествѣ разнообразныхъ  
явленій, я ограничусь одной повѣстью Писем-  
скаго. Эта повѣсть — «Тюфякъ» — очень проста  
по завязкѣ и при этой простотѣ такъ глубоко  
и сильно схватываетъ матеріалы изъ живой  
дѣйствительности, что всѣ сѣрыя и грязныя  
стороны нашей жизни и нашего общества пред-  
ставляются разомъ воображенію читателя. Эти  
стороны жизни стоитъ разсматривать и изучать.  
Надъ ними задумываются и будутъ постоянно  
задумываться люди съ пытливымъ умомъ и съ

теплымъ сердцемъ; ихъ не выкинешь изъ жиз-  
ни и не заставишь самого себя забыть о ихъ  
существованіи. Гнетъ, несправедливость, неза-  
конныя посягательства однихъ, бесполезныя  
страданія другихъ, апатическое равнодушіе  
третьихъ, гоненія, воздвигаемыя обществомъ  
противъ самобытности отдѣльныхъ личностей, —  
все это факты, которыхъ вы не опровергнете  
фразой и къ которымъ вы не останетесь равно-  
душны, несмотря ни на какое олимпійское спо-  
койствіе. Эти факты заставили страдать на-  
шихъ отцовъ и дѣдовъ; эти-же факты тяготѣ-  
ютъ надъ нами и вѣроятно будутъ еще отрав-  
лять жизнь нашего потомства; всѣ мы терпимъ  
одну участь, но между тѣмъ наши отношенія  
къ тому, что заставляетъ насъ страдать, суще-  
ственно измѣняются; каждое новое поколѣніе  
относится къ своимъ бѣдствіямъ и страданіямъ  
проще, смѣлѣе и практичнѣе, чѣмъ относилось  
предыдущее поколѣніе. Вѣроятно ни одинъ  
образованный человѣкъ не будетъ теперь жа-  
ловаться на свою судьбу и не увидитъ нака-  
занія свыше въ постигшей его неудачѣ; вѣ-  
роятно ни одна порядочная дѣвушка не счи-  
таетъ своей обязанностью въ выборѣ мужа ру-  
ководствоваться вкусомъ дражайшихъ родите-  
лей; наша личная свобода конечно стѣсняется  
общественнымъ мнѣніемъ или, вѣрнѣе, свѣт-  
скимъ *qu'en dira-t-on*, но по крайней мѣрѣ мы  
уже потеряли вѣру въ непреложность этихъ  
свѣтскихъ законовъ и руководствуемся ими  
большей частью по силѣ привычки, потому что



не достаёт силъ и энергій возстать въ жизни противъ того, что наша мысль признала стѣснительнымъ и нелѣпымъ. Всё мы — большіе прогрессивисты въ области мысли; на словахъ мы доводимъ до геркулесовыхъ столбовъ уваженіе наше къ личности человѣка; въ жизни намъ представляется конечно другая картина; наши Уильберфорсы и Говарды часто являются поборниками произвольныхъ законовъ этикета, книжниками и фарисеями, или просто мандаринами и столоначальниками. Но этимъ иногда забавнымъ, а часто и очень печальнымъ противорѣчіемъ между прогрессивнымъ сужденіемъ и рутиннымъ поступкомъ смущаться не слѣдуетъ, и то хорошо, что думать начинаютъ по человѣчески; вы не забудьте, что эти человѣческія мысли подхватываетъ на лету молодежь; эта молодежь не умѣетъ двоить свое существо, не умѣетъ хитрить сама съ собою и принимаетъ за чистую монету тѣ слова, которыя вы произносите въ минуту увлеченія и отъ которыхъ можетъ-быть завтра отречетесь вашими поступками. За поколѣніемъ людей, много говорящихъ, выдвигается незамѣтно поколѣніе людей, дѣлающихъ дѣло. *Pia desideria* мало по малу перестаютъ быть неуловимыми мечтами. Всякому поступку предшествуетъ размышленіе; одѣльный человѣкъ размышляетъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ или часовъ; общество находится въ раздумьи цѣлыми десятилѣтіями, и это время наружнаго бездѣйствія было-бы несправедливо считать потеряннымъ. Умственная зрѣлость нашихъ отцовъ идетъ намъ на пользу, и хотя мы перерѣшаемъ по-своему большую часть рѣшенныхъ ими вопросовъ, но перерѣшаемъ-то мы ихъ именно потому, что ихъ рѣшенія оказались неудовлетворительными, избавляя насъ такимъ образомъ отъ дорого стоящихъ заблужденій.

## II.

Много-ли мы подвинулись впередъ съ того времени, какъ написанъ «Тюфякъ»? Съ тѣхъ поръ прошло одиннадцать лѣтъ и много воды утекло. Открылись поѣзды по Московской желѣзной дорогѣ, открылось пароходство по Волгѣ, возникло множество акціонерныхъ компаний, появилось въ свѣтъ и упало множество журналовъ и газетъ, взяли Севастополь, заключенъ парижскій миръ, поднятъ крестьянскій вопросъ, родились воскресныя школы, появились въ университетѣ женщины, а между тѣмъ, читая повѣсть Писемскаго, поневолѣ скажешь: знакомы все лица, да и до такой степени знакомы, что всѣхъ ихъ можно встрѣтить въ любой губернской залѣ дворянскаго собранія, гдѣ такъ безцвѣтно, безжизненно и вяло. Въ этихъ углахъ уходитъ много свѣжихъ силъ на без-

смысленныя попытки подладиться вѣтъ той окружающей среды; многіе люди, слѣдя за природою, дѣлаются совершенной дрянью, потому что не умѣютъ быть самими собою и никакъ не могутъ отдѣлиться отъ общаго хора, звучащаго съ чужого голоса. Этотъ хоръ слышится въ образѣ мыслей, въ политическія убѣжденія, въ семейной жизни, начиная съ устройства столовой и кончая воспитаніемъ дѣтей. Такимъ образомъ плывутъ по теченію два разряда людей. Одни проноживаютъ, стараются вѣтеръ, и, соображаясь съ своими личными выгодами, разставляютъ свои паруса и кичатся убѣжденіями. Другіе совершенно безкорыстно, какъ зеркало, отражаютъ въ себѣ то, что проходитъ мимо нихъ, только потому, что имъ нѣтъ рѣшительно ничего своего. Ихъ дѣло чувствовать, восторгаться или негодовать, аплодировать или шикать, либеральничать или подличать, смотря по тому, что дѣлается кругомъ. Кто-нибудь крикнетъ въ толпѣ, и голоса подхватятъ, еще не зная хорошаго, къ чему клонится дѣло; возгласъ, поддержанный десяткомъ безкорыстныхъ клакеровъ, превращается уже въ крикъ и получаетъ уже авторитетъ и обязательную силу. *Chaque homme trouve un plus sot qui l'admire*; комокъ сѣга, сорвавшійся съ верхушки горы, катится внизъ и растетъ отъ прилипающихъ къ нему снѣжинокъ; онъ превращается въ безобразную лавину и давитъ своимъ нелѣпымъ паденіемъ все, что попадаетъ на пути: дома, деревья, скотъ, люди, все поглощается и гибнетъ. Спросите у лавины: къ чему она это сдѣлала? Вы получите отъ нея отвѣта, и точно также узнаете отъ толпы побудительной причины и словъ и поступковъ, отъ которыхъ можетъ-быть страдаетъ ваше доброе имя и душевное спокойствіе. Да, можно сказать рѣшительно, что лучше ошибаться по собственному убѣжденію, нежели повторять истину только потому, что ее твердитъ большинство. Кто ошибается, тотъ можетъ сознать свою ошибку, того можно убѣдить, въ томъ можно встрѣтить сопротивленіе или дѣйствительное сочувствіе. Но что-же вы сдѣлаете съ человѣкомъ, у котораго нѣтъ личности, на котораго нельзя ни надѣяться, ни разсердиться, потому что причина его дѣйствій, словъ и движеній лежитъ въ окружающей мірѣ, а не въ немъ самомъ? Что вы сдѣлаете съ этими вѣчными дѣтьми, для которыхъ послѣднее произнесенное слово служитъ закономъ и для которыхъ противъ безсознательнаго крика большинства нѣтъ апелляціи? — Безличность, безгласность, умственная лѣнь и вслѣдствіе этого умственное безсиліе, вотъ болѣзни, которыми страдаетъ наше общество, наша критика: вотъ что часто мѣшаетъ развитію молодого ума, вотъ что заставляетъ людей сильныхъ, ставшихъ выше этого мѣщанскаго урод-



я, страдать и задыхаться въ тяжелой атмосферѣ рутинныхъ понятій, готовыхъ фразъ и ездозвательныхъ поступковъ.

### III.

Семейная драма, составляющая сущность поэмы Писемскаго «Тюфякъ», разыгрывается именно въ той душевной атмосферѣ, въ которой старые и молодые, мужчины и женщины съ утра до вечера играютъ въ гости, сплетничаютъ другъ на друга и занимаются картами, какъ существеннымъ важнымъ дѣломъ. Три молодые личности, не обиженные природой, измучиваются, вянутъ и погибаютъ въ этой атмосферѣ. Въ этихъ личностяхъ нѣтъ ничего особеннаго ни въ дурную, ни въ хорошую сторону; онѣ — не гении и не уроды; одаренныя достаточной долей ума и практическаго смысла, онѣ могли-бы прожить себѣ въ свое удовольствіе, вырастить съ подлужины дѣтей и умереть спокойно, оставивъ по себѣ пріятное воспоминаніе въ сердцахъ признательнаго потомства, т. е. своихъ дѣтей и внучатъ. Выходить совсѣмъ не то, чего слѣдовало ожидать. Одинъ изъ трехъ — Павелъ Бешметевъ — спивается съ кругу и умираетъ въ молодыхъ лѣтахъ. Другая — жена Бешметева — проводитъ молодость въ грубыхъ семейныхъ сценахъ и остается вдовою тогда, когда уже не знаетъ, что дѣлать съ своей свободой; третья — сестра Бешметева — посвящаетъ жизнь свою служенію обязанности, живетъ для своихъ дѣтей, терпитъ дурака — мужа, полу-Ноздрева, полу-Мавилова, и медленно хилѣетъ, потому что съ одной обязанностью не проживешь жизни.

И это жизнь!... Стоитъ-ли заботиться о своемъ пропитаніи, поддерживать свое здоровье, беречься простуды только для того, чтобы видѣть, какъ день смѣняется ночью, какъ чередуются времена года, какъ подростаютъ одни люди и старѣются другіе? Если жизнь не даетъ ни живого наслажденія, ни занимательнаго труда, то зачѣмъ-же жить? зачѣмъ пользоваться самосознаніемъ, когда самъ не находишь для него цѣли и наслажденія? Странно! Этотъ вопросъ представляется самъ собою, какъ только взглянешь на себя, какъ только отдашь себѣ отчетъ въ своемъ прошедшемъ, въ настоящемъ и предполагаемомъ будущемъ; между тѣмъ изъ десяти знакомыхъ вамъ личностей врядъ-ли одна будетъ въ состояніи отвѣчать на этотъ вопросъ удовлетворительно, врядъ-ли одна сумѣетъ представить причины и оправданія своего бытія; сказать проще, рѣдкій человѣкъ окажется довольнымъ своей судьбой, и между тѣмъ изъ этихъ недовольныхъ рѣдкій старается выйти изъ своего положенія и устроить свою жизнь такъ, какъ-бы ему самому хотѣлось. Мы опута-

ны разными связями и отношеніями, мы стѣснены разными соображеніями, неимѣющими ничего общаго съ нашей свободной волей, но стѣснены не фактически, а нравственно; надъ нами въ большей части случаевъ тяготѣетъ не матеріальная сила, а *scrupule de conscience*, и мы такъ робки и слабы, что не можемъ сбросить съ себя даже этого ничтожнаго ограниченія. Безличность, безгласность, инерція, — куда ни поглядишь, — такъ и лѣзутъ въ глаза; эти свойства въ большей части случаевъ составляютъ основу нормальнаго положенія, начиная отъ чисто комическаго и кончая страшно трагическимъ. Возьмите съ одной стороны «Женитьбу» Гоголя, гдѣ безличность воплощена въ надворномъ совѣтникѣ Подколесинѣ, съ другой стороны «Тюфякъ» Писемскаго, гдѣ вы видите вынужденную безгласность со стороны Юліи Кураевой, которую отецъ насильно выдаетъ замужъ за Бешметева. Въ первомъ случаѣ вы отъ души смѣетесь, и если дадите себѣ трудъ взглянуть въ личность Подколесина, то просто назовете его козлакомъ, какъ не разъ величаетъ его услужливый пріятель Кочкаревъ. Во второмъ случаѣ вамъ будетъ не до смѣху; искреннее негодованіе и глубокое сочувствіе къ оскорбляемой личности заговоритъ въ вашей душѣ тогда, когда вы прочтете напр. такого рода сцену:

«Юлія, проплакавъ цѣлый день послѣ помолвки, къ вечеру слегла въ постель, съ сильной головной болью. Отецъ ея, проѣздивъ цѣлый день съ Бешметевымъ за разными покупками, приводитъ его въ спальню своей дочери, показывая видъ, что доставляетъ ей этимъ величайшее удовольствіе. Но этимъ еще не кончилось дѣло.

— А что, голова болитъ? спрашиваетъ онъ у дочери.

— Болитъ, папа.

— Хочешь, я тебѣ лекарство скажу?

— Скажите.

— Поцѣлуй жениха. Сейчасъ пройдетъ. Не такъ-ли, Павелъ Васильевичъ?

— Что это, папа? сказала Юлія.

Павелъ покраснѣлъ.

— Непремѣнно пройдетъ. Ну-те-ка, Павелъ Васильевичъ, лечите невѣсту смѣлѣй.

Онъ взялъ Павла за руку и поднялъ со стула.

— Поцѣлуй, Юлія: съ женихомъ-то и надобно цѣловаться.

Павелъ дрожалъ всѣмъ тѣмъ, да, кажется, и Юлія не слишкомъ было легко исполнить приказаніе папеньки. Она нехотя приподняла голову, поцѣловала жениха, а потомъ сейчасъ же опустилась на подушку и, кажется, потихоньку отерла губы платкомъ, но Павелъ ничего этого не видалъ».

Хороши всѣ актеры этой грязной сцены! Хорошъ отецъ, торгующій поцѣлуями своей дочери и распоряжающійся ея тѣломъ, какъ своей собственностью; хорошъ тюфякъ-женихъ, цѣлующій свою невѣсту по мановенію папеньки; да, коли говорить правду, хороша и та дѣвушка, которая не смѣетъ выйти изъ подъ родительской власти, несмотря на то, что эта



власть наталкивает ее на такіа гадости, отъ которыхъ возмущается ея физическая и нравственная природа. Невольное презрѣніе къ рабской безгласности продаваемой дѣвушки смѣняется въ вашей душѣ состраданіемъ и сочувствіемъ къ оскорбляемой личности только потому, что вы видите весь механизмъ домашнего гнета, тяготящаго надъ несчастной жертвой, вы слышите строгое приказаніе въ словахъ Владиміра Андренча: «поцѣлуй, Юлія», вы понимаете, что послѣ ухода жениха можетъ начаться такая семейная сцена, которой грязныя подробности не будутъ даже прикрыты флеромъ вѣшняго приличія; Владиміръ Андренчъ начнетъ дѣлать внушенія, потомъ браниться и кричать, потомъ никто не поручится намъ за то, что онъ не прибьетъ или не высѣчетъ непочтительную дочь. Все это будетъ происходить въ тѣсномъ семейномъ кругу, безъ постороннихъ свидѣтелей; все это будетъ тщательно скрыто отъ ближайшихъ сосѣдей, насколько можно скрыть семейную тайну въ губернскомъ городѣ, гдѣ всѣ слуги знакомы между собою, и гдѣ всѣ господа имѣютъ обыкновеніе выспрашивать у своихъ лакеевъ подробности скандальной хроники; все это, повторяю, совершится безъ официальной огласки, но побои останутся побоими и не сдѣлаются пріятіемъ и сносимъ отъ того, что ихъ не станутъ считать посторонніе зрители. Юлія систематически развращена холопскимъ воспитаніемъ: она забита пріемами военной дисциплины, примѣненными къ патріархальному быту русскаго семейства; она боится папеньки даже послѣ своего замужества; она въ отношеніи къ нему на всю жизнь остается дѣвчонкой, и потому отъ нея нельзя многого требовать. Чтобы бороться съ семейнымъ деспотизмомъ, не разборчивымъ въ средствахъ, надо обладать значительной силой характера. Сила характера развивается на свободѣ и гложется подъ вѣшнимъ гнетомъ. Юлія не виновата въ томъ, что она сдѣлалась дрянью подъ ферулою своего нѣжнаго родителя, но въ ту минуту, когда мы ее видимъ, она является уже вполне дрянью, — женщиной, отъ которой невозможно ожидать ни благороднаго порыва чувства, ни живого проблеска мысли. Это — губернская барышня въ полномъ смыслѣ этого слова. Умъ ея не занятъ никакими серьезными интересами и скользитъ на поверхности окружающихъ явленій, не вглядываясь въ нихъ и не отдавая себѣ отчета въ собственныхъ своихъ впечатлѣній. Она наряжается, выѣзжаетъ, выслушиваетъ любезности, поддерживаетъ салонные разговоры, шепчется съ своими подругами, читаетъ попадающіеся подъ руку романы, ѣздитъ съ визитами и возвращается домой, ложится спать и встаетъ, словомъ, живетъ со дня на день, ни разу не спросивъ себя о томъ,

есть-ли въ ея жизни какой-нибудь смыслъ, хорошо-ли ей живется на свѣтѣ и можно-ли жить какъ-нибудь полнѣе и разумнѣе. Она умѣетъ мечтать о будущемъ, о томъ, что она будетъ за какого-нибудь гвардейскаго офицера, который увезетъ ее въ Петербургъ, а тамъ будетъ гулять съ нимъ по Невскому проспекту, блистать въ высшемъ свѣтѣ, будетъ принята ко двору, сдѣлается статсъ-дамой.

Чего, чего нѣтъ въ этихъ мечтахъ! И действіе эпюлеты мужа, Невскій проспектъ, шій свѣтъ и наконецъ дворъ, какъ концы всѣхъ стремленій! Характеръ этихъ мечтаній находится въ строгой гармоніи съ характеромъ того образа жизни, который Юлія въ родительскомъ домѣ. Всѣ наслажденія о которыхъ она мечтаетъ, оказываются слаженіями чисто вѣшними и кромѣ того совершенно условными и искусственными. И объ этихъ наслажденіяхъ, дѣвушка не думаетъ отъ своего лица, а отъ лица того въ которомъ она выросла. Почему пріятно выйти замужъ за гвардейскаго офицера, за губернскаго чиновника? Почему пріятно блистать въ высшемъ свѣтѣ, чѣмъ въ среднемъ кругу? Неужели эстетическое чувство создается созерцаніемъ красныхъ отворотовъ гвардейскаго мундира или брилліантовыхъ муаровъ, надѣтыхъ на дамахъ высшаго общества? Неужели званіе гвардейскаго офицера или великокняжеской дамы достается только отличающимся замѣчательнымъ умомъ, чистотой чувства и высокимъ образованіемъ? Неужели всякій гвардейскій офицеръ способенъ быть хорошимъ мужемъ, а всякая великая дама — пріятной собесѣдницей? Къ чему была Юлія мало развита, а, мнѣ кажется, ей хватило-бы здраваго смысла на то, чтобы найти подобные вопросы совершенно бессмысленными. Стало-быть, что-же ее привлекало въ головѣ ея эти завѣтные мечты, что она мечтаетъ именно такъ только, что точно такъ-же мечтаютъ ея подруги? Говорятъ, что блистать въ высшемъ свѣтѣ — это селомъ; какъ-же не повѣрить всѣмъ? Къ чему положиться на общій говоръ, когда можно собственнаго сужденія, ни ясныхъ собственныхъ желаній? Мечтая съ чужого голоса, Юлія такъ-же съ чужого голоса ведетъ свою стивительную жизнь, вышедши замужъ за метева. Она выѣзжаетъ и наряжается, мечтаетъ этого ничего не дѣлаетъ. Да что дѣлать? Когда она жила въ родительскомъ домѣ, ей иногда приходилось отказывать какому-нибудь предполагаемому выѣзду, собственнно потому, что этотъ выѣздъ могъ стоить финансовыхъ или дипломатическихъ жертвъ главы семейства. Очень понятно, что въ подобныхъ случаяхъ Юлія мечтала о томъ, какъ о вожделѣнной минутѣ освободиться отъ всего этого, какъ о минутѣ, когда она



Было-бы странно, еслибы она не воспользовалась этой минутой. Дѣйствительность разбросала большую часть ея воздушных замковъ въ Петербургъ, гвардейскіе эполеты и высшій чинъ оказались миражемъ. Надо-же было хоть какъ-нибудь вознаградить себя; надо было пожить въ свое удовольствіе хоть въ тѣхъ узенькихъ и бѣдненькихъ предѣлахъ, которые очеркала вокругъ нея судьба. А какъ жить въ свое удовольствие? Вѣдь это, воля ваша, вопросъ очень важный. Немногіе въ состояніи рѣшить его совершенно ясно и удовлетворительно для самихъ себя, а кто на это способенъ, тотъ почти навѣрное устроитъ себѣ жизнь по своему, и не будетъ ни въ какомъ случаѣ несчастнымъ. Юлія не могла рѣшить этого вопроса удовлетворительно; ей недоставало для этого двухъ вещей: знанія жизни вообще и знанія своей собственной личности; она не знала, чего можно требовать отъ жизни, и не знала, чего требуетъ отъ нея она. Въ подобномъ затруднительномъ положеніи надо было поневолѣ пойти торной дорогой, по которой раньше ея шли сотни гурьскихъ барышень, сдѣлавшихся дамами по вѣнчанію заботливыхъ родителей. Двинувшись впередъ по этому пути, Юлія не могла остановиться; пустая жизнь отнимаетъ силы даже подуть о серьезномъ дѣлѣ; еслибы Юлія даже дозрѣвала существованіе и возможность какой-нибудь другой жизни, она не пожелала-бы выбрать; еслибы даже она пожелала этого, ей не хватило-бы энергіи на то, чтобы осуществить это желаніе; ни въ себѣ самой, ни вокругъ себя она не нашла-бы поддержки, и только безсильное отрицаніе и инстинктивное недовольство своимъ настоящимъ положеніемъ стало-бы результатомъ этихъ желаній. Впрочемъ неосознанное недовольство, скука и пресыщеніе неминуемо выпали-бы на долю Юліи, если-бы ей никто не мѣшалъ идти по той дорогѣ, на которую наводило ее вліяніе общества. Юлія навѣрно-бы соскучилась отъ выѣздовъ и нарядовъ, еслибы никто не мѣшалъ ей выѣзжать и наряжаться. Но жизнь ея измѣнилась подъ вліяніемъ двухъ обстоятельствъ: разладъ съ мужемъ и зародившаяся въ ея душѣ любовь къ постороннему мужчине поневолѣ отвлекли ея вниманіе отъ выѣздовъ и нарядовъ; пришлось отстаивать свою свободу отъ пассивной оппозиціи тѣяка-Вешметева; пришлось ежеминутно жить съ образомъ любимого человѣка, вышніе удовольствія губернской свѣтской жизни потеряли половину своей практической важности и большую часть своей прелести; разги жизни воплотились въ личности докучливаго мужа, поэзія жизни, которой почти не одобряла Юлія, сказала сама собой въ осторожномъ поклоненіи красивому, идеализованному образу Бахтіарова. Юлія въ первый разъ перестала быть куклой и почувствовала

себя женщиной, существомъ любящимъ и требующимъ сочувствія. Дурно-ли, хорошо-ли она пристроила свое чувство — это уже совсѣмъ другой вопросъ. Главное дѣло въ томъ, что она любила: однимъ этимъ фактомъ она становилась неизмѣримо выше той Юліи, которая мечтала о гвардейскомъ офицерѣ и о Невскомъ проспектѣ. Любя красивую фигуру, она выражала свою личность, жила своей жизнью, своими глазами принимала и своимъ умомъ обсуживала впечатлѣнія. Она ошибалась, но ошибалась, какъ свойственно человѣку ошибаться; она по крайней мѣрѣ переставала быть обезьяной или глупымъ ребенкомъ, требующимъ себѣ зажженной папироски единственно потому, что вокругъ него курятъ взрослые. Въ любви Юліи къ Бахтіарову есть недостатокъ разборчивости, есть неумѣнье вглядываться въ людей и отличать сусальное золото отъ настоящаго, но этому чувству нельзя отказать въ нѣкоторой высотѣ нравственныхъ требованій. Юлія не умѣетъ распознать настоящаго Бахтіарова, но тотъ Бахтіаровъ, котораго она любитъ, т. е. то воображаемое лицо, которое она ставитъ на мѣсто дѣйствительно существующаго, вовсе не дурной и даже недюжинный человѣкъ. Какъ только Бахтіаровъ оказывается подлецомъ, такъ онъ погибаетъ въ глазахъ Юліи; женщина поумиѣетъ и поопытѣе Юліи разобрала-бы своего героя раньше — объ этомъ нѣтъ; но дѣло въ томъ, что умственная неразвитость Юліи, а не нравственная испорченность ея была причиной ея увлеченія. Она любила хорошую и красивую личность и только не видѣла того, что эта личность не имѣетъ ничего общаго съ настоящимъ Бахтіаровымъ. Кто еще не жилъ, тотъ и не умѣетъ жить; кто никогда не мыслилъ и не наблюдалъ, тотъ не можетъ распознавать характеры окружающихъ людей. Юлія не виновата въ своей ошибкѣ. Какъ жертва своего воспитанія и своего общества, она можетъ возбудить къ себѣ состраданіе; горести и радости ея внутренняго міра такъ мелки и ничтожны, что имъ мудрено сочувствовать; разсматривая ихъ, придется только пожалѣть о человѣческой личности, тратящей нравственные силы на пустыя и безсвязныя тревоги. Словомъ, Юлія — личность очень обыкновенная по врожденнымъ способностямъ, испорченная безобразной домашней дисциплиной и постепенно мельчающая подъ вліяніемъ нелѣпыхъ условий семейной и общественной жизни. Личность ея очень не изящна именно потому, что въ большей части случаевъ она сливается съ окружающимъ обществомъ, бонится отъ него отшатнуться, по рукамъ и по ногамъ связана его предрасудками и раздѣляетъ почти всѣ его вкусы и наклонности. Она почти нигдѣ не составляетъ исключенія ни въ худшую, ни въ лучшую сторону. Любя Бахтіарова, она порой



увлекается и дѣлаетъ неосторожный поступокъ; эти минуты увлеченія выражаютъ собою лучшія, живыя стороны ея характера, но къ сожалѣнію она увлекается дряннымъ человѣкомъ, и недостойная личность ея героя бросаетъ грязную тѣнь на чистоту ея порывовъ. Къ тому-же эти порывы слишкомъ слабы; она дѣлаетъ неосторожный шагъ и оглядывается по сторонамъ, прячется, боится и папеньки, и мужа. На ея мѣстѣ женщина, способная сильно любить, увлеклась-бы за предѣлы всякаго приличія и надѣлала-бы множество яркихъ глупостей. На ея мѣстѣ женщина съ твердымъ и честнымъ характеромъ не стала-бы прятаться и гордо пошла-бы навстрѣчу домашнимъ сценамъ и общественному стыду. Но Юлія не изъ тѣхъ; ей хочется служить и богу, и мамону, и вслѣдствіе этого изъ нея выходятъ ни то, ни се, ни Богу свѣча, ни чорту кочерга, какъ выражается наше простонародье.

## IV.

А что-за человѣкъ — мужъ Юліи? — Учился онъ въ университетѣ и мечтаетъ о магистерскомъ экзаменѣ. Въ немъ есть сходство съ Обломовымъ, и самое существенное различіе между этими двумя личностями заключается въ различіи манеры Гончарова и Писемскаго. Гончаровъ падитъ и любитъ своего героя, а Писемскій безжалостно продергиваетъ свое созданіе, гдѣ только можно, и продергиваетъ его безъ злобной раздражительности, спокойно, холодно и почти весело. При всей своей объективности Гончаровъ можетъ быть названъ лирикомъ въ сравненіи съ Писемскимъ. Гончаровъ сочувствуетъ отдѣльнымъ личностямъ своихъ произведеній и отдѣльнымъ поступкамъ своихъ героевъ; иное онъ осуждаетъ, иное объясняетъ и оправдываетъ; критикъ часто уравниваетъ въ немъ художника. Ничего подобнаго не встрѣтите вы у Писемскаго; его возрѣвѣніи и отношеній къ идеалу вы нигдѣ не встрѣтите, они даже и не просвѣчиваютъ нигдѣ. Онъ никому не сочувствуетъ, никѣмъ и ничѣмъ не увлекается, ни отъ чего не приходитъ въ негодованіе, никого не осуждаетъ и не оправдываетъ. Грязь жизни остается грязью; сырой фактъ такъ и бьетъ въ глаза: берите его какъ онъ есть, осмысливайте, осуждайте, оправдывайте — это ваше дѣло; голосъ автора не поддержитъ васъ въ вашемъ критическомъ процессѣ и не заспоритъ съ вами. — Вешметевъ и Обломовъ похожи другъ на друга тѣмъ, что оба зависятъ отъ окружающей обстановки, несмотря на то, что стоятъ выше ея по умственному развитію. Отсутствіе активной инициативы, отсутствіе твердой оппозиціи, шаткость и слабость — вотъ основныя черты ихъ характера. Вешметевъ такъ-же слабъ, какъ Обломовъ, и притомъ нисколько не лѣнивъ; онъ былъ-бы

способенъ двигаться впередъ, если-бы имъ будь велъ его за собою или толкалъ общество, въ которое онъ попадаетъ, упираетъ всѣ усилія, чтобы задержать и отбросить его назадъ; онъ страдаетъ отъ этого подается и опускается съ ужасающей быстротой. Неопытный въ житейскихъ дѣлахъ, позволяетъ женить себя черезъ свату и не замечаетъ того, что невѣста его терпитъ и ждетъ, а что родители смотрятъ на него, на владѣльца пятидесяти незаложенныхъ денегъ. Не умѣя ни отразить нападковъ критики родни своей, ни отмачиваться отъ нитъ по ихъ настоянію, отказывается отъ продолженія ученой карьеры, отлагаетъ поспѣхъ магистерскаго экзаменѣ и превращается въ лоначальника губернскаго присутственнаго суда. Мечты о взаимной любви смѣшались въ немъ съ мечтами о разумной дѣятельности; онъ уснулъ подъ видѣ-мундиромъ чиновника, казывающегося отъ безгрѣшныхъ доходовъ семейскій не говоритъ ничего о доходахъ, и думать, что было не безъ того, потому Вешметевъ уже не было денегъ тогда, онъ поступилъ на службу; надо было такъ-же жить, и мѣсто столоначальника до Вешметеву по рекомендаціи Владиміра А. Кураева, котораго практическія воззрѣнія уже видѣли, говоря о воспитаніи и жествѣ Юліи. Далѣе паденіе Вешметева еще скорѣе; когда человѣкъ сбился съ прямой дороги, тогда всякое случайное обстоятельство путаетъ и портитъ его. Нѣтъ нас дѣятельности, нѣтъ желаннаго наслажденія, такъ что-же дѣлать? Надо проживать, убивать время, забивать въ самомъ себѣ потребности своей природы, лучшіе результаты своего развитія; чтобы не страдать, надо ливаться, тупѣть и черствѣть. Все это лось-бы съ Вешметевымъ; онъ отроетъ брюшко, сталъ-бы мечтать о счастья и крестикъ и объ удовольствіи составились бы кожъ преферансикъ, началъ-бы нюхать получилъ-бы лысину и репутацію исполнаго чиновника и наконецъ умеръ-бы, со своимъ дѣтямъ состояніе, исправленное полнеенное. Все это произошло-бы тогда, бы жизнь потекла спокойно, когда-бы не разбивались насильственно, а постепенно разсѣялись-бы, какъ утренній туманъ. Если-бы Юлія Владиміровна Вешметева иенно выказалась въ настоящемъ своемъ тѣ, тогда ея ослѣпленный мужъ помирится своимъ разочарованіемъ такъ-же тихонько, онъ помирится съ бюрократической дѣятельностью. Но толчокъ, полученный Вешметевомъ со стороны его семейной жизни, былъ такъ зокъ и силенъ, что ему только и оставалось или вдругъ выпрыгнуть на прежнюю дѣятельность, или утѣшить себя разумной дѣятельностью,



вой вперед броситься въ омутъ грязи и гаси, запить и съ горя ухнуть остатокъ физическихъ и нравственныхъ силъ. Вообразите бы, что человѣкъ любитъ свою жену и знаетъ, что она его оцѣнитъ и полюбитъ въ свою очередь. Онъ работаетъ надъ ея нравственнымъ возвышеніемъ и не отчаивается отъ идимой неудачи своихъ первыхъ попытокъ; кругъ онъ замѣчаетъ, что она не только любитъ другого, но даже вѣшается этому другому а шею и за-одно съ этимъ другимъ дурачить его, любящаго мужа и усерднаго наставника. Иная, непорочная, неопытная дѣвочка вдругъ превращается въ его глазахъ въ очень опытную, очень хитрую и совершенно испорченную женщину, которая проведетъ и выведетъ дюжины наставниковъ и надзирателей, подобныхъ ему, Бешметеву. Сдѣлавъ подобное открытіе, человѣкъ твердый и рѣшительный вѣроятно плюнулъ-бы на все это, разорвалъ-бы всякую связь съ своимъ прошедшимъ, понималъ-бы то, что умный мужчина можетъ быть счастливъ собственными силами, и поступилъ-бы подобно съ этими размышленіями. Будь онъ въ положеніи Бешметева, такой человѣкъ вышелъ-бы въ отставку, поѣхалъ-бы въ Москву, занялся-бы серьезно магистерскимъ экзаменомъ и въ освѣжающемъ трудѣ мысли нашель-бы себѣ полное утѣшеніе, достойное развитого человѣка. Впрочемъ, надо сказать правду, несчастье, поразившее Бешметева, до такой степени важно, что и покрѣпче его люди могутъ надъ нимъ позадуматься. Лаврецкій—не чета Бешметеву, а Лаврецкій, узнавши объ измѣнѣ Варвары Павловны, считаетъ себя очень несчастнымъ человѣкомъ. Большая часть людей умѣютъ еще кое-какъ перенести холодность любимой женщины, но не переносятъ того, что они называютъ ея невѣрностью. Актъ невѣрности сваливаетъ любимое существо съ высокаго и роскошнаго пьедестала въ грязную лужу; какъ ни широки эмансипаціонныя стремленія нашей эпохи, а до сихъ поръ большая часть развитыхъ мужчинъ нечувствительно для самихъ себя смотритъ на женщину какъ на движимую собственность или какъ на часть своего тѣла. Когда женщина, уступая силѣ чувства, начинаетъ располагать собою, какъ свободной и полноправной личностью, тогда вдругъ забываются всѣ широкія теоріи; тотъ мужчина, который по своему общественному положенію стоитъ къ этой женщинѣ въ отношеніяхъ друга и защитника, вдругъ выступаетъ на сцену судей и палачей; онъ призываетъ на нее громы общественного мнѣнія, онъ отступаетъ отъ нея съ добродѣтельнымъ отвращеніемъ, и общество конечно съ величайшей готовностью начинаетъ кидать грязью въ оставленную и обиженную личность. При болѣе грубыхъ правахъ, мужчина преслѣдуетъ женщину болѣе чувствительнымъ оружіемъ, па-

чаяная отъ грязныхъ намековъ и кончая побоями. Бешметевъ, при своемъ полномъ незнаніи жизни и при полномъ отсутствіи настоящаго, гуманнаго развитія, никогда не думалъ о правахъ женщины и объ отношеніяхъ ея къ мужчине; онъ только мечталъ, лежа на диванѣ, о наслажденіяхъ взаимной любви; мечтамъ этимъ не пришлось осуществиться—и Бешметевъ просто озлился на жизнь и на женщину, не спрашивая у себя, правъ-ли онъ въ своемъ озлобленіи, и имѣютъ-ли какое нибудь разумное оправданіе его мечты о любовномъ счастьи? Если посмотрѣть глазами самого Бешметева на непріятности его семейнаго быта, тогда можно оправдать всѣ глупости, къ которымъ его приводятъ житейскія испытанія; но если посмотрѣть на дѣло со стороны, то увидимъ, что всѣ несчастья эти составляютъ естественное и неизбежное слѣдствіе поведенія самого героя. Молодой человѣкъ женится на дѣвушкѣ почти насильно и почти замуривъ глаза; онъ видитъ, что она хороша собою, и правильныя линіи ея лица мѣшаютъ ему видѣть всю уродливость ихъ взаимныхъ отношеній; любить-ли его будущая его жена, уважаетъ-ли его, сходятся-ли они между собою въ понятіяхъ и склонностяхъ, объ этомъ онъ забываетъ справиться; онъ женится и послѣ свадьбы начинаетъ требовать семейнаго счастья. Нелѣпныя требованія! Человѣкъ самъ положилъ руку на раскаленное желѣзо и удивляется тому, что ему больно, и сердится на несчастную плиту, которая жжетъ его безъ всякаго злого умысла, вслѣдствіе вѣчныхъ законовъ природы. А между тѣмъ, будь вы на мѣстѣ этого человѣка, и вы положили-бы руку на раскаленную плиту; вѣдь хватаются-же дѣти за горячія жаровни, потому что имъ нравится ихъ страшный блескъ и яркій цвѣтъ. Дѣло вотъ въ чемъ: характеръ отдѣльнаго человѣка развивается подъ влияніемъ окружающей среды и обстоятельствъ жизни; въ человѣкѣ можетъ воспитаться преступникъ или эксцентрикъ гораздо прежде того времени, когда онъ будетъ въ состояніи дѣлать дѣйствительныя глупости и фактическія преступленія. Скажите-же, кто въ подобномъ случаѣ болѣе виноватъ: тотъ-ли матеріалъ, изъ котораго выкраивается та или другая фигура, или та рука, которая ее выкраиваетъ? Рука эта большей частью дѣйствуетъ безсознательно; ее называютъ случаемъ, судьбою, силою обстоятельствъ, влияніемъ обстановки; послѣдніе два термина представляютъ нѣкоторый смыслъ, между тѣмъ какъ первые два отличаются крайней мистической неопредѣленностью. Сваливая вину на силу обстоятельствъ, на влияніе обстановки, мы снимаемъ отвѣтственность съ извѣстнаго лица, но тѣмъ прямѣе и строже относимся къ той идеѣ, которая лежитъ въ основѣ извѣстнаго общества, къ



тѣмъ условіямъ быта, къ тѣмъ житейскимъ отношеніямъ, отъ которыхъ недѣлному трудно отрѣшиться и которыя съ самой колыбели тяготѣютъ въ извѣстномъ направленіи надъ его мыслью и дѣятельностью. Вглядитесь въ личности, дѣйствующія въ повѣсти Писемскаго, — вы увидите, что, осуждая ихъ, вы собственно осуждаете ихъ общество; всѣ онѣ виноваты только въ томъ, что не настолько сильны, чтобы проложить свою оригинальную дорогу; онѣ идутъ туда, куда идутъ всѣ; имъ это тяжело, а между тѣмъ онѣ не могутъ и не умѣютъ протестовать противъ того, что заставляетъ ихъ страдать. Вамъ ихъ жалко, потому что онѣ страдаютъ, но страданія эти составляютъ естественныя слѣдствія ихъ собственныхъ глупостей; къ этимъ глупостямъ ихъ влечетъ то направленіе, которое сообщаетъ имъ общество. Сочувствовать тому, что намъ кажется глупостью, мы не можемъ. Намъ остается только жалѣть о жертвахъ уродливаго порядка вещей и проклинать существующія уродливости. Тѣмъ и замѣчательна повѣсть Писемскаго, что она рисуетъ намъ не исключительныя личности, стоящія выше уровня мыслей, а дюжины людей, копошащихся въ грязи, замаранныхъ съ ногъ до головы, задыхающихся въ смрадной атмосферѣ и неумѣющихъ найти выхода на свѣтъ. Чтобы действительно оцѣнить всю грязь нашей всѣдневной жизни, надо посмотрѣть на то, какъ она дѣйствуетъ на слабыхъ людей; только тогда мы въ полной мѣрѣ поймемъ ея отравляющее вліяніе; сильный человѣкъ легко выкарабкается изъ нея; но людей слабыхъ или неокрѣпшихъ она душитъ и мертвитъ. Читая «Дворянское Гнѣздо» Тургенева, мы забываемъ почву, выражающуюся въ личностяхъ Панишина, Марьи Дмитриевны и т. д., слѣдимъ за самостоятельнымъ развитіемъ честныхъ личностей Лизы и Лаврецакаго; читая повѣсти Писемскаго, вы никогда, ни на минуту, не позабудете, гдѣ происходитъ дѣйствіе; почва постоянно будетъ напоминать о себѣ крѣпкимъ запахомъ, русскимъ духомъ, отъ котораго не знаютъ куда дѣваться дѣйствующія лица, отъ котораго порой и читателю становится тяжело на душѣ.

## V.

Трудно себѣ представить болѣе яркую и скатую картину грязной жизни губернскаго города, чѣмъ та, которую нарисовалъ Писемскій въ повѣсти «Тюфякъ». И это не карикатура, даже не сатира. Каждая отдѣльная фигура такъ твердо убѣждена въ полной правотѣ своихъ притязаній, въ полной законности своихъ дѣйствій, что она живетъ мимо воли автора, и что вамъ кажется, будто иначе она и не можетъ жить. Это правда; иначе не можетъ она жить, машина заведена въ извѣст-

номъ направленіи и пойдетъ себѣ своимъ порядкомъ, пока не размотается пружина или изотрутся колеса, или-же пока извѣстное, но постепенно увеличивающееся внутреннее разстройство не остановитъ всего развихлявшагося механизма. Семья деспотизмъ развращаетъ младшихъ членовъ и готовитъ изъ нихъ будущихъ негодниковъ, которыхъ рука будетъ тяготѣть надъ будущими подчиненными личностями такъ тяжело, какъ тяготѣли надъ ними сальныя руки отцовъ и матерей. Та молодая дѣвушка, которая сегодня возбуждала ваше участіе, несчастная жертва, задыхавшаяся отъ безжизненныхъ рыданій при помолвкѣ съ какимъ-нибудь человѣкомъ, черезъ нѣсколько недѣль или передъ вами молодой барыней, держащей въ ежевыхъ рукавицахъ свою прислугу, терпящая мужа капризами и истериками и тратящая возмутительнымъ цинизмомъ его трудныя сбереженія на украшеніе своей особы. Несчастный мужъ, котораго вы пожалѣете теперь, мученика, явится скоро домашнимъ тираномъ, будетъ съ систематической жестокостью истреблять существованіе той самой женщины, которую онъ въ былое время чуть-чуть любилъ. Любящая мать, старающаяся устроить счастье своихъ дѣтей, часто связываетъ ихъ рукамъ и ногамъ узкостью своихъ взглядовъ, близорукостью своихъ разсчетовъ и непроницаемостью своихъ заботъ. Чувства сильны и искренно, но убѣжденія односторонны и ложны, и потому сумма ея вліянія вредна и губительна. Голосомъ этой любящей матери рѣчь почва, на которой она росла и прозябала, молодой человѣкъ, слышавшій вдали отъ родительскаго дома что-то новое, рванувшійся къ этому новому, еще неизвѣстному, уже привлекательному образу жизни и дѣятельности, рискуетъ остановиться въ нерѣшительности, растрогаться и расплакаться, раскиснуть въ завиральныхъ идеяхъ, увидать свой путь въ сыновнемъ повиновеніи и нечувствительно заглохнуть въ томъ омутѣ, изъ котораго было старался выкарабкаться. Когда два извѣстныхъ теченія мысли вступили между собою въ борьбу на жизнь и на смерть, когда нейтральное оказывается невозможнымъ, тогда людямъ съ крѣпкими чувствами и съ нерѣшительными идеями приходится очень тяжело. Кто не спешитъ съ собою корабли и идти смѣло впередъ шагая черезъ развалины своихъ прежнихъ патій, вѣрованій, воздушныхъ замковъ и аловъ и слыша за собою ругательства, упреки и возгласы негодующаго изумленія со стороны близкихъ людей, тотъ хорошо сдѣлалъ, если заглушить въ головѣ работу критическаго ума и даже простого здраваго смысла, если благовременно начать отплевываться отъ какаго-нибудь демона, сидящаго въ мозгу каждаго







скольких поколѣній сохраняетъ для позднѣйшихъ внуковъ тѣ формы быта, тѣ воззрѣнія отношенія между людьми, отъ которыхъ даже дамы и прадѣды солоно было жить на вѣѣ. Патріархальность понятій еще живетъ въ нашемъ обществѣ, несмотря на заграничныя дѣла, которыя съ замѣчательной быстротой вносятся изъ Парижа въ разныя захолусты восточной Руси. Господа въ англійскихъ тизингахъ и барны въ кринолинахъ подъ-часъ разыгрываютъ такія семейныя и вообще домашнія сцены, на которыя съ удовольствіемъ могли бы смотрѣть бородатые бояре до-петровской юхи. Отражается-ли въ этихъ сценахъ народность—это я предоставляю рѣшить знатокамъ любителей; знаю только, что отъ этихъ сценъ только достается пассивнымъ и подчиненнымъ личностямъ; можетъ-быть эти сцены дѣлаютъ часть исторической памяти русскаго народа, но въ нихъ страдаетъ человѣкъ, въ нихъ топчутъ грязь человѣческое достоинство, и потому—богъ съ нимъ! съ этимъ призракомъ прошедшаго, откуда-бы мы его ни почерпнули. Далѣе, праздность нашего общества ведетъ за собою существованіе искусственныхъ интересовъ; надо-жь чѣмъ-нибудь заняться,—и вотъ придумываются какія-нибудь цѣли; настоящей жизни нѣтъ, является подставная жизнь, которая никому не приноситъ ни пользы, ни наслажденія, отъ которой не отрѣшается почти никто. Трехмѣсячные доходы ухлопываются наприѣѣръ на званый обѣдъ или балъ, на которомъ можетъ-быть не будетъ ни одного человѣка, действительно дорогаго и близкаго для хозяевъ. Балъ дается съ особеннымъ великолѣпіемъ изъ щеславія, чтобы заставить говорить въ городѣ; многіе изъ гостей, бывшихъ на балѣ, говорятъ, пріѣхавши домой, что надо и имъ строить что-нибудь подобное, и говорятъ это иногда съ сокрушеннымъ сердцемъ, потому что денегъ мало, а между тѣмъ изъ кожи лѣзутъ—устраиваютъ. Вотъ вамъ и наполнена жизнь, вотъ и борьба интересовъ, вотъ и драма, переходящая то въ комическій, то въ трагическій тонъ. Иной почтенный отецъ семейства чуть не за пистолеты хватается, увѣряя своихъ домашнихъ, что жить нечѣмъ; глядя на него, подумаешь, что всему семейству придется завтрашній день безъ обѣда сидѣть, а на повѣрку окажется, что все отчаяніе происходитъ оттого, что ему нельзя дать больше одного бала въ нынѣшнемъ сезонѣ. Это комедія! Но между тѣмъ вмѣстѣ одного бала дается два или три; дѣла запутываются, имѣнія закладываются и просрочиваются; долги растутъ, кредитъ падаетъ; являются серьезныя финансовыя разстройства; начинается мѣщанская трагедія. Придуманныя прихоти считаются въ искусственномъ мірѣ нашей общественной жизни необходимыми потребностями; имъ жертвуютъ часто дѣйствительными

удобствами жизни. Сколько семействъ среднего круга отказываются отъ сытнаго обѣда для того, чтобы обить комнаты новыми обоями, чтобы купить старшей дочери шелковое платье, или чтобы въ нанятой каретѣ поѣхать куда-нибудь на вечеръ! Еслибы еще подобныя распоряженія дѣлались съ общаго согласія, ихъ можно было-бы извинить; но вѣдь дѣлами семейства заведуютъ только папенька съ маменькой, остальные члены,—лица безъ рѣчей, не имѣющія даже совѣщательнаго голоса,—терпятъ лишенія для того, чтобы покрыть расходы такихъ удовольствій, въ которыхъ они не принимаютъ участія.

Согласитесь, что это возмутительно! А развѣ не возмутительны тѣ мелкія интриги, которыя все клонятся къ тому, чтобы можно было занять и удержать за собою извѣстное мѣсто, извѣстную роль въ обществѣ? Не уважая почти никого въ отдѣльности, члены общества уважаютъ всѣхъ вмѣстѣ; для нихъ ничего не значитъ огорчить или оскорбить сосѣда и пріобрѣсти въ немъ личнаго врага; но возбудить о себѣ толки, навлечь на себя вниманіе всего общества какой-нибудь эксцентричностью или потерять ту долю общественнаго вниманія, которою они пользовались за роскошный образъ жизни,—это для нихъ невыносимо тяжело. Чтобы удерживать балансъ въ общественномъ мнѣніи, надо прибѣгать къ самымъ разнообразнымъ средствамъ, надо тратиться и разоряться, надо занимать деньги, не теряя кредита, надо принимать у себя важныхъ лицъ, надо внушать своимъ дѣтямъ такія идеи, которыя не могли-бы произвести диссонанса, надо направлять сыновей по такой дорогѣ, которую общество считало-бы блестящей, надо располагать по своему произволу и благоусмотрѣнію судьбою дочерей и выдавать ихъ замужъ за людей родовитыхъ, чиновныхъ и богатыхъ. Если вы—отецъ семейства, то вы отвѣчаете передъ обществомъ не за одного себя; проступокъ вашей жены; вашей дочери, вашего сына, брата или племянника падаетъ на васъ болѣе или менѣе тяжело, смотря по тому, насколько близокъ къ вамъ провинившійся. Взыскивая такимъ образомъ со всѣхъ членовъ семейства за вину одного, общественное мнѣніе конечно оправдываетъ или даже поощряетъ внимательство родственниковъ и родственниковъ въ такія дѣла, которыя, собственно говоря, нисколько до нихъ не касаются. Простой здравый смыслъ говорить ясно, что каждый отдѣльный человѣкъ можетъ отвѣчать только за себя, да развѣ еще за малолѣтняго своего ребенка, который долженъ быть подъ хорошимъ присмотромъ, чтобы не имѣть возможности повредить какъ-нибудь своему здоровью и не нанести сосѣду убытка или несправности. Наше русское общественное мнѣніе, не имѣющее ничего общаго съ здравымъ



смыслѣ, судить совсѣмъ не такъ: оно предполагаетъ между членами семейства и даже рода такую крѣпкую связь, такую солидарность отношеній, которыя возможны только въ патриархальномъ быту и о которыхъ наше время къ счастью не имѣетъ понятія. Требования общественнаго мнѣнія въ полномъ объемѣ неисполнимы, но эти требования даютъ известное направленіе индивидуальнымъ силамъ; при всѣхъ вашихъ стараніяхъ, вы не усмотрите за всей своей родней и не будете въ состояніи привести всѣ ихъ дѣйствія къ должной мѣркѣ; но важно уже то, что вы будете стараться, будете вмѣшиваться и слѣдовательно, сталкиваясь съ сильными характерами, будете надѣяться имъ, а имѣя дѣло съ людьми слабыми, будете сбивать ихъ съ толку. Сильные характеры я могу оставить въ сторонѣ; они не поддаются общественному мнѣнію, не слушаютъ чужихъ совѣтовъ и слѣдовательно не страдаютъ отъ уродливыхъ особенностей почвы. Что же касается до людей неглупыхъ, сколько нибудь развитыхъ, но не настолько сильныхъ, чтобы отстоять результаты своего развитія, то легко можно себя представить, какъ тяжело ихъ положеніе. Доходящіе до нихъ слухи о городскихъ толкахъ волнуютъ и смущаютъ ихъ; совѣты какого-нибудь нелѣпаго родственника или доброжелателя приводятъ ихъ въ недоумѣніе: голосъ собственного просвѣщеннаго убѣжденія говоритъ имъ одно, почва требуетъ совершенно другого, и они повинуются требованиямъ почвы, не успѣвая заглушить въ себѣ невольнаго протеста. Они унижаются и сами сознаютъ свое униженіе; это внутреннее раздвоеніе мучитъ, озлобляетъ ихъ и возбуждаетъ въ нихъ желаніе срывать зло на окружающемъ, они дѣлаются несправедливыми и, чувствуя это, еще болѣе окисляются и становятся еще неспосибѣе. Эти люди конечно неспособны внушить къ себѣ уваженіе или сочувствіе, но они-то всего болѣе и нуждаются въ исцѣленіи; они дѣйствительно очень больны; къ тому-же ихъ очень много, и объ нихъ стоитъ подумать. Переменить окружающую ихъ атмосферу невозможно: для этого нужно было бы перевоспитать все общество; стало быть, надо сдѣлать ихъ по возможности нечувствительными къ міазмамъ этой атмосферы; надо настолько возвысить ихъ надъ уровнемъ окружающаго общества, чтобы они могли смотрѣть à vol d'oiseau на его гнѣвъ, негодованіе и волненіе; чтобы жить въ провинціальномъ обществѣ, не окисляясь и не опошляясь, надо умѣть презирать людей безъ злобы, презирать ихъ холодно, сознательно, отказываясь отъ всякой попытки возвысить ихъ до себя и понимая совершенную невозможность сойтись съ ними на какомъ-нибудь воззрѣніи. Когда дѣти играютъ въ куклы, было-бы смѣшно подойти

къ нимъ и начать имъ доказывать, что они тратятъ попусту драгоценное время, — пристисъ къ обществу взрослыхъ, какъ къ группѣ играющихъ дѣтей, — и кроткая улыбка выннть собою тяжелое негодованіе, накопившееся въ вашей груди. «Пустые люди!» — подумаете вы. Да что-же изъ этого? Вѣдь не насилье-же и ползать ихъ внутреннимъ содержаниемъ. Изъ только одна сторона жизни, съ которой и какъ нельзя помириться; къ счастью, эта сторона скрыта внутри домовъ и не паритъ на глаза постороннимъ зрителямъ. Живая въ обществѣ, вы увидите только одну его жизни, мелочность и ложность его интересовъ; это еще не большая бѣда, какинъ и вѣтъ для себя, и потому воленъ лично себя забавлять чѣмъ вздумается и работать надъ чѣмъ угодно, но только лично для себя. Приневолить къ чему-бы то ни было членовъ своего семейства, располагать ихъ по своему близорукому благоусмотрѣнію, опредѣлять карьеру сыновей и выдавать за мужъ дочерей — о! это такія права, противъ которыхъ глубоко возмущается человѣческая природа; замѣтьте притомъ, что человѣкъ болѣе расположенъ пользоваться этими вѣщными правами, чѣмъ менѣе онъ способенъ употребить ихъ на благо подчиненныхъ личностей. Необразованный, безнравственный пьющій губернской чиновникъ обыкновенно является деспотомъ въ семействѣ, крутитъ и ломитъ всякую оппозицію, не слушаетъ и резоновъ, ни просьбъ, — съ пьяныхъ глазъ опредѣляетъ сыновей на службу, отправляетъ дочерей подъ вѣнецъ, — и при всемъ этомъ опирается на свои природныя и законныя права, ссылаясь на свою родительскую любовь и заботливость. Съ этой стороны жизни невозможно помириться; къ ней нельзя даже отнестись съ равнодушнымъ взрѣніемъ; здѣсь страдаютъ и гибнутъ люди, притомъ люди молодые, не успѣвшіе испортиться. Но сцены притѣсненія, драмы семейнаго деспотизма разыгрываются внутри семейства; ихъ можно предполагать и отгадывать, но видѣть ихъ можно только самимъ актерамъ, потому что эти сцены происходятъ безъ постороннихъ зрителей, тогда, когда ничто не требуетъ приличныхъ декорацій и благообразной костюмировки. Прекратить эти халатныя сцены, развертывающія свое полное безобразіе въ спальняхъ, дѣтскихъ, кухняхъ и другихъ жилыхъ комнатахъ, недоступныхъ для гостей, — не можетъ ни законодательство, ни общественное мнѣніе. Пока жена будетъ зависѣть отъ мужа въ отношеніи къ своему пропитанію, пока мужъ будетъ такъ грубъ, что будетъ находить удовольствіе въ притѣсненіи слабого и зависимаго существа, пока родители и дѣти не будутъ имѣть яснаго понятія о своихъ человѣчески-разумныхъ пра-



ахъ,—до тѣхъ поръ можно будетъ обходить укуку самага мягкаго и справедливаго закона, до тѣхъ поръ можно будетъ обманывать контроль самага чуткаго и просвѣщеннаго общественнаго мнѣнія. Но на наше общественное мнѣние полагаться нельзя; оно составлено изъ оловосовъ тѣхъ самыхъ семьянъ, которые тягостѣютъ надъ своими домочадцами; оно проникнуто духомъ Домостроя и только облагообразило до нѣкоторой степени вишіе приемы, рекомендуемые попомъ Сильвестромъ. Оно признаетъ за родителями право распоряжаться судьбой дѣтей и, обязывая послѣднихъ къ пассивному повиновенію, вознаграждаетъ ихъ за потерю свободы правомъ угнетать современемъ другихъ. Наше общественное мнѣние можетъ быть возмущено только скандаломъ; оно прощаетъ несправедливость и систематическую жестокость, лишь-бы не было крика, ласга пощечинъ, кровавыхъ сынаковъ и истерическихъ припадковъ; впрочемъ это общественное мнѣние умѣетъ быть глухо и слѣпо, умѣетъ смотрѣть сквозь пальцы и часто оказывается до того пропитаннымъ духомъ патриархальности, что принимаетъ сторону притѣснителя; часто оно обвиняетъ жертву деспотизма въ томъ, что она не умѣла избѣжать срама и покориться молча. Не даромъ говорить пословица: «изъ избы сору не выноси»; кажется, всѣ члены чисто русскаго семейства только и заботятся о томъ, чтобы хранить свой соръ чуть не подъ образами, и ни за что не рѣшаются съ нимъ разстаться и вышвырнуть его на улицу. Тайна, въ которую ложный стыдъ облакаетъ разныя семейныя неприятели, искусственный мракъ, который стараются поддержать въ семейномъ святилищѣ,—мракъ, непроницаемый ни для какой гласности, конечно содѣйствуютъ сохраненію въ семейныхъ нравахъ и отношеніяхъ той дикости, которая уже выводится въ отношеніяхъ общественныхъ и междусловныхъ. Реформировать семейство можетъ только гуманизация отдѣльных лицъ и возвышеніе личнаго самосознанія и самоуваженія. Человѣкъ, дѣйствительно уважающій человѣческую личность, долженъ уважать ее въ своемъ ребенкѣ, начиная съ той минуты, когда ребенокъ почувствовалъ свое «и» и отдѣлилъ себя отъ окружающаго міра. Все воспитаніе должно измѣниться подъ влияніемъ этой идеи; когда она глубоко проникнетъ въ сознаніе каждаго взрослого недѣльнаго, всякое принужденіе, всякое насиліе воли ребенка, всякая ломка его характера сдѣлаются невозможными. Мы поймемъ тогда, что формировать характеръ ребенка—нелѣпая претензія; мы поймемъ, что дѣло воспитателя—заботиться о матеріальной безопасности ребенка и доставлять его мысли матеріалы для переработки; кто старается сдѣлать больше, тотъ посягаетъ на чужую свободу и воздвигаетъ

на чужой землѣ зданіе, которое хозяинъ непремѣнно разрушить, какъ только вступить во владѣніе. Когда мы поймемъ все это?—не знаю; все это можетъ-быть утопія, надъ которыми засмѣются практики въ дѣлѣ педагогики и семейной жизни. Смѣйтесь, гг. практики, смѣйтесь! Но не удивляйтесь тому, что возникаютъ утопіи; когда рутина довела до того, что придется барахтаться и захлебываться въ грязи, тогда поневолѣ отвернешься отъ дѣйствительныхъ фактовъ, проклянешь прошедшее и обратишься за рѣшеніемъ жизненныхъ вопросовъ не къ опыту, не къ исторіи, а къ творчеству здраваго смысла и къ непосредственному чувству.

## VII.

Грозная филиппика моя противъ нашего общества вообще и провинціального въ особенности выставила такимъ образомъ на видъ два главныхъ свойства: 1) пустоту жизни, порождающую искусственность и ложность интересовъ, и 2) патриархальную рутинность понятій и отношеній, ведущую за собой семейный деспотизмъ. Эти два свойства имѣютъ конечно значительное влияние на формированіе тѣхъ нравственныхъ воззрѣній и правилъ, которыя признаетъ и отстаиваетъ общественное мнѣніе. Эти нравственные воззрѣнія не разъ назывались въ нашей критикѣ условной или мѣщанской нравственностью. Оба названія довольно мѣткі. Дѣйствительно, принято, условлено не позволять себѣ того или другого поступка, хотя-бы въ этомъ поступкѣ самая тщательная критика не открыла ничего предосудительнаго или неизящнаго; принято, условлено — и всѣ такъ и дѣлаютъ; кто не повинуется обычаю—навлекаетъ на себя нареканія; осуждая человѣка за нарушеніе обычая, мы не разбираемъ его поступка собственнымъ здравымъ смысломъ, а просто подводимъ его подъ букву того кодекса, который успѣли заучить въ различныхъ столкновеніяхъ съ людьми и съ обстоятельствами. Мы какъ будто условились признать авторитетъ этого незримаго кодекса, и слѣдовательно наша общественная нравственность вполнѣ заслуживаетъ названія условной. *Мѣщанская*—эпитетъ довольно выразительный. Нравственные понятія, установленныя общественнымъ кодексомъ, узки, мелки, робки, непослѣдовательны, какъ мѣщанскій либерализмъ, эмансипирующій личность *до извѣстныхъ предпологовъ*, какъ мѣщанскій скептицизмъ, допускающій критику ума *въ извѣстныхъ границахъ*. Въ основѣ общественной нравственности лежатъ существенныя черты того ложнаго идеала, которому поклоняется общество,—того идеала, который изобразилъ Пушкинъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ» въ стихахъ:







ово, какъ и подъ многія другія, свой домо-  
щенный смыслъ, — доходить изумительные для  
ихъ слухи. Они узнаютъ, что въ Европѣ и въ  
мерикѣ передовые люди толкуютъ о томъ, что  
женщина такой-же человѣкъ, какъ и мужчина,  
то она вовсе не обязана только о томъ и ду-  
ать, чтобы готовить мужу обѣдъ, рожать ему  
дѣтей и кормить ихъ сначала грудью, а по-  
омъ — манной кашкой, что она можетъ мыслить,  
увствовать и дѣйствовать, не спрашивая поз-  
оленія ни у отца, ни у мужа. Задумываются  
аши господа; имъ говорить о правахъ женщи-  
ны, и они сейчасъ-же понятіе женщины вопло-  
щаютъ въ тѣхъ образахъ, которые суетятся  
и шныряютъ передъ ихъ глазами; они себѣ пред-  
ставляютъ, что случилось-бы, еслибы ихъ жены  
и дочери были отпущены на волю, т. е. эман-  
сипированы, — и съ ужасомъ замуриваютъ  
глаза, и начинаютъ отмахиваться отъ эманси-  
пационныхъ идей, потому что ихъ воображенію  
представляются неблагоприятныя картины. Они  
думаютъ, что женская нравственность и цѣло-  
мудріе, супружеская вѣрность и материнская  
заботливость поддерживаются только стараніи-  
ми отцовъ и мужей, да гнетомъ общественнаго  
мнѣнія, и вдругъ имъ предлагаютъ отказаться  
отъ своего господства надъ женщинами и устраи-  
вать гнетъ общественнаго мнѣнія. Да какъ-же  
такъ? спрашиваютъ они; да гдѣ-жъ тогда гра-  
ница, гдѣ будетъ плотина, которая до сихъ  
поръ сдерживала безнравственныя наклонно-  
сти? гдѣ возможность, гдѣ обезпеченіе семей-  
наго счастья? — Словомъ, они видятъ, что можно  
употребить во зло идею, и уже кромѣ злоупо-  
требленія въ этой идеѣ ничего не видятъ. Дѣй-  
ствительно, въ такой странѣ, гдѣ женщина при-  
знается полноправной личностью, ей легче за-  
вести себѣ любовника, чѣмъ у насъ, точно  
такъ-же, какъ у насъ это легче сдѣлать, чѣмъ  
въ Турціи или въ Персіи; въ этомъ не оши-  
баются противники эмансипации. Но захочетъ-  
ли эмансипированная женщина удариться въ  
развратъ изъ любви къ разврату — объ этомъ  
они не спрашиваютъ. Дурно-ли дѣлаетъ жен-  
щина, если дѣйствительно, любя мужчину, она  
отдается ему, — до этого вопроса они не умѣютъ  
возвыситься.

Еслибы къ киргизамъ проникла какая-ни-  
будь европейская идея, то конечно она произ-  
вела-бы такой диссонансъ, такой сумбуръ, ко-  
торого-бы не было, еслибы она оставалась  
неизвѣстной. Везпорядокъ продолжался-бы до  
тѣхъ поръ, пока эта идея не была-бы задумана  
или пока-бы она рѣшительно не восторжество-  
вала и не переработала весь строй народныхъ  
понятій. Къ числу такихъ рѣзкихъ диссонан-  
совъ безспорно принадлежитъ разладъ между  
нашими средневѣковыми понятіями о семействѣ  
и совершенно новыми по своей ширинѣ идеями  
о полноправности женщины. Многіе-ли изъ на-

шихъ образованныхъ умниковъ достаточно при-  
готовлены, чтобы только понять обширность и  
величіе этой идеи? Чтобы всецѣло провести ее  
въ собственной жизни, надо располагать такими  
силами, которыя достаются на долю немногимъ  
единицамъ. А между тѣмъ посмотрите и послу-  
шайте. Полу-кретины, не умѣющіе ни мыслить,  
ни уважать мысли другого, судятъ и рядятъ,  
оплевываютъ и закидываютъ грязью то, что для  
нихъ — пустой звукъ, а для людей съ умомъ и  
съ душой — сознательное и дорогое убѣжденіе.  
Личная свобода, любовь, полноправность жен-  
щины понимаются нашимъ обществомъ только  
въ опошленномъ, одностороннемъ и извращен-  
номъ видѣ. Точно такъ-же понимается или  
идея эгоизма, неразрывно связанная съ идеей  
свободы личности и составляющая необходимое  
основаніе всякой истинной любви. Эгоистъ, по  
понятію нашего общества, — тотъ человѣкъ, ко-  
торый никогда не любитъ, живетъ только для  
того, чтобы набивать себѣ карманъ или желу-  
докъ, и наслаждается только чувственными удо-  
вольствіями или удовлетвореніемъ своей алч-  
ности или честолюбія. Тутъ прямо пододвину-  
ли подъ слово такое понятіе, которое не имѣетъ  
ничего общаго съ его подлиннымъ значеніемъ.  
Почему-же эгоистъ долженъ быть недоступенъ  
эстетическому наслажденію? Почему онъ не мо-  
жетъ любить? Почему онъ не можетъ нахо-  
дить наслажденія въ томъ, чтобы дѣлать добро  
другимъ? Эгоизмъ, т. е. любовь къ собственной  
личности, ставитъ цѣлью жизни наслажденіе,  
но не ограничиваетъ выбора наслажденія тѣмъ  
или другимъ кругомъ предметовъ. Я наслажда-  
юсь тѣмъ, что мнѣ пріятно, а что пріятно —  
это уже подсказываютъ каждому его наклон-  
ности, его личный вкусъ. Стало быть, внутри  
понятія *эгоистъ* открывается необъятный про-  
сторъ личнымъ особенностямъ и стремленіямъ.  
Эгоистами могутъ быть и хорошіе, и дурные  
люди; эгоистъ — человѣкъ свободный въ самомъ  
широкомъ смыслѣ этого слова; онъ дѣлаетъ  
только то, что ему пріятно; ему пріятно то,  
чего ему хочется, слѣдовательно онъ дѣлаетъ  
только то, чего ему хочется, или, другими сло-  
вами, остается самимъ собою во всякую дан-  
ную минуту и не насилуетъ себя ни изъ угож-  
женія къ окружающему обществу, ни изъ бла-  
гоговѣнія передъ призракомъ нравственнаго  
долга. Что ему пріятно, въ этомъ весь вопросъ,  
и тутъ начинается нескончаемое разнообразіе,  
и ни одинъ человѣкъ не имѣетъ права подво-  
дить это естественное и живое разнообразіе подъ  
какую-нибудь придуманную имъ или наслѣдо-  
ванную откуда-нибудь норму. Отсутствие нрав-  
ственнаго принужденія — вотъ единственный  
существенный признакъ эгоизма, но этого ко-  
нечно не понимаетъ наше общество; именемъ  
эгоиста оно называетъ непремѣнно человѣка  
сухого и черствого, не понимая того, что та-



кой человек даже и самого себя любить слабо и вилло, что он даже самому себе не умеет доставлять тѣ наслаждения, которые можно вынести изъ сношеній съ другими людьми. Называть эгоизмомъ бѣдность крови и худосочіе, мѣшающія энергическому восприниманію впечатлѣній, совершенно нелѣпно; и надо согласиться съ тѣмъ, что только бѣдность крови и худосочіе могутъ сдѣлать человека нечувствительнымъ къ наслажденіямъ любви, семейной жизни и дружбы, — недоступнымъ тому волненію, которое возбуждаютъ въ насъ истинно художественныя произведенія, — неспособнымъ къ творчеству мысли и къ искреннему воодушевленію. Эгоизмъ — система умственныхъ убѣжденій, ведущая къ полной эмансипаціи личности и усиливающая въ человѣкѣ самоуваженіе; а между тѣмъ этимъ словомъ обозначаютъ совокупность нравственныхъ, а можетъ быть и чисто физическихъ свойствъ, мѣшающихъ развитію полной человѣчности и слѣдовательно не позволяющихъ человѣку сильно любить, сильно желать и сильно наслаждаться жизнью. Отчего происходитъ эта ошибка въ опредѣленіи понятія? Вѣроятно оттого, что мы обыкновенно очень поверхностно смотримъ на вещи. Мы видимъ, напримеръ, что человекъ никого не любитъ, держитъ жену и дѣтей въ черномъ тѣлѣ, копитъ деньги безъ всякой цѣли или тратитъ ихъ на грязныя удовольствія, въ которыхъ онъ одинъ принимаетъ участіе; изъ этого мы заключаемъ, что этотъ человекъ любитъ только самого себя и что слѣдовательно онъ — эгоистъ; онъ никого, кромя самого себя, не любитъ — это вѣрно; но слѣдуетъ-ли изъ этого заключенія, что онъ самого себя любитъ сильно, тѣмъ тотъ человекъ, который находитъ наслажденіе въ томъ, чтобы доставлять другимъ удовольствія и счастье? Эти два человека расходятся между собою только во вкусахъ; оба идутъ къ одной цѣли — къ наслажденію; первый пускаетъ въ ходъ тѣ жалкія средства, которыя отыскиваетъ его узенькій умъ и до которыхъ дошучивается его бѣдная, тѣлая природа; второй живетъ всѣми фибрами своего организма, дышитъ полной грудью, смотритъ на міръ весело, любовно, радуется свѣжей жизни окружающей природы и довольству, развитію на лицахъ близкихъ и дорогихъ ему людей; одинъ вѣчно безразличенъ, вялъ, почти боленъ; другой здоровъ, свѣжъ, бодръ и въ слѣдствіе этого воспримчивъ къ радостямъ окружающаго міра; различіе, какъ видите, лежитъ скорѣе въ темпераментѣ, чѣмъ въ системѣ умственныхъ убѣжденій. Понторазъ эгоизмъ, если понимать его какъ слѣдуетъ, есть только полная свобода личности, уваженіе обязательныхъ трудовъ и добродѣтелей, а не искорененіе доброты, вѣжливости и благородныхъ порывовъ. Пусть только никто не требуетъ податковъ, пусть никто не навязывается аме-

ній и порывовъ, пусть общество уважаетъ личность настолько, чтобы не осуждать ея за отсутствіе влеченій и порывовъ, и пусть каждый человекъ не старается искусственно прина- къ себѣ и воспитывать въ себѣ эти аме- и порывы, — вотъ все, чего можно желать послѣдовательнаго проведенія и сознательнаго воспринятія идеи эгоизма. Гнетъ общественной личностью такъ-же вреденъ, какъ гнетъ личности надъ обществомъ; еслибы вслѣдствіе бытъ свободенъ, не стѣсняя свободы своихъ сосѣдей и членовъ своего семейства, то конечно были-бы устранены причины многихъ несчастій и страданій. Другими словами, если всякій былъ эгоистомъ по-своему, не имъ другимъ бытъ эгоистами по-своему, тогда было-бы въ среднемъ кругу ни ссоръ, ни сатень, ни скандаловъ. Въ *среднемъ кругу*, вѣрю я, потому что для низшихъ слоевъ общества есть такое зло, которое до сихъ поръ не могли устранить, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, лучшіе мыслители Европы. Это зло — промѣрять со всѣми своими ужасными послѣдствіями. Отысканіе средства, долженствующаго устранить это зло, принадлежитъ еще будущему времени.

Большая часть идей, находящихся въ сращеніи между передовыми людьми нашего вѣка превратно понимается массою нашего общества и въ слѣдствіе этого не находятъ себѣ дѣйствія. Ничтожный и дешевый скептицизмъ, съ которымъ встрѣчаются у насъ самыя честныя и зрѣнія, самыя теплыя выраженія чужеземскаго чувства, самыя благородныя и широка стремленія мысли, доказываютъ, что наше общество вообще равнодушно къ истинѣ и красотѣ, или что оно не понимаетъ, въ чемъ дѣло. Последнее, имѣ кажется, вѣрнѣе; слышаши вершки образованія, слыша слова, знающіе по французскимъ учебникамъ и романамъ наша публика всякую идею понимать по-своему, т. е. вкривъ и влось, а наши критики, не давая себѣ труда разъяснить ей самыя элементарныя понятія, проповѣдуютъ въ пустотѣ и не производятъ на своихъ читателей никакого вліянія, потому что эти читатели привыкли жить за педагоговъ, фразеровъ или шарлатановъ. Видя то, какъ общество относится къ идеямъ, составляющимъ славу нашего вѣка, можно уже до нѣкоторой степени составить себѣ понятіе о достоинствѣ его нравственныхъ воспримчивъ. Покорность существующему порядку вещей и отношеній составляетъ одно изъ главныхъ нравственныхъ требованій. Протестъ, какъ-бы не былъ онъ законенъ и необходимъ, въ какой-бы формѣ онъ ни выразился, всегда осуждается, какъ преступленіе. Семейная иерархія во всей своей строгости поддерживается общественными мнѣніями; это общественное мнѣніе караетъ какъ тѣхъ, кто смѣло возмущается противъ этой



рархія, такъ и тѣхъ, кто сверху ослабляетъ око-  
зъ семейнаго деспотизма. Первыхъ оно называетъ  
почтительными дѣтьми, вторыхъ — слабыми  
удителями. Отношенія между молодыми людь-  
и разныхъ половъ находятся подъ самымъ  
бдительнымъ надзоромъ общественнаго мнѣнія.  
ѣ правильности этихъ отношеній и заклю-  
ается весь мистическій смыслъ условной нрав-  
ственности. Всякое проявленіе чувства между  
олодыми людьми, несвязанными узами брака

даже непопавшимъ, считается наглымъ  
скорбленіемъ общественной нравственности.  
Бестная дѣвушка должна больше всѣхъ лю-  
ить папеньку съ маменькой, а потомъ, когда  
е выдадутъ замужъ, она должна всю сумму  
воей любви перенести на мужа, а потомъ, ко-  
да у нея родятся дѣти, — на дѣтей. Жить та-  
кимъ образомъ — значитъ исполнять свой долгъ.  
Если дѣвушка замѣчаетъ въ своихъ родителяхъ  
недостатки, она должна убѣждать себя въ томъ,  
что это ей только такъ показалось, или же  
то эти свойства не недостатки, а хорошія  
качества; если она страдаетъ отъ этихъ недо-  
статковъ, она должна принять эти страданія  
съ покорностью и считать ихъ крестомъ, воз-  
ложеннымъ на нее Богомъ; стараться объ устра-  
неніи этихъ страданій — грѣшно. Если родите-  
ли — люди дурные, то дочь должна считать ихъ  
хорошими людьми и любить ихъ, какъ тако-  
выхъ; впрочемъ брать съ нихъ примѣръ обще-  
ственное мнѣніе не велитъ. Если дѣвущкѣ слу-  
чится полюбить молодого человѣка, она неме-  
дленно должна во всемъ признаться своимъ ро-  
дителямъ или по крайней мѣрѣ маменькѣ,  
хотя-бы она со стороны послѣдней не могла  
ожидать себѣ сочувствія, хотя-бы даже ей  
пришлось за это выслушать упреки и испытать  
препятствія; если маменька посовѣтуетъ ей  
прервать сношенія съ любимымъ человѣкомъ  
или, говоря языкомъ патріархальнаго быта,  
велитъ выкинуть дурь изъ головы, она должна  
немедленно повиноваться; если родители при-  
шутъ ей жениха, способнаго составить ея  
счастье, человѣка солиднаго, т. е. прилично-  
пожилого, одареннаго состояніемъ, чинами и  
знаками отличія, она должна съ благодарно-  
стью принять отъ нихъ это доказательство ихъ  
заботливости; въ подобномъ случаѣ обществен-  
ное мнѣніе поощряетъ только со стороны не-  
вѣсты обильныя слезы, долженствующія слу-  
жить доказательствомъ неизмѣнной привязан-  
ности къ родительскому дому; впрочемъ эта  
привязанность, очень похвальная, если она про-  
является до свадьбы, можетъ показаться стран-  
ной и даже предосудительной, если она слиш-  
комъ сильно будетъ выражаться послѣ заму-  
жества. Молодые должны быть, или казаться,  
счастливыми; молодая женщина должна быть  
довольна своей участью, хотя-бы ея супругу  
было подѣ семьдесятъ лѣтъ и хотя-бы ей при-

ходило быть сидѣлкой, а не женой; если она  
покажется недовольной и если — Боже упаси! —  
въ числѣ знакомыхъ ея мужа отыщется какой-  
нибудь юноша, котораго нельзя будетъ на-  
звать уродомъ, — общественное мнѣніе отмѣтитъ  
ее и возьметъ ее подѣ присмотръ; при малѣй-  
шемъ предлогѣ молодая женщина будетъ обви-  
нена въ нарушеніи супружеской вѣрности, и  
репутація ея будетъ замарана; объ ней никто  
не пожалѣетъ, никто не вмѣнитъ ей въ заслу-  
гу многолѣтняго повиновенія родителямъ; все  
прежнее образцовое поведеніе будетъ вмѣнено  
ей въ вину. «Какова! — скажутъ всѣ — а еще  
какой смиренницей прикидывалась! Ужъ под-  
линно, въ тихомъ омутѣ...» Я нарочно выбралъ  
женщину для того, чтобы по ея личности про-  
слѣдить требованія общественной нравствен-  
ности.

По физическимъ силамъ, по силѣ умствен-  
ныхъ силъ, вырабатывающихся въ ней воспи-  
таніемъ, по положенію и правамъ своимъ въ  
обществѣ, женщина является намъ существомъ  
слабымъ, подчиненнымъ, подавленнымъ. И обще-  
ственное мнѣніе только къ тому и стремится,  
чтобы представить эту слабость нормальнымъ  
положеніемъ, чтобы упрочить гнетъ, чтобы еще  
больше подавить и безъ того подавленную лич-  
ность. *Vae victis!* — вотъ варварскій девизъ  
этого общественнаго мнѣнія. Нѣтъ въ немъ ни  
человѣколюбія, ни справедливости. Поклоненіе  
силѣ, къ чему-бы она ни примѣнялась, узаконе-  
неніе существующаго порядка вещей, какъ-бы  
ни былъ онъ безобразенъ, осужденіе слабого,  
какъ бы ни были справедливы его притязанія,  
перевѣсъ авторитета надъ здравымъ смысломъ, —  
словомъ, необузданный консерватизмъ патріар-  
хальнаго быта, — вотъ чѣмъ отличается наше  
общественное мнѣніе. Оно знаетъ и поощряетъ  
только два рода добродѣтелей: со стороны стар-  
шихъ и начальниковъ — строгость, твердость, на-  
стойчивость, недопускающія разсужденія, не-  
смягчаемая уваженіемъ къ подчиненному, не-  
признающія въ немъ самобытной личности; со  
стороны младшихъ и подчиненныхъ — пассивное,  
безсмысленное, чисто внѣшнее повиновеніе, не-  
совѣстное съ умственной самостоятельностью и  
обидное для человѣческаго достоинства. Это  
общественное мнѣніе формируетъ только ра-  
бовъ и деспотовъ; свободныхъ людей нѣтъ;  
кто не чувствуетъ надъ собою гнета, тотъ гнетъ  
самъ и вымещаетъ на своихъ подчинен-  
ныхъ то, что ему приходилось терпѣть въ моло-  
дые годы. Что нарушить эти преемственные  
преданія школы, семейства и общественнаго  
быта? когда превзойдетъ это нарушеніе? — на  
все это отвѣтитъ будущее. Но такъ жить, какъ  
жило и до сихъ поръ живетъ большинство на-  
шего общества, можно только тогда, когда не  
знаешь о возможности лучшаго порядка вещей  
и когда не понимаешь своего страданія.



## VIII.

Все, что я говорил о нашем провинциальномъ обществѣ, — искусственность занимающихъ его интересовъ, грубость семейныхъ отношеній, неестественность нравственныхъ воззрѣній, подавленіе личной самостоятельности гнетомъ общественного мнѣнія, — все это выразилось въ повѣсти «Тюфякъ». Мое дѣло будетъ обратить вниманіе читателя на тѣ факты, которые всего болѣе дадутъ матеріаловъ для размышленія. Въ «Тюфякѣ» есть двѣ женщины; одну изъ нихъ мы знаемъ — это жена Бешметева; ее всѣ осуждаютъ, съ нею никто не знакомится; знакомыя съ нею дамы прерываютъ съ нею сношенія; все это дѣлается за то, что ее подозреваютъ въ интригѣ съ Бахтіаровымъ. Вотъ вамъ образчикъ общественной логики: выдти замужъ за человѣка, котораго не любишь, — не бѣда; отдаться любимому человѣку — стыдно и грѣшно. Другая женщина — сестра Бешметева; ея мужъ — лгунъ, мотъ, игрокъ, человѣкъ пустой и ограниченный; въ немъ нѣтъ сильныхъ страстей и пороковъ, но зато нѣтъ ни одной свѣтлой, человѣческой черты, за которую можно было-бы простить ему его гаденькія свойства; съ такимъ джентльманомъ живетъ умная, честная, хоть и неразвитая женщина; въ отношеніи къ нему она хранитъ супружескую вѣрность; она страдаетъ отъ его пошлости; ей просто нечѣмъ жить, нечѣмъ дышать, — и она дѣйствительно медленно истлѣваетъ, сохнетъ отъ пустоты жизни, отъ недостатка внутренняго содержанія. Общественное мнѣніе не жалѣетъ объ ней и не возмущается ея бесполезнымъ самоотверженіемъ; оно говоритъ, что Лизавета Васильевна Масурова — добродѣтельная женщина, исполняющая свои обязанности! Еслибы Лизавета Васильевна любила и уважала своего мужа, тогда въ исполненіе ея обязанностей не было-бы ничего оскорбительнаго для ея человѣческаго достоинства, тогда она сама была-бы счастлива, и въ ея образѣ дѣйствій не видно было-бы подвиговъ самоотверженія. Именно по этой причинѣ наше общество, воспитанное въ правилахъ приниженія личности, не поставило-бы ей въ заслугу ея хорошаго поведенія; въ нашемъ обществѣ глубоко коренится взглядъ на добродѣтель, какъ на насиліе природы. Вы услышите на каждомъ шагѣ: «Что-жъ за важность, что такой-то не пьетъ? — Онъ не расположенъ къ вину. Что за важность, что такая-то хорошо живетъ съ мужемъ? — Она его любитъ.» Если судить такимъ образомъ, то надо всегда ставить раскаявагося преступника выше человѣка, неспособнаго сдѣлать преступленіе. Естественное расположеніе къ добру считается въ такомъ случаѣ счастливой принадлежностью человѣче-

ской природы, счастливымъ преимуществомъ, не результатомъ акта свободной воли. Нравственнымъ понятіямъ нашего общества свободная воля человѣка должна быть направлена на то, чтобы ломать врожденныя склонности, искоренять тѣ слабости, которыя всего болѣе свойственны нравственной низу и прививать тѣ добродѣтели, которыя ему всего болѣе антипатичны. Идеализмъ, выкраиваніе людей на одинъ образецъ и тогда къ материн, какъ къ источнику зла, лежитъ въ основаніи этихъ нравственныхъ воззрѣній, которыя раздѣляютъ съ массою лучшіе люди общества. Они восхваляютъ женщину за то, что она исполняетъ свои обязанности въ отношеніи къ нелюбимому мужу; они не понимаютъ того, что выдти замужъ за нелюбимаго человѣка — возмутительно. Они понимаютъ того, что женщина, соглашаясь принадлежать человѣку, котораго она разлюбила, подавляетъ въ себѣ естественный порывъ женской гордости и стыдливости и профукуетъ актъ любви, сводя его на степень покровно-исполняемаго, условнаго обязательства. Здѣсь, какъ и вездѣ, приговоры общественного мнѣнія клонятся къ тому, чтобы изуродовать чувство человѣческаго достоинства, чтобы въ угоду неосознательному призраку раздавить и уничтожить живую личность. Бешметевъ можетъ служить намъ яркимъ примѣромъ того нравственнаго развращенія, которое въ грязной средѣ выпадаетъ на долю и слабой личности, стоявшей на хорошихъ рогахъ, но не сумѣвшей на ней удержаться. Поддержало-ли, остановило-ли его хоть минутку общественное мнѣніе? Напротивъ, постоянно толкало его къ паденію, и только когда онъ повалился въ пропасть, оно отрезало отъ своего поступка и рѣзко осудило естественное униженіе. Переходъ отъ карьеры къ бюрократической дѣятельности, нелѣпыя отношенія къ женѣ, посягательство на ея свободу, грубая ревность, притѣсненія попреки — все это оправдывало общественное мнѣніе, ко всему этому оно подзадоривало вѣрливаго Тюфяка, и все это привело къ тому же? — Къ внутренней пустотѣ, къ озлобленію противъ жены, къ недовольству собою и къ желанію забыться, къ пьянству заносомъ грязному паденію нравственныхъ силъ, къ разрушенію здоровья, къ преждевременной смерти. И что-же сдѣлали тѣ старшіе родственники, которые, какъ проводники общественного мнѣнія, управляли дѣйствіями Бешметева? дали-ли они по крайней мѣрѣ, что слѣдуетъ хорошо повиноваться ихъ совѣтамъ? — Поняли-ли они свою оплошность? Сознали они свою неспособность руководить дѣйствіями молодыхъ и свѣжихъ личностей? — Ни мало! отступились отъ своего дѣла и не хотѣли



ать того, что несчастія, свалившіяся на Бешметева, составляютъ естественныя слѣдствія своей нелѣпости. И это судьи! Это законодатели общественнаго мнѣнія!

## ПИСЕМСКІЙ, ТУРГЕНЕВЪ И ГОНЧАРОВЪ.

(Сочиненія А. Ѳ. Писемскаго. Т. I и II. Сочиненія И. С. Тургенева.)

### I.

Писемскій, Тургеневъ и Гончаровъ принадлежать къ одному поколѣнію. Это поколѣніе уже давно созрѣло и теперь клонится къ старости; дѣти этого поколѣнія уже способны рѣшать по своему вопросы жизни, и потому отцы постепенно становятся дѣтелями прошедшаго времени и для нихъ настаетъ судъ ближайшаго потомства. Пора провѣрить результаты ихъ работъ, не для того, чтобы выразить имъ свою признательность или неудовольствіе, а просто для того, чтобы пересчитать умственный капиталъ, достоящійся намъ отъ прошедшаго, узнать сильные и слабыя стороны нашего наслѣдства и сообразить, что въ немъ можно оставить на старомъ основаніи и что надо фундаментально передѣлать. Всего этого наслѣдства разомъ не оглядишь; оно, какъ и все русское, велико и обильно. Посмотримъ на первый разъ, что оставили намъ наши первоклассные романисты, лучшіе представители русской поэзіи сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ. Вопросъ, поставленный мною, шире, чѣмъ можетъ подумать читатель. Романы Писемскаго, Гончарова и Тургенева имѣютъ для насъ не только эстетическій, но и общественный интересъ; у англичанъ рядомъ съ Диккенсомъ, Теккереемъ, Бульверомъ и Эллиотомъ есть Джонъ Стюартъ Милль; у французовъ рядомъ съ романистами есть публицисты и социалисты; а у насъ въ изящной словесности, да въ критикѣ на художественныя произведенія сосредоточилась вся сумма идей нашихъ объ обществѣ, о человѣческой личности, о междучеловѣческихъ, семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ; у насъ нѣтъ отдѣльно существующей нравственной философіи, нѣтъ социальной науки; стало-быть, всего этого надо искать въ художественныхъ произведеніяхъ. Я говорю: *надо искать*, потому что не можетъ-же быть, чтобы люди, имѣющие знакомыхъ, жену, дѣтей, состоящіе на государственной или частной службѣ, и притомъ сколько-нибудь способные размышлять, не составляли себѣ извѣстныхъ понятій о своихъ отношеніяхъ, о жизни и ея требованіяхъ;

не можетъ быть, чтобы, составивъ себѣ эти понятія, они не дѣлились ими съ тѣми, кто можетъ ихъ понимать. Въмѣсто того, чтобы сообщать результаты своихъ наблюденій въ отвлеченной формѣ, они стали облекать идею въ образы. Многіе изъ нашихъ беллетристовъ сдѣлались художниками потому, что не могли сдѣлаться общественными дѣтелями или политическими писателями; что-же касается до истинныхъ художниковъ по призванію, то они также должны были какой-нибудь стороною своей дѣятельности сдѣлаться публицистами.

Кто, живя и дѣйствуя въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ, не проводилъ въ общественное сознаніе живыхъ, общечеловѣческихъ идей, того мы уважать не можемъ, того потомство не помѣститъ въ число благородныхъ дѣтелей русскаго слова. Гг. Фетъ, Полонскій, Щербина, Грековъ и многіе другіе микроскопическіе поэтики забудутся такъ-же скоро, какъ тѣ журнальныя книжки, въ которыхъ они печатаются. «Что вы для насъ сдѣлали?» спросить этихъ господъ молодое поколѣніе. «Чѣмъ вы обогатили наше сознаніе? Чѣмъ вы насъ шевельнули, чѣмъ заронили въ насъ искру негодованія противъ грязныхъ и дикихъ сторонъ нашей жизни? Сказали-ли вы теплое слово за идею? Разбили-ли вы хоть одно господствующее заблужденіе? Стояли-ли вы сами, хоть въ какомъ-нибудь отношеніи, выше воззрѣній вашего времени?» На всѣ эти вопросы, возникающіе сами собою при оцѣнкѣ дѣятельности художника, наши версификаторы ничего не сумѣютъ отвѣтить. Мало того. Они не поймутъ этихъ вопросовъ, и остановятся въ недоумѣніи, они въ наивности души увѣрены въ величій своихъ заслугъ и въ правахъ своихъ на всеобщую признательность, они думаютъ, что, шлифуя русскій стихъ, баюкая насъ своими тихими мелодіями, воспѣвая на тысячу ладовъ мелкіе отѣнки мелкихъ чувствъ, они приносятъ пользу русской словесности и русскому просвѣщенію. Они считаютъ себя художниками, имѣя на это званіе такіе-же права, какъ модистка, выдумавшая новую куафюру.



Чтобы эти слова не казались бессмысленной выходкой, лаянием на луну, я считаю нелишним сказать несколько словъ о томъ, что я понимаю подъ словомъ «художникъ». Вотъ видите-ли, всѣ мы смотримъ на какой-нибудь уличный скандалъ, но не во всѣхъ насъ это зрѣлище западетъ одинаково глубоко, не всѣхъ насъ оно потрясетъ одинаково сильно. Чего, чего не передумалъ-бы человекъ впечатлительный, присутствуя, положимъ, при подвигѣ расправы надъ извозчикомъ; одна эта сцена показалась-бы ему только эпизодомъ длинной, никому невѣдомой драмы, разыгрывающейся каждый день безъ свидѣтелей въ разныхъ бѣдныхъ квартирахъ, на улицахъ, «подъ овиномъ, подъ стогомъ», — вездѣ, гдѣ бѣдный и слабый терпитъ горькую долю отъ богатаго и сильного. Воображеніе дорисовало-бы недостающія подробности; естественное, гуманное чувство, воспитанное разностороннимъ образованіемъ, согрѣло-бы всю картину, и вотъ изъ грубой уличной сцены возникло-бы художественное произведение, которое навѣрное подѣйствовало-бы на читателя, шевельнуло-бы его или заставило-бы его задуматься. Кто по природѣ и по воспитанію впечатлительнѣе, да кто усвоилъ себѣ умѣнье передавать свои впечатлѣнія другимъ такъ, чтобы они могли перечувствовать то, что онъ самъ чувствуетъ, тотъ и художникъ. Умѣнье передавать составляетъ техническую сторону искусства и приобрѣтается навыкомъ и упражненіемъ. Способность воспринимать, или впечатлительность составляетъ принадлежность человѣческаго характера художника; эта способность кроется въ строеніи нервовъ, рождается вмѣстѣ съ нами и конечно развивается или притупляется обстоятельствами жизни. Умѣнье передавать, или виртуозность формы сама по себѣ не можетъ сильно и обаятельно подѣйствовать на читателя; не угодно-ли вамъ на примѣръ описать самымъ яркимъ и подробнымъ образомъ лицо вашего героя такъ, чтобы читатель видѣлъ каждую морщинку на его лбу, каждый волосокъ на его бровяхъ, каждую бородавку на лбу или щекѣ? На каждой академической выставкѣ есть нѣсколько подобныхъ картинъ; тутъ, положимъ, художникъ нарисовалъ палитру, карандашъ и куски красокъ; въ другомъ мѣстѣ — корзину съ цвѣтами или разрѣзанный арбузъ, въ третьемъ — портретъ какого-нибудь господина, у котораго бобровый воротникъ и пуговицы на шинели выдѣланы такъ тщательно, что не знаешь, портретъ-ли это, или вывѣска мѣховщика. Ахъ, какъ натурально, скажете вы, но представить себѣ, чтобы художникъ, рисуя всѣ эти прелести, что-нибудь думалъ или чувствовалъ, вы рѣшительно не будете въ состояніи. Вы увидите, что такой-то господинъ хорошо составляетъ краски и ловко владѣетъ кистью, но человѣческаго характера этого господина вы не увидите; ни мысли его,

ни чувства вы не удивите; отходя отъ картины вы будете вправѣ сказать, что такой-то NN тратитъ свое замѣчательное умѣнье на совершеннойшіе пустяки; почему это происходитъ на это могутъ быть многія причины: или NN не на столько уменъ, чтобы составить въ своей планѣ картины, или не настолько рѣшительнъ, чтобы умѣть обставить свою идею, или не настолько впечатлительнъ, чтобы не такъ вткнуться на сюжетъ и, почти помимо собственной воли, выносить и взлелѣвать его въ груди. Всякомъ случаѣ этотъ NN — художникъ только на-половину, настолько-же, насколько можетъ быть названъ художникомъ поваръ, изготовившій кулебяку. NN совершенно не умеетъ рисовать палитры, арбузы и мѣховые воротники всѣхъ цвѣтовъ и достоинствъ, но мы, читая, также совершенно вольны восхищаться имъ и восхищаться его малеваніями.

Перенесемъ теперь то, что было сказано о живописи, на поэзію. Къ сожалѣнію, область поэзіи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже такъ обширна, какъ область живописи. Вы можете на примѣръ нарисовать картину, не изобразивъ ровно никакой идеи и никакого чувства; эта завидная привилегія совершенно отнимается у васъ, когда вы берете орудіемъ свое слово; тогда надо непременно что-нибудь сказать; читая самое наглядное описаніе каждаго плетня или огорода, читатель никакъ имъ не удовлетворится, а все будетъ спрашивать, что-же дальше? Если-же вы ему ничего дальше не дадите, то онъ подумаетъ, что вы надъ нимъ подшутили, и, чего добраго! вышлите вашу шутку довольно плоской. На этомъ основаніи каждый поэтъ, какъ-бы онъ ни дорожилъ своей художнической свободой и какъ-бы онъ былъ ему враждебенъ элементъ мысли, спрашивается чисто для приличія прикинуться въ своихъ произведеніяхъ мыслящимъ и чувствующимъ. Никто конечно не упрекнетъ Фета, Мейнсона и Полонскаго въ томъ, чтобы они были глупые мыслители, а между тѣмъ и въ ихъ лирическихъ стихотвореніяхъ есть подобія мыслей и чувствъ; случается, правда, что вы прочтете маленькое стихотвореніе въ три-четыре куплета и тотчасъ-же забудете его, какъ забываете докуренную сигару; но зато это стихотвореніе подѣйствовало на вашу нервную систему почти такъ-же, какъ сигара; первые два стиха продали васъ своей благозвучностью, первые четыре куплета убаюкали васъ своимъ мѣлкимъ паденіемъ, и вы дочитываетесь до конца, находясь въ состояніи пріятной полудремоты и потерявъ всякую способность да и всякое желаніе отнестись критически къ прочитанному произведенію. Такого рода чтеніе дѣйствительно хорошо въ гигиеническомъ отношеніи послѣобѣда, и кромѣ того такого рода стихотворенія очень полезны въ типографскомъ отноше-



и для пополненія бѣлыхъ полосъ, т. е. стра-  
дцъ, между серьезными статьями и художе-  
ственными произведеніями, помѣщающимися въ  
урналахъ. Но знаете-ли, что часто случается?  
кентльментъ, наполнившій гладкими пустяч-  
ми штукъ полтора-ста такихъ бѣлыхъ полосъ,  
производится въ русскіе поэты, становится  
историтетомъ, издаетъ собраніе своихъ стихо-  
вореній и начинаетъ помышлять о призрачной  
исти потомства, о монументѣ аеге regennius.

совершенно согласенъ признать за ними права  
а монументъ, но позволю себѣ только дать  
читателю такихъ поэтовъ одинъ совѣтъ: попро-  
уйте, милостивый государь, переложить два-три  
орошенныя стихотворенія Фета, Полонскаго,  
Дербина или Бенедиктова въ прозу и прочтите  
ихъ такимъ образомъ. Тогда всплывутъ на-  
ерхъ, подобно деревянному маслу, два драго-  
ѣнныя свойства этихъ стихотвореній: во-пер-  
ыхъ —неподражаемая мелкость основной идеи,  
и во-вторыхъ —колоссальная напыщенность  
формы; вамъ покажется, будто вы по ошибкѣ  
раскрыли томъ сочиненій Марлинскаго, вы  
припомните семейство Манилова или даже над-  
писи на конфетныхъ билетикахъ, вы закроете  
снугу и вѣроятно согласитесь съ моимъ мнѣ-  
ніемъ. Мнѣ кажется, что въ стихахъ, какъ и  
въ прозѣ, прежде всего нужна мысль; отсут-  
ствіе мысли можетъ быть замаскировано фан-  
тастическими арабесками и затусовано глад-  
костью и музыкальностью стиховъ; но то, что  
лишено мысли, никогда не произведетъ силь-  
наго впечатлѣнія.

У нашихъ лириковъ, за исключеніемъ Май-  
кова и Некрасова, нѣтъ никакого внутренняго  
содержанія; они не настолько развиты чтобы  
стоять въ уровень съ идеями вѣка; они не  
наточно умны, чтобы собственными силами  
здраваго смысла выхватить эти идеи изъ воз-  
духа эпохи; они не настолько впечатлительны,  
чтобы, смотря на окружающія ихъ явленія  
обыденной жизни, отражать въ своихъ произ-  
веденіяхъ фizioномію этой жизни съ ея бѣд-  
ностью и печалью. Имъ доступны только ма-  
ленькія тревоженія ихъ собственнаго, узень-  
каго, психическаго міра: какъ дрогнуло сердце  
при взглядѣ на такую-то женщину, какъ сдѣ-  
лалось грустно при такой-то разлукѣ, что ше-  
вельнулось въ груди при воспоминаніи о та-  
кой-то минутѣ,—все это описано можетъ-быть  
и вѣрно, все это выходитъ иногда очень мило,  
только ужъ больно мелко; кому до этого дѣло,  
и кому охота вооружаться терпѣньемъ и ми-  
кроскопомъ, чтобы черезъ нѣсколько десятковъ  
стихотвореній слѣдить за тѣмъ, какимъ мане-  
ромъ любить свою возлюбленную Фетъ, или  
Мей, или Полонскій? Поучитесь-ка, гг. лирики,  
почитайте да подумайте! Вѣдь нельзя, называя  
себя русскимъ поэтомъ, не знать того, что  
наша эпоха занята интересами, идеями, вопро-

сами гораздо пошире, поглубже и поважнѣе  
вашихъ любовныхъ похожденій и нѣжныхъ чув-  
ствованій. Впрочемъ, опять-таки говорю, вы  
вольны дѣлать, какъ угодно, но и я, какъ чи-  
татель и критикъ, воленъ обсуживать вашу  
дѣятельность, какъ мнѣ угодно. И дѣятель-  
ность ваша вѣроятно не на одни мои глаза  
покажется больно пустой и безцвѣтной.

Не трудно конечно понять, почему я изъ  
числа нашихъ лириковъ выгородилъ Майкова  
и Некрасова. Некрасова, какъ поэта, я уважаю  
за его горячее сочувствіе къ страданіямъ про-  
стого человѣка, за честное слово, которое онъ  
всегда готовъ замолвить за бѣдняка и угнетенна-  
го. Кто способенъ написать стихотворенія: «Фи-  
лантропъ», «Эпилогъ къ ненаписанной поэмѣ»,  
«Вду-линочью по улицѣ темной», «Саша», «Живя  
согласно съ строгою моралью», — тотъ можетъ  
быть увѣренъ въ томъ, что его знаетъ и лю-  
битъ живая Россія. Майкова я уважаю, какъ  
умнаго и современно развитого человѣка, какъ  
проповѣдника гармоническаго наслажденія  
жизнью, какъ поэта, имѣющаго опредѣленное,  
трезвое міросозерцаніе, какъ творца «Трехъ  
Смертей», «Савонароллы», «Приговора», и т. д.  
Всякій согласится, что эти два лирика, Май-  
ковъ и Некрасовъ, по уму, по таланту, по раз-  
витію и по отношенію своему къ современной  
жизни стоятъ неизмѣримо выше тѣхъ версифи-  
каторовъ, о которыхъ я говорилъ на преды-  
дущей страницѣ. Но все-таки, если мы же-  
лаемъ изучить тотъ запасъ общечеловѣческихъ  
идей, который находился въ обращеніи въ мы-  
слящей части нашего общества, если мы хо-  
тимъ прослѣдить, какъ эта мыслящая часть  
относилась къ жизни массы, то мы преимуще-  
ственно должны обратить наше вниманіе на  
тѣхъ трехъ романистовъ, которыхъ имена вы-  
писаны въ заглавіи статьи. Ихъ личности, ихъ  
манера писать, условія ихъ развитія, складъ  
ихъ таланта, взглядъ на жизнь—все это пред-  
ставляетъ самое пестрое разнообразіе; между  
тѣмъ всѣ трое пользуются постоянной лю-  
бовью нашей публики, слѣдовательно или каж-  
дый изъ нихъ-какой нибудь стороной своего  
таланта удовлетворяетъ требованіямъ этой  
публики, или, извините за откровенность, эта  
публика не предъявляетъ никакихъ опредѣлен-  
ныхъ требованій и кушаетъ безъ разбору все,  
что ей ни поднесутъ. Оба эти предположенія  
имѣютъ нѣкоторую долю основательности.  
Дѣйствительно, публика наша не взыскательна  
и мало развита, какъ въ эстетическомъ, такъ  
и во всякомъ другомъ отношеніи; съ другой  
стороны, каждый изъ трехъ названныхъ рома-  
нистовъ имѣетъ свою характерную особенность;  
въ Гончаровѣ напр. развита та сторона, ко-  
торая слаба въ Тургеневѣ и Писемскомъ; въ  
Писемскомъ есть такіа достоинства, которыхъ  
вы не найдете ни въ Тургеневѣ, ни въ Гонча-



ровѣ; Тургеневъ задѣваетъ въ васъ такія струны, которыхъ не шевельнетъ ни Гончаровъ, ни Писемскій; стало быть, публика наша, читая ихъ вмѣстѣ и находя въ ихъ троихъ по своему вкусу, поступаетъ очень основательно; она для своего умственного продовольствія располагается точно также благоразумно, какъ опытная хозяйка, заказывающая хорошей обѣды и инстинктивно устроивающая такъ, чтобы одно кушанье дополнялось другимъ, чтобы питательныя вещества, не находящіяся въ мясѣ, приносились въ соусъ и приправѣ, и чтобы такимъ образомъ организмъ вынесъ изъ-за стола возможно большее количество обновляющаго матеріала.

Чтобы открыть характерныя особенности каждаго изъ нашихъ трехъ романистовъ, надо поговорить довольно подробно о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности. Я начну съ Гончарова; онъ писалъ меньше Писемскаго и Тургенева; его романы менѣ замѣчательны для характеристики русской жизни, и потому съ нимъ легче справиться; покончивши съ нимъ, я остановлю все вниманіе читателей на параллели между Писемскимъ и Тургеневымъ.

## II.

Гончаровъ написалъ только два капитальные романа: «Обыкновенную Исторію» и «Обломова». Первый изъ этихъ романовъ сразу поставилъ его въ ряды первоклассныхъ русскихъ литераторовъ, и его «Очерки кругосвѣтнаго плаванія», и «Обломовъ» были встрѣчены журналами и публикой съ такой радостью, съ какой рѣдко встрѣчаются на Руси литературныя произведенія. Мнѣ кажется, причины этого замѣчательнаго явленія заключаются преимущественно въ томъ, что Гончаровъ по плечу всякому читателю, т. е. для всякаго ясенъ и понятенъ. Онъ вездѣ стоитъ на почвѣ чистой современной практичности, и притомъ практичности, не западной, не европейской, а той практичности, которой отличаются образованные петербургскіе чиновники, читающіе помѣщики, разсуждающіе о современныхъ предметахъ барыни, и т. п. Прочтите Гончарова отъ начала до конца и вы по всей вѣроятности ничѣмъ не увлечетесь, ни надъ чѣмъ не замечаетесь, ни о чемъ горячо не спорите съ авторомъ, не назовете его ни обскурантомъ, ни рыанымъ прогрессистомъ, и, закрывая послѣднюю страницу, скажете очень хладнокровно, что Гончаровъ—очень умный и основательно разсуждающій господинъ. У Гончарова нѣтъ никакого конька, никакой любимой идеи; утопія всякаго рода ему совершенно враждебна; ко всякому увлеченію онъ относится съ легкимъ и вѣжливымъ оттономъ ироніи; онъ—скептикъ, не доводящій своего скептицизма до крайности; онъ—практикъ и материалистъ, способный ужиться съ фантазеромъ

и идеалистомъ; онъ—эгоистъ, не рѣшающійся взять на себя крайнихъ выводовъ своего созерцанія и выражающій свой эгоизмъ въ тепловатомъ отношеніи къ общимъ идеямъ, и даже, гдѣ возможно, въ *минимизированіи* вѣческихъ и гражданскихъ интересовъ. Этотъ эгоизмъ проглядываетъ во всѣхъ его прощеденіяхъ; кто читалъ «Фрегатъ Палладу» и «Обломова», тотъ не найдетъ удивительнымъ ни мнѣніе. Постоянно спокойный, ни чѣмъ не увлекающійся, романистъ нашъ развязно подползъ къ запутаннымъ вопросамъ общественной частной жизни своихъ героевъ и героинь; онъ страстно и безпристрастно осматриваетъ ихъ положеніе, отдавая себѣ и читателю самый ясный и подробный отчетъ въ мелкихъ его особенностяхъ, становясь поочередно на точку зрѣнія каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ, и сочувствуя особенно сильно никому и никому по своему всѣмъ. Онъ обсуживаетъ положеніе и свойства своихъ дѣйствующихъ лицъ, и всегда воздерживается отъ окончательнаго приговора. Прочитавши «Обыкновенную Исторію», читатель не можетъ сказать, чтобы авторъ почувствовалъ старшему Адуеву, и не можетъ также сказать, чтобы онъ находилъ его вѣрнымъ; сочувствія къ младшему Адуеву такъ не видно ни въ ту минуту, когда онъ составляетъ совершенную противоположность съ своимъ дядей, ни въ тотъ моментъ, когда онъ становится на него похожимъ. Вслѣдствіе этого, оканчивая послѣднюю страницу романа, читатель чувствуетъ себя неудовлетвореннымъ. «Обыкновенная Исторія» производитъ такое впечатлѣніе, какое могла-бы произвести отчасти нарисованная, но неясно освѣщенная картина; мы чувствуемъ, что авторъ романа—человѣкъ умный, наблюдательный и способный осмысливать свои наблюденія; этотъ человѣкъ говоритъ съ нами о явленіяхъ нашей жизни, описываетъ ихъ подробно и наглядно, изображаетъ вліяніе этихъ явленій на молодое существо, знакомящееся съ жизнью, но изображаетъ чисто внѣшнимъ образомъ, перечисляя только симптомы переменъ, происходящихъ въ его герояхъ.

Очень естественно, что читатель, заинтересованный настолько-же личностью разсказчика, насколько нитью самаго разсказа, ждетъ на каждой страницѣ, чтобы авторъ въ поставкѣ образовъ или въ лирическомъ отступленіи выразилъ-бы свои воззрѣнія, сказалъ-бы: я считаю это хорошимъ, а то дурнымъ, по такимъ-то причинамъ. Мнѣ могутъ возразить на это, что объективность—высшее достоинство эпического поэта; я отвѣчу, что это одна изъ тѣхъ наслѣдованныхъ отъ прошедшаго фразъ, которыми пробавляются, за неимѣніемъ лучшаго, эстетика и критика,—одна изъ тѣхъ фразъ, въ которыхъ многие свѣдущіе, но робкіе люди видятъ предѣлъ, «его-же не преидеши». Во-пер-



съ, эпическая поэзія въ чистомъ видѣ своемъ сѣрь невозможна; попробуйте рассказывать о событіяхъ безъ основной мысли, негруппируя ихъ въ группы, чтобы читатель могъ видѣть просвѣщающую идею, — вы собьетесь на Дюма-отца, на Дюма-сына и компанію, и ни одинъ развитой человекъ не раскроетъ вашей книги и не скажетъ вамъ спасибо за ваше эпическое спокойствіе. Рассказывать что-нибудь безъ особенной цели даже своимъ знакомымъ — свойственно только праздному болтуну или дряхлѣющему старцу, а рассказывать для процесса рассказыванія всей читающей публикѣ — просто неблагоразумно и невѣжливо; надо помнить, что читатель за рассказы платитъ деньги и на чтеніе ихъ тратитъ время. Зачѣмъ-же такъ безцеремонно обращаться съ достоинствомъ ближняго? Я этимъ не хочу сказать, чтобы необходимо было читать публикѣ правоученія и наставленія. Боже упаси! Это еще скучнѣе! Но дѣло въ томъ, что, собираясь рассказывать что-нибудь, писатель долженъ-же самъ имѣть въ головѣ понятіе о томъ, что онъ будетъ сообщать другимъ. Если ему приходится описывать явленіе, зависящее отъ другого явленія, то онъ долженъ-же онъ объяснить одно другимъ, вывести одно изъ другого, показать, что такая-то причина должна привести и приводить къ такому-то слѣдствію. Слѣдовательно, рассказчикъ долженъ раскрыть передъ читателемъ весь процессъ мысли. Кромѣ того читателю невольно придетъ въ голову вопросъ: да съ какой стати NN рассказываетъ мнѣ эти событія? что, кромѣ желанія получить авторскій гонораръ, побудило его написать нѣсколько страницъ, вывести на сцену десятка полтора лицъ и слѣдить за ними въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ ихъ жизни? — Отвѣта на эти естественные вопросы надо искать въ самомъ произведеніи; если произведеніе вылилось изъ души, то писатель конечно въ этомъ произведеніи говоритъ о томъ, что, такъ или иначе, интересуетъ его лично, что затрагиваетъ его за живое, что онъ горячо любитъ или горячо ненавидитъ. Если предметъ его рассказа для него равнодушенъ, то какъ объяснить себѣ то, что онъ обратилъ на него вниманіе, сталъ надъ нимъ задумываться, сталъ уяснять его самому себѣ и наконецъ довелъ его до такой степени наглядности, что онъ и для другихъ людей сталъ замѣтенъ, понятенъ и осязателенъ? А если ничего этого не было, если писатель не раздумывался, не уяснялъ себѣ и т. д., то рассказъ выйдетъ блѣдный и скучный; его дѣйствующія лица будутъ тѣни или маріонетки, но никакъ не живые люди; таковы дѣйствительно бываютъ рассказы, писанные на заказъ, безъ внутренняго желанія, безъ живого участія къ предмету.

Для того, чтобы печатныя строки казались

рѣчами и поступками живыхъ людей, необходимо, чтобы въ этихъ печатныхъ строкахъ сказалась живая душа того, кто ихъ писалъ; только въ этомъ соприкосновеніи между мыслью автора и мыслью писателя и заключается обаятельное дѣйствіе поэзіи; живопись говоритъ глазу, музыка — уху, а поэзія (творчество) — чисто одному мозгу; вы видите глазомъ черныя значки на бѣломъ полѣ и при помощи этихъ значковъ узнаете то, что думалъ человекъ, котораго вы можете-быть никогда въ глаза не видали; на васъ дѣйствуетъ чисто сила мысли, а мысль и чувство всегда бываютъ *личныя*; слѣдовательно, что-же останется отъ поэтического произведенія, если вы изъ него вытравите личность автора? вполне объективная картина — фотографія; вполне объективный рассказъ — показаніе свидѣтеля, записанное стенографомъ; вполне объективная музыка — шарманка; добиться этой объективности значитъ уничтожить въ поэзіи всякій патетическій элементъ и вмѣстѣ съ тѣмъ убить поэзію, убить искусство, даже науку, даже всякое движеніе мысли.

Личность автора для меня интересна, какъ всякая человѣческая личность и кромѣ того какъ личность, чувствующая потребность высказаться, слѣдовательно воспринимая въ себѣ рядъ извѣстныхъ впечатлѣній и перерабатывая ихъ силой собственной мысли. Личности-же вымышленныхъ дѣйствующихъ лицъ я только терплю и допускаю, какъ выраженіе личности автора, какъ форму, въ которую ему заблагоразсудилось вложить свою идею. Если я съ идеей согласенъ, если я ей сочувствую, а выведенныя личности оказываются блѣдными и неестественными, то я скажу, что авторъ — неопытный музыкантъ, что чувство въ немъ есть, а техническаго умѣнья мало; замѣтивши этотъ недостатокъ, я все-таки буду можетъ-быть нѣкоторые отрывки читать съ удовольствіемъ, вѣроятно тѣ отрывки, въ которыхъ сила внутренняго убѣжденія и воодушевленія укрѣпляетъ неопытныя руки виртуоза и заставляетъ его на нѣсколько мгновеній побѣдить трудности техники. «Ничего, современемъ будетъ прокъ, явится навѣкъ», — можно будетъ сказать, закрывая книгу, написанную такимъ образомъ, т. е. съ неподдѣльной теплотой, но безъ достаточнаго знанія жизни; читатель съ добрымъ чувствомъ расстанется съ такимъ писателемъ и съ радостью встрѣтится съ нимъ въ другой разъ. Но если въ рассказѣ, великолѣпно обставленномъ живыми подробностями, не видно идеи и чувства, не видно личности творца, то общее впечатлѣніе будетъ совершенно неудовлетворительно. Вамъ покажется, что передъ вами играетъ на фортепіано какой-нибудь заѣзжій искусникъ, выдѣлывающій удивительныя штуки пальцами, исполняю-



щій съ быстротой молніи невообразимыя трели и рулады, возбуждающій ваше искреннее изумленіе бѣгlostью рукъ, но ничѣмъ не дающій вамъ почувствовать, что онъ—человѣкъ. Тутъ ужъ нѣтъ никакой надежды; тутъ года не принесутъ пользы; пріобрѣсти фактическія знанія можно, усвоить технику какого угодно искусства тоже не большая трудность, но откуда-же взять свѣжести чувства, самодѣятельной энергіи мысли, той электрической, непонятной силы, которая берется въ насъ, Богъ вѣсть откуда, и уходитъ съ годами, Богъ вѣсть куда?

Словомъ, только личное воодушевленіе автора грѣшетъ и раскаляетъ его произведеніе; гдѣ этого личнаго воодушевленія не замѣтно, тамъ, какъ-бы ни было вѣрно подмѣчены и искусно сгруппированы подробности, тамъ, повторяю, нѣтъ истинной силы, нѣтъ истинно обаятельнаго вліянія поэзіи, нѣтъ сочувствія между поэтомъ и читателемъ.

### III.

Между публикой и любимымъ писателемъ почти всегда устанавливаются извѣстныя отношенія, основанныя на сочувствіи и довѣріи. Любя произведенія какого-нибудь NN, невольно составляешь себѣ понятіе о его личности, допускаешь въ ней тѣ или другія свойства и рѣшительно отвергаешь разныя темныя пятна. Иногда случается разочароваться и часто подобное разочарованіе бываетъ такъ-же тяжело, какъ разочарованіе въ близкомъ и дорогомъ человѣкѣ. Гончаровъ—писатель, любимый публикой; въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, а между тѣмъ, странное дѣло между нимъ и публикой положительно нѣтъ подобныхъ отношеній; его человѣческой личности никто не знаетъ по его произведеніямъ; даже въ дружескихъ письмахъ, составившихъ собою «Фрегатъ Палладу», не сказались его убѣжденія и стремленія; выразилось только то настроеніе, подъ вліяніемъ котораго написаны письма; настроеніе это переходитъ отъ спокойно лѣниваго къ спокойно веселому, и больше намъ не представляется никакихъ данныхъ для обсужденія личнаго характера нашего художника. Во всякомъ случаѣ, если два большіе романа, которыхъ сюжеты взяты изъ современной жизни, не выражаютъ ясно даже отношеній автора къ идеямъ и явленіямъ этой жизни,—это значитъ, что въ этихъ романахъ есть умышленная или нечаянная недоговоренность, и что эти романы продуманы и состроены, а не прочувствованы и созданы. Вѣглый взглядъ на осто́въ «Обыкновенной Исторіи» и «Обломова» подтвердитъ эту мысль. «Обыкновенная Исторія» говоритъ намъ: вотъ что дѣлается изъ молодого человѣка подъ вліяніемъ нашей петербургской жизни. Ну, что-же такое? спрашиваетъ читатель. Чтò она его формируетъ или портитъ? Чтò она сама хоро-

ша или дурна?—На второй вопросъ Гончаровъ отвѣчаетъ такъ: петербургская жизнь такая, и описываетъ наружность этой жизни, тщательно избѣгая какихъ-бы то ни было намековъ къ этой наружности. Положимъ, и спрашиваютъ, хороша-ли такая-то жизнь? вы отвѣчаете:—носъ у нея такой-то длины, такой-то ширины, ротъ такой-то величины, зубы столько-то, такого-то цвѣта, столько-то линій въ длину и столько-то разлѣтъ, цвѣтъ ихъ такой-то, и т. д. Сказавъ, что изъ подобнаго безпристрастнаго описанія не вынесешь сколько-нибудь яснаго понятія о характерѣ физіономіи, вы бы увлекательнымъ языкомъ ни были изложили эти статистическія данныя. Точно такъ описаніе петербургскаго житья-бытья у Гончарова выходитъ неяркимъ потому, что авторъ умышленно не хочетъ выразить своего мнѣнія, а только его взгляда на вещи.

На вопросъ о томъ, формируетъ или портитъ эта жизнь молодого Александра Адуева Гончаровъ ничего не отвѣчаетъ. Онъ самъ возвращается въ концѣ романа, что Александръ обрѣлъ лысину, почтенную полноту и зрѣлую опытность, охладившую его мечтательность; тѣмъ дѣло и кончается. Читатель не можетъ сказать: г. Гончаровъ, я самъ очень хорошо знаю, что у человѣка лѣтъ въ пятьдесятъ выпадаютъ волосы, что сидячая жизнь увеличиваетъ въ насъ количество жира, и что съ годами мы становимся опытнѣе. Вы описали это чрезвычайно подробно, вѣрно и наглядно, но вы не сказали намъ ничего новаго и скрыли отъ насъ внутренній смыслъ вашихъ сценъ и картинъ. Дѣйствительно, крупныя, типическія черты нашей жизни почти умышленно сглажены писателемъ и слѣдовательно ускользаютъ отъ читателя; зато отдѣлка подробностей тонка и красива, какъ бриссельскія кружева, и, въ правдѣ сказать, почти такъ-же бесполезна. Александръ приходитъ въ соприкосновеніе съ миромъ чиновниковъ—объ этомъ сказано вскользь, и потомъ сообщенъ результатъ, что онъ привыкъ къ канцелярской работѣ и сталъ получать порядочное жалованье. Александръ вступаетъ въ сношенія съ журналами,—объ этомъ тоже упоминается мимоходомъ, и только для того, чтобы отмѣтить приращеніе его годового дохода. Двѣ такія важныя стороны нашей жизни, какъ бюрократія и періодическая литература, не удостоиваются внимательнаго разсмотрѣнія, а между тѣмъ приводятся отъ слова до слова длиннѣйшіе разговоры между Петромъ Ивановичемъ и Александромъ, между Александромъ и Наденькой, Александромъ и Тафелой и т. п. Это—ошибка, какъ передъ изображеніемъ самой жизни, такъ даже и передъ личностью самого героя. Положимъ, старшіе родственники и любимыя женщины имѣютъ знача-



ное вліяніе на формированіе характера и сдѣній; но вѣдь все-таки формируетъ-то са- жизнь, столкновѣніе съ ея дразгами, съ ея ами трудовыми сторонами; намъ любопытно ть, какъ живутъ герои Гончарова, а онъ ь показываетъ, какъ они резонерствуютъ о ни или мечтаютъ о ней, сидя рядомъ съ ге- ями гдѣ-нибудь подъ кустомъ сирени, въ истой бесѣдкѣ. Это очень хорошо и трогат- но, но это не жизнь, а развѣ крошечный локъ жизни. Конечно таланту Гончарова жно отдать полную дань удивленія: онъ ьтъ удерживать насъ на этомъ крошечномъ кѣ въ продолженіи цѣлыхъ сотенъ страницъ, давая намъ ни на минуту почувствовать ку или утомленіе; онъ чаруетъ насъ просто- своего языка и свѣжей полнотой своихъ тинъ, но, если вы по прочтеніи романа ьтите отдать себѣ отчетъ въ томъ, что вы стѣ съ авторомъ пережили, передумали и ьчувствовали, то у васъ въ итогѣ получится ь немного. Гончаровъ открываетъ вамъ цѣ- міръ, но міръ микроскопическій; какъ вы ьили отъ глаза микроскопъ, такъ этотъ міръ ьзъ, и капля воды, на которую вы смотрѣли, ьставляется вамъ снова простой каплей. ьбы эта сила анализа, невольно подумаете ь была направлена не на мелочи, а на жизнь ьсей ея широтѣ, во всемъ ея пестромъ раз- ьразіи,—какія-бы чудеса она могла произ- ьти!—Эта мысль ошибочна; кто останавли- ься на анализѣ мелочей, тотъ, стало быть, ьспособенъ идти дальше и подниматься вы- ь Гончаровъ останется на анализѣ мелочей ьму, что у него нѣтъ побудительной при- ьы перейти къ чему-либо другому; онъ хо- ьнъ, его не волнуютъ и не возмущаютъ ьныя нелѣпости жизни; микроскопическій ьпзъ удовлетворяетъ его потребности мыс- ь и творить; на этомъ поприщѣ онъ по- ьаетъ обильные лавры — стало быть, о- ь-же еще хлопотать, къ чему еще стре- ься? Словомъ, Гончаровъ, какъ художникъ, ьке самое, что Срезневскій, какъ ученый; ьый творить для процесса творчества, не ьтятся о степени важности тѣхъ предметовъ, ьорые онъ воспріимаетъ, не спрашивая себя о ь. высѣкается-ли онъ своимъ рѣзцомъ ве- ьолѣнную статую или вытачиваетъ красивую ьѣлушку для письменнаго стола богатаго ьина; второй точно также изслѣдуетъ для ьцесса изслѣдованія, не спрашивая себя о ь, стоитъ-ли игра свѣчей и выйдетъ-ли ьего трудовъ какой-нибудь осязательный ьльтатъ. Обѣ эти личности, представители ього типа, выработались подъ вліяніемъ из- ьстныхъ условий, сжились съ ними и, почи- ьвъ вопросы жизни рѣшенными вполне удо- ьтворительно, обратили дѣятельность свою ьшлифованіе подробностей, не имѣющихъ да-

же относительной важности. Какъ,—спросить ь съ негодованіемъ мой читатель,—и «Обломовъ» — ьшлифованіе подробностей? Да,—отвѣчу я съ ьподобающею скромностію.—«Обломовъ», какъ ьравоописательный романъ, не что иное, какъ ьшлифованіе подробностей. Типъ Обломова не ьсозданъ Гончаровымъ; это повтореніе Бельтова, ьРудина и Бешметева; но Бельтовъ, Рудинъ и ьБешметевъ приведены въ связь съ коренными ьсвойствами и особенностями нашей зачинаю- ьщейся цивилизаціи, а Обломовъ поставленъ въ ьзависимость отъ своего неправильно сложив- ьшагося темперамента. Бельтовъ и Рудинъ сло- ьмлены и поматы жизнью, а Обломовъ просто лѣ- ьнивъ, потому что лѣнивъ. Вліяніе общества на ьличность героя здѣсь, какъ и въ «Обыкновен- ьной Исторіи», скрыто отъ глазъ читателя; ьавторъ понимаетъ, что оно должно существо- ьвать, но онъ держитъ его гдѣ-то за кулисами, ьи изъ-за этихъ кулисъ его герой выходитъ со- ьвершенно готовымъ и начинаетъ разсуждать ьи ходить по сценѣ. Если читатель возразитъ ьмнѣ, что «Сонъ Обломова» объясняетъ намъ ьпроцессъ его развитія, то я на это отвѣчу, ьчто «сонъ» говоритъ только о младенческихъ ьгодахъ нашего героя. Никакой характеръ не ьоказывается сложившимся въ десяти или двѣ- ьнадцатилѣтнемъ мальчикѣ; тѣмъ болѣе не ьмогъ сложиться въ такіе годы характеръ Об- ьломова, котораго и въ тридцать-пять лѣтъ ьможно было ворочать куда угодно; стало-быть, ьзачѣмъ-же авторъ, заговоривши о воспитаніи ьи развитіи своего героя, не далъ намъ сценъ ьизъ его гимназической, студенческой, чинов- ьнической жизни? Вѣдь это, воля ваша, было- ьбы не только плодотворнѣе, но даже интереснѣе ьмногихъ сценъ между Обломовымъ и Захаромъ. ьВѣдь любопытно знать, что именно формируетъ ьу насъ Обломовыхъ, гораздо любопытнѣе, чѣмъ ьсмотрѣть на то, какъ уже сформированные ьОбломовы, т. е. люди, на которыхъ надо мах- ьнуть рукой, валяются на диванѣ и плюютъ ьвъ потолокъ. Но, какъ вездѣ, интересный, жи- ьвой вопросъ обойдется, а подробностей ги- ьбель.

Изображая личность Обломова, Гончаровъ ьмогъ еще ограничиться тѣсной сферой, не вы- ьходить за предѣлы кабинета и спальни и за- ьнимать своего читателя пересказываніемъ того, ьчто говорили между собою Илья Ильичъ и За- ьхаръ. Но вотъ нашъ художникъ хочетъ проти- ьвупоставить своему лѣнивому герою лицо дѣя- ьтельное, весело и дѣльно смотрящее на жизнь ьи энергически расправляющееся съ ея дразгами ьи невзгодами. Является Андрей Ивановичъ ьШтольцъ, о которомъ даже самъ авторъ воз- ьвѣщаетъ не безъ торжественности, говоря, что ьэто человѣкъ будущаго, что много Штольцевъ ькроется подъ русскими именами, что люди та- ького заказа будутъ дѣлать дѣло, какъ слѣ-



дуетъ. О, думаете вы, вотъ тутъ-то Гончаровъ выскажетъ то, что у него на душѣ, тутъ-то онъ воспользуется всѣми собранными матеріалами, чтобы дать плоть и кровь этому человеку будущаго, тутъ-то онъ приведетъ своего любимаго героя въ столкновение съ разными сторонами и типическими особенностями нашей жизни. Вы продолжаете читать съ возрастающимъ нетерпѣніемъ и убѣждаетесь въ томъ, что Штольцъ ведетъ себя точно такъ-же, какъ всѣ гончаровскіе герои, т. е. много говорить, хорошо округляетъ періоды, самодовольно развѣртываетъ передъ слушателемъ свои убѣжденія и ничего не дѣлаетъ; о его дѣятельности, которая составляетъ сущность его характера и замѣчательнѣйшее его достоинство, авторъ рассказываетъ намъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. Штольцъ представленъ внѣ жизни; а Штольцъ безъ жизни все равно, что рыба безъ воды. Онъ выведенъ изъ своего естественнаго положенія, и потому самъ блѣденъ и неестествененъ до крайности. Такъ какъ онъ на нашихъ глазахъ не дѣйствуетъ, то ему, чтобы зарекомендовать себя читателю, поневолѣ приходится говорить самому о себѣ: «я, дескать, человекъ дѣятельный, вѣрите мнѣ на слово»; автору точно также приходится обращаться къ вѣрѣ читателя и говорить ему: «Штольцъ у меня человекъ дѣятельный; дѣятельность вы его не увидите, но онъ, право, постоянно занятъ». Читатель, расположенный къ скептицизму, подумаетъ при этомъ такъ: «если романистъ приписываетъ одному изъ своихъ героев какое-нибудь качество, а между тѣмъ это качество не выражается въ его дѣйствіяхъ, то я, читатель, имѣю право заключить, что у автора не хватило силъ вложить въ образы то, что онъ выразилъ въ отвлеченной фразѣ. Дѣятельный Штольцъ принадлежитъ къ ряду лицъ, подобныхъ добродѣтельному станковому Львову и знаменитому чиновнику его сіятельства графа Соллогуба». Читатель-скептикъ не ошибется въ своемъ предположеніи.

Впрочемъ то обстоятельство, что Гончаровъ взялся за сооруженіе своего Штольца, и то обстоятельство, что это сооруженіе вышло до крайности неудачнымъ, такъ характерны, что объ нихъ стоитъ поговорить подробнѣе. Дѣйствующія лица романовъ Гончарова постоянно вращаются въ безразличной атмосферѣ, живутъ въ тѣхъ комнатахъ, въ которыя не проникаетъ русскій духъ, и становятся другъ къ другу въ такія отношенія, которыя зависятъ отъ особенностей ихъ личнаго характера, а не отъ условій мѣста и времени. Декораціи у Гончарова русскія; для обстановки онъ выводитъ русскаго лакея, русскую кухарку, но это—аксессуары, которые могутъ быть устранены, не нарушая завязки романа; главные дѣйствующіе

лица созданы головой автора, а не живыми впечатлѣніями живой дѣйствительности. Обишись своей идеей, набросавъ ее въ общихъ чертахъ, Гончаровъ потомъ уже съ натуры совмываетъ подробности, и все выстѣкаетъ очень удовлетворительно и на первый взглядъ кажется романомъ, взятымъ изъ русскаго и воспроизводящимъ русскіе типы. Но это на первый взглядъ. Отдѣляйтесь только отъ обаянія великолѣпнаго языка, отбросьте суары, не относящіеся къ дѣлу, обратитъ ваше вниманіе на тѣ фигуры, въ которыхъ сосредоточивается смыслъ романа, и вы увидите, что въ нихъ нѣтъ ничего русскаго и того — ничего типичнаго. Если мы поступимъ такимъ образомъ съ «Обыкновенной Исторіей», то увидимъ, что смыслъ романа лежитъ въ двухъ фигурахъ, въ дядѣ и въ племянникѣ; что изъ этихъ двухъ фигуръ одна неестественна, а другая совершенно пластична и безцвѣтна.

Петръ Ивановичъ Адудевъ, дядя,—не отъ головы до ногъ. Это какой-то англичанинъ, пробившій себѣ дорогу въ жизни силой своего ума, составившій себѣ карьеру въ состояніи и при этомъ нисколько не заботившійся. Въ нашемъ отечествѣ дорога въ жизнь и деньгамъ устлана всякаго рода туманами. Кто хочетъ преуспѣть на томъ поприщѣ, по которому путешествовалъ Петръ Ивановичъ, тотъ немного сохранить въ себѣ гонора наберетъ; подъ старость непременно дойдетъ до положенія Фамусова, а вѣдь между Фамусомъ и Петромъ Ивановичемъ—огромная разница. Петра Ивановича видимо уважаетъ Гончаровъ, а къ Фамусову онъ по всей вѣроятности несклоненъ—быть съ добродѣтельнымъ презрѣніемъ. Видимое различіе между Фамусовымъ и Петромъ Ивановичемъ не можетъ быть объяснено различіемъ времени. Скажите по совѣсти, ужели мы такъ много ушли впередъ съ тѣхъ поръ, какъ была написана комедія Грибоедова? Неужели вы до сихъ поръ не встрѣчаете вашими знакомыми Фамусова, Молчалива, Скалозуба? Формы стали дѣйствительно личнѣе, но что-же это за утѣшеніе? Неужели Гончаровъ, выводя своего героя, обманываетъ насъ, выводя его въ свѣтъ, въ высшей благопристойностью формы и не заглядывая поглубже и распознать подлинныя фразы Петра Ивановича, рождая свойственныя фамусовскаго типа? Врядъ-ли острый аналитикъ могъ впасть въ такую ошибку, въ которой можетъ уличить его школьникъ. Мнѣ кажется, дѣло въ томъ, что въ самомъ Фамусовѣ авторъ «Обыкновенной Исторіи» осудилъ-бы не сущность, а въ неблагообразіе. Потихоньку вести свои заводи связи и поддерживать ихъ изъ стараго разсчета, заниматься такимъ дѣломъ, которому не лежитъ сердце и который



оправдываетъ умъ, оставлять подъ спудомъ въ практикѣ тѣ идеи, которыя исповѣдуешь въ теоріи, смотрѣть съ скептической улыбкой на порывы молодежи, стремящейся обратить слово въ дѣло, — всѣ эти вещи можно назвать благоразуміемъ, лишь бы онѣ не представлялись въ полной наготѣ, безъ прикрашъ и смягченій. Своему герою Гончаровъ приписываетъ именно это благоразуміе, утаивая и сглаживая тѣ сѣренькія стороны, которыя неизбежно связаны съ этимъ благоразуміемъ. Но утаить и сгладить эту обратную сторону медали можно было только съ тѣмъ условіемъ, чтобы показывать читателямъ одну сторону дѣла. Еслибы Гончаровъ вздумалъ выдержать очерченный имъ характеръ, приведя его въ столкновение со всѣми фазами русской жизни, тогда ему пришлось бы всѣ эти фазы выдумать самому и тогда вопиющая неестественность бросилась бы въ глаза каждому читателю. На этомъ основаніи надо было пройти молчаніемъ всѣ отношенія Петра Ивановича къ тому міру, который лежитъ за предѣлами его кабинета и спальни. На этомъ основаніи нельзя было сказать ни слова о томъ, какъ Петръ Ивановичъ вышелъ въ люди; даже тѣ средства и пути, которыми его племянникъ пріобрѣлъ себѣ независимое положеніе, покрыты мракомъ неизвѣстности. Петръ Ивановичъ, какъ чиновникъ, какъ подчиненный, какъ начальникъ, какъ свѣтскій человѣкъ, — не существуетъ для читателя «Обыкновенной Исторіи», и не существуетъ именно потому, что автору предстояло рѣшить грозную дилемму: или выдумать отъ себя всю русскую жизнь и превратить Петербургъ въ Аркадію, или бросить грязную тѣнь на своего героя, какъ на человѣка, подкупленнаго этой жизнью и отстаивающаго ея нелѣпности ради своихъ личныхъ выгодъ. Чтобы не насиловать явленій жизни, чтобы не становиться къ нимъ въ ложныя отношенія и чтобы не закидать грязью своего героя, Гончаровъ заблагоразсудилъ въ «Обыкновенной Исторіи» совершенно отвернуться отъ явленій жизни. Отвѣстись къ нимъ съ тѣмъ суровымъ отрицаніемъ, съ которымъ относились къ нимъ всѣ честные дѣятели русской мысли, открыто заявить свое non-conformity Гончаровъ не рѣшился. Почему? — Отвѣчать на этотъ вопросъ не мое дѣло; пусть отвѣтитъ на него самъ романистъ. Во всякомъ случаѣ въ «Обыкновенной Исторіи» онъ исполнилъ удивительный *tour de force*, и исполнилъ его съ безпримѣрной ловкостью; онъ написалъ большой романъ, не говоря ни одного слова о крупныхъ явленіяхъ нашей жизни; онъ вывелъ двѣ невозможныя фигуры и увѣрилъ всѣхъ въ томъ, что это дѣйствительно существующіе люди; онъ сталъ въ первый рядъ русскихъ литераторовъ, не откликаясь ни однимъ звукомъ на вопросы, поставленные исторической жизнью народа,

пропуская мимо ушей то, что носится въ воздухѣ и составляетъ живую связь между живыми дѣятелями. Исполнить такого рода *tour de force*, и потомъ исполнить его на глазахъ Вѣлинскаго, удалось Гончарову, только благодаря удивительному совершенству техники, невыразимой обаятельности языка, безпримѣрной тщательности въ отдѣлкѣ мелочей и подробностей. Герои Гончарова ведутъ между собой такіе живые разговоры, что, прислушиваясь къ нимъ, невольно забываешь невѣрность ихъ типа и невозможность ихъ существованія. А между тѣмъ эта невѣрность и невозможность, незааявленные положительно въ нашей критикѣ, заявляются въ ней отрицательно. Рудина, Лаврецкаго, Калиновича, Бешметева наши критики берутъ, какъ представителей типовъ, какъ живыхъ людей, служащихъ образчиками русской натуры, а героев Гончарова никто не беретъ такимъ образомъ, потому что, повторяю, въ нихъ нѣтъ ничего русскаго, и нѣтъ никакой натуры.

Оба Адуевы, дядя и племянникъ, не обратились и никогда не обратятся въ полу-нарицательныя имена, подобные Онѣгину, Фамусову, Молчалину, Ноздреву, Манилову и т. п. Что сказать о личности Александра Федоровича Адуева, племянника? Только и скажешь, что у него нѣтъ личности, а между тѣмъ даже и безличность или безхарактерность не можетъ быть поставлена въ число его свойствъ. Онъ молодецъ, пріѣзжаетъ въ Петербургъ съ большими надеждами и съ сильной дозой мечтательности; петербургская жизнь понемногу разбиваетъ его надежды и заставляетъ его быть скромнѣе и смотрѣть подъ ноги, вмѣсто того, чтобы носиться въ пространствахъ эмира. Онъ влюбился — ему измѣняетъ любимая дѣвушка; онъ напускаетъ на себя хандру — и понемногу отъ нея вылечивается; потомъ онъ влюбляется въ другую, и на этотъ разъ уже самъ измѣняетъ своей Дульцинеѣ; съ годами онъ становится разсудительнѣе; при этомъ онъ постоянно споритъ съ своимъ дядей и мало-по-малу начинаетъ сходиться съ нимъ во взглядѣ на жизнь; романъ кончается тѣмъ, что оба Адуевы сходятся между собою совершенно въ понятіяхъ и наклонностяхъ. — «Это канва романа, — скажете вы, — это — общія черты, контуры, которые можно раскрасить, какъ угодно». Это правда; и эти контуры такъ и остались нераскрашенными; бѣдность и недодѣланность ихъ опять-таки замаскированы тщательностью вышней отдѣлки. Напримѣръ, Александръ ѣдетъ къ той дѣвужкѣ, которую онъ любитъ; онъ чувствуетъ сильное нетерпѣніе, и Гончаровъ чрезвычайно подробно рассказываетъ, въ какихъ именно вышнихъ признакахъ проявлялось это нетерпѣніе, какъ сидѣлъ его герой, какъ онъ перемѣнялъ положеніе, какое впечатлѣніе производили на



него окрестные виды; потомъ эта дѣвушка ему измѣнила, предпочла другого,—и Гончаровъ опять-таки съ дагерротипической вѣрностью воспроизводитъ вѣдшія выраженія отчаянія, а потомъ апатію своего героя. Онъ пишетъ вообще исторію болѣзни, а не характеристику больного: поэтому, еслибы романъ Гончарова попался въ руки какому-нибудь разумному жителю луны, то этотъ господинъ могъ-бы составить себѣ довольно вѣрное понятіе о томъ, какъ говорить, любить, жить, наслаждаться и страдать на землѣ животныя, называемыя людьми. Но мы къ сожалѣнію все это знаемъ по горькому опыту, и потому тѣ общія черты, которыя нашъ романистъ разрабатываетъ съ замѣчательнымъ искусствомъ, представляютъ для насъ мало существеннаго интереса. Мы знаемъ, что, отправляясь на свиданіе съ любимой женщиной, молодой человѣкъ чувствуетъ усиленное бѣшеніе сердца; какъ подробно ни опишывайте этотъ симптомъ, вы охарактеризуете только извѣстное фізіологическое отправленіе, а не очертите личной фізіономіи. Описывать подобные моменты все равно, что описывать, какъ человѣкъ жуетъ или хрипитъ во снѣ, или сморкается. Дѣло другое, если герой, отправляясь на свиданіе, перебираетъ въ головѣ такія идеи, которыя составляютъ его типовое или личное свойство; тогда его мысли стоятъ отмѣтить и воспроизвести. Но Гончаровъ думаетъ иначе; онъ съ зеркальной вѣрностью отражаетъ все или, вѣрнѣе, все то, что находитъ удобоотражаемымъ, все безцвѣтное, т. е. именно все то, чего не слѣдовало и не стоило отражать.

Условія удобоотражаемости измѣняются съ годами; что было неудобно лѣтъ десять тому назадъ, то сдѣлалось удобнымъ и общепринятымъ теперь. Вслѣдствіе этихъ измѣненій въ воздухѣ времени, измѣнилось и направленіе Гончарова. Его «Обыкновенная Исторія», за исключеніемъ послѣднихъ страницъ, которыя какъ-то не вяжутся съ цѣлымъ и какъ-будто приклеены чужой рукой, говоритъ довольно прямо, хоть и очень осторожно: «эхъ, молодые люди, протестанты жизни, бросьте вы ваши стремленія вдалѣ, къ усовершенствованіямъ, къ лучшему порядку вещей!—все это пустяки. фантазерство!—надѣньте вицмундиры, вооружитесь хорошо очиненными перьями, покорностью и терпѣніемъ, молчите, когда васъ не спрашиваютъ, говорите, когда прикажутъ и что прикажутъ, скрипите перьями, не спрашивая, о чемъ и для чего вы пишете,—и тогда, повѣрьте мнѣ, всѣ будутъ вами довольны, и вы сами будете довольны всѣмъ и всѣми».

Эти мысли и воззрѣнія въ свое время были какъ польза болѣе кстати; ихъ надо было только выразить съ нѣкоторой осторожностью, чтобы не прослыть за послѣдователя почтеннѣйшаго

Булгарина; а, какъ мы видѣли, дипломатической осторожности въ «Обыкновенной Исторіи» дѣйствительно гораздо больше, чѣмъ мысленно несравненно больше, чѣмъ чувства. Но предки перемѣнились, и пришлось настраивать на новый ладъ; всѣ заговорили о прогрессѣ, разумѣ, и Гончаровъ также заблигоражидать нашему обществу урокъ, наставить его на путь истины и указать ему на свѣтлое будущее. «Россіяне!—говоритъ онъ въ своемъ «Обломовѣ»,—всѣ вы спите—всѣ вы равнодушны къ судьбѣ родины, всѣ вы до такой степени утѣшились отъ сна и заплыли жиромъ, что ни романисту, приходится въ укоръ вамъ брать сего положительнаго героя изъ нѣмцевъ, поэтому, какъ предки ваши, новгородскіе сныне, изъ нѣмцевъ призвали себѣ великаго князя, собирателя русской земли».—И россияне со свойственной имъ однимъ добродушной инвизностью, умиляются надъ гениальнымъ введеніемъ своего романиста, всматриваются въ утрированную до-нельзя фигуру Обломова и восклицаютъ съ добродѣтельнымъ раскаяніемъ: «да, да! вотъ наша язва, вотъ наше общее страданіе, вотъ корень нашихъ золъ—Обломовщина, Обломовщина!... Всѣ мы—Обломовы! всѣ мы ничего не дѣлаемъ! а дѣло ждетъ» и т. д.

Добрые люди! напрасно вы такъ на себя ропщете; да что-же вы будете дѣлать? Какъ это вамъ пригрезилась работа? Это должно быть одно изъ слѣдствій вашего продолжительнаго сна; перевернитесь на другой бокъ и усните опять. Вы можете быть или Обломовыми, или Молчаливыми, Фамусовыми и Петровичами Ивановичами; первые—байбаки, третьи вторые—положительные дѣятели; но всѣмъ порядочнымъ человѣкамъ скорѣе согласится быть Обломовымъ, чѣмъ Фамусовымъ. Гончаровъ, какъ авторъ «Обломова» \*), думаетъ иначе; онъ думаетъ, что дѣло ждетъ, а работники спятъ, такъ что приходится нанимать ихъ за границы; спятъ они не потому, что ихъ измучила работа, не потому, что ихъ истомила жажда и пропекли жгучіе лучи солнца, а потому, что—негодящій народъ, лѣтаетъ, увальни, жиромъ заплыли! Вотъ ужъ это дешевая клевета, пустая фраза, разведенная на цѣлый огромный романъ. Гончаровъ, какъ Панинъ въ романѣ Тургенева «Дворянское Гнѣздо», думаетъ, что стоитъ только захотѣть, такъ сейчасъ и посыпятся въ ротъ жаренные рябчики, и l'idée du cadastre будетъ популяризирована; вотъ поэтому его «Обломовъ» и относится къ тогдашнему пробужденію дѣятельности, какъ замѣчаніе на-

\*) Какъ авторъ «Обыкновенной Исторіи», Гончаровъ думаетъ совсѣмъ не то; тамъ онъ думаетъ, что все хорошо и всѣ хороши; стоитъ только приглядѣться да вглянуться.



тальника, высказанное подчиненному: «что-жъ вы, дескать, любезный мой, спите? вѣдь такъ нельзя! вы видите, я самъ не жалѣю силъ». Гончаровъ очевидно думалъ этой мыслью попасть въ ноту, и дѣйствительно многимъ показалось, что онъ попалъ; а наповѣрку выходитъ, что пѣнье было фальшивое, да и подтягивалъ то онъ не теноромъ, и фистулой. Дѣло въ томъ, что Обломовъ похожъ на Бельтова, Рудина и Бешметева, только гораздо рѣзче обрисованъ; вотъ многимъ, если не всѣмъ, и показались въ то время, что Гончаровъ говорить то-же самое, что Тургеневъ и Писемскій; а Гончаровъ говорилъ другое, только съ свойственной ему осторожностью. Бельтовъ, Рудинъ и Бешметевъ доходятъ до своей дрянности вслѣдствіе обстоятельствъ, а Обломовъ— вслѣдствіе своей натуры. Бельтовъ, Рудинъ и Бешметевъ—люди измятые и исковерканные жизнью, а Обломовъ—человѣкъ ненормальнаго тѣлосложенія. Въ первомъ случаѣ виноваты условія жизни, во второмъ—организация самого человѣка. По мнѣнію Тургенева, Писемскаго и др., наше общество нуждается въ реформахъ; по мнѣнію Гончарова, мы всѣ—больные, нуждающіеся въ лекарствахъ и въ совѣтахъ врача. Согласитесь, что это не совсѣмъ то-же самое. Вотъ изъ этого-то взгляда и вытекла попытка Гончарова соорудить нелѣпую фигуру Штольца. Положительныхъ дѣятелей нѣтъ, — это фактъ, который рѣшается признать нашъ романистъ; но почему ихъ нѣтъ? спрашиваетъ онъ. Дать на этотъ вопросъ удовлетворительный отвѣтъ онъ боится, потому что такой отвѣтъ можетъ повести ужасно далеко, по русской пословицѣ: «языкъ до Кіева доведетъ». Вотъ онъ и отвѣчаетъ: «дѣятелей нѣтъ, потому что мы страдаемъ Обломовщиной». Это не отвѣтъ, это повтореніе вопроса въ другой формѣ, а между тѣмъ фраза облетѣла всю Россію, «Обломовщина» вошла въ языкъ, и даже талантливый критикъ «Современника» посвятилъ цѣлую критическую статью на разборъ вопроса: что такое Обломовщина?

Далѣе Гончаровъ разсуждаетъ такъ: если мы страдаемъ припадками болѣзни, то, чтобы изобразить положительнаго дѣятеля, стоитъ только представить здороваго человѣка; въ насъ недостаетъ энергіи, стало-быть, если приписать энергію какому-нибудь джентльмену, если заставить его ходить большими шагами, говорить рѣшительно и громко, рѣшать, не задумываясь, теоретическіе вопросы,—великая задача будетъ рѣшена; ключъ найденъ, рецептъ положительнаго дѣятеля составленъ: остается только послать въ аптеку, чтобы тамъ подписали: «ordinavit nobis doctor vitae russicae I. Gontcharow». А ну, какъ въ аптекѣ не найдется матеріаловъ? Что, если провизоръ усмѣхнется, прочитавъ рецептъ, и отвѣтитъ ученому док-

тору, что такихъ спецій въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ, и что такіа химическія соединенія невозможны ни подъ какой широтой? Что тогда? Ничего. Докторъ умоетъ руки, скажетъ, что больной непременно выздоровѣлъ-бы, еслибы можно было найти птичье молоко, о которомъ толкуетъ его рецептъ. Въ дѣйствительности больной не поправится, но за-то докторъ будетъ правъ: онъ не задумался, онъ рѣшилъ вопросъ; его-ли вина, что вопросъ можетъ быть рѣшенъ только въ теоріи или, вѣрнѣе, въ фантазій? Да и всего вѣрнѣе, что робкій провизоръ не отвѣтитъ доктору такъ рѣзко, какъ мы это предположили. Благоговѣя передъ репутаціей ученаго мужа, онъ начнетъ смѣшивать и размѣшивать, и если у него не выйдетъ требуемаго соединенія, отнесетъ свою неудачу на счетъ собственной неловкости, вмѣсто того, чтобы обличить эскулапа въ невѣжество и шарлатанствѣ.

Благоговѣніе передъ авторитетами, общими и частными, одинаково сильно: въ аптекахъ и въ журналахъ. Если откинуть это благоговѣніе, то надо будетъ сказать напрямикъ, что весь «Обломовъ» — клевета на русскую жизнь, а Штольцъ — просто *faux-fuyant*, подставное рѣшеніе вопроса, вмѣсто истиннаго, попытка разрубить фразами тотъ узелъ, надъ которымъ, не жалѣя глазъ и костей, трудятся впродолженіи цѣлыхъ десятилѣтій истинно добросовѣстные дѣятели. Да! Авторъ «Обыкновенной Исторіи» напрасно прикинулся прогрессистомъ. Обращаясь къ нашему потомству, Гончаровъ будетъ имѣть полное право сказать: не поминайте лихомъ, а добромъ нечѣмъ!

#### IV.

Теплѣе и искреннѣе могутъ быть наши отношенія къ Тургеневу и Писемскому. Оба они—честные дѣятели и прямые люди; оба смотрятъ на явленія нашей жизни, понимая и чувствуя свое сродство съ ними; оба говорятъ о нихъ то, что думаютъ въ самомъ дѣлѣ, говорятъ искренно и задушевно, не задавая себѣ задачи поддѣлаться подъ господствующій тонъ. За эту правдивость, за эту честную стойкость имъ можно сказать большое спасибо; говорить, что думаешь, не насилуя себя,—совсѣмъ не такъ легко, какъ кажется; этого даже нельзя и требовать отъ всякаго, но этихъ свойствомъ надо дорожить въ тѣхъ людяхъ, въ которыхъ оно встрѣчается. Имена двухъ романистовъ нашихъ, Тургенева и Писемскаго, чисты; никто не обвинитъ ихъ, какъ людей и какъ писателей, въ потаканіи и нашимъ, и вашимъ. Это отрицательное достоинство, можетъ замѣтить читатель; я съ этимъ совершенно согласенъ, но именно это



отрицательное достоинство въ наше время такъ рѣдко, что его стоитъ отмѣтить тамъ, гдѣ мы его замѣчаемъ. Читая романы Писемскаго и Тургенева, пріятно сознавать, что каждая строчка ихъ произведеній—не фраза, брошенная для удовольствія тѣхъ или другихъ читателей, а дѣйствительное выраженіе дѣйствительно существующаго въ авторѣ чувства или воззрѣнія. Съ этими чувствами и воззрѣніями можно не соглашаться, но ихъ нельзя не уважать, потому что право на уваженіе имѣетъ всякое искреннее убѣжденіе.

Существенное различіе между Тургеневымъ и Писемскимъ бросается въ глаза при самомъ бѣгломъ обзорѣ ихъ произведеній; это различіе было не разъ отмѣчено въ нашей критикѣ; еще недавно А. Григорьевъ называлъ Писемскаго представителемъ реализма, и Тургенева—представителемъ и чуть-ли не послѣднимъ могиканомъ идеализма. Такого рода разграниченіе обыкновенно ведетъ къ спору о сравнительномъ достоинствѣ этихъ двухъ направленій и слѣдовательно заводитъ въ такую глубь эстетики, которой, какъ мнѣ кажется, было-бы бесполезно и невѣжливо утомлять читателя. Для меня Тургеневъ и Писемскій важны настолько, насколько они разъясняютъ явленія жизни; слѣдовательно, для меня всего интереснѣе отношенія ихъ къ изображаемымъ ими типамъ. Что же касается до того, какъ каждый изъ нихъ рисуетъ явленія и картины, то этотъ вопросъ имѣетъ для меня совершенно второстепенный интересъ. Пусть одинъ рисуетъ крупными штрихами, а другой съ любовью отдѣливаетъ подробности—все равно; они могутъ сходиться между собою въ результатахъ. Разбирать манеру писателя и отдѣлять ее отъ манеры другого писателя—почти то-же самое, что писать стилистическое изслѣдованіе; это конечно важно для характеристики писателя, но это не можетъ служить отвѣтомъ на нашъ вопросъ: что сдѣлали Тургеневъ и Писемскій для нашего общественнаго сознанія? — Чтобы сколько-нибудь разрѣшить этотъ важный и интересный вопросъ, надо обратиться къ остоу романовъ и повѣстей нашихъ литераторовъ, взглянуть на нихъ почти à vol d'oiseau, отмѣтить выдающіеся типы и, главное, отдать себѣ ясный отчетъ въ отношеніи авторовъ къ этимъ типамъ.

При теперешнемъ положеніи женщины въ обществѣ и въ семействѣ, мужчина является необходимымъ и единственнымъ проводникомъ идей, носящихся въ воздухѣ эпохи,—въ тѣ домашніе кружки, которые замѣняютъ намъ общество. Подъ влияніемъ этихъ идей, понятыхъ такъ или иначе, складываются обстоятельства жизни, формируются характеры, опредѣляются направленія мысли и дѣятельности. Мужчины приходятъ въ непосредственныя столкновѣнія

съ жизнью; они серьезно учатся, служатъ, дѣлываютъ жизнь въ ту или въ другую сторону по своимъ силамъ и по обстоятельствамъ времени и мѣста. Женщины въ настоящее время зависятъ отъ мужчинъ въ отношеніи къ своему матеріальному положенію, въ отношеніи къ своему развитію, къ взгляду на жизнь, къ тому складу и направленію, которое принимаетъ все ихъ существованіе. При анализѣ романа не мѣшаетъ взять отдѣльно два ряда типовъ и личностей; одни лица—дѣятельныя, распоряжающіяся обстоятельствами, испытывающія на себѣ ихъ непосредственное вліяніе; другія лица — пассивныя, зависящія отъ первыхъ, получающія отъ нихъ свѣтло-ломленный и видоизмѣненный. Мужчины зависятъ отъ общихъ условій; женщины—отъ частныхъ условій, отъ отдѣльныхъ личностей, отъ отца, отъ старшаго брата, отъ любовника или мужа. Общія условія почти для всѣхъ одинаковы; слѣдовательно, эти условія въ общественной сферѣ общаго вырабатываютъ довольно опредѣленное количество типовъ; личностнообразія искать и требовать мудрено; они мирятся съ общими условіями, другой же являетъ свой протестъ, — вотъ важныя двѣ главныя категоріи, подъ которыя можно ввести личности мыслящія и дѣйствующія; одніе идутъ направо, другія налево; кромѣ того одніе идутъ по избранному направленію снѣрѣ, другія медленнѣе; одніе идутъ сознательно, другія изъ обезьянства; одніе легко устаютъ, другіе оказываются неутомимыми; но всѣ эти второстепенныя оттѣнки происходятъ уже отъ того, что у одного человѣка больше мозга въ головѣ, у другого больше крови въ жилахъ, у третьяго больше лимфы въ сосудахъ, у четвертаго больше желчи выдѣляется изъ печени. Физиологу можетъ-быть очень интересно разграничивать эти оттѣнки и сортировать образно съ ними людскіе характеры, но для физиологич. общества подобныя изслѣдованія будутъ довольно бесплодны.

Изучая общество, талантливый и умный романистъ выводитъ слабаго, сильнаго, безцѣльнаго человѣка, и т. д. не для того, чтобы сказать читателю: «вотъ посмотрите, господа, какіе бываютъ люди!», а для того, чтобы сказать ему: «вотъ посмотрите, какъ дѣйствуютъ на различныхъ людей тѣ условія жизни, тѣ идеи и стремленія, среди которыхъ живете вы сами. Посмотрите, какіе типы формируются подъ вліяніемъ этихъ условій». Только тогда, когда романистъ доходитъ до такихъ размышленій, онъ является истиннымъ художникомъ, потому что только тогда онъ вполнѣ овладѣваетъ своимъ предметомъ и перерабатываетъ его силой живущей мысли. Гдѣ нѣтъ этой переработки, тамъ есть только списываніе картинокъ съ природы,—списываніе, предпринимаемое для препро-



денія времени, — списываніе, при которомъ мысли, ни сила чувства не подсказывали рисовальщику истиннаго общаго смысла явленій, которыя онъ кладетъ на полотно на бумагу. Какъ-бы ни былъ ярко нарисованъ поэтический образъ, я имѣю полное право спросить: на что онъ мнѣ нуженъ? что имѣетъ онъ общаго? отвѣчаетъ-ли онъ хоть одинъ жизненный вопросъ? — Если эти вопросы останутся безъ отвѣта, я смѣло отнесу этотъ образъ къ разряду пестрыхъ игрушекъ, которыхъ всегда найдется много охотниковъ и у взрослыхъ дѣтьми обоего пола.

Романы Тургенева и Писемскаго никакимъ образомъ не могутъ быть отнесены къ разряду игрушекъ; всѣ они слишкомъ глубоко чувствованы или слишкомъ полно отражаютъ картины жизни, чтобы не показаться какъ читателю серьезнымъ и дѣльнымъ словомъ живаго человѣка. Въ дѣятельности Писемскаго до сихъ поръ нельзя отмѣтить ни одной лишней ноты; въ дѣятельности Тургенева, его несчастнаго романа «Наканунѣ», не такъ много значительныхъ ошибокъ \*); ни онъ, ни другой не пробовали представить положительныхъ дѣятелей, т. е. такихъ героев, которымъ вполнѣ могли-бы сочувствовать авторы и читатели; ни тотъ, ни другой не давали нѣжныхъ обѣщаній, вродѣ того, которое далъ Гоголь въ первой части «Мертвыхъ душъ», и которое онъ такъ уродливо выполнилъ во второй части своей поэмы. Оба — Тургеневъ и Писемскій — стояли въ чисто отрицательныхъ отношеніяхъ къ нашей дѣйствительности, скептически относились къ лучшимъ пронымамъ нашей мысли, къ самымъ красивымъ идеаламъ, выработавшимся у насъ тогда.

Эти отрицательныя отношенія, этотъ пессимизмъ — величайшая ихъ заслуга передъ обществомъ. Сбить съ пьедестала пустого фразера, показать ему, что онъ несетъ вздоръ, сказать звуками собственнаго голоса, что онъ только фразеромъ и можетъ быть, — это чрезвычайно важно; это такой урокъ, послѣ котораго отрезвляется цѣлое поколѣніе; отрезвившись, оно всматривается въ окружающія явленія.

Поколѣніе Рудиныхъ — гегельянцы, зашедшіе только о томъ, чтобы въ ихъ жизни господствовала систематичность, а въ фразѣхъ — замысловатая таинственность, или насъ съ нелѣпостями жизни, оправдывавшихъ ихъ разными высшими взглядами и, всю жизнь толкуя о стремленіяхъ, не трогавшихъ мѣста и не умѣли измѣнить къ лучшему даже особенности своего домашняго быта.

Развѣивать этотъ типъ было такъ-же необходимо, какъ необходимо было Сервантесу похоронить своимъ Донъ-Кихотомъ рыцарскіе романы, какъ одно изъ послѣднихъ наслѣдій средневѣковой жизни. Типъ красиваго фразера, совершенно чистосердечно увлекающагося потокомъ своего краснорѣчія, типъ человѣка, для котораго слово замѣняетъ дѣло и который, живя однимъ воображеніемъ, прозябаетъ въ дѣйствительной жизни, совершенно развѣиванъ Тургеневымъ и представленъ во всей своей дрянности Писемскимъ.

Люди этого типа совершенно не виноваты въ томъ, что они не дѣйствуютъ въ жизни, не виноваты въ томъ, что они — люди бесполезные; но они вредны тѣмъ, что увлекаютъ своими фразами тѣ неопытныя созданія, которыя прельщаются ихъ внѣшней эффектностью; увлекши ихъ, они не удовлетворяютъ ихъ требованіямъ; усиливъ ихъ чувствительность, способность страдать, они ничѣмъ не облегчаютъ ихъ страданій; словомъ, это — болотные огоньки, заводящіе ихъ въ тучи и погасающіе тогда, когда несчастному путнику необходимъ свѣтъ, чтобы разглядѣть свое затруднительное положеніе.

Тургеневъ исчерпалъ этотъ типъ въ Рудинѣ, Писемскій представилъ его въ Эльчаниновѣ («Боярышня») и въ Шамиловѣ («Богатый Женихъ»). Всѣ трое съ самыхъ юныхъ лѣтъ все собираются летѣть, все расправляютъ крылья, иногда машутъ ими до изнеможенія, но ни на вершокъ не поднимаются отъ полу и для безпристрастнаго наблюдателя остаются смѣшными и пошлыми въ самыя пылкія минуты своего лиризма. Въ этихъ людяхъ равновѣсіе между головой и тѣломъ оказывается нарушеннымъ съ самаго дѣтства; уродливое воспитаніе не позволяетъ имъ развиваться, какъ слѣдуетъ, въ физическомъ отношеніи; они не отличаются въ дѣтствѣ ни здоровьемъ, ни силой, но зато, благодаря наемнымъ гувернерамъ, очень рано начинаютъ украшать свою голову разнообразными свѣдѣніями; они опережаютъ своихъ сверстниковъ и сами замѣчаютъ это; воспитатели своимъ вліяніемъ поддерживаютъ въ нихъ это «благородное соревнованіе». У ребенка являются искусственные интересы, ему хочется не конфетъ, не игрушекъ, не бѣготин, не забавъ, а того, чтобы его похвалили, по головкѣ погладили, отличили передъ другими; онъ заботится не о томъ, что доставляетъ непосредственное пріятное ощущеніе, а о томъ, что считается хорошимъ въ глазахъ старшихъ. Вотъ онъ подростаетъ, становится къ своимъ педагогамъ въ критическія отношенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ привычка смотрѣть на себя со стороны не пропадаетъ; когда ему было десять лѣтъ, ему хотѣлось хорошо отвѣтить урокъ, чтобы учитель назвалъ его молодцомъ; а въ семнадцать лѣтъ ему хочется совершить

Я не говорю о его стихотвореніяхъ и драматическихъ произведеніяхъ, которыя извѣстны очень многимъ читателямъ.



удивительнѣйшій подвигъ, чтобы его имя повторяли съ уваженіемъ соотечественники и соотечественницы. «Благородная гордость, благородныя стремленія»,—говорятъ окружающіе люди. Мнѣ кажется, вѣрите было-бы сказать, что началось маханіе крыльями, которое рѣшительно ни къ чему не поведетъ. Удивительнѣйшій подвигъ конечно не совершается, но мысль о такомъ подвигѣ раздражаетъ нервы; молодой искатель великихъ дѣлъ говоритъ съ увлеченіемъ и увлекательно; его слушатели—добрая, довѣрчивая молодежь уважаетъ высоту его порывовъ и съ умиленіемъ слушаетъ его тирады; герой нашъ чувствуетъ свою силу надъ кружкомъ, воодушевляется своимъ торжествомъ, питается своимъ тщеславіемъ, растетъ въ своихъ собственныхъ глазахъ и, одерживая постоянно въ спорѣ легкія побѣды, мечтая и говоря о широкой и великой дѣятельности, мало-по-малу теряетъ всякую способность трудиться. Вотъ еслибы тутъ, въ кругу молодыхъ слушателей и собесѣдниковъ будущаго великаго человека, нашелся умный, фѣдкій скептикъ, который, какъ дважды-два—четыре, доказалъ-бы оратору, что онъ поретъ ахинею,—тогда можетъ-быть нашъ герой одумался-бы и понялъ-бы, что мечтать смѣшно, а не трудиться, когда есть силы, — глупо или по крайней мѣрѣ неразсчитливо; но молодое пиво бродитъ, ничто не сдерживаетъ его броженія, и оно бьетъ черезъ край и утекаетъ въ мутной пѣнѣ; года идутъ; силы, не освѣжаемыя трудомъ, тупѣютъ; матеріальное положеніе остается сомнительнымъ; способность импровизировать восторженную гилъ превращается въ привычку говорить высокими слогомъ о мудреныхъ вещахъ, какъ-то: *жизнь, Русь, назначеніе человека, долгъ гражданина*; удивительный подвигъ, который предполагалось совершить въ началѣ поприща, откладывается: фразеръ начинаетъ понимать, что онъ ничего не сдѣлалъ и ничего не сдѣлаетъ, но отказаться отъ эффектинчанія передъ самимъ собой онъ рѣшительно не въ состояніи; онъ начинаетъ говорить: «у меня были силы, ихъ разнесла жизнь; жизнь меня измѣла, но я не уступилъ ей напору; теперь я безсиленъ, теперь я жалокъ, ничтоженъ, смѣшонъ». Даже въ патетическомъ перечисленіи своихъ нравственныхъ нарывовъ и струповъ нашъ герой ищетъ картинной эффектности, подобно тому, какъ уѣздная барышня ищетъ интересной блѣдности, если не можетъ похвастаться свѣжимъ дѣвствомъ лица и округлостью бюста. Роль, позы, трагическая мантія оказываются самыми насущными потребностями неудавшагося титана. Искренности, жизни, натуры — ни на волю.

На словахъ эти люди способны на подвиги, на жертвы, на героизмъ; такъ по крайней мѣрѣ подумаетъ каждый обыкновенный смертный,

слушая ихъ разглагольствованія о чести, гражданствѣ и другихъ тому подобныхъ значенныхъ и высокихъ предметахъ. На дѣлѣ дряблыя существа, постоянно испарившіеся въ фразы, неспособны ни на рѣшительный шагъ, ни на усидчивый трудъ. Вглядитесь въ Рудина: какъ онъ говоритъ о жизни, какъ его слова западаютъ въ душу двумъ молодымъ невестамъ—Натальѣ и Басистову, какъ онъ самъ воодушевляется и становится почти великимъ, когда его увлекаетъ потокъ его мыслей! И вдругъ, что же выходитъ на дѣлѣ? Рудинъ триситъ предъ Волинцевымъ, труситъ предъ Натальей, спотыкается объ ничтожнѣйшія препятствія, падаетъ духомъ, выѣзжая изъ приемнаго дома Дарьи Михайловны, и наконецъ является передъ читателями измѣненнымъ, чуждымъ, бесполезнымъ, какъ выжатый лимонъ, и тутъ онъ фразерствуетъ только пѣскаными тонами ниже. Но въ Рудинѣ есть выкупная сторона; Рудинъ—поэтъ, голова, сильно разливающаяся и быстро простывающая для того, чтобы снова раскиснуть отъ прикосновенія другихъ предметовъ. Онъ впечатлителен въ крайности, и въ этой впечатлительности заключаются и его обаятельность, и источникъ его страданій. Еслибы дѣло также скоро дѣлаемо, какъ сказка сказывается, то Рудинъ могъ-бы быть великимъ дѣвателемъ; въ ту минуту, когда онъ говоритъ, его личность вырастаетъ изъ обыкновенныхъ размѣровъ; онъ гальванизируетъ самого себя, онъ силенъ и вѣритъ въ свою силу, онъ готовъ пойти на острый бой со всею неправдой земли; вотъ почему онъ умираетъ отъ знаменемъ въ рукѣ; но въ обыденной жизни нельзя устраивать свои дѣла однимъ взмахомъ руки; ничто не приходитъ къ намъ по чувству велѣнью; надо выработать, надо срыть препятствія и разровнять себѣ дорогу; для этого необходима выдержка, устойчивость; взрывной кипучей отваги, вспышкой нечеловѣческой энергии можно только ослѣпить зрителей; оно красиво, но бесплодно. Рудинъ умираетъ великолѣпно, но вся жизнь его не что иное, какъ длинный рядъ самообольщеній, разочарованій, мыльных пузырей и миражей.

Всего печальнѣе то, что эти миражи обманывали не его одного; съ нимъ вмѣстѣ, за него, и часто сильнѣе его самого страдали люди, принимавшіе его слова на вѣру, воспламенявшіеся вмѣстѣ съ нимъ и не утѣшшіе остыть тогда, когда остывалъ Рудинъ. Особенно вредно Рудины дѣйствуютъ на женщинъ; женщины въ нашемъ обществѣ перѣдко до сѣдыхъ волосъ остаются дѣтьми; онѣ не знаютъ жизни, потому что сами не сталкиваются съ нею; онѣ не знаютъ того, какъ лгутъ въ жизни, поступками и словами, на каждомъ шагу и при каждомъ удобномъ случаѣ, иногда даже лучшіе люди и добросовѣстнѣйшіе дѣла-



тели; онѣ видятъ этихъ людей и дѣятелей въ домашнемъ костюмѣ, когда вицмундиры смѣняются простыми сюртуками; онѣ слышатъ, какъ эти люди разсуждаютъ о своей дѣятельности, и много фальшивой монеты принимаютъ за наличную. Упомянувъ такимъ образомъ о женщинахъ, я конечно не говорю о тѣхъ несчастныхъ личностяхъ, чьихъ горькая нужда слишкомъ хорошо познакомила съ грязью жизни, или чьихъ уродливое воспитаніе сдѣлало нечувствительными къ какимъ-бы то ни было впечатлѣніямъ, кромѣ чисто-физической боли и чисто-физическаго наслажденія.

Нѣкоторая независимость отъ вѣншихъ обстоятельствъ совершенно необходима для того, чтобы человѣкъ могъ мыслить и чувствовать; если человѣкъ цѣлый день работаетъ для того, чтобы не умереть съ голода, и утоляетъ свой голодъ для того, чтобы завтра опять цѣлый день работать, то онъ прозябаетъ, а не живетъ; онъ черствѣетъ, тупѣетъ, покрывается какой-то ржавчиной; въ этомъ и заключается деморализующее, опошляющее вліяніе пауперизма, котораго не испытываютъ животныя и который страшнымъ бременемъ тяготѣетъ надъ человѣкомъ. Слѣдовательно, говоря о психической жизни женщинъ, я по-неволѣ принужденъ ограничиться тѣми сферами, въ которыхъ эта психическая жизнь не подавлена и не забита ежедневной тревожной заботой о кускѣ хлѣба; такія женщины, знающія жизнь настолько, насколько пожелають показать имъ жизнь ихъ папеньки, опекуны или супруги, любятъ смѣлыя рѣчи Рудиныхъ; онѣ въ этихъ людяхъ надѣются увидѣть тѣхъ героевъ, къ которымъ инстинктивно стремятся ихъ желанія; онѣ надѣются черезъ нихъ познакомиться съ той болѣе полной и широкой жизнью, онѣ привязываются къ этимъ людямъ той пылкой любовью, которой мы любимъ наши лучшія надежды, наши свѣтлыя мечты, наши благородныя стремленія; все то, что даетъ намъ силы переносить тягости жизни, все это воплощается для женщины въ образѣ того человѣка, который горячимъ словомъ шевельнулъ ея мозговые нервы; тутъ обмануться, тутъ разочароваться значитъ упасть съ страшной высоты; вынести такое паденіе, окрѣпнуть послѣ такого грубаго удара удается очень немногимъ.

Вотъ въ какомъ отношеніи Рудины принимаютъ на себя страшную отвѣтственность; кто будитъ въ человѣкѣ его лучшія инстинкты, тотъ долженъ и удовлетворить ихъ требованія; кто ведетъ слабаго ребенка на крутую гору, тотъ можетъ сдѣлаться преступникомъ, если не поддержитъ до самаго конца горы это существо, вѣрующее въ его силу и смѣло пошедшее за нимъ по его призыву; оставить такое существо на половинѣ дороги, когда впереди страшная крутизна, а зади страшный спускъ въ сы-

рую трущобу, — это непростительно: тутъ извиненіемъ не можетъ служить ни ошибка, ни слабость; когда берешься устраивать чужую жизнь, надо взвѣсить свои силы; кто этого не умѣетъ или не хочетъ сдѣлать, тотъ опасенъ, какъ слабоумный или какъ эксплуататоръ.

## V.

Выкупающія стороны, отмѣченные мною въ характерѣ Рудина, не встрѣчаются въ личностяхъ Эльчанинова и Шамилова. Сущность типа состоитъ, какъ мы видѣли, въ несоразмѣрности между силами и претензіями; духъ бодръ, плоть немощна — вотъ формула рудинскаго типа. Несоразмѣрность эта можетъ происходить отъ избытка претензій или отъ недостатка силъ. Рудинъ воплощаетъ въ себѣ первый моментъ; Эльчаниновъ и Шамиловъ служатъ представителями второго. Рудинъ — человѣкъ очень недолговѣчный по своимъ способностямъ, но онъ постоянно собирается сдѣлать какой-то фокусъ, перескочить *à pieds joints* черезъ всѣ препятствія и дразни жизни; этотъ фокусъ ему не удается, потому что онъ вообще удается только немногимъ счастливымъ или гениальнымъ; вслѣдствіе этого Рудинъ истощается въ безплодныхъ попыткахъ, разливается въ разсужденіяхъ объ этихъ попыткахъ и дальше этого не идетъ; дѣятельность обыкновеннаго работника мысли ему сподручна, да вотъ, видите ли, онъ — бѣлоручка, онъ ее знать не хочетъ; ему подайте такое дѣло, которое во всякую данную минуту поддерживало-бы его въ восторженномъ состояніи; онъ черновой работы не терпитъ, потому что считаетъ себя выше ея. Эльчаниновъ и Шамиловъ, напротивъ того, представляютъ собою полиѣйшую посредственность; они даже въ мечтахъ своихъ слишкомъ высоко не забираются; имъ съ трудомъ достаются даже такіе рядовые результаты, какъ кандидатскій экзаменъ; они — просто лѣнтяи, не рѣшающіеся сознаться самимъ себѣ въ причинѣ своихъ неудачъ.

Въ каждомъ обществѣ, дурно или хорошо устроенномъ, есть два рода недовольныхъ: одни дѣйствительно страдаютъ отъ господствующихъ предразсудковъ; другіе страдаютъ отъ побочныхъ причинъ и только сваливаютъ вину на эти предразсудки. Одни жалуются на то, что масса ихъ современниковъ отстаетъ отъ нихъ; другіе — на то, что эти же современники идутъ мимо нихъ, не обращая вниманія на ихъ возгласы и трагическіе жесты: къ числу первыхъ относится Галилей, Іоаннъ Гуссъ, абolicіонистъ Броунъ; къ многочисленной фалангѣ вторыхъ принадлежатъ разныя непризнанныя дарованія и непонятныя души, — люди, нищія духомъ и не рѣшающіеся къ-



даться въ своей нищетѣ. Одинъ, положимъ, оказался неспособнымъ кончить курсъ и вслѣдствіе этого кричить, что система преподаванія уродлива, а преподаватели — взяточники; другому возвратили нелѣпую статью изъ редакціи журнала, — онъ начинаетъ жаловаться на тлетворное направленіе періодической литературы; третьяго выгнали изъ службы за то, что онъ пьетъ запоемъ, — онъ становится въ мефистофелевскія отношенія къ современному порядку вещей. Критическія отношенія къ дѣйствительности неизбежны и необходимы, но критиковать надо честно и дѣльно; кто кидается въ отрицаніе съ горя, съ досады, чтобы сорвать зло за личную несправедливость, тотъ вредитъ дѣлу общественнаго развитія, тотъ роняетъ идею оппозиціи и подрываетъ въ публикѣ довѣріе къ тѣмъ честнымъ дѣятелямъ, съ которыми онъ повидимому стоитъ подъ однимъ знаменемъ.

Когда вы горячо спорите о чемъ-нибудь, то нѣтъ ничего несправедливаго, какъ услышать отъ другого собесѣдника плохой аргументъ въ пользу нашего мнѣнія; нечестный или ограниченный союзникъ въ умственномъ дѣлѣ, въ борьбѣ принциповъ, — вреднѣе врага; поэтому псевдо-прогрессисты мѣшаютъ дѣлу прогресса гораздо сильнѣе, чѣмъ открытые обскуранты, если только послѣдніе въ борьбѣ съ новыми идеями останавливаются на одной аргументаціи. Мелкіе представители рудинскаго типа схватываютъ на лету свѣжія идеи, выкраиваютъ себѣ изъ нихъ эффектную, по ихъ мнѣнію, драпировку и, закутываясь въ нее, до такой степени опешиваютъ самую идею, что становятся совѣстно за нихъ и до слезъ обидно за идею. Возьмемъ наприимѣръ Шамилова. Онъ пробылъ три года въ университетѣ, болтался, слушалъ по разнымъ предметамъ лекціи такъ же бесцельно и безцѣльно, какъ ребенокъ слушаетъ сказки старой няни, вышелъ изъ университета, уѣхалъ во-свояси, въ провинцію, и разсказалъ тамъ, что «намѣренъ держать экзаменъ на ученую степень и пріѣхалъ въ провинцію, чтобы удобнѣе заняться науками». Въмѣсто того, чтобы читать серьезно и послѣдовательно, онъ пробавлялся журнальными статьями и тотчасъ по прочтеніи какой-нибудь статьи пускался въ самостоятельное творчество; то вздумаетъ писать статью о «Гамлетѣ», то составить планъ драмы изъ греческой жизни; напишетъ строкъ десять и броситъ; зато говорить о своихъ работахъ всякому, кто только соглашается его слушать. Разсказы его заинтересовываютъ молодую дѣвушку, которая по своему развитію стоитъ выше уѣзднаго общества; находя въ этой дѣвушкѣ усердную слушательницу, Шамиловъ сближается съ нею и, отъ нечего дѣлать, воображаетъ себя до безумія влюбленнымъ; что-же касается до дѣ-

вушки, — та, какъ чистая душа, влюблена въ него самымъ добросовѣстнымъ образомъ, дѣйствуя смѣло изъ любви къ нему, представляетъ сопротивленіе своимъ родственникамъ, происходитъ помолвка съ тѣмъ условіемъ, чтобы Шамиловъ до свадьбы получилъ степень кандидата и опредѣлился на службу. И является, стало быть, необходимость поработать, но нашъ новый Митрофанушка не осилилъ ни одной книги и начинаетъ говорить: «я хочу учиться, хочу жениться». Къ сожалѣнію онъ говоритъ эту фразу не такъ просто и искренно, какъ произносилъ ее его прототипъ. Онъ начинаетъ обвинять свою любящую жену въ холодности, называетъ ее холодной женщиной, жалуется на свою судьбу, кричится страстнымъ и пламеннымъ, приходитъ къ невѣстѣ въ нетрезвомъ видѣ и, съ пьяныхъ глазъ, совершенно некстати и очень неумѣнно обнимаетъ ее. Всѣ эти штуки производятся отчасти отъ скуки, отчасти потому, что Шамилову ужасно не хочется готовиться къ экзамену; чтобы обойти это условіе, онъ готовъ поступить на хлѣба къ дядѣ своей вѣсты и даже выпросить черезъ невѣсту обещанный кусокъ хлѣба у одного стараго вельможи, бывшаго друга его покойнаго отца. Всѣ эти гадости прикрываются мантией страсти любви, которая будто бы омрачаетъ разумъ Шамилова; осуществленію этихъ гадостей мѣшаютъ обстоятельства и твердая воля честной дѣвушки. Шамиловъ дѣлаетъ ей сцену, требуетъ, чтобы она отдалась ему до брака, но невѣста его настолько умна, что видитъ его ребячество и держитъ его въ почтительномъ отдаленіи. Видя серьезный отпоръ, нашъ герой жалуется на свою невѣсту одной молодой вдовѣ и, вѣроятно чтобы утѣшиться, начинаетъ объясняться ей въ любви. Между тѣмъ отношенія съ невѣстой поддерживаются Шамиловъ отправляютъ въ Москву держать экзаменъ на кандидата; Шамиловъ экзаменъ не держитъ, къ невѣстѣ не пишетъ, и наконецъ успѣваетъ увѣрить себя безъ большого труда въ томъ, что его невѣста его не понимаетъ, не любитъ и не стоитъ. Невѣста отъ разныхъ потрясеній умираетъ въ чаоткѣ, а Шамиловъ избираетъ благую часть, т. е. женится на утѣшавшей его молодой вдовѣ; это оказывается весьма удобнымъ, потому что у этой вдовы — обеспеченное состояніе. Молодые Шамиловы пріѣзжаютъ въ тотъ городъ, въ которомъ происходило все дѣйствіе разсказа; Шамилову отдаютъ письмо, написанное къ нему его покойной невѣстой за день до смерти, и по поводу этого письма происходитъ между нашими героями и его женой слѣдующая сцена, достойнымъ образомъ завершающая его бѣдную характеристику:



Покажите мнѣ письмо, которое отдалъ вамъ другъ, начала она.

Какое письмо? спросилъ съ притворнымъ удивленіемъ Шамиловъ, садясь у окна.

Запирайтесь: я все слышала... Понимаете что дѣлаете?

Гдѣ такое я дѣлаю?

Ничего; вы только принимаете отъ того человека, который самъ прежде интересовался мною, отъ вашихъ прежнихъ пріятельницъ и по-этомъ говорите ему, что вы теперь наказаны—позвольте васъ спросить. Мною вѣроятно? Это благородно и какъ умно! Еще васъ считали умнымъ человѣкомъ; но гдѣ же вашъ умъ? Онъ состоитъ, скажите мнѣ пожалуйста?... Это письмо!

Оно писано ко мнѣ, а не къ вамъ; я вашими письмами не интересуюсь.

Меня не было и нѣтъ ни съ кѣмъ переписываться. Я играть вамъ собою, Петръ Александръ, олю... Мы ошиблись, мы не поняли другъ

Шамиловъ молчалъ.

Подайте мнѣ письмо или сейчасъ-же поѣжайте, хотите, повторила Катерина Петровна.

Озвѣтите. Неужели вы думаете, что я приду къ нему какой-нибудь особый интересъ? съ насмѣшкой Шамиловъ.

Послѣднее письмо на столъ, ушелъ.

Катерина Петровна начала читать его съ замѣчаніями.

Вотъ это письмо къ вамъ послѣднее въ жизни Шамилова.

Еще печальное начало!

Еще сержусь на васъ; вы забыли ваши клятвы, тѣ отношенія, которыя я, безумная, считала разрывными».

Скажите, какая неопытная невинность!

Еще мною теперь...»

Кучно! Аинушка!..

Васъ горничная.

Оди, отдай барину это письмо и скажи, что я ую ему сдѣлать для него медальонъ и храню на груди своей.

Горничная ушла и, воротившись, доложила ба-

Петръ Александръ приказали сказать, что въ вашего совѣта будутъ беречь его.

Шамиловъ поѣхалъ къ Карелину, про-ушелъ до полуночи и, возвратясь домой, въ несколько разъ письмо Вѣры, вздохнулъ и валь его. На другой день онъ цѣлое утро у жены прощенія.»

Онъ каковъ, Шамиловъ. Надо отдать кому полную справедливость: онъ раз-вотпалъ въ грязь дрянной типъ дра-гого фразера. Ни Тургеневъ въ своемъ, ни Жоржъ-Зандъ въ Орасѣ не возвы-до такой удивительной, практической-отношеній къ личностямъ этихъ ге-

выписанной мною заключительной сценѣ и малѣйшей эффектности, ни тѣни искус-ности; характеръ дорисовывается вполне; гнѣние производится на читателя самое и притомъ самыми простыми, дешевыми, естественными средствами. Пустой фразеръ на-какъ нельзя больнѣе, и притомъ нака-стеченіемъ обстоятельствъ, какъ Рудинъ-погѣ, а неизбежными слѣдствіями соб-

ственного характера. Онъ тщеславенъ, неспо-собенъ трудиться и сухъ,—очень естественно; что онъ съ удовольствіемъ женится на богатой женщинѣ, хотя-бы она была и гораздо постарше его. Соблюдая передъ самимъ собой благообра-зие отношеній, онъ не сознается въ томъ, что поставилъ себя въ зависимое положеніе—ему даютъ почувствовать эту зависимость; онъ ви-дитъ, что дѣло некрасиво, и пробуетъ возму-титься—ему затягиваютъ мундштукъ потуже; онъ, чисто для приличія, произноситъ передъ горничной гордую фразу—его заставляютъ от-казаться отъ этой фразы; онъ уходитъ и на-дувается—его принуждаютъ просить прощенія, да еще цѣлое утро, ему грозятъ, что его согонятъ со двора,—и онъ становится шелковый. «Со-бакѣ—собачья смерть», говоритъ пословица; но, мнѣ кажется, было-бы правильнѣе сказать: «со-бакѣ—собачья жизнь». Смерть—случайность, потому что камень можетъ свалиться и на ге-роя, и на не-героя, но жизнь съ своимъ направ-леніемъ и съ своей обстановкой зависитъ отъ самого человѣка; жизнь Шамилова предста-вляетъ полный оттискъ его личности; какимъ-бы героемъ этотъ джентльменъ ни умеръ—все равно; мы видѣли, какъ онъ расположилъ свое существованіе, какъ напакостилъ себѣ и дру-гимъ, и этого совершенно достаточно, чтобы оцѣнить букетъ его характера.

Въ Шамиловѣ, по моему мнѣнію, больше жиз-ненного значенія, чѣмъ въ Рудинѣ: Шамиловыхъ тысячи, Рудиныхъ—десятки. Тургеневъ беретъ довольно исключительное явленіе. Писемскій, напротивъ того, прямо запускаетъ руку въ дѣй-ствительную жизнь и вытаскиваетъ оттуда та-кихъ людей, какихъ мы встрѣчаемъ сплошь да рядомъ; между тѣмъ общій характеръ типа у Писемскаго проанализированъ такъ-же вѣрно, какъ и у Тургенева, а очерченъ даже гораздо ярче.

Виновато-ли общество въ формированіи не-дѣлимыхъ, относящихся къ этому типу? На этотъ вопросъ можно отвѣтить такъ. Общество виновато во всемъ томъ, что совершается въ его предѣлахъ; всякая дрянная личность са-мымъ фактомъ своего существованія указываетъ на какой-нибудь недостатокъ въ общественной организаціи. Что-же дѣлать обществу? спроситъ читатель. Вѣшать что-ли преступниковъ, или усиливать полицейскія мѣры для предупрежде-нія преступленій? Нѣтъ, отвѣчу я. Воръ не могъ родиться воромъ, потому что новорожден-ный ребенокъ не имѣетъ никакого понятія о томъ, что такое собственность. Его испортило воспитаніе, а воспитаніе зависитъ отъ отноше-ній, отъ условій экономическаго быта, отъ сум-мы гуманныхъ идей, находящихся во всеобщемъ обращеніи; если воспитаніе плохо въ какомъ-бы то ни было отношеніи, въ этомъ прямо вино-вато общество; ни вы, ни я, ни Петръ, ни Си-



доть отдѣльно не заслуживаютъ порицанія, но тѣ отношенія, въ которыхъ Петръ стоитъ къ Сидору или я стою къ вамъ, могутъ быть названы ложными, неестественными и стѣснительными.

Отношенія эти образовались помимо насъ и до нашего рожденія; ихъ освятила исторія, ихъ не устранить никакая единичная воля; вѣрить и сомнѣваться мы не можемъ *ad libitum*; мысли наши текутъ въ извѣстномъ порядкѣ, помимо нашей воли; даже въ процессѣ мысли мы стѣснены условіями нашей физической организаціи и обстоятельствами нашего развитія; если вы выросли при извѣстной обстановкѣ, свыклись съ нею теченіи вашей жизни и притомъ не обладаете значительной силой мысли, то вамъ можетъ-быть никогда не удастся обсудить эту обстановку совершенно свободно и смѣло; винить васъ въ этомъ было-бы смѣшно, но замѣтить, что ваша робость оказываетъ вредное вліяніе на зависящіе отъ васъ личности, было-бы совершенно справедливо; устранить это вредное вліяніе, хотя бы вамъ это было не по сердцу, также очень законно; но валить на васъ отвѣтственность за то, что вы поступаете подобно съ вашей природой, безжалостно и бесполезно. Если пороховые газы у васъ въ рукахъ разорвутъ ружье, въ которомъ уже образовался разстрѣлъ, то вы вѣроятно не станете сердиться ни на ружье, ни на порохъ, хотя-бы отъ разрыва у васъ перекалѣчило руки. Вы просто выведете заключеніе, что разстрѣленное ружье можетъ быть разорвано, если положить въ него слишкомъ крѣпкій зарядъ, и вѣроятно на будущее время будете осмотрительнѣе. Еслибы только вы могли быть всегда послѣдовательны, то и на человѣческія слабости и погрѣшности вы смотрѣли-бы такъ-же безстрастно, какъ на разрывъ ружья; вы-бы остерегались отъ вредныхъ послѣдствій этихъ слабостей, но на самыя слабости не могли-бы сердиться; поэтому необходимо хотъ въ критикѣ становиться выше искусственнаго понятія; необходимо, говоря о личности человѣка, разсмотрѣть причины его поступковъ, привести ихъ въ соотношеніе съ условіями его жизни, объяснить ихъ вліяніемъ обстоятельствъ и вслѣдствіе этого оправдать того грѣшника, въ котораго прежде летѣли камни. Въ заключеніе всего, можно только сказать о подсудимой личности: такой-то слабъ и не вынесетъ гнета обстоятельствъ, а такой-то силенъ и побѣдилъ всѣ препятствія. Одного мы уважаемъ за его силу, другого презираемъ за его слабость по той-же самой причинѣ, по которой мы съ удовольствіемъ сѣдлаемъ кусокъ свиного мяса и съ отвращеніемъ выбрасываемъ въ покойную яму гнилое яйцо. Кто-же во всемъ этомъ виноватъ? Неужели самъ субъектъ, т. е. продуктъ извѣстныхъ условій, совершенно независимый отъ его выбора? Никто не вино-

ватъ, да и что это за скверное слово *виноватъ*; отъ него пахнетъ уголовнымъ заніемъ. Это слово, это понятіе исчезаетъ изъ пенитенціарной системы Сѣверныхъ Штатовъ является намъ первой удачной попыткой отбросить наказаніе перевоспитаніемъ.

Шамиловъ и подобныя имъ личности имѣютъ права претендовать на общество, на общество обращается съ ними, какъ съ людьми, но они имѣютъ право жаловаться, что общество допустило ихъ сдѣлаться дряблыми и никуда негодными. Они должны знать: мы—лишніе люди, насъ нельзя приписать къ какому дѣлу, но еслибы насъ измучивали въ дѣтствѣ и иначе направили молодости, мы можетъ-быть не обременяли собою земли и не относились-бы къ конту неба и къ чуждымъ растеніямъ.

## VI.

Чтобы отбросить своихъ героевъ, прижащихъ къ рудинскому типу, чтобы выставить безпощадность своихъ отвоинныхъ чуждымъ личностямъ и смѣшнымъ званій, Тургеневъ и Писемскій ставятъ домъ съ простыми, очень неразвитыми людьми, изъ простыхъ смертныхъ оказываются крѣпче и честнѣе полковниковъ и фразистовъ умниковъ. Рудинъ пасуетъ передъ лицемернымъ, передъ отставнымъ армейскимъ мистромъ, не получившимъ никакого образованія. Эльчаниновъ у Писемскаго въ подгородіи Савелію, мелкопомѣстному дворянину, вѣстѣ съ своимъ единственнымъ мужикомъ. Шамиловъ оказывается дряблѣе сравненіи съ лихимъ гусаромъ Карелинымъ, сравненіи съ тупоумнымъ Сальевымъ.

Рудинъ, Эльчаниновъ и Шамиловъ образованнѣе и даже развитѣе тѣхъ личностей, которымъ они противопоставляются, а между неотесанными натурами послѣднихъ инстинкты раздѣла больше довѣрія, уваженія и сочувствія. Отчего это происходитъ? Оттого, что въ разѣ мы ничего не видимъ, кромѣ изощренности, а въ дичкаѣ видимъ чуждость, какъ онъ есть, съ сакородными инстинктами и съ прилипами случайно снѣжани и шероховатостями. Но теперь къ другой вопросъ: съ какой цѣлью Тургеневъ и Писемскій рѣшаются дѣлать эти сравненія? Что они хотѣли этими доказательствами показать? Неужели то, что образованіе вредно дѣлаетъ на человѣка? На послѣдній вопросъ можно отвѣтить: нѣтъ. Дѣло въ томъ, что образованіе, на-сломятъ, если не на дѣлѣ, до такой степени призрачно, что отъ этого положенія никто не становится доказательнѣе и что противъ этого положенія, выра-



решенно абстрактно, никто не станетъ спорить. Самъ Асоченскій не скажетъ прямо: извѣдываніе вредно, хотя и постарается подогрѣть своимъ предлогомъ очернить самые свѣтлыя результаты. Для порядочныхъ-же людей нашего времени вопросъ о пользѣ образованія давнымъ-давно, чуть не съ пеленокъ, не сталъ быть вопросомъ. Къ признанному-же факту, стоящему на незыблемыхъ основаніяхъ, можемъ относиться совершенно смѣло, съ той безпощадной и послѣдовательной критикой. Намъ не зачѣмъ ни миндальничать передъ идеями цивилизаціи, ни благоговѣть передъ ея благодѣяніями. Мы можемъ уже говорить другимъ тономъ. Мы видимъ, что свѣтъ цивилизаціи исподволь распространяется въ нашемъ обширномъ отечествѣ, и отъ всей души радуемся этому факту, но, признавая его чрезвычайно важнымъ, именно по этой причинѣ и стараемся всмотрѣться въ него, какъ можно истальнѣе. Великолѣпное растеніе, принадлежащее всѣмъ людямъ, но воздѣланное съ особенной любовью западными европейцами и дающее имъ богатые плоды, перенесено на нашу почву и посажено на нашихъ равнинахъ, въ его и вѣтромъ качается, и снѣгомъ заносится, и засухой жаривается. Вѣдь право не грѣшно будетъ спросить: «каково принялось иноземное растеніе? есть-ли надежда акклиматизировать его подъ нашимъ негостепріимнымъ климатомъ?» Не грѣшно будетъ отвѣтить на это: надежда пожалуй есть, да и гдѣ-же ее нѣтъ?» принялось-то пѣжкое растеніе Запада не сохнуло хорошо; характеръ его извращенъ климатическими и другими условіями; плоды мелкіе горьковатые; зелень чахлая и тощая. Вотъ и гали кричать по этому случаю славянофилы: не надо намъ этого растенія! Оно намъ не по климату; оно истощитъ всю нашу навозную почву, которую мы, отцы и дѣды наши удобрили съ такимъ постояннымъ усердіемъ, не ради живота и животновъ. Проклятый тотъ навозъ, который воздѣлываетъ это растеніе; чтобы не подавиться тѣми плодами, которые оно приноситъ!»

Было-бы грустно думать, что лучшіе изъ нашихъ современныхъ художниковъ вторагъ въ своихъ произведеніяхъ этимъ нестройнымъ крикомъ. Неужели Писемскій и Тургеневъ славянофильствуютъ, ставя полудикія натуры выше разсудковъ? Еслибы эта статья принадлежала перу славянофила, то навѣрное-бы авторъ ея извелъ такого рода заключеніе и пришелъ бы въ неописанный восторгъ оттого, что наши художники преклоняются будто-бы передъ природной правдой и святиней. Я-же, не имѣя права принадлежать къ сотрудникам покойной «Русской Вѣстѣ» и нынѣ процвѣтающаго «Дня», позволю себѣ взглянуть на дѣло болѣе широкимъ взглядомъ и постараюсь оправдать

Тургенева и Писемскаго отъ упрека въ славянофильствѣ.

Противупологая полудикую натуру—обезцвѣченной, наши художники говорятъ за человека, за самородныя и неотъемлемыя свойства и права его личности они не думаютъ выхвалять одинъ народъ насчетъ другого, одинъ слой общества насчетъ другого; національная или кастическая исключительность не можетъ найти себѣ мѣста въ томъ свѣтломъ и любовномъ взглядѣ, которымъ истинный художникъ охватываетъ природу и человека; обнимая своимъ могучимъ синтезомъ все разнообразіе явленій жизни, обобщая ихъ естественнымъ чутьемъ истины, видя въ каждомъ изъ нихъ его живую сторону, художникъ видитъ человека въ каждомъ изъ выводимыхъ типовъ, заступаетъ за него, когда онъ страдаетъ, сочувствуетъ ему, когда онъ опечаленъ, осуждаетъ его, когда онъ гнететъ другихъ;—и во всѣхъ этихъ случаяхъ только интересы человѣческой личности волнуютъ и потрясаютъ впечатлительные нервы художника. Споръ о томъ, что годится намъ лучше, западная-ли наука, или восточная рутина, не можетъ имѣть никакого интереса для художника; элитеты: *западнѣе* и *восточнѣе*, въ которыхъ, по мнѣнію борцовъ различныхъ партій, заключается вся сила, откидываются въ умѣ художника или даже вообще умнаго человека. Онъ разсматриваетъ просто науку и рутину, движеніе и застой, какъ два различныхъ состоянія человѣческаго мозга; онъ одинаково легко отрѣшается отъ узкой англоманіи московскихъ доктринеровъ и отъ тупого патріотизма славянофиловъ способность сочувствовать всему человѣческому, всему живому и естественному, — способность, составляющая необходимую принадлежность истиннаго художника, даетъ ему возможность видѣть хорошія стороны самыхъ противоположныхъ между собой явленій и ни подъ какимъ видомъ не позволяетъ ему дѣлаться рабомъ какой-бы то ни было голодной теоріи.

Нашъ братъ-работникъ часто вдается въ крайность и вслѣдствіе этого противорѣчитъ самому себѣ; полемизируя противъ вредной идеи, мы противопоставляемъ ей тотъ принципъ, который считаемъ хорошимъ, и часто, увлекаясь благороднымъ жаромъ, проводимъ этотъ принципъ до послѣднихъ, въ дѣйствительности невозможныхъ предѣловъ; мы пересаливаемъ, какъ партизаны, какъ люди партій, и въ эти минуты художникъ, понимающій какъ-то инстинктивно правду и ложь всякаго дѣла, можетъ нарисовать насъ и воспроизвести въ одно время и благородное побужденіе, заставляющее насъ кричать и бѣсноваться, и смѣшныя крайности, до которыхъ доводитъ насъ увлеченіе. Такъ поступили Писемскій и Тургеневъ въ отношеніи къ явленіямъ, произведеннымъ у насъ



на Руси вліяніемъ цивилизаціи; они отнеслись совершенно безпощадно къ той дикой почвѣ, на которой разбрасываются сѣмена нѣжнаго европейскаго растенія; ни Писемскаго, ни Тургенева нельзя упрекнуть въ тупомъ пристрастіи къ патріархальности; но съ другой стороны ихъ нисколько не подкупилъ блескъ той цивилизаціи, которая дѣлаетъ чудеса въ Америкѣ и въ Англіи; «блестѣть-то она блеститъ»,—говорятъ наши романисты,—да каково-то у насъ она принимается. Вѣдь теперь періодъ порыва и страсти и много уродливыхъ, много жалкихъ явленій, много крикливыхъ диссонансовъ происходитъ отъ сшибки обще-человѣческаго элемента съ домостроемъ».

Что дѣлать художнику въ такія эпохи? Что дѣлать человѣку, горячо любящему человѣческіе интересы и сильно нуждающемуся въ нравственной опорѣ? На что ему надѣяться? На силу идеи, внесенной въ жизнь народа, или на энергію народа, который переработаетъ доставшуюся ему идею и обратитъ ее въ свою полную умственную собственность, въ капиталъ, съ котораго онъ современемъ будетъ брать богатые проценты? На что ему надѣяться, повторяю я: на силу идеи, или на энергію человѣка? Конечно на силу идеи, подхватывать идеалисты и доктринеры,—на силу истины, которая всегда восторжествуетъ и останется вѣчно истиной. Хорошо; пускай себѣ идеалисты говорятъ, что имъ угодно, а я скажу, что надо надѣяться на силу человѣка, какъ живого органическаго тѣла, и со мной въ этомъ случаѣ согласны, по смыслу своихъ произведеній, Тургеневъ и Писемскій. Увлечся идеей не трудно, подчиниться идеѣ способенъ человѣкъ очень ограниченныхъ способностей, но такой человѣкъ не принесетъ идеѣ никакой пользы и самъ не выжметъ изъ этой идеи никакихъ плодотворныхъ результатовъ; чтобы переработать идею, напротивъ того необходимъ живой мозгъ; только тотъ, кто переработалъ идею, способенъ сдѣлаться дѣятелемъ или измѣнить условия своей собственной жизни подъ вліяніемъ воспринятой имъ идеи, т. е. только такой человѣкъ способенъ служить идеѣ и извлекать изъ нея для самого себѣ осязательную пользу. Подчиняются идеямъ многіе, овладѣваютъ ими—избранныя личности; оттого въ тѣхъ слояхъ нашего общества, которые называютъ себя образованными, господствуютъ идеи, но эти идеи не живутъ; идея только и живетъ, когда человѣкъ вырабатываетъ ее силами собственнаго мозга; какъ только она перешла въ категорическій законъ, которому всѣ подчиняются, такъ она застыла, умерла и начинаетъ разлагаться.

Столкнувшись съ цѣлымъ міромъ новыхъ, широкихъ идей, наши рудинствующіе молодые люди теряютъ всякую способность переработать ихъ въ плоть и кровь свою; они

благоговѣютъ передъ тѣми идеями, которые они наслушались, любятъ на эти идеи жить ими не могутъ, потому что не могутъ жить такими вещами, на которыхъ сами издали и которыхъ не осмѣиваются въ руки. Они—сами по себѣ, а идеи ихъ—по себѣ. Очень можетъ быть, что новинки мы вообще увлекаются прежде другихъ; мы впечатлительныя, подвижныя, неслышны къ критикѣ и вслѣдствіе этого не имеемъ дѣла жизни; тѣ крижистыя натуры, которые противопоставляются Рудиннымъ, воспринимутъ, недовѣрчиво, постепенно; но когда придетъ идея, какъ извѣстный приемъ, которая расшевелила ихъ мозговые центры, тогда начинаютъ дѣйствовать; мысль не растопитъ дѣломъ; они живутъ вмѣсто того, что суждаютъ о жизни; такихъ людей у насъ много, но такихъ людей начинаетъ приходить и уважать наше общество. Къ числу ихъ принадлежалъ Зыковъ, котораго представилъ Писемскій въ романѣ «Тысяча Душъ»; людямъ приходится только говорить, а не думать; приходится только кричать, а не думать; приходится только работать, а не думать; приходится только вѣдаться въ дикій кутежъ съ горемъ, а не думать; приходится только умирать съ горькимъ вѣдомъ своего безсилія, умирать, какъ бездѣльный, задыхающійся подъ стогомъ, котораго онъ не въ силахъ своротить своей грудью. Некрасивая и даже неслучайная смерть. Эти мученики нашего тупого, инертного общества до сихъ поръ были нашими единицами, и художники наши обращались съ ними, какъ съ предстѣлными типа; въ томъ, что называется обществомъ, замѣчалось страшное: одни повторяли на разные лады чуждыя и воображали себѣ, что они думаютъ, ничего не думали и ничего не вообразили; росли въ брюхо, ѣли и наѣдались, ждали, словомъ, задавая себѣ маленькія или кѣ нимъ бодрымъ, твердымъ всегда достигали ихъ, если не случалось соскользнуть или если не расширялись. Весь запасъ мыслей былъ на одной стороне; весь запасъ воли и энергіи—на другой; тѣми и другими лежала бездна...

Но отъ кого же ждать спасителя? отъ фразеровъ или отъ дикарей? на этотъ вопросъ ясенъ. Фразеры до послѣднихъ предѣловъ, настолько, что они способны развиться; развились; они сдѣлали все, что могли; отъ нихъ нечего ждать, это—в поле; а у дикарей—новое, дичь, глушь, крапива, но есть растительная сила, которая не замѣнитъ. Кто заучился, кто потерялъ здравый смыслъ, кто остался махнуть рукой; кто



ся, у того могут быть проблески здорового здравого смысла, и изъ этихъ проблемъ можетъ выработаться, смотря по обстоятельствамъ, живая мыслительная сила или сѣй, забуддыжный русскій юморъ. Въ жизни, въ здоровомъ тѣлѣ, въ мускулахъ, осязѣхъ и въ нервахъ, а не въ бумажныхъ ницахъ и не въ кожаныхъ переплетахъ ючаются для человѣка задатки свѣтлаго. Работать надо, работать мозгомъ, сомъ, руками, а не упиваться сладкозвучнымъ теченіемъ чужихъ мыслей, какъ-бы ни эти мысли стройны и выложены.

## VII.

Кромѣ типа неисправимыхъ фразеровъ, въ произведеніяхъ Писемскаго и Тургенева можно мѣтитъ еще два главные разряда мужскихъ характеровъ. Во-первыхъ заслуживаютъ вниманія люди, подобные Лежневу и Лаврецкому; вторыхъ—люди, подобные Веретьеву (въ повѣсти Тургенева «Затишье») и Рымову (въ разсказѣ Писемскаго «Комикъ»). Первые проникаются чуждыми идеями и, не вступая во имя этихъ дѣй въ борьбу съ дѣйствительностью, располагаютъ только свою собственную жизнь согласно съ этими идеями. Если они—помѣшанцы, они берутъ съ своихъ крестьянъ легкій шокъ, обращаются съ ними кротко и ласково, а не ломаютъ круто ихъ предразсудковъ, стараются по возможности улучшать ихъ матеріальный бытъ и смягчать грубость ихъ нравовъ; если у нихъ есть семейство, они предоставляютъ свободу женѣ своей, воспитываютъ дѣтей своихъ внѣ предразсудковъ и не стѣсняютъ ихъ свободной воли съ той самой минуты, когда она начинается у нихъ проявляться. Словомъ, это люди мягкіе, нетяжелые, терпѣливые ко всему, что ихъ окружаетъ, и въ томъ числѣхъ къ глупостямъ и подлостямъ другихъ людей. Какъ дѣятели, они никуда не годятся, но мѣрять достоинства человѣка только той пользой, которую онъ приноситъ идеѣ или окружающему обществу, было-бы не совсѣмъ справедливо. Если человѣкъ не вредитъ другому, если онъ живетъ въ свое удовольствіе, не эксплуатируя другихъ и не стѣсняя чужой свободы, то самое строгое нравственное югу должно признать его невиновнымъ. Какъ дѣятель, онъ—нуль, но заставлять всѣхъ быть дѣятелями и клеймить презрѣніемъ того, кто въ этомъ отношеніи оказывается несостоятельнымъ или, вѣрнѣе, кто совершенно не выступаетъ на это поприще, значитъ врываться въ область личной свободы и смотрѣть на человѣка не какъ на самостоятельный организмъ, а какъ на винтъ или какъ на гайку въ общемъ механизмѣ общества. Предоставляю этотъ взглядъ Пла-

тону, Аристотелю и новѣйшимъ ихъ послѣдователямъ; я-же съ своей точки зрѣнія безусловно оправдываю Лежнева, Лаврецкаго и Бѣлавина; они дѣлаютъ, что могутъ, и больше отъ нихъ нечего требовать, потому что требовать отъ человѣка самоотверженія совершенно не деликатно и негуманно, какъ-бы велика и прекрасна ни была та идея, во имя которой мы его требуемъ.

Темпераментъ людей, подобныхъ Лежневу и Бѣлаину, обыкновенно очень спокоенъ; развиваются они при благопріятныхъ условіяхъ, т. е. обыкновенно пользуются обезпеченнымъ состояніемъ, усваиваютъ себѣ свои убѣжденія безъ особенной боли, смотрятъ на жизнь свѣтло и любовно, любятъ ровно и тихо, ненавидѣть не умѣютъ и спокойно презираютъ то, что возмущаетъ до глубины души людей болѣе страстныхъ и раздражительныхъ. Они—люди умѣренные по самой натурѣ своей; ихъ несправедливо было-бы смѣшать съ тѣми личностями, которыя угрожаютъ нашимъ и вашимъ изъ чистаго разсчета, изъ боязни навлечь на себя непріятности или изъ желанія подслужиться; первые—люди, отъ природы лишенные жала и желчи; вторые—скрываютъ жало и желчь и пускаютъ ихъ въ ходъ тогда, когда они могутъ сдѣлать это.

Совершенную противоположность съ этими спокойными натурами представляютъ люди, подобные Рымову и Веретьеву. Это люди съ кипучими силами, съ огненнымъ темпераментомъ, съ огромными страстями, съ рѣзкими недостатками, но съ яркими талантами и съ могучими стремленіями. Дарованія и силы этихъ людей разбрасываются, тратятся на пустяки, и сами они видятъ это, и самимъ имъ жаль себя, и досадно на себя, и хочется забыться, утопить тяжелое чувство, размыкать горе. Сколько могучихъ талантовъ гибнетъ въ нашемъ отечествѣ отъ безпорядочной жизни, отъ пьянства и кутежа. Зачѣмъ пьютъ, зачѣмъ кутятъ?.. Человѣкъ съ умомъ и съ душой такого наглаго вопроса не предложить. Кабы не было тяжело, такъ не стали-бы пить. Пить съ горя не изищно, а съ этимъ согласенъ, но жалокъ тотъ человѣкъ, который постоянно смотритъ на себя со стороны и всю свою жизнь думаетъ о томъ, чтобы сохранить внѣшнее благообразіе; у людей, полныхъ души и чувства, бываютъ такіа минуты, когда весь человѣкъ сосредоточенъ въ одномъ стремленіи, когда онъ имъ только и живетъ, въ немъ только и видитъ отраду и цѣль существованія; и если что-нибудь остановитъ такого человѣка въ то время, когда онъ идетъ къ своей любимой цѣли, если что-нибудь станетъ между этимъ человѣкомъ и его призваніемъ, тогда не пеняйте на него и не удивляйтесь его поступкамъ. Та самая сила, которая могла-бы сдѣлать чудеса, побѣдить всѣ



вышнія препятствія, осуществить безпокойное стремленіе, та самая сила, передъ проявленіями которой мы бы стали благоговѣть и преклоняться, обращается противъ самого человѣка и разбиваетъ въ дребезги ту грудь, въ которой она гнѣздится. Есть люди, которые могутъ помириться съ неполной или помятой жизнью, съ перекошенной и перекрашенной дѣятельностью; есть и другіе люди, которые не умѣютъ дѣлать уступокъ; имъ подавай или все, или ничего; при первой разбитой надеждѣ, при первой попыткѣ жизни прибрать ихъ къ рукамъ и скрутить ихъ по-своему, они бросаютъ все и съ какимъ-то злобнымъ наслажденіемъ разбиваютъ объ дорогу и свой идеалъ, и свои стремленія, и молодость, и силы, и жизнь. Являются вспышки отчаянной энергіи, попытки повернуть дѣло по-своему и головой пробить себѣ дорогу къ любимой дѣятельности; но такіа попытки одному человѣку не по силамъ, и за энергическимъ движеніемъ впередъ слѣдуетъ обыкновенно страшная, часто отвратительная реакція. Кабы этимъ силамъ да другую сферу—было-бы совсѣмъ другое дѣло. Типъ широкой натуры, разбрасывающейся въ простомъ народѣ на сивуху, а въ среднемъ кругу—на шампанское, могъ-бы переродиться въ типъ талантливаго, живого, веселаго работника.

Отношенія Писемскаго къ этому типу теплѣе, симпатичнѣе и справедливѣе, чѣмъ отношенія Тургенева. Тургеневъ смотритъ на своего Веретьева какъ-то слишкомъ легко и слишкомъ презрительно: это невеликодушно; жертвы нашего собственного тупоумія, нашей собственной инертности имѣютъ право на наше сочувствіе или по крайней мѣрѣ на наше состраданіе; если жизнь однихъ вколачиваетъ въ могилу, другихъ вгоняетъ въ кабакъ, третьихъ превращаетъ въ негодяевъ, то согласитесь, что въ этомъ не виноваты тѣ личности, которые не выносятъ атмосферы этой жизни. «Комикъ» Писемскаго неподражаемо хорошъ, какъ выраженіе этой идеи въ поразительно яркихъ образахъ. Вотъ, говоритъ авторъ, Рымовъ запыль, превратился въ тряпку, попалъ подъ башмакъ глупой жены своей, какого-то ходячаго пуховика; а вотъ, полюбуйтесь, то общество, среди котораго онъ живетъ, всѣ, какъ на подборъ: одинъ глупѣе другого, и каждый подличаетъ по своему; Рымовъ пьяный умѣе ихъ всѣхъ трезвыхъ. Какъ-же ему не пить? Когда вездѣ видишь, по выраженію Гоголя, одни свиные рыла, тогда поневолѣ захочешь хоть на нѣсколько минутъ закрыть глаза, чтобы ничего не видѣть. Рымовъ идетъ одурѣнія, само-

забвенія, бреда—и все это очень понятно, это—протестъ противъ того, съ чѣмъ борются всѣ честные дѣятели и что непонятно для порядочныхъ людей.

## VIII.

Въ томъ, что я написалъ до сихъ поръ, нѣсколько мыслей о тѣхъ явленіяхъ, которыя представлены Писемскимъ и Тургеневымъ. Полюбой оцѣнки ихъ дѣятельности между тѣмъ статья вышла уже очень большая. Сознывая ея неполноту, я постараюсь особой статьѣ высказать свои мысли о некоторыхъ типахъ, выведенныхъ въ произведеніяхъ Гончарова, Тургенева и Писемскаго. Близко того о такомъ романѣ, какъ «Тысяча Душъ», нельзя говорить вскользь и между прочимъ обилию и разнообразію явленій, слагающихъ въ этомъ романѣ, онъ стоитъ положительно выше всѣхъ произведеній нашей новѣйшей литературы. Характеръ Калиновича задуманъ глубоко, развитіе этого характера находится въ такой тѣсной связи со всѣми важнѣйшими сторонами и особенностями нашей жизни, что романъ «Тысяча Душъ» можно написать десятъ критическихъ статей, не исчерпавши нѣтъ его содержанія и внутреннего смысла. Въ такихъ явленіяхъ говорить всегда кстати говорить о нихъ—значитъ говорить о жизни; когда же обсужденіе вопросовъ современной жизни можетъ быть лишено интереса? Поэтому я теперь постараюсь въ нѣсколькихъ словахъ сгруппировать выводы, которые могутъ быть сдѣланы изъ теперешней моей статьи.

1) Я считаю трехъ названныхъ мною романовъ важнѣйшими представителями современной поэзіи и отвергаю заслуги нашихъ историческихъ поэтовъ, за исключеніемъ Майкова и Некрасова.

2) Въ романѣ Гончарова я вижу только тщательное копированіе мелкихъ подробностей и микроскопически тонкій анализъ. Ни глубокой мысли, ни искренняго чувства, ни правдивыхъ отношеній къ дѣйствительности я не замѣчаю.

3) Въ Писемскомъ и въ Тургеневѣ я вижу преимущественно ихъ отрицательныхъ и совершенно-трезвымъ воззрѣніемъ на явленія жизни.

4) Писемскій глубже Тургенева захватываетъ эти явленія, изображаетъ ихъ болѣе яркими красками и по жизненной полнотѣ своихъ твореній, какъ «черноземная сила», стоитъ выше Тургенева.



## ЖЕНСКІЕ ТИПЫ

ВЪ РОМАНАХЪ И ПОВѢСТЯХЪ ПИСЕМСКАГО, ТУРГЕНЕВА И ГОНЧАРОВА.

### I.

Нѣсколько лѣтъ уже живутъ люди на свѣтѣ, только времени толкуютъ они о томъ, какъ устроить свою жизнь поизящнѣе и поудобнѣе, а до сихъ поръ самыя простыя и положительно необходимыя отношенія не установились какъ слѣдуетъ. До сихъ поръ мужчина и женщина мѣшаютъ другъ другу жить, до сихъ поръ они взаимно, самыми разнообразными и тонкими средствами, отравляютъ другъ другу жизнь. Разойтись они не могутъ, сойтись имъ слѣдуетъ не умѣютъ и, инстинктивно боясь сблизиться, запутываются въ такія сложныя, мучительныя, неестественныя отношенія, о которыхъ свѣжій человѣкъ съ здоровымъ мозгомъ не можетъ себѣ составить даже приблизительно вѣрнаго понятія. Мужчина гнетъ женщину и клеветаетъ на нее. Взгляните на восточныя гаремы, вспомните о тѣхъ законахъ, по которымъ вдова должна была сжигаться на кострѣ покойнаго мужа, вспомните изъ странныхъ статьи первобытнаго уголовного кодекса, въ силу которыхъ нарушительница супружеской вѣрности подвергалась смертной казни или по меньшей мѣрѣ жестокому и уничижительному телесному наказанію, — вспомните все это, и вы увидите ясно, что на сторонѣ мужчины всегда находились сила, власть и неопредѣленное право мучить по своему благоусмотрѣнію подчиненную, безответную и сравнительно съ нимъ слабую спутницу. Загляните потомъ въ литературу всѣхъ народовъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ, пересчитайте, если у васъ на то хватитъ силъ и свѣдѣній, всѣ ядовитыя или просто грязныя обвиненія, направленные противъ женщины вообще, и вы увидите такъ-же ясно, что мужчина, постоянно развращавшій женщину гнетомъ своего крепкаго кулака, въ то-же время постоянно обвинялъ ее въ ея умственной неразвитости, въ отсутствіи тѣхъ или другихъ высокихъ добродѣтелей, въ наклонности къ тѣмъ или другимъ преступнымъ слабостямъ. Обвиненія эти дѣлались конечно чисто съ точки зрѣнія самого обвинителя, который въ своемъ собственномъ дѣлѣ является обыкновенно истцомъ, судьей, присяжнымъ и палачомъ. Если на примѣръ молодому образованному греку время Перикла было скучно сидѣть съ своей женой, которая не знала ничего, кромѣ своихъ рабынь и шерстяной пряжи, то онъ громко обвинялъ ее въ тупоуміи и уходилъ съ веселыми пріятелями къ модной гетерѣ, гдѣ конечно находилъ полное сочувствіе своему семейному горю, а вслѣдъ

за сочувствіемъ отыскивалъ и утѣшеніе. Жена, существо молодое, свѣжее, способное развиваться и наслаждаться, оставалась одна, не смѣя даже роптать, съ тихимъ, затаеннымъ вздохомъ принималась опять за пряжу, робко поджидала возвращенія господина-супруга, стыдливо принимала его полупыльныя ласки и, не получая ни откуда притока свѣжаго воздуха, постоянно тупѣла и съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе надѣдала своему мужу. Возьмемъ другой примѣръ.

Если богатый мусульманинъ, владѣтель великолѣпнаго гарема, не имѣлъ возможности любить съ одинаковой силой всѣхъ своихъ женъ и любовницъ, и если одна изъ оставленныхъ одалискъ искала себѣ утѣшенія въ какой-нибудь посторонней привязанности, если она успѣвала склонить стражу и украдкой ввести въ гаремъ своего возлюбленнаго, — хозяинъ и владѣтель считалъ себя смертельно оскорбленнымъ и самымъ жестокимъ образомъ вымещалъ свою обиду на своей возмущившейся собственности. Эта собственность зашивалась въ мѣшокъ и отправлялась на дно ближайшей рѣки или немилосердно уродовалась палками, плетью, розгами и другими исправительными орудіями, принадлежащими къ той-же категоріи.

Но все это, скажетъ читатель, примѣры, взятые изъ отдаленнаго прошлаго или изъ другой уродливо сложившейся цивилизаціи! Хорошо, возьмемъ примѣръ изъ нашихъ временъ и изъ нашего быта. Года четыре тому назадъ въ нашемъ отечествѣ былъ поднятъ вопросъ о воспитаніи; появилось нѣсколько педагогическихъ журналовъ и въ нихъ между прочимъ заговорили очень рѣчисто о женщинахъ. На нашихъ женщинъ напали съ двухъ сторонъ: во-первыхъ ихъ раскритиковали въ пухъ, какъ воспитательницъ; во-вторыхъ — какъ часть воспитывающагося и вырастающаго молодого поколѣнія. Матерямъ и воспитательницамъ наша литература говорила безъ всякихъ обиняковъ: «вы воспитываете скверно, вы сами пусты, вы живете нарядами и выѣздами, вы не думаете о страшной отвѣтственности, которая лежитъ на васъ передъ обществомъ, передъ родиной, передъ собственной совѣстью. Покайтесь и обратитесь на путь истины». Обращаясь къ воспитанницамъ, литература наша даже ихъ умѣла обвинить въ томъ, что онѣ получили съ самыхъ раннихъ лѣтъ скверное направленіе, что онѣ не любятъ науки, равнодушны къ интересамъ своего развитія, обожаютъ своихъ учителей, начинаютъ кокетничать чуть не съ



пеленокъ и, достигши шестнадцати-лѣтняго возраста, наравятъ выйти замужъ за кого попало. Я возьму только одинъ фактъ этого обвиненія и докажу вамъ, что по своей идеѣ онъ нисколько не лучше тѣхъ двухъ примѣровъ, которые я привелъ выше.

Въ первомъ примѣрѣ грекъ дуетъ на свою жену за ея неразвитость, которую онъ-же самъ поддерживаетъ въ ней своимъ обращеніемъ съ нею.

Во второмъ примѣрѣ мусульманинъ колотитъ свою одалиску за невѣрность, которую онъ-же самъ вызываетъ своей невнимательностью.

Въ третьемъ примѣрѣ литераторы наши ругаютъ женщинъ за ихъ вѣтренность, за ихъ пустоту, которая поддерживается складомъ всего общества и въ которой виноваты одни мужчины, какъ единственные дѣятельные члены этого общества.

Наши русскія матери плохо воспитываютъ — согласенъ; да гдѣ-жъ имъ было научиться примѣрамъ здоровой педагогики? Гдѣ имъ было проникнуться человѣческими идеями? Наши матери занимаются устройствомъ своихъ куафюръ или маринованіемъ грибовъ — опять-таки согласенъ. Да что-же имъ дѣлать, когда онѣ ничего лучшаго не знаютъ? А не знаютъ онѣ потому, что съ ними никто по-человѣчески не говорилъ. Виноваты-же въ этомъ одни мужчины, потому что мужчины дирижируютъ оркестромъ общественныхъ убѣжденій и являются запѣвалами. Если выходитъ разладаца, они-же сами за это отвѣчаютъ и на себя должны пенять.

Наши дѣвушки кокетничаютъ потому, что никто не умѣетъ шевельнуть какъ слѣдуетъ ихъ ума; молодыя силы ищутъ себѣ исхода и, не находя себѣ разумнаго приложенія, обращаются на пустяки и тратятся на нелѣпности; дѣвушка старается выйти замужъ — это очень похвально и благоразумно; желая этого, она повинувшись единственному голосу физической природы и показываетъ въ себѣ присутствіе свѣжихъ силъ, потребность любви и наслажденія; кромѣ того она очень хорошо понимаетъ, что, выходя замужъ, она становится свободнѣе, чѣмъ была прежде, находясь въ родительскомъ домѣ; если она ищетъ для себя личной свободы, значить она инстинктивно или сознательно понимаетъ ея цѣну. Кто стремится къ независимости, тотъ во всякомъ случаѣ оказывается сильнѣе, умнѣе и энергичнѣе челоѣка, мирящагося съ своимъ подчиненнымъ положеніемъ.

Чтобы выйти замужъ, многія дѣвушки пускаютъ въ ходъ неблагообразныя средства; онѣ стараются понравиться, продаютъ товаръ лицомъ, кокетничаютъ; все это очень нехорошо, но опять-таки въ этомъ виноваты мужчины. Еслибы мужчинамъ не нравились кокетки, еслибы кужинны требовали отъ женщинъ серьезнаго ума, еслибы они не довольствовались лег-

кой граціей, тогда кокетство сдѣлалось бы невозможнымъ. А кричать въ литературѣ о тивъ того зла, которое поощряется въ кокетствѣ, — это такъ же безцѣльно и бесполезно. Валить практическую ответственность на такое существо, которое в теченіи всей своей жизни находилось въ зависимости, несправедливо и неблагоприятно. Намъ кажется, сказать рѣшительно и откровенно, что женщина ни въ чемъ не виновата. Она постоянно является страдальцей, жертвой обстоятельствъ, по крайней мѣрѣ страдательнымъ лицомъ. Иногда случается иногда, что женщина отрицаетъ существованіе добраго, честнаго и уважительнаго, то въ этомъ случаѣ совершается такъ называемая круговая порука. Женщина вымещаетъ на своемъ мужѣ то зло, которое ей сдѣлалъ домъ отца; ее испортили, — она и жизнь испорченной; а все-таки въ существѣ ея, въ тѣхъ элементахъ виновата не женщина, а въ полномъ смыслѣ слова — продуктъ нашихъ бытовыхъ формъ и условій, а не продуктъ, не имѣющій никакой возможности заявить свой протестъ. Даже мужчины, вольный той жизнью, на которую обрекли его понятія, укоренившіяся въ обществѣ, вѣдь принужденъ выдержать страшную борьбу, — такую борьбу, которая обыкновенно длится до послѣдней капли живыхъ силъ личности; большая часть мужчинъ не доводитъ этой борьбы до конца, смиряются и сгибаютъ голову, признавая себя побѣжденными; остается побѣдителемъ, тотъ скоро умираетъ отъ послѣдствій непомѣрныхъ усилій.

Подумайте, что-же при такихъ условіяхъ можетъ сдѣлать женщина? Вспомните, что женщина у насъ знаетъ несравненно меньше мужчины, изнѣжена несравненно больше, — же несравненно больше мужчины съ контролемъ общественного мнѣнія. Мужчине приходится въ столкновеніе съ многими разнообразными сферами: родительскій домъ, назіа, университетъ, департаментъ или маскарадъ, трактиръ, редакція журналовъ, лавокъ торговой конторы — вѣдь это все жизни; положимъ, что каждая изъ этихъ сферъ сама по себѣ неудовлетворительна, зато ихъ довольно много и каждая изъ нихъ болѣе или менѣе даетъ матеріалъ для критики остальныхъ. Если даже мы видимъ уродливыя явленія, то они оказываютъ на нашу общественную дѣятельность возбуждающее дѣйствіе, лишь-бы только эти уродливыя явленія не были утомительно-однообразны. Мужчине есть на чемъ развиваться; что это развить вкривъ и вкось — въ этомъ почти ни малѣйшаго сомнѣнія; но для женщины не менѣе первобытный сонъ ребенка нарушенъ; придется не разъ задуматься, сердиться, опечалиться, даясь столкновенью съ разными личностями, съ разными сфе-



ся борьба, и эта борьба такъ или иначе обтесываетъ личность молодого индивидуума, вступающаго въ жизнь. Тѣ задатки обиды и страстей, которые лежали въ ераментѣ мальчика, разовьются въ дурную хорошую сторону, смотря по обстоятельствамъ; сдѣлавшись молодымъ человекомъ, мальчикъ помирится съ жизнью или возьметъ противъ нея, но во всякомъ случаѣ обозначится, по-своему пойметъ самого себя и станетъ къ окружающей его жизни въ я-нибудь отношеніи. Личность сложится или иначе, а у женщины, въ большей части случаевъ, и этого не бываетъ. Мужчину извѣстно вертитъ и колышетъ круче, но жену она давитъ сильнѣе. Для того, чтобы женщина выдѣлилась своимъ образомъ изъ тысячеголовой массы необозначившихся, недоразвившихся и ничѣмъ и не затронутыхъ индивидуумовъ, необходимо соблюденіе нѣсколькихъ условий, которыя въ нашемъ обществѣ, при теперешнемъ складѣ воспитанія и вѣнчій, встрѣчаются чрезвычайно рѣдко.

Необходимо во-первыхъ, чтобы что-нибудь вызвало на размышленія и на критику. Необходимо какой-нибудь толчокъ, который нарушилъ-бы ребяческую полудремоту дѣвушки или женщины. Мужчина встрѣчаетъ такіе толчки довольно часто; каждый изъ насъ помнитъ вѣроятно теплое слово какого-нибудь учителя или профессора, старшаго товарища или случайнаго знакомаго, котораго свѣтлая личность рельефно вырисовывается на темномъ фонѣ будничныхъ, житейскихъ воспоминаній; каждый испыталъ вѣроятно электрическое дѣйствіе такого слова, послѣ котораго приходилось оглянуться на свою прежнюю жизнь, перебрать въ умѣ свои неясныя, непереводившія чаянія и стремленія и положить первый краеугольный камень будущимъ, мужскимъ убѣжденіямъ.—Къ такимъ словамъ женщины воспримчивѣе, чѣмъ вы думаете: такіа слова для нихъ не пропадаютъ даромъ, онѣ запоминаютъ ихъ чувствомъ, онѣ вырастаютъ и развертываются мгновенно подъ живительнымъ вліяніемъ такого слова, онѣ привязываются всѣми силами молодой и пылкой души — и къ этому слову, и къ тому, кто его произноситъ; но посмотрите, гдѣ, когда, отъ кого приходится имъ слышать такое слово? Много-ли у насъ такихъ людей, которые способны заговорить съ женщиной по человѣчески? а изъ тѣхъ людей, которые на это способны, много-ли такихъ, которые достойны этого? Много-ли такихъ, повторяю я, которые, вызвавъ довѣріе и сочувствіе женщины смѣлой, вдохновенной тирадой, не обманутъ этого довѣрія и не окажутся мыльными пузырями и ничтожными фразерами? Оглянемся на самихъ себя; посмотримъ, каковы мы сами; посмотримъ, что мы, люди дѣла, люди

мысли, дали и даемъ нашимъ женщинамъ? посмотримъ — и покраснѣемъ отъ стыда! Порисоваться передъ женщиной изысканствомъ чувствъ, огоршить ее блестящей оригинальностью вычитанной мысли, очаровать ее красивой смѣлостью честнаго порыва — это наше дѣло, на это мы — мастера. А дальше, дальше, когда надо эту самую женщину поддержать, защитить, ободрить — мы на попятный дворъ, мы начинаемъ дѣлаться благоразумными, мы пугаемся того, что мы сдѣлали, мы стараемся залить тотъ пожаръ, который сами, сдуру, не спросивъ броду, раздули; мы говоримъ и себѣ, и другимъ, и даже женщинамъ: вольно-жъ было такъ горячо принимать къ сердцу! Надо помириться, надо покориться! Да, вотъ мы каковы, и туда же требуемъ отъ женщины, чтобы она была мыслящимъ существомъ. И смѣшно, и досадно!

Вотъ видите-ли: стало быть, если даже толчокъ данъ, если даже мышленіе и критика пробудились, этого еще недостаточно. Женщина во всякомъ возрастѣ до такой степени лишена самостоятельности, что первыя-же проявленія этой критики очень легко могутъ быть задавлены тѣми людьми, которые составляютъ обстановку. Молодое существо шевельнется, рванется къ какой-то новой, незнакомой жизни, — его круто осадятъ назадъ; оно заговоритъ — его осмѣютъ; оно начнетъ протестовать — ему велитъ молчать; чтобы побѣдить въ неравной борьбѣ, которая завяжется между молодой женщиной и обстановкой, необходимы или особенно благоприятныя обстоятельства, или огромная сила характера. Осуждать ту молодую дѣвушку или женщину, которая начнетъ борьбу и не выдержитъ ея до конца, — я не рѣшаюсь. Силь у нея мало — да что-же дѣлать? Гдѣ было развиться этимъ силамъ? На что было опереться? Да и наконецъ, развѣ ей самой, этой побѣжденной личности, склонившей голову и смирившейся передъ тѣмъ, что вызываетъ въ ней глубокое отвращеніе, развѣ ей легко жить на свѣтѣ? Обличать страдальцу, осуждать женщину, сломленную и изнывающую подъ ея бременемъ — это можетъ быть высоко-нравственно и глубоко-справедливо, но я предоставляю подобные подвиги другимъ, тѣмъ болѣе, что охотники всегда найдутся.

Итакъ, получивши расшевеливающій толчокъ, женщина должна еще получить извнѣ или развить въ самой себѣ силы для протеста и борьбы. Борьба будетъ самая разнообразная; сначала — внутренняя борьба, ломка прежнихъ убѣжденій и созиданіе новыхъ; потомъ — борьба съ семейными властями, съ маменьками, съ тетюшками, съ ихъ matrimonіальными планами, съ ихъ великосвѣтскими предрасудками, съ ихъ мѣщанской посредственностью и окоченѣвшей рутинностью; наконецъ — борьба съ обще-



ственнымъ мнѣніемъ, съ насмѣшками, намеками и сплетнями. Возьмемъ самую простую вещь — трудъ женщины. Мы знаемъ вѣрный фактъ: нѣкоторыя дѣвушки ходили на лекціи въ университетъ и ходятъ до сихъ поръ въ медицинскую академію. Но знаемъ-ли мы внутреннюю, закулисную, семейную сторону этого факта? Сколько домашнихъ споровъ вызывало быть-можетъ желаніе дѣвушки учиться серьезно, сколько разъ это желаніе бывало подавляемо, сколько слезъ тутъ было пролито, и какія свиты слезы! Если вы, положимъ, видите сегодня десять дѣвушекъ на лекціи, то почему вы знаете, чего имъ стоило придти? И почему вы знаете, что на эту лекцію не пришло-бы еще двадцать дѣвушекъ, еслибы ихъ не задержали... доводами, насмѣшками, силой? Теперь идетъ рѣчь о томъ, что женщины желаютъ быть допущены къ медицинской практикѣ. Вопросъ, какъ вы видите, поднятъ свѣжій, но какіе иногда встрѣчаются отзывы, хоть свѣтыхъ вонъ неси. Напримѣръ кievская газета: «Современная Медицина» въ своемъ фельетонѣ вздумала позубоскалить на эту тему; она говоритъ, что женщины-медики будутъ поставлены въ щекотливое положеніе, если имъ придется лечить специально-мужскія болѣзни, и потомъ предлагаетъ этимъ женщинамъ-медикамъ называться докториссами. Это только плоско, и конечно не можетъ имѣть никакого вліянія на разрѣшеніе поставленнаго вопроса, но вы посмотрите на дѣло вотъ съ какой точки зрѣнія: если такіа шуточки откалываются въ печати людьми грамотными, чуть-ли даже не учеными, то что-же говорится на эту тему конфиденціально, въ своихъ кружкахъ, людьми темными и употребляющими прилагательное *ученый* не иначе, какъ съ прибавленіемъ существительнаго *гусь*... Каково тутъ будутъ острить и потѣшаться надъ той женщиной, которая у насъ въ Россіи первая рѣшилась объявить себя практикующимъ медикомъ? И вѣдь эти остроты и потѣхи будутъ раздаваться въ тѣхъ самыхъ семейныхъ кружкахъ, въ которыхъ будутъ подростать молодые существа, способныя проникнуться до глубины души идеей о пользѣ и необходимости женскаго труда. Какова будетъ борьба! Каково будетъ слабый женщина съ нѣжной, тонкой кожей проходить сквозь строй грубыхъ насмѣшекъ, наглыхъ взглядовъ въ упоръ, благонамеренныхъ совѣтовъ и крупнопоселенныхъ остротъ и намековъ. Подумайте-ка объ этомъ, поставьте на мѣсто этой пробивающейся личности образъ дорогой для васъ женщины, и тогда найдите въ себѣ силы бросить камнемъ въ ту, которая ослабѣетъ и спасуетъ на половинѣ дороги. Мнѣ кажется, вы тогда согласитесь со мной въ томъ, что женщина находится у насъ въ такомъ положеніи, при которомъ она не отвѣчаетъ ни за что; когда она изнемогаетъ и

падаетъ, мы должны ей сочувствовать и мученицѣ; когда она одолеваетъ препятствія, мы должны прославлять ее, какъ героя.

Если что-нибудь дурно въ женщинѣ, въ дурна форма, въ которую отлиты ея чувства и дѣйствія; а форму эту изменить не можетъ; а матеріалъ въ ней такъ сложенъ, что такъ свѣжъ, несмотря на уродливую форму, въ которую онъ втиснутъ, что онъ заставитъ все забывать; любовь матери, сестры, жены, разливается на нашу стѣну, въ свѣтлыя полосы счастья и поэзіи. И мы не имѣемъ права любить эти милыя существа? И чѣмъ это заслужили? На этотъ вопросъ мы затруднимся отвѣтить, если не захотимъ сказать фразой; но въ этомъ избыткѣ любви, которая вырывается изъ мѣры и тратится безъ разсчета, въ этой кипучей полнотѣ покуда не сленнаго чувства, въ этомъ отсутствіи экономической экономіи и разсудочности — заключается именно задатки будущаго богатства, будущей широкой, разносторонней, домашней жизни, будущей плодотворной, любознательной дѣятельности. Чтѣ сдѣлаетъ женщина, если она будетъ развиваться наравнѣ съ мужчиной? — это вопросъ великій и покуда неразрѣшенный.

## II.

Изъ предыдущихъ общихъ разсужденій читатель можетъ замѣтить двѣ выдающіяся мысли: во первыхъ то, что я во всѣхъ случаяхъ безусловно оправдываю женщину; во вторыхъ то, что я считаю теперешнее положеніе женщины крайне тяжелымъ и неутѣшительнымъ. Съ этими двумя основными идеями я приступаю теперь къ анализу женскихъ типовъ, встречающихся въ романахъ и повѣстяхъ Гончарова, Тургенева и Писемскаго. Я буду выбирать только тѣ личности, которыя еще борются жизнью и чего-нибудь отъ нея требуютъ. Женщины, уже помирившіяся съ извѣстной долей, не войдутъ въ мой обзоръ, потому что онѣ собственно говоря, уже перестали жить.

Тѣ конечные результаты, къ которымъ приводитъ жизнь, не лишены интереса; ихъ можно изучать, какъ опредѣлившіеся факты, какъ памятники прошедшаго; но дѣло въ томъ, что мы теперь живемъ тревожной жизнью настоящей минуты; мы чувствуемъ неотразимую потребность отвернуться отъ прошедшаго, забыть, похоронить его и съ любовью устремить взоръ въ далекое, маяющее, неизвѣстное будущее. Поддаваясь этой потребности, мы сосредоточиваемъ все наше вниманіе на томъ, въ чемъ видна молодость, свѣжесть и протестующая энергія, — на томъ, въ чемъ вырабатываются и зрѣютъ задатки новой жизни, представляющей рѣзкую противоположность съ нашимъ теперешнимъ прозябаніемъ. Наши романисты также



даются этой потребности, изображая своих героинь именно въ тотъ моментъ, когда онѣ под влияніемъ чувства къ мужчине, развертываютъ силы своей природы и поворачиваютъ свою жизнь въ ту или другую сторону. Этотъ поворотный пунктъ въ жизни женщины особенно важенъ; рѣдко удается женщине пойти по той дорогѣ, которая обѣщаетъ полное удовлетвореніе ея потребностямъ и стремленіямъ; большей частью ей приходится, споткнувшись объ какое-нибудь препятствіе, свернуть куда-нибудь въ сторону и потомъ, убѣдившись въ невозможности выйти снова на прежній широкій, свѣтлый и ровный путь, жить день за днемъ, безъ цѣли, безъ опредѣленныхъ желаній, безъ живого наслажденія. Кто видитъ женщину въ этой фазѣ развитія, тотъ видитъ существо большое, слабое, увядающее, способное молча покоряться, но уже потерявшее силы и желаніе работать и бороться. Въ такой отживающей женщинѣ вы не найдете слѣдовъ той энергіи, которая кипѣла въ молодой дѣвушкѣ; въ энергіи этой заключаются залоги будущаго развитія, слѣдовательно, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, на что способна женщина, какія силы таятся въ ея мозгу, въ ея нервахъ, изучайте ее тогда, когда она еще полна жизни и свѣжести, а не тогда, когда она измята, избита и обезцвѣчена вліяніемъ пошлыхъ людей и пошлой обстановки. Берите ее именно въ ту минуту, когда она любитъ и когда, подавая руку избранному человѣку, она готова съ нимъ рядомъ весело идти навстрѣчу труду, лишеніямъ, суду свѣта, упрекамъ родственниковъ, словомъ—всѣмъ тѣмъ передрагамъ, которыя закаляютъ человѣка и которыя на нашемъ безцвѣтномъ и неточномъ разговорномъ языкѣ называются горемъ и непріятностями.

Романъ большей части нашихъ женщинъ непродолжителенъ и нерадостенъ, благодаря тому обстоятельству, что наши мужчины изъ рукъ возъ плохи; а почему плохи наши мужчины, это я, насколько возможно, старался объяснить въ предыдущей статьѣ. Большей частью, мужчина влюбляется въ женщину или тогда, когда онъ находится въ положеніи неоперившагося птенца, или тогда, когда жуированіе жизнью, мелкія дразни и постоянный разладъ между міромъ мысли и міромъ дѣйствительности измучили и утомили его до крайности. Свѣжести и силы нѣтъ у нашихъ мужчинъ; они становятся стариками на другой день послѣ того, какъ перестаютъ быть ребятами; мало того, старческая дряблость живетъ въ нихъ рядомъ съ ребяческой наивностью и неразвитостью; не умѣя ни однимъ серьезнымъ дѣломъ заняться серьезно, они уже начинаютъ чувствовать себя лишними на бѣломъ свѣтѣ въ томъ возрастѣ, въ которомъ при нормальномъ образѣ жизни должно еще продолжаться физическое

и умственное развитіе. Дѣлать нечего, заняться нечѣмъ, болтать вдохновенную чепуху надѣдаетъ—и человѣкъ мечется изъ угла въ уголъ, привязывается къ разнымъ искусственнымъ интересамъ, чтобы хоть чѣмъ—нибудь заинтересоваться, и наконецъ, встрѣтивъ на своей дорогѣ женщину, которая ему нравится и способна понимать то, что онъ ей будетъ говорить, воображаетъ себѣ, что онъ въ пристани, что цѣль жизни найдена, что его счастье въ рукахъ этой любимой имъ особы. Но дѣло въ томъ, что особа и ея обожатель совершенно различными глазами смотрятъ на жизнь.

Женщину интересуетъ то, что мужчина говоритъ ей о жизни; она сама не жила, а покуда только росла или прозябала въ родительскомъ домѣ; а между тѣмъ силъ пожить и желанія пожить въ ней набралось много, вотъ она и слушаетъ съ напряженнымъ и постоянно возрастающимъ любопытствомъ и участіемъ то, что ей говоритъ ея собесѣдникъ о новомъ для нея процессѣ, о самостоятельной жизни, въ которой человѣкъ самъ пожинаетъ посѣянные плоды и самъ несетъ ответственность за свои хорошіе и дурные поступки. Она не замѣчаетъ того, что ея собесѣдникъ усталъ жить, хотя въ сущности очень мало жилъ; она не замѣчаетъ того, что ея собесѣдникъ постоянно оставался школьникомъ, хотя давно уже покинулъ университетскую скамью; она воображаетъ себѣ, что дѣятельность ея собесѣдника дѣйствительно широка и плодотворна, что жизнь его полна и разнообразна; она готова была-бы завидовать ему, еслибы она его не любила и не надѣялась раздѣлить съ нимъ все наслажденіе и всю обаятельную тревогу этой, по ея мнѣнію, дѣятельной жизни. Она не знаетъ и не понимаетъ, что ея обожатель никогда въ жизни не являлся и не явится полноправной, самостоятельной, всесторонне развитой человѣческой личностью; она не видитъ того, что избранникъ ея сердца бѣгаетъ, какъ бѣлка въ колесѣ, и будетъ продолжать это общепольное занятіе до тѣхъ поръ, пока не откажутся служить его руки и ноги; заглядывая изъ спертой атмосферы своей дѣвической каморки въ рабочій кабинетъ того человѣка, котораго она желаетъ назвать своимъ мужемъ, дѣвушка не замѣчаетъ того, что она только изъ одной клѣтки хочетъ перейти въ другую; эта другая будетъ пожалуй попросторнѣе первой, да что-же въ этомъ толку?—клѣтка все-таки останется клѣткой.

Ошибаясь на счетъ разнѣровъ и значенія дѣятельности, дѣвушка ошибается точно также на счетъ самой личности того человѣка, который, поразивши ея воображеніе, начинаетъ мало по малу возбуждать въ ней любовь. Она слушаетъ его разсужденія о жизни съ страстнымъ воодушевленіемъ и придаетъ его лично-



сти часть того огня, который горитъ въ ней самой; она воображаетъ себя, что рассказчикъ чувствуетъ то-же самое, что чувствуетъ она, слушательница; вѣдь случается-же иногда, что человѣкъ, съ которымъ произошло какое-нибудь счастливое событіе, выходитъ на улицу и воображаетъ себя, подъ вліяніемъ своего господствующаго настроенія, что всѣ окружающіе предметы, одушевленные и неодушевленные, смотрятъ на него какъ-то особенно весело, дружелюбно и довѣрчиво. Если такой человѣкъ одаренъ значительной долей впечатлительности и фантазіи, то съ нимъ можетъ случиться то, что онъ подойдетъ къ цѣнной собакѣ, чтобы приласкать ее, и конечно очень быстро печальнымъ опытомъ убѣдится въ ошибочности своихъ оптимистическихъ воззрѣній. Для молодой дѣвушки, воспитывающей въ груди своей первое чувство любви, такого рода ошибка почти неизбежна. Идеализировать личность нравящагося человѣка гораздо легче, чѣмъ идеализировать цѣнную собаку, а послѣдствія отъ того и другого могутъ выйти одинаково скверныя, хотя и существенно различныя по вѣншимъ проявленіямъ.

Молодой человѣкъ, рассказывающій дѣвушкѣ о томъ, какъ онъ развивался, какъ боролся съ обстоятельствами, что перенесъ и выстрадалъ, гальванизируетъ самого себя процессомъ разсказа и близостью нравящейся ему женщины; глаза его блестятъ, давно поблекшія щеки загораются яркимъ румянцемъ; дикція его оживляется по мѣрѣ того, какъ онъ замѣчаетъ впечатлѣніе, производимое его рѣчью на свою собесѣдницу; онъ самъ наслаждается своимъ торжествомъ; чувство удовлетворяемаго самолюбія доставляетъ ему болѣе сильное удовольствіе, чѣмъ чувство раздѣленной любви; въ самой пылкой сценѣ любви онъ является въ одно время и актеромъ, и зрителемъ, и эта несчастная способность смотрѣть на самого себя со стороны въ то время, когда существо свѣжее безраздѣльно отдается обязательному впечатлѣнію минуты, эта несчастная способность, повторяю я, есть вѣрный симптомъ вялости и дряблости; мозгъ постоянно бодрствуетъ и господствуетъ надъ всеми отправленіями организма потому, что остальные нервы припустились и ослабли. А между тѣмъ дѣвушка вся находится подъ обаяніемъ: ни одно слово въ разсказѣ, ни одна нота въ голосѣ рассказчика, ни одно измѣненіе въ мускулахъ его лица или въ выраженіи его глазъ не пропадаютъ для нея и не ускользаютъ отъ ея напряженнаго, благоговѣющаго вниманія. Новыя, неиспытанныя и неожиданныя ощущенія проходятъ черезъ ея нервную систему съ такой непостижимой быстротой, что она втеченіи получасоваго разговора переживаетъ чуть-ли

не два-три года и почти внезапно изъ ребенка превращается въ любящую женщину. И какъ она хороша въ эту минуту рерожденія! И какъ она, при всей глупости, при всей напряженной силѣ не способна отнестись критически къ своему собесѣднику! Какъ она горячо вѣритъ и жестоко ошибается! Въ ней вспыхиваетъ энергія, и въ немъ вспыхиваетъ энергія, и въ ней это первое проблески разгорающагося мени, а въ немъ это послѣднія искры потухающаго огня. Она послѣ двухъ-трехъ такихъ разговоровъ способна рѣшиться на все, и послѣ двухъ-трехъ такихъ разговоровъ ровно ни на что не способна; она подойдетъ къ нему и скажетъ: «ну, что-же! мы дошли, говорили; пора дѣйствовать, пора жить; между нами есть препятствія, опрокинемъ ихъ, перешагнемъ черезъ нихъ. Пойдемъ на труды, опасностямъ и наслажденіямъ! онъ, потративши остатки энергіи на изпущенную рѣчь, чистосердечно удивится тому, что отъ него еще чего-то требуютъ; она думаетъ, что разговоръ есть только начало дѣйствія, прелюдія жизни, а онъ послѣ разговора отдыхаетъ на лаврахъ въ полномъ убѣжденіи, что разговоръ есть полнѣйшее и единственное возможное проявленіе жизни. Увлеченная рѣчами, она кидается къ нему на шею и въ эту минуту забываетъ и папеньку, и маму, и то, что въ комнату можетъ войти посторонній человѣкъ, и даже то, что она — благородная дѣвица, какъ неоднократно внушали ей воспитательницы. А онъ, при подобной вспышкѣ дѣйствительнаго чувства, при подобномъ проявленіи свѣжей жизни, теряетъ и опускаетъ голову подъ вліяніемъ чисто-комическаго, глубокаго испуга; онъ не знаетъ, что ему дѣлать съ женщиной, принявшей его слова въ такомъ серьезномъ смыслѣ; онъ до такой степени теряетъ присутствіе духа, что не понимаетъ даже того, что ему изъ деликатности, почти изъ приличія слѣдуетъ приласкать любящее существо и отвѣтить выраженіемъ теплаго сочувствія на страстные обіятія; онъ предоброчно проситъ взволнованную женщину успокоиться, придти въ себя, вспомнить, что ихъ могутъ застать...

Если эта сцена происходитъ съ дѣвушкой впечатлительной, слабой и нервной, то она разрѣшается слезами, кончается истерическимъ припадкомъ и не производитъ рѣшительнаго перелома; дѣвушка объясняетъ себя всю нескладность этой сцены тѣмъ обстоятельствами, что она сама была разстроена и взволнована; любимый мужчина не теряетъ въ ея глазахъ своего достоинства и разочарованіе происходитъ уже впоследствии, послѣ цѣлаго ряда подобныхъ сценъ и нѣсколькихъ мѣсяцевъ влѣлыхъ отношеній. Но если дѣйствующимъ ли-



мъ въ этой нелѣпой сценѣ была дѣвушка, ни женщина сильная, страстная и энергичная, она сразу понимаетъ, какъ пошло велѣ сѣ въ этой сценѣ нравившійся ей мужчина, и быстро откидывается назадъ, однимъ ходомъ взглядомъ уничтожаетъ впечатлѣніе всего разговора, въ одну минуту сосредоточивается въ самой себѣ, и только-что начатый оманъ оказывается навсегда оконченнымъ, безъ шума, безъ слезъ, безъ эффектныхъ выодокъ, и повидимому къ обоюдному удовольствію героя и героини. А между тѣмъ чувство женщины глубоко и несправедливо оскорблено; она обманута въ лучшихъ своихъ вѣроуваніяхъ; первое проявленіе жизни прихвачено торозомъ и самая жизнь оказывается надломленной. Зло конечно поправимое, но кому-жъ его поправить? Гдѣ у насъ тѣ люди, которые умѣли и хотѣли-бы понять страданія женщины и радикально излечить эти страданія любовью, лаской, удовлетвореніемъ той потребности дѣятельности, которая постоянно волнуетъ мыслящую человѣческую личность. Еслибы у насъ было много такихъ людей, то во многихъ отношеніяхъ жизнь наша пошла-бы не такъ, какъ она идетъ теперь.

### III.

Изъ женскихъ личностей, выведенныхъ въ романахъ Гончарова, только Ольга Сергѣевна Ильинская до нѣкоторой степени заслуживаетъ анализа. Въ доброе, старое время, когда литература считалась роскошью и забавой жизни, отъ автора романа требовали только блестящаго вымысла и разнообразія картинъ; самые строгіе цѣнители требовали отъ него нравственнаго поученія, и совершенно удовлетворялись его произведеніемъ, если оно изображало борьбу добра и зла и выводило на сцену воплощенія разныхъ добродѣтелей и пороковъ; одни критики требовали, чтобы непременно торжествовало добро; другіе, болѣе догадливые, позволяли злу одерживать побѣду, но желали только, чтобы зло, подавленное или торжествующее, было представлено въ очень отвратительномъ видѣ, «во всей наготѣ своего безобразія», какъ выражались съ добродѣтельнымъ негодованіемъ эти догадливые цѣнители. Для однихъ романъ былъ источникомъ благородной забавы, пособіемъ для усиѣннаго пищеваренія, чѣмъ-нибудь вродѣ хорошей сигары, рюмки ликера или коньяка; для другихъ романъ былъ правоученіемъ въ лицахъ, и эти другіе смотрѣли на первыхъ, какъ на жалкихъ умственныхъ недорослей, какъ на людей пустыхъ и ничтожныхъ. Эти другіе, считавшіе себя солью земли и свѣтилами міра, очень много толковали объ идеалахъ и искали идеаловъ въ романахъ, повѣстяхъ и драмахъ. Подъ именемъ идеала они разумѣли что-то очень высокое и хорошее;

идеаломъ челоѣка они называли совокупленіе въ одномъ вымышленномъ лицѣ всевозможныхъ хорошихъ качествъ и добродѣтельныхъ стремленій; чѣмъ больше такихъ качествъ и стремленій романистъ нанизывалъ на своего героя, тѣмъ ближе онъ подходилъ къ идеалу и тѣмъ больше похвалъ заслуживалъ онъ со стороны этихъ высоко развитыхъ цѣнителей. Цѣнители эти хотѣли, чтобы читатель, закрывая книгу, могъ сказать съ сердечнымъ умиленіемъ: «да! вотъ какіе должны быть люди! Увы! зачѣмъ это я не похожъ на этого героя, и зачѣмъ это въ моей супругѣ нѣтъ ни малѣйшаго сходства съ изящной личностью этой героини?»

Доброе, старое время, о которомъ я говорю, время Грандисоновъ и Клариссъ, для многихъ добродушныхъ людей еще не миновало и для многихъ никогда не минуетъ. До сихъ поръ есть такіе высоко нравственные люди, которые смотрятъ на литературу, какъ на проповѣдь, возвышающую душу и очищающую нравственность; есть и такіе, которые видятъ въ ней весьма позволительную забаву; есть даже и такіе, которые видятъ въ ней источникъ всякаго зла. Люди послѣдней категоріи не читаютъ ничего, кромѣ календарей и дѣловыхъ бумагъ; но зато люди первыхъ двухъ категорій съ наслажденіемъ читаютъ «Обломова»; людей, наслаждающихся чтеніемъ романовъ послѣ сытнаго обѣда, нѣжатъ обаятельность языка и спокойствіе разсказа; сверхъ того ихъ радуетъ и умиляетъ тщательная отдѣлка мелочей; нужны-ли эти мелочи для пониманія дѣла, объ этомъ они не спрашиваютъ; ощущение, доставляемое имъ романомъ, — пріятно, и они совершенно довольны. Люди, ищущіе назиданія, восхищаются фигурой Ольги и видятъ въ ней идеалъ женщины; каюсь, господа читатели, года два тому назадъ я принадлежалъ къ числу этихъ людей, и я восторгался Ольгой, какъ образцомъ русской женщины. Но нашъ желѣзный вѣкъ, вѣкъ демоническихъ сомнѣній и грубо реальныхъ требованій, образуетъ мало по малу такихъ людей, которые даже романисту не позволяютъ быть фантазеромъ и даже ученому специалисту не позволяютъ быть буювѣдомъ. Мы нуждаемся, говорятъ эти люди въ рѣшеніи самыхъ элементарныхъ вопросовъ жизни, и намъ некогда заниматься тѣмъ, что не имѣетъ прямого отношенія къ этимъ вопросамъ. Мы жить хотимъ, и слѣдовательно назывемъ дѣятелемъ жизни, науки или литературы только того челоѣка, который помогаетъ намъ жить, пуская въ ходъ всѣ средства, находящіеся въ его распоряженіи.

Но созданія Гончарова не выясняютъ намъ ни одного явленія жизни, и слѣдовательно мы можемъ взглянуть на всю его дѣятельность, какъ на явленіе чрезвычайно оригинальное, но



вмѣстѣ съ тѣмъ въ высокой степени бесполезное. Мы не требуемъ отъ художника мелкаго обличенія, но полагаемъ, что пониманіе жизни и ясныя, сознательныя и притомъ искреннія отношенія къ поставленнымъ имъ вопросамъ представляютъ необходимую принадлежность художника. Гончаровъ попытался нарисовать образъ русской дѣвушки, одаренной отъ природы значительными умственными силами и поставленной при самыхъ выгодныхъ условіяхъ развитія. Картинка вышла на первый взглядъ очень красивая. Благодаря пластичности гончаровскаго изложенія, большинство читателей приняли Ольгу за живую личность, возможную при условіяхъ нашей жизни. Первое впечатлѣніе говорить въ пользу героини «Обломова», но стоитъ только, не останавливаясь на мелочахъ, взглянуть на крупныя черты этого характера, чтобы убѣдиться въ томъ, что онъ выдуманъ, какъ и все то, что когда-нибудь выходило изъ пера Гончарова. При первомъ своемъ появленіи на сцену Ольга выходитъ изъ головы автора совершенно сформированной, въ полномъ вооруженіи, подобно тому, какъ въ доброе, старое время Паллада-Афина вышла изъ черепа Зевеса.

Авторъ пытается объяснить происхожденіе выведеннаго имъ женскаго характера, но попытки эти оказываются совершенно неудачными. Говоря вскользь о развитіи Ольги, Гончаровъ указываетъ только на два обстоятельства, отличавшія собою ея жизнь отъ жизни другихъ дѣвушекъ, принадлежащихъ къ тому-же слою общества. Первымъ обстоятельствомъ является отрицательное вліяніе тетки, вторымъ — положительное вліяніе Штольца. Тетка, замѣнившая Ольгѣ родителей, не мѣшала ей дѣлать, что угодно, а Штольдъ въ досужія минуты училъ ее уму-разуму; первое обстоятельство довольно правдоподобно: сироты обыкновенно растутъ свободнѣе, чѣмъ дѣти, воспитывающіяся въ родительскомъ домѣ; они терпятъ больше горя, но зато развиваются самобытнѣе и становятся тверже, именно потому, что ихъ не охватываетъ со всѣхъ сторонъ расслабляющая атмосфера слѣпой любви и неотразимаго деспотизма. Ольгѣ было удобнѣе развиваться подъ надзоромъ тетки, чѣмъ подъ руководствомъ матери; но вѣдь тетка могла дать только отрицательный элементъ; она могла до известной степени не мѣшать развитію, а условія жизни, выборъ чтенія, кружокъ знакомыхъ должны были направлять силы молодого ума въ ту или другую сторону.

Что могъ сдѣлать Штольдъ? Еслибы даже онъ съ неуклоннымъ вниманіемъ слѣдилъ за проявленіями мысли и чувства въ молодой дѣвушкѣ, то и тогда ему одному было-бы довольно трудно составлять противовѣсъ всему вліянію домашней и общественной обстановки. Но

кромѣ того Штольдъ — «человѣкъ дѣльный» — онъ съ утра до вечера бѣгаетъ по городу, постоянно находится въ разбѣдѣ, ему быть руководителемъ и воспитателемъ молодой дѣвушки? Сверхъ того Штольдъ сится къ Ольгѣ, какъ къ ребенку, во время той сцены, послѣ которой онъ отдаетъ ей руку и сердце; когда Ольга говоритъ ему о своемъ романѣ съ Обломовымъ, онъ отвѣчаетъ на ся признанія: «васъ за что оставить безъ сладкаго блюда за Обломовымъ? Если этотъ дѣловой господинъ, сильно занимающій вообще на сомпіис voyages, отнесется такъ шуточно къ серьезному разсказу дѣла о серьезныхъ чувствахъ и о дѣйствительныхъ пережитыхъ ею страданіяхъ, то можно представить, съ какой покровительственной улыбкой онъ относился къ этой дѣвушкѣ, когда она ходила въ коротенькихъ платьяхъ и когда она, какъ умный, развивающійся ребенокъ, всего болѣе нуждалась въ дружескихъ совѣтахъ и въ уваженіи со стороны взрослыхъ». Кромѣ того Штольдъ и самъ не отличается значительной высотой развитія; когда Ольга сдѣлавшаяся уже его женою, жалуется на какія-то стремленія, на какую-то творческую тоску, Штольдъ говоритъ ей: «мы не боги», и совѣтуетъ ей покориться, мириться съ этой тоской, какъ съ неотъемлемой принадлежностью жизни. Штольдъ очевидно не понимаетъ смысла и причины этой тоски, но, какъ человѣкъ самолюбивый и самонадеянный, онъ не рѣшается признаться въ своемъ непониманіи и пускается въ фразерство. Человѣкъ, неспособный понять такую простую вещь, человѣкъ, неспособный въ рѣшительную минуту поддержать и разумнымъ образомъ успокоить женщину, опирающуюся на него съ полнымъ довѣріемъ, конечно не можетъ имѣть на развитіе молодого существа того рѣшительнаго и благотворнаго вліянія, которое приписано Штольцу въ романѣ Гончарова. Если Штольдъ не умѣетъ направить къ разумной дѣятельности силы женщины, уже сложившейся и окрѣпшей, то какими-же образомъ можетъ этотъ самый Штольдъ пробудить и вызвать къ жизни силы, еще дремлющія въ мозгу ребенка? Есть конечно такіе люди, которые могутъ расшевелить, но потомъ не въ силахъ поддержать довѣрившуюся имъ женщину; къ числу такихъ людей принадлежатъ Рудинъ, Шамиловъ, герой стихотворенія Некрасова «Саша»; такіе люди слабы и порывисты, а Штольдъ твердъ и спокоенъ; такіе люди очень хорошо знаютъ, что надо дѣлать, но у нихъ не хватаетъ силъ на то, чтобы исполнить сознанное дѣло. Штольдъ, напротивъ того, могъ-бы все сдѣлать, но онъ не знаетъ, что надо дѣлать. Изъ всего этого видно, что Штольдъ не имѣетъ ничего общаго съ людьми рудинскаго типа; мало того, онъ



оставленъ въ противоположность къ этому типу; нѣ, по мнѣнію Гончарова, является живымъ рокомъ этимъ людямъ. Спрашивается, какъ же этотъ высоко развитой, металлически твердый, трезво и спокойно размышляющій человѣкъ оказался неспособнымъ вывести жену свою изъ лабиринта осадившихъ ее сомнѣній и стремленій?

Тѣ эпитеты, которые я здѣсь придаю Штольцу, не выражаютъ моего личнаго мнѣнія объ этой фигурѣ; этими эпитетами я обозначаю только тѣ свойства, которыя Гончаровъ *хотѣлъ* придать своему созданію; я-же съ своей стороны не считаю Штолца ни высокоразвитымъ, ни металлически твердымъ, ни спокойно размышляющимъ; всѣ эти свойства могутъ быть приписаны человѣку, а я не считаю Штолца за человѣка. Я вижу въ немъ довольно искусно выточенную маріонетку, двигающуюся взадъ и впередъ по произволу выточившаго ее мастера. Еще гораздо искуснѣе маріонетки Штолца выточена другая, очень красивая маріонетка, Ольга Сергѣевна Ильинская; но жизни нѣтъ ни въ той, ни въ другой. Поэтому, говоря о гончаровскихъ лицахъ, намъ приходится только слѣдить за процессомъ мыслительной дѣятельности въ головѣ автора; намъ приходится не обсуживать выведенными имъ стороны жизни, а просто рѣшать вопросъ: послѣдовательны-ли и пригодны-ли его сужденія. Беру я на себя этотъ трудъ потому, что имя Гончарова пользуется значительной извѣстностью, и слѣдовательно мнѣнія его могутъ имѣть нѣкоторое вліяніе на мысли читателей.

Итакъ, мы видѣли, что Гончаровъ думаетъ о развитіи женщины: онъ полагаетъ, что дѣвушка достаточно пользоваться нѣкоторой независимостью и встрѣчаться порою съ умнымъ и твердымъ мужчиной, для того, чтобы вполне развить свои природныя силы. Тѣ предѣлы, которыхъ должна достигать эта независимость, не обозначены ясно, потому что отношенія Ольги къ теткѣ совершенно не обрисованы и отношенія ея къ обществу оставлены въ тѣни, съ тѣмъ замѣчательнымъ умѣишемъ, съ которымъ Гончаровъ всегда набрасывалъ покрывало на то, о чемъ, по его мнѣнію, неудобно распространяться. Тѣ размѣры, въ которыхъ должны проявляться умъ и твердость мужчины, также не опредѣлены съ достаточной ясностью; Гончаровъ не далъ себѣ труда подумать о томъ, чѣмъ могутъ быть искреннія и разумныя отношенія между развитымъ мужчиною и развитой женщиной, и вслѣдствіе этого отношенія эти вышли блѣдны и фальшивы, какъ казенная фраза на избитую тему. Въ самомъ характерѣ Ольги встрѣчаются внутреннія противорѣчія, которыя ясно показываютъ, до какой степени туманны и сбивчивы понятія автора о томъ идеалѣ женщины, который онъ

самъ себѣ составилъ и который онъ хотѣлъ выяснить читателямъ своего романа.

Возьмемъ отношенія Ольги къ Обломову. Ольгу заинтересовываетъ граціозность этой честной, мѣшковой личности, которой наивность и природный умъ рѣзко отдѣляются отъ вычурности и безцвѣтности тѣхъ свѣтскихъ джентльменовъ, которыхъ до того времени приходилось видѣть Ольгѣ. Заинтересовавшись Обломовымъ, Ольга начинаетъ въ него вглядываться, убѣждается въ томъ, что онъ дѣйствительно уменъ, честенъ, мягокъ, симпатиченъ, и начинаетъ чувствовать къ нему влеченіе. Когда эта зародившаяся любовь сдѣлалась жгучею для самой Ольги, то она взглянула на свое чувство оригинально; она посмотрѣла на него, какъ на подвигъ, который посылаетъ ей судьба; она вообразила себѣ, что ей предстоитъ обновить Обломова, одрахлаваго отъ умственного сна, воодушевить его новой энергіей и сдѣлать его способнымъ къ дѣятельной, человеческой жизни. Чтобы понимать такимъ образомъ свои отношенія къ любимому человѣку, надо стоять на высокой степени умственного развитія и обладать огромными природными силами. Кто стоитъ на такой степени и обладаетъ такими силами, тотъ неспособенъ затосковать безпредметной тоской и не понять причины своей тоски. Если Ольга понимаетъ, что Обломову необходима дѣятельность, то какъ-же она можетъ не понять, что ей, какъ энергической личности, дѣятельность еще гораздо необходимѣе? Какъ-же она не понимаетъ, что вся ея тоска съ любимымъ человѣкомъ, на южномъ берегу Крыма, среди роскошной, цвѣтущей природы,—не что иное, какъ неудовлетворенная потребность разумной дѣятельности? Какъ наконецъ эта энергическая природа не рвется вонъ изъ душной атмосферы спокойнаго, соннаго счастья въ живую среду дѣятельности и тревоги? Какъ возможно, чтобы Ольга, рѣшившаяся такъ рѣзко разорвать свои отношенія съ Обломовымъ тогда, когда Обломовъ оказался тряпкой, чтобы эта самая Ольга, повторяю я, успокоилась на плоскомъ отвѣтѣ Штолца: «мы не боги», и помирилась съ такой жизнью, въ которой, сколько намъ извѣстно по словамъ Гончарова, не было ничего, кромѣ воркованія любящаго супруга, нянчанія ребенка и заботъ по домашнему хозяйству? Энергическая женщина сама пробилась-бы себѣ дорогу къ дѣятельности и взглянула-бы съ невольнымъ презрѣніемъ на того мужчину, который рѣшился-бы увѣрить ее, что надо быть богомъ, чтобы работать и наслаждаться. Но Гончаровъ, расходясь съ моимъ мнѣніемъ, доказываетъ, кажется, совершенно противоположное. Если сгруппировать въ общую картину всѣ черты, введенныя имъ въ фигуру Ольги, то смыслъ выйдетъ довольно оригинальный, гар-



монирующей съ основной идеей «Обыкновенной Исторіи». Ольга въ крайней молодости беретъ себя на плечи огромную задачу; она хочетъ быть нравственной опорой слабого, но честнаго и умнаго мужчины; потому она убѣждается въ томъ, что эта работа ей не по силамъ, и находитъ гораздо болѣе удобнымъ самой опереться на крѣпкаго и здороваго мужчину. Положеніе ея очень прочно и комфортабельно, но, какъ вспышка молодости, у нея является припадокъ тоскливаго волненія. Этотъ припадокъ отъ времени до времени повторяется, постепенно ослабѣвая; наконецъ молодая женщина совершенно излечивается, дѣлается спокойной и веселой, и жизнь ея начинаетъ струиться тихимъ, прозрачнымъ и отчасти усыпительно журчащимъ ручейкомъ. Гончаровъ находитъ, что это сонное спокойствіе должно быть признано счастьемъ: я съ нимъ не буду спорить, потому что у каждаго свои понятія о счастьѣ: это—дѣло личнаго вкуса. Гончаровъ въ изображеніи личности Ольги точно такъ-же, какъ и въ «Обыкновенной Исторіи», производитъ варіаціи на извѣстныхъ русскихъ пословицахъ: «жгуча крапива, да уварится», или «кабы на горохъ, да не морозъ, онъ-бы и тынъ переросъ»; онъ видитъ въ проявленіяхъ молодости и свѣжести дикія вспышки, бесплодныя попытки перекрутить все по своему и постепенно ослабѣвающіе припадки сумасбродства, онъ смотритъ на вещи трезвыми глазами благоразумнаго старца и считаетъ развитіе человека благополучно довершеннымъ въ ту эпоху, когда онъ начинаетъ располагать свои слова и поступки, сообразуясь съ внушеніями личнаго разсчета.

Знаете-ли, господа читатели, что вышло-бы изъ «Обломова», еслибы этотъ романъ былъ рассказанъ писателемъ, смотрящимъ на вещи не такъ благоразумно, какъ смотритъ Гончаровъ. Вышло-бы вотъ что: Обломовъ оказался-бы беззаботной головой, съ поэтическими стремленіями, не находящими себя удовлетворенія; онъ-бы вышелъ похожимъ на Бельтова; и авторъ показалъ-бы, что условія жизни, а не лимфатическій темпераментъ, мѣшаютъ ему развернуть свои способности и удовлетворить тѣмъ стремленіямъ, которыя отъ неудовлетворенія чахнутъ и мелѣютъ. Ольга оказалась-бы очень умной дѣвушкой, во всей личности которой совершается борьба между энергическимъ голосомъ чувственности—съ одной стороны и разсчетомъ—съ другой стороны. Ей нравится Обломовъ; она желала-бы отдаться ему; ее привлекаетъ граціозная беззаботность, спокойная размашистость этой честной личности; но съ другой стороны эти самыя свойства внушаютъ ей серьезныя и благоразумныя опасенія. «Вѣдь этотъ Обломовъ,—разсуждаетъ она,—ужасный ротозѣй; его могутъ оплести и обма-

нуть, такъ что онъ и ухомъ не поведетъ тратить все состояніе, работать не сможетъ, служить не пойдетъ, потому что «привѣсившись тошно». Что-же я съ нимъ буду лать? Онъ милый, хорошій; мнѣ его хочется, у меня къ нему сердце жметъ вѣдь страшно; вѣдь онъ по міру хорошъ. Пока дѣвушка раскидываетъ такія обрѣзки своимъ рано созрѣвшимъ разсудкомъ, чувство симпатіи къ Обломову въ ней усиливается, она увлекается пылкимъ темпераментомъ, чайно рука ея попадаетъ въ его руку, она клоняется къ нему, слышится звукъ и случай этотъ повторяется,—она счастлива тому что находится подъ обаяніемъ и потому, что въ ней громко говоритъ гласъ природы... Но въ это время обаяніе разрушается; ей дѣлается предложеніе человѣкъ, Штольцъ, находящійся на дорогѣ, подвигающійся къ видному по въ обществѣ, отлично устроившій себя и пользующійся репутаціей красиваго и дѣльнаго джентльмена. «Изъ молодыхъ», говорятъ объ этомъ юношѣ умные старцы, и этотъ-то юноша съ своей солидностью выражаетъ Ольгѣ искру и силу своего чувства и, серьезно глядя, предлагаетъ ей руку и сердце. Штольцъ дѣйствуетъ не безъ разсчета, знаетъ, что Ольга можетъ разсчитывать слѣдство отъ какой-нибудь тетюшки или «кромѣ того,—разсуждаетъ онъ,—ведетъ женщина въ домъ; больше порядки, представительности; въ томъ по которому мнѣ въ скоромъ времени принимать, это даже необходимо». Ну, дадутъ разсказы! разсчитъ у Ольги беречь надъ чувствомъ; она круто обрываетъ нить съ Обломовымъ, называетъ его пудовѣкомъ, хотя самой больно разстать такой личностью, и наконецъ, скрѣпясь, выходитъ замужъ за дѣльнаго Штольца, который представляетъ что-то среднее между линовичемъ Писемскаго и Панинымъ нева. Апострофа разсчета, скептическое нѣе къ чувству—вотъ альфа и омега романовъ Гончарова. Эти черты составляютъ характера Ольги; не та дѣвушка по мнѣнію Гончарова, которая любитъ и безкорыстно, а та, которая умѣетъ в себѣ мужа; не тотъ человѣкъ хорошъ, нію Гончарова, у котораго есть и тепло, и свѣтлый умъ, и широкія стремленія, кто, живя съ волками, умѣетъ в волчьи. Это совершенно справедливо, и боковую истину, до которой мы, легкомысленны, никакъ не можемъ додуматься давно сознала ученая редакція учено-турнаго журнала «Русскій Вѣстникъ»: опасно въ этомъ случаѣ: желая поир-



амъ, подражая подъ нихъ, какъ говоритъ е купечество, можно завѣть такъ нескладно ельпо, что даже волкамъ придется тошно. и наконецъ неужели большинство нашей лики—волки? Не наговоръ-ли это?

Итакъ, насчетъ Ольги Ильинской мы можемъ ѣтвить, что это характеръ, невѣрно понятый ожно представленный авторомъ. Кто не мо- жетъ ужиться съ нами, думаетъ Гончаровъ, и дрянъ; кто живетъ припѣваючи, тотъ лодецъ. Коротко и ясно. Но справедливо-ли деть, если я поступлю такъ: положимъ я иду имо высыхающаго прудка и вижу, что карась здыхаетъ отъ недостатка воды; въ это самое ремя сотни лягушекъ прыгаютъ и квакаютъ, ляшутъ отъ радости и съ наслажденіемъ та- каютъ червяковъ изъ жидкой грязи; я оста- авливаюсь надъ карасемъ и, указывая ему а лягушекъ, начинаю ругать его, зачѣмъ онъ е веселится и не наслаждается благами жизни. Правъ-ли я буду? Кажется, нѣтъ. Не виноватъ карась въ томъ, что онъ родился карасемъ, и ебольшая заслуга лягушкамъ отъ того, что онъ родился или сдѣлался лягушкой. Одинъ дышетъ жабрами, другой—легкими; одинъ лю- битъ свѣтлую воду, — другой жидкую грязь. Ну, и съ Богомъ!

## IV.

Съ любовью и съ полнымъ довѣріемъ обра- щаюсь я снова къ нашимъ менѣе благоразум- нымъ художникамъ, Писемскому и Тургеневу. У Тургенева мы находимъ разнообразіе жен- скихъ характеровъ, у Писемскаго—разнообразіе положеній. Тургеневъ входитъ своимъ тонкимъ анализомъ во внутренній міръ выводимыхъ лич- ностей; Писемскій останавливается на яркомъ изображеніи самаго дѣйствія. Романы Тургенева глубже продуманы и прочувствованы; романы Писемскаго плотнѣе и крѣпче построены. Тур- геневъ больше Писемскаго рискуетъ ошибиться, потому что онъ старается отыскать и показать читателю смыслъ изображаемыхъ явленій; Пи- семскій не видитъ въ этихъ явленіяхъ никакого смысла, и въ этомъ случаѣ, заботясь только о томъ, чтобы воспроизвести явленіе во всей его яркости, онъ, кажется, избираетъ вѣрную дорогу. У Тур- генева уловленъ смыслъ нашей жизни, но рядомъ съ тонкими и вѣрными замѣчаніями и сообра- женіями попадаютъ фальшивыя ноты, вродѣ построенія Инсарова. У Писемскаго букетъ нашей жизни, какъ крѣпкій запахъ дегтя, коноплянника и тулупа, поражаетъ нервы чи- тателя мимо воли самого автора. Тургеневъ мудритъ надъ жизнью, и иногда не впадаетъ; Писемскій лѣпнитъ прямо съ натуры, и созданія его выходятъ некрасивыя, грубыя, кряжистыя, какъ некрасива, груба и кряжиста самая жизнь наша, самая неотесанная наша натура. Общая атмосфера нашей жизни схвачена полнѣе у Писемскаго, но зато индивидуальныя характеры

у Тургенева обработаны гораздо тщательнѣе. Словомъ, романы Писемскаго представляютъ *этнографическій* интересъ, а романы Турге- нева замѣчательны по интересу *психологиче- скому*.

Въ повѣстяхъ и романахъ Тургенева—много великолѣпно отдѣланныхъ женскихъ характе- ровъ. Я останавлиюсь только на нѣкоторыхъ; возъ- му: Асю, Наталью (изъ «Рудина»), Зинаиду (изъ «Первой Любви»), Вѣру (изъ «Фауста»), Лизу (изъ «Дворянскаго Гнѣзда») и Елену (изъ «Наканунъ»).

Ася—милое, свѣжее, свободное дитя природы; какъ незаконнорожденная дочь, она въ домѣ отца своего не пользовалась тѣмъ тщательнымъ надзоромъ, который душитъ въ ребенкѣ живыя движенія и превращаетъ здоровую дѣвочку въ благовоспитанную барышню. Свободно играла и рѣзвилась она, бывши ребенкомъ; свободно стала она развиваться подъ руководствомъ своего старшаго законнорожденного брата, добродушнаго молодого человѣка, весело, свѣтло и широко смотрящаго на жизнь. «Вы видите, — говоритъ объ ней ея братъ, Гагинъ, — что она много знала и знаетъ, чего не должно-бы знать въ ея годы... Но развѣ она виновата? Молодые силы разъигрывались въ ней, кровь кипѣла, а вблизи ни одной руки, которая-бы ее направила... Полная независимость во всемъ, да развѣ легко ее вынести? Она хотѣла быть не хуже другихъ барышень. Она бросилась на книги. Что тутъ могло выйти путнаго? Неправильно начатая жизнь слагалась неправильно, но сердце въ ней не испортилось, умъ уцѣлѣлъ».

Эти слова Гагина характеризуютъ и того, кто ихъ произноситъ, и ту дѣвушку, о которой гово- рятъ. Мы можемъ возразить, что изъ этихъ словъ не видно, чтобы Гагинъ смотрѣлъ на жизнь широко. На это возраженіе отвѣчу, что Гагинъ принадлежитъ къ числу людей мягкихъ, неспо- собныхъ вступить въ открытую борьбу съ существующимъ предразсудкомъ или завязать горячій споръ съ несогласающимся собесѣдни- комъ. Мягкость и добродушіе поглощаютъ въ немъ всѣ остальные свойства; онъ изъ добро- душія посоветится уличить васъ въ нелѣпности; онъ даже съ подлецомъ старается обойтись помягче, чтобы не обидѣть его, самъ онъ не стѣсняетъ Аси ни въ чемъ, и даже не находитъ въ ея своеобразности ничего дурного, но онъ говоритъ объ ней съ довольно развитымъ, но отчасти фешенебельнымъ господиномъ, и потому невольно, изъ мягкости становится въ уровень съ тѣми понятіями, которыя онъ предполагаетъ въ своемъ собесѣдникѣ. Онъ высказываетъ о воспитаніи Аси тѣ понятія, которыя живутъ въ обществѣ; самъ онъ не сочувствуетъ этимъ понятіямъ; находя на словахъ, что полную независимость вынести не легко, онъ самъ ни- когда не рѣшится стѣснить чью-нибудь неза- висимость; зато и не рѣшится отстоять отъ



притязаній общества свою или чужую независимость. Уступая требованіямъ общественныхъ приличій, онъ отдалъ Асю въ пансіонъ; когда же Ася по выходѣ изъ пансіона поступила подъ его покровительство, онъ не могъ стѣснять ея свободы ни въ чемъ, и она стала дѣлать, что ей было угодно. Что-же, спроситъ читатель, она вѣроятно надѣлала много непозволительныхъ вещей? О да, отвѣчу я, ужасно много. Какъ-же въ самомъ дѣлѣ! Она прочла нѣсколько страстныхъ романовъ, она одна ходила гулять по прибрежнскимъ скаламъ и развалинамъ; она держала себя съ посторонними людьми то очень застѣнчиво, то весело и бойко, смотря потому, въ какомъ она была настроеніи, она... ну, да что-же! Неужели вамъ этого мало? *Вы видите, что она многое знала и знаетъ, чего не должно-бы знать въ ея годы. Полная независимость во всемъ! Да развѣ легко ее вынести?* О, эти двѣ фразы имѣютъ великое значеніе. Золотая середина! Тебѣ я посвящаю ихъ! «Русскій Вѣстникъ»! «Отечественныя Записки»! Возьмите ихъ въ эпиграфъ!

Ася является въ повѣсти Тургенева восемнадцатилѣтней дѣвушкой; въ ней кипятъ молодыя силы; и кровь играетъ, и мысль бѣгаетъ; она на все смотритъ съ любопытствомъ, но ни во что не вглядывается; посмотреть и отвернется, и опять взглянетъ на что-нибудь новое; она съ жадностью ловитъ впечатлѣнія, и дѣлаетъ это безъ всякой цѣли и совершенно безсознательно; силъ много, но силы эти бродятъ. На чемъ онѣ сосредоточатся и что изъ этого выйдетъ, вотъ вопросъ, который начинаетъ занимать читателя тотчасъ послѣ перваго знакомства съ этой своеобразной и прелестной фигурой.

Она начинаетъ кокетничать съ молодымъ человѣкомъ, съ которымъ Гагинъ случайно знакомится въ нѣмецкомъ городѣ; кокетство Аси такъ-же своеобразно, какъ и вся ея личность; это кокетство безцѣльно и даже безсознательно; оно выражается въ томъ, что Ася въ присутствіи посторонняго молодого человѣка становится еще живѣе и шаловливѣе; по ея подвижнымъ чертамъ пробѣгаетъ одно выраженіе за другимъ; она какъ-то вся въ его присутствіи живетъ ускоренной жизнью; она при немъ побѣжитъ такъ, какъ не побѣжала-бы можетъ-быть безъ него; она станетъ въ граціозную позу, которую не приняла-бы можетъ-быть, еслибы его тутъ не было, но все это не разсчитано, не пригоняется къ извѣстной цѣли; она становится рѣзвѣе и граціознѣе, потому что присутствіе молодого мужчины незамѣтно для нея самой волнуетъ ея кровь и раздражаетъ нервную систему; это не любовь, но это—половое влеченіе, которое неизбѣжно должно явиться у здоровой дѣвушки точно такъ-же, какъ оно является у здороваго юноши. Это половое влеченіе, признакъ здоровья и силы, систематически за-

бывается въ нашихъ барышняхъ образованіемъ, воспитаніемъ, обученіемъ, нищей, когда оно оказывается забытымъ, тогда воспитательницы, которыя его забыли, начинаютъ обучать своихъ воспитанницъ маневрамъ, которые до извѣстной степени производятъ его внѣшніе симптомы. Естественная грація убита; на ея мѣсто подставлена искусственная; дѣвушка запугана и змѣнена машинной выправкой и дисциплиной, а дѣлать при гостяхъ быть веселой и раши проявленіе истиннаго чувства навлекая дѣвушку потокъ правоученій, а между любовностью ставится ей въ обязанностинымъ словомъ, мы вездѣ и всегда поступаемъ такъ: сначала разобьемъ естественную, и ную жизнь, а потомъ изъ жалкихъ черт и вершковъ начинаемъ кленить что-то свое, и ужасно радуемся, если это свое почти похоже на натуральное. Ася—всѣмъ вая, вся натуральная, и потому-то Гагинъ считаетъ необходимымъ извиниться за передъ той золотой серединой, которой шимъ и наиболѣе развитымъ представителемъ является г. Н. Н., рассказывающій все отъ своего лица. Мы такъ далеко отошли отъ природы, что даже ея явленія ифрмимъ иначе, какъ сравнивая ихъ съ нашими собственными копіями; вѣроятно многимъ нашихъ читателей случалось, глядя на солнце и видя такіе рѣзкіе цвѣта, которые не рѣшился-бы употребить ни одинъ изъ насъ, подумать про себя (и потомъ улыбнуться этой мысли): «что это, какъ ко! Даже не натурально». Если намъ случится такимъ образомъ ломить на колѣнахъ яленія неодушевленной природы, которыя ютъ свое оправданіе въ самомъ фактѣ существованія, то можно себя предстать какъ мы, безсознательно, незамѣтно для себя, ломаемъ и насилуемъ природу, ловѣка, обсуживая и перетолковывая всякое явленіе, попадающіяся намъ на Изъ того, что я до сихъ поръ говорилъ Асѣ, прошу не выводить того заключенія, это — личность совершенно непосредственно Ася настолько умна, что умѣетъ смотри себя со стороны, умѣетъ по-своему обсуживать свои собственные поступки и произносить собою приговоръ. Напримѣръ, ей показало, что она черезчуръ расшалилась, на другой она является тихой, спокойной, смиренной такой степени, что Гагинъ говоритъ да ей:—«А-га! Постъ и покаяніе на себя жила».

Потомъ она замѣчаетъ, что въ ней не ладно, что она, кажется, привязывается новому знакомству; это открытіе ее пугаетъ, она понимаетъ свое положеніе, двусмысленно по мнѣнію нашего общества; она пони-



между нею и любимым человеком появляется такая преграда, через которую из гордости не захочет перескочить и в которую он из робости не посмеет шагнуть. Весь этот ряд мыслей пробегает в ее голове чрезвычайно быстро и отягощает во всем его организм; кончается, что она, как испуганный ребенок, просто отвертывается от неизвестного будущего, которое является ей в образе нового гва, и с детским доверием, с громким плачем и в то же время с недетской страстностью кидается назад к своему прошлому, воплощающемуся для нее личности доброго, снисходительного А.

Нѣтъ, говорить она сквозь слезы:—я не хочу любить, кромѣ тебя; нѣтъ, нѣтъ, од-тебя и хочу любить—и навсегда.

Полна, Ася, успокойся, говорит Гагинъ,—наешь, я тебя вѣрю.

Тебя, одного тебя! повторила она, бросилась на шею и съ судорожными рыданиями начала целовать его и прижиматься къ его груди.

Полно, полно, твердил онъ, слегка проводя по ее волосамъ.»

Итакъ европейская цивилизація какъ-то устроена, что она пугаетъ дикарей и по-малу истребляетъ ихъ; Ася въ отноше-нии къ этой цивилизаціи находится почти въ какомъ положеніи, въ какомъ можетъ быть вленъ какой-нибудь краснокожій стрѣ-ей предстоитъ рѣшить грозную дилемму: или отказаться отъ того человека, къ кому она начинаетъ чувствовать влеченіе, стать во фронтъ, войти въ ранжиръ, от-раться отъ милой свободы; она инстинктивно что-то, и инстинктъ ее не обманыв-етъ; она хочетъ воротиться къ прошлому, жду тѣмъ будущее манитъ къ себѣ, и не насъ зависить остановить теченіе жизни. Настроеніе Аси, ее обращеніе къ прошлому скоро исчезаютъ безъ слѣда; приходитъ .., начинается разговоръ, прихотливо пере-ивающій отъ одного впечатлѣнія къ дру-и Ася вся отдается настоящему, и от-ся такъ весело и беззаботно, что не мо-е даже скрыть ощущаемаго удовольствія; болтаетъ почти безсвязный вздоръ, обая-ный, какъ выраженіе ее свѣтлаго на-нія, и наконецъ прерывается и просто-итъ, что ей хорошо. И это настроеніе со-енно неожиданно разрѣшается въ весьма-твенномъ желаніи — повальсировать съ-мымъ человекомъ.

Все радостно сіяло вокругъ насъ, внизу, надъ, небо, земля и воды; самый воздухъ, каза-былъ насыщенъ блескомъ.

Посмотрите, какъ хорошо! сказалъ я, неволь-низивъ голосъ.

Да, хорошо! также тихо отвѣтила она, не-ра на меня.—Еслибъ мы съ вами были птицы—

какъ-бы взвились, какъ-бы полетѣли... Такъ-бы и утонули въ этой синевѣ... Но мы не птицы.

— А крылья могутъ у насъ вырасти, возразилъ я.

— Какъ такъ?

— Поживете — узнаете. Есть чувства, которыя поднимаютъ насъ отъ земли. Не беспокойтесь, у васъ будутъ крылья.

— А у васъ были?

— Какъ вамъ сказать?... Кажется, до сихъ поръ я еще не леталъ.

Ася опять задумалась. Я слегка наклонился къ ней.

— Умѣете вы вальсировать? спросила она вдругъ.

— Умѣю, отвѣчалъ я, нѣсколько озадаченный.

— Такъ пойдемте, пойдемте... Я попрошу брата сыграть намъ вальсъ... Мы вообразимъ, что мы летаемъ, что у насъ выросли крылья.

Она побѣжала къ дому. Я побѣжалъ вслѣдъ за ней и, нѣсколько мгновеній спустя, мы кружились въ тѣсной комнатѣ подъ сладкіе звуки Ланнера. Ася вальсировала прекрасно, съ увлеченіемъ. Что-то мягкое, женское проступило вдругъ сквозь ее дѣвически-строгий обликъ. Долго потомъ рука моя чувствовала прикосновеніе ее нѣжнаго стана, долго слышалось мнѣ ее ускоренное близкое дыханіе, долго мерещились мнѣ темные, неподвижные, почти закрытые глаза на блѣдномъ, но оживленномъ лицѣ, рѣзко обвѣянномъ кудрями.»

Во всей этой сценѣ Ася очевидно находится въ напряженномъ состояніи; она переживаетъ новую для себя фазу развитія; она въ одно время и живетъ, и думаетъ о жизни, какъ это всегда бываетъ съ людьми, одаренными свѣтлыми умственными способностями; она поддается новымъ впечатлѣніямъ и въ то же время боится ихъ, потому что не знаетъ, что дадутъ они ей въ будущемъ; порою пересиливаетъ страхъ, порою одолеваетъ желаніе. Чувство растетъ съ каждымъ днемъ; Ася объявляетъ г. Н., что крылья у нея выросли, да легѣтъ некуда, а потомъ признается брату, что она любитъ этого господина. «Увѣ-ряю васъ,—говоритъ Гагинъ въ разговорѣ съ Н.,—мы съ вами, благоразумные люди, и представимъ себѣ не можемъ, какъ она глубоко чувствуетъ и съ какой невѣроятной силой высказываются въ ней эти чувства; это находить на нее такъ-же неожиданно и такъ-же неотразимо, какъ гроза». Дѣйствительно, чувство Аси высказывается не одними словами и слезами; оно доводитъ ее до дѣйствія: забывая всякую предосторожность, отлагая въ сторону всякую ложную гордость, она назначаетъ любимому человеку свиданіе, и тутъ-то, при этомъ случаѣ высказывается въ полной яркости превосходство свѣжей, энергической дѣвушки надъ вялымъ продуктомъ великосвѣтской, условно-этикетной жизни. Посмотрите, чѣмъ рискуетъ Ася, и посмотрите, чего боится Н.? Идя на свиданіе, Ася конечно не знала, чѣмъ оно можетъ кончиться; свиданіе это было назначено безъ всякой цѣли, по неотразимой потребности сказать любимому человеку наединѣ что-то такое, чего и сама Ася ясно не сознавала; свидѣвшись съ Н. у фрау Луизъ, она такъ без-



раздѣльно отдалась впечатлѣнію минуты, что потеряла и желаніе, и способность сопротивляться чему-бы-то ни было; она безусловно довѣрилась, не слышавши отъ Н. ни одного слова любви; безсознательная робость молодой дѣвушки и сознательная боязнь лишиться добраго имени—все умолкло передъ настоятельными, неотразимыми требованіями чувства.

Если можно благоговѣть передъ чѣмъ-бы-то ни было, то всего разумнѣе и изыщнѣе будетъ съ благоговѣніемъ остановиться передъ этой силой чувства: это такой двигатель, для котораго не существуетъ непреодолимыхъ трудностей; при всякой борьбѣ между людьми одолѣетъ рано или поздно та партія, на сторонѣ которой находится наибольшая сумма энергическаго чувства; человѣкъ, вносящій въ жизнь пылкое желаніе наслаждаться, горячую, энергическую любовь къ жизни, навѣрное достигнетъ желаемого счастья, если ему не свалится на голову какой-нибудь нелѣпый камень. Только вялость и апатія вязнуть въ трясинѣ, не умѣя осилить ни матеріальную нужду, ни людское недоброжелательство. *Femme le veut, Dieu le veut*—эта поговорка живетъ у французовъ со временъ рыцарства и въ ней есть значительная доля правды; чего, чего не надѣлаетъ любящая женщина? Какія новыя силы не пробудятся въ ней подъ вліяніемъ ея чувства? Еслибы дѣйствительно (какъ утверждаютъ противники такъ называемой эманципаціи женщинъ) у женщины не было ничего, кромѣ способности любить, то и тогда еще неизвѣстно, чья природа оказалась-бы крѣпче и богаче интеллектуальными дарами—природа мужчины или природа женщины? Въ разбираемой мною повѣсти неразвита, полудикая дѣвушка одной силой своего чувства становится выше молодого человѣка, у котораго есть и умъ, и образованіе, и современное развитіе. Она на все рѣшилась, не остановилась даже передъ той мыслью, что можетъ огорчить брата, единственнаго человѣка въ мірѣ, котораго она любитъ; она пошла навстрѣчу осужденію и позору, страданію и домашнему горю, а онъ, онъ... на чемъ онъ запнулся? Стыдно сказать, а умалчивать незачѣмъ. На томъ, читатели, что его женѣ на визитныхъ карточкахъ неудобно будетъ написать: *M-me N., née une telle*. На томъ, что онъ самъ, г. Н., затруднится отвѣчать на вопросъ какаго-нибудь великосвѣтскаго хлыща: «какъ ваша супруга урожденная?» Потому онъ послѣ двухдневной борьбы одолеваетъ это препятствіе, но эта побѣда обзывается несвоевременной. Кромѣ того, читатели, подумайте сами, если мы будемъ бороться съ такими плетеными препятствіями, какъ съ какими-нибудь дѣйствительно существующимъ колоссальнымъ врагомъ, то не правда-ли, какъ мы далеко уйдемъ впе-

редъ, какъ много сдѣлаемъ дѣла, какое, какъ много успѣемъ насладиться жизнью. А жизнь, ей-Богу, коротка, и счастливыя моменты обстоятельствъ бываютъ такъ рѣдкими, что необходимо пользоваться, если не самымъ глупѣйшимъ образомъ прозвѣвать жизнь личностью г. Н. можно взглянуть еще съ очень поучительной стороны. Онъ пришелъ на свиданіе съ твердымъ намѣреніемъ явить Асѣ, что они должны разстаться. Онъ нитя на семнадцатилѣтней дѣвочкѣ, а еще, г. Н., на незаконнорожденной дочери говоритъ онъ самъ себѣ,—съ ея нравомъ г. Н. очевидно боится, чтобы у него, вслѣдъ этого нрава, не выросли рога, какъ можно?» (Да и не бойтесь, г. Н.: какъ можно? Да вы и не женитесь. Это вамъ уже и Гагинъ.) Твердое намѣреніе г. Н. не колеблется, когда онъ видитъ грубую и обаятельную въ этой грустности фигуру Аси, которая старается улизнуть и не можетъ, хочетъ сказать что-то, но не находитъ ни словъ, ни голоса. Ему ставитъ жаль этой милой, любящей дѣвушки; онъ сходится къ ней и называетъ ее ласкательнымъ именемъ.

— Асѣ, сказалъ я едва слышно.

Она медленно подняла на меня свои глаза. Глаза женщины, которая полюбила, что такое? Они молили, эти глаза, они допрашивали, отдавались... Я не могъ противъ нихъ обаянію. Тонкій огонь пробѣгалъ по моимъ вѣкамъ, я нагнулся и приникъ къ ея губамъ.

Послышался трепетный звукъ, похожій на рывистый вздохъ, и я почувствовалъ на моихъ губахъ прикосновеніе слабой, какъ листъ, шеи, руки. Я поднималъ голову и увидалъ ея. Какъ оно вдругъ преобразилось! Выраженіе исчезло съ него, взоръ ушелъ куда-то и увлекалъ меня за собой, губы слегка раздвинулись, какъ мраморъ, и кудри ниспадали назадъ, какъ-будто вѣтеръ ихъ кинулъ. Я забылъ все и потянулъ ее къ себѣ, покорно повиновалась ея рука, все ея тѣло шло за рукою, шала покатила въ мою голову ея тихо легла на мою грудь, легла на мои загорѣвшіяся губы...

— Ваша... прошептала она едва слышно. Уже руки мои скользнули вонъ изъ ея стѣны.

«Ахти, бѣда!—подумаетъ сердобольный читатель.—Погубить онъ, озорникъ, бѣдную дѣвушку! Да, дѣйствительно, всякій здоровый крѣпкій человѣкъ увлекся-бы до послѣднихъ предѣловъ и конечно въ увлекающей Асѣ встрѣтилъ-бы ни малѣйшаго сопротивленія. Честный человѣкъ увлекся-бы, и отъ этого его увлеченія не пострадалъ-бы онъ женился-бы на Асѣ на другой день свиданія, и самое свиданіе осталось-бы въ обоихъ супруговъ свѣтлымъ, блестящимъ воспоминаніемъ. Энергическій негодай, вроде силія Лучинова (въ повѣсти Тургенева «портрета»), также не отказался-бы отъ до-



идами, какія можно было-бы добыть отъ Аси, потому бросилъ бы ее, какъ прочитанную книгу. Первый поступилъ-бы—какъ порядочный человѣкъ, второй—какъ отъявленный злодей. Что же касается до тѣстообразнаго Н.,

онъ поступилъ такъ замысловато и вслѣдствіе этого такъ глупо, какъ можетъ поступить только существо, лишенное плоти и крови, и одаренное весьма жалкой дозой крови такого достоинства. Онъ сначала было-распался, а потомъ спохватился. У него не достало озагу, чтобы съ первой минуты окатить дѣвушку ушатомъ холодной воды, а потомъ не осталось полнокровія, чтобы, не заботясь о послѣдствіяхъ, дать этой дѣвушкѣ и самому еѣ нѣсколько мгновеній жгучаго наслажденія. У него все перепутано; чувство врывается въ процессъ мысли, мысль парализируетъ чувство. Воспитаніе ослабило его тѣло и набило озагу его идеями, которыхъ тотъ не можетъ усилить и переварить. У него нѣтъ физической здоровья, физической силы, физической вѣжести; это—ходячая теорія, человѣческая олова на куриныхъ ножкахъ, выжатый лимонъ безъ соку, безъ вкуса и безъ остроты. И таково большинство; и намъ этотъ типъ такъ привыченъ, что насъ даже не поражаютъ его вопіющіе недостатки; многіе читатели навѣрное скажутъ по прочтеніи «Аси», что Н.—очень честный человѣкъ, которому не посчастливилось въ жизни. Да, честный. Никто у него и не отнимаетъ этой честности...

Ася—такая личность, въ которой есть всѣ адатки счастливой, полной жизни; развитіе поимно условій нашей жизни, она не зазила ея нелѣпостями. Встрѣться она съ свѣжимъ мужчиной, она-бы показала намъ, что значитъ быть счастливой и дала-бы намъ самый спасительный и плодотворный урокъ, котораго намъ до сихъ поръ никто не умѣлъ дать. Но гдѣ-же взять такого мужчину? У насъ ихъ нѣтъ. И вотъ свѣжее, молодое, здоровое существо попало въ лазаретъ, въ которомъ стонутъ на разные лады субъекты, одержимые самыми разнообразными болѣзнями. Ну, конечно изъ этого не могло выйти ничего путнаго; повелѣтъ ей пришлось захватить отъ аптечнаго воздуха или заразиться отъ дыханія окружающихъ субъектовъ. Виновата-ли въ этомъ женщина?

#### V.

Наталя въ «Рудинѣ» похожа на Асю или, вѣрнѣе, въ основу ихъ личностей положена авторомъ одна идея, разработанная различно въ обоихъ романахъ. Въ Асѣ больше граціи, въ Натальѣ больше твердости; Ася отличается подвижностью, Наталя—сдержанностью и способностью глубоко вдумываться въ предметъ и долго вынашивать въ головѣ идею или чувство. Въ Асѣ огонь вспыхиваетъ

сильно и внезапно; дѣйствіе этого внутреннего огня тотчасъ отражается на ея физиономіи, въ ея поступкахъ, во всемъ ея поведеніи; въ Натальѣ этотъ огонь разгорается медленно и дѣйствіе его долгое время скрывается отъ нея самой и отъ другихъ; а потомъ, когда она сама отдаетъ себѣ отчетъ въ своемъ настроеніи, она все-таки скрываетъ его отъ другихъ и одна, безъ постороннихъ свидѣтелей, хозяйничаетъ въ своемъ внутреннемъ мірѣ. Различій, какъ видите, очень много, а между тѣмъ сходство самое существенное: обѣ дѣвушки сохранили свѣжесть и здоровье помимо обстановки, помимо тѣхъ людей, которые считали себя вправе распоряжаться ихъ мыслями и чувствами. Наталя это было труднѣе сдѣлать, чѣмъ Асѣ, и потому Наталя вышла изъ своей борьбы крѣпче и вынесла изъ нея болѣе запасъ сознательнаго опыта. Наталя—старшая дочь богатой барыни, окруженная съ малолѣтства гувернантками, французскими грамматиками и душевспасительными наставленіями, произносимыми на разныхъ европейскихъ языкахъ. Какъ тутъ не оплошиться? Дѣйствительно мудро, но тутъ выручаетъ одно обстоятельство, именно то, что матери некогда постоянно наблюдать за воспитаніемъ, а гувернантки большей частью довольно тупы.

Воспитанію дѣтей посвящаютъ себя обыкновенно тѣ лица, которыя по ограниченности ума ни на что другое не способны, да иначе и быть не можетъ. Во-первыхъ, матеріальное положеніе наставника всегда зависимо и всегда скудно обезпечено. Во-вторыхъ, обрежь себя на то, чтобы постоянно передавать другому то, что знаешь, значить отказаться отъ возможности идти дальше. Когда начинаешь учить другого, тогда уже интересы собственнаго развитія отодвигаются на задній планъ. Кто хочетъ денегъ, тотъ не пойдетъ въ педагоги, потому что мѣсто не хлѣбное. Кто хочетъ идей, тотъ не пойдетъ въ педагоги, потому что занятія съ дѣтьми отнимаютъ у человѣка время, не обогащая его внутреннимъ содержаніемъ. Стало-быть, въ педагоги идутъ, даже по призванію, только трудолюбивая посредственность; въ гувернантки идутъ тѣ дѣвушки, которымъ не удалось выйти замужъ. То обстоятельство, что мѣсто педагога не пользуется почетомъ и что вслѣдствіе этого на эти мѣста идутъ люди, обиженные Богомъ, не разъ возбуждало въ нашей педагогической литературѣ жалобные вопли; я осмѣлюсь самымъ скромнымъ тономъ выразить сомнѣніе въ основательности этихъ воплей. Осмѣлюсь даже предложить вопросъ: велика-ли та услуга, которую мы оказываемъ дѣтямъ, занимаясь ихъ нравственнымъ воспитаніемъ? Воспитывать—значитъ готовить къ жизни; спрашивается, можетъ-ли готовить къ жизни кого-бы то ни было такой человѣкъ, который



самъ не умѣетъ жить? А что мы не умѣемъ жить—въ этомъ кажется не усомнится благосклонный читатель. Воспитывая нашихъ дѣтей, мы втискиваемъ молодую жизнь въ тѣ уродливыя формы, которыя тяготѣли надъ нами; мы поступаемъ такимъ образомъ съ такими личностями, которыя сами не могутъ еще ни подать голоса, ни заявить протеста, ни оказать сопротивленія; мы безъ спросу мнемъ чужія личности и чужія силы; когда владѣльцы этихъ силъ и этихъ личностей начинаютъ вступать въ свои человѣческія права, то они находятъ, что въ ихъ владѣніяхъ все перекутано; мысль загромождена разными кошмарами и кикиморами; чувство извращено и болѣзненно нацарапано или насильственно притуплено педагогическими внушеніями о долгѣ, о чести, о нравственности; молодое тѣло изнурено безплодной, односторонней мозговой работой, отсутствіемъ правильнаго мотіона, чистаго воздуха, часто даже недостаткомъ здоровой пищи. Физическое здоровье подорвано, а что дано взамѣнъ? Насаженъ въ мозгъ по разнымъ градкамъ съ нѣмецкой тщательностью и возмутительной аккуратностью бурьянъ и чертополохъ, который надо вырывать съ корнемъ, чтобъ онъ не истощилъ всю умственную почву. И вотъ молодой хозяинъ поневолѣ посылаетъ ко всѣмъ чертямъ услужливыхъ огородниковъ, вскопавшихъ и засѣявшихъ ему мозгъ; онъ исподволь или вдругъ, смотря по обстоятельствамъ, эмансипируетъ себя отъ ихъ непрошенной опеки и начинаетъ жить по-своему и думать по-своему. Но на борьбу съ сорными травами уходитъ много хорошихъ силъ, часто человѣкъ оказывается освобожденнымъ отъ бурьяна уже тогда, когда тѣлесное развитіе достигло полной зрѣлости и стоитъ уже на поворотномъ пунктѣ.

Чѣмъ раньше молодая личность становится въ скептическія отношенія къ своимъ наставникамъ, тѣмъ лучше, потому что тѣмъ меньше послѣдніе успѣютъ нанорить и тѣмъ больше времени останется на поправление или, вѣрнѣе, на радикальное уничтоженіе ихъ работы. Стать въ скептическія отношенія легче къ дураку, чѣмъ къ умному человѣку, и потому я рѣшаюсь признать положительно полезнымъ то обстоятельство, что нашимъ воспитаніемъ занимались и занимаются большей частью недалекіе люди. Развиваться подъ руководствомъ наставника, мнѣ кажется, положительно невозможно, а развиваться помимо наставника тѣмъ удобнѣе, чѣмъ ограниченнѣе наставникъ. Но отчего же однако—спроситъ читатель—умный и широко-развитый человѣкъ не можетъ принести своему воспитаннику существенной пользы? Оттого, любезный читатель, что умный и широко развитый человѣкъ никогда не рѣшится воспитывать ребенка; онъ пойметъ, что врываться въ интеллектуальный міръ другого че-

ловѣка съ своей инициативой — безстыдно и нелѣпо; онъ будетъ хорошо корчить ребенка, удалять отъ него вредные предметы, убивать бѣшеную собаку, каденнаго желѣза, сырости, угарнаго воздуха. На томъ онъ и остановится; если ребенокъ предложитъ ему что-нибудь, онъ ему отвѣтитъ; если ребенокъ принесетъ на его судъ какое-нибудь сомнительное дѣло, онъ выскажетъ свое убѣжденіе. Зрѣлый и старшаго будетъ имѣть вліяніе на формирующіе сужденія ребенка, но это вліяніе будетъ независимо отъ воли обонихъ дѣйствующихъ лицъ; его не будутъ втискивать силой и всучивать педагогической хитростью. Кто-то пытается сдѣлать больше этого, тотъ, конечно, не настолько уменъ или не настолько широко развитъ, чтобы быть безвреднымъ сознательно и добровольно. Если онъ не можетъ быть безвреденъ сознательно и добровольно, пускай будетъ безвреденъ невольно, вслѣдствіе своей неспособности. Если нельзя найти человѣка умнаго, возьмите человѣка очень глупаго. Результатъ получится почти въ такой-же мѣрѣ удовлетворительный, а людей глупыхъ много, особенно между педагогами. Стало бытъ, и для ребенка и дешево, и сердито.

Наталья, какъ умный ребенокъ, рано начала свою умственную жизнь какимъ-нибудь давивающимъ вопросомъ, мѣткимъ замѣчаніемъ, вспышкой своеволія; это замѣчаніе, вспышка воспитательницы, встрѣтило себѣ подобный или даже недоброжелательный возраженіе. На вопросъ отвѣчали вскользь; на мѣткое замѣчаніе воспослѣдовало со стороны гувернантки не менѣе мѣткое замѣчаніе: «маленькія дѣвочки не должны такъ говорить». Маленькая дѣвочка спросила: почему? Ей приказали молчать. Вспышку своеволія назвали капризомъ и подавили силой. Словомъ, такъ или иначе воспитывающая сторона уронила себя и захватъ воспитывающейся стороны, а это извѣстно всѣмъ, занимавшимся когда-нибудь воспитаніемъ, вовсе не трудно сдѣлать изъ насъ дѣло съ умнымъ ребенкомъ. Маленькая дѣвочка широко раскрыла свои умъ, за, съ удивленіемъ посмотрѣла на старшій недоумѣвающимъ взоромъ и подумала: какіе они странные; а черезъ нѣсколько дней она подумала: а, такъ вотъ они какіе! вошелъ въ воспитаніе новый элементъ, и существованіе не подозреваютъ воспитаніе, который между тѣмъ постоянно путаетъ географическія выкладки педагогическихъ теорій. Приказанія ихъ исполняются, но не мируютъ умъ и сердце» ребенка имъ не управляютъ; приказанія ихъ не прохватываютъ въ маленькую дѣвочку, какъ улитка, ушла въ свою раковину и начинаетъ строить себѣ свой міръ, который она ни за какія коврижки не отдаетъ ни мамашу, ни гувернантку; открывши



побѣдила безъ труда, и живыя силы почти безъ сопротивленія отирались подъ свинцовую крышку; и свинцовая крышка эта придавила ихъ такъ рано, что онѣ замерли, не заявивъ протеста; дѣвочка даже не замѣтила существованія этой крышки и выросла, считая свое положеніе нормальнымъ или, вѣрнѣе, не думая подвергать его анализу.

Во-первыхъ, г-жа Ельцова пріобрѣла полное довѣріе своей дочери и внушила ей страстную, доходящую до благоговѣнія, любовь къ своей особѣ. Есть личности, которыя очень пріятна подобная любовь, исключая критiku. Миѣ кажется, существованіе такого чувства унижаетъ человѣческое достоинство того, кто его испытываетъ,—того, къ кому оно обращено. Обожающее лицо теряетъ всякую самостоятельность: обожаемое—ставится въ обидное положеніе китайскаго идола.

Вѣру въ опытность матери, въ ея умъ и непогрѣшимость, Вѣра Ельцова поневолѣ должна была безусловно подчиниться ея воззрѣніямъ: но убѣжденія отжившей старухи не могутъ быть убѣжденіями молодой дѣвушки; они могутъ сдѣлаться для нея только догматами вѣры; она можетъ повторять ихъ про себя, какъ магическое заклинаніе, не понимая ихъ истиннаго смысла, потому что этотъ смыслъ дается только тому, кто пожилъ и кого помяла жизнь; принять на вѣру убѣжденія матери значило отказаться отъ знакомства съ жизнью; при всей любви своей къ матери, молодая дѣвушка могла-бы не рѣшиться на подобную жертву, еслибы кто-нибудь представилъ ей эту жертву въ настоящемъ свѣтѣ; но такого Мефистофеля не нашлось, а старый ангелъ-хранитель, г-жа Ельцова, употребила съ своей стороны всѣ усилія, чтобы отвести дочери глаза и показать ей только тѣ уголки жизни, которые, по ея мнѣнію, не могли произвести вреднаго вліянія, т. е. не могли нарушить умственной и нервной дремоты дѣвушки. Все, что могло сильно потрясти нервы, подѣйствовать на воображеніе и сообщить сильный толчокъ критическому уму, было тщательно устроено; ни посторонній человѣкъ, ни посторонняя книга не могли пробиться сквозь ту китайскую стѣну, которой г-жа Ельцова отдѣлила свою Вѣрочку отъ всего живого міра; еслибы Вѣрѣ случилось поговорить съ кѣмъ-нибудь, то этотъ разговоръ она-же сама отъ слова до слова передала-бы матери; еслибы Вѣрѣ попалась книга, она не стала-бы ее читать, не спрося позволенія матери; когда узникъ полюбилъ свою тюрьму, тогда нѣтъ средствъ освободить его; вѣдь не насильно-же тащить его на свѣтъ Божій! Вѣрѣ до ея замужества не давали въ руки ни одного романа; зато научное ея образованіе было такъ полно, что она удивляла кандидата своими обширными свѣдѣніями; свѣдѣнія эти были

конечно чисто фактическія; Вѣра ни въ какомъ году не произошло, положимъ, Борогенское сраженіе, къ какому роду наукъ принадлежитъ божья коровка, сколько истинъ и тычинокъ въ георгинѣ, но значеіи маціи она не понимала и общаго вліянія жизни природы не имѣла.

Навѣрное г-жа Ельцова боялась Вѣры. Фейербаха такъ-же сильно и такъ-же мнительно, какъ Жоржъ Занда или Байма. Вѣрочкѣ позволялось украшать свою комнату кими антиками и диковинками, но разсужденіями или воспринимать какія-нибудь ежедневныя ощущенія нервами было строго запрещено.

Строгий выборъ книгъ былъ только однимъ стративнымъ средствомъ въ рукахъ г-жи Ельцовой; цѣль, къ достиженію которой она стремилась, опираясь на подобныя средства, была очень далеко; надо было устроить извѣстную программѣ всю жизнь молодой дѣвушки, надо было искусно обѣжать опасный періодъ любви; надо было выдать ее замуж за хорошаго человѣка, укрѣпить ее въ долгу и наконецъ поставить ее на ноги въ такой пристани, въ которую не заходятъ не заглядываютъ житейскія бури, стѣны ли, беспорядочныя, кометообразныя чуждыя. Чтобы дойти до такой пристани, надо было лавировать, и Ельцова лавировала не успѣха.

Молодой человѣкъ, заинтересованный въ ней, съ похвальной скромностью просилъ Ельцову позволенія сдѣлать ей предъ заботливой маменька, видя, что этотъ молодой человѣкъ, несмотря на всю свою скромность, не похожъ на желанную пристань, отказывалъ ему прямо, не спросивши мнѣнія дочери; даже не считаетъ нужнымъ сказать ей, что за нее сватался такой-то. Одно изъ фактовъ достаточно, чтобы составить себѣ тѣ о томъ, насколько Ельцова употребляла до вѣрности своей дочери, и какъ она нарушала ея святыя человѣческія. Наконецъ желанная пристань находится душный, простоватый господинъ, бывшій университетъ, не вынесшій оттуда за ныхъ идей и превратившійся въ помѣшаннаго смотря на свои молодые лѣта, оказывающійся стойнымъ субъектомъ; эврика! говоритъ Ельцова—и выдаетъ за него свою дочь, конечно ставитъ себѣ за счастье исполнить волю Божию и родительскую. Ельцова етъ, вполне спокойная: «пристроила,—она,—теперь и безъ меня проживетъ; вѣну-то сбѣжитъ некуда».

Мы видѣли такимъ образомъ, какъ формировалась Вѣра Ельцова; посмотримъ теперь, какъ она, несмотря на предосторожности матери, столкнулась съ жизнью мысли и чувства.



уже лѣтъ девять замужемъ, ей уже двадцать-восемь лѣтъ, а она смотритъ семнадцатилѣтней дѣвушкой. «То-же спокойствіе, та-же стѣна, голосъ тотъ-же, ни одной морщинки на лбу, точно она всѣ эти годы пролежала гдѣ-нибудь въ снѣгу». И попрежнему незнакома съ міромъ, міромъ мысли и чувства, попрежнему не знаетъ жизни, попрежнему не прочла ни одного романа, ни одного стихотворенія. Страшно становится за эту женщину!—Если она прожизнь свой вѣкъ и умретъ, не любивши, не испытавши ни одного эстетическаго наслажденія, то, спрашивается, для чего-было жить? А если она вдругъ проснется какого-нибудь сильного потрясенія, — что ей будетъ? Вынесутъ-ли ее первому удару жизни, которая нахлынетъ со всѣхъ сторонъ и поразитъ ее сильнѣе, чѣмъ кого-либо изъ дѣтей впечатлительнѣе взрослыхъ; ребенокъ плачетъ о сломанной игрушкѣ, — о томъ, мать идетъ куда-нибудь дня на два, такъ горько, какъ взрослый заплачетъ о смерти дорогого человѣка; ребенокъ утѣшается даже гораздо скорѣе, и это служитъ новымъ доказательствомъ того, что онъ впечатлительнѣе взрослого. Міръ дѣтскихъ радостей и дѣтскихъ горестей гораздо мельче и уже, чѣмъ міръ горей и радости у взрослого; еслибы у ребенка было столько-же серьезныхъ интересовъ, сколько ихъ у взрослого, и еслибы ребенокъ на всѣ эти интересы откликался съ той же живостью, съ какой онъ радуется подарку и горюетъ о минутной разлукѣ, то навѣрное организмъ его не вынесъ-бы этого избытка впечатлѣній. Входя въ міръ мысли и чувства постепенно, незамѣтно, втягиваясь понемногу въ серьезныя занятія и въ интересы действительной жизни, ребенокъ мало по-малу теряетъ свою прежнюю раздражительность и непримчивость. Нервы притупляются отъ частаго повторяющагося раздраженія; является привычка; человѣкъ черствѣетъ и вслѣдствіе этого крѣпнѣетъ. Крайняя раздражительность совместна съ мужественной твердостью и, чтобы вынести передраги жизни, необходимо терять невинность, свѣжесть, дѣвственность и тому подобныя свойства, которыми особенно дорожатъ въ своихъ воспитанникахъ бродячьи педагоги.

Недобрую штуку сотворила Ельцова съ своей дочерью; сохранивши первобытную чуткость и отзывчивость ребенка, Вѣра смотритъ на жизнь, какъ женщина; она понимаетъ умомъ многое, чего не переживала чувствомъ: силы въ ней дремлютъ, но онѣ созрѣли; стоитъ дать толчокъ, и вся эта личность преобразится; въ ней мгновенно разыграется такая драма, которая удивитъ всѣхъ знающихъ ее людей порывистостью и силой борьбы. Положеніе ея крайне усложнено заботливыми распоряже-

ніями матери: она никогда не любила; а между тѣмъ она замужемъ; она рискуетъ полюбить той свѣжей и сильной любовью, какая доступна и понятна только очень молодымъ существамъ, а между тѣмъ у нея есть семейство, есть такъ называемыя обязанности, и въ ней сильно развито чувство долга. Что-то будетъ?

Чего можно было ожидать, то и происходитъ на самомъ дѣлѣ. Мужчина открываетъ Вѣрѣ Николаевнѣ доступъ въ тотъ міръ сильныхъ ощущеній, который оставался ей неизвѣстнымъ въ продолженіи цѣлаго десятка лѣтъ; мужчина пробуждаетъ ее изъ того летаргическаго сна, въ который погрузило ее воспитаніе; мужчина превращаетъ мраморную статую въ женщину, и эта женщина привязывается къ своему просвѣтителю всѣми силами богатой, любящей женской души. Проспать слишкомъ десять лѣтъ, лучшіе годы жизни, и потомъ проснуться, найти въ себѣ такъ много свѣжести и энергіи, сразу вступить въ свои полныя человѣческія права — это, воля ваша, свидѣтельствуешь о присутствіи такихъ силъ, которыя при сколько-нибудь естественномъ развитіи могли-бы доставить огромное количество наслажденія, какъ самой Вѣрѣ Николаевнѣ, такъ и близкимъ ей людямъ. Вѣра Николаевна полюбила такъ сильно, что забыла и мать, и мужа, и обязанности; образъ любимаго человѣка и наполняющее ее чувство сдѣлались для нея жизнью, и она рванулась къ этой жизни, не оглядываясь на прошедшее, не жалѣя того, что остается позади, и не боясь ни мужа, ни умершей матери, ни упрековъ совѣсти; она рванулась впередъ и надорвалась въ этомъ судорожномъ движеніи; глаза, привыкшіе къ густой темнотѣ, не выдержали яркаго свѣта; прошедшее, отъ котораго она кинулась прочь, настигло и придавило ее къ землѣ. Она первая, прямо, безъ вызова со стороны мужчины, объявляетъ ему, что она его любитъ; она сама назначаетъ свиданіе и идетъ къ нему твердымъ шагомъ къ назначенному мѣсту.

«Послѣ чаю, когда я уже начинала думать о томъ, какъ бы незамѣтно выскользнуть изъ дому, она сама вдругъ объявила, что хочетъ идти гулять, и предложила мнѣ проводить ее. Я всталъ, взялъ шляпу и побрелъ за ней. Я не смѣлъ заговорить, я едва дышалъ, я ждалъ ея перваго слова, ждалъ объясненій; но она молчала. Молча дошли мы до китайскаго домика, молча вошли въ него, и тутъ — я до сихъ поръ не знаю, не могу понять, какъ это сдѣлалось — мы внезапно очутились въ объятіяхъ другъ друга. Какая-то невидимая сила бросила меня къ ней, ее — ко мнѣ.

При потухшемъ свѣтѣ для ея лица, съ закинутыми назадъ кудрями, мгновенно озарилось улыбки самозабвенія и нѣги и наши губы слились въ поцѣлуй...

Этотъ поцѣлуй былъ первымъ и послѣднимъ.

Вѣра вдругъ вырвалась изъ рукъ моихъ и, съ выраженіемъ ужаса въ расширенныхъ глазахъ, отшатнулась назадъ...



— Оглянитесь, сказала она мнѣ дрожащимъ голосомъ:—вы ничего не видите?

Я быстро обернулся.

— Ничего. А вы развѣ что-нибудь видите?

— Теперь не вижу, а видѣла.

Она глубоко и рѣдко дышала.

— Кого? Что?

— Мою мать, медленно проговорила она и загрепетала вся.

Я тоже вздрогнулъ, словно холодомъ меня обдало. Мнѣ вдругъ стало жутко, какъ преступнику. Да развѣ я не былъ преступникомъ въ это мгновенье?

— Полноте, началъ я:—что вы это? Скажите мнѣ лучше...

— Нѣтъ, ради Бога нѣтъ! перебила она и схватила себя за голову. — Это сумасшествіе. Я съума схожу. Этими шутить нельзя—это смерть... Прощайте...

Я протянулъ къ ней руки.

— Остановитесь, ради Бога, на мгновенье! воскликнулъ я съ невольнымъ порывомъ. Я не зналъ, что говорилъ, и едва держался на ногахъ. Ради Бога, видъ это жестоко.

Она взглянула на меня.

— Завтра, завтра вечеромъ, поспѣшно проговорила она:—не сегодня, прошу васъ... уважайте сегодня... завтра вечеромъ приходите къ калиткѣ сада, возлѣ озера. Я тамъ буду, я приду... я клянусь тебѣ, что приду, прибавила она съ увлеченіемъ, и глаза ее блеснули... — Кто бы ни останавливалъ меня, клянусь! Я все скажу тебѣ, только пустите меня сегодня.

И прежде чѣмъ я могъ промолвить слово, она исчезла.

А потомъ умерла. Организмъ не выдержалъ потрясенія, и обаятельная сцена любви разрѣшилась смертельной нервной горячкой. Образы, въ которыхъ Тургеневъ выразилъ свою идею, стоятъ на границѣ фантастическаго міра. Онъ взялъ исключительную личность, поставилъ ее въ зависимость отъ другой исключительной личности, создалъ для нея исключительное положеніе и вывелъ крайнія послѣдствія изъ этихъ исключительныхъ данныхъ. Старуха Ельцова и дочь ея—такіе чистые представители двухъ типовъ, какихъ въ дѣйствительности не бываетъ. Какая мать сумѣетъ провести такъ послѣдовательно свои идеи въ воспитаніе дочери, и какая дочь захочетъ съ такой слѣпой покорностью подчиняться этимъ идеямъ? Размѣры, взятые авторомъ, превышаютъ обыкновенные размѣры, но идея, выраженная въ повѣсти, остается вѣрной, прекрасной идеей. Какъ яркая формула этой идеи, «Фаустъ» Тургенева неподражаемо хорошъ. Ни одно единичное явленіе не достигаетъ въ дѣйствительной жизни той опредѣленности контуровъ и той рѣзкости красокъ, которая поражаютъ читателя въ фигурахъ Ельцовой и Вѣры Николаевны, но зато эти двѣ почти фантастическія фигуры бросаютъ яркую полосу свѣта на явленія жизни, расплывающіяся въ неопредѣленныхъ, сѣроватыхъ, туманныхъ пятнахъ.

## VII.

Слѣдуетъ-ли подвергать отдѣльному разсужденію личность Лизаветы Михайловны Калитиной? Этого романа «Дворянское Гнѣздо»? Этого романа написанъ такъ недавно, по поводу его выхода въ свѣтъ появилось въ нашей периодической литературѣ столько критическихъ статей, что читателямъ вѣроятно пріѣлись толки и о Лаврецкомъ,—толки, въ которыхъ не договаривалось послѣднее слово. Я не думаю, что мнѣ тоже не придется договориться послѣдняго слова, и потому предпочитаю не говорить. Если-же, паче чаянія, кто-нибудь изъ читателей пожелаетъ знать мое мнѣніе, то я попрошу этого читателя прежде, чѣмъ просмотрѣть предыдущую главу повѣсти, прочитать критическую статью и потомъ перечитать «Дворянское Гнѣздо». Зная, какъ я смотрю на эту книгу, читатель узнаетъ также, какъ я смотрю на Лизу. Лиза ближе Вѣры стоитъ къ жизни нашей жизни; она вполне правдоподобна, размѣры ея личности совершенно обыкновенны, идеи и формы, сдавливающія ея жизнь, и мы какъ нельзя лучше каждому изъ насъ читателей по собственному горькому опыту. Словомъ, задача, рѣшенная Тургеневымъ, абстрактъ въ повѣсти «Фаустъ», рѣшенъ въ «Дворянскомъ Гнѣздѣ» въ прикладъ къ нашей жизни. Результатъ выходитъ тотъ-же; гниль одолеваетъ, праведная жизнь торжествуетъ надъ грѣховной жизнью.

О Зинаидѣ Засѣкиной (изъ повѣсти «Шлюбъ») не скажу ни слова. Я ея характера не понимаю.

## VIII.

Совершенно уйти отъ вліянія обстановки невозможно; такъ или иначе, обстановка себя знаетъ; если вы живете съ дурными людьми, то эти люди могутъ подѣйствовать на васъ двоякимъ образомъ, смотря по тому, насколько стойки ваши убѣжденія и тверда ваша воля. Вы можете или заразиться отъ этихъ людей ихъ преобладающимъ порокомъ, или же вы можете въ самомъ себѣ до уродливой крайности протестъ противъ этого порока. Больше всего случается такъ, что отдѣльная личность понемногу окрашивается подъ общій цвѣтъ среды; личности, одаренныя значительными талантами, обыкновенно не многочисленны; и эти многія избранныя личности окрашиваются обыкновенно въ противоположный цвѣтъ и чувствительно для самихъ себя, доводятъ этотъ цвѣтъ до рѣзкой крайности именно потому, что масса постоянно пытается зашуткать, подѣйствовавъ одну тѣнь съ собою. Если вы живете въ обществѣ, въ которомъ слова съ особеннымъ воодушевленіемъ



истуете противъ господствующаго въ обществѣ порока, то вы протестуете такъ горячо именно потому, что порокъ стоитъ передъ вами глазами; причина протеста лежитъ не въ вашей природѣ, а въ томъ, что васъ окружаетъ: для васъ самихъ протестъ дѣло безплодное и утомительное; вашъ крикъ сушитъ вамъ легкія и производитъ охриплость въ голосъ; а между тѣмъ нельзя не кричать; вы кричите и этимъ самымъ платите дань тѣмъ идеямъ, которыя уродуютъ жизнь вашихъ соотечественниковъ. Если вы отмахиваетесь отъ комаровъ и не даёте имъ укусыть себя, то все-таки комары дѣйствуютъ на васъ тѣмъ, что заставляютъ васъ дѣлать утомительныя движенія. Подлость и глупость раздражаютъ ваши нервы, слѣдовательно производятъ въ васъ перемѣну, и можно сказать навѣрное, что, въ какомъ-бы направленіи ни совершилась эта перемѣна, она никогда не можетъ быть перемѣной къ лучшему. Вотъ это-то послѣднее обстоятельство Тургеневъ упустилъ изъ виду, создавая характеръ Елены, и отъ этой ошибки произошла, мнѣ кажется, вся нескладница, поражающая читателя въ построеніи романа «Наканунъ».

Елена раздражена мелкостью тѣхъ людей и интересовъ, съ которыми ей приходится имѣть дѣло каждый день. Она умѣетъ своей матери, умѣетъ и честиѣ отца, умѣетъ и глубже всѣхъ гувернантокъ, занимавшихся ея воспитаніемъ, она раздражена и неудовлетворена тѣмъ, что даётъ ей жизнь; она съ сознаннымъ негодованіемъ отвертывается отъ дѣйствительности, но она слишкомъ молода и женственна, чтобы стать къ этой дѣйствительности въ трезвыя отрицательныя отношенія. Ея недовольство дѣйствительностью выражается въ томъ, что она ищетъ лучшаго и, не находя этого лучшаго, уходитъ въ міръ фантазій, начинаетъ жить воображеніемъ. Это болѣзненное состояніе. Когда воображеніе забѣгаетъ впередъ, когда начинается сооруженіе идеала и потомъ бѣгъ за нимъ, тогда живыя силы уходятъ на безплодные поиски и попытки, и жизнь проходитъ въ какомъ-то тревожномъ, безпредметномъ, смутномъ ожиданіи. Елена все мечтаетъ о чемъ-то, все хочетъ что-то сдѣлать, все ищетъ какого-то героя; мечты ея не приходятъ и не могутъ придти въ ясность именно потому, что это мечты, а не мысли; она не критикуетъ нашей жизни, не всматривается въ ея недостатки, а просто отворачивается отъ нея и хочетъ выдумать себѣ жизнь. Такъ нельзя, Елена Николаевна! Что жизнь въ дурныхъ своихъ проявленіяхъ вамъ не нравится, это дѣлаетъ вамъ величайшую честь, это показываетъ, что вы умѣете мыслить и чувствовать; но жить и дѣйствовать вы рѣшительно не умѣете. Если не нравится жизнь, надо или

исправить ее, или умереть, или уѣхать. Чтобы исправить жизнь *для себя* лично, надо вглядѣться въ ея недостатки и отдать себѣ самый ясный отчетъ въ томъ, что именно особенно не нравится; чтобы умереть, надо обратиться къ оружію или къ яду; чтобы уѣхать куда-бы то ни было, надо взять паспортъ и запастись деньгами. Но не мечтать, ни въ какомъ случаѣ не мечтать! Это совсѣмъ не практично; это расстраиваетъ раны, вмѣсто того, чтобы залечивать ихъ; это губитъ силы, вмѣсто того, чтобы обновлять и укрѣплять человѣка. Мечты—принадлежность и утѣшеніе слабаго, больного, заданнаго существа, а вамъ, Елена Николаевна, нечего Бога гнѣвить; можно и другимъ дѣломъ заняться. Вы пользуетесь нѣкоторой независимостью въ домѣ вашихъ родителей, васъ не бьютъ, не гнутъ въ дугу, не выдаютъ насильно замужъ; этихъ условій слишкомъ мало для того, чтобы наслаждаться, но ихъ слишкомъ достаточно для того, чтобы дѣйствовать и бороться; мечтать было позволительно въ былые годы вашей крѣпостной горничной, точно такъ-же, какъ ей позволительно было пить запоемъ, но теперь и ей это будетъ не къ лицу. Я не осуждаю Елену въ томъ, что она мечтаетъ; я-бы не осудилъ человѣка, схватившаго сильнѣйшій простудный кашель, я-бы сказалъ только, что онъ боленъ; точно также я говорю и доказываю самой Еленѣ, что она больна и что она ошибается, если считаетъ себя здоровой. Въ этомъ отношеніи ошибается вмѣстѣ съ нею самъ Тургеневъ; онъ глазами психически-больной Елены смотритъ на дѣйствующія лица своего романа; оттого онъ вмѣстѣ съ Еленой ищетъ героевъ; оттого онъ вмѣстѣ съ нею бракуетъ Шубина и Берсенева; оттого онъ выписываетъ изъ Болгаріи невозможнаго и ни на что ненужнаго Инсарова. Елена и вмѣстѣ съ нею Тургеневъ не удовлетворяются обыкновенными, человѣческими размѣрами личностей; все это обыкновенно, все это пошло; давай имъ эффекта, колоссальности, героизма. «Жить скверно», говорятъ Тургеневъ и Елена.—Согласенъ. «Жить скверно потому, что люди скверны». — Несогласенъ! Отношенія между людьми ненормальны—это такъ, а люди ни въ чемъ не виноваты, потому что передѣлать отношенія, затвердѣвшія отъ десятилѣтковой исторической жизни, и передѣлать ихъ тогда, когда еще очень немногіе начали сознавать ихъ неудобства—это, воля ваша, мудрено. Если не сестеря бѣшеныхъ лошадей, то я никакъ не рѣшусь называть мелкими трусами всѣхъ тѣхъ людей, которые будутъ уклоняться въ сторону и давать имъ дорогу. Инстинктъ самосохраненія и трусость—двѣ вещи разныя. Ставить самоотверженіе въ число необходимыхъ добродѣтелей, обязательныхъ для всякаго человѣка, можетъ только мечтательная дѣвушка Елена Николаевна Стахова, да замечтавшійся



до забвения действительности художникъ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

Бракую людей за то, что они не герои, раскидывая направо и налево окружающую его мелюзгу, Тургеневъ доходитъ наконецъ до созданія идеальнаго человѣка. Человѣкъ этотъ — болгаринъ. На какомъ основаніи? Неизвѣстно. Принимать Инсарова за живое лицо я не могу; потому прослѣживать его развитіе и возсоздавать его личность критическимъ анализомъ я не берусь; выпишу только съ буквальной вѣрностью рядъ фактовъ, совершенныхъ этимъ героемъ, и рядъ свойствъ, приписанныхъ ему Тургеневымъ.

1) Инсаровъ — болгаръ; мать его убита турецкимъ агою; отецъ разстрѣлянъ безъ суда.

2) Въ 48-мъ году Инсаровъ былъ въ Болгаріи, исходилъ ее вдоль и поперекъ, провелъ въ ней два года и въ 50-мъ году вернулся въ Россію съ широкимъ рубцомъ на шеѣ и съ желаніемъ образоваться въ московскомъ университетѣ и сблизиться съ русскими.

3) Вотъ портретъ Инсарова: «это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти, худощавый и жилистый, съ впалой грудью, съ узловатыми руками; черты лица имѣлъ онъ рѣзкія, носъ съ горбиной, иссиня-черные прямые волосы, небольшою лобъ, небольшіе, пристально глядѣвшіе, углубленные глаза, густыя брови; когда онъ улыбался, прекрасные бѣлые зубы показывались на мигъ изъ-подъ тонкихъ, жесткихъ, слишкомъ отчетливо очерченныхъ губъ. Одѣтъ онъ былъ въ старенькій, но опрятный сюртучокъ, застегнутый доверху».

4) Когда Берсенева предлагалъ Инсарову переѣхать къ нему на дачу, Инсаровъ соглашался только съ тѣмъ условіемъ, чтобы заплатить Берсенева по разсчету 20 руб. сер.

5) По уходѣ Берсенева Инсаровъ бережно снимаетъ сюртукъ.

6) Берсенева говоритъ объ Инсаровѣ, что онъ ни отъ кого не возьметъ денегъ взаймы.

7) Инсаровъ отказывается обѣдать съ Берсеневымъ, говоря ему съ спокойной улыбкой:

— «Мои средства не позволяютъ мнѣ обѣдать такъ, какъ вы обѣдаете!»

8) Инсаровъ никогда не мѣняетъ никакого своего рѣшенія и никогда не откладываетъ исполненія даннаго обѣщанія.

9) Инсаровъ учится русской исторіи, праву и политической экономіи, переводитъ болгарскія пѣсни и лѣтописи, собираетъ матеріалы о восточномъ вопросѣ, составляетъ русскую грамматику для болгаръ, болгарскую — для русскихъ.

10) Инсаровъ не любитъ распространяться о собственной своей поѣздкѣ на родину, но о Болгаріи вообще говоритъ охотно со всякимъ.

11) Инсаровъ надѣваетъ на голову ушастый картузь и на прогулкѣ выступаетъ не сѣша, глядитъ, дышетъ, говоритъ и улыбается спокойно.

12) Инсаровъ уходитъ куда-то въ три дня съ тремя болгарами, которые предлагаютъ у него «цѣлый огрошнй рѣкъ».

13) Въ разговорѣ съ Еленой Инсаровъ вѣчно рассказываетъ исторію своей жизни, говоритъ, что онъ ѣдетъ за шестьдесятъ летъ, чтобы помирить двухъ земляковъ, что онъ знаетъ, и что все ему вѣрятъ. Елена говоритъ у него: «вы очень любите своихъ земляковъ». Онъ на это отвѣчаетъ: «это еще не такъ». Вотъ, когда кто-нибудь изъ насъ умретъ, тогда можно будетъ сказать, что онъ былъ». Потомъ онъ говоритъ такъ: «Но когда спрашивали меня, люблю ли я свою родину? Что-же другое можно любить? Чѣмъ одно неизмѣнно, чѣмъ выше всего, чему нельзя не вѣрить, послѣ Бога?» И Елена, лишенная риторикъ, рѣчь заканчиваетъ вѣдливой антитезою: «Замѣтьте, послѣ Бога, послѣдній націй въ Болгаріи, и желаемъ одного и того-же». Антитеза, очень хороша. А Елена-то слушаетъ и уши развѣшиваетъ.

14) Инсаровъ бросаетъ въ воду камушекъ, обезпокоившаго дамъ на гуляніи.

15) Инсаровъ замѣчаетъ, что онъ не любитъ Елену и хочетъ уѣхать. Онъ говоритъ: «Я не люблю, мнѣ русской любви не нужно».

16) Инсаровъ наканунѣ своего отъѣзда проситъ Елену придти къ нему на дачу утромъ — ничего не отвѣчаетъ и не приходитъ. «Я васъ ждала съ утра», говоритъ Елена, тѣмъ же вечеромъ. Онъ отвѣчаетъ: «Я вчера, вспомните, Елена Николаевна, не общалась».

17) Въ объясненіи съ Инсаровымъ Елена постоянно является активнымъ лицомъ, постоянно тащитъ его за собою; она не говоритъ ему о любви.

18) По возвращеніи съ дачи въ Москву Инсаровъ опасно занемогаетъ и двѣ недѣли умираетъ при смерти.

19) Елена приходитъ къ Инсарову въ больницу, выздоровленія; Инсаровъ въ ея присутствіи чувствуетъ волненіе и проситъ ее уйдти, что онъ ни за что не отвѣчаетъ; Елена уходитъ и отдается ему.

20) Тайно обвинявшійся съ Еленой Инсаровъ уѣзжаетъ вмѣстѣ съ нею въ Венецію, чтобы оттуда пробраться въ Болгарію.

21) Инсаровъ въ Венеціи умираетъ отъ лихорадки, соединеннаго съ разстройствомъ желудка.

Ради Бога, господа читатели, изъ этого списка дѣяній и свойствъ составьте какой-нибудь цѣлостный образъ; я не могу и не могу сдѣлать. Фигура Инсарова возстаетъ передо мною; но зато съ ужасною отчетливостью возстаетъ передо мною то



съ механическаго построения, которому Инсаровъ обязанъ своимъ происхожденіемъ. Тургеневъ не могъ остановиться на чисто отрицательныхъ отношеніяхъ къ жизни; ему до смерти доѣли пигмей, а между тѣмъ отъ этого жизнь измѣнилась и пигмей не выросли ни на вершокъ. Ему захотѣлось колоссальности, героизма, онъ задумался надъ тѣмъ, какія свойства надо придать герою; образъ не напрашивался къ его творческому сознанию; надо было съ неброятными усилиями составлять этотъ образъ изъ разныхъ кусочковъ; во-первыхъ, надо было оставить героя въ необыкновенное положеніе; положеніе придумано: Инсаровъ — болгаръ и родители его погибли лютой смертью. Потомъ надо было устроить такъ, чтобы каждое слово и движеніе героя были проникнуты особенной многозначительностью, не сознаваемой самимъ героемъ; Тургеневъ достигъ этого, заставивъ Инсарова разглагольствовать о любви къ родинѣ почти такъ-же, какъ разглагольствуетъ чиновникъ Соллогуба, съ той только разницей, что послѣдній не дѣлаетъ блестящей антитезы (послѣдній мужикъ — и я). Чтобы отгѣнить то воодушевленіе, которое овладѣваетъ Инсаровымъ, когда онъ говоритъ о родинѣ, Тургеневъ напираетъ даже на то, что въ Инсаровѣ не видно ничего необыкновеннаго, что въ немъ все очень просто, начиная отъ ушаго картуза и кончая спокойной походкой. Чтобы показать благородную гордость героя, Тургеневъ упоминаетъ о томъ, что Инсаровъ ни отъ кого не взялъ-бы денегъ взаймы и даже отъ Берсенева не принимаетъ даромъ комнаты, когда тотъ приглашаетъ его къ себѣ на дачу. Не знаю, какъ другимъ, а мнѣ эта гордость по поводу десяти или двадцати рублей кажется мелочностью. Не принимать одолженія отъ мало знакомаго человѣка или отъ такого, которому тяжело быть обязаннымъ, это понятно, но съ мелочной тщательностью отгораживать свои интересы отъ интересовъ товарища-студента или друга — это, воля ваша, безплодный трудъ. Моели перейти къ нему, его-ли ко мнѣ, чортъ-ли въ этомъ? Я знаю, что самъ съ удовольствіемъ сдѣлаю ему одолженіе, и потому съ полной довѣрчивостью принимаю отъ него такое-же одолженіе. Чтобы показать, какъ земляки-болгары вѣрятъ Инсарову, Тургеневъ рассказываетъ о поѣздкѣ послѣдняго за шестьдесятъ верстъ; чтобы дать образчикъ той колоссальной энергіи, на которую способенъ герой, Тургеневъ изобрѣлъ бросаніе пьянаго нѣмца, и притомъ великана, въ воду. Чтобы дать понятіе о любви Инсарова къ родинѣ, Тургеневъ заставляетъ его бороться съ любовью къ Еленѣ; Инсаровъ готовъ на пользу Болгаріи пожертвовать любимой женщиной, — и это невольно переноситъ читателя въ лучшіе дни Римской республики. Но вотъ что любопытно. Инсаровъ — герой, сильный

человѣкъ; отчего-же онъ постоянно предоставляетъ Еленѣ инициативу? Отчего Елена тащитъ его за собою и постоянно сама дѣлаетъ первый шагъ къ сближенію? Отчего Инсаровъ постоянно принимаетъ отъ нея разныя доказательства любви не иначе, какъ послѣ нѣкотораго упрямства съ ея стороны? Что это за церемоніи и умѣстны-ли онѣ между не-пигмеемъ? Инсаровъ видитъ, что дѣвушка вышла къ нему на встрѣчу и съ тоской спрашиваетъ у него: отчего-же вы не пришли сегодня утромъ? Въ этомъ вопросѣ сказывается любовь, недоумѣніе, страданіе, а Инсаровъ отвѣчаетъ на это: «я вамъ не общалъ», и старается только отстоять ненарушимость своего слова. Точно будто хозяинъ торговаго дома отвѣчаетъ кредитору: «срокъ вашему векселю не сегодня!» Освободить-ли Инсаровъ Болгарію — не знаю; но Инсаровъ, какимъ онъ является въ отдѣльныхъ сценахъ романа «Наканунѣ», не представляетъ въ себѣ ничего цѣлостно-человѣческаго и рѣшительно ничего симпатичнаго. Что его полюбила болѣзненно-восторженная дѣвушка, Елена, — въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; вѣдь и Титанія гладила съ любовью длинныя уши ослиной головы; но что истинный художникъ, Тургеневъ, соорудилъ ходячую фигуру, стоящую ниже Штольца, — это очень грустно; это показываетъ радикальное измѣненіе во всемъ міросозерцаніи, это начало увяданія. Кто въ Россіи сходилъ съ дороги чистаго отрицанія, тотъ падалъ. Чтобы освѣтить ту дорогу, по которой идетъ Тургеневъ, стоитъ назвать одно великое имя — Гоголя. Гоголь тоже затосковалъ по положительнымъ дѣтелямъ, да и свернулъ на переніску съ друзьями. Что-то будетъ съ Тургеневымъ? Кромѣ фальшиваго пониманія и уродливаго построенія, въ романѣ «Наканунѣ» есть еще недоговоренность, умышленная недоконченность въ выраженіи главной идеи. Нѣтъ отвѣта на естественный вопросъ: нашла-ли Елена своего героя въ Инсаровѣ? Вопросъ этотъ важенъ, потому что ведетъ къ рѣшенію общаго психологическаго вопроса. Что такое мечтательность и исканіе героя? Болѣзнь-ли это, порожденная пустотой и пошлостью жизни, или это — естественное свойство личности, выходящей изъ обыкновенныхъ размѣровъ? Есть-ли это проявленіе силы или проявленіе слабости? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо было создать для Елены самыя благоприятныя обстоятельства и тогда въ картинахъ и образахъ показать намъ: счастлива-ли она, или нѣтъ? А тутъ, что такое? Инсаровъ скоропостижно умираетъ: да развѣ это рѣшеніе вопроса? Къ чему эта смерть, обрывающая романъ на самомъ интересномъ мѣстѣ, замазывающая черной краской неоконченную картину и избавляющая художника отъ труда отвѣчать на поставленный вопросъ? Но можетъ-



быть Тургеневъ и не задавалъ себѣ этого вопроса? Можетъ-быть для него центромъ романа была не Елена, а былъ Инсаровъ? Тогда остается только пожалѣть, что въ плохомъ дидактическомъ романѣ, похожемъ на Обломова по идеѣ, встрѣчается такъ много такихъ великолѣпныхъ частности, какъ напримѣръ личности Елены, Шубина и Берсенева, дневникъ Елены, сцена ожиданія, сцены любви и наконецъ неподражаемый Уваръ Ивановичъ.

## IX.

У Писемскаго я не буду брать отдѣльныхъ женскихъ характеровъ; постараюсь только показать общія отношенія его къ женщинамъ; отношенія эти въ высшей степени гуманны; все-прощеніе доведено въ нихъ до послѣднихъ предѣловъ. «Женщина,—говоритъ намъ Писемскій своими произведеніями,—никогда ни въ чемъ не виновата. Ее бьютъ, ее угнетаютъ, ее обижаютъ дѣломъ и словомъ, ея потребности остаются неудовлетворенными и непонятыми; она страдаетъ, и своими страданіями мучить мужчину; мужчина на нее сердится и не понимаетъ того, что онъ самъ причина ея страданій и своихъ мученій». Переберите всѣ романы Писемскаго и вы убѣдитесь въ вѣрности моихъ словъ. Писемскій не идеализируетъ женщинъ; у него есть дрянныя женщины, есть и хорошія; но и самая дрянная женщина освобождается отъ всякаго укора. Посмотрите на Юлію Владиміровну въ «Тюфякѣ», на Марію Антоновну въ «Бракѣ по страсти», на Катерину Александровну въ «Богатомъ Женихѣ». Не-красивы эти три барыни, куда некрасивы, но вы чувствуете и видите, что имъ не было никакого выхода изъ пошлости и грязи. Онѣ увязли и перемарались, потому что не было никакой возможности пробраться въ жизни сухими тропинками. И во всѣхъ трехъ случаяхъ мужчина постоянно является ближайшей, непосредственной причиной униженія женщины. На Юлію женится почти насильно тюфякъ-Вешметевъ; очень понятно, что Юлія

пускается во всѣ тяжкія; на Марію Антоновну женится по расчету хлыщъ Хозаровъ; онъ ходитъ за него замужъ по чистой страсти; онъ оставляетъ ее въ забросѣ и начинаетъ ухаживать за другой женщиной; отъ скуки начинаетъ цѣловаться съ романомъ Пириневскимъ. На Катеринѣ Александровнѣ женится фразеръ Шамиловъ, такъ по расчету; потомъ этого господина начинаютъ показывать себя несчастнымъ, не имѣющимъ законнаго повода; Катерина Александровна чувствуетъ себя оскорбленной, и съ своей стороны очень жестоко показываетъ свое деликатному супругу его зависящее отъ него. — Вы видите такимъ образомъ, что женщины находятъ себѣ оправданіе въ дѣлѣ своихъ мужей и въ томъ восторгѣ, которое было имъ дано въ родительскомъ домѣ.

Когда Писемскій симпатизируетъ въ женской личности, тогда все построено на положеніе повѣсти или романа сочувственнымъ искреннимъ и глубокимъ чувствомъ. На первый взглядъ трудно даже жить въ этомъ безпощадномъ реализмѣ; чувство выражается не въ лирическихъ ступеніяхъ, не въ идеализаціи любовнаго типа; оно, помимо воли и сознанія автора, просвѣчиваетъ въ постановкѣ, въ группировкѣ событій; оно показываетъ правдивости; оно само вытекаетъ изъ этой правдивости. Чтобы сочувствовать дѣланіямъ женщины, чтобы оправдать ее, нужно подкупать себя въ ея пользу, только смотрѣть на вещи простыми, естественными и не предубѣжденными глазами.

Писемскій вполне понялъ значеніе реализма, и съ свойственной ему неумолимо-тою безсознательной послѣдовательно-вѣлъ эту мысль во всѣхъ своихъ произведеніяхъ.

Прочтите, господа читатели, его «Винувата-ли она?», помѣщенный въ томѣ его сочиненій, и вы увидите, какъ онъ честно относится онъ къ вопросу о виновности.

Хотѣлось бы мнѣ подольше остановиться на отношеніяхъ Писемскаго къ женщинамъ, тратить много времени на разборъ многихъ явленій, и потому приходится к



## Библиографическія замѣтки.

### I.

Олинъ. Осенняя сказка *Генриха Гейне*.

не, одинъ изъ величайшихъ поэтовъ всѣхъ и народовъ, ближайшій къ намъ по времени складу мысли и по образамъ, жилъ въдали отъ своихъ соотечественниковъ, отъ людей, говорившихъ съ нимъ на одномъ языкѣ. Благонравные нѣмцы приходили къ нему отъ его безпощаднаго смѣха и не дали ему нѣмкой грусти; все въ направленіи таланта, все въ личныхъ особенностяхъ юмора и юмора приводило ихъ въ краску, егодованіе или въ ужасъ; когда поэтъ писалъ имъ о наслажденіи, о полной чашѣ, о связи человѣка съ природой, — они не опускали глазки и находили его безгласнымъ; когда онъ разбивалъ своимъ умомъ устарѣлыя идеи, обезсмысленныя, тяжелыя оковы разума — тогда противъ поднимался сонмъ профессоровъ и протестантскихъ пѣтистовъ, и своимъ маленькимъ гонимомъ эти люди принимались мѣрить Гейне; гений конечно далеко превышалъ масштабъ, и они называли его уродомъ.

наконецъ поэтъ становился трибуномъ, ораторомъ за права человѣческой личности; ему зажимали ротъ, какъ вредному безумному крикуну. Поэтъ умеръ и картина перемѣнилась. Нѣмцы поняли наконецъ, что Гейне — бессмертный поэтъ, что онъ войдетъ въ историю литературы помимо всякихъ узкихъ предубѣжденій, и что на немъ будетъ воспитываться новое поколѣніе помимо всякихъ отчаянныхъ расовъ благонамѣренныхъ педагоговъ. Тѣ

которые знали Гейне, состарѣлись и не могли выказать въ полномъ блескѣ свою таланты; новая нищета: выдвинулось впередъ то поколение, которое, читая Фохта, Мошота и Гейне, идетъ къ дѣлу помимо фразъ, и слѣдовательно способно понимать своего поэта и вѣрно, и мыслью. Изданія сочиненій Гейне расходились съ изумительной быстротой; въ 1860 году Камне напечаталъ девятнадцатое изданіе; вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣмецкой публицистикѣ появилась надежда получить со временемъ полное собраніе посмертныхъ произведеній Гейне, и въ следующемъ году Штейнманъ, пользовавшійся своимъ знакомствомъ поэта, напечаталъ два его нежданныхъ мелкихъ стихотвореній,

три тома писемъ и осеннюю сказку «Берлинъ». Книжки Штейнмана взволновали нѣмецкую критику, и во многихъ періодическихъ изданіяхъ появились скептическіе отзывы о подлинности изданныхъ имъ произведеній. Скептическіе отзывы эти получили особенную силу, когда родной братъ поэта, Густавъ Гейне, печатно объявилъ, что стихотворенія и письма, изданныя Штейнманомъ, не могутъ принадлежать перу Генриха Гейне, что всѣ бумаги покойнаго находятся у него, Густава Гейне, и у вдовы поэта, и что слѣдовательно изданія Штейнмана не что иное, какъ поддѣлка, предпринятая изъ корыстныхъ видовъ. Штейнманъ однако не упалъ духомъ и, продолжая изданія посмертныхъ произведеній Гейне, отвѣчалъ рѣзкой брошюрой на нападки, направленные противъ литературной честности издателя и противъ подлинности издаваемыхъ матеріаловъ. Въ этой брошюрѣ онъ доказываетъ, что Густавъ Гейне не присутствовалъ при кончинѣ своего брата, что Генрихъ Гейне не упоминаетъ о Густавѣ въ своемъ завѣщаніи и назначаетъ своимъ душеприказчикомъ не брата своего, а посторонняго человѣка, доктора Христиана. Что-же касается до изданныхъ стихотвореній, то Штейнманъ ручается за ихъ подлинность и предлагаетъ каждому желающему явиться къ нему и убѣдиться въ томъ, что письма и стихи дѣйствительно писаны рукою Гейне. Такое печатное приглашеніе говоритъ конечно въ пользу Штейнмана, хотя и не можетъ устранить всякое сомнѣніе. Противники Штейнмана могутъ во всякое время завести съ нимъ формальный процессъ, и если они этого не сдѣлаютъ, то конечно дадутъ намъ право думать, что Штейнманъ правъ. Пока этотъ вопросъ еще не совсѣмъ рѣшенъ, обратимся къ самымъ сочиненіямъ Гейне, изданнымъ Штейнманомъ, и посмотримъ, есть-ли въ нихъ хоть блѣдное подобіе того, что мы привыкли встрѣчать въ вѣчно-свѣжихъ произведеніяхъ великаго лирика. Возьмемъ на первый разъ осеннюю сказку «Берлинъ». Въ предисловіи издатель объявляетъ, что эта сказка составлена изъ черновыхъ набросковъ и что для общей связи чужая рука должна была вставлять нѣкоторые строки и куплеты. Откровенное признаніе Штейнмана свидѣтельствуетъ въ пользу его искренности и даетъ намъ право думать, что мы имѣемъ дѣло не съ обманщикомъ; но зато



это сознаніе такъ наивно, что трудно удержаться отъ улыбки. Кто сколько-нибудь знакомъ съ Гейне, тотъ очень хорошо понимаетъ, что подражать ему совершенно невозможно; его обороты и формы такъ эксцентричны и капризны, что только колоссальный талантъ нашего поэта спасаетъ ихъ отъ уродливости. Гейне непереволимъ; наши поэты, даровитые и бездарные, берутъ у Гейне идеи и образы, пишутъ свои стихотворенія на эту заимствованную тему, потомъ ставятъ въ заголовкѣ: «изъ Гейне», и воображаютъ себѣ, что они его перевели. Ихъ стихотворенія бываютъ хороши или дурны, смотря по тому, написаны-ли они М. Л. Михайловымъ, или какимъ-нибудь г. Семперверо, но во всякомъ случаѣ это не переводы; Гейне, остается самъ по себѣ; а стихотвореніе, навѣянное имъ, само по себѣ; теперь представьте же себѣ, любезный читатель, каково должно быть—дополнять Гейне, работать подъ Гейне, какъ столары работаютъ подъ орѣхъ. Попытка Штейнмана округлить черновые наброски великаго поэта напоминаетъ какъ нельзя больше распоряженія иныхъ богатыхъ вельможъ, приказывающихъ поновить какую-нибудь старую картину знаменитаго мастера; но что извинительно вельможѣ, то кажется страннымъ въ скромномъ издателѣ посмертныхъ сочиненій Гейне,—въ человѣкѣ, соприкасавшемся съ литературной дѣятельностью и имѣющемъ нѣкоторое понятіе о ея требованіяхъ. Еслибы Штейнманъ, какъ слѣдуетъ добросовѣстному издателю, далъ намъ въ руки то, что нашлось въ подлинныхъ бумагахъ, мы-бы по самой отрывочности могли судить о томъ, какъ въ головѣ Гейне зрѣли и слагались его обаятельныя, причудливыя созданія, для которыхъ и не приберешь другого имени, какъ «сонъ въ лѣтнюю ночь» или «зимняя сказка»; тотъ процессъ творчества, который всякій поэтъ скрываетъ при своей жизни, являясь передъ публикой не иначе, какъ *en grande tenue*, или по крайней мѣрѣ въ изящномъ *négligé*,—этотъ процессъ творчества, повторяю я, хоть сколько-нибудь сдѣлался-бы для насъ понятнымъ; но теперь, благодаря наивной услужливости добраго Штейнмана, что прикажете дѣлать съ его книгой? еслибы онъ сдѣлалъ свои вставки въ совершенно обработанное произведеніе Гейне, эти вставки бросились-бы въ глаза, какъ заплатки другого цвѣта; но бѣда въ томъ, что сказка «Берлинъ» находилась въ положеніи эскиза, а Гейне, какъ сообщаетъ тотъ же Штейнманъ въ комментаріяхъ къ письмамъ, сильно шлифовалъ свои стихи, выпуская ихъ въ свѣтъ; слѣдовательно, намъ не остается никакого критеріума, чтобы строго отдѣлать гейневскіе стихи отъ негейневскихъ. На этомъ основаніи подѣляясь съ читателями только общимъ впечатлѣніемъ. «Берлинъ» во всѣхъ

отношеніяхъ стоитъ неизмѣнно надъ «Тролля» и «Германіи». Разсказать сюжетъ осенней сказки совершенно невозможно, такъ же, какъ разсказать сюжетъ «Атта Тролля» или «Германіи»; фантазія поэта склеиваетъ одинъ предметъ къ другому, не заботясь объ общей связи, ни о соразмѣрности ни о постепенности переходовъ. Но въ «Троллѣ» и въ «Германіи» Гейне, переплетая отъ одного предмета къ другому, расцвѣтъ отдѣльных, блестящихъ, совершенно чуждыхъ картинъ; онъ бросаетъ читателю совершенно неожиданно цѣлые букеты идей, которыя дѣйствуютъ на васъ очень сильно нечаянностью своего появленія, парадоксальностью и неподражаемой оригинальностью формы. Ничего этого нѣтъ въ «Берлинѣ». Отдѣльныя картины не додѣланы; имъ недостаетъ рельефности; идеи конечно достойны передового поэта нашего времени; но какъ образы, въ которыхъ выражены идеи, не доведены поэтомъ до полной ясности, то и самыя идеи не могутъ дѣйствовать такъ сильно и не производятъ того впечатлѣнія, которое мы привыкли считать изъ Гейне. Кромѣ того, говоря о «Берлинѣ», Гейне вдается въ частности и въ частности могутъ быть вполне интересны; тому, кто совершенно знакомъ съ закулисными тайнами берлинскаго литературнаго и театральнаго міра; эти мелочи встрѣчаются у насъ повсюду; полемическія выходки противъ Магистера, противъ Генгстенбера, противъ швабскихъ поэтовъ есть и въ «Атта Троллѣ», и въ «Германіи»; но тамъ эти выходки до того блещутъ остроуміемъ, что онѣ получаютъ общій интересъ; намъ нѣтъ дѣла до того, кого бранитъ Гейне; мы видимъ, какъ онъ бранитъ, оспариваемъ, за что онъ бранитъ, и совершенно забываемся этими свѣдѣніями. Въ недодѣланныхъ сказкѣ «Берлинъ» напротивъ того эти выходы не отличаются игривостью и остаются совершенно равнодушнымъ читателю-иностранцу. Въ заключеніе укажу на тѣ главы, въ которыхъ наиболѣе проявляются юморъ и гейневская поэзія. Всѣхъ главъ 27; особое вниманіе заслуживаютъ 15-я глава, въ которой Гейне говоритъ о судьбѣ своихъ поэтическихъ опытовъ, 19-я, въ которой страстный поклонникъ Наполеона I, какъ индивидуальной личности, изображаетъ въ нѣсколькихъ штрихахъ исторію Европы въ началѣ XIX вѣка; и наконецъ эпизодъ къ «осенней сказкѣ» въ которомъ Гейне совѣтуетъ приготовить для людей изъ различныхъ представлений германской мысли и берлинской жизни различныхъ враждебныхъ нашему поэту мнений и направленій. Въ другихъ главахъ поэмы есть разбросанныя картинки, многія изъ нихъ выражены, но, повторяю, все въ



но и не производитъ цѣлостнаго впечатлѣнія. Я стараюсь въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ говорить о мелкихъ стихотвореніяхъ Гейне, данныхъ Штейнманомъ, о его письмахъ и южанческихъ статьяхъ.

## II.

### Посмертныя стихотворенія Гейне. Dichtungen von H. Heine.

По тѣмъ стихотвореніямъ Гейне, которыя издалъ въ нынѣшнемъ году Штейнманъ, нельзя составить себѣ сколько-нибудь удовлетвори-тельнаго понятія о поэтической личности Гейне, о силѣ и разнообразіи его дарованія. Въ этомъ посмертномъ изданіи собраны стишки и пѣсенки, оставшіеся въ неотдѣланномъ видѣ, забытые самимъ поэтомъ, набросанные кое-какъ на клочки бумаги, между дѣломъ, въ минуту дружескаго разговора, и сохранившіеся отъ совершеннаго уничтоженія и забвенія, благодаря заботливости друзей покойнаго поэта. Личность Гейне, его міросозерцаніе, его капризная и шаловливая муза знакомы и милы всѣмъ истинно развитымъ людямъ нашего времени. Этимъ людямъ будетъ пріятно видѣть проблески гейневскаго юмора, созданія его обаятельной фантазіи, выраженія его мимолетныхъ чувствъ, хотя-бы эти проблески были блѣдны, хотя-бы эти созданія находились въ видѣ эскизовъ, хотя-бы эти чувства выразились въ неотдѣланной и даже не совсѣмъ ясной формѣ. Намъ дорогъ Гейне весь, какъ онъ есть; мы интересуемся его человѣческими чувствами, слабостями и страданіями; мы видимъ въ немъ мученика нашего вѣка, не признаннаго своими соотечественниками, принужденнаго бѣжать изъ родного края отъ умственной робости и рутинныхъ понятій филистеровъ,—разбитаго болѣзнью и медленно умирающаго вдали отъ друзей, въ чужомъ городѣ, среди нерадостныхъ впечатлѣній. Намъ дороги страданія великаго поэта, какъ Марку Антонію была дорога окровавленная рубашка Цезаря; намъ дороги эти страданія, какъ укоръ нашему вѣку, гордящемуся терпимостью и свободой мысли, какъ приговоръ осужденія надъ идеями и бытовыми формами, измучившими своей уродливостью честнаго и гениальнаго человѣка. Въ посмертныхъ стихотвореніяхъ Гейне мы не будемъ искать тѣхъ великолѣпныхъ и широкихъ идей, тѣхъ обаятельно-оригинальныхъ образовъ, которые бросаются въ глаза на каждой страницѣ въ его «Buch der Lieder», въ «Romanzen», въ «Deutschland», въ «Atta Troll» и т. п.

Надо принять въ соображеніе, что посмертныя стихотворенія не что иное, какъ крошки, упавшія со стола поэта и подобранныя почти-тельными друзьями.

Потому, говоря объ этихъ стихотвореніяхъ, достаточно будетъ отмѣчать нѣкоторые отдѣльныя пѣсы, отличающіяся отъ массы остальныхъ изящной формой или выражающія совершенно безыскусственно то настроеніе, которому онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ.

Многія изъ вновь изданныхъ стихотвореній навѣяны событіями, совершавшимися на политическомъ горизонтѣ. Вотъ на примѣръ баллада «Монтезума», написанная очевидно въ то время, когда страданія Испаніи обращали на себя вниманіе образованной и сочувствующей Европы:

«Монтезума», царь Мексики, жарился на медленномъ огнѣ; его принуждали сознаться, гдѣ его казна: отъ костра распространялся запахъ, непохожій на запахъ паштета или поджаривающейся колбасы. Въ это время благоуханіе костровъ можно было встрѣтить и въ Европѣ. Замашку жарить людей на медленномъ огнѣ терпѣли законы и обычаи.

«Вокругъ костра стояли испанскіе кавалеры, искатели приключеній изъ Ла-Манчи, монахи, вооруженные крестомъ,—всякая испанская сволочь, жадная къ деньгамъ.

«Кто проигралъ все до послѣдней рубашки въ азартной игрѣ и въ спекуляціяхъ, тотъ и присоединился къ этимъ экспедиціямъ.

«Въ Америку!»—кричатъ негодаи въ темныхъ трущобахъ Мадрида; и въ приморскихъ городахъ раздаются возгласы мошенниковъ и бездѣльниковъ.

«Подонки испанскаго населенія поступаютъ подъ начальство Кортеса и Пизарро; ихъ привлекаетъ блескъ мексиканскаго золота; имъ не надо лавровыхъ вѣнковъ.

«Ступивши ногою на американскій берегъ, они тотчасъ начинаютъ грабить и разбойничать; ихъ дерзкія руки крушатъ безъ разбора дѣтей и женщинъ.

«Опираясь на мечъ, на огонь и на пытки, опустошеніе разливается по несчастной странѣ; видимой цѣлью и предлогомъ должно служить обращеніе язычниковъ.

«И храмы, и кумиры падаютъ и разрушаются; пресвятая, пречистая Дѣва, тебѣ воздвигается алтарь.

«Держа въ рукахъ распятіе, прикрывая этимъ символомъ безвѣріе и злодѣяніе, монахи и попы идутъ впередъ и осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ во имя Бога.

«Мексиканскаго императора запираютъ въ келью, устроенную по пенсильванской системѣ; злодѣи издѣваются надъ нимъ, играя съ нимъ, какъ кошка съ мышью.

«Его сокровища поглощаются корыстолюбив-



выми звѣрами; мексиканскій народъ страдаетъ и гибнетъ; страна превращается въ печальную пустыню.

«Но за преступленіями послѣдовало воздаяніе, мщеніе неба: на твоей землѣ, Испанія, полилась рѣками кровь твоихъ гражданъ.

«Миническій ящикъ Пандоры, наполненный бѣдствіями, опрокинулся надъ тобою, пролился до послѣдней капли, и ты, Испанія, была жестоко поражена.

«Въ пестрой смѣнѣ міровыхъ событій ты дошла до послѣдней степени слабости и униженія. — Ты, могучая держава, въ которой не заходило солнце».

Недостатокъ отдѣлки въ этомъ стихотвореніи бросается въ глаза, но достоинство основной идеи говоритъ само за себя. Поэтъ видитъ явную связь между упадкомъ Испаніи и тѣми жестокостями, съ которыми было сопряжено завоеваніе отдѣльных государствъ Америки. Онъ выражаетъ эту связь словами: «воздаяніе, мщеніе неба»; Гейне понимаетъ очень ясно и очень просто, что народъ, увлекающійся духомъ завоеваній и рѣшающійся угнетать чужую національность, развращается тѣми продѣлками, въ которыхъ онъ видитъ великіе и блестящіе подвиги, украшающіе собой страницы исторіи. Очень понятно, что испанецъ XVI вѣка, мечта о томъ, какъ легко обогатиться за моремъ, какъ весело пожить подъ тропическимъ небомъ и дать просторъ звѣриннымъ инстинктамъ въ чужой землѣ, гдѣ для побѣдителя не существуетъ уголовныхъ законовъ, очень понятно, повторю я, что испанецъ мало думалъ о честныхъ и мирныхъ средствахъ зарабатывать себѣ деньги. Его манило въ Америку, въ страну чудесъ, въ родину золота и алмазовъ; его поощряло общественное мнѣніе, его благословляло католическое духовенство, съ нимъ вмѣстѣ шли монахи съ крестомъ въ рукѣ, и молодой мечтатель уѣзжалъ за море, а на родину возвращался бандитомъ, негоднымъ ни на какое дѣло, способнымъ только пьянствовать въ тавернахъ, играть въ кости, убивать людей по частнымъ заказамъ или поступать на службу къ тому, кто хорошо платитъ. Можно себѣ представить, какъ плохо шла промышленность и торговля. Еслибы Гейне захотѣлъ представить гибельное вліяніе угнетаемой Америки на мучительницу ея Испанію въ нѣсколькихъ яркихъ картинахъ, то конечно эта прекрасная мысль могла-бы послужить основой для великолѣпной поэмы. Но Гейне, кажется, былъ не изъ тѣхъ художниковъ, которые долго вынашиваютъ и медленно вырабатываютъ въ себѣ занимающую ихъ идею; мысль Гейне такъ быстро перебѣгаетъ отъ одного предмета къ другому, что почти ни одна идея его не оказывается вполне доработанной и совершенно обставленной вѣдными подробностями. Онъ говоритъ намеками, рисуетъ ши-

роками, бѣглыми штрихами и предстаетъ обильное поле для дѣятельности комментатора и критика.

Изъ балладъ, напечатанныхъ въ сборникѣ Штейнмана, приведу еще довольно большое стихотвореніе подъ заглавіемъ «Грипъ Рикю».

## 1.

«Папа сидѣлъ подъ арестомъ въ Савойскомъ замкѣ и французскіе гренaдeры караулили слѣдя за малѣйшимъ его движеніемъ.

«Каждый день, чтобы служить обидѣ, проходилъ въ маленькую капеллу черезъ лерей рыцарскаго зала.

«Въ залѣ стояли на часахъ гренaдeры каждое утро давалъ свое благословеніе сусачамъ, которые, увидѣвъ святого отца, новились на колѣни.

«Вдругъ караульнымъ солдатамъ было строжайшее приказаніе: не пропускать черезъ двери рыцарскаго зала.

«Передъ папскими покоями стоялъ на караульнѣ Рикю, когда папа пошелъ въ залу въ первый разъ послѣ новаго прихода.

«Сѣдой усачъ подошелъ къ папѣ и донесъ ему о новомъ распоряженіи. Папскій заговорилъ о смертномъ грѣхѣ и вѣчно деніи.

«И требовала, чтобы Рикю пропустилъ того отца для совершенія святого дѣла, отказалъ наотрѣзъ, несмотря на мольбы.

«Когда папа все-таки хотѣлъ пройти, воскликнулъ: «именемъ императора!».

Сѣдой усачъ прогналъ папу назадъ стивъ штыкъ.

«Пусть меня Богъ проститъ! — сказалъ. Еслибы мнѣ приказалъ императоръ штыкомъ распоротъ животъ самому Богу!

«Я за императора шестнадцать разъ въ огонь, въ самыхъ жаркихъ сраженіяхъ, него я готовъ идти въ адъ, въ самый смертный грѣхъ.»

## 2.

«Прошло сорокъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, онъ не позволилъ святому отцу совершить святое дѣло. Сколько перемѣнъ, сколько событий!

«Тронъ Бонапарты разбитъ въ прахъ; Бурбоновъ разрушенъ; Людовикъ Филиппъ изъ Парижа. «Vive la république» кричитъ народъ.

«По улицамъ на берегахъ Сены, на



ше развѣвается трехцвѣтное знамя, имъ завываютъ колокола.

ротуару идетъ живой скелетъ, опира-  
ой рукой на палку и придерживаясь  
ь стѣнамъ домовъ.

емъ надѣтъ, словно футляръ, старый  
изношенный и вытертый до послѣдней  
Ноги его заплетаются одна о дру-

жка, потерявшая форму и цвѣтъ, по-  
лысую голову; на груди болтается,  
нялой ленточкѣ, крестъ Почетнаго

ная часть лица покрыта серебристой  
Глаза, въ которыхъ прежде было такъ  
я, погасли и потускнѣли.

огнутой спинѣ лежитъ бремя восьмиде-  
ей жизни. Кто этотъ бѣдный старикъ? —  
лидь Рикю.

ый день онъ безъ отдыха таскаетъ по  
свое бѣдное тѣло. Его, какъ вѣчнаго  
нить и преслѣдуетъ какая-то сила.

емъ лежитъ проклятіе и осужденіе за  
тъ не нарушилъ клятвы, данной импе-

ръ не у всѣхъ такая чуткая совѣсть,  
инвалида Рикю. Теперь уже не то

ившись до-смерти, онъ свалился на  
. «Не могу ни жить, ни умереть», —  
тъ онъ, когда пришли къ нему на по-

сду тѣмъ, — продолжалъ онъ, — умереть  
ко и такъ удобно. Я, право, и самъ  
живъ ли я, или умеръ.

къ дешево! Стоить только взять въ  
ѣсколько капель хлороформа, чтобы  
бся на тотъ свѣтъ.

бя, принесите мнѣ нѣсколько капель!  
аптекарю: у Рикю нѣтъ ничего, нѣтъ  
ѣтъ покоя. Нельзя ни жить, ни уми-

ите у меня съ груди этотъ крестъ на  
й лентѣ! Отнесите его къ аптекарю  
е: «вотъ Рикю посылаетъ ему за нѣ-  
капель!»

только онъ проговорилъ послѣднее  
къ голова его склонилась.

ивный покой достался ему на долю безъ  
на.

ослвки положили тѣло стараго инва-  
орый при жизни воздавалъ кесарево  
и божія богови.»

душевною тона, по простотѣ изло-  
по яркости образовъ, это стихотворе-  
ступитъ лучшимъ балладамъ «Роман-

адеръ Рикю, человѣкъ простой и чест-  
авленъ въ жизни своей между двумя  
онъ — вѣрующій католикъ и въ то-же

время ревностный солдатъ; религіозный деспо-  
тизмъ тащить его въ одну сторону, военный  
деспотизмъ — въ другую, но со стороны религі-  
ознаго деспотизма онъ имѣетъ передъ собою  
только отвлеченный догматъ; личныхъ отноше-  
ній къ папѣ и къ церковной власти у него  
нѣтъ; военный деспотизмъ, напротивъ того,  
представляется его воображенію въ обаятель-  
номъ образѣ любимаго императора, по приказа-  
нію котораго онъ, не задумываясь, готовъ иди  
на смерть и на мученіе, въ огонь и въ воду.  
Поэтому, когда происходитъ столкновение ме-  
жду религіознымъ элементомъ и военнымъ,  
послѣдній одерживаетъ рѣшительную побѣду,  
и мы видимъ, какъ личныя симпатіи, индиви-  
дуальныя влеченія французскаго война торже-  
ствуютъ надъ голосомъ отвлеченнаго долга.  
Но между тѣмъ время проходитъ, лѣта берутъ  
свое, и тотъ поступокъ, который онъ сдѣлалъ  
изъ любви къ императору, бывши молодцомъ  
гренадеромъ, начинаетъ серьезно пугать его  
воображеніе. Онъ воображаетъ себя прокля-  
тымъ, отверженнымъ существомъ, отъ котораго  
сторонится даже самая смерть. Наконецъ утом-  
леніе жизнью доходить до такой степени, что  
даже любимый образъ Наполеона отодвигается  
на задній планъ: Рикю готовъ продать крестъ  
Почетнаго Легіона за нѣсколько капель хлоро-  
форма. И вотъ приходитъ смерть. А зачѣмъ  
жилъ этотъ человѣкъ? За что онъ любилъ На-  
полеона? зачѣмъ, въ послѣдніе годы своей  
жизни, считалъ себя проклятымъ? Зачѣмъ, за-  
чѣмъ?...

Въ настоящее время, когда вниманіе обра-  
зованнаго міра обращено на послѣднюю борьбу  
между защитниками рабства и его врагами, ко-  
гда въ самой демократической странѣ нашей  
планеты совершается послѣдняя попытка удер-  
жать за однимъ человѣкомъ право смотрѣть на  
другого человѣка какъ на вьючное животное, —  
слѣдующій стихотворный разсказъ Гейне ока-  
жется не лишеннымъ современнаго интереса:

«Колокола звонятъ къ обѣднѣ и призыва-  
ютъ на молитву; толпа стремится въ церкви;  
прекрасное воскресное утро!

«Молодые матери убаюкиваютъ на колѣняхъ  
своихъ новорожденныхъ дѣтей; дѣвушки и  
матроны сидятъ въ прохладной тѣни верандъ.

«А въ это время бѣдная невольница-негри-  
тянка, молодая, цвѣтущая красотой, лежитъ  
и стонетъ на жесткой соломѣ, одна, всѣми  
оставленная, въ тюрьмѣ.

«Законъ благочестиваго штата Луизианы опре-  
дѣляетъ смертную казнь тому рабу, который  
подниметъ руку на своего господина.

«Дина, — такъ зовутъ эту дѣвушку, которая,  
по словамъ закона, принадлежитъ къ человѣ-  
ческому скоту и отдается въ полное распоря-  
женіе владѣльца, —

«Дина ударила свою госпожу, чтобы защититъ



себя от побоевъ; она совершила дѣло дозволенной обороны.

«Но буква закона рѣшаетъ дѣло: ее тотчасъ же осудили на смерть, и поэтому она томится въ мрачной тюрьмѣ.

«День ея казни тогда былъ еще далекъ, потому что у нея была страшная надежда сдѣлаться матерью.

«Отецъ этого ребенка, котораго рожденія она ожидала, какъ приближенія своей смерти, былъ супругъ ея строгой госпожи.

«Дина сдѣлалась жертвой его похотливости, и черезъ два мѣсяца родила мальчика, безъ всякой помощи, въ стѣнахъ тюрьмы.

«Изъ ея рукъ вырвали ребенка; не помогли ни просьбы, ни слезы; напрасно бѣснуетъ львица, у которой отняли дѣтеннышей.

«Вслѣдъ затѣмъ заскрипѣли заперы тюрьмы, ее ожидалъ эшафотъ; палачъ ведетъ ее подъ руку на послѣднюю прогулку.

«Вокругъ эшафота собирается любопытная толпа, желающая посмотрѣть на бѣдную преступницу и присутствовать при послѣднихъ минутахъ ея жизни.»

Впечатлѣніе, производимое на читателя этимъ стихотвореніемъ, готовится съ самаго начала его заглавіемъ. Оно называется: «Ein Stück Menschen-Vieh» («Штука человѣческаго скота»), и слѣдовательно самымъ этимъ названіемъ даетъ намъ возможность бросить взглядъ на отношенія между американскими плантаторами и ихъ рабами. По внѣшней формѣ это стихотвореніе совершенно необработано; видно, что поэтъ написалъ только канву, набросавъ основныя черты, изъ которыхъ могло возникнуть современнѣе замѣчательное художественное произведеніе; положеніе взято очень характерное; въ короткомъ разсказѣ сгруппированы самыя замѣчательныя моменты въ отношеніяхъ между рабомъ и господиномъ; мы видимъ во-первыхъ, что молодая негритинка ни въ чемъ не смѣетъ отказать своему владѣльцу; ни чувство женской стыдливости, ни желаніе сохранить въ полной неприкосновенности то, что женщины называютъ своей добродѣтелью, ни любовь къ другому человѣку, — словомъ, ни что не можетъ избавить молодую и красивую невольницу отъ преслѣдованій похотливаго плантатора; ему дозволены закономъ всѣ средства; побой, жестокия тѣлесныя наказанія, насиліе — все это такого рода домашнія распоряженія, на которыя некуда пожаловаться и въ которыхъ никто не станетъ требовать у хозяина отчета. Къ общественному мнѣнію обратиться невозможно; оно составлено изъ голосовъ такихъ-же рабовладѣльцевъ, которые у себя дома распоряжаются такъ-же бездережно съ человѣческимъ скотомъ, составляющимъ неотъемлемую собственность. Молодая невольница, какъ безоткѣтная

жертва, отдается своему господину, а затѣмъ для нея готовится новое испытаніе: возбуждаетъ ревность своей госпожи, и эта обманываемая супруга обрушивается на манщика-мужа, а на его несчастную жену на беззащитную невольницу; бѣдной Динѣ ея несчастіе вмѣняется въ преступленіе; начинается глухое домашнее преслѣдованіе, коего тиранство, къ которому такъ много страстныхъ и ревнивыхъ женщинъ. Между молодой невольницей чувствуетъ себя бранной, и вслѣдствіе этого становится раздражительнѣе; ея характеръ измѣняется вмѣненіемъ ея новаго положенія; госпожа презираетъ ее сильнѣе прежняго; въ людскихъ ссѣтахъ дѣлаются обидныя намеки; на нее смѣются, ее оскорбляютъ невольницы; то, что съ ними случалось или может случиться то-же несчастіе, которое постигло ную Дину. Наконецъ всякому терпѣнію приходитъ предѣлъ; когда вездѣ испытываешь оскорбленія, когда ни спишь чувствуешь слѣды вѣнчиковъ побоевъ, когда впереди видишь горе, безконечный трудъ и невыносимыя лишенія, тогда неволь забудешь всякую осторожность: и въ разѣ въ жизни попробуешь сорвать шапку со своихъ угнѣсителей. Такъ случается съ этой Диною. Госпожа подвергается удару руку съ бранью и побоями въ ту минуту, у нея накопило на душѣ много жалобъ и речей; на побой она отвѣчаетъ побоями, и ба ея рѣшена. Посмотрите на какую породу животныхъ, вы увидите, что она всегда станетъ защищать свою самку, и плантаторъ южныхъ штатовъ составляетъ исключеніе изъ этого общаго правила: онъ смѣетъ на свою бывшую любовницу, какъ на животное или какъ на мебель, которую пользовался продолженіемъ нѣсколькихъ или мѣсяцевъ; прошла потребность въ ней, и ее можно сложить на дрова безъ лѣтшаго сожалѣнія; владѣлецъ Дины не пробуетъ защитить ее противъ гнѣва супруги; ему даже пріятно пожертвовать любовницу и этой ничтожной уступкой новить нарушенный миръ домашнего очага. Къ тому-же заступиться передъ судомъ невольницу, ударившую свою госпожу, не бы поднять противъ себя все общественныя штаты; и вотъ Дину сажаютъ въ тюрьму, а впереди — публичная казнь; ей провозглашаютъ смертный приговоръ; но казнятъ не женщину, а значитъ нанесла тяжкій убытокъ; припадъ по всѣмъ законамъ принадлежитъ хозяину, и законы Луизианы даютъ права посягать на частную собственность; казнь Дины отсрочивается до ея смерти отъ бремени; она въ тюрьмѣ рождаетъ своего хозяину сына; у нея отнимаютъ рожденного ребенка, который конечно



нать родительской ласки и не найдя блага въ кровной связи своей кровью. Этого бѣднаго ребенка восхитилъ и вѣроятно не разъ будетъ побой отъ родного отца, отъ родныхъ и въ особенности отъ мачихи. А ребенка, едва оправившагося отъ абая, истомленная страданіями и временнымъ воздухомъ, идетъ на эшапаетъ отъ руки палача; вокругъ бирается толпа зѣвакъ, и въ этой толпѣ узнаютъ тѣ-же лица, которыя вѣдали прошлое воскресенье въ оторыя, со слезами умиленія, слушательныя проповѣди пастора. Въ этой невольницы, изображенной въ Гейне, заключается, какъ видѣна драма или, вѣрнѣе, цѣлая страшная кровавая развязка. Идея до сихъ поръ преобладаетъ надъ формой, что и это необходимо надо считать прогрессомъ, легкимъ эскизомъ, хотя бы-ть и не имѣлъ въ виду когда-нибудь разработать выраженную идею.

и ненависти физическое рабство со ужасными послѣдствіями. Гейне не ненавидѣлъ умственное рабство. и его посмертныхъ стихотвореній преобладаніемъ этого чувства главнѣйшій: «Она все-таки движется!» *bewegt sich doch!*») Это стихотвореніе, изображающее въ штрихахъ отреченіе Галилея отъ юномическаго ученія:

самъ на небосклонѣ, солнце-яркое, не узнаетъ весь міръ то несчастіе, которое возникло въ воспламен-

Галилея, мужъ науки, чистый и какъ ангелъ, томится въ тюремномъ заключеніи.

о прогнѣвались на почтеннаго, до старика? Оттого, что онъ училъ, и вращается вокругъ солнца!

ащили въ судилище «священной инквизиціи» его обвинили въ такомъ преступленіи, которое онъ, какъ сынъ церкви, былъ смертной казни.

заполненъ монахами; монахи сидятъ за трапезнымъ столомъ; они громко признали ложнымъ и еретическимъ.

олнца, свѣтите ярче! Шаръ земной, быстрѣе! Міръ, внемли преступному произнесенному верховнымъ судили-

ити! Покрытый серебристыми сѣдиненный, величавый старикъ встаетъ, чтобы отречься отъ своихъ изслѣ-

дованій, отъ своего ученія и чтобы проклясть свои мысли.

«По приказанію судей, онъ становится на колѣни, протягиваетъ правую руку надъ евангеліемъ, отрекается отъ своихъ идей, но потомъ встаетъ и, ударивъ ногою объ полъ, говоритъ смѣло, потому что наука не покоряется никакому игу: «земля, ты все-таки движешься!»

Въ этомъ стихотвореніи Гейне выбралъ величественный моментъ. Галилей передъ судомъ инквизиціи воплощаетъ въ себѣ тотъ духъ критики и изслѣдованія, который, послѣ долговременной и тяжелой борьбы, объявилъ человѣческій разумъ полноправнымъ и совершеннымъ. Въ тотъ моментъ, который изображаетъ Гейне, физическая сила очевидно находится на сторонѣ гасильниковъ; поддерживать свои идеи аргументами эти люди не могутъ и не хотятъ; но горе тому, кто вздумаетъ ихъ вызвать на диспутъ и кто посмѣетъ разойтись съ ними въ мнѣніяхъ; въ распоряженіи монаховъ, произносящихъ судъ надъ достоинствомъ специальныхъ научныхъ изслѣдованій, находятся страшныя средства, способныя привести въ ужасъ самаго рѣшительнаго подвижника истины; за монаховъ стоитъ слѣпо-вѣрующая толпа; по одному слову этихъ монаховъ смѣлый поборникъ истины отправляется въ тюрьму, въ инквизиціонный застѣнокъ, на разнообразныя, утонченныя пытки и наконецъ на костеръ; вокругъ костра собирается многочисленная толпа, и въ этой толпѣ нѣтъ ни одного человѣка, въ груди котораго шевельнулось-бы искреннее состраданіе, — ни одного человѣка, на лицѣ котораго отразилось-бы сознательное сочувствіе къ страданіямъ праведника; мужчины и женщины, старики и дѣти смотрятъ на возмутительную казнь, какъ на выраженіе воли Всевышняго, какъ на праведный судъ раздраженнаго Неба, какъ на справедливое воздаяніе за страшное, непростительное проявленіе человѣческой дерзости; они смотрятъ на несчастнаго мученика какъ на отверженное созданіе, обреченное на вѣчное истязаніе въ неугасимомъ пламени. И не понимаютъ эти люди, что мученикъ этотъ трудился для нихъ и для ихъ дѣтей, что онъ умираетъ на кострѣ не за убійство, не за воровство, а за то, что думаетъ о разныхъ предметахъ не совсѣмъ такъ или совсѣмъ не такъ, какъ думаетъ большая часть его современниковъ; не предвидятъ они того, что ихъ-же потомство, въ прямой нисходящей линіи, возвеличитъ и прославитъ проклятаго еретика, а на благочестивые подвиги отцовъ и предковъ посмотритъ съ укоризной, съ отвращеніемъ и съ ужасомъ; и, что всего удивительнѣе, та-же исторія повторяется постоянно; въ каждомъ вѣкѣ есть свои Галилеи, свои инквизиторы; въ каждомъ вѣкѣ есть такіе софизмы, которыми можно одурачить толпу и натравить ее



именно на того человѣка, который горячо любить ее и съ дон-кихотскимъ самоотверженіемъ отстаиваетъ ея права и интересы. Что толпа ловится на эти софизмы, это еще не слишкомъ удивительно; толпа долго еще останется слѣпой стихійной силой; средній уровень знаній и умственного развитія возвышается въ толпѣ такъ медленно, что, право, со временъ Галилея ума и терпимости въ ней прибавилось очень немного; но странно то, что до сихъ поръ находятся въ высшихъ слояхъ умственной аристократіи такіа дон-кихотски честныя натуры, которыя за эту слѣпую и неподвижную толпу готовы идти на казнь или въ изгнаніе. Удивительно, какимъ это образомъ тѣ люди, которымъ знакомы факты историческаго прошедшаго, которымъ извѣстны имена и личности Сократа, Галилея, Гусса, Савонаролы, рѣшаются брать на свои плечи и пытаются повернуть къ лучшему участь своихъ младшихъ братьевъ, участь той толпы, которая привыкла побивать камнями своихъ пророковъ и потомъ ронять на ихъ могилы безполезныя слезы и бросать лавровые вѣнки. Если цѣлая тысячелѣтія горькаго и постоянно повторяющагося историческаго опыта не могутъ вылечить человѣка отъ дурной привычки или отъ хронической болѣзни жертвовать собою для пользы другихъ, и притомъ такихъ другихъ, которые не поймутъ и не оцѣнятъ его жертвы, то надо предположить, что эта привычка или болѣзнь пустила глубокіе корни въ натурѣ человѣка.

Въ изданіи Штейнмана есть нѣсколько стихотвореній Гейне, обращенныхъ къ Германіи; здѣсь, какъ и вездѣ, Гейне относится къ политической и умственной дѣятельности Германіи съ самой ѣдкой проницательностью; его возмущаетъ нерѣшительность и глубокомысліе нѣмцевъ, тратящихъ драгоценное время на схоластическіе споры, неимѣющие ни малѣйшаго отношенія къ дѣйствительнымъ, практическимъ нуждамъ родины. Въ области умственной дѣятельности Германіи Гейне осмѣиваетъ академическую рутину, безплодную эрудицію, мертвенность мысли, скрывающуюся подъ обиліемъ выписокъ, ссылокъ и цитатъ. Ясный, конкретный умъ Гейне не терпитъ отвлеченностей и враждуетъ противъ всего туманнаго, неопредѣленнаго и мистическаго. Доктринерство въ области политической жизни, гегелевская діалектика въ области философіи, мертвенность въ области практической нравственности совершенно антипатичны нашему гениальному поэту. Всѣ эти качества, составляющія неотъемлемую принадлежность официальныхъ представителей германской жизни и науки, жестоко осмѣяны какъ въ прежнихъ стихотвореніяхъ Гейне, такъ и въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя теперь собраны и изданы Штейнманомъ. Нѣкоторые ученые и литераторы въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ

лѣтъ служили мишенями для самыхъ жестокихъ казней со стороны Гейне. Эта толпа жила въ быты и здѣсь; Масманъ, Венедей, Лука Бахъ, Менцель, Генгстенбергъ, всѣ критикансты, вся школа швабскихъ поэтовъ, инстинктивно воспевающихъ весну, луну и т. п., были безъ всякаго состраданія; Гейне, какъ чрезвычайно умный и крайне раздражительный вѣкъ, не могъ ужиться среди той атмосферы тупоумія, скучной серьезности, бездушия, узкаго тщеславія, которая душила его въ Германіи; его ненавидѣли и боялись всѣ истинные писатели, и это конечно дѣлало большую честь. Большая часть чисто-германскихъ стихотвореній Гейне состоит изъ силовыхъ намековъ на мелкія событія германской прессы и пересыпаны такими откровенными выраженіями, къ которымъ не привыкъ русскаго читателя. На этомъ основаніи мы даемъ здѣсь въ переводѣ только тѣ стихотворенія Гейне о Германіи, въ которыхъ развита какая-нибудь общая идея, удобопонятная нашей публики. Вотъ на примѣръ стихотвореніе «Вы и я»:

«Вы поносите меня, когда во мнѣ зима, молодость и когда я, человѣкъ съ кровью, слѣдую ея внушеніямъ.

«Измѣна!», кричали вы, когда я оудую того, кто за сребренники продалъ говорившаго его устами.

«Вы обвиняли меня въ наглои клеветѣ, я говорилъ правду и срывалъ зрѣлыя плоды дерева знанія.

«Вы бранили меня за легкомысліе, смѣялся и шутилъ; еслибы вы могли это, вы-бы вычеркнули мое имя.

«Вписанное огненными буквами въ время, вы-бы охотно выскоблили его, травили его ядомъ.

«Но оно будетъ сіять, не померкая, поръ, пока земной шаръ будетъ обрывать вокругъ солнца и пока стрѣлка компаса указывать на сѣверъ.

«Несмотря на вашу зависть и ваши доданія, ни одинъ Геростратъ не разломитъ того памятника, который я построилъ собственною рукою.»

Первые четыре куплета приведеннаго стихотворенія представляютъ сжатую, но характеристичную тѣхъ нападокъ, которыми зантливый и честный человѣкъ подвергнутъ со стороны завистливыхъ и подкупленныхъ неровъ. Рутинеры, какъ извѣстно, не любятъ, кромѣ того мѣстечка, которое занимаетъ собою ихъ брѣнное существованіе, ни того предмета, которымъ они живутъ, ни той сладенькой идеи, которую они вводятъ въ своей жизни или въ своихъ литературныхъ работахъ, эти господа очень облекаютъ себя въ красивую драпировку и



истрастія и обыкновенно смотрятъ на са-  
обыкновенные житейскіе вопросы съ такой  
шей точки зрѣнія, съ которой вполне по-  
етсѣ суетность всего земного и ничтожество  
Влѣнаго человѣка, его интересовъ, идей, го-  
ихъ желаній и душевныхъ стремленій. Не  
тая высказывать какую-нибудь идею, прило-  
дую къ практической дѣйствительности, уче-  
рутинеръ обыкновенно останавливается на  
ательной переборкѣ голыхъ фактовъ, спи-  
ть эти факты между собою чисто внѣшнимъ  
азомъ и издаетъ болѣе или менѣе увѣсисый  
или даже жиденькую брошюру, которые  
едленно расхваливаются рутинерами-крити-  
ни и съ уваженіемъ упоминаются *коллегами*  
я *коммулитонами* автора. «Рыбакъ рыбака  
дѣить издалека», «рука руку моетъ»; въ силу  
ихъ премудрыхъ пословицъ, рутинеры тща-  
тельно поддерживаютъ другъ друга; если послу-  
ть ихъ, то надо умилиться тому, сколько ге-  
льных ученыхъ и талантливыхъ литерато-  
въ развелось на бѣломъ свѣтѣ; рутинеры  
Орятъ иногда между собою, но такъ какъ  
оръ обыкновенно касается какого-нибудь мель-  
йшаго и ни на что ненужнаго факта, то спо-  
иціи стороны не роняютъ другъ друга въ об-  
ественномъ мнѣніи, потому что ни одна изъ  
ихъ не можетъ довести своего противника *ad*  
*surdum*; кромѣ того, какъ бы горячо ни спо-  
или между собою два рутинера, они всегда го-  
овы заключить между собою вѣчный миръ и  
звонкими силами разгромить того дерзкаго  
еловѣка, который осмѣлится заявить въ своей  
оловѣ присутствіе живой мысли и скептическаго  
гношенія къ ихъ антикварнымъ трудамъ; съ ру-  
тинерами можно спорить, но только надо принад-  
ежать къ ихъ цеху, надо въ спорѣ кружиться  
въ извѣстномъ кругу понятій и доказательствъ,  
надо руководствоваться не простымъ здра-  
нымъ смысломъ, а здравымъ смысломъ, положен-  
нымъ на извѣстныя ноты, подстриженнымъ по  
извѣстному образцу; если-же вы вздумаете за-  
говорить какъ самостоятельно мыслящій чело-  
вѣкъ, то рутинеры возстанутъ на васъ всѣмъ  
синклитомъ, раздерутъ ризы свои, посыпятъ  
пепломъ главу, поднимутъ крикъ и вой и объ-  
явятъ всему читающему міру о томъ, что  
появилась новая ересь, достойная, если не пытки  
и костра, то по крайней мѣрѣ исправительнаго  
полицейскаго наказанія. Рутинеры стоятъ  
обыкновенно къ предмету своихъ занятій въ  
отношеніяхъ чисто утилитарныхъ; они смотрятъ  
на науку какъ на дойную корову, по весьма  
справедливому замѣчанію Шиллера; тотъ запасъ  
идей и свѣдѣній, который они сообщаютъ своимъ  
слушателямъ или читателямъ съ высоты зани-  
маемыхъ кафедръ или на страницахъ своихъ  
журналовъ, составляетъ ихъ капиталъ; съ этого  
капитала они, смотря по степени своей прак-  
тической ловкости, берутъ болѣе или менѣе

обильные проценты; чтобы доходы рутинеровъ  
не уменьшались, публика должна считать ихъ  
идеи за непреложную истину; всякая попытка  
отнестись критически къ этимъ идеямъ есть  
посягательство на собственность рутинера; очень  
понятно, что онъ, рутинеръ, возстанетъ противъ  
скептика не такъ, какъ представитель противо-  
положнаго мнѣнія, а просто, какъ страждущій  
собственникъ. Онъ закричитъ: «караулъ! гра-  
бежъ!», онъ готовъ будетъ обратиться къ  
полиціи, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго.  
Представьте себѣ въ самомъ дѣлѣ положеніе  
какого-нибудь добродушнаго профессора второ-  
степеннаго германскаго университета; лѣтъ 20  
тому назадъ, бывши еще молодымъ челоѣкомъ,  
подающимъ блестящія надежды, этотъ госпо-  
динъ пріобрѣлъ себѣ довольно значительныя  
знанія, составилъ себѣ взглядъ на вещи и  
репутацию, добылъ себѣ кафедру, отчасти черезъ  
протекцію, и конечно, какъ слѣдуетъ благо-  
разумному нѣмцу, задремалъ на рано-пріобрѣ-  
тенныхъ лаврахъ; по домовитости и аккурат-  
ности, свойственной нѣмцу среднихъ лѣтъ,  
господинъ профессоръ обзавелся семействомъ,  
сообразивъ предварительно объемъ своего жа-  
лованья и убѣдившись въ томъ, что онъ можетъ  
себѣ позволить *эту роскошь*, т. е. женитьбу  
по взаимной наклонности и счастье семейнаго  
очага. Чтобы содержать семейство, надо полу-  
чать жалованье; чтобы получать жалованье,  
надо имѣть слушателей; а чтобы имѣть слуша-  
телей, надо считаться хорошимъ профессоромъ,  
отворяющимъ дверь въ храмъ науки, а не въ  
какой-нибудь завалищій хлѣвъ; что-же прика-  
жете дѣлать такому почтенному отцу семейства,  
если вдругъ какой-нибудь Гейне пуститъ въ  
свѣтъ такую ракету, къ которой съ невольнымъ  
сочувствіемъ обратятся любопытные взоры  
вѣтряной молодежи; вѣдь это убытокъ, вѣдь  
это разореніе. Вѣдь каждая новая идея кла-  
детъ охулку на тотъ залежавшійся товаръ, ко-  
торый господинъ докторъ, профессоръ и членъ  
разныхъ ученыхъ обществъ старается сбыть за  
хорошую плату въ головы своихъ слушателей!  
Что-же тутъ дѣлать? Вѣдь не идти-же въ  
самомъ дѣлѣ по міру съ Frau Professorin и  
съ чадами! Надо дѣлать то, что дѣлаютъ въ  
подобныхъ случаяхъ купцы, немогущіе выдер-  
жать конкуренціи съ иностранными товарами.  
Надо оплевать и очернить разомъ и тѣ идеи,  
которыя подрываютъ источники профессорскихъ  
доходовъ, и тѣхъ людей, которые высказываютъ  
эти идеи вслѣдствіе твердаго и честнаго убѣж-  
денія. Всякая новая идея врывается въ міръ  
съ нѣкоторой страстностью, которая постепенно  
усиливается отъ встрѣчающихся препятствій;  
эту страстность рутинеры разсматриваютъ черезъ  
микроскопъ; изъ этой страстности они выкраи-  
ваютъ страшное пугало, чтобы выхлопотать  
противъ самой идеи что-нибудь вродѣ *lettre*



*de cachet*. Вотъ такіе-то люди такими-то продѣлками выгнали Гейне изъ Германіи; замолчать передъ этими людьми и отвѣтить презрѣніемъ на ихъ грязныя и корыстныя обвиненія значило-бы исполнить ихъ величайшее желаніе. Имъ только и нужно было, чтобы ихъ оставили въ покоѣ, чтобы никто не обличалъ ихъ ограниченности и не смущалъ ихъ довѣрчивыхъ, юныхъ слушателей и читателей; но Гейне, какъ честный дѣятель, не положилъ оружія; онъ продолжалъ тревожить ихъ своими сарказмами, долетавшими до ихъ слуха съ береговъ Сены; больной, разбитый параличемъ, изнуренный борьбой жизни, поэтъ не умолкалъ и постоянно бросалъ имъ въ глаза свою возрастающую популярность и ихъ безсильную злобу. Въ выписанномъ выше стихотвореніи поэтъ, какъ вы видите, упрекаетъ своихъ враговъ въ несправедливости и злонамѣренности ихъ нападокъ; враги Гейне, какъ онъ самъ говоритъ, нападали на него за горячность, за рѣзкость приговоровъ, за новизну идей и за насильственность и легкость тона. Кто имѣлъ на своемъ вѣку дѣло съ рутинной критикой, тотъ знаетъ, что слова Гейне представляютъ собой полнѣйшее выраженіе истины. Рутинеры не терпятъ горячности, потому что сами они холодны и вялы; рутинеры не терпятъ рѣзкихъ выраженій, потому что сами чувствуютъ за собою грѣхи и боятся правдивой и безошадной оцѣнки, нескрашенной даже мягкостью вѣншей формы; рутинеры не терпятъ новыхъ идей, потому что новая идея есть смертный приговоръ надъ рутинной и надъ тѣми, кто поконится и пасется подъ ея широколиственной тѣнью; и наконецъ рутинеры не терпятъ шутилаго тона, во-первыхъ потому, что имъ вездѣ чудится злая иронія, а во-вторыхъ потому, что, улыбаясь и шутя, можно легко и быстро объяснить мірянамъ такіа вещи, которыя люди рутины желаютъ удержать для себя, какъ жреческую символическую; шутилый тонъ связанъ съ популярностью изложенія, а популярность, по мнѣнію многихъ и многихъ ученыхъ идиотовъ, *унижаетъ достоинство науки*; мы-же съ своей точки зрѣнія переведемъ эту послѣднюю фразу такъ: популярное изложеніе разливаетъ элементарныя свѣдѣнія въ массу общества и вслѣдствіе этого опять-таки убавляетъ доходы рутинеровъ. Еслибы только два десятка профессоровъ могли объяснить удовлетворительно законы свободного паденія тѣлъ, то конечно эти двадцать свѣтилъ были-бы провозглашены велики мудрецами; на ихъ лекціи стекались-бы сотни слушателей и, соразмѣрно съ этимъ, возрастали-бы или по крайней мѣрѣ упрочивались-бы ихъ доходы. Когда-же наука выходитъ изъ университетовъ в академіи и начинается ходить по улицамъ, тогда надо быть дѣйствительно замѣчательнымъ дѣятелемъ, чтобы обра-

тить на себя вниманіе, чтобы съ зоркостью жаться на каѳедрѣ и чтобы впрямую нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ кормить людей результатами своихъ ученыхъ вознѣ. Чѣмъ шире распространены грамотность и элементарное образованіе, тѣмъ сильнѣе свѣтится конкуренція на мѣста преподаванія: всякое молодое, свѣжее или зрѣлое и гениальное дарованіе найдетъ себѣ поле дѣятельности, зато рутинна и посредственность будутъ съ пьедестала и затеряются въ толѣ. Быть, популяризованіе знаній ни для кого не представляетъ такихъ серьезныхъ опасностей, какъ для тѣхъ людей, которые держатъ въ рукахъ монополію знаній и выдаютъ себя за самостоятельныхъ подвижниковъ просвѣщенія. — Разъ двухъ стихотвореній Гейне далъ мнѣ поводъ образомъ поводъ поставить рядомъ два типа людей: одни, подобно Галилею, работали въ внутренней потребности, совершая чуждыя разрабатываемой ими области и въ награду свои подвиги попадаютъ на костеръ или въ изгнаніе; другіе работаютъ на чужой счетъ, перестаютъ трудиться, какъ только удастся составить себѣ репутацію и жить такими съ принасеннаго умственного капи морочать молодыхъ людей фразами, забывая въ нихъ охоту мыслить сухостью своего изложенія и въ награду за свои подвиги понама на академическое кресло или отираются куда-нибудь повыше. Какое общее заключеніе можно вывести изъ этой неутѣшительной параллели? А то заключеніе, что человѣкъ по себѣ предоброе, премилое и преблагое существо: въ немъ пропасть силъ, пропасть лавія примѣнить эти силы такъ, чтобы и и другимъ было хорошо и удобно, пропасть кости, готовности уступить другому и въ очередь съ признательностью принять отъ того радушно-предложенную уступку. И пробуйте этого-же самого милѣйшаго человека толкнуть въ тѣсную комнату съ маленькимъ окошечкомъ, биткомъ набитую другими и получающую со двора слабый притокъ свежего воздуха, — нашъ милѣйшій человекъдохнется или, что всего вѣрнѣе, начнетъ сѣ съ своими новыми сожителями, чтобы тѣсниться въ окошечку. Если у милѣйшаго ровные локти и бока, онъ пробьется, надышать свѣжимъ воздухомъ и навѣрное жестко будетъ отталкивать тѣхъ джентльменовъ, которые въ свою очередь будутъ глотать кислорода. Тутъ ужъ гуманность, когда уступить — значитъ умереть, когда вся жизнь должна быть борьбой обстоятельствами, какъ риторически выражаются писатели и простые смертные, а съ такими живыми людьми, которыхъ мы обязаны, те-ли, любить какъ своихъ братьевъ и самихъ себя. А почему-же, спросить вы,



тѣнный читатель, жизнь должна быть такой истощенной борьбой?—Почему, да почему!— стало быть, такъ ужъ суждено; я, ей Богу, знаю!

Да, жизнь была-бы совершенно невыносима, если бы въ ней не было ничего, кромѣ драки за кусокъ хлѣба и за право жить въ свое удовольствіе. Къ счастью для человѣка, въ самой сѣрой, дождливой и задорной жизни бываютъ свѣтлыя, ясные, упоительныя минуты, минуты сіяющаго счастья, минуты тихаго благоухающаго довольства, минуты безмятежнаго спокойствія. Человѣкъ, измученный тычками и пинками, полумертвый отъ разныхъ сосѣдей по жизни, человѣкъ, утомленный тѣмъ напряженіемъ нервовъ и мускуловъ, которое необходимо для того, чтобы возвращать эти тычки и пинки по принадлежности, человѣкъ этотъ отдыхаетъ и крѣпнѣетъ, когда ему удастся въ теплый лѣтній вечеръ броситься въ пахучую траву, надышаться чистымъ воздухомъ, насмотрѣться на голубую даль, на тихую зыбь спокойнаго, свѣтлаго озера, на зеленую листву здоровой растительности. Мы любимъ природу, мы любимъ жизнь, когда она не давитъ и не разрушаетъ; мы рады хоть на несколько минутъ сложить оружіе, оставить загорную позу, забыть желѣзныя вѣки и его реальныя, неотразимыя требованія; мы рады хоть на несколько минутъ пожить одной жизнью съ природой, смотрѣть, слушать, дышать, не реверсивая, не умничая, не полемизируя. Таковы минуты коротки: того и гляди, откуда нибудь заслышится тревога; но чѣмъ короче побѣныя минуты, тѣмъ онѣ дороже. Кромѣ вѣншей природы, у человѣка есть еще другое убѣжище—любовь женщины. Гейне великодушно понимаетъ и то, и другое; онъ, ветеранъ мысли, ожившій на брешѣ слишкомъ двадцать лѣтъ, тавилъ намъ нѣсколько сотъ мелкихъ стихотвореній, въ которыхъ уловлены самыя разнообразныя и тонкіе оттѣнки человѣческихъ настраивеній; для Гейне жила своей жизнью каждая вновь распускавшійся цвѣтокъ; его радовало, какъ проявленіе жизни, щебетаніе какого жаворонка, суетливая дѣятельность ласточки, бойкое чириканье воробья. Онъ наслаждался легкими, глазами, ушами; онъ лопалъ своими пятью чувствами все, что въ окружающей насъ природѣ нѣжитъ, ласкаетъ, грѣетъ и освѣжаетъ человѣка; это обиліе наслаженій, негребованныхъ никакими искусственными приготавленій, одинаково доступныхъ богачу и пролетарію, было необходимо для Гейне; надо было много наслаждаться, всей грудью вдыхать въ себя свѣжія впечатлѣнія, чтобы такъ долго бороться съ ложью жизни и такъ тѣсно вѣстѣть съ тѣмъ такъ обаятельно смѣяться надъ людскими глупостями. Сарказмъ Гейне—не головной сарказмъ; онъ не выдуманъ, не одобранъ; онъ выливается такъ-же свободно,

такъ-же образно, какъ самое свѣжее лирическое стихотвореніе; въ немъ такъ-же много души и чувства, какъ въ какомъ-нибудь страстномъ обращеніи поэта-юноши къ цвѣтущей природѣ или къ любимой женщинѣ. Чтобы владѣть такимъ сарказмомъ, надо до послѣдней минуты сохранить полную способность жить и наслаждаться, потому что только въ наслаженіи человѣкъ обновляетъ свои силы. Живучесть нашего поэта, его восприимчивость къ звукамъ природы и къ наслаженію, въ какой-бы формѣ оно ни представилось, превышаетъ всякое вѣроятіе. Какъ ни мучили его люди, какъ ни уродовала его болѣзнь, онъ все-таки любилъ жизнь и все-таки находилъ себѣ отраду.

Въ изданіи Штейнмана есть нѣсколько обаятельно свѣжихъ произведеній Гейне, въ которыхъ поэтъ выражаетъ самыя теплыя, любовныя отношенія къ наслаженіямъ жизни. Къ числу такихъ стихотвореній относится напимѣръ «Первый поцѣлуй подъ солнцемъ».

Воодушевленіе поэта доходитъ до такихъ размѣровъ, что онъ даже отступаетъ отъ своего обыкновеннаго трезваго міросозерцанія; онъ представляетъ себѣ, что во всемъ мірѣ развита общая жизнь, что вся природа проникнута одной идеей и что всѣ отдѣльныя лучи свѣта, теплоты и жизни сосредоточиваются въ одномъ фокусѣ. Діаметрально противоположно по проведенному взгляду на вещи слѣдующее короткое стихотвореніе, также помещенное въ изданіи Штейнмана:

«Миръ, ты—молодая дѣвушка, миръ, ты—брокенская вѣдьма, смотря по тому, черезъ какія очки смотрѣть на тебя: черезъ выпуклыя, или черезъ вогнутыя.

«Но если смотрѣть на тебя астрономически, черезъ телескопъ,—то у тебя не найдется половыхъ частей, и ты окажешься гермафродитомъ.»

Насчетъ міросозерцанія Гейне я распространяться не буду. Поговорю лучше объ отношеніяхъ его къ женщинѣ. Гейне смотрѣлъ на женщину, какъ на источникъ величайшихъ наслаженій, но дальше этого взгляда онъ не шелъ; женщина удовлетворяла самымъ утонченнымъ требованіямъ его нервной системы, но она не шевелила его мозговыхъ нервовъ: онъ любилъ въ женщинѣ пластическую красоту, граціозное сочетаніе ливій, контуровъ и красокъ, женственную мягкость и кокетливое остроуміе, но не становился съ женщиной въ равноправныя отношенія, не говорилъ съ нею серьезно, не сообщалъ ей задушевныхъ идей и убѣжденій, и самъ рѣшительно не заботился о томъ, какъ она смотритъ на миръ, на жизнь и на человѣка. Онъ шалилъ, игралъ съ женщиной, находилъ, что эти шалости составляютъ лучшее украшеніе жизни, но, кажется,



не считал возможным стоять съ женщиной подъ однимъ знаменемъ и смотрѣть на нее какъ на честнаго и стойкаго союзника. Его эротическія стихотворенія всѣ до одного носятъ на себѣ печать этого воззрѣнія; никогда онъ не говоритъ съ женщиной или о женщинѣ безъ какой-то снисходительной улыбки, которая даже въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ не покидаетъ его губъ. Гейне не могъ возвыситься до тѣхъ серьезныхъ и глубокихъ отношеній, въ которыхъ, по собственному своему признанію, Джонъ Стюартъ Милль находился къ своей покойной женѣ. Люди, ратующіе теперь за полную правоту женщины, имѣютъ полное право упрекнуть Гейне въ легкости его воззрѣнія на женщину; этотъ упрекъ будетъ справедливъ, но жестокъ. Для человѣка, работавшаго и сражавшагося съ рутинной втеченіи всей своей жизни, для скитальца, изгнаннаго изъ родины, для поэта съ пылкими страстями и съ впечатлительными нервами необходимо было имѣть теплый уголокъ, отогрѣваться въ объятіяхъ женщины, отдыхать и обновляться ея страстными ласками. Послѣ труда необходимъ былъ полный отдыхъ, а перевоспитываніе любимой женщины — опять-таки дѣятельность, — дѣятельность обаятельная, но все-таки истощающая силы. Реформировать тѣхъ женщинъ, которыми онъ увлекался, у нашего поэта не доставало силъ; измученный борьбой жизни, онъ входилъ къ любимой женщинѣ единственно для того, чтобы подышать другимъ воздухомъ, чтобы пошутить, подурачиться, приласкаться. Можно ли за это быть въ претензіи на Гейне? Можно ли требовать отъ человѣка, поднимавшаго на плечи десять пудовъ, чтобы онъ поднималъ еще пять, да еще чтобы онъ не осмѣливался нигдѣ присѣсть и перевести духъ? Вѣдь это жестоко; вѣдь это значитъ прямо требовать, чтобы человѣкъ надорвался. А Гейне и безъ-того былъ надорванъ жизнью. Страданія взяли свое — и великій поэтъ умеръ отъ мучительной нервной болѣзни, превратившись задолго до своей смерти въ разлагающійся трупъ. Стоитъ прочесть въ изданіи Штейнмана отдѣлъ стихотвореній «Aus der Matratzengruft» («Изъ постельной могилы»), чтобы составить себѣ понятіе о томъ, что вынесъ этотъ великій страдалецъ.

### III.

#### Побѣда надъ самодурами и страдальческій крестъ. Сатирическая бывальщина *Гермогена Трехзвѣздочкина*.

Когда мнѣ было лѣтъ семь или восемь, когда я учился французскому языку, мнѣ часто при-

ходилось переводить анекдотъ слѣдующаго держанія: «Одинъ драматическій писатель слалъ въ дирекцію театра комедію своего сочиненія. Къ этой комедіи было приложено письмо, въ которомъ авторъ извѣщалъ дирекцію, что онъ написалъ свою комедію въ тринадцать дней. Дирекція просмотрѣла комедію и возвратила ее съ помѣткой, что авторъ долженъ употребить двѣнадцать мѣсяцевъ, а не тринадцать, чтобы исправить свое произведеніе. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ переводилъ этотъ анекдотъ съ французскаго языка на русскій, и обратно; съ тѣхъ поръ пришлось до нѣкоторой степени познакомиться съ міромъ литературныхъ дѣятелей и литературныхъ рабочихъ, и я тутъ припомнилъ забытый анекдотъ и вполне убѣдился въ справедливости. Самолюбіе литератора живо и мелочно, щеколиво и необузданно; самолюбіе постоянно встрѣчаетъ себя въ женные щелчки и все-таки не унимается».

Плодомъ такого неудержимаго самодури явилась книга: «Побѣда надъ самодурами и страдальческій крестъ». Эта книга съ введениемъ, изъ котораго мы узнаемъ довольно много фактовъ о личности автора, скрывающаго свое подлинное имя подъ оригинальнымъ псевдонимомъ Гермогена Трехзвѣздочкина.

Первый фактъ тотъ, что вся книга написана въ четыре недѣли. «Это была, — говоритъ авторъ, — импровизація сердца, это было излияніе души, убитой полнымъ равнодушіемъ и злымъ злорадствомъ нѣкоторыхъ». Второй фактъ тотъ, что авторъ импровизаціи въ тридцать лѣтъ питалъ постоянную дружбу съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ Одинцовымъ, которому посвящается вся книга, написанная даже по совету его совѣта. — То, что я называю введениемъ, представляетъ, собственно говоря, личное обращеніе автора къ своему самому дорогому другу; какъ лирическое обращеніе, оно полно своимъ составомъ для публики не только интересно, но и полезно. Мы, публика, имѣемъ вывести изъ него слѣдующія заключенія: звѣздочкинъ уже не молодъ и притомъ жимъ неистовой охотой писать. Если предположить, что онъ подружился съ своимъ другомъ, когда ему было лѣтъ десять, то автору «сатирической бывальщины» уже сорокъ, стало быть, пора юношескихъ восторговъ и бѣшеннаго вдохновенія прошла безвозвратно и притомъ безслѣдно; Трехзвѣздочкинъ самъ признаетъ себя рекрутомъ въ фашистскомъ писательствѣ; но, воля ваша, чтобы въ немъ написать цѣлую книгу въ 244 стр., надо дать значительной бѣглою пера, такой бѣглою, которая, сколько мнѣ извѣстно, не имѣетъ ступня самымъ плодовитымъ изъ нашихъ современныхъ писателей. Несмотря на эту бѣглоту, которая сама по себѣ составляетъ немалую



э достоинство, я осмѣлюсь выразить предположеніе, что Трехзвѣздочкинъ останется романнымъ рекрутомъ, и что пріемъ, который бѣдуетъ публика его «импровизаціи», больно страивать раны его оскорбленнаго самолюбія. Овѣсть или романъ, который онъ разсказываетъ въ своей книгѣ, представляетъ одну изъ изчисленныхъ варіацій на давно избитую тему. Прожившійся дворячичъ женится на купеческой дочкѣ, чтобы породниться съ богатымъ купцомъ и запустить руку въ его непотой сундукъ. Въ первой части «сатирической бивальщины» все идетъ самымъ казеннымъ порядкомъ; тутъ есть и гостинница, въ которую промотавшійся герой, Валерьянъ Николаевичъ Шугаровъ, задолжалъ за нѣсколько мѣсяцевъ; тутъ есть и буфетчикъ, дающій кому-же герою деньги въ кредитъ, вѣроятно потому, что иначе Валерьяну Николаевичу невозможно будетъ исполнить приказаній своего автора; тутъ подвертывается очень кстати пріятель Шугарова съ рекрутской квитанціей, которая даетъ герою возможность познакомиться съ семействомъ богатаго купца Сермяжниковъ: тутъ, ну, однимъ словомъ—тутъ авторъ устраняетъ всѣ препятствія; Гермогенъ Трехзвѣздочкинъ разсуждаетъ вѣроятно такъ: я—авторъ, я выдумалъ этихъ людей, я создалъ это положеніе, ну, стало быть, я воленъ распоряжаться ими, какъ мнѣ угодно; а если какой-нибудь нахаль-критикъ, по зависти къ моей изобрѣтательности, вздумаетъ доказывать мнѣ, что я вру на дѣйствительность, то я отвѣчу ему, что это не его дѣло, назову его злонамѣреннымъ и злораднымъ клеветникомъ, напишу чувствительное посланіе къ моему старому другу и въ двѣ недѣли выдумаю новую вереницу лицъ и положеній. Для Трехзвѣздочкина не существуетъ затрудненій; ему надо, чтобы его герой познакомился съ купеческой дочкой, — сейчасъ является на выручку рекрутская квитанція; надо, чтобы этотъ герой поправился своей будущей супругѣ,—это достигается двумя-тремя комплиментами; надо сдѣлать подарокъ горничной,—сейчасъ-же оказывается, что у Шугарова подъ руками платъе, которое ему поручили передать его сестрѣ. Авторъ «сатирической бивальщины» не задумывается надъ средствами; онъ запутывается и распутываетъ интригу, не обращая никакого вниманія на законы логики и правдоподобія; дѣло кончается тѣмъ, что его герой, похожій, какъ блѣдная копія, на Хлестакова или Вихорева, женится на толстой дочери богатаго купца и сверхъ всякаго ожиданія становится образцовымъ мужемъ, хорошимъ хозяиномъ и во всѣхъ отношеніяхъ добродѣтельнымъ человекомъ.

Уже изъ одного этого обстоятельства мы можемъ заключить, что авторъ смотритъ на жизнь

и на людей почти такъ-же наивно и добродушно, какъ покойный Карамзинъ, авторъ «Вѣдной Лизы» и «Исторіи государства Россійскаго». Оптимизмъ Трехзвѣздочкина вырывается еще яснѣе во второй части его произведенія. Тутъ онъ рѣшаетъ такую задачу, передъ которой отступали величайшіе дѣятели нашей литературы: дѣятели эти къ сожалѣнію всѣ были болѣе или менѣе пессимистами и никакъ не умѣли возвыситься до той умиленной наивности воззрѣній, на которую съ перваго раза отважился Трехзвѣздочкинъ. Въ произведеніяхъ нашихъ дѣятелей случалось всегда такъ, что одолѣвали самодуры и что подъ ихъ тяжелыми стопами задыхалось и вымирало возникавшее движеніе жизни. У Трехзвѣздочкина выходитъ совсѣмъ наоборотъ, и даже вторая часть его бивальщины украшена заманчивымъ заглавіемъ: «Побѣда надъ первымъ самодуромъ». Я, признаюсь, приступилъ съ замираніемъ сердца къ чтенію этой второй части. Что, если, думалъ я, содержаніе этихъ 114 страницъ соответствуетъ заглавію? Что, если дѣйствительно Трехзвѣздочкинъ укажетъ намъ средство радикально излечивать людей, одержимыхъ бѣсомъ самодурства: вѣдь это будетъ рай земной, блаженство, а не жизнь. Всѣ наши страданія происходятъ отъ того, что мы сами душимъ и что дураятъ окружающіе насъ люди; когда это повсемѣстное преобладаніе глупости будетъ опрокинуто, тогда буквально потекутъ рѣки молока и меда; и все это найти за 2 р. 50 к. въ книгѣ совершенно неизвѣстнаго писателя. согласитесь, что это такое счастье, отъ котораго можетъ закружиться голова. Человѣкъ всегда расположенъ надѣяться; надежда, крошечная посланница небесъ, даетъ намъ силы переносить дразги нашей отвратительной жизни, дразги отъ климата, дразги отъ денежныхъ дефицитовъ, дразги отъ глупостей и подлостей человеческого рода. Когда на дворѣ смертельный холодъ, мы надѣемся, что будетъ оттепель; когда на улицахъ стоятъ непроходимыя лужи, мы надѣемся, что ихъ какъ-нибудь разметутъ; когда мы завалены безплодной работой, мы надѣемся, что авось будетъ когда-нибудь полегче; не только человѣкъ, даже собака и та надѣется; когда хозяинъ начинаетъ ее бить, она визжитъ, а сама все-таки надѣется: ну, думаетъ себѣ, ударить, побьетъ, больно побьетъ, а все-же когда-нибудь да перестанетъ; и вѣдь, знаете-ли, собака не ошибается: дѣйствительно побьетъ и перестанетъ; она полижетъ руку и на будущее время будетъ надѣяться пуше прежняго. Но я, какъ рецензентъ, оказался гораздо несчастнѣе собаки: я прочиталъ 130 страницъ, нашелъ, что онѣ наполнены невообразимой чепухой, и думалъ на томъ покончить, но мнѣ бросилось въ глаза заманчивое до нельзя заглавіе второй части, я понадѣлся: не все-



же Трезвѣздочкинъ будетъ говорить вздоръ, — началъ читать и жестоко разочаровался. Вторая часть вышла не въ примѣръ безобразію первой, а средство побуждать самодурство оказалось ужаснѣйшимъ пуфомъ, достойнымъ самаго отчаяннаго идеалиста. Дѣло вотъ въ чемъ: Шугаровъ женился на дочери Сермяжникова, и женился, какъ я уже говорилъ, потому, что прокутилъ свое наслѣдство, а жить и жуировать желалъ попрежнему. Съ женой онъ зажилъ какъ нельзя лучше; занялся ея образованіемъ, научилъ ее одѣваться, какъ слѣдуетъ, и даже ввертывать въ разговоръ французскія слова, и даже читать какія-то умныя книжки, которыхъ заглавія впрочемъ, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, не помѣчены въ «сатирической бивальшинѣ». Гуманизируя такимъ образомъ свою жену, Шугаровъ не забылъ и тестя, хотя конечно перевоспитать кражистаго старовѣра-купца, да еще вдобавокъ миллионера, было совсѣмъ не такъ легко, какъ отполировать молодую женщину, страстно привязанную къ своему развивателю. Педагогическія упражненія свои надъ старымъ самодуромъ Шугаровъ началъ съ слѣдующей, весьма оригинальной продѣлки. У Сермяжникова была рожа, купленная имъ на имя той самой дочери, которая вышла замужъ за Шугарова; М-ше Шугарова дала своему мужу довѣренность, а мужъ этотъ, чтобы уплатить свои долги, приобрѣтенные до свадьбы, взялъ да и заложилъ куда-то въ частныя руки тятенькину рошу. Вы не угадываете, читатель, какую связь эта продѣлка имѣетъ съ гуманизацией стараго купца. О, вы недогадливы, почти такъ-же недогадливы, какъ я самъ; я тоже, читая бивальшину, не понималъ, къ чему клонится дѣло, а на повѣрку вышло, что эта штука не что иное, какъ первый урокъ. Педагоги твердятъ постоянно, что надо учить дѣтей шутя и играя, вотъ Шугаровъ и сыгралъ штуку, и успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія читателя и рецензента.

Узнавши о томъ, какимъ манеромъ зять начинаетъ его обтесывать, старый Сермяжниковъ разсвирѣпѣлъ; онъ тоже не понималъ, что все это дѣлается для его-же пользы; потребовалъ къ себѣ своего молодчика-зятя, накричалъ, на шумѣлъ, хотѣлъ даже поколотить его, но тутъ Шугаровъ, вспомнивъ святое назначеніе педагога, немедленно вступаетъ въ отправленіе своихъ обязанностей и даетъ самодуру второй урокъ; онъ схватываетъ стулъ и замахивается имъ надъ самой головой тятеньки, а потомъ произноситъ краткое, но крѣпкое слово. Прошу васъ, господа читатели, обратить вниманіе на тотъ фактъ, что Шугаровъ только замахивается, а не разить; онъ, стало-быть, принадлежитъ къ новой школѣ педагоговъ; онъ наказываетъ непослушнаго воспитанника страхомъ палки, а не самой палкой, — разница, какъ видите, огромная;

достоинство человѣка спасено и въ то время воспитаннику внушенъ спасительный страхъ. Самодуръ утихаетъ, потомъ отпрашивается къ какой-то княгинѣ; та его услаждаетъ окончательно, исторгаетъ изъ его омыслъ раскаянія и умиленія, заставляетъ его отказаться отъ самодурства и убѣждаетъ въ необходимости отдѣлать дочери и зятю въ крайней мѣрѣ двѣсти тысячъ серебромъ. Самодуръ окончательно растаяваетъ отъ этихъ слезъ, кланяется въ ноги матушкѣ-княгинѣ, благодаритъ ее за то, что она его, дурака, поставила на путь истины, и общается свято съ зятемъ ея совѣты. Пріѣхавъ домой, Псой Валуевъ мирится съ зятемъ, находитъ себя въ немъ новатымъ, благодаритъ и его также за умиленіе, потомъ отдѣляетъ ему съ женою такой капиталъ, на который немедленно покупается нѣтъ въ тысячу душъ. Вотъ тебѣ и разъ! Изъ этой мысловатой были можно вывести во-первыхъ правоученіе, а во-вторыхъ — практическое заключеніе.

*Правоученіе.* Если ты, о читатель, находишься въ затруднительномъ положеніи, изведи себя богатую невѣсту.

Если ты задолжалъ, плати долги деньгами супруги; если у нея нѣтъ денегъ, продавай и закладывай ея вещи; если у нея нѣтъ вещей, стащи что-нибудь у ея тятеньки и, продавъ священную вещь, откупись отъ долгового отягощенія и спаси такимъ манеромъ свою дворянскую честь.

Если тятенька узнаетъ объ участи своей вещи, не робѣй; если онъ станетъ укорять тебя въ посягательствѣ на чужую собственность, воспрянь въ полномъ величіи оскорбленнаго гордости, смѣлой рукою схвати тяжелый стулъ, взмахни имъ надъ головой обидчика и оплоти-таки заговори възволнованнымъ голосомъ о долгахъ и чести дворянина.

Поступая такимъ образомъ, ты, о читатель, поправишь свои разстроенныя обстоятельства, составишь счастье той женщины, которая кинется въ твои объятія душой и тѣломъ, одержишь окончательную побѣду надъ закоренѣлымъ самодурствомъ ея отца и, въ заключеніе, сдѣлаешься обладателемъ великолѣпнаго имѣнія и отличнаго каменнаго дома. Ты сдѣлаешь такимъ образомъ великое добро себѣ и другимъ, исполнишь какъ слѣдуетъ назначеніе человѣка и укрѣпишь въ мирѣ, съ спокойной совѣстью.

*Практическое заключеніе.* Любезный читатель, если васъ одолеваетъ самодуръ, то вы распорядитесь съ нимъ такъ: сначала положите надуйте ихъ, потомъ шарахните ихъ по головамъ какимъ-нибудь тяжелымъ дрекольемъ; повторяйте оба эти маневра какъ можно чаще и будьте увѣрены, что вы скоро избавитесь отъ самодуровъ, и что они-же сами придутъ васъ благодарить за ваши заботы.



Любезный читатель, согласитесь, что все это гасно нелѣпо и даже перестаетъ быть смѣшнымъ; я самъ это сознаю и пишу только потому, что я самъ—лицо подначальное; что намъ лѣтъ писать, то мы пишемъ; чего не вѣтъ писать, того не пишемъ; бьемся, какъ баба объ ледъ, пляшемъ, какъ карась на скородѣ, смѣемся, когда кошки на сердцѣ скрежуся... Эхъ, ужъ и не говорилъ-бы! Ну, ихъ со-сѣмъ! Приведу вамъ лучше пренотѣшное мѣсто изъ «сатирической бывальщины», именно самый эпилогъ:

«Итакъ, побѣда надъ однимъ изъ самодуровъ была полная, совершенная: оно пало, это самодурство, и уже болѣе никогда не поднималось. И такимъ образомъ въ одинъ и тотъ-же часъ, въ одной и той-же комнатѣ, въ одномъ и томъ-же лицѣ совершилось и возстаніе, и паденіе (sic!); возсталъ падшій ангелъ, пало возносившееся когда-то высоко самодурство. И чудо это совершилось отъ одного только легкаго дуновения цивилизаціи... Что-же становится человѣчествомъ, когда подуетъ полный, попутный вѣтеръ прогресса и накренитъ впередъ всѣми парусами тотъ гигантскій левіаѳанъ цивилизаціи, на которомъ человѣчество плыветъ по безпредѣльному океану жизни... Но откуда, но куда, но зачѣмъ?.. И не разгадать того во вѣки уму человѣческому!.. Преклонимся-же передъ этой густой завѣсой будущаго: не въ мочь хилой человѣческой рукѣ приподнять эту тяжелую завѣсу; не выдержать его слабому, непривычному зрѣнію сіянія того солнца, которому суждено освѣщать отдаленную будущность нашей расы. Параличъ разобьетъ эту дерзкую руку, мгновенная слѣпота поразитъ это слабое зрѣніе и вящшій мракъ разольется окрестъ человѣчества, отъ его преждевременнаго и богопротивнаго домогательства. Предоставимъ-же рукѣ Божественнаго Промысла мало-по-малу приподнимать эту завѣсу, такъ что постепенно окрѣпнетъ человѣческое зрѣніе и люди будутъ въ состояніи беззавѣтно и согрѣваться, и освѣщаться лучами солнца вездѣсущихъ разума, справедливости и человѣколюбія, и уже болѣе не бояться ослѣпнуть отъ лучезарнаго сіянія солнца Безусловной Правды.»

Я васъ спрашиваю, господа читатели, возвышался-ли самъ Гаврило Романычъ до такого пафоса созерцанія?—Нѣтъ, не возвышался! Доходилъ-ли самъ Кифа Мокіевичъ до такихъ глубокихъ и всеобъемлющихъ выводовъ?—О, нѣтъ, не доходилъ!

Я-бы никогда не позволилъ себѣ во второй разъ утруждать читателей «Русскаго Слова» отчетомъ о литературныхъ трудахъ Гермогена Трехзвѣдочкина, еслибы этотъ господинъ не обвинилъ меня печатно въ пристрастіи, въ несправедливости, во лжи и пр. Всѣ эти обвине-

нія посыпались на меня за рецензую, помещенную мною въ ноябрьской книжкѣ нашего журнала. Чтобы показать моимъ читателямъ, что отзывъ мой о книгѣ Трехзвѣдочкина былъ очень снисходителенъ, я въ этой статьѣ не буду говорить отъ себя почти ни одного слова. Представлю читателямъ букетъ выписокъ, и пусть они сами судятъ книгу и произносятъ надъ нею приговоръ.

Вотъ, напримѣръ, о воспитаніи: «Ну, и наградите его, да только не изюмцемъ и не яблочкомъ... А дайте ему въ соприкасалице, т. е. постегайте его маненько извѣстными и по извѣстной. Это будетъ для него не въ примѣръ «пользительнѣе» вашего изюмца и яблочка, если не въ настоящемъ, то въ будущемъ».

Вотъ остроуміе: «Что-же касается до конторскаго кота Васьки, который имѣлъ чрезвычайно много и ума, и гонору, и ни капли мѣднаго лба, то, услышавъ рѣзкій о себѣ отзывъ Виссаріона I, рѣшился сильно и немедленно протестовать, и для этого собралъ на митингъ въ конторскомъ подвалѣ всѣхъ красноярскихъ котовъ и промаякалъ передъ ними блистательную рѣчь въ защиту своей чести. Вотъ образчикъ этого котовскаго красноярчія»:

И затѣмъ слѣдуетъ на десяти страницахъ сцена между кошками.

Вотъ изображеніе сильнаго чувства: «За малѣйшее оскорбленіе моего самолюбія буду мстить здѣсь, до гроба, и даже тамъ, за гробомъ. Если не успѣю выместить на самомъ обидчикѣ, буду мстить его женѣ, сестрѣ, брату, дѣтямъ, внучатамъ, правнучатамъ. А если никого изъ нихъ не окажется, и обидчикъ мой умретъ прежде, нежели я успѣю ему отмстить, тогда я проберусь ночью, какъ тать, на кладбище, самъ своими руками разрою его могилу, достану гробъ, выну кости моего обидчика и буду наругаться надъ ними, буду топтать, попирать ихъ моими ногами, стану плевать, харкать на нихъ и размечу ихъ на всѣ четыре стороны!»

Вотъ мнѣніе Трехзвѣдочкина о современной литературѣ: «Слѣпцы!... имъ нужны авторитеты, а не таланты... Какъ пѣтухи, которые копаются въ навозныхъ кучахъ и отыскиваютъ въ нихъ одни овсяныя или другія зерна, бросаясь презрѣніемъ попавшійся имъ случайно алмазъ или жемчужину, они роются въ навозной кучѣ земной жизни и отыскиваютъ въ ней не новые и свѣжіе таланты, а авторитеты, въ которые вѣрують слѣпо, безконтрольно, мѣряя ихъ на аршинъ мелочныхъ, но непосредственныхъ барышей. И вотъ попалось въ ихъ пѣтушиный клювъ зерно, то есть статейка, такъ себѣ, но за подписью авторитета и порой какого?... Отысканнаго кѣмъ-то въ закоулкахъ Апраксина или Щукина двора у какого-то букиниста и вымѣняннаго, какъ библиографическая рѣдкость, но только подозрительнаго достоинства...



И вотъ нашъ пѣтухъ, со статьей въ клювъ, бѣжитъ со всѣхъ ногъ и карабкается на заборъ. А другіе пѣтухи, его собраты по навозной кучѣ, глядя на него, кричатъ во все пѣтушиное горло: *кукуреку!* Смотрите, смотрите! у нашего собрата въ клювъ гениальная статья, *перлъ созданія*, плодъ глубокой учености и высокаго таланта нашего Апраксинскаго авторитета! Кукуреку, ку-куреку!!! Ну, а за этими пѣтухами и нѣкоторые хохлатые куры вторятъ своимъ мужьямъ и горланятъ во всю куричью глотку: кудахъ-тахъ-тахъ, кудахъ-тахъ-тахъ!»

Вотъ дѣяніе того героя, которому вполне сочувствуетъ авторъ: «Громиловъ, весь погруженный въ разговоръ съ купчихою и словно пробужденный отъ сна, встрепенулся, поднялъ голову и, сказавъ: «Дерзкая маска!» со всего размаху послалъ ей въakraхмаленныя юбки и пониже спины сильнѣйшаго шепка, который, какъ пистолетный выстрѣлъ, раздался по всей залѣ».

А вотъ какъ извиняется тотъ же герой въ своемъ эксцентричномъ поступкѣ: «Ахъ, это вы! Извините меня, мадамъ N N! Я полагалъ, что это кухарка моего пріятеля, извѣстная всему городу Каролинхенъ. Я видѣлъ вчера на ней точь-въ-точь такой-же костюмъ, какъ и на васъ, который принесли къ ней изъ магазина Семихвостовой и который она при мнѣ пріимѣривала. Еслибы я зналъ, что это не кухарка, а вы, я никогда не позволилъ-бы себѣ того, что я сейчасъ сдѣлалъ».

А вотъ еще поступокъ того-же сорта: «Громиловъ не выдержалъ: вырвалъ племянницу изъ рукъ полушьяной мегеры, отдалъ ребенка на руки одной изъ горничныхъ, сбѣжавшихся толпой въ залу на шумъ и на обморокъ барыни. Потомъ повернулъ вѣмку своей могучей рукой къ двери и принялся ее выталкивать. Мегера еще не хотѣла сознать себя побѣжденной, а обернувшись, оцарапнула ногтями одну щеку у Громилова и намѣревалась сдѣлать то-же и съ другой; а въ заключеніе собралась укусить его за руку. Но это ей не удалось. Владимиръ снова повернулъ ее къ двери и на этотъ разъ такъ сильно придержалъ ее за плечо, что у нея отнята была малѣйшая возможность оборачиванья, царапанья и кусанья. Затѣмъ, раздраженный до-нельзя и обморокомъ сестры, и болѣзненнымъ крикомъ ребенка, и не совсемъ пріятнымъ ощущеніемъ царапины на собственной щекѣ, онъ отпустилъ ей по спинѣ нѣсколько полновѣсныхъ ударовъ тоненькой камышевой тросточкой, находившейся у него въ рукѣ. Конечъ концовъ: вѣйка была вытолкана изъ дома, посажена на телегу, куда уже были снесены всѣ ея пожитки, разсчитана до послѣдней копѣйки и отправлена въ Одессу».

Вотъ еще выходка автора противъ литературы и критики, осмѣлившейся осудить ори-

гинальные поступки его героя: «И тутъ же поддѣлать его ошибку разные бумагагопачкуны и кропатели, эти однодворцы таланта, эти бездарные поденщики клякъ и пера, чернорабочіе повременныхъ панегиристы и кадильщики однихъ протестовъ. И примутся они бросать печатной грязью въ честное и свѣтлое имя того, кто только въ томъ, что сознался въ однихъ своихъ проступкѣхъ, тогда какъ у многихъ изъ этихъ телей и судей имѣется на совѣсти много проступковъ, несравненно предосудительнѣе, но тщательно ими скрываемихъ. И падетъ онъ, мученикъ своей добросовѣстности, правды, въ разные печатные листы и циркуляры, на одну доску съ опозоренными именами. И осудятъ его безъ суда и безъ апелляціи, убьютъ въ немъ и талантъ, и жажду жизни и полезной дѣятельности!...»

Вотъ будущій апофеозъ героя, избиваемаго барыни и вѣжкою: «Проснется тогда нашъ Владимиръ отъ оцѣпенѣнія, т. е. отъ слѣдствій недоверія къ своимъ силамъ, невозможнаго, беспощадной строгости къ своимъ произведеніямъ и тяжелого, всеподавляющаго воспоминанья о своей колыбели, гдѣ его встрѣтила и вела на жизнь ненависть родной матери... И запоетъ онъ тогда пѣсню громкую, диную, сладкозвучную, соловьиною, но бытъ-можетъ свою пѣсню послѣднюю, лебединую; прокричитъ и улетитъ туда, къ источнику свѣта и тѣмъ премудрости и любви, бросивъ съ грустью сожалѣніемъ о безплодности своего земнаго поприща, бросивъ свой умирающій взглядъ на своихъ бывшихъ судей и зулителей и скинувъ имъ:

«Прощайте, друзья и братія! Я былъ жемчужиной — и вы меня не позвали. Оставляйте-же вѣчными дѣтьми и слѣпцами, оставляйте-же своими позолоченными кумирами, увѣчиванными вами незаслуженными и поддѣльными лаврами. И никогда не перестанете вы поклоняться тѣмъ или другимъ кумирамъ; на вѣки останетесь слѣпцами и язычниками... А я полечу къ моему Отцу Небесному, и у подножія Его престола буду пѣть пѣсни сладкія, высокія, которыхъ вы не хотѣли слушать, потому что изъ не понимали. *Не доросли до нихъ!*...»

А вотъ наконецъ образецъ реализма, до котораго конечно до Трехвѣздочкина не доходило: «Подлецъ ты, мой затюшка, бывший купецъ Софронъ Антроповъ сынъ Трофейниковъ, а нынѣшній мусье Софронъ Антроповъ Трѣпенъ! Подлецъ ты естественный! Подлецъ ты съ головы до пятокъ! Подлецъ ты и съ рожей, и съ кожей, и съ руками, и съ ногами! Подлецъ ты изъ подлецовъ! Подлецъ ты былъ, подлецъ ты есть, подлецъ будешь, подлецомъ издохнешь; и да будешь ты, анаема проклятыя отнынѣ и во вѣки вѣковъ аминь! Вотъ тебѣ



родительское благословеніе!—И съ самымъ словомъ собралъ я, свать, полонъ ротъ смехомъ, нарочито для того откашлянувшись и кинулъ я въ его богомерзкую харищу. Увертываясь, окаянный! Прежде, чѣмъ я успѣлъ въ харищу-то ему харкнуть, повернулся ко мнѣ другой; ну, и шлепнулось ему о спину мое родительское благословеніе. Такую большущую, шлепну, личицу налѣпилъ на его кургузку, что его полотенца куда мало, чтобы отереть ее».

Ну, довольно и этого. Судите сами, господа читатели, хороша-ли книга Трехзвѣздочкина, который въ статьѣ, направленной противъ меня, съ пѣной у рта требуетъ, чтобы критика относилась мягко къ *начинающимъ дарованіямъ*. Мое убѣжденіе насчетъ «сатирической бывальщины» таково; первая часть плоха и скучна. Вторая часть составляетъ уже просто патологическое явленіе. Трехзвѣздочкину нужна не критика, а медицинская помощь.

## МЕТТЕРНИХЪ.

Мои мемуары, — говоритъ князь Меттернихъ, — составили-бы исторію моего времени; мнѣ нужно писать ихъ, они уже написаны и лежатъ въ архивахъ». Въ этихъ словахъ, напервозданно пропитанныхъ наивнѣйшимъ самообольщеніемъ, много правды. Съ 1809 года Меттернихъ становится главой австрійской дипломатіи, и до 1848 года ни одно обще-европейское событіе не обходится безъ его участія. Продолженіи сорока лѣтъ Меттернихъ занимается и распутываетъ дипломатическіе вопросы, созываетъ конгрессы, обсуживаетъ важнѣйшіе интересы націй и правительствъ, умѣетъ по-своему воодушевленіе народовъ, постоянно борется противъ требованій духа времени и наконецъ падаетъ отъ неудержимаго вѣтра новыхъ идей и стремленій. Характеристика этой многосторонней дѣятельности могла бы подать поводъ къ плодотворнымъ размышленіямъ въ области новѣйшей исторіи и психологіи. Писать біографію Меттерниха значитъ улавливать тѣ идеи, которыя онъ проводилъ въ своей дѣятельности, отдѣлять въ этихъ идеяхъ то, что принадлежитъ самому Меттерниху, отъ того, что приписано ему ошибочно, и, объясняя дѣйствія отдѣльной личности вліяніемъ времени и обстоятельствъ, произносить сужденія надъ цѣлымъ типомъ политическихъ дѣятелей, надъ цѣлымъ направленіемъ, надъ цѣлой стемой административныхъ учреждений. Въ этомъ объемѣ разрѣшить такую огромную задачу въ предѣлахъ журнальной статьи — невозможно; поэтому необходимо изъ многолѣтней дѣятельности Меттерниха выбрать болѣе яркіе моменты, замѣчательные моменты и, освѣтивъ ихъ къ слѣдуетъ, показать читателямъ, что за повѣкъ былъ князь Климентъ Венцеславъ Лоріи Непомукъ Меттернихъ и что такое его именитая система, передъ которой многіе благовѣрили, которую многіе осуждали и которой обрѣтеніе не совсѣмъ основательно приписали австрійскому государственному канцлеру.

### I.

Отецъ австрійскаго министра, графъ Францъ-Георгъ фонъ-Меттернихъ, принадлежалъ къ старинной нѣмецкой аристократіи: предки его владѣли обширными помѣстьями на Рейнѣ и отличались особенной приверженностью къ интересамъ католической церкви; имена многихъ Меттерниховъ встрѣчаются въ нѣмецкихъ лѣтописяхъ, и Лотаръ Меттернихъ въ началѣ XVII столѣтія является даже владѣтельнымъ курфирстомъ Трирскимъ. Впрочемъ на этой высотѣ родъ Меттерниховъ не удержался, и графъ Францъ-Георгъ въ 1768 году является посланникомъ Трирскаго курфюрста при вѣнскомъ дворѣ, а въ 1774 году переходитъ въ австрійскую службу. Состояніе графа по числу помѣстьевъ было блестящее, но онъ жилъ такъ роскошно, что доходовъ не доставало; долги росли ежегодно, и сыну графа, князю Клименту Меттерниху, пришлось удовлетворять старыхъ кредиторовъ своего отца тогда, когда онъ самъ уже находился на высшей степени своего могущества. Разоряя такимъ образомъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей, Францъ Меттернихъ умѣлъ хорошо поставить себя при вѣнскомъ дворѣ и, составивъ себѣ значительныя связи, далъ своему сыну возможность сразу выйти на блестящую дорогу, не тратя силъ на черную работу и не засиживаясь въ низшихъ инстанціяхъ. Воспитаніе молодого графа Климента было ввѣрено его матери, женщиנѣ умной, серьезно смотрѣвшей на свои обязанности, но конечно, какъ и слѣдовало ожидать, не свободной отъ кастическихкихъ предразсудковъ.

Климентъ Меттернихъ родился въ 1773 году, въ концѣ XVIII столѣтія, въ то время, когда выростало поколѣніе первой французской революціи. Идея, опрокинувшая старый престолъ Бурбоновъ, прокралась въ аристократическій графскій домъ; первымъ наставникомъ Климента былъ эльзасскій уроженецъ Симонъ, горячо сочувствовавшій мнѣніямъ и поступкамъ позднѣй-



шихъ якобинцевъ. Онъ говорилъ ребенку о силѣ и значеніи этихъ мѣнѣй, носившихся въ воздухѣ эпохи, онъ предсказывалъ ихъ торжество, и ребенокъ запоминалъ эти рѣчи; онъ не сдѣлался революціонеромъ, потому что обстоятельства повели его въ другую сторону; но, оставаясь всѣми силами абсолютизмъ, Меттернихъ считалъ необходимымъ поддерживать его искусственными средствами. Это стремленіе къ поддержанію принципа, за который онъ боролся впродолженіи 40 лѣтъ, эта постоянная тревожная боязнь революціи происходила въ Меттернихѣ именно оттого, что онъ былъ близко знакомъ съ идеями либераловъ и въ молодости самъ испыталъ на себѣ силу этихъ идей. Пятнадцати лѣтъ отъ роду молодой графъ отправился въ Страсбургъ слушать лекціи въ тамошнемъ университетѣ. Онъ вынесъ оттуда свободное отношеніе къ вопросамъ религіи, усвоилъ способность послѣдовательно мыслить и привыкъ внимательно вглядываться въ окружающіе предметы; онъ развилъ формальную сторону ума, не обогативши его значительнымъ запасомъ фактическихъ свѣдѣній. Онъ учился шутя, не переставая быть диллетантомъ науки и обходя всѣ ея непривлекательныя и на первый взглядъ сухія стороны; оно и понятно; ему было 16 лѣтъ; онъ былъ уменъ и хорошъ собою; у него была возможность жить весело и роскошно; онъ пользовался жизнью и, когда приходила фантазія, обращался къ лекціямъ профессоровъ, какъ къ новому источнику пріятныхъ ощущений; счастливыя способности давали ему средства воспользоваться всѣмъ, что онъ слышалъ мелькомъ, и легко пополнять тѣ пробѣлы, которые оставляли въ его умѣ эти отрывочныя занятія. — Товарищами его были молодые люди аристократическихъ семействъ и различныхъ національностей; со многими изъ нихъ ему пришлось встрѣтиться на дипломатическомъ поприщѣ; вмѣстѣ съ нимъ учились въ Страсбургѣ Разумовскій, Штапельбергъ, Толстой, Голицынъ, Анштетенъ, Нарбоннъ и другіе. Между тѣмъ разыгралась французская революція, и заботливая маменька вызвала Климента изъ Страсбурга, гдѣ онъ успѣлъ пробыть около двухъ лѣтъ; протекція отца доставила молодому Меттерниху возможность, въ качествѣ церемоніймейстера, присутствовать при коронаціи императора Леопольда II; потомъ молодой человекъ еще четыре года слушалъ лекціи въ майнцкомъ университетѣ, потомъ отправился путешествовать, побывавъ въ Англіи и наконецъ 23 лѣтъ отъ роду, въ 1795 году, женился на княжнѣ Элеонорѣ Кауницъ, внучкѣ покойнаго министра Маріи-Терезіи. Легко и весело жилось счастливому юношѣ; его съ удовольствіемъ принимали въ высшемъ кругу; старый Кауницъ незадолго передъ своею смертію называлъ его «образцовымъ кавалеромъ»; его любили и ласкали вѣн-

скія красавицы; узы брака, закрѣпленныя расчету, не стѣсняли его эротическія влеченій; словомъ, свѣтскій блескъ и вѣнчаніемъ наполнили всѣ минуты и владѣли всѣми помысленіями молодого графа. Въ тѣмъ это время не пропало даромъ; Меттернихъ всматривался въ людей и привыкъ умѣнно держаться въ обществѣ и обращаться съ разнородными личностями, которые были причиною его позднѣйшихъ дипломатическихъ успѣховъ и главнымъ основаніемъ его цѣли и слѣдовательно исторической извѣстности.

У Меттерниха были всѣ условія, необходимыя въ то время для дипломата: знатное происхожденіе, значительное богатство, красивая наружность, непринужденное обращеніе — чего же больше? онъ могъ вполнѣ считаться представителемъ своего кабинета, какомъ-нибудь иностранномъ дворѣ, и дѣйствительно въ 1801 году его назначили посланникомъ въ Дрезденъ. Важныхъ дѣлъ у него не было, тѣмъ болѣе, что политика самого правительства зависѣла тогда отъ Пруссіи; въ Берлинѣ австрійскимъ посланникомъ опытный дипломатъ Стадіонъ, указывавшій Меттерниху своимъ примѣромъ, какъ поступать или въ другомъ случаѣ. Жизнь въ Дрезденѣ была такъ-же весела, какъ въ Вѣнѣ; связей Меттерниха можно отнѣсать къ княгинѣ В — нѣ и герцогинѣ Саганской, которой онъ поддерживалъ постоянныя сношенія до самаго вѣнскаго конгресса. Въ Дрезденѣ же онъ сблизился съ Фридрихомъ Геллеромъ, который впоследствии сдѣлался его помощникомъ и секретаремъ, безусловнымъ исполнителемъ его воли. Въ 1803 году Меттернихъ велъ въ Берлинъ; дѣла сдѣлались серьезнѣе, и Стадіонъ былъ посланъ въ Петербургъ, а Меттерниху поручено было склонять къ союзѣ съ Наполеономъ прусское правительство, составить такимъ образомъ противъ французской имперіи тройственный союзъ между Австріей, Россіей и Пруссіей. Аустерлицкое сраженіе разстроило весь этотъ планъ, и Меттернихъ, собиравшій грозу противъ Наполеона, въ 1806 году самъ былъ отправленъ посланникомъ въ Парижъ. Положеніе его было очень затруднительно; ладить съ Наполеономъ было рено; послѣ побѣды при Аустерлицѣ Наполеонъ не зналъ границъ своему высокоумію, какъ представителей иностранныхъ державъ безъ церемоній бранилъ при посланникахъ государей и особенно гнѣвался на австрійскаго императора, котораго онъ громко называлъ «мятежнымъ вассаломъ». Меттерниху надлежало поддерживать достоинство своего двора, и драгая гордаго побѣдителя; тутъ-то въ Парижѣ и пригодилось ему его поверхностное знаніе и обращеніе; онъ умѣлъ льстить



ая къ себѣ презрѣнія, и это замѣча- искусство понадобилось ему въ полномъ объемѣ. Сверхъ того, Меттернихъ и въ пустил въ ходъ еще одно искусство: тѣсь любовными связями для полити- цѣлей. Онъ завязалъ интригу съ сест- олеона, Каролиной Муратъ, и черезъ валь намѣренія императора и вкрады- известной степени въ его политическіе Наполеонъ зналъ о существованіи этой , думалъ даже, что она можетъ быть езна, и конечно жестоко ошибался въ ожиданіяхъ; Меттернихъ не прогова- , и кромѣ того Каролина дѣйствительно его и для него охотно жертвовала ня своего брата. На какомъ-то придвор- браніи Наполеонъ громко сказалъ своей «Amusez se niais là; nous en avons à présent!» Первая часть этого прика- исполнялась какъ нельзя лучше, но тельно известно, что интересы фран- имперіи оставались въ этомъ слу- сторонѣ, и французскіе дипломаты емени находятъ даже, что было-бы лучше, еслибы сестра императора вовсе ляла австрійскаго посланника. «Ce niais» ъ быть нуженъ Наполеону потому, что время, т. е. около 1808 года, война въ приняла самые серьезныя размѣры; ія Франціи къ Пруссіи и Россіи так- и ненадежны; ссориться съ Австріей стало-быть, опасно, потому что война бнять всю Европу, а между тѣмъ ав- е правительство усиливало свое войско; ломатическія сношенія Наполеона и его овъ съ австрійскимъ дворомъ не могли ьти этихъ злобѣщихъ приготовленій. вгуста 1808 года, въ день своего рож- Наполеонъ, наканунѣ возвратившійся изъ , принималъ посланниковъ всѣхъ евро- ъ державъ; онъ былъ раздраженъ не- своихъ армій на Пиренейскомъ полу- и рѣшился запугать Австрію угрозами нными взрывами своего диктаторскаго Въ самомъ началѣ аудіенціи онъ напа- а неаполитанскую королеву, потомъ, ъ Меттерниха, пошелъ прямо на него, го за грудь и спросилъ громовымъ го-

его хочеть вашъ императоръ?  
рнихъ не тронулся съ мѣста, не перемѣ- , лицѣ и отвѣчалъ спокойно и твердо:  
ѣ хочеть, чтобы вы уважали его послан-  
леонъ принялъ руку и остановился на  
но раздраженіе его было слишкомъ  
и онъ продолжалъ, громко и постепенно  
чаясь, выговаривать австрійскому пра-  
гву неискренность его политики. Мет-  
слушалъ спокойно, сохраняя почти-  
выраженіе лица, не обнаруживая ни

волненія, ни робости. Слѣдствіемъ этой герой- ски выдержанной аудіенціи было то, что мо- лодой дипломатъ значительно повысился въ миѣніи Наполеона; уже въ то время многіе при парижскомъ дворѣ замѣтили, что Меттернихъ отлично владѣетъ собой и во всякую данную минуту располагаетъ своими словами, тономъ голоса и мускулами лица. Маршалъ Ланнъ, первый герой наполеоновской арміи, бывший на ты съ императоромъ, громко расхохотался однажды послѣ ухода Меттерниха и Талейрана, имѣвшихъ при немъ довольно оживленный раз- говоръ съ Наполеономъ.

«— Хорошъ вкусъ у Каролины,—сказалъ откровенный маршалъ:—каково смиреніе! Въ то время, какъ онъ (Меттернихъ) говорилъ съ тобой, я-бы могъ дать ему сзади пинька и ты-бы навѣрное не замѣтилъ на его сладкихъ губахъ ни малѣйшаго движенія.»

Доходило-ли смиреніе Меттерниха до такихъ баснословныхъ предѣловъ — не знаю; положи- тельно известно то, что онъ своей непрони- цаемостью выводилъ изъ терпѣнія пылкаго На- полеона; кончилось тѣмъ, что императоръ, видя, что отъ Меттерниха никогда нельзя добиться истины, махнулъ на него рукой и пересталъ разспрашивать его о намѣреніяхъ австрійскаго правительства. Роль Меттерниха была дѣйстви- тельно тяжела и невыгодна; приходилось до послѣдней минуты, до окончательнаго разрыва хитрить съ Наполеономъ, зная, что никто этими хитростями не обманывается. Война 1809 года прекратила на время дипломатическую игру Меттерниха; но война эта, какъ известно, про- должалась всего четыре мѣсяца, кончилась пораженіемъ австрійцевъ при Ваграмѣ и при- нудила Австрію исполнить всѣ требованія побѣдителя. Меттерниху поручено было вести пе- реговоры, но никакое умѣніе владѣть собой, никакая діалектика, никакая дипломатическая изворотливость не могли доставить Австріи пе- ревыса. Сила была на сторонѣ побѣдителя и ваграмское дѣло было слишкомъ энергическимъ аргументомъ для австрійскихъ уполномо- ченныхъ. Условія мира были тяжелы и попытка Австріи отмстить за Аустерлицъ обрушилась на ея-же голову. Во всемъ этомъ дѣлѣ всѣхъ больше выигралъ Меттернихъ; дипломатическія дѣянія его были не блестящи; виѣшняя его представительность, какъ мы видѣли, не при- носила Австріи существенной пользы; роль его въ Дрезденѣ была ничтожна, въ Берлинѣ — бесплодна, въ Парижѣ — положительно вредна; дѣло въ томъ, что Меттернихъ ошибался самъ насчетъ положенія Наполеона; въ своихъ до- несеніяхъ и посольскихъ депешахъ онъ пред- ставлялъ его болѣе затруднительнымъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ; этими донесеніями онъ поддерживалъ воинственные намѣренія своего правительства; война вышла неудачная; повидимому часть отвѣтственности должна была



пасть на заблуждавшегося посланника; мало того, этот самый посланник, уполномоченный вести переговоры, не успел ничего выторговать у победителя, стало-быть, и тут оказался если не виноватым, то по крайней мере несчастливым.

Начало карьеры было очевидно не блистательно, а между тем дѣло повернулось такъ, что, тотчасъ по заключеніи мира въ Наполеономъ, Меттернихъ былъ сдѣланъ министромъ иностранныхъ дѣлъ на мѣсто графа Стадіона, стоявшаго въ головѣ военной партіи. Почему такъ случилось—сказать трудно. Одни думаютъ, что назначеніе Меттерниха было сдѣлано въ угоду Наполеону, который, несмотря на парижскія размолвки съ бывшимъ посланникомъ, видѣлъ въ немъ больше сочувствія къ себѣ, чѣмъ въ Стадіонѣ; другіе объясняютъ это дѣло гораздо проще—придворными интригами враговъ Стадіона и доброжелателей Меттерниха.

Съ минуты своего назначенія въ министры иностранныхъ дѣлъ графъ Климентъ Меттернихъ весь принадлежитъ исторіи до самой эпохи своего паденія въ 1848 году; его частная нравственность, его личныя добродѣтели и недостатки отходятъ на задній планъ; онъ становится важенъ, какъ дѣятель, какъ проводникъ принципа, какъ поборникъ извѣстнаго направленія.

## II.

Принимая портфель министра, Меттернихъ опирался на партію, противоположную чисто-нѣмецкой, патристической партіи, желавшей войны съ Наполеономъ и находившейся подъ предводительствомъ Стадіона.—Первыя дѣянія Меттерниха показали, что онъ находитъ безразсудной и невозможной дальнѣйшую борьбу съ Французскою имперіей; въ покорности передъ Наполеономъ и въ союзъ съ нимъ онъ видѣлъ единственный путь къ спасенію. Какія слѣдствія будетъ имѣть этотъ союзъ—этого нельзя было предвидѣть, да Меттернихъ и не смотрѣлъ вдаль; потребность настоящей минуты обращала на себя все его вниманіе, и онъ шелъ по извѣстному пути, если такъ было выгодно, а потомъ сворачивалъ въ другую сторону, если того требовали обстоятельства. Теперь сила была на сторонѣ Наполеона, ссориться съ нимъ было неудобно, стало быть, надо было съ нимъ сблизиться, вопреки всѣмъ преданіямъ австрійской политики, вопреки всѣмъ недавнимъ оскорбленіямъ, и даже несмотря на то, что всякій союзъ съ Наполеономъ непремѣнно долженъ былъ принести надъ вассальными отношеніями. Средствомъ къ сближенію было между прочимъ бракосочетаніе Наполеона съ дочерью императора Франца, эрцгерцогиней Маріей-Луизой. Переговоры объ этомъ бракѣ были завязаны по идеѣ Меттерниха, а самъ Меттернихъ, весной 1810 года,

проводилъ въ Парижъ молодую французскую императрицу. Союзъ съ Франціей состоялся однако гораздо позднѣе, передъ самымъ началомъ похода 1812 года; Меттернихъ успѣлъ тянуть переговоры, такъ что Наполеонъ, напавшему разгромить Россію, принявшему союзъ съ Австріей дѣловой тактикѣ уступилъ, которыхъ онъ не думалъ прежде. Какъ только кончились недружелюбныя отношенія между Австріей и Франціей, такъ Меттернихъ принялъ на себя роль хладнокровнаго зрителя, притаившаго при горячемъ спорѣ двухъ противниковъ, несочувствующаго ни тому, ни другому; онъ старался склониться на ту или другую сторону смотря по тому, кто больше дастъ и кто меньше. Такіе люди всегда должны выиграть въ большихъ и въ малыхъ дѣлахъ; они не рискуютъ; внимательно слѣдя за ходомъ дѣла, они стараются только уловить ту минуту, которую одна изъ борющихся сторонъ не можетъ одолѣвать, но еще не успѣла въ торжествѣ; тогда они присоединяются къ торжествующей партіи, ускоряютъ ходъ противоположной стороны и дѣлаютъ то, не принимавши участія въ серьезной части борьбы. Это называется по-русски «мутной водѣ рыбу ловить», и эта формула вѣроятно подходитъ какъ нельзя лучше къ той политикѣ Меттерниха, за которую ему вели чуть не въ геніи. Наполеонъ вступилъ въ Россію; Австрія присоединяетъ къ своему вспомогательный корпусъ; начинаются переговоры между Наполеономъ и австрійскимъ корпусомъ, слѣдуя казаніямъ своего правительства, начинаютъ ступать вло и медленно; наконецъ Наполеонъ вынужденъ изъ Россіи, и австрійскій корпусъ Шварценберга, вѣсто того чтобы не допустить его отступленія, выводитъ свои войска и безъ сопротивленія отдаетъ ихъ французской арміи. Благодаря этимъ маневрамъ, къ концу кампаніи 1812 года австрія оказалась въ совершенно нейтральномъ положеніи по отношенію къ обоимъ воюющимъ сторонамъ, что въ этихъ обстоятельствахъ, можетъ повернуть пушки противъ французовъ или противъ австрийцевъ. Въ отношеніи своихъ съ французами дипломатами Меттернихъ далъ замѣтку, что война слишкомъ тяжела для Австріи, Австрія желаетъ мира, и что австрійскому правительству было-бы пріятно знать ту минуту, когда Наполеонъ, сообразуясь съ интересами Австріи, за себя и за Францію переговоры съ Пруссіей. Между тѣмъ, не дожидаясь желательнаго отвѣта отъ Наполеона, Меттернихъ посылалъ Вессенберга въ Лондонъ, а Лейбъ въ русскую главную квартиру, чтобы въ случаѣ завязки сношеній съ врагами Австріи.

Союзъ съ Наполеономъ оказался фактически разрушеннымъ, хотя на словахъ Меттернихъ продолжалъ утѣрять его въ вѣнскихъ



правительства.—Роль посредника между этими сторонами постепенно смѣнила роль союзника; Наполеонъ давно пересталъ въ искренности Австрія, но онъ былъ познъ въ такое положеніе, что не могъ круто сдѣлать дѣло и поневолѣ долженъ былъ бѣжать съ двуличной политикой Меттерниха, не превративъ ее въ открытую вражду. Вдоль тѣмъ дошло дѣло и до вражды. Являясь посредницей воюющихъ сторонъ, навязывая Наполеону свое непрощенное посредничество Австрія стала склоняться на сторону Пруссіи и поставила Наполеону такіа условия, на которыя онъ не могъ согласиться;

Наполеонъ попробовалъ заключить отъ себя миръ съ Россіей; еслибы эта попытка была удачна, то Австрія конечно потеряла бы выгоды своего положенія и испытала бы всѣ слѣдствія наполеоновскаго гнѣва. Меттернихъ предвидѣлъ это и понималъ, что такое соглашеніе между Россіей и Франціей допустить ни подъ какимъ видомъ не можетъ; онъ обѣщалъ союзникамъ, что Австрія объявитъ войну Наполеону, если онъ не согласится на предлагаемыя условия и не захочетъ общаго мира. Между воюющими сторонами было заключено перемиріе на шесть недѣль. Меттернихъ поѣхалъ къ союзникамъ въ новую квартиру, потомъ къ Наполеону въ Шенбрунъ; заявилъ первымъ готовность Австріи дать оружіе противъ французовъ и принудилъ второго принять посредничество Австріи и ѣхать въ Прагъ конгрессъ, на которомъ должны были опредѣлиться условия мира. Конгрессъ состоялся, но не привелъ къ заключенію мира. Наполеонъ постоянно дѣлалъ уступки союзникамъ поздно и началъ соглашаться тогда, когда конгрессъ былъ уже закрытъ и перемиріе истекло. Въ полночь 10-го августа 1813 года переговоры были прерваны и на другой день Австрія приступила къ коалиціи противъ Наполеона. Въ полгода произошелъ такимъ образомъ, безъ шума и скандала, совершенный поворотъ въ положеніи Австріи и въ ея политикѣ; союзъ съ Наполеономъ она перешла къ открытой враждѣ; неудачи Наполеона не повредили Австріи; союзники слишкомъ дорожили ея вѣрностью, чтобы ставить ей въ вину то обстоятельство, что она такъ недавно стояла на сторонѣ общаго врага; они мирились даже съ тѣмъ, что австрійское правительство, не желая значительной гибели Наполеона, во многихъ случаяхъ умышленно ослабляло энергію военныхъ дѣйствій.

Вліяніе австрійской политики на дѣйствія союзниковъ выразилось прежде всего въ томъ, что война измѣнила свой колоритъ; интересы союзниковъ, выдвинутые впередъ въ прокламаціи короля прусскаго, отошли на задній планъ; Францъ I и Меттернихъ вовсе не хотѣли быть

вождями народа, стремящагося къ самоосвобожденію; первый заботился о территоріальномъ приращеніи и о личномъ вліяніи на дѣла Европы; второй хотѣлъ быть первымъ министромъ своего государя, исполнителемъ его воли, ревностнымъ защитникомъ интересовъ своего правительства. Народъ, по мнѣнію того и другого, долженъ былъ играть роль послушнаго орудія. Патристическое воодушевленіе было, по ихъ мнѣнію, ненужно и могло при случаѣ сдѣлаться вреднымъ и опаснымъ. Превратить войну противъ Наполеона въ дѣло народа—значило дать этому народу возможность почувствовать свою силу, значило внушить ему ошибочную идею о томъ, что инициатива принадлежитъ ему и что правительство нуждается въ его сочувствіи. Эта ошибочная идея могла повести къ цѣлому ряду заблужденій, и отъ этихъ-то заблужденій Францъ I и Меттернихъ старались предохранить Австрію.

Вмѣстѣ съ стремленіемъ къ освобожденію въ Германіи проснулась идея о національномъ единствѣ. Эта идея также была не по вкусу австрійскаго правительства. Составленная изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, нѣмецкихъ, славянскихъ, мадьярскихъ, Австрія не могла почувствовать никакимъ національнымъ стремленіямъ, потому что во всякомъ случаѣ эти стремленія должны были разорвать ее на составныя части и прекратить ея существованіе. Еслибы идея германскаго единства осуществилась, то въ положеніи Австріи произошло-бы во всякомъ случаѣ значительное измѣненіе. Императору Францу пришлось-бы отказаться или отъ нѣмецкихъ, или отъ славянскихъ и мадьярскихъ владѣній; ему было-бы необходимо или сдѣлаться императоромъ германскимъ, или, отказавшись отъ германской имперіи, остаться владѣтелемъ восточныхъ своихъ земель и уступить нѣмецкому правительству своихъ нѣмцевъ. Сдѣлаться германскимъ императоромъ было конечно лестно; но кто-же могъ сказать навѣрное, что освободившаяся Германія пожелаетъ имѣть императоромъ именно Франца, а не кого-нибудь другого, напримѣръ не короля прусскаго? Еслибы случилось такъ, то австрійскій императоръ оказался-бы въ чистомъ убыткѣ; ему пришлось-бы пожертвовать значительной частью своихъ владѣній и кромѣ того допустить образованіе новаго, сильнаго и притомъ сопредѣльнаго государства. Ни Францъ I, ни Меттернихъ не могли слѣдовательно сочувствовать идеѣ соединенія Германіи; ни тотъ, ни другой не любили рискованныхъ мѣръ и значительныхъ переворотовъ; оба рѣшились по возможности поддержать существующее положеніе дѣлъ, образовать германскій союзъ и, пользуясь обстоятельствами, примешивать къ наслѣдственнымъ австрійскимъ владѣніямъ тѣ клочки земли, которые можно будетъ выторговать на конгрессахъ.



Первымъ дѣйствиємъ этой политики была тайная статья тенлицкаго договора между союзниками, въ которой говорилось, что рейнский союзъ, основанный Наполеономъ, будетъ разрушенъ и что отдѣльнымъ германскимъ государямъ, которыхъ владѣнія входили въ его составъ, будетъ предоставлена полная и безусловная независимость. Далѣе, привлекая Баварію къ коалиціи противъ Наполеона, Меттернихъ тайной статьей договора обѣщалъ королю баварскому полную самостоятельность; точно такъ-же поступилъ онъ въ отношеніи къ другимъ членамъ рейнскаго союза, такъ что его идеи нашли себѣ полное сочувствіе во всѣхъ второстепенныхъ государяхъ Германіи; приверженцамъ германскаго единства пришлось повелѣть покориться, потому что въ противномъ случаѣ они могли возбудить въ союзномъ лагерѣ раздоры, которыми воспользовался-бы Наполеонъ. Безъ шума, совѣщаясь съ каждымъ правительствомъ отдѣльно, Меттернихъ на вербовалъ такъ много приверженцевъ своихъ идей, что германское единство оказалось невозможнымъ и что его невозможность начали сознавать еще въ то время, когда война съ Наполеономъ была въ полномъ разгарѣ.

Въ отношеніи къ Наполеону Меттернихъ держалъ себя болѣе чѣмъ умѣренно; личное сочувствіе къ императору французовъ и отвращеніе къ крутымъ переворотамъ не позволяли ему желать низверженія Наполеона; ему казалось совершенно достаточнымъ отгѣснить Францію въ ея естественныя границы, т. е. за Рейнъ; уже въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ, послѣ рѣшительнаго пораженія Наполеона при Лейпцигѣ, Меттернихъ заговорилъ о мирѣ, и если миръ не состоялся, то въ этомъ виновато только безразсудное упорство Наполеона, который, разгорячившись, какъ азартный игрокъ, ставилъ на послѣднюю карту судьбу своей династіи и не умѣлъ забастовать во-время. Крестовый походъ освободившихся національностей на Парижъ возбуждалъ въ Меттернихѣ самое непріязненное чувство; онъ видѣлъ въ этомъ походѣ неминуемое усиленіе Россіи, которой онъ начиналъ бояться чуть-ли не сильнѣе, чѣмъ Наполеона; кромѣ того ему было совершенно непонятно яростное воодушевленіе пруссаковъ, и онъ нисколько не хотѣлъ придавать войнѣ противъ Наполеона того торжественнаго, священнаго и популярнаго характера, который сообщали ей прокламаціи Александра и Фридриха-Вильгельма. Сносаясь постоянно съ княземъ Шварценбергомъ, главнокомандующимъ союзныхъ армій, переписываясь съ дипломатами Наполеона, Меттернихъ старался по возможности затян timer военныя дѣйствія, отсрочить рѣшительный ударъ, чтобы дать Наполеону время одуматься и согласиться на благоразумныя условія мира. Благодаря его маневрамъ, корпусъ Блюхера былъ почти уничтоженъ; по его стараніямъ открылся въ началѣ

1814 года конгрессъ въ Шатиллонѣ, какъ извѣстно, не имѣлъ никакихъ реальныхъ послѣдствій. Наполеонъ ищетъ союзниками, торговался, чтобы вытѣснить Австрію съ Промойсией и между тѣмъ собиралъ послѣднія силы, чтобы продолжать войну; союзники не всѣ эти продѣлки; партія войны восторгалась окончательно; Меттернихъ старался замолчать, и военныя дѣйствія кончились только взятіемъ Парижа и отреченіемъ Наполеона.

Политика Меттерниха или, вѣрнѣе, его личный характеръ, какъ мы видѣли, обличалъ въ его отношеніяхъ къ Наполеону.—Именно противъ теченія, не пратъ противъ рѣки, жидать удобную минуту, не давая имъ встать и страстямъ націй, смотрѣть на историческія событія глазами придворнаго, дня на день и принимать тѣ мѣры, которые требуетъ данная минута, хотя-бы въ эту минуту пришлось прямо противиться себѣ, не управлять обстоятельствами, а подчиняться имъ—вотъ формула той политики, которая въ продолженіи сорока лѣтъ господствовала на материкѣ Европы и которой руководилъ князь Меттернихъ \*). Эта политика естественнымъ слѣдствіемъ личнаго характера австрійскаго министра. Мягкій и гибкій по роду, воспитанный въ идеяхъ политическаго скептицизма, пріученный съ молодости въ ароматической атмосферѣ блестящихъ и аристократическихъ салоновъ, Меттернихъ не могъ выработать себѣ общихъ началъ убѣжденій и горячихъ политическихъ рѣшеній. Какъ исполнительный чиновникъ съ полнымъ усердіемъ повиновался въ сообщаемому сверху, и, какъ чиновникъ, не понималъ тѣхъ живыхъ силъ и живостей, на которыя падали его распоряженія. Я приступаю теперь къ описанію роли Меттерниха на вѣнскомъ конгрессѣ, послѣ которой начинается уже общеевропейское знаменіе личности и политики.

### III.

Вѣнскому конгрессу нужно было, во-первыхъ, разобрать и привести въ ясность границы европейскихъ государствъ, перепутанныхъ и самовластіемъ Наполеона; во вторыхъ, ходило было обновить бытовыя формы, нутыя движеніемъ французской революціи; Меттернихъ считалъ первое дѣло гораздо важнѣе и интереснѣе; онъ говорилъ, просъ о внутреннемъ устройствѣ Германіи рѣшится самъ собою, какъ только буду

\*) Княжеское достоинство было дано ему послѣ сраженія при Лейпцигѣ.



ны къ концу «важныя совѣщанія о вѣнскихъ вѣдѣлахъ и территоріальныхъ отношеніяхъ». Въ этомъ равнодушіи, въ этой легкости возмѣтно видно, какъ нельзя яснѣе, недостаточное знакомство съ дѣломъ. Меттернихъ еще не подходилъ въ соприкосновеніе съ законодательными и административными вопросами, не полѣ и не хотѣлъ понимать требованій народной жизни, и потому относился къ этимъ дѣламъ съ небрежностью. Главное дѣло, по вѣнскому, подѣлить на вѣнскомъ конгрессѣ 20,000 душъ, жившихъ въ тѣхъ земляхъ, которыя были вырваны у Наполеона и его союзниковъ; подѣлить ихъ надо было такъ, чтобы Австріи досталось какъ можно больше, а другимъ великимъ державамъ, которыхъ усиленіе было опаснымъ для Австріи, какъ можно меньше. Всего непріятнѣе было для Меттерниха территоріальное увеличеніе Россіи и Пруссіи, и въ всѣ его усилія на конгрессѣ были направлены на то, чтобы не дать первой Польшу, второй — Саксоніи. Чтобы разстроить намѣренія двухъ державъ, онъ пустилъ въ ходъ разнообразныя средства, не отличающіяся высокимъ нравственнымъ достоинствомъ, ни приличіемъ вѣшной формы. Желая помирить русское правительство съ прусскимъ, написалъ прусскому министру Гарденбергу, въ которой приглашалъ его заодно съ Австріей сопротивляться притязаніямъ Россіи, и за общалъ со стороны Австріи полную поддержку всѣмъ требованіямъ Пруссіи. Гарденбергъ, вѣкъ слабый и впечатлительный, отвѣчалъ эту ноту, и въ своемъ отвѣтѣ выразился въ недоброжелательно на счетъ притязаній прусскаго кабинета. Меттернихъ вздумалъ эту ноту употребить какъ орудіе противъ Гарденберга; онъ пошелъ къ императору Александру и показалъ ему, какъ о немъ отзывался его союзникъ. Продѣлка эта однако не удалась. Императору Александру она показала въ высшей степени грязной, и онъ объявилъ Францу I, что не хочетъ имѣть дѣла министромъ, подобнымъ Меттерниху. Когда Меттерниху не удалось посорить Пруссію съ Россіей интригами, онъ рѣшился противодѣйствовать ихъ требованіямъ другими окольными путями. При содѣйствіи знаменитаго Талейрана, своего участиваго во всякой интригѣ изъви къ искусству, былъ заключенъ тайный союзъ между Австріей, Англіей и Франціей противъ Пруссіи и Россіи; до войны не дошло только потому, что обѣ спорящія стороны и утомлены и послѣ продолжительныхъ переговоровъ начали мириться на взаимныхъ уступкахъ.

Конгрессъ тянулся уже больше четырехъ мѣсяцевъ, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что Наполеонъ скрылся съ острова Эльбы; вслѣдствіе узнали о его высадкѣ на берега Фран-

ціи и о бѣгствѣ Людовика XVIII изъ Парижа; тутъ уже, передъ общей опасностью, некогда было разбирать частныя вопросы и помнить мелкія непріятности, испытанныя на конгрессѣ. Александръ помирился съ Меттернихомъ, несмотря на то, что Наполеонъ прислалъ ему подлинный актъ тайнаго союза, найденный имъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ на столѣ Людовика XVIII. Работы вѣнскаго конгресса, тянувшіяся медленно и безплодно, пошла живѣе; вопросъ объ устройствѣ Германіи былъ выдвинутъ впередъ, и Меттернихъ сталъ употреблять всѣ усилія, чтобы сдѣлать это устройство по возможности сложнымъ и неповоротливымъ, а связь между отдѣльными частями — по возможности слабой и неопредѣленной. Онъ остался вѣренъ роли австрійскаго министра и считалъ самое слово «Германія» простымъ географическимъ терминомъ. Предложенный имъ проектъ дѣлить всю Германію на семь округовъ; по два округа приходится на Австрію и на Пруссію и по одному на Баварію, Ганноверъ и Виртембергъ. Австрійскій императоръ и король прусскій, баварскій, ганноверскій и виртембергскій должны составить совѣтъ, въ которомъ первымъ двумъ членамъ, какъ представителямъ двухъ округовъ, принадлежитъ по два голоса, а остальнымъ тремъ членамъ — по одному; этотъ совѣтъ долженъ завѣдывать иностранными дѣлами и рѣшать вопросы о войнѣ и мирѣ. Рядомъ съ этимъ совѣтомъ долженъ существовать другой совѣтъ съ законодательной властью, составленный изъ мелкихъ владѣтелей, изъ представителей вольныхъ городовъ и изъ членовъ перваго собранія. При такомъ устройствѣ Германіи, Австрія и Пруссія, рѣшившись дѣйствовать согласно, могли-бы вести за собой весь союзъ и распоряжаться войсками мелкихъ владѣтелей, какъ своими собственными. Изъ семи голосовъ четыре принадлежали Австріи и Пруссіи, стало-быть большинство было всегда на сторонѣ ихъ мнѣнія; мелкіе владѣтели испугались за свою самостоятельность, и проектъ Меттерниха встрѣтилъ себѣ непреодолимую оппозицію. Дѣло осталось нерѣшеннымъ. Когда за него снова принялись въ 1815 г., въ концѣ мая, его окончили въ одиннадцать поспѣшныхъ засѣданій, и Германія получила свою теперешнюю фیزیономію. Усилія Меттерниха увѣнчались успѣхомъ; у Германіи отнято единство, отнята возможность энергическаго, дружнаго дѣйствія; ея политическое значеніе ничтожно, потому что раздробленность ея доходитъ до крайнихъ предѣловъ; она представляетъ собой не федеративное государство, а союзъ изъ отдѣльныхъ, замкнутыхъ въ самихъ себѣ государствъ, безъ общаго правительства, безъ инициативы.

Всѣ благомыслящіе нѣмцы стремятся, какъ извѣстно, къ тому, чтобы отдѣлаться отъ по-



дарка Меттерниха, но, какъ кажется, слишкомъ сорокалѣтняя давность имѣетъ свое значеніе и энергія націи надломлена тѣмъ неестественнымъ положеніемъ, въ которое ее поставили дипломаты вѣнскаго конгресса. Зато самому Меттерниху вѣнскій конгрессъ принесъ чрезвычайно много пользы. Благодаря посредственности прочихъ дѣятелей знаменитаго конгресса, австрійскій министръ сталъ во главѣ европейской дипломатіи, и притомъ въ такую рѣшительную минуту, которая навсегда должна была остаться въ памяти современниковъ и потомства. Передъ мудростью князя Меттерниха стали благоговѣть даже многіе изъ тѣхъ людей, которые не могли уважать его, какъ человѣка; на него посыпались знаки отличія, титулы, денежные награжденія, пенсіоны и подарки землями и помѣстьями. Семейныя дѣла Меттерниховъ значительно поправились, и огромные долги отца и сына стали погашаться. Князю Меттерниху досталась доля изъ той контрибуціи, которую Австрія взыскала съ Франціи; неаполитанскій король, возстановленный послѣ изгнанія Мюрата, при содѣйствіи Меттерниха, пожаловалъ ему титулъ герцога Портелла, съ которымъ былъ связанъ ежегодный доходъ въ 60,000 франковъ; союзники подарили Меттерниху землю бывшаго бенедиктинскаго монастыря Іоганнисберга въ рейнскомъ округѣ; императоръ Александръ, возвращаясь въ Россію, просилъ Меттерниха поддерживать съ нимъ дружескую, неполитическую переписку и опредѣлилъ ему на издержки 50,000 червонцевъ ежегоднаго пенсіона.

Всѣ эти факты должны были служить для австрійскаго министра неопровержимыми доказательствами несомнѣннаго превосходства его личныхъ дарованій и политическихъ убѣжденій. Тонъ его послѣ вѣнскаго конгресса значительно измѣняется; онъ становится опекуномъ континентальной Европы, блюстителемъ народной нравственности и менторомъ владѣтельныхъ особъ. Онъ начинаетъ говорить всѣмъ и каждому о своей системѣ, онъ угадываетъ будущее и своей предусмотрительностью предотвращаетъ такіа бѣдствія, которыхъ никто кромѣ него не видитъ. Словомъ, овладѣвши довѣренностью императора Франца І, ловкій придворный чиновникъ дѣлается всемогущимъ министромъ, законодателемъ и администраторомъ Австріи; какъ это часто случается съ людьми, внезапно или по крайней мѣрѣ очень быстро дошедшими до «степеней извѣстныхъ», онъ начинаетъ приписывать своимъ собственнымъ заслугамъ то, что относится къ случайностямъ; вслѣдствіе этого является слѣпая вѣра въ самого себя, безпричинная самонадѣянность и непреодолимое стремленіе рисоваться передъ собою и передъ другими. Это случилось даже съ гениальнымъ человѣкомъ, съ Наполеономъ І;

то-же самое въ меньшихъ размѣрахъ случилось и съ ловкимъ придворнымъ чиновникомъ Меттернихомъ. Не имѣя никакого понятія о спеціальной наукѣ, не зная характера тѣхъ людей, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло, не справляясь даже съ статистическими данными, не имѣя даже общаго гужанно-фискальнаго развитія, князь Меттернихъ воображалъ себя государственнымъ человѣкомъ, и чуждымъ удивительнаго, Европа повѣрила ему и продолжала вѣрить въ теченіи сорока лѣтъ, подъ рубрикой государственнаго человѣка, числила его имя въ свои историческія акты. Съ высоты своего чиновническаго величія онъ считалъ государственный человѣкъ сталъ писать законы человѣческой природы и вѣческому разуму. «Германія, — говорилъ онъ, — географическій терминъ; Італія — географическій терминъ; требованія народовъ — дѣло бредни».

Согласитесь, любезный читатель, что при помощи шести-семи готовыхъ названій, и нѣкоторыхъ вышеприведенныхъ, не трудно управлять половиною вселенной и распутывать или, вѣрнѣе, разрубать самыя сложныя вопросы общественной и экономической жизни. Для этого нужно только имѣть въ рукахъ мечъ Александра Македонскаго, и тогда васъ не оставитъ никакой Гордіевъ узелъ. Впрочемъ, это одно драгоцѣнное свойство: способность рѣзать направо и налево, замуривая глаза и не обращая вниманія на стоны и крики. Этой способностью обладалъ до извѣстной степени австрійскій министръ; не-то, чтобы онъ былъ жестокъ, этого объ немъ нельзя сказать, былъ только мало чувствителенъ, и потому въ состояніи подписать безъ особеннаго колебанія какой-нибудь суровый приговоръ или зорить цѣлую область налогами, или убійшія проявленія человѣческой мысли, то-же время онъ ненавидѣлъ всякое кровопролитіе, всякое грубое насиліе и даже и рѣзкую мѣру. Въ немъ не было любви къ вѣку и не было уваженія къ человѣческому достоинству; поэтому всѣ его распоряженія сводились къ тому, чтобы безопасно эксплуатировать живыя силы народа, не становясь къ народу ни въ какія душевныя отношенія, нисколько не сочувствуя его развитію.

#### IV.

Какъ ни ссорились, какъ ни интриговали дипломаты вѣнскаго конгресса, а наконецъ реальное размежеваніе Европы совершилось любовно; за Австріей была упрочена значительная часть сѣверной Італіи, именно все бардо-Венеціанское королевство; кромѣ австрійскій императорскій домъ находилъ родственныя связи съ владѣтелями Тосканы, Модены и Пармы и вслѣдствіе этого могъ



льное влияние на внешнюю и внутреннюю политику этих второстепенных государств. Таким образом можно было сказать заранее, что Австрія будет добиваться и действительно обретет преобладания в Италіи. Какъ только урбонская династія была восстановлена въ неаполѣ, Меттернихъ заключилъ съ неаполитанскимъ королемъ тайный союзный договоръ, обязавъ его не давать Неаполю такихъ законовъ, которые въ какомъ бы-то ни было отношеніи будутъ отличаться отъ австрійскихъ законовъ, господствующихъ въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ. Въ то-же время былъ заключенъ наступательный и оборонительный союзъ съ великимъ герцогомъ тосканскимъ, съ цѣлью обоюдной защиты, для поддержанія въ Италіи спокойствія и порядка; точно также погнулъ Меттернихъ въ отношеніи къ Моденѣ. Но Пиемонтъ на подобный союзъ не согласился; а папа также пожелалъ сохранить свою самостоятельность; планъ Меттерниха, старавшагося оторвать австрійскія владѣнія въ Италіи отъ всякаго доступа зловредныхъ якобинскихъ идей, разстроился, потому что ближайшій сосѣдь Ломбардіи, сардинскій король, не захотѣлъ подчиниться австрійскому уставу. Еслибы вся Италія управлялась по одной нормѣ, тогда жителямъ Ломбардіи не представлялось-бы искушенія; на это рассчитывалъ Меттернихъ; когда этотъ расчетъ лопнулъ, тогда онъ счелъ нужнымъ отрывать австрійскихъ подданныхъ отъ остальной Италіи и заставить ихъ забыть, что они—итальянцы. Меттернихъ самъ сказалъ маркизу Ст.-Марцано: «Императоръ, желая подавить духъ итальянскаго единства, не принялъ и не приметъ титула итальянскаго короля; поэтому онъ распустилъ итальянское войско и уничтожилъ всѣ тѣ учрежденія, которыя могутъ подготовить образованіе большого національнаго королевства. Онъ хочетъ убить духъ итальянскаго якобинства и обезпечить такимъ образомъ спокойствіе Италіи».

Соблюдая такую дипломатическую осторожность въ совѣщаніяхъ съ итальянскими патриотами, обращаясь такъ бережно на словахъ съ ихъ національнымъ чувствомъ, Меттернихъ такъ-же деликатно обращался надѣлъ съ лучшими вѣрованіями и стремленіями австрійскихъ итальянцевъ; онъ ввелъ ненавистную для нихъ конскрипцію, навязалъ имъ непривычные для нихъ австрійскіе законы, австрійское судопроизводство, австрійскую методику воспитанія. Въ короткое время эти мудрыя и своевременныя распоряженія сдѣлали то, что итальянцы, поступившіе подъ управленіе Австріи безъ особеннаго отвращенія, возненавидѣли ея господство той пламенной ненавистью, которая свойственна южнымъ народамъ романскаго племени. Интригамъ и насилію правительства народъ сталъ противопоставлять заговоры, тай-

ныя общества и возмущенія; правительство еще туже стало стягивать оковы; Меттернихъ опуталъ всю страну сѣтью полицейскихъ сыщиковъ и шпионовъ; глухое раздраженіе итальянцевъ сдѣлалось еще болѣе серьезнымъ и замкнутымъ. Правительство и народъ не доверяли другъ-другу, боялись другъ-друга, и это взаимное недоверіе, вызывая съ одной стороны новыя полицейскія мѣры, съ другой — новыя попытки къ возстанію, должно было увеличиваться съ каждымъ годомъ.

Рѣшившись идти по этому направленію, Меттернихъ уже не могъ ни остановиться, ни повернуть назадъ. Сдѣлать то или другое — значило поставить на карту Ломбардо-Венеціанское королевство, а рисковать имъ не желали ни Францъ I, ни его исполнительный чиновникъ Меттернихъ. Стремленія Меттерниха происходили въ этомъ случаѣ исключительно отъ его незнанія; онъ думалъ, что можно перевоспитать народъ въ два-три года, что можно приучить его къ какимъ угодно учрежденіямъ, что стоитъ только подписать тотъ или другой законъ, и что онъ сейчасъ-же получитъ полную силу и произведетъ желанное дѣйствіе. Въ дипломатическихъ сношеніяхъ оно пожалуй что и такъ; если трактатъ подписанъ, значитъ представитель государства согласенъ, — и дѣло съ концомъ; остается только привести въ исполненіе, отмежевать уступленную землю, выслать условленную контрибуцію, скрыть означенное укрѣпленіе, и т. п. Привыкнувъ къ такому рода дѣятельности, Меттернихъ вздумалъ съ живыми народными интересами обращаться такъ-же безцеремонно, какъ онъ обращался съ интересами различныхъ правительствъ. Такая безцеремонность сначала озадачила націю, а потомъ привела ее въ негодованіе. Распоряженія Меттерниха повели къ результату, диаметрально противоположному той цѣли, которую онъ себѣ поставилъ. Онъ хотѣлъ германизировать Италію, и вмѣсто того итализировалъ ее, потому что чужеземный гнетъ пробудилъ въ народѣ чувство національной гордости и стремленіе къ политической самостоятельности. Онъ боялся революціи и всѣми силами старался отклонить или по крайней мѣрѣ отсрочить ее, и въ то-же время своими распоряженіями заготовилъ горячаго матеріала на цѣлые десятки революцій и вулканизировалъ всю почву новопріобрѣтенныхъ австрійскихъ владѣній. «Система налоговъ и полиція, — говоритъ Монтанелли, — составляли всю административную науку австрійскаго правительства».

Экономическое положеніе Ломбардіи было такъ-же тяжело, какъ общественное и нравственное; налоги были почти вдвое больше, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ имперіи; цѣны австрійскихъ таможенъ не пропускала въ Ломбардію англійскихъ и французскихъ продуктовъ



и принуждала жителей пробавляться произведениями нѣмецкихъ фабрикъ, не отличавшимися ни дешевизной, ни хорошимъ достоинствомъ. Эти таможи точно также затрудняли вывозъ ломбардскихъ произведений въ Пиемонтъ, въ Швейцарію, во Францію, въ Англію. Устройство банковъ, экономическихъ обществъ, промышленныхъ ассоціацій встрѣчало со стороны австрійскаго правительства неодолимое сопротивление. Въ полицейскомъ отношеніи Ломбардія была отгорожена отъ образованнаго міра какой-то китайской стѣной, только отнюдь не фарфоровой. Въездъ въ Ломбардію и выѣздъ изъ нея затруднялся безчисленными формальностями; случалось часто, что человеку, просившему паспортъ въ Лондонъ или въ Парижъ, предлагали паспортъ въ Вѣну. Понятно, что при такомъ порядкѣ вещей ни одно сословіе не могло быть довольно. Дворянство было оскорблено невниманіемъ вѣнскаго двора; духовенство было озлоблено индифферентизмомъ Меттерниха въ дѣлахъ церкви; простой народъ былъ приведенъ въ отчаяніе налогами и наборами; купцы жаловались на уродливыя таможенныя распоряженія; литераторы были выведены изъ терпѣнія гнетомъ цензуры; наконецъ вся нація въ одинаковой степени страдала отъ произвола въ судахъ, отъ неспособности администраторовъ, отъ всемогущества полиціи и отъ нахальства военного сословія.

Нашъ дипломатъ оказывается такимъ образомъ великимъ человекомъ на малыхъ дѣлахъ; онъ умѣетъ подольщаться къ отдѣльнымъ личностямъ, но не умѣетъ приобретать довѣрія и любви цѣлаго народа; онъ самъ говоритъ даже, что и не ищетъ популярности; эти слова показываютъ всю его недалекость; онъ не понимаетъ того, что постоянно держать націю въ повиновеніи силой полиціи и войска—невозможно и кромѣ того невыгодно, потому что деньги, употребляемые для содержанія лишняго войска, тратятся даромъ и не приносятъ ни пользы странѣ, ни удовольствія правительству. Впрочемъ нужно-ли еще опровергать политику Меттерниха? она уже осуждена исторіей, ея несостоятельность обнаружили итальянскія событія послѣднихъ годовъ.

#### V.

Политика Меттерниха въ Германіи нисколько не отличается отъ его политики въ Италіи; та же боязнь національных стремленій, та же ненависть ко всякому усовершенствованію существующихъ учреждений, та же обширная система шпионства. Чувствуя полнѣйшее отвращеніе къ яркимъ и крутымъ мѣрамъ, Меттернихъ не рѣшился идти напроломъ противъ тѣхъ идей и тенденцій, которыя возбудила въ нѣмецкомъ народѣ война за освобожденіе Германіи. Дѣйствуя окольными путями противъ германскаго

единства, онъ точно также интриговалъ и интриги противъ конституціоннаго движенія, пользовавшихся сочувствіемъ нація и стремившихся укореняться въ умахъ владѣтельныхъ особъ и министровъ. Надъ проектами конституцій работали въ то время Гарингъ и Вильгельмъ Гумбольдтъ, о конституціи писали и говорили въ Баваріи и Виртембергѣ; всѣ эти толки, собранія, произносимыя въ публичныхъ мѣстахъ, чрезвычайно не нравились Меттерниху; въ высшихъ, они нарушали то спокойствіе, которое онъ считалъ высшимъ благоденствіемъ; въ низшихъ, они увеличивали значеніе Пруссіи, которую вся Германія начинала сматривать съ любовью и надеждой.

Какъ представительница чистаго монархизма и какъ соперница Пруссіи, Австрія должна была относиться враждебно къ конституціонному движенію и противодействию всѣмъ мѣрамъ своей изобрѣтательной дѣятельности. Меттернихъ разослалъ ко всѣмъ посланцамъ своего двора инструкціи и приказывалъ всячески противодействовать осуществленію этихъ тенденцій; въ то-же самое время представитель Австріи на германскомъ сеймѣ инструкціи того-же Меттерниха, говорившія болѣе приличнымъ и не являясь членнымъ противникомъ тѣхъ началъ, въ которыхъ горячо вѣровала вся живая Германія. Здѣсь, какъ и вездѣ, Меттернихъ велъ двойную политику, официальную и не официальную, явную и тайную, которыя обились или расходились между собою, смотря по обстоятельствамъ. Официальный представитель Австріи говорилъ одно, а тайныя инструкции сообщаемыя посланникамъ, тайныя и конфиденціальныя письма къ государямъ и министрамъ говорили совершенно другое. Вступить въ открытыя и честныя бой съ опасными тенденціями Меттернихъ не рѣшался; онъ подкапывалъ ихъ потихоньку, и результаты его подкапываній не оставались безплодными; конфиденціальныя письма его тревожили впечатлительныя умы тогдашнихъ государей и парализовали ихъ честныя намѣренія. Гарденбергъ, безхарактерный прусскій министръ, под влияніемъ Меттерниха, оттолкнулъ отъ своего помощника Гумбольдта и отшатнулся отъ конституціи; окончательное рѣшеніе пруссовъ затянулось на неопредѣленное время.

Интригуя такимъ образомъ противъ тѣхъ стремленій, цѣлый германскій народъ считалъ своею потребностью, Меттернихъ конечно не могъ существовать особаго расположенія къ публичности. Журналистика, обращавшая вниманіе общества на тѣ вымышленныя прешенія и пустыя отговорки, которыми затягивали совѣщанія о важныхъ вопросахъ, журналистика, напоминавшая обществу его нужды, возбудила въ Меттернихѣ самыя серьезныя



из; въ ней видѣлъ онъ самое страшное ору-  
агитація, и противъ нея началъ онъ при-  
нать постепенно усиливающіяся мѣры. Сна-  
чала онъ выдвинулъ противъ органовъ либе-  
ральной партіи свои органы, проводившіе въ  
возможно-приличной формѣ идеи и симпатіи  
австрийскаго правительства. Главнымъ бойцомъ  
меттерниховскаго лагеря былъ извѣстный пу-  
блицистъ Генцъ, человекъ умный и ловкій. —  
Несчастія статьи этого политическаго писа-  
теля помѣщались въ «Австрийскомъ Наблюда-  
тель», котораго официальнымъ редакторомъ  
былъ Юсифъ Пилатъ, домашній секретарь  
князя Меттерниха; ожесточенная полемика  
этого журнала съ «Рейнскимъ Меркуриемъ»,  
дававшимся подъ редакціей талантливаго и  
знаменитаго писателя Гёрреса, обратила на себя  
вниманіе всей читающей Германіи, и Меттер-  
нихъ увидалъ, что спорить съ либералами зна-  
читъ распространять и популяризировать ихъ  
идеи; онъ повелъ дѣло правительственнымъ  
путемъ и упросилъ Гарденберга запретить не-  
зависимый журналъ; но Гёрресъ не унялся и  
началъ издавать брошюры и летучіе листки,  
которые покупались и читались нарасхватъ;  
тогда Меттернихъ задумалъ устроить въ об-  
щинныхъ размѣрахъ полицейское управленіе  
Германіи и по возможности всей континен-  
тальной Европы.

Опираясь на трактатъ священнаго союза, въ  
которомъ подписавшіеся государи обязывались  
совокупными силами поддерживать въ Европѣ  
общественное спокойствіе и наблюдать за на-  
родной нравственностью, Меттернихъ осенью  
1818 года устроилъ въ Ахенѣ конгрессъ и  
членамъ этого конгресса представилъ самымъ  
убѣдительнымъ образомъ необходимость дружно  
дѣйствовать противъ общаго врага, т. е. про-  
тивъ того духа якобинства, который, если дать  
ему волю, опрокинетъ весь социальный поря-  
докъ. Убѣжденія Меттерниха, указавшаго на  
грядущія бѣдствія съ воодушевленіемъ истин-  
наго пророка, подѣйствовали какъ нельзя луч-  
ше; члены конгресса воротились во-свои-ся  
съ сильнымъ предубѣжденіемъ противъ пагубныхъ  
идей вѣка и съ этой спасительной боязнью  
революціи, изъ которой не трудно было развить  
современемъ самыя крутыя мѣры реакціи. Мет-  
тернихъ сталъ ковать желѣзо, пока оно было  
горячо, и черезъ годъ послѣ ахенскаго конгресса  
пригласилъ нѣмецкихъ министровъ въ Карлсбадъ  
для совѣщаній «о тѣхъ мѣрахъ, которыя долж-  
но принять противъ демагогическихъ неуря-  
дницъ». Неурядицы эти, требовавшія обще-  
германскаго конгресса, состояли въ нѣсколькихъ  
рѣчахъ, произнесенныхъ на студенческихъ сход-  
кахъ, да еще въ томъ, что молодой патріотъ  
Зандъ убилъ извѣстнаго писателя Коцебу, под-  
держивавшаго подозрительныя сношенія съ  
однимъ иностраннымъ правительствомъ. Поды-

мать изъ-за этого тревогу было почти смѣшно,  
но правители Германіи на все смотрѣли гла-  
зами Меттерниха, а Меттернихъ старался пре-  
увеличивать опасность, чтобы показать необхо-  
димость систематическаго преслѣдованія извѣст-  
ныхъ идей и стремленій. Карлсбадскія конфе-  
ренціи состоялись и система Меттерниха  
восторжествовала. Двѣ статьи союзаго акта,  
статья 13-я, объявлявшая отдѣльнымъ государ-  
ствамъ Германіи представительное правленіе,  
и 18-я, объявлявшая свободу печати, были истол-  
кованы такъ ловко, что потеряли все свое  
значеніе. Черезъ мѣсяцъ послѣ карлсбадскихъ  
конференцій, союзный сеймъ объявилъ, что,  
желая уберечь Германію отъ бѣдствій анархіи,  
онъ самъ дастъ общую норму, по которой должны  
быть выработаны конституціи отдѣльных  
государствъ; что сейму, какъ верховной прави-  
тельственной и законодательной инстанціи,  
должно имѣть въ своемъ распоряженіи воору-  
женную силу для исполненія рѣшеній; что  
вредное направленіе университетскаго препо-  
даванія требуетъ строгаго надзора за студен-  
тами и профессорами; что вредное направленіе  
литературы должно быть обуздано цензурой, и  
что въ Майнцѣ должно устроить центральную  
слѣдственную комиссію для того, чтобы разуби-  
вать и разрушать революціонныя замыслы. —

Князь Меттернихъ поступалъ такимъ образомъ  
по мелкому, трусливому чувству самосохраненія;  
его личная судьба была тѣсно связана съ  
участіемъ Франца I, и потому онъ, во что бы  
то ни стало, старался упрочить могущество  
Австріи и ея преобладаніе въ Германіи. —

Геніальные люди не становятся въ оппози-  
цію съ требованіями времени, потому что они  
въ состояніи всецѣло понять эти требованія  
и вынести ихъ на своихъ плечахъ. Меттер-  
нихъ сознательно принимается за преслѣдованіе  
прогрессивныхъ идей; это доказываетъ съ  
одной стороны, что онъ не въ состояніи быть  
проводникомъ этихъ идей, съ другой стороны,  
что честность не можетъ быть поставлена въ  
число его человѣческихъ добродѣтелей. Умъ его  
не выходитъ изъ размѣровъ мелкой изворотли-  
вости; честность останавливается на той сте-  
пени, которая мѣшаетъ человѣку залѣзть въ  
чужой карманъ, но не доходитъ до искренности  
и стойкости убѣжденій. Меттернихъ сходенъ въ  
этихъ двухъ отношеніяхъ съ Талейраномъ,  
съ той только разницей, что Талейранъ еще  
болѣе Меттерниха пустъ и мелоченъ, и еще  
менѣе Меттерниха способенъ отъ отдѣльных  
фактовъ возвышаться до общихъ идей.

## VI.

Обезпечивъ себя со стороны Германіи, Мет-  
тернихъ поставилъ себя за правило рѣшительно  
сопротивляться всякому измѣненію существую-  
щаго порядка вещей во всей Европѣ; всякая



попытка нации улучшить свое положение считалась уголовнымъ преступленіемъ, которое должны были преслѣдовать всѣми мѣрами всѣ европейскія правительства. Когда въ Неаполѣ въ 1820 году вспыхнула революція, вынудившая конституцію у короля Фердинанда, Меттернихъ поставилъ австрійскую армію въ Италію на военное положеніе и отправилъ къ итальянскимъ государямъ циркулярную ноту, въ которой объявлялось, что Австрія ручается за неприкосновенность ихъ владѣній и даже, въ случаѣ надобности, отправитъ свои войска для усмиренія мятежниковъ. Неаполитанское правительство отправило посланника къ вѣнскому двору; посланника этого не приняли и не признали въ его должности; послѣ частнаго разговора съ Меттернихомъ онъ получилъ приказаніе немедленно оставить австрійскія владѣнія. — Этимъ конечно дѣло не кончилось; Меттернихъ, заботливый блюститель порядка, обратился къ своему любимому средству, къ конгрессу. Въ Тропавѣ, осенью 1820 года, собрались представители великихъ державъ и начались совѣщанія о томъ, какія мѣры пустить въ ходъ для вразумленія заблуждающихся грѣшниковъ. Меттернихъ собственноручно написалъ проектъ новаго союза, въ которомъ принципъ вѣншательства во внутреннія распоряженія государствъ былъ развитъ до послѣднихъ предѣловъ.

«Тѣ-же идеи, говорить этотъ проектъ, во имя которыхъ соединились великія державы, чтобы опрокинуть военный деспотизмъ чело-вѣка, вышедшаго изъ революціи, должны быть примѣнены къ дѣлу въ отношеніи къ революціоннымъ движеніямъ, частью — путемъ посредничества, частью — силой оружія». Къ этому вновь скрѣпленному союзу приступили Россія и Пруссія. Вооруженное вѣншательство Австріи въ дѣла Неаполя было такимъ образомъ оправдано въ глазахъ Европы, и цѣль Меттерниха была достигнута. Протестъ Англіи не произвелъ на него сильнаго впечатлѣнія, потому что онъ не придавалъ особеннаго значенія ея вліянію на дѣла континента и не думалъ, чтобы протестъ этотъ выразился въ осязательной формѣ.

На тропавскомъ конгрессѣ было рѣшено пригласить неаполитанскаго короля въ Лайбахъ и тамъ, вмѣстѣ съ нимъ, фундаментально обсудить положеніе его королевства. Король пріѣхалъ, съ радостью согласился, по приглашенію Меттерниха, взять назадъ ту конституцію, въ ненарушимости которой онъ полгода тому назадъ клялся передъ лицомъ своего народа, и съ восторгомъ принялъ отъ Австріи 50,000-ное вспомогательное войско. Сопровиженіе неаполитанскаго парламента было задавлено безъ труда; конституція — уничтожена... Въ началѣ 1821 года произошло дви-

женіе въ Пиемонтѣ; австрійскій король вывелъ это движеніе, и торжественный мандатъ, подписанный тремя великими державами, объявилъ всѣмъ правительствамъ о рѣшительной побѣдѣ священнаго союза надъ мятежными стремленіями злоумышленниковъ, такъ называемыхъ карбонаріевъ. Но еще не успѣли закрыть лайбахскаго конгресса, какъ пришло извѣстіе о востановленіи грековъ; Меттернихъ тотчасъ же рѣшилъ пустить въ ходъ принципъ вѣншательства, но на этотъ разъ встрѣтилъ рѣшительное сопротивленіе со стороны Франціи, Англіи и Россіи и съѣздъ отложилъ разсмотрѣніе греческаго вопроса на будущаго года.

До сихъ поръ Меттернихъ послѣ конгресса не встрѣчалъ серьезной оппозиціи на дипломатическомъ поприщѣ; система, которую онъ вѣншательство, ходила себѣ всеобщее сочувствіе среди монарховъ, вѣншателей и министровъ; Австрія пользовалась такимъ обширнымъ вліяніемъ на дѣла Европы, что императоръ Францъ, видя ревность министра и оцѣнивая его заслуги, награждалъ послѣ лайбахскаго конгресса званіемъ государственнаго канцлера Австрійской имперіи. Но послѣ этого Меттерниху нельзя было идти дальше; онъ стоялъ на высшей ступени іерархіи дипломатической, — на той ступени, на которой Кануница не становился ни однимъ изъ подданныхъ; онъ фактически былъ закономъ Европы; онъ управлялъ повидимому всѣми европейскими событиями; кажется, ему было нечего не оставалось желать, и дѣйствительно, вся его дѣятельность въ послѣднее десятилетіе, т. е. послѣ окончательнаго низложенія Леона, была, по его собственному выговору, чисто консервативная; мы ее назовемъ консервативной, потому что истинный ватизмъ возможенъ только при благодѣйствѣ уступкахъ требованіямъ времени; кто поддерживаетъ всю машину въ состояніи годности, тотъ долженъ наблюдать, чтобы не стирались и не ржавѣли колеса, и заблаговременно замѣнять порченныя части новыми, крѣпкими элементами; но для такой дѣятельности надо быть ученымъ или по крайней мѣрѣ технически опытнымъ механикомъ, надо знать значеніе каждаго колеса, надо понимать устройство машины, а ничто не даетъ намъ думать, чтобы Меттернихъ былъ глубоководнымъ своимъ дѣломъ; продержатъ лѣтъ пятьдесятъ такую систему съумѣетъ всякій вы отдадите въ его распоряженіе войско; но гдѣ-же прочные результаты системы? да и возможны-ли тутъ прочные результаты? Развѣ Меттернихъ успѣлъ перемѣнить ту націю, которой онъ управлялъ? Развѣ онъ убѣдилъ ее въ законности своей системы? Развѣ онъ отклонилъ въ какую-нибудь



ону тѣ силы и стремленія, которыхъ помысли были ему такъ ненавистны? Развѣ онъ далъ для этихъ безпокойныхъ силъ какое-удъ попріе дѣятельности?

Итъ, такая задача была слишкомъ голово-на для нашего салоннаго дипломата. Онъ ссировалъ націю, какъ плохія гувернантки ссируютъ своихъ воспитанницъ, повторяя на каждомъ шагѣ: не говорите громко, не масничайте, не трогайте этихъ вещей, не грите въ эту сторону. Такая дрессировка ро надобѣдуетъ воспитаннику и скоро вну-тъ ему презрѣніе къ своему педагогу. При-сенная къ цѣлымъ народамъ, эта система итического воспитанія подѣйствовала точно-ъ-же; раздраженіе націй выразилось довольно-но, но зато взрывъ былъ очень силенъ азстроилъ планы государственнаго канцлера-ше, чѣмъ онъ думалъ; старой консерва-ной системы достало на вѣкъ Генца, умер-о въ 1835 году, но на вѣкъ Меттерниха-оказалось мало, и событія 1848 года яви-ь наказаніемъ за грѣхи 20-хъ и 30-хъ го-ь.

Неудачи системы начались гораздо раньше, а часть послѣ того торжественнаго цирку-а, который возвѣстилъ народамъ Европы-вду священнаго союза надъ нарушителями-ественнаго порядка. Греческій вопросъ былъ-вымъ яблокомъ раздора между членами свя-наго союза. Меттернихъ, какъ сухой диплом-ъ, видѣлъ въ возмущившихся грекахъ та-ъ-же мятежниковъ, каковы были неапо-анцы и піемонтцы; у императора Александра, ротивъ того, пылкое религиозное чувство-орило громче всѣхъ остальныхъ соображе-; онъ хотѣлъ помочь своимъ единовѣрцамъ;-мъ того война съ Турціей могла усилить-аніе Россіи на дѣла Востока, и потому импе-оръ Александръ показалъ самое серьезное-положеніе вступить за грековъ вооружен-силой. Меттернихъ давно уже боялся Рос-и потому, наскоро сговорившись съ англій-мъ министромъ лордомъ Кастльригомъ, для-ращенія угрожавшей войны предложилъ рус-му правительству посредничество Австріи и-гліи. Посредничество это было принято и-рта очистила Молдавію и Валахію, которыя-ъ, въ ожиданіи войны, уже успѣла занять-ими войсками. Что-же касается до грековъ, члены священнаго союза согласились въ-юшеніи къ нимъ оставаться на время ней-ильными; со стороны Меттерниха это уже-ла важная уступка; онъ соглашался смотрѣть

возмущеніе подданныхъ противъ своего за-наго государя, не посылая войска для усми-нія мятежниковъ. Это, какъ вы видите, со-авляетъ ужъ отступленіе отъ системы, про-глашенной въ Ахенѣ, въ Тропавѣ и въ Лай-хѣ. Въ этомъ отступленіи нѣтъ ничего уди-

вительнаго; мы уже настолько знаемъ личный характеръ князя Меттерниха, чтобы понимать, какъ мало онъ былъ способенъ бороться съ серьез-нымъ препятствіемъ во имя своей идеи; какъ встрѣчается такое препятствіе, такъ нашъ ди-пломатъ уклоняется въ сторону и только по-томъ изъ личнаго тщеславія старается пока-зывать, что его уступка не что иное, какъ ре-зультатъ глубокихъ политическихъ соображеній. не что иное, какъ естественный и необходимый выводъ его знаменитой системы. Чѣмъ дальше отступаетъ онъ отъ этой системы въ жизни, тѣмъ упорнѣе держится за нее въ теоріи, чтобы посредствомъ запутанной діалектики замаски-ровать свои политическія неудачи и пораженія.

Чувствуя что-то неладное въ отношеніяхъ между главными членами священнаго союза, Меттернихъ считалъ необходимымъ скрѣпить этотъ союзъ новымъ конгрессомъ и на этомъ предполагаемомъ конгрессѣ еще разъ самымъ ревностнымъ образомъ толковать присутствую-щимъ лицамъ тѣ догматы политической вѣры. безъ которыхъ нѣтъ ни спасенія, ни порядка. Благодаря его стараніямъ, состоялся конгрессъ въ Веронѣ. Въ четыре года—четыре европей-скіе конгресса, и всегда составителемъ, разсы-лающимъ пригласительные билеты, является Меттернихъ. Въ этихъ постоянно повторяющихся совѣщаніяхъ объ одномъ и томъ-же, въ этомъ постоянно повторяющемся обращеніи къ союз-никамъ, въ этихъ періодическихъ увѣреніяхъ во взаимной дружбѣ и взаимной помощи, видна тревожная боязливость, происходящая отъ тай-наго, инстинктивнаго, невысказаннаго чувства собственной безпомощности. Меттернихъ оче-виднo боялся остаться глазъ-на-глазъ съ сво-имъ народомъ; онъ очевидно боялся, что его захватитъ врасплохъ какое-нибудь энергическое движеніе массы; на этомъ основаніи при малѣй-шемъ волненіи въ какомъ-нибудь уголкѣ Европы, послѣ малѣйшей размолвки съ кѣмъ-нибудь изъ союзниковъ, онъ тотчасъ разсылаетъ во всѣ концы Европы приглашенія собраться для со-вѣщаній; онъ съ тревожной заботливостью освѣ-домляется о настроеніи разныхъ правительствъ и, собравши ихъ представителей, начинаетъ опять толковать съ ними объ общей опасности, о необходимости прочнаго союза, о неоцѣня-емыхъ достоинствахъ своей системы. Эта вѣчная тревога служить новымъ доказательствомъ того, какъ мало князь Меттернихъ былъ убѣжденъ въ прочности своихъ собственныхъ дѣйствій.

## VII.

Каждый конгрессъ созывался Меттернихомъ съ той цѣлью, чтобы отнять у народовъ ка-кія-нибудь права, чтобы въ чемъ-нибудь стѣ-снить ихъ законную свободу, чтобы безнаказанно нарушить данныя имъ обѣщанія, чтобы напу-стить на нихъ войска священнаго союза. Верон-



скій конгрессъ въ своихъ результатахъ нисколько не отличается отъ трехъ предыдущихъ. Революція въ Испаніи обратила на себя все вниманіе австрійскаго канцлера; король испанскій, Фердинандъ VII. былъ принужденъ дать своему народу конституцію, но потомъ, введя эту конституцію, онъ своей двуличной политикой въ отношеніи къ конституціоннымъ властямъ самъ поддерживалъ въ своемъ королевствѣ волненія и беспорядки. Противъ конституціоннаго порядка бунтовали низшіе слои народа. Они вооружались противъ конституціи и объявляли, что идутъ защищать религію и короля. Монашество, терявшее, по опредѣленію кортесовъ, значительную долю своихъ помѣстьевъ и доходовъ, было недовольно конституціоннымъ порядкомъ. На сторонѣ конституціи стояло все мыслящее населеніе Испаніи; Фердинандъ VII, насколько это было возможно, замедлялъ и парализировалъ дѣйствія кортесовъ противъ бунтовщиковъ. Могъ-ли Меттернихъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ испанскихъ событій? Всѣ усилія австрійскаго министра на веронскомъ конгрессѣ были направлены къ тому, чтобы убѣдить Францію въ необходимости пойти на помощь испанскимъ роялистамъ, осуществить желанія самой испанской націи, требующей восстановленія стараго порядка, и изложить ту партію мятежниковъ, которая овладѣла правленіемъ. Вслѣдствіе этого представители Франціи обязались, отъ имени своего правительства, представить мадридскому кабинету энергическую ноту и, если это не поможетъ, рѣшить дѣло французскими штыками, къ полному удовольствію Меттерниха, Фердинанда VII и испанскихъ роялистовъ.

Греческій вопросъ не могъ быть рѣшенъ съ такимъ блестящимъ успѣхомъ. Императоръ Александръ, при всей своей привязанности къ принципу священнаго союза, не могъ никакъ убѣдиться въ необходимости предпринимать крестовый походъ въ пользу турецкаго султана; онъ попрежнему сочувствовалъ возмущившимся грекамъ, и потому Меттернихъ, вывѣдавъ стороной о его настроеніи, заблагоразсудилъ не поднимать этого щекотливаго вопроса и употребилъ все свое искусство на то, чтобы на конгрессѣ обойти дѣло грековъ молчаніемъ. Самимъ грекамъ это казалось невыгоднымъ; они прислали отъ себя депутацію, чтобы просить помощи у великихъ державъ; Меттернихъ это нисколько не затруднило; по его приказанію этихъ грековъ задержали въ Анконскомъ карантинѣ до тѣхъ поръ, пока конгрессъ не разошелся. Австрійскій министръ, какъ видите, не долго задумывался въ выборѣ средствъ; цѣли его были такъ обширны, такъ возвышенно-благородны, что ими оправдывались и прикрывались неизящныя средства. Да и передъ кѣмъ было ихъ оправдывать? До мнѣнія народовъ

Меттерниху не было дѣла, а правитель министры большей частью смотрѣли на него глазами, и къ тому-же нѣтъ было такъ трудно отуманить софизмами и запугать вражескими речами.

Видя огромное вліяніе, которымъ пользовался Меттернихъ въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, и зная тѣ денежные средства, которыми пріобрѣтало вліяніе, историкъ останавливается въ изумленіи и ищетъ причины этому явленію. Но современники не понимали Меттерниха? Но они, зная его личность, могли слѣдить за его политическимъ теоріямъ? Неужели изъ тогдашнихъ дѣятелей не найдется ни простоты, двуличности, безхарактерности политической неразвитости австрійскаго государственнаго канцлера? Да кто-же изъ тогдашнихъ официальныхъ дипломатовъ лучше Меттерниха? Кто изъ нихъ не былъ сродни по умственнымъ и нравственнымъ качествамъ? Средство тогдашнихъ государственныхъ людей съ княземъ Меттернихомъ состояло въ томъ, что большая часть изъ нихъ раздѣляла всѣ его недостатки, не обладали мелкой изворотливостью и изобрѣтательностью. Никто изъ тогдашнихъ дипломатовъ не былъ специально приготовленъ къ своему дѣлу; они поступили на свои мѣста или по пріказу, или по придворнымъ заслугамъ; держались на своихъ высокихъ мѣстахъ денежными средствами, не имѣющими ничего общаго съ государственной мудростью; жила на день, не зная и не предвидя того, что принесетъ завтрашній день, они постоянно мѣшались и трусили, постоянно не знали все новое, потому что во всякомъ новомъ, необыденномъ предметѣ или движеніи они не умѣли прочесть осужденіе и неминуемую гибель дѣла съ неизвѣстными имъ силами, чьихъ взрывы могли быть страшно сильны, эти доморожденные политики тогда оглядывались по сторонамъ, отыскивая союзниковъ. Меттернихъ душой и тѣломъ принадлежалъ къ ихъ лагерю, стоялъ съ ними подъ однимъ знаменемъ и обнаруживалъ такую пронырливую, догадликую, усердную предусмотрительность, которую могли не дорожить всѣ остальные дѣятели великихъ народныхъ и человѣческихъ движеній; никто изъ нихъ не думалъ; поэтомъ они старались только отсрочить рѣшеніе минуты; а придумывать разныя отговорки въ ходъ разныя полумѣры — Меттернихъ былъ великій мастеръ, собственно потому, что такое мастерство доступно всякому члену, стоящему въ положеніи австрійскаго министра. Давить движеніе мысли — не трудно, было только сила да добрая воля, т. е. совершенная нечувствительность къ тому, что волнуетъ



идить или радуется другихъ людей. А въ этомъ поведеніи у Меттерниха были развязаны руки; онъ былъ свободенъ отъ всякихъ предразсудковъ; справедливость, развитіе мысли, литература, наука, народность были для него путыя слова, на которыя жадно бросается непутная молодежь, но къ которымъ разсудительный человѣкъ относится съ снисходительной улыбкой. Улыбка эта оставалась на губахъ разсудительнаго человѣка до тѣхъ поръ, пока дѣло не выходило изъ предѣловъ шутки, репроевженія времени; какъ только неопытная молодежь, внимаая злонамѣреннымъ толтамъ, ослѣпленная громкими словами, принимала дѣло серьезно, такъ князь Меттернихъ нахмуривалъ брови, входилъ въ роль заботливаго отца семейства, скликалъ европейскій педагогическій совѣтъ и представлялъ ему необходимость вразумлять увлекающееся юношество. И развитіе этого юношества дѣйствительно задерживалось распоряженіями педагогическаго совѣта; и почти два поколѣнія изжили свой вѣкъ и потеряли свои силы въ шпильбергскихъ карцерахъ, въ ссылкѣ, въ глухой, безплодной оппозиціи противъ австрійской государственной тактики.

Читая мартирологию итальянскихъ патріотовъ, каждый по-человѣчески чувствующій читатель можетъ-быть почувствовалъ-бы ненависть къ Меттерниху, душѣ австрійской политики, автору и проводнику всѣхъ жестокихъ мѣръ. Читатель этотъ поступитъ такимъ образомъ не совсѣмъ справедливо или по крайней мѣрѣ не совсѣмъ логично. Въ личности Меттерниха нѣтъ того мрачнаго величія, которое можно замѣтить въ историческихъ фигурахъ Людовика XI французскаго, Филиппа II испанскаго, Генриха VIII англійскаго, нашего Ивана IV; у Меттерниха нѣтъ тѣхъ смѣлыхъ и обширныхъ идей, которыя проводилъ въ своей дѣятельности Людовикъ XI, централизаторъ феодальной Франціи; у него нѣтъ того дикаго фанатизма, который одушевлялъ собою тирана Испаніи; въ его оправданіе нельзя привести того болѣзненнаго разстройства, которымъ до нѣкоторой степени объясняются кровавыя эксцентричности Генриха и Ивана. Острый умъ Людовика XI, строившаго для будущихъ поколѣній, не можетъ примирить насъ съ его жестокостями, но во всякомъ случаѣ выдвигаетъ его личность изъ ряда дюжинныхъ явленій; односторонняя дюжинность Филиппа II не можетъ вызвать къ себѣ нашего сочувствія, но во всякомъ случаѣ заставляетъ насъ смотрѣть на его громадныя преступленія, какъ на результатъ горячаго убѣжденія; болѣзненное состояніе Генриха VIII и Ивана IV не можетъ показаться намъ привлекательнымъ, но оно почти снимаетъ съ нихъ отвѣтственность за пролитую кровь. Скажите на милость, можно-

ли въ пользу Меттерниха привести хоть одно подобное оправданіе? Созидаль-ли онъ прочное зданіе для будущихъ вѣковъ? Дѣйствовалъ-ли онъ подъ увлеченіемъ страсти? Страдалъ-ли онъ умопомѣшательствомъ?—Ничуть не бывало; все дѣлалось у него хладнокровно, прилично, чуть-чуть не кротко; онъ безъ малѣйшаго раздраженія и безъ малѣйшей надобности, исполняя чужую волю, принималъ на себя роль главнаго тюремщика австрійской имперіи; какъ услужливый исполнитель, онъ съ полнымъ усердіемъ принималъ на себя всякія должности: нужно быть первымъ министромъ—онъ готовъ; нужно распечатать и прочесть чужое письмо—извольте; нужно подослать шпіона—и это можно; нужно вывѣдать черезъ свою любовницу секретъ—будетъ исполнено; нужно присмотрѣть за арестантами—и тутъ князь Меттернихъ не ударитъ лицомъ въ грязь. Въ его характерѣ нѣтъ крупныхъ чертъ, и вслѣдствіе этого ничто въ немъ насъ не шевелитъ, ничто не приводитъ въ негодованіе. Смотри на судьбу и личность Меттерниха, только и можно подуматъ: бѣдный *petit-maitre*! Рядъ случайныхъ обстоятельствъ поставилъ его такъ высоко, такъ высоко, что ему самому сдѣлалось и весело, и страшно; сойти внизъ ему не хочется, а упасть онъ боится; его маленькая фигура исчезаетъ на необозримо-высокомъ пьедесталѣ, и новый столпникъ забываетъ, что онъ—человѣкъ; онъ не смотритъ на то, что дѣлается внизу; ему лишь-бы удержаться на своемъ пьедесталѣ; ему нѣтъ дѣла до тѣхъ ничтожныхъ людей, которые не могутъ слѣдовать за нимъ на высоту. Онъ жалокъ въ своемъ неестественномъ положеніи; смѣшныя стороны его мизерной фигурки видны со всѣхъ сторонъ всей толпѣ, стоящей вокругъ пьедестала... Что-же тутъ ненавидѣть? Онъ мелокъ, и оцѣнивать его личный характеръ значить только хладнокровно отиѣтитъ эти выдающіяся черты его фizioноміи.

### VIII.

Дряблость князя Меттерниха начинается обозначаться въ тѣхъ неудачахъ, которыя въ половинѣ двадцатыхъ годовъ испытываетъ его система.

Случалось-ли вамъ, любезный читатель, встрѣчаться съ такими людьми, которые на словахъ готовы совершить чудеса геройской храбрости, а на дѣлѣ оказываются трусливѣе самаго обыкновеннаго смертнаго? Такіе господа при спорѣ говорятъ очень громко и постепенно возвышаютъ голосъ, по мѣрѣ того, какъ ихъ противникъ становится скромнѣе; если они могутъ запугать васъ, они начинаютъ самовольно распоряжаться вами; если-же, напротивъ того, вы крикните громче ихъ или выкажете сопротивление, они дѣлаются мягкими, уступ-



чивыми и понижаютъ тонъ. Къ числу такихъ людей принадлежалъ государственный канцлеръ Австрійской имперіи; пока онъ не встрѣчалъ себѣ оппозиціи, претензіи его росли не по днямъ а по часамъ; система съ каждымъ годомъ проводилась настойчивѣе; внимательство Австріи въ дѣла другихъ государствъ становилось навязчивѣе; дипломатическія ноты писались рѣзче и внушительнѣе; вся Германія была взята въ опеку; вмѣстѣ съ правами націй нарушалась и самостоятельность правителей. Король вюртембергскій и великій герцогъ баденскій сами были расположены къ конституціонной системѣ управления и дорожили любовью своихъ подданныхъ; австрійское правительство не обратило вниманія на ихъ личныя мнѣнія и симпатіи и разными полунасильственными мѣрами заставляло ихъ подчиниться политикѣ священнаго союза и ввести въ своихъ владѣніяхъ ту систему гнета, которую испытывала въ это время почти вся континентальная Европа.

Принципъ законности, провозглашенный Меттернихомъ послѣ вѣнскаго конгресса, превратился рѣшительно въ принципъ чистаго султанизма. Меттернихъ поддерживалъ только тѣхъ законныхъ государей, которые соглашались подчиниться его инструкціямъ; кто возставалъ противъ этихъ инструкцій, тотъ былъ врагомъ Австріи и ея министра, какъ-бы ни были законны его права на престолъ; еслибы произошло столкновеніе между законнымъ государемъ, поддерживающимъ конституціонныя идеи, и партіей, стремящейся водворить абсолютизмъ, Меттернихъ не задумался-бы протянуть руку партіи вопреки желанію правителя. Тяжело приходилось континентальной Европѣ подъ флагомъ австрійской политики; пора было остановить зазнавагося придворнаго чиновника и положить конецъ его диктаторскому самовластію, тяготѣвшему надъ націями такимъ-же страшнымъ гнетомъ, каковы деспотизмъ Наполеона тяготѣлъ надъ государями. Англійскій министръ Каннингъ нанесъ первый рѣшительный ударъ австрійской гегемоніи.

Нанести этотъ ударъ было вовсе не трудно. Меттернихъ, какъ я уже замѣтилъ, былъ слабъ и трусливъ. Встрѣчая серьезный отпоръ, онъ сначала пробовалъ запугать противника, но стоило только прикрикнуть, и нашъ дипломатъ, не рѣшаясь вступить въ борьбу, начиналъ заботиться только о томъ, чтобы прилично уступить себѣ отступленіе и не признать себя разбитымъ въ глазахъ европейскихъ правительствъ. Споръ между Каннингомъ и Меттернихомъ завязался по поводу вопроса объ испанскихъ колоніяхъ въ южной Америкѣ. Колоніи эти: Колумбія, Буэносъ-Айресъ и Чили, отложились отъ метрополи, объявили себя независимыми и ввели у себя республиканское устройство. Меттер-

нихъ на веронскомъ конгрессѣ объявилъ, что великія державы не признаютъ существованія этихъ республикъ и, въ случаѣ надобности, пошлютъ свои войска въ Америку, чтобы возстановить тамъ интересы монархическаго принципа. Въ реченіяхъ своего оракула, европейскіе дипломаты благоговѣли, и мысль о крестовомъ походѣ въ Новый Свѣтъ серьезно занимала ихъ; возбуждала въ однихъ дѣятельнѣе стремленія, въ другихъ — гордое чувство расы. Но явился невѣрующій скептикъ, и европейскій принципъ былъ уличенъ въ грубую ошибку. Джоржъ Каннингъ объявилъ, что просто, что Англія ни въ какомъ случаѣ не пуститъ внимательства европейскихъ державъ въ дѣла американскихъ колоній. Меттернихъ попробовалъ устроить конгрессъ, надѣясь какимъ-нибудь образомъ уломать Каннингъ; Каннингъ наотрѣзъ отказался участвовать въ конгрессѣ и еще разъ замѣтилъ, что въ отношеніи къ бывшимъ испанскимъ колоніямъ Англія не будетъ поступать по собственному благоусмотрѣнію, не обращая вниманія ни на конгрессъ, ни на священный союзъ. Чтò тутъ было дѣлать Меттернихъ видѣлъ, что нашла коса на камень и что придется отступить; онъ сталъ упрашивать Каннинга не дѣлать по крайней мѣрѣ ничего такого, чтò могло-бы уронить въ общественномъ мнѣніи Европы систему священнаго союза. Каннингъ и на это не согласился; онъ объявилъ, что Англія признаетъ независимость возмущившихся колоній; всѣ доводы Меттернихъ были истощены, всѣ его заискиванія разбиты о непоколебимую волю англичанина, и къ завершенію скандала французскій кабинетъ, вѣдаясь вліянію Англіи, также обнаружилъ расположеніе признать самостоятельность вѣжъ американскихъ республикъ. Меттернихъ не былъ способенъ стоять за свою идею до послѣдней возможности; на гордую ноту англійскаго министра онъ отвѣтилъ очень скромно, что священный союзъ не будетъ сопротивляться тому, чтобы бывшія испанскія колоніи были объявлены независимыми, лишь-бы только монархическій принципъ оставался неприкосновеннымъ, лишь-бы только отложившіяся земли выбрали себѣ въ правители законныхъ государей. Каннингъ не сдѣлалъ никакой уступки и, рѣшительно отказавши Меттерниху во всѣхъ его требованіяхъ, вслѣдъ затѣмъ официально, безъ всякихъ условій и оговорокъ, призналъ независимость новыхъ республикъ. Меттернихъ, какъ и слѣдовало ожидать, покорился необходимости, и торжественная объявленія его о крестовомъ походѣ великихъ державъ за море остались грохотомъ фразы.

Еще чувствительнѣе было пораженіе, нанесенное политикѣ Меттерниха въ Португаліи; виновникомъ этого пораженія былъ тотъ-же Кан-



Въ Португаліи королева Марія да-Глорія, Бразильскаго императора Педро, ввела бражкую конституцію, предоставлявшую націи шительныя льготы и политическія права; королевы, Мигуэль, призванный сдѣла ея мужемъ и совправителемъ, сталъ во абсолютистовъ и пытался уничтожить конституцію и опрокинуть существующее правительство, чтобы сдѣлаться неограничен- нымъ государемъ; всѣ законныя права были «сторонѣ королевы Маріи, но вѣнскій метъ, сочувствуя стремленіямъ Мигуэля, звалъ его приверженцевъ и даже убѣждалъ французское и испанское правительства под- дѣлывать своими войсками замышлявшуюся конституцію абсолютистовъ. Меттернихъ, soi-disant легитимистъ и консерваторъ, становился спителемъ общественнаго спокойствія, из- шиска раздувалъ междоусобную войну и, своему обыкновенію, поддерживалъ ту сто- рону, противъ которой говорили и божествен- ное право, и голосъ націи, и здравый смыслъ, и нравственное чувство. Каннингъ замѣтилъ вѣнскія интриги и въ дребезги разбилъ ны государственнаго канцлера. Онъ самъ по- ѣлъ въ Парижъ и отклонилъ французское вительство отъ вмѣшательства въ порту- гальскія дѣла; когда-же Мигуэль, опираясь на анскія войска, произвелъ революцію, то подъ нами Лиссабона показалось десять англій- скихъ военныхъ кораблей, и партія Мигуэля авила свои замыслы. На другой день послѣ савленія этой эскадры Каннингъ произнесъ парламентѣ нѣсколько многозначительныхъ зъ, надъ которыми пришлось позадуматься меттерниху. «Я не боюсь войны за хорошее дѣ- — сказалъ англійскій министръ. — Но я боюсь потому, что знаю, какимъ образомъ Велико- ганія можетъ довести борьбу до такихъ по- цтвій, о которыхъ страшно подумать. Можно будить войну, въ которой будутъ сражаться ду собою не арміи, а идеи, и тогда подъ иена Великобританіи станутъ всѣ граждане, овольные современнымъ положеніемъ своихъ ѣлъ. Въ настоящее время существуетъ такая а, которая, подъ руководствомъ Англіи, мо- ть сдѣлаться страшнѣе всѣхъ силъ, когда- о боровшихся во всемірной исторіи». Кан- гъ былъ человѣкъ дѣла, а не фразы; онъ не ступилъ-бы отъ европейской войны, еслибы пришлось отставать свои политическія жденія; но Меттернихъ боялся шума и скан- а; узнавъ о появленіи англійскихъ кораблей въ Лиссабономъ и о громовой рѣчи Каннинга парламентѣ, онъ отступился отъ Мигуэля и явилъ, что никогда не сочувствовалъ его олюціи.

Да, еслибы Каннингъ не умеръ въ 1827 году, гое на европейскомъ континентѣ могло-бы киться не такъ, какъ оно сложилось. Бла-

годаря его энергіи, кредитъ Меттерниха началъ слабѣть, и его система стала постепенно терять своихъ поклонниковъ. Между тѣмъ и греческій вопросъ, котораго рѣшеніе государственный канцлеръ отсрочивалъ разными дипломатиче- скими фокусами, неожиданно разыгрался въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. 6-го іюля 1827 года Россія, Англія и Франція заключили между собою въ Лондонѣ союзъ и обязались, въ слу- чаѣ надобности, силой оружія принудить Порту къ освобожденію грековъ: союзъ этотъ былъ заключенъ безъ вѣдома Меттерниха; союзъ этотъ былъ заключенъ противъ одного изъ закон- ныхъ государей Европы, и притомъ противъ одного изъ самыхъ самовластныхъ, слѣдова- тельно наиболѣе достойныхъ просвѣщеннаго со- чувствія австрійскаго министра; союзъ этотъ усиливалъ значеніе Англіи и Россіи, и слѣ- довательно парализировалъ вліяніе Австріи; какъ дипломатъ, какъ защитникъ абсолю- тизма и какъ тайный врагъ Англіи и Рос- сіи, Меттернихъ чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ заключеніемъ этого союза. Онъ вмѣстѣ съ императоромъ Францомъ разри- зился въ ругательствахъ и проклятіяхъ про- тивъ Каннинга. «Чортъ въ него поселился!» — кричалъ Францъ I, и министръ по обыкнове- нію былъ одного мнѣнія съ своимъ государемъ; но ругательства эти не перешли въ дѣло, не перешли конечно на бумагу дипломатическихъ нотъ, и только частная корреспонденція Мет- терниха съ однимъ нѣмецкимъ государемъ сбе- регла для потомства свидѣтельство этого без- сильнаго гнѣва; въ этихъ письмахъ австрій- скій министръ отзывается о Каннингѣ, какъ «о безмозглomъ сумасбродѣ, корчащемъ либе- рала и неимѣющемъ понятія о политическихъ интересахъ Англіи». Въ этихъ отзывкахъ вы- ражается то комическое изступленіе, которое невольно обнаруживаютъ люди, пережившіе свою славу и замѣчающіе, что жизнь идетъ мимо нихъ, далеко обгоняя ихъ и не обращая вни- манія на ихъ безсильныя старанія пріостанов- ить ея теченіе; по этимъ отзывкамъ становится замѣтно, что Меттернихъ, постоявши лѣтъ 12 въ первыхъ рядахъ европейской дипломатіи, въ значительной степени потерялъ способность владѣть собой.

Время Ахена, Тропавы, Лайбаха и Вероны прошло невозвратно; выдвинулись новые дѣя- тели — и подавленные интересы націй понемногу поднимаютъ голову. Вскорѣ послѣ заключенія лондонскаго договора Каннингъ умеръ, но отъ этого Меттерниху легче не сдѣлалось. Преем- никъ Каннинга, лордъ Веллингтонъ, гордый и упрямый, какъ истый англичанинъ, не скло- нялся ни на какія представленія австрійскаго правительства, держался въ союзѣ съ Россіей и защищалъ дѣло грековъ. Въ августѣ 1827 г. союзныя державы представили турецкому пра-



вительству свои требованія и, не получивши удовлетворенія, послали свои эскадры въ Архипелагъ; Меттернихъ рѣшился на отчаянную продѣлку—на дипломатическій подлогъ; желая во что-бы-то ни стало предупредить столкновение между Портой и союзными державами, боясь нарушенія всего политическаго равновѣсія, Меттернихъ написалъ отъ имени грековъ изъясленіе раскаянія и покорности; какіе-то подкупленные греки подписали эту бумагу, и 18-го сентября константинопольскій патріархъ торжественно передалъ этотъ подложный актъ турецкому правительству. Плоская и безчестная комедія эта упала; публика, передъ которой она разыгрывалась, ей не повѣрила; союзныя державы, которыхъ Меттернихъ этимъ страннымъ способомъ надѣялся принудить къ прекращенію военныхъ дѣйствій, не обратили на всю эту штуку никакого вниманія. Извѣстіе о наваринскомъ сраженіи, уничтожившемъ турецкій флотъ, убѣдило австрійскаго министра въ томъ, что, имѣя дѣло съ людьми рѣшительными, нельзя остановить ихъ дипломатической діалектикой и поддѣльными подписями. Меттернихъ узналъ о наваринскомъ дѣлѣ въ ту самую минуту, когда онъ садился въ карету, чтобы ѣхать вѣнчаться; можно сказать положительно, что это извѣстіе испортило ему этотъ торжественный для него день; свадьба не была, правда, отложена, но женихъ оказался не въ блестящемъ расположеніи духа. Этотъ второй бракъ Меттерниха отличается отъ перваго тѣмъ, что на этотъ разъ нашъ герой женился по любви на дѣвушкѣ, отличавшейся замѣчательной красотой, но не представлявшей для него блестящей партіи. Противъ этого брака возставали всѣ его ближайшіе родственники, особенно гордая аристократка, старуха-мать его, которой въ то время было слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ и которая изъ прошлаго столѣтія принесла свои предрасудки и антипатіи. Впрочемъ если самъ Меттернихъ наперекоръ этимъ предрасудкамъ рѣшился на женитьбу, то въ этомъ не слѣдуетъ видѣть проявленія истиннаго и глубокаго чувства. Когда государственный канцлеръ былъ еще юношей, онъ и тогда не отличался сердечной вѣжностью; на внучкѣ Кауница онъ женился по расчету; связью съ Каролиной Мюрать онъ пользовался для политическихъ цѣлей или, вѣрнѣе, для того, чтобы пробить себѣ дорогу къ почестямъ и повышенію; любовь всегда была для него развлеченіемъ, а иногда полезнымъ, хоть и неблагообразнымъ средствомъ; онъ былъ слишкомъ сухъ и холоденъ, слишкомъ тщеславенъ и мелокъ, чтобы выносить въ груди прочное чувство и хоть разъ въ жизни принести ему въ жертву какую-нибудь существенную выгоду, какую-нибудь частицу своего самолюбія. Онъ женился во второй разъ, когда ему было 54 года; въ этихъ лѣтахъ мужчины бывають

особенно чувствительны къ красотѣ женщинъ; капризъ увядающей чувственности бываетъ такъ силенъ, что онъ можетъ заставить дѣйствительнымъ чувствомъ; такъ и капризъ рѣшилъ судьбу государственный канцлера; выгоды ему искать нечего было; счастья у него было довольно; въ связи ему не нуждался; стало-быть, онъ женился на Каролинѣ именно потому, что только красотой доставить ему наслажденіе; что чувства къ своей избранной не было глубоко и прочно, это можно заключить по общему характеру избираемой нами личности; кромѣ того Меттернихъ умерла черезъ два года послѣ своей свадьбы, а супругъ ея безъ возможности перенести свою утрату и вслѣдъ за нею женился на третьей женѣ.

Я счелъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о семейной жизни Меттерниха для того, чтобы предостеречь читателя отъ ошибки; при этомъ этому человѣку способность глубоко чувствовать и сильно любить значило-бы совершенно не понять его характера; Меттернихъ былъ докъ въ своихъ человѣческихъ чувствахъ столько-же, насколько онъ былъ не близорукъ въ своихъ политическихъ и административныхъ соображеніяхъ. Оффиціальная, постоянно салонная жизнь, которой прожилъ больше пятидесяти лѣтъ, удовлетворяла его потребностямъ, наполняла всѣ минуты, составляла для него источникъ самыхъ ощущений, горя и радости, надеждъ и опечаленій. У него не было внутренняго міра, и эта чуждая официальность, проникавшая въ самую его личность и таившаяся подъ простыми изысканной непринужденностью внѣшными ощущеніями,—отразилась конечно на его гражданской дѣятельности, отъ которой вѣетъ нымъ холодомъ и сухой безучастностью къ ствительно живымъ сторонамъ дѣла.

Когда наваринское сраженіе подало поводъ къ серьезной войнѣ между Россіей и Турціей, Меттернихъ, испытавшій такимъ образомъ вершенное дипломатическое пораженіе, опасаясь за существованіе Оттоманской имперіи и стараясь возстановить противъ Россіи турецкое правительство. Когда его убѣды не подѣйствовали, онъ взялся за угрозы. Наполеона, воспитывавшійся привѣнскомъ въ качествѣ герцога Рейхштадтскаго, императора Франца, послужилъ темой угрозъ. Со стороны Меттерниха эти угрозы были довольно оригинальны и безтактны; защитнику законности, было просто неприлично противъ династій Бурбоновъ, признанныхъ кими державами и посаженной на престолъ его-же содѣйствіемъ,—выставлять претендента на французскую корону сына корсиканскаго демократа, вышедшаго изъ рядовъ революціоннаго переворота по-своему поземельнаго



торжествующей революціи, законнымъ королемъ Франціи; точно также было признано существованіе отдѣльнаго Бельгійскаго королевства; точно также были фактически признаны результаты брауншвейгской революціи, низвергнувшей съ престола герцога Карла, пользовавшагося особеннымъ расположеніемъ князя Меттерниха.

Осторожно и уступчиво повелъ себя австрійскій министръ въ отношеніи къ оппозиціи, начинавшей возникать въ мадьярской націи. Вниманіе народа, по распоряженіямъ правительства, было отвлечено на блестящія празднества, сопровождавшія собою коронацію эрцгерцога Фердинанда, объявленнаго венгерскимъ королемъ при жизни отца своего, Франца I. Когда въ сеймѣ произошли пренія насчетъ рекрутскихъ наборовъ и взиманія податей, правительство на всѣхъ пунктахъ уступило настоятельнымъ требованіямъ оппозиціи. Эта неожиданная уступчивость смягчила воинственное настроеніе умовъ, и всеобщее воодушевленіе венгерской націи не пошло ей въ прокъ, благодаря уклончивой робости князя Меттерниха.

Уступая въ Венгріи, Меттернихъ не хотѣлъ уступать въ Италіи; это былъ послѣдній уголокъ, въ которомъ съ грѣхомъ пополамъ держалась его отжившая система; мелкіе итальянскіе владѣтели боялись своихъ собственныхъ подданныхъ и съ величайшей радостью принимали отъ Австріи вооруженныхъ блюстителей порядка: Италіи недоставало единодушія; смѣлыхъ патріотовъ было довольно, но они были разсѣяны и дѣйствовали врознь. То въ Моденѣ, то въ папской области, то въ Неаполѣ обнаруживались волненія, но приходили австрійскіе солдаты и тушили огонь, прежде чѣмъ онъ успѣвалъ разгорѣться. Европейскія державы обыкновенно не мѣшали этимъ упражненіямъ австрійскихъ отрядовъ и смотрѣли на вмѣшательство Австріи, какъ на дѣло очень естественное и въполнѣ законное. Но послѣ іюльской революціи новое французское правительство, чувствуя настоятельную потребность поддерживать свою популярность въ глазахъ тѣхъ людей, которымъ оно обязано было своимъ возвышеніемъ, — рѣшилось защищать національные интересы Италіи противъ посягательства Австріи.

Въ мартѣ 1831 года французскій кабинетъ объявилъ Меттерниху, что вступленіе австрійской арміи въ итальянскія земли можетъ подать поводъ къ войнѣ съ Франціей, что война эта возможна, если австрійцы займутъ Модену, правдоподобна, если они войдутъ въ папскую область, и неизбежна, если они перешагнутъ черезъ границу Піемонта. Когда Меттернихъ, не смотря на это объявленіе, двинулъ войска въ Болонью, въ которой обнаружилось возстаніе, то французское правительство отъ словъ перешло къ дѣлу: Людовикъ-Филиппъ послалъ сильную эскадру и захватилъ приморскую крѣ-

пость Анкону, чтобы, въ случаѣ дальнѣйшихъ предпріятій со стороны Австріи, имѣть у нея точку опоры въ папской области. Въ самое время французскій посланникъ въ папскомъ дворѣ убѣждалъ Пія VIII уступить ланію недовольнаго народа и отнестись къ нему въ образѣ у Австріи поводъ къ вмѣшательству. Требованія Франціи поддерживала Англія, которая со стороны Австріи находилась Пруссія. Меттернихъ боялся войны, и потому съ своей обычной технической ловкостью отступилъ, поддержавъ только внѣшнее благообразіе; но самъ въ тиши своего рабочаго кабинета австрійскій министръ не могъ не сознаться въ томъ, что даже въ Италіи, на которую постоянно обращено его бдительное вниманіе, выражается въ многочисленныхъ арестахъ и въ самомъ движеніи военныхъ отрядовъ, даже Італіи, повторяю я, преобладаніе австрійской политики колеблется и становится сомнительнымъ.

Тоскливо оглядываясь вокругъ себя, вая испуганнымъ взоромъ друзей и слугъ, князь Меттернихъ попустилъ въ ходъ старое средство, при которомъ такіе блестящіе результаты въ Агени, вѣ, въ Лайбахѣ и въ Веронѣ; онъ поощрялъ идею священнаго союза и въ королевѣ прусскаго пріѣхавъ въ одинъ изъ Австріи для совѣщанія съ императоромъ о дѣлахъ Европы. Свиданіе между ними произошло въ Мюнхенѣ-Грецѣ, но не принесло тѣхъ послѣдствій, такъ усердно добивался Меттернихъ. оборонительный и наступательный советъ того желалъ Меттернихъ, не состоявшему что Пруссія не обнаружила того тивнаго рвенія, которымъ пылалъ австрійскій министръ. Не одобряя дѣйствій французскаго правительства въ папской области, ограничилась однако тѣмъ, что выразила неодобреніе очень миролюбивымъ то очень умѣренныхъ дипломатическихъ Нота австрійскаго правительства, на того, была написана рѣзко, она обвиняла французскій кабинетъ въ поощреніи безпечности и объявляла торжественно, что Австрія и Россія готовы съ оружіемъ въ рукъ держивать спокойствіе въ тѣхъ странахъ, гдѣ Франція волнуется своимъ вліяніемъ. Пруссія, ни Россія не уполномочивали Францію пользоваться ими; грозя Франціи женнымъ вмѣшательствомъ трехъ державъ, нашъ дипломатъ общался съ тѣмъ онъ могъ выполнить; французское правительство поняло это, и отвѣчало очень тѣмъ, что Франція никогда не посягнетъ на ничье вмѣшательство въ Бельгію, въ Писаріи и въ Піемонтѣ. Въ Бельгіи и в Писаріи—это еще ничего! Но въ Піемонтѣ, лежащемъ на границѣ Ломбардо-Венеціанской имперіи, это уже не то.



Олеводства! Въ Пиемонтѣ не имѣть права становлять порядокъ — это, по мнѣнію Меттерниха, значило отказаться отъ итальянскихъ владѣній, значило признать себя побѣжденнымъ до начала сраженія. А между тѣмъ, съ ни страдало сердце государственнаго лидера, пришлось покориться и этому тягостному ограниченію. Находясь въ крайне затруднительномъ положеніи, Меттернихъ пропущивъ мимо ушей то, что было сказано о Пиемонтѣ; онъ отвѣчалъ французскому посланнику, что требованія Франціи касательно Бельгіи и Швейцаріи совершенно законны; французскій посланникъ замѣтилъ ему, что онъ забываетъ Пиемонтъ; Меттернихъ изразилъ притворное удивленіе, потомъ благодарное негодованіе, но французскій дипломатъ продолжалъ настаивать; Англія также поддерживала это послѣднее требованіе, и Меттерниху пришлось уступить, потому что ни Пруссія, ни Россія не изъявляли желанія проливать кровь своихъ гражданъ за неприкосновенность австрійскихъ владѣній въ Италіи и за торжество меттерниховой системы въ континентальной Европѣ.

Тайная ненависть Меттерниха къ королю Людовіку-Филиппу, возвысившемуся путемъ революціи, постепенно возрастала по мѣрѣ того, какъ политика новаго французскаго правительства парализировала его вліяніе на европейскія событія. Въ рукахъ Меттерниха находилось вѣрное средство надѣлать этому ненавистному правительству множество хлопотъ; при австрійскомъ дворѣ жилъ герцогъ Рейхштадтскій, о которомъ я уже упоминалъ прежде, и гимъ именемъ можно было бы отъ времени до времени грозить Орлеанской династіи точно такъ-же, какъ до ея вступленія на престолъ грозили династіи Бурбоновъ. Но угрозы Меттерниха выполнялись такъ рѣдко, и въ этомъ случаѣ выполненіе ихъ было такъ ненадежно, что правительство Людовика-Филиппа выслушало ихъ съ полнымъ равнодушіемъ, зная какъ нельзя лучше, что императоръ Францъ I никогда не выпуститъ своего внука изъ Вѣны и не позволитъ ему отвѣдать заманчиво-тревожной жизни политическаго авантюриста. Герцогъ Рейхштадтскій хорошо понималъ свое положеніе и не могъ съ нимъ помириться. Ему исполнилось двадцать-второй годъ; онъ былъ уменъ и честолюбивъ; подвиги его отца рисовались ему какими-то баснословными дѣяніями сказочнаго героя; они раскаляли его молодое воображеніе; онъ чувствовалъ въ себѣ силы идти путемъ своего отца, онъ рвался къ шумной дѣятельности, онъ задыхался въ атмосферѣ вѣнскихъ салоновъ; его не пускали на волю, между тѣмъ онъ зналъ, что многочисленная партія требуетъ его присутствія во Франціи; постоянная тревога, постоянно сдерживаемая

правственныя страданія разбили его здоровье, онъ истомился, зачахъ и въ 1832 году умеръ въ той самой комнатѣ Шенбрунскаго замка, въ которой отецъ его въ былые годы диктовалъ Австріи условія унижительнаго мира.

Смерть герцога Рейхштадтскаго разстроила на время надежды бонапартистовъ во Франціи, но надежды эти сосредоточились скоро съ новой силой на одномъ изъ племянниковъ «великаго императора», — на томъ самомъ, которому удалось совершить переворотъ 2-го декабря 1851 года.

Чисто германскія дѣла требовали со стороны Меттерниха самаго неуклоннаго вниманія; подъ вліяніемъ іюльскихъ событій 1830 года, въ германской націи просыпались тѣ опасныя стремленія къ національному единству и къ самоуправленію, которыя австрійскій министръ успѣлъ задуть послѣ войны съ Наполеономъ I. Симптомы болѣзни были тѣ-же; стало быть, надо было, по мнѣнію Меттерниха, пустить въ ходъ тѣ лекарства, которыхъ дѣйствіе уже было испытано въ прошедшемъ кризисѣ. Опять началась дѣятельная переписка вѣнскаго кабинета съ различными дворами Германіи; однихъ упрасивали, другихъ увѣщевали, третьихъ усовѣщивали; всѣмъ грозили ужасами революціи, отъ всѣхъ требовали энергическихъ мѣръ. Энергическія мѣры, которыхъ требовалъ Меттернихъ, состояли въ усиленіи полицейскаго надзора, проявляющагося въ самыхъ разнообразныхъ и замысловатыхъ формахъ; во Франкфуртѣ-на-Майнѣ была учреждена центральная слѣдственная коммисія, что-то вродѣ комитета общественной безопасности; эта коммисія должна была преслѣдовать и отыскивать либерализмъ во всемъ... Прежде всего упала конечно гроза на литературу, на журналистику и на книжную торговлю; посыпались аресты, денежные штрафы и запрещенія; всякія политическія сходки и народные праздники были запрещены; политическія рѣчи считались преступленіемъ; кокарда на шляпѣ или цвѣтная лента въ костюмѣ считались нарушеніемъ общественнаго спокойствія.

Имя Меттерниха, которому совершенно основательно приписывалась инициатива реакціонныхъ мѣръ, сдѣлалось предметомъ ненависти... Сеймъ, служившій Меттерниху послушнымъ орудіемъ, потерялъ всякое значеніе въ глазахъ націи; его узаконенія и декреты, издавашіеся цѣлыми десятками по поводу самыхъ ничтожныхъ происшествій, надоели всѣмъ и возбуждали презрительный смѣхъ; слабость и робость центральнаго правительства, душой котораго былъ Меттернихъ, выражались самымъ нагляднымъ образомъ въ этомъ ни на что ненужномъ обиліи указовъ и постановленій, постоянно повторявшихся и постоянно нарушавшихся. Между тѣмъ неудовольствіе народа прорывалось въ частныхъ демонстраціяхъ; старыя бытовья



формы, подправленные въ 1815 году, не удовлетворяли молодого поколѣнія, на глазахъ котораго совершились іюльскія событія. Меттернихъ все-таки не понималъ и не хотѣлъ понять того, что нація стремится къ новой политической жизни и что ни полумѣры, ни уступки не заставятъ ее помириться съ положеніемъ дѣлъ. Онъ думалъ, что разогнать представительное собраніе значить уничтожить въ народѣ стремленіе къ самоуправленію; запретить книгу или газету значило, по его мнѣнію, искоренить тотъ вредный образъ мыслей, которому она обязана своимъ происхожденіемъ. Словомъ, вдавливая внутрь проявленіе какого-нибудь принципа, Меттернихъ думалъ уничтожить самый принципъ. Такимъ образомъ, имѣя въ виду радикальное успокоеніе Германіи, стремившейся, по его мнѣнію, къ губительной анархіи, Меттернихъ въ началѣ 1834 года собралъ въ Вѣнѣ посланниковъ отъ всѣхъ нѣмецкихъ правительствъ для того, чтобы по общему соглашенію совокупными силами раздавить революціонную партію въ Германіи. Изъ рѣчи, которую Меттернихъ произнесъ передъ началомъ перваго засѣданія, видно, какое огромное значеніе онъ придавалъ этой партіи:

«Волненія нашей эпохи, — говорилъ между прочимъ австрійскій министр. — породили партію, которой смѣлость, поощряемая нашей уступчивостью, дошла до неопозволительной дерзости. Вражда съ властями и авторитетами, считая себя призванной къ господству, эта партія среди общаго политическаго мира поддерживаетъ внутреннюю войну, отравляетъ духъ и настроеніе народа, соблазняетъ юношество, отуманиваетъ даже людей зрѣлаго возраста, путаетъ и искажаетъ всѣ общественныя и частныя отношенія, сознательно подстрекаетъ подданныхъ къ систематическому недовѣрію противъ законныхъ государей и проповѣдуетъ разрушеніе и уничтоженіе всего существующаго. Эта партія успѣла вселиться въ представительныя собранія, учрежденныя въ германскихъ государствахъ. Дѣйствуя по строго обдуманному плану, она сначала довольствовалась тѣмъ, что въ палатахъ депутатовъ составила противувѣснѣнію вліянію правительствъ. На этомъ ея стремленія не остановились; она старалась усилить свое значеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ заключить правительственную власть въ возможно тѣсныя границы; наконецъ она пожелала, чтобы дѣйствительная власть изъ рукъ вѣнценосца была перенесена въ представительныя собранія... И должно сознаться, партія эта къ сожалѣнію во многихъ мѣстахъ, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, достигаетъ своей цѣли; если высокотаящіяся волны этого направленія не встрѣтятъ на пути своемъ крѣпкой плотины, если успѣхамъ этой партіи не будетъ положенъ ковецъ, то въ скоромъ времени изъ

рукъ многихъ правителей ускользнетъ всякая тѣнь монархической власти.»

Открывшись рѣчью государственнымъ министра, вѣнскія конференціи повели къ слѣдующимъ результатамъ: протоколъ 12-го іюня 1834 года отнялъ у представительныхъ собраній германскихъ государствъ все ихъ дѣйствительное значеніе; эти собранія лишились права отнимать правительствамъ въ податяхъ и налогахъ суживать государственный бюджетъ. Уставы и вся система народнаго образованія были подчинены строгому полицейскому надзору; значеніе суда присяжныхъ въ дѣлахъ литературныхъ преступленій было стѣснено тщательствомъ администраціи; представительныя собранія, школы и литература — словомъ, вся проявленія народнои мысли были систематически давлены; большая часть статей этого протокола, по рѣшенію совѣщавшихся лицъ, оставлена въ тайнѣ; примѣръ Карла I и ординасовъ былъ еще слишкомъ сѣнъ на памяти Меттерниха; рѣшаясь подражать дѣйствіямъ неосторожнаго французскаго короля, Меттернихъ не рѣшался подражать его откровенности. Должно замѣтить, что въ то время, когда въ германскихъ государствахъ, которые изъ германскихъ государей съ императоромъ вольствіемъ исполняли рѣшенія вѣнскихъ конференцій; они понимали, что подобныя рѣшенія отнимаютъ у правительствъ ихъ нравственную опору, подрываютъ и губятъ популярности, ставятъ его въ открытую оппозицію съ разумными стремленіями народа. «Намъ, — пишетъ одинъ изъ тогдашнихъ государей, — слѣдовало-бы огорчаться результатамъ вѣнскихъ конференцій; онѣ отняли у насъ уваженіе и довѣріе нашихъ подданныхъ; мы лишили ихъ по милости Меттерниха. Если когда-нибудь снова достигнемъ сочувствія народа, то это будетъ съ нашей стороны великая заслуга; но, говоря откровенно, я знаю, какимъ образомъ можно будетъ заставить бездну, отдѣляющую теперь престолъ отъ жилищъ простыхъ гражданъ, государя — отъ народа.»

Государи, лично заинтересованные въ держаніи монархическаго принципа, были такимъ образомъ недовольны излишней уступчивостью и безтолковымъ усердіемъ Меттерниха, громко величавшаго себя самой надежной опорой европейскихъ престоловъ. Государи жаловались въ томъ, что онъ вредилъ ихъ личнымъ интересамъ и компрометировалъ ихъ имена въ общественномъ мнѣніи. Меттернихъ не могъ не знать ихъ мнѣнія; онъ разными дипломатическими маневрами, угрозами и притѣсненіями навязывалъ свою политику государямъ Германіи, которые не могли отнимать назадъ предоставленныя права; поступилъ онъ съ Баденскимъ великимъ герцогомъ, а поступая такимъ образомъ, онъ у



зъ говорить, что отстаиваетъ права монархъ; и дѣйствительно, Меттернихъ не былъ тосердечнымъ монархистомъ; онъ былъ бюрократомъ и, какъ бюрократъ, тѣснилъ, и преслѣдовалъ выборное начало.

## X.

2-го марта 1835 года умеръ императоръ Францъ I, и политическій міръ Европы задалъ себѣ интересный вопросъ: какимъ образомъ и въ какомъ отношеніи измѣнится положеніе князя Меттерниха? Императоръ и его первый министръ, дѣйствовавшіе за-одно въ продолженіи 40 лѣтъ, сжились между собою, коротко узнали другъ друга и не разстались-бы ни въ какомъ случаѣ, хотя-бы императоръ Францъ прожилъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ. Гибкость и услужливость князя Меттерниха уже давно расположили въ его пользу Франца I, и теперь, въ случаѣ его ни въ комъ изъ своихъ приближенныхъ отсутствія собственной воли и самостоятельности убѣжденій; между императоромъ и министромъ существовало различіе, но это различіе не было въ практической дѣятельности, благодаря драгоцѣнному свойству Меттерниха изъ малѣйшей боли отступать отъ идей и принциповъ. Францъ I былъ вѣрующій католикъ, Меттернихъ былъ скептикъ и индифферентистъ; Францъ I былъ злопамятенъ и мститель; Меттернихъ легко забывалъ обиды и когда никого не преслѣдовалъ своей ненависти; Францъ въ своемъ отвращеніи къ нововведеніямъ доходилъ до слѣпота фанатизма; Меттернихъ былъ не прочь отъ мелкихъ улучшеній, лишь-бы только прозектъ подобныхъ улучшеній былъ выработанъ правительственнымъ лицомъ и облеченъ въ канцелярскія формы. Меттернихъ очень часто не сочувствовалъ распоряженіямъ своего государя, но всегда являлся послушнымъ орудіемъ; Францъ I намѣчалъ общее направленіе, въ которомъ слѣдуетъ вести дѣло, а Меттернихъ, сохраняя про себя свое сочувствіе или несочувствіе, придумывалъ, каковымъ образомъ провести это направленіе въ дѣйствительныя отрасли администраціи. При жизни императора Франца Меттернихъ составилъ проектъ амнистіи для политическихъ преступниковъ Ломбардіи; императоръ не утвердилъ этого проекта, Меттернихъ немедленно отложилъ его съ сторону и съ прежнимъ усердіемъ продолжалъ поддерживать тѣ мелкія притѣсненія, на которыя жалуются въ своихъ мемуарахъ Сильвіо Пеллико, Паллавичино и другіе шпильбергскіе арестанты. Францу I былъ нуженъ расторопный исполнитель, и Меттернихъ, изучившій своего государя, былъ незамѣнимъ для императора Франца, какъ чиновникъ по особымъ порученіямъ.

Какъ посмотритъ на этого чиновника новый государь, и суждѣтъ-ли шестидесятилѣтній

министръ съ надлежащей быстротой принаровиться къ новымъ требованіямъ,—вотъ какъ формулировался вопросъ, занимавшій умы европейскихъ дипломатовъ въ первое время послѣ смерти стараго императора. Новый государь, тридцатилѣтній Фердинандъ I, носившій титулъ короля венгерскаго со времени своей коронаціи въ Пресбургѣ въ сентябрѣ 1830 г., почти ни въ чемъ не былъ похожъ на своего отца; онъ былъ человѣкъ очень болѣзненный, съ трудомъ могъ сосредоточить свои мысли на обсужденіи серьезнаго предмета и не выдерживалъ двухчасоваго засѣданія въ государственномъ совѣтѣ; всѣ люди, знавшіе его въ то время, когда онъ былъ еще наслѣднымъ принцемъ, любили его за кроткій нравъ и отъ души жалѣли о томъ, что болѣзнь, ослабляющая умственныя способности, мѣшаетъ новому государю провести въ жизнь съ должной энергіей человѣколюбивыя стремленія. Первымъ дѣломъ Фердинанда по вступленіи на престолъ было облегченіе участи итальянцевъ, заключенныхъ въ Шпильбергѣ и въ Мункатъ; узникамъ этимъ позволено было выселиться въ Америку. Фердинандъ могъ сдѣлать много частичнаго добра, но измѣнить господствующее направленіе политики онъ былъ не въ состояніи; съ благоговѣніемъ почтительнаго сына принималъ онъ изъ рукъ отца санъ императора, а выйдя съ этимъ саномъ получилъ инструкціи, въ непреложность которыхъ онъ безусловно вѣрилъ. Всѣ старыя слуги Франца I были оставлены на прежнихъ мѣстахъ, и князь Меттернихъ, вскорѣ послѣ смерти стараго императора, получилъ отъ Фердинанда собственноручное ласковое письмо, въ которомъ новый государь благодарилъ министра за услуги, оказанныя имъ габсбургскому дому и Австрійской имперіи, и просилъ попрежнему отправлять обязанности государственнаго канцлера. Несмотря на это любезное обращеніе Фердинанда къ старому слугѣ покойнаго отца, положеніе Меттерниха при новомъ правительствѣ чувствительно измѣнялось. При Францѣ государственный канцлеръ былъ исполнителемъ монаршей воли и представителемъ высочайшей особы, и потому все безропотно и безпрекословно склонялось предъ его могуществомъ. При Фердинандѣ этого не могло быть, потому что, во-1-хъ, у императора не было опредѣленной воли и потому что, во-2-хъ, князь Меттернихъ вовсе не пользовался его исключительнымъ или даже преобладающимъ расположеніемъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, природный чехъ, графъ Коловратъ-Либштейнскій, послѣ смерти Франца явился соперникомъ государственнаго канцлера, и несогласія между этими важнѣйшими правительственными лицами стали часто нарушать ходъ административныхъ распоряженій. Коловратъ, какъ государственный человѣкъ, былъ даровитѣе, смѣлѣе и популярнѣе Меттерниха, но главной причиной



размолвокъ между обоими министрами было не столько существенное различіе въ коренныхъ убѣжденіяхъ, сколько мелочное желаніе каждаго изъ нихъ поставить на своемъ и подчинить соперника своему вліянію.

Несогласія начались съ того, что Коловратъ составилъ проэктъ о новомъ устройствѣ государственнаго совѣта, а Меттернихъ изъявилъ желаніе учредить конференціонный совѣтъ, какъ высшую административную инстанцію. Государственный совѣтъ въ то время фактически не существовалъ; онъ никогда не собирался въ полномъ своемъ составѣ и только отдѣльные департаменты его имѣли дѣйствительное значеніе; между тѣмъ Коловратъ пользовался титуломъ предсѣдателя государственнаго совѣта, и ему хотѣлось придать этому титулу фактическую силу; для этого надо было, по его мнѣнію, превратить государственный совѣтъ въ высшее государственное мѣсто, предоставить предсѣдателямъ его отдѣльныхъ департаментовъ право дѣлать словесные доклады самому императору и учредить общія собранія всѣхъ департаментовъ. Предсѣдателемъ этого общаго собранія государственнаго совѣта былъ-бы конечно графъ Коловратъ, и черезъ это его вліяніе могло-бы даже перевѣсить значеніе князя Меттерниха.

Но Меттернихъ также не оставался въ бездѣйствіи; его сторону держалъ эрцгерцогъ Людовикъ, братъ покойнаго Франца I, и оба совокупными силами противодействовали проэкту Коловрата; они считали исполненіе этого проэкта опаснымъ, они боялись, чтобы государственный совѣтъ, соединившись въ одно административное цѣлое, не составилъ сильной оппозиціи намѣреніямъ и стремленіямъ самодержавнаго правителя; со стороны Меттерниха къ этимъ опасеніямъ примѣшивалось конечно въ значительной степени невысказанное, чисто личное и очень мелкое чувство зависти къ возрастающему вліянію Коловрата. Чтобы ни въ какомъ случаѣ не предоставить послѣднему рѣшительнаго перевѣса, Меттернихъ предложилъ оставить государственный совѣтъ въ покоѣ и дать новое устройство конференціонному совѣту, въ которомъ окончательно обсуживались и рѣшались важные государственные вопросы. Членами этого совѣта были только Меттернихъ и Коловратъ. Когда они не соглашались между собою, тогда не было никакой возможности рѣшить предложенный вопросъ, и государственная машина принуждена была остановиться въ своемъ движеніи до тѣхъ поръ, пока не уступитъ кто-нибудь изъ обоихъ членовъ конференціи. Обыкновенно примирителемъ и посредникомъ являлся эрцгерцогъ Людовикъ. Чтобы положить конецъ этимъ неудобствамъ, Меттернихъ предложилъ принять эрцгерцоговъ Людовика и Франца въ число постоянныхъ членовъ конференціоннаго совѣта. Въ конференціи оказалось-бы такимъ

образомъ четыре члена, и между ними постоянно находился-бы на сторонѣ государственнаго концлера, потому что оба члена вѣрали въ непогрѣшимость его политическаго мнѣнія. Планъ Меттерниха встрѣтилъ въ императорской фамилии, а Коловратъ, чувствуя себя побѣжденнымъ, удалился отъ государственныхъ дѣлъ и уѣхалъ въ свои вѣны. Безъ него не сумѣли управиться; хотя старались помирить его съ Меттернихомъ, случилось тѣмъ, что Коловратъ возвратился въ Вѣну, принявъ на себя управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и министерствомъ финансовъ, отказался отъ перестройки государственнаго совѣта и согласился вмѣстѣ съ Меттернихомъ и двумя эрцгерцогами засѣдать въ государственной конференціи. Государственные дѣла пошли своимъ обычнымъ ходомъ, а тѣмъ, еще медленнѣе, чѣмъ они шли при Францѣ I, всѣ важные чиновники чувствовали необходимость перемѣны, но никто изъ нихъ не хотѣлъ какъ приступить къ дѣлу, что измѣнить, что вѣдать по старому. Громадность задачи была тѣмъ болѣе, что ни на одномъ пунктѣ могли между собою согласиться. Всѣ ожидали, чего-то боялись и не смѣли вѣнаться къ существующимъ учрежденіямъ.

Смерть Франца I лишила австрійское государство того начала инициативы, которое оно отличалось въ первой четверти нынѣшняго столѣтія; Меттернихъ, являвшійся усерднымъ исполнителемъ предначертаній, не былъ способенъ дѣйствовать въ духѣ покойнаго императора съ той твердостью и послѣдовательностью, какой отличался Францъ I. При жизни Меттернихъ могъ опереться на него и вѣнать себя подъ его защиту; онъ дѣйствовалъ по приказанію государя и зналъ, что дадутъ въ обиду; при Фердинандѣ же держалъ себя иначе: возбуждалъ неудовольствіе подданныхъ непопулярными мѣрами, но, потому что добродушный и слабыхарактерный императоръ не рѣшился и не сумѣлъ перекоръ общественному мнѣнію защищать своего любимца, а Меттернихъ пользовался только официальнымъ уваженіемъ государя, не внушалъ ему особенной симпатіи. Меттернихъ деспотическими распоряженіями разбудилъ противъ себя въ австрійскихъ подданныхъ ту ненависть, которую уже давно питали къ нему иностранцы, то онъ уносилъ съ своего высокаго мѣста; онъ это зналъ, угнетая нѣмцевъ и итальянцевъ дипломатическими интригами, держалъ себя осторожно въ отношеніи къ ближайшимъ соседямъ своего государя. Онъ постоянно палъ требованіямъ венгерской оппозиціи, уступалъ изъ личнаго чувства самосожалѣнія въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ, съ точки зрѣнія монархическаго принципа, слѣдовало



ходъ энергическія мѣры. Въ 1836 году въ первый разъ обнародовалъ засѣда- герскаго сейма, распустивъ по всей литографированные отчеты. Прави- сдѣлало попытку остановить обраще- ніе и, не смѣя раздражать энергическую дѣлало важную уступку: съ 1839 г. въ нѣкоторыхъ газетахъ стали печататься подробные засѣданій сейма и нѣмецкій языкъ тѣсенъ изъ официальныхъ актовъ. во національности, подавленное систе- нца I и его предшественниковъ, стало нять свои крылья и почти мгновенно на глазахъ самого Меттерниха, кото- рому не сочувствовалъ его проявленіямъ тѣмъ не смѣлъ прикоснуться къ тому, народъ готовъ былъ поднять оружіе, которыя Меттернихъ дѣлалъ требо- масъ, не возбуждали къ нему сочув- не оправдываютъ его личности въ гла- торіи. Уступки эти были чисто вынуж- народности, обращавшія ихъ въ свою презирали министра за его слабость. ніемъ слабости, слѣдствіемъ малодуш- наха объяснялись и объясняются до сихъ в уклоненія Меттерниха отъ системы I. Если Меттернихъ не сочувствовалъ своего покойнаго государя, то, стало гь служилъ при немъ изъ-за жалованья а внѣшняго почета; если онъ сочув- ствуетъ этимъ мѣрамъ, то, стало быть, онъ ступилъ отъ нихъ влѣдствіе мелкой с. Полиціи въ сравненіи съ Меттер- является героемъ и мученикомъ. Чѣмъ сматриваемся мы въ человѣческую лич- еттерниха, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ то въ ней нельзя найти ни одной вы- ой черты. Все въ этомъ человѣкѣ мелко, венно. Ни дальновидности, ни велико- ни даже мужественной твердости. Не- обуславливать государственные вопросы и ность твердо держаться принятаго рѣ- ладутъ на всю дѣятельность Меттер- лѣ смерти Франца I печать жалкаго и совершенной безхарактерности. Онъ ю идетъ ощупью, постоянно боится гься на какомъ-нибудь препятствіи; истно стоять на одномъ мѣстѣ и страш- впередъ; народныя силы ему попреж- извѣстны и попрежнему пугаютъ раз- бивальными признаками болѣзненно-на- е воображеніе; ему вездѣ мерещится ія, и онъ не знаетъ, въ какую сторону отъ нея. Пруссія предлагаетъ напри- нень простой прозектъ: уничтожить за- таможи между германскими государ- и составить для всей Германіи общій ный уставъ; выгода очевидная: тор- кивается, потому что товары не будутъ заться, общеніе между мелкими гер-

манскими государствами сдѣлается тѣснѣе и торговля сношенія ихъ съ иностранцами бу- дутъ удобнѣе; но Меттернихъ эту очевидную выгоду не принимаетъ въ соображеніе; онъ не понимаетъ того, что Австрія, взявши на себя устройство дѣла, выгоднаго для Германіи, мо- жетъ усилить свое значеніе и увеличить поли- тическое вліяніе. Проектъ Пруссіи тотчасъ воз- буждаетъ въ немъ недовѣріе; онъ дипломати- ческимъ путемъ начинаетъ противоdѣйствовать осуществленію, потомъ понемногу мирится съ нимъ, потомъ наконецъ становится покровите- лемъ той самой идеи, противъ которой онъ ин- триговалъ; но эту идею онъ не въ силахъ при- вести въ исполненіе; ее осуществляютъ уже послѣ паденія Меттерниха баронъ фонъ-Брукъ, присоединившій Австрію къ германскому та- моженному союзу въ 1853 году; между тѣмъ толки о возможности подобнаго торговаго до- говора между Австріей и Германіей происхо- дили еще въ 1834 году; спрашивается, по чьей милости девятнадцать лѣтъ прошло въ пустыхъ переговорахъ? Положимъ даже, что Меттер- нихъ чистосердечно желалъ успѣха этой ре- формѣ, положимъ, онъ даже работалъ въ ея пользу, это нисколько не снимаетъ съ него вины и отвѣтственности. Возникаетъ вопросъ, на который не смѣютъ отвѣтить самые рев- ностные защитники государственнаго канцлера: отчего этотъ человѣкъ, собиравшій конгрессы и конференціи, вродѣ карлсбадскихъ и вѣн- скихъ, отчего этотъ самый человѣкъ былъ такъ слабъ, когда надо было и когда можно было принести управляемому народу существенную пользу? Въ этомъ вопросѣ заключается полное осужденіе Меттерниха.

## XI.

Внѣшняя политика Меттерниха послѣ 1830 года и особенно послѣ смерти Франца I сдѣ- лалась совершенно робкой и нерѣшительной. Англія, Франція и даже Пруссія постоянно стремились къ расширенію своего политическаго вліянія, а между тѣмъ Австрія постоянно за- ботилась только о томъ, чтобы сохранить внѣш- нюю представительность и удержать за собою блѣдную тѣнь того могущества, которымъ она пользовалась послѣ 1815 года. Князь Меттер- нихъ терпѣлъ постоянныя пораженія на дипло- матическомъ поприщѣ и только крайней усту- пчивостью умѣлъ маскировать чувствитель- ность этихъ неудачъ. Уступчивость эта, про- исходившая отъ безсилія и отъ робости, назы- валась благоразуміемъ и оправдывалась жела- ніемъ поддержать въ Европѣ миръ и спокойствіе. Греческое королевство, возникшее помимо воли и даже вопреки желанію Меттерниха, рѣши- тельно не подчинялось вліянію Австріи; Бель- гійское королевство отложилось отъ Нидерлан- довъ и, благодаря содѣйствію Франціи и Англіи,



рѣшительно отстояло свою независимость, несмотря на пассивное сопротивленіе Австріи; Донъ Мигуэль, любимецъ Меттерниха и ревностный послѣдователь его политическихъ теорій, былъ изгнанъ изъ Португаліи, и Австрія не дѣлала въ его пользу ни малѣйшаго распоряженія; въ Испаніи вспыхнула революція, сбросившая съ престола Дона Карлоса, и Меттернихъ не рѣшился поддерживать изгнаннаго инфанта; всѣ политическіе вопросы рѣшались совершенно противно желанію австрійскаго министра, и онъ оставался безгласнымъ, иногда слабо возражалъ, иногда пускалъ въ ходъ мелкую интрижку, но никогда не заявлялъ рѣшительнаго протеста, боясь пораженія и не надѣясь на свои силы. Съ тѣхъ поръ, какъ Каннингъ разрушилъ вѣру въ непогрѣшимость Меттерниха, ни одно дипломатическое предпріятіе не клеилось въ рукахъ австрійскаго министра, всѣ его попытки создать что-нибудь подобное священному союзу не шли въ прокъ и вели только къ усиленію полицейскаго элемента въ управленіи Германіи или къ изобрѣтенію какой-нибудь новой стѣснительной мѣры въ отношеніи къ Италіи.

Въ 1832 году вся Европа обратила вниманіе на Турцію; египетскій паша Мегеметь-Али, усилившійся въ своихъ владѣніяхъ, потребовалъ себѣ отъ султана сирійскій пашалыкъ. Султанъ отказалъ, и тогда сынъ Мегемета, Ибрагимъ, вступилъ въ Сирію съ сильной арміей, разбивъ турецкое войско, и черезъ Малую Азію грозилъ пройти къ Константинополю. Султанъ обратился съ просьбой о помощи къ Россіи; русскій флотъ отправился изъ Чернаго моря къ берегамъ Сиріи, и сильная армія вступила въ турецкія владѣнія; Меттернихъ пришелъ въ сильное безпокойство; онъ особенно боялся усиленія ближайшихъ сосѣдей Австріи, онъ предвидѣлъ, что русская армія рано или поздно одержитъ побѣду надъ Ибрагимомъ и что тогда русское правительство, выручившее султана изъ крайне опаснаго положенія, пріобрѣтетъ вліяніе на Турцію. Требовать отъ Россіи, чтобы она не вмѣшивалась въ турецкія дѣла, значило вызывать съ ея стороны рѣзкій отвѣтъ, нарушить дружескія отношенія съ русскимъ кабинетомъ и поставить себя въ необходимость или молча перенести дерзость, или объявить войну Россіи. Войны Меттернихъ не желалъ ни въ какомъ случаѣ; перспектива дипломатическаго пораженія также не имѣла для него ничего привлекательнаго; поэтому онъ, не говоря ни слова русскому посланнику, рѣшился окольнымъ путемъ разстроить планы русскаго правительства. Чтобы сдѣлать вмѣшательство Россіи бесполезнымъ и даже невозможнымъ, надо было помирить воюющія стороны. Мирить бунтующаго подданнаго съ законнымъ государемъ было конечно мудрено для такого усерднаго защитника легитимизма, какимъ любилъ себя выказывать пе-

редъ лицомъ Европы князь Меттернихъ; точки зрѣнія системы, господствовавшей въ континентальной Европѣ послѣ сверженія Наполеона I, съ точки зрѣнія той системы, которую Меттернихъ съ гордостью называлъ своимъ, слѣдовало конечно усмирять мятежника и будить въ немъ чистосердечное раскаяніе; потомъ, смотря по желанію властелина, приставить дерзкаго нарушителя общественнаго спокойствія или накинутаго ему на шею петлю. Но, что дѣлать, легче составить политическія теоріи, чѣмъ примѣнять ихъ къ дѣлу. Въ настоящемъ случаѣ для Меттерниха гораздо важнѣе устранить вмѣшательство Россіи, чѣмъ спасти достоинство законнаго султана Турецкой имперіи. Дерзкій хитрецъ Мегеметь-Али не хотѣлъ идти съ повиновеніемъ къ своему законному повелителю; себя побѣдителемъ, онъ очень настоятельно требовалъ себѣ Сирію, и Меттернихъ, считавъ наше требованіе законнымъ, по примѣру австрійскій интернунцій при турецкомъ дворѣ поддерживалъ домогательства египетскаго пашы и доказывалъ Портѣ необходимость уступить силѣ обстоятельствъ. Австрійская логика убѣдила султана и его советниковъ, сирійскій пашалыкъ былъ отданъ Мегемету, и въ Кутаѣ былъ подписанъ договоръ, по которому такимъ образомъ законный султанъ по совѣту легитимиста Меттерниха, въ отношеніяхъ исполнялъ требованія своего мутившагося подданнаго.

Но въ то самое время, какъ Меттернихъ давилъ въ себѣ голосъ легитимизма для того, чтобы уничтожить вліяніе Россіи на Турцію, это вліяніе упрочивалось и облекалось въ законную форму. Въ мѣстечкѣ Ункяр-Ска былъ заключенъ въ это время оборонительный союзъ между Турціей и Россіей. Меттернихъ сильно встревожило извѣстіе объ этомъ союзѣ, который, по его мнѣнію, могъ повести къ общеввропейской войнѣ; въ этой войнѣ Австріи пришлось бы непременно принять сторону или другого лагеря; можетъ быть, она бы имѣла необходимость рѣшиться тогда, когда сама боялась вступить въ борьбу; во время этой борьбы границы славянскихъ и мадьярскихъ племенъ Австріи могла надѣлать множество хлопотъ австрійскому правительству; усиленіе было конечно непріятно для патристическаго сердца князя Меттерниха, но лучше было молча это усиленіе, чѣмъ изъ-за него ввергать себя опасностямъ великой войны. Поэтому Меттернихъ, пожертвовавшій принципомъ легитимизма ради политическаго расчета, жертвовалъ политическими расчетами самохраненію; онъ боролся съ преобладаніемъ Россіи въ Турціи, пока оно еще устанавливалось и пока можно было подорвать его политическими интригами; какъ только это установилось законнымъ фактомъ, такъ Меттернихъ



ихъ тотчасъ-же покорился необходимости и галъ убѣждать представителей Франціи и Англій послѣдовать его примѣру. Дѣйствительно, Франція и Англія успокоились, а Меттернихъ сблизился съ Россіей и заключилъ съ ею договоръ, въ силу котораго Австрія и Россія гарантировали неприкосновенность турецкихъ владѣній даже въ томъ случаѣ, если умретъ царствующая династія.

Конечно всѣ эти дѣйствія Меттерниха не азрѣшали и не могли разрѣшить восточнаго вопроса—они только отсрочивали смуты и раздоры на неопредѣленное время. Внутренняя слабость Оттоманской имперіи не позволяла ей существовать самостоятельно; великія европейскія державы постоянно сосредоточивали свое вниманіе на Константинополѣ, чтобы не допустить до рѣшительнаго преобладанія котораго нибудь изъ ближайшихъ сосѣдей Турціи. Англія, Франція и Австрія постоянно упражнялись въ дипломатическихъ состязаніяхъ, и можно было предвидѣть, не будучи ни пророкомъ, ни великимъ политикомъ, что эти оберегатели Оттоманской Порты рано или поздно передерутся между собой, не сойдясь въ обсужденіи какого-нибудь спорнаго пункта. Знали или не знали Меттернихъ, что это такъ случится,—все равно. Во всякомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ такъ, какъ дѣйствуютъ люди, рѣшительно не заботящіеся о томъ, что будетъ впереди, лѣтъ черезъ десять или черезъ пятнадцать. Надо было кое-какъ увернуться отъ войны, и если это удавалось, Меттернихъ оказывался совершенно довольнымъ, не замѣчая того, что количество горячаго матеріала постоянно увеличивалось и что, отсрочивая взрывъ, можно было увеличить его потрясающую силу.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ Мегеметъ-Али опять обезпокоилъ султана; онъ потребовалъ, чтобы его пашалыкъ былъ объявленъ наслѣдственнымъ въ его родѣ; когда ему отказали, онъ захватилъ въ плѣнъ весь турецкій флотъ и разбилъ армію султана при Низибѣ въ іюнѣ 1839 года; въ это самое время умеръ султанъ Махмудъ II, и весь дипломатическій міръ Европы пришелъ въ волненіе; всѣ государственные люди ожидали, что Россія, поручившаяся въ неприкосновенности турецкихъ владѣній, введетъ свои войска въ Турцію, чтобы охранять ее отъ притязаній египетскаго пашы; еслибы это случилось, то столкновеніе между Россіей съ одной стороны и Англіей и Франціей съ другой было-бы неизбежно. Франція уже выказала свое сочувствіе Мегемету-Али; Англія держала сторону Порты и въ этомъ отношеніи сходилась съ Россіей; но еслибы Россія захотѣла взять въ опеку султана Абдулъ-Меджида и занять турецкія области своими войсками, тогда по всей вѣроятности Англія и Франція совокупными силами вступили-бы въ борьбу съ Россіей. Чтобы еще разъ отклонить предстоя-

щую войну, Меттернихъ убѣдилъ Порту просить посредничества пяти великихъ державъ въ дѣлѣ съ Мегеметомъ-Али. Порта послѣдовала его совѣту и въ августѣ 1839 года обратилась къ представителямъ пяти державъ съ формальной просьбой усмирить бунтующаго пашу. Когда-бы такимъ образомъ всѣ великія державы принялись за это дѣло, тогда конечно вліяніе Россіи на турецкія дѣла оказалось-бы значительно ослабленнымъ и вѣсть съ тѣмъ ближайшій поводъ къ войнѣ былъ-бы устраненъ.

Россія не сопротивлялась плану Меттерниха; въ Лондонѣ шли даже переговоры между Россіей и Англіей о томъ, чтобы составить союзъ для защиты Турціи; но Франція, поддерживавшая пашу, рѣшительно не соглашалась принимать участія въ предлагаемомъ посредничествѣ и старалась найти себѣ союзника въ Австріи. Можно было сказать навѣрное, что эти старанія будутъ совершенно безуспѣшны; кто сколько-нибудь зналъ Меттерниха, тотъ могъ себѣ легко представить, какъ онъ посмотритъ на предложеніе Франціи; еслибы Австрія присоединилась къ Франціи, тогда оказалось-бы, что двѣ великія державы идутъ противъ двухъ другихъ великихъ державъ; обѣ враждующія партіи оказались-бы почти равносильными и слѣдовательно исходъ борьбы между кабинетами или между войсками былъ-бы крайне сомнителенъ; еслибы, напротивъ того, Австрія стала на сторону Россіи и Англіи, тогда пошли бы три державы противъ одной; въ первомъ случаѣ можно было предполагать, что дѣло дойдетъ до войны; во второмъ случаѣ трудно было себѣ представить, чтобы одна Франція, и притомъ Франція Людовика-Филиппа, рѣшилась за египетскаго пашу вызвать на бой почти всю Европу; миролюбивыя наклонности князя Меттерниха побуждали его сблизиться съ Россіей и Англіей, чтобы такимъ образомъ показать Франціи, что ея оппозиція будетъ бесполезна; кромѣ того, примыкая къ Англіи и Россіи, Меттернихъ доставлялъ имъ рѣшительный перевѣсъ въ случаѣ войны. Тутъ не за чѣмъ было болѣе колебаться, и Меттернихъ, въ совѣщаніи съ французскимъ посланникомъ Сентъ-Олеромъ, посовѣтовалъ ему передать своему правительству, чтобы оно не сопротивлялось единодушному желанію европейскихъ державъ. «Я всѣмъ даю совѣты,—говорилъ государственный канцлеръ,—я выслушиваю, умѣряю страсти; но я не могу и не хочу сдѣлаться рѣшительнымъ приверженцемъ той или другой партіи. Я желаю сохраненія мира, согласія между державами; такъ какъ въ Лондонѣ происходятъ совѣщанія, то я не понимаю, почему Франція, по необъяснимой любви къ пашѣ, держится въ сторонѣ отъ обще-европейскаго дѣла. Если вы хотите знать мое мнѣніе, то, по моему, лучше всего согласиться съ тѣмъ, что будетъ рѣшено сообща, потому что это рѣшеніе



вѣроятно будетъ основательно и дѣльно. Мы не хотимъ исключать Францію, но мы также вовсе не желаемъ, чтобы Франція взяла насъ на буксиръ».

Эти слова, произнесенныя Меттернихомъ осенью 1839 года, показывали ясно, что онъ рѣшился дѣйствовать за-одно съ Англіей и Россіей, предоставляя впрочемъ своимъ союзникамъ полное право драться за общее дѣло и безъ его содѣйствія проливать кровь и пожирать лавры. Впрочемъ дѣло тянулось еще болѣе полугода; только лѣтомъ 1840 года, 15 іюля, былъ подписанъ союзный договоръ между Россіей, Англіей, Пруссіей и Австріей; этимъ договоромъ четыре державы обязывались противодействовать неумѣреннымъ требованіямъ Мегемета-Али и поставить его въ прежнія отношенія къ султану. Сообразно съ условіями дипломатической вѣжливости, подписавшіяся державы черезъ своихъ представителей предложили и Франціи приступить къ союзу, но Франція на это любезное предложеніе отвѣчала сухимъ отказомъ и даже встревожила князя Меттерниха, принявъ воинственную осанку; во главѣ французскаго министерства стоялъ въ то время историкъ Тьеръ, восторженный поклонникъ Наполеона I, человѣкъ честолюбивый, энергичскій, мечтавшій о военной славѣ и вполнѣ способный затѣять обще-европейскую войну изъ тщеславія, изъ любви къ блеску и треску оружія. Конечно воинственные порывы Тьера умѣрялись холодной расчетливостью короля Людовика-Филиппа, но тѣмъ не менѣе Франція стала вооружаться, и Меттернихъ съ безпокойствомъ обратился за объясненіями къ Сентъ-Олеру. «Къ чему эти поспѣшныя приготовления, — говорилъ онъ. — Неужели вы хотите войны? Мы такъ миролюбивы, а вы намъ грозите. Неужели вамъ хочется, чтобы Германія поднялась такъ, какъ она поднималась въ 1813 году? Если это случится, то это поведетъ къ важнымъ послѣдствіямъ и тогда ни за что нельзя поручиться.»

Это совершенно справедливо; еслибы Германія въ 1840 году поднялась съ тѣмъ энтузіазмомъ, который она обнаружила въ войнѣ съ Наполеономъ I, тогда конечно нельзя было-бы поручиться за неприкосновенность Австріи и за министерство Меттерниха. Государственный канцлеръ очень хорошо понималъ, что ему самому воодушевленіе Германіи можетъ повредить гораздо сильнѣе, чѣмъ Людовику-Филиппу и Франціи. Это обстоятельство было конечно одной изъ важнѣйшихъ причинъ его миролюбивой политики.

Подписавши союзный договоръ, Меттернихъ, несмотря на всю свою дипломатическую осторожность, рѣшился даже послать къ берегамъ Сиріи небольшую флотилію, которая вмѣстѣ съ англійской эскадрой Стопфорда взяла нѣсколько приморскихъ крѣпостей и такимъ образомъ значительно поколебала настойчивость египетскаго пашы. Это распоряженіе Меттерниха объ-

ясняется тѣмъ, что, поступаая такимъ образомъ, Австрія ничѣмъ не рисковала и между тѣмъ доказывала свою энергію, являясь въ глазахъ самыхъ ревностныхъ исполнителей послѣдствій этого договора. Порта захотѣла выместить на Мегеметъ-Али тотъ страхъ, который египетскій паша не разъ нагонялъ на нее своими походами; она объявила его отставленнымъ отъ управленія Египтомъ; англійское правительство въ лицѣ лорда Пальмерстона, сочувствовавъ этому распоряженію и желало продолжать нѣкоторые подвиги противъ Сиріи и Египта. Франція значительно понизила свои требованія и желала только, чтобы Мегеметъ-Али остался единственнымъ правителемъ Египта; о Сиріи же было рѣчи, потому что она, благодаря дѣйствіямъ англо-австрійскаго флота, была возвращена въ полное распоряженіе султана. Тьер вышелъ въ отставку и вмѣстѣ съ нимъ изменилось воинственное настроеніе французскаго правительства. Меттернихъ былъ очень радъ мириться съ Франціей и съ удовольствіемъ согласился отстоять пашу отъ Порты и отъ Англіи; продолжать обстрѣливаніе сирійскихъ береговъ значило работать въ пользу Англіи, дать ей возможность захватить два-три морскихъ пункта—этого Меттерниху никогда не хотѣлось; онъ отозвалъ австрійскую флотилію и говорилъ, что считаетъ египетское дѣло оконченнымъ; о воинственныхъ стремленіяхъ Англіи онъ сталъ отзываться съ неудовольствіемъ. «Это сумасшедшій, — говорилъ онъ о лордѣ Пальмерстонѣ, англійскомъ посланникѣ въ Константинополь: — онъ способенъ заключить миръ и объявить войну, не обращая вниманія на вѣжливый приказаніе своего двора; онъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ прекрасный, но сумасшедшій. Впрочемъ теперь онъ можетъ дѣлать, что ему угодно; исторія эта кончена.»

Дѣйствительно, ни одна изъ великихъ державъ, кромѣ Англіи, не была заинтересована въ продолженіи войны, и потому всѣ согласились съ предложеніемъ Меттерниха оставить Мегемета-Али въ покоѣ, предоставляя ему идти въ Египетъ и завѣщать его своему сыну. Мегеметъ-Али, рискующій потерять все, съ радостью согласился на предложенныя условія, и вопросъ оказался такимъ образомъ рѣшеннымъ, не смотря на усилія Пальмерстона затянуть дѣло и затянуть войну. Австрія вышла съ честью изъ этого дѣла и вынесла изъ него много существенныхъ выгодъ; поддержавши въ рѣшительную минуту Мегемета-Али и остановившись во-время, она упрочила и скрѣпила дружескія отношенія съ Франціей. Впрочемъ весь этотъ вопросъ представлялъ такъ мало затрудненій, что изъ него вовсе неумѣстно было выдти съ достоинствомъ и съ прибылью, особенно для Австріи, которая, не имѣя въ этомъ дѣлѣ прямого, личнаго интереса, могла обсуживать его совершенно спокойно и хладно-



вно и кромѣ того во всякую данную минуту могла отойти въ сторону и, въ случаѣ необходимости, ограничиться ролью безпристрастного зрителя. Кромѣ того Меттерниху благоприятствовало счастье; когда Франція возвысилась и начала вооружаться, дѣло могло бы запутаться; еслибы Франція объявила войну, еслибы французская армія вступила на германскую землю, тогда многіе расчеты государственнаго канцлера могли-бы оказаться невѣрными; изъ домашняго дѣла турецкаго султана съ своимъ вассаломъ могла выдти еще-европейская коллизія, которая разыгралась-бы въ огромныхъ размѣрахъ и повела-бы къ неисчислимымъ послѣдствіямъ; французскія войска могли-бы вступить въ Италію, и въ 1840 году могло-бы случиться то, что произошло въ 1859 году. Паденіе министерства Тьера было Австрію и Меттерниха: причина этого кризиса заключалась въ самой Франціи; Меттернихъ нисколько не содѣйствовалъ паденію Тьера и даже не предвидѣлъ его; такъ случилось, и изъ этой случайности для Меттерниха вышли хорошія послѣдствія; еслибы случилось иначе, Меттерниху и Австріи пришлось-бы несорочно. Стало быть, государственнаго канцлера выручила не дипломатическая опытность, не предусмотрительная мудрость, а просто счастливые стеченія обстоятельствъ.

## ХІІ.

Въ сентябрѣ 1843 года въ Греціи произошла революція, и король Оттонъ былъ принужденъ даровать конституцію. Хотя преданія политики конгрессовъ и священнаго союза уже давно были сданы въ архивъ исторіи, но Меттернихъ не утерпѣлъ; въ немъ заговорило ретивое, и желаніе вспомнить подвиги молодости, когда, по его мановенію, полки ходили усмирять Пиемонтъ, Неаполь и Испанію, шевельнулось въ душѣ ветерана-легитимиста, такъ часто измѣнявшаго принципу легитимизма. Въ настоящемъ случаѣ Меттернихъ осенью 1844 года обратился въ Парижъ съ дипломатическимъ вопросомъ: не будетъ-ли удобно, для поддержанія престола короля Оттона, пяти великимъ державамъ сообща принять участіе въ дѣлахъ Греціи? Вопросъ этотъ былъ обращенъ къ тогдашнему министру Гизо, считавшему себя великимъ прогрессистомъ и ex officio чувствовавшему ко всякой конституціи величайшую нѣжность. Гизо отвѣчалъ Меттерниху, что ни Пруссія, ни Англія не обнаруживаютъ ни малѣйшаго желанія вмѣшиваться въ дѣла Греціи; отъ себя-же французскій министръ выразилъ то мнѣніе, что лучше всего предоставить Грецію ея собственнымъ силамъ и стремленіямъ, ограничиваясь только тѣмъ нравственнымъ вліяніемъ, которое можно оказывать на личности отдѣльныхъ дѣятелей посредствомъ письменныхъ и изустныхъ совѣтовъ. Изъ этого отвѣта князь Меттернихъ могъ за-

ключить съ глубокой грустью, что времена перемѣнились. Онъ печально махнулъ рукой на Грецію, понялъ невозвратимость милаго прошедшаго и сталъ смотрѣть въ другую сторону.

Въ 1846 году онъ высмотрѣлъ и присоединилъ къ Австріи вольный городъ Краковъ. Не буду обсуживать нравственной стороны этого событія. Замѣчу только мимоходомъ, что въ 1815 году, на вѣнскомъ конгрессѣ, самъ князь Меттернихъ составилъ и подписалъ актъ, въ которомъ четыре статьи (отъ VI-ой до X-ой) освѣщали и обеспечивали на вѣчныя времена независимое существованіе вольнаго города Кракова; въ 1846 году тотъ-же самый князь Меттернихъ объявилъ, что Австрія считаетъ должнымъ, повинувшись политической необходимости, прекратить независимое существованіе города Кракова и присоединить его къ австрійскимъ владѣніямъ. Есть обстоятельства, объясняющія до нѣкоторой степени оригинальный поступокъ Меттерниха и до нѣкоторой степени снимающія съ него отвѣтственность, но во всякомъ случаѣ онъ уничтожилъ то, что самъ создалъ; онъ разбилъ свое дѣло; онъ самъ затопталъ въ грязь преданія той политики, къ которой онъ питалъ такое нѣжное чувство.

Италія попрежнему была предметомъ неусыпныхъ заботъ австрійскаго министра и попрежнему показывала себя неблагодарной и недостойной его попеченій. Итальянцы попрежнему продолжали ненавидѣть австрійцевъ и начинали даже придумывать средство совѣмъ выгнать ихъ изъ Италіи; уже Мадзини и партія «Юной Италіи» начали свою агитаторскую дѣятельность; Пиемонтъ сдѣлался центромъ итальянскаго движенія; мысль о свободѣ и единствѣ Италіи понемногу стала облекаться въ образы, способные возбудить энтузіазмъ народной массы. Сардинскій король, Карлъ-Альбертъ, отецъ итальянскаго короля Виктора-Эммануила, личный врагъ князя Меттерниха, сталъ опираться на патріотическую партію и въ рѣзкихъ нотахъ выражать австрійскому правительству свои враждебныя чувства и намѣренія. Въ это самое время, 1 іюня 1846 года, умеръ папа Григорій XVI, поддерживавшій политику Меттерниха въ Италіи, и черезъ двѣ недѣли послѣ его смерти на папскій престолъ вступилъ Мастаи-Феррети подъ именемъ Пія IX. Первымъ дѣломъ новаго преемника Св. Петра была всеобщая амнистія. Этого было достаточно, чтобы привести въ восторгъ итальянцевъ и возбудить въ австрійскомъ правительствѣ самыя серьезныя опасенія. Пій IX съ первой минуты сдѣлался героемъ патріотическихъ надеждъ Италіи; первые поступки его были приняты взрывомъ національнаго энтузіазма, и ропотъ одобренія, способный съ минуты на минуту превратиться въ призывъ къ оружію противъ враговъ и угнетателей родины, пробѣжалъ по всему Аппенинскому полуострову. Меттернихъ



далъ замѣтить папѣ, что считаетъ амнистію несвоевременной, и просилъ Пія IX не выходить въ предполагаемыхъ реформахъ изъ тѣхъ границъ, которыя были установлены въ маѣ 1831 года. Амнистія тревожила Меттерниха потому, что, пользуясь ею, множество итальянскихъ патріотовъ или политическихъ преступниковъ со всѣхъ концовъ земли стеклись въ Церковную область, откуда имъ очень удобно было завязать сношенія съ недовольными гражданами Ломбардіи, Неаполя, Тосканы, Модены и Пармы. Предчувствуя, что папа не обратитъ особеннаго вниманія на его совѣты, Меттернихъ принялъ серьезныя мѣры противъ ожидаемаго движенія въ Италіи вообще и въ Церковной области въ особенности. Онъ началъ съ того, что усилилъ въ Феррарѣ австрійскій гарнизонъ, занимавшій эту крѣпость со времени вѣнскаго конгресса. Папское правительство, боясь, чтобы его не заподозрили въ тайномъ сообщничествѣ съ Австріей, протестовало противъ этой мѣры, и протестовало такъ громко, что въ это дѣло вмѣшались Франція и Англія.

Итальянскіе патріоты потребовали учрежденія національной гвардіи; раздраженіе противъ Австріи усилилось и приняло опредѣленную форму. Въ это самое время въ Римѣ произошли волненія, возбужденныя партіей реакціи, желавшей насильно обратить папу къ политикѣ прежняго правительства; общественное мнѣніе приписало эти волненія интригамъ австрійскаго правительства, и гласный протестъ Меттерниха противъ этого обвиненія нисколько не поколебалъ этого слуха. Когда Меттернихъ, желая энергическими мѣрами задавить возрастающее броженіе, предложилъ папскому правительству успокоить народъ австрійскими отрядами, ему отвѣчали на это предложеніе громкимъ и гордымъ отказомъ, въ которомъ говорилось между прочимъ, что итальянцы сами умѣютъ защищать себя. Вслѣдъ затѣмъ папское правительство смѣлѣе прежняго стало поддерживать идею итальянскаго единства и завязало съ Сардиніей и Тосканой переговоры насчетъ устройства итальянскаго таможеннаго союза. Меттернихъ понималъ тогда, что Піи IX стоитъ на ложной дорогѣ, съ которой невозможно будетъ своротить его кроткими увѣщаніями; онъ понималъ также, что начинающееся итальянское движеніе можетъ повести за собою важныя послѣдствія; онъ назвалъ это движеніе революціей, объявилъ себя рѣшительнымъ врагомъ этого движенія и, по своему обыкновенію, сталъ собирать союзниковъ, сталъ совѣщаться чаще обыкновеннаго съ посланниками и переписываться съ министрами. «Я вѣрю, — писалъ онъ около этого времени къ Гизо, — въ торжество умѣренныхъ идей въ такихъ странахъ, которыя, подобно Франціи, пережили нѣсколько революцій. Тогда возможенъ компромиссъ, ведущій къ благоудѣльнымъ результатамъ. Но я не

думаю, чтобы могъ водвориться порядокъ *milieu* въ той фазѣ, въ какой находится итальянскія государства; тамъ революція подходитъ къ концу, а только что начинается, если въ государствѣ власть переходитъ изъ рукъ существующихъ правительствъ въ руки другой, какой-бы то ни было, партіи, то можно сказать, что государство находится въ состояніи революціи. Меня несправедливо считаютъ приверженцемъ абсолютнаго сопротивления; нѣтъ ничего абсолютнаго, кромѣ истины. Политика имѣетъ дѣло съ результатами, а не знаетъ ничего абсолютнаго. Ни въ теоріи, въ практикѣ не было создаваемо ничего абсолютнаго. Мое сопротивленіе революціи въ духу было иногда дѣятельное, какъ въ 1820 и часто оборонительное, какъ въ 1831. Ты я выжидаю. То, что происходитъ въ Римѣ, скорѣе можно назвать мятежомъ (*révolte*), чѣмъ революціей (*révolution*). Мятежа есть тѣло, второе можно ухватиться. Революція пока призракъ; чтобы расчитать свои дѣйствія въ отношеніи къ нимъ, надо выждать, пока призракъ не облечется въ тѣло.»

Отрывокъ этотъ даетъ нѣкоторое понятіе замѣчательномъ искусствѣ Меттерниха пользоваться съ характеромъ и наклонностями человѣка, съ которымъ онъ говоритъ. Онъ имѣетъ дѣло съ ученымъ историкомъ, отягченнымъ общими законами, подводимымъ къ жизни подъ разныя искусственныя построения собственного мозга и распределяющимъ въ думанныхъ рубрики неопредѣлившіяся и выяснившіяся стремленія и движенія настоящаго времени; кромѣ того онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, любящимъ опираться на хартію, но чувствующимъ въ себѣ естественную потребность передъ толпой пролетаріевъ, шумящихъ на площади и требующихъ себѣ хлѣба и работы; кромѣ того онъ имѣетъ дѣло съ французомъ, поставившимъ съ высоты профессорской катедры и министерской трибуны свое благомысліе и умиленіе передъ доблестями и гениальностью французской націи. Чтобы понравиться какъ ученому, Меттернихъ пускается въ плодотворныя діалектическія разысканія о различіи между *revolte* и *révolution*; чтобы польстить его псевдо-либерализму, онъ хвалитъ *milieu* и обнаруживаетъ добродѣтельное отношеніе, какъ къ слѣпому пристрастію къ монархіи, такъ и къ рыаному демократизму; чтобы погладить по шерsti фразистый патріотизмъ французскаго министра, Меттернихъ съ утонченнымъ образомъ намекаетъ на превосходство французской цивилизаціи надъ зарождающейся итальянской гражданственностью. Меттернихъ, скептикъ, практикъ, неразборчивъ въ средствахъ, начинаетъ толковать о благоудѣльныхъ послѣдствіяхъ компромисса, о мудрости историческаго теченія событій!



можно подумать о подобномъ превращеніи? Да, это маска, очень искусно приложенная на лицо. Меттернихъ, сочиняя это письмо къ Гизо, въ душѣ навѣрное посылалъ ко всѣмъ идеямъ и доктрину, и *juste milieu*, и развитіе Франціи, и въ особенности папу, забравшаго себѣ въ голову неприличныя его лѣтамъ и званію патріотическія тенденціи. Ему надо было только отстоять плодородныя равнины Ломбардіи, а для этого было необходимо устранить вѣшательство Франціи и Англіи въ итальянское движеніе. И вотъ Меттернихъ становится доктринеромъ съ доктринерами и напрягаетъ свои мыслительныя способности, чтобы поддѣлаться подъ складъ ихъ идей.

Дѣйствительно, циркулярная нота, посланная 2 августа 1847 года къ четыремъ великимъ державамъ, находится въ рѣзкомъ противорѣчій съ идеями, выраженными въ письмѣ Меттерниха къ Гизо. Эта нота отвергаетъ существованіе итальянскаго народа. «Италія,—пишетъ ей Меттернихъ,—географическій терминъ. Итальянскій полуостровъ составленъ изъ самостоятельныхъ и независимыхъ другъ отъ друга государствъ. Существованіе и территоріальныя границы этихъ государствъ основаны на принципахъ всеобщаго международнаго права и скрѣплены ненарушимыми политическими трактатами. Императоръ съ своей стороны рѣшился уважать эти трактаты и всѣми силами, находящимися въ его распоряженіи, содѣйствовать ихъ поддержанію.»

Цѣль этой ноты, въ которой уже не было рѣчи о *juste-milieu* и о компромиссахъ, состояла въ томъ, чтобы узнать мнѣніе великихъ державъ объ итальянскомъ движеніи и о тѣхъ гарантіяхъ, которыми обезпечивалось независимое существованіе отдѣльныхъ итальянскихъ государствъ. Россія и Пруссія обратили на эту ноту мало вниманія и не обнаружили желанія посылать въ Италію войска для охраненія австрійскихъ владѣній и итальянскихъ вѣнцесцевъ. Франція приняла двусмысленное положеніе: она стала ободрять итальянскихъ патріотовъ и въ то-же время продолжала увѣрять Австрію въ неизмѣнной прочности своего дружескаго расположенія; Меттернихъ нуждался въ политическихъ друзьяхъ и потому не имѣлъ возможности быть разборчивымъ и подвергать строгой критикѣ поступки своего мнимаго друга, который легко могъ превратиться въ дѣйствительнаго врага; онъ чувствовалъ себя одинокимъ и дружба Франціи связывала ему руки; какъ только онъ заводилъ рѣчь о вооруженномъ вмѣшательствѣ Австріи, такъ начинался немедленно громъ французской прессы; общественное мнѣніе возмущалось противъ Австріи, и французское правительство, побуждаемое броженіемъ умовъ въ обществѣ, заявило свой официальный протестъ противъ намѣреній князя Меттерниха. Въ это время Англія гораздо яснѣе

высказывала Италіи свое сочувствіе; Пальмерстонъ послалъ въ Туринъ лорда Милто съ порученіемъ обѣщать Сардиніи содѣйствіе Англіи и поддерживать враждебное настроеніе итальянцевъ противъ австрійскаго правительства. Въ официальныхъ своихъ депешахъ Пальмерстонъ объявилъ рѣшительно, что англійское правительство считаетъ реформы необходимыми для Италіи и намѣревается поддерживать и защищать своимъ вліяніемъ тѣ попытки, въ которыхъ выразится стремленіе измѣнить къ лучшему существующія въ этой націи бытовыя формы. Меттернихъ все еще надѣялся на то, что, когда вспыхнетъ рѣшительное возстаніе, великія державы позволятъ Австріи ввести свои войска въ Италію; имѣя въ виду эту надежду, онъ поспѣшилъ заключить съ отдѣльными государями Италіи договоры, въ силу которыхъ австрійскимъ войскамъ дано было-бы разрѣшеніе пройти черезъ ихъ владѣнія. Парма и Модена изъявили согласіе, но папа отказался отъ подобнаго договора, и тогда государственный канцлеръ, видя, что его благія идеи находятъ себѣ очень мало сочувствія, рѣшился предоставить Италію ея горькой участи, лишить ее покровительства Австріи и сосредоточить всю свою заботливость на сохраненіи спокойствія въ Ломбардіи.

Ломбардія начинала волноваться; въ Миланѣ происходили частыя безпорядки; сосѣдство съ Пиемонтомъ и надежда на содѣйствіе Англіи начинали оказывать свое ядовитое вліяніе; наконецъ все это страшно натянутое положеніе разразилось возстаніемъ и вступленіемъ сардинцевъ въ предѣлы Ломбардіи; сигналомъ къ этимъ роковымъ событіямъ послужила февральская революція, низвергнувшая престолъ Людовика-Филиппа и отозвавшаяся электрическимъ сотрясеніемъ во всѣхъ концахъ континентальной Европы. Эта революція вмѣстѣ съ престоломъ Людовика-Филиппа опрокинула и министерство Меттерниха; государственный канцлеръ принужденъ былъ бѣжать изъ Вѣны такъ поспѣшно, что не успѣлъ даже, какъ слѣдуетъ, сдать своимъ преемникамъ дѣла и бумаги. Но, не забывая впередъ событій, я теперь снова обращаюсь къ внутреннимъ распоряженіямъ князя Меттерниха. Обзоръ его иностранной политики я считаю оконченнымъ; онъ конечно неполонъ и отрывоченъ, но такъ какъ дѣло идетъ не о томъ, чтобы представить систематическій перечень событій, а о томъ, чтобы охарактеризовать человѣческую личность министра, занимавшаго втеченіи сорока лѣтъ высшую государственную должность въ одной изъ великихъ державъ, то я полагаю, что достаточно будетъ и тѣхъ немногихъ фактовъ, которые приведены и очерчены въ этихъ главахъ. Представлять въ сжатой формѣ выводы изъ тѣхъ фактовъ я считаю неудобнымъ и кромѣ того бесполезнымъ; если изъ всего рассказа читатель не вы-



нестъ никакого общаго, живого впечатлѣнія, то онъ не вынесетъ его изъ краткаго résumé. Если же мнѣ удалось сгруппировать событія такъ, что читатель составилъ себѣ сколько-нибудь цѣлостное понятіе о личности и дѣятельности Меттерниха, тогда всего лучше предоставить самому-же читателю охарактеризовать эту личность и эту дѣятельность какимъ угодно хвалебнымъ словомъ или эпитетомъ.

### XIII.

Уже со времени возстанія Германіи противъ Наполеона въ отдѣльных частяхъ Австрійской имперіи начали обозначаться такіа стремленія, которыя до того времени были совершенно неизвѣстны. Почувствовалась потребность реформъ; потребность эта выразилась и въ однихъ мѣстахъ, на примѣръ въ Италіи, была подавлена, въ другихъ, на примѣръ въ Венгріи, была потихоньку замята или усыплена частичными уступками. Французская революція 1830 года оживила надежды той партіи, которая признавала необходимость и пользу фундаментальныхъ измѣненій; смерть императора Франца, закатаго, упрямаго врага всякой новизны, дала новую пищу этимъ надеждамъ; примѣръ Пруссіи, работавшей надъ учрежденіемъ таможеннаго союза, былъ живымъ укоромъ для реакціонной партіи и постоянно побуждалъ умѣренныхъ друзей реформы къ дѣятельной борьбѣ съ тѣми людьми и обстоятельствами, которые хотѣли китайской стѣной отгородить Австрію отъ живого, развивающагося и мыслящаго міра.

Въ 1840 году на прусскій престолъ вступилъ король Фридрихъ-Вильгельмъ IV. Первые поступки и рѣчи этого короля вызвали сочувствіе лучшихъ гражданъ Германіи и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечили мнительнаго старца князя Меттерниха почти такъ-же сильно, какъ въ 1846 году его встревожилъ первый дебютъ папы Пія IX. Новый король обѣщалъ свои владѣнія, произнесъ нѣсколько рѣчей, изумившихъ современниковъ смѣлой честностью выраженныхъ стремленій, и потомъ, возвратясь въ столицу, началъ постепенно приводить въ дѣйствіе свои либеральные планы. Пруссія повеселѣла; литература и журналистика заговорили смѣлѣе; въ 1842 году былъ изданъ указъ короля объ учрежденіи сословныхъ собраній, изъ которыхъ современемъ должны были выработаться парламентскія учрежденія. Въ сентябрѣ того-же 1842 года Меттернихъ, съ недоумѣніемъ смотрѣвшій на обозначившіяся тенденціи новаго правительства, свидѣлся съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ въ Кобленцѣ и пустилъ въ ходъ весь запасъ своего краснорѣчія, чтобы самыми яркими красками расписать заблуждающемуся монарху ту опасность, къ которой онъ своими распоряженіями ведетъ Пруссію. Краснорѣчіе государственнаго канцлера пропало даромъ; прусскій король выслушалъ его доводы,

не повѣрилъ ни одному изъ нихъ и тѣмъ прежняго повелѣ пріготовительныя работы конституціонному вопросу. Тогда Меттернихъ пришелъ въ крайнее замѣшательство; въ Пруссіи невозможно было пустить въ ходъ менитое средство вооруженнаго вѣнчанаго король самъ становился въ ряды той партіи, которую Меттернихъ называлъ революціонною, не за кого было поднимать оружіе, а политическіе приемы, вродѣ личныхъ свиданій, словесныхъ уговариваній, не дѣйствовали на упрямаго паціента. Поневолѣ приходилось вытѣснить Пруссію въ покоѣ, и князь Меттернихъ конечно съ величайшимъ удовольствіемъ согласился-бы на это условіе, но этого не удалось сдѣлать. Пруссія не оставляла его въ видѣ начинающагося движенія сосѣдей и племенниковъ, читая книги, брошюры и журналы, появляющіеся въ Пруссіи, австрійскіе подданные чувствовали живѣе прежняго жненіе новаго порядка вещей, котораго они не знали еще во всѣхъ подробностяхъ. Высшіе и средніе классы общества, слѣдовавшіе въ жизни совѣтамъ Эпикура и долго остававшіеся равнодушными къ политическимъ событіямъ, стали съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдить за движеніемъ идей и за ходомъ реформъ въ Пруссіи; люди, специально знакомые съ политической частью австрійской администраціи, стали за-границей печатать сочиненія, въ которыхъ существующія учрежденія подвергались самой строгой, безпристрастной и вслѣдствіе этого разрушительной критикѣ. Собранія сословій въ разныхъ областяхъ имперіи заговорили решительнѣе, чѣмъ когда-либо, и выдвинули передъ такіа требованія, которыя и въ то время не приходили князю Меттерниху. Венгерскій сеймъ съ 1843 на 1844 годъ обнаружилъ сильнѣйшую оппозицію противъ наміровъ и распоряженій австрійскаго правительства; ненависть къ нѣмецкому элементу въ языкѣ въ учрежденіяхъ и желаніе оторвать Венгрію отъ Австрійской имперіи и дать ей самостоятельное политическое существованіе выразилось такой силой, что государственная конференція въ Вѣнѣ пришла въ смятеніе. Наши люди, которые посовѣтовали произвести въ Венгріи государственный переворотъ и указать императора уничтожить всѣ представительныя учрежденія, Меттернихъ не могъ рѣшиться на такую крутую мѣру; для него это значило выставить на карту существованіе Австрійской имперіи и вмѣстѣ съ нею свое канцлерство; онъ зналъ, что подобный coup d'Etat поставитъ подъ оружіе всю Венгрію; вмѣстѣ съ Венгріей могли, опасаясь за свои права и учрежденія, подняться чехи и другіе славяне; пользуясь этой удобной минутой, вооружилась бы Ломбардія, и такимъ образомъ Фердинанду II и Меттерниху пришлось-бы завоевывать всю Австрійскую имперію. Но государственному канцлеру



старости лѣтъ не хотѣлось садиться на своего коня, и потому онъ въ государственной инференціи выразилъ ту мысль, что правительство должно уступить требованіямъ общеннаго мнѣнія и само начать необходимыя формы. Идея Меттерниха получила перевѣсъ, втеченіи 1846 года австрійское правительство приготовило цѣлый рядъ проектовъ, которые въ 1847 году должны были разсматриваться и обсуживаться въ предстоящемъ венгерскомъ сеймѣ. Чешскіе чины не уступали венгерскимъ въ силѣ оппозиціи; національныя стремленія съ небывалой силой охватили Босемію и выразились въ наукѣ, въ литературѣ политической жизни. Даже ниже-австрійскіе чины, засѣдавшіе въ Вѣнѣ и отличавшіеся въ бывшее время примѣрнымъ благопріятіемъ, каждый годъ стали требовать отъ правительства уступокъ; и правительство постоянно уступало, потому что представительныя собранія были сильны сочувствіемъ своихъ избирателей, которые съ напряженнымъ вниманіемъ ловили слухи и печатныя извѣстія. Дѣло дошло до того, что ниже-австрійскіе чины потребовали обнародованія государственнаго бюджета, права обсуживать всѣ важныя дѣла, касающіяся ихъ области, учрежденія земскаго банка и радикальныхъ реформъ въ общинномъ устройствѣ.

Меттернихъ не вѣрилъ ушамъ своимъ, и всѣ эти неожиданныя событія, валившіяся, какъ снѣгъ на голову, вызывали въ его умѣ печальныя размышленія; слишкомъ тридцатилѣтнія старанія оказывались разрушенными; если, не смотря на всѣ затворы и запоры, зараза вѣка проникла въ наслѣдственные владѣнія австрійскаго императора и въ короткое время усилилась въ нихъ до такой степени, то чего-же можно ожидать впереди? На чемъ-же остановится эта язва? Что она пощадитъ? Дѣйствительно, язва ничего не пощадила, и князь Меттернихъ, несмотря на всю свою безпримѣрную уступчивость, не могъ удержаться во главѣ правительства. Но сначала я попрошу читателя обратить вниманіе на то обстоятельство, что уступчивость князя Меттерниха въ послѣдніе два года его правительственной дѣятельности доходила до невѣроятныхъ предѣловъ. Тотъ-же страхъ передъ революціей, который въ двадцатыхъ годахъ побуждалъ Меттерниха разрушать насильственнымъ образомъ малѣйшія проявленія національнаго чувства и невиннѣйшія стремленія человѣческой мысли, тотъ-же страхъ передъ революціей, повторяю я, заставлялъ Меттерниха въ концѣ сороковыхъ годовъ предлагать самыя разнородныя либеральныя мѣры и произносить такія рѣчи, которыя конечно очень странно было слышать отъ бывшаго министра и испытаннаго друга Франца І. Люди, неумѣренно пользующіеся силой тогда, когда сила находится въ ихъ рукахъ, обыкновенно являются очень трусливыми тогда,

когда сила переходитъ въ руки ихъ противниковъ. Меттернихъ подходитъ подъ это общее правило. Въ мартѣ 1847 года онъ обратился къ Пруссіи съ предложеніемъ подать на союзномъ сеймѣ голосъ въ пользу свободы печати; въ этомъ-же году онъ выразилъ государственной конференціи ту идею, что пора создать для Австріи конституцію; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представилъ два проекта, имѣвшіе цѣлью расширить конституціонныя права отдѣльныхъ провинцій и потомъ составить обще-австрійское государственное представительное собраніе, которому предоставлялось право обсуживать и утверждать бюджетъ, разсматривать и рѣшать важнѣйшіе правительственные вопросы, словомъ—отъ лица всей націи принимать дѣятельное и постоянное участіе въ администраціи.

Но не всѣ члены правительства умѣли, подобно Меттерниху, безъ сожалѣнія и безъ борьбы разставаться съ своими политическими идеями и стремленіями. Новые проекты Меттерниха встрѣтили себѣ сопротивленіе при дворѣ: эрцгерцогъ Людовикъ не понималъ необходимости такихъ капитальныхъ уступокъ и во всякомъ случаѣ не хотѣлъ торопиться: съ недоумѣніемъ, свойственнымъ старику, онъ хотѣлъ сначала всмотрѣться въ предлагаемыя реформы, попривыкнуть къ нимъ, протянуть нѣсколько лѣтъ пренія и совѣщанія о частностяхъ и подробностяхъ и потомъ уже вводить новые порядки понемногу, не снѣша, безъ шума и эффекта. Вліяніе эрцгерцога, находившаго себѣ единомышленниковъ въ старыхъ подвижникахъ своего покойнаго брата Франца, остановило проекты Меттерниха; начались толки, разсужденія, назначенія комиссій для разсмотрѣнія разныхъ предметовъ и вопросовъ, и всѣ реформы остановились на одномъ разсмотрѣніи.

1 января 1848 года было учреждено высшее управленіе цензуры (Censur-Oberdirection), а 1 февраля еще кромѣ того появилось высшее цензурное судилище (Oberstes Censurgericht); оказалось впрочемъ, что реформы эти не подвинули дѣла впередъ. Тогда вѣнскіе книгопродавцы и вѣнскіе литераторы подали прошеніе, которое не принесло никакой существенной пользы.

2 февраля 1848 года была открыта вѣнская академія наукъ, но это торжество не произвело на общество того благотѣльнаго впечатлѣнія, котораго ожидало правительство. Множество замѣчательныхъ ученыхъ и писателей получили званіе дѣйствительныхъ академиковъ; множество важныхъ лицъ были назначены почетными членами; въ числѣ послѣднихъ находился самъ князь Меттернихъ, вѣломный покровитель просвѣщенія въ Германіи и въ Европѣ; словомъ, все было чинно, важно и официально, а между тѣмъ многія характерныя подробности не укрылись отъ бдительнаго вниманія публики. Не укрылось ни при чемъ то обстоятельство, что люди, подобныя



Араго, Шлоссеру, Ранке, Гервинусу, не были приняты въ число академиковъ, потому что ихъ политическія мнѣнія не нравятся правительству. Не укрылось и то обстоятельство, что рѣчь Гаммера, произнесенная имъ при открытіи академіи, была помѣщена въ вѣнской газетѣ съ пропусками. Все это были конечно мелочи, на которыя не стоило обращать вниманія, но эти мелочи хватили за сердце и кипятили желчь.

Вечеромъ 28 февраля къ князю Меттерниху прискакалъ курьеръ съ первымъ извѣстіемъ о февральской революціи; государственный канцлеръ узналъ только, что Людовикъ-Филиппъ отъказался отъ престола и что герцогиня Орлеанская приняла на себя регентство; это извѣстіе не произвело особеннаго впечатлѣнія, потому что вѣнскій кабинетъ никогда не питалъ особеннаго сочувствія къ личности и къ политикѣ короля, возведеннаго на престолъ революціей. Но на другой день утромъ пришло новое извѣстіе: Франція объявила себя республикой. Это извѣстіе сильно поразило Меттерниха: прочитавъ депешу, онъ нѣсколько минутъ съ смертной блѣдностью на лицѣ неподвижно просидѣлъ въ креслѣ. Съ замираніемъ сердца сталъ онъ ожидать новыхъ извѣстій изъ Франціи; у него оставалась слабая надежда на то, что произойдетъ контр-революція, которая положитъ конецъ существованію юной республики. Послѣдующія событія разбили эту надежду, и князь Меттернихъ съ вѣчнымъ отчаяніемъ сталъ ожидать грядущихъ бѣдствій; съ именемъ французской республики ему казались неразлучными картины дикаго насилия и безотрадная перспектива нескончаемыхъ войнъ и повсемѣстныхъ волненій. Меттернихъ, всегда любившій вооруженное вмѣшательство, на этотъ разъ считалъ его примѣненіе рѣшительно невозможнымъ. Послѣдній ударъ, нанесенный политикѣ государственнаго канцлера переворотомъ во Франціи, былъ такъ силенъ и такъ внезапенъ, что Меттернихъ растерялся, пришелъ въ уныніе и потерялъ всякую вѣру въ дѣйствительность какого-бы то ни было средства. Онъ очевидно не могъ собраться съ мыслями и, на предложенія идти во Францію и разсѣять мятежниковъ, отвѣчалъ нерѣшительно: «надо подождать, надо высмотрѣть, какъ и куда станетъ распространяться революція». Какъ доводъ противъ наступательной войны съ Франціей, Меттернихъ приводитъ даже то обстоятельство, что подобная война можетъ возбудить противъ себя негодованіе націи. Меттернихъ началъ обращать вниманіе на то, что говорить, и даже на то, что думаетъ нація; по одному этому аргументу, приведенному государственнымъ канцлеромъ въ официальныхъ дипломатическихъ нотахъ, можно составить себѣ довольно яркое понятіе о томъ, какъ неизмѣримо великъ былъ страхъ его передъ ожидаемымъ движеніемъ. Распоряженія по внутренней администраціи за-

мерли въ такомъ положеніи, въ какомъ ихъ хватали роковыя извѣстія изъ Парижа. Еренныя реформы не пошли въ дѣло; дворъ и имперія раздѣлились на двѣ партіи, неравные по числу своихъ приверженцевъ; эрцгерцогъ и довикъ и Меттернихъ стали доказывать, что производить реформы несвоевременно и что всякая уступка со стороны правительства покажется обществу и народу поблажкой, знакомъ слабости, поощреніемъ къ дальнѣйшимъ требованіямъ и, въ случаѣ крайности, къ мятежу. Всѣ остальные члены императорской фамилии и государственной конференціи считали быстрыя реформы совершенно необходимыми; они хотѣли упрочивать за собою расхожденіе народа; для Меттерниха любовь общества къ династіи была невозвратно потеряна; для Фердинанда извѣстнаго своимъ кроткимъ характеромъ, для тѣхъ членовъ его семейства, которые принимали дѣятельнаго участія въ правительственныхъ распоряженіяхъ Франца I, было нетрудно сохранить или даже вновь приобрести популярность. Надо было только вычеркнуть изъ списка австрійскихъ чиновниковъ то или иное имя, съ которымъ связывалось такъ много роковыхъ воспоминаній, — то имя, которое должно было сорока лѣтъ постоянно тяготѣло на правительственныхъ распоряженіяхъ. Изъ Меттерниха уже успѣло приобрести себѣ такую значительную извѣстность, что его одного было достаточно, чтобы возбудить полное недовѣріе противъ правительства; члены правительства понимали это и конечно, не желая раздѣлять съ Меттернихомъ тѣхъ опасностей, которыя являлись для него, съ удовольствіемъ готовы были исключить его изъ списковъ, чтобы избавиться съ общественнымъ мнѣніемъ.

Во главѣ этой партіи, желавшей искреннаго примиренія съ обществомъ, стояла эрцгерцогиня Софія, жена эрцгерцога Франца, брата императора, женщина умная, энергическая, постоянно слѣдившая за ходомъ событій и понимавшая довольно вѣрно ихъ истинный смыслъ; она пережила сильныхъ волненій и совѣтовала болѣзненно Фердинанду отказаться отъ престола на пользу ея сына, Франца-Иосифа; сверхъ того она считала необходимымъ, чтобы эрцгерцогъ Людовикъ и князь Меттернихъ совершенно уступили свое вліяніе на государственныя дѣла, чтобы Австрія, получивши общую констатацию вступила въ новую эру исторической жизни. Софія считала подобныя мѣры рѣшительно необходимыми для спасенія австрійской династіи отъ той участи, которая два раза постигла Бурбоновъ и такъ недавно обрушилась на Леопольдовъ. Эти мысли часто выражались эрцгерцогиней въ семейныхъ совѣщаніяхъ; при этихъ совѣщаніяхъ присутствовалъ иногда князь Меттернихъ и тутъ-то ему нерѣдко приходило выслушивать горькія истинныя; эрцгерцогъ Иосиф личный врагъ государственнаго канцлера, р



залъ по пунктамъ его политическія теоріи и ямо, не перемонясь, говорилъ при немъ, что удаление отъ дѣлъ необходимо для блага государства и для спокойствія царствующей династии. Меттернихъ на подобныя любезности вѣчалъ холодно и почтительно, что онъ удалится отъ дѣлъ только въ такомъ случаѣ, когда императоръ выразитъ ему такого рода желаніе. Государственный канцлеръ даже не танавливался на той идѣ, что ему могутъ рѣзко предложить отставку; онъ твердо вѣрилъ въ неразлучность своей судьбы съ судьбою Австрійской имперіи; онъ полагалъ, что можетъ пасть подъ развалинами всего государственнаго зданія, какъ послѣдній надежный защитникъ погибающаго принципа; подобная катастрофа представлялась ему чѣмъ-то возможнымъ, но далекимъ и неопредѣленнымъ; за этой катастрофой, по его убѣжденію, неминуемо должны были слѣдовать анархія, терроръ и хаосъ. Представить себѣ, чтобы ему, какъ всякому другому министру, дали отставку, — представить себѣ это князь Меттернихъ былъ рѣшительно не въ силахъ. Между тѣмъ его противники не дремали; придворная партія, желавшая реформъ и перемѣны министерства, завела сношенія съ предводителями оппозиціи на ниже-австрійскомъ сеймѣ, котораго засѣданія должны были открыться 13 марта. Имъ дали понять, что паденіе государственнаго канцлера желаютъ многіе члены высшаго правительства, и что слѣдовательно прошеніе сейма объ удаленіи Меттерниха будетъ принято благосклонно и можетъ повести за собою плодотворныя послѣдствія.

6-го марта, въ присутствіи графа Коловрата и эрцгерцога Франца, общество промышленности (Gewerbeverein) составило и одобрило на имя императора адресъ, въ которомъ выражалось ясно то убѣжденіе, что взаимное довѣріе между управляющими и управляемыми можетъ быть восстановлено только послѣ удаленія Меттерниха. Этотъ адресъ былъ врученъ эрцгерцогу Францу, наслѣднику престола, и эрцгерцогъ поблагодарилъ подателей и составителей за честность ихъ стремленій. Это обстоятельство конечно ободрило публику и въ первый разъ показало народу, что даже императорская фамилія не довольна управленіемъ государственнаго канцлера.

..... Составили прошеніе объ отставкѣ Меттерниха, и два профессора, Гіе и Эндлихеръ, официально подали это прошеніе эрцгерцогу Людовику. Эрцгерцогъ принялъ депутацію и прочиталъ прошеніе съ видимыми знаками неудовольствія; онъ не далъ депутатамъ положительнаго отвѣта, но въ тотъ-же день, въ два часа пополудни, созвалъ государственную конференцію и пригласилъ для совѣщаній нѣкоторыхъ членовъ императорской фамиліи. Въ этомъ собраніи Людовикъ разсказалъ исторію прошенія и рѣшилъ, что на основаніи такой причины невозможно удалить отъ должности человѣка, оказавшаго

такія великія услуги государству и царствующей династии. Государственный канцлеръ очень кротко и спокойно замѣтилъ, что онъ тотчасъ готовъ отказаться отъ своей должности, если таково будетъ желаніе императора, но что, не искавши никогда популярности, онъ не можетъ удалиться отъ исправленія своихъ обязанностей. Послѣ засѣданія конференціи, въ тотъ-же день, вечеромъ, могущественные недоброжелатели Меттерниха нашли средства провести въ комнату самого императора тѣхъ профессоровъ, которые утромъ подавали прошеніе эрцгерцогу Людовику. Императоръ привялъ ихъ съ обычной своей пріятливостью и даже общалъ обдумать представленное ему прошеніе; но никакихъ опредѣленныхъ надеждъ или общаній онъ имъ не далъ.

Меттернихъ изъ конференціи поѣхалъ домой, грустный и озабоченный: онъ чувствовалъ, что ему придется или выйти въ отставку, или уступить той партіи, которая требовала реформъ и уступокъ общественному мнѣнію. Ему представлялась такая дилемма, хотя въ сущности ея не было: никакія реформы и уступки уже не могли спасти его отъ паденія; но онъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ удалиться, но отъ него зависѣло допить или не допивать до дна чашу огорченій и оскорбленій; отъ него зависѣло сказать: «я выхожу въ отставку, потому что мой образъ мыслей не находитъ себѣ сочувствія ни въ обществѣ, ни въ моихъ товарищахъ по управленію», или-же дожидаться, пока ему скажутъ: «ступайте, ваше вліяніе вредитъ государству и обществу». Нѣтъ сомнѣнія, что Меттернихъ, какъ человѣкъ практическаго ума и какъ «образцовый кавалеръ», дорожающій соблюденіемъ вишняго благообразія, выбралъ бы первый исходъ, еслибы онъ зналъ, что изъ его положенія дѣйствительно только два выхода; но, къ несчастію для государственнаго канцлера, онъ былъ совершенно ослѣпленъ вѣрой въ самого себя; онъ все-таки считалъ свое положеніе непоколебимымъ и, главное, неразлучно связаннымъ съ судьбой Австріи. Онъ былъ совершенно увѣренъ, что дѣло идетъ только объ уступкахъ, а уступить онъ былъ не прочь, потому что упорная борьба съ людьми, находящимися съ нимъ въ непосредственныхъ ежедневныхъ отношеніяхъ, вообще была ему не по силамъ и рѣшительно не соответствовала его мягкому и слабому характеру. Теперь-же въ особенности, думая уступками утвердиться въ своемъ положеніи и зажать ротъ своимъ врагамъ при дворѣ и въ обществѣ, Меттернихъ оказался въ высшей степени гибкимъ и сговорчивымъ; онъ постоянно говорилъ до того времени, что уступки несвоевременны, потому что онѣ покажутся вынужденными; теперь и эта послѣдняя отговорка была отложена въ сторону; разграниченіе между добровольными и вынужденными уступками исчезло. Вечеромъ въ тотъ-же день Меттернихъ пригласилъ къ себѣ предводителя дворянства



(Landesmarschall), графа Монтекукули, пользовавшагося популярностью и расположением ниже-австрийских чиновъ; онъ сталъ совѣтоваться съ нимъ о предполагаемыхъ уступкахъ и обѣщалъ ему, что въ самомъ непродолжительномъ времени будутъ созваны депутаты отъ областныхъ представительныхъ собраний. Въ заключеніе бесѣды онъ попросилъ графа Монтекукули позаботиться о томъ, чтобы засѣданія сейма были по возможности спокойны и не увеличивали бы своими шумными преніями глухого раздраженія, проявлявшагося уже въ народѣ.

13-го марта члены конференціи съ ранняго утра собрались во дворецъ императора; недалеко отъ конференціонной залы, въ комнатѣ Фердинанда, находилась вся императорская фамилія; этотъ день былъ назначенъ для открытія сейма; въ ночь были получены очень неуспокойтельные извѣстія о положеніи города; улицы, прилегающія къ дому сейма, къ университету и даже къ императорскому дворцу, наполнялись людьми. Эрцгерцогъ Людовикъ и князь Меттернихъ приказали стянуть войска ко дворцу и разставить по улицамъ многочисленныя патрули, чтобы разгонять народъ при малѣйшемъ шумѣ. Ни Людовикъ, ни Меттернихъ не думали, что дѣло можетъ дойти до свалки между войсками и народомъ. Между тѣмъ толпы народа загрохотали улицы, громко произносимыя рѣчи принимались криками одобренія, съ этими криками смѣшивались возгласы: «долой Меттерниха!», и эти зловѣщіе возгласы подхватывались сотнями голосовъ. Въ это время во дворцѣ къ императору приступали съ двухъ сторонъ двѣ противоположныя партіи: эрцгерцогиня Софія и эрцгерцогъ Іоаннъ требовали немедленныхъ радикальныхъ уступокъ. Съ другой стороны Людовикъ и Меттернихъ совѣтовали пустить въ ходъ энергическія мѣры. Почему совѣтовалъ это сдѣлать Людовикъ—я не знаю, да мнѣ до этого и дѣла нѣтъ. Почему добивался этого Меттернихъ—понятно. Онъ слышалъ нелестныя для себя крики и начиналъ понимать, что ему нельзя помириться съ этимъ народомъ, что надо побѣдить его или бѣжать безъ оглядки изъ Вѣны, изъ Австріи, быть-можетъ даже изъ континентальной Европы; кромѣ того онъ начиналъ понимать, что Фердинандъ, не рѣшившійся оттолкнуть его отъ себя, можетъ, въ минуту крайней опасности, оставить его, отшатнуться отъ него и такимъ образомъ поставить его въ самое затруднительное положеніе; поэтому, совѣтуя императору пустить въ ходъ самыя энергическія мѣры, Меттернихъ, сознательно или инстинктивно, дѣлалъ послѣднюю отчаянную попытку связать неразрывными узами судьбу своей личности съ участью Австріи.

Если бы императоръ Фердинандъ, слѣдуя совѣту Меттерниха, приказалъ подавить возстаніе силой, то правительству необходимо было бы или побѣдить, или упасть; если бы правитель-

ство побѣдило, то навѣрное вліяніе Меттерниха перевѣсило-бы значеніе всѣхъ противъ его личности и его политики. Если бы правительство упало, то съ нимъ вмѣстѣ упалъ бы и Меттернихъ; но онъ начиналъ думать, что можетъ упасть даже и въ томъ случаѣ, если правительство удержится, и потому у императора вмѣстѣ съ собою ему не было особенно страшнымъ. Ухватившись вслѣдъ за императорскую мантию Фердинанда, за эту мантию отъ ярости народа, Меттернихъ увеличивалъ для себя шансы спасенія. Имъ удалось склонить Фердинанда къ употребленію военной силы, то можетъ-быть, Меттерниху удалось-бы до самой смерти остаться государственнымъ канцлеромъ. Фердинандъ не рѣшился на крайнія мѣры, находился въ недоумѣніи, а между тѣмъ одну минуту приходили съ улицы новыя уступки правительства не приняты... доми заняты толпой народа... патруль далъ по толпѣ... нѣсколько человѣкъ убито... Меттернихъ остервенился; «долой Меттерниха!», кричалъ одинъ голосъ всѣхъ недовольные.... Въ это время пришла во дворецъ депутація, состоящая изъ членовъ сейма. Эрцгерцогъ Людовикъ и депутаты, выслушавъ ихъ разсказъ о желаніяхъ народа и отвѣчалъ имъ твердо и спокойно: «комитетъ разберетъ эти желанія и тогда императоръ рѣшитъ дѣло, какъ слѣдуетъ».

Меттернихъ въ это время прошелъ изъ дворца домой; вѣроятно его не замѣтилъ или не замѣтилъ толпѣ народъ, иначе жизнь его подверглась бы самой серьезной опасности. Для того, чтобы выслушать его, онъ слышалъ одинъ ораторъ разбиралъ его систему, народомъ, и какъ народъ, увлеченный доводами оратора, кричалъ съ возрасною яростью: «Прочь, прочь Меттерниха!» Эти крики производили на Меттерниха особенныя впечатлѣнія; онъ былъ увѣренъ въ томъ, что Фердинандъ лопнетъ, что войска разметутъ улицы и площади, что ораторъ насидится гдѣ-нибудь въ острогѣ, что тѣмъ дѣло кончится. А между тѣмъ Меттернихъ сдѣлалъ еще одну вынужденную уступку: уходя изъ дворца онъ, сообразивъ требованіемъ депутаціи, убѣдилъ императора немедленно назначить комитетъ для созванія конституціи и для произведенія реформъ, не терпящихъ дальнѣйшаго отлагательства. Но когда Меттернихъ снова отъшелъ во дворецъ, тогда онъ началъ убѣждать императора, что полиція и войска не задавятъ дѣла.

Когда появился государственный канцлеръ, къ нему члены императорской фамилии окружили его со всѣхъ сторонъ, просили его подать въ отставку и такимъ образомъ положить конецъ уличнымъ возмущеніямъ, разразившимся уже сценами насилія и



литія; одни указывали ему на жертвы возмездія, другіе говорили, что изъ за одного убійства нельзя подвергать опасности цѣлую націю.

Меттернихъ обвелъ глазами вокругъ себя. Въ окружающіе молчали послѣ того, какъ онъ совершилъ первый приступъ увѣщаній, навлекая на Меттерниха его врагами; ни одного слова сочувствія не послышалось никуда, ни одного ободрительнаго взгляда не встрѣтилъ вопрошающій взоръ Меттерниха. Даже императоръ, даже эрцгерцогъ Людовикъ говорили ни слова; Меттернихъ почувствовалъ себя очень одинокимъ; легкая краска обѣжала по его лицу; онъ едва совладѣлъ съ внутреннимъ волненіемъ, внезапно разыгравшимся въ его груди, и быстрыми шагами прошелъ въ комнату государственной конференціи.

Между тѣмъ депутація приходитъ за депутатами; въ предмѣстьяхъ Вѣны свирѣпствуетъ изгулявшаяся чернь; депутаты настоятельно требуютъ, чтобы ихъ выслушали, и говорятъ, что они не ручаются ни за что, если до наступленія ночи не будетъ восстановлено спокойствіе.

Эрцгерцогъ Людовикъ призываетъ къ себѣ депутатовъ и узнаетъ отъ нихъ, что народъ попрежнему требуетъ отставки Меттерниха и отступленія солдатъ, пустившихся въ рукопашный бой безъ особеннаго приказанія изъ дворца. Выслушавъ эти требованія, Людовикъ отвѣчалъ сухо, что онъ ничего не можетъ сдѣлать, и отправившись въ комнату конференціи, предложилъ Меттерниху выдти «къ этимъ людямъ» и сдѣлать имъ тѣ уступки, которыя онъ признаетъ удобными.

Меттернихъ вышелъ къ депутатамъ отъ вѣнской милиціи; за нимъ послѣдовали почти всѣ члены императорской фамиліи; всѣ интересовались знать, что скажетъ и на что согласится государственный канцлеръ. Меттернихъ подошелъ къ одному изъ офицеровъ, положилъ ему руку на плечо и произнесъ слѣдующія слова:

— Вы—граждане; вѣнскіе граждане отличались всегда и во всѣхъ случаяхъ; имъ было-бы стыдно, еслибы они, въ соединеніи съ войскомъ, не были въ состояніи разогнать уличныхъ бунтовъ.

— Ваша свѣтлость, отвѣчалъ офицеръ, — тутъ дѣло не въ бунтахъ, въ городѣ происходитъ революція, въ которой принимаютъ участіе всѣ сословія.

— Это неправда, перебилъ Меттернихъ поспѣшно, — итальянцы, поляки и швейцарцы возмущаютъ народъ.

— Ваша свѣтлость, представленные прошенія подписаны тысячами именъ; вы встрѣтите тутъ и важнаго государственнаго чиновника, и простаго епископа; еслибы вашей свѣтлости угодно было взглянуть на улицу, то вы убѣдились-бы въ правотѣ моихъ словъ.

Меттернихъ больше не сказалъ ни слова; аудиенція окончилась, но депутацію задержали, боясь, чтобы она не увеличила раздраженія народа разсказомъ о происшедшемъ свиданіи съ властями. Между тѣмъ крики уличной толпы въ каждой минутѣ становились явственнѣе и громче; и все то-же самое слышалось въ этихъ

крикахъ, и все также часто Меттернихъ слышалъ свое имя, и все также мало лестнаго и утѣшительнаго заключалось въ этихъ непрерывныхъ поминаніяхъ; у бѣднаго старика начинала кружиться голова и звенѣть въ ушахъ; не зная, что дѣлать, онъ объявилъ наконецъ свою готовность уступить всѣмъ требованіямъ народа. Національная гвардія, свобода печати, конституція, все было отдано разомъ; но между тѣмъ и тутъ, уступая во всемъ, уступая безславно передъ открытой силой, Меттернихъ захотѣлъ сохранить внѣшнее благообразіе; исполняя всѣ требованія волнующагося народа, онъ придумалъ другія названія требуемымъ предметамъ, чтобы хоть этимъ заявить инициативу и самостоятельность своего правительства. Въмѣсто «національной гвардіи» онъ далъ «гражданскую милицію» (Bürgerwehr); вмѣсто свободы печати—уничтоженіе цензуры; наконецъ вмѣсто «Constitution» — «Constituierung des Vaterlandes». Меттернихъ отправился въ свой рабочій кабинетъ писать объ этихъ предметахъ указы, которые немедленно должны были быть представлены на подписъ императору; дѣлая всѣ эти уступки, онъ забывалъ объ четвертомъ требованіи народа, онъ пропускалъ умышленно мимо ушей тотъ крикъ, который повторялся громче и чаще всѣхъ остальныхъ: «Меттерниха, Меттерниха!» Въ то время, какъ падающій министръ сидѣлъ за столомъ, служебная участь его окончательно рѣшалась въ кабинетѣ императора. Эрцгерцогиня Софія и эрцгерцогъ Іоаннъ доказывали Фердинанду, что если Меттернихъ останется первенствующимъ министромъ, то всѣ уступки, сдѣланныя правительствомъ, окажутся бесполезными и даже не укротятъ народнаго волненія. Императоръ былъ утомленъ шумомъ и сильными ощущеніями, пережитыми имъ съ утра этого дня; ему хотѣлось спокойствія и мира; его ужасали и огорчали до глубины души кровавыя сцены, разыгрывавшіяся на улицахъ его столицы; онъ уступилъ доводамъ своихъ родственниковъ, и удаленіе князя Меттерниха отъ должности государственнаго канцлера почислилось дѣломъ рѣшеннымъ. Пользуясь позволеніемъ императора, эрцгерцогъ Іоаннъ тотчасъ отправился въ кабинетъ Меттерниха и передалъ ему просьбу Фердинанда отказаться отъ занимаемаго мѣста для успокоенія націи и для устраненія тѣхъ опасностей, которымъ подвергается царствующая династія. Меттернихъ получилъ такимъ образомъ фактическое доказательство того, что его дѣятельность положительно вредна. Слова эрцгерцога были произнесены сухо, рѣзко и не допускали возраженій. Государственный канцлеръ выслушалъ ихъ молча. Онъ былъ блѣденъ, сосредоточенно серьезенъ и глубоко опечаленъ. Внутреннія страданія его выразились въ проницательной улыбкѣ, которая какъ-то неестественно искривила его блѣдныя губы. Онъ



вышелъ въ комнату аудіенціи, въ которой депутаціи просили свиданія съ императоромъ, чтобы лично просить его объ увольненіи канцлера. Спокойнымъ, ровнымъ, медленно-торжественнымъ шагомъ вышелъ съдой министръ на середину залы и сказалъ предводителямъ депутаціи: «— Милостивые государи, если вы полагаете, что, отказываясь отъ моей должности, я могу принести пользу государству, то я съ радостью соглашаюсь на это.»

Всѣ эти слова были сказаны для благообразія. Меттернихъ не могъ придавать никакого значенія приговору тѣхъ людей, которыхъ онъ за полчаса предъ тѣмъ называлъ уличными буянами. Меттернихъ не могъ съ радостью согласиться на такую жертву, для избѣжанія которой онъ за пять минутъ передъ тѣмъ за своимъ письменнымъ столомъ собирался отречься отъ политическихъ тенденцій, составлявшихъ сущность всей его долготѣйшей дѣятельности. Умирающему гладиатору необходимо было принять граціозную позу, и онъ умиралъ, насильственно придавая всей своей фигурѣ выраженіе величаваго и неестественнаго спокойствія.

Предводитель депутаціи отвѣчалъ на слова Меттерниха:

«— Ваша свѣтлость, мы не имѣемъ ничего противъ вашей личности, но все—противъ вашей системы, и поэтому мы должны принять съ радостью извѣстіе о вашемъ выходѣ въ отставку.»

— Задачею всей моей жизни, заговорилъ снова старый канцлеръ, — было дѣйствовать для блага Австріи всѣми силами, находившимися въ моемъ распоряженіи; если думаютъ, что дальнѣйшее пребываніе мое на этомъ мѣстѣ подвергаетъ это благо какому-бы то ни было опасностямъ, то для меня не можетъ быть жертвой сойти съ этого мѣста. Я слагаю въ руки императора отправленіе моихъ обязанностей. Поздравляю васъ съ новымъ правительствомъ. Желаю Австріи счастья.»

Всѣ эти слова пропадали даромъ: депутатамъ не было никакого дѣла до такой задачи, которую Меттернихъ поставилъ себѣ въ жизни; имъ не было дѣла и до того, съ какими чувствами удалялся государственный канцлеръ съ арены правительственной дѣятельности; ихъ интересовалъ только фактъ удаленія, и они, не заявивъ ему своего сочувствія ни однимъ словомъ, отвѣчали на фразы Меттерниха громкимъ крикомъ торжествующей радости и возгласами: «да здравствуетъ императоръ Фердинандъ!»

Меттернихъ не рѣшился уйти, не заявивъ еще разъ своего присутствія передъ толпой, собравшейся въ залѣ. Онъ посмотрѣлъ на всѣхъ окружающихъ его людей спокойнымъ, испытующимъ взоромъ и опять заговорилъ:

«— Я предвижу, что распространится ложное убѣжденіе, будто я унесъ съ собою монархію. Противъ подобнаго убѣжденія я торжественно заявляю свой протестъ. Ни у меня, ни у кого другого нѣтъ такихъ широкихъ плечей, на которыхъ можно было-бы унести государство. Если державы исчезаютъ, то это происходитъ только тогда, когда онѣ сами отрываются отъ себя.»

Въ этихъ послѣднихъ словахъ, произнесенныхъ Меттернихомъ въ самѣ перипетіи своей жизни, сказалось то самообожаніе, которое въ концѣ политической карьеры охватило его преобладающій недостатокъ; онъ жалъ себѣ, что всѣ смотрятъ на него теми же глазами, какими онъ самъ смотрѣлъ на себя; онъ воображалъ себѣ, что въ немъ воплощеніе монархическаго принципа, и думаютъ, что съ его удаленіемъ отъ государственнхъ дѣлъ исчезнетъ та идея, которую онъ олицетворялъ въ своей особѣ.

Вѣнская революція не возставала противъ монархическаго принципа; она просто требовала, чтобы правительство посвѣжилось, и дѣятельно принялось за перестройку старой административной машины. Она выбросила Меттерниха не какъ представителя принципа, а просто какъ безполезнаго одряхлѣвшаго старика. Но принять такое решение такъ просто было не по силамъ государственному канцлеру: онъ сталъ на колѣна и кинулъ на себя драпировку и сошелъ со сцены какъ герой какой-нибудь ложно-классической трагедіи Расина или Корнеля; а дѣйствительно вѣнская революція едва не кончилась для него трагически. Народъ, узнавшій объ его удаленіи, на другой день утромъ, въ ночь 13-го на 14-е марта, разорилъ его загородную виллу и искалъ его съ твердымъ намереніемъ убить. Бывшему министру пришлось бѣжать изъ Вѣны въ наемной каретѣ, въ чужихъ платьяхъ, почти безъ денегъ; пришлось бѣжать изъ австрійскихъ владѣній, черезъ всю Германію, въ Англію, въ которой онъ нашелъ себѣ безопасное убѣжище вмѣстѣ съ Людовикомъ Филиппомъ.

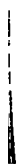
О послѣдующихъ годахъ жизни Меттерниха говорить не стоитъ. Къ политической дѣятельности онъ не возвращался, а человѣческимъ личностямъ не настолько интересна, чтобы внимать насъ въ психологическомъ или въ какомъ-бы то ни было другомъ отношеніи. Была и что онъ читалъ, какъ принималъ гостей, посѣтителей, какъ смотрѣлъ онъ самъ на политическія событія, совершавшіяся безъ его участія, какъ онъ можетъ-быть дивился тому, что міръ не сдѣлался жертвой анархіи послѣ его выхода въ отставку, — намъ до этого нѣтъ никакого дѣла.

Князь Меттернихъ умеръ въ 1859 году, 11-го іюня, въ тотъ день, когда французы и сардинцы входили въ Миланъ и когда дѣло Меттерниха въ Италіи окончательно разрушилось. Его похоронили послѣ торжественной процессіи 15-го іюня. Впереди его гроба несли четырехъ черныхъ бархатныхъ подушкатъ съ ордена, принадлежавшіе всѣмъ европейскимъ государствамъ, кромѣ Англіи.











**Н. Вавилова.** Популярн. руковод. для по-  
нъ безъ помощи часовщика и для устройства  
асовъ. Съ 13 рис. Ц. 30 к.  
въ психологія. **Циена.** Переводъ под редак-  
В. Чижо. Съ 21 рис. Ц. 75 коп.  
К. Фламмаріона. Перев. съ француз-  
Предтеченскаго. Съ 64 рис. Ц. 50 к.  
ными въ семьѣ. Д-ра Энциера. Ц. 50 к.  
в. Д-ра Перье. Ц. 50 к.  
на. Съ англійскаго. Ц. 50 к.  
въ природѣ. **Жоржа Дари.** Переводъ съ  
го. Д. Голова. Съ 102 рис. Ц. 1 р. 25 к.  
Пракитч. настав. для народ. учителей.  
ра. Съ 137 рис. Ц. 60 к.  
-ра Симона. Сновидѣнія, галлюцинаціи,  
амъ, гипнотизмъ. Съ франц. Ц. 1 р.  
и. А. Герцена. професс. Лозанскаго уни-  
Переводъ съ франц. Ц. 1 р.  
Составилъ **Графини.** Руководство къ до-  
или ремесламъ. Пер. съ фр. Съ 400 рис.  
к. Въ пап. — 1 р. 75 к. Въ пер. — 2 р.  
тна. П. Мантегациа. Переводъ съ 5-го  
ія д-ра Лейненберга. Ц. 1 р. 50 к.  
деміи. Д-ра Реньяра. Перев. съ франц.  
Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к.  
Популярныя очерки міровѣдѣн. 6-е изд.  
исправленное съ 65 рис. Ц. 30 к.  
астрономія. К. Фламмаріона. Перев. съ  
касова. Съ 100 рис. 3-е изд. Ц. 80 к.  
Популярно-астрономическія бесѣды  
го. Съ мног. рис. Ц. 30 к.  
практическія примѣненія. Соч. Майера и  
р. Д. Голова. Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.  
менты. Соч. Ниоде. Перев. и дополн. въ  
Со мног. рисунками. Ц. 2 р.  
аккумуляторы. Э. Ренье. Перевелъ и до-  
Голова. Съ 76 рис. Ц. 1 р. 25 к.  
освѣщеніе. Составилъ В. Чиколевъ. Съ  
2 р. 50 к.  
трическое освѣщеніе и уходъ за аккумуля-  
моенса. Съ англ. 81 рис. Ц. 1. 25 к.  
электрич. освѣщенія. В. Чиколевъ. Ц. 25 к.  
магнетизмъ. А. Гано и Ж. Маневре. Пере-  
ленкова, В. Черкасова и С. Степанова.  
1 р. 50 к.  
ции объ электричествѣ и магнетизмѣ. О.  
Съ 230 рис. Ц. 2 р.  
ложенія электричества. Э. Госпиталье.  
вомъ рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.  
передача энергіи (передача силы на раз-  
тпа. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 60 к.  
въ домашнемъ быту. Э. Госпиталье. Сомно-  
ис. 2-е изд. Ц. 2 р.  
воинки. Боттона. Съ свѣд. о воздуш. явлені-  
и. Пер. съ англ. Голова. Ц. 1 р.  
ия науки Ч. Дарвина? Популяр. обзоръ его  
став. Гексли. Гейки, Дайеромъ и Рома-  
портр. Дарвина. Ц. 75 к.  
въ животныхъ. Эскинаса. Перев. съ франц.  
ога. 500 стр. 2 р. 50 к.  
ескихъ силъ. Опытъ популярно-научной  
А. Секки. Перев. съ франц. Ф. Павлен-  
ва. Ц. 2 р. 50 к.  
анія. Д-ра Рибо. Съ франц. 2-е изд. Ц. 40 к.  
ихъ людей. Жоли. Съ франц. 3-е изд. Ц. 60 к.  
ихопаты. Куллера. Съ франц. Ц. 1 р. 50 к.  
томѣшательство. Ц. Ломброзо. Съ портр.  
исунками. 2-е изд. Ц. 1 р.  
ия настѣпныя. Иверсена. 48 рис. Ц. 80 к.  
Составилъ Г. Тисандье. Съ 34 рис. Ц. 50 к.  
Съ 3 рис. Барона Н. Корфа. Ц. 10 к.  
водъ. Объ устройствѣ питомниковъ и обу-  
дству. А. Волоотовскаго. Ц. 20 к.

#### Для дѣтей и юношества.

ыя сказки Андерсена. Полное собраніе въ  
Съ 530 рисунками. Перев. Б. Порозов-  
каждаго тома 60 коп., въ папкѣ 75 к.,  
въ перепл. по 3 тома — 2 р. 50 к.  
ая сказочная библиотечка. Ф. Павленкова.  
1894 г. Всѣхъ книжекъ будетъ отъ 150 до  
о до 10 мая тридцати книжекъ, отъ  
Цѣны книжекъ отъ 5 до 20 коп.

**Иллюстрированные романы Диккенса въ сокращенномъ пе-  
реводѣ Л. Шелуновой:** 1) Давидъ Копперфильдъ; 2)  
Домби и сынъ; 3) Оливеръ Твистъ; 4) Большая надежда;  
5) Нашъ общій другъ; 6) Лавка древностей; 7) Крошка  
Дорритъ; 8) Тяжелыя времена; 9) Холодный домъ;  
10) Николай Никльби; 11) Два города; 12) Мартинъ  
Чезлвильтъ. Цѣна каждая ром. 40 к. Въ пап. 50 к.  
въ переплетѣ по 6 ром. — 3 р. 25 к.

**Иллюстрированные романы Вальтеръ-Скотта въ сокращен-  
номъ переводѣ Л. Шелуновой:** 1) Веверлей; 2) Анти-  
кварій; 3) Робъ-Рой; 4) Айвенго; 5) Астрологъ; 6) Квен-  
тинъ Дорвардъ; 7) Вулстокъ; 8) Замокъ Кеннилвортъ;  
9) Ламермурская невеста; 10) Легенда о Монтроузѣ;  
11) Северный Ликъ; 12) Пресвитеріане; 13) Пертская  
красавица; 14) Аббатъ; 15) Монастырь; 16) Паратъ;  
17) Карлъ Смѣлый; 18) Ричардъ-Львиное Сердце; 19)  
Обрученные; 20) Черный Карликъ. Ц. кажд. ром. 40 к.,  
въ пап. 50 к., въ перепл. по 5 роман. Ц. 2 р. 80 к.

**Каждому гвоздю свое мѣсто А. Крулова.** Съ 46 рис.  
Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.  
Дѣтскій маснарадъ. Н. Азбелева. Съ 16 рис. Ц. 20 к.  
Блуждающіе огоньки. Сборн. дѣтск. рассказовъ. **Важинной.**  
Съ мног. рис. Ц. 1 р. Въ пап. — 1р.25к. Въ пер. — 1р.60к.  
Два проказника. Шуточи. разск. въ стихахъ. В. Буша. Пер.  
съ нѣм. 100 рис. 2-е изд. Цѣна въ папкѣ 50 к.

**Русскія народныя сказки въ стихахъ. А. Брячаннинова.** Съ  
предисловіемъ Н. С. Тургенева. Множ. рисунковъ.  
Ц. 2 р. Въ папкѣ 2 р. 50 к., въ переплетѣ 3 р.  
Черныя богатыри. Е. Конради. Со множествомъ рисун-  
ковъ. Ц. 2 р., въ переплетѣ 2 р. 75 к.

**Въ добрый часъ! Сборн. дѣтск. рассказовъ. А. Ликида.**  
Съ рис. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ пер. 1 р. 25 к.  
Подружки. Книжка для маленькихъ дѣтей. Сост. **Бостромъ.**  
Съ 130 рис. Ц. 75 к., въ папкѣ — 1р., въ перепл. — 1р.30к.  
Задуманные рассказы. П. Засодимскаго. Два тома съ 135  
рис. Ц. кажд. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2р.  
Хорошіе люди. В. Остроорскаго. Съ 45 рис. 2-е изд.  
Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ пер. 1р. 60 к.  
Изъ жизни и исторіи. А. Арсеньева. Съ рис. Ц. въ папкѣ  
1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.

**Послушаемъ! Дѣтскіе рассказы. А. Нольде.** 28 рис. Цѣна  
въ папкѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 35 к.

**Робинзонъ. Его жизнь и приключенія. Гейбнера.** Съ 107  
рис. Ц. 80 к. Въ папкѣ 40 к., въ перепл. 60 к.

**Донъ-Нихотъ. Сервантеса.** Сокращ. перев. для юношества.  
Съ 43 рис. Ц. 50 к., въ папкѣ — 60к., въ перепл. — 90 к.  
Наглядныя несообразности. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ).  
Ф. Павленкова. 10 листовъ (на каждомъ по 20 рис.).  
Ц. 1 р. «Объясненіе» къ нимъ 5 к.

**Математическія развлеченія. Люкаса.** Переводъ съ франц.  
Съ 55 фиг. и таб. Ц. 1 р. Въ переплетѣ 1 р. 75 к.  
Тройная головоломка. В. Обреимова. Сборникъ геометрич.  
игръ. Съ 300 рис. и 39 кастет. Ц. 1 р.

**Образовательное путешествіе. В. Ворисюфера.** Съ 73 рис.  
Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ пер. 2 р. 25 к.

**Чрезъ дебри и пустыни. В. Ворисюфера.** Съ иллюстр.  
Ц. 2 р., въ пап. 2 р. 25 к., въ пер. 2 р. 75 к.

**Сказочная страна. В. Ворисюфера.** Съ иллюстраціями.  
Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ перепл. 2 р. 75 к.

**Приключенія контрабандиста. В. Ворисюфера.** Съ иллюстр.  
Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 25 к.

**Мученики науки. Г. Тисандье.** Переводъ подъ ред. Ф. Па-  
вленкова. Съ 55 рис. 3-е изд. Ц. 1 р. 25 к., въ пер. 2 р.

**Вечерніе досуги. А. Крулова.** Съ 70 рис. 2 изд. Ц. 1 р.  
въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к.

**Научныя развлеченія. Г. Тисандье.** Пер. подъ ред. Ф. Па-  
вленкова. Съ 353 рис. 3-е изд. Ц. 1р.50к., въ пер. 2р.25к.

**Сказки Густафсона.** Съ 30 рис. Цѣна 1 р. 25 к., въ папкѣ  
1 р. 50 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к.

**На землѣ и подъ землей. Изъ воспомин. всемірнаго путеше-  
ственника. В. Галузева.** Съ рисунками. Ц. 1 р.

25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.  
До потопа. Романъ изъ жизни первобытныхъ людей.  
Рони. Съ 16 рисунками. Ц. 50 к.

**Рыжій графъ. Неразлучники. Дочь угольщика. П. Засо-  
димскаго.** Съ рисунками. Ц. кажд. кн. по 35 к.

**Живыя картины. А. Смирнова.** Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к.,  
въ папкѣ 1 р. 75 к., въ переплетѣ 2 р.

**Незабудни. А. Крулова.** Сборникъ рассказовъ. Съ 50 рис.  
Ц. 1 р. 50 к., въ пап. 1 р. 75 к., въ пер. 2 р.

**Несчастливцы. Э. Кандеза.** Съ 56 рис. Ц. 1р. 25 к., въ  
папкѣ — 1 р. 50 к., въ перепл. — 2 руб.

**20 біографіи образц. русск. писателей. В. Остроорскаго.**  
4-е изд. Съ 20 портр. Ц. 50 к., въ папкѣ 75 к., въ пер. 1



исключения сверха. *Э. Кандеза*. Съ 67 рис. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ перепл. 2 р. 50 к.  
Исторія открытія Америки. *Даме-Флери*. 3-е изд. Съ 52 рис. Ц. 75 к. въ папкѣ—1 р. въ пер.—1 р. 30 к.

### Учебныя руководства и пособія.

Алгебра. *Тодлендера*. Ц. 2 р. 50 к.  
Курсъ начальной механики. *Рыкачева*. 197 рис. Ц. 1 р. 50 к.  
Практическая геометрія. *Заболоцкаго*. Съ 300 чертеж. Ц. 60 к.  
Курсъ метеорологіи и климатологіи. *Д. А. Лачинова*. Съ 122 рисунками и 6 картками. Ц. 2 р.  
Основы химич. технологій. *Селезнева*. Съ 70 рис. Ц. 1 р. 50 к.  
Полный курсъ физики. *А. Гано*. Перев. *Ф. Павленкова* и *В. Черкасова*. 8-е изд. 1863 рис., 170 задачъ, 2 таб. спектровъ, метеорологія и краткая химія. Ц. 4 р.  
Учебникъ химіи. *Альмендингена*. 96 рис. и 140 задачъ. Ц. 2 р.  
Общепонятная геометрія. *Потоцкаго*. 143 фиг. Ц. 40 к.  
Самостоятельныя работы въ начальной школѣ. *Т. Лубенца*. 2-е дополненное изд. Ц. 15 к.  
Сборникъ самостоят. упражненій по арифметикѣ. Задачникъ для учениковъ. *С. Житкова*. Ц. 25 к.  
Методина арифметики. *С. Житкова*. 3-е изд. Ц. 75 к.  
Сборникъ арифметическихъ задачъ съчителемъ. Приложение къ «Методикѣ арифметики». *С. Житкова*. 4-е изд. Ц. 40 к.  
Начальный курсъ географіи. *Корнелла*. 11-е изданіе, съ 16-ю раскраш. картини и 82 рис. Ц. 1 р. 25 к.  
Эпизодическій курсъ всеобщей исторіи. *Кузнецова*. Ц. 1 р.  
Наглядная азбука. *Ф. Павленкова*. 800 рис. 13-е изд. Ц. 20 к.  
Объясненіе къ «Наглядной азбукѣ». *Ф. Павленкова*. 7-е изданіе. Ц. 15 к.  
Родная азбука. *Ф. Павленкова*. 8-е изд. 200 рис. Ц. 5 к.  
Руководство къ «Зернышку». *Т. Лубенца*. Ц. 50 к.  
Зернышко. Первая послѣ азбуки книга для чтенія и письма. Съ прил. церк.-славянской грамоты и многими рис. *Т. Лубенца*. Ц. 30 к. 2-я кн. Ц. 40 к.  
Азбука-шоптика. *Ф. Павленкова*. 8-е изд., 100 рис. Ц. 1 к.  
Наглядно-звуковыя прописи. *Ф. Павленкова*. 1) къ «Родному слову» Ушинскаго (400 рис.), 2) къ азбукѣ Бунакова (460 рис.), 3) къ «Первой учебной книжкѣ» Паульсона (430 рис.), 4) общія наглядно-звуковыя прописи (къ другимъ азбукамъ) (464 рис.). Цѣна каждой книжки 8 к.

Методина арифметики. *Т. Лубенца*. Ц. 30 к.  
Руководитель для воскресныхъ школъ. *А. Н. Бон*.  
Итоги народнаго образованія въ губерніи. *А. Корфа*. Ц. 30 к.  
Нашъ другъ. Книга для чтенія въ начальной школѣ. *А. Корфа*. 15-е изд., съ 200 рис. и портретами. Начальн. рус. грамматика. *Н. Буныкина*. Ц. 15 к.  
Иллюстрированная хрестоматія. *А. Тарасовскаго*. учебныхъ записокъ и младш. школьн. (съ 80 рис. и портретами). 4-е изд. Ц. 30 к.  
Церковно-славян. букварь. *Т. Лубенца*. 3-е изд.  
Руководство къ «Ц.-С. букварю». *Т. Лубенца*.  
Книга для обученія церковно-славянскому письму. *Т. Лубенца*. 2-е изд. Ц. 20 к. «Занятія по обученію по этой книжкѣ—10 к.  
Азбука домоводства и домашней галереи. *Сон*.  
Перевелъ баронъ *Н. Корфа*. Ц. 75 к.  
Триста письменныхъ работъ. Задачи для письма къ начальной школѣ. *Н. А. Корфа*.  
Первоначальное правописаніе. 40 диктовокъ и грамматическихъ правилъ. *Н. А. Корфа*.  
Сборникъ задачъ по русскому правописанію. 1) Элементарныя свѣд. о право. словъ. 2) Схематическія свѣд. о право. словъ. 3) Тарныя свѣдѣнія о знакахъ правописанія. 4) Систем. свѣдѣнія о знакахъ правописанія.  
Сборникъ арифметическ. задачъ. *Лубенца*. 15-е изд. и 3000 чиселъ, примѣровъ. Ц. 40 к.  
Сборникъ алгебраическихъ задачъ. *М. Савинова*.  
Первое знакомство съ физикой. *Герасимовъ*. 30 рис.  
Дешевый географ. атласъ. 10 раскр. картъ.  
Очерки новѣйшей исторіи. *Н. Н. Гумбольдта*. съ 57 портретами. Ц. 2 р. Въ перепл. 3 р.  
Первыя понятія о зоологіи. *Полл Бера*. Перев. проф. *Н. Мечникова*. Съ 345 рис. 2-е изд. автора. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 20 к., въ перепл. 1 р. 50 к.  
Краткій курсъ ботаники. *М. Савинова*. Съ 125 рисунками въ текствѣ. Ц. 75 к.  
Руководство къ рисованію акварелью. *Даксин*. литопажей и 6 акварелей. Ц. 1 р. 50 к.

Съ осени 1890 г. Ф. Павленковымъ издается біографическая бібліотека подъ заглавіемъ

## ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ составъ ея войдутъ біографіи 200 лицъ. Каждому изъ нихъ посвящается особая книжка, объ- емомъ 60 до 100 и болѣе страницъ, снабженная портретомъ. Къ біографіямъ путешественниковъ, художниковъ, извѣстныхъ прилагается кромѣ того карты, снимки съ картинъ и ноты. Ежемѣсячно выпускается

Цѣна каждой книжки отдѣльно—25 коп.

До мая 1894 г. вышли отдѣльными книжками 143 біографіи слѣдующихъ

*Протопопа Авакума, Андерсена, Аристотеля, Байрона, Баха, Беккариа и Бенгтама, Бёрне, Бюкена, Бьеллинка, Кара Баба, Беранже, Бетхенена, Бодана Хмельницкаго, Боккаччо, Бомарше, Боткина, Джордано Бруно, Рихарда Вагнера, Леонардо да Винчи, Волкова (основателя русск. театра), Вольтера, Воронцовыхъ, Галилея, Гарвея, Гарибальди, Гарриша, Гегеля, Гейне, Гете, Гладстона, Глинки, Говарда, Гоюля, Гриббодова, Григорія VII, А. Гумбольдта, Гуса, Гутенберга, Гюго, Дагерра и Нипса, Даламбера, Данте, Дарвина, Дарюмжскаго, кн. Дашковой, Демидовыхъ, Державина, Дефо, Дженнера, Дикенса, Достоевскаго, Жоржъ-Занда, Иоанна (художника), Иоанна Грознаго, Кальвина, Канкринна, Канта, Кантемира, Карамзина (основателя харьк. университета), Карелли, Кеплера, Копалевской, Колумба, Конфудіа, Комарова, Коперника, Барона Н. А. Корфа,*

*Крамскою, Крылова, Кюмье, Лавуазье, Лангле, Лейбница, Лермонтова, Лесселса, Лессинга, Стона, Ливкозья, Линнея, Лойбля, Локка, Де Лабелля, Макозья, Мейербергера, Микаль-Анджеля, Милтона, Мирабо, Милленича, Моцера, М. Томаса Мора, Моцарта, Никитина, Николя, Ньютона, Роберта Оуэна, Паскаля, Песталоцци, Пирогова, Писарева, Писемскаго, Потемкина, вальскаго, Прудона, Пушкина, Рабле, Рафаэля, Сакія-Муни (Будды), Салтыкова, Савонаролы, Сенковскаго, В. Скотта, Адама Смитта, Спериасфенсона и Фультона, Струве, Стэнли, Сирона, Торквемады, Уатта, Ушинскаго, Фаралла, Франклина, Цвингли, Шевченко, Шиллера, Шопена, Шумана, Щепкина, Эдисона и Морье, Эзіота, Юма, Фетотова.*

Приготавливаются къ печати біографіи слѣдующихъ лицъ:

*Аксакова, Александра II, Балзака, Бисмарка, Бокля, Вашингтона, В. В. Верещагина, Вирхова, Гайдна, Гончарова, Грахгофа, Грамовскаго, Декарта, Дидро, Добролюбова, Екатерины II, Жуковскаго, Ибсена, Карамзина, Кетле, Кондорсе, Конта, Н. И. Костомарова, Куна, Лобачевскаго, Лютера, Магомета, Макиавелли, Меншикова, Меттерниха, Мольтке, Т. Мюнцера, Напо-*

*леона I, Некрасова, Островскаго, Пастера, Платона, Н. Полевою, Радичева, Ренана, Рикардо, Ротшильдовъ, Руссо, Сенека, теса, Скобелева, Сократа, С. Соловьева, Спенсера, Станкевича, Суворова, Льюиса Толмачова, Успенскаго, Франциска-Ассизскаго, Фридриха рона, Чайковскаго, Шекспира, А. Н. Энгельса*



# СОЧИНЕНИЯ Д. И. ПИСАРЕВА.

## ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ.

Съ портретомъ автора и статей ЕВГЕНІЯ СОЛОВЬЕВА (автора біографіи Писарева).

### ТОМЪ ВТОРОЙ.

#### СОДЕРЖАНІЕ ТОМОВЪ

- 1-й ТОМЪ. Первые литературные опыты. Несоразмерная претензія. Народные епиграмы. Идеализмъ Платона. Физиологическія эскизы Мюшета. Провансъ жизни (по Фехту). Сколастича XIX вѣка. Стоячая вода. Писемскій, Тургеневъ и Гончаровъ. Женскіе типы въ романахъ Писемскаго, Тургенева и Гончарова. Библиографическія замѣтки. Меттернихъ.
- 2-й ТОМЪ. Апологонъ Тианскій. Московскіе мыслители. Русскій Донъ-Кихотъ. Волынскіе русскіе переводчики. Генрихъ Гейне. Печаль. Физиологическія картины. Базарокъ. Очерки изъ исторіи печати во Франціи. Зарожденіе культуры.
- 3-й ТОМЪ. Наша университетская наука. Историческіе эскизы. Цѣлы невинаго юмора. Мотивы русской драмы. Прогрессъ въ мірѣ животныхъ и растений. Историческое развитіе европейской мысли.
- 4-й ТОМЪ. Реалисты. Кукольная трагедія. Промахъ безърѣзной мысли. Романы кисейной дѣвушки. Сердитое безсудіе. Прогулка по садамъ русской словесности. Переломъ въ умственной жизни средневѣковой Европы. Мысли Вирхова о воспитаніи женщинъ. Педагогическіе софизмы. Разрушеніе эстетики. Школа и жизнь.
- 5-й ТОМЪ. Пушкинъ и Бѣляевскій. Подвиги европейскіхъ авторитетовъ. Посметризмъ. Подростковая гуманность. Историческія идеи Огюста Конта. Погибшіе и погибавшіе. Популяризаторы отрицательныхъ доктринъ. Изгнаны англійскіхъ мыслителей на умственные потребности современнаго общества. Лихисъ и Гензель.
- 6-й ТОМЪ. Очерки изъ исторіи европейскихъ народовъ. Образованная толпа. Борьба за жизнь. Романы Андре Лео. Старое барство. Французскій крестьянинъ 1789 г. — Приложение: Литературный провансъ во 2-му тому Сочиненій Д. И. Писарева въ 1868 году.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.  
1894.

Цѣна каждаго тома 1 рубль.



# ИЗДАНИЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА

## Литература, публицистика и законовѣдѣніе.

- Сочиненія Чирльза Динкенса** Полное собраніе. Цѣна каждаго тома (равнаго 75 журнальнымъ листамъ)—1 р. 50 к.—До 10 декабря 1893 г. вышли первые пять томовъ: 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Холодный домъ. Повѣсть о двухъ городахъ, 4) Крошка Дорритъ. Большія ожиданія. 5) Нашъ общій другъ и Оливеръ Твистъ, 6) Записки Пиквикскаго клуба. Тяжелыя времена. 7) Николай Никльби. Три святочныхъ разсказа. 8-й томъ печатается.
- Сочиненія Пушкина.** Съ портр., біографіей и 500 письмами. Полное собр. въ 1-мъ томѣ и въ 10 томахъ. Ц. 1-томнаго и 10-томнаго изд. одна и та же; безъ карт.—1 р. 50 к. Съ 44 кар.—2 р. 50 к. На лучшей бумагѣ—на 50 к. дороже. За переплетъ: для 1-томн. изд.—40 к. и 1 р. Для 10-томнаго (въ 5 пер.) 1 р. и 2 р.
- Сочиненія Лермонтова** (въ одномъ томѣ). Полное собраніе всѣхъ сочиненій. Съ портретомъ, біографіей, написанной А. М. Скабичевскимъ, и 115 рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р., въ простомъ перепл.—1 р. 40 к., въ коленкоровомъ съ золотымъ тисненіемъ—2 руб.
- Сочиненія Лермонтова** (въ четырехъ томахъ). Полное собраніе всѣхъ сочиненій. Съ портретомъ автора, его біографіей и 115 рисунками въ текстѣ. Цѣна за всѣ 4 тома 1 р., въ двухъ простыхъ переплетахъ—1 р. 50 к., въ двухъ роскошныхъ переплетахъ—2 руб.
- Сочиненія Н. Шелгунова.** Въ двухъ томахъ. Съ портретомъ автора и вступительной статьей П. Михайловскаго. Ц. 3 р., въ пер.—4 р.
- Повѣсти и разсказы И. Н. Потапенко.** Восемь томовъ. Ц. каждаго—1 р. Перепл. для 2 том. выстѣ по 75 к.
- Сочиненія Глѣба Успенскаго.** 3 изданіе въ 2 томахъ, съ портретомъ автора и статей Н. К. Михайловскаго. Ц. за два тома—3 р. Переплетъ въ 50 к. и въ 1 р.
- Сочиненія Глѣба Успенскаго.** Томъ 3-й. Ц. 1 р. 50 к.
- Сочиненія В. Рѣшетникова.** Въ двухъ томахъ, съ портретомъ автора и статей М. Протопопова. Ц. за все собраніе—2 р. 50 к. Переплетъ въ 50 к. и 1 р.
- Сочиненія А. М. Скабичевскаго.** Критическіе эюды, публицистическіе очерки, литерат. характеристики. Съ портр. автора. Ц. за все собраніе въ двухъ больш. том. (до 1700 стр.) 3 р. Перепл.—въ 50 к. и 1 р.
- Большой альбомъ въ „Сочиненіяхъ Пушкина“.** 44 иллюстраціи съ подписями, портретомъ и снимкомъ съ почерка. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к.
- Малый альбомъ въ „Сочиненіяхъ Пушкина“.** Тѣ же иллюстраціи, но меньшаго формата. Ц. въ коленкоровомъ перепл.—1 р. 25 к.
- 120 рисунковъ въ Лермонтову.** Художественный альбомъ М. Е. Малышева. Ц. въ папкѣ 50 к.
- Герои и героическое въ исторіи.** Томъ Карлейля. Перев. В. Яковенко. Ц. 1 р. 50 к.
- По волнамъ безконечности.** Астрономическая фантазія К. Фламмаріона. Съ франц. 350 стр. 2-е изд. Ц. 80 к.
- Грядущая раса.** Фантастическій романъ Эд. Бульвера. Переводъ съ англійск. А. Каменскаго. Ц. 50 к.
- Исторія французской революціи.** И. Карно. Переводъ съ франц. Около 400 страницъ. Ц. 1 р.
- Европейскіе монархи и ихъ дворы.** Politicos'a. Пер. съ англ. и дополнилъ В. Ганцовъ. Съ 16 портр. Ц. 1 р.
- Черезъ сто лѣтъ.** Соціологическій романъ Э. Беллами. 3-е изданіе, дополненное научно-предсказательнымъ очеркомъ Рише: «Куда мы идемъ?». Ц. 1 руб.
- Въ трущобахъ Англии.** (Планъ социал. борьбы съ эконом. язвнами современнаго общества) Бутса. Ц. 1 р.
- Нашъ офицерскіе суды.** Ф. Павленкова. Ц. 35 к.
- Напитанская дочка.** Повѣсть А. Пушкина. Роскошное изд. съ 188 рис. Ц. 60 к. въ пап. 75 к. въ пер. 1 р.
- Голодь.** Романъ К. Гамсуна. Съ норвежскаго. Ц. 60 к.
- Забота.** Романъ Зудермана. Съ 14 нѣм. изд. Ц. 60 к.
- До потопу.** Романъ изъ жизни первобытныхъ людей. Рони. Съ 16 рис. Ц. 50 к.
- Въ небесахъ (Uranie).** Астрономическій романъ К. Фламмаріона. Съ 89 рис. 2-е изд. Ц. 75 к.
- Новѣйшіе русскіе писатели.** Книга для домашняго чтенія. А. Цепткова. Съ 72 портр. Ц. 3 р. въ пер. 3 р. 75 к.
- Исторія новѣйшей Рус. литературы (1848—1892 гг.).** А. М. Скабичевскаго. 2-е исправленное изд. Ц. 2 р.
- Исторія русской цензуры.** А. М. Скабичевскаго. Ц. 2 р.
- Счастье и трудъ.** П. Магнетаца. 2-е изд. Ц. 75 к.
- Въ изгнѣніи.** Очеркъ о жизни и творчествѣ писателя русской литературы XIX вѣка. П. Магнетаца. Ц. 75 к.
- Выврожденіе.** Психопатическія явленія въ современной литературѣ и искусствѣ. М. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей словіемъ Р. Семетковскаго. Ц. 1 р. 60 к.
- Исторія культуры.** Линперта. Перев. съ нѣм. 85 рис. Ц. 1 р. 60 к.
- Матери великихъ людей.** Блюка. Переводъ съ нѣм. многими рисунками. Ц. 60 к.
- Долой оружіе!** Анти-военный романъ Б. Ф. Пактновое изданіе. Цѣна 80 коп.
- Подъ маской благочестія.** (Преступленія въ Римѣ). Романъ Э. Постери. Съ итальянскаго. М. Тургеневъ о русскомъ народѣ. Чтеніе для молодежи. Третомъ Н. С. Тургенева. Ц. 15 к.
- Литература и жизнь.** Письма о развѣтѣхъ Н. К. Михайловскаго. Ц. 1 руб.
- Въ поискахъ за истиной.** Макса Нордверт. Нѣмецкаго изд. Э. Зауеръ. 3-е изд. Ц. 1 руб.
- Больная любовь.** Гигіенич. романъ Мачиса. Роль общественнаго мнѣнія въ государственн. Профес. Голцендорфа. Цѣна 75 к.
- Очерки самоуправленія (земскаго, городского).** С. Приклонскаго. Ц. 2 р.
- Борьба съ земельнымъ хищничествомъ.** Бекъ И. Тимошенкова. Ц. 1 р.
- Брюхо Петербурга.** Общественно-физиологическій А. Бахтіарова. Ц. 1 р. 50 к.
- Бесѣды о законахъ и порядкахъ.** С. Горюхи А. Абрамова. Цѣна 15 к.
- Законы о гражданскихъ договорахъ, обществ. женные и объясненныя.** Составилъ В. Ф. Паданіе 4-е. Цѣна 1 р. 25 к.
- Исторія книги на Руси.** А. Бахтіарова. Съ рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к.
- Русскіе фланеры въ Парижѣ.** Попова. 2-е изд. По градамъ и весямъ. Романъ изъ исторіи на Волгодина (Засодимскаго). Ц. 1 р. 50 к.
- Обложки разбитаго корабля.** Сцены у моря. Составилъ В. Никитинъ. Ц. 1 р.

## Популярно-научныя книги.

- Наука о жизни.** Популярная физиологія телъ Келлича. Съ 91 рис. Ц. 1 р.
- Преступная толпа.** Опытъ коллективной С. Сигеле. 116 стр. Ц. 30 к.
- Пессимизмъ.** Сочленіе Джамса Селли. Позоръ всѣхъ пессимистическихъ учений. Пискаго подъ редакціей В. Яковенко. Цѣна Философія Герберта Спеснера, въ сокращ. изд. лима. Перев. съ англійскаго И. Мокіева
- Законы подражанія.** Тарда. Пер. съ фр. Ц. Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. А. Альмедина На всякій случай! Научно-практическіе совѣты хозяйкамъ. А. Альмедина. Ч. 2-я. Ц. Гигіена женщины. Д-ра М. Тило. Ц. 40 к. Гигіена семьи. Гебера. Переводъ съ нѣм. Берегите легкія! Гигіеническія бесѣды д-р. Съ 30 рисунками. Цѣна 75 к.
- Уходъ за больными дѣтьми.** Д-ра Э. Перье. франц. Ц. 50 к.
- Сохраненіе здоровья.** Общая гигиена въ жизни. Д-ра Эйдма. Съ 7 рис. Ц. 40
- Дѣтскій докторъ.** Популярное руководство и воспитателей. Д-ра Варіо. Перев. съ редакціей проф. Пономарева. Со мног.
- Бантерія и ихъ роль въ жизни человѣка.** Перев. съ нѣм. съ 35 рис. Ц. 1 р.
- Предсказаніе погоды.** Г. Далле. Переводъ Съ 40 рисун. Цѣна 1 р. 25 к.
- Дарвинизмъ.** Э. Ферье. Переводъ съ франц. изложеніе ученія Дарвина. Ц. 60
- Жизнь на Сѣверѣ Югѣ (отъ полюса до экватора).** Дополн. къ его сочин. „Жизнь животн.“. Съ 1-мъ Первобытные люди. Дебера. Перев. съ франц. Ц. 84 рис. Ц. 1 р.
- Фабричная гигиена.** Святловскаго. Съ 153 рис. Усталость. Популярно-научныя бесѣды у Перев. М. Манассиной. Съ 30 рис.
- Рабочій вопросъ.** Его значеніе въ ист.



*Pisarev, D. I.*

СОЧИНЕНІЯ  
**Д. И. ПИСАРЕВА.**

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ  
**ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ.**

---

**ТОМЪ ВТОРОЙ.**

---

**Цѣна каждаго тома 1 рубль.**

---

Портретъ автора и статья о его литературной дѣятельности  
помѣщены при шестомъ томѣ.

---

**Издание Ф. Павленкова.**

---

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.  
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.  
1894.







# ОГЛАВЛЕНІЕ.

---

1861.

СТРАН.

Аполлоній Тианскій . . . . . 1—164

1862.

Московскіе мыслители . . . . . 165—214

Русскій Донъ-Кихоть . . . . . 215—284

Вольные русскіе переводчики . . . . . 235—252

Генрихъ Гейне . . . . . 253—304

Пчелы . . . . . 305—326

Физиологическія картины . . . . . 327—372

Базаровъ . . . . . 373—420

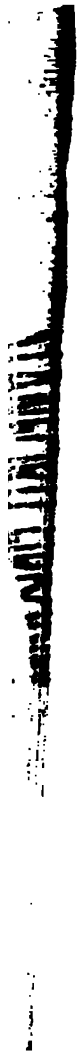
Очерки изъ исторіи печати во Франціи . . . . . 421—496

1863.

Зарожденіе культуры. . . . . 497—616









## АПОЛЛОНИЙ ТИАНСКИЙ.

онія древняго римскаго общества, въ его политическомъ, нравственномъ и религіозномъ состояніи.

### ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Аполлоній Тианскій, извѣстный намъ по сочиненію Филострата и по немногимъ отрывочнымъ отрывкамъ другихъ писателей, былъ практическій философъ пифагорейской школы, пытавшійся путемъ обновленія нравственности и религіи оживить умиравшее общество, и сдѣлать людей гражданами и гражданами людьми. Какъ реформаторъ, онъ приходилъ въ столкновеніе со всѣмъ существовавшимъ порядкомъ вещей; и нравственная жизнь частныхъ лицъ, и проявленія духовной жизни цѣлыхъ обществъ обращали на себя его вниманіе. Чѣмъ шире былъ кругъ его дѣйствій, тѣмъ болѣе нужно для правильной оцѣнки его личности и стремленій составить себѣ хотя приблизительно понятіе о фیزیономіи тогдашняго общества и человѣка; на этомъ основаніи я считаю необходимымъ остановиться болѣе подробно на тѣхъ сторонахъ римско-греческаго быта, которыя обуславливали собою дѣятельность Аполлонія, и едва коснусь многихъ другихъ, можетъ быть, болѣе важныхъ, но не имѣющихъ тѣсной связи съ моимъ предметомъ.

Направленіе предпринятой Аполлоніемъ работы было религіозно-нравственное; онъ хотѣлъ вѣствовать на своихъ современниковъ изнутри; къ вопросамъ практической нравственности онъ относился прямо и рѣшительно; въ общественной области онъ чувствовалъ себя хозяиномъ и принималъ работы мысли и голоса нравственныхъ чувствъ не мнѣніемъ большинства, ни авторитетомъ преданія. Къ вопросамъ религіозной догматики онъ относился настолько, насколько догматы обуславливали собою жизнь. Отвлеченному разуму, внѣшнему обряду онъ не придавалъ большого значенія, и въ большей части случаевъ оставалъ неприкосновенными существующія формы. Политическіе и страстиѣ относился онъ къ политическимъ вопросамъ своего времени; но и какъ

публицистъ, Аполлоній остается учителемъ практической нравственности. Въ идеальномъ древняго человѣка входило такъ много чертъ гражданина, что тѣ формы, въ которыя вылилась общественная жизнь, не могли не обращать на себя вниманіе мыслителя-моралиста. Въ доказательство неизбѣжности такого соприкосновенія между нравственностью и государственными формами, достаточно будетъ назвать сочиненіе Платона: «*de republica*» и Аристотеля: «*Politica*». Столкновенія Аполлонія съ властями были вызваны необходимостью; онъ не хотѣлъ производить революціи, или по крайней мѣрѣ революція не была цѣлью его жизни, потому что цѣль его была и шире, и глубже, и достойнѣе мыслящаго человѣка. Аполлоній не составлялъ никакихъ проектовъ для преобразованія государства; его болѣе занимала жизнь отдѣльной личности, и онъ возставалъ противъ тиранніи настолько, насколько она подавляла свободное развитіе духовныхъ силъ и независимое отправленіе гражданскихъ и человѣческихъ добродѣтелей. Итакъ важнѣе всего была для Аполлонія мыслящая и дѣйствующая личность человѣка; все остальное болѣе или менѣе является въ его глазахъ обстановкою, оказывающею значительное вліяніе на главный предметъ, но не имѣющею самостоятельнаго интереса. Слѣдовательно, чтобы познакомиться съ полемъ его дѣятельности, мы должны составить себѣ понятіе о томъ, какъ думалъ, чувствовалъ и поступалъ человѣкъ, жившій въ эпоху паденія язычества. Для этого я очерчу наружную обстановку его жизни, начиная съ самаго внѣшняго, съ правительства, и постепенно переходя къ болѣе внутреннимъ, семейственнымъ отношеніямъ, потомъ постараюсь разсмотрѣть вліяніе этой внѣшней обстановки на внутреннее сознаніе, и наконецъ кончу изображеніемъ этого внутренняго сознанія, какъ высшаго и послѣдствія результатовъ внѣшнихъ условій жизни.



## I.

Вступленіе на престолъ Тиверія, рассказанное Тацитомъ въ началѣ его лѣтописи, бросаетъ яркій свѣтъ на отношеніе императорской власти къ народу и на взглядъ народа на императорскую власть въ началѣ перваго вѣка христіанской эры. — Октавіанъ Августъ былъ самодержавнымъ государемъ *de facto*, а не *de jure*; побѣда надъ совѣстниками, подобными Антонію и Лепиду, и надъ противниками по принципу, подобными Бруту и Кассію, доставило счастливому полководцу фактическое господство; искусная политика, умѣнье льстить народу и войску, и держать въ страхѣ аристократію, удерживало за нимъ эту пріобрѣтенную власть. Но самодержавіе Августа было все-таки единичнымъ случаемъ, не оправданнымъ никакимъ общимъ правиломъ; убійцы Цезаря не считались государственными преступниками, и Августъ не былъ наслѣдникомъ своего дяди. Власть его принадлежала только его личности и не успѣла еще перейти въ отвѣченное понятіе. Любопытно было знать, что случится послѣ его смерти: распадутся ли соединенныя имъ должности, уничтожится ли имперія, или вторичное соединеніе этихъ должностей въ одномъ лицѣ укрѣпитъ въ народномъ сознаніи возникающее понятіе императорской власти. Тутъ много зависѣло отъ личности преемника Августа; нужно было дѣйствовать рѣшительно и осторожно, такъ чтобы новая идея созрѣвала и крѣпла подъ защитою старыхъ формъ, нарушеніе которыхъ могло встревожить народъ и вызвать изъ рядовъ его новаго Брута. Тиверій понималъ свою роль и потому его поступки носятъ на себѣ печать двойственности, выходящей отчасти изъ его положенія, отчасти изъ самаго характера. За проявленіемъ дерзкаго произвола слѣдуетъ постоянно выраженіе самаго глубокаго благоговѣнія передъ существующимъ порядкомъ вещей. Тотчасъ послѣ смерти Августа онъ самовольно принимаетъ начальство надъ войскомъ и вслѣдъ затѣмъ отказывается отъ предлагаемаго ему императорства; онъ именемъ покойнаго Августа приказываетъ убить Агриппу Постума, и тотчасъ же отрекается отъ своихъ словъ и говорить центуріону, исполнившему его волю, что «онъ не приказывалъ и что, объ этомъ надо отдать отчетъ передъ сенатомъ». На дѣлѣ онъ ворушаетъ всѣмъ государствомъ; по формѣ онъ дѣлаетъ все черезъ консуловъ. Въ то же время онъ произвольно назначаетъ себѣ тѣлохранителей и пишетъ приказы по арміи. Смѣлость въ поступкахъ и робость въ словахъ характеризуютъ собою всю его политику. Что эта политика обманывала не многихъ или по крайней мѣрѣ далеко не всѣхъ, на это мы имѣемъ доказательство въ томъ же рассказѣ Тацита. Римская чернь была равнодушна къ формамъ управленія; она вся была занята матеріальными заботами о про-

питаніи и о грубыхъ чувственныхъ удовольствіяхъ; Августъ сдерживалъ ее различными и уже одно это обстоятельство доказываетъ, что чернь эта была матеріальная сила, громадная слѣпая, которую надо было постоянно держать въ виду, но на которую нельзя было вѣрить, которой неосновательно было бояться. Въ ней могъ всякій умный правитель; на эту массу былъ бдительный надзоръ, да еще значительныя денежные траты, чтобы кормить ее хлебомъ и забавлять зрѣлищами. Тиверій дѣлалъ на ея привязанность къ личности дому Августа; онъ понималъ, что любой изъ нихъ можетъ въ удобную минуту увлечь ее за собою и потому распорядился, чтобы погребальныя церессія Августа была прикрыта воспоминаніемъ о домѣ.

И дѣйствительно, въ высшихъ слояхъ общества ходили о семействѣ Августа такіе разговоры, которые ясно показывали, что Римляне не цѣнили своихъ сатирическихъ способностей и что при удобномъ случаѣ не будетъ недостатка въ предводителяхъ народной партіи. — И такъ часть народа, масса, была равнодушна къ политическимъ переворотамъ, тѣмъ болѣе, что одинъ правитель не покушался на ея матеріальное благосостояніе. Образованная же часть общества смотрѣла на личность и дѣйствія Тиверія недоувѣреннымъ и со страхомъ, но понимала, что этихъ чувствъ высказывать нельзя, потому что новый императоръ, по словамъ Тацита, «испытываетъ каждое слово, каждое выраженіе и перетолковываетъ ихъ въ преступленіе». Тиверій и сенатъ хорошо понимали другъ друга и играли свои роли. Тиверій не говорилъ ни о чемъ, а сенатъ угадывалъ, что надо просить его о чемъ-нибудь; на ихъ просьбы Тиверій отвѣчалъ «что только духъ божественнаго Августа способенъ нести такое бремя; что одному вѣку не по силамъ управлять всѣмъ, что нечеловѣческія усилія многихъ успѣшнѣе его одно ведутъ государственныя дѣла». Тутъ, какъ видно, шло дѣло не о томъ, кому быть императоромъ, а о томъ, быть ли вообще императору. Впрочемъ это нисколько не доказываетъ того, чтобы существованіе имперіи въ то время могло быть вопросомъ, и чтобы сенатъ былъ въ состояніи рѣшить этотъ вопросъ утвердительно или отрицательно. Тиверій зналъ, что сенатъ скажетъ, что прикажетъ онъ, — всемогущій началъ войска, и что слѣдовательно сенаторамъ въ самомъ концѣ всего узнать его истинный образъ мыслей притворство сбывало ихъ съ толку, и они знали, что дѣлать: оставить ли его въ тишинѣ или продолжать упрашивать. Тиверію было необходимо, чтобы сенаторы не принимали его за чистую монету, и потому, желая показывать имъ своимъ, что онъ отказывается отъ императорства, онъ упомянулъ въ своемъ отвѣтѣ для виду, онъ упомянулъ въ своемъ отвѣтѣ о возстановленіи республики и далъ такимъ



на выборъ или сдѣлать его императоромъ, уничтожить императорскую власть. Второе то невозможно: это доказано послѣдующею исторіею, хоть бы напримѣръ воцареніемъ Клавдія, сознаніе этой невозможности существовало въсѣхъ благоразумныхъ и хладнокровно разсуждавшихъ людяхъ того времени. Еще въ началѣ единодержавія Августа «ни одинъ благоразумный человѣкъ, говоритъ Нибуръ, не пожелалъ бы возстановленія республики, если бы оно не было возможно».

Дилемма, поставленная Тиверіемъ, подтверждаетъ мнѣніе знаменитаго критика. Тиверій не хотѣлъ на выборъ сенату сдѣлать императоромъ или кого нибудь другого, хотя Августъ, которому онъ официально питалъ религіозное уваженіе, положительно назвалъ людьми способными занять его мѣсто М. Лепида и Л. Арундія. Онъ не только не назвалъ этихъ именъ, но и старался всѣми возможными средствами побороть эти личности. Стало быть, онъ предлагалъ спублику только потому, что убѣжденъ былъ въ невозможности и кромѣ того былъ увѣренъ въ томъ, что эту невозможность сознавали и его умателіи. Сенаторы играли комедію по необходимости, по волѣ Тиверія; кто сбивался съ роли, ему приходилось плохо. Л. Катерій некстати спросилъ у него: «Долго ли ты, цезарь, оставишь государство безъ главы?» и за это, нѣсколько времени спустя, во дворцѣ, на глазахъ у Тиверія, былъ самымъ грубымъ образомъ оскорбленъ его вѣхранителями. Мамеркъ Скавръ далъ замѣтить, что онъ понимаетъ Тиверія: «Есть надежда, сказалъ онъ, что просьбы сената не будутъ напрасны, потому что онъ (Тиверій) не противился предложенію консуловъ своею трибунскою властью». За это сенаторъ Скавръ попалъ въ нѣлюсть; Тиверій никогда не прощалъ, но и никогда не наказывалъ точно; 18 лѣтъ спустя, въ 32 году по Р. Х., Скавръ былъ обвиненъ въ оскорбленіи величества, и «Тиверій взялъ его дѣло въ себѣ, говоря, что самъ изслѣдуетъ его въ сенатѣ, и при этомъ зловѣщимъ образомъ отозвался на Скаврѣ; черезъ два года судъ возобновился, и Скавръ лишился себя жизни, чтобы избѣжать казни. Замѣчу впрочемъ, для соблюденія исторической вѣрности, что Тиверій и прежде не люилъ Скавра, который, какъ талантливый трагическій писатель и человѣкъ безукоризненной нравственности, съ одной стороны возбуждалъ его подозрительность, съ другой оскорблялъ его притворною добродѣтью. — Разыгрывая свою государственную комедію, Тиверій самъ направлялъ актеровъ и какъ бы подсказывалъ роли тѣмъ, кто сбивался по простодушію и въ комъ онъ не подозрѣвалъ злого умысла или блестящихъ способностей». Въ то время, когда сенатъ унижался до самыхъ раболопныхъ упрасиваній, Тиверій сказалъ случайно: «я не способенъ управлять всѣмъ, но я согласенъ завѣдывать тою частью, которую

мнѣ поручать». — «Я спрашиваю тебя, цезарь, сказали тогда Азиній Галлъ, какую же часть управленія ты хочешь на себя принять?» — Это была грубая ошибка со стороны Азинія Галла; онъ этими словами показывалъ, что считаетъ возможнымъ раздѣленіе власти и возвратъ къ республикѣ, показывалъ то, чего онъ вѣроятно никогда и не думалъ. Тиверій смутился этимъ неожиданнымъ вопросомъ, но потомъ оправившись отвѣчалъ: «мнѣ, при моей скромности, не пристало выбирать или отклонять что нибудь изъ тѣхъ обязанностей, отъ которыхъ мнѣ всего пріятнѣе было бы вовсе отказаться». Въ этомъ замѣчательно-дипломатическомъ отвѣтѣ, Тиверій ясно намекнулъ Азинію, что нераздѣльность тѣхъ должностей, которыя соединилъ въ своемъ лицѣ Августъ, составляетъ основной догматъ, article de foi, и что нарушителямъ его грозитъ высочайшая немилость. Галлъ понялъ, что онъ сдѣлалъ ошибку, понялъ это и по словамъ Тиверія, и по выраженію его лица, и поспѣшилъ, насколько было возможно, поправиться. — «Я не затѣмъ предложилъ этотъ вопросъ, началъ онъ, чтобы раздѣлять то, что не можетъ быть раздѣлено, но чтобы ты самъ подтвердилъ своимъ словомъ, что одно государственное тѣло должно управляться однимъ духомъ». Этихъ словъ Азинію показалось мало, чтобы загладить неумѣстную выходку; онъ началъ хвалить Августа и распространялся о военныхъ подвигахъ Тиверія, но и это не помогло. Тиверій вообще подозрѣвалъ въ немъ либеральныя наклонности и взялъ его на замѣчаніе. Черезъ 19 лѣтъ, когда обвиненія въ оскорбленіи величества сдѣлались особенно многочисленны и смертельны, Азиній Галлъ былъ обвиненъ, и не надѣясь выпутаться, уморилъ себя голодомъ. Итакъ Тиверій и сенаторы были актерами. Тиверій дирижировалъ ходомъ всей пьесы; сенаторы говорили противъ своего желанія, противъ убѣжденія, сознавая, что и Тиверій притворяется, что онъ видитъ и цѣнитъ по достоинству ихъ притворное усердіе. При этомъ, они еще сами не знали, чѣмъ это все кончится, потому что Тиверій былъ непроницаемъ и за малѣйшую догадку о его истинныхъ намѣреніяхъ могъ серьезно возненавидѣть и современемъ погубить. Сенатъ былъ такимъ образомъ пассивенъ и не смѣлъ даже передъ самимъ собою сознаться въ этой пассивности; онъ долженъ былъ прикрывать своимъ заслуженнымъ семисотлѣтнимъ авторитетомъ проявленія чужого, единичнаго произвола; онъ долженъ былъ передъ народомъ нести отвѣтственность въ поступкахъ, которые дѣлалъ другой и которыхъ онъ часто не зналъ во всемъ ихъ объемѣ; сенатъ былъ орудіемъ и долженъ былъ постоянно притворяться всемогущею, разумною политической личностью. Римская аристократія выносила все это, и люди, подобные благородному Тразеѣ Пету, являлись рѣдко и составляли исключительныя явленія, не имѣвшія подъ собою почвы и



погибшія со славою, но бесплодно. Въ Римѣ, при императорахъ, человѣкъ богатый и знатный былъ подверженъ самымъ разнообразнымъ опасностямъ. Во-первыхъ, его богатства возбуждали въ доносчикахъ желаніе оклеветать его, чтобы воспользоваться частью его конфискованнаго состоянія. Во-вторыхъ, онъ стоялъ на виду, и власти смотрѣли на него съ негодованіемъ, слѣдя за каждымъ шагомъ его и перетолковывая въ худую сторону каждое дѣйствіе. Если онъ велъ распутную жизнь, императоръ, властью цензора, могъ исключить его изъ сенаторовъ и всадниковъ; если онъ занимался науками, его считали человѣкомъ опаснымъ, потому что направленіе философіи вообще и стоической школы въ особенности было ненавистно правительству и дѣйствительно находилось въ оппозиціи, какъ съ правительствомъ, такъ и съ религіей. Если онъ не приносилъ жертвъ, его обвиняли въ безбожьи; если онъ не клялся именемъ Августа, Тиверія, Поппея, то его обвиняли въ безбожьи и въ мятежѣ; если онъ, будучи сенаторомъ, не посѣщалъ куріи, и это ставилось ему въ вину. Если, присутствуя въ сенатѣ, онъ молчалъ, это могло быть принято за признакъ гордости и неудовольствія. Если онъ говорилъ по убѣжденію, то опала была неминуема, а за опалою слѣдовала обыкновенно придирака къ какой нибудь мелочи, обвиненіе въ оскорбленіи величества, конфискація имущества и казнь; причемъ единственною милостью было иногда позволеніе выбрать себѣ родъ смерти. Приговоры издавались отъ имени сената и даже процессъ обесуживался самими сенаторами; императору даже не нужно было нарушать законнаго порядка; рабство римскаго вельможи, отмѣченное Тацитомъ, было такъ безпредѣльно, что онъ могъ противъ убѣжденія быть не только палачомъ, но даже судьей и присяжнымъ. Тразеа Петъ былъ осужденъ при Неронѣ своими товарищами, съ которыми онъ могъ сидѣть рядомъ въ тотъ самый день, когда Капитонъ Коссуціанъ собирався произнести свою обвинительную рѣчь; онъ былъ осужденъ людьми, которые всѣ безъ исключенія его уважали, потому что его уважалъ самъ Неронъ, потому что онъ былъ «сама добродѣтель»; вѣроятно, многіе изъ этихъ людей его любили, потому что Тразеа былъ человѣкъ кроткій, честный и незапасчивый. Это показываетъ намъ, что аристократія была совершенно ничтожна, какъ матеріальная и нравственная сила. Народу до нея не было дѣла; пролетаріи обѣдали богачей, но богачи отцуждали своимъ кліентамъ ихъ *спортулы* и принимали ихъ за свои обѣды съ такимъ наглымъ пренебреженіемъ, которое желудокъ кліента могъ переварить, но которое никакъ не могло заронить въ нихъ чувство преданности и вѣрности. *Pietas* кліента къ патрону, считавшаяся въ лучшие годы республики такою же обязательною добродѣтью, какъ *pietas* сына къ отцу, отошла въ область прошедшаго вмѣстѣ съ

вызвавшею ее потребностью взаимной помощи и защиты. Народъ любилъ, правда, вѣрныхъ честныхъ дѣятелей, но въ минуту опасности ничего не дѣлалъ для ихъ спасенія. Подруга Тразеа Пета доходила до того, что когда онъ посѣщалъ курію, то ежедневный народный гимнъ (*diurna populi Romani*) усердно читалась въ провинціяхъ и во всѣхъ лагеряхъ, потому что всѣ тревожно старались узнать, какому дѣлу шло помимо согласія Тразеа Пета. И эта блестящая популярность только ускорила паденіе знаменитаго сенатора: она обратила на него доброжелательное вниманіе власти и потому поддержала его въ критическую минуту. На что же могла опереться аристократія? Тамъ были тысячи рабовъ, но рабы, по словамъ лучшихъ мыслителей древности, — живые орудія, притомъ личные враги своихъ господъ. Имъ могли только угождать всѣмъ прихотямъ своего господъ, сносить побои, умирать по приговору господина на крестѣ, или, если дѣло шло иначе, являться доносчиками на своего господъ, или же выдерживать пытку и извѣстныя пытки, въ бреду страданія, высказывая тайны и наговаривать на нихъ разныхъ небезвѣстныхъ. Внутри себя, римскій вельможа тоже не имѣлъ твердой опоры, способной поддержать его въ борьбѣ съ произволомъ и несправедливостями. Люди наперерывъ старались льстить властямъ, и нѣкоторые изъ нихъ, напр. Вителлій, дошли въ этомъ отношеніи до невѣроятной изобрѣтательности; «онъ, рассказываетъ Светоній, переносилъ К. Кесаря (Калигулу) богомъ, и стоилъ поклоняться ему; когда Калигула возвращался изъ Сиріи, Вителлій не иначе осмѣливался приближаться къ нему, какъ закрывъ голову и отираясь, а потомъ падая ницѣ». Чтобы понравиться Клавдію, преданному женамъ и водамъ отпущеннымъ, онъ просилъ у Мессалины, съ высшей милости, позволенія снять съ нея башмаки; снявъ правый башмакъ, онъ постоянно сталъ носить его между того и туниками, и неоднократно прикладывалъ его къ губамъ. Число своихъ домашнихъ боговъ онъ обоимъ золотымъ изображеніямъ Нарцисса и Палласа, съ которыми Клавдій находился въ связи. Присутствуя Клавдія на устроенныхъ имъ въ домахъ играхъ (*ludi saeculares*), онъ сказалъ извѣстное слово: *Saepe facias!* (устраивай почаще!) Видя тутъ, что лезть вошла Вителлію въ привычку, сдѣлалась насущною потребностью его прараба такъ что при государѣ, не любящемъ льстить, ему было бы трудно удержаться отъ униженія своего человѣческаго достоинства. Такихъ и почти такихъ Вителліевъ было много, и потому ихъ рабскія ужимки болѣею частью пропадали даромъ и только нортили и безъ того уже зачухавшій нравъ императоровъ Юліева дома. Мудрецы, что слабыя головы Калигулы, Клавдія и Нерона закружились въ этомъ чадѣ куренія, на э



достигаемой высотѣ, на которой они стояли одни для всего человѣчества? Мудрено ли, что Кагула, въ которомъ, по справедливому замѣчанію Шмидта, воплотилось сумашествіе деспотизма, серьезно вообразилъ себя богомъ и становился на поклоненіе толпы въ пластическую позу яду статуями Кастора и Поллукса. Деспотизмъ возвращалъ римскихъ гражданъ, но и граждане свою очередь развращали своихъ деспотовъ, давая одному человѣку право презирать все чело-вѣчество. Были свѣтлыя исключенія и между римскими цезарями, и между римскими вельможи, но они оставались особнякомъ, и не про-водили никакого цѣлительнаго вліянія на сво-ихъ современниковъ и на потомство. Возмож-но существованія и царствованія Домиціана и Тита, и Коммода послѣ Марка Аврелія до-казываетъ ясно, что въ римскомъ народѣ не было никакой силы, никакой инициативы. Онъ тер-пѣлъ, какъ огромный животный организмъ; когда онъ былъ слишкомъ силенъ, онъ дѣлалъ судорожное, болѣе частое мѣстное движеніе, и по-слѣ впадалъ въ ту же летаргическую апатію. При Тиверіѣ (въ 32 г. по Р. Х.) хлѣбъ сдѣ-лся слишкомъ дорогъ, и народъ сталъ роптать; императоръ былъ осторожный и хитрый поли-тикъ, но онъ не считалъ нужнымъ ласкать народъ. Лишь приняты строгія мѣры военного деспотизма, терпѣніе немедленно утихло, а консулы поставили даже въ вину ея унылое молчаніе. Впрочемъ черныя правители обходились всегда осто-рожно, и самъ Тиверій рѣшился употребить кру-тыя мѣры, опираясь на то, что при немъ выдача денегъ производилась гораздо чаще и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ при Августѣ. Но вообще говоря, тупое, бесплодное терпѣніе, не-основанное ни на какой надеждѣ въ будущемъ, не имѣющее никакой высшей идеи, терпѣніе, исходящее отъ недостатка самоуваженія и от-сутствія нравственной энергіи, терпѣніе инерціи, постоянно соединенное съ малодушіемъ и ни-цостью, составляетъ самую общую черту рим-скихъ подданныхъ. Это терпѣніе однакожъ не пало имъ выдавать своихъ друзей, родствен-никовъ и единомышленниковъ. Слѣдствіе по за-вору Пизона выставило самымъ яркимъ обра-зомъ всю дряблость римской аристократіи. Ми-ръ, рабъ Антонія Наталя, донесъ объ этомъ императору Нерону. Наталь долго отпирался, но въ только ему погрозили пыткой, онъ ука-залъ на Пизона и на Сенеку; остальныхъ вы-пустилъ, Сцевинъ, думавшій, что уже все откры-то, сжегъ всѣхъ крѣпился Луканъ, Квинтіанъ и Сенеціонъ. Но когда имъ обидѣли полное про-щаніе, Квинтіанъ и Сенеціонъ назвали ближай-шихъ друзей своихъ, а Луканъ выдалъ старуху свою, Атилла. Ободренные капитальными показаніями аристократовъ, слѣдователи думали, что всѣ подробности дѣла расскажетъ имъ воль-нолюбивая Эпихарида, соучастница заговора,

выданная Волузіемъ Прокломъ. Ее стали пытаться, но усердіе слѣдователей разбилось о твердость женщины; ее жгли на медленномъ огнѣ, били плетью, но она не назвала никого, и на другой день, когда ее въ носилкахъ несли на вторичное истязаніе, удушилась косынкою. Изъ этого ни-какъ нельзя заключить, что высшіе классы были хуже низшихъ. Изъ этого можно вывести одно заключеніе, что проявленіе твердости и добродѣ-тели относились въ то время къ случайностямъ, составлявшимъ личную принадлежность отдѣль-ныхъ людей, и не обуславливались ни степенью образованія, ни положеніемъ въ обществѣ, ни эпохою, ни народностью. Вся политическая фи-зиономія эпохи производитъ самое тяжелое впе-чатленіе; разрозненные примѣры бесплодно по-гибающей добродѣтели усиливаютъ безнадеж-ность; изъ этихъ примѣровъ становится виднѣе безсиліе лучшихъ началъ чело-вѣческой нрав-ственности; добро является обыкновенно единич-ною вспышкой и ни разу не дѣлается принци-помъ; оттого на римскомъ престолѣ являются хорошіе государи, но въ римскомъ народѣ не за-мѣтно ни одного хорошаго движенія. Благородная душа Тацита глубоко страдала въ то время, когда онъ описывалъ ужасныя злодѣянія и еще болѣе ужасную апатію. Можетъ быть нигдѣ эти стра-данія не выразились съ такою трогательною си-лою, съ такою неподдѣльною искренностью, какъ въ 16 главѣ XVI книги его лѣтописи. Онъ раз-сказываетъ въ предыдущихъ главахъ о поступ-кахъ Нерона и Тигеллина и вдругъ прерываетъ свое повѣствованіе лирическимъ отступленіемъ: «Еслибы я съ такимъ однообразіемъ подробностей упоминалъ даже о войнахъ съ врагами отечества и о гражданахъ, умирающихъ за общее дѣло, то мною овладѣло бы пресыщеніе и я предположилъ бы скуку въ читателѣ, котораго утомить кон-чины гражданъ, честныя, но печальныя и одно-образныя. Но здѣсь рабское терпѣніе и столько крови, потраченной дома, утомляющія душу и на-водящая грусть. Отъ тѣхъ, кто узнаетъ эти собы-тія, я потребую только одной милости: дайте мнѣ силы не презирать тѣхъ людей, которые поги-бали такъ безславно. Гнѣвъ боговъ противъ Рима былъ слишкомъ ужасенъ, чтобы разразиться раз-омъ въ пораженіи войска или въ потерѣ нѣ-сколькихъ городовъ».—Я взялъ такимъ обра-зомъ изъ сочиненія Тацита нѣсколько сценъ и картинъ, въ которыхъ выразилось довольно ярко нравственное вліяніе римскихъ императоровъ. Колоритъ этого вліянія измѣнялся съ лично-стями, вступавшими на императорскій престолъ. Конечно, дворъ Калигулы, Домиціана или Ком-мода не былъ похожъ на дворъ Тита, Траяна или Марка Аврелія; и то обстоятельство, что от-дѣльная личность могла оказывать такое вліяніе на всѣ отрасли духовной жизни образованнаго міра доказываетъ ясно, какъ слабо было бѣшеніе жизненнаго пульса въ огромномъ организмѣ рим-



ской имперіи. Императоръ поступалъ самъ и заставлялъ не только поступать, но и говорить и думать другихъ, какъ ему было угодно. Аруленъ Рустикъ пострадалъ за то, что похвалилъ Тразея Пета при Неронѣ; Геренній Сенеціонъ за то, что отозвался съ уваженіемъ о Гельвидіѣ Прискѣ; сочиненія того и другого были сожжены на форумѣ. «Этимъ огнемъ, говорятъ Тацитъ, они думали уничтожить голосъ римскаго народа, свободу сената и сознаніе человѣческаго рода; они прогнали учителей мудрости, послали въ ссылку науку и искусство, чтобы не могло быть совершенно ничто честное. Точно, мы представили великое доказательство терпѣнія; какъ время нашихъ предковъ видѣло крайній предѣлъ свободы, такъ мы дошли до крайней границы рабства, потому что шпіонство отняло у насъ возможность и говорить, и слушать. Мы бы вмѣстѣ съ голосомъ потеряли и память, если бы было настолько же въ нашей власти забывать, насколько молчать. Теперь наконецъ возвращается дыханіе; при самомъ началѣ блаженнѣйшаго вѣка, Нерва Цезарь соединилъ то, что до него считалось несоединимымъ, — монархію и свободу; Нерва Траянъ ежедневно увеличиваетъ счастье имперіи; общественная безопасность перестала быть предметомъ желаній и надеждъ; — она перешла въ увѣренность и окрѣпла; но, по слабости человѣческой природы, лекарства дѣйствуютъ медленно: болѣзни; тѣла растутъ медленно, а угасаютъ быстро; легче подавить дарованіе и науку, чѣмъ снова вызвать ихъ къ жизни. Подъ конецъ самое бездѣйствіе дѣлается пріятнымъ. Покой, ненавистный прежде, обращается въ любимую привычку. Да! втеченіе пятнадцати лѣтъ (а это много для человѣческаго вѣка) многіе померли случайно, а кто былъ поспосовѣе, погибъ отъ жестокости властелина! Намъ немного, и мы пережили не только другихъ, но и самихъ себя; изъ срединъ нашей жизни вырвано столько лѣтъ, что изъ юношей мы сдѣлались стариками, и состарѣвшись, въ молчаніи дошли до самыхъ предѣловъ кратковременнаго существованія».

Вотъ голосъ честнаго и талантливаго человѣка, пережившаго на себѣ нѣсколько разнохарактерныхъ эпохъ, видѣвшаго Тита, Домиціана и Траяна. Замѣтно по его тону, что онъ считаетъ деспотизмъ цезарей главнымъ источникомъ бѣдствій; онъ ищетъ ему объясненія, но, не рѣшаясь заклеить своихъ соотечественниковъ и отказать всему римскому народу въ жизненной силѣ и въ надеждѣ на обновленіе, онъ часто, въ исторіи и въ лѣтописи своей, останавливается въ нерѣшимости, тревожно ищетъ отвѣта, и наконецъ съ мрачною покорностью говорить, что это *воля боговъ* и проявленіе ихъ гнѣва. Онъ любитъ свой народъ, страдаетъ за него; у него не поднимается рука, чтобы бросить въ него, хотя и не первый камень, но порою негодованіе беретъ верхъ надъ всеми остальными чувствами; историкъ дѣлается

лирикомъ, и страстное обличеніе страсти фразами вырывается прямо изъ души; иногда оно смѣняется горькою улыбкой и крѣпкому, холодному презрѣнію. Високи ли мысто не носить на себѣ этого характера? Историкъ сочувствуетъ угнетенному народу, забывая, что самъ онъ въ другихъ случаяхъ готовъ былъ презирать людей, поступавшихъ такъ хладнокровно. Здѣсь онъ сравниваетъ тяжелую эпоху Домиціановаго террора съ лучшими днями настоящаго; онъ говоритъ: «возвращается дыханіе»; но между тѣмъ идите въ его слова, слышатся ли въ нихъ вые звуки радости за настоящее и тихія надежды на будущее? Обращается ли онъ, въ о тѣхъ пятнадцати годахъ, которые были для него и для его сверстниковъ, къ какому поколѣнію, къ будущимъ людямъ и гражданамъ, для которыхъ громко и смѣло звучатъ истины? Тацитъ не эгоистъ, онъ думаетъ о томъ, какъ доказываетъ самый истинный трудъ его, какъ доказываютъ его страсти и несовершенство современности. Стало бы, если онъ не глядитъ впередъ, если онъ, говоря о томъ, имѣетъ дѣло съ отвлеченнымъ предметомъ, а не съ тѣмъ, что формируется въ глазахъ, причины этого заключаются въ личности; ихъ надо искать въ окружающей мірѣ. Ключъ къ рѣшенію этого вопроса въ слова самого историка. Домиціану было дано душивать дѣятельность мысли, чѣмъ Нервѣ и Траянѣ оживить ее. Дѣятельность мысли загнута безъ борьбы, и если Домиціанъ палъ, то случайно, отъ руки убійцы, но не какъ въ всеобщаго негодованія. Конечно, Карлъ І-й не могъ позволить себѣ того, что позволилъ себѣ Домиціанъ, а между тѣмъ Карла судятъ, а Домиціана убили какой-то Стефанъ, который могъ и не убить его; и въ возмущеніи римскихъ тирановъ, и въ ихъ паденіи чувствуется личный произволъ, случайность, интриги или военной интриги или военной интриги, а что же общаго имѣетъ жизнь народа съ личнымъ Макрономъ, задумавшимъ Тацита съ дворомъ, наполненнымъ личностями, с Вителліемъ, или съ преторіанскою когортою, полагавшею императорскимъ саномъ? И въ тѣмъ эти чисто внѣшнія обстоятельства определяютъ направленіе народной жизни на десятилѣтія. Стало быть, въ народѣ нѣтъ не только для оппозиціи, но и для дѣятельнаго органическаго воспріятія и переработки каибудь начала. Итакъ, знаменательно ужъ что Домиціанъ такъ легко задушилъ дѣятельность мысли. Но гораздо важнѣе то, что и Траянъ трудно возбудить ее снова. Фактъ не требуетъ объясненія; любопытно только замѣтить при этомъ, какъ Тацитъ, при величій своей личности, отдаетъ дань своему времени. Современное ему болѣзненное явленіе



дится имъ въ общечеловѣческое проявленіе и лучаетъ въ его глазахъ силу закона. Тацитъ ясно говоритъ, что легче погасить, нежели зажить, распространяетъ эту мысль двумя сравненіями и слѣдовательно ясно показываетъ, что видитъ ничего ненормальнаго въ безуспѣшности прогрессивныхъ попытокъ правительства. Злѣе, говоря объ опасномъ обаяніи бездѣйствія, онъ невольно намекаетъ намъ на то, что и самъ орою чувствуетъ то утомленіе, ту нравственную иллость, до которой въ подобныхъ эпохи разложенія доходили, путемъ безплодной борьбы и яркаго разочарованія, люди умные, сильные и честные. Эта проскользнувшая незамѣтно для зримаго писателя черта его личнаго ощущенія можетъ служить мѣриломъ болѣзни, разъѣдавшей тѣло и кровь римскаго общества. Если, ницъ къ лицу съ этою болѣзью, опускались руки у людей, подобныхъ Тациту, стало бытъ надежды на исцѣленіе не было и не предвидѣлось.

Послѣ всего сказаннаго ясно, что во времена имперіи положительно никто не думалъ проводить въ политическую жизнь своихъ теоретическихъ убѣжденій.

У кого были убѣжденія, тотъ берегъ ихъ, какъ драгоценность, и старался только, подобно Тразеа Пету, сохранить ихъ въ чистотѣ и не противорѣчить имъ въ дѣйствіяхъ; оппозиція подобныхъ людей была чисто отрицательная, положеніе ихъ оборонительное, и при всемъ томъ въ высшей степени опасное. Германікъ, Сенека, Тразеа Петъ, Агрикола стояли въ такихъ отношеніяхъ къ правительству, и умерли тогда, когда это ему понадобилось. Историки Титъ Лабіенъ и Кремуцій Кордъ отстаивали свободу мысли и принуждены были умереть съ голоду, а произведенія ихъ сожжены на площади. Стоическая школа, къ которой примкнула почти вся умственная аристократія Рима, навлекла гоненія не только на себя, но и на философію вообще. Два раза, при Неронѣ и при Домиціанѣ, философовъ выгоняли изъ Рима и изъ Италіи. Было опасно таить въ душѣ убѣжденія, хотя бы они и не имѣли прямого отношенія къ политикѣ. Послушная масса римскаго народа, здѣсь какъ и вездѣ, слѣдовала теченію и старалась забыться въ омутѣ наслажденій; ученіе Эпикура, понятное конечно не такъ, какъ понималъ его Лукрецій, упрощенное и примѣненное къ разумѣнію толпы, находило себѣ множество послѣдователей и не вызывало гоненій со стороны правительства. Донося Нерону о богатомъ римлянинѣ Плавтѣ, Тигеллинъ прямо ставитъ ему въ вину то, что онъ въ жизни не слѣдуетъ ученію Эпикура. «Плавтъ богатъ, говоритъ онъ, и даже не притворяется человѣкомъ, любящимъ покой, а старается подражать примѣру древнихъ Римлянъ. Онъ принялъ гордость стоиковъ и ихъ ученіе, которое дѣлаетъ мятежнымъ и возбуждаетъ охоту браться за по-

литическія занятія». Итакъ въ періодъ имперіи политическія убѣжденія не развивались; греко-римскій классическій міръ выработалъ сполна свои принципы; изобрѣтательная способность, какъ замѣчаетъ неоднократно Генрихъ Риттеръ, была истощена и мыслители, по вѣсму отдѣламъ науки, только комментировали своихъ предшественниковъ или старались путемъ эклектизма сблизить между собою философскія системы, возникшія въ цвѣтущее время эллинизма. Посмотримъ же теперь, каковы были понятія о государствѣ у лучшихъ представителей греческой мысли.

## II.

Въ сочиненіи Аристотеля «о Политикѣ» заключается критика политическихъ идей прежнихъ греческихъ мыслителей, и между прочими, Платона. На этомъ основаніи, мы изъ одной этой книги можемъ вывести какъ различіе между взглядами Аристотеля и Платона, такъ и вообще понятіе древнихъ о государствѣ и его отношеніяхъ къ отдѣльной личности. При первомъ сравненіи Аристотеля съ Платономъ видно, что первый практичнѣе, а второй смѣлѣе въ области отвлеченной мысли. Оба жертвуютъ отдѣльною личностью во имя цѣлаго; оба смотрятъ на человѣка, не какъ на самостоятельный организмъ, а какъ на одинъ изъ разнообразныхъ винтовъ большой государственной машины. Но Платонъ беретъ на себя крайнія слѣдствія своей теоріи и доводитъ уничтоженіе лица въ государствѣ до невозможныхъ предѣловъ, до полного отсутствія собственности и семейства. Аристотель вступаетъ за личность, но отстаиваетъ ее не для нея самой, а для государства, и впадаетъ такимъ образомъ въ безысходное противорѣчіе. Каждый, говоритъ онъ, долженъ имѣть собственность, жену и семейство для одного себя, потому что люди вообще способны исполнить заботиться только о томъ, что составляетъ ихъ личную собственность; «о томъ же, чѣмъ онъ владѣетъ сообща съ другими, человѣкъ заботится настолько, насколько на его долю приходится опредѣленная часть». Если это свойство человѣка есть недостатокъ, мыслитель не долженъ съ нимъ мириться; распространенный порокъ никакимъ образомъ не можетъ сдѣлаться добродѣтелью, несмотря на обширность своего господства. Если же это законное свойство, то оно рѣшительно не позволяетъ человѣку быть только служебнымъ орудіемъ въ государственномъ организмѣ. Въ первомъ случаѣ Аристотель долженъ былъ бы не отступать отъ логически послѣдовательныхъ требованій Платона; во второмъ, онъ долженъ былъ эманципировать личность. Но какъ эмпирикъ, требовавшій отъ своихъ выводовъ практической примѣнимости, онъ не могъ увлечься геніальными фантазіями Платона; какъ грекъ, онъ не могъ отбросить ни одного изъ своихъ національ-



ныхъ предразсудковъ, и старался только узаконить ихъ своею диалектикою. Поэтому его разсужденія носить на себѣ печать крайней односторонности; въ нихъ нѣтъ той вѣчной свѣжести, которая лежитъ на твореніяхъ гения, ставшаго на общечеловѣческую точку зрѣнія; порою слышатся въ разсужденіяхъ Аристотеля толки современнаго намъ обскуранта (о женщинахъ, о рабахъ, о ремесленникахъ). Но зато въ Аристотелѣ самыя эти уклоненія отъ истины, какъ мы видимъ ее теперь, проникнуты такимъ яркимъ историческимъ колоритомъ, что они совершенно переносятъ насъ въ міросозерцаніе древняго человѣка. Цѣль Аристотелева государства есть высшее благосостояніе, но благосостояніемъ этимъ будутъ, какъ онъ самъ признается, наслаждаться не отдѣльныя личности гражданъ, а весь организмъ государства. Причину этого существованія человѣка для общества Аристотель находитъ въ глубочайшихъ основахъ человѣческой природы. «Человѣкъ», говоритъ онъ, болѣе, чѣмъ пчела, созданъ для государственной общности... потому что одному человѣку природа дала даръ слова, т. е. способность сообщать другимъ то, что онъ находитъ полезнымъ или вреднымъ, справедливымъ или несправедливымъ. На этомъ основаніи, продолжаетъ онъ, хотя семейство состоитъ изъ отдѣльныхъ людей, а государство изъ нѣсколькихъ семействъ, можно сказать утвердительно, что государство или общество есть первое и первобытное, а семейство и отдѣльный человѣкъ вырабатываются только изъ него. Цѣлое необходимо есть основаніе частей, и потому должно быть разсматриваемо какъ нѣчто болѣе самостоятельное и первобытное». Изъ этого основного положенія вытекаетъ аристократизмъ всѣхъ политическихъ идей Аристотеля; это положеніе оправдываетъ самый грубый деспотизмъ. Человѣкъ, не желающій принять въ обществѣ ту роль, которую назначаетъ мыслитель, заботясь о стройности цѣлаго, является въ глазахъ Аристотеля существомъ, нарушающимъ законы природы и слѣдовательно больнымъ или порочнымъ; такого человѣка можно для его же пользы, а главное для блага общества, взять въ опеку; противъ него можно употребить силу. Аристократизмъ идей Аристотеля состоитъ въ слѣдующемъ. Считая свое положеніе о томъ, что общество есть цѣлое и первобытное, а человѣкъ—часть и производное, совершенно доказаннымъ, Аристотель выставляетъ впередъ ту мысль, что, «если изъ многихъ частей должно состоять цѣлое, то части должны быть различнаго рода, и исправлять различныя должности. Поэтому необходимо, для блага и сохраненія всѣхъ государствъ, чтобы различныя сословія жителей составляли другъ другу противовѣсъ, стояли отдѣльно другъ отъ друга, и между тѣмъ соглашались между собою въ своихъ конечныхъ цѣляхъ». Отъ этой идеи до антическаго устройства одинъ шагъ, и Аристотель дѣй-

ствительно дѣлаетъ этотъ шагъ, и становится защитникомъ государственнаго устройства Египта и Крита.

Управлять государствомъ могутъ, по Аристотелю, только войны, политики и судьи, и должны составлять одно сословіе; кто изъ нихъ былъ воиномъ, тотъ можетъ пользоваться физическія силы ослабѣютъ, а умъ и опытность увеличатся, — завѣдывать государственными дѣлами и засѣдать въ судѣ должны управляющіе государствомъ могутъ быть только граждане; остальные—земледѣльцы, ремесленники и рабочие, но на ихъ долю приходится только повиновеніе, потому что они не могутъ изъ-за недостатка времени, приобрести познанія, необходимые для управленія государствомъ. Но что между этими людьми можетъ совершиться распространеніе образованія, у Аристотеля не въ разѣ; онъ этого не предполагаетъ, да и не можетъ, потому что это конечно нарушило бы существующія отношенія и повредило бы стройности его идеальнаго государства. Прогрессъ въ государствѣ этомъ не можетъ быть; прогрессъ основанъ на развитіи отдѣльныхъ личностей, которое приводитъ современныя реформы существующаго порядка вещей. Аристотель былъ врагъ прогресса, во-первыхъ потому, что онъ сразу силою творческой мысли хотѣлъ создать совершенство, которое не могло бы ни въ какой реформѣ, во-вторыхъ потому, что онъ считалъ человѣческую личность частью и слѣдовательно не могъ желать развитія части, потому что такое развитіе могло разрушить гармонію цѣлаго. Цѣль всей государственной, педагогической, юридической и промышленной дѣятельности клонится у него не къ улучшенію, а къ поддержанію существующаго порядка вещей. Какъ рѣшительный поборъ аристократизма, Аристотель не могъ желать повышения умственнаго уровня въ массѣ; потому что, развившись, эта масса неминуемо требовала бы себѣ разныхъ правъ. Какъ утопіи, Аристотель показываетъ совершенное отсутствіе историческаго взгляда на событія; онъ думаетъ, что учрежденія должны подчиняться жизни и характеру народа; онъ вѣритъ въ совершенство идеальнаго государства, не задумываясь, что его идеалъ весь составленъ изъ греческихъ матеріаловъ. Такъ напр. онъ совершенно оправдываетъ безправность и несправедливость передъ закономъ и существованіе рабства. При эмпирическомъ направленіи своихъ политическихъ изслѣдованій, Аристотель не могъ упустить изъ виду требованій жизни, но въ пониманіи жизни онъ понимаетъ чисто античный образъ. Въ 11-й главѣ IV книги онъ говоритъ, что лучшая форма управленія по его мнѣнію та, гдѣ власть находится въ рукахъ средняго сословія, т. е. людей, не слишкомъ богатыхъ, не



щина послѣ 50-ти лѣтъ не способна производить дѣтей; на этомъ основаніи считаются соразмѣрными тѣ лѣта, при которыхъ мужчина и женщина находятся въ одинаковомъ разстояніи, первый отъ 70-ти, вторая отъ 50-ти лѣтъ. «Что касается, продолжаетъ онъ, до времени года, въ которомъ всего удобнѣе супружеское сожитіе, то многіе опредѣляютъ для него зиму; и, можетъ быть, не будетъ несправедливымъ слѣдовать этому правилу». Тутъ Аристотель не говоритъ опредѣлительно, чтобы нужно было этотъ предметъ огорочить обязательною статьею закона; но нѣтъ положительныхъ основаній думать, чтобы онъ совершенно предоставилъ это на волю обычая или личнаго благоусмотрѣнія. Беременные женщины должны дѣлать ежедневно движеніе, и законодательство должно заботиться объ этомъ, «вмѣняя имъ въ обязанность посѣщать храмы боговъ, покровительствующихъ родамъ», и т. д.

Къ какимъ ужаснымъ результатамъ могло привести законодательство Аристотеля, проведенное съ тою строгостью, которой онъ самъ желаетъ, — каковы были бы тѣ люди, которые бы имъ подчинились, — каково было бы молодое поколѣніе, которое выросло бы подъ ихъ вліяніемъ и не сбросило бы ихъ съ справедливымъ негодованіемъ, какъ тяжелыя, позорныя и безцѣльныя оковы, — это совершенно понятно современно-развитому человѣку. Аристотель забылъ, что человѣкъ успѣшно занимается только тѣмъ, къ чему влечетъ его внутренняя потребность, и что онъ способенъ быть полезнымъ членомъ общества только тогда, когда онъ вполне понимаетъ цѣль этого общества и проникнуть къ ней искреннимъ сочувствіемъ. Словомъ, онъ не возвысился до понятія человѣческой личности и потому ищетъ конечную цѣль человѣческихъ способностей и стремленій внѣ самого человѣка, въ мірѣ отвлеченныхъ понятій и воображаемыхъ интересовъ. Идеи Аристотеля раздѣляла вся древность; съ нимъ соглашались Цицеронъ и Сенека, убѣжденія которыхъ заключаютъ въ себѣ довольно полно плоды философскаго сознанія римлянъ. Только Эпикуръ и Киренайская школа идонистовъ (ἡδονή — удовольствіе) подъ предводительствомъ Аристиппа, выгородили человѣка изъ той зависимости, въ которую поставила его вся древняя философія. Видя цѣль жизни въ наслажденіи, эти мыслители не требовали, чтобы человѣкъ жертвовалъ своими радостями и интересами для стройности общественнаго зданія. Они желали, чтобы, развивая свое эстетическое чувство, человѣкъ дѣлался все болѣе и болѣе воспримчивымъ къ тонкимъ наслажденіямъ, обогащающимъ умъ и смягчающимъ душу; при этомъ конечно не было забыто и тѣло; въ эпоху паденія римской республики, при страшномъ распространеніи роскоши въ высшемъ классѣ и пролетаріата въ низшемъ, римская молодежь ухватилась за эпикуреизмъ, и, по-своему примѣнивъ его къ жизни, превра-

тила его въ грязное служеніе чувственна-которомъ совершенно заглохло сознание, необходимое для всякаго истиннаго искусства. Попытка Эпикура оказалась такою же бесплодною, и поэтому можно сказать справедливо, что древнему міру не хватало гуманности, т. е. уваженія къ личности независимо отъ его національности и политическихъ вѣщствъ. Развитію этой гуманности помешало существованіе древнихъ національностей, жившихъ другъ на друга свысока и враждующихъ. Риттеръ говоритъ, что въ эпоху древней философіи задачею времени были національности и перемѣнать между собою элементы. Въ теоріи личность гражданина носилась въ жертву государству; эллинистическое положеніе было проведено въ жизнь, тогда самоотверженіе составило бы существенную часть политической жизни древняго человека. Но показываетъ намъ совершенно другое. Самоотверженія гражданъ относилось къ намъ мною, или встрѣчается очертаніе, или только неправильно принимается за заветъ самозабвенія. Въ гомеровскомъ эпосѣ, въ самыхъ крупныхъ и рельефныхъ образахъ не замѣтно гражданскаго самозабвенія; если оно встрѣчается въ отрывкахъ эпического историческаго эпоса, то это обстоятельство можетъ, просто обличаетъ искусственность его происхожденія. Во времена историческаго эпоса имена Деція Муса и Регула стоятъ особнякомъ да и въ этихъ двухъ личностяхъ элементъ любви (въ лучшемъ смыслѣ этого слова) и уваженія играютъ такую-же важную роль, какъ и любовь къ Риму. Если поставить рядомъ этими именами имена Пизистрата, Перикла, Клеовула, Гармодія и Аристокрита (которые не кстати прославили афинскій народъ), Сократа и Аристотеля (какъ индифферентны въ области государственной жизни), то увидимъ, что, во 1-хъ, каждый изъ названныхъ тѣхъ имѣетъ рѣзко обозначенную фазисъ, которую не поглотило и не сгладило государство; во 2-хъ, всѣ они принадлежатъ къ цвѣтущей греческой національности, а нѣкоторые изъ сами по себѣ составляютъ эпоху въ развитіи греческаго духа; въ 3-хъ, всѣ они принадлежатъ лучшимъ людямъ своего времени, и потому живають быть его представителями. Несомненно, всѣ эти условія, всѣ они или дѣйствовали на греческую личность, или становились для нея окружающимъ ихъ порядкомъ вещей, жили, идеи и, подобно Сократу, умирали за идею, имѣющую ничего общаго съ греческою национальностью. Въ Платонѣ разладъ теоріи съ жизнью бьетъ въ глаза; въ своей «Республикѣ» требуетъ совершеннаго уничтоженія личности, государства, дохода до коммунизма, дѣтей, а на дѣлѣ онъ былъ положительнымъ гражданиномъ, въ чемъ упрекаетъ его Н.



не съ тѣмъ заговорилъ объ этой сторонѣ мета, чтобы упрекнуть древнихъ мыслителей въ невѣрности своимъ идеямъ; подобный къ я считаю бесплоднымъ; но мнѣ кажется, бросивъ взглядъ на это обстоятельство, но вѣрнѣе объяснить себѣ источникъ самаго отождѣненія личности передъ идеєю государства. Для писателей трудно было отдѣлаться отъ понятий, съ которыми они жили. Философы Греціи остаются греками извѣстнаго перелома въ самыхъ отвлеченныхъ своихъ изслѣдованіяхъ, въ самыхъ смѣлыхъ своихъ теоріяхъ. Въ сторонѣ отъ своей національности и отъ ея особенностей просто и критически для нихъ невозможно. Еще невозможно отделиться отъ собственной своей личности, увидѣвъ въ себѣ присутствіе извѣстной доли эгоизма, признать въ другихъ подобныхъ себѣ людемъ законность и естественность такой же доли эгоизма. Въ философѣ, пишущемъ политическую теорію, эгоизмъ, управляющій поступками его личности, дѣйствуетъ на ходъ мыслей тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе онъ подозреваетъ въ себѣ его существованіе. Принимая внушенія національнаго и сословнаго и личнаго эгоизма за выраженіе истинной истины, не подозревая въ себѣ и тѣни эгоизма, мыслитель возмущается всякою другою самостоятельностью, какъ вреднымъ проявленіемъ эгоизма, и потому давить личность во имя отвлеченныхъ результатовъ, добытыхъ имъ, считая это для него самого, путемъ чисто личнаго впечатлѣнія и чисто личной мыслительной дѣятельности. Обращусь за примѣромъ къ «Политикѣ» Аристотеля. Аристотель — грекъ, гражданинъ, свободный человѣкъ и философъ. Такой личностью по всемъ правамъ отводится свое мѣсто въ томъ идеальномъ государствѣ, какое онъ изображаетъ. Аристотель можетъ съ полнымъ убѣжденіемъ говорить о службѣ отечеству, о недопущеніи къ правамъ гражданства рабовъ, холоповъ и женщинъ, о законности рабства и о достойномъ презрѣніи къ варварамъ. Онъ не замѣчаетъ, что каждая черта его законодательства имѣетъ отношеніе къ его личности, къ тѣмъ, что оно предоставляетъ подобнымъ ему людямъ положительныя преимущества, или тѣмъ, что отгоняетъ отъ этихъ преимуществъ толпу, возмущающую на нихъ цѣну. Платонъ прямо говоритъ, что философы должны управлять государствомъ. Вся тягость, вся черная работа падаетъ не на тотъ классъ, къ которому принадлежатъ авторы утопій. Аристотелю и Платону сразу не приходитъ въ голову подумать: что, если я родился ремесленникомъ, или рабомъ, или женщиною, или варваромъ, и не приходится голову только потому, что они даже не замѣчаютъ тѣхъ ограниченій, которыя оказываютъ на личность на мыслительную ихъ дѣятельность. Принимая свое личное за абсолютное, они не предполагаютъ, и не чаютъ, чтобы даже

случайно могло быть что нибудь вѣрное за тѣмъ предѣлами, которые они считаютъ безконечно обширными и которые на самомъ дѣлѣ такъ страшно тѣсны и деспотичны. Поэтому въ «Политикѣ» Аристотеля абсолютное начало тяготеетъ надъ правами гражданъ и негражданъ; но это не абсолютное, не идея государства вообще, — это личность самого Аристотеля, выраженная въ ряду понятий; она гнететъ все, что не однородно съ нимъ; оттого страдаютъ ремесленники, рабы, женщины и варвары; оттого привносятся въ жертву идеѣ цѣлаго даже полноправные граждане; оттого блаженствуетъ только идея цѣлаго, т. е. творческая мысль Аристотеля. Цѣль его творенія — самоудовлетвореніе. Его «Политика» стоитъ наряду съ любымъ лирическимъ стихотвореніемъ, съ тою только разницею, что лирическое стихотвореніе выражаетъ минутное настроеніе, а «Политика» Аристотеля — зрѣлую, мыслящую личность творца философа. Въ «Политикѣ» Аристотеля ясно выразилась одна черта, очень важная для характеристики древности; эта черта есть эгоизмъ личности и сословія т. е. эгоизмъ и аристократизмъ.

### III.

Въ римскомъ обществѣ первыхъ вѣковъ христіанства, эгоизмъ личности выразился въ военномъ деспотизмѣ, эгоизмъ сословія въ рабствѣ. О рабствѣ говорили почти все писатели древности; никто не возставалъ противъ него прямо, никто не опровергалъ его основного принципа. Многие, подобно Аристотелю, доказывали его необходимость; многие, на примѣръ Цицеронъ, въ жизни своей являлись болѣе гуманными, чѣмъ въ теоріи. Въ первые два вѣка имперіи замѣтно въ нѣкоторыхъ лучшихъ писателяхъ, на прим. въ Сенеку, въ Плутархѣ, въ Плиніи младшемъ пробужденіе почти гуманнаго чувства. Главныя школы философвъ, стоики и эпикурейцы сходились между собою во взглядѣ на рабство. Эпикуреецъ Лукрецій и стоикъ Эпиктетъ не считаютъ его несчастіемъ и говорятъ, что истинно свободенъ только мудрецъ и что рабство, бѣдность, тѣлесныя страданія принадлежатъ къ случайностямъ и не должны тревожить душу. То смягченіе чувства, на которое я указалъ выше, сначала выразилось не въ философской системѣ. Сенека обнаруживаетъ его въ дружескихъ письмахъ и не облачаетъ ихъ въ форму доктрины. Плутархъ и Плиній говорятъ о своемъ обращеніи съ рабами, и ихъ слова носятъ характеръ простодушнаго личнаго изліянія. Между тѣмъ духъ классической философіи незамѣтно смягчается и слабѣетъ. У Аристотеля видно рѣзкое разграниченіе сословій; у Эпиктета говорится уже о совершенномъ ничтожествѣ вѣншихъ разграниченій между рабствомъ и свободою, между богатствомъ и бѣдностью, между знатностью и



незнатностью рода; Аристотель сомневается въ существованіи добродѣтели у рабовъ; Сенека говоритъ, что онъ уважаетъ человѣка не за ремесло, а за нравственные свойства, и что рабъ можетъ быть свободенъ по своему духу. Важность рабства сознавали или чувствовали мыслители древности; ни одинъ изъ нихъ не могъ себѣ представить такого порядка вещей, при которомъ не было бы рабовъ; рабы считаются необходимою частью государства въ обѣихъ утопіяхъ древности, у Платона и у Аристотеля. Рабы были ремесленниками, земледѣльцами, пастухами, художниками, актерами, гладиаторами, писемоводителями, домашними грамматиками, философами и педагогами. Имъ поручались самыя грубыя работы и имъ же предоставлялась такая короткость отношеній съ господами, до которой не могъ дойти никакой наемникъ; при этомъ не дѣлалось ни малѣйшаго различія между педагогомъ и послѣднимъ чернорабочимъ, несмотря на разстояніе, существующее между ихъ должностями; оба они подвергались тому же презрительному, а иногда и жестокому обращенію со стороны своихъ господъ; и тотъ и другой совершенно оставались въ зависимости отъ ихъ произвола, и потому важная должность, поручаемая рабу, не облагораживала и не эмансипировала его въ нравственномъ отношеніи. Это разнообразіе должностей давало только средства рабамъ дѣйствовать въ одно и то же время и на чернѣ, и на аристократіи. Какъ рабочая сила, обязательный трудъ составлялъ конкуренцію вольному труду; какъ испорченное и униженное сословіе, рабы сообщали свои пороки аристократамъ, поручаемымъ ихъ надзору въ младенчествѣ и находившимся съ ними въ постоянныхъ домашнихъ отношеніяхъ втеченіи всей своей жизни. Съ этихъ двухъ сторонъ надо разсмотрѣть вліяніе рабства.

Въ первыя времена существованія римскаго государства земледѣліе составляло главный источникъ пропитанія для всѣхъ классовъ. Землею владѣли и патриціи, и плебеи; народонаселеніе завоеванныхъ земель не обращалось въ рабство; оно оставалось на особыхъ правахъ въ своемъ отечествѣ, или переводилось въ Римъ и увеличивало собою сословіе плебеевъ, людей свободныхъ, но не пользовавшихся всѣми правами гражданства. Количество земли, которымъ владѣли граждане, было большею частью очень ограничено. «Римскому народу, говоритъ Плиній старшій, было довольно по два югера на человѣка, и Ромулъ не далъ никому большаго количества земли». Въ землѣ Цинцинната было четыре югера. Впослѣдствіи на человѣка приходилось не болѣе семи югеровъ. До времени Самнитскихъ войнъ, считалось нужнымъ, чтобы количество земли не превышало силъ самого хозяина. Но исключенія изъ этого правила встрѣчались уже довольно часто; частные долги привуждали бѣднаго плебея закладывать или прода-

вать свой участокъ земли; капиталы быстро притягивали къ себѣ деньги и земли, и, развиваясь, получали тѣмъ большую силу вѣженія. Процентъ въ древнемъ Римѣ былъ тяжелъ, что Катонъ старшій, на вопросъ: такое отдавать деньги въ ростъ? отвѣтилъ: «гимъ вопросомъ: а что такое убивать?» Ростовщикъ овладѣвалъ часто не только имуществомъ, но и особою несостоятельнаго должника, такъ что эксплуатація должника была изъ внутреннихъ источниковъ рабства, и рабство не было такъ полно и безотлѣтно рабство, происшедшее отъ покупки или отъ вѣнчанія въ плѣнъ\*). Такимъ образомъ поземельная владѣнія богача разрастались, и уже Сципиій потребовалъ новаго раздѣла общиннаго поля (ager publicus), въ которое поступало постоянно опредѣленное количество завоеванныхъ земель; послѣ его несчастной попытки, Лициній Столонъ, опираясь на сочувствіе угнетеннаго плебея, провелъ законъ о томъ, что каждый гражданинъ не имѣлъ въ своемъ имѣніи болѣе 500 югеровъ земли. Этотъ законъ трудно провести, что доказываетъ ясно, въ какой степени во время Лицинія, т. е. за 100 лѣтъ до пуническихъ войнъ разрослись поземельная владѣнія богачей. Съ увеличеніемъ земли не только было увеличиваться число рабовъ; въ это время приходилось большею частью по одному рабу на семейство, и даже во время первой пунической войны Регулъ отпрашивался въ пускъ, говоря, что рабъ его умеръ, а вѣрный работникъ убѣждалъ съ земледѣльческими дѣлами. Конечно, положеніе Регула было исключительное: онъ владѣлъ семью югерами, тогда какъ граждане не довольствовались пятью, а не тѣмъ не менѣе присутствіе нанятаго работника на его участкѣ доказываетъ, что вольный трудъ не былъ вытѣсненъ обязательнымъ. По повсемѣстно разорившіеся плебеи брали землю на аренду или нанимались въ работники; Гораций въ одной изъ своихъ сатиръ могъ указать на личность вольнаго арендатора Олы, то конечно за 200 лѣтъ до Горация подобныя примѣры встрѣчались гораздо чаще. Даже кудѣ ремеслами занимались, по мнѣнію Валлонъ, родскія трибы плебеевъ. Что касается домашнихъ работъ, онѣ исправлялись рабами и рабынями подѣ управленіемъ и при содѣйствіи матери.

Вторая пуническая война въ отношеніи распространенію рабства, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, составляетъ поворотный пунктъ въ исторіи римскаго народа. Войны, предшествовавшія этому времени, были сопряжены нѣкоторою опасностью для самаго Рима;

\*) Въ 325 году до Р. Х. злоупотребленіе властью со стороны кредитора Папірія надъ молодымъ Публиемъ подало поводъ къ закону Петелія, по которому кредиторъ долженъ былъ находить себѣ залога не въ личности должника, а въ его имуществѣ.



нія при Замѣ, Римъ почувствовалъ себя номъ образованнаго міра, и историки не тся даже записывать число людей, проданъ въ рабство и приведенныхъ въ Римъ. Нѣ- быя цифры, встрѣчающіяся довольно рѣдко, ываютъ, что дѣлы народонаселенія обра- ть въ невольниковъ. Послѣ низложенія я, въ одномъ Эпирѣ продано въ рабство 00 человекъ; Марій привелъ въ Италію 0 плѣнныхъ тевтоновъ и 60,000 кимв-

Въ царствѣ Митридата Лукуллъ набралъ много добычи, что рабъ продавался по 4 (около 90 к.), а вольт по 1 драхмѣ 23 к. с.). Кромѣ войны, важнымъ источ- рабства былъ морской разбой. Пираты ы высадки на берега, захватывали попадав- обывателей и путешественниковъ и про- ихъ на чужую сторону. Иногда губерна- провинцій именемъ данной имъ власти об- въ рабство и продавали съ публичнаго значительное число ввѣренныхъ имъ жи-

Виеннія, Галатія, Каппадокія, Сирія, Гре- ли обращены въ обширные рынки рабовъ! ть родъ торговли перешелъ въ частныя руки ался предметомъ самыхъ обширныхъ спе- ій; законъ опредѣлялъ отношенія между спикомъ и продавцомъ рабовъ съ такою льною осмотрительностью, которая прямо ываетъ всю важность этой торговли какъ мерческомъ, такъ и въ житейскомъ отно- , т. е. какъ для выгодъ продавца, такъ и машняго комфорта покупателя. Въ этотъ времени, между второю пунической вой- началомъ имперіи, владѣнія богачей при- самыя обширные размѣры. Неудавшаяся ка Гракховъ возстановить забытые поле- законы Лицинія показываетъ ясно, какъ о владѣли богачи тѣмъ, что они присвоили изъ общественнаго поля. При этомъ нужно амѣтить, что Тиверій Гракхъ не требовалъ ненія Лициніевыхъ законовъ во всей ихъ сти. Онъ понималъ требованія времени, и у представлялъ, кромѣ 500 югеровъ, на го неотдѣленнаго сына по 250-ти; осталь- оличество земли общественнаго поля онъ агаль выкупить у богачей; стало быть, съ ороны уступка была сдѣлана, но этой ус- показалось мало, и оба Гракха заплатили ю за свои усилія дать римскому простолю- оебдлость и обезпеченный трудъ. Распро- еніе большихъ владѣній измѣнило направ- сельскаго хозяйства; обширныя земли бо- были превращены въ пастбища, и ското- о, требующее большого пространства зем- незначительнаго количества рукъ, было ано большинствомъ римскихъ агрономовъ съ выгоднымъ промысломъ. Катонъ стар- а вопросъ, чѣмъ лучше всего заниматься ну, отвѣчалъ: хорошо пасти стада. А вто- -Порядочно пасти стада. А третье?—Дурно

пасти стада. А четвертое?—Пахать землю. Колу- мелла и Варронъ въ агрономическихъ своихъ со- чиненіяхъ жалѣютъ объ упадкѣ земледѣлія, но не считаютъ его промысломъ болѣе выгоднымъ; они жалѣютъ не столько объ упадкѣ этой от- расли сельскаго хозяйства, сколько о паденіи того патриархальнаго быта, съ которымъ была связа- на эпоха его процвѣтанія. Оба они совѣтуютъ употреблять на сельскія работы рабовъ и замѣ- нять ихъ наемниками только при очень спѣшной работѣ или при обработываніи полосъ земли, от- личающихся тяжелымъ климатомъ.

Изъ этого ясно, что обязательный трудъ со- вершенно вытѣснилъ вольный; у Варрона и осо- бенно у Колумеллы нѣсколько главъ посвящено совѣтамъ касательно выбора домоправителя и экономки изъ рабовъ, касательно обращенія съ рабами, касательно ихъ жилищъ, ихъ пи- щи и распредѣленія работъ и наказаній. О вольныхъ работниковъ упоминается несравненно рѣже и постоянно мимоходомъ. Отнявши у бѣд- няковъ земли, богачи отняли у нихъ и работу; толпа бездомныхъ и поневогѣ праздныхъ граж- данъ стекалась въ города и особенно въ Римъ; тамъ со времени Кая Гракха производились без- денежныя раздачи хлѣба; тамъ можно было по- давать на выборахъ свой голосъ, можно было пользоваться возникавшими волненіями и ловить рыбу въ мутной водѣ; словомъ, столица респуб- лики представляла множество средствъ къ суще- ствованію; средства эти не могли назваться реме- слами, не нарушали праздности, но доставля- ли пропитаніе, требовали той шумной суетливос- ти, которую всегда любила чернь южнаго на- рода, и принуждали кандидатовъ въ публичныя должности заискивать въ нихъ сторонниковъ и забавлять ихъ зрѣлищами, которые для нихъ были такъ же необходимы, какъ даровой кусокъ хлѣба. При Тиверіѣ, Долабелла постановилъ за- кономъ, чтобы гладіаторскія игры праздновались ежегодно кандидатами квестуры. Вредное вліяніе этого обычая задобривать народъ зрѣлищами распространилось изъ Рима на провинціи, и Не- ронъ въ свое второе консульство запретилъ про- кураторамъ давать игры гладіаторовъ, потому что это мотовство, говоритъ Тацитъ, наравнѣ съ ли- хонимствомъ изнурило подданныхъ и давало сред- ства заглаживать происками грѣхи распутства».

Въ отношеніяхъ народа къ чиновникамъ, какъ въ отношеніяхъ его къ императорамъ, прави- тельство систематически развращало народъ, а развращенный народъ, своею продажностью, рабскимъ терпѣніемъ и вспышками буйства, оказывалъ вредное вліяніе на нравственность правителей. Эти печальныя свойства римской черни не могутъ быть поставлены ей въ вину; у нея не было ни имущества, ни обезпеченнаго труда; въ городахъ вся ремесленная и фабрич- ная дѣятельность находилась въ рукахъ рабовъ; богатые аристократы дѣлали все, что было нуж-



но у себя дома; у нихъ были сотни доморощен- ныхъ или купленныхъ за дорогую цѣну реме- сленниковъ, поваровъ, художниковъ, писцовъ и ученыхъ. Надписи въ такъ называемыхъ колум- баріяхъ (columbaria — высокія и обширныя залы, въ которыхъ располагались въ нѣсколь- ко ярусовъ урны съ прахомъ рабовъ и воль- ноотпущенныхъ, служившихъ въ важныхъ до- махъ) показываютъ названія различныхъ долж- ностей, которыя занимали рабы, служившіе го- сподину въ городѣ. Число и разнообразіе этихъ названій можетъ дать понятіе о томъ, до ка- кой степени аристократы могли удовлетворять трудомъ своихъ рабовъ тѣмъ потребностямъ, которыя въ нашемъ обществѣ удовлетворяются фабричною дѣятельностью. Фабрикантамъ, по- ставлявшимъ свои продукты людямъ менѣе бо- гатымъ, было также всего выгоднѣе покупать за незначительную цѣну молодыхъ рабовъ, обу- чать ихъ извѣстному ремеслу и потомъ втеченіи всей ихъ жизни пользоваться ихъ заработками. Мы знаемъ положительно о подобныхъ спекуля- ціяхъ въ области книжной торговли.

Помпоній Атикъ, другъ Цицерона, завелъ въ Римѣ первое значительное заведеніе для пере- писыванія и продажи книгъ. Въ его мастер- ской работали вѣроятно цѣлыя сотни писарей и переплетчиковъ, потому что сочиненія любимыхъ авторовъ издавались нерѣдко въ числѣ нѣсколь- кихъ тысячъ экземпляровъ, и каждый экзем- пларъ продавался въ переплетѣ. Послѣ Помпо- нія Атика въ періодъ имперіи, изданіемъ книгъ занимались въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ братья Созіи, издатели Горация, Атректъ, Вале- ріанъ Поллій, Трифонъ, издавшій Марціала и Квинтилиана, и много другихъ, имена которыхъ дошли до насъ и свидѣлствуютъ этимъ обстоя- тельствомъ объ обширности и важности ихъ предпріятій. Что въ этихъ мастерскихъ работали рабы, это почти не требуетъ доказательствъ. Во 1-ыхъ, пользоваться ихъ трудомъ было выгодно для хозяина; во 2-ыхъ, писцу необходимо было извѣстнаго рода образованіе и привычка къ дѣлу; писцы эти писали чрезвычайно скоро; Марціалъ говоритъ, что писецъ въ 1 часъ переписывалъ вторую книгу его эниграммъ, состоящую изъ 540 стиховъ. Они писали подъ диктовку, пото- му что всѣ разомъ не могли списывать съ не- большого числа экземпляровъ еще неизданнаго сочиненія. Стало быть, эти писцы должны были писать четко, скоро и правильно, и потому это дѣло никакъ не могло быть довѣряемо вольнымъ поденщикамъ. Надо было, чтобы будущій пи- сарь пробылъ нѣсколько времени въ ученіи, и потому всего удобнѣе было для издателя книгъ обучить этому искусству собственныхъ рабовъ, которые не могли оставить произвольно его ма- стерскую, и выучившись скорописи, перейти къ кому нибудь изъ его конкурентовъ.

Итакъ вотъ какое вліяніе оказывало рабство

на низшіе классы: оно вытѣснило свѣдѣ- ній земледѣльцевъ, потомъ воиновъ и торовъ (coloni), доставивъ богачамъ фран- ко работать съ значительною выгодою обши- рнаго пространства земли, составляющія лагунныя города, и особенно въ Римѣ, рабство со- совершенно вытѣснило, то по крайней мѣрѣ, чительно стѣснило ремесленную дѣятель- ность свободныхъ людей.

Составляя почти исключительную дѣятель- ность рабовъ, эта дѣятельность вызвала въ нихъ презрѣніе свободныхъ сословій, отъ котораго не умѣли отдѣлаться даже ные умы древности: Платонъ, Аристотель, Ци- церонъ и Тацитъ. Трудно было вольному на- найти себѣ работу, и, когда онъ ея не на- ходилъ, она не давала ему ни выгоды, ни даже, уже видѣли выше, какимъ образомъ Варр Колумелла, писавшіе свои теоріи для бед- ныхъ, потому что только богачи могли вознѣсти теоріи, совѣтуютъ прилагать къ дѣлу свой трудъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Для низшаго класса оставались еще нѣкоторыя низшія общественныя должности, которыя, не смотря на существованіе многочисленнаго класса пу- бличныхъ рабовъ (servi publici), исполня- лись болѣею частью свободными гражданами. Онъ служили ликторами, герольдами, трибу- нами, общественными писарями. Изъ нихъ же много консуловъ, преторовъ и т. д. Должны слѣдующаго рода занимать, какъ извѣстно. Гор- цій въспоминаетъ о ней въ сатирахъ, гдѣ только она не считалась униженною и презрѣ- нною.

Конечно, количество этихъ должностей было такъ ограничено, что предоставленіе свободнымъ людямъ не могло произвести существеннаго измѣненія въ положеніи рим- ского плебейства. Чѣмъ занималась бездѣльная масса, какъ она жила, трудно себѣ представить. Писецъ Петронія, въ которомъ онъ выводитъ ключенія образованнаго гражданина. Это, по словамъ его друзей, ясно показывается, что бра- тство, воровство и часто насильственный тѣ были въ порядкѣ вещей, никого не удив- ляло, не казались страшною крайностью для тѣхъ, на нихъ пускался. Изъ Сатирикена видно, что можно было украсть, ограбить и убить даже и дочнымъ человѣкомъ. На другой день и чаюнной продѣлки, къ которой его и безденежье, Эпиколпій обѣщаетъ у богача хіона и съ одинаковымъ добродушіемъ р- вается читателю о томъ, какъ онъ обок- раблѣ и о томъ, какъ былъ сервированъ столъ его хозяина. Въ каждомъ изъ сво- ентовъ богатый аристократъ видѣлъ и стыдное, яркое рабство, въ каж- дыхъ нихъ онъ могъ предполагать самыя наклонности, потому что связь между н и кліентомъ основывалась на корысти, стороны и на тщеславіи съ другой. По- с-



тно, почему кліенты встрѣчали за обѣдом атропа самыя грубыя оскорбленія, почему подавали дурное кушанье, почему их под-али на смѣхъ, какъ шутовъ, почему за ними юдали, какъ за мошенниками. Кліенты сно-во это обращеніе, и число ихъ постоянно воз-ало, стало быть они заслуживали свою судь-Передъ абсолютною нравственностью вино-а и патронъ, и кліентъ. Передъ судомъ исто-не виновать ни тотъ, ни другой; оба явля-я жертвами и естественными слѣдствіями-го времени, приготовленнаго цѣлымъ рядомъ-шествовавшихъ столѣтій, и задача историка-анена, если онъ, объяснивъ связь причинъ-гдствій, сдержитъ слишкомъ строгій приго-ль читателя надъ личностью, сословіемъ, на-юстью или эпохою. Единичное зло ничтожно-ь, гдѣ общая система не допускаетъ никакого-а...

ь третій разъ въ этой бѣглой характеристикѣ-ской жизни я встрѣчаюсь съ такимъ положе-тъ вещей, въ которомъ двѣ стороны взаимно-вращаютъ другъ друга (императоръ и народъ,-овники и управляемые, патроны и кліенты).-моему мнѣнію, это во-первыхъ подтверждаетъ-рическую мысль, что общество есть орга-змъ, въ которомъ каждое отправление обуслов-ается общимъ его положеніемъ, и въ свою-редъ обуславливаетъ это общее положеніе. Во-рыхъ, въ отношеніи къ разсматриваемой эпохѣ-доказываетъ совершенно осязательно, что-акія внѣшнія реформы не могли оживить и-овить разлагавшійся организмъ. Императоръ-ь перестать быть деспотомъ; черезъ это не-кратилась бы возможность деспотизма; эта-Юрическая мысль подтверждается на единич-тъ примѣрѣ. Нервъ и Траяну, какъ мы знаемъ-Тацита, трудно было оживить науку, кото-задушилъ Домиціанъ. Чиновники могли пре-твить лихоимства и угнетенія; отъ этого не-зросло бы въ народѣ давно подавленное и за-хшее чувство нравственности и человѣческаго-тоинства. Въ отношеніяхъ между патронами-ліентами нельзя даже допустить того предпо-женія, которое я допускалъ въ первыхъ двухъ-мѣрахъ; тамъ стояли лицомъ къ лицу прави-тельство и народъ, а въ правительствѣ, въ ко-ромъ инициатива зависитъ отъ воли одного-ца, можно себѣ представить возможность до-льно внезапнаго измѣненія. Но патроны и-иенты — представители двухъ сословій; они-гли перемѣниться только тогда, когда новый-хъ проникъ бы собою все общественное созна-е; чтобы патронъ сталъ уважать кліента, нужно,-обы кліентъ заслужилъ это уваженіе; чтобы-иентъ возвысился въ нравственномъ отноше-и, нужно, чтобы онъ почувствовалъ свое чело-вческое достоинство и увидалъ въ другихъ ува-женіе къ своей человѣческой личности. Словомъ,-жно, чтобы въ понятіяхъ обоихъ сословій, въ

міросозерцаніи цѣлаго народа произошелъ крутой-переворотъ; нужно, чтобы онъ въ обоихъ сосло-віяхъ произошелъ одновременно, потому что въ-противномъ случаѣ они стали бы мѣшать другъ-другу, и одно потянуло бы назадъ другое. Ника-кой аграрный законъ не могъ этого сдѣлать; еслибы даже было возможно раздѣлить земли,-дать на каждого пролетарія по семи югеровъ,-купить ему земледѣльческія орудія, то его-пришлось бы насильно выгонять изъ Рима и-насилъно заставлять пахать и сѣять; при-шлось бы воспитывать насильственными мѣрами-цѣлую націю, а въ націи въ періоды самага-жалкаго распаденія есть по крайней мѣрѣ одна-страшная сила — сила инерціи. Одному не под-нять гору, хотя бы никто не мѣшалъ ему, и въ-исторіи конечно нѣтъ ни одного примѣра, чтобы-правительство передѣлало жизнь и нравственность-своего народа. Не могло также произвести зна-чительной перемѣны воспитаніе высшаго класса-или распространіе между аристократами какой-нибудь философской доктрины. Что сдѣлали ака-демія, стоицизмъ, эпикуреизмъ, пифагореизмъ? Они породили множество почтенныхъ, чистыхъ-личностей, на которыхъ съ любовью отдыхаетъ-взоръ историка, но которымъ публицистъ отка-жетъ въ чувствительномъ вліяніи на эпоху. Они-были чужды массѣ и чуждались ея сами. Они от-казывались отъ вліянія на практическую жизнь,-они ею брезговали, боясь замарать объ нее руки;-они проповѣдывали полное равнодушіе ко вся-кимъ внѣшнимъ интересамъ, къ сословнымъ раз-личіямъ, къ страданіямъ раба и бѣдняка; къ-этому презрѣнію нельзя примѣнять пословицы:-«сытый голоднаго не разумѣетъ», потому что-Эпиктетъ, громче и яснѣе всѣхъ высказавшій-это презрѣніе, былъ самъ почти нищій, вольно-отпущенный, человекъ искалченный рабствомъ.

Все дѣло въ томъ, что философія эта была-умозрительная и не хотѣла, да и не могла-выйти изъ міра идей; это была внутренняя-сторона готовившейся реформы, сторона, до-ступная меньшинству и заботящаяся о массѣ,-потому что она вообще не заботилась о пропа-гандѣ и практическомъ вліяніи. «Долженъ ли-философъ, спрашиваетъ Эпиктетъ, приглашать-людей слушать его ученіе? Солнце, пища и питье-сами привлекаютъ къ себѣ людей. Долженъ ли-философъ какимъ-нибудь другимъ образомъ при-влекать къ себѣ тѣхъ, кому онъ желаетъ при-нести пользу? Какой врачъ предлагаетъ боль-ному полечить его? А впрочемъ, я слышалъ, что-теперь въ Римѣ врачи дѣлаютъ подобныя пред-ложенія». Философія эта сдѣлала свое дѣло, но-не могла сдѣлать всего дѣла. Она не создала-ничего, но разрушила все старое и отжившее,-всѣ рамки сословныхъ и національныхъ пред-разсудковъ; она пришла къ печальному заклю-ченію: суета суетствій и всяческая суета. «Па-укъ, пишетъ Маркъ Аврелій, гордится тѣмъ, что



поймал муху; иной человекъ—тѣмъ, что поймалъ зайца въ тенета; другой — сардинокъ въ сѣти, третій—кабановъ; четвертый—медвѣдей; пятый — сарматовъ». Не отъ древнихъ философовъ надо было ждать обновленія. Движеніе идей подготавливается незамѣтно и въ небольшомъ кружкѣ, и тогда его понимаютъ немногіе, масса къ нему равнодушна или смотритъ на него, если только знаетъ о его существованіи, съ недовѣріемъ, съ боязнью и ненавистью. Движеніе въ области жизни, въ практической нравственности и въ религіи находится въ органической, хотя часто и отдаленной связи съ движеніемъ идеи; оно начинается въ самомъ народѣ, на площадяхъ, въ городахъ и въ селеніяхъ и увлекаетъ за собою цѣлыя поколѣнія, безъ различія сословій, часто даже безъ различія національностей. Чтобы увлечь за собою всѣхъ, это движеніе должно пронизать въ той сферѣ, которая составляетъ общее достоиніе богатыхъ и бѣдныхъ, образованныхъ и необразованныхъ, знатныхъ и незнатныхъ; оно не можетъ совершиться ни въ области чистой мысли, потому что даже существованіе этой области сознается немногими, ни въ сферѣ житейскихъ интересовъ, потому что здѣсь никакая реформа не можетъ возбудить единодушнаго сочувствія людей, стоящихъ на различныхъ, или даже на крайнихъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Остается только одно общее поле, практическая нравственность и религія—философія массы. Я по своему предмету имѣю дѣло съ попыткой подобной реформы, и потому эта приговорительная глава должна между прочимъ отвѣчать на одинъ важный вопросъ, обуславливающий собою достоинство реформы, и слѣдовательно умственную и нравственную личность реформатора, на вопросъ, насколько предпринятая реформа была нужна эпохѣ, насколько ея требовали тѣ условія, при которыхъ слагалась всенародная жизнь народа?

## IV.

Чтобы покончить съ рабствомъ, остается охарактеризовать положеніе раба передъ закономъ и отношенія его къ господину, т. е. нравственное вліяніе, которое рабство оказывало на рабовъ и владѣльцевъ. Рабъ (*munificium*) былъ вполне вещь въ римскомъ правѣ республики и первыхъ двухъ вѣковъ имперіи; самое его названіе средняго рода показываетъ, что народная логика не заботилась даже о разграниченіи пола въ личности раба. Рабъ *nullum caput habet* (не имѣетъ никакихъ правъ) и потому *diminutio capitis*, бывшее, какъ извѣстно, трехъ родовъ и означающее отнятіе у свободнаго человѣка извѣстной части его правъ и преимуществъ, для раба не имѣетъ мѣста. Рабъ переходитъ отъ одного господина къ другому, и положеніе его отъ этого нисколько не измѣняется. Господинъ можетъ подарить своего раба, отдать

его напрокатъ, заложить, промѣнить, или уступить для заключенія мировой съ дѣль; за долги господина онъ можетъ взять кредиторомъ или продать съ аукциона равнѣ съ прочею движимостью. Рабъ не можетъ имѣть собственности; все, что онъ приобретаетъ, по закону принадлежитъ его господину; если же господинъ предостановитъ ему нѣкую имущественную владѣть рабу, въ владѣть имъ, пока господину не придетъ голову взять его назадъ. Отъ господина можно въ всякое время увеличить или уменьшить имущество раба, или вовсе отнять съ него собственность, такъ и личность раба находится въ полномъ его распоряженіи. Господинъ можетъ своими рабами право жизни и смерти осужденнаго на смерть господиномъ, публично, и въ этомъ не было никакого изъясненія закона, потому что на господина не было апелляцій, и законъ не входилъ въ отношенія съ рабами. Римскій всадникъ Ведій Полліонъ, временникъ и приближенный Августа, въ провинившихся рабовъ въ садокъ, въ живьемъ съѣдали мурены; онъ любилъ смѣяться на подобныя казни, и потому придирался къ каждой мелочи, чтобы потѣшать себя этими казнями. Однажды у Полліона обѣдалъ Августъ; рабы принесли хрустальную вазу, и хозяинъ объявилъ, что онъ будетъ казненъ. Рабу нечего было бояться; онъ бросился въ ноги къ Августу и просилъ его объ милости, чтобы его не бросили съѣденіе рыбамъ, а казнили какъ нибудь иначе. Августъ ужаснулся и пришелъ въ негодованіе; онъ простилъ раба и приказалъ перебить у Полліона всю хрустальную посуду. Нарушитель закона явился императоръ, но произвольный поступокъ Августа не облегчилъ положенія раба на будущее время. Продолжалъ ли Полліонъ и *прежнему* кормить рабами своихъ муренъ, мы не знаемъ; знаемъ только, что во время Ювенала слово господина или господа по древнему веку раба на крестъ или арену, гдѣ его разрывали звѣри; но уже при Адрианѣ и Маркѣ Авреліѣ владѣльцу было запрещено отправлять своихъ рабовъ на борьбу съ звѣрями, а Антонинъ въ убійствѣ раба положилъ съ господина одинаковое взысканіе, какъ за убійство вообще. Смягченіе правовъ, на которое я указалъ, говоря о мѣтѣхъ философовъ о рабствѣ, проявилось, какъ видно, въ законодательствѣ, и въ судопроизводствѣ. Но это смягченіе есть уже уклоненіе отъ чистаго принципа древности, уклоненіе непоследовательное, въ которомъ мы уважаемъ пробуждающуюся гуманность, но въ которомъ нѣтъ строгой логики, необходимой въ законодательной системѣ, а заключающей собою древнее римское право. Вотъ яркій примѣръ гуманной непоследовательности этихъ законовъ. Если женщина забеременѣла въ рабствѣ, а ребенокъ родится, когда мать отпущена на волю, то ребенокъ свободенъ. Если



мая женщина забеременѣетъ и родитъ ребенка, — ребенокъ остается рабомъ. Очевидно, что этихъ двухъ статей нельзя подвести подъ общее, отвлеченное юридическое положеніе; зато въ нихъ какъ нельзя видно стремленіе правительства облегчить возможными средствами положеніе рабовъ. Предѣлахъ той эпохи, когда жилъ и дѣйствовалъ Аполлоній Тіанскій, рабъ былъ вполнѣ

такъ смотрѣлъ на него господинъ, такъ и на государство. Если онъ и отличался отъ него, то это конечно было для него невыносимымъ. Отличіе состояло въ томъ, что рабъ, совершивъ преступленіе, безъ вѣдома, согласія или позволенія господина, отвѣчалъ за него передъ судомъ. Преступнику-рабу было тяжело, несправедливо свободнаго званія. Рабъ не имѣлъ защиты народнаго трибуна; судьями были не чиновники, завѣдывавшіе уголовными дѣлами (triumviri capitales) и слѣдователи, привыкшіе видѣть страданіе и слышать мольбы; послѣ произнесенія приговора онъ могъ просить о вторичномъ пересудѣ въ высшей инстанціи. Наказанія рабамъ бывали обыкновенно на одну степень тяжелѣе, назначаемыхъ свободнымъ людямъ. Свободнаго били палкой, раба — кнутомъ; свободнаго осуждали на работу въ рудники, раба за ту же вину возвращали господину, и послѣднему въ обязанность держать его въ оковахъ. Смертная казнь была тоже тяжела: свободному рубили голову мечомъ, — топоромъ; свободнаго сбрасывали со скалы, раба — вѣшали или распинали. Рабу приговоръ плохо въ судѣ, даже когда онъ не былъ виноватъ къ преступленію: его часто казнили по подозрѣнію или въ примѣръ другимъ.

Въ родской префектурѣ временъ Нерона, Педаній былъ убитъ своимъ рабомъ; по обычаю того времени, повели на казнь всѣхъ рабовъ, жившихъ съ нимъ подъ одною кровлей, всего 400 человекъ; это возмутило народъ и произвело въ Римѣ волненіе; въ сенатѣ тоже разсуждали о томъ, не измѣнить ли обычай древнихъ; но противъ этого мнѣнія возсталъ К. Кассій, рѣшительный приверженецъ старины; онъ произнесъ речь, въ которой доказалъ необходимость приговора; его доводы могутъ показаться возмутительными, но если разобрать ихъ хладнокровно, кажется, что онъ только послѣдовательно доводитъ принципъ рабства. Учрежденіе, которое само по себѣ есть насиліе и несправедливость, не можетъ держаться только несправедливыми и жестокими мѣрами. Въ сенатѣ послышался голосъ, выразившій состраданіе къ полу, къ возрасту, къ числу приговоренныхъ, къ очевидной невинности многихъ изъ нихъ; но мнѣніе Кассія превозмогло. Между тѣмъ на пути, по которому надо было вести приговоренныхъ, собрался народъ, вооруженный камнями и голо-

вами. Неронъ издалъ грозный эдиктъ; осужденныхъ повели съ военнымъ конвоемъ, и приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе. Когда рабу приходилось быть свидѣтелемъ въ судѣ за или противъ обвиненнаго, дѣло никогда не обходилось безъ пытки. Слово раба и его свидѣтельство только при пыткѣ получало значеніе; клятва его не ставилась ни во что. Августъ не любилъ безъ особенной надобности пытать рабовъ, но при разборѣ важныхъ государственныхъ дѣлъ или страшныхъ преступленій онъ считалъ пытку самымъ дѣйствительнымъ и вѣрнымъ средствомъ добраться до истины. Когда господинъ хотѣлъ оправдаться въ взводимомъ на него обвиненіи, онъ предлагалъ подвергнуть пыткѣ кого-нибудь изъ своихъ рабовъ, и слѣдователи обыкновенно принимали это предложеніе. Если рабъ молчалъ, или говорилъ вещи, неимѣющія ничего общаго съ обвиненіемъ, подсудимаго оправдывали или по крайней мѣрѣ считали незнаніе раба за одно изъ доказательствъ невинности господина. Если рабъ умиралъ среди истязаній въ дѣлѣ, не касавшемся господина, то послѣднему платили за него справочную цѣну.

Смерть раба считалась въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, ущербомъ для владѣльца, и потому денежное вознагражденіе исправляло все дѣло. Впрочемъ денежное вознагражденіе было недостаточно, если посторонній частный человѣкъ убивалъ или увѣчилъ чужого раба. Тутъ кромѣ матеріальнаго ущерба господину наносилось оскорбленіе, и за подобное нарушеніе правъ римскаго гражданина начинался особый процессъ. Законъ Аквилія опредѣляетъ наказаніе за безпричинное умерщвленіе чужого раба и чужой скотины; отъ этого сравненія домашняго скота съ домашней челядью выигрывалъ конечно одинъ господинъ убитаго или изуродованнаго раба. Самому рабу не могло быть нанесено оскорбленіе; обругать раба или ударить раба кулакомъ, за дѣло или по простому капризу, могъ первый встрѣчный совершенно безнаказанно; это предвидѣть и разрѣшаетъ буква закона. Отвергая въ рабѣ присутствіе какой бы то ни было личности, римское право не могло допустить для раба и существованіе семейства. Можетъ ли человѣкъ, неимѣющій ни личности, ни собственности, ни права пріобрѣтать для себя, — можетъ ли такой человѣкъ заключить какое нибудь обязательство, можетъ ли онъ дать клятву въ супружеской вѣрности, когда для него вообще не существуетъ клятвы? Отвѣтъ на этотъ вопросъ ясенъ, и потому рабъ могъ имѣть только *сожителство* (contubernium), которое заключалось и расторгалось по волѣ господина; если для этого и спрашивали иныя гуманныя господа согласія соединяемыхъ сторонъ, то это была чисто ихъ добрая воля, и только при позднѣйшихъ императорахъ признаются до нѣкоторой степени семейныя узы между рабами. Такъ



какъ между рабами не было брака, то не могло быть и нарушенія супружеской вѣрности; если рабъ былъ любовникомъ свободной женщины, тогда конечно его наказывали за дерзость и за безчестіе, оказанное свободной женщинѣ. Вездѣ и во всѣхъ отношеніяхъ съ рабомъ обращались какъ съ вещью, а наказывали его какъ человѣка или по крайней мѣрѣ какъ существо, сознающее свои поступки и слѣдовательно отвѣчающее за нихъ. Отъ раба требовали извѣстныхъ добродѣтелей, за которыя ему никто не оказывалъ уваженія или сочувствія, но за отсутствіе которыхъ его истязали и наказывали. «Когда господина убиваютъ, говорить законъ, то рабы должны подавать помощь и оружіемъ, и рукою, и крикомъ, и закрывая его собственнымъ тѣломъ. Если они, бывши въ состояніи сдѣлать это, не сдѣлали, то ихъ по справедливости слѣдуетъ казнить». Законъ устами холодного мыслителя, юрисконсульта, требуетъ отъ раба положительной добродѣтели, подвиговъ самоотверженія, вмѣняетъ ихъ ему въ обязанность и въ то же время отвергаетъ въ немъ личность.

Объяснить эту чудовищную непослѣдовательность можно только безобразнымъ эгоизмомъ древности. Законодатель писалъ законы, не умѣя перенестись въ положеніе того человѣка, которому придется имъ подчиняться. Оттого въ одномъ лицѣ хотѣли для собственного комфорта соединить свойства, взаимно исключаящія другъ друга. Рабъ долженъ быть мертвымъ орудіемъ; въ немъ должно молчать нравственное чувство, когда господинъ бьетъ его отца, мать, друга, его самого, когда насилюютъ его жену, дочь; малѣйшее возмущеніе въ подобномъ случаѣ ведетъ за собою мучительную смерть или каторжную работу, плети, цѣпи, голодъ и подземельное заключеніе; и въ то же самое время хотятъ, чтобы этотъ идеалъ раба, эта вещь, при опасности, угрожающей господину, нашла въ себѣ энергію, храбрость и самоотверженіе, свойства, возможные только при сознаніи и уваженіи собственной личности. Впрочемъ до того, какимъ образомъ рабъ исполнять предписанное волею господина или закономъ, до этого нѣтъ дѣла ни владѣльцу, ни государству. И тотъ, и другое говорятъ: «чтобъ было сдѣлано» и наказываютъ ослушниковъ, не разбирая злостныхъ и несчастныхъ. Личный интересъ владѣльца и безопасность государства говорили громко и рѣшительно, подавляя безъ труда естественный голосъ человѣчности. Личный интересъ владѣльца опредѣлялъ частныя условія быта рабовъ. Въ немъ не было удобствъ жизни; было только то, что нужно, чтобы не умереть, и чтобы быть въ состояніи работать. Прикащику (*villicus*) и пастухамъ давалась мѣсячина, т. е. опредѣленное, очень ограниченное количество хлѣба; другимъ рабамъ готовился общій столъ; платье давалось на два года; пара толстыхъ башмаковъ должна была служить

столько же. Если принять въ соображеніе это предписаніе агронома и экономовъ, то слѣдовательно норма, отъ которой отклонялись охотно въ худшую сторону, не ставили себѣ, сколько изъ отпуски, сколько шло въ карманъ прикащику (*villicus*) и имѣлъ обыкновенно свое имущество, и пряталъ отъ хозяина свои деньги, и не платятъ и наши прикащики, — то можно заключить, что рабы были постоянно при томъ, и что *Scriptores rei rusticae* не даромъ воздержаніе въ число главнѣйшихъ обязанностей раба. Помѣщеніе было тѣсное и грязное, отличалось отъ хлѣбовъ, а если и не такъ, то врядъ ли въ лучшую сторону. Искъ Варронъ и Катонъ заботятся о хлѣбѣ рабовъ только въ видахъ болѣе бдительнаго и постоянного надзора за ними. Для рабовъ, которымъ носить цѣпи, Колумелла отвѣчаетъ: «подъ землею, вродѣ казематовъ, съ узкими окнами, до которыхъ можно было достать рукою. Для рабовъ не было рабскихъ; рабочіе волю, по обычаю древности, отдыхали въ извѣстные дни, по рабамъ въ праздники назначаетъ работы, и при нихъ содѣйствія рабочаго скота; они копали сады, полоть луга, копать бассейны и поправлять дороги.

Все это была норма; что дѣйствительно была гораздо хуже, видно изъ того, что экономы убѣдительно просятъ владѣльцевъ жать на ревизію и контролировать рабовъ, осматривать помѣщеніе и одежду рабовъ, спрашивать ихъ насчетъ количества и качества работъ, отвѣдывать ихъ пищу и питья, ходить въ подземелья и свидѣтельствуя о ванныхъ узникахъ. Всѣ эти хлопоты, которыя конечно не рѣшались девять десятыхъ скихъ аристократовъ, клонились къ тому, чтобы достигнуть идеала, очерченнаго мною, знаемъ теперь по опыту, до какой степени похожа на образцовую ферму кака-нибудь забытая помѣщикомъ деревня. Если же жить этотъ масштабъ къ римскому быту и нять за норму экономическое устройство скаго жита по Катону, Варрону и Колумеллѣ (на что мы имѣемъ полное право), то и самое смѣлое воображеніе откажется назвать картину запущеннаго или даже обыкновеннаго римскаго хозяйства. Въ городѣ было не только конечно приближенные и парадные рабы, да, правда, отъ господскихъ всплески призовъ, были содержимы хорошо, уже и что господину или госпожѣ было бы не смотрѣть на истомленные лица, грязныя и кровавые синяки; но при малѣйшей провинности, раба ссылали, наказывали и прилагали къ чернымъ работамъ. Кухня и баня были не легче рудниковъ и деревенскихъ нищъ для тѣхъ рабовъ, на долю которыхъ



сь не художническая, а машинальная ра-  
 что за отверженные люди! говорить оселъ  
 , попавши въ булочную. Кожа изрѣзана  
 и росписана синими рубцами, спина въ  
 яхъ, едва прикрыта лохмотьями куртки;  
 съ только поясъ на бедрахъ, у всѣхъ видно  
 бѣло сквозь платье; лобъ клейменый, го-  
 о половины обрита, на ногахъ желѣзные  
 и, на лицахъ безобразная блѣдность, вѣки  
 ны дымомъ и густымъ паромъ, и глаза  
 отирать на свѣтъ». Довольно и этого; вид-  
 римскій аристократъ, владѣвшій тыся-  
 езотнѣтныхъ рабовъ, зналъ предѣлы, т. е.  
 ѣльность своей власти и умѣлъ ею поль-  
 я; видно также, какую цѣною покупалась  
 знаменитыхъ римскихъ обѣдовъ иужи-

## У.

ніе рабства на нравственность римской  
 зратіи опредѣлить не трудно. Младенецъ  
 алъ на рукахъ рабыни-кормилицы и под-  
 сь на ноги, переходилъ подъ надзоръ раба  
 , котораго онъ не уважалъ и надъ кото-  
 нъ рано начиналъ понимать свое господ-  
 родители не мѣшали развитію барства и  
 о произвола въ ребенкѣ, потому что не  
 видѣть въ этихъ свойствахъ ничего дур-  
 сами подавали первый примѣръ свое-  
 и жестокости. Ребенокъ билъ своего учи-  
 учитель, если былъ человекъ умный и  
 сливый, старался, чтобы избѣжать ссылки  
 и, лавировать между родителями и своимъ  
 инникомъ, баловалъ послѣдняго и прикрывъ  
 гь первыхъ тѣ шалости, которыя могли  
 понравиться. Даже хорошій воспитатель,  
 ценный въ такое положеніе, не нашелъ бы  
 выхода; чего же можно было требовать  
 цки, выбиравшагося изъ рабовъ, неспо-  
 ть ни къ какой другой должности? Чтожъ  
 аго, что ребенокъ, едва начиналъ гово-  
 ристращался къ театру, къ цирку и къ  
 мъ скачкамъ, и что наукѣ и искусству не  
 бѣста въ душѣ, занятой подобными мыслями  
 леніями. Сынъ, выросшій подъ вліяніемъ  
 о отца, долженъ былъ выйти хуже, потому  
 го молодую душу всецѣло вліяніемъ воспи-  
 носилась сумма зла, которую собралъ отецъ  
 ныхъ житейскихъ передѣлкахъ, втеченіи  
 въ лѣтъ. При прогрессѣ общества, поко-  
 несомнѣнно улучшаются и притомъ съ  
 ающей скоростью; при паденіи общества  
 иется то же явленіе, напоминающее за-  
 вободнаго паденія тѣлѣ, т. е. не только  
 ѣ увеличивается, но самое увеличеніе  
 и въ каждый данный моментъ возра-  
 Сынъ хуже отца, внукъ хуже сына, и  
 ѣ въ большее число разъ, нежели сынъ  
 га. Объясненіе этого явленія лежитъ въ

воспитаніи, а для воспитанія важны два момента:  
 сумма педагогическихъ убѣжденій воспитываю-  
 щаго поколѣнія и тѣ средства, которыми прово-  
 дятся въ жизнь эти убѣжденія. Сумма педаго-  
 гическихъ убѣжденій въ массѣ была равна отри-  
 цательной величинѣ, т. е. было бы лучше, если-  
 бы ихъ вовсе не было.

Какую цѣль воспитанія предполагать римля-  
 нинъ времени имперіи? Воспитывать *гражданина*  
 было не по силамъ изнѣженной эпохѣ, да эти  
 стремленія были бы кромѣ того подавлены импе-  
 раторской полиціей, если не въ періодъ воспита-  
 нія, то при первой попыткѣ воспитанника прило-  
 жить ихъ къ жизни. Воспитывать *человѣка* не  
 могла эпоха, гдѣ каждый, по мѣрѣ возможности,  
 былъ рабомъ и въ то же время деспотомъ, смотря  
 по обстоятельствамъ. Воспитывали юношу для  
 двора и для свѣтской жизни; учили его говорить  
 по-гречески, и хорошо говорить, потому что глав-  
 нымъ предметомъ преподаванія было краснорѣчіе,  
 хотя примѣненіе его въ судѣ и въ администраціи  
 было сильно стѣснено въ періодъ имперіи. Юношу  
 учили читать и писать; ему давали нѣкоторыя  
 свѣдѣнія изъ ариметики, и потомъ все внима-  
 ніе воспитателя обращалось на лингвистическую  
 часть образованія; преподавалась грамматика,  
 диалектика и реторика; учили наизусть стихи и  
 мѣста изъ писателей; упражнялась память, раз-  
 вивалась диалектическая находчивость и мелкая  
 изобрѣтательность, дававшая средства переспо-  
 ривать противника и убѣждать слушателя; фор-  
 мальная сторона ума не была забыта; но ни  
 школа, ни отеческій домъ не давали реальныхъ  
 свѣдѣній и прочныхъ нравственныхъ убѣждений.  
 Дѣтямъ давали педагога, ихъ посылали въ школу,  
 причѣмъ рабы, назначенные для этой должности,  
 несли за ними книги и письменный приборъ, и  
 все это дѣлалось по привычкѣ, по рутинѣ, по-  
 тому что такъ было заведено, по тому же самому,  
 почему до позднѣйшихъ императоровъ удержи-  
 лись республиканскія формы. Воспитаніе домаш-  
 нее было предоставлено случайности, и колоритъ  
 его зависѣлъ отъ личности педагога, сомнитель-  
 ной и по своему положенію, и по связаннымъ съ  
 этимъ положеніемъ нравственнымъ и умствен-  
 нымъ свойствамъ. Общественное воспитаніе, т. е.  
 преподаваніе въ школахъ грамматиковъ и рито-  
 ровъ было отрѣшено отъ дѣйствительной жизни.  
 Краснорѣчіе не имѣло подъ собою почвы и по-  
 тому вдавалось въ фантастическія бредни; чув-  
 ство, возбуждавшееся прежде живою дѣйствитель-  
 ностью, сознаніемъ своего гражданскаго достоин-  
 ства, перешло въ напыщенность и декламацію.

Послушаемъ, что говоритъ Тацитъ: «теперешніе  
 ученые не знаютъ законовъ, не помнятъ сенат-  
 скихъ постановленій, смѣются надъ правомъ, пу-  
 гаются изученія мудрости, боятся совѣтовъ опы-  
 ности. Краснорѣчіе, изгнанное изъ своего царства,  
 стѣсняется узкими, произвольно придуманными  
 правилами; царица всѣхъ искусствъ—краснорѣ-



чіе, наполнявшее грудь высокимъ вдохновеніемъ, теперь обрѣзано, оборвано, преподается безъ торжественности, безъ почета, можно почти сказать не какъ свободное искусство, а какое нибудь грязное ремесло». Далѣе онъ противопоставляетъ современному воспитанію древне-римское, основанное на постоянномъ общеніи между жизнью и школою, на ежедневномъ практическомъ примѣненіи слышанныхъ наставленій, словомъ, на совпаденіи нравственнаго воспитанія съ умственнымъ обученіемъ. Пробуждающійся умъ мальчика искалъ себѣ пищи, а школа не давала ему ничего, ни прочнаго, ни увлекательнаго.

Чѣмъ ничтожиѣ было образовательное вліяніе школы и домашняго наставника, тѣмъ сильнѣе должно было быть вліяніе окружающей среды, вліяніе случайное, изъ котораго мальчикъ или дѣвочка выбирали конечно то, что имъ нравилось, что бросалось въ глаза, льстило чувственности и доставляло пріятныя ощущенія. Окруженные рабами и рабынями, они не могли встрѣчать съ ихъ стороны ни твердаго сопротивленія своимъ прихотямъ и капризамъ, ни разумнаго совѣта и предостереженія. Въ родительскомъ домѣ они видѣли постоянные пиры, гдѣ чванная роскошь патрона сталкивалась съ низкой угодливостью кліента, гдѣ несправедливая запальчивость господина или его холодная жестокость давили безотвѣтнаго раба. Уберечь дѣтей отъ подобныхъ сценъ было бы очень трудно, еслибы даже объ этомъ старались родители; но воспитаніе было положительно въ загоны, на рукахъ рабовъ, и потому ребенокъ могъ видѣть все, что происходило въ домѣ и возбуждало его любопытство. — Въ домѣ, ребенокъ бывалъ съ родителями или педагогомъ въ театрѣ, смотрѣлъ трагедіи, комедіи и пантомимы, присутствовалъ даже при травляхъ звѣрей на аренѣ и при гладіаторскихъ играхъ, на которыя даже Августъ приводилъ жену и дѣтей. И въ театрѣ, и въ циркѣ ребенокъ могъ многому научиться. Въ театрѣ онъ видѣлъ, на примѣръ, какъ приговоренный къ смерти игралъ роль Геркулеса или Прометея, и какъ въ первомъ случаѣ его сжигали въ насмоленной туникѣ, а во второмъ приковывали къ скалѣ и выпускали на него медвѣдя, замѣнявшаго въ этомъ случаѣ того коршуна, который, по мнѣю, выклеиваетъ у Прометея печень; онъ слышалъ страшные крики умирающаго и радостные возгласы зрителей; онъ вырасталъ на подобныхъ представленіяхъ; тутъ формировались эстетическія понятія, тутъ развивалось стремленіе къ наслажденіямъ и опредѣлялся ихъ выборъ; тутъ росло нравственное чувство и рѣшались вопросы о томъ, что хорошо и что дурно. Ясно, что когда онъ дѣлался мужчиною, его огрубѣвшіе нервы требовали большихъ потрясеній; онъ уже не могъ довольствоваться тѣмъ, что удовлетворяло предыдущее поколѣніе. Только этимъ прогрессомъ жестокости можно объ-

яснить себѣ тотъ фактъ, что народъ въ нѣсколько разъ смотрѣлъ съ одинаковымъ восторгомъ не только на бой гладіаторовъ, гдѣ проявлялись по крайней мѣрѣ пластическая сила, витѣзство и отвага, но и на то, какъ среди арсенъ разрывали людей беззащитныхъ, немощныхъ и связанныхъ. Гладіаторы — порождение римскаго рабства; невѣроятное развитіе этого учрежденія при императорахъ характерно для этого времени и конечно имѣло значительное вліяніе на складъ народнаго характера.

Нибудь вывести гладіаторскія игры изъ чуждымъ древнихъ грековъ и римлянъ перикла, ковы республики приносить человѣческимъ жертвамъ на могилахъ павшихъ героевъ. Кромѣ того, у народовъ южной Италии былъ обычай мстить, сражаться между собою военнопленныхъ. Эти обычаи слились между собою, такъ что въ Римѣ при торжественныхъ погребеніяхъ, стали постоянно появляться поединки между пленныхъ народовъ. Эти представленія поправлялись и эдилы ввели ихъ въ народные празднества. Это чувство создало въ Римѣ многочисленный классъ людей, жизнью которыхъ не дорожили ни государство, ни общество. Очень естественно, что при растущей жестокости римскаго народа, при недостаткѣ средствъ, которыя давало рабство, при мученіи людей, гладіаторскія игры получили самое широкое развитіе. Съ общественной сцены они перешли въ частные дома, и комнатные гладіаторы набранные изъ рабовъ и обученные фехтованію сражались между собою въ то время, когда пода обѣдали; чиновники, желающіе задобрить народъ, старались превзойти другъ друга въ роскошѣ предлагаемыхъ зрѣлищъ, и главная роскошь зрѣлищъ состояла въ числѣ сражающихся гладіаторовъ и въ разнообразіи ихъ вооруженія. Изъ нѣсколькихъ видовъ гладіаторовъ были *Thrax*, вооруженный короткимъ еракійскимъ мечомъ, копьемъ и топь, и *Mirmillo*, представлявшій галла съ роками мечомъ; далѣе *retiarius* съ сѣтью и трезубцомъ, старавшійся набросить свою сѣть на голову *Secutoris*, вооруженнаго мечомъ и копьемъ и одѣтаго въ панцирь. Всѣ они отдавались на членіе къ ланисту (*lanista*), который заботился о ихъ здоровьи, хорошо кормилъ ихъ и укрѣплялъ ихъ силы гимнастическими упражненіями. Съ своей стороны обязывались страшною клятвою позволять дѣлать съ собою все, что было нужно для удовольствія зрителей.

Императоры замѣчали не разъ вредное вліяніе гладіаторскихъ игръ, какъ средства пагубно вліять на народъ, и Неронъ противодействовалъ этому своими указами. Вреднаго вліянія игръ на характеръ народа не замѣтилъ ни правительство, ни писатели. Нѣкоторые философы, особенно Сенека, возмущаются травленіями римской публики, желающей, чтобы гладіаторы умирали въ граціозно пластичныхъ позахъ, но противъ самаго учрежденія



въ Римѣ бывалъ двухъ родовъ или *sine mani*, или *sine mani*. Въ первомъ случаѣ женщина совершенно поступала подъ власть мужа; онъ получалъ надъ нею отеческую опеку, могъ наказывать ее и казнить смертию, не отвѣчая за то передъ закономъ; собственность женщины поступала въ распоряженіе мужа, и онъ никому не отдавалъ въ ней отчета. Во второмъ случаѣ жена оставалась подъ покровительствомъ родителей и родственниковъ, и сама владела своимъ имѣніемъ. Какъ религіозная церемонія, бракъ заключался при извѣстныхъ обрядахъ; женихъ и невеста приносили жертву и потомъ, сидя вмѣстѣ на бараньей кожѣ, съѣдали жертвенный пирогъ въ присутствіи великаго понтифика, главнаго фламينا и десяти гражданъ-свидѣтелей. Другія формы брака (*coemptio* и *usus*) были менѣе торжественны и вошли въ употребленіе тогда, когда религіозное чувство остыло и отошло въ область прошедшаго.

По словамъ Діонисія Галикарнасскаго, разводы были неизвѣстны въ Римѣ 520 лѣтъ, т. е. до 234 г. до Р. X. Въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего неправдоподобнаго. Когда патріархальность правовъ доходила до того, что мужъ получалъ надъ женою право жизни и смерти, тогда очень естественно, что мужу не было надобности искать развода, а жена не могла на это отважиться. Изъ этого отсутствія разводовъ нельзя вывести заключеніе, чтобы Римляне первыхъ вѣковъ республики были отличными семьянинами, особенно если сопоставить съ этимъ фактомъ извѣстный законъ 12 таблицъ, по которому сынъ, три раза проданный отцомъ въ рабство, эмансипировался изъ-подъ отеческой власти. Если законъ оговаривалъ подобный фактъ, стало быть онъ его предвидѣлъ и считалъ возможнымъ. Изъ отсутствія разводовъ можно заключить только, что слабая сторона, женщина, терпѣла безропотно и, въ случаѣ оскорбленія со стороны мужа, не смѣла обратиться къ защитѣ закона. Обширность власти римскаго *pater familias* такъ извѣстна, что ей не стоитъ оговаривать; по мѣрѣ того, какъ смягчались нравы, она стала ограничиваться контролемъ общественнаго мнѣнія и цензурской власти; разводы стали чаще и наконецъ при императорахъ обратились въ привычку. «Ни одна женщина, пишетъ Сенека, не боится развода; многія знатныя дамы считаютъ свои лѣта не по числу консуловъ, а по числу своихъ мужей; онѣ выходятъ замужъ, чтобы развестись, и разводятся, чтобы вступить въ новое супружество».

При ослабленіи супружескихъ отношеній стало уменьшаться и самое число супружествъ. Августъ, заботливый блюститель народной нравственности, счелъ нужнымъ обратить вниманіе на этотъ печальный фактъ. Онъ издалъ два закона *lex Julia* и *Porcia Porraea*, которымъ всѣ взрослые римляне были обязаны вступать въ бракъ и производить дѣтей. Холостяки

и бездѣтные люди наказывались денежнымъ штрафомъ, а женщины имѣвшіе трое дѣтей, освобождались отъ некоторыхъ повинностей и пользовались особыми преимуществами. Какъ и слѣдовало ожидать, законъ этотъ не принесъ никакой пользы. Самъ Августъ предоставлялъ иногда, въ особую милости, неженатымъ людямъ «гражданскихъ дѣтей». Преемники его поступали еще по волюнѣ, такъ что законъ часто обходился и нарушался. Сверхъ того, удобства безбрачія были такъ велики по понятіямъ римлянъ, что денежный штрафъ не могъ составить значительнаго противовѣснаго. Свѣтъ жизни падала, и развратъ усиливался.

Что было въ Греціи, то было и въ Римѣ. Гетеры, тѣ же кинеды, называвшіеся *экзоты*. Первые римскіе императоры до Нерона извѣстно отличались самыми порочными привычками. Это засвидѣтельствовано Тацитомъ и Сuetonіемъ. Жена Клавдія, Мессалина, до смерти употребляется какъ нарицательное имя развратной женщины. Внучка Августа, Юлія, сама себя до такого цинизма, что дѣлъ привели, была выслана изъ Рима. Неронъ, какъ извѣстно, публично женился на Спору. Тиверій перешелъ на Капрѣ до какого-то изступленія врата. Юлій Цезарь находился въ непозволительныхъ отношеніяхъ съ вионинскимъ царемъ Помпеемъ, такъ что солдаты при триумфѣ Цезаря пѣли стихи слѣдующаго содержанія:

Ecce Caesar nunc triumphat  
Qui subegit Galliam.  
Nicomedes non triumphat  
Qui subegit Caesarem.

Нужно ли вообще приводить факты въ пользу мнѣнія, что развратъ императорскаго Рима перешелъ всякія границы? Достаточно сослаться на *Satiricon* Петронія. Тамъ каждая страница краснорѣчивый и неопровержимый фактъ. Отвѣтъ на этотъ развратъ, какъ существующее явленіе, перейду къ характеристикѣ внутренняго, интеллектуальнаго и нравственнаго состоянія римскаго общества, т. е. къ религіи и философіи.

## ГЛАВА ВТОРАЯ.

### I.

Въ первой главѣ я представилъ очеркъ историческаго или внѣшняго состоянія римскаго общества; въ настоящей—предметомъ моего будетъ внутреннее или религіозно-нравственное положеніе Рима.

Положительный, практическій умъ, преобладающій надъ творческою фантазіей, отличаетъ римлянина отъ грека. Въ религіи, гдѣ впервой проявляется народное міросозерцаніе, гдѣ каждый образъ выражаетъ собою или народный смыслъ или историческое воспоминаніе, не могла не







олимпъ, царемъ котораго явилась величественная фигура Юпитера капитолійскаго. Еще при Тарквиніи Прискъ существовали антропоморфическія изображенія боговъ; сивиллины книги предписывали приносить жертвы греческимъ богамъ и поклоняться Аполлону; дельфійскій оракулъ, съ которымъ совѣтовались и правительство, и частныя лица, указывалъ тоже на греческій культъ. Этотъ культъ былъ богатъ, веселъ и изыщенъ; онъ правился народу, и древне-италійскіе обряды мало по малу выходили изъ употребленія или измѣняли свой первобытно-простой и серьезно-нравственный характеръ. Такъ въ древней религіи не было кровавыхъ жертвоприношеній; вѣроятно изъ древнѣйшаго періода сохранились возліянія и приношенія, совершавшіяся въ честь домашняго бога (*lar*) и генія мѣста (*genius loci*); имъ приносились цвѣты и дѣлались возліянія виномъ и молокомъ. Но греческій культъ скоро проникъ въ Италію, явились *simulacra*—идолы боговъ, и на алтаряхъ ихъ полилась кровь жертвенныхъ животныхъ; явился даже обрядъ *lectisternia*, котораго грубая чувственность стоитъ въ яркомъ противорѣчій съ спиритуализмомъ древней теологіи. Въ важныхъ случаяхъ, при опасности государства или послѣ счастливаго событія, когда нужно было умилостивить или поблагодарить боговъ, устраивался роскошный обѣдъ, на столъ ставилось золото и серебро, составлявшее собственность храмовъ, а на ложахъ возлѣ столарасполагались статуи тѣхъ боговъ, для которыхъ устроенъ былъ пиръ. Объ устройствѣ такихъ пировъ говоритъ Тацитъ. Послѣ большого пожара въ Римѣ, Неронъ счелъ нужнымъ умилостивлять боговъ; обратились къ сивиллиннымъ книгамъ, стали молиться Вулкану, Церерѣ и Прозерпинѣ; римскія матроны отправились на берегъ моря и морской водой оросили храмъ и статую Юноны; наконецъ тѣ же матроны устроили ночныя бдѣнія. Когда все это не помогло, то для окончательнаго успокоенія встревоженныхъ умовъ Неронъ казнилъ самыми разнообразными казнями множество христіанъ, которые уже въ то время возбуждали недовѣріе и ненависть Римлянъ.

Игры состояли въ ристаніи на колесницахъ и въ кулачныхъ бояхъ; въ этихъ играхъ принимали участіе только рабы и вольноотпущенные, а природныя римляне считали унизительнымъ сходить на арену. Это обстоятельство, имѣя кажется, объясняется иностраннымъ происхожденіемъ этихъ религіозныхъ обрядовъ и увеселеній. Игры (*ludi*) не имѣютъ ничего общаго съ гладиаторскими зрѣлищами. Онѣ были веселаго характера и оканчивались безъ кровопролитія; всѣ онѣ состояли въ сценическихъ представленіяхъ и въ ристаніи на колесницахъ; отъ нихъ строго отличаются гладиаторскія представленія, называвшіяся *spectacula* и неимѣвшія религіознаго значенія. При этомъ наплывъ греческихъ представлений и обрядовъ изъ чисто-римскаго

культа остался только іерархія, которая устройствомъ доказываетъ, что въ Римѣ религіи на государственныя дѣла были неизменно сильнѣе, нежели въ Греціи. Греческія были почти исключительно случайныя жертвоприношенія; въ Римѣ существовала постоянная коллегія жрецовъ, имѣвшая законодательную власть и политическое значеніе\*).

Посмотримъ, что можно вывести изъ изображенія римской іерархіи и римскихъ обрядовъ. Во 1-хъ, мы видимъ, какъ легко рѣшилась бытная теологія и религіозные обряды перемѣсто греческимъ мифамъ и обрядамъ, что называется на религіозную терпимость, гримасу индифферентизма, и, что очень интересно, эту терпимость раздѣляютъ съ жрецами. Нигдѣ не видно признаков борьбы; религія охотно подчиняется новому влиянію, и народъ съ радостью принимаетъ новый, болѣе яркій и чувственный культъ. Изъ этого факта, совершившагося еще при царяхъ, не должно казаться страннымъ то, что съ которыми римляне (которыхъ ужасный горизонтъ расширялся вмѣстѣ съ террициями владѣніями) принимали иностранцевъ въ свой вѣчный городъ. Для объясненія радушія, должно еще припомнить, что

\*) Первая изъ этихъ коллегій была почти главѣ которыхъ стоялъ pontifex maximus, передъ слѣдствіемъ свой титулъ имѣлъ. Они были судьями дѣлъ, законодателями касательно деревенныхъ, правъ и обязанностей жрецовъ; они считались жрецами, имѣли *jus quaestionis* и могли даже на смерть. Они заведывали календаремъ, указывали подвижные праздники и рѣшали вопросъ, каковы были (fasti) и несчастные (nefasti). Со временемъ званіе pontificis maximi сдѣлалось неотъемлемою принадлежностью императора, а до времени дохристіанскіе императоры отправляли эту должность сами не приносили жертвоприношеній въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ императоръ приносилъ жертвенное животное, которое потомъ молотомъ *pora*, а зарѣзываютъ рабы. Pontifex былъ всегда одинъ; число другихъ pontificum было постоянно увеличивалось. Сначала было четыре, потомъ при усиленіи плебейскихъ патриціевъ и четыре изъ плебеевъ, и наконецъ Суллы, пятнадцать. Съ увеличеніемъ числа и значеніе должности, которая въ періодъ имперіи была чисто номинальною.

Вторая жреческая коллегія—авгуры—играли роль, которую въ Греціи занимали оракулы основанія своихъ книгъ, заключающихъ въ себѣ откровеніе (*libri augurales*), обсуживали явленія и гадали о будущемъ по полету и крику птицъ и по другимъ воздушнымъ явленіямъ. Отъ аргусовъ (argus), имѣвшихъ происхожденіе, тѣмъ, что послѣдніе пророчески вдохновлены, а авгуры только подводили то, въ природѣ, подъ статью и изреченія своихъ книгъ, стояли несравненно выше аргусовъ въ обществѣ и являлись вслѣдъ за pontificibus во процессіяхъ и на религіозныхъ играхъ.

Третью коллегію составляли хранители сивиллинныхъ книгъ, называвшіеся по числу своему сначала



льшую часть восточных божеств получили же тогда, когда эти божества испытали на себе греческое влияние, частью тѣмъ, что они перенесены въ малоазійскую или европейскую Грецію, частью тѣмъ, что греческій элементъ проникъ въ зѣю по слѣдамъ Александра Македонскаго и его реемниковъ. Римляне получили эти божества почти изъ рукъ грековъ, которыхъ они считали воими единовѣрцами; сами же римляне были лохѣ догматики и потому безъ критики и безъ едовѣрія брали къ себѣ то, что встрѣчали по орогъ. Вліяніе грековъ можно безспорно считать ервымъ доказательствомъ терпимости римлянъ переходною порою, облегчившею Риму принятіе другихъ божествъ.

Во 2-хъ, замѣчательно въ римской іерархіи теутствіе кастическаго духа; понтифексы, авгуры, фламины, квиндецимвиры, феціалы избирались изъ патриціевъ и плебеевъ, и каждый избранный оставался вѣрнѣ своимъ личнымъ интересамъ, интересамъ своего рода и сословія. Члены римской іерархіи не имѣли особой политики, сопряженной съ духовной должностью. Они не старались расширить предѣлы вліянія своего духовнаго званія; они, по мѣрѣ честолюбія каждаго, заботились о личномъ своемъ возвышеніи и считали занимаемую ими государственную или іерар-

хическую должность только болѣе или менѣе удобной переходной ступенью. Кто скажетъ напр., что въ личностяхъ Метелла нумидійскаго или Юлія Цезаря были замѣтны слѣды жреческой политики, а между тѣмъ и тотъ, и другой были pontifices maximi? Должность главнаго понтифекса была пожизненная, стало-быть человекъ могъ, какъ то дѣлали папы, поставить себѣ задачею возможное возвышеніе своего сана, и между тѣмъ что же мы видимъ? Если понтификатъ достается замѣчательной личности, онъ почти теряется въ числѣ другихъ ея должностей и составляетъ что-то вродѣ почетнаго титула. Если онъ достается личности посредственной, напр. триумвиру Лепиду, то онъ не выводитъ этой личности изъ ея посредственности. Ни одинъ pontifex maximus не былъ знаменитъ какъ pontifex maximus. Почему? Потому вѣроятно, что положительный и практическій умъ римлянина не допускалъ ничего теократическаго. Появленіе Магомета въ римскомъ мірѣ было бы совершенно невозможно; въ Римѣ религія поддерживала государство, но никогда не являлась могучимъ двигателемъ его, не производила войнъ и не была причиною политическихъ переворотовъ.

Городъ народа фанатическаго не могъ бы сдѣлаться Пантеономъ всѣхъ религій; Риму было

рами, потомъ децемвирами и наконецъ квиндецимвирами. Въ важныхъ случаяхъ, эти духовные чиновники по порученію сената раскрывали сивиллины книги, и по прочтеніи известнаго мѣста, объявляли, что должно дѣлать, какими религиозными церемоніями можно умиловить божество. Во время Тиверіа, они вмѣстѣ съ понтифексами и авгурами давали народу великія игры. При Домиціанѣ самъ Тацитъ былъ квиндецимвиромъ и упоминая объ этомъ, говорить, что дѣлаетъ это не изъ тщеславія; изъ этого можно заключить, что въ началѣ второго вѣка имперіи эта должность была еще въ почетѣ; это мѣсто еще болѣе подтверждается тѣмъ, что квиндецимвиромъ былъ при Неронѣ Тразев Петръ, знаменитый сенаторъ и государственный человекъ.

Четвертая коллегія—феціалы (fetiales) при царяхъ и въ первое время республики имѣли значительное вліяніе; они разбирали международныя отношенія, вели во имя боговъ переговоры и не получивши удовлетворенія отъ племени, оскорбившаго римлянъ, объявляли сенату—*populum hunc injustum esse*—и бросали копье чрезъ границу, послѣ чего и начиналась обыкновенно война. Въ эпоху войны съ Пирромъ эпирскимъ они являются въ послѣдній разъ международными судьями. При практическомъ направленіи римскаго ума, теократическій принципъ не могъ удержаться, и феціалы потеряли политическое значеніе. Въ эпоху Тиверія они упоминаются, но рѣже другихъ коллегій, и притомъ съ второстепеннымъ почетомъ, такъ что Тиверій, опираясь на прежніе документы, отказалъ имъ въ председательствѣ на великихъ играхъ на ряду съ понтифексами, авгурами и квиндецимвирами.

Кромѣ этихъ коллегій существовали еще жрецы, которыхъ исключительною обязанностью было отправлять богослуженіе и приносить жертвы. Во главѣ этихъ жрецовъ стоялъ *rex sacrificulus*, занявшій въ богослужебной іерархіи мѣсто царя послѣ изгнанія Тарквинія и имѣвшій чисто обрядную должность безъ всякаго вліянія. За нимъ слѣдуютъ фламины и весталки, служительницы Весты, богини огня. Это были дѣвы, вы-

бираемыя изъ патриційскихъ семействъ, обязанныя хранить дѣвство, поддерживать священный огонь на жертвенникѣ Весты и совершать много другихъ мелкихъ обрядовъ богослуженія; въ весталки назначались обыкновенно дѣвочки 6—10 лѣтъ; 10 лѣтъ онѣ учились, десять лѣтъ отправляли служеніе и 10 лѣтъ учили другихъ. Всего было шесть весталокъ, и старшая изъ нихъ была непосредственно подчинена главному понтифексу, который за нерадѣніе могъ ихъ подвергать тѣлесному наказанію, а за нарушеніе дѣвственности осуждалъ на голодную смерть въ подземномъ сводѣ подъ *porta collina*.—Въ періодъ имперіи, правительство старалось всѣми силами поддержать уваженіе къ весталкамъ. Когда при Августѣ, вельможи старались избавить своихъ дочерей отъ служенія, Августъ сказалъ, что онъ самъ предложилъ бы въ весталки одну изъ своихъ внучекъ, еслибъ позволяли ихъ лѣта. Онъ отвелъ весталкамъ мѣсто въ театрѣ отдѣльно отъ прочихъ, противъ преторскаго трибунала, а Тиверій постановилъ, чтобы *Augusta* (императрица), бывая въ театрѣ, садилась между весталками. Завѣщаніе Августа было внесено въ сенатъ весталками. Въ завѣщаніи Тиверія была статья въ пользу весталокъ, которымъ онъ оставилъ значительную денежную сумму. Домиціанъ, желая возстановить упавшую нравственность весталокъ, употребилъ крутыя мѣры, свойственныя его характеру. Когда *virgo maxima*, Корнелія, была уличена въ нарушеніи обѣта, онъ велѣлъ ее закопать живую въ землю, а соблазнитель ея застѣвъ до-смерти розгами въ народномъ собраніи. Послѣдующій ходъ событій доказалъ, насколько было возможно оживить вѣчными мѣрами поощренія и наказанія обветшавшій и умиравшій принципъ.—Остается еще упомянуть изъ римской іерархіи Саліевъ и Арвальскихъ братьевъ (*fratres Arvales*). Первые были жрецы Марса, вторые составляли коллегію изъ 12 человекъ и занимались процессіями и жертвоприношеніями. Оба разряда жрецовъ существовали долго, но не имѣли никакого значенія. Вліяніе ихъ на массу народа было также ничтожно, какъ и ихъ занятія.



суждено быть тѣмъ безразличнымъ полемъ, тѣмъ *terra in neutro*, на которомъ всѣ вѣрованія язычества перемѣшались, потеряли свою физиономію и вмѣстѣ съ тѣмъ лишились той силы, того влияния надъ умами, которое доставляла имъ опредѣленная историческая почва и суровая, исключительная замкнутость. Для этой задачи, которую, по словамъ Риттера, выполнила древняя философія временъ имперіи, нужно было мѣсто, и этимъ мѣстомъ сдѣлался Римъ, потому что таковъ былъ характеръ его народа. Эти черты характера, развившіяся вполнѣ въ эпоху всемірнаго господства, лежали въ зародышѣ еще до того времени, когда на берегу Тибра возникло первоначальное бѣдное поселеніе трибы *Romnes*. Эти зародыши видны и въ теологіи, и въ построеніи іерархіи, и въ той легкости, съ какой проникли въ Италію творенія греческаго духа, Олимпійцы, статуи и ихъ роскошное богослуженіе. Законъ, приводимый Цицерономъ въ сочиненіи его *de legibus* Z. II, с. 8: («Да не имѣетъ никто отдѣльных или новыхъ боговъ; да не обожаютъ частнымъ образомъ пришлыхъ боговъ, не признаваемыхъ публично») не противорѣчитъ высказанному мною мнѣнію; онъ доказываетъ только, что римское правительство имѣло консервативный характеръ и понимало политическую важность религіознаго единства. Чтобы видѣть яснѣе, до какой степени простиралась религіозная терпимость римлянъ, я перейду въ эпоху паденія республики и основанія имперіи.

## II.

Основатели римской изящной словесности, Ливій Андроникъ, Невій и Энній, плѣненные образцами греческаго искусства, перенесли въ римскій міръ и популяризировали въ немъ греческіе мифы и героическій эпосъ. Вмѣстѣ съ греческими вѣрованіями проникло въ римскій міръ и критическое отношеніе грековъ къ мифу и къ преданію. Энній перевелъ на латинскій языкъ сочиненія Эвхемера, доказывавшаго, что всѣ боги язычества были людьми и что ихъ обоготворила благодарная, но слишкомъ страстная преданность простодушныхъ современниковъ. Энній былъ любимымъ поэтъ; все, что выходило изъ-подъ его пера, имѣло успѣхъ; стало-быть, онъ зналъ своихъ современниковъ и не боялся уронить себя въ ихъ глазахъ сочувствіемъ къ смѣлымъ по тогдашнему времени идеямъ греческаго критика. Отъ своего лица онъ говорилъ: «Что есть порода небесныхъ боговъ, это я сказалъ и всегда буду повторять; но я думаю, что о жизни людей они ни мало не заботятся». Публика аплодировала, когда эти слова произносились со сцены. Еслибы въ то время были крѣпкіе вѣрованія, то народъ почувствовалъ бы себя оскорбленнымъ этими словами, и они возбудили бы гоненіе. Еслибы поворотъ къ скептицизму былъ

уже совершенъ, Энній не сталъ бы выносить своей идеи серьезно, какъ новое и важное открытіе, а публика осталась бы равнодушною къ тому, что уже перестало быть для нея новымъ. Мнѣ кажется, что слова Эннія и истинность ихъ сочувствіе доказываютъ, что въ римскомъ обществѣ господствовало въ то время (вѣроятно) религіозныя вѣрованія боролись съ развѣсомъ критикою и слабѣли, но еще не потеряли свое существованіе. Не даромъ говорилъ Цицеронъ, человѣкъ стараго завета, и приверженецъ старинной религіи: «суровина испорченность возрастаетъ отъ замѣшательства греческими писателями». Патриоты, отсюда грозитъ опасность и не ошибались въ своихъ опасеніяхъ.

Ослабленіе туземной религіи, частію вліяніемъ италійскихъ представленій греческаго міра, частію разрушительнымъ вліяніемъ греческой критики, породило два явленія, которые развивались параллельно, несмотря на значительное различіе внѣшнихъ признаковъ. Ослабленіе авторитета, на который мы привыкли опираться, можетъ повести къ двумъ послѣдствіямъ: мы возведемъ нашъ опытъ въ общее правило и потеряемъ довѣріе къ авторитету вообще, или если въ насъ сильна потребность къ чему-нибудь прислониться, мы будемъ искать въ новой опоры, рискуя снова разочароваться и рѣшаясь дать полную волю анализу ума. То, что произошло въ древнемъ мірѣ, при ослабленіи народной религіи: кто могъ вынести такое послѣдствіе скептицизма, тотъ отвергалъ, что не могло быть осязательно доказано; былъ не въ силахъ выдержать эту борьбу, старался замѣнить искренность и глубину вѣрованія количествомъ обожаемыхъ предметовъ, соблюдаемыхъ формъ. Невѣріе и суевѣріе развивались одновременно; въ то время, когда философы дошли до полнаго раціонализма, народъ шелъ до совершеннаго фетишизма; нужно много внѣшнихъ обрядовъ, молитвъ, жертвоприношеній и идоловъ, чтобы заглушить въ гонимой душѣ неразвитой личности страшное знаніе закрадывавшагося сомнѣнія. Толпа шла походить на атеистовъ-философовъ, чѣмъ злѣе смѣялся эпикуреецъ Лукіанъ, большія массы людей стекались на поля къ пророку язычества, Александру Авоноти. Толпа и мыслители озлобили другъ друга, могли ни на чемъ сойтись; тѣ и другіе напали въ трагическомъ положеніи; вѣрующіе ссылались изъ стороны въ сторону, выбивались изъ силъ и нигдѣ не находили себѣ удовлетворенія. Философы-скептики стояли одиноко, громко выражали свое презрѣніе къ суевѣрной массѣ, жили однимъ отрицаніемъ, не видя ниче предѣлами гроба и не находя возможности положить свои силы къ плодотворной дѣятельности. Подъ ними не было почвы; сочувствіе



не съ ними; а въ такой жизни ожесточен-  
борьбы и ѣдкаго смѣха трудно найти себѣ  
ду. Были конечно и переходные типы, ста-  
иися держаться середины и часто соединявшіе  
себѣ только ошибки обѣихъ крайностей. Бы-  
ыслители-мистики и полумистики, подобные  
арху, Апулею и Максиму Тирскому; были  
толпѣ личности, отвергавшія всякое вѣро-  
е для житейскаго комфорта и для спокойна-  
аслажденія минутою; это были люди безъ  
зденія, свиньи изъ стада Эпикура, намѣрен-  
абивавшіе въ себѣ всякую мысль и жившіе  
ко для снотолубія. Это были худшіе и са-  
і неискренній типъ, а между тѣмъ онъ со-  
злялъ огромное большинство. Были ловкіе  
латаны, невѣрившіе ни во что и старавшіеся  
зоваться довѣрчивымъ суевѣріемъ народа.  
ли наконецъ восторженные мечтатели, поэты-  
слители, вѣрившіе въ сверхчувственный міръ,  
свою личность, въ силы окружающихъ людей  
въ возможность обновленія. Всѣ эти разнород-  
е типы составляли непрерывную цѣпь града-  
лѣтнику, которой крайнія ступени занима-  
сь одной стороны мыслители-раціоналисты,  
другой суевѣрная масса народа. Въ этой мас-  
было много жизненныхъ силъ. Въ послѣдніе  
ка изычства эти силы выражались именно въ  
кренности суевѣрія, въ желаніи отдаться ка-  
и-нибудь высшей силѣ слѣпо и безавѣтно.  
въ этого энтузіазма страдаетъ порою личность  
мого энтузіаста; но чувство это, не смотря на  
з крайности, къ которымъ оно порою приво-  
итъ, необходимо для исторіи, какъ двигатель.  
обозначивъ такимъ образомъ то обстоятельство,  
то невѣріе и суевѣріе росли и развивались па-  
аллельно, я дамъ себѣ право для большей ясно-  
ти прослѣдить отдѣльно развитіе того и друго-  
о, т. е. постараюсь представить сначала міро-  
зерцаніе народной массы, а потомъ перейду къ  
арактеристикѣ философіи. Поэты занимаютъ  
редину между мыслителями и массою; они по-  
уляризировали идеи философовъ и упрощали  
ихъ; выигрывая въ удобопонятности, эти идеи  
асто терялись въ глубинѣ и искажались подъ  
вліяніемъ поэтической обработки.

### III.

Матеріалы для характеристики народныхъ вѣ-  
рованій я буду брать изъ отзывовъ писателей о  
массѣ, изъ историческихъ извѣстій о жизни об-  
щества и отдѣльныхъ личностей, наконецъ изъ  
тѣхъ мѣтій и разсужденій писателей и мыслит-  
телей, въ которыхъ говоритъ эпоха и народность,  
а не самостоятельная критицирующая личность.  
Важнымъ пособіемъ будутъ также извѣстія гео-  
графовъ и путешественниковъ, подобныхъ Стра-  
бону и Павзанію, о существовавшихъ въ ихъ  
время храмахъ и культахъ, о большемъ или мень-  
шемъ процвѣтаніи оракуловъ, объ изображеніяхъ

боговъ и о соединенныхъ съ ними вѣрованіяхъ  
и преданіяхъ. Все это такія указанія, по кото-  
рымъ можно до нѣкоторой степени составить  
себѣ понятіе объ умственномъ уровнѣ массы.  
Вслѣдъ за греческими божествами потянулись  
постепенно въ Римъ и въ Италію божества дру-  
гихъ народовъ, приходившихъ въ соприкоснове-  
ніе съ римлянами и подчинявшихся ихъ господ-  
ству. Чтобы судить о силѣ и свойствахъ оказан-  
наго ими вліянія, чтобы представить себѣ то,  
какъ они должны были дѣйствовать другъ-на-  
друга при столкновеніяхъ между собою,—необ-  
ходимо разсмотрѣть сущность каждого изъ глав-  
ныхъ культовъ, прихлынувшихъ къ Риму вслѣд-  
ствіе историческихъ обстоятельствъ. Начнемъ съ  
Египта.

Египтяне отличаются отъ грековъ и римлянъ  
присутствіемъ пылкаго и стройнаго религіознаго  
чувства. Теряясь въ самой отдаленной древности  
своимъ началомъ, религія египтянъ сохранилась  
до окончательнаго паденія изычства почти въ  
полной чистотѣ принципа; въ ней до самаго конца  
ея сохранилось такъ много жизненной силы, что  
она подѣйствовала на Римъ своею пропагандой,  
и что фанатизмъ народа часто бралъ верхъ надъ  
осторожностью и даже надъ страхомъ римскаго  
имени. Во время Плутарха произошла кровопро-  
литная религіозная война между двумя египет-  
скими городами, обожавшими двухъ различныхъ  
животныхъ. Подобную же войну, отличавшуюся  
особенной жестокостію и происшедшую между  
двумя другими городами, описываетъ Ювеналь.  
Если сблизить эти два факта съ тою ролью, ко-  
торую играла Фиваида въ исторіи первыхъ хри-  
стіанскихъ отшельниковъ, природныхъ егип-  
тянъ, то будетъ понятно, что не сущность еги-  
петской религіи обуславливала собою это пла-  
менное религіозное чувство, а самый характеръ  
народа, проникнутый мрачной и сдержанной  
страстностію. Стремленіе къ безконечному, къ  
мистически-неопредѣленному положило свою пе-  
чать на египетскую теологію. Тамъ, гдѣ грекъ  
творитъ образы, тамъ египтянинъ придумываетъ  
символы; чѣмъ свѣтлѣе, опредѣленнѣе и ярче  
образъ божества, тѣмъ болѣе онъ удовлетворяетъ  
греку; чѣмъ туманнѣе, загадочнѣе и рѣзче сим-  
волъ, тѣмъ болѣе онъ возбуждаетъ благоговѣніе  
египтянина. Оттого происходитъ пластичный  
антропоморфизмъ грека и уродливый зоомор-  
физмъ египтянина. Первый привлекалъ къ себѣ  
каждаго, въ комъ было эстетическое чувство,  
ласкалъ взоры, смягчалъ душу, но не распалялъ  
воображенія и не вдохновлялъ вѣрующаго дикой  
энергіей фанатизма. Второй отталкивалъ отъ  
себя иностранцевъ, вселялъ въ нихъ ужасъ и  
отвращеніе или возбуждалъ ихъ смѣхъ; но часто  
фантастическая обстановка, таинственность, за-  
ставлявшая искать за символомъ какого-то выс-  
шаго смысла, какого-то божественнаго открове-  
нія, строгость культа, самая странность и въ



кость обрядовъ, все это вмѣстѣ поражаело нервы новопробывшаго, сбивало его неустановившуюся критику и превращало насмѣшливаго скептика сначала въ изумленнаго и пассивнаго адепта, а потомъ въ ревностнаго прозелита и пылкаго фанатика.

Система египетскихъ боговъ чрезвычайно сбивчива; имена ихъ сливаются между собою, атрибуты мѣшаются, генеалогіи путаются; одно и то-же лицо является мужемъ и женою, отцомъ и сыномъ, производитъ самого себя на свѣтъ и совокупляется съ своимъ произведеніемъ. Причины этой запутанности лежатъ отчасти въ символическѣ, отчасти въ исторіи множества отдѣльных, мѣстныхъ культовъ, изъ соединенія которыхъ вышла общенародная египетская религія. Разбирать всю эту систему боговъ незачѣмъ. Важнѣе общій колоритъ и кромѣ того три личности: Изиды, Озирисъ и Сераписъ, которыхъ культъ былъ особенно силенъ въ Римѣ. Судьба Изиды замѣчательна тѣмъ, что рисуетъ собою отношенія египетскаго мышленія къ греческому. Египтяне воплотили въ Изидѣ женственную, пассивную матерію и противопоставили ее активному, оплодотворяющему, мужскому принципу, Озирису. Личность Изиды не опредѣлена больше ничѣмъ. Египтяне не дали ей никакого частнаго значенія; но стремясь къ символу, стараясь выразить идею виѣшнимъ знакомъ, придали ей изображенію нѣсколько атрибутовъ, которыхъ значеніе такъ темно и толкованіе такъ произвольно, что непосвященный въ ихъ тайны не могъ добраться до ихъ смысла. Греки не могли понять безцвѣтную общность Изиды: стремясь къ индивидуальной опредѣленности, они стали отождествлять Изиду съ тѣми изъ своихъ богинь, на которыхъ она, по ихъ мнѣнію, походила. Матеріалы для сравненія они брали въ атрибутахъ, во виѣшнихъ подробностяхъ міеа, въ наружныхъ частностяхъ обряда. Вышло то, что Изиды стала соответствовать Аѳинѣ, Деметрѣ, Персефонѣ, Тетидѣ, Селенѣ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ она не соответствовала ни одной изъ этихъ личностей, но можетъ быть заключала ихъ въ себѣ, какъ общее и широкое понятіе. Во всей египетской теологіи былъ только одинъ міеъ, Озирисъ и Изиды, да и тотъ носилъ на себѣ печать греческаго вліянія. Событія этого міеа вращаются вокругъ умерщвленія Озириса Тифономъ, и въ этихъ событіяхъ, а равно и въ мистеріяхъ, посвященныхъ ихъ воспитанію, играетъ важную роль половой органъ Озириса. Космическая философема, скрывавшаяся за этимъ рѣзкимъ символомъ, не была понятна ни иностранцамъ, ни египетскому народу, такъ что прочное вліяніе удержали только скандальные обряды, сопровождавшіе собою совершеніе мистерій.

Сераписъ, по мановенію котораго Воспсаніе исцѣлилъ въ Египтѣ слѣплого, появился въ ряду египетскихъ боговъ въ эпоху греческаго влія-

нія, въ первые годы господства Лизандромъ и Рамъ, а со стороны грековъ Деметрѣ и Аидѣ. Этому слиянію содѣйствовали, во-первыхъ, то, что Птоломей Сотеръ, ссылаясь на древній имъ сонъ, приказалъ привезти изъ Сиракузъ колоссальную статую Сираписъ. Египетскіе жрецы поняли вѣроятно волю государя и тотчасъ узнали въ привезенной статуѣ изображеніе египетскаго бога Сераписа, которому по ихъ словамъ поклонялась египетская великій. Пользуясь покровительствомъ имъ обновленный Сераписъ широко раскинулъ въ Египтѣ свои святилища и почти совершенно вытѣснилъ Озириса даже изъ Мемфиса.

Въ египетскомъ культѣ заслуживавшаго особеннаго вниманія апофеозы государей: имъ были посвящены храмы, воздвигнуты статуи, и въ 1500 лѣтъ до Р. Х., вѣроятно раньше, и потомъ были возстановлены въ силѣ Птоломеями. Обоготвореніе государей въ одинъ изъ необходимыхъ обрядовъ, воздавшихъ собою воцаренію новаго государя. Какъ только новый Птоломей вступилъ на престолъ, такъ его статуя ставилась въ храмъ, приносили жертвы, ее носили на всѣхъ празднествахъ и обожали не только въ публичныхъ храмахъ, но даже въ частныхъ домахъ и въ частныхъ часовняхъ. Если сопоставить съ фактомъ апофеозы Лизандра, Филиппа, Александра Македонскаго и Димитрія Поліоркета вѣроятіе, то не трудно будетъ замѣтить, что въ обоготвореніи римскихъ императоровъ не было ничего необыкновеннаго; они отличались отъ своихъ предшественниковъ обширностью власти: ихъ боготворилъ весь образованный классъ, а прежнихъ героев—какой нибудь отдѣльный городъ, или, самое большое, одна страна. Апофеоза не была съ ихъ стороны дикимъ произволомъ произвола; чаще всего они, позволяя себѣ боготворять себя, исполняли только убѣдительную просьбу цѣлыхъ городовъ и сословій. Жрецы, посвященные въ Египтѣ замѣчательна своей мистическою и строгимъ іерархическимъ порядкомъ. Греческіе писатели насчитываютъ шесть классовъ жрецовъ, и каждая изъ нихъ имѣла строго разграниченныя права и обязанности, большая часть чисто-формальная. Обыкновенный образъ жизни этихъ жрецовъ былъ соединенъ съ мистическимъ мелочнымъ и обременительнымъ обрядничаніемъ и предписаніемъ, которыя надо было исполнять во всей точности. Они стригли брови и волосы на всемъ тѣлѣ, не носили шкуренной одежды, не ѣли свиного мяса, бобовъ, пшеничнаго и ячменнаго хлѣба и рыбы, должны были часто поститься и совершать четыре раза въ сутки омовеніе. Имъ было запрещено жениться, дозволенное остальнымъ египтянамъ. Большею частью этихъ учреждений отъ души не чувствуетъ Плутархъ, и съ нѣкоторыми изъ нихъ именно съ тѣми, въ основаніи которыхъ лежитъ



ная идея, сообразовался Аполлоній не вѣрили въ загробную жизнь. Добро по ихъ понятіямъ, жили вмѣстѣ съ часто посѣщали свою гробницу и входившаго въ свое тѣло. Злые души, и души ихъ вселялись въ тѣла животныхъ. Душа, по мнѣнію египтянъ, тонкая матерія, недоступная нашимъ органамъ, и принужденная послѣ смерти тѣла отъ соприкосновенія съ нимъ и въ грубомъ матеріальномъ мірѣ. Это не матерія, какъ нечистота и злого составляетъ основаніе древняго аскетизма, развившагося сначала въ Индіи и въ потомъ сообщившагося Риму и Греціи лона Александрійскаго и отчасти челоноія Тіанскаго.

Характеристика египетскихъ вѣрованій. Вѣрованія сопровождаемыя многочисленными мистеріями, сохранились въ полной чистотѣ въ то время, когда Египетъ римской провинціей. Египетъ въ это время вынесъ на себѣ, кромѣ давняго, иго ига гиксовъ, два господства, персидское, и ни огнепоклонничество, и антропоморфизмъ не проникли въ его замкнутую жизнь. А между тѣмъ у грековъ были въ самомъ Египтѣ: въ Саисѣ стоялъ храмъ Аполлона, въ Тентирѣ храмъ Афродиты, въ Фивахъ храмъ Зевса и Аполлона.

Историческіе признаки, по которымъ можно сказать, что во времена Тацита культъ Изиды было распространено въ Римѣ. Свидѣтельствуетъ, между прочими, и Светоній, описывая жизнь императора Калігулы: Отонъ былъ небольшого роста, съ кривыми ногами, но притомъ опрятенъ, какъ женщина; онъ ошипывалъ себя на всемъ тѣлѣ; такъ какъ у него были рѣдкіе волосы, онъ носилъ на голове парикъ, которая была такъ хорошо прикреплена, что никто не могъ этого различить; онъ брилъ себѣ все лицо и прикладывалъ къ нему мокрый хлѣбъ; онъ началъ дѣлать парикъ при появленіи перваго юношескаго волоса, что никогда не носилъ бороды. Часто вѣровалъ богослуженію Изиды въ льняной одеждѣ. — Частыя омовенія, на которыхъ онъ чистоплотность Отона, ошипывалъ себя на тѣлѣ, бритые бороды и льняная одежда эти подробности прямо указываютъ на египетскаго слугу Изиды. Противъ этому парикъ, который онъ носилъ, но въ этомъ уклоненіи можно, мнѣ кажется, видѣть уступку, сдѣланную вѣнскому царю; такая уступка была почти необходима придворному, сдѣлавшагося изъ жизни императоромъ. Важно признать, что самъ Отонъ не былъ въ

Африкѣ, и почти всю свою жизнь провелъ въ Италіи и въ Лузитаніи, куда отправилъ его Неронъ, чтобы владѣть женою его Пoppеєю Сабіною. Отецъ Отона былъ проконсуломъ въ Африкѣ; стало быть, Отонъ познакомился съ культомъ Изиды или непосредственно въ самомъ Римѣ, или черезъ своего отца, бывшаго въ сосѣдствѣ съ Египтомъ. Въ томъ и другомъ случаѣ это доказываетъ силу и распространенность культа Изиды. Въ жизнеописаніи Домиціана Светоній рассказываетъ слѣдующее: «Во время Вителліевской войны онъ скрылся въ Капитолій съ дядею Сабіномъ и съ частью войска, но когда ворвались враги и загорѣлся храмъ, онъ провелъ ночь, скрывшись за оградой; на утро онъ, переодѣтый въ жреца Изиды, вмѣшался въ толпу людей, приносившихъ суевѣрныя жертвы, и переправившись черезъ Тибръ, къ матери своего товарища, съ однимъ спутникомъ, скрылся такъ хорошо, что его не могли найти сыщики, слѣдовавшіе за нимъ по пятамъ». — Этотъ фактъ, что въ Римѣ можно было скрыться въ костюмѣ жреца Изиды, доказываетъ наглядно, что жрецовъ этихъ было очень много, и что появленіе на улицѣ ихъ оригинальнаго наряда уже никому не бросалось въ глаза. Въ первомъ вѣкѣ до Р. Хр. правительство три раза обращало свое вниманіе на культъ Изиды и Сераписа. Въ 52 г. до Р. Х. по указу сената всѣ храмы Изиды и Сераписа были разрушены, но пришлось сдѣлать уступку общественному мнѣнію, покровительствовавшему этому культу, и поклоненіе было разрешено, но только въ городской чертѣ. Въ 46 году, арусипіи приказали снова разрушить храмы Изиды и Сераписа; стало быть, втеченіи шести лѣтъ культъ снова усилился до такой степени, что снова возбудилъ опасеніе въ приверженцахъ туземной святыни. Въ 42 году правительство уступило наконецъ требованію массы и опредѣлило построить храмъ Изиды и Серапису. При Тиверіѣ указъ сената выгналъ изъ Италіи египетскій и іудейскій культъ, но это была одна изъ многихъ безплодныхъ попытокъ возстановить чистоту государственной религіи. Толпу народа привлекали въ храмъ Изиды во 1-ыхъ столѣтіяхъ о чудотворныхъ исцѣленіяхъ, совершавшихся въ ея храмѣ, во 2-хъ, странность фантастическихъ обрядовъ, дававшихъ богатую пищу суевѣрію. Космическаго значенія Изиды, какъ олицетворенной матеріи, народъ не понималъ, и ему до него не было дѣла. Онъ называлъ ее *Изидою исцѣляющею* (Isis salutaris), приписывалъ ей изобрѣтеніе лекарствъ и вѣровалъ въ то, что она является больнымъ во снѣ и подаетъ имъ спасительныя совѣты. Греческіе и римскіе догматики видѣли въ ней личности почти всѣхъ своихъ богинь и потому также высоко ставили ея значеніе. Развившаяся въ первые два вѣка христіанской эры потребность сливать между собой личности божествъ нашла себѣ обширное



поприще въ туманныхъ и неопредѣленныхъ фигурахъ египетскихъ боговъ. Сераписъ сосредоточилъ въ себѣ Зевса, Аполлона и Аида. Представленіе о немъ подходит близко къ монотеистическому воззрѣнію. Онъ, по словамъ Аристиды, повелѣваетъ вѣтрами, измѣняетъ вкусъ морской воды, воскрешаетъ мертвыхъ, показываетъ людямъ солнечный свѣтъ, заботится о человѣчествѣ и, управляя всею его жизнью, раздаетъ людямъ мудрость, богатства и все мірскія блага. Народъ не заботился объ обширности власти Сераписа и также чтилъ его преимущественно за исцѣленія. Жрецы пользовались своими медицинскими свѣдѣніями и лечили приходящихъ, объявляя имъ, что богъ открываетъ имъ врачевныя средства. Суевѣріе тогдашнихъ римлянъ было очень сильно; они довѣрялись слѣпо волѣ боговъ, которыхъ выбирали себѣ въ покровители и, не разсуждая и не задумываясь, слѣдовали наставленіямъ жрецовъ, черезъ которыхъ они узнавали эту волю. Римская матрона Паулина, замѣчательная своею красотою и горячо любившая своего мужа, при Тиверіѣ сдѣлалась жертвою своей довѣрчивости. Римскій всадникъ Децій Мундъ былъ влюбленъ въ нее и напрасно добивался обладанія ею. Онъ узналъ, что Паулина ревностно поклоняется Изидѣ и очень уважаетъ ея жрецовъ. При помощи рабыни эти жрецы были подкуплены и объявили Паулинѣ, что богъ Анубисъ назначилъ ей свиданіе въ храмѣ Изиды. Паулина явилась въ назначенный часъ и Децій Мундъ, занявши мѣсто Анубиса, достигъ своей цѣли. Дѣло тѣмъ бы и кончилось, потому что матрона не подозрѣвала обмана, но Децій Мундъ счелъ нужнымъ похвастаться своей побѣдой самой Паулинѣ. Оскорбленная, какъ женщина, обманутая въ своей простодушной вѣрѣ, Паулина въ пылу негодованія рассказала мужу всю интригу. Мужъ пожаловался императору, и Тиверій выгналъ Мунда изъ Рима, распялъ жрецовъ и разорилъ храмъ Изиды. Это романтическое приключеніе очень характеристично. Все поведение Паулины выставляетъ въ яркомъ свѣтѣ благородство ея характера. Измѣнивъ невольно своему мужу, она прямо открываетъ ему истину, и благородное негодованіе побѣждаетъ въ ней ложный стыдъ. Если въ такой женщинѣ чувство собственнаго достоинства и любви къ мужу было побѣждено совѣтомъ жреца и приказаніемъ бога Анубиса, то, стало-быть, вѣра была очень сильна. Когда лучшие люди своего времени думаютъ въ себѣ нравственное чувство во имя буквы жреческаго приговора, то, мнѣ кажется, это значить, что суевѣріе дошло до тѣхъ предѣловъ, какихъ оно достигало въ средневѣковыхъ убійцахъ и адептахъ первыхъ іезуитовъ. Безнравственное вліяніе культа Изиды признавали даже поэты, вовсе неотличающіеся строгимъ пуризмомъ. «Изида сама любовница Зевса, говоритъ Овидій, и дѣлаетъ другихъ любовницами».

## IV.

Кромѣ египетскаго культа, въ Римѣ сильно служеніе фригійскому божеству. Извѣстной подъ именемъ матери богини, мистическая часть этихъ малоазійскихъ религій мало извѣстна. Мы знаемъ изъ писателей о дикомъ, изступленномъ странствіи, въ которомъ жрецы рѣзали себя поочередно и собственноручно осклапывали себя, послѣ чего въ процессіи кровавый отрѣзанный членъ трудно предположить заимствованіе этого изъ фаллическихъ мистерій Озириса, однако, доподобно, что въ томъ и другомъ странствіи той органъ является символомъ мужского дотворяющаго принципа. Все изысканіе вышло изъ олицетворенія силъ природы и зрѣнія первобытнаго человѣка на природу были у различныхъ племенъ представляли собою сильное сходство. Мѣстные климатическія условія имѣли вліяніе не столько на фактъ, сколько на поэтическую часть религіи; мѣстность вѣчности материи и объ отсутствіи творческой силы проходитъ почти черезъ все религіи восточныхъ народовъ, и между тѣмъ на столько разнообразіе этихъ религій, потому что каждый народъ облекаетъ по-своему общій, вечный догматъ. Страстный и подвижный характеръ азіатскихъ народовъ породилъ въ религіи строгости и дикое изступленіе, до которыхъ всемъ сходствѣ догмата, никогда не могъ быть мрачный и сосредоточенный въ себѣ строгій. Отличительный характеръ малоазійскаго богослуженія заключается или въ страсти умерщвленія плоти, или въ такомъ же самомъ и необузданномъ боготвореніи чужестранности. Вѣроятно, то и другое происходитъ отъ лично-воспринятаго олицетворенія и олицетворенія міра. Мнѣ, лежащій въ основѣ этихъ культовъ, распространился посреди мистерій по всемъ островамъ архипелага, начиная въ Грецію и въ Фракію, подчиняясь различнымъ измѣненіямъ, зависящимъ отъ характера принимавшихъ его племенъ. Греческія мистеріи, въ которыхъ давалось мѣсто самому нумому разгулу, никогда не доводили участующихъ до тѣхъ безобразныхъ порывовъ развратнаго бѣшенства, до которыхъ доходили малоазійскіе жрецы великофригійской богини, а между тѣмъ вакханаліи поклоненіе Діониса тѣсно связаны съ фригійскимъ богослуженіемъ и представляютъ несомнѣнные слѣды восточнаго происхожденія. — Главныя черты этого восточнаго міеа заключаются въ томъ, что рядомъ съ великою богиней, матерью сущаго, стоитъ богъ, связанный съ нею любовникомъ, супругъ или сынъ, и подверженный страданію и смерти, за которыми слѣдуетъ достойное оживленіе. Къ этому міеу подла-



поводъ наблюденіе надъ явленіями природы, которыхъ смерть и жизнь постоянно смѣнялись другъ друга и даже выходять другъ изъ друга. Имена этихъ двухъ божествъ измѣняются въ мѣстностяхъ. Два наиболѣе распространенныя видоизмѣненія этого культа состоятъ, 1) обожаніе Цибелы (матери боговъ) и, 2) поклоненіе Астарты (азиатской Афродиты) и Адонису. Въ первомъ преобладаетъ элегическая грусть о смерти Атиса, во второмъ — изступленная радость по случаю оживленія Адониса. На этомъ основаніи въ первомъ женія господствуетъ мрачный и кровавый ересь, выражающійся въ насильственномъ злѣніи плоти, во-второмъ проявляется, напротивъ того, дикій разгулъ чувственности, къ которому былъ такъ способенъ огненный темпераментъ азиатцевъ. Замѣчательно, что эти два одные по внѣшнимъ проявленіямъ культа имѣли свое истинное родство. Есть одна древнехиттская пѣсня, которую приводитъ Ипполитъ, приближающая Атиса съ ассирійскимъ Адонисомъ, съ Озирисомъ египтянъ и съ греческимъ Адонисомъ — Загребсомъ. Культъ Астарты былъ чужденъ въ финикійскомъ поморьѣ; то же и женскаго производительнаго начала менемъ Милитты господствовало въ Вавилонѣ. Богослуженіе той и другой богини отличалось отъ любострастнымъ характеромъ. Въ храмахъ Астарты и Милитты и въ прилежащихъ къ роуахъ сидѣли туземныя женщины, которыя исполняли религиозныя обряды, т. е. для какому нибудь изъ иностранцевъ, посѣдителей богослуженіе богини. Многія дѣвушки цины посвящали себя служенію Астарты, съ жрицами, и въ этомъ званіи почти ежегодно отдавались посѣдителямъ. По старинному обычаю, дѣвушки, выходя замужъ, должны были развратъ принести себя въ жертву богинѣ; дѣтны, взаимно этого обычая, онѣ должны были честь богини обрѣзывать волосы и отнесши въ храмъ. Измѣненные и смягченные змюмъ, эти дикіе обряды въ европейской породили вакханаліи, въ которыхъ, какъ замѣтилъ выше, не было ни фанатическаго влеченія мужскаго плодородія, ни систематическаго устроеннаго разврата. Эти греческія ества отличались только веселымъ разгуломъ; этотъ разгулъ подавалъ часто поводъ врату, къ дракамъ и даже къ убійствамъ, было естественнымъ слѣдствіемъ пьянства явилось въ особенную заслугу участвовавшихъ. Вакханаліи перешли въ Италію въ 186 г. до н. э. и вскорѣ приняли тамъ мрачный, таинственный и преступный характеръ. Развратъ, кровавыя жертвы и приготовленіе ядовъ соли занятія посвященныхъ; собранія ихъ происходили по ночамъ; въ нихъ участвовало до тысячи человѣкъ, слѣдовательно они не могли не возбуждать отъ правительства и скоро возбудили

его опасенія. Здѣсь, какъ и въ большей части случаевъ, сенатъ заботился преимущественно не о чистотѣ вѣрованій, а о нравственности народа, и вакханаліи были запрещены, но уже зло успѣло пустить такіе глубокіе корни, что въ одинъ изъ послѣдующихъ годовъ преторъ осудилъ на казнь болѣе 3000 человѣкъ, уличенныхъ въ отравленія и въ приготовленія яда. — Поклоненіе матери боговъ началось еще до имперіи, во время второй пунической войны, когда римляне по приказанію дельфійскаго оракула перевезли богиню изъ Пессинунта въ Римъ. При переправѣ богини черезъ Тибръ произошло чудо, о которомъ упоминаетъ Светоній и которое вѣроятно сразу хорошо отрекомендовало богиню новымъ ея почитателямъ. Корабль, на которомъ везли святыню, съѣлъ на мель въ Тибръ, и вся процессія остановилась. Къ берегу подошла тогда римская дама Клавдія, принадлежавшая къ тому роду, изъ котораго потомъ произошелъ Тиверій, и громко произнесла молитву, прося богиню слѣдовать за нею, если она всегда сохраняла женскую стыдливость. Корабль пришелъ въ движеніе, богиню приняли съ восторгомъ, и въ честь ея были установлены особыя игры, Megalesia, начинавшіяся 4-го апрѣля и продолжавшіяся семь дней. На этихъ играхъ представляли весь мифъ Цибелы и Атиса; оскотленіе Атиса, его смерть и возвращеніе къ жизни составляли главный интересъ дѣйствія. По улицамъ города ходили оскотленные *галлы*, неся передъ собою окровавленный ножъ и собирая подаяніе; къ ихъ процессіи присоединялись даже, по свидѣтельству Лукана, киндецимвиры, хранители сивиллиныхъ книгъ. Нѣтъ данныхъ, позволяющихъ заключить, чтобы примѣръ самооскотленія находилъ въ природныхъ римлянъ усердныхъ подражателей; кажется, *галлы* постоянно были природные Малоазійцы, иначе писатели, обращавшіе свое вниманіе на иностранныя культы, не преминули бы отмѣтить этой черты ихъ вліянія. Но они говорили только о развратѣ, совершаемомъ въ храмахъ Цибелы, и допускавшемъ въ угодность богинѣ, и о грубомъ шарлатанствѣ *галловъ*, неумѣвшихъ даже прилично драпировать свое уметвенное и нравственное ничтожество. Осмѣивая въ своей VI сатирѣ суевѣріе знатныхъ римлянокъ, Ювеналъ упоминаетъ и о галлахъ: «Вотъ, говоритъ онъ, входить къ ней толпа оскотленныхъ жрецовъ фригійской матери боговъ, и предводитель ихъ громогласно возвѣщаетъ грозное приближеніе суроваго сентября, приводящаго за собою болѣзни. Чтобы оградить себя отъ зла, пужно очиститься, пожертвовавши сто яицъ; сверхъ того нужно отдать ему столько платя, чтобы на цѣлый годъ могли быть отвращены всѣ бѣдствія».

## У.

Посмотримъ теперь на греческій міръ, на происхожденіе и идею олимпійскихъ боговъ, и на



особенности эллинизма въ сравненіи съ элементами римскимъ, египетскимъ и азіатскимъ. Олимпийскіе боги не были и не могли быть первобытными богами; ихъ существованіе обуславливается такой высокой степенью эстетическаго развитія, какая не дается сразу даже самому даровитому народу. Эти боги, созданные изъ разнородныхъ элементовъ творческой силою народной поэзіи, наполнили собою міросозерцаніе грека, воплотили въ себѣ всю идею древности, но не вытѣснили въ богослуженіи тѣхъ первобытныхъ боговъ и богинь, которыя были связаны съ извѣстными мѣстностями и народностями и которые послужили матеріаломъ для образованія идеальныхъ, общегреческихъ мифическихъ существъ. Варонъ принимаетъ три рода теологіи: теологію поэтическую, — философскую и — гражданскую. Дѣйствительно, мѣстные греческія преданія и весь характеръ мѣстныхъ богослуженій рисуютъ намъ не тѣхъ боговъ, какихъ мы знаемъ по Гомеру, Гезіоду и трагикамъ; жрецы и поэты, расходившіеся между собою въ воззрѣніи на Олимпъ, расходятся еще рѣзче съ философами, отыскивающими физическое или историческое основаніе и значеніе мифа, и нежелающими закрывать отвлеченную истину ни преданіями сѣдой древности, ни блестящими созданіями творческой фантазіи.

Вслѣдствіе разнородныхъ историческихъ переломовъ, вслѣдствіе смѣшенія култовъ и броженія народностей, образовался на малоазійскомъ поморьѣ и на прилежащихъ роскошныхъ островахъ народный историческій и религіозный эпосъ, какого не создавала ни одна народность, ни одна цивилизація. Что этотъ эпосъ возникалъ по кускамъ, вѣроятно въ теченіи цѣлыхъ столѣтій, это можно было бы себѣ представить *a priori*, если бы даже различныя гѣсни Илиады и Одиссеи не носили на себѣ слѣдовъ различнаго языка. Для моей цѣли важно замѣтить, что гомеровскій эпосъ представляетъ, какъ мнѣ кажется, первую и единственную въ своемъ родѣ попытку обоготворить не природу, а человѣка.

Полный антропоморфизмъ Гомера, единственный въ своемъ родѣ, тѣсно связанъ съ его вполне эпическимъ характеромъ. Только рассказывая, не комментируя самого себя, не анализируя теченія собственныхъ мыслей, народный поэтъ не могъ отдѣлится идею отъ образа и заставить своего слушателя видѣть за его словами какой-то скрытый и высшій смыслъ; словомъ, онъ не могъ перейти изъ области чистой поэзіи въ область символистики, которая достигла своего апогея въ египетской теологіи, отъ которой не вполне свободна даже поэзія Гезіода. Гомеръ имѣетъ дѣло съ лицами, съ опредѣленными фигурами; онъ знаетъ личный характеръ Зевса, Посейдона, Аѳины, Аполлона и рисуетъ этотъ характеръ, нисколько не приводя его въ зависимость отъ космическаго значенія каждаго изъ этихъ бо-

жествъ. Стихійная природа существуетъ по себѣ и, можетъ быть, (хотя нѣтъ у насъ ясно не выражена эта мысль) ее сила и энергія въ которыхъ вліянію такъ безотчетно подчиняется личная личность, судьбы, стоящей выше и боговъ, но непревратившейся еще въ ту непреклонную и жестокую необъятность, которая у трагиковъ тиранически определяетъ каждый шагъ и поступокъ человѣка. Геродотъ также безапелляционно признаетъ личности безсмертныхъ. Отношеніе боговъ къ дѣльнымъ стихіямъ природы состоитъ въ томъ, что эти стихіи имъ подчинены въ извѣстныхъ предѣлахъ; они ими управляютъ, но они не пытаются измѣнить ихъ природу. Имъ въ душную стихію стоитъ обыкновенно приходить по своему размѣру человѣческая фигура, и рукой въ рукахъ достаточно силы, чтобы дѣйствовать моремъ, вѣтромъ или облаками такъ, какъ обыкновенный человѣкъ сталь бы дѣйствовать палкой, копьемъ, или вообще оружіемъ, для пользы любимой личности и въ ущербъ или обидчику. Эта мысль находитъ себѣ точное подтвержденіе въ рассказѣ объ Аѳинѣ Посейдонѣ. Воля этихъ громадныхъ личностей и характеръ нисколько не связаны свойствами тѣхъ стихій, которыми они управляютъ. Перемены времени года и т. д. не имѣютъ никакого вліянія на фізіономію гомеровскаго міра боговъ. Они любятъ и ненавидятъ, прощаютъ и прощаютъ, ссорятся и мирятся какъ люди и нельзя даже сказать, чтобы ихъ чувствительности были сильнѣе чувствъ и страстей смертныхъ эпическихъ личностей, которыя введены вмѣстѣ съ ними. Богъ въ порывѣ страсти страшнѣе человѣка потому же самому, почему и силачъ въ подобную минуту страшнѣе развѣдовавшаго ребенка. Онъ можетъ раздавить какого врага, не потому что въ немъ выше возмущенное чувство, а потому, что руки больше кричатъ. Когда Діомедъ ранитъ Ареса, тотъ падаетъ и закрываетъ собою нѣсколько десятковъ кричитъ такъ, какъ 10,000 воиновъ, и вслѣдствіи не мститъ Діомеду, и съ изумленіемъ раны забываетъ о нанесенной ему боли. Если Посейдонъ мстителнѣе Ареса, что онъ показываетъ своими поступками въ отношеніи къ Аяксу и къ Одиссею, то это черта характера, а не родовое свойство бога. Можно сказать вообще, что въ олимпійцахъ увеличенъ только масштабъ тѣла; духъ остается не только съ тѣми же совершенствами какъ у обыкновеннаго человека, но даже его отдѣльныя свойства и способности впадаютъ въ томъ же размѣрѣ. Боги не только способны на жестокость, на кровавое насиліе, на вспышку дикой страсти, но даже на мелкую гадость и на разсчитанное мошенничество. Зевсъ, чтобы вернуть грековъ въ бѣду, посылаетъ Агамемнону ложное знаменіе и убѣждаетъ его вступить въ



не, общая побѣда. Паллада Афина поступаетъ еще безчестнѣе, и ей въ этомъ поступкѣ сочувствуетъ Гера. Богиня мудрости сочувствуетъ ликійцу Пандару нарушить перемиріе, данное съ греками и вопреки данной клятвѣ стрѣлу въ Менелая. Это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы повредить троянамъ; Гера и Паллада думаютъ планъ этой интриги, а Зевсъ, съ клятвы, къ которому потомъ обращается Агамемнонъ, проситъ защиты и наказанія преступниковъ, даетъ свое согласіе послѣ раздумья. Раздумье возбуждается въ немъ отвращеніемъ къ низкому поступку, а ожесточеніемъ къ троянамъ, которыхъ онъ однажды хоронилъ въ жертву своимъ супруги. Когда Главкъ мѣняется оружіемъ съ Діомидомъ, Зевсъ обманываетъ Главку, что тотъ за мѣдное вооруженіе отдастъ бою золотое. Эти же самые боги являются въ величій силы и пластичной красоты, что, описанный Гомеромъ, Фидій создалъ свою великую статую Зевса олимпійскаго.

Нѣтъ никакого противорѣчія. Дѣло въ томъ, что грекъ боготворилъ существующій порядокъ вещей, и въ существующемъ порядкѣ то, что казалось ему всего изящнѣе, чистѣе. Но понятіе *человѣкъ*, изящный образъ складывался изъ разныхъ великихъ качествъ и совершенствъ; онъ создавался изъ тѣхъ явленій, какіе были въ наличности, и повсюду былъ полнымъ, вѣрнымъ и живымъ отраженіемъ эпохи. Если мыслитель, подобный Платону, дѣлалъ своего идеальнаго гражданина чисто-греческимъ образомъ, то тѣмъ болѣе въ томъ, въ которомъ воплощается отсутствіе недостатковъ, долженъ представить и подъ Троею, и на Олимпѣ только такія личности, какія выражали героически-патріархальный бытъ. Благодаря дѣйствительности, не выходя за ея пределы, гомеровскій эпосъ не дѣлаетъ никакого различія между дурными и хорошими сторонами жизни; все, что есть, и все, какъ есть, возносится на небо и на Олимпъ, облачается въ божественную силу, здоровьемъ и вѣчно юною молодостью, и живетъ припеваючи, не задавая себѣ никакихъ нравственныхъ задачъ, не отрѣшаясь отъ мелкихъ волненій, и внося всюду живость, энергию и полноту жизненной силы, божественную молодому человѣку и молодому народу. Это любовное, страстное, и спокойное въ то же время, сліяніе съ неодушевленной и безжизненной природою, эта любовь къ жизни и къ пожитію и наслажденію проникаетъ собою въ существованіе гомеровскаго грека. Смерть есть для него зло въ глазахъ эллина; за могилою онъ не видитъ никакого существованія, но оно ему нужно; ему нужны тѣло, веселый пиръ, полнота вина, красивая женщина, пѣсни уличнаго певца, а порою шумъ и тревога лагерной жизни, отвага битвы, побѣдные клики храбрыхъ

товарищей и богатая добыча; безъ этого нѣтъ жизни, а безъ жизни нѣтъ ему и блаженства. Въ XI-й книгѣ «Одиссеи» тѣнь Ахилла жалуется Одиссею на неудовлѣворительность загробнаго существованія: «лучше, говорятъ, быть здѣсь на землѣ работникомъ у послѣдняго бѣдняка, нежели тамъ — царемъ надъ всѣми тѣнями». На насъ обаятельно дѣйствуетъ Гомеръ не глубиною, не вѣрностью міросозерцанія, а удивительною свѣжестью и искренностью. Насъ радуетъ въ юномъ народѣ эта кипучая полнота жизни, эта роскошь силы, какъ радуетъ въ здоровомъ ребенкѣ веселость и рѣзвость. Стоитъ сравнить впечатлѣніе, производимое чтеніемъ «Иліады» съ тѣмъ, которое производитъ «Энеида», чтобы убѣдиться въ безконечномъ различіи, заключающемся между природою и самымъ искуснымъ подражаніемъ.

Насъ возмущаетъ то, что Эней обманулъ Дидону и что Виргилій его защищаетъ и оправдываетъ, потому что мы видимъ въ поэтѣ развитого и образованнаго человѣка и требуемъ отъ него большей сознательности, строгости и чистоты убѣжденій. У Гомера на каждомъ шагѣ плутуютъ и боги и люди, и ни одинъ благородный человѣкъ не будетъ на нихъ за то въ претензіи. Они дѣлаютъ это такъ простоудушно, съ такимъ наивнымъ и твердымъ убѣжденіемъ въ собственной правотѣ, что ихъ поступки нельзя находить безнравственными. Афродита разрушаетъ семейное счастье Менелая, сводитъ между собою любовниковъ, въ чемъ упрекаетъ ее сама Елена, и между тѣмъ вездѣ сохраняется во всемъ эпосѣ вся женственная прелесть слабаго, прекраснаго, нѣжнаго и любящаго существа. — При своемъ свѣтломъ любовномъ взглядѣ на жизнь, грекъ не могъ себѣ составить отдѣльнаго понятія о злѣ; у него нѣтъ существа, соответствующаго египетскому Тифону, персидскому Ариману или еврейскому Сатанѣ. Не видя нигдѣ въ природѣ абсолютнаго зла, грекъ не создалъ себѣ этого понятія и въ отвлеченности. Этому содѣйствовало, можетъ быть, и географическое положеніе Греціи; не было ни мороза, ни губительнаго зноя; ни безбрежное море, ни обширная, песчаная пустыня не могли представить живому воображенію человѣка, живущаго одною жизнью съ природою, воплощенія враждебнаго начала смерти и разрушенія. Эта же причина содѣйствовала, можетъ быть, освобожденію грека отъ обожанія природы. Понятно страстное благоговѣніе скандинава передъ Бальдуромъ: онъ видитъ въ немъ солнце, а солнце грѣетъ его, свѣтитъ въ его темную хижину, вызываетъ растительность изъ почвы и сгоняетъ съ нея снѣжные сугробы. Все это почти въ диковину жителю далекаго сѣвера; онъ дорожитъ какъ днями своего короткаго лѣта, такъ и той видимой причиною, отъ которой происходитъ свѣтъ и теплота, жизнь и растительность. На томъ же самомъ побужденіи



основано поклонение египтян рѣкѣ Нилу, которую ставили наравнѣ съ *Ра*, и которой приносили жертвы до временъ Θεодосія. Ничего подобного не могло быть въ Греціи. Теплоты и сырости было довольно, земля была плодородна, растительность свѣжа и сильна; всѣ силы природы дѣйствовали умѣренно и гармонично, такъ что ни одна изъ нихъ не явилась исключительнымъ благодѣтелемъ страны; притомъ, для того чтобы воспользоваться благоприятнымъ положеніемъ и плодородіемъ почвы, человѣку необходимо было трудиться; собственный трудъ явился для него такимъ образомъ главнымъ двигателемъ и послѣднею причиною благосостоянія, такъ что внѣшняя природа была только обстановкою, полемъ дѣйствія, а героемъ выступала человѣческая личность. Она преодолевала препятствія, увеличивала удобства жизни, истребляла все вредное, чудовищное и неизящное. Геркулесъ, Тезей, Кадмъ, Язонъ, Кекропъ являются такими личностями въ греческомъ мифическомъ эпосѣ. Силы природы, съ которыми они борются, большею частью слѣпы и только безсознательно, по своей инерціи, составляютъ имъ препятствія. За и противъ этихъ героев дѣйствуютъ боги по чисто-личнымъ и человѣческимъ, а не стихійнымъ побужденіямъ. Отъ этихъ боговъ происходило и добро, и зло, какъ оно можетъ произойти и отъ любого человѣка. Происхожденіе какой-нибудь язвы, наводненія, голода или войны никогда не считалось проявленіемъ злого начала, или мрачной стороны какого-нибудь бога; это объяснялось гораздо проще. Аполлонъ разсердился на грековъ за то, что они не отдали Хризиду по просьбѣ ея отца, Хризеса, жреца Аполлона. Аполлонъ сильный богъ, и у него въ колчанѣ множество стрѣлъ, навѣрное попадающихъ въ цѣль; онъ подходитъ къ греческому лагерю и начинаетъ стрѣлять; при каждомъ выстрѣлѣ умираетъ человѣкъ, и это продолжается девять дней; на десятый его умилюютъ, и повальная болѣзнь прекращается. Обыкновенный человѣкъ въ гнѣвномъ настроеніи могъ бы застрѣлить одного или двухъ, — Аполлонъ застрѣливаетъ сотни людей; вотъ и вся разница, состоящая опять-таки только во внѣшнемъ масштабѣ. Аполлонъ не превращается черезъ это въ глазахъ грековъ въ гения зла; сдѣланное имъ зло приписывается его настроенію и проходитъ вмѣстѣ съ нимъ. Смѣну добрыхъ и злыхъ движеній въ душѣ человѣка грекъ считаетъ не только естественнымъ, но и нормальнымъ явленіемъ. Это доказывается тѣмъ, что онъ переноситъ ее на свой Олимпъ.

Итакъ, антропоморфизмъ, обоготвореніе дѣйствительности и отсутствіе абсолютныхъ началъ добра и зла составляютъ главные, тѣсно-связанные между собою черты греческаго міросозерцанія въ гомеровскомъ эпосѣ. Эти черты имѣли огромное влияние на всю греческую жизнь. Боготворя дѣйствительность, грекъ оправдывалъ

всякое уклоненіе отъ разумности, моральной нравственности, если только она шла въ вышай и принята въ обществѣ. Притомъ на вещи голый развратъ и грѣшныя страсти превращаются въ естественныя проявленія вѣческой личности и получаютъ священный характеръ религіи. Они существуютъ, и они имѣютъ право существовать — и имѣются Афродита, покровительница любви, Гермесъ, покровитель обманщиковъ и т. д.

То, что въ молодомъ народѣ было ко свѣтлый и веселый взглядъ въ жизнь, въ народѣ уже развившемся превратилось въ нравственную терпимость, граничащую съ новою безнравственностью. Грекъ героическаго вѣка могъ поклоняться богу, въ которомъ дѣлалъ отраженіе своихъ свойствъ и стремлений; грекъ временъ Перикла долженъ былъ чему не поклоняться, или поклоняться болѣе высокому, чтобы въ томъ и въ другомъ чаѣ относиться критически къ себѣ, къ своимъ психическимъ отправлениямъ. По другимъ путямъ пошли только философы, которые отвергли всякое вѣрованіе, другіе считали себя существующую религію; народъ оставался довольно неприязненно на тѣхъ и на другихъ, поклонялся прежнимъ идоламъ и въ глубинѣ души гадалъ то, что видѣлъ въ нихъ Гомеръ.

Всѣ философы древности возстаютъ противъ влияния поэтовъ на народную нравственность. Ксенофанъ говоритъ: «Гомеръ и Гесиодъ приписали къ богамъ все, что дурно и позорно въ людяхъ: воровство, прелюбодѣяніе и т. д.» Гераклитъ эфесскій говоритъ, что Гомеръ и Гесиодъ вало бы выгнать изъ Олимпійскихъ стрѣлъ, давая ему пощечины. «Преимуществомъ Платона въ II-й книгѣ своей «Республики» является порицаніе великаго ложь Гомера и Гесиода, потому что всего хуже ложь въ своемъ изложеніи представляетъ природу боговъ и героев. Его можно сравнить съ живописцемъ, который, желая срисовать метъ, произвелъ вѣчто, вовсе непохожее».

Къ этимъ цитатамъ можно было бы прибавить еще много другихъ, и уже само собою видно, что въ нихъ и рѣзкость нападокъ показываетъ, насколько было сильное влияние поэтовъ. Діонисій Периопатесскій коротко и ясно характеризуетъ влияние поэтовъ на массы въ отношеніи къ религіи: «Я, признаю, знаю, говоритъ онъ, что многіе извиняютъ греческіе безнравственные мифы, напоминая, что это аллегорическое значеніе; я это знаю хорошо, но тѣмъ не менѣе обращаюсь съ ними осторожно и предпочитаю римскую теологію; по моему мнѣнію, хорошаго въ греческихъ мифахъ мало, и они приносятъ пользу немногимъ, изслѣдователямъ, зачѣмъ они были придуманы. Немногіе изъ нихъ были участниками этой мудрости. Напротивъ многочисленная толпа, незнающая съ философами, принимаетъ эти рассказы въ худшемъ смыслѣ».



ходить одно изъ двухъ: или они назеирать боговъ, унижающихся до сатительныхъ поступковъ, или сами иваются отъ грязныхъ и позорныхъ иды, что то же самое дѣлають и боги». ется, происходило преимущественно ч. масса всегда съ удовольствіемъ а къ осязательному авторитету, осо- атотъ авторитетъ не налагаетъ тя- аниченій и не противорѣчитъ господ- вкусамъ и наклонностямъ. Безправ- грековъ засвидѣтельствована всѣми древности и проглядываетъ въ нѣ- амѣчательныхъ греческихъ мыслите- ѣріе ихъ выразилось во множествѣ и мистерій, въ усердномъ поклоненіи мъ богамъ и наконецъ въ построеніи извѣстнымъ богамъ въ Олимпіи, и въ безправственности, и суевѣріе нахо- довлетвореніе и поощреніе въ созда- и въ гомеровскомъ эпосѣ; очень есте- о поэты при такихъ условіяхъ до са- а язычества удержали свое господство и свое религиозное значеніе. Со вре- андра Македонскаго начинается сбли- ии съ Востокомъ; еще до Александра въ Грецію, черезъ острова, восточные, е культы; поклонение матери боговъ представляютъ несомнѣнные слѣды происхожденія; но это были частныя нія, и они не могли имѣть рѣшитель- а на образъ мыслей народа и на всѣ нія. Послѣ разрушенія персидской мо- да на сѣ развалинахъ возникли грече- ретва преемниковъ Александра, элле- ражавшійся въ языкѣ, въ литературѣ, фии и въ религиозныхъ вѣрованіяхъ, въ Азію и въ Египетъ и основалъ цен- господства въ Александріи, въ Антио- елевкѣи. Политическіе виды Лагидовъ овъ побуждали ихъ сливать греческую съ египетской и сирийской; религія онечно прежде всего обратили на себя ние; извѣстно, какими мѣрами Антиохъ тарался эллинизировать іудеевъ; дру- и принимались за дѣло осторожнѣе, и хъ были успѣшнѣе. охин, въ Селевкѣи, въ Дамаскѣ, въ Лао- обще въ большихъ городахъ господ- реческій языкъ; въ Александріи, не- мрачную исключительность египтянъ, наука развернулась въ небывалыхъ змени размѣрахъ. Въ XVI книгѣ своей говоря о Сиріи, Страбонъ упоминаетъ храмахъ, посвященныхъ греческимъ же въ Египтѣ существовали такіе хра- зовался полугреческій богъ Сераписъ. такое могущественное вліяніе на Вос- ція въ свою очередь испытывала на ное вліяніе Востока. Служеніе Діонису

усиливалось, стремленіе къ мистеріямъ возраста- ло вмѣстѣ съ возрастающей наклонностью къ таинственности, которой было такъ мало мѣста въ опредѣленной и ясной гомеровской теологіи, и которая была такъ противна первобытному гре- ческому духу, выразившемуся въ гомеровскомъ эпосѣ. Явилось сближеніе Діониса съ Озирисомъ, съ Атисомъ и Адонисомъ, потому что вообще это время (послѣ Александра Македонскаго) отлича- лось стремленіемъ сливать личности боговъ и на- ходить въ нихъ сходство и тожество. Культъ Афродиты принялъ совершенно азіатскій харак- теръ служенія Астарты или Милитты; явилось поклоненіе Серапису и Изидѣ. На сочиненіяхъ Плутарха, жреца Аполлона, видно, до какой сте- пени въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. было сильно влія- ніе египетской религіи на грековъ; пробудилось стремленіе къ аскетизму, выразившееся въ со- чувствіи жрецамъ Изиды. Аполлоній Тіанскій пу- тешествовалъ по Востоку съ цѣлью найти истин- ную мудрость и нашелъ ее у индейцевъ, гдѣ осо- бенно понравилось ему возвышеніе мудреца надъ всѣмъ земнымъ и преходящимъ. Вліяніе Востока на греческій духъ можно, мнѣ кажется, опредѣ- лить слѣдующимъ образомъ: Востокъ внесъ въ Грецію крайнюю чувственность и вмѣстѣ съ тѣмъ, вызванную этой чувственностью реакцію—аске- тизмъ. Крайняя чувственность проявилась въ непомѣрномъ развитіи вакханалій и служенія Афродиты; аскетизмъ выразился въ пробужденіи пиагоризма въ личности Аполлонія Тіанскаго, и въ стремленіи Плутарха возбудить сочувствіе греческаго міра къ жрецамъ Изиды и къ ихъ образу жизни. Конечно, какъ и слѣдовало ожи- дать, чувственность дѣйствовала въ массахъ, а аскетизмъ составлялъ достояніе немногихъ.

## VI.

Взглянемъ теперь на положеніе греческихъ жрецовъ. Общественное мнѣніе не требовало отъ нихъ ни особенныхъ умственныхъ способностей, ни особаго спеціальнаго изученія религиозныхъ догматовъ. Плутархъ говоритъ, что надо учиться религіи у поэтовъ, у законодателей и философовъ; жрецовъ онъ здѣсь не называетъ и слѣд. не счита- етъ ихъ способными научить желающаго рели- гиозному догмату. Жрецы были только священ- нослужителями, отправлявшими богослуженіе и приносившими жертвы; эстетическое чувство гре- ческаго народа и духъ самой религіи, основанной на поклоненіи красотѣ, требовали отъ жреца тѣ- лесныхъ качествъ. Ни уродливо сложенные или некрасивые люди, ни иностранцы, ни бѣдняки не могли сдѣлаться жрецами; послѣдніе потому, что съ этой должностію, для поддержанія вишняго благолѣпія, были сопряжены значительныя из- держки. Нѣкоторыя должности жрецовъ были наслѣдственны въ извѣстныхъ семействахъ; эти наслѣдственныя должности существовали боль-







что сомнѣнія не только высказывались, но проникаютъ и въ народъ.

въ 1-мъ вѣкѣ, до и послѣ Р. Х., тѣ; возникаютъ новые культы, воздѣлаются храмы и оракулы, напр. въ честь гиптѣ, и поклоненіе этимъ божествамъ до окончательнаго паденія о движеніе къ мистицизму порождаетъ оппозицію въ рядахъ мыслителей; Аларский выводитъ наружу обманы и двусмысленность и неясность, тѣ возможность и представляется оказательства ихъ вреднаго вліянія на жизнь и на международныя. Его сочиненіе: *Φορά ὑψηλῶν ρατάνων* («охраняющее въ Евсевія, написано легко, остроумно; это доказываетъ, что онъ хотѣлъ на народъ и что стало быть потребностью противодѣйствовать та потребностью еще ярче выраженія знаменитаго современника Ксавра Авонотихита, Лукіана сатирически характеристика его вліянія не входитъ уже въ раму моей работы этимъ указаніемъ на нововозникшія въ массахъ; фактъ этотъ не потому, что одинъ изъ первыхъ оновъ этого пѣстического движенія Аполлоній Тіанскій; въ его время нашей частью равнодушенъ къ религіи, ему нужно было ученіемъ и чуть умирившую вѣру. Филостратъ упоминаетъ о томъ, что онъ возстаженіе въ опустѣвшихъ храмахъ, въ своихъ многочисленныхъ служеніяхъ къ богамъ, которыхъ изображены въ меньшемъ почетѣ, чѣмъ ставныхъ р. императоровъ.

тѣ жертвоприношеніяхъ упомянуто въ актѣ составлялъ главное средоточіе божественныхъ обрядовъ, но какъ и вообще, онъ не могъ имѣть значенія на умы, и только большая или естественность обрядовъ можетъ до нихъ служить мѣркой религіознаго. Человѣческія жертвы въ древнегреческаго культа были явленіемъ, что доказывается тѣмъ, что даже время въ очень важныхъ случаяхъ жертву человѣка. Въ цвѣтущій вѣкъ, начиная съ гомеровскихъ временъ, жертвы совершенно вытѣснены приношеніями животныхъ, соефиршествомъ и имѣющими совершенно другой характеръ. Умерщвленіе человека встрѣчается или въ видѣ го случая, или какъ древній обрядъ въ немногихъ старинныхъ го-

родахъ и составляющей рѣзкое противорѣчіе съ общимъ колоритомъ веселаго и свѣтлаго богопочитанія. Бичеваніе мальчиковъ въ Спартѣ въ честь Артемиды Ортіи и бичеваніе женщинъ въ Алеѣ въ честь Діониса можетъ быть разсматриваемо какъ обычай, замѣнившій собою человѣческія жертвы. Значеніе этого обряда сознавали сами древніе; это видно изъ разговора Аполлонія Тіанскаго съ Тесспезіаномъ. Жертвоприношенія по цѣнѣ своей бывали очень различны; богачи и города зарѣзывали иногда цѣлыя сотни воловъ или барановъ, а бѣдняки часто приносили только пироги или плоды. Очень естественно, что въ понятіяхъ народа значительныя жертвы составляли нѣкоторымъ образомъ одолженіе, оказанное богу, за которое можно было рассчитывать также съ его стороны на особую услугу; вторая сатира Персея направлена противъ этого языческаго фарисейства, и энергія его нападокъ свидѣтельствуетъ о силѣ и обширномъ вліяніи этихъ понятій на нравственность. Евангельскія притчи о мытарѣ и фарисеѣ и о двухъ лептахъ бѣдной вдовицы доказываютъ, что и въ іудейскомъ обществѣ нужно было искоренять подобныя убѣжденія.

Изображенія боговъ измѣнялись по мѣрѣ развитія эстетическаго чувства и технической ловкости въ обработкѣ сырого матеріала. За архаическимъ или іератическимъ періодомъ, въ которомъ боги изображались или въ видѣ неотесанныхъ камней и деревянныхъ столбовъ, или, позднѣе, въ человѣческомъ образѣ, но съ нераздѣленными ногами и грубо высѣченными чертами лица, за этимъ періодомъ слѣдуетъ эмансипація искусства и торжество его при Фидіѣ и Праксителѣ, совпадающее съ цвѣтущей эпохой всей политической и умственной жизни Эллады. Еще при Аполлоніѣ Тіанскомъ слава статуѣ Зевса Олимпійскаго, Аѳины, Афродиты Книдской и Геры Аргивской была распространена по всему образованному міру. Опираясь на эти безсмертныя творенія греческаго духа, Аполлоній говоритъ египетскому мудрецу: «ихъ создала фантазія; она мудрѣе подражанія; подражаніе изображаетъ то, что видитъ, а фантазія то, чего не видитъ; это невидимое предполагается по сравненію съ видимымъ; подражаніе можетъ быть остановлено смущеніемъ, но ни что не остановитъ фантазію; смѣло приступаетъ она къ предмету своего творчества. Хочешь творить образъ Зевса? — Представь его себѣ въ высотѣ небесъ, среди звѣздъ и вѣчнаго теченія времени, такъ, какъ его представилъ себѣ Фидій. Творишь-ли ты Аѳину — вообрази себѣ полное вооруженіе, олицетвори мудрость, окружи ее всѣми атрибутами искусствъ и представь себѣ тотъ мигъ, когда она высказываетъ изъ самого Зевса».

Весь антропоморфизмъ грека и все его живое эстетическое чувство рельефно выразились въ этихъ словахъ, кому бы они ни принадлежали, Аполлонію или самому Филострату.



Великолѣнные идолы работы Фидія и Праксителя должны были дѣйствовать на массу народа, одареннаго сильнымъ, но безсознательнымъ чувствомъ изыскаго, — тѣмъ сильнѣе, что народъ вѣрилъ въ божественность самыхъ статуй. Онъ вѣрилъ, что при освященіи готовой статуи священнодѣйствіемъ, въ бездушный камень или металлъ вселяется частица самаго божества, и идолъ превращается въ бога. «Когда возникаетъ богъ? спрашиваетъ Минуцій Феликсъ, христіанскій апологетъ; вотъ онъ вылитъ, его обрабатываютъ, обрѣзываютъ—онъ еще не богъ; его сплавляютъ, собираютъ, ставятъ на пьедесталь — и все еще онъ не богъ; но вотъ его украшаютъ, освящаютъ, ему приносятъ молитву, и онъ дѣлается наконецъ богомъ, когда того хочетъ человѣкъ, когда человѣкъ возводитъ его на эту степенъ».

Упомяну еще о томъ, что греческая религія требовала при жертвоприношеніи физической чистоты отъ участвующихъ; эта чистота достигалась омовеніями, которыя, по понятіямъ народа, очищали даже въ нравственномъ отношеніи отъ тяжелыхъ и кровавыхъ преступленій. Впослѣдствіи, когда увеличилась потребность замѣнять торжественностью обряда слабѣющее религіозное чувство, омовенія водою показались слишкомъ просты и недѣйствительны. Явился обычай омы- вать руки въ крови жертвенныхъ животныхъ, а во-второмъ вѣкѣ по Р. Х. изъ этого обычая развился торжественный обрядъ *taurobolium* и *criobolium*, въ которомъ желающій получить всепрощеніе и святость становился подъ досчатый помостъ и съ ногъ до головы обдавался кровью вола, зарѣзываемаго въ честь Цибелы. Заботливость о чистотѣ жрецовъ была особенно сильно развита у египтянъ; оттого обязательныя омовенія. Этому обычаю подражалъ Пивагоръ, поставившій, отчасти по гигиеническимъ, отчасти по религіознымъ соображеніямъ, ежедневныя холодныя купанья въ обязанность своимъ ученикамъ. Аполлоній Тіанскій считалъ эти омовенія очень полезными, а Плутархъ придавалъ имъ даже важное символическое значеніе.

Кромѣ общезвѣстной греческой религіи существовала еще съ самыхъ древнихъ временъ религія мистерій, въ которой вѣрующіе, посвященные извѣстными обрядами, присутствовали при драматическомъ представленіи различныхъ мифовъ и религіозныхъ преданій. При этомъ не было опредѣленнаго догматическаго ученія; посвящаемый не узнавалъ никакихъ новыхъ религіозныхъ положеній; ему предоставлялось смотрѣть, слушать и выводить заключеніе, сообразное съ его образомъ мыслей, съ степенью его природной впечатлительности и умственнаго развитія. Плутархъ говоритъ, что въ мистеріяхъ не убѣждаютъ доводами, не сообщаютъ ничего такого, что могло бы склонить духъ къ вѣрѣ; должно только, руководствуясь философскимъ соображеніемъ, обдумывать съ благоговѣніемъ то, что тамъ

дѣлается и говорится. Отличаясь отъ египетской религіи своею таинственностью, египетскія мистеріи отличался и личностями боговъ и характеромъ. Знаменитѣйшіе боги египетскаго цикла: Зевсъ, Аполлонъ, Гера, Афина, Юпитеръ, совершенно не участвуютъ въ мистеріяхъ. Главнѣйшими дѣйствующими лицами мистерій являются Діонисъ, Персефона и Деметра, имѣющіе почти никакого значенія въ гомеровской религіи. Причины этого явленія можно видѣть въ иностранномъ происхожденіи мистерій, внесенныхъ въ собственную Грецію изъ Востока, отчасти въ томъ, что для мистерій были нужны личности подземныхъ боговъ, не опредѣленной и загадочной фizioноміи. Имя мистерій въ Грецію приписывается мифической личности Орфея, котораго трагическая кончина указываетъ на борьбу оргіастическаго съ мистическимъ. Центромъ мистерій является тотъ самый мифъ, о которомъ я говорилъ при описаніи фригійскаго культа. Этотъ мифъ, несомнѣнно свое основаніе въ поклоненіи плодѣ, рано распространился по восточнымъ берегамъ Средиземнаго моря и, произведя сильное впечатлѣніе на фантазію народа какъ своей яркостью, такъ и глубиной основной мысли, сохранилъ полную жизненность до послѣднихъ временъ язычества.

Эта жизненность выразилась въ томъ, что легко примѣнялся къ особенностямъ мѣстныхъ народовъ, у каждаго изъ нихъ принявъ особый колоритъ, сохраняя при этомъ основную идею. У грековъ этотъ умирающій называется Діонисомъ Загревсомъ; его убиваютъ по приказанію Геры, законной супруги Зевса. Зевсъ—незаконный отецъ убитаго Діониса, убиваетъ титановъ и изъ сохранившаго сердца своего сына создаетъ новаго Діониса. Важно въ этомъ мифѣ то обстоятельство, что Діониса разрываютъ и съѣдаютъ титаны. Женные молніей Зевса, титаны превращаются въ пепелъ, и изъ этого пепла рождаются потомки, въ которыхъ злая природа титановъ соединяется съ доброю природою Діониса. Разрываніе бога и переходъ его въ другія тѣла указываетъ на пантеистическое воззрѣніе, выраженное въ мифическомъ образѣ. Такъ по крайней мѣрѣ толковали этотъ мифъ позднѣйшіе мистики. «Измѣненіе бога въ воду, землю и звѣзды, въ роды растений и животныхъ, говоритъ Плутархъ, переходъ божества въ мірозданіе изображается наглядно какъ разрывъ и раздробленіе, и тогда божество называется Діонисомъ Загревсомъ; гибель, уничтоженіе, смерть и возрожденіе облекаются въ образъ разсказа, соотвѣтствующіе названіямъ мистерій». Въ приведенной главѣ Плутархъ предполагаетъ пантеистическому обожанію Діониса чисто деистическое обожаніе Аполлона. И въ происхожденіи людей изъ пепла титановъ



высказалъ мысль о божественномъ происхожденіи императорской власти, но, чтобы высказать эту мысль, надо было получить ее изъ прошедшаго, укрѣпившагося и созрѣвшаго. Если эта мысль могла пережить Западную Римскую имперію, перейти въ Византію, воскреснуть въ Итакѣ и Германіи при Карлѣ Великомъ и потомъ перенестись на королевскую власть бывшихъ вассаловъ священной имперіи, то, мнѣ кажется, можно допустить, что въ основаніи ея лежало дѣйствительное убѣжденіе римской толпы, а не движеніе лести и не произволъ властелина. Дикій и отвратительно-пошлый характеръ римскаго цезаря, по самой идеѣ языческаго божества, не долженъ былъ имѣть вліянія на апофеозу; вѣдь и коренные боги не являлись воплощенною добродѣтелью. Иностранные культы, введенные въ Римъ, были новѣе и страннѣе туземнаго греческаго богослуженія; они пользовались, сравнительно съ нимъ, большою популярностью, но всего больше возбуждало сочувствіе върующей толпы какое-нибудь случайное, экстренное явленіе, неподходявшее подъ обыденную форму. Эту черту характера уловилъ Сенека. «Если, говорить онъ, кто нибудь, потрясая жезломъ, рассказываетъ заученный вздоръ, если мастеръ рѣзаетъ себя (жрецъ Беллоны), высоко поднимая топоръ, рубить въ кровь руки и плеча, если кто нибудь ползетъ на колѣняхъ и поднимаетъ вой, если старикъ въ холщевой одеждѣ, съ лавровою вѣткою въ рукѣ, днемъ несетъ передъ собою фонарь и громко кричитъ о гнѣвѣ какого-нибудь бога, тогда вы сбѣгаетесь и восклицаете: этотъ человѣкъ вдохновленъ богомъ!»

Потребность непосредственнаго откровенія, передъ которымъ замолчало бы самое упорное сомнѣніе, давала себя живо чувствовать. Аполлоній Тіанскій былъ признанъ богомъ за свое ученіе и за свои чудеса, а между тѣмъ его рѣчи не оставили по себѣ прочныхъ слѣдовъ. Оракулъ, учрежденный Александромъ въ Авонотихѣ, пользовался такой извѣстностью, что къ нему обращался даже стоическій философъ и императоръ Маркъ Аврелій. Со смертью Александра рушилось все его искусственное зданіе. Въ жизни Нерона встрѣчается яркая черта времени. Неронъ обожалъ только одну, такъ называемую сирійскую богиню и вѣрилъ въ ея силу, но наступило время разочарованія, и Неронъ, въ минуту каприза, наругался самымъ грязнымъ образомъ надъ своимъ идоломъ. Масса не была такъ рѣшительна и постоянно колебалась между робкимъ индифферентизмомъ и напряженнымъ ханжествомъ; трусливость не оставляла ее ни на минуту, и большинство боговъ являлись ей личностями, отъ преслѣдованій которыхъ надо откупаться подарками и жертвоприношеніями.

Между пламенною вѣрою фанатика и трусливымъ суевѣріемъ, очерченнымъ Плутархомъ, лежитъ цѣлая бездна; первая вся основана на

чувствѣ, во второмъ нѣтъ искры воодушевленія. Первая влечетъ къ подвигамъ самоотверженія, второе все проникнуто самымъ мелкимъ эгоизмомъ. Фанатизмъ исключаетъ и боязнь, и сомнѣніе, и неуверенность; онъ вѣруетъ въ себя, и сомнѣніе; суевѣріе вѣруетъ на боязни и сомнѣніи. Словомъ, мнѣ кажется, что суевѣріе и невѣріе стояли другъ къ другу, чѣмъ фанатизмъ и суевѣріе. Первые два настроенія вызваны были драматическою господствующей религіей, а послѣднее, пришедшее съ такою силою въ первые вѣка христіанства, могло быть вызвано только молодой и воюю идеею. Суевѣріе давно потеряло изначальную идею религіи; его близорукая трусливость позволяла ему взглянуть вдалѣ и вверхъ; оно было смотрѣть подъ ноги, обращая все на то, чтобы не опустить какой-нибудь формальности, не нарушить обряда.

Языческія религіи не были богаты собственнымъ содержаніемъ; подъ вліяніемъ вѣрѣя онѣ окончательно измельчали; при творприношеніяхъ нужно было соблюдать строго предосторожностей въ отношеніи къ божеству, что мало-по-малу въ народномъ роуваніи эта статуя вытѣснила то понятіе, которое она должна была напоминать собою. Идоломъ не освященіе статуй извѣстными молитвами и обрядами получило значеніе дѣланія боговъ; мнѣніе, что люди могутъ принуждать божество вселяться въ статуи и жить въ нихъ, какъ душа человѣка живетъ въ тѣлѣ, сдѣлался святынею самъ-по-себѣ, а не идеѣ, которую онъ вызывалъ въ молнии. Явилось служеніе собственно идоламъ; реальные поклонники божества стали исполнять идола обязанности слуги; одни натирали ея зиями, другіе завивали ему волосы, шевелили по мраморной или металлической его тѣлѣ; третьи держали передъ нимъ зеркала, и просили боговъ заступиться за нихъ и держали передъ глазами истукана въ изъ своихъ процессовъ. Такъ какъ на идола не могли смотрѣть какъ на портретъ, то свѣдѣніе идола стала заключаться не столько въ фактъ, сколько въ матерію, освященную извѣстными почти магическимъ обрядомъ; рядомъ съ идолами статуямъ видно поклоненіе прощаніемъ. Язычество совершило кажется міровое поприще и поворотило къ своему началу, къ пелазгическимъ временамъ. Явился бѣлый фетишизмъ, который тѣмъ болѣе рѣзко выдѣлялся изъ глазъ, что онъ существуетъ рядомъ съ роунымъ развитіемъ изобразительныхъ искусствъ. Въ этомъ фетишизмѣ должно видѣть истоу внутренняго содержанія; его нельзя изъяснить внѣшними препятствіями, иными въ недостаточномъ развитіи техники перекресткахъ лежали священные камни, тые масломъ; прохожіе становились передъ на колѣни, наливали на нихъ нѣсколько и



тея и просили ихъ о своихъ нуждахъ. Апулей зрѣзно обвиняетъ своего противника Эмилиана въ томъ, что въ его помѣсть нѣтъ ни увѣнчаннаго сука, ни камня, помазаннаго масломъ. Приетицизмъ существуетъ обыкновенно любопытный обычай наказывать бога за неисправное исполненіе просьбы. Этотъ обычай проявляется въ ревнемъ Римѣ при императорахъ. Флотъ Августа пострадалъ отъ бури, и Нептунъ былъ наказанъ тѣмъ, что его статую исключили изъ торжественной процессіи. Калигула разговаривалъ съ Юпитеромъ капитолійскимъ, иногда бранился имъ и угрожалъ ему погибелью. Юліанъ, человекъ умный и образованный, разсердившись на Марса, поклялся не приносить ему жертвы.

Замѣчательно, что многіе философски-развитые люди этой эпохи поддавались въ жизни самому наивному суевѣрію. Маркъ Аврелій былъ безспорно одинъ изъ лучшихъ римскихъ императоровъ, одинъ изъ благороднѣйшихъ людей своего времени и замѣчательнѣйшій изъ послѣдователей Эпиктета. Въ своихъ философскихъ сочиненіяхъ онъ презираетъ ничтожество всего земного, богатства, величія и наслажденія; онъ совѣтуетъ слѣдовать только внутреннимъ внушеніямъ своего духа и приписываетъ разуму неограниченную свободу. Онъ такъ мало зависитъ въ своемъ мышленіи отъ какого нибудь вѣрованія, что даже о безсмертіи души выражаетъ серьезное сомнѣніе. Тотъ же смѣлый мыслитель, тотъ же проповѣдникъ безграничной свободы мысли, въ своей вседневной жизни и даже въ своихъ государственныхъ распоряженіяхъ подчиняется не внутреннему голосу чувства, а указаніямъ жрецовъ и прорицателей. Отправляясь на войну противъ Маркоманновъ, онъ собираетъ въ Римъ жрецовъ всѣхъ религій и занимается разными торжественными церемоніями, а войско ждетъ, и удобное время уходитъ. Жертвы приносятся въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, что бѣлые воны приходятъ въ смятеніе и, по дошедшей до насъ шуткѣ того времени, пишутъ къ благочестивому цезарю письмо слѣдующаго содержанія. «Бѣлые воны Марку Кесарю. Если ты побѣдишь, мы погибли».

Трудно понять, изъ чего такъ хлопоталъ человекъ, отвергавшій безсмертіе души и признававшій ничтожнымъ все земное величіе, и военную славу; трудно себѣ представить, какимъ образомъ человекъ, не ступавшій ни одного шага безъ гаданій, молитвъ и жертвоприношеній, могъ въ своихъ теоретическихъ разсужденіяхъ подниматься такъ высоко надъ господствовавшими понятіями эпохи. Впрочемъ разладъ между жизнью и теоріею поражаетъ насъ въ этотъ періодъ времени. Особенно часто совмѣщаются въ одномъ лицѣ самое смѣлое невѣріе въ капитальныхъ вопросахъ, касающихся міроуправленія и безсмертія души, и самое трусливое суевѣріе въ мелкихъ случаяхъ вседневной жизни. Возьмемъ

для примѣра Августа. Послѣднія его минуты описаны Светоніемъ очень подробно и наглядно, и въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на вѣрованіе въ загробную жизнь. За нѣсколько минутъ до смерти, Августъ справляется о томъ, что происходитъ въ городѣ, потомъ спрашиваетъ себѣ зеркало, поправляетъ волосы, приводитъ въ порядокъ отвисшую нижнюю челюсть и вдругъ обращается къ друзьямъ съ неожиданнымъ вопросомъ: «А каково я сыгралъ комедію жизни»? Потомъ онъ декламируетъ греческіе стихи: «Если вамъ нравится игрушка, аплодируйте и всѣ провожайте насъ съ радостью». Затѣмъ, по его желанію, присутствующіе выходятъ изъ комнаты, онъ обнимаетъ Ливію и говоритъ: «Ливія, помни наше супружество, живи счастливо... прощай» и съ этими словами умираетъ. Намъ нѣтъ никакого основанія подозрѣвать Августа въ неискренности; Римскому императору, 76-ти-лѣтнему старику, не стоило притворяться; репутація его была составлена, и какъ бы онъ ни умеръ, онъ могъ быть увѣренъ, что его превознесутъ до небесъ и обоготворятъ. Наконецъ, если бы Августъ сталъ притворяться, то, какъ императоръ, какъ жрецъ и поборникъ государственной религіи, онъ притворился бы въ противоположную сторону и окружилъ бы свои послѣднія минуты всемъ аппаратомъ мистической религіозности.

Въ предсмертныхъ словахъ Августа видно только добродушно ироническое обращеніе назадъ, на пройденную жизнь. Видитъ ли онъ что нибудь впереди, сказать трудно, но что онъ равнодушенъ къ этому вопросу и не задаетъ его себѣ, это очевидно. Тотъ же Августъ, обнаружившій въ послѣднія минуты такой спокойный рационализмъ, былъ в теченіи всей своей жизни самымъ суевѣрнымъ человекомъ. Онъ вѣрилъ снамъ—и своимъ, и чужимъ, и вѣра его укрѣплялась тѣмъ, что иногда, въ очень важныхъ случаяхъ, сны сбывались. Въ день филиппскаго сраженія онъ чувствовалъ себя нездоровымъ и хотѣлъ остаться въ своей палаткѣ; одинъ изъ его друзей рассказалъ ему свой сонъ, и это побудило его измѣнить свое намѣреніе. Онъ вышелъ изъ палатки и не раскался въ этомъ, потому что лагерь побывалъ въ рукахъ непріятеля, палатку его опрокинули, а постель истоптали и изорвали.—Любопытно также узнать отъ Светонія, что Августъ, на основаніи видѣннаго сна, ежегодно въ извѣстный день выходилъ на улицу просить милостыню и «подставлялъ ладонь проходившимъ, которые подавали ему ассы». Гаданія и предзнаменованія были у Августа въ большомъ почетѣ; велико было его смущеніе, когда онъ надѣвалъ лѣвый башмакъ раньше праваго, и велика радость, если, когда онъ отправлялся въ долгій путь, глаза его случайно наполнялись слезами. Въ природѣ всякое рѣдкое явленіе обращало на себя его



вниманіе и перетолковывалось какъ счастливое или несчастное предвѣщаніе. Нѣкоторые дни считались у Августа благоприятными, другіе бѣдственными.

Есть данныя, позволяющія думать, что и въ обществѣ скептицизмъ въ области религіозныхъ вопросовъ совмѣщался и шель рука объ руку съ суевѣрнымъ выполненіемъ мелкихъ формальностей культа, имѣвшихъ большею частью магическое значеніе. О послѣднемъ, т. е. о суевѣріи я уже говорилъ. Что касается до скептицизма, то онъ засвидѣтельствованъ многими писателями. Плутархъ говоритъ, что немногіе люди вѣрятъ въ существованіе Тартара, Церберы и загробныхъ казней. «А кто и вѣритъ, продолжаетъ онъ, тотъ старается избавиться отъ этого страха посредствомъ омовеній. Мы видимъ такимъ образомъ, что тѣ (эпикурейцы), отвергая безсмертіе, уничтожаютъ самыя сладкія и великія надежды обыкновенныхъ людей». Здѣсь видно, что Плутархъ уже не стоитъ за букву догмата; ее отстаивать поздно и опасно, потому что эпикурейцы могутъ поднять на смѣхъ и погубить въ глазахъ народа всю апологию. Плутархъ защищаетъ только безсмертіе души и опирается не столько на преданіе, сколько на внутреннюю потребность, живущую въ груди каждаго человѣка. Невѣрію въ казни ада онъ самъ сочувствуетъ, потому что бояться боговъ и видѣть въ нихъ существа враждебныя, по его мнѣнію, грѣшно. Въ общей системѣ возраженій Плутарха, направленныхъ противъ эпикурейцевъ, просвѣчиваетъ мысль, которую однако самъ Плутархъ не рѣшается высказать прямо и смѣло. Можетъ быть вы и правы, слышится въ его доказательствахъ, можетъ быть и нѣтъ безсмертія души, но, во-первыхъ, въ него пріятно вѣрить, во-вторыхъ, это вѣрованіе можетъ быть полезно для народной нравственности. Вообще Плутархъ болѣе публицистъ, чѣмъ философъ, и заботится не столько о достиженіи отвлеченной истины, сколько о практическихъ удобствахъ извѣстнаго вѣрованія.

Замѣчательно, что ослабленіе вѣрованія въ безсмертіе души не измѣнило обрядовъ погребенія. Лукіанъ говоритъ, что въ его время по-прежнему клали въ ротъ покойнику оболъ для платы Харону за перевозъ, а между тѣмъ и Харонъ, и Стиксъ, и Церберъ, и самъ Аидъ съ Персефоною давно ушли въ область сказки.

Въ римскомъ мірѣ, еще во времена республики, высказывалось открыто невѣріе въ загробную жизнь. «Тамъ, говоритъ Цезарь, нѣтъ мѣста ни для радости, ни для заботы». «Недавно, говоритъ черезъ нѣсколько времени Катонъ, Кай Цезарь въ этомъ собраніи вѣрно и прекрасно рассуждалъ о жизни и смерти; онъ объявилъ, и я съ нимъ вполне согласенъ, что о преисподней разсказываютъ неглупости, будто тамъ злые отдѣлены отъ добрыхъ и обитаютъ въ страшныхъ, безплодныхъ,

дикихъ и отвратительныхъ мѣстахъ». Это произносились въ Сенатѣ, а сенатскія чтенія читались тогда всѣми, стало быть Катонъ заръ говорили передъ всѣмъ римскимъ и не боялись своими религіозными мнѣніями вредить своей популярности. Филонъ Андрийскій, писатель 1-го вѣка по Р. Хр., ася на размноженіе пантеистовъ и эти «Мальчики даже не вѣрятъ, говорятъ, наль, въ существованіе какихъ-то мавовъ земнаго царства, и кота (вѣроятно собла беръ превращена для насмѣшки въ черныхъ лягушекъ въ стигійскомъ «Лови день» (Cage diem), говоритъ Гово вообще всѣ лирики совѣтуютъ наслаждаться жизнью, пока живется, и вспоминалъ о находять въ ей грозномъ призракѣ лири будительную причину для дѣятельнаго въ жизненномъ пирѣ. Эта философія была кому по плечу; человѣкъ убѣжденный въ бѣжности уничтоженія, видѣлъ въ ней отношеніе къ случайному дару жизни, муся на время; человѣкъ, ни въ чемъ денный и не о чемъ не мыслявшій, ула роскошью картинъ, жизненностью обаяніемъ беззаботности и наконецъ безпав свободой, открывавшейся для чувственности такомъ взглядѣ на вещи.

Любимые поэты читались въ Римѣ почти ми; сочиненія ихъ расходились въ огромныхъ количествахъ экземпляровъ и, можетъ быть, ихъ нію на массу должно отчасти приписать господству эпикуреизма между такими людьми, ихъ собственными силами не могли бы вырабъ себя никакого міросозерцанія. Этотъ эпикуизмъ мало общаго съ ученіемъ, развитымъ хотвореніи Лукреція. О природѣ и естестве причинахъ бытія эти доморожденные эпики не заботились. По ихъ мнѣнію вся философія стояла въ наслажденіи минутою. Эта у общепонятная философія выражается мезчимъ въ надписяхъ надъ гробницами. «Чт и выпилъ, говоритъ надпись, то со мною оставилъ, то потерялъ;». — Читатель, г другая, наслаждайся жизнью; послѣ смерти ни смѣха, ни игры, ни сладострастія». — совѣтуетъ третья, повѣрьте мнѣ, смѣшн бокъ вина и пейте его, увѣчивавъ голо тами; послѣ смерти все пожирается огземлею».

Съ инымъ настроеніемъ отвергали безсмертіе души Плавій Старшій и Сенека. Убѣжденныхъ людей нельзя не уважать, хотя и раздѣлять. Напротивъ, исповѣданіе вѣры скептиковъ, составлявшихъ выписаннымъ фін, возбуждаетъ только презрѣніе. Они идею уничтоженія, радуются ей, и эта иде будто снимаетъ съ нихъ тяжелое бремя. кихъ людей страхъ составляетъ самую к уду и самую надежную опору нравстве



узда разорвалась, опора подгнила, рухнула и начинается сплошная оргія, грязный разгулъ чувственности, въ которыхъ гложутъ лучшіе инстинкты человѣчества. Дешевый скептицизмъ, кое суетвѣріе и животная чувственность составляютъ три главные момента нравственной жизни челоѣка временъ имперіи; эти три момента враждуютъ другъ на друга, тѣсно связаны между собою и часто совмѣщаются въ одно время въ одной личности или господствуютъ надъ нею, попеременно смѣняя другъ друга. Жрецы государственной религіи и иноземныхъ кулътовъ находятъ свою выгоду въ этихъ трехъ свойствахъ своихъ современниковъ и потому довольно искусно заботились о ихъ поддержаніи. Скептицизмъ былъ имъ опасенъ; они видѣли, что челоѣкъ, видѣвшій ничего впереди себя, тѣмъ болѣе ожилъ земными благами и потому наравнѣ прочими вѣрить въ гаданія, въ предзнаменія и оракулы, и приносить болѣе или менѣе цѣнные дары и жертвы. Скептицизмъ толпы, т. е. отсутствіе твердаго убѣжденія и самостоятельнаго суда былъ жрецамъ полезенъ, какъ почва суетвѣрій.

Отъ обширнаго политическаго вліянія жрецы давно отказались и въ Римѣ, и въ Греціи, и въ Египтѣ; они довольствовались мелкимъ вліяніемъ на домашнюю жизнь и часто брали плату съ своихъ поклонниковъ; жрецу было трудно втерѣться въ довѣріе значительнаго лица, а тѣмъ ему совѣты, пользоваться его уваженіемъ и щедростію; но положеніе Арифуфа, совѣтника Царя Аврелія, и Александра Авонотихита, царяшаго надъ переднею Азіею, составляютъ рѣдкія исключенія; большинство жрецовъ довольствовались тѣмъ, если въ ихъ храмахъ курились жертвы и стекалась толпа вѣрующихъ просителей, если ихъ уважали богатые матроны и, слушая ихъ совѣтовъ, не жалѣли денегъ. Для достиженія этихъ мелкихъ цѣлей нужно было употреблять мелкія средства. Твердая увѣренность въ словахъ и движеніяхъ, выставленіе на показъ религіознаго воодушевленія и строгости нравовъ, таинственная двусмысленность предсказаній, порою какое-нибудь чудо, чтобы подогрѣть сердце и вѣру поклонниковъ — вотъ средства, которыми держались языческіе жрецы. Смѣшно вспомнить, какими ребяческими фокусами Александръ Авонотихитъ въ продолженіи десятковъ лѣтъ обманывалъ и держалъ въ повиновеніи почти весь образованный міръ; ни эпикурейцы, ни христіане не могли сбить его съ пьедестала; онъ прямо выгонялъ изъ своего святилища всѣхъ невѣрующихъ, чтобы тѣмъ удобнѣе обманывать вѣрующихъ. Онъ возглашалъ при началѣ мистерій своихъ: «прочъ христіанъ»; народъ кричалъ: «прочъ эпикурейцевъ»; подозрительныхъ людей агоняли силою, и прорицатель остался прорицателемъ до самой смерти. Шарлатанъ оставилъ свое имя во всемірной исторіи наряду съ пра-

вителями, философами и поэтами; у жрецовъ было много средствъ дѣйствовать на воображеніе толпы и подогрѣвать ея суетвѣріе. Жрецы обладали многими медицинскими секретами, и цѣлебная сила ихъ средствъ увеличивалась вѣрующимъ настроеніемъ пациентовъ, обращавшихся къ ихъ помощи. Чудесныя исцѣленія, производившіяся въ храмахъ Эскулапа, Сераписа и Изиды, могли не быть шарлатанствомъ; они объясняются очень просто и естественно, и конечно, девять десятыхъ употреблявшихся при нихъ церемоній были не нужны и имѣли цѣлью подѣйствовать на воображеніе постытителей. Кромѣ медицинскихъ свѣдѣній жрецы обладали немногими знаніями изъ опытной физики и химіи. Все дѣло было въ господствовавшемъ настроеніи массы; то, что теперь показалось бы простымъ фокусомъ даже людямъ, непонимающимъ его устройства, то казалось грекамъ и римлянамъ чудомъ. Жрецы даже боялись писать о своихъ продѣлкахъ; до насъ однако дошли Pneumatica Герона, жившаго въ половинѣ II вѣка до Р. Х.

Эта любопытная книга заключаетъ въ себѣ наставленія и рецепты, какъ дѣлать въ храмахъ чудеса. Тутъ читатель узнаетъ, что при особенномъ устройствѣ храма зажиганіе огня на алтарѣ растворяетъ двери, а погашеніе его запираетъ ихъ; можно сдѣлать и такъ, что если зажечь огонь, то двѣ статуи, стоящія у жертвенника, сдѣлаютъ возліаніе, и при этомъ зашипятъ змѣи; при раствореніи дверей храма можетъ раздаваться звукъ трубы; словомъ, разныя огненные явленія, таинственные звуки, громъ и молнія, явленіе духовъ и тѣней, странные голоса — все было въ распоряженіи жрецовъ и могло по ихъ желанію потрясать воображеніе и нервы молящихся. Если нужно было сдѣлать чудесное исцѣленіе и поразить всѣхъ зрителей эффектною сценою, то не трудно было это устроить. Стоило назвать какого-нибудь бѣдняка, и онъ за ничтожную плату соглашался прикинуться хромымъ, слѣпымъ, сухорукимъ и потомъ въ данную минуту, на глазахъ цѣлаго города, прозрѣвалъ и исцѣлялся. Бывали и періодическія чудеса, происходившія каждый годъ. Въ Элеѣ три пустые котла запечатывались при всѣхъ гражданахъ и ставились въ храмъ; на другой день печать оказывалась нетронутою; ее вскрывали и въ котлахъ оказывалось вино, налитое Діонисомъ. На островѣ Андросѣ въ праздникъ Діониса текъ изъ храма ручей вина. Всѣ эти фокусы требовали конечно издержекъ, но онѣ съ лихвою окупались пріобрѣтаемымъ вліяніемъ.

Въ разсказѣ о Паулинѣ и Мундѣ видно, до какой степени простиралось въ лучшихъ людяхъ того времени довѣріе къ жрецамъ. Паулина, не отказавшая въ собственномъ тѣлѣ, конечно не отказывала въ деньгахъ; рядомъ съ этимъ разсказомъ можно поставить другой, не менѣе характеристичный. Въ Александріи жрецъ Са-



вниманіе и перетолковывалось какъ счастливое или несчастное предвѣщаніе. Нѣкоторые дни считались у Августа благоприятными, другіе бѣдственными.

Есть данныя, позволяющія думать, что и въ обществѣ скептицизмъ въ области религіозныхъ вопросовъ совмѣщался и шель рука объ руку съ суевѣрнымъ выполненіемъ мелкихъ формальностей культа, имѣвшихъ большею частью магическое значеніе. О послѣднемъ, т. е. о суевѣріи я уже говорилъ. Что касается до скептицизма, то онъ засвидѣтельствованъ многими писателями. Плутархъ говоритъ, что немногіе люди вѣрятъ въ существованіе Тартара, Церберы и загробныхъ казней. «А кто и вѣритъ, продолжаетъ онъ, тотъ старается избавиться отъ этого страха посредствомъ омовеній. Мы видимъ такимъ образомъ, что тѣ (эпикурейцы), отвергая безсмертіе, уничтожаютъ самыя сладкія и великія надежды обыкновенныхъ людей». Здѣсь видно, что Плутархъ уже не стоитъ за букву догмата; ее отстаивать поздно и опасно, потому что эпикурейцы могутъ поднять на смѣхъ и погубить въ глазахъ народа всю апологию. Плутархъ защищаетъ только безсмертіе души и опирается не столько на преданіе, сколько на внутреннюю потребность, живущую въ груди каждаго человѣка. Невѣрію въ казни ада онъ самъ сочувствуетъ, потому что бояться боговъ и видѣть въ нихъ существа враждебныя, по его мнѣнію, грѣшно. Въ общей системѣ возраженій Плутарха, направленныхъ противъ эпикурейцевъ, просвѣчиваетъ мысль, которую однако самъ Плутархъ не рѣшается высказать прямо и смѣло. Можетъ быть вы и правы, слышится въ его доказательствахъ, можетъ быть и нѣтъ безсмертія души, но, во-первыхъ, въ него пріятно вѣрить, во-вторыхъ, это вѣрованіе можетъ быть полезно для народной нравственности. Вообще Плутархъ болѣе публицистъ, чѣмъ философъ, и заботится не столько о достиженіи отвлеченной истины, сколько о практическихъ удобствахъ извѣстнаго вѣрованія.

Замѣчательно, что ослабленіе вѣрованія въ безсмертіе души не измѣнило обрядовъ погребенія. Лукіанъ говоритъ, что въ его время по-прежнему клали въ ротъ покойнику оболъ для платы Харону за перевозъ, а между тѣмъ и Харонъ, и Стиксъ, и Церберъ, и самъ Аидъ съ Персефоною давно ушли въ область сказки.

Въ римскомъ мірѣ, еще во времена республики, высказывалось открыто невѣріе въ загробную жизнь. «Тамъ, говоритъ Цезарь, нѣтъ мѣста ни для радости, ни для заботы». «Недавно, говоритъ черезъ нѣсколько времени Катонъ, Кай Цезарь въ этомъ собраніи вѣрно и прекрасно рассуждалъ о жизни и смерти; онъ объявилъ, и я съ нимъ вполне согласенъ, что о преисподней разсказываютъ недѣлности, будто тамъ злые отдѣлены отъ добрыхъ и обитаютъ въ страшныхъ, безплодныхъ,

дикихъ и отвратительныхъ мѣстахъ». Это произносилось въ Сенатѣ, а сенатскія сѣансы читались тогда всѣми, стало быть Катонъ и Цезарь говорили передъ всѣмъ римскимъ народомъ и не боялись своими религіозными мнѣніями вредить своей популярности. Филонъ Александрійскій, писатель 1-го вѣка по Р. Хр., задался на размноженіе пантеистовъ и агностовъ. «Мальчики даже не вѣрятъ, говоритъ Филонъ, въ существованіе какихъ-то мановъ на земномъ царствѣ, и кто (вѣроятно соблазна ради) беръ превращена для насмѣшки въ мнѣніе черныхъ лягушекъ въ стигійскомъ болотѣ. «Лови день» (Capre diem), говоритъ Гораций, вообще всѣ лирики совѣтуютъ наслаждаться жизнью, пока живется, и вспоминая о смерти находятъ въ ея грозномъ призракѣ лишь будительную причину для дѣятельнаго участія въ жизненномъ пирѣ. Эта философія была кому по плечу; человѣкъ убѣжденный въ неизбежности уничтоженія, видѣлъ въ ней ничтожное отношеніе къ случайному дару жизни, доставляемому на время; человѣкъ, ни въ чемъ не увѣренный и не о чемъ не мыслившій, утѣшался роскошью картинъ, жизненностью обаяніемъ беззаботности и наконецъ безграничною свободой, открывавшейся для чувственности въ такомъ взглядѣ на вещи.

Любимые поэты читались въ Римѣ почти всѣми; сочиненія ихъ расходились въ огромныхъ количествахъ экземпляровъ и, можетъ быть, извѣстію на массу должно отчасти приписать господство эпикуреизма между такими людьми, которые собственными силами не могли бы выработать себѣ никакого міросозерцанія. Этотъ эпикуреизмъ имѣлъ мало общаго съ ученіемъ, развитымъ въ хотвореніи Лукреція. О природѣ и естественныхъ причинахъ бытія эти доморощенные эпикурейцы не заботились. По ихъ мнѣнію вся философія стояла въ наслажденіи минутою. Эта удобопонятная философія выражается между прочимъ въ надписяхъ надъ гробницами. «Что съ тобой, говоритъ надпись, то со мною; что ты оставилъ, то потерялъ»; — Читатель, говори, другая, наслаждайся жизнью; послѣ смерти ни смѣха, ни игры, ни сладострастія». — Другой совѣтуетъ третью, повѣрьте мнѣ, смѣшайте бока вина и пейте его, утѣчивая голову; послѣ смерти все пожирается огнемъ землею».

Съ инымъ настроеніемъ отвергали безсмертіе души Плиній Старшій и Сенека. Убѣжденіе въ доброту добрыхъ людей нельзя не уважать, хотя и не раздѣлять. Напротивъ, исповѣданіе вѣры материалистическаго скептиковъ, составлявшихъ выписанныя записки, возбуждаетъ только презрѣніе. Они играли идею уничтоженія, радуются ей, и эта идея какъ будто снимаетъ съ нихъ тяжелое бремя. Дикарскихъ людей страхъ составляетъ самую крайнюю и самую надежную опору нравственности.



Озда разорвалась, опора подгнила, рухнула и начинается сплошная оргія, грязный разгулъ чувственности, въ которыхъ гложутъ лучшіе инстинкты человечества. Дешевый скептицизмъ, такое суевѣріе и животная чувственность составляютъ три главные момента нравственной жизни челоѣка временъ имперіи; эти три момента ираются другъ на друга, тѣсно связаны между бою и часто совмѣщаются въ одно время въ ной личности или господствуютъ надъ нею, попеременно смѣняя другъ друга. Жрецы государственной религіи и иноземныхъ культовъ находили свою выгоду въ этихъ трехъ свойствахъ юихъ современниковъ и потому довольно искусно заботились о ихъ поддержаніи. Скептицизмъ былъ имъ опасенъ; они видѣли, что челоѣкъ, видѣвшій ничего впереди себя, тѣмъ болѣе прожить земными благами и потому наравнѣ прочими вѣрить въ гаданія, въ предзнаменования и оракулы, и приносить болѣе или менѣе богатые дары и жертвы. Скептицизмъ толпы, т. е. отсутствіе твердаго убѣжденія и самостоятельнаго взгляда былъ жрецамъ полезенъ, какъ почва для суевѣрій.

Отъ обширнаго политическаго вліянія жрецы же давно отказались и въ Римѣ, и въ Греціи, и даже въ Египтѣ; они довольствовались мелкимъ вліяніемъ на домашнюю жизнь и часто брали купъ съ своихъ поклонниковъ; жрецу было рѣшительно втереться въ довѣріе значительнаго лица, авать ему совѣты, пользоваться его уваженіемъ и щедростію; но положеніе Арнуфиса, совѣтника Марка Аврелія, и Александра Авонотихита, цавившаго надъ переднею Азіею, составляютъ рѣдкія исключенія; большинство жрецовъ довольствовались тѣмъ, если въ ихъ храмахъ курились жертвы и стекалась толпа вѣрующихъ просителей, если ихъ уважали богатые матроны и, слушая ихъ совѣтовъ, не жалѣли денегъ. Для достиженія этихъ мелкихъ цѣлей нужно было употреблять мелкія средства. Твердая увѣренность въ словахъ и движеніяхъ, выставленіе напоказъ религіознаго воодушевленія и строгости нравовъ, таинственная двусмысленность предсказаній, порою какое-нибудь чудо, чтобы подогрѣть усердіе и вѣру поклонниковъ — вотъ средства, которыми держались языческіе жрецы. Смѣшно припомнить, какими ребяческими фокусами Александръ Авонотихитъ въ продолженіи десятковъ лѣтъ обманывалъ и держалъ въ повиновеніи почти весь образованный міръ; ни эпикурейцы, ни христіане не могли сбить его съ пьедестала; онъ прямо выгонялъ изъ своего святилища всѣхъ невѣрующихъ, чтобы тѣмъ удобнѣе обманывать вѣрующихъ. Онъ возглашалъ при началѣ мистерій своихъ: «прочь христіанъ»; народъ кричалъ: «прочь эпикурейцевъ»; подозрительныхъ людей выгоняли силою, и прорицатель остался прорицателемъ до самой смерти. Шарлатанъ оставилъ свое имя во всемірной исторіи наряду съ пра-

вителями, философами и поэтами; у жрецовъ было много средствъ дѣйствовать на воображеніе толпы и подогрѣвать ея суевѣріе. Жрецы обладали многими медицинскими секретами, и цѣлебная сила ихъ средствъ увеличивалась вѣрующимъ настроеніемъ пациентовъ, обращавшихся къ ихъ помощи. Чудесныя исцѣленія, производившіяся въ храмахъ Эскулапа, Сераписа и Изиды, могли не быть шарлатанствомъ; они объясняются очень просто и естественно, и конечно, девять десятыхъ употреблявшихся при нихъ церемоній были не нужны и имѣли цѣлью поддѣйствовать на воображеніе посѣтителей. Кромѣ медицинскихъ свѣдѣній жрецы обладали немногими знаніями изъ опытной физики и химіи. Все дѣло было въ господствовавшемъ настроеніи массы; то, что теперь показалось бы простымъ фокусомъ даже людямъ, непонимающимъ его устройства, то казалось грекамъ и римлянамъ чудомъ. Жрецы даже боялись писать о своихъ продѣлкахъ; до насъ однако дошли *Pneumatica* Герона, жившаго въ половинѣ II вѣка до Р. X.

Эта любопытная книга заключаетъ въ себѣ наставленія и рецепты, какъ дѣлать въ храмахъ чудеса. Тутъ читатель узнаетъ, что при особенномъ устройствѣ храма зажиганіе огня на алтарѣ растворяетъ двери, а погашеніе его запираетъ ихъ; можно сдѣлать и такъ, что если зажечь огонь, то двѣ статуи, стоящія у жертвенника, сдѣлаютъ возліаніе, и при этомъ зашипятъ змѣи; при раствореніи дверей храма можетъ раздаваться звукъ трубы; словомъ, разныя огненные явленія, таинственные звуки, громъ и молнія, явленіе духовъ и тѣней, странные голоса — все было въ распоряженіи жрецовъ и могло по ихъ желанію потрясать воображеніе и нервы молящихся. Если нужно было сдѣлать чудесное исцѣленіе и поразить всѣхъ зрителей эффектною сценою, то не трудно было это устроить. Стоило напять какого нибудь бѣдняка, и онъ за ничтожную плату соглашался прикинуться хромымъ, слѣпымъ, сухорукимъ и потомъ въ данную минуту, на глазахъ цѣлаго города, прозрѣвалъ и исцѣлялся. Бывали и періодическія чудеса, происходившія каждый годъ. Въ Элѣ три пустые котла запечатывались при всѣхъ гражданахъ и ставились въ храмъ; на другой день печать оказывалась нетронутою; ее вскрывали и въ котлахъ оказывалось вино, налитое Діонисомъ. На островѣ Андросѣ въ праздникъ Діониса текъ изъ храма ручей вина. Всѣ эти фокусы требовали конечно издержекъ, но онѣ съ лихвою окупались приобретаемымъ вліяніемъ.

Въ разсказѣ о Паулинѣ и Мундѣ видно, до какой степени простиралось въ лучшихъ людяхъ того времени довѣріе къ жрецамъ. Паулина, не отказавшая въ собственномъ тѣлѣ, конечно не отказывала въ деньгахъ; рядомъ съ этимъ разсказомъ можно поставить другой, не менѣе характеристичный. Въ Александріи жрецъ Са-



вниманіе и перетолковывалось какъ счастливое или несчастное предвѣщаніе. Нѣкоторые дни считались у Августа благоприятными, другіе бѣдственными.

Есть данныя, позволяющія думать, что и въ обществѣ скептицизмъ въ области религиозныхъ вопросовъ совмѣщался и шелъ рука объ руку съ суевѣрнымъ выполненіемъ мелкихъ формальностей культа, имѣвшихъ большею частью магическое значеніе. О послѣднемъ, т. е. о суевѣріи и уже говорилъ. Что касается до скептицизма, то онъ засвидѣтельствованъ многими писателями. Плутархъ говоритъ, что немногіе люди вѣрятъ въ существованіе Тартара, Церберы и загробныхъ казней. «А кто и вѣритъ, продолжаетъ онъ, тотъ старается избавиться отъ этого страха посредствомъ омовеній. Мы видимъ такимъ образомъ, что тѣ (эпикурейцы), отвергая безсмертіе, уничтожаютъ самыя сладкія и великія надежды обыкновенныхъ людей». Здѣсь видно, что Плутархъ уже не стоитъ за букву догмата; ее отстаивать поздно и опасно, потому что эпикурейцы могутъ поднять на смѣхъ и погубить въ глазахъ народа всю апологию. Плутархъ защищаетъ только безсмертіе души и опирается не столько на преданіе, сколько на внутреннюю потребность, живущую въ груди каждаго человѣка. Невѣрію въ казни ада онъ самъ сочувствуетъ, потому что боится боговъ и видѣтъ въ нихъ существа враждебныя, по его мнѣнію, грѣшно. Въ общей системѣ возраженій Плутарха, направленныхъ противъ эпикурейцевъ, просвѣчиваетъ мысль, которую однако самъ Плутархъ не рѣшается высказать прямо и смѣло. Можетъ быть вы и правы, слышится въ его доказательствахъ, можетъ быть и нѣтъ безсмертія души, но, во-первыхъ, въ него пріятно вѣрить, во-вторыхъ, это вѣрованіе можетъ быть полезно для народной нравственности. Вообще Плутархъ болѣе публицистъ, чѣмъ философъ, и заботится не столько о достиженіи отвлеченной истины, сколько о практическихъ удобствахъ извѣстнаго вѣрованія.

Замѣчательно, что ослабленіе вѣрованія въ безсмертіе души не измѣнило обрядовъ погребенія. Лукіанъ говоритъ, что въ его время по-прежнему клали въ ротъ покойнику оболъ для платы Харону за перевозъ, а между тѣмъ и Харонъ, и Стиксъ, и Церберъ, и самъ Аидъ съ Персефоною давно ушли въ область сказки.

Въ римскомъ мірѣ, еще во времена республики, высказывалось открыто невіріе въ загробную жизнь. «Тамъ, говоритъ Цезарь, нѣтъ мѣста ни для радости, ни для заботы». «Недавно, говоритъ черезъ нѣсколько времени Катонъ, Кай Цезарь въ этомъ собраніи вѣрно и прекрасно рассуждалъ о жизни и смерти; онъ объявлялъ, и я съ нимъ вполне согласенъ, что о прескопидей рассказывать негодности, будто тамъ-то отдѣлены отъ добрыхъ и обитаютъ въ страшныхъ, безплодныхъ,

дикихъ и отвратительныхъ мѣстахъ». Эти произносились въ Сенатѣ, а сенатскія рѣшенія читались тогда всѣми, стало быть Катонъ и Цезарь говорили передъ всѣмъ римскимъ народомъ и не боялись своими религиозными мнѣніями вредить своей популярности. Филонъ Александрійскій, писатель 1-го вѣка по Р. Хр., писалъ на размноженіе пантеистовъ и агностиковъ: «Мальчики даже не вѣрятъ, говорятъ, въ существованіе какихъ-то мнѣній, земнаго царства, и kota (вѣроятно соблазна) беръ превращена для насмѣшки въ кота черныхъ лягушекъ въ стигійскомъ болѣ». «Лови день» (Capre diem), говоритъ Горацій, вообще всѣ лирики совѣтуютъ наслаждаться жизнью, пока живется, и вспоминаютъ о смерти, находя въ ея грозномъ призракѣ лишь будительную причину для дѣятельнаго участія въ жизненномъ пирѣ. Эта философія была кому по плечу; человѣкъ убожденный и въ обязанности уничтоженія, видѣлъ въ всѣмъ отношеніи къ случайному дару жизни, истинную муку на время; человѣкъ, ни въ чемъ не уверенный и не о чемъ не мыслившій, утѣшался роскошью картинъ, жизненностью обаяніемъ беззаботности и наконецъ безграничною свободой, открывавшейся для чувственныхъ наслажденій въ такомъ взглядѣ на вещи.

Любимые поэты читались въ Римѣ почти всѣми; сочиненія ихъ расходились въ огромныхъ количествахъ экземпляровъ и, можетъ быть, нѣмало на массу должно отчасти приписать господство эпикуреизма между такими людьми, которые собственными силами не могли бы выработать себѣ никакого міросозерцанія. Этотъ эпикуреизмъ имѣлъ мало общаго съ ученіемъ, развѣтывавшимся въ хотвореніи Лукреція. О природѣ и естественныхъ причинахъ бытія эти доморощенные эпикурейцы не заботились. По ихъ мнѣнію вся философія стояла въ наслажденіи минутою. Эта убогая общепонятная философія выражается веселымъ въ надписяхъ надъ гробницами. «Что ои и выпилъ, говоритъ надписъ, то се и живъ; оставилъ, то потерялъ». — Читатель, гонимый другой, наслаждайся жизнью; послѣ смерти ни смѣха, ни игры, ни сладострастія». — Другой совѣтуетъ третью, похвѣйте мѣтъ, сѣйте, бокъ вина и пейте его, увѣнчавъ голову лаврами; послѣ смерти все похвѣвается огнемъ и землею».

Съ иными настроеніемъ отвергала божество души Плавій Старшій и Сенека. Убоженіе добрыхъ людей нельзя не уважать, хотя и не раздѣлять. Напротивъ, исповѣданіе вѣра и скептицизма, составленныхъ изъ высказанныхъ мнѣній, возбуждаетъ только презрѣніе. Она иудейское уничтоженіе, разумится ей, и эта иудейская будто снимается съ нихъ тяжелое бремя. Дѣла людей страхъ составляетъ самую грубую уду и самую жалкую ошибку нравственности.



о узда разорвалась, опора подгнила, рухнула и начинается сплошная оргія, грязный разгулъ чувственности, въ которыхъ гложутъ лучшіе инстинкты человечества. Дешевый скептицизмъ, какое суевѣріе и животная чувственность составляютъ три главные момента нравственной жизни человѣка временъ имперіи; эти три момента пираются другъ на друга, тѣсно связаны между собою и часто совмѣщаются въ одно время въ одной личности или господствуютъ надъ нею, попеременно смѣняя другъ друга. Жрецы государственной религіи и иноземныхъ культовъ находили свою выгоду въ этихъ трехъ свойствахъ своихъ современниковъ и потому довольно искусно заботились о ихъ поддержаніи. Скептицизмъ не былъ имъ опасенъ; они видѣли, что человѣкъ, не видѣвшій ничего впереди себя, тѣмъ болѣе прожорать земными благами и потому наравнѣ съ прочими вѣрить въ гаданія, въ предзнаменованія и оракулы, и приносить болѣе или менѣе богатые дары и жертвы. Скептицизмъ толпы, т. е. отсутствіе твердаго убѣжденія и самостоятельнаго взгляда былъ жрецамъ полезенъ, какъ почва для суевѣрій.

Отъ обширнаго политическаго вліянія жрецы же давно отказались и въ Римѣ, и въ Греціи, и даже въ Египтѣ; они довольствовались мелкимъ вліяніемъ на домашнюю жизнь и часто брали купъ съ своихъ поклонниковъ; жрецу было пріятно втереться въ довѣріе значительнаго лица, давать ему совѣты, пользоваться его уваженіемъ и щедростію; но положеніе Ариуфиса, совѣтника Марка Аврелія, и Александра Авонотихита, цинившаго надъ переднею Азією, составляютъ рѣдкія исключенія; большинство жрецовъ довольствовались тѣмъ, если въ ихъ храмахъ курились жертвы и стекалась толпа вѣрующихъ просителей, если ихъ уважали богатые матроны и, слушаясь ихъ совѣтовъ, не жалѣли денегъ. Для достиженія этихъ мелкихъ цѣлей нужно было употреблять мелкія средства. Твердая увѣренность въ словахъ и движеніяхъ, выставленіе на показъ религіознаго воодушевленія и строгости нравовъ, таинственная двусмысленность предсказаній, порою какое-нибудь чудо, чтобы подогрѣть усердіе и вѣру поклонниковъ — вотъ средства, которыми держались языческіе жрецы. Смѣшно припомнить, какими ребяческими фокусами Александръ Авонотихитъ въ продолженіи десятковъ лѣтъ обманывалъ и держалъ въ повиновеніи почти весь образованный міръ; ни эпикурейцы, ни христіане не могли сбить его съ пьедестала; онъ прямо выгонялъ изъ своего святилища всѣхъ невѣрующихъ, чтобы тѣмъ удобнѣе обманывать вѣрующихъ. Онъ возглашалъ при началѣ мистерій своихъ: «прочь христіанъ»; народъ кричалъ: «прочь эпикурейцевъ»; подозрительныхъ людей выгоняли силою, и прорицатель остался прорицателемъ до самой смерти. Шарлатанъ оставилъ свое имя во всемірной исторіи наряду съ пра-

вителями, философами и поэтами; у жрецовъ было много средствъ дѣйствовать на воображеніе толпы и подогрѣвать ея суевѣріе. Жрецы обладали многими медицинскими секретами, и цѣлебная сила ихъ средствъ увеличивалась вѣрующимъ настроеніемъ пациентовъ, обращавшихся къ ихъ помощи. Чудесныя исцѣленія, производившіяся въ храмахъ Эскулапа, Сераписа и Изиды, могли не быть шарлатанствомъ; они объясняются очень просто и естественно, и конечно, девять десятыхъ употреблявшихся при нихъ церемоній были не нужны и имѣли цѣлью поддѣйствовать на воображеніе посѣтителей. Кромѣ медицинскихъ свѣдѣній жрецы обладали немногими знаніями изъ опытной физики и химіи. Все дѣло было въ господствовавшемъ настроеніи массы; то, что теперь показалось бы простымъ фокусомъ даже людямъ, непонимающимъ его устройства, то казалось грекамъ и римлянамъ чудомъ. Жрецы даже боялись писать о своихъ продѣлкахъ; до насъ однако дошли *Pneumatica* Герона, жившаго въ половинѣ II вѣка до Р. X.

Эта любопытная книга заключаетъ въ себѣ наставленія и рецепты, какъ дѣлать въ храмахъ чудеса. Тутъ читатель узнаетъ, что при особенномъ устройствѣ храма зажиганіе огня на алтарѣ растворяетъ двери, а погашеніе его запираетъ ихъ; можно сдѣлать и такъ, что если зажечь огонь, то двѣ статуи, стоящія у жертвенника, сдѣлаютъ возліяніе, и при этомъ зашипитъ змѣя; при раствореніи дверей храма можетъ раздаваться звукъ трубы; словомъ, разныя огненные явленія, таинственные звуки, громъ и молнія, явленіе духовъ и тѣней, странные голоса — все было въ распоряженіи жрецовъ и могло по ихъ желанію потрясать воображеніе и нервы молящихся. Если нужно было сдѣлать чудесное исцѣленіе и поразить всѣхъ зрителей эффектною сценою, то не трудно было это устроить. Стоило нанять какого-нибудь бѣдняка, и онъ за ничтожную плату соглашался прикинуться хромымъ, слѣпымъ, сухорукимъ и потомъ въ данную минуту, на глазахъ цѣлаго города, прозрѣвалъ и исцѣлялся. Бывали и періодическія чудеса, происходившія каждый годъ. Въ Элѣ три пустые котла запечатывались при всѣхъ гражданахъ и ставились въ храмъ; на другой день печать оказывалась нетронутою; ее вскрывали и въ котлахъ оказывалось вино, налитое Діонисомъ. На островѣ Андросѣ въ праздникъ Діониса текъ изъ храма ручей вина. Всѣ эти фокусы требовали конечно издержекъ, но онѣ съ лихвою окупались приобретаемымъ вліяніемъ.

Въ разсказѣ о Пауліи и Мундѣ видно, до какой степени простиралось въ лучшихъ людяхъ того времени довѣріе къ жрецамъ. Паулина, не отказавшая въ собственномъ тѣлѣ, конечно не отказывала въ деньгахъ; рядомъ съ этимъ разсказомъ можно поставить другой, не менѣе характеристичный. Въ Александріи жрецъ Са-



турна, Тирийцы объявили, что его богъ желаетъ, чтобы нѣкоторыя названныя имъ женщины проводили ночь въ храмѣ. Онъ назвалъ замѣчательнѣйшихъ красавицъ города, и мужья этихъ дамъ не оказали ни малѣйшаго сопротивленія. Вступая въ храмъ, избранная красавица видѣла только статую бога и съ полною вѣрою занимала приготовленное ложе. По особенному механизму лампы гасли, изъ пустой статуи выходилъ жрецъ, а суевѣрная дама принимала его за воплощеніе бога и поступала сообразно съ этимъ вѣрованіемъ. И это, какъ видно по разсказу Руфина, не было случайностью, единичнымъ обманомъ; та же штука повторялась всякій разъ, какъ того желалъ жрецъ.

Объ астрологіи, о магіи и ея видоизмѣненіяхъ, скажу коротко. Въ ихъ дѣйствительное существованіе вѣрили даже христіанскіе писатели. Евсевій не отвергаетъ чудесъ Аполлонія Тианскаго, и только выводитъ ихъ изъ нечистаго источника и полагаетъ, что онъ дѣйствовалъ чародѣйскими, при помощи дьявола. Масса языческаго народа была тѣмъ болѣе расположена вѣрить въ возможность магіи, что характеръ самой религіи не позволялъ провести раздѣлительную черту между молитвой и заклинаніемъ. Боги язычества были обоготворенныя силы природы, подчиненныя извѣстнымъ законамъ; хотя это представленіе почти утратилось въ греко-римскомъ мірѣ подъ вліяніемъ антропоморфизма, выработанаго поэзіею, однако оно сохранило свою силу въ томъ отношеніи, что за людьми признавалась способность подчинять себѣ волю боговъ при помощи извѣстныхъ обрядовъ и заклинаній, которыми боги не могли сопротивляться. Молитва въ римской религіи не требовала никакого внутренняго усердія; нужно было исполнить точно форму, и тогда божество должно было удовлетворить требованію молящагося.

Плиній разсказываетъ, что высшіе сановники при религіозныхъ актахъ приказывали читать молитвенную формулу по богослужебной книгѣ; жрецъ долженъ былъ, во избѣжаніе ошибки, повторять за чтецомъ каждое слово; другой жрецъ долженъ былъ наблюдать за сохраненіемъ молчанія между присутствующими; сверхъ того, при чтеніи молитвы играли на флейтѣ, чтобы заглушить всякій посторонній звукъ, способный предвѣщать несчастье. При молитвѣ римлянинъ покрывалъ себѣ голову и зажималъ уши, чтобы никакой посторонній звукъ не помѣшалъ дѣйствительности молитвенныхъ словъ. Нѣкоторые обряды, которымъ придавали очень важное значеніе, носятъ на себѣ чисто магическій характеръ; когда городъ находился въ опасности, когда государству угрожали враги, то диктаторъ, назначенный собственно для этой цѣли, вѣшалъ гвоздь въ стѣну храма Юпитера капитолійскаго.

Со временъ Сципіоновъ, этотъ обычай былъ оставленъ, вѣроятно потому, что былъ слишкомъ

простъ и не соответствовалъ всѣмъ остальнымъ роскошнымъ формамъ богослуженія. Во всякомъ случаѣ, этотъ обрядъ вбиванія гвоздя представлялъ чисто магическій характеръ. Знать римлянъ съ иностранными культами могла только содѣйствовать развитію магіи. У грековъ магическіе обряды были связаны съ культомъ подземныхъ боговъ, которымъ служили жрецы. Геката была специально покровительницею волшебства, и ея обожаніе связано съ безчисленнымъ множествомъ заклинаній и фантастическими формальностями. Служеніе и мистеріи фригійскихъ матери боговъ были проникнуты колдовствомъ. Ассирійскіе халдеи уже съ незапамятныхъ временъ примѣшали къ своему сабеизму элементы астрологіи. Представляя себѣ свѣтила живыми существами, одаренными роковою силою, они старались узнавать свойства ихъ вліянія на земскіе интересы, старались даже по возможности управлять этимъ вліяніемъ и успѣли удержать согражданъ въ своихъ обширныхъ свѣдѣніяхъ и въ своемъ могуществѣ. Въ Вавилоніи и Ассиріи былъ обычай носить амулеты, въ которыхъ по понятіямъ народа, сосредоточивалась специальная сила извѣстныхъ звѣздъ.

Древняя философія не мѣшала развитію астрологіи и магіи. Платонъ считаетъ звѣзды божественными существами, одаренными высшимъ разумомъ и значительной силой. Аристотель говоритъ, что свѣтила обладаютъ высшею и божественною душою и имѣютъ несомнѣнное вліяніе на землю, находящуюся въ центрѣ міра. Даже пантеистическій матеріализмъ стоиковъ допускалъ, что звѣзды, какъ части міроваго бога, должны въ свою очередь считаться богами и посредствомъ своихъ движеній управлять судьбою низшихъ существъ. Полный эатизмъ системы Эпикура исключалъ конечно вѣдательство всякой высшей силы въ дѣла людей, но большинство его послѣдователей проводили только его ученіе въ жизнь, и, не забывая ни о научномъ его расширеніи, ни о пропагандѣ, не могли искоренить въ массѣ вѣру въ магію и астрологію. Такимъ образомъ въ Римѣ было множество матеріаловъ для развитія волшебства; духъ религіи и философіи содѣйствовалъ его процвѣтанію; суевѣрное настроеніе народа съ жадностью воспринимало все таинственное и чудесное. Во всеневной жизни представлялось множество случаевъ, въ которыхъ необходимо было или узнать будущее, или измѣнить въ свою пользу естественное теченіе событій. Если женщинѣ нужно было приковать къ себѣ вѣтрянаго мужа или любовника, она добывала любовный напитокъ *philtrum*, приготовившійся съ разными магическими церемоніями. Если дряхлому старику нужно было неукротимымъ образомъ поддерживать гаснущія страсти, онъ обращался къ медицинскому колдовству. Если нужно было извести врага, — и за



мъ дѣломъ обращались къ различнымъ заклинаніямъ. Тиверіа обвиняли въ томъ, что онъ тамъ чарами убилъ Германика, и въ его домѣ въ половицахъ были найдены полусгнившіе остатки труповъ, обгорѣлыя и кровавыя кости винцовыя доски, на которыхъ рядомъ съ именами Германика были написаны разныя проклятія и таинственныя изреченія. При магическихъ церемоніяхъ часто требовались человѣческія жертвы; при развитіи рабства, этимъ потребностямъ удовлетворять было не трудно, и владѣльцы, нисколько не задумываясь, могъ рѣзаться своихъ мистеріяхъ и взрослыхъ, и дѣтей; до исчезновенія раба ни государству, ни закону не было дѣла. Цицеронъ говорилъ въ глаза Ватинію: «Ты вызываешь духовъ усопшихъ и приносишь жертву подземнымъ богамъ внутренности дѣтей». Ювеналъ говоритъ о коммагенскомъ арусіи: «онъ разсматриваетъ грудь цыпленка, ищетъ щенка, а порою и внутренности мальчишки».

Существовалъ также обычай при важныхъ клинаніяхъ вырѣзывать незрѣлый плодъ изъ живота беременной женщины. Послѣ смерти императора Юліана нашли въ одномъ храмѣ, въ которомъ онъ совершалъ тайны жертвоприношенія, мертвую женщину; она была повѣшена за волосы и животъ ея былъ взрѣзанъ. Магія давала поводъ ко многимъ злодѣяніямъ и посягательствамъ, къ которымъ она стремилась, и по средствамъ, которыя она употребляла. Правительство сразу пробовало выгонять астрологовъ и математиковъ, но здѣсь, какъ и вездѣ, попытки правительства не могли искоренить зла, лежавшаго глубоко въ народныхъ вѣрованіяхъ и удовлетворявшаго насущнымъ потребностямъ массы. Тиверій удалилъ маговъ изъ Италіи, сбросилъ со скалы математика Питуанія, а самъ постоянно держалъ при себѣ астролога Тразилла и, на основаніи его наставленій, предсказалъ Гальбѣ, что онъ будетъ императоромъ. Высшія формы магіи были некромантія или вызываніе духовъ и теурія или вызываніе боговъ; въ ту и въ другую сѣтку вѣрили новоплатоники, въ ученіи которыхъ перемѣшались результаты строгаго мышленія и созданія болѣзненной фантазіи, вѣрованія Запада и Востока, словомъ почти все, что выработала языческая цивилизація. — Легковѣріемъ народа и его стремленіемъ къ сверхчувственному міру пользовались такимъ образомъ жрецы, и магики, и астрологи и простые шарлатаны. Даже люди простаго званія, нищіе и рабы успѣвали поживиться отъ суевѣрія массы. Кругомъ храмовъ бродили цѣлыя кучи одержимыхъ божествомъ; немые, нечесанные, они смотрѣли своимъ взоромъ на проходящихъ, вертели члены, закидывали голову и приходили въ состояніе полнаго бѣшенства, причемъ произносили отрывистыя слова и предсказывали будущее. Этихъ людей было такъ много, что для нихъ существо-

вало даже особенное имя, по гречески, *теопенетики*; по латынѣ *fanatici* (фанатикъ-храмъ). Римскіе юристы разбирали даже вопросъ: если проданный рабъ окажется фанатикомъ, закидывающимъ голову и предсказывающимъ будущее, то составляетъ ли такой скрытый порокъ достаточную причину для уничтоженія торга? Изъ этого ясно, что во 1-ыхъ рабы любили предаваться этому выгодному и нетрудному занятію, и что, во 2-ыхъ, фанатиковъ (въ специальномъ смыслѣ) было такъ много, что на это явленіе пришлось обратить вниманіе закона.

Какое общее заключеніе можно сдѣлать изъ этого очерка языческихъ религій? То, мнѣ кажется, что реформа была неосходима. Каждый мыслящій и честный человѣкъ видѣлъ, что положеніе дѣлъ во всѣхъ отношеніяхъ было изъ рукъ вонъ плохо. Религія истощила свои живыя силы; самыя заветныя догматы были подорваны въ общественномъ мнѣніи; въ промыслъ и въ безсмертіе души не вѣрили; нравственность не поддерживалась ни страхомъ, ни надеждою, а къ безкорыстной нравственности способны немногіе; что осталось изъ религій, то было вредно; а остались сладострастные мѣны и безнравственныя мистеріи, развращавшія юношество и поощравшіе всякаго рода чувственныя желанія; кровосмѣсители опирались на примѣры Зевса, бывшаго любовникомъ матери (Деметры), сестры (Геры) и дочери (Прозерпины); многіе любовались на Зевса и Ганимеда; соблазнитель дѣвушекъ и дѣвушки припоминали Данаю, Европу и Леду; воры приносили жертвы Гермесу; публичныя женщины становились подъ покровительство Афродиты. Догматы были подорваны, а обряды только усилились; суевѣріе притупило умъ народа, стѣснило творческую фантазію и превратило антропоморфизмъ въ бездушный и бессмысленный фетишизмъ. Религіозное чувство, послѣднее убѣжище народа, выдохлось; остались формы, и сдвоенное ими, мельчало и тупѣло вырождавшееся поколѣніе. На это печальное положеніе дѣлъ не могли смотрѣть равнодушно мыслители. Они жили съ народомъ въ совершенно различныхъ сферахъ; ихъ не слыхалъ народъ; многіе гнушались имъ, и не безъ причины; если и случалось народу поймать на-лету философскую мысль, онъ коверкалъ ее такъ, что отъ нея отступился бы самъ творецъ ея... Нуженъ былъ и здѣсь, еще болѣе нежели въ государственной жизни, практическій реформаторъ, любящій «малыхъ сихъ», знающій ихъ нужды, не пренебрегающій ихъ умственной нищетою, пережившій на себѣ ихъ мелкія горести, ихъ обыденныя страданія, на которыя такъ гордо смотрѣлъ съ высоты мысли и стоикъ, и эпикуреецъ. Нужна была любовь; нужно было мягкое сердце; нужна была горячая голова, способная воспламенить другихъ и вызвать ихъ силою изъ нравственнаго униженія.



## VIII.

Философы стояли въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ въ отношеніи къ міоамъ и къ народному богопочитанію. Всѣ они сходились между собою на томъ, что считали настоящее положеніе дѣлъ невыносимымъ и предлагали средства для исправленія народной логики и народной нравственности. Въ предлагаемыхъ средствахъ замѣчается самое пестрое разнообразіе. Одна сторона откинула всякую религію и въ религіозномъ чувствѣ видитъ корень всѣхъ современныхъ заблужденій; другая оплакиваетъ упадокъ религіознаго чувства и хочетъ реформировать господствующую религію, вдохнуть новую жизнь и здоровый разумъ въ одряхлѣвшія и обезмысленныя формы. Мыслители, стоящіе по срединѣ, развиваютъ свое нравственное ученіе, не заботясь о томъ, чтобы привести его въ какія бы то ни было отношенія съ существующимъ порядкомъ вещей. Они далеки отъ полемическаго характера первыхъ и аналогическаго характера вторыхъ; они равнодушны ко всему, что дѣлается внѣ ихъ мыслящей личности, и возводятъ это равнодушіе въ теорію. Они самостоятельнымъ путемъ доходятъ до восточнаго квіетизма, и только легкая иронія, съ которою они относятся къ явленіямъ современности, доказываетъ, что самоуглубленіе индѣйскаго іоги не въ духѣ западнаго европейца.

Всѣ очерченныя мною группы мыслителей, невѣрующіе эпикурейцы и скептики, вѣрующіе платоники и пифагорейцы, и равнодушные стоики-эллиптики отличаются практическимъ направленіемъ своихъ ученій. Чтобы охарактеризовать ихъ ученіе, необходимо бросить взглядъ назадъ, на цвѣтущее время эллинизма. Не вдаваясь въ историческое изложеніе развитія греческой философіи, я ограничусь тѣмъ, что въ самыхъ краткихъ чертахъ обозначу характеръ тѣхъ трехъ направлений, которые развивались и видоизмѣнялись въ рассматриваемую мною эпоху. Платонъ, Эпикуръ и Зенонъ стоятъ во главѣ этихъ трехъ ученій. Говорить подробно о Платонѣ я считаю лишнимъ, потому что общій характеръ его ученія изложенъ уже былъ мною читателямъ въ статьѣ «Идеализмъ Платона». Поэтому я прямо перехожу къ результатамъ его философіи. Философія Платона похожа болѣе на религію, чѣмъ на научную систему. Односторонность замѣчается преимущественно въ воззрѣніи мыслителя на человѣческую душу. Только мысли дано право гражданства. Чувство, фантазія—вовсе исключены; ихъ надо давить и искоренять. Принимая матерію за зло, считая тѣло тюрьмою души, Платонъ совершенно уничтожаетъ эстетическое чувство; кто уважаетъ *только* вѣрность идеи, тотъ не способенъ цѣнить красоту формы и пластичность образа. Свободное твор-

чество и свободная критика должны быть чужды идеальному человѣку Платона. Для свободнаго творчества нужна фантазія, а всякая фантазія къ божественному разуму оскорбляетъ ея мнѣнію Платона, и должна быть выброшена. Фантазія, показывающая образы, вредитъ и мѣшаетъ созерцанію истины. Свободная критика ведетъ къ сомнѣніямъ въ индивидуальнымъ воззрѣніямъ, а то и въ ученію философа, предосудительно, потому что первое разрушаетъ спокойное созерцаніе, второе—придаетъ этому созерцанію своеобразную форму; гдѣ нѣтъ ни свободнаго творчества, ни свободной критики, тамъ нѣтъ жизни. Самъ Платонъ создалъ свою философскую систему при помощи фантазіи и критики. Желая возвести остальное человечество въ конгрессию своихъ адептовъ, онъ, подобно Аристотелю, стираетъ личность, отвергаетъ историческій прогрессъ и является поборникомъ самаго варварскаго деспотизма, какого неслыхано было въ дѣйствительности.

## IX.

Ученіе, діаметрально противоположное платонизму, развилъ Эпикуръ (340—270 до Р. X). Принимая свидѣтельство нашихъ чувствъ за единственный достовѣрный источникъ знанія, Эпикуръ не строитъ никакой теоріи; о мірѣ онъ знаетъ только то, что все сложилось само собою, по внутренней необходимости, безъ вмешательства боговъ и высшихъ безтѣлесныхъ существъ. Какъ все это сложилось, Эпикуръ объясняетъ гипотезою, не придавая ей значительной важности. Все въ природѣ, по мнѣнію Эпикура, безцѣльно, случайно и между тѣмъ основано на естественной связи причины и слѣдствія. Все ученіе имѣетъ практическое направленіе. Эпикуръ хочетъ уничтожить суевѣріе, и понимаетъ подъ этимъ именемъ идею божества и грѣхъ. Для этого онъ доказываетъ безцѣльность созданія и отсутствіе того міроваго разума, который Платонъ воплотилъ въ личности диміурга. Не отходя ни на шагъ отъ міра видимыхъ явленій, Эпикуръ на непосредственномъ наблюденіи физическихъ законовъ строитъ свою гипотезу о происхожденіи міра. Онъ принимаетъ вѣчность матеріи, потому что ничто въ мірѣ не уничтожается и не возникаетъ изъ ничего; согласно съ новѣйшей теоріей, Эпикуръ полагаетъ, что всѣ тѣла состоятъ изъ атомовъ; эти атомы, по его мнѣнію, носились въ пространствѣ, потому что сталкиваясь между собою, приходили въ вращательное движеніе, образовали тѣла и принимали разныя свойства, какъ-то цвѣтъ, форму и теплоту. Атомы вѣчны; соединенія ихъ между собою временны. На постоянномъ ихъ переходѣ изъ одной формы въ другую основано кругообращеніе матеріи, явленія рожденія и смерти, развитія и размноженія. Душа человѣка по мнѣнію



гра, состоитъ изъ тончайшихъ атомовъ, неощущающихъ даже осязательнаго вѣса. Эти атомы распространены по всему тѣлу, а тѣ, въ которыхъ заключается сила мышленія и чувства, живъ въ груди. При разрушеніи тѣла, атомы мгновенно разлетаются, и такимъ образомъ гаснетъ сознание и уничтожается личность. Воззрѣніе эпикурейцы считаютъ очень утѣлнымъ, потому что оно избавляетъ отъ ужасовъ преисподней. Эпикуръ принимаетъ совершенную свободу воли и отвергаетъ предѣленіе и фатализмъ. Развитіе отдѣльности человѣка и всего человѣчества онъ объясняетъ естественною связью причины и слѣдствія. Народной религіи Лукрецій относится съ презрѣніемъ. «Подавленная тяжелымъ культомъ, чуждая жизнь лежала во прахѣ; религія, выходящая надъ смертными, показывала съ страшною головою, наполнявшую ихъ ужасомъ. Смертный грекъ первый рѣшился взглянуть ей въ глаза и выступить ей противомъ. Ни храмы боговъ, ни молніи, ни грозоропотъ неба не остановили его; напротивъ этого возросло его мужество и усиливалося нѣ первое сбить запоры съ затворенныхъ ей природы. Живая сила духа превозмогла, вышелъ за пламенѣющіе предѣлы міра и тою мысли измѣрилъ все необъятное. И вотъ бдителъ рассказываетъ намъ, что можетъ быть и что невозможно; онъ говоритъ намъ, каждая сила получаетъ опредѣленные границы, выше которыхъ не могутъ распространяться слѣдствія. И теперь религія въ свою очередь бѣдѣна и брошена подъ ноги; насъ побѣждаетъ до неба. Я боюсь, ты упрекнешь меня, я ввожу тебя въ школу безбожія и ставлю путь преступленія. Напротивъ эта религія годъ чаще порождала зло и несчастье. Вспомни, какъ ужасно избранные вожди Данаевъ, лучшие изъ, въ Авлидѣ обогнали кровью Ифигеніи жертвенникъ Артемиды. Жертвенная повязка была дѣвическій уборъ; убитый горемъ, отецъ легъ у жертвенника, жрецы скрывали отъ него овое желѣзо; глядя на него, граждане проливали слезы, и дѣва, овѣявши отъ страха, упала колѣни и лишилась чувствъ. И не спасло нежную то, что она была старшая дочь короля, она первая назвала его именемъ отца. Ее няли люди и дрожащую понесли на рукахъ жертвеннику; не на бракъ ее вели, не къ новому жениху; ее, невинную дѣву, въ самый, свадьбы, родной отецъ собираетъ зарѣзыватьaltarъ, чтобы флотъ домошелъ счастливо съутнымъ вѣтромъ; вотъ сколько бѣдствій можетъ причинить религія».

то мѣсто Лукреція указываетъ на двѣ стороны эпикурейскаго міросозерцанія. Во-первыхъ, Лукрецій не отличаетъ религію отъ суевѣрія, и отвергаетъ внутреннія основы религіознаго чувства; полагая, что изученіе природы

подрываетъ всякое благоговѣніе. Во-вторыхъ, онъ преслѣдуетъ въ религіи не столько внутреннюю нелогичность, которую онъ въ ней подзрѣваетъ, сколько безнравственность, которую влечетъ за собой духъ греческаго религіознаго міросозерцанія. Стало-быть, первая черта указываетъ на обширность эпикурейскаго отрицанія, а вторая на практическое направленіе этого отрицанія. Эпикуреизмъ почти не отдѣляетъ очищеннаго идеализма Платона и фатализма стоиковъ отъ заблужденій народной религіи. Живое эстетическое чувство влекло одного Эпикура къ созданію идеальныхъ существъ, одаренныхъ всеми физическими и нравственными совершенствами, вѣчно живущихъ и вѣчно блаженныхъ. Онъ воплотилъ идеалы въ образахъ антропоморфическихъ боговъ, не имѣющихъ ничего общаго ни съ міротвореніемъ, ни съ міроуправленіемъ, ни съ мелкими интересами людей и земли. Свободные отъ заботъ и трудовъ, неволнующие ни страстями, ни желаніями, они живутъ въ вѣчно свѣтлой и веселой атмосферѣ, въ такъ-называемыхъ *интермундіяхъ*, т. е. въ пространствахъ между мірами.

Что особенно отличаетъ философію Эпикура — это полная свобода мысли, не исключаящая ни одной способности человѣческой души. Пусть фантазія свободно творитъ свои образы, пусть чувство манитъ къ такимъ представленіямъ, которыя непонятны трезвому критическому уму, Эпикуръ не отвергаетъ этихъ причудливыхъ, но прелестныхъ созданій. Онъ только не даетъ имъ практическаго значенія, не позволяетъ основать на нихъ теорію мірозданія, но признаетъ ихъ освѣжающее и живительное вліяніе на личность художника и человѣка. Если припомнить сужденія Платона и Аристотеля о грекахъ и о варварахъ, если припомнить далѣе, что Платонъ предлагалъ въ своей республикѣ ввести коммунизмъ женъ, а Аристотель подвергалъ сомнѣнію существованіе добродѣтели у женщины, то изъ этихъ данныхъ можно вывести заключеніе, что личность человѣка въ системѣ Эпикура пользуется такимъ уваженіемъ и такою свободою, какихъ не знала до него классическая древность.

Боги у Эпикура существуютъ какъ свободныя созданія фантазіи и не связываютъ людей никакими практическими обязательствами. Такъ какъ въ жизни люди съ ними не сталкиваются, а послѣ смерти человѣческая личность уничтожается, то представленіе этихъ боговъ совершенно уживается съ Эпикуровымъ атеизмомъ. Нравственная философія его по своему духу находится въ органической связи съ его понятіями о богахъ и ихъ отношеніи къ людямъ. Въ ней проводится та мысль, что благо недѣлимыхъ должно быть конечною цѣлью всякой человѣческой дѣятельности. Не признавая закона, даннаго свыше, Эпикуръ считаетъ единственнымъ безусловнымъ добромъ наслажденіе, единственнымъ безуслов-



нымъ зломъ—страданіе. Но всякое положительное наслажденіе основано на удовлетвореніи потребности, слѣдовательно на страданіи, которое должно быть устранено. Поэтому всякое наслажденіе имѣетъ конечною цѣлью уничтоженіе страданія, и потому высшее благо для человѣка есть душевное спокойствіе и тѣлесное довольство, происходящее отъ удовлетворенія всѣхъ потребностей. Чѣмъ малочисленнѣе эти потребности, чѣмъ онѣ скромнѣе, тѣмъ легче могутъ онѣ быть удовлетворены, и потому тѣмъ достижимѣе идеаль блаженства.

По мнѣнію Эпикура, пишетъ Целлеръ, «не пьянство и пиры, не любовь къ женщинамъ, не удовольствія стола дѣлаютъ жизнь пріятною, а трезвый умъ, изслѣдующій причины нашей дѣятельности и нашихъ стремленій, и прогоняющій величайшихъ враговъ нашего спокойствія—предразсудки». Наслажденія и страданія души, по мнѣнію Эпикура, сильнѣе физическаго удовольствія и физической боли; въ первомъ случаѣ мы испытываемъ посредствомъ воспоминанія прошедшаго, а посредствомъ страха или надежды будущія горести и радости, которыя усиливаютъ впечатлѣнія настоящей минуты. Во второмъ мы переживаемъ только въ настоящемъ ощущенія боли или удовольствія, и состояніе души, воспоминающей о прошедшемъ, смотрящей въ будущее и наслаждающейся созерцаніемъ мысли, можетъ заглушать или ослаблять страданія тѣла.

Впрочемъ Эпикуръ нигдѣ не высказываетъ стоическаго презрѣнія къ страданію; онъ утѣшаетъ страждущихъ болѣе доступной идеей: «сильныя страданія, говоритъ онъ, продолжаютъ недолго, а при посредственныхъ страданіяхъ можетъ быть наслажденіе, до нѣкоторой степени заглушающее и перевѣшивающее боль». Эпикуръ не отдѣляетъ блаженства отъ добродѣтели, но говоритъ, что не добродѣтель сама по себѣ дѣлаетъ человѣка счастливымъ, а то наслажденіе, которое изъ нея выходитъ. Добродѣтель не составляетъ для него цѣли, это только средство достигнуть блаженной жизни, но за то онъ считаетъ это средство вѣрнымъ и необходимымъ. Мудрецъ Эпикура стоитъ выше страданія, но не требуетъ этого отъ другихъ людей, и потому способенъ чувствовать жалость, хотя это чувство не должно мѣшать его философской дѣятельности; онъ не презираетъ наслажденія, но управляетъ своими чувственными стремленіями и, умѣряя ихъ силою мысли, не позволяетъ имъ оказывать вредное вліяніе на его жизнь. Мудрецъ стоитъ выше обстоятельствъ и можетъ быть счастливъ во всякомъ положеніи. «У Эпикура, говоритъ Целлеръ, выразилось стремленіе общее всѣмъ школамъ послѣ аристотелевской философіи—дать человѣку свободу и самостоятельность и сдѣлать его независимымъ отъ всего внѣшняго въ безвѣнности его мыслящаго самосознанія». Отдѣльныя правила жизни, пред-

писанныя Эпикуромъ, направлены къ тому, чтобы умѣрить страсти и похоти и такъ образомъ привести человѣка къ полному довольству собою и жизнью. Внутреннее спокойствіе является счастьемъ мудреца, котораго не трогаетъ ни бѣдность, ни незнатность; онъ удовлетворяетъ своимъ потребностямъ удовлетворять имъ, а отъ удобствъ, составляющихъ роскошь, мудрецъ не отказывается, но не ставитъ ихъ въ зависимость свое внутреннее спокойствіе. Не подавляя чувственности, Эпикуръ умѣряетъ и ограничиваетъ ее. Мудрецъ не долженъ быть циникомъ или нищимъ; онъ можетъ наслаждаться всѣми удобствами жизни, всею изящною обстановкой, всѣми отвлеченными физическими, умственными и нравственными ощущеніями; нужно только, чтобы опасаясь потери этихъ благъ не сдѣлалъ несчастнымъ; «его умѣренность, говоритъ Целлеръ, состоитъ не въ томъ, что онъ не пользуется, а въ томъ, что онъ въ немъ не нуждается». Циникъ съ умысломъ бѣжитъ удобства жизни, эпикуреецъ умѣетъ тамъ, гдѣ случается обходиться безъ нихъ.

Циники и стоики насилуютъ природу человѣка, а эпикурейцы только приводятъ естественныя границы и даютъ ей разумное правленіе. Эпикуреецъ не боится смерти, боится только самоубійства, если нѣтъ другаго средства избавиться отъ невыносимыхъ страданій, напр. если онъ осужденъ на мучительную или болѣзнь неизлѣчимою тяжкой болѣзью, такъ какъ ни лишенія, ни временная боль не могутъ помѣшать его внутреннему довольству, то самоубійство возможно только тогда, когда безъ того предстоитъ за длиннымъ рядомъ даній неизбежная смерть. Короче, эпикуреецъ не ищетъ смерти, но умѣетъ въ случаѣ необходимости помириться и съ нею. Онъ постоитъ ищетъ возможно лучшаго и въ то же время пользуется наличнымъ. Въ немъ соединенъ элементъ движенія съ элементомъ покоя, это соединеніе по самой сущности своей является и тревогу, и апатію.—«Эпикуръ, какъ и Сенека, одинаково осуждаетъ тѣхъ, кто боится къ смерти, и тѣхъ, кто ея боится, говоритъ: смѣшно бѣжать къ смерти отъ страха жизни, когда родомъ жизни ты сдѣлалъ то, что надо бѣжать къ смерти. Гражданскаго долга Эпикуръ не признаетъ, во-первыхъ потому, что для него вообще не существуетъ долга, во-вторыхъ потому, что онъ считаетъ гражданское общество только какъ нѣкое учреждение, котораго конечная цѣль—безопасность отдѣльной личности. Государственная власть дѣлается такимъ образомъ чисто полицейскою, причемъ въ разныхъ степеняхъ измѣняются только разныя поприща. Очень понятно, что Эпикуръ предпочитаетъ эти должности тѣмъ, кто не можетъ



ься лучшим; его мудрець составляет въ государствѣ охраняемое, а охранителями являются и менѣ развитые или по крайней мѣрѣ не-зющіе всеобъемлющаго развитія. Эпикуръ, по вамъ Сенеки, говоритъ: пусть мудрець не иступаетъ къ правительственной дѣятельности, если ни что не принудитъ». Зенонъ говоритъ: пусть приступитъ, если ни что не помѣетъ». Золотая середина, по мнѣнію Эпикура, это вѣрнѣе ведетъ къ счастью, и обезпеченный истинный человѣкъ можетъ быть гораздо спокойнѣе, нежели правитель государства.

Любопытно сравнить воззрѣнія Эпикура на государство съ убѣждениями В. Гумбольдта, высказанными въ первомъ его политическомъ разсужденіи: «Ideen zu einem Versuch die Grenzen der Irksamkeit des Staats zu bestimmen». Мы найдемъ въ томъ и другомъ сильное развитіе индивидуализма и низведеніе государства на степень сравнительнаго учрежденія. Эти сходныя мысли уже высказаны въ сходныхъ выраженіяхъ, ослабляя узы тѣхъ отношеній, въ которыя человѣкъ поставленъ рожденіемъ, какъ гражданинъ государства и какъ членъ семейства, Эпикуръ придаетъ особенно важное значеніе тѣмъ связямъ, которыя основаны на взаимной наклонности. Онъ высоко цѣнитъ дружбу, называетъ ее высшимъ благомъ жизни и говоритъ, что мудрець можетъ даже рѣшиться для друга на величайшія страданія и смерти. И это нисколько не противорѣчитъ эгоистическому духу всего ученія; умирая за друга, эпикуреецъ не насилуетъ своей природы; онъ дѣлаетъ это потому, что ему легче умереть, нежели видѣть или знать, что умираетъ или страдаетъ его другъ.—Если прибавить къ этой характеристикѣ эпикуреизма извѣстія о личномъ характерѣ Эпикура, отличавшагося кротостью, любящимъ сердцемъ, преданностью къ друзьямъ и гуманностью къ своимъ рабамъ, то не трудно будетъ убѣдиться, что вся его нравственная философія основана на непосредственномъ чувствѣ и потому носитъ на себѣ характеръ неподдѣльной искренности. Эпикуръ не заботится о томъ, чтобы провести въ своемъ ученіи до конца какую-нибудь идею, онъ руководствуется тѣмъ, что подсказываетъ ему чувство, и потому, если его положенія не всегда вытекаютъ одно изъ другого, то по крайней мѣрѣ всѣ они вытекаютъ изъ одного міросозерцанія, изъ одной человѣческой личности, образъ которой очень отчетливо рисуется во всѣхъ отдѣльных частяхъ ученія. Это ученіе должно было дѣйствовать на различныхъ людей различно, и результаты его вліянія должны были рѣзко отличаться другъ отъ друга, смотря по личному характеру воспринимавшаго его человѣка. Ни одно ученіе не открываетъ такого обширнаго поля свободѣ личности, и потому ни одно ученіе болѣе эпикуреизма не подаетъ повода къ злоупотребленіямъ. Нѣтъ ничего легче, какъ оправдать имъ

всякую безнравственность. «Мнѣ это доставляетъ наслажденіе, я такъ и поступаю», говорили многіе порочные люди древности, опираясь на Эпикура, котораго они не понимали или не хотѣли понимать.

Въ Римѣ ученіе Эпикура рано нашло себѣ многочисленныхъ послѣдователей. Замѣчательнѣйшимъ и самымъ талантливымъ толкователемъ Эпикура былъ безспорно Лукрецій. Его знаменитое стихотвореніе о природѣ вещей служитъ главнымъ источникомъ для изученія эпикуровой физики. Послѣ Лукреція Эпикуръ не выдерживаетъ ничѣй научной обработки и остается до паденія греко-римскаго міра безъ всякаго измѣненія. Замѣчательно, что эпикуреизмъ не породилъ философскихъ сектъ; кто предавался ему, тотъ предавался всей душою, принималъ все міросозерцаніе учителя и, успокоившись на немъ, проводилъ въ жизнь его совѣты, не заботясь о дальнѣйшей ихъ теоретической разработкѣ. Такимъ замѣчательнымъ эпикурейцемъ былъ Лукіанъ Самосатскій, обсуживавшій съ точки зрѣнія своей школы и осмѣивавшій съ неподражаемымъ остроуміемъ несообразности и грязныя стороны современнаго ему язычества. Дѣятельность этого Вольтера древности была чисто-практическая; въ умозрительныя изслѣдованія онъ не пускался; основывать свое ученіе на новыхъ доказательствахъ, отстаивать его вѣрность и такимъ образомъ доставлять ему вліяніе на массы, онъ считалъ излишнимъ и шелъ къ той же цѣли путемъ отрицанія и ожесточенной полемики съ существующимъ порядкомъ вещей. Если Лукіанъ можетъ быть принятъ за представителя умственныхъ стремленій позднѣйшаго эпикуреизма, то эротическіе поэты, подобные Горацию, Проперцію и Тибуллу могутъ считаться представителями его нравственныхъ тенденцій, какъ ихъ понимало разлагающееся общество императорскаго Рима. Гораций въ своихъ сатирахъ приближается къ идеалу эпикурова мудреца; но за то Гораций въ одахъ и эпизодахъ беретъ самую чувствительную сторону этого ученія и, извращая его истинный смыслъ, оскорбляетъ иногда эстетическое чувство читателя своими пѣснями публичнымъ женщинамъ и растлѣннымъ мальчикамъ.

Еще ниже стоятъ въ эстетическомъ и нравственномъ отношеніи Тибуллъ и Проперцій, пѣвцы грязной чувственности. Конечно, если принимать ихъ за представителей эпикуреизма, то можно отъ него отвернуться съ презрѣніемъ. Но даже сама мыслящая древность смотрѣла на эпикурейцевъ иначе и понимала, что эти неглубокіе дилетанты, несмотря на обширное вліяніе свое на толпу читателей, не могутъ быть поборниками философскаго ученія. Ни Цицеронъ, ни строгій стоикъ Сенека не любили эпикуреизма, а между тѣмъ оба они сознаются, что современные имъ послѣдователи Эпикура были большей частью честные люди, дорожившіе жизнью мысли







юкъ вещей. Храмовъ, говорятъ они, не должно бы строить, но ради народа въ нихъ должно гнать съ благоговѣніемъ. Многіе мнѣя они стали толковать аллегорически, отыскивая въ ихъ физическое значеніе. Обоготворенію людей и не сопротивлялись, потому что при ихъ итеистическомъ воззрѣніи можно было обожать е, въ чемъ проявляется эвнр. Мантику они ципиали, находи, сообразно съ своимъ фатазмомъ, естественную связь между предзнаменаніями и предсказываемыми ими событіями. же божественна сила, разсуждали они, которая распорядилась будущимъ, побуждастъ наинмѣрь жреца выбрать такое жертвенное животное, во внутренностяхъ котораго окажутся отвѣтствующіе знаки. Стоики не признають, подобно Платону, противоположности между маіріей и разумомъ. Вся добродѣтель, по ихъ мненію, заключается въ знаніи. Идеальный мудрецъ стоической школы обладаетъ всей полною разума, науки и добродѣтели; у него нѣтъ нѣній, потому что онъ все знаетъ достоверно; въ страстей, потому что у него есть все, и онъ дѣловательно ничего не желаетъ. Онъ совершенно свободенъ, не можетъ ничего потерять, потому что то, что онъ считаетъ своимъ, негемлемо; онъ ни въ комъ не нуждается для своего блаженства и отождествляетъ свой разумъ съ божественной необходимостью, такъ что, при толкованіи съ разными событіями, заранее редвидитъ ихъ и совершенно мирится съ ними. акъ какъ мудрецъ совершенно свободенъ, и мшая цѣль его состоитъ въ достиженіи философской безстрастности, то эта цѣль оправдываетъ всякія средства и открываетъ поприще самаго необузданнаго произвола личности. амыя страшныя преступленія позволительны, ли они ведутъ мудреца къ его цѣли.

Здѣсь стоицизмъ показывается съ такой стороны, которая можетъ дѣйствовать на массу акъ же вредно, какъ и теорія наслажденія пикура, потому что каждый воленъ считать себя за мудреца и поступать сообразно съ гимъ достоинствомъ. Въ этомъ отношеніи стоицизмъ хуже эпикуреизма и какъ умеренительная система, и какъ школа практической нравственности. Его послѣднее положеніе елогично и безнравственно. Становясь на пьесталъ абсолютной добродѣтели, стоики, сами его не замѣчая, подставляли на мѣсто ея удовлетвореніе своимъ личнымъ цѣлямъ и влеченіямъ и очень наивно оправдывали свою личную прихоть грязныя слабости и проступки. енонъ предавался педерастіи и оправдывалъ ее акъ безразличное въ самомъ себѣ дѣйствіе. До акихъ излишествъ, сколько извѣстно, не доходилъ ни Эпикуръ, ни лучшія изъ его послѣдователей. Во взглядахъ стоиковъ на политику амѣтно постепенное охлажденіе къ гражданской дѣятельности, возроставшее по мѣрѣ того,

какъ усиливался деспотизмъ и падала родная нравственность.

Такъ какъ истина одна, то разумная дѣятельность всѣхъ людей должна быть тождественна, потому что она воплощаетъ въ себѣ общій законъ. Этотъ общій законъ связываетъ между собою отдѣльныя личности въ гражданское общество. Дѣйствуя собственно для себя, стоическій мудрецъ дѣйствуетъ въ то же время на общую пользу, потому что его интересы и стремленія не расходятся съ законами необходимости, устроившей все для блага всѣхъ существъ вообще и разумныхъ въ особенности. Что эта мысль исключаетъ позволительность преступленія—это ясно, такъ что разобранное мною положеніе стоиковъ опровергается даже ихъ собственнымъ ученіемъ. Сильнѣе другихъ членовъ гражданского общества связаны между собою люди, сознающіе свою разумную природу и свое назначеніе, т. е. мудрецы, которые по сходству своихъ убѣжденій и добродѣтелей должны быть непременно дружны между собою. Эти мудрецы составляютъ въ ученіи стоиковъ хотя не замкнутую, но гордую аристократію, смотрящую очень презрительно и враждебно на все, что не входитъ въ ея составъ. Гражданская дѣятельность, къ которой направляетъ стоицизмъ своихъ адептовъ, имѣетъ цѣлью благо стоическихъ мудрецовъ, а не массы, къ которой большая часть мыслителей древности относилась съ извѣстнымъ стихомъ Горация:

*Odi profanum vulgus et arceol...*

Такъ какъ трудно управлять произвольно народомъ, которому не сочувствуешь, то Хризиппъ выражаетъ ту мысль, что государственнй человѣкъ долженъ непременно навлечь на себя неудовольствіе боговъ или народа. Позднѣйшіе стоики разошлись еще болѣе съ народными стремленіями и стали совѣтовать мудрецу удалиться отъ государственныхъ дѣлъ, чтобы сохранить въ неприкосновенности чистоту своей личности и спокойствіе внутренняго міра. Эпиктетъ совѣтуетъ даже избѣгать супружеской жизни, чтобы остаться независимымъ отъ всякаго посторонняго вліянія, омрачающаго блаженство созерцательнаго мышленія. Стоицизмъ подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ отрывается такимъ образомъ отъ практической жизни и теряется въ аскетизмъ, развившемся во 2-мъ и 3-мъ вѣкѣ по Р. Х. подъ вліяніемъ восточной философіи, пережившемъ язычество и принявшемъ такіе громадныя размѣры въ христіанскомъ подвижничествѣ, столпничествѣ и постничествѣ.

## XI.

Эти элементы разрабатывались мыслителями послѣднихъ дней римской республики и первыхъ вѣковъ имперіи. Ученія Платона, Эпикура и Зенона господствовали надъ умами и находили себѣ



болѣе или менѣе вѣрныхъ и талантливыхъ толкователей и распространителей. Для моего предмета всего важнѣе отношеніе этихъ мыслителей къ народной религіи, и потому я расположу характеристики ихъ ученій сообразно съ этимъ направленіемъ изслѣдованія. Всего враждебнѣе смотрѣли на религію эпикурейцы; ихъ идеи просты и ясны; они не хотятъ никакого соглашенія, никакого мира и отрицаютъ все, что не можетъ быть осязательно доказано и оцупано. Такое простое ученіе не могло получить особенно значительнаго научнаго развитія; опираясь непосредственно на опытъ, оно могло измѣниться только тогда, когда бы въ области опытныхъ наукъ произошли какія нибудь значительныя открытія; творческой фантазій въ этой трезвой системѣ не было мѣста, и потому одинъ мыслитель не могъ силою собственной мысли ни опрокинуть дѣло предшественника, ни надстроить надъ его зданіемъ свое новое. «Эпикурейская философія принимала очень незначительное участіе въ научномъ движеніи, говоритъ Целлеръ. Она съ большою энергіей защищала свое міросозерцаніе противъ несогласныхъ съ нимъ воззрѣній, но не предоставляла послѣднимъ никакого вліянія надъ собою, и до такой степени довольствовалась ученіемъ своего основателя, что не пыталась даже развивать его дальше, и что изъ среды ея ни одинъ мыслитель не сдѣлался эклектикомъ». Это доказываетъ, что эпикуреизмъ былъ крайней оппозиціей; дальше человѣческая мысль не могла идти въ отрицаніи; сомнѣваться въ свѣдѣтельствѣ чувствъ и въ собственномъ существованіи можно только для упражненія въ діалектикѣ, потому что если бы даже видимые предметы были призраками, то они оказывали бы практическое вліяніе, и потому мы поневолѣ должны были бы обращаться съ ними какъ съ дѣйствительно существующими вещами. Итакъ, кто доходилъ до простого и крайняго отрицанія, для того невозможно было ни воротиться къ полужантасическимъ теоріямъ стоиковъ и платониковъ, ни уклониться въ сторону и начать собою новое направленіе философскаго изслѣдованія. Это очень естественно. Если я принимаю сверхчувственный міръ, то я могу себѣ представить его не такъ, какъ себѣ вообразить его другой, соглашающейся со мною въ фактъ существованія. Если же я его отвергаю, то соглашаюсь буквально со всѣми отвергающими. Поэтому и понятно, что эпикуреизмъ не дробился на секты, и что напротивъ того стоики и платоники развивали каждый свое ученіе, придерживаясь только основныхъ началъ своей школы. Объ эпикуреизмѣ было уже говорено достаточно; что касается стоиковъ и платониковъ, то каждая отдѣльная личность мыслителя заслуживаетъ оцѣнки и изученія.

Цицеронъ, какъ всеобъемлющій умъ, конечно не могъ обойти философскихъ вопросовъ міросозерцанія. Но, какъ государственный человѣкъ

и ораторъ, онъ занимался умозрительными философіи настолько, насколько это было необходимо для составленія себѣ опредѣленныхъ идей и яснаго плана дѣйствій. Этика представляется ему важнѣйшей частью философіи, и постоянно жертвуетъ строгой послѣдовательностью нравственному достоинству и практической примѣнимости. Онъ не открылъ своего пути въ философскомъ мышленіи, но ставилъ въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ критику главныхъ системъ, и критикуя ихъ, составлялъ и сформулировалъ свои положенія, принимая изъ каждой школы то, что казалось ему истиннымъ. Этотъ эклектизмъ не ведетъ его къ противорѣчіямъ, потому что онъ руководствуется не безстрастнымъ мышленіемъ, а преимущественно нравственнымъ и эстетическимъ чувствомъ. Какъ эклектикъ, Цицеронъ положительно отвергаетъ только эпикуреизмъ, колеблется между платонизмомъ, стоицизмомъ и философіей Аристотеля.

Въ стоической этикѣ ему нравится отшельничество добродѣтели съ блаженствомъ, но ему жется, что стоики требуютъ отъ человѣка слишкомъ многого, и что идеалъ стоическаго мудреца неосуществимъ въ дѣйствительности. Перипатетиковъ онъ упрекаетъ въ томъ, что они отбываютъ блаженство отъ добродѣтели, но соглашались съ ними въ томъ положеніи, что не должно отрываться отъ физической природы, а напротивъ заботиться о ней и поддерживать ее умѣренными удовольствіями потребностей. Цицеронъ признаетъ существованіе Бога и приводит въ пользу этого мнѣнія два главныхъ доказательства. Во-первыхъ, онъ видитъ во всемъ мірѣ разумную идею и опредѣленную цѣль, и потому необходимо принимаетъ мыслящую личность творца и міроправителя. Во-вторыхъ, религія, по его мнѣнію, практически необходима, потому что безъ нея погибла бы всякая нравственность и всякая возможность общественной жизни. Онъ говоритъ, что существо Бога не можетъ быть опредѣлено, но предполагаетъ, что Богъ одинъ, и что онъ духъ, или что его тѣло состоитъ изъ очень тонкой матеріи. Съ народной религіей римлянъ Цицеронъ и не пробуетъ мириться въ области мысли. Онъ откровенно говоритъ, что онъ годится только для массы, и что ее должно поддерживать, какъ полезную въ политическомъ отношеніи. Вообще у Цицерона преобладаетъ утилитарный взглядъ на религію, и онъ дорожитъ только тѣми догматами, которые, по его мнѣнію, возвышаютъ человѣческое достоинство. Безсмертіе души ему дорого, и онъ старается вѣрить въ него, но практическое направленіе его изслѣдованій побуждаетъ его во что бы то ни стало отдѣлаться отъ страха смерти, и потому онъ дѣлаетъ предположеніе и на тотъ случай, еслибы душа уничтожалась съ разрушеніемъ тѣла; тогда разсуждаетъ онъ, все-таки не будетъ страданія,



тому что небытіе исключаетъ способность умиать. Это предположеніе однако нигдѣ не ражено твердо и положительно; вездѣ, напротивъ того, Цицеронъ говоритъ о безсмертіи души кѣ о фактѣ, въ которомъ онъ почти совершенубѣжденъ, и какъ о догматѣ, которымъ онъ убоко дорожить. Что касается до загробныхъказаній, онъ считаетъ ихъ баснями, оскорбляющими достоинство бога и человѣка.

## XII.

Стоицизмъ, насильственно отрывавшій человека отъ вишняго міра и заставлявшій его довольствоваться своимъ внутреннимъ я, находилъ себѣ многихъ приверженцевъ въ такое время, когда всякій честный человѣкъ смотрѣлъ на окружающій порядокъ вещей съ ужасомъ и отвращеніемъ. Когда надъ всѣмъ образованнымъ міромъ господствовалъ какой нибудь Калигула или Неронъ, когда онъ безнаказанно выгонялъ философовъ и заставлялъ римскихъ дамъ выходить на арену, когда аристократія превратилась въ толпу льстецовъ и доносчиковъ, а религія въ безалаберный наборъ суевѣрныхъ обрядовъ, тогда лучшіе люди конечно принуждены были сосредоточить свои нравственные силы и замкнуться въ самихъ себѣ. Трудно было человѣку съ свѣтымъ умомъ и теплымъ чувствомъ думать о гармоническомъ наслажденіи жизнью, когда на каждомъ шагѣ встрѣчались насилие и произволъ, цинизмъ разврата, тупоумное суевѣріе и легкомысленное отрицаніе. Нѣкоторые лучшіе государственные люди имперіи представляютъ въ своей личности воплощенія стоическаго мудреца, довольно близко подходящія къ идеалу. Каній Іулъ, Тразеа Петъ, любимецъ Тацита, и Гельвидій Прискъ были мучениками своихъ убѣжденій и прославили стоическую школу своими страданіями и смертью. Въ то время, какъ они проводили въ жизнь стоическія положенія, другіе дѣтели развивали въ своихъ сочиненіяхъ начала этой нравственной философіи. Изъ нихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія Сенека, Музоній Руфъ и Эпиктетъ. Всѣ они отличаются преимущественно практическимъ направленіемъ и смотрятъ на логику и на физику какъ на вспомогательныя науки нравственной философіи.

*Люцій Анній Сенека*, знаменитый современникъ и наставникъ Нерона, подобно Цицерону сближаетъ стоицизмъ съ дѣйствительностью и старается смягчить строгость его нравственныхъ требованій. Онъ соглашается съ основными положеніями своей школы и даже съ риторскимъ одушевленіемъ развиваетъ мысли о томъ, что добродѣтель есть высшее и единственное благо, что всякій не-мудрецъ пороченъ, и что все принадлежитъ мудрецу. Рядомъ съ этими восторженными изреченіями встрѣчаются мысли, ограничивающія ихъ значеніе; какъ человѣкъ богатый, Сенека сознается, что матеріальныя блага

содѣйствуютъ во многихъ отношеніяхъ тому внутреннему довольству, которое составляетъ добродѣтель. Какъ придворный, онъ совѣтуетъ сносить съ покорностью оскорбленія со стороны людей, стоящихъ высоко на ступеняхъ общественной лѣстницы. Жизненный опытъ очевидно поколебалъ въ Сенека вѣру стоиковъ во всемогущество разума и нравственной воли. Люди по его мнѣнію порочны и отъ природы расположены ко злу. Поэтому онъ ограничиваетъ нравственныя требованія своей школы, формулируя ихъ такъ: «мы должны сообразоваться съ волею боговъ настолько, насколько намъ позволяетъ наша человѣческая слабость». Полагая, что эта слабость есть нормальное свойство человѣка, Сенека говоритъ, что вся жизнь есть мученіе, и что только смерть спасаетъ отъ ея волненій и тревогъ. Здѣсь, очевидно, матерія признается источникомъ зла, и ей противопоставляется духовное начало, котораго не признавало матеріалистическое ученіе древнихъ стоиковъ. Сенека съ любовью развиваетъ ученіе о промыслѣ и представляетъ бога существомъ любящимъ, отцомъ добродѣтельныхъ людей, заботящимся о нихъ въ жизни и посылающимъ имъ даже несчастья съ благою цѣлью, какъ испытанія и какъ средства развить силу характера. Богъ, котораго уважаетъ и любитъ Сенека, не имѣетъ ничего общаго съ личностями древне-римскихъ и олимпійскихъ боговъ. Къ народной религіи онъ стоитъ въ совершенно враждебныхъ отношеніяхъ. Онъ прямо называетъ ее суевѣріемъ и открыто глумится надъ «неблагородною толпою боговъ», но видя въ догматахъ и обрядахъ культа государственное учрежденіе, Сенека совѣтуетъ уважать его, чтобы не подавать соблазна необразованному народу. Самъ же онъ признаетъ только того бога, который живетъ въ насъ и въ мірѣ какъ духовное и живительное начало. Всѣ религіозныя упражненія по его мнѣнію излишни, не нужно ни молитвы, ни поднятія рукъ къ небу, ни жертвоприношеній.

*Люцій Музоній Руфъ*, учившій также при Неронѣ, но пережившій Сенеку и умершій уже при Титѣ, относится иначе къ народной религіи. Онъ принимаетъ всѣхъ мифологическихъ боговъ за дѣйствительно существующія личности и говоритъ даже, что они питаются испареніями воды и земли; сообразно съ этимъ онъ говоритъ о душѣ человѣка, что она родственна съ богами по своей сущности и состоитъ изъ матеріи, которая можетъ быть повреждена и испорчена вліяніемъ воздуха, воды и другихъ тѣлъ. Все вниманіе Музонія устремлено на нравственную философію; философія, по его мнѣнію, равняется добродѣтели, она учитъ насъ познавать и примѣнять къ практикѣ правила нравственности, и потому можетъ, какъ думалъ Музоній, совершенно исправить недостатки общества и навсегда излѣчить его нравственные болѣзни. Потому философія не должна



быть достояніемъ немногихъ избранныхъ; пусть учатся философіи богатые и бѣдные, вельможи и землевладѣльцы, мужчины и женщины. Видно, что и въ рядахъ мыслителей стали сознать необходимость обновленія жизни посредствомъ распространенія въ массахъ честныхъ и твердыхъ убѣжденій, привитыхъ сознательно и осмысленныхъ самодѣлательнымъ размышленіемъ каждаго. Тотъ умственный аристократизмъ, которымъ были проникнуты древніе стоики и Аристотель, уступаетъ мѣсто болѣе гуманному и широкому пониманію человѣческой личности. Является сознаніе, что человѣкъ, какъ человѣкъ, имѣетъ извѣстныя права и что эти права должно хранить и уважать. Музоній Руфъ предназначаетъ свои философскія сентенціи для всѣхъ; онъ говоритъ, что за плугомъ и за лопатой можно научиться необходимому; человѣчеству нужно было много пережить и передумать, чтобы отъ рѣзкаго аристократизма Аристотеля возвыситься до этого, почти христіанскаго воззрѣнія на «нищихъ духомъ», т. е. на немудрецовъ. Предписывая правила жизни для всѣхъ, Музоній входитъ въ подробности домашняго быта, и не ограничиваясь начертаніемъ одной руководящей идеи, говоритъ о томъ, что нужно употреблять въ пищу, какъ одѣваться и какъ устроить жилище. Онъ старается привести человѣчество къ естественному состоянію, которое въ его глазахъ сливается съ состояніемъ первобытной дикости. Онъ совѣтуетъ воздерживаться отъ мясной пищи и, по возможности, освобождаться отъ всякихъ искусственныхъ потребностей.

Аскетизмъ пифагорейцевъ находилъ себѣ приверженцевъ во всѣхъ школахъ: господствующая извѣженность бросалась въ глаза всѣмъ практическимъ мыслителямъ; они въ ней видѣли не проявленіе, а источникъ нравственной порчи, и потому вооружались противъ нея всей силой своей діалектики. Эклектикъ Секстій, стоикъ Музоній Руфъ, платоникъ Плутархъ и ново-пифагореецъ Аполлоній Тіанскій сходились между собою въ своихъ практическихъ предписаніяхъ, хотя теоретическіе доводы, которыми они ихъ поддерживали, были различны и сообразовались съ характеромъ той философіи школы, къ которой они принадлежали. Требуя отъ человѣка естественнаго образа жизни, Музоній Руфъ значительно отклоняется отъ духа порвобытнаго стоицизма. Идеаль, къ которому онъ стремится, есть нравственная чистота, а не безмятежность духа. Извѣстное положеніе стоиковъ о позволительности преступленія находить себѣ въ немъ горячаго противника. Совѣтуя воздерживаться отъ мясной пищи, онъ однако не хочетъ привести человѣка къ умерщвленію плоти, потому что это — не естественное состояніе. Брачную жизнь онъ одобряетъ, но прелюбодѣяніе, вытравливаніе зародышей и выкидываніе рожденныхъ дѣтей возмущаютъ его нравственное

чувство. Вообще, предписанія Музонія можно разсматривать какъ сформулированныя мысли о томъ, какъ долженъ жить человѣкъ, одареннаго здравымъ смысломъ и правильнымъ нравственнымъ чувствомъ. Руками Музонія философія сошла съ той высоты, на которой она была доступна немногимъ исключительно приготовленнымъ людямъ, но не имѣла еще той живой привлекательности, которая заставляетъ массы народа идти за проповѣдникомъ и съ благоговѣніемъ слушать его проповѣди. Музоній былъ мыслитель, спускавшійся до толпы, а народу нуженъ былъ практическій учитель, который, возвысившись до живого пониманія жизни, не потерялъ бы знанія жизни и живыхъ чувствъ къ потребностямъ и стремленіямъ массы. Музоній въ своихъ столкновеніяхъ съ дѣйствительностью обнаруживалъ самое наивное непониманіе жизни и непониманіе человѣческаго существа. Отправившись парламентомъ въ военный лагерь, онъ простодушно сталъ развивать передъ солдатами Веспасіана философское ученіе о законахъ мира и объ опасностяхъ войны, и рѣзко такъ надоѣла раздраженнымъ легіонарямъ, что они прогнали и чуть-чуть не побили непринимавшаго проповѣдника.

То же направленіе отличаетъ собою разсужденія знаменитаго *Эпиктета*, ученика Музонія Руфа, записанныя, какъ извѣстно, *Арріаномъ*. Эпиктетъ являлся своего учителя понимаетъ его положеніе: онъ сознаетъ въ себѣ человѣка и не рѣшительно отказывается отъ роли проповѣдника. Его интересовали преимущественно вопросы практической нравственности, но онъ относился къ нимъ какъ строгій мыслитель и не дѣлалъ въ пользу практической жизни ни одной уступки. Онъ хотѣлъ возвысить жизнь до уровня мысли и самъ умѣлъ осуществлять въ дѣйствительности строгія предписанія стоической нравственности. Онъ былъ бѣденъ и изуродованъ бывшимъ своимъ господиномъ, Эпафродитомъ; на его стоическое ученіе недоброжелательно смотрѣло правительство, и при Домиціанѣ онъ принужденъ былъ выѣхать со всѣми философами вообще удалиться изъ Рима. Всѣ эти испытанія онъ переносилъ твердо и безропотно, какъ говорятъ его біографы. Будучи строгимъ къ самому себѣ, онъ былъ строгъ и къ другимъ и, побѣждая въ себѣ человѣческую слабость, не хотѣлъ признавать ихъ въ другихъ. Поэтому во всемъ его ученіи нѣтъ того характера мягкости, которымъ отличаются разсужденія Музонія. Эпиктетъ не возмущается грязнымъ преступленіемъ, но и не выражаетъ состраданія къ неосторожному преступнику; въ томъ и другомъ онъ видитъ ошибку, происходящую отъ ложнаго представленія, и къ тому и къ другому относится съ презрительной безстрастностью. Съ той высоты мысли, съ которой онъ смотритъ внизъ на людей и на жизнь, онъ не видитъ тѣхъ оттѣнковъ различія, которые отмѣчаютъ въ практической жизни обычно-



зные люди. Аристократъ и простой работникъ, свободный человѣкъ и рабъ, богатъ и бѣднякъ, тащливый и несчастный — всѣ равны между собою, и ко всѣмъ этимъ людямъ Эпиктетъ относился одинаково строго и безстрастно. При такомъ взглядѣ на вещи нужно было отказаться отъ всякой попытки измѣнить дѣйствительность въ свою пользу; къ-чему было трудиться, бороться съ препятствіями, сталкиваться съ людьми, когда можно было помириться со всякимъ положеніемъ, перевести всякія притѣсненія и стать въ всякомъ случаѣ свободнымъ, добротельнымъ и счастливымъ. Бороться съ обстоятельствами значило тратить на мелочи. Надо было переносить все и блаженствовать мыслью въ невозмутимомъ покоѣ внутренняго своего міра. Эпиктетъ совѣтуетъ мудрецу, стремящемуся къ этому блаженству, отказаться отъ политической дѣятельности и даже отъ брачной жизни. Онъ сходится въ этомъ отношеніи съ аскетическими предписаніями ново-пифагорейцевъ, но между тѣмъ и другими большая разница въ преслѣдуемыхъ цѣляхъ.

Ново-пифагорейцы, основываясь на ученіи о переселеніи душъ и твердо вѣря въ загробное существованіе, представляютъ себѣ всякаго рода воздержаніе, какъ средство сохранить свою чистоту и улучшить свою судьбу послѣ смерти; слѣдственно ихъ цѣль лежитъ за предѣлами земной жизни. Эпиктетъ, напротивъ того, не вѣритъ въ безсмертіе души, и несмотря на то презираетъ все внѣшнее и матеріальное только для того, чтобы не зависѣть отъ него и стоять выше случайности. Ново-пифагорейцы обѣщали много въ будущемъ и дѣйствуя на воображеніе вѣрующей массы, могли увлечь ее за собою; Эпиктетъ говоритъ только уму, не утѣшаетъ человѣка никакими обѣтованіями и требуетъ самоотреченія холоднаго, разсчитаннаго, чуждаго тому энтузіазму, который производитъ восторженныхъ мучениковъ и подвижниковъ. Это самоотреченіе можно назвать безпредметнымъ; человѣкъ отрывается отъ жизненныхъ радостей не во имя высшей, воплощенной идеи добра, не во имя любви къ ближнимъ, а только потому, что эти радости могутъ современнымъ измѣниться. Эти соображенія для народа были слишкомъ дальновидны и холодны; ему было доступно ученіе платониковъ и пифагорейцевъ, говорившихъ о загробной жизни и о волѣ живыхъ боговъ, или нравственная философія Эпикура, ограничивавшая все настоящею минутою и призывавшая къ обильному наслажденію дарами жизни. Безкорыстный аскетизмъ и неутишительный матеріализмъ стойко и одинаково отталкивали народъ отъ ихъ ученія. Наслажденіе презиралось; взамѣнъ его не обѣщалося ничего лучшаго; практическихъ улучшеній, реформъ въ политической жизни стоицизмъ не дѣлалъ; слѣдовательно ничѣмъ рѣшительно ученіе Эпиктета не могло ни привлечь на свою сто-

рону умы большинства, ни влить живые соки въ народное міросозерцаніе. Между тѣмъ, религиозное ученіе Эпиктета отличается возвышенною духовностью. Цѣль всей философіи состоитъ, по его мнѣнію, въ томъ, чтобы удовлетворить нравственнымъ потребностямъ души, подкрѣпить и утѣшить духъ человѣка, подавленный суетностью всего земного. Чего народъ искалъ въ символическихъ актахъ мистерій, того требуетъ Эпиктетъ отъ работы мысли. Философъ, по его словамъ — врачъ, къ которому должны приходить не здоровые, а больные. Философія есть святня, мистерія, къ которой не должно приступать безъ содѣйствія божества. Мудрецъ есть посланникъ Зевса; ему поручено показать людямъ, что человѣкъ можетъ быть счастливъ среди лишеній и матеріальныхъ страданій. Нравственное добро есть даръ божества, и сущность самого божества заключается въ разумѣ и въ знаніи. Дѣятельность и благодѣтельное вліяніе его можетъ быть познаваемо въ теченіи звѣздъ, въ плодородіи земли и вообще въ физическихъ явленіяхъ; такъ понимаетъ его народъ и такъ Эпиктетъ оправдываетъ догматы и обряды богопочитанія, предоставляя впрочемъ мудрецу право обходиться безъ нихъ и сноситься съ божествомъ непосредственно, черезъ внушенія своего внутренняго демона.

Благороднѣйшая часть человѣческой личности, мыслительная сила, разсматривается имъ какъ эманация божества, и онъ наставляетъ на томъ, чтобы человѣкъ сознавалъ свое родство съ божествомъ, уважалъ свое нравственное достоинство и понималъ свои обязанности къ самому себѣ и свои отношенія къ другимъ людямъ, какъ къ членамъ одной, всеобъемлющей семьи. Эта эманация божества рѣзко противопоставляется тѣлу, матеріи, къ которой Эпиктетъ относится съ крайнимъ презрѣніемъ, называя ее пахлымъ сосудомъ, комомъ грязи и тягостной оболочкой души. Но эта свободная душа понималась только какъ эманация божества, и о понятіи личности Эпиктетъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета. Онъ принималъ между различными людьми только одно количественное различіе: въ мудреца присутствуетъ больше божественнаго духа, въ преступникѣ меньше. О томъ, что и добро, и зло выражается въ единичныхъ, индивидуальных формахъ, что оно въ этихъ проявленіяхъ носитъ на себѣ своеобразный колоритъ, безъ котораго оно невообразимо — объ этомъ Эпиктетъ не имѣетъ понятія. Отношеніе между божествомъ и человѣческой личностью, говоритъ Деллинггеръ, представлялось языческимъ мыслителямъ въ образѣ «океана, на которомъ плаваютъ множество бутылочекъ, наполненныхъ водою: когда одна изъ нихъ разбивается, то часть морской воды, отдѣлявшаяся до того времени отъ цѣлаго, соединяется съ общою массою». Безкорыстіе Эпиктета ученія дѣлало его недоступнымъ для народа;



неутишимость его налагала тяжелую печать грусти даже на тѣ избранныя личности, которыя рѣшались посвятить свои силы на стоическое умерщвление страстей и чувственныхъ похлѣбствъ. Императоръ Маркъ Аврелій воплощаетъ въ своей личности тотъ моментъ грусти и мрачнаго раздумья, который необходимо долженъ былъ испытать стоикъ, одаренный мягкимъ сердцемъ и поэтическимъ, страстнымъ сочувствіемъ ко всему благородному и прекрасному. Его окружала нравственная порча, противъ которой онъ напрасно боролся, какъ государственный дѣятель; его философія говорила ему, что это нравственное зло въ порядкѣ вещей, что противъ него не слѣдуетъ и возмущаться, потому что все въ мірѣ измѣнчиво, и неудержимый потокъ жизни увлекаетъ за собою и личныя стремленія, и земное величіе, и человѣческія слабости, и пороки. Въмѣсто этой уничтоженной привязанности къ живой дѣйствительности, стоицизмъ не давалъ ему никакого твердаго вѣрованія; въ жизни—пустота, за предѣлами гроба небытіе, вокругъ себя—нравственное зло и лѣнливое равнодушіе къ интересамъ мысли. Вотъ что видѣлъ М. Аврелій и вотъ что настраивало его то къ спокойной и глубокой грусти, то къ мрачной и презрительной ироніи. Любопытно между прочимъ замѣтить, что стоицизмъ даже не избавлялъ своихъ адептовъ отъ грубаго суевѣрія; даже благородная и развитая личность Марка Аврелія, проникнутая нравственнымъ ученіемъ Эпиктета, была заражена нелѣпыми предразсудками и самымъ слѣпымъ довѣріемъ къ спасительной силѣ различныхъ обрядовъ и заклинаній.

Группу мыслителей-мистиковъ составляютъ платоники и пнеагорейцы. Эта группа была всего ближе къ общему настроенію народныхъ массъ, и изъ нея выходили тѣ проповѣдники, которые вели народъ за собою и которыхъ народъ окружалъ суевѣрнымъ обожаніемъ и чудеснымъ сіяніемъ божественной святости. Изъ этой группы вышелъ и Аполлоній Тіанскій, котораго личность представляетъ, быть можетъ, самый яркій примѣръ такого обоготворенія.

Онъ стоитъ на переходной чертѣ отъ эклектизма къ положительному пнеагореизму, котораго нравственные тенденціи воплотились въ Аполлоніѣ Тіанскомъ, или, вѣрнѣе, въ томъ нравственномъ идеалѣ, который начерталъ Филостратъ въ своей біографіи. Мы познакомимся съ ними въ слѣдующей главѣ.

## ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

### I.

За 4 года до Р. Хр. родился въ каппадокійскомъ городѣ Тіанѣ у богатаго гражданина Аполлонія сынъ, котораго назвали именемъ отца.

Жизнь и дѣятельность этого Аполлонія произвели сильное впечатлѣніе на умы современниковъ и потому самое рожденіе его было окружено чудесными сказаніями. Говорятъ, что Претей явился беременной матери Аполлонія и объявилъ ей, что она родитъ его, Протея; дѣла сказывали, будто мать Аполлонія, повинувшись видѣнію, отправилась незадолго до своего рожденія на лугъ рвать цвѣты, потомъ заснула на лугу, проснулась отъ пѣнія кружившихся около лебедей и тотчасъ послѣ своего пробужденія родила Аполлонія. Въ это самое время мать упала на землю и потомъ съ земли снова поднялась къ небу. «Этимъ знаменіемъ, говорятъ Филостратъ, боги хотѣли обозначить и предсказать величіе этого человѣка, его возвышеніе въ мірѣ и приближеніе къ божеству». Мальчикъ, родившійся послѣ такихъ чудесныхъ пренесеній, былъ очень красивъ и рано обнаружилъ счастливыя умственные способности. Когда ему минуло 14 лѣтъ, отецъ повезъ его въ Книзъ, въ городъ Тарсъ, и отдалъ на воспитаніе ритору Эпидему. Изъ Тарса Аполлоній переѣхалъ въ Эгиду съ своимъ учителемъ, съ согласія отца, въ городъ Эгиды; причину этого переѣзда Филостратъ объясняетъ тѣмъ, что Аполлонію не понравились нравы жителей Тарса, любившихъ роскошь и шумныя общественныя удовольствія. Видно, что біографъ хочетъ показать намъ, какъ въ отрывѣ заключались зародыши будущаго аскета; предложивъ себѣ такую цѣль, Филостратъ не боятся натяжекъ и, комментируя факты, старается показать по возможности цѣльный характеръ. Его гадка о причинахъ переѣзда Аполлонія въ Эгиду очевидно носитъ на себѣ панегирическій характеръ. Мы возьмемъ только самый фактъ переѣзда, оставляя въ сторонѣ причины, которыя во 1-ю не совсѣмъ сообразны съ возрастомъ Аполлонія, во 2-ю высказаны у Филострата совершенно дословно и бездоказательно. Переѣхавъ въ Эгиду, Аполлоній сталъ слушать представителей римскихъ философскихъ ученій, платониковъ, стоиковъ, перипатетиковъ и даже эпикурейцевъ; здѣсь стала развиваться въ немъ мистическая мечтательность, выразившаяся въ особенномъ чувствіи его къ пнеагореизму. Замѣчательно, что его поразили самыя идеи пнеагореизма, а не живая личность учителя.

Учитель пнеагоровой философіи, Эпиксенъ изъ Иракліи на Понтѣ, самъ не исполнялъ предписанныхъ имъ нравственныхъ правилъ и жилъ какъ эпикуреецъ; на молодого, пылкаго Аполлонія ученіе Пнеагора подѣйствовало очень сильно, тѣмъ болѣе, что онъ видѣлъ, какъ мало пріобрѣтаютъ его къ дѣйствительной жизни; ему помешала семнадцатый годъ, онъ былъ красавецъ собой, человѣкъ, полный энергіи и жизненной силы; рождался въ немъ было много, и онъ съ пыломъ жаромъ юношескаго убѣжденія положилъ себѣ цѣлью жизни воплотить въ своей личности идеалъ



пифагорейскаго мудреца. Въ отношеніяхъ его къ Эвксену выразилась кроткая терпимость его личности; онъ былъ ему благодаренъ за передачу этихъ идей, которыя стали руководить его поступками, и при этомъ нисколько не приходилъ въ изгорованіе отъ того, что самъ Эвксенъ живетъ не такъ, какъ велитъ жить проповѣдуемое имъ ученіе; онъ продолжалъ любить его какъ бывшаго учителя, выпросилъ у своего отца загородный домикъ съ садомъ и подарилъ его Эвксену: «жи-и ты здѣсь по-своему, сказалъ онъ ему, а я ста-у жить по обычаю Пифагора».

— Съ чего жеты начнешь? спросилъ Эвксенъ.

— Съ того, съ чего начинаютъ медики, от-бъчалъ Аполлоній. Очищая желудокъ, они однихъ редохраняють отъ болѣзни, а другихъ вылечивають.

Гигіеническія предписанія прежде всего об-ати на себя вниманіе Аполлонія, и онъ рѣ-пнительно отказался отъ мясной пищи, считая ее нечистою и омрачающею умъ; плоды и овощи все, что предлагаетъ человѣку сама земля, счи-галось чистымъ; вино, какъ напитокъ, добывае-мый изъ прекраснаго растенія, тоже чистое ве-щество, но оно противудѣйствуетъ спокойной ра-ботѣ мысли и омрачаетъ свѣтлый эфиръ души. Откинувъ все лишнее въ пищу, Аполлоній измѣ-нилъ и одежду; онъ сталъ ходить босыми ногами, отказался отъ шерстяного платья, приготовляе-маго изъ животнаго матеріала, и ограничился льняною одеждою; онъ отпустилъ волосы на го-ловѣ и сталъ жить въ храмѣ, чтобы быть въ по-стоянномъ общеніи съ божествомъ. Онъ выбралъ для своего жительства храмъ Эскулапа, и тутъ, для ознакомленія съ его характеромъ, любопытно разсмотрѣть, какое побужденіе заставило его по-селиться въ храмѣ. Можно сдѣлать три предпо-ложенія: 1) или Аполлоній хотѣлъ дѣйствовать на народъ и съ этой цѣлью старался пріобрѣсти репутацію любимца боговъ; 2) или онъ, какъ пылкій и вѣрующій юноша, ждалъ отъ боговъ дѣйствительныхъ откровеній и вѣрилъ въ ихъ святую; 3) или наконецъ, онъ, какъ любозна-тельный практическій медикъ, старался воспользо-ваться медицинскими средствами Эскулапа. Первое предположеніе всего менѣе выдерживаетъ критику. Все поведеніе Аполлонія во время его пребыванія въ Эги скромно, просто и естествен-но. Онъ не пророчествуетъ, не рассказываетъ о своихъ видѣніяхъ и только одинъ разъ проповѣ-дуетъ о нравственномъ характерѣ молитвы. Въ тѣхъ чертахъ его жизни, которыя приводитъ Фи-лостратъ, выражается живой умъ Аполлонія и рѣдкая наблюдательность, но никакъ не даръ ясновидѣнія. Стало быть, въ то время, Аполло-ній не уяснилъ себѣ цѣли своей дѣятельности настолько, чтобы для успѣшнаго ея достиженія употреблять безъ перемѣны обманъ и фокусни-чество; стало быть, его пребываніе въ храмѣ Эс-кулапа трудно объяснить желаніемъ обратитъ на

себя вниманіе народной толпы. Вѣроятно, онъ искалъ для своей личности какого нибудь выс-шаго блага отъ соприкосновенія съ божествомъ, или какихъ нибудь специальныхъ свѣдѣній отъ постоянныхъ сношеній съ жрецами. Его красота и молодость, особенности его строгаго образа жи-зни обратили на себя вниманіе окрестныхъ жите-лей и они толпами потянулись въ храмъ Эску-лапа; жрецамъ было необходимо, чтобы, отъ вре-мени до времени, какое нибудь чудо освѣжало уваженіе массы къ ихъ божествамъ, и потому они немедленно распустили слухъ, будто Эскулапъ сообщилъ имъ слѣдующее: «ему, Эскулапу, прі-ятно имѣть въ Аполлоніѣ свидѣтеля своихъ ис-цѣленій». Этотъ слухъ усилилъ притокъ бого-мольцевъ до такой степени, что по увѣренію Фи-лострата, у киликійцевъ возникла поговорка: «куда спѣшишь? Не къ юношѣ-ли?»

Достоинство, съ которымъ держалъ себя Апол-лоній, его здравый умъ и тактъ въ обращеніи съ людьми усиливали то уваженіе, которое къ нему питали приходящіе посѣтители. Это уваже-ніе переходило постепенно въ суевѣрное благо-говѣніе, потому что толпа въ своей любви и въ своей ненависти рѣдко умѣетъ останавливаться на половинѣ дороги. Умные совѣты и медицин-скія предписанія Аполлонія стали принимать, безъ малѣйшаго на то повода съ его стороны, за внушенія божества, пророчанія. Общественное мнѣніе почти насильно выдвинуло его въ прори-цатели; ему самъ народъ указалъ на свое суе-вѣріе; онъ внушилъ Аполлонію мысль воспользо-ваться имъ какъ средствомъ для обновленія его одряхлѣвшей нравственности. Самыя простыя со-бытія его всендневной жизни, самыя незначи-тельныя столкновенія его съ посѣтителями храма принимали въ глазахъ вѣрующаго народа фізіо-номію чуда и превращались въ легенды, кото-рыя были записаны сначала Максимомъ изъ Эгъ, а потомъ Филостратомъ. Однажды явился въ храмъ Эскулапа ассирійскій юноша, страдавшій водя-ною болѣзью и между тѣмъ продолжавшій пьян-ствовать и вести распутную жизнь. Онъ усердно просилъ у Эскулапа исцѣленія, богъ явился ему во снѣ и сказалъ: «Если ты поговоришь съ Аполлоніемъ, то получишь облегченіе». Юноша отправился къ Аполлонію и спросилъ у него:

— Чѣмъ поможетъ мнѣ твоя мудрость? Эску-лапъ приказалъ мнѣ обратиться къ тебѣ.

— Тѣмъ, отвѣчалъ Аполлоній, что для тебя теперь очень дорого. Вѣдь ты нуждаешься въ здоровьи?

— Конечно, отвѣчалъ юноша; Эскулапъ обѣ-щаетъ мнѣ здоровье и все не даетъ его.

— Не говори такъ, замѣтилъ Аполлоній; онъ даетъ здоровье тѣмъ, кто его желаетъ, а ты самъ, напротивъ того, помогаешь своей болѣзни. Ты жи-вешь въ свое удовольствіе, наполняешь разными лакомствами промоченный и испорченный свой желудокъ и льешь такимъ образомъ въ воду помой.



Юноша послушался совѣта Аполлонія и выздоровѣлъ, а Филостратъ, рассказывая это событіе самымъ наивнымъ образомъ, видитъ въ разумномъ медицинскомъ совѣтѣ голосъ божества.

Въ другой разъ Аполлоній увидѣлъ на алтарѣ многихъ дорогихъ жертвенныхъ животныхъ, которыхъ священнослужители тутъ же раздвигали на части; возлѣ этихъ приношеній стояли два богатые золотые сосуда, украшенные драгоценными камнями. Аполлоній подошелъ къ жрецу: «Что это такое? спросилъ онъ. Должно быть, очень богатый человѣкъ, приносить богу эти дары?» Жрецъ отвѣчалъ ему, что «привнесшіе эти дары богаче всѣхъ жителей Киликіи, вмѣстѣ взятыхъ, что онъ пріѣхалъ въ Эги наканунѣ и проситъ бога возвратить ему вытекшій глазъ, обѣщая принести еще больше даровъ, если богъ позвонитъ ему проникнуть въ святилище».

Аполлоній опустилъ глаза въ землю и спросилъ: «какъ зовутъ этого человѣка?» Услышавъ его имя, онъ сказалъ: «по моему мнѣнію, этого человѣка не слѣдуетъ принимать въ святилище, онъ совершилъ преступленіе, и болѣзнь его происходитъ отъ дурной причины; не добившись отъ бога никакой милости, онъ приноситъ великолѣпныя жертвы; это не дары, а отмаливаніе тяжелаго злодѣянія». Несмотря на рѣшительный тонъ рѣчи Аполлонія, въ немъ видны ясно умозаключенія, основанныя на наблюденіи внѣшней фیزیомоніи фактовъ; видно даже, что Аполлоній самъ не думаетъ выдавать своего разсужденія за внушеніе свыше, но слова его оправдываются на дѣлѣ; оказывается, что богатый жертвователь имѣлъ любовную интригу съ своей падчерицей и что жена его выколола ему глазъ иглою. Жрецъ Эскулапа объявляетъ, что богъ, явившійся ему во снѣ, приказалъ кривому приносить ему удалиться съ своими дарами, говоря, что онъ заслуживаетъ лишиться и другого глаза. Изъ этого разсказа очевидно, что Аполлоній строгостью своихъ нравственныхъ убѣжденій имѣлъ вліяніе на поступки жреческаго сословія. Понимая его важность для процвѣтанія ихъ храма, жрецы дорожили его присутствіемъ: боясь смѣлаго слова обвиненія со стороны пылкаго юноши, они не рѣшались ему противорѣчить; они не могли не подражать его неподкупной честности, потому что иначе слишкомъ невыгодно отбѣяли бы себя въ глазахъ народа. Подражая этой честности, жрецы терпѣли убытки; имъ пришлось, на примѣръ, отказаться отъ даровъ киликійскаго богача; чтобы наверстывать эти убытки, нужно было добывать какъ можно больше выгоды изъ личности Аполлонія, бывшаго виновникомъ убытковъ, т. е., нужно было прокричать объ немъ, какъ о прорицателѣ и любимцѣ боговъ, чтобы его славою приманивать къ храму просителей и жертвователей.

Слова и поступки Аполлонія, сказанныя и сдѣланные имъ въ простотѣ сердечной, могли въ

устахъ жрецовъ принимать самую фантастическую фیزیомонію; народу это было легко, и ему легко могло случиться, что Аполлоній и такой молодой человѣкъ, расположенный къ цѣлительной жизни, былъ сдѣланъ пророкомъ прежде, чѣмъ самъ онъ замѣтилъ въ себѣ никуда не склонность мистифицировать народъ и подствовать надъ его воображеніемъ. Но незамѣтно для него самого, поставили на пьедесталъ и произвели въ полубоги, и будучи въ состояніи и не желая отказаться отъ величія, котораго онъ не искалъ, при этомъ, можетъ быть, при мистическомъ напѣніи своего ума, за выраженіе воли божества, пользоваться имъ, какъ средствомъ благого, но подѣйствовать на нравственность массъ.

При этомъ онъ, согласно съ общимъ мнѣніемъ древнихъ мыслителей, не считалъ и обманывать народъ для его же пользы. Египетскій и холодный мыслитель, Варронъ, притворялся, что народу не только полезно и многое существующее, но даже полезное во многое несуществующее, то тѣмъ болѣе извинять пылкаго мистика, если онъ въ фокусничество и шарлатанство, думая при этомъ средствами благотѣльную нравственную реформу.

Сумму убѣжденій, выработавшихся душѣ в теченіи того времени, которое былъ въ Эгахъ, Аполлоній вложилъ въ рѣчь о силѣ молитвы и о жертвоприношеніи. Эта рѣчь заключаетъ въ себѣ два важныя момента умственной жизни Аполлонія: во-первыхъ, синацію отъ грубаго суевѣрія, т. е. ошизма, во-вторыхъ, поворотъ къ идеализму и мистицизму. Какъ человѣкъ съ сильнымъ родомъ эстетическимъ чувствомъ, Аполлоній раждаетъ себѣ боговъ — существами сивыми и премудрыми, и потому доходитъ до положенія, что всякая внѣшняя молитва, просьба бесполезна и почти грѣховна, мнѣніе въ премудрости или справедливости жества. Но отвергая молитву какъ средство къ какому-нибудь желаемому благу, онъ признаетъ необходимость молитвы, какъ изъявленія преданности передъ волею высшихъ, безсмертныхъ нравственно совершенныхъ существъ. Аполлоній очевидно не проводитъ свою мысль въ процессъ его размышленія врывающуюся фантазія, и онъ безусловно требуетъ добродѣтельнаго человѣка молитвы и устъ богамъ, не доказавши ихъ необходимости, уже подвергнувши сомнѣнію дѣйствительность и разумность просительной молитвы. Въ несенной имъ рѣчи было все, что нужно понравиться народу и внушить ему благое уваженіе къ оратору. Его идеи были настолько смѣлы, что могли показаться по меньшей мѣрѣ религіозное чувство настолько и стѣсняло работу критической мы-



ва Аполлонія не могли никого озадачить и угадать, какъ пугаль и озадачивалъ неумолимо-лѣдовательный рационализмъ эпикурейцевъ. Между тѣмъ семейныя обстоятельства вызвали Аполлонія изъ Эгъ. У него умеръ отецъ, и пришлось дѣлить оставленное наслѣдство съ старшимъ братомъ, человѣкомъ пьянымъ и развратнымъ. Аполлонію было въ то время 20 лѣтъ, старшему брату 23 года, и этотъ возрастъ освободилъ его отъ опеки. Молодому мыслителю не слѣдовало оставить брата безъ нравственной поддержки и, чтобы пріобрѣсти надъ нимъ вліяніе, онъ уступилъ ему большую часть наслѣдства; но съ оскорбить его самолюбіе, онъ представилъ ему, что они могутъ быть полезны другъ другу взаимными совѣтами, и убѣдилъ его такимъ образомъ выслушивать его наставленія; кончилось тѣмъ, что старшій братъ оставилъ свои дурныя привычки и сдѣлался порядочнымъ человѣкомъ; тѣмъ Аполлоній помогъ изъ своего имѣнія раздѣлить бѣднымъ родственникамъ, и, покончивъ свои дѣла съ вѣнскимъ міромъ, обратилъ всѣ силы души на внутреннее самосовершенствованіе, какъ онъ понималъ его, согласно съ мечтательнымъ направленіемъ своего ума. Разсказъ Филострата объ отношеніяхъ Аполлонія къ брату можетъ возбудить противъ себя подозрѣнія. Объ этомъ братъ ни прежде, ни послѣ не говоритъ ни слова; мы не знаемъ даже его имени; видны только развратныя привычки, очерченныя обрисовками мѣстами, и цифра лѣтъ, показывающая, что онъ старшій братъ Аполлонія; то и другое, можетъ быть, приведено для того, чтобы отбросить съ выгодной стороны личность героя, чтобы выставить его благоразуміе, его воздержаніе и великодушную щедрость. Сверхъ того, нужно же было показать, что аскетическія убѣжденія Аполлонія способны принести дѣятельную пользу и оставить на путь истины погибающаго человека.

## II.

Раздавши родственникамъ большую часть своего имѣнія, Аполлоній продолжалъ совершенствоваться въ пифагорейскомъ образѣ жизни. Аскетизмъ его далеко оставилъ за собою тѣ предписанія, которыя преданіе относило къ Пифагору. Пифагоръ предписывалъ соблюденіе супружеской вѣрности, Аполлоній обрекъ себя на безбрачіе и отказался отъ наслажденія любви. Разсказъ Филострата объ этомъ рѣшеніи молодого жекета заслуживаетъ довѣрія. Чтобы окончательно укрѣпиться въ мудрости, Аполлоній наложилъ на себя обѣтъ молчанія и хранилъ его продолженіи пяти лѣтъ. Этотъ обѣтъ не понимался въ буквальномъ смыслѣ слова древнѣйшими пифагорейцами. Пифагоръ, по словамъ Мейера, принималъ въ свое общество людей, кото-

рыхъ способностяхъ, въ ихъ нравственной твердости и въ ихъ умѣніи хранить тайну. Это испытаніе называлось временемъ молчанія, и позднѣйшіе пифагорейцы стали принимать это слово буквально; при общемъ аскетическомъ направленіи ихъ практической философіи, подвигъ долговременнаго молчанія сталъ считаться блестящею побѣдою духа надъ тѣломъ.

Такъ принималъ его Аполлоній, обрекая себя на это чувствительное лишеніе. Время своего молчанія онъ провелъ въ Памфилии и въ Киликіи; когда ему нужно было выразить свое мнѣніе, онъ обращался къ мимикѣ и часто однимъ движеніемъ руки или лицевыхъ мускуловъ производилъ на массу народа глубокое и прочное впечатлѣніе. Въ памфильскомъ городѣ Аспендѣ онъ, если вѣрить Филострату, успѣлъ укротить опасное волненіе. Аспендскіе богачи скупили весь хлѣбъ, заперли его въ свои амбары и хотѣли продавать его за границу по возвышенной цѣнѣ. Народъ сталъ терпѣть голодъ, и, полагая, что во всемъ виноватъ городской намѣстникъ, взбунтовался противъ него, принудилъ его искать убѣжища у подножія императорскихъ статуй и окружилъ его, угрожая ему горящими головнями. Въ эту минуту неожиданно явился Аполлоній и спросилъ знаками: въ чемъ дѣло? Намѣстникъ отвѣчалъ, что онъ ни въ чемъ не виноватъ, что онъ вмѣстѣ съ народомъ терпитъ обиду и что онъ погибнетъ вмѣстѣ съ народомъ, если ему не позволить говорить въ свое оправданіе. Аполлоній обратился тогда къ народу и знакомъ попросилъ его успокоиться. Раздраженная толпа утихла и положила головни на жертвенники. Намѣстникъ собрался съ духомъ и назвалъ имена тѣхъ богачей, которые захватили въ свои руки всю хлѣбную торговлю. Граждане изъявили желаніе отнять у нихъ собранный хлѣбъ и пустить его въ продажу, но Аполлоній приказалъ привести этихъ монополистовъ на площадь и написалъ къ нимъ слѣдующее сильное воззваніе: «Аполлоній къ хлѣбнымъ торговцамъ города Аспенда. Земля общая мать всѣхъ людей; она справедлива. Вы-же несправедливо сдѣлали ее вашею исключительною матерью. Если вы не исправитесь, я вамъ не позволю стоять на землѣ». Богачи испугались этого воззванія, тѣмъ болѣе, что окружающая ихъ толпа придавала своею грозною фізіономіею страшный вѣсъ послѣднимъ словамъ Аполлонія. Они отперли свои амбары, наполнили хлѣбомъ городскіе рынки, и въ успокоившемся городѣ снова водворилось довольство.

Появленіе Аполлонія въ ту минуту, когда раздраженный народъ готовился растерзать намѣстника, составляетъ происшествіе эффектное и не вполне правдоподобное; что-же касается до вѣсноты Аполлонія въ отношеніи между горожанами, то это вѣснотство по духу своему вполне соответствуетъ всей его



последующей дѣятельности. Онъ здѣсь является вдохновеннымъ защитникомъ бѣдной и притѣвленной черни и поборникомъ общиннаго права. И то, и другое явленіе вытекаетъ изъ историческаго порядка вещей; пауперизмъ на протяженіи всей Римской имперіи бросался въ глаза самыми жалкими и возмутительными своими сторонами. Серьезному мечтателю, предположившему произвести нравственную реформу въ окружающемъ его обществѣ, необходимо было противодействовать этому явленію; увлекаясь непосредственнымъ чувствомъ, не имѣя ни основательнаго научнаго образованія, ни способности къ абстрактному мышленію, Аполлоній рѣшалъ вопросъ о пауперизмѣ съ плеча и прямо бросался въ небыточные и оскорбительныя для личности человека утопіи коммунизма. Въ воззваніи его къ богатымъ аспендіямъ выражена только мысль о томъ, что земля общая мать и кормилица всѣхъ людей, но эта мысль, какъ видно изъ употребленія ея въ этомъ воззваніи, не была простою риторическою побрякушкой. Въ ней выразилось глубокое убѣжденіе оратора, и потому убѣжденію суждено было развиться и выработаться въ позднѣйшей дѣятельности Аполлонія. Когда кончилось время молчанія, Аполлоній рѣшился учить другихъ тѣмъ результатамъ, которые онъ выработалъ послѣ пятилѣтняго постоянного и сосредоточеннаго мышленія.

Главнымъ его предметомъ была религія и нравственность; его страстной природѣ были почти недоступны сферы отвлеченнаго мышленія, и діалектическое развитіе идеи для идеи постоянно оставалось ему чуждымъ. Его интересовало все то, и только то, что имѣло живое отношеніе къ человеку, что непосредственно и тѣсно было связано съ его потребностями и стремленіями, что обусловливало его поступки и отношенія къ жизни и къ обществу. На этомъ основаніи онъ былъ медикъ, проповѣдникъ, филантропъ, коммунистъ и демократъ. Его занимали и физическое здоровье человека, и внутреннее, духовное довольство его, и внѣшняя безопасность въ матеріальномъ и общественномъ отношеніи. Онъ рѣшалъ такимъ образомъ вопросы, относившіеся повидимому къ совершенно различнымъ сферамъ знанія и дѣятельности, не имѣвшие между собою непосредственной связи, но соединившіеся между собою въ одномъ высшемъ, многообъемлющемъ центрѣ, въ личности человека. Ассирійскому юношѣ онъ совѣтовалъ держать діету, жрецамъ Эскулапа объявлялъ истинное, по его мнѣнію, значеніе молитвы, брату своему указывалъ на воздержный образъ жизни, аспендійскимъ монополистамъ доказывалъ необходимость человеколюбія и нѣкотораго стѣсненія личныхъ интересовъ во имя благосостоянія народной массы. Съ этимъ практическимъ направленіемъ мыслительной дѣятельности Аполлонія гармонировалъ характеръ его изложенія. Онъ говорилъ

просто, коротко и сильно, не гнался и не впадалъ въ вѣтвистыя украшенія рѣчи, не вдавался въ лектическія тонкости и не любилъ спорить со своими слушателями. Языкъ его былъ простой и чисто аттический, но въ немъ не было мѣтнопедантическихъ усилій отрѣшиться отъ случайныхъ провинціализмовъ. Форма по себѣ не занимала его, и, какъ хитрость, давалась ему въ руки сразу, безъ трудностей, облекая собою мысль и какъ-бы сходя съ нея; онъ говорилъ короткими предложениями, которыя Филостратъ называетъ *αἰνῶναι*, высказывалъ свою мысль смѣло, рѣшительно безъ колебаній и безъ ограниченій. Діалектскій тонъ его поученій становился смѣлымъ и величественнымъ по мѣрѣ того, какъ возрастала популярность и жизненная зрѣлость.

Одинъ софистъ спросилъ у Аполлонія, почему онъ не излагаетъ своего ученія въ формѣ догмата. «Дѣлалъ я это,» отвѣчалъ Аполлоній, «когда мальчикомъ былъ. Теперь же дѣло не слѣдуетъ, а учить тому, что я нашелъ».

— А какъ же, продолжалъ его собеседникъ, слѣдуетъ мудрецу говорить о научныхъ матеріяхъ?

— Тономъ законодателя, отвѣчалъ Аполлоній. А законодатель, продолжалъ онъ, не обязанъ толпу къ исполненію того, что самъ сознаетъ истиннымъ.

Въ этихъ словахъ заключается полное гматическое оправданіе умственного деспотизма. Прославленный и возвеличенный окруженіемъ посредственностями, даровитый юноша очущается въ самообожаніе и начинаетъ впадать въ самого себя, какъ въ полное и непогрѣдимое воплощеніе абсолютной истины. Отъ этой надѣянной вѣры въ собственную личность далеко до потребности сдѣлать эту вѣру орудіемъ для достиженія массы и явиться вдохновеннымъ провозвѣстникомъ новой религіи. Такой обыкновенно поглощаетъ всѣ силы человека, отказывается отъ матеріальнаго комфорта, отъ высшихъ наслажденій семейной жизни, отъ честей, даже отъ вліянія на государство. Онъ дѣлаетъ это; но это внѣшнее смиреніе, это самоотреченіе скрываетъ въ себѣ самое пылкое и самое неограниченное стремленіе къ власти. Онъ отказывается отъ внѣшняго блеска и отъ высшихъ наслажденій, восторженный мечтатель самовластно господствуетъ надъ нравственнымъ сознаніемъ другихъ людей, распоряжается ихъ совѣстью и произвольно управляетъ ими. Кто настолько поэтъ, чтобы предъ этимъ высшимъ господствомъ болѣе осязательными и достижимыми выгодами и наслажденіями способнѣе голосомъ собственнаго вдохновенія глушить въ себѣ естественный голосъ нравственной совѣстливости и разборчивости въ средствахъ. Отдаленная, обширная цѣль до такой степени манитъ къ себѣ мыслящаго энтузіаста,



о надъ міромъ его личныхъ убѣжденій начинаетъ казаться ему единственствомъ спасти гибнущее человѣчество; кою цѣлью замолкаютъ мелкія возрастливости. Что значить обмануть под чудомъ сотню ограниченныхъ зрителей значить обставить себя блестящими атрибутами шарлатанства? Эти мелочи ведутъ къ юманнымъ послѣдствіямъ, что вдохновитель не замѣчаетъ ихъ уклоненій, а если и замѣтитъ, то только чтобы пожалѣть объ ограниченности и истинѣ тѣхъ людей, для убѣжденія которыхъ не разумное и живое слово истины, а, хотя-бы случайное или искусственно знаменіе. Отказавшись отъ своего имѣнія, рѣшившись не вступать въ знаніе женщинъ, испытавши силу своего пятилѣтнимъ молчаніемъ. Аполлонъ для роли религіознаго дѣятеля и вѣствовалъ свою зрѣлость.

ему необходимо имѣть въ жизни жинесю, а Аполлоній обставилъ себя такъ, въліянія надъ умами другихъ ему не ни наслажденія, ни разумной дѣятельности. За это наслажденіе и за эту дѣятельность взялся съ полной энергіей и съ разнѣ искусствомъ. Прежде всего, онъ, слѣдствіе истеченія пятилѣтняго срока молчанія отправился въ дальнее путешествіе удивительныхъ причинъ, заставившихъ его на это предпріятіе, можно насчитать много. Онъ ѣхалъ въ Индію, въ страну ту землю, изъ которой, по греческимъ свѣдѣніямъ, египтяне добыли свою обширную культуру, которая могла привлекать его природная красота, для которой тамъ было такъ много роскошной природы, и своеобразіе людей; къ поѣздкѣ въ Индію могло и его желаніе поучиться у индійскихъ мудрецовъ таинствамъ астрономіи, физики и магіи. Каждый секретъ могъ быть полезнымъ вспомогательнымъ средствомъ при утвержденіи новой религіи. Аполлоній вѣроятно хорошо зналъ, что долговременное отсутствіе и дальнее путешествіе придастъ въ глазахъ народа величавую и особую занимательность личностившейся перенести труды и опасности и столкновеній съ разнородными, племенами и національностями. Аполлоній вѣроятно всѣ три побужденія были позвѣстие своего дѣла и добросовѣстнымъ жаромъ чувства искалъ истинности; онъ проповѣдывалъ народу то, что онъ считалъ живою правдою, и поучая учить другихъ, онъ сильно хотѣлъ имъ и присматривался ко всему, что ему на глаза, прислушиваясь ко всѣмъ мнѣніямъ и честному совѣту. Но, съ дру-

гой стороны, онъ справедливо считалъ себя выше толпы и не пренебрегалъ тѣми вспомогательными средствами, которыя могли служить посредниками между его ученіемъ и пониманіемъ народа; онъ не прочь былъ сдѣлать чудо, сказать пророческую двусмысленность и потому конечно желалъ усвоить себѣ техническую часть своего мистическаго званія. Страна чудесъ и мистичесизма, Востокъ вообще, и Индія въ особенности, были ему необходимы какъ драгоцѣнные источники неизслѣдованныхъ матеріаловъ. Аполлоній предложилъ семи ученикамъ своимъ отправиться въ путь вмѣстѣ съ нимъ, но юноши вѣроятно болѣе своего молодого наставника были привязаны къ матеріальному комфорту домашняго очага; они отказались и старались отговорить учителя отъ смѣлаго предпріятія. Учитель снисходительно выслушалъ ихъ увѣщанія и разошелся съ ними съ той-же мягкой и кроткой терпимостью, съ какой онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ разстался съ сластолюбивымъ Эвксеномъ. «Я посоветовался съ богами, отвѣчалъ онъ, и сказалъ вамъ, на что я рѣшился. Васъ я хотѣлъ испытать, достаточно-ли вы сильны, чтобы принять участіе въ томъ, къ чему я чувствую призваніе. Въ васъ силы недостають, и потому живите счастливо и философствуйте; а-же пойду туда, куда ведетъ меня мудрость и демонъ».

Онъ отправился изъ Антіохіи съ двумя слугами и поѣхалъ на Нинивію; въ этомъ городѣ къ нему присоединился Дамидъ, человѣкъ честный и довѣрчивый, склонный къ обожанію и способный идти на край свѣта съ человѣкомъ, произведшимъ сильное впечатлѣніе на его воспріимчивое чувство или на его игривую фантазію. Аполлоній безъ труда овладѣлъ этой личностью, рожденною быть прозелитомъ и съ наслажденіемъ сознающаю свою нравственную и умственную нищету. Дамидъ беззавѣтно отдался даровитому энтузіасту и сознательно подчинился его умственному превосходству. Это былъ первый и самый ревностный сектаторъ аполлоніевой религіи.

— Пойдемъ вмѣстѣ, Аполлоній, сказалъ онъ; ты ступай по внушенію бога, а я буду слѣдовать за тобою. Ты увидишь, что и я способенъ принести пользу. Хотя я и не много знаю, однако знаю дорогу въ Вавилонъ и города по этой дорогѣ, по которой я недавно проѣзжалъ, и села, въ которыхъ есть много добра. Знаю я наконецъ языки варваровъ, сколько ихъ есть. Однимъ языкомъ говорить армяне, а другимъ мидяне и персы, а третьимъ кадузяне. Я всѣ эти языки знаю.

— И я, другъ мой, возразилъ Аполлоній, знаю всѣ языки, хотя ни одному изъ нихъ не учился.

Дамидъ выразилъ свое изумленіе.

— Ты не удивляйся, продолжалъ мечтатель, понявъ свойство своего собесѣдника, что я знаю всѣ языки людей. Я и то знаю, что умалчиваютъ люди.



Ассирийнинъ Дамидъ сталъ молиться на Аполлонія, какъ на бога, и запоминая каждое его слово, написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ «Крохи» («αχρημάτια» — то, что выпадаетъ изъ яслей или сваливается съ обѣденнаго стола), въ которомъ съ полной благоговѣйной вѣрой и съ возможной точностью передаются поступки и поученія Аполлонія. Этотъ трудъ Дамида составляетъ, по словамъ Филострата, главный и достовѣрнѣйшій источникъ его біографіи. Этому извѣстію Филострата можно охотно повѣрить, потому что иначе трудно было бы себѣ представить, какимъ образомъ умный, талантливый и образованный писатель 3-го вѣка по Р. Х. сумѣлъ набрать такое множество неправдоподобныхъ, грубыхъ и, что всего важнѣе, неосмысленныхъ чудесъ. Только заимствованіе изъ простодушнаго и восторженнаго разсказа современника можетъ до нѣкоторой степени объяснить ихъ появленіе въ серьезномъ, дѣльномъ и умно составленномъ біографическомъ очеркѣ Филострата. Дамидъ дѣйствительно безъ всякаго разбора записывалъ все, что говорилъ и дѣлалъ Аполлоній. Дневникъ ихъ путешествія представляетъ даже въ передѣлкѣ Филострата такъ много безцвѣтныхъ подробностей, такъ много мелкихъ фактовъ и длинныхъ разсужденій, что мнѣ придется ограничиться самымъ короткимъ извлеченіемъ.

Съ довѣрчивымъ слушателемъ, подобнымъ Дамиду, Аполлоній могъ дѣлать, что ему было угодно; онъ могъ приписывать себѣ всевозможныя знанія, и Дамидъ никогда не подвергалъ сомнѣнію его слова; дошло до того, что Аполлоній увѣрилъ своего спутника, будто онъ, Аполлоній, понимаетъ языки животныхъ. При всемъ томъ, на Аполлонія невозможно смотрѣть какъ на обыкновеннаго шарлатана; сравнивать его съ Александромъ Авонотихитомъ было бы крайне несправедливо. Аполлоній имѣлъ въ виду огромную, міровую задачу. Ему хотѣлось обновить религіозныя и нравственныя убѣжденія человѣчества и для этого было, по его мнѣнію, необходимо поразить воображеніе современниковъ и увлечь ихъ за собою, какъ толпу слѣпо-вѣрующихъ и фанатически преданныхъ прозелитовъ. Александръ былъ фокусникъ, старавшійся обдѣлать свои дѣлишки; Аполлоній былъ мыслящій мечтатель, отказавшійся отъ всякихъ личныхъ наслажденій, неискавшій своихъ выгодъ, и творившій по внутреннему вдохновенію, какъ истинный поэтъ и энтузіастъ. Надъ Дамидомъ онъ просто смѣялся, и его личность могла навести Аполлонія только на одно плодотворное размышленіе; онъ могъ, всматриваясь въ него, убѣдиться въ томъ, что суевѣріе есть могучій двигатель, который даже людямъ слабымъ и ничтожнымъ придаетъ много энергіи и силы переносить опасности и лишения. Конечно эти мысли могли только укрѣпить Аполлонія въ его

желаніи дѣйствовать въ этомъ направленіи умы современниковъ. Такъ и случившись, увидимъ, что изъ своего путешествія въ Аполлоній, испробовавшій свои силы на дѣ и другихъ приближенныхъ людей, вернувшись въ отечество вполне чудотворцемъ, вѣрующимъ ни одного случая удивить толпу и дѣлать въ ней трепетное благоговѣніе или взрывъ восторга.

Мѣсто не позволяетъ мнѣ распространяться на путешествіи Аполлонія. Скажу коротко, что побывалъ въ Вавилонѣ и въ Індіи, познакомился съ магами и съ индѣйскими мудрецами, изучилъ у нихъ нравственной философіи и естественныхъ наукъ, и изумлялъ царей Востока своимъ безкорыстіемъ, неподкупной честностью и смѣлой откровенностью. Историческая основа въ разсказѣ Филострата о путешествіи Аполлонія искать невозможно; у біографическаго чудотворца было очень много побуждающихъ причинъ, заставлявшихъ его искать истину; сверхъ того, единственною цѣлью, которой служила ему книга Дамида, которую онъ никогда не приходило въ голову усомниться въ вѣрности словъ учителя или въ подлинность чудесъ. Самъ Филостратъ въ своемъ біографическомъ очеркѣ преслѣдуетъ двѣ цѣли: во-первыхъ, онъ хочетъ представить образъ идеальнаго героя, реца языческаго міра; во-вторыхъ, какъ царица императрицы Юліи Домны, онъ желаетъ доставить своей августѣйшей покровительницѣ интересное чтеніе. Обѣ эти цѣли допустить оправдываютъ отступленія отъ исторической вѣрности, произвольную пестроту красноречія, свободное творчество фантазіи. Персонажъ своего героя на богатую чудесами почву, Филостратъ отрываетъ свое повѣствованіе отъ всѣхъ требованій не только исторической критики, но даже простаго здраваго смысла. Разсказъ любопытенъ какъ сказка, написанъ въ концѣ второго вѣка по Р. Х.; но и по своему не сказочнаго интереса, и потому не стоить себѣ прямо обратиться къ дѣятельности Аполлонія послѣ его возвращенія.

### III.

Путешествіе Аполлонія принесло ему много, что онъ отъ него ожидалъ; больше, по его повѣствованію, ему нечего было учиться; онъ побывалъ въ самыхъ вѣрныхъ людяхъ земли и узналъ отъ нихъ, что онъ достигъ предѣловъ человѣческаго гордыя этой идеей, довольный сознаниемъ собственной силы, онъ выступилъ смѣлымъ защитникомъ человѣчества, и всѣ тѣ люди, съ которыми онъ приходилъ въ соприкосновеніе, преклонялись предъ его всевѣдѣніемъ и собственной чистотой. Изложеніе Филострата, начинающаго съ четвертой книги, принимаетъ панегирическій тонъ и подготавливаетъ ту основу, которою заканчивается все сочиненіе.



гда Аполлоній и Дамидъ прѣхали въ Эфесъ, ми пошла цѣлая толпа народа; однихъ полагая мудрость Аполлонія, другихъ его красоречивыхъ его костюмъ и образъ жизни. Ораговорили о немъ народу и подготавливали къ принятію мудреца и любимца боговъ. Больные получили отъ божества приказъ обратиться къ Аполлонію. Изъ разныхъ мѣстъ къ нему приходили депутаты просить свѣта насчетъ основанія храмовъ или освященія статуй. Аполлоній больныхъ лѣчилъ, а просьбы городовъ отвѣчалъ письмами, или являлся самъ по ихъ приглашенію и устраивалъ все, что имъ было нужно. Эти общія свѣдѣнія, высказанныя у Филострата довольно подробно, при самомъ началѣ IV книги, показываютъ намъ характеръ той дѣятельности, которую Аполлоній посвятилъ остальную часть своей жизни. Онъ принялъ на себя роль законодателя въ религіозной догматикѣ и практической общественной и выполнилъ эту роль съ замѣчательнымъ искусствомъ и успѣхомъ.

Важныя занятія не мѣшали ему обращать вниманіе на нужды и страданія отдельныхъ лицъ, и число удачныхъ испѣленій конечно увеличивало его популярности и довѣріе народа къ божественному посланничеству. Филостратъ знаетъ о двухъ проповѣдяхъ, произнесенныхъ Аполлоніемъ въ Эфесѣ. Въ одной онъ говорилъ въ роскоши и изысканности и совѣтовалъ намъ обратиться къ серьезнымъ занятіямъ и работѣ мысли. Въ другой онъ говорилъ въ духъ коммунизма, доказывая необходимость общаго, дѣятельнаго милосердія. Рѣчь его прервана незначительнымъ событіемъ. Воробьевъ сидѣло на сосѣднихъ деревьяхъ, къ нимъ подлетѣлъ еще воробей, залаялъ, зашебеталялъ, и потомъ полетѣлъ куда-то; остальные воробьи подняли тоже страшный крикъ, встрепенулись и полетѣли за первымъ; это обратило вниманіе слушателей Аполлонія, и проповѣдникъ, видя ихъ рассеянность, решилъ воспользоваться этимъ перерывомъ, и подкрѣпить свою идею новымъ доказательствомъ. — «Мальчикъ, сказалъ онъ, уронилъ пшеницы въ такомъ-то переулкѣ, подобралъ, но послѣ него осталось ихъ много на землѣ. Воробей, видѣвшій это, прилетѣлъ сюда, съелъ своихъ товарищей и пригласилъ ихъ слѣдовать съ нимъ обѣдѣ». Большая часть слушателей побѣжали къ означенному мѣсту и возмущались съ возгласами изумленія, потому что очевидно увидѣли воробьевъ надъ зерномъ. — «Вотъ, видите ли, сказалъ тогда Аполлонъ, какъ птицы заботятся другъ о другѣ, и какъ пріятно дѣлиться между собою; а мы этого не имѣемъ; когда мы видимъ, что одинъ даетъ ибуди другимъ, мы упрекаемъ его въ нечестности, въ мотовствѣ и въ другихъ подобныхъ свойствахъ; кого онъ кормитъ, тѣхъ мы

называемъ лъстецами и приживальщиками, шутиками. Послѣ этого намъ остается только запереться и, какъ птицамъ, которыхъ кормятъ на убой, наѣдаться въ уединеніи, пока не допьемъ отъ жира». Все, что можно сказать на основаніи этой рѣчи, состоитъ въ томъ, что Аполлоній умѣлъ говорить популярно, выбирая примѣры изъ вседневной жизни и придираясь къ каждому удобному случаю, чтобы подкрѣплять развиваемыя идеи чисто практическими доказательствами, доступными массѣ слушателей. Сказать слово за бѣдняковъ, которыхъ вездѣ было много и которые постоянно становились многочисленнѣе — было дѣйствительно необходимо. Но нужно было поднять ихъ самихъ въ нравственномъ отношеніи; изнѣженность высшаго класса и грязное униженіе низшаго служили другъ-другу дополненіемъ. Стараясь своими рѣчами внушить богачамъ любовь къ умѣренному и простому образу жизни, стараясь возбудить въ нихъ чувство милосердія, Аполлоній, при всей своей мудрости, бралъ только одну сторону того социального вопроса, который онъ старался разрѣшить. Римская чернь и безъ того жила милостынею, которую давало ей правительство; и безъ-того толпы кліентовъ получали подачку съ барскаго стола. Усиливая милосердіе высшаго класса, можно было еще больше развратить низшій. Надо было возбудить въ пролетаріяхъ желаніе и дать имъ средства обходиться безъ милостыни. Для этого нужно было поднять и оживить въ нихъ чувство человѣческаго достоинства, а было ли это возможно? Сколько вѣковъ должно было пройти, чтобы образовалъ среднее сословіе, живущее своимъ трудомъ и между тѣмъ свободное, огражденное закономъ отъ обидъ и притѣсненій, и способное выставить изъ себя дѣльных гражданъ и замѣчательныхъ людей! Нужно было, чтобы переработался весь историческій порядокъ вещей, чтобы перерѣзанные плоды римской цивилизаціи сгнили и удобрили собою новую почву, а этого конечно не могли сдѣлать или даже ускорить проповѣди утописта. На этомъ основаніи, мы можемъ обвинить Аполлонія только въ томъ, что онъ не понялъ истинныхъ потребностей своей эпохи и направилъ свои проповѣди не совсѣмъ туда, куда слѣдовало. Вѣрное направленіе могло бы обнаружить въ проповѣдникѣ замѣчательную проницательность и практичность взгляда, хотя можетъ-быть не имѣло бы никакого вліянія на фізіономію народной жизни.

Въ Смирнѣ Аполлоній проповѣдывалъ въ пользу гражданскихъ добродѣтелей и убѣждалъ народъ ревностно заниматься дѣломъ и добросовѣстно исполнять свои обязанности. Въ то время какъ онъ говорилъ, изъ гавани, передъ глазами его слушателей, вышелъ въ море трехмачтовый корабль, на которомъ суетились и хлопотали матросы. «Вотъ граждане корабля, сказалъ



Аполлоній, одни взялись за весла, другіе поднимаютъ и прикрѣпляютъ якоря; вотъ эти ставятъ паруса по вѣтру, а тѣ держатъ стражу на кормѣ и на носу. Если одинъ изъ нихъ не исполнитъ своей обязанности, или окажется неразсудительнымъ и незнающимъ дѣла, то у нихъ на кораблѣ выйдетъ неурядица, и поѣздка будетъ неудачна. Если же они будутъ соперничать между собою и спорить въ томъ, чтобы ни одинъ не показался хуже другого, то этотъ корабль благополучно войдетъ во всѣ гавани; все пойдетъ весело и счастливо, и ихъ осмотрительность будетъ имъ Посейдовомъ-хранителемъ».

Опять тотъ же удачный приемъ—взять темою рѣчи предметъ, попавшійся на глаза слушателя, и показать на живомъ примѣрѣ приложеніе отвлеченной идеи. Между тѣмъ въ Эфесѣ показалась моровая язва, и народъ обратился къ Аполлонію съ мольбою прекратить бѣдствие. Аполлоній по этому поводу сдѣлалъ чудо, которое вѣроятно придумано его біографами, чтобы поставить его на ряду съ Эпименидомъ и подобными ему древними заклинателями повальныхъ болѣзней. По первому призыву онъ явился въ Эфесъ и, увлекая за собою всю молодежь, прямо отправился на театральную площадь, гдѣ потомъ поставили статую Геркулеса-защитника. Тамъ увидѣли они старика-нищаго, одѣтаго въ лохмотья, съ котомкою за плечами и покрытаго грязью. Этого старика Аполлоній велѣлъ окружить и побить камнями. Эфесяне сначала колебались, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ суевѣріе пересилило жалость, и въ нищаго старика полетѣло нѣсколько камней. Довольно было начать, чтобы окончательно двинуть толпу; эфесянамъ старикъ показался демономъ; въ его глазахъ они увидали какой-то зловѣщій огонь, и градъ камней размогилъ мнимаго демона; его буквально засыпали камнями. Черезъ нѣсколько минутъ Аполлоній приказалъ отрыть трупъ убитаго старика, и на его мѣстѣ оказалась большая убитая собака съ пѣною у рта и со всѣми признаками бѣшенства. Язва прекратилась, и на мѣстѣ подвига Аполлонія поставили статую Геркулеса-защитнику.

Подыскивать подобнымъ чудесамъ естественное объясненіе—трудно и бесполезно. Привести его я считаю нужнымъ для того, чтобы показать, что не одно наивное вѣрованіе изобрѣтаетъ чудеса, а что многія придумываются сознательно и умышленно. Во-вторыхъ, любопытно знать, какого рода вымыслами писатель надѣлся возвеличить и прославить своего героя въ глазахъ читающей массы.

Оставивъ по себѣ благодарное воспоминаніе въ сердцахъ малоазійцевъ, обозначая свой путь разными исцѣленіями и благодѣтельными чудесами, столь же достоверными, какъ уничтоженіе эфесской язвы, Аполлоній направился къ европейской Греціи, къ классической почвѣ эллинизма, на которой онъ еще не былъ нвразу

въ жизни. По дорогѣ онъ съ жадною ироніею любознательностью осматривалъ древняго Иліона и совершилъ много нѣжныхъ жертвоприношеній надъ предками могилами убитыхъ ахейцевъ. Сочувствительности Ахилла побудило его провестись по его надгробномъ холмѣ. Пользуясь случайнымъ случаемъ, чтобы выставить своею ствомъ, стоящимъ выше уровня чужихъ Аполлоній далъ понять своимъ ученикамъ видѣлся съ тѣною Ахилла. На другой послѣ ночи, проведенной на могильномъ холмѣ, онъ подозвалъ къ себѣ ученика своего брата, уроженца острова Пароса. «Ты знаешь въ связи съ Троею?» спросилъ онъ у него.

— Какъ же! отвѣчалъ юноша. Мы были Троянцы!

— Ты изъ рода Пріама? продолжалъ вать учитель.

— Да, я отъ него веду свой родъ, и съ достоинствомъ Антисея, и считаясь городнымъ потомкомъ благородныхъ предковъ.

— Именно по этой причинѣ, сказалъ Аполлоній, Ахиллъ запрещаетъ мнѣ и тобою сношенія. Сегодня ночью онъ порученіе къ вессалійцамъ, и я спросилъ чѣмъ я еще могу угодить ему?—«Вотъ отвѣчалъ онъ мнѣ: не принимай паросскихъ участниковъ твоей мудрости: онъ съ нами пріамидъ и до сихъ поръ не перестаетъ Гектора».

Антисея принужденъ былъ удалиться, Аполлоній пожертвовалъ личностью молодого жетъ быть даровитаго ученика жетъ потребности порисоваться; эта грязь его жизни вѣроятно не вымыслена; сказана, какъ многіе другіе анекдоты въ ней не замѣтно желанія біографа и панегирикъ; равнодушный тонъ Фаврскіа разсказа показываетъ, что онъ проставилъ сырое извѣстіе, не вдумавшись не понявъ того, что оно можетъ бросить на личность его героя. Это извѣстіе принадлежитъ Дамиду и можетъ дать нятіе о тонкомъ умѣ и замѣчательномъ тактѣ Аполлонія. Прогнавъ Антисея, намекнувъ такимъ образомъ на свиданіе, онъ не сталъ говорить о немъ, и молчалъ объ этомъ эпизодѣ до тѣхъ пока не лопнуло терпѣніе его учениковъ. Поведеніе было такъ искусно расчитано, чтобы выставило въ самомъ лучшемъ свѣтѣ личность Аполлонія, и его правдивость. Были принуждены приступить къ нему просаи; долгое ожиданіе возбудило живое любопытство и, распалявъ ихъ жегіе, расположило ихъ къ доверчивому слушанію фантастическаго разсказа, особенно мучило любопытство. Округливъ своими учениками, Аполлоній плылъ



ту морю и съ своею обыкновенною, ровною плоскостью говорилъ объ островахъ, попадавшихся по дорогѣ и разнообразившихъ веселый морской ландшафтъ. Дамидъ былъ чѣмъ-то ревожентъ, порицалъ все, что говорили друг-прерывалъ начатыя рѣчи и мѣшалъ говорить другимъ, такъ что Аполлоній замѣтилъ это и хотѣлъ дать ему средства высказаться.

— Что съ тобою, Дамидъ, сказалъ онъ шутливымъ тономъ; что ты все прерываешь разговоръ? Или тебя укачало, или ты нездоровъ, что жда наша тебѣ не правится? Посмотри, какъ рабъ нашъ разсѣкаетъ море и какъ благополучно идетъ наша поѣздка! Что же тебя послѣ этого тревожить?

— А то, отвѣчалъ Дамидъ, что у насъ есть нѣкій предметъ для разговора и что лучше ратиться къ нему, нежели распрашивать о арніѣ, которая всѣмъ извѣстна и надобла.

— Что жъ бы это былъ за предметъ, сказалъ Аполлоній, предъ которымъ все остальное кажется тебѣ излишнимъ?

— Ты имѣлъ свиданіе съ Ахилломъ, продолжалъ Дамидъ, и вѣроятно слышалъ много такого, чего мы не знаемъ. А ты этого не рассказываешь и не описываешь его наружности; вѣдь этого ты на словахъ разгуливаешь по островамъ и строишь корабли.

— Хорошо, отвѣчалъ съ кроткою покорностью Аполлоній, я расскажу все, какъ было, ишь бы только вы не сочли это съ моей стороны за хвастливость.

Затѣмъ слѣдуетъ длинный разсказъ Аполлонія о свиданіи его съ Ахилломъ; приводитъ то я считаю излишнимъ. Любопытно только обратить вниманіе на тотъ наивный приѣмъ, которымъ Филостратъ старается оградить Аполлонія отъ обвиненія въ магіи или некромантіи. «Я, говоритъ мудрецъ въ самомъ началѣ разсказа, не вырывалъ, подобно Одиссею, ямы и не привлекалъ тѣней кровью барановъ; чтобы бесѣдовать съ Ахилломъ, я прочиталъ молитвы, которыми видѣйскіе мудрецы учили меня умиловливать героевъ, и потомъ сказалъ: «О Ахилл! многочисленная толпа говоритъ, что ты умеръ; я этого не признаю, подобно Пифагору, прадѣду моей мудрости. Если правда на нашей сторонѣ, покажи мнѣ твой образъ. Мои глаза могутъ принести тебѣ пользу, если засвидѣтельствуютъ твое дѣйствительное существованіе».

Тогда произошло вокругъ холма слабое колебаніе, и появился вызываемый призракъ. Какимъ образомъ появленіе тѣни Ахилла можетъ быть согласено съ пифагорейскимъ догматомъ переселенія душъ—этого Аполлоній не показалъ, и ученики не обратили вниманія на это неразрѣшенное противорѣчіе. Проѣзжая мимо острова Лесбоса, Аполлоній вышелъ на противоположный ему эоійскій берегъ и принесть умиловливающую безкровную жертву погребенному здѣсь

Паламеду. Опираясь на разговоръ съ Ахилломъ, онъ откопалъ въ его могилѣ статую, съ надписью: «божественному Паламеду», поставилъ ее на томъ мѣстѣ, гдѣ она была зарыта и построилъ вокругъ нея храмъ, который Филостратъ видѣлъ собственными глазами. Филостратъ не рѣшился бы лгать въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ его могъ уличить любой путешественникъ, и потому мы дѣйствительно можемъ принять, что при храмѣ Паламеда жило преданіе объ основаніи его Аполлоніемъ Тіанскимъ. Это конечно дастъ намъ понять, что слово Аполлонія дѣйствительно имѣло вѣсъ и значеніе, и что приказанія странствующаго проповѣдника исполнялись мѣстными жителями.

## IV.

Корабль Аполлонія присталъ къ аѳинской гавани—Пирею, и столица греческаго духа, по словамъ Филострата, съ восторгомъ приняла азіатскаго прорицателя. Наивно въ разсказѣ о его приѣздѣ то обстоятельство, что всѣ узнавали его, никогда его не выдавши, въ такомъ городѣ, въ который онъ вѣзжалъ въ первый разъ въ жизни. Когда онъ изъ Пирея направлялся къ городу, съ нимъ встрѣтились десять молодыхъ людей; протягивая руки къ Акрополю, они съ восторгомъ говорили: «клянемся тамошнюю Аѳиною, мы шли къ Пирею съ тѣмъ, чтобы ѣхать къ тебѣ въ Іонію». Былъ день Эпидаврій, т. е. восьмой день элевзинскихъ мистерій, названный такъ въ честь эпидаврійскаго Эскулапа. Приѣздъ Аполлонія отвлекъ вѣтряную аѳинскую молодежь отъ мистерій; Аполлоній былъ самою свѣжею современною новостью, и всѣ стремились къ нему, ожидая отъ него проповѣди и чудесныхъ знаменій. Аполлоній понялъ, что это обстоятельство можетъ возбудить противъ него негодованіе аѳинскаго жречества, и приказалъ своимъ обожателямъ принять участіе въ священнодѣйствіяхъ, говоря, что онъ самъ попроситъ себѣ посвященія, а что послѣ мистерій они опять сойдутся съ нимъ и нафилософствуются вдоволь. Уговоривъ ихъ такимъ образомъ, онъ отправился къ святилищу, но уже неблагоприятное впечатлѣніе было произведено, и корпорація жрецовъ смотрѣла на него враждебно. Герофантъ т. е. главный жрецъ, объявилъ ему, что не имѣетъ права принимать чародѣя и отворять элевзинскую святыню чужеземцу, оскверненному сношеніями съ демонами. Аполлоній, видя, что надо спасать свое достоинство въ глазахъ вѣтряной толпы, передъ которою правъ тотъ, кто сказалъ послѣднее слово, отвѣчалъ рѣзкою дерзостью: «Ты еще не упомянулъ самаго главнаго обвиненія, которое ты можешь мнѣ сдѣлать. Это то, что я знаю тайнства лучше тебя самого. А я ѣхалъ сюда въ ожиданіи, что меня посвятитъ чужеземецъ, который будетъ мудрѣе меня».



Слушателямъ понравился рѣзкій отвѣтъ Аполлонія, и они открыто выразили свое сочувствіе. Іерофантъ струсилъ и перемѣнилъ тонъ.

— Хорошо, сказалъ онъ, я тебя посвящу, потому что ты, кажется, человѣкъ мудрый.

Но Аполлоній уже не далъ іерофанту средства поправить сдѣланный промахъ и отвѣчалъ сухо:

— Меня примутъ въ мистеріи впоследствии и посвятить меня такой-то. — Онъ назвалъ имя будущаго іерофанта, и окружающая толпа конечно подивилась его предвѣднію. — Кромѣ того, Филостратъ говорить положительно, что Аполлоній читалъ въ Аѳинахъ много лекцій философіи собственно для того, «чтобы опровергнуть ругательныя и безразсудныя рѣчи іерофанта». Должно быть, эти безразсудныя рѣчи заставляли его задумываться и были близки къ истинѣ.

Изъ поученій Аполлонія, упоминаемыхъ у Филострата и произнесенныхъ прорицателемъ въ Аѳинахъ, одно было направлено противъ изнѣженности нравовъ. Оно было произнесено въ театрѣ во время праздниковъ Діониса, когда онъ увидѣлъ, что къ религіознымъ представленіямъ и пѣснямъ примѣшиваются звуки флейты, сладострастные танцы и балетныя позы. — Эта рѣчь, какъ она воспроизведена у Филострата, носитъ на себѣ характеръ страстной импровизаціи и отличается отъ другихъ особенно сильнымъ воодушевленіемъ, которое могло быть до нѣкоторой степени искусственнымъ, потому что Аполлоній понималъ характеръ своихъ слушателей и зналъ, какъ на нихъ надо дѣйствовать.

Въ Аѳинахъ, въ театрѣ происходили довольно часто сраженія гладиаторовъ, на которыя народъ смотрѣлъ съ наслажденіемъ. «Дорогою цѣною, говоритъ Филостратъ, покупались прелюбодѣи, сводники, воры, мошенники, разбойники и другая подобная сволочь; ихъ всѣхъ вооружали и приказывали имъ сражаться». Желая угостить Аполлонія всѣми удовольствіями своего города, аѳиняне приглашали его посмотреть на эти игры, но Аполлоній съ отвращеніемъ отказался отъ ихъ предложенія и даже въ письмѣ къ аѳинскимъ гражданамъ выразилъ свое негодованіе противъ того, что они оскверняютъ нечистою и притомъ человѣческою кровью святыню Аѳины и Діониса.

Изъ исцѣленій, совершенныхъ Аполлоніемъ въ Аѳинахъ, Дамидъ упоминаетъ объ изгнаніи демона изъ одного богатаго юноши. Судя по тѣмъ симптомамъ, которые приводитъ самъ Дамидъ или Филостратъ, можно заключить, что болѣзнь юноши была однимъ изъ видоизмѣненій помѣшательства. Онъ смѣялся и плакалъ безъ видимой причины, громко говорилъ самъ съ собою и пѣлъ дикимъ голосомъ.

Аполлоній выгналъ демона взглядомъ и словомъ; было ли то лѣченіе посредствомъ магнетизма, или біографы Аполлонія скрыли лѣкарства, употребленныя имъ противъ душевнаго разстройства юноши, этотъ вопросъ рѣшать не

возможно, да и бесполезно. Самый интересный вѣроятнo описанъ у Филострата тѣмъ, что его поняли сами зрители. Аполлоній сидѣлъ на юношу, засмѣявшагося въ время серьезнаго разговора, — строгимъ и нѣмымъ взглядомъ. Демонъ устами юноши кричалъ и стоналъ, какъ-будто его мучили, и поклялся оставить юношу въ покоѣ и не входить впередъ ни одного человѣка. Аполлоній сѣлъ съ нимъ гнѣвнымъ голосомъ, какъ въ стыднымъ и живымъ рабомъ, и приказалъ выйти съ видимымъ знакомъ. Демонъ отшатнулся, опрокинулъ ту статую, и указавъ рукою на статую, стоявшую у ближняго портала, та закаталась на пьедесталѣ и съ шумомъ упала на землю. Поднялся въ окружающей толпѣ взрывъ шумнаго удивленія. Какъ юноша какъ будто проснулся изъ долгого сна, протеръ себѣ глаза и покраснѣлъ, такъ что взоры всей толпы обращены на него. Онъ возвратился къ прежнему своему тактику, теру, говоритъ Филостратъ, какъ будто-бы принялъ спасительное лекарство». Видѣвъ тѣмъ онъ отказался отъ роскоши и посвятилъ себя философіи и сдѣлался ученикомъ послѣдователемъ Аполлонія.

Оставивъ Аѳины, Аполлоній пошелъ съ собою въ Грецію, обнаруживая при этомъ беззастѣнчивость образованнаго туриста и нигилизмъ истиннаго грека. Мѣста сраженій грековъ съ персами, особенно то мѣсто, гдѣ погибъ Дарій, древніе храмы и оракулы, все, что достойно вниманія, было имъ осмотрѣно, и на каждомъ изъ этихъ мѣстъ онъ произнесъ нибудь многозначительное изреченіе, и тотчасъ же, съ любовью и съ благоговѣніемъ было отмѣчаемо Дамидомъ, и входило въ составъ его «Крохъ». Въ Коринѣ Аполлоній познакомился съ циническимъ философомъ Дмитріемъ и увлекъ его за собою, такъ что Дмитрій душою принялъ его ученіе и пошелъ за нимъ какъ усердный и любознательный ученикъ. Вѣнны Дмитрія подражали примѣру учителя, такимъ образомъ число послѣдователей Аполлонія значительно увеличилось. Съ однимъ изъ учениковъ Дмитрія, съ ликійцемъ Мениппомъ произошло такое приключеніе, которое Аполлонію поводъ сдѣлать необъяснимое и сказочное чудо. Мениппа любила одна женщина иностраннаго происхожденія, и молодой человекъ увлеченный ея красотою, хотѣлъ на ней жениться. Аполлоній узналъ, что эта женщина — эмпюза или ламія, т. е. злой духъ, питающійся человѣческимъ мясомъ; онъ пришелъ на свѣдѣніе пиръ, обличилъ эмпую, заставилъ исчезнуть всѣ приготовленія обѣда вмѣстѣ съ поварями, виночерпными и прислуживающими рабами, освободилъ Мениппа изъ рукъ кровожаднаго призрака. Эта неслыханная исторія очень подробно разсказана у Филострата, и онъ признаетъ ея



изъ главныхъ достопримѣчательностей жизни Аполлонія. «Многіе, говоритъ онъ, знаютъ потому что она произошла въ самой Элладѣ; они слышали только, что онъ въ Коринѣ рывъ ламію; что же она сдѣлала, и насколько дѣло относилось къ Мениппу — этого они знаютъ. Ее рассказываетъ Дамидъ, и я занимаю ее изъ его извѣстій».

Въ Олимпіи Аполлоній увидалъ посланниковъ Лакедемона; они были одѣты такъ же роскошно, какъ и остальные греки; волосы ихъ были умашены, борода обрита и вся ихъ наружность разила строгаго философа чрезмѣрною изысканностью и женственностью. Аполлоній написалъ къ эфорамъ увѣщательное посланіе, совѣя имъ обратить серьезное вниманіе на нравственность гражданъ. Любопытно то, что Аполлонія особенно беспокоили женщины, состоявшія и баняхъ, и обычай, вошедшій въ то время во всеобщее употребленіе — уничтожать воскомъ волосы на всемъ тѣлѣ. Эфоры, по увѣренію Фистрата, послушались его совѣта и ввели въ Лакедемонъ прежнюю простоту нравовъ, возставили гимнастическія школы и снова принудили гражданъ обѣдать за общественными столами. Аполлоній написалъ къ эфорамъ лаконическое письмо, въ которомъ выразилъ свое обрѣненіе:

«Аполлоній привѣтствуетъ эфоровъ».

«Мужамъ прилично не погрѣшати; благороднымъ — сознаваться въ своихъ погрѣшностяхъ».

Письмо коротко и величественно, но допустить возможность такого переворота актомъ правительственныхъ лицъ могъ только Филостратъ, которому нужно было, во что бы то ни стало, чертить всемогущество и высокую нравственную чистоту своего прославленнаго героя. — Какъ бы то ни было, популярность Аполлонія была велика и возрастала съ каждымъ днемъ, потому что каждый день былъ отмѣченъ какимъ нибудь распорѣчивымъ словомъ поученія или поразительнымъ чудомъ. Однажды въ Олимпіи онъ говорилъ о мудрости, о храбрости, о воздержности вообще о разныхъ добродѣтеляхъ. Стоя на порогѣ храма, говоря громкимъ, вдохновеннымъ голосомъ, онъ привелъ присутствующихъ въ благоговѣйное изумленіе. Бывшіе въ Олимпіи партанцы окружили его, въ присутствіи Зевса объявили его своимъ гостемъ, отцомъ своего юношества, устроившимъ ихъ образъ жизни, и украшеніемъ ихъ старости. Одинъ коринѣянинъ, досадуя за что-то на Аполлонія, спросилъ нахлыпчивымъ тономъ: «Не станете ли вы въ честь его праздновать теофанія?» Уваженіе лакедемонянъ къ Аполлонію было такъ сильно, что они смутились этимъ рѣзкимъ вопросомъ и выразили свою полную готовность объявить великаго мудреца богомъ. «Конечно, отвѣчали они, насъ уже все приготовлено».

Тутъ Аполлоній счелъ нужнымъ вмѣшаться

въ дѣло. Ему такая демонстрація казалась опасной и онъ просилъ своихъ обожателей оставить это намѣреніе, чтобы не возбудить противъ него всеобщей зависти. Скромность Аполлонія не могла не понравиться и произвела самое благопріятное впечатлѣніе. Черезъ Тайгетъ Аполлоній отвѣчалъ на всѣ вопросы коротко и ясно и выражалъ постоянно полное сочувствіе къ законамъ Ликурга и вообще къ древнимъ спартанскимъ учрежденіямъ. Пробывъ нѣсколько времени въ Спартѣ, онъ отправился на югъ Пелопоннеза до Мален, оттуда, ссылаясь на видѣнный имъ сонъ, проѣхалъ въ Критъ и наконецъ явился въ Римъ, гдѣ въ то время царствовалъ Неронъ.

#### У.

Въ первой части этой статьи я упоминалъ о томъ, что римскіе императоры не разъ воздвигали гоненіе на философовъ, на математиковъ и на колдуновъ. Самыя разнообразныя причины побуждали ихъ слѣдовать этой политикѣ. Ихъ беспокоили то политическій либерализмъ философовъ, то религіозное вольнодумство, то мистическое шарлатанство, прикрывавшееся наружностью мудреца. Извѣстно, что Тиверій, Калигула, Неронъ и Домиціанъ не разъ издавали противъ философовъ грозные указы и часто старались выгонять ихъ изъ Рима и даже изъ Италіи. Если кто нибудь своими поученіями собиралъ вокругъ себя народъ, если въ Римѣ на площадяхъ и на улицахъ собирались толпы слушателей, то конечно подозрительное правительство императоровъ смотрѣло на эти собранія враждебно и недоувѣрчиво. Въ то время какъ Аполлоній приближался къ Риму, извѣстный стоикъ Музоній Руфъ былъ схваченъ императорскими агентами единственно за то, что его поученія находили себѣ въ народѣ живое сочувствіе. Этотъ арестъ подѣйствовалъ на всѣхъ прочихъ философовъ. Одинъ изъ нихъ Филолай спѣшилъ удалиться заблаговременно и въ бѣгствѣ своемъ встрѣтился съ Аполлоніемъ, направлявшимся къ Риму. Онъ наговорилъ ему и ученикамъ его о жестокости и преслѣдованіяхъ Нерона, и слова его не остались безъ послѣдствій. Изъ 34 учениковъ Аполлонія съ нимъ вошли въ Римъ только 8 человѣкъ; остальные разсѣялись, не желая идти навстрѣчу явной опасности. Въ числѣ оставшихся находились Дамидъ, Мениппъ, избавленный Аполлоніемъ отъ эмпузы, и какой-то египтянинъ Діоскоридъ. Аполлоній здѣсь, какъ и вездѣ, показалъ себя человѣкомъ разсудительнымъ, кроткимъ и терпимымъ. «Я не стану бранить тѣхъ, кто насъ оставилъ, сказалъ онъ вѣрнымъ своимъ товарищамъ, но похваляю васъ, потому что вы мужи и люди равные мнѣ. Я не назову того трусомъ, кто ушелъ изъ страха передъ Нерономъ; но кто побѣдилъ этотъ страхъ, того я назову философомъ, того я научу всему, что самъ знаю». Въ



длинной рѣчи, безъ сомнѣнія сочиненной Филостратомъ, Аполлоній ободрилъ друзей своихъ, унижилъ тирановъ, упомянулъ о злодѣяніяхъ Нерона, убившаго родную мать, и наконецъ, помолвившись богамъ, отважные философы вступили въ городъ. На другой день послѣ ихъ пріѣзда консулъ Телезинъ, извѣщенный городскими стражами о прибытіи людей, одѣтыхъ въ оригинальные костюмы, потребовалъ къ себѣ Аполлонія.

— Что это за одежда? спросилъ онъ.

— Она чиста, отвѣчалъ Аполлоній, и не взята отъ смертнаго существа.

— Въ чемъ состоитъ твое ученіе?

— Я учу почитать Бога, правильно молиться ему и приносить жертвы. Аполлоній считалъ, какъ видно полезнымъ, умалчивая о практической нравственности, обратить все вниманіе Телезина на догматическій характеръ своего ученія. Но Телезинъ былъ подозрителенъ, и отъ него не легко было отдѣлаться.

— Философъ, замѣтилъ онъ, да развѣ есть хоть одинъ человѣкъ, который бы не зналъ этого?

— Очень многіе, отвѣчалъ Аполлоній. А кто знаетъ это какъ слѣдуетъ, тотъ сдѣлается еще лучше, если узнаетъ отъ болѣе мудраго человѣка, что поступаетъ правильно. Отвѣты Аполлонія такъ заинтересовали консула, что онъ, не рѣшившись спросить его имя, думая, что онъ желаетъ сохранить инкогнито, снова навелъ разговоръ на религіозныя убѣжденія. Аполлоній разсказалъ ему, что онъ молится слѣдующею простою молитвою: «боги, дайте мнѣ то, что должно».

Этими словами онъ просить, чтобы господствовала справедливость, чтобы не нарушались законы, чтобы мудрецы жили въ бѣдности, а другіе люди въ богатствѣ, не обижая ближнихъ. Ни о коммунизмѣ, ни о громкомъ обличеніи извѣженности, балетнаго искусства и гладіаторскихъ игръ не было сказано ни слова. Аполлоній прекрасно сообразовался съ личностью своего собесѣдника, но притомъ такъ тонко, что самый ревностный фанатикъ, слыша его разговоры съ консуломъ, не могъ бы обвинить его въ двуличности или трусости. Благодаря своему житейскому такту, онъ совершенно расположилъ Телезина въ свою пользу, и разговоръ, начавшійся какъ формальный судебный допросъ, кончился полнымъ торжествомъ Аполлонія. Телезинъ отпустилъ его съ честью и обѣщалъ написать ко всѣмъ жрецамъ, чтобы они пускали Аполлонія въ храмы и сообразовались съ его распоряженіями и совѣтами. Аполлоній жилъ въ Римѣ, ходилъ изъ храма въ храмъ, училъ и проповѣдывалъ, располагая въ свою пользу народъ и не возбуждая подозрительнаго вниманія правительства. Цаникъ Дмитрій, человѣкъ болѣе пылкій и откровенный, позволилъ себѣ выходки противъ Нерона. Войдя въ гимназію, устроенную цезаремъ и снабженную роскошными термами, онъ обратился къ купающимся

съ энергической рѣчью, въ которой старался доказывать, что теплая баня ослабляетъ организмъ, составляетъ лишній денежный расходъ, убиваетъ на мѣстѣ, говоритъ Филостратъ, потому, что Неронъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа и въ голосѣ; Дмитрія въпрямую, однако къ преторіанскому префекту Тигеллину и за дерзкія слова выслали изъ Рима.

Зная, что Аполлоній находился съ друзьями въ дружескихъ отношеніяхъ, за нимъ слѣдовало идти; Аполлонію надо было быть дѣловымъ острякомъ, онъ уже въ Азіи прослылъ прорицателемъ, и потому каждое не совсѣмъ понятное происшествіе напоминалось его ближайшими учениками, пускалось въ народъ и потомъ приписывалось первому важному событію, которое происходило въ городѣ или въ государствѣ. Аполлоній совершенно неумышленно, въ полномъ невиніи, сдѣлалъ такое прорицаніе, за которое слѣдствіемъ пришлось бы имѣть дѣло съ криминальной полиціей.

Однажды во время солнечнаго затмѣнія раздался громъ. Аполлоній взглянулъ на небо и сказалъ: «что-то великое случится и не сразу». Черезъ три дня послѣ этого Неронъ сидѣлъ въ дворцѣ, съ кубкомъ въ рукѣ, и молнія вылетѣла изъ рукъ кубокъ, который онъ уже поднесъ къ губамъ. Всѣ рѣшили, что загадочныя сдѣланія Аполлонія были прорицаніемъ, и Тигеллинъ, боясь неблагосклонности своихъ шпионовъ, боясь и неопредѣленнаго иностранца, него вліянія на Нерона. Скоро представился случай обвинить его въ оскверненіи величества. У Нерона сдѣлался приступъ охриплости, потерялъ звучный голосъ, и чрезвычайно дорожилъ. Римскіе храмы наполнились людьми, молившими боговъ о выздоровленіи цезаря. Аполлонія приводило въ восторгъ доведеніе ихъ раболопіе, но онъ сдерживалъ возмущеннаго чувства и никому не позволялъ разжалъ своего неудовольствія. Когда онъ сдѣлалъ, что это волнуетъ Мениппа и молвилъ ему хлопотъ, онъ посоветовалъ ему сердиться на боговъ, взирающихъ съ недовольствомъ на эти кривлянья глупцовъ. Эти слова были подслушаны и немедленно переданы императору. Рассказывая процессъ Аполлонія, Филостратъ конечно не упустилъ случая изъумить чудо. Когда обвинитель Аполлонія, погубивъ уже многихъ подозрительныхъ правителей людей, вышелъ читать свое обвиненіе и началъ бумажу, то вмѣсто ожидаемыхъ доказательствъ, вмѣсто изложенія дѣла, вышло пустое мѣсто; все, что было написано, исчезло безъ слѣда. Тигеллинъ не зналъ, что думать и пригласилъ Аполлонія въ комнату своихъ совѣщаній.

— Кто ты такой? спросилъ онъ очень сурово.

Аполлоній назвалъ себя по имени и по отчеству, объяснилъ, гдѣ онъ родился и что онъ по цѣльбу занимается философіей. Затѣмъ с



ъ Тигеллиномъ и разговоръ разсказаны такъ авдоподобно, что его не стоитъ и передавать. Аполлоній отшучивается и отыгрывается сло-  
во, говорить дерзко и своей смѣлостью запу-  
етъ такого человѣка, предъ которымъ дро-  
и всѣ римскіе богачи и аристократы. Что  
ллоній говорить смѣло—неудивительно, хотя  
и не совсѣмъ согласно съ его предыдущей  
рожностью и сдержанностью; но что Тигел-  
ъ испугался этой смѣлости и выпустилъ его  
рукъ—это очевидно выдумка Дамида или  
Филострата. Какъ бы то ни было, требовали ли  
Аполлонія къ Тигеллину, или нѣтъ, по той или  
другой причинѣ онъ отдѣлался отъ него такъ  
же, все равно; главное дѣло въ томъ, что онъ  
ался на свободѣ и философствовалъ въ сто-  
ѣ міра до тѣхъ поръ, пока Неронъ, уѣзжая  
Грецію, не выгналъ изъ Рима формальнымъ  
зомъ всѣхъ философовъ безъ различія мѣтній  
направленій. Во время своего пребыванія въ  
мѣ онъ будто бы воскресилъ умершую молодую  
взвуху, которую несли уже для погребенія.  
Прочемъ эту сказку даже Филостратъ не рѣ-  
шается разсказать безъ нѣкоторыхъ оговорокъ  
ограниченій. Онъ напр. догадывается, что  
ерть была только видимая, наружная, что-то  
родъ латаргическаго сна. Онъ сознается откро-  
вно, что ни самъ онъ, ни присутствовавшіе при  
омъ событіи не могли рѣшить положительно,  
мѣтили ли въ этой дѣлшкѣ Аполлоній остатокъ  
изни, укрывшійся отъ наблюдательности вра-  
и, или вложилъ онъ въ нее уже вылетѣвшее  
иханіе. Не мѣшаетъ при этомъ замѣтить, что  
омъ Филострата ни одинъ писатель древности  
упоминаетъ объ этомъ чудесномъ событіи.  
Изъ Рима Аполлоній пошелъ на западъ, къ Гер-  
лесовымъ столбамъ, чтобы видѣть Гадейру, а  
кже приливъ и отливъ Атлантическаго океана.  
о него дошли тоже слухи о значительныхъ фило-  
фескихъ познаніяхъ тамошнихъ жителей, и онъ  
интересовался лично провѣрять эти извѣстія.

## VI.

Личность Нерона и его распоряженія произвели  
и Аполлонія и его товарищей глубокое впечат-  
ѣніе. Выѣхавши изъ Рима, они вздохнули сво-  
дыше, и, не боясь уже сыщиковъ и доносчиковъ,  
наслажденіемъ стали сообщать другъ другу  
ои замѣчанія насчетъ Рима и императора,  
правившагося въ Олимпію удивлять грековъ  
инымъ голосомъ. Одинъ изъ такихъ разговоровъ,  
сличающійся живой естественностью, приво-  
дитъ Филостратъ. Въ этомъ разговорѣ, происхо-  
ившемъ въ Гераклонѣ, выражается раздражи-  
тельная иронія, смѣняющаяся порою то откры-  
тымъ негодованіемъ, то искреннимъ сочувствіемъ  
къ угнетенному народу. Этотъ разговоръ замѣ-  
тителенъ по своей живости и дѣлаетъ честь  
искусству Филострата, или той вѣрности, съ ко-

торою Дамидъ воспроизвелъ дѣйствительное со-  
бытіе. Аполлоній съ неподдѣльнымъ юморомъ  
проводитъ въ немъ параллель между нашествіемъ  
Ксеркса и Нерона на Грецію и находитъ, что по-  
слѣднее принесетъ бѣднымъ грекамъ больше горя  
и страданія. Ненависть Аполлонія къ Нерону вы-  
разилась не въ однихъ насмѣшкахъ. Намѣстникъ  
провинціи Беттики просилъ Аполлонія назначить  
ему свиданіе; Аполлоній согласился и, разгова-  
ривая съ намѣстникомъ, выславъ всѣхъ своихъ  
учениковъ изъ комнаты; даже Дамидъ не слы-  
халъ, о чемъ они говорили; извѣстно только, что  
совѣщанія ихъ продолжались три дня, и что, про-  
щаясь съ намѣстникомъ, Аполлоній обнялъ его  
и сказалъ ему: «прощай и помни Виндекса!» Изъ  
этихъ словъ Дамидъ заключаетъ, что бесѣда ихъ  
имѣла преимущественно политическій характеръ  
и касалась Нерона. Виндексъ, начальникъ испан-  
скихъ легіоновъ, готовилъ возмущеніе противъ  
Нерона, и очень можетъ быть, что краснорѣчіе  
и кудесничества Аполлонія сильно помогли ему  
произвести движеніе умовъ.

Ни Дамидъ, ни Филостратъ не говорятъ поло-  
жительно о политической роли Аполлонія; быть  
можетъ, причиною ихъ молчанія является скрыт-  
ность и осторожность Аполлонія, нелюбившаго  
никому довѣрять свои планы. Скрытность же эта  
оправдывается многими разнородными обстоя-  
тельствами; во-1-хъ, таинственность была однимъ  
изъ средствъ подбѣивать на умы; во-2-хъ, сдер-  
жанность въ политическомъ предпріятіи была  
положительно необходима; въ 3-хъ, никто изъ  
приближенныхъ Аполлонія не стоялъ съ нимъ  
наравнѣ по умственнымъ способностямъ и слѣ-  
довательно не могъ вполне понять и оцѣнить его  
планы. Таинственный какъ мистикъ, осторожный  
какъ умный заговорщикъ, гордый какъ дарови-  
тый человѣкъ, окруженный благоговѣющими по-  
средственностями,—Аполлоній дѣлалъ свое дѣло,  
не торопясь, безъ суеты, и не чувствовалъ ни  
малѣйшей потребности дѣлаться съ кѣмъ бы то  
ни было своими соображеніями и надеждами.  
Зато ученики его сторожили каждое слово, слу-  
чайно слетѣвшее съ его губъ, и давая ему про-  
извольное толкованіе, несчетное число разъ про-  
славляли его за мнимыя пророчества. Часто обра-  
щались они къ нему съ вопросами о будущихъ  
политическихъ судьбахъ имперіи; тогда Аполло-  
ній отвѣчалъ имъ какъ-то понало, и потомъ они же  
сами излагали его отвѣтъ такъ, что онъ дѣй-  
ствительно оказывался въ нѣкоторомъ соотвѣт-  
ствіи съ тѣмъ, что случилось на-дѣлѣ. Въ то  
время какъ они плыли изъ Испаніи въ Сицилію,  
съ тѣмъ чтобы оттуда переправиться въ Ливію,  
Дамидъ сильно интересовался исходомъ полити-  
ческихъ совѣщаній Аполлонія съ намѣстникомъ;  
въ Сициліи они узнали о возмущеніи Виндекса  
и о несчастномъ исходѣ его предпріятія; вслѣдъ  
затѣмъ до нихъ дошли слухи о томъ, что въ раз-  
ныхъ концахъ имперіи произошли возстанія и



длинной рѣчи, безъ сомнѣнія сочиненной Филостратомъ, Аполлоній ободрилъ друзей своихъ, унижилъ тирановъ, упомянулъ о злодѣяніяхъ Нерона, убившаго родную мать, и наконецъ, помолвившись богамъ, отважные философы вступили въ городъ. На другой день послѣ ихъ пріѣзда консулъ Телезинъ, извѣщенный городскими стражами о прибытіи людей, одѣтыхъ въ оригинальные костюмы, потребовалъ къ себѣ Аполлонія.

— Что это за одежда? спросилъ онъ.

— Она чиста, отвѣчалъ Аполлоній, и не взята отъ смертнаго существа.

— Въ чемъ состоитъ твоё ученіе?

— Я учу почитать Бога, правильно молиться ему и приносить жертвы. Аполлоній считалъ, какъ видно полезнымъ, умалчивая о практической нравственности, обратить все вниманіе Телезина на догматическій характеръ своего ученія. Но Телезинъ былъ подозрителенъ, и отъ него не легко было отдѣлаться.

— Философъ, замѣтилъ онъ, да развѣ есть хоть одинъ человекъ, который бы не зналъ этого?

— Очень многіе, отвѣчалъ Аполлоній. А кто знаетъ это какъ слѣдуетъ, тотъ сдѣлается еще лучше, если узнаетъ отъ болѣе мудраго человека, что поступаетъ правильно. Отвѣты Аполлонія такъ заинтересовали консула, что онъ, не рѣшившись спросить его имя, думая, что онъ желаетъ сохранить анонимно, снова навелъ разговоръ на религіозныя убѣжденія. Аполлоній разсказалъ ему, что онъ молится слѣдующею простою молитвою: «боги, дайте мнѣ то, что должно».

Этими словами онъ проситъ, чтобы господствовала справедливость, чтобы не нарушались законы, чтобы мудрецы жили въ бѣдности, а другіе люди въ богатствѣ, не обижая ближнихъ. Ни о коммунизмѣ, ни о громкомъ обличеніи извѣженности, балетнаго искусства и гладиаторскихъ игръ не было сказано ни слова. Аполлоній прекрасно сообразовался съ личностью своего собесѣдника, но притомъ такъ тонко, что самый ревностный фанатикъ, слыша его разговоры съ консуломъ, не могъ бы обвинить его въ двуличности или трусости. Благодаря своему житейскому такту, онъ совершенно расположилъ Телезина въ свою пользу, и разговоръ, начавшійся какъ формальный судебный допросъ, кончился полнымъ торжествомъ Аполлонія. Телезинъ отпустилъ его съ честью и обѣщалъ написать во всемъ жрецамъ, чтобы они пускали Аполлонія въ храмы и сообразовались съ его распоряженіями и совѣтами. Аполлоній жилъ въ Римѣ, ходилъ изъ храма въ храмъ, училъ и проповѣдывалъ, располагая въ свою пользу народъ и не возбуждая подозрительнаго вниманія правительства. Цаникъ Дмитрій, человекъ болѣе пылкій и откровенный, позволилъ себѣ выходки противъ Нерона. Войдя въ гимназію, устроенную цезаремъ и снабженную роскошными термами, онъ обратился къ купающимся

съ энергической рѣчью, въ которой старался доказывать, что теплая баня ослабляетъ тело, составляетъ лишній денежный расходъ, что убиваетъ на мѣстѣ, говоритъ Филостратъ, потому, что Неронъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа и въ голосѣ; Дмитрія затронули, однако къ преторіанскому префекту Гигсу и за дерзкія слова выслали изъ Рима.

Зная, что Аполлоній находился съ друзьями въ дружескихъ отношеніяхъ, за нимъ слѣдовало идти; Аполлонію надо было быть вдвое осторожнѣе, онъ уже въ Азіи прослылъ прорицателемъ, и потому каждое не совсѣмъ понятное изреченіе запоминалось его ближайшими учениками, пускалось въ народъ и потомъ приписывалось первому важному событію, которое происходило въ городѣ или въ государствѣ. Аполлоній совершенно неумышленно, въ полномъ неинтересѣ, сдѣлать такое прорицаніе, за которое слѣдствіемъ пришлось бы имѣть дѣло съ верою полиціей.

Однажды во время солнечнаго затмѣнія раздался громъ. Аполлоній взглянулъ на небо и сказалъ: «что-то великое случится и не случится». Черезъ три дня послѣ этого Неронъ сидѣлъ въ ваннѣ, съ кубкомъ въ рукѣ, и молнія вылетѣла изъ рукъ кубокъ, который онъ уже поднесъ къ губамъ. Всѣ рѣшили, что загадочныя слова Аполлонія были прорицаніемъ, и Тигеллинъ, боясь ироническаго смѣха своихъ шпіоновъ, боясь и вліянія на Нерона, скоро представился случай обвинить его въ оскверненіи величества. У Нерона сдѣлался приступъ, онъ охрипъ и потерялъ звучный голосъ, который онъ чрезвычайно дорожилъ. Римскіе храмы наполнились людьми, молившими боговъ о сохраненіи цезаря. Аполлонія приводило въ удивленіе доведеніе ихъ раболѣпіе, но онъ сдерживалъ рывы возмущеннаго чувства и никому не выдавалъ своего неудовольствія. Когда онъ сдѣлалъ, что это волнуетъ Мениппа и можетъ сдѣлать ему хлопотъ, онъ посоветовалъ сердиться на боговъ, взирающихъ съ удивленіемъ на эти кривлянья глупцовъ. Эти слова были подслушаны и немедленно переданы линну. Разсказывая процессъ Аполлонія, Филостратъ конечно не упустилъ случая въставить чудо. Когда обвинитель Аполлонія, погугливъ уже многихъ подозрительныхъ правителей людей, вышелъ читать свое обвиненіе и началъ бумагу, то вмѣсто ожидаемыхъ указательствъ, вмѣсто изложенія дѣла, оказалось пустое мѣсто; все, что было написано, исчезло безъ слѣда. Тигеллинъ не зналъ, что думать и пригласилъ Аполлонія въ комнату своихъ совѣщаній.

— Кто ты такой? спросилъ онъ очень серьезно.

Аполлоній назвалъ себя по имени и по отчеству, объяснилъ, гдѣ онъ родился и съ какою цѣлью занимается философіей. Затѣмъ съ



съ Тигеллиномъ и разговоръ разсказаны такъ равноподобно, что его не стоитъ и передавать. Аполлоній отшучивается и отыгрывается сло-  
ми, говоритъ дерзко и своей смѣлостью запу-  
скаетъ такого человѣка, предъ которымъ дро-  
жи всѣ римскіе богачи и аристократы. Что  
Аполлоній говоритъ смѣло—неудивительно, хотя  
и не совсѣмъ согласно съ его предыдущей  
осторожностью и сдержанностью; но что Тигел-  
лъ испугался этой смѣлости и выпустилъ его  
изъ рукъ—это очевидно выдумка Дамида или  
Филострата. Какъ бы то ни было, требовали ли  
Аполлонія къ Тигеллину, или нѣтъ, по той или  
другой причинѣ онъ отдѣлался отъ него такъ  
легко, все равно; главное дѣло въ томъ, что онъ  
сталъ на свободѣ и философствовалъ въ сто-  
лицѣ міра до тѣхъ поръ, пока Неронъ, уѣзжая  
въ Грецію, не выгналъ изъ Рима формальнымъ  
казнемъ всѣхъ философовъ безъ различія мнѣній  
направлений. Во время своего пребыванія въ  
Римѣ онъ будто бы воскресилъ умершую молодую  
дѣвушку, которую несли уже для погребенія.  
Прочемъ эту сказку даже Филостратъ не рѣ-  
шается разсказать безъ нѣкоторыхъ оговорокъ  
ограниченій. Онъ напр. догадывается, что  
его смерть была только видимая, наружная, что-то  
въ родѣ летаргическаго сна. Онъ сознается откро-  
венно, что ни самъ онъ, ни присутствовавшіе при  
этомъ событіи не могли рѣшить положительно,  
замѣтилъ ли въ этой дѣвушкѣ Аполлоній остатокъ  
жизни, укрывшійся отъ наблюдательности вра-  
чей, или вложилъ онъ въ нее уже вылетѣвшее  
дыханіе. Не мѣшаетъ при этомъ замѣтить, что  
кромѣ Филострата ни одинъ писатель древности  
не упоминаетъ объ этомъ чудесномъ событіи.

Изъ Рима Аполлоній пошелъ на западъ, къ Гер-  
кулесовымъ столбамъ, чтобы видѣть Гадейру, а  
также приливъ и отливъ Атлантическаго океана.  
До него дошли тоже слухи о значительныхъ фило-  
софскихъ познаніяхъ тамошнихъ жителей, и онъ  
интересовался лично провѣрить эти извѣстія.

## VI.

Личность Нерона и его распоряженія произвели  
на Аполлонія и его товарищей глубокое впечат-  
лѣніе. Выѣхавши изъ Рима, они вздохнули сво-  
бодѣе, и, не боясь уже сыщиковъ и доносчиковъ,  
съ наслажденіемъ стали сообщать другъ другу  
свои замѣчанія насчетъ Рима и императора,  
отправившагося въ Олимпію удивлять грековъ  
своимъ голосомъ. Одинъ изъ такихъ разговоровъ,  
отличающійся живой естественностью, приво-  
дитъ Филостратъ. Въ этомъ разговорѣ, происхо-  
дившемъ въ Гераклонѣ, выражается раздражи-  
тельная иронія, смѣняющаяся порою то откры-  
тымъ негодованіемъ, то искреннимъ сочувствіемъ  
къ угнетенному народу. Этотъ разговоръ замѣ-  
чательенъ по своей живости и дѣлаетъ честь  
искусству Филострата, или той вѣрности, съ ко-

торою Дамидъ воспроизвелъ дѣйствительное со-  
бытіе. Аполлоній съ неподдѣльнымъ юморомъ  
проводитъ въ немъ параллель между нашествіемъ  
Ксеркса и Нерона на Грецію и находитъ, что по-  
слѣднее принесетъ бѣднымъ грекамъ больше горя  
и страданія. Ненависть Аполлонія къ Нерону вы-  
разилась не въ однѣхъ насмѣшкахъ. Намѣстникъ  
провинціи Беттики просилъ Аполлонія назначить  
ему свиданіе; Аполлоній согласился и, разгова-  
ривая съ намѣстникомъ, выславъ всѣхъ своихъ  
учениковъ изъ комнаты; даже Дамидъ не слы-  
шалъ, о чемъ они говорили; извѣстно только, что  
совѣщанія ихъ продолжались три дня, и что, про-  
щаясь съ намѣстникомъ, Аполлоній обнялъ его  
и сказалъ ему: «прощай и помни Виндекса!» Изъ  
этихъ словъ Дамидъ заключаетъ, что бесѣда ихъ  
имѣла преимущественно политическій характеръ  
и касалась Нерона. Виндексъ, начальникъ испан-  
скихъ легіоновъ, готовилъ возмущеніе противъ  
Нерона, и очень можетъ быть, что краснорѣчіе  
и чудесничества Аполлонія сильно помогли ему  
произвести движеніе умовъ.

Ни Дамидъ, ни Филостратъ не говорятъ поло-  
жительно о политической роли Аполлонія; быть  
можетъ, причиною ихъ молчанія является скрыт-  
ность и осторожность Аполлонія, нелюбившаго  
никому довѣрять свои планы. Скрытность же эта  
оправдывается многими разнородными обстоя-  
тельствами; во-1-хъ, таинственность была однимъ  
изъ средствъ поддѣлывать на умы; во-2-хъ, сдер-  
жанность въ политическомъ предпріятіи была  
положительно необходима; въ 3-хъ, никто изъ  
приближенныхъ Аполлонія не стоялъ съ нимъ  
наравнѣ по умственнымъ способностямъ и слѣ-  
довательно не могъ вполне понять и оцѣнить его  
планы. Таинственный какъ мистикъ, осторожный  
какъ умный заговорщикъ, гордый какъ дарови-  
тый человѣкъ, окруженный благоговѣющими по-  
средственностями,—Аполлоній дѣлалъ свое дѣло,  
не торопясь, безъ суеты, и не чувствовалъ ни  
малѣйшей потребности дѣлиться съ кѣмъ бы то  
ни было своими соображеніями и надеждами.  
Зато ученики его сторожили каждое слово, слу-  
чайно слетѣвшее съ его губъ, и давая ему про-  
извольное толкованіе, несчетное число разъ про-  
славляли его за мнимыя пророчества. Часто обра-  
щались они къ нему съ вопросами о будущихъ  
политическихъ судьбахъ имперіи; тогда Аполло-  
ній отвѣчалъ имъ какъ-то понало, и потомъ они же  
сами излагали его отвѣтъ такъ, что онъ дѣй-  
ствительно оказывался въ нѣкоторомъ соотвѣт-  
ствіи съ тѣмъ, что случилось на-дѣлѣ. Въ то  
время какъ они плыли изъ Испаніи въ Сицилію,  
съ тѣмъ чтобы оттуда переправиться въ Ливію,  
Дамидъ сильно интересовался исходомъ полити-  
ческихъ совѣщаній Аполлонія съ намѣстникомъ;  
въ Сициліи они узнали о возмущеніи Виндекса  
и о несчастномъ исходѣ его предпріятія; вслѣдъ  
затѣмъ до нихъ дошли слухи о томъ, что въ раз-  
ныхъ концахъ имперіи произошли возстанія и







ить, и Светоній. Бывши въ Александріи, Веспасіанъ конечно могъ имѣть сношенія съ мѣстными греками и философами; въ числѣ этихъ лицъ могъ видѣть и Аполлонія. Обративъ вниманіе на его свѣтлый умъ и обширныя знанія, онъ могъ говорить съ нимъ о положеніи и потребностяхъ государства, и Аполлоній могъ высказать среди нихъ свои политическія убѣжденія; такъ какъ, по извѣстію самого Филострата, совѣщанія Аполлонія съ Веспасіаномъ происходили не при Дамидѣ, то Дамидъ вѣроятно узнавалъ ихъ содержаніе по собственнымъ рассказамъ своего учителя, и записывая эти рассказы, конечно не желалъ смягчать или ослаблять то политическое значеніе, которымъ рисовался передъ нимъ учитель.

Конечно, если-бы Аполлоній былъ первымъ отвѣтникомъ Веспасіана, о немъ упомянули бы историкъ Тацитъ и биографъ Светоній; конечно, если-бы Аполлоній никогда не видалъ Веспасіана, Филостратъ не выдумалъ бы безъ особенной необходимости цѣлаго ряда сценъ и совѣщаній, заключающихъ собою 12 большихъ главъ его V-й книги. Особенной необходимости не видно уже потому, что, во-первыхъ, Аполлоній во все время разговоровъ съ Веспасіаномъ не дѣлаетъ ни одного замѣчательнаго чуда, а во-вторыхъ, политическія убѣжденія Аполлонія могли бы быть достаточно очерчены въ защитительной рѣчи его, приготовленной для произнесенія передъ Домиціаномъ. Стало-быть можно принять, что Аполлоній видѣлся съ Веспасіаномъ и говорилъ съ нимъ; степень уваженія Веспасіана къ нему, степень его вліянія на Веспасіана безспорно преувеличены. Но самыя политическія убѣжденія, выраженные Аполлоніемъ, могутъ быть приняты за его дѣйствительную умственную собственность.

Мы можемъ судить здѣсь лишь по внутреннимъ признакамъ, потому что нѣтъ никакихъ данныхъ, по которымъ мы могли бы контролировать Филострата; внутреннего же противорѣчія я не вижу, и мнѣ кажется, что эти черты только полнѣе и яснѣе очерчиваютъ тотъ образъ, который, на основаніи предыдущихъ извѣстій Филострата, складывается въ умъ читателя. Даже то обстоятельство, что Веспасіанъ дорожитъ мнѣніемъ Аполлонія, не должно вызывать въ читателѣ безусловнаго недоумѣнія. Веспасіанъ не былъ еще вполне императоромъ; ему предстояло еще бороться съ совѣтникомъ; онъ долженъ былъ дорожить своей популярностью и не пренебрегать дешевыми средствами упрочить и усилить ее; онъ видѣлъ, что Аполлонія считаютъ чудотворцемъ и любимцемъ божества, что его поученія слушаютъ съ благоговѣніемъ и съ жаднымъ вниманіемъ; если не личное суевѣріе, то чистый политическій расчетъ могъ побудить его обласкать хваленаго мудреца, выразить ему свое уваженіе, и, чтобы польстить его самолюбію, попросить даже его совѣта въ такомъ важномъ дѣлѣ, которое вѣроятно давно было обдумано и рѣшено

въ его умѣ. Веспасіану въ то время было 60 лѣтъ; онъ испыталъ придворную жизнь при Тиверіѣ, Калигулѣ, Клавдіѣ и Неронѣ, и слѣдовательно умѣлъ обращаться съ людьми и пользоваться обстоятельствами; ему было пріятно и выгодно дружески говорить съ Аполлоніемъ—онъ такъ и сдѣлалъ. Аполлоній тоже умѣлъ держать себя съ тактомъ и съ достоинствомъ; не унижаясь передъ Веспасіаномъ поспѣшной предупредительностью, не заискивая въ немъ, онъ умѣлъ понаравиться ему своей мягкостью и практической применимостью своихъ совѣтовъ. Когда Веспасіанъ вѣзжалъ въ городъ, къ нему вышли навстрѣчу жрецы, правители Египта, начальники отдѣльных номовъ, философы и толпа народа. Аполлоній, о которомъ въ то время говорила вся Александрія, остался въ храмѣ и съ расчитаннымъ достоинствомъ не сдѣлалъ самъ ни одного шага, чтобы приблизиться къ властелину. Наслышавшись о его чудесахъ и видя, съ какимъ уваженіемъ смотритъ на него масса народа, Веспасіанъ подошелъ къ нему послѣ жертвоприношенія и сказалъ:

— Сдѣлай меня императоромъ!

— Я объ этомъ старался, отвѣчалъ ему Аполлоній. Я молилъ боговъ объ императорѣ справедливымъ, благородномъ, умѣренномъ, украшенномъ сѣдыми волосами и способномъ сдѣлаться отцомъ подданныхъ. Молился такимъ образомъ, я молился о тебѣ.

На эти слова, произнесенныя спокойно и величественно, окружающая толпа отвѣчала громкимъ восклицаніемъ. Этого было довольно, чтобы показать Веспасіану популярность его собесѣдника; поговоривъ съ нимъ въ храмѣ, онъ взялъ его за руку и повелъ къ себѣ во дворецъ. Передавать происходившіе тамъ разговоры, значить вдаваться въ историческій романъ и вѣрить на-слово рассказамъ Филострата. Упомяну только о тѣхъ мысляхъ Аполлонія, въ которыхъ выразились его политическія убѣжденія. Съ нимъ вмѣстѣ были у Веспасіана два философа: Діонъ и Эвфратъ, который впослѣдствіи сдѣлался его врагомъ и обвинителемъ. Оба эти мыслители совѣтовали Веспасіану возстановить республику, или по крайней мѣрѣ предоставить народу самому избрать себѣ образъ правленія. Веспасіанъ выслушалъ ихъ совѣты и обратился къ Аполлонію, который между тѣмъ наблюдалъ его фізіономію и замѣчалъ въ мускулахъ лица неудовольствіе и тревогу; Аполлоній живымъ, практическимъ смысломъ понялъ потребности настоящей минуты, и не увлекаясь отвлеченными теоріями, осязательно доказалъ Діону и Эвфрату непрактичность ихъ требованій. «Вы говорите, сказалъ онъ имъ, съ консуляромъ, съ человѣкомъ, привыкшимъ властвовать, съ человѣкомъ, который погибнетъ, если откажется отъ господства. Зачѣмъ ему отталкивать дары счастья? Почему не принять то, что приходитъ само-собою? За что



его порицать, если онъ просто спрашиваетъ совѣта, какъ бы ему мудрѣе распорядиться съ тѣмъ, что у него въ рукахъ?.. Его окружаетъ цѣлое войско, вокругъ него множество копій, блескъ желѣзнаго оружія, сотни лошадей, а посмотрите, какъ онъ честенъ и умѣренъ, какъ способенъ выполнить то, что онъ замышляетъ. Пусть идетъ онъ по своему назначенію, мы проводимъ его добрымъ словомъ и будемъ обѣщать ему въ будущемъ еще большія блага! Вы не сообразили того, что у него двое взрослыхъ сыновей, что у каждого изъ нихъ свое войско и что они сдѣлаются его врагами, если онъ не приобрететъ для нихъ господства... Я съ своей стороны для себя не забочусь о правительствѣ потому, что живу подъ покровительствомъ боговъ; но я не хочу, чтобы стадо людей погубило за неимѣніемъ справедливаго и мудраго пастыря. Демократія при существованіи одного замѣчательнаго по добродѣтели человѣка превращается въ господство одного великаго лица; такъ точно и единодержавіе дѣлается народнымъ правленіемъ, если оно направлено ко всеобщему благу... Чего вы требуете? Чтобы человѣкъ, котораго признали императоромъ въ этихъ храмахъ, который вчера господствовалъ и выслушивалъ просьбы народа, чтобы такой человѣкъ вдругъ возвратился въ частную жизнь и объявилъ публично, что онъ принялъ господство въ припадкѣ безумія?! Приводя въ исполненіе свое намѣреніе, онъ находилъ вездѣ усердныхъ, преданныхъ друзей и помощниковъ. Если онъ перемѣнитъ свое намѣреніе, онъ въ каждомъ изъ нихъ встрѣтитъ врага и противника».

Затѣмъ Аполлоній высказалъ самому Веспасіану свои воззрѣнія на обязанности правителя: «Не считай богатствомъ то, что кладется въ казну; чѣмъ эти богатства лучше груды песка? Не считай богатствомъ то, что приносятъ люди, сокрушающіеся при своемъ приношеніи. Мрачно и обмачиво золото, на которомъ лежатъ слезы. Чтобы употреблять богатство на благо, поддерживай нуждающихся и обеспечивай собственность богатыхъ. Бойся могущества, дающаго тебѣ средства дѣлать, что хочешь; въ такомъ случаѣ ты употребишь это могущество благоразумно. Не срѣзывать высокихъ колосъевъ, возвышающихся надъ нивою; это — несправедливое ученіе; но истребляй враждебный образъ мыслей, какъ репы на хлѣбной нивѣ; устрашай возмутителей порядка не наказаніемъ, а страхомъ наказанія. Пусть законъ господствуетъ и надъ тобою, государь; если ты будешь задумывать законы и для себя, то они будутъ мудро задуманы. Уважай боговъ божіе прежняго, потому что ты получилъ отъ нихъ великіе дары и молишься имъ для полученія великихъ милостей. Въ томъ, что касается твоего тѣла, держи себя какъ частный человѣкъ... У тебя два сына и, какъ говорятъ, у нихъ благородныя наклонности. Наблюдай за

ними, потому что ихъ ошибки падаютъ на твою ответственность. Угрожай имъ тѣмъ, что ты передашь имъ господства, если они не будутъ достойными людьми; пусть они смотрятъ на господство не какъ на наслѣдство, а какъ на награду добродѣтели. Разнородные пороки, существующіе въ Римѣ подавляй постепенно и постепенно; трудно сразу возстановить народную ответственность; должно постепенно приучать къ порядку, исправляя одно — публично и открыто, другое — незамѣтно. Умѣй сдерживать гордынь рабовъ и вольноотпущенныхъ, которыхъ не вѣдь тебѣ твой санъ; приучи ихъ, чтобы они были тѣмъ скромнѣе, чѣмъ могущественнѣе ихъ господинъ. Скажу еще о правителяхъ, спускающихся въ провинціи; я разумѣю не тѣхъ, которыхъ ты самъ будешь посылать (именно что ты конечно будешь давать эти мѣста важнымъ людямъ), а тѣхъ, которымъ доставлены провинціи по жребію. Я полагаю, что изъ имѣющихся тамъ кандидатовъ слѣдуетъ посылать къ каждому народу того, кто сѣмъ близокъ или знакомъ; люди эллинскаго образованія должны господствовать надъ эллинами; имъ, получившіе римское воспитаніе, должны управлять племенами, говорящими на этомъ языкѣ».

Въ этихъ совѣтахъ, равно какъ и въ тѣхъ мѣнѣяхъ, которыми Аполлоній возражалъ Зевсу и Діону, ясно выразилась его умѣренность и практической тактъ; не насилуя живой реальности во имя недостижимаго идеала, Аполлоній не хочетъ возстановленія республики и видитъ невозможность полнаго и быстрого исправленія падшей общественной нравственности; онъ требуетъ только отъ новаго правительства, чтобы оно честно и искренне заботилось о общественномъ благе и ясно сознавало тѣ цѣли, къ которымъ оно будетъ стремиться. Тонъ Аполлоніевой рѣчи отличается чрезвычайно гармоническимъ сліяніемъ правдивости и почтительности; ораторъ хочетъ высказать свои убѣжденія, онъ знаетъ, что говоритъ съ сильнымъ лицомъ, привыкшимъ къ господству, и что совѣты его только при особенно пріятной формѣ могутъ быть приняты благосклонно и произвесть прочное впечатлѣніе. По тому образу жизни, который велъ Аполлоній, его невозможно не подозревать въ желаніи изъ личныхъ видовъ подольститься къ императору; онъ въ немъ не нуждался и потому, если говорилъ съ нимъ особенно мягко и почтительно, то лишь для того, чтобы подѣйствовать на него педагогически; чтобы ободрить его на полезное дѣло и заставить выслушать смѣлое слово истины. Это умѣнье Аполлонія принаравливать свои убѣжденія къ потребностямъ времени и соразмѣрять свои слова съ личностью собесѣдника содѣйствовало его успѣху, потому что избавляло его отъ повѣдническую дѣятельность отъ рѣзкостей, возмущающихъ слушателей или ведущихъ ихъ



бою броженіе умовъ; но это же самое свойство шло Аполлонію произвести какой нибудь лый переворотъ въ общественномъ сознаніи; о проповѣди выслушивались съ удовольствіемъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ, но онъ былъ къ спокойны и такъ умно соображены съ обстоятельствами, что могли только навести слушателей на размышленія, а не бросить имъ въ шу какое нибудь пламенное чувство. Аполлоній не былъ фанатикомъ; всесторонняя любознательность, пытливый умъ и спокойная ровность брашенія указываютъ въ немъ человека, составившаго себѣ законченное міросозерцаніе путемъ размышленія, человека съ твердыми убѣжденіями, старающагося передать эти убѣжденія другимъ людямъ, но дѣйствующаго такимъ образомъ не по внутреннему, слѣпому влеченію, не по внутренней потребности, а по обдуманному сознательно принятому рѣшенію.

## VII.

Пропускаю рассказъ Филострата о свиданіи Аполлонія съ египетскими отшельниками-мудрецами и приступаю прямо къ послѣднему періоду его біографіи, къ преслѣдованіямъ, вынесеннымъ имъ въ царствованіе Домиціана.

По смерти Тита Римъ вспомнилъ времена Нерона, и вспомнилъ ихъ почти съ сожалѣніемъ. Кровавый и мрачный деспотизмъ Домиціана затмилъ собою все, что позволяли себѣ прежніе императоры. Объявивъ себя богомъ, Домиціанъ, послѣ знаменитой фразы: «dominus et deus poster sic fieri jubet», сталъ съ систематическою жестокостію и съ возрастающею подозрительностію преслѣдовать, какъ оскорбленіе святыни и какъ государственную измѣну, всякое неосторожно сказанное слово, всякое вольное выраженіе, которое могло быть перетолковано какъ протестъ противъ его безразсудныхъ распоряженій. Аполлонію въ то время было уже гораздо болѣе семидесяти лѣтъ; умѣренный образъ жизни сохранилъ его отъ дряхлости и помраченія умственныхъ способностей; онъ испыталъ въ жизни все, что могъ и хотѣлъ испытать, и жизнь конечно не должна была казаться ему безцѣннымъ сокровищемъ, тѣмъ болѣе, что онъ вѣрилъ въ будущее свѣтлое возрожденіе и, сознавая изыскство собственной личности, не могъ бояться, чтобы душа его переселилась въ какое нибудь неразумное животное. Долголѣтняя, честная жизнь научила его уважать свое достоинство и гордо смотрѣть въ глаза всему, что можетъ принести съ собою неизвѣстное будущее; эта же долголѣтняя жизнь научила его тому спокойствію, которое давало ему право говорить своимъ ученикамъ и послѣдователямъ, что онъ не боится будущаго, потому что знаетъ и предвидѣть намѣренія судьбы. Онъ съ спокойнымъ достоинствомъ давалъ совѣты Веспасіану и сыну

его Титу; съ тѣмъ же спокойнымъ достоинствомъ онъ выразилъ свое негодованіе противъ нещипостей Домиціана. Онъ не былъ ни политическимъ интриганомъ, ни рьянымъ демагогомъ и потому его протестъ не выразился ни въ заговоръ ни въ страстную рѣчь къ народу. Аполлоній просто не хотѣлъ стѣснять своего чувства, и оно проявилось публично въ присутствіи друзей и враговъ, въ ироническихъ замѣчаніяхъ или въ вдохновенныхъ словахъ негодованія. Въ общихъ выраженіяхъ Филостратъ хочетъ показать, что Аполлоній хотѣлъ имѣть положительное вліяніе на существующій порядокъ вещей и что съ одной стороны онъ волновалъ массу, съ другой имѣлъ постоянныя дружескія сношенія съ тѣми людьми, которыхъ онъ считалъ способными слѣдовать Домиціану. Но это очевидно выводы самого Филострата; по крайней мѣрѣ тѣ факты, которые онъ приводитъ для ихъ подтвержденія, говорятъ совершенно другое и представляютъ Аполлонія не политическимъ дѣятелемъ, а просто благороднымъ человекомъ, нежелающимъ притворяться и слишкомъ гордымъ, чтобы сдерживаться. Мы видѣли, что Аполлоній въ разговорахъ съ Телезиномъ умѣлъ быть гибкимъ и уклончивымъ, что въ Римѣ при Неронѣ онъ обуздывалъ свой языкъ и заставлялъ своихъ учениковъ молчать или говорить умѣренно. Теперь же, при Домиціанѣ, Аполлоній какъ бы умышленно вызываетъ правительство на бой. Можетъ быть лѣта сдѣлали его неуступчивымъ, можетъ быть, его дружескія отношенія съ Веспасіаномъ и Титомъ, приучили его къ откровенности, можетъ быть переходъ отъ Тита къ Домиціану былъ такъ крутъ и рѣзокъ, что старикъ не въ силахъ былъ скрывать горькое озлобленіе противъ настоящаго. Вѣрилъ ли Аполлоній въ свою счастливую звѣзду, или онъ искалъ мученической кончины, которая бы достойнымъ образомъ завершила его образцовую жизнь, или же онъ просто, безъ всякаго расчета давалъ волю чувству, потому что не въ силахъ былъ сдерживать его?

Первое предположеніе всего вѣроятнѣе, потому что поступить по второму побужденію могъ только восторженный фанатикъ, а увлеченъ чувствомъ и забыть осторожность — пылкій юноша, а не 70-лѣтній старикъ, систематически учившійся владѣть собою. Аполлоній могъ вѣрить въ свою личность; вся его дѣятельность показываетъ ясно, что онъ былъ не только мистификаторъ, но и мистикъ; онъ заставлялъ вѣрить другихъ въ то, во что самъ твердо вѣрилъ; какъ средство убѣдить слушателей, или возвыситься въ ихъ глазахъ, онъ употреблялъ какой-нибудь рассказъ, которому самъ не могъ вѣрить, напр. рассказъ о бесѣдѣ съ Ахилломъ; но если онъ и не вѣрилъ въ дѣйствительность этой бесѣды, то твердо вѣрилъ въ ея возможность, и потому собственнo не говорилъ противъ своего убѣжденія, а только окрашивалъ міръ и его явленія въ тотъ



цвѣтъ, который, онъ по его мнѣнію, долженъ былъ имѣть, хотя самъ онъ, Аполлоній, и не видалъ предметовъ такого цвѣта.

Развитію этого убѣжденія, фаталистической вѣры въ высшее и вѣчное значеніе своего я могли содѣйствовать многіе факты въ жизни Аполлонія: Неронъ заслуживаетъ его презрѣніе и падаетъ; Гальба, Отонъ и Вителлій не заботятся о его одобреніи и падаютъ одинъ за другимъ; достойный императорскаго сана Веспасіанъ обращается къ нему за совѣтомъ и оказываетъ ему уваженіе; какъ-бы въ награду за это онъ царствуетъ спокойно и умираетъ, любимый своими подданными, умираетъ собственной смертію, оставляя престолъ своему сыну. Мистику не трудно было увидѣть высшую силу, управлявшую этими событіями и постоянно шедшую рука объ руку съ его собственными желаніями, поражающую того, кого онъ осуждалъ, и возвышавшую того, на кого онъ самъ готовъ былъ указать съ любовью и съ уваженіемъ. Вѣра въ неизбежное торжество добра и разума надъ зломъ и нечестію, вида въ себѣ воплощеніе высшей мудрости и полнѣйшей нравственной чистоты, Аполлоній долженъ былъ вѣрить въ божественность и въ непобѣдимость своего я. Онъ могъ серьезно думать, что для гибели Домиціана достаточно будетъ того, чтобы онъ, Аполлоній, вступилъ съ нимъ въ борьбу. Когда Дмитрій говоритъ Аполлонію, что онъ подвергаетъ себя страшной опасности, раздражая деспота, Аполлоній наивно спрашиваетъ: кака-жъ тутъ опасность?

Далѣе онъ говоритъ съ полнымъ убѣжденіемъ, въ которомъ было-бы несправедливо видѣть притворство: «я утверждаю, что я не подвергаюсь ни малѣйшей опасности и не умру отъ тиранніи, хотя-бы я самъ того хотѣлъ». Тутъ Аполлоній просто напроосто довѣряется своему предчувствію, такъ какъ твердо увѣренъ, что въ его личности нѣтъ ничего случайнаго и неосмысленнаго, и что самыя инстинктивныя душевныя движенія, напр. предчувствія и сны, имѣютъ высшее значеніе и не способны обманывать. Самое-же предчувствіе въ спокойномъ и здоровомъ организмѣ является свѣтлымъ и веселымъ, и Аполлоній сознательно предается ему, какъ Сократъ предавался внушеніямъ своего внутренняго демона. Вѣра въ собственную личность такъ глубоко проникаетъ собою весь нравственный составъ Аполлонія, что она выражается въ двухъ отдѣльных актахъ, имѣющихъ другъ на друга сильное и необходимое вліяніе; первый изъ нихъ такъ-же мало зависитъ отъ воли и сознанія Аполлонія, какъ и темпъ его пульса; это—веселый колоритъ его предчувствія. Второй уже не можетъ быть названъ простымъ инстинктомъ; это—вѣра въ это предчувствіе и рѣшимость сообразовать съ нимъ свои дѣйствія. Должно сознаться, что выходы Аполлонія противъ Домиціана были довольно безцѣльны и слѣдовательно

не опасны; на нихъ могло обратитъ вниманіе только очень подозрительное правительствѣ, надѣющаеся на привязанность подданныхъ. Одинъ разъ въ театрѣ актеръ пронасъ стихи Эпикида, въ которыхъ поэтъ говоритъ, что тиранъ долго растетъ и разрушается быстро. Въ театрѣ сидѣлъ намѣстникъ Азіи, молодой консулъ, извѣстный своей нерѣшимостью. Когда были произнесены эти слова, Аполлоній всталъ со своего мѣста.—«Этотъ трусъ, сказалъ онъ, зумѣя намѣстника, не понимаетъ ни Эпикида ни меня». Въ Малой Азіи было получено вѣстие о томъ, что Домиціанъ очистилъ храмъ Веса и казнилъ трехъ весталокъ, нарушившихъ обѣдѣственность; Аполлоній публично въ храмѣ обратился къ солнцу съ слѣдующей молитвой: «О Гелиосъ, очистишь и ты отъ несправедливыхъ убійствъ, которыми теперь наполняютъ землю».

Домиціанъ убилъ своего родственника Сабина и женился на его вдовѣ Юліи, которая, будучи дочью Тита, приходилась ему племянницей. Въ Эфесѣ по случаю этого бракосочетанія происходило торжественное празднество. Аполлоній подошелъ къ алтарю и сказалъ: «О, ночь древнихъ Данаидъ, ты до сихъ поръ была единственнымъ своимъ родѣ!»

Самый дѣйствительный протестъ состоялъ въ слѣдующемъ: Домиціанъ одновременно издалъ два указа; однимъ онъ запрещалъ оскотничать мужичинъ, другимъ приказывалъ уничтожить половину существующихъ виноградниковъ и запрещалъ насаживать новыя лозы. Аполлоній вступилъ съ рѣчью въ собраніи іонянъ: «Эти указы, сказалъ онъ, ко мнѣ не относятся. Изъ числа всѣхъ людей, я, можетъ быть, одинъ не нуждаюсь ни въ половыхъ органахъ, ни въ виноградѣ. Но этотъ странный человѣкъ не видитъ, что щадя людей, онъ оскотничаетъ землю. Іоняне обратились къ Домиціану съ просьбою отмѣнить законъ о виноградникахъ, и его дѣйствительно отмѣнили. Хотя этотъ протестъ имѣлъ дѣйствительныя послѣдствія, но должно сознаться, что онъ не могъ быть опасенъ и что Домиціану вѣрнѣе было принимать противъ Аполлонія серьезные мѣры. Мученичество Аполлонія могло-бы только обратить на его личность вниманіе всей имперіи и возбудить всеобщее сочувствіе къ страданіямъ праведника. Но Домиціанъ думалъ не такъ, и когда до него дошло черезъ шпіоновъ извѣстіе о выходахъ Аполлонія, онъ послалъ къ азіатскому намѣстнику приказаніе схватить его и прислать въ Римъ. По внѣшней формѣ своей нападки Аполлонія были, во-первыхъ, чрезвычайно дерзки, во-вторыхъ, для человѣка подозрительнаго и суевѣрнаго онъ могли казаться или злобѣщнымъ предсказаніемъ, или намекомъ на существующій обширный заговоръ. Одинъ разъ Аполлоній взглянулъ на мѣдную статую Домиціана съ глубокимъ презрѣніемъ: «Ахъ ты безумецъ, сказалъ онъ, какъ мало ты понимаешь



умѣренія паркѣ и рѣшенія судьбы. Тотъ, кому ждано царствовать послѣ тебя, оживетъ, если и тебѣ даже удалось убить его». Произнося эти слова въ окрестностяхъ Смирны, на открытомъ бѣствѣ, примногочисленныхъ слушателяхъ, Аполлоній прямо вызывалъ на бой Домиціана, потому что могъ быть увѣренъ, что эти слова подлашаютъ и передадутъ, куда слѣдуетъ. Чувствуя, что отступать уже поздно, Аполлоній мѣло пошелъ впередъ и не дожидаясь ареста, имѣ поѣхалъ въ Итацію.

Недалеко отъ Рима, въ мѣстечкѣ Дикеархіи, нѣ видѣлся съ циникомъ Дмитріемъ и выслушалъ его совѣтъ бѣжать и укрыться въ какой-нибудь землѣ, не принадлежащей римлянамъ. На то онъ отвѣчалъ, что считаетъ неблагороднымъ недостойнымъ мудреца оставлять друзей своихъ въ опасности и не дѣлать съ ними до послѣдней минуты горя и радости. Другьями своими, находившимися въ опасности, онъ называлъ Нерву, Салидіона, Орфита и Минуція Руфа. Всѣ они были страшны Домиціану, какъ люди честные и даровитые; всѣ они были удалены изъ Рима и жили въ изгнаніи, подъ опалою и подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ; Нерва былъ удаленъ въ Тарентъ, а Орфитъ и Руфъ на острова Средиземнаго моря. Въ лицѣ Аполлонія Домиціанъ думалъ вѣроятно найти узелъ всего заговора; бѣство его прямо указало-бы на существованіе какого-то обширнаго замысла, и тогда, можетъ быть, правительство серьезно принялось-бы за тѣхъ подозрительныхъ людей, которые пока были только удалены изъ Рима. Возраженіе Аполлонія было основательно, и ему, какъ честному человѣку, дѣйствительно нужно было принять на себя всѣ слѣдствія своего неосторожнаго поведенія въ Азіи. Несмотря на предостереженія Дмитрія, Аполлоній вошелъ въ Римъ. Дамидъ слѣдовалъ за нимъ, хотъ сначала совѣты Дмитрія показались ему убѣдительными, и онъ самъ сталъ уговаривать своего друга и учителя скрыться отъ преслѣдованій. Дамидъ пошелъ за Аполлоніемъ не по собственному убѣжденію, а по привязанности къ его личности. Учитель шелъ впереди, оставалось идти за нимъ, куда-бы онъ ни повелъ. Аполлоній предложилъ ему остаться у Дмитрія, но Дамидъ отказался наотрѣзъ и сказалъ, что и онъ умѣетъ дѣлать съ друзьями труды и опасности. Аполлоній взялъ его съ собою, но потребовалъ, чтобы онъ снялъ съ себя пифагорейскую одежду, которая могла подвергнуть его бесполезнымъ опасностямъ. На это Дамидъ согласился, и оба старика прибыли въ Римъ. Въ Римѣ у Аполлонія были друзья и защитники; его руку держалъ преторіанскій префектъ Эліанъ, человѣкъ благоразумный, небившій бесполезныхъ казней и смотрѣвшій очень вѣрно на личность Аполлонія. Ему хотѣлось спасти его, и онъ говорилъ о немъ съ Домиціаномъ довольно откровенно, выказывая только къ Апол-

лонію большое пренебреженіе и совершенную холодность. «Эти софисты, государь, говорили онъ, народъ безпокойный и неосторожный, склонный къ пустой хвастливости; жизнь имъ надѣдается, они стремятся сами къ смерти и нарочно стараются раздражать людей, держащихъ въ рукахъ мечъ правосудія». На этомъ основаніи Неронъ вѣроятно не считалъ нужнымъ убить этого Аполлонія. Когда Домиціанъ не унялся этими доводами и настоятельно потребовалъ ареста Аполлонія, тогда Эліанъ перемѣнилъ свою тактику; онъ выказалъ полное усердіе и какъ только Аполлоній вошелъ въ Римъ, его схватили по приказанію префекта преторіанской гвардіи.

Эліанъ повелъ его въ комнату тайныхъ совѣщаній, гдѣ Аполлоній говорилъ уже съ Тигеллиномъ, и тамъ начался между ними конфиденціальный разговоръ: «Тебѣ, сказалъ Эліанъ, ставить въ вину твою одежду, весь твой образъ жизни и то, что тебя многіе почитали за бога, и то, что ты въ Эфесѣ предсказалъ моровую язву. Говорятъ, что ты много высказывалъ противъ императора и что иное было сказано келейно, а другое—публично, и многое было произнесено, какъ бы по внушенію божества. А самое тяжелое обвиненіе, по моему, совершенно не правдоподобно, потому что я знаю, что ты не терпишь даже крови жертвенныхъ животныхъ; императору же оно кажется самымъ вѣроятнымъ. Говорятъ, что ты имѣлъ свиданіе съ Нервою, принесъ жертву противъ императора, разрѣзалъ на части аркадскаго мальчика и этимъ жертвоприношеніемъ возбудилъ въ Нервѣ властолюбивые замыслы. Говорятъ, что это происходило ночью при свѣтѣ убывающей луны. Это самое важное обвиненіе, такъ что въ сравненіи съ нимъ всѣ остальные совершенно ничтожны. Твой обвинитель нападаетъ на одежду, на образъ жизни и на даръ предвѣдѣнія только потому, что видитъ въ этомъ отступленіи отъ естественнаго порядка вещей, задатки той дерзости, которую ты будто бы обнаружилъ въ этомъ кровавомъ жертвоприношеніи. Ты долженъ приготовиться къ отвѣту на этотъ пунктъ, но рѣчь твоя не должна выражать пренебреженія къ личности императора».

Аполлоній слышалъ уже отъ Дмитрія о главныхъ статьяхъ направленаго противъ него обвиненія; характеръ этого обвиненія не могъ ни удивить, ни смутить его. Ему и прежде случалось слышать, что его принимаютъ за магика, а въ магіи человѣческія жертвы не составляли ничего необыкновеннаго. Герофантъ элевзинскихъ мистерій на этомъ основаніи отказалъ ему въ посвященіи. Египетскіе мудрецы отзывались о философѣ индѣйцевъ какъ о видоизмѣненіи магіи. Аполлоній могъ ожидать, что враги его именно на эту точку направлять свои обвиненія. Онъ спокойно выслушалъ слова Эліана и объявилъ ему, что будетъ защищаться умѣренно, съ полнымъ уваженіемъ къ личности императора. Затѣмъ онъ



отданъ былъ подъ стражу и отведенъ въ тюрьму вмѣстѣ съ Дамидомъ. Тутъ онъ разсказалъ ему весь свой разговоръ съ Эліаномъ; Дамидъ ободрился, а Аполлоній выразилъ еще разъ полную увѣренность свою въ торжествѣ мудрости: «Какъ ты не понимаешь, сказалъ онъ Дамиду, что мудрость все побѣждаетъ, а сама совершенно непобѣдима?»

— Но вѣдь мы, попробоваль-бы возражать Дамидъ, попали къ безразсудному человѣку, который насъ не боится и даже не понимаетъ возможности насъ бояться.

— Ты, стало-быть, видишь, сказалъ Аполлоній, что онъ тщеславенъ и неразуменъ?

— Какъ же этого не видѣть! отвѣчалъ Дамидъ.

— А чѣмъ болѣе ты знаешь тирана, тѣмъ болѣе ты имѣешь основанія презирать его могущество, рѣшилъ Аполлоній. Эта твердость воли проявляется въ немъ не порывисто, какъ у фанатиковъ, а спокойно и ровно и кладетъ на его личность печать такого неотразимаго и искренняго величія, что враги и судьи его дѣйствительно могли останавливаться передъ нимъ въ безотчетномъ благоговѣніи, которое легко могло перейти въ суевѣрный страхъ.

Въ тюрьмѣ Аполлоній держалъ себя бодро, и говорилъ съ своими товарищами по заключенію; ихъ всѣхъ было 50 человѣкъ: многіе изъ нихъ падали духомъ и отчаявались, думая о жестокости государя или вспоминая своихъ друзей и родственниковъ. Аполлоній утѣшалъ и ободрялъ ихъ, какъ умѣлъ, философскими разсужденіями о душѣ, которая заключена въ тѣло какъ въ тюрьму, и о всей земной жизни, которую можно считать продолжительнымъ и тяжкимъ изгнаніемъ. Потомъ онъ ободрялъ ихъ историческими примѣрами мудрецовъ и политическихъ дѣятелей, освобождавшихъ угнетенные народы, или мужественно переносившихъ несправедливыя гоненія со стороны тирановъ. Заключенные повесѣли и ободрились; разсказы Аполлонія однихъ подкрѣпили, другихъ разсѣяли. При своей мрачной подозрительности, Домиціанъ постоянно наблюдалъ за Аполлоніемъ, и въ тюрьму, гдѣ онъ содержался, былъ посаженъ шпионъ, чтобы подслушивать и запоминать его рѣчи, стараясь притомъ вызвать его на откровенность. Но Аполлоній слишкомъ хорошо зналъ людей и вынесъ изъ жизни слишкомъ много провинительности, чтобы попасться на удочку Домиціана. Онъ узнавалъ въ мнимомъ узникѣ лазутчика, и не показывая вида, что подозрѣваетъ что нибудь, былъ попрежнему бодръ и разговорчивъ, разсказывалъ о своихъ путешествіяхъ, описывалъ видѣнныя горы и рѣки, но не проронилъ ни одного слова, въ которомъ слышалось бы озлобленіе противъ Домиціана, или сильное политическое убѣжденіе.

Черезъ недѣлю послѣ того, какъ онъ былъ взятъ подъ стражу, около полудня, Аполлоній былъ отведенъ во дворецъ къ императору, ко-

торый желалъ познакомиться съ нимъ и посмотрѣть, какія мѣры нужно принять для дознанія всего дѣла. Благодаря Эліану, императоръ былъ предупрежденъ наканунѣ о предстоящей аудіенціи и имѣлъ время собраться съ силами. Приготовить отвѣты онъ конечно не могъ, потому что самъ Эліанъ не могъ знать, что императору заблагодарасудится повести предварительный допросъ, но по крайней мѣрѣ онъ могъ подкрѣпить физическія силы и настроить свой организмъ настолько, чтобы выдержать домиціаномъ ровно, умѣренно и спокойно. Такъ онъ и сдѣлалъ. Проведя ночь въ философскихъ размышленіяхъ и въ воспоминаніяхъ о своихъ друзьяхъ, подъ утро сказалъ Дамиду, что ему хочется спать. Дамидъ выразилъ свое изумленіе, но что ему казалось напротивъ необходимо, чтобы Аполлоній подумалъ о предстоящемъ разговорѣ. — Какъ же я буду къ нему приготовленъ, отвѣчалъ старый мудрецъ, когда я не знаю, о чемъ онъ будетъ спрашивать? — И не думая о будущемъ, онъ спокойно заснулъ.

На другой день, подходя къ дворцу къ вожденію стражи, слѣдовавшей за нимъ въ тѣлесномъ отдаленіи, Аполлоній былъ удивленъ, что ему весело и спокойно; Дамидъ шелъ за нимъ твердо рѣшившись идти всюду, куда пойдетъ Видя толпу людей, ежеминутно тѣснившихся при входѣ во дворецъ, входившихъ и выходящихъ, Аполлоній сдѣлалъ остроумное замѣчаніе. — «Это похоже на баню, сказалъ онъ, да кто стоитъ на дворѣ, спѣшить войти, кто-то внутри, спѣшить выйти вонъ; первые еще вымыты, вторые уже успѣли омыться».

Свиданіе Аполлонія съ императоромъ произошло въ присутствіи одного Эліана. Дамидъ пустился, и онъ слышалъ о свиданіи этого отъ самого Аполлонія. Если дѣйствительно имѣемъ передъ глазами разсказъ Аполлонія, а не амплификацію Филострата, то этотъ разсказъ не дѣлаетъ чести ни правдивости, ни изобрѣтательности тіанскаго мудреца. Выходя изъ домиціана, онъ принимаетъ его за громко выражающаго свое изумленіе, что поводъ Аполлонію сдѣлать довольно колкое замѣчаніе и похвалиться передъ императоромъ своимъ просвѣтленнымъ взоромъ, умѣющимъ различать людей отъ безсмертныхъ. Во-вторыхъ, Аполлоній умышленно играетъ съ Домиціаномъ, возбуждая въ немъ напряженное ожиданіе, потому что разочаровываетъ его, говоря ему, что страшнаго признанія, на которое разсчитывалъ грозный правитель, самая обыкновенная дословная похвала его врагамъ. — Нервъ, Руфъ. Обманутый въ своихъ ожиданіяхъ императоръ произноситъ гнѣвную рѣчь, на которую Аполлоній отвѣчалъ прямо ругательствомъ.

— Государь, говоритъ онъ, безцѣльно и незаконно начинать изслѣдованіе дѣла, ко-



ѣе убѣжденъ въ виновности подсудимаго осилишь въ груди такое убѣжденіе, которое не дано на изслѣдованіи. Если ты такъ думаешь, зволь мнѣ начать мою защитительную рѣчь комъ видѣ: ты, государь, дурно расположено мнѣ и поступаешь со мною не справедливо сикофанта (клеветника); тотъ обѣтъ по крайней мѣрѣ доказать обвиненіе, а я у вѣришь, не выслушавъ его даже.

Ты начинай свое защипленіе, какъ знаешь, а я тогда императоръ. Я самъ знаю, чѣмъ вѣчу, и знаю, съ чего теперь начну.

Ими словами объясненіе кончилось. Аполлономедленно для посярмленія остригли волосы лобъ и на бородѣ, и, нарушивъ такимъ образомъ пивагорейскій костюмъ, заковали въ оковы и отвели въ другую тюрьму, гдѣ сидѣли низкіе преступники. Кажется, изъ объясненія только и вѣрно переданы разсказа послѣднія слова Домиціана. Весь колоритъ предшествовавшей сцены неправдоподобенъ, же умѣренность Аполлонія, которую самъ считалъ необходимой и которую предпиралъ ему доброжелатель его Эліанъ? Гдѣ же, суровой стороны, свирѣлость Домиціана? Слова Аполлонія были положительной дерзостью, за которую, какъ за оскорбленіе величества, Домиціанъ имѣлъ полное право осудить Аполлонія на смерть. Казнить его немедленно было бы конечно невыгодно для императора, надѣявшагося отъ него множество важныхъ признаній, кто или какой расчетъ могъ помѣшать Домиціану подвергнуть его пыткамъ и допросить, какъ слѣдователи по дѣлу Пизонова загодопрашивали Эпихариду? Домиціанъ не вѣдалъ бы тутъ даже нарушителемъ закона, по которому что обвиненный Аполлоній сдѣлался уже вѣрнымъ преступникомъ, позволивъ себѣ дерзкія слова противъ священной особы римскаго «владыки и бога». Благоговѣнное изумленіе Домиціана при видѣ вошедшаго Аполлонія не имѣетъ ни малѣйшаго психологическаго правдоподобія. Выказать подобное чувство, если бы даже оношевельнулось въ груди было совершенно неестественно, потому что обоготвореніе Аполлонія въ Малой Азіи было одною изъ статей направленаго противъ него обвиненія. Заподозрить Домиціана въ неумѣніи владѣть собою значить совершенно не знать его историческаго характера. Стоить посмотреть его біографію у Светонія или черты его характера у Тацита въ жизни Агриколы, чтобы видѣть, что въ искусствѣ притворяться и играть роль Домиціанъ не уступалъ самому Тиверію.

Въ тюрьмѣ, скованный по рукамъ и ногамъ, Аполлоній все-таки твердо вѣрилъ въ благополучный исходъ своего дѣла. На третій день послѣ разговора Аполлонія съ Домиціаномъ, Эліанъ выхлопоталъ первому облегченіе судьбы, что также значительно противорѣчитъ рѣзкому характеру пронесходившаго объясненія. Съ Апол-

лонія сняли оковы и снова перевели въ прежнюю, болѣе свѣтлую и удобную тюрьму, гдѣ общество было значительно лучше и приличнѣе. Нѣкоторые личности узниковъ, сидѣвшихъ вмѣстѣ съ Аполлоніемъ въ этой тюрьмѣ, очерчены Филостратомъ; что касается до преступниковъ, заключенныхъ въ оковы, онъ не говоритъ о нихъ ни одного слова. Къ чести Дамиды должно упомянуть, что онъ раздѣлялъ съ Аполлоніемъ заключеніе и сидѣлъ съ нимъ даже въ тюрьмѣ, въ которой содержались скованные преступники. Онъ сдѣлалъ это по собственному желанію и вѣроятно съ позволенія Эліана; что это дѣлалось добровольно, видно изъ того, что Дамидъ по приказанію Аполлонія вышелъ изъ тюрьмы и пошелъ къ Дмитрію въ Дикеархію. Это случилось уже тогда, когда съ Аполлонія были сняты оковы, и когда онъ, переведенный въ прежнюю тюрьму, ожидалъ въ скоромъ времени допроса и суда. Прошавъ съ Дамидомъ, онъ сказалъ, что увидится съ нимъ въ окрестностяхъ Дикеархіи на берегу моря.

— Какъ же ты увидишься со мною спросилъ Дамидъ боязливо, живой или нѣтъ?

Аполлоній засмѣялся.

— По моему мнѣнію, я буду живъ; но ты примешь меня за воскресшаго, сказалъ онъ.

Дамидъ ушелъ, не смѣя вполнѣ вѣрить и не рѣшаясь сомнѣваться.

### VIII.

Судъ надъ Аполлоніемъ разсказанъ также неправдоподобно, какъ и большая часть его столкновеній съ правительственными лицами; Филостратъ старался представить, что это дѣло казалось всему Риму чрезвычайно важнымъ; императоръ, говоритъ онъ, по словамъ своихъ приближенныхъ, наканунѣ не принималъ пищи и цѣлый день читалъ дѣловыя бумаги, возбуждавшія въ немъ гнѣвъ и негодованіе. Залъ суда былъ великолѣпно украшенъ, какъ будто въ немъ должна была происходить торжественная церемонія. Всѣ знатнѣйшія лица города были собраны, потому что императору хотѣлось обвинить Аполлонія въ присутствіи многихъ свидѣтелей. И вдругъ столько приготовленій, сдѣланныхъ римскимъ богомъ Домиціаномъ пропадаютъ даромъ; всѣ его старанія и заботы не ведутъ ни къ чему и разсыплются въ прахъ. Домиціанъ предлагаетъ Аполлонію четыре вопроса; Аполлоній отвѣчаетъ на нихъ совершенно голословно и далеко не почтительно; Домиціанъ безъ всякой причины говорить: «я освобождаю тебя отъ обвиненія, но ты останешься, и мы поговоримъ съ тобою наединѣ!» Аполлоній не соглашается на это, позорить своихъ обвинителей и вообще сикофантовъ, смѣется надъ могуществомъ императора и исчезаетъ изъ собранія. Тѣмъ и кончается дѣло. Мнѣ кажется самая нелѣпость



этого рассказа свидетельствует о его подлинности. Филостратъ выдумалъ бы вѣроятно что нибудь покладнѣе. Тутъ видна рука Дамида, пишущаго со словъ Аполлонія. Аполлоній, у котораго обожаніе собственной личности сдѣлалось какою-то религіей, могъ себѣ представить, что на него смотритъ весь образованный міръ, что его святость устрашаетъ сильныхъ земли, что онъ силою своего взгляда и слова способенъ возбуждать ужасъ и раскаяніе въ душѣ самаго законснѣлаго злодѣя. Внезапное исчезновеніе Аполлонія изъ судилища, которое могло быть засвидѣтельствовано только Дамидомъ, очевидно не могло быть выдумано Филостратомъ. Это чудо такъ безцѣльно, такъ необъяснимо и такъ легко можетъ быть опровергнуто сличеніемъ этого извѣстія съ сказаніями современныхъ историковъ, что Филостратъ могъ написать его, только основываясь на письменномъ свидѣтельствѣ современника и товарища Аполлонія. Кто выдумываетъ факты, чтобы выставить историческую личность не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ она должна явиться безпристрастному изслѣдователю, тотъ конечно будетъ выдумывать такъ осторожно, чтобы было по крайней мѣрѣ трудно уличить его въ обманъ. Кто выдумываетъ факты, какъ романистъ, тотъ будетъ выдумывать такъ, чтобы созданіе его фантазіи воплощало въ себѣ идею, чтобы въ сочиненныхъ чудесахъ было психологическое правдоподобіе и внутреннее единство мысли. Исчезновеніе Аполлонія неправдоподобно ни какъ историческій фактъ, ни какъ черта того идеальнаго характера, который начертанъ Филостратомъ. О неправдоподобіи чуда, какъ историческаго факта, не стоитъ и распространяться.

Объ отношеніи этого чуда къ личному характеру Аполлонія стоитъ сказать нѣсколько словъ. Этимъ чудомъ Аполлоній даетъ Домиціану полное право считать его чародѣемъ и разрушаетъ такимъ образомъ собственноручно благотворное вліяніе, произведенное на слушателей и зрителей его почтенной наружностью и мудрою рѣчью. Этимъ чудомъ, очень похожимъ на побѣгъ, Аполлоній оставляетъ своихъ друзей: Нерву, Орфія и Руфа, въ очень непріятномъ и совершенно беззащитномъ положеніи. Если позволительно исчезнуть изъ судилища, то почему же было постыдно и предосудительно скрыться до начала процесса? Все мученичество Аполлонія, при подобной развязкѣ, превращается въ безцѣльную, нецѣльную и возмутительную комедію, въ рядъ фокусовъ, изъ которыхъ ни одинъ не оправдывается и не объясняется никакой удовлетворительной причиной. Филостратъ не могъ сочинить такого факта, потому что почти невозможно представить себѣ такое нравственное воззрѣніе, которое могло бы называть этотъ поступокъ честнымъ и разумнымъ. Филостратъ очевидно заимствовалъ его у Дамида, который

въ простотѣ души записалъ то, что онъ слышалъ отъ Аполлонія. Аполлоній, вѣроятно, не могъ рассказать этого чуда, не вставивъ чуда. Ему хотѣлось представить господствующую идею о непобѣдимости дѣтельнаго мудреца. Освобожденіе Аполлонія по ходатайству Эліана, онъ представилъ такъ, какъ будто бы какая нибудь тайная сила явилась къ нему на помощь и заставила Домиціана поступить вопреки собственному разуму и всякимъ политическимъ соображеніямъ. Аполлоній, онъ и самъ могъ считать себя мистикъ, онъ и самъ могъ считать свое освобожденіе дѣйствіемъ высшей силы, мистическимъ, онъ могъ изобразить это освобожденіе въ увеличенномъ масштабѣ.

Вотъ единственно возможное оправданіе развязки, которую получаетъ процессъ Аполлонія; но это оправданіе принадлежитъ Филострату, потому что онъ, передавая всѣ эти подробности, пытается подыскать имъ естественное объясненіе. Онъ высказываетъ предположеніе, будто бы Аполлоній освободилъ Аполлонія потому, что онъ присутствующихъ придворныхъ и сановитыхъ раздѣлилъ восклицанія, выражающія похвалу къ личности стараго прорицателя. Изъ комментарія можно заключить, что Филостратъ воспользовался извѣстіемъ Дамида, въ которомъ только облечь его въ красивую форму, и замаскировалъ въ проведенное здѣсь міросозерцаніе казнилъ истинный колоритъ рассказа Аполлонія, мнѣ кажется, долженъ былъ изложить исторію своего освобожденія такъ, какъ оно не было и не могло быть объяснено естественнымъ развитіемъ слѣдствій изъ причинъ, изъ которыхъ и состоялъ весь эффектъ, вся особенность этого рассказа, что Аполлоній могъ самъ не сдѣлать ни шагу, не сказать ни слова, чтобы переубѣдить тирана; я говорилъ съ нимъ гордо и смѣло, какъ съ виновнымъ; за меня заступался никто, и между тѣмъ я своей собственной личностью подѣйствовалъ такъ сильно, что поневолѣ онъ долженъ былъ оставить меня въ покоѣ. Я сказалъ, что освобожденіе Аполлонія было вѣроятно исходатайствовано Эліаномъ, и основываю это предположеніе на томъ обстоятельстве, что Филостратъ приводитъ длинное оправдательное рѣчь Аполлонія, рѣчь, которую ему не пришлось произнести и которую Дамидъ вѣроятно съ обычнымъ благоговѣніемъ записалъ въ свое сочиненіе.

Изъ существованія этой рѣчи можно заключить, что обстоятельства складывались такъ, какъ бывало обыкновенно при уголовныхъ процессахъ того времени; въ назначенный день обвиненный долженъ былъ выслушать обвиненіе, и потомъ защищаться или предоставить свое защитѣ оратору, выбранному имъ въ адвокаты. Что очевидно нарушило этотъ заведенный порядокъ; Аполлонія освободили, не выслушавъ даже его оправданія. Въ личности Домиціана не было



внезапной перемены к лучшему, эта перемена в отношении к Аполлону произведена кем-нибудь из его слуг, вероятно Элианом, который, будучи высшей полицией, мог наказать государя в том, что заговор Рита и Руфа существует только в кеніи. Это предположение все объясняет Элианом, император, для формальностей, требует к себе на оны, для виду предлагает ему обращаться внимания на клеветы его и, довольствуется его ответами и тем его, не выслушав оправдания. Киданный исход дѣла поражает Аполлонія; онъ отправляется въ Дамиду, еще болѣе проникается удѣбу и въ свою личность и съ своей іа рассказывает все дѣло, котораго ружины могли быть сохраняемы въ айнѣ по приказанію самого императора тѣмъ возрастающая вѣра Аполло- я еще болѣе возвышает его лич- ностіахъ его биографовъ: Дамиды и Фи- акъ что апофеоза тіанскаго чудо- яется подъ конецъ восьмой книги имъ результатомъ искренняго и вос- благоговѣнія.

## IX.

не исполняя приказанія учителя, Да- вился въ Дикеархію и вмѣстѣ съ сталъ оплакивать свою разлуку съ ь, не смѣя безъ ужаса думать объ процесса. Впрочемъ ему пришлось . Дмитріемъ только одни сутки, и со- бонхъ друзей было непродолжитель- ой день послѣ прибытія Дамиды явил- ный. Дамидъ употребилъ на путеше- има до Дикеархіи три дня, а Аполло- ву мудреца и любимца боговъ—нѣ- овъ; онъ исчезъ изъ судилища не- юдудня, а подъ вечеръ уже былъ ив. Объясненія этому чудесному пу- не даютъ ни Аполлоній, ни Дамидъ, ать. Кто изъ нихъ авторъ этой не- шить трудно; всего вѣроятнѣе, что , находящееся въ связи съ исходомъ азсказано самимъ Аполлоніемъ и по о безъ малѣйшей критики передано Свиданіе друзей произошло слѣдую- юмъ: Дмитрій и Дамидъ сидѣли на и Дамидъ горько сожалѣлъ объ уча- нія.

увидимся-ли мы когда-нибудь съ на- нымъ другомъ? говорилъ онъ, горюя. итесъ! Вотъ онъ, передъ вами, под- оллоній, подходя къ нимъ. иивъ? спросилъ Дмитрій. Если ты не перестанемъ оплакивать тебя.

Аполлоній протянулъ ему руку.

— Возьми меня за руку, сказалъ онъ. Если я ускользну отъ тебя, я тѣнь изъ царства Персефоны, вродѣ тѣхъ тѣней, которыхъ боги показываютъ огорченнымъ и унывающимъ смертнымъ. Если же я останусь и выдержу твое при- косновеніе, то убѣди Дамиду въ томъ, что я живъ и не сбросилъ тѣла.

Тогда друзья, не зная предѣловъ своей радо- сти, бросились обнимать его. Освобожденіе его казалось имъ до такой степени чудеснымъ, вооб- раженіе ихъ было такъ разгорячено, что они го- товы были повѣрить всякому рассказу Аполло- нія. Чудесное могло быть только результатомъ чуда, и, пользуясь ихъ напряженной довѣрчи- востью, Аполлоній черезъ Дамиду украсилъ свою біографію еще однимъ необъяснимымъ для кри- тики эпизодомъ. Дмитрій думалъ, что онъ былъ освобожденъ безъ суда; Дамидъ полагалъ, что онъ оправдался раньше назначеннаго срока; Аполло- ній сказалъ, что онъ защищался, что онъ выждалъ назначенное время, и что за нѣсколько часовъ онъ былъ въ Римѣ, а теперь съ ними въ Дикеар- хіи. Дмитрій недоумѣвалъ: «какимъ же образомъ ты въ такое короткое время совершилъ такое далекое путешествіе?»

— Вѣрь всему, отвѣчалъ величественно Апол- лоній, кромѣ сказки о баранѣ и о восковыхъ крыльяхъ.

Минута была удачно выбрана, и слушатели повѣрили. Оказалось даже, какъ припомнилъ Дмитрій, что бывший консулъ Телезинъ видѣлъ сонъ, предвѣщавшій Аполлонію торжество надъ врагами. Затѣмъ слѣдовалъ со стороны Аполло- нія рассказъ о ходѣ процесса, и этотъ рассказъ также не встрѣтилъ со стороны слушателей ни скептической улыбки, ни критическаго замѣча- нія. Божественность Аполлонія была уже въ ихъ глазахъ дознаннымъ фактомъ, и Дамидъ прямо и откровенно выразилъ это убѣжденіе. Изъ Ита- ліи Аполлоній съ Дамидомъ отправился въ Гре- цію и поселился въ Олимпіи, въ храмѣ Зевса; короткость его обращенія съ богами дошла до то- го, что онъ, когда ему понадобились деньги, взялъ 1000 драхмъ изъ казны Зевса олимпійскаго.

— Дай мнѣ 1000 драхмъ изъ зевсовыхъ денегъ, сказалъ онъ жрецу, если ты думаешь, что Зевсъ не разсердится.

— Еслибы онъ и разсердился, отвѣчалъ лю- безно жрецъ, то развѣ на то, что ты не берешь больше.

Вся Греція съ восторгомъ привѣтствовала своего прорицателя, тѣмъ болѣе, что всѣ счи- тали его погибшимъ, и что носились самые разно- образные слухи о той казни, которою извелъ его Домиціанъ. Замѣчательно однако, что надъ нимъ попрежнему тяготѣло обвиненіе въ чародѣйствѣ; онъ отправился въ Беотію, чтобы побывать въ святищѣ Трофонія близъ Лебадеи, но жрецы не



пустили его въ храмъ и объявили народу, что волшебнику нельзя проникать въ святилище и вопрошать оракула. Оракулъ этотъ помѣщался въ пещерѣ, отверстіе которой находилось въ холмѣ востокъ храма. Вопрошающіе входили въ эту пещеру съ медовыми пирогами, которыми укрощали пресмыкающихся животныхъ, наполнявшихъ узкій и темный входъ святилища. Какая-то тайная сила втягивала ихъ въ пещеру; они внимали оракулу, и потомъ земля выбрасывала ихъ наружу въ болѣе или менѣе далекомъ разстояніи отъ того мѣста, въ которомъ они вступили въ пещеру. Аполлонію жрецы отказали въ позволеніи побесѣдовать съ Трофоніемъ, но Аполлоній не обратилъ вниманія на ихъ запрещеніе и самъ вошелъ въ пещеру въ своемъ философскомъ плащѣ. Богъ принялъ его очень ласково, держалъ его цѣлую недѣлю въ своей подземной обители и отпустилъ съ книгою, въ которой было изложено философское ученіе Пифагора.

Что касается до жрецовъ, оскорбившихъ Аполлонія отказомъ, то они увидѣли во снѣ разгнѣ-  
ваннаго бога, который разбранилъ ихъ за непо-  
читительное обращеніе съ мудрецомъ и любим-  
цемъ боговъ. Должно ли считать это приключе-  
ніе Аполлонія чьейто выдумкой, или можно  
отыскать въ немъ какую нибудь историческую  
основу? Последнее правдоподобнѣе, потому что  
Филостратъ упоминаетъ подробно о самой книгѣ,  
добытой отъ Трофонія; онъ говоритъ, что эта  
книга была впоследствии поднесена императору  
Адріану вмѣстѣ съ нѣкоторыми письмами Апол-  
лонія и хранится въ его любимомъ дворцѣ въ  
приморскомъ городѣ Акціумѣ. Дѣйствительно  
существовало, стало быть, преданіе о какой-то  
книгѣ, добытой Аполлоніемъ какимъ-то сверхъ-  
естественнымъ образомъ. Если припомнить, ка-  
кимъ образомъ Магометъ доставилъ авторитетъ  
своему корану, то будетъ понятно то побужде-  
ніе, по которому Аполлоній пустилъ въ ходъ  
исторію о Трофоніѣ. Онъ уже былъ старъ, смерть  
была близка, и ему не хотѣлось, чтобы его уче-  
ніе погнбло вмѣстѣ съ нимъ. Чтобы возвысить  
въ глазахъ народа его значеніе, чтобъ упрочить  
его существованіе, онъ вздумалъ приписать ему  
высшее происхожденіе. Написать книгу фило-  
софскихъ сентенцій и обставить разными пора-  
зительными подробностями моментъ ея появле-  
нія на свѣтъ было не трудно. Молва о новомъ  
чудѣ разнеслась въ народѣ, разрастаясь и выдо-  
умаживаясь по мѣрѣ своего распространенія.  
Жрецы Трофонія были рады прицѣпить новое  
чудо къ своей святынѣ, хотя нѣкоторыя подроб-  
ности этого происшествія повидимому обличали  
ихъ невѣжество. Жрецы выставались несвѣду-  
щими, но авторитетъ бога усиливается и слѣ-  
довательно существенная выгода была соблюде-  
на,—приращеніе числа поклонниковъ было не-  
избѣжно. Такимъ образомъ, какая-нибудь хит-  
рость Аполлонія, воспринятая вѣрующимъ на-

родомъ и поддержанная толкованіемъ  
могла дѣйствительно подать поводъ къ  
данію о свиданіи его съ Трофоніемъ.  
Филостратъ самъ слышалъ отъ жителей

Ученики Аполлонія собирались въ изъ Малой Азіи, съ острововъ Архипелага, разныхъ городовъ Эллады; они при жизни его учителя приняли имя Аполлоніа. Тѣмъ Домиціанъ убилъ Стефанъ, и Аполлонъ, въ рассказѣ Филострата, проводилъ эту самую минуту, въ которую онъ былъ въ Римѣ. Извѣстіе о прорицательствѣ подтверждается Діономъ Кассіемъ. Въ вступленіи Нервы на императорскій престолъ Аполлоній отправилъ къ нему въ Римъ съ какимъ-то важнымъ письмомъ въ время отсутствія своего друга. Аполлоній говорилъ: «старайся жить въ неизвѣстности, если это невозможно, старайся по крайней мѣрѣ умереть». Последнее желаніе Аполлонія исполнено; даже Филостратъ пишетъ, какъ онъ умеръ и не можетъ даже указать мѣста его кончины. Какъ слѣдовало изъ его смерти возникло нѣсколько преданій, которыя сходятся между собою въ томъ, что онъ шелъ въ храмъ и оттуда исчезъ. По однимъ, это произошло въ Лидіи, въ храмѣ по словамъ другихъ — въ Британіи, въ храмѣ миды Даткены. При той легкости, съ которою время происходила апофеозъ, было бы странно любимецъ боговъ, мудрецъ и пророкъ не былъ возведенъ въ боги послѣ собственной кончины. Храмъ Аполлонія былъ построенъ въ Тіанѣ на томъ лугу, на которомъ, по преданію, его родила мать, вышедшая изъ чрева по приказанію боговъ. Императоръ Арианъ, рѣшившемуся однажды жестоко въ Тіанцѣ, явился во снѣ божественный видъ и спасъ своихъ согражданъ отъ гнѣва божества. Императоръ Александръ Северъ въ *lazarium* обожалъ Аполлонія Тіанскаго, съ Орфеемъ. Аполлонія обоготворили. Тѣмъ ученіе его не нашло себѣ ни ревностныхъ послѣдователей, ни достойныхъ толкователей. Честный мистицизмъ его перешелъ въ мистицизмъ, и Александръ Авонотихитъ своимъ яркимъ представителемъ этого шагонаго направленія. Прочнаго вліянія ученіе Аполлонія не имѣло, и это была философія, а не религія. Для массы оно не могло, потому что по чувству, а обращалось почти исключительно на мысли. Строгая серьезная личность могла внушить уваженіе, но, чтобы завоевать собою сердца народа, она была слишкомъ замкнута, слишкомъ спокойна и страстна. Въ отношеніяхъ своихъ къ народу онъ являлся консерваторомъ-экслюзивомъ, потому его проповѣди вели за собою только менное возвышеніе народнаго усердія.



бытымъ святынямъ язычества. Реформировать принципъ существующей религіи Аполлоновъ не хотѣлъ; онъ, по примѣру всѣхъ древнихъ мыслителей, поддерживалъ существующее богослуженіе, оправдывалъ догматы и обряды, стараясь только вкладывать въ нихъ другой смыслъ, котораго не сознавала масса. Въ отношеніи къ во-

просамъ практической нравственности Аполлонъ не далъ никакого общаго, руководящаго принципа; возставая противъ отдѣльныхъ уклоненій отъ нравственности, онъ не далъ новаго, лучшаго кодекса. Мудрость его оставалась замкнутою святынею и ни разу не спускалась до пониманія «малыхъ сихъ и нищихъ духомъ».

## МОСКОВСКІЕ МЫСЛИТЕЛИ.

(Критическій отдѣлъ «Русскаго Вѣстника» за 1861 г.).

### I.

Гейне въ одномъ изъ своихъ посмертныхъ изотвореній говорить, что міръ представляетъ молодой красавицей или бродячкой въѣдѣй, смотря по тому, черезъ какія очки на него взглянуть, черезъ выпуклыя или черезъ вогнутыя. Если вѣрить на слово поэту, если предположить, что можно произвольно надѣвать себѣ носъ разные очки и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣнять взгляды на жизнь и на ея явленія, то мы вынуждены будемъ сознаться въ томъ, что наше зрѣніе радикально испорчено вогнутыми очками; чуть только мы попробуемъ замѣнить ихъ выпуклыми, или снять ихъ долой, передъ нашими глазами разстелется такой густой туманъ, который помѣшаетъ намъ распознать контуры самихъ близкихъ къ намъ предметовъ. Наше зрѣніе слишкомъ слабо для того, чтобы охватить мірозданіе, но тѣ крошечныя уголки, которые намъ доступны, кажутся намъ такими неясными и глубокими морщинами, которыя гораздо легче себѣ представить на старой физиономіи старческой въѣды, чѣмъ на свѣжемъ, прелестномъ лицѣ молодой красавицы.

Мы любимъ природу, но ея нѣтъ у насъ въ рукахъ; въѣда не въ Петербургѣ же любоваться природою; не заниматься же, изъ любви къ природѣ, метеорологическими наблюденіями надъ сырой и холодной погодою, не изучать же различныя видоизмѣненія гранита и не имитировать надъ различными оттѣнками петербургскаго тумана. Поневоля придется, при всемъ пристрастіи къ безгрѣшной растительной природѣ, обратить все свое вниманіе на грѣшнаго человѣка, который здѣсь, какъ и вездѣ, самъ страдаетъ, или вызываетъ на страданія другого. Какъ посмотришь на людскія отношенія, какъ послушаешь разнородныхъ сужденій, словесныхъ, рукописныхъ и печатныхъ, какъ взглядишь въ то впечатлѣніе, которое производятъ эти сужденія, то мысль о выпук-

лыхъ очкахъ и о красавицѣ отлетитъ на неизмѣримо-далекое разстояніе. Уродливыя черты бродячковой въѣды явятся передъ глазами съ такою ужасающею яркостью и отчетливостью, что иному юному наблюдателю сдѣлается не на шутку страшно; онъ быстро проведетъ рукою по глазамъ въ надеждѣ сорвать проклятыя очки и разогнать ненавистную галлюцинацію; но галлюцинація останется ярка по прежнему, и юный наблюдатель замѣтитъ не безъ волненія, что вогнутыя очки срослись съ его глазами, и что ему придется зажмуриться, чтобы не видать образовъ, пугающихъ его воображеніе.

Иные, боясь за свои впечатлительные нервы, дѣйствительно зажмуриваются и постепенно возвращаются къ тому возжелѣнному состоянію спокойствія, которое было нарушено неосторожнымъ прикосновеніемъ къ вогнутымъ очкамъ; другіе, болѣе крѣпкіе и въ тоже время болѣе увлекающіеся, продолжаютъ смотрѣть, всматриваться, громко сообщаютъ другимъ о томъ, что видятъ, и не обращаютъ вниманія на то, что ихъ рѣчи встрѣчаютъ себѣ равнодушіе и насмѣшки въ слушателяхъ, что изображаемыя ими картины принимаются за галлюцинаціи, за бредни разстроеннаго мозга; они продолжаютъ говорить, воодушевляясь сильнѣе и сильнѣе; ихъ воодушевленіе постепенно переходитъ въ ихъ слушателей; ихъ рѣчи начинаютъ возбуждать къ себѣ сочувствіе; онѣ волнуютъ и тревожатъ, онѣ шевелятъ лучшія чувства, вызываютъ наружу лучшія стремленія; вокругъ говорящаго группируется толпа людей, готовыхъ переработывать жизнь и умѣющихъ взяться за дѣло; но между тѣмъ самъ говорящій изнуренъ колоссальнымъ, продолжительнымъ напряженіемъ энергіи; его измучили уродливыя образы, на которыхъ онъ долго сосредоточивалъ свое вниманіе; его истомила та борьба, которую ему пришлось выдержать съ недовѣріемъ и недоброжелательствомъ слушателей; его голосъ дрожитъ и обрывается въ ту самую минуту, когда всѣ



окужающіе прислушиваются къ нему съ любовью и упованіемъ: герой валится въ могилу.

Такова общая біографическая исторія отрицательнаго направленія въ нашей литературѣ; не даромъ большая часть писателей, изображавшихъ темную сторону жизни, находили свой трудъ тяжелымъ и лично для себя неблагоприятнымъ; не даромъ Гоголь проводитъ параллель между двумя писателями; ту же параллель повторяетъ Некрасовъ, конечно не изъ подражанія Гоголю, а именно потому, что такого рода параллель естественно напрашивается въ сознаніе и въ чувство отрицателя. Тяжела, утомительна, убійственна задача отрицательнаго писателя; но для него нѣтъ выбора; вѣдь не можетъ же онъ помириться съ тѣми явленіями, которыя возбуждаютъ въ немъ глубокое фізіологическое отвращеніе; нельзя же ему ни себя передѣлать подъ ладъ окружающей жизни, ни эту жизнь пересоздать такъ, чтобы она ему правилась и возбуждала его сочувствіе. Стало быть, приходится или молчать, или говорить горячо, желчно, порою насмѣшливо, волнуя и терзая другихъ и самого себя. Необходимость отрицательнаго направленія начала понимать наша публика. Что само по себѣ это отрицательное направленіе представляетъ патологическое явленіе, въ этомъ я нисколько не сомнѣваюсь; доказывать его нормальность и законность *quand même* значило бы доказывать вмѣстѣ съ тѣмъ нормальность и законность тѣхъ условій жизни, которыя вызываютъ противъ себя сдержанную оппозицію и глухой протестъ. Тѣ журналисты, которые подвергаютъ серьезной критикѣ существующія идеи, тѣ писатели, которые выводятъ въ своихъ эпическихъ и драматическихъ произведеніяхъ грязь жизни безъ выкупающихъ сторонъ, безъ утѣшительныхъ прикрасъ, нисколько не думаютъ дописаться до безсмертія. Что подумаютъ о нихъ потомки, скажутъ ли они имъ спасибо, раскупятъ ли они на расхватъ какое нибудь пятнадцатое изданіе ихъ сочиненій, все это право такіе вопросы, которые нисколько не занимаютъ честнаго писателя, честно выражающаго свое неудовольствіе противъ разныхъ современныхъ неудобствъ и странностей. Когда у такого писателя является потребность развить нѣсколько мыслей по поводу того или другого явленія, тогда онъ берется за перо только съ однимъ желаніемъ: чтобы тѣ люди, которымъ попадется въ руки его книга или статья, поняли, какія обстоятельства отразились въ процессѣ его мышленія и вложили свою печать на его литературное или критическое произведеніе. Надо только, чтобы между публикою и писателемъ существовало такого рода взаимное пониманіе, по которому бы публика видѣла и понимала связь между видимыми слѣдствіями и необнаруженными причинами. Писателю надо желать, чтобы его произведеніе только будило въ читателѣ дѣя-

тельность мозга, только наталкивало на вѣстный рядъ идей, и чтобы читатель, на этому импульсу, самъ выводилъ бы изъ крайнія заключенія изъ набросанныхъ идей. Такого рода читатели, договаривающіе сами себя то, что недосказано и неозвучено, начинаютъ мало по малу формироваться; такимъ писателямъ такую публику, которая понимала каждое ихъ слово, и тогда, когда они съ величайшимъ удовольствіемъ работали на то, чтобы ихъ внуки забыли о ихъ существованіи или называли ихъ кислыми, безвкусными ипохондриками. Работать для будущаго и для нѣтъ конечно очень возвышенно; но для лавровыхъ вѣнкахъ и объ историческую смерть, когда надо перебиваться со дня на день, отстаивая отъ разрушительнаго или ослѣпляющаго дѣйствія жизни то себя, то другого, или чину, то женщину, — это, воля ваша, не смѣшно и приторно; это напоминаетъ Машу мечтающую о томъ, какъ онъ соорудитъ каменный мостъ, а на мосту построятъ каменный храмъ.

Очень можетъ быть, что «Русскій Вѣстникъ» съ своей основательной ученостью, съ своей эстетической критикой, съ своимъ солиднымъ уваженіемъ къ нашей милой старинѣ и въ шемъ прекрасному настоящему, будетъ читанъ и перепечатываться нашими потомками, и рымъ конечно будутъ совершенно не нужны имена задорныхъ журналовъ, печатающихъ вздоръ, подобный теперешней моей статьѣ; не гонимся за «Русскимъ Вѣстникомъ», не воемъ у него правъ на безсмертіе, не составимъ ему конкуренціи; мы знаемъ, что не ушли бы по той дорогѣ, по которой шли московскіе мудрецы; проклятая натура не свое, и сквозь чинно отиѣренныя фразы своего безпристрастія, слышались бы звуки жавнаго хохота и негодующей проны; и нельзя подражать «Русскому Вѣстнику» никто не повѣрилъ бы; подумали бы, что это не съ проста говоримъ; стали бы задаваться какого нибудь скрытаго смысла; ились бы, благодаря своей догадливости, чь бы такого, о чемъ мы бы сами и не бредили. Дойдетъ или не дойдетъ «Русскій Вѣстникъ» до того храма безсмертія, въ который рѣшительно взбирается доступъ вѣкамъ, опозорившимъ себя отрицательнымъ направленіемъ, этого я не знаю; это не мы и я этимъ вопросомъ рѣшительно не занимаюсь. Что даетъ «Русскій Вѣстникъ» для нашихъ современниковъ, это совершенно другой вопросъ, и отвѣчать на этотъ вопросъ считаю очень не лишнимъ; вѣдь у «Русскаго Вѣстника» есть и въ наше время читатели; все же тѣ люди, которые уважали его въ его годы его существованія, махнули рукой за его литературные подвиги 1860-хъ годовъ.

На этомъ то основаніи я и рѣшаюсь по



сколько страниц на то, чтобы съ точки зрѣ-  
человѣка, пишущаго журнальную критиче-  
скую статью въ началѣ 1862 года, перебрать тѣ  
литературныя мнѣнія, которыя «Русскій Вѣст-  
никъ» въ послѣднее время подносилъ своимъ чи-  
телямъ.

## II.

Не думайте, господа читатели, чтобы я напи-  
салъ вамъ полемическую статью; когда я бесѣ-  
довалъ съ вами о сатирической бывальщинѣ Гер-  
мана Трехзвѣздочкина, я не полемизировалъ  
въ второмъ этого произведенія; полемизировать  
«Русскимъ Вѣстникомъ» также невозможно,  
нельзя полемизировать съ авторомъ «обѣды надъ  
дурами». У Трехзвѣздочкина свое оригиналь-  
ное міросозерцаніе, не сходное съ міросозер-  
цаніемъ какого бы то ни было другого обыкно-  
веннаго смертнаго; у сотрудниковъ «Русскаго  
Вѣстника» также совсѣмъ особенное міросозер-  
цаніе; еслибы я вздумалъ спорить съ ними, то  
этотъ споръ можно было бы сформулировать  
такъ: я бы сталъ доказывать этимъ господамъ,  
они смотрятъ на вещи сквозь выпуклыя  
очки, а они съ пѣной у рта стали бы увѣрять  
меня въ томъ, что я имѣю глупость смотреть на  
вещи сквозь вогнутыя очки; я бы кротко попро-  
силъ ихъ снять на минуту очки; они обратились  
къ мнѣ съ тѣмъ же требованіемъ, пересыпая  
бранными возгласами и убійственными на-  
меками; кончилось бы тѣмъ, что, наспорившись  
до смерти, мы замолчали бы, не облизавшись меж-  
дусобою въ мнѣніяхъ ни на одну линію; споръ  
этотъ привелъ бы къ такимъ же плодотворнымъ  
слѣдствіямъ, къ какимъ приводитъ всякій  
споръ, происходящій между людьми различныхъ  
перемѣнчивыхъ, различныхъ лѣтъ и, вслѣдствіе  
ихъ и многихъ другихъ различій, несходныхъ  
убѣжденій. Кромѣ того, сражаясь съ «Русскимъ  
Вѣстникомъ», я находился бы въ самомъ невы-  
годномъ положеніи; «Русскій Вѣстникъ» побѣ-  
дно развернулъ бы, на удивленіе всей чи-  
тательской публики, полное свое исповѣданіе вѣры,  
свѣдѣлъ бы, гдѣ бы понадобилось, цитаты, тексты,  
пункты, ссылки на авторитеты всѣхъ вѣковъ,  
исключая XIX-го, засвидѣтельствовалъ бы  
мохоломъ свое почтеніе той или другой вели-  
кой идеѣ и умилился бы надъ непризнанными  
дугами какого нибудь великаго, но неизвѣст-  
наго Россіи русскаго дѣятеля. А я? Что бы я  
сдѣлалъ на всѣ эти золотыя рѣчи? Я чувствую,  
что у меня оборвался бы голосъ при первыхъ  
ихъ попыткахъ оправдываться или защи-  
щаться. Непремѣнно бы оборвался, и я бы за-  
молчалъ. Вотъ видите ли, «Русскій Вѣстникъ»  
идетъ на положительной почвѣ, крѣпко упи-  
рется въ нее ногами, скоро срастется съ нею, и  
почва не выдастъ его въ минуту скорби и борь-  
бы. А мы—что такое? Мы—фантазеры, верхо-  
вѣды, говоруны; мы на воздушномъ шарѣ под-

нялись, а вѣдь воздушный шаръ, какъ говорить  
объявленіе «Времени», тотъ же мыльный пу-  
зырь. Такъ куда же намъ бороться съ «Русскимъ  
Вѣстникомъ»? Повторяю вамъ, у меня оборвался  
голосъ въ ту самую минуту, когда я попробую  
основательно возражать мнѣніямъ «Русскаго  
Вѣстника». Да и къ чему, для кого возражать?

Если читатели не сочувствуютъ тѣмъ иде-  
ямъ, которыя я выражалъ въ моихъ статьяхъ,  
то мнѣ всего лучше не только не возражать  
«Русскому Вѣстнику», но и совсѣмъ не писать.  
Если же мнѣ сочувствуютъ, то мнѣ будетъ со-  
вершенно достаточно передать, по возможности  
вѣрно, литературныя мнѣнія «Русскаго Вѣст-  
ника» для того, чтобы высказать то, что лежитъ  
у меня на душѣ. Положимъ, что я воротился изъ  
какого нибудь дальняго путешествія; положимъ,  
я посѣтилъ Персію и чувствую желаніе передать  
русской публикѣ вообще и читателямъ «Рус-  
скаго Слова» въ особенности мои путевыя впе-  
чатлѣнія; я конечно для полноты, вѣрности и  
живости картины сочту необходимымъ воспро-  
извести тѣ бытовыя особенности, которыя по-  
чему бы то ни было поразили мое воображеніе  
и вѣзались въ мою память. Но я никакъ не  
поставляю себя въ обязанность полемизировать  
противъ описываемыхъ персидскихъ обычаевъ;  
было бы смѣшно и утомительно, еслибы я опи-  
сывалъ свои путевыя впечатлѣнія такъ: «Пер-  
сіяне курятъ кальяны; я нахожу, что гораздо  
лучше курить сигары. Персіяне запираютъ сво-  
ихъ женъ въ гаремы; это возмутительный обы-  
чай и я, какъ поборникъ эмансипаціи женщины,  
заявляю передъ моими читателями мой торже-  
ственный протестъ противъ такого варварскаго  
устройства семьи». Вообразите себѣ, господа чи-  
татели, что я отправляюсь обозрѣвать «Русскій  
Вѣстникъ» совершенно также, какъ бы я могъ  
отправиться обозрѣвать Персію. У меня съ «Рус-  
скимъ Вѣстникомъ» также мало общаго въ тен-  
денціяхъ, мнѣніяхъ и литературныхъ приемахъ,  
какъ въ моихъ всѣдневныхъ привычкахъ мало  
общаго съ привычками какого нибудь Аббаса-  
Мирзы. Мы, грѣшныя, возьмемъ въ тинѣ и ба-  
рахтаемся среди всякихъ нечистотъ, а «Русскій  
Вѣстникъ» идетъ себѣ ровной дорогой, и не-  
спѣшной поступью пробирается къ храму славы  
и безсмертія. Объ чемъ же намъ съ нимъ спо-  
рить? Мы просто будемъ разсматривать его съ  
живѣйшимъ любопытствомъ и съ напряженнымъ  
вниманіемъ, какъ разсматриваютъ гости изъ  
иного міра, созданіе, отличающееся особымъ сло-  
женіемъ и подчиняющееся особымъ физиологи-  
ческимъ законамъ. Установивъ разъ навсегда  
такого рода спокойно-наблюдательныя отноше-  
нія къ мнѣніямъ «Русскаго Вѣстника», я намѣ-  
ренъ во всей послѣдующей части этой статьи  
дать только фактическій отчетъ о моихъ наблю-  
деніяхъ, хронику моихъ замѣтокъ.

Не ручаюсь впрочемъ и за то, чтобы кое-гдѣ,



ошибкою, не прорвалось и критическое замѣчаніе.

### III.

Въ 1861 году въ «Русскомъ Вѣстникѣ» совершилось немаловажное измѣненіе. Современная лѣтопись оторвалась отъ книжекъ журнала и превратилась въ еженедѣльную газету. Это событіе, достопримѣчательное, само по себѣ повело за собою слѣдующія еще болѣе достопримѣчательныя послѣдствія. Во-первыхъ, книжки «Русскаго Вѣстника» стали опаздывать слишкомъ на цѣлый мѣсяцъ; во-вторыхъ, въ составъ книжекъ вошелъ новый отдѣлъ подъ заглавіемъ: «Литературное обозрѣніе и замѣтки»; въ этомъ отдѣлѣ редакция и сотрудники «Русскаго Вѣстника» стали дѣлиться съ публикою своими взглядами на положеніе и событія текущей литературы, и мы, благодаря этому обстоятельству, узнали много новаго и любопытнаго.

Въ первой же книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1861 г., въ статьѣ «Нѣсколько словъ вмѣсто современной лѣтописи», редакция отнеслась очень сурово къ тѣмъ журналамъ, «гдѣ съ тупымъ доктринерствомъ или съ мальчишескимъ забіячествомъ проповѣдывалась теорія, лишающая литературу всякой внутренней силы, забрасывались грязью всѣ литературные авторитеты, у Пушкина отнималось право на названіе національнаго поэта, а Гоголю оказывалось снисхожденіе только за его сомнительное свойство обличителя» (стр. 480). Этихъ уголовныхъ преступниковъ противъ законовъ эстетики и художественной критики редакция «Русскаго Вѣстника» обѣщала преслѣдовать со всею надлежащею строгостью. «Мы не откажемся также, говоритъ она, отъ своей доли полицейскихъ обязанностей въ литературѣ и постараемся помогать добрымъ людямъ въ изловленіи безпутныхъ бродягъ и ворюшекъ; но будемъ заниматься этимъ искусствомъ не для искусства, а въ интересѣ дѣла и чести». Не могу удержаться, чтобы въ этомъ мѣстѣ не заявить «Русскому Вѣстнику» моего полнѣйшаго сочувствія; великія истины понятны и доступны каждому, начиная отъ развитаго дѣятеля науки и кончая простымъ, бѣднымъ труженикомъ; ловить безпутныхъ бродягъ и ворюшекъ изъ любви къ искусству не согласится не только редакторъ «Русскаго Вѣстника», но даже и простой хозяинъ; даже и тотъ понимаетъ, что этимъ искусствомъ надо заниматься въ интересѣ дѣла, т. е. чтобы получать казенный паекъ и жалованье, или въ интересѣ чести, т. е. чтобы дослужиться до унтеръ-офицерскихъ нашивокъ. Конечно редакция «Русскаго Вѣстника» понимаетъ интересы дѣла и чести не совсемъ такъ, какъ понимаетъ ихъ хозяинъ, можетъ быть даже не такъ, какъ понимаетъ ихъ англійскій полисменъ; масштабы не тѣ; между хозяиномъ, сажающимъ въ будку бездомнаго

пьяницу, и русскимъ ученымъ, принимающимъ за интересный журналъ и принимающимъ въ интересѣ дѣла и чести, свою долю полицейскихъ обязанностей въ литературѣ, лежитъ неизмѣримое разстояніе, неизмѣримое въ степени, что бѣдный хозяинъ, не умея группировать явленія и сортировать ихъ существеннымъ признакамъ, иногда не можетъ бы подуматъ, что между нимъ и редакціею ученаго журнала есть такъ много общаго. Знаюся, я въ этомъ отношеніи раздѣляю бѣднѣе хозяина; я до сихъ поръ думаю о чистотѣ души, что между обязанностями хозяина и занятіями литератора нѣтъ никакого сходства; такого рода образъ мыслей выясняется отчасти тѣмъ, что я не читалъ Громеки: «О полиціи внѣ полиціи», браво! по всей вѣроятности, яркій свѣтъ на этотъ путанный вопросъ, отчасти тѣмъ, что я молодой и вѣтренъ въ тѣ счастливые годы, когда газета «Сѣверная Пчела» находилась въ вѣдѣніи прежней своей редакціи. Я думаю, чѣмъ, что я и впредь останусь при своемъ мнѣніи невѣдѣнн, несмотря на то, что и въ бѣднѣе очень многимъ можетъ показаться разумнымъ и даже идиллическимъ; на русскомъ существуетъ поговорка «съ своимъ уставомъ чужой монастырь не ходятъ». Эту поговорку можно перевернуть, и она отъ этого не потеряетъ. Чужой уставъ, введенный въ монастырь, можетъ также оказаться въ высшей степени неумѣстнымъ; поэтому, не стараясь вязать редакціи «Русскаго Вѣстника» нитями частицы моихъ понятій, я не буду стараться о томъ, чтобы заимствовать что бы то ни было изъ ея своеобразнаго міросозерцанія. Я предупредилъ читателей: мы вступаемъ въ новый міръ, въ которомъ все, начиная отъ нѣбшаго травояднаго животнаго и кончая чайшей букашкой, должно возбудить удивленіе простаго наблюдателя и лихорадочную деятельность зоолога. Мы съ вами, господа читатели, простые наблюдатели, и потому мы продолжимъ удивляться:

Куда на выдумку природа таровата и заранѣе выражаемъ отчасти смѣлую надежду на то, что, выходя изъ кунсткамеры, намъ придется сказать съ грустнымъ чувствомъ удовлетвореннаго любопытства:

Слона-то я и не приметилъ.

Можетъ быть, то обстоятельство, на которое я указалъ при самомъ входѣ въ кунсткамеру, есть именно тотъ слонъ; можетъ быть мы попали на самое характерное мѣсто; въ такомъ случаѣ мнѣ остается только пожалѣть, что естественный испытатель; если бы къ этому приложить анатомическій ножъ и микроскопъ, если бы изслѣдовать его составъ путемъ химическаго анализа, то могло бы открыться много любопытнаго; мы узнали бы законъ



ны и отправленія того организма, который надѣлится передъ нашими глазами; все это могло бы случиться только въ томъ случаѣ, если-бъ я былъ естественнымъ испытателемъ; но я просто ротавѣй, описывающій внѣшнюю сторону явленія, и потому, представивъ фактъ на разсмотрѣніе читателей, принужденъ идти дальше, хотя чувствую, что въ представленномъ фактѣ много необъясненнаго.

Безпутные бродяги и ворюжки, слоняющіеся по пустыннымъ полямъ нашей литературы, перегаютъ редакцію «Русскаго Вѣстника» въ самое мрачное раздумье.

«Ни одна литература въ мірѣ, восклицаетъ она, не представляетъ такого изобилія литературныхъ скандаловъ, какъ наша маленькая, скудная, едва начавшая жизнь, литература безъ науки, едва только выработавшая себѣ языкъ».

Ну вотъ наша литература выработала себѣ языкъ и на радостяхъ показываетъ его на всѣ четыре стороны, встрѣчнымъ и поперечнымъ, а эти встрѣчные и поперечные обижаются, не понимаютъ шутокъ, жалуются: «она насъ дразнитъ; это—личность, это—оскорбленіе». Кто жъ въ этомъ виноватъ? Вольно имъ оскорбляться и вольно жъ имъ, если они такъ обидчивы, смотрѣть на этотъ языкъ, который такъ добродушно показываетъ имъ наша литература. Когда наша литература выработается науку, она можетъ быть вмѣстѣ съ языкомъ будетъ показывать и науку, или что нибудь другое, смотря по обстоятельствамъ. А покуда вѣдь кромѣ языка нѣтъ ничего. Ну такъ что же дѣлать? На нѣтъ и суда нѣтъ!

Впрочемъ я вообще не понимаю, какое отношеніе имѣть отсутствіе науки къ присутствію литературныхъ скандаловъ. Сколько мнѣ кажется, редакція «Русск. Вѣстника» подъ названіемъ литературнаго скандала подразумѣваетъ разныя печатныя разбирательства о литературныхъ и не литературныхъ предметахъ.

Слово *скандалъ* даетъ намъ почувствовать, что редакція «Русск. Вѣстника» входитъ въ роль и готова съ полнымъ усердіемъ взять на себя свою долю полицейскихъ обязанностей. Скандаломъ, на языкъ образованной полиціи, называется, какъ извѣстно, всякое происшествіе, нарушающее обычный ходъ дѣйствій въ какомъ нибудь публичномъ мѣстѣ, и возбуждающее въ собравшейся толпѣ зѣвакъ какіе-бы то ни было толки. Если такого-же рода событіе произойдетъ на аренѣ нашей литературы, то «Русскій Вѣстникъ» конечно не станетъ калыкать съ зѣвками, а приметъ именно ту позитурку, которую въ подобномъ случаѣ обязанъ принять исправный членъ благоустроенной полиціи. Это я понимаю, но по прежнему продолжаю не понимать, почему отсутствіе науки обуславливаетъ собою присутствіе скандаловъ. Мнѣ кажется, что самая лучшая лекція по гражданскому праву не замѣнитъ вамъ того судебного засѣданія, въ ко-

торомъ рѣшается вашъ процессъ. Самое лучшее изслѣдованіе о причинахъ зубной боли не замѣнитъ вамъ въ минуту страданія нѣсколькихъ капель опиума. Точно также вся наука «Русскаго Вѣстника» не замѣнитъ вамъ неогрѣннаго права обратиться къ суду общественнаго мнѣнія, когда вы почувствуете себя несправедливо оскорбленнымъ. Наука—вещь хорошая, но она въ своей отвлеченности никакъ не можетъ замѣнить намъ своихъ практическихъ примѣненій къ жизни.

Какое-бы великолѣпное изслѣдованіе вы ни написали, это изслѣдованіе никакъ не выручитъ васъ въ томъ случаѣ, когда вамъ понадобится обратиться къ суду общественной гласности. Конечно, если тѣ отвлеченныя истины, которыя вы будете развивать въ научномъ трактатѣ о нравственной философіи, войдутъ въ плоть и кровь всѣхъ людей, живущихъ на земномъ шарѣ, или по крайней мѣрѣ въ Россіи, то вамъ не придется обращаться къ суду гласности и поднимать литературные скандалы, потому что всѣ будутъ уважать ваши права; но вѣдь согласитесь, тутъ долга нѣтъ; пока солнышко взойдетъ, роса глаза выѣстъ. Если даже литература наша создастъ себѣ науку, то отъ существованія науки еще не прекратятся скандалы. Съ прекращеніемъ-же ихъ наступитъ такой золотой вѣкъ, о которомъ мы теперь не можемъ себѣ составить и приблизительнаго понятія; въ этомъ золотомъ вѣкѣ исчезнетъ потребность въ литературной полиціи; кто знаетъ? Можетъ быть вмѣстѣ съ этою потребностью исчезнетъ и потребность въ «Русск. Вѣстн.» вообще. Теперь не то. Скандалы неизбѣжны, потому что вамъ на каждомъ шагѣ представляется неотвязная дилемма: терпѣть насиліе или подымать крикъ; а иногда приходится даже дѣлать въ одно время и то, и другое. Теперь приходится удивляться тому обстоятельству, что «Русскій Вѣстникъ» жалуется на обиліе скандаловъ. Развѣ было-бы лучше, еслибы несправедливые поступки проходили безъ огласки, еслибы недѣльные мнѣнія принимались безъ спора? Возставать противъ обилія скандаловъ, значить, другими словами, проклинать зарождающуюся гласность. Еслибы, приступая къ обзору «Русскаго Вѣстника», я не вошелъ въ иной міръ, то, мнѣ кажется, я осмѣлился-бы назвать эту вещь проявленіемъ обскурантизма. Но вѣдь опять таки: съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходятъ. У насъ это называется обскурантизмомъ, а у нихъ, въ «Русскомъ Вѣстникѣ», это можетъ быть именуетъя совсѣмъ иначе: серьезностью, солидностью, ученостью или еще какъ нибудь по-замысловатѣе. Поэтому я удержу языкъ свой въ должномъ повиновеніи, несмотря на то, что я его выработалъ, и что меня ужасно разбираетъ охота показать его во всю длину противникамъ гласности, какой бы чинъ они не занимали на іерархической лѣстницѣ литературной полиціи.



## IV.

Приступаю къ февральской книжкѣ и встрѣчаю на первомъ планѣ литературнаго обозрѣнія статью загадочнаго содержанія подъ многообѣщающимъ заглавіемъ: «Старые боги и новые боги». Судя по этому зазорному названію статьи, можно было бы подумать, что «Русск. Вѣстникъ» вступаетъ въ ряды нашихъ современныхъ идолоборцевъ и старается сбить съ пьедесталовъ тѣхъ Перуновъ и Волосовъ, которые, несмотря на честныя усилія науки, еще до сихъ поръ красуются въ нашемъ неустановившемся міросозерцаніи. Дѣйствительно, въ этой статьѣ есть отдѣльныя фразы, отъ которыхъ не отказался бы ни одинъ изъ свистящихъ журналовъ. «Кто выдаетъ себя за мыслителя, говорится между прочимъ въ этой статьѣ, тотъ не долженъ принимать на вѣру, безъ собственной мысли, ничего ни отъ Аскоченскаго, ни отъ Бюхнера, ни отъ Ивана Яковлевича, ни отъ Фейербаха». Съ этой мыслью нельзя не согласиться, если принять ее въ полной ея отвлеченности; можно только замѣтить, что два имени, вставленные въ эту фразу, не гармонируютъ съ общимъ ея содержаніемъ; когда произносишь имена Бюхнера и Фейербаха, тогда вовсе не надо прибавлять то, что отъ нихъ не слѣдуетъ ничего принимать на вѣру; это само собою разумѣется. Какъ вы примите что-нибудь на вѣру отъ такого человѣка, который вовсе не хочетъ, чтобы вы ему вѣрили, и убѣждаетъ васъ не ссылками на авторитетъ, а доводами и аргументами. Эти доводы могутъ быть неудовлетворительными; слушая того мыслителя, который представляетъ эти доводы, вы можете не замѣтить ихъ неудовлетворительности и впасть въ ту ошибку, въ которую впадаетъ самъ мыслитель. Но ошибка въ процессѣ мысли не бѣда. Въ этомъ случаѣ человѣкъ нечаянно упускаетъ что-нибудь изъ виду, а не умышленно закрываетъ глаза и не говоритъ: я и смотрѣть не хочу. Еслибы Фейербахъ или Бюхнеръ увидѣли послѣднее настроеніе въ комъ-нибудь изъ своихъ адептовъ, то вѣроятно они или отвернулись бы отъ этого субъекта, или посоветовали бы ему обратиться къ какому-нибудь извѣстному психіатру за помощью и совѣтомъ.

Человѣкъ, имѣющій наклонность принимать чужія мысли на вѣру, никогда не сдѣлается послѣдователемъ Фейербаха и Бюхнера; подорогъ къ ихъ ученію, онъ встрѣтитъ великое множество школъ и направленій, которые затянутъ его къ себѣ именно потому, что онъ очень многое передаютъ на вѣру. То возраженіе, что ученіе Фейербаха и Бюхнера теперь въ модѣ, въ ходу и на этомъ основаніи притягивается къ себѣ людей, увлекающихся подражательными стремленіями, не имѣетъ ни малѣйшей силы. Не угодно ли вамъ справиться съ нашей журналистикой? Не угодно ли вамъ прислушаться къ

тѣмъ разговорамъ о высокихъ матеріяхъ, которыя ведутся въ нашихъ салонахъ? Не правда ли, чтобы въ этихъ разговорахъ вы открыли вредныя тенденціи матеріализма. Статью о модѣ на Фейербаха и Бюхнера нѣтъ. Статью о ученіи этихъ мыслителей принимаютъ только весьма немногими людьми. Можетъ быть, люди ошибаются, но во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ согласно съ Фейербахомъ и Бюхнеромъ не признавать непогрѣшимости Фейербаха и Бюхнера. Они не увлекаются общимъ стремленіемъ потому что общаго стремленія къ матеріализму у насъ не существуетъ. Статья «Русск. Вѣстника» клонится къ тому, чтобы доказать, что наши скептики и отрицатели не умѣютъ мыслить, и, освящая суетвѣріе массы, сами полнымъ суетвѣріемъ поклоняются кумирамъ подобнымъ Фейербаху и Бюхнеру; для большаго убѣдительности, авторъ статьи сравниваетъ своихъ журналистовъ съ Иваномъ Яковлевичемъ, откликнувшимся однажды на какой-то вопросъ его обожателя: «безъ працы не бенды володы».

«Кололацы! кололацы!» восклицаетъ авторъ. А развѣ многое изъ того, что преподается въ школахъ — не кололацы? Развѣ философы, статьи, которыя помѣщаются иногда въ нашихъ журналахъ — не кололацы?»

Для этого извѣстнаго вопроса была написана и напечатана вся статья: «Старые боги и новые боги». Вся эта статья представляетъ болѣе или менѣе замысловатую вариацию на этотъ вопросъ: развѣ не кололацы? Пускаются въ ходъ страшныя усилія и натяжки для того, чтобы доказать, что Чернышевскій и Антоновичъ какъ двѣ капли воды похожи на Ивана Яковлевича и Аскоченскаго. Желаніе автора провести свою идею до конца съ возможно большимъ усиліемъ доводитъ его до высокихъ подвиговъ самоотверженія. Онъ рѣшается печатно прикидываться дурачкомъ и упрекаетъ Антоновича въ несправедливой ненависти къ матеріализму. Какого рода упрекъ имѣетъ всю прелесть оригинальности и новизны.

Онъ доказываетъ, что можно писать критику на такую статью, которой смыслъ остается недоступнымъ для самого рецензента. Впрочемъ гораздо правдоподобнѣе будетъ предположить, что непониманіе, обнаруженное въ статьѣ «Старые боги и новые боги», есть непониманіе умышленное. Авторъ этой статьи, движимый разными побужденіями, рѣшился надъ Антоновичемъ показать первый примѣръ полицейской исправности «Русск. Вѣстника». Такъ какъ къ критической статьѣ Антоновича о философской лексиконѣ «Русскій Вѣстникъ» не сумѣлъ предаться за какую-нибудь дѣйствительную погрѣшность, то онъ рѣшился всклепать на него небылицу, и Антоновичъ оказался безъ вины виноватымъ. Этимъ первымъ подвигомъ на пути принципа изловленія бродягъ и ворюшекъ, «Русскій



«Вѣстникъ» показалъ наглядно, что онъ во имя принципа жертвуетъ отдѣльной личностью. Его принципъ—безусловное отрицаніе зазорной журналистики, а зазорнымъ онъ называетъ каждое ерническое слово, выражающее самостоятельную, а не вычитанную идею; этотъ принципъ третъ себѣ жертвъ; выдя на поле нашей литературы съ твердымъ намѣреніемъ поймать бродягу или ворышку, «Русскій Вѣстникъ» не могъ и не хотѣлъ воротиться домой безъ добычи; первый попался ему Антоновичъ; виноватъ онъ въ глазахъ «Русскаго Вѣстника» во-первыхъ тѣмъ, что размѣщаетъ свои статьи на страницахъ ненавистнаго ему журнала; во-вторыхъ тѣмъ, что пишетъ философію довольно понятнымъ языкомъ и не пачается въ поясъ разнымъ кумирамъ философскаго пандемоніума.

Этого было совершенно достаточно; Антоновича арестовали какъ подозрительнаго человѣка и привели предъ судилище «Р. В.». Какъ рѣшилось его дѣло—я сказать навѣрное не могу, потому что протоколы суда, (т. е. статья «Старые боги и новые боги») написаны крайне сбивчивымъ и неяснымъ языкомъ, наполнены голословными обвиненіями и скорѣе похожи на лирическое изліяніе озлобленнаго человѣка, чѣмъ на покойное изслѣдованіе нелицепріятнаго судьи. Тѣмъ оказался Антоновичъ, по мнѣнію «Р. В.», родягоу или ворышкоу—я тоже не знаю. Словомъ, изъ статьи «Старые боги и новые боги» сматривается только одно: «Русскій Вѣстникъ» изъ кожи вонъ лѣзетъ, чтобы какъ нибудь побійственнѣе поборанить кого нибудь изъ литераторовъ, пишущихъ въ «Современникъ»; гдѣ можно разомъ зацѣпить полицейскою алебардою двоихъ или троихъ разомъ, тамъ онъ цѣпляетъ; гдѣ надо для большей силы обвиненія прибавить, тамъ онъ прибавляетъ, гдѣ надо прикинуться наивнымъ, тамъ онъ наивничаетъ съ неподражаемой естественностью. Почему и для чего онъ такъ поступаетъ—не знаю. Что намъ за дѣло до побужденій, руководящихъ Катковымъ, что намъ за дѣло до степени его искренности? Мы видимъ результаты; эти же результаты видитъ общество, испытывающее на себѣ ихъ вліяніе въ томъ или другомъ направленіи; объ этихъ результатахъ и слѣдуетъ говорить, ни мало не пускаясь въ психологическія изысканія.

Можетъ быть, редакция «Р. В.» за свои убѣжденія готова (выражаясь высокимъ слогомъ) излить послѣднія капли своей благородной крови, а можетъ быть и то, что она проводитъ не свои идеи по разнымъ, нелитературнымъ разсчетамъ. Въ первомъ случаѣ редакция «Русск. Вѣстника» только заблуждается; во второмъ—она дѣйствуетъ неискренно но, въ томъ и другомъ случаѣ результатъ выходитъ одинъ и тотъ же; подъ зеленоватою оберткою «Русск. Вѣстника» появляются статьи, толкующія вкривъ и вкось о такихъ вопросахъ, на которыхъ сходятся между

собою всѣ сознательно-честные люди въ Россіи; эти статьи съ насмѣшкой и порицаніемъ относятся къ стремленіямъ и мыслямъ, выражаемымъ этими сознательно-честными людьми; съ уваженіемъ и подобострастіемъ говорятъ онѣ о томъ, что эти люди считаютъ старымъ хламомъ; булгаринскія тенденціи скрываются въ этихъ статьяхъ подъ неясными терминами, которыми любятъ драпироваться сомнительная ученость людей, не умѣющихъ переварить въ своей головѣ набранный запасъ сырыхъ матеріаловъ и фактовъ.

Кто не умилился сердцемъ, читая драгоценную статью Грота, помѣщенную вслѣдъ за сердитою статьею «Старые боги и новые боги?» Кто не отдохнетъ душою на этомъ спокойномъ, прозрачномъ изложеніи, чистомъ и пріятномъ на вкусъ, какъ дистиллированная, теплая вода? Кто при чтеніи этой замѣтки, не повѣритъ въ будущее торжество добра, въ наступленіе того золотого вѣка, когда литераторы будутъ любить другъ друга и когда на землѣ не будетъ другого зла, кромѣ сырой погоды и сухихъ тумановъ? Статья Грота называется: «Замѣтка о русской журналистикѣ» и вся насквозь пропитана тѣмъ незлобіемъ и той наивною, которая вѣроятно будутъ составлять преобладающія свойства литературы въ счастливые дни золотого вѣка, привлекающаго къ себѣ съ неотразимой силой сердца и надежды людей, вѣрующихъ въ исторію и въ прогрессъ. Эта статья начинается и кончается разными любезностями и лестными комплиментами, которыя авторъ, какъ вѣжливый кавалеръ, подноситъ нашей литературѣ; должно замѣтить, что къ литературѣ вообще Гротъ относится какъ-то со стороны, какъ человѣкъ, взявшій перо въ руки въ досужный часъ, чтобы высказать мысль, случайно зашедшую въ голову. Знаетъ онъ литературу какъ-то по слухамъ, да можетъ быть потому, что гдѣ нибудь, случайно, пробѣжалъ страничку пятнадцать въ какой нибудь недавно вышедшей журнальной книжкѣ. Оттого любезности у него выходятъ совершенно неопредѣленные, а замѣчанія чисто виѣшнія; такъ на примѣръ, выражается надежда, что движеніе, оживившее русскую литературу лѣтъ шесть тому назадъ (тогда, должно быть, когда началъ издаваться «Русскій Вѣстникъ») «конечно, приведетъ ее къ самымъ счастливымъ результатамъ». Въ концѣ статьи встрѣчается слѣдующее трогательное мѣсто:

«Утѣшимся тѣмъ, что одна истина носить въ себѣ неодолимую силу живучести и что во всякомъ человѣческомъ обществѣ она посреди всѣхъ заблужденій пролагаетъ себѣ путь хотя медленно, но твердо». Эта фраза напомнила мнѣ преуморительную сцену изъ комедіи Сухово-Кобылина: «Свадьба Кречинскаго». Нелькинъ, нелѣпѣйшій изъ когда либо существовавшихъ добродѣтельныхъ героевъ, восклицаетъ на сценѣ:



«Правда, правда, гдѣ жъ твоя сила?» А Расплюевъ очень основательно отиѣчаетъ ему на это: «а пооди, поищи ее!» Нелькинъ, какъ извѣстно, уходитъ искать правду и вмѣсто правды находитъ полицію, которую и приводитъ съ собою на сцену. Какъ ни странно держать себя Нелькинъ, а все-таки онъ дѣйствуетъ основательнѣе Грота; во-первыхъ Нелькинъ выражаетъ свою мысль въ вопросительной формѣ, т. е. до нѣкоторой степени сомнѣвается и даже отчаявается; во-вторыхъ онъ, не умѣя самъ найти правду, призываетъ къ себѣ на помощь частнаго пристава; что же касается до Грота, то онъ твердо увѣренъ, что истина будетъ торжествовать, что она побѣдитъ сама собою и что намъ, слабымъ смертнымъ, всего лучше сложить руки, уповать на прочность идеи и утѣшаться тѣмъ, что одна истина имѣетъ неодолимую силу живучести.

Въ серединѣ статьи Грота высказываются нѣкоторыя порицательныя замѣчанія насчетъ нашей журналистики; эти замѣчанія прелестны по своей наивности; процессъ мысли совершается въ головѣ автора до такой степени своеобразно, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи произвести надъ этимъ процессомъ нѣсколько наблюдений. «Въ критикѣ нашей, говоритъ Гротъ, на тронѣ гуманности возсѣдаетъ покуда заклятый врагъ ея—нетерпимость». Этотъ приговоръ, выражающійся въ такой образной формѣ, срывается съ устъ автора по тому поводу, что «вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, въ нашей литературѣ утвердились извѣстные взгляды и мнѣнія, которые присвоили себѣ монополію обращенія въ печатномъ мірѣ». О какой это литературѣ мечтаетъ Гротъ? Кажется, о русской. Гдѣ же издаются въ одно и то же время журналы «Современникъ» и «Странникъ», «Рус. Слово» и «Русскій Вѣстникъ», «Отечествен. Записки», «Искра», «Рус. Ивал.» и «День», «Сѣв. Пчела» и «Наше Время»? Кажется, въ Россіи? Какъ же это Гротъ ухитрится помирить существованіе столькихъ совершенно разнохарактерныхъ изданій съ монополіей извѣстныхъ взглядовъ и мнѣній? Но онъ и не думаетъ объ этомъ. Онъ говоритъ о нетерпимости съ точки зрѣнія литературной кротости, а ужъ мысль о монополіи подвернулася какъ-то по дорогѣ и забрела въ его статью совершенно случайно. Гроту хотѣлось бы, чтобы всѣ наши писатели, при спорахъ между собою, все-таки сузили другъ другу лавровые вѣнки и говорили другъ о другѣ въ печати такимъ образомъ: «почтенный авторъ въ своей прекрасной статьѣ, которой основную мысль мы однако осмѣлимся найти не вполне справедливой, доказываетъ съ свойственнымъ ему остроуміемъ», и т. д. Да, во время оно, когда писатели говорили между собою такимъ языкомъ, уцѣлѣвшимъ теперь только въ официальныхъ изданіяхъ ученыхъ обществъ, было пріятно

и душевнеспасительно заниматься литературою. Теперь обмѣнъ сладостей между писателями сдѣлался невозможнымъ; одна часть русскихъ литераторовъ превратилась, по словамъ «Русскій Вѣстника», въ бродягъ и ворюшекъ; другая часть, къ которой не безъ самодовольства принадлежалъ «Русскій Вѣстникъ», поступила на службу въ литературную полицію. Но всѣ эти событія шли, кажется, мимо Грота и не нарушили его очарованнаго сна, подъ вліяніемъ котораго онъ изрѣдка произносилъ отрывочныя замѣчанія, имѣющія можетъ быть нѣкоторую связь съ его грезами, но не имѣющія ни малѣйшаго отношенія къ фizioноміи нашей дѣйствительной жизни. Гротъ не справляется даже ни о чужомъ, ни о своемъ литературномъ мірѣ; онъ, по-прежнему, нала, въ которомъ онъ печатаетъ свои статьи, онъ не соображаетъ того обстоятельства, что требовать деликатности выраженій въ литературѣ значитъ упрекать «Русскій Вѣстникъ» невообразимомъ нахальствѣмъ.

Вѣдь еслибы петербургскіе литераторы не трѣбли на выходки «Р. В.», какъ на смѣшныя явленія безсильной, старческой злобы, то они бы заставили бы редакцію ученаго журнала полное и категорическое объясненіе въ свѣтъ намекахъ и формально, печатно отступить съ тѣхъ выраженій, которые обнаруживаютъ себѣ стремленіе бросить тѣнь на литературную честность лучшихъ современныхъ дѣятелей русской мысли. Если мы не поступаемъ такъ образомъ, то это происходитъ единственно отъ того, что мы глубоко равнодушны къ формѣ выраженія; тенденціи «Русскаго Вѣстника» кажутся намъ неблагородными—мы это и называемъ; мысли, выраженные «Русскимъ Вѣстникомъ», кажутся намъ бѣдными и рутинными—мы это замѣчаемъ; что же касается до того, каково и второстепеннаго обстоятельства, что тенденціи проводятся въ грубой формѣ, что мысли облачаются въ неопрятныя выраженія, то намъ до этого уже нѣтъ никакого дѣла.

Не читать же намъ для редакціи «Русскій Вѣстникъ» лекціи пѣнники, не преподавать же ей вѣжливости. Для насъ рѣшительно все обругаетъ ли насъ «Русскій Вѣстникъ» бродягами и ворюшками, или просто отнесется недоброжелательно къ задушевной мысли нашихъ читателей. Сущность дѣла въ томъ, за кого стоитъ «Русскій Вѣстникъ»: за насъ или за нашихъ литературныхъ противниковъ. Если онъ идетъ противъ тѣхъ стремленій, которыя мы считаемъ полезными для нашего общества, тогда между нами и не можетъ быть примиренія, хотя бы и странницы и статьи «Русскаго Вѣстника» были посвящены восхваленію нашихъ литературныхъ талантовъ и нравственныхъ достоинствъ. Въ томъ, что черезъ типографскій станокъ проходитъ только тѣ черты авторской личности, которыя связаны съ какимъ нибудь общи-



ресомъ. Мы не боимся гласности, проведенной послѣднихъ предѣловъ; мы не боимся такихъ личностей, которые по какой бы то ни было причинѣ рѣшились бы посвящать публику въ мельчайшія и интимнѣйшія подробности нашей домашней жизни, но мы сами никогда не рѣшимся связываться публичкѣ съ разными конфиденціями собственно потому, что щадимъ время каждаго изъ нашихъ читателей и желаемъ говорить съ ними только о такихъ предметахъ, которые могутъ имѣть для нихъ живой интересъ. Поэтому-то мы считаемъ совершенно излишнимъ протестовать печатно противъ тона «Р. В.», браться или не браться «Русскій В.» меня ли когонибудь другого—это вовсе не интересно. За что обругалъ? Это другой вопросъ; въ свѣтъ на этотъ вопросъ заключается уже до какой-то степени отчетъ объ общахъ убѣжденіяхъ того или другого литературнаго органа. Полемика имѣетъ свою несомнѣнную важность, е той діалектической частью, въ которой одинъ изъ спорящихъ по пунктамъ опровергаетъ другого и ловить его на мелочахъ, а тѣмъ общимъ направлениемъ, по которому развивается мысль обоихъ полемизирующихъ писателей.

Форма полемики—пустое дѣло. Общая подкладка полемики, напротивъ того, имѣетъ самую существенную важность. Поэтому жалоба Грота на нетерпимость въ критикѣ показывается въ авторѣ «замѣтки» такую первобытную, нетронутую наивность, которая возможна только въ человѣкѣ, не имѣющемъ ни малѣйшаго понятія объ интересахъ, вознующихъ нашу литературу. Развѣ у насъ дерутся изъ-за литературныхъ мнѣній? Развѣ у насъ возникаютъ тяжбы изъ-за несходства эстетическихъ понятій? Упрекать въ нетерпимости можно, сколько мнѣ кажется, только такого писателя, который готовъ и желаетъ всѣми возможными средствами насолить своему литературному противнику, а упрекать человѣка въ нетерпимости за то, что онъ возражаетъ горячо на такіа мнѣнія, которые кажутся ему несправедливыми, это крайне оригинально, чтобы не сказать больше. Въ наше время несправедливое мнѣніе—тоже самое, что несправедливый поступокъ; кто говоритъ несправедливую мысль, тотъ поступаетъ также уродливо, какъ поступаетъ человѣкъ, держащій свою жену въ заперти, или отпускающій полновѣсныя пощечины своимъ дѣтямъ и домочадцамъ. Если вы увидите сцену насилія, вы вѣроятно подадите помощь страждущему, и можетъ быть затѣете драку съ обидчикомъ; точно также, если вы прочтете въ печати проповѣдь насилія и угнетенія, вы вступитесь за тѣ естественныя человѣческія права, которыя покажутся вамъ нарушенными. Если ваши возраженія будутъ горячо прочувствованы, если вы дадите понять проповѣднику насилія, что считаете его убѣжденія достойными негоды или дурака, то вѣроятно ни одинъ благоразумный

человѣкъ не обвинитъ васъ въ нетерпимости, потому что въ противномъ случаѣ пришлось бы доводить терпимость до того, чтобы позволять на своихъ глазахъ бить человѣка, не заступаясь за него и не заявляя даже своего негодованія. Каждый воленъ держаться того или другого убѣжденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ каждый точно также воленъ критиковать убѣжденія своихъ сосѣдей и называть ихъ несправедливыми или возмутительными, если они противорѣчатъ его логикѣ или возмущаютъ его личное, нравственное или эстетическое чувство. «Журнальная гласность», говоритъ Гротъ, должна быть обоюдострая, или, какъ богъ Янусъ, имѣть два лица, изъ которыхъ одно было бы обращено къ обществу, а другое къ самой литературѣ. Но, повторяемъ, наша литература любитъ преслѣдовать злоупотребленія только внѣ самой себя, а относительно своихъ темныхъ сторонъ предпочитаетъ скромное молчаніе. Ну, скажите на милость, какъ же не назвать эти слова отрывочными восклицаніями, произносимыми сквозь сонъ. За минуту передъ тѣмъ Гротъ жаловался на то, что наша журнальная критика нетерпима къ тѣмъ идеямъ и мнѣніямъ, которыя идутъ въ разрѣзъ съ ея убѣжденіями, а теперь онъ, прямо въ связи съ этою мыслью, начинаетъ доказывать, что эта же самая критика предпочитаетъ скромное молчаніе относительно своихъ темныхъ сторонъ. Гдѣ же тутъ скромное молчаніе, когда существуетъ страстное обличеніе и горячій протестъ?

Вѣдь въ критикѣ встрѣчаются сильныя возраженія противъ мнѣній, выраженныхъ печатно, слѣдовательно выраженныхъ въ той же русской литературѣ. Вѣдь не возражаютъ же наши критики тому, что они слышали гдѣ-нибудь на обѣдѣ или на вечерѣ. Какъ же согласить скромное молчаніе съ нетерпимостью къ разнорѣчивымъ мнѣніямъ? Или, можетъ быть, представляя фигуру бога Януса, Гротъ этимъ образомъ хочетъ выразить свое желаніе, чтобы писатель въ одно и то же время и доказывалъ, и опровергалъ одну и ту же идею, чтобы критикъ въ одной книжкѣ журнала обличилъ какого-нибудь обскуранта, а въ слѣдующей книжкѣ пролилъ слезы раскаянія надъ собственнымъ своимъ увлеченіемъ? Это было бы очень трогательно, и такого рода гласность была бы дѣйствительно обоюдострая. Критическое самообличеніе, котораго по видимому требуетъ Гротъ, напомнила бы публикѣ зрѣлище, которое часто приходится видѣть на нашихъ почтовыхъ дорогахъ; оно напоминало бы ей, какъ неопытный ямщикъ, желая стегнуть свою лошадь, замахивается кнутомъ такъ усердно, что попадаетъ сначала по сѣдоку, потомъ по своей собственной спинѣ и наконецъ, и то не всегда, по лошади. Это было бы конечно очень смѣшно, но публика имѣла бы полное право сказать такому наивному критику: «милый юноша, предпринимайте всѣ ваши исправительныя мѣры



въ тиши вашего кабинета. Стегайте себя сколько угодно, но избавьте насъ отъ тяжелаго и безплоднаго зрѣлища вашихъ самоистязаній. Давайте намъ результаты вашего мышленія, а не броженіе вашего мозга. Набичуете себя вдоволь и тогда выступайте передъ нами человѣкомъ сложившимся, сознательно идущимъ по извѣстному направленію». Если напимѣръ «Современникъ» отзывается о какой-нибудь статьѣ «Русскаго Вѣстника», какъ о статьѣ дикой, то, стало быть, критика наша не проходитъ собственныхъ своихъ темныхъ сторонъ скромнымъ молчаніемъ. Но требовать отъ «Современника», чтобы онъ бранилъ тѣ самыя статьи, которыя онъ помѣщаетъ на своихъ собственныхъ страницахъ, это совсѣмъ нелѣпо, это что-то вродѣ пеликана, раздирающаго свое чрево для удовольствія публики. Любопытно также то обстоятельство, что Гротъ въ своей замѣткѣ высказываетъ мнѣнія, диаметрально противоположныя тѣмъ идеямъ, которыя выражаетъ редакція «Русскаго Вѣстника».

И какъ васъ Богъ не въ пору вмѣстѣ свелъ!

Вотъ что говоритъ Гротъ: «Періодическая литература наша много занимается общественными вопросами, но очень мало сама собою... Наша литература бойко затрогиваетъ все, что лежитъ внѣ ея самой, но въ собственныя свои дѣла не вглядывается пристально. А между тѣмъ первый шагъ къ самоусовершенствованію есть самоизученіе, и для всего, что живетъ и мыслить, самое полезное дѣло есть занятіе ближайшими предметами».

А вотъ что говоритъ редакція въ январской книжкѣ, на стр. 480: «Только праздные и больные умы занимаютъ сами собою; только хилое искусство превращается въ эстетическіе курсы; только лишняя производительность, безжизненная и безсильная литература роется въ собственныхъ дрязгахъ, не видя передъ собою Божьяго міра, и вмѣсто живого дѣла занимается толченіемъ воды или домашними счетами, мелкими интригами и сплетнями».

Какъ видите, эти два мнѣнія диаметрально противоположны; Гротъ съ укоризною замѣчаетъ, что наша литература бойко затрогиваетъ все, что лежитъ внѣ ея самой, а редакція «Русскаго Вѣстника» рѣзко упрекаетъ ее въ томъ, что она роется въ собственныхъ дрязгахъ, не видя передъ собою Божьяго міра. Если мои читатели желаютъ знать мое личное мнѣніе объ этомъ важномъ спорномъ пунктѣ, то я замѣчу, что схожусь скорѣе съ воззрѣніями редакціи, чѣмъ съ идеями Грота, возводящаго безгласность литературы въ нормальное явленіе, и дающаго этой безгласности силу вѣчнаго закона. Любезная литература, говоритъ г. Гротъ своимъ вышеприведеннымъ мѣстомъ, ты, пожалуйста, не моги вмѣшиваться въ вопросы общественной жизни. Тамъ тебя не спрашиваютъ, туда тебя не пустать, тамъ тебѣ нечего дѣлать; все будетъ

улажено и устроено безъ тебя. Вы, господа писатели, творите стихи и прозу, оружайте повѣсти и драмы, свидѣтельствуйте другъ другу свое почтеніе и дружеское уваженіе въ критическихъ статьяхъ, восхищайтесь всѣмъ на всѣ лады красоту природы и благодати дѣнія, и—довольно съ васъ. Дальше не надо.

Признавая Карамзина и Жуковского выдающимися русскими писателями, основанными и доведенными на тѣхъ понятіяхъ, которыя составляли себѣ эти два джентльмена о дѣятельности литератора и гражданина, Гротъ не можетъ думать и говорить иначе. Кто въ шестидесяти годахъ повторяетъ то, что казалось смѣлымъ въ двадцатыхъ годахъ, тотъ не долженъ представиться намъ какимъ-то выдающимся литераторомъ. Люди, начиная съ 1856 году изданіе журнала, не могутъ стоять въ мнѣніяхъ въ антикомъ, подобнымъ редакціи «Русскаго Вѣстника», говорить совсѣмъ другое; она очень серьезно нашу литературу за то, что та не видитъ въ собою Божьяго міра и рѣшительно не можетъ принять въ соображеніе того обстоятельства, что литература наша ни въ чемъ не виновата и дѣлаетъ все, что можетъ, и если достигнуты результаты оказываются неудовлетворительными, то это значить только, что она при всѣхъ своихъ добросовѣстныхъ усиліяхъ не можетъ прошибать ледяную кору, отдѣляющую ее отъ живого пониманія народа.

Въ наше время пишутъ многіе, пишутъ тѣ люди, у которыхъ есть дѣйствительная потребность высказаться; пишутъ и тѣ люди, которые, научившись владѣть языкомъ, стремятся заработать себѣ побольше денегъ; въ книгѣ и статей, появляющихся втеченіи года у насъ въ Россіи, есть очень много фабричныхъ издѣлій, но зато рядомъ съ этими грошовами работами лежатъ тутъ же, въ этомъ ворохѣ книгъ и статей, труды лучшихъ, наиболѣе чистыхъ и талантливыхъ нашихъ соотечественниковъ. Искусства намъ какъ-то не дались; живопись, ни скульптура, ни музыка, ни театральное искусство не привлекаютъ къ себѣ съ особенною силою нашихъ молодыхъ дѣятелей; почти вся масса ума и таланта, порождаемая русскою почвою, съ неудержимой порывистостью бросается въ литературу и находитъ въ ея различныхъ родахъ полное удовлетвореніе своему стремленію къ дѣятельности. Желаніе высказаться почти всегда бываетъ сильнѣе, чѣмъ желаніе чему-нибудь научиться, и потому незрѣлость сужденій, которую «Русскій Вѣстникъ» клеймилъ позорнымъ именемъ литературной безчестности, дѣйствительно бросается въ глаза въ самыхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ нашей критики и публицистики. Эта незрѣлость составляетъ существующій фактъ, но въ существованіи этого факта не виноваты наши писатели. Всѣ мы вос-



атывались въ душевнѣйшей средѣ, въ узкихъ понятіяхъ, подъ вліяніемъ мертвящихъ предразсудковъ; всѣ мы, становясь на свои ноги, принуждены были разрывать связь съ нашимъ прошлымъ, передѣлывать сверху до низу весь строй нашихъ понятій, выкуривать изъ нашего мозга у нелѣпую демонологию, которая замѣняла намъ въ дѣтствѣ трезвыя понятія о мірѣ, о природѣ человѣкѣ; вступая въ борьбу съ тѣми элементами, которые, благодаря вліянію родителей и педагоговъ, приросли къ нашей природѣ, отрывая съ болью и съ кровью дѣтскія вѣрованія, вѣтскія привязанности, дѣтскіе взгляды на жизнь, мы воодушевляемся и ожесточаемся въ одно то же время; проникнутые сознательнымъ, глубокимъ отвращеніемъ къ тѣмъ мрачнымъ ормамъ семейнаго быта, къ тѣмъ суровымъ принципамъ лицемерной нравственности, къ тѣмъ безсмысленнымъ обычаямъ, которые давили въ дѣтствѣ наше естественное развитіе и задерживали нашъ умственный ростъ, — мы съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ выжидаемъ случая, когда намъ можно было выпразить свое негодованіе противъ всего того, что остановило развитіе многихъ даровитыхъ личностей и что до сихъ поръ продолжаетъ забивать способности дѣтей и юношей, дѣвушекъ и женщинъ нашихъ.

Когда мы беремся за перо, мы еще почти ничего не знаемъ, но сторона отрицанія оказывается уже вполне развитою. Нелѣпостей и несообразностей замечается на своемъ вѣку каждый ребенокъ; слѣдовательно, каждый молодой человѣкъ, принимающійся за перо, имѣетъ всѣ данныя для того, чтобы всей силой критики разбивать міръ преданій и рутинны. Въмѣстѣ съ матеріалами, жизнь даетъ намъ импульсъ къ отрицанію; кто развился на столько, чтобы понять неестественность своихъ ребяческихъ понятій, тотъ никакъ не остановится на хладнокровномъ созерцаніи этихъ понятій; умъ не терпитъ неволи; когда онъ видитъ себя не свободнымъ, онъ принимается разрушать свою кѣтку и не оставляетъ своей работы до той минуты, пока не будетъ совершенно окончено дѣло разрушенія. Когда умъ занятъ такого рода работою, тогда нѣтъ мѣста для спокойнаго приобрѣтенія знаній; находясь въ такой порѣ развитія, мы съ наслажденіемъ хватаемся за сочиненія, проникнутыя полемическими тенденціями, и оставляемъ въ сторонѣ многотомныя изслѣдованія кабинетныхъ ученыхъ. За это нельзя быть на насъ въ претензіи. «Своя рубашка къ тѣлу ближе»; мы ищемъ того, что соответствуетъ настоящимъ потребностямъ нашего ума, что отвѣчаетъ на вопросы, встречающіеся нашей мысли на пути ея естественнаго развитія.

Когда ребенокъ растетъ, у него иногда обнаруживаются странные аппетиты: онъ ѣстъ съ наслажденіемъ мѣлъ, уголь, известку, глину, и эти вещества приносятъ ему больше удовольствія и даже больше пользы, чѣмъ питательная говядина

или крѣпкій бульонъ; дѣло въ томъ, что ему надо ввести въ кровь именно тѣ вещества, къ которымъ онъ чувствуетъ странное влеченіе; на пути нашего умственнаго развитія, мы часто бываемъ поставлены въ такое же положеніе; если нашему уму надо что нибудь, вродѣ известки или острой кислоты, тогда и не предлагайте намъ ни телятины, вродѣ ученыхъ изслѣдованій Буслаева, Устрялова и Соловьева, ни миндалянаго печенья, вродѣ лирическихъ стиховъ Фета и Полонскаго. Та пища, на которой живутъ наши писатели, отражается конечно и на томъ, что они производятъ. Сами писатели проникнуты полемическими тенденціями, и тѣ же тенденціи проходятъ черезъ ихъ произведенія. Мы не рассказываемъ публикѣ о томъ, что мы знаемъ; мы просто дѣлимся съ нею нашими симпатіями и антипатіями; мы говоримъ ей: это мы любимъ, этого не любимъ, приводимъ съ большею или меньшею полнотою, съ большею или меньшею ясностью объясненія и доводы; мы говоримъ о томъ, что сами думаемъ и чувствуемъ, потому что полагаемъ, что вокругъ насъ живутъ такіе же люди, какъ и мы сами, и что каждый изъ нихъ думаетъ и чувствуетъ про себя почти то же самое, что думаемъ и чувствуемъ мы. Мы разбросаны по кружкамъ, надо же намъ подать другъ другу голосъ, надо-жъ намъ попробовать, нельзя ли намъ понять другъ друга, нельзя ли найти себѣ симпатіи, отклика; для этого надо высказаться безъ утайки, безъ задней мысли; что въ печи, то и на столъ мечи, что на душѣ, то и на языкѣ; только правдивость и искренность способны вызвать сочувствіе; кто пишетъ теперь по живой, внутренней потребности, тотъ хлопочетъ почти исключительно о томъ, чтобы высказать предъ обществомъ свои стремленія.

Фактическія подробности, которыми наши писатели обставляютъ свои идеи, не всегда удачно выбраны, часто невѣрны, но тутъ не въ фактахъ дѣло; важно то, что писатель хочетъ выразить своимъ произведеніемъ, важна общая идея, тенденція, и если посмотрѣть съ этой точки зрѣнія на статьи лучшихъ представителей нашей журналистики, то онѣ окажутся безукоризненными и выдержатъ самую строгую критику. Но редакция «Русскаго Вѣстника» постоянно, при оцѣнкѣ явленій современной литературы, останавливается на ихъ внѣшней сторонѣ; она смотритъ на писателя не какъ на живого человѣка, увлеченнаго своею идею, или возмущеннаго той или другой стороною жизни, а какъ на фотографическій станокъ, передающій съ безсознательной вѣрностью контуры предмета, находящагося передъ нимъ. Она не переносится въ положеніе писателя; она вся уходитъ въ анализъ мелочей и подробностей, которымъ самъ писатель не придаетъ никакого значенія.

Гротъ поступаетъ еще оригинальнѣе; заду-мавъ говорить о русской журналистикѣ, онъ



высказываетъ объ ней слѣдующія замѣчанія, которыя самымъ нагляднымъ образомъ показываютъ намъ, на сколько Гротъ понимаетъ интересы нашего времени. Во-первыхъ, онъ упрекаетъ журнальную критику въ томъ, что она обнаруживаетъ мало сочувствія къ Карамзину и Жуковскому. Во-вторыхъ, въ томъ, что она измѣряетъ гонность человѣка только тѣмъ, принадлежитъ ли онъ къ старому, или къ молодому поколѣнію. Въ-третьихъ, въ томъ, что «нѣкоторые наши журналы и газеты начали употреблять также въ видѣ насмѣшки и даже брани слово *ученый*». Вотъ вамъ, господа читатели, сумма мнѣній Грота о русской журналистикѣ. Мнѣ кажется, Гроту было бы удобнѣе писать замѣтки о шрифтѣ, о бумагѣ, на которой печатаются наши журналы, о цвѣтѣ ихъ обертки, но только ужъ никакъ не о журналистикѣ. Писать о журналистикѣ, не будучи въ состояніи отдать себѣ отчетъ въ значеніи тѣхъ идей, которыми живутъ лучшіе люди нашего общества, это чересчуръ оригинально.

Но если оригинально въ этомъ случаѣ положеніе автора замѣтки, то конечно еще гораздо оригинальнѣе поступокъ редакціи, печатающей на страницахъ своего журнала такую статью, которая прямо противорѣчитъ мнѣніямъ редакціи и обличаетъ въ авторѣ такую нетронутую глубину наивности.

#### У.

Пропуская двѣ статьи Лонгинова, отличающіяся полнотою библиографическихъ свѣдѣній и полнымъ отсутствіемъ руководящей идеи, пропускаю еще двѣ статьи, изъ которыхъ одна трактуетъ о губернскихъ памятныхъ книжкахъ, а другая о картѣ Самарской губерніи, я перехожу къ мартовской книжкѣ, и встрѣчаю ту статью о госпожѣ Толмачевой, которая въ свое время вызвала противъ себя заслуженное негодованіе въ обществѣ и въ періодической литературѣ. Въ этой статьѣ редакція «Русскаго Вѣстника» косвенно объявляетъ себя противъ эманципации женщины и спрашиваетъ: чего недостаетъ нашимъ женщинамъ? Утѣшаетъ ихъ тѣмъ, что «у насъ были знаменитыя императрицы, на англійскомъ престолѣ возсѣдаетъ теперь королева, на испанскомъ тоже, и совѣтуетъ, вмѣсто того чтобы эманципировать женщину — подчинить и мужчину извѣстнымъ ограниченіямъ, ради охраненія доброй нравственности. Этихъ фактовъ совершенно достаточно, чтобы дать понятіе о букетѣ этой статьи; о ней въ свое время было говорено довольно много, и потому я ограничусь только бѣглымъ указаніемъ на это произведеніе умѣреннаго либерализма; въ списокъ прошлагоднихъ подвиговъ «Русскаго Вѣстника» необходимо было помѣстить и эту статью, потому что въ ней есть драгоцѣнные выходки противъ эманципаторовъ, противъ пустоголовыхъ прогрессистовъ,

противъ отрицателей общественныхъ нравовъ, противъ губителей общественной нравственности. Добродѣтельный пафосъ, которымъ проникнуты многіе отрывки этой замѣчательной статьи, составляетъ рѣдкое и тѣмъ болѣе отрадное явленіе въ нашей легкомысленной литературѣ, преобладанія эгоизма, скептицизма, материализма и разныхъ другихъ безнравственныхъ стремленій. Неудобно ли вамъ напирать и любоваться слѣдующими строками. Вы просто оазисъ среди песчаной пустыни.

«Общественныя приличія! Но что даетъ намъ право ставить себя выше ихъ? Можно ли думать, чтобы общественныя приличія нарушались во имя пошлыхъ фразъ, выражений ничтожности и пустоты? Что должно сказать при видѣ ничтожества, которое, подъ прикрытіемъ такихъ словъ: прогресса, просвѣщенія, свѣта, топорщится со свистомъ въ головѣ стада дѣлага общества, выше убѣжденій дѣлающихъ, клеймя ихъ названіемъ предразсудковъ? Общественныя приличія имѣютъ всегда какое-нибудь основаніе; вырабатываясь изъ жизни, они впадаютъ въ себѣ ея разумъ, и для того, чтобы судить о нихъ, надо прежде понимать ихъ» (стр. 37).

Не знаешь, чему больше удивляться, чистому неподражаемому мѣсто: силѣ ли пафоса, или шага авторомъ, фразистости ли его произведенія или же наконецъ тому изумительному отсутствію связи, которое мы видимъ между этими словами и предложеніями. Можно сказать навѣрное, что если бы какая-нибудь изъ барынь взялась защищать свѣтскія приличія противъ нападокъ разгулявшейся журналистики, то она сдѣлала бы это дѣло гораздо умнѣе, чѣмъ редакція «Русскаго Вѣстника». Она твердо стала на хорошо знакомую ей практическую почву и не пыталась бы оправдывать общественныя приличія съ высшей, философской точки зрѣнія. Такого рода диалектическій приемъ имѣетъ всю прелесть новизны въ нашей литературѣ, честь его изобрѣтенія принадлежитъ безспорно редакціи «Русскаго Вѣстника». Вотъ еще мѣсто:

«Вы хотите возвыситься надъ общественными приличіями: остерегитесь, чтобы не упасть только ниже ихъ, но и ниже облаченныхъ одеждъ скотской жизни. Вы домогаетесь благовѣстия выше долга; но помните, благодатные люди она не исключаетъ долга, а, возвышаясь надъ нимъ, даетъ только больше, чѣмъ можетъ дать онъ. Вы лѣзете въ геніи, но не думайте, что достиженія этой чести надобно только отказать отъ здраваго смысла» (стр. 37).

Кого хочетъ поразить этими словами «Русскаго Вѣстника», кого называетъ онъ благодатными людьми, кто лѣзетъ въ геніи и какое отношеніе эта тирада имѣетъ къ женщинамъ — это рѣшительно не понимаю. Сомнѣваюсь даже, чтобы это было понятно самому автору.



1. Немало курьезныхъ цитатъ можно было бы найти изъ этой апологіи Камня Виногорова (а Вейнберга), но мыѣ предстоитъ еще перебрать много драгоценностей, и потому я пою иду дальше. Остановлюсь на минуту на Лонгиновѣ о стихотвореніяхъ А. С. Хомякова. Въ этой статьѣ начинается проявляться тотъ же оптимизмъ, который составляетъ одно изъ ладающихъ свойствъ критики «Русскаго вѣстника». Журналъ этотъ относится чрезвычайно мягко и ласкательно ко всему тому, что не идетъ въ связи съ свистящей журналистикой. Все хорошо въ нашей жизни, по мнѣнію «Русскаго Вѣстника», и только безмозглые отрицатели своими нестройными криками нарушаютъ гармонію этой изящной жизни. Хомяковъ принадлежалъ къ безмозглымъ отрицателямъ, следовательно, его можно возвеличить, и дѣйствительно Лонгиновъ величаетъ его такъ усердно, что статья его дѣлается похожей на панегирикъ. Тѣ стихотворенія, которыя онъ приводитъ подтвержденіе своихъ хвалебныхъ отзывовъ, суть быть очень возвышены по своему духовному полету, но мотивы этихъ стихотвореній походятъ на современному читателю черезчуръ анимированными и затронуть въ немъ это живое чувство мало, какъ мало затронуть это живое чувство самыя лучшія мѣста изъ «Мессіады» Клоуэ. Сомнѣваюсь напримѣръ, чтобы на кого-нибудь могло подѣйствовать слѣдующее произведеніе, выписанное въ статьѣ Лонгинова:

Подвигъ есть и въ сраженіи,  
Подвигъ есть и въ борьбѣ,  
Лучшій подвигъ въ терпѣннѣ,  
Любви и мольбѣ.

Если сердце заняло  
Передъ злобой людскою,  
Иль насиліе схватило  
Тебя дѣльною сталью,  
Если скорби земныя  
Жаломъ въ душу впились,  
Съ вѣрой бодрой и смѣлой  
Ты за подвигъ берись:  
Есть у подвига крылья,  
И взлетишь ты на нихъ,  
Безъ труда, безъ усилія,  
Выше скорбей земныхъ,  
Выше крыши темницы,  
Выше злобы слѣпой,  
Выше воплей и криковъ  
Гордой черни людскою.

Если бы эти стихи принадлежали не Хомякову, а какому нибудь неизвѣстному поэту, я можетъ быть назвалъ ихъ холодной декларацией на заданную тему. Но Хомяковъ, какъ яорятъ всѣ люди, знавшіе его лично, былъ чрезвычайно въ высшей степени честный и глубоко крѣпкій; слѣдовательно, надо повѣрить поэту слово и предположить, что онъ въ этомъ стихотвореніи дѣйствительно выразилъ то, что чувствовалъ, то, въ чемъ онъ былъ горячо убѣжденъ. Такого рода предположеніе оправдывается въ нашихъ глазахъ личность Хомякова, но оно ни-

какъ не заставить насъ восхищаться произведеніемъ Хомякова и сочувствовать тому настроенію, подъ вліяніемъ котораго оно написано. Можетъ быть, мы не стоимъ на той высотѣ духовнаго развитія и просвѣтленія, на которой находился Хомяковъ; можетъ быть намъ недоступны тѣ высшія духовныя радости, о которыхъ поетъ поэтъ, только потому, что мы испорчены скептическимъ направленіемъ нашего вѣка и придавлены къ землѣ мелкими заботами и нелѣпостями дѣйствительности; все это можетъ быть, но, какъ бы ни были унижены для насъ самыя причины нашего непониманія, мы все-таки откровенно сознаемся въ томъ, что не понимаемъ идеи стихотворенія. Что же касается до крыльевъ подвига и до возможности взлетѣть на нихъ выше крыши темницы и выше многихъ другихъ непріятныхъ предметовъ, то намъ, испорченнымъ дѣтямъ XIX вѣка, подобныя сочетанія словъ кажутся совершенными нелѣпостями, горячо прочувствованными самимъ поэтомъ, но рѣшительно не выдерживающими самой элементарной критики.

То, чего не понимаемъ мы, по своему неразумію или по своей испорченности, то конечно могъ бы понимать Лонгиновъ; если бы его критическая статья была проникнута тѣмъ духомъ, который вѣетъ въ стихотвореніяхъ Хомякова, тогда я совершенно понялъ бы восторгъ рецензента передъ личностью и произведеніями вдохновеннаго поэта и понялъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ, что мы съ Лонгиновымъ живемъ въ двухъ разныхъ мірахъ, что въ нашихъ взглядахъ на жизнь нѣтъ ничего общаго, и что, слѣдовательно, намъ не надо спорить между собою и нельзя ни на чемъ сойтись. Но дѣло въ томъ, что г. Лонгиновъ вовсе не восторгается тѣми идеями и образами, которыми наполнены стихотворенія Хомякова; онъ голословно восхищается стихотвореніемъ, голословно называетъ его превосходнымъ, голословно говоритъ, что «поэтическое наслѣдіе Хомякова не велико по количеству, но состоитъ изъ чистаго золота», и голословно повторяетъ отзывъ одного критика, что Хомяковъ «не написалъ ни одного празднаго стиха». Изъ всего этого голословія читатель статьи Лонгинова никакъ не будетъ въ состояніи понять красоту хомяковской поэзіи и тѣхъ точекъ соприкосновенія, которыя существуютъ между поэтомъ и критикомъ. Гдѣ же сужденіе Лонгинова о разбираемыхъ имъ произведеніяхъ, гдѣ личныя убѣжденія критика? Неужели ихъ надо искать въ эпитетахъ, вроде «ярко», «превосходно», «глубоко», «высоко» и въ риторическихъ фигурахъ вроде «чистаго золота поэтическаго наслѣдія» или «строгія черты его цѣломудренной музы»? Но вѣдь эти эпитеты надо же чѣмъ нибудь мотивировать, эти риторическія фигуры надо чѣмъ нибудь оправдать. Вѣдь не изъ однихъ же словъ и библиографическихъ свѣдѣній должна состоять критиче-



ская статья? Надо же, что бы въ ней была хоть какая нибудь мысль. Знать, что такая-то книга была издана первымъ изданіемъ въ такомъ то году, и что такое-то стихотвореніе было помѣщено въ такой-то книжкѣ такого-то журнала— не значить еще быть критикомъ. Въ противномъ случаѣ большая часть библіотекарей, книгопродавцевъ и грамотныхъ букинистовъ могли бы Бѣлинскаго за поясъ заткнуть. Кажется, Лонгиновъ такъ и думаетъ, если принять въ соображеніе его статью: «Бѣлинскій и его лжеученики», статью, которой мы коснемся мимоходомъ, когда дойдемъ до разбора юньской книжки «Р. В.».

Надѣясь, что не все наши читатели разделяютъ мнѣніе Лонгинова объ обязанностяхъ и достоинствахъ критика, я дамъ себѣ право обратить вниманіе тѣхъ людей, которые не согласятся съ Лонгиновымъ, на то поразительное безсиліе, на ту печальную безжизненность, которыми обнаруживаются въ критикѣ «Русскаго Вѣстника». У нея есть только одинъ *mot d'ordre*: преслѣдованіе свистуновъ; когда она заговоритъ о свистунахъ, тогда она сколько нибудь оживляется, начинаетъ браниться, смѣяться принужденнымъ смѣхомъ, вздыхать о горькой участи русской литературы. Все эти различные оттѣнки негодованія остаются намъ довольно непонятными въ своей исходной точкѣ, въ побудительной причинѣ; все эти проявленія возмущеннаго нравственнаго чувства похожи скорѣе на лирическія изліянія, чѣмъ на солидныя выраженія продуманныхъ убѣжденій; но по крайней мѣрѣ въ этихъ выходкахъ есть жизнь; въ нихъ авторы статей выражаютъ свои собственные чувства и не стараются поднять себя на высоту невозможной и неестественной объективности, которая, какъ двѣ капли воды, похожа на отсутствіе собственного убѣжденія, на добровольное или вынужденное критическое молчаливство. Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ не о свистунахъ, тамъ критическія статьи «Русскаго Вѣстника» состоятъ изъ выписокъ, изъ варіацій на эти выписки, изъ библиографическихъ или биографическихъ указаній и изъ фразъ болѣе или менѣе лестныхъ для автора разбираемой книги. Часто въ его рецензіяхъ видно много эрудиціи, часто онъ представляетъ очень тщательный разборъ очень мелкихъ фактовъ, но при этомъ общая идея автора всегда ускользаетъ отъ рецензента и никогда не наводитъ его на критическія размышленія. Мысль расплывается въ безцвѣтныхъ фразахъ или задыхается подъ грудой мелкихъ фактовъ.

## VI.

Относясь мягко и почти любовно ко всему, что не имѣетъ связи съ задорной журналистикой, и въ тоже время не рѣшаясь слишкомъ громко расхваливать то, что не представляетъ никакихъ особенныхъ достоинствъ, «Русскій Вѣстникъ» держится дипломатической осторожности,

хвалить такъ, что его похвалы выходятъ за выраженія свѣтской вѣжливости и наивнаго почтенія. Похвалы эти голосливы и официальны; въ нихъ не видно дѣйствительнаго сочувствія; но, не смотря на эту дѣловую осторожность, у «Р. В.» прелесть рою довольно странныя призванія и призыванія.

Съ этой точки зрѣнія стоитъ принять примѣръ статью г. Н. о «Солдатскій Погооскаго. Погооскій, какъ авторъ «Назарыча», «Господина Колодника» и другихъ рассказовъ, взятыхъ изъ его быта и переданныхъ солдатскимъ языкомъ, ставитъ своей заманкой идеализировать нашу среду, и въ особенности тѣ личныя черты, которыя являются въ его рассказахъ и планахъ. Какъ человекъ умный и не лишенный временнаго литературнаго образованія, Погооскаго идеализируетъ довольно искусно и красиво. Онъ не представляетъ своихъ германскихъ зочными богатырями, не заставляетъ себя въ грудь и плакать на взрыдъ «матушка Русь православная», не выискиваетъ на плечи невѣроятныхъ подвиговъ героизма и самоотверженія, и вообще не выводитъ строенія своихъ характеровъ и положенія масштабъ сѣренькой дѣйствительности. Назарычи, Савельичи, Кулики да Балкины, говоритъ г. Н., народъ все больше невзрачный, нехвастливый; это все люди, которые же, обокъ насъ живутъ».

Все это почти вѣрно, а между тѣмъ это и есть сущность существованія страшной идеализации. Эти солдаты—люди малелькіе, но въ высшей степени добродѣтельные. «А придетъ случай—дишь, говоритъ самъ Погооскій, онъ (т. е. солдатъ) и встанетъ передъ тобою въ такой красоте душевной, такую добродѣтель окажетъ, ни въ какомъ зломъ непреклонную, что подниметъ невзрачному человѣку этому и за большое счастье почесть называть его равней товарищу своимъ». Вотъ и возникаетъ вопросъ: откуда добылъ себѣ этотъ солдатъ такую отъменную добродѣтель? Изъ деревни ли онъ ее принесъ въ казармахъ выработалъ? Если изъ деревни принесъ, то эта добродѣтель принадлежитъ ли большому лицу, или цѣлому народу, но не специальному сословію солдатъ. Если же онъ ее выработалъ въ сферѣ своей служебной жизни, тогда Погооскому очень не мѣшало бы объяснить читателямъ, какія именно стороны этой жизни вырабатываютъ въ солдатѣ непреклонную добродѣтель и душевную красоту. Но Погооскій, какъ художникъ, можетъ быть увлеченъ своимъ предметомъ, и вслѣдствіе этого можетъ, въ отношеніи къ этому предмету, утратить до нѣкоторой степени ту силу анализа, съ которою человекъ хладнокровно размышляющій простирается къ обсужденію каждаго дѣла или вопроса. Можетъ быть Погооскій видѣлъ, дѣйствитель-



ного примѣровъ непреклонной добродѣтели и красоты душевной, что для него понятіе а совершенно неразлучно съ понятіемъ чести, обладающаго именно такой добродѣтелью сотою. Кромѣ того Погоскій преслѣдуетъ быть нравственно-педагогическую цѣль аетъ представить своимъ читателямъ-солдаты какъ можно больше хорошихъ образцовъ, ого чтобы эти читатели, умиляясь сердцемъ, стремились подражать этимъ доблестнымъ образамъ и неуклонно подвигались впередъ на своего духовнаго и нравственнаго совершенванія. Если Погоскій увлекается какъ критикъ, если онъ, сочувствуя своимъ младшимъ братьямъ, видитъ ихъ отчасти въ розовомъ свѣтѣ — это дѣлаетъ величайшую честь его сердцу и впечатлительнымъ нервамъ. Для «Солдатской Бесѣды», хотя въ сущности увеличиваетъ правдоподобіе характеровъ, этихъ Назарычу, и даже не объясняетъ продолженія этихъ характеровъ изъ наличныхъ фактовъ нашей дѣйствительности. Если Погоскій хочетъ приносить пользу нашимъ нижнимъ чинамъ представляемыми образцами, если добродѣтельные герои — ничто иное, какъ люди, съ которыхъ солдату должно списывать поступки и свою жизнь, то опять-таки не отнестись съ величайшей признательностью къ добродѣтельнымъ тенденціямъ Погоска, нельзя не признать его за истиннаго героя и нельзя не пожалѣть о томъ, что такая филантропія эта идетъ въ разрѣзъ съ истинной правдой. Но аргументы, которые велъ для того, чтобы оправдать и объяснить увлеченіе Погоска своимъ предметомъ, исходящую изъ этого увлеченія идеализацію, жалѣнію, никакъ не могутъ быть приведены въ пользу г. N. — критика «Р. В.».

Критика состоитъ именно въ томъ, что не рассмотреть и разоблачить отношенія художника къ изображенному предмету; критикъ долженъ разсмотрѣть этотъ предметъ очень внимательно, обдумать и разрѣшить по своему тѣ вопросы, на которые наводитъ этотъ предметъ, вопросы, которые едва затронулъ и можетъ быть едва замѣтилъ самъ художникъ. Художнику представляется единичный случай, яркій образъ; критику должна представляться связь между этимъ единичнымъ случаемъ и общими свойствами и чертами жизни; критикъ долженъ постигнуть смыслъ этого случая, объяснить его причину, узаконить его существованіе, показать его *raison d'être*. Погоскій рисуетъ намъ доблестныхъ солдатъ. Критикъ его произведенія можетъ соглашаться или не соглашаться съ нимъ, признавать или отвергать дѣйствительность выводимыхъ имъ явленій; въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ долженъ выставить на видъ тѣ факты, которыми онъ руководствуется, и въ помощи которыхъ онъ приходитъ къ тому или

другому результату. Если онъ считаетъ Куликова и Назарычу дѣйствительно живыми типами, то долженъ объяснить намъ, какія именно условія русской жизни вообще или солдатскаго житья-бытья въ особенности содѣйствуютъ формированію такихъ типовъ. Если онъ считаетъ Куликова и Назарычу головными выдумками автора, построенными съ поучительно нравственной цѣлью, то онъ опять-таки обязанъ, подвергнувъ анализу тѣ же условія русской жизни, доказать, что при этихъ бытовыхъ условіяхъ личности подобныя добродѣтельнымъ героямъ Погоскаго существовать не могутъ. Словомъ, чтобы критическая статья не была переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, надо, чтобы въ ней высказывался взглядъ критика на явленія жизни, отражающіеся въ литературномъ произведеніи, надо, чтобы въ ней, съ точки зрѣнія критика, обосновывался и рѣшался какой нибудь вопросъ, поставленный самою жизнью и натолкнувший художника на созданіе разбираемаго произведенія.

Этого-то именно вы и не найдете въ статьѣ г. N.; одобрительно-ласкательные отзывы о «Солд. Бесѣдѣ» Погоскаго, выписки изъ упоминаемыхъ повѣстей, разсказъ содержанія этихъ повѣстей — вотъ все, что вы встрѣтите въ этой *soi-disant* критической статьѣ. Мы изъ этой статьи имѣемъ право вывести одно заключеніе, что авторъ ея раздѣляетъ сладкія воззрѣнія Погоскаго и вмѣстѣ съ нимъ готовъ восхищаться той сферой, въ которой живутъ и дѣйствуютъ наши крестьяне и солдаты. Я не намѣренъ спорить ни съ Погоскимъ, ни съ г. N. тѣмъ болѣе, что послѣдній не высказываетъ рѣшительно своихъ мнѣній, а только принимаетъ съ полной вѣрой все слова и разсказы «Солд. Бесѣды». Я спорить не намѣренъ, потому что нахожу это въ высшей степени неудобнымъ и бесполезнымъ; я ограничиваюсь только тѣмъ, что указываю на крайніе выводы, къ которымъ приводитъ сладкій оптимизмъ «Русскаго Вѣстника». Затѣмъ иду дальше, къ критическимъ диковинкамъ слѣдующихъ книжекъ.

## VII.

Въ раздумьѣ останавливаюсь я передъ апрѣльской книжкой; въ ней критическій отдѣлъ начинается выпиской изъ сочиненія Юркевича («Изъ науки о человѣческомъ духѣ»). Возникаетъ вопросъ: говорить или не говорить объ этой статьѣ. Есть много аргументовъ за и противъ; но, мнѣ кажется, будетъ основательнѣе пройти эту статью молчаніемъ, напомнивъ предварительно читателямъ, что она направлена противъ статьи Чернышевскаго объ антропологическомъ принципѣ и заимствована «Русскимъ Вѣстникомъ», какъ полемическое *casse-tête*, изъ «Трудовъ кievской духовной академіи». Рѣшаюсь я не говорить объ этой статьѣ собственно потому, что не вижу ни малѣйшей точки соприкосновенія



между мыслями Юркевича и моими собственными идеями. Процессъ мысли, исходныя точки, результаты, способъ изложенія—все это до такой степени различно, какъ будто бы мы жили въ разные времена и говорили на двухъ разныхъ языкахъ. Очень можетъ и быть, что это признаніе сдѣлано мною къ моему собственному стыду, очень можетъ быть, что жить не въ томъ мірѣ, въ какомъ живетъ Юркевичъ, значить прозябать, вести жизнь скотоподобную, не имѣть понятія о дѣятельности мысли; все это очень возможно, а между тѣмъ я все-таки съ полною откровенностью скажу, что не понимаю, изъ чего хлопочетъ Юркевичъ, чтѣ и зачѣмъ онъ доказываетъ, какая польза и какая надобность въ тѣхъ невыносимо-скучныхъ діалектическихъ тонкостяхъ, которыми наполнена его обширная статья.

Согласитесь, господа читатели, что, если я не понимаю ни цѣли, ни сущности, ни пользы статьи Юркевича, то я никакъ не могу стать къ ней въ какія бы то ни было критическія отношенія. Для меня статья Юркевича написана на неизвѣстномъ языкѣ и притомъ на такомъ языкѣ, которому я не хочу учиться, потому что очень хорошо знаю, что этотъ языкъ, сухой и бесплодный, ничѣмъ не вознаградитъ меня за тѣ усилія, которыя я употребляю на его усвоеніе. Если Юркевичъ не умѣетъ говорить ясно и просто о простыхъ и ясныхъ предметахъ, если надо пройти цѣлый предварительный курсъ кабабистики для того, чтобы слышать его ученіе о природѣ, о человѣкѣ, о духѣ и разумѣ, то я полагаю, что большинство людей предпочтутъ остаться профанами. Вокругъ насъ кипитъ живая жизнь; что ни шагъ, то предметъ для размышленія, и притомъ такой предметъ, который непременно надо обсудить, чтобы имѣть возможность идти дальше; тутъ сама жизнь задаетъ вопросы и шевелитъ мысль; успѣвай только обдумывать и рѣшать; успѣвай только пробиваться и разрушать дѣйствительныя препятствія; а тутъ намъ предлагаютъ углубиться въ самихъ себя, заняться діалектическими выкладками, воскресить покойный гегелизмъ и зарыться по уши въ какую-нибудь отвѣченную систему, которая не успѣла даже выработать себѣ яснаго языка.

Мы съ удовольствіемъ готовы пользоваться философскою діалектикой, какъ орудіемъ борьбы, какъ средствомъ разрушать предрассудки, но когда такая діалектика уходитъ въ область словъ, когда она, теряя изъ виду дѣйствительность, забывая условія мѣста и времени, начинаетъ расплываться въ общихъ разсужденіяхъ, не приводящихъ и не могущихъ привести ни къ какому осязательно-практическому, жизненному результату, тогда мы отвертываемся отъ этой діалектики и находимъ, что заниматься ею скучно, а спорить съ тѣмъ, кто ею занимается, бесполезно.

Какъ бы замысловаты ни были тѣ приемы, которыми Юркевичъ уличаетъ Чернышевскаго

въ непоследовательности, въ несогласности умѣньи мыслить, въ противорѣчіи съ собою, какъ бы остроумны и глубокими ни были тѣ доводы, которыми князь такъ громитъ петербургскаго журналиста, такъ статья кievскаго мыслителя прочтена немногими любителями и даже на этихъ телей не произведетъ сильнаго впечатлѣнія, потому что она споритъ изъ-за словъ и теряется на мелочахъ. Что же касается до петербургскаго журналиста, то ее прочтутъ широкое читавшей публики; идея его о дѣятельности мысли, критика ума усиленно пружена этимъ притокомъ новаго матеріала, довольно дѣло сдѣлано, а тамъ гниютъ потливые труженики, не умѣющие своимъ взглядомъ цѣлое направление мысли, ражаютъ противъ отдѣльныхъ подробностей, ратуютъ противъ частныхъ недосмотровъ и не видятъ живую идею въ діалектическомъ водоемѣ; этимъ они нисколько не останавливаютъ развития идей въ обществѣ, они покажутъ только свое собственное неумѣнье противъ котораго конечно людямъ дѣловой мысли не стоитъ предпринимать какой-нибудь походъ; достаточно указать на это безжизненное существованіе фактъ и пройти мимо гнилыхъ предметовъ, также заслуживающихъ вниманія.

Полнаго вниманія заслуживаетъ статья Лонгина о князѣ П. А. Вяземскомъ. Эта статья звана отзывами разныхъ петербургскихъ журналовъ и газетъ о юбилей пятидесятилетия литературной дѣятельности князя Вяземскаго, праздновавшемся 2 марта 1861 года. Въ это время было много говорено объ этомъ юбилейѣ, гораздо больше, чѣмъ стоило говорить о предметѣ, и потому я конечно въ этой статьѣ не буду поднимать этихъ улегшихся тумановъ. Вообще я совершенно воздержусь отъ сужденій о литературныхъ заслугахъ Вяземскаго, имѣть дѣло только съ Лонгиновымъ, который увлекался жаромъ антикварія и пантеистически высказываетъ много любопытныхъ идей и оригинальныхъ взглядовъ. Исходная точка у Лонгина та же, что и у Грота; онъ сурово критикуетъ нашихъ литераторовъ или, какъ онъ говоритъ съ оттѣнкомъ укоризны, нашихъ фельетонистовъ въ томъ, что они не знаютъ истории нашей словесности и потому не чувствуютъ своимъ предшественникамъ на литературномъ поприщѣ того уваженія и той признательности, которую слѣдуетъ воздавать имъ по заслугамъ. Онъ указываетъ этимъ фельетонистамъ на гандескія и человѣческія добродѣтели нашихъ писателей прежняго времени и указываетъ на образцы, которыхъ изъ нихъ, какъ на образцы, достойныя подражанія. «Карамзинъ, говоритъ онъ, изъ котораго смѣютъ нападать разные борзописцы, то, что онъ не думалъ и не писалъ въ ихъ духѣ»



инъ былъ одаренъ гражданской чест-  
ю и гражданскимъ мужествомъ, какихъ  
нѣтъ побольше на Руси. Онъ отказывался отъ  
постя министра, перомъ Тацита писалъ  
воръ Іоанну, не угождалъ ни одному вре-  
мѣну, подавалъ государю записки о разныхъ  
государственныхъ дѣлахъ первой важности, не  
давая на то, что мысли его противорѣчили взгля-  
дамъ Александра. Благородство Жуковского во-  
вѣщаетъ пословицу. Шишковъ ошибался, но былъ  
лучшій изъ людей, твердый въ правилахъ  
личной совѣсти, согнутый ни передъ чѣмъ, сло-  
во — достойный другъ Мордвинова. Справ-  
ка — какая память живетъ въ министерствѣ  
или о Дмитріевѣ и теперь, черезъ сорокъ  
лѣтъ послѣ его отставки?»

Печкаясь апологическимъ жаромъ, Лонгиновъ  
забываетъ того, какъ странно онъ защищаетъ  
своихъ клиентов. Карамзинъ не былъ льстецомъ,  
а искреннимъ — неблагороднымъ человекомъ, Шиш-  
ковъ — безчестнымъ человекомъ, Дмитріевъ —  
высокимъ чиновникомъ; слушая воодушевлен-  
ныя Лонгинова на эту тему, можно себѣ  
представить, будто наша текущая литература  
заполнена обвиненіями и обвиненіями, направ-  
ленными противъ прежнихъ дѣятелей съ цѣлю  
навсегда ихъ имена и смѣшать съ  
ихъ память. Еслибы большинство пи-  
сателей было занято изобрѣтеніемъ раз-  
клеветъ противъ Карамзина, Жуковского,  
Лонгинова и Дмитріева, то тогда только можно  
бы объяснить себѣ происхожденіе апологіи  
Лонгинова. Но теперь къ чему она? Кто клевет-  
ничалъ на этихъ покойныхъ литераторовъ? Кто  
думалъ объ нихъ? Мы объ нихъ и думать за-  
были; у насъ порвалась всякая связь съ этими  
людьми; у нихъ были свои интересы, свои воз-  
зрѣнія; они отжили; теперь мы живемъ, и у насъ  
свои интересы, свои воззрѣнія, не имѣющія ни-  
чего общаго съ прежними; когда намъ случается  
вспомнить въ томъ ихъ сочиненій, мы остаемся  
чужды къ тому, что ихъ интересовало и подъ  
недовольно, добродушно улыбаемся ихъ во-  
евнымъ тирадамъ. Даже приговоръ Іоанну,  
написанный перомъ русскаго Тацита, Карамзина,  
вызываетъ въ насъ особеннаго сочувствія,  
и мы читаемъ какъ строки настоящаго, римскаго  
писателя, написанныя слишкомъ за полторы ты-  
сячъ лѣтъ тому назадъ, до сихъ поръ шевелятъ  
наши нервы. Что же дѣлать? Надо съ этимъ со-  
гласиться: Карамзинъ, Жуковский, Дмитріевъ и  
Лонгиновъ жили для насъ и отжили такъ полно, такъ  
важно, какъ вѣроятно никогда не отжи-  
ли люди съ дѣйствительнымъ, сильнымъ та-  
лантомъ, люди, подобные Шекспиру, Байрону,  
Гете, Пушкину. Шекспира мы до сихъ  
читаемъ съ наслажденіемъ, а Жуковского  
ни кто нибудь не возьметъ въ руки иначе,  
какъ ученый или библіографическій цѣль. А  
Лонгиновъ горячо возражаетъ, что Жу-

ковский, Карамзинъ и Шишковъ — честнѣйшіе  
люди. Ну что жъ изъ этого, отвѣтимъ мы. Мы  
ихъ и не бранимъ безчестными, а думаемъ толь-  
ко, что честность въ писателѣ — достоинство  
отрицательное. За отсутствіе этого достоинства —  
клеветать презрѣніемъ, а за присутствіе его еще  
не вѣнчаютъ лавровыми вѣнками. Что Карам-  
зинъ, Жуковский и Шишковъ были честными  
людьми — это при нихъ и остается. Изъ этого  
никакъ нельзя вывести заключенія, чтобы слѣ-  
довало превратить текущую литературу въ по-  
минальные списки. Мало ли въ Россіи со вре-  
менъ Рюрика или Гостомысла было честнѣйшихъ  
людей. Неужели же ихъ всѣхъ литература долж-  
на помнить и беречь только за то, что они были  
честнѣйшіе. Если у нашей эпохи нѣтъ такихъ  
интересовъ, которые раздѣляли бы съ нами Ка-  
рамзинъ и Жуковский, то въ чемъ же мы можемъ  
имъ сочувствовать, зачѣмъ мы будемъ къ нимъ  
обращаться? Отчего мы не можемъ и не должны  
говорить, что прошедшее нашей литературы для  
насъ не существуетъ, что мы отдѣлены отъ него  
глубокою пропастью, чрезъ которую нельзя и не  
слѣдуетъ перешагнуть? Почему, на какомъ осно-  
ваніи мы будемъ помнить и уважать прошедшее  
нашей литературы? Потому ли, что оно прошед-  
шее и что глубокомысленная латинская пого-  
ворка велитъ говорить *de mortuis aut bene,*  
*aut nihil*, или потому, что оно наше, родное,  
русское? Не знаю право, который изъ доводовъ  
лучше и сильнѣе. Что касается до Лонгинова,  
то онъ кажется охотнѣе приметъ первый аргу-  
ментъ, потому что уваженіе къ прошедшему, по  
его мнѣнію, должно быть принадлежностью обра-  
зованнаго литератора и развитого человѣка. «Ра-  
синъ не Мюссе, Шиллеръ не Гейне, говоритъ  
Лонгиновъ, а попробуйте умному французу или  
нѣмцу поговорить съ презрѣніемъ о Расинѣ или  
Шиллерѣ; онъ вѣроятно даже не почтетъ за нуж-  
ное продолжать съ вами разговоръ». Умный  
французъ или нѣмецъ, не дающій въ обиду сво-  
ихъ стариковъ, приведенъ здѣсь собственно для  
того, чтобы показать нашимъ «борзописцамъ и  
фельетонистамъ» всю позорную опрометчивость  
ихъ поведенія; желая дать этимъ господамъ хо-  
рошій, полный урокъ, Лонгиновъ говоритъ  
множество несообразностей; онъ ставитъ на одну  
доску Шиллера и Расина и находитъ, что умный  
французъ, защищающій Расина, и умный нѣмецъ,  
защищающій Шиллера, будутъ одинаково правы  
въ своихъ сужденіяхъ.

Въ глазахъ Лонгинова оба правы, потому что  
оба защищаютъ прошедшее; тутъ можно только  
скромно замѣтить, что вѣдь прошедшее прошед-  
шему рознь. Отстаивать Шиллера, какъ худо-  
жника и человѣка, какъ вдохновеннаго защит-  
ника лучшихъ правъ и лучшихъ инстинктовъ  
человѣческой природы, отстаивать Шиллера,  
какъ честнаго бойца своего времени, гениальнаго  
мыслителя и поэта — позволительно каждому по-



рядочному человѣку, будь онъ нѣмецъ или французъ, русскій или татаринъ. Но отстаивать Расина, въ сочиненіяхъ котораго мы не встрѣчаемъ ничего, кромѣ лжи и ходульности, отстаивать вмѣстѣ съ нимъ все направленіе литературы въ вѣкъ Людовика XIV, это такой подвигъ, на который можетъ рѣшиться развѣ только французскій академикъ, и за который похвалить можетъ только критикъ «Р. В.».

Сочувствіе Лонгинова къ прошедшему доходить до того, что онъ съ непритворнымъ уваженіемъ отзывается о французской академіи, какъ о хранилищѣ спасительныхъ преданій. То, что говоритъ Лонгиновъ объ академіи, такъ неподражаемо хорошо, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи выписать нѣсколько его подлинныхъ строкъ. «Она, говоритъ онъ, нечисля заслуги академіи, напечатала нѣсколько изданій словаря, сообразуясь съ успѣхами языка, была постоянно органомъ здоровой критики, а главное трудами и заступаніями своими распространяла въ публикѣ тотъ эстетическій вкусъ, развивала въ ней то уваженіе къ достоинствамъ безсмертныхъ твореній великихъ писателей, благодаря чему во Франціи не можетъ первый встрѣчный заставить вѣрить публику всему, что придетъ ему въ голову говорить объ этихъ писателяхъ».

Не знаю, на какихъ это наивныхъ и несвѣдущихъ читателей рассчитываетъ Лонгиновъ; кто же это ему повѣритъ, что французская публика отличается развитымъ эстетическимъ вкусомъ и что она обязана академіи эстетическими понятіями. Чтожъ, это академія что-ли рекомендовала ей романы Дюма, Феваля, графини Дашъ, Ксавье де-Монтепена и другихъ неистощимыхъ рассказчиковъ? И что же, это пристрастіе къ подобнымъ романамъ—признакъ развитого вкуса? Или можетъ-быть Лонгиновъ не признаетъ даже публикою тѣхъ людей, которые запоемъ читаютъ Феваля и Дюма? Отъ него это становится, потому что онъ кажется дѣлаетъ различіе между обществомъ и толпою. Общество онъ уважаетъ, но толпу, *proletariat vulgus*, необразованную массу онъ поражаетъ самымъ убійственнымъ презрѣніемъ, причисляя къ этой безобразной толпѣ и преступныхъ фельетонистовъ, и тѣхъ легкомысленныхъ людей, которые читаютъ эти фельетоны, не краснѣя отъ стыда и не блѣднѣя отъ добродѣтельного негодованія.

«Общество французское, продолжаетъ Лонгиновъ, на столько образовано, что считаетъ существованіе такого учрежденія не только совместнымъ съ движеніемъ литературы и своимъ собственнымъ, но совершенно необходимымъ, какъ убѣжище для истиннаго вкуса, для независимаго голоса людей знающихъ и почтенныхъ, для охраненія вѣчныхъ законовъ прекраснаго отъ посягательствъ легкомыслія и невѣжества. Поэтому академія руководствуется при выборѣ своихъ членовъ не только степенью таланта, а еще ме-

нѣе популярностью того или другого автора, считаетъ условіемъ для того члена званіе писателя, свойство его учености, мастерство его владѣть языкомъ, и критическій даръ. Она приметъ въ членовъ не только знаменитаго, малоизвѣстнаго толпѣ поэта Лапрада, но и скоро допуститъ въ свою среду низкаго, «популярнаго», бойкаго Теофиля Готье».

Знаете ли что, господа читатели, — ваясь въ чужую добродѣтель, мы сами и живѣе можемъ почувствовать свои личныя несовершенства, мы всего скорѣе дойдемъ до спасительнаго раскаянія и желанія исправиться. Со вниманіемъ ваясь въ идеи Лонгинова, я замѣчаю, что тимизмъ отличается глубокой, испеченностью, и съ истиннымъ огорченіемъ обличаетъ много себя въ мрачномъ и недостойномъ, и ко всему истинному и прекрасному. Какъ тепло вѣрить Лонгинову и въ чуждость французскаго общества, и въ чуждость французской академіи, и въ немощь голоса тѣхъ знающихъ и почтенныхъ, которые удостоились сдѣлаться ея членами, вѣчность тѣхъ законовъ прекраснаго, несмотря на свою вѣчность, должны быть немы отъ посягательствъ легкомыслія и невѣжества. Лонгиновъ такъ твердо вѣруетъ въ существованіе добра и во всемогущество его, что онъ души сочувствуетъ всѣмъ такимъ выборамъ, которые конечно представляются ему независимымъ голосомъ людей знающихъ и почтенныхъ. Его несказанно радуется, что академія не обращаетъ вниманія на мнѣніе толпы, и, бракуя «популярнаго» Готье, принимаетъ скромнаго поэта Лапрада, вѣроятно и благонаправленнаго и за похвальную скромность.

Да, вотъ какъ добродѣтельные люди на вещи; мнѣ становится стыдно за свои идеи, но я преодолеваю этотъ стыдъ и публичнымъ покаяніемъ съ нѣкоторой степенью смѣты съ себя неприличныхъ воззрѣній. Каюсь перьями, вотъ въ какихъ странныхъ образахъ являлись мнѣ тѣ факты, которые Лонгиновъ такимъ яркимъ потокомъ свѣта. Я думалъ, что французская академія, созданная по капризу всемогущаго монарха Ришелье, никогда не была живостью для французскаго общества, а по силѣ инерціи, какъ правительственное учрежденіе, созданное эдиктомъ и не отмѣнимымъ другимъ, послѣдующимъ распоряженіемъ. Я думалъ, что существованіе французской академіи не имѣетъ ничего общаго съ литературой, и что французское общество потеряло бы ровно ничего, еслибы академія вовсе не существовала; я думалъ, что французскій вкусъ не нуждается въ убѣжищѣ



каждого человека — знакомого или не знакомого, почтенного или непочтенного, может быть чище и самостоятельнее, когда этот человек говорит только от своего собственного имени тогда, когда он ораторствует на научных креслах, как член и представитель почтенной и ученой корпорации. Мне казалось, что французская академия не охраняет своих законов прекрасного по той простой причине, что таких мудреных законов не существует, и что, думая хранить вѣчные законы, почтенное собрание бережет залежавшіяся академические предания, окопавшіяся от времени и превратившіяся въ сухую, мертвую руну; при выборѣ своих членов академия руководствуется не степенью таланта автора, не яркостью его, а классическимъ образованіемъ писателя, свойствомъ его ученыхъ пріемовъ, мастерствомъ его владѣть языкомъ, его умомъ и критическимъ даромъ. Я бы от души хотѣлъ повѣрить на слово Лонгинову и принять за святое имѣемое имъ свидѣніе за святую истину, но не могу сдѣлать этого, потому что самыхъ словахъ критика заключается неразрѣшимое противорѣчіе: академия, изволите ли вы, не обращаетъ вниманія на степень таланта и между тѣмъ требуетъ мастерства владѣть языкомъ, вкуса и критическаго дара. Что такое критическій даръ, если онъ не приносится талантомъ и даже противополагается таланту? И мастерство владѣть языкомъ, и вкусъ — тоже не талантъ. Да что же такое талантъ? Конечно приходится обращаться къ переборкѣ словъ, когда люди начинаютъ употреблять слова, не отдавая себѣ отчета въ ихъ значеніи.

Чтобы понять Лонгинова, надо обратиться къ тѣмъ примѣрамъ, которыми онъ поясняетъ свою замысловатую идею, весьма похожую на пустую фразу. «Викторъ Гюго, говоритъ онъ, въ апогей своей славы не могъ сдѣлаться академикомъ до самаго 1841 года, потому что, несмотря на свое блестящее дарованіе, грѣшилъ часто противъ чистоты языка и здраваго вкуса, которые такъ уважаемы въ учрежденіи, гдѣ засѣдали тонкіе судьи ихъ, этому качеству преимущественно обязанные общимъ почетомъ, ихъ окружившимъ: Андріе, Фелець, Нодье, Сальванди, и пр.» А, да, теперь дѣло начинаетъ разясняться. Академия требуетъ правильности (Correctheit), и въ этомъ отношеніи платитъ дань общей слабости всѣхъ академій. Одна академия требуетъ правильности рисунка, другая — правильности музыкальнаго выполненія, третья — правильности поэтическаго вымысла. Ставя подобныя требованія, каждая академия стѣсняетъ свободный полетъ мысли и втискиваетъ въ свои условныя узкія рамки творческую дѣятельность художника. По академическимъ понятіямъ, трудолюбивая посредственность, умѣющая усвоить себѣ преданія школы, и не чувствующая въ себѣ ни малѣйшей по-

требности выдти изъ рубрикъ официально предписанной программы, всегда будетъ поставлена выше независимаго таланта, разбивающаго всякія условныя ограниченія и не повинующагося въ своемъ творчествѣ никому и ничему, кромѣ собственнаго внутренняго побужденія. Поэтому академия почти всегда расходится въ своихъ приговорахъ съ неразвитаю толпою; неразвитаю толпѣ нравится самородная сила, оригинальная смѣлость, творческая самобытность, а академикъ требуетъ выдержанности, дрессировки, примѣненія къ извѣстному, условному образцу; толпа величается и любитъ своихъ поэтовъ, не обращая вниманія на академическія приговоры, а почтенныя собранія, живя своею замкнутою, тепличной жизнью, знать не хотятъ о томъ, что дѣлается за стѣнами ихъ залъ и кабинетовъ, и улыбкой презрѣнія встрѣчаютъ всѣ проявленія мысли и чувства, прорывающіяся помимо ихъ приговоровъ и находящія себѣ сочувствіе въ неразвитаю толпѣ. Лонгиновъ — вполне академикъ по своимъ воззрѣніямъ, онъ отъ души желаетъ, чтобы толпа безпрекословно слушалась приговоровъ людей знающихъ и почтенныхъ, и чтобы всѣ ея сужденія были сколками съ протоколовъ академическихъ засѣданій; рутину школы онъ называетъ вѣчными законами прекраснаго; приговоры, произносимые съ точки зрѣнія этой рутинѣ, называются независимымъ голосомъ, и все остальное обозначается именами, заимствованными изъ того же круга идей и понятій.

Въ элегическомъ изліяніи Лонгиновъ представляетъ своимъ читателямъ тѣ благодѣтельные слѣдствія, которыя могло бы имѣть для нашего просвѣщенія существованіе ученаго собранія, подобнаго французской академіи. «При безпрерывномъ измѣненіи вкуса и переворотахъ въ языкѣ, говоритъ Лонгиновъ, у насъ была бы польза, чѣмъ гдѣ либо, корпорация независимая, съ авторитетомъ въ дѣлѣ словесности. Она несколько не стѣсняла бы доброй воли всякаго писателя какъ ему угодно (не правда ли, какъ это милое и великодушно!). Но она была бы хранилищемъ, гдѣ всякій могъ бы почерпнуть свѣдѣнія дѣльныя; центромъ, гдѣ публика знакомилась бы съ научными и литературными пріемами, узнавала бы серьезно исторію языка и словесности (очевидно, академия такого фасона была бы, по мечтамъ Лонгинова, чѣмъ-то среднимъ между присутственнымъ мѣстомъ, адреснымъ столомъ и учебнымъ заведеніемъ). Наконецъ, она была бы мѣстомъ соединенія, гдѣ сходились бы писатели разныхъ партій, которые теперь сидятъ по большей части безвыходно въ своихъ кружкахъ, въ ущербъ публикѣ, литературѣ и самимъ себѣ, потому что они ничего не видятъ, кромѣ своихъ же дѣйствій, ничего не слышатъ, кромѣ своихъ же рѣчей, повторяемыхъ близкими ихъ, да разныхъ литературныхъ сплетенъ. (Благодушно отворяя двери этой желанной академіи



рядочному человеку, будь он немец или француз, русский или татарин. Но отстаивать Расина, въ сочиненияхъ котораго мы не встречаемъ ничего, кромѣ лжи и ходульности, отстаивать вмѣстѣ съ нимъ все направленіе литературы въ вѣкъ Людовика XIV, это такой подвигъ, на который можетъ рѣшиться развѣ только французскій академикъ, и за который похвалить можетъ только критикъ «Р. В.».

Сочувствіе Лонгинова къ прошедшему доходитъ до того, что онъ съ неопровержимымъ уваженіемъ отзывается о французской академіи, какъ о хранилищѣ спасительныхъ преданій. То, что говоритъ Лонгиновъ объ академіи, такъ неподражаемо хорошо, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи выписать нѣсколько его подлинныхъ строкъ. «Она, говоритъ онъ, исчисляя заслуги академіи, напечатала нѣсколько изданій словаря, сообразуясь съ успѣхами языка, была постоянно органомъ здравой критики, а главное трудами и засѣданіями своими распространяла въ публикѣ тотъ эстетическій вкусъ, развивала въ ней то уваженіе къ достоинствамъ безсмертныхъ твореній великихъ писателей, благодаря чему во Франціи не можетъ первый встрѣчный заставить вѣрить публику всему, что придетъ ему въ голову говорить объ этихъ писателяхъ».

Не знаю, на какихъ это наивныхъ и неслѣдующихъ читателей разсчитываетъ Лонгиновъ; кто же это ему повѣритъ, что французская публика отличается развитымъ эстетическимъ вкусомъ и что она обязана академіи эстетическими понятіями. Чтожъ, это академія что-ли рекомендовала ей романы Дюма, Феваля, графини Дашъ, Ксавье де-Монтенена и другихъ неистощимыхъ рассказчиковъ? И что же, это пристрастіе къ подобнымъ романамъ—признакъ развитого вкуса? Или можетъ-быть Лонгиновъ не признаетъ даже публикою тѣхъ людей, которые запоемъ читаютъ Феваля и Дюма? Отъ него это станется, потому что онъ кажется дѣлаетъ различіе между обществомъ и толпою. Общество онъ уважаетъ, но толпу, *probanum vulgus*, необразованную массу онъ поражаетъ самымъ убійственнымъ презрѣніемъ, причисляя къ этой безобразной толпѣ и преступныхъ фельетонистовъ, и тѣхъ легкомысленныхъ людей, которые читаютъ эти фельетоны, не краснѣя отъ стыда и не блѣднѣя отъ добродѣтельнаго негодованія.

«Общество французское, продолжаетъ Лонгиновъ, на столько образовано, что считаетъ существованіе такого учрежденія не только совмѣстнымъ съ движеніемъ литературы и своимъ собственнымъ, но совершенно необходимымъ, какъ убѣжище для истиннаго вкуса, для независимаго голоса людей знающихъ и почтенныхъ, для охраненія вѣчныхъ законовъ прекраснаго отъ посягательствъ легкомыслія и невѣжества. Поэтому академія руководствуется при выборѣ своихъ членовъ не только степенью таланта, а еще ме-

нѣе популярностью того или другого писателя, считаетъ условіемъ для того классическое званіе писателя, свойство его учености, мастерство его владѣть языкомъ, его критическій даръ. Она приметъ въ членовъ, малоизвѣстнаго толпѣ поэта Лапрана, скоро допуститъ въ свою среду автора «популярнаго», бойкаго Теофиля Готье».

Знаете ли что, господа читатели, — ваясь въ чужую добродѣтель, мы сами и живѣе можемъ почувствовать свои нныя несовершенства, мы всего скорѣе дойдемъ до спасительнаго раскаянія и желанія исправиться. Со вниманіемъ ваясь въ идеи Лонгинова, я замѣчаю, что тимизмъ отличается глубокой, непоколебимостью, и съ истиннымъ огорченіемъ могу себя въ мрачномъ и недостойномъ ко всему истинному и прекрасному. Но какъ тепло вѣрить Лонгинову и въ ность французскаго общества, и въ мость французской академіи, и въ голоса тѣхъ знающихъ и почтенныхъ, торые удостоились сдѣлаться ея членами, вѣчность тѣхъ законовъ прекраснаго, несмотря на свою вѣчность, должны браться отъ посягательствъ легкомысленнаго жества. Лонгиновъ такъ твердо вѣруетъ въ существованіе добра и во всемѣстное его, что онъ души сочувствуетъ всѣмъ такимъ выборамъ, которые конечно представляются ему независимымъ голосомъ людей и почтенныхъ. Его несказанно радуетъ, что академія не обращаетъ вниманія на мнѣніе толпы, и, бракуя «популярнаго» (Готье, принимая скромнаго поэта Лапрана, вѣроятно за благонаравіе и за похвальную скромность).

Да, вотъ какъ добродѣтели на вещи; мнѣ становится стыдно за свои идеи, но я преодолеваю этотъ стыдъ и публичнымъ покаяніемъ въ некоторой степени смыть съ себя неприличныхъ воззрѣній. Какое же лямин, вотъ въ какихъ странныхъ обстоятельствахъ мнѣ тѣ факты, которые Лонгиновъ такимъ яркимъ потокомъ свѣта. Я думалъ, что французская академія, созданная по капризу всемогущаго монарха Ришелье, никогда не была женою для французскаго общества, по силѣ инерціи, какъ правительство, созданное эдиктомъ и не отменяемымъ другимъ, послѣдующимъ расказомъ. Я думалъ, что существованіе французской академіи не имѣетъ ничего общаго съ литературой, и что французское общество потеряло бы ровно ничего, еслибы академія вовсе не существовала; я думалъ, что французскій вкусъ не нуждается въ убѣжии



жлаго человека—знающаго или не знающаго или непочтеннаго, может быть чище и самостоятельнѣе, когда этотъ человекъ говоритъ только отъ своего собственнаго имѣнья тогда, когда онъ ораторствуетъ на академическихъ креслахъ, какъ членъ и предсѣдатель почтенной и ученой корпораціи. Мы знаемъ, что французская академія не охраняетъ своихъ законовъ прекраснаго по той простой причинѣ, что такихъ мудреныхъ законовъ не существуетъ, и что, думая хранить вѣчные заповѣданные собраніе бережетъ залежавшіяся академическія преданія, оконченныя отъ времени превратившіяся въ сухую, мертвую рутину. Выборъ своихъ членовъ академія руководствуется не степенью таланта автора, не оригинальностью его, а классическимъ образованіемъ писателя, свойствомъ его ученыхъ пріемовъ мастерствомъ его владѣть языкомъ, его талантомъ и критическимъ даромъ. Я бы отъ души повѣрилъ на слово Лонгинову и принять на себя имѣть свидѣнія за святую истину, но не могу сдѣлать этого, потому что въ этихъ словахъ критика заключается неопредѣленное противорѣчіе: академія, изволите ли замѣтить, не обращаетъ вниманія на степень таланта между тѣмъ требуетъ мастерства владѣть языкомъ, вкуса и критическаго дара. Что такое критическій даръ, если онъ не пріобрѣтается талантомъ и даже противоположается таланту? И мастерство владѣть языкомъ, и вкусъ—это не талантъ. Да что же такое талантъ? Талантъ приходится обращаться къ переборкѣ, когда люди начинаютъ употреблять слова, не вѣдая себя отчета въ ихъ значеніи.

Чтобы понять Лонгинова, надо обратиться къ римлянамъ, которыми онъ поясняетъ свою оговѣнную идею, весьма похожую на пустую фразу «Викторъ Гюго, говоритъ онъ, въ апогее славы не могъ сдѣлаться академикомъ до 1841 года, потому что, несмотря на свое дарованіе, грѣшилъ часто противъ чистоты языка и здраваго вкуса, которые такъ важны въ учрежденіи, гдѣ засѣдали тонкіе умы, этому качеству преимущественно должны были посвящаться, ихъ окружившимъ: Фелетъ, Нодье, Сальванди, и пр.» А, да, дѣло начинается разъясняться. Академія требуетъ правильности (Correctheit), и въ этомъ она платитъ дань общей слабости всѣхъ людей. Одна академія требуетъ правильности языка, другая — правильности музыкальнаго слуха, третья—правильности поэтическаго чувства. Ставя подобныя требованія, каждая академія стѣсняетъ свободный полетъ мысли и закрываетъ въ свои условныя узкія рамки творческую деятельность художника. По академическимъ понятіямъ, трудолюбивая посредственность усвоить себѣ преданія школы, благоговѣющая въ себѣ ни малѣйшей по-

требности выйти изъ рубрикъ официально предписанной программы, всегда будетъ поставлена выше независимаго таланта, разбивающаго всякія условныя ограниченія и не повинующагося въ своемъ творчествѣ никому и ничему, кромѣ собственнаго внутренняго побужденія. Поэтому академія почти всегда расходится въ своихъ приговорахъ съ неразвитою толпою; неразвитой толпѣ нравится самородная сила, оригинальная смѣлость, творческая самобытность, а академія требуетъ выдержанности, дрессировки, примѣненія къ извѣстному, условному образцу; толпа величаетъ и любитъ своихъ поэтовъ, не обращая вниманія на академическія приговоры, а почтенныя собранія, живя своею замкнутою, тепличною жизнью, знать не хотятъ о томъ, что дѣлается за стѣнами ихъ залъ и кабинетовъ, и улыбкой презрѣнія встрѣчаютъ всѣ проявленія мысли и чувства, прорывающіяся помимо ихъ приговоровъ и находящія себѣ сочувствіе въ неразвитой толпѣ. Лонгиновъ—вполнѣ академикъ по своимъ воззрѣніямъ, онъ отъ души желаетъ, чтобы толпа безпрекословно слушалась приговоровъ людей знающихъ и почтенныхъ, и чтобы всѣ ея сужденія были сколками съ протоколовъ академическихъ засѣданій; рутину школы онъ называетъ вѣчными законами прекраснаго; приговоры, произносимые съ точки зрѣнія этой рутины, называются независимымъ голосомъ, и все остальное обозначается именами, заимствованными изъ того же круга идей и понятій.

Въ элегическомъ изліяніи Лонгиновъ представляетъ своимъ читателямъ тѣ благодѣтельные слѣдствія, которыя могло бы имѣть для нашего просвѣщенія существованіе ученаго собранія, подобнаго французской академіи. «При безпрерывномъ измѣненіи вкуса и переворотахъ въ языкѣ, говоритъ Лонгиновъ, у насъ была бы польза, чѣмъ гдѣ либо, корпорація независимая, съ авторитетомъ въ дѣлѣ словесности. Она не только не стѣсняла бы доброй воли всякаго писателя какъ ему угодно (неправда ли, какъ это милостиво и великодушно!). Но она была бы хранилищемъ, гдѣ всякій могъ бы почерпнуть свѣдѣнія дѣльныя; центромъ, гдѣ публика знакомялась бы съ научными и литературными пріемами, узнавала бы серьезно исторію языка и словесности (очевидно, академія такого фасона была бы, по мечтамъ Лонгинова, чѣмъ-то среднимъ между присутственнымъ мѣстомъ, адреснымъ столомъ и учебнымъ заведеніемъ). Наконецъ, она была бы мѣстомъ соединенія, гдѣ сходились бы писатели разныхъ партій, которые теперь сидятъ по большей части безвыходно въ своихъ кружкахъ, въ ущербъ публикѣ, литературѣ и самимъ себѣ, потому что они ничего не видятъ, кромѣ своихъ же дѣйствій, ничего не слышатъ, кромѣ своихъ же рѣчей, повторяемыхъ близкими имъ, да разныхъ литературныхъ сплетенъ. (Благодушно отворяя двери этой желанной академіи



рядочному человѣку, будь онъ нѣмецъ или французъ, русскій или татаринъ. Но отстаивать Расина, въ сочиненіяхъ котораго мы не встрѣчаемъ ничего, кромѣ лжи и ходульности, отстаивать вмѣстѣ съ нимъ все направленіе литературы въ вѣкъ Людовика XIV, это такой подвигъ, на который можетъ рѣшиться развѣ только французскій академикъ, и за который похвалить можетъ только критикъ «Р. В.».

Сочувствіе Лонгинова къ прошедшему доходить до того, что онъ съ непритворнымъ уваженіемъ отзывается о французской академіи, какъ о хранилищѣ спасительныхъ преданій. То, что говоритъ Лонгиновъ объ академіи, такъ неподражаемо хорошо, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи выписать нѣсколько его подлинныхъ строкъ. «Она, говоритъ онъ, исчисляя заслуги академіи, напечатала нѣсколько изданій словаря, сообразуясь съ успѣхами языка, была постоянно органомъ здравой критики, а главное трудами и зазданіями своими распространяла въ публикѣ тотъ эстетическій вкусъ, развивала въ ней то уваженіе къ достоинствамъ безсмертныхъ твореній великихъ писателей, благодаря чему во Франціи не можетъ первый встрѣчный заставить вѣрить публику всему, что придетъ ему въ голову говорить объ этихъ писателяхъ».

Не знаю, на какихъ это наивныхъ и несвѣдущихъ читателей разсчитываетъ Лонгиновъ; кто же это ему повѣрить, что французская публика отличается развитымъ эстетическимъ вкусомъ и что она обязана академіи эстетическими понятіями. Чтожъ, это академія что-ли рекомендовала ей романы Дюма, Феваля, графини Дашъ, Ксавье де-Монтенена и другихъ неистощимыхъ рассказчиковъ? И что же, это пристрастіе къ подобнымъ романамъ—признакъ развитого вкуса? Или можетъ-быть Лонгиновъ не признаетъ даже публикою тѣхъ людей, которые запоемъ читаютъ Феваля и Дюма? Отъ него это станется, потому что онъ кажется дѣлаетъ различіе между обществомъ и толпою. Общество онъ уважаетъ, но толпу, *proban vulgus*, необразованную массу онъ поражаетъ самымъ убійственнымъ презрѣніемъ, причисляя къ этой безобразной толпѣ и преступныхъ фельетонистовъ, и тѣхъ легкомысленныхъ людей, которые читаютъ эти фельетоны, не краснѣя отъ стыда и не блѣднѣя отъ добродѣтельнаго негодованія.

«Общество французское, продолжаетъ Лонгиновъ, на столько образовано, что считаетъ существованіе такого учрежденія не только совместнымъ съ движеніемъ литературы и своимъ собственнымъ, но совершенно необходимымъ, какъ убѣжище для истиннаго вкуса, для независимаго голоса людей знающихъ и почтенныхъ, для охраненія вѣчныхъ законовъ прекраснаго отъ посягательства легкомыслія и невѣжества. Поэтому академія руководствуется при выборѣ своихъ членовъ не только степенью таланта, а еще ме-

нѣе популярностью того или другого писателя, но и живѣе можемъ почувствовать свои личныя несовершенства, мы всего скорѣе дойдемъ до спасительнаго раскаянія и желанія исправиться. Со вниманіемъ ваясь въ идеи Лонгинова, я замѣтилъ, что тинизмъ отличается глубокой, истинностью, и съ истиннымъ огорченіемъ могу себя въ мрачномъ и недостойномъ ко всему истинному и прекрасному, какъ тепло вѣрить Лонгиновъ и въ истинность французскаго общества, и въ истинность французской академіи, и въ истинность тѣхъ знающихъ и почтенныхъ, которые удостоились сдѣлаться членами вѣчности тѣхъ законовъ прекраснаго, несмотря на свою вѣчность, должны быть немы отъ посягательства легкомыслія и невѣжества. Лонгиновъ такъ твердо вѣруетъ въ существованіе добра и во всемістное его торжество, что онъ души сочувствуетъ всякимъ справедливымъ выборамъ, которые конечно представляются ему независимымъ голосомъ людей знающихъ и почтенныхъ. Его несказанно радуетъ вѣдѣтельство, что академія не обращаетъ вниманія на мнѣніе толпы, и, бракуя «популярнаго» (или ковычки) Теофила Готье, принимаетъ въ члены скромнаго поэта Лапрада, вѣроятно за его благонравіе и за похвальную скромность».

Да, вотъ какъ добропорядочные люди смотрятъ на вещи; мнѣ становится стыдно за свои идеи, но я преодолеваю этотъ эстетическій стыдъ и публичнымъ поканіемъ стараюсь въ некоторой степени смыть съ себя пятно неприличныхъ воззрѣній. Каюсь передъ вами, вотъ въ какихъ странныхъ образахъ ставлялись мнѣ тѣ факты, которые обязывали Лонгиновъ такимъ яркимъ потокомъ свѣта. Я думалъ, что французская академія, созданная по капризу всемогущаго министра Ришелье, никогда не была живой силой для французскаго общества, а жила по силѣ инерціи, какъ правительственное учрежденіе, созданное эдиктомъ и не отмѣняемое другимъ, послѣдующимъ распоряженіемъ. Я думалъ, что существованіе французскаго общества не имѣетъ ничего общаго съ движеніемъ литературы, и что французское общество потеряло бы ровно ничего, еслибы словари мнѣ вовсе не существовали; и думалъ, что истинный вкусъ не нуждается въ убѣжищѣ, и

да, вотъ какъ добропорядочные люди смотрятъ на вещи; мнѣ становится стыдно за свои идеи, но я преодолеваю этотъ эстетическій стыдъ и публичнымъ поканіемъ стараюсь въ некоторой степени смыть съ себя пятно неприличныхъ воззрѣній. Каюсь передъ вами, вотъ въ какихъ странныхъ образахъ ставлялись мнѣ тѣ факты, которые обязывали Лонгиновъ такимъ яркимъ потокомъ свѣта. Я думалъ, что французская академія, созданная по капризу всемогущаго министра Ришелье, никогда не была живой силой для французскаго общества, а жила по силѣ инерціи, какъ правительственное учрежденіе, созданное эдиктомъ и не отмѣняемое другимъ, послѣдующимъ распоряженіемъ. Я думалъ, что существованіе французскаго общества не имѣетъ ничего общаго съ движеніемъ литературы, и что французское общество потеряло бы ровно ничего, еслибы словари мнѣ вовсе не существовали; и думалъ, что истинный вкусъ не нуждается въ убѣжищѣ, и



Каждого человека — знающего или не знающего почтенного или непочтенного, может быть чище и самостоятельнее, когда этот человек говорит только от своего собственного имени тогда, когда он ораторствует на эстетических креслах, как член и представитель почтенной и ученой корпорации. Мне кажется, что французская академия не охраняет законов прекрасного по той простой причине, что таких мудреных законов не существует, и что, думая хранить вечные заповеди почтенное собрание бережет залежавшиеся мифические предания, окопавшиеся от времени превратившиеся в сухую, мертвую руну. При выборе своих членов академия руководствуется не степенью таланта автора, не оригинальностью его, а классическим образованностью писателя, свойством его ученых пристрастием к владению языком, его умом и критическим даром. Я бы от души хотел повесить на слово Лонгинову и принять за истину, но не могу сделать этого, потому что в моих словах критика заключается не в противоречии: академия, изволите видеть, не обращает внимания на степень таланта и между тем требует мастерства владения языком, вкуса и критического дара. Что такое критический дар, если он не является талантом и даже противупологается таланту? И мастерство владения языком, и вкус — тоже не талант. Да что же такое талант? Не приходится обращаться к переборкам, когда люди начинают употреблять слова, отдавая себя отчету в их значении.

Чтобы понять Лонгинова, надо обратиться к примѣрам, которыми он поясняет свою мысленную идею, весьма похожую на пустую фразу. «Виктор Гюго, говорит он, в апогей своей славы не мог сделаться академиком до 1841 года, потому что, несмотря на свое блестящее дарование, грѣшил часто против истинности языка и здравого вкуса, которые так важны в учреждении, гдѣ заседали тонкие люди и, этому качеству преимущественно обязанные общим почетом, их окружившим: Андріе, Фелець, Нодье, Сальванди, и пр.» А, да, теперь дѣло начинает разясняться. Академия требует правильности (Correctheit), и в этом отношении платит дань общей слабости всѣх академій. Одна академия требует правильности рисунка, другая — правильности музыкального выполнения, третья — правильности поэтического вымысла. Ставя подобные требования, каждая академия стѣсняет свободный полет мысли и втискивает в свои условныя узкія рамки творческую дѣятельность художника. По академическимъ понятіямъ, трудолюбивая посредственность, умѣющая усвоить себѣ преданія школы, и не чувствующая въ себѣ ни малѣйшей по-

требности выйти изъ рубрикъ официально предписанной программы, всегда будетъ поставлена выше независимаго таланта, разбивающаго всякія условныя ограниченія и не повинующагося въ своемъ творчествѣ никому и ничему, кромѣ собственного внутренняго побужденія. Поэтому академія почти всегда расходится въ своихъ приговорахъ съ неразвитою толпою; неразвитой толпѣ нравится самородная сила, оригинальная смѣлость, творческая самобытность, а академіи требуютъ выдержанности, дрессировки, примѣненія къ извѣстному, условному образцу; толпа величаетъ и любитъ своихъ поэтовъ, не обращая вниманія на академическія приговоры, а почтенныя собранія, живя своею замкнутою, тепличной жизнью, знать не хотятъ о томъ, что дѣлается за стѣнами ихъ залъ и кабинетовъ, и улыбкой презрѣнія встрѣчаютъ всѣ проявленія мысли и чувства, прорывающія помимо ихъ приговоры и находящія себѣ сочувствіе въ неразвитой толпѣ. Лонгиновъ — исполнѣ академикъ по своимъ воззрѣніямъ, онъ отъ души желаетъ, чтобы толпа безпрекословно слушалась приговоровъ людей знающихъ и почтенныхъ, и чтобы всѣ ея сужденія были сколками съ протоколовъ академическихъ засѣданій; рутину школы онъ называетъ вѣчными законами прекраснаго; приговоры, произносимые съ точки зрѣнія этой рутины, называются независимымъ голосомъ, и все остальное обозначается именами, заимствованными изъ того же круга идей и понятій.

Въ элегическомъ изліяніи Лонгиновъ представляетъ своимъ читателямъ тѣ благодѣтельные слѣдствія, которыя могло бы имѣть для нашего просвѣщенія существованіе ученаго собранія, подобнаго французской академіи. «При безпрерывномъ измѣненіи вкуса и переворотахъ въ языкѣ, говоритъ Лонгиновъ, у насъ была бы полезнѣе, чѣмъ гдѣ либо, корпорация независимая, съ авторитетомъ въ дѣлѣ словесности. Она несколько не стѣсняла бы доброй воли всякаго писать какъ ему угодно (неправда ли, какъ это милостиво и великодушно!). Но она была бы хранилищемъ, гдѣ всякій могъ бы почерпнуть свѣдѣнія дѣльныя; центромъ, гдѣ публика знакомилась бы съ научными и литературными пріемами, узнавала бы серьезно исторію языка и словесности (очевидно, академія такого фасона была бы, по мечтамъ Лонгинова, чѣмъ-то среднимъ между присутственнымъ мѣстомъ, адреснымъ столомъ и учебнымъ заведеніемъ). Наконецъ, она была бы мѣстомъ соединенія, гдѣ сходились бы писатели разныхъ партій, которые теперь сидятъ по большей части безвыходно въ своихъ кружкахъ, въ ущербъ публикѣ, литературѣ и самимъ себѣ, потому что они ничего не видятъ, кромѣ своихъ же дѣйствій, ничего не слышатъ, кромѣ своихъ же рѣчей, повторяемыхъ близкими ихъ, да разныхъ литературныхъ сплетенъ. (Благодушно отворяя двери этой желанной академіи







да оживилась, цеховые ученые стали къ ней раждебныя отношенія; они не понимаютъ ждений тѣхъ людей, которые, не щадя силъ, оясь трудностей, выражаютъ въ журналахъ убѣжденія и проводятъ свои тенденціи; повши способность жить въ атмосферѣ дѣй- тельной жизни, они вмѣстѣ съ тѣмъ поте- возможность судить объ явленіяхъ этой ни; тѣ мнѣнія, которыя имъ случается вы- ыывать при нечаянномъ столкновеніи съ во- асами, стоящими на очереди, отличаются та- античностью, о которой, не слыхавши по- зныхъ сужденій, невозможно составить себѣ же приблизительнаго понятія.

Винить записныхъ ученыхъ въ этой анти- ети идей и мнѣній конечно невозможно. Если ботникъ, приводящій въ движеніе какую ни- дь ручную машину, постоянно работаетъ одной авой рукою, то съ теченіемъ времени мускулы ой руки разовьются въ ущербъ мускуламъ зего остального тѣла; работникъ окажется изу- одованнымъ, и его уродство явится какъ есте- ственное и неизбежное слѣдствіе его работы. анія труженика-спеціалиста точно также дносторонни, какъ работа ремесленника, пу- кающаго въ ходъ одну правую руку; у труже- ника-спеціалиста та или другая уметвенная спо- обность, напр. память или наблюдательность, ьзощраются до послѣднихъ предѣловъ, между тѣмъ какъ остальные мыслительныя способности ьглохнуть и тупѣютъ. И ремесленникъ, работа- щій одной правой рукою, и труженикъ-спеці- алистъ, работающій именно только извѣстными частицами мозга, могутъ быть очень полезны и даже совершенно необходимы для общества, но только надобно, чтобы каждый изъ нихъ оста- вался на своемъ мѣстѣ. Изъ хорошаго ремеслен- ника можетъ выйти очень плохой музыкантъ, и труженикъ-спеціалистъ, очень полезный для со- ставленія словаря, хронологической таблицы или библиографическаго указателя, можетъ до упаду насмѣшить читающую публику, если примется толковать объ общественныхъ интересахъ или пустится въ эстетическую критику. Трудъ— дѣло почтенное; ветеранъ какого бы то ни было труда, предпринятаго и веденнаго добросовѣстно, имѣетъ право требовать себѣ подъ старость теп- лаго угла отъ того общества, которому онъ по- святилъ свои силы и досуги; но если этотъ ве- теранъ искалѣченъ своей трудовою жизнью, и, несмотря на свою благопріобрѣтенную убогость, упорно лѣзетъ къ такой работѣ, которую онъ не можетъ выполнить какъ слѣдуетъ, тогда, при всемъ уваженіи къ труду и къ ветерану, каж- дый членъ общества будетъ имѣть полное, раз- умное право дать ему дружескій совѣтъ: «отой- дите въ сторону; это дѣло вамъ не подъ силу. Сидите себѣ на покой, не мѣшайте другимъ, и если вамъ скучно, занимайтесь для развлеченія легкими штучками изъ вашей прежней работы,

съ которою вы успѣли свыкнуться втеченіи ва- шей жизни».

То, что я сказалъ о мнѣніяхъ записныхъ уче- ныхъ вообще, можетъ быть въ полномъ объемѣ примѣнено почти ко всемъ статьямъ критиче- скаго отдѣла «Русскаго Вѣстника». Яркимъ представителемъ этого серьезнаго направленія критической мысли является Лонгиновъ. Этотъ трудолюбивый библиографъ, изумляющій пуб- лику обиліемъ и точностью своихъ фактическихъ свѣдѣній, касающихся исторіи нашей литературы въ XVIII и въ началѣ XIX вѣка, оказывается крайне неопытнымъ и неискуснымъ на поприщѣ журналистики. Какъ критикъ— онъ безличенъ; какъ мыслитель— онъ отличается только крайне развитой способностью благоговѣть передъ про- шедшимъ и строить себѣ безчисленное множе- ство кумировъ и авторитетовъ. Кто желаетъ со- ставить себѣ понятіе объ эстетическомъ вкусѣ Лонгинова, того я попрошу, въ статьѣ этого пи- сателя о князѣ Вяземскомъ, прочитатъ тѣ сти- хотворенія, которыя критикъ находитъ очень замѣчательными. Въ этой статьѣ приведено де- вять большихъ пьесъ, одна другой скучнѣе; го- лый дидактизмъ, не прикрытый даже яркостью поэтическаго образа, утомляетъ вниманіе чита- теля, и тяжелымъ, несваримымъ комомъ ложится въ его голову, не шевеля нервовъ и не возбуж- дая никакого другого чувства, кромѣ непробуд- ной, безотрадной, гнетущей скуки. Вотъ для при- мѣра самая коротенькая изъ этихъ пьесъ, кото- рая, по мнѣнію Лонгинова, упрочиваютъ за Вя- земскимъ почетное мѣсто въ исторіи русской по- эзіи. Выписываю ее собственно потому, что она очень коротка и потому не слишкомъ утомить моихъ читателей.

Любить. Моляться. Пѣть. Святое назначенье  
Души, тоскующей въ изгнаніи своемъ,  
Святаго таинства земное выраженье,  
Предчувствіе и скорбь о чемъ-то неземномъ,  
Преданье темное о томъ, что было яснымъ,  
И упованіе того, что будетъ вновь,  
Души, настроенной къ созвучію съ прекраснымъ,  
Три вѣчныя струны: молитва, пѣснь, любовь!  
Счастливъ, кому дано познать отраду вашу,  
Кто чашу радости и горькой скорби чашу  
Благословлялъ всегда съ любовью и мольбой  
И пѣсни внутренней былъ арфою живой!

Мнѣ кажется, сама Юлія Жадовская не могла бы написать стихотворенія болѣе слезливаго, сан- тиментальнаго, фразистаго и ничтожнаго по со- держанію; мнѣ кажется даже, что у Жадовской стихотвореніе на эту тему вышло бы понятнѣе и изящнѣе по внѣшней формѣ. Что же касается до выписанной пьесы, принадлежащей перу князя Вяземскаго, то можно сказать безъ преувеличе- нія, что приходится дѣлать синтаксическую кон- струкцію, чтобы добраться до смысла, какой су- ществуетъ въ этомъ наборѣ плаксивыхъ словъ. Замѣчу мимоходомъ, что стихотвореніе это на- писано въ 1840 году, послѣ смерти Пушкина,



тогда, когда русскій стихъ былъ уже почти окончательно выработанъ. Если Лонгиновъ восхищается подобными виршами, то это очевидно происходит оттого, что онъ къ произведеніямъ современныхъ поэтовъ приступаетъ съ тѣми же требованіями, съ какими онъ относится къ какому нибудь Сумарокову или Хераскову. Все дѣло сводится опять-таки на то, что антикварій—не критикъ, и библіографъ—не журналистъ.

## VIII.

Критическій отдѣлъ майской книжки открывается язвительной полемической статьей, стремящейся доказать, что всѣ петербургскіе журналисты, пишущіе легко, быстро и ясно, похожи на Асоченскаго и достойны быть сотрудниками его «Домашней Бесѣды». Объ убійственномъ, неразборчивомъ въ средствахъ и выраженіяхъ полемизмѣ «Русскаго Вѣстника» я уже говорилъ не разъ, и потому общая мысль и направленіе этой статьи: «Одного поля ягоды» не можетъ ни удивить меня, ни вызвать съ моей стороны неодоброванія. Я не стану защищать петербургскихъ литераторовъ, не стану спорить съ «Русскимъ Вѣстникомъ» о степени сходства «Времени» или «Современника» съ «Домашней Бесѣдой», а просто вмѣстѣ съ моими читателями прогуляюсь по этой критической статьѣ и осмотрю то, что въ ней заслуживаетъ вниманія.

Поговоривъ объ исторіи, о движеніи мысли, о великихъ началахъ, управляющихъ человѣческой жизнью, авторъ статьи вдругъ изъ области высокой отвлеченности спускается на почву дѣйствительной, да еще въ добавокъ русской жизни и начинаетъ радоваться тому обстоятельству, что «у насъ съ недавнихъ поръ появилось много духовныхъ изданій съ разнообразными достоинствами» и что слѣдовательно въ нашемъ обществѣ существуетъ «потребность въ этого рода чтеніи». Заявивъ свое удовольствіе передъ этимъ безъ сомнѣнія *отраднымъ* фактомъ, критикъ переходитъ къ частностямъ и начинаетъ разбирать вопросъ, нуждается ли божественная сила христіанскаго слова въ какихъ бы то ни было пособіяхъ. «Не слѣдуетъ ли, спрашиваетъ авторъ, довольствоваться однимъ размноженіемъ священныхъ текстовъ въ печати и ограничить ими однимъ всю духовную литературу? Этотъ вопросъ рѣшается отрицательно, и критикъ «Русскаго Вѣстника» приходитъ къ тому убѣжденію, что должно, не ограничиваясь однимъ приведеніемъ текста, «изъяснить, истолковать его, учить и убѣждать людей и стало-быть содѣйствовать образованію въ нихъ такихъ нравственныхъ и умственныхъ настроеній, какихъ требуетъ христіанская истина». Это мнѣніе подтверждается слѣдующимъ историческимъ доводомъ: «Если Христосъ избралъ нѣкоторыхъ учениковъ своихъ изъ среды людей простыхъ и неученыхъ, если эти рыбаки съ одного слова, съ одного взгля-

да Его, покинувъ мрежи, пошли за Нимъ, рѣшился примѣнять къ себѣ этотъ законъ, полагая, что одного взгляда, одного слова будетъ достаточно подѣйствовать на душу». И въ томъ, авторъ обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что духовныя лица въ духовной корпораціи издають журналы, въ которыхъ духа фанатизма, «нетерпимости или латентности къ историческому ходу», «интересъ», продолжаетъ онъ, если въ нашей литературе оказывается нѣчто въ этомъ духѣ, то такое выходитъ не изъ среды духовенства, имѣетъ никакого отношенія къ церкви и къ плоду досуга людей, столько же чуждое своему положенію, сколько и по духу».

Къ числу людей, чуждыхъ церкви по своему положенію и духу, причисляется Асоченскій, которому конечно подобный упрекъ кажется болѣе чувствительнымъ, чѣмъ всѣ нападки прогрессистовъ. Критикъ «Русскаго Вѣстника» доказываетъ съ большимъ жаромъ и съ великой силой краснорѣчія, что нѣтъ и не можетъ быть никакой малѣйшей солидарности «между изданными какъ «Маякъ» или «Домашняя Бесѣда», и православной церковью или русскимъ духовенствомъ». *Совершенно справедливо* отрицательное соотношеніе между «Домашней Бесѣдой» и русскимъ духовенствомъ, критикъ съ мѣстелной изобрѣтательностью и гибкостью въ сближаетъ между собою воззрѣнія Асоченскаго съ политическими и философскими статьями нашихъ прогрессистовъ. «То же циническое отношение надъ человѣческой свободой, восклицаетъ критикъ, то же презрѣніе къ истинѣ, то же циническое обращеніе съ дѣйствительностью, то же ухорская заносчивость въ сужденіяхъ о фактахъ и лицахъ, тотъ же духъ и тотъ же смыслъ и изъ тѣхъ же причинъ тѣ же результаты. Они совершенно сходятся въ своихъ отрицаніяхъ, если и расходятся въ нѣкоторыхъ изъ свѣтлыхъ положеній, то эти разности отрывочныя, бѣсильныя и темныя, ничѣмъ не отзвучиваютъ въ результатахъ и сами собою исчезаютъ въ дружномъ содѣйствіи родственныхъ и однозвучныхъ отрицаній. Духъ тьмы и слѣпой случай—кто будетъ звѣдѣвать разницу этихъ понятій? А сходство ихъ результатовъ несомнѣнно. Возможно ли, чтобы христіанская мысль могла придти къ такому воззрѣнію на міръ? Возможно ли, чтобы мысль, искренно ищущая истины, могла уклониться на такомъ воззрѣніи? И религіозному чувству, и мыслящему уму, и зрѣлому опыту жизни извѣстно, что міръ, въ которомъ мы живемъ, не есть міръ божественный; что во всемъ човѣческомъ есть неизбѣжное сѣмя зла, что самыя высшія степени човѣческаго превосходства не изъята отъ злоупотребленій, и что никакая высота не спасетъ човѣка отъ паденія. Но міръ этотъ существуетъ, и христіанскій смыслъ говорить намъ, что если міръ существуетъ, то



его терпитъ, что Онъ въ какой либо мѣрѣ жилъ въ немъ свое благоволеніе, и что сазло обращается въ орудіе къ раскрытію истины осуществленію блага».

распорѣчье вродѣ приведеннаго отрывка (ождается на четырехъ страницахъ; постепенно разгорая самаго себя потокомъ своего норафія, оглушая себя каскадомъ словъ и одовъ, критикъ доходитъ до паюса, и какъ динавскій берзеркеръ, съ глазами, наливши кровью и желчью, кидается на вѣчныхъ ихъ враговъ, на петербургскихъ фельетонизъ, которыхъ онъ ненавидитъ безпредѣльной авистью соперника- журналиста. На нашу ную литературу сыпятся такіа ругательства, ихъ можетъ-быть не съумѣлъ бы подобрать се разсердившійся Иванъ Никифоровичъ, таругательства, какія можетъ быть полѣбилъ бы произнести даже мрачный Михайло Ивачъ Собакеничъ. Журналистика равняется, по говору «Русскаго Вѣстника», океану «пустословія, пошлостей, фальши, фразъ безъ смысла, сопляющихъ нашу литературу, литературу зъ науки, безъ всякихъ нормъ, безъ значительныхъ серьезныхъ преданій».

Рѣшительно приходится согласиться съ тѣмъ, о мы живемъ въ минуту всемірнаго потопа и ожемъ покуда дышать только, благодаря уродливому устройству нашихъ легкихъ; ковчегъ, въ торый конечно не пустятъ насъ, нечестивыхъ фельетонистовъ, плаваетъ по водамъ и покуда не шдился на мель ни на какомъ Араратѣ; изъ того ковчега вылетаетъ, какъ невинный голубь, «Русскій Вѣстникъ» и безцѣльно, безнадежно ружится надъ мутными волнами, не представляющими его тоскливо-ищущему взору ничего траднаго; ему некуда опуститься, не на чемъ отдохнуть, негдѣ найти маслянистую вѣточку; бѣдный голубокъ! Ему придется, покружившись въ пространствѣ, воротиться подъ спасительную крышу объемистаго ковчега и навсегда отказаться отъ дѣятельной роли въ грандіозной и вмѣстѣ съ тѣмъ хаотической драмѣ потопа. Впрочемъ критикъ «Русскаго Вѣстника» начинаетъ замѣчать, что онъ кружится въ пространствѣ и тоскуетъ безпредметной тоскою; что быразомъ прекратить это бесплодное и утомительное занятіе, онъ внезапно опускается къ океану пошлостей, пустословія и фальши, наудачу черпаетъ изъ него полную пригоршню разной дряни и подноситъ ее своимъ читателямъ, говоря имъ торжествующимъ тономъ человѣка, имѣющаго возможность доказать непреложную истину своихъ словъ: «видите, видите, что это за гадость; видите, сколько пустословія, пошлости и фальши».

Пригоршня, зачерпнутая критикомъ изъ мутнаго океана, затопляющаго нашу литературу, оказалась однимъ изъ фельетонновъ Кускова, который конечно настолько же можетъ воплотить въ себя типъ русскаго журналиста, насколько онъ

можетъ воплотить въ себя типъ русскаго поэта. Было бы довольно дико, еслибы какой нибудь иностранецъ вздумалъ глумиться надъ пустотою русской поэзіи и въ подтвержденіе своихъ словъ сталъ бы приводить многочисленныя цитаты изъ поэтическихъ произведеній Кускова; такому господину можно было бы, я думаю, замѣтить, что поглумиться въ русской поэзіи есть надъ чѣмъ, но что для этого надо брать болѣе крупныхъ представителей поэзіи, такихъ людей, въ стихотвореніяхъ которыхъ дѣйствительно выражаются рельефныя, дурныя или хорошія особенности нашей поэзіи. Со стороны русскаго журналиста, подвергающаго критическому анализу явленія русской же журналистики, мы имѣемъ полное право требовать основательнаго знакомства съ дѣломъ; его приговоры должны быть произносимы надъ всей совокупностью литературныхъ явленій, и потому бросить петербургской журналистикѣ упрекъ въ хлестаковствѣ и привести въ подтвержденіе своихъ словъ цитаты изъ фельетона Кускова—это, воля ваша, пріемъ въ высшей степени недобросовѣстный; тутъ очевидно авторъ разсчитываетъ на легкомысліе нашей публики и на то обстоятельство, что эта публика покуда остается довольно равнодушной къ литературнымъ преніямъ и къ печатному слову вообще.

Дѣйствительно, при теперешней, еще не вполне нарушенной апатіи нашего общества, печатныя обвиненія всякаго рода не вызываютъ въ читающихъ людяхъ ни особеннаго сочувствія, ни энергическаго протеста; теперь можно, не опасаясь общественнаго мнѣнія, клеветать и на литературу, и на литераторовъ; голословная клевета не упадетъ на самого клеветника и не замараешь его имени только потому, что публика, не заинтересованная движеніемъ идей и столкновеніемъ мнѣній, завтра забываетъ то, что читаетъ сегодня, и часто не даетъ себѣ труда справиться ни объ имени автора или редактора, ни о степени достовѣрности печатнаго нападенія; дѣлаясь такимъ образомъ безопасной для самаго клеветника, печатная клевета въ то же время становится безвредной и для того, противъ кого она направлена. Булгаринъ и Ксенофонтъ Полевой клеветали на Пушкина, Аскоченскій клеветалъ на все, что не участвуетъ въ «Домашней Бесѣдѣ», «Русскій Вѣстникъ» клеветалъ на всю петербургскую журналистику, «Искра» оклеветала недавно Писемскаго; несмотря на всѣ эти клеветы, слѣдующія другъ за другомъ какъ частыя изверженія мелкихъ грязныхъ вулкановъ, публика продолжаетъ относиться къ оклеветаннымъ субъектамъ также кротко и ласково, какъ она относилась къ нимъ до выхода въ свѣтъ клеветующихъ статей и статей. Пушкинъ остался великимъ русскимъ поэтомъ, несмотря на сильные крики булгаринской партіи; лица, не участвующія въ «Домашней Бесѣдѣ», не считаются воплощеніями антихриста, хотя Аско-



ченскій твердить это на всѣ лады; петербургская журналистика пользуется вниманіемъ публики, не смотря на то, что «Русскій Вѣстникъ» уподобилъ ее океану пустословія, пошлостей и фальши. Писемскій попрежнему остается первымъ русскимъ художникомъ-реалистомъ и попрежнему будетъ пользоваться сочувствіемъ и уваженіемъ всѣхъ мыслящихъ людей Россіи, несмотря на всѣ восклицанія хроникера «Искры», напоминающаго собою москву въ извѣстной баснѣ Крылова.

Печатное слово не начинало еще быть въ нашемъ обществѣ опаснымъ орудіемъ, и потому старыя дѣти, подобныя редакторамъ «Русскаго Вѣстника», шалятъ имъ, какъ тупымъ ножомъ, не боясь обрѣзаться. Шалости ихъ иногда бываютъ чрезвычайно оригинальны. Авторъ статьи: «Одного поля ягоды» дошелъ до того, что закончилъ свою статью слѣдующей загадочной выходкой, направленной опять — таки противъ Хлестаковыхъ, господствующихъ въ періодической литературѣ. «Такихъ молодцовъ, восклицаетъ онъ, дѣйствительно нельзя не побаиваться. Зарѣзать они не зарѣжутъ, но не кладите вашего четвертака плохо». Тревожное настроеніе, подъ влияніемъ котораго критикъ «Русскаго Вѣстника» дошелъ до забвенія всякихъ литературныхъ и житейскихъ приличій, произошло вслѣдствіе чтенія фельетоновъ Кускова. Надо подивиться тому обстоятельству, что Кусковъ, писатель кроткій и безвредный до послѣдней степени, могъ возбудить противъ себя такую страшную бурю негодованія. Кусковъ, который въ безвѣстной тиши могъ бы въ продолженіи нѣсколькихъ десятилѣтій писать гладкимъ языкомъ фельетоны и плачевныя стихотворенія, Кусковъ, который при концѣ своей жизни могъ бы самого себя причислить къ «явленіямъ, пропущеннымъ нашей критикой», вдругъ осыпается изъ Москвы градомъ незаслуженныхъ ругательствъ; обвиняется въ нравственной изломанности, опозоривается именемъ Тряпичкина и сравнивается наконецъ съ новой Мессалиной, «о которой рассказываютъ, что, не довольствуясь Европой, она ѣздила въ Алжирію, къ кабиламъ». Вся эта буря въ стаканѣ воды поднялась противъ Кускова за то, что онъ осмѣлился въ своемъ фельетонѣ провести слѣдующую мысль: иногда можно уголовного преступника уважать больше, чѣмъ того безукоризненнаго передъ закономъ гражданина, который произноситъ надъ нимъ приговоръ.

Заслышавъ эту еретическую мысль, «Русск. Вѣстн.» возстаетъ противъ нея во всемъ величій добродѣтельнаго негодованія и доходитъ до такого пафоса, до котораго, какъ мнѣ казалось, можетъ доходить только очень набожная старуха. «Возмутительный душегубъ, за которымъ отказывается слѣдить всякое человѣческое чувство, всякій человѣческій смыслъ, этотъ звѣрь, который бросается на свою жертву съ тѣмъ, чтобы удовлетворить минутную прихоть, даже хуже

чѣмъ звѣрь, потому что у звѣря по крайней мѣрѣ прихотей — это чудовище является захъ Тряпичкина, могучимъ, чуждымъ, разномъ, обаятельнымъ и чарующимъ, илюющимъ мелкія душонки, которыя пригнужаютъ *трудою правилъ, нестрижица* *трудою азбуки*». Увлекаясь негодованіемъ, критикъ «Русскаго Вѣстника» не замѣчаетъ, что въ вопросѣ о преступникѣ ставится очевиднотутъ является слѣдующая дилемма: или онъ ренъ кровожадными инстинктами, или онъ врагъ воспитаніемъ, влияніемъ, онъ примѣромъ окружающаго общества илюлюдей. Въ первомъ случаѣ онъ — большой врагъ надо только сдѣлать безвреднымъ, во второмъ случаѣ онъ самъ — несчастная жертва. Вроде можно пожалѣть, онъ самъ — герой страгтрагедій, погибающій подъ гнетомъ враждебныхъ обстоятельствъ. Наполеонъ I, желая спасти одну барыню, за которою онъ ухахавалъ, казалъ сдѣлать на непріятельскій лагерь безвредное нападеніе, которое стоило жизни нѣсколькимъ солдатамъ; мы читаемъ этотъ фельетонъ его исторіи и замѣчаемъ очень кратко, что Наполеонъ въ молодости былъ не прочь вѣстаться и пошалить; въ то же самое время мы читаемъ въ газетахъ, что какой нибудь ченка съ голоду зарѣзалъ купца и очистилъ кошелекъ, и мы возмущаемся, мы находимъ наказаніе плетью и ссылка въ рудники екрываютъ его вину. Воронешекъ быють мые поступки, которые сходятъ съ рукъ.

## IX.

Скучно и утомительно слѣдить за каждымъ отдѣломъ «Русскаго Вѣстника»; чѣмъ остановиться; нѣтъ свѣжей идеи, и можно было бы выразить свое сочувствіе живого слова, которое могло бы хоть нибудь шевельнуть мозговые нервы. На жекъ (отъ января до мая) просмотрѣвъ пятьдесятъ страницъ написано по поводу стало быть, можно считать дѣло порѣшено. Если продолжать подробный разборъ отдѣловъ критическихъ статей, то это будетъ толпокопленіе мелкихъ фактовъ, способныхъ только утомить вниманіе самаго терпѣливаго и склоннаго читателя. Если выводить общее сужденіе изъ всего, что было сказано мною въ критическомъ отдѣлѣ «Русскаго Вѣстника», будетъ сокращенное, сухое, бесполезное реніе всего того, что уже успѣли прочесть читатели. Поэтому приведу еще два-три тическихъ перла и кончю на томъ мнѣ ренно разросшуюся статью.

*Перлъ № 1-й.* Лонгиновъ въ статьѣ: «Скскій и его лжеученики» призналъ влияніе линскаго вреднымъ на томъ основаніи, что линскій плохо зналъ исторію нашей литературы. Въ подтвержденіе этого обвиненія, нап



противъ перваго русскаго критика, приводя слѣдующее обстоятельство:

Въ обзорѣ русской литературы до Пушкина Бѣлинскій приводитъ (пишетъ Лонгиновъ) отрывокъ изъ предисловія Хераскова къ повѣсти «Полидоръ», вышедшей въ 1794 году. Въ предисловіи авторъ обращается къ извѣстнымъ русскимъ писателямъ. У Хераскова имена обозначены первыми буквами ихъ фамилій. Бѣлинскій выставляетъ полныя имена Ломоносова, Державина, Карамзина, Нелединскаго, Дмитріа, Богдановича и Петрова. Но тутъ же вышло затрудненіе. Послѣ обращенія къ Л. (Ломоносову) Херасковъ говоритъ: *можетъ ли кто не считать нѣжными и пріятными звуки С?* Очевидно, что Херасковъ разумѣлъ тутъ П. Сумарокова, съ которымъ много лѣтъ шелъ одному пути, какъ лирикъ и драматургъ, и именіями котораго продолжалъ плѣняться до его смерти, подобно многимъ современникамъ. Бѣлинскій дѣлаетъ при буквѣ С. слѣдующую посылку: «Должно быть дѣло идетъ о Евстаѣ Станевичѣ, весьма плохомъ ничѣмъ того мени».

Затѣмъ Лонгиновъ очень убѣдительно доказываетъ, что Станевича не могъ хвалить Херасковъ и что Бѣлинскій сдѣлалъ грубую ошибку, онъ поддавался увлеченію «собственныхъ восторговъ и пристрастій» и что его литературные приговоры писаны «иногда въ ослѣпленіи пристрастій».

Все дѣло кончается тѣмъ, что Лонгиновъ приводитъ слѣдующій отрывокъ изъ одного неизданнаго стихотворенія:

Затѣмъ на скопищѣ клеветовъ  
Рѣшилъ верховный ихъ совѣтъ,  
Что, такъ какъ нѣтъ авторитетовъ,  
Бѣлинскій будь авторитетъ.

Вредъ, принесенный Бѣлинскимъ, состоитъ, по длиннымъ словамъ Лонгинова, «въ расположеніи самодовольныхъ и пустозвонныхъ горлановъ, имеющихъ заставить человѣчество забыть все, что было до появленія ихъ на журнальное прище».

**Перлъ № 2-й.** Статья Густава де-Молинари о книгѣ Прудона «La guerre et la paix», занимающая слишкомъ два листа и доказывающая неподобающими доводами, что у Прудона нѣтъ ни свѣдѣній, ни способности логически мыслить, а есть только ученые эффекты, которые уже устарѣли надобно публикѣ.

**Перлъ № 3-й.** Стихотвореніе князя Вяземскаго «Замѣтка», выражающее въ самыхъ оригинальныхъ образахъ самыя неожиданныя идеи и оканчивающееся двумя классическими куплетами:

ободенъ тотъ одинъ, кто умиралъ желанья,  
о свѣтелъ и душой, и помышленьемъ чистъ,  
то не обольстятъ толпы рукоплесканья,

Кого не уязвить нахальной черни свистъ.

Нелѣпнымъ равенствомъ онъ высшихъ не унижитъ,  
Но, въ предназначенной отъ Промысла борьбѣ,  
Посредникъ, онъ бойцовъ любовнымъ словомъ  
сблизитъ

И скажетъ старшему: «я младшій братъ тебѣ».

Хотя «Замѣтка» князя Вяземскаго помѣщена не въ критическомъ отдѣлѣ и хотя вообще не принято писать критическія или полемическія статьи въ стихахъ, однако всякій согласится съ тѣмъ, что отнести эту вещицу къ области поэзіи нѣтъ никакой возможности. Въ ней нѣтъ ни одного образа, и вся разница между этой замѣткой и элегической замѣткой, помѣщенной въ той же августовской книжкѣ, въ самомъ концѣ критическаго отдѣла, заключается въ томъ, что первая написана шестистопнымъ ямбомъ, а вторая — презрѣнной прозой. Смыслъ и направленіе ихъ — тождественны, выраженія одинаковы или по крайней мѣрѣ сходны; голословность выхонокъ и замашка направлять свои удары въ пустое пространство замѣчаются какъ въ произведеніи князя Вяземскаго, такъ и въ элегическомъ воздыханіи редакціи «Русскаго Вѣстника». Поэтому, помѣщая въ число критическихъ перловъ стихотвореніе престарѣлаго поэта, я вмѣстѣ съ тѣмъ обращаю вниманіе читателей на всѣ критическія статьи «Русскаго Вѣстника», въ которыхъ вѣетъ духъ раздраженной солидности, въ которыхъ выражается никѣмъ непризнанное притязаніе учить общество, становится во главѣ его и вести его за собою по пути разумнаго, умѣреннаго прогресса.

**Перлъ № 4-й.** Статья: «Кое-что о прогрессѣ», въ которой свистуны сравниваются съ гнилью, и въ которой въ первый разъ «Русскій Вѣстникъ» дѣлаетъ мнѣ честь упомянуть объ одной моей статьѣ. Онъ не называетъ ни меня, ни заглавія моей статьи, ни даже того журнала, въ которомъ я пишу, но онъ беретъ изъ «Схоластики XIX вѣка» одну цитату, которая осталась мнѣ памятна по многимъ обстоятельствамъ. Я благодарю «Русскій Вѣстникъ» за его враждебный отзывъ о моей статьѣ и объ этой цитатѣ; мнѣ пріятно видѣть, что мои идеи не нравятся московскимъ мыслителямъ, и я увѣренъ, что многіе пишущіе люди желаютъ наравнѣ со мною, чтобы «Русскій Вѣстникъ» относился какъ можно суровѣе къ нимъ и къ ихъ литературной дѣятельности.

Пора, давно пора кончить. Надѣюсь, что намъ не придется больше встрѣчаться съ «Русскимъ Вѣстникомъ» на поприщѣ журнальной полемики; мы расходимся такъ сильно въ мнѣніяхъ и наклонностяхъ, что можемъ прожить цѣлый вѣкъ, не встрѣчаясь между собой, не пробуя до чего нибудь договориться и не чувствуя ни малѣйшаго желанія сблизиться между собой на какомъ бы то ни было вопросѣ.



# РУССКІЙ ДОНЪ-КИХОТЬ.

(Сочиненія И. В. Кирѣвскаго, I и II т. Москва. 1861 г.).

## I.

Ничто не можетъ быть безцвѣтнѣе и неопредѣленнѣе общихъ выраженій: обскурантъ, прогрессистъ, либераль, консерваторъ, славянофилъ, западникъ; эти выраженія нисколько не характеризуютъ того человѣка, къ которому они прикладываются; они надѣваютъ непрошенный мундиръ на его умственную личность и, вмѣсто живого человѣка, мыслящаго и чувствующаго по своему, показываютъ намъ неподвижную вывѣску замкнутого круга убѣжденій. Чѣмъ даровитѣе и замѣчательнѣе разсматриваемая личность, тѣмъ пошлѣе кажутся мнѣ общіе эпитеты, прилагаемые къ ней такими критиками, которые не хотятъ или не умѣютъ вдуматься въ ея личныя особенности, прослѣдить ея индивидуальное развитіе и такимъ образомъ вмѣсто голаго термина дать оживленную характеристику.

Еслибы подойти къ сочиненіямъ И. В. Кирѣвскаго такъ, какъ подошелъ къ нимъ критикъ «Современника», то съ нимъ порѣшить было бы очень не трудно. Причислить его къ самымъ мрачнымъ и вреднымъ обскурантамъ вовсе не мудрено; за цитатами дѣло не станетъ; изъ его сочиненій можно выписать десятки такихъ страницъ, отъ которыхъ покоробитъ самаго невзыскательнаго читателя; ну, стало-быть и толковать нечего; привелъ подлюжины самыхъ пахучихъ выписокъ, поглумился надъ каждою въ отдѣльности и надъ всѣми въ совокупности, поспорилъ для виду съ авторомъ, давая ему чувствовать все превосходство своей логики и своихъ воззрѣній, завершилъ рецензію общимъ прогрессивнымъ заключеніемъ и дѣло готово—статья идетъ въ типографію.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Напасть на Кирѣвскаго не трудно, да толку-то въ этомъ мало. Бороться съ нимъ не зачѣмъ, потому что его дѣятельность уже принадлежитъ прошедшему; если же мы останавливаемся на немъ, какъ на совершившемся фактѣ, то мы должны или объяснить его по мѣрѣ силъ, или сознаться въ томъ, что мы объяснять не умѣемъ; а поработать надъ объясненіемъ личности Кирѣвскаго, какъ любопытнаго психологическаго факта—право стѣснить. Друзья и единомышленники Кирѣвскаго скажутъ конечно, что его слѣдуетъ изучать, какъ мыслителя, что его должно уважать, какъ двигателя русскаго самосознанія, что принесенная имъ польза будетъ оцѣнена послѣдующими поколѣніями. Съ подоб-

ными мнѣніями согласиться невозможно: Кирѣвскій былъ плохой мыслитель—онъ не мысли; Кирѣвскій никуда не подвинулся самосознаніе, онъ даже не затронулъ; статьи никогда не производили впечатлѣній; читали мало, и теперь ихъ совсѣмъ забыли; смотря на то, что послѣдняя изъ книгъ написана всего лѣтъ семь тому назадъ; Кирѣвскій не принесъ никакой, и если послѣднія поколѣнія по какому нибудь чуждому его имя, то они пожалѣютъ только о своихъ заблужденіяхъ этого даровитаго чело- Если-бы Кирѣвскому удалось составить свой кругъ читателей и пріобрѣсти себѣ вліяніе въ литературѣ, то вліяніе его идей было бы самый яркій антагонизмъ съ идеями Бѣлинскаго. Всякому честному дѣятелю литературы пришлось бы воевать съ нимъ силами своего пера; противъ него поднялось бы все люди, сколько нибудь дорожащіе мыслями; не стали бы только люди очень ограниченны или очень недобросовѣстные. А самъ Кирѣвскій былъ человѣкъ очень не глупый и въ высокой степени добросовѣстный—отчего же онъ не остановилъ разумъ на пути его развитія? Отчего онъ порывался поворотить его назадъ къ младенческому его годамъ? Вотъ въ этихъ-то вопросахъ и заключается психологическій интересъ тѣхъ вопросовъ, на которые наводитъ чтеніе сочиненій Кирѣвскаго и приложенныхъ къ нимъ матеріаловъ для его біографіи.

## II.

И. В. Кирѣвскій родился въ 1806 году и выросъ въ деревнѣ своихъ родителей. Отецъ умеръ, когда ему было шесть лѣтъ, а мать вышла замужъ за Елагина. Молодой Кирѣвскій привязался къ своему вѣчному и выросъ подъ его вліяніемъ. Доброе согласіе его съ своимъ семействомъ продолжалось во время всей его жизни; ему не пришлось относиться критически къ личностямъ своихъ родственниковъ, и поэтому онъ не испыталъ того тяжелаго разочарованія, которое переживаютъ почти все люди, начинающіе мыслить. Вѣроятно дѣтство Кирѣвскаго оставило въ его душѣ самое свѣтлое воспоминаніе; до конца жизни онъ дорожилъ тѣми лицами, которыя управляли его первоначальнымъ воспитаніемъ; его совершенно удовлетворяли ихъ педагогическіе приемы, ихъ воззрѣнія на жизнь,



отношенія къ разнымъ практическимъ и философскимъ вопросамъ; одобряя ихъ пониманіемъ Кирѣевскій самъ успокоивался на нихъ и не чувствовалъ необходимости стремиться къ какому-либо болѣе разумному; спокойно и непринужденно дѣйствовавшему въ немъ съ неизгладимыми воспоминаніями оставило въ его умѣ таинственный осадокъ допотопныхъ идей, котораго не могли сдвинуть съ мѣста ни житейскія волненія, ни теоретическія размышленія. Любознательность Кирѣевского была очень велика—онъ постоянно читалъ, серьезно задумывался надъ прочитаннымъ, но какъ только вычитанныя идеи начинали разрушать образы, населявшіе его воображеніе, такъ онъ отстранялъ ихъ прочь, чисто сердцемъ называя ихъ заблужденіями и не считая даже нужнымъ останавливаться на вопросъ—точно ли это заблужденія. Кирѣевскій былъ тѣмъ понятіемъ, съ которыми онъ свыкся въ детствѣ; а когда человѣкъ любитъ какую-нибудь идею, тогда бываетъ очень трудно убѣдить его въ ея несостоятельности; чтобы опрокинуть изъ головы его эту любимую идею, необходимъ сильный толчокъ, крутой переверотъ или постоянное вліяніе другого человѣка, стоящаго выше его по развитію и смотрящаго на вещи непредубѣжденными глазами. Ни того, ни другаго не пришлось испытать Кирѣевскому.

«Мы—пишетъ онъ къ Кошелеву, мечтая о жизни—возвратимъ права истинной религіи, изыскаемъ согласіе съ нравственностью, возбудивъ любовь къ правдѣ, глупый либерализмъ замѣнимъ уваженіемъ законовъ и чистоту жизни возвысимъ надъ чистотою слога».

Въ началѣ 1830 года Кирѣевскій, воодушевленный этими высокими стремленіями, уѣхалъ за-границу; ему въ это время пришлось пережить глубокое огорченіе; онъ сдѣлалъ предложеніе любимой женщинѣ и получилъ отказъ; это событіе потрясло его здоровье, и медики предписали ему путешествіе, какъ лучшее средство поправиться и развлечься. Его не манило вдалѣ стремленіе къ широкой жизни мысли; ему было уютно въ московскомъ кругу родственниковъ и друзей, и спокойное наслажденіе ровными отношеніями съ окружающими людьми было для него дороже кипучей дѣятельности и разнообразныхъ волненій умственной жизни. «Я возвращусь, возвращусь скоро, писалъ онъ черезъ нѣсколько дней послѣ своего отъѣзда изъ Москвы, это я чувствую, разставшись съ вами».

Мягкосердечный московскій юноша пробылъ за-границей всего 10 мѣсяцевъ, и заграничная атмосфера не успѣла произвести въ немъ никакого благотворнаго измѣненія. Онъ мѣрилъ западную мысль крошечнымъ аршиномъ своихъ московскихъ убѣжденій, которыя казались ему непогрѣшимыми и которыя раздѣляли съ нимъ всѣ убогія старушки Бѣлокаменной. Онъ слу-

шалъ лекціи извѣстнѣйшихъ профессоровъ, усваивалъ себѣ фактическія свѣдѣнія, сообщалъ въ письмахъ къ родственникамъ и друзьямъ остроумныя замѣтки о методѣ и манерѣ ихъ преподаванія, и между тѣмъ самъ оставался неразвитымъ, наивнымъ ребенкомъ, не умѣвшимъ ни на минуту возвыситься надъ воззрѣніями пеленки и маменьки.

Слушая лекціи Шлейермахера, профессора теологіи, Кирѣевскій находилъ, что Шлейермахеръ слишкомъ много разсуждаетъ и что современному мыслителю слѣдуетъ воздерживаться отъ анализа подробностей. Избавляя себя отъ обязанности выписывать то мѣсто, въ которомъ Кирѣевскій произноситъ сужденіе надъ Шлейермахеромъ, и прошу читателей моихъ, желающихъ познакомиться съ этимъ сужденіемъ, пробѣжать въ I томѣ 42-ю страницу матеріаловъ.

Въ Берлинѣ Кирѣевскій познакомился съ Гегелемъ, и на него сильно подѣйствовала чарующая мысль, что онъ окруженъ *первоклассными умами Европы*; онъ выразилъ эту мысль въ письмахъ на родину; съ первоклассными умами онъ говорилъ «о политикѣ, о философіи, о религіи, о поэзіи»; какъ на него подѣйствовали сужденія первоклассныхъ умовъ объ этихъ высокихъ предметахъ, онъ не пишетъ. Развивались онъ самъ передъ ними свои наивно-ребяческія понятія и правилось-ли имъ его нетронутое простодушіе, онъ также не сообщаетъ. Сношенія Кирѣевского съ Гегелемъ и его знакомыми продолжались очень недолго и потому не успѣли произвести прочнаго впечатлѣнія. Кирѣевскій съ любопытствомъ осматривалъ мнѣнія первоклассныхъ умовъ, какъ осматриваютъ диковинки какого-нибудь музея, и оставилъ эти мнѣнія нетронутыми вѣроятно потому, что они рѣзко расходились съ его стремленіями и казались ему непригодными для жизни.

Въ концѣ 1830 года Кирѣевскій возвратился въ Россію. Впечатлѣнія его заграничной жизни глубоко запали въ его воспримчивый умъ и выразились въ искреннемъ сочувствіи къ западному просвѣщенію, въ сильномъ желаніи провести въ русскую жизнь начала лучшей цивилизаціи. Втеченіи 1831 года онъ собралъ матеріалы для изданія журнала, составилъ себѣ кругъ сотрудниковъ и въ 1832 году выпустилъ въ свѣтъ двѣ первыя книжки журнала «Европеецъ». Сочувствіе Кирѣевского къ западному просвѣщенію обнаружилось въ его статьѣ «Девятнадцатый вѣкъ», открывшей собою его журналъ и выразившей въ общихъ чертахъ ту программу, которой намѣренъ былъ слѣдовать издатель. Въ этой статьѣ проведена мысль о необходимости постоянного умственного общенія между Европой и Россіей. «Ибо просвѣщеніе одинокое, говоритъ Кирѣевскій, китайски отдаленное, должно быть и китайски ограниченное: въ немъ нѣтъ жизни, нѣтъ блага, ибо нѣтъ прогресса».



нѣтъ того успѣха, который добывается только совокупными усиліями человѣчества». Въ этой статьѣ можно замѣтить только одинъ существенно важный недостатокъ — крайнюю голословность и бездоказательность. Въ подтвержденіе своихъ идей Кирѣевскій не приводитъ ни одного факта. Вся статья вертится на отвлеченныхъ умозрѣніяхъ; Кирѣевскій составляетъ себѣ какую-то химическую формулу европейской образованности и потомъ, отвернувшись отъ дѣйствительныхъ фактовъ, смотритъ только на эту формулу, передвигаетъ и перетасовываетъ ея ингредиенты и подводитъ такіе итоги, которые столько же похожи на дѣйствительность, сколько списокъ примѣтъ, означенныхъ въ отпускномъ билетѣ, похожъ на живого владѣтеля этой бумаги.

Все сочувствіе Кирѣевского къ европейской цивилизации улетучивается въ общихъ мѣстахъ и въ фразахъ; если оно не выражается въ междометіяхъ и восклицаніяхъ, то это происходитъ единственно оттого, что Кирѣевскій старается вездѣ выдерживать тонъ серьезнаго и основательнаго мыслителя. На самомъ же дѣлѣ въ его статьѣ кромѣ внѣшняго тона нѣтъ ничего солиднаго и основательнаго; онъ беретъ изъ Гизо (не указывая на источникъ) его мнѣніе о томъ, что европейская цивилизація сложилась изъ трехъ элементовъ: изъ остатковъ классическаго міра, изъ христіанства и изъ германскаго варварства, и на эту тему начинаетъ разыгрывать варіаціи очень однообразныя, утомительныя и безполезныя. Ни одна реальная сторона европейской жизни не затронута въ этой характеристикѣ девятнадцатаго вѣка. Мы не видимъ даже въ общихъ чертахъ, какъ живутъ люди въ Европѣ, какъ смотрятъ другъ на друга различныя сословія, къ чему стремятся отдѣльныя личности и дѣльныя партіи, какія потребности жизни отражаются въ литературѣ. Видно, что благоговѣніе Кирѣевского передъ первоклассными умами Европы еще продолжается; ему нѣтъ дѣла до того, что ѣсть французскій блюзникъ, нѣтъ дѣла до того, что говорить на своемъ митингѣ англійскій ремесленникъ, нѣтъ дѣла до того, какъ богатая буржуазія эксплуатируетъ пролетаріевъ и какъ буржуа, хозяинъ въ своемъ домѣ и въ своей семьѣ, давить индивидуальное развитіе своихъ сыновей и дочерей; бытовые вопросы, возникающіе въ европейской жизни и составляющіе ея животрепещущій и общечеловѣческій интересъ, проходятъ мимо его просвѣщеннаго ума, занятаго недостигаемо высокими интересами и аристократическими идеальными стремленіями. Продолжая восхищаться первоклассными умами Европы, Кирѣевскій очевидно думаетъ, что эти-то первоклассные умы, т. е. дюжины двѣ нѣмецкихъ профессоровъ философіи олицетворяютъ въ своихъ особахъ самые характерные моменты европейской цивилизаціи. Кирѣевскому кажется, что

мысль Шеллинга о сущности истиннаго имѣетъ міровое значеніе и что высказанная имъ въ научной формѣ, Шеллингъ имѣетъ истинно великое открытіе, просто такъ разодолжилъ все человѣчество. При этомъ колоссальное значеніе нѣмецкой умозрительной философіи, Кирѣевскій конечно забываетъ; врядъ ли одна сотая часть всего европейскаго интереса къ философіи и философовъ Европы интересуется дѣльными построеніями нѣмецкихъ профессоровъ, а даже эта сотая не выноситъ для себя нѣтъ дѣльных дѣльных построеній ничего сущнаго. Если подъ именемъ цивилизаціи понимать тѣ формы, въ которыхъ уклаивается жизнь отдѣльнаго человѣка и народа, то умозрительная философія получить право участія въ картинѣ цивилизаціи настолько, насколько она содѣйствуетъ развитію и измѣненію этихъ формъ и жизненныхъ отношеній. Если же, какъ въ случаѣ она электрическимъ токомъ проходитъ черезъ тысячи работающихъ головокъ, то эта умозрительная философія ограничивается построеніемъ формулъ, тогда она оставляетъ большую долю досужимъ людямъ, которыхъ не должна касаться рука всадней заботы и которая пріятно носится въ отвлеченныхъ пространствахъ, вмѣсто того, чтобы смотреть на окружающихъ людей и помогать имъ дѣльными совѣтами.

Умозрительная философія — пустая трата естественныхъ силъ, безцѣльная роскошь, которая всегда останется непонятной для толпы, нуждающейся въ насущномъ хлѣбѣ. Этого не понимали Гегель, ни Шеллингъ; этого конечно не понималъ и Кирѣевскій. Вмѣсто того, чтобы взглянуть на умозрительную философію какъ на историческое повѣтріе, какъ на болѣзненный наростъ, развившійся вслѣдствіе того, что живыя силы стремились къ практической дѣятельности, были насильственно сдвинуты и задержаны, Кирѣевскій преклоняется передъ философами, какъ передъ вожаками европейской мысли, любящими, какъ цвѣтомъ и надеждой европейской цивилизаціи. Замѣчательно, что масса читателей обыкновенно сочувствуетъ мыслителю только въ какомъ нибудь одномъ, часто очень узкомъ, частномъ чрезвычайно широкомъ примѣненіи его идеи. Масса беретъ только практическій выводъ и обыкновенно дѣлаетъ этотъ выводъ такъ смѣло и такъ рѣзко, что самъ мыслитель пугается и пятится назадъ. Анабаптисты и крестьянскіе войны были практическимъ выводомъ идей Лютера и Меланхтона, и Лютеръ вмѣстѣ съ Меланхтономъ испугались и проклинали свое собственное дѣло. Также точно Гегель, Шеллингъ и все прочіе предводители «нѣмецкаго любомудрія» проклинали бы тѣ неожиданные выводы, которые дѣлаетъ Кирѣевскій на основаніи ихъ идей и ихъ дѣятельности. Этими «первоклассными» умами Европы пришлось бы краснѣть отъ стыда и до



Если бы они узнали, что ихъ въ Россіи по головкѣ за то, что они показали неворительность чистаго разума, составили противъ энциклопедистовъ XVIII вѣка образъ натолкнули европейскій Западъ на обратный путь... Кирѣевскій, какъ суровый московскій юноша, спросился съ своего родимаго города, увидалъ и понялъ среди философовъ только то, что имѣло съ его стремленіями.

Онъ согласить свое уваженіе къ первокласснымъ Европы съ своей слѣпой привязанностью къ тому, что толковали ему съ дѣтства маменька да нянюшка, Кирѣевскій употребилъ довольно ловкій маневръ: онъ говорилъ, что Гегель тѣмъ великъ и полезенъ, что, въ рационализмъ до крайнихъ предѣловъ, онъ указываетъ на недостаточность чистаго разума и убѣждаетъ людей въ необходимости искать другихъ источниковъ познания, «очистилъ дорогу къ живой мудрости». Вотъ, думаетъ Кирѣевскій, Западу увидалъ, что на своихъ философовъ онъ не уѣдетъ; вотъ онъ погорюетъ, погорюетъ и обратится къ намъ за совѣтомъ, а мы тогда дадимъ ему совѣтъ въ московскомъ

Западъ прислушается, увидитъ, что это о зѣло», скажетъ подобно князю Владимиру, что, отвѣдавъ сладкаго, уже не хочешь аго, и заживемъ мы съ Западомъ душа въ душу, какъ жили съ нимъ слишкомъ лѣтъ ты-гому назадъ. Въ такихъ-то краскахъ рисуетъ Кирѣевскому будущія отношенія между цивилизаціями Россіи и Европы. Эти краски въ статьѣ «Деятельный вѣкъ» положены легко, что онѣ проходятъ незамѣтными для внимательнаго читателя; Кирѣевскій въ этой статьѣ напираетъ всего больше на то, что мы должны сблизиться съ Европой и заимствовать отъ нея образованность, но за этими словами слышится тайная надежда: будетъ и на нашей улицѣ индѣйскій; придетъ къ намъ Европа просить разума, и мы великодушно подѣлимся съ нею и духовными благами. Въ статьѣ «Деятельный вѣкъ» выразились такимъ образомъ главные моменты умственной жизни Кирѣевскаго; на эту статью положили свою печать дѣтскія вѣры Кирѣевскаго и его путешествіе за-границу; это отразилось въ теплотѣ чувства и въ романсы, второе — въ искреннемъ, но голомъ и необъясненномъ сочувствіи къ европейской цивилизаціи. Чему сочувствуетъ Кирѣевскій — мы не видимъ. На что ему нужна Европа не понимаемъ. Словомъ, во всей статьѣ дѣлается московскій сентиментализмъ съ его сердечнымъ влеченіемъ къ европейскому Западу. При этомъ должно замѣтить, что естественное, сердечное влеченіе не имѣетъ ничего общаго съ сознательнымъ уваженіемъ зрѣлаго человѣка къ оцѣненной и прочной идее.

## III.

Еслибы Кирѣевскій, управляя журналомъ, продолжалъ уяснять себѣ и публикѣ свои стремленія и симпатіи, то вѣроятно, онъ договорился бы до какихъ нибудь осязательныхъ результатовъ; онъ увидалъ бы противорѣчіе между европейскимъ и московской сентиментальностью и склонился бы опредѣленнымъ образомъ на ту или на другую сторону. Пока впечатлѣніе заграничнаго путешествія было еще свѣжо и сильно, можно было надѣяться, что западный элементъ возьметъ верхъ надъ воспоминаніями дѣтства; но тутъ къ несчастью непредвидѣнные обстоятельства насильственно прервали дѣятельность Кирѣевскаго. «Европеецъ» прекратился на первыхъ двухъ книжкахъ. Люди съ сильнымъ характеромъ раздражаются неудачами; ихъ энергія удваивается при борьбѣ съ препятствіями; ихъ убѣжденія становятся строже и послѣдовательнѣе, обозначаются отчетливѣе, рѣзче и неумолимѣе. Но съ Кирѣевскимъ этого не могло случиться; онъ упалъ духомъ, пересталъ писать, сталъ внимательно пересматривать свои убѣжденія и во многомъ измѣнилъ ихъ основной характеръ. Онъ конечно не прививалъ къ себѣ искусственно такихъ идей, которыя гармонировали бы съ обстоятельствами; онъ не сталъ бы себя насиловать, не попыталъ сознательно по теченію, но, какъ человѣкъ въ высшей степени впечатлительный, онъ испыталъ отъ этой неудачи самое сильное потрясеніе; встревоженный и огорченный, онъ усомнился въ самомъ себѣ; ему пришло въ голову, что можетъ быть это само Провидѣніе даетъ ему спасительный урокъ, что можетъ быть онъ заблуждался и указывалъ своимъ согражданамъ такой путь развитія, который не соответствуетъ ихъ потребностямъ.

Когда въ умѣ Кирѣевскаго началось это тяжелое раздумье, когда ему такимъ образомъ представился случай, подъ вліяніемъ житейской невзгоды, выковать себѣ убѣжденія зрѣлаго человѣка, тогда воспоминанія дѣтства въ полной яркости и отчетливости представились его встревоженному воображенію. Окружающія впечатлѣнія, Москва и Долбино (родовое имѣніе Кирѣевскихъ) взяли верхъ надъ европейскими тенденціями, пробудившимися во время заграничной поѣздки и выразившимися въ прерванной дѣятельности молодого журналиста. Эти тенденціи, въ которыхъ было такъ много неяснаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ много искренняго, эти тенденціи, изъ которыхъ при другихъ условіяхъ могло выработаться много хорошаго и разумнаго, отошли на задній планъ, завяли и зачахли, уступивъ свое мѣсто другимъ возрѣвшимъ, мрачнымъ, бесплоднымъ и безжизненнымъ.

Если можно сблизать литературный типъ съ личностью дѣйствительно существовавшего человѣка, то я позволю себѣ сравнить участь Ки-







же отвлеченную голословность, которую видѣли въ статьѣ «Деятельный вѣкъ». Слѣдуетъ до отрицательной части, т. е. численія недостатковъ, то должно сочтено, что въ ней много справедливаго и даже важнаго. Кирѣевскій глубоко чувствовалъ жизнь русской жизни, и это чувство въ его произведеніяхъ въ очень разнѣхъ формахъ; порою онъ является обликомъ житейскихъ нелѣпостей, порою выражаетъ сочувствіе къ тѣмъ лучшимъ единицамъ, которыя страдаютъ въ душной атмосферѣ, самъ тоскливо стремится вонъ изъ дѣйствительности въ міръ мечты или въ область идеальнаго умоустройства. Въ небольшой статьѣ «Русскихъ писательницъ» можно найти много горячо прочувствованныхъ страницъ. Кирѣевскій понимаетъ, что женщина, чувствующая потребность высказаться передъ своими современниками, принуждена бороться въ Россіи со многими и положительными, и отрицательными силами; онъ понимаетъ, что трудъ женщины далеко не получилъ еще у насъ права признанія, что женщина, предоставленная своимъ собственнымъ силамъ, принужденная бороться предубѣжденіемъ однихъ, равнодушіемъ другихъ, непониманіемъ третьихъ, рискуетъ умереть голоду, не смотря ни на свою даровитость, ни на свое образованіе, ни на искреннее стремленіе къ честному и общепользному труду. Вотъ того уже нѣтъ теперь, если въ наше время такая писательница пользуется всеобщимъ признаніемъ, то это было иначе въ 30-хъ годахъ писалъ Кирѣевскій; тогда вообще читающей публики было гораздо меньше, и въ то время, предубѣжденіе противъ литературнаго труда женщины имѣло свое значеніе въ обществѣ и въ семействѣ. Вотъ напр. краткій вырывъ изъ Кирѣевского объ одномъ замѣчательномъ фактѣ тогдашней литературы и жизни: «Въ 1830-хъ годахъ, говоритъ онъ, русская академія, въ составъ которой входила одна русская писательница, которой труды займуть одно изъ первыхъ мѣстъ между произведеніями нашихъ дамъ-поэтовъ, и которая до сихъ поръ оставалась въ полной неизвѣстности. Судьба кажется ей отъ людей какою-то страшною бездѣлкою, живя посреди нихъ, посреди которыхъ она ихъ не знала, ни они ее. Они оставили ее, не знаю для чего; она оставила ихъ для Греціи — для Греціи, которая кажется ей исполняла всѣ ея мечты и чувства; по крайнѣму въ ней одной говорить каждый стихъ въ несколькихъ десяткахъ тысячъ, написанъ. Странно: семнадцати лѣтъ, въ Россіи, была бѣдная, бѣдная съ всею своею ученою! Знать восемь языковъ, съ талантомъ соединять талантъ живописи, музыки, танца, учиться самымъ разнороднымъ наукамъ, учиться безпрестанно, работать все дѣ-

ство, работать всю первую молодость, работать, начиная день, работать отдыхая; написать три большихъ тома стиховъ по-русски, можетъ быть столько же на другихъ языкахъ; въ свободное время переводить трагедіи, русскія трагедіи — и все для того, чтобы умереть въ 17 лѣтъ, въ бѣдности, въ крайности, въ неизвѣстности!»

Въ этомъ живомъ разсказѣ о неизвѣстныхъ трудахъ, объ этой глухой борьбѣ съ нуждой, объ этой молодой жизни, испепелившейся въ безплодныхъ усиліяхъ, слышенъ голосъ человѣка, способнаго чувствовать и понимать чужое горе. Въ этомъ разсказѣ слышится страшный укоръ нашей жизни. Отчего дѣвушка даровитая, работающая изо всѣхъ силъ, обладающая значительными свѣдѣніями, тратитъ время на бесполезные стихи о Греціи, не находитъ въ русской жизни матеріаловъ для своей дѣятельности и умираетъ безпомощная, непризнанная, никому не нужная, никѣмъ и ничѣмъ не согрѣтая?

Кирѣевскій глубоко сочувствуетъ тѣмъ постояннымъ огорченіямъ, которыя впечатлительная душа женщины испытываетъ ежеминутно при разнообразныхъ столкновеніяхъ съ уродливыми явленіями нашей жизни. Онъ понимаетъ, что женщина, одаренная живымъ эстетич. чувствомъ, можетъ и должна стремиться въ какую-нибудь болѣе изящную и гармоническую среду.

«Италія кажется сдѣлалась ея вторымъ отечествомъ, говоритъ онъ объ одной изъ нашихъ писательницъ, и впрочемъ кто знаетъ? Можетъ быть необходимость Италіи есть общая, неизбѣжная судьба всѣхъ, имѣвшихъ участіе въ подобную? Кто изъ первыхъ впечатлительныхъ узналъ лучший міръ на землѣ, міръ прекраснаго; чья душа, отъ перваго пробужденія въ жизнь была, такъ сказать, взлелѣяна на цвѣтахъ искусствъ и образованности, въ теплой итальянской атмосферѣ изящнаго; можетъ быть для того уже нѣтъ жизни безъ Италіи, и сине итальянское небо, и воздухъ, исполненный солнца и музыки, и итальянскій языкъ, проникнутый всею прелестью нѣги и граціи, и земля итальянская, усыпанная великими воспоминаніями, покрытая, зачарованная созданіями гениальнаго творчества — можетъ быть все это становится уже не прихотью ума, но сердечною необходимостью, единственнымъ неутрачиваемымъ воздухомъ для души, избалованной роскошью искусствъ и просвѣщенія».

Любуясь изящнымъ произведеніемъ, Кирѣевскій невольно сравниваетъ гармонию этого произведенія съ нестройностью окружающей жизни; онъ чувствуетъ разладъ, существующій между міромъ мечты и міромъ сѣренькой дѣйствительности, и самое эстетическое наслажденіе переходитъ въ тихое чувство грусти. «Все слишкомъ идеальное, говоритъ онъ, даже при свѣтлой наружности, рождаетъ въ душѣ печаль, отгнѣненную какимъ-то магнетическимъ сочувствіемъ; такова одинокая, чистая пѣснь, прославленная сквозь



нестройный, ее заглушающій шумъ; такова жизнь дѣвушки съ душой пламенной, мечтательной, для которой изъ міра событий существуютъ еще одни внутреннія». Пожалуйста, гг. читатели, не останавливайтесь на внѣшней сентиментальности, которою грѣшить это мѣсто; взгляните въ основную мысль, вникните въ то настроеніе, которое выразилось въ этихъ тихихъ изліяніяхъ грусти, поставьте себя на мѣсто Кирѣвскаго, перенеситесь въ его время, и вы увидите, что причины этой грусти были очень реальныя.

У Кирѣвскаго разсѣяно въ его статьяхъ много замѣчательныхъ мыслей; чисто литературная критика его отличается вѣрностью эстетическаго чутья. Замѣчательнѣе другихъ его произведеній статья о стихотвореніяхъ Языкова. Приведу изъ нея нѣсколько выписокъ, выражающихъ отношенія автора къ общимъ вопросамъ жизни.

«Мы часто, говоритъ Кирѣвскій, считаемъ людьми нравственными тѣхъ, которые не нарушаютъ приличій, хотя бы впрочемъ жизнь ихъ была самая ничтожная, хотя бы душа ихъ была лишена всякаго стремленія къ добру и красотѣ. Если вамъ случалось встрѣчать человѣка, согрѣтаго чувствами возвышенными, но одареннаго притомъ сильными страстями, то вспомните и сочитите, сколько нашлось людей, которые поняли въ немъ красоту души, и сколько такихъ, которые замѣтили одни заблужденія. Странно, но правда, что для хорошей репутаціи у насъ лучше совсѣмъ не дѣйствовать, чѣмъ иногда ошибаться, между тѣмъ есть ли на свѣтѣ что нибудь безнравственнѣе равнодушія».

Вотъ замѣчательная мысль Кирѣвскаго объ отношеніяхъ между жизнью и искусствомъ:

«Но когда является поэтъ оригинальный, открывающій новую область въ мірѣ прекраснаго и прибавляющій такимъ образомъ новый элементъ къ поэтической жизни своего народа—тогда обязанность критики измѣняется. Вопросъ о достоинствѣ художественномъ становится уже вопросомъ второстепеннымъ, даже вопросъ о талантѣ является неглавнымъ, но мысль, одушевлявшая поэта, получаетъ интересъ самобытный, философическій; и лицо его становится идеей, и его созданія становятся прозрачными, такъ что мы не столько смотримъ на нихъ, сколько сквозь нихъ, какъ сквозь открытое окно стараемся разсмотрѣть самую внутренность новаго храма и въ немъ божество, его освящающее.

«Оттого, входя въ мастерскую живописца обыкновеннаго, мы можемъ удивляться его искусству; но предъ картиною художника творческаго забываемъ искусство, стараясь понять мысль, въ ней выраженную, постигнуть чувство, зародившее эту мысль, и прожить въ воображеніи то состояніе души, при которомъ она исполнена. Впрочемъ и это послѣднее сочувствіе съ художникомъ свойственно однимъ художникамъ же; но вообще люди сочувствуютъ съ нимъ только

въ томъ, что въ немъ чисто человѣчно: его любовью, съ его тоской, съ его мечтою-утѣшительницею, и въ томъ, что происходитъ внутри его, заботясь о событіяхъ его мастерскіхъ».

«Такимъ образомъ на нѣкоторой ступени искусства искусство само себя уничтожаетъ, сливаясь въ мысль, превращаясь въ идею».

Вотъ сужденіе Кирѣвскаго объ искусствѣ поэзіи Языкова:

«Если мы вникнемъ въ то впечатленіе, которое производитъ на насъ его поэзія, увидимъ, что она дѣйствуетъ на душу какъ волшебное, спѣваемое, какъ какое-то волшебное заклинаніе, котораго жизнь двоятся въ глазахъ: одна жизнь является намъ тѣсною, мрачною, дневною; другая—праздничною, вѣчною, просторною. Первая угнетаетъ душу, вторая освобождаетъ ее, возвышаетъ и расширяетъ. И между сими двумя существами лежитъ явная, бездонная пропасть. Въ этой пропасти судьба бросила нѣсколько камней, по которымъ душа переходитъ изъ жизни въ другую: это любовь, это славяно, мысль объ отечествѣ, мысль о будущемъ, тѣ минуты безотчетнаго, радостнаго, когда звуки сердца заглушаются, и слышна только голось окружающаго міра—звукъ, и сердце обязано собственной молодости, и случайному предмету, ихъ возбуждающему».

Я можетъ быть утомилъ читателей этими выписками, но мнѣ хотѣлось дать возможное понятіе о свѣтлой сторонѣ литературности Кирѣвскаго. Въ этой сторонѣ отразилась способность сочувствія всѣмъ человѣческимъ ощущеніямъ и чувствомъ всѣхъ человѣческихъ слабостей. Кирѣвскій родился художникомъ, вѣстно почему, вообразилъ себя мыслителемъ. Онъ впечатлителенъ, воспримчивъ, способенъ подчиняться чуждому влиянію, кататься чужими идеями; у него нѣтъ самобытности; онъ постоянно отражаетъ идеи и симпатіи той среды, въ которой живетъ и которую любитъ. Бывши южаниномъ, жилъ тѣмъ, что было втолковано о славянствѣ; поѣхавши за границу, онъ увлекся классическими умами Европы и началъ думать о западномъ просвѣщеніи, которое вѣстно ему какъ-то по наслышкѣ изъ философскихъ трактатамъ Гегеля и Шеллинга. Приблизившись на родину и слышавъ гонимыхъ колоколовъ, онъ крѣпко привязался къ родимой почвѣ, о которой убиваетъ «Время», и вообразилъ себя предкомъ славянскаго любу мудрѣ, необходимаго для селенія разлагающагося Запада. Но на бою было заблужденіе Кирѣвскаго: истинно вытекало изъ основныхъ свойствъ характера, изъ тѣхъ самыхъ свойствъ



зились въ нѣсколькихъ блестящихъ мысляхъ и горячо прочувствованныхъ страницахъ. И, видите ли, есть люди, которые не могутъ взглянуть хладнокровнымъ критическимъ взглядомъ на все, что ихъ окружаетъ; имъ неминуемо горячо любить, горячо отдаваться чему-нибудь, съ полнымъ самоотверженіемъ служить какому-нибудь принципу или даже какому-нибудь лицу. Когда эти люди успѣваютъ обречь на служеніе какой-нибудь великой истинѣ, тогда они совершаютъ великіе подвиги, являются благодѣтелями своего народа и заживаютъ признательность современниковъ и потомковъ. Когда же они ошибаются въ выборѣ своего кумира, тогда они дѣлаются безпутными людьми, поступаютъ въ число гасильниковъ и являются тѣмъ опаснѣе, чѣмъ рейнстини и тосердечнѣе увлекаются своей привязанностью къ превратной идеѣ. Кирѣевскій чувствовалъ, что многія потребности просвѣщеннаго ума не находятъ себѣ удовлетворенія, что многія обиденныя явленія оскорбляютъ человѣческое чувство. Что же оставалось ему дѣлать въ такомъ положеніи? Оставалось бороться противъ тѣхъ сторонъ жизни, которыя можно было изменить, и мириться съ тѣмъ, что было не подъ силу отдѣльному человѣку. Мираясь съ явленіями жизни чисто внѣшнимъ образомъ, надо было ограничить самого себя отъ развращающаго вліянія этой жизни. Надо было, отказываясь отъ фактической борьбы, оставаться на-сторожѣ и хранить свою умственную самостоятельность среди хаоса вѣществъ, насилія и предразсудковъ. Но жить такимъ образомъ, безъ дѣятельной борьбы и безъ страстныхъ привязанностей, значило жить чистымъ отрицаніемъ, не вѣрить ни въ себя, ни въ другихъ, ни въ идею, сознавая безотрадность стоящаго и сомнѣваясь въ возможности лучшаго будущаго. Остановиться на такомъ печальномъ воззрѣніи на жизнь способны очень немногіе люди; чтобы ужиться съ чистымъ сомнѣніемъ въ области науки и жизни, надо обладать значительной трезвостью ума и недюжинной твердостью характера. Но у Кирѣевского не было ни того, ни другого; страдая отъ особенностей жизни, онъ не могъ ни свыкнуться съ этими особенностями, ни выстрадать себѣ полное равнодушіе къ этой жизни. Уродливыя явленія мѣшали ему дѣйствовать, но они не мѣшали ему мечтать, и онъ весь ушелъ въ міръ мечты, унося съ собою свою діалектическую ловкость, которая помогала ему доказывать и себѣ, и другимъ, что мечта его—не мечта, а живая дѣйствительность. Еслибы Кирѣевскій былъ мыслителемъ, еслибы онъ заботился не объ удобствѣ того или другого міросозерцанія, а только о степени его дѣйствительной вѣрности, тогда онъ не сталъ бы утѣшать себя произвольными фантазіями; еслибы онъ былъ чистымъ поэтомъ, тогда онъ просто окружилъ бы себя созданіями собственнаго во-

ображенія, не стараясь связывать эти созданія съ явленіями дѣйствительной жизни. Но, къ сожалѣнію, въ Кирѣевскомъ соединились эти два рѣдко совмѣстные элемента; онъ по природѣ своей—художникъ, а по развитію—ученикъ нѣмецкихъ философовъ. Онъ постоянно мечтаетъ, но воспѣваемые имъ предметы, къ сожалѣнію, вовсе не вяжутся съ поэзіей; вмѣсто того чтобы изображать свои собственные чувства, настроенія своей души, наконецъ то или другое, мелкое или крупное событіе, онъ беретъ самыя отвлеченныя темы и пишетъ поэму въ прозѣ о европейской цивилизаціи, объ отношеніяхъ между Западомъ и Россіей, о новыхъ началахъ въ философіи. Такого рода сочиненія оказываются плохими поэмами и плохими разсужденіями.

Личное настроеніе автора не можетъ выразиться въ свободномъ лирическомъ изліяніи, потому что оно сковано логикой, діалектикой и физиологическою дѣйствительностью фактовъ. Что же касается до логики автора, то она конечно стоитъ ниже всякой критики, потому что ея дѣло—доказывать то, во что Кирѣевскому пріятно вѣрить. «Логическій выводъ, говоритъ собиратель матеріаловъ, думая похвалить своего героя, былъ у Кирѣевского всегда завершеніемъ и оправданіемъ его внутренняго вѣрованія, и никогда не ложился въ основаніе его убѣжденія». Въ сочиненіяхъ Кирѣевского хороши только тѣ мѣста, въ которыхъ онъ является чистымъ поэтомъ, тѣ мѣста, въ которыхъ онъ безсознательно выражаетъ всю полноту своего чувства. Повѣсти Кирѣевского (изъ которыхъ окончена только одна «Ональ») очень плохи, потому что въ нихъ преобладаетъ головная элементъ; онъ сбиваются на аллегоріи или же на разсужденія на заданную тему. У Кирѣевского не хватило бы творческой силы на то, чтобы облумать и создать художественно-стройное цѣлое; у него мечтательность выражается въ общемъ направленіи мысли, а сильное воодушевленіе появляется только проблесками и продолжается недолго; я выписалъ почти всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ Кирѣевскій, увлекаясь лирическимъ порывомъ, производитъ на читателя сильное и вполне гармоническое впечатлѣніе. Такихъ мѣстъ въ двухъ томахъ очень не много, и эти мѣста тонутъ въ сотняхъ дидактическихъ, утомительно-скучныхъ и глубоко-безполезныхъ страницъ.

#### IV.

Направленіе, по которому пошелъ Кирѣевскій послѣ своего двѣнадцатилѣтняго бездѣйствія, называется *православно-славянскимъ*. Задатки этого направленія заключаются еще въ основныхъ положеніяхъ его статьи «Девятнадцатый вѣкъ», но эти положенія получили полное развитіе и принесли обильные плоды впоследствии, въ его отвѣтъ Хомякову, въ письмѣ къ графу Комаровскому, въ критическихъ статьяхъ, по-



мѣщавшихся въ «Москвитянинѣ», и въ послѣдней его философской статьѣ, украсившей собою страницы покойной «Русской Бесѣды». Всѣ эти статьи большей частью посвящены сравненію европейской цивилизаціи съ русской. Существованіе самобытной русской цивилизаціи, процвѣтавшей «во время оно» и задавленной реформою Цетра, составляетъ въ глазахъ Кирѣвскаго неопровержимый фактъ, не требующій никакихъ доказательствъ. Эта русская цивилизація восхваляется всѣми возможными возгласами и причитаніями; сравнивая ее съ западной, Кирѣвскій находитъ, что она не въ примѣръ лучше; онъ останавливается на этомъ сравненіи съ особенной любовью и съ трогательнымъ патристическимъ самодовольствомъ; главное преимущество, которое онъ находитъ въ русской цивилизаціи, заключается въ томъ, что русская цивилизація не проникнута рационализмомъ и не подчинена господству разума. Чтобы доказать, что Кирѣвскій считаетъ это свойство дѣйствительнымъ и важнымъ преимуществомъ, и что дѣятельность разума кажется ему въ высшей степени опасной, я приведу слѣдующую цитату изъ его письма къ графу Комаровскому. Она очень длинна и скучна, но читатель узнаетъ изъ нея замысловатое міросозерцаніе Кирѣвскаго и убѣдится въ томъ, что русская цивилизація стоитъ неизмѣримо выше западной.

«Но остановимся здѣсь и соберемъ вмѣстѣ все сказанное нами о различіи просвѣщенія западно-европейскаго и древне-русскаго; ибо кажется достаточно уже замѣченныхъ нами особенностей для того, чтобы, свѣдя ихъ въ одинъ итогъ, вывести ясное опредѣленіе характера той и другой образованности.

«Христіанство проникало въ умы западныхъ народовъ черезъ ученіе одной римской церкви, — въ Россіи оно загоралось на свѣтильникахъ всей церкви православной; богословіе на Западѣ приняло характеръ разсудочной отвлеченности, — въ православномъ мірѣ оно сохранило внутреннюю цѣльность духа; тамъ раздвоеніе силъ разума, здѣсь — стремленіе къ ихъ живой совокупности; тамъ движеніе ума къ истинѣ посредствомъ логическаго сдѣленія понятій, здѣсь — стремленіе къ ней посредствомъ внутреннего возвышенія самосознанія къ сердечной цѣльности и средоточію разума; тамъ исканіе наружнаго, мертвѣго единства, здѣсь — стремленіе къ внутреннему, живому; тамъ церковь смѣшалась съ государствомъ, соединивъ духовную власть со свѣтскою и славъ церковное и мірское значеніе въ одно устройство смѣшаннаго характера, въ Россіи — она оставалась не смѣшанною съ мірскими цѣлями и устройствомъ; тамъ схоластическіе и юридическіе университеты, въ древней Россіи — молитвенные монастыри, сосредоточивавшіе въ себѣ высшее знаніе; тамъ разсудочное и школьное изученіе высшихъ истинъ, здѣсь стремленіе къ ихъ живому и цѣльному познанию; тамъ взаимное проростаніе образованности азычской и христіанской, здѣсь — постоянное стремленіе къ очищенію истины; тамъ государственность изъ насилій завоеванія, здѣсь — изъ естественнаго развитія народнаго быта, проникнутаго единствомъ основнаго убѣжденія; тамъ враждебная разграниченность сословій, въ древней Россіи — ихъ единоклубная совокупность при

естественной разновидности; тамъ связь рыцарскихъ замковъ съ ихъ феодами составляетъ отдѣльныя институты, здѣсь совокупное согласіе всей земли дѣлитъ на нераздѣлимое единство; тамъ личная ответственность — первое основаніе гражданскихъ отношеній, здѣсь собственность только выраженіе отношеній личныхъ; тамъ формально логическая, здѣсь — инстинктивная быта; тамъ наклонность права къ строгости внѣшней, здѣсь предпочтеніе внутренняго; тамъ юриспруденція стремится къ логическому, здѣсь, вмѣсто наружной связности формальной, ищетъ она внутренней связи правды; тамъ убѣжденія съ убѣжденіями вѣры, здѣсь законы исходятъ естественно изъ господствующаго мнѣнія, здѣсь они рождались естественнымъ быта; тамъ улучшенія всегда совершались естественными перемѣнами, здѣсь — строгими, естественнымъ возрастаніемъ; тамъ возмущеніе партій, здѣсь неизбѣжность основнаго; тамъ прехоты моды, здѣсь твердость быта; тамъ шаткость личной самозаконности, здѣсь — семейныхъ и общественныхъ связей; тамъ леватость роскоши и искусственность жизни, здѣсь простота жизненныхъ потребностей; тамъ нравственнаго мужества, тамъ изысканности, здѣсь здравая цѣльность разума; тамъ внутренняя тревожность души, здѣсь разсудочной увѣренности въ своемъ зрѣломъ совершенствѣ, у русскаго — глубокое и спокойствіе внутренняго самосознанія; тамъ постоянная недовѣрчивость къ себѣ и къ другимъ, тамъ ничтожная требовательность нравственныхъ отношеній; однимъ словомъ, тамъ раздвоеніе и раздвоеніе мыслей, раздвоеніе наукъ, раздвоеніе государства, раздвоеніе сословій, раздвоеніе быта, раздвоеніе семейныхъ правъ и обязанностей, раздвоеніе нравственнаго и сердечнаго, раздвоеніе всей совокупности и всѣхъ отдѣльных видовъ бытія человѣческаго, общественнаго и частнаго; въ Россіи, напротивъ того, преобладающее стремленіе къ цѣльности бытія внутренняго, общаго, общественнаго и частнаго, умнаго и житейскаго, искусственнаго и нравственнаго. Потому, если справедливо сказанное нами, то раздвоеніе и цѣльность, разсудочность и инстинктивность будутъ послѣдними выраженіями образованности европейской и древне-русской образованности.

Читатель долженъ помнить, что всѣ достоинства, о которыхъ говоритъ Кирѣвскій, принадлежатъ только древне-русской цивилизаціи. Мы, современные русскіе люди, должны вздохнуть о томъ, что намъ не пришлось наслаждаться этими благами, и что мы, крайней испорченности, потеряли даже способность любить и уважать эту милую Русь. Исследователь древне-русскаго быта, пожалуй возразитъ Кирѣвскому, что въ древней Руси было плохое житіе; что тамъ быта не на животь, а на смерть, что тамъ когда не обходился безъ пытки; что рабство существовало въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, что мужья хлестали своихъ женъ шелковыми и ремennыми плетками, а бѣлые рабы не имѣли нравственности, вродѣ Сильвестра Рязанскаго, рвали ихъ только не битъ зря, по ухъ видѣнію. Много подобныхъ возраженій можно привести изслѣдователь, но Кирѣвскій тѣмъ бы на нихъ никакого вниманія; и



о все это мелкія, виѣшнія, случай-  
я, не касающіяся внутренней идеи,  
гь нашей цивилизаціи остается непри-  
и, что принципъ ея великъ и непо-  
е смотря на всѣ продѣлки, творив-  
покровомъ этого принципа. На такіе  
ые доводы изслѣдователь конечно не  
твѣта. Подобно этому предполагаемо-  
ателю, мы преклоняемся передъ непо-  
ростью мыслителя-поэта и съ трепе-  
надежды прислушиваемся къ его объ-  
открывающимъ намъ перспективу  
освѣтленной жизни. Изъ слѣдующихъ  
а узнаемъ, что мы еще не совѣтъ по-  
ия для насъ есть возможность спасенія:  
ень образованности Россія живетъ еще  
тъ и, что всего важнѣе, онъ живетъ  
ой, православной церкви. Потому на  
то основанія, я ни на какомъ другомъ,  
ь воздвигнуто прочное зданіе просвѣ-  
іи... Построеніе же этого зданія мо-  
ишится тогда, когда тотъ классъ на-  
ро, который не исключительно занятъ  
ь матеріальныхъ средствъ жизни, и  
злѣдовательно, въ общественномъ со-  
ущественно предоставлено значеніе—  
тъ мысленно общественное самосозна-  
этотъ классъ, говорю я, до сихъ поръ  
й западными понятіями, наконецъ  
ится въ односторонности европейскаго  
а; когда онъ живѣе почувствуетъ по-  
овыхъ умственныхъ началъ; когда съ  
каждой полной правды онъ обратится  
ь источникамъ древней православной  
о народа и чуткимъ сердцемъ будетъ  
тъ къ яснымъ еще отголоскамъ этой  
ы отечества въ прежней, родимой жиз-  
Тогда, вырвавшись изъ-подъ гнета  
хъ системъ европейскаго любуемудрія,  
азованный человѣкъ, въ глубинѣ осо-  
доступнаго для западныхъ понятій, жи-  
аго умозрѣнія святыхъ отцевъ церкви,  
ые полные отвѣты именно на тѣ во-  
я сердца, которые всего болѣе трево-  
обманутую послѣдними результатами  
самосознанія. А въ прежней жизни  
воего онъ найдетъ возможность понять  
уюгой образованности».

его прибавлять къ этимъ словамъ.  
оворять за себя.

## V.

оченіе скажу нѣсколько словъ о кри-  
татѣ, помѣщенной въ «Современ-  
гь заглавіемъ «Московское слово».  
и своею бездоказательностью и голо-  
ожетъ поспорить съ философскими  
мого Кирѣвскаго. Всѣ представители  
о-славянскаго направленія — Хомя-  
ксаковъ, Кирѣвскій ступешаны подъ  
ръ; у всѣхъ на лбу прицѣпленъ ар-  
иадписью «славянофилъ», и всѣ они  
о лишены своей индивидуальной фи-  
авянофильство принимается за какое-  
ное повѣтріе, свалившееся на Москву,

какъ снѣгъ на голову, и заразившее собой цѣ-  
лый кружокъ людей, очень честныхъ и очень  
неглухихъ. Виѣшніе признаки славянофильства  
описаны въ общихъ чертахъ, но изъ этого опи-  
санія читатель никакъ не можетъ составить  
себѣ понятія о томъ, какъ возникло это направ-  
леніе мысли, и почему именно оно пришлось по  
душѣ Кирѣвскому, Хомякову и компаніи. Если  
закоренѣлые обскуранты смотрять на нововведе-  
денія, какъ на дьявольскую прелесть, пущенную  
въ міръ для соблазна и гибели православныхъ  
христіанъ, то должно сознаться, что нѣкоторые  
отчаянные и черезчуръ запальчивые прогрес-  
систы смотрять на явленія, подобныя славяно-  
фильству, какъ на какое-то чудовищное и не-  
объяснимое порожденіе духа тьмы и зла. Обску-  
ранты и прогрессисты нисколько не похожи  
другъ на друга по образу мыслей, но тѣ и  
другіе, сражаясь съ враждебными имъ явленіями,  
увлекаются за предѣлы благоразумія, теряютъ  
способность хладнокровно анализировать, и, впа-  
дая въ декламацію, берутъ фальшивыя ноты,  
вредящія тому дѣлу, которое они защищаютъ.

Вмѣсто того, чтобы прослѣдить развитіе Ки-  
рѣвскаго, Хомякова и другихъ славянофиловъ,  
вмѣсто того, чтобы разсмотрѣть тѣ свойства этихъ  
людей, которыя породили въ нихъ недовѣріе къ  
дѣятельности разума, словомъ, вмѣсто того, что-  
бы объяснить славянофильство какъ психологи-  
ческій фактъ, критикъ «Современника» вдается  
въ совершенно бесплодную полемику съ положені-  
ями славянофильскихъ теорій.

Спорить съ славянофилами—это право стран-  
но; благоразумный человѣкъ не станетъ ни опро-  
вергать отрывочныхъ восклицаній, ни смѣяться  
надъ несвязной рѣчью. Онъ будетъ наблюдать,  
изучать развитіе и причины и сообщать резуль-  
таты своихъ изслѣдованій другимъ людямъ, спо-  
собнымъ и желающимъ его слушать.

Славянофильство — не повѣтріе, идущее не-  
извѣстно откуда, это — психологическое явленіе,  
возникающее вслѣдствіе неудовлетворенныхъ по-  
требностей. Кирѣвскому хотѣлось жить ра-  
зумной жизнью, хотѣлось наслаждаться всѣмъ,  
чего просить душа живого человѣка, хотѣлось  
любить, хотѣлось вѣрить... Въ дѣйствительности  
не нашлось матеріаловъ; а между тѣмъ онъ по-  
любилъ ее, обидеализировалъ ее, раскрасилъ ее  
по своему и сдѣлался рыцаремъ печальнаго обра-  
за, подобно незабвенному Донъ-Кихоту, любов-  
нику несравненной Дульцинеи Тобозской. Слав-  
янофильство есть русское донъ-кихотство; гдѣ  
стоятъ вѣтряныя мельницы, тамъ славянофилы  
видятъ вооруженныхъ богатырей; отсюда про-  
исходятъ ихъ вѣчно-фразистыя, неясныя бредни  
о народности, о русской цивилизаціи, о будущемъ  
вліяніи Россіи на умственную жизнь Европы. Все  
это — донъ-кихотство, всегда искреннее, часто  
трогательное, болѣею частью непостоянное.



# ВОЛЬНЫЕ РУССКІЕ ПЕРЕВОДЧИКИ.

„СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ ИНОСТРАННЫХЪ ПОЭТОВЪ“ И „ПОЭТЫ  
ВРЕМЕНЪ И НАРОДОВЪ“.

Переводы В. Д. Костомарова и О. Н. Берга. Москва. 1860 — 1862 г.

## I.

Грустное впечатлѣніе производятъ книги, о которыхъ рѣшительно нельзя сказать, для кого онѣ написаны; одни не найдутъ въ нихъ ничего новаго, другіе — ничего замѣчательнаго, третьи — ничего понятнаго. Для дѣтей пишутъ элементарныя руководства витіеватымъ языкомъ, народу сообщаютъ первыя необходимыя свѣдѣнія, не умѣя избѣгать научныхъ терминовъ, для русской публики переводятъ иностранныхъ поэтовъ такъ своеобразно, что человѣкъ, знающій подлинникъ, не узнаетъ его въ переводѣ, а незнающій пожалуй и вовсе не дощется смысла. Къ числу такихъ безцѣльныхъ и безплодныхъ явленій въ области книжной торговли относится «Сборникъ стихотвореній иностранныхъ поэтовъ», изданный въ Москвѣ О. Н. Бергомъ и В. Д. Костомаровымъ. На ихъ книжку стоитъ обратить вниманіе во 1-хъ потому, что она своей вѣнностью и именами переведенныхъ поэтовъ можетъ расположить публику въ свою пользу, во 2-хъ потому, что переводчики обѣщаютъ продолжать свое изданіе, если первый выпускъ будетъ имѣть успѣхъ. Въ сборникъ вошли имена Гюго, Беранже, Гейне, итальянскихъ патріотовъ-поэтовъ, Шамиссо, Трегера и двухъ датчанъ Андерсена и Эленслегера. Почему выбрали именно этихъ поэтовъ и почему изъ ихъ твореній выбрали именно такіе-то стихотворенія — остается неразрѣшимымъ вопросомъ. Сборникъ не носитъ на себѣ никакого опредѣленнаго характера; руководящей идеи не видно ни въ группировкѣ поэтовъ, ни въ выборѣ стихотвореній. Въ переводахъ съ итальянскаго господствуетъ конечно политическое направленіе; объ остальныхъ нельзя сказать ничего общаго; при чтеніи многихъ переведенныхъ стихотвореній рождается невольный вопросъ: чѣмъ они обратили на себя вниманіе переводчика и для чего онъ тратилъ время и трудъ, чтобы познакомить русскую публику съ безцвѣтными и даже не особенно граціозными лирическими стихотвореніями. Стоило ли переводить съ датскаго «Фіалки», гдѣ говорится, что «счастливый мальчикъ манитъ въ садъ цвѣточки-глазки, а что кругомъ звенятъголоски: иди же въ садъ, иди же въ садъ». Все стихотвореніе написано для того, чтобы сравнить глазки дѣвушки съ фіалками,

и это стихотвореніе переводится на русский языкъ въ то время, когда наша критика и дѣльно упрекаетъ нѣкоторыхъ нашихъ поэтовъ въ бѣдности содержанія. Зачѣмъ брать въ такое время, когда всякій грамотный человѣкъ сознаетъ излишество нашихъ удавшихся подражаній «Новой веснѣ»?

Стихотворенія съ датскаго какъ-то неудачно выбраны. Какъ вамъ понравится примѣръ «Умирающее дитя»? Ребенокъ умираетъ, и говоритъ съ своей мамашей, какъ прилетѣлъ къ нему ангелъ; затѣмъ то, что онъ говоритъ такъ же слезливо и чисто, какъ учитель риторики. Всякій трогательный обаяніемъ обозначенъ эпитетомъ, и картина выходитъ яркая; есть и радужное крыло, и лазурный океанъ, и золотой кругъ, и пестрые цвѣты, и райскія сады — словомъ, нужно полное отсутствіе критическаго чувства, чтобы не понять, что это стихотвореніе — наборъ словъ, въ которыхъ нѣтъ ни естественности, ни чувства; а Бергъ перевелъ его. — Онъ перевелъ также стихотвореніе «У колодезя», и вотъ его содержаніе: женщина смотритъ въ колодезь и припоминаетъ свою мать о томъ, какъ мудрая женщина приносить ей дѣтей изъ колодезя; при этомъ рождается желаніе добыть себѣ ребенка, замѣнить имъ куклолку. Это все очень наивно, но въдѣ ужъ кромѣ наивности ничего, а наивность какъ-то не прививается русскому здравому смыслу и переходитъ въ приторность. Если прибавить къ этому, что стихотвореніе переведено разнѣромъ «Бонна бунка», то не покажется удивительнымъ, что наивность датскаго подлинника принимается русскимъ переводомъ за характеръ плоской дилеттантскости. Затѣмъ слѣдуетъ стихотвореніе съ пѣвкомъ: «говорятъ, говорятъ!», которое было бы напечатать развѣ только въ пошломъ «Весельчакѣ» — до такой степени при приложеніи остроуміе оно вяло и пусто. Но этими примѣрами плохихъ стихотвореній русская публика осуждена составить себѣ понятіе объ Андерсенѣ. Что можно подуматъ? Что это поэтъ безъ таланта, безъ эстетическаго чувства, да еще фантазіи. Чтобы оправдать Андерсена, придется, что перевелъ изъ него Шамиссо,



къ и человекъ съ тонкимъ и раз-  
б. Вотъ напр. буквальный пере-  
нiя «Märzveilchen», взятаго имъ  
это же стихотворенiе вошло въ  
тъ заглавiемъ «Фiалки». Сравню  
б:

Шамиссо:

блеститъ чистой синевою,  
лъ стекла цвѣтами;  
отся сверкающіе цвѣты;  
а нихъ стоитъ передъ окномъ.  
ище цвѣтеть  
веселыхъ глазъ—  
ики, какихъ тотъ и не видывалъ.  
отъ живого дыханiя;  
начинаютъ таять.  
олодого человека.

Бергъ:

въ небѣ голубомъ  
на кругомъ;  
рые цвѣты  
икъ съ высоты.  
смѣясь глядятъ  
ъ пестрый садъ.  
ычакъ тамъ стоятъ,  
и въ садъ манить;  
омъ звенять:  
б, иди же въ садъ!

мы видимъ легкую, остроумную  
ваго поэта, мы видимъ граціоз-  
которомъ поэтъ выражаетъ влiя-  
асоты. У Берга ничего этого не  
цереена можно было выбрать и  
у напимѣръ на стихотворенiе:  
переведенное Шамиссо, представ-  
тонкiй психологическiй анализъ  
теплой задушевностью. Изъ Элен-  
перевелъ сцену трагедiи «Гаконъ  
та замѣчательно ничтожна и за-  
бѣ только взаимныя угрозы двухъ  
а и Олафа. Ни замѣчательной  
атической живости дѣйствiя, ни  
й вѣрности анализа! Что попра-  
Бергу, это остается совершенно  
Еслибы совсѣмъ откинуть не-  
скихъ поэтовъ, отъ этого нисколь-  
бы сборникъ.

В. Костомаровъ обращается очень  
ъ стихотворенiи «Старая прачка»  
есть послѣднiй куплетъ, не пояс-  
Физиономiя стихотворенiя совер-  
а. Шамиссо изображаетъ дѣятель-  
таруху, жившую честнымъ тру-  
вную до сѣдыхъ волосъ физиче-  
и нравственную энергiю. В. Ко-  
дставляетъ страдальцу, несущую  
плачущую надъ работой и не-  
оптатъ на Господа. Можетъ быть  
ково законны и важны, но только  
залъ не то, что перевелъ В. Ко-  
миссо говоритъ: «она честнымъ  
наполняла тотъ кругъ, который

отвелъ ей Господь». В. Костомаровъ переводитъ:  
«И безъ роптанiя на Господа несла тотъ тяжкiй  
крестъ, который ей послалъ онъ». Смѣшалъ ли  
переводчикъ *Kreis* и *Kreutz*, или сознательно  
отступилъ отъ подлинника—все равно, колоритъ  
отъ этого во всякомъ случаѣ измѣняется.

Шамиссо: Она несла долю жены; не было  
недостатка въ заботахъ; она ходила за больнымъ  
мужемъ, она родила ему троихъ дѣтей; она поло-  
жила его въ гробъ и не потеряла вѣры и надежды.

Костомаровъ:

И съ кроткою покорностью сносила  
Обязанность суровую жены.  
Мужъ у нея сварливый былъ, больной.  
Трехъ дочекъ отъ него она имѣла,  
И не осталось съ нею ни одной—  
Но все перенести она умѣла.

Сварливость мужа, суровая обязанность же-  
ны—двѣ черты, прибавленныя переводчикомъ.

Шамиссо:

Она стала работать ножницами и иглой  
И собственноручно сшила себѣ  
Безукоризненный саванъ.

Костомаровъ:

Она беретъ наперстокъ и иглку  
Шьетъ саваны дрожащею рукою  
Безъ ропота... Лишь плачетъ втихомолку.

Это совершенно не то, что говоритъ Шамиссо.  
Отчего плачетъ прачка, отчего у нея дрожатъ  
руки—это не пояснено никакъ, да и совершенно  
не въ ея характеръ; въ слѣдующемъ куплетѣ  
Шамиссо говоритъ, что она съ удовольствiемъ  
всякое воскресенье смотритъ на свой саванъ. Объ  
удовольствiи, съ которымъ дѣлается это старая  
прачка, В. Костомаровъ умалчиваетъ. Точно так-  
же стихотворенiе «Ницiй и его собака» пред-  
ставлено не въ переводѣ, а скорѣе, какъ варіація  
на данную тему. Бѣдный ницiй, у котораго раз-  
рывается сердце въ то время, какъ онъ надѣва-  
етъ петлю на шею своей собаки, названъ у  
В. Костомарова «злodeмъ». О собакѣ сказано,  
что она «вдругъ околѣла» на могилѣ хозяина,  
точно будто съ нею сдѣлался апоплексическiй  
ударъ. По призванiю самихъ переводчиковъ луч-  
ше всего переведены у нихъ стихотворенiя Гюго  
«съ сохраненiемъ какъ образовъ, такъ даже и  
эпитетовъ подлинника». Посмотримъ, что это за  
переводъ. Вотъ напимѣръ картина разрушенiя  
Содома и Гоморры. Курсивомъ напечатано въ по-  
длинникѣ то, чего нѣтъ въ переводѣ, а въ пере-  
водѣ то, чего нѣтъ въ подлинникѣ.

Ce peuple s'éveille  
Qui dormait la veille  
Sans penser à Dieu.  
Les grands palais croulent;  
Mille chars qui roulent  
Heurtent leur essieu;  
Et la foule accrue  
Trouve en chaque rue  
Un fleuve de feu.  
Sur ses tours altières  
Colosses de pierre  
Trop mal affermis  
Abondent dans l'ombre.

Туча грозная ревела,  
Вихорь крыши съ зданiй ревела.  
И проснулся тотъ народъ,  
Что вчера, забывъ о Борѣ,  
Во золотомъ уснулъ чертогъ.  
И оз сматени, из тревоги  
Вся изъ города блынула  
На долину, но и тутъ  
Рѣки пламени текутъ,  
Словно глыбы хрупкой глины  
Пали башни-исполинны  
И, волнами снесена,  
Пала билая стина.



Des mourants sans nombre  
Encore endormis  
Sur des murs qui pendent;  
Ainsi se répandent  
De noirs fourmis.  
Se peut-il qu'on fuie  
Sous l'horrible pluie!  
Tout périt, hélas!  
Le feu qui foudroie  
Bat les ponts qu'il broie,  
Crève les toits plats,  
Roule, tombe et brise  
Sur la dalle grise  
Ses rouges éclats.  
Sous chaque étincelle  
Grossit et ruisselle  
Le feu souverain.

Подъ развалинами сводовъ  
Лицъ кривыхъ переходовъ,  
Не опомнявшись отъ сна,  
Гибнуть тысячи народа  
Въ лавахъ осененныхъ волнахъ.  
Гдѣ же вамъ искать спасенья  
Отъ огня и разрушенія?  
Все погнѣзло, все, увы!  
Вся грамматика твердыни  
Вашей суетной гордыни  
Въ прахъ повергнута, и вы,  
Дити мрачнаго Эрева,  
Не спасетесь отъ нѣва  
Бога силъ, Іеговы.  
Туча лопнула отъ жара  
И отъ каждаго удара (чего)?  
Ирче зарево пожара.

и такъ даждь...

Изъ 32 строкъ переданы приблизительно вър-  
но 10, и это вы найдете въ каждомъ стихотво-  
реніи Гюго. Вотъ вамъ и сохраненіе образовъ и  
эпитетовъ; и хоть бы эти отступленія выкупа-  
лись художественностью языка, звучностью и  
вѣрностью стиховъ. Что за рѣкмы, что за грам-  
матическія ошибки, что за нарушенія историче-  
ской вѣрности въ самовольныхъ отступленіяхъ  
отъ подлинника! У В. Костомарова считается рѣ-  
ками: *сна и волнахъ* (стр. 20), *шумомъ и дру-*  
*гомъ* (21), *праздникъ и участникъ* (24), *о-*  
*громный и верховный* (23), *помочь имъ и и*  
*они* (25), *ни тѣни и течение* (25), *разсѣка-*  
*етъ и чаекъ* (27), *наряды и стадо* (27). Всѣ  
эти примѣры собраны на семи страницахъ, и  
между тѣмъ, какія кровавыя жертвы перевод-  
чикъ приноситъ рѣмѣ. Для того, чтобы найти  
третью рѣмѣ къ словамъ *своды* и *народы*,  
В. Костомаровъ употребляетъ выраженіе: *Лавы*  
*пламенныя воды* (19). Для рѣмѣ онъ назы-  
ваетъ жителей Содома и Гомора *дѣтьми мрач-*  
*наго Эрева* и сливаетъ представленія греческой  
мифологіи съ еврейскими преданіями. Онъ пи-  
шетъ *шире пламенный потокъ* и вслѣдъ за-  
тѣмъ для рѣмѣ небеса *сыплютъ огненный пе-*  
*сокъ*, который для сожженія провинившихся го-  
родовъ былъ уже собственно излишенъ при по-  
токахъ огненной лавы, но для стиха именно при-  
потокъ и оказался необходимымъ. А главное хо-  
рошо то, что въ подлинникѣ нѣтъ ни *пламен-*  
*ныхъ водъ лавы*, ни *дѣтей Эрева*, ни *огнен-*  
*наго пещу*. Это все отъ переводчика и для  
рѣмѣ. В. Костомаровъ для рѣмѣ сочиняетъ но-  
выя слова и даже не поясняетъ ихъ значенія:

Драгоценная тіара  
Занялась на немъ какъ фара.

Что такое *фара*? Сличаю съ подлинникомъ и  
вижу тамъ *phare*, рѣмующее въ *tiare*, и пере-  
водящееся русскимъ словомъ *маякъ*. Но ужъ  
*тіара* и *маякъ*, даже на снисходительное ухо  
Костомарова не покажется рѣмою. Онъ и создалъ  
*фару*, и рѣма вышла богатая.

А вотъ и грамматическая ошибка во имя рѣмѣ:

Валы пещла, волны пламя  
И царя-волхва, и знамя  
Увлекали за собой.

*Пламя*, по мнѣнію В. Костомарова, не-  
длительный падежъ отъ существительнаго  
имени. Но ужъ за то, надо сказать, Костомаровъ  
пожертвуетъ здравую исторію или грамматику,  
такъ исторія и рѣма выходятъ блистательны.

Посмотримъ, что же случилось подъ  
призванными переводчиками съ такими  
легкими созданіями Гейне и Беранже, и  
такъ легко испортить и которая такъ  
портила у насъ въ Россіи и въ журн-  
альныхъ отдѣльных изданіяхъ. Въ сборникѣ на-  
димъ между прочимъ переводъ прелестнаго  
Беранже «La sougonne retrouvée». Въ  
никъ вложенъ въ эту пѣсню цѣлый міръ  
Тутъ есть и грусть, и добродушный  
слезы сквозь улыбку, и то любовное  
ко всему живому, ко всякой искренней  
которое составляетъ вѣчно свѣжую  
ствующую черту поэзіи Беранже. Все  
жаются просто какъ Богъ послалъ, все  
будто не сознаетъ собственной прелести  
становится еще прелестнѣе. Добрый,  
любящій старикъ смотритъ на увядшіе  
и, вспоминая прошлое, поневолѣ съ гру-  
сится къ настоящему. Но уже самое  
настроеніе грусти исключаетъ всякій  
всякое ожесточеніе противъ настоящаго  
какъ говорить поэтъ о той женщинѣ  
онъ когда-то любилъ:

Et la beauté tendre et riieuse.  
Qui de ces fleurs me couronna jadis  
Vieille dit-on elle est pieuse;  
Tous nos baisers, les a-t-elle maudits  
J'ai cru que Dieu pour moi l'aurait  
Mais l'âge accourt qui vient tout el  
O honte! et sans la reconnaître  
Je la verrais passer.

И вотъ какъ переводить это мѣсто  
маровъ:

А та красавица, что бѣлою рукой  
Вотъ въ этотъ самый завръ мнѣ розанъ  
Да, говорятъ, сварливою ханжей  
На старости-то лѣтъ моя красотка ст-  
Неужели-жъ я объ ней не пожалѣю  
И такъ же, какъ она, забуду страсть  
О стыдѣ, теперъ и я, встрѣчаясь съ  
Ея не узнаю.

Я не знатокъ живописи, но мнѣ ка-  
если бы художникъ арзамасской шк-  
списать сикстинскую мадонну, то резу-  
трудолюбія былъ бы похожъ на картин-  
столько же, сколько переводъ В. К-  
похожъ на стихотвореніе Беранже. По-  
ныя дарованія любятъ власть краски г-  
чтобъ въ глаза било, чтобъ издали былъ  
Вмѣсто картины выходитъ вывѣска.  
бѣда! блеснуть по-крайней-мѣрѣ. Бе-  
реть: «она богомольная старушка». В.



У это кажется слабо и онъ ставитъ сварли-  
ханжу, что конечно выходитъ рельефнѣе.  
анже говоритъ: «я бы можетъ быть не узналъ  
В. Костомаровъ избавляетъ читателя отъ тя-  
желаго сомнѣнія: «теперь и я, встрѣчаясь съ  
О, ее не узнаю». Неправда-ли, такъ будетъ  
аздо яснѣе. Впрочемъ, переводчикамъ Богъ  
ститъ; вѣдь у нихъ разобрать трудно, что дѣ-  
тся по глубокимъ эстетическимъ соображе-  
мъ, и что измѣняется случайно, въ угоду  
мы; замѣчу мимоходомъ, что *жансой* рно-  
сть съ *рукой*, а *узнаю* съ *свою*, и это вѣ-  
тно играетъ не послѣднюю роль въ ряду со-  
ражений, побудившихъ В. Костомарова исковер-  
тъ мысль своего подлинника. Слѣдующее за-  
мѣ стихотвореніе «Фіалки» сплошь набито вы-  
мками В. Костомарова. Напр.

Фіалка бѣдняжка! Апрѣльскій морозъ  
Ужъ стелеть коверъ серебристый,  
И бѣлой бахромкой по вѣткамъ березъ  
Раскинулся иней пушистый.

Оно гладко и по размѣру, и по приемамъ, только  
тъ сожалѣнію выходитъ бессмыслица, да и къ  
ому же Беранже говорить совсѣмъ не то. Если  
ъ апрѣлѣ морозъ уже стелеть серебристый ко-  
еръ, значить къ маю должно быть замерзнуть  
ѣки, пойдутъ метели и ужъ тутъ подлинно горе  
удеть бѣдняжкѣ-фіалкѣ; прилетѣтъ цуце преж-  
аго *рыдать отъ стужи* (стр. 107). Не мѣ-  
ааетъ замѣтить, что у Беранже нѣтъ ни се-  
ебристаго ковра, ни березъ, обшитыхъ бахром-  
ой инея, ни бѣдняжки, ни рыданій, ни даже  
прѣля. Все дѣло происходитъ въ началѣ марта;  
гъ весеннихъ лучей солнца надъ снѣгомъ поди-  
мается паръ, фіалки только немного зябнутъ,  
поэтъ предостерегаетъ ихъ, говоря, что раз-  
ыхлеленный снѣгъ можетъ опять скрѣпиться мо-  
озомъ. В. Костомаровъ по привычкѣ усиливъ все  
то и вѣроятно принаровилъ свой переводъ къ  
русскому климату, перенесъ дѣйствіе на апрѣль.

Перейдемъ къ Гейне. О внѣшности перевода  
говорить нечего; онъ ни сколько не лучше всѣхъ  
стальныхъ, а степень его совершенства я оцѣ-  
нилъ уже достаточно, говоря о Гюго. Любопытно  
еерь посмотреть, какъ переводчики *поняли*  
Гейне; этого поэта нужно знать, чтобъ перево-  
ить его; иначе внутренній смыслъ выдохнется,  
и тамъ, гдѣ у Гейне выражено міросозерпаніе,  
амъ въ переводѣ окажется только претензія на  
ригинальную выходку, лишенную внутренняго  
одержанія. Наша публика, незнающая съ нѣ-  
мецкимъ языкомъ, положительно не знаетъ Гейне,  
и въ этомъ виноваты переводчики. Почти всѣ  
ирическія стихотворенія Гейне переведены, но  
юти никто не переводилъ ихъ по цикламъ. Въ  
нигбъ: «*Neue Gedichte*» есть нѣсколько лириче-  
скихъ романовъ, изъ которыхъ каждый названъ  
именемъ женщины. Анжелика, Катарина, Сера-  
пина, Эмма и т. д. состоятъ, какъ извѣстно, изъ

ряда лирическихъ стихотвореній, въ которыхъ  
изображены различные моменты въ развитіи чув-  
ства мужчины къ женщинѣ. Наши поэты пере-  
водили изъ этихъ цикловъ отдѣльные стихотво-  
ренія, а фizioномія Гейне выражается именно въ  
связи ихъ между собою. Публика наша любитъ  
Гейне, но положительно не знаетъ его. Переводы  
Берга и Костомарова могутъ только повре-  
дить этому дѣлу, потому-что поэтическая лич-  
ность Гейне ими положительно не понята. Во  
всякомъ сколько нибудь характеристическомъ  
стихотвореніи Гейне самая замѣчательная черта  
или вовсе опущена, или извращена самымъ без-  
человѣчнымъ образомъ. Судя по переводамъ  
В. Костомарова, можно предположить, что онъ  
былъ-бы поставленъ въ крайнее затрудненіе,  
если бы его попросили написать критическую  
статью о Гейне; а тяжело должно быть перево-  
дить поэта, котораго не знаешь и не понимаешь.  
За примѣрами этого непониманія дѣло не ста-  
нетъ. Переведена между прочимъ «Пѣсни океа-  
ниды»; вотъ сюжетъ этого стихотворенія, какъ я  
его понимаю. На берегу сѣвернаго моря сидитъ  
мужчина и хвалится передъ морскими чайками  
своимъ блаженствомъ. Тогда океаниды, вслу-  
шавшись въ его слова, начинаютъ пѣть ему  
пѣсню слѣдующаго содержанія:

«Глупый ты, глупый человѣкъ, хвастунъ не-  
лѣпый! Гнететъ тебя тоска! Погибли твои на-  
дежды, живыя дѣти сердца, и увы! сердце твое,  
подобно Ніобѣ, каменѣетъ отъ горя. Въ головѣ  
у тебя наступаетъ ночь, и сверкаютъ въ ней мол-  
ніи безумія, и ты съ горя хвастаешь! О, глупый  
ты человѣкъ, глупый хвастунъ. Ты упрямъ какъ  
твой предокъ, великій титанъ, укравшій у бо-  
говъ небесный огонь и давшій его людямъ. Изму-  
ченный коршуномъ, прикованный къ скалѣ, онъ  
грозилъ Олимпу, не покорялся и стоналъ такъ,  
что мы это слышали въ глубинѣ моря и пришли  
къ нему утѣшать его пѣснью. Глупый, глупый  
ты человѣкъ, хвастливый глупецъ! вѣдь ты еще  
бессильнѣе. Ты бы сдѣлалъ благоразумно, если  
бы сталъ уважать боговъ и терпѣливо перенесъ  
тяжесть страданія, и несъ бы ее терпѣливо такъ  
долго, такъ долго, пока самъ Атласъ потеряетъ  
терпѣнье и сброситъ съ плечъ тяжелый міръ въ  
вѣчную ночь».

А вотъ переводъ Костомарова:

«Дуракъ ты, дуракъ ты, хвастливый безумецъ!  
Жалко тебя намъ!  
Тамъ погибаютъ твои золотыя надежды—  
Сердца шутливыя дѣти!  
И ахъ! твое сердце, подобно Ніобѣ,  
Окаменѣетъ отъ скорби великой,  
И въ головѣ твоей темная ночь поселится,  
И молніи бѣшенства будутъ однѣ лишь бли-  
стать въ ней  
Расхвастался ты передъ горемъ бѣдою!» И т. д.

На это мѣсто перевода стоитъ обратить вни-  
маніе. Не говоря уже о грубомъ незнаніи нѣмец-



каго языка, выражающемся въ томъ, что В. Костомаровъ переводить «Kimmergequälter» — «жалъ мнѣ тебя», «dahin gemordet» — «тамъ погибають», настоящія времена глаголовъ—будущими и пр., любопытно посмотрѣть, какъ понята вся идея стихотворенія.

Что хотѣлъ сказать Гейне, или вѣрнѣе что сказалося въ его поэтическомъ образѣ?—То, что человѣкъ съ разбитымъ сердцемъ, съ лопнувшими надеждами, съ уничтоженными вѣрованіями находитъ удовольствіе въ томъ, чтобы упорно говорить о своемъ счастьи, съ цинизмомъ хвастать имъ передъ другими, давая имъ впрочемъ замѣтить свою неискренность, и громкимъ, рѣзкимъ ожесточеннымъ хохотомъ заглушать голосъ тихой грусти или судорожные вопли страданія. Этотъ человѣкъ становится лицомъ къ лицу съ природою, смотритъ на волнующееся море, на сѣрое небо и въ виду ихъ безпредѣльности начинаетъ смутно чувствовать мелочность своей неискренности, начинаетъ понимать, что та несокрушимая сила, которою онъ хвастался передъ людьми, даже не успокаивала страданія, а только закрашивала рану. Страдалецъ перестаетъ рисоваться, фанфаронъ дѣлается на минуту искреннимъ человѣкомъ, и ожесточенный смѣхъ разрѣшается тихими, теплыми слезами ноющей грусти.

Кто читалъ Гейне внимательно, да кто при этомъ знаетъ нѣмецкій языкъ лучше Костомарова, тотъ припомнитъ, что борьба между искренней грустью и натянутымъ смѣхомъ не только составляетъ колоритъ его произведеній, но во многихъ изъ нихъ обращаетъ на себя его особенное вниманіе и дѣлается предметомъ поэтической обработки. В. Костомаровъ этого не знаетъ и потому принимаетъ пѣсню океанида за какое-то пророчество о будущихъ страданіяхъ и кажется вмѣсто глубокой мысли видитъ во всей пѣсѣ только причудливое твореніе фантазіи. Въ стихотвореніи: «Горные голоса» ошибка переводчика еще напвиѣ. Гейне представляетъ, что эхо отвѣчаетъ на слова путника, разспрашивающаго о своей судьбѣ. Оно отвѣчаетъ, повторяя его послѣднія слова, и эти отвѣты, случайно нося на себѣ характеръ грустнаго предзнаменованія, наводятъ уныніе на путника. Въ этомъ поэтическомъ образѣ лежитъ глубокая иронія, но въ нее нужно вдуматься. Все, въ чемъ есть доля мистицизма, все, что основано на одномъ вѣрованіи и не проверено критикою мысли—все это случайно, и между тѣмъ всему этому слабое человечество придаетъ суетвѣрное значеніе, отказываясь во имя бредней отъ живыхъ надеждъ и свѣжихъ радостей жизни. Вотъ смыслъ словъ Гейне. Что В. Костомаровъ не понялъ этой затаенной ироніи—это еще не бѣда, но онъ даже не понялъ, что этотъ горный голосъ—эхо, или забылъ, что эхо повторяетъ послѣднія слова. Путникъ въ переводѣ говоритъ: «или съ темной, холодной могилой». Эхо повторяетъ: съ могилой.

Въ третьемъ куплетѣ путникъ говоритъ: «пусть съ любовью могила встрѣтитъ», и эхо отвѣчаетъ: «тамъ счастье». Что-же это такое? это значитъ переводить стихотвореніе, не понимая его или не умѣя прочесть. Этакъ немудрено пустить десять книжекъ подобныхъ разбѣжкамъ немудрено перевести всего Гейне и Бернса, что-же въ нихъ толку? Такія книги сбиваютъ публику съ толку, портятъ эстетическое чувство или отбиваютъ охоту отъ чтенія. Въ жизни Гюго, Беранже и Гейне мы видимъ поэта поэзіи, поэта чувства и поэта мысли. Созданія поэзіи искажено произвольными прибавленіями, оценками и выдумками, въ которыхъ нѣтъ историческаго значенія, ни эстетическаго. Выраженіе чувства превратилось въ грубую рикатуру, въ которой нѣтъ даже психологическаго правдоподобія. Проявленіе творческой мысли и разумнаго міросозерцанія непонято и искажено гдѣ у Гейне иронія, тамъ въ переводѣ нѣтъ оригинальничанья, которое само не помнитъ своего значенія; гдѣ у Гейне истинное сдержанное чувство, тамъ въ переводѣ—искаженное и дрянное подражаніе непонятому оригиналу.

## II.

Полтора года тому назадъ, въ декабрѣ книжкѣ «Рус. Слова» за 1860 годъ, я раздалъ «Сборникъ стихотвореній иностранныхъ поэтовъ въ переводѣ В. Д. Костомарова и Ф. Н. Теллера». Теперь явился второй выпускъ того же сборника, но подъ заманчивымъ заглавіемъ: «Поэты всѣхъ вѣковъ и народовъ». Этотъ второй выпускъ отличается отъ перваго своимъ планомъ и составомъ. Издатели сочли нужнымъ помѣстить кромѣ творческихъ переводовъ четыре объяснительныя статьи, написанныя конечно прозою. Кромѣ числа переводовъ значительно увеличилось и число Костомаровыхъ со времени изданія перваго выпуска успѣли набить руку, такъ что уже въ ихъ переводахъ не встрѣчается тѣхъ ошибокъ, которыя я отмѣтилъ полтора года назадъ. Общая цѣль предпріятія, которое жетъ намѣрено быть прочнымъ, до сихъ остается необъясненной; почему издатели рѣшили или другихъ поэтовъ, тѣ или стихотворенія—этого я не знаю, да и самъ кажется, считаютъ совершенно лишнимъ себя въ этомъ отчетъ. Во второмъ выпускѣ мы встрѣчаемъ Бернса и Гейне—ну, а что! Бернсъ и Гейне всегда кстати; а мы встрѣчаемъ Шюльца, Андерсена и приложения—легенды сербовъ. Русская публика конечно ничего бы не потеряла, еслибы этого она и не встрѣтила. Самую слабую книжку составляютъ впрочемъ не стихотворенія, а объяснительныя статьи Костомарова и коротенькое предисловіе, подписанное съ «издатели».



тъ, въ этомъ предисловіи издатели стараются объяснить цѣль своихъ трудовъ и издержекъ, но это имъ плохо удается; оказывается, предлагаемый сборникъ желаетъ содѣйствовать знакомству русской публики съ поэзіей этихъ народовъ, а что о пользѣ такого знамства и говорить нечего—потому-де, что она извѣстна всѣмъ. Впереди, въ туманномъ отдаленіи издатели видятъ передъ собой заманчивую цѣль: составленіе на русскомъ языкѣ такой антологіи, «какими такъ богата напимѣръ хоть немецкая литература». Впрочемъ эта цѣль кажется имъ на столько великой, что она, по ихъ словамъ, можетъ быть достигнута не скоро. Отленность великой цѣли не ослабляетъ однако моотверженнаго усердія издателей; они надѣются, что роскошное зданіе русской антологіи ожится со временемъ и что ихъ сборники будутъ служить кирпичами въ рукахъ будущаго дчаго. Да, воля ваша, говорите, что хотите, гѣйтесь, сколько душѣ угодно, а все-таки издателямъ отрадно думать, что ихъ внуки будутъ держать въ рукахъ толстый in-4°, въ которомъ по алфавиту или по достоинству размѣтятся иностранные «поэты всѣхъ вѣковъ и наодовъ», пересаженные на русскую почву трудолюбивыми руками Ѳ. Берга, В. Костомарова и отрудниковъ. Приятно даже воображать себѣ въ будущемъ плоды собственной общественной дѣятельности. Вѣдь перевести на русскій языкъ нѣсенку Гейне, это—тоже общественная дѣятельность, хоть лыкомъ шитая, а все дѣятельность. Я отъ души жалѣю о томъ, что не обладаю той пылкостью воображенія, которою одарены издатели; иначе я бы непременно вообразилъ себѣ, что въ настоящую минуту, болтая всякій вздоръ по поводу вздорной книжки, я занимаюсь общественной дѣятельностью, просвѣщая вкусъ русской публики здоровой критикой, разрушаю ветхія понятія... О, общественная дѣятельность, хорошо, что ты у насъ въ Россіи—отвлеченная идея, иначе ты имѣла бы полное право обидѣться, зачѣмъ ни къ селу, ни къ городу призываютъ твое почтенное имя? Кто только не воображаетъ себя дѣятелемъ? всѣ суетятся, всѣ хлопочутъ, и все это дѣлается для пользы общей. Вотъ напимѣръ издатели «поэтовъ» составили книжку въ 200 страницъ и пустили ее въ продажу по 1 руб. 25 коп. Подумайте: за 1 р. 25 к. читатель узнаетъ, какъ В. Костомаровъ думаетъ о Бернсѣ, какъ тотъ же В. Костомаровъ смотритъ на Гейне, и какъ наши русскіе стихотворцы переводятъ Бернса, Гейне, Шюльсса, Андерсена и сербовъ. Доставить столько наслажденія за такую умѣренную цѣну—это заслуга.

Что же вы хотите доказать всѣми вашими нелѣпыми насмѣшками? спроситъ наконецъ раздосадованный читатель.

А вотъ видите ли, я хочу доказать, что претензіи всегда бываютъ смѣшны. В. Костомаровъ

и Бергъ перевели на досугъ нѣсколько десятковъ стихковъ; имъ захотѣлось ихъ напечатать; желаніе понятное; потомъ, когда накопилось еще нѣсколько пьесъ, захотѣлось повторить тоже самое; ну, и печатали бы себѣ просто, безъ затѣй, не распространяясь о цѣли; какая тутъ цѣль! просто, отчего же не перевести, а потомъ, отчего же не напечатать? Нѣтъ, нельзя, самолюбіе одолѣваетъ; надо, видите-ли, объяснить появленіе книжки высшими побужденіями, надо привести ее въ связь съ потребностями общества, надо себя заявить. Въ каждомъ изъ насъ сидитъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій; не даромъ же Гоголь былъ великій знатокъ русскаго человѣка. У русскаго человѣка бываетъ охота работать, бываютъ и силы; не достаетъ только простора и умѣнья направить свои силы; поэтому онъ или тратитъ ихъ зря въ узенькой сферѣ, или ограничиваетъ всю свою дѣятельность заявленіями о самомъ себѣ; въ нашей литературѣ есть очень много пишущихъ людей, отъ которыхъ мы до сихъ поръ не узнали ни одной идеи; но за то имъ удалось разъ двадцать или тридцать напечатать свою фамилію и извѣстить почтеннѣйшую публику о томъ, что на бѣломъ свѣтѣ живетъ такой-то Ивановъ, Арсеньевъ или Заочный. Принадлежать ли издатели къ категоріи непроеизводительныхъ дѣятелей нашей литературы—этого еще нельзя рѣшить; во всякомъ случаѣ плоды ихъ дѣятельности еще впереди, въ будущемъ роскошномъ зданіи русской антологіи.

В. Костомарову удалось нѣкоторые переводы, но за то его характеристики Бернса и Гейне рѣшительно никуда не годятся. Біографія Бернса, занимающая 50 страницъ, ничто иное, какъ плохая компиляція изъ писемъ Бернса, изъ статьи Карлейля о шотландскомъ поэтѣ и изъ разныхъ англійскихъ біографій. Называя произведеніе В. Костомарова плохой компиляціей, я не думаю обвинять составителя въ томъ, что онъ не воспользовался всѣми источниками; источниковъ за глаза довольно, да бѣда въ томъ, что В. Костомаровъ не умѣетъ съ ними справиться, не умѣетъ сгруппировать ихъ и придать имъ даже внѣшнюю стройность. Одни и тѣ же факты повторяются по нѣскольку разъ. «Прекрасная душа» Бернса отлетаетъ «на небо» на 16-й страницѣ, и читатель, замѣчая, что впереди еще 34 страницы, начинаетъ надѣяться, что ему дадутъ подробный разборъ произведеній шотландскаго поэта; но онъ ошибается; на 16-й же страницѣ начинается письмо Бернса къ доктору Муру, въ которомъ поэтъ рассказываетъ всю свою жизнь, т. е. то, что уже намъ рассказало В. Костомаровъ. Это продолжается до 32-й страницъ; мы принуждены сознаться, что рассказъ Бернса лучше рассказа В. Костомарова, и потому мнѣ кажется, что Костомаровъ могъ бы ограничить свою біографическую дѣятельность придѣлываніемъ нѣкоторыхъ комментаріевъ къ письму Бернса;







ѣ этотъ баринъ—знатный лордъ,  
Да что намъ изъ того,  
Онъ своимъ богатствомъ гордъ,  
А глупъ прежде всего!  
Жде всего, прежде всего,  
Для насъ, дѣтей труда,  
И лентъ, и звѣзда  
Смѣшны прежде всего!

Лопъ въ графы произвестъ  
Не стоитъ ничего:  
Честнымъ сдѣлать царь—какъ есть—  
Не можетъ никого!  
Жде всего, прежде всего  
Да будутъ всѣ честны.  
Стъ—наши высшіе чины  
И умъ прежде всего.

Олитесь всѣ, чтобы Богъ послалъ  
Намъ царствіе свое,  
Тобъ честный трудъ на свѣтѣ сталъ  
Почетнѣе всего!  
Реже всего, прежде всего,  
Отнынѣ и во вѣкъ,  
Тобъ человѣку человѣкъ  
Былъ братъ прежде всего.

Первые четыре куплета превосходно выражаютъ гордое сознаніе человѣческаго достоинства покойное презрѣніе къ искусственнымъ понятіямъ знатности и свѣтской чести. Пятый куплетъ грѣшитъ пѣтизмомъ, но послѣдніе двѣ строки спасаютъ общее впечатлѣніе. Во всякомъ случаѣ надо сказать спасибо Костомарову за то, что онъ перевелъ это стихотвореніе просто и ясно, сохраняя тотъ оттѣнокъ юмора и ту ненужность оборотовъ, которыми отличается длинникъ.

Статья Костомарова о Гейне еще болѣе неясна, чѣмъ его «Робертъ Бернсъ». Эта статья ясно показываетъ, что Костомаровъ не понимаетъ значенія Гейне и даже непосредственнымъ чувствомъ не можетъ оцѣнить его поэзію.

Біографическихъ данныхъ очень немного, да и тѣ, по правдѣ сказать, бесполезны; вся наша читающая публика знаетъ эти факты по многочисленнымъ статьямъ, появившимся о Гейне въ журналахъ и предисловіяхъ къ отдѣльнымъ изданіямъ переводовъ изъ Гейне. Стало быть, статья Костомарова имѣетъ главной цѣлью объяснить нашей публикѣ значеніе Гейне, какъ поэта. Посмотримъ, какъ-то Костомаровъ справится съ этой задачей. Нашъ критикъ разбираетъ сначала политическое значеніе поэзіи Гейне и обрушивается на поэта всю тяжесть своего добродѣтельнаго негодованія. Негодуетъ онъ на него, во 1-хъ, за книгу о Берне, во 2-хъ, за то, что Гейне получалъ пенсію отъ Людовика-Филиппа; и то, и другое можетъ быть очень плохо, но къ сожалѣнію и то, и другое вовсе не относится къ политическому значенію поэзіи Гейне. Беконъ бралъ взятки, Вольтеръ часто воздвигалъ цензурныя преслѣдованія противъ своихъ литературныхъ враговъ, но если мы будемъ говорить о политическомъ значеніи умственной дѣятельности Бекона и Вольтера, то эти факты

надо будетъ оставить въ сторонѣ, не смотря на то, что они даютъ обильную пищу добродѣтельному негодованію. Беконъ и Вольтеръ могли быть дрянными людьми, но организація ихъ мозга была великолѣпная, и какъ великіе мыслители и критики людскихъ нелѣпостей, они заслуживаютъ нашу полную признательность. Политическое значеніе ихъ дѣятельности заключается въ томъ вліяніи, которое ихъ идеи оказывали на гражданскую жизнь ихъ общества. Личные поступки этихъ людей часто не имѣютъ съ этимъ вліяніемъ ничего общаго, и до нихъ нѣтъ дѣла тому критику, который разсматриваетъ Бекона или Вольтера со стороны ихъ умственной дѣятельности. Но предположимъ даже, что Костомаровъ хочетъ оцѣнить Гейне, какъ человѣка; даже и въ этомъ случаѣ его добродѣтельное негодованіе бессмысленно и риторично; чтобы бросить камень въ Гейне, надо чувствовать себя очень чистымъ и сильнымъ; надо самому побывать на аренѣ и пережить тѣ испытанія, которыя выпадали на долю Гейне; надо выдти побѣдителемъ изъ этихъ испытаній, чтобы имѣть право винить въ слабости того человѣка, который свихнулся съ прямого пути; иначе строгаго цензора нравовъ можно самого притянуть къ суду общественнаго мнѣнія; можно сказать ему: посмотрите на себя, грозный обвинитель великаго поэта, поройтесь въ вашихъ недавнихъ воспоминаніяхъ, полюбуйтесь на вашу собственную общественную дѣятельность, и тогда, насладившись этимъ поучительнымъ самосозерцаніемъ, перестаньте декламировать противъ чужихъ слабостей и проступковъ, менѣе достойныхъ презрѣнія. Не вашимъ подслѣповатымъ глазамъ отыскивать пятна на свѣтилахъ мысли, подобныхъ Генриху Гейне.

Оцѣнка Гейне, какъ поэта, т. е. собственно эстетическая часть статьи Костомарова, отличается сильными претензіями и жалкой слабостью мысли. Костомаровъ начинаетъ эстетическую часть своего труда слѣдующими словами: «чтобы вполне понять значеніе Генриха Гейне, какъ лирика, необходимо»... Итакъ Костомаровъ собирается «вполнѣ понять значеніе Гейне». Посмотримъ, что будетъ дальше. Дальше оказывается, что простота и непосредственность составляютъ главную силу поэзіи Гейне. «Безъ этой заслуги, говоритъ Костомаровъ, не смотря на все богатство своего таланта, онъ никогда не занялъ бы такого почетнаго, чтобы не сказать перваго мѣста, между нѣмецкими поэтами новаго времени, потому что вліяніе его на литературу, какъ представителя юной Германіи, какъ отвлеченнаго философа, какъ недовольнаго полемика и проницательнаго юмориста — далеко не такъ обширно» (стр. 85).

Вотъ это по крайней мѣрѣ ново. Мы узнаемъ, что не содержаніе, не основная мысль, не направленіе поэтической дѣятельности Гейне имѣетъ вліяніе на умы образованныхъ европей-



цель, а форма выражения. Это открытие дѣлаетъ честь Костомарову. Если простота и непосредственность сами по себѣ, безъ посторонней помощи, производить такое сильное впечатлѣніе, то надо поставить монументъ неизвѣстному автору слѣдующаго стихотворенія:

Хоть весной  
И тепленько,  
А зимою  
Холодненько,  
Но я въ стужѣ  
Мнѣ не хуже.

Это стихотвореніе помѣщено въ грамматикѣ Востокова; въ немъ такъ много простоты и непосредственности, что Костомаровъ, если желаетъ быть послѣдовательнымъ, долженъ признать его лучшимъ перломъ русской поэзіи. Странно только, что Костомаровъ, придающій такое огромное значеніе простотѣ и непосредственности въ поэзіи, самъ даже въ презрѣнную прозу вставляетъ самыя диковинныя орнаменты; на примѣръ «сгустившіеся туманы романтизма», «мечущій искры костеръ, медленный пламень котораго пожираетъ древнюю, официальную Германію, заплѣсневѣлую землю филистеровъ», «любовь нечистая, пылающая пламенемъ чувственныхъ наслажденій», «благоухаютъ всю свѣжестью цвѣтка и звенятъ, какъ серебряный колокольчикъ».

— О другъ мой, Аркадій Николаевичъ, не говори красиво!

Но чѣмъ дальше въ дѣсь, тѣмъ больше дровъ: къ концу статьи Костомарова мы узнаемъ вещи еще болѣе новыя. Оказывается, что пронія, проникающая собою поэзію Гейне, составляетъ ея главный недостатокъ; вы не вѣрите? Полюбуйтесь слѣдующей тирадой: «Болѣзненно дѣйствуетъ на насъ эта отрицательная сторона всеобъемлющаго таланта Гейне. Эта неискренность, эта непонятная раздвоенность поэта постоянно заставляетъ думать, что самыя возвышенныя, самыя очаровательныя мѣста его лирики—есть мастерски замаскированная иронія» (стр. 100).

Это значитъ другими словами: «всѣмъ бы хорошо былъ Гейне, кабы не проклятая иронія». Это напоминаетъ мнѣ графа Монталамбера, разсуждающаго объ англичанахъ: «славный народъ, думаетъ онъ, жаль только, что не католики». Вотъ другая тирада на той же страницѣ: «какъ часто стихи его кажутся намъ хорошенкими личиками, строящими самыя нелѣпыя гримасы, какъ часто онъ до самаго конца ничѣмъ не возмущаетъ нашихъ благородѣйшихъ чувствованій, чтобы тѣмъ внезапно поразить самую мѣфистофелевскою острою или, что еще хуже, самой обнаженной плоскостью». Да кто же просилъ Костомарова совѣтаться въ переводчики Гейне, если Гейне возмущаетъ его «благородѣйшія чувствованія»?

ванія», если «мѣфистофелевскія остроумія» дѣлаютъ его «шкотливую доброту» изъ «женныя плоскости» раздражать его «белый слухъ». Ни Гейне, ни русскіе ничего бы не потеряли, если бы Костомаровъ махнулъ рукою на «ироническаго ириса», «недовольнаго полемика». Мало ли такихъ, которые ни одной строчкой не касаются ни полемическую наклонность, ни ни юмора. Вѣдь перевелъ же Костомаровъ Лонгфелло стихотвореніе «Excelsior!» изъ такихъ стихотвореній можно было бы еще была бы только охота. Вѣсто тутъ, что зыться съ гейневскою «Германіей», или «рѣшительно неистовствуетъ» «калѣбкой» бы гораздо удобнѣ перевести на нѣмцѣ «сиаху» Клопштока, или «Jocelyn» Ламартинами и хлопотъ меньше, и «благороднѣе» ствованія» остаются нетронутыми; если бы шла охота переводить прозу, можно было тобріана, Боссюэта, а еще лучше Бюффесаго. Тутъ уже навѣрное ни одна мѣфистовская острота не нарушитъ пламени назидательной рѣчи. Далѣе Костомаровъ пишетъ Гейне въ нравственной нечистотѣ, говорить онъ, что хотите, а это не та спасительная любовь, которая должна въ сердцѣ каждаго пѣвца любви, а любовь пылающая пламенемъ чувственныхъ влеченій, и потому-то она неждѣ должна не себѣ сознаніе своего собственного ничто (стр. 103). Уличивъ Гейне въ отсутствіе спасительной любви, Костомаровъ презираетъ поэта на его смертномъ одрѣ и не безъ понованія доноситъ читателю, что роу Генрихъ Гейне умеръ нераскаленнымъ комъ. Того, кто усомнится въ вѣрности словъ, я прошу заглянуть на стр. 103 разбираемой мною книги; мнѣ уже надо тировать Костомарова, да кромѣ того, иногда встрѣчаются въ литературѣ такіе выходки, которыя гадко выписывать.

Напрасно Костомаровъ къ имени Генгстенберга, встрѣчающемуся въ «Германіи», дѣлаетъ слѣдующее извѣстное мѣчаніе: «Генгстенбергъ, по доносу отнята кафедра у Фейербаха». Кто такъ подходитъ къ Генгстенбергу по поводу тому слѣдовало бы быть поосторожнѣе въ вахъ.

Кто знаетъ? Можетъ быть Генгстенбергъ лалъ доносъ съ благою цѣлью! Можетъ быть свой доносъ, Генгстенбергъ поощрялъ какимъ же полезнымъ общественнымъ дѣломъ какимъ воображаетъ себя Костомаровъ, нераскаленного грѣшника и «ироническаго риста» Генриха Гейне.



## ГЕНРИХЪ ГЕЙНЕ.

## I.

есть на свѣтѣ хорошихъ книгъ, но эти роши только для тѣхъ людей, которые ихъ читать. Умѣнье читать хорошія все не равносильно знанію грамоты. Я

въ сторонѣ тѣхъ отличныхъ и усерднотѣвѣ, къ разряду которыхъ при чичиковскій Петрушка. Я сосредоточилъ свое вниманіе на тѣхъ счастливицахъ, понимаютъ смыслъ читаемыхъ словъ, ній и періодовъ. Разсматривая только ранный кружокъ, я все таки прихожу заключенію, что очень немногіе члены свенной аристократіи обладаютъ умѣтатъ хорошія книги.

амъ, читатель мой, удалось завоевать драгоцѣнное умѣнье, то вы конечно какимъ продолжительнымъ и упорнымъ было куплено это завоеваніе. Во вреего студенчества вы начали замѣчать, въ совѣтъ не такая простая и легкая оторую можно было бы изучить и поуполнѣ по наставленіямъ родителей и ыимъ учебникамъ, растворившимъ педвери университета. Наставленія ромогли дать вамъ нѣсколько хорошихъ ть. Казенные учебники могли сообщить ни основныхъ научныхъ истинъ. Но «какъ жить?» остался нетронутымъ. ененіемъ этого вопроса каждый здоровый долженъ трудиться самъ, точно такъ, щина должна непременно сама выстраденіе своихъ дѣтей. Для рѣшенія этого вопроса вамъ понадобилось перебрать, рѣть, провѣрить всѣ ваши понятія о мірѣ, сѣ, объ обществѣ, о нравственности, о обь искусствѣ, о связи между поколѣнъ отношеніяхъ между сословіями, о веадачахъ вашего вѣка и вашего народа. въ этимъ пересмотрѣмъ, вы замѣчали убки, которыхъ до поры до времени нею поправить, и огромные пробѣлы, коечѣмъ было пополнить. Вы волновались, исиліе приводило васъ въ ужасъ, вы искали отвѣтовъ на такіе вопросы, сами не умѣли еще поставить и сформтъ; вы чувствовали, что вамъ необходіе-то матеріалы, какія-то знанія, каоложительное содержаніе для мысли; ь организмъ томился умственными помими, но вы сами рѣшительно не могли ть, въ чемъ именно вы нуждались. вы были очень похожи на того древня, который видѣлъ страшный сонъ, о, утромъ не могъ не только понять,

но даже и припомнить его. Отъ придворныхъ гадателей требовалось, чтобы они сначала рассказали, а потомъ объяснили царю его таинственное и ужасное сновидѣніе. Во время вашихъ умственныхъ тревогъ вы также были окружены гадателями, хотя и не придворными. Наставники и товарищи, пережившіе прежде васъ умственный кризисъ, смотрѣли съ кроткимъ и разумнымъ участіемъ на ваши необходимыя мученія. Значительно преувеличивая силу и мудрость этихъ гадателей, вы требовали отъ нихъ, чтобы они разъяснили вамъ ваше состояніе и потребности вашей собственной измученной души, изнемогающей подъ гнетомъ непривычныхъ сомнѣній и неразрѣшимыхъ вопросовъ. Гадатели указывали вамъ на хорошія книги. Вы хватались за нихъ съ звѣрской жадностью, но, такъ какъ вы не умѣли ихъ читать, то опѣ усиливали ваше безпокойство, погружали васъ въ отчаяніе, или увлекали васъ на такую дорогу, которая не соответствовала ни вашимъ естественнымъ наклонностямъ, ни окружающимъ васъ обстоятельствамъ мѣста и времени.

По вашимъ пробудившимся умственнымъ потребностямъ вы уже были мужчиною. По вашимъ привычкамъ вы остались еще ребенкомъ. Каждого умнаго человека вы принимали за учителя, каждую хорошую книгу за учебникъ. Васъ не пугали трудности; вы готовы были, вы даже пламенно желали окунуться съ головой въ самую утомительную, самую скучную, самую небросовѣстную работу. Но вы, по старой привычкѣ, хотѣли работать пассивно, не такъ, какъ трудится изслѣдователь, а такъ, какъ занимается ученикъ. Вы готовы были одолѣвать груды книгъ и просиживать цѣлые мѣсяцы въ библіотекѣ, но только съ тѣмъ, чтобы знающій человекъ управлялъ вашими занятіями и ручался вамъ за ихъ успѣхъ. Въ кругу вашихъ знакомыхъ вы постоянно искали себѣ *развивателя*; на полкахъ библіотекъ вы старались найти себѣ книгу «*развитіе*». Вы хотѣли, чтобы какой нибудь человекъ или какая нибудь книга влила въ васъ, какъ въ бутылку, тѣ знанія, идеи и стремленія, которыя необходимы честному и дѣльному работнику нашего времени; вы довѣрялись безусловно и людямъ, и книгамъ; вы не умѣли выбирать; если вамъ правилась въ человекѣ или въ книгѣ одна какая нибудь сторона, то вы, увлекаясь одной этой стороной, принимали вмѣстѣ съ ней и весь остальной запасъ мыслей, въ которомъ навѣрное было много непригоднаго и несостоятельнаго; если васъ поражала въ человекѣ или въ книгѣ какая нибудь одна очевидная нелѣпость, то вы точно также



изъ за одной этой нелѣпости браковали весь грузъ, въ которомъ навѣрное можно было найти много интересныхъ фактовъ, и даже быть можетъ нѣсколько вѣрныхъ и глубокихъ идей. Само собою разумѣется, что ни книги, ни люди не удовлетворяли васъ вполне, потому что вы требовали отъ нихъ невозможнаго; ни одинъ человѣкъ не можетъ быть *развивателемъ* и ни одна книга не можетъ быть *развитіемъ*. И люди, и книги могутъ быть только матеріалами, надъ которыми упражняется ваша пробудившаяся мысль. Эти матеріалы необходимы, потому что безъ впечатлѣній невозможна умственная работа. Но все-таки это—матеріалы, а не готовые убѣжденія. Готовыхъ убѣждений нельзя ни выпросить у добрыхъ знакомыхъ, ни купить въ книжной лавкѣ. Ихъ надо выработать процессомъ собственнаго мышленія, которое непременно должно совершаться самостоятельно, въ вашей собственной головѣ, такъ точно, какъ процессъ пищеваренія совершается вполне самостоятельно въ нашемъ собственномъ желудкѣ.

Сталкиваясь съ различными людьми, читая различныя книги, гоняясь за призракомъ *развитія* и *готовыхъ убѣждений*, точно такъ, какъ алхимики гонялись за призракомъ философскаго камня, вы невольно сравнивали получаемыя впечатлѣнія, становились въ тупикъ надъ противорѣчіями, подмѣчали нелогичности, обобщали вычитанные факты и такимъ образомъ укрѣпляли по немногу вашу мысль, закладывая фундаментъ собственныхъ убѣждений, и становились въ критическія отношенія къ тѣмъ людямъ и къ тѣмъ книгамъ, отъ которыхъ вы ожидали себѣ сначала чудесной благодати немедленнаго умственнаго просвѣтленія.

Наконецъ ваши наклонности и способности развернулись и обозначились настолько, что вы перестали быть для самого себя мучительной загадкой. Познакомившись съ своей собственной особой, вы въ то же время поняли общее направленіе окружающей жизни; вы отличили передовыхъ людей и честныхъ дѣятелей отъ шарлатановъ, софистовъ и попугаевъ; вы сообразили, куда передовые люди стараются вести общество; всѣ эти свѣдѣнія вы получили не разъ, не отъ одного человѣка и не изъ какой нибудь одной книги; всѣ эти свѣдѣнія собраны вами по кусочкамъ, извлечены изъ множества различныхъ впечатлѣній, заронены въ вашъ умъ всякими крупными и мелкими событіями частной и общественной жизни. Незамѣтно проникая въ вашу голову, всѣ эти основныя свѣдѣнія срослись съ вашимъ умомъ такъ крѣпко и превращались въ такое неотъемлемое достояніе вашей личности, что вы скоро потеряли всякую возможность опредѣлить—гдѣ, когда и какимъ образомъ пріобрѣтены составныя части самыхъ дорогихъ и непоколебимыхъ вашихъ убѣждений.

Когда убѣжденія выработаны, когда цѣль жизни отыскана, тогда начинается сознательное,

разумное и плодотворное чтеніе. До этого времени вы читали ослѣпленными или не правились вами такъ, какъ жетъ правиться или не правиться матерія, кусокъ обоевъ, фарфоровая усь или пирожное; когда авторъ смѣялся; когда онъ впадалъ въ тонъ—вы умилялись; когда онъ аргументовалъ горячо и краснорѣчиво—вы спорили; когда онъ излагалъ свои мысли скучно, вы зѣвали. Изъ совокупности ощущений, воспринятыхъ совершенно независимо составлялся вашъ общій взглядъ на жизнь. Авторъ не могъ быть ни вашимъ союзникомъ, ни вашимъ противникомъ, серьезная задача оставалась вамъ непонятною, вы не судили ни о достоинствѣ этой цѣли, ни о томъ, на сколько эта цѣль достигается, и авторъ остается вѣренъ самому себѣ. Вы не могли и не умѣли уловить связь, существующую между данной книгою и всѣми явленіями окружающей жизни; книга казалась вамъ отрывочнымъ явленіемъ, безъ корней въ прошедшемъ, безъ связи на будущее; поэтому вы и не могли понять, что это за явленіе—дурное или хорошее, чему оно дурно или почему хорошо. Ваши знанія ваши увеличились на столько, что вы не могли примкнуть сознательно ни къ одному или къ другому знамени, тогда вы начали пылать тѣмъ фанатическимъ жаромъ, который составляетъ неотъемлемую принадлежность всевозможныхъ неофитовъ. Дуть на фанатической исключительности вы, разумеется, примѣнили также и къ чтенію книгъ. Вы читали достойными вниманія только тѣ книги, которыя написаны людьми вашего лагеря; остальные книги слѣдовало, по вашему мнению, если не сжечь, то по меньшей мѣрѣ забыть. Читая книгу, вы производили въ себѣ авторомъ строжайшее слѣдствіе и чуть замѣчали, что авторъ въ чемъ нибудь спорилъ противъ вашего корана, вы немедленно причисляли этого автора къ огромной толпѣ шущихъ идиотовъ и негодяевъ. Но тѣмъ болѣе вы читали, тѣмъ яснѣе становилась для васъ истина, что цѣльныя приговоры, вроде кликаній: «*любъ!*» и «*затиллохъ!*», неумѣстны и въ отношеніи къ людямъ, и въ отношеніи къ книгамъ. Подъ вліяніемъ жизни и чтенія ваши собственные убѣжденія очистились, выжались и окрѣпли; вы пристрастились къ нимъ еще сильнѣе прежняго, вы сдѣлались еще несомнѣннѣе, но вы въ то же время поняли, что для твердости вашей же собственной любимой или принужденны ежеминутно пользоваться трудами и мыслями такихъ людей, которые во всякихъ отношеніяхъ уклоняются отъ вашего корана. Положимъ напримѣръ, что вы матеріалистъ. Браеугольными камнями вашего міросозерцанія оказываются труды Коперника, Галилея и Ньютона, которые постоянно были дѣйствіемъ въ вѣр-



кровеніе; не станете же вы изъ-за  
ства отвергать ихъ астрономиче-  
А если не станете, то вы не должны  
ся съ небреженіемъ ни къ химиче-  
сь Либиха, ни къ физиологическимъ  
Рудольфа Вагнера, ни даже къ  
къ компилятивнымъ трудамъ Тео-  
смотря на то, что всѣ они спери-  
дольфъ Вагнеръ даже піетистъ.  
мѣе, что вы фурьеристъ или прун-  
нивается, какимъ образомъ отне-  
бщественной физикѣ О. Конта или  
илософской теоріи Бокля? При-  
эти книги къ вреднымъ, или къ  
еніямъ? Станете ли вы отвергать,  
эти идеи? Съ одной стороны вы  
сочувствовать основной мысли  
той мысли, что вся исторія есть  
а съ воображеніемъ, и что силь-  
ателемъ прогресса оказывается  
распространеніе знаний. Успѣху  
должны содѣйствовать всѣми ва-  
съ другой стороны вы никакъ не  
говать ни Контовской апологіи  
боклевскому мальтузіанству. Но  
думали, возмущившись этими не-  
наковать цѣликомъ Конта и Бокля,  
тельно ослабили ваши собствен-  
вши у нихъ ту подиору, которую  
йти себѣ въ изслѣдованіяхъ и  
этихъ двухъ первоклассныхъ  
и, вы должны отдѣлать свѣтлыя  
бочныхъ сужденій; вы должны  
ервыми, и опровергать вторыя.  
лыми идеями Конта и Бокля, вы  
маете на себя обязанности согла-  
и писателями во всемъ и пре-  
е слово ихъ сочиненій. Опровер-  
кется вамъ ошибочнымъ, вы ни-  
упааете отъ того уваженія, кото-  
шать вамъ великіе мыслители.  
нать, что Бокль ошибся, вовсе не  
въ авторитетъ Бокля и не значить  
въ самого себя выше этого замѣ-  
лителя. Съ другой стороны ска-  
что у Гизо или у Маколя встрѣ-  
вѣтлыя мысли, вовсе не значить  
въ единомышленника этихъ док-  
томъ и въ другомъ случаѣ, т. е.  
ля и соглашаясь съ Гизо, вы  
есь вѣрны вашимъ собственнымъ  
пользуетесь той необходимой  
тью, безъ которой невозможно  
отворное мышленіе и которая не  
вся ни раболѣпнымъ благоговѣ-  
елкими именами, ни фанатиче-  
льностью партій.

ритика должна состоять именно  
въ каждомъ отдѣльномъ явле-  
лезныя и вредныя стороны—  
ограничиваться цѣльными при-

говорами значить уничтожать критику, или по-  
крайней мѣрѣ превращать ее въ безплодное на-  
клеиваніе такихъ ярлыковъ, которые никогда не  
могутъ исчерпать значеніе рассматриваемыхъ  
предметовъ. Въ теоріи эта мысль не можетъ вы-  
звать противъ себя никакихъ возраженій. Всякій  
скажетъ, что это очень старая истина, и что не-  
состоятельность цѣльныхъ приговоровъ давнымъ  
давно засвидѣтельствована общезвѣстными из-  
реченіями о пятнахъ на солнцѣ и о золотѣ въ  
грязи. Но въ практической жизни цѣльные при-  
говоры продолжаютъ господствовать, и особенно  
сильно проявляется это господство у насъ въ  
Россіи, гдѣ партіи только-что обозначились и  
почувствовали свою непримиримость. У каждой  
изъ нашихъ партій есть свои кумиры, которые  
для противоположной партіи оказываются чуже-  
лами и страшилищами. Каждое знаменитое имя  
европейской науки или литературы вызываетъ  
съ одной стороны восторженное поклоненіе, а  
съ другой — безпредѣльное и страстное пори-  
цаніе. Разногласіе партій очень естественно, не-  
обходимо и безысходно, потому что настоящія  
причины противоположныхъ сужденій заключа-  
ются въ противоположности интересовъ. Всякая  
попытка примирить партіи была бы бесполезна  
и бессмысленна. вмѣсто примиренія партій,  
надо желать, чтобы каждая партія обознача-  
лась яснѣе и договорилась до послѣдняго слова.  
Только тогда общество можетъ узнать своихъ  
настоящихъ друзей и дать окончательную по-  
бѣду тому направленію мысли, которое всего  
болѣе соответствуетъ дѣйствительнымъ потреб-  
ностямъ большинства. Но именно для того,  
чтобы договориться до послѣдняго слова, партіи  
должны отказаться отъ цѣльныхъ приговоровъ,  
и подвергнуть одинаково тщательному анализу,  
какъ своихъ кумировъ, такъ и злѣйшихъ сво-  
ихъ противниковъ. Вслѣдствіе такой опера-  
ціи многіе кумиры утратятъ значительную до-  
лю своего сказочнаго великолѣпія, многія чу-  
чела и страшилища превратятся въ довольно  
обыкновенныхъ и безобидныхъ людей, но основ-  
ныя идеи партій обозначатся яснѣе, именно по-  
тому, что эти идеи управляли всѣмъ ходомъ  
анализа, проникшаго въ самую глубину пред-  
мета и оцѣнившего всѣ его подробности.

## II.

Читатель простить мнѣ мое длинное и утоми-  
тельное введеніе, когда узнаетъ, что я намѣренъ  
говорить о Гейне, обращая при этомъ особенное  
вниманіе на слабыя стороны его поэзіи. Гейне  
одинъ изъ нашихъ кумировъ, и конечно въ мірѣ  
не было до сихъ поръ ни одного поэта, который  
въ болѣе значительной степени заслуживалъ бы  
уваженіе и признательность мыслящихъ реали-  
стовъ. Но чѣмъ важнѣе и колоссальнѣе какое  
нибудь явленіе, тѣмъ необходимѣе знать ему  
настоящую цѣну. Чѣмъ больше пользы можетъ  
принести нашему умственному развитію чтеніе



Гейне, тѣмъ сильнѣе надо стараться о томъ, чтобы къ массѣ этой пользы не примѣшивалась ни одна частица вреда. Чѣмъ неотразимѣе дѣйствуетъ поэзія Гейне на умы читателей, тѣмъ тщательнѣе эти читатели должны оберегать себя отъ умственного рабства передъ Гейне, потому что изъ этого рабства можетъ развиваться вредное обожаніе тѣхъ недостатковъ и пятенъ, которые наложены на поэзію Гейне обстоятельствами времени и мѣста. Приступая къ разбору этихъ недостатковъ и пятенъ, я непременно долженъ былъ напомнить читателю, что критика не имѣетъ ничего общаго съ враждою, что безъ постоянной, строгой и тщательной критики невозможно никакое разумное и плодотворное чтеніе, и что всякое умственное идолопоклонство вредитъ той самой идеѣ, во имя которой оно производится.

Принявши въ соображеніе эти простые истины, читатель конечно пойметъ, что, критикуя Гейне, я нисколько ни желаю ослабить его влияния на русское общество, а напротивъ того стараюсь направить, сосредоточить, усилить это влияние, такъ чтобы ни одна его частица не пропадала даромъ и не вырождалась въ вѣдѣныя и вредныя уклоненія, къ которымъ самъ Гейне очень часто подаетъ поводъ своими эксцентричностями и внутренними противорѣчіями.

Въ настоящее время Вейнбергъ издаетъ *Сочиненія Генриха Гейне въ переводѣ русскихъ писателей*. Одиннадцать томовъ уже находятся въ рукахъ читающей публики, а все изданіе будетъ состоять изъ 15 томовъ. Можно надѣяться, что это изданіе найдетъ себѣ многихъ читателей, но въ то же время надо желать, чтобы эти читатели съумѣли усвоить себѣ такую точку зрѣнія, съ которой были бы ясно видны какъ достоинства, такъ и недостатки Гейне. Эту точку зрѣнія я постараюсь указать читателю въ моей теперешней статьѣ.

Какъ понимаетъ самъ Гейне себя и свою литературную дѣятельность? На этотъ вопросъ Гейне отвѣчаетъ не разъ стихами и прозою. Одинъ изъ этихъ отвѣтовъ особенно замѣчательнъ. «Я право не знаю, говорить Гейне, стою ли я, чтобы мнѣ когда нибудь украсили гробъ лавровымъ вѣнкомъ. Поэзія, какъ ни любилъ я ее, была для меня всегда лишь священной игрушкой или священнымъ средствомъ для небесныхъ цѣлей. Я никогда не придавалъ большой цѣны славы поэта, и хвалить ли, или бранить будутъ мои пѣсни, меня мало беспокоитъ. Но я желаю, чтобы на гробъ мой положили мечъ, потому что я былъ храбрымъ солдатомъ въ войнѣ за благо человѣчества». (Т. II стр. 120).

Въ этихъ словахъ заключается двойное противорѣчіе. Ведя войну за благо человѣчества и считая себя *храбрымъ солдатомъ*, Гейне хочетъ въ то же время служить чистому искусству. Два совершенно враждебные взгляда на искусство—утилитарный и художническій—укладываются рядомъ, одинъ возлѣ другого, въ приве-

денныхъ словахъ Гейне. Поэзія была для Гейне лишь священной игрушкой, тогда какъ въ этихъ словахъ художническое искусство выразилось во всей своей силѣ, и въ этихъ словахъ заключается противорѣчіе, доведенное до крайней степени разительной рельефности. Въ самомъ дѣлѣ, такое священная игрушка? Или это была психическая возможность играть, которую вы дѣйствительно считаете священной и тать священнымъ то, что служить музыкой? Противорѣчія очевидны, а между темъ приведенныя мною слова Гейне выражаютъ истину и даютъ прекрасный ключъ къ пониманію всего Гейне, его творчества, его стремленій, его поэзіи. Въ внутреннія противорѣчія къ самому Гейне тогда они неизбежны и въ его творчествѣ, чѣмъ полнѣе и вѣрнѣе опредѣленіе, тѣмъ должны въ немъ выступать внутренніе противорѣчія.—Да, Гейне былъ дѣйствительнымъ солдатомъ, и чистымъ художникомъ, поэзія была для него дѣйствительно священной игрушкой, хотя такое сочетаніе было неестественно до послѣдней степени.

Боевая храбрость Гейне достаточна известна. Его сарказмы, направленные противъ различныхъ доктринъ, противъ политическаго самодержавія, противъ національных предрассудковъ, противъ ученаго педантизма, противъ многочисленныхъ проявленій общеевропейской, а особенно нѣмецкой глупости, его сарказмы составляютъ безъ сомнѣнія самую яркую и существенную безсмертную сторону его творчества. Будь у него этихъ сарказмовъ, онъ былъ бы въ толпу нѣмецкихъ поэтовъ, какъ и мы знали бы о немъ, какъ и мы знаемъ, сколько знаемъ, напримеръ, о Клоппель, Людвигѣ Уландѣ, или Леопольдѣ Шлегелѣ, Эммануэлѣ Гейбелѣ. Если мы впродолженіе десятилѣтія переводимъ по частямъ и стихи Гейне, если мы теперь издаемъ его сочиненія, если мы раскупимъ и прочтемъ эти сочиненія не только съ удовольствіемъ, но даже съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ, то мы знаемъ, все это дѣлалось, дѣлается и будетъ дѣлаться лишь изъ любви къ сарказмамъ, изъ любви къ другимъ словамъ, изъ ненависти къ глупости, къ европейскимъ подлостямъ и глупостямъ. Если вы читаете Гейне, то самое теченіе мысли въ немъ никогда не занимается и не можетъ заниматься; мысли не новы, не оригинальны, но боки; вы даже рѣдко можете найти что-либо похожее на развитіе мыслей; чаще всего вы найдете передъ собою легкую и кокетливую болтовню о легкихъ пустякахъ; но вы читаете Гейне, вы читаете Гейне, потому что вы находите въ напряженномъ оживленіи, вы знаете, что вдругъ блеснетъ такая молнія, которая съ избыткомъ вознаградитъ васъ за значительность всей прочитанной книги.



на ваше постоянное ожиданіе, молніи астаютъ васъ врасплохъ и поражаютъ и неожиданностью. Она явилась безо приготовленій, совсѣмъ не съ той стороны, куда вы ее ожидали; она изумила, очаровала и исчезла; начинается опять веселая и вы опять съ радостью готовы чинить страницъ этой болтовни, лишь бы добраться до новой молніи, такой же неожиданной и такой же очаровательной, какъ надежда на новую молнію и воспоминающей помогаетъ вамъ перебираться чуждыми поляны, надъ которыми гонитъ бессмыслица романтически чистаго и ни великолѣпны молніи боевой храбровитаго сарказма, однако нельзя не что пустынные поляны очень обширны и многочисленны. Путешествуя по полянамъ, читатель начинаетъ понимать, *священная игрушка*. Смыслъ этихъ словъ очень печаленъ. Когда Гейне бразы, не имѣющіе никакого, даже сакраментнаго отношенія къ борьбѣ за благо, тогда онъ благоговѣетъ передъ твоею виртуозностью и играетъ твоими и мыслями, на которыя нанизываются роскошные картины. Соедините это благосъ этимъ играемъ, и въ общемъ вы получите *священную игрушку*. Два потока — благоговѣніе и игра — идутъ постоянно рядомъ, не дѣйствуя другъ и не смѣшиваясь между собою. Стороны благоговѣнія не можетъ оставаться глубокимъ и совершенно искреннимъ, предметъ этого благоговѣнія — художническая виртуозность — растрачивается на мейоры самъ художникъ признаетъ мелочными только для забавы. Слѣдовательно виртуозность унижается и становится до степени смѣшной въ глазахъ художника другой стороны, игра чувствами и мыслями почти серьезнымъ и торжественнымъ дѣломъ, когда художникъ увлекается творчествомъ и одушевляется силою и передъ собственнымъ волшебнымъ творчествомъ. Словомъ, ни читатель, ни художникъ знаютъ навѣрное, какія чувства и что приходится переживать вмѣстѣ; ни не вѣрить художнику, ни художникъ не вѣритъ читателю; читатель боится признать художника за выраженіе искренняго чувства, боится увлечься этимъ чувствомъ, поэтому художникъ тотчасъ начнетъ смѣяться, что могло показаться искреннимъ, и тогда читатель, распутившій юны, въ число сантиментальныхъ дураковъ, не понимаетъ тонкую иронию; художникъ своей стороны, знаетъ, что читатель не можетъ и предвидитъ ироническую улыбку ироническую выходку; художникъ боится *сантиментальнаго читателя*. Поэтому

каждое чувство умышленно выражается такъ, что нѣтъ никакой возможности ни повѣрить его искренности, ни сказать навѣрное, что тутъ кроется иронія. «Еще рано, говоритъ Гейне въ концѣ своего «Путешествія на Гарцъ», солнце совершило только половину своего пути, а мое сердце благоухаетъ такъ сильно, что пары его бьютъ мнѣ въ голову, и въ этомъ опьяненіи я не могу понять, гдѣ оканчивается иронія и начинается небо» (т. I, стр. 91). Эти послѣднія слова прилагается ко всей поэзіи Гейне, и въ этомъ постоянномъ отсутствіи границы между ироніей и небомъ, въ этой невозможности отличить иронию отъ неба и положиться на искренность чувства заключается типическій характеръ гейневской поэзіи.

Благодаря этой особенности, большая часть произведеній Гейне, въ цѣломъ, оказываются совершенно непонятными, или еще вѣрнѣе, въ нихъ нѣтъ никакой цѣлости. Каждое произведеніе Гейне не что иное, какъ цѣпь причудливыхъ арабесковъ, или гирлянда фантастическихъ цвѣтовъ, очень яркихъ, очень пестрыхъ, очень разнообразныхъ, но набросанныхъ неизвѣстно для чего, разсыпанныхъ безъ всякаго общаго плана, и не имѣющихъ между собою никакой связи. Въ предисловіи къ первому тому русскаго перевода, Вейнбергъ высказываетъ слѣдующія мысли: «Намъ до сихъ поръ случается встрѣчать людей очень умныхъ, развитыхъ, но которые, будучи знакомы съ Гейне только по тѣмъ переводамъ изъ него, которые существуютъ на русскомъ языкѣ, съ какимъ-то страннымъ изумленіемъ смотрятъ на него и сами сознаются, что не понимаютъ его, не понимаютъ прелести, заключающейся въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ. Это непониманіе, какъ мы только-что замѣтили, происходитъ отъ неполнаго знакомства съ поэтомъ, съ его своеобразною манерою, съ его прихотливыми прыжками отъ одного предмета къ другому, съ его роскошною фантазіей; не говоримъ уже здѣсь о жгучемъ остроуміи, которое и каждому непосвященному бросается въ глаза» (т. I, стр. VI). Мнѣ кажется, что съ этимъ мнѣніемъ невозможно согласиться. Если *непосвященные* выучатъ назизусть всѣ произведенія Гейне, съ перваго до послѣдняго — они все-таки останутся *непосвященными*, т. е. не дорожатъ ни до какого осознательнаго смысла, не вынесутъ никакого опредѣленнаго впечатлѣнія и наконецъ убѣдятся только въ томъ, что тутъ рѣшительно нечего не сказать, и что подъ этими цвѣточными иероглифами нѣтъ ничего похожаго на скрытую мудрость или на таинственную глубину. Своеобразность манеры, прихотливость прыжковъ и роскошь фантазій — все это замѣтно съ перваго взгляда, все это бросается въ глаза каждому *непосвященному* наравнѣ съ *жгучимъ остроуміемъ*. Но все это — и фантазія, и прыжки, и манера — относится только къ *формѣ*, а не къ *содержанію* поэтическаго произведенія. Непосвященный видитъ очень хорошо, не хуже Вейнберга, какъ



выражает Гейне, но *что* именно онъ выражаетъ, *что* онъ хочетъ выразить и передать читателямъ, *какія* чувства и мысли рвутся наружу изъ его души, *какія* внутреннія убѣжденія управляютъ его перомъ и заставляютъ его рисовать безмысленно блестящія арабески—это остается тайною для непосвященного, это остается вѣчною тайною не только для непосвященного, но даже и для самого Вейнберга, и я осмѣливаюсь думать, что ключа къ этой тайнѣ не было даже и у Гейне. Мнѣ кажется, Гейне ясенъ для себя и для другихъ только тогда, когда онъ обнаруживаетъ свое *жгучее остроуміе*, т. е. когда онъ въ качествѣ *храбраго солдата* истребляетъ пронзительнымъ смѣхомъ окружающую глупости и подлости. Когда же онъ обращается къ болѣе мирнымъ занятіямъ, тогда онъ начинаетъ небрежно и презрительно выкидывать изъ себя на бумагу какіе-то клочки мыслей и чувствъ, которыхъ онъ самъ не понимаетъ, и которыя, слѣдовательно, навсегда останутся непонятными и для его читателей. Я очень желалъ бы подтвердить мои слова наглядными и убѣдительными примѣрами, но сдѣлать это очень трудно. Примѣровъ существуетъ очень много, и даже выборъ не представляетъ никакихъ затрудненій. Но вотъ въ чемъ бѣда: чтобы доказать безсвязность и безцѣльность произведений Гейне, надо рассказать ихъ сюжеты; но безсвязность и безцѣльность колоссальны до такой степени, что невозможно уловить никакого сюжета. Образы, восклицанія, слезливыя шутки, насмѣшливые издохи, приторные слезы, эротическіе порывы мелькаютъ и кружатся передъ глазами, какъ снѣжинки во время мятели. Разнообразіе картинъ удивительное! Быстрота въ смѣнѣ впечатлѣній непостижима! Вы подавлены и ошеломлены пестротой красокъ. Вы принуждены сознаться, что авторъ обладаетъ невѣроятной силой и подвижностью фантазій. Но зачѣмъ поднять весь этотъ ураганъ маленькихъ, пестренческихъ, недоумываемыхъ чувствъ и недоумываемыхъ мыслей, къ чему онъ клонится, что онъ хочетъ опрокинуть или постронть—этого вы не будете понимать до тѣхъ поръ, пока не преподастъ вамъ своей таинственной мудрости какой-нибудь *посвященный*, въ существованіи и возможности котораго я рѣшительно сомнѣваюсь. Если такіе посвященные дѣйствительно существуютъ, если до нихъ дойдутъ когда-нибудь эти странницы, то я убѣдительно прошу ихъ объяснить мнѣ и другимъ недоумывающимъ профанамъ, какимъ образомъ возможно и слѣдуетъ понимать напр. извѣстное произведеніе Гейне «Идеи. Книга Ле-Гранъ». Желая показать читателю, что безъ помощи мистагоговъ и іерофантовъ нѣтъ возможности проникнуть въ таинства этого произведенія, которымъ всякій развитой человѣкъ восхищается по заказу—я постараюсь перечислить хоть малую долю тѣхъ странныхъ картинъ, которыя мелькаютъ одна за другой въ «Книгѣ Ле-Гранъ».

Въ первой главѣ—комическая картина ада,

видѣ огромной мѣщанской кухни, и шитися роковой напѣвъ пѣсни «Види слезѣ, о той слезѣ, которой не видѣла женщина, любимая поэтомъ, но не видѣла ему взаимностью».

Во второй главѣ поэтъ, онъ же Гейне, гесскій, хочетъ застрѣлиться, покушаетъ столетъ, отправляется съ нимъ за трактиръ и видитъ въ стаканѣ *индскіе пейзажи*. Потомъ, выйдя изъ трактира, встрѣчается съ хорошенькой женщиной, рая своимъ взглядомъ заставляя его въ живыхъ.

Въ третьей главѣ поэтъ выражаетъ любовь и свою любовь къ жизни.

Въ четвертой главѣ поэтъ представляетъ какъ онъ на старости лѣтъ схватить арфу и поетъ молодымъ людямъ пѣсню *про цвѣты*.

Въ пятой главѣ: «Сударыня, я обнимаю Я не графъ Гангескій!» Оказывается, что

этотъ родился на берегахъ Рейна. Потомъ ются три дѣвушки: Гертруда, Катарина и тетка ихъ Иоганна. Всѣ онѣ таковы и ровно ничего не дѣлаютъ. Въ

главѣ Вейнбергъ показываетъ ясно, что не принадлежитъ къ числу *посвященныхъ*.

Врядъ ли можетъ исправлять должностъ гога. «При прощаніи, говоритъ Гейне, (Иоганна) подала мнѣ обѣ руки—была

руки—и сказала: ты очень добръ, а изъ сдѣлаешься злымъ, то думай снова о жизни

умершей Вероники» (т. I, стр. 165). Въ

словамъ Вейнбергъ присоединяетъ слѣдующее подстрочное замѣчаніе: «Вероника—

загадочное существо, о которомъ Гейне

настѣ нѣсколько разъ съ какой-то

грустью. Надо предположить, что это была

чина, которую онъ сильнѣе всѣхъ любилъ

кое примѣчаніе мнѣ бы пожалуй сдѣлать

всякій *посвященный*. Предположеніе

шенно произвольное, и неизвѣстно, почему

примѣнено къ имени Вероники, а не къ

нибудь изъ многихъ другихъ женщинъ

которыя Гейне упоминаетъ также со

примѣчаніями такой же точно сантиментальности. Вейнбергъ могъ бы

сказать большимъ удобствомъ сказать такъ

Марин, которую Гейне во второй части

выхъ картинъ» вспоминаетъ очень часто

стоянно называя ее *умершею* или *мертв*

постоянно окружая ея имя ореоломъ

ности, постоянно напуская на себя поитую

чаю колоритъ интересной элегической

сквозь которую просвѣчиваетъ вѣчная

ливая улыбка, и ежеминутно намекая

на какія-то очень таинственныя, никому

вѣстныя и нисколько не замѣчательныя

которыя онъ все-таки не рассказываетъ

которыя, по всей вѣроятности, никогда

не случались. Вообще надо обладать

запасомъ довѣрчивости и добродушія,

чтобы

принимать женскія имена, разсказанные

по

Гейне, и

женщин

ныхъ

ру

ляется

дѣйстви

нажето

назван

того, ч

нимъ и

творить

самые

Въ п

роисхо

хвалъ

францу

Въ с

школ

никъ

остроу

объясн

смысл

на по

никъ

кондѣ

никъ

халъ

Эти

или и

ратъ

вѣсто

стекат

никъ

халъ

сказан

марки

пропо

Виро

мнѣ

штол

«не

Въ

сло

кери

сдѣ

что

то

на

и



за имена дѣйствительно существовавшихъ нѣтъ, — или чтобы видѣть въ тѣхъ любов-  
руладахъ и фюритурахъ, которыми забав-  
лялся Гейне, намеки на радости и огорченія,  
дѣйствительно пережитыя самимъ поэтомъ. Мнѣ  
ясно, что все это — чистѣйшая фантазмагорія,  
иная великимъ виртуозомъ единственно для  
того чтобы насладиться собственнымъ волшеб-  
ногуществомъ, собственной способностью  
сдѣлать изъ ничего и разрушать въ одну секунду  
яркіе образы.

Шестой главѣ воспоминанія дѣтства и пре-  
жній рассказъ о томъ, какъ курфирстъ вы-  
шелъ изъ Дюссельдорфа и какъ вошли въ городъ  
узскія войска.

Седьмой главѣ юмористическія подробности  
любимого ученія. Тутъ появляется барабан-  
Легрантъ, и Гейне рассказываетъ очень  
умно, какимъ образомъ этотъ Легрантъ  
появился ему посредствомъ барабаннаго боя  
въ новѣйшей исторіи. Тутъ Гейне выходитъ  
эпическую тропинку, и поэтому стано-  
вится понятна великолѣпность. Но уже въ  
этой главѣ Гейне, какъ достойный уче-  
наполеоновскаго барабанщика, падаетъ на  
земь передъ великимъ императоромъ.

Восьмая и девятая главы. «И святая Елена, гово-  
ритъ Гейне въ IX главѣ, сдѣлается священнымъ  
мѣстомъ, куда народы запада и востока будутъ  
идти на поклоненіе на судахъ, изукрашен-  
ныхъ флагами, — и сердца ихъ окрѣпнутъ вели-  
кимъ воспоминаніемъ о дѣяніяхъ великаго че-  
ловека, пострадавшаго при Гудзонъ-Ло, какъ  
и въ писаніи Ласъ-Каза, Омеара и Анто-  
нио» (т. I, стр. 192). Какъ вамъ нравится это  
чуждое новой религіи — наполеоніанства?  
Гейне передъ великимъ императоромъ  
составляетъ такой интересный  
эпическій феноменъ, что я буду говорить  
о немъ ниже очень подробно.

Десятая главѣ барабанщикъ Легрантъ, во-  
звѣщающій скорбь великой арміи о великомъ им-  
ператорѣ, умирающемъ, и Гейне, угадавши его по-  
смертное желаніе, прокалываетъ его барабанъ,  
потому что онъ не былъ «рабскимъ инструмен-  
томъ въ рукахъ враговъ свободы». — Изъ этихъ  
двухъ главъ читатель узнаетъ, что великій  
императоръ былъ другомъ свободы, и что бара-  
банъ его арміи спасалъ Европу отъ рабства.

Глава начинается словами «Du sublime au  
ridicule il n'y a qu'un pas, madame!» (Отъ ве-  
ликаго до смѣшного — одинъ шагъ, сударыня)!  
Истина доказывается тѣмъ, что когда Гейне  
рассказываетъ главу о смерти Леграна, тогда при-  
стараха и попросила Гейне, какъ доктора,  
снять ей мозоли. Смѣшное состоитъ  
въ томъ, что старуха приняла доктора правъ за  
врача. Что же касается до великаго, то его надо  
искать въ рассказѣ о смерти Леграна; чтобы  
и это великое, надо непременно обратиться  
къ мощи іерофантовъ и мистагоговъ.

Въ XII главѣ написаны слова «нѣмецкіе цен-  
зоры» и затѣмъ десять строкъ точекъ. Переходъ  
отъ смѣшного и отъ глупой старухи къ нѣмец-  
кимъ цензорамъ не можетъ никому показаться  
удивительнымъ и рѣзкимъ.

Въ XIII главѣ очень остроумныя насмѣшки  
надъ нѣмецкимъ педантизмомъ и надъ ученой  
страстью къ безтолковымъ цитатамъ.

Главы XIV и XV разсуждаютъ о дуракахъ и  
отличаются неподражаемымъ остроуміемъ. «Я  
живу въ томъ же городѣ, говоритъ Гейне, и могу  
сказать, что ощущаю истинное удовольствіе,  
когда подумаю, что всѣхъ дураковъ, которыхъ я  
вижу, я могу употребить для своихъ сочиненій:  
это чистыя, наличныя деньги. Теперь у меня  
обильная жатва; богъ благословилъ меня: дураки  
отлично уродились въ этомъ году, и я, какъ хо-  
рошій хозяинъ, потребляю ихъ въ небольшомъ  
числѣ, отбираю самыхъ лучшихъ и откладываю  
на будущее время. Меня очень часто можно встрѣ-  
тить теперь на гуляньи — радостнаго и веселаго.  
Какъ богатый купецъ, потирая отъ удовольствія  
руки, ходитъ между ящиками, бочками и тюками  
своихъ товаровъ, такъ и я прохаживаюсь посреди  
моего народа. Всѣ вы мнѣ принадлежите, всѣ вы  
мнѣ одинаково дороги, и я люблю васъ, какъ вы  
сами любите свои деньги, — а это много значить»  
(т. I, стр. 216 и 217). По этому отрывку вы  
можете судить объ оригинальности и дерзкой ве-  
селости этихъ двухъ главъ.

Въ XVI главѣ появляется милая подруга съ ко-  
ричневою собакой. Гейне вмѣстѣ съ коричневою  
собакой сидитъ у ногъ милой подруги, смотритъ  
ей въ глаза, цѣлуетъ ея руки и рассказываетъ  
ей о маленькой Вероникѣ. Что онъ рассказываетъ  
ей — неизвѣстно.

Въ XVII главѣ продолжаютъ сладострастные  
подробности о милой подругѣ.

Въ XVIII главѣ мы узнаемъ, что «грудь ры-  
царя была полна тьмою и скорбью». У рыцаря  
происходитъ свиданіе съ синьорою Лаурою на  
берегахъ Brenty, и «таинственно-темный по-  
кровъ лежитъ надъ этимъ часомъ». — При этомъ  
читателю по обыкновенію предоставляется по-  
нимать, какъ угодно, или даже совсѣмъ не попи-  
мать эту таинственную темную главу, заклю-  
чающую въ себѣ всего полторы странички.

Въ XIX главѣ опять подруга съ коричневою  
собакой, опять Вероника, расстрогавшая Вейн-  
берга, опять остъ-индскіе пейзажи, хотя уже  
было объяснено, что Гейне — не графъ Гангесскій,  
и наконецъ желтые пеньковые панталоны, повре-  
дившіе молодому человѣку во время любовнаго  
объясненія. Словомъ рядъ іероглифовъ-ребусовъ.

Въ XX главѣ что-то такое о страданіи и о томъ,  
что молодой человѣкъ хотѣлъ застрѣлиться. Этою  
главою оканчивается «Книга Легрантъ».

### III.

Подведемъ итоги. Изъ XX главъ только пять —  
VI, VII, VIII, XIV и XV — удобопонятны и замѣ-  
чательны по своему остроумію. Затѣмъ три гла-



вы—VIII, IX и X славословят Наполеона; одна глава—XI—повѣствуетъ о глупой старухѣ; одна глава—XII—состоитъ изъ точекъ и наконецъ десять главъ не заключаютъ въ себѣ ничего, кромѣ неясныхъ намековъ на какія-то чувства, которыя испыталъ или о которыхъ фантазировалъ поэтъ. Конечно никто не запрещаетъ поэту дѣлиться съ публикой своими чувствами или фантазіями; это даже прямая обязанность поэта, но во всякомъ случаѣ публика имѣетъ право желать, чтобы съ нею говорили удобопонятнымъ языкомъ, чтобы всѣ слова и образы употребленные поэтомъ, имѣли какой нибудь ясный и опредѣленный смыслъ, чтобы поэтъ не задавалъ ей неразрѣшимыхъ загадокъ и не превращалъ своихъ произведеній въ длинную и утомительную мистификацію. Что такое *центы Бренны*, что такое *Вероника*, что такое *невывлаканная слеза*, что такое *графъ Ганесскій*, и какой общій смыслъ выходитъ изъ всѣхъ этихъ таинственныхъ незнакомцевъ—все это такіе вопросы, на которые читатель имѣетъ полное право требовать себѣ отвѣта, и если онъ этого отвѣта не получаетъ, то имѣетъ полное право подумать и сказать, что поэтъ шутитъ съ нимъ очень плоскія шутки.

Было бы очень наивно думать, что въ «Книгѣ Лэгранъ» есть и общій смыслъ, и великая цѣль, но что эта цѣль и этотъ смыслъ запряваны въ ней черзчуръ глубоко, и вслѣдствіе этого могутъ быть отысканы и постигнуты только особенно развитыми и свѣдущими читателями. Ни цѣли, ни смысла въ ней нѣтъ. Такого же точно безцѣльностью, безсвязностью отличаются и всѣ прочія сочиненія Гейне, если брать и разсматривать каждое произведеніе въ цѣломъ, а не по частямъ. Разсмотрите каждое произведеніе Гейне такъ, какъ я разсмотрѣлъ «Книгу Лэгранъ», и вы поневолѣ признаете вѣрность моего непочтительнаго приговора.

Было бы также въ высшей степени наивно думать, что безсвязность, безцѣльность и бессмысленность могутъ когда нибудь и при какихъ бы то ни было условіяхъ превратиться въ достоинства. Есть конечно любители, способные восхищаться этими уродливыми особенностями гейневской поэзіи; есть даже простофили, желающіе прививать эти уродливыя особенности къ ничтожнымъ выкидышамъ своей собственной музы. Но тѣ люди, которыхъ умъ не поврежденъ рабочими отношеніями къ авторитетамъ, и не вертится какъ флюгеръ, сообразно со всѣми капризами эстетической моды—будутъ говорить постоянно, что стройность, цѣльность и цѣлесообразность составляютъ необходимыя качества каждаго замѣчательнаго произведенія, къ какой бы отрасли науки и литературы оно ни принадлежало. Безалаберность всегда и вездѣ останется крупнымъ недостаткомъ.

Но съ другой стороны, для человѣка, сколько нибудь способнаго понимать и чувствовать, нѣтъ ни малѣйшей возможности отрицать чарующую

прелесть гейневской поэзіи. Прелесть конечно не въ безалаберности, не въ какой нибудь манерѣ, не въ прихотливости словесъ—совсѣмъ не въ томъ блескѣ и юродствѣ, которое, по мнѣнію многихъ цѣнителей, образуетъ всю прелесть и весь букетъ этого необычайнаго литературнаго явленія. Прелесть въ туманѣ безалаберности, она заставляетъ читать съ удовольствіемъ то, въ чемъ никакого человѣческаго смысла; въ этой загадочной прелести, выходящей изъ глубочайшихъ источниковъ, не имѣющей общаго съ достоинствами или недостатками дѣльных поэтическихъ произведеній, эта заключается въ неотразимой, сильной, богатой, нѣжной, страстной, кипучей и пылающей личности, которая рветъ на васъ во всѣ глаза изъ-за экрана, какъ бы ни была эта строка ничтожною умна. Что-то дышетъ, что-то волнуется, смѣется и плачетъ, что-то томится и всѣхъ этихъ хаотическихъ образовъ этой дикой гармоніи шальныхъ и разрывныхъ словъ.

Передъ вами стоитъ живописецъ. Вы видите его горятъ краски невиданной яркости, взмахнулъ кистью, и черезъ двѣ минуты улыбается съ полотна или даже просто изъ прелестная женская фізіономія. Еще минуты, и вмѣсто этой фізіономіи на васъ смотрятъ демонически-страстные глаза безобразнаго тира; еще нѣсколько ударовъ кисти, и онъ превратился въ развѣсистое дерево; потомъ пало дерево и явилась фарфоровая баба; а потомъ китайецъ на какомъ-то фантастическомъ конѣ; потомъ все замазано черной краской; самъ художникъ оглядывается и сморщиваетъ въ презрительно-грустной улыбкѣ, глубоко пораженный этой волшебной-быстрой прелестью картинъ, которыя онъ истребилъ другъ друга, и отъ которыхъ осталось ничего, кромѣ безобразнаго чернаго пятна. Вы спрашиваете у художника съ почтительнымъ недоумѣніемъ, зачѣмъ онъ губитъ свои собственные великолѣпныя созданія и зачѣмъ онъ губитъ своею невѣроятномъ талантъ, играетъ красками, вмѣсто того чтобы принятись за шую и прочную работу.

— Нечего работать, отвѣчаетъ вамъ художникъ.

Вы этого отвѣта не понимаете и просите разъясненій.

— Нѣтъ сюжетовъ, поясняетъ художникъ.

Изумленіе ваше увеличивается, и вы снова возражаете, что сюжетовъ вездѣ и всегда можно найти безчисленное множество.

Улыбка художника становится еще прелесть и еще грустнѣе.

— Сюжетомъ, говоритъ онъ, я называю такую чеканивую каждое слово, я называю такую



я овладѣваетъ всѣмъ моимъ существомъ, а есть мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью до зорь, пока я не вырву ее изъ себя и не ю ее къ полотну. Такихъ сюжетовъ я не и не чувствую въ окружающей меня атмосферѣ.

Но вѣдь были же у васъ мысли, говорите тогда вы сейчасъ набрасывали одну картину углой, или вѣришь одну картину на другую. Это не мысли, отвѣчаетъ художникъ: это чуждыя настроенія. Вы сами видѣли, какъ ожидали и какъ исчезали. Такими мыслями, какъ эти настроенія, можно только удивлять и забавлять глупыхъ ребятъ, вродѣ вашей милости.

Вы обижены и прекращаете этотъ щекотливый разговоръ.

Взялъ тутъ живописца единственно для того, чтобы мысль моя выразилась какъ можно наглядно. Дѣйствуя въ области такого искусства, которое по своимъ средствамъ неизмѣримо богаче, по своему вліянію на общество неизмѣримо больше живописи, Гейне, подобно моему фантастическому живописцу, не находитъ себѣ сюжетовъ, и вслѣдствіе этого постоянно шалитъ и шалитъ, вмѣсто того чтобы творить. Играми и шутками наполнена вся его жизнь, но можно сказать навѣрное, что онъ съ радостью отдалъ бы свою эту жизнь, лишь бы только какая нибудь высшая сила дала ему возможность бросить поэтическія шалости и посвятить остальную половину жизни серьезнымъ и великимъ вѣдамъ творчества. Граціозное бездѣлничество мучительно и невыносимо для такого типа, который чувствуетъ себя способнымъ взобраться Пеліонъ на Оссу и вступить въ крупный разговоръ со всѣми обитателями Олимпа. Во время своихъ хроническихъ шалостей Гейне нежно роняетъ на полъ свои жгучіе сарказмы, горько возбуждаютъ въ окружающихъ людяхъ чувства ужаса или восторга; но эти сарказмы суть только служилы образчиками титанической силы и не даютъ никакого приблизительнаго понятія о тѣхъ колоссальныхъ подвигахъ, горько совершилъ бы этотъ титанъ, если-бы ему удалось найти сюжетъ и взяться за работу, сполнну овладѣть всѣмъ его существомъ. Но сюжета не нашелся, и титанъ умеръ, не совершивши ничего такого, что было бы вполне достойно его истинныхъ силъ. Титанъ не виноватъ. Если онъ нашелъ сюжета, то значить сюжета дѣйствительно и не было, по крайней мѣрѣ для него, для гана. Лѣнь было искать, скажете вы, оттого и нашелъ. Ошибаетесь, отвѣчу я. Титану нуженъ сюжетъ, а такой сюжетъ—не иголка. Онъ не прачется отъ людей и не заставляетъ себя катать днемъ съ огнемъ; такой сюжетъ самъ лезетъ и нахально лѣзетъ людямъ въ глаза, поражаетъ ихъ воображеніе, разнуздываетъ ихъ страсти и возбуждаетъ вокругъ себя ожесточенную борьбу, которая, начавшись въ области мысли, быстро захватываетъ и наполняетъ сферу

реальной жизни. Только такой міровой сюжетъ способенъ зажечь въ груди титана тотъ великій пожаръ, отъ котораго полетятъ во всѣ стороны, какъ блестящія искры, гениальныя произведенія. У Гейне такого сюжета не было и не могло быть.

Чтобы подкрѣпить это мнѣніе прочными доказательствами, надо сначала окинуть общимъ взглядомъ главныя отрасли титанической дѣятельности, а потомъ объяснить смыслъ той исторической эпохи, которая произвела и воспитала поэзію Гейне.

#### IV.

Титаны бываютъ разныхъ сортовъ.

Одни изъ нихъ живутъ и творятъ въ высшихъ областяхъ чистаго и безстрастнаго мышленія. Они подмѣчаютъ связь между явленіями, изъ множества отдѣльныхъ наблюденій они выводятъ общіе законы; они вырываютъ у природы одну тайну за другой; они прокладываютъ человѣческой мысли новыя дороги; они дѣлаютъ тѣ открытія, отъ которыхъ перевертывается вверхъ дномъ все наше міросозерцаніе, а вслѣдъ за тѣмъ и вся наша общественная жизнь. Ихъ открытія даютъ оружіе для борьбы съ природой сотнямъ крупныхъ и мелкихъ изобрѣтателей, которымъ наша промышленность обязана всѣмъ своимъ могуществомъ. Это—Атласы, на плечахъ которыхъ лежить все небо нашей цивилизаціи (премилое небо?—неправда-ли?) Но, подобно Атласу, эти титаны мысли покрыты вѣчнымъ снѣгомъ. Они ищутъ только истины. Имъ некогда и некогда любить; они живутъ въ вѣчномъ одиночествѣ. Ихъ мысли хватаютъ такъ высоко и такъ далеко, ихъ труды такъ сложны и такъ громадны, что они во время своей многолѣтней работы ни въ комъ не могутъ встрѣтить себѣ сочувствія и пониманія и ни съ кѣмъ не могутъ подѣлиться своими надеждами, радостями, тревогами или опасеніями. Ихъ начинаютъ понимать и боготворить тогда, когда цѣль достигнута и результатъ полученъ. Но и тогда между ними и массою остается длинный рядъ посредниковъ и толкователей. Только при содѣйствіи этихъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ дѣятелей масса получаетъ кое-какое слабое и смутное понятіе о томъ, что выработалось въ громадныхъ черепкахъ этихъ Давалагири и Гумалари нашей породы. Чистѣйшимъ представителемъ этого типа можетъ служить Ньютонъ.

Другой типъ можно назвать титанами любви. Эти люди живутъ и дѣйствуютъ въ самомъ бѣшенномъ водоворотѣ человѣческихъ страстей. Они стоятъ во главѣ всѣхъ великихъ народныхъ движеній, религіозныхъ и социальныхъ. Несмотря ни на какіе зловѣщіе уроки прошедшаго, несмотря на кровавыя пораженія и мучительную расплату, люди такого закала изъ вѣка въ вѣкъ благословляютъ своихъ ближнихъ бороться, страдать и умирать за право жить на бѣломъ свѣтѣ, сохраняя въ полной неприкосновенности святыню собственнаго убѣжденія и величіе человѣческаго ко-



стоинства. Гальванизируя и увлекая массу, титаны идутъ впереди всѣхъ и съ вдохновенною улыбкою на устахъ первый кладетъ голову за то великое дѣло, котораго до сихъ поръ еще не выиграло человѣчество. Титаны этого разбора почти никогда не опираются ни на обширныя фактическія знанія, ни на ясность и твердость логическаго мышленія, ни на житейскую опытность и сообразительность. Ихъ сила заключается только въ ихъ необыкновенной чуткости ко всѣмъ человѣческимъ страданіямъ и въ слѣпой стремительности ихъ страстнаго порыва. Въ былое время, впрочемъ, еще не очень давно, они искали себѣ точку опоры въ бездонномъ пространствѣ голубого зѣира, потому что стали вѣрить въ какую-то отвлеченную справедливость, которая уже давно собирается восторжествовать надъ земными гадостями и наконецъ, по мнѣнію добродушныхъ титановъ любви, должна когда нибудь присутствовать къ выполненію своего давнишняго замысла. Впрочемъ съ тѣхъ поръ, какъ изобрѣтено книгопечатаніе и усовершенствована во всей Европѣ сельская и городская полиція, титаны любви во многихъ отношеніяхъ измѣнились къ лучшему. Имъ теперь уже нельзя и незачѣмъ проповѣдывать на открытомъ воздухѣ, гдѣ голубой зѣиръ рассказываетъ всякому желающему заманчивыя сказки о всевозможныхъ точкахъ опоры для всевозможныхъ воздушныхъ замковъ. Имъ нельзя увлекать слушателей восклицаніями и тѣлодвиженіями. Имъ пришлось взяться за перо. Они превратились въ кабинетныхъ работниковъ и поневолѣ должны были познакомиться съ великими трудами титановъ мысли. Это сближеніе между двумя главными областями человѣческаго титанизма, это сліяніе дѣятельной любви и трезвой науки заключаетъ въ себѣ единственные возможные зататки будущаго обновленія.

Третья и послѣднюю категорію можно назвать *титанами воображенія*. Эти люди не дѣлаютъ ни открытій, ни переворотовъ. Они только схватываютъ и облекаютъ въ поразительно яркія формы тѣ идеи и страсти, которыя воодушевляютъ и волнуютъ ихъ современниковъ. Но идеи должны быть выработаны и страсти—предварительно возбуждены другими дѣятелями—титанами двухъ высшихъ категорій. Матеріаломъ можетъ служить для титановъ воображенія только то, что люди знаютъ, и то, чего они хотятъ. Само собою разумѣется, что не всѣ человѣческія знанія съ одинаковымъ удобствомъ облекаются въ яркія и блестящія формы; никакому титану не придетъ въ голову дикая и смѣшная мысль написать поэму о спутникахъ Юпитера, или о скрытомъ теплородѣ, или о произвольномъ зарожденіи. Для поэмы годится только та часть человѣческихъ знаній, которая глубоко затрагиваетъ человѣческія страсти, и притомъ не только страсти однихъ специалистовъ, способныхъ даже горячиться и ссориться изъ-за спутниковъ Юпитера, но страсти всѣхъ людей, имѣющихъ возможность познакомиться съ даннымъ вопросомъ. Такими

вѣчно жгучими знаніями могутъ быть знанія человѣка о междучеловѣческихъ отношеніяхъ. Въ этой же области междучеловѣческихъ отношений разыгрываются также и самыя и упорныя человѣческія желанія, желанія, которыми характеризуются въ сущности другъ отъ друга различныя историческія эпохи. Значитъ, титаны воображенія разсчитываютъ запасомъ матеріала тогда, когда имѣютъ знанія и понятія людей отличающіяся опредѣленностью, и когда желанія людей имѣютъ очень ясно обозначены, очень сильно и стойчивы и рѣшительны. Напротивъ того люди сомнѣваются въ состоятельности своихъ знаній и въ тоже время не умѣютъ сформулировать ясный отчетъ въ своихъ собственныхъ желаніяхъ, когда имъ противно прошлаго, когда они плохо вѣрятъ въ лучшее будущее, титаны воображенія сидятъ безъ сюжета, нечего дѣлать, шалая и играть красками, словами и образами.

Великое несчастье титана Гейне состоитъ не въ томъ, что какой нибудь Меттернихъ какой нибудь союзный сеймъ мѣшала ему вѣнчаться съ нѣмецкой публикой, а въ томъ, что несчастье состоитъ даже и не въ томъ, что нѣмецкая публика отличалась поразительною тупоуміемъ и во всякую данную минуту была готова и способна облизать ноги своимъ шимъ врагамъ, разорвать на части своихъ старыхъ и безкорыстѣйшихъ друзей и выкинуть міру изъ своихъ собственныхъ нѣдръ новыхъ Меттерниховъ и тысячи новыхъ союзныхъ сеймовъ; когда человѣку мѣшала грубая матеріальная сила—это конечно не такъ неприятно. Когда человѣка не понимаютъ, не уважаютъ, не ценятъ, когда онъ отдаетъ кровь свою и сокъ своихъ нервовъ—это еще болѣе неприятно, это даже очень больно, обидно и тяжело.

Но все это—такія препятствія, которыя и должны быть побѣждены сильнымъ напряженіемъ ума и воли. При всѣхъ этихъ препятствіяхъ, настоящій источникъ мужества, энергии и боевого задора остается нетронутымъ и незасореннымъ. Противъ матеріальной силы можно дѣйствовать хитростью. Никкизаторскія пронипательность меттерниховскихъ интригъ можно всегда обманывать неистощимымъ запасомъ тѣхъ уловокъ, изворотовъ, цѣбистыхъ разговоровъ и проницательныхъ двусмысленностей, которыя постоянно находятся подъ руками всякаго даровитаго писателя и которыя придаютъ искренности мысли особенную шаловливую прелесть и раздражающую пикантность. Нѣтъ той глупой змѣи, которую нельзя было бы опрятно и граціозно уложить въ невиннѣйшую и граціознѣйшую корзинку, наполненную самыми неказистыми и душистыми цвѣтами. И въ этой борьбѣ между меттерниховскою ищейкой и даровитымъ писателемъ побѣда непременно должна склоняться на сторону послѣдняго, потому что ищейка дѣйствуетъ по обязанности службы, а писатель



повелительному голосу всепоглощающей. И не и непонимание публики—это так знает какое неодолимое препятствие. равнодушие и непонимание простию литературу без малѣйшаго исключения. Если бы публика не обнаруживала оты къ чтенію и не имѣла бы никакихъ объ умственныхъ наслажденіяхъ—тѣмъ было бы дѣйствительно очень далеко превышало бы силы не только аровитыхъ писателей. Но когда засей литературой сдѣлались насущнойю для того общества, которое считывается себя образованнымъ, тогда писателю уже вовсе не трудно сформѣ, въ самое короткое время, пони- страстно внимательныхъ читателей. Сво равнодушию къ политикѣ и не по- временной исторіи, то по всей вѣно не равнодушию къ театру и пре- нимаешь микроскопическія красоты пустословія и романическаго селамъ равнодушіе становится обществомъ жизненнымъ идеямъ, тѣмъ страстиѣ является къ прекраснымъ формамъ, комиманіе впрочемъ также извращается въ подѣ вліяніемъ общаго умственного. Въ Европѣ такъ бывало всегда. Эпохиго застоя и оупѣнія были всегда зомми для чистаго искусства, которое адѣвало всѣми умственными силами потомъ немедленно вырождалось и послѣднихъ предѣловъ вычурности и эффектаціи. Если титанъ воображенія такихъ условіяхъ овладѣть вниматства, то ему стоитъ только воспольми формами, которыя нравятся егосамъ, отчистить, отполировать этиести на нихъ новый, волшебнo-ослѣблескъ, и потомъ влить въ нихъ тожаніе, которое было вытѣснено изъ литературы тяжелыми годами нественной неподвижности. Современутся сначала на ослѣпительную фору пуще всякаго мѣднаго таза, но проенія, направленнаго на ближайшіе и интересы и вопросы жизни, обладаетя въ всѣхъ такую неотразимую, такую льною и затягивающею прелестью, ѣха очень скоро будетъ вынута изъто шумные споры о красотахъ и пео- ободочки уступятъ мѣсто гораздо бо- ченнымъ преніямъ о питательности ости содержанія. Пробужденіе при деморализованнаго общества начи- новенно съ очищенія его эстетиче- гій, совсѣмъ не потому, что эти по- ѣе всѣхъ остальныхъ, а потому, что анное и притупленное общество толь- стороны оказывается доступнымъ для

вразумленій. Эту сторону слабѣе караулять официальные аргусы, любители тупости и безнравственности; кромѣ того сама публика только съ одной этой стороны сохраняетъ способность видѣть, слышать, чувствовать, понимать, интересоваться и увлекаться. Руководствуясь тѣмъ инстинктомъ, которымъ обладаютъ титаны, Лессингъ въ Германіи и Бѣлинскій въ Россіи начали обновленіе общества со стороны его эстетическихъ понятій, которыя, при дальнѣйшемъ развитіи умственного движенія, должны были отодвинуты на самый задній планъ. Гейне также очень ловко умѣлъ бороться съ равнодушіемъ публики и побѣждать ея непониманіе. Какъ Лессингъ и Бѣлинскій сами дѣлались на всю жизнь эстетиками для того, чтобы положить конецъ неограниченному господству эстетики, такъ точно Гейне, осмѣивая и убивая безсодержательный романтизмъ, пользовался втеченіе всей своей жизни романтическими формами, которыхъ причудливая и необузданная дикость очаровывала его современниковъ.

Стало быть великое несчастье Гейне заключалось не въ умственной убогости нѣмецкой публики.

Настоящее, роковое несчастье, гораздо болѣе неотразимое, чѣмъ Меттернихъ и филистерство, состояло въ томъ, что сама соль земли находилась въ недоумѣніи и не знала навѣрное, что и какъ солить. Лучшіе люди, самые умные, самые честные и самые страстные, искали вокругъ себя и внутри себя твердую точку опоры и не могли ея найти. Ихъ мучило безвѣріе въ самомъ обширномъ и глубокомъ значеніи этого слова. Они не знали, на что надѣяться и чего желать. Въ этомъ отношеніи лучшіе люди первой половины XIX вѣка были гораздо несчастнѣе своихъ предшественниковъ и своихъ преемниковъ. Предшественники вѣрили въ политическій переворотъ; преемники вѣрять въ экономическое обновленіе; а посредникъ лежитъ темная трущоба, наполненная разочарованіемъ, сомнѣніемъ и смутно-безпокойными тревогами; и въ самомъ центрѣ этой темной трущобы сидитъ самый блестящій и самый несчастный ея представитель—Генрихъ Гейне, который весь составленъ изъ внутреннихъ разладовъ и непримиримыхъ противорѣчій.

## V.

Передовые мыслители XVIII вѣка были глубоко убѣждены въ томъ, что хорошее правитель-ство можетъ въ самое короткое время поставить любой народъ на высшую ступеньку цивилизаціи и блаженства. Мудрый законодатель и золотой вѣкъ—это по ихъ мнѣнію были два понятія, неразрывно связанные между собою, какъ причина и слѣдствіе. Задача человечества представлялась въ самомъ простомъ и элементарномъ видѣ: обезоружь тирановъ, посади мудрецовъ въ государственный совѣтъ, и потомъ блаженствуй. Если ты хочешь упрочить свое блаженство на



вѣчныя времена, то наблюдай только за тѣмъ, чтобы мудрецы не гаурили и не лукавили. Чуть замѣтилъ недосмотръ или фальшь, сейчасъ отъставляй мудреца отъ должности, замѣщай его новымъ благодѣтелемъ, и будь увѣренъ, что блаженству твоему не предвидится конца. Тѣ люди, которые вѣрують въ конституцію, какъ въ универсальное лекарство, разсуждаютъ именно такимъ образомъ, потому что всевозможныя конституціонныя гарантіи и уравнивающія клонятся исключительно къ тому, чтобы регулировать смѣщеніе мудрецовъ, пришедшихъ въ негодность, и выборъ новыхъ мудрецовъ, должностящихъ занять ихъ мѣсто. Откуда взялось это забужденіе, обольстившее XVIII вѣкъ и не совсѣмъ утратившее свою силу до настоящаго времени—понять не трудно. Дѣло въ томъ, что дурное правительство дѣйствительно можетъ причинить народу необъятную массу разнообразнаго зла. Если бы дурному правительству, вроде турецкаго или персидскаго, удалось при помощи вооруженной силы утвердиться въ роскошной странѣ, населенной дѣятельнымъ и даровитымъ народомъ, и если бы это дурное правительство успѣло задуть въ всѣ взрывы народнаго негодованія, то черезъ нѣсколько десятилѣтій страна превратилась бы въ пустыню, и остатки народа сдѣлались бы толпою нищихъ идиотовъ и негодяевъ. Такое разрушеніе народнаго богатства, народныхъ силъ и народнаго ума производилось передъ глазами тѣхъ мыслителей, работы которыхъ положили свою печать на все умственное движеніе прошлаго столѣтія. Дурное правительство Людовика XIV, Филиппа Орлеанскаго и Людовика XV превращало Францію въ пустыню, а французскій—въ нищихъ, которыми были одинаково сполучны идиотизмъ, негодяйство и голодная смерть. Мыслители могли прослѣдить шагъ за шагомъ все развитіе зла; они могли доказать самымъ осязательнымъ образомъ, что все это зло сдѣлано дурнымъ правительствомъ. Они видѣли собственными глазами, какъ катастрофично можетъ быть вліяніе правительства въ дурную сторону; они умозаключили совершенно справедливо, что народъ испытать бы значительное облегченіе, если бы правительство на будущее время просто и скромно стало воздерживаться отъ грубыхъ ошибокъ и отъ слишкомъ скандальнаго изорства. Но тутъ уже трудно было остановиться во-времени на пути умозаключеній. Тутъ сейчасъ подвертывалась та поощрительная неожиданность, что, если правительство можетъ все испортить, то оно можетъ также все спасти, усовершенствовать, исправить, обогатить и довести до высшей степени совершенства.

Итакъ въ XVIII вѣкѣ дѣло шло о томъ, чтобы изгнать правленіе искреннихъ друзей и достопочтенныхъ представителей народа. Такой смѣтъ былъ приносимъ во Францію, и начинался процессъ. Искренне—не въ томъ смыслѣ, что революціи не принесли Франція никакой пользы, а только въ томъ смыслѣ, что революція не со-

отвѣтствовала наивно преувеличенныя чаянія народа и его вождей. Февраль вырванъ съ корнемъ; поземельная собственность распредѣлилась равномерно. Вѣкъ старыхъ мѣстныхъ обычаевъ выработанныхъ кодексъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ одинаково обязательныхъ для герцога и жика; наследственное чиновничество уничтожено; старое, дорогое и запутанное судовство замѣнено новымъ, гораздо болѣе простымъ, быстрымъ и дешевымъ. Словами множество Англическихъ стоиловъ, нечестивыхъ временемъ Гуго Капета, списано прочъ вѣчанія. Въ числѣ этихъ стоиловъ не было и вѣковъ самого почетнаго упоминанія. Было одно десятилѣтіе было сдѣлано величественный и совершенно безповоротный шагъ, котораго потомъ не могла затронуть никакая бѣшеная реакція. Возстановить измѣненія таможенъ, мѣстные обычаи, церковныя привилегіи, помѣщичьи права—нашли! Они не осмѣливались заикаться даже *trouvable* того толстаго Людовика, который рекордъ всѣмъ историческимъ фазисамъ называлъ себя XVIII-мъ. Это значило бы искать вчерашняго дня или прошлаго вѣка. Но золотой вѣкъ все-таки не наступилъ. Дежды были такъ неудержимо разлиты, такъ сильно возбуждены, что уже одно стоятельство, одно это неважнѣйшее вѣка повело за собою великое, долготрени мучительное разочарованіе.

Въ это время, подъ вліяніемъ разныхъ реакцій, въ Европѣ распустился чистѣйшій цвѣтокъ либерализма. Намъ развиты, дукали искренніе либералы, что эти надежды вообще были несущественны. Золотой вѣкъ всеобщаго доволства и взаимнаго братолюбія не наступитъ никогда, намъ безразлично. Стрѣнитесь и бѣгите и приступайте. Земля слишкомъ бѣдна. Люди слишкомъ многочисленны. Эти ихъ слишкомъ выжили и развились. Вѣчная борьба между людьми на Землю надо заботиться только о томъ, чтобы борьба велась и велѣла въ высшемъ достоинствѣ, а не прерогативахъ. Надо твердо стоять на той почвѣ, которую чистили для насъ великіе философы 17-го столѣтія. Съ одной стороны, надо отстаивать противъ великаго перевѣса противъ старости, замаскированной реакціонностью, мечтательности, виденія феодализма; съ другой—надо изъяснять и разъяснять тѣхъ сумасбродовъ, считавшихъ себя законными преемниками дѣлателей, старавшихся удержать въ бѣдѣ народъ, разоренный и истощенъ. Такъ распустился либерализмъ, и онъ началъ расплываться въ эти дѣла.

Искренніе либералы, искренніе друзья народа, не считавшіе это своимъ долгомъ для вѣка, составляли не-



во. Настоящая боевая армія либераловъ изъ такихъ людей, которые играли плоды великаго переворота и не желали, чтобы число счастливыхъ и увеличилось. На развалинахъ стализма утвердилась новая плутократія финансового міра, банкиры, негосмерсанты, фабриканты и всякіе на-вовсе не были расположены дѣлиться въ выгодами своего положенія. Слово *тія* происходитъ отъ греческаго слова которое значитъ *богатство*. Плутотазывается господство капитала. Но тель, увлекаясь оболстительнымъ созахочетъ производить *плутократію* го слова *плутъ*, то смѣлая догадка вѣрна только въ этимологическомъ

финансового міра образовали новый ивилегированныхъ особъ и, прикры-кими принципами 1789 года, стали только свои собственные привилегіи. ние друзья народа, которымъ пришлось йствовать въ первой половинѣ теку-бтія, очутились такимъ образомъ въ амаго сомнительнаго достоинства.

и безсвязная политическая партія, со-изъ близорукихъ лавочниковъ, че-хъ шарлатановъ, уклончивыхъ юри-многихъ искреннихъ, но глубоко разо-хъ друзей народа, могла имѣть нѣко-силь и кое-какую энергію только тогда, было осаживать и обуздывать шаль-ціонеровъ, потерявшихъ на старости бдніе остатки здраваго человѣческаго Императоръ Францъ, князь Меттер-зный сеймъ, герцогъ Веллингтонъ, Ландондерри, *Chambre introuvable*, езуиты и піетисты—были настоящимъ ннымъ сокровищемъ для комически-і партіи либераловъ. Въ самомъ дѣлѣ, ти несчастные либералы стали напол-досуги, чѣмъ могли бы они заработать ейскую знаменитость, какими терно-ами могли бы они избородить свои блѣдные лбы, — если бы великодуш-іонеры не доставляли имъ обильныхъ оппонировать и будировать, ужасаться, горячиться и торжественно дока-го дважды два четыре, и что мужикъ платить десятину? Какъ только пы-тели средне-вѣковаго порядка вымерли гали быть опасными, какъ только ли-партія одержала побѣду надъ своими ями, такъ тотчасъ же либеральная сползлась на свои составныя части. и умные люди отшатнулись отъ нея егіонъ пройдохъ и торгашей, осѣнен-немъ *великихъ принциповъ*, сталъ-тъ такое уморительное зрѣлище, что ась настоящая необходимость свер-рять тихимъ манеромъ компромети-

рующее знамя и выставить новый штандартикъ, на которомъ вмѣсто крикливыхъ словъ: «*братство, равенство, свобода!*» было написано приглашеніе не воровать носовыхъ платковъ и не ломать мостовую. Либералы очень горячо и настойчиво добивались свободы печати, но свобода печати была имъ необходима только для того, чтобы доказывать ежедневно, что дважды два четыре, что бережливость есть мать всѣхъ милліоновъ и всѣхъ добродѣтелей, что силою ума и характера поденщикъ можетъ сдѣлаться банкиромъ и перомъ Франціи, что евреи имѣютъ основательныя причины считать себя людьми, и что папѣ было бы очень полезно познакомиться съ системою Коперника, открыть свои объятія всему человѣчеству и записаться въ ряды просвѣщенныхъ и умѣренныхъ либераловъ. Когда же свободная печать начала знакомить міръ съ новыми истинами, опасными для финансового феодализма, тогда либералы первые закричали «карауль!» и выдумали новое слово *licence* для обозначенія печатныхъ ужасовъ, отъ которыхъ надо укрываться подъ защиту городского сержанта.

Барышники знали, чего хотѣли. Они были очень довольны собой и всею политикой. Внутреннія противорѣчія ихъ не смущали. Они говорили, что жизнь не математика, и что непоколебимая вѣрность основной идеѣ такъ же невозможна въ жизни, какъ невозможенъ въ природѣ математическій маятникъ. Этимъ людямъ было хорошо, тепло и весело. Смотря по требованіямъ данной минуты, они то отвергали принципъ, допуская въ тоже время его послѣдствія, то отвергали послѣдствія, допуская принципъ.

Такъ на примѣръ, въ первой четверти нашего столѣтія многіе англійскіе лорды пожелали увеличить доходность своихъ владѣній и съ этой цѣлью нашли удобнымъ превратить пахатныя земли въ пастбища, на которыхъ должны воспитываться феноменально-жирные и прекрасные быки и бараны. Когда окончился срокъ заключеннымъ контрактамъ, тогда владѣльцы предложили фермерамъ уходить на всѣ четыре стороны, и вслѣдъ за тѣмъ немедленно приказали разрушить тѣ усадебныя строенія, въ которыхъ эти люди родились, выросли, быть можетъ даже состарѣлись и надѣялись умереть. Тысячи семействъ оказались безъ пріюта, старики и дѣти умирали отъ истощенія силъ; женщины разрѣшались отъ бремени въ открытомъ полѣ; словомъ, происходили такіе странныя сцены, которыя по видимому были умѣстны и позволительны только во время нашествія непріятели. Либеральная европейская пресса ударила въ набатъ. Вотъ, молъ, они каковы—эти олигархи, эти феодалы, эти варвары и кровопийцы!

Всѣ эти либеральныя завыванія можно было пріостановить однимъ простымъ вопросомъ: земля чья?

— Земля господская.

— Такъ чего же вы бѣснуетесь?



— Но эти несчастные фермеры! Куда же они пойдут?

— Куда угодно. Въ рабочей домъ, въ тюрьму, въ Ирландскій каналъ, въ Нѣмецкое море, въ ближайшій прудъ, на висѣлицу, къ чорту на кулички, или въ какое-нибудь другое значное и пріятное мѣсто. Лорды не имѣютъ права и, какъ добрые граждане, уважающіе законы своего отечества, даже не желаютъ стѣснять своихъ бывшихъ фермеровъ въ выборѣ новой резиденціи.

— Это ужасъ, это убійство!

— Неправда! Это логика!

Вы, господа либералы, учились римскому праву. Вы называете его *писаннымъ разумомъ* (la raison écrite). Вамъ должно быть извѣстно, что право собственности есть *jus utendi et abutendi* (право пользоваться и злоупотреблять). Желая получать съ своей земли возможно большіе доходы, лордъ только пользуется этой землей, а не злоупотребляетъ. Значитъ, онъ не только не выступаетъ изъ должныхъ границъ своего неотъемлемого и священнаго права, но даже далеко не доходитъ до тѣхъ границъ, которыя очерчены вокругъ него вашимъ *писаннымъ разумомъ*. Изъ за чего же вы лѣзете на стѣну, когда все въ обществѣ обстоитъ благополучно, и когда спокойно и торжественно развертываются прямые и законныя послѣдствія той идеи, передъ которой вы стоите на колѣняхъ? Если же римское опредѣленіе кажется вамъ неудобнымъ, попробуйте сочинить новое. Но при этомъ будьте осторожны. Вы рискуете поднять изъ свѣжей могилы трупъ обезглавленнаго Бабефа. Вы рискуете вызвать изъ глубины далекаго прошедшаго великія тѣни Кая и Тиверія Гракховъ. Вы рискуете потревожить грозный призракъ аграрныхъ законовъ.

Много такихъ потоковъ краснорѣчія можно было бы направить противъ европейскихъ либераловъ, осуждавшихъ энергическія хозяйственныя распоряженія англійскихъ землевладѣльцевъ. Но всѣ эти потоки пропали бы даромъ, потому что либералы рѣшительно ничѣмъ не рисковали. Опасность угрожала бы имъ только въ томъ случаѣ, если бы они хоть сколько нибудь уважали логику. Для человѣка послѣдовательнаго, измѣнить римское опредѣленіе собственности, значитъ перестроить сверху все зданіе междучеловѣческихъ отношеній. Для просвѣщеннаго либерала это значитъ внести въ книгу законовъ лишнюю ограничительную закорючку, способную порождать ежегодно двѣ три сотни лишнихъ процессовъ.

Когда благоуханія какого нибудь Авгіева стояла доводить просвѣщеннаго и чувствительнаго либерала до тошноты или до обморока, тогда либераль, очнувшись и собравшись съ силами, брызгаетъ въ убійственное стойло одеколономъ, или ставитъ въ него курительную свѣчку, или выливаетъ въ него банку жлановской жидкости.

И къ этой либеральной партіи, къ этому разлагающемуся трупу Жиронды, былъ привязанъ

втеченіе всей своей жизни Генрихъ Гейне.

# VI.

Сарказмы Гейне злы, мѣткі и картинны. Тѣ политическія убѣжденія, изъ которыхъ вытекаютъ, очень не глубоки, неясны и не Гейне—*храбрый солдатъ*; онъ не владѣетъ оружіемъ; но въ его нападкахъ на общаго плана и руководящей идеи.

Гейне—либераль, но какъ человѣкъ умный, очень страстный, переполненный чею любовью къ людямъ, онъ никогда не застытъ и одеревенѣтъ въ близорукой и вольной рутинѣ либерализма. Онъ вѣчно неудовлетвореннымъ не только въ ствительной жизни, но даже въ области и желаній. Вокругъ себя онъ не видитъ одного явленія, къ которому можно привязаться горячее и безраздѣльной любовью. Внутри себя онъ не находилъ ни одной изъ которыхъ можно было бы опереться, ради желанія, ради котораго стоило бы, очнувшись, броситься въ пропасть, ни одной изъ которой умный человѣкъ могъ бы отбросить оглядки всѣми силами своего существа.

Находясь въ такомъ положеніи, спотыкаясь на холодныя натуры, подобныя Гете и Гораю, рится съ тѣмъ убѣжденіемъ, что *жизнь—жестокость и глупая шутка*, принимаютъ за правило *надо жить, пока живетъ, устраивать свое существованіе по рецепту умѣренной и снѣжной эпикурейской мудрости, пишутъ граціозныя письма къ Лигурину и къ Деліи, или дѣлаютъ кейфъ на пестрыхъ и мягкихъ подушкахъ восточнаго дивана.*

Но для настоящихъ титановъ, для бурныхъ вулканическихъ натуръ, подобныхъ Гейне Байрону, такое сахарное блаженство оставалось навсегда непонятнымъ и недоступнымъ. Люди могутъ быть до нѣкоторой степени снѣжливы только тогда, когда они окунаютъ голову въ омутъ страстной и ожесточенной борьбы за идею. Этимъ людямъ необходимы великія и громадныя чувства, сильныя и мучительныя потрясенія нервной системы. Имъ необходимо любить, ненавидѣть, желать, стремиться бороться такъ, чтобы при этомъ совершенно забыть о мелкихъ будничныхъ интересахъ собственной личности. Все это не всегда оказывается возможнымъ, потому что въ исторіи случаются длинныя и томительныя скучныя антракты, когда старыя идеи блекнутъ и ливаются, а новыя только-что начинаютъ зарождаться въ рабочихъ кабинетахъ немногихъ титановъ, неизвѣстныхъ своимъ современникамъ. Во время такихъ антрактовъ цѣльнымъ и громаднымъ чувствамъ не къ чему привязаться; а между тѣмъ эти чувства все-таки ищутъ себѣ выхода и все-таки никакъ не могутъ раздѣляться на мелкую монету усладительныхъ вздоховъ, граціозныхъ симпатій, миловидныхъ волненій, ве-

сорины  
Зная нус  
всѣхъ частн  
требности  
до конца  
въ угла  
ществую  
насилые  
безплодн  
свѣтомъ,  
блѣстятъ  
изодныхъ  
торадочн  
его на ве  
чивности  
тривать  
презрите  
бракова  
которой  
будущи  
несчаст  
доступе  
Самъ  
крайне  
ую п  
шаго к  
личной  
что онъ  
«Лю  
рой ча  
и ты и  
что со  
зорвае  
ить н  
и кото  
дншь,  
тезь,  
зорва  
разо  
возт  
заст  
свои  
тотъ  
ско  
емъ  
и  
с



бокъ и официальныхъ восторговъ. и безцвѣтность своего времени, таны воображенія, удрученные пообить, ищутъ себѣ предмета любви и жизни, мечутся, какъ угорѣлые, толъ, перерываютъ весь міръ идей, стараются влюбить себя при этомъ смѣются надъ своими усиліями такимъ демоническимъ котораго у слушателей морозъ прожѣ. Наконецъ длинный рядъ бездѣй доводитъ титана до такой раздражительности и награждаетъ изъ такой болѣзненной недовѣр-ему случается брать въ руки, осмѣхъ сторонъ и потомъ бросать, съ мѣ смѣхомъ, въ общую кучу за-нелѣпностей, ту самую идею, въ очается заря лучшей исторической которая могла бы доставить ему, титану, самая высокая изъ всѣхъ еловѣку наслажденій.

е превосходно понималъ, или по очень вѣрно угадывалъ настоя-своего рокового несчастья, неимѣ-ничего общаго съ какой нибудь ой или со старой исторіей о томъ, билъ, а она *его* любила.

читатель, говоритъ Гейне во вто-утевыхъ Картинахъ, можетъ быть на тѣхъ благодетельныхъ птичекъ, торать пѣснѣ о байроновской ра-пѣснѣ, которую мнѣ уже лѣтъ де-иваютъ и напѣваютъ на всѣ лады, е въ черепѣ маркиза, какъ ты ви-отголосокъ? Ахъ, любезный чита-вздумаешь горевать объ этой ра-пожалѣй лучше, что самый міръ въ конца въ конецъ. Вѣдь сердце въ міра, какъ же не быть ему въ-мя разорваннымъ? Кто хвалится мѣ, что оно осталось у него цѣло, указываетъ, что у него прозвуче-ное отъ всего міра сердце. По мо-у прошелъ большой міровой раз-томъ я вижу доказательство, что а меня высокой милостью въ срав-ни и сочла достойнымъ поэтиче-ства. Прежде, въ древніе и сред-былъ цѣлъ; несмотря на вѣшнія единство въ мірѣ; были и цѣльные чтить этихъ поэтовъ и радо-о всякое подражаніе ихъ цѣлост-ложью, которая не обманетъ ваго глаза и не избѣгнетъ тогда давно съ большимъ трудомъ до-ерлиннѣ стихотворенія одного изъ ихъ поэтовъ, очень жаловавшагося ническую разорванность, и отъ-расокъ его вѣжныхъ сочувствій-оторыми вѣяло на меня отъ книги, жаго сѣна, бѣдное сердце мое, и

безъ того надорванное, чуть было не лопнуло отъ смѣха, и я невольно вскричалъ: «Любезный мой интендантъ-совѣтникъ Вильгельмъ Нейманъ! Что вамъ за дѣло до зеленыхъ деревьевъ!» (Т. II, стр. 154).

Большой міровой разрывъ, проходящій по сердцу поэта и отражающійся въ разорванности его произведеній, это конечно очень смѣлый поэтический образъ, но въ этомъ образѣ ни-сколько не искажена и даже не преувеличена самая чистая истина. Читателя могутъ ввести въ заблужденіе только слова Гейне о цѣльности міра въ древніе и средніе вѣка. Основываясь на этихъ словахъ, читатель можетъ подумать, что сердце поэта могло быть цѣло только тогда, и что поэтическая разорванность родилась на свѣтъ вмѣстѣ съ началомъ великой борьбы противъ средневѣковыхъ идей и учреждений. Такое мнѣніе читателя было бы совершенно ошибочно. Разорванность лежитъ въ гораздо болѣе тѣсныхъ и ясно обозначенныхъ границахъ. Никакихъ признаковъ разорванности нельзя найти не только въ поэтахъ временъ Людовика XIV, не только въ Мильтонѣ и Клопштокѣ, но даже въ Шиллерѣ и во всѣхъ передовыхъ мыслителяхъ, господствовавшихъ надъ умами французовъ во второй половинѣ прошлаго столѣтія. При Людо-вѣкѣ XIV міръ былъ еще цѣлъ, хотя средневѣ-ковый порядокъ былъ уже нарушенъ въ самыхъ существенныхъ своихъ чертахъ. Въ XVIII вѣкѣ міръ былъ уже разорванъ діаметрально противу-положными стремленіями двухъ непримиримыхъ партій, изъ которыхъ одна тянулась къ будущему, вѣровала въ разумъ, а другая ухватывалась за прошедшее и не вѣровала ни во что, кромѣ шты-ковъ и картечи. Міръ былъ разорванъ, но сердца поэтовъ и друзей человѣчества были въ высшей степени цѣльны, здоровы и свѣжи. Эти сердца очутились цѣликомъ по одну сторону разрыва. Въ мысляхъ, въ чувствахъ, въ желаніяхъ Воль-тера, Дидро, Гольбаха не было ничего похожего на раздвоенность или нерѣшительность. Эти люди не знали никакихъ колебаній и не чув-ствовали никогда ни малѣйшей жалости или вѣжности къ тому, что они отрицали и разру-шали. По силѣ своего воодушевленія, по рѣзкой определенности своихъ понятій, по своей невоз-мутимой самоувѣренности эти люди могутъ вы-держатъ сравненіе съ любымъ средневѣковымъ фанатикомъ. А фанатизмъ и разорванность — два понятія, взаимно исключаютія другъ друга. Та разорванность, которую Гейне видитъ въ са-момъ себѣ и въ Байронѣ, составляетъ прямой результатъ громаднаго разочарованія, овладѣв-шаго лучшими людьми образованнаго міра послѣ неудачнаго финала французской революціи. Тутъ лучшіе люди стали сомнѣваться въ вѣрности своихъ идей, тутъ они бросали грустный и тре-вожный взглядъ назадъ, на оторванное прошед-шее, и тутъ ихъ сердца попали подъ черту мі-рового разрыва, потому что имъ показалось, что вмѣстѣ съ прошедшимъ они оторвали отъ себя



часть своей собственной души. Это былъ оптический обманъ. Эти ужасы привидѣлись имъ только потому, что будущее было заслонено сѣрыми и грязными тучами, сквозь которыя еще не пробивалась лучъ новой руководящей идеи, способной замѣнить собой потерянную вѣру въ чудотворную силу голыхъ политическихъ переворотовъ. Когда появилась эта идея, тогда исчезла разорванность лучшихъ людей, исчезла впродъ до ближайшаго общеевропейскаго разочарованія — если только такое разочарованіе дѣйствительно возможно. На нашихъ глазахъ живутъ и дѣйствуютъ снова цѣльные люди, идущіе впередъ очень твердыми шагами къ очень определенной цѣли. Въ Прудонѣ, въ Луи Бланѣ, въ Лассалѣ нѣтъ уже никакихъ слѣдовъ байроновской или гейневской разорванности. Если бы въ наше время сформировался великій поэтъ, то его сердце навѣрное было бы также перекинуто цѣликомъ за черту мірового разрыва, и эта цѣльность не имѣла бы ничего общаго съ интендантъ-совѣтникомъ Вильгельмомъ Нейманомъ и съ запахомъ свѣжаго сѣна.

Замѣчу между прочимъ, что стрѣла, пущенная мимоходомъ въ какого-то неизвѣстнаго или можетъ быть даже несуществующаго интендантъ-совѣтника Вильгельма Неймана, попадаетъ прямо въ грудь тайнаго совѣтника Вольфганга фонъ-Гете. Трудно предположить, чтобы это косвенное нападеніе было сдѣлано нечаянно. *Путевыя картины* были изданы въ 1826 году — тогда, когда Гете былъ еще живъ, и когда всѣ нѣмцы, считавшіе себя сколько нибудь компетентными судьями въ дѣлѣ поэзіи и возвышенныхъ ощущеній, буквально лежали у ногъ этого человѣка, торжественно возведеннаго въ санъ величайшаго изъ европейскихъ поэтовъ. Поэтому, нѣтъ почти ни малѣйшей возможности допустить то предположеніе, что Гейне, размышляя о характеристическихъ особенностяхъ истиннаго поэта, упустилъ изъ вида ту крупную личность, которая считалась въ то время настоящимъ воплощеніемъ поэзіи. Если же Гейне, разсуждая о міровомъ разрывѣ, хорошо помнилъ поэтическую фizioномію Гете, то Гейне долженъ былъ также видѣть и понимать очень ясно, что сердце Гете осталось совершенно нетронутымъ, что въ этой цѣльности нѣтъ ничего похожаго на страстную цѣльность Вольтера и Дидро, что слѣдовательно сердце Гете *оторвано отъ всего міра*, и что судьба не сочла его достойнымъ поэтическаго мученичества. Эти заключенія совершенно неотразимы. — Никто конечно не скажетъ о произведеніяхъ Гете, что они распространяютъ *запахъ свѣжаго сѣна* и возбуждаютъ въ читателяхъ гомерическій хохотъ, но за то можно сказать навѣрное, что безчисленное стадо подражателей великаго индифферентиста наградило Германію цѣлыми стогами *свѣжаго сѣна*, и что любезный интендантъ-совѣтникъ Вильгельмъ Нейманъ, отъ котораго едва не допнуло бѣдное сердце Гейне, навѣрное падалъ ницъ пе-

редъ Гете, и со всей добросовѣстностью прусскаго чиновника старался его слѣдамъ. Quod licet Jovi, non licet homini, позволено Юпитеру, то не позволено смертному. Тотъ Юпитеръ, который увлекъ тысячи быковъ на ложную дорогу, былъ не свойственною, никакъ не можетъ считаться просвѣтителемъ скотнаго двора. Гейне очень уменъ, очень объективенъ, очень чистъ, и такъ далѣе; все это признаемъ на вѣчныя времена. Но своему отечеству сдѣлалъ чрезвычайно много зла. Отъ него Шиллеромъ украсилъ, тоже на вѣчныя времена, свиную голову нѣмецкаго филистерства вымыслами безсмертной поэзіи. Изъ этихъ двухъ поэтовъ, нѣмецкій филистеръ имѣетъ возможность мирить высшія инстинкты наслажденія съ самой безнравственностью бюргерскаго прозябанія. Отъ своихъ великихъ поэтовъ и возвышенныхъ людей, и умиляется, и заводитъ глаза, и кормленый котъ, и остается безнравственнымъ шлакомъ, и твердо увѣренъ при этомъ, что онъ человѣкъ, и что ничто человѣческимъ не чуждо. И все это происходитъ отъ того, что великихъ поэтовъ нѣмецкаго филистерства живая струя отрицанія. Именно по этой причинѣ ихъ любятъ и читаютъ нѣмецкіе филистеры по этой же самой причинѣ, любя и читая остаются филистерами. Гдѣ нѣтъ жажды, тамъ нѣтъ и надежды на обновленіе. Тамъ сарказмовъ, тамъ нѣтъ и настоящаго человѣчества. Если хотите убѣдиться въ истинѣ, припомните наприимѣръ великія сарказмы противъ книжниковъ и философовъ. Тогда вы увидите, до какой степени верна съ истинной любовью ненависть, негодное презрѣніе.

## VII.

Не удовлетворяясь либерализмомъ своего времени, не имѣя возможности вырабатывать собственными силами другой, болѣе разумный взглядъ на явленія общественной жизни, Гейне, въ дѣлѣ политики, попрежнему навсегда блестящимъ диллетантомъ. Изъ нѣмецкихъ либераловъ, Людвигъ Бершій уже на порогѣ новыхъ экономическихъ теорій, не разъ печатно упрекалъ и уличал въ легкомысліи, въ безхарактерности, въ совершенномъ отсутствіи серьезныхъ идейныхъ убѣжденій. «Я, говоритъ Бершій въ *Парижскихъ Письмахъ*», могу снисходительно смотрѣть на дѣтскія игры, на страсти. Но когда, въ минуту самой кровавой бойни, гонимый на полѣ сраженія, попадаетъ мнѣ подъ ноги, ко мне, къ молодой фатѣ, когда мы стоимъ въ церкви и только глазѣетъ на молвушекъ да перемигивается и перешептывается съ ними, тогда, не будь сказано въ об-



гуманности, мы не можем не сер-  
 признает искусство своимъ божес-  
 ть же, смотря по расположенію духа,  
 съ молитвами къ природѣ, тотъ въ  
 время является преступникомъ про-  
 тива и противъ природы. Гейне вы-  
 у природы ея нектаръ и цвѣточную  
 ться улей изъ воска искусства, но онъ  
 для того, чтобы хранить въ немъ  
 аетъ медъ для того, чтобы наполнить  
 то онъ не трогаетъ, когда плачетъ,  
 вы знаете, что слезами онъ только  
 вонъ цвѣточныя гряды. Оттого-то онъ  
 тогда, когда говоритъ правду, по-  
 правдѣ онъ любить только прекрас-  
 ное много времени, пока она зацвѣ-  
 ѣтаетъ она прежде, чѣмъ принесетъ  
 е поклонялся бы нѣмецкой свободѣ,  
 была въ полномъ цвѣту; но такъ  
 чинѣ холодной зимы она закрыта  
 онъ не признаетъ и презираетъ ее.  
 прекраснымъ одушевленіемъ онъ го-  
 публиканцахъ въ церкви св. Маріи,  
 іской смерти! То была счастливая  
 которой бойцы могли выказать пре-  
 противленіе своимъ врагамъ и уме-  
 нною смертью за свободу! Но еслибъ  
 вѣ не было столько прекраснаго,  
 ялся бы надъ нею. Если бы въ ту  
 ную минуту, когда Франція очну-  
 его тысячелѣтняго сна и поклялась,  
 больше спать, Гейне посадили въ  
 eu de Raime), онъ сдѣлался бы са-  
 нымъ якобинцемъ. Но замѣтъ онъ  
 Мирабо трубку съ красно-черно-зо-  
 очкой — къ чорту свободу! И онъ  
 гтуда, и сталъ бы писать прекрас-  
 чь честь прекрасныхъ глазъ Маріи-  
 .  
 кій диллетантизмъ Гейне охаракте-  
 ѣсь великолѣпно. Но Берне очень  
 ается въ одномъ пунктѣ. Онъ отри-  
 не способность глубоко любить и не-  
 гъ говорить, что Гейне плачетъ для  
 слезами поливать свои цвѣточныя  
 думаетъ, что великому разорван-  
 легко, пріятно и весело быть дилле-  
 не видитъ трагической, роковой и  
 стороны этого диллетантизма. Это  
 ка, впрочемъ совершенно естествен-  
 ны раздражительнаго и страстнаго

политического бойца. Что Гейне не былъ на са-  
 момъ дѣлѣ счастливымъ и легкомысленнымъ мо-  
 тилькомъ, что его слезы и его смѣхъ стоили ему  
 не дешево, что ему были коротко знакомы же-  
 стокія внутреннія бури и разрушительныя ум-  
 ственныя тревоги—это доказывается всего убѣ-  
 дительнѣе тѣмъ страшнымъ разстройствомъ нерв-  
 ной системы, которое подъ конецъ его жизни  
 буквально положило на него вѣнецъ *поэтиче-  
 скаго мученичества*. Если бы Берне могъ пред-  
 видѣть такой исходъ, онъ по всей вѣроятности  
 не рѣшился бы упрекнуть въ поливаніи цвѣточ-  
 ныхъ грядокъ великаго и несчастнаго поэта,  
 изнемогающаго подъ блестящимъ, но тяжелымъ  
 крестомъ вынужденнаго диллетантизма. Далѣе,  
 очень странно упрекъ въ томъ, что Гейне пре-  
 зираетъ нѣмецкую свободу, закрытую навозомъ,  
 по причинѣ холодной зимы. Тутъ Берне пови-  
 димому зарпортовался. По крайней мѣрѣ трудно  
 понять, какой осязательный смыслъ вложить въ  
 эту хитрую метафору. *Холодная зима*—тор-  
 жество феодаловъ и ретроградовъ. *Навозъ*—си-  
 стема Меттерниха и союзнаго сейма. Прекрасно!  
 Но во время такой *холодной зимы* нечего и  
 говорить о нѣмецкой свободѣ, какъ о реальномъ  
 фактѣ. Нѣмецкая свобода, какъ реальный фактъ,  
 положительно не существуетъ, если она боится  
 простуды и благоразумно почиваетъ подъ наво-  
 зомъ. А что не существуетъ, того нельзя ни пре-  
 зирать, ни уважать. Если же Берне толкуетъ  
 тутъ объ *идеѣ* нѣмецкой свободы, то во-пер-  
 выхъ, идея не знаетъ никакихъ временъ года,  
 всегда находится въ полномъ цвѣту, никогда не  
 лежитъ подъ навозомъ и вообще повинуется  
 только законамъ своего собственнаго внутрен-  
 няго развитія. А во-вторыхъ—Гейне, при всей  
 своей необузданной страсти персифлировать вра-  
 говъ и друзей, никогда не отзывался насмѣш-  
 ливо или презрительно объ идеѣ нѣмецкой сво-  
 боды. Какъ бы то ни было, главный фактъ—  
 дѣйствительное существованіе гейневскаго дил-  
 летантизма все таки не подлежитъ ни малѣйшему  
 сомнѣнію.

Въ книгѣ своей «О Людвигѣ Берне» Гейне  
 выписываетъ приведенный выше отрывокъ изъ  
 «Парижскихъ писемъ» для того, чтобы показать,  
 какіе на него возводились неосновательныя обви-  
 ненія. «Не опредѣленными словами, но всевоз-  
 можными намеками меня обвиняютъ тамъ—гово-  
 рить Гейне—въ самомъ двусмысленномъ образѣ  
 мыслей, если уже не въ совершенномъ отсутствіи







весь лирический восторг Гейне — если верить его собственному тому, что он созерцает революциях газеты, где напечатанный есть и где можно легко перейти ими через напечатанное болото. Он себя сыном революции, но его путь кончается там, где она становится с лавандным маслом. За минуты борьбы между матерью маслом несчастный поэт оставляет врен портрету матери, отлично на мѣди и превосходно отпечатанной веленовой бумагѣ. Благоговѣніе юмъ тѣмъ болѣе прочно, что оно жетъ помѣшать обожанію лавандо-вторыхъ, любуясь портретомъ Гейне, какъ настоящій ребенокъ, тѣ свое вниманіе не на выраженія яркихъ лентахъ ея чепчика, на ея шитаго воротничка и на блестяхъ ея дорогого ожерелья. Знаюлюцій по газетамъ, онъ не задумываетъ результатами, а только востумомъ, блескомъ и эффектностью *Лафайетъ, трехцвѣтное знамя!* Экая, подумаешь, благодать! какъ, которого водить за носъ перприключеній! Пестрый лоскутъ, міру о колоссальныхъ разбояхъ плохіе стишонки, положенные на языкъ! Гейне забавляется сувенир-время, когда рѣшается участь да-ергического народа, которому до-тоянно подсовывали пестрые лос-ектныя пѣсенки вмѣсто здоровой-аго труда, свободныхъ учреждений-аго образования. Смотрѣть на ре-тетической точки зрѣнія значить-мичіе народа и профанировать ту-которой совершается переворотъ. Гейне, понимая ясно дѣлъ и смыслъ-еворотовъ, видѣлъ возможность-успѣха, если бы онъ держалъ въ-винну нить, способную вывести-биринта лишений и страданій, то, озерцаніе великой идеи, заключаю-спасеніе человѣчества и пробиваю-гу въ дѣйствительную жизнь, до-шему поэту такое высокое умествен-ніе, которое совершенно отбило бы

И. Иисарева, т. II.

у него охоту развлекаться мелкими сувенирчи-ками, вродѣ трехцвѣтной тряпки, или справляться о томъ, употребляется ли лавандное масло во время народныхъ движеній. Но такъ какъ Гейне былъ заранѣе убѣжденъ въ томъ, что народъ и послѣ переворота останется при своей прежней, грязной нищетѣ, то эстетическій взглядъ баталь-наго живописца и одерживалъ рѣшительную побѣду надъ смутными и безнадежными стремле-ніями разочарованнаго прогрессиста. Не имѣя возможности интересоваться серьезнымъ смыс-ломъ переворота, потому что такого смысла онъ въ немъ не предполагалъ—Гейне любо-вался и восхищался позами, костюмами, смѣ-лостью и стойкостью патріотическихъ бой-цовъ. Восхищеніе это производилось издали. Когда же Гейне подошелъ поближе и замѣ-тилъ отсутствіе лаванднаго масла, тогда онъ спокойно зажалъ себѣ носъ и просвисталъ свою насмѣшливую пѣсенку. Все это со стороны Гейне очень понятно, но все это вмѣстѣ составляетъ полное и отчетливое отреченіе отъ серьезной по-литической дѣятельности. Кто смотритъ на со-бытія съ эстетической точки зрѣнія, тотъ не мо-жетъ быть двигателемъ событій, такъ точно, какъ не можетъ быть хирургомъ тотъ ребенокъ, который смотритъ на ланцеты, какъ на блестя-ція игрушки.

Далѣе, Гейне характеризуетъ свой политиче-скій образъ мыслей той любопытной подроб-ностью, что ему въ молодости очень хотѣлось сдѣлаться народнымъ ораторомъ, но что къ со-жалѣнію онъ не можетъ привыкнуть къ табач-ному дыму, жестоко свирѣпствующему въ со-браніяхъ нѣмецкихъ республиканцевъ.

Затѣмъ онъ объявляетъ, что, если народъ пожметъ ему руку, то онъ, Гейне, немедленно вымоетъ ее. Подаривши міру такія великія по-литическія истины, Гейне считаетъ себя въ правѣ третировать Берне съ высоты своего ве-личія, потому что Берне переноситъ дымъ и не таскаетъ съ собою рукомыльника въ народные собранія, гдѣ производятся крѣпкія и многочис-ленные рукопожатія.

Гейне заподозриваетъ Берне въ личной зави-сти.

«И именно въ отношеніи ко мнѣ, говоритъ Гейне, покойный (Берне) предавался такимъ личнымъ чувствамъ, и всѣ его нападенія на меня были ничто иное, какъ мелкая зависть, которую маленькій барабанщикъ чувствуетъ къ большому



тамбуръ-мажору. Онъ завидовалъ моему высокому плюмажу, который такъ смѣло развѣвался по воздуху, моему богато вышитому мундиру, на которомъ было столько серебра, сколько онъ, маленький барабанщикъ, не могъ бы купить за все свои деньги, завидовалъ ловкости, съ которой я махалъ тамбуръ-мажорскимъ жезломъ, любовнымъ взглядамъ, которые бросали на меня молодыя дѣвочки, и на которые я, можетъ быть, отвѣчалъ съ нѣкоторымъ кокетствомъ». (Т. VI, стр. 261).

Гейне влюбленъ въ самого себя, потому что ему не удалось влюбиться въ идею. Это очевидно и нисколько не удивительно. Но мы имѣемъ полное право не считать Берне мелкимъ завистникомъ, тѣмъ болѣе, что самъ Гейне даетъ намъ матеріалы для его оправданія.

«Страстные рѣчи, говорить Гейне, въ духѣ рейнско-баварскихъ ораторовъ доводили до фанатизма многіе умы, и такъ какъ республиканизмъ такое дѣло, которое понять гораздо легче, чѣмъ напр. конституціонную форму правленія, для уясненія которой необходимы многія другія свѣдѣнія, то прошло немного времени, какъ тысячи нѣмецкихъ ремесленниковъ сдѣлались уже республиканцами и проповѣдовали новыя убѣжденія. Эта пропаганда была гораздо опаснѣе всѣхъ тѣхъ выдуманныхъ пугалъ, которыми вышеупомянутые доносчики пугали нѣмецкія правительства, и писанное слово Берне можетъ быть много уступало въ могущество его устному слову, съ которымъ онъ обращался къ людямъ, принимавшимъ эти слова съ нѣмецкою вѣрой и распространявшимъ ихъ у себя въ отечествѣ съ изумительнымъ рвеніемъ». (Т. VI, стр. 237).

Итакъ, Гейне хотѣлъ и не могъ сдѣлаться народнымъ ораторомъ по неспособности переносить табачный дымъ. А Берне хотѣлъ и могъ, и переносилъ дымъ, и дѣйствовалъ, и фанатизировалъ тысячи нѣмецкихъ ремесленниковъ, которые оставались для Гейне зеленымъ виноградомъ. Кто же изъ двухъ, Гейне или Берне, обладалъ богато вышитымъ мундиромъ и махалъ тамбуръ-мажорскимъ жезломъ? Кто изъ двухъ имѣлъ болѣе основательныя причины завидовать другому?

### VIII.

Политическій дилетантизмъ отравляетъ всю литературную дѣятельность Гейне и постоянно

мѣшаетъ ему сосредоточить свои мысли на одномъ предметѣ. Гейне не можетъ бы то ни было предпринять политическую дѣятельность, онъ не можетъ ни подчиняться политической дисциплинѣ, ни дѣлаться отъ нея, Гейне рѣшительно не въ какихъ отношеніяхъ находится къ всѣмъ другія отрасли человѣческой дѣятельности — наука, искусство, промышленность, семейная жизнь, умозрительная философія, и т. д. Но Гейне понимаетъ, что будь отношенія должны существовать между всѣми этими отраслями, и что такъ какъ всѣ эти отрасли могутъ ускорять или замедлять движеніе человѣчества къ лучшему, то предчувствуя существованіе такой связи между различными отраслями дѣятельности, созная необходимость такого взгляда на всю совокупность различныхъ отраслей, и въ тоже время отыскивая тотъ высшій принципъ, въ которомъ можно было бы обосновать и сгруппировать эти отрасли по ихъ дѣйствительному значенію для человѣчества, Гейне находится въ такомъ же неясномъ и недоумѣнномъ состояніи, между тенденціозными сужденіями прогрессиста и непосредственными сужденіями простодушнаго эстетика. Эти сужденія замаскированы отъ глазъ легкомысленныхъ читателей удивительнымъ блескомъ вышнихъ мыслей, неистощимымъ богатствомъ картинъ, тонкою юморомъ и неожиданной остротой отдѣльных сарказмовъ. Но если вы, читатель, попытаетесь отдать себѣ отчетъ въ содержаніи прочитанныхъ страницъ, если вы попытаетесь узнать, въ чемъ убѣдилъ и въ чемъ не убѣдилъ васъ авторъ, то на всѣ эти вопросы не найдете у себя въ головѣ ни одного связнаго отвѣта, ничего, кромѣ какого-то хаотическаго нагроможденія удачныхъ шутокъ и граціозныхъ сравненій, подъ которыми скрываются неясныя мысли, общія мѣста или внутреннія противорѣчія.

Такъ напримѣръ, если вы захотите узнать отъ Гейне, какъ онъ понимаетъ отношенія искусства къ жизни, то вы не узнаете ровно ничего, или вѣрнѣе, вы узнаете сегодня одно, завтра совсѣмъ другое, послѣ завтра ни то, ни се. Вы можете случиться и такъ, что вы въ одинъ день получите три разнохарактерные отвѣта, изъ которыхъ несомнѣнно поэтъ не замѣтилъ или не хотѣлъ замѣтить, считая ее по всей вѣроятности неизбѣжнымъ атрибутомъ поэтической разорванности. Въ одной изъ предыдущихъ главъ



Гейне понимает поэзію, какъ *ушукъ*, или какъ *священное обходимыхъ цѣлей*. Какъ ни рѣдѣніе, однако же изъ него заключить, что поэзія, по мнѣнію подчиняться какимъ-то высшамъ. Цѣль важнѣе средствъ, и можно приноравливаться къ цѣли; лучшѣ средство перестаетъ быть, возвращается въ самостоятельную, если Гейне признаетъ существованіе *цѣлей*, предписанныхъ для насъ собственными предѣлами поэзію видоизмѣняются ии условіями, при которыхъ могутъ быть достигнуты. При самомъ лучшей оказывается та сего больше облегчаетъ достиженіе *цѣлей*. Если *небесныя цѣли* достигнуты безъ содѣйствія поэзіи, скромно и покорно согласиться на нѣе. Иначе получится вопіющая игрушка заставить любознательнаго *цѣлямъ*, и *храбрѣе* атятся въ легкомысленныхъ признавая существованіе *небесныхъ* себя храбрымъ создаваемому никакъ не можетъ о результата. А между тѣмъ По крайней мѣрѣ онъ горько людей, для которыхъ поэзія не большого значенія и которые, *небеснымъ цѣлямъ*, не хотятъ *ценными игрушками*.

Гейне въ своей книгѣ о Людѣйдетъ много времени прежде, въ великое цѣлебное средство; идется намъ сильно хворать и зможныя мази и домашнія средства только усиливать болѣзнь. приходять радикалы, пропитальное леченіе, которое однако наружнымъ образомъ, потому уничтожаетъ общественную трениую гнилость. А если имъ сткое время избавить человѣчѣйшихъ мукъ, то это дѣлается имъ слѣдамъ красоты, до тѣхъ я уболаго; гадкій, какъ вытеръ, встанетъ онъ съ постели номъ госпитальномъ платѣ, въ костюмѣ равенства, станетъ ень. Вся безмятежность, вся оуханіе, вся поэзія будутъ выни, и отъ всего этого останется въ супъ полезности. Красота и себѣ никакого мѣста въ обществѣ новыхъ пуританъ и подоскорбленіямъ и угнетеніямъ, пытавали даже при существованіи... Потому что красота и въ обществѣ, гдѣ каждый,

съ неудовольствіемъ сознавая свою посредственность, старается унижить всякое высшее дарованіе и свести его къ самому пошлему уровню. Сухое, будничное настроеніе новыхъ пуританъ распространяется уже по всей Европѣ, точно сѣрые сумерки, предшествующіе суровому зимнему времени. > (Т. VI, стр. 328).

Читателю русскихъ журналовъ достаточно знакомы эти старушечьи вопли противъ сухости новыхъ пуританъ и противъ румфордова супа полезности. Гейне, къ стыду своему, подаетъ здѣсь руку Николаю Соловьеву и т. п. Гейне унижается даже до того бессмысленнаго предположенія, что новые пуритане говорятъ и дѣйствуютъ подъ вліяніемъ личной зависти. Всѣ они, изволите видѣть, маленькіе барабанщики, желающіе ободрать и испортить галуны съ блестящихъ мундировъ большихъ тамбуръ-мажоровъ. Эту плоскую и избитую выдумку, родившуюся въ головѣ какой нибудь старой сплетницы и повторявшуюся всѣми врагами народа и здраваго смысла, можно опрокинуть простымъ указаніемъ на тотъ фактъ, что новые пуритане глубоко уважаютъ тѣхъ людей, которые лучше другихъ варятъ румфордовъ супъ полезности или выдумываютъ для этого супа усовершенствованный способъ приготовленія.

Новые пуритане охотно признаютъ превосходство этихъ людей, сознательно подчиняются ихъ вліянію, и предоставляя имъ видныя роли вождей и распорядителей, добровольно берутъ себѣ скромныя обязанности учениковъ, послѣдователей, исполнителей, переводчиковъ или компиляторовъ и комментаторовъ. Новые пуритане безъ сомнѣнія очень уважаютъ науку. У новыхъ пуританъ конечно есть также свои социальныя понятія, которыми они дорожатъ очень сильно. Но какъ въ реальной наукѣ, такъ и въ области социальныхъ понятій, работали и работаютъ до сихъ поръ геніи первой величины и множество талантовъ крупныхъ и мелкихъ. И новые пуритане вовсе не отрицаютъ геніальности первоклассныхъ дѣятелей и даровитости второстепенныхъ работниковъ. Значить, пуритане возстаютъ вовсе не противъ *всякаго высшаго дарованія* вообще, а только противъ непроизводительной затраты всякихъ дарованій, высшихъ, среднихъ и низшихъ. *Пепельно-серый костюмъ равенства*, на который такъ умилительно жалуются любитель трехцвѣтнаго знамени—Гейне, надѣвается на людей совсѣмъ не для того, чтобы умные и глупые люди пользовались одинаковымъ вліяніемъ на общественныя дѣла. Это—вещь невозможная. И объ этомъ могли мечтать люди XVIII вѣка только потому, что они придерживались той теоріи, которая признавала всѣ интеллектуальныя различія между людьми—продуктами различныхъ впечатлѣній, воспріятыхъ послѣ рожденія. Но такъ какъ въ наше время уже достаточно извѣстна та физиологическая истина, что люди приносятъ съ собою на свѣтъ, вмѣстѣ съ особеннымъ тѣлосложеніемъ, особую



организацию мозга и нервной системы, полученную по наследству от родителей и не изменяющуюся в своих существенных чертах ни от каких позднейших впечатлений, — то новые пуритане нашего времени вовсе и не мечтают об абсолютном равенстве. Смысл того стремления, которое Гейне называет *пепельно-серым костюмом*, состоит только в том, что тысячи не должны ходить босиком и пытаться отрубями для того, чтобы единицы смотрели на хорошие картины, слушали хорошую музыку и декламировали хорошие стихи. Кто находит подобное стремление предосудительным, тот желает, чтобы хлбб, необходимый для питания голодных людей, превращался ежегодно в изящные предметы, доставляющие немногим избранным и посвященным тонкие и высокие наслаждения. Здесь Гейне стоит очевидно на стороне эксплуататоров и филлистов, но он не всегда рассуждает таким образом.

«Это свойство, говорит Гейне в *«Романтической школе»*, эту цблостность мы встречаем и у писателей вышедшей молодой Германии, которые также не допускают различия между жизнью и литературною деятельностью, не отделяют политики от науки, искусства от религии и в одно и то же время являются художниками, трибунами и проповедниками правды. Да, я повторяю слово *проповедники*, потому что не могу найти более характеристического слова. Новые убеждения наполняют душу этих людей такою страстностью, о какой писатели прежнего периода не имели и понятия. Это — убеждения в силе прогресса, убеждения, вышедшие из науки. Мы дбляли измерение земли, исследовали силы природы, высчитывали средства промышленности — и вот наконец нашли, что эта земля достаточно велика, что она дает каждому достаточно мбста для того, чтобы построить себб на нем хижину своего счастья, что эта земля может прилично питать всбх нас, если мы всб хотим работать и не жить на счет другого, что наконец нам нбтъ никакой надобности отсылать болбе многочисленный и болбе ббдный классъ къ небу. Число этих знающих и вбрующих конечно еще весьма не велико.» (т. V, стр. 339).

Здбсь *пепельно-серый костюм равенства* представляется въ самомъ привлекательномъ видб, а *новые пуритане*, которые выше были заподозрбны въ мелкой зависти, оказываются художниками, трибунами и проповбдниками правды, людьми страстно уббжденными, людьми цблостными, людьми знающими и вбрующими. Нбтъ ни малбйшей возможности провести какую нибудь границу между писателями молодой Германіи, къ которымъ Гейне относится съ величайшимъ сочувствіемъ, и тбми радикалами, которыхъ тотъ же Гейне съ комическимъ негодованіемъ обвиняетъ въ исключительномъ пристрастіи къ румфордову супу полезности. Гейне называетъ писателей молодой Германіи

художниками, но вбдь это художники, которые живутъ насквозь трибуническими стремленіями, повбдываніемъ правды. Это художники, которые стараются доказать образами, что каждаго человека въ жизни извбстныхъ условій можно и нужно себб на землб хижину своего счастья, и дождество выводить на свбжую землю и подлости, вслбдствіе которыхъ жизнь становится тбсною, и люди принуждены страдать отъ нищеты, горя и ббдности или жить въ чужихъ ракахъ въ чужихъ чуланахъ, въ чужихъ закуткахъ. Стало быть, это художники, которые вбдываютъ одну изъ самыхъ важныхъ и нужныхъ его приправъ. Стало быть, искусство, которое доводится до художества, которое становится радикальнымъ и необходимымъ, хотя съ другой стороны, не можетъ не вбдывать, что въ жизни людей, построенной собственнымъ трудомъ хижина, искусство не можетъ имбть того практическаго значенія, которое принадлежитъ искусству въ жизни людей, построенныхъ собственнымъ трудомъ великолбпные замки или дворцы. Конечно доказываетъ, что всб мы можемъ построить себб теплыя и сухія хижины, имбющія въ себб достаточное количество счастья и воздуха, но наука до сихъ поръ не думаетъ, что всб мы можемъ уббждать своихъ ближнихъ хижинъ превосходными картинами, вбшивать въ каждую хижину по одному живому розло, держать при каждой сотб труппу хорошихъ актеровъ и тратить каждый день по нбскольکو часовъ на сочиненіе и заучиваніе звучныхъ лрическихъ стиховъ. Счастье, которое для всбхъ, должно быть, по крайней мбрб на первыхъ порахъ, гораздо проще и доступнее того счастья, которое въ настоящее время доступно немногимъ. Величайшая прелесть доступнаго счастья состоитъ не въ разнообразіи и яркости наслажденій, а преимущественно въ томъ, что у этихъ наслажденій нбтъ обратной стороны, т. е. что эти наслажденія не состоятъ изъ цбльной чужихъ страданій.

Внутреннее противорбчіе, въ которомъ живетъ Гейне, очевидно и безвыходно. Онъ мечтаетъ въ одномъ мбстб тбми идеями и стремленіями, противъ которыхъ вооружены другие. Онъ бросается съ одной точки зрения на другую, и ни на одной изъ нихъ не можетъ остановиться. Когда художникъ поетъ къ людямъ, безо всякой тенденціи, тогда Гейне видитъ въ его произведеніяхъ запахъ свбжаго счастья. Когда художникъ становится на всю жизнь подб знамя одной, строго опредбленной мысли, тогда Гейне кричитъ, что мбр затопленъ водами румфордова супа. И въ то же время тотъ же Гейне, смотря по минутному настроенію, хвалитъ соловьевъ, подобныхъ Уланду, Гейну Арниму, и пропагандистовъ, подобныхъ Лерну и Гуцкову. Словомъ, передъ глазами читателя проходитъ цблая радуга всбхъ возможныхъ и

онъ обб  
замбчаетъ  
даны оди  
Въ нб  
возлодой  
читател  
достаточ  
Гейне по  
съ насто  
ности он  
въ внут  
тугого р  
кленія.  
зующая  
возникъ  
ми, выс  
началь  
никогда  
ности.

При  
зетант  
ное дн  
не мог  
ли соб  
времен  
какого  
нбтъ  
онъ д  
мбрен  
насто  
биль  
тебл  
цбду  
и на  
чтоб  
вло  
нбтъ  
про  
оче  
чи  
ан  
и  
и



ствѣ, и читатель, къ ужасу своему, о вся эта радуга выходитъ изъ словѣска.

Въ этомъ мною отрывкѣ о писателяхъ я долженъ обратить вниманіе на мѣсто, гдѣ Гейне говоритъ о цѣловыхъ людяхъ; этими словами самъ ждаешь мое мнѣніе о томъ, что и время, при совершенной разорванности міра, возможна въ писателемъ цѣлостность, выходящая не изъ ушій, а изъ страстнаго воодушевленной цѣлостности, характеристическихъ молодой Германіи, про граница между этими писателями на литературное попріище въ годовъ, и самимъ Гейне, у котораго въ чемъ не было никакой цѣлост-

### IX.

неизлечимомъ политическомъ дилатора не искоренило даже умственно-молодой Германіи, Гейне никогда не ругаетъ правильной и точной оцѣнки временной исторіи, ни явленія со-тературе. У Гейне не было ни-кого принципа, на которомъ бы онъ въ свою критику. А между тѣмъ онъ огуливался съ критическими на-ватками по различнымъ областямъ ближайшаго прошедшаго. Онъ лю-битъ глубокомысленно и проника-и въ литературу. Онъ написалъ большую книгу о *Германіи*, французски—собственно для того, чтобы французовъ съ великими и тайнами нѣмецкой философіи и. Не знаю, насколько эта книга французскихъ читателей; но знаю по собственному горькому опыту, читателю эта книга не даетъ ровно того неопредѣленно-пріятнаго ощу- возбуждается каждою страницей очаровательнымъ языкомъ и иенною самими яркими и пре-зами. Общей мысли въ этой книгѣ какой, а есть въ ней только хо-ные анекдоты, забавныя парал-ицами и нѣмцами, да попадаются ікія историко-философскія сообра-ества, что читатель не можетъ разо-ли авторъ, или говорить серьез-съ шутить, то читателю становится акой статьи шутка тянется такъ ой степени лишена игривости, за-ительности; а если авторъ мудро, то читателю становится поло-стно за автора.

мысленнымъ соображеніямъ Гейне апр., что различныя фазы нѣмец-въ точности соотвѣтствуютъ раз-

личнымъ фазамъ французской революціи. Умѣ-ренный и аккуратный Кантъ изображаетъ собою терроръ Конвента и, по мнѣнію Гейне, оказы-вается гораздо смѣлѣе и неумолимѣе Робеспьера. Фихте исправляетъ должность Наполеона, а Шел-лингъ играетъ роль реставраціи. Эти ребяческія сближенія до такой степени забавляютъ Гейне, и наполняютъ его сердце такою святою патриоти-ческой гордостью, что онъ нѣсколько разъ съ видимымъ удовольствіемъ возвращается къ этой пріятной и затѣйливой выдумкѣ. Въ концѣ своего сочиненія о нѣмецкой философіи онъ до такой степени воодушевляется, что пророчествуетъ міру о великихъ и ужасныхъ событіяхъ, которые вы-ростутъ со временемъ изъ философскихъ сочи-неній Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, благо-получно похороненныхъ и забытыхъ ближай-шимъ потомствомъ. «Если—говоритъ Гейне, раз-суждая объ ужасахъ будущей нѣмецкой револю-ціи, имѣющей вырасти изъ умозрительной фи-лософіи—рука кантиста бьетъ сильно и мѣтко, потому что сердце его не волнуется никакимъ переходящимъ по преданію уваженіемъ, если фихтеанецъ смѣло презираетъ всякія опасности, потому что онъ въ дѣйствительности для него не существуютъ; то натуръ-философъ ужасенъ, по-тому что вступаешь въ союзъ съ первородными силами природы, можетъ вызвать всѣ силы древне-германскаго пантеизма, и тогда полу-чается ту жажду борьбы, которую мы встрѣчаемъ у древнихъ германцевъ, сражающихся не для раз-рушенія, не для побѣды, но только для того, что-бы сражаться» (т. V, стр. 165). Нѣмецкая гроза, воспитанная Кантомъ, Фихте и Шеллингомъ, бу-детъ, по соображеніямъ Гейне, необыкновенно ужасна. «При этомъ грохотѣ, говоритъ онъ, орлы падутъ мертвые съ воздушныхъ высотъ и львы, въ самыхъ далекихъ пустыняхъ Африки, опу-стятъ хвосты и спрячутся въ свои вертепы» (т. V, стр. 167). Вся эта невинная игра яркими красками и громкими словами была бы смѣшна до послѣдней степени, если бы тутъ не видно было, что несчастному поэту больно и стыдно смотреѣть на тупое усыпленіе отечества и что онъ старается оглушить и отumanить себя гро-момъ несбыточныхъ и неправдоподобныхъ пред-сказаній. Хотя читатель и понимаетъ до нѣкото-рой степени то настроеніе, которое породило эти хвастливыя рулады, однако во всякомъ случаѣ, восторженные фразы Гейне о міровомъ значеніи нѣмецкой философіи оказываются для нашего времени неудачною шуткой или безсмысленнымъ наборомъ словъ. Также ничтожны и бесполезны для читателей разныя отрывочныя замѣтки и разсужденія о Тикѣ, Шлегеляхъ, Новалисѣ, Ар-нимѣ и другихъ забытыхъ писателяхъ, о кото-рыхъ распространяется Гейне въ своей «Роман-тической школѣ». Но здѣсь, какъ и вездѣ, Гейне роняетъ по временамъ превосходные сарказмы, которые почти достаточно вознаграждаютъ чи-тателя за отсутствіе общей мысли и за совѣд-шенную мертвенность самаго сюжета.



О политических дѣтеляхъ, какъ и обо всѣхъ остальныхъ предметахъ, Гейне судитъ съ плеча, по свободному вдохновенію, разсыпая совершенно произвольно въ разныя стороны лавровые вѣнки и дурацкіе колпаки. Такъ какъ въ новѣйшей исторіи очень много мизернаго, то дурацкіе колпаки почти всегда попадаютъ безъ промаха туда, гдѣ имъ слѣдуетъ находиться. За то лавровые вѣнки, по тѣмъ же самымъ причинамъ, почти всегда залетаютъ туда, гдѣ присутствіе ихъ рѣшительно ничѣмъ не можетъ быть оправдано.

Особенно замѣчательно то несчастное упорство, съ которымъ Гейне увѣнчивалъ Наполеона, одного изъ самыхъ вредныхъ людей во всей исторіи человечества. Обожаніе Наполеона было для Гейне любимымъ конькомъ, съ котораго онъ не слѣзалъ до конца своей жизни. Этотъ конекъ былъ отчасти боевой лошадыо, при содѣйствіи которой Гейне дразнилъ и огорчалъ, съ одной стороны—нѣмецкихъ радикаловъ, послѣдователей Берне, съ другой—юродствующихъ патріотовъ, подобныхъ Менцелю и Масману. Первые ненавидѣли Наполеона, какъ представителя деспотизма и солдатчины. Вторые не могли простить Наполеону того, что онъ осмѣлился многократно разбивать нѣмецкія арміи, вступать съ войскомъ въ нѣмецкія столицы и держать у себя въ передней нѣмецкихъ отцовъ отечества, предшественниковъ которыхъ, Арминій, одержалъ такую блистательную побѣду надъ римскимъ полководцемъ Варомъ. Гейне, съ своей стороны, не любилъ радикаловъ за ихъ серьезность и презиралъ тевтомановъ за ихъ дѣйствительную и поразительную тупость. Въ пику обѣимъ партіямъ, онъ падалъ на колѣни передъ великимъ и божественнымъ императоромъ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Эти колѣнопреклоненія были также направлены въ очень значительной степени противъ тѣхъ официальныхъ политиковъ, которые, побѣдивши Наполеона, распоряжались судьбою Европы въ первой четверти нынѣшняго столѣтія.

Нерасположеніе Гейне къ этимъ политикамъ: къ Меттерниху, къ Веллингтону, къ Кестлери, очень понятно и совершенно основательно. Но какъ бы ни были вредны и отвратительны эти побѣдители Наполеона, изъ этого однако нисколько не слѣдуетъ, чтобы самъ Наполеонъ былъ очень полезенъ и прекрасенъ. Если благоговѣніе Гейне передъ Наполеономъ имѣло исключительное значеніе протеста, то нельзя не замѣтить, что для протеста выбрана очень неудобная форма, по милости которой Гейне принужденъ былъ написать десятки страницъ вопіющей бессмыслицы. Если же это благоговѣніе было чистосердечно, то я долженъ признаться, что процессъ мышленія, совершающійся въ головѣ великихъ художниковъ, заключаетъ въ себѣ тайны, непостижимыя для простыхъ людей. Всего мудренѣе и любопытнѣе та штука, что Гейне, пророчествуя людямъ о томъ, что Наполеонъ сдѣлается божествомъ новой религіи, въ тоже время видитъ очень ясно и показываетъ своимъ

читателямъ съ полной откровенностью «обожаемаго кумира». Покажите, Гейне во второй части *Путешествія* считай меня безусловнымъ бонапартистскимъ безный читатель. Я благоговѣю не предствіями, а передъ гениемъ этого челоа условно люблю я его только до 1794. Тутъ измѣнилъ онъ свободѣ. И не имости сдѣлалъ онъ это, а изъ тайной сткѣ аристократизму. Наполеонъ Бонапарти аристократомъ, аристократическимъ гражданскаго равенства, и мнѣ кажетсальнымъ недоразумѣніемъ, что европестократія, въ лицѣ Англіи, съ талитченіемъ боролась съ нимъ... Любезный объяснимся однажды навсегда: я нискоо возношу дѣлъ и хвалю лишь гений дѣло—только его одежда, и исторія какъ старый гардеробъ человѣческа (т. II, стр. 111).

Рѣшительное объясненіе съ любителемъ ни къ чему не ведетъ и заключаетъ въ себѣ очень мало осязательнаго смысла. Отдѣлать гений челоа отъ его дѣла, желаетъ открыть самый широкій просторъ тическому произволу. Полезны ли, дѣла челоа, это, по мнѣнію Гейне, это—мелкія подробности стараго гардероба, только, чтобы въ исполненіи этихъ или полезныхъ дѣлъ проявлялась нѣкотороуозность, нѣкоторая фешенебельная развязность. Эти качества, отъ которыхъ жающимъ людямъ ни тепло, ни холода, ляютъ, по мнѣнію Гейне, настоящую кичицію челоа и требуютъ себѣ нашего вѣнія. Политическому дѣтелю преднаткимъ образомъ быть эффектнымъ, интеснымъ и привлекательнымъ. При соблюденіи этихъ ему отпускаются всѣ его глупости, зости, промахи и преступленія. И чѣмъ нѣе его ошибки, тѣмъ лучше для него, что тѣмъ поразительнѣе становится его ность. Съ эстетической точки зрѣнія огадость заслуживаетъ гораздо большаго нія, чѣмъ маленькое доброе дѣло. Но кокъ отдѣленія гения отъ дѣла, соверискажается настоящее значеніе слова. Этимъ словомъ перестаетъ обозначаться и ственное превосходство, передъ которымъ клоняются съ восторженной любовью всѣ иціе люди. И послѣ такого превращенія сохранияетъ свою обаятельность только для боумныхъ любителей театральной граціи. Иначе онъ понялъ бы, что съ гения нѣ возможности снимать отвѣтственность за надраніе и результаты дѣла. Гений самъ зааетъ работу. Слѣдовательно мы имѣемъ полную требовать отъ него отчета не только въ то искусно ли и удачно ли выполнена работа, е еще и въ томъ, почему и зачѣмъ, съ какою цѣлю и на основаніи какихъ предварительныхъ ображений онъ, гений, признакъ именно за



ту, а не за другую. Давный исторический эль только тогда и может быть признанъ мѣ, когда его дѣла и вся его жизнь дають ршенно удовлетворительные отвѣты на все осы, которые могутъ быть поставлены мыслящимъ историкомъ. Выступая на арену борьбы общественной дѣятельности, человекъ бросаетъ взглядъ на положеніе партій, вдумывается оtreбности и въ понятія своихъ современнѣхъ, задаетъ себѣ вопросъ о томъ, куда идетъ ный потокъ идей и событій, словомъ—ориентеся въ лѣсу быстро смѣняющихся явленій, атѣмъ, вооружившись своими наблюденіи, присоединяется болѣе или менѣе сознано къ какой нибудь одной группѣ бойцовъ работниковъ. Если собранныя наблюденія чны и сдѣланный выборъ неудовлетворителен, молодой дѣятель переходитъ къ другой парили старается сообщить новое направленіе имъ и работамъ своихъ союзниковъ. Станоподъ то или другое зная, измѣняя своимъ ніемъ такъ или иначе характеръ своей парчеловекъ набрасываетъ въ общихъ чертахъ планъ своей будущей дѣятельности. Достинства или недостатки этого плана дадутъ знать впоследствии и во всякомъ случаѣ жать перевѣсъ надъ достоинствами или недостатками выполненія. Если планъ былъ соленъ разумно, если, при его составленіи тоящія потребности времени были понятыю, то вся дѣятельность будетъ плодотворнаагодѣтельна, хоть бы даже въ выполненіио много отдѣльныхъ ошибокъ и шероховатей. Если же при составленіи плана, потребности времени были поняты на выворотъ, то дѣятельность будетъ тѣмъ болѣе безмысленнаедна, чѣмъ болѣе остроумія будетъ потрао на подробности выполненія. Но если планъ авленъ невѣрно, если всей дѣятельности даноое направленіе, что же это значить? Знаѣ очевидно, что у составителя не досталоищательности, сообразительности и глубоколія. Значить, въ геніальности составителяеся такой крупный изъянъ, который порѣ все дѣло и превращаетъ неудавшагося геѣвъ опаснаго и вреднаго сумасброда.

Гейне говоритъ, что Наполеонъ измѣнилъодѣ и былъ аристократическимъ врагомъ кланскаго равенства. Говоря это, Гейне дугъ, что это обстоятельство не наноситъ ниого ущерба геніальности Наполеона, точноо это обстоятельство нисколько не зависѣло процесса его мышленія, точно будто измѣнаристократизмъ составляютъ прирожденные ества Наполеона, подобныя цвѣту его глазъ олость. Измѣнилъ свободѣ и сдѣлался аристоктомъ. Гдѣ жъ у него было соображеніе, куда алась его прославленная геніальность въ томя, когда онъ рѣшился идти наперекоръимъ стремленіямъ, которыя, выходя изъыхъ глубокихъ потребностей человѣческой роды, доросли уже до своей окончательной

зрѣлости? Если онъ рѣшался на борьбу съ этими стремленіями, значить онъ надѣялся побѣдить. А если онъ надѣялся побѣдить и упрочить результаты своей побѣды, значить онъ не зналъ людей, не понималъ ни прошедшаго, ни настоящаго и не составлялъ себѣ никакого приблизительно-вѣрнаго понятія о ближайшемъ будущемъ. Если же, съ другой стороны, онъ говорилъ *après moi—le déluge* и хотѣлъ побѣдить только для того, чтобы весело прожить на свѣтѣ, то стало быть, у него не было даже того величественнаго размаха мысли, который побуждаетъ всѣхъ истинныхъ гениевъ строить для далекаго будущаго. При всемъ томъ, онъ конечно былъ, если хотите, геніальнымъ полководцемъ, и за это можетъ быть поставленъ наряду съ какимъ нибудь Мальборо, передъ которымъ Гейне ни за что не согласился бы падать на колѣни. Эта частичная геніальность, или вѣрнѣе, эта виртуозность въ какомъ нибудь одномъ дѣлѣ, это умѣнье быть превосходнымъ орудіемъ какой угодно партіи, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ свѣтлымъ умственнымъ величіемъ, которое характеризуетъ настоящихъ благодѣтелей нашей породы, людей, способныхъ угадывать наши потребности и создавать средства для ихъ удовлетворенія. Не всякій способенъ сдѣлаться отличнымъ полководцемъ, такъ точно, какъ не всякій способенъ сдѣлаться отличнымъ танцоромъ или отличнымъ знатокомъ красныхъ винъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы каждый отличный полководецъ имѣлъ право на то благоговѣніе, съ которымъ мы относились къ гению, согрѣвшему и украсившему нашу жизнь своими трудами.

Гейне самъ знаетъ очень хорошо настоящую цѣну всякой славы.

«Смѣшно было бы, говорить онъ, поставить статую Лафайету на вандомскую колонну, вылитую изъ пушекъ, отбитыхъ въ столькихъ сраженіяхъ—на эту колонну, вида которой не можетъ вынести ни одна французская мать, какъ поетъ Барбье. На этой желѣзной колоннѣ поставьте Наполеона, желѣзнаго человѣка. Пусть ему и здѣсь, какъ въ жизни, служить подножіемъ его пушечная слава; пусть онъ въ ужасающемъ одиночествѣ касается челомъ облаковъ, чтобы каждый честолюбивый солдатъ, увидавъ его тамъ, вверху, недостижимо, могъ изцѣлиться отъ суетной жажды славы, и чтобы эта колоссальная металлическая статуя служила для Европы громоотводомъ противъ завоевательнаго героизма, орудіемъ мира. Лафайетъ воздвигъ себѣ колонну лучше вандомской, статую лучше металлической или мраморной». (Т. VII, стр. 46).

Итакъ Лафайетъ выше Наполеона, военная слава объявлена суетною, и вандомская колонна должна служить честолюбивымъ солдатамъ тѣмъ нагляднымъ предостереженіемъ, которымъ, по соображеніямъ мудрыхъ криминалистовъ, висѣлица служить похитителямъ собственности. Стало быть памятникъ, поставленный Наполеону, изображаетъ собою не уваженіе потомковъ къ



его гениальности, а только то чувство ужаса, вслѣдствіе котораго люди стараются увѣковѣчить воспоминаніе о какомъ нибудь громадномъ національномъ бѣдствіи, вродѣ наводненія, пожара, землетрясенія или чумы.

Гейне понимаетъ также, какимъ образомъ наполеоновская система подѣйствовала на французское общество.

«Люди средняго возраста, говоритъ онъ, утомлены раздражающей оппозиціей, выпавшей на ихъ долю въ періодъ реставраціи, или развращены имперіей, которая своей блестящей солдатчиной и своей шумной славой умерщвляла всякую любовь къ свободѣ». (Т. VII, стр. 60).

Наконецъ Гейне договаривается до самаго наивнаго и неожиданнаго признанія.

«Правда, говоритъ онъ, что умершій Наполеонъ больше любимъ французами, чѣмъ живущій Лафайетъ, можетъ быть именно потому, что онъ умеръ. Мнѣ по крайней мѣрѣ это всего больше нравится въ Наполеонѣ, потому что, будь онъ въ живыхъ, мнѣ пришлось бы идти воевать противъ него». (Т. VII, стр. 47).

Это признаніе нисколько не мѣшаетъ Гейне обожать Наполеона по прежнему. Пользуясь правами поэта, Гейне презираетъ послѣдовательность и перелетаетъ съ удивительною развязностью отъ самой злой насмѣшки къ самому восторженному панегирику. Тотъ человѣкъ, который развратилъ Францію блестящей солдатчиной и систематически старался умертвить въ своихъ современникахъ всякую гражданскую доблесть, тотъ человѣкъ, котораго лучший подвигъ состоитъ въ томъ, что онъ умеръ, тотъ человѣкъ, котораго надо поставить на колонну для вѣчнаго устрашенія честолюбивыхъ солдатъ, оказывается вдругъ божествомъ отъ головы до ногъ (т. III, стр. 99), божествомъ, котораго имя сдѣлалось лозунгомъ для народовъ (т. III, стр. 100), такъ что «Востокъ и Западъ, встречаясь между собою, понимаютъ другъ друга только посредствомъ этого имени» (тамъ же). Въ подтвержденіе той мысли, что имя Наполеона дѣйствительно можетъ служить умственной связью между Востокомъ и Западомъ, Гейне рассказываетъ слѣдующій случай. Въ лондонскую гавань вошелъ корабль, прибывшій изъ Бенгаліи; Гейне посѣтилъ этотъ корабль, почувствовалъ особенное влеченіе къ его пассажирамъ и захотѣлъ сказать имъ какое нибудь привѣтствіе. Не зная ихъ языка, Гейне, чтобы выразить имъ свое сочувствіе, произнесъ очень почтительно имя «Магометъ». Индѣйцы, желая отвѣтить на его любезность, произнесли имя «Бонапарте». На этомъ и остановился разговоръ, такъ что обмѣвъ мыслей между Востокомъ и Западомъ оказался не очень значительнымъ, не смотря на

существованіе чудотворнаго имени, *«сделавшаго лозунгомъ для народовъ»*.

Довольно трудно сообразить, изъ какихъ разсказанъ этотъ случай и какъ изъ него можно вывести заключеніе. Что Гейне думаетъ о существованіи Наполеона? Прекрасно. Но же изъ этого слѣдуетъ? Этою честью владѣлись въ свое время Аттилла, Чингисханъ, Батланъ, Надиръ-Шахъ, словомъ всѣ развѣдывавшіеся своимъ ремесломъ въ мірѣ развѣдахъ. Имена этихъ людей вѣдѣны гораздо болѣе извѣстны, чѣмъ имена изслѣдователей и изобрѣтателей. Эти имена ражали народное воображеніе и дѣлались лозунгомъ для народовъ, но эти имена не начали международныхъ сношеній точно также, на сколько имя Наполеона помогло Гейне разговаривать съ Гейне. Все это хорошо извѣстно и самому Гейне, но въ разорванному поэту, нѣтъ никакого изъ самыхъ элементарныхъ требованій чужаго смысла, если только эти требованія не ему въ данную минуту уронить съ перомъ эпитетъ, блестящую метафору или новую картинку.

Гейне излагаетъ очень обстоятельно причины, которыя побуждаютъ его считать Наполеона богомъ. Причины эти заключаются въ томъ, что у Наполеона не шевелились глаза. «Въ говоритъ Гейне, твердый, смѣлый взглядъ отличительный признакъ боговъ. Поэтому Агни, Варуна, Яма и Индра приняли образъ на свадьбѣ Дамаянти, послѣдняя узнала возлюбленнаго по движенію его зрачковъ какъ сказано, глаза у боговъ всегда неподвижны. У Наполеона также глаза не мѣли это сдѣлало его богомъ, а потому я и убѣжденъ, что онъ тоже богъ». (Т. V, стр. 243).

Что вы скажете объ этомъ пассажѣ скажете по всей вѣроятности, что это глупость. Но я съ вами не соглашусь, и скажу, что это просто бессмыслица, которую самъ Гейне тоже считаетъ за бессмыслицу и которую онъ не менѣе выбрасываетъ изъ себя, потому что находить ее оригинальною и граціозною. И это самодовольное выдумываніе бессмыслицы совершается у Гейне до такой степени часто, что читатель наконецъ теряетъ возможность опредѣлить, гдѣ кончается размышленіе и гдѣ начинается сознательное умышленное юродство, желающее изобразить грацію. Гейне положительно думаетъ, что поэтъ имѣетъ право производить на свѣтъ сочетанія понятій, которыя никогда и нигде въ условіяхъ не могутъ залѣзть въ человеческую голову. Онъ часто пишетъ, что онъ никогда не могъ думать, и чего не можетъ подумать ни одно мыслящее существо.



## ПЧЕЛЫ.

и, публицисты и политики говорили, и еще долго будут говорить чрезвычайного вздора; все их теории будут разражаться мыльные пузыри до тех пор, не будут чувствовать под ногами очувствительных фактов. Иной же пресерьезно начнет уверять вас, брался в своих исследованиях до законов человеческого развития, до мирной истории; спросите этого колоса, знает ли он устройство человеческого организма, предложите ему элементарный из физиологии или анатомии, и вы что он опустит глаза и поневоле в своем невежестве; все его выводы на бумажных документах; он ни живого человека, ни живых людей не знает ни того процесса, который в каждом недвигимом, ни тех идей, которые имеют место в живом; он видит только своими ослабленными ту частичку жизни, которая припергаментному свитку, завалывшемуся этой пылью; по этой частичке он думать живых личностей, составить себя человека, изучить законы его развития, безмысленных стремлений, определяющим отрывкам то, чего не знаешь изучить во всем разнообразии полноты, от этих безсильных помешивать наблюдение творчеством ума, где ошибки, доктрины, политические, замысловатые теории, в которых безднница: знания дѣла и здравого смысла понимать событие, надо знать его чтобы объяснить себя историческое человечества, надо знать те силы, ко- ствуют в нем самом и вокруг. Гг. доктринеры, которых очень много общество, начинающим мыслить, в вокруг себя и скажут, положим: что они знают? Какое действительное явление природы им из- юнятно? Они принуждены будут со- то знают большею частью только то, а другие доктринеры, жившие раньше этими работами прежних доктринероводать дни и годы, их они ком- и критикуют, не добываясь до са- и принимая свои слова и понятия за оция явления. Эти доктринеры — со- видоизмнение средневековых мона- их есть трудолюбие, есть добросовѣст- ни этом ни малѣйшаго понятия о жиз-

ни, а вследствие этого — ни одной живой идеи в умѣ, ни одного энергического движения в моз- гу. Самое простое, понятное слово *жизнь*, бла- годаря им, превратилось в какую-то ратори- ческую фигуру, лишенную плоти и крови; они понимают по своему жизнь идеи, жизнь обще- ства, жизнь человечества, словом — всякую во- ображаемую жизнь, всякую жизнь, кроме *дей- ствительной* жизни отдельного живого чело- века; о жизни животных им некогда и подум- мать; это такие мелочи, на которые им и взгля- нуть не хочется — им, законодателям челове- чества, носящим в своем мозгу решения раз- ных мировых вопросов. Мы не имеем счастья быть доктринерами; у нас не хватает на это ни умѣнья, ни желанья; каемся чистосердечно в том, что мы имеем слабость интересоваться действительною жизнью, в каких бы кро- шечных размѣрах она ни проявлялась, и ни- сколько не интересоваться безплотными поро- ждениями доктринерствующих умов, в какие бы полновзвучные фразы они ни облакались. На этом основании мы намѣрены толковать сь чи- тателями не о теории божественного права, не о законѣ исторической постепенности, а про- сто о домашней и общественной жизни пчелы.

Мы сильно нуждаемся в положительной поч- вѣ для наших исследований, в фактическом материале, из которого можно было бы выко- лывать себя воззрения и убеждения металлической твердости и незыблемой основательности. Будем же смотреть вокруг себя, на живую природу, вместо того чтобы зажимивать глаза или сь упорным вниманием устремлять их на буквы, слова и фразы.

## I.

Пчела принадлежит к породе насекомых; у нея нѣтъ спинного хребта, и ее тѣло раздѣ- ляется на три, ясно обозначенные части; эти части слѣдуют друг за другом в таком по- рядкѣ: во-первыхъ, голова, в которой находят- ся глаза, щупальца и ротикъ; во-вторыхъ, сред- няя часть тѣла, к которой прикрѣплено снизу три пары ногъ, а сверху двѣ пары крыльевъ; в третьихъ, задняя часть тѣла, заключающая в себя сердце, дыхательные органы, пищеваритель- ный канал и половые части. По обѣимъ сторо- намъ головы у пчелы находятся два большіе глаза, составленные из вѣсколькихъ тысячъ микроскопическихъ глазъ, выглядывающих изъ- за общей, прозрачной роговой оболочки. Этими двумя глазами пчела смотрит на мелкіе пред- меты, находящіеся вблизи; эти два глаза замѣ-



няють ей наши микроскопы; для того, чтобы смотрѣть въ даль, чтобы направлять вдалѣ свой полетъ, пчела пользуется тремя крошечными глазами, прикрѣпленными къ верхней части головы. Сколько извѣстно при теперешнемъ состояніи науки, человѣкъ лишенъ тѣхъ глазъ, которые управляютъ полетомъ пчелы. Вѣроятно это обстоятельство составляетъ единственную причину, по которой большая часть человѣческихъ суждений и построений страдаютъ отъ близорукости своихъ творцовъ.

Ротъ пчелы отличается сложнымъ устройствомъ; достаточно будетъ отмѣтить двѣ роговидныя, острые челюсти, закрывающіяся другъ на друга, какъ двѣ половинки ножницъ, щеточки, служащія для собиранія цвѣточной пыли, и длинную нижнюю губу, покрытую волосами и заступающую мѣсто языка, конечно не для разговора. Останавливаться на немъ я не буду; замѣчу только, что рабочія пчелы на своихъ заднихъ ногахъ приносятъ въ улей медъ и цвѣточную пыль, а что трутни и матка лишены этой способности. Рабочія пчелы готовятъ въ своемъ тѣлѣ воскъ, который просачивается между колечками задней части и потомъ употребляется въ ульѣ какъ строительный матеріалъ. Матка или царица и трутни не способны къ приготовленію воска.

Рабочія пчелы вооружены жаломъ, скрывающимся въ задней части тѣла и связаннымъ съ пузырькомъ, изъ котораго выдѣляется ѣдкая, ядовитая жидкость. Трутни, какъ привилегированное сословіе, избавлены отъ обязанности защищать общество отъ вѣншихъ враговъ и лишены жала. Челюсти ихъ особенно крѣпки и покрыты зубринами, вслѣдствіе чего они отличаются прожорливостью. Жало царицы длиннѣе и острѣе жала обыкновенныхъ рабочихъ, но она пользуется имъ только въ единоборствѣ противъ соперниковъ, когда дѣло идетъ о господствѣ надъ ульемъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что все населеніе улья распадается на три касты, отличающіяся другъ отъ друга вѣншими признаками. Во главѣ всего улья стоитъ матка или царица, единственная самка, одаренная способностью и правомъ класть яйца; она буквально можетъ сказать: *l'état, c'est moi*, потому что сама производитъ на свѣтъ все, что живетъ и движется въ ульѣ. Задняя часть ея тѣла значительно длиннѣе, чѣмъ у работницъ; половые органы вполне развиты, за то крылья значительно короче; вслѣдствіе этого царица рѣдко покидаетъ улей и проводитъ всю жизнь въ наслажденіи готовою пищею и въ удовлетвореніи сильно развитымъ половымъ влеченіямъ. Она вылетаетъ только за тѣмъ, чтобы среди цвѣтущей природы отдаться любимому трутню, или чтобы уступить мѣсто счастливой соперницѣ.

За царицею слѣдуютъ трутни или самцы, далеко превосходящіе работницъ величиною тѣла;

эти трутни не работаютъ, не носятъ оружія, много ѣдятъ, оплодотворяютъ царицу и кромѣ этого не знаютъ никакихъ обязанностей.

Рабочія пчелы—самки, не способныя къ рожденію; въ ихъ неспособности къ рожденію природа, а воспитаніе; недостаточная температура, поддерживающая развитіе ихъ половой системы, не позволяетъ имъ развиваться дальше, не позволяетъ имъ перейти на трудовую жизнь, лишая ихъ наслажденія. Не имѣя возможности жить въ наслажденіи, рабочіе обращаютъ свою дѣятельность на выхлѣвъ личинокъ, рожденныхъ царицею, на медъ, собранный ими на цвѣтахъ, и на воскъ, который они производятъ въ ульѣ, на удовольствіе личинкамъ, трутнямъ и царице, на пользу общую, и ничего—для себя. Рабочія пчелы съ трогательнымъ, но совершенно пассивнымъ самоотверженіемъ, содѣйствуютъ поддержанію того уродливаго порядка вещей, который лишаетъ ее возможности пользоваться плодами своего труда и производить потомство. Она сама кормитъ цѣлыя сотни личинокъ и откармливаетъ десятки другихъ, чтобы изъ первыхъ получились осклоненныя работницы, а изъ вторыхъ—самки-царицы. Рабочія пчелы—жестокія, не чувствующія своего униженія, не способныя изъ него выйти и поддерживающія въ ульѣ то же самое слѣдующее поколѣніе, которое въ свою очередь будетъ дѣйствовать въ томъ же тѣлѣ консервативномъ духѣ, и такъ до безконечности. Это—пролетаріатъ, замѣняющій существующимъ порядкомъ вещей, замѣняющій въ безвыходное рабство, кружащееся въ кругу, лишенное всякаго сознанія лучшаго положенія. Яйца, которыя кладетъ царица, совершенно равны между собою по величинѣ, какъ и червячки, выползающіе изъ яицъ, въ три дня, ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга; каждый изъ нихъ можетъ сдѣлаться царицею. Но вотъ начинается различіе воспитанія: одного червячка сажаютъ въ просторную ячейку, его кормятъ отборною пищею, его чистятъ, его вымываютъ прислужницы и кормилицы; изъ этой ячейки выходитъ царица; другую личинку, противъ того, втискиваютъ въ тѣсную ячейку, кормятъ чѣмъ попало, никогда не очищаютъ, изъ этой личинки развивается простая работница. Смотря по обстоятельствамъ, одна пчела бываетъ сильнѣе, другая слабѣе; сильнѣе, тотъ вылетаетъ изъ улья и приноситъ медъ, кто—слабѣе, тотъ сидитъ дома и занимается заботами о личинкахъ и куколкахъ, чиститъ ячейки и исполняетъ разныя домашнія работы. Работницы ползаютъ эти заботливыя кормилицы отъ ячейки къ ячейкѣ; тамъ находятъ голоднаго червячка; тутъ надо положить воскомъ запасный магазинъ, наполнивъ домъ, въ другомъ мѣстѣ надо закрыть входъ, въ которой взрослый червякъ превращается въ куколку; еще гдѣ нибудь необходимо въложить большую клѣтку, въ которой сидѣла царица.



тенное имущество; наконецъ многія изъ рабочихъ совершенно покидаютъ улей и начинаютъ жить на просторѣ, среди цвѣтущей природы, совершенно въ свое удовольствіе. Королева умираетъ съ голоду; трутни разсѣваются, личинки погибаютъ, и только стѣны опустѣлаго улья свидѣтельствуютъ о недавнемъ существованіи гражданственнаго или стаднаго элемента. Рабочіе наслаждаются жизнью, насколько это возможно при изуродованномъ ихъ положеніи, рѣзвятся въ тепломъ воздушномъ пространствѣ носятся, надъ цвѣтущими лугами и полянами, упиваются медомъ и свободой, досыта набѣдаются цвѣточной пылью и наконецъ, натѣшившись въволю, умираютъ, какъ жили, свободными гражданами животнаго міра. Нѣкоторые изъ этихъ анархистовъ раскываются впрочемъ въ своихъ поступкахъ и пытаются пристать къ какому нибудь другому государству, т. е. поселиться въ другомъ ульѣ и принять на себя тѣ самыя обязанности, которыя имъ приходилось нести прежде.

Но въ улей не принимаютъ пришельцевъ; туземцы сейчасъ узнаютъ иностранца, и гонятъ его прочь, а въ случаѣ упорства убиваютъ его и выбрасываютъ бездыханное тѣло за предѣлы своего царства. Основана ли эта китайская ненависть пчелъ къ инородцамъ на экономическомъ, или на политическомъ разсчетѣ, рѣшить довольно трудно. Боятся ли они въ новомъ пришельцѣ лишняго потребителя, или проповѣдникъ анти-конституціонныхъ началъ, это до сихъ поръ не рѣшено изслѣдователями ихъ гражданского быта. Какъ бы то ни было, два факта не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію: во-первыхъ то, что мракъ необходимъ для спокойствія и коллективнаго благоденствія улья, во-вторыхъ то, что пчелы, отрѣшившись отъ завѣтной нормы своего общественнаго устройства, не способны выработать себѣ другую норму и начинаютъ жить совершенно индивидуальной жизнью, которая, при многихъ хорошихъ сторонахъ, имѣетъ свои несомнѣнныя, чисто практическія неудобства. Рабочія пчелы умѣютъ работать и защищать свое общество отъ внѣшнихъ враговъ; но импульсъ къ этимъ работамъ и къ этой оборонѣ дается имъ извнѣ, такими существами, которыя сами не способны ни работать, ни сражаться. Изъ улья происходитъ самое оригинальное раздѣленіе труда: одни работаютъ, другіе ѣдятъ и плодятся. Безъ этого раздѣленія труда невозможно продолженіе породы: кто работаетъ, тотъ неспособенъ къ дѣтороженію; а кто способенъ имѣть дѣтей, тотъ не можетъ работать. Пчелы очевидно испорчены своею уродливою гражданственностью; плебенъ — кастраты, и естественныя половыя отправления составляютъ привилегію одной личности. Ни древній Египетъ, ни древняя Индія не доходили до такого строгаго проведенія кастическихъ особенностей; даже паріи имѣли возможность брать себѣ женъ и производить

дѣтей; развѣ только современная Англія постоянно - возрастающемъ населеніи, изъ-за того, что бракъ сдѣлается привилегіей только нѣкоторыхъ лицъ или сословій, и что пролетариатъ, имѣющему ни кола, ни двора, ни обилія куска хлѣба, законъ будетъ воспрещать сношенія съ женщинами и дѣтороженіе. Захотѣвъ мимоходомъ, что Джонъ Стюартъ Милль живо въ этотъ вопросъ англійской жизни своей знаменитой книгѣ *On liberty*; онъ, пожалуй индивидуалистъ нашего времени, не рѣшается признать за обществомъ право контролировать заключеніе браковъ и запрещать брачные союзы, которые угрожаютъ обществу приращеніемъ немощныхъ гражданъ и значительнымъ пониженіемъ задѣльной платы. Отъ подобной мысли до оправданія общественнаго учрежденія пчелъ — не слишкомъ далеко, и вѣрнѣе всего, чести человѣка можно выразить надежду, что подобный законъ никогда не приметъ и не укоренится; каждый индивидъ скорѣе согласится умереть, чѣмъ позволить превратить себя въ рабочего кастрата, живущаго для того, чтобы жить бутомъ или фундаментомъ для общественнаго зданія. Иные натуралисты приходятъ къ полнѣйшему умиленію, говоря объ умѣ пчелъ и ихъ завидной способности жить въ обществѣ, себѣ подобныхъ существъ; мнѣ кажется, въ противъ того, надо подивиться ихъ чудотворной заботливости, доходящей до того, что они, изуродованные сами, систематически уродуютъ другихъ и являются такимъ образомъ въ обществѣ тоже время безчувственными жертвами и бессмысленными палачами.

### III.

Вотъ наконецъ пчелы замазаны, мракъ воцарился, и государственная машина начала свою работу. Прежде всего рабочія пчелы начинаютъ за построеніе сотовъ, шестиугольных восковыхъ клѣточекъ извѣстной величины, опредѣленнаго формата и неизмѣнной архитектуры. Тутъ не нужно творчества, личной оригинальности дарованія. Каждая пчела умеетъ строить эти клѣточки и знаетъ, въ какомъ положеніи должны находиться между собою рабочія помѣщенія. Для рабочихъ пчелъ строитъ самыя крошечныя клѣточки; для трутней — больше, а для королевы тратится на построение клѣтки столько воску, сколько пойдеть на построение рабочихъ келій. Архитекторы не спорятъ между собою о планѣ будущихъ построекъ; все извѣстно каждой пчелѣ; проекты предстанутъ не зачѣмъ, и лишь бы было темно и тихо пойдеть какъ по маслу, потому что идея институціи съ своими мельчайшими фактическими подробностями вошла въ плоть и кровь рабочихъ пчелъ.

Трутни понимаютъ свои сословныя привилегіи; они не помогаютъ дѣятельнымъ трутнямъ; они не помогаютъ дѣятельнымъ трутнямъ; они не помогаютъ дѣятельнымъ трутнямъ.



живаешь ихъ въ гражданскомъ обществѣ и не позволяешь имъ разсыпаться, но этимъ пчеламъ нѣтъ никакого дѣла до того, будетъ ли ихъ королева неподвижнымъ ячкомъ, лишеннымъ сознанія, или царственной личинкой, или спящею куколкой. Если бы внезапная смерть прервала государственныя заботы взрослой королевы, то населеніе улья не пришло бы въ замѣшательство; пролетаріи, составляющіе дѣйствительную силу пчелинаго общества, знаютъ, что въ яичкахъ или въ коконахъ есть формирующіяся королевы, и, успокоенные на счетъ будущности улья, продолжаютъ свои работы, какъ будто бы не случилось ничего особеннаго.

Но спрашивается, почему же трутни, которыхъ дѣятельность такъ же ограничена, какъ дѣятельность королевы, которыхъ умственные способности отличаются крайнимъ ничтожествомъ, почему, спрашивается, трутни развиваются такъ долго? Фохтъ объясняетъ это физической вялостью, свойственной природѣ трутней; вѣчно праздные, лишенные способности работать и заботиться о чемъ бы то ни было, трутни даже развиваются медленнѣе и лѣннѣе другихъ пчелъ; даже въ зародыши трутней проникаетъ та барственная неповоротливость и флегматичность, которой отличается во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ привилегированное сословіе пчелинаго государства.

#### IV.

У пчелъ нѣтъ постоянного войска; всякій пролетарій постоянно имѣетъ при себѣ оружіе и умѣетъ владѣть имъ; каждый солдатъ этой національной гвардіи воодушевленъ патріотическимъ чувствомъ, выражающимся въ самой пламенной ненависти къ шмелямъ, осамъ и даже пчеламъ другихъ ульевъ; если въ улей вздумаетъ влетѣть какой нибудь неосторожный или дерзкій иноплеменникъ, то ему придется очень плохо: на него бросятся сотни рабочихъ пчелъ, пуская въ ходъ и челюсти, и жало; путешественникъ будетъ непременно убитъ, и тѣло его, на страхъ другимъ, будетъ выброшено за предѣлы улья. Въ одномъ ульѣ бываетъ до 20,000 рабочихъ пчелъ, и не смотря на то, пчелы не ошибаются и не принимаютъ въ свое общество гражданина другого улья. Обмѣнивается ли летающая пчела условленными знаками съ тѣми пчелами, которыя сторожатъ входъ въ улей—рѣшить мудрено, но достоверно то, что обитатели двухъ сосѣднихъ ульевъ не могутъ посѣщать другъ друга и что каждый улей съ чисто-китайскимъ упорствомъ ограждаетъ свои домашнія дѣла отъ постороннихъ взоровъ. Но есть средство уничтожить родовую ненависть между пчелами разныхъ ульевъ; стоитъ только побросать ихъ всѣхъ въ воду; пчелы ошатаются и потеряютъ сознаніе; послѣ этого ихъ вылавливаютъ и кладутъ на солнце. Мало по малу онѣ обсыхаютъ и приходятъ въ себя;

утопленники начинаютъ двигаться, расправляютъ лапки и крылья, потягиваются и стараются помочь своими заботами товарищамъ, еще не проснувшимся изъ продолжительной летаріи. Послѣ этого общаго несчастья національная вражда оказывается забытою, и пчелы разныхъ ульевъ могутъ быть посажены въ одно поле и общими силами приняться за построение сотовъ и воспитываніе молодого поколѣнія.

Сколько намъ извѣстно, вода является препятствиемъ противъ національных антипатій только у пчелъ; подѣйствуетъ ли она такимъ же образомъ на гражданъ двухъ враждующихъ государствъ, этого нельзя сказать наверняка, по недостатку положительныхъ опытовъ. Не мѣшаетъ при этомъ замѣтить, что и въ водахъ вода окажетъ свое благотворное дѣйствіе только въ томъ случаѣ, если королева одного изъ ульевъ будетъ убита; если же обѣ королевы нѣкуда будутъ брошены въ воду, то онѣ начнутъ ссориться между собою тотчасъ послѣ того, какъ къ нимъ возвратится сознаніе; къ каждой изъ нихъ пристанетъ толпа рабочихъ, и сильнѣйшая партія выгонитъ слабѣйшую изъ улья; послѣ этой схватки прежняя вражда возобновится съ новой силой, впредь до новаго купанья. Имя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ похожи на пчелъ въ Германіи, у себя дома, они большею частью поддерживаютъ мелкіе, мѣстные интересы отдѣльных государствъ. Уроженцы Баваріи, Виртемберга, Бадена, ГанOVERA, какого нибудь Липпе-Шаумбургга или Гогенцоллернъ-Зигмарингена смотрятъ другъ на друга какъ на иностранцевъ и толкуютъ, каждый для себя и про себя, объ отдѣльной роднѣ и о своемъ особенномъ патріотизмѣ; но тѣ же граждане различныя нѣмецкихъ ульевъ бѣгутъ за море, поселяются въ Американскихъ Штатахъ, и тутъ, по отсутствию языка, привычекъ и воззрѣній, начинаютъ замѣчать, что между ними много общаго, что они—нѣмцы и могутъ симпатизировать другъ другу, не обращая никакого вниманія на раз territorialныя недоразумѣнія и династическое соперничество. Перебѣздъ черезъ Атлантическій океанъ замѣняетъ, какъ видите, благотворное купанье пчелъ.

Главная и почти единственная цѣль дѣятельности у рабочихъ пчелъ заключается въ воспитаніи молодого поколѣнія. Ихъ уваженіе къ чуждой личности королевы и ихъ терпимое отношеніе къ праздному прожорливому трутню объясняется тѣмъ, что въ королеву они видятъ единственную свою надежду, будущую мать всего потомства, а на трутней смотрятъ, какъ на ея избыточныхъ сотрудниковъ и слѣдовательно какъ на неизбежное зло, безъ котораго не можетъ держаться ихъ государственная система. Жизнь кормилицъ, выбранныхъ изъ рабочихъ пчелъ, находится въ почетѣ; кормилицы освобождены отъ обязанности вылетать изъ улья



ѣ пропитаніе; ихъ кормить государ-  
важаютъ и лелѣютъ, несмотря на  
скуую хилость и слабость, другія  
мы посмотримъ на общество людей,  
дложимъ себѣ вопросъ о значеніи  
государствѣ, въ обществѣ и семей-  
мъ придется сознаться, что пчелы  
понимаютъ важность воспитанія. Но  
не слѣдуетъ слишкомъ увлекаться  
и пчелъ; представьте себѣ, что вы  
бломъ свѣтъ только за тѣмъ, чтобы  
вашего сына; вашъ сынъ живетъ  
гѣмъ, чтобы воспитывать вашего  
д. каждое отдѣльное поколѣніе сна-  
гся къ жизни, потомъ готовить къ  
, а жить-то когда же? И для чего  
другихъ къ тому, чѣмъ имъ не  
пользоваться? Пчелы очень хорошо по-  
бращая свое заботливое вниманіе на  
е молодого поколѣнія, но кастриро-  
нмя своего потомства, для того  
чтоство въ свою очередь оскотпляю  
ущаго поколѣнія—это, воля ваша,  
и въ этомъ отношеніи мы все-таки  
ны, какъ пчелы. Всего смѣшнѣе въ  
то, что онѣ вѣроятно полагаютъ,  
моотверженіе велико и возвышенно,  
ертвуютъ собой, чтобы доставить  
имъ счастье и наслажденіе, а на  
ѣ выходить, что ихъ трудами и  
пользуются только трутни да matka,  
езаплезная, пустая и недобросовѣст-  
тъ общества. Кажется, идеализмъ и  
инерство, расходящіяся съ жизнью,  
льно распространенными болѣзнями,  
считающій эти болѣзни величайшей  
ѣ своей породы, можетъ и долженъ  
ѣ существованіе даже въ мелкихъ  
. Вѣроятно и пчела подобно Пла-  
строитъ свою систему міра, въ  
является центромъ всего движуща-  
щаго, а между тѣмъ, тратя время  
езныя забавы и уносясь въ необъят-  
истаго мышленія, она подобно этимъ  
ѣднаго человечества не замѣчаетъ  
гъ замѣтить того, что у нея крадутъ  
ытый медъ и систематически уро-  
зные органы. Когда ей случается за-  
о ошибку, она круто повертывается  
ализмъ или, что тоже, безтолковость  
е, и послѣ нѣкоторыхъ волненій  
рѣ улегается въ прежнюю колею и  
въ прежнихъ рамкахъ.

## У.

пчелинаго царства чрезвычайно до-  
кротка, когда она одна живетъ въ  
когда у нея нѣтъ и не придвидится  
Женственная мягкость ея выражается  
любныхъ отношеніяхъ къ трутнямъ,

и въ спокойномъ величіи, съ которымъ она при-  
нимаетъ отъ послѣдняго изъ пролетаріевъ изъ-  
явленія преданности, выражающіяся въ капель-  
кахъ меда. Добродушіе королевы не измѣняютъ  
ей даже тогда, когда она входитъ въ соприкосно-  
веніе съ злѣйшимъ эксплуататоромъ пчелинаго  
міра, съ человѣкомъ. Королеву можно смѣло  
брать въ руки, гладить и ласкать, не боясь ея  
жала; основываясь на этомъ обстоятельстве,  
старинные изслѣдователи полагали даже, что у  
королевы вовсе нѣтъ жала, и что она, какъ цар-  
ственная особа, предоставляет своимъ поддан-  
нымъ отражать виѣшнихъ враговъ и наказы-  
вать нарушителей общественного спокойствія.  
Такъ и бываетъ дѣйствительно въ большей части  
случаевъ, но въ жизни королевы есть и такіе  
минуты, въ которыя страсть побѣждаетъ требо-  
ванія этикета, заглушаетъ голосъ нравственного  
чувства и превращаетъ кроткое, величественно-  
спокойное и женственно-нѣжное созданіе въ ка-  
кую то леди Макбетъ, въ Медею, вообще въ  
нѣчто подобное тѣмъ образамъ, которые пови-  
димому, можно выкроить только изъ глубоко-  
развращенной природы человѣка. Бѣда, если ко-  
ролева начинаетъ бояться за свое господство,  
бѣда, если она видитъ или предчувствуетъ со-  
перницу. Двѣ королевы, какъ два солнца, не  
совмѣстимы на одномъ горизонтѣ; онѣ ненави-  
дятъ другъ друга какъ властолюбивыя повели-  
тельницы и какъ кокетливыя женщины; каждая  
изъ нихъ любитъ въ своемъ положеніи два вы-  
дающіеся момента: преданность пролетаріевъ и  
рыцарскую любезность лордовъ-трутней; и про-  
летаріи и трутни должны принадлежать коро-  
левѣ безраздѣльно; первые составляютъ мате-  
ріальную опору ея владычества, вторые обра-  
зуютъ ея гаремъ, въ который она бросаетъ пла-  
токъ то тому, то другому счастливцу.

Все идетъ такимъ образомъ спокойно, ко  
взаимному удовольствію подданныхъ и повели-  
тельницъ, пролетаріевъ и лордовъ, но вдругъ  
получается въ палатахъ королевы извѣстіе, ко-  
торое болѣе или менѣе поражаетъ и беспокоитъ  
ея всѣхъ; въ извѣстіи этомъ нѣтъ ничего  
неожиданнаго, но, не смотря на то, оно всегда  
производитъ сильное впечатлѣніе. Дѣло въ томъ,  
что одна изъ куколокъ превращается въ пчелу-  
королеву и прогрызаетъ восковую крышечку  
своей кѣтки; рабочая пчела, приставленная къ  
этой кѣткѣ, доноситъ объ этомъ событіи куда  
слѣдуетъ, и извѣстіе это съ быстротою молніи  
распространяется въ самые отдаленные углы  
пчелинаго царства. Начинаются толки и рассу-  
жденія. Молодые, неопытные пчелы обнару-  
живаютъ только любопытство и тревожную радость,  
старые пролетаріи, видѣвшіе на своемъ вѣку  
горе и радость, государственные перевороты и  
сцены грубаго насилия, выжидаютъ, что-то бу-  
детъ, и совѣщаются между собою, не зная на-  
что рѣшиться; между старою и молодою короле-







ждуусобія не опасны для улья потому, что рѣшается посидинкомъ, въ которомъ рабочіе тни не принимаютъ никакого участія. Какъ о изъ куклолки вылупится королева, которую началъ суждено было быть простой распчелой, такъ она тотчасъ же начинаетъ уживать наклонности, отличавшія собою ея естественницъ; она точно также схватывается за жизнь и смерть съ соперницей, если таковая ется. и точно также истребляетъ въ заросе то, что можетъ сдѣлаться опаснымъ неограниченнаго господства. Потомъ она также принимаетъ любезности трутней, живаетъ пикникъ, вступаетъ въ брачныя енія, и жизнь улья катится прежнимъ по-мъ.

Пчелы какъ-то инстинктивно понимаютъ всю ость матеріальныхъ условій; чтобы развить олодомъ существъ извѣстныя наклонности, о утверждаютъ въ немъ такія свойства, кото- ому придется прикладывать къ дѣлу вте- о всей своей жизни—онѣ начинаютъ кор- о его извѣстною пищей, отводить ему про- ое помѣщеніе, заботятся о его чистотѣ— охъ достигается исполнѣ: изъ скромнаго, тру- о Биваго, безстрастнаго и добродушнаго про- о ія дѣлается гордая, властолюбивая, жесто- о къ своимъ соперницамъ королева, совер- о неспособная работать, но за то чрезвы- о плодovitая и въ высшей степени распо- о нная къ чувственнымъ наслажденіямъ. При о трезвомъ міросозерцаніи, пчелы могли бы о великія открытія въ области естествен- о наукъ, но къ сожалѣнію забота о насущ- о хлѣбѣ поглощаетъ всѣ живыя силы мы- о сей части пчелинаго народа; у пчелъ нѣтъ о словія ученыхъ, ни академій, ни универ- о ситетовъ; у нихъ нѣтъ даже самыхъ выводовъ о фактовъ, которые находятся постоянно о ихъ глазами; онѣ не умѣютъ напримѣръ о ждуть такимъ образомъ: вѣдь рабочая ли- о са можетъ превратиться въ королеву, если о ду кормить ее хорошимъ и сытнымъ кор- о мъ; вѣдь королева—тоже самое, что рабочая о а, только она лучше откормлена и полнѣе о нита; отчего же не кормить всѣхъ одинаково, о бы всѣ могли въ равной мѣрѣ пользоваться о нью и производить дѣтей? До этого простого о сужденія пчела никакъ не умѣетъ дойти, вѣ- о тно потому, что слѣпшая работа не даетъ ей о мени пофилософствовать. «Le travail est un о », говорилъ Гизо въ 30-хъ годахъ нашего о вѣтія, и вѣроятно его изреченіе, которое онъ о кодушно примѣнялъ къ французскимъ ре- о неникамъ, можетъ быть приложено не только о людямъ, но и къ насѣкомымъ. Задавленная о той, которая не даетъ имъ ни отдыха, ни о са, съ самой минуты ихъ рожденія, пролета- о пчелинаго королевства не составляютъ со- о нныхъ теорій, не задумываются о смыслѣ

жизни, и бытовыя формы улья остаются неиз- о мѣнными, неизблѣнными и неподвижными. Дви- о женія мысли нѣтъ; постояннаго прогресса не за- о мѣтно; ни одинъ обычай, ни одно учрежденіе не о оказывается устарѣлымъ и не замѣняется но- о вымъ. Но спокойствіе въ ульѣ сохраняется только о тогда, когда припасовъ достаточно, когда кру- о гомъ улья лежатъ цвѣтущіе луга, на которыхъ о тысячи пчелъ могутъ находить себѣ ежедневно о обильную добычу. Какъ только наступаетъ дож- о дливая осень, какъ только полевые цвѣты завя- о нутъ и осыплются, такъ обитатели улья начи- о наютъ чувствовать безпокойство; являются эконо- о мическія недоразумѣнія; трутни сталкиваются о въ своихъ интересахъ съ пролетаріями, и это о столкновеніе ведетъ къ страшнымъ кровавымъ о результатамъ, ясно показывающимъ несостоя- о тельность той конституціи, которою управляютъ о пчелы.

## VI.

Не мѣшаетъ замѣтить, что запасы меда, со- о бранные въ ульѣ, принадлежатъ рабочимъ пче- о ламъ, которыя горой стоятъ за свою собствен- о ность и не позволяютъ кому бы то ни было о завладѣвать ихъ экономическими суммами. На о это никто и не рѣшается, покуда окрестные о луга покрыты цвѣтами; трутни отправляются о завтракать и обѣдать за предѣлы улья; но съ о наступленіемъ осени такого рода образъ жизни о становится невозможнымъ; даже рабочія пчелы о возвращаются часто въ улей съ пустымъ желуд- о комъ и не приносятъ на ножкахъ ни меда, ни о цвѣточной пыли; благородные трутни, тяжелые о на подъемъ и не любящіе дальнихъ отлучекъ о изъ роднаго улья, не находятъ возможности о кормиться и, покругившись надъ пожелтѣвшей о травой, возвращаются домой голодные и недо- о вольные. Тогда въ ульѣ начинаются волненія, о смыслъ которыхъ можно, для большей нагляд- о ности, передать въ видѣ совѣщаній и разгово- о ровъ между представителями различныхъ сосло- о вій, партій и мнѣній въ ульѣ.

Трутни собираются въ кучки и съ ворчливымъ о жужжаньемъ передаютъ другъ другу неутѣши- о тельныя свѣдѣнія о бесплодіи окружающихъ о луговъ и еще болѣе неутѣшительныя мнѣнія о томъ, что при подобномъ положеніи дѣлъ надо о ожидать голодной смерти.

«Мы—привилегированное сословіе, восклицаетъ одинъ изъ трутней, гордо расправляя о крылья. Мы пользуемся отпѣннымъ расположе- о ніемъ нашей милостивой повелительницы. Рабо- о тники должны заботиться о нашемъ пропитаніи. о Это ихъ прямая обязанность; во время лѣтнихъ о дней они набрали много меда, и въ этомъ запасѣ о мы должны имѣть свою долю. Мы имѣемъ при- о рожденное право пользоваться общественнымъ о достоинствомъ. Теперь къ величайшему сожа- о лѣнію мы видимъ, что неразвитая толпа подвер-



гаетъ сомнѣнію наши права. Рабочія пчелы полагаютъ, что запасъ принадлежитъ имъ однимъ на томъ основаніи, что онѣ однѣ собирали медъ и складывали его въ клѣточки. Тутъ онѣ явно выворачиваютъ на-изнанку самыя элементарныя основанія логики и права. Эти запасы принадлежатъ обществу, и наше пчелиное государство имѣетъ право распоряжаться ими по своему благоусмотрѣнію, для покрытія своихъ насущныхъ потребностей. А развѣ поддержаніе нашей жизни и нашего благоденствія не можетъ и не должно быть названо насущной потребностью государства? Развѣ можетъ существовать улей безъ трутней, безъ правительственнаго сословія? Запасы принадлежатъ намъ—намъ прежде всего. Обеспечивъ свое существованіе, мы охотно отдадимъ часть нашего излишка голоднымъ бѣднякамъ-рабочимъ, но надо же намъ сначала утолить свой голодъ и упрочить за собой продовольствіе на будущее время. Пойдемте къ королевѣ; изложимъ ей наши желанія и представимъ на ея разсмотрѣніе предъявляемые нами права».

Рѣчь предприимчиваго оратора приходится по душѣ слушателямъ; она соответствуетъ потребностямъ времени, она разрѣшаетъ удовлетворительнымъ образомъ страшный вопросъ, поставленный обстоятельствами, вопросъ: ѣсть или не ѣсть? и вслѣдствіе этого, встрѣчаетъ себѣ единодушное сочувствіе.

Депутаты отъ благороднаго сословія трутней отправляются къ королевѣ, и королева не только не сѣдаетъ ихъ, подобно тому, какъ жители Сандвичевыхъ острововъ сѣли европейскихъ парламентаровъ, но напротивъ того, обходится съ ними чрезвычайно милостиво и выслушиваетъ съ величайшимъ вниманіемъ ихъ всеподданнѣйшія прошенія. Затѣмъ она отвѣчаетъ

имъ въ такомъ духѣ, что господамъ тутъ ничего не остается желать.

«Я всегда, говоритъ она, окидывая взоромъ существующихъ благосклоннымъ взоромъ, убѣждена въ томъ, что для прочности и денствія государства необходимо существованіе наслѣдственнаго сословія перовъ; съ уничтоженіемъ этого сословія распадется въ правительственныя основы общества. Вы жили мнѣ вѣрно, вы были привязаны къ особѣ, и ваши доблести исполнѣ заслужили награды. Вы, безъ всякаго сомнѣнія, всѣхъ другихъ имѣете право пользоваться копенными запасами. Я, какъ повелѣла ваша, даю вамъ честное слово: ваши не нисколько не пострадаютъ отъ наступившихъ бѣдствій. Не обращайте вниманія на рабочихъ пчелъ; ихъ назначеніе работать, онѣ исполняютъ свое дѣло съ подобающимъ діемъ, я сохраняю въ отношеніи къ нимъ стивое расположеніе. Но вы, перы мои, не заботитесь о своемъ пропитаніи; у васъ болѣе высокое и благородное призваніе: бывайте этого и предоставьте мелкія и насущномъ хлѣбъ низшимъ существамъ васъ облагодѣтельствованнымъ дарами. Въ заключеніе изъявляю вамъ, господа, искреннее мое благоволеніе за то, что вы кимъ полнымъ довѣріемъ обратились къ королевѣ».

Трутни торжествуютъ и прославляютъ благодущіе и государственную мудрость повелительницы.

Между тѣмъ пролетаріи, встревоженные цвѣтовъ, также начинаютъ собираться въ кучки и толковать.

1862 г.

## ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЯ КАРТИНЫ.

(Physiologische Bilder von dr. Louis Büchner. 1-er Band, 1861).

### I.

Знаніе природы дается людямъ съ величайшимъ трудомъ; каждое открытіе въ области естественныхъ наукъ дѣлается путемъ сложныхъ и хлопотливыхъ наблюденій; когда открытіе сдѣлано, оно обыкновенно встрѣчается всеобщимъ недоувѣріемъ; чѣмъ важнѣе открытіе, тѣмъ сильнѣе бываетъ возбужденное имъ недоувѣріе; для большаго ясности возьму самый простой примѣръ: всѣ мы въ случаѣ болѣзни обращаемся къ доктору, и пока лежимъ въ постели,

довольно точно и добросовѣстно исполняемъ предписанія; но вотъ мы укрѣпились по комнатѣ, черезъ окно поглядываемъ на улицу, а между тѣмъ докторъ продолжаетъ насъ лекарственными снадобьями, за то, что намъ особенно нравится, и какимъ видомъ не велитъ подходить. Мы начинаемъ относиться скептически къ словамъ доктора, мы съ досадою смотримъ на предосторожности, мы въ тихомолку беремся надъ его предписаніями и након-



ушаемъ тотъ образъ жизни, который, по свѣдущаго медика, необходимъ для окончательнаго поправленія. Въ этомъ мы часто поступаемъ такимъ образомъ, что по естественному истеричному выздо-вляющему человѣка; мы оправдываемъ свои кляны дѣйствія разными аргументами, конечно не выдерживаютъ критики. Имъ: докторъ А. конечно хорошій че-ловѣкъ, онъ странно смотритъ на вещи. Ну, и такая пустая вещь повредить моему ; онъ, какъ спеціалистъ, пускаетъ въ троскопъ, надо смотрѣть на вещи про-еловѣческими глазами.

какъ вы видите, является системати-довѣріе къ наукѣ и къ тому самому ея ителю, который за нѣсколько дней пе-рѣказалъ намъ самую существенную и этой услугой доказалъ намъ состоя-и, и практическую пригодность своихъ ескихъ знаній. Недовѣріе это въ однихъ ывается сильнѣе, въ другихъ слабѣе, въ проявляются вспышками, въ другихъ етъ постоянно. Есть доморощенные , поставившіе себѣ за правило считать цину шарлатанствомъ и пробавляться, въ надобности, собственными соображе-машинными средствами. Есть доморощен-ологи, составляющие себѣ самую свое-понятія объ устройствѣ собственнойго . Такого рода скептики и физиологи тся во всѣхъ слояхъ общества и почти ступеняхъ умственнаго развитія: скеп-икъ нейдетъ въ больницу и отлежи-печи или, въ случаѣ тяжелой немочи, ть себя разными травками; скептикъ-рдо отвергаетъ помощь врача и, руко-е собственными соображеніями, при-е, себѣ пивки и горчичники, пускаетъ инимаетъ слабительныя или глотаетъ какого нибудь гомеопатическаго ле-Собственные инстинкты, собственные, ощенія кажутся этимъ господамъ ытѣ и важнѣе умозаключеній медика, ихъ на тщательномъ наблюденіи и на тельномъ изученіи человѣческаго орга-здорovémъ и въ больномъ состояніи. иродный скептицизмъ, приводящій не-самымъ печальнымъ результатамъ, на-бѣтъ пищу въ недобросовѣстности и не-многихъ врачей и даже въ несовер-самой медицины.

подобное недовѣріе оказывается спра-тъ, иногда медицинѣ или медику при-знаться въ своемъ безсиліи, приходится мы знаемъ далеко не все; но не все и въ вещи разныя. Область медицинскихъ очень обширна, она расширяется съ годомъ, и съ каждымъ годомъ увели-и усиливаются тѣ средства, при по-

мощи которыхъ изслѣдователи вносятъ свѣтъ въ темные углы своей обширной науки. Медицина, какъ извѣстно, есть практическое приложеніе свѣдѣній, добытыхъ въ области различныхъ естественныхъ наукъ; физиологія и анатомія, хи-мія и ботаника, зоологія и физика приносятъ ей свои результаты, и она пользуется ими для того, чтобы, изучивъ нормальный процессъ различ-ныхъ отпавленій человѣческаго организма, по-нять уклоненія, происходящія иногда въ этомъ процессѣ, угадать причины этихъ уклоненій и наконецъ найти средства предотвращать эти уклоненія, или поправлять зло, когда оно уже сдѣлано.

Если медицина, необходимая во вседневной жизни и составляющая только практическое приложеніе уже добытыхъ истинъ, встрѣчаетъ себѣ въ массахъ такъ много незаслуженнаго не-довѣрія, то легко себѣ представить, съ какими страшными трудностями приходится бороться тѣмъ теоретическимъ наукамъ, которыя ложатся въ основаніе врачебнаго искусства. Мнѣ кажется, можно сказать безошибочно, что теоретическія истины проникаютъ въ сознаніе общества го-раздо медленнѣе, чѣмъ практическія открытія и усовершенствованія. Всякій русскій человѣкъ, побывавшій въ Москвѣ, знаетъ о существованіи желѣзной дороги между Москвой и Петербур-гомъ; всякій мужикъ, грамотный или неграмот-ный, садится въ вагонъ, когда ему является не-обходимость изъ одной столицы переѣхать въ другую; тотъ же самый мужикъ, который такимъ образомъ обращаетъ въ свою пользу изобрѣтеніе, сдѣланное въ XIX вѣкѣ, вполне увѣренъ въ томъ, что громъ происходитъ отъ колесницы пророка Ильи, и что домовый, или, какъ онъ выражается, *хозяинъ* путаетъ по ночамъ гривы его лошадей. Такого рода суевѣріе не ограничивается негра-мотнымъ сословіемъ деревенскаго и городского населенія: та самая милая, образованная дама, которая съ величайшимъ воодушевленіемъ тол-куетъ о современной журналистикѣ, поддержи-вая или опровергая идеи новѣйшихъ эманципа-торовъ — блѣднѣетъ и чувствуетъ себя раз-строенной при видѣ трехъ зажженныхъ свѣчъ, поставленныхъ на одномъ столѣ; тотъ самый дѣльный хозяинъ, который выписываетъ для своего сахарнаго завода машины изъ Бельгіи или изъ Англіи, способенъ встать изъ-за стола, если за этимъ столомъ сидитъ тринадцать чело-вѣкъ гостей. Суевѣріе, живущее такимъ обра-зомъ помимо успѣховъ науки, покрываетъ сплош-ной корой общество и, въ большей части слу-чаевъ, отнимаетъ у него возможность пользо-ваться результатами добросовѣстныхъ изслѣдо-ваній и располагать свою жизнь сообразно съ тѣми истинами, которыя передовые люди добы-ваютъ дорогой цѣной трудовъ и усилий.

Можетъ быть, ни одна наука не встрѣчала себѣ на пути своего развитія столько препят-



ствій, сколько встрѣчала физиологія. Мы готовы вѣрить тому, что натуралистъ рассказываетъ намъ о цвѣткѣ, объ улиткѣ и о слонѣ; мы сами не давали себѣ труда вглядываться въ эти предметы, мы видѣли ихъ мелькомъ, не составляли себѣ о нихъ никакого округленнаго и законченнаго понятія, и слѣдовательно, въ запасѣ унаслѣдованныхъ и благопріобрѣтенныхъ воззрѣній не имѣемъ ничего такого, что бы помѣшало намъ согласиться съ мнѣніями естествоиспытателя; но когда тотъ же естествоиспытатель, распространяя кругъ своихъ изслѣдованій, постепенно вытягиваетъ въ этотъ кругъ организмъ человека, тогда мы начинаемъ прислушиваться внимательнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ начинаемъ чувствовать разладъ между нашими понятіями и тѣми научными фактами, которые сообщаются намъ съ самою убѣдительною наглядностью. Почувствовавъ такой неизбѣжный разладъ, слушатели или читатели ведутъ себя различно, смотря по темпераменту и по устройству своего мозга; одни зажимаютъ себѣ уши или бросаютъ съ негодованіемъ начатую книгу за то, что она не гладитъ по головкѣ ихъ закоренѣлыя заблужденія; другіе напротивъ того, чувствуя въ книгѣ вѣяніе свѣжаго воздуха, съ удвоеннымъ вниманіемъ погружаются въ чтеніе. Кто изъ нихъ поступаетъ благоумнѣе—это такой вопросъ, котораго рѣшеніе надо предоставить на личное благоусмотрѣніе каждаго читателя. Я нахожу впрочемъ, что уже давно пора выдти изъ области разсужденій и приступить къ фактамъ, которые гораздо рельефнѣе могутъ представить высказанныя мною идеи о развитіи естественныхъ наукъ и о ихъ постоянной борьбѣ съ невѣжествомъ массъ, съ суевѣріемъ сантиментальной публики и съ недоброжелательствомъ различныхъ инквизиторовъ, мѣнявшихъ съ вѣками свои костюмы, названія и приемы преслѣдованія.

## II.

Я намѣренъ прежде всего поговорить о крови, о такомъ предметѣ, который всякому извѣстенъ по наружному виду и который между тѣмъ не вполне извѣстенъ самымъ новѣйшимъ изслѣдователямъ по своимъ внутреннимъ свойствамъ и по своему назначенію въ общей экономіи органической жизни.

«Кровь, говоритъ Мефистофель Фаусту, есть сокъ совсѣмъ особеннаго рода», и Фаустъ, повинувшись требованію своего руководителя, подписываетъ собственною кровью пагубный контрактъ, отдающій его душу въ распоряженіе мрачнымъ силамъ ада; въ средніе вѣка такого рода контракты, заключавшіеся довольно часто, если вѣрить легендамъ, всегда подписывались кровью и вслѣдствіе этого получали свою таинственную силу; кровью подписывались священные клятвы; заключая между собою союзъ военнаго братства, два витязя обыкновенно смѣши-

вали нѣсколько капель своей крови виномъ, которое они выпивали въ побратимства; кровь невинныхъ употреблялась колдунами для узнаннаго и алхимиками для приготовленнаго эликсира; побѣдивъ своего врага, пилъ его горячую кровь, чтобы прирости силу и мужество убитаго воина; кровеннаго животнаго обливались съ голоу римляне, желавшіе очиститься отъ наго преступленія; вампиръ или упырь, выходя изъ могилы, сосетъ кровь живыхъ и вмѣстѣ съ кровью высасываетъ изъ нихъ и жизнь. Мы до сихъ поръ въ нашемъ языкѣ придаемъ крови чрезвычайное значеніе; о горячей, молодецкой крови наши народныя пѣсни; въ немъ кипитъ кровь, говоримъ мы, желая обозначить характеръ живого юноши.

Нѣтъ въ тебѣ творящаго ясуесъ  
Но кипать въ тебѣ живая кровь  
говоритъ Некрасовъ о своемъ «тажѣ уключемъ стихъ», и мы вполне понимаемъ образное выраженіе, не смотря на ея ную неточность. «Въ его жилахъ течетъ родная кровь великихъ предковъ» какойнибудь велегрѣшный панегирикъ сожальнѣю, понимаемъ это видя, смотря на всю его нескладную натуру. Кровь играетъ такимъ образомъ особую роль въ повѣрхьяхъ и сказкахъ, въ риторикѣ, словомъ, въ разнородныхъ проявленіяхъ человеческой фантазіи. Это обстоятельство казывается намъ, что люди инстинктивно вали важное значеніе крови для отправления органической жизни; этическое сознание выражалось и до сихъ поръ выражается въ тѣхъ медицинскихъ терминахъ, которыя находятся во вседневномъ употребленіи: одинъ пациентъ жалуется доктору на анемию, другой на *малокровіе*; одинъ находитъ свою кровь слишкомъ густа, другой въ томъ, что она чересчуръ жидка, и т.д. тою кровью объясняютъ происхожденіе кожныхъ сыпей или нарывовъ.

Новѣйшая раціональная физиология ставитъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ народными вѣрованіями, съ поэтическими и съ пациентами, жалуемыми на различныя свойства своей крови. Мы слышимъ съ этими господами въ томъ, что признаетъ несомнѣнную важность существованія и для развитія всякаго организма. Затѣмъ она желаетъ счастливаго будущаго, приписывающимъ кровотоку ни было таинственные свойства, вѣяется спиною къ панегиристамъ, и щимъ благородную кровь чьихъ бы предковъ, и вооружившись сильно щимъ микроскопомъ, кладетъ подъ



до капли красной жидкости, обращающающихся наших венахъ и артеріяхъ. Въ этой положенной подъ микроскопъ, изслѣдовать можно видѣть миллионы крошечныхъ шариковъ, насыпанныхъ кучами другъ на друга ющихъ въ безцвѣтной жидкости. Если каплю неразбавленной крови, то при сильномъ увеличеніи микроскопа будетъ невозможно разглядѣть устройство этихъ шариковъ; поэтому для наблюденія крошечнымъ составомъ крови лучше звести взятую каплю въ такой жидкости, бы не разлагала кровяныхъ шариковъ. Если разсыропленной жидкости, положенной микроскопъ, покажетъ пожалуй нѣтъ тысячъ плавающихъ шариковъ; но такъ сло ихъ все таки на томъ же пространствѣ значительно меньше, чѣмъ оно цѣльной крови, то наблюдателю будетъ легче разсмотрѣть ихъ устройство. Каждый величинной своей равняется одной части линіи, т. е. надо положить 5000 такихъ шариковъ, чтобы составить шарика; каждый изъ нихъ состоитъ изъ тонкаго эластическаго пузырька, наполненнаго жидкостью; и пузырекъ, и жидкость шарика подъ микроскопомъ являются безцвѣтными.

Я чувствую, что здѣсь проявится въ васъ самородный скептицизмъ. — Какъ же вы спросите онъ съ улыбкой: безцвѣтные плаваютъ въ безцвѣтной жидкости, а оставленная изъ шариковъ и жидкости, становится темнокраснымъ цвѣтомъ. Это я знаю всякаго физиолога.

Совершенно справедливо, г. читатель, вы знаете. Потрудитесь только произвести слѣдующій несложный опытъ. Положите другъ на друга 20 самого лучшаго стекла и посмотрите тогда, покажется ли вамъ эта стеклѣнная прозрачной и безцвѣтной. Можете повторить же опытъ надъ рѣкой: вы знаете, что Нева въ самую тихую погоду не кажется вамъ массою прозрачной жидкости; вы видите стаканъ воды изъ этой синеватой рѣки и видите, что эту воду можно будетъ наполнить безцвѣтной.

Я на каплю крови, вы должны помнить, вы должны лежать другъ на другѣ тысячи безцвѣтныхъ шариковъ или пузырьковъ, заключенныхъ въ себѣ невообразимо маленькую каплю жидкости, окрашенной совершенно незначительнымъ отбѣнкомъ краснаго цвѣта. Чѣмъ больше шариковъ навалено другъ на друга, тѣмъ больше и темнѣе становится красный цвѣтъ. Простая капля крови кажется вамъ красной, а ведро крови покажется почти черною.

Этихъ пузырьковъ не вполне шарообразныхъ такъ что названіе кровяныхъ шариковъ можно допустить съ грѣхомъ пополамъ;

они скорѣе похожи на чечевичныя зерна; у человека и у большей части млекопитающихъ эти чечевичеобразныя пузырьки отличаются круглой формой; у птицъ, рыбъ и амфибій, кромѣ того у верблюда, дромадера и ламы кровяные пузырьки имѣютъ продолговатую форму. Величина этихъ пузырьковъ у различныхъ животныхъ бываетъ различна, но величина ихъ никакъ не зависитъ отъ величины самаго животного. Крошечная мышъ въ этомъ отношеніи стоитъ на однихъ правахъ съ благородной лошадию. Слоны оказываются однако вполне послѣдовательнымъ, и размѣры его кровяныхъ шариковъ сообразуются съ размѣрами его колоссальнаго тѣла; по крайней мѣрѣ ни у кого изъ млекопитающихъ нѣтъ такихъ большихъ кровяныхъ пузырьковъ, какъ у слона.

При крайней незначительности своего объема, при гладкости и эластичности своей кожи, кровяные пузырьки свободно скользятъ вдоль стѣнокъ кровеносныхъ сосудовъ, проходятъ въ самые тонкіе волосные сосудцы и такимъ образомъ въ короткое время пробѣгаютъ чрезъ всѣ запутанныя развѣтвленія нашихъ артерій и венъ. Подвижность этихъ шариковъ или пузырьковъ подавала поводъ къ самымъ страннымъ гипотезамъ, которыя, не смотря на свою очевидную нелѣпость, находили себѣ горячихъ защитниковъ. Нѣкоторые изслѣдователи приняли эти пузырьки за микроскопическихъ животныхъ, принадлежащихъ къ классу инфузорій, одаренныхъ самостоятельной способностью движенія и завѣдывающихъ отправленіями нашей крови по собственному, свободному влеченію. Эти воображаемыя животныя получили названіе первобытныхъ животныхъ (Urthiere) и изслѣдователи, подарившіе такимъ образомъ нашей планетѣ неисчислимое количество животныхъ существъ, выразили то мнѣніе, что изъ этихъ существъ, какъ изъ первой основы всякаго органическаго бытія, образуются всѣ ткани и отдѣльныя части нашего тѣла. Овладевъ этой своеобразной идеей, философія природы, по свойственному ей стремленію искать конечныхъ выводовъ и дѣлать общія заключенія, настроила множество самыхъ удивительныхъ системъ, которыя, какъ карточные домики, валялись отъ малѣйшаго прикосновенія непосредственнаго, непредубѣжденнаго наблюденія. Очень недавно одинъ англичанинъ Тоддъ написалъ цѣлую книгу о кровяныхъ животныхъ, которыя называются у него bloodliving-animals или болѣе ученымъ терминомъ — haematozoa. Онъ приписываетъ имъ разныя электрическія и химическія свойства; онъ даже думаетъ, что электрическія силы, заключающіяся въ этихъ животныхъ, могутъ объяснить собой то половое влеченіе, по которому мужчина и женщина стремятся сблизиться между собою.

Новѣйшая физиологія доказала самымъ нагляд-



нымъ образомъ, что всѣ эти попытки населить кровь легионами живыхъ существъ относятся къ области чистой фантазіи. Кровь движется въ артеріяхъ и въ венахъ точно такъ же, какъ могла бы двигаться въ нихъ какая нибудь другая жидкость, повинующаяся давленію насоса. Что же касается до кровяныхъ шариковъ, то они не затрудняютъ ея движенія, потому что они, какъ я уже замѣтилъ, очень малы по объему, очень гладки и эластичны. Назначеніе кровяныхъ шариковъ состоитъ, по мнѣнію Бюхнера, въ томъ, чтобы, проходя чрезъ легкія, насыщаться кислородомъ и проносить этотъ кислородъ, необходимый для поддержанія органической жизни, въ различныя части и оконечности тѣла. Сами кровяные пузырьки, какъ и всѣ составныя части организма, разрушаются и выдѣляются изъ живого тѣла, замѣняясь новыми пузырьками, образующимися изъ принимаемой пищи.

Какимъ образомъ, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ они разрушаются—до сихъ поръ рѣшительно неизвѣстно.

Кровь, выпущенная изъ живого тѣла, свертывается и запекается, т. е. разлагается на свѣтлую, желтоватую жидкость и на болѣе твердую студенистую, темнокрасную массу, состоящую изъ кровяныхъ шариковъ и изъ волокнины, отдѣлившейся отъ той безцвѣтной жидкости, въ которой плавали пузырьки. Эта волокнина состоитъ изъ соединенія кислорода, водорода, углерода и азота и отличается своей способностью свертываться тотчасъ послѣ выхода крови изъ кровеносныхъ сосудовъ.

Разложеніе крови, вышедшей изъ живого тѣла, давно уже обращало на себя вниманіе медиковъ и изслѣдователей. Самъ отецъ медицины Гиппократъ занимался этимъ вопросомъ, но не умѣлъ разрѣшить его. Дѣло обыкновенно кончалось тѣмъ, что изслѣдователи говорили: *кровь умираетъ*, т. е. живая жидкость, сохраняющая свои свойства, благодаря силамъ живого организма, теряетъ свои отличительныя качества, покидая то тѣло, которому она принадлежала. Объясняя такимъ образомъ разложеніе крови, изслѣдователи не замѣчали того, что они только другими словами называли непонятый ими фактъ. У нихъ спрашивали: отчего свертывается кровь? А они на это отвѣчали: кровь умираетъ. Дѣло очевидно не подвигалось впередъ; мало того, предполагая какую-то таинственную, необъяснимую связь между кровью и тѣмъ организмомъ, въ которомъ она содержится, изслѣдователи ввели въ область своей науки несчастное понятіе жизненной силы, которое долгое время отводило глаза наблюдателямъ. То, что не могло быть объяснено физическими и химическими законами, сваливалось на жизненную силу и причинялось такимъ образомъ къ области необъяснимаго. Сердце билось вслѣдствіе жизненной силы, кровь обращалась вслѣдствіе жизненной силы,

кровь свертывалась потому, что ее живая сила. Такимъ образомъ всѣ физические вопросы рѣшались легко и просто такъ какъ жизненная сила оставалась совершенно неопредѣленнымъ и расплывчатымъ въ пространствѣ, то такая метода раскидывала непроницаемое покрывало отправления, совершающіяся внутри организма. Теперешніе физиологи дѣйствуютъ гораздо иначе: они подробно описываютъ то, что они видятъ, и прямо говорятъ, что того или другого имъ еще не удавалось изслѣдовать. Нерѣдко много, но за то нѣтъ полурѣшенныхъ, нѣтъ тумана въ терминахъ и объясненіяхъ.

Бюхнеръ прямо говоритъ, что причины разложенія крови еще не найдены.

Дѣйствіемъ атмосфернаго воздуха нельзя объяснить этого явленія, потому что кровь свертывается даже внутри живого организма въ тѣхъ кровеносныхъ сосудахъ, въ которыхъ правильное обращеніе оказывается невозможнымъ. Отсутствіемъ движенія также нельзя объяснить разложеніе крови, потому что вышедшая изъ живого тѣла кровь разлагается и въ томъ случаѣ, если мы станемъ болтать ее въ бутылкѣ. При взбалтываніи крови окажется только, что волокнина не успѣетъ соединиться съ кровяными шариками и осѣдетъ отдѣльными хлопками. Если же мы будемъ постоянно размѣшивать кровь или бить ее гибкой палкой, дающая волокнина, пристающая къ палкѣ, выдѣляется изъ крови; такимъ образомъ будетъ выдѣлится изъ крови вся волокнина, тогда оставшаяся масса крови, состоящая изъ водянистой жидкости и кровяныхъ шариковъ, вовсе не свернется; впрочемъ составъ ея конечно значительно измѣнится; взбивая палкой, мы не препятствуемъ ея разложенію, только чисто-механическимъ путемъ удаляемъ изъ нея волокнину; взбитая кровь будетъ существенно отличаться отъ той свѣжей крови, которую мы выпустили изъ жилъ животноя. Смотря на то, эта взбитая кровь, оставшаяся послѣ такой операціи въ жидкомъ состояніи, оказывается пригодной для техническаго употребленія: иногда, когда человекъ потерявшій значительное количество крови, подвергается опасности умереть, ему разрѣзываютъ жилу и въ эту жилу выпускаютъ битую кровь такого рода операція возможна на томъ основаніи, что организмъ пациента собственными силами дополнитъ потребное количество недостающей волокнины и такимъ образомъ обойдется битой кровью также удобно, какъ будто была свѣжая.

Волокнина, выдѣленная изъ крови, твердая въ видѣ студенистой массы и принимаетъ новато-желтый цвѣтъ; иногда, свертываясь вмѣстѣ съ кровью, волокнина осѣдаетъ на дно, образуя надъ нею



товатую кору. Медики придумали для этой коры особое название *crusta inflammatoria* (воспалительная кора) и даже дошли до того ошибочнаго убѣжденія, будто эта кора образуется надъ темно-красной массой крови только въ томъ случаѣ, если кровь выпущена изъ жилъ пациента, находящагося въ воспаленномъ состояніи. Это ошибочное убѣжденіе часто приводило къ печальнымъ практическимъ результатамъ. Убѣжденный въ томъ, что его пациентъ страдаетъ отъ воспаления, докторъ продолжаетъ кровопусканія и такимъ образомъ постоянно отнимаетъ у больного тѣ силы, который могутъ быть необходимы для его выздоровленія. Судя по газетнымъ извѣстіямъ, мы можемъ заключить, что графъ Кавуръ умеръ именно вслѣдствіе того, что лечившіе его медики, держась ошибочнаго мнѣнія о *crusta inflammatoria*, истощили его организмъ излишними и положительно вредными кровопусканіями.

Убѣжденіе медиковъ насчетъ того, что кора изъ волокнины образуется надъ запекшейся кровью только въ случаѣ воспаления пациента, опровергается тѣмъ обстоятельствомъ, что подобная кора можетъ образоваться даже въ свернувшейся крови субъекта, подверженнаго блѣдной немочи (*Bleichsucht*). Блѣдная немочь состоитъ въ томъ, что въ общемъ составѣ крови убавляется количество кровяныхъ пузырьковъ. Кровь становится такимъ образомъ водянистѣе и свѣтлѣе по цвѣту. Пускать кровь больному, страдающему отъ блѣдной немочи, очень опасно, потому что онъ и безъ того слабъ вслѣдствіе недостаточнаго количества кровяныхъ пузырьковъ. Медикъ, который захотѣлъ бы лечить такого больного, осмысливая по-своему образованіе *воспалительной коры*, подвергается опасности зарѣзать пациента своимъ ланцетомъ.

Вообще докторъ долженъ быть въ высшей степени остороженъ въ распознаваніи болѣзненныхъ симптомовъ. Чѣмъ обширнѣе становится научная область физиологіи, тѣмъ сильнѣе суживается область общихъ симптомовъ. Каждый болѣзненный случай имѣетъ свои причины, свою исторію, свое развитіе; каждое явленіе, совершающееся въ человѣческомъ организмѣ, обусловливается множествомъ побочныхъ обстоятельствъ, которыя не могутъ быть разсказаны заранее; эти обстоятельства надо прослѣдить и сообразить на мѣстѣ; здѣсь не выручитъ общее правило; здѣсь необходимы навыкъ, знаніе множества частныхъ случаевъ и величайшая внимательность въ разсмотрѣніи даннаго казуса. Химическій составъ человѣческой крови отличается значительной сложностью; въ нашей крови есть поваренная соль, которая сообщаетъ ей довольно замѣтный вкусъ, и желѣзо, которое въ соединеніи съ кислородомъ является причиной краснаго цвѣта крови.

Желѣзо было открыто въ крови французомъ

Мери, и это любопытное открытіе возбудило множество химическихъ идей и надеждъ. Нашлись люди, которые стали думать, что желѣзо, заключающееся въ крови, можетъ имѣть важное значеніе для промышленности, что изъ этого желѣза можно выковывать мечи, кочерги и тому подобные общепользные инструменты. Другіе господа посмотрѣли на дѣло съ болѣе сантиментальной точки зрѣнія: послышалось желаніе, чтобы изъ крови великихъ людей выковывались послѣ ихъ смерти жетоны или медали. Всѣ такія предположенія оказались совершенно невыполнимыми.

Оказалось, что если выпустить всю кровь изъ цѣлой сотни людей, то наберется около аптекарскаго фунта металлическаго желѣза. Желѣзные рудники, открывшіеся такимъ образомъ въ жилахъ людей и животныхъ, оказались на столько скудными, что никто не взялъ на себя труда разрабатывать ихъ и никто не выпросилъ себѣ привилегіи на эту новую отрасль промышленности.

Узнавъ о томъ, что въ крови человѣка заключается желѣзо, одинъ парижскій студентъ медицины выдумалъ подарить своей любовницѣ желѣзное кольцо, добытое изъ собственной крови. Предмету его любви было бы вѣроятно пріятнѣе получить въ подарокъ какую нибудь золотую вещицу, а самому студенту было бы легче добыть деньги на покупку дорогой бездѣлушки путемъ усиленнаго труда, вмѣсто того, чтобы постоянно ослаблять себя извлеченіемъ желѣза изъ собственного тѣла. Но онъ разсудилъ иначе: ему понравилась его странная идея, и онъ принялся безо всякой надобности пускать себѣ кровь черезъ извѣстные промежутки времени. Собираніе желѣза шло очень медленно; нетерпѣніе молодого мечтателя было слишкомъ велико; онъ поторопился, выпустилъ за одинъ разъ слишкомъ много крови и умеръ, не успѣвши привести въ исполненіе своего оригинальнаго намѣренія. Если подобныя нелѣпости предпринимались вслѣдствіе того обстоятельства, что въ крови заключаются ничтожныя частички самаго дешеваго металла, то можно себѣ представить, сколько преступлений совершалось бы въ томъ случаѣ, когда бы вмѣсто желѣза въ составъ крови входило бы напримѣръ золото. Убіиства вѣроятно сдѣлались бы весьма обыкновенными происшествіями; охотниковъ пускать кровь себѣ и другимъ нашлось бы несмѣтное количество; эпитегъ *кровотѣйца*, который придается теперь слишкомъ жаднымъ ростовщикамъ, принимался бы тогда въ буквальномъ значеніи этого слова. Игроки могли бы ставить на карту часть своей крови, точно также, какъ теперь они ставятъ на карту необходимыя деньги и вещи. Словомъ, число нелѣпостей и гадостей, совершающихся теперь, вѣроятно увеличилось бы въдесятеро.

Взглянувъ на эту бездну несчастій, въ кото-



рую погрузилось бы человечество, если бы въ его жилахъ открылись золотые рудники, и поневоле становлюсь оптимистомъ и, обращаясь къ нравственному чувству читателя, предлагаю ему торжественный вопросъ: осмѣлится ли онъ послѣ этого изъяснить малѣйшее сомнѣніе въ благодѣтели Провидѣнія?

Кромѣ твердыхъ и жидкихъ веществъ, входящихъ въ составъ крови, надо упомянуть еще о веществахъ газообразныхъ, образующихъ разные химическія соединенія съ твердыми и жидкими составными частями крови. Въ крови нѣтъ газовъ, находящихся въ свободномъ состояніи; если нѣкоторое количество атмосфернаго воздуха попадаетъ въ кровеносный сосудъ, то оно можетъ нарушить весь порядокъ кровообращенія и повести къ мгновенной смерти разсматриваемаго субъекта. Такого рода опыты производились надъ животными; имъ вбрызгивали воздухъ въ открытыя жилы посредствомъ воздушнаго насоса, и они издыхали среди сильныхъ конвульсій. Иногда случается, что воздухъ проникаетъ въ кровеносный сосудъ пациента при большихъ хирургическихъ операціяхъ; тогда больной мгновенно умираетъ. Изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что газы, находящіеся въ крови, должны непременно образоваться съ твердыми и жидкими веществами химическія соединенія.

Кислородъ, воспринимаемый организмомъ при выдыханіи атмосфернаго воздуха, соединяется съ кровью, протекающею черезъ легкія и, окисляя желѣзистое содержаніе кровяныхъ шариковъ, придаетъ всей крови ярко-красный цвѣтъ, которымъ она отличается при выходѣ своемъ изъ легкихъ. Углекислота накапливается въ крови во время ея прохожденія черезъ волосные сосуды, т. е. черезъ тончайшія развѣтвленія жилъ, находящіяся возлѣ поверхности тѣла; она образуется изъ соединенія кислорода, заключающагося въ крови, съ углеродомъ тѣхъ органическихъ тканей, черезъ которыя проходитъ кровь. Углекислота эта выдѣляется изъ легкихъ при выдыханіи; она придаетъ крови темный цвѣтъ, и потому кровь, пройдя черезъ легкія, получаетъ болѣе свѣтлый и яркій цвѣтъ.

Азотъ, проходящій въ кровь изъ пищи и изъ атмосфернаго воздуха, выдѣляется черезъ почки, въ формѣ мочи, въ соединеніи съ водой.

Въ крови совершается такимъ образомъ весь химическій процессъ превращенія воздуха и пищи въ органическія ткани нашего тѣла. Образование крови происходитъ отчасти отъ принятія пищи, отчасти отъ кызанія атмосфернаго воздуха. Люди, страдающіе чахоткой, т. е. поврежденіемъ легкихъ, худѣютъ и сохнутъ, не смотря на предлагаемую имъ питательную пищу и не смотря на то, что они часто до послѣднихъ мгновеній своей жизни сохраняютъ полный аппетитъ. Недостатокъ воздуха, который ослабленія легкія уже не могутъ принимать въ необходи-

момъ количествѣ, отнимается у крови кислорода и такимъ образомъ, существенно мѣняя ея составъ, нарушаетъ нормальный процессъ питанія и жизни.

Количество всей крови, находящейся въ взрослому человѣку, заключаетъ въ себѣ около 13 фунтовъ. По мнѣнію однихъ вателей вся масса крови составляетъ одну мую часть вѣса всего человѣческаго тѣла, мнѣнію другихъ—только одну тринадцатую.

Организмъ выдерживаетъ значительныя потери крови, если только эти потери совершаются не вдругъ, а слѣдуютъ другъ за другомъ въ извѣстные промежутки времени. Опыты изведенные надъ животными, показали, можно, не убивая самаго животного, несколько примовъ выпустить изъ его жилъ количество крови, которое превосходитъ его собственнаго тѣла. Но въ одинъ разъ, точно, чтобы убить животное или человѣка, пустить изъ него количество крови, равное одной двадцать пятой части его вѣса.

### III.

Обращеніе крови, необходимое для жизни, совершается отъ сердца къ конечностямъ и къ поверхности тѣла, и отъ послѣднихъ обратно къ сердцу. Механизмъ обращенія объясняется очень просто слѣдующимъ нагляднымъ примѣромъ.

Представьте себѣ полный гуттаперчевый шаръ въ которомъ въ двухъ мѣстахъ прорѣзаны круглыя отверстія. Къ этимъ двумъ отъер прихлѣпаны двѣ длинныя, гибкія трубочки. Отверстія шара закрываются клапанами, и оба отворяются въ одну сторону, называемую вправо.

Весь снарядъ: т. е. шаръ и оба нахлѣпа, наполнены водой; свободные концы трубочекъ, т. е. концы, непривѣленные къ шару, соединены между собою такъ плотно, что снарядъ не пропускаетъ воздуха. Если вы рукой сожмете шаръ, вода, заключающаяся въ немъ, будетъ давлена и черезъ тотъ клапанъ, который открывается наружу, потечетъ въ трубочку; и бочка и безъ того полна водой, и потому вода, уступая напору вновь притекающей, ударяетъ въ другой клапанъ и выходитъ изъ трубочки. Вы еще разъ сожмете его рукой, и опять повторится то же самое явленіе, т. е. часть воды вытѣсняется изъ шарика и опять вытѣсняется такимъ же количествомъ воды, притекающей съ другого конца, вследствие того же давленія. Если бы трубочка, по выходѣ своемъ изъ шара, раздѣлилась на два канала, выходящихъ въправо, и лѣво, и т. д., если бы раздѣленія были сланы между собою и т. д., то образъ опять сложился бы въ одну трубку, сообщающуюся съ шаромъ, то это



обстоятельства процессъ обращенія жидкости не измѣнился бы.

Роль гуттаперчевого шара играетъ въ тѣлѣ животныхъ и человѣка сердце, которое, сжимаясь и расширяясь, попеременно выгоняетъ изъ себя кровь въ артеріи и принимаетъ кровь, притекающую изъ венъ. Система артерій и венъ, раскинувшихъ свои отроги и развѣтвленія во всѣ части тѣла, раздробившихся на безчисленное множество микроскопически-тонкихъ волосныхъ сосудовъ и охватившихъ почти сплошною сѣтью тѣло животнаго подъ самой его кожей — замѣняетъ собою въ организмѣ тѣ гибкія трубочки, о которыхъ я говорилъ въ моемъ примѣрѣ. Въ артеріяхъ и въ венахъ существуетъ сложная система клапановъ, отворяющихся только по одному направленію и потому непускающихъ обратно въ сердце ту часть крови, которая уже вышла въ артеріи вслѣдствіе его сжатія. Благодаря этому устройству клапановъ, кровь принуждена при каждомъ сжатіи сердца подвигаться впередъ по артеріямъ; подвигаясь такимъ образомъ дальше и дальше отъ сердца къ поверхности тѣла, она наконецъ входитъ въ волосные сосуды; дальше идти впередъ некуда, а между тѣмъ новыя волны крови, напорающія изъ сердца, тѣснятъ по прежнему; волосные сосуды отъ поверхности тѣла поворачиваютъ опять къ центру, и кровь конечно течетъ туда, куда направлены эти каналы, потому что изъ нихъ нѣтъ никакого выхода. Съ той минуты, какъ сосуды поворачиваютъ назадъ къ центру, они начинаютъ называться венами; по мѣрѣ приближенія къ сердцу, тонкія вены соединяются между собой подобно тому, какъ ручки сліяніемъ своимъ образуютъ рѣки; наконецъ венозная кровь, насыщенная углекислотою во время своего путешествія по тѣлу, черезъ толстыя вены вливается въ сердце, а сердце опять сжимается, и кровь опять отправляется гулять по артеріямъ.

Въ статьѣ «Процессъ жизни», написанной по поводу физиологическихъ писемъ Карла Фохта (Томъ I, стр. 307—332), я говорилъ довольно подробно о маршрутѣ крови въ тѣлѣ человѣка. Теперь я поговорю о дѣятельности сердца и о различныхъ особенностяхъ этого важнаго и интереснаго органа.

Прежде всего надо замѣтить, что сердце, подобно желудку и легкимъ, относится къ тѣмъ органамъ, отъ которыхъ зависитъ исключительно растительная жизнь. Сердце своими движеніями производитъ кровообращеніе, но оно не воспринимаетъ никакихъ впечатлѣній и не общается нашимъ поступкамъ никакого импульса. Любовь, ненависть, желанія, надежды, волненія, страхъ, горе, радость — не имѣютъ ничего общаго съ дѣятельностью сердца и не могутъ доставить сердцу ни пріятнаго, ни тяжелаго ощущенія. Малѣйшее нарушеніе въ дѣятельности сердца ведетъ за собой болѣзненное разстройство, кото-

рое часто оканчивается смертью, но такого рода нарушенія происходятъ не отъ горести, не отъ душевнаго страданія, а оттого, что расхлябался какой нибудь клапанъ, распухъ тотъ полый мускулъ, который называется сердцемъ, или засорилось то или другое отверстіе, ведущее къ артеріи. Болѣзни сердца имѣютъ чисто физическія причины, и сердце наше само по себѣ также нечувствительно къ нашимъ радостямъ и страданіямъ, какъ нечувствителенъ желудокъ, постоянно занимающійся своей скромной поварекой должностью.

Впрочемъ нельзя отрицать того факта, что душевныя волненія могутъ нарушить до нѣкоторой степени нормальную дѣятельность сердца. Воспринимая впечатлѣнія нервами, мы въ этихъ самыхъ нервахъ чувствуемъ ощущеніе радости, горя, страха, и т. д. Напряженное или раздраженное состояніе нервовъ отзывается во всѣхъ частяхъ нашего тѣла, потому что нервы проходить въ нихъ своими развѣтвленіями, и переплетаясь тонкими ниточками съ кровеносными сосудами, могутъ сжимать ихъ независимо отъ нашей воли. Мы часто краснѣемъ вовсе не впадать, тогда, когда не слѣдовало бы и не хотѣлось бы краснѣть; мы краснѣемъ совершенно произвольно, и это дѣлается единственно потому, что нервы, повинувшись внезапно воспринятому впечатлѣнію, мгновенно нарушаютъ нормальный ходъ кровообращенія и дольше, чѣмъ слѣдовало бы, задерживаютъ въ лицѣ ту кровь, которая должна возвращаться къ сердцу.

Если наши нервы поражены какимъ нибудь сильнымъ и прочнымъ впечатлѣніемъ, то они могутъ нарушить весь процессъ кровообращенія и вслѣдствіе этого измѣнить состояніе сердца, которое такимъ образомъ совершенно произвольно, пассивно и безсознательно испытаетъ на себѣ реакцію нашихъ психическихъ ощущеній. Точно также можетъ испытать эту реакцію и желудокъ; если вы огорчены, вы можете потерять аппетитъ не потому, что желудокъ сочувствуетъ вашему горю, а потому, что напряженіе вашей нервной системы отнимаетъ у васъ возможность внимать скромно заявляемымъ требованіямъ вашего пищеварительнаго органа.

Словомъ, всѣ ощущенія воспринимаются только нервами, а нервы, получивши извѣстное сотрясеніе, могутъ нарушить или измѣнить дѣятельность такихъ органовъ, которымъ нѣтъ никакого дѣла до нашихъ ощущеній. Мы чувствуемъ боль только въ нервахъ; ни мускулы, ни кровеносные сосуды, ни желудокъ, ни сердце не могутъ страдать; страдаютъ только прилегающіе къ нимъ нервы. — Все это такъ, скажетъ читатель, но если сердце все оплетено нервами, то оно конечно способно страдать, потому что оплетающіе его нервы составляютъ одну изъ его частей.

— Конечно, отвѣчу я, это было бы совершенно справедливо, если-бы сердце дѣйствитель-



но было оплетено нервами; но этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Сердце совершенно лишено чувствительности, какъ на поверхности своей, такъ и въ своемъ центрѣ. Нервы, находящіеся въ сердцѣ, относятся къ тому разряду нервовъ, которые проводятъ движеніе, но не сообщаютъ ощущенія. Есть люди, у которыхъ, вслѣдствіе недостаточнаго развитія грудныхъ костей, существуетъ отверстіе, позволяющее видѣть и даже ощущивать рукою сердце. Это ощущиваніе не причиняетъ имъ не только ни малѣйшей боли, но даже ни малѣйшаго ощущенія. Рана, нанесенная человѣку въ сердце и ведущая за собою неизбежную смерть, заставитъ его страдать не потому, что она тронула сердце, а потому, что она по дорогѣ изломала грудныя кости и изорвала грудныя ткани.

Болѣзни сердца, нарушающія весь процессъ кровообращенія, приводятъ все тѣло въ состояніе ненормальной раздражительности и вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ оказать значительное вліяніе на душевное настроеніе больного. Бываютъ впрочемъ и такія болѣзни сердца, которыя, несмотря на всю свою важность, не причиняютъ ни малѣйшей боли, позволяютъ пациенту веселиться и наслаждаться жизнью, и до послѣдней роковой минуты укрываются даже отъ его собственнаго вниманія. Итакъ сердце—ничто иное, какъ безсознательно дѣйствующій насосъ, необходимый для того, чтобы приводить въ движеніе кровь животнаго, но совершенно нечувствительный къ впечатлѣніямъ физическаго и духовнаго міра.

Когда мы говоримъ: у такого-то человѣка доброе сердце, а у такого-то нѣтъ сердца, когда французы говорятъ съ воодушевленіемъ: *c'est un coeur d'or, il a du coeur—cet homme*, когда нѣмцы толкуютъ съ умиленіемъ объ *herzliche Liebe, herzlicher Kummer*, то всѣ мы, русскіе, французы и нѣмцы, говоримъ такія вещи, для которыхъ въ дѣйствительности нѣтъ соотвѣствующихъ явленій. Не имѣя никакого понятія о физиологіи, мы замѣняемъ дѣйствительныя знанія созданіями нашей фантазіи и надѣляемъ сердце, которымъ мы почему-то особенно интересуемся, небывальными, невозможными и неестественными свойствами, качествами, достоинствами и пороками.

Одно французское выраженіе, навсегда утвердившееся въ языкѣ, показываетъ чрезвычайно наглядно ложность тѣхъ физиологическихъ воззрѣній, которыми пробавляется публика. *J'ai mal au coeur*, какъ извѣстно, значитъ по-французски: меня тошнитъ. Тошнота объясняется такимъ образомъ болью въ сердцѣ, между тѣмъ какъ она очевидно не имѣетъ съ сердцемъ ничего общаго. При тошнотѣ страдаетъ только желудокъ, и если страданія желудка переносятся такимъ образомъ въ сердце, то изъ этого можно вывести слѣдующія два заключенія: во-первыхъ, люди, соорудившіе это выраженіе, не имѣли по-

нятія о мѣстоположеніи сердца; во-вторыхъ, никогда не чувствовали боли въ сердцѣ, потому что перенесли на сердце ощущенія другого органа, не имѣющаго съ нимъ никакихъ связей и ни малѣйшаго сходства.

Жизнь, или вѣрнѣе, бѣненіе сердца начинается до рожденія животнаго и продолжается до самой смерти, или вѣрнѣе, сердце продолжаетъ биться даже тогда, когда всѣ остальные признаки жизни покидаютъ тѣло. Когда куриное яйцо пролежитъ нѣсколько дней подъ насѣдкой, то въ немъ начинается обозначаться сердце въ видѣ маленькой красной точки, находящейся въ постоянномъ движеніи.

Это движеніе сердца начинается тогда, когда еще не существуетъ ни крови, ни нервовъ; слѣдовательно причину этого движенія, начинающагося такъ рано, надо искать въ раздражительности самыхъ мускулистыхъ частей сердца, а не во вліяніи крови и даже не въ дѣйствіи нервовъ. Говоря такимъ образомъ, что причина движенія заключается не въ нервахъ, я не хочу сказать, чтобы нервы, проходящіе отъ мозга къ сердцу, не имѣли никакого вліянія на темпъ этого движенія. Нервы эти, при извѣстномъ раздраженіи, могутъ замедлить или задержать бѣненіе сердца, потому, за этой мгновенной задержкой послѣдуетъ ускоренная дѣятельность сердца, которая, однако, несмотря на свои подчиненныя отношенія къ нервамъ, бьется все-таки по собственному внутреннему импульсу.

Сердце, вынутое изъ тѣла животнаго и слѣдовательно оторванное отъ всякой связи съ нервной системой, продолжаетъ биться нѣсколько времени. Вырѣзанныя лягушечья сердца припадаютъ на столъ натуралиста въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, сначала быстро и сильно, потомъ постепенно слабѣе и медленнѣе. Это самостоятельное движеніе вырѣзанныхъ сердецъ можетъ быть поддерживаемо въ продолженіи нѣсколькихъ дней, если только не давать сердцамъ высохнуть и сохранять въ окружающемъ воздухѣ умѣренную теплоту. «Это, говоритъ Льюисъ, одно изъ тѣхъ зрѣлищъ, которыя наполняютъ духъ анатома какой-то невольной робостью. Онъ съ дѣтства привыкъ видѣть какое-то таинственное соотношеніе между бѣненіемъ сердца и жизнью организма, и вдругъ онъ видитъ это бѣненіе при такихъ обстоятельствахъ, которыя отгоняютъ всякую мысль о жизни и движеніи. Что же значитъ это бѣненіе? Въ немъ не видно равновѣсныхъ движеній жизни, не видно раздраженія и спуга; его нельзя принять за дѣйствіе инстинкта. Убить и разрушить тотъ чудесный механизмъ, котораго центромъ было сердце, и вотъ рядомъ съ мертвымъ тѣломъ лежитъ этотъ органъ и продолжаетъ биться, будто самъ по себѣ хочетъ бороться со смертью».

Сердце, переставшее биться послѣ смерти животнаго или человѣка, можетъ посредствомъ



лектрическаго тока еще разъ получить на второе время способность сжиматься и расширяться. Подобные опыты производились нерѣдко надъ сердцами повѣшенныхъ или вообще казненныхъ преступниковъ.

Если даже смерть человѣка произошла не другъ и была слѣдствіемъ долговременной болѣзни, то случается, что бѣіеіе сердца не прекращается вскорѣ послѣ смерти. Знаменитому анатому Везалію, жившему въ XVI-мъ столѣтіи, пришлось дорого поплатиться за открытіе этого факта. Этотъ замѣчательный человѣкъ, стоявшій на своемъ развитіи гораздо выше уровня своей эпохи, рѣшался анатомировать человѣческіе трупы въ то время, когда это дѣйствіе считалось грѣховнымъ и преступнымъ. Одинъ молодой дворянинъ, котораго лечилъ Везалій, умеръ, несмотря на всѣ его попеченія, и любознательный медикъ, желая узнать причину смерти, выпросилъ себѣ позволеніе вскрыть его трупъ. Вскрытіе произошло въ присутствіи нѣсколькихъ зрителей, которые пришли въ неописанный ужасъ, когда увидѣли, что сердце покойника бьется полнымъ, правильнымъ темпомъ. Везалія обвинили въ томъ, что онъ зарѣзалъ живого человѣка; въ это дѣло вмѣшалась инквизиція, и Везалій съ большимъ трудомъ избѣжалъ мучительной смерти. Его принудили отправиться въ Палестину и замолить свой грѣхъ, вызванный дерзкимъ желаніемъ узнать тайны созданія Божіихъ. Репутация Везалія, какъ врача, погибла съ того времени, и ему не удалось до самой своей смерти избавиться отъ подозрѣнія въ томъ, что онъ зарѣзалъ своего пациента.

У здоровыхъ и крѣпкихъ людей сила, съ которою сжимается сердце, равняется вѣсу въ 60 фунтовъ. Если вы, сидя на стулѣ, положите одну ногу на колѣнко другой ноги, то увидите, что носокъ свободно висѣющей ноги постоянно, независимо отъ вашей воли движется взадъ и впередъ; если вы повѣсите на ступню этой ноги пудовую гиру (предполагая, что вы будете въ силахъ сдерживать ее), то и эта гиря не помѣшаетъ колебаніямъ носка, которыя будутъ совершаться прежнимъ темпомъ и, по прежнему, независимо отъ вашей воли. Это колебаніе носка происходитъ отъ бѣіенія сердца и отъ прилива крови въ артерію ноги. Если разрѣзать одну изъ большихъ артерій, то сила, съ которою брызжетъ изъ нея кровь, дастъ намъ понятіе о силѣ импульса, сообщеннаго этой крови сжатіемъ сердца. У собакъ и овецъ кровь брызжетъ даже изъ малыхъ артерій на шесть футовъ въ высоту. Скорость, съ которой волна крови идетъ отъ сердца по артеріямъ, равняется 28 парижскимъ футамъ въ секунду.

Весь рядъ явленій, относящихся къ кровообращенію, очень недавно сдѣлался достояніемъ науки. Запутанность и ложность понятій, господствовавшихъ объ этомъ предметѣ въ древ-

ности, превосходить всякое вѣроятіе. Греки и римляне были увѣрены въ томъ, что наши жилы наполнены воздухомъ. Римскій медикъ Галенъ, жившій въ половинѣ второго вѣка послѣ Рождества Христова, первый доказалъ, что въ жилахъ заключается кровь, и что въ однѣхъ жилахъ эта кровь отличается темнокраснымъ цвѣтомъ, а въ другихъ—яркокраснымъ. Во второй половинѣ шестнадцатаго столѣтія испанскій медикъ Михайлъ Серветъ открылъ движеніе крови отъ сердца къ легкимъ и отъ легкихъ обратно къ сердцу. Религіозный фанатизмъ не пощадилъ этого замѣчательнаго человѣка, и Кальвинъ сжегъ его на кострѣ въ Женевѣ, доказывая такимъ образомъ потомству, что начало реформации далеко не совпадаетъ съ началомъ вѣротерпимости. Несмотря на преслѣдованія и казни, несмотря на презрѣніе и невнимательность легкомысленной массы, духъ живой любознательности и терпѣливаго изученія пробивалъ себѣ дорогу, опрокидывая нагроможденныя препятствія и дарилъ плоды своихъ трудовъ тому самому человечеству, которое не умѣло распознавать своихъ истинныхъ друзей и не понимало значенія ихъ дѣятельности. Въ началѣ семнадцатаго столѣтія англичанинъ Гарвей открылъ, что движеніе крови совершается во всемъ тѣлѣ, описалъ пути по которымъ кровь выходитъ изъ сердца и возвращается къ сердцу, и этимъ мировымъ открытіемъ положилъ основаніе новой, истинно-научной физиологіи, основанной на наблюденіи и не имѣющей ничего общаго съ прежними гаданіями и фразистыми разсужденіями.

Открытіе Гарвея встрѣтило себѣ рѣзкую оппозицію со стороны ученыхъ мечтателей того времени. Медицинскій факультетъ парижскаго университета возражалъ самыми оригинальными аргументами. «Жизнь, писалъ физиологъ Бурдахъ, теряетъ свой идеальный блескъ, если мы рѣшимся простымъ механизмомъ объяснить теченіе крови, составляющее такую существенную часть ея проявленія».

Закаленные натурфилософы, смотрѣвшіе на вещи умственными очами, не признали существованія кровообращенія; они остались при томъ убѣжденіи, что «кажущееся движеніе крови есть необъяснимое чудо (*mirabile dictu*), колебаніе между бытіемъ и небытіемъ». Благодаря такому глубокомысленному и удобопонятному воззрѣнію на тѣ факты, которые легко и свободно объяснялись непосредственнымъ наблюденіемъ, натурфилософія постепенно стала терять ореолъ своего величія, и въ XIX столѣтіи окончательно сошла съ того пьедестала, на которомъ она стояла вслѣдствіе невѣжества массъ и шарлатанства ученыхъ. Бюхнеръ говоритъ, что его учитель физиологіи былъ отчаянный натурфилософъ, старавшійся кудреватыми фразами убѣдить своихъ слушателей въ вѣрности своихъ идей и постоянно бранившій тѣхъ ученыхъ, ко-



которые хотѣли тѣлесными глазами увидѣть вещи и процессы, доступные только умственному оку. А въ это время тѣлесные глаза разсмотрѣли волосные сосуды, соединяющіе тонкія артеріи съ тонкими венами, охватывающіе всѣ части тѣла частой, тонкой, подкожною сѣткой и такимъ образомъ замыкающіе собою тѣ пути, по которымъ кровь обтекаетъ все тѣло. При помощи микроскопа открылась для изслѣдователей возможность собственными глазами разсматривать теченіе крови въ волосныхъ сосудахъ живыхъ существъ.

«Трудно себѣ представить болѣе великолѣпную микроскопическую картину, говоритъ Бенекъ въ своихъ фізіологическихъ этюдахъ, чѣмъ ту, которую представляетъ подъ микроскопомъ плавательная кожа живой лягушки. Постепенно суживающіеся, извивающіеся каналы, образующіе собою петли, проходятъ въ видѣ сѣтки чрезъ эту кожу; въ нихъ движется свѣтложелтоватая кровяная жидкость, и въ серединѣ этихъ рѣчекъ катятся, подобно песчинкамъ на днѣ прозрачнаго ручья, красные кровяные пузырьки; въ большихъ сосудахъ ихъ очень много, въ меньшихъ они по одиночкѣ слѣдуютъ другъ за другомъ. Слой жидкости, прилегающій къ стѣнкѣ сосуда, движется гораздо медленнѣе, чѣмъ средний потокъ, несущій въ себѣ кровяные пузырьки; если внимательно наблюдать за движеніемъ крови въ волосныхъ сосудахъ, то можно замѣтить, что оно совершается гораздо медленнѣе, чѣмъ въ большихъ сосудахъ; это обстоятельство очевидно указываетъ на то взаимное влияние, которое существуетъ между кровью и органическими тканями».

Натуралистъ Левенгукъ первый увидѣлъ обращеніе крови въ волосныхъ сосудахъ въ хвостѣ живой ящерицы. «Тутъ, говоритъ онъ, мнѣ представилось такое восхитительное зрѣлище, какого до тѣхъ поръ еще не выдввали мои глаза. Я открылъ въ различныхъ мѣстахъ болѣе пятидесяти различныхъ циркуляцій крови. Я увидѣлъ, какъ кровь чрезъ необыкновенно тонкіе сосуды идетъ отъ середины хвоста къ краямъ его, и какъ потомъ каждый сосудъ поворачиваетъ назадъ и приводитъ кровь обратно къ серединѣ хвоста, откуда она отправляется далѣе по дорогѣ къ сердцу».

#### IV.

Вглядитесь въ общую жизнь природы, въ прозябаніе растенія, въ существованіе животнаго, и вы увидите, что необходимымъ условіемъ всякой органической жизни, всякаго движенія, измѣненія и развитія является теплота.

Теплота, или, какъ ее называютъ въ физикѣ, теплородъ не есть матерія; это—движеніе; присутствіе теплоты проявляется всегда въ движеніи того вещества, на которое она дѣйствуетъ; вездѣ, гдѣ есть движеніе, тамъ обнаруживается и теплота.

Представьте себѣ картину природы въ зимній день, когда теплота всего сильнѣе дѣйствуетъ на окружающіе предметы, и сравните эту картину съ тѣмъ зрѣлищемъ, которое представляется та же самая мѣстность зимой, при сильномъ морозѣ. Въ первомъ случаѣ вы увидите растительную жизнь во всемъ ея роскошномъ разнѣ, во второмъ — вы не увидите ничего, кромѣ необозримой, утомительно однообразной снѣговой равнины. Положимъ, что 7-го іюня вы захотите взглянуть на дерево, которое вы внимательно осматривали 1-го іюня; вы навѣрное увидите въ немъ замѣтную перемѣну; тамъ распустился новый цвѣтокъ, здѣсь осыпались отпавшіе цвѣтки и завязались плоды, тутъ маломъ побѣгъ увеличился въ длинѣ и объемѣ. Если же вы 7-го января посмотрите на снѣговую равнину, гдѣ вамъ пришлось гулять 7-го декабря, то вы вѣроятно не замѣтите никакой перемѣны; вы увидите можетъ быть, что количество снѣга увеличилось или уменьшилось, что сугробы окрѣпли или сдѣлались рыхлѣе, что по морю образовались лужи или ледяные раскаты. Этотъ пейзажъ измѣняется въ своихъ отдѣльных частяхъ, развивается и живетъ подъ вліяніемъ теплоты въ каждомъ деревѣ, въ каждой былинкѣ зимній пейзажъ, благодаря уменьшенію теплоты, показываетъ намъ оцѣпенѣніе органической жизни, неподвижность и утомительно однообразіе застоя. Скудные измѣненія, которыя иногда происходятъ въ этомъ зимнемъ пейзажѣ и которыя не имѣютъ ничего общаго съ развитіемъ органической жизни, совершаются все-таки при содѣйствіи теплоты. Если мы вообразимъ себѣ такую мѣстность, на которой круглый годъ стоитъ тридцатиградусный морозъ, то эта мѣстность никогда не измѣнится; пройдутъ цѣлые вѣка, и она по прежнему останется холодной, пустынной и безжизненной; тѣ же снѣжные сугробы, тѣ же ледяныя глыбы, ни на одинъ вершокъ не измѣнившія своей фигуры, будутъ по прежнему останавливать на себѣ глаза наблюдателя. Не пусть въ эту оцѣпенѣвшую, застывшую мѣстность заглянетъ солнце, пусть начнется сильная оттепель — и черезъ день вы ее не узнаете; ледяные утесы расплывутся, снѣговые сугробы осадутъ, зашумитъ вода, потекутъ мутные ручьи; органическая жизнь, придавленная долговременнымъ холодомъ, не успѣетъ еще пробиться, но обнаружится движеніе, слышнѣе шумъ и плескъ воды, и мертвенная тишина ледяного застоя окажется нарушенной, благодаря сильному притоку живительной теплоты. Возьмите другой мелкій примѣръ изъ вседневной жизни. Если вы хотите сохранить кусокъ мяса въ неиспорченномъ видѣ, вы кладете его въ холодное мѣсто. Холодъ останавливаетъ или по крайней мѣрѣ значительно замедляетъ процессъ гніенія.

Гніеніе—ничто иное, какъ одно изъ безчисленныхъ проявленій жизни въ природѣ. Гніющій



съ мяса разлагается на свои составныя, поступает въ общую экономію природы, сдѣлаясь въ новыя формы, образуя новыя продолжатель принимая участіе въ общемъ «воротѣ жизни. Жизнь—ничто иное, какъ вѣчное, переходъ изъ формы въ форму, постоянное, неутомимое превращеніе, разрушеніе и новое изданіе, слѣдующія другъ за другомъ и выходящая другъ изъ друга. Задерживая гніеніе мяса, холодъ исполняетъ наши желанія; ледъ, какъ и вездѣ, онъ задерживаетъ теченіи и сковываетъ ея проявленія. Когда беремъ съ ледника сохранившійся кусокъ мяса, когда, приготовивъ его по своему вкусу, подаемъ его за обѣдомъ или за завтракомъ, мы имѣемъ задерживающее дѣйствіе холода прекраснаго, и мясо, подъ вліяніемъ желудочныхъ соковъ и теплоты нашихъ пищеварительныхъ органовъ, разлагается, входитъ въ нашу кровь, и изъ образованія нашихъ органическихъ тканей и такимъ образомъ снова начинаетъ принимать участіе въ движеніи вещества и въ общіе процессы жизни. Вы видите такимъ образомъ, что и здѣсь движеніе началось вмѣстѣ съ появленіемъ теплоты.

Мы знаемъ изъ физики и изъ всенеднейной жизни, что дѣйствіе теплоты измѣняетъ форму свойства тѣлъ, подверженныхъ ея вліянію. Ледъ превращается въ воду, вода превращается въ паръ, металлы становятся мягкими и наконецъ переходятъ въ жидкое состояніе, и всѣ эти измѣненія происходятъ отъ дѣйствія теплоты. На этихъ измѣненіяхъ для всѣхъ тѣлъ одинаково: твердое тѣло, нагрѣваясь, становится жидкимъ, а жидкое, нагрѣваясь еще сильнѣе, и наконецъ улетучивается въ видѣ газа. Теплота расширяетъ тѣла, т. е. ослабляетъ связь между атомами; при усиленіи теплоты, связь становится такъ слаба, что твердое тѣло распадается; когда теплота становится еще сильнѣе, тогда вмѣсто прежняго плотнаго сцѣпленія атомовъ является полное разъединеніе, взаимное отталкиваніе, и прежняя твердая масса разлетается въ видѣ газа. Мы привыкли видеть желѣзо въ твердомъ состояніи, ртуть и въ жидкомъ, воздухъ въ газообразномъ; мы знаемъ этотъ видъ названныхъ веществъ нормальнымъ и прочнымъ, потому что эти вещества находятся именно въ такомъ видѣ при той температурѣ, при которой намъ удобно и возможно жить. На самомъ же дѣлѣ то или другое вещество находится въ твердомъ, жидкомъ или газообразномъ состояніи, только благодаря количеству теплоты, разлитому въ немъ и вокругъ него. Если-бы мы могли искусственнымъ путемъ производить очень высокую и безконечно низкую температуры, то мы конечно могли бы получить газообразное желѣзо, жидкій кислородъ, твердый водородъ. Газообразное желѣзо получило бы при очень высокомъ жарѣ, а жидкій кислородъ или твердый азотъ — при чрезвычайно сильномъ холодѣ.

Расширяясь отъ дѣйствія теплоты, тѣла стремятся занять большее пространство и слѣдовательно оказываютъ давленіе на все, что ихъ окружаетъ. На этомъ общемъ свойствѣ тѣлъ основано устройство паровыхъ машинъ; по этому же самому свойству пороховъ, вспыхивая отъ прикосновенія зажженного фитиля, съ огромной силой вырывается въ видѣ газа изъ дула артиллерійскаго орудія и выбрасываетъ ту чугунную массу, которая мѣшала его выходу. Вода подъ вліяніемъ теплоты постепенно переходитъ изъ одного вида въ другой, постепенно расширяется и усиливаетъ свое давленіе; на этомъ основаніи вода, подверженная дѣйствію теплоты, можетъ при извѣстныхъ предосторожностяхъ быть употреблена, какъ двигательная сила; порохъ напротивъ того, не таетъ, а мгновенно изъ твердаго состоянія переходитъ въ газообразное; по этому расширеніе его совершается такъ быстро и въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, что оно ломаетъ и коверкаетъ всѣ препятствія, словомъ производитъ то, что мы называемъ взрывомъ и что водяной паръ можетъ произвести только вслѣдствіе неопытности и оплошности машиниста. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, присутствуя при дѣйствіи паровой машины и при выстрѣлѣ изъ орудія, мы видимъ, что вліяніе теплоты развиваетъ извѣстное количество механической силы.

Теоретическая физика въ новѣйшее время открыла одинъ изъ важнѣйшихъ міровыхъ законовъ — законъ сохраненія или неразрушимости силы. Сохраненіе или неразрушимость силы заключается въ томъ, что ни въ какомъ случаѣ никакая сила не уничтожается и не возникаетъ вновь. Передъ нашими глазами совершается постоянно переходъ силы изъ одной формы въ другую; какъ ни одна частица матеріи не пропадаетъ и не уничтожается, а только видоизмѣняется, такъ точно ни одна частица какой бы то ни было силы не утрачивается, а только принимаетъ иногда такую форму, которая скрываетъ ее отъ нашего наблюденія. «Механическая, химическая, электрическая, магнетическая сила, теплота, свѣтъ превращаются другъ въ друга; величина или количество силы остается неизмѣненнымъ, не смотря на то, что самая сила проявляется въ той или въ другой формѣ». Мы уже видѣли, говоря о паровыхъ машинахъ, какимъ образомъ теплота превращается въ механическую силу. Точно также и механическая сила способна превращаться въ теплоту. Дикари добываютъ огонь, разгорячая два куска дерева посредствомъ сильнаго тренія.

Пила, которою работаетъ дюжій ремесленникъ, разогрѣвается вслѣдствіе тренія такъ сильно, что можетъ обжечь руку своимъ прикосновеніемъ; въ Мюнхенѣ, на литейномъ заводѣ производились опыты, которые доказали, что, безъ вѣшняго нагрѣванія, однимъ треніемъ машины можно довести воду до точки кипѣнія. Темпера-



тура воды возвышается даже отъ взмѣшиванія и вбалтыванія. Силою падающей воды или дѣйствіемъ вѣтра можно напить пѣлубу комнату, если приложить эти силы къ вращенію большого деревяннаго цилиндра въ металлическомъ поломъ цилиндрѣ, тѣсно прилегающемъ къ первому. Это отопленіе будетъ происходить такимъ образомъ: металлическій цилиндръ накалится отъ сильнаго тренія и, подобно желѣзной печи, будетъ выдѣлять въ окружающіе слои воздуха количество теплоты, соразмѣрное съ силою тренія, съ величиною обоихъ цилиндровъ и съ продолжительностью движенія всего снаряда. Каждому извѣстно, что оси экипажныхъ колесъ дымятся и обугливаются вслѣдствіе скорой и продолжительной ѣзды, особенно въ томъ случаѣ, если между осью и втулкой нѣтъ вещества, ослабляющаго треніе, т. е. говоря простымъ языкомъ, если колеса не смазаны. Кузнецы умѣютъ ударами молотка довести гвоздь до раскаленнаго состоянія. Ледъ, сдавленный гидравлическимъ прессомъ, превращается въ воду, потому что сила давленія порождаетъ то количество теплоты, которое необходимо для того, чтобы растопить ледъ.

Всѣ эти примѣры сводятся къ одному общему положенію: каждой механической работѣ соответствуетъ извѣстное количество теплоты; когда теплота производитъ механическую работу, тогда исчезаетъ извѣстное количество теплоты, соответствующее произведенной работѣ; потративъ вновь эту же самую работу, можно произвести то же количество теплоты. Машинистъ разводитъ огонь подъ котломъ паровой машины; дрова горятъ яркимъ пламенемъ, слѣдовательно то количество теплоты, которое въ нихъ заключается, истрачивается; вы думаете, что эта теплота пропала? Ошибаетесь. Вода превращается въ паръ, слѣдовательно теплота выражается въ формѣ движенія и видоизмѣненія вещества; паровая машина приходитъ въ движеніе, слѣдовательно теплота превращается въ механическую работу; вслѣдствіе этой механической работы разогрѣваются тѣ части машины, въ которыхъ происходитъ треніе, слѣдовательно работа опять превращается въ теплоту, которая въ свою очередь можетъ быть превращена въ работу и т. д. до безконечности.

Законъ неразрушимости силы имѣетъ свое несомнѣнное и огромное значеніе какъ теоретическое положеніе, какъ одинъ изъ краеугольных камней рациональнаго міросозерцанія. Практическое примѣненіе этого закона не всегда возможно.

Ясно какъ день, что въ природѣ не пропадаетъ ни одинъ клочекъ матеріи, ни одна частичка силы, по той простой причинѣ, что имъ некуда пропасть, некуда вывалиться изъ этого безпредѣльнаго ящика. Но точно также ясно и то, что для насъ, для нашихъ пѣлей, интересовъ и по-

требностей ежедневно и ежеминутно пропадаетъ матерія, и сила. Если вы прольете на асфальтъ вина, которую вы несете къ губѣ, она для васъ пропала, хотя природа ничего не потеряла отъ этого ни одного атома. Если вы сожжете лѣсъ, то для васъ пропадетъ то количество теплоты, которое заключалось въ деревѣ; пропадетъ, не смотря на то, что воздухъ, орожающій вашъ сгорѣвшій лѣсъ, оказывается орожаемымъ въ значительной степени; возмущеніе температуры этого воздуха производитъ вѣтеръ въ воздухѣ—вѣтеръ; слѣдовательно, природѣ неразрушимость силы остается существеннымъ фактомъ. Лѣсъ вашъ сгорѣлъ, воздухъ орожающій лѣсъ, поднялся вѣтеръ. Химическое дѣйствіе дерева породило теплоту, теплота породила вѣтеръ. Это васъ однако нисколько не утѣшаетъ и вы спрашиваете съ отѣнкомъ досады: и что же все это? Кому это нужно? Кому это полезно?—Для чего? Съ такимъ вопросомъ смѣшно даже обращаться къ явленіямъ природы. Ставить ей какія бы то ни было требованія значить сходить въ міросозерцаніи съ береговъ, бичевавшимъ Дарданельскій проливъ и поднявшему на немъ бурю. Въ такомъ міросозерцаніи можетъ быть много поэзіи, но очень мало здраваго смысла. О сгорѣвшемъ лѣсѣ пожалѣть, какъ можно пожалѣть о пропавшихъ деньгахъ, но отождествлять свои интересы съ интересами природы нелѣпо; природа не страдаетъ бѣднѣе отъ кагого нибудь пожара или наводненія, потому что всѣ частицы сгорѣвшаго лѣса или затопленной земли остаются попрежнему въ полномъ и безотчетномъ ея распоряженіи. Ваше личное положеніе, положеніе миллионовъ людей можетъ сдѣлаться бѣдственнымъ и невыносимымъ, но природѣ до этого обстоятельства нѣтъ и не можетъ быть никакого дѣла. Вамъ хорошо жить—живите, не можете жить—умирайте, и она сейчасъ же распорядится съ составными элементами вашего тѣла.

Я позволилъ себѣ это отступленіе единственно для того, чтобы сдѣлать разграниченіе между жизнью природы и нашей человѣческой жизнью, изъ которой мы такъ часто, совершенно не выпасть, выхватываемъ мѣрки, прилагаемыя нами къ оцѣнкѣ физическихъ явленій. Природу намъ изучать, а мы вмѣсто того становимся къ ней въ разныя патетическія отношенія, тратимъ время на возгласы, отуманиваемъ свой мозгъ разными фантазмагоріями, въ которыхъ одни люди находятъ красоту, другіе отраду, третьи даже смыслъ и послѣдовательность. Пора однако возвратиться къ теплотѣ.

Конечный источникъ всѣхъ силъ, дѣйствующихъ на землѣ, всякой дѣятельности, проявляющейся на нашей планетѣ, заключается въ лучахъ солнца; они льютъ на землю свѣтъ и теплоту, они производятъ движеніе воды въ океанахъ и озерахъ, въ рѣкахъ и бассейнахъ; они поднима-



тъ въ воздухъ водяные пары, порождаютъ градъ, снѣга; производятъ теченія въ атмосферѣ или вѣтры; вызываютъ изъ земли растительную жизнь и поддерживаютъ эту жизнь вліяніемъ свѣта и теплоты; они орошаютъ луга, поля, лѣса потоками той воды, которая при ихъ содѣйствіи поднимается въ видѣ паровъ и носится въ воздухѣ въ названіяхъ тучъ, тумановъ и облаковъ.

Животныя и люди, существующіе по милости солнечныхъ лучей, обращаютъ въ свою пользу вліяніе на почву и растительность. Травоядные питаются растеніями, не спрашивая о происхожденіи; плотоядные пожираютъ растительныхъ, не заботясь о ихъ разведеніи; человѣкъ оказывается смышленѣе тѣхъ и другихъ: не довольствуется тѣмъ, что нечаянно получаетъ на его долю; онъ пользуется силами и теплотами, возникающими подъ живительнымъ вліяніемъ солнечныхъ лучей; онъ ловитъ тѣхъ животныхъ матерій и силы, которыя кажутся ему новыми; онъ принимаетъ свои мѣры, для того чтобы эти удобныя формы сохранялись какъ можно долѣе или измѣнялись именно тогда, когда это необходимо. Онъ сохраняетъ запасы топлива и сжигаетъ ихъ тогда, когда теплота солнечныхъ лучей оказывается недостаточной; онъ ловитъ вѣтеръ и по вѣтру распускаетъ паруса своего корабля или направляетъ крылья своей вѣтряной мельницы; онъ бросаетъ въ землю семена растеній, рассчитывая время такъ, чтобы семя успѣло вырѣсть и принести плоды раньше наступленія холода. Не создавая въ природѣ новыхъ силъ, человѣкъ пользуется существующимъ источникомъ и примѣняется къ неизмѣняемымъ естественнымъ законамъ. Во всѣхъ случаяхъ, во всѣхъ отрасляхъ своей дѣятельности онъ постоянно или непосредственно эксплуатируетъ вліяніе солнечныхъ лучей. «Сила, говоритъ Бюхнеръ, съ которою докомитивъ несется въ воздухѣ, есть капля солнечной теплоты, заключенная въ растеніяхъ силами природы за милыя лѣты тому назадъ и въ настоящую минуту превращенная въ механическую работу посредствомъ машины, приготовленной рукою человека».

Если бы солнце перестало согревать и освѣщать землю, то наша планета въ самое короткое время превратилась бы въ ледяную глыбу; растительность исчезла бы немедленно; вмѣстѣ съ растительностью погибли бы тѣ животныя, которыя не защищены рукою человѣка и сами по себѣ не способны согреваться искусственно произведенною теплотой. Человѣкъ нѣсколько времени боролся бы съ природой, запираясь въ своихъ домахъ, отапливая ихъ мерзлыми остатками растительнаго царства, защищая своихъ домашнихъ животныхъ отъ разрушительнаго вліянія холода и питаясь набранными запасами. Но этихъ искусственныхъ средствъ хватило

бы не надолго; холодъ и голодъ погубили бы человѣка вслѣдъ за другими животными, органическая жизнь остановилась бы окончательно, и замерзшая земля превратилась бы въ страшную, громадную пустыню.

Отдавая себѣ такимъ образомъ ясный отчетъ въ томъ всеобъемлющемъ вліяніи, которое солнечная теплота оказываетъ на всѣ отправленія нашей жизни, мы будемъ въ состояніи понять, почему первобытные народы, не слыхавшіе ученія объ истинномъ Богѣ, поклонялись солнцу и огню, который они считали земнымъ отраженіемъ небеснаго свѣтила. Первобытныя религіи основаны на обоготвореніи силъ природы и выражаютъ собою міросозерцаніе народа въ томъ періодѣ, въ которомъ философія и наука были неразлучны съ поэзіей и въ которомъ идея представлялась уму не иначе, какъ въ яркомъ, фантастически разукрашенномъ образѣ. Правильный инстинктъ первобытнаго человѣка указалъ ему на ту важную роль, которую въ нашей жизни играетъ солнце; человѣкъ угадалъ связь, существующую между появленіемъ солнца на небосклонѣ и процвѣтаніемъ органической жизни на землѣ; онъ понялъ свою зависимость отъ климатическихъ измѣненій, обуславливающихъ дѣйствіемъ солнца; впечатлительный какъ ребенокъ, онъ упалъ на колѣни передъ источникомъ жизни и наслажденія; онъ заговорилъ съ нимъ своимъ языкомъ, онъ думалъ умиловать его мольбами и жертвами, а солнце обливало его по прежнему своимъ безучастнымъ свѣтомъ и согревало его также безсознательно и непроизвольно, какъ согревало какую нибудь полевую мышь или безчувственный камень.

#### У.

Когда мы прикасаемся рукою къ какому нибудь предмету, то чувствуемъ, что онъ теплѣе или холоднѣе; мы различаемъ эти два понятія въ разговорномъ языкѣ и даже считаемъ ихъ диаметрально противоположными; на самомъ же дѣлѣ этой противоположности не существуетъ; между горячимъ и холоднымъ предметомъ существуетъ только количественное различіе; въ горячемъ предметѣ находится больше теплоты, чѣмъ въ нашей рукѣ, въ холодномъ—меньше; когда мы дотрогиваемся до горячаго предмета, то теплота изъ этого предмета проникаетъ въ нашу руку; если же мы кладемъ руку на холодный предметъ, то теплота изъ нашей руки переходитъ въ этотъ предметъ, и мы чувствуемъ потерю теплоты точно также, какъ въ первомъ случаѣ чувствуемъ приращеніе теплоты въ нашемъ собственномъ тѣлѣ. Такимъ образомъ, судя о температурѣ окружающихъ предметовъ, называя каленое желѣзо горячимъ, а ледъ—холоднымъ, мы только выражаемъ отношеніе, въ которомъ находится теплота этихъ предметовъ къ теплотѣ нашего тѣла.



Средняя температура нашего тѣла колеблется между 28 и 30 градусами Реомюра; эта температура не можетъ быть ни возвышена, ни понижена, не подвергая опасности здоровья и даже жизни; на поверхности нашего тѣла, особенно въ оконечностяхъ и въ тѣхъ частяхъ, которыя не покрыты платьемъ, эта температура подвержена значительнымъ измѣненіямъ, не представляющимъ ни малѣйшей опасности. Лицо, руки и ноги человѣка, пробывшаго около часу на открытомъ воздухѣ въ зимнее время, будутъ очень холодны, когда онъ возвратится въ комнату; потомъ, когда кровь опять прильетъ въ волосные сосуды, сжавшіеся отъ дѣйствія холода, лицо, руки и ноги сдѣлаются теплѣе, чѣмъ они были до выхода на улицу; каждый изъ моихъ читателей вѣроятно испыталъ на себѣ, какъ горитъ лицо при переходѣ изъ холоднаго воздуха въ болѣе теплый; эти измѣненія температуры, быстро слѣдующія другъ за другомъ, нисколько не вредятъ нашему здоровью, если они проявляются только въ нашей кожѣ и въ оконечностяхъ тѣла. Что же касается до степени теплоты нашей крови и нашихъ внутреннихъ частей, то она не можетъ измѣняться, не подвергая насъ опаснымъ болѣзнямъ, или не являясь слѣдствіемъ подобныхъ болѣзней.

Положимъ, говоритъ Льюисъ въ своей «Физиологіи обыденной жизни», что въ комнатѣ виситъ птичья клѣтка. Атмосфера комнаты измѣняетъ степень своей теплоты, смотря по времени года и по свойствамъ каждаго отдѣльнаго дня. Лучи лѣтняго солнца и холодный сѣверный вѣтеръ проникаютъ въ комнату и измѣняютъ температуру тѣхъ мѣдныхъ прутьевъ, изъ которыхъ составлена клѣтка. Но въ это время птица, сидящая въ клѣткѣ, не становится ни теплѣе, ни холоднѣе. Ни лучи августовскаго солнца, ни пронзительный декабрьскій вѣтеръ не увеличиваютъ ея нормальной теплоты, которая вообще можетъ измѣниться только на одинъ или на два градуса. Какимъ образомъ, спрашиваетъ Льюисъ, можетъ птица, подверженная вѣншему вліянію измѣнчивой температуры, постоянно сохранять такую высокую степень собственной теплоты?

На этотъ вопросъ можно дать слѣдующій прямой отвѣтъ: каждый живой организмъ заключаетъ въ себѣ источникъ самостоятельно развивающейся теплоты. Такого рода отвѣтъ обобщаетъ вопросъ, поставленный Льюисомъ, но конечно нисколько не рѣшаетъ предложенной задачи. Мы видимъ, что всѣ организмы развиваютъ въ себѣ извѣстную степень теплоты; надо теперь объяснить, какимъ образомъ совершается въ организмахъ этотъ замѣчательный процессъ.

Когда признавали существованіе особенной, необъяснимой жизненной силы, тогда на ея широкія плечи сваливались всѣ тѣ явленія, которыя изслѣдователи не могли объяснить себѣ вслѣдствіе незнанія фактовъ или лѣнності мысли.

Вмѣстѣ съ другими процессами была отнесена въ обширную область жизненной силы и развитія органической теплоты. Нѣкоторые зоологи, совѣстившіеся прикрывать свое нѣе избитой вывѣской жизненной силѣ, нѣлись доказать, что животная теплота есть ствѣ таинственной дѣятельности верми. И другіе витали въ области гипотезъ и не привести въ подтвержденіе своихъ мнѣній одного факта, выдерживающаго серьезную критическую критику.

Въ концѣ XVIII столѣтія атмосферный духъ былъ разложенъ на свои составныя и ученые того времени узнали замѣчательныя свойства кислорода. Открытіе кислорода привело къ пониманію процесса горѣнія. Нѣкоторые убѣдились въ томъ, что всякое горѣніе есть что иное какъ окисленіе какого нибудь соединенія его съ кислородомъ; когда нибудь тѣло соединяется съ кислородомъ, сгораетъ и развиваетъ извѣстную степень теплоты; какъ бы не совершалось это медленно или быстро, съ пламенемъ или безъ пламени, оно все-таки сопровождается въ высшей степени теплоты, хотя иногда эта теплота развивается такъ медленно, что мы не можемъ чувствовать ея существованія ни непосредственнымъ чувствомъ, ни термометромъ.

Узнавши о существованіи кислорода, въ концѣ XVIII столѣтія узнали также, что кислородъ необходимъ для поддержанія животнаго и что процессъ дыханія заключается въ поглощеніи кислорода, проникающаго въ организмъ и соединяющагося съ кровью. Кислородъ соединяется съ кровью, и всякое соединеніе кислорода съ кровью есть горѣніе медленное или быстрое, различное съ развитіемъ большей или меньшей степени теплоты. Такого рода мыслями въ концѣ XVIII вѣка пришла въ голову одному изъ самыхъ ученыхъ Лавуазье и Лапласу сошлись на этой идеѣ англичане Блефордъ, и животная теплота была объяснена изслѣдователями, какъ слѣдствіе горѣнія кислорода внутри организма. Въ 1789 году нашего столѣтія французскій химикъ Лапласъ далъ этой идеѣ вполнѣ научную ботку; кромѣ того, знаменитый нѣмецкій химикъ Либихъ посвятилъ вопросу о животной теплотѣ самыя тщательныя изслѣдованія и пришелъ къ тому заключенію, что большая часть теплоты, развивающейся въ тѣлѣ животнаго, происходитъ отъ сожженія углерода и водорода въ воду. Углеродъ и водородъ забираются изъ воздуха, а кислородъ берется изъ атмосфернаго воздуха и, соединяясь съ углеродомъ и водородомъ, образуетъ, какъ результатъ, углекислоту и воду.

Кислородъ черезъ легкія входитъ въ тѣло; въ легкіяхъ онъ соединяется съ кровью, насыщенная кислородомъ, идетъ



нашего тѣла и несетъ съ собой то количество кислорода, которое, соединяясь съ органическими тканями и пережигая ихъ, развивается во всѣхъ частяхъ тѣла животного теплоту. Потомъ выдѣляется вмѣстѣ съ пережженными веществами въ видѣ углекислоты, аммоніака и воды. Поэтому животная теплота порождается въ однихъ легкихъ, но во всякомъ мѣстѣ, въ которомъ кислородъ соприкасается съ другими веществами, способными окисляться. Притокъ кислорода въ легкія можно сравнить съ той тягой воздуха, которая необходима для того, чтобы поддерживать горѣніе дровъ въ печи. Тяга необходима для развитія теплоты въ печкѣ, теплота развивается не въ томъ мѣстѣ, въ которомъ воздухъ вливается въ печку, а въ томъ, въ которомъ кислородъ этого воздуха соединяется съ углеродомъ горящаго дерева. Такъ точно и животная теплота развивается не въ самыхъ легкихъ, представляющихъ только дверь для притока атмосфернаго воздуха, а во всѣхъ частяхъ нашего тѣла, вездѣ, гдѣ совершается горѣніе, гдѣ кислородъ, заключенный въ крови, соединяется съ углеродомъ и водородомъ привлекающихъ тканей.

Постоянный обмѣнъ веществъ, составляющихъ ткани нашего тѣла, постоянное созиданіе и разрушеніе этихъ тканей при содѣйствіи атмосфернаго кислорода, являются такимъ образомъ главными и даже единственными причинами животной теплоты. Чѣмъ быстрѣе совершается этотъ обмѣнъ веществъ, тѣмъ сильнѣе развивается теплота; чѣмъ медленнѣе онъ происходитъ, тѣмъ слабѣе вырабатывается теплота. Надъ кроликами производился слѣдующій любопытный опытъ. Кролика обрили и вымазали лакомъ, не пропускающимъ воздуха; повидимому слѣдовало бы ожидать, что кролику будетъ очень тепло, потому что воздухъ не будетъ касаться его тонкой, обнаженной кожи. Вышло однако совершенно наоборотъ; теплота кролика быстро понизилась на 14, потомъ даже на 18 градусовъ, и вслѣдъ за тѣмъ, похолодѣвши заживо, кроликъ околѣлъ. Почему же такъ случилось? А потому, что лакъ закрылъ поры кожи, и потому черезъ эти поры не могли выдѣляться ни газообразныя, ни жидкія испаренія. Пережженные вещества, выдѣляющіяся чрезъ кожу, должны были оставаться въ тѣлѣ кролика и своимъ накопленіемъ замедлили общій обмѣнъ веществъ, служащій источникомъ всякой животной теплоты. Смерть вымазаннаго кролика можетъ быть замедлена только притокомъ теплоты изъ окружающаго воздуха; въ холодной комнатѣ кроликъ умираетъ скорѣе, чѣмъ въ теплой. Животныя, умирающія отъ голода, также живутъ дольше въ искусственно нагрѣтомъ воздухѣ.

Чтобы поддерживать въ нашемъ тѣлѣ то горѣніе, которое производитъ животную теплоту, мы должны постоянно принимать въ себя по-

стороннія вещества, которые пережигаются въ нашей крови послѣ своего предварительнаго превращенія въ органическія ткани. Эти стороннія вещества, называющіяся общимъ именемъ пищи—различными процессами, совершающимися въ нашемъ тѣлѣ, перерабатываются въ плоть и кровь и развиваютъ силу теплоты, электричество, необходимое для нервовъ, механическую силу, проявляющуюся въ мускулахъ, и ту особенную, неизслѣдованную силу, которой отправления происходятъ въ мозгу. Пища и кислородъ, постоянно созидающій и постоянно разрушающій, составляютъ, по мнѣнію Молешота, единственные источники тѣхъ силъ, которыя обнаруживаются въ нашемъ тѣлѣ. Это мнѣніе можетъ быть принято какъ осязательная и неопровержимая научная аксіома.

Теплота нашего тѣла измѣняется періодически, смотря по возрасту чловѣка, смотря по занятіямъ и по времени дня. У ребенка обмѣнъ веществъ совершается быстрѣе, чѣмъ у взрослого, и потому тѣло его обыкновенно на одинъ градусъ теплѣе. У старика обмѣнъ веществъ производится медленнѣе, чѣмъ у мужчины среднихъ лѣтъ, и соразмѣрно съ этимъ тѣло его на одинъ градусъ холоднѣе.

Движеніе, гимнастическія упражненія, работа, бѣганье ускоряютъ обмѣнъ веществъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышаютъ температуру. Ускоряя горѣніе органическихъ тканей, механическая работа увеличиваетъ потребность въ пищѣ, усиливаетъ аппетитъ. Чѣмъ больше расходъ, тѣмъ больше долженъ быть и приходъ, иначе нельзя будетъ свести концы съ концами, и организмъ рано или поздно обанкротится. Въ жизни это явленіе очень обыкновенное. Тѣ словеса, которыя всего болѣе напрягаютъ свои физическія силы, питаются самою дешевою и, вслѣдствіе этого, самою не питательною пищей. Пролетарій, работающій съ утра до вечера, выбивающійся изъ силъ, изнемогающій подъ тяжестью труда, нуждается въ хорошемъ кускѣ мяса, въ питательномъ бульонѣ, въ долговременномъ отдохновеніи, а на повѣрку оказывается, что этому чловѣку, растрчивающему свои силы съ вынужденной расточительностью, приходится набивать желудокъ хлѣбомъ, капустой и картофелемъ, приходится спать кое-какъ, въ промежутки между работами, безъ хорошей постели, безъ теплаго одѣяла. Послѣдствія такого образа жизни предсказать не трудно. Преждевременная дряхлость и частыя болѣзни, безотрадная жизнь и ранняя смерть—вотъ что достается на долю голоднаго бѣдняка, работающаго черезъ силу. «Голодь и холодъ, говоритъ Бюхнеръ, величайшіе враги чловѣчества, непрерывно работающіе надъ гибелью отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ и всегда достигающіе своей цѣли тамъ, гдѣ изнутри или снаружи не можетъ быть противопоставлено достаточное сопротивленіе».



На этой мысли нѣмецкій фізіологъ сходитъ съ замѣчательнымъ русскимъ поэтомъ:

Голодно, странничекъ, голодно,  
Голодно, родименькій, голодно

отвѣчаютъ прохожему въ «Коробейникахъ» Некрасова луга, звѣри и мужики, у которыхъ этотъ прохожій спрашиваетъ причину ихъ бѣдъ и горестей. Этотъ страшный по своей простотѣ отвѣтъ смѣняется другимъ отвѣтомъ, не менѣе выразительнымъ:

Холодно, странничекъ, холодно,  
Холодно, родименькій, холодно.

И въ этихъ двухъ отвѣтахъ сказано столько, сколько не выскажешь десятью поэмами.

Голодъ и холодъ! Этими двумя простыми причинами объясняются всѣ дѣйствительныя страданія человѣчества, всѣ тревоги его исторической жизни, всѣ преступленія отдѣльных лицъ, вся безправственность общественныхъ отношеній. Вглядитесь въ дѣло внимательно и безъ предубѣжденія, и вы увидите, что въ этой мысли нѣтъ ничего преувеличеннаго.

Я сказалъ выше, что температура нашего тѣла измѣняется періодически втеченіи сутокъ. Утромъ, когда мы просыпаемся, она возвышается и достигаетъ высшей степени послѣ обѣда, во время пищеваренія. Къ вечеру она понижается и доходитъ до низшей степени во время сна, послѣ полуночи. Когда мы спимъ, процессы дыханія, кровообращенія и обменъ веществъ, вообще совершаются гораздо медленнѣе, чѣмъ тогда, когда мы бодрствуемъ. Вслѣдствіе этого температура нашего тѣла понижается, и мы на этомъ основаніи принуждены ночью покрываться теплѣе, чѣмъ покрываемся днемъ. Ночью всего легче простудиться, и поэтому слѣдуетъ особенно беречься ночью сквозного вѣтра, прикосновенія къ холоднымъ предметамъ, вліянія сырости и т. п. Кто ляжетъ спать на тюфякъ, принесенномъ съ морозу, тотъ навѣрное можетъ разсчитывать на сильную простуду и на опасную болѣзнь. Люди не умѣютъ противиться тому желанію заснуть, которое проявляется почти всегда подъ вліяніемъ сильнаго холода, обыкновенно замерзаютъ, потому что во время сна тѣло не вырабатываетъ достаточнаго количества собственной теплоты и слѣдовательно не можетъ бороться съ тѣмъ морозомъ, дѣйствіе котораго оно переносило во время бодрствованія.

Для того, чтобы организмъ взрослого человѣка находился въ нормальномъ положеніи, чтобы тѣло не увеличивалось и не уменьшалось въ вѣсѣ, не заплывало жиромъ и не доходило до худобы, необходимо соблюдать равновѣсіе между количествомъ принимаемой пищи и быстротою горѣнія органическихъ тканей. Мы видѣли выше, что пролетаріи сжигаютъ больше, чѣмъ сколько они принимаютъ извнѣ, и потому постепенно разрушаютъ свое собственное тѣло. Богатый человѣкъ, проводящій время въ бездѣйствіи, поступаетъ

совершенно наоборотъ; онъ принимаетъ больше, чѣмъ сколько можетъ сжечь, и въ такомъ образомъ безполезныя и тѣльные запасы жира. Такой образъ жизни можетъ быть названъ правильнымъ и ведетъ за собою разныя неудобства и болѣзни, напр. уменьшеніе аппетита, расстройство желудка, расстройство кишечника, расстройство кровообращения, расстройство нервной системы, расстройство органовъ чувствъ, расстройство органовъ движения. Нормальный образъ жизни человѣка, который, наѣдаясь до сыта, но мѣря силъ; въ этомъ отношеніи работа также полезна, какъ и механическая работа, подобно физическому возвышенію температуры тѣла и у человека, и у животныхъ. Ученый, просидѣвшій часовъ за такою работой, которая требуетъ сильнаго аппетита, подобна поденщику, коловшаго дрова изъ воды.

Зимой и лѣтомъ, въ холодный день, температура здороваго человека неизмѣнною. Между тѣмъ лѣтомъ тратитъ такъ много теплоты, какъ и зимой, и потому необходимо, чтобы организмъ вырабатывалъ больше. Дѣйствіе горѣнія и развитія жизни усиливается въ холодное время. Животное начинаютъ дышать глубже, это ускореніе совершается въ рождество, дѣйствіе нервовъ на кровеносные сосуды происходитъ помимо воли самого животного, такъ что путешественники, побывавшіе въ холодныхъ странахъ, испытывавшіе дѣйствіе холода, говорятъ, что у нихъ утомляемость и какъ будто разрывалась грудь отъ дыханія. У людей и животныхъ, живущихъ въ холодномъ климатѣ, грудная клетка особенно развита, и легкія отличаются большой величиной. Но, если ускореніе ведетъ за собой ускоренное горѣние, то необходимо, чтобы это горѣние постоянно имѣло достаточно горючаго матеріала. слѣдовательно, чтобы во время холода или животное съѣдало больше пищи, или человекъ, или животное съѣдало больше пищи во время жара. Такъ и бываетъ. Аппетитъ усиливается зимою. Въ теплыхъ климатахъ 24 лотовъ питательной пищи въ день достаточно для существованія человѣка, а въ холодныхъ земляхъ для этого необходимо 40 лотовъ питательной пищи. Литанскій лаццарони питается маисомъ и съѣдаетъ такое незначительное количество пищи, какимъ никакъ не можетъ кормиться нашъ простолудинъ. Эскимосы ѣдятъ ежедневно по 10 фунтовъ мяса, сала или китоваго жира. Жители лапландцы и самобы изумляютъ европейцевъ своимъ пристрастіемъ къ



жиръ, который они пожираютъ въ огромномъ количествѣ, не обращая вниманія ни на вкусъ, ни на запахъ, ни на степень свѣжести. Это пристрастіе имѣтъ свои физиологическія причины. Жиръ, какъ вещество, заключающее въ себѣ очень мало кислорода и очень много углерода и водорода, отлично поддерживаетъ органической процессъ горѣнія точно также, какъ онъ отлично поддерживаетъ горѣніе лампы. Жиръ горитъ долго и своимъ горѣніемъ производитъ сильную теплоту; поэтому жиръ болѣе чѣмъ какое либо другое вещество приноситъ пользу жителямъ полярныхъ земель; онъ даетъ имъ возможность развивать то значительное количество животной теплоты, которое необходимо имъ, чтобы уравновѣсить охлаждающее дѣйствіе сильныхъ и продолжительныхъ морозовъ.

Въ холодномъ климатѣ желудокъ усиливаетъ свою дѣятельность и одолеваетъ такое количество пищи, которое могло бы разстроить его отравленія въ теплой странѣ. Путешественники, отправившіеся отыскивать остатки франклиновой экспедиціи, изумлялись тому невообразимому количеству мяса и сала, съ которымъ справлялись ихъ желудки подъ вліяніемъ полярнаго холода. Лѣтомъ или вообще въ тепломъ климатѣ выдѣленіе углекислоты уменьшается, всѣ обмѣны веществъ становятся медленнѣе, аппетитъ уменьшается, и пищевареніе становится менѣе энергичнымъ. Бедуины отправляются въ дальнюю дорогу съ мѣшкомъ финиковъ подъ сѣдельной дугой. Отаитининъ круглый годъ питается плодами своего хлѣбнаго дерева. Французы находятъ, что можно позавтракать, ограничиваясь салатомъ, орѣхами или каштанами. Подобная воздержность для насъ, жителей сѣвера, также непонятна, какъ и прозорливость гренландцевъ или самоѣдовъ.

Не всѣ животныя обладаютъ, подобно человеку, способностью усиливать или уменьшать выработку животной теплоты, смотря по свойствамъ окружающей температуры. Этой способности, заключающейся вѣроятно въ особенномъ устройствѣ нервовъ, нѣтъ у такъ называемыхъ *холоднокровныхъ* животныхъ: у змѣй, у лягушекъ, у рыбъ и т. п. Теплота этихъ животныхъ упадаетъ и возвышается вмѣстѣ съ окружающей температурой; это не нарушаетъ ихъ здоровья. При извѣстномъ охлажденіи они впадаютъ въ оцѣпенѣніе, которое проходитъ отъ дѣйствія теплоты. Говорятъ даже, что гусеницы, жабы и даже нѣкоторые породы рыбъ, совершенно оковѣвшія и затвердѣвшія отъ холода, оживаютъ, когда ихъ положить въ теплое мѣсто. Напротивъ того, всѣ млекопитающія и птицы умираютъ при извѣстной степени охлажденія и до послѣдней возможности борются противъ охлаждающаго дѣйствія вѣншей температуры. Даже тѣ животныя, которыя зимою засыпаютъ и которыя во время своего сна теряютъ значитель-

ную часть своей теплоты, не выносятъ охлажденія до нуля, т. е. до точки замерзанія воды.

Способность примѣняться къ окружающей температурѣ развивается постепенно вмѣстѣ съ другими силами животнаго. «Молодые воробы, говоритъ Льюисъ, вынутые изъ гнѣзда, въ которомъ ихъ согрѣвала мать, при умѣренной температурѣ потеряли очень быстро около 11 градусовъ по Цельсію своей теплоты, такъ что ихъ тѣло оказалось только на полтора градуса теплѣе окружающаго воздуха». Вообще, чѣмъ моложе животное, тѣмъ менѣе оно способно сопротивляться холоду быстрымъ усиленіемъ внутренней теплоты. За то для молодого животнаго перемены внутренней температуры не такъ опасны, какъ для взрослого. Кромѣ того, способность сопротивляться измѣненіямъ вѣншей температуры даже у взрослыхъ животныхъ измѣняется вмѣстѣ съ временами года. Первый жаркій весенній день дѣйствуетъ на насъ сильнѣе, чѣмъ знойные дни іюля или августа. Точно также утренній морозъ, являющійся лѣтомъ или раннею осенью, кажется намъ гораздо холоднѣе такого же зимняго мороза. Опыты и наблюденія надъ животными показали, что они лѣтомъ при одинаковомъ градусѣ холода теряютъ больше внутренней теплоты, чѣмъ зимой. Организмъ привыкаетъ въ извѣстное время доставлять извѣстное количество теплоты. Потомъ, когда окружающая температура постепенно сдѣлается выше (при переходѣ отъ зимы къ веснѣ) или ниже (отъ осени къ зимѣ), то и организмъ постепенно перемѣняетъ свою дѣятельность. Если же онъ вдругъ почувствуетъ сильное измѣненіе, онъ не успѣваетъ приготовиться, и вы испытаете то непріятное ощущеніе, которое причиняетъ даже здоровому человѣку внезапная перемѣна погоды. Кто живетъ въ Петербургѣ, тотъ знаетъ, чего стоятъ эти перемѣны, и какое громадное количество кашлей, насморковъ, ревматизмовъ и разнообразныхъ простудъ носится въ воздухѣ при быстрыхъ переходахъ отъ оттепели къ морозу и отъ мороза къ оттепели.

Изъ всего, что было говорено выше о животной теплотѣ, видно, что количество этой теплоты, постоянно выдѣляющееся изъ тѣла, очень значительно. По вычисленіямъ нѣмецкаго физиолога Бишофа, оказывается, что взрослый человѣкъ въ теченіи 24-хъ часовъ выдѣляетъ такое количество теплоты, которое можетъ довести до кипѣнія 80 фунтовъ воды холодной какъ ледъ. Рождается вопросъ, на что же затрачивается это значительное количество теплоты?

Во-первыхъ она употребляется на то, чтобы сообщать пищѣ и питью, входящимъ въ наше тѣло, ту температуру, въ которой находятся наши внутренности. Всѣ холодные предметы, употребляемые въ пищу, согрѣваются въ желудкѣ и въ кишкахъ и такимъ образомъ непосредственно отнимаютъ у насъ нѣкоторую часть







нашему тѣлу. Окружающій насъ воздухъ постоянно гораздо холоднѣе нашего тѣла и потому, такъ только онъ дотрогивается до него, такъ известное количество нашей теплоты уходитъ въ воздухъ, и мы испытываемъ ощущеніе пролады или холода, смотря по тому, какъ велико различіе температуры между воздухомъ и нашимъ тѣломъ. Что воздухъ дѣйствительно нагрѣвается отъ прикосновенія къ нашему тѣлу, это доказывается тѣмъ, что намъ становится жарко зимой въ неотапливаемой церкви, если она наполнена людьми. Такъ какъ большая часть затрачиваемой нами теплоты, именно 76 процентовъ или болѣе трехъ четвертей, уходитъ въ окружающій насъ воздухъ, то испытываемыя нами ощущенія жара или холода зависятъ почти исключительно отъ температуры этого воздуха и отъ того обстоятельства, насколько мы подвержены его прикосновенію. Желая выйти на улицу, мы смотримъ на термометръ и, соображаясь съ его показаніями, надѣваемъ то или другое платье. Выйдя на улицу, мы инстинктивно принимаемъ тѣ или другія мѣры для усиленія или для ослабленія вырабатываемого нами количества теплоты; мы ускоряемъ походку, если чувствуемъ холодъ, и, придавая нашимъ движеніямъ большую быстроту, усиливаемъ процессъ органическаго горѣнія. Если намъ жарко, мы, напротивъ того, идемъ медленнѣе, движенія наши становятся лѣннѣе, органическое горѣніе ослабляется, и мы пассивно защищаемся противъ жара, уходимъ въ тѣнь, ищемъ вѣтерка, радуемся тучкѣ, набѣжавшей на солнце.

Въ умѣренномъ климатѣ, въ самое знойное лѣто, температура воздуха не достигаетъ той степени теплоты, на которой постоянно находится наша кровь и внутреннія части нашего тѣла. Когда воздухъ нагрѣвается до 30 градусовъ Реомюра, мы уже не знаемъ, куда дѣваться отъ жара; мы надѣваемъ самое легкое платье, уходимъ въ тѣнистыя мѣста, купаемся по нѣскольку разъ въ день, и все-таки воздухъ отнимаетъ у нашего тѣла такое незначительное количество вырабатываемой нами теплоты, что мы чувствуемъ какое-то разслабленіе, вялость, неспособность къ работѣ. Намъ тяготитъ то количество теплоты, котораго намъ некуда выдѣлать. Температура воздуха, равняющаяся теплотѣ нашего тѣла, была бы для насъ *à la longue* невыносима. Животныя раздѣляютъ съ нами эти ощущенія. Всякій имѣлъ случай наблюдать, какъ лѣтомъ, около полудня, все въ природѣ затихаетъ и въ своей неподвижности ищетъ того уменьшенія внутренней теплоты, котораго нельзя найти въ прикосновеніи окружающей атмосферы. Чтобы человѣкъ, снявшій съ себя все платье, могъ чувствовать себя вполне хорошо—необходимо, чтобы температура окружающаго воздуха заключала въ себѣ отъ 22—25 градусовъ, т. е. чтобы она была градусомъ на 8 ниже темпера-

туры нашего тѣла. Когда-же прикосновеніе между нашимъ тѣломъ и воздухомъ ослаблено, т. е. когда мы одѣты, то такая температура слишкомъ высока и дѣлается уже неприятной; тогда достаточно, смотря по возрасту и общей комплекціи человѣка, отъ 15 до 20 градусовъ.

Одежда предохраняетъ насъ отъ дѣйствія холода тѣмъ, что она устраниваетъ непосредственное прикосновеніе воздуха. Всѣ тѣла, известные намъ въ практической жизни, могутъ быть раздѣлены на хорошіе и худые проводники теплоты. Всякій знаетъ, что если желѣзная палка съ одного конца накалена до красна, то и другой конецъ ея, не лежавшій въ огнѣ, непременно обожжетъ прикасающуюся къ нему руку. Всякому точно также известно, что деревянную палку, зажженную съ одного конца, можно держать въ рукахъ, не боясь обжога. Всѣ металлы принадлежатъ къ числу хорошихъ проводниковъ теплоты, т. е. всѣ они очень быстро принимаютъ и передаютъ температуру окружающаго воздуха. Желѣзная крыша накаляется лѣтомъ и дѣлается невыносимо холодной во время зимы. Желѣзный домъ былъ бы вслѣдствіе этого обстоятельства въ высшей степени неудобенъ, холоденъ зимою и невыносимо тепелъ лѣтомъ. Одежда, сотканная изъ тонкихъ металлических нитокъ, имѣла бы всѣ эти неудобства; она лѣтомъ не предохраняла бы отъ жара, а зимою не защищала бы отъ холода. Для построенія нашихъ жилищъ и для приготовленія одежды мы выбираемъ, по возможности, самые худые проводники теплоты. Шерсть, изъ которой дѣлаются наши сукна, хлопчатая бумага, изъ которой готовится огромное количество разнообразныхъ матерій, и которая толстыми слоями кладется между покрывкой и подкладкой теплыхъ одеждъ, мѣха, служащія для приготовленія шубъ, и пухъ, замѣняющій вату или хлопчатую бумагу, принадлежатъ къ числу самыхъ худыхъ проводниковъ теплоты. Это объясняется тѣмъ, что между тонкими волокнами этихъ веществъ находится нѣсколько изолированныхъ слоевъ воздуха, а воздухъ принадлежитъ къ самымъ худымъ проводникамъ. Чѣмъ пушистѣе какая нибудь матерія, т. е. чѣмъ больше слоевъ воздуха находится между ея волокнами, тѣмъ хуже она проводитъ теплоту, и слѣдовательно тѣмъ сильнѣе защищаетъ наше тѣло отъ дѣйствія вѣшняго воздуха. Одежда помогаетъ намъ переносить такіе низкіе температуры, которые принесли бы намъ вѣрную смерть, если бы мы подвергли ихъ дѣйствію свое непокрытое тѣло. Въ хорошей шубѣ мы можемъ переносить морозъ отъ 15 до 20 градусовъ, не чувствуя особеннаго страданія; та же самая температура заморозила бы насъ въ короткое время, если бы мы не были защищены отъ ея дѣйствія плохими проводниками.

Движеніе воздуха значительно увеличиваетъ







нѣ въ томъ случаѣ, когда сильный холодъ внезапно на очень теплую кожу. Снѣно вреденъ бываетъ сквозной вѣтеръ или ваніе холодной водой послѣ разгоряченія и ваго выдѣленія пота. Также вреденъ быстрый ходъ отъ зимняго платья къ лѣтнему. Про- а можетъ также совершиться постепенно и ршенно незамѣтно для самаго паціента; если юсимъ слишкомъ легкое платье, не довольно о покрываемся ночью во время сна, живемъ олодной и сырой квартирѣ или въ такомъ вомъ климатѣ, который не по силамъ на- у тѣлосложенію, то мы простужаемся посто- о и мало по малу подкапываемъ наше здо- бе.

Попытки пріучить себя къ холоду, стремленіе ѣлнить здоровье своихъ дѣтей такъ называемъ спартанскимъ воспитаніемъ возбуждаютъ заведивую оппозицію со стороны всякаго раціо- ально образованнаго медика. Можно до нѣкото- й степени притупить тѣ нервы, которые про- являть въ мозгъ ощущение боли, но нѣтъ ника- й возможности уничтожить вредное дѣйствіе холода на организмъ. Пріучить тѣло къ холоду е равно, что пріучить желудокъ къ голоду, нну къ розгамъ, легкія къ отсутствію кисло- да, глаза къ полной темнотѣ. Вы никакъ не ричите воду къ тому, чтобы она не замерзала и 0° и не кипѣла, подъ обыкновеннымъ да- ніемъ, при 80° Реомюра. Вспомните, что ваше то въ своихъ составныхъ частяхъ повинуются тѣ же законамъ, которымъ покоряется вода; юмните, что кровь ваша обращается, и сердце тся, и желудокъ варитъ пищу помимо вашей ии; вспомните, что въ васъ дѣйствуютъ тѣ же зическія и химическія силы, которыя сталки- отся и переплетаются между собой въ окру- ющемъ мірѣ, и вы убѣдитесь въ томъ, что ютось съ своими непосредственными ощуще- ми значить бороться съ силами природы и ьотивопоставлять этимъ силамъ не такія же йствительныя физическія силы, а одну отвле- нную, неуловимую и неосязаемую силу своей ии.

Если вы почувствовали холодъ, смѣло надѣ- йте теплое платье; если существуетъ ощущение, то существуетъ и причина, вызвавшая это ощущение; не бойтесь изнѣжить себя; когда теп- е платье сдѣлается излишнимъ, вамъ доложить въ этомъ то же самое ощущение, которое застав- ло васъ вынуть это платье изъ шкапа. Мы инѣживаемъ себя не тѣмъ, что повинемся на- имъ ощущениямъ, а тѣмъ, что съ дѣтства, по ялости родителей и воспитателей, привыкаемъ въ искусственнымъ наслажденіямъ и создаемъ бѣ искусственныхъ потребности.

Если вы считаете необходимымъ имѣть за- ѣдомъ полдюжины замысловатыхъ соусовъ, въ которыхъ естественный вкусъ пищи заглу- енъ пряностями и приправами, то эту потреб-

ность смѣло можно назвать искусственной; но если вы, какъ здоровый человѣкъ, часто чувствуете сильный аппетитъ и съѣдаете за вашимъ обѣ- домъ по нѣскольку кусковъ хорошей говядины, то вамъ остается только радоваться правильнымъ отправленіямъ вашего желудка и немедленно удовлетворять всѣмъ его требованіямъ. Каждому педагогу, завѣдывающему матеріальной частью воспитанія, слѣдуетъ внушить строго на-стро- го, что онъ воленъ не баловать своихъ воспитан- никовъ рагу и фрикасе, но что онъ положитель- но обязанъ кормить ихъ до отвала здоровой, свѣ- жей пищею. Держаться въ отношеніи къ про- довольствію воспитанниковъ или воспитанницъ спартанской системы—въ высшей степени без- чловѣчно; если это дѣлается ради укрѣпленія здоровья дѣтей, то это обличаетъ тупоуміе и полнѣйшее невѣжество педагога; если же это дѣлается изъ личнаго, экономическаго расчета, тогда это подлѣе всякаго взяточничества. Это значить лишать воспитанниковъ тѣхъ силъ, ко- торыя только-что начинаютъ развиваться и ко- торыя необходимы имъ въ будущемъ для того, чтобы наслаждаться жизнью и по мѣрѣ силъ дѣй- ствовать на пользу своихъ согражданъ.

То, что я сказалъ о пищѣ, въполнѣ прилагается и къ теплотѣ. Теплота, по выраженію Гюфелан- да, другъ жизненной силы, и для здоровья чело- вѣка ея присутствіе въ умѣренной степени так- же необходимо, какъ для прозябанія травы, для распусканія цвѣтка и для созрѣванія плода. Если вашъ воспитанникъ заблѣетъ—укройте его, вы- топите комнату, перемѣните квартиру; къ холоду и къ сырости чловѣческой организмъ не можетъ пріучиться, и экономничать на теплотѣ также безсовѣстно, какъ экономничать на пищѣ.

Теплота всего необходимѣе для чловѣка въ началѣ и въ концѣ его жизни. Новорожденный ребенокъ выходитъ изъ такой среды, которая гораздо теплѣе комнатнаго воздуха; его надо пріучать постепенно даже къ теплой, комнатной температурѣ; съ нимъ надо обращаться бережно и нѣжно, чтобы не задавить слабо мерцающую искру жизни. Обычай спартанцевъ и древнихъ германцевъ купать новорожденныхъ дѣтей въ холодной водѣ изумляетъ насъ своей нелѣпостью; ни одна собака не поступитъ такимъ образомъ съ своимъ щенкомъ, ни одна птица не выгонитъ изъ теплаго гнѣзда своихъ неоперившихся птен- цовъ; спартанцы и отчасти германцы, какъ на- родъ, жившій войной и грабежемъ, могли обра- щаться такъ неосторожно съ своими новорожден- ными дѣтьми собственно съ тою цѣлю, чтобы избавить себя отъ труда воспитывать слабыхъ и болѣзненныхъ младенцевъ; спартанцамъ за- коны Ликурга даже положительно приказывали убивать уродливыхъ или шедушнихъ дѣтей. Надо впрочемъ замѣтить, что даже эта цѣль не дости- гается купаньемъ дѣтей въ холодной водѣ; во-пер- выхъ, даже совершенно здоровый и очень хорошо



сложенный ребенок может умереть от подобных передѣлокъ; во-вторыхъ, очень болѣзненные дѣти часто превращаются, вырастая, въ очень сильныхъ и здоровыхъ людей.

Первые годы жизни бываютъ для дѣтей самымъ тяжелымъ и опаснымъ временемъ; справьтесь съ статистическими таблицами, и вы увидите, что почти половина дѣтей, родившихся въ такомъ-то году, умираетъ, не достигши пятилѣтняго возраста. Организмъ молодого существа, не успѣвшій укрѣпиться и развернуть свои силы, не успѣвшій примѣниться къ той борьбѣ съ внѣшней природой, которая называется жизнью, погибаетъ и разрушается частью отъ невѣжества окружающихъ людей, частью отъ ихъ безпечности, частью отъ излишней внимательности и неумѣстной заботливости. Когда первые годы дѣтства пройдутъ благополучно, тогда можно постепенно укрѣплять силы ребенка тѣлесными упражненіями, можно мало-по-малу приучать его къ холоду, но при этомъ надо соблюдать извѣстную послѣдовательность и твердо помнить то обстоятельство, что есть естественныя границы, которыхъ не слѣдуетъ переступать ни въ какомъ случаѣ. Въ холодномъ климатѣ надѣвать на дѣтей шотландскій костюмъ, водить ихъ осенью или весной по улицѣ съ голыми икрами значить во всякомъ случаѣ подвергать ихъ здоровью самой серьезной опасности.

Старику, начинающему уже чувствовать упадокъ силъ, теплота также полезна и необходима, какъ и ребенку. Въ теплое время года старики чувствуютъ себя лучше обыкновеннаго; зимой они любятъ искусственную теплоту топлённой комнаты; въ нашемъ простонародьѣ старики проводятъ большую часть года на печкѣ или, какъ ее называютъ въ деревняхъ средней Россіи, на лежанкѣ. Теплыя ванны, усиливающія дѣятельность кожи и уменьшающія ея сухость и жесткость, особенно полезны для стариковъ.

Люди, ведущіе большею частью сидячую жизнь, нуждаются въ большемъ притоцѣ теплоты, чѣмъ люди, часто прогуливающіеся или работающіе на открытомъ воздухѣ.

Люди холоднаго, флегматическаго или меланхолическаго темперамента больше страдаютъ отъ холода, чѣмъ люди горячіе, энергическіе, холерики или сангвиники. Во время зимняго холода 1812 года мерзли преимущественно голландцы и нѣмцы, несмотря на то, что французы, испанцы и итальянцы, находившіеся въ арміи Наполеона, меньше ихъ были приучены къ холоду.

Вообще, люди слабого сложенія, не отличающіеся значительной энергіей жизненныхъ отвлеченій, т. е. сильнымъ аппетитомъ, крѣпкими легкими, хорошимъ пищевареніемъ, развитою дѣятельностью половой системы, любятъ теплую температуру и не выносятъ холода; напротивъ того, люди крѣпкіе и полнокровные предпочитаютъ

таютъ прохладную атмосферу и вѣнчаютъ себя вполне хорошо. Умѣренная теплота, дѣйствующая на наше тѣло въ короткій промежутокъ времени, оживляетъ жизненныя отвлеченія, привлекаетъ кровь въ кожу и въ поверхность тѣла, ускоряетъ обменъ веществъ, усиливаетъ выработываніе внутренней теплоты и дѣятельность легкихъ, возбуждаетъ нервную систему, словомъ—вызываетъ во всемъ организмѣ усиленное движеніе жизни. Но продолжительное дѣйствіе холода всегда ведетъ за собой вредныя послѣдствія уже потому, что напрягаетъ и вѣдущимъ направленіи силы организма и, отъ него усиленной дѣятельности, встаетъ изъ этихъ непомѣрными требованіями.

Для здоровья человека всего полезнѣе умеренный климатъ, въ которомъ нѣтъ ни слишкомъ холодныхъ зимъ, ни изнурительныхъ лѣтнихъ жаровъ, ни рѣзкихъ переходовъ отъ одной температуры къ другой. Конечно такой умеренно-здоровый климатъ мудрено найти на земномъ шарѣ, но вообще можно замѣтить, что приморскія земли, въ которыхъ вліяніе морскихъ испареній смягчаетъ и лѣтній зной, и зимній холодъ, пользуются самымъ умѣреннымъ и благотворнымъ климатомъ. Это положеніе не пускаетъ впрочемъ множество исключеній; вѣдущіе сѣверные берега Сибири не отличаются пріятнымъ климатомъ, несмотря на то, что они прилегаютъ къ морю; точно также острова Буенос-Айресъ, Суматра, Ява не могутъ похвалиться умереннымъ климатомъ; находясь въ жаркомъ полдень, эти острова отличаются, какъ извѣстно, очень знойнымъ и сырýmъ воздухомъ; растительность достигаетъ до колоссальныхъ размѣровъ, животная жизнь кипитъ красотой и силой, но человекъ, подавленный жаромъ, который, какъ я говорилъ выше, становится еще невыносимымъ вследствие того, что воздухъ насыщенъ водяными парами, человекъ, повторяю я, въ такомъ климатѣ не можетъ жить умственной жизнью и равномерно развивать всѣ стороны своего существа. Что же касается до приморскихъ земель, лежащихъ въ умѣренномъ поясѣ, то ихъ климатъ по своей мягкости значительно превосходитъ климатъ континентальныхъ земель. Счастливымъ климатомъ пользуется Англія, несмотря на свои густые туманы. Въ сѣверо-восточной Ирландіи, подъ однимъ градусомъ широты съ Кенигсбергомъ, вода рѣдко замерзаетъ зимой, и миртъ растетъ на открытомъ воздухѣ точно также, какъ въ Португаліи. «Необыкновенная сила, говоритъ Бюхнеръ, съ которою англійскій умъ развился и продолжаетъ развиваться по всѣмъ направленіямъ жизни и науки, представляетъ быть можетъ отчасти слѣдствіе этихъ благопріятныхъ климатическихъ условій».

Въ рукахъ опытнаго врача теплота является однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ леченія. Когда



рабатываніе животной теплоты ослабѣваетъ въ дѣствіе болѣзненнаго разстройства, тогда всего шее согрѣвать пациента искусственными средствами. Припарки, потогонное питье, теплыя ванны, отправленіе больныхъ въ теплый климатъ—все это такіе медицинскіе приемы, которые знакомы по наслышкѣ или по собственному опыту каждому изъ нашихъ читателей.

Повышеніе или пониженіе общей температуры тела даетъ медику возможность судить объ общій силѣ жизненныхъ отправленій у пациента. Жаръ или ознобъ сопровождаютъ собою болѣею

частью каждое болѣзненное состояніе и указываютъ на ненормальное усиленіе или ослабленіе органическаго горѣнія, на неравномѣрное распределеніе теплоты въ различныхъ частяхъ тѣла, на болѣзненное нарушеніе въ одномъ изъ важнѣйшихъ процессовъ: въ кровообращеніи, дыханіи или пищевареніи. Все это принимается въ соображеніе свѣдущимъ медикомъ, и потому небольшой термометръ, служащій для изслѣдованія теплоты больныхъ, почти всегда находится при медикѣ, изучающемъ добросовѣстно состояніе своихъ пациентовъ.

## БАЗАРОВЪ.

(ОТЦЫ и ДѢТИ, романъ И. С. Тургенева).

### I.

Новый романъ Тургенева даетъ намъ все то, къ чему мы привыкли наслаждаться въ его произведеніяхъ. Художественная отдѣлка безукоризненно хороша; характеры и положенія, сцены картины нарисованы такъ наглядно и въ то же время такъ мягко, что самый отчаянный отрицатель искусства почувствуетъ при чтеніи романа какое-то непонятное наслажденіе, котораго не объяснишь ни занимательностью разсказываемыхъ событій, ни поразительной вѣрностью основной идеи. Дѣло въ томъ, что событія вовсе не занимательны, а идея вовсе не поразительно вѣрна. Въ романѣ нѣтъ ни завязки, ни развязки, ни строго обдуманнаго плана; есть типы и характеры, есть сцены и картины, а главное, сквозь ткань разсказа сквозитъ личное, глубоко-прочувствованное отношеніе автора къ выведеннымъ явленіямъ жизни. А явленія эти очень близки къ намъ, такъ близки, что все наше молодое поколѣніе съ своими стремленіями и идеями можетъ узнать себя въ дѣйствующихъ лицахъ этого романа. Я этимъ не хочу сказать, чтобы въ романѣ Тургенева идеи и стремленія молодого поколѣнія отразились такъ, какъ понимаетъ ихъ само молодое поколѣніе; къ этимъ идеямъ и стремленіямъ Тургеневъ относится съ своей личной точки зрѣнія, а старикъ и юноша почти никогда не сходятся между собой въ убѣжденіяхъ и симпатіяхъ. Но если вы подойдете къ зеркалу, которое, отражая предметы измѣняетъ немного ихъ цвѣта, то вы узнаете свою физиономію, несмотря на погрѣшности зеркала. Читая романъ Тургенева, мы видимъ въ немъ типы настоящей минуты и въ то же время отдаемъ себѣ отчетъ въ тѣхъ измѣненіяхъ, которыми испытали явленія дѣйствительности, проходя чрезъ сознаніе художника. Любопытно про-

слѣдить, какъ дѣйствуютъ на человѣка, подобного Тургеневу, идеи и стремленія, шевелящіяся въ нашемъ молодомъ поколѣніи и проявляющіяся, какъ все живое, въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, рѣдко привлекательныхъ, часто оригинальныхъ, иногда уродливыхъ.

Такого рода изслѣдованіе можетъ имѣть очень глубокое значеніе. Тургеневъ—одинъ изъ лучшихъ людей прошлаго поколѣнія; опредѣлить, какъ онъ смотритъ на насъ, и почему онъ смотритъ на насъ такъ, а не иначе, значитъ найти причину того разлада, который замѣчается повсемѣстно въ нашей частной семейной жизни; того разлада, отъ котораго часто гибнутъ молодая жизнь и отъ котораго постоянно кряхтятъ и охаютъ старички и старушки, неуспѣвающіе обработать на свою колодку понятія и поступки своихъ сыновей и дочерей. Задача, какъ видите, жизненная, крупная и сложная; сладить я съ нею вѣроятно не слажу, а подумать—подумаю.

Романъ Тургенева, кромѣ своей художественной красоты, замѣчателенъ еще тѣмъ, что онъ шевелитъ умъ, наводитъ на размышленія, хотя самъ по себѣ не разрѣшаетъ никакого вопроса, и даже освѣщаетъ яркимъ свѣтомъ не столько выводимыя явленія, сколько отношенія автора къ этимъ самымъ явленіямъ. Наводитъ онъ на размышленія именно потому, что весь насквозь проникнутъ самой полной, самой трогательною искренностью. Все, что написано въ послѣднемъ романѣ Тургенева, прочувствовано до послѣдней строки; чувство это прорывается помимо воли и сознанія самого автора и согрѣваетъ объективный разсказъ вмѣсто того, чтобы выражаться въ лирическихъ отступленіяхъ. Авторъ самъ не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ своихъ чувствахъ, не подвергаетъ ихъ анализу, не становится къ нимъ въ критическія отношенія. Это обстоятель-



ство даетъ намъ возможность видѣть эти чувства во всей ихъ нетронутой непосредственности. Мы видимъ то, что просвѣчивается, а не то, что авторъ хочетъ показать или доказать. Мнѣнія и сужденія Тургенева не измѣняютъ ни на волосъ нашего взгляда на молодое поколѣніе и на идеи нашего времени; мы ихъ даже не примемъ въ соображеніе, мы съ ними даже не будемъ спорить; эти мнѣнія, сужденія и чувства, выраженные въ неподражаемо живыхъ образахъ, дадутъ только матеріалы для характеристики прошлаго поколѣнія въ лицѣ одного изъ лучшихъ его представителей. Постараюсь сгруппировать эти матеріалы и, если это мнѣ удастся, объясню, почему наши старики не сходятся съ нами, качаютъ головами и, смотря по различнымъ характеристамъ и по различнымъ настроеніямъ, то сердятся, то недоумѣваютъ, то тихо грустятъ по поводу нашихъ поступковъ и разсужденій.

## II.

Дѣйствіе романа происходитъ лѣтомъ 1859 г. Молодой кандидатъ, Аркадій Николаевичъ Кирсановъ, пріѣзжаетъ въ деревню къ своему отцу вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ, Евгениемъ Васильевичемъ Базаровымъ, который очевидно имѣетъ сильное вліяніе на образъ мыслей своего товарища. Этотъ Базаровъ, человѣкъ сильный по уму и по характеру, составляетъ центръ всего романа. Онъ—представитель нашего молодого поколѣнія; въ его личности сгруппированы тѣ свойства, которыя мелкими долями разсыпаны въ массахъ, и образъ этого человѣка ярко и отчетливо вырисовывается передъ воображеніемъ читателя.

Базаровъ—сынъ бѣднаго уѣзднаго лекаря; Тургеневъ ничего не говоритъ объ его студенческой жизни, но надо полагать, что то была жизнь бѣдная, трудовая, тяжелая; отецъ Базарова говорить о своемъ сынѣ, что онъ у нихъ отроду лишней копѣйки не взялъ; но правдѣ сказать, многого и нельзя было бы взять даже при величайшемъ желаніи, слѣдовательно, если старикъ Базаровъ говорить это въ похвалу своему сыну, то это значитъ, что Евгенийъ Васильевичъ содержалъ себя въ университетѣ собственными трудами, перебивался копѣчными уроками и въ то же время находилъ возможность дѣльно готовить себя къ будущей дѣятельности. Изъ этой школы труда и лишеній Базаровъ вышелъ человѣкомъ сильнымъ и суровымъ; прослушанный имъ курсъ естественныхъ и медицинскихъ наукъ развилъ его природный умъ и отучилъ его принимать на вѣру какія бы то ни было понятія и убѣжденія; онъ сдѣлался чистымъ эмпирикомъ; опытъ сдѣлался для него единственнымъ источникомъ познанія, личное ощущеніе—единственнымъ и послѣднимъ убѣдительнымъ доказательствомъ. «Я придержи-

ваюсь отрицательнаго направленія, я опираюсь на силу ощущеній. Мнѣ пріятно отъ мой мозгъ такъ устроенъ—и basta! Отъ нравится химія? Отчего ты любишь яблоки въ силу ощущенія—это все едино. Глубоко люди никогда не проникнуть. Не всакии скажетъ, да и я въ другой разъ тебѣ скажу». Какъ эмпирикъ, Базаровъ признаетъ только то, что можно ощупать руками, глазами, положить на языкъ, словомъ то, что можно освидѣтельствовать однимъ изъ пяти чувствъ. Всѣ остальные качества онъ сводитъ на дѣятельность нервныхъ стемы; вслѣдствіе этого наслажденіе красотой природы, музыкой, живописью, поэзіей, женщинами вовсе не кажутся ему выше наслажденія сытнымъ обѣдомъ или бутылкой хорошаго вина. То, что восторженные называютъ идеаломъ, для Базарова не существуетъ; онъ все это называетъ «романтизмомъ»; иногда вмѣсто слова «романтизмъ» употребляетъ слово «вздоръ». Несмотря на все это, Базаровъ не воруетъ чужихъ платковъ, не вытаскиваетъ изъ родителей денегъ, работаетъ усердно, даже не прочь отъ того, чтобы сдѣлать что нибудь путное. Я предчувствую, что изъ моихъ читателей зададутъ себѣ вопросъ: что же удерживаетъ Базарова отъ подлостей и что побуждаетъ его дѣлать что нибудь путное? Этотъ вопросъ поведетъ къ слѣдующему сомнѣнію: ужъ не притворится ли Базаровъ передъ самими собой и передъ другими? Не рисуется ли онъ? Можетъ-быть онъ бинтъ души признаетъ многое изъ того, что отрицаетъ на словахъ, и можетъ-быть и то, что признаваемое, это заставившееся спасаетъ отъ нравственнаго паденія и отъ нравственной тяжести. Хотя мнѣ Базаровъ ни свать, ни невеста, хоть я можетъ-быть и не сочувствую ему, но, ради отвлеченной справедливости, стараюсь отвѣтить на вопросъ и опровергнуть лукавое сомнѣніе.

На людей подобныхъ Базарову можно было бы сказать, сколько душъ угодно, но признаю, что искренность—рѣшительно необходимо. Они могутъ быть честными и безчестными, добрыми дѣлателями и отвѣтными мошениками, смотря по обстоятельствамъ и по личнымъ качествамъ. Ничто, кромѣ личнаго вкуса, не можетъ побуждать ихъ убивать и грабить и ничто, кромѣ личнаго, не побуждаетъ людей подобнаго закаса, открывать въ области наукъ и общественнаго быта. Базаровъ не украдетъ платка по тому, что онъ знаетъ, что это плохо; по тому, что онъ знаетъ, что это плохо, онъ не сѣсть кусокъ табаку, не выпить вина. Еслибы Базаровъ умиралъ съ чистой совѣстью, то онъ вѣроятно сдѣлалъ бы то и другое, что ему хотѣлось, и только потому, что онъ чувствуетъ потребность побѣдить въ немъ омерзительное чувство неудовлетворенной потребности. Еслибы Базаровъ умиралъ съ чистой совѣстью, то онъ вѣроятно сдѣлалъ бы то и другое, что ему хотѣлось, и только потому, что онъ чувствуетъ потребность побѣдить въ немъ омерзительное чувство неудовлетворенной потребности. Еслибы Базаровъ умиралъ съ чистой совѣстью, то онъ вѣроятно сдѣлалъ бы то и другое, что ему хотѣлось, и только потому, что онъ чувствуетъ потребность побѣдить въ немъ омерзительное чувство неудовлетворенной потребности.



нѣ непосредственнаго влеченія, у Базарова еще другой руководитель въ жизни—раз-  
тъ. Когда онъ бываетъ боленъ, онъ прини-  
тъ лекарство, хотя не чувствуетъ никакого  
средственнаго влеченія къ касторовому  
у или къ ассафетидѣ. Онъ поступаетъ та-  
къ образомъ по расчету; цѣной маленькой  
жизни онъ покупаетъ въ будущемъ боль-  
шое удобство, или избавленіе отъ большей не-  
посредственности. Словомъ, изъ двухъ золъ онъ выби-  
раетъ меньшее, хотя и къ меньшему не чув-  
ствуетъ никакого влеченія. У людей посредствен-  
наго рода рассчитать большей частью ока-  
зывается несостоятельнымъ; они по расчету хит-  
рятъ, воруютъ, запутываются и въ концѣ кон-  
ца остаются въ дуракахъ. Люди очень умные  
поступаютъ иначе; они понимаютъ, что быть  
честнымъ очень выгодно, и что всякое преступ-  
леніе, начиная отъ простой лжи и кончая смер-  
тельнымъ—опасно и слѣдовательно неудобно.  
Следовательно очень умные люди могутъ быть честны  
по расчету и дѣйствовать на чистоту тамъ, гдѣ  
ихъ ограниченные будутъ вилать и метать  
песокъ. Работая неутомимо, Базаровъ повиновался  
непосредственному влеченію, вкусу, и кромѣ  
этого поступалъ по самому вѣрному расчету.  
Онъ бы искалъ протекціи, кланялся, подли-  
жалъ, вмѣсто того чтобы трудиться и держать  
себя гордо и независимо, то онъ поступалъ бы  
по расчету. Карьеры, пробитыя собственною  
силой, всегда прочнѣе и шире карьеръ, про-  
битыхъ низкими поклонами или заступниче-  
скими важными дядюшками. Благодаря двумъ по-  
лучаемымъ средствамъ, можно попасть въ губер-  
нскія или въ столичныя тузы, но, по милости  
этихъ средствъ, никому съ тѣхъ поръ, какъ  
въ столицѣ, не удавалось сдѣлаться ни Вашинг-  
тономъ, ни Гарибальди, ни Коперникомъ, ни  
принцемъ Гейне. Даже Геростратъ—и тотъ про-  
велъ себѣ карьеру собственными силами и по-  
палъ въ исторію не по протекціи.  
Что же касается до Базарова, то онъ не мѣ-  
шалъ въ губернскія тузы; если воображеніе иногда  
суетъ ему будущность, то эта будущность  
къ-то неопредѣленно широка; работаетъ онъ  
въ цѣли, для добыванія насущнаго хлѣба или  
въ любви къ процессу работы, а между тѣмъ  
онъ смутно чувствуетъ по количеству собствен-  
ныхъ силъ, что работа его не останется безслѣд-  
ною и къ чему нибудь приведетъ. Базаровъ чрез-  
вычайно самолюбивъ, но самолюбіе его незамѣтно  
стало вслѣдствіе своей громадности. Его не за-  
ботятъ тѣ мелочи, изъ которыхъ складываются  
идеальныя людскія отношенія; его нельзя оскор-  
бить явнымъ пренебреженіемъ, его нельзя обра-  
тить знаками уваженія; онъ такъ полонъ со-  
бою и такъ непоколебимо-высоко стоитъ въ сво-  
ихъ собственныхъ глазахъ, что дѣлается почти  
совершенно равнодушнымъ къ мнѣнію другихъ  
людей. Дядя Кирсановъ, близко подходящій къ

Базарову по складу ума и характера, называетъ  
его самолюбіе «сатанинской гордостью». Это вы-  
раженіе очень удачно выбрано и совершенно ха-  
рактеризуетъ нашего героя. Дѣйствительно,  
удовлетворить Базарова могла бы только цѣлая  
вѣчность постоянно расширяющейся дѣятель-  
ности и постоянно увеличивающагося наслажде-  
нія, но, къ несчастію для себя, Базаровъ не  
признаетъ вѣчнаго существованія человѣческой  
личности. «Да вотъ напримѣръ, говоритъ онъ  
своему товарищу Кирсанову, ты сегодня ска-  
залъ, проходя мимо избы нашего старосты Фи-  
липпа—она такая славная, бѣлая—вотъ ска-  
залъ ты, Россія тогда достигнетъ совершенства,  
когда у послѣдняго мужика будетъ такое же по-  
мѣщеніе, и всякій изъ насъ долженъ этому спо-  
собствовать... А я и возненавидѣлъ этого послѣд-  
няго мужика, Филиппа или Сидора, для котораго я  
долженъ изъ кожи лѣзть и который мнѣ даже спа-  
сибо не скажетъ... Да и на что мнѣ его спасибо?  
Ну, будетъ онъ жить въ бѣдой избѣ, а изъ  
меня лопухъ расти будетъ;—ну, а дальше?»

Итакъ Базаровъ вездѣ и во всемъ поступаетъ  
только такъ, какъ ему хочется или какъ ему  
кажется выгоднымъ. Имъ управляютъ только  
личная прихоть или личные расчеты. Ни надъ  
собою, ни внѣ себя, ни внутри себя онъ не при-  
знаетъ никакого регулятора, никакого нравствен-  
наго закона, никакого принципа. Впереди—ни-  
какой высокой цѣли; въ умѣ—никакого высо-  
каго помысла, и при всемъ этомъ—силы огром-  
ныя.—Да вѣдь это безнравственный человѣкъ!  
Злодѣй, уродъ! слышу я со всѣхъ сторонъ во-  
склицанія негодующихъ читателей. Ну, хорошо,  
злодѣй, уродъ; браните больше, преслѣдуйте его  
сатирой и эпиграммой, негодующимъ лири-  
змомъ и возмущеннымъ общественнымъ мнѣніемъ,  
кострами инквизиціи и топорами палачей—и  
вы не вытравите, не убьете этого урода, не по-  
садите его въ спиртъ на удивленіе почтенной  
публикѣ. Если базаровщина—болѣзнь, то она  
болѣзнь нашего времени, и ее приходится выстра-  
дать, несмотря ни на какіе палліативы и ампу-  
таціи. Относитесь къ базаровщинѣ какъ угодно—  
это ваше дѣло; а остановить—не остановите;  
это—та-же холера.

### III.

Болѣзнь вѣка раньше всего пристаётъ къ  
людямъ, стоящимъ по своимъ умственнымъ си-  
ламъ выше общаго уровня. Базаровъ, одержимый  
этой болѣзью, отличается замѣчательнымъ  
умомъ, и вслѣдствіе этого производитъ сильное  
впечатленіе на сталкивающихся съ нимъ людей.  
«Настоящій человѣкъ», говоритъ онъ, тотъ, о  
которомъ думать нечего, а котораго надобно слу-  
шаться или ненавидѣть». Подъ опредѣленіе  
настоящаго человѣка подходитъ именно самъ  
Базаровъ; онъ постоянно сразу овладѣваетъ вни-  
маніемъ окружающихъ людей; однихъ онъ запу-







акимъ образомъ пролетарій-труженикъ самъ процессомъ своей жизни, независимо отъ жеста размышленія, доходить до практическаго реализма; онъ за недосугомъ отучается гоняться за идеаломъ, стремиться въ къ недостижимо-высокой цѣли. Развивая труженикъ энергію, трудъ приучаетъ его жать дѣло съ мыслью, актъ воли съ актомъ. Человѣкъ, привыкшій надѣяться на себя и свои собственныя силы, привыкшій осуществлять сегодня то, что задумано было вчера, называетъ смотрѣть съ болѣе или менѣе явнымъ небреженіемъ на тѣхъ людей, которые, меч- о любви, о полезной дѣятельности, о счастьи го человѣческаго рода, не умѣютъ шевель- пальцемъ, чтобы хоть сколько нибудь чинить свое собственное, въ высшей степени добное положеніе. Словомъ, человѣкъ дѣла, онъ медикъ, ремесленникъ, педагогъ, даже раторъ (можно быть литераторомъ и чело- сомъ дѣла въ одно и тоже время) чувствуетъ естественное, непреодолимое отвращеніе къ фразе-ности, къ тратѣ словъ, къ сладкимъ мы-мъ, къ сантиментальнымъ стремленіямъ и бще ко всякимъ претензіямъ, не основан-мъ на дѣйствительной, осязательной силѣ. того рода отвращеніе ко всему отрѣшенному жизни и улѣтучивающемуся въ звукахъ со-вляеть коренное свойство людей базаровскаго а. Это коренное свойство вырабатывается нно въ тѣхъ разнородныхъ мастерскихъ, въ орыхъ человѣкъ, изощряя свой умъ и на-гая мускулы, борется съ природой за право-цествовать на бѣломъ свѣтѣ. На этомъ осно-ии Тургеневъ имѣлъ право взять своего ге-а въ одной изъ такихъ мастерскихъ и приве-а его въ рабочемъ фартукѣ, съ неумытыми-ками и угрюмо-озабоченнымъ взглядомъ, въ шество фешенебельныхъ кавалеровъ и дамъ. Но справедливость побуждаетъ меня выразить едположеніе, что авторъ романа «Отцы и-ти» поступилъ такимъ образомъ не безъ ко-рнаго умысла. Этотъ коварный умыселъ и-ставляетъ ту вторую причину, о которой я-омянулъ выше. Дѣло въ томъ, что Тургеневъ-видно не благоволилъ къ своему герою. Его-гкую, любящую натуру, стремящуюся къ-рѣ и сочувствію, коробить отъ разѣдающаго-ализма; его тонкое эстетическое чувство, не-шенное значительной дозы аристократизма,-србляется даже самыми легкими проблесками-низма; онъ слишкомъ слабъ и впечатлителенъ,-обы вынести безотрадное отрицаніе; ему не-ходимо помириться съ существованіемъ, если-въ области жизни, то по крайней мѣрѣ въ-асти мысли, или, вѣрнѣе, мечты. Тургеневъ, къ нервная женщина, какъ растение «нетронь-ня», сжимается болѣзненно отъ самаго лег-го прикосновенія съ букетомъ базаровщины. Чувствуя такимъ образомъ невольную анти-

патію къ этому направленію мысли, онъ вывелъ его передъ читающей публикой въ возможно неграціозномъ экземплярѣ. Онъ очень хорошо знаетъ, что въ публикѣ нашей очень много фешенебельныхъ читателей и, разсчитывая на утонченность ихъ аристократическаго вкуса, не щадитъ грубыхъ красокъ, съ очевиднымъ желаніемъ уронить и опошлить, вмѣстѣ съ героємъ тотъ складъ идей, который составляетъ общую принадлежность типа. Онъ очень хорошо знаетъ, что большинство его читателей скажутъ только о Базаровѣ, что онъ дурно воспитанъ и что его нельзя пустить въ порядочную гости-ную; дальше и глубже они не пойдутъ, но, го-вора съ такими людьми, даровитый художникъ и честный человѣкъ долженъ быть въ высшей степени остороженъ изъ уваженія къ самому себѣ и къ той идеѣ, которую онъ защищаетъ или опровергаетъ. Тутъ надо держать въ уздѣ свою личную антипатію, которая при извѣст-ныхъ условіяхъ можетъ превратиться въ не-произвольную клевету на людей, не имѣющихъ возможности защищаться тѣмъ же оружіемъ.

## IV.

Я старался до сихъ поръ обрисовать крупными чертами личность Базарова, или вѣрнѣе, тотъ общій, складывающійся типъ, котораго представителемъ является герой тургеневскаго романа. Надобно теперь прослѣдить по возможности его историческое происхожденіе; надо показать, въ какихъ отношеніяхъ находится Базаровъ къ разнымъ Онѣгинымъ, Печоринымъ, Рудинымъ, Бельтовымъ и другимъ литературнымъ типамъ, въ которыхъ, въ прошлыя десятилѣтія, молодое поколѣніе узнавало черты своей умственной фizioноміи. Во всякое время жили на свѣтѣ люди, недовольные жизнью вообще или нѣкоторыми формами въ особенности; во всякое время люди эти составляли незначительное меньшинство. Масса во всякое время жила припѣваячи, и, по свойственной ей неприхотливости, удовлетворялась тѣмъ, что было на лицо. Только какое нибудь матеріальное бѣдствіе, вродѣ «труса, глада, потопа, нашествія иноплеменныхъ», приводило массу въ безпокойное движеніе и нарушало обычный, сонливо-безмятежный процессъ ея прозябанія. Масса, составленная изъ тѣхъ сотенъ тысячъ недѣлимыхъ, которые никогда въ жизни не пользовались своимъ головнымъ мозгомъ, какъ орудіемъ самостоятельнаго мышленія, живетъ себѣ со дня на день, обдѣлываетъ свои дѣлашки, получаетъ мѣстечки, играетъ въ картишки, кое-что почи-тываетъ, слѣдитъ за модой въ идеяхъ и въ платьяхъ, идетъ черепашьимъ шагомъ впередъ по силѣ инерціи, и, никогда не задавая себѣ крупныхъ, многообъемлющихъ вопросовъ, никогда не мучась сомнѣніями, не испытываетъ



ни раздраженія, ни утомленія, ни досады, ни скуки. Эта масса не дѣлаетъ ни открытій, ни преступленій; за нее думаютъ и страдаютъ, ищутъ и находятъ, борются и ошибаются другіе люди, вѣчно для нея чужіе, вѣчно смотрящіе на нее съ пренебреженіемъ, и въ то же время вѣчно работающіе для того, чтобы увеличить удобства ея жизни. Эта масса, желудокъ человѣчества, живетъ на всемъ готовомъ, не спрашивая, откуда оно берется, и не внося съ своей стороны ни одной полушки въ общую сокровищницу человѣческой мысли. Люди массы у насъ въ Россіи учатся, служатъ, работаютъ, веселятся, женятся, плодятъ дѣтей, воспитываютъ ихъ, словомъ, живутъ самую полную жизнью, совершенно довольны собой и средой, не желаютъ никакихъ усовершенствованій, и, шествуя по торной дорогѣ, не подозрѣваютъ ни возможности, ни необходимости другихъ путей и направленій. Они держатся заведеннаго порядка по силѣ инерціи, а не вълѣдствіе привызанности къ нему; попробуйте измѣнить этотъ порядокъ — они сейчасъ сживутся съ нововведеніемъ; закоренѣлые старовѣры являются самобытными личностями и стоятъ выше безотвѣтнаго стада. А масса сегодня ѣздитъ по сквернымъ проселочнымъ дорогамъ и мирится съ ними; чрезъ нѣсколько лѣтъ она сядетъ въ вагоны и будетъ любоваться быстротой движенія и удобствами путешествія. Эта инерція, эта способность на все соглашаться и со всемъ уживаться составляетъ можетъ быть драгоценнѣйшее достояніе человѣчества. Убогость мысли уравнивается такимъ образомъ скромностью требованій. Человѣкъ, у котораго не хватаетъ ума на то, чтобы придумать средства для улучшенія своего невыносимаго положенія, можетъ назваться счастливымъ только въ томъ случаѣ, если онъ не понимаетъ и не чувствуетъ неудобствъ своего положенія. Жизнь человѣка ограниченнаго почти всегда течетъ ровнѣе и пріятнѣе жизни гения или даже просто умнаго человѣка. Умные люди не уживаются съ тѣми явленіями, къ которымъ безъ малѣйшаго труда привыкаетъ масса. Къ этимъ явленіямъ умные люди, смотря по различнымъ условіямъ темперамента и развитія, становятся въ самыя разнородныя отношенія.

Вотъ, положимъ, живетъ въ Петербургѣ молодой человѣкъ, единственный сынъ богатыхъ родителей. Онъ уменъ. Учили его, какъ слѣдуетъ, слегка всему тому, что по понятіямъ папеньки и гувернера необходимо знать молодому человѣку хорошаго семейства. Книги и уроки ему надобли; надобли и романы, которые онъ читалъ сначала потихоньку, а потомъ открыто; онъ жадно набрасывается на жизнь, танцуетъ до упаду, волочится за женщинами, одерживаетъ блестящія побѣды. Незамѣтно пролетаетъ два, три года; сегодня то же самое, что

вчера, завтра то же, что сегодня — шумъ, котни, движенія, блеску, пестроты мнѣ, а сущности разнообразія впечатлѣній нѣтъ, что видѣлъ нашъ предполагаемый герой, то и понятно и изучено имъ; новой пищи нѣтъ, и начинается томительное чувство ственнаго голода, скуки. Разочарованный проще и вѣрнѣе, скучающій молодой человекъ начинаетъ раздумывать, что бы ему сдѣлать, что бы ему принятъ. Работать, что ли? Работать, задавать себѣ работу для того, чтобы не скучать — все равно, что гулять для того, чтобы безъ опредѣленной цѣли. О такомъ фактѣ для умнаго человѣка и подумать странно. Да и нецѣль, не угодно ли вамъ найти у насъ такую работу, которая заинтересовала бы умнаго человѣка, не втянувагося въ эту работу сразу. Уже не поступитъ ли ему на службу въ казенную палату? Или не готовится ли къ развлеченія къ магистерскому экзамену. Не образитъ ли себя художникомъ и не приметъ ли, въ двадцать пять лѣтъ, за рисованіе глазъ и ушей, за изученіе перспективы или генералъ-баса?

Развѣ влюбится? — Оно конечно не могло бы, да бѣда въ томъ, что умные люди требовательны и рѣдко удовлетворяются тѣми экземплярами женскаго пола, которыми изобилуютъ блестящія петербургскія гостиницы. Этими женщинами они любезничаютъ, съ ними они сводятъ интриги, на нихъ они женятся, но да по увлеченію, чаще по благоразумному расчету, но сдѣлать изъ отношеній съ подобными женщинами занятіе, наполняющее жизнь, получающее отъ скуки — это для умнаго человѣка мыслимо. Въ отношенія между мужчиной и женщиной проникла та же мертвящая казенщина, которая обуяла остальные проявленія частной и общественной жизни. Живая жизнь человѣка здѣсь, какъ и вездѣ, скована и обрѣзана мундирностью и обрядностью. Ну, молодой человѣкъ, изучившему мундиръ и рядъ до послѣднихъ подробностей, остается только или махнуть рукой на свою скуку, какъ неизбежное зло, или съ отчаянія броситься на разныя эксцентричности, питая неопредѣленную надежду разсѣяться. Первое сдѣлалъ Онѣгинъ, второе — Печоринъ; вся разница между тѣмъ и другимъ заключается въ темпераментѣ. Углубленіе при которыхъ они формировались и отъ которыхъ они заскучали — одни и тѣ же; среда, которая пріблась тому и другому — та же самая. Но Онѣгинъ холодитъ Печорина, и потому Печоринъ дуритъ гораздо больше Онѣгина, кидается за впечатлѣніями на Кавказъ, ищетъ ихъ любви Бэлы, въ дуэли съ Грушницкимъ, схваткахъ съ черкесами, между тѣмъ какъ Онѣгинъ вяло и лѣниво носитъ съ собой по своему красивое разочарованіе. Неможно Онѣгину, немножко Печоринимъ бывавъ и до с



у насъ всякій мало-мальски умѣль, владѣющій обезпеченнымъ состояніемъ въ атмосферѣ барства и несерьезнаго образованія.

Этими скучающими трутями являлись порѣ являются толпами люди, получающіе отъ неудовлетвореннаго приносите пользу. Воспитанные въ университетахъ, эти люди получили основательныя понятія о томъ, на свѣтѣ цивилизованные народы, для пользы общества даровитые люди опредѣляютъ обязанности чело-мыслители и моралисты. Въ немнѣхъ, но часто теплыхъ выраженіяхъ имъ людямъ профессора о честной жизни, о подвигѣ жизни, о самоотверженіи, о словѣ истины, науки, общества на эти теплыя выраженія наползающія студентскія бесѣды, изъ которыхъ высказывается такъ много блага, во время которыхъ такъ тепло вѣрится въ существованіе и добра. Ну вотъ, проникнутые теплотой идеалистовъ — профессоровъ, совѣнными восторженными рѣчами, изъ школы выходятъ въ жизнь молодые люди, съ желаніемъ сдѣлать хорошее, съ страстью къ правдѣ. Пострадать приходится, но сдѣлать дѣло никогда ни ли сами въ этомъ виноваты, такова, въ которую они вступаютъ — жизнь. Вѣрно по крайней мѣрѣ то, что въ условія жизни у нихъ не хватаетъ силъ съ этими условіями они не могутъ мечутся изъ стороны въ сторону, свои силы на разныхъ карьерахъ, умоляютъ общество: «пристрой насъ, нибудь, возьми ты наши силы, дай намъ для себя какую нибудь частію губи насъ, но губи такъ, чтобы не пропала даромъ». Общество глухо; горячее желаніе Рудиныхъ и пристроиться къ практической дѣятельности, видѣть плоды своихъ трудовъ и поощряться безплоднымъ. Еще ни одинъ изъ Рудиныхъ не дослужился до чина; да къ тому же — странное, чего добраго, даже этой почетной должностію не удовлетвори-говорили на такомъ языкѣ, которое общество, и послѣ напрасныхъ толковъ этому обществу свои желанія и впадали въ очень извинительныя. Иные Рудины успокоивались въ удовольствіи въ педагогической дѣлалась учителями и про-находили исходъ для своего стремленія. Сами мы, говорили они не сдѣлали. По крайней мѣрѣ, пе-

редадимъ наши честныя тенденціи молодому поколѣнію, которое будетъ крѣпче насъ и создастъ себѣ другія, болѣе благоприятныя времена.

Оставаясь такимъ образомъ вдали отъ практической дѣятельности, бѣдные идеалисты-преподаватели не замѣчали того, что ихъ лекціи плодотворны такъ же Рудиныхъ, какъ и они сами, что ихъ ученикамъ придется точно также оставаться внѣ практической дѣятельности или дѣлаться ренегатами, отказываться отъ убѣжденій и тенденцій. Рудинымъ-преподавателямъ было бы тяжело предвидѣть, что они даже въ лицѣ своихъ учениковъ не примутъ участія въ практической дѣятельности; а между тѣмъ они бы ошиблись, если бы, даже предвидя это обстоятельство, они подумали, что не приносятъ никакой пользы. Отрицательная польза, принесенная и приносимая людьми этого закала, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Они размножаютъ людей *неспособныхъ* къ практической дѣятельности; вслѣдствіе этого, самая практическая дѣятельность, или вѣрнѣе, тѣ формы, въ которыхъ она обыкновенно выражается теперь, медленно, но постоянно понижаются во мнѣніи общества. Лѣтъ двадцать тому назадъ, всѣ молодые люди служили въ различныхъ вѣдомствахъ; люди не служащіе принадлежали къ исключительнымъ явленіямъ; общество смотрѣло на нихъ съ состраданіемъ или съ пренебреженіемъ; сдѣлать карьеру — значило дослужиться до большаго чина. Теперь очень многіе молодые люди не служатъ, и никто не находитъ въ этомъ ничего страннаго или предосудительнаго. Почему такъ случилось? А потому, мнѣ кажется, что къ подобнымъ явленіямъ приглядѣлись, или, что то же самое, потому что Рудины размножились въ нашемъ обществѣ. Не такъ давно, лѣтъ шесть тому назадъ, вскорѣ послѣ Крымской кампаніи, наши Рудины вообразили себѣ, что ихъ время настало, что общество приметъ и пуститъ въ ходъ тѣ силы, которыя они давно предлагали ему съ полнымъ самоотверженіемъ. Они рванулись впередъ; литература оживилась; университетское преподаваніе сдѣлалось свѣжѣе; студенты преобразились; общество съ небывалымъ рвеніемъ принялось за журналы и стало даже заглядывать въ аудиторіи; возникли даже новыя административныя должности. Казалось, что за эпохой безплодныхъ мечтаній и стремленій наступаетъ эпоха кипучей, полезной дѣятельности. Казалось, рудинству приходитъ конецъ, и даже самъ Гончаровъ похоронилъ своего Обломова и объявилъ, что подъ русскими именами таится много Штольцевъ. Но миражъ разсѣялся — Рудины не сдѣлались практическими дѣятелями; изъ-за Рудиныхъ выдвинулось новое поколѣніе, которое съ укоромъ и насмѣшкой отнеслось къ своимъ предшественникамъ. «Объ чемъ вы говорите, чего вы ищете, чего просите отъ жизни? Вамъ, небось, счастья хочется, говорили эти по-



вые люди мягкосердечнымъ идеалистамъ, тоскливо опустившимъ крылышки, да вѣдь мало ли что! Счастіе надо завоевать. Есть силы—берите его. Нѣтъ силъ—молчите, а то и безъ васъ тошно!»

Мрачная, сосредоточенная энергія сказывалась въ этомъ недружелюбномъ отношеніи молодого поколѣнія къ своимъ наставникамъ. Въ своихъ понятіяхъ о добрѣ и злѣ это поколѣніе сходились съ лучшими людьми предыдущаго; симпатіи и антипатіи у нихъ были общія; желали они одного и того же; но люди прошлаго метались и суетились, надѣясь гдѣ нибудь пристроиться и какъ нибудь, втихомолку, урывками, незамѣтно влить въ жизнь свои честныя убѣжденія. Люди настоящаго не мечутся, ничего не ищутъ, нигдѣ не пристраиваются, не поддаются ни на какіе компромиссы и ни на что не надѣются. Въ практическомъ отношеніи они также безсильны, какъ и Рудины, но они сознали свое безсиліе и перестали махать руками. «Я не могу дѣйствовать теперь—думается про себя каждый изъ этихъ новыхъ людей—не стану и пробовать; я презираю все, что меня окружаетъ, и не стану скрывать этого презрѣнія. Въ борьбу со зломъ я пойду тогда, когда почувствую себя сильнымъ. До тѣхъ поръ буду жить самъ по себѣ, какъ живется, не мирясь съ господствующимъ зломъ и не давая ему надъ собой никакой власти. Я—чужой среди существующаго порядка вещей, и мнѣ до него нѣтъ никакого дѣла. Занимаюсь я хлѣбнымъ ремесломъ, думаю—что хочу, и высказываю—что можно высказать».

Это холодное отчаяніе, доходящее до полнаго индифферентизма, и въ то же время развивающее отдѣльную личность до послѣднихъ предѣловъ твердости и самостоятельности, напрягаетъ умственные способности; не имѣя возможности дѣйствовать, люди начинаютъ думать и изслѣдовать; не имѣя возможности передѣлать жизнь, люди вымещаютъ свое безсиліе въ области мысли; тамъ ничто не останавливаетъ разрушительной критической работы; суевѣрія и авторитеты разбираются въ дребезги, и міросозерцаніе совершенно очищается отъ разныхъ призрачныхъ представленій.

— Что же вы дѣлаете? (спрашиваетъ дядя Аркадія у Базарова).

— А вотъ что мы дѣлаемъ (отвѣчаетъ Базаровъ): прежде—въ недавнее время, мы говорили, что чиновники наши берутъ взятки, что у насъ нѣтъ ни дорогъ, ни торговли, ни правильного суда.

— Ну да, да, вы—обличители, такъ кажется это называется. Со многими изъ вашихъ обличеній и я соглашаюсь, но...

— А потомъ мы догадались, что болтать, все только болтать о нашихъ извахахъ не стоитъ труда, что это ведетъ только къ пошлости и къ доктринерству; мы увидали, что умники наши, такъ

называемые передовые люди и обличители куда не годятся, что мы занимаемся и толкуемъ о какомъ-то искусствѣ, безсильномъ творчествѣ, о парламентаризмѣ, о катурѣ и чортъ знаетъ о чемъ, когда дѣло насущномъ хлѣбѣ, когда *зрубный* насъ *душитъ*, когда всѣ наши акціи общества лопаются единственно отъ того, оказывается недостатокъ въ честныхъ, когда самая свобода, о которой хлопотливѣе всего, едва ли пойдетъ намъ въ прокъ, потому что мужикъ нашъ радъ самого себя красть, чтобы напиться дурману въ кабацѣ.

— Такъ, перебилъ Павелъ Петровичъ, вы во всемъ этомъ убѣдились и рѣшили ни за что серьезно не приниматься?

— И рѣшились ни за что не приниматься, угрюмо повторилъ Базаровъ. Ему вдругъ досадно на самого себя, зачѣмъ онъ разговаривалъ передъ этимъ баринномъ.

— А только ругаться?

— И ругаться.

— И это называется нигилизмомъ?

— И это называется нигилизмомъ, опять Базаровъ, на этотъ разъ съ остротой.

Итакъ вотъ мои выводы. Человѣкъ живетъ по установленной порядкѣ, которая дается ему на долю не по свободному выбору, потому, что онъ родился въ известное время въ известномъ городѣ или селѣ. Онъ весь связанъ разными отношеніями: родственными, семейными, бытовыми, общественными; мысль его привита предразсудками; самъ онъ въ этихъ отношеніяхъ, ни этихъ предразсудкахъ, ни этихъ отношеніяхъ, онъ представляетъ ему «предѣломъ не пройдеши», и онъ живетъ и умираетъ проявивъ своей личной воли и часто заподозривъ въ себѣ ея существованіе. Онъ падаетъ въ этой массѣ человѣкъ поумнѣе, смотря по обстоятельству, въ томъ или другомъ отношеніи выдѣлится изъ массы, рядится по своему, какъ ему выгодно и пріятно. Умные люди, не получивши надлежащаго образованія, не выдерживаютъ жизни, потому что она надѣдаетъ имъ свою тяжесть; они сами не имѣютъ понятія жизни, и потому, инстинктивно отходя отъ массы, остаются въ пустотѣ, про не зная куда идти, зачѣмъ жить на свете, не разогнать тоску. Здѣсь отдѣльная личность вырывается отъ стада, но не умѣетъ расправиться собою. Другіе люди, умные и образованные, удовлетворяются жизнью массы и не способны къ сознательной критикѣ; у нихъ состоитъ идеалъ; они хотятъ идти къ нему, но останавливаются, постоянно близкиво спрашивая друга: а пойдетъ ли за нами общество? Не немся ли мы одни съ своими стремленіями? попадемъ ли мы въ просакъ? У этихъ



остаткомъ твердости, дѣло останавливается на нихъ. Здѣсь личность сознаетъ свою отдѣльность, составляетъ себѣ понятіе самостоятельной и, не осмѣливаясь двинуться съ мѣста, вавнаетъ свое существованіе, отдѣляетъ міръ отъ міра жизни. Люди третьяго разряда въ дальнѣе — они сознаютъ свое несходство съ ней и смѣло отдаляются отъ нея поступками, вычками, всѣмъ образомъ жизни. Пойдетъ ли имъ общество, до этого имъ нѣтъ дѣла. Они живутъ собою, своей внутренней жизнью, и не вносятъ ея въ угоду принятымъ обычаямъ и условіямъ. Здѣсь личность достигаетъ полной освобожденія, полной особенности и самостоятельности.

Словомъ, у Печориныхъ есть воля безъ знанія, у Базаровыхъ — знаніе безъ воли; у Базаровыхъ же знаніе, и воля. Мысль и дѣло сливаются въ твердое цѣлое.

## V.

Сей поръ я говорилъ объ общемъ жизненномъ явленіи, вызвавшемъ собою романъ Тургеневъ. Теперь надо посмотрѣть, какъ это явленіе отразилось въ художественномъ произведеніи. Мысли, что такое Базаровъ, мы должны обращать вниманіе на то, какъ понимаетъ этого Базарова самъ Тургеневъ, какъ онъ заставляетъ дѣйствовать и въ какія отношенія ставитъ его въ окружающимъ людямъ. Словомъ, я приду теперь къ подробному фактическому разбору романа.

Сказалъ выше, что Базаровъ пріѣзжаетъ въ деревню къ своему другу, Аркадію Николаевичу Кирсанову, подчиняющемуся его вліянію. Аркадій Николаевичъ — молодой человѣкъ неглупый, но совершенно лишенный умственной оригинальности и постоянно нуждающийся въ чьей-либо интеллектуальной поддержкѣ. Онъ вѣро-подобно лѣтъ на пять моложе Базарова и въ сравненіи съ нимъ кажется совершенно не оперившимся птенцомъ, не смотря на то, что ему около пятидесяти лѣтъ и что онъ кончилъ курсъ въ университетѣ. Благоговѣя передъ своимъ учителемъ, Аркадій съ наслажденіемъ отрицаетъ авторитеты; онъ дѣлаетъ это съ чужого голоса, замѣчая такимъ образомъ внутренняго противорѣчія въ своемъ поведеніи. Онъ слишкомъ робокъ, чтобъ держаться самостоятельно въ той холодной атмосферѣ трезвой разумности, въ которой такъ привольно дышется Базарову; онъ привыкъ къ разряду людей вѣчно опекаемыхъ, вѣчно не замѣчающихъ надъ собой опеки. Базаровъ относится къ нему покровительственно, почти всегда наемѣшливо; Аркадій часто споритъ съ нимъ, и въ этихъ спорахъ Базаровъ даетъ полную волю своему университетскому юмору. Аркадій не любитъ своего друга, а какъ-то невольно поддается неотразимому вліянію сильной личности и при томъ воображаетъ себѣ, что глубоко

сочувствуетъ базаровскому міросозерцанію. Отношеніе его къ Базарову чисто головныя, сдѣланныя на заказъ; онъ познакомился съ нимъ гдѣ-нибудь въ студенческомъ кругу, заинтересовался цѣльностью его воззрѣній, покорился его силѣ и вообразилъ себѣ, что онъ его глубоко уважаетъ и отъ души любитъ. Базаровъ конечно ничего не вообразилъ и, нисколько не стѣняя себя, позволилъ своему новому прозелиту любить его, Базарова, и поддерживать съ нимъ постоянныя отношенія. Поѣхалъ онъ съ нимъ въ деревню не для того, чтобы доставить ему удовольствіе и не для того, чтобы познакомиться съ семействомъ своего нареченнаго друга, а просто потому, что это было по дорогѣ, да и наконецъ отчего же не пожить недѣли двѣ въ гостяхъ у порядочнаго человѣка, въ деревнѣ лѣтомъ, когда нѣтъ никакихъ отвлекающихъ занятій и интересовъ.

Деревня, въ которую пріѣхали наши молодые люди, принадлежитъ отцу и дядѣ Аркадія. Отецъ его, Николай Петровичъ Кирсановъ — человѣкъ лѣтъ сорока съ небольшимъ; по складу характера онъ очень похожъ на своего сына. Но у Николая Петровича между его умственными убѣжденіями и природными наклонностями гораздо больше соответствія и гармоніи, чѣмъ у Аркадія. Какъ человѣкъ мягкій, чувствительный и даже sentimentalный, Николай Петровичъ не порывается къ рационализму и успокаивается на такомъ міросозерцаніи, которое даетъ пищу его воображенію и пріятно щекочетъ его нравственное чувство. Аркадій, напротивъ того, хочетъ быть сыномъ своего вѣка и наплеваетъ на себя идеи Базарова, которыя рѣшительно не могутъ съ нимъ сродниться. Онъ — самъ по себѣ, а идеи — сами по себѣ болтаются, какъ скрутокъ взрослого человѣка, надѣтый на десятилѣтняго ребенка. Даже та ребяческая радость, которая обнаруживается въ мальчикѣ, когда его шутя производятъ въ большіе, даже эта радость, говорю я, замѣтна въ нашемъ юномъ мыслителѣ съ чужого голоса. Аркадій щеголяетъ своими идеями, старается обратить на нихъ вниманіе окружающихъ, думаетъ про себя: вотъ какой я молодецъ, и увы, какъ дитя малое, неразумное, иногда провирается и доходитъ до явнаго противорѣчія съ самимъ собою и съ накладными своими убѣжденіями.

Дядя Аркадія, Павелъ Петровичъ, можетъ быть названъ Печоринимъ маленькихъ размѣровъ; онъ на своемъ вѣку пожуривалъ и подурачился, и наконецъ все ему надоѣло; пристроиться ему не удалось, да это и не было въ его характерѣ; добравшись до той поры, когда по выраженію Тургенева, сожалѣнія похожи на надежды, а надежды на сожалѣнія, бывший левъ удалился къ брату въ деревню, окружилъ себя изящнымъ комфортомъ и превратилъ свою жизнь въ спокойное прозябаніе. Выдающимся воспоминаніемъ изъ прежней шумной и блестящей жизни Павла Петровича было сильное чувство къ одной велико-



свѣтской женщинѣ, чувство, доставившее ему много наслажденій, и въ слѣдъ за тѣмъ, какъ бываетъ почти всегда, много страданій. Когда отношенія Павла Петровича къ этой женщинѣ оборвались, то жизнь его совершенно опустѣла.

«Какъ отравленный, бродилъ онъ съ мѣста на мѣсто, говорить Тургеневъ; онъ еще выѣзжалъ, онъ сохранилъ всѣ привычки свѣтскаго человека, онъ могъ похвастаться двумя, тремя новыми побѣдами; но онъ уже не ждалъ ничего особеннаго ни отъ себя, ни отъ другихъ, и ничего не предпринималъ; онъ состарѣлся, посѣдѣлъ; сидѣть по вечерамъ въ клубѣ, желчно скучать, равнодушно поспорить въ холостомъ обществѣ стало для него потребностью — знакъ, какъ извѣстно, плохой. О женитьбѣ онъ, разумѣется, и не думалъ. Десять лѣтъ прошло такимъ образомъ, безцвѣтно, безплодно и быстро, страшно быстро. Нигдѣ время такъ не бѣжитъ, какъ въ Россіи; въ тюрьмѣ, говорить, оно бѣжитъ еще скорѣе.»

Какъ человекъ желчный и страстный, одаренный гибкимъ умомъ и сильной волей, Павелъ Петровичъ рѣзко отличается отъ своего брата и отъ племянника. Онъ не поддается чуждому вліянію, онъ самъ подчиняетъ себѣ окружающихъ личностей и ненавидитъ тѣхъ людей, въ которыхъ встрѣчаетъ себѣ отпоръ. Убѣжденій у него, по правдѣ сказать, не имѣется, но зато есть привычки, которыми онъ очень дорожитъ. Онъ по привычкѣ толкуетъ о правахъ и обязанностяхъ аристократіи, и по привычкѣ доказываетъ въ спорахъ необходимость *принциповъ*. Онъ привыкъ къ тѣмъ идеямъ, которыхъ держится общество, и стоитъ за эти идеи, какъ за свой комфортъ. Онъ терпѣть не можетъ, чтобы кто нибудь опровергалъ эти понятія, хотя въ сущности онъ не питаетъ къ нимъ никакой сердечной привязанности. Онъ гораздо энергичнѣе своего брата спорить съ Базаровымъ, а между тѣмъ Николай Петровичъ гораздо искреннѣе страдаетъ отъ его безпощаднаго отрицанія. Въ глубинѣ души Павелъ Петровичъ такой же скептикъ и эмпирикъ, какъ и самъ Базаровъ; въ практической жизни онъ всегда поступалъ и поступаетъ, какъ ему вздумается, но въ области мысли онъ не умѣетъ признаться въ этомъ передъ самимъ собою, и потому поддерживаетъ на словахъ такіа доктрины, которымъ постоянно противорѣчатъ его поступки. Дядѣ и племяннику слѣдовало бы помѣняться между собой убѣжденіями, потому что первый ошибочно приписываетъ себѣ вѣру въ *принципы*, второй точно также ошибочно воображаетъ себя крайнимъ скептикомъ и смѣлымъ рационалистомъ. Павелъ Петровичъ начинаетъ чувствовать къ Базарову сильнѣйшую антипатію съ перваго знакомства. Плебейскія манеры Базарова возмущаютъ отставного дѣнди; самоувѣренность и нецеремонность его раздражаютъ Павла Петровича, какъ недостатокъ уваженія къ его изящной особѣ. Павелъ Петровичъ видитъ, что Базаровъ не уступитъ

ему преобладанія надъ собою, и это возбуждаетъ въ немъ чувство досады, за которое онъ мучается, какъ за развлеченіе среди глубокой ревенской скуки. Ненависть самого Базарова Петровичъ возмущается всѣми его поступками; онъ придирается къ нему, насильно вынуждая на споръ и спорить съ тѣмъ рыцарскимъ достоинствомъ, которое обыкновенно обнаруживается въ праздные и скучающіе.

А что же дѣлаетъ Базаровъ среди этихъ личностей? Во-первыхъ онъ старается отбросить на нихъ какъ можно меньше вниманія и большую часть своего времени проводить за развлеченіемъ по окрестностямъ, собираетъ рѣдкіе насѣкомыхъ, рѣжетъ лягушекъ и занимается крокодилическими наблюденіями; на Архипа онъ смотритъ, какъ на ребенка, на Николая — какъ на добродушнаго старичка, къ которому онъ выражается, на старенькаго романтика. Павлу Петровичу онъ относится не самымъ желюбно; его возмущаетъ въ немъ эгоизмъ, но онъ невольно старается скрывать раздраженіе подъ видомъ презрительнаго душія. Ему не хочется сознаться передъ собою, что онъ можетъ сердиться на «уѣзднаго крапа», а между тѣмъ страстная натура свое; онъ часто запальчиво возражаетъ на слова Павла Петровича и не вдругъ успѣваетъ сдержать собою и замкнуться въ свою насильственную холодность. Базаровъ не любитъ ни спорить, ни вообще высказываться, и только Павелъ Петровичъ отчасти обладаетъ умѣньемъ вести на многозначительный разговоръ. Эти черты характера дѣйствуютъ другъ на друга; видя этихъ двухъ людей лицомъ къ лицу, можно себѣ представить борьбу, происходящую между двумя поколѣніями, непосредственно дующими одно за другимъ. Николай Петровичъ конечно не способенъ быть угнетателемъ, Николай Ивановичъ конечно не способенъ въ борьбу съ семейнымъ деспотизмомъ; Павелъ Петровичъ и Базаровъ могли бы въ стѣнныхъ условіяхъ, явиться яркими представителями, первый — сковывающей, леденой прошлаго, второй — разрушительной, бурно бождающей силы настоящаго.

На чьей же сторонѣ лежитъ симпатія? Кому онъ сочувствуетъ? На это очень важный вопросъ можно отвѣтить, что Тургеневъ не сочувствуетъ ни одному изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ; его анализа не ускользаетъ ни одна существенная черта; мы видимъ, какъ Базаровъ выражается въ своемъ отрицаніи, какъ онъ слаждается своей развитостью, какъ онъ презираетъ робѣетъ, какъ пятнадцатилѣтша, и какъ Павелъ Петровичъ рисуетъ зачѣмъ на него не любитъ Базаровъ, какъ собственный человекъ, котораго онъ уважаетъ, и какъ самая ненависть своей.



Базаровъ завирается — это къ сожалѣнію несправедливо. Онъ съ плеча отрицаетъ вещи, которыхъ не знаетъ или не понимаетъ; поэзія, по его мнѣнію, ерунда; читать Пушкина — потерянное время; заниматься музыкой смѣшно; наслаждаться природой — нелѣпно. Очень можетъ быть, что онъ, человѣкъ затертый трудовою жизнью, потерялъ или не успѣлъ развить въ себѣ способность наслаждаться пріятнымъ раздраженіемъ нервныхъ и слуховыхъ нервовъ, но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы онъ имѣлъ разумное основаніе отрицать или осмѣивать эту способность у другихъ. Выкраивать людей на одну мѣрку — значитъ впадать въ узкій умственный эгоизмъ. Отрицать совершенно произвольно или другую естественную и дѣйствительно существующую въ человѣкѣ потребность или способность — значитъ удалаться отъ чистаго реализма.

Увлеченіе Базарова очень естественно; оно объясняется, во-первыхъ, односторонностью развитія, во-вторыхъ, общимъ характеромъ эпохи, въ которую намъ пришлось жить. Базаровъ основательно знаетъ естественныя и медицинскія науки; при ихъ содѣйствіи онъ выбилъ изъ своей головы всѣ предрасудки; затѣмъ онъ остался человѣкомъ крайне необразованнымъ; онъ слышалъ кое-что о поэзіи, кое-что объ искусствѣ, но не потрудился подумать и съ плеча произнесъ приговоръ надъ незнакомыми ему предметами. Эта заносчивость свойственна намъ вообще; она есть свои хорошія стороны, какъ умственная смѣлость, но за то конечно приводитъ порою къ грубымъ ошибкамъ. Общій характеръ эпохи заключается въ практическомъ направленіи; мы хотимъ жить и придерживаемся того права, что соловья баснями не кормятъ. Люди очень энергическіе часто преувеличиваютъ тенденціи, господствующія въ обществѣ; на этомъ основаніи слишкомъ неразборчивое отрицаніе Базарова и самая односторонность его развитія стоятъ въ прямой связи съ преобладающими стремленіями въ осязательной пользѣ. Намъ надобны фразы гегелистовъ, у насъ закружилась голова отъ витанія въ заоблачныхъ высяхъ, и многіе изъ насъ, отрезвившись и спустившись на землю, ударились въ крайность, и изгоняя мечтательность, вмѣстѣ съ нею стали преслѣдовать простыя чувства и даже чисто физическія ощущенія, вродѣ наслажденія музыкой. Большого вреда въ этой крайности нѣтъ, но указать на нее не мѣшаетъ и назвать ее смѣшною вовсе не значитъ стать въ ряды обскурантовъ и старенькихъ романтиковъ. Многіе изъ нашихъ реалистовъ возстанутъ на Тургенева за то, что онъ не сочувствуетъ Базарову и не скрываетъ отъ читателя промаховъ своего героя; многіе изъявлять желаніе, чтобы Базаровъ былъ выведенъ человѣкомъ образцовымъ, рыцаремъ мысли безъ страха и упрека, и чтобы такимъ образомъ было дока-

зано передъ лицомъ читающей публики несомнѣнное превосходство реализма надъ другими направленіями мысли. Да, реализмъ, по моему, вещь хорошая; но во имя этого же самаго реализма не будемъ идеализировать ни себя, ни нашего направленія. Мы смотримъ холодно и трезво на все, что насъ окружаетъ; посмотримъ же точно также холодно и трезво на самихъ себя; кругомъ чужь и глушь, да и у насъ самихъ не богъ знаетъ, какъ свѣтло. Отрицаемое нелѣпно, да и отрицатели тоже дѣлаютъ порою капитальныя глупости; они все-таки стоятъ неизмѣримо выше отрицаемаго, но тутъ еще честь болѣе невелика; стоять выше вопіющей нелѣпости не значитъ еще быть гениальнымъ мыслителемъ. Но мы, пишущіе и говорящіе реалисты, теперь слишкомъ увлечены умственной борьбою минуты, горячими схватками съ отсталыми идеалистами, съ которыми по настоящему не стоило бы даже спорить; мы, говоря, слишкомъ увлечены, чтобы скептически отнестись къ самимъ себѣ и проверить строгимъ анализомъ, не провираемся ли мы въ пылу диалектическихъ сраженій, совершающихся въ журнальныхъ книжкахъ и во вседневной жизни. Къ намъ отнесутся скептически наши дѣти, или можетъ быть, мы сами узнаемъ себѣ со временемъ настоящую цѣну и посмотримъ à vol d'oiseau на теперешнія любимыя идеи. Тогда мы будемъ смотрѣть съ высоты настоящаго на прошедшее; Тургеневъ же теперь смотритъ на настоящее въ высоты прошедшаго. Онъ не идетъ за нами; онъ спокойно смотритъ намъ въ слѣдъ, описываетъ нашу походку, рассказываетъ намъ, какъ мы ускоряемъ шаги, какъ прыгаемъ черезъ рывтины, какъ порою скатываемся на неровныхъ мѣстахъ дороги.

Въ тонѣ его описанія не слышно раздраженія; онъ просто усталъ идти; развитіе его личнаго міросозерцанія окончилось, неспособность наблюдать за движеніемъ чужой мысли, понимать и воспроизводить всѣ ея изгибы — осталась во всей своей свѣжести и полнотѣ. Тургеневъ самъ никогда не будетъ Базаровымъ, но онъ вдумался въ этотъ типъ и понялъ его такъ вѣрно, какъ не пойметъ ни одинъ изъ нашихъ молодыхъ реалистовъ. Апофеозы прошедшаго нѣтъ въ романѣ Тургенева. Авторъ «Рудина» и «Аси», разоблачившій слабости своего поколѣнія и открывшій въ «Запискахъ Охотника» цѣлый міръ отечественныхъ диковинокъ, дѣлавшихся на глазахъ этого самаго поколѣнія, остался вѣренъ себѣ и не покривилъ душой въ своемъ послѣднемъ произведеніи. Представители прошлаго, «отцы», изображены съ безошибочною вѣрностью; они люди хорошіе, но объ этихъ хорошихъ людяхъ не пожалѣетъ Россія; въ нихъ нѣтъ ни одного элемента, который дѣйствительно стоило бы спасать отъ могилы и отъ забвенія; а между тѣмъ есть и такія минуты, когда этимъ отцамъ можно полнѣе сочувствовать, чѣмъ самому Базарову. Когда



Николай Петрович любит вечерним пейзажемъ, тогда онъ всякому непредубьденному читателю покажется человѣчнѣе Базарова, голословно отрицающаго красоту природы.

— И природа пустыя? проговорилъ Аркадій, задумчиво глядя вдаль на пестрые поля, красиво и мягко освѣщенные уже не высокимъ солнцемъ.

— И природа пустыя въ томъ значеніи, въ какомъ ты ее теперь понимаешь. Природа не храмъ, а мастерская, и человекъ въ ней работникъ.

Въ этихъ словахъ у Базарова отрицаніе превращается во что-то искусственное и даже перестаетъ быть послѣдовательнымъ. Природа — мастерская, и человекъ въ ней — работникъ; съ этой мыслью я готовъ согласиться; но, развивая эту мысль дальше, я никакъ не прихожу къ тѣмъ результатамъ, къ которымъ приходитъ Базаровъ. Работнику надо отдыхать, а отдыхъ не можетъ ограничиться однимъ тяжелымъ сномъ послѣ утомительнаго труда. Человеку необходимо освѣжиться пріятными впечатлѣніями, и жизнь безъ пріятныхъ впечатлѣній, даже при удовлетвореніи всѣмъ насущнымъ потребностямъ, превращается въ невыносимое страданіе. Послѣдовательные материалисты, вроде Карла Фохта, Молешота и Бюхнера, не отказываютъ поленнику въ чаркѣ водки, а достаточнымъ классамъ въ употребленіи наркотическихъ веществъ. Они смотрятъ снисходительно даже на нарушенія должной мѣры, хотя признаютъ подобныя нарушенія вредными для здоровья. Если бы работникъ находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы въ свободные часы лежать на спинѣ и глазѣть на стѣны и потолокъ своей мастерской, то тѣмъ болѣе всякій здравомыслящій человекъ сказалъ бы ему: глазѣй, любезный другъ, глазѣй, сколько душѣ угодно; здоровью твоему это не повредитъ, а въ рабочее время ты глазѣть не будешь, чтобы не надѣлать промаховъ. Отчего же, допуская употребленіе водки и наркотическихъ веществъ вообще, не допустить наслажденія красотой природы, мягкимъ воздухомъ, свѣжей зеленью, нѣжными переливами контуровъ и красокъ? Преслѣдуя романтизмъ, Базаровъ съ невѣроятной подозрительностью ищетъ его тамъ, гдѣ его никогда и не бывало. Вооружаясь противъ идеализма и разбивая его воздушные замки, онъ порою самъ дѣлается идеалистомъ, т. е. начинаетъ предписывать человеку законы, какъ и чѣмъ ему наслаждаться и къ какой мѣркѣ пригонять свои личныя ощущенія. Сказать человеку: не наслаждайся природой — все равно, что сказать ему: умерщвляй свою плоть. Чѣмъ больше будетъ въ жизни безвредныхъ источниковъ наслажденія, тѣмъ легче будетъ жить на свѣтѣ, и вся задача нашего времени заключается именно въ томъ, чтобы уменьшить сумму страданій и увеличить силу и количество наслажденій. Многіе возражаютъ на это, что мы живемъ въ такое тяжелое время, въ кото-

ромъ еще нечего думать о наслажденіи; надо дѣло, скажутъ они, работать, искоренять, сдѣлать добро, расчищать мѣсто для великаго дѣла, въ которомъ будутъ пировать наши вѣнныя потомки. Хорошо, я согласенъ съ тѣмъ, что мы поставлены въ необходимость работать для будущаго, потому что плоды нашихъ знаній могутъ созрѣть только втеченіи нѣсколькихъ столѣтій; дѣло наша, положимъ, очень возвышенно, но эта возвышенность дѣла представляетъ очень слабое утѣшеніе въ житейскихъ недрагахъ. Человеку усталому и измученному врядъ ли станетъ весело и пріятно отъ той мысли, что его праправнукъ будетъ жить въ свое удовольствіе. Въ тяжелыя минуты жизни утѣшеніе возвышенностью дѣла — это, воля ваша, не равно, что пить неподслащенный чай, подливая на кусокъ сахара, привѣщенный къ потягу. Людямъ, не обладающимъ чрезмѣрной пылкостью воображенія, чай не покажется вкуснѣе отъ этихъ тоскливыхъ взглядовъ къ верху. Темъ также и жизнь, состоящая изъ однихъ трудовъ, окажется не по вкусу и не по силамъ современному человеку. Поэтому, съ какой точки зрѣнія вы не посмотрите на жизнь, а все-таки выйдетъ на повѣрку, что наслажденіе рѣшительно необходимо. Одни посмотрятъ на наслажденіе, какъ на конечную цѣль; другіе принуждены будутъ признать въ наслажденіи важнѣйшій источникъ силъ, необходимыхъ для работы. Въ этомъ будетъ заключаться вся разница между эпикурейскими стоиками нашего времени.

Итакъ, Тургеневъ никому и ничему въ своемъ романѣ не сочувствуетъ вполне. Если бы сказалъ ему: «Иванъ Сергѣевичъ, вамъ Базаровъ не нравится, чего же вамъ угодно?» — то онъ на этотъ вопросъ не отвѣтилъ бы ничего. Онъ ни какъ и не пожелалъ бы молодому поколѣнію сойтись съ отцами въ понятіяхъ и влеченіяхъ. Его не удовлетворяютъ ни отцы, ни дѣти, и въ этомъ случаѣ отрицаніе глубже и серьезнѣе отрицанія тѣхъ людей, которые разрушая то, что было до нихъ, воображаютъ себѣ, что они соль земли и чистѣйшее выраженіе полной человѣчности. Въ разрушеніи своемъ эти люди могутъ быть правы, но въ наивномъ самообожаніи того типа, къ которому они себя причисляютъ, заключается ихъ ограниченность и односторонность. Такихъ формъ такихъ типовъ, на которыхъ дѣйствительно можно было бы успокоиться и остановиться, еще не выработала и можетъ быть никогда не выработаетъ жизнь. Тѣ люди, которые, отдавая въ полное распоряженіе какой бы то ни было господствующей теоріи, отказываются отъ своей умственной самостоятельности и замѣняютъ критику подобострастнымъ поклоненіемъ, оказываются людьми узкими, безсильными и часто вредными. Поступить такимъ образомъ способенъ Аркадій, но это совершенно невозможно для Базарова, и именно въ этомъ свойствѣ ума и на-



рактера заключается вся обаятельная сила тургеневского героя. Эту обаятельную силу понимает и признает авторъ, не смотря на то, что самъ онъ ни по темпераменту, ни по условіямъ развитія не сходитъ съ своимъ нигилистомъ. Скажу больше: общія отношенія Тургенева къ тѣмъ явленіямъ жизни, которыя составляютъ канву его романа, такъ спокойны и безпристрастны, такъ свободны отъ раболопнаго поклоненія той или другой теоріи, что самъ Базаровъ не нашелъ бы въ этихъ отношеніяхъ ничего робкаго или фальшиваго. Тургеневъ не любитъ безпощаднаго отрицанія, а между тѣмъ личность безпощаднаго отрицателя выходитъ личностью сильной и внушаетъ каждому читателю невольное уваженіе. Тургеневъ склоненъ къ идеализму, а между тѣмъ ни одинъ изъ идеалистовъ, выведенныхъ въ его романѣ, не можетъ сравниться съ Базаровымъ ни по силѣ ума, ни по силѣ характера.

Я увѣренъ, что многіе изъ нашихъ журнальных критиковъ захотятъ, во что бы то ни стало, увидеть въ романѣ Тургенева затаенное стремленіе унижить молодое поколѣніе и доказать, что дѣти хуже родителей; но я точно также увѣренъ въ томъ, что непосредственное чувство читателей, не скованныхъ обязательными отношеніями къ теоріи, оправдаетъ Тургенева и увидитъ въ его произведеніи не диссертацию на заданную тему, а вѣрную, глубоко прочувствованную и безъ малѣйшей утайки нарисованную картину современной жизни. Если бы на тургеневскую тему написалъ какой нибудь писатель, принадлежащій къ нашему молодому поколѣнію и глубоко сочувствующій базаровскому направленію, тогда конечно картина вышла бы не такая, и краски были бы положены иначе. Базаровъ не былъ бы угловатымъ бурсакомъ, господствующимъ надъ окружающими людьми естественной силой своего здороваго ума; онъ можетъ быть превратился бы въ воплощеніе тѣхъ идей, которыя составляютъ сущность этого типа; онъ можетъ быть представилъ бы намъ въ своей личности яркое выраженіе тенденцій автора, но врядъ ли онъ былъ бы равенъ Базарову въ отношеніи къ жизненной вѣрности и рельефности. Предполагаемый мною молодой художникъ говорилъ бы своимъ произведеніемъ, обращаясь къ сверстникамъ: «вотъ, друзья мои, чѣмъ долженъ быть развитый человѣкъ! Вотъ конечная цѣль нашихъ стремленій!» Что же касается до Тургенева, то онъ просто и спокойно говоритъ: «вотъ какіе бываютъ теперь молодые люди!» и при этомъ не скрываетъ даже того обстоятельства, что ему такіе молодые люди не совсѣмъ нравятся.—Какъ же это можно, закричать многіе изъ нашихъ современныхъ критиковъ и публицистовъ, это обскурантизмъ!—Господа, можно было бы отвѣтить имъ, да что вамъ за дѣло до личнаго ощущенія Тургенева. Нравятся, или не

нравятся ему такіе люди—это дѣло вкуса; вотъ если бы онъ, не сочувствуя типу, клеветалъ бы на него, тогда каждый честный человѣкъ имѣлъ бы право вывести его на свѣжую воду, но подобной клеветы вы не найдете въ романѣ; даже угловатости Базарова, на которыя я уже обращалъ вниманіе читателя, объясняются совершенно удовлетворительно обстоятельствами жизни и составляютъ, если не существенно необходимое, то по крайней мѣрѣ очень часто встрѣчающееся свойство людей базаровскаго типа.

Намъ, молодымъ людямъ, было бы конечно гораздо пріятнѣе, если бы Тургеневъ скрылъ и скрасилъ неграціозныя шероховатости; но я не думаю, чтобы, потворствуя такимъ образомъ нашимъ прихотливымъ желаніямъ, художникъ полнѣе охватилъ явленія дѣйствительности. Со стороны видѣе достоинства и недостатки, и потому строго-критическій взглядъ на Базарова со стороны въ настоящую минуту оказывается гораздо плодотворнѣе, чѣмъ голословное восхищеніе или раболопное обожаніе. Взглянувъ на Базарова со стороны, взглянувъ такъ, какъ можетъ смотрѣть только человѣкъ «отставной», не причастный къ современному движенію идей, разсмотрѣвъ его тѣмъ холоднымъ, испытующимъ взглядомъ, который дается только долгимъ опытомъ жизни, Тургеневъ оправдалъ Базарова и оцѣнилъ его по достоинству. Базаровъ вышелъ изъ испытанія чистымъ и крѣпкимъ. Противъ этого типа Тургеневъ не нашелъ ни одного существеннаго обвиненія, и въ этомъ случаѣ его голосъ, какъ голосъ человѣка, находящагося по лѣтамъ и по взгляду на жизнь въ другомъ лагерѣ, имѣетъ особенно важное, рѣшительное значеніе. Тургеневъ не полюбилъ Базарова, но призналъ его силу, призналъ его перевѣсъ надъ окружающими людьми и самъ принесъ ему полную дань уваженія.

Этого слишкомъ достаточно для того, чтобы снять съ романа Тургенева всякій, могущій возникнуть, упрекъ въ отсталости направленія; этого достаточно даже для того, чтобы признать его романъ практически полезнымъ для настоящаго времени.

## VI.

Отношенія Базарова къ его товарищу бросаютъ яркую полосу свѣта на его характеръ; у Базарова нѣтъ друга, потому что онъ не встрѣчалъ еще человѣка, «который бы не спасовалъ передъ нимъ»; Базаровъ одинъ самъ по себѣ, стоитъ на холодной высотѣ трезвой мысли, и ему не тяжело это одиночество; онъ весь поглощенъ собой и работой; наблюденія и изслѣдованія надъ живою природой, наблюденія и изслѣдованія надъ живыми людьми наполняютъ для него пустоту жизни и застраховываютъ его противъ скуки. Онъ не чувствуетъ потребности въ какомъ нибудь другомъ человѣкѣ отыскать себѣ сочувствіе



и пониманіе; когда ему приходитъ въ голову какая нибудь мысль, онъ просто высказывается, не обращая вниманія на то, согласны ли съ его мнѣніемъ слушатели, и пріятно ли дѣйствуютъ на нихъ его идеи. Чаще всего онъ даже не чувствуетъ потребности высказаться; думаетъ про себя и изрѣдка роняетъ бѣглое замѣчаніе, которое обыкновенно съ почтительной жадностью подхватываютъ прозелиты и штенцы, подобные Аркадію. Личность Базарова замыкается въ самой себѣ, потому что внѣ ея и вокругъ нея почти вовсе нѣтъ родственныхъ ей элементовъ. Эта замкнутость Базарова тяжело дѣйствуетъ на тѣхъ людей, которые желали бы отъ него нѣжности и общительности, но въ этой замкнутости нѣтъ ничего искусственного и преднамѣреннаго. Люди, окружающіе Базарова, ничтожны въ умственномъ отношеніи и никакимъ образомъ не могутъ расшевелить его, поэтому онъ и молчитъ, или говоритъ отрывочные афоризмы, или обрываетъ начатый споръ, чувствуя его смѣшную бесполезность.

Посадите взрослого человѣка въ одну комнату съ дюжиной ребятъ, и вы вѣроятно не найдете удивительнымъ, если этотъ взрослый не станетъ говорить съ своими товарищами по мѣсту жительства о своихъ человѣческихъ, гражданскихъ и научныхъ убѣжденіяхъ. Базаровъ не важничаетъ передъ другими, не считаетъ себя гениальнымъ человѣкомъ, непонятнымъ для своихъ современниковъ или соотечественниковъ; онъ просто пригужденъ смотрѣть на своихъ знакомыхъ сверху внизъ, потому что эти знакомые приходятся ему по колѣно; чтожь ему дѣлать? Вѣдь не садиться же ему на полъ для того, чтобы сравняться съ ними въ ростѣ? Не прикидываться же ребенкомъ для того, чтобы дѣлать съ ребятами ихъ недозрѣлыя мысленки. Онъ поневолѣ остается въ уединеніи, и это уединеніе не тяжело для него потому, что онъ молодъ, крѣпокъ, занятъ кипучей работой собственной мысли. Процессъ этой работы остается въ тѣни; сомнѣваюсь, чтобы Тургеневъ былъ въ состояніи передать намъ описаніе этого процесса; чтобы изобразить его, надо самому пережить его въ своей головѣ, надо самому быть Базаровымъ, а съ Тургеневымъ этого не случилось, за это можно поручиться, потому что кто въ жизни своей хотя одинъ разъ, хоть въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ смотрѣлъ на вещи глазами Базарова, тотъ остается нигилистомъ на весь свой вѣкъ. У Тургенева мы видимъ только результаты, къ которымъ пришелъ Базаровъ, мы видимъ внѣшнюю сторону явленія, т. е. слышимъ, что говоритъ Базаровъ, и узнаемъ, какъ онъ поступаетъ въ жизни, какъ обращается съ разными людьми. Психологическаго анализа, связаннаго перечня мыслей Базарова мы не находимъ; мы можемъ только отгадывать, что онъ думалъ и какъ формулировалъ передъ самимъ собой свои

убѣжденія. Не посвящая читателя въ тайны внутренней жизни Базарова, Тургеневъ можетъ возбудить недоумѣніе въ той части публики, которая не привыкла трудомъ собственной мысли дополнять то, что не договорено или не дорисовано въ произведеніи писателя. Невнимательный читатель можетъ подумать, что у Базарова нѣтъ внутренняго содержанія, и что весь интеллектъ состоитъ изъ сплетенія смѣлыхъ фразъ, вымышленныхъ изъ воздуха и не выработанныхъ самостоятельнымъ мышленіемъ. Можно сказать положительно, что самъ Тургеневъ не такъ понимаетъ своего героя, и только потому не слѣдуетъ за постепеннымъ развитіемъ и созрѣваніемъ идей, что не можетъ и не находитъ удобнымъ передавать мысли Базарова такъ, какъ они представляются его уму. Мысли Базарова выражаются въ его поступкахъ, въ его обращеніи съ людьми, онъ просвѣчиваетъ, и ихъ разглядѣть нетрудно, если только читать внимательно, группировать факты и отдавая себѣ отчетъ въ ихъ причинѣ.

Два эпизода окончательно дорисовываютъ эту замѣчательную личность: во-первыхъ, отношенія его къ женщинѣ, которая ему нравится; во-вторыхъ—его смерть.

Я разсмотрю и то, и другое, но сначала считамъ не лишнимъ обратить вниманіе на другія, второстепенныя подробности.

Отношенія Базарова къ его родителямъ могутъ однихъ читателей предрасположить противъ героя, другихъ—противъ автора. Первые, увлекаясь чувствительнымъ настроеніемъ, упрекаютъ Базарова въ черствости; вторые, увлекшись привязанностью къ базаровскому тѣлу, упрекаютъ Тургенева въ несправедливости къ своему герою и въ желаніи выставить его съ невыгодной стороны. И тѣ, и другіе, по моему мнѣнію, будутъ совершенно неправы. Базаровъ дѣйствительно не доставляетъ своимъ родителямъ тѣхъ удовольствій, которыхъ эти добрые старикки ожидаютъ отъ его пребыванія съ ними, но между ними и его родителями нѣтъ ни одной точки прикосновенія.

Отецъ его—старый уѣздный лекарь, совершенно опустившійся въ безцвѣтной жизни бланнаго помѣщика; мать его—дворяночка стараго покроя, вѣрящая во все примѣты и умѣющая только отлично готовить кушанье. Ни съ отцомъ, ни съ матерью Базаровъ не можетъ ни поговорить такъ, какъ онъ говорилъ съ Аркадіемъ, ни даже поспорить такъ, какъ онъ споритъ съ Павломъ Петровичемъ. Ему съ ними скучно, пусто, тяжело. Жить съ ними подъ одной кровлей онъ можетъ только съ тѣмъ условіемъ, чтобы они не мѣшали ему работать. Имъ это конечно тяжело; ихъ онъ запугиваетъ, какъ существо изъ другого міра, но ему-то что-жь съ этимъ дѣлать? Вѣдь это было бы безжалостно въ отношеніи къ самому себѣ, если бы Базаровъ захотѣлъ посвятить два, три мѣсяца на то, чтобы потѣ-



шить своихъ стариковъ; для этого ему надо было бы отложить въ сторону всякія занятія и цѣлыми днями просиживать съ Василюмъ Ивановичемъ и съ Ариной Власевной, которые на радостяхъ болтали бы всякій вздоръ, прилетая каждый по своему и уѣздныя сплетни, и городскіе слухи, и замѣчанія объ урожаѣ, и рассказы какойнибудь породивой, и латинскія сентенціи изъ стараго медицинскаго трактата. Человѣкъ молодой, энергическій, полный своей личной жизнью не выдержалъ бы двухъ дней подобной идилліи и, какъ угорѣлый, вырвался бы изъ этого тихаго толка, гдѣ его такъ любятъ и гдѣ ему такъ страшно надоѣдаютъ. Не знаю, хорошо ли бы себя почувствовали старики Базаровы, если бы послѣ двухъ-суточного блаженства они услышали отъ своего ненагляднаго сына, что непредвидѣнные обстоятельства принуждаютъ его уѣхать. Не знаю вообще, какимъ образомъ Базаровъ могъ бы вполне удовлетворить требованіямъ своихъ родителей, не отказываясь совершенно отъ своего личнаго существованія. Если же такъ или иначе ему непремѣнно пришлось бы оставить ихъ неудовлетворенными, тогда не изъ чего было возбуждать въ нихъ такія надежды, которыя не могли осуществиться.

Когда два человѣка, любящіе другъ друга или связанные между собой какими нибудь отношеніями, расходятся между собой въ образованіи, въ идеяхъ, въ наклонностяхъ и привычкахъ, тогда разладъ и страданіе той или другой стороны, а иногда обѣихъ вмѣстѣ, дѣлаются до такой степени неизбежными, что становится даже бесполезнымъ хлопотать объ ихъ устраненіи. Но родители Базарова страдаютъ отъ этого разлада, а Базаровъ и въ усь не дуетъ; это обстоятельство естественно располагаетъ сострадательнаго читателя въ пользу стариковъ; иной скажетъ даже: зачѣмъ онъ ихъ мучаетъ? Вѣдь они его такъ любятъ! — А чѣмъ же, позвольте васъ спросить, онъ ихъ мучаетъ? Тѣмъ что ли, что онъ не вѣрится въ примѣты, или скучаетъ отъ ихъ болтовни? Да какъ же ему вѣрить-то и какъ же не скучать? Если бы самый близкій мнѣ человѣкъ сокрушался отъ того, что во мнѣ слишкомъ два съ половиной, а не полтора аршина роста, то я, при всемъ моемъ желаніи, не могъ бы утѣшить его, а просто пожалъ бы плечами и отошелъ въ сторону. Предвижу впрочемъ одно довольно курьезное обстоятельство: если бы Базаровъ также страдалъ отъ невозможности сойтись съ своими родителями, то сострадательные читатели помирились бы съ нимъ и посмотрѣли бы на него, какъ на несчастную жертву историческаго процесса развитія. Но Базаровъ не страдаетъ, и потому многіе на него накинута и съ негодованіемъ назовутъ его безчувственнымъ человѣкомъ. Эти многіе очень дорожатъ красотой чувства, хотя эта красота не имѣетъ никакого практическаго значенія. Стра-

даніе отъ разъединенія съ родителями кажется имъ чертой, необходимой для красоты чувства, и потому они требуютъ, чтобы Базаровъ страдалъ, не обращая вниманія на то, что это нисколько не поправило бы дѣла, и что Василю Ивановичу и Аринѣ Власевнѣ отъ этого никакъ не было бы легче. Если же отношенія Базарова къ его родителямъ могутъ повредить ему только во мнѣніи сострадательныхъ читателей, то Тургеневъ нельзя упрекнуть въ несправедливости или утрировкѣ, потому что тѣмъ людямъ, у которыхъ чувствительность беретъ рѣшительный перевѣсъ надъ критикой ума, вообще не понравится всѣ существенныя, основныя черты базаровскаго типа. Имъ не понравится ни трезвость мысли, ни безпощадность критики, ни твердость характера; не понравились бы имъ эти свойства даже въ томъ случаѣ, когда бы авторъ романа написалъ этимъ свойствамъ восторженный панегирикъ; слѣдовательно тутъ, какъ и вездѣ, не художественная обработка, а самый матеріалъ, самое явленіе дѣйствительности возбудило бы непріязненные чувства.

Изображая отношенія Базарова къ старикамъ, Тургеневъ вовсе не превращается въ обвинителя, умышленно подбирающаго мрачныя краски; онъ остается по прежнему искреннимъ художникомъ и изображаетъ явленіе, какъ оно есть, не подслащая и не скрашивая его по своему произволу. Самъ Тургеневъ, можетъ быть, по своему характеру подходитъ къ сострадательнымъ людямъ, о которыхъ я говорилъ выше; онъ порою увлекается сочувствіемъ къ наивной, почти не сознающей грусти старухи-матери и къ сдержанному, стыдливому чувству старика-отца, увлекается до такой степени, что почти готовъ корить и обвинять Базарова; но въ этомъ увлеченіи нельзя искать ничего преднамѣреннаго и разсчитаннаго. Въ немъ сказывается только любящая натура самого Тургенева, и въ этомъ свойствѣ его характера трудно найти что нибудь предосудительное. Тургеневъ не виноватъ въ томъ, что жалѣетъ бѣдныхъ стариковъ и даже сочувствуетъ ихъ непоправимому горю. Тургеневу не резонъ скрывать свои симпатіи въ угоду той или другой психологической или социальной теоріи. Эти симпатіи не заставляютъ его кривить душой и уродовать дѣйствительность, слѣдовательно, онъ не вредитъ ни достоинству романа, ни личному характеру художника.

## VII.

Базаровъ съ Аркадіемъ отправляются въ губернскій городъ, по приглашенію одного родственника Аркадія, и встрѣчаются съ двумя въ высшей степени типичными личностями. Эти личности — юноша Ситниковъ и молодая дама Кукшина — представляютъ великолѣпно исполненную каррикатуру безмозглаго прогрессиста и



по-русски эмансипированной женщины. Ситниковых и Кукшиных у нас развелось въ последнее время безчисленное множество; нахвататься чужихъ фразъ, исковеркать чужую мысль и нарядиться прогрессистомъ теперь такъ же легко и выгодно, какъ при Петрѣ было легко и выгодно нарядиться европейцемъ. Истинныхъ прогрессистовъ, т. е. людей дѣйствительно умныхъ, образованныхъ и добросовѣстныхъ у насъ очень немного; порядочныхъ и развитыхъ женщинъ еще того меньше, но за то не перечесть того несмѣтнаго количества разнокалиберной сволочи, которая тѣшится прогрессивными фразами, какъ модной вещичкой, или драпируется въ нихъ, чтобы закрыть свои пошленькія поползновенія. У насъ можно сказать, что всякій пустомеля смотритъ прогрессистомъ, лѣзетъ въ передовые люди, создаетъ изъ чужихъ доскутъевъ свою теорію и даже часто силится заявить о ней въ литературѣ. «Русскій Вѣстникъ» смотритъ на это обстоятельство съ сердечнымъ прискорбіемъ, которое часто переходитъ въ крикливое негодованіе. Это крикливое негодованіе вызываетъ себя отпоръ.

— Что вы дѣлаете? говорятъ многіе «Русскому Вѣстнику», вы ругаете прогрессистовъ, вы вредите дѣлу и идеѣ прогресса. «Русскій Вѣстникъ» вѣроятно съ особеннымъ наслажденіемъ принялъ на свои страницы тѣ сцены романа Тургенева, въ которыхъ дѣйствуютъ Ситниковъ и Кукшина: вотъ, думаетъ онъ, всё псевдо-прогрессисты съ ужасомъ и съ отвращеніемъ оглянутся на самихъ себя! Многіе изъ литературныхъ противниковъ «Русскаго Вѣстника» съ ожесточеніемъ накинутся на Тургенева за эти сцены. Онъ осмѣиваетъ нашу святыню, закричатъ они съ неистовыми жестами, онъ идетъ противъ направленія вѣка, противъ свободы женщины. Этотъ споръ между сторонниками и противниками «Русскаго Вѣстника», какъ вообще многіе литературные и нелитературные споры, вовсе не касается того предмета, по поводу котораго горячатся спорящія стороны. Какъ негодованіе «Русскаго Вѣстника» противъ Ситниковыхъ, такъ и негодованіе многихъ журналовъ противъ возгласовъ «Русскаго Вѣстника» не имѣютъ ни малѣйшаго смысла. Негодованіе противъ глупости и подлости вообще понятно, хотя впрочемъ оно такъ же плодотворно, какъ негодованіе противъ осенней сырости, или зимняго холода. Но негодованіе противъ той формы, въ которой выражается глупость или подлость, дѣлается уже совершенно нелѣпымъ. Ни правительственныя распоряженія, ни литературныя теоріи никогда не уничтожатъ глупыхъ и мелкихъ людей; эти глупые и мелкіе люди надѣваются на себя тотъ или другой костюмъ, но никакой головной уборъ не можетъ закрыть ихъ ослиныя уши. Чѣмъ бы ни былъ Ситниковъ — байронистомъ (вродѣ Грушниц-

каго), тегелистомъ (вродѣ Шамилова) или нигилистомъ (каковъ онъ и есть), онъ все-таки останется пошлымъ человѣкомъ. Слѣдовательно, и все ли равно, какъ онъ себя величаетъ — консерваторомъ или прогрессистомъ? Всего лучше то положеніе, которое дѣлаетъ глупаго человѣка по возможности безвреднымъ, а надо было правду, что глупый прогрессистъ принадлежалъ къ числу наиболѣе безвредныхъ созданий. Въ былые годы Ситниковъ былъ бы способенъ на удалства бить на почтовыхъ станціяхъ янтариковъ; теперь онъ уже откажетъ себя въ этихъ удовольствіяхъ, потому что это не принято и потому что я-де прогрессистъ. Ужъ и это хорашо, и за то спасибо отечественному прогрессу. Противъ чего же тутъ негодовать, и отчего же не позволить Ситникову величать себя прогрессистомъ и дѣятелемъ? Кому это вредитъ? Болитъ отъ этого больно? Но только конечно надо изъ Ситниковыхъ ихъ настоящую цѣну, и не надо ожидать чудесъ гражданской и человѣческой благодати отъ такого общества, въ которомъ большая половина сама не знаетъ того, что она говоритъ и чего хочетъ. Поэтому художникъ, рисуящій передъ нашими глазами поразительно живую карикатуру, осмѣивающій искаженными великихъ и прекрасныхъ идей, заслуживаетъ нашей полной признательности.

Многія идеи сдѣлались ходячей монетой и путешествуя изъ рукъ въ руки, потемнѣли и потерялись, какъ старый полтинникъ; на это вѣдаютъ то, что принадлежатъ исключительно и уродливому проявленію, то, что пристало къ случаю отъ прикосновенія грязныхъ рукъ: чтобы очистить идею, надо представить уродливое проявленіе во всей его уродливости и такимъ образомъ строго отдѣлить основную сущность отъ произвольныхъ прихвѣсей. Между Кукшиной и эмансипаціей женщины нѣтъ ничего общаго; между Ситниковымъ и гуманными идеями XIX вѣка нѣтъ ни малѣйшаго сходства. Назвать Ситникова и Кукшину порожденіемъ времени было бы въ высокой степени нелѣпно. Оба они заимствовали у своей эпохи только верхнюю драпировку, и эта драпировка все-таки лучше остальнаго ихъ умственного состоянія. Стало быть, какой же смыслъ будетъ имѣть негодованіе теоретиковъ противъ Тургенева за Кукшину и Ситникова? Что же, было бы лучше, если бы Тургеневъ представилъ русскую женщину, эмансипированную въ лучшемъ смыслѣ этого слова, и молодого человѣка, проникнутаго высокими чувствами гуманности? Да въѣтъ это было бы пріятное самообольщеніе! Это была бы сладкая ложь, и къ тому же ложь, въ высшей степени неудачная. Спрашивается, откуда бы взялъ Тургеневъ красокъ для изображенія такихъ явленій, которыхъ нѣтъ въ Россіи и изъ которыхъ въ русской жизни нѣтъ ни почвы, ни простора? И какое значеніе имѣла бы эта пре-



извольная выдумка? Вѣроятно возбудила бы въ нашихъ мужчинахъ и женщинахъ добродѣтельное желаніе подражать столь высокимъ образцамъ нравственнаго совершенства!.. Нѣтъ, скажутъ противники Тургенева, пусть авторъ не выдумываетъ небывалыхъ явленій! Пусть онъ только разрушаетъ старое, гнилое, и не трогаетъ тѣхъ идей, отъ которыхъ мы ожидаемъ обильныхъ, благодѣтельныхъ результатовъ. Ахъ! да, это понятно; это значитъ: нашихъ не тронь! Да какъ же, господа, не трогать, если въ числѣ нашихъ много дряни, если фирмой многихъ идей пользуются тѣ самые негодяи, которые за нѣсколько лѣтъ тому назадъ были Чичиковыми, Поздревыми, Молчаливыми и Хлестаковыми? Неужели не трогать ихъ въ награду за то, что они перебѣжали на нашу сторону, неужели поощрять ихъ за ренегатство подобно тому, какъ въ Турціи поощряютъ за принятіе ислама? Нѣтъ, это было бы слишкомъ нелѣпо. Мнѣ кажется, идеи нашего времени слишкомъ сильны своимъ собственнымъ внутреннимъ значеніемъ, чтобы нуждаться въ искусственной подпоркѣ. Пусть принимаетъ эти идеи только тотъ, кто дѣйствительно убѣжденъ въ ихъ вѣрности, и пусть онъ не думаетъ, что титулъ прогрессиста самъ по себѣ, подобно индульгенціи, покрываетъ грѣхи прошедшаго, настоящаго и будущаго. Ситниковы и Кукшины всегда останутся смѣшными личностями; ни одинъ благоразумный человѣкъ не порадуетъ тому, что онъ стоитъ съ ними подъ однимъ знаменемъ, и въ то же время не припишетъ ихъ уродливости тому девизу, который написанъ на знамени. Посмотрите, какъ обращается Базаровъ съ этими идіотами; онъ, по приглашенію Ситникова, заходитъ къ Кукшиной, съ цѣлью посмотреть людей, завтракаетъ, пьетъ шампанское, не обращаетъ никакого вниманія на усилія Ситникова блеснуть смѣлостью мысли, и на усилія Кукшиной вызвать его, Базарова, на умный разговоръ, и наконецъ уходитъ, даже не простившись съ хозяйкой.

«Ситниковъ выскочилъ вслѣдъ за ними.

— Ну что, ну что, спрашивалъ онъ, подобострастно забывая то справа, то слѣва, я говорилъ вамъ: замѣчательная личность! Вотъ какихъ бы намъ женщинъ побольше? Она въ своемъ родѣ высоко нравственное явленіе!

— А это заведеніе *твоего* отца—тоже нравственное явленіе? промолвилъ Базаровъ, ткнувъ пальцемъ на кабака, мимо котораго они въ это мгновеніе проходили.

Ситниковъ опять засмѣялся съ визгомъ. Онъ очень стыдился своего происхожденія и не зналъ, чувствовать ли ему себя польщеннымъ или обиженнымъ отъ неожиданнаго тыканья Базарова.

### VIII.

Въ городѣ Аркадій знакомится на балѣ у губернатора съ молодою вдовой, Анной Сергѣевной

Одинцовой; онъ танцуетъ съ ней мазурку, между прочимъ заговариваетъ съ нею о своемъ другѣ Базаровѣ и заинтересовываетъ ее восторженнымъ описаніемъ его смѣлаго ума и рѣшительнаго характера. Она приглашаетъ его къ себѣ и проситъ привести съ собой Базарова. Базаровъ, замѣтившій ее, какъ только она появилась на балѣ, говорить о ней съ Аркадіемъ, невольно усиливая обыкновенный цинизмъ своего тона, отчасти для того, чтобы скрыть и отъ себя, и отъ своего собесѣдника впечатлѣніе, произведенное на него этой женщиной. Онъ съ удовольствіемъ соглашается пойти къ Одинцовой вмѣстѣ съ Аркадіемъ, и объясняетъ себѣ и ему это удовольствіе надеждой завести пріятную интригу. Аркадія, не преминувшаго влюбиться въ Одинцову, коробитъ отъ шутиливаго тона Базарова, а Базаровъ конечно не обращаетъ на это ни малѣйшаго вниманія, продолжаетъ толковать о красивыхъ плечахъ Одинцовой, спрашиваетъ у Аркадія, дѣйствительно ли эта барыня — ой, ой, ой? говорить, что въ тихомъ омутѣ черти водятся и что холодныя женщины—все равно, что мороженное. Подходя къ квартирѣ Одинцовой, Базаровъ чувствуетъ нѣкоторое волненіе и, желая переломить себя, въ началѣ визита, ведетъ себя неестественно развязно и, по замѣчанію Тургенева, разваливается въ креслѣ не хуже Ситникова. Одинцова замѣчаетъ волненіе Базарова, отчасти отгадываетъ его причину, успокаиваетъ нашего героя ровной и тихой пріятливостью обращенія и часа три проводитъ съ молодыми людьми въ неторопливой, разнообразной и живой бесѣдѣ. Базаровъ обращается съ ней особенно почтительно; видно, что ему не все равно, какъ объ немъ подумаютъ и какое онъ произведетъ впечатлѣніе; онъ, противъ обыкновенія, говоритъ довольно много, старается занять свою собесѣдницу, не дѣлаетъ рѣзкихъ выходовъ, и даже, осторожно держась внѣ круга общихъ убѣжденій и воззрѣній, толкуетъ о ботаникѣ, о medicinѣ и другихъ, хорошо извѣстныхъ ему предметахъ. Прощаясь съ молодыми людьми, Одинцова приглашаетъ ихъ къ себѣ въ деревню. Базаровъ въ знакъ согласія молча кланяется и при этомъ краснѣетъ. Аркадій все это замѣчаетъ и всему этому удивляется. Послѣ этого перваго свиданія съ Одинцовой, Базаровъ пробуетъ по прежнему говорить объ ней шутивымъ тономъ, но въ самомъ цинизмѣ его выраженій сказывается какое-то невольное, затѣенное уваженіе. Видно, что онъ любитъ эту женщину и желаетъ съ нею сблизиться; шутить онъ на ея счетъ потому, что ему не хочется говорить серьезно съ Аркадіемъ ни объ этой женщинѣ, ни о тѣхъ новыхъ ощущеніяхъ, которыя онъ замѣчаетъ въ самомъ себѣ.

Базаровъ не могъ полюбить Одинцову съ перваго взгляда или послѣ перваго свиданія; такъ вообще влюблялись только очень пустые люди



въ очень плохихъ романахъ. Ему просто понравилось ея красивое или, какъ онъ самъ выражается, богатое тѣло; разговоръ съ нею не нарушилъ общей гармоніи впечатлѣній, и этого на первый разъ было достаточно, чтобы поддержать въ немъ желаніе узнать ее покороче. Базаровъ не составлялъ себѣ никакихъ теорій о любви. Его студенческіе годы, о которыхъ Тургеневъ не говоритъ ни слова, вѣроятно не обошлись безъ похожденій по сердечной части; Базаровъ, какъ мы увидимъ впоследствии, оказывается опытнымъ человѣкомъ, но по всей вѣроятности онъ имѣлъ дѣло съ женщинами совершенно неразвитыми, далеко не изящными и слѣдовательно не способными сильно заинтересовать его умъ, или шевельнуть его нервы. Онъ и на женщинъ привыкъ смотрѣть сверху внизъ; встрѣчаясь съ Одинцовой, онъ видитъ, что можетъ говорить съ ней, какъ равный съ равною, и предчувствуетъ въ ней долю того гибкаго ума и твердаго характера, который онъ сознаетъ и любить въ своей особѣ. Говоря между собою, Базаровъ и Одинцова, въ умственномъ отношеніи, умѣютъ какъ-то смотрѣть другъ другу въ глаза, черезъ голову птенца Аркадія, и эти задатки взаимнаго пониманія доставляютъ пріятныя ощущенія обоимъ дѣйствующимъ лицамъ. Базаровъ видитъ изящную форму и невольно любитъ ее; подъ этой изящной формой онъ отгадываетъ самородную силу и безотчетно начинаетъ уважать эту силу. Какъ чистый эмпирикъ, онъ наслаждается пріятнымъ ощущеніемъ и постепенно втягивается въ это наслажденіе, и втягивается до такой степени, что когда приходитъ время оторваться, тогда оторваться уже становится тяжело и больно.

У Базарова въ любви нѣтъ анализа, потому что нѣтъ довѣрія къ самому себѣ. Онъ ѣдетъ въ деревню къ Одинцовой съ любопытствомъ и безъ малѣйшей болзни, потому что хочется приглядѣться къ этой миловидной женщинѣ, хочется быть съ ней вмѣстѣ, провести пріятно нѣсколько дней. Въ деревнѣ незамѣтно проходитъ пятнадцать дней; Базаровъ много говоритъ съ Анной Сергѣевной, спорить съ ней, высказывается, раздражается и наконецъ привязывается къ ней какою-то злобной, мучительной страстью. Такую страсть всего чаще внушаютъ энергическимъ людямъ женщины красивыя, умныя и холодныя. Красота женщины волнуетъ кровь ея обожателя; умъ ея даетъ ей возможность понимать голову и обсуживать тонкимъ психическимъ анализомъ такія чувства, которыхъ она сама не раздѣляетъ и которымъ даже не сочувствуетъ; холодность застраховываетъ ее противъ увлеченія, и усиливая препятствія, вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаетъ въ мужчинѣ желаніе преодолѣть ихъ. Глядя на такую женщину, мужчина невольно думаетъ: она такъ хороша, она такъ умно говорить о чувствахъ, порою такъ ожив-

ляется, высказывая свои тонкія психическія замѣчанія или выслушивая мои горячо-протставленные рѣчи. Отчего же въ ней такъ трудно молчать чувственностью? Какъ затронуть за живое? Неужели вся жизнь ея сосредоточена въ головномъ мозгу? Неужели она только пишется впечатлѣніями и не способна ими увлечься? Время уходитъ въ напряженныхъ усиліяхъ распутать живую загадку; голова работаетъ вмѣстѣ съ чувственностью; являются тяжелыя мучительныя ощущенія; весь романъ отвоиненъ между мужчиной и женщиной принимаетъ какой-то странный характеръ борьбы. Знакомая съ Одинцовой, Базаровъ думаетъ развлечься пріятною интригой; узнавши ее покороче, онъ почувствовалъ къ ней уваженіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ увидалъ, что надежды на успѣхъ очень малы; если бы онъ не успѣлъ привязаться къ Одинцовой, тогда онъ просто махнулъ бы рукой и тотчасъ утѣшился бы практическимъ замѣчаніемъ, что земля не клиномъ сошлась и что на свѣтѣ много такихъ женщинъ, съ которыми легче справиться; онъ попробовалъ и тутъ поступилъ такимъ образомъ, но махнуть рукою на Одинцову у него не хватило силъ. Практическое благоразуміе совѣтовало ему бросить все дѣло и уѣхать, чтобы не томить себя понапрасну, а жажда наслажденія говорила громче практическаго благоразумія, и Базаровъ оставался. Онъ злился, и сознавалъ, что дѣлаетъ глупость, и все-таки продолжалъ ее дѣлать, потому что желаніе пожить въ свое удовольствіе было сильнее желанія быть послѣдовательнымъ. Эта способность дѣлать сознательныя глупости составляетъ завидное преимущество людей сильныхъ и умныхъ. Человѣкъ безстрастный и сухой поступаетъ всегда такъ, какъ велитъ поступать логическія выкладки; человѣкъ робкій и слабый старается обмануть себя софизмами и увѣрить себя въ правотѣ своихъ желаній или поступковъ; но Базаровъ не нуждается въ подобныхъ фокусахъ; онъ прямо говоритъ себѣ: это глупо, а поступаю я все-таки такъ, какъ мнѣ хочется, и ломать себя не хочу. Когда явится необходимость, тогда успѣю и съумѣю повернуть самого себя, какъ слѣдуетъ. Цѣльная, крѣпкая натура сказывается въ этой способности сильно увлекаться; здоровый, неподкупный умъ выражается въ этомъ умѣніи назвать глупостью то самое увлеченіе, которое въ данную минуту охватываетъ весь организмъ.

Отношенія Базарова къ Одинцовой кончаются тѣмъ, что между ними происходитъ странная сцена. Она вызываетъ его на разговоръ о счастья и любви, она съ любопытствомъ, свойственнымъ холоднымъ и умнымъ женщинамъ, спрашиваетъ у него, что въ немъ происходитъ, она вытягиваетъ изъ него признаніе въ любви, она съ отгнѣномъ невольной нѣжности произноситъ его имя; потомъ, когда онъ, ошеломленный внезап-



нымъ притокомъ ощущеній и новыхъ надеждъ, бросается къ ней и прижимаетъ ее къ груди, она же отскакиваетъ съ испугомъ на другой конецъ комнаты и увѣряетъ его, что онъ ее не такъ понялъ, что онъ ошибся.

Базаровъ уходитъ изъ комнаты и тѣмъ кончаются отношенія. Онъ уѣзжаетъ на другой день послѣ этого происшествія, потомъ видится раза два съ Анной Сергѣевной, даже гоститъ у нея вмѣстѣ съ Аркадіемъ, но для него и для нея прошедшія событія оказываются дѣйствительно невозкресимымъ прошедшимъ, и они смотрятъ другъ на друга спокойно и говорятъ между собою тономъ разсудительныхъ и солидныхъ людей. А между тѣмъ Базарову грустно смотрѣть на отношенія съ Одинцовой, какъ на пережитой эпизодъ; онъ любитъ ее и, не давая себѣ воли ныть, страдать и разыгрывать несчастнаго любовника, становится какъ-то неровень въ своемъ образѣ жизни, то бросается на работу, то впадаетъ въ бездѣйствіе, то просто скучаетъ и брюзжитъ на окружающихъ людей. Высказаться онъ ни передъ кѣмъ не хочетъ, да и самъ передъ собою не сознается въ томъ, что чувствуетъ что-то похожее на тоску и на утомленіе. Онъ какъ-то злится и окисляется отъ этой неудачи, ему досадно думать, что счастье поманило его и прошло мимо, и досадно чувствовать, что это событіе производитъ на него впечатлѣніе. Все это скоро переработалось бы въ его организмъ; онъ принялся бы за дѣло, выругалъ бы самымъ энергическимъ образомъ проклятый романтизмъ и неприступную барыню, водившую его за носъ, и зажилъ бы по прежнему, занимаясь рѣзаніемъ лягушекъ и ухаживая за мѣтѣ непобѣдимыми красавицами. Но Тургеневъ не вывелъ Базарова изъ тяжелаго настроенія. Базаровъ внезапно умираетъ, конечно не отъ огорченія, и романъ оканчивается или, вѣрнѣе, рѣзко и неожиданно обрывается.

Въ то время, какъ Базаровъ хандритъ въ деревнѣ своего отца, Аркадій, влюбившійся также въ Одинцову со времени губернаторскаго бала, но не успѣвшій даже заинтересовать ее, сближается съ ея сестрой, Катериною Сергѣевной, 18-ти лѣтней дѣвушкой и, самъ того не замѣчая, привязывается къ ней, забываетъ свою прежнюю страсть и наконецъ дѣлаетъ ей предложеніе. Она соглашается, Аркадій женится на ней и вотъ, когда онъ уже объявленъ женихомъ, между нимъ и Базаровымъ, уѣзжающимъ къ своему отцу, происходитъ слѣдующій короткій, но выразительный разговоръ.

— Аркадій бросился на шею къ своему бывшему наставнику и другу, и слезы такъ и брызнули у него изъ глазъ.

— Что значитъ молодость! произнесъ Базаровъ, да я на Катерину Сергѣевну надѣюсь. Посмотри, какъ живо она тебя утѣшитъ.

— Прощай, братъ! сказалъ онъ Аркадію, уже

взобравшись на телѣгу, и, указавъ на пару галокъ, сидѣвшихъ рядышкомъ на крышѣ конюшни, прибавилъ: — вотъ тебѣ, изучай!

— Это что значить? спросилъ Аркадій.

— Какъ? развѣ ты такъ плохъ въ естественной исторіи или забылъ, что галка самая почтенная, семейная птица? Тебѣ примѣръ!..

Прощайте, синьоръ!

Телѣга задрезжалась и покатилась.

Да, Аркадій, по выраженію Базарова, попалъ въ галки, и прямо изъ-подъ влиянія своего друга перешелъ подъ мягкую власть своей юной супруги. Но какъ бы то ни было, Аркадій свилъ себѣ гнѣздо, нашелъ себѣ кой-какое счастье, а Базаровъ остался бездомнымъ, не согрѣтымъ скитальцемъ. И это не прихоть романиста! Это не случайное обстоятельство. Если вы, господа, сколько нибудь понимаете характеръ Базарова, то вы принуждены будете согласиться, что такого человѣка пристроить очень мудрено, и что онъ не можетъ, не измѣнившись въ основныхъ чертахъ своей личности, сдѣлаться добродѣтельнымъ семейникомъ. Базаровъ можетъ полюбить только женщину очень умную; полюбивши женщину, онъ не подчинитъ свою любовь никакимъ условіямъ; онъ не станетъ охлаждать и сдерживать себя, и точно также не станетъ искусственно подогрѣвать своего чувства, когда оно остынетъ послѣ полного удовлетворенія. Онъ не способенъ поддерживать съ женщиной обязательныя отношенія; его искренняя и дѣльная натура не поддается на компромиссы и не дѣлаетъ уступокъ; онъ не покупаетъ расположеніе женщины извѣстными обязательствами; онъ беретъ его тогда, когда оно дается ему совершенно добровольно и безусловно.

Но умныя женщины у насъ обыкновенно бываютъ осторожны и разсчитливы. Ихъ зависимое положеніе заставляетъ ихъ бояться общественнаго мнѣнія и не давать воли своимъ влеченіямъ. Ихъ страшитъ неизвѣстное будущее, имъ хочется застраховать его, и потому рѣдкая умная женщина рѣшится броситься на шею къ любимому мужчине, не связавъ его предварительно крѣпкимъ обѣщаніемъ передъ лицомъ общества и церкви. Имѣя дѣло съ Базаровымъ, эта умная женщина пойметъ очень скоро, что никакое крѣпкое обѣщаніе не свяжетъ необузданной воли этого своенравнаго человѣка и что его нельзя обязать быть хорошимъ мужемъ и иѣжнымъ отцомъ семейства. Она пойметъ, что Базаровъ или вовсе не дастъ никакого обѣщанія, или, давши его въ минуту полного увлеченія, нарушитъ его тогда, когда это увлеченіе разсѣется. Словомъ, она пойметъ, что чувство Базарова свободно и останется свободнымъ, не смотря ни на какія клятвы и контракты. Чтобы не отшатнуться отъ неизвѣстной перспективы, эта женщина должна безраздѣльно подчиниться влеченію чувства, броситься къ любимому человѣку очертя







Базаровъ снова прѣзжаетъ въ деревню Ивановымъ и начинаетъ заигрывать съ Феничкой, любовницей Николая Петровича. Феничка ему нравится, какъ пухленькая, молоденькая женщина; онъ ей нравится, какъ добрый, веселый человѣкъ. Въ одно прекрасное утро онъ успѣваетъ напечатлѣть въ губки полновѣсный поцѣлуй; она сопротивляется, такъ что ему удается обновить и продлить свой поцѣлуй». Намѣстѣ его любовное похождение обрывается: ему, какъ видно, вообще не везло въ то время, такъ что ни одна интрига не доводилась до счастливаго окончанія, хотя всѣ онъ начиналъ при самыхъ благопріятныхъ предзнаменованияхъ.

Послѣдъ затѣмъ Базаровъ убѣждаетъ изъ друзей Кирсановыхъ, и Тургеневъ напутствуетъ его следующими словами: «ему и въ голову не приходило, что онъ въ этомъ домѣ нарушилъ всѣ условія гостепріимства».

Видя, что Базаровъ поцѣловалъ Феничку, Николай Петровичъ, давно уже питавшій ненависть къ «лекаршкѣ» и нигилисту, и кромѣ этого неравнодушный къ Феничкѣ, которая по-прежнему напоминаетъ ему прежнюю любимую женщину, вызываетъ нашего героя на дуэль. Базаровъ стрѣляется съ нимъ, ранитъ его въ руку, потомъ самъ перевязываетъ эту рану и на другой день убѣгаетъ, видя, что ему послѣ этой исторіи неудобно оставаться въ домѣ Кирсановыхъ. Дуэль, по понятіямъ Базарова, нелѣпость. Спрашивается, хорошо ли поступилъ Базаровъ, принявши вызовъ Павла Петровича? Этотъ вопросъ сводится на другой, болѣе общій вопросъ: позволительно-ли вообще въ жизни отплатить отъ своихъ теоретическихъ убѣждений? По счету понятія *убѣжденіе* господствуютъ различныя мнѣнія, которыя можно свести къ двумъ главнымъ отгѣнкамъ. Идеалисты и фанатики готовы все сломать передъ своимъ убѣжденіемъ — чужую личность, и свои интересы, и часто даже непреложные факты, и законы жизни. Они кричатъ объ убѣжденіяхъ, не анализируя этого понятія, а потому рѣшительно не хотятъ и не умѣютъ взять въ толкъ, что человѣкъ всегда дороже мозгового вывода, въ силу простой математической аксіомы, говорящей намъ, что цѣлое всегда больше части. Идеалисты и фанатики скажутъ такимъ образомъ, что отступать въ жизни отъ теоретическихъ убѣждений — всегда позорно и преступно. Это не помѣшаетъ многимъ идеалистамъ и фанатикамъ при случаѣ струсить и попятиться, а потомъ упрекать себя въ практической несостоятельности и заниматься угрызениями совѣсти. Есть другіе люди, которые не скрываютъ отъ себя того, что имъ иногда приходится дѣлать нелѣпости, и даже вовсе не желаютъ обратить свою жизнь въ логическую выкладку. Къ числу такихъ людей принадлежатъ

Базаровъ. Онъ говоритъ себѣ: «нелѣпость, но въ данную минуту...» 414 Онъ отъ нея отказывается рѣшительно. По моему лучше сдѣлать нелѣпость, чѣмъ ваяясь благоразумнымъ до послѣдней степени, получить ударъ отъ руки или отъ трости Павла Петровича». Стоикъ Эпикуръ конечно поступилъ бы иначе, и даже рѣшился бы съ особеннымъ удовольствіемъ пострадать за свои убѣжденія, но Базаровъ слишкомъ уменъ, чтобы быть идеалистомъ вообще и стоикомъ въ особенности. Когда онъ размышляетъ, тогда даетъ своему мозгу полную свободу и не старается придти въ заранее назначеннымъ выводамъ; когда онъ хочетъ дѣйствовать, тогда онъ по своему благоусмотрѣнію примѣняетъ или не примѣняетъ свой логическій выводъ, пускаетъ его въ ходъ или оставляетъ его подъ спудомъ. Дѣло въ томъ, что мысль наша свободна, а дѣйствія наши происходятъ во времени и въ пространствѣ; между вѣрной мыслью и благоразумнымъ поступкомъ такая же разница, какъ между математическимъ и физическимъ маятникомъ. Базаровъ знаетъ это, и потому въ своихъ поступкахъ руководствуется практическимъ смысломъ, сметкою и навыкомъ, а не теоретическими соображеніями.

## Х.

Въ концѣ романа Базаровъ умираетъ; его смерть — случайность; онъ умираетъ отъ хирургическаго отравленія, т. е. отъ небольшого порѣза, сдѣланнаго во время разсѣченія трупа. Это событіе не находится въ связи съ общей нитью романа; оно не вытекаетъ изъ предыдущихъ событій, но оно необходимо для художника, чтобы дорисовать характеръ своего героя. Дѣйствіе романа происходитъ лѣтомъ 1858 года; втеченіе 1860 и 1861 года Базаровъ не могъ бы сдѣлать ничего такого, что показало бы намъ приложеніе его мирозерзанія въ жизни; онъ по прежнему рѣзалъ бы лягушекъ, возился бы съ микроскопомъ и, насмѣхаясь надъ различными проявленіями романтизма, пользовался бы благами жизни по мѣрѣ силъ и возможности. Все это были бы только задатки; судить о томъ, что разовьется изъ этихъ задатковъ, можно будетъ только тогда, когда Базарову и его сверстникамъ минетъ лѣтъ пятьдесятъ, и когда имъ на смѣну выдвинется новое поколѣніе, которое въ свою очередь отнесется критически къ своимъ предшественникамъ. Такіе люди, какъ Базаровъ, не опредѣляются вполне однимъ эпизодомъ, выхваченнымъ изъ ихъ жизни. Такого рода эпизодъ даетъ намъ только смутное понятіе о томъ, что въ этихъ людяхъ таятся колоссальныя силы. Въ чемъ выразятся эти силы? На этотъ вопросъ можетъ отвѣчать только біографія этихъ людей или исторія ихъ народа, а біографія, какъ извѣстно, пишется послѣ смерти



то же, какъ исторія пишется, такъ и исторія жизни Базарова уже совершилась.

Базаровыхъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, вырабатываются великіе историческіе дѣятели; такіе люди долго остаются молодыми, сильными и годными на всякую работу; они не вдаются въ односторонность, не привязываются къ теоріи, не прирастаютъ къ специальнымъ занятіямъ; они всегда готовы промѣнять одну сферу дѣятельности на другую, болѣе широкую и болѣе занимательную; они всегда готовы выйти изъ ученаго комитета и лабораторіи; это не труженики; углубляясь въ тщательныя изслѣдованія специальныхъ вопросовъ науки, эти люди никогда не теряютъ изъ виду того великаго міра, который вмѣщаетъ въ себя ихъ лабораторію и ихъ самихъ, со всею ихъ наукой и со всеми ихъ инструментами и аппаратами; когда жизнь серьезно шевельнетъ ихъ мозговые нервы, тогда они бросятъ микроскопъ и скальпель, тогда они оставятъ недописаннымъ какое нибудь ученѣйшее изслѣдованіе о костяхъ или перепонкахъ. Базаровъ никогда не сдѣлается фанатикомъ, жрецомъ науки, никогда не возведетъ ее въ кумиръ, никогда не обречетъ своей жизни на ея служеніе; постоянно сохраняя скептическое отношеніе къ самой наукѣ, онъ не дастъ ей пріобрѣсти самостоятельное значеніе; онъ будетъ ею заниматься или для того, чтобы дать работу своему мозгу, или для того, чтобы выжать изъ нея непосредственную пользу для себя и для другихъ. Медициной онъ будетъ заниматься отчасти для препровожденія времени, отчасти, какъ хлѣбнымъ и полезнымъ ремесломъ. Если представится другое занятіе, болѣе интересное, болѣе хлѣбное, болѣе полезное — онъ оставитъ медицину, точно также, какъ Бенѣаминъ Франклинъ оставилъ типографскій станокъ. Базаровъ — человекъ жизни, человекъ дѣла, но возьмется онъ за дѣло только тогда, когда увидитъ возможность дѣйствовать не машинально. Его не подкупятъ обманчивыя формы; вышнія усовершенствованія не побѣдятъ его упорнаго скептицизма; онъ не приметъ случайной оттепели за наступленіе весны и проведетъ всю жизнь въ своей лабораторіи, если въ сознаніи нашего общества не произойдетъ существенныхъ измѣненій. Если же въ сознаніи, а слѣдовательно и въ жизни общества, произойдутъ желаемыя измѣненія, тогда люди, подобные Базарову, окажутся готовыми, потому что постоянный трудъ мысли не дастъ имъ залѣгнуться, залежаться и заржавѣть, а постоянно бодрствующій скептицизмъ не позволитъ имъ сдѣлаться фанатиками специальности или вялыми послѣдователями односторонней доктрины.

Кто рѣшится отгадывать будущее и бросать на вѣтеръ гипотезы? Кто рѣшится дорисовать такой типъ, который только-что начинаетъ складываться и обозначаться и который можетъ быть

дорисованъ только временемъ и самимъ фактомъ возможности показать намъ, какъ дѣйствуетъ Базаровъ, Тургеневъ покажетъ, какъ онъ умираетъ. Этого на первый взглядъ, чтобы составить себѣ понятіе о силѣ и о тѣхъ силахъ, которыхъ полное разобозначеніе только жизнью, борьбой и результатами. Что Базаровъ не увидитъ всякій, вглядываясь въ эту первую минуту ея появленія въ отрицаніе и скептицизмъ этого человека, такъ и прочувствованы, а не надѣланы, хотя и для души важности — въ этомъ каждомъ безпристрастномъ читателѣ собственное ощущеніе. Въ Базаровѣ есть самостоятельность, энергія, которой не хватаетъ фразеровъ и подражателей. Но если, будь захотѣлъ не замѣтить и не почувствовать присутствія этой силы, если, будь захотѣлъ подвергнуть ее сомнѣнію, то фактомъ, торжественно и цѣлкомъ опровергающимъ это сомнѣніе, была бы смерть Базарова. Вліяніе ежающихся людей ничего не доказывало. Рудинъ имѣлъ вліяніе; на безрыбья, на людей, подобныхъ Аркадію Петровичу, Василю Ивановичу и Аркадію, было нетрудно произвести впечатлѣніе. Но смотрѣть въ глаза смѣло, видѣть ея приближеніе, не стараясь нутъ, оставаться вѣрнымъ себѣ до смерти, не ослабѣть и не струсить — это было характеромъ. Умереть такъ, какъ Базаровъ, все равно, что сдѣлать великій подвигъ, который остается безъ послѣдствій, доза энергіи, которая тратится на блестящее и полезное дѣло, истрачена, проста и неизбежна физиологическая смерть. Оттого, что Базаровъ умеръ твердо, никто не почувствовалъ себѣ ни обязанности, ни пользы; но такой человекъ, который умираетъ спокойно и твердо, не отступая передъ препятствіемъ и не струсить передъ

Описаніе смерти Базарова составило мѣсто въ романѣ Тургенева; я сомнѣваюсь, чтобы во всѣхъ произведеніяхъ нашего писателя не было бы ничего, что нибудь болѣе замѣчательно. Выписывать какой нибудь отрывокъ изъ великаго эпизода я считаю неуместнымъ; это значило бы уродовать цѣльность произведенія; но настоящему слѣдовало бы вложить въ него десять страницъ, но мѣсто не позволило сдѣлать; кромѣ того, я и самъ не читалъ Тургенева, и потому, не извлекая изъ одной строчки, я постараюсь только и объяснить съ начала до конца болѣе чуждое состояніе Базарова. Обрѣзавъ при разсѣченіи трупа и не имѣвши тотчасъ прижать ранку ланцетомъ или



онъ черезъ четыре часа послѣ этого событія приходитъ къ отцу и прижигаетъ себя больно, не скрывая ни отъ себя, ни отъ Васьки Ивановича бесполезности этой мѣры въ томъ случаѣ, если гной разлагающагося трупа провалится въ ранку и смѣшался съ кровью. Василій говоритъ, какъ медикъ, знаетъ, какъ велика опасность, но не рѣшается взглянуть ей въ глаза, старается обмануть самого себя. Проходитъ время. Базаровъ крѣпится, не ложится въ постель, но чувствуетъ жаръ и ознобъ, теряетъ аппетитъ и страдаетъ сильной головной болью. Вопросы и разспросы отца раздражаютъ его, потому что онъ знаетъ, что все это не поможетъ, и старикъ самого себя лелѣетъ и тѣшитъ пустыми иллюзіями. Ему досадно видѣть, что мужикъ и притомъ медикъ не смѣетъ видѣть дѣло настоящихъ свѣтъ. Арифу Власьеву Базаровъ бережетъ; онъ говоритъ ей, что простудился; третій день ложится въ постель и проситъ подать ему липоваго чаю. На четвертый день обращается къ отцу, прямо и серьезно говоритъ ему, что скоро умретъ, показываетъ ему свои пятна, выступившія на тѣлѣ и служащіе признакомъ зараженія, называетъ ему медицинскимъ терминомъ свою болѣзнь и холодно отвергаетъ робкія возраженія растерявшагося отца. А между тѣмъ ему хочется жить, жаловаться съ самосознаніемъ, съ своею мыслію, своею сильной личностію, но эта боль разстала съ молодой жизнью, съ неизношенными силами выражается не въ мягкой грусти, а въ желчи, иронической досадѣ, въ презрительномъ отношеніи къ себѣ, какъ къ безсильному существу, и къ той грубой, нелѣпой случайности, которая смяла и задавила его. Нигилистъ остался онъ себѣ до послѣдней минуты.

Какъ медикъ, онъ видѣлъ, что люди зараженные всегда умираютъ, и онъ не сомнѣвается въ вѣрности этого закона, не смотря на то, что этотъ законъ осуждаетъ его на смерть. Точно же онъ въ критическую минуту не мѣняетъ своего мрачнаго міросозерцанія на другое, болѣе яркое; какъ медикъ и какъ человѣкъ, онъ не ищетъ себя миражами.

Образъ единственнаго существа, возбуждавшаго Базарову сильное чувство и внушившаго ему жевіе, приходитъ ему на умъ въ то время, когда онъ собирается проститься съ жизнью. Въ образъ вѣроятно и раньше носился передъ воображеніемъ, потому что насильственно сдержанное чувство еще не успѣло умереть, но въ простаніи съ жизнью и чувству приближенія бреда, онъ проситъ Василья Ивановича позвать нарочнаго къ Аннѣ Сергѣевнѣ и обѣщаетъ ей, что Базаровъ умираетъ и приказалъ сказать. Надѣялся ли онъ увидѣть ее передъ смертію, или просто хотѣлъ ей дать вѣсть объ этомъ—это невозможно рѣшить; можетъ быть было пріятно, произнося при другомъ чело-

вѣкѣ имя любимой женщины, живѣе представить себѣ ея красивое лицо, ея спокойные, умные глаза, ея молодое, роскошное тѣло. Онъ любитъ только одно существо въ мірѣ, и тѣ нѣжные мотивы чувства, которые онъ давилъ въ себѣ, какъ романтизмъ, теперь всплываютъ на поверхность; это не признакъ слабости, это — естественное проявленіе чувства, высвободившагося изъ подъ гнета разсудочности; Базаровъ не измѣняетъ себѣ; приближеніе смерти не перерождаетъ его; напротивъ, онъ становится естественнѣе, чловѣчнѣе, непринужденнѣе, чѣмъ онъ былъ въ полномъ здоровьи. Молодая, красивая женщина часто бываетъ привлекательнѣе въ простой утренней блузѣ, чѣмъ въ богатомъ бальномъ платьѣ. Такъ точно умирающій Базаровъ, распустившій свою натуру, давшій себѣ полную волю, возбуждаетъ больше сочувствія, чѣмъ тотъ же Базаровъ, когда онъ холоднымъ разсудкомъ контролируетъ каждое свое движеніе и постоянно ловитъ себя на романтическихъ поползновеніяхъ.

Если человѣкъ, ослабляя контроль надъ самимъ собой, становится лучше и чловѣчнѣе, то это служитъ энергическимъ доказательствомъ цѣльности, полноты и естественнаго богатства натуры. Разсудочность Базарова была въ немъ простительной и понятной крайностію; эта крайность, заставлявшая его мудрить надъ собой и ломать себя, исчезла бы отъ дѣйствія времени и жизни; она исчезла точно также во время приближенія смерти. Онъ сдѣлался человѣкомъ, вмѣсто того чтобы быть воплощеніемъ теоріи нигилизма, и, какъ человѣкъ, онъ выразилъ желаніе видѣть любимую женщину.

Анна Сергѣевна пріѣзжаетъ. Базаровъ говорить съ ней ласково и спокойно, не скрывая легкаго оттенка грусти, любитъ ея, проситъ у нея послѣдняго поцѣлуя, закрываетъ глаза и впадаетъ въ безпамятство.

Къ родителямъ своимъ онъ остается по прежнему равнодушенъ и не даетъ себѣ труда притворяться. О матери онъ говоритъ: «мать бѣдная! Кого-то она будетъ кормить теперь своимъ удивительнымъ борщомъ?» Василію Ивановичу онъ предобродушно совѣтуетъ быть философомъ.

Слѣдить за нитью романа послѣ смерти Базарова я не намѣренъ. Когда умеръ такой человѣкъ, какъ Базаровъ, и когда его геройскою смертію рѣшена такая важная психологическая задача, произнесенъ приговоръ надъ цѣлымъ направленіемъ идей, тогда стоитъ ли слѣдить за судьбой людей, подобныхъ Аркадію, Николаю Петровичу, Ситникову и tutti quanti?.. Постараюсь сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ Тургенева къ новому, созданному имъ типу.

## XI.

Приступая къ сооруженію характера Инсарова, Тургеневъ, во что бы то ни стало, хотѣлъ представить его великимъ, и вмѣсто того сдѣ-



далъ его смѣшнымъ. Создавая Базарова, Тургеневъ хотѣлъ разбить его въ прахъ, и вмѣсто того отдалъ ему полную дань справедливаго уваженія. Онъ хотѣлъ сказать: наше молодое поколѣніе идетъ по ложной дорогѣ, и сказалъ: въ нашемъ молодомъ поколѣніи вся наша надежда. Тургеневъ не діалектикъ, не софистъ, онъ не можетъ доказывать своими образами предвзятую идею, какъ бы эта идея ни казалась ему отвлеченно вѣрна, или практически полезна. Онъ прежде всего художникъ, человѣкъ безсознательно, невольно искренній; его образы живутъ своей жизнью; онъ любитъ ихъ, онъ увлекается ими, онъ привязывается къ нимъ во время процесса творчества, и ему становится невозможнымъ помыслить ими по своей прихоти и превращать картину жизни въ аллегорію съ нравственной цѣлью и съ добродѣтельной развязкой. Честная, чистая натура художника беретъ свое, ломаетъ теоретическія загородки, торжествуетъ надъ заблужденіями ума, и своими инстинктами выкупаетъ все—и невѣрность основной идеи, и односторонность развитія, и устарѣлость понятій. Взглядываясь въ своего Базарова, Тургеневъ, какъ человѣкъ и какъ художникъ, растетъ въ своемъ романѣ, растетъ на нашихъ глазахъ и дорастаетъ до правильнаго пониманія, до справедливой оцѣнки созданнаго типа.

Съ недобримъ чувствомъ началъ Тургеневъ свое послѣднее произведеніе. Съ перваго разу онъ показалъ намъ въ Базаровѣ угловатое обращеніе, педантическую самонадѣянность, черствую разсудочность; съ Аркадіемъ онъ держитъ себя деспотически-небрежно, къ Николаю Петровичу относится безъ нужды насмѣшливо, и все сочувствіе художника лежитъ на сторонѣ тѣхъ людей, которыхъ обижаютъ, тѣхъ безобидныхъ стариковъ, которымъ велятъ глотать пилюлю, говоря о нихъ, что они отставные люди. И вотъ художникъ начинаетъ искать въ нигилистѣ и безпощадномъ отрицателѣ слабаго мѣста; онъ ставитъ его въ разныя положенія, вертитъ его на всѣ стороны и находитъ противъ него только одно обвиненіе—обвиненіе въ черствости и рѣзости. Всматривается онъ въ это темное пятно; возникаетъ въ его головѣ вопросъ: а кого же станетъ любить этотъ человѣкъ? Въ комъ найдетъ удовлетвореніе своимъ потребностямъ? Кто его пойметъ насквозь, и не испугается его корявой оболочки? Подводитъ онъ къ своему герою умную женщину; женщина эта смотритъ съ любопытствомъ на эту своеобразную личность; нигилистъ съ своей стороны взглядывается въ нее съ возрастающимъ сочувствіемъ, и потомъ, увидавъ что-то похожее на вѣжливость, на ласку, кидается къ ней съ неразсчитанною порывистостью молодого, горячаго, любящаго существа, готового отдаться вполнѣ, безъ торгу, безъ утайки, безъ задней мысли. Такъ не кидаются люди холодные, такъ не любятъ черствые

педанты. Безпощадный отрицатель нашъ моложе и свѣжѣ той молодой женщиной, которой онъ имѣетъ дѣло; въ немъ вырвалась бѣшеная страсть въ то время, въ ней только-что начинало бродить чуждое чувство; онъ бросился, перепугалъ ее съ толку и вдругъ отрезвилъ ее; она ласкалась назадъ и сказала себѣ, что спокойнѣе, такъ лучше всего. Съ этой минуты все авторъ переходитъ на сторону Базарова, кой-какія разсудочныя замѣчанія, котораго жутся съ цѣлымъ, напоминаютъ прежнее чувство Тургенева.

Авторъ видитъ, что Базарову некогда, потому что вокругъ него все мелкое, дрябло, а самъ онъ свѣжъ, уменъ и авторъ видитъ это и въ умѣ своемъ своего героя послѣдній незаслуженно Изучивъ характеръ Базарова, вдумавшись въ элементы и въ условія развитія, Тургеневъ видитъ, что для него нѣтъ ни дѣятельности, ни счастья. Онъ живетъ бобылемъ и умираетъ, и притомъ бесполезнымъ бобылемъ, какъ богатырь, которому негдѣ поверить, чтобы дышать, некуда дѣвать исполненіе некоего полюбивъ крѣпкой любовью. А ему жить, такъ надо смотрѣть, какъ умираетъ. Весь интересъ, весь смыслъ заключался въ смерти Базарова. Если бы онъ былъ силенъ, если бы онъ измѣнилъ себѣ—и тогда бы онъ освѣтился бы иначе; явился бы хвастунъ, отъ котораго нельзя ожидать ни нужды ни стойкости, ни рѣшимости; романъ оказался бы клеветой на молодое поколѣніе, незаслуженнымъ укоромъ; этимъ Тургеневъ сказалъ бы: вотъ, посмотрите, дѣлаются люди, вотъ случай: умнѣйшій изъ насъ, тотъ никуда не годится! Но у Тургенева честнаго человѣка и искренняго художника не повернулся произнести теперешней печальной лжи. Базаровъ не оплошалъ, романъ вышелъ такой: теперешніе молодые люди увлекаются и впадаютъ въ крайности, въ увлеченіяхъ сказываются свѣжость, неподкупный умъ; эта сила и этотъ всякихъ постороннихъ пособій и владѣть молодыми людьми на прямую додерживать ихъ въ жизни.

Кто прочелъ въ романѣ Тургенева такую мысль, тотъ не можетъ не изглубокой и горячей признательности, кому художнику и честному гражданину.

А Базаровымъ все-таки плохо жилось, хотя они припѣваютъ и посвистываютъ дѣятельности, нѣтъ любви—стало и наслажденія.

Страдать они не умѣютъ, ныть не подчасъ чувствуютъ только, что пусто, безцѣльно и безмысленно.

А что же дѣлать? Вѣдь не заража



ленно, чтобы имѣть удовольствіе умирать битъ женщину, и вообще не мечтать объ апельсинахъ и спокойно? Нѣтъ! Что дѣлать? Жить, синнихъ деревьяхъ и пальмахъ, когда подъ ногами сухой хлѣбъ, когда нѣтъ снѣговые сугробы и холодныя тундры.

1862 г. Мартъ.

## ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ПЕЧАТИ ВО ФРАНЦИИ.

### I.

#### При Наполеонѣ I.

Для управленія необходимы сапоги и шпоры», такъ генераль Бонапарте, принимая званіе консула французской республики. Одни изъ первыхъ распоряженій новаго правительства было слѣдующее циркулярное предпи-

сансы республики убѣдились въ томъ, что журналовъ, печатающихся въ департаментѣ Сены, составляютъ орудія враговъ республики. Вслѣдствіе этого, министерство полиціи все время войны будетъ запрещать печатаніе и разсылку всѣхъ журналовъ, кромѣ *Moniteur universel*, *Journal des Débats*, *Journal de Paris*, *le Bien informé*, *le Publiciste*, *l'Ami des Français*, *la Clef des cabinets*, *le Citoyen français*, *la Revue de France*, *le Journal des hommes libres*, *le Journal du soir*, *le Journal des Défenseurs de la Patrie*, *la Décade philosophique*, и тѣхъ журналовъ, которые занимаются исключительно науками, искусствами и литературой».

Издателямъ и редакторамъ вѣрно было явиться къ полиціи, и тамъ съ нихъ взяли письменное обязательство не писать и не печатать ничего противъ конституціи. Имъ запретили точно также печатывать изъ иностранныхъ газетъ какія бы то ни было статьи, говорившія противъ верховнаго владычества французскаго народа, провозглашенія славы французскаго оружія или противъ дружбы народовъ и націй, находившихся въ дружественныхъ отношеніяхъ или въ союзѣ съ республикой. За нарушеніе этихъ правилъ журналъ подлежалъ немедленному закрытію.

Когда первый консулъ Бонапарте превратился въ императора Наполеона, тогда изъ семи сенаторовъ была образована особая коммиссія, которой было поручено охранять свободу печати отъ произвольныхъ распоряженій администраціи. Въ время царствованія Наполеона, эта коммиссія оставалась въ совершенномъ бездѣйствіи; Наполеонъ не жаловалъ литераторовъ и журналистовъ въ особенности, и коммиссія никогда не рѣшалась за нихъ заступаться. Когда пришла власть, говорилъ самъ императоръ, я что умѣю ею распорядиться, я худож-

никъ въ дѣлѣ управленія... Чтобы управлять большимъ государствомъ, надо завести много судей, много чиновниковъ, много жандармовъ, много солдатъ... Сколько мнѣ пришлось выслушивать объясненій и возраженій, когда я подчинилъ вѣдомству полиціи ежедневныя газеты! Чтобы убѣдить метафизиковъ, мнѣ самому пришлось пускаться въ метафизику; государственный человѣкъ долженъ говорить на всѣхъ языкахъ и принимать на себя всевозможныя роли. Поручая полиціи наблюдать за печатью, я хочу разсѣять опасныя ассоціаціи и зажать ротъ безпокойнымъ ораторамъ. Журналисты ничто иное, какъ говорунъ, а его подписчики составляютъ вокругъ него клубъ. То, что онъ печатаетъ, читается ими, а потому каждый изъ нихъ составляетъ вокругъ себя кружки и ораторствуетъ въ свою очередь».

При Наполеонѣ остались въ живыхъ только четыре политическія газеты: *Moniteur*, *Journal des Débats*, *Gazette de France* и *Journal de Paris*.

*Moniteur* былъ органомъ самого императора, который довольно часто помѣщалъ въ немъ свои собственныя статьи.

*Journal des Débats*, принадлежавшій Бертену-де-Во, возбуждалъ недовѣріе правительства, не смотря на то, что одинъ изъ сотрудниковъ этой газеты, Жоффруа, въ своихъ фельетонахъ постоянно лѣстилъ особѣ императора и его распоряженіямъ. Наполеонъ подозрѣвалъ издателя этой газеты въ сношеніяхъ съ Англіей и съ эмигрантами; носились даже слухи, будто Бертенъ получаетъ изъ Англіи денежныя субсидіи; по настоянію министра полиціи Фуше, къ этому журналу приставили цензора, но выборъ палъ на одного изъ друзей редактора, Фіево, который не удовлетворилъ требованіямъ полицейскаго начальства, не смотря на то, что ему предписано было читать съ особеннымъ вниманіемъ эту газету, пользовавшуюся значительнымъ сочувствіемъ публики и имѣвшую, по словамъ правительственной инструкціи, въ десять разъ больше подписчиковъ, чѣмъ остальные періодическія изданія. Проходя черезъ руки цензора, политическая часть журнала приняла такую официальную фizioномію, которая опять-таки не понравилась императору; «болтовня журналовъ», за-



мѣтили онъ, при многихъ неудобствахъ имѣть также свои хорошія стороны». Было рѣшено оставить цензора, но вмѣстѣ съ тѣмъ смѣнить редактора, не смотря на то, что журналъ составлялъ его собственность. Журналъ, отнятый у Бертена, былъ отданъ тому самому Фіеве, который былъ цензоромъ этого журнала; вмѣстѣ съ тѣмъ было измѣнено названіе журнала, связывавшееся съ воспоминаніями о революціи: *Journal des Débats* преобразился въ *Journal de l'Empire*. Но и Фіеве показался неудовлетворительнымъ, и его смѣнилъ Этьенъ, человекъ, преданный интересамъ правительства, но, не смотря на то, неспособный служить ему слѣпымъ орудіемъ. Однажды Наполеонъ сгоряча написалъ противъ Австріи статью, наполненную ругательствами, и послалъ ее къ Этьену для напечатанія въ слѣдующемъ номерѣ. Этьенъ пришелъ въ недоумѣніе, читая рукопись, и отправился попросить совѣта у герцога Бассано.—Это воля императора, отвѣчалъ ему герцогъ. Этьенъ отдалъ статью въ типографію, но читая корректуру, еще разъ задумался надъ ней и наконецъ рѣшился вовсе не печатать ея. На другой день императоръ беретъ журналъ, удивляется тому, что въ немъ нѣтъ его статьи и распекаетъ герцога Бассано, который въ свою очередь дѣлаетъ строгій выговоръ Этьену и приказываетъ ему непремѣнно помѣстить статью въ завтрашнемъ номерѣ газеты. Но Этьенъ выдержалъ характеръ, и на этотъ разъ даже не послалъ статью въ типографію.—Что же моя статья? спрашиваетъ Наполеонъ у герцога Бассано.—Ваше Величество, она не помѣщена.—Да кто же осмѣливается не исполнять моихъ приказаній?—Этьенъ утверждаетъ, что эта статья недостойна васъ, и отказывается ее печатать.—А! Онъ осмѣлился... впрочемъ, прибавилъ Наполеонъ, вдругъ успокоиваясь, онъ правъ.

Книги проходили черезъ руки цензоровъ, и не смотря на то часто конфисковались послѣ поступленія въ продажу. Г-жа Сталь принуждена была уѣхать изъ Франціи за свою книгу о Германіи. Изданіе книги было отобрано въ полицію, и лавка издателя была обыскана. Въ историческихъ сочиненіяхъ, описывавшихъ далекое прошлое, администрація искала намековъ и преслѣдовала за нихъ авторовъ и издателей. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, Шатобрианъ пишетъ: «благородствѣ Нерона непрочно, Тацитъ родился въ его имперіи, выросъ возлѣ праха Германика, и правосудное Провидѣніе вручило неизвѣстному юношѣ славу владыки міра». Въ другомъ мѣстѣ, говоря объ отношеніяхъ Серторія къ правительству Суллы, онъ выказываетъ слѣдующую мысль: «безъ сомнѣнія, во времена Серторія, робкія души, принимавшія свою низость за благоразуміе, находили безумнымъ то, что простой гражданинъ рѣшился вызвать на бой все могущество Суллы». Наполеонъ замѣтилъ эти два мѣста и

прогнѣвался на автора. Шатобрианъ считаетъ меня идіотомъ; онъ думаетъ, понимаю? Я велю его изрубить саблями пеняхъ моего дворца.

До этого дѣло не дошло, но журналъ *de France*, купленный Шатобрианомъ у тана, былъ запрещенъ.

Одинъ литераторъ, Мерсанъ, безъ особеннаго умысла напечаталъ сборникъ Бальзака, стариннаго писателя, жившаго въ XVII столѣтіи. Чиновникъ, имѣвшій слѣдующую обязанность слѣдить за нѣкоторыми отраслями литературы и доносить объ упущеніяхъ рительной цензуры, довелъ до свѣдѣнія тора, что нѣкоторыя фразы этого сборника направлены противъ его особы. Наполеонъ лилъ и тотчасъ же отдалъ приказаніе де-Мерсана въ тюрьму. Приближенные задержали это приказаніе и умоляли раздѣло, какъ слѣдуетъ.

— Это очень ясно, говорилъ развѣ императоръ, меня называютъ бичемъ Божіимъ, губнымъ человекомъ. Полюбуйтесь этими словами. Завтра мы поговоримъ объ этомъ.

Изданіе де-Мерсана сличили съ книжкой Бальзака, и оказалось, что фразы, возмущавшія Наполеона, были цѣликомъ направлены на кардинала Ришелье, который однако время не принялъ ихъ на свой счетъ.

Читая подлинный текстъ Бальзака, Наполеонъ убѣдился въ своей ошибкѣ и разорвалъ приказъ.

— Что за идіоты! говорилъ онъ, преступную фразу по частямъ. Развѣ теты, карликъ, евнухъ, могутъ относить? Эта офиціальная цензура рѣшилась на что не годится!

По мѣрѣ того, какъ политическія дѣла Наполеона запутывались, распоряженія его по печати становились строже. Въ 1806 онъ учредилъ должность генеральнаго инспектора книжной торговли и предоставилъ ему полную власть надъ изданіями, т. е. запрещать книгу раньше ея напечатанія, если она была опасна. Въ томъ же году онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы въ каждомъ департаментѣ (въ Парижѣ и Сены) издавался только одинъ журналъ изъ казенныхъ и частныхъ обществъ, и чтобы министръ въ каждомъ департаментѣ опредѣлялъ форматъ изданій и строчку объявленій. Въ томъ же году онъ передалъ въ казенную собственность два журнала: *Journal de l'Empire* и *Journal de France*. Изъ этихъ журналовъ онъ раздѣлилъ на четыре пая; восемь паевъ были въ распоряженіи полиціи, которая изъ этихъ паевъ производила литераторамъ пенсіи, по распоряженію правительства: шестнадцать паевъ императоръ предполагалъ раздѣлить между собою и министромъ.



дежнымъ людямъ, заявившимъ ему

мысль раздумья и откровенности Наполеона. «Пресса, сказалъ онъ однажды твоему совѣту,—пресса, которую свободной, находится въ полнѣйшемъ лиціи самовластно урѣзываетъ и загниваетъ; эти дѣла судить даже министръ, онъ принужденъ полагаться на чиновниковъ. Что за безпорядокъ, зволь!»

Наполеона мгновенно отразилось въ исторической литературы. Газеты 30 марта описываютъ современные событія въ историческомъ и политическомъ отношеніи и наполнены изъясненіями о преданности къ особѣ и правительственному императору.

Журналъ *Journal de l'Empire* не выходитъ съ перваго апрѣля всѣ періодическія журналы ругаются и проклинаютъ Наполеона, называютъ его тираторомъ, Робеспьеромъ на конѣ, призракомъ для спасенія Франціи и прелюбопытнѣе союзныхъ государей. Въ 1814 году, братья Бертени и Ру-Лабори издавали *Journal de l'Empire*, съ разсѣянными имперіалистами, именуютъ его въ *Journal des*

апрѣля того же года сенатъ приговорилъ Наполеона къ лишенію престола и, перенесеніемъ прокламаціи его противозаконной, говоритъ между прочимъ, что печать, учрежденная и освященная, въ правѣ французской націи, постоянно самовластной цензурой полиціи (Наполеонъ) постоянно пользовался для наполненія Европы и Франціи и извѣстіями, превратными идеями, благоприятствующими деспотизму, и тѣми противъ иностранныхъ прави-

тельствъ на всю Европу тотъ самый сенатъ повергалъ къ стопамъ императора Наполеона и послѣдній экю французско-итальянскій говоритъ тотъ самый сенатъ, который назначенъ для охраненія тишины, во все время царствованія Наполеона не заявляла о своемъ существованіи и не прерывала благоразумнаго мол-

членовъ конституціи, сенатъ говоритъ, что «свобода печати будетъ полнѣе включеніемъ законнаго преслѣдованія членовъ, къ которымъ можетъ повестись и эта свобода. Сенатскія коммиссіи свободу печати и личную свободу, остаются въ прежней силѣ». Въ 1815 году были приведены во всеобщую

извѣстность слѣдующія два постановленія временно-учрежденнаго правительства:

1) Запрещается выставлять на улицу афиши и плакаты безъ предварительнаго разсмотрѣнія префекта полиціи.

2) Запрещается продавать или раздавать на улицахъ памфлеты или листки, не разрѣшенные предварительно полицейскою префектурой.

## II.

### При Людовикѣ XVIII.

Хартія, на основаніи которой Людовикъ XVIII обѣщала управлять своимъ государствомъ, говорить въ 8-мъ пунктѣ: «Французы имѣютъ право обнародовать и печатать свои мнѣнія, соображаясь съ тѣми законами, которые должны подавлять (réprimer) злоупотребленія этимъ правомъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, аббатъ Монтескье, въ іюлѣ 1814 года, представилъ проектъ закона объ учрежденіи предварительной цензуры. Этотъ проектъ былъ составленъ по идеямъ Гизо и Ройе-Коллара; слово «подавлять», употребленное въ хартіи, въ этомъ проектѣ признавалось равносильнымъ слову «предупреждать» (prévenir); палата депутатовъ разсмотрѣла предложеніе Монтескье; противъ него были произнесены горячія рѣчи; двѣ пятыхъ собранія объявили себя противъ него; въ палатѣ перовъ половина членовъ подали противъ него голоса, но не смотря на все это, 21 октября 1814 года состоялся законъ о печати, по которому всѣ сочиненія, заключающія въ себѣ менѣе двадцати печатныхъ листовъ, должны были подчиняться предварительной цензурѣ; кромѣ того, журналы и другія періодическія изданія могутъ выходить въ свѣтъ не иначе, какъ по особому разрѣшенію короля; типографщики и книгопродавцы должны брать отъ правительства разрѣшеніе и давать присягу, чтобы имѣть право заниматься своею профессіей. Этотъ законъ долженъ былъ имѣть только временное значеніе, до конца засѣданій 1816 года; послѣ этого срока дѣло печати подлежало новому разсмотрѣнію.

1-го марта 1815 г. Наполеонъ высадился на французскій берегъ; 20-го марта онъ явился въ Парижъ и 25-го уничтожилъ цензуру вмѣстѣ съ дирекціей книгопечатанія и книжной торговли; министръ полиціи Фуше пригласилъ къ себѣ журналистовъ, просилъ ихъ не возбуждать общественнаго мнѣнія противъ правительства и отъ имени императора обѣщала, что новая имперія не будетъ похожа на старую, и что въ ней будетъ мѣсто для свободы и для либеральныхъ учрежденій. Не всѣ журналисты повѣрили этимъ увѣреніямъ; журналъ «*Sensur Européen*» продолжалъ относиться скептически къ дѣйствіямъ и къ тенденціямъ императорскаго правительства; полиція попробовала остановить раздачу одной изъ книжекъ этого журнала, но публика такъ



громко выразила свое негодование, что Фуше не рѣшился вести дальше свои энергическія мѣры.

Статья 64-я дополнительнаго акта конституціи имперіи говоритъ, что «каждый гражданинъ имѣетъ право печатать и доводить до публики свои мысли, подписывая подъ ними свое имя, не подвергаясь никакой предварительной цензурѣ и принимая на себя законную отвѣтственность послѣ напечатанія передъ судомъ присяжныхъ, даже въ томъ случаѣ, если проступокъ заслуживаетъ по закону только исправительнаго наказанія».

7-го іюня, въ засѣданіи государственнаго совѣта, самъ императоръ говорилъ объ отношеніяхъ между литературой и правительствомъ. «Свобода печати, замѣтилъ онъ, составляетъ необходимую часть теперешней конституціи; ея нельзя стѣснять, не искажая всей нашей политической системы; но намъ необходимы карательные законы, особенно при теперешнемъ настроеніи націи; я предоставляю вамъ обдумать этотъ важный предметъ».

22-го іюня императоръ отказался отъ престола, и правительство Людовика XVIII принялось за прежнюю систему.

До 1819 года законодательство печати остается неопредѣленнымъ и возбуждаетъ самыя горячія пренія въ обѣихъ палатахъ; въ процессахъ, возникшихъ вслѣдствіе литературныхъ преступленій, судьи не имѣли прочныхъ основаній, которыми они могли бы руководствоваться; ихъ рѣшенія зависѣли отъ личныхъ соображеній и отъ настроенія общественнаго мнѣнія въ данную минуту. Крайніе роялисты, смотрѣвшіе съ величайшимъ предубѣжденіемъ на свободу печати, какъ на несчастный остатокъ зловредной революціи, не допускали въ пользу обвиняемыхъ никакихъ гарантій. Они говорили, что можно перетолковывать фразы писателя и осуждать его, на основаніи этого толкованія, хотя бы самъ онъ протестовалъ противъ смысла, придаемаго его словамъ; порицать дѣйствія министровъ значило, по ихъ мнѣнію, оскорблять особу короля; противъ обвиняемаго можно было, по ихъ мнѣнію, приводить въ дѣйствіе тѣ законы, которые уже замѣнены новыми или отмѣнены обычаемъ судебной практики; обвиненный, по ихъ мнѣнію, могъ усилить свою вину или совершить новое преступленіе, если, защищаясь передъ судомъ, онъ обнаруживалъ въ своей защитительной рѣчи либеральное направленіе идей; типографщикъ, исполнившій всѣ законныя формальности, могъ, по ихъ мнѣнію, оказаться виновнымъ, если напечатанное имъ сочиненіе вызвало преслѣдованія правительства.

Въ 1819 году цензура была уничтожена, и вмѣстѣ съ нею уничтожены въ литературныхъ преступленіяхъ устранимо; положено, что наказанія за литературныя преступленія приводятся въ исполненіе не иначе, какъ по приговору суда

присяжныхъ. Денежныя штрафы, тюрьмы, заключенія, запрещенія журналовъ на время навсегда становятся рѣже, потому что чуждые, какъ люди, не имѣющіе личнаго интереса въ сужденіи обвиняемыхъ, разсуждаютъ, руководимые имѣющимъ дѣла безпристрастіемъ и совѣстью судей. Журналы становятся живѣе, и писатели начинаютъ обсуживать серьезнѣйшіе вопросы и недостатки, потребности жизни современнаго общества; крайніе роялисты недовольные новыми законами и не имѣющими возможности подавлять выраженіе немыхъ идей, вступили въ ожесточенную борьбу съ тѣми людьми, которыхъ они подозревали въ либерализмъ. Они осмѣивали ихъ, осуждали ругательствами, обращали вниманіе общества на опасное направленіе ихъ литературныхъ и политическихъ мнѣній, словомъ, воюя противъ нихъ всѣми силами своего существованія въ ходъ самое разнообразное оружіе.

Журналъ «Drapeau Blanc» отдалъ своимъ жаромъ и крайнею неутомимостью поприщъ этой полемики. «Этотъ журналъ», говорилъ онъ въ одномъ изъ своихъ номеровъ, «представляетъ какъ извѣстную религію людямъ знакомыхъ съ галереями. На дняхъ мы читали, что одинъ изъ этихъ честныхъ гражданъ, жавшихъ съ каторги послѣ ординарскаго приговора, запустилъ руку въ карманъ своего жилета; когда у него спросили причину, онъ отвѣчалъ, что всѣ носы равны, и доказательно всѣ люди должны смодѣлять одинъ платокъ». Остроумныя нападенія «Drapeau Blanc» на либераловъ во всякомъ случаѣ не могли имѣть сносимаго для судебныхъ преслѣдованій характера; были довольны законами 1819 года, которые давали имъ возможность защищать ихъ словесно и печатать депутатовъ и на столбцахъ періодическихъ изданій. Но законы эти протверждались.

13-го февраля 1820 года, герцогъ Ангуй былъ зарѣзанъ при выходѣ изъ театра; роялисты обвинили либеральную партію въ этомъ преступленіи, которое сѣчасъ же вызвало сильную реакцію; враги свободной мысли заговорили громче, и настоятельно потребовали, чтобы печать была подчинена строгимъ ограниченіямъ; нашлись люди, которые пустили въ ходъ вымыслъ, что герцога зарѣзала либеральная партия; 31-го марта 1820 года былъ изданъ законъ слѣдующаго содержанія: въ публичномъ выпускѣ періодическихъ изданій не можетъ выходить безъ предварительнаго разрѣшенія короля; до напечатанія каждая статья должна быть осмѣтрѣна и одобрена цензурой; ни одна статья, не показанная до напечатанія или напечатанная безъ разрѣшенія, подвергается виновныхъ не



наказанію. Въ этомъ случаѣ правительство ставляетъ себѣ право останавливать выпускъ журнала впредь до судебного разрѣшенія. Судъ осужденія обвиненныхъ, задержаніе журнала можетъ быть продолжено втеченіи мѣсяцевъ; въ случаѣ повторенія поступка, правительство можетъ запретить журналъ.

Приказъ 1-го апрѣля того же года дополняетъ законенія:

«Журналы должны объявить, что они будутъ выражаться съ новымъ закономъ».

При министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учреждается коммиссія цензуры, состоящая изъ двѣнадцати членовъ. Каждая журнальная статья до печатанія должна быть подписана цензоромъ. Чтобы рѣшить спорное дѣло, должно быть назначено по крайней мѣрѣ пять цензоровъ. Наблюденіе за дѣйствіями цензуры поручается совѣту, состоящему изъ девяти чиновниковъ. Этотъ совѣтъ опредѣляетъ запрещеніе журнала на время или навсегда».

Было предположено сначала, чтобы совѣтъ, наблюдавшій за дѣйствіями цензуры, былъ составленъ изъ трехъ перовъ, трехъ депутатовъ и трехъ коронныхъ чиновниковъ, но это предположеніе оказалось неосуществимымъ, потому что члены обѣихъ палатъ рѣшительно не согласились принять эту должностъ.

Въ обѣихъ палатахъ слышались со всѣхъ сторонъ сильныя, рѣзкія и справедливыя нападенія противъ новыхъ постановленій, противъ обязанности цензора и противъ личности тѣхъ людей, которые согласились принять эту должностъ.

Тогдашняя молодежь также заявила свое неудовольствіе....

Роялисты, съ своей стороны, защищали цензуру и ея расприженія.

«Жалобы на цензуру несправедливы, говорилъ государственный канцлеръ де-Серръ въ палатѣ перовъ; слѣдуя своимъ инструкціямъ, она устраняетъ изъ журналовъ все то, что можетъ нарушить общественное спокойствіе. Выполнить такую задачу, не возбуждая неудовольствія въ отдѣльных партіяхъ или личностяхъ, невозможно; цензуру могутъ обвинять, съ одной стороны, за то, что она позволяетъ высказывать, а съ другой—за то, что она запрещаетъ говорить».

«Конечно, прибавилъ съ своей стороны, министр Паскье, цензура будетъ пристрастна къ монархическимъ доктринамъ».

Въ 1822 году въ палатѣ депутатовъ завязалась самая упорная борьба. Дѣло шло о законахъ печати. Приверженцы законовъ 1819 года изображали положеніе дѣлъ въ настоящемъ, объяснили его неудобства и потребовали многочисленныхъ измѣненій.

Бонжаманъ Констанъ, ревностный защитникъ свободы печати, одиннадцать разъ въ одно заведеніе входилъ на трибуну, опровергая воз-

раженія своихъ оппонентовъ и подробнѣе развивая свои идеи. Министерство, съ своей стороны, также требовало измѣненій въ существующемъ порядкѣ вещей; оно хотѣло уничтожить судъ присяжныхъ въ процессахъ по литературнымъ преступленіямъ. «Законы 1819 года, говорили защитники этого мнѣнія, предоставляютъ виновнымъ неопозволительную безнаказанность. Наказанія за проступки журналовъ слишкомъ недостаточны. Журналистъ, осужденный на тюремное заключеніе, сажаетъ за себя въ тюрьму поставное лицо, точно также, какъ бы онъ поставилъ за себя наемщика, чтобы не идти въ армію. Осужденіе журналиста увеличиваетъ число подписчиковъ на журналъ. Судья не долженъ поддаваться состраданію. Ядъ, послужившій злодѣю для совершенія преступленія, долженъ быть истребленъ. Журналъ—желтая лихорадка. Если запрещеніе журнала раззоряетъ цѣлыя семейства, то въ этомъ должно видѣть законное наказаніе за то, что они употребили свои капиталы на дурное дѣло».

Всѣ эти идеи съ варіаціями и распространеніями составляли тему для министерскихъ рѣчей, и вызывали болѣе или менѣе энергическія возраженія. Однажды въ палатѣ депутатовъ серьезное и ожесточенное преніе объ этомъ важномъ предметѣ подало поводъ къ невинной шуткѣ. Министръ финансовъ, Виллель, высказалъ свое мнѣніе, клонившееся въ стѣсненію печати; депутатъ Станиславъ Жирарденъ послѣ него взмошелъ на трибуну и, запинаясь и путаясь, прочелъ возраженія противъ этого мнѣнія; правая сторона т. е. министерская партія постоянно прерывала его насмѣшливымъ ропотомъ; высказавъ свои замѣчанія, онъ закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Осмѣливаюсь думать, что доводы мои кажутся вамъ неопровержимыми (ропотъ на правой сторонѣ усиливается), скажу даже, что я выражался краснорѣчиво (ропотъ переходитъ въ провицескій смѣхъ); но справедливость требуетъ, чтобы я воздалъ Кесарево Кесареви, и потому я объявляю, что, если мои слова удостоивались вашего сочувствія, то вся честь принадлежитъ не мнѣ, а г. Виллелю (взрывъ хохота на лѣвой; Виллель проситъ слова). Это мнѣніе было цѣлкомъ высказано г. Виллелемъ въ 1617 году, по поводу проекта подобнаго тому, который теперь предложенъ на разсмотрѣніе». (Хохотъ на лѣвой сторонѣ усиливается; правая сторона изумлена и молчитъ). Виллель, блѣдный отъ гнѣва, бросается на трибуну и начинаетъ свою рѣчь словами: «*riga bien, qui riga le dernier*»; но этотъ смѣлый приступъ не вяжется съ продолженіемъ; онъ путается, возражаетъ и оправдывается слабо и наконецъ возвращается на свое мѣсто, уличенный въ безысходномъ противорѣчій съ самимъ собою.

Результатъ всѣхъ этихъ преній былъ въ высшей степени невыгоденъ для свободы печати:



судъ присяжныхъ былъ уничтоженъ въ процессахъ о литературныхъ преступленіяхъ.

Кромѣ того законы 1822 года создали новый родъ литературныхъ преступленій; они постановили, что если статьи журнала, пропущенныя по одиночкѣ цензурою, въ общей связи своей обнаруживаютъ непозволительный образъ мыслей, то судъ въ торжественномъ засѣданіи опредѣляетъ за первую вину закрытіе журнала на одинъ мѣсяцъ, за вторую — на три мѣсяца, за третью — окончательное запрещеніе.

Когда новые законы получили свою силу, то процессы и осужденія градомъ посыпались на тѣ журналы, къ которымъ не благоволило правительство. Перечислять отдѣльные случаи не стоитъ, они все похожи другъ на друга, все начинаются или съ придирки къ отдѣльному выраженію, или съ обвиненія въ незаконномъ направленіи; затѣмъ идетъ процессъ, въ которомъ судьи почти всегда сочувствуютъ обвинителю; потомъ произносится приговоръ, взыскивается опредѣленный штрафъ или происходитъ арестованіе и запрещеніе журнала на нѣкоторое время или навсегда.

Впрочемъ, даже коронные судьи не всегда умѣли угодить требованіямъ правительства. Когда журналъ «*Constitueur Français*» былъ обвиненъ въ зловерныхъ тенденціяхъ, проявляющихся въ общемъ подборѣ и въ группировкѣ статей, тогда голоса судей раздѣлились пополамъ, и слѣдовательно дѣло оставалось нерѣшеннымъ, а журналъ былъ избавленъ отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій.

Министры увидѣли, что дѣйствія правительства возбуждаютъ неудовольствіе въ обществѣ, что постоянные процессы только озлобляютъ литераторовъ и что борьба между администраціей и оппозиціонною прессой продолжается подъ различными формами, съ постоянно возрастающимъ ожесточеніемъ. Они попробовали пустить въ ходъ новое средство — подкупъ; имъ дѣйствительно удалось купить девять журналовъ и обратитъ ихъ въ панегиристовъ правительства. Изъ секретныхъ фондовъ было истрачено на эту операцию до 2,000,000 франковъ.

Во время дебатовъ, клонившихся къ рѣшенію вопросовъ о печати, цензура потеряла свое вліяніе, и дѣйствія ея были приостановлены впродолженіе до исхода парламентскихъ совѣщаній. 15-го августа 1824 года цензуру возстановили въ прежнемъ ея значеніи, и журналамъ было отдано приказаніе подчиниться новымъ правиламъ черезъ 12 часовъ послѣ напечатанія ихъ въ «*Монитерѣ*». Чиновники, назначенные въ цензора, пожелали, чтобы имена ихъ оставались неизвѣстными публикѣ. Раздраженіе публики противъ этихъ чиновниковъ было очень сильно, и Бенжаменъ Констанъ говоритъ, что во Франціи въ то время не нашлось бы ни одного человѣка, который рѣшился бы выйти на улицу, признавъ себя цензоромъ.

### III.

#### При Карлѣ X.

Людовикъ XVIII умеръ 16 сентября 1824 года, а 29 сентября того же года вступилъ на престолъ Карлъ X, отменивъ указъ отъ 15 августа 1820 года, кимъ образомъ уничтожилъ цензуру. При немъ усилилась партія піетистовъ и іезуитовъ, возмущавшихся личнымъ сочувствіемъ короля къ партіи начала преслѣдовать либеральную партію, которая, съ своей стороны, пошла войною противъ клерикаловъ.

Въ концѣ 1825 года *Constitutionnel* и *Courrier Français* были призваны къ суду; въ первомъ нашлось 34, во второмъ — 25 статей, клонившихся, по мнѣнію генеральнаго прокурора Беллара, къ тому, чтобы уронить духовенство въ глазахъ общества. Являясь обвинителемъ, генеральный прокуроръ потребовалъ, чтобы эти журналы были закрыты на нѣсколько мѣсяцевъ, и судьи оправдали подсудимыхъ и ограничились тѣмъ, что посоветовали редакторамъ быть осторожнѣе на будущее время. Либеральные журналы съ восторгомъ извѣстили своихъ подписчиковъ о благополучномъ исходѣ этого процесса, но за то клерикальные журналы громко выражали свое неудовольствіе.

Втеченіе 1826 года число процессовъ по дѣламъ печати увеличилось; сорокъ три различныхъ изданія подверглись преслѣдованію; возникло шестьдесятъ девять процессовъ; въ нихъ было замѣшано сто восемьдесятъ четыре человѣка; изъ нихъ пятьдесятъ три человѣка заплатили штрафы, сорокъ шесть человѣкъ кромѣ того посажены въ тюрьму и восемьдесятъ пять признаны виновными.

Въ 1827 году 24 іюня, правительство установило предварительную цензуру и учредило комиссію наблюденія за цензурой подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго піетиста Бональда. Эта цензура довела строгость свою до послѣднихъ предѣловъ; такъ какъ цензура была обязательна только для періодическихъ изданій, то люди, преданные интересамъ литературы, составили общество съ цѣлью печатать отдѣльные брошюрами статьи, запрещенныя цензурой въ журналахъ; въ этихъ же брошюрахъ обнаружались цензурныя распоряженія. Нѣкоторые ежедневныя газеты, ненавидяныя министерству Визелля, часто по распоряженіямъ цензуры бывали поставлены въ безвыходное положеніе; случалось такъ, что корректура цѣлаго нумера, посланная утромъ въ цензуру, возвращалась въ одиннадцать часовъ вечера; главная статья оказывалась запрещенной; выпустить нумеръ съ проблемъ не позволялось; тогда отправляли въ цензуру другую статью, взамѣнъ запрещенной; но эту статью никто не прочитывалъ, потому что цензоръ уже спалъ. Что же оставалось дѣлать редактору? Вы-



густить нумеръ безъ главной статьи значило лишить его всякаго интереса; оставить пробѣль—начало возстановить противъ себя всѣхъ цензоровъ до такой степени, что они могли отка-заться читать и подписывать корректурные листы; напечатать статью, непросмотрѣнную цензоромъ, было невозможно, потому что это вело а собой запрещеніе журнала; дѣло кончалось тѣмъ, что нумеръ газеты не могъ выйти въ рокъ; это раздражало подписчиковъ и вредило интересамъ редакціи, потому что запоздалый нумеръ не находилъ себѣ покупателей.

Чтобы сколько нибудь помириться съ общественнымъ мнѣніемъ, правительство опять уни-тожило предварительную цензуру 5 ноября 1827 года; въ то же время палата депутатовъ была распущена, и либеральная партія рѣши-тельно восторжествовала на новыхъ выборахъ; попытки министерства подчинить выборы своему вліянію рѣшительно не удалось и повели къ серьезнымъ схваткамъ между народомъ и жан-дармами; кое-гдѣ появились баррикады, и након-ецъ 4 января 1828 года министерство Вил-теля пало. Съ нимъ вмѣстѣ пала цензура, кото-рую Виллель снова хотѣлъ утвердить надъ пе-риодическими изданіями. Клерикалы и ультра-роялисты составили оппозицію противъ новаго министерства, во главѣ котораго стоялъ Мар-тиньякъ, опиравшійся на либеральную партію. Но Мартиньякъ продержался всего полтора года; его смѣнилъ князь Полиньякъ, и съ августа 1829 года между либеральной журналистикой и министерствомъ завязалась ожесточенная борьба.

Полиньякъ истощилъ всѣ возможные средства, чтобы заставить замолчать ненавистную журна-листику; процессы и строгія наказанія сыпались на писателей и редакторовъ за малѣйшую по-пытку отнестись критически къ дѣйствіямъ ми-нистерства, за фразы, написанныя безъ умысла и перетолкованныя обвинителями. Наконецъ 26 іюля 1830 г. приказъ короля еще разъ воз-становилъ цензуру и вмѣнилъ въ обязанность журналистамъ, какъ редакторамъ, такъ и писа-телямъ, испрашивать черезъ каждые три мѣсяца разрѣшеніе у правительства для изданія журнала и для писанія статей. Въ случаѣ неудовольствія со стороны правительства, журналъ не полу-чаетъ разрѣшенія, и писатели теряютъ право пи-сать. Нарушители этого правила подвергаются наказаніямъ; журналы конфискуются, типогра-фіи запечатываются, станки и шрифтъ уносятся въ полицію или ломаются и приводятся въ не-годность.

Содержатели типографій заперли свои мастер-скія, наборщики и печатники очутились на улицѣ, безъ работы; коронные суды объявили приказъ 25 іюля незаконнымъ и противнымъ конститу-ціи; президентъ Беллеймъ приказалъ продолжать печатаніе «Journal de Commerce» вопреки но-

вымъ правиламъ; сорокъ пять извѣстныхъ пи-сателей, сотрудники одиннадцати журналовъ со-ставили протестъ и за своими подписями напе-чатали его въ «National» и въ «Temps»; полиція ворвалась въ типографіи этихъ журналовъ, вы-ломала двери, разбила станки, изорвала бумаги; работники пошли на драку; первая капля крови, пролитая полицейскими солдатами, привела въ неистовство собравшуюся толпу; свалка передъ дверьми типографіи перешла въ бунтъ; изъ бунта вышла революція, и черезъ три дня послѣ этого незначительнаго событія старшая линія Бурбо-новъ лишилась престола.

Изъ всего этого запутаннаго перечня сухихъ и однообразныхъ фактовъ, которые я старался рассказать какъ можно короче, можно вывести очень простое заключеніе: правительство по-стоянно обращалось къ предварительной цензурѣ, какъ къ средству, имѣющему несомнѣнное свой-ство сдерживать строптивую часть литературы. Общественное мнѣніе постоянно къ этому послѣд-нему средству относилось съ неприязнью. Никакія судебныя преслѣдованія, никакіе процессы и на-казанія не вызывали такого негодованія, какое обнаруживалось при введеніи цензуры и часто тяжелымъ бременемъ падало на личности самихъ цензоровъ. Правительство постоянно тянуло на сторону предварительной цензуры, толковало въ такомъ смыслѣ букву хартіи и втеченіи шест-надцати лѣтъ (1814—1830) семь разъ возста-новляло и подновляло это учрежденіе. Общество постоянно предпочитало карательную систему и съ возрастающимъ раздраженіемъ подчинялось попыткамъ правительства.

Разладъ между правительствомъ и обществомъ поддерживался тѣмъ, что общество не имѣло воз-можности откровенно заявить свои желанія и обсудить свои потребности; разладъ этотъ повелъ къ печальному столкновенію и наконецъ разрѣ-шился кровопролитнымъ переворотомъ 1830 г.

#### IV.

#### При Людовикѣ-Филиппѣ.

Іюльская революція доставила престолъ гер-цогу Орлеанскому, который, превратившись въ короля Людовика-Филиппа, въ первые дни своего царствованія былъ поставленъ въ необходимость сообразоваться до нѣкоторой степени съ жа-еланіями своего народа. Надо было показать винов-никамъ іюльской революціи, что удаленіе Бурбо-новъ произвело существенныя измѣненія въ по-литикѣ правительства и въ духѣ администра-тивныхъ распоряженій. Новая хартія предостав-ляетъ французамъ право обнародовать и печа-тать свои мысли, соображаясь съ государствен-ными законами; цензура уничтожается на вѣч-ныя времена; преступленія и проступки, совер-шенные путемъ печати, причисляются къ поли-тическимъ преступленіямъ, и подобно послѣд-



нимъ судятся судомъ присяжныхъ. Эти существенныя черты законодательства не были измѣнены во все время царствованія Людовика-Филиппа; цензура не возстановлялась, и судъ присяжныхъ попрежнему рѣшалъ процессы печати.

Нарушить эти два условія, въ которыхъ французы видѣли драгоцѣнныя гарантіи свободы мысли, казалось слишкомъ опаснымъ; примѣръ Карла X былъ памятенъ Людовику-Филиппу, и онъ не рѣшался идти по его слѣдамъ; но оставляя неприкосновенными внѣшнія формы, новое правительство вовсе не хотѣло, чтобы французы съ полной откровенностью сообщали другъ другу свои мысли и желанія въ журнальныхъ статьяхъ и политическихъ обзорѣяхъ. Въ этихъ мысляхъ и желаніяхъ новое правительство постоянно встрѣчало вещи, не лестныя для его самолюбія и далеко не успокоительныя. Оно видѣло, что приверженцы республики, Наполеона и Бурбоновъ попрежнему держатся своего знамени и смотрятъ на орлеанскую династію, какъ на политическую партію, овладѣвшую на короткое время дѣлами правленія. Оно видѣло, что приверженцы Бурбоновъ опираются на принципъ законности и божественнаго права, на вѣковыя преданія королевской Франціи, что бонапартисты прельщаютъ націю блескомъ военной славы, и что республиканцы имѣютъ за себя надежды и симпатіи страждущихъ пролетаріевъ и тѣхъ людей, которые заботятся объ улучшеніи ихъ участи. Оно видѣло вмѣстѣ съ тѣмъ, что не могло выдвинуть противъ своихъ враговъ никакого принципа; у орлеанистовъ не было ни историческаго знамени, ни политическихъ убѣжденій; они не могли защищаться доводами, потому что самое сооруженіе престола Людовика-Филиппа, самое происхожденіе новой монархіи изъ июльской революціи было громадною логическою ошибкою со стороны представителей французской націи и громаднымъ проявленіемъ двоедушія со стороны Людовика-Филиппа. Герцогъ Орлеанскій жилъ въ ладу съ своими родственниками, Бурбонами, до той самой минуты, пока ихъ не выгнали изъ Франціи; въ то же самое время онъ поддерживалъ сношенія съ умѣренными предводителями оппозиціи, съ представителями богатой буржуазіи, съ людьми, подобными Казимиру Перрье и Жаку Лафиту; когда Карлъ X выѣхалъ изъ Парижа, тогда эти сношенія слѣлались живѣе и официальнѣе; богатая буржуазія рада была низверженію Бурбоновъ, начавшихъ стремиться къ абсолютизму, но въ то же время она боялась простого народа, и потому поторопилась остановить движеніе, какъ только оно опрокинуло престолъ Карла X. Богатая буржуазія поспѣшила объявить народу, что цѣль достигнута, и что желанное рѣшеніе великой соціальной задачи состоитъ именно въ томъ, чтобы на мѣсто Карла поставить Людовика-Филиппа. Очутившись такимъ образомъ во главѣ взволнованнаго народа, родственникъ Бурбоновъ

почувствовалъ свое двусмысленное положеніе; онъ понялъ, что двусмысленность этого положенія мѣшаютъ и другіе. Легитимисты считали его измѣнникомъ и похитителемъ престола, а республиканцы смотрѣли на него, какъ на безлезное подставное лицо, содержаніе котораго стоило націи. Людовику-Филиппу пришлось балансировать между этими двумя враждебными лагерями, не имѣя возможности опираться ни съ тѣмъ, ни съ другимъ. Чтобы удовлетворить легитимистовъ, надо было воротить Бурбоновъ и присягнуть имъ въ вѣрности, а самъ Людовику-Филиппу отправиться въ ссылку и приговору королевскаго ассизнаго суда; чтобы удовлетворить республиканцевъ, надо было отказаться отъ *liste civile*, отдать корону со всѣми брилліантами въ распоряженіе націи и удовольствоваться скромной ролью французскаго гражданина. Въ томъ и другомъ случаѣ Людовику-Филиппу предстояло выѣхать изъ тюильрийскаго дворца, а этого ему вовсе не хотѣлось. Боясь у него была возможность удержаться на престолѣ помимо всевозможныхъ политическихъ партій, потому что всякая партія, какъ бы ни была она многочисленна, всетаки составляетъ въ общей массѣ народа очень незначительное меньшинство. Это меньшинство только тогда ставится опаснымъ, когда ему начинаетъ сочувствовать равнодушная толпа, а эта равнодушная толпа только тогда выходитъ изъ своего равнодушія, когда она чувствуетъ дѣйствительное страданіе. Людовикъ-Филиппъ могъ, не обращая вниманія на ненависть партій, доставить своему народу матеріальное благосостояніе, заслужить его признательность благоразумными распоряженіями и упрочить свое шаткое господство.

Но такая задача была не по силамъ новому королю; человѣкъ, которому она была бы по силамъ, по всей вѣроятности съ самаго начала не принялъ бы той унизительно-двусмысленной роли, которую игралъ герцогъ Орлеанскій въ время июльской революціи. Людовикъ-Филиппъ предпочелъ держаться другого образа дѣйствій. Окруживши себя личными друзьями или людьми, связанными съ нимъ въ интересахъ, онъ сдѣлалъ свое правительство партіей и сталъ обращаться съ легитимистами и съ республиканцами, какъ съ опасными врагами. Крутыхъ мѣръ онъ боялся, но, гдѣ можно было учинить притѣсненіе, не отходя отъ буквы закона, тамъ онъ не упускалъ удобнаго случая. Преслѣдуя своихъ заклятыхъ недоброжелателей, онъ постоянно создавалъ себѣ новыхъ враговъ, потому что очевидная непріязнь правительства къ разнороднымъ проявленіямъ свободной мысли, непріязнь, соединенная съ внѣшней осторожностью дѣйствій, возмущала всѣхъ честныхъ гражданъ Франціи, хотя бы эти граждане не имѣли никакихъ ясно обозначенныхъ симпатій ни къ изгнанной династіи Бурбоновъ, ни къ республиканскимъ формамъ прав-



генія. Когда правительство преслѣдовало прессу — это приписывалось его недоброжелательству; когда оно оставляло ее въ покоѣ, тогда это приписывалось его робости; во всякомъ случаѣ, въ правительствѣ предполагались враждебныя намѣренія, и никто не чувствовалъ къ нему признательности, если оно, вслѣдствіе своего безсилія, не осуществляло ихъ на дѣлѣ. Извѣстный въ то время политическій писатель, членъ палаты депутатовъ, Кормененъ, писалъ уже въ 1830 году, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ июльскихъ событій: «Демократическіе журналы умрутъ. Противъ нихъ гремѣть гнѣвный голосъ министровъ, и этому голосу вторить эхо изъ Palais-Bourbon и изъ Luxembourg. Еще нѣсколько дней — и народная журналистика отживетъ свой вѣкъ». Если эти зловѣщія предсказанія, слышавшіяся почти тотчасъ послѣ воцаренія Людовика-Филиппа, не осуществились во всемъ своемъ объемѣ, то во всякомъ случаѣ прессѣ пришлось испытать много мелкихъ и крупныхъ передрагъ и притѣсненій.

Въ 1831 году правительство затѣяло нѣсколько процессовъ по дѣламъ печати, но судъ присяжныхъ сдѣлалъ свое дѣло какъ слѣдуетъ, и большая часть обвиненныхъ журналистовъ и литераторовъ были объявлены невиновными и освобождены отъ преслѣдованій. Впрочемъ, не смотря на безпристрастіе присяжныхъ, нѣкоторые журналы пострадали за излишнюю откровенность. Журналъ «Révolution» три раза былъ признанъ виновнымъ: во-первыхъ за то, что заподозрилъ палату депутатовъ въ излишней покорности правительству, во-вторыхъ за то, что пожелалъ обратиться къ народу и узнать, кого онъ захочетъ видѣть на престолѣ, въ-третьихъ за то, что перепечаталъ изъ журнала «National» одну статью Карреля. За эту статью — Карреля также потянули въ судъ, но случилось такъ, что судьи Карреля оправдали его, автора преслѣдуемой статьи, а судьи журнала «Révolution» подвергли этотъ журналъ отвѣтственности за простую перепечатку.

Это противорѣчіе между приговорами двухъ juri даетъ поводъ думать, что административное вліяніе можетъ прокрадываться въ самыя лучшія судебныя учрежденія, и что люди остаются слабыми смертными даже въ ту торжественную минуту, когда, украшенные титуломъ присяжныхъ, они произносятъ приговоръ надъ участію ближняго. Статья Карреля была вызвана распоряженіемъ министерства, рѣшившагося подвергнуть предварительному аресту журналистовъ и авторовъ тѣхъ статей, которыя были обвинены передъ судомъ.

Каррель, въ своемъ журналѣ National, протестовалъ противъ системы предварительныхъ арестовъ, объявилъ ихъ противозаконными и обѣщалъ сопротивляться открытою силой въ томъ случаѣ, если бы правительство посягнуло безъ суда на его личную свободу. Эта статья

Карреля была перепечатана въ двухъ журналахъ Mouvement и Révolution. Всѣ три журнала, National, Mouvement и Révolution, призваны къ суду; два первые оправданы, а послѣдній подвергнутъ взысканію.

Военное министерство черезъ одного изъ своихъ агентовъ, Жиске, закупило въ Англіи огромное количество ружей, которыя оказались никуда негодными. Это плачевное событіе надѣлало много шума, и журналъ Tribune напечаталъ статью, въ которой самымъ спокойнымъ образомъ предлагался вопросъ: «правда ли, что гг. Казиміръ Перрье и Сульть получили при закупкѣ ружей и суконъ больше милліона на свою долю?» Этотъ щекотливый вопросъ показался очень обиднымъ первому министру и маршалу Сульту; они пожаловались на непрошеннаго обличителя, и Мараста, главнаго редактора Tribune, призвали къ суду и признали виновнымъ въ обезславленіи правительственныхъ лицъ. Марастъ для своей защиты могъ только просить, чтобы дѣло о закупкѣ ружей было подвергнуто тщательному изслѣдованію, но такого рода просьба конечно была оставлена безъ вниманія, потому что посадить въ тюрьму литератора и взять штрафъ съ журнала было легче и пріятнѣе, чѣмъ отдать подъ судъ двухъ министровъ. Впрочемъ Перрье и Сульть также были обмануты въ своихъ ожиданіяхъ; они требовали себѣ за безчестіе и за убытки 10,000 франковъ съ оскорбившаго ихъ журнала; судъ нашелъ это требованіе немѣреннымъ и предложилъ имъ 25 франковъ. Неизвѣстно, на сколько удовлетворило ихъ подобное предложеніе.

Откровенно выраженные мнѣнія объ особѣ короля всегда вели за собою процессы, которые постоянно кончались осужденіемъ обвиненныхъ. Не смотря на то, нерасположеніе общества и литературы къ правительству было такъ сильно, что нападенія на Людовика-Филиппа повторялись довольно часто. Журналъ Caricature нарисовалъ его портретъ въ смѣшномъ видѣ, Tribune разсмотрѣлъ критически его прошедшее, Gazette de France объявила, что французскій престолъ принадлежитъ Генриху V, а не Людовику-Филиппу, Gazette de France, Renouveur и Quotidienne обвинили короля, какъ соучастника въ умерщвленіи принца Конде, Charivari пустилъ въ ходъ каррикатуру короля, окруженную трупами съ подписью: «Олицетвореніе самой мягкой и человѣколюбивой системы». Всѣ эти журналы были осуждены и наказаны, но къ сожалѣнію благотворный примѣръ не подѣйствовалъ, а французскіе журналы оказались несправимыми, не смотря на штрафы и тюремныя заключенія. Должно также замѣтить, что масса общества, въ большей части случаевъ, только тогда бросалась читать эти выходки и нападенія, когда онѣ вызывали противъ себя преслѣдованія, такъ что правитель-



ство своимъ внимательствомъ постоянно содѣйствовало успѣху либеральныхъ періодическихъ изданій. Дѣйствительно, если бы преслѣдованія со стороны правительства не усиливали подписки и продажи гонимыхъ журналовъ, то существованіе нѣкоторыхъ періодическихъ изданій во время царствованія Людовика-Филиппа оказалось бы фактомъ, совершенно необъяснимымъ.

Журналъ Tribune втеченіе четырехъ лѣтъ (1830 — 1834) выдержалъ сто два процесса; изъ нихъ онъ проигралъ семнадцать; вслѣдствіе этого онъ принужденъ былъ заплатить 120,000 франковъ штрафа и просидѣть въ тюрьмѣ, въ лицѣ своихъ редакторовъ, семнадцать лѣтъ. Восемь редакторовъ этого журнала принуждены были совокупными силами отбывать эту повинность, такъ что на каждого изъ нихъ приходилось больше двухъ лѣтъ тюремнаго заключенія. Если принять въ соображеніе, что даже тѣ восемьдесятъ пять процессовъ, въ которыхъ журналъ Tribune былъ оправданъ, отнимали у подсудимыхъ много времени, вели за собою хлопоты и были сопряжены съ болѣе или менѣе значительными издержками; если взвѣсить далѣе, что при заключеніи въ тюрьму одного изъ редакторовъ журналъ разомъ лишался одной изъ своихъ дѣйствующихъ силъ, и что въ то время, о которомъ я говорю теперь, восемь редакторовъ сидѣли, сложа руки, въ разныхъ исправительныхъ заведеніяхъ; если взять въ расчетъ огромный матеріальный подрывъ, который нанесли фонду журнала штрафы, равнявшіеся въ своей совокупности 120,000 франковъ, и если вспомнить, что при всемъ томъ журналъ Tribune продолжалъ выходить въ свѣтъ и изумлять правительство смѣлостью своихъ осужденій, то, дѣйствительно, надо будетъ отдать полную дань уваженія непоколебимой стойкости либеральной прессы. Эта стойкость была бы безплодной и нелѣпой тратой героизма, если бы она не опиралась на существованіе умной и развитой публики; кромѣ того, такая стойкость была бы невозможна въ матеріальномъ отношеніи, если бы публика не выражала своего сочувствія, подписываясь на преслѣдуемый журналъ и покупая на расхватъ тѣ нумера, за которые редакторовъ призывали къ суду и сажали подъ арестъ. У издателей не хватило бы ни денегъ для того, чтобы оплачивать штрафы, ни живыхъ силъ для того, чтобы ими замѣнять дѣятелей, выбывающихъ въ тюрьму. Не мѣшаетъ замѣтить, что штрафы, налагаемые на Tribune, были особенно крупны; сроки тюремныхъ заключеній были также очень значительны; такъ напримеръ за одну статью, обвинявшую палату депутатовъ въ продажности, отвѣтственный редакторъ былъ осужденъ на три года тюремнаго заключенія, и кромѣ того съ журнала взыскано 10,000 франковъ; въ другой разъ Tribune, разсказывая о pistolетномъ выстрѣлѣ, данномъ по

королю, замѣтила, что это по всей вѣроятности полицейская комедія; смыслъ этихъ словъ былъ очевидно тотъ, что полиція, желая усилить въ глазахъ правительства свою собственную важность, подстрекаетъ легковѣрныхъ людей и вызываетъ разныя смуты, для того чтобы потомъ одерживать надъ ними легкія, но тѣмъ не менѣе блестящія побѣды. Правительство по какому-то необъяснимому процессу мысли приняло съ Tribune за оскорбленіе, нанесенное особѣ короля. Отвѣтственному редактору снова прислали годъ тюремнаго заключенія, а съ журнала взыскали штрафъ въ 24,000 франковъ.

Кромѣ штрафа и тюрьмы существовало еще одно довольно замысловатое наказаніе; какъ какой нибудь журналъ, давая отчетъ о судебныхъ преніяхъ, высказывалъ какія нибудь мнѣнія, не нравившіяся тому или другому члену правительства, тогда недовольные представители власти обыкновенно обвиняли провинившійся журналъ въ невірности показаній и въ нѣсколько времени отнимали у него право говорить о судебныхъ засѣданіяхъ; когда надъ журналомъ былъ произнесенъ такой приговоръ, то, какъ каждое, самое невинное слово, сказанное имъ въ судебномъ дѣлѣ, раньше истеченія назначеннаго срока, считалось нарушеніемъ закона и преслѣдовалось, какъ проступокъ. Очень понятно, что наказанный журналъ терялъ часть своей значительности, и что конкуренты легко могли переманить къ себѣ читающую публику. Вынужденное молчаніе о такомъ важномъ предметѣ, представлявшемъ постоянно живой и вѣчно современный интересъ, было чрезвычайно тяжело для живого и талантливаго журналиста. Журналъ Карреля, National, испыталъ эту горькую участь за то, что, по мнѣнію версальскаго ассизнаго суда, представилъ невірный отчетъ о дѣлѣ pistolетнаго выстрѣла; ему запретили въ продолженіи двухъ лѣтъ говорить о судебныхъ преніяхъ; Каррель не выдержалъ и въ 1834 году объявилъ правительству, что журналъ National прекращаетъ свое существованіе, и что открывается новый журналъ National de 1834; правительство конечно осталось равнодушно къ этой незначительной перемѣнѣ заглавія, и Каррель въ новомъ журналѣ своемъ началъ говорить о судебныхъ засѣданіяхъ, какъ будто бы прежняго приговора не существовало. Правительство выразило свое неудовольствіе, но такъ какъ законъ не предвидѣлъ этого случая, то Каррель оказался невиннымъ, и администрація принуждена была убѣдиться въ томъ, что мелкія преслѣдованія всегда вызываютъ со стороны притѣсняемыхъ мелкія хитрости и уловки.

Иногда заключеніе въ тюрьму и штрафъ соединялись еще съ потерей гражданскихъ правъ на извѣстный промежутокъ времени. Гражданскія права, отнимавшіяся такимъ образомъ у виновнаго, заключались въ слѣдующемъ: 1) право



голоса на выборах; 2) право быть избираемым; 3) право быть назначеннымъ въ званіе присяжнаго или исполнять другія общественныя должности; 4) право носить оружіе; 5) право участвовать и подавать голосъ въ семейномъ совѣтѣ; 6) право быть опекуномъ или попечителемъ; 7) право быть экспертомъ или свидѣтелемъ въ актахъ; 8) право быть свидѣтелемъ въ судѣ. Депутатъ Кабе, редакторъ журнала *Populaire*, на два года былъ лишенъ гражданскихъ правъ за двѣ статьи, говорившія въ пользу республики и повѣствовавшія о преступленіяхъ коронованныхъ особъ противъ человѣчества. Кромѣ того его посадили на два года въ тюрьму, и журналъ заплатилъ значительный штрафъ. Возможность отнимать такимъ образомъ гражданскія права у писателя, обнаруживающаго предосудительный образъ мыслей, могла сдѣлаться опаснымъ орудіемъ въ рукахъ конституціоннаго правительства. Отстранить отъ выборовъ нѣсколько десятковъ умныхъ головъ значило лишить оппозицію нѣсколькихъ талантливыхъ бойцовъ и проводителей. Журналистика и адвокатура были для свободно-мыслящаго человѣка лучшими средствами заявить себя передъ публикой и пробить себѣ дорогу въ парламентъ, къ гражданской дѣятельности въ полномъ и обширномъ смыслѣ этого слова. Но журнальная извѣстность доставалась не легко, и лишеніе гражданскихъ правъ на нѣсколько лѣтъ передъ самыми выборами не разъ поражало людей, успѣвшихъ зарекомендовать себя статьями политическаго содержанія и сосредоточившихъ на себѣ надежды своихъ единомышленниковъ.

Когда журналъ обвинялся въ оскорбленіи палаты перовъ или депутатовъ, тогда обвиненнаго призывали къ суду въ самую палату, и такимъ образомъ оскорбленное собраніе становилось судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ.

Въ апрѣлѣ 1834 года правительство напало на слѣдъ обширнаго республиканскаго заговора; арестованныя лица были отданы подъ судъ въ палату перовъ; рассматривая это событіе, *National* замѣтилъ, что это распоряженіе правительства составляетъ нарушеніе конституціи, потому что, по закону 8 октября 1830 года, политическія преступленія подлежатъ производству въ ассизныхъ судахъ, а вовсе не въ палатѣ перовъ. Почтенное собраніе, котораго судебная дѣятельность объявлялась такимъ образомъ незаконною, возмутилось и потребовало *National* къ суду въ ту самую палату, у которой этотъ журналъ, опираясь на букву хартіи, отнималъ право судить, какъ политическія преступленія вообще, такъ и преступленія, совершенныя путемъ печати въ особенности. Каррель, въ своей защитительной рѣчи, продолжалъ поддерживать идею своего журнала; перебралъ тѣ случаи, въ которыхъ палата перовъ произносила несправедливые приговоры, и напомнилъ почтен-

ному собранію казнь маршала Нея, называя ее отвратительнымъ убійствомъ. Эти слова возбудили волненіе; президентъ перебилъ оратора и приказалъ ему соразмѣрять выраженія съ достоинствомъ присутствующихъ особъ. Но тутъ оказалось, что слова Карреля находятъ себѣ сочувствіе въ членахъ собранія; одинъ изъ перовъ, генераль Эксельманъ поднялся съ своего мѣста. «Я раздѣляю мнѣніе отвѣтника, сказалъ онъ громко. Да, осужденіе маршала Нея было юридическимъ убійствомъ. Я говорю это!» Оправданный такимъ образомъ голосомъ одного изъ судей, Каррель могъ продолжать свою защитительную рѣчь, но *National* тѣмъ не менѣе былъ признанъ виновнымъ, высидѣлъ два года въ тюрьмѣ и заплатилъ 10.000 франковъ штрафа.

Во время процесса апрѣльскихъ заговорщиковъ, обвиненные выбрали себѣ защитниками нѣсколько лицъ, не принадлежавшихъ къ сословію адвокатовъ. Этимъ лицамъ правительство не позволяло видѣться съ ихъ будущими клиентами. Тогда эти лица напечатали въ двухъ журналахъ *Tribune* и *Réformateur* протестъ противъ этихъ распоряженій, отнимавшихъ у подсудимыхъ возможность говорить въ свое оправданіе то, что они считали наиболее убѣдительнымъ.

Вслѣдъ за этимъ протестомъ въ тѣхъ же журналахъ было помѣщено письмо къ подсудимымъ, написанное на ту же тему и подписанное двумя депутатами, Кормененомъ и Одри-де-Пуэраво. Палата перовъ нашла это письмо оскорбительнымъ для своего достоинства и потребовала къ суду Корменена и Пуэраво. Въ палатѣ депутатовъ возникъ тогда вопросъ: давать ли своимъ членамъ въ обиду, или отказать требованію перовъ. У Корменена и Пуэраво потребовали предварительныхъ объясненій; Кормененъ объявилъ, что не подписывалъ никакого письма, а Пуэраво сказалъ на отрѣзъ, что никакихъ объясненій давать не желаетъ. Тогда, послѣ бурнаго засѣданія, было рѣшено предать депутата Пуэраво въ руки перовъ. Это рѣшеніе взволновало всю залу; поднялся шумъ, и нѣкоторые депутаты замѣтили, что съ трибуны журналистовъ раздавались крики и бранныя слова; предсѣдатель собранія приказалъ ихъ вывести; потомъ, когда черезъ нѣсколько минутъ въ залѣ возстановилась приличная тишина, президентъ пригласилъ ихъ занять прежнее мѣсто, но они отказались, и засѣданіе палаты закрылось. На дворѣ и на улицѣ произошли непріятныя объясненія и столкновенія между изгнанными журналистами и депутатами министерской партіи; на другой день журналы заговорили объ этихъ своеобразныхъ событіяхъ; *Réformateur* напечаталъ противъ депутатовъ статью подъ заглавіемъ: «*casseurs législatifs*» (законодательные разбойники). Эта статья пришлась не по вкусу французскому парламенту: *Réformateur* былъ призванъ къ



ций, которую они хотѣли устранить, но все они, увлекаясь общим теченіемъ идей и чувствуя себя не хорошо въ настоящемъ, желали отъ всей души новаго, лучшаго порядка вещей, хотя можетъ быть никто не могъ себѣ представить, какія бытовые формы выработаетъ завтрашній день или будущій годъ.

Старый король и старый министр не видали и не хотѣли видѣть этого броженія умовъ; они смотрѣли съ улыбкой презрѣнія на усилія парламентской оппозиціи и, имѣя за собою большинство голосовъ въ палатѣ депутатовъ, считали себя полновластными хозяевами страны. Открывая засѣданіе палаты депутатовъ въ началѣ 1848 года, Людовикъ-Филиппъ въ своей тронной рѣчи упомянулъ мимоходомъ о нѣкоторыхъ беспорядочныхъ проявленіяхъ «враждебныхъ или слѣпыхъ страстей»; бросая этотъ укоръ въ глаза оппозиціи, онъ показалъ публично, что считаетъ ее безсильной и ничтожной; оппозиція обратилась тогда къ націи, чтобы узнать ея мнѣніе, и нація отвѣтила ей февральской революціей, начавшейся при крикахъ «Vive la reforme! A bas Guizot».

Оппозиція въ парламентѣ и въ журналистикѣ слагалась изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ. Партія Тьера и Одилона Барро, располагавшая журналами *Siècle* и *Constitutionnelle*, стояла на чисто конституціонной почвѣ, осуждала дѣйствія министерства и протестовала противъ попытокъ короля основать свое личное господство. Династію Людовика-Филиппа они считали священной и неприкосновенной; конституція 1830 года казалась имъ удовлетворительной въ своихъ основныхъ чертахъ; предводители этой оппозиціи были не прочь отъ министерскаго портфеля и въ борьбѣ своей съ кабинетомъ Гизо руководствовались до нѣкоторой степени личными побужденіями. Крайняя лѣвая сторона палаты депутатовъ, или радикальная оппозиція, владѣвшая журналами *National* и *Réforme*, смотрѣла довольно равнодушно на парламентскую борьбу, мирилась съ конституціонною монархіей, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ, и признавала ее только какъ переходную форму; она желала республики, надѣялась на инстинкты и силы народа, и за политическими реформами угадывала необходимость радикальных бытовыхъ преобразованій. Болѣе умѣренные представители этой партіи напр. Карно, Франсуа Араго, Гарнье-Паже, рѣшались дѣйствовать за-одно съ конституціоналистами и до поры до времени бороться на парламентской аренѣ; они видѣли впереди ближайшую цѣль—низверженіе консервативнаго министерства, и соединялись со всеми противниками Гизо, не заботясь о томъ, какъ далеко идутъ стремленія ихъ временныхъ союзниковъ. Крайніе радикалы не хотѣли или не могли даже на время сблизиться съ

приверженцами конституціонной монархіи; ко одинъ членъ этого кружка, Ледрю-Ролленъ, засѣдалъ въ палатѣ депутатовъ; остальные ключевые радикалы примыкали къ тету журнала *Réforme* и съ худо съ презрѣніемъ смотрѣли какъ на дѣйствительность, такъ и на усилія парламентской оппозиціи. Личности этихъ людей пользовались considerable популярностью; ихъ знали и парижскіе блузники, но журналъ *Réforme* видимо не встрѣчалъ себѣ достаточнаго отклика въ читающихъ классахъ и во въ тяжелой борьбѣ съ издержками и при 20-го февраля 1848 года, главный редакторъ этого журнала, Флоконъ, объявилъ члену комитета редакціи, что средства ихъ истощены и что онъ считаетъ необходимымъ закрыть журналъ до болѣе благоприятнаго времени. Издалось еще два или три номера, въ нихъ демонстрація, приготовленная на 22-е февраля и покончивъ такимъ образомъ журналъ повѣствованіемъ о побѣдѣ революціи начала. Чтобы выпустить въ свѣтъ 22-го и 23-го февраля, редакція журнала *Réforme* была принуждена продать не только свою квартиру. Это бѣдственное положение радикальной газеты объясняется тѣмъ, что люди «реформы» шли слишкомъ далеко, что за ними не могли слѣдовать буржуа, боявшіеся за свои денежные спекуляціи. Большая часть читателей и раскупалась буржуазіей, только періодическое изданіе, пугающихъ мѣщанъ яркостью своего званія, могло имѣть значительнаго успѣха, на извѣстность и популярность своихъ редакторовъ. При всемъ своемъ уваженіи къ людямъ Флокона, Ледрю-Роллена, Лунрихскихъ ремесленники и поденщики покупали и читали ихъ журналы, и рѣдка взглядывали на его столбцы, и давалось особенно важное извѣстіе или къ народу.

*National* выражалъ собою мнѣніе уступчивыхъ радикаловъ и на этомъ находилъ себѣ большее число подписчиковъ и покупателей.

Парламентское засѣданіе 1847 г. кончилось совершеннымъ пораженіемъ оппозиціи; одно ея предложеніе не было принято, а другое требованіе не было исполнено; министерства также поколебались во время засѣданія; возникъ рядъ скандальныхъ фактовъ, которыхъ совокупность доказала необходимость реформы. Употребленія проникли во все отрасли общественной жизни, и не безъ вѣдома министровъ въ ней глубокие корни. Финансы угрожали разореніемъ; армія и флотъ страдали отъ недостатка продовольствія, на закупку котораго были изданы огромныя суммы; мелкіе и крупныя



или и обогащались; министры оставлены безнаказанными и не обращали внимания на доносы; все эти беспорядки друг за другом на свет и пошлись к упорным и жестоким собраниям в палате депутатов; оппозиция перекладывала всю ответственность на большинство депутатов, связанных с кабинетом интересами и личными отягощениями Гизо и его товарищей; многие лица были осуждены и наказаны; трое министров, пострадавших в июльском мятеже от парламентских дел, были принуждены выйти в отставку; Дюшатель, стоявший фактически во главе администрации и дававший ей тон, и оставшиеся первенствующими членами Министерская пресса прославляла правительство над враждебными и слепыми, правительство порадовалось многи свои приверженцев в палате, и заседания 1848 года закрылись, в них ни одной существенной черты во внутренней политике кабинета, не было ни на шаг вперед вопроса об новой и парламентской реформе.

Франция чувствовала необходимость опереться всей страны и необычными мерами на общественное мнение, которое оставалось чувствительным к парламентским и к газетным статьям оппозиционных депутатов. Съ 9 июля 1847 г. начался во всей Франции ряд обедов по подворьям разных департаментов пригласили эти обеды депутатов, боровшихся в палате за реформу; на этих обедах шли тосты и произносились речи; журналы своим читателям воодушевляли эти мирные политические собрания; депутаты оппозиции переезжают в город, чтобы прийти в соприкосновение с мыслями со всеми свежими французами, и наконец в Руане, в день дан последний обед на котором было 1800 человек и в том числе депутатов. На первом обеде, промыв в Париже, был предложен ряд показывающий тогдашнее настроение:

1) За национальное господство! 2) За 1830 года! 3) За избирательную и свободную реформу! 4) За процветание государства и участие рабочего класса! 5) За свободу печати! 6) За депутатов и 8) в честь центрального комитета в Сенате. Речь, сопровождавшая собою, были положительно враждебны политике и при всей мягкости официальных изложений обнаруживали глубоко вкорененное недовольство к правительству Людовика-Филиппа. «Не будем сваливать на славную

июльскую революцию—говорил Одилон Барро, предводитель конституционной оппозиции—ответственность за грехи теперешней политики. Постыдное зрелище, которое мы видим теперь, порождено управлением, диаметрально противоположным принципу этой революции, обманувшим ожидания нации, нарушившим все свои обещания... Нарушения законной свободы могут быть заглажены! Один день победы общественного мнения может снести прочь все ретроградные меры, все утеснительные распоряжения, которыми обременили эту страну... Но удары, нанесенные общественной нравственности, развращение должностных лиц, презрение народа к правительству и к достаточным классам общества, недовольство между сословиями—вот в чем состоит существенное зло, и я считаю его непоправимым... Да, честь и слава июльской революции! Пусть ее великое знамя соберет нас всех вокруг себя, пусть перед ним замолкнут мелкие раздоры личностей и слов, ослабляющие нас в виду общего неприятеля, и пусть Франция, под этим славным знаменем, довершит то, чего она не успела сделать в 1830 году!» Подобные слова, произнесенные таким человеком, который считал самого себя приверженцем царствующей династии, и встреченные дружными знаками сочувствия в таком собрании, которое вовсе не считало себя радикальным, дают нам понятие о том, насколько тогдашнее общество было расположено подчиняться личному господству Людовика-Филиппа. Крайние радикалы большею частью не произносили никаких речей и даже в большей части случаев не присутствовали на политических обедах, находя, что их время еще не пришло, и что общество вряд ли будет расположено выслушать все то, что они желали ему высказать.

А что же делала в это время журналистика? Министерская пресса старалась осмеять все эти демонстрации, пользовалась раздорами, случайно возникавшими между различными партиями прогрессистов, преувеличивала эти раздоры и, при всем том, тратила на это свое остроумие и глубокомыслие, потому что имела дело с самым малочисленным кругом читателей. Другие журналы ограничивались верной передачей фактов; они понимали, что в эпоху усиленного политического волнения деятельность прессы усиливается, но роль ее становится второстепенною и зависимою. Самая умная и живая журнальная статья в такое время бледнела перед совершающимся событием, перед произносимым словом, перед действительной борьбой личностей и партий. Все живые силы страны устремляются к той практической работе, в которой заключается насущный интерес минуты; все живые люди становятся ораторами, борцами, гражданами; пресса остается







мучениковъ свободы, вы хотите отнять у такое право, которое уважали и признавали стры реставраціи въ ту минуту, когда гость ея паденіе! Вотъ что я говорю—и это фактъ неопровержимый! Вы нарушаете то уважалъ даже Полиньякъ!»

браніе пришло въ полное смятеніе; нѣкоторые потребовали, чтобы президентъ возмнилъ нарушенный порядокъ, но оказалось, президента уже не было въ залѣ. Засѣданіе вышло, и депутаты разошлись въ сильномъ сненіи. Газеты описали происшедшую сцену, жители Парижа на другой же день съ недоумѣніемъ и съ негодованіемъ узнали о наступавшихъ дѣйствіяхъ министерства противъ оппозиціи. Даже министры увидали, что они зашли слишкомъ далеко. Вечеромъ, 9 февраля, Гизо мучилъ отъ Дюшателя записку слѣдующаго держанія:

«Засѣданіе произвело неблагопріятное впечатлѣніе. Гебертъ былъ подлѣ коней слишкомъ рутъ. Это—общее мнѣніе тѣхъ людей, которыхъ нѣ случилось видѣть съ тѣхъ поръ. Надо успокоить палату. Мы прямо накликаемъ возмущеніе; и прочее я на этотъ случай принялъ мѣры».

По всему ходу парламентскихъ дебатовъ, по страстному характеру произносимыхъ рѣчей, по рѣзкости столкновеній между министерствомъ и оппозиціей и наконецъ по тому тревожному вниманію, съ которымъ парижане слѣдили за преніями, можно было сказать заранее, что дѣло не можетъ разрѣшиться парламентской борьбой. Гизо объявилъ рѣшительно, что ни на одинъ шагъ не отступитъ отъ строго консервативной политики; большинство голосовъ въ палатѣ депутатовъ было постоянно на его сторонѣ; чтобы не тратить силъ на безплодныя декламации, оппозиціи было необходимо продолжать свои сношенія съ обществомъ, будить и поддерживать въ немъ стремленіе къ реформѣ, а между тѣмъ министерство хотѣло отрѣзать у нея путь мирной агитаціи и собиралось вмѣшательствомъ полицейской власти разстроивать политическіе обѣды. Оппозиція съ радостью ухватила за эту ошибку министерства, которое такимъ образомъ давало ей поводъ на наглядномъ примѣрѣ, на живомъ фактѣ показать народу безцеремонное обращеніе правительства съ самыми простыми и необходимыми правами свободныхъ гражданъ конституціонной монархіи. Полицейскій чиновникъ долженъ былъ разогнать мирныхъ гражданъ, собравшихся въ обѣденную залу съ преступнымъ намѣреніемъ пообѣдать на свои деньги—это было бы зрѣлище въ высшей степени поучительное для жителей Парижа, и депутаты оппозиціи рѣшилися дѣйствовать такъ, чтобы довести министерство до этой пріятной необходимости. Они не обратили никакого вниманія на слова Геберта и Дюшателя, и приготовленія къ обѣду 12 округа продолжались попрежнему. 14 февраля всѣ жур-

налы оппозиціи напечатали слѣдующее категорическое объявленіе.

«Сегодня утромъ больше 100 депутатовъ, принадлежащихъ къ различнымъ частямъ оппозиціи, собрались для того, чтобы условиться на счетъ образа дѣйствій, котораго имъ слѣдуетъ держаться послѣ того, какъ палата утвердила послѣдній параграфъ адреса.

«Собраніе разсматривало сначала то политическое положеніе, въ которое оппозиція поставлена этимъ параграфомъ. Оно замѣтило, что адресъ въ настоящемъ своемъ видѣ—ничто иное какъ насильственное и дерзкое посягательство большинства на право меньшинства, и что министерство, подстрекнувшее свою партію къ такому неслыханному поступку, нарушило одинъ изъ самыхъ священныхъ принциповъ конституціи, оскорбило право гражданъ въ лицѣ ихъ представителей и, чтобы упрочить свое господство, бросило въ націю сѣмена раздора и безпорядка. Оппозиція думаетъ, что эти обстоятельства увеличиваютъ важность и торжественность ея обязанностей, и что среди тѣхъ событій, которыя волнуютъ Европу и занимаютъ Францію, она ни на одну минуту не должна оставлять борьбу за національные интересы. Оппозиція останется на своемъ мѣстѣ и постоянно будетъ контролировать и обуздывать реакціонную политику, возмущающую спокойствіе цѣлой страны.

«Что касается до права собранія гражданъ, до того права, которое министръ думаетъ подчинить своему благоусмотрѣнію и конфисковать въ свою пользу, то собраніе депутатовъ, убѣжденное въ томъ, что это право составляетъ необходимое условіе всякой свободной конституціи и кромѣ того формально утверждено нашими законами, рѣшилось отетавивать его всѣми легальными и конституціонными средствами; на этомъ основаніи, собраніе назначило изъ себя комиссію для совѣщаній съ центральнымъ комитетомъ парижскихъ избирателей и для того, чтобы опредѣлить участіе депутатовъ въ томъ обѣдѣ, который готовится быть протестомъ противъ посягательства произвола.

«Это рѣшеніе не помѣшаетъ членамъ оппозиціи обратиться, для заявленія протеста, какъ къ сословію избирателей, такъ и къ общественному мнѣнію страны.

«Собраніе думаетъ также, что кабинетъ искажилъ истинный характеръ тронной рѣчи и адреса, чтобы оскорбить достоинство депутатовъ, и что, вслѣдствіе этого, оппозиція поставлена въ необходимость постоянно заявлять свое неодобреніе противъ такого злоупотребленія власти; поэтому она рѣшила единогласно, что ни одинъ изъ ея членовъ не будетъ присутствовать при подачѣ адреса, хотя бы даже на него упалъ жребій».

Этотъ подлинный документъ показываетъ намъ, какъ важны были вопросы, занимавшіе полити-



ческую прессу, и какъ смѣло и откровенно она къ нимъ относилась.

Это уже не памфлетъ противъ министерства, не сатирическая выходка противъ его распоряженій, а открытое и рѣшительное заявленіе неудовольствія, соединенное съ категорическимъ объясненіемъ того плана дѣйствій, который оппозиція предписываетъ себѣ на будущее время. Оппозиція была поставлена въ исключительное положеніе; палата депутатовъ въ отвѣтъ на тронную рѣчь короля, по обыкновенію, представила адресъ, въ которомъ выразились, въ общихъ чертахъ, намѣренія и убѣжденія представительнаго собранія или по крайней мѣрѣ его большинства. Я уже замѣтилъ, что въ тронной рѣчи короля заключались слѣдующія слова, направленные противъ дѣйствій парламентской оппозиціи.

«Среди волненія, возбужденнаго враждебными или слѣпыми страстями, меня воодушевляетъ и поддерживаетъ одно убѣжденіе: я увѣренъ, что въ конституціонной монархіи, въ единодушіи великихъ государственныхъ силъ, мы имѣемъ вѣрныя средства побѣдить всѣ препятствія и удовлетворить всѣмъ матеріальнымъ интересамъ нашего дорогого отечества». На эти слова короля палата отвѣчала въ своемъ адресѣ: «Волненія, возбуждаемыя враждебными страстями и слѣпыми увлеченіями, утихнутъ передъ общественнымъ сознаніемъ просвѣщеннымъ нашими свободными преніями». Такимъ образомъ король указывалъ на людей оппозиціи, какъ на представителей «слѣпыхъ и враждебныхъ страстей»; а палата выдавала своихъ товарищей, какъ людей, одержимыхъ слѣпыми увлеченіями и враждебными страстями; политическія убѣжденія, высказываемыя публично съ парламентской трибуны, предавались такимъ образомъ на общественное осужденіе; два официальные документа, тронная рѣчь короля и адресъ палаты депутатовъ, т. е. голосъ центральной власти и голосъ представителей націи, называли эти политическія убѣжденія преступными и опасными для общественнаго спокойствія; члены оппозиціи видѣли, что парламентское большинство давить и унижаетъ ихъ, увлекаясь въ своей побѣдѣ за предѣлы той политической умѣренности, которую предписываютъ самыя обыкновенныя приличія. Имъ оставалось только, когда выписанные мною слова адреса были утверждены большинствомъ голосовъ, или признать себя побѣжденными и выйти въ отставку, или, обращаясь къ націи, спросить у нея, дѣйствительно ли она сочувствуетъ поступкамъ своихъ такъ называемыхъ представителей. Марастъ, редакторъ журнала National, предлагалъ депутатамъ оппозиціи пойти по первому пути, т. е. оставить палату всею массою и такимъ образомъ подать поводъ къ новымъ выборамъ. Это мнѣніе не было принято на томъ основаніи, что новые

выборы могли быть выгодны для нации и что классъ избирателей въ сѣвѣ можетъ расходиться съ мнѣніями и вѣстями націи. Поэтому оппозиція рѣшилась въ парламентѣ до послѣдней крайности заявлять свое несочувствіе къ административнымъ распоряженіямъ при всякомъ случаѣ и продолжать мирную агитацію законными средствами, не обращая вниманія на репрессивныя мѣры министровъ произвола. Борьба была начата, и мною декларация, появившаяся 14 февраля въ журналахъ оппозиціи, можетъ быть публичнымъ и торжественнымъ объявленіемъ войны между прогрессивной оппозиціей и консервативнымъ министерствомъ.

Рѣшено было устроить по подписи 1.000 человекъ, отправить къ сбору процессію, не позволять себѣ во время по улицамъ никакого возбуждающаго шума за обѣдомъ предложить тосты за націю и за парламентскую реформу, разойтись въ совершенномъ порядкѣ, не нарушая спокойствія города и не давая повода вмѣшиваться въ гражданскую демонстрацію.

18 февраля коммиссія, составленная изъ депутатовъ, трехъ членовъ центральнаго комитета и трехъ членовъ комитета 12 округовъ, сообщила подробности будущаго собранія, которое назначено на вторникъ, 22 февраля.

19 февраля депутаты оппозиціи еще разъ, взвѣсивъ свое положеніе, приняли свои обязанности въ отношеніи къ представителямъ и къ французской націи, рѣшили послѣдствія предполагаемой оппозиціи и опредѣлили окончательно свой ствій на ближайшее будущее время.

20 февраля всѣ журналы оппозиціи напечатали статью, извѣщавшую читателей о событіяхъ 19 февраля; въ этой статьѣ сказано, что депутаты рѣшились на «великимъ актомъ легальнаго сопротивления противъ мѣры, нарушающей конституцію и самую букву закона». Этотъ актъ легальнаго сопротивленія будетъ состоять въ томъ, что 22 февраля всѣ члены оппозиціи отправятся къ мѣсту, назначенному въ Парижѣ, говорить дальше эта статья предпринимать героическія усилія для великаго революціи. Ему предстоитъ дать народамъ другой примѣръ; ему предстоитъ показать, что въ свободныхъ странахъ свобода и твердость гражданина, уваженіе къ конституціи и защита своего права, самая необходимая и самая великая сила націи». Далѣе, «депутаты разсчитываютъ на сочувствіе и на помощь всѣхъ добрыхъ гражданъ, которые ст



ны могутъ разсчитывать на неустойчивую преемственность и непоколебимую рѣшимость депутатовъ. Наконецъ статья эта объявляетъ, что уже депутаты подписали приглашеніе комиссаровъ 12 округа.

Министры, выразившіеся такъ рѣзко противъ собранія, были поставлены въ затруднительное положеніе. Допустить объѣздъ 22 февраля значило признать себя побѣжденными; почитать ему—было опасно: полицію могли не удержать, и дѣло могло дойти до вмѣшательства арміи и до серьезнаго кровопролитія. Король, Луи и Гебертъ не отступали передъ этими крайними мѣрами; они полагали, что легкая побѣда надъ уличнымъ мятежемъ упрочитъ господство консервативной политики и окончательно сломитъ и разсѣетъ элементы оппозиціи какъ въ парламентѣ, такъ и въ народѣ вообще. Дюпатель и другіе члены кабинета не хотѣли доводить дѣла до драки и готовы были помириться съ оппозиціей на взаимныхъ уступкахъ. Последнее инстинктъ превозмогло, и министерство назначило двухъ преданныхъ депутатовъ, чтобы уладить дѣло переговорами; оппозиція согласилась на нѣкоторыя уступки, и послѣ долгихъ совѣщаній обѣ стороны сошлись на слѣдующей программѣ дѣйствій. Рѣшено было, что депутаты и вся сопровождающая ихъ толпа дойдутъ до назначеннаго мѣста, не нарушая спокойствія города; у дверей залы ихъ встрѣтитъ полицейскій комиссаръ, который именемъ закона запретитъ имъ входить; члены процессіи войдутъ, не смотря на запрещеніе и займутъ свои мѣста. Комиссаръ на мѣстѣ засвидѣтельствуетъ нарушеніе, потребуетъ, чтобы собраніе разошлось, и скажетъ, что въ случаѣ надобности, онъ употребитъ силу. Одилонъ Барро произнесетъ рѣчь противъ злоупотребленія власти, объяснитъ цѣль всей демонстраціи и объявитъ наконецъ, что онъ покорится силѣ и оставляетъ за собой право повести дѣло судебнымъ порядкомъ; тогда депутаты разойдутся и употребятъ свое вліяніе, чтобы убѣдить толпу разойтись безъ шума. Правительство поддержало бы такимъ образомъ свое достоинство, а оппозиція показала бы съ своей стороны свое значеніе, потому что по ея призыву граждане всѣхъ сословій произвели бы мирную демонстрацію. Это я говорю, становясь на точку зрѣнія правительства и парламентскихъ доктринеровъ; конечно можно было бы замѣтить, что и тѣ, и другіе хлопочутъ изъ-за пустяковъ и гонятся за пустыми формальностями. Допуская процессію, правительство все-таки обнаруживало свою слабость; соглашаясь разойтись по требованію полицейскаго комиссара, депутаты оппозиціи все-таки фактически отказывались отъ права собранія и уходили домой безъ объѣзда. Стало быть, это замысловатое примиреніе оставляло обѣ стороны неудовлетворенными; можно было предвидѣть заранѣе, что это примиреніе не

состоится, что оно будетъ нарушено одною изъ примиряющихся сторонъ, или, всего вѣрнѣе, что народъ своимъ простымъ, здравымъ смысломъ, не захочетъ понять хитрой казуистики парламентскихъ юристовъ. Правительство и оппозиція оказывались очень недалекими, не смотря на всю тонкость ума и на всю политическую опытность своихъ представителей. Предпринимая рѣшительный шагъ, ни правительство, ни оппозиція не понимали его значенія; они вѣрили въ возможность полумѣръ и не знали того, что народъ, рѣшившійся защищать то, что онъ считаетъ своимъ правомъ, не остановится передъ запрещеніемъ полицейскаго комиссара и не обратитъ особеннаго вниманія на умѣренно-либеральныя рѣчи краснорѣчиваго депутата. Впрочемъ соглашеніе между правительствомъ и оппозиціей было нарушено даже безъ вмѣшательства народа. Опираясь на состоявшееся условіе, Маррастъ отъ имени всей оппозиціи написалъ слѣдующее объявленіе, которое 21-го февраля было помѣщено во всѣхъ журналахъ оппозиціи. Я привожу его вполнѣ, потому что оно имѣло очень важныя послѣдствія.

«Генеральная комиссія, занимающаяся устройствомъ объѣзда 12-го округа, считаетъ своею обязанностью напомнить, что демонстрація, назначенная на завтрашній день, во вторникъ, клонится къ тому, чтобы мирнымъ и легальнымъ путемъ отстоять конституціонное право политическихъ собраній, право, безъ котораго представительное правленіе было бы простою насмѣшкой.

«Министерство объявило и утверждало съ трибуны, что пользованіе этимъ правомъ зависитъ отъ благоусмотрѣнія полиціи; тогда депутаты оппозиціи, французскіе перы, отставные депутаты, члены генеральнаго совѣта, судьи, офицеры, унтеръ-офицеры и солдаты національной гвардіи, члены центрального комитета, избиратели оппозиціи, редакторы парижскихъ журналовъ приняли сдѣланное имъ приглашеніе участвовать въ манифестаціи, чтобы во имя закона протестовать противъ незаконнаго и произвольнаго посягательства.

«Можно предвидѣть, что этотъ публичный протестъ привлечетъ значительное стеченіе гражданъ; должно также предполагать, что парижская національная гвардія, вѣрная исполненію своихъ гражданскихъ обязанностей, присоединится къ манифестаціи, чтобы отстаивать свободу и своимъ присутствіемъ поддерживать порядокъ. Принимая въ соображеніе эти обстоятельства, мы считаемъ не лишнимъ сдѣлать нѣкоторыя распоряженія для избѣжанія толкотни и шума.

«Комиссія полагаетъ, что манифестація должна происходить въ такой части города, въ которой ширина улицъ и площадей позволить жителямъ собраться, не производя тѣсноты.

«На этомъ основаніи, комиссія проситъ де-



путатовъ, перовъ и другихъ особъ, приглашенныхъ на обѣдъ, собратся завтра, въ одиннадцать часовъ, на обыкновенное сборное мѣсто парламентской оппозиціи, на площади Магдалины, № 2.

«Члены національной гвардіи, подписавшіеся на обѣдъ, приглашаются собратся передъ церковью Магдалины и образовать два параллельные ряда, между которыми разстанются приглашенные.

«Во главѣ шествія будутъ находиться старшіе офицеры національной гвардіи, которые захотятъ присоединиться къ манифестаціи.

«За приглашенными и подписчиками будетъ находиться рядъ офицеровъ національной гвардіи.

«За ними построятся колоннами солдаты національной гвардіи, по номерамъ своихъ легіоновъ.

«Между третьей и четвертой колонною—молодые люди училищъ, подъ предводительствомъ своихъ комиссаровъ.

«Далѣе—остальная часть національной гвардіи, въ означенномъ порядкѣ.

«Шествіе двинется съ мѣста въ 11<sup>1/2</sup> часовъ и направится черезъ площадь Согласія и черезъ Елисейскія поля къ мѣсту обѣда.

«Коммиссія убѣждена въ томъ, что эта манифестація будетъ тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ она будетъ спокойнѣе; тѣмъ величественнѣе, чѣмъ болѣе она будетъ избѣгать повода къ столкновениямъ; поэтому она проситъ гражданъ не позволять себѣ громкихъ возгласовъ, не брать никакого знамени или виѣшняго знака; она проситъ членовъ національной гвардіи явиться безъ оружія: тутъ дѣло идетъ о легальномъ и мирномъ протестѣ, котораго сила будетъ состоять въ числѣнствѣ гражданъ, въ ихъ твердой и спокойной осанкѣ.

«Коммиссія надѣется, что въ этомъ случаѣ каждый присутствующій человекъ будетъ смотрѣть на себя, какъ на должностное лицо, обязанное охранять общественное спокойствіе; она надѣется на національную гвардію, она надѣется на чувства парижскаго населенія, которое стремится къ общественному спокойствію и къ свободѣ, и которое знаетъ, что для поддержанія своихъ правъ ему стоитъ только предпринять мирную демонстрацію, достойную разумной и просвѣщенной націи, сознающей неотразимое вліяніе своей нравственной силы, и увѣренной въ томъ, что легальное и спокойное выраженіе мнѣній поведетъ ее къ желанной цѣли».

Эта прокламація вовсе не замѣчательна въ литературномъ отношеніи, она представляетъ голую программу церемоніала, но самая officialность изложенія составляетъ очень характерную особенность. Коммиссія относится къ жителямъ Парижа съ полной увѣренностью найти въ нихъ рѣшительное сочувствіе; она созываетъ національную гвардію, предвидитъ

неизбѣжность огромнаго стеченія народа на площадь; она требуетъ отъ гражданъ необходимой умеренности въ выраженіи своего раздраженія; очевидно, что въ данную минуту считается само собою разумеющимся, что оппозиція въ данную минуту считаетъ себя обязанною поддержать правительство Гизо; очевидно, что оппозиція, которая окончательно измѣняетъ правительству, очевидно, что de facto временное правительство, водворившееся послѣ событій 24-го февраля, уже теперь, со времени изданія этой прокламаціи, начинаетъ вытѣснять Людовика-Филиппа и его министровъ. По буквѣ законовъ 1835 года напечатаніе подобной статьи было преступленіемъ и вело за собою штрафъ и тюрьму; но въ то время, когда эта статья была издана, могли даже взглянуть на эту статью, какъ на возбудительное къ возстанію противъ правительства; если бы манифестація 23-го февраля действительно состоялась, то они могли бы по буквѣ закона присудить редакторовъ оппозиціонныхъ журналовъ къ тѣмъ наказаніямъ, которыми постигли бы главныхъ предводителей возмущенія. Дѣйствительно, если бы правительство Людовика-Филиппа силой задавило возмущеніе, возникшее изъ манифестаціи, то оно по всей вѣроятности поступило бы съ захваченными и причастными лицами безъ малѣйшаго милосердія. Стоитъ только припомнить тотъ фактъ, что правительство, послѣ возмущенія, случившагося въ парижскихъ генералахъ Ламарка, приказало всѣмъ жандармамъ доносить въ полицію о тѣхъ раненныхъ, которые обратятся къ нимъ за медицинской помощью. Очень ясно, что, задавивъ мятежъ, правительство Людовика-Филиппа не упустило бы случая прижать оппозиціонную прессу и припомнило бы всѣ тѣ статьи закона, которыми можно было воспользоваться; но теперь, въ ту минуту, когда выписанная мною прокламація появилась въ газетахъ оппозиціи, правительству было не до прессы. Прежде всего надо было бороться съ самою мыслью, а уже потомъ можно было наказывать ея орудія и проявленія. Министерству необходимо было помѣшать манифестаціи; оно рѣшилось сражаться тѣмъ же оружіемъ, которое было употреблено оппозиціей; оно пустило въ ходъ печатную гласность и помѣстало въ Монитерѣ прокламацію префекта полиціи къ жителямъ Парижа; эта прокламація требовала отъ всѣхъ добрыхъ гражданъ, чтобы они не присоединялись къ толпѣ, не составляли сборищъ и вообще не обращали вниманія на прокламаціи оппозиціи. Парижане видѣли такимъ образомъ, что имъ съ двухъ разныхъ сторонъ дають диаметрально противоположныя наставленія; во всякомъ случаѣ, они были мало расположены вѣрить на слово префекту полиціи; имя этого почтеннаго чиновника составляло очень слабый противовѣсъ тѣмъ любимымъ именамъ, которыми украшали собою парламентскую оппозицію.

Правительство имѣло въ виду это настроеніе добрыхъ гражданъ и принимало свои мѣры, т. е.



ставляло вооруженные отряды возлѣ сборнаго та и приказывало своимъ агентамъ съ депутатами обращаться почтительно, а добрыхъ гражданъ въ случаѣ надобности разогнать силою. Слѣдствіемъ затѣмъ событія совершенно выходятъ изъ рамокъ, которыя я предположилъ себѣ моихъ очерковъ. Оказалось, что прокламація оппозиціи подѣйствовала такъ сильно, что ни остороженія правительства, ни отступленіе отъ первоначальнаго плана не оставило движенія народа; увидя, что въ рѣшительную минуту депутаты пускаются опять въ историческую аргументацію, народъ порѣшилъ, что они просто трусили, и сталъ дѣйствовать на нихъ, безъ особенной системы, но съ значительной дозой энергіи. Когда народъ сошелся на улицахъ безъ руководителей, тогда мирная демонстрація скоро потеряла тотъ методический характеръ, которымъ заранѣе была предана прокламація комиссіи; кровопролитіе началось 22 февраля, потомъ съ нѣкоторыми перерывами продолжалось 23-го, потомъ окончилось 24-го паденіемъ монархіи и изгнаніемъ бургундской династіи.

Постараюсь бросить бѣглый взглядъ на положеніе печати при Людовикѣ Филиппѣ и на отношеніе іюльской монархіи къ проявленіямъ свободной мысли. Сначала мы видимъ пышныя обѣщанія; вступая на престолъ, герцогъ Орлеанскій обещаетъ, что больше не будетъ процессовъ по дѣламъ печати; потомъ король Людовикъ Филиппъ усаживается покрѣпче на своемъ недавно воздвигнутомъ тронѣ; укрѣпившись, онъ измѣняетъ мало-по-малу свою внѣшнюю и внутреннюю политику; измѣнивъ принципамъ іюльскихъ дней, онъ начинаетъ выслушивать съ неудовольствіемъ откровенныя совѣты и строгія указанія либеральной прессы; министры начинаютъ обижаться еще чаще и еще сильнѣе самого короля; начинаются преслѣдованія, потомъ запуганное попытками отдѣльных личностей убить короля, правительство усиливаетъ строгость самаго законодательства; потомъ оказывается, что законы такъ строги, что ихъ нельзя даже примѣнять во всемъ ихъ объемѣ, не возмущая общественнаго мнѣнія страны; потомъ оказывается, что раздраженіе нація такъ сильно, что оно не можетъ уже выражаться только въ печати; начинается упорная борьба въ парламентѣ, и печать дѣлается орудіемъ систематически-организованной оппозиціи; потомъ палата депутатовъ въ свою очередь становится слишкомъ узкою ареной для ожесточенной борьбы между устарѣлымъ правительствомъ и живыми силами энергической націи; начинается сильное броженіе умовъ, подготовленное вліяніемъ обстоятельствъ, поддержанное ошибками и неспособностью правительства, направленное къ извѣстной цѣли умными и опытными вождями парламентской оппозиціи; наконецъ сами вожди оппозиціи теряютъ власть

надъ раздраженнымъ народомъ; и кратковременная, ожесточенная, междоусобная война въ улицахъ Парижа уничтожаетъ монархію Людовика-Филиппа.

Карлъ X потерялъ престолъ отъ того, что хотѣлъ произвольно отнять у народа право свободно мыслить и громко выражать свои идеи. Наученный примѣромъ своего родственника, Людовикъ-Филиппъ рѣшился дѣйствовать хитрѣе; онъ не отнималъ существующихъ правъ неожиданнымъ указомъ; онъ хотѣлъ постепенно подкапывать ихъ мелкими ухищреніями; онъ хотѣлъ медленно задушить ихъ постоянно усиливающимся давленіемъ,—но и эта штука не удалась.

Пораженный грубымъ поступкомъ Карла X, народъ поднялся вдругъ, тотчасъ послѣ изданія знаменитыхъ ордонансовъ; постоянно раздражаемый мелкими притѣсненіями и постоянной неискренностью Людовика-Филиппа, народъ постепенно сознавалъ несостоятельность своего правительства и мало-по-малу накоплялъ противъ него ненависть и презрѣніе. Въ концѣ концовъ результатъ вышелъ одинъ и тотъ же, и Людовикъ-Филиппъ собственнымъ печальнымъ опытомъ убѣдился въ томъ, что во Франціи гнетъ всегда ведетъ за собою взрывъ, и что этотъ физическій законъ не измѣняется даже въ томъ случаѣ, если гнетъ будетъ производиться съ рассчитанной медленностью и если тяжести будутъ подкладываться самыми мелкими долями. Іезуитская тактика правительства не обманула народа, и исполнивъ двинулъ плечомъ, когда почувствовалъ боль и стѣсненія.

## V.

### Республика.

Паденіе іюльской монархіи и основаніе республики развязало руки журналистамъ; появилось множество новыхъ изданій; воспоминанія 93 года воскресли, и люди временнаго правительства увидѣли, что потребности и стремленія общества далеко опередили ихъ собственныя, близорукія доктрины. Журналистика постоянно заявляла новыя требованія общества, постоянно разрушала своей критикой нравственное вліяніе правительственныхъ распоряженій, и тѣ самые люди, которые при Людовикѣ-Филиппѣ считали себя радикалами и лучшими защитниками народныхъ правъ, вскорѣ замѣтили, что, очутившись во главѣ правленія, они превращаются въ робкихъ доктринеровъ и тормозятъ свободное развитіе народной жизни. Люди временнаго правительства захотѣли узнать волю народа посредствомъ поголовной подачи голосовъ—имъ доказали, что результатъ пресловутаго *suffrage universel* часто не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительнымъ желаніемъ націи; люди временнаго правительства захотѣли облегчить участь рабочаго класса учрежденіемъ мастерскихъ, раз-



дачей орудій, назначеніемъ директоровъ, инспекторовъ и контролеровъ. — имъ доказали, что прежде всего необходимы заказы, запросъ на работу, сбытъ издѣлій; люди временнаго правительства захотѣли наложить подати на богатей, брать налоги съ капиталовъ и съ предметовъ роскоши — имъ доказали, что всякій налогъ въ концѣ концовъ всю тяжестью обрушится все-таки на пролетаріевъ. Словомъ, люди временнаго правительства, искренно желая добра своему отечеству, видѣли, что кромѣ добрыхъ желаній у нихъ нѣтъ ровно ничего: ни силъ, ни средствъ, ни практическихъ знаній, ни энергической воли. Члены временнаго правительства были люди честные, но честность — достоинство отрицательное, а разрѣшеніе той общественной задачи, которую поставила на очередь февральская революція, требовало положительныхъ, колоссальныхъ силъ. Надо было разрѣшить вѣковой споръ между трудомъ и капиталомъ, надо было спасти пролетаріа отъ голодной смерти, надо было обезпечить его существованіе не филантропическими заведеніями, похожими на тюрьмы, а такимъ общественнымъ порядкомъ, который отнялъ бы у одного человѣка возможность эксплуатировать трудъ сотни другихъ людей. Какъ это сдѣлать? — въ этомъ заключался весь вопросъ. Но вопросъ этотъ былъ такъ важенъ, что его неудовлетворительное разрѣшеніе неминуемо должно было погубить плоды февральской революціи.

Только сытые люди могутъ быть свободными гражданами; толпа голодныхъ и продрогшихъ бѣдняковъ всегда пойдетъ за тѣмъ, кто покажетъ ей въ перспективѣ обезпеченный кусокъ хлѣба; диктатура Цезаря и имперія Августа вышли изъ римскаго пролетаріата; имперія Наполеона III также неизбѣжно должна была выдти изъ неудовлетворительнаго рѣшенія социальной задачи. Члены временнаго правительства понимали важность предстоящаго дѣла, но дѣло это было имъ не по силамъ; всѣ ихъ попытки оказались неудачными: они терялись и опускали руки, а время было горячее; размышлять было некогда, потому что каждый потерянный день усложнялъ и безъ того тяжелое положеніе страны; кредитъ падалъ, торговля шла вяло, мастерскія закрывались, капиталы прятались, ремесленники сидѣли безъ работы, безъ хлѣба, безъ пристанища. Надо было дѣйствовать, но какъ дѣйствовать, что предпринять? Положеніе временнаго правительства дѣлалось трагическимъ. Журналистика оглушала его совѣтами, упреками, насмѣшками, теоретическими и практическими замѣчаніями всякаго рода, воззваніями къ народу, выходами противъ доктринеровъ, противъ коммунистовъ. Рядомъ съ дѣльными мыслями встрѣчались тысячи нелѣпостей и груды звонкихъ фразъ; народъ имѣлъ свои экономическія причины къ неудовольствію; неудовольствіе это выражалось въ демонстраціяхъ и мѣст-

ныхъ возстаніяхъ; правительство несправинило въ этихъ возстаніяхъ залоритъ, листику, которая сама по себѣ не имѣла никакого вліянія; явилось распоряженіе о свободѣ печати, и радикалы іюльской стали на точку зрѣнія тѣхъ людей, и они сами громили рѣчами съ парламента буны и статьи въ журналахъ либеральныхъ партій. Уже 29 февраля было запрещено клеивать на стѣны и распространять листовки, на которыхъ не означено имѣнныя лица. Это запрещеніе предполагаетъ возможность преслѣдовать типографшика за изданіе такого сочиненія, которое не понравится правительству, состоящему изъ радикаловъ. Въ концѣ іюня 1848 года, диктаторъ, генералъ Кавеньякъ, распорядился съ журналами по-новому. Десять журналовъ было закрыто.

«Въ минуты общественныхъ кризисовъ члены правительства, можно рѣшиться на все». Жирарденъ, главный редакторъ журнала *Presse* былъ подвергнутъ варварическому аресту; его продержали въ секретной, и національное собрание Кавеньяку общественную признательность за энергическое служеніе истиннымъ отечеству.

Въ началѣ августа, реакція противъ прессы сдѣлалась систематическою; государство не ограничилось наказаніями журналистовъ; оно потребовало гарантовъ, становило обязательные залогъ; прессы, выражавшее теплую любовь къ республике, выказывало ту идею, что человѣкъ, не имѣющий возможности внести сумму въ 24,000 франковъ для обезпеченія своего добродѣтельного дѣла въ печати, не имѣетъ права издавать журналъ.

«Мы требуемъ, говорилъ въ національномъ собраніи гражданинъ Сенаръ, гарантъ анархической прессы, противъ прессы, противъ той зловредной прессы, которая толкуетъ о правахъ труда, противъ прессы, которая продается по 5 сантимовъ и о которой бѣднякамъ, неимѣющимъ возможности подписаться. Что касается до серьезной журналистики, до тѣхъ органовъ, которые стоятъ 500,000 франковъ основнаго капитала, мы не думаемъ ихъ беспокоить, потому что она отличается своей нравственной и просвѣщеннымъ патріотизмомъ».

Предлагаемая мѣра была одобрена, силу закона и немедленно принесла свои дѣтельные плоды; нѣсколько журналовъ, лишившись недостатка средствъ, прекратились; многіе честные органы, стоявшіе за его разумныя права. 1848 года, Людовикъ Наполеонъ Бонапартъ избранъ президентомъ французской республики, началъ исполнять, съ своею обыкновенною



тью, готовить вторую империю. Въ маѣ 1849 года новый президентъ запретилъ шесть рналовъ и въ томъ числѣ знаменитую «Ré-ме», игравшую такую важную роль въ агипротивъ министерства Гизо. Редакціи этихъ рналовъ были заняты вооруженными солд-ти, типографскіе станки разбиты и приведены негодность.

Въ іюлѣ 1849 года министръ Одилонъ-Барро, самый, который такъ недавно стоялъ во вѣвѣ либеральной оппозиціи, объявилъ въ на-чальномъ собраніи, что положеніе страны тре-тъ усиленія законовъ противъ злоупотребе-печати. Ему возразили, что никогда еще за-ны противъ печати не спасали правительствъ не возстановляли спокойствія въ странѣ. Это зраженіе не смутило бывшаго предводителя позиціи: «это возможно, отвѣчалъ онъ очень кровенно, но во всякомъ случаѣ подобные за-ны отсрочиваютъ паденіе правительства».

Несмотря на сопротивленіе либеральныхъ чле-овъ національнаго собранія, новые законы были риняты. Они во многихъ отношеніяхъ напоми-аютъ собою законодательныя мѣры 1819, 1822, 828 и даже 1835 года. Залогъ остался необхо-имымъ условіемъ для изданія журнала; сочи-енія, касающіяся политики или политической номоніи и заключающія въ себѣ менѣе 20 пе-атныхъ листовъ, должны быть представляемы прокурору республики за двадцать четыре часа о публикаціи и поступленія въ продажу. Эта татья новаго законодательства показываетъ, то правительство республики боится учредить предварительную цензуру, но на самомъ дѣлѣ вполнѣ сочувствуетъ принципу этой цензуры.

Дѣйствительно, въ 24 часа очень не трудно прочесть брошюру листовъ въ десять; прочитать эту брошюру, прокуроръ можетъ начать преслѣ-дованіе противъ книги раньше поступленія ея въ продажу и слѣдовательно можетъ преду-предить ея выходъ въ свѣтъ. Такого рода си-стема для писателя и издателя тяжелѣе чисто предупредительной цензуры; предупредительная цензура спасаетъ издателя отъ разорительныхъ издержекъ, она запрещаетъ или разрѣшаетъ со-чиненіе въ рукописи или въ корректурѣ. Си-стема, принятая законодательствомъ 1849 года, напротивъ того, допускаетъ печатаніе книги и потомъ предоставляетъ себѣ право остановить ея распространеніе. Издатель лишень такимъ образомъ всякой гарантіи и принужденъ прини-мать на себя роль цензора въ отношеніи къ пи-сателю. Если бы издатель былъ даже человѣкомъ глубоко преданнымъ какой нибудь идеѣ, если бы онъ за распространеніе этой идеи въ обществѣ готовъ былъ подвергнуться самой тяжелой отвѣт-ственности, то новая статья закона помѣшала бы ему поступить такимъ образомъ; представляя экземпляръ вновь отпечатанной книги къ про-курору, за двадцать четыре часа до публикаціи

о ней, издатель можетъ быть увѣренъ, что все изданіе книги будетъ немедленно захвачено, если въ книгѣ заключаются какія нибудь идеи, не соотвѣтствующія вкусу правительства. Новое законодательство не ограничилося этими предо-сторожностями.

Оскорбленіе президента республики путемъ печати причислено къ преступленіямъ; при этомъ не оговорено, что именно можетъ считаться оскорбленіемъ, такъ что подъ категорію оскорбле-ній оказалось возможнымъ подводить всякое кри-тическое замѣчаніе, всякое порицаніе дѣйствій правительства.

Чтобы сдѣлаться разнощикомъ книгъ, надо получить предварительное разрѣшеніе прави-тельства; журналъ, навлекшій на себя неудо-вольствіе правительства и осужденный два раза втеченіе одного года, можетъ быть запрещенъ на время или навсегда; членъ національнаго со-бранія не можетъ быть отвѣтственнымъ редак-торомъ журнала. Такимъ образомъ, послѣ двухъ революцій, Франція опять очутилась почти въ томъ же положеніи, въ которомъ она находилась при Карлѣ X; формы были приличнѣе, но фак-тическое положеніе писателей нисколько не улучшилось; тотъ же дамокловъ мечъ висѣлъ, если не надъ ихъ головами, то надъ ихъ карма-нами; залогъ, штемпельный сборъ, штрафы и тюремныя заключенія, задержаніе книги раньше ея поступленія въ продажу, запрещеніе журна-ла, замѣченнаго въ непріятномъ образѣ мыслей— всѣ орудія гнета, всѣ способы стѣсненія снова были на лицо, снова въ полномъ собраніи на-ходились въ рукахъ административной власти. Всѣ книги, кромѣ молитвенниковъ, азбукъ, грам-матикъ и календарей, были подчинены штем-пельному сбору и, вслѣдствіе этого, должны бы-ли сильно возвыситься въ цѣнѣ, такъ что фран-цузскимъ книгопродавцамъ становилось невоз-можнымъ бороться съ заграничной контрафак-ціей.

Новая статья закона потребовала, чтобы каж-дая статья, напечатанная въ журналѣ и касаю-щаяся политики, философіи или религіи, была под-писана собственнымъ именемъ автора; за лож-ную подпись взыскивается штрафъ и опредѣ-ляется шестимѣсячное тюремное заключеніе, какъ автору статьи, такъ и отвѣтственному редактору журнала. Это нововведеніе распространяло отвѣтственность на автора и на редактора; таково было общее направленіе правительственныхъ распоряженій; правительство хотѣло, чтобы воз-можно большее число лицъ подвергалось отвѣт-ственности; оно разсчитывало такъ: если не по-боятся авторъ, то побоятся редакторъ; если не редакторъ, то издатель, если не издатель, то ти-пографщикъ; не типографщикъ, такъ книгопрода-вецъ — пусть всѣ боятся отвѣтственности, и тогда ненавистная идея, родившаяся въ мозгу безпокойнаго писателя, поневолѣ должна будетъ



заглохнуть въ неизвѣстности. Вплоть до нынѣшняго 1862 года, этотъ расчеѣтъ оказывался вѣрнымъ, а что будетъ дальше—неизвѣстно.

Еще новое распоряженіе правительства обязало отвѣтственнаго редактора вносить положенные штрафы втеченіи трехъ дней послѣ объявленія судебного приговора; неисполненіе этого правила ведетъ за собою прекращеніе журнала. Президентъ велъ дѣло такъ круто, что литераторамъ не разъ пришлось пожалѣть о королѣ Людовикѣ-Филиппѣ.

Такъ прозябала французская пресса до конца 1851 года. 2 декабря 1851 года президентъ республики распустилъ національное собраніе, распустилъ государственный совѣтъ, объявилъ Парижъ въ осадномъ положеніи и, обращаясь къ французскому народу, спросилъ у него, согласенъ ли онъ поручить ему, Людовику-Наполеону Бонапарту, составленіе новой конституціи? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ долженъ былъ служить результатъ поголовной подачи голосовъ. Чтобы надлежащимъ образомъ направить эту свободную подачу голосовъ, Людовикъ-Наполеонъ принялъ свои мѣры. Подозрительныя типографіи и литографіи заняты военными отрядами; при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ устроена потихоньку цензурная коммиссія; двѣнадцать журналовъ въ томъ числѣ National и Siècle запрещаются; редакторы этихъ журналовъ и множество неприятныхъ для правительства писателей высылаются за предѣлы Франціи. Оппозиція лишается такимъ образомъ лучшихъ своихъ производителей; поголовная подача голосовъ происходитъ въ такое время, когда некому руководить общественнымъ мнѣніемъ и обличать дѣйствія президента; очень понятно, что результатъ оказывается благопріятенъ для Людовика-Наполеона. Комедія сыграна—французскій народъ уполномочилъ его создать новую конституцію.

## VI.

### При Наполеонѣ III.

Въ декабрѣ 1851 года президентъ республики издалъ декретъ, по которому вѣдѣніе всѣхъ проступковъ, предусмотрѣнныхъ законами о печати, передается трибуналамъ исправительной полиціи. Пресса потеряла такимъ образомъ свою лучшую и послѣднюю гарантію—судъ присяжныхъ; прессу отдали въ руки коронныхъ судей; движеніе реакціи пошло такъ быстро, какъ не шло ни при Бурбонахъ, ни при Орлеанахъ.

Въ февралѣ 1852 года президентъ республики издалъ органическій декретъ о печати, который убилъ послѣдніе остатки свободы мысли и открыто подчинилъ прессу безграничному произволу центральной власти. По этому декрету каждый издатель журнала обязанъ испрашивать у правительства предварительное разрѣшеніе. Каждый типографикъ и литографикъ, каждый

книгопродавецъ обязанъ взять патентъ министра полиціи, который конечно можетъ дать въ этомъ патентѣ, если считать прежде всего человѣкомъ неблагонадежнымъ. Если редакторъ журнала желаетъ продать свой журналъ, то покупатель долженъ также испрашивать разрѣшеніе правительства, чтобы имѣть право продавать изданіе журнала. Если редакторъ, отвѣтственный или главный редакторъ, желаетъ издавать журналъ, то производство не иначе, какъ съ разрѣшенія правительства. Политическіе или политическіе журналы, издающіеся за-границей, могутъ быть ввозимы во Францію только съ разрѣшенія правительства. Если бы весь органическій декретъ не былъ очень печальною серьезной дѣйствительностью, то эта статья показалась бы честнымъ гражданамъ Франціи смѣшною шуткой: Францію охраняютъ отъ вреднаго вліянія заграничныхъ идей, Францію, которую называютъ родиной и колыбелью свободныхъ и демократическихъ идей! Президентъ себѣ трудъ беречь умственную независимость страны, въ которой три революціи ли въ конецъ сословныя грани, вѣковыя тѣты, рутину мысли и жизни. Къ сожалѣнію нашего времени, до нынѣшняго дня еще не рѣшенъ вопросъ: дѣйствительно ли г. президентъ себѣ въ этомъ случаѣ напрасны Событія до сихъ поръ не отвѣчали на этотъ вопросъ утвердительно, а между тѣмъ не вѣрить, чтобы теперешній status quo шилъ этотъ вопросъ отрицательно.

Органическій декретъ удвоилъ сумму штрафовъ и довелъ его для ежедневныхъ 50,000 франковъ; штемпельная пошлина осталась; плата за пересылку по почтѣ осталась; штемпельная пошлина по старому 1850 года, была восстановлена.

Органическій декретъ запретилъ печатать о процессахъ по дѣламъ печати того, кто предоставилъ всѣмъ трибуналамъ запрещать, по своему благоусмотрѣнію, не отчетовъ о процессахъ исправительной полиціи, гражданскихъ и уголовныхъ. Замѣтимъ, что осталось только очень незавидное и неотъемлемое право публиковать и то вѣроятно потому, что приговоръ не можетъ ни въ какомъ случаѣ остаться государственной тайной.

Органическій декретъ запретилъ печатать статьи, написанныя такими лицами, которые осуждены на карательное и безчестное только на безчестящее наказаніе. За нарушение этого правила издатели, отвѣтственные редакторы и типографики подвергаются штрафу отъ 1000 до 5000 франковъ. Эта статья заведена противъ политическихъ преступниковъ, противъ тѣхъ изгнанныхъ литераторовъ, которыхъ президентъ не могъ предполагать



любныхъ наклонностей къ своей особе правительству. Президенту ка- ждому приходится застрашать издателей и ти- повъ, чтобы отрѣзать изгнанникамъ возможность имѣть вліяніе на общест- веніе страны.

ажное нововведеніе органическаго де- ючается въ системѣ правительствен- ностереженій (avertissements). Мини- замѣчая вредныя тенденціи журнала, словамъ декрета, право послать изда- стереженіе; вслѣдъ за вторымъ пре- ніемъ оно имѣетъ право пріостановить а два мѣсяца безъ приговора суда.

правительство имѣетъ право пріоста- рналъ втеченіе двухъ мѣсяцевъ послѣ его за проступокъ противъ законовъ о можетъ также, по своему благоусмо- прещать провинившееся изданіе.

еніе журнала неизбежно въ случаѣ его за преступленіе, совершенное пу- ги, или въ случаѣ двукратнаго осуж- на проступки, совершенные путемъ пе- ннн двухъ лѣтъ.

ого журналъ можетъ также быть за- въ видахъ общественной безопасности, екретомъ президента республики.

ніе прессы, вслѣдствіе органическаго ѣдалось до такой степени тяжелымъ, нитые сентябрскіе законы 1835 года, Людвигомъ-Филиппомъ вслѣдствіе по- покушеній на его драгоцѣнную жизнь, азаться сравнительно легкими и мило-

Сентябрскіе законы оставили по край- суду присяжныхъ и выгородили пресу истративныхъ распоряженій. При Лю- илиппѣ даже за оскорбленіе королев- ги нельзя было безъ суда взять ни од- ки штрафа, нельзя было подвергнуть амому легкому аресту. При Людовикѣ

и все сдѣлалось возможнымъ; самый едвидитъ возможность крайнихъ мѣръ нныхъ посягательствъ административ- и на частную собственность. Посяга- и административной власти на частную

ость могутъ быть названы по всей вости пріостановка или запрещеніе производящихся безъ суда, по декрету а или по запрещенію министра. Пріо- или запрещеніе журнала наноситъ убы- телю и владѣльцамъ; этотъ убытокъ на- езъ суда, слѣдовательно онъ можетъ сентъ и правому, и виноватому; слѣдо- самымъ текстомъ своего органическа-

президентъ республики предоставля- я своимъ министрамъ право самоволь- о карману свободныхъ гражданъ фран- еспублики. Очевидно, что Людовикъ

ь поставилъ прессу на военное поло- бъявилъ себя диктаторомъ, имѣющимъ

надъ журналами право жизни и смерти. Онъ не боялся именно той или другой идеи, тѣхъ или другихъ стремленій періодической литературы; онъ просто хотѣлъ парализовать энергію мы- сли, нагнать на пишущихъ людей робость и не- рѣшительность, свести ихъ всѣхъ на уровень посредственности и такимъ образомъ, ополчивъ литературу, ослабить нравственное вліяніе обра- зованныхъ и передовыхъ людей на массу публи- ки и народа. Все въ органическомъ декретѣ на- правлено прямо къ этой цѣли. Читая и перечи- тывая этотъ декретъ съ величайшимъ внима- ніемъ, журналисты никакъ не могли сообра- зить, о чемъ и какъ можно писать, что именно составляетъ преступленіе и проступокъ, въ ка- кихъ случаяхъ министерство будетъ дѣлать пре- достереженія, какія статьи могутъ вызвать про- тивъ себя особый декретъ президента. Всѣ под- робности были совершенно неясны; ясно было только одно, вовсе неутѣшительное обстоятель- ство—то, что правительство было неразборчиво въ средствахъ, и что оно отъ души ненавидѣло свободную журналистику. Что отъ этого прави- тельства нельзя было ждать справедливости — въ этомъ сознавалось само правительство, пре- доставляя себѣ право дѣйствовать безъ суда. О милосердіи нечего было и толковать; къ тому же зависѣть отъ милосердія правительства въ сущности все равно, что зависѣть отъ его произ- вола. Органическій декретъ въ эффектной пер- спективѣ показывалъ литераторамъ цѣлый ла- биринтъ препятствій и непріятностей. «Я васъ буду преслѣдовать», говорилъ президентъ. — За что? «Это уже мое дѣло; я васъ предупредилъ, будьте осторожны». Получая такое неопредѣ- ленное предупрежденіе, похожее на таинствен- ную угрозу, литераторы конечно должны были стать въ тупикъ и растеряться; Людовику-На- полеону только этого и хотѣлось.

Очень естественно, что пресса, пробираю- щаяся ощупью между невѣдомыми опасностями, не можетъ руководить общественнымъ мнѣніемъ. Гдѣ царствуетъ постоянный, неясный страхъ, тамъ не можетъ быть энергіи, а политическая литература безъ энергіи, безъ твердыхъ гаран- тій, безъ самостоятельности, неминуемо должна впасть въ совершенное ничтожество. Неопредѣ- ленность органическаго декрета сдѣлала то, чего не могли бы сдѣлать самыя жестокія уголовныя наказанія. Весь 1852 годъ былъ ознаменованъ многочисленными предостереженіями; многіе журналы закрылись по собственному желанію, находя борьбу съ правительствомъ невозможной по неравенству силъ и оружія; административная система предостереженій, пріостановокъ и за- прещеній окончательно восторжествовала надъ системой судебныхъ преслѣдованій. Процессы по дѣламъ печати сдѣлались очень рѣдкими, и правительство стало поражать журналы, не вы- слушавъ никакихъ оправданій, не принимая



никакихъ объясненій. Нѣкоторые журналы въ эту тяжелую эпоху рѣшились высказать правительству нѣсколько горькихъ истинъ. «Правительство, пишетъ *Presse*, видитъ въ періодической литературѣ орудіе безпорядковъ и смутъ; оно поступаетъ сообразно съ этимъ убѣжденіемъ, и мы надѣемся польстить его самолюбію, объявляя громко, что никогда еще ни одно законодательство не вооружалось противъ этого стараго врага такими страшными и многочисленными средствами угнетенія; мысль подобна воздуху и пару—она сильна и опасна только при давленіи; намъ жаль, что у насъ отнимаютъ судъ присяжныхъ и что насъ подчиняютъ приговору полицейскихъ судовъ. Мы помнимъ впрочемъ, что во время реставраціи эти суды давали блестящіе доказательства честности и самостоятельности»... «Надъ нами постоянно виситъ угроза запрещенія, одинъ декретъ можетъ зажать намъ ротъ и уничтожить нашъ органъ»... «Вступая въ новую многотрудную карьеру, мы будемъ разсчитывать на поддержку общественнаго мнѣнія, единственной несокрушимой силы»...

«Всего серьезнѣе и опаснѣе для печати тѣ распоряженія, писала *Assemblée national*, въ силу которыхъ журналъ можетъ быть приостановленъ приказомъ министра или запрещенъ въ видахъ общественной безопасности... Эти распоряженія уничтожаютъ всѣ гарантіи, необходимыя для предпріятія, основаннаго на какомъ нибудь капиталѣ; ужъ лучше было бы оставить предупредительную цензуру, которой насъ подчинили со 2-го декабря, чѣмъ возвратить намъ такую свободу, которою мы, при всѣхъ предосторожностяхъ, не можемъ пользоваться, не навлекая на себя самыхъ гибельныхъ послѣдствій»... «Свобода печати проникла въ наши нравы и привычки; всякое правительство поневолѣ должно дать ей мѣсто. Если оно теперь уничтожаетъ ее не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ, то публика будетъ искать въ другихъ мѣстахъ той умственной пищи, которую она до сихъ поръ находила въ журналахъ». Нашлись впрочемъ и такіе литераторы, которые съ сочувствіемъ отнеслись къ новому законодательству. Веронъ, въ журналѣ «*Constitutionnel*», оправдывалъ его какими-то высшими административными соображеніями. Журналистъ сошелся въ этомъ случаѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Персигни, который въ одномъ изъ своихъ докладовъ императору, въ началѣ 1853 года, прославляетъ органическій декретъ, какъ одно изъ величайшихъ благодѣяній, оказанныхъ Франціи Наполеономъ III. Въ этомъ любопытномъ докладѣ встрѣчаются напри- мѣръ слѣдующіе лестные отзывы о періодической литературѣ. «Теперь пресса уже не можетъ измѣнить своей настоящей роли и сдѣлаться орудіемъ партій; теперь она не можетъ тревожить страну ложными извѣстіями о несуществующихъ опасностяхъ; такимъ образомъ устра-

нено великое зло, а между тѣмъ свобода осталась неприкосновенной. Никогда пресса не отличалась такимъ благородіемъ и скромностью, вполне сообразнымъ достоинствомъ писателей. Никогда еще она не наруживала такихъ патріотическихъ чувствъ. Что должны были чувствовать французскіе республиканцы, когда Персигни гладилъ ихъ по головкѣ—это я предоставляю самому читателю. Изъ доклада мы видимъ, что правительство Наполеона III усильно заботилось о нравственномъ воспитаніи гражданъ. Благоразуміе, скромность, уваженіе къ закону, патріотическія чувства—вотъ истинныя качества, которыя оно стремилось привить посредствомъ и запрещеній про- резъ періодическую литературу въ Парижѣ. Воспитателями націи были назначены не только судьи, но и полицейскіе чиновники; въ департаментахъ зависѣли отъ мѣстныхъ властей, отъ префектовъ и ихъ помощниковъ.

Добросовѣстно отправляя свои педагогическія обязанности, эти чиновники считали своимъ долгомъ вразумлять провинившихся литераторовъ. Поэтому, облекая свои предостереженія въ нѣсколько или менѣе литературную форму, они обыкновенно присоединяли къ нимъ назидательныя мысленія. Такъ, напр. *Conciliateur* въ 1848 г. напечаталъ, что «новое законодательство не должно наносить рѣшительный ударъ элементарнымъ началамъ общественной морали и свободы». За это *Conciliateur* получилъ предостереженіе, въ которомъ было сказано: «говоря такимъ образомъ о правительственныхъ распоряженіяхъ, журналъ «отступаетъ отъ своего долга и умѣренности, составляющихъ необходимое условіе періодической прессы». *Gauche* напечатала въ одной статьѣ курсивъ: «народъ и законный»; ей сдѣлали замѣчаніе и замѣтили въ курсивѣ лукавое осмѣяніе примѣненіе этихъ словъ къ событіямъ. Въ *Ami de l'Ordre* попалъ въ редакцію слѣдующій пассажъ: «исторія говоритъ намъ, что партия не всегда бываетъ спасительна; она можетъ быть сманомъ противъ паденій». Эта фраза была поводомъ къ предостереженію; правительство не было за дерзость. Два журнала *Union* и *Esperance du Peuple* вели ожесточенную полемику и обмѣнивались колкостями и дерзостями, не касаясь никакихъ государственныхъ распоряженій. Префектъ по департаменту, получивъ предостереженіе въ редакціи обоихъ журналовъ, замѣтилъ имъ, что въ ихъ статьяхъ встречаются такіе сильные выраженія, которыя выходятъ изъ границъ дозволенной свободы.

Такимъ образомъ заботливая администрація наблюдала не только за чистотой политической миѣнѣи, но даже за изяществомъ миѣнѣи, не позволяя перебранокъ. Французы до- во- во что бы то не стало казаться счас-



ми; добродушная улыбка не должна быть съ ихъ губъ; журналисты, раздраженные правительствомъ, не могли своихъ собратьевъ по ремеслу выливать накопившейся желчи. Наполеонъ хобъ все было спокойно, чтобы надо всей царица мертвая тишина, чтобы даже ой ссоръ между двумя журналистами ялось ни одной рѣзкой мысли, ни одного каго оборота рѣчи. Надъ всею Франціей ась съѣтъ полицейскаго наблюденія; преразныя мѣстныя власти съ особенной взялись содѣйствовать видамъ цент- правительствъ и принялись преслѣд- кое гласное выраженіе непринятыхъ ремленій. Нѣкоторые чиновники увлек- , далеко въ дѣлѣ разыскиванія и пре- я вредныхъ мыслей, что начали загля- частныя письма, отправлявшіяся за- За содержаніе этихъ писемъ нѣкоторые ьденты заграничныхъ газетъ были аре- бумаги ихъ опечатаны; на другой день ихъ арестовъ въ журналахъ Rauc и г появились наивныя статьи, поясня- ину этихъ крутыхъ мѣръ; эти наивныя казали, что усердіе чиновниковъ, вскры- чужія письма, не показалось вышему ству ни преувеличеннымъ, ни предо- нымъ. Оказалось, что Людовикъ-Напо- ходитъ такой образъ дѣйствій вполне нымъ и, не краснѣя, разсуждаетъ о тахъ, которые ему пришлось узнать кольнымъ путемъ. Въ Парижѣ, гласитъ Монiteur, подъ вліяніемъ старин- тій уже давно составилось нѣсколько агенствъ и политическихъ корреспонден- зъ этихъ центровъ клеветы и анархій едневно, окольными путями, тѣ и безсовѣстные пасквили, которые по- обою нѣкоторые органы заграничной ь цѣлью навлечь презрѣніе Европы на ьство, добровольно принятое Франціей; ьство, которому были извѣстны эти не могло долѣе терпѣть этой системы и опозориванія». Съ этой официаль- ьей, написанной на основаніи совер- :официальныхъ документовъ, не мѣ- поставить слѣдующій циркуляръ одного стровъ Наполеона I. «Я узналъ, пи- но, министръ внутреннихъ дѣлъ,—что хъ частяхъ имперіи тайна частной а была нарушена агентами правитель- могъ дозволить подобныя мѣры? Вино- жуть можетъ быть, что они хотѣли правительству и предупредить его же- вносить въ управленіе подобный образъ не значить служить императору—это клеветать на его величество; государь вніемъ отворачивается отъ такихъ до- вѣтъ преданности, которыя состоятъ въ

нарушеніи законовъ. А законы говорятъ рѣши- тельно съ 1789 года, что тайна писемъ непри- косновенна. Всѣ наши несчастія въ различныя эпохи революцій происходили отъ нарушенія принциповъ. Пора взяться за умъ. Прошу васъ преслѣдовать по всей строгости законовъ это нарушеніе одного изъ священнѣйшихъ правъ цивилизованнаго человѣка, живущаго въ об- ществѣ. Мысль гражданина должна быть также свободна, какъ и его личность».

Сравнивая циркуляръ Карно, написанный въ 1815 году, съ статьею Монитера, напечатанною въ 1852 году, мы можемъ замѣтить, на сколько французское правительство втеченіи 37 лѣтъ развилось въ своихъ понятіяхъ о чести. Надо сказать правду, что если правительство 1815 г. было немного поделикатнѣе и поразборчивѣе въ средствахъ, то правительство 1852 года было гораздо послѣдовательнѣе. Въ глубинѣ души ни Наполеонъ I, ни Наполеонъ III не могли считать себя избранными народомъ; и тотъ, и другой дол- жны были помнить, что основаніе ихъ господ- ства заключается въ насиліи. Позволивши себѣ крупную неправду, навязавшись въ вѣщносные благодѣтели Франціи, оба Наполеона должны были хорошо понимать, что мелкая совѣстливость въ ихъ положеніи смѣшна и приторна. Кто по- хитилъ корону, тому нелѣпо задумываться надъ кусочкомъ сургуча, скрывающимъ собою чужую тайну. Поэтому деликатность Карно не можетъ служить вѣрнымъ выраженіемъ Наполеона I; приведенный мною циркуляръ можетъ быть объ- ясненъ или тѣмъ обстоятельствомъ, что въ рас- печатанныхъ письмахъ не нашлось ничего инте- реснаго для правительства, или же тѣмъ, что правительство нуждалось въ популярности и прикидывалось деликатнымъ, зная легковѣрность французской націи и ея привязанность къ виѣш- нимъ формамъ вѣжливости. Въ поведеніи Напо- леона III, напротивъ того, нѣтъ даже этой виѣш- ней уступки общественному мнѣнію; онъ равно- душенъ къ нему и презираетъ его вполне, не давая себѣ труда скрывать это презрѣніе: онъ не гонится ни за популярностью, ни за уваже- ніемъ націи; его господство—фактъ, а какъ смотреть на этотъ фактъ—до этого ему нѣтъ никакого дѣла. Это откровенное презрѣніе къ цѣлой націи, сдѣлавшей три революціи, лежитъ въ основаніи всѣхъ законодательныхъ и адми- нистративныхъ мѣръ Наполеона III и само осно- вывается на сознаніи рѣшительнаго перевѣса собственныхъ матеріальныхъ силъ надъ оцѣне- нными умственными и нравственными силами Франціи.

Иностранцы публицисты поняли и опредѣ- лили отношенія между императоромъ и народомъ такъ вѣрно и такъ рельефно, что Монiteur счелъ долгомъ обидѣться за Францію и съ упо- ромъ перепечаталъ на своихъ столбцахъ нѣкото- рые отрывки англійскихъ газетъ. Вотъ, напри-



мѣръ, что говорилъ 7-го января 1853 г. Morning-advertiser: «На всей поверхности земного шара нѣтъ ничего подобнаго тому деспотизму, который тяготѣетъ надъ Франціей, и тому униженію, въ которое погружена эта страна. Права народа находятся подъ каблуками Наполеона, имя котораго—синонимъ угнетенія и тиранинн. Искусство писать книги будетъ скоро совершенно оставлено у нашихъ сосѣдей. Литературные таланты преслѣдуются, какъ преступленіе; умы заключены въ оковы. Никто не смѣетъ разинуть ротъ на улицѣ, въ обществѣ, въ прессѣ. Еще нѣсколько времени—и французы будутъ погружены въ такое варварство, которому нельзя будетъ найти подобіе въ исторіи націй». «Къ чему увеличивать число цитатъ, съ глубокой грустью присовокупляетъ Moniteur. Довольно и этого, чтобы показать, въ какихъ выраженіяхъ нѣкоторые журналы отзываются о дружественной націи и о томъ государѣ, котораго призвали на престолъ ея восторженные клики». Надо было глубоко презирать французскую республику, чтобы въ официальномъ журналѣ перепечатывать отзывъ Morning-advertiser'a, заключающій въ себѣ такую горькую правду. Правительство Наполеона смотреть на свой портретъ и, обращаясь къ публикѣ, которая очень хорошо знаетъ, что портретъ похожъ, какъ двѣ капли воды, говорить въ своемъ официальномъ журналѣ: посмотрите, добрые люди, какъ на насъ клеветуютъ; посмотрите, какая гнусная карикатура. Самъ императоръ впрочемъ не думалъ, что гражданская свобода процвѣтаетъ во Франціи; открывая въ 1853 году засѣданіе законодательнаго собранія, онъ въ своей рѣчи помѣстилъ между прочимъ слѣдующее замѣчаніе: «Тѣмъ людямъ, которые пожалѣютъ о недостаткѣ свободы, я отвѣчу: свобода никогда не содѣйствовала основанію политическаго зданія,—она вѣнчаетъ его тогда, когда его скрѣпило время». Самъ Наполеонъ скромно сознается такимъ образомъ, что свобода Франціи еще впереди, и съ нимъ соглашаются въ этомъ отношеніи всѣ здравомыслящіе французы, хотя конечно они рисуютъ себѣ эту вождѣльную свободу не совсемъ такъ, какъ общается ее императоръ. Приближенные Наполеона расходятся во мнѣніяхъ съ своимъ властелиномъ и прославляютъ свободу Франціи, какъ нѣчто дѣйствительно существующее въ настоящемъ. «Развѣ не свободна та страна, восклицаетъ Тролонъ въ Монитерѣ,—въ которой можно, не имѣя дѣла съ цензурой, писать книги обо всѣхъ предметахъ религіи и философіи, политики и нравственности? Развѣ не свободна та страна, въ которой журналы имѣютъ право говорить, когда они должны были бы молчать, или молчать, когда они должны были бы говорить?» Особенно завидно послѣднее право, въ которомъ Тролонъ видитъ доказательство французской свободы—право молчать. Презрѣніе Наполеона

къ націи становится понятнымъ, если дается читать подобныя панегирики, написанные не дюжиннымъ продажнымъ телемъ, а человекомъ обезпеченнымъ рѣальномъ отношеніемъ и высоко поставленнымъ по своему общественному положенію. Чѣмъ ежедневно подобныя статьи въ Moniteur, въ Constitutionnel, въ высшія торжественныя рѣчи въ законодательномъ собраніи и въ сенатѣ, Наполеонъ могъ опредѣленное время отсрочить общаго извѣщеніе политическаго зданія. «Зачѣмъ расширять свободу этой страны, говоритъ ному англійскому министру, съ нею она большаго не желаетъ, а представителю отъ этого готовы отказаться».

Journal des Débats возражалъ Тролону, и редакторъ Бертенъ удачно положеніе журналистовъ послѣ органическаго декрета. «Насъ, говоритъ, пугаетъ никакое законодательство, какъ было оно сурово; насъ пугаетъ то, что дѣлается писать впотѣмахъ, думая при словѣ, что, не смотря на всю благонамѣренность, мы выходимъ за предѣлы тѣхъ правъ, намъ оставлены. Мы не просимъ своего сохранія! Мы всегда возставали противъ не просимъ даже такой свободы, которая бытъ несовмѣстна съ теперешними потребностями Франціи. Пусть Тролонъ скажетъ намъ только (такъ это знаетъ), въ какихъ случаяхъ мы имѣемъ право говорить, и когда мы должны молчать; мы бы сочли себя совершенными. Кто держится мнѣнія Тролона, дѣлаетъ его политическія симпатіи и содѣйствіемъ «Монитера», тотъ конечно считаетъ себя совершенно свободнымъ понимать тѣхъ мучительныхъ затѣвъ, которыя поставлены люди честные, общественный порядокъ и желающіе сказывать совершенно умѣренно свѣдѣнія, сходныя съ идеями Тролона».

Органическій декретъ принесть свѣдѣтели поняли всю свою беззастѣ

Въ послѣдніе десять лѣтъ, т. е. изданія органическаго декрета до дня, въ судьбѣ французской прессы шло никакихъ существенныхъ измѣненій. Попрежнему смотритъ эстетикой во всѣ глаза и попрежнему альныхъ статьяхъ своихъ литератураторовъ и въ официальныхъ рѣчахъ свѣтлоризовъ превозноситъ ту драгоцѣнную, которой пользуются французскіе писатели съ своей стороны тихо стѣхъ потерянныхъ правахъ и гарантій, смотря на свою осторожность, навѣдѣ предостереженія за предостереженіями



каждое политическое событіе отзывается на мнѣніяхъ правительства къ прессѣ. Когда журналистика пытается разгадать тайну дипломатическихъ соображеній Наполеона, когда она называетъ свои догадки и предположенія, ей замѣчаютъ сверху, что она вѣдливаетъ въ свое дѣло и понапрасну тревожитъ насъ своими попытками заглянуть за непроницаемую завѣсу будущаго. Переговоры съ Австріей, предшествовавшіе началу итальянской войны, подали газетамъ поводъ предвидѣть происшествіе важнаго событія; въ началѣ февраля 1859 года *Presse* въ статьѣ объ итальянскомъ вѣстѣ заявила сочувствіе Франціи къ страдающей угнетенной Италіи; въ этой статьѣ было выражено желаніе, чтобы Франція остановила правительство Австріи. За эту статью *Presse* получила предостереженіе, въ которомъ было сказано, что «подобныя выходы могутъ возбуждать въ умахъ неосновательное безпокойство». Черезъ нѣсколько дней послѣ этого предостереженія въ продажѣ появилась брошюра подъ заглавіемъ «*Napoleon III et l'Italie*», не писанная авторомъ; нѣкоторыя французскія граничныя газеты приписывали эту брошюру самому императору; какъ бы то ни было, эта брошюра выражала тѣ самыя мысли, за которыя *Presse* получила предостереженіе; она призывала дипломатію сдѣлать «наканунѣ битвы» что пожелаетъ, придется сдѣлать на другой день послѣ побѣды». Не смотря на эти ясныя намеки, брошюра не подверглась преслѣдованію, и даже тѣ журналы, которые видѣли въ ней провозглашеніе самого императора, не получили за это догадки никакихъ предостереженій. Журналистика, видя, что брошюра остается безнаказанной, опять заговорила о приближеніи войны; тогда официальная газета *Moniteur*, въ началѣ марта, замѣтила, что «все это бредъ, вожделение и ложь, и что пора оставить безъ вниманія неясныя слухи, распространяемые журналикой по всѣмъ концамъ Европы». 5 марта была напечатана эта статья, а 3 мая въ томъ же *Монитерѣ* правительство извѣстило Францію о началѣ войны. Намѣренія правительства до послѣдней минуты остаются такимъ образомъ тайной; политическимъ газетамъ запрещается не догадываться и предполагать; имъ остается такимъ образомъ только записывать совершившіяся событія, не выводя изъ нихъ смѣлыхъ заключеній; даже записать событіе позволяется только въ томъ случаѣ, если его нельзя утаить, не зачѣмъ утаивать. Когда началась итальянская война, то министерство внутреннихъ дѣлъ сообщило журналамъ слѣдующее замѣчаніе: правительство уже нѣсколько разъ совѣтовало журналикамъ публиковать съ крайнею осторожностью извѣстія и письма, относящіяся къ итальянской арміи. Правительство теперь еще разъ

принуждено напомнить журналамъ обязанности, налагаемыя на нихъ текущими событіями. Они должны воздерживаться отъ печатанія подробностей, не имѣющихъ серьезнаго характера, распространяющихъ тревогу въ семействахъ или обманывающихъ общественное мнѣніе на счетъ положенія нашей арміи; тѣмъ болѣе они должны избѣгать сообщенія такихъ свѣдѣній, которыя могли бы приносить пользу неприятелю. Они поймутъ также, что не слѣдуетъ произвольно разсыпать похвалу или порицаніе и подрывать авторитетъ официальныхъ бюллетеней несправедливыми сужденіями или слѣсными объявленіями. Правительство надѣется, что это воззваніе къ просвѣщенному патриотизму французской прессы предупредитъ дальнѣйшія уклоненія, находящіяся впрочемъ въ странномъ разладѣ съ единодушными проявленіями національнаго чувства, которое въ журналистикѣ должно находить себѣ достойное отраженіе».

Первое свойство, бросающееся въ глаза при чтеніи подобныхъ документовъ—это фразистость и мягкость рѣчи; подумаешь, что министерство находится въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ литературою и пишетъ ей самыя пріятныя и любезныя замѣчанія; на самомъ же дѣлѣ выходитъ, что пилюля очень горька, не смотря на свою позолоту; практическій выводъ изъ бумаги министерства тотъ, что журналы не должны печатать объ итальянской арміи ничего, кромѣ официальныхъ бюллетеней, т. е. они должны, не мудрствуя лукаво, не толкуя вкривъ и вкосъ, съ вѣрой, надеждой и любовью идти по слѣдамъ «*Монитера*» и перепечатывать изъ него извѣстія объ итальянской арміи. Можетъ быть министерство не хотѣло придти къ этому суровому выводу, можетъ быть оно желало только, чтобы редакторы не пускали утокъ, но редакторамъ, получившимъ этотъ циркуляръ, надо было поневолѣ отказаться отъ печатанія частныхъ извѣстій. Получая письмо изъ Италіи, они никакъ не могли знать, что всѣ сообщаемыя въ немъ извѣстія совершенно вѣрны. Если даже эти извѣстія были вѣрны, то нельзя было знать, находятъ ли правительство полезнымъ ихъ обнародованіе. Правительство всегда имѣло предлогъ послать журналу предостереженіе за напечатаніе частнаго извѣстія; оно могло сказать, что такое-то извѣстіе способно встревожить общественное мнѣніе или же, что имъ можетъ воспользоваться неприятель. Приведенный мною циркуляръ министерства по своему общему характеру сходенъ съ органическимъ декретомъ; онъ, подобно послѣднему, грѣшитъ своей совершенной неопредѣленностью; общіе совѣты, которые правительство даетъ литераторамъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются совершенно неосознательными—они только сбиваютъ съ толку; что можно писать, чего нельзя пи-



сать—это все-таки остается неизвѣстнымъ; поэтому тотъ редакторъ, который желаетъ оградить себя отъ всякой отвѣтственности и чувствовать себя совершенно спокойнымъ, долженъ принимать самыя преувеличенныя, часто совершенно излишнія предосторожности. Вотъ на что и разсчитываетъ правительство; вотъ задняя мысль, побуждающая его издавать неопредѣленные узаконенія и разсылать циркуляры, неимѣющіе осязательнаго смысла.

Послѣ окончанія итальянской кампаніи, 16 августа 1858 года послѣдовали другъ за другомъ два милостивые декрета: во-первыхъ, объявлена полная амнистія «всѣмъ лицамъ, осужденнымъ за политическія преступленія и проступки и изгнаннымъ изъ Франціи въ видахъ общественной безопасности», и во-вторыхъ, «всѣ предостереженія, данныя журналамъ въ силу декрета 17 февраля 1852 года, объявлены недействительными».

Эти два милостивые декрета имѣютъ свою обратную сторону; правительству очень хотѣлось привлечь во Францію тѣхъ политическихъ изгнанниковъ, которые за границей были опаснѣе, чѣмъ въ отечествѣ, потому что за границей они могли писать и печатать такія вещи, которыя во Франціи не нашли бы себѣ ни издателя, ни типографщика. За личною великодушіемъ кроется такимъ образомъ очень вѣрный политическій разсчетъ. Второе милостивое распоряженіе, т. е. уничтоженіе уже данныхъ предостереженій, тоже объясняется довольно просто: многіе журналы имѣли уже по два предостереженія; запретить ихъ за третій проступокъ было неудобно, потому что провинившихся было слишкомъ много, а возбуждать безъ особенной необходимости вниманіе и неудовольствіе общества непріятно даже такому правительству, которое не придаетъ значенія расположенію гражданъ; если же третій проступокъ журналовъ не повелъ бы за собою запрещенія, тогда это обстоятельство могло ослабить нравственное вліяніе предостереженій; стало быть, запретить нѣсколько журналовъ разомъ было неудобно, оставить ихъ безнаказанными — также неудобно; оставалось только простить данныя *avertissements* и придать этому акту прощенія какъ можно больше торжественности. Отчего же въ самомъ дѣлѣ не удивить публику великодушіемъ и милосердіемъ, когда это великодушіе и милосердіе не стоитъ ни копѣйки и даже нисколько не уменьшаетъ силы правительства? Вѣдь любой изъ прощенныхъ журналовъ могъ быть закрытъ по распоряженію административной власти на другой же день послѣ милостиваго прощенія, если только онъ своимъ послѣдующимъ поведеніемъ показавъ бы недостатокъ признательности и благодарности.

Въ сущности положеніе журналистики ни-

сколько не улучшилось отъ этой милости; редакторы конечно поняли это и дали это знать правительству.

Послѣ окончанія итальянской войны шире выдвинулся вопросъ о папствѣ; французскіе публицисты начали разрабатывать его въ шюрахъ и въ журнальных статьяхъ. Журналисты клерикальной партіи старались обвинить Наполеона въ недостатокъ благочестія и въ неуваженіе къ правамъ папы; эти попытки побуждали правительство обратиться къ особому вѣдѣнію, писавшія подъ вліяніемъ духовенства. Это особенное вниманіе выразилось въ томъ, что на клерикальные журналы посыпались предостереженія; затѣмъ послѣдовали болѣе строгія мѣры. — *L'Univers* былъ запрещенъ.

«Религіозная журналистика, писавшая по поводу министръ внутреннихъ дѣлъ въ императору, забыла, что ея дѣло — страсти и мирить враждующія стороны, а не возбуждать ихъ. *L'Univers* въ особенности, не обращая вниманія на сообщаемыя ему предостереженія, каждый день доходитъ до послѣднихъ границъ буйства; по его милости возникаютъ племики, въ которыхъ, къ сожалѣнію, елики вызываютъ рѣзкія возраженія, соблазномъ и огорченіемъ для всѣхъ гражданъ». Теряя *L'Univers*, Французская имперія потеряла конечно очень много, но не менѣе, въ этомъ случаѣ, какъ и во вѣдѣніяхъ, правительство Наполеона оставило своимъ своему основному принципу, отъ чего рѣзко проведеннымъ идеямъ и къ выводамъ, сдѣланнымъ въ ту или другую сторону. Въ такой странѣ, какъ Франція, правительствѣ, которымъ она пользуется слишкомъ десять лѣтъ, преданность и католической религіи должна конечно быть признакомъ благонамѣренности, и католицизмъ, какъ извѣстно, вовсе не препятствуетъ развитію свободной мысли и оправдываетъ возстаніе челоуѣчества противъ авторитета преданій и существующихъ учреждений. Не смотря на то, правительство Наполеона смотритъ недоброжелательно на католиковъ; ревностный католикъ есть все-таки сильное убѣжденіе, не имѣющее всю свою ветхость и мертвенность; такое убѣжденіе всякаго рода не можетъ быть при томъ порядкѣ вещей, который господствуетъ въ современной Франціи; фанатики — люди безпокойные; они мѣшаютъ и препятствуютъ развитію крайней централизма, въ которой бы они ни были безтолковы, съ ними не такъ легко управляться, какъ съ совершенно безличными и равнодушными посредственностями. До свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ дошло извѣстіе, что въ департаментахъ распространяются ст-



енства разныя брошюры, агитирующія въ ту папу; тотчасъ къ префектамъ былъ разосланъ циркуляръ, въ которомъ напоминалось, что законъ запрещаетъ раздавать или продавать брошюры безъ разрѣшенія мѣстныхъ властей, и нарушители этого правила подвергаются какому заключенію срокомъ отъ одного мѣсяца до полугода и денежному штрафу отъ 20 до 100 франковъ. Тонъ этого циркуляра даетъ понять, что правительство не желаетъ давать права служителямъ церкви. «Въ этихъ случаяхъ гласить окончаніе циркуляра, правительство должно будетъ на столько удалиться отъ обыкновеннаго милосердія, на сколько это необходимо для укрощенія взволнованныхъ въ; поэтому я требую отъ васъ въ одно и то же время умѣренности и твердости!» Обиженный такимъ образомъ излишнюю ревность пастырей и служителей церкви, правительство въ то же время не допускаетъ, чтобы гнѣвные лица высказывали печатно критическія замѣчанія о религіи, о церкви и о духовенствѣ. Прудонъ, происходившій въ 1858 году, заявляетъ ясно, что философская мысль своя во Франціи на столько, на сколько она живетъ въ области чистыхъ отвлеченностей; вы не можете разсуждать сколько вашей душѣ угодно о субъективности и объективности, объ идеальномъ и трансцендентальномъ, но если вы вздумаете съ философской точки зрѣнія посмотреть на существующую дѣйствительность, на осязательныя явленія и учрежденія, то вамъ тотчасъ же придется имѣть дѣло не съ литературными оппонентами, а съ императорскимъ прокуроромъ и мѣстнымъ трибуналомъ исправительной полиціи. 22 апрѣля 1858 года, въ Парижѣ, у братьевъ Гюлье поступила въ продажу книга Прудона: «Справедливости въ революціи и въ церкви», состоящая изъ трехъ томовъ и заключающая въ себѣ 1700 страницъ убористаго шрифта; апрѣля полиція получила отъ императорскаго прокурора приказаніе остановить распространеніе этой книги; 28-го книга была захвачена въ полицію; 2 іюня судъ исправительной полиціи говорилъ Прудону къ трехлѣтнему тюремному заключенію и къ уплатѣ штрафа въ 4000 франковъ; книгу его признали вредной и продажу ея запретили; издатель Гарнье и типографщикъ Гюлье также признаны виновными: перваго помѣстили въ тюрьму на одинъ мѣсяць, втораго — на 15 дней; съ того и съ другаго взыскали по 100 франковъ штрафа. Но правительство этимъ не удовлетворилось; находя, что Гарнье недостаточно наказанъ, оно перенесло дѣло въ высшую инстанцію, которая приговорила подсудимаго къ трехмѣсячному тюремному заключенію и къ штрафу въ 4000 франковъ. Подсужденные могли разсчитывать на поддержку общественнаго мнѣнія, которое вообще не распо-

ложено смотрѣть строго на политическія преступленія, и которое, по правдѣ сказать, не понимаетъ, чтобы та или другая мысль могла быть преступной; но правительство постаралось отвлечь отъ себя и удобнѣйшій путь къ сношенію съ обществомъ: органическій декретъ запретилъ журналамъ печатать отчеты о процессахъ по дѣламъ печати; осужденнымъ оставался еще одинъ способъ: законъ 1819 года, не отмѣненный послѣдующими законодательствами, позволялъ подсудимому написать и напечатать защитительный мемуаръ. Текстъ закона говорилъ положительно, что напечатаніе этого мемуара не можетъ подать повода къ новымъ преслѣдованіямъ и нисколько не увеличиваетъ вины подсудимаго.

Прудонъ написалъ свою защиту, но парижскіе типографщики отказались печатать ее. «Правительство предупредило насъ, отвѣчали они ему, что все, что выходитъ изъ подъ вашего пера, опасно. Мы ничего не будемъ печатать для васъ безъ разрѣшенія прокурора». Прудонъ обратился тогда къ генеральному прокурору; онъ напомнилъ ему, что статья 23 закона 17 мая 1819 года дозволяетъ печатаніе защиты безъ всякихъ стѣсненій, и просилъ его дать формальное свидѣтельство, удостоверяющее типографщика въ томъ, что для него не можетъ быть никакой опасности. Чтобы показать прокурору умѣренность своихъ требованій, Прудонъ соглашался даже напечатать свой мемуаръ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Эта уступка не подвинула впередъ дѣла Прудона.

— Я вамъ не могу дать никакого свидѣтельства, отвѣчалъ ему прокуроръ; назначать вамъ количество экземпляровъ я также не имѣю права. У васъ есть ваше право, у насъ есть свое право. Поступайте, какъ знаете, принимая на себя рискъ и отвѣтственность.

Прудонъ готовъ былъ рисковать собою, но одной готовности было мало. Надо было найти типографщика, а въ Парижѣ не нашлось охотниковъ за чужое дѣло платить штрафъ и сидѣть въ тюрьмѣ.

Прудонъ напечаталъ свой мемуаръ въ Брюсселѣ, но это тоже не помогло. Его книжку не впустили во Францію, и приговоръ не былъ измѣненъ.

Дѣйствія французскаго правительства въ отношеніи къ Прудону находятся въ совершенной гармоніи съ порядкомъ вещей, водворившимся съ 1852 года. Удивляться нечему; негодовать смѣшно, потому что негодованіе ничего не разъясняетъ. Посмотримъ лучше, въ чемъ именно заключаются въ данномъ случаѣ отступленія правительства отъ законности. Два обстоятельства прежде всего бросаются въ глаза: во-первыхъ, книгу захватили черезъ пять дней послѣ ея поступленія въ продажу, во-вторыхъ, типографщикамъ запретили принимать отъ Прудона для напечатанія тотъ мемуаръ, который законъ



положительно позволяет обнародовать каждому гражданину, обвиненному за преступление или проступок, совершенный путем печати. Первое обстоятельство доказывает, что книга была захвачена по подозрению, или вѣрнѣе, по предубѣжденію правительства против личности автора. Въ пять дней невозможно прочесть 1700 страницъ серьезнаго сочиненія, особенно если читатель имѣетъ добросовѣстное желаніе отдать себѣ отчетъ въ основной идеѣ книги и обсудить вліяніе этой идеи на умы согражданъ и современниковъ. Если же приказаніе захватить книгу Прудона было отдано тогда, когда еще убѣжденіе въ дѣйствительности ея вреднаго вліянія не могло составить въ умѣ коронныхъ чиновниковъ, то очевидно, что правительство поступало съ Прудонѣмъ не какъ съ гражданиномъ, заподозреннымъ въ преступленіи, а какъ съ личнымъ врагомъ.

Второе обстоятельство обнаруживаетъ намъ ту же самую непримиримую и притомъ трусливую ненависть правительства къ Прудону. У него отнимаютъ то средство, которое по закону предоставляется каждому подсудимому; всѣ мысли Прудона заранѣе объявляются опасными; правительство заранѣе предупреждаетъ типографщиковъ, чтобы потомъ, въ случаѣ появленія какой нибудь новой книги опаснаго писателя, имѣть возможность взыскать съ провинившагося типографщика вдвое строже, какъ съ человека сознательно и преднамѣренно идущаго наперекоръ желаніямъ административной власти. Подвергая отвѣтственности типографщика, правительство фактически восстанавливаетъ предупредительную цензуру, и притомъ восстанавливаетъ ее въ самомъ тяжеломъ видѣ. Цензоръ, какъ чиновникъ отъ правительства, не имѣетъ права сказать писателю: я не хочу читать вашу рукопись, а типографщикъ всегда можетъ сказать: я не хочу печатать ваше сочиненіе, точно также, какъ всякій купецъ можетъ сказать, что не хочетъ продать вамъ тотъ или другой товаръ, точно также, какъ всякій домовладѣлецъ можетъ отказать вамъ въ квартирѣ. Конечно, съ другой стороны, цензоръ, поставленный отъ правительства, можетъ зачеркнуть всю представленную рукопись, но, поступая такимъ образомъ, онъ долженъ по крайней мѣрѣ найти объясненіе своему поступку; вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ сказать автору: «я запрещаю вашу статью, потому что ваша фамилія—Прудонъ». Въ благоустроенномъ государствѣ можно жаловаться на самоуправство чиновника, но жаловаться на типографщика, не желающаго принять отъ васъ заказъ—это все равно, что жаловаться на купца, съ которымъ вы не сошлись въ цѣнѣ товара. При существованіи предупредительной цензуры правительство Наполеона III могло бы значительно ослабить дѣятельность Прудона; но совершенно запретить ему писать—это такой подвигъ, на

который оно можетъ быть не рѣшилось бы громкаго и смѣшнаго скандала. Когда за запуганы типографщики, тогда правитель-ство можетъ запретить вамъ писать, на что компрометируя себя дѣйствіями рѣшительнаго извола; стоитъ только оштрафовать нѣско-лько типографщиковъ—и ваша литератур-ность окажется прерванной, потому что одинъ типографщикъ не захочетъ из-за раззоряться и сидѣть въ тюрьмѣ. Вы мож-но захотите открыть свою собственную тип-огрaфию. Но вы забываете, что для этого надо в-ытѣнить отъ правительства, которое може-тъ вамъ, не выходя изъ предѣловъ за-конодательства, запретить это.

Словомъ, если сравнивать между со-бою системы законовъ о печати—каратель-ную и предупредительную, то безъ всякаго с-омнѣнія надо будетъ отдать предпочтеніе карате-льной. При этомъ надо будетъ замѣтить, что фран-цузское законодательство ни въ какомъ случаѣ не-было названо карательнымъ.

Карательнымъ, по-настоящему, може-тъ названо только такое законодательство, которое предоставляетъ каждому гражданину пол-ную возможность писать и печатать что ему угодно, а потомъ взыскиваетъ съ него за нарушеніе установленныхъ правилъ. Когда отвѣтственность воз-лагается личностями писателя и издателя, законодательство остается еще карате-льнымъ, потому что издатель, какъ человекъ, в-ыступающій на книгу свой капиталъ и соде-лавъ такимъ образомъ предпріятію, а не же-лая быть признанъ его правствен-нымъ участникомъ. Кто же, въ самомъ дѣлѣ, тратитъ свои деньги на неизвѣстное? Если же издатель знаетъ автора и его книги, то онъ можетъ быть на-званъ единомышленникомъ. Издатель можетъ отъ продажи книги выгоду, слѣдовате-льно, можетъ дѣлить съ авторомъ опасност-я. Взысканія съ издателя могутъ то-же возбудить породу мелкихъ спекуляторовъ, пишущихъ такіе книги, о которыхъ онѣ имѣютъ понятія. Слѣдовательно, налага-ніе на издателей, законодательство не-можетъ быть карательнымъ, потому что оно усложняетъ положеніе писателя, жел-ающаго чистотой свой трудъ. Если у писате-ля нѣтъ денегъ, онъ самъ можетъ бы-ть раззоренъ; если у него нѣтъ денегъ, то с-амъ онъ долженъ обратиться къ какому-то лицу и поставить себя въ нѣкоторую зависимость отъ него; это другое лицо и-зобрететъ цѣну предпріятія и его возм-ожности; сдѣлавъ этотъ приблизительный расчетъ, онъ рѣшится издавать или не изда-вать книгу; если это другое лицо не-захочетъ, то авторъ можетъ обратиться къ своимъ знакомымъ, имѣющимъ



ль и сочувствующихъ его предпріятію; изъ этихъ знакомыхъ можетъ быть изда- , потому что на это не надо ни особен- азрѣшенія правительства, ни особеннаго нія. Но если бы примѣръ только одни кіе трактирщики имѣли право издавать или если бы человѣкъ, желающій издать долженъ былъ сначала попросить позво- у правительства, тогда конечно законо- ство перестало бы быть чисто каратель- потому что тогда правительство имѣло бы ность препятствовать обнародованію того угого сочиненія; оно могло бы сдѣлать это, гивая извѣстнымъ образомъ парижскихъ рщиковъ, или же отказывая въ необхо- , позволеніи тѣмъ людямъ, которые по- гь сдѣлаться издателями.

но такъ и поступаетъ правительство съ афшиками. Оно знаетъ, что типографщикъ етъ просто деньги за работу и что онъ, тельно, не заинтересованъ лично въ успѣ- ги; если бы на немъ не лежала отвѣт- есть, то онъ печаталъ бы безъ разбору го ему заказываютъ, точно также, какъ ѣръ оружейникъ продаетъ вамъ ружье столетъ, не освѣдомляясь о томъ, какъ ѣрены пользоваться этими орудіями. Ти- щикъ есть содержатель мастерской; онъ— итель, не заинтересованный въ успѣхѣ іятія; какъ бы хорошо не пошла книга, се-таки получить ту же условную плату, ю получилъ бы въ случаѣ совершенной и; спрашивается, ради чего же типограф- ѣшится подвергать себя малѣйшему риску? ой стороны, правительство представляетъ ь перспективѣ судъ, тюрьму и штрафъ; кой стороны, писатель и издатель предла- ему обыкновенную плату за трудъ. Всѣ и типографщика побуждаютъ его разсмо- очень внимательно, нѣтъ ли какой нибудь сти? Если есть хоть тѣнь опасности, ти- щикъ откажется отъ предлагаемой рабо- къ поступить и другой, и третій, и всѣ афшики. Окажется, что писатель и изда- таются съ своимъ отвлеченнымъ правомъ ть все, что угодно. Книга остается нена- нной. А кто же помѣшалъ ея печатанію? ю не типографщики; типографщикамъ вно, что ни печатать. Помѣшало прави- во, которое грозитъ наказаніемъ не толь- ателю, не только людямъ, обнаруживаю- нравственное сочувствіе его идеямъ, но и емесленникамъ, которые приводятъ его ь исполненіе и работаютъ по его заказу. и правительство мѣшаетъ напечатанію то оно очевидно измѣняетъ чисто кара- й системѣ.

и подвергнуть взысканію типографщика, ай ни душой, ни тѣломъ не участвуетъ въ

идеѣ автора, то отчего же не наказывать фабри- канта бумаги, на которой напечатана вредная книга? Отчего не взыскивать съ каждого отдѣль- наго наборщика? Отчего не судить переплетчика, брошюрующаго сочиненіе, несогласное съ вида- ми правительства? Существеннаго различія нѣтъ между типографщикомъ и остальными ремеслен- никами, содѣйствующими сооруженію книги. Если взыскивать съ типографщика, то нѣтъ при- чины ограничиваться имъ однимъ. Эта непослѣ- довательность французскаго законодательства объясняется именно тѣмъ, что правительство старается замаскировать карательными формами предупредительный элементъ своихъ дѣйствій. Правительство ненавидитъ самую свободу мы- сли; его тревожитъ самое безвредное проявленіе этой свободы; оно боится простыхъ выводовъ здравой логики, потому что его существованіе, его происхожденіе, его дѣйствія во всѣхъ отно- шеніяхъ противорѣчатъ этимъ простымъ выво- дамъ. Поэтому правительство желаетъ обузды- вать, а не наказывать. Ему важно, чтобы мысль не распространялась въ обществѣ, а не то, что- бы мыслитель посидѣлъ въ тюрьмѣ или запла- тилъ штрафъ. Процессъ, тюрьма, штрафъ—все это лишняя огласка, все это нарушаетъ дремоту общества, которую правительство старается под- держать во что бы то ни стало. Поэтому кара- тельная система не удовлетворяетъ требованіямъ французскаго правительства. Возвратиться къ предупредительной системѣ оно какъ-то совѣ- стится; вѣроятно ему памятно то впечатлѣніе, которое постоянно производило на французское общество учрежденіе предупредительной цензу- ры; памятно и то обстоятельство, что Людовикъ- Филиппъ, вступая на престолъ, торжественно обѣщалъ націи, что цензура никогда не будетъ восстановлена.

Сочувствуя въ глубинѣ души предупредитель- ной системѣ и между тѣмъ не рѣшаясь при- вести ее въ дѣйствіе, правительство Наполеона III избрѣло какую-то смѣшанную систему, чрезвычайно удобную для администраціи и не- выносимо тяжелую для писателей. Выгоды чисто карательной системы заключаются для писате- лей въ томъ, что они, рискуя или жертвуя собою, могутъ пустить въ ходъ самую смѣлую идею. Выгода чисто предупредительной системы заклю- чаются также для писателей въ томъ, что они, по настоящему, ни за что не отвѣчаютъ и ни- чѣмъ не рискуютъ. Система Наполеона отни- маетъ у писателей выгоды обѣихъ системъ; пи- сатель за все отвѣчаетъ и, не смотря на то, ничего не можетъ провести въ общество помимо воли правительства. Было бы вовсе не удиви- тельно, если бы французскіе писатели теперь попросили Наполеона учредить цензуру; тогда они по крайней мѣрѣ пользовались бы безна- казанностью и могли бы быть совершенно спо-



койны. Когда Прудонъ обратился къ генеральному прокурору съ просьбой о свидѣтельствѣ, удостоверяющемъ типографщика въ отсутствіи опасности, когда онъ, чтобы получить это свидѣтельство, соглашался ограничить количество экземпляровъ, смотря по желанію прокурора, тогда Прудонъ очевидно желалъ, чтобы прокуроръ, оберегая и успокаивая типографщика, принялъ на себя ту роль, которую при существованіи предупредительной цензуры играетъ цензоръ. Прокуроръ, какъ мы видѣли, отказался отъ этой роли, онъ сказалъ Прудону, что умываетъ руки въ его дѣлѣ, и сочиненіе Прудона осталось ненапечатаннымъ. Значитъ, цензура типографіи запретила книгу, а между тѣмъ и авторъ, и издатель, и прежній типографщикъ попали подъ судъ, подъ штрафъ и въ тюрьму.

Все это вовсе не доказываетъ превосходства предупредительной системы надъ карательною. Наша литература до сихъ поръ находилась въ невыгодныхъ условіяхъ; это сознавали всѣ наши честные писатели; въ этомъ убѣдилось и правительство, рѣшившееся сдѣлать существенныя преобразованія въ нашемъ законодательствѣ о печати. Занявшись составленіемъ новыхъ правилъ, правительство пригласило литературу заявить свое мнѣніе и освѣтить по возможности вопросъ историческимъ и сравнительнымъ обзоромъ законовъ о печати, существующихъ въ другихъ образованныхъ государствахъ Европы. Настоящій очеркъ былъ вызванъ этимъ приглашеніемъ. Историческая часть моего обзора окончена; читатель имѣетъ понятіе о положеніи французской прессы въ настоящее время; утомлять его вниманіе перечнемъ предостереженій, пріостановокъ, запрещеній—я считаю излишнимъ: это не усилитъ впечатлѣнія; теперь остается только сдѣлать практическій выводъ; остается сказать, какъ я смотрю на исторію французскаго законодательства о печати, какимъ законамъ я сочувствую, какіе законы было бы пріятно видѣть у насъ въ Россіи и испытывать на самомъ себѣ. Я очень хорошо знаю, что мой практическій выводъ на самомъ дѣлѣ не можетъ имѣть никакого практическаго значенія, но я думаю, что каждый мыслящій и пишущій человѣкъ имѣетъ право сказать свое искреннее слово, когда рѣшается такое дѣло, отъ котораго будетъ зависѣть во многихъ отношеніяхъ развитіе нашей литературы и движеніе нашей мысли. Поэтому я буду говорить безъ утайки: изъ всѣхъ законовъ, смѣнившихся во Франціи со времени первой реставраціи до нынѣшняго дня, нѣтъ ни одного такого, въ которомъ бы не скрывалась задняя мысль правительства, враждебная дѣйствительнымъ интересамъ національной мысли. Истинная терпимость остается совершенно неизвѣстною всѣмъ французскимъ правительствамъ, быстро слѣдовавшимъ другъ за другомъ. Каждое правительство наказываетъ лите-

ратора за его мысль; каждое правительство принимаетъ предосторожности противъ стики, какъ противъ враждебной партіи и штемпельный сборъ придумывается, чтобы уменьшить число журналовъ, и высылить ихъ цѣну и чтобы по возможности пропустить ихъ въ низшіе слои націи.

Распредѣленіе отвѣтственности между ромъ, издателемъ, типографщикомъ, ственнымъ редакторомъ (если дѣло имѣетъ цѣлью запугать пишущихъ въ основаніи всѣхъ этихъ учрежденій глубокое недовѣріе къ литературѣ, къ литературѣ равносильно недовѣрію мыслящей части націи. Изъ этого чувства развиваются всѣ стѣснительныя ренія, всѣ замысловатыя изобрѣтенія стематическія искаженія существенныхъ коновъ. Если правительство смотритъ туру, какъ на своего естественнаго римаго врага, тогда оно конечно приметъ разумные законы и сдѣлаетъ самыя непоколебимыя гарантіи. Если правительство чувствуетъ себя способнымъ риться честности писателей, если оно что здравый смыслъ и нравственность читающей публики представляетъ самый оплотъ противъ предвзятаго или противъ легкомысленной болтовни менѣе честныхъ или менѣе развитыхъ это правительство не нуждается въ осудительствѣ противъ печати. Во Франціи сто лѣтъ не было такого государства; за то в теченіи шестидесяти было ни одного счастливаго года ни для правительства. Правительство ненавидѣло и боялись другъ друга; этого техническая часть управленія до виртуозности; въ законодательствѣ смотрѣно; всѣ лазейки тщательно закроютъ почему французскіе законы не показаться очень совершенными по своей техники. На самомъ же дѣлѣ совершенство указываетъ только на напряженность отношеній, господствующую между законодателями и націей. Въ каждой частицѣ національной дѣло только поводъ къ злоупотребленію въ каждомъ распоряженіи административной законодательной власти видѣла только отнять у нея какія нибудь права. Это съ боязливымъ вниманіемъ павало и оговаривало всѣ возможные нарушенія закона; каждому изъ этихъ была назначена своя такса, по возможности; каждый законъ о печати заключалъ въ себѣ подробный преискурантъ преступленій. Нація поневола должна была ускользнуть отъ зако-



изъ частыхъ петель этой юридической системы были такъ составлены, что остаются имъ передъ ними и быть въ то же время имъ и умнымъ писателемъ было невозможно: гавалось только грѣшить и не попадаться, а такъ законъ и избѣгать наказанія.

Очень понятно, что такому неестественному сочувствовать невозможно. Поэтому повторимъ еще разъ, что насъ не удовлетворяетъ ни одна французская законодательная по дѣл печати. Если же изъ многихъ золъ выби- меньшее, тогда конечно придется отдать предпочтение законамъ 1819 года. По этимъ законамъ литературныя преступленія судились судами присяжныхъ: административныхъ мѣръ и вмешательства администраціи въ ходъ процесса не было; наказанія ограничивались штрафами и тюремными заключеніями; пріостановокъ и за- реній не полагалось; залогъ считался необходимымъ для изданія журнала, и это обстоятельство было конечно важнымъ неудобствомъ и самымъ тормазомъ въ развитіи журналистики; вѣнаніе залога оправдывается въ законѣ тѣмъ, что правительству необходимо обезпечить исправную плату налагаемыхъ штрафовъ. Этотъ аргументъ оказывается несостоятельнымъ; обезпеченіемъ для правительства мож- о служить личность редактора и весь основ- фондъ журнала; кто приступаетъ къ изданію ала, тотъ конечно имѣетъ капиталъ и самъ тѣ съ этимъ капиталомъ находится въ ру- правительстве. Зачѣмъ же ослаблять еще капиталъ, отбирая часть его въ государ- ное казначейство? Отвѣтъ не заставить себя : затѣмъ, чтобы только богатые люди, кото- по самому своему положенію расположены консерваторами, могли предпринимать изда- ния. Въ требованіи залога проглядываетъ глубокая неискренность французскаго прави- тельства, которая проходитъ чрезъ всѣ его зако- нельныя мѣры, касающіяся прессы. Въ за- хъ 1819 года есть такія черты, которымъ можно сочувствовать, но при всемъ томъ оказываются сноснѣ предыдущихъ и по- ющихъ положеній.

Сожалѣнію, эти идеи не долго продержатъ въ полной чистотѣ своей. Насильственная гь герцога беррійскаго воскресила преду- тельную цензуру, усилила мѣры строго- и увеличила количество преступленій и про- ковъ, предусмотрѣнныхъ закономъ. Поло- е прессы сдѣлалось немного легче послѣ 1830 года; первое пятилѣтіе царствованія Лю- ка-Филиппа было можетъ быть самой свѣт- лослою въ исторіи французской журнали- нынѣшняго столѣтія. Предупредительныхъ не было; литературныя преступленія су- сь присяжными; коронные чиновники от- нись, правда, особенной ревностью въ пре-

сѣлованіи отдѣльныхъ выраженій и непріязнен- ныхъ тенденцій, но правительство не нарушало естественнаго хода правосудія; присяжные по совѣсти объявляли писателей виновными или невиновными; учрежденія были чисто каратель- ныя, и правительство довольствовалось штрафами и тюремными заключеніями, не прибѣгая къ пріостановкамъ и запрещеніямъ. 1836 годъ озна- менованъ усиленіемъ строгости; залоговъ значи- тельно повысились; штрафы и тюремныя заклю- ченія возросли до громадной цифры; кромѣ того, судилища получили право пріостанавливать изданія на время до 4-хъ мѣсяцевъ. Какъ толь- ко явились пріостановки, такъ законодательство перестало быть чисто карательнымъ. Цѣль пріо- становокъ заключается въ томъ, чтобы ослабить дѣйствіе журнала, который правительство при- знаетъ опаснымъ. Ослаблять дѣйствіе журна- ла—значитъ отнимать у его сотрудниковъ воз- можность высказать передъ читающимъ обще- ствомъ свои идеи; отнимать у кого бы то ни было возможность высказываться, значитъ пре- дупреждать то преступленіе, которое онъ мож- жетъ сдѣлать, а не наказывать преступленіе уже сдѣланное. Если правительство опредѣ- ляетъ за литературное преступленіе огромный штрафъ, тяжелое тюремное заключеніе, даже смертную казнь, то оно все еще остается въ предѣлахъ карательной системы; если же оно ста- рается отнять у гражданина возможность писать и печатать, тогда оно начинаетъ предупреждать, и косвеннымъ образомъ возстановляетъ цензуру.

Революція 1848 года принесла печати очень мало пользы; свобода журналистики была очень непродолжительна; уже съ августа 1848 года возстановлены залогов; потомъ стѣненія идутъ постоянно crescendo и наконецъ достигаютъ своего апогея въ началѣ 1852 года, въ день изданія знаменитаго органическаго декрета. Съ этой минуты нечего говорить о свободѣ печати во Франціи; пресса оказывается безусловно под- чиненной благоусмотрѣнію полицейской власти; журналы пріостанавливаются и запрещаются, книги захватываются и конфискуются безъ суда; въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда прави- тельство считаетъ нужнымъ для виду подверг- нуть суду провинившагося литератора—его су- дятъ не присяжные, а коронные судьи. Стало быть, о гарантіяхъ для личности и собственно- сти писателя нечего и толковать. Съ мыслите- лемъ, старающимся добратся до истины, обра- щаются во Франціи, по выраженію Прудона, какъ съ уличнымъ буяномъ, нарушающимъ об- щественный порядокъ. Его судятъ въ полицей- скомъ судѣ, безъ присяжныхъ, безъ обнародова- нія процесса. Подвергаясь осужденію, онъ увлекаетъ за собою въ бѣду несчастнаго издателя и совершенно невиннаго типографщика. Терпя го- неніе за чужую мысль, издатель и типографщикъ



поневоля начинают присматривать за писателем и останавливать тѣ проявленія идеи, которыя кажутся имъ черезъ-чуръ сильными для нашего извѣженнаго вѣка. Знаменитый поэтъ, талантливый ученый, смѣлый публицистъ попадаютъ въ зависимость, подъ руководство двухъ лавочниковъ, не имѣющихъ понятія о томъ предметѣ, о которомъ говорится въ книгѣ. Читающая публика беретъ въ руки произведенія Эрнеста Ренана, Жана Мишле, П. Ж. Прудона и не знаетъ, что эти извѣстные ученые имѣли каждый по два непрошенных и очень мало извѣстныхъ сотрудника. Это мѣсто надо смягчить, говорилъ какой нибудь книгопродавецъ Гарнье или Дидье; эта мысль слишкомъ смѣла, замѣчалъ типограф-

щикъ, котораго фамилію вѣроятно и не хала публика. Писатель пожимаетъ плечами, злится, и все-таки уступаетъ. И Мишле, Прудонъ повинуются простому графщику и повинуются не въ выборъ, а въ изложеніи своихъ любимыхъ идей, и задушевныхъ убѣжденій.

Да, намъ не въ чемъ позавидовать французскимъ писателямъ. Заимствовать намъ что-нибудь изъ теперешнихъ французскихъ законовъ чати значило бы убить въ самомъ зародкѣ нашу формирующуюся мысль, нашу пробуждающуюся энергію, наши молодые силы, и мы съ радостью собираемся истратить деньги на благо нашихъ соотечественниковъ.





1863.

## ЗАРОЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ.

### I.

Исторія человечества представляет намъ безъ-  
разное разнообразіе лицъ и событій, идей и  
идеаловъ, политическихъ системъ и нравствен-  
ныхъ переворотовъ. Подъ этимъ разнообразіемъ  
тѣ кроются и медленно развиваются двѣ  
важныя потребности человѣка, двѣ такія по-  
стояныя, безъ удовлетворенія которыхъ чело-  
вѣкъ не могъ бы ни улучшить свое матеріальное  
и интеллектуальное положеніе, ни даже поддер-  
жать брѣнное существованіе личности и по-  
рода. Первая изъ этихъ потребностей заклю-  
чается въ томъ, что человѣкъ долженъ предо-  
хранить свое тѣло отъ разрушительныхъ вліяній  
внѣшней природы; ему надо принимать пищу  
и питаніе, чтобы вознаграждать неизбѣжную  
потерю своего организма; надо покрывать тѣло,  
чтобы сохранять въ немъ необходимое количе-  
ство животной теплоты; надо оберегать это тѣло  
отъ слишкомъ быстрыхъ переизмѣненій температуры  
и вреднаго дѣйствія сырости, зноя и холода;  
человѣку необходимо завоевать себѣ  
квартиру, столъ, одежду и разныя дру-  
гія матеріальныя обезпеченія жизни. Но эта  
первая потребность можетъ быть удовлетворена  
только съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы  
или иначе удовлетворялась другая потреб-  
ность, также чрезвычайно важная, хотя и не  
такъ бросаящаяся въ глаза. Эта вторая  
потребность состоитъ въ томъ, что человѣкъ дол-  
женъ сближаться съ человѣкомъ, помогать ему  
въ его предпріятіяхъ и въ свою очередь нахо-  
дить въ немъ естественнаго помощника и союз-  
ника. Двѣ основныя потребности человѣка удо-  
влетворялись въ различной степени втеченіи

тѣхъ тысячелѣтій, о которыхъ сохранились лѣто-  
писи или преданія; чѣмъ полнѣе удовлетворя-  
лись онѣ, тѣмъ удобнѣе жилося человѣку; чѣмъ  
сильнѣе, напротивъ того, увлекались люди по-  
сторонними цѣлями и искусственными интере-  
сами, тѣмъ мрачнѣе и тягостнѣе становилась  
жизнь огромнаго трудящагося большинства.

Лѣтописи и легенды наполнены разсказами о  
великихъ подвигахъ завоевателей. На равнинахъ  
Египта возвышаются до сихъ поръ колоссальныя  
пирамиды. Въ первомъ случаѣ мы видимъ, что  
густыя массы людей встрѣчаются съ другими  
густыми массами такихъ же людей, и что есте-  
ственные союзники и помощники истребляютъ  
другъ друга съ особеннымъ удовольствіемъ. Во  
второмъ случаѣ мы видимъ, что люди борются  
съ внѣшней природой и побѣждаютъ страшныя  
трудности и препятствія для того, чтобы обе-  
спечить и сложить кучу камней, которая не дастъ  
имъ ни пищи, ни одежды, ни жилища.

Въ томъ и въ другомъ случаѣ дѣятельность  
людей очевидно идетъ въ разрѣзъ съ ихъ основ-  
ными потребностями; но не смотря на то, эти  
самыя потребности, основанныя на великихъ и  
незыблемыхъ законахъ природы, даютъ себя  
чувствовать тѣмъ самымъ людямъ, которые дѣй-  
ствуютъ имъ наперекоръ. Во первыхъ, идея за-  
воевателя и идея строителя пирамиды осуще-  
ствляется не иначе, какъ при содѣйствіи мно-  
гихъ людей, соединяющихъ свои усилія для до-  
стиженія одной общей цѣли. Стало-быть, потреб-  
ность человѣка сближаться съ другимъ человѣ-  
комъ остается въ полной силѣ. Во вторыхъ,  
воины завоевателя и каменщики строителя, не  
имѣя возможности добывать себѣ пищу собствен-



нымъ трудомъ, должны получать пищу, добытую другими людьми. Такимъ образомъ, другая потребность человѣка, потребность бороться съ окружающей природой и оспаривать у ней тѣ матеріалы, которые необходимы для поддержанія жизни, остается точно также въ полной силѣ. Ни военный геній Александра Македонскаго, ни суровая воля египетскаго фараона Хеопса не могутъ ни на одно мгновеніе пріостановить дѣйствіе великихъ законовъ природы. Цѣли того и другого, составляющія ихъ личную собственность, достигаются только въ томъ случаѣ, если соблюдаются законы природы; но такъ какъ эти цѣли сами по себѣ лежатъ въ естественныхъ потребностей человѣка, то преслѣдованіе и достиженіе этихъ и подобныхъ цѣлей несетъ съ собой неизбѣжное историческое возмездіе. Здоровыя силы людей, отвлеченныя отъ тѣхъ занятій, которыя доставляютъ имъ пищу, одежду и другія удобства жизни; силы, употребленныя на разореніе чужихъ земель или на сооруженіе бесполезныхъ громадъ, оказываются потерянными въ общей экономіи человѣчества. Сооруженіе, произведенное этими силами, бесплодно; разореніе не вознаграждается никакимъ положительнымъ благомъ; работники, которые должны кормить война и каменщика, трудятся много и получаютъ лично для себя мало. Войны и каменщики съ своей стороны получаютъ только необходимое. Стало быть, всѣ работаютъ до изнеможенія, всѣ сближаются между собою безъ собственного желанія, всѣ ѣдятъ плохо, одѣваются грязно и съ каждымъ годомъ становятся бѣднѣе и тупѣе.

Цѣлые ряды неопровержимыхъ историческихъ фактовъ доказываютъ намъ самымъ нагляднымъ образомъ, что войны всегда оказывали губительное вліяніе на побѣдителей и побѣжденных; наружное могущество завоевательной державы покупалось цѣною внутренней бѣдности, цѣною страданій и невѣжества народа-завоевателя; это могущество, основанное на неестественномъ напряженіи силъ, продолжалось обыкновенно не долго и оканчивалось такимъ паденіемъ, которое было тѣмъ глубже и тѣмъ полнѣе, чѣмъ значительно было слѣланное напряженіе, и слѣдовательно чѣмъ величественнѣе было мимолетное проявленіе могущества. Что касается до пирамидъ, то будетъ достаточно сказать, что онѣ воздвигались трудами рабовъ и что жизнь этихъ рабовъ расточалась такъ же щедро, какъ расточалась ихъ дешевый трудъ.

Различныя видоизмѣненія войны и ея проявленія рабства наполняютъ собою всѣ страницы всемірной исторіи. Переходъ отъ вида войны къ другому и отъ одной формы рабства къ другой называется благозвучнымъ историческимъ прогрессомъ. И войны и рабство существуютъ до нашихъ временъ, а до сихъ поръ называется своимъ настоящимъ именемъ, а рабство въ большей части обреченныхъ государствъ скрывается подъ другими именами и названіями, менѣе оскорбительными для просвѣщенныхъ и сострадательныхъ душъ. Отчего произошли на свѣтъ войны и отчего они благоденствуютъ до нашихъ временъ—это такіе вопросы, которые придется рѣшать между прочимъ; поэтому, прежде чѣмъ цѣли будетъ достаточно обратить вниманіе читателя на то, что историческое развитіе вѣчества, находящееся до сихъ поръ въ нѣмомъ войнѣ и рабствѣ, никогда не удавалось исполнить тѣмъ двумъ основнымъ потребностямъ, отъ которыхъ зависитъ счастье и совершенствленіе отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ народовъ. Разныя постороннія вліянія постоянно заставляли человѣка посвящать всѣ свои силы на послѣдовательной борьбѣ съ окружающей природою; эти вліянія, происшедшія изъ вѣчныхъ отношеній человѣка къ своему роду, не позволяли людямъ сближаться между собою такъ, чтобы во всякое время другъ въ другѣ помощниковъ, сотрудовъ и союзниковъ. Эти постороннія вліянія, не имѣющія ничего общаго съ законами природы, многочисленны и разнообразны въ каждае изъ новѣйшихъ обществъ. Ихъ такъ много, такъ перепутаны между собой, что они закрываютъ отъ глазъ изслѣдователя истинную природу человѣка и настоятельную необходимость борьбы съ предметами окружающаго міра.

Находясь въ такомъ положеніи, человѣкъ долженъ поступить такъ, какъ естествоиспытатель, замѣтившій, что какое-нибудь явленіе подвергается вліянію нѣсколькихъ силъ, дѣйствующихъ по различнымъ направленіямъ. Естествоиспытатель устраняетъ постороннія вліянія и наблюдаетъ явленіе непосредственной чистотѣ; потомъ онъ применяетъ свой опытъ мѣсто одному изъ дѣйствующихъ прежде вліяній и замѣчаетъ видоизмѣненія, совершающіяся въ предметѣ изслѣдова-



одиничкѣ второе, третье вліяніе, и до послѣдняго; такимъ образомъ наконецъ общій выводъ, въ которомъ нѣмю отводится принадлежащее ему мѣсто, естественный испытатель имѣетъ передъ собою то огромное преимущество, что брать въ руки предметъ своего изслѣдованія, доказывать непосредственнымъ и положеніемъ; онъ можетъ дѣйствительно изучать изучаемое явленіе, между прочимъ принужденъ во всѣхъ случаяхъ ограничиваться разсужденіями и теоретическими выкладками. Плохо орудіе историка въ сравненіи съ естественными орудіями, которыми располагался, какъ ни гадательны выводы въ сравненіи съ положительными фактами, все-таки желаніе человѣка нибудь о прошедшей жизни своей поговорить, пообсудить какъ нибудь существующія формы—такъ сильно, что оно всегдѣ его забывать о несовершенствѣ истинности получаемыхъ выводовъ. Но, что мои читатели интересуются этими вопросами, и потому нахожу себя безъ особеннаго неудовольствія рисующіе очерки, излагающіе идеи американскаго мыслителя Кэри (Cary) и историческомъ развитіи человѣка. Чтобы не запутаться въ существующихъ формахъ, составляющихъ истинно патологическія явленія, чтобы отличить этихъ явленій за естественныя отъ извѣстной жизни, мы начнемъ съ истинныхъ разсужденій, а потомъ уже, въ соображеніе одно вліяніе за другимъ постепенно до дѣйствительныхъ и такихъ величественныхъ хроническихъ, какова на примѣръ колоніальная, мануфактурная система и экономическая жизнь достигла того

разнообразія, той сложности и того совершенства, которыя проявляются въ высшихъ породахъ млекопитающихъ, т. е. въ обезьянахъ и въ человѣкѣ. Цѣлые геологическіе періоды отошли въ вѣчность; цѣлые могучіе виды растительности отжили свое время и, умирая, залегли подъ позднѣйшую почву громадными пластами каменнаго угля; своеобразныя породы животныхъ, господствовавшихъ въ первобытныхъ лѣсахъ и въ недостижимыхъ пучинахъ морей, уничтожились, оставивъ послѣ себя нѣсколько костей или даже просто отпечатки лапъ на мягкихъ известковыхъ породахъ; неисчислимыя милліоны микроскопическихъ моллюсковъ образовали изъ крошечныхъ обломковъ своихъ раковинъ цѣлые толстые слои мѣловыхъ формаций; море нѣсколько разъ перемѣнило свой бассейнъ; вулканическія поднятія земной коры взломали наслоенія почвы, выдвинули высокія и длинныя цѣпи горъ и создали скалистые острова среди необозримыхъ равнинъ океана; на развалинахъ многихъ исчезнувшихъ первобытныхъ міровъ появились новыя формы растительности; вмѣсто древовидныхъ хвощей и папоротниковъ каменноугольной эпохи возникли извѣстныя намъ породы лиственныхъ и хвойныхъ деревьевъ; климаты обозначились явственно, и могучія деревья дѣйствительныхъ лѣсовъ захватили сырую почву, согрѣваемую отъѣсными лучами тропическаго солнца; за безобразными ящерами и крылатыми драконами, за колоссальными и неуклюжими мастодонтами и динотеріями послѣдовали разнообразныя породы травоядныхъ и плотоядныхъ животныхъ, составляющихъ въ настоящее время наши стада, или изощряющихъ искусство и храбрость нашихъ охотниковъ. Планета наша пришла въ то положеніе, въ которомъ она находится до нашихъ временъ, и эта планета сдѣлалась наконецъ жилищемъ человѣка. Насколько этотъ первобытный человѣкъ былъ похожъ на насъ складомъ тѣла, чертами лица, силой и подвижностью ума—этого конечно не можетъ разъяснить намъ никакое изслѣдованіе. Мы можемъ только предполагать, что человѣкъ прожилъ на землѣ много столѣтій, прежде нежели у него составились какія нибудь историческія преданія; даже языкъ и мифологія—эти первыя проявленія чувства и мысли—не могли явиться готовыми и должны были, подобно всѣмъ произведеніямъ природы, развиваться и совершенствоваться мало по малу. Дурно владѣя орудіемъ слова, плохо справляясь съ впечатлѣніями внѣшняго міра, съ трудомъ

## II.

нѣ геологовъ надъ различными формами коры и надъ остатками органическихъ, превратившихся въ окаменѣлости, неопровержимымъ образомъ, появился на землѣ въ позднѣйшія времена образованія. Тысячи и можетъ быть сотни прошли надъ нашей планетой, органическая жизнь достигла того



передавая ихъ другому и съ трудомъ понимая безсвязные звуки и неопредѣленные желанія этого другого, первобытный человѣкъ былъ вѣроятно очень несчастнымъ существомъ, если только мы позволимъ себѣ предположить, что онъ, по устройству своего тѣла, былъ похожъ на своихъ потомковъ. Будущій властелинъ природы, прямой предокъ какого нибудь Ньютона или Линнея, былъ самымъ жалкимъ рабомъ всѣхъ окружающихъ его предметовъ; у него не было ни естественнаго оружія, ни естественной защиты отъ суровой атмосферы, ни даже такого желудка, который могъ бы переваривать траву и листья. Онъ могъ совершенно справедливо завидовать и могучему медвѣдю, и покрытому шерстью барану, и пережевывающему буйволу. Что онъ перенесъ, сколько страданій ему пришлось испытать отъ голода, отъ холода, отъ другихъ животныхъ, начинала съ хищныхъ звѣрей и кончая лѣсными муравьями и москитами, сколько поколѣній измыкали свою жизнь въ тупомъ страхѣ и безсильномъ отчаяніи—это все такіе вопросы, на которые откажется отвѣчать самое смѣлое воображеніе самаго великаго поэта. Слабымъ отблескомъ этихъ доисторическихъ, или даже домионическихъ страданій можно признать мрачный и кровавый характеръ всѣхъ первобытныхъ религій и богослуженій. Человѣческія жертвы, приносившіяся для умиловленія грозныхъ и всегда разгнѣванныхъ силъ природы, являются очевидно зловѣщимъ воспоминаніемъ о неравной и мучительной борьбѣ, перенесенной тѣми поколѣніями, среди которыхъ медленно, съ напряженіемъ и съ болью вырабатывались первые начатки языка и первые очерки религіозныхъ представленій.

Между тѣмъ эта природа, такъ безжалостно терзавшая своего новорожденного младшаго сына, была та самая мать-природа, которая доставляетъ намъ въ избыткѣ все необходимое, та самая природа, которая даетъ намъ всѣ средства къ наслажденію и которая въ добавокъ настраиваетъ лиры нашихъ сладкогласныхъ поэтовъ. Чего же не доставало первобытному человѣку? Недоставало бездѣлицы. Во-первыхъ, знанія этой природы. Во-вторыхъ, умѣнья сближаться съ подобнымъ себѣ человѣкомъ и находить себѣ въ немъ естественнаго союзника. На каждомъ пути первый шагъ обыкновенно оказывается самымъ труднымъ. Первое усиліе изобрѣтательнаго ума, проявившееся въ томъ, что человѣкъ вооружился какою нибудь деревянной дубиной, или по-

пробовалъ на какомъ нибудь бревнѣ пасть черезъ небольшой ручей было можетъ быть самымъ удивительнымъ подвигомъ чело-

вѣкомъ, попытка, выразившаяся какою нибудь безобразнымъ мычаньемъ, подергиваніемъ лицевыхъ мускуловъ и безпокойнымъ движеніемъ руки, была по всей вѣроятности и плодотворнѣе по своимъ послѣдствіямъ самая удивительная и сложная работа позднѣйшихъ создателей римскаго права. Высшіе успѣхи людей въ практическомъ приложеніи силъ и законовъ природы и даваніи языка, какъ могучаго и незаменимаго орудія сближенія между собою, были медленны и вялы; но за то каждый новый шагъ совершался легче и быстрѣе идущаго. Первые, полумионическія прѣдкрывающія собою исторію каждаго народа, представляютъ людей уже на очень высокой ступени умственнаго развитія и матеріальнаго состоянія. Языкъ уже созданъ совершенно, и мѣняется уже къ такимъ цѣлямъ, въ которыхъ нѣтъ ничего общаго съ грубыми потребностями животной жизни. На языкѣ этомъ уже пѣсни, космогоническія мифическія эпопеи. Человѣкъ живетъ охотничьимъ промысломъ; онъ уже не боится дикихъ звѣрей, онъ самъ отыскиваетъ и преслѣдуетъ ихъ; у него есть оружіе; ему удалось покорить и одомашнить некоторые породы животныхъ и обратить ихъ въ прочную собственность. Наконецъ онъ уже началъ бороться съ растеніями; возникаетъ бытовое земледѣліе, которое даже въ самомъ началѣ предполагаетъ очень обширныя силы и законы природы; чтобы сдѣлать изъ дѣльцевъ, человѣку надобно, во-первыхъ, узнать, что зерна извѣстныхъ растеній заключаютъ въ себѣ питательное вещество; во-вторыхъ, узнать, что зерна, положенныя въ землю, даютъ новыя растенія; въ-третьихъ, на какой землѣ эти зерна могутъ дать больше, надо узнать, въ какое время года и когда убирать. Всѣ эти свѣдѣнія пріобрѣтаются только опытомъ и составляютъ рядъ новыхъ открытій, передъ которыми паровыя машины и электрическія силы представляются только составяющими славу и гордость нашего вѣка.

Мы не знаемъ настоящей цѣны этимъ открытіямъ, потому что они съ незапамя-



гавляют общее достояніе массъ; но перенесемъ воображеніемъ къ тѣмъ даленной древности, въ которыхъ они были сдѣланы, если мы представимъ, что бѣденъ былъ тогдашній человѣкъ знаніями, и слѣдовательно мыслями, то открытія покажутся намъ почти чуждыми чудесами и во всякомъ случаѣ героическими подвигами младенческаго бытнаго человѣка. Такіе подвиги не воспроизведены только въ фантастическомъ или въ эпическомъ поэмѣ. На этомъ я принужденъ въ этихъ очеркахъ о человѣкѣ и его отношеніи къ природѣ уже моментъ развитія, когда первыя трудныя величайшія открытія сдѣланы. Я не могу такимъ образомъ предполагать, что въ орудіе сближенія, уже созданъ, что въ домашнихъ животныхъ уже совершены первые, важнѣйшіе начатки земледѣльческихъ отысканій наблюдательнымъ умомъ первобытнаго человѣка.

### III.

Охотниками, пастухами и земледѣльцами первобытной эпохи часто происходятъ раздоры. Эти зародыши будущихъ войнъ гдѣ впередъ микроскопическихъ Цезарей и вносятъ въ бытъ первобытныхъ людей такой элементъ, который не имѣетъ общаго съ послѣдовательнымъ и развитіемъ труда.

Чтобы устранить изъ нашего изслѣдованія этотъ сторонній элементъ, мы должны изолировать изъ древнихъ земледѣльцевъ и представить его въ исключительное положеніе. Пусть мы знаемъ, что *должно было бы* проли бы никакія постороннія препятствія не мешали человѣку отъ мирныхъ и плодотворныхъ побѣдъ надъ различными силами окружающей природы. Для этого мы допустимъ предположеніе, что мужчина и женщина, властью, умѣящіе приручать нѣкоторые животныхъ и усвоившіе себѣ элементъ земледѣлія, попали вмѣстѣ на необитаемый островъ, богатый всѣми дарами дикой природы. Островъ великъ, плодотворенъ, и поселенцы могутъ завладѣть безпрепятственно тѣми мѣстами, которыя имъ особенно привольны. Къ селенію имъ особенно привольныя мѣста, лежація въ долинахъ, по берегамъ рѣкъ и ручьевъ, покры-

ты самой роскошной растительностью; въ одномъ изъ этихъ мѣстъ обиліе сырости образовало трясину, въ другомъ глубокой черноземъ поросъ колоссальнымъ дремучимъ лѣсомъ. Если бы поселенецъ могъ прорыть каналъ для отвода воды, или вырубить вѣковые деревья, то осушенная и очищенная почва вознаградила бы его за трудъ обильнымъ урожаемъ. Но такой трудъ превышаетъ физическія силы отдѣльнаго человѣка. У этого человѣка нѣтъ такихъ орудій, которыя необходимы для подобныхъ работъ. Употребленіе металловъ еще не извѣстно нашему Робинзону. Онъ убиваетъ звѣря дубиной, сдираетъ съ него кожу острой раковиной, рѣжетъ его мясо на части острымъ кремнемъ. Тотъ же камень помогаетъ заострить палку; заостренный конецъ палки обжигается на легкомъ огнѣ, и обожженный колъ даетъ возможность вырывать въ рыхлой землѣ тѣ мелкія ямки, въ которыя онъ бросаетъ хлѣбныя зерна. Кусокъ остраго кремня, привязанный ремнемъ или лыкомъ къ палкѣ, образуетъ топоръ. Этимъ топоромъ можно переломить сухую хворостину; имъ можно пожалуй ушибить звѣря или врага, но имъ невозможно срубить большое дерево, точно такъ же какъ невозможно обожженнымъ коломъ вырыть каналъ. Чтобы расчистить одну десятину плодородной земли, поселенцу необходимо вырубить и стащить съ мѣста десятки, а можетъ быть и сотни большихъ деревьевъ; потомъ вырыть пни и освободить почву отъ множества валежника, отъ повалившихся и гниющихъ бревенъ; если бы поселенецъ осмѣлился взяться за такую работу, то отчаянная храбрость его ни въ какомъ случаѣ не увѣнчалась бы успѣхомъ; могучая растительность стала бы преслѣдовать его по пятамъ, заглушила бы его посѣвы и принудила бы его постоянно возобновлять одну и ту же бесплодную работу.

Очевидно стало бы, что первая попытка нашего колониста срубить первобытнымъ топоромъ колоссальное дерево покажетъ ему всю неразрѣшимость подобной задачи; спертый и сырой воздухъ, наполняющій собою мрачные своды дѣвственнаго лѣса, дастъ ему почувствовать неприятное ощущеніе лихорадочнаго озноба, и колонистъ поневолѣ пойдетъ искать для поселенія такого мѣста, на которомъ роскошная растительность не отнимала бы у него теплыхъ и живительныхъ лучей солнца и не мешала бы созрѣванію его скудныхъ посѣвовъ. Онъ найдетъ такое мѣсто на теменіи какого нибудь холма; тамъ







осилить умом четвертый. Так или иначе, первый кусок мѣдной руды попалъ случайно огонь, и получилась какая-то красная масса, которая конечно изумила и, какъ новинка, обрадовала колонистовъ. Кому нибудь пришло въ голову испытать крѣпость новаго тѣла; оказалось, что оно можетъ замѣнить кремень и жженое дерево; земледѣльческія орудія значительно усовершенствовались; явилась возможность глубже взрывать землю и съ меньшимъ трудомъ рубить большія деревья; поля колонистовъ расширились и урожаи сдѣлались обильнѣе, во-первыхъ, изъ этого расширения, во-вторыхъ — отъ улучшеній въ обработкѣ земли. Ободренные этимъ успѣхомъ, колонисты, уже не дожидаясь новаго луча, пробуютъ дѣйствіе огня надъ разными кусками земли и камня. Послѣ многихъ безплодныхъ попытокъ, они натыкаются на оловянную кору; пробуютъ смѣшать олово съ мѣдью; смѣсь называется крѣпче чистой мѣди и производить новое усовершенствованіе орудій; съ увеличеніемъ матеріала улучшается вѣроятнѣе и форма инструментовъ, потому что работники, разумеется, соображаются съ указаніями возрастающего опыта.

Наконецъ добиваются и до желѣза; можетъ быть желѣзная руда попадалась раньше, но ею не умѣли пользоваться прежніе колонисты; не было ни той опытности, ни тѣхъ орудій, которыя необходимы для добыванія иковки желѣза; теперь же, когда есть люди, привыкшіе обращаться съ мѣдью и съ оловомъ, когда есть мѣдныя лопаты и мѣдные молотки, теперь и желѣзная руда должна уступить усиліямъ человека; и вотъ новый металлъ снова производитъ благодѣтельный переворотъ во всѣхъ отрасляхъ производства. Каждый успѣхъ является такимъ образомъ переходной ступенью къ дальнѣйшимъ и притомъ болѣе важнымъ успѣхамъ. Желѣзными орудіями колонисты взрываютъ землю такъ глубоко, что добиваются до слоевъ другого состава: подъ песчанымъ грунтомъ они находятъ мергель, подъ глинистой почвой известковую землю. Смѣшеніе двухъ слоевъ между собою значительно увеличиваетъ производительность земли. Хлѣбопашцы замѣчаютъ это и придумываютъ такія орудія, которыя даютъ имъ возможность пахать гораздо глубже, чѣмъ пахали ихъ предки. Обожженный колъ давно уже замѣнился заступомъ; теперь заступъ въ свою очередь уступаетъ мѣсто сохѣ и плугу; эти новыя орудія по своей тяжести изнурительны для человека, и ему при-

ходить въ голову воспользоваться силами вола или лошади. Это новое усовершенствованіе значительно ускоряетъ работу, которая вмѣстѣ съ тѣмъ становится легче для человѣка и плодотворнѣе по своимъ результатамъ. Времени и мускульной силы тратится меньше, а пища получается больше. Теперь можно безъ особенной опасности предпринять нашествіе на тѣ части острова, въ которыхъ при жизни стараго Робинзона деспотически господствовала могучая лѣсная растительность. Теперь людей много, у каждого есть въ рукахъ желѣзный топоръ, и за каждымъ слѣдуютъ вьючныя животныя, которыя немедленно выволокутъ срубленные деревья, гниющія бревна и кучи валежника. Пользуясь услугами вьючныхъ животныхъ, поселенцы замѣчаютъ, что этимъ животнымъ легче тащить такія тѣла, которыя катятся по землѣ, чѣмъ такія, которыя производятъ сильное треніе. Идя путемъ постепенныхъ усовершенствованій, они доходятъ до изобрѣтенія телеги, значительно сберегающей силы вола или лошади. Владѣя желѣзными орудіями и перевозочными средствами, потомки Робинзона во-первыхъ успѣваютъ расчистить и распахать лѣвѣе части тучной почвы, лежащей по берегамъ рѣкъ и ручьевъ, и во-вторыхъ получаютъ возможность воспользоваться срубленными большими деревьями для различныхъ построекъ. Тучная почва даетъ обильный урожай, а крѣпкіе бревенчатые срубы доставляютъ множество удобствъ и выгодъ. Жилище родоначальника колоніи было похоже на логовище медвѣдя; Робинзонъ принужденъ былъ довольствоваться простой пещерой, гдѣ ему приходилось сидѣть въ темнотѣ, или задышаться отъ дыма, когда холодъ заставлялъ его разводить огонь. Черезъ нѣсколько времени ему удалось вмѣстѣ съ сыновьями сплести изъ хвороста шалашъ, служившій плохой защитой отъ дождя, вѣтра, холода и зноя; потомъ онъ воспользовался тѣми бревнами и сучьями, которые валялись въ лѣсу и сгородилъ изъ нихъ съ большимъ трудомъ очень безобразную и неудобную хижину, въ которой было что-то подобное двери, но въ которой нельзя было найти ни окна, ни дымовой трубы. Темнота, дымъ и грязь продолжали преслѣдовать семью колонистовъ. Открытіе металловъ было во всѣхъ отношеніяхъ поворотнымъ пунктомъ въ ихъ образѣ жизни. Явилась возможность рубить большія деревья и распиливать ихъ на доски; возникло умѣнье выкалывать изъ каменной горы большія глыбы и об-



тесывать ихъ такъ, чтобы онѣ могли держаться одна на другой; при ближайшемъ знакомствѣ съ свойствами различныхъ пластовъ земли, поселенцы замѣтили, что глина очень легко принимаетъ въ жидкомъ видѣ всевозможныя формы, и потомъ твердѣетъ, подвергаясь дѣйствию солнечныхъ лучей. Въ избѣ, построенной изъ бревенъ, является тогда досчатый полъ, окно, заставляющееся досками, и печка, сложенная изъ камня и смазанная глиной. Здоровье поселенцевъ значительно улучшается, потому что имъ не приходится страдать ни отъ дыму, ни отъ холода, ни отъ грязнаго землянаго пола; кромѣ того оказывается значительный выигрышъ времени, потому что представляется возможность работать въ избѣ, въ которой перестаетъ царствовать вѣчная темнота.

Позабывшись о себѣ, поселенцы заботятся о своемъ домашнемъ и рабочемъ скотѣ. Въ былое время свиньи, быки и овцы жили у нихъ подъ открытымъ небомъ и круглый годъ находились на подножномъ корму; въ холодное время года пещера колониста превращалась въ Ноевъ ковчегъ, потому что всѣ животныя загонялись въ это первобытное жилище и тамъ согрѣвали другъ друга собственной теплотою. Когда процессъ строенія значительно облегчился улучшеніемъ орудій, когда вмѣстѣ съ увеличеніемъ силъ произошло усложненіе потребностей и вкусовъ, тогда непосредственная близость самыхъ полезныхъ животныхъ потеряла въ глазахъ колонистовъ всякую прелесть. Люди и животныя разлучились, къ обоюдной выгодѣ тѣхъ и другихъ. Появились скотные дворы и закутки; уходъ за скотомъ улучшился; количество добываемаго молока и мяса увеличилось, и порода скота стала замѣтно совершенствоваться.

#### IV.

Столѣтія прошли надъ тихимъ пристанищемъ нашего Робинзона; въ его размножившемся потомствѣ живутъ уже одни темныя преданія о тѣхъ далекихъ временахъ, когда родоначальникъ ихъ поселился на островѣ; молодому поколѣнію кажутся уже совершенно неправдоподобными рассказы о лишеніяхъ и страданіяхъ, выдержанныхъ первыми поселенцами. Въ самомъ дѣлѣ трудно повѣрить. Ихъ было только двое; въ ихъ распоряженіи находился цѣлый островъ, обширный и богатый, а между тѣмъ они часто терпѣли нужду, и съ трудомъ спасались отъ голодной смерти. Теперь колонисты считаются тысячами,

островъ не увеличился въ объемѣ ни вершокъ, а между тѣмъ всѣ хорошо отъ вутъ припѣваючи. Ясно, что такая быстрая перемѣна произошла именно потому, теперь много, и что эти многіе являлись былыми и законными наслѣдниками всѣхъ вѣкового опыта, набраннаго предками и наго дорогою цѣной прошедшихъ трудовъ даній. Каждое послѣдующее поколѣніе является многозначительнѣе предыдущаго богаче и придумываетъ новыя техническія изобрѣтенія, которыя позволяютъ ему добывать пищу и одежды съ меньшимъ напряженіемъ силъ и съ меньшей тратой времени. Является возможность пользоваться для нуждъ ленныхъ цѣлей великими естественными силами воды, вѣтра и наконецъ пара. Въ былые времена хлѣбныя зерна растирались между камнями, приводимыми въ движеніе руками. Эта работа была утомительна, и получалась плохая, потому что многія зёрна оставались полураздавленными. Вслѣдствіе этого найдено средство замѣнить трудъ человека лошадью или воломъ. Работа пошла и мука улучшилась. Потомъ, когда практическая механика сдѣлала значительные успѣхи, дробленіе зеренъ въ муку было поручено вѣтру, такимъ работникамъ, которые не знали ни пищи и которыхъ могущество неизмѣнно и только въ сравненіи съ ограниченными силами устающихъ силъ человѣка, лошади и вола. Такимъ образомъ произошло громадное уменьшеніе труда и времени, а между тѣмъ количество производимаго продукта значительно увеличилось и въ такой же степени повысилось его качество.

То же самое произошло въ тѣхъ производствахъ, которыя относятся къ производству одежды. Одежда Робинзона состояла изъ грубой кожи, наброшенной на плеча. Для первобытному поселенцу рѣдко случалось добыть такого большого звѣря, шкура котораго могла бы служить для человѣка достаточною защитой отъ воздуха, то конечно одежда была большою рѣдкостью и очень неудобно исполняла свое назначеніе. Когда появились большіе шкуры навела на мысль о ремешкахъ маленькія шкурки; когда у нихъ развелись домашнія животныя, то когда бывали шкуры значительно облегчили трудъ связыванія шкуръ явилось сшиваніе ихъ иглами и нитками. Иголки употреблялись какою нибудь острой костью, а вмѣсто нитокъ—тонкіе ремешки, тон-



труны, скрученные из кишечной кожи. живая мысль сучить нитки из животной и растительных волокон повела за многочисленныя улучшения; возникло простое искусство, из которого въ свою очередь произошло производство тканей. Затѣмъ явились механическія усовершенствованія орудій; простое орудіе замѣнилось самопрядкой, и первобытно-ручной станокъ испыталъ значительныя изменения. Наконецъ сила пара, приложенная къ отрасли производства, довела выработку тканей до изумительной легкости и быстроты. Мы знаемъ, что всѣ эти открытія и усовершенствованія были произведены въ дѣйствительности, но мы можемъ кромѣ того доказать, что они неизбежно должны были быть произведены. Они не имѣютъ ничего случайнаго, и они никакъ не зависятъ отъ личныхъ свойствъ тѣхъ людей, которые сдѣлали ихъ достояніемъ человечества. Мы считаемъ этихъ людей благодѣтелями нашей породы и чувствуемъ къ нимъ привязанность по тому же самому свойству нашей природы, по которому мы кидаемся на шею къ другу, сообщающему намъ очень радостное извѣстіе. На самомъ же дѣлѣ свойства вещества, изобрѣтенныя изобрѣтателемъ, такъ же зависятъ отъ его воли, какъ мало зависитъ главное событіе отъ человѣка, передающаго извѣстіе. Эти свойства вещества только тогда остаются неизвѣстными, что большинству людей поглощено механической работой, а не думать и размышлять, трудиться и осмысливать свой трудъ могутъ только немногія единицы; единицы одарены сильными умами, но ихъ мало не отъ того, что на извѣстную полосу отпускается такое количество ума, а отъ того, что отпускаемое количество расходуется самымъ неразсчитливымъ образомъ. Умные и поэты составляютъ рѣдкія исключенія, и въ нихъ такъ какъ они должны были бы составлять правило.

Мы не намѣрены отнимать у великихъ гениевъ одного вершка ихъ роста, но съ полнымъ сознаніемъ выражаемъ ту мысль, что они стоятъ неизмѣримо высоко надъ общимъ уровнемъ человечества только потому, что неблагоприятныя обстоятельства довели этотъ общій уровень естественной низкой степени. Великая, божественная и могучая природа человѣка, совершившая вѣкомъ славномъ младенчествомъ столько героическихъ умственныхъ подвиговъ въ дѣлѣ завоеванія вѣншей природы, истощается и уродуется

именно тѣми условіями жизни, которыя представляютъ жалкія и пагубныя отклоненія отъ великаго дѣла производительнаго и постоянно расширяющагося труда. Намъ часто случается слышать панегирики замѣчательнымъ открытіямъ нашего вѣка; конечно хорошо, что открытія эти сдѣланы; но удивляться тутъ нечему; скорѣе слѣдовало бы подивиться тому, что они сдѣланы такъ поздно;—тому, что мы до сихъ поръ такъ мало знаемъ природу;—тому, что земледѣліе, извѣстное человѣку съ незапамятныхъ временъ, только въ послѣднее столѣтіе, въ немногихъ уголкахъ Европы начало пользоваться указаніями осмысленнаго опыта.

Если бы Шекспиръ не написалъ «Отелло» или «Макбета», то конечно трагедіи «Отелло» и «Макбета» не существовали бы, но тѣ чувства и страсти человѣческой природы, которыя разоблачаютъ намъ эти трагедіи, несомнѣнно были бы извѣстны людямъ какъ изъ жизни, такъ и изъ другихъ литературныхъ произведеній, и притомъ были бы извѣстны такъ же хорошо, какъ они извѣстны намъ теперь. Шекспиръ придавъ этимъ чувствамъ и страстямъ только индивидуальную форму; но машина или законъ природы не могутъ имѣть индивидуальной формы. Изъ двухъ различныхъ машинъ, построенныхъ для одной и той же цѣли, одна непременно будетъ удобнѣе другой и слѣдовательно вытѣснитъ изъ употребленія другую. Изъ двухъ различныхъ объясненій явленія природы, одно будетъ непременно ложнымъ, и слѣдовательно рано или поздно будетъ отвергнуто. Въ дѣлѣ изученія и завоеванія природы нѣтъ мѣста личному произволу; тутъ нельзя изобрѣтать, надо только наблюдать и понимать, пользоваться отъ вѣка существующими силами и разгадывать отъ вѣка существующую связь причинъ и слѣдствій. Открытіе есть встрѣча между вѣчнымъ явленіемъ и вѣчнымъ умомъ человечества. Встрѣча эта неизбежна, но она можетъ совершиться раньше или позднѣе, смотря по тому, много или мало отдѣльныхъ человѣческихъ умовъ стоятъ на извѣстной высотѣ развитія и предаются плодотворному дѣлу труда и наблюденія. Если бы Уаттъ не открылъ двигательной силы пара, то ее непременно открылъ бы кто нибудь другой, потому что эта сила существовала въ доисторическія времена и будетъ существовать на нашей планетѣ до тѣхъ поръ, пока не изсякнетъ послѣдняя лужа воды и не уничтожится послѣдній лучъ теплоты. Эту силу открыли въ XVIII столѣтіи, а не раньше, только



потому, что чѣмъ дальше мы будемъ забираться въ древность, тѣмъ сильнѣе будутъ проявляться элементы враждебнаго труда, и слѣдовательно тѣмъ рѣже будутъ становиться шансы для счастливыхъ и плодотворныхъ встрѣчъ между явленіемъ природы и наблюдательнымъ умомъ человѣка.

Мы въ нашей гипотезѣ устранили съ Тихаго Пристанища всѣ элементы, враждебные труду и ассоціаціи; поэтому мы имѣемъ полное право утверждать, что на островѣ Робинзона весь ходъ неизбѣжныхъ открытій и совершенствованій будетъ несравненно быстрѣе, чѣмъ гдѣ либо въ дѣйствительности. Чтобы историческимъ фактомъ доказать читателю неизбѣжность главныхъ практическихъ открытій и независимость ихъ отъ отдѣльныхъ личностей, я напому ему только ту извѣстную истину, что китайцы совершенно самостоятельнымъ путемъ дошли почти до всѣхъ техническихъ усовершенствованій, которыми гордится теперь европейская цивилизація. Если мы предположимъ, что Тихое Пристанище продолжало бы жить до нашихъ временъ своею мирною и разумною жизнью, то мы совершенно послѣдовательно принуждены будемъ допустить, что жителямъ счастливаго острова извѣстны такія свойства природы и такія техническія комбинація, о которыхъ не имѣетъ понятія ни одна изъ передовыхъ странъ Европы. Мы конечно знаемъ, что мы далеко еще не достигли предѣловъ естествознанія, но этого мало: мы теперь не можемъ и не имѣемъ также права сказать, что этому знанію существуютъ какіе нибудь предѣлы; мы не имѣемъ также права утверждать, что силы природы когда нибудь могутъ быть исчерпаны или истощены. Напротивъ, оглядываясь назадъ на поприще, пройденное человечествомъ, и потомъ видя впереди необозримую и безпредѣльную даль, мы имѣемъ полное основаніе думать, что наша порода вѣчно могла бы съ каждымъ поколѣніемъ становиться могущественнѣе, богаче, умнѣе и счастливѣе, если бы только не мѣшали этому развитію безконечныя и разнообразныя междоусобныя распри, поглощающія и истощающія лучшую и значительнѣйшую часть великихъ и прекрасныхъ способностей человѣческаго тѣла и человѣческаго ума. Природа человѣка всегда была такъ же способна къ безпредѣльному развитію, какъ природа, окружающая человѣка, всегда была способна къ безконечному разнообразію видоизмѣненій и комбинацій; но человѣкъ не могъ сразу понять ни себя, ни природу; онъ и до сихъ поръ понимаетъ

невѣрно и неполно какъ самого себя, такъ бытовыя условія, при которыхъ глупость его можетъ быть плодотворна, развѣтливости и успѣшно, и счастье—по возможности—полно. Изъ этого неполнаго и невѣрнаго, какъ изъ вѣчно открытаго источника, сыпятся и льются роковыя и только въ этихъ ошибкахъ заключаются причины всякой бѣдности и всякихъ страданій.

## V.

Многія причины заставляли Робинзона стѣсняться тѣми скудными жатвами, давали ему участки тощей и сухой почвы и жавшей по вершинамъ холмовъ. Тучная долина была занята вѣковымъ лѣсомъ, одинокій и несвѣдущій колонистъ не могъ рубить; она была покрыта болотами, которые онъ не могъ осушить. Кромѣ того, онъ не умѣлъ пахать ту почву, которая была вѣчно сырая; минеральныя частицы разлагались въ не смѣшивались между собою; перегной, суглинокъ и известь оставались раздельными, и вслѣдствіе этого земля была не только самой незначительную долю изводительныхъ силъ. Скотъ Робинзона по волѣ и пометъ его пропадалъ до половины; болѣе что первобытный агрономъ Робинзонъ не зналъ его драгоценныя свойства. Всѣ эти причины бѣдности были устранены когда населеніе увеличилось и накопилось опытныхъ знаній. Рубка болотъ посредствомъ канавъ, осушеніе болотъ посредствомъ канавъ, познѣйшимъ колонистамъ путь въ долины; вмѣстѣ съ тѣмъ, усовершенствованіе земледѣльческихъ орудій и введеніе наго скотоводства дало имъ возможность пахать и удобрять тѣ участки сухой почвы, на которыхъ ихъ предки царапали обожженными палками. Переходъ отъ бѣдной почвы къ тучной совершился такимъ образомъ съ увеличеніемъ числа рабочихъ рукъ и съ улучшеніемъ обработки. Такой переходъ самый высшей степени правдоподобенъ, и поэтому надобности считать его только правдоподобнымъ, мы можемъ подтвердить его всѣми известными фактами заселеній, совершавшимися въ исторіи.

Колонизація Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ была произведена такъ недавно, что шагъ поселенцевъ на новомъ материкѣ еще не былъ указанъ, какъ въ историчес-



захъ, такъ и на самой почвѣ. Первая ан-  
глійская колонія Плимутъ была основана въ

Массачусетъ, на песчаной прибрежной

Весь Массачусетъ отличается топки-  
мъ, но пуритане, селившіеся на скали-  
холмахъ, выбирали самыя бѣдныя части  
гощаго грунта. Въ штатѣ Нью-Йоркѣ ста-  
лѣзная дорога идетъ по возвышенностямъ,  
горы лежатъ деревни и мѣстечки пер-  
поселенцевъ; напротивъ того, новая же-  
лѣзная дорога прямою линіей прорѣзываетъ бо-  
ни долины штата, которая до сихъ поръ  
гса неосушенными и невоздѣланными.  
родитѣльнѣе земли Пенсильваніи долгое вре-  
итались совершенно неудобными, потому  
трой и болотистый воздухъ преслѣдовалъ  
ицевъ періодическими лихорадками. Въ  
жерси квакеры основали свои первыя по-  
я на песчаныхъ холмахъ, поросшихъ жид-  
сосновыми рощами, а потомъ ихъ оста-  
эти мѣста, когда имъ удалось вырубить  
ые лѣса, покрывавшіе тучный грунтъ, и  
ить тѣ низменности, на которыхъ ростъ бѣ-  
сердъ. Въ штатѣ Огайо, въ самомъ началѣ,  
земли холмовъ были гораздо дороже до-  
и рѣчныхъ береговъ, на которыхъ никто  
тѣлъ селиться; по берегамъ Сускеганны  
и сотни акровъ передавались изъ рукъ въ  
за одинъ долларъ, или даже за кружку  
; теперь эти земли возвысились въ цѣнѣ,  
мы, напротивъ того, оставлены и заброше-  
Въ Висконсинѣ богатѣйшая земля штата  
алась «мокрыми лугами» и составляла  
ь первыхъ поселенцевъ; теперь эти «мо-  
луга» высушены безъ всякихъ гидравли-  
хъ сооружений; ихъ просто каждый годъ  
и и вытравливали рогатымъ скотомъ;  
е и воздухъ вытянули излишекъ воды, и  
дѣлецъ получилъ возможность воспользо-  
я толстѣйшими слоями превосходнаго чер-  
а. По берегамъ рѣки Миссисипи, ниже  
мѣста, гдѣ она принимаетъ въ себя рѣку  
), лежатъ миллионы акровъ богатѣйшей  
и, которая до сихъ поръ остается нетрону-  
и сохраняетъ зловѣщее названіе трясины  
пр). Эта обширная мѣстность покрыта лѣ-  
и камышами, и наполнена цѣлыми озерами  
ей и гниющей воды, которая, содѣйствуя  
итію разнообразной растительности, зара-  
въ воздухъ самыми вредными миазмами. Раз-

Миссисипи затопляютъ въ обѣ стороны  
иныя полосы земли и, увеличивая ея пло-

дородіе осадками ила, поддерживаютъ тотъ избы-  
токъ сырости, который отражаетъ завоеватель-  
ныя попытки самыхъ смѣлыхъ колонистовъ.  
Трясина только тогда перестанетъ быть трясиной,  
когда большіе каналы спустятъ громадныя лужи  
стоячей воды, и когда высокія плотины положатъ  
предѣлъ разрушительнымъ шалостямъ рѣки.  
Подобныя сооруженія могли быть выполнены  
только многочисленнымъ и предприимчивымъ  
населеніемъ. Они далеко превышали силы мѣст-  
ныхъ плантаторовъ, считавшихъ рабство и зем-  
ледѣльческую рутину красугольными камнями  
своего личнаго и общественнаго благосостоянія.  
На этомъ основаніи, въ трясинѣ господствовали  
исключительно охотники, рыбаки и дровосѣки—  
люди бѣдные, полудикіе, привыкшіе къ ежеднев-  
нымъ опасностямъ и небоявшіеся ни лѣсныхъ  
звѣрей, ни болотныхъ испареній. По теченію  
рѣкъ Миссури, Кентукки, Теннесси и Красной  
мы постоянно замѣчаемъ однородныя явленія:  
чѣмъ гуще населеніе, чѣмъ значительнѣе нако-  
пленіе богатства, тѣмъ ближе подступаютъ зем-  
ледѣльцы къ береговымъ низменностямъ; чѣмъ  
рѣже и бѣднѣе становится населеніе, тѣмъ ис-  
ключительнѣе сосредоточивается хлѣбопашество  
на тощей почвѣ сухихъ холмовъ, отодвигаясь  
далье и далье отъ теченія рѣкъ. Въ обѣихъ  
Каролинахъ, въ Джорджіи, въ Флоридѣ и Ала-  
бамѣ миллионы акровъ великолѣпнѣйшихъ лу-  
говъ и лѣсовъ даже оставались неосушенными и  
нерасчищенными, между тѣмъ какъ плантаторы  
этихъ штатовъ вытягивали послѣдніе соки изъ  
своихъ тощихъ земель.

Земледѣльцы, отправлявшіеся искать счастья  
на дальнемъ западѣ, постоянно основывали свои  
первыя поселенія на холмахъ, не смотря на то,  
что у нихъ были отличные стальные топоры и  
заступы. Хорошія орудія очень полезны, но та-  
кія громадныя предпріятія, какъ расчистка  
дѣвственныхъ лѣсовъ и осушеніе обширныхъ  
болотъ, могутъ быть выполнены только соот-  
вѣтственнымъ количествомъ рабочихъ рукъ, и  
поэтому рѣшеніе подобныхъ задачъ всегда предо-  
ставляется болѣе или менѣе отдаленному буду-  
щему. Всякая попытка нарушить этотъ основ-  
ной законъ и начать обработку прямо съ туч-  
ныхъ участковъ земли неизбѣжно ведетъ за со-  
бою неудачи и народныя бѣдствія; посѣвы гниютъ  
на корню, колонисты мрутъ отъ лихорадокъ, и  
возникающее поселеніе погибаетъ, задавленное  
непомѣрными силами дѣвственной природы. Мно-  
го такихъ примѣровъ представляетъ исторія



французских колоній въ Луизианѣ и въ Кайеннѣ, и первыхъ англійскихъ поселеній въ Виргиніи и въ Каролинѣ.

Въ Мексикѣ обрабатывались прежде другихъ земли Потози и Закатекаса, лишенные естественнаго орошенія и часто подвергавшіяся губительнымъ засухамъ; между тѣмъ оставались невоздѣланными и незаселенными берега рѣкъ и Мексиканскаго залива, покрытые богатѣйшей тропической растительностью и производящіе сами собою хлопчатую бумагу и индиго, мансъ и сахарный тростникъ. Возвышенности Тласкалы и сухая почва Юкатана обрабатывались, а плодородныя земли Табаско и Гандураса оставались нетронутыми. Скалистые острова Караибскаго моря Монсерратъ, С. Луччія и С. Винцентъ давно заселены, а Порто-Рико и Тринидадъ, самые плодородные изъ этихъ острововъ, долго оставались почти въ первобытномъ состояніи. На Панамскомъ перешейкѣ развертывается вся изумительная сила американской природы; дожди продолжаютъ сплошь по семи мѣсяцевъ, и лѣсная растительность развивается такъ быстро, что линія панамской желѣзной дороги заросла бы лѣсомъ въ одинъ годъ, если бы на ней не производились постоянныя расчистки. Конечно, какъ и слѣдовало ожидать, Панамскій перешеекъ, по обѣ стороны рельсовъ, представляетъ нетронутую глушь.

Въ Южной Америкѣ повторяется тотъ же общій законъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Во времена Пизарро существовала цивилизація только въ гористомъ и сухомъ Перу, составляющемъ крутой склонъ Кордильероу къ Восточному океану. Перу орошается небольшими и быстрыми рѣками, которыя, не застываясь въ своемъ теченіи, не могутъ образовать болотистыхъ разливовъ. Кромѣ того, пассатные вѣтры, насыщенные водяными парами, задерживаются вершинами Кордильероу, и облака, гонимыя этими вѣтрами, проливаютъ свой дождь, не достигая плоскихъ возвышенностей Перу и Боливіи. Отъ этого происходятъ засухи и неурожай, и однако, не смотря на эти неудобства, гражданственность сосредоточилась именно въ Перу. Бразилія, лежащая къ востоку отъ Перу, орошается величайшими рѣками въ мірѣ и можетъ производить въ безпредѣльномъ изобиліи сахаръ, кофе, табакъ, пряности, красильныя вещества и все, чего только человѣкъ можетъ потребовать отъ тропической природы. Луга ея покрыты стадами буйволовъ и дикихъ лошадей;

драгоцѣнные металлы лежатъ почти на поверхности земли. Кажется, людямъ стоило только придти и овладѣть всѣми этими богатствами, а между тѣмъ весь неизмѣримый сейнъ Амазонской рѣки и ея громадныхъ притоковъ до сихъ поръ представляется во многихъ мѣстахъ сплошнымъ дѣвственнымъ лѣсомъ. Самую противоположность мы видимъ въ сравнивая гористую и населенную береговую полосу Чили съ обширною, плодородною и нетронутою долиной Ла-Платы.

## VI.

Въ Англіи съ незапамятныхъ временъ обработаны земли Корнваллиса, извѣстныя своей сухости; почти каждый холмъ въ этой странѣ представляетъ слѣды древнихъ жилищъ. Теперь эти мѣста считаются худшими для земледѣлія и обыкновенно оставляются полевомъ. Во времена первыхъ норманскихъ королей, южный Ланкаширъ былъ покрытъ лѣсами, въ которыхъ едва не увязло побѣдоемъ войско Вильгельма Завоевателя. Теперь въ этихъ самыхъ мѣстахъ созрѣваютъ жатвы и пасутся стада породистаго скота. Во времена Плантагенетовъ въ этой странѣ было множество лѣсовъ, въ которыхъ водились кабаны и волки; теперь на мѣстѣ этихъ лѣсовъ мы находимъ пахатныя земли, далеко простирающія своимъ плодородіемъ тѣ участки, которые воздѣлывались въ древности и въ средніе вѣка. Въ Шотландіи слѣды древняго земледѣлія видны на горахъ; теперешнимъ жителямъ этой страны не жется до такой степени неправдоподобнаго дѣлываніе такихъ мѣстностей людьми, что называютъ эти слѣды пашнями эльфовъ. Средніе вѣка житницею Шотландіи была тощая полоса земли, къ которой пашцы нашихъ временъ чувствуютъ все большее уваженіе. Напротивъ того, теперешнія фермы Шотландіи лежатъ въ самыхъ болотахъ временъ Елизаветы и Стюартъ. Въ средніе вѣка Оркнейскіе острова имѣли очень важное значеніе, которое совершенно утратилось теперь. Они были основаны на какомъ-то норвежскомъ кораблѣ, за которую ихъ теперь нельзя было бы продать, если бы даже покупателю, вмѣстѣ съ островомъ, предоставилось бы право собственности надъ землею. Оркнейскіе



могли быть такъ дороги только потому, что лучшія земли оставались недоступными для земледѣльцевъ. Теперь обитатели этихъ острововъ живутъ очень бѣдно, но мы не имѣемъ основанія думать, что уровень ихъ благосостоянія понизился со времени среднихъ вѣковъ. Что считалось богатствомъ тогда, то покажется бѣдностью теперь, точно такъ же, какъ богатство дикаря для цивилизованнаго человѣка можетъ быть крайнею степеню нищеты.

Въ Галліи временъ Юлія Цезаря сильнѣйшія племена галловъ: арверны, эдуи и секваны, жили по склонамъ Альпійскихъ горъ. Въ ихъ земляхъ возникли богатые торговые города, а въ настоящее время эти самыя земли лишены дорогъ, и путникъ, попавшій въ эту глушь, принужденъ перебираться черезъ горные потоки по переброшеннымъ бревнамъ, а еще чаще по камнямъ, положеннымъ въ воду, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Въ такомъ положеніи находится территорія «le Morvan», занимающая до полутора квадратныхъ лье, и представляющая мѣстами сохранившіеся слѣды отличныхъ военныхъ дорогъ. Вообще остатки древней цивилизаціи находятся именно въ самыхъ дикихъ и бѣдныхъ захолустьяхъ современной Франціи: въ Бретани, въ Оверни, въ Лимузепѣ, въ Севенскихъ горахъ и на склонахъ Альповъ. Всѣ значительные города, извѣстные въ исторіи Капетинговъ, Людовика Святого, Филиппа Августа, — Шалонъ, Сенъ Кентенъ, Суассонъ, Реймсъ, Труа, Нанси, Орлеанъ, Буржъ, Дижонъ, Вьеннъ, Нимъ, Тулуза, Кагоръ — всѣ построены на высокихъ мѣстностяхъ, недалеко отъ истоковъ большихъ рѣкъ, или на возвышенностяхъ, составляющихъ водораздѣлы. Многія изъ лучшихъ земель Франціи до второй половины нашего вѣка были не обработаны, и «Journal des Economistes» еще въ 1855 году обращалъ вниманіе правительства на необходимость осушить болотистыя мѣстности.

Въ Бельгіи, тоція земли Лимбурга и Люксембурга обрабатывались съ незапамятныхъ временъ, а тучная Фландрія до седьмого столѣтія нашей эры оставалась пустыней. Въ Голландіи первенство между отдѣльными провинціями принадлежало узкой и песчаной полосѣ земли, лежавшей между Утрехтомъ и моремъ. Эта провинція называлась Голландіей, и преобладаніе ея достаточно выражается уже въ томъ обстоятельстве, что она дала свое имя всей странѣ.

Преданія скандинавскаго племени выводятъ

обитателей скандинавскаго полуострова съ юга и указываютъ ихъ первобытную родину на берегахъ Дона. Мы видимъ такимъ образомъ, что цѣлый народъ уходитъ съ богатой почвы южной Россіи, не останавливается на тучныхъ равнинахъ средней и сѣверной Германіи, отыскиваетъ себѣ за моремъ новую отчизну, и на этой бѣдной землѣ выбираетъ себѣ для поселеній самыя гористыя и тощія мѣстности. Это послѣднее обстоятельство доказывается тѣмъ, что слѣды древнѣйшихъ жилищъ въ Скандинавіи, какъ и въ Шотландіи, находятся на возвышенностяхъ.

Славянскія племена, заселившія Россію, въ пѣсняхъ своихъ вспоминаютъ о южномъ происхожденіи своемъ съ береговъ Дуная. Первые проявленія гражданственности въ нашемъ отечествѣ находимъ мы на берегахъ Волхова и Ильмени, въ суровомъ климатѣ, на тощей почвѣ. Кіевъ является преимущественно военною стоянкой князей; народная жизнь уходитъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ, держится въ Новгородѣ и Псковѣ, проявляется въ Суздаль и Владимірѣ, производитъ колонизацію Вятки и разбрасывается по берегамъ Бѣлаго моря. Еще въ 60-хъ годахъ сѣверныя части Россіи, за исключеніемъ тѣхъ крайнихъ оконечностей, въ которыхъ холодъ губитъ всякую растительность, оказывались болѣе населенными и лучше воздѣланными, чѣмъ роскошныя степи новороссійскаго края. По вѣрному замѣчанію Тенгоборскаго, псковская губернія занимала тогда девятое мѣсто по относительному количеству пахатной земли, и въ этомъ отношеніи стояла гораздо выше губерній подольской, саратовской и волынской, которыя конечно всегда далеко превосходили ее плодородіемъ почвы.

Въ нынѣшней Венгріи сподвижники Аттилы основали свои первыя поселенія на песчаной равнинѣ, лежащей между Тиссою и Дунаемъ; потомки ихъ долго держались на этихъ бесплодныхъ мѣстахъ, оставляя необработанными и неосушенными богатая земля, простирающаяся за Тиссою.

Въ Италіи Самнитскіе холмы и высокая Этрурія были уже обработаны, а Веи и Альба-Лонга считались уже могущественными городами, когда при низовьяхъ Тибра еще не возникало бѣдное поселеніе товарищей Ромула. Возвышенности цизальпинской Галліи были заняты въ древности, а лагуны адриатическаго побережья, на которыхъ стоитъ Венеція, заселены только въ началѣ среднихъ вѣковъ. Въ Корсику хижины жителей раз-



бросаны по горамъ, а почва долинъ, способная производить табакъ, сахарный тростникъ, хлопчатникъ и даже индиго, остается еще на половину невоздѣланной. Тоже самое мы видимъ въ Сардиніи, на Балеарскихъ островахъ и въ Сициліи.

Въ древней Греціи обработка земли началась въ гористой Аркадіи и въ сухой Аттикѣ гораздо раньше, чѣмъ въ тучной Беотіи. Фокеяне, локры и этолійцы тѣснились на скалистыхъ возвышенностяхъ, между тѣмъ какъ рядомъ съ ними лежали слабо заселенныя богатая равнины Тессалии и Фракіи.

Египетская цивилизація возникаетъ въ верхнихъ частяхъ Нила, и первой столицей ея являются Оивы; отсюда она спускается внизъ по теченію, къ Мемфису, и наконецъ уже гораздо позднѣе захватываетъ плодородную дельту Нила, на которой построена Александрія.

Столица Абиссиніи лежитъ на высотѣ 8,000 футовъ надъ поверхностью моря, а долины не заселены.

Въ Остѣ-Индіи дельты Инда и Ганга покрыты непроходимыми лѣсами, и почти всѣ долины большихъ рѣкъ остаются въ первобытномъ состояніи, а между тѣмъ по склонамъ горъ туземцы выбиваются изъ силъ, чтобы добыть себѣ въ день горсть рису, или въ мѣсяцъ двѣ рупіи заработной платы. На Цейлонѣ и на Явѣ жители боятся и тщательно обходятъ тучную почву долинъ, въ которыхъ рядомъ съ могучей растительностью развиваются губительныя мѣзмы.

Вся эта груда набросанныхъ фактовъ, взятыхъ изъ всѣхъ частей свѣта, подъ всѣми широтами, изъ настоящаго и изъ прошедшаго, у народовъ, стоящихъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ умственнаго и общественнаго развитія, самымъ блестящимъ образомъ доказываетъ съ разныхъ сторонъ непреложность одного общаго закона. Человѣкъ постоянно переходитъ отъ худшаго къ лучшему, отъ бѣдной почвы къ богатой, точно также какъ онъ переходитъ отъ острой раковины къ желѣзному и стальному плугу, отъ обожженнаго кола къ плугу, отъ пещеры къ каменному дому, отъ лука къ штуцеру, отъ звѣриной кожи къ сукну и бархату. Для того, чтобы переходъ этотъ совершался, необходимо только предоставить свободу естественнымъ отправлениямъ человѣческаго организма.

Человѣку, вмѣстѣ со всѣми другими животными, свойственно стремленіе размножаться, и мы видимъ дѣйствительно, что размноженіе людей

составляетъ непремѣнное условіе всякаго прогресса. Человѣку свойственно искать общенія съ другими людьми, и оказывается на самомъ дѣлѣ, что только соединенныя человѣческія силы могутъ успѣшно бороться съ природой. Человѣку свойственно искать себѣ матеріальныхъ удобствъ, и мы замѣчаемъ вездѣ и всегда, что чѣмъ усерднѣе онъ ихъ ищетъ, т. е. чѣмъ сильнѣе онъ работаетъ мозгомъ и мускулами, тѣмъ быстрѣе улучшается его положеніе. Каждая потребность человѣка можетъ найти себѣ удовлетвореніе, и чѣмъ полнѣе она будетъ удовлетворяться, тѣмъ больше будетъ оказываться средствъ удовлетворять ей въ будущемъ. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ выводить то лестное заключеніе, что потребности человѣка дѣйствительно удовлетворяются всегда и вездѣ. На земномъ шарѣ и кромѣ человѣка существуетъ множество различныхъ организмовъ, которые всѣ могутъ жить и развиваться въ свойственной имъ обстановкѣ; но каждый изъ этихъ организмовъ не можетъ быть искусственно поставленъ въ такое положеніе, при которомъ онъ или зачахнетъ или разрушится. Положите рыбу на берегъ, бросьте птицу въ воду, запрягите въ одно стойло лошадь, а въ другое кошку, и положите передъ первую пудъ сырого мяса, а передъ второй мѣр овса, и вы увидите, что четыре организма будутъ разрушены, первые очень быстро, послѣдніе довольно медленно. Если бы напелся такой проказникъ, который могъ бы перетасовать такимъ образомъ всѣ существующіе организмы, то въ короткое время весь земной шаръ покрылся бы трупами, чего никакъ уже нельзя приписать простому дѣйствию законовъ природы.

Разрушить произвольнымъ вмѣшательствомъ всю органическую жизнь на земномъ шарѣ невозможно, но повредить въ какойнибудь отдаленной странѣ правильному развитію человѣческаго труда вовсе нетрудно; для этого не требуется даже злонамѣренности, — одно незнаніе производить искусственныя комбинаціи въ между-человѣческихъ и общественныхъ отношеніяхъ; при такихъ комбинаціяхъ удовлетвореніе многихъ человѣческихъ потребностей становится невозможнымъ, и самое существованіе такихъ потребностей дѣлается источникомъ страданій и приводитъ къ гибели — точно также, какъ потребность дышать губитъ птицу, погруженную въ воду, или потребность принимать пищу — кошку, находящуюся tête-à-tête съ мѣрною овса. Очевидно, что тутъ виновата не потребность, а



уродливая комбинація. Каждая изъ европейскихъ націй прошла черезъ множество подобныхъ комбинацій, но натура человѣка такъ крѣпка и эластична, а естественное теченіе событій настолько сильнѣе ошибочныхъ расчетовъ и произвольныхъ распоряженій, что не смотря на всѣ историческія несчастія, мы все-таки замѣчаемъ въ передовыхъ странахъ Европы постоянное возрастаніе народонаселенія, постоянное улучшеніе техническихъ приѣмовъ, и вслѣдствіе того постоянное стремленіе къ переходу отъ тощей почвы къ болѣе плодородной. Но въ нѣкоторыхъ земляхъ враждебныя вліянія были до такой степени сильны, что они превозмогали дѣйствіе естественныхъ стремленій человѣка: народонаселеніе убывало, матеріальное довольство уменьшалось, техническая ловкость и изобрѣтательность терялась, и человѣкъ покидалъ богатую почву, чтобы снова добывать себѣ скудное пропитаніе на тощихъ и сухихъ земляхъ. Войны, порабощеніе труда и разныя видоизмѣненія административнаго произвола составляютъ главныя причины такихъ печальныхъ явленій. Такъ опустѣли Греція и Италія въ послѣдніе годы римской республики и во время имперіи. Такъ пустѣетъ теперь Турція, заключающая въ себѣ плодороднѣйшія земли Европы и Азіи, и между тѣмъ населенная такимъ народомъ, который едва успѣваетъ предохранять себя отъ голодной смерти. Богатая Буюкдерская долина, разстилающаяся у самыхъ воротъ Константинополя, не обрабатывается, такъ что въ столицу привозится хлѣбъ съ холмовъ, лежащихъ за сорокъ и за пятьдесятъ миль. Земли, орошаемыя нижнимъ теченіемъ Дуная, давали богатые жатвы во времена римскаго владычества, а теперь на нихъ пасутся малочисленныя стада свиней, пастухи которыхъ находятся въ самомъ жалкомъ положеніи. Такія же картины запущенія попадаются путешественнику въ Малой Азіи, въ Сиріи, по берегамъ Тигра и Евфрата—въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ процвѣтала греческая цивилизація, и тамъ, гдѣ земля кипѣла молокомъ и медомъ. Все это произведено отчасти военными опустошеніями бывшихъ временъ, отчасти такою системою управленія, которая не обезпечиваетъ ни личности, ни собственности, отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что Турція вывозитъ постоянно свои сырые продукты на далекіе рынки, постоянно истощаетъ свою почву, и слѣдовательно, проживая такимъ образомъ свой капиталъ, съ каждымъ годомъ становится бѣднѣе и слабѣе.

Южные, рабовладѣльческіе штаты Америки находились почти въ такомъ же положеніи. Вся нижняя Виргинія была покрыта развалинами оставленныхъ плантаторскихъ домовъ; поля заброшены и поросли верескомъ и кустарникомъ; хозяева принуждены искать новыхъ земель, и такъ какъ расчистка и осушеніе богатой почвы была имъ не по силамъ, то они, естественнымъ образомъ, разрабатывали сухія вершины холмовъ. Здѣсь этотъ упадокъ земледѣлія порожденъ двумя причинами, тѣсно связанными между собою: постояннымъ вывозомъ сырыхъ продуктовъ, истощающимъ землю, и рабствомъ, обусловливающимъ собою хозяйственную рутину. Сырые продукты вывозились въ Англію оттого, что не было мануфактуръ на мѣстѣ, а мануфактуръ не было оттого, что не было предпримчивости, а предпримчивость немыслима въ такой странѣ, гдѣ большинство жителей работаетъ изъ подъ палки. Слѣдовательно, рабство и истощеніе почвы составляли такой заколдованный кругъ, изъ котораго южные штаты никакъ не могли вырваться.

## VII.

Если бы нельзя было осязательно доказать, что земледѣліе возникаетъ на возвышенностяхъ и уже впослѣдствіи спускается въ долины, то идея о возможности прогресса, составляющая краеугольный камень разумнаго міросозерцанія, въ научномъ отношеніи могла бы занять мѣсто рядомъ съ теоріями старухъ о близости свѣтопреставленія. На первый взглядъ такое положеніе кажется нелѣпымъ, но первое впечатлѣніе здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, оказывается ошибочнымъ. Тучная почва всегда находится въ долинахъ и низменностяхъ, потому что каждый ливень смываетъ съ высокихъ мѣстъ частицы почвы и несетъ ихъ мутными потоками дождевой воды въ низкія мѣста, гдѣ эти частицы осаждаются по естественному дѣйствію тяжести. Если бы первобытные поселенцы могли разработать тучную почву, и если бы размножающееся потомство этихъ поселенцевъ было принуждено мало по-малу распахать тощія земли, то очевидно трудъ послѣднихъ съ каждымъ годомъ сталъ бы получать болѣе скудное вознагражденіе; чѣмъ больше нарождалось бы людей, тѣмъ дальше пришлось бы земледѣльцамъ забираться на сухіе холмы; цѣною постоянно возрастающихъ усилій пришлось бы доживать постоянно уменьшающееся количество



пищи и других сырых матеріаловъ. При такомъ положеніи дѣлъ, всякое приращеніе народонаселенія было бы зломъ, потому что оно вело бы за собой постоянно увеличеніе бѣдности. Некогда было бы придумывать техническія усовершенствованія, потому что все время жителей уходило бы на заботы о кускѣ хлѣба, и всѣ эти заботы все-таки не могли бы предохранить ихъ отъ частыхъ посѣщеній голода; кромѣ того, всякія техническія усовершенствованія были бы бесполезны, если бы не увеличивалось количество сырыхъ матеріаловъ, которое въ концѣ концовъ всегда служитъ настоящимъ мѣриломъ богатства. О прогрессѣ нечего было бы и думать; нищета, голодъ, заразительныя болѣзни составляли бы естественную судьбу человечества и поражали бы каждое послѣдующее поколѣніе сильнѣе, чѣмъ предыдущее; передъ такою перспективой самый неукротимый идеалистъ сложить оружіе и сознается, что о нравственномъ и умственномъ совершенствованіи приходится отложить попеченіе.

Существуетъ однако цѣлая школа ученыхъ мужей, которые, не считая себя неукротимыми идеалистами, полагаютъ, что есть возможность помирить идею прогресса съ враждебнымъ воззрѣніемъ на возрастаніе народонаселенія. Дѣло идетъ о многочисленныхъ послѣдователяхъ слишкомъ знаменитыхъ учителей Мальтуса и Рикардо. Теорія Мальтуса состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что люди плодятся въ геометрической прогрессіи (1, 2, 4, 8, 16, 32...) въ то самое время, какъ предметы, употребляющіеся въ пищу, размножаются въ арифметической прогрессіи (1, 2, 3, 4, 5, 6...) Черезъ такую неравномѣрность размноженія происходитъ для людей недостатокъ пищи, нищета, голодъ, болѣзни — однимъ словомъ, всѣ тѣ бѣдствія, отъ которыхъ страдаетъ гарнизонъ осажденной крѣпости. По мнѣнію Мальтуса, Англія уже дошла до такого бѣдственнаго положенія, и причины пауперизма и развивающихся изъ него страданій и преступленій заключаются именно въ излишкѣ народонаселенія. Идеи Рикардо относятся къ заселенію земли. Онъ утверждаетъ, что первые поселенцы захватили лучшія земли, потому что они имѣли полную свободу выбора; послѣдующимъ поколѣніямъ пришлось довольствоваться тѣмъ, что осталось, или платить наслѣдникамъ первыхъ собственниковъ извѣстное количество продукта за пользованіе лучшими, уже захваченными землями. Такъ объясняется происхожденіе поземельной

ренты. Обѣ теоріи составлены въ рабочемъ кабинетѣ, за письменнымъ столомъ, за которымъ можно составить какіе угодно проекты, выкладки, комбинаціи и доктрины. Обѣ теоріи носятъ на себѣ печать тѣхъ счастливыхъ временъ, когда можно было тасовать и раскладывать въ галлѣ и на бумагѣ разныя мысли о природѣ и человѣкѣ, не обращая никакого вниманія ни на законы и явленія природы, ни на свидѣтельства исторіи и ежедневнаго опыта.

Въ подобныхъ выкладкахъ и человѣкъ, въ рода являются только какъ отвлеченныя понятія и показываютъ изслѣдователю только ту, часто даже несуществующую сторону, которую ему угодно принимать въ соображеніе. Рикардо говоритъ, что первые поселенцы *конечно* выбрали лучшую землю. Тутъ очевидно берутся отвлеченныя поселенцы и отвлеченная земля. Въ «лучшей землѣ» принимается въ соображеніе только та сторона, что она можетъ давать много хлѣба. Въ «первыхъ поселенцахъ» берется въ расчетъ только то свойство, что они имѣютъ глаза и могутъ сдѣлать выборъ. Но что лучшая земля именно потому, что она лучшая, должна бы непремѣнно зарости лѣсомъ или покрыться лужами стоячей воды, объ этомъ Рикардо не думаетъ. Что первый поселенецъ, именно потому, что онъ первый, долженъ былъ располагать очень плохими орудіями и очень слабыми техническими свѣдѣніями, этого Рикардо также не соображаетъ. Между тѣмъ мы видѣли, что именно эти непризнанныя свойства земли и человѣка вездѣ ишли одинокому колонисту захватить тѣ участки, которые могли давать ему обильные урожаи. Мы видѣли также, на сколько историческіе факты находятся въ согласіи съ идеями Рикардо, который очевидно дошелъ до своихъ заключеній только потому, что соблазнился вышней логичностью своихъ кабинетныхъ соображеній. Оригинально также то обстоятельство, что существованіе поземельной ренты въ Англіи, въ которой землевладѣльцы ведутъ свои права отъ норманскихъ завоевателей и феодальныхъ бароновъ, приводится въ связь съ какимъ-то идеальнымъ заселеніемъ земли.

Такіе логическіе и историческіе salto-mortale неизбежны въ тѣхъ случаяхъ, когда писатель, насилуя свою совѣсть и закрывая глаза и уши, старается, во что бы то ни стало, узаконить и оправдать некрасивыя явленія современной дѣйствительности. Гаданія Мальтуса о размноженіи людей вытекаютъ изъ того же мутнаго источ-



и, подобно разсужденіямъ Рикардо, не имѣетъ ни малѣйшаго научнаго основанія. Такъ важный Мальтусовъ законъ много разъ подверженъ разрушительной критикѣ мыслителей, ищущихъ здравыя понятія объ условіяхъ нашего благосостоянія. Не желая повторять однихъ ими аргументовъ, я обрисую здѣсь то мертвящій взглядъ Мальтуса и его почитателей на жизнь природы и на дѣятельность человека.

Многи и ея производительныя силы представляются Мальтусу сундукомъ, наполненнымъ деньгами. Если, разсуждаетъ онъ, пять человѣкъ раздѣлятся между собой эти деньги, то каждому достанется одна пятая; если десять человѣкъ раздѣлятся между собой эти деньги, то каждому достанется вдвое меньше, въ первомъ случаѣ; если двадцать—вчетверенное, и т. д. Изъ этого очевидно слѣдуетъ заключеніе, что чѣмъ меньше будетъ людемъ предъявляющихъ свои притязанія на деньги, тѣмъ богаче будутъ тѣ, которые раздѣляютъ содержимое сундука. Мальтусъ допускаетъ правду, что производительныя силы земли могутъ увеличиваться, но и сумма денегъ можетъ увеличиваться, если ее положить въ банкъ. Мальтусъ не видитъ возрастанія въ количествѣ продуктовъ, также опредѣлительно, какъ можно было бы ожидать проценты съ извѣстнаго денежнаго капитала. Разумѣется, въ сочиненіяхъ Мальтуса встрѣчается сравненіе земли съ сундукомъ, здѣсь выражается стремленіе смотрѣть на производительныя силы природы, какъ на мертвую массу, которую можно измѣрить футами и фунтами. Въ человѣческомъ трудѣ онъ не видитъ механическое приложеніе мускуловъ и совершенно забываетъ дѣятельность, постоянно одерживающую побѣды надъ слѣпою природою и постоянно открывающую ей новыя свойства.

Такой взглядъ въ отношеніи къ природѣ разительно невѣренъ, а въ отношеніи къ человѣку совершенно одностороненъ, и слѣдовательно, не состоятеленъ. Вся жизнь природы на нашей планетѣ представляется мыслящему наблюдателю вѣчнымъ круговращеніемъ, неостанавливаемымъ ни на одну миллионную долю секунды. Это круговращеніе вовлечены и атмосфера, и вода, и минеральныя частицы, и всѣ организмы, отъ инфузоріи до кита, и отъ плѣсени до человека. Растенія составляютъ свои корни, стебли, листья, цвѣты и плоды изъ минеральныхъ частей и изъ углекислоты, поглощаемой ими изъ

атмосфернаго воздуха. Эту углекислоту они разлагаютъ и, удерживая углеродъ, выбрасываютъ назадъ кислородъ, посредствомъ выдыханія. Кроме того, они поглощаютъ воду изъ почвы и водяные пары изъ воздуха. Растенія служатъ посредствующимъ звѣномъ между газами атмосферы и минеральнымъ составомъ земной коры съ одной стороны, и травоядными животными организмами—съ другой. Травоядные животные нуждаются въ пищѣ; для поддержанія жизни имъ необходимы именно тѣ элементы, которые заключаются частью въ атмосферномъ воздухѣ, частью въ минералахъ; крахмалъ и клейковина растительныхъ веществъ состоятъ преимущественно—первый изъ водорода, кислорода и углерода, вторая изъ тѣхъ же трехъ элементовъ съ прибавкою четвертаго, азота. Но травоядное животное можетъ питаться крахмаломъ и клейковиной, а четырьмя названными газами питаться не можетъ. Ему необходимо, чтобы составные элементы его пищи были приведены растеніемъ именно въ ту форму, въ какой они могутъ быть восприняты и усвоены его организмомъ. Работа, которую растеніе производитъ для травояднаго, совершается потомъ травояднымъ для плотояднаго. Растеніе питается газами и минералами, коза съѣдаетъ растеніе, козу съѣдаетъ волкъ; потомъ волкъ издыхаетъ и снова возвращаетъ землѣ всѣ составныя части, которыя были взяты имъ напрокатъ и которыми тотчасъ же можетъ питаться новое растеніе. И волкъ, и коза, и прежнее растеніе при жизни своей постоянно отдавали въ общую экономію природы большую часть поглощаемой матеріи; растеніе постоянно выдѣляло кислородъ, а коза и волкъ выдыхали углекислоту; однолѣтнее растеніе, съѣденное въ цвѣтъ лѣтъ козою, не могло непосредственно отдать землѣ своихъ твердыхъ составныхъ частей, но растеніе многолѣтнее каждый годъ роняетъ листья; коза и волкъ постоянно выдѣляли твердыя вещества въ испражненіяхъ и въ видѣ выпадающихъ волосъ. Все это опять попадало въ общій круговоротъ.

Человѣкъ конечно участвуетъ въ этомъ круговоротѣ такъ же невольно и такъ же безсознательно, какъ коза и волкъ; но этимъ роль его не ограничивается. Онъ поглощаетъ и выдѣляетъ извѣстныя количества матеріи, но кромѣ того онъ еще сознательнымъ вмѣшательствомъ своимъ ускоряетъ и направляетъ нѣкоторыя струйки круговаго теченія. Такое вмѣшательство начинается на самыхъ низшихъ ступеняхъ умствен-



ного и общественного развитія. Человѣкъ разводитъ огонь, и уже это простѣйшее дѣйствіе ускоряетъ круговоротъ въ одномъ крошечномъ уголкѣ нашей планеты. Дерево въ этомъ случаѣ быстро разлагается на свои составныя части; дымъ уносится вѣтромъ и вступаетъ тотчасъ же въ разныя комбинаціи, а зола остается на землѣ и втягивается также въ общее движеніе. Все это произошло бы и въ томъ случаѣ, если бы сожженные сучья спокойно сгнили отъ сырого воздуха, но произошло бы гораздо медленнѣе; стало бытъ, вліяніе человѣка выразилось въ ускореніи движенія. Я считаю это специфическимъ вліяніемъ человѣка, потому что ближайшее къ человѣку животное, обезьяна, не умѣетъ не только развести, но даже поддержать огонь. Когда человѣкъ занимается скотоводствомъ и заботится о доставленіи корма своимъ коровамъ, онъ очевидно ускоряетъ круговращеніе, и самъ пользуется результатами этого ускоренія. Корова сама отыскивала себѣ пищу, но не такъ скоро, или не столько, сколько нужно, или не такого качества. Вмѣшательство человѣка производитъ здѣсь ускореніе круговращенія, которое выражается въ томъ, что корова жирѣетъ и даетъ больше молока. Но если бы корова зимою стала искать себѣ пищи, она бы не нашла ея; круговращеніе продолжалось бы своимъ чередомъ, значительная часть тканей коровы была бы вовлечена въ это вѣчное круговращеніе, и корова окочѣла бы. Здѣсь уже вмѣшательство человѣка, доставляющаго коровѣ пищу, не только ускоряетъ, но и направляетъ струйку круговращенія такъ, какъ того требуютъ человѣческія выгоды и соображенія. Занимаясь земледѣіемъ, человѣкъ постоянно ускоряетъ круговращеніе; онъ старается на извѣстномъ пространствѣ земли собрать все условія, содѣйствующія быстрому превращенію минеральныхъ частицъ и газовъ въ различныя части извѣстныхъ растений; для этого онъ проводитъ борозды по землѣ, кладетъ на эту землю разлагающіяся вещества, бросаетъ сѣмена, покрываетъ ихъ слоемъ земли, и конечно всякій посторонній зритель отличить съ перваго взгляда ниву, обработанную и засѣянную человѣкомъ, отъ участка земли, на которомъ изъ случайно попавшихъ хлѣбныхъ зеренъ выросли кое-гдѣ колосы. Круговращеніе на обработанной нивѣ усилено и направлено сообразно съ выгодами человѣка, и человѣкъ пользуется плодами своего вмѣшательства.

Человѣкъ не можетъ прибавить ни одного

атома къ массѣ существующей матеріи, и въ этомъ онъ не нуждается. Для него важны формы, которыя принимаетъ на себя матерія, комбинаціи, въ которыя вступаютъ между собою ея элементы; а создавать и разрушать формы и комбинаціи значить именно ускорять и направлять круговращеніе. На это у человѣка множество средствъ, и число этихъ средствъ постоянно увеличивается, потому что человѣкъ постоянно узнаетъ новыя свойства и тайны природы. Что же касается до сырого матеріала, изъ котораго человѣку приходится лѣпить необходимыя ему комбинаціи, то количество его неизмѣримо велико. Однимъ изъ важнѣйшихъ матеріаловъ мы должны признать атмосферный воздухъ и плавающіе въ немъ газы; воздуха у насъ достаточно; надъ землею лежитъ слой атмосферы въ семьдесятъ верстъ толщиною; другой важнѣйшій матеріалъ заключается въ различныхъ минералахъ — тоже недостатка не предвидится; изъ земная кора къ нашимъ услугамъ, а толщина этой коры, по мнѣнію однихъ геологовъ, заключается въ себѣ *пятьдесятъ*, а по мнѣнію другихъ, *двести* миль; третій матеріалъ — вода довольно: все океаны, моря, рѣки, если взятая, могутъ покрыть всю сушу; если сравнять все горы и долины материковъ и сбросать массы твердой земли въ самыя глубины мѣста морей, какъ чтобы выравнялись все неровности морского дна, то образуется на земномъ шарѣ сплошная масса воды въ 1,100 футовъ глубины.

Надо припомнить кромѣ того, что ни одна песчинка, ни одна капля воды, ни одинъ атомъ газа не пропадаетъ, не отрывается отъ земнаго шара, не улетучивается въ мировое пространство. Громадный капиталъ, изъ котораго не теряется ни одна полушка, конечно долженъ быть признанъ неистребимымъ капиталомъ. А пока существуютъ газы, минералы и вода, до тѣхъ поръ совершенно обезпечено существованіе растеній, слѣдовательно и плотоядныхъ, и человѣкъ не опустится въ накладѣ. На землѣ теперь существуетъ безчисленное множество растеній, но ихъ число можетъ еще увеличиться въ безконечное число разъ, потому что на созиданіе растеній пущена въ оборотъ только крайне незначительная часть всего капитала, состоящаго изъ совокупности всехъ газовъ, минераловъ и воды. Растенія дѣйствительно завоевываютъ мало по малу такіе мѣста, которыя прежде состояли изъ голыхъ камней. Процессъ такого завоеванія описанъ у Шлейдена въ



То книгъ «Растеніе». На вершинѣ Брокена, на го-  
мѣ гранитѣ открыто микроскопическое расте-  
ніе, которое невооруженному глазу представ-  
ляется въ видѣ тончайшихъ красноватыхъ пы-  
линокъ; если потереть кусокъ гранита, порошій  
милліонами растеній, то они издають фіалковый  
запахъ; это растеніе питается исключительно  
жидкими каплями, растворившимися въ себѣ  
аммиакъ и углекислоту. Оно готовитъ почву для  
болѣе крупныхъ лишайевъ темнаго цвѣта, назы-  
ваемыхъ стигійскимъ и фолунскимъ; залишайми  
идутъ мхи, потомъ дернъ, трава, можжевельникъ  
и наконецъ сосна. А подъ этими растеніями гра-  
нитъ уже не тотъ, что былъ прежде, онъ раз-  
рыхляется, разлагается и втягивается мало по  
малу въ круговращеніе. Что на брокенскомъ гра-  
нитѣ дѣлаетъ сама природа, то дѣлаетъ на по-  
ляхъ своихъ человекъ, когда онъ взрываетъ плу-  
гомъ глубокіе слои почвы и втягиваетъ въ круго-  
воротъ мергель, лежавшій мертвымъ капиталомъ  
подъ пескомъ, или известь, лежавшую такимъ же  
образомъ подъ глиною. Чѣмъ больше милліоновъ  
людей работаетъ плугомъ на поляхъ, тѣмъ боль-  
шее количество мергеля и извести вовлекается  
въ круговое теченіе; чѣмъ больше десятковъ ты-  
сячъ людей работаетъ въ кузницахъ и на фабри-  
кахъ, тѣмъ больше хорошихъ орудій и хорошей  
одежды получаютъ предыдущіе милліоны; чѣмъ  
больше сотенъ людей работаетъ въ химическихъ  
лабораторіяхъ, тѣмъ больше открывается новыхъ  
средствъ втягивать въ круговоротъ массы мерт-  
ваго капитала. Не Либихъ, не Берцелиусъ, не  
Дэви, не Лавуазье создали химію; ее создали  
умственные и матеріальныя потребности массъ,  
реальное и практическое направленіе нашего  
времени; умные люди были и въ средніе вѣка,  
но они писали теологическіе трактаты или кар-  
тины; это было очень похвально, но отъ этого не  
прибавилось на землѣ не одного зерна хлѣба.  
Когда населеніе разрослось, когда люди плотнѣе  
сдвинулись между собой, когда начался живой  
обмѣнъ мыслей, тогда массы почувствовали свои  
потребности и выдвинули впередъ своихъ ге-  
ніальныхъ дѣтей, которые сдѣлались дѣтьми-  
работниками въ великой мастерской природы, а  
не праздными вздыхателями въ храмахъ науки  
и искусства. Такое движеніе не могло бы про-  
изойти безъ возрастанія народонаселенія. Только  
въ одномъ случаѣ вмѣшательство человекъ  
ослабляетъ производительныя силы природы; это  
происходитъ тогда, когда человекъ вывозитъ сы-  
рые продукты земли на далекіе рынки и такимъ

образомъ, постоянно отнимая у земли извѣстныя  
составныя части, не возвращаетъ ей взаимнѣ  
никакого удобренія. А такой образъ дѣйствій  
возможенъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мало  
людей и гдѣ, вслѣдствіе этого, нѣтъ промышлен-  
наго движенія. Если бы было много людей, яви-  
лась бы по необходимости предприимчивость, вы-  
росли бы фабрики, сырые продукты стали бы пе-  
рерабатываться и поглощаться на мѣстѣ, остатки  
переработанныхъ продуктовъ давали бы богатое  
удобреніе, и почва, вмѣсто того чтобы исто-  
щаться, постоянно становилась бы плодороднѣе.

Выходить, стало быть, какъ разъ противное  
тому, что утверждалъ Мальтусъ. Бѣдность про-  
исходитъ отъ малолюдства; если же бѣдность су-  
ществуетъ иногда вмѣстѣ съ многолюдствомъ, то  
въ такомъ случаѣ надо искать причинъ бѣдности  
въ ненормальной организаціи труда, а никакъ не  
въ многолудствѣ. Многолудство есть обиліе силъ;  
если что нибудь мѣшаетъ приложенію этихъ силъ,  
то виновато конечно препятствіе, а не существо-  
ваніе силъ. Историческіе факты доказываютъ са-  
мымъ нагляднымъ образомъ, что люди вовсе не  
размножаются быстрѣе, чѣмъ предметы пищи.  
Во Франціи въ 1760 г. было 21,000,000 жителей,  
и на каждого человекъ приходилось по 450 ли-  
тровъ различнаго хлѣба; въ 1840 г. жителей было  
34,000,000, а хлѣба приходилось на каждого  
по 541 литру; да кромѣ того были введены въ  
употребленіе картофель и различныя овощи, ко-  
торыя въ 1760 не были извѣстны въ народномъ  
хозяйствѣ; картофеля и овощей получалось въ  
1840 году по 291 литру на человекъ; стало  
быть, всего питательнаго продукта добывалось  
на человекъ по 832 литра. Число жителей уве-  
личилось только на 60 процентовъ, а количество  
пищи утроилось, такъ что Мальтусъ и его за-  
конъ на этотъ случай оказались непригодными.  
Надобно притомъ замѣтить, что Франція вовсе  
не похожа на образцовую ферму, и что ея земле-  
дѣліе чрезвычайно далеко даже отъ той степени  
совершенства, которая возможна при тепереш-  
немъ состояніи агрономической науки, а агроно-  
мическая наука въ свою очередь далеко еще не  
воспользовалась всѣми указаніями и открытіями  
современной химіи, а химія опять-таки вовсе не  
находится въ законченномъ состояніи; множество  
вопросовъ рѣшается, множество стоитъ на оче-  
реди, и безчисленное множество вопросовъ еще  
не поставлено, потому что къ нимъ и подойти  
невозможно при теперешнихъ средствахъ науки.  
Слѣдовательно, въ настоящее время дѣлать ка-



кіе нибудь выводы о производительныхъ силахъ природы и о будущихъ успѣхахъ челоуѣка значило бы только обнаруживать ту близорукость и заносчивость, которыя всегда свойственны самолюбивому невѣжеству.

Любопытно замѣтить въ заключеніе этой длинной главы, что школа Мальтуса не отказывается отъ возможности прогресса. Послѣдователи Мальтуса полагаютъ, что люди должны только употреблять въ отношеніи къ себѣ моральное стѣсненіе (*moral restraint*) и воздерживаться отъ излишняго дѣторожденія. Рикардо думаетъ, что рабочіе должны получать такую плату, которая позволила бы имъ существовать, не размножаясь и не уменьшаясь. Милль, тотъ самый Джонъ Стюартъ Милль, котораго такъ уважаютъ всѣ наши разноцвѣтные публицисты, говоритъ, что многочисленное семейство пролетарія должно возбуждать въ насъ къ отцу этого семейства такое же отвращеніе и презрѣніе, какое возбуждало бы безобразное пьянство. Ратуя за женщину и доказывая необходимость женскаго труда, Милль особенно напираетъ на то соображеніе, что трудъ въ значительной степени отвлечетъ женщину отъ дѣторожденія. Наконецъ, въ своей знаменитой книгѣ «О свободѣ» (*On liberty*) Милль признаетъ за государствомъ право запрещать, по своему благоусмотрѣнію, браки между людьми необеспеченныхъ классовъ. Тутъ ужъ не знаешь, чѣмъ больше восхищаться, гуманностью ли, или дальновидностью подобной идеи. Я посмотрю на нее съ точки зрѣнія дальновидности. Ну, прекрасно: государство запретило браки; тогда начинаютъ рождаться дѣти внѣ брака у такихъ родителей, которымъ дѣтей имѣть не позволено; чтобы быть послѣдовательнымъ, государство назначаетъ за незаконныя рожденія уголовныя наказанія; тогда начинаются вытравленія зородышей и дѣтоубійства; государство казнитъ преступниковъ и преступницъ. Такъ или иначе душевное желаніе Милля исполнено; возрастаніе населенія пріостановлено. Кто потрусливѣе, тотъ воздержится посредствомъ «*moral restraint*», а кто построптивѣе, того обуздаетъ палачъ. Казни будутъ происходить каждый день, но что за бѣда? Великая цѣль достигнута, и прогрессъ челоуѣчества обезпеченъ. Я удивляюсь только, какъ это Миллю не пришло въ голову подать государству слѣдующій мудрый совѣтъ: пусть государство само назначаетъ, сколько новорожденныхъ младенцевъ мужскаго пола могутъ современемъ пользоваться своими половыми спо-

собностями; затѣмъ, пусть остальные будутъ лишены этихъ антипрогрессивныхъ способностей. При теперешнемъ состояніи хирургіи, такое лишеніе можетъ быть совершено безъ какой-либо опасности для жизни, и малютка вырастетъ, сохраняя на всю жизнь превосходное сопрано и не жалѣя о своей утратѣ. При такомъ образѣ дѣйствій государство всегда можетъ сохранить контроль надъ размноженіемъ людей.

### VIII.

Одинокій поселенецъ находился на самомъ богатомъ островѣ въ положеніи Танталя; деревья дѣвственнаго лѣса были усыпаны птицами, которыя могли доставить ему превосходное мясо; изъ чащи выскакивали поминутно зайцы и дикія козы, отъ которыхъ не отказался бы самый разборчивый гастрономъ; въ прозрачной водѣ рѣки шевелились форели, лещи, щуки и разныя другія очень аппетитныя рыбы. Зима состояла только въ томъ, чтобы взять въ руки всѣ эти летающія, бѣгающія и плавающія тваряны. Но именно въ руки-то они и не давались; Робинзону приходилось пробавляться какими-то плодами и съ сокрушеніемъ размышлять о прелестяхъ мясного и рыбнаго стола. Если ему удавалось, послѣ долгихъ попытокъ и разочарованій, убить мѣтко пущеннымъ камнемъ какого-нибудь кролика, то конечно онъ очень дорожил своей добычей; онъ придавалъ ей тѣмъ болѣе цѣнности, чѣмъ значительнѣе были побужденія имъ пренятствія. Чтобы набрать себѣ плодовъ, Робинзону надобно было ходить по лѣсу и влѣзть на деревья въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ; чтобы убить камнемъ кролика, ему надо было ходить, осматривать, подкарауливать, прицѣливаться и промахиваться въ продолженіи нѣсколькихъ дней. Понятно, что онъ дорожилъ убитымъ кроликомъ больше, чѣмъ нѣсколькими десятками банановъ или кокосовыхъ орѣховъ. Но Робинзонъ — челоуѣкъ догадливый; онъ придумываетъ устроить себѣ лукъ, и опытъ убѣждаетъ его, что заостренныя деревянныя стрѣлы летятъ дальше и достигаютъ цѣли вѣрнѣе, чѣмъ камень, брошенный рукой. Кролики и птицы начинаютъ дѣлаться его добычею чаще, чѣмъ прежде; добываніе животной пищи значительно облегчено, между тѣмъ какъ за бананами и за кокосовыми орѣхами по-прежнему приходится бродить по лѣсу и влѣзть на деревья въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Въ преискурантѣ Робинзонъ



ся перевернуть: кролики, сравнительно и, дешевле, а плоды, сравнительно ами, становятся дороже. Когда Робинтовалъ камнемъ, онъ готовъ былъ олика сорокъ штукъ плодовъ; теперь, комъ, онъ уже не дастъ больше трид- него родилось неистовое желаніе от- бы; за хорошаго леща онъ съ удоволь- алъ бы двѣ пары кроликовъ или сто- штукъ плодовъ; изобрѣтательность участь его изъ затрудненія; заострен- тонкая жила и деревянная палка обра- вобытную удочку; является рыба, и нашъ скоро замѣчаетъ, что поймать е не такъ трудно, какъ ему казалось; ыбы понижается, хорошій лещъ урав- въ правахъ съ кроликомъ, а потомъ ойство удочки совершенствуется, то е становится ниже кролика. Но всѣ иженія на прейсъ-курантъ Робинзона съ постоянному возвышенію одной цѣн- которою Робинзонъ сознательно или льно сравниваетъ всѣ блага и удоб- одинокой жизни. Это—цѣнность че- о труда. Съ каждымъ новымъ изобрѣ- ии улучшеніемъ трудъ Робинзона ста- тѣе производительнымъ. Вооруженный удочкой, Робинзонъ въ одинъ день за- больше дичи и наловить больше рыбы, прежде могъ бы застрѣлить или нало- едѣлю. Дичь и рыба подешевѣли, а рожалъ.

должно быть. Всякая новая машина, ое приложеніе къ дѣлу двигательныхъ оды должны возвышать цѣнность че- о труда, т. е. дѣлать его болѣе про- нымъ, и слѣдовательно, улучшать ма- и всякое другое положеніе трудяща- ѣка. Если въ дѣйствительности выхо- роть, если машины часто отбиваютъ а хлѣбъ, или увеличиваютъ его пора- о въ этомъ конечно не слѣдуетъ ви- ѣтеніе.

нъ на своемъ островѣ ни съ кѣмъ не ны и ни отъ кого не терпитъ обиды. его труда постоянно увеличивается, а продуктовъ и составленныхъ запасовъ гоанно уменьшается Первый лукъ сто- зону много труда; трудно было убить слѣдовательно, трудно было достать ту ь которой надо было сдѣлать тетиву; ый лукъ устроенъ, то стрѣланіе кро-

ликовъ стало легче, стало быть, и добываніе жилъ облегчилось; второй лукъ стоилъ меньше труда, чѣмъ первый, слѣдовательно и первый лукъ понизился въ цѣнѣ, если только Робинзонъ не дорожилъ имъ, какъ историческою реликвіей.

Такъ точно бываетъ и въ дѣйствительной жизни. Каменный уголь облегчаетъ добываніе желѣза и понижаетъ его цѣнность; увеличив- шееся количество подешевѣвшихъ желѣзныхъ орудій облегчаетъ добываніе каменнаго угля, и слѣдовательно, также понижаетъ цѣнность по- слѣдняго. Оказывается, что каменный уголь самъ понизилъ свою цѣнность, точно также какъ пер- вый лукъ Робинзона самъ себя понизилъ въ цѣнѣ. При всѣхъ этихъ пониженіяхъ возвы- шается цѣнность человѣческаго труда и увели- чивается могущество человѣка надъ окружаю- щей природой. Цѣнность предмета опредѣляется такимъ образомъ не тѣмъ количествомъ труда, которое было употреблено на его произведеніе, а тѣмъ, которое необходимо употребить для его воспроизведенія. Если вы пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ купили штуку сукна, то какъ бы она хорошо не сохранилась, вы никакъ не получите за нее тѣхъ денегъ, которыя вы заплатили сами. Въ фабрикаціи сукна произведено много усовер- шенствованій, понизившихъ цѣну этого продукта, и вы, въ самомъ лучшемъ случаѣ, можете полу- чить за вашъ товаръ только ту цѣну, по кото- рой продается теперь сукно того же достоинства. Капиталъ Робинзона, состоящій въ его удочкѣ, въ лукѣ, челнокѣ, топорѣ, хижинѣ и разной грубой утвари, постоянно понижается въ цѣнѣ, но Робинзонъ отъ этого не бѣднѣетъ, потому что онъ трудится, потому что трудъ его становится производительнѣе, и потому что именно успѣш- ность и производительность его труда ведетъ за собою техническія улучшенія, понижающія цѣн- ность всѣхъ прежнихъ накопленій. Лукъ, тре- бовавшій цѣлыхъ сутокъ работы, можетъ быть сдѣланъ въ два часа; челнокъ, который прежде надо было долбить полгода, можетъ быть сдѣланъ въ два мѣсяца; хижина, которую надо было го- родить цѣлый годъ, можетъ быть выстроена въ четыре мѣсяца.

Всѣ эти перемѣны очевидно выгодны и пріятны для Робинзона; онъ выросъ, онъ сталъ сильнѣе, онъ покори́лъ себѣ до нѣкоторой степени при- роду, и потому его прежніе подвиги кажутся ему незначительными и легкими, точно также какъ взрослому человѣку кажутся чрезвычайно про- стыми тѣ самыя ариметическія задачи, которыя



приводили его въ отчаяніе въ дѣтствѣ. Но положимъ, что у Робинзона есть сосѣдъ, у котораго былъ челнокъ въ то время, когда у Робинзона челнока не было; сосѣдъ позволяетъ Робинзону пользоваться челнокомъ и требуетъ взаменъ три четверти того количества рыбы, которое будетъ поймано при помощи челнока. Робинзонъ по необходимости соглашается и выполняетъ заключенное условіе, а сосѣдъ между тѣмъ предается сладостному *far niente* и питается трудами дѣятельнаго рыболова. Но Робинзонъ, съ свойственною ему смѣтливостью, находитъ возможность кое-какъ выдолбить полусгнившее бревно; этотъ новый челнокъ плохъ, но на водѣ держится; на немъ ѣздить очень неудобно, но Робинзонъ предпочитаетъ пользоваться плохимъ челнокомъ, чѣмъ платить за прокатъ хорошаго три четверти добычи. Сосѣду приходится или сбавить цѣну, или разстаться съ любезнымъ бездѣйствіемъ. Сосѣдъ выбираетъ первое, и Робинзонъ платитъ за челнокъ уже не три четверти, а половину улова. Затѣмъ слѣдуетъ новое ухищреніе Робинзона, и новая уступка со стороны сосѣда. Наконецъ Робинзону удается сдѣлать точъ въ точъ такой челнокъ, какой есть у сосѣда; тогда Робинзонъ привозитъ обратно челнокъ, взятый напрокатъ, и дружелюбно раскланивается съ своимъ сосѣдомъ, которому поневолѣ приходится отъ «безпечальнаго созерцанія» перейти къ презрѣннымъ заботамъ дѣйствительности. Капиталъ, дававшій ему доходъ, растаялъ у него въ рукахъ. Каждое изобрѣтеніе Робинзона, уменьшавшее крѣпостную зависимость послѣдняго, было тяжелымъ ударомъ для благосостоянія празднаго обладателя челнока.

Тотъ фактъ, который представленъ здѣсь въ простѣйшемъ видѣ, повторяется въ дѣйствительной жизни въ самыхъ большихъ размѣрахъ и съ самыми разнообразными усложненіями. Трудъ постоянно стремится выбиться изъ-подъ контроля и господства капитала въ тѣхъ земляхъ, въ которыхъ человѣческій умъ не находится въ бездѣйствіи. Рабочая плата постоянно растетъ, не смотря на всѣ усилія капиталистовъ держать ее на самомъ низкомъ уровнѣ. Въ XIV столѣтіи работникъ получалъ въ недѣлю 7<sup>1</sup>/<sub>2</sub> пенсовъ (около 11 копѣекъ), а теперь онъ зарабатываетъ въ тотъ же срокъ отъ 12 до 15 шиллинговъ (отъ 3 р. 60 к. сер. до 4 р. 50 к. с.). Драгоценные металлы, сравнительно съ трудами, возмещали такимъ образомъ въ 30—40 разъ, и могущество обладателя денегъ жалъ пролетаріемъ уменьши-

лось въ значительной степени. Въ XV столѣтіи когда работникъ получалъ по 11 копѣекъ дѣлю, обладатель одного фунта серебра пользованіе этимъ количествомъ металлы съ своего должника очень большіе проценты, потому что приобрести фунтъ серебра въ то время можно было только полуторогодоваго домъ; теперь никто не дастъ въ Англіи процентовъ, потому что фунтъ серебра тѣмъ же въ двѣ недѣли съ небольшимъ стоящее время проценты очень высокими бѣдныхъ и чисто земледѣльческихъ, въ которыхъ трудъ дешевъ; пока мы переходимъ въ тѣ земли, въ которыхъ существуютъ разнообразныя приложенія человеческого труда, мы замѣчаемъ, что трудъ вѣсело дорожаетъ, человѣкъ самостоятельности накопленія значительнаго, капиталъ, въ томъ родѣ обильнаго, и слѣдовательно, ниже. Трудящееся большинство выигрываетъ отъ каждаго уменьшенія въ могущество

## IX.

Оставляя въ сторонѣ Робинзона и читатель можетъ въ собственномъ свѣдѣніи, не вставая съ мѣста, отдать себѣ отчетъ въ томъ, съ какими идеями онъ связываетъ идею цѣнности. Онъ прежде всего, что онъ окруженъ атмосферой воздуха, который для него необходимъ, потому что онъ однако не придаетъ никакой цѣнности. Дневной онъ не придаетъ никакой цѣнности солнечному свѣту, который однако важенъ, какъ для здоровья читателей его занятій. Лѣтомъ теплота камина имѣетъ никакой цѣнности. Но освѣтъ, который онъ получаетъ свѣчей, лампы или электрической цѣнности; отопленіе комнаты посредствомъ каменнаго угля также имѣетъ определенную цѣнность, а между темъ собственное освѣщеніе хуже солнечнаго, теплая комната составляетъ часть теплаго лѣтняго воздуха.

Читатель пойметъ, безъ труда, придаетъ цѣнность искусственному отопленію и не придаетъ никакой цѣнности, солнечному свѣту и лѣтней теплотѣ, отбрасывая въ сторону, что свѣтъ и теплота достигаются при ограниченномъ количестве, въ томъ родѣ, въ которомъ мы ими пользуемся, и



оромъ мы въ нихъ нуждаемся. хъ не проникалъ въ какой нибудь о надо было бы накачивать туда, дъ накачиванія пришлось бы пла- хъ получалъ бы цѣнность. Если хъ не проникаетъ въ глубокую ней приходится работать съ фона- свѣтъ даже во время дня имѣетъ монастырь св. Бернарда, на высо- ювъ, приходится топить каминъ потому что природа даже во время вляетъ туда достаточнаго количе- Тамъ теплота всегда имѣетъ цѣн- въ такимъ образомъ, читатель рѣ- нно, что онъ придастъ цѣнность чамъ потому, что ихъ приготовле- ніе на мѣсто стоитъ труда. Приро- дъ деревья и торфъ, изъ котораго афиновые свѣчи; но дерево надо рфъ надо добыть; потомъ срублен- до разрубить на мелкія части, а надо произвести разныя химиче- сческія операціи. Наконецъ, гото- овые свѣчи надо перенести на нія. На перемѣну формы и на пе- требленъ человѣческой трудъ: за рудъ и дается извѣстному пред- ность. Но необходимое количество труда измѣняется, и это измѣне- ся въ измѣненіи цѣнности. Чита- креслѣ, передъ письменнымъ сто- омъ лежатъ книги и письменныя ги. Чернила, стальные перья и бу- недѣлю тому назадъ; съ тѣхъ поръ этихъ предметовъ не могло про- шенствованій, и новый комплектъ стоилъ бы такого же количества вательно такой же суммы денегъ, на за вещи моего читателя. Но а лѣтъ десять тому назадъ; съ лярное производство облегчилось введеніемъ новыхъ пріемовъ и ; цѣнность кресла и письменнаго ась, потому что теперь можно сра- те вещи съ меньшей тратой труда жетъ быть въ денежномъ отноше- письменные столы не подешевѣли, они даже вздорожали, но цѣнность лжна измѣняться не деньгами, а десять лѣтъ тому назадъ письмен- ался однимъ работникомъ впро- ти дней, и если теперь также одинъ

работникъ можетъ сдѣлать такой же столъ въ восемь дней, то цѣнность стола понизилась. Но если десять лѣтъ тому назадъ работникъ полу- чалъ въ день 70 коп. с., а теперь получаетъ 90 коп. сер., то столъ, сработанный десять лѣтъ тому назадъ, стоилъ 7 р. сер., а столъ такого же достоинства теперь будетъ стоить 7 р. 20 к. с. Это значитъ, что трудъ возвысился въ цѣнѣ, какъ сравнительно съ столами, такъ и сравни- тельно съ деньгами, т. е. съ драгоценными ме- таллами; при этомъ цѣнность послѣднихъ пони- зилась сильнѣе, чѣмъ цѣнность первыхъ.

Если читатель, сидящій за своимъ письмен- нымъ столомъ, самъ человѣкъ трудящійся, то для него такая перемѣна выгодна и пріятна. Онъ платитъ дороже прежняго столяру, портному и сапожнику, но за то и самъ получаетъ за свой трудъ большее количество денегъ и удобствъ.

Разсматривая свои книги, читатель замѣчаетъ, что каждая изъ нихъ представляетъ сумму нѣ- сколькихъ сложныхъ операцій. Прежде всего онъ видитъ умственный трудъ автора, затѣмъ передъ нимъ рисуются фабрикація бумаги, добываніе металла, изъ котораго отливается шрифтъ, от- ливка шрифта, работа наборщиковъ, отпечатаніе набранныхъ полосъ, корректура, брошюрованіе листовъ и переплетная работа. Облегченіе какой нибудь одной изъ этихъ операцій отражается на цѣнности книги. Чѣмъ больше операцій и чѣмъ онѣ сложнѣе, тѣмъ больше оснований предпола- гать, что общая цѣнность продукта должна бы- стро понижаться, потому что тѣмъ больше есть шансовъ для отдѣльныхъ техническихъ усовер- шенствованій. Химикъ открываетъ такой со- ставъ, которымъ удешевляется бѣленіе бумаги; цѣнность бумаги понижается, и вмѣстѣ съ этимъ понижается цѣнность книги. Желѣзная дорога уменьшаетъ издержки на перевозку тряпокъ, идущихъ на фабрикацію бумаги—опять пони- женіе. Примѣненіе пара къ выдѣлкѣ бумаги даетъ фабриканту возможность производить сто- пы бумаги въ то время, въ которое прежде онъ производилъ только дести. Паръ примѣняется къ отливанію шрифта; паръ приводитъ въ дви- женіе скоропечатную машину и оттискиваетъ тысячи листовъ въ часъ, между тѣмъ какъ ма- шина, приводившаяся въ дѣйствіе руками, отти- скивала въ часъ только сотни листовъ. Читатель можетъ себѣ представить, какъ совокупность такихъ колоссальныхъ усовершенствованій долж- на отразиться на цѣнности окончательнаго про- дукта, т. е. книги. Экземпляръ сочиненій Шек-



спира или Мильтона, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, изображалъ собою недѣлю человѣческаго труда, а теперь онъ можетъ быть воспроизведенъ работою одного дня.

Читатель встрѣчаетъ здѣсь имена англійскихъ писателей потому, что Англіи и Америкѣ принадлежитъ пальма первенства въ дѣлѣ техническихъ усовершенствованій всякаго рода. Если читатель перенесетъ вопросъ на русскую почву, то онъ конечно увидитъ, что мы ничего не усовершенствовали самостоятельно, даже мало переняли у передовыхъ народовъ; слѣдовательно, цѣнность русскихъ книгъ въ послѣднее полу столѣтіе понизилась не такъ значительно.

Изъ всѣхъ размышленій, предпринятыхъ читателемъ въ его кабинетѣ, онъ можетъ вывести то плодотворное заключеніе, что цѣнность каждаго изъ окружающихъ его предметовъ равняется тому количеству труда, которое необходимо для его воспроизведенія. Это необходимое количество труда уменьшается съ каждымъ усовершенствованіемъ въ производствѣ, и слѣдовательно цѣнность всѣхъ продуктовъ стремится къ постоянному пониженію, которое совершается быстро или медленно, смотря по тому, быстро или медленно совершенствуются различныя отрасли производительнаго труда. Читатель увидитъ, что результаты, добытые имъ въ кабинетѣ, остаются въ полной силѣ, какъ бы мы ни расширяли поле нашего изслѣдованія и въ какихъ бы сложныхъ комбинаціяхъ ни представлялся намъ вопросъ о цѣнности различныхъ угодій и предметовъ. Цѣнность обработанной земли подчиняется тому же общему закону. Земля сама по себѣ не имѣетъ никакой цѣнности, точно также какъ воздухъ, солнечный свѣтъ, теплота, электричество, вѣтеръ и всякія другія силы природы. Если бы кому нибудь принадлежали миллионы десятинъ земли въ скалистыхъ горахъ Сѣверной Америки, въ дѣвственныхъ лѣсахъ Бразиліи, или въ пустынныхъ равнинахъ нашей Сибири, то этотъ счастливый собственникъ не могъ бы получить съ своей земли ни копѣйки дохода. Между тѣмъ въ Англіи или во Франціи, каждый квадратный аршинъ земли имѣетъ свою цѣнность и можетъ приносить доходъ, не смотря на то, что по качеству англійская или французская земля гораздо хуже бразильской. Вся разниа между Англіей и Бразиліей заключается въ томъ, что въ Англіи съ незапамятныхъ временъ потрачено многими десятками поколѣній неизмѣримое количество труда, и что весь этотъ трудъ положенъ въ зем-

лю, какъ въ огромную сберегательную кассу. Трудъ человѣка вырубилъ лѣса, осушилъ болота, насыпалъ плотины, провелъ дороги, построилъ деревни и города, построилъ школы, больницы, запасныя магазины, превратилъ дѣрзавыя болота въ поля, сдѣлалъ тысячи другихъ вещей, вслѣдствіе которыхъ дикая пустыня превратилась въ жилище многочисленнаго и дѣятельнаго народа. Если бы вдругъ можно было отнять отъ Англіи всю массу потраченного на нее количества труда, если бы въ одно мгновеніе было превратить въ Англію доисторическое время, то навѣрное девять десятыхъ ея жителей погибли бы въ самомъ непродолжительномъ времени, а оставшая десятая часть осталась бы на континентѣ. Англія осталась бы пустою и земля тотчасъ же потеряла бы свою цѣнность; тотчасъ началась бы колонизація изъ Франціи и Германіи, и земля стала бы пріобрѣтать цѣнность, благодаря обстоятельству, что много человѣковъ потрачено на земли лежащія недалеко отъ нея, и что населенность этихъ земель увеличиваетъ цѣнность земель, лежащихъ въ отдаленности, и что населенность этихъ земель облегчаетъ трудъ разработки и разчистки почвы.

Населенность земель и промышленность народовъ нашего времени составляетъ же прямое слѣдствіе того огромнаго количества труда, которое было положено въ это время предъидущими поколѣніями. Земля, которая была бы густо населена, если бы трудъ не сдѣлалъ ее предварительно обитаемою, на извѣстномъ пространствѣ земли обитало бы значительное число людей, тогда бы развилась промышленность, тогда бы трудъ полудикаго пахаря лежалъ въ основѣ всѣхъ чудесъ европейской цивилизаціи. Самый трудъ, котораго значительная часть вѣковъ вѣдала въ доисторической древности, единственную причину цѣнности земель и могущественный землевладелецъ является прямымъ и, по мнѣнію юристовъ, законнымъ наслѣдникомъ вооруженнаго вѣдшаго въ мирную землю и конфискованную въ свою пользу личный трудъ англійскихъ вѣковъ, составлявшихъ истинное достояніе беззащитныхъ покоренныхъ англійскихъ перъ, филантроповъ, обремененныхъ всѣмъ своимъ могуществомъ тѣмъ самымъ поступкомъ славнаго предка, которые онъ, перъ,



льнымъ ужасомъ назвалъ бы позорными плененіями.

Въ XVII и въ XVIII столѣтіяхъ было много имѣровъ, что люди богатые и вліятельные по въ подарокъ или за ничтожную сумму пространства земли въ нынѣшнихъ американскихъ штатахъ. Они дѣйательно принимались за разработку земель, нанимали поселенцевъ, тратили много денегъ, хлопотали сами, и въ результатѣ оказывалось, что они раззорялись въ конецъ. Такой случай произошелъ съ Вилльямомъ Пенномъ, съ герцогомъ іоркскимъ, съ Робертомъ Моррисомъ и съ голландскою поземельною компаніей. Наемный трудъ чрезвычайно до въ обработкѣ новой земли, а рабскій трудъ особенно убыточенъ потому, что невольники идутъ въ большемъ количествѣ отъ работъ въ лѣсахъ и болотахъ. Для заселенія новой земли годится ни наемный работникъ, ни рабъ; только вольный колонистъ, предприимчивый и самостоятельный, трудящійся для себя, завоевывающій новую землю для своего семейства и потомства, имѣющій полную возможность идти направо или налѣво, не спрашиваясь ни у кого и не давая никому отчета — только такой колонистъ можетъ положить прочное основаніе будущему богатству и цвѣтущему поселенію. Такіе колонисты въ древности заселили и начали обрабатывать Англію; а потомки этихъ колонистовъ были обобраны и порабощены предками нынѣшнихъ перовъ, точно также какъ русскіе были порабощены татарами Батыя, которымъ они въ продолженіи двухъ столѣтій платили дань.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что цѣнность земли, какъ и всякой другой вещи, заключается въ трудѣ человѣка.

## X.

Трудъ есть борьба человѣка съ природою; въ борьбѣ «то сей, то оный на бокъ гнется»; когда побѣждаетъ природа, мы называемъ трудъ неудачнымъ; когда побѣждаетъ человѣкъ, мы говоримъ, что трудъ удаченъ; побѣды бываютъ болѣе или менѣе полныя и, сообразно съ этимъ, трудъ бываетъ совершенно или несовершенно удачнымъ. На одну совершенную удачу обыкновенно приходится нѣсколько несовершенныхъ удачъ и нѣсколько совершенныхъ неудачъ. Такъ какъ совершенная удача случается сравнительно рѣдко, то мы говоримъ, что для достиженія такой удачи надо преодолѣть сильное сопротивленіе природы.

Соч. Д. И. Писарева, т. II.

Конечно всѣ эти выраженія: «борьба съ природой», «сопротивленіе природы», при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказываются простыми метафорами. Природа вовсе не борется съ нами и не старается злоумышленнымъ сопротивленіемъ разрушить наши замыслы и повредить нашимъ интересамъ. Наши неудачи или неполныя удачи просто происходятъ отъ нашего неумѣнья и неполнаго знанія причинъ и слѣдствій; но отчего бы онѣ не происходили, онѣ несомнѣнно существуютъ и оказываютъ свое вліяніе на цѣнность предметовъ, производимыхъ трудомъ. Стеклоликъ кладетъ въ горнъ большое количество сырого матеріала, который долженъ превратиться въ листовое стекло; послѣ окончанія разныхъ операций, нѣсколько десятковъ листовъ оказываются готовыми. Матеріалъ для всѣхъ листовъ былъ одинъ, работникъ тоже одинъ, количество работы одинаковое, между тѣмъ четыре листа вышли совершенно гладкіе, одиннадцать листовъ съ едва замѣтными неровностями, десятка три — съ порядочными крапинами, а остальной листъ — весь въ пузыряхъ, такъ что никуда не годится. Это произошло, разумѣется, оттого, что для первыхъ листовъ случайно стеклись такіе благоприятныя обстоятельства, которыя работникъ, по недостатку умѣнья, не могъ обратить въ общее правило для всего количества продукта. Поэтому онъ сортируетъ изготовленные листы, и цѣнность перваго сорта считается выше второго, который въ свою очередь цѣнится выше третьяго и т. д.

Различіе въ цѣностяхъ происходитъ отъ различія въ сопротивленіи природы. Стекло перваго сорта можетъ образоваться при исключительно благоприятныхъ условіяхъ, которыя встрѣчаются рѣдко, и оттого это стекло дорого; чтобы приготовить одинъ такой листъ, надо испортить на неудачныя попытки больше десятка. Конный заводчикъ воспитываетъ съ одинаковымъ стараніемъ сотню жеребятъ, но изъ этой сотни можетъ быть сформирована только два замѣчательные скакуна, потомъ штукъ пятнадцать отличныхъ верховыхъ и упряжныхъ лошадей, потомъ штукъ тридцать порядочныхъ лошадей, а затѣмъ остальные окажутся дрянью. Причины тѣ же самыя, какія мы видѣли въ фабрикаціи стекла — именно неполное знаніе естественныхъ свойствъ предмета, и слѣдовательно, неполное умѣнье пользоваться благоприятными условіями и устранять разстроивающія вліянія. Цѣна различнымъ лошадямъ будетъ конечно чрезвычайно



различная. Замѣчательный скакунъ долженъ будетъ по возможности наверстывать трудъ, потраченный на него самого и на менѣе удачные экземпляры, представляющіе собою неосуществившіяся стремленія заводчика. Тамберликъ получаетъ за свой зимній сезонъ въ Петербургѣ такую значительную сумму денегъ, что каждая арія его можетъ быть рассчитана на рубли и копѣйки. Положимъ, что какой нибудь прожекторъ вздумалъ сформировать новаго Тамберлика съ тѣмъ, чтобы онъ пѣлъ въ его пользу. Такое предпріятіе имѣетъ какіе нибудь шансы успѣха только въ томъ случаѣ, если предпринимчивый оригиналъ займется физическимъ и музыкальнымъ воспитаніемъ цѣлыхъ сотенъ или тысячъ дѣтей, подающихъ надежды. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣтей умрутъ, другія потеряютъ голосъ, третьи окажутся лишенными слуха, четвертыя обнаружатъ непроходимую тупость, большая часть сдѣлаются хорошими людьми, но плохими пѣвцами. Наконецъ, если и выдрессируется новый Тамберликъ, то онъ навѣрное не окупитъ издержекъ и трудовъ, убитыхъ на его воспитаніе и на неудавшіяся попытки. Тогда предпринимчивый воспитатель увидитъ, что Тамберликъ пѣнится такъ дорого потому, что надо побѣдить множество препятствій, прежде нежели можно будетъ воспроизвести другой подобный голосъ. А препятствія все-таки состоятъ въ незнаніи тѣхъ фізіологическихъ, гігіеническихъ, климатическихъ и всякихъ другихъ данныхъ, которыхъ совокупность необходима для образованія превосходной музыкальной организаціи.

Мы до сихъ поръ ходимъ ощупью во всѣхъ отрасляхъ нашей дѣятельности; все, что выходитъ у насъ хорошаго, принимается нами, какъ подарокъ судьбы, какъ счастливая случайность, какъ исключеніе, стоящее рядомъ съ сотней уродливостей, которыя считаются нами за настоящее правило. Поэтому первый сортъ вездѣ дѣрогъ, и на стеклянной фабрикѣ, и на конномъ заводѣ, и въ музыкальной школѣ. Это доказываетъ намъ, что полное знаніе природы, полное могущество надъ нею, и слѣдовательно, полное счастье человѣка лежитъ еще далеко впереди насъ, но это вовсе не доказываетъ того, чтобы знаніе наше имѣло передъ собой неодолимые преграды, и чтобы въ природѣ заключались такія тайны, которыя навсегда останутся недоступными пытливому уму человѣка. Въ наше время никто не удивился бы такому усовершенствованію въ фабрикаціи стекла, вслѣдствіе котораго весь сырой матеріалъ, положенный въ горни,

сталъ бы превращаться въ стекло широкимъ та. Даже значительное усовершенствованіе коннозаводствѣ, дающее возможность или утроить число ежегодно формируемыхъ превосходныхъ скакуновъ или довести ихъ количество до неслыханнаго, не показалось бы намъ невѣроятнымъ, а на то, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ оскверненною жизнью въ одномъ изъ самыхъ ея проявленій. Если бы мы могли поощрять складывавшихся домашнихъ животныхъ, если бы посредствомъ тщательнаго ухода и мѣненіи условій питанія мы могли простому русскому жеребенку превосходства арабской лошади, то мы конемъ близко подошли бы къ той чрезвычайной задачѣ, чтобы путемъ различныхъ физіологическихъ вліяній сообщать развивающемуся организму возможно большее мускульной и мозговой силы. Уже Платонъ о средствахъ производить великія для его времени такая цѣль была сфантастична, потому что не была намъ такъ дорога, которая можетъ къ ней привести наше время эта цѣль все еще остается жимой, но мы знаемъ уже тотъ путь, по которому, который навѣрное, рано или поздно приведетъ къ рѣшенію самыхъ сложныхъ органическихъ жизни.

Къ сожалѣнію, между теоретическимъ и практическимъ приложеніемъ до сихъ поръ, во всѣхъ отрасляхъ деятельности, глубокая и широкая бездѣльная чуждость давно твердитъ людямъ, что ихъ организмъ необходимы чистый свѣтъ, теплота, свѣжая и обильная пища, между тѣмъ, всѣ эти совѣты гігіены горькою насмѣшкой для каждого, кто нибудь знакомъ съ бытовыми условіями большинства. Большіе города, грязь, переулки и дворы, темнота, сырость, холодъ, разлагающаяся пища, гниющая пища, это существуетъ въ огромныхъ размѣрахъ, мало не смущается предписаніями гігіены. Къ довершенію нечеловѣчности, люди, которые всѣ эти явленія опираютъ какъ неизбѣжныя слѣдствія неизмѣнныхъ естественныхъ законовъ.

«Вольно-жъ имъ плодиться, какъ говоритъ мальтузіанецъ Милль:—они новаты, и намъ, людямъ приличнымъ, дуется становиться между прегрѣшеніемъ и казнью».



Весь исторический ход событий, породивший такое повсеместное практическое порицание гигиены, представляется каждому мыслящему человеку обидным и бесконечно долгим недоразумением, перебивающим в значительной степени то благотворное влияние, которое должны были бы оказать на судьбу нашей породы великие открытия естествознания. Можно было бы, глядя на продолжающиеся исторические недоразумения, усумниться в силе открытий, усумниться в их приложимости к вседневной жизни всех людей, можно было бы принять эти открытия за новое видоизменение монополий и привилегий, если бы неподкупный дух анализа, пробужденный естественными науками, не проник в исследование существующих форм общественной и экономической жизни. Та минута, в которую плодами этого исследования можно будет поделиться со всем человечеством, откроет собою новую эру справедливости, физического здоровья и материального благосостояния. Препятствий много, минута эта далека. Но к приближению этой минуты направлены все усилия всех честных работников мысли на земном шарѣ; нетъ тѣхъ препятствий, которыхъ не побѣдила бы, рано или поздно, энергия мысли и сила честнаго убѣжденія; нетъ тѣхъ испытаній, которыя бы испугали людей, сознающихъ въ себѣ естественныхъ депутатовъ и защитниковъ своей породы,—и потому славное будущее человечества не можетъ погибнуть. Знаніе есть сила, и противъ этой силы не устоятъ самыя окаменѣлыя заблужденія, какъ не устояла противъ нея инерція окружающаго насъ природы.

Всякая побѣда человѣка надъ инерціей природы увеличиваетъ пользу окружающаго насъ матеріи и уменьшаетъ цѣнность предметовъ нашего потребленія. Пользою предметовъ измѣряется сила человѣка надъ природой; поэтому польза увеличивается, когда люди сближаются между собой. Цѣнностью предметовъ измѣряется напротивъ того сила природы надъ человѣкомъ; поэтому цѣнность уменьшается при сближеніи людей между собою. Одинокому поселенцу приходится бѣгать за водой къ рѣкѣ за нѣсколько сотъ шаговъ, такъ что каждое ведро воды стоитъ значительнаго количества труда. Когда число поселенцевъ увеличивается, то имъ удается вырыть колодезь вѣздъ самыхъ домовъ; цѣнность воды уменьшается, но польза ея увеличивается, потому что ее употребляютъ въ домашнемъ быту

чаще и въ большемъ количествѣ. Потомъ, поселенцы ставятъ надъ колодеземъ насосъ, который еще облегчаетъ добываніе воды и, уменьшая ея цѣнность, снова увеличиваетъ ея пользу. Наконецъ, когда силы поселенія оказываются уже очень значительными, вода проводится въ дома, послѣ чего каждому изъ жителей стоитъ только отвернуть кранъ, чтобы добыть себѣ цѣлыя бочки воды. Цѣнность падаетъ такимъ образомъ до самой низкой степени, а польза увеличивается до самыхъ большихъ размѣровъ. Этотъ простой примѣръ, въ которомъ нѣтъ ни натяжки, ни произвольной гипотезы, показываетъ намъ, что цѣнность и польза предметовъ находятся всегда въ обратномъ отношеніи между собою. Кромѣ того, этотъ примѣръ подтверждаетъ еще разъ ту истину, что дружное соединеніе человѣческихъ силъ распространяетъ свое благотворное влияние на все мелкія подробности вседневной жизни.

## XI.

Положимъ, что буря выбрасываетъ обломки корабля на такой островъ, котораго еще не посѣщали европейскіе мореплаватели; дикіе островитяне осматриваютъ эти обломки и находятъ, въ числѣ другихъ вещей, нѣсколько ружей, запасъ неподмоченнаго пороха, нѣсколько фунтовъ пуль и дроби, и большое количество пистолетовъ. Для людей, живущихъ охотою, чрезвычайно выгодно замѣнить луки и стрѣлы хорошими ружьями, но дикари навѣрное не поймутъ важнаго значенія своей находки и останутся при своемъ прежнемъ, варварскомъ оружіи. Для нихъ ружья не составляютъ богатства, потому что они не умѣютъ ими пользоваться. Если бы къ нимъ перенесли все паровыя машины Англіи или Американскихъ Штатовъ, и если бы земля ихъ заключала въ себѣ мощные пласты каменнаго угля и неистощимыя жилы желѣзной руды, то и тогда они не сумѣли бы сдѣлать себѣ ни одного ножа, и по прежнему продолжали бы рѣзать кожу и мясо животныхъ острыми раковинами и кремнями. У нихъ недостаетъ знаній для того, чтобы обращаться, какъ слѣдуетъ, съ паровой машиной или съ ружьемъ. Они даже не подозреваютъ, чтобы въ природѣ существовала возможность тѣхъ явленій и сложныхъ комбинацій, которыя извѣстны каждому фабричному работнику въ Англіи или въ Америкѣ. Въ тѣхъ предѣлахъ, до которыхъ успѣли развиваться знанія дикарей, они воспользуются и паровою машиною, и ружьемъ.



Первую они вѣроятно разламываютъ на части, чтобы изъ этихъ частей сдѣлать себѣ разную домашнюю утварь; второе будетъ обращено въ дубинку, которую дикарь будетъ брать въ руки за дуло, чтобы поражать своего врага прикладомъ. Это своеобразное употребленіе паровой машины и ружья обнаруживаетъ въ дикаряхъ опытное знаніе самыхъ элементарныхъ свойствъ матерій: видно, что они умѣютъ пользоваться емкостью, твердостью, тяжестью, клинообразной или остроконечной формой и другими наглядными свойствами окружающихъ предметовъ. Благодаря этимъ слабымъ знаніямъ, они могли извлечь очень незначительную пользу изъ тѣхъ снарядовъ, изъ которыхъ свѣдущій европеецъ извлекаетъ большое количество важныхъ житейскихъ удобствъ.

Всякій читатель согласится, что большое количество житейскихъ удобствъ можетъ быть названо богатствомъ, и что европеецъ, пользующійся ружьемъ, какъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, богаче дикаря, употребляющаго точно такое же ружье, какъ дубину. Въ рукахъ перваго, ружье развертываетъ всѣ свои производительныя силы, между тѣмъ какъ у послѣдняго всѣ специфическія свойства ружья остаются мертвымъ капиталомъ. Причины такихъ различныхъ результатовъ заключаются въ различіи знаній; слѣдовательно надо согласиться съ тѣмъ, что знаніе составляетъ важнѣйшій элементъ богатства. Но знаніе не такой предметъ, который человекъ могъ бы найти готовымъ на какой нибудь горѣ или въ какомъ нибудь пещерѣ. Знаніе составляется изъ мелкихъ крупинокъ ежедневнаго опыта, а такъ какъ жизнь отдѣльнаго человека очень коротка и кругъ его зрѣнія очень ограниченъ по своему пространству, то онъ никогда не выбился бы изъ подъ гнета невѣжества и бѣдности, если бы, сходясь съ другими людьми, онъ не выслушивалъ отъ нихъ и не обращалъ бы въ свою пользу собранныхъ ими опытовъ и наблюденій. Сближеніе съ людьми составляетъ для человека самое могущественное средство умственнаго развитія; въ обществѣ человекъ мыслитъ быстрѣе, чѣмъ въ одиночествѣ, и мысли каждаго отдѣльнаго лица находятъ себѣ повѣрку въ опытѣ другихъ, и средство къ испытанію и примѣненію въ совѣтахъ и въ содѣйствіи слушателей. На этомъ основаніи, всякая мѣра, уменьшающая разстояніе между отдѣльными людьми, или уничтожающая препятствія, лежащія на пути ихъ сближенія, или увеличивающая потребность людей сближаться между

собою—всякая подобная мѣра, говоря и, увеличиваетъ скорость въ обращеніи идей, распространяетъ знанія и производитъ увеличеніе богатства.

Люди всего больше расположены сближаться между собою тогда, когда они занимаются различными промыслами, и могутъ мѣняться между собой продуктами своего труда. Земледѣлецъ пойдеть къ сосѣду земледѣльцу, потому что онъ знаетъ, что у него и у сосѣда одни и тѣ же излишки, и однѣ и тѣ же потребности. Сосѣд не возьметъ у него хлѣба, потому что у сосѣда своего хлѣба слишкомъ много, и сосѣд не дастъ ему рубашки, потому что сосѣдъ самъ хочетъ приобрести себѣ полотно или бумажной матеріи. Чтобы сбыть лишній возъ зернового хлѣба и приобрести нѣсколько аршинъ полотна или сукна, пару сапоговъ или новую косу, земледѣлецъ принужденъ отправиться въ ближайшій городъ, на нѣсколько десятковъ верстъ, по дурной и гористой дорогѣ. Это препятствіе, находящееся между производителемъ—земледѣльцемъ и потребителемъ—ремесленникомъ, и заключающееся въ немъ разстояніи и въ дурной дорогѣ, вѣдетъ за собою много невыгодъ. Цѣлый день земледѣльца будетъ потраченъ непроизводительно, т. е. не увеличитъ количества продукта; вмѣстѣ съ трудомъ земледѣльца пропадетъ и трудъ лошади, которая повезетъ хлѣбъ въ городъ и телегу изъ города. Пометь лошади, падающей на дорогу, авторьянъ; кромѣ того, земледѣлецъ, не имѣющій подъ рукою близкаго сбыта, принужденъ обшивать свои поля только такими сортами хлѣба, которые, при наименьшей громоздкости, продаются по наиболѣе дорогой цѣнѣ. Онъ не можетъ возить въ городъ картофель или сѣно, потому что продажная цѣна этихъ продуктовъ не окупитъ издержекъ и трудовъ перевозки. Это обстоятельство вредитъ успѣшному ходу его хозяйства, не позволяеть ему ввести рациональный сѣвооборотъ и заставляетъ его истощать свои поля постоянными посѣвами ржи, пшеницы, овса и другихъ зерновыхъ хлѣбовъ. Положимъ теперь, что черезъ владѣнія нашего земледѣльца пролегла желѣзная дорога, ведущая къ тому городу, въ который прежде приходилось ѣздить по разнымъ трясинамъ и буеракамъ; теперь продукты отправляются на продажу въ вагонахъ, а то количество лошадинаго и человѣческаго труда, которое тратилось на безплодныя прогулки по дурной проселочной дорогѣ, посвящается улучшенію земли; пометь весь идетъ на удобреніе земли, а



количество земледѣльческихъ продуктовъ увеличивается. Тогда земледѣлецъ нанимаетъ большее число работниковъ, чтобы еще болѣе расширить кругъ своихъ дѣйствій. Является необходимость построить новые амбары и скотные дворы; плотникъ, замѣчая запросъ на свой трудъ, поселяется рядомъ съ земледѣльцемъ; сапожникъ, получая съ фермы частые заказы, приближается къ своимъ заказчикамъ; мельникъ ставитъ мельницу на ближайшей рѣчкѣ, потому что предвидитъ себѣ работу. Прежде надо было ѣздить къ плотнику за тесомъ и за рамами, къ сапожнику за обувью, къ мельнику съ зерномъ, и отъ мельника съ мукою; на всѣ эти прогулки въ общей сложности тратилось большое количество труда и помета; теперь все это терявшееся количество сохраняется и увеличиваетъ плодородіе земли: хлѣба добывается гораздо больше прежняго, и притягательная сила процвѣтающаго мѣстечка постоянно увеличивается; приходитъ ткачъ, чтобы на мѣстѣ превращать ленъ и пеньку въ полотно; затѣмъ устроивается сукновальня, избавляющая фермера отъ необходимости возить въ городъ шерсть своихъ овецъ. Затѣмъ являются портной, кузнецъ, колесникъ, шорникъ, пивоваръ и другіе рабочіе. Сблизившись между собою, всѣ эти различные ремесленники ежедневно доставляютъ другъ другу значительныя выгоды, какъ производители и какъ потребители; всѣ они могутъ постоянно заниматься своими работами, не имѣя надобности бѣгать по дорогамъ ни за покупателями, ни за продавцами. Сапожнику стоитъ перейти черезъ улицу, чтобы купить у ткача полотно; ткачу стоитъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, чтобы достать у мельника муки; и сапожникъ, и ткачъ знаютъ также, что ихъ сосѣди сами придутъ къ нимъ за тѣми продуктами, которые они вырабатываютъ. Что же касается до земледѣльца, то онъ находится въ самомъ цвѣтущемъ положеніи; каждый кусокъ земли приноситъ ему пользу и доходъ; хлѣбъ, говядина, баранина, масло, яйца, домашнія птица, сыръ—все это находитъ себѣ сбытъ, и все это дешево, потому что продается на мѣстѣ, и все это кромѣ денегъ даетъ удобреніе, которое постоянно возвышаетъ производительную силу земли.

Нравственныя слѣдствія такого сближенія разнородныхъ людей и промысловъ также очень значительны. Каждое отдѣльное ремесло знакомитъ человѣка съ особенными свойствами того или другого сырого матеріала; каждое изъ нихъ даетъ человѣку особенныя орудія и научаетъ его

особеннымъ пріемамъ; каждое изощряетъ въ человѣкѣ ту или другую способность и направляетъ его природную наблюдательность на ту или другую сторону обыденныхъ явленій. Всякій знаетъ, что у земледѣльца есть свои особенныя метеорологическія примѣты, что пастухамъ извѣстны многія интересныя свойства въ характерѣ домашнихъ животныхъ, что мельники по необходимости пріобрѣтаютъ практическія свѣдѣнія по части механики и гидростатики. Когда множество различныхъ ремесленниковъ живутъ между собою рядомъ и находятся другъ съ другомъ въ ежедневныхъ сношеніяхъ, то они невольно и безсознательно сообщаютъ другъ другу большое количество замѣтокъ и свѣдѣній, которыя возбуждаютъ любознательность, нарушаютъ неподвижность ума и расширяютъ кругъ понятій и возрѣвій. Особенно важны нравственныя слѣдствія такого сближенія для подростающихъ дѣтей. Гдѣ земледѣліе составляетъ единственный промыселъ всего населенія, тамъ не можетъ быть и рѣчи о личныхъ наклонностяхъ или способностяхъ молодыхъ членовъ общества. Къ чему бы ни былъ расположенъ мальчикъ, каковы бы ни были его природныя дарованія, онъ все-таки долженъ непремѣнно браться за соху, потому что внѣ сохи нѣтъ спасенія отъ нищеты. Когда же, напротивъ того, десятки различныхъ ремесленниковъ живутъ на пространствѣ одной квадратной версты, тогда самыя прихотливыя вкусы и самыя разностороннія способности могутъ и должны находить себѣ удовлетвореніе. Кто расположенъ къ сидячей жизни и къ кропотливой работѣ, тотъ пойдетъ въ ученіе къ портному или къ сапожнику; у кого вѣрный глазъ и сильная рука, тотъ сдѣлается плотникомъ; кто владѣетъ тѣмъ же хорошимъ глазомъ при меньшей физической силѣ, тотъ займется столярною работою; кто любитъ работать на открытомъ воздухѣ, тотъ посвятитъ свои силы садоводству или огородничеству; всякому откроется возможность заниматься своимъ дѣломъ съ охотою, по свободному влеченію, а не вслѣдствіе горькой необходимости. Индивидуальныя силы, наклонности и способности заявятъ свое существованіе, и это обстоятельство, во-первыхъ, возвыситъ нравственное состояніе людей, и во-вторыхъ, увеличитъ количество и улучшитъ качество продуктовъ, понизитъ ихъ цѣны посредствомъ усовершенствованій въ производствѣ, усилитъ такимъ образомъ ихъ сбытъ и возвыситъ общее благосостояніе производителей и потребителей.



Наконецъ разнообразіе промысловъ благотворительно тѣмъ, что оно уменьшаетъ зависимость простого работника отъ хозяина или мастера и увеличиваетъ въ первомъ чувство собственного достоинства, принуждая въ то же время второго уважать человѣческую личность своего подчиненнаго. Гдѣ всѣ пахутъ землю, тамъ личность работника не существуетъ; тамъ человѣкъ, идущій за сохой, по свойствамъ своего труда, очень мало отличается отъ лошади или отъ вола, на которыхъ онъ покрикиваетъ и помахиваетъ кнутомъ. Хозяинъ не дорожитъ умомъ и ловкостью своего батрака; онъ совершенно основательно разсуждаетъ, что за сохой съумѣетъ ходить и круглый дуракъ; поэтому онъ и помыкаетъ своими работниками, какъ ему угодно, и гонитъ ихъ съ двора, когда они начинаютъ пускаться въ разсужденія. Замѣнить выгнаннаго работника вовсе нетрудно, потому что особенныхъ достоинствъ и способностей отъ кандидата на такое мѣсто не требуется. Въ ремесленной дѣятельности вопросъ ставится совершенно иначе. Хозяинъ дорожитъ человѣкомъ и смышленнымъ работникомъ, потому что его не скоро замѣнишь. Въ чисто земледѣльческомъ быту принималась въ расчетъ только животная сила человѣка; при ремесленной работѣ, напротивъ того, сила мускуловъ обыкновенно отходитъ на второй планъ, а всего больше обращается вниманіе на искусство, на знаніе дѣла, на сообразительность. Въ ремеслѣ впервые проявляется и признается элементъ личнаго таланта. Этотъ элементъ эмансипируетъ и возвышаетъ ремесленника и смягчаетъ въ отношеніи къ нему хозяина, котораго личный интересъ зависитъ отъ ума и технической ловкости рабочаго.

Въ исторіи среднихъ вѣковъ встрѣчается такой фактъ, который совершенно подтверждаетъ собою предыдущія разсужденія. Первые признаки самостоятельности въ отношеніи къ феодаламъ проявляются между ремесленниками; они образуютъ коммуны и возмущаются противъ епископовъ и бароновъ; изъ нихъ составляется знаменитый *tiers-état*, а въ это время земледѣльцы еще несутъ на себѣ всю тяжесть барщины и разныхъ произвольныхъ поборовъ.

Изъ всего, что было сказано о жизни разросшагося мѣстечка, мы можемъ замѣтить, что сближеніе людей между собой, распространеніе знаній, увеличеніе богатства и нравственное освобожденіе личности зависятъ преимущественно отъ разнообразія занятій, и при существованіи

этого послѣдняго условія естественнымъ образомъ развиваются одно изъ другого.

Для того, чтобы въ каждой отдѣльной личности какойнибудь страны проявлялось разнообразіе занятій, изъ котораго вытекаютъ деятельность, знаніе, богатство и свобода, необходимо существованіе множества мѣстныхъ центровъ притяженія. Если въ какойнибудь землѣ одинъ огромный городъ стягиваетъ въ себя большую часть промышленныхъ силъ страны, то жители находятся въ зависимости отъ этого общаго центра; они принуждены возить свои продукты на этотъ далекій рынокъ, и на этомъ же рынкѣ покупать тѣ фабричныя издѣлія, которыя необходимы имъ для домашняго обихода. Наконецъ изъ жителей не рѣшается устроить какоенибудь промышленное заведеніе внѣ большого центра, потому что не можетъ разсчитывать на сбытъ; разбросанное населеніе поневолѣ занимается исключительно земледѣліемъ и истощаетъ свою почву постояннымъ вывозомъ сырыхъ произведеній, которыя потребляются на далекомъ рынкѣ, и слѣдовательно, не даютъ обратно никакого удобренія. Между тѣмъ въ большомъ центрѣ водятся всякія гадости; туда бѣжитъ все, что голодно, въ надеждѣ найти работу, и находятъ чаще всего крайнюю степень нужды, совершенное нравственное паденіе и преждевременную смерть отъ изнуренія, отъ гнилой пищи, или отъ вынужденнаго разврата; туда бѣжитъ и тѣмъ все, что честолюбиво, въ надеждѣ найти блескъ и повышеніе, и чаще всего находятъ развращающую школу низкопоклонства и ничѣмъ не вознаграждаемаго насилуванія совѣсти; туда же, въ обѣтованную землю всякой роскоши, несутся всѣ люди, стремящіеся пожить на чужой счетъ, начиная отъ безконечнаго числа разныхъ просителей, искателей, и кончая легиономъ шуллеровъ и уличныхъ мошенниковъ. Первые большею частью питаются надеждами и нравственными подзатыльниками, но за то вторые, какъ люди, избравшіе благую часть, обыкновенно находятъ себѣ обильную ловлю рыбы въ мутной водѣ этихъ колоссальныхъ влоакъ нашей великой цивилизаціи. Такимъ образомъ страна, имѣющая одинъ большой центръ притяженія, какъ Лондонъ, представляетъ очень неутѣшительную картину: провинціи постоянно бѣднѣютъ и истощаются; жители тупѣютъ отъ однообразнаго и неблагодарнаго труда; а въ центрѣ собирается вся дрянь страны, вся испорченная кровь, весь гной ея бѣдности, вся квинт-эссенція ея разврата и



нравственной низости, ея страданій и преступленій.

## ХП.

Когда Робинзонъ жилъ одинъ на своемъ островѣ, то ему надо было ходить на охоту, собирать плоды, ловить рыбу, сносить всѣ эти запасы въ свою пещеру, варить или жарить ихъ, готовить себѣ одежду изъ шкуръ, таскать изъ лѣса дрова для отопленія жилища, сооружать и чистить охотничьи и рыболовные инструменты. Все это и можетъ быть много другихъ занятій лежало на немъ одномъ, потому что у него не было союзника и помощника. Когда онъ отправлялся въ лѣсъ за добычей, то запасы, набранные наканунѣ, оставались безъ присмотра и могли быть съѣдены крысами или унесены какимъ нибудь болѣе крупнымъ животнымъ; когда онъ былъ на охотѣ, пища не готовилась ко времени его возвращенія, и одежда, которую онъ началъ шить до своего ухода, оставалась недоконченною. Когда онъ готовилъ пищу, или дошивалъ одежду, время удобное для ловли рыбы могло быть пропущено. Словомъ, Робинзонъ постоянно принужденъ былъ переходить отъ одного дѣла къ другому, причемъ конечно много труда и времени терялось на эти безпрестанные переходы; всѣ занятія, по необходимости, шли плохо, потому что они сталкивались между собою и ежеминутно мѣшали другъ другу. Каждая работа дѣлалась урывками, и ни въ одной не было того постоянного и послѣдовательнаго движенія, которое необходимо для достиженія выгодныхъ результатовъ. Если у Робинзона была жена, то уже всѣ работы должны были идти гораздо успѣшнѣе: пока мистеръ Робинзонъ бродилъ по лѣсу за дичью, или плавалъ по рѣкѣ за рыбой, домашній очагъ охранялся бдительнымъ окомъ мистриссъ Робинзонъ, которая кромѣ того въ это же время варила или жарила мясо, чистила набранные наканунѣ плоды, потрошила наловленную рыбу, или шила одежду; работы не прерывались такъ часто, какъ во время холостой жизни Робинзона, и вслѣдствіе этого, въ этихъ работахъ замѣчалось больше порядка, и отъ нихъ получалось большее количество продукта. Между Робинзономъ и его женою происходили постоянные обмѣны услугъ къ обоюдной выгодѣ обѣихъ сторонъ. Когда подросли дѣти, то быстрота въ обмѣнѣ услугъ значительно увеличилась. Одинъ изъ членовъ семейства охотился за дичью, другой ловилъ рыбу,

третій чинилъ охотничьи инструменты, четвертый варилъ кушанье, пятый шилъ одежду, шестой копалъ землю, такъ что всѣ отрасли работъ одновременно и дружно подвигались впередъ; потомъ продукты этихъ работъ обмѣнивались одинъ на другой; когда вся семья садилась обѣдать, тутъ излишекъ дичи одного обмѣнивался на излишекъ рыбы другого; тутъ съѣстные припасы, добытые однимъ, оплачивали труды другихъ, посвящавшихъ свои силы на приготовленіе кушанья, на шитье одежды, на сооруженіе луковъ, челноковъ и удочекъ. Этотъ обмѣнъ былъ выгоденъ для каждаго, потому что вслѣдствіе такого обмѣна каждый пользовался разнообразнымъ столомъ, каждый былъ одѣтъ, каждый, кому надо было охотиться или ловить рыбу, былъ снабженъ необходимыми инструментами. Трудъ каждаго былъ гораздо производительнѣе, чѣмъ трудъ одинокаго колониста, потому что каждый посвящалъ своему занятію все свое время и все свое вниманіе, не кидався отъ одной работы къ другой и не развлекаясь посторонними заботами и соображеніями.

Эта небольшая семья колонистовъ служитъ прототипомъ общества; въ ней, какъ и въ самомъ многочисленномъ обществѣ, происходитъ раздѣленіе труда и обмѣнъ услугъ; эти два явленія заключаютъ въ себѣ источникъ всѣхъ благотѣльныхъ дѣйствій, которыя существованіе общества производитъ на матеріальное и нравственное положеніе отдѣльнаго человѣка. Чѣмъ многочислѣнѣе общество, тѣмъ значительнѣе можетъ быть раздѣленіе труда, тѣмъ дѣятельнѣе, умнѣе, богаче и свободнѣе можетъ становиться человѣкъ, тѣмъ сильнѣе должны понижаться цѣнности предметовъ и тѣмъ сильнѣе должна возвышаться ихъ польза.

Такъ *можетъ* быть, и такъ *должно* быть, но такъ не бываетъ въ дѣйствительности, потому что люди, кромѣ раздѣленія труда и обмѣна услугъ, всегда вносятъ въ каждое зарождающееся общество элементъ присвоенія чужого труда. Начинается съ того, что мужъ бьетъ свою жену и побоями принуждаетъ ее работать въ то время, какъ самъ онъ лежитъ на спинѣ и грѣется на солнцѣ. Такимъ образомъ нарушается естественное раздѣленіе труда и свободный обмѣнъ услугъ. Мужчина беретъ себѣ большее количество продуктовъ и меньшее количество труда; для установленія равновѣсія въ обмѣнѣ, онъ отпускаетъ женщинѣ нѣсколько ударовъ кулакомъ по лицу, или палкой по спинѣ, и равновѣсіе



дѣйствительно возстановляется, потому что возраженія женщины умолкаютъ послѣ полученія подобной монеты, — и обмѣнъ услугъ продолжается, не смотря на явное нарушеніе справедливости. Какъ мужъ присвоилъ себѣ значительное количество труда жены, такъ родители присваиваютъ себѣ значительное количество труда дѣтей; братья поступаютъ точно такъ же въ отношеніи къ сестрамъ, и старшій братъ въ отношеніи къ младшему; потомъ, когда дѣти становятся взрослыми людьми, а родители дряхлыми стариками, то первые эксплуатируютъ послѣднихъ, и наконецъ, измучивъ ихъ до крайности непосильными работами, предоставляютъ имъ полную свободу умереть съ голода.

Войны и порабощеніе начинаются такимъ образомъ въ самомъ семействѣ и, начавшись однажды, не останавливаются ни на одну минуту; каждый изъ членовъ семейства бываетъ постоянно то побѣдителемъ, то побѣжденнымъ, то рабовладельцемъ, преподающимъ осязательныя внушенія слабѣйшему родственнику, то рабомъ, испытывающимъ убѣдительность такихъ же наставленій со стороны сильнѣйшаго. Значительная доля труда и изобрѣтательности, большое количество физической силы и нравственной идеи тратятся на постоянно повторяющіеся натиски и отпоры, на завоевательныя попытки и на отраженіе такихъ попытокъ. При борьбѣ съ природою человѣкъ никогда не встрѣчаетъ сознательнаго сопротивленія своему сознательному нападенію; при борьбѣ человѣка съ человѣкомъ коса находитъ на камень: насилие встрѣчается съ насилиемъ, хитрость отражается хитростью, суровая воля рабовладельца натывается на пассивное, но сознательное упорство раба. Борьба затягивается, усложняется и принимаетъ на себя безконечное разнообразіе видоизмѣненій. Семейство оказывается для первобытнаго человѣка превосходною школою безнравственности. Изъ этой школы онъ выноситъ очень основательныя свѣдѣнія по части естественнаго гладіаторства и самороднаго макиавеллизма; за предѣлами семейства онъ встрѣчается съ воспитанниками другихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподавались тѣ же элементарныя науки, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями въ программѣ и въ планѣ. Встрѣтившіеся юноши начинаютъ пробовать другъ надъ другомъ силу и убѣдительность своихъ научныхъ аргументовъ и стратегическихъ приѣмовъ. Предѣлы диспутовъ расширяются; первобытные силлогизмы совер-

шенствуются и усложняются. Человѣкъ развертывается во всемъ своемъ величій и производитъ въ этомъ направленіи тѣ же превосходныя усовершенствованія, какія являются въ области производительнаго труда: машины и приложеніе химіи къ земледѣлію. Врискуя ошибиться, можно даже сказать, что элементъ присвоенія развился гораздо быстрѣ, чѣмъ элементы труда и обмѣна услугъ; этотъ первый элементъ достигъ полнѣйшаго совершенства: успѣлъ уже просочиться въ практическое примѣненіе тѣхъ открытій, которыя подарилъ человечеству естествознаніе, составляющее одну изъ важнѣйшихъ и плодотворнѣйшихъ частей элемента труда. Элементъ присвоенія преобладаетъ во всѣхъ существующихъ обществахъ, вездѣ и всегда искажаетъ природу человѣка; во всѣхъ бѣдствіяхъ частной и общественной жизни является единственной причиною страданій и преступленій.

Дойдя до этого элемента и указавъ на него читателю, я уже вышелъ изъ области гипотезъ и реторическихъ выкладокъ и стою теперь на почвѣ исторіи, на почвѣ дѣйствительныхъ фактовъ. Здѣсь я считаю удобнымъ остановиться на несколько минутъ, оглянуться назадъ и въ сѣмъ очеркѣ напомнить читателю добытые результаты, составляющіе въ своей совокупности фізіологическую часть исторіи труда. Мы видѣли, что человѣкъ былъ слабъ и бѣденъ, пока онъ оставался одинокимъ; силы природы, обнаружившія человѣка, не приносили ему почти никакой пользы, а всѣ удобства жизни, начиная отъ самой грубой пищи, имѣли въ его глазахъ самую значительную цѣнность; когда число людей увеличилось, тогда люди стали помогать другъ другу и совокупными силами успѣли одержать надъ природою много важныхъ побѣдъ; каждая такая побѣда увеличивала пользу сырого матеріала и уменьшала цѣнность предметовъ потребленія. Каждая побѣда человѣка надъ природою давала ему въ руки новыя орудія и такимъ образомъ прокладывала ему путь къ новымъ и болѣе важнымъ побѣдамъ. Начавши обработку земли на сухихъ холмахъ, человѣкъ спустился въ тучныя долины, когда увеличилось число людей и усовершенствованіе орудій давали ему возможность вырубить дѣся и осушить болота, покрывавшія плодородную почву. Овладевъ тучной землею, человѣкъ становился богатымъ; въ основаніи его богатства лежало знаніе, дававшее ему господство надъ природою;



тся и развивается вслѣдствіе разныхъ сношеній людей между

эти завязываются и поддерживаются занятиемъ; разнообразіе только въ томъ случаѣ, когда жество небольшихъ, тѣсныхъ мѣстъ. Эти тѣсные центры образуютъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ аномаліи не парализируютъ развитія человѣческаго труда. Общественнаго рода выросли изъ чужого труда, а этотъ трудъ возникъ въ доисторическія времена быту и изъ него раскинулось всѣмъ отраслямъ человѣчества.

Перечень тѣхъ мыслей, которыя на предыдущихъ страницахъ ихъ мыслей указываетъ на такую участь, которая должна собою представлять людей; участь чужого общаго съ тѣми мрачными мыслями наполняютъ всемірную истину. На себя вниманіе современнаго общества сбивались съ настоящаго пути, и природа и до сихъ поръ продолжаютъ другъ друга. Факты эти очень много болѣе печальны. Но эти факты права думать, чтобы было недостижимо. Надо помнить много тысячелѣтій на мѣстѣ съ природой; надо помнить, что не знаютъ ея вполнѣ, кромѣ того, что человѣкъ есть часть природы, всего менѣе доступнаго наблюденію и почти недоступнаго опыту. Очень естественное число ошибокъ, теоретическихъ, относится именно къ самому сложному, самому неизвѣстному, самому интересному въ природѣ. Очень естественно, что химія уже въ настоящее время произвольныхъ гаданій, между естественными и экономическими доктринами представляются очень близкими призраками астрологіи и теософіи. Очень вѣроятно, что истинныя доктрины сложатся истинно-научныя формы и современныя свое вліяніе на практиче-

### XIII.

Когда человѣку хочется ѣсть, и когда онъ видитъ у себя подъ рукою приготовленный запасъ пищи, то въ немъ тотчасъ рождается влеченіе взять эту пищу въ руки и отправить ее къ себѣ въ ротъ. Это влеченіе раздѣляютъ съ человѣкомъ всѣ животныя, съ тою только разницей, что они въ подобныхъ случаяхъ обходятся безъ пособія рукъ. Можно было бы подумать, что это дѣйствіе надъ пищею совершается машинально или инстинктивно, т. е. вообще безъ посредствующаго процесса мысли. Но въ первыхъ, такіе слова, какъ «машинально», «инстинктивно» сами по себѣ ровно ничего не объясняютъ; а во-вторыхъ, есть и прямые опыты, доказывающіе, что дѣятельность мозга обуславливаетъ собою даже эти простѣйшіе поступки: голуби и куры, у которыхъ французскій физиологъ Флурансъ снималъ переднія полушарія головного мозга, глотали пищу только въ томъ случаѣ, когда ее клали имъ въ ротъ и проталкивали до горлового отверстія; когда же ихъ оставляли въ покоѣ, то они умирали съ голода среди дѣльныхъ кучъ хлѣбныхъ зеренъ. Итакъ, мы съ полнымъ основаніемъ можемъ сказать, что человѣкъ захватываетъ приготовленный запасъ пищи вслѣдствіе размышленія. Конечно, размышленіе это въ высшей степени просто, потому что какъ мы уже видѣли, всѣ животныя размышляютъ точно также. Но, именно по своей простотѣ, это размышленіе, доступное всѣмъ людямъ безъ исключенія, оказывало и до сихъ поръ оказываетъ на судьбу нашей породы такое могущественное вліяніе, какимъ не пользуются ни чистѣйшія нравственныя истины, ни величайшія научныя открытія. Изъ этого размышленія развилось все, что составляетъ красоту и гордость нашей цивилизаціи, и все, что составляетъ ея позоръ.

Запасъ пищи, найденный человѣкомъ, могъ быть приготовленъ природою или другимъ человекомъ, захватъ пищи въ первомъ случаѣ является зародышемъ труда, а во второмъ онъ оказывается присвоеніемъ чужого труда и кладетъ основаніе борьбѣ между людьми и порабощенію одного человека другимъ. Въ жизни нашей породы встрѣчались несчетное число разъ оба эти случая, и изъ нихъ развивались всѣ ихъ неизбежныя послѣдствія. Человѣкъ, присвоившій себѣ пищу, приготовленную природою, старался устроить такъ, чтобы природа дала ему



новый запасъ, и эти старанія постепенно превращали охотника въ пастуха, потомъ въ земледѣльца; эти же старанія рядомъ съ земледѣльцемъ создавали кузнецовъ, портныхъ, ткачей и всѣхъ другихъ ремесленниковъ, вооружающихъ человѣка рабочими инструментами, снабжающихъ его одеждой, устраивающихъ его жилище, и доставляющихъ ему на счетъ окружающей природы всѣ возможные удобства жизни. Изъ этихъ же стараній развились искусство и наука, увеличивающія силу человѣка надъ природой, расширяющія его умъ, приготавлиющія ему безконечное разнообразіе наслажденій и доставляющія ему возможность уважать самого себя и, анализируя себя и другихъ, сознательно прощать и любить заблуждающихся людей, такъ дорого платящихъ за свои заблужденія. Между тѣмъ второй случай — захватъ пищи, приготовленной человѣкомъ — повторялся ежедневно, и слѣдствія, неизбежно вытекающія изъ него, развивались гораздо быстрее, чѣмъ тѣ благодѣтельные явленія, въ основаніи которыхъ лежалъ чистый трудъ, не политый слезами и не пропитанный человѣческою кровью.

Всемірная исторія все еще до сихъ поръ принуждена заниматься исключительно политической жизнью людей, потому что, дѣйствительно, факты политической жизни совершенно заслоняютъ собою тѣ проявленія мысли, энергіи и творчества, которыя происходятъ въ лабораторіяхъ, въ мастерскихъ, на поляхъ, вездѣ, гдѣ человѣкъ подмѣчаетъ тайны природы или вводитъ въ процессъ производства тѣ естественныя силы, которыя уже изслѣдованы и обузданы. Исторію интересуютъ преимущественно органическое развитіе государственныхъ формъ, послѣдовательная смѣна системъ, существенныя измѣненія въ законодательствѣ и въ международныхъ отношеніяхъ, пробужденіе въ массахъ политическаго смысла и національнаго чувства.

Кажется набросанная мною рамка достаточно широка; я не думаю, чтобы кто нибудь изъ современныхъ историковъ увидѣлъ въ подобномъ опредѣленіи задачъ исторіи — признаки неуваженія къ наукѣ, или попытку исказить и унижить ея настоящее значеніе. Между тѣмъ, не трудно замѣтить, что элементъ присвоенія составляетъ единственный предметъ изысканій историка. Въ этомъ нисколько не виноватъ историкъ, потому что такова дѣйствительная жизнь, которую изслѣдователь не имѣетъ права украшать и разглаживать. Государственные формы, поли-

тический смыслъ и даже національное составляютъ прямое слѣдствіе элементъ присвоенія, т. е. всѣ эти вещи — или прямое присвоенія, или возникли, какъ отпоръ енію. Государства, всѣ безъ исключенія, дены элементомъ присвоенія; промъ не видѣть въ этой мысли ничего безпонаго и не искать въ ней никакого лудово все не хочу сказать, чтобы всѣ государства были люди буйные и ожадною къ чужой собственности; внаклонности и существовали у нѣкоторыхъ, конунговъ, шейковъ и другихъ логическихъ властителей, то это обстоятельство не можетъ быть возведено въ принципъ. Многія государства возникали потому, что жителямъ извѣстной земли необходимо было бороться для отраженія нападающихъ. Въ другихъ случаяхъ государство возникло потому, что жителямъ необходимо было имѣть такую власть, которая разбираетъ ссоры и своимъ вмѣшательствомъ бы кровопролитія. При такихъ условіяхъ государства было благодѣяніемъ, нуждались въ этомъ благодѣянніи тогда, что заѣзжали въ чужую личность и изъ чужой трудъ. Нападавшіе враги и единоплеменики, по всей вѣроятности, не были признаны людьми; слѣдовательно, въ отпоръ которому возникло государство, было все-таки въ попыткахъ одолѣть трудомъ другихъ. Не было ни одного государства, которое основано съ тою цѣлью, чтобы отражать общими силами гражданъ разбитую землю.

Национальное чувство, къ которому благомыслящій человѣкъ долженъ имѣть такое уваженіе, составляетъ прямо то же недовѣріе и антагонизма, которые рились между отдѣльными группами вслѣдствіе взаимныхъ обидъ и напаившихся все-таки къ присвоенію продуктовъ. Национальное чувство появилось тогда, когда націи приходится защищаться отъ пораженія; такъ было у насъ Минина и въ 1812 году; такъ было во время войны ея съ Наполеономъ — во время ея поголовнаго во 1813 году, во Франціи — при революціи — въ борьбѣ ея съ европейскими коалиціями — съ самаго начала нынѣшняго



возмущившейся противъ турецкаго... Вездѣ это національное чувство... и вызывало къ жизни народъ,... въ самомъ бѣдственномъ поло-... вездѣ это чувство возбуждалось пред-... страданіями или угрожающими... и; вездѣ проявленіе этого чувства... очень тягостными пожертвова-... торыя были необходимы, но все таки... послѣ себя глубокіе слѣды въ мате-... благосостояніи народа.

## XIV.

въ присвоенія конечно составляетъ... о сказать больше: онъ составляетъ... и причину всякаго зла, а между тѣмъ... ный элементъ, этотъ Ариманъ чело-... природы, самъ вытекаетъ изъ совершен-... лаго свойства нашего ума, и притомъ... свойства, которое мы никакъ не... устранить, если бы намъ была пре-... возможность передѣлать по нашему... рѣнія всѣ физическія и интеллекту-... способности человѣка. Это свойство со-... томъ, что умъ нашъ всегда начинается... лность съ самыхъ простыхъ процес-... и, и уже потомъ, укрѣпляясь и совер-... ь, переходитъ къ болѣе сложнымъ про-... ображаетъ вѣроятія и отдаленныя... и, разсматриваетъ и обсуживаетъ яв-... азныхъ сторонъ и точекъ зрѣнія. У... животного есть потребности и желанія,... вязъ отчасти съ сохраненіемъ жизни... , отчасти съ поддержаніемъ жизни по-... говыя силы животного посвящаются... льно изысканію средствъ, ведущихъ... воренію этихъ потребностей и жела-... одствуясь своими внѣшними чувства-... ать, слухомъ, обоняніемъ, осязаніемъ... животное соображаетъ, идти ли ему... ли налѣво, грозитъ ли ему опасность,... его наслажденіе. Животное руковод-... онечно іезуитскою нравственностью;... а оправдываетъ въ его глазахъ сред-... выборъ средствъ животное обнаружи-... мѣ неразборчивости, крайнюю одно-... ь и близорукость соображенія, въ чемъ... превышаетъ іезуитовъ. Рыба хватаетъ... ка, не обращая вниманія на крючокъ, ... ть заключается весь смыслъ трагиче-... да; мышъ развязно вбѣгаетъ въ мы-

шеловку, руководясь запахомъ мяса, и не даетъ... себя труда замѣтить, что въ общемъ видѣ сна-... ряда есть что-то странное и зловѣщее. Такъ дѣй-... ствуютъ животныя и почти такъ дѣйствуютъ... дѣти и дикари. Океанскіе островитяне, пріѣзжая... на европейскіе корабли, обыкновенно начинаютъ... съ изумительной ловкостью воровать все, что... приходится имъ по душѣ. Ихъ за это бьютъ... очень больно веревками, но конечно это ихъ не... унижаетъ. Нельзя сказать, чтобъ воровство было... у нихъ принятымъ обычаемъ, или чтобы оно со-... ставляло ихъ болѣзненную мономанію; нельзя... себя представить, чтобы они переносили съ со-... вершеннымъ равнодушіемъ удары веревками;... ихъ поступки объясняются всего удовлетвори-... тельнѣе крайней простотою тѣхъ умственныхъ... отправленій, на которыя способенъ ихъ мозгъ.

Дикарь разсуждаетъ такъ: я вижу блестящую... пуговицу, она мнѣ нравится, слѣдовательно... тутъ разсужденіе обрывается, потому что дѣло... сдѣлано, пуговица очутилась въ рукахъ нашего... мыслителя, и тутъ начинается новый рядъ со-... ображеній, клонящихся къ тому, чтобы спрятать... прибрѣтенное имущество и напустить на свою... физиономію выраженіе полнѣйшей невинности. Процессъ мысли, разрѣшившійся въ прибрѣте-... ній пуговицы, совершился съ быстротою молніи;... дикарь схватилъ понравившуюся ему вещь съ... такой же непосредственной жадностью, съ какой... рыба хватается червяка. Преимущество дикаря... надъ рыбой ограничивается въ этомъ случаѣ... тѣмъ, что дикарь въ одно мгновеніе успѣваетъ... принять нѣкоторыя предосторожности, которыя... всегда останутся недоступными самой гениальной... рыбѣ. Сходство же дикаря съ рыбой состоитъ въ... томъ, что и тотъ, и другая неспособны ни на ми-... нуту усомниться въ выгоды своего предпрія-... тія и отнести къ нему критически; желаніе... возникло и тотчасъ удовлетворяется, съ боль-... шей или меньшей степенью искусства, провор-... ства и осторожности. Что будетъ потомъ? объ... этомъ дикарь потомъ и подумаетъ, потому что... въ его головѣ не удерживается сложный рядъ... мыслей, въ которомъ причины связывались бы... со слѣдствіями.

Если мы разберемъ значеніе нашего націо-... нальнаго «авось», то замѣтимъ въ немъ несом-... нѣнное родственное сходство съ умозрѣніями... океанійца. Дѣйствія на авось не имѣютъ ничего... общаго ни съ мужествомъ героя, ни съ созна-... тельнымъ рискомъ смѣлаго спекулятора; въ нихъ... просто выражается неуужѣние и нежеланье доду-



мать до конца, неспособность ума въ сложнымъ выкладкамъ и лѣньность мысли, ведущая за собою необходимость оставлять въ туманѣ тѣ слѣдствія, которыми непременно долженъ закончиться данный поступокъ. Строгая общественная нравственность, заключающаяся въ томъ, что каждая отдѣльная личность сознательно несетъ отвѣтственность за свой образъ дѣйствій и отдастъ себѣ и другимъ отчетъ въ каждомъ своемъ поступкѣ — такая нравственность совершенно немыслима въ такой средѣ, въ которой «авось» составляетъ основаніе практической философіи. Общественная нравственность людей вовсе не зависитъ отъ хорошихъ качествъ ихъ сердца или ихъ натуры, отъ обилія добродѣтелей и отъ отсутствія пороковъ. Всѣ подобныя слова не имѣютъ никакого осязательнаго смысла. Нравственность того или другого общества зависитъ исключительно отъ того, на сколько члены этого общества сознательно понимаютъ свои собственные выгоды. Красть невыгодно, потому что если я обокраду удачно сегодня, то меня такъ же удачно могутъ обокрасть завтра, не говоря уже о томъ, что я могу попасться и получить болѣе или менѣе серьезную непріятность. По тѣмъ же причинамъ невыгодно убивать; точно также невыгодны и всякія другія посягательства на личность и собственность ближнихъ и дальнихъ. Если бы всѣ члены общества прониклись сознаниемъ этой невыгодности, то преступленія были бы немыслимы, и вся непроизводительная трата силъ на совершеніе, преслѣдованіе, предотвращеніе и наказаніе преступленій сдѣлалась бы излишней и перестала бы существовать. Но проникнуться такимъ спасительнымъ сознаниемъ не можетъ ни дикарь, ни пролетарій, котораго мысль постоянно направлена на борьбу съ голодомъ. Чтобы быть нравственнымъ человѣкомъ, необходимо быть до извѣстной степени мыслящимъ человѣкомъ, а способность мыслить крѣпнеть и развивается только тогда, когда личность успѣваетъ вырваться изъ-подъ гнета матеріальной необходимости.

Человѣкъ не получаетъ отъ природы ничего готоваго ни внѣ себя, ни внутри себя; ему самому надо устроить себѣ оружіе, рабочіе снаряды, одежду, жилище и даже ту землю, въ которую онъ бросаетъ сѣмена; точно также ему самому надо укрѣпить свои мускулы посредствомъ упражненія и развернуть силы своего мозга также посредствомъ упражненія. Пока дикарь доберется до хорошихъ орудій, ему приходится про-

бавляться плохими; цѣлыя поколѣнія тѣ каменными топорами, потомъ другія работаютъ мѣдными, и такъ идетъ дѣло до изобрѣтенія цѣлыхъ столѣтій. Точно такъ приходится изворачиваться въ жизни плохо развитаго мозга, и весь домашній ственный бытъ дикаря складывается изъ несовершенными отправлениями недоразвитаго органа мысли. Всякое усовершенствованіе даетъ себя чувствовать и въ улучшеніи и въ увеличеніи богатства, и въ возвышеніи общественной нравственности. Но мозгъ развивается чрезвычайно медленно, потому что жизнь дикаря проходитъ въ постоянномъ о пропитаніи, и вся наличная сила тратится на присканіе мелкихъ средствъ жизни къ мелкимъ цѣлямъ. Тутъ некогда обобщать опыты, и потому жизнь дикаря ограничивается и кругъ мыслей расширяется только тогда, когда опытъ бьетъ въ глаза и втирается въ сознаніе. Это дѣйствіе челоука не только неизбежно, но даже необходимо. Если бы первобытному человеку былъ вложенъ въ голову совершенно развитый мозгъ, то вѣроятно этотъ мозгъ былъ бы такимъ же мертвымъ капиталомъ, какъ бы ружье въ рукахъ дикаря, совершенно безполезнымъ съ его употребленіемъ. Мы способны думать только тѣмъ, что мы сами видимъ. Если человѣкъ своими трудами приобрѣтитъ тысячу рублей, то они пойдутъ ему въ расходъ, потому что, приобретая рубль, онъ пріобрѣтаетъ и тысячу другихъ вещей, кромѣ того умѣнье обращаться съ деньгами. Если вы подарите десять тысячъ такому человеку, который не умѣлъ пріобрѣсти ни копейки, то вы не можете случиться, что вашъ подарокъ будетъ разбросанъ на пустыахъ, или въ сундукъ. Точно также, развитой мозгомъ дикаря, какъ милостыня при дѣлѣ, будетъ растроченъ на мелочи или погребенъ въ сонное блаженство, за которымъ мѣнно послѣдовала бы вялость и разслабленіе. Что живетъ въ природѣ, растетъ и развивается, подвергаясь въ своемъ развитіи болѣзненнымъ и тяжелой борьбѣ за существованіе. Человѣкъ, какъ самое сложное явленіе въ природѣ, подвергается въ большей степени, чѣмъ животное, этому общему закону. Присвоеніе чужого труда, борьба между людьми и всѣ ужасы варварскаго быта кажутся прямо изъ тѣхъ простѣйшихъ и грубѣйшихъ мыслей, которые одни доступны млад-



и. Всѣ эти мрачныя явленія состав-  
бѣжную дѣтскую болѣзнь нашей по-  
ство и его болѣзни не должны про-  
вѣчно, и потому въ наше время слѣ-  
крайней мѣрѣ отдавать себѣ отчетъ  
акія именно условія удерживаютъ раз-  
ны людей въ состояніи младенчества  
ютъ временныя болячки въ постоян-  
я фонтанели.

#### ХV.

присвоеніе, заключающееся въ грабежѣ  
давшаеся убійствами, такъ естествен-  
тъ изъ слабости мысли у дикарей и  
точного количества пищи, добывае-  
ми орудіями первобытныхъ людей,  
итъ останавливаться на объясненіи  
нія. Нѣсколько удачныхъ набѣговъ,  
безнаказанныхъ убійствъ пріохочи-  
я къ такимъ занятіямъ, развивали въ  
молодечества, возвышали его въ гла-  
племенниковъ и собирали вокругъ  
людей, искавшихъ добычи и назы-  
е славою. Такъ формировалось зерно  
словія; оно скоро начинало чувстви-  
твѣннѣе къ тѣмъ жалкимъ людямъ, кото-  
ь землю и пасутъ стада; потомъ жал-  
работались; ихъ заставляли платить  
да это вниманіе извѣстной части про-  
дилось въ правильную форму, тогда  
ей, отмѣченная какимъ нибудь об-  
аніемъ, вступала въ историческую  
ь предводительствомъ поработившихъ

однако дальше. Люди всегда нужда-  
сихъ поръ нуждаются во взаимномъ  
гугъ и продуктовъ; одинъ произво-  
ь, другой выдѣлываетъ ткани; если  
гъ второму излишекъ своего хлѣба и  
него въ замѣнъ излишекъ его тка-  
оженіе обоихъ значительно улучшить  
что оба будутъ сыты и одѣты. Этотъ  
угъ производится очень легко и удоб-  
илецъ и ткачъ живутъ между со-  
жомъ сосѣдствѣ; но если они живутъ  
земляхъ и если между ихъ землями  
ы, рѣки, пустыни и моря, то прямой  
овится невозможнымъ; тогда являет-  
ый джентльменъ, который ткачу при-  
бъ, а земледѣльцу ткани; земледѣлецъ  
а очень рады, потому что продукты

эти имъ необходимы, а добрый джентльменъ еще  
болѣе радъ тому, что ему удалось услужить та-  
кимъ достойнымъ людямъ. Но услужливость и  
добродушіе джентльмена обходятся очень дорого  
и ткачу, и земледѣльцу. Ткачъ получаетъ очень  
мало хлѣба, а земледѣлецъ очень мало тканей;  
ткачъ за малое количество хлѣба отдаетъ всѣ  
свои ткани, а земледѣлецъ за малое количество  
тканей отдаетъ весь хлѣбъ, который онъ можетъ  
сберечь отъ своего личнаго потребленія. Ткачъ  
сидитъ впроголодь, а земледѣлецъ оказывается  
полуодѣтымъ; за то добрый джентльменъ пи-  
тается изысканными кушаньями и одѣвается съ  
утонченнымъ изяществомъ; въ его рукахъ оста-  
ется весь хлѣбъ, который не доходитъ до ткача, и  
всѣ ткани, которыхъ не получаетъ земледѣлецъ;  
эти излишки продуктовъ онъ везетъ къ такимъ  
людямъ, которые производятъ табакъ или пря-  
ности; тутъ опять происходитъ та же исторія;  
джентльменъ беретъ у нихъ какъ можно больше  
табаку и даетъ имъ какъ можно меньше хлѣба  
и тканей; потомъ онъ ѣдетъ съ табакомъ въ такое  
мѣсто, гдѣ добываются мѣха, и опять беретъ  
очень много мѣховъ и даетъ очень мало табаку.

Такимъ образомъ, услужливый джентльменъ  
прогуливается по разнымъ землямъ, осыпаетъ  
своими благодѣяніями жителей всѣхъ географи-  
ческихъ широтъ и долготъ, и, не увеличивая ни  
на одинъ золотникъ количества ихъ продуктовъ,  
оставляетъ у себя въ рукахъ столько хлѣба,  
тканей, мѣховъ, табаку и другихъ удобствъ,  
сколько можно оттягать у производителей и по-  
требителей. Конечно эти удобства остаются въ  
рукахъ торговца не въ первоначальномъ своемъ  
видѣ; они превращаются въ болѣе удобную фор-  
му золотыхъ и серебряныхъ монетъ, но сущ-  
ность дѣла отъ этого не измѣняется. Интересы  
торговца идутъ постоянно въ разрѣзъ съ выго-  
дами и потребностями всѣхъ тѣхъ людей, съ ко-  
торыми онъ приходитъ въ соприкосновеніе.  
Ткачъ и земледѣлецъ могутъ обмѣнивать между  
собою свои продукты такъ, что рабочій день  
ткача будетъ отдаваться за рабочій день земе-  
дѣльца, и для обоихъ такой обмѣнъ будетъ вы-  
годенъ, потому что оба хлопочутъ не о томъ,  
чтобы увеличить общую сумму своего продукта,  
а только о томъ, чтобы измѣнить его форму. Но  
между ткачемъ и земледѣльцемъ появляется по-  
средникъ, у котораго нѣтъ никакого продукта;  
онъ берется перевести хлѣбъ въ такое мѣсто,  
гдѣ производится ткани, и обмѣщаетъ возвра-  
титься къ земледѣльцу съ грузомъ тканей, со-



отвѣтствующимъ взятому грузу хлѣба. Очевидно, что и ткачу, и земледѣльцу выгодно, чтобы на перевозку истратилось какъ можно меньше продукта, но торговцу-перевозчику выгодно, напротивъ того, чтобы перевозка обошлась ткачу и земледѣльцу какъ можно дороже, потому что вся сумма продукта, поглощенная перевозкой, идетъ въ его пользу. Поэтому ткачъ и земледѣлецъ желаютъ оба, чтобы обмѣнъ между ними совершался какъ можно легче, чтобы разстояніе между ними сокращалось и чтобы число и величина препятствій становились какъ можно меньше; ткачъ и земледѣлецъ стараются сблизиться между собой и завязать непосредственныя сношенія. Купецъ напротивъ того желаетъ, чтобы производитель и потребитель были какъ можно дальше другъ отъ друга, чтобы непосредственныя сношенія между ними были совершенно невозможны, чтобы препятствія, лежащія между ними, были или, еще лучше, казались обѣимъ сторонамъ чрезвычайно значительными.

Обмѣнъ услугъ и продуктовъ составляетъ ту общую цѣль, къ которой стремятся всѣ люди; торговля есть дорога, ведущая къ этой цѣли; чѣмъ эта дорога прямѣе и короче, тѣмъ выгоднѣе для производителя и потребителя; чѣмъ она длиннѣе и запутаннѣе, тѣмъ выгоднѣе для торговца, стоящаго между производителемъ и потребителемъ. Купить дешево и продать дорого — вотъ то золотое правило, которое всегда руководило торговцами, а это правило можетъ быть выполнено въ самыхъ роскошныхъ размѣрахъ тогда, когда производитель и потребитель не знаютъ другъ друга и не имѣютъ возможности условиться между собою на счетъ цѣны и достоинства продуктовъ.

Средства мѣшать сношеніямъ людей между собою очень незамысловаты; они были извѣстны всѣмъ торговцамъ древняго міра и въ существенныхъ чертахъ своихъ остались неизмѣненными до нашихъ временъ. Морская торговля и морской разбой постоянно помогали другъ другу; финикіане, малоазійскіе греки и жители острововъ Архипелага съ одинаковымъ успѣхомъ занимались и тѣмъ, и другимъ. Когда въ какомъ нибудь поселеніи проявлялось желаніе жителей удовлетворять своимъ потребностямъ безъ помощи торговцевъ, когда зарождались первые начатки разнообразія занятій и когда, такимъ образомъ, ткачъ пытался поселиться рядомъ съ земледѣльцемъ, — тогда конечно торговцы старались немедленно искоренить такія предосуди-

тельные стремленія. Къ италянцамъ, въ приставала сильная флотилія; съ ними шли вооруженные люди; мѣстечко, въ часть его жителей погибала въ снѣгъ, оставался въ живыхъ и не успѣвалъ въ какую-нибудь трупобу, тотъ обрѣтъ товаръ и продавался въ рабство въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ за рабовъ давали хорошіе деньги. такого разгрома, оставшіеся жители изъ своихъ убѣжищъ и конечно не могли были употреблять всѣ свои силы на пищу; о ремесленныхъ занятіяхъ нечего думать; людей оставалось слишкомъ мало; всѣ заведенія вмѣстѣ съ орудіями были истреблены разгнѣванными торговцами. Разумѣется, зависимость оставшихся отъ сосѣднихъ воиновъ и торговцевъ была совершенно безотвѣтной, и всякое стремленіе къ промышленной самостоятельности было на многіе десятки лѣтъ.

Сила торговцевъ состояла преимущественно въ томъ, что въ ихъ рукахъ была масса перевозочныхъ средствъ; они были капиталами кораблей и мореплавателями, они знали самые удобные пути, они умѣли обходить подводные камни и выбирать для своихъ путешествій лучшее время года; если дѣло шло о сухопутной торговлѣ, то имъ были извѣстны свойства почвы, нравы жителей, мимо которыхъ лежалъ каравановъ; они знали, какъ проходить по песчанымъ пустынямъ и гдѣ отыскивать оазисы и источники воды, они держали верблюдовъ, приученныхъ ко всякой походной жизни; и наконецъ какъ сухопутные, такъ и морскіе торговцы знали въ каждой странѣ въ какихъ краяхъ господствуютъ и каковы недостатки въ тѣхъ или другихъ предметахъ, т. е. другими словами, на какомъ предметѣ можно купить какой нибудь предметъ дешевле, а продать его за дорогую цѣну. Всѣ эти знания и имущество оберегались торговцами самымъ тщательнымъ образомъ: торговые пути и карфагеняны считались государственными, и путешественники этихъ націй несли умышленно самыя недѣльныя трудности въ далекихъ земляхъ, которыми они посѣщали какое нибудь сосѣднее племя, то купцы, видя въ нихъ будущіхъ куррентовъ, при первой возможности вали ихъ въ плѣнъ или пускали въ море, иногда тѣмъ и кончалось дѣло, а иногда племя затѣвало войну, послѣ



ились властителями моря и на нѣ-  
ени избавлялись отъ всякаго сопер-  
воинами, не пускавшими въ тор-  
іятія, купцы жили въ самыхъ дру-  
шеніяхъ; воины были самыми луч-  
телями; они сбывали купцамъ за-  
лѣнниковъ и ту часть добычи, ко-  
а удобна для ихъ личного употребле-  
е путемъ уходила значительная  
и, которую воины собирали нату-  
ощенныхъ земледѣльцевъ и со всей  
ассы; купцы давали имъ въ замѣнъ  
кожи, привезенные изъ далекихъ  
ти предметы войны давали очень  
ы и находили такіа покушки чрез-  
одными, потому что продукты, ко-  
расплачивались, были произведены  
стыхъ смертныхъ и не стоили са-  
ь ни малѣйшаго личного труда. До-  
между воинами и купцами всею  
ью лежало на плечахъ трудящагося  
; чѣмъ туже набивался кошелькъ  
бмъ чаще появлялись затѣйливыя  
толѣ воина, или пестрыя ткани въ  
бмъ сильнѣе голодалъ земледѣлецъ,  
становились его орудія и тѣмъ пол-  
его порабощеніе.

исторія представляетъ много при-  
хъ зачинавшихся цивилизацій, ко-  
ла были пріостановлены войной и  
потомъ погибли безъ слѣда подъ  
дѣній, насыпанныхъ на развитіе  
ыми руками купцовъ и героевъ.  
говля, какъ два главные вида прис-  
икаютъ чрезвычайно рано въ каж-  
ощемся обществѣ людей; исторія не  
лѣдитъ ихъ происхожденія, потому  
находить ихъ уже существующими;  
аго народа начинается даже обыкно-  
сихъ нибудь сказочныхъ преданій о  
двигахъ и о пріобрѣтеніи богатой  
тъ какъ добыча эта навѣрное куда  
алась и на что нибудь обмѣнивалась,  
война и торговля относятся къ раз-  
фактовъ, которые, подобно языку,  
варварскимъ начаткамъ земледѣлія,  
въ глухія времена неопредѣлимой  
ойна и торговля совершенно доступны  
находящимся на очень низкой сте-  
наго развитія. Для войны требуется  
сила, изъ которой естественнымъ  
звивается самонадѣянность и отвага;

а для торговли необходима хитрость, т. е. умѣнье  
прикладывать мелкія средства къ достиженію  
мелкихъ цѣлей. Для войны не требуется ника-  
кихъ знаній, а при торговлѣ принимаются въ  
разсчетъ только такіа знанія, которыя легко  
усвоиваются дикаремъ и не нуждаются въ из-  
слѣдованіи и въ анализирующемъ трудѣ мысли.  
Торговцу надо помнить дороги и подводные камни,  
надо примѣняться къ обычаямъ иностранцевъ и  
знать по нѣскольку словъ изъ ихъ языковъ,  
надо соображать, куда везти купленный товаръ  
и что брать за него въ обмѣнъ. Всѣ эти свѣдѣ-  
нія, при ограниченномъ объемѣ торговыхъ опе-  
рацій, пріобрѣтаются очень легко, путемъ прос-  
того навыка, безъ содѣйствія тѣхъ сложныхъ  
процессовъ мысли, къ которымъ неспособенъ  
мозгъ первобытнаго человѣка.

## XVI.

Могущество торговца и его господство надъ  
первобытнымъ обществомъ основано преим-  
ущественно на томъ обстоятельстве, что онъ  
одинъ владѣетъ перевозочными средствами. Когда  
число людей увеличивается и населеніе ста-  
новится гуще, тогда власти торговаго сословія  
наносится первый значительный ударъ; между  
деревнями, мѣстечками и городами проводятся  
дороги, которыя даютъ каждому изъ жителей  
возможность нести и везти свои продукты на  
различные рынки. Когда не было дорогъ, тогда  
каждый производитель поневолѣ принужденъ  
былъ продавать свои произведенія на мѣстѣ  
странствующему купцу, у котораго были лодки  
и корабли для рѣчной и морской перевозки, или  
верблюды, волы, ослы и мулы для перевозки  
черезъ горы, луговые степи и песчаные пус-  
тыни. Чѣмъ лучше становятся дороги, тѣмъ  
доступнѣе дѣлается перевозка каждому изъ про-  
изводителей; шоссейныя дороги покрываются  
цѣлыми обозами сельскихъ продуктовъ, а когда  
шоссе, въ свою очередь, смѣняется желѣзною  
дорогой, тогда длинные ряды вагоновъ почти  
совершенно уничтожаютъ разстояніе между про-  
изводителемъ и потребителемъ, такъ что купецъ,  
назначавшій въ былое время свои цѣны съ дик-  
таторскимъ самовластіемъ, превращается теперь  
въ скромнаго комиссіонера, получающаго за свой  
трудъ опредѣленный процентъ. Во время вла-  
дычества купца, при отсутствіи путей сообщенія,  
значительное количество человѣческаго труда  
тратилось на перемѣщеніе продуктовъ. Цѣлые ле-



гіоны разныхъ погонщиковъ и ямщиковъ проводили всю свою жизнь въ странствованіи по горамъ и пустынямъ; къ этому же классу людей слѣдуетъ отнести лодочниковъ, бурлаковъ и матросовъ; все они не производили ни одного зерна, и пропитаніе ихъ дѣликомъ ложилось на земледѣльцевъ.

Всякое улучшеніе дорогъ клонится къ уменьшенію этой непроизводительной траты труда: на шоссе тройка лошадей можетъ свезти тотъ грузъ, который на простой дорогѣ свезутъ пять лошадей, слѣдовательно какъ количество лошадей, такъ и количество людей, трудящихся при перевозкѣ, уменьшается почти на половину при переходѣ съ простой дороги на шоссе. Паровозы сгоняютъ съ дороги всѣхъ лошадей и почти всѣхъ людей; такъ точно поступаютъ рѣчные пароходы съ бурлаками, и морскіе пароходы съ матросами купеческихъ судовъ; въ экономіи оказывается огромная масса лошадиного и человѣческаго труда, и эта экономія на первый разъ производитъ тягостный застой рабочей силы, потому что люди, привыкшіе къ извѣстному роду занятій, не знаютъ, куда пристроить себя; но застой этотъ не можетъ быть продолжителенъ, потому что никогда и нигдѣ еще земледѣліе не доходило до такой степени совершенства, при которой приложеніе новыхъ рабочихъ силъ къ землѣ было бы дѣломъ излишнимъ. Мы теперь даже не знаемъ, можетъ ли быть достигнуто такое положеніе; вѣроятно же то, что производительныя силы земли могутъ увеличиваться безгранично и что каждое новое приложеніе труда къ обработкѣ земли будетъ всегда вознаграждаться соотвѣтственнымъ приращеніемъ продукта. Если даже производительныя силы земли имѣютъ предѣлы, то предѣлы эти далеко не достигнуты и для насъ, съ ближайшимъ нашимъ потомствомъ, недостижимы; слѣдовательно во всякомъ случаѣ, экономія труда по теоріи должна быть признана выгодной; если же мы видимъ иногда въ исторіи и въ жизни, что устраненіе людей отъ производительныхъ занятій ведетъ за собою множество индивидуальныхъ страданій, то мы должны искать причины этихъ страданій не въ развитіи путей сообщенія, а въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя предшествовали этому развитію.

Преобладаніе военнаго и торговаго элемента всегда и вездѣ мѣшаетъ разнообразію занятій, затрудняетъ сношенія и сближеніе между людьми, дѣлаетъ невозможнымъ прямой обмѣнъ продуктовъ и быстрое обращеніе мыслей и такимъ

образомъ удерживаетъ массы на низкомъ уровнѣ промышленнаго и культурнаго развитія. Каждая отдѣльная личность въ нихъ порабощена, затерта произволомъ и мнительнымъ однообразіемъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ. Такая личность не знаетъ ни своихъ способностей, ни тѣхъ отраслей дѣятельности, которыми могутъ быть примѣнены эти способности. Для такой личности каждая работа, даже самая благодѣтельная, составляетъ истинное несчастье, потому что за ней всегда въ распахъ и всегда повсюду безвыходное недоумѣніе. Приложеніе силъ всегда найдется, но чтобы изъ ходима смѣтливости и предприимчивости свойства не существуютъ, потому что исторически истреблялись всею совокупностью обстоятельствъ, развившихся изъ присвоенія въ далекомъ историческомъ и историческомъ прошедшемъ. Само себѣ мѣется, что эта совокупность неблагоприятныхъ обстоятельствъ не могла произойти отъ путей сообщенія, которое, напротивъ, ставляетъ первый шагъ къ освобожденію вѣческой личности и къ возвышенію состоянія трудящихся массъ. Сначала общенія облегчаютъ перевозку, но мало по малу избавляютъ производителей отъ необходимости перевозить продукты.

Эта послѣдняя мысль можетъ показаться парадоксальной, но не трудно убѣдиться, что она не заключаетъ въ себѣ ни натяжки. Всякое усовершенствованіе сообщенія передаетъ, какъ мы видимъ, производителямъ часть барышей, доселе прежде посредникамъ, т. е. торговцамъ. Когда купецъ становился богатымъ, онъ употреблялъ свое богатство—или на торговые операціи, или на удовлетвореніе прихотей, которыя естественнымъ образомъ возникаютъ у обезпеченнаго человека. Въ первомъ случаѣ, господство купца надъ производителями, потребителями и мелкими торговцами становилось тѣмъ неотразимѣе, чѣмъ увеличивалось количество капитала, пускавшагося въ дѣло. Въ увеличеніи этого господства не было ничего утѣшительнаго ни для дѣла, ни для трудящейся массы. Во второмъ случаѣ купецъ тратилъ свое богатство въ разныя дѣла, въ торговые и промышленные центры, черезъ это увеличивалась притягательность этихъ центровъ, которые и безъ того



провинцій лучшіе соки ихъ продуктовъ; въ то же время, такая трата поощряла производство предметовъ роскоши. Положеніе дѣла совершенно измѣняется, когда огромный барышъ купца раздѣляется между производителями такъ, что каждый изъ нихъ получаетъ небольшой излишекъ. Этотъ излишекъ тратится непременно или на то, что необходимо для личнаго потребленія, или на улучшение орудій производства.

Наступаетъ въ обществѣ недовѣрчивые чины, которые, считая себя практическими людьми, немедленно поражаютъ мою аргументацію ими: «мужикъ пропьетъ! Чѣмъ больше потратитъ, тѣмъ больше въ кабакахъ оставитъ!» — и ни сильно звучитъ въ этихъ словахъ истинная нота, тѣмъ не менѣе приходится признать возраженіе недовѣрчивыхъ читателей совершенно неосновательнымъ. И статистическія таблицы, и наблюденія всевозможныхъ путешественниковъ, и доклады разныхъ спеціальныхъ комиссій доказываютъ самымъ положительнымъ образомъ, что пьянство и всякое развѣсившееся развивается всего сильнѣе въ бѣдныхъ массахъ и въ бѣднѣйшихъ классахъ. Люди умираютъ съ голоду, что имѣетъ и фیزیологическое, и экономическое основаніе. Чарка водки дешевле куска мяса, а между тѣмъ алкоголь увеличиваетъ количество выдыхаемой углекислоты, медленнѣе такимъ образомъ перегараніе органическихъ тканей, даетъ работнику возможность поддерживать свои силы меньшимъ количествомъ пищи.

Странная такимъ образомъ возраженіе отечественныхъ практиковъ, производящихъ свои экономическія наблюденія на пространствѣ пяти квадратныхъ верстъ, я повторяю, что изъ избытка достигающійся производителямъ, будетъ израсходованъ ими — или на пищу, платье и жилище, или на рабочіе инструменты. Въ томъ и другомъ случаѣ общество получаетъ прямую пользу. Когда производитель сытъ, одѣтъ и живетъ въ сухомъ тепломъ и свѣтломъ помѣщеніи, а онъ работаетъ больше, охотнѣе и успѣшнѣе. Здоровье его улучшается; средняя продолжительность жизни увеличивается, способность ноженія становится сильнѣе, и общество богатеетъ и богатѣетъ; вмѣстѣ съ многолюдствомъ развивается разнообразіе занятій, развивающее примчивость и изобрѣтательность, движеніемъ усиливается вмѣстѣ съ обменомъ продуктовъ, и общество во всѣхъ своихъ слояхъ съ каждымъ годомъ становится богаче, дѣятельнѣе

и счастливѣе. То же самое происходитъ въ томъ случаѣ, когда производитель затрачиваетъ свой излишекъ на улучшеніе орудій, потому что за улучшеніемъ орудій конечно слѣдуетъ приращеніе продукта, которое ведетъ за собою новое улучшеніе и такимъ образомъ подаетъ сигналъ къ постоянно ускоряющемуся движенію впередъ. Движеніе это совершается тѣмъ скорѣе, чѣмъ меньше труда и времени тратится на перевозку, а я сказалъ уже выше, что улучшеніе путей сообщенія не только облегчаетъ перевозку, но даже постепенно устраняетъ ея необходимость.

Вотъ какъ это дѣлается: когда производители увеличиваютъ количество своихъ закупокъ и заказовъ, то такое увеличеніе очень скоро замѣчается фабрикантами и ремесленниками; производителей такъ много, что если каждый изъ нихъ прибавитъ только по пяти копѣекъ къ своимъ ежемѣсячнымъ расходамъ, то эта прибавка составитъ уже замѣтный расходъ для ихъ поставщиковъ. Поставщикъ, постоянно получающій много заказовъ изъ одного мѣста, постарается конечно приблизиться къ этому мѣсту, рассчитывая совершенно основательно, что заказовъ будетъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше будутъ препятствія, заключающіяся въ разстояніи и въ перевозкѣ. Когда къ кузнецу, живущему въ городѣ, постоянно приводятъ дляковки по десяти лошадей въ день изъ большого села, лежащаго верстъ за пятнадцать отъ городской заставы, то кузнецъ можетъ совершенно основательно предположить, что въ этомъ селѣ живутъ лошадей только тѣ мужики, у которыхъ есть надобность побывать въ городѣ; кто побѣдитъ, кто бережетъ каждый часъ времени, тотъ оставитъ свою лошадь некованной, а между тѣмъ и этотъ мужикъ подковавъ бы свою лошадь, если бы кузнецъ жилъ въ селѣ; далѣе кузнецъ соображаетъ, что у него въ городѣ много конкурентовъ и что городской работы на всѣхъ не хватаетъ; тогда онъ переселяется на лоно сельской природы, къ великому удовольствію мужиковъ и къ великой пользѣ всѣхъ лошадиныхъ ногъ. Такъ точно разсуждаетъ и поступаетъ плотникъ, котораго часто требуютъ съ топоромъ въ село для сооруженія избъ, амбаровъ, скотныхъ дворовъ и всякихъ другихъ хозяйственныхъ построекъ. Пока мужики ходили въ лаптяхъ, сапожнику нечего было дѣлать въ селѣ, и тѣ богатые крестьяне, которые могли позволять себѣ эту роскошь, принуждены были покупать сапоги въ городѣ; когда выгодный сбытъ



сельскихъ продуктовъ помимо благотѣльныхъ купцовъ далъ возможность всѣмъ мужикамъ обуваться по человѣчески, тогда въ селѣ появился свой сапожникъ. Чѣмъ богаче становятся крестьяне, тѣмъ больше заводится въ ихъ селѣ ремесленныхъ и торговыхъ заведеній; образуется мѣстный центръ, удовлетворяющій всѣмъ потребностямъ мѣстныхъ жителей; крестьянинъ кормитъ ремесленника и сбываетъ такимъ образомъ свой хлѣбъ, а ремесленникъ одѣваетъ и обуваетъ крестьянина и сбываетъ такимъ образомъ свой трудъ. Сырые продукты, получающіеся на мѣстѣ, тутъ же на мѣстѣ перерабатываются, потребляются и возвращаются землѣ въ видѣ разнообразнаго удобренія. Крестьянину не зачѣмъ ѣхать въ городъ ни для продажи, ни для покупки, стало быть его производство увеличивается всѣмъ тѣмъ количествомъ труда и времени, которое прежде тратилось на разъѣзды. Но если мы припомнимъ первоначальную причину этого сбереженія, то увидимъ, что она заключается въ томъ улучшеніи путей сообщенія, которое избавило крестьянина отъ тиранической власти купца и увеличило заработокъ первого, уменьшивъ хищные барыши послѣдняго.

## XVII.

Пути сообщенія приносятъ обществу значительнѣйшую долю пользы въ томъ случаѣ, когда они содѣйствуютъ образованію и развитію мелкихъ мѣстныхъ центровъ; эти мѣстные центры противодействуютъ притягательной силѣ большихъ центровъ и распространяютъ во всей странѣ то разнообразіе занятій, которое прежде сосредоточивалось исключительно въ главныхъ городахъ. Чтобы достигнуть этой цѣли, пути сообщенія должны быть пролагаемы и улучшаемы именно такъ и именно тамъ, гдѣ и какъ того требуютъ выгоды производителей и потребителей. Надобно, чтобы производитель прямо съ своего поля или гумна могъ везти хлѣбъ на ближайшій рынокъ по такой дорогѣ, на которой, по крайней мѣрѣ, не вязли бы по ступицу колеса телѣги и не надрывались бы животы лошадей; необходимо слѣдовательно, чтобы пути сообщенія устраивались и улучшались прежде всего между отдѣльными деревнями и между деревнею и ближайшимъ городомъ; необходимо, чтобы облегчалась та часть перевозки, которая падаетъ прямо на одного производителя.

Большая часть экономистовъ разсуждаетъ

иначе. Они очень мало заботятся о продуктахъ и о разнообразіи занятій въ обществѣ; все вниманіе ихъ устремлено на общую связь общества съ другими обществами. Большое богатство различныхъ товаровъ, которое въ обществѣ определяется, по ихъ мнѣнію, тѣмъ количествомъ продуктовъ, которые вывозятся за границу и ввозятся изъ-за границы; тѣмъ самымъ перевѣшиваетъ ввозъ, тѣмъ радостнѣе встрѣчаютъ патристическія сердца экономистовъ. Такимъ образомъ и питаютъ самую въ обществѣ связанность къ барышамъ купца, эти экономисты заботятся исключительно о такихъ путяхъ сообщенія, которые соединяютъ между собою главные центры, или о такихъ, которые ведутъ изъ большого центра съ приморскимъ центромъ, пускающимъ продуктъ за границу. Эти экономисты приносятъ самую существенную выгоду обществу, а не доставляютъ никакой выгоды производителямъ; продуктъ, свезенный въ главный центръ, сосредоточился уже въ этомъ центръ, слѣдовательно перевозка этого продукта въ другой центръ или въ приморскій центръ составляетъ заботу торговцевъ, а не производителей. Эта перевозка ведетъ за собою толпы кушеческихъ барышей и расширеніе операций. Въ это самое время, когда эти экономисты приходятъ возить свои продукты въ своихъ деревень въ ближайшіе города, десятки или шестьдесятъ верстъ, они заботятся о своихъ лошадяхъ и ломаныхъ телѣгахъ, такъ что тяжелая часть пути лежитъ на производителѣ, а не на торговцѣ. Тѣмъ какъ она снята съ торговцевъ, но экономисты, принадлежащіе по преимуществу къ той школѣ эстетиковъ, которая признаетъ за высшее и прекрасное, не снисходительны къ низкимъ предметамъ сѣрдечной жизни. Статистика не считаетъ числа испорченныхъ мужицкихъ ломанныхъ колесъ, и поэтому экономисты заботятся только о тѣхъ возвышенностяхъ, съ которыми приходится бороться капиталамъ, обращеннымъ въ торговлю, а между тѣмъ не думаютъ помнить, что благосостояніе всего общества зависитъ гораздо больше отъ числа сильныхъ и здоровыхъ лошадей, работающихъ, чѣмъ отъ числа рублей, долларовъ и стерлинговъ, составляющихъ годовое производство того или другого первокласснаго товара. Этому экономистамъ и всѣмъ другимъ



душою объ общественномъ благѣ, тѣшало бы отъ времени до времени свое просвѣщенное вниманіе съ прекрасныхъ линий желѣзныхъ дорогъ и пошлые предметы, называющіеся бѣи грязными проселками. Въ нихъ-то заключается вся сила путей сообще- а по крайней мѣрѣ, которая можетъ и одѣть мужика, научить его умудѣлать его зажиточнымъ и полезнымъ б.

рѣки и каналы страны могутъ быть ровеносными сосудами, въ которыхъ я питательные соки общественнаго всѣ люди, правильно понимающіе дѣй- те интересы общества, должны желать, питательные соки обращались какъ номѣриѣ и быстрѣе, чтобы они не съ ни въ какомъ мѣстѣ кровеносной тобы нигдѣ не происходило приливовъ и одна часть страны не страдала ма- . Любители общественнаго блага, за- торговли и купеческихъ барышей напротивъ того, что о быстротѣ и ости внутренняго обращенія забо- стоить. Они полагаютъ, что счастье удетъ совершенно обезпечено, если возможность вскрыть одну изъ боль- герій, и затѣмъ постоянно отсылать етъ отослать этой крови. Чѣмъ больше етъ притягиваться къ рабѣ и выте- жу, тѣмъ богаче и могущественнѣе ановиться весь организмъ общества. еніе употреблено здѣсь вовсе не для кога. Не трудно будетъ доказать, что льно вѣрно. Панегиристы заграничной совѣтуютъ тѣмъ странамъ, въ кото- развита мануфактурная дѣятельность, сырые продукты и обмѣнивать ихъ на ыя сукна, шелковыя и бумажныя ма- льныя орудія и всякія другія фабрич- зведенія. Такъ дѣлается теперь во мно- нахъ, но панегиристы доказываютъ, и всегда должно дѣлаться, потому что а государства должны быть чисто зем- кими, а другія промышленными; за- о считается рѣшеннымъ въ теоріи, и ия направляются къ тому, чтобы на усилить вывозъ сырыхъ произведеній странъ, которымъ велѣно быть чисто ческими.

Но тутъ представляется маленькое затрудне- ніе. Земля родитъ хорошо воспроизведеніи нѣ- сколькихъ лѣтъ, а потомъ становится скупой, и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, такъ что даже оста- вленіе земли подъ паромъ не поправляетъ дѣла. Тогда истощенный участокъ покидается и вмѣсто него разрабатывается полоса новой земли; это разрабатываніе сопряжено съ значительными трудностями и только на ограниченный проме- жутокъ времени поправляетъ положеніе земле- дѣльца, потому что новая земля также исто- щается и начинаетъ отказывать въ урожаяхъ. Снова является необходимость распахать новъ, и такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока не ока- жется, что вся земля выпажана и истощена. А потомъ? Потомъ человѣку приходится бѣжать куда нибудь вдаль, искать опять новыхъ земель, какъ бѣгутъ американскіе землевладѣльцы на западъ съ такихъ земель, которыя только пять- десять лѣтъ тому назадъ были заселены. Но вѣдь и западъ не безконеченъ; придется когда нибудь добѣжать до Великаго Океана и поворо- тить назадъ, на опустошенную глушь, поросшую бурьяномъ и сорными травами. Вывозить сырой продуктъ все равно, что срѣзывать верхніе слои земли и отправлять ихъ за море; срѣзавши нѣ- сколько слоевъ, человѣкъ находитъ, что больше нечего рѣзать, потому что онъ дошелъ уже до того грунта, который не даетъ ему нищи, и слѣ- довательно, для продажи за границу также не годится. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что та- кой образъ дѣйствій въ народномъ хозяйствѣ совершенно соответствуетъ вытягиванію крови изъ животнаго организма. Всякому деревенскому свинопасу извѣстно, что земля родитъ хлѣбъ хорошо тогда, когда ее удобряютъ; а удобреніе есть тотъ же сырой продуктъ, прошедшій черезъ желудки людей и животныхъ и возвращающійся въ землю. Если продуктъ отправить за границу, то съ удобреніемъ приходится проститься. Тѣ хозяева, которые, держатъ скотъ для удобренія и въ то же время отправляютъ цѣлые обозы зер- нового хлѣба на дальніе рынки, утѣшаютъ себя сладкими, но обманчивыми мечтами. Земля ихъ медленно истощается. Чтобы сохранять и уве- личивать свою производительную силу, земля должна получать обратно, въ видѣ удобренія, весь сырой продуктъ, снятый съ нея при уборкѣ хлѣба. Если мы будемъ давать ей только часть этого продукта, то она будетъ становиться бѣд- нѣе, хотя конечно не такъ быстро, какъ въ томъ случаѣ, когда бы мы не возвращали ей ни-



чего. Цвѣтущее земледѣліе существуетъ только въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ весь сырой продуктъ перерабатывается и сѣдается на мѣстѣ, а это возможно только въ тѣхъ частяхъ земли, въ которыхъ разнообразіе занятій и развитіе промышленности позволяютъ людямъ сдвигаться въ тѣсныя группы и устраивать множество мелкихъ центровъ. Земледѣліе идетъ хорошо въ Англіи, еще лучше въ Бельгіи и въ Сѣверной Германіи, то-есть именно въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ всего сильнѣе развита мануфактурная дѣятельность. Земледѣліе идетъ плохо въ Россіи, въ Турціи, въ южныхъ штатахъ Америки, то-есть именно въ тѣхъ странахъ, которыя обречены учеными людьми на исключительно земледѣльческую роль.

Изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что чисто земледѣльческая страна, съ успѣхомъ занимающаяся земледѣліемъ, есть чистѣйшій мѣшъ. Созданіе этого мѣша, стоящаго рядомъ съ законами Мальтуса и Рикардо, дѣлаетъ величайшую честь блестящей фантазіи ученыхъ изобрѣтателей, но къ явленіямъ и фактамъ дѣйствительности этотъ мѣшъ относится точно такъ же, какъ относится къ нимъ Оберонъ и Титанія. Въ дѣйствительности есть земли, производящія въ изобиліи хлѣбъ и ткани, сырые продукты и фабричныя издѣлія, и есть другія земли, которыя не производятъ ничего, кромѣ сырья, но за то и сырьѣ производятъ мало. На этихъ послѣднихъ земляхъ вовсе не лежитъ никакая нибуль печать отверженія; онѣ могутъ также завести у себя мануфактуры, оживить свое населеніе разнообразіемъ занятій и устроить множество мелкихъ центровъ производства и потребления. Когда онѣ сдѣлаютъ это, тогда и сырье будетъ рождаться у нихъ въ большемъ количествѣ, а пока онѣ будутъ слушать мудрыхъ экономистовъ и гнаться только за усиленіемъ вывоза, до тѣхъ поръ имъ придется только дивиться тому, какъ это чисто земледѣльческая страна не можетъ завести у себя порядочнаго земледѣлія; чѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе будетъ упорство въ этомъ направленіи, тѣмъ полнѣе будетъ истощеніе земли и тѣмъ ужаснѣе будутъ нищета, невѣжество и порабощеніе жителей.

Изъ всего, что было говорено выше, слѣдуетъ, что пути сообщенія полезны тогда, когда пробуждаютъ мѣстную жизнь и содѣйствуютъ образованію мелкихъ центровъ. Но путями сообщенія можетъ овладѣть торговый элементъ, или какая нибуль другая сила, развивающаяся изъ того же

общаго начала—и тогда пути сообщенія, женные не тамъ гдѣ слѣдуетъ, могутъ ускорить движеніе общества къ истощенію къ подавленію всякой внутренней промышленности и къ порабощенію жителей, образу на вѣчное однообразіе труда и на беззависимость отъ наглаго произвола цевъ и отъ непрерывныхъ колебаній далекихъ рынковъ.

### XVIII.

Чтобы передвигать или перевозить на мѣсто сырой матеріалъ, человѣку только величину и вѣсъ его, то-есть тѣла, которыя опредѣляются простыми тѣлствомъ чувствъ. Чтобы производить матеріалъ механическія или химическія, необходимо имѣть болѣе познания, необходимы свѣдѣнія о свойствахъ матеріала, умѣнье переработывать сырой матеріалъ въ челоуѣческихъ обществѣ, тогда, когда существуютъ перевозочныя средства и пути сообщенія. Въ самомъ грубомъ дикарей проявляется уже способность придавать форму матеріи, но эти зародыши дѣятельности относятся къ высшимъ развитой промышленности точно такъ же, какъ чатки варварскаго земледѣлія относятся къ научной агрономіи. Дикарь убитъ себя огня треніемъ двухъ кусковъ дерева, онъ умѣетъ изжарить кусокъ мяса на камнѣ, онъ умѣетъ превратить пойманную рыбу въ лукъ и заострить оконечность твердого дерева въ стрѣлу; но всѣ эти операціи скользятъ по поверхности матеріи, производятъ въ ней незначительныя измѣненія и доставляютъ дикарю ограниченную власть надъ окружающею природою. Дикарь убиваетъ звѣря тяжелымъ камнемъ, онъ не знаетъ, что въ этомъ самомъ камнѣ заключена желѣзная руда, и что изъ этой руды можно сдѣлать топоръ, которымъ очень можно будетъ убивать звѣрей и рубить дрова. Поваливши звѣря, дикарь сдираетъ съ него шкуру, онъ не знаетъ, что шерсть, покрывающая животнаго, можетъ быть переработана въ такую ткань, которая гораздо удобнѣе самой шкуры служить одеждою. Кромѣ того, дикарь не знаетъ, что шкуру можно выдѣлать и превратить въ кожу, которая доставитъ очень удобную обувь. Такимъ образомъ, звѣриная кожа,



дикарю суконный плащ и сапоги, даетъ только какую-то неуклюжую и неудобную тушу. Силы природы остаются подъ спудомъ, то что у дикаря нѣтъ тѣхъ свѣдѣній о свойствахъ матерій, которыя необходимы для того, вызвать эти силы къ цѣлесообразной дѣятельности. Тѣ немногія и незначительныя измѣненія, которымъ дикарь умѣетъ подвергать сырьевые матеріалы, требуютъ отъ дикаря большихъ затратъ и даютъ ему ничтожные результаты; времени и труда уходитъ на перемѣщеніе и на также много на перемѣну формы, что на самое важное дѣло человѣка, на обрѣдъ и улучшение земли, единственнаго источника всякаго богатства, дикарь можетъ тратить очень мало времени и физическихъ силъ.

Улучшеніе перевозочныхъ средствъ уменьшаетъ трудности передвиженія, а улучшеніе механическихъ и химическихъ процессовъ производства точно также уменьшаетъ трудности производства. Вся масса сберегаемой силы должна обращаться на землю, и это увеличеніе затратъ обработки должно вести за собою соответствующее приращеніе въ количествѣ сыроду. На мельницѣ вода, вѣтеръ или паръ превращаютъ зерно въ муку и выполняютъ ту работу, которую прежде бы были совершать тысячи человѣческихъ силъ; въ это время и лошади могутъ прилагать рудъ болѣе производительнымъ образомъ, тратя меньшее количество того зерна, которое должно быть превращено въ муку. Приложеніе механической силы къ прядильной машинѣ и къ усовершенствованному ткацкому станку даетъ возможность шести женщинамъ превращать въ ткань такое количество шерсти, которое, стоило бы времени назадъ, въ тотъ же промежутокъ времени требовало для своей переработки—усиленнаго труда нѣсколькихъ сотъ мужчинъ; эти удивительныя работники могутъ посвятить много времени тщательному уходу за скотомъ, могутъ улучшить породу овецъ обильнымъ и отменнымъ кормомъ и могутъ такимъ образомъ значительно увеличить то количество шерсти, которое должно быть превращено въ ткань. Усовершенствованіе механическихъ и химическихъ процессовъ, сберегающее ту рабочую силу, которая должна была употребляться на добычу матеріала, ведетъ за собою, кромѣ экономическаго сбереженія въ той массѣ силъ, которая

тратилась на перемѣщеніе. Положимъ, что страна производитъ хлѣбъ и желѣзную руду; если она будетъ отправлять за границу то и другое, то на перевозку этого сырья потребуется много повозокъ, вагоновъ или кораблей, потому что хлѣбъ и руда занимаютъ много мѣста и представляютъ сравнительно съ своей цѣнностью очень громоздкій и тяжелый грузъ. Но если хлѣбомъ кормить дома работниковъ, которые будутъ превращать руду въ полосовое или листовое желѣзо, то этотъ новый продуктъ можетъ быть отправленъ на меньшемъ количествѣ повозокъ, между тѣмъ какъ цѣнность его будетъ соответствовать цѣнности руды, сложенной съ цѣнностью сѣянаго хлѣба. Если листовое и полосовое желѣзо будетъ превращено внутри страны въ стальные ножи, то цѣнность этихъ ножей будетъ также соответствовать цѣнности употребленнаго желѣза, сложенной съ цѣнностью того хлѣба, который сѣяютъ новые работники, а для перевозки ножей потребуется еще меньше повозокъ, чѣмъ сколько требовалось для перевозки листового и полосового желѣза.

Если мы подумаемъ теперь, сколько повозокъ надо было бы употребить для вывоза желѣзной руды и всего хлѣба, сѣяннаго всѣми работниками, и если мы сравнимъ это количество съ тѣмъ, которое потребуется для вывоза ножей, сдѣланныхъ изъ той же массы руды, то мы увидимъ, что первое количество по крайней мѣрѣ въ двадцать разъ больше втораго. Это докажетъ намъ, что всякая переработка сырого продукта на мѣстѣ сберегаетъ огромную массу силъ, которыя иначе пришлось бы издержать на перевозку. Руда и хлѣбъ комбинируются между собою и сжимаются въ форму ножей, которые можно везти на край свѣта. Точно также шерсть и хлѣбъ сжимаются въ форму сукна, хлопокъ и хлѣбъ—въ форму кисей, ленъ и хлѣбъ—въ форму полотна или кружева, и при всѣхъ этихъ операціяхъ постоянно сберегается значительное количество перевозочной силы; а такъ какъ всякая трата труда на перевозку сама по себѣ непроизводительна, то всякое сбереженіе въ этомъ дѣлѣ приноситъ обществу чистую выгоду.

Эти соображенія составляютъ также довольно увѣсительный аргументъ противъ мечтателей, преувеличивающихъ вывозъ сырья и прелесть исключительнаго земледѣлія. Въ Великобританіи всѣ паровыя машины, вмѣстѣ взятыя, замѣняютъ собою ручной трудъ шести сотъ милліоновъ людей, и большая часть этихъ машинъ употре-



бляется на сжиманіе хлѣба и шерсти въ сукно, хлѣба и хлопка въ разные ткани, хлѣба, угля и руды въ стальные орудія; можно себѣ представить, сколько человеческой силы сберегается для земледѣлія и для изученія свойствъ природы; если далеко не вся масса сбереженной силы употребляется производительно, то въ этомъ виноваты уродливыя условія англійскаго землевладѣнія и распредѣленія имуществъ, то-есть такія обстоятельства, которыя завѣщаны настоящей эпохѣ тѣми мрачными временами, когда элементъ присвоенія не встрѣчалъ себѣ никакой задерживающей плотины.

### XIX.

Чѣмъ сильнѣе развивается въ какомъ нибудь обществѣ способность перерабатывать сырой матеріалъ на мѣстѣ, тѣмъ большее количество даровъ природы находятъ себѣ полезное употребленіе. Одинокій поселенецъ всегда бѣденъ и кромѣ того по необходимости расточителенъ. Чтобы расчистить себѣ нѣсколько акровъ или десятинъ земли, онъ часто сжигаетъ сотни деревьевъ; этотъ обычай до сихъ поръ существуетъ въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ и въ американскихъ поселеніяхъ на далекомъ западѣ; зола сожженныхъ деревьевъ идетъ на удобреніе земли, между тѣмъ какъ въ заселенной и промышленной землѣ всѣ составныя части дерева нашли бы себѣ полезнае приложеніе; стволъ превратился бы въ доски, кора пошла бы на дубленіе кожи и даже тонкія вѣтки нашли бы себѣ душевнотелное педагогическое примѣненіе. Въ бѣдномъ поселеніи изношенные трипки выбрасываются, а въ промышленномъ городѣ онѣ идутъ на выдѣлку бумаги; гвозди, выскакивающіе на улицахъ изъ подковъ лошадей, превращаются въ ружейные стволы; мѣдные опилки употребляются на приготовленіе краски, обрѣзки кожи на производство клея; кости мертвыхъ животныхъ на очистку сахара, изъ уличныхъ нечистотъ добывается амміакъ, составляющій одну изъ составныхъ частей нашатырнаго спирта. Словомъ, въ большихъ и промышленныхъ городахъ не теряется почти ни одна частица матеріи; здѣсь дѣятельность и изобрѣтательность людей повторяетъ въ меньшихъ размѣрахъ то вѣчное круговращеніе вещества, которое составляетъ собою жизнь природы. Разнообразіе занятій даетъ возможность каждому отдѣльному человѣку проявить свои индивидуальныя способности въ соответствующей

имъ формѣ дѣятельности, и это разнообразіе занятій позволяетъ одной промышленности извлекать пользу изъ видимому негодныхъ остатковъ и обломковъ, которые выбрасываются ремесленной отраслью. Такимъ образомъ сильно умѣнше производятъ механическія и химическія измѣненія въ формѣ вещества самымъ выгоднымъ образомъ какъ человѣкъ, такъ и частицы сырого матеріала.

Тѣ земли, въ которыхъ мануфактурная мысленность доведена до высокой степени, несутъ конечно свою долю произведенныхъ элементовъ присвоенія этихъ земель, по всей справедливости можетъ быть названо счастливымъ сравнимъ его съ участіемъ тѣхъ странъ, въ которыхъ свирѣствуетъ исключительное рабство. Какъ ни тяжела жизнь англійскаго пролетарія, она все таки легче, нежели жизнь негра, работающему на сахарныхъ плантаціяхъ Ямайки, или разводящему скотъ въ Каролинѣ. Въ чисто земледѣльческихъ штатахъ силы человѣка тратятся не самымъ счастливымъ образомъ, и рабство въ нихъ именно потому, что отсутствіе въ занятіяхъ лишало работника возможности примѣнять къ производству своего труда свой мозгъ. Человѣкъ дѣлается то, что лаетъ волъ, но такъ какъ самый глупый умъ не можетъ быть умомъ самого умнаго вола, и такъ какъ сильный человѣкъ слабѣе самаго сильного вола, то очевидно замѣнять рабочій скотъ человѣкомъ чрезвычайно невыгодно, потому что наибольшая доля человеческой силы (мозгъ) остается незанятою и теряется даромъ, между тѣмъ какъ въ земледѣльчествѣ призывается къ дѣятельности та часть человеческого организма (мускулы), которая въ ремесленномъ и фабричномъ трудѣ слабѣе, чѣмъ въ каждомъ изъ видовъ животнаго труда. Плантаторъ, распоряжающійся своимъ неграмъ, охотникъ, который лягавую собаку погоняетъ за зайцемъ, а борзую за лисой, и такъ и такъ, это все то же, что и рабство, въ которомъ человѣкъ, подобно животному, долженъ извлекать пользу изъ той части своего организма, которая составляетъ его сущность, а не изъ той, которая составляетъ его форму. Было бы неосновательно думать, что плантаторы чувствуютъ необходимость къ рабству и къ такой мере дѣятельности, которая истощаетъ почву; они не чувствуютъ, что они въ заколдованный кругъ; тираническое подство англійской торговли поддѣлываетъ ихъ исключительное земледѣліе; истинное земледѣліе, какъ и всякое другое, требуетъ ассоціаціи человеческой.



Всему группированию населения; разбросанность населения не позволяла людям побуждать препятствия, которые встрѣчаютъ земледѣльцы на богатой почвѣ долинъ и рѣчныхъ береговъ; необходимость ограничиваться обработкой этой земли холмовъ поддерживала бѣдность; бѣдность мешала усовершенствованию орудій; худшія орудія укрѣпляли рутину земледѣльческихъ приемовъ; рутинные приемы вели къ отуплению работника; тупой работникъ могъ очень легко быть замѣненъ рабомъ; а когда рабство пустило свои корни, тогда потерялась всякая возможность освободиться отъ торгового ига Англіи и завести свои мануфактуры. Вызванное къ жизни бѣдностью и рутинной, рабство въ свою очередь сдѣлалось самымъ твердымъ оплотомъ рутинны и бѣдности; заколдованный кругъ оказался такимъ образомъ замкнутымъ, и онъ могъ быть разбитъ только такимъ событіемъ, которое, какъ американская война, не зависѣло ни отъ плантаторовъ, ни отъ ихъ негровъ, ни отъ торговыхъ оптиматовъ Англіи.

Гдѣ неразсчитливо тратится высшій видъ матеріи, заключающійся въ человѣческихъ силахъ, тамъ тратится также неразсчитливо низшій видъ матеріи, состоящій въ разнообразныхъ сырыхъ продуктахъ почвы. Во всѣхъ исключительно земледѣльческихъ странахъ, природа каждый годъ формируетъ и каждый годъ разрушаетъ огромное количество такого матеріала, который при надлежащей обработкѣ могъ бы доставить человѣку множество разнообразныхъ удобствъ жизни. Въ южныхъ штатахъ стебли хлопчатника сжигались на плантаціяхъ, между тѣмъ какъ въ нихъ заключаются превосходныя волокна, изъ которыхъ можно было бы сработать отличныя ткани. Сѣмена этого растенія могли бы дать большое количество масла, но объ немъ никто не заботился. Бананы, кромѣ плодовъ, могутъ давать съ каждаго акра отъ девяти до двѣнадцати тысячъ фунтовъ волокна, которое годится на всякое производство, начиная отъ выдѣлки канатовъ и кончая фабрикаціей тончайшей кисеи; и никто этимъ не пользовался въ такой странѣ, въ которой рабочій классъ ходилъ почти въ первобытной наготѣ. Почва плантацій истощалась до послѣднихъ предѣловъ тупымъ упорствомъ распорядителей, добывавшихъ постоянно одинъ и тотъ же продуктъ: хлопокъ, или сахарный тростникъ, или рисъ, или кофе; а въ это самое время оставались безъ всякаго вниманія сотни деревьевъ, кустарниковъ и травъ,

которые природа производитъ даромъ и которые даютъ или волокна, годныя для пряжи, или превосходныя красильныя вещества. Рутинна ничего не видитъ и портитъ все, что попадаетъ ей въ руки; а рутинна совершенно неизбежна въ чисто земледѣльческихъ странахъ, потому что предпримчивость вызывается только разнообразіемъ занятій.

Развитіе механическихъ и химическихъ процессовъ, превращающихъ сырой матеріалъ въ предметъ, годный для потребленія, или въ орудіе, облегчающее дальнѣйшее производство, составляетъ для общества важнѣйшій шагъ впередъ, къ богатству, къ свободѣ и къ мирному наслажденію разумной трудовой жизнью. Человѣческая личность развилась всего роскошнѣе и выбилась изъ-подъ средневѣковаго гнета феодаловъ всего полнѣе именно въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ развернулась разнообразная ремесленная дѣятельность. Эпоха освобожденія и возвышенія человѣческаго достоинства совпадаетъ вездѣ съ эпохой пробужденія технической изобрѣтательности и предпримчивости. Человѣкъ, начинающій чувствовать себя властелиномъ природы, не можетъ оставаться рабомъ другого человѣка. Но элементъ присвоенія, отравившій торговлю и извращающій въ свою пользу пути сообщенія, не можетъ и въ этомъ случаѣ оставаться въ бездѣйствіи. Когда сдѣлано какое нибудь открытіе, то близорукіе люди стараются прежде всего не о томъ, чтобы обратить это открытіе противъ инертнаго сопротивленія природы, а о томъ, чтобы сдѣлать изъ него оружіе противъ тѣхъ людей, которымъ оно неизвѣстно или недоступно. Положимъ, что въ одной землѣ открыта возможность прилагать силу пара къ производству тканей; эта земля родитъ ленъ; сдѣланное открытіе дастъ средства производить огромное количество полотна, употребляя на эту работу малое количество труда; стало быть, трудъ сберегается и можетъ быть приложенъ къ дальнѣйшему усовершенствованію въ разведеніи льна. Кромѣ того, жители страны становятся богаче, потому что каждый изъ нихъ, вмѣсто одной рубашки, можетъ приобрести себѣ дюжину. Такъ должно быть, но бываетъ совсѣмъ не такъ. Люди, разжившіеся торговлей, тотчасъ заводятъ себѣ новыя машины, а тѣ люди, которые не могутъ завести машинъ, принуждены покупать полотно почти по той цѣнѣ, по которой оно продавалось до изобрѣтенія и примѣненія паровыхъ двигателей. Прежде въ странѣ было мно-



жество ткачей, работавших на ручных станках, въ свою собственную пользу; теперь обладатели машинъ совершенно отбиваютъ у нихъ работу; они, обладатели машинъ, понижаютъ цѣну полотна какъ разъ на столько, на сколько нужно, чтобы убить мелкую промышленность, но совсѣмъ не на столько, на сколько они безъ убытка себѣ могли бы понизить цѣну вълѣдствіе облегченій, произведенныхъ новымъ открытіемъ.

Такимъ образомъ, роковой ударъ, нанесенный мелкимъ производителямъ, вовсе не уравновѣшивается той ничтожной пользой, которую получаютъ потребители. Вся выгода валится въ карманъ посредника, стоящаго между производителемъ, т. е. поденщикомъ, работающимъ на фабрикѣ, и потребителемъ, т. е. человекомъ, покупающимъ полотно. Если бы человѣческій трудъ въ данной странѣ распредѣлялся по различнымъ отраслямъ производства совершенно разсчитливо, такъ, чтобы ни терялись ни время, ни способности работниковъ, тогда конечно ткачи, принужденные оставить свои ручные станки, могли бы тотчасъ приняться за земледѣліе и обогатить страну приращеніемъ сырого продукта. Но въ дѣйствительности бываетъ сплошь и рядомъ такъ, что одни работники голодаютъ отъ недостатка работы, между тѣмъ какъ нѣсколько другихъ отраслей промышленности въ той же странѣ могли бы много выиграть, если бы привлекли къ себѣ большее количество рабочихъ рукъ. Ланкаширскіе работники сидятъ безъ дѣла вълѣдствіе недостатка хлопка и терпятъ крайнюю степень нужды, а между тѣмъ земля Англіи все еще далеко не такъ хорошо обработана, какъ того требуетъ современное положеніе агрономической науки. А происходитъ такая неурядица отъ того, что и мануфактуристъ, и землевладѣлецъ стараются извлечь свои барыши и ренты не изъ природы, а изъ тощихъ кошельковъ потребителей и изъ того куска хлѣба, который они бросаютъ производителю. Объ увеличеніи количества и объ улучшеніи качества продукта заботятся очень немногіе капиталисты, а возвысить цѣну своихъ произведеній и понизить задѣльную плату работниковъ стараются всѣ. Но кошельки покупателей могутъ быть истощены, и желудки работниковъ также только до известной степени способны переносить лишения; между тѣмъ богатство и силы природы совершенно неистощимы. Кто борется съ природой, тотъ обогащаетъ и самого себя, и всѣхъ окру-

жающихъ людей; кто обираетъ людей новыми или недозволенными средствами, тотъ ливаетъ вокругъ себя бѣдность и страданія, которыя непремѣнно, рано или поздно, темъ другимъ путемъ доберутся и до него самого.

Если внутри каждой промышленной страны происходитъ постоянная борьба между различными интересами различныхъ людей, участвующихъ производству, то конечно такая плодная и гибельная борьба, въ большихъ мѣрахъ и съ большимъ ожесточеніемъ, развѣшается во всѣхъ международныхъ промышленныхъ сношеніяхъ. Та страна, въ которой то средство ткать полотно паровыми машинами будетъ употреблять всѣ усилія, чтобы посылать въ другую странѣ, производящей шелкъ, въ нейніи новыхъ машинъ къ выдѣлкѣ атласовъ и другихъ матерій. Между тѣмъ странамъ было бы положительно выгодно въ одной производилось какъ можно больше полотна, а въ другой какъ можно больше шелковыхъ тканей. Обмѣнъ между обѣими усилился бы, и жители обѣихъ земель пользовались въ изобиліи бѣльемъ и платьемъ. Но международной торговлею, управляемою капиталистами, а капиталисты, которые, по своему дѣлю, воображаютъ себѣ, что имъ въ каждомъ дѣлѣ до общаго уровня народнаго состоянія. Невѣдѣніе капиталистовъ вънутренней промышленности и предвзятые иррациональные расчеты и предвзятые иррациональные расчеты служатъ съ истиннымъ постоянствомъ и иногда съ истиннымъ самоотверженіемъ. Капиталисты, вложившіе свои капиталы на сооруженіе фабрикъ, воображаютъ себѣ, что имъ необходимо ботывать на своихъ фабрикахъ весь сырьевой продуктъ, получающійся съ полей, лѣсовъ, рудниковъ всего міра. Пусть обитатели земного шара занимаются земледѣліемъ, скотоводствомъ и добываніемъ руды; пусть сырье везутъ къ намъ, въ нашу малую родину; за все это мы сами будемъ давать цѣну, какую захотимъ; потомъ мы сами переработаемъ на нашихъ фабрикахъ неизмѣримо-могущественными машинами, а въ концѣ пусть обитатели всего земного шара купаютъ у насъ все, что имъ нужно, и все, что имъ нужно для украшенія, все, что имъ нужно для работы, отъ желѣзнаго гвоздя и кончая паровымъ двигателемъ. Чѣмъ меньше будетъ фабри-



будутъ централизованы, тѣмъ без-  
будетъ наше господство надъ мі-  
амъ и всему будемъ назначать цѣны;  
етъ зависѣть и плантаторъ, разво-  
къ, и работникъ, нанимающійся на  
зу, и всякій человѣкъ, желающій  
е или орудіе. Захотимъ помилос-  
уемъ; захотимъ безъ хлѣба оста-  
имъ; все это будетъ въ нашихъ ру-  
ти нашей не будетъ предѣла.

желаютъ, вотъ о чемъ по крайней  
отъ многіе капиталисты; эти золо-  
онемногу осуществляются; Англія,  
страна капитала, дѣйствительно  
крѣпостной зависимости производи-  
тъ плодородныхъ и обширныхъ зе-  
лія, Португалія, Турція, Остъ-Индіа,  
южные штаты, Бразилія продаютъ  
ые продукты и покупаютъ у нея  
утъ матеріи и каждый обдѣланный  
за по той цѣнѣ, которую ей забла-  
назначить. Внутри самой Англіи  
нихъ рукъ находятся въ полномъ  
капиталистовъ; тысячи желудковъ,  
ющихъ этимъ рукамъ, ожидаютъ отъ  
небесной, и по желанію тѣхъ же  
въ могутъ быть поражены всѣми  
етскими. Мечта такихъ капитали-  
бы совершенно осуществлена, и бла-  
тъ столбовъ отечества было бы безъ  
и бы только имъ удалось подорвать  
и, существующія во Франціи, въ  
Германіи и въ другихъ странахъ, не  
ограничиваться поставкой сырья.  
Къ этой-то цѣли и направляются  
руки капиталистовъ всѣхъ націй.  
иностранныхъ соперниковъ и отбить  
новый рынокъ—это считается подви-  
женнаго патріотизма, хотя отъ этого  
выигрываетъ никто, кромѣ капита-  
понижаютъ цѣны на свои произве-  
ютъ себѣ въ убытокъ, несутъ огром-  
а потомъ, подорвавши иностранную  
ость, опять возвышаютъ цѣны и съ  
ознаграждаютъ себя за пожертво-  
енныя на алтарь отечественной сла-  
вѣ этихъ патріотическихъ опера-  
ется конечно на работниковъ, ко-  
гда не удастся полакомиться ихъ  
слѣдствіями. Когда фабрика рабо-  
въ убытокъ, тогда хозяинъ пони-  
жную плату, а когда фабрика при-

носить двойные барыши, тогда хозяинъ радуется  
и кладетъ деньги въ карманъ.

## XX.

Ремесленники и фабричные работники по-  
средствомъ разныхъ химическихъ и механиче-  
скихъ процессовъ измѣняютъ форму того сырого  
матеріала, который такъ или иначе производитъ  
земля. Въ большей части случаевъ человѣкъ до  
сихъ поръ дѣлаетъ очень мало для увеличенія  
производительныхъ силъ земли. Роль земледѣль-  
ца почти вездѣ ограничивается тѣмъ, что онъ  
приводитъ землю въ соприкосновеніе съ сѣмя-  
нами и потомъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, бе-  
ретъ себѣ то, что выросло на нивѣ. Сколько сы-  
рого матеріала произведетъ земля и какого ка-  
чества будетъ этотъ матеріалъ—это такіе  
вопросы, на которые земледѣлецъ не сдумѣетъ  
дать опредѣленнаго отвѣта. Мельникъ знаетъ,  
сколько пудовъ муки выйдетъ изъ четверти  
зернового хлѣба, и ткачъ знаетъ, сколько ар-  
шинъ полотна онъ можетъ выткать изъ даннаго  
количества пряжи; но земледѣлецъ, бросившій  
свои зерна въ землю, находится скорѣе въ по-  
ложеніи игрока, взявшаго лотерейный билетъ,  
чѣмъ въ положеніи ремесленника, способнаго  
высчитать будущіе результаты своего труда. Что  
дастъ земля, что дасть погода—то и возьметъ  
земледѣлецъ; успѣхъ его труда зависитъ отъ сте-  
ченія многихъ благопріятныхъ условий; успѣху  
этому могутъ повредить множество случайныхъ  
препятствій; зерно, положенное въ землю, должно  
испытать не одинъ видоизмѣняющій процессъ, а  
цѣлый рядъ такихъ процессовъ, и этотъ длин-  
ный рядъ видоизмѣненій долженъ тянуться впро-  
долженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Чтобы управ-  
лять этими процессами, совершающимися въ  
таинственныхъ лабораторіяхъ природы, земле-  
дѣльцу необходимо обладать множествомъ слож-  
ныхъ знаній, а такъ какъ до сихъ поръ земле-  
дѣліе повсемѣстно находится въ рукахъ людей  
очень бѣдныхъ и совершенно невѣжественныхъ,  
то разумѣется всѣ процессы, относящіеся къ  
созиданію сырыхъ матеріаловъ, совершаются  
какъ придется, по волѣ прихотливой судьбы и  
коварныхъ стихій.

Земледѣліе зарождается въ самой глубокой  
древности, въ то время, когда фабричной про-  
мышленности совершенно не существуетъ; но  
зародившись такъ рано, земледѣліе останавли-  
вается на очень низкой степени развитія и на-



чинасть совершенствоваться только тогда, когда между людьми существует уже привычка къ общественной жизни, значительное разнообразіе занятій и дѣятельное движеніе идей. Торговля, пути сообщенія, многочисленныя и разнородныя фабрики должны познакомить человѣка со многими прекрасными результатами разумнаго труда и ассоціаціи и со многими печальными явленіями раздора, прежде нежели появится мысль о рациональномъ земледѣліи. Исцарапать землю заступомъ или плугомъ и засыпать борозды хлѣбными зернами можетъ всякій дикарь, и мы дѣйствительно видимъ, что этими работами занимаются такіе люди, которые отличаются отъ дикарей только платежомъ денежныхъ или натуральныхъ повинностей. Но чтобы довести шансы неурожая до самой незначительной величины, чтобы обратить азартную игру земледѣлія въ вѣрное ремесло, чтобы развернуть и вызвать къ дѣятельности скрытыя силы земли—человѣку необходимо знать особенности различныхъ слоевъ земной коры, химическія свойства составныхъ частей почвы, условія жизни растительнаго организма, нравы насѣкомыхъ, которыя могутъ вредить посѣву, признаки, по которымъ можно судить объ атмосферическихъ измѣненіяхъ, степень зависимости этихъ измѣненій отъ горъ, рѣкъ, лѣсовъ и другихъ особенностей мѣстоположенія, степень вліянія этихъ измѣненій на посѣвы и множество другихъ одинаково важныхъ подробностей. Физика, химія, геогнозія, метеорологія, энтомологія, физиологія животнаго и растенія находятъ себѣ непосредственное приложеніе къ земледѣлію; большая часть этихъ наукъ возникли очень недавно; объ ихъ стороны, теоретическая и прикладная, разработаны еще очень неудовлетворительно; кругъ распространенія знаній вообще и естественныхъ наукъ въ особенности чрезвычайно тѣсенъ; пестины, открытыя въ лабораторіи, проникаютъ въ мастерскую очень медленно и примѣняются къ фабричному производству очень нерѣшительно; еще медленно пробираются онѣ къ земледѣльцу, работающему въ полѣ, и еще нерѣшительно относится къ нимъ практика сельскаго хозяйства.

Въ послѣднемъ случаѣ медленность и нерѣшительность доходить до такихъ крайнихъ предѣловъ, что рациональная агрономія въ передовыхъ странахъ Европы представляется до сихъ поръ чѣмъ-то вродѣ затѣйливаго эксперимента, не успѣвшаго упрочить себѣ никакого значенія

въ промышленной практикѣ. Англійскіе экономисты, наиримѣръ Макъ-Куллохъ, утверждали до сихъ поръ, что выгоднѣе заниматься фактурнымъ производствомъ, чѣмъ земледѣліемъ на томъ основаніи, что «нѣтъ предѣловъ въ природѣ въ мануфактурныхъ издѣліяхъ, вѣдливъ того есть предѣлы, и не слишкомъ великіе, ея дарамъ въ земледѣліи». Эта чрезвычайно странная мысль подтверждается слѣдующимъ разсужденіемъ: «Самый огромный капиталъ можетъ быть истраченъ на сооруженіе паровыхъ машинъ, и когда число ихъ будетъ ограничено безгранично, то послѣдняя машина такъ же сильна, какъ первая, и будетъ водить столько же продуктовъ и сберегать столько же работы. Въ отношеніи къ землѣ, ставится совершенно иначе. Земли перваго та оказываются быстро истощенными: мы будемъ прилагать безграничныя капиталы даже къ лучшимъ землямъ, то не будемъ получать съ капитала уменьшающееся количество процентовъ» (Culloch: Principles of Political Economy).

Я привелъ эти умозрѣнія не для того, чтобы ихъ опровергать: они уже вѣроятны и нѣтъ въ умѣ читателя тѣмъ простымъ томъ, что самая отличная паровая машина можетъ произвести ни одного клочка или хлопчатой бумаги и что она приноситъ пользу только тогда, когда есть сырье, произведенный землею посредствомъ плуга или непосредственно (какъ шерсть). Стало бытъ, если есть извѣстныя предѣлы производительности земли, то на этихъ предѣлахъ должна останавливаться и производительность машинъ. Но важно и любопытно, какъ несокрушимо экономисты утверждаютъ, что производительныя силы земледѣлія неограниченны. Эта увѣренность возникаетъ въ такихъ мыслителяхъ, которые не независимо отъ свидѣтельствъ естествознанія, она существуетъ даже наперекоръ имъ, въ дѣятельствахъ. Если же дѣлая доктрина держиваемая такими людьми, которые считаютъ умными и учеными, можетъ о земледѣліи, и при этомъ оставлять, но въ сторонѣ современныя попытки осмысленныя надежды рациональной агрономіи,—то это очевидно доказываетъ, что выработывающіяся въ лабораторіяхъ нѣтъ натуралистовъ, плохо проникающихъ въ смежныя кабинеты другихъ учено-



ирозерцаніе той части общества, у которой доскъ образованія и досугъ для размышенія. Знанія распределяются чрезвычайно неравномѣрно между различными слоями человѣческихъ обществъ; въ низшіе слои они проникаютъ туго, а оставаясь въ верхнихъ слояхъ, они часто превращаются въ красивую игрушку, завлекающую праздный умъ, но неспособную помогать какой бы то ни было производительной работѣ. Въ одной части общества лежитъ масса бесполезнаго знанія, а въ другой части въ это самое время напрягаются человѣческія силы отъ изнѣнаго истощенія — напрягаются въ поумъ, рутинномъ и слѣдовательно неблагономъ трудѣ. Соедините знаніе и трудъ, и вы увидите, что знаніе тѣмъ людямъ, которые по необходимости извлекутъ изъ него всю заключающуюся въ немъ практическую пользу, и вы увидите, что богатства страны и народа начнутъ увеличиваться съ неувѣроятной быстротою.

Къ сожалѣнію, въ этой разрозненности труда и знанія, проявляющейся въ жалкомъ состояніи современнаго земледѣлія, нѣтъ ничего случайнаго. Эта разрозненность служитъ вѣрнымъ симптомомъ и является неразлучнымъ спутникомъ слабости общественнаго движенія. Гдѣ населеніе разбросано по большому пространству земли, гдѣ всѣ жители поневолѣ принуждены добывать себѣ хлѣбъ первобытными приемами грубаго земледѣлія, гдѣ нѣтъ разнообразія занятій, тамъ не можетъ быть и обмѣна продуктовъ, потому что нечего и не на что обмѣнивать; тамъ не можетъ быть и путей сообщенія, потому что нечего, некуда и незачѣмъ возить; тамъ не можетъ быть и живого обмѣна идей, потому что идеи такого общества такъ же однообразны, какъ его матеріальные продукты; когда историческія событія выдвигаютъ среди такого населенія на первый планъ группу предприимчивыхъ и задорныхъ личностей, то этимъ личностямъ бываетъ очень легко справиться съ разбросанными, тупыми и невѣжественными обитателями страны. Эта выдвинувшаяся группа, какъ было на примѣръ въ средніе вѣка, налагаетъ на остальную массу произвольную дань и монополизировать въ свою пользу матеріальныя удобства и наслажденія, право носить оружіе и любить отечество, право возмущаться оскорбленіями и воспитывать въ груди преувеличенное чувство собственного достоинства, право совершать чудеса храбрости и изумлять потомство громомъ историческихъ подвиговъ. Съ теченіемъ

времени эти монополизированныя права измѣняются, добыча, приобретаемая собираніемъ дани и войною, порождаетъ роскошь и нечувствительно развѣживаетъ непреклонныя сердца героевъ, такъ что потребности ихъ становятся менѣе кровожадными и болѣе утонченными; герои начинаютъ наслаждаться произведеніями искусствъ и наполняютъ свои досуги разсужденіями о высокіхъ и прекрасныхъ предметахъ; возникаетъ официальная и офиціозная наука, рождается на свѣтъ патентованная поэзія; міръ обогащается великодушными меценатами и вдохновенными творцами одъ, элегій, дифирамбовъ, картинъ, статуй, портиковъ и мавзолеевъ. Историкъ съ свойственнымъ ему просвѣщеннымъ и человѣколюбивымъ восторгомъ повѣствуетъ о смягченіи нравовъ, о процвѣтаніи наукъ и искусствъ, о приближеніи золотого вѣка и о томъ, какъ роскошно развертываются самыя блестящія способности человѣческаго ума.

Но всѣ эти прелести, восхищающія растроганнаго историка, относятся только къ выдѣлвшейся группѣ, которая сначала обладала монополіей военной доблести, а потомъ такъ же исключительно стала пользоваться монополіей эстетическаго развитія и умственной дѣятельности. Точно также промышленный прогрессъ, приводящій въ движеніе сотни колоссальныхъ машинъ, вовсе не можетъ служить мѣриломъ благосостоянія страны и доказательствомъ развитости ея жителей. Въ несомнѣнно лучшемъ положеніи находятся поэтому земледѣльческія страны.

Чтобы судить о богатствѣ и образованіи работающихъ массъ, надо наблюдать ихъ тогда, когда онѣ сами задаютъ себѣ работу и сами, въ свою собственную пользу, выполняютъ заданный себѣ урокъ. Масса населенія вездѣ занимается земледѣліемъ, т. е. непосредственнымъ добываніемъ пищи, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ возникли и укрѣпились привычки осѣдой жизни. Съ успѣхами земледѣлія связано тѣснѣйшимъ образомъ все матеріальное и умственное благосостояніе трудящейся массы, составляющей лучшую, значительнѣйшую и необходимѣйшую часть всякаго человѣческаго общества. Земледѣліе во всѣхъ странахъ земного шара находится до сихъ поръ въ младенческомъ состояніи; въ одномъ мѣстѣ оно идетъ лучше, въ другомъ хуже, но нигдѣ общій уровень его не можетъ удовлетворять самымъ снисходительнымъ требованіямъ агрономической науки; въ совершенномъ соотвѣтствіи съ жалкимъ положеніемъ земледѣлія



находится уровень матеріальнаго довольства и интеллектуальнаго развитія массъ; гдѣ земледѣліе идетъ лучше, тамъ и масса меньше голодаетъ и меньше поражаетъ наблюдателя своимъ невѣжествомъ; гдѣ земледѣліе идетъ хуже, тамъ оказывается все безобразіе нищеты и вся грязь невѣжества и вынужденной порочности. Но такъ какъ земледѣліе вездѣ идетъ неудовлетворительно, то и масса вездѣ живетъ бѣдно и мыслить плохо. Мы даже привыкли въ этомъ отношеніи удовлетворяться малымъ и обнаруживать такимъ образомъ въ дѣлѣ меньшей братіи похвальную умѣренность требованій. Мы неприятно восхищаемся, когда читаемъ въ путешествіяхъ или въ статистическихъ сочиненіяхъ, что въ томъ или въ другомъ государствѣ большая часть жителей или даже все жители умѣютъ читать и писать. Конечно это хорошо, но если восхищаться такими вещами и считать ихъ крайней цѣлью грезъ и желаній, то это значитъ ставить развитію массъ очень узкія рамки, это значитъ мириться съ той перспективой, что наука, искусство, мысль въ самомъ высокомъ значеніи этого слова, навсегда будутъ составлять аристократическую привилегію ничтожнаго меньшинства.

Соглашаясь такимъ образомъ урѣзывать и ступить умственное развитіе массъ, довольствуясь для нихъ грамотой, главными молитвами и четырьмя правилами арифметики, мы сами обрекаемъ современныя общества на хилость и дряблость...

## XXI.

Все погибшія цивилизаціи успѣли выработать себѣ военное сословіе, торговлю, дороги и корабли, науку, искусство и промышленную технику. Вавилонія, Персія, Египетъ, Греція, Римъ записали въ исторію воспоминаніе о многихъ побѣдахъ, открыли нѣсколько торговыхъ путей и оставили отдаленнѣйшему потомству нѣсколько удивительныхъ образчиковъ зодчества, скульптуры, поэтическаго творчества или историческаго изложенія. Но ни одна изъ этихъ погибшихъ цивилизацій никогда, въ самый цвѣтушій періодъ своего существованія, не доходила до рациональнаго земледѣлія. Можно даже, не боясь ошибиться, утверждать положительно, что, если бы та или другая изъ этихъ цивилизацій доработалась до рациональнаго земледѣлія — то эта цивилизація пережила бы все остальные и на-

вѣрное продолжала бы развиваться и существовать до нашихъ временъ. Внѣшніяленія тѣхъ болѣзней, отъ которыхъ древнія цивилизаціи, чрезвычайно разнотелѣзней вездѣ и всегда остается неизмѣннѣзней вездѣ и всегда цивилизаціи гибнутъ что плоды ихъ растутъ и зрѣютъ для нем. Немногіе наслаждаются, немногіе разнотелѣзней задаютъ себѣ и разрѣшаютъ общныя вопросы, немногіе открываютъ мірныя законы, немногіе узнаютъ о существованіи законовъ и опять таки немногіе въ многихъ прилагаютъ къ промышленному водству открытія и изобрѣтенія, сдѣланныя немногими, воображавшими себѣ въ души, что они работаютъ для всѣхъ. А время, въ славное время процвѣтанія искусствъ, массы страдаютъ, массы изнаносятъ свои силы, массы своимъ изнаносятъ землю, массы медленно роютъ могилы для себя и для своего потомства ствительно массы бѣднѣютъ, тупѣютъ, и роскошный цвѣтъ древней цивилизаціи вянетъ, потому что корень оказывается шимъ.

Этотъ безплодный, поверхностный и внѣшній характеръ цивилизаціи выражаемыхъ разнообразныхъ историческихъ иногда мы видимъ его въ теократическихъ подствѣ жрецовъ, въ другой разъ — въ тельныхъ стремленіяхъ политики, далѣ соразмѣрномъ развитіи внѣшней тортомъ — въ фабричной дѣятельности, и вышающей естественныя потребности силы извѣстной страны. Все цвѣты цивилизацій росли и распускались въ благосостоянію массъ, и поэтому намъ жно удивлять то обстоятельство, что этихъ цивилизаціяхъ упадокъ съ та сающей быстротой слѣдовалъ именн хой величайшаго блеска. Этотъ блескъ себѣ былъ сильнѣйшимъ выраженіемъ о ной болѣзни, а эпоха упадка была дательнo временемъ облегченія для массъ что этимъ массамъ, дошедшимъ до кра пени нищеты и безсилія, позволялось крайней мѣрѣ сосредоточить свое вн устройствѣ собственныхъ мелкихъ дѣл которыхъ не заботится политическая

Разнообразные опыты многихъ вѣк рятъ намъ, что крѣпка, прочна и бога



послѣдствіями будетъ только та цивилизация, которая будетъ улучшать бытъ и метвенныя силы всѣхъ людей, со-дѣлающее данное общество. Неизбѣжнымъ такой прочной цивилизаціи и въ-рѣшительствомъ ея живучести будетъ рациональнаго земледѣлія, развитіе отрасли дѣятельности, которая бы-ла заброшена всѣми исчезнувшими цивилизациями. Рациональное земледѣліе будетъ въ то же время самымъ величественнымъ и самой непоколебимой опорой той цивилизаціи, которой выпадетъ на долю сгладить различіе между старшими и младшими братьями.

разсмотримъ тѣ условія, при кото-рыхъ возможно существованіе и распространеніе рациональнаго земле-дѣлія. увидимъ, что этотъ родъ дѣятель-ности связанъ съ богатствомъ, про-грессомъ и всестороннимъ благоденствіемъ, которыми до сихъ поръ вездѣ и всегда прорезана сила, и не смотря на то, по-прежнему впроголодь. Мы уже видѣли, что долженъ знать тотъ земледѣлецъ, который занимается своимъ дѣломъ не только игрой, а какъ выгоднымъ и въ-рѣшительнымъ. Къ этому можно прибавить, что если не имѣть передъ собою такой культуры, какъ земледѣліе; ни одно государство къ такому безконечному совершенствованію, какъ обработка земли, по-прежнему основаніи этой обработки лежитъ стороннее изученіе природы, постоян-но открываемые новыми фактами, опытами и т. д. Всѣ знанія, необходимыя земле-дѣльцу въ области естественныхъ наукъ, естественно, что естественныя науки са-мимъ образомъ уничтожаютъ и очищаютъ засорившіеся мозги. Но земледѣлецъ, сознательно зани-маясь своей работой, незамѣтно и нечув-ствительно самого себя вымететъ изъ своего общества и изъ своего міросозерцанія ту паутину суевѣрія, которая до сихъ поръ застилаетъ младшимъ братьямъ Бекона, Галилея, Коперника и всѣхъ титановъ человѣчества, свѣтящихъ только своимъ свѣтомъ своимъ братьевъ.

дворенія рациональнаго земледѣлія и одного распространенія полезныхъ вещей мало, если земледѣлецъ будетъ

знать, что ему слѣдуетъ дѣлать; необходимо, кромѣ того, чтобы онъ имѣлъ возможность дѣй-ствительно выполнять то, что онъ справедливо считаетъ полезнымъ. Агрономическія свѣдѣнія нашихъ крестьянъ чрезвычайно скудны, но и эти скудныя свѣдѣнія большею частью состав-ляютъ мертвый капиталъ, потому что они да-леко превышаютъ мѣру практическаго могуще-ства земледѣльцевъ. Крестьяне знаютъ, что зем-лю слѣдуетъ удобривать, и знаютъ, чѣмъ ее удобривать, но это полезное свѣдѣніе въ боль-шей части случаевъ остается непримѣнимымъ. Удобренія взять не откуда, когда не на что за-вести и кормить скотину и когда хлѣбъ прихо-дится возить на продажу или даже отправлять за море, богъ знаетъ въ какую даль. Самый про-свѣщенный агрономъ ничего не сдѣлаетъ со всѣми своими свѣдѣніями, когда ему придется отсылать сырой продуктъ за тысячи верстъ и получать за каждые десять пудовъ хлѣба по фунту сукна или по полуфунту обдѣланной стали. Ни сукна, ни стали не положишь въ землю, а сырой продуктъ уѣхалъ за море, и заключа-вшееся въ немъ удобреніе навсегда потеряно для страны. Очевидно стало быть, что для развитія рациональнаго земледѣлія, кромѣ распространенія между массами полезныхъ свѣдѣній, необходимо еще повсемѣстное разнообразіе занятій и повсе-мѣстное же образованіе мелкихъ центровъ при-тяженія, въ которыхъ постоянно переработыва-лись, потреблялись и превращались бы въ удоб-реніе сырые продукты, добываемые изъ земли окрестными жителями. Близость рынковъ къ мѣсту производства и непосредственное сбли-женіе земледѣльца съ ремесленникомъ, произ-водителя съ потребителемъ—ведутъ за собою, во первыхъ—возможность возвращать землѣ взятый отъ нея сырой продуктъ въ видѣ удоб-ренія и, во вторыхъ—возможность разнообра-зить посѣвы и уменьшать такимъ образомъ ко-личество неблагоприятныхъ шансовъ, угрожаю-щихъ успѣху земледѣльческаго труда.

Первое слѣдствіе приближенія рынковъ по-нятно и не нуждается въ дальнѣйшихъ объясне-ніяхъ. Второе слѣдствіе этого приближенія так-же объясняется очень легко и просто. Когда ры-нокъ далекъ, тогда земледѣлецъ принужденъ воздѣлывать на своихъ нивахъ только такіе растительные продукты, которые выдерживаютъ далекую перевозку, слѣдовательно такіе, кото-рые продаются по дорогой цѣнѣ, не отличаются особенной громоздкостью и могутъ быть достав-



лены на далекій рынокъ въ неиспорченномъ видѣ. Земледѣлецъ не можетъ отправлять за тысячу верстъ рѣпу или картофель, потому что цѣна этихъ громоздкихъ продуктовъ не окупить ихъ перевозки; точно также сельскій хозяинъ не можетъ отправлять за тысячу верстъ яйца или свѣжія ягоды, потому что первыя перебьются въ дорогѣ, а вторыя—непрѣменно загниютъ и испортятся. Всего удачнѣе выдерживаетъ перевозку зерновой хлѣбъ, да и цѣну за него даютъ такую, которая окупаетъ труды земледѣльца и перевозочныя издержки; поэтому для продажи на далекіе рынки производится исключительно зерновой хлѣбъ разныхъ сортовъ и достоинствъ. Земля любитъ перемѣну; для земли было бы полезно, чтобы за пшеницей слѣдовалъ напри- мѣръ картофель, а за картофелемъ—кормовыя травы; земледѣлецъ знаетъ это свойство земли, но онъ опытъ такъ не можетъ воспользоваться своимъ знаніемъ; разводить картофель и кормовыя травы невозможно, потому что сбывать ихъ вблизи некуда, а везти на далекій рынокъ не стоитъ; не сбять пшеницы также невозможно, потому что если земледѣлецъ не доставитъ на рынокъ пшеницы, то земледѣльцу не на что будетъ купить себѣ рубашку и кафтанъ, не на что будетъ приобрести новый топоръ или соху. Поневогѣ, подчиняясь требованіямъ далекаго рынка, земледѣлецъ сознательно истощаетъ свою ниву постоянно повторяющимися посѣвами пшеницы, ржи и другихъ зерновыхъ хлѣбовъ. Онъ знаетъ, что слѣдовало бы распорядиться иначе, онъ и радъ былъ бы вести свое хозяйство разумнѣе, но это полезное познаніе добра и зла и эта добродѣтельная готовность покаяться въ сознанныхъ заблужденіяхъ оказываются совершенно безсильными передъ неотразимыми требованіями матеріальной необходимости. Засѣявъ всѣ свои поля зерновымъ хлѣбомъ, земледѣлецъ поставилъ на одну карту весь свой годовой заработокъ. Перемѣна погоды, неблагоприятная для зернового хлѣба, разомъ губитъ всѣ законныя надежды хозяина. Этого не могло бы случиться, если бы рынокъ находился подъ рукой. Тогда хозяинъ добывалъ бы съ своего участка земли, кромѣ разныхъ сортовъ хлѣба, всякаго рода овощи, фрукты и ягоды, кормовыя травы, красильныя и лекарственныя вещества; близость сбыта и непрерывность запроса возбуждали бы въ земледѣльцѣ предпримчивость и изворотливость, смелость и старательность, которыя совершенно немалыми и почти безполезны въ че-

ловѣкѣ, живущемъ вдали отъ всякаго рынка и всякаго движенія. Раздѣливши свои нивы на мелкіе участки, воздѣлывая на каждомъ изъ нихъ именно то растеніе, которое соответствуетъ составу и свойствамъ даннаго участка, и, нѣмая каждый годъ назначеніе этихъ участковъ, и, сверхъ всего этого, заваливая каждый стоку удобреніемъ, земледѣлецъ, живущій самаго рынка, можетъ конечно уменьшить самую незначительную величины риска, сопряженный съ его занятіями. Та или другая мѣна погоды можетъ быть неблагоприятна для одной какой нибудь части его буровато-го дохода; что повредитъ напри- мѣръ овозу, можетъ быть принесетъ пользу пшеницѣ; произведетъ никакого вліянія на фрукты, развѣсивъ на какомъ нибудь одномъ процентѣ, а значитъ будетъ всегда въ состояніи возмездить свой убытокъ на другомъ, и средній доходъ его въ большей части случаевъ будетъ почти неприкосновеннымъ. Конечно можетъ быть такая засуха, которая все заикаетъ такой градъ, который перепашетъ за-икаетъ поля, но такого рода случайностямъ въ вообщемъ всякое дѣло рукъ человѣческихъ, а брика можетъ загорѣться отъ грозы, и можетъ быть разрушенъ наводненіемъ, а сеніемъ или ураганомъ; противъ такихъ вѣстей есть одно средство — страхъ, это средство, какъ всякій согласится, также всего больше въ ходу и прилагается чаще тамъ, гдѣ существуетъ разнообразіе занятій и гдѣ совершается дѣятельное производство продуктовъ, капиталовъ и идей.

Мы видимъ такимъ образомъ, что развитіе раціональнаго земледѣлія требуетъ условія: распространеніе полезныхъ занятій между массами и разнообразіе занятій, но ведущее за собой образованіе мѣстныхъ производствъ и притяженія. Догдѣтъ здѣсь, что эти два условія всегда неразлучны между собой и, собственно, составляютъ только дѣйствительныя ступени нормальнаго процесса, который порождаетъ развитіе земледѣлія. Дѣйствительно, свѣдѣнія никакими искусственными способами не могутъ быть приемы къ жизни такія, которыя разбросаны по большимъ пространствамъ земли, непривычно къ промышленности и угнетены бѣдностью и неимѣніемъ занятій. Никакія благочестивыя нѣмъ мудрыхъ правительствъ и земледѣ-



школахъ, никакія заохочиванія, приневоливанія къ ученію не улучаютъ земледѣльской рутинѣ и не мѣстнаго горизонта трудящихся массы воспитываются не школьною группами, падающими съ умственной пересытившихся старшихъ братьевъ, но только правильнымъ, здоровымъ развитіемъ общественной жизни. Когда устраняются лежащія на пути этого развитія, естественная свобода труда, когда этому способствуютъ разнообразныя приращенія каждый отдѣльный кусочекъ становится чувствовать себя человекомъ, который схватываетъ себя на лету тѣхъ вещей, необходимыхъ ему для жизни. Тогда, становится дѣйствительно школы, стоявшія прежде пустыми, и руководства, которыми до сего времени не могли научить уму-разуму, переобразовываетъ жизнь, а напротивъ создаетъ для себя школу и относитъ ее къ своимъ потребностямъ и

не массъ, необходимое для вступленія въ истинную цивилизацію, всегда только какимъ нибудь рѣшительнымъ въ теченіи общественной и личной жизни, а не громкими и гуманными старшихъ братьевъ, подвизающими младшихъ въ литературѣ и на кафедрахъ. Каждый поворотъ, дѣйствительно на жизнь и самосознание обыкновенно заключается въ томъ, что мы освобождаются отъ какой нибудь опеки и полнѣе прежняго преемственному ходу собственныхъ стремленій. Чѣмъ больше эта жизнь, о которой такъ сободриваютъ продвѣтатели, получаетъ возможность своимъ дряннымъ умишкомъ, тѣмъ устраиваетъ свой бытъ, тѣмъ богаче, тѣмъ рациональнѣе становится и тѣмъ человѣчнѣе дѣлается ея отдѣльных кусочковъ. Если бы начало исторіи была предоставленной горькой участи, то рациональное давно утвердилось бы во всемъ, бы теперь не имѣли случая воскликнуть, что въ томъ или другомъ государственномъ членѣ жителей умѣютъ читать и

писать. Но за то исторія была бы совершенно лишена того удивительнаго драматизма, который придаютъ ей великіе подвиги и кровавые перевороты. Исторія была бы утомительно однообразна, какъ нравоучительная біографія добродѣтельнаго семьянина. Старшіе братья никакъ не могли допустить подобнаго оскорбленія законовъ эстетики и начали заботиться о массахъ съ той самой минуты, какъ сознали свое старшинство и вникли въ свои обязанности къ младшимъ. Они тотчасъ начали вовлекать своихъ не эстетическихъ братьевъ въ драматическія войны, въ эпическія торговые предпріятія и въ трагико-комическія сшибки по части мануфактурной конкуренціи. Усилія просвѣщенныхъ эстетиковъ увѣнчались болѣе или менѣе полнымъ успѣхомъ, и совокупность этихъ успѣховъ составляетъ канву той весьма изящной драмы, которая называется всемірной исторіей. Гдѣ не мѣшаются въ дѣло старшіе братья—тамъ миръ и богатство; гдѣ они мѣшаются—тамъ драматизмъ и эффектность. Одно другого стоитъ, но такъ какъ старшіе братья болѣе или менѣе вездѣ болѣе душой объ участи младшихъ, то драматизма и эффектности оказывалось и до сихъ поръ оказывается на бѣломъ свѣтѣ несравненно больше, чѣмъ мира и богатства. Рациональное же земледѣліе до сихъ поръ принадлежитъ вездѣ къ далекой области мечты и желанія. Правильный прогрессъ прямо ведетъ въ эту область, но когда начнется этотъ прогрессъ и когда онъ дойдетъ до своихъ результатовъ—неизвѣстно, онъ повидимому только-что начинается.

## XXII.

На всѣхъ материкахъ и островахъ земного шара, за исключеніемъ полярныхъ льдовъ и песчаныхъ пустынь, человекъ окруженъ неисчислимыми и безконечно разнообразными богатствами. Богатства эти заключаются въ тѣхъ сырыхъ материалахъ, которые производитъ земля, или которые она можетъ производить при соответственной обработкѣ. Богатства эти нигдѣ и никогда не даются человеку сразу; человекъ долженъ трудиться, чтобы овладѣть ими; онъ долженъ наблюдать и размышлять, чтобы замѣтить ихъ существованіе и оцѣнить ихъ значеніе. Человекъ начинаетъ свою борьбу съ природой тамъ, гдѣ природа слаба и бѣдна, и гдѣ она вслѣдствіе этого скорѣе и легче уступаетъ его усиліямъ. Онъ обращаетъ въ свою пользу мягкую мѣду



прежде, чѣмъ твердое желѣзо; онъ покоряетъ слабую овцу и козу прежде, чѣмъ сильнаго быка; онъ расчищаетъ и засѣваетъ тощую почву холмовъ прежде, чѣмъ тучную землю долинъ и рѣчныхъ береговъ. Пока продолжается борьба человѣка съ слабой и бѣдной природою, пока одерживаются надъ ней первыя побѣды, покупаемыя дорогою цѣной и приносящія мало непосредственныхъ выгодъ, до тѣхъ поръ человѣкъ самъ остается слабымъ и бѣднымъ. Онъ слабъ и бѣденъ, потому что ему помогаетъ малочисленная горсть людей, и потому что онъ самъ, со всѣми своими помощниками, неопытенъ и несвѣдущъ. Онъ слабъ и бѣденъ, но могущество и богатство его постоянно увеличиваются вмѣстѣ съ каждымъ новымъ приобрѣтеніемъ опытности и вмѣстѣ съ каждымъ приращеніемъ въ числѣ трудящихся людей. Онъ слабъ и бѣденъ, но потомки его не премѣнно будутъ богаты и могущественны, если только они не будутъ уклоняться въ сторону съ пути терпѣливаго труда и внимательнаго изученія природы.

Все богатство человѣка заключается въ сырыхъ матеріалахъ, добываемыхъ изъ земли; все могущество человѣка заключается въ умѣнны переработывать и обращать въ свою пользу добываемые матеріалы. Эта истина поразительна по своей простотѣ. Эту истину несчетное число разъ внушали людямъ, подъ страхомъ земныхъ и загробныхъ наказаній, всѣ гражданскія и нравственныя законоположенія, предписывавшія человѣку уважать права чужой личности и чужого труда. Ни простота этой истины, ни авторитетъ законовъ и законодателей не могли предупредить или удержать въ должныхъ границахъ безчисленныя и гибельныя уклоненія нашей породы съ дороги производительнаго труда, съ той единственной дороги, которая могла привести человѣчество къ богатству и къ полнотѣ жизненныхъ наслажденій. Бессиліе законовъ объясняется особенно удовлетворительно тѣмъ обстоятельствомъ, что большая часть законодателей, толковавшихъ очень краснорѣчиво и убѣдительно о необходимости уважать чужое право — сами, своими же законами, такъ же краснорѣчиво и убѣдительно освящали важнѣйшія и вреднѣйшія уклоненія своихъ согражданъ и современниковъ съ пути производительнаго труда, съ того единственнаго пути, который всегда и вездѣ совпадаетъ съ требованіями справедливости. Римское право, освящавшее рабство, превращавшее жену въ собственность мужа, и сына въ собственность

отца, проводившее строгое различіе между свободнымъ гражданиномъ и провинциальнымъ патриціемъ и плебеемъ, между вольными и рабами, римское право, конечно никому не могло внушить уваженія къ тѣмъ предписаніямъ, которые старались обуздать хищныя наклонности и буйныя гражданъ. Другіе кодексы не могли претендовать на особенную выдержанность основнаго принципа. Римляне издавали кодексы отчасти чтобы дать опредѣленную и прочную точку опоры своимъ любимымъ заблужденіямъ, отчасти чтобы пугнуть себя и своихъ современниковъ строгими требованіями односторонне казенной нравственности. Ни та, ни другая цель не достигалась. Любимыя заблужденія свой вѣкъ и разрушались, не смотря на легкость и прочность приданной имъ застегнутый на всѣ пуговицы идеалъ запугивалъ своими требованіями и никого не обращалъ на путь истины и падали отдѣльныя личности; безвѣстно и безсознательно вовлекались въ орудіе до паденія цѣлыя народы. Личности быстро расплачивались за свои и обыкновенно, согласно буквѣ того кодекса, оканчивали свое земное существованіе въ мученіяхъ, дѣлавшихъ большую умію изобрѣтателей и усердію исполнителей ошибки народовъ, напротивъ замѣчались и не считались ошибками, не указывалъ никакой кодексъ. Имъ сочувствовали, ихъ часто вызывали на помощь. Ошибки народовъ воспринимались историками и ставились въ вѣкъ потомству неподкупленными. Эти ошибки анализировались холодными разсудками и оказывались великими проявлениями народнаго генія. На этихъ ошибкахъ и до сихъ поръ строятся цѣлыя политическія и экономическія теоріи. Когда рядъ великихъ проявленій народнаго генія вдругъ прерывался паденіемъ, которое повидимому было бы окатить бочками холодной воды, тогда это паденіе принимало характеръ трагическій и спокойно упорядочивалось — тогда это паденіе принимало характеръ трагическій и спокойно упорядочивалось — тогда это паденіе принимало характеръ трагическій и спокойно упорядочивалось.



всякая теория одарена удивительной гибкостью и растяжимостью; а в это время массы, горюхъ пѣлись дифирамбы, писались изслѣнія и сочинялись побѣдоносныя теории, массе если тяжелое вѣковое возмездіе за ошибки, сбитыя къ ихъ тихой и темной жизни постоянными двигателями событий. Массы доходили до такого состоянія, теряли всякую власть надъ являющимися ихъ силами природы и, умирая отъ жерней, превращали цѣлыя области въ дикія и пустыня пустыни, въ которыхъ все говорило о дѣятельности человека, о его предпринимчивой борьбѣ и о его страшной кончинѣ. Тами пустынями покрыты всѣ тѣ мѣста, на которыхъ въ былое время кипѣла историческая жизнь и на которыхъ жизнь эта замерла вслѣдствіе непроизвольныхъ, но неисправимыхъ ошибокъ, совершенныхъ цѣлыми народами и истощившихъ до послѣдней капли ихъ живыя силы. Ошибокъ этихъ, въ большей или меньшей степени, не минуешь въ своемъ существованіи ни одинъ народъ. Народъ, какъ дерево, растетъ и стволъ, и въ сукъ; онъ, какъ крѣпкій организмъ, можетъ уклониться отъ строго-гигиеническаго образа жизни; онъ можетъ болѣть и цѣлится; онъ много испытаній можетъ вынести, не надламываясь и не хирѣя; но чѣмъ больше сукъ перевѣшиваетъ стволъ, чѣмъ значительнѣе дѣлаются уклоненія отъ разумной гигиены, чѣмъ продолжительнѣе и чаще болѣзненныя припадки, тѣмъ опаснѣе становится положеніе колоссальнаго пациента и тѣмъ ближе наступаетъ грозная катастрофа.

Богатство и могущество народа, равносильное его государственію всѣхъ составляющихъ его единицъ, заключается въ добываніи и цѣлесообразной переработкѣ различныхъ сырыхъ продуктовъ, доставляемыхъ землею. Земледѣліе и мануфактурная промышленность, взаимно поддерживающія другъ друга, составляютъ естественныя и необходимыя занятія народа, стремящагося къ благоденствію. Все, что отвлекаетъ народъ отъ этихъ производительныхъ занятій, что нарушаетъ необходимое равновѣсіе между земледѣліемъ и мануфактурами, составляетъ ошибку и ведетъ къ бѣдности. Наука, расширяющая умъ человека, и искусство, обновляющее силы живымъ наслажденіемъ, не могутъ быть призваны помощниками для производительныхъ занятій; но при этомъ должно замѣтить, что наука и искусство не имѣютъ ничего общаго со многими современными фокусами празднаго ума и

дряблой фантазіи, не смотря на то, что фокусы эти стараются прикрыть себя разными почтенными именами. Кромѣ того не мѣшаетъ помнить, что наука и искусство только тогда будутъ въ состояніи жить естественной и здоровой жизнью, когда будутъ удовлетворяться насущными и грубыми потребностями человѣческихъ организмовъ. Музыкальная консерваторія — учрежденіе очень хорошее, но она доставитъ мало наслажденія такому народу, у котораго не хватаетъ хлѣба. Ученое путешествіе на берега Тигра для чтенія гвоздеобразныхъ надписей — дѣло очень похвальное, но оно произведетъ слабое впечатлѣніе на черствую душу лапотника, не умѣющаго разбирать печатныя буквы собственнаго языка. Совѣстно назвать науку и искусство затѣями, отклоняющими силы ума отъ настоящаго дѣла; въ отношеніи къ естественнымъ наукамъ такое сужденіе было бы совершенно нелѣпо и несправедливо; но приходится сознаться, что наука и искусство до сихъ поръ оставались совершенно безсильными и не имѣли никакого вліянія на умственное состояніе массъ. И наука, и искусство были, по меньшей мѣрѣ, красивымъ анахронизмомъ. Это — поденщики, распустившіеся задолго до наступленія весны; имъ приходится ежиться и дрожать отъ холода, или съ похвальнымъ благоразуміемъ укрываться въ теплицы, называющіяся музеями, академіями, консерваторіями и другими именами, которыя для массъ столько же новы, сколько вразумительны.

Я вовсе не думаю становиться здѣсь на славянофильскую точку зрѣнія и декламировать ложности и чужеземности нашей цивилизаціи. Наша цивилизація ничѣмъ не лучше и ничѣмъ не хуже всѣхъ остальныхъ; наука и искусство вездѣ произрастаютъ въ оранжереяхъ, и массы, оплачивающія эти оранжереи, вездѣ интересуются ими также сильно, какъ напримѣръ внутреннимъ содержаніемъ египетскихъ пирамидъ, или вопросомъ о желѣзной маскѣ. Какое дѣло англійскому фабричному до британскаго музея? Что общаго у нѣмецкаго работника съ мюнхенскою глиптотекой? Какую точку соприкосновенія имѣетъ парижскій блузнякъ съ французскою академіей?

Мы уже такъ присмотрѣлись къ этимъ академіямъ, что намъ могутъ даже показаться нелепыми подобныя вопросы, если только они не покажутся намъ лукавыми и безнравственными. Впрочемъ какъ на смѣшна кружевная заплата наукъ и искусствъ на изорванной сермягѣ, составляющей драпировку массъ, должна однакъ



сознаться, что эта рѣзкая несообразность принадлежитъ къ самымъ невиннымъ уклонамъ отъ правильнаго и разумнаго развитія народной жизни. Съ тѣхъ поръ какъ солнце свѣтитъ и весь міръ стоитъ, ученые и художники не погубили еще собственными силами ни одной цивилизаціи; справедливость побуждаетъ насъ замѣтить, что они также ни одной цивилизаціи не поддержали; они только украшали ихъ подобно тому, какъ мохъ украшаетъ стволы вѣковыхъ деревьевъ; когда дерево падаетъ, мохъ продолжаетъ украшать его, и украшаетъ его въ то самое время, когда оно лежитъ на землѣ, гниетъ и истачивается муравьями.

Губителями древнихъ цивилизацій оказываются война и торговля. Война и торговля появляются сначала на свѣтъ въ самомъ простомъ и бѣдномъ видѣ. Первое генеральное сраженіе производилось наѣрное кулаками, за обладаніе какимъ нибудь кокосовымъ орѣхомъ; первая торговая операція, по всей вѣроятности, клонилась къ тому, чтобы выманить этотъ же кокосовый орѣхъ за гнилой бананъ, котораго гнилость утаивалась тщательно, но неискусно; за горячей схваткой могла слѣдовать торговая сдѣлка, а коммерческіе переговоры въ свою очередь могли прерываться воинственными демонстраціями. Всякій былъ и воиномъ, и купцомъ, и работникомъ; всякій могъ замѣтить, что число наличныхъ банановъ увеличивалось не во время драки, не во время торговыхъ совѣщаній. Сомнительная выгода, извлекавшаяся изъ единоборствъ и изъ мелкихъ мошенничествъ, по всей вѣроятности подорвала бы во мнѣніи людей этотъ родъ занятій, если бы только не открылась возможность образовать коллективныя драки и крупныя обманы. Опираясь на ассоціацію, война и торговля расширяютъ кругъ своихъ дѣйствій и облекаются въ новыя формы. Предпримчивый юноша собираетъ вокругъ себя другихъ юношей, уступающихъ ему въ изобрѣтательности, но равныхъ ему по отвагѣ. Ассоціація, составляющая вѣрное средство для развитія производительнаго труда, дѣлается такимъ образомъ орудіемъ войны и является самымъ сильнымъ средствомъ для разрушенія труда, самымъ серьезнымъ препятствіемъ на пути его совершенствованія. Храбрые витязи удалой дружины тотчасъ дѣлаются старшими братьями собирателей банановъ и тотчасъ начинаютъ смотрѣть на вещи такими широкими взглядами, которые совершенно недоступны младшимъ. Затѣмъ является настоятельная необхо-

димость кормить ассоціацію, и тогда собиратели банановъ вмѣняется въ обязанность приносить въ жилище своихъ старшихъ братьевъ определенное количество плодовъ земныхъ. Такая форма жизни среди населенія, собирающаго бананы, называлась сначала небольшою добровольною ассоціаціею; это ядро привлекло къ себѣ другихъ людей, частью обольстительными обѣщаніями, частью разсчитанными угрозами, частью силой. Но вольче въ воинственную ассоціацію всѣхъ собирателей банановъ вступило потому что тогда некому будетъ кормить эту дружину. На этомъ основаніи, разросшаяся ассоціація прилагаетъ свои силы къ тому, чтобы захватить всю совокупность собирателей банановъ въ состояніи недобровольной ассоціаціи. Эта недобровольная ассоціація состоитъ изъ того, что цѣлыя тысячи людей содѣйствуютъ своими трудами выполненію такихъ возвышенныхъ словъ, о которыхъ они не имѣютъ никакого понятія и которые не приносятъ имъ ни малѣйшей выгоды. Мы видѣли на примѣръ, что при сообщеніи должны служить къ образованію мѣстныхъ центровъ разнородной дѣятельности; мы видѣли также, что количество всякихъ банановъ можетъ увеличиваться только тогда, когда существуютъ такіе мѣстные центры; но система недобровольной ассоціаціи этого не знаетъ и разсуждаетъ совершенно по своему. Гдѣ есть бананы, думаетъ она, тамъ прежде всего должна чувствоваться сила дружины. На основаніи этого разсужденія всѣ важнѣйшія дороги прокладываются такъ, что онѣ увеличиваютъ притяженіе центра, усиливаютъ въ этомъ центрѣ искусственное движеніе, ослабляютъ естественныя проявленія жизни во всѣхъ далекихъ оконечностяхъ страны банановъ.

Изобрѣтенія, относящіяся къ механической и химической переработкѣ сырого матеріала, должны вести къ тому, чтобы всѣ люди питались, одѣвались и жили лучше прежняго, чтобы берегалось какъ можно больше человѣческаго труда и чтобы этотъ сбереженный трудъ употреблялся на усиленіе производительныхъ силъ земли и на развитіе безпредѣльныхъ способностей человѣческаго ума. Но эта цѣль вовсе не соотвѣтствуетъ великимъ интересамъ и строгимъ замысламъ той системы, которая выработалась изъ первобытной дружины. По соображеніямъ системы, добываемыя металлы должны превращаться не въ заступы, плуги и паровыя машины, а въ сабли, конья и ружья; строевыя деревья должны употребляться не на постройку домовъ, мельницъ и плотинъ, а



женіе огромныхъ кораблей; изъ мѣди и на содержаніе армій и флотовъ; всѣ знаютъ, что эти издержки постоянно увеличиваются, потому что каждая держава боится своего сосѣда и старается превзойти его силою вооруженія. Спрашивается, есть ли возможность своротить съ этой дороги извращеннаго и постоянно ускоряющагося прогресса? Отвѣта на этотъ вопросъ не рѣшится дать ни одинъ глубокой политикъ, но очевидно, что этотъ вопросъ для всей европейской цивилизаціи равняется вопросу: *быть или не быть*.

## XXIII.

Видя за современными открытіями и Уайтворта, кто помнить происхожденіе и монитора, кто слышалъ о лю-борьбѣ англійскаго адмиралтейства, ося создать для кораблей непрони-шивку, съ англійскимъ артиллерій-омствомъ, порывающимся разбить въ сякую обшивку, тотъ конечно ска-

XIX вѣкъ въ своихъ нецѣлостяхъ и послѣдователенъ, какъ въ сво-лезныхъ открытіяхъ и человѣчныхъ хъ. Но нецѣлостъ немедленно полу-практическое примѣненіе, а человѣч-ленія, по недостатку матеріальныхъ навливаются обыкновенно на одной кой послѣдовательности. Можно ска-преувеличенія, что остроумныя изо-рмстронга и подобныхъ ему благодѣ-овѣчества причинили Англій больше ь длинный рядъ сильнѣйшихъ неуро-и бы не было этихъ изобрѣтеній, то рабли, старыя укрѣпленія и старыя авались бы совершенно годными для ія, а теперь, благодаря остроумію лей, приходится тратить безъ всякой ромныя количества дерева, желѣза, авное, человѣческаго труда. Вредъ не ется Англійей, потому что за нею, во-волей, изъ чувства самосохраненія, ѣ остальные державы. Но кому же всѣ приносятъ пользу? Никому. Кто вы-отъ этихъ всеобщихъ непроеизводи-атрять? Никто. Всѣмъ извѣстно, что льнѣйшихъ государствъ Европы обре-ашными долгами и что долги эти про-ь прежнихъ войнъ; всѣмъ извѣстно чутъ ли не три четверти ежегодныхъ потребляются на уплату процентовъ

Изъ всего, что было говорено въ этомъ очеркѣ, мы можемъ вывести довольно важныя и плодотворныя заключенія. Человѣческое общество въ первоначальной его формѣ можно представить себѣ въ видѣ пирамиды, разгороженной на нѣсколько этажей. Въ самомъ нижнемъ этажѣ работаютъ люди, добывающіе сырые матеріалы; они находятся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ землей, и ихъ этажъ составляетъ основаніе всего строенія, потому что въ остальныхъ ярусахъ люди только перерабатываютъ или передаютъ другъ другу изъ рукъ въ руки то, что отрываютъ отъ земли обитатели нижняго яруса. Во второмъ этажѣ совершается механическая и химическая переработка добытыхъ матеріаловъ. Въ третьемъ этажѣ дѣйствуютъ люди, занимающіеся перевозкой и устраивающіе пути сообщенія. Въ четвертомъ обитаютъ всѣ разнообразные классы людей, живущихъ производительнымъ трудомъ нижняго этажа.

Равновѣсіе этой общественной пирамиды будетъ тѣмъ устойчивѣе, тѣмъ обширнѣе будутъ нижніе два этажа въ сравненіи съ верхними, и тѣмъ значительнѣе въсѣ нижнихъ этажей будетъ превышать тяжесть верхнихъ. Нижніе этажи должны быть обширнѣе—это значитъ, что большее число людей должно заниматься добычаніемъ и переработкою сырыхъ продуктовъ, а не перевозкой съ мѣста на мѣсто и не разнообразнымъ переливаніемъ изъ пустого въ порожнее. Нижніе этажи должны быть тяжелѣе. Такъ какъ специфическая сила человѣка заключается не въ мускулахъ, а въ мозгу, то въсѣмъ человѣка въ переносномъ смыслѣ можетъ быть названа сумма его дѣятельныхъ умственныхъ способностей. Исторія показываетъ намъ, что пріобрѣтаетъ и удерживаетъ господство въ обществѣ именно тотъ классъ или кругъ людей, который владѣетъ наибольшимъ количествомъ развитыхъ умствен-



ныхъ силъ. Преобладанію аристократіи во Франціи пришелъ конецъ, когда перевѣсъ ума, таланта и образованія оказался въ рядахъ зажиточной буржуазіи. Слѣдовательно, когда мы говоримъ: «нижніе этажи должны быть тяжеле», это значитъ, что въ массахъ земледѣльцевъ и фабричныхъ должно сосредоточиваться больше знаній, чѣмъ въ кучкахъ людей, имеющихъ очень неголовомыслиныя дѣла и чительнаго потребленія продуктовъ.





сонъ безъ помощи часовщика и для устройства часовъ. Съ 13 рис. Ц. 30 к.  
 ная психологія. *Дюшена*. Переводъ под редак-  
 ф. *В. Чижка*. Съ 21 рис. Ц. 75 коп.  
 тебъ. *К. Фламариона*. Перев. съ француз-  
*Предтеченскаго*. Съ 64 рис. Ц. 50 к.  
 нными въ семьѣ. *Д-ра Эйлера*. Ц. 50 к.  
 тва. *Д-ра Перье*. Ц. 50 к.  
 дна. Съ англійскаго. Ц. 50 к.  
 о въ природѣ. *Жоржа Дари*. Переводъ съ  
 каго. *Д. Голова*. Съ 102 рис. Ц. 1 р. 25 к.  
 во. Практич. настав. для народ. учителей.  
*Лера*. Съ 137 рис. Ц. 60 к.  
*Д-ра Симона*. Синоидіи, галлюцинаціи,  
 лизмы, гипнотизмъ. Съ франц. Ц. 1 р.  
 ши. *А. Герцена*, професс. Лозанскаго уни-  
 . Переводъ съ франц. Ц. 1 р.  
 . Составилъ *Графини*. Руководство къ до-  
 ятіямъ ремесламъ. Пер. съ фр. Съ 400 рис.  
 50 к. Въ пап.—1 р. 75 к. Въ пер.—2 р.  
 вѣтка. *П. Мантегациа*. Переводъ съ 5-го  
 янія *д-ра Лейнберга*. Ц. 1 р. 50 к.  
 пидеміи. *Д-ра Ренляра*. Перев. съ франц.  
 . Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к.  
 Популярныя очерки міровѣдѣн. 6-е изд.  
 по исправленному съ 65 рис. Ц. 30 к.  
 а астрономія. *К. Фламариона*. Перев. съ  
*еркасова*. Съ 100 рис. 3-е изд. Ц. 80 к.  
 рь. Популярно-астрономическія бесѣды  
*ескаго*. Съ мног. рис. Ц. 30 к.  
 го практическія примѣненія. Соч. *Майера* и  
 Пер. *Д. Голова*. Съ 298 рис. Ц. 2 р. 50 к.  
 элементы. Соч. *Нюде*. Перев. и дополнит.  
 . Со мног. рисунками. Ц. 2 р.  
 аккумуляторы. *Э. Ренье*. Перевелъ и до-  
*Д. Голова*. Съ 76 рис. Ц. 1 р. 25 к.  
 освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколетъ*. Съ  
 Ц. 2 р. 50 к.  
 електрическое освѣщеніе и уходъ за аккумуля-  
*Селоменса*. Съ англ. 81 рис. Ц. 1. 25 к.  
 и электрич. освѣщенія. *В. Чиколетъ*. Ц. 25 к.  
 и магнетизмъ. *А. Гано* и *Ж. Мансвье*. Пере-  
*Павленкова*, *В. Черкасова* и *С. Степанова*.  
 Ц. 1 р. 50 к.  
 вичи объ электричествѣ и магнетизмѣ. *О.*  
 . Съ 230 рис. Ц. 2 р.  
 приложенія электричества. *Э. Госпиталье*.  
 ствомъ рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.  
 передача энергіи (передача силы на раз-  
*Каппа*. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 60 к.  
 въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье*. Сомно-  
 рис. 2-е изд. Ц. 2 р.  
 звонки. *Боттона*. Съ сѣд. о воздуш. ввон-  
 рис. Пер. съ англ. *Голова*. Ц. 1 р.  
 для науки Ч. Дарвинъ? Популяр. обзоръ его  
 состав. *Гексли*. *Гейки*. *Дайеромъ* и *Рома-*  
 портр. Дарвина. Ц. 75 к.  
 изнь животныхъ. *Эспинаса*. Перев. съ франц.  
*икова*. 500 стр. 2 р. 50 к.  
 ическія силы. Опытъ популярно-научной  
 . *А. Секки*. Перев. съ франц. *Ф. Павлен-*  
 изд. Ц. 2 р. 50 к.  
 иманія. *Д-ра Рибо*. Съ франц. 2-е изд. Ц. 40 к.  
 нныхъ людей. *Жоли*. Съ франц. 3-е изд. Ц. 60 к.  
 психопаты. *Кюллера*. Съ франц. Ц. 1 р. 50 к.  
 помѣшательство. *Ц. Ломброзо*. Съ портр.  
 рисунками. 2-е изд. Ц. 1 р.  
 вья настѣнная. *Иерсена*. 48 рис. Ц. 80 к.  
 ня. Составилъ *Г. Тисандье*. Съ 34 рис. Ц. 50 к.  
 . Съ 3 рис. *Барона Н. Корфа*. Ц. 10 к.  
 оводъ. Объ устройствѣ питомниковъ и обу-  
 водству. *А. Волотовскаго*. Ц. 20 к.

#### Для дѣтей и юношества.

ныя сказки *Андерсена*. Полное собраніе въ  
 Съ 530 рисунками. Перев. *Б. Порозов-*  
 на каждаго тома 60 коп., въ папкѣ 75 к.,  
 въ пер. по 3 тома—2 р. 50 к.  
 ная сказочная библіотека. *Ф. Павленкова*,  
 съ 1894 г. Всѣхъ книжекъ будетъ отъ 150 до  
 по до 10 мая тридцать книжекъ, отъ  
 . Цѣны книжекъ отъ 5 до 20 коп.

реводъ *Л. Шелуновой*: 1) *Давидъ Копперфильдъ*, 2)  
 Домби и сынъ, 3) *Оливеръ Твистъ*, 4) *Большія надежды*,  
 5) *Нашъ общій другъ*, 6) *Лавка древностей*, 7) *Крошка*  
*Дорритъ*, 8) *Тяжелыя времена*, 9) *Холодный домъ*,  
 10) *Николай Никльби*, 11) *Два города*, 12) *Мартинъ*  
*Чеэльвиль*. Цѣна каждаго ром. 40 к. Въ пап. 50 к.  
 въ переплетѣ по 6 ром.—8 р. 25 к.  
 Иллюстрированныя романы *Вальтеръ Скотта* въ сокращен-  
 номъ переводѣ *Л. Шелуновой*: 1) *Веверлей*, 2) *Анти-*  
*кварій*, 3) *Робъ-Рой*, 4) *Айвенго*, 5) *Астрологъ*, 6) *Квен-*  
*тинъ Дорвардъ*, 7) *Вулстокъ*, 8) *Замокъ Кеннелвортъ*,  
 9) *Ламермурская невѣста*, 10) *Легенда о Монтрозѣ*,  
 11) *Певериль Пикъ*, 12) *Пресвитеріане*, 13) *Пертская*  
*красавица*, 14) *Аббатъ*, 15) *Монастырь*, 16) *Пиратъ*,  
 17) *Карлъ Смѣлый*, 18) *Ричардъ-Львиное Сердце*, 19)  
*Обрученные*, 20) *Черный Карликъ*. Ц. кажд. ром. 40 к.,  
 въ пап. 50 к., въ перепл. по 5 роман. Ц. 2 р. 80 к.  
 всякому гвоздю свое мѣсто *А. Крулова*. Съ 46 рис.  
 Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.  
 Дѣтскій маскарадъ. *Н. Авбелева*. Съ 16 рис. Ц. 20 к.  
 Блуждающіе огоньки. Сборн. дѣтск. рассказовъ. *Важинной*.  
 Съ мног. рис. Ц. 1 р. Въ пап.—1 р. 25 к. Въ пер.—1 р. 60 к.  
 Два прозаики. Шуточн. разск. въ стихахъ. *В. Буша*. Пер.  
 съ нѣм. 100 рис. 2-е изд. Цѣна въ папкѣ 50 к.  
 Русскія народныя сказки въ стихахъ. *А. Брячанинова*. Съ  
 предисловіемъ *И. С. Тургенева*. Множ. рисунковъ.  
 Ц. 2 р. Въ папкѣ 2 р. 50 к., въ переплетѣ 3 р.  
 Черныя богатыри. *Е. Конради*. Со множествомъ рисун-  
 ковъ. Ц. 2 р., въ переплетѣ 2 р. 75 к.  
 Въ добрый часъ! Сборн. дѣтск. рассказовъ. *А. Лякида*.  
 Съ рис. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ пер. 1 р. 25 к.  
 Подружия. Книжка для маленькихъ дѣтей. Сост. *Бостромъ*.  
 Съ 130 рис. Ц. 75 к., въ папкѣ—1 р., въ перепл.—1 р. 30 к.  
 Задуманные рассказы. *Ц. Засодимскаго*. Два тома съ 135  
 рис. Ц. кажд. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.  
 Хорошіе люди. *В. Остроорскаго*. Съ 45 рис. 2-е изд.  
 Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ пер. 1 р. 60 к.  
 Изъ жизни и исторіи. *А. Арсентева*. Съ рис. Ц. въ папкѣ  
 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.  
 Послушаемъ! Дѣтскіе рассказы. *А. Нольде*. 28 рис. Цѣна  
 въ папкѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 35 к.  
 Робинзонъ. Его жизнь и приключенія. *Гейбнера*. Съ 107  
 рис. Ц. 30 к. Въ папкѣ 40 к., въ перепл. 60 к.  
 Донъ-Нихотъ. *Сервантеса*. Сокращ. перев. для юношества.  
 Съ 43 рис. Ц. 50 к., въ папкѣ—60 к., въ перепл.—90 к.  
 Наглядныя несообразности. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ).  
*Ф. Павленкова*. 10 листовъ (на каждомъ по 20 рис.).  
 Ц. 1 р. «Объясненіе» къ нимъ 5 к.  
 Математическія развлеченія. *Люкаса*. Переводъ съ франц.  
 Съ 55 фиг. и таб. Ц. 1 р. Въ переплетѣ 1 р. 75 к.  
 Тройная головоломка. *В. Обреимова*. Сборникъ геометрич.  
 игръ. Съ 300 рис. и 39 кастет. Ц. 1 р.  
 Образовательное путешествіе. *В. Ворисюфера*. Съ 73 рис.  
 Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ пер. 2 р. 25 к.  
 Черезъ дебри и пустыни. *В. Ворисюфера*. Съ иллюстр.  
 Ц. 2 р., въ пап. 2 р. 25 к., въ пер. 2 р. 75 к.  
 Сказочная страна. *В. Ворисюфера*. Съ иллюстраціями.  
 Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ перепл. 2 р. 75 к.  
 Приключенія контрабандиста. *В. Ворисюфера*. Съ иллюс.  
 Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 25 к.  
 Мученики науки. *Г. Тисандье*. Переводъ подъ ред. *Ф. Па-*  
*валенкова*. Съ 55 рис. 3-е изд. Ц. 1 р. 25 к., въ пер. 2 р.  
 Вечерніе досуги. *А. Крулова*. Съ 70 рис. 2 изд. Ц. 1 р.  
 въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к.  
 Научныя развлеченія. *Г. Тисандье*. Пер. подъ ред. *Ф. Па-*  
*валенкова*. Съ 353 рис. 3-е изд. Ц. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р. 25 к.  
 Сказки Густафсона. Съ 30 рис. Цѣна 1 р. 25 к., въ папкѣ  
 1 р. 50 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к.  
 На землѣ и подъ землей. Изъ воспомин. всемірнаго путеше-  
 ственника. *В. Галузова*. Съ рисунками. Ц. 1 р.  
 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.  
 До потопъ. Романъ изъ жизни первобытныхъ людей.  
*Рони*. Съ 16 рисунками. Ц. 50 к.  
 Римскій графъ. Незаключеніи. Дочь угольщика. *П. Засо-*  
*димскаго*. Съ рисунками. Ц. кажд. кн. по 35 к.  
 Живыя картины. *А. Смирнова*. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к.,  
 въ папкѣ 1 р. 75 к., въ переплетѣ 2 р.  
 Незабудки. *А. Крулова*. Сборникъ рассказовъ. Съ 50 рис.  
 Ц. 1 р. 50 к., въ пап. 1 р. 75 к., въ пер. 2 р.  
 Несчастляцы. *Э. Кандеза*. Съ 56 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ  
 папкѣ—1 р. 50 к., въ перепл.—2 руб.  
 20 бюграфіи образц. русск. писателей. *В. Остроорскаго*.  
 4-е изд. Съ 20 портр. Ц. 50 к., въ папкѣ 75 к., въ пер. 1 р.



Приключения свержши. *Э. Кандеа*. Ст. 67 рис. Ц. 2 р.,  
в папкѣ 2 р. 25 к., в перепл. 2 р. 50 к.  
Исторія открытія Америки. *Даме-Флери*. 3-е изд. Ст. 52 рис.  
Ц. 75 к. в папкѣ—1 р. в пер.—1 р. 30 к.

### Учебныя руководства и пособія.

Алгебра. *Тоддентера*. Ц. 2 р. 50 к.  
Курсъ начальной механики. *Рыкачева*. 197 рис. Ц. 1 р. 50 к.  
Практическая геометрія. *Заблоская*. Ст. 300 чертеж. Ц. 60 к.  
Курсъ метеорологій и климатологій. *Д. А. Лачинова*. Ст.  
122 рисунками и 6 картами. Ц. 2 р.  
Основы химіи, технологій. *Селезнева*. Ст. 70 рис. Ц. 1 р. 50 к.  
Полный курсъ физики. *А. Гано*. Перев. *Ф. Павленкова* и  
*В. Черкасова*. 8-е изд. 1363 рис., 170 задачъ, 2 таб.  
спектровъ, метеорологій и краткая химія. Ц. 4 р.  
Учебникъ химіи. *Альмендитена*. 96 рис. и 140 задачъ. Ц. 2 р.  
Общепонятная геометрія. *Потомкаго*. 143 фиг. Ц. 40 к.  
Самостоятельныя работы въ начальной школѣ. *Т. Лубенца*.  
2-е дополненное изд. Ц. 15 к.  
Сборникъ самостоят. упражненій по арифметикѣ. Задачникъ  
для учениковъ. *С. Житкова*. Ц. 25 к.  
Методина арифметики. *С. Житкова*. 3-е изд. Ц. 75 к.  
Сборникъ арифметическихъ задачъ съучителямъ. Приложение  
къ «Методикѣ арифметики». *С. Житкова*. 4-е изд. Ц. 40 к.  
Начальный курсъ географіи. *Жорнелля*. 11-е изданіе, съ  
10-ю раскраш. картами и 82 рис. Ц. 1 р. 25 к.  
Эпизодическій курсъ всеобщей исторіи. *Кузнецова*. Ц. 1 р.  
Наглядная азбука. *Ф. Павленкова*. 800 рис. 13-е изд. Ц. 20 к.  
Объясненіе къ «Наглядной Азбукѣ». *Ф. Павленкова*. 7-е  
изданіе. Ц. 15 к.  
Родная азбука. *Ф. Павленкова*. 8-е изд. 200 рис. Ц. 5 к.  
Руководство къ «Зернышку». *Т. Лубенца*. Ц. 50 к.  
Зернышко. Первая послѣ азбуки книга для чтенія и письма  
съ прил. церк.-славянской грамоты и многими рис.  
*Т. Лубенца*. Ц. 30 к. 2-я кн. Ц. 40 к.  
Азбука-нотѣйка. *Ф. Павленкова*. 8-е изд., 100 рис. Ц. 1 к.  
Наглядно-звуковыя прописи. *Ф. Павленкова*. 1) къ «Родному  
слову» Ушинскаго (400 рис.), 2) къ азбукѣ Бунакова (460  
рис.), 3) къ «Первой учебной книжкѣ» Паульсона (430  
рис.), 4) Общія наглядно-звуковыя прописи (къ другимъ  
азбукамъ) (464 рис.). Цѣна каждой книжки 8 к.

Методина арифметики. *Т. Лубенца*. Ц. 30 к.  
Руководитель для воскресныхъ школъ. *А. Н. Бу*  
Итоги народнаго образованія въ европейскихъ  
ствахъ *Барона Н. А. Корфа*. Ц. 60 к.  
Нашъ другъ. Книга для чтенія въ школѣ и дома.  
*А. Корфъ*. 15-е изд., съ 200 рис. и портре.  
Начальн. рус. грамматика. *Н. Бучинская*.  
Иллюстрированная хрестоматія. *А. Тирнава*  
учебныхъ заведеній и младш. классовъ  
80 рис. и портретами). 4-е изд. Ц. 6  
Церковно-славян. букварь. *Т. Лубенца*. 2-е  
Руководство къ «Ц.-С. букварю». *Т. Лубен*  
Книга для обученія церковно-славянскому  
рюкова. 2-е изд. Ц. 20 к. «Защита  
обучающаго по этой книжкѣ—10 к.  
Азбука домоводства и домашней гигиены. О  
Перевелъ баронъ Н. Корфъ. Ц. 75 к.  
Триста письменныхъ работъ. Задачи для  
писемъ къ начальной школѣ. *Н. А.*  
Первоначальное правописаніе. 40 диктовки  
грамматическихъ правилъ. *Н. А. М*  
Сборникъ задачъ по русскому правописанію  
1) Элементарныя свѣд. о право. словъ  
стематическія свѣд. о право. словъ  
тарныя свѣдѣнія о знакахъ препинанія  
Систем. свѣдѣнія о знакахъ препинанія  
Сборникъ арифметическ. задачъ. *Лубенца*. 1  
зад. и 3000 чиселъ. прил. (рѣш.). Ц. 40 к.  
никъ по частямъ: Годъ I—12 к. Г. II—  
Сборникъ алгебраическихъ задачъ. *М. Сам*  
Первое знакомство съ физикой. *Герасимовъ*  
Дешевый географ. атласъ. 10 раскр. к.  
Очерки новѣйшей исторіи. *Н. И. Григор*  
съ 57 портретами. Ц. 2 р. Въ пер.  
Первыя понятія о зоологій. *Поля Бера*. Пер.  
проф. *И. Мечникова*. Ст. 345 рис. 2-е  
автора. Ц. 1 р., в папкѣ 1 р. 20 к., в  
Краткій курсъ ботаники. *М. Силлова*. Ст.  
Общедоступное землемѣріе. *А. Колтамо*  
рисунками въ текстѣ. Ц. 75 к.  
Руководство къ рисованію анатоміи. *Лан*  
литопажей и 6 акварелей. Ц. 1 р.

Съ осени 1890 г. Ф. Павленковымъ издается біографическая бібліотека подъ

## ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

Въ составъ ея войдутъ біографіи 200 лицъ. Каждому изъ нихъ посвящается особая книжка, 80 до 100 и болѣе страницъ, снабженная портретомъ. Къ біографіямъ путешественниковъ, художниковъ прилагаются кромѣ того карты, снимки съ картинъ и ноты. Ежемѣсячно выпускается

Цѣна каждой книжки отдѣльно—25 коп.

До мая 1894 г. вышли отдѣльными книжками 143 біографіи слѣдующи

*Протопопа Авакума, Андерсена, Аристотеля, Байрона, Баха, Беккариа и Бентама, Бёрне, Бэкона, Бланинского, Карла Бера, Беранже, Бетховена, Богдана Хмельницкаго, Боккаччо, Бомарше, Боткина, Джордано Бруно, Рихарда Вагнера, Леонардо да Винчи, Волкова (основателя русск. театра), Вольтера, Воронцовыхъ, Газиза, Гарвея, Гарибальди, Гаррикса, Гегеля, Гейне, Гете, Гладстона, Глинки, Говарда, Гоюля, Грибодова, Григорія VII, А. Гумбольдта, Гуса, Гутенберга, Гюго, Дарвина, Даламбера, Данте, Дарвина, Дарюмжескаго, кн. Дашковой, Демидовыхъ, Державина, Дефо, Дикенса, Достоевскаго, Жоржъ-Занда, Иванова (художника), Иоанна Грознаго, Калыкина, Канкурина, Канта, Кантемира, Каразина (основателя харьк. университета), Карлейля, Кеплера, Ковалевской, Колумба, Конфуція, Кошкова, Коперника, Барона Н. А. Корфа,*

*Крамского, Крылова, Кюлье, Лавуазье, Лейбница, Лермонтова, Лессенса, Лестона, Линкольна, Линнея, Лобовы, Лопе, Либелля, Маколей, Мейербергера, Микеланджело, Мильтона, Мирабо, Мицкевича, Мольте, Томаса Мора, Моцарта, Никитина, Ньютона, Роберта Оуэна, Паскаля, Пестель, Пирогова, Писарева, Писемскаго, Потапова, Прудона, Пушкина, Рабле, Ракса, Сакія-Муни (Будды), Салтыкова, Савой, Сенковского, В. Скотта, Адама Смита, Спенсера и Фултона, Струве, Стэнда, Торквемады, Уатта, Ушинскаго, Фарадея, Франклина, Цвинглия, Шевченко, Шлегеля, Шопена, Шумана, Щепкина, Эдисона и Элиота, Юма, Эдмонда.*

Приготавливаются къ печати біографіи слѣдующихъ лицъ:

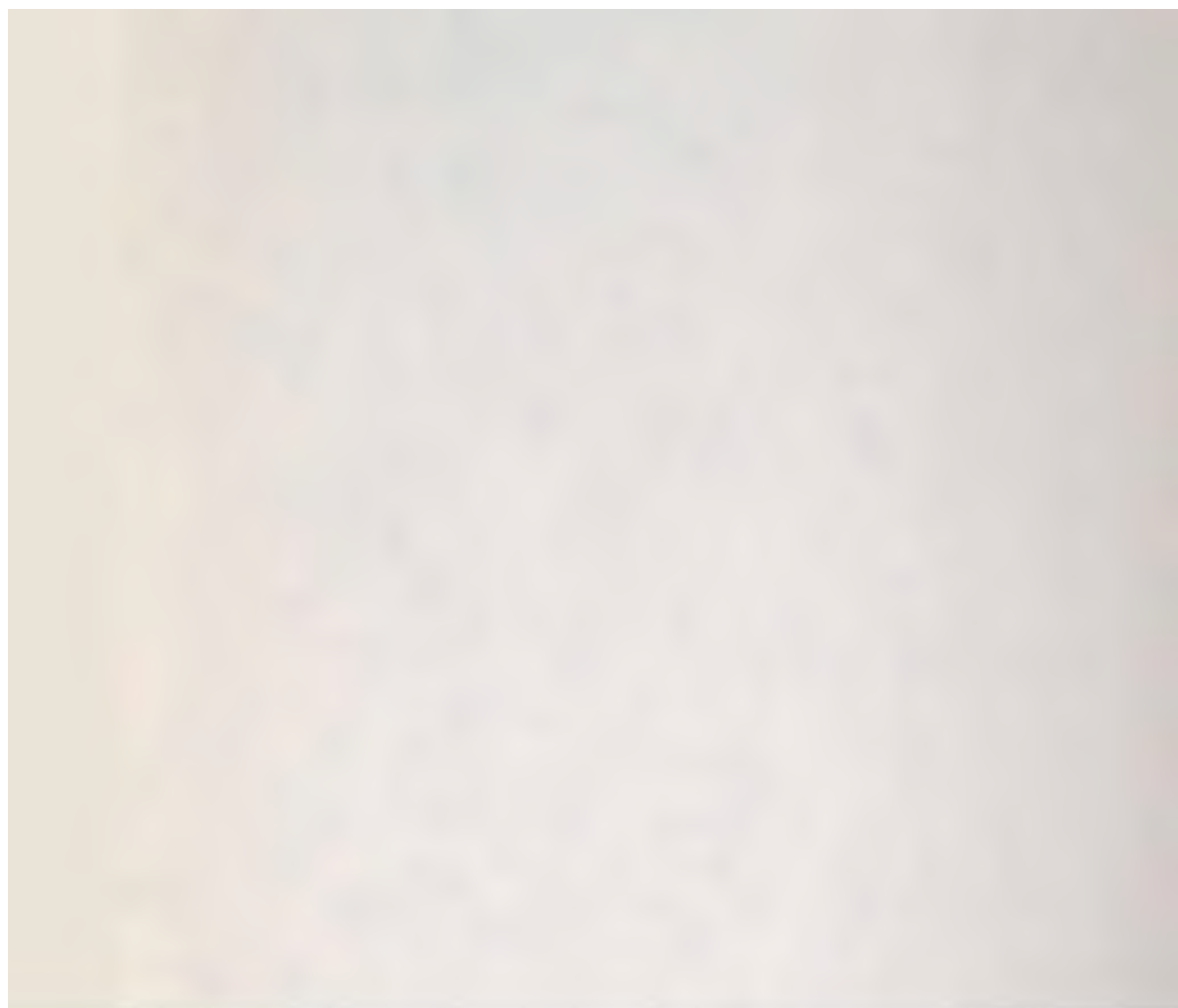
*Аксакова, Александра II, Бальзана, Бисмарка, Бокля, Вашингтона, В. В. Верещагина, Вирхова, Гайдна, Гончарова, Граховъ, Гранинскаго, Декарта, Дидро, Добролюбова, Екатерины II, Жуковскаго, Ибсена, Карамзина, Кетле, Кондорсе, Конта, Н. И. Костомарова, Куза, Лобачевскаго, Лютера, Магомета, Мавіавелли, Меншикова, Меттерниха, Мольтке, Т. Мюнцера, Напо-*

*леона I, Некрасова, Островскаго, Пастерика, Платона, Н. Полевого, Радищевана, Рикардо, Ротшильдъ, Руссо, Сократа, Скобелева, Соловьева, Спенсера, Станкевича, Суворова, Талейрана, Токмиса, Успенскаго, Франциска-Ассизскаго, Фрэнклина, Чайковскаго, Шекспира, А. Н. Ш*

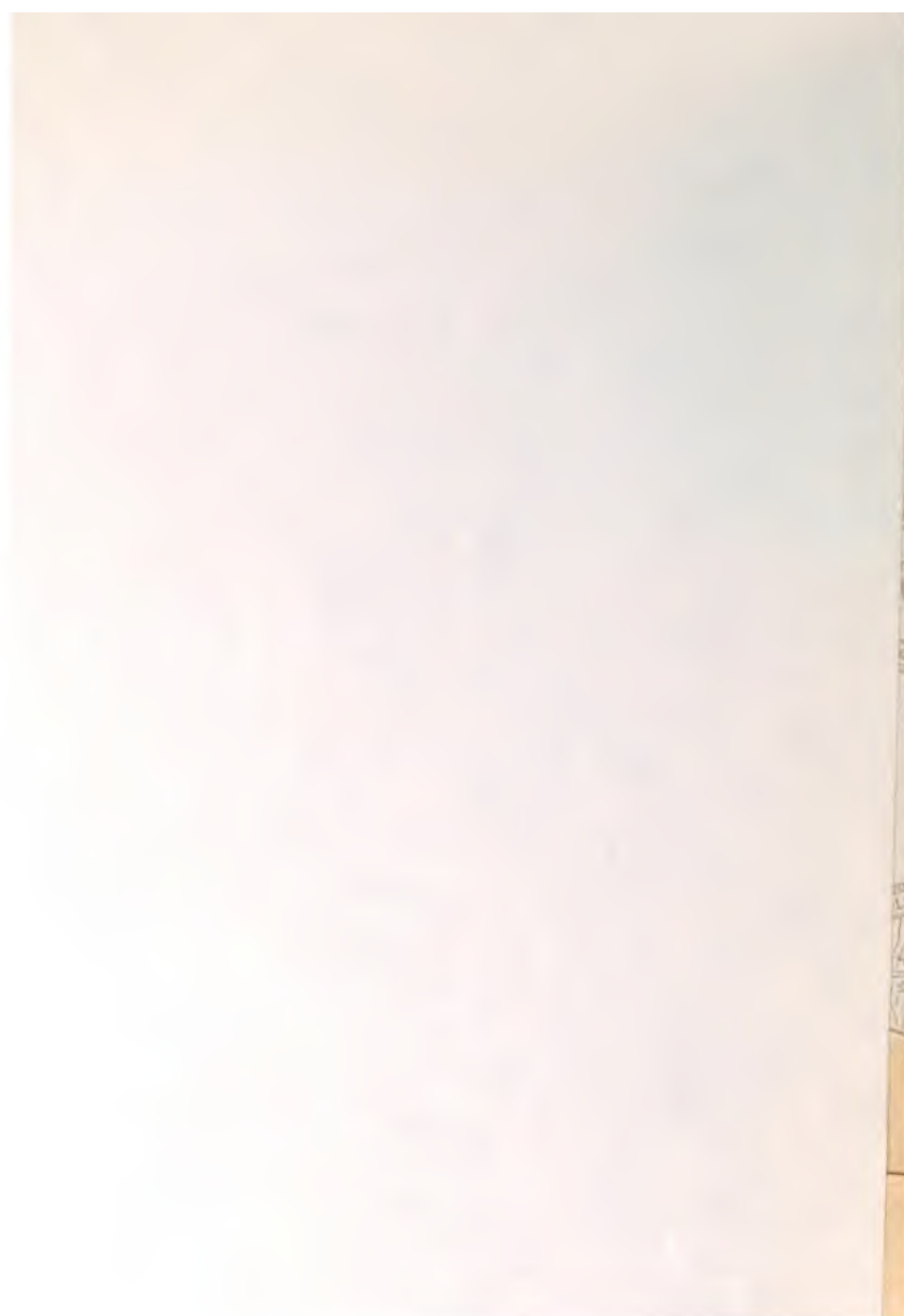


















MC  
65  
P5  
V.1-2

**Stanford University Libraries**  
**Stanford, California**

**Return this book on or before date due.**

OCT 18 1975

NOV 22 1982  
JAN 24 1983



